Чивилихин Владимир. Память. Книга вторая.

Традиционная формула призвания князя на киевский престол в 12-м веке: "Хочет тебя вся земля Руськая и чорные клобуки"

STULTORUM INFINITUS EST NUMERUS – Число дураков неисчислимо. Сулейман-ибн-Дауд

От многие знания - многие печали

Last Point

1. Глава 1.....1-18
2. Глава 2.....2-29
3. Глава 3.....3-40
4. Глава 4.....4-53
5. Глава 5.....5-67
6. Глава 6.....6-73
7. Глава 7.....7-82
8. Глава 8.....8-93
9. Глава 9.....9-106
10. Глава 10.....10-112
11. Глава 11.....11-117
12. Глава 12.....12-131
13. Глава 13.....13-136
14. Глава 14.....14-146
15. Глава 15.....15-156
16. Глава 16.....16-166
17. Глава 17.....17-175
18. Глава 18.....18-183
19. Глава 19.....19-191
20. Глава 20.....20-198
21. Глава 21.....21-209
22. Глава 22.....22-223
23. Глава 23.....23-234
24. Глава 24.....24-240
25. Глава 25.....25-249
26. Глава 26.....26-257
27. Глава 27.....27-266
28. Глава 28.....28-273
29. Глава 29.....29-282
30. Глава 30.....30-288
31. Глава 31.....31-299

32. Глава 32 32-307
33. Глава 33 33-317
34. Глава 34 34-324
35. Глава 35 35-337
36. Глава 36 36-349
37. Глава 37 37-359
38. Глава 38 38-371
39. Глава 39 39-380
40. Глава 40 40-391
41. Глава 41 41-402
42. Глава 42 42-406
43. Глава СВЯЗУЮЩАЯ ВСЕ СО ВСЕМ... 43-411
44. Глава Приложение 44-418
44.1. Бланк Карл Иванович 44-418
44.2. Церковь Николы в Звонарях, Ул. Рождественка, 15/8 44-419
44.2.1. Церковь Николы в Звонарях в Москве. 1762–1781 44-419
44.3. Кусковский парк 44-422
44.3.1. Усадьба Кусково 44-426
44.3.2. История села Кусково 44-432
44.4. Солянка, 14 44-436
44.5. Церковь Петра и Павла на Новой Басманной 44-438
44.6. Вышгород под Вереей 44-439
44.6.1. Усадьба Спас-Косицы 44-440
44.7. Церковь Кира и Иоанна, что при Сербском подворье, в Москве 44-441
44.8. *Екатерины Мученицы*, что на Всполье. Большая Ордынка (60/2) 44-442
44.9. Церковь Спаса Нерукотворного Образа в Вороново 44-445
44.10. *Бориса и Глеба*, что у Арбатских ворот 44-446
44.11. Строительство нового Кремля 44-446
44.11.1. Угловая Арсенальная башня (Собакина башня) 44-449
44.12. Зарядье 44-451
44.12.1. Церковь Зачатия святой Анны 44-452
44.12.2. Храм Святой Варвары в Зарядье (Варварка ул 2) 44-453
44.12.3. Церковь Георгия Победоносца в Зарядье (ул. Варварка, дом 12) 44-456
44.12.4. Знаменский монастырь 44-457
44.12.5. Храм Рождества Иоанна Предтечи (Варварка, дом 15) 44-459
44.12.6. Старый Английский двор (Варварка, 4) 44-459
44.12.7. Палаты бояр Романовых 44-460
44.12.8. Церковь Максима Блаженного на Варварке (ул. Варварка, 4) 44-462
44.13. Баженов Василий Иванович (1737г. - 1799г.) 44-462
44.14. Бове Осип (Иосиф) Иванович (1784 г. – 1834 г.) 44-464
44.15. ЖИЛЯРДИ, ДОМЕНИКО (1785–1845) 44-466
44.15.1. Екатерининский институт (Суворовская площадь, 2) 44-467

44.15.2. Вдовий дом (Баррикадная улица, 2) 44-468
44.15.3. Старое здание Московского университета 44-469
44.16. ЖОЛТОВСКИЙ, ИВАН ВЛАДИСЛАВОВИЧ (1867-1959) 44-471
44.16.1. Манежная пл. 44-471
44.17. Казаков М.Ф. (1738-1812) 44-473
44.17.1. Колонный зал Дома Союзов (Дом Благородного собрания в Москве) 44-475
44.17.2. Монетный двор 44-476
44.18. Шервуд Владимир Осипович (1833 - 1897) 44-477
44.19. «Мюр и Мерилиз», торговый дом 44-478
44.19.1. Р.И. Клейн 44-479
44.20. Валькот Вильям Францевич (1874, Одесса - 1943, Лондон) 44-480
44.20.1. Московский Вавилон XX века, или незаконченная мечта Саввы Мамонтова (история гостиницы «Метрополь», Москва, Театральный проезд, 1/4) 44-480
44.20.2. Немного об архитекторе 44-483
44.21. Монигетти, Ипполит Антонович - архитектор (1819 - 1878) 44-484
44.21.1. Музей Политехнический в Москве - 1875-1877 (Москва, Новая пл., 3/4) 44-484
44.22. Померанцев Александр Никанорович (1849 – 1918) 44-486
44.23. Фонвизин (фон Визин) Михаил Александрович 44-487
44.23.1. Бронницы 44-488
44.23.2. Фонвизин Денис Иванович 44-490
44.24. Зерентуйский рудник 44-493
44.25. Тайны восстания декабристов 44-494
44.26. Благодатский Рудник 44-500
44.27. Городская усадьба Муравьевых-Апостолов (Старая Басманная ул., 23) 44-500
44.28. Хамар-Дабан 44-502
44.29. Алешковские пески 44-507
44.29.1. Название 44-507
44.29.2. Происхождение 44-507
44.29.3. География, климат 44-508
44.29.4. Экология 44-509
44.30. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (17.02.1860 - 1936) 44-509
44.31. Чернигов, Собор Спаса Преображения, XI век 44-512
44.31.1. Святая Фёкла 44-513
44.32. Миклухо-Маклай Николай Николаевич 44-515
44.33. Мари́нск 44-518
44.33.1. История 44-519
44.33.2. Экономика 44-519
44.33.3. Транспорт 44-520
44.34. Морозов Пётр Иванович 44-520
44.35. Александр Осипович Корнилович (1800-1834) 44-521
44.36. Альманах «Русская старина» 44-521
44.37. Крепость Виндебож (Виндомина, Виндобона) 44-522
44.37.1. ВИНДОБОНА 44-522
44.37.2. Виндомина 44-523

44.38. Марк Аврелий 44-523
44.38.1. Юность 44-523
44.38.2. Первый период правления 44-523
44.38.3. Второй период правления 44-524
44.39. Гримальди 44-524
44.39.1. Монако 44-526
44.39.2. Гримальди из рода Гелфов 44-526
44.39.3. Генуэзские alberghi и родовая геральдика в XIII-XV вв 44-527
44.40. Герб Гржимал 44-527
44.41. Болеслав III Кривоустый 44-528
44.42. Владимир Мономах (1053 год — 19 мая 1125 года) 44-530
44.42.1. Жены и потомство 44-534
44.43. Князь Мстислав (Фёдор) Владимирович Великий, сын Владимира Мономаха 44-535
44.44. Владислав Локетек 44-536
44.45. Казимир III Великий 44-537
44.46. Ягайло 44-538
44.47. Грюнвальдская битва 44-541
44.48. Разделы Польши 44-544
44.49. Грум-Гржимайло 44-550
44.50. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО, Грумм-Гржимайло Владимир 44-551
44.51. Демидов (Антюфеев) Никита Демидович 44-551
44.52. Невьянский завод 44-553
44.53. Чихачевы 44-556
44.54. Грум Кондратий Иванович (Грум - Гржимайло) 44-559
44.55. Князья Демидовы Сан Донато 44-559
44.55.1. ДЕМИДОВЫ В ИТАЛИИ 44-559
44.55.2. НА ВИЛЛЕ «ПРАТОЛИНО» 44-561
44.55.3. Флоренция - Одесса: Демидовы, князья Сан-Донато 44-562
44.56. Тоджа 44-564
44.57. Буржуазно-демократическая революция в Китае 1911-1912 гг. 44-565
44.58. Управление амбын-нойона Танну-Урянхая 44-567
44.59. Минусинская котловина (Хакасско-Минусинская) 44-568
44.59.1. Племена Минусинской котловины 44-569
44.60. Муравьёв-Амурский, Николай Николаевич 44-572
44.61. Молокане 44-574
44.62. СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ 44-576
44.63. Жития Александра Невского 44-577
44.64. Задонщина 44-581
44.65. Слово о полку Игореве 44-587
44.65.1. По хоти 44-595
44.65.2. босуви врани възграяху 44-596
44.66. Тьмутаракань 44-596

44.66.1. Летописное известие 1125 г. о принятии княжений после смерти Владимира Мономаха и известие "Рязанских достопамятностей" о преемственности в рязанском княжении 44-597
44.67. Набег половцев на Посемье 1185 года 44-599
44.67.1. Река Сейм и Посемье 44-600
44.67.2. Рыльск 44-602
44.67.3. Льгов 44-604
44.67.4. Обоя́нь 44-605
44.68. Любеч 44-607
44.69. Создание Ордена крестоносцев 44-609
44.69.1. "Рыцари церкви" 44-610
44.69.2. Пруссия в 13 веке 44-613
44.69.3. Конрад I Мазовецкий 44-614
44.69.4. Дрогичин 44-615
44.70. Вольдемар II Победитель (1170 – 1241) 44-615
44.70.1. Таллин 44-617
44.70.2. Нарва 44-617
44.70.3. Аренсбург 44-617
44.71. Крепость Юрьев 44-618
44.72. Юрий Всеволодович Владимирский (26 ноября 1188 — 4 марта 1238) 44-621
44.73. Битва на реке Калке 44-623
44.73.1. Силы сторон 44-626
44.73.2. Река Калка (Кальчик) 44-628
44.73.3. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ 44-628
44.73.4. Река Кальмиус 44-629
44.73.5. ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА XIII В. НА РЕКЕ КАЛКА 44-631
44.74. Ярослав III Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо (8 февраля 1190, Переяславль - 30 сентября 1246, Каракорум) 44-632
44.75. Темучин 44-635
44.76. Сокровенное сказание монголов 44-637
44.77. Река Керулен (Хэрлэн) 44-638
44.78. Динлины 44-639
44.79. Кидани 44-641
44.80. Семиречье 44-643
44.81. Енисейские кеты 44-645
44.82. Ядринцев, Николай Михайлович 44-648
44.83. Каракорум 44-649
44.84. Хара-Балгас (Карабалгасун, Орду-Балык) 44-653
44.85. Кумандинцы (кубанды, куманды, оре куманды, тадар-кижи с языком кумандинским, тюбере куманды) 44-654
44.86. За три года до битвы 44-656
44.87. Река Онон 44-657
44.88. Кераиты 44-659
44.89. Найманы 44-659

44.90. Чжурчжэни 44-660
44.90.1. Армия Золотой империи Цзинь 44-662
44.90.2. Конец золотой империи - Цзинь 44-665
44.90.3. ВОСТОЧНОЕ СЯ (1215-1233) 44-666
44.90.4. Шайгинское городище 44-667
44.91. Мохэ 44-668
44.92. Яса 44-668
44.93. Но что же означает само слово "монгол"? 44-671
44.94. Какой же расы были тюрки? 44-673
44.95. Чингиз-хан 44-675
44.95.1. Родословие 44-675
44.95.2. Биография 44-676
44.95.3. Начало завоеваний 44-677
44.95.4. Реформы Великого хана 44-679
44.95.5. Покорение Северного Китая 44-680
44.95.6. Борьба с Кара-киданьским ханством 44-682
44.95.7. Завоевание Средней Азии 44-683
44.95.8. Смерть Чингисхана 44-684
44.95.9. Личность Чингисхана 44-686
44.95.10. Итоги правления 44-686
44.95.11. Потомки Чингисхана 44-687
44.95.12. Генетические исследования 44-688
44.96. Рашид ад-Дин 44-689
44.97. Чёрные Клобуки 44-696
44.98. ПОЛОВЦЫ (кыпчаки, куманы, команы, шары) 44-699
44.99. Субудай 44-699
44.100. Пазырыкские курганы 44-701
44.101. Хинова 44-705
44.102. Река Каяла 44-707
44.102.1. Предыдущие гипотезы 44-708
44.102.2. Вариант-гипотеза К. В. Кудряшова 44-709
44.102.3. Вариант-гипотеза М. Гетманца 44-712
44.102.4. Вариант-гипотеза А. Чернова 44-713
44.103. Иакинф (Бичурин *Никита Яковлевич*) 44-715
44.104. Кафаров Петр Иванович (Палладий 17(29).9.1817, Чистополь, ныне республика Татарстан, — 6(18).12.1878, Марсель) 44-716
44.105. Меркиты 44-717
44.105.1. Меркитская крепость 44-719
44.106. Войско монголов 44-721
44.106.1. Тактика монгол 44-722
44.106.2. Состав и устройство войск Тамерлана 44-722
44.106.3. Вооружение и походные запасы, производство в чины. власть начальников и жалованье 44-723
44.106.4. Начала регулярности в войсках Тамерлана 44-724
44.107. Зажигательное и огнестрельное оружие 44-725

44.107.1. Порох 44-725
44.107.2. Бомбы, гранаты и мины 44-727
44.107.3. Ружья, пушки и пороховые огнеметы 44-728
44.107.4. Ракеты 44-730
44.108. Государство Корё 44-730
44.109. Тангутское государство Си Ся 44-735
44.110. Юрий Ингоревич (Юрий Игоревич) 44-737
44.111. Требюше, или гравитационные метательные машины 44-740
44.111.1. Введение 44-740
44.111.2. Принцип действия и общее устройство 44-740
44.111.3. Тактическая классификация 44-742
44.111.4. Немного теории 44-742
44.111.5. Составные части большого требюше 44-745
44.111.6. Типы требюше 44-748
44.111.7. Эффективность 44-750
44.111.8. Источники и опыт реконструкции 44-751
44.112. Ижеславец 44-755
44.113. Новый Ольгов 44-756
44.114. Боголюбово 44-757
44.114.1. Храм Покрова на Нерли 44-758
44.114.2. Дворец князя Андрея Боголюбского 44-759
44.115. Сить 44-761
44.116. Сражение на реке Сить 44-762
44.116.1. Версия Ершова 44-762
44.116.2. Версия по ДЖАГФАР ТАРИХЫ 44-768
44.117. Львов Николай Александрович (1751 – 1803/04) 44-769
44.118. Торжок 44-771
44.119. Загадка Игнач-Креста 44-775
44.119.1. Рухнул замысел разгромить соединенные силы Северо-Восточной Руси в открытом поле в одном - двух больших сражениях 44-775
44.119.2. Монголы изначально не планировали захват Новгорода 44-777
44.119.3. …доколе намъ межь собою бранитися и наводити другъ на друга Татар 44-777
44.119.4. Игнач-Крест 44-780
44.120. Генерал Иван Шевчук 44-782
44.121. Галич Мерьский (Костромской) 44-783
44.122. Осташковская гряда 44-786
44.122.1. Река Цна 44-787
44.123. Церковь Одигитрии в Вязьме 44-788
44.124. Барановский Пётр Дмитриевич (1892 – 1984) 44-790
44.125. Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчково 44-790
44.126. Русско-литовская война 1500–1503 44-794
44.126.1. Ведрошская битва 44-795
44.127. Конь Федор Савельевич 44-798
44.128. Болдинский монастырь 44-799
44.128.1. Колокольня Свято-Троицкого Болдинского монастыря 44-800

44.129. Ширков погост, озеро Вселуг, Тверская губерния 44-802
44.130. Селижаров монастырь 44-803
44.131. Алексинская усадьба 44-805
44.132. Шубин, Федот Иванович (1740—1805) 44-808
44.133. Меркурий Смоленский 44-811
44.134. Река Болва 44-812
44.135. Отопление по-черному 44-814
44.136. Вщиж 44-815
44.137. Вятичи 44-817
44.138. Походы Владимира Мономаха на половцев (1101-1111 гг.) 44-820
44.139. КОЗЕЛЬСКИЙ КАМЕННЫЙ КРЕСТ 44-827
44.140. Днепр-Десна-Рессета-Жиздра-Ока-Волга 44-828
44.140.1. Исток Оки 44-828
44.140.2. Жиздра (река) 44-828
44.140.3. Река Рессета 44-829
44.140.4. Десна (приток Днепра) 44-830
44.141. Гостомысл 44-831
44.142. Иоакимовская летопись 44-836
44.143. Варяги 44-841
44.143.1. Варяги на Руси 44-843
44.143.2. Варяги в Византии 44-845
44.143.3. Варяги в Скандинавии 44-847
44.144. Елена Александровна Рыдзевская (1890-1941) 44-848
44.145. Знаки Рюриковичей и символ сокола 44-852
44.146. Бодричи 44-859
44.146.1. Родственные связи ободритских князей 44-860
44.147. Руги 44-861
44.147.1. История ругов 44-861
44.147.2. Смешивание ругов с русами 44-863
44.148. Павел Шафарик 44-863
44.149. Иранизмы в русском языке и топонимике России 44-864
44.150. Каменные Новгородско-Псковские крепостные линии 44-865
44.150.1. Змиевы валы 44-868
44.151. Руслан 44-872
44.152. Милоградская культура 44-872
44.153. Rasa 44-873
44.154. Арии 44-881
44.155. Ригведа 44-883
44.155.1. Этимология 44-883
44.155.2. Текст 44-883
44.155.3. Сохранение 44-883
44.155.4. Датировка и историческая реконструкция 44-884
44.155.5. Более современные индийские взгляды 44-885
44.156. Збручский идол 44-886

44.156.1. Описание идола 44-886
44.156.2. Культовый смысл идола 44-886
44.157. Индская цивилизация 44-887
44.157.1. Предыстория 44-887
44.157.2. Цивилизация 44-887
44.157.3. Закат 44-887
44.157.4. Этническая и генетическая принадлежность 44-888
44.157.5. Основные памятники 44-888
44.158. Гаплогруппы русских 44-888
44.158.1. О славянах, праславянах, ариях и «ираноязычных индоевропейцах». Почему славяне - «арийцы», а германцы - нет 44-890
44.159. Клёсов, Анатолий Алексеевич 44-893
44.160. Аркаим 44-893
44.160.1. История открытия 44-894
44.160.2. Долина городов 44-895
44.161. Лопастицкий крест 44-895
44.162. Стерженский крест 44-896
44.163. Нерльский крест 44-896
44.164. Боспорское царство 44-897
44.164.1. История 44-897
44.164.2. Экономика 44-900
44.165. Корела (крепость) 44-901
44.165.1. KAKISALMI – КОРЕЛА - KEKSHOLM - ПРИОЗЕРСК 44-902
44.166. Тиверск 44-905
44.166.1. Происхождение названия 44-905
44.166.2. История 44-905
44.166.3. Жертвенные камни 44-907
44.167. Орешек (крепость) 44-908
44.167.1. В составе Земли Новгородской (1323—1468) 44-908
44.167.2. В составе Московского княжества (1468—1612) 44-909
44.167.3. В составе Швеции (1612—1702) 44-909
44.167.4. В составе России (с 1702) 44-910
44.168. Копорье 44-910
44.168.1. История 44-910
44.168.2. Достопримечательности 44-911
44.168.3. О МАСТЕРАХ КРЕПОСТИ КОПОРЬЕ 44-912
44.169. Ям на Луге 44-916
44.169.1. Допетровская эпоха 44-916
44.169.2. Российская империя 44-917
44.169.3. Крепость Ям 44-917
44.170. Ивангород 44-921
44.170.1. История 44-921
44.170.2. Ивангóродская крéпость 44-921
44.171. Гдов 924
44.172. Кобыла 926

44.173. Вышгород 928
44.174. Опочка 929
44.175. Опока 931
44.175.1. Вышгородок (Вышгород на Лоде) 934
44.176. Остров 935
44.177. Красный городок 940
44.178. Порхов 941
44.179. Владимирец 943
44.180. Дубков 944
44.181. Воронич 945
44.182. Колож 947
44.183. Выбор 948
44.184. Врев 949
44.185. Высокий 951
44.186. Котельно 953
44.187. Велье 953
44.188. Кошкин 955
44.189. Юрий Крыжанич 956
44.190. Козельск 958
44.191. Кирилов Иван Кириллович (1689—1737) 959
44.192. Чёрная могила 964
44.193. Каган 965
44.194. Смоленск в 1238 г. 965
44.195. Серена 967
44.196. Кукша Печерский 969
44.197. Василий Никитич Татищев 969
44.198. Усадьба Болдино – вотчина Татищева 972
44.199. http://www.portal-slovo.ru/philology/376/ Успенский сборник XII века: к вопросу о характере состава 974
44.200. Ѧ (кириллица) 982
44.201. Бус 985
44.201.1. Царь Додон и Геродот 985
44.202. Бус Белояр 988
44.203. А. В. Арциховский 991
44.204. Райковецкое городище 993
44.204.1. ЛУКА-РАЙКОВЕЦКАЯ Культура 993
44.205. Гороухща 994
44.206. Княжеский знак - трезубец 996
44.207. Колты 997
44.207.1. История происхождения 999
44.207.2. Типы древнерусских колтов 1000
44.208. Лунницы 1001
44.208.1. Расшифровка изображения 1002

44.209. Степанов, Александр Петрович (4 мая 1781 года - 25 ноября 1837 года) **1003**
44.210. Дебрянск **1005**
44.210.1. История 1005
44.211. Разгром Южной Руси **1006**
44.212. Титмар Мерзебургский **1006**
44.213. Летописи Авраамки **1007**
44.214. Взятие Киева в 1240 году **1007**
44.215. Письмо Гуюк-хана к Папе Римскому **1011**
44.216. Серенск **1012**
44.217. Нериньск **1014**
44.218. Любечский съезд князей 1097 г. **1015**
44.219. Список князей черниговских **1018**
44.220. Храм иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость» **1020**
44.221. Покровский собор **1022**
44.222. Рубль **1025**
44.222.1. Этимология 1025
44.222.2. История 1025
44.223. Гривна **1026**
44.223.1. Разновидности и наименования 1026
44.224. Ногата **1027**
44.225. Андрей Ярославич **1028**
44.225.1. Об «Андрее Суздальском» 1030
44.226. Неврюй **1030**
44.226.1. Неврюева рать 1031
44.226.2. Сартак 1031
44.227. Гийом де Рубрук **1032**
44.227.1. Путешествие 1032
44.227.2. Каракорум 1033
44.227.3. «Путешествие в восточные страны» 1034
44.227.4. Итог путешествия 1034
44.228. Дмитрий Александрович **1034**
44.229. Святослав Глебович (князь брянский) **1036**
44.230. Михаил Ярославич (князь владимирский) **1037**
44.230.1. Гибель 1038
44.231. Султан Мухаммед Узбек хан **1038**
44.231.1. Отношения с русскими князьями 1039
44.231.2. Закавказские походы 1039
44.231.3. Узбека Мечеть, 1314 г., и Руины Медресе в Старом Крыму 1039
44.232. Иван I Данилович Калита **1040**
44.232.1. До великого княжения 1040
44.232.2. Великий князь 1041
44.233. Несторианство **1044**
44.233.1. Учение Несторианства 1044

44.233.2. Оппозиция учению ... 1045
44.233.3. Судьба учения ... 1045
44.233.4. Отношение несториан к православным ... 1046
44.234. Джанибек ... 1047
44.235. Бердибек ... 1047
44.236. Мамай ... 1048
44.236.1. Происхождение и возвышение ... 1048
44.236.2. Потомки Мамая ... 1050
44.237. Дмитрий Иванович Донской ... 1051
44.237.1. Детство Дмитрия. Борьба за великое княжение Владимирское ... 1051
44.237.2. Начало самостоятельного правления. Конфликт с Тверью и Литвой ... 1052
44.237.3. Борьба с Золотой Ордой ... 1053
44.237.4. Куликовская битва ... 1054
44.237.5. Нашествие Тохтамыша ... 1055
44.237.6. Последние годы. Вопрос о престолонаследии ... 1056
44.238. Чума ... 1056
44.238.1. Великая чума в Улусе Джучи ... 1057
44.239. Берестяные грамоты ... 1058
44.239.1. Открытие берестяных грамот ... 1058
44.239.2. Количество ... 1059
44.239.3. Общая характеристика ... 1059
44.239.4. Датировка ... 1060
44.239.5. Содержание грамот ... 1060
44.239.6. Грамоты как исторический источник ... 1061
44.239.7. Язык берестяных грамот ... 1062
44.239.8. Обсценная лексика в берестяных грамотах ... 1064
44.239.9. Берестяная письменность в других культурах ... 1064
44.240. Кирилл и Мефодий (ок. 827-869, ок. 825-884, соответственно) ... 1065
44.241. Остромирово Евангелие ... 1068
44.241.1. Язык рукописи ... 1069
44.242. Андрей Боголюбский ... 1070
44.242.1. Где находился Андрей Боголюбский с 1128 по 1149 годы ... 1071
44.242.2. Изменения в политическом строе Русской земли ... 1073
44.242.3. Строительная деятельность Андрея Георгиевича в Ростовско-Суздальской Руси в 1152-1156 гг. ... 1075
44.242.4. Развитие города Владимир ... 1075
44.242.5. Характер Андрея ... 1076
44.242.6. Смерть Андрея Боголюбского ... 1076
44.243. Джалаир ... 1078
44.244. Барласы ... 1080
44.245. Тамерлан ... 1082
44.245.1. Имя Тамерлана ... 1082
44.245.2. Личность Тамерлана ... 1082
44.245.3. Биография ... 1083

44.245.4. Укрепление достигнутой государственности: сражение с Моголистаном и Золотой Ордой ... 1086
44.245.5. Иные завоевания: походы на Кавказ, в Индию, Сирию, Персию и Китай ... 1087
44.245.6. Смерть ... 1088
44.245.7. Три больших похода Тимура ... 1089
44.246. Булгары ... 1090
44.246.1. Терминология ... 1090
44.246.2. Происхождение и этническо-языковая принадлежность ... 1090
44.246.3. Ранняя история булгар. IV—VI вв. ... 1092
44.246.4. Археология и палеоантропология ... 1097
44.246.5. Надписи греческими буквами булгарским языком ... 1098
44.246.6. Религия ... 1098
44.246.7. Монотеистические религии ... 1099
44.246.8. Замечание редактора-оформителя ... 1099
44.247. Хорезм ... 1099
44.247.1. Доахеменидский период ... 1099
44.247.2. От империи Ахеменидов до арабского завоевания ... 1100
44.247.3. От арабского завоевания до завоевания сельджуками ... 1100
44.247.4. Государство Хорезмшахов ... 1101
44.247.5. Монгольский период ... 1101
44.247.6. Правители Хорезма ... 1102
44.248. Татары ... 1103
44.248.1. История ... 1103
44.248.2. Формирование ... 1105
44.248.3. Теории этногенеза ... 1105
44.248.4. Культура и быт ... 1105
44.248.5. Национальная одежда ... 1105
44.248.6. Антропологические типы татар ... 1106
44.248.7. Расселение татар в России ... 1107
44.249. Монголы-несториане и православные в XII-XIII веках ... 1108
44.249.1. Преподобный Петр, Царевич Ордынский ... 1115
44.249.2. АЛ-ДЖУЗДЖАНИ ... 1116
44.249.3. Ближневосточный поход монголов ... 1117
Численность войск ... 1117
Выступление войск ... 1118
44.250. Великий западный поход ... 1122
44.250.1. Альфред фон Штумпенхаузен ... 1123
44.250.2. Битва при Оломоуце ... 1124
44.250.3. Битва при Легнице (1241) ... 1125
44.251. Батый ... 1127
44.251.1. Ранние годы ... 1127
44.251.2. Первый переворот Батыя и завоевание Волжской Булгарии ... 1128
44.251.3. Западный поход ... 1129
44.251.4. Укрепление улуса ... 1129
44.251.5. Каракорумские дела ... 1129

44.252. Буртасы 1130
44.252.1. История 1130
44.252.2. Теории происхождения 1133
44.253. Андрей Ольгердович 1134
44.254. Дмитрий Ольгердович 1135
44.255. Армянские наемники в войске Мамая 1136
44.256. Фряжские рыцари в войске Мамая 1138
44.256.1. Соотношение "православие — католицизм — Золотая Орда" до Куликовской битвы 1138
44.256.2. Генуэзцы и Мамай 1141
44.256.3. *Генуэзские колонии в Северном Причерноморье* 1144
44.257. Кондотьеры 1146
44.258. Крымские готы 1146
44.258.1. Появление и жизнь готов в Крыму 1146
44.258.2. Крымские готы как объект криптоэтнологии 1150
44.258.3. Феодоро 1151
44.259. Караимы 1153
44.259.1. Теории этногенеза 1153
44.259.2. Взаимоотношения с евреями 1155
44.259.3. История 1156
44.260. Тютчев, Захарий (1360 – 1400) 1157
44.261. Синяя Орда 1157
44.261.1. Восточная часть Золотой Орды 1158
44.261.2. Западная часть Золотой Орды 1158
44.261.3. Одна из частей левого крыла Золотой Орды 1158
44.262. Численность войск Мамая 1158
44.263. Ушкуйники 1161
44.263.1. Предпосылки к возникновению 1162
44.263.2. История нападений 1163
44.264. Битва на реке Стугне 26 мая 1093 1164
44.265. Невская битва 1167
44.266. Битва на реке Воже 1170
44.267. Ольгерд, великий князь литовский 1173
44.267.1. Битва на реке Синюхе 1177
44.267.2. БИТВА НА СИНЕЙ ВОДЕ 1177
44.267.3. Источники сведений о битве 1185
44.268. ТВЕРСКИЙ ПОХОД ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА 1375 г. 1186
44.269. Пехота во второй половине XIV века 1199
44.269.1. Баталия (строй) 1200
44.270. ЛЕДОХОДНЫЕ ШИПЫ 1201
44.271. Вооружение на Руси IX-XIII вв 1205
44.272. Куяк 1216
44.273. Стояние на Угре 1480 год 1217
44.273.1. Описание окружающей местности 1217
44.273.2. Стояние на Угре 1220

44.273.3. Ход военных действий ... 1224
44.273.4. Большая Орда ... 1226
44.274. Рыцарство на Руси ... 1227
44.274.1. Книга пределов мира ... 1229
44.275. Харалужный ... 1230
44.276. Тохтамыш ... 1232
44.276.1. Завоевание Золотой Орды ... 1232
44.276.2. Поход на Москву ... 1233
44.276.3. ТОХТАМЫШ И ТИМУР ... 1237
44.276.4. Борьба с Тамерланом ... 1241
44.276.5. Борьба с Едигеем ... 1241
44.277. Василий I Дмитриевич ... 1242
44.277.1. Ранние годы ... 1242
44.277.2. Политическая обстановка в конце 14 века в Восточной Европе ... 1242
44.277.3. Великое княжение ... 1243
44.277.4. Нашествие Едигея ... 1244
44.277.5. Василий I и Витовт ... 1244
44.277.6. Итоги правления ... 1246
44.277.7. Семья ... 1246
44.277.8. Культура ... 1247
44.278. Витовт ... 1247
44.278.1. Ранние годы ... 1247
44.278.2. Борьба за власть ... 1248
44.278.3. Битва на Ворскле ... 1249
44.278.4. Великая война и Грюнвальдская битва ... 1250
44.278.5. Восточная политика ... 1250
44.278.6. Отношения с Золотой Ордой ... 1251
44.278.7. Съезд в Луцке ... 1251
44.278.8. Память ... 1251
44.279. Едигей ... 1252
44.279.1. На службе у Тамерлана ... 1252
44.279.2. Борьба с Тохтамышем ... 1252
44.279.3. Властитель Золотой Орды ... 1252
44.279.4. Поход на Москву ... 1253
44.279.5. Смута в Орде и бегство в Хорезм ... 1254
44.279.6. Правление в Хорезме и война с Джелал ад-Дином ... 1255
44.279.7. Дальнейшая судьба ... 1255
44.279.8. Характер и внешность ... 1255
44.280. Мариенбургский замок ... 1255
44.281. Пруссы ... 1258
44.281.1. Происхождение ... 1258
44.281.2. История пруссов ... 1260
44.281.3. Краткая хронология древнепрусской истории ... 1263
44.281.4. Язык и письменность ... 1265
44.281.5. Территориальная организация ... 1265

44.281.6. Общественная организация ... 1266
44.281.7. Материальная культура ... 1267
44.281.8. Религия ... 1267
44.281.9. Версия о славянском происхождении пруссов ... 1268
44.282. Великое княжество Литовское ... 1268
44.282.1. Зарождение государства ... 1269
44.282.2. Правление Миндовга ... 1269
44.282.3. От Войшелка до Гедимина ... 1271
44.282.4. Ольгерд и Кейстут ... 1272
44.282.5. Ягайло и Витовт ... 1273
44.282.6. После смерти Витовта ... 1276
44.282.7. Отношения с Золотой Ордой и Крымским ханством ... 1277
44.282.8. В составе Речи Посполитой ... 1278
44.283. Этноязыковая ситуация ... 1279
44.283.1. Административное устройство, социальная структура ... 1280
44.283.2. Культура ... 1281
44.283.3. Религия ... 1281
44.283.4. Образование ... 1281
44.283.5. Литература ... 1283
44.283.6. Книгопечатание ... 1283
44.283.7. Искусство ... 1283
44.284. Руяне ... 1285
44.284.1. Аркона. Святовит (Свантовит) ... 1287
44.284.2. О других богах руян ... 1289
44.284.3. Хозяйственная жизнь ... 1291
44.284.4. История ... 1295
44.285. Рюрик ... 1298
44.285.1. Рюрик в летописях ... 1298
44.285.2. Происхождение Рюрика ... 1299
44.285.3. Иоакимовская летопись ... 1303
44.285.4. Рюрик в историографии ... 1303
44.285.5. Данные генетических исследований ... 1304
44.285.6. Наследники ... 1304
44.286. Василий II Тёмный ... 1304
44.286.1. Борьба за власть ... 1304
44.286.2. Внешняя политика ... 1305
44.286.3. Итоги правления ... 1308
44.286.4. Семья ... 1308
44.287. Улу-Мухаммед ... 1308
44.287.1. Борьба с Бораком за власть в Орде ... 1309
44.287.2. Борьба с Кичи Мухаммедом ... 1309
44.287.3. Война с Москвой и основание Казанского ханства ... 1310
44.287.4. Сыновья ... 1311
44.288. Иван III Васильевич ... 1311
44.288.1. Детство и юность ... 1311

44.288.2. Вступление на великокняжеский престол....1313
44.288.3. Внешняя политика....1314
44.288.4. Внутренняя политика....1330
44.288.5. Культурная и идеологическая политика....1332
44.288.6. Идеология власти, титул и герб....1333
44.288.7. Династический кризис....1335
44.288.8. Церковная политика....1336
44.288.9. Семья и вопрос престолонаследия....1338
44.288.10. Кончина великого князя....1341
44.288.11. Характер и внешность....1342
44.288.12. Итоги правления....1343
44.289. Фиораванти, Аристотель....1344
44.289.1. Биография....1344
44.290. Солари, Пьетро Антонио....1350
44.290.1. Биография....1350
44.290.2. Постройки в Кремле....1352
44.291. Руффо, Марко....1355
44.292. Курицын, Фёдор Васильевич....1357
44.293. Благовещенский собор (Московский Кремль)....1361
44.294. Дмитрий Иванович Внук....1362
44.295. Алевиз Фрязин Старый....1364
44.295.1. Биографические данные....1364
44.295.2. Постройки....1365
44.296. Василий III....1366
44.296.1. Биография....1366
44.296.2. Внутренняя политика....1367
44.296.3. Объединение русских земель....1368
44.296.4. Внешняя политика....1369
44.296.5. Браки и дети....1370
44.297. Ян Длугош....1370
44.297.1. Биография....1370
44.297.2. История Польши....1371
44.298. Вавель....1371
44.298.1. История....1372
44.299. Без-Корнилович, Михаил Осипович....1373
44.299.1. Семья....1374
44.300. Белый Июс....1374
44.300.1. Описание....1374

ОТ АВТОРА

Настоящая, вторая книга - часть большого литературного произведения, потребовавшего многих лет труда. Так уж получилось, что она была напечатана раньше первой - уже в 1980 году, в связи с 600-летнем Куликовской битвы.

Публикацию первой книги журнал "Наш современник" начал с майского номера 1983 года. В ней я вспоминаю детство и юность, пишу о моем знакомстве с Москвой, о некоторых малоизвестных декабристах и литераторах той эпохи, о русском зодчестве, "Слове о полку Игореве", о путешествии во времена минувшие по дороге от столицы до Козельска, героическая оборона которого в 1238 году стала композиционным центром повествования этой, второй книги "Памяти".

ОТ РЕДАКТОРА-КОМПИЛЯТОРА

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях.
Любое коммерческое и иное использование, кроме предварительного ознакомления запрещено.
Публикация данного материала не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.
Этот файл способствует профессиональному росту читателей и популяризации материалов, использованных в данном продукте.
Все авторские права принадлежат их уважаемым владельцам.
Если Вы являетесь одним из авторов контента, включенного в данный продукт и Вы считаете, что его реклама в таком виде ущемляет Ваши авторские права, свяжитесь с нами и мы удалим Ваш контент из конечного продукта.

1. Глава 1

Сижу в полутьме архивного зала, кручу пленку; она время от времени мутнеет, и я прячу голову под черный чехол фильмоскопа, чтобы ученые соседи не увидели моих глаз...

Секретно, 8 октября 1844 года. От Главного управления Восточной Сибири, Иркутск. Его Сиятельству графу А. Ф. Орлову.

"Бывший Енисейский Гражданский Губернатор Копылов довел до сведения, что государственный преступник Николай Мозгалевский после болезни, продолжавшейся четыре дня, 14 июня сего года умер..."

"Четыре дня"... Зачем эта ложь? Уйти от суда истории?

Николай Мозгалевский заболел чахоткой еще в Нарыме и начальству это было известно - медленно, годами таял, пока не угас в Минусинске вечерней июньской зарей...

Может, всеподданнейший доклад Николаю I об этом происшествии нес сам Дубельт, подрагивая лосиными ляжками над зеркальным паркетом и мягкими коврами,- он уже был причислен к тем, кто мог входить в кабинет императора, не приподнимаясь на цыпочки. Или веленевую эту бумагу с вечера положили в кипу других документов государственного значения, однако царь, сидя поутру за просторным столом, еще пребывал в воспоминаниях о вчерашнем бале, о последней мазурке и о том, несравненно более приятном, что было после, когда императрица любезно удалилась в свои покои; но вот император вальяжно протянул руку к верхней сафьяновой красной папке, и в перстне зажглась кровавая искорка.

На докладе о смерти Николая Мозгалевского есть помета: "Его Величество сие читать изволили". Только осталось неизвестным, по этому поводу или другому, раньше или позже император изрек свою сакраментальную фразу: "Их еще много".

Первым декабристом, умершим в том году, был Федор Вадковский, "северянин" и "южанин"; этот прапорщик Нежинского конноегерского полка был также поэтом, композитором, пианистом и математиком. Незадолго до смерти лечился на сибирских минеральных водах, только это не спасло - 8 января 1844 года скончался в слободе Оек под Иркутском. В последний путь его провожал товарищ по каторге и ссылке Алексей Юшневский, бывший генерал-интендант 2-й армии. После отпевания друга в слободской церкви он подошел к гробу проститься и упал замертво. 6 июня на Енисее, в тысяче верст ниже Туруханска скоропостижно скончался "славянин" Николай Лисовский.

Царю не приходилось слишком долго ждать очередного доклада о, как он выразился однажды, "mes amis de quatorze" ("моих друзьях от четырнадцатого") Через два месяца после смерти

Николая Мозгалевского из Тобольской городской больницы вынесли холодное тело Александра Барятинского: рваное платье и прочие вещи бывшего князя и адъютанта главнокомандующего 2-й армии были оценены в одиннадцать рублей... 25 января следующего, 1845 года умер в Ялуторовске затравленный лживыми доносами и потерявший перед смертью рассудок Андрей Ентальцев.

10 мая Вильгельм Кюхельбекер, срочно приехавший в Курган из Смоленской слободы, записал в своем дневнике: "Сегодня в 3 часа ночи скончался на моих руках Иван Семенович Швейковский.

При смерти его были фондер Бригген и Басаргин". Товарищи похоронили Ивана Повало-Швейковского рядом с Иваном Фохтом, умершим за три года перед этим. 3 сентября 1845 года в Енисейске простился с жизнью Александр Якубович, ровно через три месяца, 3 декабря, не стало заточенного в Акатуе Михаила Лунина, а 11 августа 1846-го в Тобольске ушел из жизни ослепший поэт-декабрист Вильгельм Кюхельбекер...

Не сохранилось достоверных свидетельств об августейших эмоциях при получении этих известий, но допускаю, что в те минуты царь мог даже скорбно вздохнуть и, как бы напоминая окружающим о бремени государственных забот, тотчас похолодеть глазами, которые Александр Герцен назвал "зимними", а Лев Толстой - "оловянными". Великий наш поэт Федор Тютчев написал послед ему:

Не богу ты служил и не России,

Служил лишь суете своей,

И все дела твои, и добрые и злые, -

Все было ложь в тебе, все призраки пустые.

Ты был не царь, а лицедей.

Продолжаю читать подсвеченные документы: застилает глаза, и я чувствую, что от давних "благодеяний" и "милостей" сиятельного графа Орлова, оказанных сиротам декабриста Николая Мозгалевского, бывшего члена общества Соединенных славян, вот-вот разрыдаюсь...

"...Семья его не имеет никаких средств к существованию...". "...Остались дети: сыновья: Павел 13, Валентин 11, Александр 9 лет и Виктор 9 месяцев, дочери: Варвара 17, Елена 6, Пелагея 4 и Прасковья 3 лет...". "Мать их просит отдачи их для призрения и воспитания в казенные учебные заведения с тем, чтобы сыновья не были зачислены в военные кантонисты..."

Секретно. 16 ноября 1844 года. С.-Петербург, 3-е Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

"Дети государственных преступников, родившиеся в Сибири, записываются в ревизию для одного счета, и на них следует смотреть как на казенных поселян. Милость, оказанная в 1841 году детям преступников, рожденным от матерей-дворянок, последовавших за мужьями в Сибирь, помещением их, т. е. детей, в институты и корпуса, не может относиться к детям Мозгалевской, ибо она мещанка и тамошняя.

В кантонисты записываются дети преступников, поступивших в рядовые. За сим детей Мозгалевской, по исключительному и беспомощному их положению, можно бы поместить в заведения Приказа Общественного Призрения или приюты, буде таковые существуют в Сибири, по усмотрению генерал-губернатора".

Секретно. 25 декабря 1844 года. Его Сиятельству графу Алексею Федоровичу Орлову.

"Получив предписание Вашего Сиятельства от 16 минувшего ноября (№ 1418), долгом считаю довести до сведения Вашего, что воспитательных заведений, учрежденных от Приказов Общественного Призрения в вверенном управлению моему крае нет, кроме Иркутского училища, где воспитываются сыновья канцелярских смотрителей и бедных классных чиновников, где все ваканции заняты, и приемного дома при

Иркутской гражданской больнице, куда поступают подкидываемые младенцы в первые дни по рождении, а потому, дабы дети умершего государственного преступника Мозгалевского не лишились изъявленной Вашим Сиятельством милости, я полагал бы необходимым испросить особое Высочайшее соизволение на помещение из числа их трех старших сыновей его в Бухгалтерское отделение Коммерческого училища в С.-Петербурге или же в школы: садоводства, шелководства, виноделия и земледелия, а младшего сына и дочерей, кроме старшей, в один из сиротских домов в Москве или других российских городах, на иждивении Приказов Общественного Призрения существующих.

Генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт".

Секретно. 29 января 1М5 года. ЛR 158. С.-Петербург. 3-е Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

"Милостивый Государь Вильгельм Яковлевич! Обязываюсь ответствовать Вам, Милостивый Государь, что о подобном призрении детей государственного преступника, рожденных от жен сих последних из податного состояния, я нахожу с моей стороны невозможным предстательствовать. Граф А. Ф. Орлов".

Документы эти публикуются впервые, они говорят сами за себя, но сохранились от тех давних времен и другие, декабристские.

Александр Беляев - Михаилу Нарышкину:

"Мозгалевский умер. Может быть, вы уже знаете? Наше маленькое имущество мы все оставили вдове..."

Еще в 1840 году братья Александр и Петр Беляевы добились перевода на Кавказ в тяжкую, рисковую, но хоть в какой-то мере амнистирующую солдатскую службу. Это были настоящие русские

люди. Они смолоду обладали свободным и широким взглядом на жизнь и, к слову сказать, не принадлежа к какому-либо тайному обществу, сочли своим гражданским долгом выйти 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Нелишне будет привести здесь слова Александра Беляева о том, чем для него стало сибирское изгнание: "Ссылка наша целым обществом, в среде которого были образованнейшие люди своего времени, при больших средствах, которыми (располагали очень многие и которые давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, так сказать, чудесной умственной школою..." И далее Александр Беляев пишет фразу, которая, при всей ее парадоксальности, отражает мнение определенной части сибирских изгнанников и многое говорит об авторе: "Если бы мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочел эту ссылку".

Навсегда прощаясь с Сибирью и зная, что едут под пули горцев, братья Беляевы, конечно, могли получить с какого-нибудь минусинского богатея крупную сумму за свои добротные постройки, племенной скот, ухоженную землю, сельскохозяйственные машины, семенной фонд, за все их отлично поставленное фермерское дело или же распродать хозяйство по частям, в том числе и па вывоз, и никто бы их, наверное, в том числе и самые строгие потомки, не осудил. Однако они поступили в соответствии со своими высокими идеалами и понятиями о подлинном товариществе - оставили все хозяйство Николаю Мозгалевскому, бедному, многодетному и больному декабристу, которому, быть может, они это понимали, уже недолго оставалось жить, разделив будущие доходы истинно по братски, на три равные части.

...Время от времени я, проезжая центром Москвы, заруливаю на Смоленский бульвар и приостанавливаюсь на минутку близ дома № 12. Это двухэтажный угловой дом со старинными закруглениями окон по первому этажу, с неприхотливым карнизиком по верху второго, ржавыми водосточными и нечастыми уже в Москве печными трубами над железной крышей. В этом доме

доживал свой век Александр Беляев, сюда приходил к нему из Хамовников Лев Толстой. Они подолгу беседовали, вспоминали-перебирали знакомых, молча размышляли, должно быть, всяк про себя и вслух - друг для друга. Толстой позже написал:

"Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всяческим а почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в Россия и проведшие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым ничем хорошим было и помянуть свою жизнь; казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет, и ясно стало, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка, неволя было счастье, а генеральство и богатство и свобода были великие бедствия..."

Испытывая нижайшее почтение к гению русской литературы за все им передуманное, пережитое и написанное, я, однако, считаю, что приведенные выше слова из письма одному духобору вызваны были поиском лишних аргументов в пользу нравственных концепций Толстого тех лет, и, если б состоялся его роман о декабристах, он, будучи великим, а значит, честным художником, наверняка не обошел бы своим всеобъемлющим вниманием и тех, кто не вернулся, - его чуткая и мудрая душа сама бы потянулась к ним, повела перо и родила бы, могло статься, новые толстовские концепции, в том числе и политические...

Возможно, Александр Беляев рассказывал Льву Толстому и о Николае Мозгалевском - это было последнее и очень приметное товарищество братьев-декабристов в Сибири, которое должно бы запомниться на десятилетия. Будучи уже глубоким стариком, Александр Беляев вспоминал о своем отъезде из Сибири:

"...хозяйство с лошадьми и скотом передали нашему многосемейному товарищу Н. О. Мозгалевскому из 3-й части дохода... Он пересылал нам на Кавказ нашу часть, т. е. две трети".

Попутно попрошу читателя обратить внимание на одно слово в этом отрывке-"товарищ". Обращаясь так друг к другу сегодня, мы не задумываемся, из каких корней оно вошло в наш язык. За каждым русским словом, однако, есть историческая глубина; обращение "товарищ" явилось вроде бы в революцию, однако оно уже было в широком обиходе среди тех, кто готовил эту революцию, а впервые стало употребляться в почти сегодняшнем смысле среди декабристов,- чтобы убедиться в этом, прочтите их воспоминания, переписку, а также записки тех, кто имел счастье общаться с ними.

И у Толстого в приведенном выше отрывке внимательный читатель найдет это слово, и у Герцена, я же вспоминаю строчки Марии Волконской, от которых когда-то вздрогнул в самолете, летящем над Сибирью, - с этого началось мое путешествие в декабристское прошлое, и я их знаю наизусть:

"...через Читу прошли каторжники; с ними было трое наших ссыльных: Сухинин, барон Соловьев и Мозгалевский. Все трое принадлежали к Черниговскому полку и были **товарищами** (курсив мой.- В. Ч.) ***покойного Сергея Муравьева".***

Значит, еще в том году, когда произошло это событие, слово "товарищ" уже жило в декабристской среде? Или, быть может, это слово-понятие вошло в "Записки" М. Н. Волконской позже, когда они писались? Но я где-то еще в документах декабристской поры встречал его!..

Долго вспоминал, рылся в своих карточках и блокнотах.

Да, да, конечно,- вот оно, первое письмо Николая Мозгалевского, отправленное из Нарыма томскому другу 25 мая 1827 года. Мне посчастливилось найти его в архиве Октябрьской революции совсем в другом, не декабристском деле, и оно еще не опубликовано. Из тяжкой

одиночной ссылки декабрист в упадке духа пишет, что лучше бы ему погибнуть, "как Пестель с товарищами...".

И нельзя здесь, конечно, не вспомнить бессмертных строк Александра Пушкина, написанных за семь лет до восстания декабристов:

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

А вот еще его же слова: ***"Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна..."*** Не все, правда, сибирские изгнанники попали на каторгу, не все были его друзьями - многих он никогда не встречал, однако всех считал своими братьями и товарищами...

В деле Николая Мозгалевского я обнаружил его последнее письмо в Петербург (графу Бенкендорфу от 22 мая 1842 года), тоже пока не напечатанное, из которого мы узнаем, что декабрист болен, работать на земле не может и не имеет "никаких дозволенных средств к своему существованию".

Силы покидали его. Тихо покашливая, он бродил вокруг дома и, опираясь на палку, часто останавливался отдыхать; доставал из кармана платок, чтоб вытереть чахоточную испарину, потом другой - убрать подступающую из горла кровь.

Вишневый садик, что он развел по приезде в Минусинск, вымерз без укрытия, и уже не было сил его подновить, арбузная бахча без жирной навозной подсыпки, вырабатывающей тепло, перестала родить, хозяйство постепенно приходило в запустение, а минусинские обыватели самовольно прирезали себе полоски декабристских пашен, вымахивали травы "секлетных" лугов.

Мозгалевский успел продать кой чего, купил лесу и нанял плотников, чтоб расширить домишко,- большому семейству стало совсем тесно в прежнем помещении. Отложил он также кое-какие деньги на лечение и дальнюю поездку. В последнем своем письме властям просил разрешения отлучиться из Минусинска. Нет, не на запад - в Карлсбад, Крым или на башкирский кумыс,- туда путь декабристу был заказан,- а на восток, в Тунку, где жил в ссылке один из основателей общества Соединенных славян Юлиан Люблинский. Пока бумага ходила туда-сюда медленной санной

почтой, декабрист слег окончательно, а обострение болезни весной 1844 года доконало его - он уже не мог без помощи Авдотьи Ларионовны и старшей дочери Варвары спуститься с крыльца. На этом крыльце он и умер - хлынула горлом кровь, и декабрист ею захлебнулся; было ему от роду сорок три, из которых он полгода пробыл в Петропавловской крепости, а в сибирской ссылке - восемнадцать...

Александр Беляев - Михаилу Нарышкину:

"Хозяйство наше в Сибири рушилось со смертью Пик. Ос. Мозгалевского. Мы написали им, что не хотим никаких счетов, и что они нам ничего не должны. Вообразите: бедная женщина и 8 человек детей!.."

И ей, одной, надо было как-то подымать семью, потому что она была мать. Ссыльные минусинские декабристы Иван Киреев и Николай Крюков помогли убитой горем Авдотье Ларионовне деньгами и делом - оборудовали пристройку под заезжий дом.

Минусинск в те годы становился опорной базой развивающейся в горах добычи золота. Более или менее состоятельные минусинцы столбили участки, нанимали рабочих. Кинулись мыть саянское золото купчики из дальних мест, красноярские чиновники в отставке, и даже крестьяне бросали хозяйства, чтобы испытать зыбкое старательское счастье.

По пути в тайгу и обратно этот пришлый люд должен был где-то останавливаться в Минусинске, чтобы переночевать, сменить бельишко, подпитаться.

Авдотья Ларионовна открыла в пристройке маленькую гостиницу и обслуживала вместе со старшими детьми постояльцев - топила баню и печи, стирала, готовила, таскала по многу раз на дню холодный или горячий, но всегда тяжелый двухведерный самовар. Зимними вечерами вся семья сидела вокруг стола и лепила пельмени - тысячи, десятки тысяч пельменей; мороженые пельмени заезжие брали в тайгу мешками и в мешках же везли белые диски молока, которое Авдотья Ларионовна с надою скупала у соседок, разливала по чашкам и морозила. Тяжелее всего доставалась стирка; горячий пар в избе, тяжелые сырке простыни, руки, стертые в суставах, разъеденные щелоком до крови язвы. И вечный детский крик и плач, и вечное недосыпание, и вечное угождение окружающим, и этот вечный домашний труд, самый неблагодарный на свете, - дрова, вода, зыбка и пеленки, посуда и кухонный чад; подвиг обыкновенной русской женщины, растянутый на десятилетия, едва ли уступает какому-нибудь ее яркому, порывистому деянию,- такая, познавшая

все тяготы жизни, и коня, если надо, на скаку остановит, и войдет в горящую избу, свою и соседскую...

Александр Беляев - Михаилу Нарышкину:

"После смерти Николая Осиповича она с 8-ю детьми живет, содержит постоялый дом для золотопромышленников. Грустно, когда вспомнишь о них..."

"К счастью, он успел сделать пристройку к дому, куда пускают золотопромышленников, и таким образом семейство его имеет, хоть по крайней мере, кусок насущного хлеба, хотя и скудного".

Один из постояльцев, немолодой уже крестьянин, приехавший в Минусинск "снизу", некто Степан Юшков, стал появляться у Мозгалевских все чаще, иногда вроде бы и совсем без надобности, приносил детишкам сласти.

Авдотье Ларионовне - неловкое уважение, заговаривал со старшенькой, Варварой, оглаживая бороду, а она, вдруг зардевшись, убегала за ситцевую занавеску. Наконец сыграли свадьбу, и детей осталось семеро...

Достаю из шкатулки единственную нашу фамильную драгоценность - золотой медальон в виде сердца-замка и такого же сердечка-закрышки, висящего на цепи, с запечатанным отверстием. "ВНЮ"-тонко выгравировано на обороте. Если это "Варвара Николаевна Юшкова", значит, в Минусинске к тому времени уже был достаточно квалифицированный мастер, если он сделал эту изящную вещицу, с миниатюрной, действующей до сего дня защелочкой!.. Правнучка декабриста Мозгалевского Мария Михайловна Богданова, когда я показал ей эту реликвию, тоже сочла, что она несет некую символику, и предположила, что такую необычную форму мог придумать только декабрист Иван Киреев, самый близкий друг семьи Мозгалевских, помогавший вдове даже из своего скудного казенного пособия. Он был хорошим художником-любителем, и многие его работы сохранились, только очень жаль, что написанный им портрет Николая Мозгалевского, свято хранившийся у потомков декабриста, сгорел во время большого минусинского пожара 70-х годов вместе с письмами Павла Вытодовского, Павла Бобрищева-Пушкина, ссыльных поляков...

О Юшковых мы еще вспомним позже, а о главе рода Степане надо бы тут сказать, что это, видать, не был особенно "фартовый" золотопромышленник.

Степан Юшков, должно быть, не располагал большим достатком, не мог оказать значительной помощи матери, братьям и сестрам своей жены, а "предприятие" Авдотьи Ларионовны, требуя каторжного труда, не было, знать, слишком доходным...

Секретно. 28 мая 1848 года. Иркутск. Его Сиятельству графу А. Ф. Орлову от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

"Состоящий в должности Енисейского Гражданского Губернатора от 27 апреля вошел ко мне с представлением, в котором объясняет, что жена умершего государственного

преступника Мозгалевского Авдотья Ларионовна, имея при себе семь человек детей и находясь в крайне затруднительном положении в отношении их воспитания, содержания и будущности, желает воспользоваться предложением некоторых сострадательных людей, живущих в Омске,- отдать одну из дочерей Пелагею к ним на воспитание, а сыновей: Павла, Валентина и Александра в услужение также частным лицам, занимающимся торговлею и золотопромышленностью в Минусинском округе и других местах, а посему и обратились к нему с просьбой разрешить местное начальство на выдачу законных видов ея детям для свободного проживания в других местах Сибири. К удовлетворению таковой просьбы вдовы Мозгалевского статский советник Падалка просит моего разрешения, хотя нет в виду ни прямого закона, ни распоряжения правительства о том, какими правами должны пользоваться в отношении отпуска детей государственных преступников".

Из этой бумаги вышла некая юридическая закавыка. Высшие сибирские чиновники, основываясь на том, что "дети государственных преступников, рожденные в Сибири во время состояния отцов их в работах и на поселении, должны поступать в казенные поселяне", разрешили выдать сиротам декабриста Николая Мозгалевского ***"виды на свободное проживание по всей Сибири, руководствуясь в этом случае соображением, что вообще казенные поселяне из свободного состояния и поступившие в это звание из детей обыкновенных ссыльнопоселенцев имеют право отлучаться но всей Империи".***

Граф Орлов, очевидно, усмотрел в такой формулировке вероятную возможность в будущем послаблений потомкам декабристов и, дабы в дальнейшем не было никакого смешения разрешительных мер для сибирских детей разных категорий, 4 июня 1848 года отписал ***"по случаю возникновения в Восточной Сибири вопроса о том, можно ли дозволять детям государственных преступников отлучаться по Сибири и Российским губерниям". По Сибири - да, но в Россию! - "не удобно ли будет Вам, Милостивый Государь, о подобной просьбе предварительно сообщить мне и ожидать разрешения".***

...Далекое прошлое обладает своей притягательной силой, не меньшей подчас, чем самая жгучая современность, и я не могу прервать эту историю на смерти Николая Мозгалевского хотя бы потому, что ни один декабрист, погибший в Сибири, не оставил после себя такой многочисленной, малообеспеченной и одинокой, без родственных связей семьи. Напоминая о восклицании Александра Беляева в письмах Нарышкину: "Вообразите: бедная женщина и 8 человек детей!", призываю и читателя вообразить себе это с учетом того, что речь идет о семье государственного преступника, лишенной всех гражданских прав. А я лишь сообщу, что никакого "призрения" сибирские власти так и не осуществили, лишь вынесли решение "***О дозволении вдове государственного преступника Мозгалевского отдать детей своих на пропитание и в услужение лицам, желающим взять их себе***", и назначили годовое пособие в сто рублей, будто дети декабриста, получавшего от казны двести, были виноваты вдвое больше отца!

Если же перевести ассигнации в серебро, за которое тогда только и можно было в Сибири что-либо купить, то это составляло 26 рублей 7 копеек; рубль на две недели! Однако и такое скудное пособие было вскоре отобрано...

Вообразите себе последующие годы жизни этого огромного осиротевшего семейства сами, я же умолчу об этом, но приведу несколько эпистолярных документов, относящихся к теме. Письма адресованы одному из самых ярких и достойных людей того времени. Еще в ранней юности его выделил из всех прочих друзей-однокашников Пушкин, умевший мгновенно проникать в души людские. Это к нему поэт обратился в Сибирь со стихами: "Мой первый друг, мой друг бесценный..."

Позже Ивану Пущину удалось не только напечатать эти стихи, но и приобрести их драгоценный автограф, который он хранил как святыню вместе с письмами своего великого друга и другим знаменитым его стихотворением "19 октября 1827 года", присланным директором лицея Энгельгардтом на забайкальскую каторгу:

Бог помочь вам, друзья мои,

В заботах жизни, царской службы,

И на пирах разгульной дружбы,

И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои.

И в бурях, и в житейском горе,

В краю чужом, пустынном море,

И в мрачных пропастях земли!

Первый, бесценный друг поэта на каторге был -вернейшим товарищем всем, кто нуждался в помощи и участии. Непререкаемый моральный авторитет и полнейший альтруизм выделили Ивана Пущина даже из его прекрасного окружения, которое как-то естественно и совершенно единодушно признало в нем своего старосту, Таким он и остался, на всю ссыльную Сибирь один, издалека согревая товарищей жаром своего сердца.

Иван Пущин, оказывается, был "толст и красив", хотя мне всегда почему-то представлялось, что он как бы полу копия Пушкина - бакенбарды, чернявость, стройность, изящество.

Поверим, однако, женщине, человеку, близко знавшему его на поселении: ***"Голубые глаза смотрели весело, светлые волосы никак не хотели лежать по указанию гребенки, но, поднявшись над прямым лбом, перекидывались аркой вперед, под широким носом светлые усы ложились на верхнюю губу тоже выгибом: из-за высокого галстука, небрежно повязанного, выходил широкий отложной воротничок рубашки".***

А вот другое о нем: "***Где бы ни жил Иван Пущин, он был доступен каждому, кто искал человеческой доброты, сочувствия и помощи", "...вскоре после его прибытия в город, устремились к нему все униженные и оскорбленные, предпочитая его всем дипломированным адвокатам. Уверившись, что дело, о котором его просят, законное или гуманное, Пущин брался за перо...", "Хлопотал . он за других всю свою жизнь"...***

После амнистии Иван Пущин жил в подмосковном **имении Фонвизиных**, женившись на вдове покойного декабриста Наталье Дмитриевне[1]...

Василий Давыдов из Красноярска - Ивану Пущину в Ялуторовск:

"Вдова Мозгалевского побывала у пас. Она совсем простая женщина, но с природным умом и тактом. Порассказала о том, как живут они в Минусе, как Тютчев тяжко болен, а лечиться не хочет, хотя ему губернатор разрешил поехать в Красноярск и даже в Томск для совета с медиками. Но он из Курагино - никуда. Как тут помочь, ума не приложу".

Иван Киреев - Ивану Пущину:

"Спрашиваете об Авдотье Ларион. Мозгалевской... Она тоже не без нужды. Три сына. Хотя и служат по приискам, но наемщик, которого они были вынуждены поставить за себя в рекруты, стал им свыше 1000 руб., и хотя они теперь уже заслужили свой долг, это их очень [расстроило. Во время тяжкой заслуги ее сыновьям и денег на наемщика

---

[1] У юго-восточной стороны Архангельского собора расположена семейная усыпальница рода Фонвизиных. Рядом покоится прах И.И.Пущина, декабриста и друга А.С. Пушкина. Пущин после сибирской ссылки женился на вдове М.А.Фонвизина Наталье Дмитриевне и жил в её имении Марьино (в наши дни район города). В Марьино приезжали декабристы, их дети. Здесь гостили М.И. Муравьев-Апостол, Александр Александрович Пушкин — внук великого поэта долгие годы был председателем Бронницкой уездной земской управы и уездным предводителем дворянства, внес значительный вклад в развитие г.Бронницы.

семейство Мозгалевских могло только жить благодаря действенному участию в нем князей Костровых...

Представляя, что спрашиваете об Авдотье Ларион. с желанием помочь ей в случае нужды, мы, т. е. Костровы и я, в общем совете порешили из 100 рублей, посланных Вами, одну половину выдать Тютчевым, а другую - помочь А. Л. Мозгалевской..."

А следующее письмо я приведу полностью, слово в слово. Оно писано 6 декабря 1857 года в Минусинске - и не кем иным, как самой Авдотьей Ларионовной. Безграмотная девушка-сибирячка, научившаяся читать, считать и писать у покойного мужа-декабриста, просто и безыскусственно рассказывает о своем прошлом житье-бытье, о детях, о новых больших заботах и маленьких радостях.

"Милостивый государь многоуважаемый Иван Иванович!

Вы совершенно опровергаете русскую пословицу "сытый голодного не разумеет", дай Вам бог много лет здравствовать с уважаемою Натальей Дмитриевною за то, что вспомнил нас, горьких далеких. Дорогое участие Ваше дает мне право на полную откровенность перед Вами. я столько вынесла горя, не дай бог и врагу моему, детей растила трудами своими, наконец повырастила, авось, думаю, теперь отдохну; нет, дети на рекрутскую очередь попали, что я пережила за это время, один бог знает, у какого порога не стояла; наконец, золотопромышленники сжалились, дали на рекрута 1200 руб. сер., и три сына за эти деньги четыре года служили из одного куска хлеба.

- Это, думаю, пройдет, сто руб. казна давала, надо Вам сказать, что дочь у меня хорошенькая, подарила ей платье, и повезла ее в гости, а у городничего две дочери; платье на моей оказалось лучшее, г. городничий сказал: как, на дочери поселенца платье лучше, чем на моих дочерях, представил, что я богата, и лишил меня вот уже четыре года ста целковых. Этому трудно верить, что может быть так, но весь Минусинск подтвердит мои слова.

- С приездом сюда нового окружного начальника, вполне благородного человека, я не ожидала, что они, сами не богатые люди, но помогали мне, сколько могли, а участие и внимание иногда дороже денег; дочь моя постоянно у них живет, также и дочь Петра Ивановича Фаленберга.

- Во все время моего бедствия Иван Васильевич Киреев был мой благодетель, постоянный, не имея сам ничего, что трудами добывал, уделял моим детям.- Александру Александровичу Крюкову я пошла один раз попросить десять руб., он мне в них отказал, имея тысячи!

- В настоящее время здешний окружной начальник представил обо мне, описав мое горькое положение, и ходатайствует, чтоб мне выдали деньги и снова назначили сто рублей в год, что будет, не знаю, надо терпеть и ждать.

Благодарю Вас за пятьдесят руб. сер.

- Иван Васильевич уделил мне из ста руб., которые Вы послали на истинно несчастных сирот Тютчева. Для нас всех помощь Ваша истинное благодеяние и не тягостное, отрадное. Один бог может за это Вас вознаградить; детей надо на службу определить, чтобы дворянства не потеряли, на все надо деньги; последнего сына Виктора просила определить в корпус, такую программу прислали, что ни один учитель здесь не выдержит такого экзамена, что делать, не знаю, буду писать и просить, чтобы хоть куда-нибудь определили на казенный счет; простите, что я Вас заняла долго моим письмом, Вы вызвали и дали волю высказать Вам свое горе, горе нескольких лет. Я и мои дети целуем ручки у Натальи Дмитриевны, а Вам кланяемся до земли. Ваши преданные и покорные слуги и все ее дети Мозгалевские".

Послание трогает своей искренностью, доверительностью и человечностью выражения чувств; кроме того, это единственный дошедший до нас документ, так полно и бесхитростно характеризующий декабристскую жену-сибирячку и ее вдовьи заботы. Он интересен и тем, что с

новой стороны освещает выдающегося декабриста Ивана Пущина, друга Пушкина, и многих, многих иных... В нем названо три живущих в Минусинске декабриста - Иван Киреев, Петр Фаленберг, Александр Крюков, вокруг витают тени еще четверых - Николая Мозгалевского, Алексея Тютчева, Николая Крюкова, **Михаила Фонвизина**...

Подлинник письма Авдотьи Ларионовны Мозгалевской Ивану Пущину находится ныне в одном из столичных государственных рукописных хранилищ, и его особая историческая ценность состоит в том, что оно из первых рук свидетельствует о тесных связях декабристов и после амнистии, о братской выручке нуждающихся семей, о деятельности Ивана Пущина на посту декабристского "старосты" и распорядителя политической кассы взаимопомощи.

Правда, был он человеком до щепетильности скромным:

"Досадно, что Мозгалевская благодарит меня, когда я тут нуль..."

Адресат возразил: "***Назначение денег Мозгалевской совершенно зависит от Вас, я, конечно, не буду против Вашего решения. Да и к тому же деньги есть - так и нет ни малейшей причины не помочь ей... Довольно ли ей послать еще 100 р. на нынешний год, т. е. до августа? Напишите".***

Эти строка написаны в Москве 27 января 1858 года одним замечательным человеком, о котором непременно следует вспомнить. Молодой чиновник министерства государственных имуществ Евгений Иванович Якушкин, сын декабриста. Разделяя революционные идеалы отца и его товарищей, Евгений Якушкин стал тайным корреспондентом "Полярной звезды", и большая часть декабристских материалов попала к Герцену при его посредничестве. Он неотступно просил декабристов писать воспоминания, и настойчивости этого человека мы обязаны многими драгоценными страницами былого, впервые напечатанными за границей и на родине...

Иван Пущин - Евгению Якушкину.

"Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься - и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как, бывало, говаривали мы об нем при первых наших встречах..."

Евгению Якушкину благодарны не только историки для потомков декабриста Николая Мозгалевского он сохранил единственное письмо их прародительницы Авдотьи Ларионовны.

Иван Пущин - Евгению Якушкину:

"Вот Вам, добрый мой Евгений Иванович, для прочтения письмо Мозгалевской. Значит, Вы можете убедиться, что ей можно назначить, как я вам об этом писал с Нарышкиным".

Именно Е. И. Якушкин стал практическим организатором и казначеем декабристской артели взаимопомощи, возглавляемой Иваном Пущиным, который, как мы убедились, был прекрасно осведомлен о положении всех нуждающихся декабристов, их вдов и детей.

А вот новые строки из писем, касающиеся нашей темы.

Иван Киреев - Ивану Пущину:

"А. Л. Мозгалевская просит благодарить Вас за память о ней, за помощь семейству".

"Без всякого пристрастия об нашей общине можно сказать по совести, что она (дочь П. И. Фаленберга – Мина. -В. Ч.) и две дочери-девицы Мозгалевские - лучшие девицы в Минусинске, за неимением блестящего светского образования, были бы таковыми и не в одном Минусинске".

Иван Киреев - Евгению Якушкину:

"Деньги, которые будут назначены семействам Мозгалевских и Тютчева, можно пересылать в Минусинск на имя старшего сына Мозгалевского - Павла Николаевича... Считаю излишним прибавить, что в исправном распределении всего присылаемого из

Малой артели можно совершенно положиться на честного и доброго Павла Николаевича".

Петр Фаленберг - Ивану Пущину:

"Я передал ему (И. В. Кирееву.- б. Ч.) Ваше поручение, а также и Авдотье Илларионовне лично. Последняя повторяет Вам и Наталье Дмитриевне свою благодарность за присланные ей деньги, способствовавшие ей к отправке ее сына в корпус. Она усердно просит Вас, когда будете в Петербурге, узнать о сыне, Викторе, принятом в том же 1-м Кадетском корпусе, где мой Федя, и пригласить молодого человека писать почаще к матери, получившей только одно письмо от него".

Иван Киреев - Ивану Пущину:

"Если будете в Петербурге, загляните в 1-й Кадетский корпус, отыщите там* нашего *(курсив мой.- В. Ч.) Виктора Мозгалевского и пристыдите его за то, что он родной матери не пишет".

Как видим, жизнь большого семейства Мозгалевских вроде налаживалась - все дети выжили, становились взрослыми, самостоятельными; эта победа над голодом и нищетой была бы невозможной без героических усилий Авдотьи Ларионовны и помощи декабристов - братьев Беляевых, Ивана Пущина, Николая Крюкова, Ивана Киреева, сыновей декабриста Ивана Якушкина - Евгения и Вячеслава, минусинского окружного начальника Н. А. Кострова, человека прогрессивных взглядов, умного, добросердечного и деятельного, оставившего заметный след в сибирском краеведении, - за время своей минусинской и томской службы опубликовал в различных изданиях сто тридцать статей по этнографии, экономике, истории, статистике, географии Сибири...

Эта поддержка выходила далеко за рамки денежной помощи из средств декабристской Малой артели. Братья Беляевы, добившись перевода на Кавказ, безвозмездно передали вдове все свое минусинское достояние. Николай Крюков по-отечески опекал осиротевшую семью в самые трудные для нее годы. Дочь Николая Мозгалевского, Елена, несколько лет прожила в семье Костровых, получив хорошее воспитание и неплохое - по условиям Минусинска - образование. Самого младшего сына, Виктора, родившегося незадолго до смерти декабриста, подготовил к трудным вступительным экзаменам в корпус Иван Киреев, до конца оставшийся верным "славянскому" братству. Брат Евгения Якушкина Вячеслав во время своей поездки по Минусинскому округу помог трем старшим сыновьям избежать рекрутчины, официально вытребовав из степи "наемщика", семье которого был уже дан задаток, на местные власти по каким-то причинам его не отпускали.

Эту ситуацию я поясню современному читателю.

Поставка наемного рекрута широко практиковалась в те годы состоятельными людьми, спасавшими таким способом от многолетней солдатчины своих сыновей. Однако в данном случае нужда накладывалась на нужду. Какая-то бедная степная семья, чтобы просуществовать, прикупить, скажем, скота, за деньги и вне срока отдавала молодого парня в солдаты, а вдова декабриста, чтобы надолго, если не навсегда, не расстаться с кормильцами, пошла "стоять у порогов", прося денег на подменного рекрута. Наконец минусинский золотопромышленник по фамилии Шемиот дал 1200 рублей серебром, закабалив сыновей декабриста, - четыре года они работали на его приисках без какого-либо жалованья, "из одного куска хлеба", как пишет А. Л. Мозгалевская Ивану Пущину. О судьбе наемного рекрута мы ничего не знаем - может, он вернулся на родину, а может, и сгинул в крымской или кавказской войне, став случайной и безвинной жертвой той жизни и все-таки не предотвратив этой жертвой ужасных трагедий в семье, от которой отвел рекрутчину...

Прежде чем рассказать о том, как великие беды вновь начали обрушиваться на Авдотью Ларионовну, накладываться одна на другую, чему, казалось, и конца не предвиделось, остановлюсь на судьбе третьей дочери декабриста.

Родилась она уже в Минусинске, с малолетства все звали ее ласкательно Полинькой - очень хороша собою была девочка, добра и нежна ко всем и всему. Это ее в 1848 году власти разрешили отдать в Омск, на пропитание и воспитание "добрым людям", которые вскоре переехали, увезя девочку от матери еще дальше, к самому Уралу. Они не виделись десять лет, и как все-таки жаль, что сгорели в 70-х годах все бумаги Мозгалевских, в том числе письма Полиньки и ее воспитателей к Авдотье Ларионовне - в них могло отложиться немало весьма интересного. Дело в том, что "добрые люди" были не просто благотворителями из богатых мещан, купцов либо чиновников - воспитателем, вторым отцом Полиньки Мозгалевской стал чрезвычайно интересный человек, о котором, как и о его супруге и ее родне, я расскажу поподробнее. Но перед этим - о недавнем моем личном знакомстве с некоей юной москвичкой и заочном - с ленинградкой, прожившей, быть может, дольше всех других ее сограждан, и о том, как это странно-нежданно приключилось через посредство старых камней Москвы...

2. Глава 2

Когда увлечешься чем-нибудь искренне и надолго, то все окружающее как-то незаметно пропускаешь через призму этого настроя, а из встречных людей тебя больше интересуют те, кто способен понять твое состояние, но истинным праздником я стал считать день, когда кто-нибудь непреднамеренно и естественно вплетал хотя бы тончайшую ниточку в бесконечную цепочку прошлого, какая годами все туже скручивалась в моей памяти...

Вспоминаю о недавнем знакомстве с потомками декабристов Рылеева, Бечаснова, Раевского, Якушкина, вспоминаю, как мы с ландшафтным архитектором старой школы Михаилом Петровичем Коржевым неторопливо, не пропуская ничего, бродили по **Кусковскому парку**. Липовые аллеи, Оранжерея, Зеленый театр, Итальянский домик с нетрадиционными, излишне реалистическими, почти карикатурными барельефами патрициев, Эрмитаж - изящное двухэтажное каменное строение...

- Помню, незадолго до революции в этом Эрмитаже еще действовала подъемная машина, - рассказывал Михаил Петрович.

- Хозяин мог пригласить гостей наверх и обойтись без присутствия слуг - блюда подавались снизу через отверстия в перекрытии и столе. **Архитектор Карл Иванович Бланк**.

- Из немцев небось?- спросил я, подумав, впрочем, что Бланк мог быть и из французов, если поначалу его звали Шарлем, а отца Жаном.

- Их тогда много обрусело, и не без пользы... Бланк тут в середине восемнадцатого века отделывал дворец, Оранжерею, устроил парк "Гай" со всеми павильонами, который ныне - видите? - оказался вне заповедной черты...

Эрмитаж был очень хорош, весь светился в липовых кронах! Позже я разыскал письмо П. Б. Шереметева московскому архитектору К. И. Бланку: "Государь мой Карл Иванович! Какие нынешним летом в селе Кускове у меня будут строения... Прошу, чтоб оные были начаты, не упуская время, а особливо армитаж".

А спустя год, когда мы с замечательным нашим реставратором-архитектором Петром Дмитриевичем Барановским вышли подышать в сад Новодевичьего монастыря, восьмидесятипятилетний архитектор, знаниям, памяти и горячности которого я не уставал поражаться, немедленно воспламенился:

- Карл Иванович? Это был выдающийся русский зодчий! Ново-Иерусалимский монастырь, конечно, знаете? Ну, ту феноменальную громаду, что патриарх Никон соорудил над Истрой...

- Бывал.

- Бухвостов, из крепостных архитекторов, все окружил камнем. Его - башни, надвратная церковь, и уж не знаю, кто виноват, что позже претяжеленный русский каменный шатер над романским ротондальным собором рухнул. Не предусмотрели прочных связей, о чем мы с вами не раз говаривали... Через сто лет после Никона шатер по проекту Растрелли восстановил в дереве

Бланк. Это было сооружение высшей архитектурной кондиции, достояние общечеловеческой культуры. Его, как вы знаете, взорвали фашисты... Жаль до слез, до боли вот тут.

Петр Дмитриевич тронул рукой грудь, задумался, и я тоже вспомнил жуткие руины Воскресенского собора, пытаясь вообразить, что собою представлял шатер Растрелли-Бланка. Мой собеседник был счастливее меня, потому что он его видел, и куда несчастнее, потому что острее чувствовал эту потерю, глубже понимал ее непоправимость. Правда, у меня давно были выписаны слова его покойного товарища, другого великого знатока академика Игоря Грабаря: "С точки зрения архитектурного типа здание было беспримерным и единственным во всей древней Руси.

Его гигантский круглый зал с окружавшей его широкой галереей, наполненный светом, с исчезающим в высоте смело решенным шатром покрытия, тоже полным света и блеска, скульптурное и красочное одеяние стен собора - все это в превосходном синтезе производило потрясающее впечатление.

Мощная романская ротонда Старого Иерусалима, соединенная с русской шатровой крепостной башней, и беспредельный в своих перспективных эффектах, огромной зодческой силы зал в духе барокко, насыщенный сиянием света, сверканием золота, морем лепки и росписей, слились в этом подмосковном соборе в единый ансамбль небывалой торжественности..."

С горечью я вспоминал также последнее свое посещение Нового Иерусалима. Шатер начали восстанавливать, однако это было гибелью памятника. Ошиблись в расчетах, не подняли всех документов, и шатер потерял два метра высоты. Бланк сделал с одной стороны его основания примыкающую заоваленность, а тут циркульный круг вытеснил, уничтожил балкон - неотъемлемую часть внешнего архитектурного убранства собора. Узкие люкарны ***(ЛЮКАРНА (французское lucarne), оконный проем в чердачной крыше или купольном покрытии. Люкарны, имеющие декоративное значение, снаружи часто украшены наличниками, лепными обрамлениями и т. п.),*** кроме того, не позволят по-старому впустить свет под шатровое пространство. Но главное - ребристый многогранник покрыли толстыми листами железа, которое уже начало ржаветь. Через два десятка лет они прохудятся насквозь, и дождевые протеки загубят лепнину и весь памятник. Мы организовали на этот счет письмо в соответствующие инстанции, и решено пока прекратить работы по теперешнему проекту, который Петр Дмитриевич Барановский с самого начала называл невежественным и еще злее...

- А в Москве Бланк что-нибудь построил? - спросил я, заметив, что задумчивость покинула Петра Дмитриевича и он смотрит на меня, словно пытаясь вспомнить, на чем прервался разговор.

- Где-то я встречал его постройку.

- Не спешите... На запад от Москвы, где я каждый камень помню, есть у него еще кое-что. Знаете Вышгород?

- Ну, Вышгород под Киевом был резиденцией Рюрика Ростиславича, который сразу после смерти князя Игоря разграбил и сжег Киев.

- Да нет, **Вышгород под Вереей**! Там стоит на восьмерике церковь Бланка прекрасных форм... А в Москве Воспитательный дом на **Солянке** **(Солянка, 12),** с казаковским фасадом сохранился, и тут же красовалась его прекрасная церковь Кира и Иоанна... Скажите, какое для вас имеет сейчас значение, - по поводу чьих именин создавалась нетленная красота?

- Чаще никакого.

- Вот. Эту церковь возвела не Екатерина Вторая в честь своего воцарения, а московский архитектор Карл Бланк с мастерами-каменщиками! ***(Единственная в Москве освященная во имя этого праздника, она была поставлена в честь восшествия на русский престол императрицы Екатерины II, которое состоялось в день памяти святых Кира и Иоанна 28 июня (11 июля) 1762 года. Этим и объясняется столь редкое для Москвы посвящение храма.***

Святые мученики Кир и Иоанн пострадали в Египте в начале IV века н.э. во время уже угасавших, но все еще сильных римских гонений на христианство).

- Мало кто его знает, только специалисты.

- Понятное дело... А он умел обойтись с камнем скромно, сдержанно, в высшей степени благородно. Стояла такая церковка Бориса и Глеба у Арбатских ворот... Собственный сводчатый дом Бланка на Пятницкой. Несколько лет назад снесли, хотя я, кажется, сделал все, чтоб его спасти. И это Бланк, я его руку знаю. Мало ли, документы не найдены!.. Камень - тоже документ, да еще какой достоверный! Только его надо читать...

Церковь Кира и Иоанна, что при Сербском подворье, в Москве. 1881 год

Вдруг я вспомнил, что знаю еще одну постройку Бланка в Москве. Когда попадаешь на **Ново-Басманную,** то непременно приостанавливаешься у церкви Петра и Павла под звоном. Вокруг нее великолепная кованая ограда XVIII века, охраняемая государством, а сама церковь чрезвычайно оригинальна и, кажется, одна такая на всю Россию - над ней вполне готический шпиль. Возведена была вскоре после основания Петербурга, когда строительство в Москве замирало, но самое интересное другое, проект - рисунок ее набросал не кто иной, как Петр I, вспомнивший в тот момент, наверное, островерхие голландские храмы, близ которых он в юности плотничал, осваивая корабельное дело. Колокольня стоит слитно с церковью и очень фундаментальна; второй ярус-восьмерик, а по углам ярусов мощные колонны дорического ордера.

Петр Дмитрия, - сказал я.

Петра и Павла под звоном на Ново-Басманной помните, конечно?

Как же! По эскизу Петра Великого строена. Только это не Бланк, он тогда еще не родился.

Нет, я имею в виду колокольню.

Бланк бесспорный, даже документы сохранились... Да, еще одна интересная постройка - **Никола-в-Звонарях на Рождественке**. Как эта улица теперь называется?.. .

Жданова.

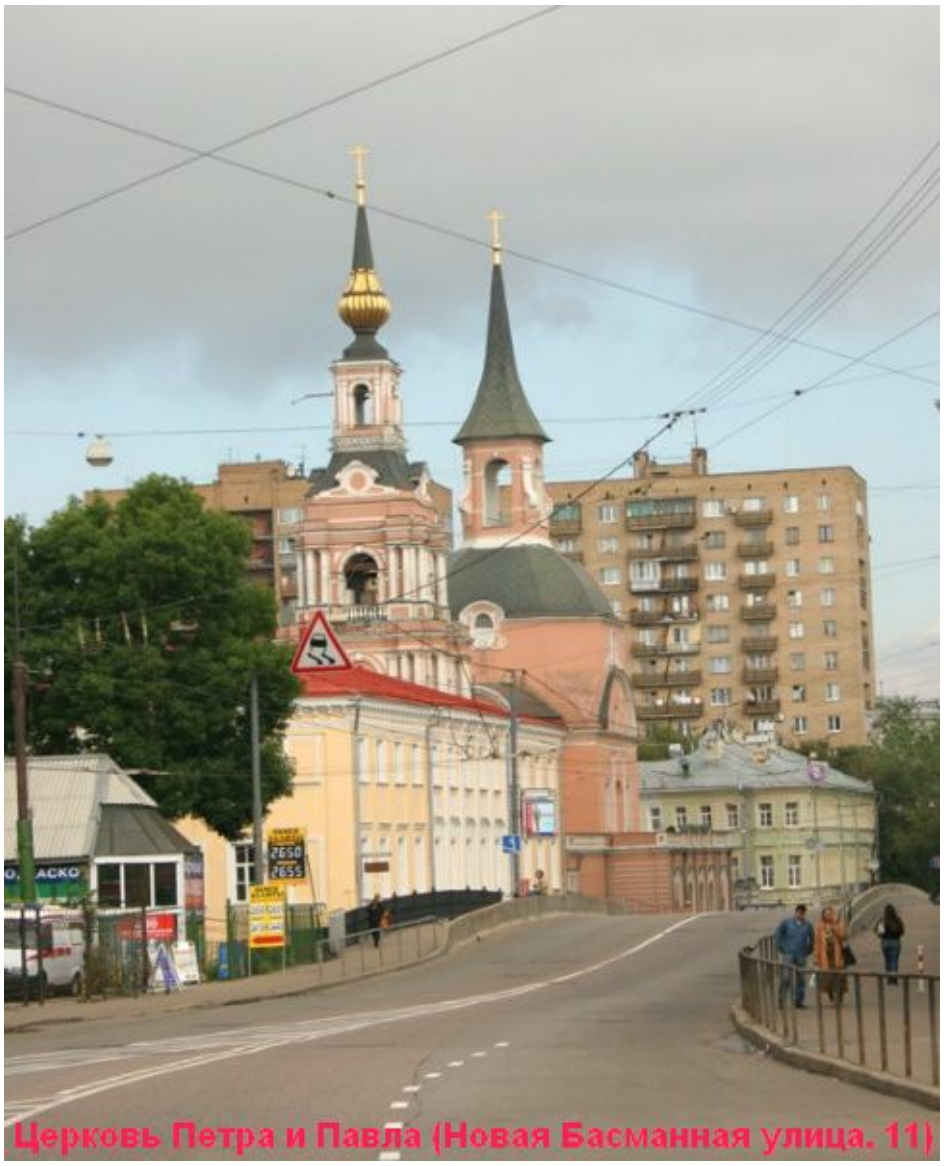
На улице Жданова я бываю довольно часто, потому что там, неподалеку от **Книжной лавки писателей** и рядом с Архитектурным институтом, стоит **Книжная лавка архитектора**, где иногда можно застать что-нибудь интересное о зодчестве или парках. Однажды я решил заехать в этот магазин, забрав по пути дочь Иринку с консультации по истории - она готовилась к экзаменам в университет, занималась с утра до вечера, побледнела, вытянулась в штакетину, и я старался при любой возможности по экономить ее время и силы. В машину вместе с ней села милая скромная девушка такого же заморенного вида и с такими же учебниками в руках.

Удивительное совпадение! - сказала мне дочь. - Оказались рядом на консультации и живем рядом! Катя едет на проспект Мира.

Правда что редкое совпадение, - пришлось согласиться мне.

Едем, только через улицу Жданова - потеряем несколько минут, прокатимся с Катей...

Девчонки засмеялись нежданному словосочетанию, и я был рад, что они услышали его, особенно за дочь рад, потому что она подала заявление на филологический. Как-то постепенно у нее это решилось - изучать сербскохорватский язык и литературу, с азов македонский, польский, древнегреческий и старославянский, продолжать английский…


Церковь Петра и Павла (Новая Басманная улица. 11)

Сам же говорил, что из славянских языков сербскохорватский ближе всех древне-русскому!

Это не я говорил. Это академик Корш говорил, когда разбирал ритмику и строй "Слова о полку Игореве".

Тем более.

А Пушкин насчет частицы "ли" в "Слове" писал, что доныне в сербском языке сохраняет она те же знаменования.

Вот видишь!

В нашем небольшом семействе царит ничем не ограниченный культ "Слова" и его автора.

- И "Святославлич", "Гориславлич" - архаичные славянские лексические формы, имеющие соответствия в сербскохорватском.

И она, конечно, знала, что ее дальняя родственница историк Мария Михайловна Богданова на Бестужевских курсах изучала языки, литературу и историю западнославянских народов.

- Кроме того, я разберусь в истории западных и южных славян, а то тебе все некогда! И родина сербскохорватского языка удивительно интересна, и наш предок принял когда-то в общество Соединенных славян единственного серба, и...

- Ну, это Иван Горбачевский считал Викентия Шеколлу сербом, а я не перепроверял.

- Хорошо, я найду время и проверю!

Что ж, у нее пятерочный аттестат и языки вроде бы идут; к концу нашего месячного пребывания в Польше она уже начала немного почитывать и поговаривать на польском, найдя этот язык мелодичным и красивым, несмотря на обилие шипящих и трудные в произношении группировки согласных.

- И еще наш предок со своими товарищами мечтал соединить всех славян в дружную семью...

Короче, аргументов в пользу выбора специальности набралось предостаточно, и - в добрый бы час!.. А пока едем по московским улицам к центру - они просторны еще, но вот поток встречных и попутных машин погустел, улицы словно сузились.

- Удивительное совпадение! - услышал я голос дочери.

- Па! Катя, оказывается, тоже играет и у нее тоже есть собака.

Плохое совпадение - хорошо вроде бы живем, пианино и собак держим, но стандартно, даже в мелочах одинаково.

- Катя тоже на филфак мечтает? - спросил я, ожидая очередного удивительного совпадения.

- Нет, я на исторический.

- А что думаешь изучать?

- Конечно, русскую историю!

- Почему именно русскую?

Серый глаз в зеркальце исчез, ответа я не дождался. Пересекли Садовое кольцо. Как всегда в таких случаях, мне хотелось мимоходом порассказывать Иринке, чего сам знал о памятных строениях по сторонам, на которых отложилась родная история - имена, даты, события, но за спиной слышался неостановимый девчоночий щебет об учителях, подружках, кино, гребле, лыжах и прочем, что мне было неинтересно, и я перестал слушать - пусть пощебечут, однако, отдохнут от событий и дат, скоро им станет не до щебета...

А я для себя решил объехать Кремль – это на досуге всегда прекрасный десятиминутный праздник.

С моста вырастают башни **Антонио Солярио**, потом на мгновение околдовывает бессмертное творение Бармы Постника...

Церковь Великомученицы Варвары

Смотрю вперед, на дорогу, но уголком глаза вижу недавно раскрытые и уже неотъемлемые от Москвы архитектурные сокровища **Зарядья** - **Варвара с классическими портиками** на обе стороны, **английское подворье** - XVI век! Это Петр Дмитриевич Барановский, когда его привели сюда, на руины старых кирпичных стен, пощупал их руками, погорбился, пощурился и первым сказал: "Шестнадцатый, можете не проверять", а вскоре нашли нож английской работы и пломбы... **Максим Блаженный**, колокольня и собор **Знаменского монастыря** возвысились следом, братские кельи, **палаты бояр Романовых**, **Георгий**, Китайгородская стена, а за чужеродной гостиницей, загородившей

полнеба, считай, почти не видно маленького белоснежного чуда со сложным именем - церкви **Зачатия святой Анны, что в углу Зарядья**...

Девчонки щебетали, не замечая ничего, кроме себя, и я, сделав большой круг, вернулся опять к Кремлю по Большому Каменному мосту. Вот за его выгибом возник, как старая умная сказка, непревзойденный **Баженов**, потом **Бове**, **Казаков** с **Жилярди**, **Жолтовский**, опять **Казаков**, снова **Бове**, **Шервуд**, **Мюр и Мерилиз**, **Валькот** с мозаикой Врубеля, **Монигетти**, **Померанцев**...

Площадь Дзержинского, Кузнецкий мост, улица Жданова.

- Ира, не выдержал я под конец.

- Вон за тем домом стоит, между прочим, **Никола-в-Звонарях**. Там интересный декор поверху, а в куполе круглые люкарны, как в первом, никоновском, шатре Воскресенского собора. Проектировал и строил русский архитектор **Карл Иванович Бланк**.

- Сейчас посмотрим.

- А его дочь Екатерина Карловна была матерью декабриста Николая Басаргина...

- Удивительное совпадение, - задумчиво проговорила Ирина.

- Матерью нашего предка-декабриста, тоже Николая, была тоже Карловна, только Виктория. Француженка.

- Этого не может быть! - воскликнула вдруг Катя.

- Почему же? -удивилась дочь.

- Просто этого не может быть, - решительно встряхнула волосами Катя, но Иринка пообещала:

- Сейчас я тебе все объясню!

Оставив их объясняться, я зашел в магазин, чтоб взглянуть на книги, но так как интересных новинок не было, то быстро вернулся к машине.

- Ты сейчас узнаешь самое удивительное! - взволнованно сказала дочь.

- Катя, оказывается, тоже четырежды правнучка одного из декабристов, погибших в Сибири!

- Н-но! Кого же?

- Василия Петровича Ивашева.

- Ивашева, - поправила Катя.

- Не может этого быть! - вскричал в свою очередь я.

- Может, - засмеялась девушка. - И он до самой смерти дружил с Николаем Басаргиным, который был крестным отцом всех его детей.

- Верно, - подтвердил я, трогая машину, в которой вдруг оказались два потомка декабристов, и все еще не веря в столь исключительный, редчайший случай.

- По какой же линии?

- Старшая дочь декабриста Мария Васильевна Ивашева-Трубникова - моя прапрапрабабушка.

Прапрапрабабушкой Иринки была тоже старшая дочь декабриста - Варвара Николаевна Юшкова, урожденная Мозгалевская, и это, кажется, еще не все совпадения! Виктория де-Розет, мать "нашего предка", была из Франции, Камилла Ледантю, жена Василия Ивашева, тоже француженка... А Катя Зайцева продолжала говорить о Марии Васильевне Ивашевой-Трубниковой:

- Она была зачинательницей женского движения в России, открыла в Петербурге первый воспитательный дом для девушек, потом много сделала для создания Бестужевских курсов. Принимала у себя Веру Засулич и других революционеров.

- Знаешь, Катя, ты молодец! - сказал я.

- У меня целая папка о своих предках.

- Умница... Продолжай, пожалуйста.

- У нее было четыре дочери. Мария - в замужестве Вырубова, Екатерина - Решко, Ольга - Буланова и Елена - Никонова. Я иду от первой из них. Мужья этих внучек декабриста были "**чернопередельцами**[2]", сидели в царских тюрьмах, а Ольга Буланова была сама политкаторжанкой и, кроме того, писательницей, издала "Роман декабриста" и "Три поколения"...

А в Женеве есть могила - на плите написано: "Мария Клавдиевна Решко, русская революционерка". Ее племянница Елена Константиновна Решко, дочь Екатерины Ивашевой-Решко, правнучка

декабриста, живет в Москве...

- Спасибо, Катя. Разыщу.

- А я скоро еду в Ленинград. Там живет внучка декабриста Василия Ивашева.

- Внучка? Но это, Катя, ведь невозможно! Сколько же ей может быть лет?

- Сто.

- Ровно?

- Да. Скоро сто один, поэтому я еду. Она была врачом-педиатром. В начале войны, уже старушкой, она была назначена сопровождать эвакуированных школьников на Валдай, там тяжело заболела, а сообщение уже было прервано, и ее дочь Екатерина Семеновна - в нашем роду много Екатерин - с трудом доставила больную в Ленинград, откуда семья осенью сорок первого эвакуировалась в тыл... Екатерина Петровна еще сама на пятый этаж поднимается.

Будущий русский историк Катя Зайцева пообещала мне показать свою папку, дала телефоны и адреса. Через несколько дней я связался с Еленой Константиновной Решко, а 10 сентября 1977 года отправил в Ленинград телеграмму Екатерине Петровне Ивашевой-Александровой: "Поздравляю Вас, старейшину декабристских потомков, с первым годом второго столетия Вашей прекрасной жизни. Доброго здоровья и сил".

А совсем недавно узнал, что в тот день ленинградцы доверху засыпали гвоздиками и розами скромную квартирку Екатерины Петровны.

Декабристов Николая Басаргина и Василия Ивашева действительно связывала крепкая дружба, начавшаяся еще в те времена, когда они были молодыми офицерами, адъютантами Витгенштейна. Василий Ивашев был скромным, чутким, чрезвычайно, как бы мы сейчас сказали, интеллигентным человеком. На каторге с ним произошел один примечательный эпизод, довольно известный, однако достойный того, чтоб повториться о нем, сделав здесь несколько шагов боковой тропкой нашего путешествия. В Чите Николай Басаргин получил известие о смерти своей маленькой дочки Софьи, это было его второе горе - мать девочки, урожденная княжна Мещерская, скончалась перед тем. Сам охваченный смертной тоской, декабрист, однако, находит в себе силы поддержать участливым словом друга, который незадолго до перевода декабристов на Петровский завод совсем упал духом, как-то странно замкнулся в себе, "был грустен, мрачен и задумчив". Только Басаргин никак не мог предположить, что Ивашев задумал в эти дни нечто особенное - изготовился рискнуть жизнью в безумном поиске свободы. Решение это, принятое в одиночку, было твердым и окончательным. Судя по всему, побег был уже подготовлен. В лесной

---

[2] **«Чёрный переде́л»**, народническая организация в Санкт-Петербурге в 1879—82. Возникла после раскола «Земли и воли», сохранила её программу: отрицание политической борьбы и террора, пропаганда среди рабочих. Центр — Петербургский кружок (Г. В. Плеханов, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Е. Н. Ковальская и др.), филиалы в Москве, Киеве, Одессе, Харькове. Издавала газеты «Чёрный передел», «Зерно». Лидеры с 1880 в эмиграции, в 1883 основали группу «Освобождение труда». В России после 1 марта 1881 часть членов «Чёрного передела» вошла в организацию «Народная воля», другие в 1880-х гг. продолжали деятельность с позиции «Земли и воли».

глуши какой-то беглый каторжник, с которым Ивашев установил связь, будто бы вырыл для декабриста тайник, закупил и завез туда продуктов - Ивашев, оказывается, утаил от досмотров полторы тысячи рублей. И казематный тын уже подпилил соучастник Ивашева. Ночью они должны были встретиться у лаза, схорониться в тайнике, дождаться, когда прекратятся поиски, и направиться к китайской границе...

Николай Басаргин, узнав днем об этом плане, был уверен, что беглый каторжник либо убьет соучастника, чтоб завладеть деньгами, либо выдаст начальству, заслужив прощение себе. И он с трудом уговорил Ивашева подождать хотя бы неделю, еще раз взвесить все обстоятельства, подумать о возможных последствиях этого опасного замысла.

Три дня Николай Басаргин тревожно и заботливо опекал друга, надеясь, что тот все же не решится на непоправимый шаг, и, должно быть, не раз вспоминал, как ему самому предложили бежать из Петропавловской крепости.

Унтер-офицер, стерегущий декабриста на прогулках, не только взялся устроить его на отплывающий ночью иностранный корабль, но "для примеру" доказал реальность этого дерзкого плана - однажды среди ночи вывел узника за крепостные ворота. Страж вознамерился бежать вместе с декабристом. Два обстоятельства помешали, одно серьезнее другого, - у Басаргина не было тех денег, что требовались для организации побега, и были нравственные обязательства перед товарищами. Кстати, он мог легко скрыться за границу еще из Тульчина - перед арестом в его руках

случайно оказался чистый паспортный бланк, не востребованный к тому моменту каким-то французом, отбывающим на родину. Николай Басаргин уничтожил соблазнительную бумагу, чтобы пресечь мысли о побеге, которые - одни лишь мысли! - он счел бесчестьем...

А мне хотелось бы издалека проникнуть в душу того самого унтер-офицера; похоже, что это был не только рисковый и предусмотрительный, но и умный человек, внимательно присматривавшийся к трагедии, которая разворачивалась на его глазах, и, в отличие от его образованных, так сказать, подопечных, заранее увидевший ее финал. Дело в том, что он предполагал организовать побег еще одному декабристу, располагавшему и деньгами, и богатыми родственниками, способными материально поддерживать беглецов за границей. И тут ничего не сладилось, а этот вчерашний мужик тонко уловил, что все узники, как он сказал Басаргину, еще питают наивные надежды на милость молодого императора, хотя тот совсем "не такой человек", чтобы им можно было на что-то надеяться.

И еще я воображаю жертву, какою третий узник Петропавловки мог обрести свободу. Генерала Михаила Фонвизина в бытность его на службе очень любили солдаты и офицеры за храбрость и доброту. В Отечественную воину он, оказавшись со своей воинской частью в плену, узнал о подходе русских войск к Парижу, поднял восстание и разоружил французский гарнизон одного городка в Бретани. Позже он запретил в своем полку телесные наказания. И вот декабрист Фонвизин однажды во время прогулки увидел, что охрану крепости несут его солдаты. Сразу узнав своего командира, они приблизились к нему и предложили немедленно скрыться за пределы цитадели, соглашаясь таким образом принять на себя царский гнев и понести неизбежную жестокую кару. Фонвизин поблагодарил их, но, разумеется, не мог принять этого самопожертвования, отказался избрать для себя судьбу, которая могла стать легче судеб его товарищей.

Наверное, легче и безопаснее других было бежать за границу Михаилу Лунину. Перед арестом о его судьбе шел затяжной, полу молчаливый спор между воцарившимся Николаем и его старшим братом, польским наместником Константином, отрекшимся от престола. Он отпустил Лунина к австрийской границе на медвежью охоту, однако Лунин предпочел другой маршрут и другую охоту...

Однако ближе всех к желанной цели оказался поручик Черниговского полка Иван Сухинов. После разгрома восстания, в котором он сыграл едва ли не самую активную роль, Сухинов бежал в Бессарабию, намереваясь перейти Дунай. Что он перечувствовал за полтора месяца скитаний,

без гроша в кармане, что передумал, скрываясь от царских ищеек, посланных по его следу, один, как говорится, бог ведает, однако история сохранила свидетельство его состояния, когда он добрался наконец до пограничной реки; в тот переломный час он раскрывает свою душу, и, как любому из декабристов, ему нельзя не верить, нельзя не поклониться издалека его чувствам.

"Горестно было мне расставаться с родиною. Я прощался с Россией, как с родной матерью, плакал и беспрерывно бросал взоры свои назад, чтоб взглянуть еще раз на русскую землю.

Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться... Но, увидя перед собою реку, я остановился... Товарищи, обремененные цепями и брошенные в темницы, представились моему воображению... Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я почувствовал, что румянец покрыл мои щеки, лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, упрекая себя за то, что хочу быть свободным... и возвратился назад в Кишинев..."

Как известно, Иван Сухинов покончил самоубийством на **Зерентуйском** руднике, когда его заговор был раскрыт, но мечта о восстании и побеге из Забайкалья была настолько соблазнительной и на первый взгляд легко осуществимой, что задолго до Сухинова к ней коллективно пришли читинские декабристы, о чем рассказал в своих "Записках" Николай Басаргин. Семьдесят "молодых, здоровых, решительных людей", в большинстве своем военных, многие из которых имели богатый боевой опыт, могли легко обезоружить охрану и увлечь за собой часть солдат на Амур, чтобы сплавиться по нему и далее действовать в зависимости от обстоятельств. "Вероятности в успехе было много, более чем нужно при каждом смелом предприятии", - воспоминательно писал Басаргин, и дерзкое дело вполне могло сладиться летом 1828 года, однако после неудавшегося заговора Сухинова власти усилили охрану читинского острога, и от этого плана пришлось отказаться

навсегда.

Несколько позже задумал побег Михаил Лунин - изучал карты, приобрел компас, закалял себя воздержанием в пище; его могучая натура не устрашилась огромных трудностей, но трезвый ум все же устоял против рискованного соблазна. И вот через три года решился на одиночный побег Василий Ивашев...

Но среди недели, отпущенной ему другом на раздумье, комендант пригласил Василия Ивашева к себе, задержав на целых два часа, и Николай Басаргин с Петром Мухановым, тоже посвященным в тайну, подумали уже было о том, что она каким-то образом раскрыта. Ивашев, однако, вернулся и в бессвязных словах рассказал друзьям о нежданном, почти невероятном - француженка Камилла Ледантю, которая воспитывалась в доме Ивашевых вместе с сестрами декабриста, слегла и во время болезни призналась своей матери-гувернантке в давней любви к нему; она бы никогда этого не сделала, будь он в прежнем положении, но сейчас, преступая светские приличия, предлагала ему свое сердце и руку, была готова приехать в Сибирь и разделить с любимым судьбу...

Ивашеву, когда он бывал в отпусках у матери, нравилась эта девушка, но в то время он, блестящий офицер и наследник огромного богатства, не помышлял о возможности столь неравного брака, И сейчас расценил необычное предложение девушки как жертву, которую он не сможет вознаградить. Басаргин и Муханов, однако, убедили его согласиться, отвращая одновременно невероятные опасности побега. Камилла Ледантю приехала на Петровский завод и стала вслед за Полиной Гебль-Анненковой второй француженкой, вышедшей замуж за декабриста - изгнанника, и последней из тех женщин, что в нашей памяти неотделимы от романтического героизма своих женихов и мужей, навсегда освящены святым ореолом подвижничества, сделались в России символом истинной любви и супружеской верности. На декабристской каторге Камилла Ивашева пришлась ко двору - легко подружилась с Марией Волконской и Полиной Анненковой, ее жизнерадостный нрав и открытость души сразу же были по достоинству оценены. И, должно быть, не случайно Александр Одоевский посвятил ей,

француженке, стихи, пронизанные русской целомудренной интимностью, написанные в духе лирико-драматических народных песен и на старинный лад:

С другом любо и в тюрьме, -
В душе мыслит красна девица:
Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица.
Занеси в его тюрьму;
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу и я к нему.
Притаюсь, людьми забытая.

Камилла Ивашева и вправду целый год прожила с любимым в темной тюремной камере...

Давно пора переходить в нашем путешествии на новые пути-дороги, но с декабристами не так легко расстаться, потому что все сказанное о них до сих пор неполно!..

Перечитываю "Записки" Николая Басаргина. Это был очень скромный человек. Писал: ***"То, что случилось со мною по отъезде из Петровского во время 20-летнего пребывания моего в Западной Сибири, относится более ко мне одному и, следовательно, не может быть так интересно".***

Наверное, декабрист действительно считал, что современникам "не может быть так интересно" знать о его личной жизни на поселении, мыслях, о людях, окружавших его, каких-либо переменах в судьбе. А мне, скажем, все это сейчас жгуче интересно, ввиду нескольких особых обстоятельств именно личной жизни этого "типичного" декабриста, а также потому, что так называемая личная жизнь каждого, где бы, когда и как он ни жил, не может быть полностью изолированной, являясь отражением-выражением неизбежного воздействия общества, побуждающего в человеке ответное, столь же неизбежное, и только это двуединство делает нас людьми и гражданами!

Заключают "Записки" Басаргина страницы о Сибири и ее судьбах - это мысли умного и знающего человека, глубоко заинтересованного в предмете разговора.

Между прочим, молодой Николай Басаргин по пути в Сибирь с ужасом думал о том, что ему предстоит до конца дней своих прожить в столь "отдаленном и мрачном краю", уже "не считал себя жильцом этого мира". Но "чем далее мы продвигались в Сибирь, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими".

Пройдут десятилетия, и он напишет: "***Сибирь на своем огромном пространстве представляет так много любопытного, ее ожидает такая блестящая будущность, если только люди и правительства будут уметь воспользоваться дарами природы, коими она наделена, что нельзя не подумать и не пожалеть о том, что до сих пор так мало обращают на нее внимания***". Более ста лет назад декабрист считал, что когда б "***дали ей возможность развить вполне свои силы и свои внутренние способы***", она "***мало бы уступала Соединенным Американским Штатам в быстрых успехах***", а "***в отношении достоинства и прав человека (я разумею здесь вопрос о невольничестве) превзошла бы эту страну...***"

И далее Николай Басаргин развертывает обширнейшую программу переустройства сибирских дел, исходя из особенностей того времени и того строя.

"***Чего недостает Сибири?"*** - спрашивает он и отвечает с завидной обстоятельностью знатока и глубинной заинтересованностью российского гражданина: ***"...внутренней хорошей администрации, правильного ограждения собственных и личных прав, строгого и скорого исполнения правосудия как в общественных сделках, так и в нарушении личной***

безопасности; капиталов, путей сообщения и нравственности жителей, специальных людей по тем отраслям промышленности, которые могут быть с успехом развиты в ней, наконец, достаточного народонаселения". Добавлю, что Николай Басаргин стал первым в России человеком, который не только высказался о необходимости для Сибири железной дороги, но и предсказал направление первой сибирской трассы Пермь - Тюмень...

Басаргинская программа развития Сибирского края была исключена из первого дореволюционного издания книги, став общим достоянием лишь в 1917 году, и, несмотря на то, что в ней было выражено немало наивных и несбывшихся надежд, она ценна убедительной критикой современных ему сибирских порядков, тонкими наблюдениями над бытом и общественным устройством сибиряков, толковыми предложениями и мыслями, часть которых не утратила своего значения и по сей день.

Перед новым нашим маршрутом в прошлое хочу, однако, все же приостановиться на минутку, чтоб коснуться хотя бы нескольких подробностей именно личной жизни Василия Ивашева и Николая Басаргина в Сибири, что позволит лучше узнать и понять декабристов, обнаружить скрытые от поверхностного взгляда связующие нити между ними, а также вместе со мной подивиться некоторым нежданным встречам на перекрестках людских судеб...

Помните, как в трудные, переломные моменты жизни декабриста Николая Басаргина у него умерла жена, затем дочь?

Позже скончался его старший брат, а сам он заболел "воспалением в мозгу". Только стараниями товарищей по каторге, благодаря их лечению и уходу, он остался в живых, а Василий и Камилла Ивашевы окончательно выходили его вниманием и домашними приготовлениями... "***Я имел большое утешение в семействе Ивашевых, живя с ними, как с самыми близкими родными, как с братом и сестрой. Видались мы почти каждый день, вполне сочувствовали друг другу и делились между собою всем, что было на уме и сердце***", а после каторги "***мы желали только одного, чтоб не разлучаться по выезде из Петровского".***

Родные Ивашева добились этого в Петербурге, и старые друзья оказались вместе в Туринске. У Ивашевых все складывалось счастливо. Лад и любовь воцарились в семье, создавшейся при таких необыкновенных обстоятельствах. С маленькой дочерью Машенькой, будущей Марией Ивашевой-Трубниковой, они приехали на поселение, где у них родился сын и еще одна дочь, Дружба и братская помощь крестного отца их детей - Николая Басаргина - помогала сносить тяготы ссылки, а позже, в Туринске, оказались и Иван Анненков со своей женой-француженкой и детьми, а также еще один декабрист, о кристальной душе которого мы уже говорили - Иван Пущин.

Она была тягостной, эта бесправная, поднадзорная жизнь на поселении в заштатном сибирском городишке, с его мещанским, лишенным возвышенных интересов населением, однообразной тусклой северной природой, однако Иван Пущин писал оттуда: ***"Главное - не надо утрачивать поэзию жизни, она меня до сих пор поддерживала, - горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении***". Ссыльные декабристы, во многом сходные по характерам, образовали в Туринске дружный кружок соизгнанников-единомышленников, которые своим образом жизни и поведением оказывали благотворное влияние на коренных сибиряков. Николай Басаргин вспоминал позже: "***Поведение наше, основанное на самых простых, но строгих нравственных правилах, на ясном понятии о справедливости, честности и любви к ближнему, не могло не иметь влияния на людей, которые по недостаточному образованию своему и искаженным понятиям знали только одну материальную сторону жизни и поэтому только старались об ее улучшении, не понимая других целей своего существования. Их сначала очень удивляло то, что, несмотря на внешность, мы предпочитали простого, но честного крестьянина худому безнравственному чиновнику, охотно беседовали с первым, между тем как избегали знакомства с последним. Но потом, не раз слыша наши суждения о***

том, что мы признаем только два разряда людей: хороших и худых, и что с первыми мы очень рады сближаться, а от вторых стараемся удаляться, и что это, несмотря на внешность их, на мундир, кресты, звезды или армяки и халаты, они поняли, что наше уважение нельзя иначе приобрести, как хорошим поведением, и поэтому старались казаться порядочными людьми, и, следовательно, усвоили некоторые нравственные понятия. Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание в разных местах Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей".

"Записки" Николая Басаргина, исполненные искренности, благородной простоты и сдержанности, я перечитывал много раз и буду, наверное, еще заглядывать в них, когда захочется забыть какую-нибудь жизненную дрязгу или криводушие человека, которому ты совсем недавно верил, наглое чинодральство или высокомерие, все мелкое и пошлое, пригнетающее тебя больше всего не тем, что оно какой-то своей зазубринкой достало тебя, а тем, что оно еще есть на родной твоей земле,- короче, когда потребуется очистить либо распрямить душу...

3. Глава 3

Нет, не удержусь, чтоб не навести читателя на раздумья о наследии декабристов. Александр Герцен назвал их мемуары "единственным святым наследством, которое наши отцы завещали нам". Понимаю это высказывание в том смысле, что записки и воспоминания декабристов несут в себе концентрацию их гуманистических и политических идей, подробные, подлинные, из первых рук, свидетельства их революционной практики и духовной жизни, содержат богатейшие фактические данные о научной, просветительской, хозяйственной деятельности сибирских изгнанников или их личной жизни. Великая тема декабристского наследия рассматривалась в различных аспектах множеством исследователей, только я мечтаю прочесть когда-нибудь обобщающую серьезную и умную работу о нравственном их наследии, имея в виду не только морально этические концепции первых русских революционеров и даже не столько влияние их образа жизни и поведения на современников, о чем так хорошо пишет Николай Басаргин, а более, на мой взгляд, важное - как воздействовали они на поколения соотечественников, как сказывается на нас, сегодняшних, то, что были эти люди в нашей истории и что были они именно такими людьми. Услышишь - "декабристы" - и, откуда ни возьмись, вспыхивают в памяти крутые события, дорогие имена, неповторимые характеры и горькие судьбы, благие дела и святые письмена, в душе затеплится что-то настолько родное и совершенно неотрывное от тебя, что без этого ты был бы совсем другим человеком - беднее и черствее, а твое восприятие и знание жизни, людей, истории Отечества лишилось бы драгоценной сердцевины. Память о декабристах - огромный нравственный потенциал нашего народа, его значение для будущего возрастает и непременно станет общечеловеческой ценностью, когда другие народы подробнее узнают и лучше поймут эту когорту замечательных русских людей, чистоту и высоту их помыслов и деяний.

Декабристы интересны для нас все до одного, со всеми их, с нашей, сегодняшней, точки зрения - слабостями и заблуждениями, большей частью и со всех точек зрения извинительными, дорога память о каждом из них - с их непохожестью друг на друга, в которой, думается, проявилась мудрость жизни, рвущейся вперед. Мы говорим обобщенно - декабристы, но как прекрасно был не похож Павел **Пестель** на Кондратия Рылеева, Михаил Лунин на Петра Борисова, Гавриил Батеньков на Ивана Горбачевского, Николай Бестужев на Ивана Пущина, Владимир Раевский на Вильгельма Кюхельбекера, Николай Басаргин на Александра Якубовича, Александр Беляев на Николая Крюкова, Павел Выгодовский на Николая Мозгалевского!..

Видеть все эти разности - дело в значительной степени нравственное, обогащающее нас знанием русского характера и вообще человекознанием и помогающее нам понять, кто есть такие мы сами.

А вы заметили, что выше, перечисляя имена, я невольно составил список по степени их известности? В силу некоторых обстоятельств я пишу здесь больше о малоизвестных участниках

первой русской революционной эпопеи, в частности о "славянах" и преимущественно об одном из них - Николае Мозгалевском. Так уж получилось, и пусть - мы должны ближе узнать и понять тех рядовых декабристов, которые не удостоились пока пристального внимания историков, а в иных случаях даже несущих на своих именах груз несправедливых, снисходительно-пренебрежительных оценок.

Напрашивается: "понять - значит простить", однако Николай Мозгалевский, например, со своими товарищами-славянами" не нуждается в снисхождении истории, их совесть чиста, и нам, разбирающим прошлое, надо бы учитывать одно немаловажное обстоятельство - между декабристами существовала огромная разница в образовании, воспитании, общественном и материальном положении, идущая от рождения и сохранившаяся до конца.

Самые тяжкие испытания выпали поначалу на долю первой партии декабристов-каторжников. Их было восемь человек, присланных на **Благодатский** рудник. Непосильный труд в глубине шахты, чад светильников, ужасающая теснота и духота в камерах тюрьмы, плохое питание, полное неведение о семьях, товарищах, будущем подрывали их физические и нравственные силы. Вот заключение лекаря, свидетельствующее о том, что сталось через год с молодыми, здоровыми, закаленными в воинской службе людьми: "***Трубецкой страдает болью горла и кровохарканьем; Волконский слаб грудью; Давыдов слаб грудью, и у него открываются раны; у Оболенского цинготная болезнь с болью зубов; Якубович от увечьев страдает головой и слаб грудью; Борисов Петр здоров, Андрей страдает помешательством в уме; Артамон Муравьев душевно страдает..."***

Они содержались как простые каторжники, не имея возможности облегчить свое материальное-положение за счет богатств, оставшихся у большинства в России на попечении родственников. Сохранилась расчетная ведомость Нерчинских заводов за август 1827 года. Больше всех причиталось самому здоровому из всех, бывшему руководителю "славян" Петру Борисову - рубль девяносто три копейки, меньше других двум бывшим князьям - Сергей Волконский получил за тот месяц шестьдесят пять с половиной копеек, Сергей Трубецкой - шестьдесят три с половиной. И все они, конечно, недолго бы протянули, если бы не вышло повеление собрать декабристов-каторжан в Читинском остроге, дабы усилить надзор за ними. Здесь, а позже на Петровском заводе, условия труда и быта были много лучше для всех, а для некоторых, получавших из России щедрые вспомоществования, особенно. Декабристы создали своего рода трудовую артель, подробный устав которой опубликовал в своих "Записках" Николай Басаргин, и общую кассу. Суммарный взнос делился поровну, хотя было немало таких членов артели, что вносили за год по две-три тысячи рублей в товарищеский фонд, не пользуясь им. И в этот период тяжелее всех пришлось ссыльным-одиночкам, не имеющим богатых родных и оторванным от своих товарищей. "Славяне" Аполлон Веденяпин или, скажем, Иван Шимков, не имея никаких родственных связей, жили в ссылке на двести рублей ассигнациями в год, и нужда, угроза смерти от голода, болезней, упадка душевных сил вечно давили их.

На поселении эта разница не только сохранилась, но и возросла. Волконские и Трубецкие, скажем, семьями в четыре-пять человек проживали за год до сорока тысяч рублей, а тот же Николай Мозгалевский на десять человек своего семейства располагал двумястами рублей ассигнациями годового казенного пособия - в двести раз меньшей суммой. Щепетильный разговор я затеял, однако он нужен чтобы именно понять так называемых рядовых декабристов. Посему повторяю - учесть эту разницу из нашего далека было бы вполне гуманистично и высоконравственно, не ставя перед собою в данном случае вопроса о том, кто из декабристов заслужил своею жизнью в ссылке особо уважительную память потомков, а кто из них, так сказать, почти что не в счет...

И еще одной деликатной темы не могу не коснуться. Нам многое известно об очень известных декабристах и, естественно, довольно мало о малоизвестных, но как-то странно вышло, что историки и литераторы наши оставили почти без внимания огромный отряд героев 1825 года. Бросить на полпути моих спутников по путешествию в прошлое да заняться теми декабристами, что не менее других достойны нашей уважительной памяти?

Декабрист Михаил Шутов... Не слыхали? Фельдфебель. Это слово давно употребляется символически - человека, носящего этот низший воинский чин, считали в старой России (а в новой тем более) олицетворением тупости, верноподданнического ража, грубости, бессмысленной муштры, Однако фельдфебели, как и генералы, были, знать, разными. За отличную службу фельдфебель Черниговского полка Михаил Шутов в конце 1825 года был удостоен великой для простого человека чести - офицерского чина.

Он на успел надеть на плечи эполет, но точно узнал, что приказ о его производстве в офицеры подписан. Перед ним открывалось будущее, но через неделю человек этот поступил не менее мужественно и благородно, чем самые благородные и мужественные дворяне восставшего полка. Он совершенно сознательно посодействовал освобождению Сергея Муравьева-Апостола, привел

группу солдат в Васильков к революционной присяге, высказался за безоговорочное подчинение командирам, поднявшим знамя свободы. После разгрома восстания Шутова приговорили к жуткой

пытке - **двенадцати тысячам палочных ударов**! Во время экзекуции спица его взбухла, налилась кровью, кожа полопалась, исчезла в красном месиве, а его, привязанного к ружейному прикладу, все тащили под барабанную дробь сквозь строй, пока он не упал без сознания. Полковой санитар подлечил его, чтоб он смог получить остальные тысячи ударов. Потом Михаила Шутова сослали в

Сибирь, и, 'как пишут комментаторы событий, "его судьба неизвестна". Быть может, пока неизвестна? Человек не иголка даже в таком людском стоге, как Россия, или такой копчекопнище, как Сибирь! До недавнего времени была неизвестна и судьба Павла Выгодовского... И хорошо бы найти родное село Михаила Шутова, назвать его именем сельскую школу или клуб.

Клим Абрамов, тоже фельдфебель. Частый гость и любимец Сергея Муравьева-Апостола добровольно последовал за командиром. Хороший, верно, был воин - имел боевой орден. Две тысячи палочных ударов...

Бунтарь-семеновец 1820 года, солдат-пропагандист 1825-го Федор Анойченко, рядовой Олимпий Борисов, первым сорвавший на майоре Трухине копившуюся годами ненависть - тоже каждому двенадцать раз сквозь тысячу шпицрутенов!

Декабристов-дворян, изгнанных в Сибирь после дознания и крепостного заключения, было сто двадцать один человек. По необъяснимому совпадению, к жестоким телесным наказаниям, последующей каторге и ссылке на Кавказ и в Сибирь был приговорен тоже ровно сто двадцать один солдат-декабрист, а всего на Юге власти репрессировали около тысячи рядовых, унтер-офицеров, фельдфебелей и юнкеров.

На Сенатской площади был смертельно ранен картечью матрос 2-й статьи Анаутин, который задолго до восстания в родной деревне вел агитацию против помещиков, та же судьба у матроса 1-й статьи Соколова и корабельного музыканта Андреева.

Были ранены в тот день, а после госпиталей и крепости отправлены на Кавказ матрос Анисимов, участник Отечественной войны 1812 года, матрос Трунов, канонир Крылов, юнга Баусов и многие их товарищи. И среди этих декабристов были доблестные и честнейшие защитники Отечества, отличившиеся в войне с Наполеоном, повидавшие Европу, были участники дальних морских плаваний, были агитаторы, организаторы и просто верные солдаты первого русского революционного выступления, исполненные смертельной ненависти к самодержавию и крепостничеству, потому

что с детства испытывали их гнет на себе. Они были частицей народа, и лучшие из них рисковали в 1824 году сознательно, добровольно и отнюдь не меньше своих командиров. И почти сто лет назад, когда готовились к печати замечательные "Записки" Ивана Горбачевского, впервые так подробно и живо рассказавшие русскому читателю о "славянах" и черниговцах, Московский цензурный комитет писал в своем запретительном заключении, что во время восстания "многие из офицеров Черниговского полка оставляли свои места, из солдат же - никто"...

Официально их чаще называют "участниками восстания декабристов", но пора, наверное,

начиная со школьных учебников и соответствующего научного тома о восстании декабристов, с мемориальных досок и музейных экспозиций с лекций, календарей и брошюр, начать прочное внедрение в народную память понятий декабрист-солдат и декабрист-матрос.

В истории декабризма еще есть что открывать, узнавать, уточнять, сберегать и защищать, хотя многое безвозвратно утеряно - рукописи, портреты, вещи, письма, могилы. В Москве я знаю каждую декабристскую могилу, но в Сибири уже никогда не найти многих святых надгробий и оградок. И если, скажем, задолго до революции было потеряно в Иркутске захоронение декабриста-крестьянина Павла Выгодовского, "южанина" Андрея Андреева и "южанина-северянина" Николая Репнина, сгоревших в 1831 году в селе Верхоленском Иркутской губернии, Ивана Аврамова и Николая Лисовского близ Туруханска, Андрея Шахирева в Сургуте, то уже после нее в Кургане оказалось без надзора и до сего дня не отыскано место погребения Ивана Повало-Швейковского и Ивана Фохта. В селе Разводное под Иркутском еще в 1925 году чтили могилы Петра и Андрея Борисовых, поставили в том году памятник и оградку. Позже все это уничтожилось, холмик над прахом братьев-"славян" заровнялся, и когда село уходило под воды искусственного моря, на этом месте ничего не было уже. Захоронения Николая Мозгалевского и Николая Крюкова, в том же 1925 году еще посещаемые жителями Минусинска и Красноярска, на дворе какой-то сельскохозяйственной конторы залиты асфальтом...

Когда Мария Михайловна Богданова узнала об этом, она написала стихотворение, автограф которого недавно подарила мне.

Затеряны ваши могилы
На старом забытом погосте,
И к вам, нашим прадедам милым,
Никто не придет уже в гости.

Плиты не отыщешь в бурьяне,
В асфальте цветы не растут...
Кому помешал рядом с нами
Ваш скорбный последний приют?

О, как же мы все виноваты,
Что раньше сберечь не смогли
Клочочка просторной, богатой
Родимой сибирской земли!

Его вы себе заслужили
По праву борьбы и труда,
О вас люди песни сложили,
А вот от могил - ни следа.

И тех, иных надгробий обломки
Давно по засыпал песок...
Простят ли такое потомки
Иль бросят нам горький упрек?

В одном я не согласен с автором - не все мы, однако, виноваты! Все мы не можем знать всего, что происходит приключается на необъятных просторах страны, в каждом ее уголке, не в силах предусмотреть возможных ошибок, оборачивающихся теми или иными потерями, в том числе и потерями, так сказать, нематериальными. Вспоминаю вот прекрасную экспозицию в Черниговском краеведческом музее о земляках-декабристах, но с досадой и горечью узнал, что в Житомире, где служили и были арестованы многие, по словам Герцена, "молодые штурманы будущей бури", главным образом "славяне", даже упоминания об этом не сыщешь.

Обстоятельства сии относятся к нравственной категории высшего порядка, и сейчас мы должны поспешить, дабы не остаться еще большими должниками перед своими потомками.

Незадолго до трагической середины сороковых годов прошлого века, когда в быстрые сроки один за другим ушли из жизни десять декабристов - Федор Вадкозский, Алексей Юшневский, Николай Лисовский, Николай Мозгалевский, Александр Барятинский, Андрей Ентальцев, Иван Повало-Швейковский, Александр Якубович, Михаил Лунин и Вильгельм Кюхельбекер - Александр Герцен записал в своем дневнике:

"Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования, а между тем наши страдания - почка, из которой разовьется их счастье... О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть".

Декабристы могли бы составить честь любого народа и любой эпохи, это национальная гордость великороссов, и память о них - огромное духовное богатство нашего общества. И, кажется, давно бы пора открыть в стране Музей Декабристов, в котором сосредоточить наиболее ценное из их наследия, собрать туда все, что еще не стало общенародным достоянием, и я уверен, что в этот центр притечет много дорогого и памятного...

Летом 1977 года я встретился в Подмосковье с группой приезжих и московских молодых писателей, рассказав им в числе прочего о своем интересе к декабристам, После беседы подошел ко мне какой-то юноша.

- Я студент Литературного института Андрей Чернов, сказал он.

- У меня есть шахматы Рылеева.

- Неужто! - вскричал я. - Откуда?

- Наследство двух моих родственниц. Старушки умерли, шахматы у меня.

- А как они к ним попали?

- Мои предки состояли в родстве с членом Северного общества Константином Черновым, которого незадолго до восстания убил на дуэли флигель-адъютант Новосильцев.

Офицер из незнатной и небогатой семьи вступился за поруганную честь своей сестры, погиб, а его двоюродный брат Кондратий Рылеев написал гневные стихи громкого политического звучания.

Клянемся честью и Черновым -
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!

Нет! Не отечества, сыны
Питомцы пришлецов презренных!
Мы чужды их семей надменных, -
Они от нас отчуждены...

Вижу в одном из уголков Музея Декабристов шахматный столик со старинными фигурками,

пояснение и стихи Кондратия Рылеева.

Незабываемое впечатление, вспоминаю, произвела на меня встреча с Еленой Константиновной Решко, правнучкой декабриста Василия Ивашева и внучкой известной общественной деятельницы Марии Васильевны Ивашевой-Трубниковой. Она давно уже на пенсии, слаба, даже с трудом пишет, но по-прежнему поддерживает стародавние связи с историками, искусствоведами, музейными работниками, многочисленными самодеятельными исследователями нашего далекого революционного прошлого.

Ее комнатка- маленькая картинная галерея. Старинные портреты отца декабриста и матери его жены. Несколько портретов самого Василия Ивашева, в том числе и никогда не публиковавшаяся работа неизвестного художника, сделавшего итальянским карандашом выразительное изображение юного обер-офицера в эполетах, карандашный автопортрет декабриста, который, оказывается, неплохо рисовал, писал музыку и стихи.

Висит на стене чудесная миниатюра - гуашь по слоновой кости, изображающая Камиллу Петровну Ледантю в те дни, когда она стала Ивашевой. Очень много бы мы потеряли, если б среди узников Петровского завода не оказалось такого одаренного художника, как Николай Бестужев! Сколько исторических лиц нам не довелось бы никогда увидеть, сколько драгоценных подробностей сибирской жизни декабристов, изображенных им, мы бы так и не узнали!..

Вот Елена Константиновна бережно выносит в малоподвижных бледных руках подлинную историческую и художественную реликвию, которую хранит в сокровенном месте, чтоб краски не выцвели. Это замечательный акварельный портрет Камиллы Петровны Ивашевой, выполненный в 1834 году Николаем Бестужевым и посланный ею из Сибири в имение Дулебино, что под Тулой, где жила ее сестра Сидония Петровна, мать русского писателя Дмитрия Григоровича, автора знаменитой повести "Антон-Горемыка", рассказа "Гуттаперчевый мальчик", многих романов, очерков, исследований... Камилла Петровна стоит в изящной свободной позе, легко опершись руками на мраморную колонку: нежное лицо полно поэтического очарования, уверенной кистью выписан воздушный шлейф и складчатое платье, потерявшее за полтора века свой первоначальный лиловый цвет. В письме сестре Сидония Петровна описывает общее восхищение портретом:

"Сравнивая тебя с портретом, я радуюсь, что узнаю тебя в нем... Все, что может привлечь и заинтересовать, соединилось в этом прелестном портрете. Мы были восхищены, расстояние исчезло".

Эти строки я записал в доме Е. К. Решко.

Портрет же был без подписи, потому что предназначался в Россию, но Николай Бестужев сделал с него подписную авторскую копию в голубых тонах, которая через Василия и Камиллу Ивашевых, мать Камиллы Марию Петровну, приезжавшую в Туринск и позже возвратившуюся в Россию, через отдаленных потомков Сидонии Петровны попала перед войной в Государственный литературный музей... А Елена Константиновна Решко показывает мне портрет месье Веземейера, доктора Гейдельбергского университета, учившего детей сестры декабриста Екатерины Петровны Хованской вместе с Машенькой Ивашевой, которая, как написала на обороте Ольга Буланова, была обязана ему своим широким образованием. И светлый, ничуть не пожелтевший фотопортрет молодой Марии Васильевны Ивашевой-Трубниковой, активистки Российской Лиги Равноправия Женщин, что означено старинными золотыми буковками на подкладочном картоне.

Новые и новые лица, новые слова о старом, забытом, трогательные фамильные реликвии, в том числе полутораметровый жгутик-шнурок, сплетенный Василием Ивашевым из темно-каштанового локона покойной Камиллы Петровны. Елена Константиновна читает мне строчки из письма декабриста другу, с которым он делится своим горем:

"***В последнем слове вылилась вся ее жизнь; она взяла меня за руку, полуоткрыла глаза и произнесла: "Бедный Базиль!", и слеза скатилась по ее щеке... Нет у меня больше моей подруги, бывшей утешением моих родителей в самые тяжелые времена, давшей мне***

восемь лет счастья, преданности, любви, и какой любви... Чистая, как ангел, она заточила свою юность в тюрьму, чтоб разделить ее со мной... Боже, пошли мне сил и терпенья!"

Уходил я от правнучки декабриста со сложным чувством грусти, душевного осветленья, жажды жизни и совершенно уверенным, что тысячи людей будут кроме знаний уносить из Музея Декабристов нечто подобное, такое, чему нет ни цены, ни названья, ни меры... .

А где-то в провинции недавно обнаружилось несколько книг из библиотеки Рылеева, куда-то бесследно исчезло огромное книжное собрание Пестеля - надо искать! Можно еще, наверное, напасть и на следы утерянных книг Михаила Лунина, и будут, конечно, счастливые неожиданности вроде той, что приключилась в Москве тем же летом 1977 года.

В списке делегатов Московского международного электротехнического съезда кто-то из его организаторов увидел редкое, памятное и звучное для русского слуха имя: **Муравьев-Апостол**.

Звонок в Исторический музей, но Мария Юрьевна Барановская, узнав, что швейцарский инженер называет себя потомком кого-то из декабристов Муравьевых-Апостолов, решительно заявила: "Ни у Ипполита, ни у Сергея, ни у Матвея Муравьевых-Апостолов детей не было". При встрече с учеными швейцарский инженер Андрей Муравьев-Апостол рассказал, что его предок был сыном сестры братьев-декабристов, в замужестве Бибиковой, а Матвей Муравьев-Апостол усыновил его, передав ему для продления рода свою фамилию. Когда же Андрея Муравьева-Апостола свозили к надгробию Матвея Муравьева - Апостола в Новодевичьем монастыре, показали подлинные документы, связанные со знаменитой семьей, другие надежно и бережно хранящиеся декабристские реликвии, он расчувствовался и откровенно признался, что никак не ожидал всего этого.

- В моей семье хранятся Кульмский крест и другие награды Матвея Ивановича и Сергея Ивановича, письма, трубка Матвея Ивановича, другие вещи...

- !!!

- Позвольте подарить все это вашему народу. Дайте надежный адрес...

Такого адреса давно ждут ученые, краеведы, собиратели исторических реликвий, потомки декабристов, живущие у нас и за рубежом, миллионы наших сограждан, уважающие святые страницы истории своего Отечества. Основой экспозиции, несомненно, должна стать галерея декабристских портретов, созданная в Сибири замечательным революционером, ученым, изобретателем и

художником Николаем Бестужевым; это бесценное народное достояние, подлинное историческое и художественное сокровище до сего дня находится в частных руках! Об одном интересном с историко-научной точки зрения документальном экспонате будущего Музея Декабристов, который пока хранится у меня, я расскажу несколько позже, но как было бы хорошо поскорее учредить сам этот музей! Пока же в Москве одна только безымянная мемориальная доска на доме № 10 по Гоголевскому бульвару, где собирались декабристы.

Долгожданный Музей Декабристов, или его ленинградский филиал, давно пора открыть в Москве, где он будет доступен наибольшему числу посетителей. Надо учесть, что в Муравьевской школе колонновожатых, готовившей в Москве офицеров генерального штаба, в Московском университете и его Благородном пансионе воспиталось несколько десятков декабристов.

Первая декабристская организация - Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества, основанная в Петербурге в 1816 году, развернула свою активную деятельность именно в Москве, здесь же в 1817 году возникло так называемое Военное общество, а в следующем - Союз благоденствия. В Москве множество памятных мест, связанных с рождением, воспитанием и деятельностью декабристов, и тут же - основной декабристский некрополь. На разных кладбищах Москвы похоронены Николай Басаргин, Александр Беляев, Михаил Бестужев, Павел Бобрищев-Пушкин, Матвей Дмитриев-Мамонов, Василий Зубков, Павел Колошин, Александр Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Михаил Нарышкин со своей женой и спутницей

по Сибири Елизаветой Петровной, Михаил Орлов, Петр Свистунов, Сергей Трубецкой, Александр Фролов, Петр Чаадаев, Павел Черевин, Иван Якушкин, в подмосковных **Бронницах** - Михаил Фонвизин и Иван Пущин...

В наличии - полный интерьер той поры, с мебелью и прочей обстановкой на много комнат, есть штатные единицы; запасники разных музейных и других государственных хранилищ готовы передать свои ценности, недоступные сейчас, в сущности, никому, а многие декабристские реликвии хранятся в музеях, так сказать, иного профиля. В разное время от потомков декабристов были переданы государству бронзовая чернильница и барометр Артамона Муравьева, нательный крест Матвея Муравьева-Апостола и чрезвычайно интересный его медальон, внутри которого выгравированы имена матери, сестер, братьев Сергея и Ипполита с датами их смерти, а также имя Ивана Якушкина. У потомков Василия Ивашева много десятилетий хранилась шкатулка, на крышке которой он изобразил себя и супругу в ссылке, чашка с инициалами Василия Петровича и Камиллы Петровны, писанными золотом по фарфору, - это был подарок, заказанный Ивашевым-отцом в Париже... Все эти, а также многие другие веши декабристов, включая, скажем, два кольца Ивана Пущина, сделанные на Петровском заводе из его кандалов, хранятся в одном из литературных музеев, хотя, как ни раскинь, место им - в Музее Декабристов...

И еще несколько слов об одном историческом предмете, имеющем отношение к людям, которых читатель только что узнал в подробностях их личной жизни и товарищеских связей... Каждого, кто впервые знакомится с духовным миром декабристов, поражают их незаурядные таланты, проявлявшиеся в разнообразных, подчас совершенно неожиданных областях. На этот счет сказано здесь кое-что, но далеко не все. Однажды мне прислали снимок с какой-то иконы. Не понял, кого она изображает и как называется; нежное и кроткое женское лицо, написанное маслом, пробуждает надежду на счастье и чувство умиления. На обороте доски написано рукою автора: "Марье Васильевне Ивашевой от крестного отца. Ноября 12.1854 г." И более поздняя приписка Ольги Булановой о том, что это свадебный подарок Николая Басаргина, собственноручная работа декабриста...

Пора! И предварительные разговоры давно ведутся, и все вроде бы давно согласны, и не раз инициативная группа собиралась, писала-хлопотала, и здание было найдено подходящее - старинный дом на улице Карла Маркса (бывшей Старой Басманной), в котором некогда жили **Муравьевы-Апостолы...** Да только отреставрированный особняк заняли другие хозяева, и разговоры поутихли, и организаторы поскучнели, а неостанавливаемое время идет!.. Конечно, это дивно, что недавно в одном из старинных московских особняков открыт музей общественного питания, но давайте не будем забывать старую великую истину - не хлебом единым жив человек...

Музей Декабристов должен стать дотошным собирателем декабристских реликвий, главным хранителем народной памяти о первых русских революционерах, святым местом паломничества и добрым воспитателем - жизнь требует его! Он мог бы концентрировать и новейшие достижения декабристоведения, и открытия неизвестного, и уточнения, на первый взгляд второстепенные, но делающие историческую картину более верной.

Недавно были отысканы в Забайкалье некоторые акатуйские письма Михаила Лунина, обогащающие наши представления о декабристе, сражавшемся с царизмом до конца... При реставрации Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале найдено захоронение Федора Шаховского.

А о финале трудной, сложной, почти фантастической жизни одного из самых малоизвестных декабристов стало известно буквально только что. Юный дворянин Александр Луцкий воспитывался в привилегированном военном учебном заведении, но, знать, что-то такое таилось в этой натуре, проявившееся в поведении и не позволившее начальству выпустить его по назначению и с должным чином. Он стал всего лишь унтер-офицером лейб-гвардии Московского полка.

Хотел бы я увидеть эту отчаянную голову 14 декабря 1825 года на Сенатской площади! Вначале он был просто свидетелем всеобщей сумятицы и нежданных драматических эпизодов того памятного дня. Видел Бестужева, Щепина-Ростовского, Якубовича, ведущих агитацию среди офицеров и солдат, обратил внимание, как выяснилось во время следствия, на то, "что во время стояния в колонне было много во фраках, вооруженных кинжалами и пистолетами",- интереснейший факт! Молодой подофицер быстро разобрался в обстановке, сбегал в казарму за ружьем и все остальное время, как значится в материалах следствия, "сильно действовал": "...кричал ,,у нас государь Константин!" и "коли изменников!"", принял и исполнил приказ Александра Бестужева и Щепина-Ростовского о сдерживании цепи., К нему подошел сам Милорадович: ***"Что ты, мальчишка, делаешь?***" Луцкий назвал и его изменником, после чего возбуждал криками солдат и толпу...

Первоначальный приговор был - повесить, замененный наказанием кнутом и вечной каторгой. Потом кнут был тоже отменен, остались лишение дворянства и двенадцатилетняя каторга с последующим поселением в Сибири.

Александр Луцкий стал единственным декабристом, отправленным из Петербурга по этапу вместе с партией уголовных преступников. Дорогой сильно болел и из-за этого чуть ли не в каждом большом городе отставал от своей партии колодников.

Лежал в Московской арестантской больнице три месяца, в Казани два, в Перми чуть ли не полгода, и, наверное, ни он сам, ни его врачеватели не предполагали, что ему суждена еще очень долгая жизнь, конец которой, повторю, обнаружен совсем недавно...

Должно быть, среди бесконечных сибирских просторов, открывавшихся декабристу-кандальнику, пришло к нему отчаянное решение, и за Тобольском события приняли нежданный, почти невероятный оборот. Александр Луцкий полагал, очевидно, что при своем ослабленном беспрерывными болезнями здоровье он не только не вынесет тягот предстоящей каторги, но и не сможет дойти до нее. И вот он решил оригинальнейшим и дерзейшим способом вмешаться в свою судьбу. Или, может, в этом человеке испепеляющим огнем горела жажда свободы? Как бы то ни было, Александр Луцкий стал единственным приговоренным к каторге и ссылке декабристом, который хотя и ненадолго, но обрел эту свободу. Что же произошло?

У него с собою были тайные деньги, неизвестно как попавшие к нему после крепости и каким-то чудом сохраненные в многочисленных этапных лазаретах. Он решил пустить их в ход, заметив в партии, вышедшей из Тобольска, очень похожего на себя крестьянского парня, за что-то сосланного из-под Киева на поселение в Сибирь. Звали этого этапного Агафоном Непомнящим.

Под Томском он за шестьдесят рублей согласился поменяться с декабристом именами, чтоб, может быть, совершить побег с приобретенными деньгами. Из Томска лже-Луцкий последовал дальше - к Иркутску, а лже-Непомнящий оказался на поселении в деревне Большекумчужской Чернореченской волости Красноярской губернии.

Каким образом он в следующем году был раскрыт ачинским исправником Готчиным, неизвестно. Может, стали подозрительными его дворянские манеры или же Александр Луцкий ненароком обнаружил знание французского? Ученые предполагают также, что декабрист скорее всего был выдан ссыльным, при посредничестве которого начал сноситься с отцом, живущим в России.

Когда Николаю I доложили о таком уж никак не предусмотренном происшествии, он распорядился отправить декабриста на каторгу, наказав за вторичное преступление.

Александр Луцкий получил сто розог и стал единственным декабристом-дворянином, испытавшим столь унизительную экзекуцию. Однако это не было последним его преступлением и наказанием. Кажется, действительно ради свободы он был готов на все! Едва поступив в каторжные работы на Ново-Зерентуйском руднике, Александр Луцкий бежал и стал единственным декабристом, задумавшим и успешно осуществившим побег с каторги. Он пошел горами и лесами на запад. Благополучно миновал забайкальскую горную страну, обошел кручами **Хамар-Дабана** или переплыл на той же омулевой бочке Байкал, обогнул Иркутск и через всю эту обширную восточносибирскую губернию проник к Красноярску, намереваясь повернуть на юг, в пределы

теплого Минусинского округа. Приняв вид нищего, он шел всю весну 1830 года, лето, осень и большую часть зимы. И если б в кино показать следующий эпизод этой необыкновенной эпопеи, то всяк счел бы его за досужую выдумку - дорога декабриста снова необъяснимо пересеклась с тем самым ачинским исправником, который его узнал. Наверное, тесно было в Сибири этим двум людям!

7 марта 1831 года Александра Луцкого привезли в Иркутск, чтоб на него посмотрел сам генерал-губернатор, потом взяли в железа и отправили на Нерчинские рудники. Шестнадцать ударов кнутом и тяжелая тачка, к которой его приковали цепью; Александр Луцкий стал единственным декабристом, который подвергся такому наказанию.

Какая, однако, неимоверная жажда жизни снедала этого человека! Нет, он не погиб на руднике, хотя пробыл в каторжных работах дольше всех остальных декабристов - до мая 1850 года! А в конце 1857-го, позже всех своих товарищей, исключая так и не прощенного Павла Выгодовского, Александр Луцкий получил амнистию, возвращение дворянства и право покинуть Сибирь, однако никуда не поехал. На поселении в Нерчинском горном округе он женился на дочери местного цирюльника Марии Портновой, имел большую семью, жил в постоянных трудах и нужде.

В самых последних изданиях о декабристах пишется, что к амнистии 1856 года в разных местах Сибири их нашлось всего девятнадцать человек; шестнадцать вернулись в Россию, трое умерли в изгнании. Неверно. Пятеро декабристов были казнены и умерли с честью; известны имена пятерых, что еще в России могли бежать за границу, но сочли безнравственным воспользоваться обстоятельствами; пятеро же остались в Сибири умирать. Бывший член тайного общества Соединенных славян Владимир Бечаснов заявил, что он отказывается от амнистии, если за ним остается полицейский надзор. Он скончался в 1859 году в селе Смоленском Иркутской губернии. Потом умер на Петровском заводе Иван Горбачевский, тоже "славянин" (1869), за ним - "первый декабрист" поэт Владимир Раевский (1872).

Мария Михайловна Богданова, единственный наш историк, до конца проследивший мученический путь декабриста-крестьянина Павла Дукцоке-Выгодовского, установила точную дату его похорон в

Иркутске - 14 декабря 1881 года. "Славянин" Павел Выгодовский долго считался последним из декабристов, успокоившимся на далекой чужбине.

Пятым был Александр Луцкий, с самого начала потерянный товарищами и историками. Он совсем не значился в "Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ" 1827 года, в "Записках" Михаила Бестужева и в письмах к нему Ивана Горбачевского, составившего подробный перечень горьких изгнаннических судеб, а также в "Погостном списке" Матвея Муравьева-Апостола. И только в 1825 году Б. Модзалевскнй и А. Сиверс опубликовали данные о нем, проследив, однако, его жизнь только до 1860 года. И вот, видимо, воистину окончательная поправка - Александр Луцкий на десять месяцев пережил Павла Выгодовского, умерев на поселении близ Нерчинских горных заводов в 1882 году...

А мне в последние месяцы мучительно думалось: где и в какой связи слышал я раньше, еще в юности, эту фамилию - Луцкий? Что-то необыкновенно драматичное, страшное, кровавое и огненное постепенно ассоциировалось в моей уже далеко не юношеской памяти с этой краткой фамилией, что-то непременно сибирское, что-то такое, чего я вроде бы не должен был забыть никогда! И вдруг во время очередной ночной бессонницы вспыхнуло в мозгу, и рядом с фамилией Луцкого сошлись-подравнялись еще две - Лазо и Сибирцев. Да! Когда-то данным уже давно я читал о смерти Сергея Лазо, молдаванина, мученически погибшего на Дальнем Востоке за революцию. Членами Революционного военного совета в оккупированном японцами и распинаемом белогвардейщиной Приморье были назначены вместе с ним испытанный большевик Всеволод Сибирцев и бывший офицер царской армии, ставший коммунистом, Алексей Луцкий - статный, красивый, крепкого сложения человек, образованный и опытный военный специалист. Их всех троих арестовали японцы, перевезли на станцию Муравьев-Амурский и передали озверелым белогвардейцам. Сергей Лазо долго боролся в будке паровоза, пока его не оглушили ударом по голове и не втолкнули в топку.

Сибирцев и Луцкий слышали все это в своих темных мешках. Их застрелили, не развязывая мешков, и тоже сожгли...

Звоню Богдановой, вспомнив, что эта восьмидесятитрехлетняя неутомимая труженица летом 1917 года встречалась в Красноярске с Сергеем Лазо, товарищем ее брата, покойный ее супруг Дмитрий Ефимович Колошин был правнуком декабриста Павла Колошина, и вообще она знает о прошлом много такого, чего я никогда не узнаю.

- Мария Михайловна! С Лазо в 1920 году сожгли Луцкого...

- Да, да. Красный командир Алексей Луцкий был внуком декабриста Александра Луцкого.

Мы все больше узнаем декабристов такими, какими они были, и какими бы они ни были - на каждом из них горячий отсвет истории Отечества, его начального революционного пути.

О моем интересе к малоизвестным декабристам я иногда делюсь со встречными или, так сказать, поперечными, внимательно выслушиваю добрые советы и с горечью и недоумением - недоброжелательные рассуждения высокообразованных мещан, нажимающих в разговоре на известные ошибки и слабости руководителей восстания 1825 года, зачем-то компрометирующих облик героев досужими догадками, предположениями и сплетнями полуторавековой давности. Почти век назад Николай Басаргин, защищая от наветов первые жертвы самодержавия, святые имена своих погибших товарищей, писал:

"Они положили в России новый путь, усеянный терниями, страданиями... Вероятно, будут еще жертвы, но наконец этот путь когда-нибудь угладится, и по нему безопасно уже пойдут будущие их последователи. Тогда и их имена очистятся от отрицающего мрака и, освещенные благоговением потомства, озарят то место, где положили их прах".

Герцен, разбуженный, по словам Ленина, декабристами, осмысливая значение их подвига и проникая воображением в их внутренний мир, воскликнул:

- Да, это были люди!

В юности он встречался с полупомилованным Михаилом Орловым, позже, за границей, с престарелыми Сергеем Волконским и Александром Поджио; других декабристов, кажется, лично не знал. А девяностолетняя неграмотная бурятка Жигмит Анаева из Селенгинска, никогда, конечно, не слыхавшая о Герцене, но хорошо знавшая Николая и Михаила Бестужевых, трех их сестер, Константина Торсона, его мать и сестру и, быть может, видевшая гостивших у тамошних декабристов Сергея и Марию Волконских, Сергея и Екатерину Трубецких, Марию Юшневскую, Ивана Горбачевского, Ивана Пущина, по-своему, в привычном и вполне простительном для нее смысловом ключе, просто, спокойно и мудро, можно сказать, возразила известнейшему русскому революционному демократу:

- Это были боги, а не люди.

Как-то незаметно я отвлекся от Николая Басаргина и вместо обещанного рассказа о его личной жизни в Сибири свернул в сторонку, пусть и недальнюю, из которой пора возвратиться назад, к середине прошлого века, но перед этим надо бы в последний раз вспомнить о Василии и Камилле Ивашевых, предках новых моих московских и ленинградских знакомых, поворот в сибирской жизни Николая Басаргина, "типичного декабриста", как его назвал один исследователь, косвенно зависел от трагической судьбы его друзей по каторге и ссылке...

Семья Ивашевых, сложившаяся при столь необычных обстоятельствах, была счастлива неполных десять лет. Пришло в нее непоправимое горе, вызвавшее другое,- среди лютой зимы Камилла Петровна умерла в Туринске вместе с новорожденной дочерью, а Василия Петровича, объятого безысходной тоской, не стало через год.

Схоронив друга, Николай Басаргин не пожелал остаться в Туринске - вскоре он получил разрешение переселиться в Курган, потом в Омск, где работал в "Канцелярии Пограничного Управления Сибирских киргизов". Личная жизнь декабриста устроилась было в Туринске, однако

брак его с дочерью поручика местной инвалидной команды Марией Мавриной оказался неудачным: молодая жена, чтоб замолить в монастырской тиши тяжкий свой грех перед богом и мужем - нарушение супружеской верности, на время удалилась от мира и через несколько лет умерла.

В 1848 году Николай Басаргин женился на купчихе Ольге Ивановне Медведевой, вдове умершего владельца стекольного завода. Супруги были уже немолоды и решили сразу же взять на воспитание ребенка. Доброму делу помогли общедекабристские связи, и на Урал семилетнюю приемную девочку везли в попутной кибитке из далекого далека - почти от самой границы с Урянхайским краем.

Это была Полинька Мозгалевская.

К тому времени в Ялуторовск переехали из Туринска Иван Пущин и Евгений Оболенский, жили тут Иван Якушкин и Матвей Муравьев-Апостол, Василий Тизенгаузен и Андрей Елатальцев. В лице Николая Басаргина ялуторовская колония приобрела еще одного полезного сочлена. Они были деятельны и дружны, эти ялуторовцы, их тесно сплотило одно общее благородное дело - просвещение. Гражданский подвиг Ивана Якушкина и его товарищей по ссылке много раз описан в подробностях, которые я опускаю, назову только попутно еще два имени, сделавших такой подвиг

возможным, священника Степана Знаменского, придумавшего аргументы для легализации этой подлинно народной общеобразовательной школы, и ялуторовского купца Ивана Медведева, того самого владельца стекольного завода, внесшего незадолго до своей смерти на ее открытие главный денежный вклад. Еще, пожалуй, стоит сказать о конечном итоге работы знаменитого декабристского учебного заведения. За четырнадцать лет в нем обучалось более полутора тысяч мальчиков, треть которых прошли полный курс, и почти двести девочек закончили эту первую в России всесословную женскую школу.

Не удалось мне, к сожалению, установить с достоверностью, обучалась ли в этой школе Полинька Мозгалевская, или же занятия с ней проходили в семье Басаргиных, только она, судя по всему, получила достаточное по тогдашним временам и тамошним условиям образование, а о воспитании не стоит нам сегодня говорить - декабристская среда дурному не могла научить. Декабристы-ялуторовцы очень любили девочку, называли ее "наша Полинька". Матвей Муравьев-Апостол позже, когда она подросла и стала явной ее необычная девическая краса, писал в одном из своих писем: "Полинька весьма мила и авантажна".

Приближался переломный час в судьбе воспитанницы Николая Басаргина. Вышла амнистия, и дети декабристов были восстановлены в дворянских правах, получив свободу передвижения. Полинька Мозгалевская к тому времени расцвела и заневестилась. В неизданном своем дневниковом "Журнале" Николай Басаргин воспоминательно записал: ***"Полинька была уже невестой, и нам с Ольгой Ивановной хотелось, чтобы прежде, чем начать новую самостоятельную жизнь, она повидала бы большой мир".***

В черновых незавершенных набросках тех лет сохранилась не только семейная хроника декабриста, но и его мысли о Крымской войне, политике, крепостничестве, царе. Вместе с другими своими товарищами Басаргин пришел к отрицанию войны как средства разрешения противоречий между государствами, а Николай I в его глазах не мог предстать перед судом истории в роли поборника свободы балканских народов, если "десятки, миллионов его подданных одной с ним веры, одного происхождения томятся в оковах рабства и тщетно ожидают своего освобождения". Николай Басаргин оставался декабристом до конца. Его опубликованные еще до революции "Записки" заканчивались вежливо-убийственной фразой: "В минуту смерти покойный государь не мог не вспомнить ни дня вступления своего на престол, ни тех, которых политика осудила на 30-летние испытания". Исходя из своих понятий, Басаргин надеялся, что память отравила последнюю минуту Николая I, однако на самом деле такого могло и не быть, потому что царь-лицедей жил и умирал совсем в другом нравственном состоянии, нежели его "друзья от четырнадцатого", и мог забыть о тех, кто хорошо все помнил с того самого четырнадцатого числа,

именуя между собой заклятого своего друга "незабвенным"...

Собираясь с женой и воспитанницей в путешествие по России, Николай Басаргин не знал, как распорядиться собственной судьбой, и совершенно искренне писал в том же не опубликованном пока "Журнале": ***"Не знаю еще сам, на что решусь я. Поеду ли в Россию или останусь. в Сибири. В первой нет уже никого из близких мне людей. Разве поклониться праху их и ожидать в родном краю своей очереди соединиться с ними. С другою я свыкся, полюбил ее. Она дорога мне по воспоминаниям тех испытаний, которыми я прошел, и тех нравственных утешений, которые нередко имел".*** В долгом сибирском изгнании было у декабриста одно маленькое, но постоянное и предметное нравственное утешение - стертая, побывавшая в тысячах рук медная монета и воспоминание о том, как она попала к нему. Однажды по пути на каторгу, когда стражники поместили Басаргина и его товарищей в заезжую избу на отдых, открылась дверь и вошла нищая старушка. Она привычно, будто прося подаяние, протянула декабристам костлявую руку, и товарищи вздрогнули - на ладони побирушки лежали старые медные монеты.

- Возьмите это, батюшки, отцы наши родные, вам они нужнее...

Вояж в Россию должен был помочь Николаю Басаргину определиться, где же ему доживать свой век вдвоем с женой, потому что судьба Полиньки предопределилась - состоялась ее помолвка с братом Ольги Ивановны, молодым омским чиновником, и воспитатели невесты готовились собрать для нее в поездке приличное приданое...

Не перестаю удивляться, до чего ж подчас неожиданно и причудливо переплетаются человеческие судьбы, перекрещиваются людские пути! Звали жениха Полиньки Павлом, и он ничем не был

примечателен: разве что тем, что из-за какой-то истории его исключили из института. По просьбе Николая Басаргина видные декабристы устраивали его на службу. Правда, была у неудачного студента, расставшегося с наукой, фамилия, прославившая позже на весь свет науку России, но я пока пропущу ее в письмах Ивана Пущина - и здесь этот чудо-человек оказался необходимым!

Иван Пущин из Ялуторовска - Гавриилу Батенькову в Томск; 21 июня 1854 года:

"Я к Вам с просьбой от себя и от соседа Басаргина. Брат его жены некто [...] подал в Омске просьбу Бекману (томскому губернатору. - В. Ч.) о месте. Бекман обещал определить его, когда возвратится из Омска в Томск. Пожалуйста, узнайте у Бекмана и известите меня. Он заверил [...], что непременно исполнит его просьбу, а тот, естественно, очень нетерпеливо ждет".

Иван Пущин-Гавриилу Батенькову; 24 сентября 1854 года:

"[...] вразумлен. Он часто пишет с Колывани к своей сестре. Доволен своим местом и понимает, что сам (независимо от Вашего покровительства) должен устраивать свою судьбу".

Протеже декабристов, молодой трудолюбивый человек из хорошей сибирской семьи, устроил свою службу в купеческом городке Колывани-на-Оби, потом поработал в Томске, где стал первым редактором губернских ведомостей, затем перевелся в Омское генерал-губернаторство, иногда наезжая в Ялуторовск, к своей старшей сестре, жившей в знаменитом декабристском окружении. Красота и нежность полусироты Полиньки Мозгалевской заприметилась ему, и вот 10 марта 1858 года Иван Пущин сообщил своей жене Наталье Дмитриевне: "***Аннушка (побочная дочь И. Пущина. В. Ч.) мне пишет, что в Нижний ждут Басаргиных и что Полинька невеста Павла [...], что служит в Омске. Может, это секрет, не выдавай меня. Летом они, кажется, едут в Сибирь".***

Басаргины со своей невестой-воспитанницей погостили-отдохнули в Нижнем Новгороде и отправились в Москву.

В поездке декабрист вспоминал далекое прошлое и со стариковской грустью отмечал, что

тридцать лет спустя российская жизнь течет в том же разладе с его юношескими мечтами. Он решил посетить все милые ему места и дорогих людей. Муравьевская школа колонновожатых, некогда сформировавшая его мировоззрение, родная Владимирщина и, конечно же, Украина, Тульчин, где он был арестован. Могила жены и дочери Софьи, крестницы командира 31-го егерского полка

Киселева, который за эти годы стал графом и государственным деятелем крупнейшего калибра... Каменка, куда воротилась из Сибири Александра Ивановна Давыдова, оставив в Красноярске дорогой холмик земли - декабрист Василий Давыдов не дожил до амнистии всего нескольких месяцев... Киев, мать русских городов, Смоленск и Дорогобуж, близ которого, в селе Алексине, жил родственник декабриста Барышников, посылавший ему в Сибирь средства для безбедного существования. Снова Москва, встреча с одинокой Александрой Васильевной Ентальцевой, некогда последовавшей за мужем на Петровский завод, позже "ялуторовкой", а теперь уже слабой и больной, схоронившей в Сибири мужа... Опять на родину потянуло, где Николай Басаргин принял окончательное решение - поселиться там и доживать свой век.

Александра Ентальцева из Москвы - Ивану Пущину в Марьино:

"Басаргины уехали на первой неделе поста в г. Покров Владимир, губ. Полинька помолвлена за второго брата Ольги Ивановны, за Павла [...], помните, он гостил у них против вашей квартиры... Хороший молодой человек, а какой славный малый меньшой ее брат!.. (курсив мой.- В. Ч.). Если они не поедут в Сибирь, то Полинькин жених сам приедет сюда за своей суженой; Полинька хорошая девушка, очень неглупа и вообще очень пристойна".

Вскоре Николай Басаргин посетил и Марьино под Бронницами, где жил Иван Пущин с Натальей Дмитриевной. Но прежде чем переселиться в Россию, декабрист решил до конца исполнить свой нравственный долг.

Иван Пущин-Марии Ивашевой-Трубниковой: 30 июля 1858 года:

"Крестный твой (то есть Н. В. Басаргин. - В. Ч.) поехал в Омск, там выдаст замуж Полиньку, которая у них воспитывалась, за [...], брата жены его, молодого человека, служащего в Главном Управлении Западной Сибири. Устроят молодых и вернутся в Покровский уезд, где купили маленькое имение".

Басаргины отправились попрощаться с Сибирью навсегда и навсегда же, после свадьбы, оставить там свою воспитанницу.

Венчал молодых в омском Воскресенском соборе протоиерей Степан Знаменский - эту честь оказал он по просьбе невесты и ее приемного отца. Знаменский хорошо знал Полиньку еще по Ялуторовску, жалел и любил ее, как все тамошние декабристы, которые хорошо знали и любили этого прекрасного русского человека. О его честности, добросердечии, благих делах по Сибири ходили легенды. Это через него шла переписка ялуторовских декабристов с тобольскими, курганскими и другими.

Это он, когда Иван Якушкин затеял в Ялуторовске школу, взял на себя главную трудность - добился у властей разрешения, а потом разделил с декабристом все немалые заботы нового дела - добывал у жертвователей средства, составлял учебники, делал пособия и сверх программы учил детей латинскому и греческому, включая грамматику этих языков. Он имел большую семью и жил в бедности, хотя мог бы, подобно прочим, без труда обогатиться за счет многочисленных состоятельных раскольников, нуждавшихся в религиозных послаблениях.

После свадьбы Степан Яковлевич посидел, по русскому обычаю, перед дальней дорогой со своими друзьями и проводил напутственным словом две коляски - одну на запад, другую на восток.

Иван Киреев - Ивану Пущину:

"Полинька Мозгалевская, вышедшая замуж за брата жены Басаргина, обещалась приехать сюда с мужем".

Молодожены поехали в Минусинск, чтоб навестить Авдотью Ларионовну, которую Полинька не видела десять лет...

Иван Киреев из Минусинска-Ивану Пущину:

"Проводили мы Полиньку, порадовала она всех, осчастливила мать".

4. Глава 4

Пора, наверное, сказать, в какую семью вошла дочь декабриста Николая Мозгалевского и воспитанница декабриста Николая Басаргина, для чего надо вспомнить о младшем брате ее мужа, некоем "славном малом", как пишет о нем Александра Ентальцева Ивану Пущину...

Он был не только младшим, но самым младшим, семнадцатым ребенком в этой даже по сибирским меркам большой семье.

Тобольск, однако, знавал и не такие семейства - у одного местного обер-офицера детей было поболе, двадцатый его ребенок стал одним из выдающихся сыновей русского народа - личностью настолько значительной, что я в своем путешествии много раз сдерживал себя, чтоб не увести читателя в сложный мир этой неповторимой натуры, не увлечься его величественной и трагической судьбой, столь богатой полярными событиями, не пойти вместе со своими спутниками по каждому его следу.

Единственный сибиряк-декабрист незадолго до ареста за большие заслуги по службе получил от правительства драгоценный бриллиантовый перстень, а от самого царя десять тысяч рублей единовременной награды. И эта немалая по тем временам сумма стала его постоянным ежегодным жалованьем, что было куда поболе губернаторского, но я люблю находить другие свидетельства его деятельности в Сибири, именно следы...

Бывая, скажем, в Томске и переезжая Ушайку, надвое делящую город, я вспоминаю - Гавриил Батеньков; он выбрал это место и построил тут первый мост. И на Байкале он оставил след, да еще

какой! Кругобайкальская железная дорога со своими туннелями, подпорными стенками и виадуками была построена точно по трассе, намеченной еще Гавриилом Батеньковым. Останавливаясь перед картой Сибири, ясно вижу всякий раз очертания Красноярского края - Гавриил Батеньков; это он, исходя из экономико-географических соображений, определил административные границы самой большой сибирской губернии, не изменившиеся за полтора века. Гавриил Батеньков вместе с Николаем Басаргиным стали первыми в мире людьми, которые высказались за проведение в Сибирь железной дороги...

В различных государственных хранилищах лежат плоды феноменальных трудов Гавриила Батенькова, так сказать, не по специальности - стихи, некогда опубликованные научные работы и никогда не публиковавшиеся проекты и переводы. Вспомню хотя бы некоторые из них. Еще до восстания декабристов этот инженер путей сообщения на основе изучения книги Шампольона о иероглифической системе древних египтян публикует на русском оригинальное сочинение: "О египетских письменах". В томской ссылке он в полемических целях переводит одну лживую английскую публикацию о Синопской битве, по возвращении в Россию - работу Джона Стюарта Милля "О свободе", книгу А. Токвиля "Старый порядок и революция", и тут его целиком захватывает история. Переведя книгу Жюля Мишло "История Франции XVI века", Гавриил Батеньков, после десяти штыковых ран, полученных в сражении при Монмирале 30 января 1814 года, плена и учения, после чудовищно трудоемкой работы в Сибири и Петербурге, после двадцатилетнего одиночного заключения в самой страшной крепости России и десятилетней сибирской ссылки - берется за чрезвычайное дело, задумав перевести всю "Историю Византийской империи" Шарля Лебо, объяснив в письме Евгению Оболенскому, что он должен устранить самый непростительный пробел в нашей литературе. Батеньков успел выполнить

более половины этой феноменальной задачи - шестнадцать томов из двадцати восьми получили переложение на русский язык; эта рукопись лежит ненапечатанной и никем еще, кажется, не прочитанной в Ленинской библиотеке - сто шестьдесят семь тетрадей... Вот, дорогой читатель, каких инженеров путей сообщения некогда рождала русская земля!

Прошу извинения за этот еще один непроизвольный шаг в сторону - нам надо вернуться к "славному малому", свояченицей которого стала Полинька Мозгалевская. В то время ни она, ни муж ее, неудавшийся студент, за которого, перед тем как навсегда проститься с родной Сибирью, успел похлопотать Гавриил Батеньков, ни Александра Ентальцева, ни Иван Пущин, ни Басаргины не могли, конечно, предположить, что этому "славному малому" суждено было стать творцом и носителем такой славы, какая в истории человечества выпадала на долю немногих...

Он, в отличие от своего старшего брата, доучился в педагогическом институте, и хотя такое образование по сравнению с университетским считалось менее солидным и престижным, "славный малый" стал позже членом Американской, Бельгийской, Венгерской, Датской, Краковской, Римской, Парижской, Прусской и Сербской академий, членом-корреспондентом Венгерской академии наук, Королевского общества наук в Геттингене, Королевской академия наук в Риме и Королевской академии наук в Турине, доктором Геттингенского, Глазговского, Йельского, Кембриджского, Оксфордского, Принстонского и Эдинбургского университетов, почетным членом десятков отечественных и иностранных обществ, объединяющих физиков, химиков, астрономов, медиков, аграрников, философов, художников; полный научный титул его состоял почти из сотни названий, но вот, действительно, странная эта страна Россия! - проработав для родины всю свою жизнь и оказав ей неоценимые услуги, он так и не был избран членом Императорской академии.

Опубликовал сто шесть работ, посвященных физико-химии, девяносто девять - физике, девяносто девять - технике и промышленности, сорок - химии, тридцать шесть - общественным и экономическим вопросам, двадцать две - географии, двадцать девять - проблемам народонаселения, воспитания, сельского хозяйства, лесного дела и другим, полностью не уместившимся в двадцати пяти толстых томах... Он не желал ни у кого вымаливать на коленях право любить свою родину, он свято служил ей, не добиваясь наград; писал: "...первая моя служба - родине, вторая - просвещению, третья - промышленности".

Защищая приоритет главного своего научного открытия, он говорил, что делает это "не ради себя, а ради русского имени", и в прекрасной формуле выразил суть и цель своего жизненного подвига: "...посев научный взойдет на жатву народную".

Это был истинно русский гений с его всепроникающим умом, обширнейшими знаниями, феноменальной работоспособностью, пламенным патриотизмом, деятельной, мятущейся, стихийной натурой, и читатель, конечно, давно уже понял, что речь идет о Дмитрии Ивановиче Менделееве, первооткрывателе Периодического закона элементов, осветившем тайная тайных природы. Поберегу время читателя и не стану повторять здесь общеизвестное про это гениальное прозрение, вознесшее русскую науку на мировую вершину знаний, не буду останавливаться на многих других

фундаментальных теоретических открытиях Менделеева в области химии и физики или на его глубоко эффективных практических деяниях по развитию отечественной промышленности, хорошо понимая, что читательское внимание к подробностям имеет предел, хотя они, эти самые подробности, могут быть чрезвычайно интересными. Как увлекательно можно рассказать об изобретений Д. И. Менделеевым бездымного пороха, о научном разоблачении модного тогда спиритизма, определении им географического и демографического центра России, о замыслах и практических деяниях великого ученого по освоению североморского пути и проектировании для этой цели специального корабля, кажется, он во все проникал, вплоть до агрономии, сыроделия и даже разработки лучшей рецептуры для приготовления... варенья! Последнее может показаться несерьезным, вполне анекдотическим, но вы полистайте, пожалуйста, солиднейший дореволюционный словарь Брокгауза и Ефрона, в котором вам встретится немало статей, отмеченных греческой буквой "дельта". Автор всех их - Д. И. Менделеев, не преминувший

выступить в этом капитальном справочном издании с описанием различных способов обращения фруктов и ягод в полезные, восхитительные по вкусу варенья...

Однако я обязан хотя бы перечислить здесь важнейшие отрасли прикладной науки и хозяйственно-промышленной практики, в каких проявил свой универсальный гений Дмитрий Менделеев, прекрасно осознававший перспективные экономические проблемы современной ему и будущей России: это нефтяное дело, металлургическое и каменноугольное, это воздухоплавание, метрология и демография, это сельское и лесное хозяйство, и я в силу своих многолетних интересов приостановлюсь лишь на самом последнем, быть может, не самом главном, однако привлекающем своей малоизвестностью.

Поразительно, что Д. И. Менделеев, будучи ученым, проникавшим в таинства главным образом неживой материи, одним из первых в мире мыслителей связал воедино судьбы плодоносящей почвы и леса. Он считал, что почвозащитное лесоразведение в наших хлебородных южных степях не только "принадлежит к разрешимым задачам", но и так "важно для будущего России", что является "однозначащей с защитою государства". А когда я однажды побывал на **Алешковских песках** - в европейской пустыне, почти полностью побежденной и освоенной современными земледельцами, то нежданно и счастливо узнал об осуществлении необыкновенно эффективной, столетней давности рекомендации Д. И. Менделеева, призывавшего пахать здесь пески как можно глубже, чтоб вызвать активный подток влаги к корням культурных растений...

А в последнем году прошлого века правительство, обеспокоенное тем, что Россия отстала по производству черных металлов от других сильных стран, посылает Д. И. Менделеева с тремя сотрудниками-профессорами на Урал, чтоб экспедиция нашла возможности повышения промышленного потенциала этого района.

Объемистый труд-отчет, напечатанный в следующем году, должно быть, известен специалистам металлургического дела, и я бы не хотел перегружать подробностями это незаметно разрастающееся - прошу прощения - эссе, но не могу удержаться, чтоб не сказать два слова на излюбленную мою тему русских лесов, нашедшую отражение в том стародавнем ученом труде.

Д. И. Менделеев с тревожной прозорливостью писал о необходимости поберечь водораздельные леса Урала, сохраняющие горные почвы и стабилизирующие речные стоки, предлагал перенести заготовки древесины с них в другие районы, к которым мы только-только добрались с топором и пилой, потому что "одна область севера, простирающаяся с Туры до Обской губы на север, а на восток охватывающая Иртыш, Обь и Заобские леса, содержит больше лесов, чем на всем Урале". Будучи неподкупным рыцарем точного научного знания, Д. И. Менделеев, заглядывая к нам через десятилетия, предупреждал, что восьмидесятилетний возраст здешней сосны нельзя считать зрелым, потому что и в сто лет она усиленно образовывает древесные кольца, накапливая без видимого вложения народных средств перспективные богатства в его вековечную казну, и мы ныне, к сожалению, торопливо и нерасчетливо валим эти сосны не только в восьмидесятилетнем приспевающем возрасте, но и в юном шестидесятилетнем...

Далее я мог бы с почтительным восхищением описать методы Д. И. Менделеева по математическому определению сбежистости, то есть уменьшения диаметра индивидуального уральского дерева с высотой, как подсобного, но очень важного способа определения статического древесного запаса и динамичного прироста, однако это могло бы меня увести в чрезвычайно узкую сферу знаний, интересных лишь лесным специалистам, посему я только подчеркну, что Д. И. Менделеев вывел свои математические формулы, упрощающие эти сложнейшие подсчеты, независимо от прославленной европейской школы немецких лесоводов и их очень способных русских последователей-выучеников...

Размышляя о главном открытии великого русского ученого, Фридрих Энгельс, не успевший, к сожалению, узнать во всем объеме человеческого подвига Д. И. Менделеева, писал: ***"Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с***

открытием Леверрье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты Нептуна",

Это сравнение, принадлежащее великому ученому-философу и блестящему стилисту-публицисту, повторяли многие, однако русские ученые-естествоиспытатели предпочли обойтись без него.

Химик Н. Н. Бекетов: "***Открытие Леверрье есть не только его слава, но главным образом слава совершенства самой астрономии, ее основных законов и совершенства тех математических приемов, которые присущи астрономам. Но здесь, в химии, не существовало того закона, который позволял бы предсказывать существование того или другого вещества... Этот закон был открыт и блестяще разработан самим Д. И. Менделеевым***".

Ботаник К. А. Тимирязев: ***"Менделеев объявляет всему миру, что где-то во вселенной... должен найтись элемент, которого не видел еще человеческий глаз. Этот элемент находится, и тот, кто его находит при помощи своих чувств, видит его на первый раз хуже, чем видел его умственным взором Менделеев***".

Да, это было так! И мне хочется сказать на эту тему несколько попутных и, быть может, не совсем обязательных слов, напомнив читателю о том, что Д. И. Менделеев предсказал существование одиннадцати элементов, последний из которых, названный **астатом**[3], был открыт в 1940 году, а также рассказать о трех совпадениях, приключившихся за рубежом после первой публикации Периодического закона элементов. Ведущие химики и физики мира не обратили, в сущности, внимания на скромную таблицу в каком-то журнальчике под скучным названием "Русское химическое общество", вышедшем в 1869 году на европейской периферии.

И вот несколько лет спустя французский химик-аналитик Лекок де Буабодран сообщил в печати об открытии нового элемента, названного им галлием - в честь древнего имени своей страны. Д. И. Менделеев прочел публикацию и тотчас понял, что этот элемент есть не что иное, как предсказанный им экаалюминий. Он послал Лекок де Буабодрану письмо и заметку во французский химический журнал, утверждая, что плотность галлия - 4,7 - определена неверно; она должна приближаться к 6-ти.

Лекок де Буабодран, никогда ранее не слыхавший о химике Менделееве, был несколько удивлен, когда, тщательно определив плотность открытого им элемента, дал новую цифру 5,96. Через четыре года другой новый элемент открыл шведский химик Л. Нильсон, назвав его скандием. А спустя еще десяток лет немецкому профессору химии Винклеру тоже посчастливилось открыть неизвестный ранее элемент, который он назвал, конечно, германием. Однако свойства и галлия, и скандия, и германия задолго до этих открытий своих зарубежных коллег были точно предсказаны Дмитрием Ивановичем Менделеевым - это стало подлинным триумфом закона!

Германий, например, в соответствующей клетке Периодической таблицы был назван им экасилицием, и никто против нового названия не возражал тогда и не возражает сейчас, только досадно все же, что в бесценной этой таблице, висящей ныне перед глазами любого школьника Земли и намертво запечатленной в памяти каждого современного ученого-естествоиспытателя, не зафиксировано имя родины нашего великого соотечественника. Так уж получилось. И кое-кто из вас, мои дорогие спутники по совместному путешествию, скажет в этом месте очень по-русски: эка, силиций! мы-де открывали и не такое! Верно, наши предки открывали и не такое - например, гением великого предтечи Менделеева, не менее "славного малого" с Поморья Михаилы Ломоносова, был открыт первоэлемент - водород[4], а Николай Морозов, революционер и ученый,

---

[3] **Д. И. Менделеев** именовал последний галоген не только экаиодом, но и галоидом X. Он писал в 1898 г.: «Можно, например, сказать, что при открытии галоида X с атомным весом, большим, чем иод, он все же будет образовывать KX, KXO^3 и т.п., что его водородное соединение будет газообразной, очень непрочной кислотой, что атомный весь будет... около 215».

[4] **В диссертации Ломоносова** "О металлическом блеске" описано получение водорода действием "кислотных спиртов"

четверть века пробывший в одиночном заключении, во тьме Шлиссельбургской крепости, не только предсказал существование инертных газов, но и вычислил их атомные веса, - это было тем более поразительно, что сам Д. И. Менделеев, не найдя для них места в своей Периодической таблице, с негодованием отверг в лондонской лекции "воображаемый гелий", уже найденный на солнце с помощью спектрального анализа. Наоткрывали правда что немало, если пошире взглянуть; и истину научную, не подлежащую пересмотру, мы принимаем как должное, но все же досадно - европий в природе и таблице Менделеева есть, индий и полоний тоже, кроме галлия есть еще франций, есть америций и калифорний, однако россия или, скажем, сибирия нету. Правда, имя нашей Родины все же запечатлено в таблице Менделеева, только оно так зашифровано, что далеко нс всякий это угадает... Повезло индийцам - элемент индий был назван вовсе не в честь великой азиатской страны с ее древнейшей культурой, талантливым и добрым народом, а из-за соответствующего цвета в спектре - синего, индиго, кубового, и новый элемент вполне тогда мог быть назван, скажем, "кубопием". Не повезло нам: член-корреспондент Петербургской академии наук химик и ботаник Карл Клаус, открывший в 1844 году новый элемент, назвал его рутением[5] - от позднелатинского Кишегиа, но многие ли из нас так ныне знают латынь, чтобы угадать в этом названии Русь, Россию?..

Итак, за Павла, старшего брата Дмитрия Ивановича Менделеева, и вышла замуж Полинька Мозгалевская.

И еще один перекресток судеб, тугой узелок нашей истории. В начале этого века на петербургских театральных афишах значилось звучное имя: "Любовь Басаргина". Под таким сценическим псевдонимом выступала дочь Д. И. Менделеева Любовь Дмитриевна, жена великого русского поэта Александра Блока.

Кстати, его дед по матери ректор Петербургского университета А. И. Бекетов вместе с Д. И. Менделеевым, с дочерью декабриста Василия Ивашева и крестницей декабриста Николая Басаргина М. В. Ивашевой-Трубниковой, с племянником декабриста Михаила Бестужева-Рюмина русским историком К. Н. Бестужевым-Рюминым стоял у истоков знаменитых Бестужевских курсов, первого

женского университета России.

Вернемся на минутку к середине прошлого века.

Осчастливленная Авдотья Ларионовна, проводив из Минусинска Полиньку с мужем, не думала не гадала, что видит дочь в последний раз.

Пелагея Николаевна и Павел Иванович Менделеевы начали жизнь в любви и дружеском согласии. Ом исправно служил, она охотно занималась домашним хозяйством, и ее необыкновенная красота еще ярче расцвела в замужестве. Молодые супруги гостили иногда у Дмитрия Ивановича Менделеева в Петербурге.

Окружение Менделеева называло Полиньку "сибирской розой". По воспоминаниям профессора К. Н. Егорова, он встречал Пелагею Николаевну в доме своего научного наставника и даже был "в нее тайно влюблен, да и не я один, а все студенты, бывавшие у Дмитрия Ивановича, вздыхали по ней, а она и не подозревала".

(например, "соляного спирта", т. е. соляной кислоты) на железо и другие металлы; русский ученый первым (1745) выдвинул гипотезу, о том что водород ("горючий пар" - vapor inflammabilis) представляет собой флогистон. Кавендиш, подробно исследовавший свойства водорода, выдвинул подобную же гипотезу в 1766 г. Он называл водород "воспламеняемым воздухом", полученным из "металлов" (Inflammable air from metals), и полагал, как и все флогистики, что при растворении в кислотах металл теряет свой флогистон. Лавуазье, занимавшийся в 1779 г. исследованием состава воды путем ее синтеза и разложения, назвал водород Hydrogine (гидроген), или Hydrogene (гидрожен), от греч. гидор - вода и гайноме - произвожу, рождаю.

[5] **Рутений** – элемент, открытый в нашей стране в 1844 г. и названный в честь нашей страны. Ruthenia – по-латыни Россия. Автором открытия был профессор Казанского университета Карл Карлович Клаус.

Дом Дмитрия Ивановича Менделеева часто наполнялся гостями - так было и в пору молодости, и позже, когда установилась традиция "менделеевских сред", которые посещала научная и художественная интеллигенция Петербурга. Бывали тут ботаник Бекетов и географ Воейков, художники Крамской, Шишкин, Ярошенко, Куинджи. Дмитрий Иванович, между прочим, страстно любил живопись, посещал каждую выставку, собирал репродукции с картин и даже писал статьи об изобразительном искусстве. Когда была впервые выставлена знаменитая "Ночь на Днепре" Архипа Куинджи, с которым великий ученый, кстати, работал над созданием химических красок, Дмитрий Иванович нашел время, чтоб откликнуться на такое событие в печати, сказав, что перед этой картиной "забудется мечтатель, у художника явится невольно своя новая мысль об искусстве, поэт заговорит стихами, а в мыслителе же родятся новые понятия - всякому она даст свое..."

Не могу не вообразить себе и знакомства Менделеева с замечательным русским художником Врубелем на римской площади Сан-Марино. Портрет, написанный с натуры Михаилом Врубелем, изображает ученого сидящим в мягком кресле. Скрещенные руки устало покоятся на корешке тяжелого альбома, голова склонена вперед словно под тяжестью думы, на которой сосредоточились лицо и глаза... Неизвестно, о чем они говорили во время сеансов и в перерывах за чаем, однако вполне возможно, что в их беседы об искусстве и жизни вошла однажды боковая-бытовая тема о родных и близких; быть может, вспомнилась им и свояченица Менделеева Полинька Мозгалевская, воспитанная декабристом Николаем Басаргиным, и мать Врубеля Анна Григорьевна, урожденная Басаргина, родственница того же декабриста...

Ловлю себя на том, что нарушаю последовательность рассказа и, мешая читателю сосредоточиться, переключаюсь с одного на другое, но это происходит как-то невольно, подчинено стихии и логике жизни, какую невозможно охватить искусственной стройностью; и вот, будто бы чужеродно, появляются строчки об увлечении Менделеева живописью, его встречах с Врубелем, а я испытываю аса более тягостное чувство недосказанности - едва ли когданибудь и где-нибудь мне придется еще писать о великом русском ученом, которому достойно было бы посвятить и роман, и поэму, и Драму, и научно-историческое исследование; сейчас же приходится ограничить себя беглыми н бледными штрихами.

Написать бы о том, как на его лекции сбегался весь университет и стены аудитории потели, как встречался с ним Сергей Львович Толстой, сын писателя и сам писатель, оставивший об ученом немало добрых, уважительных записей, как в первый раз увидела его Анна Ивановна, будущая подруга жизни, и он показался ей похожим на Зевса, как узнал он Блока и как Блок узнал его, написав однажды о нем: "...он давно все знает, что бывает на свете, во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает... При нем вовсе не страшно, но всегда неспокойно, это оттого, что он все и давно знает, без рассказов, без намеков, даже не видя и не слыша... То, что другие говорят, ему почти всегда скучно, потому что он все знает лучше всех..."

А вот в гостиной его петербургской квартиры собрались известные живописцы и естествоиспытатели, спорят об искусстве и музыке, о жизни текущей, тихо напевают романсы, шутят. Счастливцы! Хозяин, вначале принимавший самое деятельное участие во всем этом, садится в сторонку, смотрит куда-то вдаль всезнающими глазами, никому не мешает и ничего не слышит. Вдруг поднимается рывком, выходит на середину и жестом цросит тишины.

- Я видел сон,- произносит он просто, буднично, будто хочет действительно рассказать о сегодняшнем сновидении или о том самом, почти невероятном, что привиделось ему в ночь на 1 марта 1869 года, как бы подытожившем двадцатилетние труды.

Перед тем он в своей конторке (Д. И. Менделеев работал в ней стоя) промучился три дня и три ночи, безуспешно пытаясь систематизировать шестьдесят две карточки с названиями и свойствами элементов. Смертельно уставший, лег спать, мгновенно заснул и позже вспоминал: "Вижу во сне таблицу, где все элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги - только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка"...

Когда в гостиной стих говор, он повторил: ***Я видел сон...***

И продолжил:

Не все в нем было сном.

Погасло солнце светлое, и звезды

Скиталися без цели, без лучей

В пространстве вечном; льдистая земля

Носилась слепо в воздухе безлунном.

Прервались последние шепотки, стихли скрипы кресел, шуршанье одежд и конфетных бумажек. В мертвой тишине гостиной были только апокалипсические видения поэта да этот голос - мощный, с безупречной дикцией.

Час утра наставал и проходил,

Но дня не приводил он за собою,

И люди - в ужасе беды великой -

Забыли страсти прежние...

Наступила пауза... Дмитрий Иванович вдруг мучительно схватился обеими руками за голову,- это бывало с ним и на лекциях, и в ученом разговоре, и Анна Ивановна вспоминала, что "это действовало на очевидца сильнее, чем если бы он заплакал". Она быстро поднялась с места, сняла с полки томик Байрона, раскрыв его на закладке, и Дмитрий Иванович, взяв в руки книгу, продолжал читать английские стихи в прекрасном переложении Ивана Тургенева, гроб которого, привезенный из Парижа, некоторые из присутствующих здесь недавно провожали на Волкове кладбище...

Близилась полночь, начали молча собираться по домам гости, ученые и художники, увидевшие сегодня всяк по-своему этот сон -тьму, опрокинувший их в мир вечности и бренности.

И вот уже на склоне лет Дмитрий Иванович читает наизусть в узком кругу друзей:

Одну имел я в жизни цель.

И к ней я шел тропой тяжелой.

Вся жизнь была моя досель

Нравоучительною школой...

Задумчивость покидает его, он вскидывает голову, отмахивает назад серебряные волосы, глаза блещут в отсвете каминного огня, и прежний громоподобный голос начал набирать силу:

Творец мне разум строгий дал,

Чтоб я вселенную изведал

И что в себе и в ней познал -

В науку б поздним внукам предал...

Невозможно в этот миг отвести от него взгляда и думать о чем-либо другом!

Жизнь хороша, когда мы в мире

Необходимое звено,

Со всем живущим заодно;

Когда не лишний я на пире;

Когда, идя с народом в храм,

Я с ним молюсь одним богам...

Он любил многие стихотворения великого поэта-философа Федора Тютчева, чаще других читал его "Пепит", реже - и уже под старость - другого любимого русского поэта, то, что друзья и близкие слышали сейчас:

Наш век прошел. Пора нам, братья!

Иные люди в мир пришли,

Иные чувства и понятья

Они с собою принесли...

Быть может, веруя упорно

В преданья юности своей,

Мы леденим, как вихрь тлетворный,

Жизнь обновленную людей?

Быть может... истина не с нами!

Наш ум уже ее неймет

И ослабевшими очами

Глядит назад, а не вперед,

И света истины не видит,

И вопиет: "Спасенья нет!"

И может быть, иной приидет

И скажет людям: "Вот где сеет!.."

Дмитрий Иванович знал всю эту, полузабытую нами, лирическую драму Аполлона Майкова, а в памяти близких долгие годы хранились его неповторимые интонации, жесты и взоры, когда он в последний раз читал монолог Сенеки...

Нет, Пелагея Менделеева, дочь декабриста Николая Мозгалевского, крестница декабриста Николая Крюкова и воспитанница декабриста Николая Басаргина, не слышала тогда Дмитрия Ивановича - судьба-злодейка разлучила ее с этой семьей намного раньше...

Через год после свадьбы родилась у Полиньки дочь Ольга, потом сын Сергей, за ним Дуняша, названная в честь бабушки, и это было последнее счастье молодой семьи. Благословенье Степана Знаменского оказалось бессильным: Полинька внезапно, двадцатидвухлетней, умерла, за ней Дуняша. Сережа пережил их всего на три года. У Павла Ивановича осталась еще Ольга, на которой сошлись все его надежды, однако словно какой-то злой рок преследовал семью. Ольга рано вышла замуж и вскоре умерла вместе с новорожденным Сергеем, на котором и прервался род Менделеевых - Мозгалевских.

Время от времени раскрываю свою папку со старыми и новыми документами, связывающими нас с декабристами, старыми и новыми фотографиями, с подлинниками и фотокопиями писем и рукописей, восстанавливающими, оживляющими память. Вот только что присланный снимок каменной плиты, хранящейся ныне в запасниках Омского краеведческого музея. Можно разобрать надпись: "Пелагія Ніколаевна Менделеева, урожденная Мозгалевская. 1840 - 1862".

В книге Владимира Лидина "Мои друзья-книги" рассказывается любопытная история приобретения им "Записок" Николая Басаргина. На книжке этой автограф: "И. П. Менделеев". Предполагаю, что она принадлежала некогда сыну Павла Менделеева от второго брака...

Авдотья Ларионовна пережила в своей дали пять смертей, но если бы только их! При разных обстоятельствах трагически погибли двое старших сыновей-кормильцев, Павел и Валентин.

Младший, Виктор, дослужившийся до генерал-майора, исчез из ее жизни навсегда, и я уже долго ищу его внуков-правнуков за границей - они не знают, что являются потомками декабриста...

А вдове декабриста судьба уготовила еще такие тяжкие испытания, что люди, знавшие ее долготерпение и мужество, удивлялись, как она перенесла все, не сломилась: об этом далеком-близком я уже написал, только тему пора бы сменить другой, но перед нею - на несколько минут в наши дни, неразрывно сцепляющие будущее с прошлым...

Какой прекрасной кажется мне жизнь, когда я встречаю в ней беспокойных, неравнодушных, увлеченных, ищущих, щедрых душою людей! Чем бы они ни занимались, где б ни жили, к какому из поколений ни принадлежали, такие готовы жертвовать ради доброй цели здоровьем и благополучием, умеют видеть интересное и полезное там, где для иных все обыденно или даже нет ничего...

По следам декабриста Николая Осиповича Мозгалевского и его потомков я шел уже не первый год. Не раз встречался с М. М. Богдановой и получил от нее множество писем, выпытывал московскую и сибирскую родню моей жены Елены, рылся в государственных и частных архивах, публикациях. Пришел к выводу - ни один декабрист не дал столь разветвленного древа жизни, какое дал Николай Мозгалевский, хотя Николай "Палыч" Романов хотел некогда уничтожить первый росток этого обыкновенного славного русского рода, и с Авдотьей Ларионовной оставался единственный сын - Александр... И, как мне сейчас стало совершенно очевидно, не мог в своем поиске не встретить одного замечательного земляка из Северо-Енисейска. От Енисея до этого поселения довольно далеко, от железной дороги еще дальше, а из Москвы он видится в такой несусветной таежной дали и этаким махоньким кружочком на большой карте, что его будто могло и не быть совсем. Однако везде живут люди, да еще какие!..

Солдат-фронтовик Адольф Вахмистров много лет после войны работал в буровой разведке, искал по Сибири самые ценные руды, потом здоровье сдало, он вышел на инвалидность, но осталась у него от кочевой профессии непоседливость, любовь к Енисею и бескрайним просторам родной своей стороны, сохранился внимательный взгляд искателя и привычное трудолюбие, прерываемое лишь острыми головными болями от давней контузии да потерей сознания. И он себя совсем не бережет.

Вот отрывки из первого его письма ко мне от 19 января 1976 года: ***"Давно слежу за Вашей работой, имею и знаю Ваши книги. Полагаю, что приходит время по-настоящему всем понять серьезность предупреждений и всю глубину тревоги за природу... А то, о чем Вы спрашиваете, началось так. Около двадцати лет я собираю материалы о Енисее для книги, которую должен успеть дописать, о его истории, сегодняшних и завтрашних проблемах. Влез по уши в исторические материалы, летописи, в археологию, геологию и гидрологию. И еще я решил узнать теперешний Енисей, поближе и по достоверней. С палубы комфортабельного парохода это сделать невозможно, и мы с женой каждое лето ходим по нему на дюралевой лодке. Много раз я проплыл его короткими маршрутами и целиком - от Кызыла в Туве до устья в Ледовитом океане.***

Повидал всего: пороги в Саянах, штормы, почти морские, в низовьях. Так вот, летом 1972 года мы с женой решили пройти на лодке по Бий-Хему (Большому Енисею) за самый верхний на Енисее поселок Тоора-Хем, районный центр Тоджинского района Тувы.

Перед нами были почти триста километров по бешеной реке, что, как "Терек в теснине Дарьяла", ревет и пенится, только она раз в двадцать сильнее Терека. Да за поселком еще двести километров до первого непреодолимого водопада.

В Кызыле я заручился письмом к некоему Виктору Мозгалевскому, рыбаку, охотнику, лесорубу и плотогону, большому знатоку Бий-Хема, который мог дать мне исчерпывающую информацию о реке, без чего идти выше поселка было безумием.

Из работ сибирских путешественников и ученых я еще раньше узнал, что в начале века жил в Тодже, самом тогда глухом углу Тувы, русский поселенец Владимир Александрович Мозгалевский, тамошний пионер земледелия. И вот в поселке Тоора-Хем, на краю прекрасного паркового леса, мы увидели большой белый обелиск, поставленный здешними жителями в память о своих земляках, погибших в борьбе с гитлеровскими ордами. Среди других фамилий значилось: "Валентин Мозгалевский, Виктор Мозгалевский, Владимир Мозгалевский, Михаил Мозгалевский".

Когда я встретился с живущим ныне Мозгалевским, он сказал, что все это братья его отца. Они ушли на фронт, восемь родных братьев, половина осталась там. "А откуда здесь такая фамилия, кто был основателем вашего рода?" - спросил я. "Точно не знаю, - услышал я в ответ. Говорят, что был какой-то декабрист Мозгалевский. Он будто бы умер в Минусинске, но как это узнать, потомки мы его или нет?"

О декабристе Николае Мозгалевском, члене общества Соединенных славян, я, конечно, слышал раньше, когда изучал историю "минусинского" отрезка Енисея, но только в том, 1972 году начал восстанавливать родословную этого рода, искать по Сибири и всей стране его потомков-детей, внуков, правнуков и праправнуков. Посылаю Вам это древо, на первом ответвлении которого значатся Ваши родные по супруге, и пусть ваша дочь станет там тоненькой веточкой.

За эти годы собрал много материалов о потомках декабриста - ученых и воинах, рабочих и земледельцах, инженерах и охотниках, сестрах милосердия, врачах, учителях и юристах. За истекшие сто пятьдесят лет род Мозгалевских - сто пятьдесят человек! - знатно потрудился на благо общей нашей с вами родины - Сибири, храбро защищая большую свою Родину, когда в том была нужда".

Краеведу А. В. Вахмистрову я благодарно обязан множеством неизвестных мне ранее сведений. Неугомонный этот человек докопался, кажется, и до корней Юшковых!

Оказывается, в переписной книге города Красноярска и Красноярского уезда за 1671 год в деревне Павловской, что ниже Крзсноярска по Енисею, числился "Ивашко Семенов сын Юшков, а у него детей Якунька 11 лет, Потапко 10 лет". А повыше Красноярска, близ устья реки Маны, стоит деревня Овсянка.

Знаменитый путешественник и ученый Петр-Симон Паллас, из немцев, хорошо служивший в XVIII веке молодой русской науке, писал: "Сия многолюдная и зажиточными крестьянами населенная деревня заслуживает как редкой какой пример размножения человеческого рода в обширных сибирских степях быть упомянута.

Вся деревня, исключая токмо некоторых дворов, населена одной роднею, которые в сей деревне 25 больших и зажиточных семей щитает, и столькими же в многие другие вдоль Енисея лежащие

деревни разделилась. Праотец сего многочисленного потомства, именем Юшков, пришел едва за 100 лет из России в сию страну, которую тогда киргизцами по случаю населения весьма беспокоили. Он имел 7 сыновей, из коих один, сказывают, убит киргизцами, а прочие 6 размножили племя и зделались ныне отцами пятидесяти пяти семей. Прилежание и промысел звериною ловлею, рыбою и иными пропитание доставляющими промыслами и ремеслами прошло от праотца к потомкам, и большая часть оных и теперь еще зажиточны".

Киргизы, насколько я знаю, отселились с берегов Енисея в предгорья Тянь-Шаня, и после 1703 года их уже здесь не было.

Адольф Вахмистров пишет мне в другом письме*: "Думаю, что Ивашко Семенов сын Юшков и мог быть корнем Юшковых на Енисее. Юшковы служили, например, в Саянском остроге (сейчас деревня Саянская) приказчиками. Их потомки жили вокруг Минусинска...*

Они были крестьянами, иногда богатыми. Вспомните: родитель известных революционеров Окуловых (они из Курагино) был тоже крестьянин-"золотопромышленник", которому "пофартило", но не очень долго и сильно... Таков, видимо, был и Степан Зотиевич Юшков. Я не мог найти его имя в справочнике о золотой промышленности в 80-х годах прошлого века. Прогорел, наверно".

Из любопытства пролистав однажды в библиотеке подшивки современных красноярских газет, я встретил на их страницах множество Юшковых - рабочих, доярок, трактористов, инженеров, студентов, потом раскопал в своем архиве давние письма с Енисея. Капитан-речник А. А. Каминский, с которым у меня когда-то велась переписка, сообщал о загрязнении Енисея нефтяными и другими отходами, приводил множество случаев безжалостного отношения к великой сибирской реке-красавице, рассказывал о долгой своей борьбе за чистоту ее. По в этот раз меня интересовали конверты корреспондента - он, вспоминалось, будто бы жил в Красноярске на улице Юшкова. И верно - Красноярск, Юшкова, 10-28. Отправил по этому адресу письмо, спросив, что это за Юшков был, в честь которого названа улица большого сибирского города. И вот получаю ответ, излагающий документ времен Отечественной войны.

Солдат-разведчик Михаил Юшков со своей гвардейской частью вышел 1 марта 1945 года на сильно укрепленный вражеский рубеж в районе Линде-Гросс, который надо было взять безотлагательно. Михаил Юшков скрытно подполз к немецкому станковому пулемету и неожиданно бросился вперед, уничтожив его расчет в рукопашной схватке. Но за немецкой траншеей стояли без горючего два танка и самоходная пушка, ведущие сильный огонь, а подход к ним прикрывал дот с пулеметной точкой в щели. Сибиряк пополз к доту и с расстояния в двадцать метров бросил две гранаты, однако в щель не попал, и станковый пулемет врага продолжал косить надвигающуюся цепь товарищей. И вот они, прижатые огнем к земле, увидели, как Михаил Юшков рванулся к доту и закрыл своим телом амбразуру. Герою Советского Союза Михаилу Юшкову было двадцать два года...

А еще позже вспомнилось, как известный наш писатель Виктор Астафьев говорил мне на памятном литературном читинском семинаре, что родом он из села Овсянка, стоящего неподалеку от Красноярска, Написал ему в Вологду, где он проживал, привел слова Палласа насчет родной его деревни и спросил, не помнит ли он с детства-отрочества каких-нибудь Юшковых? Правда, я не сообщил, зачем они мне нужны И вот получаю письмо с чертежом Овсянки и окрестностей: "Дорогой Володя! Юшковых в нашем крае много, есть они в родном моем селе Овсянка, есть и родня, есть и друзья-однокашники с детства, среди них Василий Юшков, мой одногодок, инвалид войны, живет на одной с моей теткой улице, работает на деревообрабатывающем заводе... Мы были так близки в детстве, что его младшую сестру Шурку прочили мне в жены, когда я вернусь с войны, но я по пути в Сибирь изловчился жениться и по сию пору не могу доехать "до дому", хотя делать

это надо срочно... Есть у меня в Красноярске маленькая родня - Юшкова Валентина Леонтьевна, племянница второй моей бабушки, родом из деревушки, что стоит выше нашего села верстах в полутораста и, боюсь, уже затопленного водохранилищем. Но почему тебя интересуют Юшковы? Если надо, подключу Усть-Манскую и Овсянскую школы и всю свою родню - аскопают и узнают все, что угодно. Я, как и ты, буду на съезде писателей. Встретимся, и ты объяснишься".

Встретились мы на съезде писателей, что прошел в июне 1976 года, но я не стал ничего объяснять Виктору пусть узнает из этой моей работы, что мы с ним хотя и, как говорят у нас в народе, седьмая вода на киселе или еще: двоюродный плетень троюродному забору, однако же сродственники - поистине, все люди братья...

Увиделся я тогда и с другим делегатом съезда - ленинградским прозаиком Сергеем Ворониным, к которому тоже отношусь с большим уважением - он хорошо, честно, талантливо пишет. Спрашиваю:

- Сергей Алексеевич, в вашем романе "Две жизни", где рассказывается о первых разведчиках трассы Байкало-Амурской магистрали, есть такой герой - Мозгалевский.

- Есть. В тридцатых годах, юношей, я был на этих изысканиях.

- А откуда вы взяли такую фамилию?

- Старшим инженером нашей изыскательской партии был Николай Александрович Мозгалевский. Великий труженик и щедрой души человек. Он пятьдесят три года проработал разведчиком железных дорог, изыскивал и строил прифронтовые дороги еще в ту, первую германскую войну. Я ему многим обязан. В честь и память его назвал своего героя.."

- Он вам ничего не говорил о своем происхождении?

- Не помню.

Пишу А. В. Вахмистрову - вдруг один из первых изыскателей БАМа Николай Мозгалевский является потомком декабриста Николая Мозгалсвского? И вот передо мной фотокопия личного листка, заполненного 16 августа 1941 года ннженером государственного проектно-изыскательского института "Ленгипротранс" Н. А. Мозгалевским. В графу "бывшее сословие (звание) родителей" вписано: "Внук декабриста, из дворян, ссыльных 1825 года"...

Послужной его список начинается в 1902 году со скромной работы десятника и смотрителя зданий на станции Иланская Транссибирской железной дороги. Она тогда еще строилась - через Байкал составы переправлялись на пароме, и моста через Амур тоже не было, но немерянным трудом русских рабочих и десятников, техников и инженеров шла и шла к океану эта самая протяженная на свете железнодорожная магистраль, явление которой миру было несколько неожиданным и настолько важным, что зарубежная печать тех лет сравнила ее постройку с открытием Америки... Потом Николай Мозгалевский трудился техником дорожных работ в Красноярске, городе, где лежал прах его бабки Авдотьи Ларионовны и отца Александра Николаевича. В 1915-1917 годах внук декабриста сооружал железные дороги в тылах Западного фронта, в качестве инженера - изыскателя и строителя - работал на Мурманской и других дорогах, закончив свой трудовой путь старшим инженером-изыскателем БАМпроекта.

Из письма Сергея Воронина: "Жаль, ты меня не разговорил на съезде! Н. А. Мозгалевский все чаще вспоминается мне своими характерными человеческими чертами. Следует сказать о его бескорыстии, честности и абсолютной независимости, то есть он делал свое дело, не оглядываясь на начальство. Отличала его также ровность духа, уважение всякого, будь то работяга или ИТР, - никогда ни на кого не кричал, не возмущался, не сетовал, как бы ни было трудно. В тяжелые для нас минуты играл на гитаре какой-то бравурный марш. Больше ни от кого я такого произведения не слышал, но марш был бодрый и веселил нас, молодых, а ему было под шестьдесят"...

Все же есть, наверное, какой-то таинственный закон жизни, согласно которому, когда назревают и разрешаются события, встречаются далекие люди, вяжутся между ними нити добра, приязни, совместных забот, пересекаются судьбы!.. Мое продолжающееся путешествие в прошлое свело меня недавно с ленинградкой Татьяной Николаевной Ознобишиной. Ее предок декабрист Владимир Лихарев был переведен из Сибири на Кавказ, где прослужил долгих десять лет. К концу службы он был назначен в отряд генерала Н. Н. Раевского, брата Марии Волконской, которому Пушкин посвятил своего "Кавказского пленника" и "Андрея Шенье". Рядовой Тенгинского полка Владимир Лихарев пал в бою под Валериком, а ровно через год, в такой же июльский день, был убит поручик этого полка Михаил Лермонтов...

Это-то мне было известно давно, а через Татьяну Николаевну Ознобишину я узнал совсем другое - оказывается, один из первых разведчиков Байкало-Амурской магистрали Николай Мозгалевский дружил с ленинградцем Василием Ивашевым, тоже будто бы инженером-изыскателем! Написал в Ленгипротранс и вскоре получил пакет, который с нетерпением вскрыл.

Нет, этого я никак не ожидал! Василий Ивашев, родной брат столетней ленинградки Екатерины Петровны Ивашевой-Александровой, окончил Институт инженеров путей сообщения в первом году нашего века и вначале работал на изысканиях и сооружении дороги Петербург-Вологда. И Сибирь ему благодарна - пять лет он был начальником изыскательской партии и дистанции

постройки среднего участка Амурской железной дороги. Затем Николаевская и Мурманская дороги, строительство участка Баку-Джульфа, и снова Мурманская, где он работает в одно время и в одном управлении с Николаем Мозгалевским, и наконец вместе же - в Ленинградском проектном железнодорожном институте. Из характеристики 1941 года: "Тов. Ивашев имеет большой практический опыт, и разносторонность инженера делает его весьма ценным для производства сотрудником. Стахановец. Дисциплинирован".

Рассматриваю портреты двух пожилых ленинградцев того грозного года; в глазах-серьезность, сила знаний и опыта, многозначная память прошедшего... Если б увидели эти лица деды, если б декабристы Николай Мозгалевский и Василий Ивашев узнали перед смертью, что через сто лет их внуки Николай Мозгалевский и Василий Ивашев будут идти рядом, плечо в плечо, намечая и прокладывая своему народу новые дороги!..

Память о декабристах - неотъемлемая, святая частица нашей духовной жизни; я убедился в этом, получив после журнальной публикации предыдущих страниц "Памяти" сотни писем читателей. Современники взволнованно пишут о необходимости открытия Музея Декабристов, сообщают о своих поисках, связанных с историей первого организованного революционного выступления, делятся сокровенными мыслями, вызванными напоминанием об этой эпохе в истории Родины.

Вот отрывок из письма А. Ф. Голикова из города Плавска Тульской области. Он прошел воину "от оборонительных рубежей Москвы через Вязьму, Смоленск, Оршу, Минск, Барановичи, Белосток-на Пруссию", потом был партийным работником, а сейчас на пенсии, но причисляет себя к работникам-краеведам - интересуется далекой стариной (района, разыскивает материалы и читает лекции о земляках-декабристах Борисе и Михаиле Бодиско, морских офицерах, не состоявших в обществе, однако вышедших 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь... "Декабризм надо расценивать как явление человеческой цивилизации, родина которому Россия. Было бы кощунством "до грамма" взвешивать на весах исследователя вклад каждого декабриста в общее революционное дело и на "основе" этого отводить ему место в рядах декабристов. Идеалом декабристов как раз было революционное и человеческое равенство. К тому же вторая часть революции декабристов протекала по всей России до 90-х годов - в Сибири, на Урале, Кавказе, на Украине, в Молдавии, Средней Азии, во многих иных местах, включая заграницу. Декабризм - не только и не столько восстание на Сенатской площади, это полувековая подвижническая и на редкость активная по тем временам деятельность разгромленных, но несломленных революционеров. Их революция была и в том, что они оставили нам литературные, философские, политические, естественнонаучные труды, как вехи к светлым знаниям, свободе и счастью нашему..."

Да, среди декабристов были первоклассные поэты и прозаики, страстные публицисты, талантливые переводчики, философы, филологи, юристы, географы, ботаники, путешественники - открыватели новых земель, инженеры, изобретатели, архитекторы, строители, композиторы и музыканты, деятели народного образования, просветители коренных жителей Сибири, доблестные воины, пионеры - зачинатели благих новых дел и просто граждане с высокими интеллектуальными и

нравственными качествами.

Конечно, они составили целую эпоху в русской истории и сами были ее творцами, являя собою перспективный общественно-социальный вектор. Они были также сами историками, которых отличала, как писал еще В. И. Семевский, "восторженная любовь к русскому прошлому". Это касалось, в первую очередь, ранне средневековой русской старицы, которую они связывали с народоправием и про" возглашали в качестве демократической, революционной программы своего времени. В уста Дмитрия Донского Кондратий Рылеев вкладывает такие свои слова:

Летим - и возвратим народу

Залог блаженства чуждых стран;

Святую праотцев свободу

И древние права граждан.

А Владимир Раевский говорит уже от себя:

Пора, друзья! Пора воззвать

Из мрака век полночной славы,

Царя-народа дух и нравы

И те священны времена,

Когда гремело наше вече

И сокрушало издалече

Царей кичливых рамена...

Декабристов интересовали славянская древность и античные времена, Новгородская .республика и норманистская лженаука, немецкая агрессия и татарское иго, история русского крестьянства и московского самодержавия, Петр I и Отечественная война 1812 года...

Первым среди историков-декабристов по праву числится Александр Корнилович. Он окончил Благородный институт в Одессе (Ришельевский лицей) и военное училище в Москве, готовившее офицеров генерального штаба. Необыкновенно одаренный юноша свободно владел латинским, греческим, немецким, французским, английским, польским, испанским, голландским и шведским языками. Будучи еще слушателем школы колонновожатых, работал в Петербургском и Московском архивах иностранных дел, накопив знания по истории России XVII-XVIII вв. С 1822 года этот

штабс-капитан генерального штаба печатается в "Сыне Отечества" и "Соревнователе Просвещения и Благотворения", опубликовав за три года двадцать исторических статей, и двадцатичетырехлетним молодым человеком становится издателем альманаха "Русская старина", появление которого Пушкин счел "приятной новостью"...

Поражает широта исторического диапазона декабристов.

Александр Корнилович, в частности, много занимался эпохой Петра, первым - прошлым русской промышленности, Гавриил Батеньков - автор статьи о египетских письменах и переводов исторических трудов, Александр Бригген написал очерк о жизни Юлия Цезаря, Михаил Лунин немало страниц посвятил истории взаимоотношений Польши и России, Михаил Фонвизин сделал "Обозрение проявлений политической жизни в России", Николай Тургенев провел солидное научное исследование по теории налогов. Павел Пестель создал "Русскую правду", Никита Муравьев - Конституцию, оба эти фундаментальных труда требовали обширных исторических знаний.

Декабрист Василий Сухоруков создал двухтомное "Историческое описание земли Войска Донского", опубликованное лишь в 1867-1872 гг., Николай Бестужев написал работы "О свободе торговли и промышленности" и "Опыт истории российского флота"; последний исторический труд в триста с лишним широкоформатных рукописных листов до сих пор не напечатан. А еще вспомним исторические повести, стихи, статьи, поэмы, записки Александра Бестужева, Вильгельма Кюхельбекера, Владимира Раевского, Кочдратия Рылеева, Федора Глинки, Ивана Якушкина, Николая Басаргина, Павла Черевина... Всего же ученые числят среди декабристов пятьдесят пять историков!

Все они придавали огромное значение исторический знаниям, и читателю, быть может, будет полезно познакомиться с некоторыми их высказываниями, в которых проявился демократизм, гуманизм, революционность и единство исторических взглядов декабристов. Беру лишь первые десять имен...

Александр Корнилович: "***Люди никогда или весьма редко... вопрошают прошедшее и таким образом самопроизвольно лишают себя помощи, какую могли бы им подать минувшие***

века... История есть собрание примеров, долженствующих руководить нас в общественной жизни".

Николай Бестужев: "***До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов; науки государственные относились к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастии или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государства; обширность торговли, богатства купечества и банков за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляется из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство".***

Михаил Лунин: "***История... не только для любопытства или умозрения, но путеводит нас в высокой области политики".***

Иван. Якушкин: "***Одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее".***

Николай Тургенев: "***Науки политические должны идти вместе с историей и в истории, так сказать, искать и находить свою пищу и жизнь".***

Гавриил Батенькой: ***"История-не приложение к политике или пособие по логике и эстетике, а сама политика, сама логика и эстетика, ибо нет сомнения, что история премудра, последовательна и изящна".***

Павел Черевин: "***Кто посвящен в таинства истории, для того настоящее вполне постижимо, он прозревает и будущее".***

Василий Сухоруков: "***В истории человечества события не вырастают сами собою, без связи с прошедшим".***

Никита Муравьев: "***Тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинуемся прошедшему, дополняем то, что сделано, делаем то, что требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда прорывались уже предки наши".***

Александр Бестужев: "***Для нас необходим фонарь истории... Теперь история не в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно: она проницает нас всеми чувствами".***

5. Глава 5

В отрочестве любил я листать книги первых исследователей Сибири, Алтая, Приморья и Камчатки - Крашенинникова и Палласа, Пржевальского и Арсеньева, и уж совсем завораживающе музыкально звучали две странные, непонятного происхождения двойные фамилии путешественников, бороздивших дальние моря и пустыни: **Миклухо-Маклай** и **Грумм-Гржимайло**[6]. Мне, помню, нравилось громко произносить их имена и прислушиваться, как они звучат... Николай Миклухо-Маклай!.. Григорий Грумм-Гржимайло!.. В первом клокотала перекатистая рифма, во втором гремел гром.

Впервые мы встречаемся с именами самых знаменитых своих соотечественников в школьные

---

[6] В некоторых двойных польских фамилиях первая часть обозначает герб, своего рода клан. Существует около трехсот таких кланов польской знати. Часто фамилии семей, входящих в клан, составлены из общего имени-герба и индивидуальной фамилии семьи.
Доливо-Добровольский (Doliwa-Dobrowolski)
Бонч-Бруевич (Boncza-Brujewicz)
Грум-Гржимайло (Grum-Grzymala) - исключение - герб стоит на втором месте

годы - учитель назовет или в учебнике прочтешь, однако позже нередко случается так, что большинство этих имен не успевает по-настоящему раскрыться для тебя, пока не встретишь потом ненароком нужную книгу или журнальную статью, и тогда ты вдруг ясно поймешь, что такого человека следовало узнать пораньше, потому что он мог из своего будто бы небытия решительно повлиять на твою судьбу или, по крайней мере, через тебя на твоих детей...

Про Миклухо-Маклая, однако, в школе я ничего не слышал, но мне повезло - случайно обменял у парнишки с соседней улицы книгу самого путешественника на птичью клетку-двухлопушку с голосистым щеглом. Этот товарообмен для меня был очень выгодным, потому что клетку я делал сам и мог сделать другую такую же, даже лучше, щегол поймался в хлопушку тоже сам, и их еще много летало над Сибирью, но где бы я взял такую книгу или денег на нее?

Прочел я это скромное довоенное издание в зеленом, сдается, обложке, однако мелкие факты из новогвинейского дневника ученого довольно быстро и прочно забылись; помню только, как пришелец, впервые увидев воинственно настроенных папуасов, улегся на траву спать, что сразу покорило жителей джунглей, как потом он лечил больных и остановил войну между деревнями и как перед отъездом жители острова упрашивали его навсегда остаться с ними. И еще застряли в памяти пестрота новогвинейских впечатлений Миклухо-Маклая да, верно из предисловия, маршруты его путешествий, потому что я, очевидно, проследил их тогда по карте, - они на моей лесной и снежной родине, отстоящей дальше, чем какое-либо другое место на земле от морей и океанов, звучали так завлекательно и зазывно - Канарские острова, Марокко, Таити, остров Пасхи, Австралия, Острова Зеленого Мыса, Новая Гвинея...

Вспоминается еще один случай - послевоенный, черниговский. Должно быть, всюду можно найти человека, который сильнее других любит и лучше прочих знает родные края - живые подробности больших событий истории, когда-либо посетивших эти места, приметные строения в округе, в том числе и навсегда уничтоженные войнами и небрежением, предания, родословные, судьбы интересных земляков, драгоценных документов и вещей. Их называют привычно краеведами, происходят они из бывших учителей, врачей, журналистов, военных, музейных, партийных и советских работников, и новая их служба, в которой они пребывают незаметно, часто донельзя скромно, чрезвычайно важна и нужна-они прививают согражданам привязанность к их родине, а через нее - к большой Родине, к миру и жизни, а сами эти увлеченные отставные трудяги, кажущиеся подчас чудаковатыми, составляют кое-где высшую духовную ценность местного общества, потому что выступают в добровольной роли Хранителей Памяти.

Интересную новизну подметил я в последние годы - таких патриотов и знатоков становится все больше среди молодых...

Так вот, в Чернигове много лет назад встретился мне местный старичок, изработавший себя в газете и бросивший писать даже "информушки". Он - назову его Иваном Ивановичем - сновал по редакционным закоулкам, всем почему-то был нужен, особенно начинающим журналистам. Мои очерки и заметки Иван Иванович быстро и ловко переводил на украинский, хотя был русским, приговаривая:

- Послушайте, дорогой, совет старого газетного сазраса: вычеркивайте слово "работа" из своих писаний совершенно, и тогда оно будет у вас встречаться не более трех раз на странице...

Иван Иванович рассказал мне о таинственной судьбе "**Святой Феклы**" - гениальной фрески из **черниговского Спаса**, первым поведал, что в Чернигове работали и были похоронены баснописец Леонид Глебов и прозаик-реалног Михайло Коцюбинский, что из этих мест происходят Тычина, Довженко, Десняк...

- А Новгород-Северский, между прочим, дал князя Игоря!

Местную гимназию закончили педагог Ушинскнй, писатель-народник Михайлов, ученый и революционер Николай Кибальчич, который перед казнью набросал схему ракетного космического аппарата. В Вороньках похоронены Сергей и Мария Волконские, Александр

Поджио... А в Стародубе - корни Миклух.

- Каких Миклух?

- Неужели вы никогда не слышали о Николае Миклухо-Маклае?

- Почему же, слышал.

- На Черниговщине жили деды-прадеды ученого, и отец его Николай Миклуха тут родился. Русская история знает двух братьев - Владимира, что, будучи командиром броненосца "Адмирал Ушаков", геройски погиб в Цусимском морском сражении, и Николая - великого человека, хотя и маленького росточка, и хлипкого телосложения, и вроде бы второстепенных научных интересов...

И правда, среди множества разных наук издавна существуют немодные, "тихие", имеющие весьма относительное прикладное значение. Не сулит облегчения труда в промышленности и земледелии, например, собиратель и знаток фольклора или археолог, никому не обещает прибылей специалист по языкам исчезнувших племен или палеонтолог. Рыцарем таких неглавных наук, не усиливающих власть людей над природой и не увеличивающих количество наших вещей, был и Николай Миклухо-Маклай, и распространенные представления о нем чаще ограничиваются начальными сведениями-ну, путешествовал по экваториальным и южным морям, жил среди папуасов, сумел завоевать их уважение и любовь, описывал быт, нравы, обычаи дикарей, собирал экзотические коллекции, ну и что? А то, что за этими общими представлениями ускользает подлинный облик Николая Миклухо-Маклая как великого ученого и человека, гуманиста и патриота.

Признаюсь - я так и не удосужился прочитать обобщающую работу о **Миклухо-Маклае**, только время от времени через газеты, популярные журналы или радио в память проникали случайные и отрывочные сведения о его необыкновенной жизни. Однажды услышал, как он пропал на целый год, а объявившись, никому ни слова не сказал, где был и что делал. Жил он этот год в джунглях Малаккского полуострова, где до него не побывал ни один европеец, искал этнические корни папуасских племен, но сведения о своей работе не счел возможным публиковать, чтобы малайцы, совершенно ему доверявшие, не назвали это шпионством... Женат он был на дочери премьер-министра Нового Южного Уэльса, встречался с Александром III, и между ними произошло краткое, но серьезное объяснение, поводом которого послужили новогвинейские изыскания ученого, доказавшего, что папуасы, считавшиеся европейскими колонизаторами низшей в человеческом роду расой, умны, добры, практичны, на их теле волосы растут не пучками, а как у других смертных, в том числе, естественно, и у российского царя, и вообще все люди в принципе по природе своей равны...

Император, порассуждав о диких и культурных народах, изволил назвать россиян далекими от европейцев, тунгусов от русских, а любезных посетителю "папуанцев" более дикими, нежели тунгусы, и посему, дескать:

- Какое же, помилуйте, возможно братание? Достойно сожаления, однако же, по нашему разумению, преждевременны ваши старания, господин Маклай, а потому и напрасны, хотя по-христиански, быть может, похвальны. Да только как бы похвальность эта не взбаламутила кого до поры...

- Насколько мне, государь, кажется, - с достоинством искателя истины возразил ученый, - поиски истины всегда своевременны и не напрасны. Они могут не совпадать с интересами отдельного государства или отдельного правительства, но я не служу отдельному правительству или государству, я служу человечеству, в том числе, разумеется, и своему отечеству.

- Да, вы так думаете? -растерялся царь, не ожидавший, конечно, такого. - Но это... однако вы дерзок, господин ученый изыскатель! Этак и до крамолы недалеко. Не смею вас более задерживать...

Не знаю, смогла ли в тот день крымская лазурь развеять дурное настроение царя, не ведаю меры-оценки Миклухо-Маклаем результата августейшей аудиенции, но был тогда другой царь в России - духовный... В том же 1886 году Николай Миклухо-Маклай получил письмо Льва Толстого: "Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не нушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают..."

И далее гений русской литературы просит ученого "ради всего святого" подробно описать весь свой опыт, что "составит эпоху в той науке, которой я служу - в науке о том, как людям жить друг с другом", и этим сослужить "большую и хорошую службу человечеству".

Миклухо-Маклай не успел выполнить этого пожелания - через семнадцать месяцев умер, прожив на свете всего сорок два года. Почти все написанное им публиковалось посмертно, причем малаккский дневник был напечатан лишь в 1941 году, и до сих пор далеко не все мысли, высказанные им по разным поводам, стали достоянием даже очень любознательного читателя. Позволю себе привести некоторые его высказывания, найденные совсем недавно и нужные нам для путеводительства в новом маршруте...

Напоминая читателю афористичную фразу Миклухо-Маклая о том, что он служит человечеству, и в том числе, разумеется, своему отечеству, я выделяю курсивом слова вроде бы малозначащие, но на самом деле чрезвычайно важные, подчеркивающие принципиальную позицию ученого. Да, Миклухо-Маклай был, как бы мы сейчас сказали, великим интернационалистом, а это означает, что он был великим патриотом.

"...Чувствовать себя сыном человечества, - сказал он однажды английскому журналисту, - не значит забыть родной дом. Я еще не встречал человека с нормальной психикой, который был бы холодно беспристрастен к матери".

Размышляя о великой своей матери - России, Миклухо-Маклай останавливается на одной существенной особенности родного народа, обогащающей и облагораживающей духовный облик человечества. Прежде чем познакомиться с его раздумьями на этот счет, поясню, что Миклухо-Маклай, основываясь на данных своей науки, был в антропологии принципиальным моногенистом, то есть исходил из признания полного равенства всех современных народов и рас, составляющих человеческое сообщество. Полигенизм утверждал и утверждает обратное, давая лженаучный повод расистам всех мастей делить народы на "высшие", "избранные" и "низшие", "неполноценные", оправдывая военные экспансии, экономические разбои, политическое неравенство, нравственный протекционизм, эгоистический патронаж, национальный гнет.

Миклухо-Маклай подчеркивает, что его научные взгляды находятся в полном соответствии с интеллектуально-психическим складом родного народа: ***"...Россия - единственная европейская страна, которая хотя и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу..."***

Любознательный Читатель. Русский дух? Что это такое?.. И в словах Миклухо-Маклая мне видится некое противоречие. В старой России были полицейские ограничения, государством проводилась реакционная политика "запечатывания умов".

- Да. Миклухо-Маклай пишет также и об этом, подчеркивая как бы противоестественность существования и развития в царской России передовых идей. К понятию "русский дух" мы еще вернемся, а вот слова Миклухо-Маклая, которые я имею в виду:

"Русская мысль, если говорить о мысли плодотворящей, рождающей новые идеи и новые взгляды на природу вещей, явление замечательное и потому уже, что оно существует, кажется как будто противоестественным. Ведь мысль, способная ниспровергнуть общепринятое и утвердить что-то новое, искра, возникающая от столкновения мнений, от сомнения, побуждающего искать истину. Чтобы такие искры

высекались, людям нужна внутренняя духовная свобода и нужно общество, позволяющее свободу мнений".

- И неужели в России ученый видел такие условия?

- Нет, не видел. Более того, он считал, что в историческом ***отрезке "от Иоанна Грозного до наших дней, за вычетом, быть может, эпохи Петра I", не допускалась "под страхом смерти или тюремного заключения не только разница во мнениях, но даже попытка усомниться в чем-то, что являлось установленным и принятым в государстве".***

- Ну, пожалуй, он слишком даже строг к своей страна...

Свежая мысль в России хоть и в муках, но всегда пробивалась.

- Ага! Вы уже возражаете ученому с новой позиции? Но ведь он с вами согласен, хотя упоминает и другие способы "запечатывания умов". Русский народ и "инородцы" всячески ограждались властью от влияния неугодных ей примеров, в частности, "была введена строгая система Видов на жительство, дабы каждый гражданин постоянно находился под государственным контролем и наблюдением лиц, назначенных отвечать за сохранность установленного единообразия в мыслях и

настроениях".

- Интересно бы добраться до исторических и психологических истоков такого устройства самодержавной Россия...

- Миклухо-Маклай, кажется, не успел познакомиться с марксистским анализом современного ему общества, но хорошо знал произведения Чернышевского и других русских революционных демократов и, кроме того, обладал самостоятельными взглядами на общественно-исторические явления. Вот что он писал в черновом наброске, найденном недавно " Австралии у его потомков: "***Дикая татаро-монгольская орда с ее свирепой жестокостью, презрением к духовным ценностям и разделением общества на рабов и вождей принесла и укоренила на века в Русском государстве положение, при котором право думать получили только те из нижестоящих, кто, думая, в мыслях своих угадывал желание вождя. А коль скоро всякое слово толковать можно по-разному, то человек, намереваясь сказать одно, невольно может дать повод понимать его иначе, от страха не угодить вождю родилась привычка говорить и писать пространно, все со всех сторон обсказывать, обтолковывать, дабы понятым быть в одной лишь позволительной плоскости. Все речи заведомо строились с расчетом на понимание примитивное, и потому развитию мышления у тех, кто читал их или слушал, они не способствовали".***

- Но неужели те, кто веками поддерживал такой порядок, не понимали, что они сдерживают возможности народа и это оборачивается убытком для государства, становится тормозом его развития?

- Мысли Миклухо-Маклая на этот счет очень любопытны: "***Силой ума, характерами и своим отношением к действительности вожди отличались друг от друга часто настолько, что казались полной противоположностью, однако установленного регламента с незначительными отклонениями все придерживались одинаково. Вождь, не обладавший проницательным умом, иных речей не воспринимал, и существующий порядок общения ему представлялся единственно правильным; тот же, кто видел и понимал больше своих подданных, сознательно поощрял косность, так как управлять ею проще и безопаснее".***

Любознательный Читатель. Знаете, само высказывание этих мыслей в то время - доказательство того, что, действительно, мысль в России пробивалась сквозь все затычки!

- Итак, вы с Миклухо-Маклаем единомышленники! Смотрите, что он пишет далее: "И вот при всех этих порядках, которые ведут лишь к всеобщему отуплению, животворящая русская мысль вопреки всем насилиям и царящей нравственной тьме все-таки произрастает и, всему свету на изумление, приносит замечательные плоды".

- Ну, хорошо, а в чем же Миклухо-Маклай видит истоки, так сказать, животворности русской мысли? Не в так ли называемом "русском духе"?.. Не надо забывать, что еще при жизни ученого в России появились первые марксистские работы Плеханова, а через несколько лет после смерти - Ленина...

- Очень легко через сто лет предъявлять претензии к ограниченности мышления того или иного думающего человека...

Конечно, Миклухо-Маклай недостаточно ясно представлял себе тогдашний расклад общественных сил или исторические перспективы и не ставил себе целью дать прямое изложение своих политических взглядов. Но он действительно пытался найти истоки современной ему животворящей гуманистической мысли в исторических и социальных условиях, сформировавших нравственный, духовный облик русского человека: "Когда заходит разговор о русской науке и культуре, людей, мало знающих Россию и привыкших смотреть на нее как на одно из самых деспотических государств, бесправный народ которого, казалось бы, не может дать ничего хорошего, поражает в русской мысли ее неизменный гуманизм. А она, страдалица, пройдя через все испытания, пробившись сквозь тернии, не может нести в себе зло. Страдание озлобляет натуры холодные, с корыстной душой и умом либо слабым, либо чересчур однобоким; русский же человек по своему характеру горяч и отзывчив, а если бывает злобен и совершает поступки буйно жестокие, то лишь в отуплении или безысходном отчаянии. Когда же ум его просветлен и он видит истоки зла, в страданиях своих он никогда "не озлобляется и мысли его направлены не к мести, воспетой и возвышенной до святости в европейской литературе, а только к искоренению зла всеми путями и средствами... При этом он легко готов принести себя в жертву ради блага других, часто для него безымянных и совершенно чуждых".

- Это очень проникновенно сказано, точно и без малейшего признака "квасного патриотизма" или русопятства...

- У Миклухо-Маклая есть кратчайшее, афористичное высказывание о природе человеколюбия, издревле присущего нашему народу: "...русской натуре чужды не люди чужие, ей чужд эгоизм".

- И все же в этом афоризме Миклухо-Маклая сквозит тенденция некоторой романтизации русских. Среди наших соотечественников, как и в любом другом народе, издревле встречалось немало натур эгоистичных, подлых, жестоких...

- Простите, я в погоне за краткостью невольно исказил мысль ученого; на самом деле он пишет: "Истинна русской натуре..." Истинно! А те люди, о которых говорите вы, русские по рождению, а не по духу...

- Опять "дух"? Что это такое?

- На эту тему можно бы написать диссертацию... Подумайте сами, что имел в виду Пушкин, например, сказав: "Здесь русский дух...". И еще я вспоминаю сейчас, как попал мне однажды в руки подлинный дневник Толика Листопадова, обыкновенного парнишки из Бахмача, маленького патриота, увидевшего своими правдивыми глазами фашистскую оккупацию - аресты, расстрелы ни в чем не повинных людей, изуверские пытки, пережившего голод, побои, смерть близких, и я в свое время напечатал этот редкий документ. И вот в записи от 3 июля 1943 года он восклицает: скоро ли придут те, что "и говорят по-нашему, и по духу наши?.." Владимир Даль нашел десять основных значений слова "дух", а производных словотолкований - на целых шесть столбцов его канонического словаря! Среди коренных понятий, объясняющих это слово, есть такие, как "сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость, бодрость", и такие, как "отличительное свойство, сущность, суть, направление, значение, сила, разум, смысл". А "русский дух", о котором говорил когда-то Миклухо-Маклай, а сейчас говорим мы с вами,-это, мне кажется, гуманистическая нравственная сущность нашего народа.

- Но ведь **Миклухо-Маклай** говорил о 80-х годах прошлого века, когда в России наступил разгул реакции, приспособленчества, антигуманизма...

- И в эти же годы зарождалось понятие пролетарского гуманизма!.. Великий русский ученый-

гуманист вовсе не ко всякой и всей России себя причислял. Впрочем, у него сказано па эту тему предельно ясно: "Говоря о своей принадлежности к России и гордясь этим, я говорю о своем духовном родстве с теми ее представителями, которых принимаю и понимаю как создателей истинно русского направления в науке, культуре и такой важной для меня области, как гуманизм".

Любознательный Читатель. Эти слова мог бы в качестве символа веры взять на вооружение каждый наш современник, родственно приобщаясь к гуманистическим традициям прошлого...

- Несомненно. Только Миклухо-Маклай предупреждал: "Но это не то родство, которое дает повод для семейного застолья. От каждого, кто его сознает, оно требует прежде всего постоянной дисциплины в мыслях и делах".

(Высказывания Н. Н. Миклухо-Маклая о природе русского гуманизма цитируются по очерку А. Иванченко "Когда я работаю, я свободен". Журнал "Дружба народов", 1976, No 7.)

Николай Миклухо-Маклай досадливо морщился, когда его называли путешественником, считая, что есть в таком определении некая легковесность, хотя никто, конечно, не мог счесть его праздным скитальцем по белу свету. Истым путешественником числился и Григорий Грумм-Гржимайло. Услышав эту странную фамилию еще в детстве, я, однако, прожил несколько десятилетий, ничего не зная о нем, кроме фамилии, да немного еще по какому-то случаю о его брате Владимире, металлурге, и так бы, наверное, и тянул до конца, не испытав потребности поближе познакомиться с маршрутами и трудами Григория Ефимовича, еслн б не это мое путешествие в прошлое, .вначале локальное, любительское, не ставящее определенной цели, но со временем незаметно превратившееся в страсть, которая поглотила не один год, заставив отложить большую литературную работу и в зародыше погубив несколько других замыслов. И удивительным было то, что к Григорию Грумм-Гржимайло меня привел декабристский поиск.

6. Глава 6

Однажды морозливым и темным осенним вечером позвонил приятель, прослышавший о моем интересе к прошлому.

- Слушай, завтра об эту пору я хотел бы тебя захватить с собой в один дом на посиделки. Не пожалеешь.

- А что там такое? - без восторга поинтересовался я, уже отыскивая в уме слова, чтоб решительно отказаться, - вечерами у меня подымалось давление, разламывало голову, поджимало сердце и совсем пропадала работоспособность; я со страхом смотрел на телефон, ожидая очередного звонка от кого-нибудь, и с отвращением - на телевизор, от которого некуда было деться.

- Зачем я туда пойду? Телевизор смотреть под рюмочку?

- В этом доме я никогда не видел наполненной рюмочки.

Это уже было хорошо.

- А что же там будет?

- Я же сказал - посиделки. Соберутся архитекторы, биологи, технари. К хозяйке дома, которая тебя заочно знает и приглашает вместе со мной, приезжает из Ленинграда подруга с сюрпризом.

- Сюрпризы уважаю, только чувствую себя неважнецки.

- Развеешься, на людях побудешь, а то засел, и нигде тебя не видно.

- Ладно, давай адрес этого дома.

- Записывай. Высотный на Котельнической, крыло "В"...

В этом доме и этом крыле я не раз бывал за последние двадцать пять лет - там жил мой двоюродный брат Петр Иванович Морозов. Мы родились с ним на одной улице в **Мариинске**, наши отцы похоронены рядом в Тайге. Их было три брата Морозовых, племянников моей мамы. Старшего, Павла, комсомольского активиста, из обреза убили в Мариинске мясники, второй -

Сергей - герои Халхин-Гола, прошел в своем танке всю Отечественную войну и жил в Омске, страдая от старых ран и ожогов. Третий, **Петр**, получил сельскохозяйственное образование, пошел по партийным и государственным работам; ведал в войну областным земельным отделом в Новосибирске, потом был секретарем Кемеровского обкома партии, министром сельского хозяйства России, семь лет первым секретарем Амурского обкома, затеяв там подъем полумиллиона гектаров дальневосточной целины под сою и пробив в Москве решение о строительстве Венской ГЭС, потом более десяти лет заместителем союзного министра по животноводству, и промышленные мясные комплексы его дело, которое он первым в стране начал еще на Амуре. Поработал всласть, с инфарктами, надорвался и вскоре после выхода на пенсию умер...

От Кировской станции метро я пошел пешком, чтобы подышать; сердцу легко было спускаться под гору, к самому низкому месту столицы - тут Яуза впадала в Москву-реку.

Высотный дом ажурно вырисовывался в мутном небе, лишь временами его стройный шпиль расплывался-исчезал в низких сырых тучах, что медленно тянулись над крышами, смешиваясь с густыми дымами Могэса, и казалось, все здание величаво плывет им навстречу. Оно росло меж расступающихся домов, широко раскидывало крылья, рельефно проступало сквозь волглый туман своими башенками и фризами.

Люблю я московские высотные дома! Не те новые высокие сегодняшние параллелепипеды, возникающие вдруг то там, то сям по городу, очень похожие на чемоданы стоймя и плашмя, а именно высотные дома, что в пору моего студенчества неспешно, основательно и одновременно воздвигнулись семью белыми утесами над нашей столицей, стоящей, как и Рим, на семи холмах...

Никогда не соглашался с теми, кто, следуя моде - было же время! - почем зря ругал их. Помню, как герой одного популярного тогда романа, из ученых физиков, подходя, как сейчас я, к этому скульптурно-монументальному и в то же время изящному и легкому дому на Котельнической набережной, назвал его почему-то "чванливым и плоским". В те годы мне однажды удалось проделать маленький эксперимент. На плакатную фотопанораму Москвы я положил несколько бумажек и подвел к ней москвичей-оппонентов:

- Что за город?

Они недоуменно рассматривали невыразительные ряды и скопления домов и не смогли увидеть никаких подробностей, сглаженных масштабом.

- Ну, знаешь! Это может быть Пермью или Курском.

- Или Марселем... Плоский какой-то город. Дунул я на бумажки, закрывавшие верха высотных зданий, и они ахнули.

- Москва!

Говорили тогда, что дороги эти здания, но разве дешево обошлись Кремлевские башни или московское метро? С излишествами, дескать, однако "излишеств" куда тебе поболе в отделке Василия Блаженного или, скажем, того же метро, если сравнить его с заграничными... Высотные здания, будучи несколько похожими друг на друга и в то же время оригинальными, естественно и тактично дописали градообразующий абрис Москвы, и было что-то истинно высокое и символичное в замысле, увенчавшие Ленинские горы, вознесшем над столицей ее университет... Высотный дом на Котельнической набережной стоят хорошо, красиво, с любой стороны выглядит не плоским, а объемным.

Небольшая квартира в две комнатки казалась еще меньше, чем была, от многолюдья и больших старинных картин в массивных позолоченных багетах. Хозяйка дома, Софья Владимировна, вдовая одинокая женщина, как-то ухитрялась пробираться между нами, совсем по-молодому хлопоча, чтоб всем было хорошо. А к столу прилаживала свою проекционную аппаратуру ее ленинградская гостья. Татьяна Юрьевна была несколько моложе хозяйки, но такой же говорливой, любезной и расторопной, как-то ловко набросила на стену белое полотно, быстро

размотала провода, защелкала выключателями, устремилась за массивный комод искать розетку.

- Нет, нет, не беспокойтесь, прошу вас, я же бывший инженер-энергетик.. Все! Пожалуйста, устраивайтесь как-нибудь...

Устроились, погасили свет. Татьяна Юрьевна вставила в фильмоскоп рамочку с цветной пленкой. Сенатская площадь, строгое, как на параде, каре, пушки, кучка восставших в глубине этой известной графической панорамы, народ в отдалении.

- Вот тут все и приключилось, только не так, как изображено...

И начался рассказ о событиях 1825 года, известных всем, и в подробностях известных немногим, - точная, интеллигентная, без единой ошибки "петербургская" речь, которую она не прерывала, даже меняя слайды; на экране высвечивались старинные портреты, рисунки, гравюры, свежие фотографии.

После выхода на пенсию Татьяна Юрьевна Никитина все свое время и все средства тратит на поездки по декабристским местам и фотоматериалы, на изучение наследия героев 1825 года и пропаганду его: ах, до чего ж хорошая пенсионерка! И, видно, следит за собой - держится с изяществом, возраста с первого взгляда почти не угадаешь, по голосу же почти молодая женщина.

Долгой ей жизни! А то иные, особенно наш брат, так называемый сильный пол, получают пенсионную книжку и на диван, будто не належатся потом, когда уже ничто не в силах их будет поднять; тридцать миллионов живых людей могли бы найти так же, как Татьяна Юрьевна, свое место в новой ипостаси для пользы всех...

В комнате стало слишком душно, голова болела и сердце давило, но уйти было нельзя - никогда б не простил себе обиды, которую мог нанести Татьяне Юрьевне, Софье Владимировне и ее гостям.

- Дмитрий Завалишин. Умер последним из декабристов. Знал десять иностранных языков, но характерец у него был так себе...

- А это Михаил Фонвизин, генерал, племянник драматурга Фонвизина. Уезжая из Сибири, поклонился до земли Ивану Якушкину за то, чго тот ввел его в тайное общество... **Дом на Рождественском бульваре,** где он жил... Его замечательная супруга Наталья Дмитриевна считала себя прототипом Татьяны Лариной. В Сибири оказала помощь сосланному по делу петрашевцев Федору Достоевскому. Добрые отношения между ними установились надолго... Надгробие Ивана Пущина в **Бронницах**, где он умер мужем овдовевшей Натальи Дмитриевны...

- Необычно сложилась судьба **Александра Корниловича**, - слышался голос Татьяны Юрьевны. - Приговорен был к двенадцатилетней каторге, но через год его, единственного из декабристов, вернули с Нерчинских рудников в Петербург и посадили в одиночку Петропавловской крепости...

- Это был очень одаренный человек, - добавила Софья Владимировна, сидевшая у самого экрана. - До ареста занимался архивными изысканиями о Петровской эпохе, начал издание исторического **альманаха "Русская старина",** а в крепости...

- Извините, дорогая, надо сначала рассказать, почему он в крепость-то попал, - перебила Татьяна Юрьевна.

Это мне было бы интересно, если б я не знал, что Александра Корниловича вернули из Сибири по доносу одного из самых презренных людей того времени Фаддея Булгарина - этот замаранный человек марал не только литераторов; в его доносе упоминались Рылеев, Бестужев, Матвей Муравьев-Апостол, а на Корниловича он возвел гнусный поклеп, будто через декабриста просачивались на сторону важные государственные сведения. В крепости Александру Корниловичу позволили без ограничения пользоваться пером и книгами, что дало ему возможность откровенно высказаться по многим вопросам административного устройства России, экономике, торговле, военному делу, и эти записки государственного преступника изучали не только министры, но и сам Николай... Между прочим, Александр Корнилович, как Гавриил

Батеньков, Николай Басаргин и другие его товарищи, считал, что Сибири прежде всего нужны хорошие пути сообщения и развитие фабрично-заводского дела. "Главный недостаток Сибири, - писал он, - есть недостаток промышленности"... Многих декабристов, думал я, можно было назначить министрами, и они, в том числе, наверное, и Корнилович, потянули бы не хуже прочих, а этот "министр в темнице", лишь через пять без малого лет добился "освобождения" - на Кавказ рядовым, где в 1834 году скончался "от желчной горячки"...

- ...Грумм-Гржимайло... - сквозь тупую головную боль вдруг услышал я Софью Владимировну, вздрогнул, мучительно попытался восстановить в памяти какую-то странную ассоциацию и снова отключился от всего, не чая дождаться конца, чтоб выйти наружу.

- Ну, как? - спросил на улице приятель.

- Конечно, посиделки необычные,- ответил я, считая, что мое недомогание совсем ни при чем, если гостям было все интересно и внове - разве плохо, если еще десяток людей узнают дорогие подробности нашей истории? - Спасибо... Слушай, я только не разобрал, в какой связи была упомянута эта необычная фамилия - Грумм-Гржимайло?

- Так мы же были в доме Грум-Гржимайло!

- Вон оно что! А Софья Владимировна, значит, дочь знаменитого русского металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло.

- Нет, невестка.

- Кто же она сама?

- Хороший человек, этого достаточно... Бывшая балерина.

- Дай-ка мне ее телефон.

Назавтра я позвонил Софье Владимировне, чтобы поблагодарить за гостеприимство.

- Как вы себя чувствуете? - спросила она.

- С утра получше... Неужто вы вчера заметили?

- Видела, как вы доставали валидол, и хотела прервать посиделки, но дело шло к концу. Что-то рановато вы начали его посасывать! Сколько вам?

- Родился в том году, в котором умер Владимир Ефимович.

- Еще нет пятидесяти? Да вы совсем молодой мужчина.

- Спасибо... Только у меня уже был инфаркт миокарда.

- Один?

- Если быть точным, полтора.

- Ну, знаете,- засмеялась она. - Вы новичок в этом деле.

Сказать, сколько их было у меня?... Восемь!

- Софья Владимировна! Откуда такая интересная двухсложная фамилия? - сменил я тему. - С детства, понимаете, запомнилась. Грумм-Гржимайло, Миклухо-Маклай...

- А еще Бонч-Бруевич, - молодо засмеялась она. - Тан-Богораз, Туган-Барановский, Щепкина-Куперник, Адрианова-Перетц... Но вы, кажется, неверно произносите!

Москвичи, идущие от Владимира Ефимовича, металлурга, пишутся Грум, а ленинградцы, потомки Григория Ефимовича, путешественника, - Грумм... Род этот очень древний.

- Насколько древний?

- О! Как считают знатоки, это самый древний род Европы, сохранившийся в веках достоверные следы.

- Не древнее же Медичи, Валуа или Тюдоров...

- Древнее даже Комнинов и Рюриковичей! Быть может, это единственный род на земле, следы которого прослеживаются со второго века...

- Черт возьми!..Извините.

- Ничего...Правда, только со второго века нашей эры. Не знаю, насколько научно все это, однако родословными изысканиями занимался Алексей Григорьевич Грумм-Гржимайло, ученый-ленинградец. Он умер недавно, а у меня где-то были записи с его слов. Поищу. Позвоните как-нибудь...

Вскоре меня положили в больницу, а месяца через два я снова набрал номер Софьи Владимировны. Никто не подошел.

Назавтра были те же длинные гудки, и так несколько дней.

Позвонил приятелю.

- Понимаешь, не могу дозвониться в тот дом на Котельнической. Не случилось ли чего?

- Случилось. У Софьи Владимировны девятый инфаркт. К счастью, как всегда, микро...

А через несколько дней я развернул свежий литературный еженедельник и увидел большую статью "Русский Фауст" - о Владимире Одоевском. Когда-то, в студенческие годы, я читал его роман-фантазию "4338-й год" и знал слова Белинского: "Главная мысль романа, основанная на таком твердом веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирообъемлющую судьбу России,- мысль истинная и высокая, вполне достойна таланта истинного..." Однако позже мне как-то не довелось поближе познакомиться с этой выдающейся личностью нашего прошлого, и сейчас я был благодарен автору статьи за интересный, компактный рассказ о замечательном русском энциклопедисте, многие годы стоявшем в центре петербургской интеллектуальной жизни. Философ, сатирик, автор повестей и сказок, он занимался также изобретательством и наукой, поражая всех широтой своих интересов - от химии переходил к акустике, от гальванопластики к "научной" кулинарии и даже сконструировал оригинальный орган. И этот необычный князь-рюрикович, оказывается, был еще и выдающимся музыкантом, музыковедом, музыкальным организатором, чему, собственно, и посвящалась статья, подробно рассказавшая о его роли в становлении и развитии русской музыкальной культуры; о многолетней плодотворной дружбе Владимира Одоевского с Михаилом Глинкой, обязанным энтузиасту-просветителю за повивальные услуги при мучительном и счастливом рождении первой русской оперы "Иван Сусанин"; о встречах Одоевского с молодым Петром Чайковским, написавшим: "Это одна из самых светлых личностей, с которыми меня сталкивала судьба"; о его знакомствах и связях с Ференцем Листом, Рихардом Вагнером и Гектором Берлиозом, который в последнюю трудную пору своей жизни получал от петербургского друга материальное вспомоществование... Да, были во все времена истинные люди!

Мне захотелось поблагодарить автора публикации за еще одно окошечко, распахнутое в прошлое отечественной истории и культуры, да поговорить с ним кое о чем, потому что под статьей стояла нежданная подпись "Тамара Грум-Гржимайло".

Телефон, временами доставляющий нам столько неудобств, которые успел испытать еще Менделеев, никогда не поднимавший дребезжащую трубку, - совершенно необходимая вещь в наше время, сберегающая этот драгоценный дар Хроноса, - через несколько минут я разговаривал с музыковедом Тамарой Николаевной Грум-Гржимайло.

- Это верно, что со второго века?

- Ну так они считают. На территории теперешней Венгрии жили тогда разрозненные племена, объединенные в несколько римских провинций. Столицей Паннонии, поднявшейся против метрополии, был город **Виндебож**[7]. Римский император **Марк Аврелий** долго воевал с северными варварами, это истощило его империю.

В 180 году он осадил Виндебож, который отчаянно защищался. Храброго вождя осажденных звали Гржим, что означает не то "громоподобный", не то "разгромный".

---

[7] **Виндобона** (Vindobona), римское назв. Вены.

- Кажется, славянский корень в основе...

- Может быть. **Марк Аврелий**[8] умер под стенами города, не взяв его, а Гржим дал большое потомство... Позже через эти земли шли готы, гунны, аланы, а мадьяры тут осели насовсем, но род Гржима будто бы не исчез - его потомки расселились по всей средней и южной Европе. В Италии отдаленнейшие потомки Гржима будто бы дали известный род **Гримальди** - там даже один городок так называется, и кто-то из их рода некогда завладел, правда незаконно, княжеством Монако. В Польше - Гржимала и под Тарнополем есть местечко Гржималов. В Литве они именовались Гржимайлами, в Чехии писались как Гржимали и Гржимеки...

- Простите, есть такой современный естествоиспытатель - чешского происхождения, подданства западногерманского, а работал в Африке, спасая диких животных,- Гржимек. Может, того же корня?

- А одним из первых профессоров Московской консерватории был Иван Гржимали, прекрасный скрипач, родившийся в Пильзене в семье органиста... Но продолжим. Далекие предки современных Гржимов разных флексий были вечными вояками. В Польше дворянский **герб Гржимал** учрежден в средневековье, и следы этого рода обнаруживаются там еще в 1129 году.

- При **Болеславе Кривоустом**? Интересное время! Вышел с боями к морю, взял побережье и остров Рюген, по-нашему Руян.

Может, и Гржималы там воевали? Продолжайте, пожалуйста.

- Да, подумать только - почти тысячу лет назад!

- Ну, это не так давно,- возразил я.

- Вы полагаете? - приятный голос исполнился иронии. - Что мы с вами можем сказать о наших предках в том году?

- О наших с вами? Очень многое! За четыре года до этого преставился **Владимир Мономах**, которого хорошо знали и в Польше, и в Моравии, и в Византии, и в Степи. На следующий год его сын великий князь киевский **Мстислав** по возвращении из победоносного похода в Литву заложил церковь Богородицы в Новгороде. И Москва уже наверняка стояла в том году, потому что через семнадцать лет попала в летописи.

- И это все?

- Почему же? Может быть, в 1129 году Гржималы уже познакомились с русскими.

- Каким образом?

- Поляки ограбили русских купцов, едущих из Моравии, а Мстислав пригрозил Болеславу войной, если тот не возместит убытков, - пришлось в Киев наряжать послов и раскошеливаться.

Гржималы вполне могли быть в курсе этого международного события, и вообще тот год для наших предков обернулся сплошными конфликтами и между собой и с соседями. Мстислав пошел на половцев, прогнал их к Волге, а потом повоевал полоцкое княжество, отказавшееся от похода, полонил всех тамошних князей и отправил их вместе с семьями в византийскую ссылку, где они хорошо воевали с сарацинами...

---

[8] В 180 г. в лагере при Виндобоне он **умер от моровой язвы**, против которой оказалось бессильным искусство Галена, знаменитейшего врача того времени и друга Марка Аврелия.

Возможно это была оспа, сыпной тиф или бубонная чума (или геморрагическая лихорадка типа ***Эбола***, Марбург) — болезни, принесенные римскими солдатами с Востока после окончания очередной войны против Парфии (Grant M. The Antonines: The Roman Empire in Transition. NY, 1994. P. 32)

... **моровая язва** была завезена с Востока армией Вера (ср. Вер. VIII.1 сл.) и распространилась до Рейна (ср. Аммиан Марцеллин. 23.6.24).

Гржимала

- Гржималы тоже, как рассказывал мне дядя Леша, немало повоевали, участвуя еще в крестовых походах. На их **гербе** - средневековый рыцарь в доспехах, с обнаженным мечом.

- А вы видели этот герб?

- Вот он, рисунок дяди Леши, - передо мной.

- Интересно бы взглянуть, но вы можете словами описать?

- Пожалуйста! Значит, так - контуры замка, крепости, над стеной пять зубцов, по бокам три. В стене распахнуты двустворчатые ворота. В них - рыцарь в средневековых доспехах. В правой руке, вытянутой вперед, обнаженный меч. Все это взято в квадрат, над которым корона с пятью зубцами. И еще тут какие-то стержни, а на них пять пышных волнистых перьев. Что они означают - не знаю.

- Ну, вся эта символика не сложна - **геральдисты хотели сказать, что фамилия, которой присвоен герб, участвовала в пяти крестовых походах из восьми**...

- Вот я и говорю - воины были, как их легендарный предок. В Польше Гржималы стали крупными магнатами, приближенными ко двору короля **Владислава Локотка**, и участвовали в войнах с немецкими рыцарями, теснившими славян и прибалтов. А позже, в четырнадцатом веке, при **Казимире Великом**, они поддерживали его старшую дочъ Марию, которая должна была стать королевой, но политическая ситуация сложилась не в их пользу - литовский князь **Ягайло** женился на младшей сестре Ядвиге, основал династию Ягеллонов. Гржималы были казнены, их земли конфискованы, род зачах. А литовские Гржималы, переселившиеся на захваченные русские земли, участвовали в **Грюнвальдской битве** в составе смоленских полков, решивших исход сражения... В середине семнадцатого века, как рассказывал дядя Леша, какой-то Лука Гржимайло имел земельную собственность в Смоленском воеводств.. сын его Антон был стольником смоленским... Ну и другие подробности, до которых был так охоч дядя Леша...

- Дядя Леша - это?..

- Алексей Григорьевич Грумм-Гржимайло, сын путешественника, недавно умерший. Это был ученый-ботаник, написал немало научных статей и книг - о хлопководстве в Китае, об отце, о Николае Вавилове, Миклухо-Маклае...

- О Миклухо-Маклае?!

- Да. О декабристе **Корниловиче**, о...

- Простите, а при чем тут Корнилович?

- Маргарита Михайловна Грумм-Гржимайло, урожденная Корнилович, племянница декабриста, была матерью выдающихся русских ученых Владимира Грум-Гржимайло и Григория Грумм-Гржимайло.

- Невероятно! - вырвалось у меня.

- Почему?

- Да есть основания так считать... До чего ж причудливо перевиваются людские судьбы! Только мне надо еще кое-что проверить...

- А что проверять? Все вроде правильно.

- Да нет, другое совсем... Позвольте вас поблагодарить, Тамара Николаевна, и пожелать успехов в музыковедении...

"Другое" было вот что. В каких-то архивных бумагах полуторавековой давности мне встретилась однажды приметная фамилия Гржимайло, только я не придал этому значения, совершенно забыв, что за человек ее носил. Главное, никакой памятной записки я тогда не сделал н сейчас терзал себя за то, что я такой никудышный архивист. Попробовал было утешиться - если что-то задержалось в памяти, не попало в черновые заготовки, значит, Правильно, так и надо: мелочь.

Самоуспокоения все же не получилось, потому как я определенно помнил, что это были

декабристские бумаги, никак, однако, не связанные с Александром Корниловичем. Да, и еще одна подробность постепенно всплыла в памяти - какая-то принадлежность этих документов Сибири. Не связаны ли они с Николаем Мозгалевским или Павлом Выгодовским, сибирские дела которых я знал несколько лучше других? Нет, не могу вспомнить!

Неужто снова придется составлять официальное отношение с просьбой допустить к документам декабристской поры, ехать в архив и неизвестно сколько времени ломать глаза в поисках одной фамилии? Придется, потому что даже мой скромный опыт разбора старых бумаг не раз в виде так называемого мелкого факта, случайной даты или второстепенной фамилии давал в руки тончайшую ниточку, потянув которую можно было распустить сложное вязанье прошлого...

Долго не мог собраться, и вот наконец снова передо мной подлинные папки 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, содержащие материалы о полицейском надзоре в Сибири за двумя друзьями - "славянами". В деле Павла Выгодовского ничего не оказалось, и я взялся за документы, связанные с Николаем Мозгалевским... Нарым, 1826-1827-1828-1829-1930 годы. Прошения, донесения, запрещения - нет ничего!

Жил декабрист трудно, в постоянной нужде, безо всякой связи с родными. Мать, которая ему писала из далекого Нежина в начале ссылки, поддерживая сына заботливыми словами, умерла, сестры и братья, сами люди небогатые, не могли или не находили способов помочь изгнаннику. В тридцатые годы многие декабристы, имеющие влиятельных и богатых родственников, уже получали солидную помощь из России, жили вполне безбедно, а у Николая Мозгалевского было одно богатство - беззаветная любовь Авдотьи Ларионовны, ведущая, однако, к бедности, - рождались дети, которых надо было кормить, одевать-обувать.

Правда, в Нежине числилось за декабристом небольшое отцовское наследство, и декабристу по этому завещанию досталась "дворовая девка" и три тысячи четыреста рублей денег. Крепостную девушку, наверное, причислили к сословию государственных крестьян, потому что ее владелец, как и другие декабристы-разрядники, по приговору лишался всех прав состояния, в том числе и права распоряжаться судьбой крепостных, а вот взять в казну сравнительно небольшую сумму наследных денег Николая Мозгалевского было юридически неправомочно, и судебный заседатель Нежинского уездного суда Осип Мозгалевский, возможно, перед смертью предусмотрел этот

крайний случай...

И вот прошли годы. Первый нарымский политический ссыльный Николай Мозгалевский среди лютой зимы, когда, быть может, у него кончались съестные припасы, пытается выручить отцовское наследство. Не исключаю, что он прослышал о некоторых послаблениях своим товарищам, которые, используя родственные связи, благосклонность прогрессивных сибирских чиновников и неясности в своем правовом статусе, добивались кой-каких послаблений, облегчения условий существования для себя и своих семейств. 4 февраля 1834 года декабрист посылает прошение властям. Нет, не царю, к которому он так ни разу и не обратился, не к графу Бенкендорфу даже, а к томскому губернатору, надеясь, очевидно, что дело может разрешиться сторонним путем. В письме нет никаких жалоб, лишь просьба доверить получение доли отцовского наследства его старшим братьям Алексею и Петру, проживающим в Нежине. Другими словами, нужно было его доверенность скрепить казенной печатью. Однако томский гражданский губернатор, коему ничего не стоило отдать такое распоряжение, проявил осторожность, не найдя "в правилах о государственных преступниках ясного на сей предмет разрешения", и обратился за разъяснениями в министерство внутренних дел.

И вот передо мной поразительный документ, от которого веет мертвым духом равнодушия: "***На сие г. статс-секретарь Блудов в отношении от 11 сентября 1834 года отозвался, что как находящийся в заштатном городе Нарым государственный преступник Николай Мозгалевскии лишен всех прав состояния и на основании указа 29 марта 1753 года должен быть почитаем политически мертвым, то засим и не находит он возможности ходатайствовать о разрешении ему совершить доверенность на имя брата***". Эта

запоминающаяся фамилия "Блудов", эта исходящая дата, по которой можно исчислить, сколь долго ходила бумага просителя, эта ссылка на закон середины XVIII века, почти через столетие преследующий почитаемого "политически мертвым" декабриста...

Документ, публикуемый здесь впервые, говорит о многом, однако на нем дело не кончилось. Должно, на семейном совете было решено все же обратиться насчет судьбы наследства к самому графу Бенкендорфу. И не знаю уж, по какой причине прошение написал не декабрист - в Петербург обратилась Авдотья Ларионовна, научившаяся грамоте у мужа. Скорее всего, Николай Мозгалевский ненавязчиво, в расчете на человеколюбивое понимание, хотел подчеркнуть, что деньги нужны не ему, а его ни в чем не повинной семье. Но почему в качестве доверителя названы на сей раз не братья декабриста, а другое лицо?

Стоп, вот оно то, что я вспоминал и не мог вспомнить, искал и нашел! Авдотья Ларионовна просит разрешения получить наследные деньги государственного преступника зятю мужа моего отставному ротмистру Игнатию Гржимайлову".

Николай Мозгалевский, очевидно, надеялся, что любимая его старшая сестра, в честь которой он назвал свою первую дочь, найдет способ переслать деньги в Сибирь и поможет племянницам и племянникам. Мотив просьбы Авдотьи Ларионовны звучит деликатно-объяснительно: "***для употребления оных на воспитание и содержание детей наших, в проступках отца не участвовавших***".

Нет, граф Бенкендорф не расчувствовался! С текстом указа от 29 марта 1753 года я, правда, не знаком и не знаю, что говорится в нем о детях государственных преступников, только граф трижды отгородился от детей декабриста - существующими законами, царем и даже... собственной трусостью. Он ответил, что не осмеливается просьбу жены декабриста "***представить Государю императору, ибо таковое испрашиваемое государственному преступнику дозволение противно существующих законов***".

Сдал я дела обратно в хранилище, расписался в книге учета, отметил пропуск и, вернувшись домой, позвонил Тамаре Николаевне Грум-Гржимайло.

- Опять я, простите, по поводу вашей фамилии.

- Пожалуйста! Если смогу, как говорится, помогу.

- Вы хорошо помните родословное древо, которое вам показывал Алексей Григорьевич?

- Целый вечер мы над ним просидели, но всего я помнить, конечно, не помню - это же баобаб!

- Не встречалось ли вам такое имя - Игнатий Гржимайло?

- Игнатий? Помню, встречалось. И еще какие-то литовские и польские имена - Казимир, например. Это было, когда они писались "Гржимайло", без "Грумм".

- А откуда взялась эта прибавка?

- Вначале, говорю, никакой прибавки не было. Незадолго до **первого** **раздела Польши** Иван Гржимайло, внук смоленского стольника, женился на православной девушке Екатерине. Будучи по родовой традиции воином, во время этого раздела он погиб, а дальше с фамилией приключилось что-то непонятное. Может, по желанию умершего или какой другой причине вдова его, записывая детей в русское подданство, вернулась к легендарному родовому корню "Гржим", но в переложении с латинского написания он до неузнаваемости изменился - так образовалась фамилия Грумм. В середине прошлого века внуки Ивана Гржимайло восстановили отцовскую фамилию, сохранив, однако, прибавку "Грумм". Но фамилия трудно воспринималась на слух, и в документах возникала чиновничья путаница. В 1899 году Департамент герольдии правительствующего Сената предложил для упрощения, что ли, всему роду писаться "**Грум-Гржимайло**".

- Не сказал бы, что слишком упростили.

- Да, конечно... А после революции Григорий Ефимович, путешественник, решил отменить для себя решение царских геральдистов и восстановил отнятую ими буковку "м", не желая, как он

полушутя объяснял, иметь в своей фамилии тринадцать букв. Поэтому ленинградская ветвь до сего дня пишется так, а мы этак. Смешно?

- Да нет, почему же. Спасибо вам...

7. Глава 7

При очередной встрече с правнучкой декабриста Николая Мозгалевского историком Марией Михаиловной Богдановой я спросил ее насчет Игнатия Гржимайлы.

- Целая история! - оживилась она, - Однажды, работая в архиве, я заметила по росписям посетителей фамилию "Грумм-Гржимайло". Укараулила на другой день, и мы познакомились. Это был Алексей Григорьевич сын путешественника. Он мне подтвердил, что Игнатий Казимирович Гржимайло принадлежал их роду.

Игнатию Гржимайло какими-то путаными способами удалось превратить наследные деньги декабриста Николая Мозгалевского в долевой пай одного беспризорного, заложенного-перезаложенного поместья, где они вскоре уничтожились, потому что нежинский последыш знаменитого рода польско-литовских рыцарей оказался весьма ненадежным доверенным лицом. Не знаю, каким был служакой и воякой этот ротмистр, но в отставке он пристрастился к винишку и картишкам, вечно жил в долгу как в шелку, так что декабристу Николаю Мозгалевскому, как всегда, не повезло - денег своих он не получил.

Быть может, на том отставном ротмистре бесславно прервалась многовековая военная традиция Гржимов и - лучшие представители этого рода пошли в науку, которой новое время предоставило такие обширные поля сражений? Однако позже я узнал о поручике 4-го резервного батальона Брянского пехотного полка Александре Игнатьевиче Гржимайло, скорее всего сыне того ротмистра. Учился он в Полтавском кадетском корпусе, в 1862 году оыл прикомандирован к генштабу для подготовки в военную академию, но вскоре попал в опалу. Князь Витгенштеин, не фельдмаршал, командовавший 2-й армией в декабристскую эпоху и к тому времени умерший, а генерал-лейтенант Эмилий-Карл Людвигович Витгенштеин выступил в "Военном сборнике" за усиление палочной дисциплины в армии. И вот сто шесть офицеров Петербургского военного гарнизона публично выступили с протестом. Среди них был и Александр Гржимайло, унаследовавший нравственные принципы своих дальних родственников-декабристов Николая Мозгалевского и Александра Корниловича... А чуть позже узнал я еще о нескольких воинах-Гржимах.

Михаил Грумм-Гржимайло [9]был военным изобретателем и картографом, а брат его, член-корреспондент Академии паук СССР **Владимир Ефимович Грум-Гржимайле**, закончив Горный институт еще в 1885 году, более полувека отдал практике и теории металлургического дела - конструированию домен, мартенов, конверторов, вагранок, кузнечных, сушильных, отжигательных печей, научным обоснованиям "русского бессемерования", методов калибровки прокатных валков, термообработке сталей, выявлению законов движения плавильных газов, созданию школы отечественных металлургов. Незадолго до смерти свои труды он подытожил в классической работе "Пламенные печи", без которой доныне не может обойтись ни один квалифицированный делатель чугуна и стали, и вклад ученого, меру его участия в героической битве нашего народа за металл трудно переоценить...

Любознательный Читатель. Простите, но мы в нашем путешествии, кажется, ушли куда-то слишком в сторону зачем мне знать о металлургии, если меня интересует история?

- Многие упрощенно понимают историю как преимущественно историю жизни королей и полководцев, военных реляций и маршрутов завоевательных походов, а давно назрела

---

[9] Брат известного путешественника Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. Михайловская артиллерийская академия (1886). В 1889 сопровождал брата на Памир, а в 1889 - в восточный Тянь-Шань и в провинцию Гань-Су и Куку-Нор. В 21.06-17.12.1915 в чине ген-майора занимал пост инспектора артиллерии 43-го армейского корпуса.

потребность во всеобщей созидательной истории, в которую хорошо бы вписалась история русского металла, например.

- Однако в том, о чем вы сказали вначале, есть привлекательный для всех исторический драматизм, а вот история металлургического дела - это, простите, для узких специалистов.

- Не согласен. Просто мы не знаем истории, потому и не ощущаем драматизма многих ее воистину драматичных страниц. О металле? Пожалуйста! Общеизвестно, что это хлеб промышленности, основа экономического развития, и Петр I в числе первых сие понял. Как одержимый он метался по рудным местам России, заряжая своей энергией русских промышленников.

В 1702 году Петр передал **Никите Демидову** казенный **Невьянский завод** с землями, лесами и горой Благодать. На нем срочно было налажено производство лучших в мире боевых ружей - до ста тысяч штук в год, так что Полтавскую битву выиграли, можно сказать, уральские мастеровые. За исторически короткий срок Демидовы - без телефонов и радио, вездеходов и вертолетов - поставили на Урале двадцать металлургических заводов. Уралу принадлежали мировые рекорды по выплавке чугуна на одну печь, по экономическим показателям расхода топлива и сырья. Демидовское железо "русский соболь" пошло в Европу. К 1718 году - за семь лет до смерти Петра - Россия по выплавке чугуна вышла на первое место в мире, оставив позади Англию, Германию, Францию, Америку, не говоря уж о прочих. Мы выплавляли треть всего черного металла планеты! В XVIII веке сама Англия покупала у нас по нескольку миллионов пудов железа в год. У академика Струмплина есть замечательные статистические таблицы...

- Интересно! А что же произошло дальше?

- Потомки Петра десятилетиями эксплуатировали богатое наследство, но с какого-то времени перестали заботиться о его приумножении. В начале царствования так называемого "либерального" императора Александра I нас оставляет позади Англия, в год его смерти, когда потребность социально-экономических перемен так остро ощутили декабристы, Россию по производству черных металлов обгоняет Америка, вскоре после этого Франция, за ней Германия и даже Бельгия.

Незаметно нарастающий исторический драматизм привел к чудовищному факту - в конце XIX века у подошвы знаменитой железной горы Благодать были уложены бельгийские рельсы!

- Россия, этот великан, так отстала?!

- Ага. Вот вы, кажется, уже начинаете ощущать драматизм ситуации! Только, наверное, еще не представляете степени нашего отставания. Были годы, когда на долю России приходилось менее трех процентов мирового производства железа! А ведь на ее территории практически неисчерпаемые залежи богатых руд, коксующегося угля и марганца! К концу девятнадцатого века дело пошло веселей, но далеко не так, как требовало время. В 1894 году Россия выплавляла восемьдесят три миллиона пудов чугуна, Англия - четыреста пятьдесят семь.

- В пять раз больше!

- В пять с половиной. Америка - в пять, Германия более чем в четыре, Франция - в полтора. Впрочем, еще до конца века всех обошли Соединенные Штаты. Черный металл - это иголка и сковородка, плуг и локомотив, мотор и корабль. На железе и его сплавах основывается вся современная материальная цивилизация!

Народ, в достатке обладающий черным металлом, имеет возможность поднять все отрасли индустрии, сельское хозяйство, уровень жизни, выделить средства и людские резервы для развития культуры и наук, наконец, может быть спокоен за свою безопасность... И вот такие люди, как Владимир Ефимович Грум-Гржимайло или позже его сын Николай Владимирович, тоже ученый-металлург, сочли необходимым применить свои недюжинные таланты к этой основе основ, помочь народу в битве за металл.

Такая основа плюс неизбежные социальные изменения...

- Спасибо. Дальше?

- Минуточку! Драматизм возрос до предела после гражданской войны, когда мы получали чугуна менее трех процентов от довоенного производства. Кстати, в 1915 году в Петрограде было создано "Металлургическое бюро В, Е. Грум-Гржимайло", за три года разработавшее почти полтораста типов печей. А в 1925-м Владимир Ефимович, побывав на международном конгрессе специалистов в Париже, убедился, что русская школа металлургов идет впереди, и сразу же по возвращении написал в ВСНХ с обычной своей прямотой: ***"За границей найдутся и деньги, и лаборатории, и научно подготовленные люди, которые подхватят на лету русскую мысль, переработают ее и преподнесут нам ее в виде новых заграничных методов... Так было с Яблочковым, Лодыгиным, Черновым, Поповым - так будет и с Грумом***". Нет, не стало так! Нашлись и деньги, и лаборатории, и ученые, и вскоре начала осуществляться давняя идея Грум-Гржимайло - наш народ взялся за создание крупных угольно-металлургических центров на востоке.

- Вот я и говорю - "догнать и перегнать"...

- Именно!

- Америка давным-давно опередила всех по всем экономическим статьям, а мы пытались и так, и этак догнать ее, да только все больше отставали.

- Минуточку! А вы знаете, чем закончилась историческая битва за черный металл?

Любознательный Читатель. Ну, я же, как и вы, только любитель в истории, причем меня, как и вас, больше интересует ее отражение в судьбах людей...

- Несмотря на то что последняя война вывела из строя наш южный промышленный район, за двадцать пять лет мирной жизни мы не только догнали эту "недосягаемую" Америку, но снова, спустя два с лишним века, вышли на первое место в мире по главным металлургическим показателям - чугуну, стали, добыче руды, ферросплавам, огнеупорам! Каждая пятая тонна стали планеты выплавляется в наших печах и конверторах... Поэтому-то некоторые из нас могут спокойно заниматься отражением истории в чем или ком бы то ни было...

Назвать Григория Грумм-Гржимайло, как и Николая Миклухо-Маклая, путешественником было бы слишком недостаточным. Верно, маршруты его странствий прихотливо окольцевали обширные районы Евразии - Крым, Калмыкию, Молдавию, Урал, Закавказье, Среднюю Азию, Алтай, Памир, Тянь-Шань, Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток, Туву, Монголию, Джунгарию, Гоби. Верно, что он был выдающимся географом.

Открыл глубокую, лежащую на полтораста метров ниже уровня океана котловину. Его именем назван ледник в Синьцзяне.

Русским географическим обществом он был удостоен премии имени Пржевальского, Парижская академия присудила ему премию имени **Чихачева**. Однако Григорий Грумм-Гржимайло, как и Николай Миклухо-Маклай, был разносторонним естествоиспытателем, применявшим синтетический комплексный метод при изучении лика земли, мертвой и живой природы, человека. Географ-описатель и географ-открыватель, геолог, минералог, лепидоптеролог, ботаник, энтомолог, почвовед, зоолог, этнограф, экономист, социолог, опубликовавший более двухсот научных работ, в том числе фундаментальный четырехтомный труд о Западной Монголии и Урянхайском крае, труд, из которого я узнал, что ученый был еще и замечательным историком...

В Ленинград я так и не собрался, потому что надо было срочно заканчивать эту книгу, и каждый день был дорог. А очень хотелось покопаться в архивах отца и сына Грумм-Гржимайло, чтоб найти не только, скажем, родословное древо потомков легендарного славянина Гржима, но и, быть может, совсем неизвестное и неожиданное, как это счастливо случилось с таким же, как я, любителем в австралийском архиве Николая Миклухо-Маклая, чьи мысли о природе русского гуманизма дошли до соотечественников лишь спустя столетие...

А однажды я встретил Софью Владимировну Грум-Гржимайло вместе с ленинградской подругой на традиционной встрече декабристских потомков, что регулярно проходят в **доме №10**[10] по

---

[10] Двухэтажный дом № 10 — хороший образец московского классицизма; в нем жил декабрист М. Нарышкин. В январе

Гоголевскому бульвару, где висит единственная в Москве напоминающая о декабристах безымянная мемориальная доска. Они сидели рядом, ставшие, наверно, от возраста и давности знакомства похожими друг на друга, понимающе-воспоминательно переглядывались во время доклада, одинаково замерев, слушали старинную музыку.

После концерта я подошел к ним.

- Что же вы не звоните, не заходите? - Голос Софьи Владимировны был слабым, но с бодринкой.

- Нет, нет, я чувствую себя неплохо! И телефонные разговоры переношу отлично - это тоже жизнь, а и ее не боюсь, у Гржимов научилась воевать.

- Да, отменные воины были в древности, - сказал я, думая о том, как бы поаккуратней закруглить разговор, чтобы не переутомлять ее, но не тут-то было.

- Не только в древности. Мой покойный супруг был в молодости отменным артиллеристом! За четыре года той германской войны от души погромыхал своим орудием, не потерял ня одного батарейца и в восемнадцатом перешел всем составом на службу революции.

- А потом тихие битвы в науке...

- Почему тихие? Он был рыцарем в ней, вооруженным с головы до пят. Много сделал в практике металлургии. Помню, как в тридцатые годы при реконструкции литейно-ковочного оборудования одного крупного завода он сэкономил государству три миллиона валютных рублей. Как ученый, всю жизнь занимался металлургией на молекулярном уровне, спектральным анализом элементов, их структурой, и специалисты считают, что Николай Владимирович проделал работу за целый научно-исследовательский институт.

1826 г. здесь были арестованы сам М. Нарышкин и И. Пущин, первый и любимый друг Пушкина. На стене дома установлена мраморная доска с изображением кандалов, переплетенных веткой лавра, — память о собраниях тайного общества декабристов.

Гоголевский бульвар, дом 10, строение 1.

Усадьба И.О. Цурикова - Нарышкиных, главный дом с циркумференцией 1830 года. С 1832 года - Дом Удельного ведомства. В этом доме в начале XIX века собирались члены тайного общества декабристов.

- Можно бы учредить научный рыцарский орден Гржимов...

- Несомненно! Только у Николая Владимировича сил и времени не хватило, чтобы добиться общего признания своих трудов. Итоговая его монография так и не была напечатана. Им-то я и занимаюсь, однако сердце, знаете, не всегда выдерживает.

- Да, девятый инфаркт...

- Ну, этого-то инфаркта я совсем не боялась! - засмеялась она.

- Простите, Софья Владимировна, но не станете же вы утверждать, что у вас выработалась привычка, - в тон спросил я.

- Привычка - само собой, однако я была уверена, что девятый инфаркт мне ничем особым не грозит, потому что Григорий Ефимович когда-то мне говорил, будто число девять на Востоке - священное, счастливое.

- А вы с ним разве встречались?

- Не раз. Я была почти юной и танцевала еще неплохо, а он к концу жизни стал благообразным, спокойным и мудрым, как индийский гуру. Он много видел, много знал, последние годы много болел, но никогда не терял своего особого юмора, и для нас было большим удовольствием его слушать. Помню один из последних его рассказов... Если у вас есть время.

- Времени у меня вполне достаточно.

Это нежданное степное знакомство Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло произошло почти сто лет назад, а Софья Владимировна полвека помнила подробности его рассказа.

Маленький экспедиционный отряд шел монгольской степью. Зной, усталость и давным-давно ни одного встречного. Проводник с переводчиком ускакали куда-то искать воду - впереди была страшная пустыня **Гоби**[11]. Вдруг на горизонте появился столб пыли, послышались выстрелы. Отряд приготовился в случае чего дорого отдать свою жизнь, но Григорий Ефимович приказал

---

[11] **ГО́БИ** (Gobi, от монгольского говь - "безводное место"), пустынная и сухостепная область в *Центр. Азии* (Монголия и Китай). На С. ограничена горами Хангая и Монгольского Алтая, на Ю. - Наньшаня и Алтынтага. Длина ок. 2000 км, ширина 400-500 км. Равнины на высоте 900-1300 м, горные цепи и массивы (*Гобийский Алтай*, *Гобийский Тянь-Шань*, Аджи-Богдо и др.), мелкосопочник. Преобладают каменистые пустыни (гаммады), имеются массивы эоловых песков, такыры, солончаки на дне бессточных впадин. Климат резко континентальный с наиб. на земном шаре амплитудой тем-р (летом до 50 °С, зимой до -40 °С). Осадков 50-200 мм в год, выпадают не каждый год. Разрежённая растительность из солянок, кустарничков, саксаула, дикого лука, злаков. В редких оазисах тугайные леса (вяз, тополь, ива, тамариск). Дикие верблюды, куланы, джейраны и сайга. Пастбищное жив-во, редкое очаговое земледелие. Перспективно для автотуризма, охоты.

пока не стрелять. Несколько десятков конных степняков, вооруженных английскими карабинами, окружили отряд и знаками приказали следовать за ними. Григорий Ефимович показывал им пустую флягу, карту - они все это отобрали вместе с винтовками, так что пришлось подчиниться. Пригоняют их к стойбищу, и Григория Ефимовича ведут в самую большую, богато украшенную юрту. А там на войлоке стонет и скрипит зубами человек - тайша, степной князек. Как узнать, что с ним? Камни, аппендицит, заворот кишок, перитонит? Может, просто объелся - рядом с юртой были следы обильной трапезы. Единственное, что мог сделать ученый, - дать болезному двойную дозу глауберовой соли. Путешественников отпустили, вернув все, и отряд на рысях удалился искать проводника и переводчика. Лихо скакали, оглядываясь назад, но через несколько часов снова раздались выстрелы, и раздельные столбы пыли быстро надвигались сзади. Что делать, если пациент умер? Отряд снова изготовился, только Григорий Ефимович разглядел в бинокль девять всадников на линии горизонта и успокоил спутников. Подскакавшие монголы, улыбаясь, жестами показали, будто сыплют в рот порошок. Пришлось отдать им весь запас, в ответ получив подарок - полуживого, наверное, с отбитой печенкой, но жирного барана...

- Довольно смешно, не правда ли? - спросила Софья Владимировна.

- Вполне, - согласился я и добавил: - Пока вы болели, я узнал о том, как история вытворяла что хотела с родовой фамилией Гржимов. Очень интересно!

- Между прочим, и с фамилией декабриста Корниловича произошел однажды почти невероятный случай. После Сибири он именовался "Без-Корнилович".

- Да, я видел в "Алфавите декабристов" эту фамилию в скобках после основной, но не мог понять, что это такое.

- А вышло так. Когда Михаила Корниловича, деда Григория и Владимира Грум-Гржимайло по материнской линии, производили в какой-то армейский чин, Николай I решил исключить из списка брата известного декабриста и начертал на докладе: "Утверждаю без Корниловича". Канцеляристы поняли эту резолюцию по-своему, и таким образом братья получили новую фамилию.

Это напоминает историю с подпоручиком Киже... Заходите, пожалуйста, я вам кое-что покажу интересное из прошлого.

И вот я снова подхожу к высотному дому на Котельнической набережной, в котором нежданно встретился с живой памятью о декабристе-историке Александре Корниловиче. Мемориальная доска на стене одного из крыльев... Выдающийся советский историк академик Михаил Николаевич Тихомиров жил в этом доме последние годы. Оставил богатое научное наследие: исследовал "Русскую правду" Ярослава Мудрого, Москву и другие средневековые русские города, городские и крестьянские восстания на Руси, исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен... Все интересно!

По стенам квартиры Софьи Владимировны Грум-Гржнмайло-старинные портреты ушедших из жизни людей - масляные, акварельные, карандашные, дагерротинные, фотографические. Некоторых я узнаю, но большинство лиц незнакомых - с бакенбардами, бородками клинышком, с окладистыми лопатами и совсем безбородые, в усах и без них, в очках и пенсне, в форменном, казенном и партикулярном одеяниях, но что-то было общее в осанке, чертах и, главное, выражении лиц и глаз. Конечно, так и должно быть - все родственники, хотя и разных семейных ветвей, однако все же не это определяло главное сходство. Передо мной явилось несколько поколений русских интеллигентов, полтора века честно трудившихся на благо своего народа.

- **Кондратий Иванович Грум-Гржимайло**, - подводит меня хозяйка к одному из самых старых портретов. - Родился еще в конце восемнадцатого века. Слыл на Литейном проспекте Петербурга чудаком, потому что, когда появлялось солнце, он выходил на балкон с голой спиной. Загорал... Имел научные звания кандидата философии и Доктора медицины и хирургии.

Первым в России сделал операцию перитонита. Тридцать три года редактировал первую русскую медицинскую газету "Друг здравия".

Выпустил множество статей и книг, в основном по гигиене, был первым русским врачом-писателем...

Портрет декабриста Александра Корниловича - только из книжного издания. К сожалению, художник-декабрист Николай Бестужев, не успел в Сибири написать его портрета - Корниловича странным образом увезли назад, в Петербург, который он так любил и хорошо знал, как любил память о великом основателе города, посвятив ему первый выпуск первого нашего исторического альманаха "Русская старина". К, тому времени я успел посмотреть работы А. Г. Грумм-Гржимайло о декабристе, написанные по семейным архивам, и труды самого историка-декабриста "**Нравы русских при Петре I"**[12] и "Частная жизнь русских при Петре I". Из статей Л. Г. Грумм-Гржимайло узнал и об интересном письме декабриста брату Михаилу от 24 июня 1832 года. Оно было написано в крепости, но узнику, очевидно, было позволено встречаться с людьми, нужными ему для его исторических занятий. "Знаешь, я думаю, что Карамзин решил кончить свою историю XII веком. Я всячески уговаривал продолжить ее по крайней мере до воцарения Петра, но он на все мои убеждения отвечает одно: "Там писать нечего"..." На портрете Александр Корнилович в форме штабс-капитана генерального штаба.

- Чин этот, между прочим, он получил за работу экскурсоводом, - говорит хозяйка.

- Как так?

- Он хорошо знал языки и однажды провез по Петербургу и Кронштадту одного важного иностранного гостя, который в письме царю поблагодарил сопровождавшего его офицера... А это мои отец Перов Владимир Иванович. Сфотографировался студентом Петербургского университета.

- Что-то, знаете, очень характерное есть в его облике, - замечаю я, рассматривая нисколько не пожелтевшую, ясную фотографию столетней давности. Во взгляде студента - решимость, твердость, какая-то одержимость. - Такими были народовольцы...

- А он и был народовольцем.

- Расскажите, пожалуйста, о нем!

- Обычная биография думающего и честно мыслящего молодого человека тех лет... Вел революционную пропаганду среди петербургских рабочих. Был арестован в марте 1881 года вскоре после покушения на Александра Второго... Кстати, у меня есть книга, где приведена точная дата.

Рассматриваю эту, теперь уже старую книгу, изданную в 1930 году Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Глава "Хроника арестов"... Знакомые имена - Желябов, Перовская...

Святые времена и святые имена! Народовольцы ошибались в выборах методов борьбы, возлагали надежды на террор, считали рабочие организации подсобной силой грядущей революции, но история все же так распорядилась, чтобы Россия вначале прошла через декабризм и народничество. Народники тоже были проторителями трудных путей в будущее, и, как декабристам, им должна быть отдана частица нашей уважительной памяти: пора бы, например, музей открыть шестидесятников и народовольцев!

Выдающийся русский революционер, из крепостных, Андрей Желябов был арестован за несколько дней до покушения 1 марта и, узнав об аресте первомартовцев, потребовал, чтоб его

---

[12] Книжка «Русской старины» состояла из пяти статей Корниловича, объединенных общим названием «Нравы русских при Петре Великом», и четырех статей историка и этнографа В. Д. Сухорукова, имевших заглавие «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетии». В произведениях Корниловича очень высоко оценивалась деятельность Петра I как просвещенного монарха-реформатора, делалось характерное для декабристов скрытое противопоставление Петра I Александру I. Пушкин, работая над «Арапом Петра Великого», обращался к статьям Корниловича, в частности к статье «О первых балах в России».

судили вместе с ними, как ветерана революционного движения! Софью Перовскую арестовали, судя по "Хронике арестов", 7 марта. 17 марта в чайной у Невской заставы был арестован Владимир Перов.

- Прямо на сходке взяли, с поличным. У этого дома я побывала...

В начале апреля Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова и Рысакова казнили, над остальными продолжалось следствие. Владимир Перов год просидел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, был приговорен к пяти годам каторги, замененной ссылкой из-за многочисленных протестов общественности против суровых мер царских властей.

- Вместе с одним из своих товарищей - тоже народовольцем - Ивановым отец отбывал ссылку в Минусинске.

Опять Минусинск! Сколько же политических ссыльных прошло через этот крохотный сибирский городок, начиная с декабристов, в том числе Николая Крюкова, братьев Беляевых, Петра Фаленберга, Николая Мозгалевского и других? И Ленин бывал в Минусинске проездом по тому же случаю, Кржижановский и опять же другие. Связь времен, идей, людей и больших исторических событий прошла через один географический пункт, который, как сказано по другому, правда, случаю, был "на карте генеральным кружком отмечен навсегда"...

- Отец рассказывал мне о тяготах и унизительности ссылки, о революционной пропаганде товарищей среди пригородного крестьянства Минусинска.

Она вдруг засмеялась, что было совсем неожиданно, и в ответ на мой недоуменный взгляд сказала:

- Вспоминал он один случаи.

Ссыльные народовольцы должны были каждый день приходить в полицейский участок и отмечаться - за ними был строгий надзор, и донесения об их поведении, образе жизни и встречах регулярно отправлялись в Петербург с мельчайшими подробностями, если что-либо вызывало подозрение полиции.

Однажды Владимир Перов заболел и не явился к сроку. Иванов пришел один.

- А где Перов? - спросил полицейский чин.

- Он не может, у него плеврит.

Чин записал на бумажке "Плеврит" и послал двух полицейских к дому, где жили ссыльные:

- Живв-ва! Тащите его вместе с этой собакой Плевритом.

Запыхавшиеся блюстители забежали прежде всего к дворнику.

- Дома Перов?

- Где ж ему быть?

- А Плеврита такого ты знаешь?

Дворник заморгал глазами, почесал бороду.

- Говори! Приказано срочно тащить в участок Перова вместе с этой собакой Плевритом!

- Тады пошли, - говорит дворник.

Полицейские, дико выпучив глаза, смотрели, как дворник направился к собачьей конуре, отвязал лохматого пса и подал цепь полицейскому:

- Веди, коли надо.

- Ты что, изгаляться?! - занес кулак блюститель.

- Так ежели велят! Меня-то за что?

- Говори толком - у Перова есть кто-нибудь из посторонних?

- Никого нетути. С вечера не подымался, горит в жару, меду просил. Лекарь был, давно ушел.

Полицейские подумали-посудачили - да и отвели невинную собаку в участок: у кобелька была кличка, которую дали ему ссыльные, - Ливер...

- Отбыв ссылку, отец эмигрировал, - продолжает хозяйка. - Жил в Льеже, где и женился на маме. Ее звали Екатерина Квентилиановна, урожденная Никольская.

- Редкое отчество.

- Мой дед Квентилиан Дмитриевич был военным, полковником артиллерии. За боевые заслуги на Шипке награжден золотым оружием и повышен в чине, стал генерал-майором.

- Как перевиваются события! А имя откуда такое необычное?

- Он был пятым сыном в семье...

Мы вновь вернулись к студенческому портрету народовольца Владимира Перова.

- Отец умер в 1942 году... Здесь, в Москве. И знаете, какое он письмо получил из-под Минусинска незадолго до смерти?

Дети тех, кто более полувека назад знал его там, прислали несколько теплых слов. В Москве, мол, сейчас голодно, холодно и опасно. Приезжайте, приютим и прокормим...

Мне перехватило горло, и я ничего не мог сказать.

- Никуда он не мог поехать, - грустно закончила Софья Владимировна. - Ему было восемьдесят два года... А вот малоизвестный портрет Григория Ефимовича, путешественника...

Взгляните, какое одухотворенное лицо!

Это был портрет, относящийся ко времени первых экспедиций путешественника, - казенная тужурка, "чеховская" бородка, внимательный, ищущий взгляд скво:ь стекла очков.

Совсем молодым, едва за двадцать, он уже побывал с энтомологическими экспедициями в Среднем Поволжье, изучал **лепидоптерологическую**[13] фауну в Прибалтике, провел комплексные научные исследования а Средней Азии, два сезона изучал Памир - его географии, геологию, ископаемую и живую фауну, флору...

Все эти годы его ждала та, которой он поклялся в вечной любви.

- К сожалению, портрет его жены вместе со множеством документов, книг и картин погиб в 1941 году - в наш дом попала фашистская бомба. А она была чрезвычайно интересным человеком, Евгения Дмитриевна, урожденная Без-Корнилович.

- ???

- Да, он женился на двоюродной сестре. Она окончила консерваторию по классу пения, прошла курс у известной итальянской певицы **Превости**[14]. Как писал Алексой Григорьевич, однажды имела честь исполнять романсы Чайковского под аккомпанемент их автора. И вообще была человеком незаурядным и в молодости, как тогда водилось, много поработала над собой.

Сдала экстерном экзамены в университете, получив право заниматься педагогической деятельностью. Владела языками, самоотверженно помогала мужу...

Новые и новые портреты.

Михаил Ефимович Грум-Гржимайло. Облик воина. Офицерский мундир, погоны, кожаный темляк,

---

[13] Лепидоптерология - раздел энтомологии, изучающий чешуекрылых или **ба́бочк**ек (*Lepidoptera* **LINNAEUS**, 1758), — отряд насекомых, отличающихся чешуйчатым цветным покровом крыльев, сосущими ротовыми органами в виде хоботка и полным превращением (с наличием червеобразной личинки, называемой гусеницей, и куколки).

[14] Превости Франческина — выдающаяся итальянская певица (род. в1866 г.). Лучшей ее ролью считается партия Виолетты из " Травиаты " Верди. П. выступала с успехом и на концертной эстраде. Неоднократно бывала в России.

револьверная портупея. Он был участником экспедиции старшего брата на Памир, в Тянь-Шань, в Центральную Азию. Военный изобретатель - знаменитое "горное седло Грум-Гржимайло" и другое, что не популяризировалось.

- В начале века под Парижем был устроен военный смотр. Присутствовали Пуанкаре, Вильгельм, Георг Пятый и Николай Второй, - говорит Софья Владимировна. - Вильгельм был особенно доволен тем, что его установленные и наведенные заранее пушки бьют точнее французских и английских. И вот на горизонте артиллерийского полигона появилась туча пыли - беспорядочные казачьи сотни ворвались на поле с гиком и свистом. Все оживились, но с недоумением и пренебрежением смотрели на конницу, которая совсем смешалась перед смотровыми трибунами.

Казаки вдруг развернулись и ускакали, а когда пыль улеглась, на полигоне остались легкие пушки с прислугой и начали быстро, беспрерывно и без промаха бить по мишеням, поразив даже те дальние, что остались невредимыми после немецкой стрельбы.

Снова появились казаки, окружили орудия и ускакали, оставив чистое место... Орудийные вьюки изобрел Михаил Ефимович...

Этот русский офицер был мастером на все руки - слесарем, плотником, столяром, кузнецом. Дачу под Петербургом отделал карельской березой так, что она стала похожей на маленький дворец необычайной красоты. И все своими руками, ни единого гвоздя там чужой молоток не забил.

- Выдумщик был... Однажды на рождество пригласил на дачу гостей из города, и потом пошли разговоры по всему Петербургу о его необычной, так сказать, скульптурной работе. Михаил Ефимович свез в сад девять породистых павших лошадей и заморозил их в живописных динамичных позах, подсветил фонарями и прожекторами... Что-то фантастическое получилось и в то же время реальное! У него была замечательная коллекция оружия всех времен и народов... А вот и третий брат - Владимир Ефимович, металлург... В Сибири, кстати, вашей работал, в Томске.

Портреты оживали, большое славное семейство входило в историю своего народа и других народов Европы и Азии, тоненькими прочными ниточками вплеталось в непрерывную вервь времени и человеческих деяний.

- А как Владимир Ефимович в Сибири-то оказался?

- Тяжелая история, начавшаяся на Урале. Он работал управляющим Салдинским горным округом и вступил в затяжной конфликт с Демидовыми, как когда-то Татищев... Да, с влиятельными и сказочно богатыми потомками владельцев знаменитых уральских заводов. Он служил у них и пошел против них.

- Каким образом?

В.Е.Грум-Гржимайло, оказывается, поддерживал справедливые требования рабочих о сокращении трудового дня. По шестнадцать часов стояли у демидовских печей люди! Из них выжимали все соки, труд рабочих и рудные богатства России последние Демидовы обращали в золого и проигрывали миллионы в игорных домах Монте-Карло, купались в роскоши, сорили деньгами в Париже и Лондоне, **княжеский титул купили**[15] в Италии - **Сан-Донато**.

- Они и крестьян прижали в Салдинском округе. Отобрали землю для охоты и прочих увеселении, парков и оранжерей - устраивали зимой лето. Владимир Ефимович выступал в защиту крестьян, которые отчаялись уже до того, что последний их ходок повесился в Сенате на лестнице. Демидовым все же пришлось потесниться, вернуть земли, но главному специалисту

Салдинских заводов они дали отставку.

Портреты дополняют документы-напечатанные и рукописные, официальные и частные,

---

[15] В 1840 году Анатолий Николаевич женился на Матильде де Монфор, родной племяннице Наполеона Бонапарта. И именно тогда великий князь Леопольд II Лорранский пожаловал Анатолию тосканский титул князя Сан-Донато, который Николай I носить ему в России не разрешил.

высвечивающие то личности, то события... Металлург, сын металлурга, - Николай Владимирович Грум-Гржимайло.

- Помните, я вам говорила о происхождении фамилии Без-Корнилович из резолюции Николая Первого? А вот интересный документ 1918 года...

"***Послужной список прапорщика Н. В. Грум-Гржимайло II... Младший офицер 3-ей батареи... Участвовал в кампании против Германии и Австро-Венгрии... Ранен от разрыва гранаты в левую руку с повреждением первых суставов и трех пальцев... В лейб-гвардейской 2-ой артиллерийской бригаде участвовал в позиционной войне в районе Скалата (Галиция). Ранен пулей в плечо***".

- Вот эта пуля,- Софья Владимировна приносит шкатулку, и я рассматриваю тяжелую остроконечную немецкую пулю времен первой мировой войны.

"...На основании положения о демократизации армии от 30 ноября 1917 года общим собранием солдат избран командиром 3-ей батареи... В отпусках, в плену и отставке не был...". Интересна и подпись под этим документом: ***"Командиръ лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады полковникъ Н. Без-Корнилович".***

- Потом Политехнический ленинградский институт к работа в Перми, Днепропетровске, Москве. Работал он не жалея себя, и я ничего не могла с ним поделать. Говорил: "России нужен металл, без него нас легко сомнут". Потом арест, ссылка в Сибирь, в Мариинск. В Большом театре мне сказали: "Порви с врагом народа официально", а я порвала с театром, пошла по всем, кто его знал. Вот письма президента Академии наук Карпинского, академика Павлова...

Президент писал, что работа этого инженера "ценится, а изобретение его, принятое Наркомтяжпромом, в настоящее время осуществляется". М. А. Павлов: "***Знаю Николая Владимировича Грум-Гржимайло с малых лет и хорошо знаком со всей его деятельностью как инженера... Исследования по термообработке чугунов... Впервые в мире практическая наладка производства ковкого чугуна с применением полностью механизированной технологии. Экспресс-анализ чугуна непосредственно у печей... Обработка стали на автоматах... Освоение новых гальванопокрытий... Твердо убежден в том, что он принадлежит к числу тех людей, которые не в состоянии быть вредителями в том деле, которое им поручают***".

- Разобрались, перевели на Златоустовский завод, освободили, извинились, и он еще сорок лет работал, отдав последние силы капитальному теоретическому труду о внутренней природе металлических сплавов. Как он работал!..

Все они, Грумы, умели работать, а я это качество всегда считал главной характеристикой человека. Читаю давние письма Груму-металлургу, сыну металлурга, от Грумма-ботаника, сына путешественника, перебираю фотографии, документы, просматриваю старые газеты и журналы. В труднейшие послереволюционные годы Григории Ефимович Грумм-Гржимайло не прерывал работы, сидел за столом до обмороков, заканчивая главный труд своей жизни - четырехтомную научную эпопею "**Западная Монголия и Урянхайский край**"... Вот до боли знакомые имена в воспоминаниях Алексея Григорьевича Грумм-Гржимайло: "Хорошо помню, как в один воскресный день 1919 года к нам неожиданно зашел Федор Иванович Шаляпин, и не один, а с Максимом Горьким. Алексей Максимович, как известно, был председателем созданной тогда комиссии по улучшению быта ученых и хотел лично познакомиться с условиями жизни моего отца и его семьи. Это был незабываемый день. В кабинете отца оба гостя пробыли сравнительно недолго, но много говорили о своих планах на будущее. Несмотря на трудное время, будущее это рисовалось им ярким и безоблачным, полным творческих замыслов".

А вот несколько последних писем А. Г. Грумм-Гржимайло двоюродному брату Н. В. Грум Гржимайло. От 26 января 1961 года: "Недавно, неделю тому назад, в президиуме географического общества стоял вопрос относительно предложенного мной к изданию сборника писем известного путешественника по Центральной Азии Г. Н. Потанина. Я взялся за эту работу, так как был уверен, что никто и некогда не пожелает затратить на "раскопки" материялов столько

времени, сколько мне пришлось это сделать. Мной уже собрано 300 писем Г. Н. Потанина". От 18 мая 1986 года: "Обязательно приеду в Москву. Мне необходимо похлопотать об издании "Писем Г. Н. Потанина", обработку которых я закончил и теперь буду писать к ним вводные статьи. Составил библиографию трудов Потанина - 490 названий".

Вскоре он умер, а через двенадцать лет вышел первый том четырехтомного собрания писем замечательного сибирского ученого и путешественника. Доктор исторических наук Э. М. Мурзаев писал в связи с выходом книги, что ранее он представлял себе образ Г. Н. Потанина как ученого. "Когда же я прочитал первую книгу его писем, то увидел человека великодушного, энергичного, большого патриота своей страны и народа, стойкого в своих убеждениях, эрудированного и талантливого, с твердыми принципами и великой трудоспособностью". Рецензент отмечает также "кропотливый и грандиозный труд А. Г. Грумм-Гржимайло (1894-1966), который 10 лет посвятил попеку писем в разных архивах Советского Союза и снабдил эти письма подробными комментариями".

8. Глава 8

Прежде чем выйти на исторический большак, вообразим себе возможную встречу Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло во время его путешествия по Урянхайскому краю с одним интереснейшим русским человеком, фамилия которого в тех местах прочно заместилась прозвищем Карасал...

Любознательный Читатель. Интересно, однако мы опять уклоняемся в сторону... Когда же финишная прямая?

- Путешествие в прошлое - не бег по спринтерской дорожке и не езда по гладкому шоссе. Множество заброшенных проселков, троп, забытых большаков, а то н сплошное бездорожье на много верст, перекрестки, ответвления, пересечения, спуски, подъемы, шаткие мостки, гати... К финишу, если уж пошли, все же дошагаем, хотя и не скоро. А пока хорошо бы посмотреть, как большая история проходит через одного человека.

- Тогда пошли. Что значит "Карасал"?

- "Черная борода"... Человек этот появился в глухом углу Урянхайского края, как называли Туву тогда, в середине девяностых годов прошлого века. Срубил на солнечной приверхе Бий-Хема, то есть Большого Енисея, избушку. В округе - тучное высокотравье, богатая пушным и съедобным зверем тайга, медоносы, под боком рыбная река... Он начал тут жить и работать. Это был еще совсем молодой человек, едва за двадцать, но жил бобылем, оброс бородой...

Любознательный Читатель. Беглый какой-нибудь? Или новая "робинзонада"?

- Через несколько лет, однако, привез "снизу" двенадцатилетнюю девочку, которую взял из большой бедной семьи рыбака на пропитание, услужение и воспитание.

Карасал обращался с нею заботливо, нежно, а она привязалась к нему, как к самому близкому человеку, быстро взрослея и хорошея, и случилось так, как должно было случиться в таких обстоятельствах с молодыми людьми: Марина стала его женой, и в 1904 году, когда ей было неполных семнадцать, она родила Карасалу сына. Через полтора года они обвенчались в селе Каратуз, где была ближайшая церковь.

Карасал был феноменально трудолюбив. Вставал, как птица, с зарей и ложился в сумерках, когда птицы смолкали. Умел, кажется, все-выделать шкуру, подковать лошадь, стачать сапоги, сплести сеть, связать плот, согнуть дугу, мог холостить жеребцов, косить, пахать, сеять, коптить рыбу и мясо, качать мед. По примеру первых крестьян-поселенцев начал выращивать хлеб. Сеял озимую рожь, полбу, ячмень, обмолачивал снопы зимой на ледовом току и сам же молол муку на примитивной мельнице...

Держал рабочих лошадей, стадо крупного рогатого скота.

- Типичный сибирский кулак? Один же он не мог справиться с таким хозяйством!

- Не спешите с ярлыками. Его заимка стала с годами семейной колонией. Подселился брат и брат

жены, потом третий брат. С детьми тут жило около двадцати человек, и, по сибирским статистическим нормам даже 1930 года, это было середняцкое хозяйство. Из письма сына Карасала, написанного 26 августа 1973 года в Симферополе: "Акклиматизация злаков потребовала немало лет упорного труда. Тувинцы съезжались к нему большими группами, и он подробно рассказывал о своих опытах, предлагал семена, убеждая обрабатывать удобные земли, чтоб иметь свой хлеб - верную гарантию от голода, средство стать независимыми от купцов-хапуг". А вот выдержка из первого тома "Истории Тувы":

"Суровые природные условия Тоджи препятствуют развитию земледелия, так что русские переселенцы, создав здесь земледелие, совершили своего рода трудовой подвиг". И одним из первых среди них был Карасал. Из того же письма: "Он завел плуги, бороны, сенокосилку, конные грабли, работал на них только сам и только сам их ремонтировал"... Впрочем, был у него один постоянный помощник из урянхайцев - Сундуй.

- Батрак?

- Судите сами. Однажды - тогда Карасал еще жил на заимке один с молодой женой - он ехал глухим местом и услышал стоны.

На земле поодаль от тропы лежал связанный тувинец. Карасал подъехал, наклонился и отпрянул - человек находился в последней стадии дурной болезни. Карасал узнал эту болезнь, потому что в юности некоторое время работал учеником фармацевта окружной аптеки. На заимке он держал шкаф с медикаментами, собирал местные лекарственные травы. Поместил Сундуя в бане и начал лечить. Марина Терентьевна, опасаясь, что Карасал сам заразится, просила отвезти больного "вниз", но тот не согласился. Посещая больного, он соблюдал осторожность и делал гарантирующую дезинфекцию. Жена постепенно привыкла, сама носила к двери бани еду и после подолгу терла чашки золой и речным песком. Через несколько месяцев язвы на теле Сундуя стали рубцеваться, обезображенное лицо очистилось. Карасал повторял лечение спустя год и начал пускать Сундуя в дом, а вскоре этот тувинец юридически стал его собственностью.

- Как это - собственностью? Что-то чудовищное! По какому праву?

- По местным законам, что ли. Если у больного такой болезнью наступала последняя стадия, его по распоряжению нойона вывозили в отдаленное место и оставляли. Тоджинский нойон Томут, подробное знакомство с которым у нас впереди, однажды увидел Сундуя и - цитирую еще одно письмо - "отказался его принять и сказал, что он у нас похоронен, считается мертвым, и зачислить его живым я не могу". Сундуй, так обязанный Карасалу, сопровождал его всюду, помогал по

хозяйству, которое постепенно становилось культурной многоотраслевой фермой. Первым из русских поселенцев Карасал распахал клин под "зеленку", на корм скоту, выписывал холмогорок аж из Омска...

- Другими словами, повторяю, это был типичный так называемый "справный мужик"?

- Этот "мужик" имел хорошую библиотеку, играл на скрипке и флейте, выписывал через Минусинск ноты из столицы, был членом Иркутского отдела Русского географического общества, построил метеостанцию и сообщал показания приборов в Иркутск и Томск... Он был в этих краях пионером. Прилагал к силам природы свои труды, осваивал "медвежий угол", нес туда культуру. У него установились прекрасные отношения с местным населением, которое было задавлено бедностью, темнотой, эксплуатацией богачей и обманом купцов. Он хорошо владел тувинским языком, и даже из соседних хошунов араты ездили за добрым советом к этому не совсем обыкновенному русскому... Вы еще не потеряли интереса к нему?

- Наоборот. Кажется, эта личность воистину была незаурядной, а деятельность Карасала - любопытная страничка созидательной истории, о которой мы говорили.

- Правда, вы еще не знаете, в какую главу истории он вписывается, и финиш этого отрезка нашего путешествия будет для вас достаточно неожиданным.

- Жду очередной случайности, хотя начинаю замечать, что они, эти так называемые случайности,

имеют под собой какую-то глубинную причинность, логику и детерминизм. Так что же стало с Карасалом, его хозяйством, чем закончилась эта пионерская деятельность?

...Рассматриваю фотографии Карасала, его жены, детей, братьев. Со всех снимков Карасал смотрит прямо тебе в глаза; вот он стоит в "романовском" полушубке с опушкой и меховой шапке, такой же густой и черной, как его борода; вот сидит за круглой тумбочкой, уже постаревший, благообразный, но взгляд тот же - прямой, открытый и страстный, как у проповедника, а толстопалые, привыкшие ко всякой работе руки тяжело лежат на какой-то старинной книге.

- Не был ли он старообрядцем или религиозным сектантом?

Таких по Сибири всегда селилось много, и все они отлично умели обживать глухие места...

- Да, в Туве селилось немало раскольников, искавших свою легендарную Беловодию. Но Карасал не был религиозным фанатиком...

Рассматриваю план усадьбы Карасала и его дома, зал, который в зимнее время был школой для русских и тувинских детей. Рядом кабинет хозяина о трех окнах с библиотечным углом и примыкающей спальней. Столовая, кухня, комната брата. Поодаль - трехкомнатный домик другого брата. На общем дворе хлебный амбар, завозня, поднавес для инвентаря. Не обозначены конюшня и скотный двор, зато перед окнами Карасала, чуть наискосок, - метеоплощадка... А вот выписки о Карасале из множества статистических и краеведческих трудов, новые письма людей, знавших и помнивших этого человека.

Идиллически-пасторальная картинка, которую с моей помощью нарисовал, быть может, в своем воображении читатель, начинает раздвигать рамки, полниться светотенями, неповторимыми подробностями, приобретать глубину и жизненную сложность. Географический центр Азии на первый взгляд - будто бы забытое богом и людьми место, столь далекое от бурных событий 1917-го, предшествующих и последующих годов. Но нет, экономические, социальные, политические, национальные, международные, иные попутные проблемы на переломе двух исторических эпох и тут сплелись в тугой узел!

Заповедник Азас

Читаю дореволюционную справку о хозяйственной деятельности Карасала и его русских соседей - со спекулятивными преувеличениями, потому что их автор подал в правительство записку, изображая приятную для августейших очей картину, и 20 января 1908 года Николай II изволили начертать на докладе "Прочел с большим удовольствием"... В "Известиях Красноярского отдела Русского географического общества" значится, что пашня Карасала занимала всего пять десятин, а по сибирским меркам это было совсем немного; вспомним, что выходящим на поселение декабристам разрешалось иметь пятнадцать десятин. Учтем также, что земли находились в горно-таежном районе, и для того, чтобы их распахать по клочкам и окультурить, надо было положить почти нечеловеческие труды. Писалось также о том, что он будто бы "участвует в разработке рудного золота", хотя это совершенная неправда - как свидетельствуют документы, Карасал действительно нашел в тайге золото, но правитель Тоджинского хошуна, тот же Томут-нойон, изгнал его с этого места. Он же запретил Карасалу пользоваться разнотравными пойменными сенокосами, вытеснив его на дальние лесные елани, где рос дудник и папоротник, жестко ограничил рыболовный участок Енисея.

Фото: http://pisum.bionet.nsc.ru/kosterin/landscap/tuva/toorakhem.jpg

В Туву тех лет устремилось немало русских скупшиков-перекупщиков. Они завозили фабричные товары из Красноярска, через который прошла Транссибирская железная дорога, доставляли их по Енисею и горным тропам в Туву, где с огромной выгодой обменивали на пушнину.

Любознательный Читатель. Но неужто Карасал не торговал, если легкие деньги сами шли в руки?

- Кто-то из краеведов однажды причислил и его к "скупщикам", но это была стрижка под одну гребенку, подравнивание его к таким, как, скажем, Сафьянов, которому русское население дало кличку "Сойотский царь", а тувинское - "Бай Егор". В архивах и литературе есть данные о торговых оборотах и должниках разных там Бяковых, Веселковых, Садовских, Сафьяновых, Сватиковых, Скобеевых. Нет таких данных только о Карасале и его братьях, потому что это, знать, были

люди совсем иных достатков, иного образа мыслей и жизни.

Конечно, они помаленьку торговали продукцией фермы и лесного промысла - это было обычное тогдашнее дело, ссужали семена и хлеб русским крестьянам-переселенцам и бедным аратам - есть на то свидетельства, но братья-пионеры не были, наверно, способны урвать время от забот и трудов по своему разветвленному хозяйству, не могли стать конкурентами хищников-соотечественников, отселившись однажды от присоседившегося Скобеева на семьдесят верст вверх по Бий-Хему в **Тоджу**, где их, в свою очередь, начал утеснять Томут-нойон, местный кровопийца, наживавшийся на спекуляции пушниной и золотом, взятках, ростовщичестве, эксплуатации темных аратов, пасущих его стада. Исчерпывающие документы на сей счет передо мною, их много, но я приведу лишь несколько. Вот характеристика этого бая из донесения усинского пограничного офицера:

"Главный деятель Тоджинского хошуна Томут - человек в высшей степени хитрый, упрям, в проведении своей политики очень настойчив: в минуту откровенности как-то сказал нашим купцам, что "будет держаться своей политики по отношению к русским до тех пор, пока ему не отрубят голову", корыстолюбием выделяется даже среди своих соотечественников, никто не берет с русских так много взяток, как Томут, хотя вместе с тем никто не притесняет их, как он".

Однажды Томут единолично распорядился приставить вооруженный караул к дому Карасала - цитирую по другому подлинному источнику: "...15 лет живущего в этом крае, пользующегося одинаково уважением как русских, так и простых урянхайцев". Осада не снималась два месяца. Эти документы хорошо рисуют, в каких условиях жил и работал Карасал. Интересно, что история Урянхайского края не сохранила свидетельств таких крайних форм преследований других русских поселенцев. А казалось бы, Томут должен был прежде всего вытеснить из хошуна главных своих конкурентов - купцов-хапуг, которые потянулись за Карасалом в Тоджу.

- Ворон ворону глаз не выклюет.

- Как правило. Но тут, несомненно, примешивалась и политика, о чем мы еще поговорим... И Карасал был настолько заметной личностью, что известный уже тогда исследователь Центральной Азии Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло не преминул упомянуть его в своей монографии.

Маршрут путешественника прошел через Тоджу, но в трудах ученого нет достоверных данных об их встрече. Может, есть они в дневниковых или черновых записях? При первом же выезде в Ленинград я, конечно, просмотрю архив путешественника - было бы очень интересно узнать, познакомился ли Грумм-Гржимайло с этим русским дворянином, поселившимся...

- Дворянином?!

- Да. Карасал и его братья были, как говорится в официальных документах тех лет, потомственными дворянами.

- Невероятно! В глухом азиатском углу, в центральной точке континента, поселяются три брата, принадлежащие к самому привилегированному сословию России ведут культурное крестьянское хозяйство, работают в поле до изнеможения, славятся добрыми делами, подвергаются преследованиям!..

Такого вроде бы не должно быть, а?

- Было. В течение двадцати пяти лет было.

- Кажется, я все же догадался, кто такой Карасал!

- Интересно, кто же он, по-вашему?

- Толстовец, последователь нравственного учения Льва Толстого. Физический труд на лоне природы, простота жизни, ограничение потребностей, моральное самоусовершенствование, помощь бедным, лечение больных... Такие колонии создавались в России и даже за ее рубежами. Только из этого ничего не получилось, и сам Лев Толстой не любил толстовцев. Может, у

Карасала получилось, потому что это была семейная колония?

- Допускаю, что Карасал был знаком с учениями Толстого, Руссо и Торо, однако ни он, ни его братья не были толстовцами или, скажем, руссоистами. Чтобы понять, кем они были, надо разобрать тогдашнюю политическую и международную обстановку в этом районе Азии... Половина урянхайских хошунов, в том числе и Тоджницкий, подчинялась китайскому губернатору, другие четыре хошуна состояли в собственности монгольских феодалов, грабящих тувинский народ древнейшим способом - взиманием дани.

Национально-освободительное движение тувинцев привело в 1912 году - после **буржуазно-демократической революции в Китае** - к изгнанию китайских и маньчжурских чиновников из Урянхайского края, но это не ослабило здесь экономического и политического напряжения. Наш знакомец тоджинский нойон Томут и соседний солчакский правитель Балджийта в мае 1912 года подали без ведома населения просьбу о включении их хошунов в состав Монголии в качестве данников. В марте следующего года формальности закончились, и просители получили хошунские печати вместе с княжескими титулами. На феодальную Монголию ориентировалось подавляющее большинство баев, чиновников, нойонов и лам. Однако главный тувинский правитель - **Амбын-Нойон** - со своими немногочисленными сторонниками выступал за протекторат России.

Трудовой народ также тянулся к России и русским, которых он знал не первый, как говорится, год.

В верхнем течении Енисея русские поселенцы появились еще в XVIII веке. Увидев, что коренные жители края "не спорят, дают селиться спокоем", первоселы быстро поняли, что **Минусинская котловина** - самое хлебородное место Сибири, начали распахивать ее и понесли уклад жизни земледельцев в горные долины. Были в этом движении, конечно, экономические и социальные противоречия, вызываемые, например, сокращением пастбищ или охотничьих угодий, но здесь, как и по всей Сибири, земли пока было много, а между трудящимся коренным населением и крестьянами-пришельцами постепенно устанавливалось добрососедское сосуществование, чему способствовали взаимный обмен трудовым опытом, продуктами хозяйствования, многочисленные смешанные браки, приобщение - бесписьменных народностей к языку и грамоте, незлобивый психический склад поселенцев, терпимость простого русского человека, его уважение к обычаям и верованиям других, одинаковое отношение к "своим" и "чужим" кровососам, одинаково алчно обирающим "своих" и "чужих", а также принципиальное положение сибирских указов действовать между ясачными "лаской, а не жесточью", как давняя правовая основа отношений, которые в те времена были немыслимы, скажем, в Америке, где законодательные демократические парламенты колонизаторов устанавливали для европейских переселенцев плату за индейский скальп от пятидесяти до ста долларов, в зависимости от того, с кого из аборигенов он был снят - с мужчины, женщины или ребенка...

А память снова и снова возвращает меня к декабристам; тропы и дороги нашего путешествия в прошлое особенно часто перекрещиваются с их сибирскими следами, которые нельзя не заметить и на сей раз...

"Русская правда" Павла Пестеля, этот своеобразнейший свод правил общественной морали, политических принципов и гражданских законов будущего республиканского Российского государства, имела в виду главным образом зауральские "народы кочующие", призывая: "да сделаются они нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении". Сколько здесь политического такта, человеколюбия, неподдельного чувства!

Вспоминаются также труды декабриста-сибиряка Гавриила Батенькова о населении родного его края - их полное собрание включает более семисот страниц, и под тяжеловесными формулировками непрерывной подледной струей течет мысль трезвейшего государственного дсятеля-антикрепостника. Или его же неосуществленные "Степные законы", разработанные для сибирских "народов кочующих", .- читая их, чувствуешь, как под мундиром, наглухо застегнутым, бьется сердце истинного гуманиста.

Бесчисленны узелки, завязанные там и сям декабристами в памяти коренных жителей Сибири!

Федор Шаховской спасает от голодной смерти беднейшее население Туруханска, отдав ему все свои средства. Матвей Муравьев-Апостол и Павел Выгодовский учат якутских детей. От Александра Беляева перенимает русскую грамоту первый хакасский мальчик. Николай Крюков связывает себя с этим народом семейными узами. Из уст старой бурятки Жигмит Анаевой мы услышали уже знакомую читателю поразительную итоговую формулу, оценивающую декабристов бесхитростно и мудро: "Это были бог, а не люди!"

Не забываются и те потомки декабристов, что шли по жизни в световом луче своих отцов и дедов.

О деятельности Евгения Якушкина, сына декабриста, помощника Ивана Пущина и корреспондента Александра Герцена, читатель тоже успел узнать из предыдущих глав "Памяти", это он помогал вдовам "минусинцев" Николая Мозгалевского и Алексея Тютчева из средств пущинскои Малой артели, он переправил в "Колокол" немало драгоценных материалов декабристской поры, связуя времена и освободительные идеи двух поколений русских революционеров.

Интересным человеком был и брат его Вячеслав. Давно мечтаю добраться до его бумаг, хранящихся в одном из столичных архивов, - там, наверное, найдется немало ценного и поучительного. В середине прошлого века он в качестве чиновника министерства государственных имуществ изрядно поездил по России, изучая и устраивая жизнь восточных и сибирских "народов кочующих".

Бумаги эти однажды разбирала Мария Михайловна Богданова и в 1958 году кое-что рассказала о них на страницах альманаха "Абакан". Среди официальных документов, писем, путевых заметок и черновиков она обнаружила не то выписки из неизвестных текстов, не то собственные размышления Вячеслава Якушкина о царях - "деспотах и тиранах", помещиках - "живодерах и отъявленных грабителях", под которыми "уже волнуется проснувшийся народ", и в моей памяти вспыхивает ассоциация со страстными речениями Павла Выгодовского, - воспаленный мозг этого Прометея жжет из нарымских туманов...

Осенью 1854 года Вячеслав Якушкин, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири **Н. Н. Муравьеве**, побывал в хакасских степях и предгорьях Урянхайского края, где подробно ознакомился с бытом и хозяйствованием русских крестьян, ссыльных **молокан** и коренных насельников, в числе прочего обращая внимание на их добрососедские отношения и культурное влияние поселенцев.

Якушкин побывал у многих зажиточных и даже богатых степняков, отметил, что никакого вымирания коренного населения тут не наблюдается, однако он далек от идеализации жизни хакасов, подробно разбирая тогдашние социальные язвы. Это здесь, в степной Койбальской думе, он умилостивил личными деньгами спившихся родоначальников, и они наконец-то отпустили наемного **рекрута**[16] в солдатскую службу вместо сыновей декабриста Николая Мозгалевского.

Вернемся, однако, в Туву, чтобы поближе познакомиться с такими любопытными фигурами южносибирского прошлого, как Томут-нойон и Карасал. К тому времени, о котором идет речь, в Урянхайском крае жило и трудилось около тысячи русских крестьянских семей. Общение с ними для тувинцев было не во вред, а на пользу, что создало морально-политические обстоятельства прогрессивного значения. И такие люди, как Карасал и его братья, которых знало и уважало русское и коренное население значительной части Тувы, способствовали усилению этой тенденции.

- Нельзя ли здесь увидеть некую миссионерскую роль братьев-дворян?

- Впервые упоминается Карасал в одной омской публикации 1903 года. "Молодой, очень деятельный... преследует в урянхайской земле, говорят, широкие русские цели"... Однако, что бы

---

[16] РЕКРУТ (нем. Rekrut) - лицо, принятое на военную службу по найму или повинности. В русской армии в 1705-1874 гг. лицо, зачисленное в армию по рекрутской повинности. В 1874 г. термин "Р." заменен словом "новобранец".

ни писали, он, мне кажется, просто искал на этой земле точку приложения своих физических и нравственных сил, которую не находил "внизу", среди многолюдья, искал честного способа существования, а не бессовестной наживы, и поэтому деятельность и поведение его объективно играли более значительную роль, чем это представлялось даже ему самому.

Впрочем, не исключаю, что Карасал все понимал глубже, чем это может показаться из нашего далека и непреднамеренно-естественно нес в себе, как и простые русские крестьяне, поселившиеся в Туве, нравственную сущность своего народа. Один из исследователей Тувы писал в 1912 году в "Известиях Русского географического общества": "К чести нашего парода надо сказать, что русское влияние в Урянхае единственное, которое было плодотворным для туземцев... Русский крестьянин в туземце видел такого же, как сам, человека и всячески старался поднять его до себя".

В 1914 году Тува отошла под протекторат России, которая, будучи втянутой в империалистическую бойню, уже носила в своем чреве революцию. Карасал к революции, конечно, не имел никакого отношения, однако после нее через одного известного в тех местах революционера официально выяснилась некая интересная подробность...

Любознательный Читатель. А Карасал что - погиб?

- Подождите. Нас ведь интересует история, проходящая сквозь судьбу человека, и это не терпит торопливости, поэтому сначала об исторических событиях того времени, когда волна русской революции докатилась до Красноярской губернии и Урянхайского края. Советская власть ликвидировала царский протекторат, и в апреле 1918 года Урянхайский краевой Совет издал постановление о ликвидации Переселенческого управления.

Среди членов комиссии по ликвидации документы называют большевика Я. К. Потанина, который вскоре выехал из Тувы, и я, попросив бы читателя запомнить эту фамилию, приведу выдержку из договора, заключенного в июне 1918 года на съезде представителей тувинского и русского населения края: "Тувинский народ объявляет, что отныне он... будет управляться совершенно самостоятельно, и считает себя свободным, ни от кого не зависящим народом. Русский народ, приветствуя такое решение тувинского народа, признает его справедливым... С этого момента все девять хошунов Танну-Тувы считаются вполне самостоятельными и ни от кого не зависимой страной". В краеведческом музее Кызыла хранится фотография участников того исторического съезда. Среди них - чернобородый человек с интеллигентным русским лицом, единственный делегат дворянского происхождения на этом народном съезде интернациональной дружбы и добрососедства.

- Карасал?

- Не угадали. Его младший брат... Карасала, кажется, не было тогда в Туве. А спустя всего месяц события но всей Сибири и в этом горном крае приняли трагический оборот. Полыхнувшая гражданская война опалила саянское предгорье, в Туву ринулись иностранные интервенты. Озверевшие белогвардейцы истязали и убивали большевиков, китайские и монгольские милитаристы грабили Туву. Из бесчисленных сведений по истории Красноярского края, Хакасии и Тувы тех лет приведу лишь то, в котором упоминаются нужные нам фамилии... "Главными очагами концентрации контрреволюционных сил были крупные казачьи станицы Тыштым и Каратуз. Особенно свирепствовали тыштымские казаки. По дороге в Минусинск они подвергли нечеловеческим пыткам председателя станичного Совета Потанина, в Тыштыме зарубили шашками большевика Олофинского". Каким-то чудом Потанину удалось бежать в горы, но подробности этих обстоятельств мне, наверное, уже не доведется установить, что, быть может, к лучшему - надо же оставить белое пятнышко тому, кто отправится в прошлое этих мест после меня...

К концу лета в долине Бий-Хема установились погожие дни.

Карасал и Сундуй приготовили жнейку, чтоб начать уборку хлеба, но с утра пораньше нагрянул в Тоджу отряд казаков во главе с белогвардейским офицером. Марина Терентьевна увидела, как побледнело лицо Карасала. Однако молодой офицерик лишь вежливо представился Карасалу и

спросил:

- По слухам, вы дворянин?

- Воистину так, - ответил тот. - Отнюдь не по слухам.

- Прошу извинить. Но не пользовались ли вы в свою очередь слухом о том, что по этим местам скрываются беженцы снизу?

- До вашего визита не имел чести слышать такой новости.

Офицер послал за правителем хошуна, и, когда дрожащего Томут-нойона привели, у Карасала не было ни возможности, ни причин отказать в посредничестве.

- Переведите ему, чтобы...

- Пожалуйста, - поправил Карасал.

- Переведите ему, пожалуйста, чтобы он немедленто отрядил верховых для сбора туземцев. Имею в виду мужчин с оружием.

Целый день тувинцы съезжались небольшими вооруженными группами. Казаки встречали их на пути, сопровождали к дому Карасала, где оружие складывалось в общую кучу, а тувинцы загонялись в круг оцепления. К вечеру офицер поставил Томут-нойона перед соплеменниками.

- В России восстанавливается монархия, - переводил Карасал. - Имею полномочия объявить вам, что сибирские правительство считает Урянхайский край неотъемлемой частью России. Ваш хошунный правитель отказывается от своего положения и прав, о чем он вам сейчас изволит объявить...

Томут-нойон, однако, пронзительно закричал, задергался в руках стражи, а многие тувинцы кинулись к оружию, но казаки, хохоча, хлестали их плетьми, били прикладами. Бессильная толпа начала рассеиваться. Тувинцы бежали в кусты, отвязывали лошадей, и через полчаса никого из них не осталось на поляне.

Офицер сказал Томут-нойону, что наведет тут порядок и увезет его в минусинскую тюрьму. На ночь он запер его в той самой бане, где когда-то Карасал лечил Сундуя...

Три дня офицер с казаками рыскали по хошуну, Карасал убирал хлеб, а Марина Терентьевна все эти дни, жалея Томута, носила к бане еду. Томут жалобно скулил и молил караульщиков отпустить его, а казаки, клацая затворами винтовок, пугали его, смеялись, и Марина Терентьевна стыдила их за такие жестокие шутки... Рассматриваю ее фотографию тех лет. Красивое задумчивое лицо под копной хорошо уложенных волос, гордая осанка, хорошо пошитое городское платье, в вырезе которого кружевное воздушное жабо, тонкий и стройный стан – никогда бы не подумал, что это выросшая в глуши дочь рыбака! Она опирается рукой на березовое кресло, а на заднем плане - плохо проявленные, размытые травы и неясное лицо какого-то бородатого старика.

Звоню:

- А Марину Терентьевну вы хорошо помните?

- Как же! Она была намного младше Карасала и когда впервые появилась внизу, то удивила всех нас своей обворожительной внешностью. Синие, под цвет неба, глаза, роскошные волосы с завитками на висках, божественная фигура, совсем не деревенские манеры. Карасал любил ее какой-то неземной любовью. Он научил ее грамоте. Она прочла всю его довольно приличную библиотеку, но с беллетристикой почти не была знакома, зато иногда поражала в разговоре неожиданными знаниями, совсем не обязательными для нее. Подозреваю, что в тайге она подряд читала словарь Брокгауза и Ефрона...

Офицер с отрядом вернулся усталый и раздраженный, улегся спать, но заснуть не мог - из бани слышался отвратительный вой Томута: не то какую-то древнюю песню он пел, не то печально оплакивал свою судьбу,

- Прикажите этому дикарю замолчать! - вскочил офицер в кабинет хозяина, который еще не

ложился.

- Пожалуйста, - поправил Карасал.

- Пожалуйста, - повторил офицер.

- Бесполезно. Я много лет знаю этого человека.

- Но вы только послушайте! - На усадьбе раздавались душераздирающие вопли. - О чем он воет?

- Прощается с Бий-Хемом и горами, - прислушался хозяин.

- Придется его пристрелить.

- Никак нельзя, - возразил Карасал. - Не в обычаях, позволю заметить, русского воинства. Кроме того, я прожил здесь четверть века и хорошо знаю урянхайцев. На многих из них это произвело бы весьма нежелательное впечатление.

- Вы полагаете? - пробормотал офицер и, выйдя наружу, отдал в темноту какое-то распоряжение.

Вскоре Томут завизжал, как под ножом, и смолк. Весь трепеща, Карасал встретил офицера в дверях:

- Вы недооцениваете последствий...

- На вас лица нет, - устало сказал офицер, - ему просто заткнули рот.

Утром отряд засобирался вниз. Офицер снял караулы с реки и дороги, приказал подать коня. Томута выволокли в последний момент и вынули изо рта кляп. Томут покатился но траве, заверещал. На крыльцо вышла Марина Терентьевна, одетая в лучшее свое, ни разу до сего дня не надеванное кремовое платье, приблизилась к офицеру.

- С этим добрым и несчастным народом нам жить, - промолвила она. - Молю вас - отпустите его! Томут смолк, по-собачьи глядя на нее.

- Попросил бы вас о том же, - сказал хозяин и заметил, как в глазах Томута мелькнула знакомая искорка и тут же погасла под тяжелыми веками.

Офицер все смотрел на Марину Терентьевну, которая вдруг гордо вскинула голову и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

- Хотите, я встану перед вами на колени?

- Совершенно лишняя жертва. Только переведите этому князю, чтобы он забыл в обновленной России о своем нойонском звании, - сказал он, добавив: - Пожалуйста...

Томут торопливо закивал, хорошо поняв, чего от него хотят, и офицер разрешающе махнул плетью. Бородатый казак обнажил саблю, передернул ею за спиной Томута, и веревки упали. Отряд ушел, а Томут, мгновенно изменивший выражение лица, сказал по-тувински Марине Терентьевне, что он этого не забудет, пока его глаза видят Бий-Хем...

А через несколько дней Томут, обычно оставлявший коня у коновязи Карасала, подскакал к самому крыльцу и властно закричал. Карасал был в поле. Вышедшая Марина Терентьевна увидела, что Томут надменно прямится в седле, а лицо его, исполненное преувеличенного достоинства, непроницаемо-таинственно, как у Будды.

Из письма: "Он сказал, что пришел час отплатить за ее доброту и откроет ей великую тайну. Днями прибудут в Тоджу монгольские воины и учинят жестокую расправу над всеми русскими. Надо бы скорей уезжать, однако у Карасала большое хозяйство пропадет, труды стольких лет! Томут-нойон знает, как русские трудились, какие у них хорошие лошади, скот и машины.

Он с Карасалом тут состарился, между ними всякое случалось, но Томут-нойон умеет быть благодарным. Для спасения богатства пусть Карасал-кургая, то есть "жена Черной бороды", перейдет

жить в его юрту, а когда нагрянут монголы, он им скажет, что эта русская женщина есть его жена, и ему, князю, поверят, будто так оно и есть вправду. А Карасал с детьми должен немедля уехать в Россию, иначе ему придет смерть, и он волен сам решить, что выбрать. Томут уехал, а Марина

Терентьевна кинулась на поле, где Карасал и Сундуй в ранних осенних сумерках - горы затеняли небо - ставили последние снопы. А утром появилась разъяренная жена Томута, коей пьяный Томут все рассказал, и устроила скандал, не уразумев того, что Марина Терентьевна ни под какими силами и предлогами не согласилась бы на дурную хитрость Томута. Карасал ее успокоил, куда-то съездил верхом, потом быстро навьючил лошадей, взял самое необходимое, жену и детей рассадил по седлам, и тут прискакал сверху, с другой заимки, его младший брат. Он тоже все узнал, но решил остаться, потому что оставались другие русские и у него уже было свое хозяйство и семья большая, каких мало, а лошадей угнал Томут, и ехать стало не на чем, маленьких детей должен всякий пожалеть".

Опять звоню:

- Сколько было детей у брата Карасала, не помните?

- Всего? Много, они с Лидией Александровной оба молодые были, когда поженились. Значит, так... Костя, Саша - девочка, потом пошли мальчики - Миша, Петя, Боря, Костя - второй, Витя, тут вклинилась Маша, дочка, и снова были сыновья Валя и Алеша, за ними последняя девочка Галя...

- Одиннадцать человек?

- Нет, это не все. Было еще трое мальчиков - Валя-второй, Володя и Саша-мальчик...

Любознательный Читатель. Четырнадцать!.. Но что все же стало с Карасалом, его братом, их женами и детьми? Может, Томут все выдумал?

- Не выдумал. Карасал уехал. Брат с семьей остался.

Среди его детей были и совсем маленькие, и такие, что уже все хорошо понимали и до сего дня все помнят...

Из письма: "Когда монгольские милитаристы нагрянули на Тоджу, сразу же арестовали моего отца, учителя Леошина, Григория Кукузе, Степана Петрова и других русских крестьян, связали им руки, посадили на лошадей и увезли в Тоджинское зуре, в переводе-монастырь. Там стояли палатки, в которых находился главарь этих захватчиков Очтчур-Батор, правитель Тоджинского хошуна Томут-нойон, хошунские ламы.

Первым допрашивали моего отца, предъявив ему претензии, почему, мол, твой брат Карасал на требование правителя Тоджинского хошуна Томут-нойона не согласился перейти в монгольское подданство, а среди жителей Тоджи Карасал якобы проводил агитацию против феодального режима, что, мол, феодальной власти в Урянхайском крае не будет, а будет народная Советская власть. Тоджинский чиновник Лопсан-Мерен хорошо владел монгольским языком. И вот по приказу Очтчур-Батора и Томут-нойона палач приводит отца со связанными руками и бьет его по щекам плетью. По-тувински плеть называется шагай, 120 плетей отцу всыпали, 60 по щекам и 60 по заднему месту, все посекли до течения крови. По очереди избили поселенцев Кукузе, Петрова, учителя Леошина, который всех нас на Тодже учил читать и писать, других русских также посекли нагайкой, и, когда их развязали, они не могли сидеть.

После прочитали арестованным, что, мол, все население Тоджи переходит в новое подданство, а их власть в хошуне будет осуществляться через правителя Томут-нойона и его заместителей Номиам Саигыркчн и Лопсан-Мерена.

Интересно осуществлялся переход в подданство Монголия.

Палач, взяв в руки трехлинейную винтовку, садился перед арестованным, передергивал затвор и приставлял ствол к лицу арестованного".

- Там так и написано: "интересно"?

- Да. "Потом арестованный должен был лизнуть дуло и открыть рот. Палач, наставив винтовку, спускал курок".

- Убивали?!

- Пугали. Винтовка была с пустым магазином.

- Но первый-то этого, наверное, не знал. Жуть!

- Надо думать. "Через несколько недель, когда все выздоровели, отец, Петров, Кукузе и Леошин в беседах очень часто смеялись над присягой монгольских палачей-феодалов".

Письмо длинное... Дальше рассказывается, как брата Карасала в качестве переводчика захватчики возили в соседний хошун, где они разграбили золотой рудник, как служащих привязывали к столбам, как делили в лесу золото и барахло, а переводчика заворачивали в ковер, чтоб он не увидел, кому сколько достанется...

А вот последнее письмо племянника Карасала, живущего до сего дня в Туве: "Что я помню о моем дяде Владимире Александровиче? Не многое, ведь я родился в 1908 году, однако какие-то детские воспоминания остались, то смутные, общие, то яркие, картинками.

Карасал сеял коноплю. Помню, как мои старшие братья и старшие дети Карасала ухаживали за коноплем, мочили его в енисейской протоке и отбивали, трепали на простои деревянной машине, сделанной Карасалом. Еще помню, как Карасал с моим отцом и Пыщевым, братом Марины Терентьевны, гнули полозья для саней и кошевок, а также гнули дуги. В библиотеке Карасала помню книги Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Гюго, Некрасова, Крылова, двенадцать толстых томов "Жизни животных" и много других книг. И еще помню, как он играл на музыкальных инструментах - скрипке, кларнете, гитаре, балалайке, мандолине.

Его этому умению удивлялись и русские крестьяне и тувинцы, приходили слушать. Под его аккомпанемент моя мама Лидия Александровна и Марина Терентьевна пели, помнится, "Волга-реченька", "Не брани меня, родная" и "Не искушай меня без нужды". И еще помню большой концерт, в который он втянул многих родных. Вначале он, нарядившись кузнецом, пел "Мы кузнецы" с перебоем молотками по наковальне.

Карасал первым прочистил и проложил зимнюю дорогу через хребет на Малый Енисей, по Балыктык-Хему и Тсрзику возил рыбу в обмен на муку в Сарык-Сек, Федоровку, Бояровку, Медведевку и Зубовку, его примеру последовали все тоджинцы и благодарили его.

Томут-нойон выгнал Карасала с прииска Темерчи. Карасал там стал строить кузницу, но Томут вместе с хошунным начальником Лопсан-Мереном прогнал его и сдал это место Скобееву, потому что Карасал не мог нойону платить такую подать, какую тот просил. Так и все время нойон изгонял Карасала со всех мест к в 1918 году - с его постоянного местожительства".

На этом наше путешествие в прошлое Тувы заканчивается, и мне, собственно, добавить нечего, кроме общеизвестного - с помощью Красной Армии трудящиеся тувинцы выгнали интервентов и томутов, установили в 1921 году народную власть.

Любознательный Питатель. Хорошо, а что сталось с главным нашим героем - Карасалом? Он вернулся в Тоджу?

- Нет. На родине он был арестован.

- За что?

- По доносу. Надо учесть обстановку того времени, крутого, тревожного, переломного. Еще идет гражданская война. Разруха, голод, саботаж городских спецов и сельского кулачества. У работников, укрепляющих с лета 1919 года Советскую власть в Сибири, было много важных забот. И вот донос на человека, не имеющего никаких заслуг перед революцией. Человек этот почти тридцать лет назад выехал за пределы России, был там не то купцом, не то предпринимателем, имел богатое хозяйство, а вернулся на родину в тот год, когда Советская власть по всей Сибири пала. Кроме того, он был дворянином, представителем самого привилегированного сословия при царском режиме.

- Да, но Пушкин и Лермонтов, Миклухо-Маклаи и Грумм-Гржимайло, Толстой и Маяковский тоже были дворянами! А в чем конкретно обвиняли Карасала?

- Будто бы из-за границы он снабжал белогвардейцев оружием.

- Карасал? Оружием? А факты какие-нибудь были?

- Была правда в том, что летом 1918 года именно с заимки Карасала карательный казачий отряд доставил вниз оружие, и слух об этом, очевидно, жил в округе. Но это было оружие, изъятое белоказаками у тувинцев! Достоверную свидетельскую проверку факта можно было, наверное, сделать на Тодже, но в Туве тогда тоже шла гражданская война.

- И что-в расход?

- Карасал восемь месяцев просидел в минусинской тюрьме, той самой, от которой он вместе с Мариной Терентьевной отвел тувинского феодала Томута. Выть может, и это Карасалу ставилось в вину, и я не знаю, от кого и откуда пришел донос.

Иной романист тут бы не удержался, чтоб для интересу не приписать донос самому Томуту, верткому и хитрому выродку, уцелевшему во всех передрягах.

- Короче - в расход?

- Карасал сам считал, что этот конец для него неизбежен, хотя все время оставалась надежда на Марину Терентьевну.

- А кто бы поверил жене?

- Не жене. Другим, которых она могла разыскать, в том числе и в Туве. И вот бумага, сыгравшая решающую роль в судьбе Карасала. Написана она была тем самым большевиком Яковом Константиновичем Потаниным, что работал вначале в Туве, а потом "внизу" председателем Тыштымского Совета. Во время контрреволюционного мятежа был подвергнут страшным пыткам, но -сумел бежать и скрыться в тоджинскон тайге близ фермы Карасала. В этом документе я только заменю фамилию Карасала на его привычное для читателя прозвище и чуть сокращу заявление Я. К. Потанина: "Я большевик-революционер. Мне угрожала неминуемая смерть, а также моим товарищам. Карасал подвергал себя не меньшей опасности, в которой находились мы, и только благодаря его находчивости и непоколебимому характеру он спас многих, и в том числе меня. Мой долг как революционера-большевика вмешаться в постигшее его несчастье по гнусному ложному доносу о доставке им якобы для белогвардейцев оружия. Карасала я знаю как человека с великими качествами, и скорее, наверно, Енисей потечет в обратном направлении, нежели Карасал доставлял оружие белым. Повторяю, ложь, клевета, и я уверен, что с получением сего Карасал будет освобожден".

- Похоже на документ тех лет... Освободили?

- Да.

- Но все же: кто он был по родовой линии? И как эти братья-дворяне очутились в Сибири?

- Карасал интересен как личность, сам по себе, а история глубоко и своеобразно отразилась в его собственной судьбе.

Звали его Владимиром Александровичем Мозгалевским, и был он внуком декабриста Николая Мозгалевского.

С 1920 года В. А. Мозгалевский руководил сплавом леса по Амылу, Кизиру и Тубе, потом работал директором кролиководческого совхоза, в Красноярском отделении "Союзпушнины", еще позже в инвентаризационной партии. Умер он в 1934 году на станции Уяр, где работала эта партия. Смерть наступила в результате несчастного случая - нес бутыль с молоком, поскользнулся и напоролся пахом на осколки так, что кровотечение не удалось остановить.

Всю эту историю я восстановил по воспоминаниям детей и племянников Карасала, архивным и эпистолярным материалам, собранным красноярским краеведом А. В. Вахмистровым, по беседам с потомками декабриста Николая Мозгалевского - правнучкой его М. М, Богдановой и праправнучкой В. В. Мемноновой, которая не раз встречалась в Минусинске после революции с ним и его братьями Виктором и Александром.

Приношу глубокую благодарность всем им, связавшим сравнительно недавние исторические имена и события, навсегда заключив их в круг моей памяти.

Слагаемые истории, прошедшие через один род... Разве это не интересно? Но дело не только в интересе именно к этому роду, тому или иному. Через ушедших людей, их дела и дни мы убеждаемся, что прошлое не ушло. Мы живем в нем, сами того не замечая, оно в нас - в нашем мировоззрении, нравственных нормах, каждодневных мыслях, чувствах, поступках, образе жизни, языке, наследственных - от деда к внуку - привычках, и уж от человека лично, а также общества, в котором он живет, зависит степень его духовного родства с предками...

История властно захватывала меня, и я постепенно начал понимать, что эта великая и единственная неизменяемая реальность выше всех наук, потому что связывает настоящее с прошедшим и будущим, ненавязчиво, мудро и всесторонне учительствует, царит над нами. О прошлом, его значении в жизни всех людей, обществ и каждого человека размышляли самые глубокие и беспокойные умы. Вспоминаю блестящие афористичные высказывания об истории многих декабристов, начиная с Александра Корниловича. И, словно подхватывая эстафету мысли, говорят о ней ярчайшие представители следующих поколений русских людей.

Александр Пушкин: "История, в том числе и древнейшая, - не давно прошедшее вчера, по важнейшее звено живой связи времени; тронь в одном месте, как отзовется вся цепь".

Виссарион Белинский: "Наш век - по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания.

История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания".

Александр Герцен: "Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего".

История-это Все во Всем!

Знакомство с трудами и днями Григория Грумм-Гржимайло надолго погрузило меня в древнюю историю Центральной Азии и бездонную пучину русского средневековья. Замечательный русский ученый был, оказывается, не только путешественником, географом, ботаником и так далее, но и крупным историком, считавшим, что лик земли, облик и судьбы народов следует рассматривать на широком и глубоком фоне прошлого со всеми его противоречиями и светотенями.

...Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, движения и подвижения народов, царства и кумиры, великие труды миллионов, моря их крови и слез, разрушающее и созидательное, пестрые факты, широкие обобщения, разноречивые выводы-в этой бездне минувшего так легко и просто потеряться, растворить себя в том, что было и больше никогда не будет, а поэтому будто бы так легко и просто обойтись без всего этого, прожить оставшееся время сегодняшним днем, найдя радость в честном заработке на кусок хлеба для своих детей. Однако память - это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее.

9. Глава 9

Скромная тоненькая книжечка в обложке цвета запекшейся крови стоит у меня на заветной полке. Она не новая, с ослабшим переплетом -видать, побывала во многих руках. Тираж небольшой, как и формат - книжечка легко поместится не только в офицерском планшете, но и в кармане солдатской шинели. Увидел я ее случайно в кучке дешевого букинистического разнокнижья и купил за полтину, хотя на самом деле цены ей нет... Сборник называется "Героическая поэзия Древней Руси" и составлен в блокадном Ленинграде. Всякий раз, как беру эту книжку в руки, долго не могу оторваться. В чьих руках она побывала? Кому помогла?

Переводы "**Сказания о Кожемяке**", "**Жития Александра Невского**" и "**Задонщины**" сделаны Виссарионом Саяновым, давно уже ушедшим от нас замечательным ленинградским поэтом, из сибиряков, почему-то забытым нашей критикой. А "**Слово о полку Игореве**" переведено **Владимиром Стеллецким**[17], и я однажды, захватив с собой драгоценную книжечку, навестил его,

---

[17] СТЕЛЛЕЦКИЙ Владимир Иванович (7(20).IV.1905, Херсон, Херсонск. губ. — 29.VI.1985, Москва) — филолог,

больного и слабого, живущего ныне в Москве на Солянке. Мы долго вспоминали войну, говорили об истории выпуска сборника, о работе нашей писательской комиссии по "Слову" и больше всего, конечно, о самой этой бессмертной поэме, о переводах ее Алексеем Мусиным-Пушкиным, Василием Жуковским, Аполлоном Майковым, Константином Бальмонтом, Николаем Заболоцким, Дмитрием Лихачевым, Николаем Рыленковым, Иваном Новиковым, Алексеем Юговым...

- Вы знаете, Владимир Иванович, за что я еще ценю ваш перевод?

- Да?

- За одну колдовскую строчку, которую перед войной Иван Новиков да вы в блокадном издании передали точнее других переводчиков. Вернее, даже за одну букву.

- Что имеется в виду?

- Ну, вы знаете, конечно, что слово "храбрый" употребляется в поэме одиннадцать раз.

- Нет, не считал.

- Причем в последней трети текста - после призывов загородить полю ворота и стать за землю русскую - оно совсем не встречается.

- Правда, в поэме много значат даже отсутствующие слова... Сами заметили?

- Да.

- Поздравляю! Итак, что за строчка или буква?

- "**Дремлет в пОле ОльгОвО хОрОбрОе гнездО**",- нажимал я на "о". - Понимаете, одиннадцать раз "храбрый.", "храбрая", "храбрые", "храброму" и так далее и один-единственный раз в подлиннике - "хороброе"! Это же не может быть случайным!

И взахлеб заговорил я о том, что здесь - ангорский ключ к еще одной тайне "Слова" - его волшебной звукописи, оттеняющей смысл. В полногласии этом - оро, - сохраненном и в первом печатном издании, и в Екатерининской копии, - тревога, будто бы ночной набатный колокол, слышимый автору, звучит над спящим войском...

- А чуть раньше - гениальная аллитерация: "**С зарания в Пяток ПотоПташа Поганые Полки Половецкие**". Звукопись изумительно передает конский топот!

- Ну, этот-то пример затоптанный...

- А почему вы, Владимир Иванович, сохранили единственное в своем роде слово подлинника "хороброе" только в этой блокадной книжке? Зачем вы придали ему **краткую форму** в других изданиях?

- Не придавал. Это, наверно, корректора, и я даже не заметил... Восстановлю...

Мы поговорили о том, что все "Слово" - многооттеночно по смыслу, пророчески-символично в общем и множестве частностей, а на прощание Стеллецкий, отдавший изучению "Слова" всю свою жизнь, подарил мне одну рукопись, посвященную главной тайне великого произведения мировой литературы. Написана она была много лет назад, и я когда-то услышал о ее существовании от архитектора Петра Дмитриевича Барановского, страстного поклонника "Слова". Незадолго до смерти автор, оказывается, передал рукопись Стеллецкому, и я долгие годы безуспешно искал эти полтора десятка страничек, под которыми Владимир Иванович написал, что передаривает их "энтузиасту-неофиту".

Снова и снова листаю буро-красную книжечку, вышедшую в Ленинграде в самый тяжкий час его истории. Глаз выхватывает строки:

А дальше лучше все же в подлиннике: "Стязи глаголють: половци идуть оть Дона, и оть моря, и

переводчик. Ок. Тимирязевскую академию (1927), затем отд-ние зап.-европ. яз. 2-го МГУ, преобразованного в Ин-т иностр. яз. (1933). С 1940 по 1950 преподавал филол. дисциплины в моск. и др. вузах. Д-р филол. наук (1981), чл. СП СССР секции переводчиков (с 1968).

отъ всехъ странъ русскыя плъкы оступиша".

Отъ всехъ странъ... В любом из переводов на современный язык - "со всех сторон".

Подправлять прошлое в угоду кому или чему бы то ни было - дело не только безнадежное, но и рискованное; попытка, например, изобразить отношения русских и половцев в виде чуть ли не альянса, как это сделал один молодой современный автор, была более или менее решительно пресечена музой истории и эпоса Клио, обычно спокойно-уравновешенной, но иногда все же более или менее взволнованно берущей в руки более или менее гибкую лозинку. Отходчивая дщерь Зевса и Мнемозины пояснила при этом - за полтора века половцы предприняли почти пятьдесят больших походов на Русь, кроме бесчисленных мелких грабительских набегов, причем разорению подвергались самые богатые и густонаселенные земли, где изреживалось население, поля зарастали, а глад и мор довершали начатое, превращая обжитые земледельческие районы в Дикое поле. Половцы отрезали от Руси Черное море и Византию, захватили русское княжество **Тьмутаракань**, единственное, которое уже никогда не возродилось.

К концу XII века, однако, **половецкая опасность ослабла**[18], и **набег, скажем, на Посемье 1185 года**, последовавший за поражением войска Игоря, был эпизодическим и, в сущности, безрезультатным. Половцы лишь взяли крохотный городок Римов да сожгли пригород Путивля. И думаешь иногда: что грянуло бы, если б "сепаратный" "неудачный", "авантюристический", "легкомысленный" и так далее поход Игоря не состоялся той весной и именно в те дни - не позже и не раньше? Ведь князь Игорь с отрядом в семь-восемь тысяч воинов, стремительным броском проникший в глубь половецкой степи, увидел перед собою профессиональное воинство степняков, в несколько раз превосходящее его силы! Откуда оно вдруг взялось? Может быть, дружина Игоря стала случайной или не совсем случайной жертвой, предупредившей, однако, и сорвавшей еще один большой половецкий поход, скорее всего, на Киев - в ответ на последний победоносный объединенный поход великого князя Святослава, которого в те дни, кстати, не было в столице и он, наверное, ничегошеньки не знал об угрозе, иначе б не уехал в далекий Карачев, где ему совсем не обязательно было тогда находиться, - немногочисленную рать с лесного севера мог привести любой воевода или княжич.

Перед новым большим путешествием в прошлое, на поля сражения главного военного фронта русского средневековья, надо хотя бы мельком взглянуть на то, как открывался и полвека разворачивался тогдашний второй фронт, - любознательному читателю, быть может, полезно будет увидеть этот хроникальный сгусток событий, чтобы подкрепить школьные аксиомы памятью о тяжком историческом уроке, предшествовавшем Невской битве и Ледовому побоищу.

С Прибалтикой и ее народами Русь была связана издревле. Еще в 945 году в составе дипломатической миссии князя Игоря Старого, посланной в Константинополь, был некий Ятвяг (то есть литовец) Гунарев. Среди других соседних народов начальные русские летописи числят и прибалтийские племена, "иже дань дают Руси", то есть киевскому князю. По Западной Двине и Днепру - водным артериям, связывающим Русь с Прибалтикой, - уже тогда плыли и ехали купцы,

---

[18] После разгрома в 1111 и 1116 годах полками Владимира Мономаха и Ярополка в низовьях Дона приазовские половцы надолго отошли от границ русских земель в предгорья Кавказа и к Каспию. Где и пребывали, во всяком случае, до середины столетия. И вообще оказалось, что, в отличие от Великой Степи, половецкие каменные бабы — наиболее показательный признак былого распространения кочевых половецких орд — как раз в среднем и нижнем течении Кубани и на Тамани отсутствуют.

Другая точка зрения - Историю половцев делят на четыре периода: 1) с середины XI в. до 20-х гг. XII в. -- военная демократия, таборное кочевье, нет закрепления территорий за ордами; 2) с 20-х до 60-х гг. XII в. -- политико-административное разделение территории, закрепление за ордами постоянных зимовок и пастбищ; 3) вторая половина XII в. -- интенсивное общение с Русью, действуют объединения орд (например, Донецкое во главе с Кончаком); 4) с конца XII в. до 1223 г. -- полукочевое хозяйство, прекращение самостоятельных походов на Русь, возникновение раннефеодального государства. Менее чем за 200 лет половцы "пробежали" от родового строя до феодализма! Начался процесс христианизации степняков, сначала он затронул аристократическую верхушку.

сборщики дани, князья, воеводы, миссионеры, дружинники. В руках полоцких князей был весь речной бассейн - от моря до верховьев, где стояли перевальные пункты Полоцк и Витебск. Стратегически важный район Прибалтики выбрали немецкие феодалы в качестве ключевого объекта своей экспансии. В 1184 году они высадились в устье Двины, и монах Мейнард, ищущий для римской курии новых доходов, обратился к полоцкому князю Владимиру Всеславичу, которому ливы, еще язычники, платили дань, за разрешение проповедовать в этой земле.

Молодой удельный князь новгород-северский за год до своего знаменитого похода на половцев мог еще не узнать об этом десанте, но о дальнейших событиях на крайнем северо-западном пограничье Руси в самом конце XII и самом начале XIII века великий князь черниговский, несомненно, имел представление, хотя бы в общих чертах. Его древнейший город **Любеч** на Днепре был главным обменным пунктом в торговле между собственно Русской землей, северорусскимн княжествами и Прибалтикой, где в те годы происходило следующее.

1184-1195 годы. Колония немецких миссионеров, купцов, профессиональных вояк, искателей приключений разрасталась - захватывала чужие земли, насильственно обращала в католичество окрестное население, привлекала на свою сторону местную знать, засылала на восток и юго-восток знатоков торговых, религиозных и военных перспектив. Учредилось ливонское епископство.

1196 год. Нападение на восточное побережье Балтики датских рыцарей. ***(Курши на Данию и наоборот налетали уже задолго до того. В 854. курши, например, разгромили датский флот. - Примечания от редакции)***

1197 год. Шведские феодалы грабят и жгут селения эстов.

1198 год. **Создание Ордена крестоносцев** в Палестине и перебазирование его в Прибалтику. Папа римский Целестин III провозглашает северный крестовый поход. Епископ Бертольд с войском крестоносцев приходит на Западную Двину, принудительно крестит ливов, облагает их хлебной данью. ***(На деле земгальцы тогда заключали договора с немцами против лыивов. Впервые земгальцы послали войско на Ригу лишь в 1228., вместе с куршами.)***

1200 год. Епископ Альберт Буксгевден, этот, по словам Маркса, "паршивый бергенский каноник", на двадцати трех кораблях врывается в Западную Двину, разбивает объединенные войска ливов и земгалов. Это была стратегическая "свинья" - военный, экономический, религиозный клин в средостение Прибалтики.

1201 год. Крестоносцы основывают крепость Ригу в устье Двины, ставя под контроль всю торговлю по этой реке, верховья которой принадлежали русским.

1202 год. Учреждение духовно-рыцарского Ордена меченосцев. Русские купцы, добиравшиеся до земли пруссов, впервые увидели мечи на белых плащах. Плащей с крестами и мечами становилось все больше, и они мелькали все ближе у границ Руси.

Игоря Святославича не стало в конце 1202 года, и только человек, слишком недооценивающий своих предков, может допустить, что такой князь каким-то образом избежал военной и дипломатической информации или даже просто слухов о новостях с ближайшего северо-западного пограничья...

Пестрая западная орда вначале предавала огню и мечу береговые селения прибалтийских славян, пруссов, латышей, эстонцев, причем война с пруссами велась на полное уничтожение этого мужественного народа. В разноязычных летописях первой трети XIII века немало страниц, повествующих о героическом сопротивлении захватчикам, о контрударах, длительных и кровопролитных войнах, когда рядом с прибалтийскими ополчениями сражались русские.

1207 год. Русский князь Вячеслав Борисович, прозванный "Вячко", внук одного из героев "Слова о полку Игореве" смоленского князя Давыда Ростиславича, держит крепость Куконас[19] на среднем

---

[19] г. Кокенгаузена (русское название **Куконас**, после рождения у Ивана Грозного сына Дмитрия этот город

течении Двины. Отбивает все приступы, громит несколько отрядов немцев, но борьба была неравной; Вячко сжигает крепость и уходит на Русь. ***(Чаще его называли по-лыивски - Vetseke. История эта посложнее, Ветсеке-Вячко принимал у себя какое-то время и гарнизон крестоносцев.)***

1216[20] год. Эсты просят "полоцкого короля" Владимира помочь им "теснить войной" западных рыцарей, и русская рать немедленно отправляется в поход, к которому присоединяется шестнадцатитысячное новгородско-псковское войско. Началась "великая война русских и эстов против ливонцев".

1217 год. Снова князь Вячко вместе с братом Васильком сражается против немцев, но вскоре уходит в Псков просить помощи.

1219 год. На подмогу крестоносцам идут войска датского короля **Вольдемара II**. Датчане захватывают северные районы эстонской земли, закладывают крепость Ревель. Крестоносцы продолжают наступать по югу.

Единственное спасение эсты по-прежнему видели в помощи Руси и общенародном сопротивлении. По их просьбе в Юрьеве, Вильянди, других крепостях были размещены гарнизоны псковитян и новгородцев. Патриоты призвали народ к восстанию. Пользуясь, однако, превосходством в вооружении и осадной технике, рыцари разбивали войска отчаянно сражавшихся эстов и брали крепость за крепостью. Героически сопротивлялась Вильянди; после ее падения всех русских, как пишет немецкий хронист, "пораспли перед замком на страх другим русским".

Полоцкое княжество, находившееся в силу исторических условий в относительной политической изоляции от остальной Руси, не могло своими силами защитить вассальных ливов, новгородцы и псковитяне - эстов: слишком большая сила ломила с запада.

1221 год. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович направляет свои войска в землю ливов, осаждает Ригу; эсты снова поднимают всеобщее народное восстание. Война идет с переменным успехом. Ни Риги, ни Ревеля взять не удалось, отбить Вильяиди тоже. Правда, у русских и эстов оставалась еще сильная **крепость Юрьев**, основанная два века назад Ярославом Мудрым[21].

1223 год. Прибалтика истекает кровью; и я не знаю, что это - слезы сосен или кровь людей запеклась и закаменела в красном прибалтийском янтаре...

Старейшины эстов снова прибыли, как пишет тот же немецкий хронист Генрих Латвийский[22], "в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян".

переименовали в Царевичев Димитриев).

[20] В 1216 году эсты просят полоцкого князя Владимира помочь в борьбе против западных рыцарей, русская рать отправляется в поход, к которому присоединяется 16-тысячное новгородско-псковское войско. По просьбе эстов в Юрьеве (основан в 1030 г., Дерпт, ныне г.Тарту) и других крепостях размещены гарнизоны новгородцев.

[21] Одно из самых ранних городских поселений Эстонии возникло у подножия холма Тоомемяги, на котором возвышалось городище Тарбату (V-VI вв). *Тарбату* переводится со староэстонского примерно как «Туров» или «Зуброво». Первое письменное упоминание (в «Повести временных лет») о Тарту относится к 1030 году, когда на месте разрушенной принадлежавшей эстам деревянной крепости Киевский великий князь Ярослав Мудрый поставил новую крепость, назвав её Юрьев (по имени, полученном Ярославом при крещении). Эсты отвоевали Тарту в 1061 году.

[22] Генрих Латвийский - (Heinrich von Lettland) (1187—1259), автор "Хроники Ливонии" (см. Ливонские хроники), написанной в 1224—27 на латинском языке. Онемеченный католический священник. Прибыл в Ригу в 1205. С 1208 священник латышского прихода в Паппендорфе. Участник походов немецких крестоносцев в Ливонию. Восхвалял захватническую политику рыцарей. В "Хронике" подробно описывается агрессия немецких феодалов в Ливонии и Эстонии с конца 12 в. по 1227.

Любознательный Читатель. Но ведь это был год, когда "короли русские" почти все полегли на **Калке**!

- Да. Именно в тот страшный год, как сообщает Ипатьевская летопись, "приде неслыханная рать, безбожные Моавитяне, рекомые Татарове". Об этом сообщили русским князьям половецкие гонцы и беженцы: "А еще не поможете нам, мы ныне изсечены быхом, а вы наутре изсечены будете". О битве на Калке мы еще вспомним, а пока отметим, что ни наступление врагов с запада, ни феодальная раздробленность, ни княжеские распри, ни сжатые сроки для всеобщей мобилизации не помешали сбору с обширных территорий русских войск, чтоб защитить восточных соседей от угрозы полного уничтожения, обезопасить свои земли, предотвратить союз неведомых грозных пришельцев с половцами.

Великий князь киевский Мстислав послал гонцов ко всем русским князьям, в том числе к великому князю владимирскому Юрию: "Аще сим не поможем, и предадутся половцы татарам, то тяжчае ны будет", а сам "начаша воинство велие совокупляти". На рубеж половецкой земли вышли князья и войска киевские, черниговские, смоленские, ростовские, галицкие, волынские, шумские, несвижские, путивльские, курские, трубчевские, дубровские, "друзи мнози князи" со своими дружинами, включая - по Татищеву - даже новгородское войско во главе с Михаилом Всеволодовичем, будущим князем черниговским и киевским... Слово "помощь" я выделил в подлинных текстах, чтобы облегчить любознательному читателю понимание событий.

- И предал общерусское дело только **Юрий Всеволодович Владимирский**? А ведь его сильное войско, наверное, могло бы решить исход битвы на **Калке**...

- Возможно... Однако он никого не предавал и был даже неизвестным героем того тяжкого года.

- Ну, знаете!

- Знаю... В залесном княжестве Юрия, конечно, не ведали истинной мощи татар, их тактики степных сражений и вполне могли счесть новую восточную опасность вроде половецкой - рядовой и, можно сказать, привычной.

- Это не оправдание для предательства, трусости или измены - назовите как хотите отказ Юрия помочь половцам и сородичам, только не геройством.

- Не истинное ли геройство - собрать двадцатитысячную армию, включавшую новгородцев и псковичей, и двинуть ее в тысячеверстный маршрут - бросок на врага?

- Если б Юрий это сделал[23], на Калке была бы полная победа!

- Юрий сделал это в том самом 1223 году, только двинул он армию на запад, чтобы помочь эстам в борьбе против немецких захватчиков. Это - подлинная правда, как бы символизирующая собою те давние события в истории нашего народа, вынужденного сражаться на два фронта...

В том же году, как пишет Генрих Латвийский, новгородцы снова направили к эстам князя Вячко, поручив ему "господство в **Дорпате** (то есть Юрьеве, Дерпте, Тарту - В. Ч. и других областях), и, "чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, отдали ему подати окружающих областей". Однако судьба этой древней крепости и всех прилегающих земель эстов была предрешена. Епископ крестоносцев Альберт съездил в Германию за военной помощью, и в следующем году Юрьев пал. Когда "русские все сбежались к воротам для отпора", крепостная стена, забросанная камнями из баллист и зажигательными горшками, была взята приступом. Последние русские воины во главе с князем Вячко погибли в детинце...

Постоянно набирая в Западной Европе подкрепления, захватчики продвигались все дальше на восток и непосредственно перед нашествием Батыя вышли к границам псковско-новгородских, литовских и галицко-волынских земель.

1233 год, Папская курия снова объявляет северный крестовый поход. Протекал он с

---

[23] В статье Википедии – «Битва на реке Калка» утверждается, что русские с половцами в четыре раза превосходили монголо-татар (80 тысяч против 20 тысяч).

подробностями, которые тоже стоит вспомнить.

1234 год. Новгородский князь **Ярослав Всеволодович** собрал, как сообщается в летописи, "множество полков своих" и пошел на Юрьев. Об этом большом весеннем сражении русских войск с немецкими рыцарями на реке Эмайыге мы знаем куда меньше, чем о Ледовом побоище, блестяще осуществленном сыном Ярослава Александром ровно через восемь лет на Чудском озере, и поэтому я приведу о нем несколько летописных строк, из коих можно заключить, что отец был хорошим учителем сына, сын - достойным учеником его, а русское воинство умело в средневековье привлекать на свою сторону вполне надежного союзника - природу.

Под Юрьевом русские ратники обратили вспять войско крестоносцев, убили "лучьших немецъ неколико" и заставили остальных отступить на речной лед, который "обломишася, истопе их много, а ини язвьни (то есть раненые) вобегоша" в крепость.

В результате Ярослав Всеволодович "взя с ними мир на вьсей правде своей".

1236 год. "Обнаглевшие меченосцы, рассчитывая... на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь... предприняли крестовый поход против Литвы" (К. Маркс). Литовский князь Миндовг наголову разбивает войско рыцарей в жестокой битве при Шауляе. Был убит магистр Ордена меченосцев Волквин и предводитель северогерманских отрядов. "...Этих псов жестоко отдули" (К. Маркс).

1237 год. Конрад Мазовецкий "дарит" рыцарям не принадлежавший ему русский торговый город Дорогичин и пропускает их через свои земли. Князь Даниил Романович Галицкий: "Не лепо есть держатн нашее отчины крижевникомъ" (то есть "крестовникам", крестоносцам). Во главе войска он "ноидоста на не в силе тяжьцем", разбил тевтонов, пленил их предводителя.

1237 год. К удовлетворению святого отца римской церкви, остатки Ордена меченосцев, полностью уничтожившего прусский народ, сливаются с Тевтонским орденом крестоносцев. Начинаются переговоры с датскими и шведскими королями, феодалами и рыцарями о совместных военных действиях против Руси.

1237 год. С далеких восточных степей двинулись на запад неостановимые конные орды...

Легко ль быть героем, дорогой читатель, если твой окоп с двух сторон зажимают лобовой броней танки, и еще один показался впереди, и с тылу вражеские жерла грохочут, а в окопе разноголосица и просят о помощи истекающие кровью соседи?

10. Глава 10

Раскрываю книгу, вышедшую в этом году, читаю строки, написанные в монгольский степи за семьсот лет до этого.

Этот вид, вид! о, не даром.

Из чрева яростно вырывашись.

Си устип кровавый в рцке зимплчи

На свет появилси

Так стонет-причитает мать девятилетнего Темучина, когда тот убивает своего брата, отнявшего у него пойманную в реке рыбешку. «Юань-чао би-жи (**Сокровенное сказание**)» - изумительный памятник средневековой монгольской литературы, и мы не раз еще обратимся к нему.

Темучин, названный впоследствии Чингиз-ханом[24], остался в памяти людей как самый жестокий из "покорителей вселенной", заливший невинной человеческой кровью евразийские просторы и почти умертвивший собственный народ, под которым подразумеваются племена, кочевавшие в XII веке севернее реки **Керулен**.

Далекое прошлое многих современных народов туманно, их этнические корни сплетались и

---

[24] Шынгысхан носил, абсолютно тюркский титул (Шин + гыяс +хан — высокий лучезарный верховный вождь)

отмирали в темной глуби веков, и поколения ученых кропотливо, по крупицам, восстанавливают память земли людей с помощью археологии, антропологии, топонимики, лингвистики, древнейших мифов и письменных источников[25]. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло однажды задал несколько неожиданный вопрос: "...был ли Темучин монголом по происхождению?"

В трудах Г.Е.Грумм-Гржимайло открывается невообразимая пестрота центральноазиатскнх народов, народностей, племенных групп и родов - ученый упоминает не менее тысячи этнических названий! Среди них вдруг открылся мне один из самых таинственных и интересных за всю историю человечества - народ ди, или **динлины**, и я давно ищу любую возможность узнать о нем какие-то новые подробности. Вот хватаю с полки книжного магазина последнюю монографию научных сотрудников Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая "Древние китайцы" - нет ли там чего-нибудь о динлинах или родственных им ди, дили, бома? О да - целая глава! Забросив все дела, ищу, чтобы приобрести в личное пользование, интереснейший памятник древнеазиатской культуры "Шань хай цзни" - "Каталог гор и морей". Эта своеобразная энциклопедия в чрезвычайно усложненной условной мифологической форме концентрирует сведения о религии и этнографии, ботанических и зоологических, геологических и географических знаниях древних китайцев. Книга запечатлела уровень китайского мировоззрения на IV-I вв. до нашей эры, а протограф, исходный список, датируется III-IV вв. нашей эры.

И вот она стоит на полке, и я в любой момент могу погрузиться в древние тексты, впервые переведенные на русский язык, чтоб найти в сложной символической вязи понятий какое-нибудь упоминание о динлинах...

"Ди принадлежали к числу автохтонов (то есть коренных жителей. - В. Ч.) Китая, - пишет Г. Е, Грумм-Гржимайло, считавший динлинов и ди одним народом. - Он составил даже ядро того народа, который в 1122 году до Р. Хр. (рождества Христова.- В. Ч.) овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу".

Ссылаясь на китайские источники, ученый числит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до нашей эры. Они отличались высоким ростом, голубыми (зелеными) глазами, белокурыми (рыжими) волосами, и этнологи разных стран пересказали в старое и новое время немало любопытного об этом народе. Динлниы строили дома - деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили серьгу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами ни в кругу своих необычных для остальной Азии моногамных семей, ни по отношению к рабам. Знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготовляли для себя металлические орудия и оружие, были храбрыми воинами, "имели сердце тигров и волков", но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, собирались вместе в исключительных случаях для борьбы с общими врагами.

Современные ученые, ссылаясь на китайские же источники, указывают, что с VII века до нашей эры динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 году царство Син, на следующий год государство Вэй, в 649 году до н. э. Вэнь и Су, в 634-м напали на Чжэн, и с 20-х годов VII века до нашей эры китайцы различают западных "белых" ди и восточных "красных". "Красные" ди в V веке до нашей эры были разгромлены, а "белые" создали самостоятельное государство, следы существования которого прослеживаются до 318 года нашей эры.

Многочисленные южные китайцы, используя свою организованную мощь и натравливая один динлинский род на другой, продолжали теснить этот большой, сильный, но разобщенный народ из долины Желтой реки. Динлины, пишет Грумм-Гржимайло, "бросали свою порабощенную родину и расходились - одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития".

Любознательный Читатель. Кем же были динлины, эти длиннобородые, светлокожие, светлоглазые, белокурые или рыжеволосые азиаты?

---

[25] В конце 20 века появились такие мощные инструменты как этногенетика, геногеография и т.д. Прим. Ред.

- Ученые об этом давно спорят. Некоторые считали динлинов родственными древним иранцам, другие - тюркоязычным народом, а один дореволюционный исследователь даже предположил, что они предки славян, да только серьезных доказательств не нашел. Г. Е. Грумм-Гржимайло не сомневался в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что подтверждается данными антропологии. На обширных территориях Китая, где когда-то жили динлины, раскопано множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском "зверином стиле", в том числе классические археологические триады - наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетня до нашей эры, не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени. В 1960 году, например, в одном из специальных китайских журналов было сообщение, что в провинции Хэбэй, в частности в Хуайлае, расположенном в пятидесяти километрах от Пекина, среди разнообразных археологических находок "обнаружены изображения барса, свернувшегося в клубок, лошади с подогнутыми ногами и типичного скифского оленя; кинжалы скифского типа; характерные бронзовые котлы на поддоне". И если динлины были действительно индоираноязычными скифами, то можно только поражаться многочисленности и силе этого народа, заселившего в древности всю евразийскую Великую Степь - от Черного моря до Желтого, и оставившего нам замечательные образцы прикладного искусства.

- А как китайские ученые комментируют эти находка?

- Еще в 1954 году тогдашний президент китайской Академии наук Го Мо-жо писал о влиянии "скифского искусства" на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю ("Весна и осень", VIII-V вв. до пашей эры), а "в период Чуньцю-Чжаню ("Воюющие царства", V-III вв. до нашей эры) территория, занятая скифами, расширилась вплоть до северной части Монголии". И далее: "Население царства Чжуншань было ответвлением "белых ди". Быть может, оно представляло собой этнически смешанную группу, в формировании которой приняли участие скифы?" Новейших комментариев китайских ученых я не знаю... Кстати, лауреат Государственной премии СССР 1952 года по литературе китайская писательница Цзян БИНДЖИ избрала себе почему-то псевдоним Дин Лин. Незадолго до "культурной революции" ее, шестидесятилетнюю, сослали в Северный Китай, куда некогда были вытеснены динлины...

- А куда они потом делись?

Беру в руки "**Каталог гор и морей**", читаю страницу за страницей. В голове образуется густая каша от сотен имен богов, названий стран, гор, народов, рек, морей, животных, растений и минералов. Местами текст почти нельзя понять, комментаторы то и дело неутешительно сообщают, что локализация географических и этнографических описаний невозможна, и я воображаю, каково было переводчикам, если некоторые тексты памятника давно погибли, другие искажены переписчиками, многие наименования встречаются только в "Каталоге" I; их значение утрачено навсегда, а непреодолимые трудности добавляют еще семантическая многозначность древнего иероглифического письма, последующие переосмысления знаков, неизвестная отправная звукозапись, совершенно не поддающаяся переводу на русский...

Прочитал семнадцать цзюаней - то есть свитков, глав: каталоги гор, степей, внутренних и заморских земель всех сторон света - нет ничего о динлинах! И вот последний, восемнадцатый цзюань: "Каталог (земель) внутри морей", стоящий особняком в сборнике и представляющий собой итоговое, обобщенное и схематичное космогоническое описание земель.

Последние две страницы "Шань хай цзин", Север! Здесь будто бы находится гора Змей, "с нее стекает Змеиная река, поворачивает на восток и впадает в море". Не Амур ли? Комментировать туманный текст невозможно, потому что появляются какие-то "птицы с пятоцветным оперением", и "когда они летят, то закрывают все небо". Да уж какой тут любительский комментарий, ежели, например, по поводу абзаца: "В землях Севера прикован разбойник с копьем в руках. (Он) - помощник Чанбэя. Имя его Труп Сянгу", - комментаторы-специалисты пишут: "Имена, упомянутые во фрагменте, известны только по данной записи. Имеющийся здесь намек на миф не раскрыт".

Но вот, наконец, и фрагмент, который я искал! "Есть царство Динлин. У людей в нем ниже колен растет шерсть, (у них) лошадиные копыта, (они) любят ходить". И я невольно думаю, что "шерсть"

- это, быть может, меховые унты, "лошадиные копыта" - стада коней, позволяющие "любителям ходить" быстро перекочевывать с места на место?

Комментаторы этого памятника III в. нашей эры поясняют, что, согласно Н. Я. Бичурину, замечательному востоковеду прошлого века, динлины-племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились также почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до начала нашего летосчисления была ассимилирована хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов - оба эти народа в отличие от древних китайцев и тюрок носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя "дин-ли", а среди киргизов, как это нам, сегодня ни покажется странным, "в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобладали, что черные волосы считались нехорошим признаком", в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки ученые в разные времена фиксировали у **киданей**, самостоятельного народа, жившего между монголами и китайцами, у многих народностей Тибета и Гималаев, у северокорейцев и курильских айнов. Русские, впервые увидев кипчаков в XI веке, назвали их половцами из-за светлого, соломенно-желтого, "полового" цвета волос, а среди маньчжуров даже в XVIII веке нередко встречались "субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой". Само название **енисейских кетов** - "ди", что на их необыкновенном языке означает "люди", а в XIV веке арабский историк Эломари, со слов Хасана Эрруми и Хасана Эмербили, посетивших Южную Сибирь, написал: "В землях Сибирских и Чульманских сильная стужа; снег не покидает их в течение 6 месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их - совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые".

Любознательный Читатель. Удивительно! Но неужели динлины, как могикане, исчезли совсем с лика земли?

- Меня, помню, поразило сообщение столетней давности одного, моего земляка, о котором хорошо бы сказать несколько попутных слов здесь, а то дальше сделать этого будет, пожалуй, негде, и прошу читателя простить меня за очередное отступление; так уж у нас получается, по расхожему выражению, всю дорогу, а наша дорога в прошлое-очень дальняя, и по ней не пройти, как по струнке...

Имя его многим ничего не говорит сегодня, в чем я убедился, опросив десятка полтора столичных студентов, учителей, писателей, инженеров, ежедневно потребляющих по моде нашего времени уйму радио-телевизионно-телефонно-газетно-журнально-книжной информации. Вы можете спросить меня в этом месте нашего путешествия: почему мы должны знать о каком-то сибиряке, носившем сто лет назад ничем не примечательное имя **Николай Ядринцев**, и вообще: зачем в наш век информационной лавины и всеобщей занятости перегружать память сведениями, не дающими непосредственной пользы? За такой возможный вопрос я не склонен винить даже сибиряков, русских и нерусских, одинаково обязанных все же помнить Николая Ядринцева! Что ж, перегруженный знаниями читатель, если ему попали на глаза эти строки, пусть пропустит несколько следующих страничек, сэкономит время и оставит в своей памяти свободное место для другой информации...

Давным-давно ушло из жизни поколение, знавшее Николая Ядринцева в лицо, но если бы мы, подытожив их воспоминания, захотели одним словом означить его внутреннюю сущность, то самым точным было бы, пожалуй, - это вдохновение. Он не был, однако, поэтом или революционным трибуном, хотя в душе его жил поэт, а в его делах революционер. Воспитанный на светлых идеях шестидесятников, он в общественно-политических условиях второй половины прошлого века (19 века[26]) нашел свою стезю служения народу и родине. Беззаветно любил

[26] Примечание редактора

Сибирь, вслед за декабристами мечтал о развитии ее производительных сил, считая, что оно невозможно без создания в этом обширном и богатом крае собственного центра образования и просвещения.

Ему был двадцать один год, когда он, вернувшись в родной Омск из Петербурга, где в качестве вольнослушателя прошел университетский курс, прочел свою знаменитую лекцию, напечатанную вскоре в Томске, призвав сибиряков построить университет на собственные средства, если казна в них отказывает. Вскоре он был арестован. Три года содержался в омской тюрьме, а потом был на шесть лет сослан в Архангельскую губернию - "Сибирь" для неугодных властям сибиряков. За что же? Вместе со своими единомышленниками-земляками он, убедившись, что царские власти отказывают в действенном внимании его родине, пришел к сомнительной идее сибирского сепаратизма. А сразу же по возвращении из ссылки он составляет доклад царю, где вновь доказывает необходимость открытия университета в Сибири. Он писал, в частности, что большинство молодых сибиряков, получив образование в европейской России, там и находят приложение своим знаниям, в то время как "Сибирь не менее, если не более, нуждается в полезных деятелях, без которых ее производственные средства, связанные с естественными богатствами, остаются неиспользованными".

И снова публичные лекции, организационная работа по объединению всех энтузиастов, сбор пожертвований, снова статьи, в которых Ядринцев сообщал, что сибиряки уже собрали на университет полмиллиона рублей. Так и не пробив петербургских каменных стен чиновничьего равнодушия, с горечью написал: "Может быть, нам не удастся дожить до основания великого образовательного учреждения на Востоке. Пусть глаза наши будут засыпаны песком, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвиняют все поколение, что оно не имело возвышенных стремлений. Родина вспомнит всех, кто ратовал за ее просвещение и идею науки на Востоке..."

Первый сибирский университет был открыт лишь спустя двадцать пять лет после знаменитой омской лекции Николая Ядринцева.

Много лет Николай Ядринцев ездит по родному краю, дотошно изучает его природные богатства и экономику, быт и нравы земляков, освещая в печати самые темные сибирские уголки. Страстные публицистические работы Ядринцева печатаются в "Отечественных записках", "Деле", "Вестнике Европы", "Русском богатстве", "Неделе", "Мире Божьем", в сибирской прессе и специальных научных сборниках. На полках читателей появляются его книги-исследования: "Русская община в тюрьме и ссылке", "Сибирские инородцы, их быт и современное положение", фундаментальный труд "Сибирь как колония". Подвижнический образ жизни и бескорыстное служение общественным интересам сделали его любимцем прогрессивной сибирской интеллигенции; современники рассказывали, что Николай Ядринцев вообще не был в состоянии поддерживать разговора, если он не касался гражданских тем! И мы, особенно сибиряки, обязаны знать о просветительской и общественной деятельности этого человека в условиях политической реакции, думать .иногда о глубоких, столетней данности, истоках его патриотизма и благородном нравственном облике вовсе не для того, чтобы обременить свою память как бы мало занимательной информацией о прошлом, а в назидание, поучение и пример...

Не сказал я до сих пор об одном необыкновенном деянии Николая Ядринцева, некоем его открытии, навсегда вписавшем это имя в историю мировой науки и культуры. Строго говоря, открытий было не одно, а целых три, сделанных в одном путешествии.

...Посреди широкой долины реки Орхон высился покатый холм с неровностями по склонам. У его подножия путешественник увидел гигантскую каменную черепаху. Раскопки на холме обнаружили остатки великолепного дворца, некогда построенного руками разноплеменных, в том числе и русских, рабов для Угедея, сына Чингиза. Вокруг располагался знаменитый **Каракорум** - столица монгольской империи, исчезнувшая вместе с ее развалом.

Николай Ядринцев был внимательным, знающим и уже достаточно опытным археологом и историком, чтоб удовлетвориться одной этой находкой. Он предположил, что в долине Орхона

могут найтись следы других, более древних народов и цивилизаций Центральной Азии. И они нашлись! Это были развалины легендарного **Хара-Балгасуна** - столицы большого и сильного государства уйгуров, разрушенной енисейскими киргизами в середине девятого века нашей эры.

Остатков более древних городов в долине обнаружить не удалось, но зато нашлись драгоценные свидетельства древнеорхонской истории совсем иного, высшего порядка.

Каменные статуи, скальные лбы и могильные плиты, исщербленные таинственными черточками, уголками, кружочками и крючочками, люди издавна замечали в разных районах Центральной Сибири и Средней Азии, но что они означают, кто и когда их рассеял по горным, степным и таежным просторам, оставалось загадкой.

Удивительные совпадения, однако, редчайшие, ключевые находки случаются иногда в строгом мире науки! Вы помните, сколько веков молчали египетские иероглифы, пока французский ученый Шампольон не нашел параллельного греческого текста? Точно так же посчастливилось Николаю Ядринцеву – в долине Орхона он нашел древний текст, высеченный этими загадочными письменами и одновременно китайскими иероглифами, а вскоре датский ученый Томсен и русский академик Радлов прочли первые надписи.

Орхоно-енисейские письмена до сего дня рассказывают нам о древних тюрках[27], рассеянных от Семиречья до Якутии, создавших в долине Орхона сильное государственное образование, завоеванное в VIII веке уйгурами...

Динлины, хунну, "голубые тюрки", уйгуры, киргизы, кидани, тангуты, монголо-татары и калейдоскоп других народов, народностей и племен - эта пестрота почему-то манит меня, временами я жалею, что не стал историком и этнографом, чтоб разобраться в ней и проследить, например, генетические истоки так называемых **кумандинцев**, встреченных однажды Николаем Ядринцевым в верховьях реки Томи.

Эта немногочисленная этническая группа издревле обитала в долине приточной Мрас-су, изолированная от остального населения Горной Шорни, всего Саяно-Алтайского нагорья, и не знала тесных контактов с русскими, поселившимися здесь в XVII веке, а также со своими ближайшими сородичами, жившими по Бии.

Ссылаясь на Ядринцева, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что кумандинцы сумели "в полной мере сохранить свой первобытный тип, многие даже поражали его своими, как лен, белокурыми волосами и голубыми глазами". А я ведь столько времени когда-то провел в долине Мрас-су, столько хариусов бездумно подергал из этой бурливой красивой реки! Сторожил поклевку и не знал, на что надо смотреть, а как было бы интересно встретить далекого потомка древнейшего народа Азии, поговорить, могло статься, с последним из динлинов!

Нет на земле великих или малых народов, есть многочисленные и малочисленные; они стали такими или этакими в силу различных, не зависящих от них обстоятельств, управление которыми приходит лишь с социальной новизной. Веря в гуманистическое развитие мира, я думаю, что общечеловеческая ценность малочисленных народов будет все время возрастать, потому что каждый из них несет в будущее земли людей драгоценные шифры тысячелетий - язык, обычаи, навыки своих предков, национальный психический склад, наследственные гены; человечество становится неполным, обедненным, его гуманистическая сущность ущербленной, совесть запятнанной, если исчезнет последний из могикан или пруссов! Мечтаю выбрать время, связаться с учеными да поискать кумандинцев - не может быть, чтоб в Сибири их не осталось. За последнее четыреста лет не исчез в ней ни один народ, и большинство моих земляков, потомков многочисленных древних племен, в наши дни приобщились к мировой жизни, мировой культуре и, как показывает статистика последних десятилетий, прибавляют в числе...

---

[27] Слово тюрок письменно впервые употребляется в 1328 году до н.э. в истории Китая в виде «ту-киу» (не покоренные рабы).

11. Глава 11

Из достоверных древних источников известно, что **Чингиз-хан** был человеком высокого роста, длиннобородым, имел "зелено-желтые" глаза. Персидский историк **Рашид-ад-Дин** пишет, что дети в роду его отца, великого хана Есукап-богатура, "рождались большей частью с серыми глазами и белокурые", а когда у Чингиза родился черноволосый внук Хубилай, он "удивился цвету его волос"...

Г. Е. Грумм-Гржимайло: "Все это делает вероятной монгольскую легенду, вводящую в родословную Чингиза белокурого и голубоглазого юношу Бодуаньчара, предка Чингиза в девятом колене. Самое родовое имя Борджигин, присвоенное потомками Бодуаньчара, означает, по словам Рашид-ад-Дина, "имеющий серые глаза", что свидетельствует о значительной примеси в этом роду к монгольской крови динлинской или даже более того - что род Борджигин был динлинским по происхождению".

Любознательный Читатель. Простите, но нельзя же в самом деле относить Чингиз-хана и его род к европеоидам!

- Безусловно нельзя! Динлины - самая восточная ветвь скифских народов - можно считать, за тысячу лет до Чингиз-хана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, если он был общим для всех скифов, хозяйственный и семейный уклад, своеобразная культура, проявившаяся в прикладном искусстве, удивляющем археологов и искусствоведов своим совершенством. Монголы времен Чингиза не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руд и ковать оружия, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разрозненные кочевые скотоводческие племена, впервые объединившиеся при Чингизе. Что же касается рода "борджигин", кумандинцев или других блондинов Азии, то они могли приобрести свои внешние признаки и в результате многовековой этнической изоляции - современная наука не исключает этого интересного явления, установив, что у немногочисленных народностей, долго не смешивающихся с соседями, глаза и волосы осветляются.

Но что же означает само слово "**монгол**"? Рассматриваю родословную Чингиз-хана, составленную по монгольским, китайским и персидским источникам. Собственного имени, от которого можно было бы произвести название этого народа, среди его предков нет. Прадед Чингиза Хабул-хан, как пишет Грумм-Гржимайло, "поднял значение монгольского племени".

Выходит, что какое-то центрально-азиатское племя с таким именем существовало задолго до рождения Чингиза? В "Истории МНР" (1966) сообщается, что ханство Хабул-хана называлось "Хамаг Монгол". Хан Хутул, далее, вновь уронил значение своего рода и племени, а сын его Алтань даже не удостоился ханского звания. "Поэтому Чингиз-хан, - комментирует-поясняет Г. Е. Грумм-Гржимайло, - имел полное основание принять для слова "монгол" китайские иероглифы - "получить прежнее", ибо он действительно восстановил прежнее значение монгольского племени, и давать этому факту иное толкование едва ли правильно".

За три года до битвы новгород-северского князя Игоря Святославича, с половцами в далекой восточной степи тринадцать тысяч конных воинов, собравшихся из разных родов и племен, выбрали ханом Темучина, вступившего в войну со своим побратимом Чжамухой, к которому примкнуло большинство монголов. "В 1185 году, когда Игорь ходил походом на Кончака, монгольской державы еще не было, - сообщает один современный этнолог. - Большая часть монгольской родовой знати, опираясь на соседние племена, вела борьбу против Чингиза и его орды".

Как понять эту фразу с этнической точки зрения? Очевидно, "монгольской родовой знатью" называется здесь правящая верхушка разрозненных степных племен, что жили тогда к северу от Керулена, за которой шли не только собственно монгольские племена, называемые в некоторых древних источниках "мангуцзы", "мэнгу" или "мэн-гули", "мэн-ва", но какие-то не монгольские "соседние племена". Наверное, большая часть соплеменников была уничтожена ордой Темучина, который, прежде чем стать великим ханом, еще двадцать с лишним лет вел в степи жестокую

борьбу за единоличную власть, и ни его родной народ, ни соседи не знали пощады. Когда в 1206 году на берегу **Онона** Темучин был провозглашен Чингиз-ханом, его войско состояло примерно из ста тысяч человек, в основном, побежденных **кераитов** и **найманов**.

Были ли вообще в этой первой Чингизовой армии монголы? В одном из современных сочинений пишется, что "**м о н г о л ь с к и е** (разрядка моя. - В. Ч.) ветераны за свои заслуги получили лучшие места и должности", только это неправда. Смотрю "Памятку" Рашид-ад-Дина, где перечислено все высшее командование этой армии-орды. Личную тысячу Чингиз-хана возглавлял тангут Чаган, самой крупной иноплеменной воинской частью в десять тысяч человек руководил Туганваншай из народа тунгусской этнической ветви - джурдже (**чжурчжэней**), семью тысячами джалаиров командовали представители этого племени. В списке нойонов-тысячников также значатся шесть татар, четыре ойрата, меркиты, урянхайцы, онгуты, кара-хитаи и так далее.

"Сокровенное сказание" куда более точно формулирует чингизхановский принцип, так сказать, подбора руководящих военных кадров: "Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство".

Этнолог тоже цитирует эту фразу и уточняет в одном месте, что объединенные таким образом различные степные центральноазиатские племена, носившие вместе с исконно монгольским племенем китайскую кличку "цзюбу", сменили ее в 1206 году "на гордое имя "монгол"".

Новые и новые войны увеличивали за счет побежденных его армию, в которую вовлекались воины немонгольских народов, хотя позже почему-то почти всех их без разбору начали числить монголами - татар, меркитов, кераитов, ойратов, найманов.

Любознательный Читатель. Ну, а на самом деле кто они были по этническому происхождению или хотя бы языкам?

- Спросите что-нибудь полегче... Разве только насчет найманов могу сказать кое-что определенное, и то благодаря одному давнему случаю-совпадению. В 1957 году вышла у нас в последний раз интереснейшая книга "**Путешествия в Восточные Страны**". Авторы ее - итальянец Джиованни дель Плано Карпини и француз Гильом де Робрук - независимо друг от друга совершили в середине XIII века путешествия в Монголию. К их замечательным запискам мы будем обращаться не раз и не два, но сейчас я бы хотел вспомнить, как в один присест прочел тогда эту книгу и вскоре выехал на Алтай, где в таежной глуши затерялся Кедроград - комплексное кедровое лесное хозяйство.

Москва - Новосибирск - Бийск - Горноалтайск - Майма, все это в современном темпе, самолетами, но в Майме застопорилось.

Здесь, в районном центре, был маленький аэродром, с которого легкие "Яки" развозили пассажиров по таежным и горным глубинкам. Пошли дожди, да такие, что я застрял на двое суток.

Делать было абсолютно нечего, и в разговорах с товарищами по несчастью сама собой возникла тема о местных названиях. Я выспрашивал о том, что значат по-алтайски имена рек Бия и Катунь, горы Бабур-хан, возвышающейся неподалеку, поселка Кара-Кокша, куда я направлялся, и речки Уймени - моего конечного пункта.

- А Майма? Что это значит?

- Река, - отвечал старый алтаец. - Падает в Катунь справа.

- А что такое "майма"?

- Алтай-кижи ее зовут Найма.

- Как перевести на русский?

- Наймаи-роду алтай-кижи.

Так и не узнал я и значения слова "найман", однако вспоминал, что Гильом де Робрук не раз вспоминает о **найманах**, и когда вернулся в Москву, то посмотрел примечания к его запискам: "Найман (Майтан), одно из монгольских племен".

- Но ведь коренные монголы не жили в алтайских предгорьях!

- Прекрасно! А потом я прочел в "Сокровенном сказании": "На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройства". И много позже нашел изложение взгляда на происхождение найманов замечательного русского востоковеда И. Н. Березина, умершего в 1895 году и оставившего много трудов о своих путешествиях по Ближнему Востоку, тюркской филологии, истории нашествий на Русь в XIII веке. "Найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени; отуречение первоначально монгольских найманов было бы не согласно со всем ходом истории Средней Азии. Естественно полагать, что имя найманов происходит от реки Найма, притока Катуни, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на юг в Западною Монголию, найманский род стал здесь, после падения уйгурского орхонского царства, во главе местных родов деле и тюрков-тукю и образовал союз родов най, племя найманское. Во время Чингиз-хана, когда уничтожены были этим завоевателем два найманских ханства, занявших Монголию от Орхона до Черного Иртыша, большая часть найманов была отброшена на запад, в земли, на которых частью и ныне обитает, остальные же найманы омонголились".

- Выходит, найманы до Чингиза были большим, самостоятельным и совсем не родственным монголам народом?

- В "Истории МНР" говорится: "В начале XII века местность на запад от Кэрэтских кочевий, в районах между Хинайским и Алтайским хребтами, была заселена найманами. По данным Рашид-ад-Дина, большинство этих кочевников обитало в гористых местах (предгорьях), а остальные - на равнинах.

Кочевья найманов доходили до р. Орхона, до тех мест, где впоследствии была основана первая столица Монгольской империи - Каракорум".

- Ну, а кто такие татары[28]?

- Плано Карпини озаглавил свою книгу так: "История монголов, именуемых татарами". Карл Маркс назвал орду, свыше двух столетий державшую Русь под игом, "монгольскими татарами", и хорошо бы, правда, прояснить, кого в XIII веке называли "татарами".

Собирательное китайское имя "татань", или "та-та", носили в древности многие племена и народы Центральной Азии.

Они обитали на юге от Керулена и в других соседних районах, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Современные татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание лишь в новое время, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центральноазиатских татарских племен, то Чингиз, захватывавший новых и новых соседей в круговорот своей воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших когда-то его отца Есукая[29]:

Искони был Татарский народ

Палачом наших дедов-отцов.

---

[28] **Слово “татары”** впервые встречается в орхонской надписи Кюль-тегина 731-732 гг. На стеле есть упоминания о племенах отуз-татар (т.е. тридцать татарских родов) и токуз-татар (девять татарских родов). Нет никаких оснований считать их тюркскими племенами. Для тюрков они были чужими племенами (так переводится с тюркского языка слово “татар”). Видимо, китайцы слово “татары” (“чужие племена”) восприняли от тюрков. Так как в китайском языке нет звука “эр”, то естественно слово “татар” они произносили “та-та” (“да-да”). Все, кто писал в то время о татарах, и позднейшие исследователи, пишут о них как о монгольских племенах.

[29] На обратном пути повстречались Есугаю пирующие татары. Полагая, что никто из этих татар не знает его в лицо, решился Есугай задержаться на их празднике, немного передохнуть. Но кто-то из татар опознал Есугая. Не рискнув в открытую убить его, татары подмешали Есугаю в питье отраву. Уже в пути почувствовал Есугай неладное, а, добравшись через трое суток домой, заболел и слег.

Отомстим же мы кровью за кровь.

Всех мечом до конца истребим:

Примеряя к тележной оси,

Всех, кто выше, мечу предадим,

Остальных же рабами навек

Мы по всем сторонам раздарим.

Об исполнении этого намерения в другом месте "Сокровенного сказания" говорится уже прозой: ***"Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси***". Современный монгольский историк Ш. Сандаг пишет, что татары были истреблены в несколько приемов. В 1198 году войска Темучина "нанесли им сокрушительный удар". Весной 1202 года он "окончательно разгромил их... Все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам. Две татарки-сестры Есуй и Есучан были взяты в жены самим ханом".

Некоторая часть татар все же сумела бежать в леса и горы Алтая вместе с меркитами, ойратами и найманами, разбитыми Темучином, который не преминул взять в жены вдову погибшего найманского хана. И вот в "1204 г. Чингиз-хан разбил последних татар. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей" ("Татаро-монголы в Азии и Европе". Сборник статей Института востоковедения АН СССР. М., "Наука", 1977).

Читаю один исторический труд за другим, но нигде не могу найти ответа на одну из загадок средневековья: почему все же степные орды, ринувшиеся в XIII веке во все концы света, были названы "татарами"? Может, потому, что татар, служивших монгольской верхушке, ставили в передовые отряды войска, на убой, и с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей захватнической орды?

Сподвижники Чингиз-хана из сородичей-монголов один за другим умирали от ран, болезней и возраста, а многие уходили на, так сказать, заслуженную пенсию, увеличивая приток в войско и к его руководству не монгольского элемента.

Чингиз-хан умер в 1227 году, когда ему было за семьдесят, и, возможно, никого из первых его монгольских партнеров уже не оставалось в живых, а их потомство рождалось от многочисленных разноплеменных жен и наложниц, как и у покойного великого хана, сына меркитки. Первенец его Джучи, рожденный от кунгиратки по имени Бортэ, имел около сорока сыновей от наложниц и жен. Одна была кераиткой, три - из того же "татаро-монгольского" рода кунгират (хонкират, кунрат, конрат, конграт), который этнологи числят тюркоязычным рядом с татарами и монголами в XV столетии, отличая его от тех и других даже вплоть до XIX века, а сыновья Орды, старшего сына Джучи, брали жен, кажется, из всех покоренных народов, в частности, согласно подробному реестру Рашид-ад-Дина, из меркитов, кераитов, татар, кипчаков, ойратов, найманов.

Примеру владык, очевидно, следовали их подчиненные.

Неясный разноплеменный состав грозного скопища степняков, нежданно появившегося из глубин Земли Незнаемой, русские летописцы отметили в первых же своих записях, переложенных В. Н. Татищевым в несколько емких фраз: "***Того же года приидоша языцы незнаеми, безбожнии агаряне, их же никто добре весть, кто суть, откуда изъидоша, и что язык их, коего племяни и что вера их.*** Зовутся бо татаре, кланяются солнцу, и луне, и огню. Нецы[30] зовутся таурмени, ини зовутся кумане, инии монги. А инии сказуют, яко многи племены и народы от скиф восточных, совокупившиеся и други покорившe, заедино зовутся".

Знаменитый же государственный деятель, историк, врач, богослов и полиглот азиатского

---

[30] иные (…“и глаголют мнози нецы”, то есть “говорят многие иные”)

средневековья Рашид-ад-Дин, служивший персидским чингизидам и хорошо знавший тему, писал еще шестьсот лет назад с предельной ясностью: "Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому, как найманы, джалауры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждый свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было". Выходит, в первом походе Батыя участвовало совсем ничтожное число тех, кого можно было назвать истинно монголами, если, по средневековым источникам и неоспоримым данным старой и новой исторической науки, Чингиз еще при жизни своей отрядил улусу Джучи (Орды, Бату) всего четыре тысячи единоплеменников с семьями? И нашествия на Русь в XIII веке собственно монголов или собственно татар не было и наши предки скрестили мечи с разноплеменным войском, подробный этнический состав коего никто и никогда в точности не установит?

Любознательный Читатель. Это разношерстное полчище степных завоевателей и не знало поражений. Что же его объединяло?

- Орды Чингиза и его потомков, состоявшие из разноязычных воинов, помнившие всяк свои предания и мифы, поклонявшиеся очень разным идолам и богам, были сцементированы простой и жесткой воинской организацией, животным страхом перед своими десятниками, сотниками и тысячниками, железной дисциплиной, поддерживаемой беспощадными наказаниями. За одного воина собственными жизнями отвечал весь десяток, за десяток рассчитывалась сотня[31]. Невыполнение приказа или трусость в бою были преступлениями неслыханными, практически невозможными, и рядовые воины не могли такого даже во сне увидеть, потому что высшую цену им приходилось платить за куда более мелкие проступки. Если ты, неся охрану, оставил пост, а в бою из-за нежелания рисковать, легкого ранения, по неопытности-нерасторопности или какой другой причине вдруг не захотел, не сумел либо не успел помочь соседу, то после сражения тебя поставят перед твоим десятком, и к тебе медленно приблизится тот, кто через минуту займет в нем освобождающееся место, а ты останешься лежать на этой чужой земле с вырванным сердцем, как остался тот юный меркит, уйгур, найман или кипчак, кого таким способом умертвил после одной из битв ты, заместив его до поры до времени в этом храбром десятке псов великого хана, "покорителя вселенной". Если два воина поссорились между собой, вспомнив старую родовую вражду или заспорив по пустякам, повздорили из-за добычи или любых иных причин, которые никто разбирать не будет, - оба предстанут перед своей сотней, им накинут на ноги волосяные арканы, захлестнут грудь и, неспешно подтягивая, сломают позвоночники.

В организации войска не было предусмотрено только одного - снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора - либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной Чингиз-ханом. Смертная казнь и в гражданской жизни была главным средством наказания. Ею каралось не только убийство, кража, скупка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали

---

[31] **ДЕЦИМА́ЦИЯ** (от лат. decimus — десятый) — в Др. Риме казнь каждого десятого воина легиона или армии в наказание за бегство с поля боя, сдачу крепости, трусость или невыполнение приказа. Провинившихся выстраивали в шеренги и ликторы выводили из строя каждого десятого. В древнейшую эпоху казнь производилась ударом камня по голове, позже воинов обезглавливали топором. Д. применялась относительно редко. Римляне обладали сильно развитым чувством долга перед гос-вом, поэтому в источниках не зафиксировано ни одной армии, осмелившейся воспротивиться проведению Д. Широко применялась Д. также в зап.-европейских армиях в 17—18 вв. В 1701 была введена в рус. армии: за бегство воинской части с поля боя или сдачу крепости командир подвергался смертной казни с конфискацией имущества, из всего остального личного состава казнили каждого десятого. В 19 в. Д. была отменена во всей Европе, в России после 1839 сохранились лишь ее остатки, к-рые полностью исчезли только в 1868. См. также Децимация (наказание).

спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты или помочится в его ставке, искупается или постирает одежду в реке[32], кто умертвит скотину не по "правилу", согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет.

Смерть ждала даже того, кто допустит, как пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, "***не вполне точное изложение мыслей Чингиз-хана в проекте письма***"... Все это исходило, кстати, не из обычаев, правовых норм или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил - **ясы**, авторство которой приписывается Чингиз-хану, хотя неизвестно, был ли этот свод законов зафиксирован на бумаге - сам-то Чингиз ни читать, ни писать не умел.

Любознательный Читатель. И был тем не менее выдающимся полководцем средневековой Азии.

- Он был создателем империи насилия, циничнейшим политиканом, умеющим загребать жар чужими руками, и, как неизбежное следствие, - человеком без морали, вся жизнь которого была наполнена убийствами и предательствами, клятвопреступлениями и бесчисленными нарушениями своей собственной ясы. Эти качества выходили за рамки морали даже того жестокого века, если автор монгольского "Сокровенного сказания", написанного в 1240 году в сердце империи, на Керулене, счел нужным отметить его подлость, злобность, мстительность, трусость.

- Чингиз был трусом?!

- Иногда храбрецом, иногда трусом. Отец тринадцатилетнего Темучина говорит будущему тестю: "***Страсть боится собак мой малыш***[33]". Но вот он уже взрослый, женатый человек солидной комплекции. При набеге соседних кочевников он бросает на произвол судьбы не только единоплеменников, вступивших в сражение, но и молодую жену, ставшую добычей врагов, и скрывается в горно-лесные дебри, где он сам говорит о себе так: "***Я, в бегстве ища спасения своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне... взобрался на гору Бурхан. Бурхан-халдуном изблевана жизнь моя, подобная жизни вши. Жалея одну лишь жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, городя шалаши из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена, как щитом, жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал***".

- Но это литературное произведение...

- В "Сокровенном сказании" приводится множество фактов, которые не оспаривает история. Еще в детстве Темучин по пустяшному поводу и подло, в спину, убивает своего брата, и родная мать сравнивает его с демоном. Потом вероломно расправляется со степным богатырем-соперником Бури-Боно, казнит своего побратима Чжамуху[34]. Есть в монгольском жизнеописании Чингиза совершенно отвратительные подробности, ярко, однако, характеризующие его как человека. В одном из сражений со своими единоплеменниками тайчжиутами он получил ранение в шейную артерию, очевидно, отравленной стрелой, и его подручный по разбою Чжельме долго "отсасывал запекавшуюся кровь". Потом Чжельме пошел на страшный риск, чтобы добыть из вражеского стана молока или кумыса. Очнувшись, раненый "обратил внимание на грязную" мокроту - Чжельме отхаркивал отсосанную кровь во все стороны. ***"Что это такое? Разве нельзя было***

---

[32] Из суеверия, что ударит молния во время мытья

[33] 9-летний мальчик не зря опасался огромных лохматых монгольских собак-хасаров. В отчетах экспедиции Рериха есть упоминание, как в Урге бездомные собаки нападали не только на пеших, но и конных и даже до смерти загрызли часового.

[34] После победы, Тогорил-хан отправился в свою орду, а Темучин и его анда Джамуха остались жить вместе в одной орде, где они снова заключили союз побратимства, обменявшись золотыми поясами и конями. По прошествии некоторого времени (от полугода до полутора) они разошлись по разным путям, при этом многие нойоны и нукеры Джамухи присоединились к Темучину (что послужило одной из причин неприязни Джамухи к Темучину).

ходить плевать подальше?" - брюзгливо спросил Темучин своего спасителя. И вот как он потом расправился с тайджиутами[35], ведущими свое происхождение от легендарной прародительницы всех собственно монголов Алан-Гоа: "...перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев, вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха"... Некоторые исследователи предполагают, что на черной совести Чингиз-хана и тайное убийство старшего сына Джучи, отца Батыя, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику.

Чингиз-хан хорошо умел, как говорится, подбирать кадры, выдвигая способных военачальников и поручая им всю грязную работу по грабежу и уничтожению народов и государств. Для достижения этих целей, а также для поддержания порядка в своей империи он проявлял последовательность и действительно необыкновенную волю. И очень трудно различить, какие злодеяния Чингиза мотивируются его целями, а какие - особенностями характера этой личности.

Любознательный Читатель. Но ведь законы истории объективны и действуют независимо от характера и воли отдельных лиц.

- История складывается из действий людей, которые в определенных обстоятельствах руководствуются экономическими, политическими, социальными, религиозными и иными стимулами и мотивами, связанными с назревшими переменами в общественном бытии. Разложение родо-племенного строя в монгольских степях и образование феодального государства было исторически неизбежным. Секретарь МНРП тов. Б. Лхамсурен говорил в своем докладе, прочитанном в 1963 году, что "деятельность Чингиз-хана в первый период его правления соответствовала объективно-историческому процессу объединения монгольских племен, образованию единого монгольского государства... Но в дальнейшем, когда Чингиз-хан перешел на путь завоеваний и грабежа чужих стран и народов, его деятельность приобрела реакционный характер". Конечно, нравственные качества ведущего деятеля относительно хода событий могут быть случайными, хотя, как правило, они в той или иной степени отражают мораль среды, их породившей, когда цели ее идут вразрез с историей, если иметь в виду гуманистическое развитие человечества. Не монголо-татарские племенные объединения, а этнически разнородные степные воины, поссорившиеся со своими родами и объедигнившиеся вокруг молодого Темучина, дали ему своеобразную клятву-присягу, хорошо выражающую цели раннефеодальной степной военщины, идущей на смену разлагавшимся родовым сообществам: "***Когда Темучин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты, рабов и лучших лошадей. При облаве выделять тебе половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши черные головы по земле...***"

В соответствии с реакционными целями и характером хана-императора складывалась позже в государстве Чингиза этика, учреждались жестокие законы и обычаи военной и гражданской жизни, которые ни в коем случае нельзя соотносить с психическим складом монгольского народа тех или иных времен.

Средневековые путешественники, посещавшие метрополию чингизидов, в числе других черт, присущих монгольскому населению, отмечали широкое и доброе гостеприимство, свободолюбие, лад и взаимное уважение, царящие в семьях, дисциплинированность и обязательность. А вот какая характеристика дана в "Сокровенном сказании" полководцам - знаменитым "четырем псам"

---

[35] После смерти отца Темучина его приверженцы покинули вдов (у Есугея было 2 жены) и детей Есугея (Темучина и его младшего брата Хасара, и от второй его жены - Бектера и Бельгутая): глава клана тайчиутов выгнал семью с насиженных мест, угнав весь принадлежавший ей скот. Несколько лет вдовы с детьми жили в полной нищете, скитались в степях, питаясь кореньями, дичью и рыбой. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму. Вождь тайчиутов, Таргутай (дальний родственник Темучина), объявивший себя властелином земель, когда-то занятых Есугеем, опасаясь мести подрастающего соперника, стал преследовать Темучина.

Чингиза, выступившим в поход против найманов:

Лбы их - из бронзы,

А рыла - стальные долота,

Шило - язык их,

А сердце железное,

Плетью им служат мечи.

В пищу довольно росы им,

Ездят на ветрах верхом.

Мясо людское - походный их харч,

Мясо людское в дни гечи едят.

С цепи спустили их. Разве не радость?

Долго на привязи ждали они!

Да, то они, подбегая, глотают слюну.

Спросишь, как имя тем псам четырем?

Первая пара - Чжебе с Хубилаем,

Пара вторая - Чжельме с Субетаем.

Сделаем необходимую скидку на литературную гиперболизацию и познакомимся с более достоверным и очень характерным жизненным кредо самого Чингиза. Собрав незадолго до смерти своих полководцев и наследников, он спросил их, в чем заключается высшая радость и наслаждение мужчины. Все без исключения ответили: в соколиной охоте. "Тогда Чингиз-хан, - пишет Рашид-ад-Дин, - соизволил сказать: "***Вы не хорошо сказали! Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет, заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, в том, чтобы превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!"***

Заканчивает свою летопись Рашид-ад-Дин восклицанием: "Да будет мир над людьми мира!"

Любознательный Читатель. Не настало, однако, мира над людьми мира и после смерти Чингиза!

- Да, его дело продолжили сыновья и внуки, подымая волнами один покоренный народ на другой во главе с опытнейшими военачальниками.

- Ну, и сами они были хорошими полководцами.

- Кто, например?

- **Батый**.

- Доказать это невозможно.

- Но общепринято, что он был выдающимся полководцем.

- Допущение. Действительно выдающимся полководцем XIII века был совсем другой человек-личность, можно сказать, феноменальная...

- Интересно, кто же?

- Впервые на исторической арене он появляется в год Свиньи, то есть летом 1202 года, в конце которого Чернигово-Северская земля потеряла князя Игоря Святославича. И не за горами был

день, когда его имя сделается первым и останется таковым в военных реляциях орды на долгие десятилетия. В различных монгольских, китайских, персидских, латинских и русских источниках я насчитал множество вариантов этого имени, однако при любых разночтениях под ними подразумевается один и тот же челоаек: **Субудай**, Субеэтай, Субут, Субэдей, Субуэдай, Субэтэй, Субудэй, Субугэдай, Субу-бей, Субетай, Субудэ, Субу, Су-бу-тхай, Субутли, Субеетай, Сибедей, Себедяй...

Согласно китайской "Юань-ши" ("Истории монголов"), "в год Тельца Чингиз устроил железную кибитку для Субудая и отправил его преследовать детей Тохтоа: Худу и других". Год Тельца - это 1205-й, "железная кибитка", скорее всего, прообраз танка, - обитая листовым железом повозка, защищавшая от стрелы, меча, копья, а новые враги - меркиты. Авторы "Сокровенного сказания" образно излагают напутствие-инструкцию Темучина, положившего во что бы то ни стало изловить детей меркитского хана:

Пусть в поднебесье высоко летят,

Ты обернись тогда соколом ясным,

С неба на них, Субетай, ты ударь.

Пусть обернутся они тарбаганами,

В землю глубоко когтями зароются -

Ты обернись тут острой пешней,

Выбей из нор их и мне их добудь.

В море ль уйдут они рыбой проворной,

Сетью ты сделайся, неводом стань,

Частою мрежей слови их, достань.

Субудай выполнил задание, и меркиты, жившие на север от Монголии, на территории нынешнего Забайкалья, стали очередной жертвой экспансии и уже привычного способа обращения с любым покоренным народом - правящая верхушка уничтожалась, трудовое население облагалось данью, а боеспособные мужчины вовлекались по принуждению или карьеристским посулам в армию врага. После этой победы она состояла уже, повторю, из ста тысяч сабель - сила, которую можно было бросить на любого, даже самого могущественного противника. И он здравствовал по соседству, и его судьба оказалась косвенно связанной с судьбами средневековой Руси.

Чжурчжэни... Специалистам по истории Дальнего Востока об этом народе известно так много, что они выпускают большие труды, посвященные его государственному становлению, быту, экономике, культуре, гражданской истории, завоевательным походам, оборонительным войнам и трагическому концу, однако я давно заметил, что такие специальные сочинения не доходят до широкого читателя, которого я избрал спутником в настоящем путешествии по минувшим векам. Дело в том, что подобные труды выпускаются очень маленькими тиражами, написаны слишком специально, научным слогом, рецензий на них в массовой печати нет, а давно бы пора выпускать сводный бюллетень аннотаций, хотя бы кратко излагающий самые интересные новинки философии, археологии, филологии, истории, социологии...

Любознательный Читатель. Мне тоже, знаете, ничего не довелось встретить об этих... как вы сказали?

- Чжурчжэнях. Это был многочисленный и сильный народ, значительно опередивший в своем развитии жителей центральноазиатских степей, - разложение родового строя и становление военно-феодальной государственности началось у них намного раньше.

- Когда же они появились на большой исторической сцене?

- В год смерти Владимира Мономаха. Мгновенно покорили соседних киданей и в том же 1125 году бросили шестидесятитысячное войско в Северный. Китай, осадив его столицу Кайфын, которая

через год пала. Сотни тысяч чжурчжэньских семей переселились на юг, и к концу XII века государство чжурчжэней занимало огромную площадь, охватывающую бассейн Амура, Приморье, всю территорию Китая севернее Хуанхэ, Маньчжурию и Восточную Монголию. Чжурчжэни развили крепкую экономику - продуктивное сельское хозяйство, ремесла, торговлю, промышленность.

- В начале этого тысячелетия - промышленность?

- Судите сами. В одном из средневековых центров черной металлургии близ нынешнего Харбина обнаружено около пятидесяти шахт и плавилен, где было, по современным подсчетам, добыто и переработано четыреста-пятьсот тысяч тонн железной руды! Близ села Сергеевки[36] Партизанского района Приморского края советские археологи раскопали чжурчжэньскую литейно-кузнечную мастерскую, состоящую из восьми плавильных печей с изложницами, формовочные ямы, кричные и кузнечные горны, запасы каменного и древесного угля. Чжурчжэни умели получать и обрабатывать чугун, железо, высококачественную сталь, и эта важная отрасль была государственной монополией. Выплавляли также медь, серебро, олово, свинец, делали бронзу, знали ртуть, имели службу геологической разведки - в официальной истории государства пишется, что правительство в 1176 году "посылало людей по губерниям разыскивать медные копи и жилы".

Как свидетельствуют документы и раскопки, чжурчжэни умели обрабатывать на изобретенном ими абразивном круге яшму и нефрит, делать керамику и фарфор, льняные и шелковые ткани, добывать из моря жемчуг и крабов, из рек рыбу, в лесах-пушнину, кедровый орех и лекарственные растения, включая женьшень - драгоценный корень чжурчжэньской медицины; выращивали рис, чумизу, пшеницу, гаолян, ячмень, просо, коноплю, хлопчатник, разнообразные фрукты и овощи. В восьмидесятых годах XII века в стране было около четырехсот тысяч воловьих упряжек и почти полмиллиона лошадей. Государство набирало мощь, богатело, развивалось, в нем были и обсерватории, и книгопечатни, и больницы.

Любознательный Читатель. Чжурчжэни, должно быть, многим были обязаны соседству древней китайской цивилизации?

- Конечно, только их страна носила характер полной самостоятельности - государственной, хозяйственной, национальной, культурной. Другим было территориальное деление, функции чиновничества, военное устройство, законы. Между прочим, у чжурчжэней провозглашалось равенство населения перед законом, предусматривалась обязательная военная служба, земля находилась в государственной собственности и раздавалась в пользование с уплатой налогов и податей, образование было обязательным для будущих служащих. В специальных школах изучались чжурчжэньский язык, который был официально-государственным, письменность, история, философия.

Число бесплатно обучаемых переводчиков и преподавателей доходило до трех тысяч человек в год.

- Но письменность-то у них была китайской?

- Да-нет, еще до завоевания Северного Китая чжурчжэни создали свою письменность, на которой были опубликованы сотни научных трудов по истории, географии, филологии, медицине, астрономии. Выходили сборники стихов и пьес чжурчжэньских авторов на своем языке, сочинялась оригинальная музыка, культивировались народные песни и танцы... Чжурчжэни создали в средневековье единственное в истории всех тунгусских народов сильное самостоятельное государство, вошедшее в летописи мира.

- Но нам со школьной скамьи известны только древние, подчас очень маленькие государства Юга и Запада...

---

[36] Шайгинское городище расположено южнее села Сергеевка Партизанского района. В XII-XIII веках это был крупный город чжучжэней, наследников бохаев, населявших в раннее средневековье Приморье и северо-восток Китая и Кореи.

- А я не исключаю, что даже во времена русского средневековья образованные и осведомленные люди могли кое-что слышать о сильных народах и государствах на далеком Востоке.

Не одну сотню лет до этого славяне сносились с восточными народами. Жители Великой Степи, часть которой в XII веке входила в империю чжурчжэней, довольно оперативно обменивались информацией. Чингиз в начале XII века уже знал, кто такие "орусы". Восточные купцы с незапамятных времен торговали с Русью, а русские были завсегдатаями в Царьграде. Особо прочные торговые контакты с Византией сложились у северян-черниговцев, связывающих дальний север через главный свой торговый центр

Любеч на Днепре с дальним югом через Северскую землю Тьмутаракань на Черном море. Любеч и Чернигов упоминались в договорах с греками, именно в черниговской Черной Могиле были найдены единственные в своем роде золотые византийские монеты времен императора Василия I, занимавшего царьградский престол в конце X века. Русские купцы покупали золото, серебро, предметы роскоши, дорогие ткани. А русские меха издревле шли на юг, в том числе и в Багдад.

- Есть такие данные?

- Арабский писатель Ибн-Хордодбе[37] сообщает, что русские купцы "ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливу столицы Хазарии, где владетель ее берет с них десятину. Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад". То есть во времена Хазарского каганата, задолго до расцвета чжурчжэньского государства, русские бывали на далеких азиатских торжищах, собиравших слухи со всей Азии. Расстояния не были препятствием и для миссионеров - не надо забывать, что ко времени, о котором идет речь, христианству на Руси минуло уже два века. Во все времена были искатели счастья и приключений, беглые преступники, авантюристы, люди, с легкостью менявшие подданство, умевшие приспособиться к любой обстановке и любому народу, мятущиеся натуры или вечные горемыки; необычные судьбы всегда могли бросить человека из одного конца континента в другой.

- Это, конечно, так, но знали ли на Руси о Дальнем Востоке - точных свидетельств, материальных или письменных, видимо, не существует?

- Далеко не все письменные источники русского средневековья сохранились, но факт, что наши образованные предки хорошо знали греков и их культуру. Кое-что слышал о Центральной Азии и ее народах еще Геродот, отразивший подлинные сведения, переработанные разными народами в мифы и легенды. И мы пока слабо представляем себе подлинную картину жизни древнеевразийских народов, только археологи нет-нет да раскопают в земле предмет, связывающий огромные расстояния и времена. На Урале найдены изделия византийской работы IV века нашей эры и среднеазиатские - III, а Украина, Поволжье и лесная зона России издавна пополняют музеи медными украшениями II тысячелетия до нашей эры, точный химический анализ которых показывает, что сделаны они из меди, добытой на древних уральских копях! За полторы тысячи лет до "Слова о полку Игореве" народ, живший тогда в центре Горного Алтая, имел умопомрачительные по расстояниям международные связи. В ледяной среде **Пазырыкских курганов** найдены бесценные вещи - я имею в виду не изумительную по художественному совершенству деревянную резьбу, украшающую ныне коллекции Эрмитажа, а другие находки - древнейший в мире ковер и прочие ткани, сюжетная вышивка которых идентична барельефам Персеполя. Часть изделий, датируемых V веком до нашей эры, могла попасть на Алтай только из Передней и Малой Азии! Несомненно, что оттуда же были доставлены семена кориандра, принадлежность которых местной флоре строгая наука отрицает категорически. Обнаружены также тончайшие и плотнейшие - в квадратном сантиметре полсотни на полсотни основных и уточных нитей - китайские ткани. Они могли попасть в скифские могильники лишь одновременно с другими вещами, так что тканые находки, чудом сохранившиеся в подземных ледяных холодильниках Горного Алтая, - это древнейшие китайские[38] полотняные и шелковые

---

[37] Ибн Хордодбе. Книга путей и царств / Пер. НА. Караулова // СМОМПК. Вып. XXVII. Тифлис, 1903

[38] Причем шелк этот — один из наиболее древних шелков некитайского производства (в Китае еще с III тыс. до н. э.

ткани, из найденных где бы то ни было до сих пор! Они не могли сохраниться в жарких субтропиках - в Китае, Персии или Византии. Кстати, китайские или чжурчжэньские изделия в виде шелковых обрывков обнаружены также при археологических раскопках, например, в Старой Рязани и в других районах земли вятичей, а в "Слове о полку Игореве" названа страна или народ, означенный словом "**Хинова**".

Любознательный Читатель. Трижды, если считать словообразовательные варианты. Это общеизвестно.

- Да, и в очень интересной последовательности, сложном, умном, я бы даже сказал, изысканном словесном антураже, в глубочайших стилистических и смысловых оттенках! Впервые это слово встречается ближе к середине поэмы, там, где говорится об окончательном, к исходу третьего дня, поражении северских князей в битве на реке **Каяле**.

- Слова киевских бояр, обращенные к Святославу?

- Для меня это очень спорный вопрос. Протограф "Слова" не имел знаков препинания и разбивки на абзацы. Первые две фразы действительно вложены автором в уста бояр: "Уже, князь, горе ум полонило; это ведь два сокола слетели с отчего престола золотого добыть города Тмутороканя либо испить шлемом из Дона. Уже соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины железные".

- В подлиннике зримее...

- Да. Правда, в первопечатном издании после слов "стола злата" стоит запятая, позже снятая. Но, однако, эти же новые издания, в отличие от первого, почему-то приписывают боярам и последующий большой текст, заключая его в кавычки вместе с предыдущими двумя фразами. Издатели "Слова" в "Библиотеке поэта" в неуверенности отбивают его абзацем, но тоже считают прямой боярской речью, хотя зачем великому князю киевскому Святославу, узнавшему первое краткое известие о сути дела, столь долго слушать, как "два солнца померкли, оба багряные столба погасли, и с ними два молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись и в море погрузились..."? После этого поэтического переосмысления события следует подробнейшая детализация, где изобразительное переплетено с конкретными реалиями, историческими ретроспекциями и перспективами, несомненно, тоже глубоко символическими: "***На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов. Уже пал позор на славу; уже ударило насилие на свободу; уже бросился див на землю. И вот готские[39] красные девы запели па берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают время Боза, лелеют месть за Шарукана".***

Явно, что все это авторский, а не боярский комментарий к событию, что подтверждается зачином: "Темно бо бе в 3 день", - подробность битвы, ненужная и, скорее всего, пока неизвестная киевским боярам, но без которой не смог обойтись в этом довольно неподходящем для такого уточнения месте автор, участник битвы. Не оставляет никакого сомнения трагическая заключительная фраза отрывка, полная событийной конкретности и рвущегося из сердца чувства, которая была бы совершенно противоестественна для киевского боярского хора: "А мы ужо, дружина, жадни веселия!"

- Убедительно, однако куда делись из этого отрывка "хинови"?

- В половодье авторских чувств она занимает стрежень.

Эта необыкновенно грузоподъемная фраза, символически и пророчески выражающая, быть может, главное историческое последствие поражения князя Игоря на Каяле, не требует для русского слуха особого перевода: "...великое буйство подасть Хинови"...

получали шелк от одомашненного шелкопряда). И произведен этот дикий шелк был, скорее всего, либо в некитайских варварских государствах (юг современного Китая), либо на территории Ассама (в современной Индии)

[39] Сулейменов разбивает текст на слова иначе: "...уже връжеся Дивь на землю (се бог отский). Красныя девы въспеша..." Слова в скобках значат "это (т.е. Див) - бог предков".

Во второй раз это слово употребляется в том месте, где автор обращается к западным русским князьям-буй[40] Роману волынскому, позже волынско-галицкому и какому-то Мстиславу - не то пересопицкому, не то городенскому, под харалужными мечами которых в романтически-ретроспективном призыве автора "главы своя подклониша" Литва, Ятвязи, Деремела, и половцы копья свои повергли, однако на первое место в этом перечислении он поставил обобщенные "многи страны Хинова". И, наконец, Ярославна в своем плаче-заклинании вопрошает ветер-ветрило, зачем он мчит на своих легких крыльях хиновские стрелки на воинов ее лады, князя Игоря... Автор, не присутствовавший, конечно, при воображаемом плаче на путивльском забрале, должен бы очень хорошо знать княгиню Евфросинью, чтобы написать ее словами своего рода духовный автопортрет, и, конечно, был уверен, что ей знакомо это понятие "хинова", ранее употреблявшееся только в авторской речи, уверен в том, что она может назвать половецкие стрелы обобщенно и многооттеночно "хиновскими". В "Слове" нет ни одного случайного слова!..

И еще интересное место вспомним - первую победу князя Игоря над половцами[41], когда его воины забрали их узорочье, аксамиты и паволоки. Узорочье - это наборные украшения из камней, бисера и жемчуга, которые носили на различных деталях одежды. Самым дорогим жемчугом на Руси считался гурмыжский, добытый в Гурмыжском, то есть Персидском, море, бисер тоже шел из арабских стран. Аксамит - плотная, ворсистая, очень дорогая восточная ткань с разводами и узорами, идущая на княжеские и церковные одежды. В 1174 году князю Ростиславу Мстиславичу византийский царь прислал "дары многи, оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличныя". А после убийства Андрея Боголюбского верный слуга его Кузьма-киевлянин говорит ключнику Аньбалу: "Помнишь ли, жидовине, в которых портех пришел бяше? Ты ныне в аксамите стоишн, а князь наг лежит"...

- А что такое паволоки?

- Китайский шелк. Ни русские, ни половцы его, понятно, не вырабатывали. На Русь его издревле завозили из Византии, через которую еще во времена Древнего Рима проходил "Великий шелковый путь", и первые договоры с греками запрещали русским купцам закупать паволок более чем на пятьдесят золотников.

Шелка-паволоки в зависимости от цветов и сортов назывались на Руси парчой, порфиром, пурпуром, багрой или червленицей, а также камкой. Паволоки у князей и богатых людей шли на белье, одежды, одеяла, подушки. Проповедник XII века, обличая барство какого-то богатея, говорил, что тот ходит "в поволоце" и "одр настьлан перин поволочитых"; не удержусь, чтоб не привести последующих саркастических слов средневекового публициста о том, как вельможа боролся с бессонницей: "възлежащю же ему и не могущю уснути, друзи ему нозе гладят, инии по ледьям тешат

его, ини по плечима чишут"...

- Очень смешно, однако мы слишком удалились от чжурчжэней.

- Сейчас приблизимся... Кто такие "Хинове"? Несомненно, в средневековой Руси слышали о

---

[40] Странное прозвище в "Слове" у князя Всеволода - "буйтур". Переводилось как "дикий вол", "буйвол". По-тюркски "буй-туре" значит "высокий господин", т.е. "высокородный". Дальнейшая эволюция этого титула: батур, боотур, богатур, богатырь. Высокородного Всеволода переводчики превратили в дикую говядину! См. также **АЗ И Я**.

[41] В перечне трофеев, захваченных на берегу реки Сюурлий, нет ни рабов, ни женщин, ни стариков - никого, кто должен был оставаться в вежах. Нет там ни золота, ни оружия, а только молодые половчанки, "красные девки половецкие", вместе с которыми был захвачен обоз с одеждами, украшениями и тканями: "И рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми". Если вспомнить, что в конце "Слова..." синонимом дочери Кончака оказывается именно "красная девка", трудно освободиться от впечатления, что перед нами обоз с приданым невесты, которую сопровождают подружки-фрейлины, тем более что Кончаковна действительно вышла замуж за Владимира Игоревича.

каком-то далеком восточном народе "хин", "чин", "син". Русь XII века была тесно связана с Византией религией, просвещением и торговлей, искусствами и дипломатией, родственными узами князей и их личными судьбами.

Дед князя Игоря знаменитый Олег Святославич целых три года провел на Родосе. Вскоре после этого все полоцкие князья оказались в долгой византийской ссылке. Теснее других, повторяю, связь с Византией была у Северской земли, которой принадлежала посредническая Тьмутаракань. "Хины" упоминаются в Космографии Козьмы Индикоплова, позже у Афанасия Никитина под именем "чин" и "чини". Спустя всего сорок лет после смерти Игоря русские князья начали ездить в Монголию, подолгу и не совсем по своей воле задерживаться там. Писал о Китае итальянец Плано Карпини и - попозже - персидский историк Рашид-ад-Дин, называвший Северный Китай "Хитаем", а южный - "Чина".

На многих языках Китай назывался словами "шин", "хин", "чин", а на русском специалист по Китаю именуется сегодня "синологом"... Автор "Слова" мог не ведать всех евразийских исторических подробностей, но, будучи очень знающим и начитанным человеком и чрезвычайно информированным политиком, наверняка слышал из византийских или арабских источников о самых дальних восточных народах, называя их обобщенно "Хинове", хотя вполне можно допустить, что и кипчаки-половцы, кочевавшие от предгорий Центральной Азии до Днестра, далеко на запад занесли Великою Степью весть о могучем государстве, уже много десятилетий существующем там, где восходит солнце... И конечно же автор не успел узнать слов "монгол", "мунгал" или "монг", которые при его жизни еще не явились даже в центрально-азиатских степях. Их не знали даже кипчаки-кумане-половцы, наверное уже прослышавшие ко времени битвы на Каяле-реке о "великом буйстве" на востоке от своих степей. Возможно также, что какая-то часть дорогих восточных тканей непосредственно попадала к ним из Китая или государства чжурчжэней - для верблюжьих караванов расстояния никогда не были проблемой. А из истории чжурчжэней мы знаем, что шелку, например, в их стране было предостаточно. Еще в 1126 году побежденные китайцы должны были в числе прочих ценностей поставить чжурчжэням в качестве контрибуции миллион кусков шелка. В 1208 году вместе с золотом, серебром, лошадьми, волами, мулами и книгами значился в новом мирном договоре с южнокитайским государством Сун еще миллион шелковых штук. Да и сами чжурчжэни вырабатывали много излишков этой дорогой ткани разных сортов. В их таможенных книгах сохранились записи о вывозимых товарах - золоте, женьшене, мехах, соли, кедровом орехе, растительных красителях, а также шелке-тафте, просто шелке и шелке-камке, то есть крашеной, узорчатой, с золотистой либо серебристой струей, ткани. Добавлю, что государство чжурчжэней называлось "Цзинь", "Цинь", "Гинь" или "Кинь", что близкозвучно "Хин". Если русские на рубеже XII-XIII веков решительно ничего не знали о дальневосточных народах, то тогда непонятно, откуда попали "Хинове" в "Слово о полку Игореве"!

Не значатся же в поэме инки или ацтеки, например, о которых наши предки воистину ничего не могли слышать. Академик Д. С. Лихачев писал в одном из комментариев к "Слову о полку Игореве": "Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, неясные слухи о которых могли доходить до Византии устно и через "ученую" литературу "космографии"" ("Слово о полку Игореве". Библиотека поэта, малая серия. Л., 1953, с. 256).

Любознательный Читатель. А когда русские впервые узнали о государстве чжурчжэней что-либо достоверное?

- Еще до середины XIII века. Это были молодые люди, в основном ремесленники, обращенные в рабов и угнанные в далекую Монголию. Среди них, бесспорно, были грамотные и любознательные люди, способные понять, что произошло на той земле. А из наших предков, вошедших в историю, первым услышал о судьбе чжурчжэней рязанский князь Олег Игоревич Красный[42], раненным взятын в плен в 1237 году и пробывший в Монголии долгих четырнадцать

---

[42] **…князь Рязанский Олег Ингваревич Красный** (1230-1258), после 14-летнего татарского плена в Орде, возвратился

лет. За ним - великий воин, дипломат и политик Александр Невский. Правда, в точности неизвестно, сколько времени он был в Монголии, какие районы посещал, с кем, кроме великого хана, общался, но это его далекое путешествие, закончившееся в 1250 году, заняло около трех лет, и, должно быть, в тех краях он провел не менее года, узнав, конечно, о самом важном в то время дальневосточном событии - падении государства Цзинь.

- Ну а русская историческая наука?

- У первых наших историков Татищева и Ломоносова нет ничего о чжурчжэнях, но в конце XVIII века явился миру один необыкновенный человек, о коем следовало бы нам вспомнить...

Когда я впервые попал в Ленинград, то сразу же посетил его могилу в Александро-Невской лавре. На простом скромном обелиске значится: "Иакинфъ Бичуринъ", а вертикальной строкой - китайские иероглифы...

12. Глава 12

Неизвестно, проявились ли в детстве какие-нибудь способности у чувашского мальчика по имени Никита, но его, восьмилетнего, отвезли из небольшого села Бичурина в Казанскую семинарию, где он, кроме основных наук, освоил французский, латынь и греческий. Фамилия **Бичурин**, данная ему по названию родного села, вскоре была утрачена при обстоятельствах, окутанных романтической дымкой.

Есть один более или менее достоверный источник, о коем мы сейчас будем говорить, где эта история выглядит, на наш сегодняшний взгляд, даже вроде бы слишком романтично, хотя и вся последующая жизнь Никиты Бичурина полнилась полулегендарными, подчас таинственными подробностями, не проясненными до сего дня.

Семинарист-выпускник и его двоюродный брат Александр Карсунский будто бы полюбили одну казанскую девушку Татьяну Саблукову, предоставив ей выбор и дав взаимный обет - отвергнутый уйдет в монастырь. Счастливец женился, а Никита Бичурин принял схиму под именем отца Иакинфа. На этом предании настаивала Н. С. Моллер, считавшая себя внучкой отца Иакинфа и оставившая о нем интереснейшие воспоминания, опубликованные в "Русской старине" за 1888 год - ежемесячном историческом журнале.

Отец Иакинф был, очевидно, и в самом деле не рядовым монахом, если, продвигаясь по службе из Казани в Сибирь - через Тобольск, - был еще довольно молодым возведен в сан архимандрита и назначен пастырем в Вознесенский монастырь Иркутска. Сохранились кой-какие документы с той поры, в частности обличительное письмо отца Иакинфа в Петербург о взяточничестве и злодеяниях генерал-губернатора И. Б. Пестеля, сочинившего позже донос на архимандрита о не приличествующем для его сана поведении как в Иркутске, так и в Пекине, куда тридцатилетний отец Иакинф был в 1807 году назначен главой русской духовной миссии. Прямое назначение таких заведений заключалось в религиозном обслуживании единоверцев на чужбине, миссионерской деятельности и выполнении некоторых иных функций в том случае, если родина не была представлена в этой стране посольством или дипломатической миссией.

Он оказался никудышным начальником духовной пекинской миссии - за многие годы своего руководительства он привел вверенное ему учреждение в полное расстройство и по возвращении на родину был предан церковному суду. Обвинения были очень серьезными. Кроме продажи части посольского двора, разбазаривания церковной утвари, отец Иакинф, оказывается, появлялся везде в расхожем китайском одеянии, не посещал церкви и вообще на двенадцать лет прекратил в ней священнодействия; сверх всего - о страхи-то господни! - он открыл в доме, принадлежавшем миссии, игорный притон, который сдавал в аренду. Объяснение отца Иакинфа,

---

в свое Отечество и княжил в нем 6 лет - до 1258 г. (после смерти старшего брата Ингваря). В 1258 году, чувствуя приближение кончины, блаженный Олег был пострижен в схиму с именем Космы. Он передал престол своему сыну Роману и мирно скончался. Роман Ольгович с семейством своим и народом оплакали блаженную кончину страдальца князя Олега и похоронили его, по завещанию, в церкви Святого Спаса в Старой Рязани.

что миссия, о которой во время наполеоновских войн все попросту забыли, в течение шести лет не получала средств на свое содержание, было принято к сведению, однако оправданием не послужило. Суровый приговор Святейшего Синода - лишение отца Иакинфа сана архимандрита и вечное поселение в Соловецком монастыре, "не отлучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре", - был, однако, заменен тюремным заключением в островной Валаамский монастырь на Ладоге.

Едва ли находилось время у отца Иакинфа в Пекине, чтобы опекать единоверцев, причем глава миссии, как свидетельствуют современники, действительно не считал необходимым отказывать себе в мирских удовольствиях. И едва ли думал он о бессмертии, когда фанатично работал, точно зная, однако, что оно не в молитвах и постах. Прежде всего отец Иаккнф взялся за изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков, сосредоточившись главным образом на первом. Нанял учителя-профессионла, много времени проводил на людях, расспрашивал каждого встречного-поперечного о том, как звучат названия разных предметов, раскрывал перед всеми тетрадь для записи иероглифов, накапливая их в своей памяти тысячу за тысячей... Потом все больше времени у него уходило на поиски рукописей, которые можно было приобрести, на уединенные занятия в пекинских библиотеках и своем кабинете, на изучение обычаев и нравов населения страны и се столицы. Пекину он отдал целый год, исходив каждую его улочку, а чтобы представить объем переводческой работы над одним лишь историческим сочинением "Тунцзяпь ганму", достаточно указать, что рукопись состоит из шестнадцати огромных томов, содержащих 8384 страницы! Если сказать, например, что отец Иакинф составил китайско-русский словарь, то это значит почти ничего не сказать. Кроме основного труда, содержащего двенадцать тысяч условных знаков с множеством выражений, переписанного от руки четырежды и составляющего девять томов, этот неутомимый труженик оставил для будущих синологов настоящее филологическое сокровище - пять его других словарей хранятся ныне в Москве, три - в Ленинграде, и есть еще четырехтомный перевод словаря маньчжуро-китайского...

Чтобы не утомлять читателя подробностями, скажу лишь, что Никиту Яковлевича Бичурина, отправившегося 15 мая 1821 года из Пекина в Кяхту, сопровождал верблюжий караван, тяжело нагруженный книгами и рукописями, и этот груз весил четыреста пудов - почти семь тонн! Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел Е. Ф. Тимковский, очень знающий востоковед, выручивший позже Никиту Бичурина из Валаамского заточения, писал: "***Смело можно сказать, что за все 8 перемен российской императорской миссии в Пекине, бывших в течение 100 лет, не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной".***

Подробностей о Валаамском периоде жизни рядового черного монаха Иакинфа известно мало, но, судя по всем данным, он занимался тем же, чем занимался до этого, почти два года находясь под домашним арестом в Александро-Невской лавре, в долгом пути из Пекина и тринадцать лет в Китае; он работал, и работал так, как мало кому в жизни допелось. Еще из Александро-Невской лавры Бичурин писал президенту Академии художеств и директору Публичной библиотеки Л. Н. Оленину о своем намерении создать труд по истории народов Востока, руководствуясь определенным принципом: "***Замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь подобно границам, где одна черта, разделяющая два владения, принадлежит обоим: ибо с означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно; с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь***".

Звездный час отца Иакинфа был впереди. Сижу над его книгами, их гора. "Записки о Монголии" открываются красочным портретом - сосредоточенные глаза на сухощавом лице, висячие негустые усы, бородка клином, шляпа-зонтик. "Портрет благородного китайца в летней одежде" - это псевдоним. На портрете изображен сам Н. Я. Бичурин, написавший в этом большом труде фразу, которая могла бы послужить компасом и любознательному моему читателю: "Происхождение монголов и Дома Монгол суть две вещи совершенно различные". Год издания -

1828-й. В том же году вышло из печати "Описание Тибета". В следующем - "Описание Джунгарин", "Описание Пекина", "Троесловие", "История первых четырех ханов из дома Чингизова". Половину текста "Истории" занимаег подробнейшее изложение войны с нючженцами (чжурчжэнями); из этой книги я впервые узнал о государстве Цзинь...

Труды Н. Я. Бичурина отличались академической обстоятельностью, научным тщанием, терминологической отточенностью. Научный авторитет Н, Я. Бичурина рос в полемике с иностранными востоковедами и с теми из русских, кто причислял себя к ним. В отличной книжке, вышедшей к 200-летию со дня рождения Н. Я. Бичурнна, П. В. Денисов пишет, что реакционная критика предрекала недолговечность его трудам лишь по той причине, что они были написаны на русском "языке, который еще не имеет прав на известность в ученом свете". О. И. Сенковский, например, он же "барон Брамбеус", "активный противник становления русского востоковедения как самостоятельной научной дисциплины, настаивал на том, чтобы Н. Я. Бичурин следовал по стопам иностранных ученых и писал свои научные труды на европейских языках". Однако Н. Я. Бичурин, свободно владея английским, французским и немецким языками, писал только по-русски, считал, что "***русский язык так богат словами, что без необходимости вовсе не нужно пестрить его иностранными***"...

Переводчик министерства иностранных дел Н. Я. Бичурин избирается членом-корреспондентом Академии наук, становится известным в европейском ученом мире и вскоре подает в Сенат прошение о снятии с него монашеского сана. Он писал, что ученые занятия и обязанности по службе вынуждают его находиться в "долговременных отлучках от монастыря" и отвлекаться "***от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, поставляют меня в невозможность соблюдать обеты монашества во всей чистоте их***".

Синод вроде бы согласился с доводами просителя и в представлении царю положил снять с отца Иакинфа духовное звание, одновременно уволив со службы и запретив проживание в столице. Николай I, однако, отказал и Н. Я. Бнчурину и Синоду, только какой уже отец Иакинф был монах? Когда престарелый архимандрит Валаамского монастыря Иннокентий, разрешивший опальному монаху работать, входил в его келью и приглашал к богослужению, тот, по обыкновению, отвечал: "***Отец игумен, идите уж лучше один в церковь, я вот более семи лет не имел на себе этого греха***". По воспоминаниям современников, отец Иакинф никогда не крестился, любил играть с друзьями в бостон и вист, побаловаться сигарой, а когда в Петербург приехала на гастроли

знаменитая танцовщика Тальони, отец Иакинф, чтобы увидеть ее, переоделся, загримировался под купчика и проник в театр.

Среди друзей и знакомых отца Иакинфа были многие из тех, кого мы встречали или встретим во время нашего путешествия по минувшему...

Зинаида Волконская; писательница, композитор, поэтесса.

В петербургском, московском и римском салонах Волконской собирался цвет русской художественной и научной интеллигенции.

Ее роль и судьбе отца Иакиифа исключительна. Исследователи предполагают, что еще во время заключения Н. Я. Бичурина в Валааме Зинаида Волконская помогла никому пока не известному ученому, да еще с такой репутацией, найти первого издателя первой книги - разрешение на издание рукописи датируется 1826 годом. Книга "Описание Тибета" вышла через два года с посвящением З. А. Волконской.

Владимир Одоевский; писатель, философ, изобретатель, музыкальный просветитель. В его салоне, по воспоминаниям историка М. И. Погодина, "сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами".

В своем романе "4338-й год" Одоевский отправляет в путешествие по России китайского студента Цунгуева.

Михаил Погодин; знаменитый историк, академик. Встречался с отцом Иакинфом не только у

Одоевского. Наезжая в Петербург, непременно посещал в Александро-Невской лавре знакомую келью, которая представляла собой хорошо обставленную трехкомнатную квартиру, с окнами в сад, забитую книгами на разных языках, рукописями, увешанную картами и портретами. Из дневника: "К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа". А в 1832 году он дал "обед, на котором присутствовали некоторые московские писатели и ученые" в честь "знаменитого нашего путешественника Н. Бичурина".

Александр Пушкин. Был знаком еще с первыми журнальными публикациями отца Иакинфа. Очное же знакомство состоялось по освобождении ученого из валаамского заточения. "Описание Тибета" он подарил великому поэту с дарственной надписью "в знак истинного уважения". В следующем году Н. Я. Бичурин дарит Пушкину прекрасно переведенную и изданную в Петербурге оригинальнейшую китайскую детскую энциклопедию "Сан-Цзы-Цзин, или Троесловие" с литографированным текстом подлинника - каждые три иероглифа выражали афористичную мысль об истории или назидательный нравственный канон для юных. Когда Пушкин работал над "Историей Пугачева", Н. Я. Бичурин дал ему свою рукопись "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени". Поэт отмечал: "Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помешаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках". Некоторые исторические сведения об участии инородцев в восстании Емельяна Пугачева Пушкин почерпнул из сочинения отца Иакинфа "Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии", а также, несомненно, из бесед с ученым, конечным результатом которых, как считал Б. Л. Модзалевский и другие пушкинисты, было решение Пушкина совершить путешествие в Китай вместе с отцом Иакинфом, который туда собрался в начале 30-х годов. Написал царю: "...я просил бы дозволения посетить Китай с посольством, которое туда отправляется". И он безусловно числил отца Иакинфа среди своих друзей.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,

Куда б ни вздумали, готов за вами я

Повсюду следовать, надменной убегая:

К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,

Где Тасса не поет уже ночной гребец,

Где древних городов под пеплом дремлют мощи,

Где кипарисные благоухают рощи,

Повсюду я готов. Поедем...

Не вышло. Граф Бенкендорф письменно сообщил поэту отказ Николая под предлогом, что все чиновничьи посты в посольстве заняты. Может, царь опасался неизбежных встреч поэта с декабристами?

Николай Бестужев; декабрист, художник, писатель, изобретатель. По пути в Кяхту отец Иакинф навестил его в Петровском заводе и получил от него драгоценный подарок - четки, сделанные из декабристских кандалов, и железный крестик. Незадолго до смерти Н. Я. Бичурин передал их своей родственнице Н. С. Моллер, которая рассказала об этом в "Русской старине", вспомнив слова деда: "С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их, они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим. Ну что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать".

И. А. Крылов, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, Н. И. Надеждин, С. И. Шевырев, Н. А.

Полевой, А. В. Никитенко и много-много других деятелей русской культуры и науки входили в широкий круг знакомств Н. Я. Бичурина, великого сына чувашского народа.

Во время сибирской командировки Н. Я. Бичурин преподавал в Кяхтинской школе китайского языка, вел обширные научные исследования, собрал уникальные коллекции восточных книг и рукописей, написал и напечатал в столичных газетах и журналах множество статей, завершил работу над учебником "Китайская грамматика". Вернувшись в Петербург, он снова погрузился в научные исследования и переводы. Три его работы были отмечены Демидовской премией, а всего при жизни он опубликовал пятнадцать больших монографий, оставив в разных архивах пуды неразобранных рукописей...

Вот описательный портрет этого человека в старости, сделанный Н. С. Моллер: "***Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие и живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих***".

Н. Я. Бичурин успел передать все свои бесценные коллекции и рукописи в различные научные учреждения и архивы России. Только Казанской духовной академии, согласно описи 1891 года, он подарил "136 названий книг в 219 томах, 16 рукописей, из коих одна - История Китая, переведенная с китайского языка, в 7 томах, 15 названий различных карт, изображений и планов и два портрета, из коих один самого жертвователя..."

Кончина его была медленной и страшной. Когда он слег, монахи обобрали его до нитки, оставив только ветхую рясу. Н. С. Моллер, навестившая его незадолго до смерти, увидела, что лежит он, парализованный, в грязном белье под рваным одеялом.

Умирающий проговорил: "Обижают... не кормят... забыли... не ел".

Посетительница подивилась тяжелому запаху и приподняла одеяло. "Правая нога, распухшая, в пролежинах, и по ней ползали мелкие белые черви, умирающий лежал в нечистотах". Вошел суровый и мрачный старик монах: "Зачем вы здесь? Уйдите!"

- "Я внучка".

- "У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один отец небесный".

- "Он умирает, просит есть, покормите его".

- "Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован, его ждет пища небесная".

Никиты Яковлевича Бичурина не стало 11 мая 1853 года.

Иероглифы на черном обелиске значат: "Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами"...

О нем существует большая литература, научная и беллетристическая, появившаяся в основном в наше время, к ней я отсылаю любознательного читателя, а из собственных трудов Бичурина в этом веке была переиздана "Китайская грамматика" (1908 год), да незадолго перед тем напечатано в Пекине "Описание религии ученых с приложением чертежей, жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения, составленное трудами монаха Иакинфа в 1844 году". А перед 200-летием со дня рождения ученого наши востоковеды извлекли из архивов одну из рукописей Н. Я. Бичурина и подготовили "Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии". Солидный том в семьсот пятьдесят страниц вышел в Чебоксарах в 1960 году тиражом тысяча экземпляров...

Размышляя над прошлым и будущим России и Китая, Н. Я. Бичурин однажды написал:

"***Представляя в уме минувшие события, полагаю - ничто не может возмутить братского согласия великих народов***"...

Заканчивая эту конспективную вставку о ярчайшей фигуре нашего востоковедения, хочу вспомнить и о достойном преемнике Н. Я. Бичурина. Четверть века в разные годы прожил в Пекине Петр Иванович **Кафаров**, он же отец Палладий, изучая языки, литературу, историю религий Востока. Оставил труды о жизни Будды, раннем христианстве в Китае, китайско-русский словарь и много других, участвовал в этнографических и археологических изысканиях и умер по пути из последней экспедиции в Уссурийский край. П. И. Кафарову мировая культура обязана тем, что он первым из европейцев обнаружил в китайских библиотеках замечательный памятник монгольской литературы "Сокровенное сказание", оценил его, перевел на русский и напечатал в 1866 году в скромных и малозаметных "Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине". Это был литературный и научный подвиг, потому что тексты "Юань-час би-пга", кроме китайского перевода, содержали еще запись на монгольском языке уйгурским алфавитом и тоническую передачу монгольского подлинника условными китайскими знаками, а события "Сокровенного сказания" сличались с параллельными сведениями из других средневековых источников. К сравнительно небольшому тексту отец Палладий вынужден был сделать шестьсот переводческих уточнений и примечаний! Есть в этой поэме-хронике места трудные, малопонятные, есть протокольно ясные, есть истинно поэтические строки и страницы, мифы и правда...

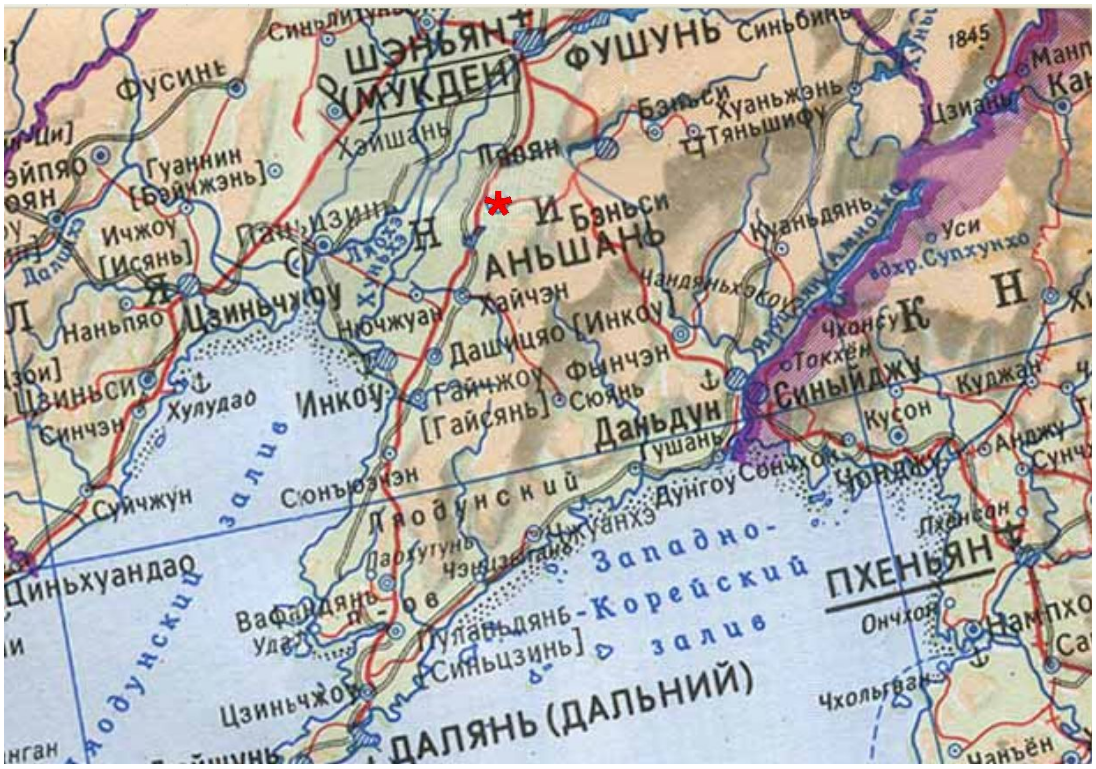
13. Глава 13

Организованная Чингиз-ханом орда теперь могла существовать только при условии непрерывных захватнических, грабительских войн, и в этом таилась одна из причин будущего краха его империи. Четыре года Чингиз-хан собирает силы, тщательно готовится, изучает первого, собственно, внешнего противника и, когда все было предусмотрено, провокационно оскорбляет посла восточных соседей - на его глазах плюет в сторону **чжурчжэньской** границы. Это означало войну, и войну большую.

И вскоре она грянула. Десятки лет чжурчжэни возводили на своих северо-западных границах укрепления - стены из камней и глины, валы, рвы и крепости, а непосредственно перед нашествием успели подновить все сооружения. Укрепленная линия тянулась на полторы тысячи километров и охранялась специальными войсками, но разве мог в каком-нибудь одном месте пограничного вала слабый отряд сдержать массированный удар орды, собравшейся со всех западных степей? И все же Субудай не решился атаковать этот защитный вал, опасаясь быстрого подтягивания оборонительных резервов, обошел укрепления с юга и вырвался, выражаясь по-современному, на оперативный простор.

Яростно сражались чжурчжэни-воины под руководством умелых и опытных полководцев, но в открытом поле, где только и выигрывались войны, Субудай, используя маневренность конницы, умел уклоняться от степного сражения, если не был уверен в превосходстве своих сил и успехе, зато учинял жестокую бойню, когда удавалось, исключив всякий риск, создать подавляющее преимущество в численности войск. В самом начале войны перешли на его сторону сто тысяч **киданей-воинов**, и в 1212 году на сопках Маньчжурии основные цзиньские воинские соединения были разгромлены. Однако у Субудая и других военачальников орды в тот период объявилась одна слабость - они еще не умели брать городов, и чжурчжэни, героически сражаясь на валах и крепостных стенах, выдерживали долгие осады, распыляли силы врага стремительными вылазками. Субудай досконально изучил китайский и чжурчжэньский опыт осадной войны, внес в него кое-что свое, однако, несмотря ни на что, война затягивалась.

Орда не смогла взять штурмом столицы государства Яньцзина и отошла на запад.



Перед лицом смертельной опасности правительство приняло меры для сплочения разноплеменного населения государства.

Китайцы, кидани и представители всех остальных нечжурчжэньских, даже самых малочисленных этнических групп страны - бохайцев, будиту, зеле, еладу, гудянь, мао, мэнгу, мудянь, сяма, улусу, сумадянь, ширюй, чжули, цилу, худунь и других - могли не только сделать военную или гражданскую карьеру, но и добиться в условиях военного времени большего, о чем ясно и кратко говорится в правительственном указе 1213 года: "Инородцы, удостоенные чинов и наград, составляют одно целое с народом династии - с чжурчжэнями". Вскоре чужеплеменников начали допускать к экзаменам для получения военных чинов, а еще через год за отличие в боях они стали получать такие же титулы, каких до этого удостаивались только чжурчжэни.

Война омертвляла страну. Торговые связи ее прервались, один за другим исчезали с лица земли города, пала восточная столица империи - Ляоян. Государственные дороги приходили в негодность, оросительные системы, десятилетиями создаваемые трудом миллионов крестьян, разрушались, поля зарастали дурниной. Современный советский исследователь истории чжурчжэньского государства Цзинь М. В. Воробьев пишет: "Цзиньское правительство в 1214 г. попробовало откупиться от монголов, приняв жестокие условия, но монгольская знать хотела только одного - войны и добычи..." В следующем году пал Яньцзин (Пекин). Хорезмские послы, прибывшие туда вскоре, писали: "Везде были видны следы страшного опустошения, кости убитых слагали целые горы; почва местами была рыхлой от человеческого жира; гниение трупов породило смертельные заболевания".

Однако свалить одним набегом, а потом многолетней изнурительной войной государство, в котором проживали десятки миллионов людей, орде не удалось. Его лишь удалось обессилить, запугать жестокостями, частично раздробить и полностью изолировать на международной арене. Кроме значительной части киданей на государство Цзинь одновременно с ордой напали тангуты, с которыми чжурчжэни потом сражались долгих десять лет, внутри страны вспыхнуло восстание так называемых "краснокафтанников". Китайская Южная Сун отказалась платить дань чжурчжэням сразу же, как только началась на севере эта большая война, и правители Цзинь не смогли больше получить податей ни дипломатическими способами, ни силой оружия. В 1218 году сунцы официально отказались быть данниками слабеющего государства чжурчжэней, возник зародыш еще одной большой войны. В том же году стали данниками Чингиз-хана уйгуры, жившие на западе от чжурчжэией, в следующем - коресцы на востоке.

Чингиз-хан был прожженным политиканом и дипломатом, а также умел использовать опыт и знания разноплеменных советников. Обескровив своего ближайшего и самого сильного врага, окружив его враждебными народами, он не счел нужным тратить силы в тяжелой и затяжной

войне с отчаянно сопротивлявшимся противником, если главную свою цель - грабительскую добычу - мог получить в другом месте и с меньшими потерями, покорив очередной более слабый народ.

В данном случае это были **меркиты**, частью, очевидно, откатившиеся на запад во главе с ханом Куду(Худу) под защиту кипчаков. Одни средневековые источники датируют начало этой второй войны с меркитами годом Быка - 1215-м, другие приводят скрупулезно точные сведения: "9 февраля - 10 марта 1217 года". "***В этом году Чингизхан направился из страны Хитай к (своему) коренному Юрту, а Субудай-бахадура послал на войну с племенем меркит. Для этого он укрепил повозки, подбив (их) железом, чтобы они не сломались в труднопроходимых горах, лежащих на том пути***".

Реляции о войне с меркитским ханом Куду предельно коротки: "Они пошли и взяли Куду", а "от этого племени не осталось и следа".

Путь на запад был расчищен, и Чингиз-хан немедленно двинулся туда - к плодородным долинам и богатым городам Хорезма, очевидно поручив Субудаю срочное формирование нового ударного войска. "Это войско было то, - пишет Рашид-ад-Дин, - предводителями которого Чингизхан назначил Субэдай-бахадура и Тукучара из племени Кунгират, и то, которое он посылал на войну с Куду". Впереди был Самарканд. Султан Мухаммед Хорезмшах успел поставить на его укрепление более двухсот тысяч человек. Они усилили крепостную стену, обнесли ее рвом, залитым водой. В городе было двадцать боевых слонов. Султан, однако, предпочел бросить город на милость аллаха, бежал, и Чингиз послал за ним в погоню три тумена во главе с Субудаем, Чжэбе и Тукучаром, которые "с 30 тысячами отважных воинов переправились вброд через Пяндишеб и пошли по следам султана, расспрашивая о нем и разыскивая его следы".

Любознательный Читатель. Мы далеко уклонились от чжурчжэньского государства Цзинь и Руси...

- Согласен, но нас ведет военная карьера **Субудая**. Кроме того, международная политика, как и сейчас, всегда связывала множество народов. И - главное - для дальнейшего путешествия в прошлое нам надо получше знать, с каким противником встретились наши предки поздней осенью 1237 года.

- Но чем объясняются непрерывные победы захватчиков?

- **Причин**, объясняющих неизменные и безоговорочные победы организованной кочевой орды над ее жертвами, существовало множество. Ну, ослабленность, феодальная раздробленность средневековых евроазиатских государств - это само собой, но были и чисто военные, стратегическо-тактические объяснения: внезапность нападений, массированные удары многочисленного войска по земледельческим и скотоводческим районам, по торговым и ремесленническим центрам, основное население которых не было профессионально военными людьми, широкое

использование повальных "облав" в сельских местностях, пленных для штурма городов, китайских камнеметательных машин[43]; и, так сказать, идеологические: обожествление ордой своего великого хана, преследующего якобы мессианскую цель, захватывающую воображение, - покоряя Вселенную, дойти до "последнего моря", принципиальное дипломатическое и военное коварство, отбрасывающее ради достижения победы все человеческие и международные нормы, презирающее правила воинского рыцарства и естественное для многих тогдашних народов благородное снисхождение победителей к побежденным, культ жестокости и насилия, царящий в разноплеменных войсках захватчиков и грабителей, вынуждавший побежденных становиться орудием победителен. "Победители геройствовали силами покоренных народов", - свидетельствуют средневековые китайские историки.

Расширяющийся клин завоеваний захватил Среднюю Азию, земли афганцев и персов. Субудай, как всегда, скакал резвее и дальше других. Многие страны и народы на века запомнили его кровавый след, потому что далеко не все встречные города покорялись подавляющему превосходству орды, и в этом случае верный пес Чингиза не уступал своему хозяину в жестокости. К югу от Тегерана, на скрещении важных караванных путей Востока, стоял большой город персов Кум. Субудай и Чжэбе "перебили всех тамошних жителей, а детей увели в полон".

От нашествия страдал прежде всего народ, часто бросаемый султанами, ханами и богатеями на произвол судьбы. Когда Субудай дошел до Дамгана, "население города укрылось в окружающих горах, а простой люд и чернь остались в городе и не выразили монголам покорности. Монголы перебили их сборище". Из Ирана авангардные орды направились в Закавказье и в каждой местности, попадавшейся на пути, по своему всегдашнему обыкновению, учиняли избиение и грабеж.

В пограничных районах Грузни они перебили десять тысяч человек, но в леса и ущелья не пошли - вернулись на юг зимовать. Должно быть, этой зимой-передышкой Субудай снесся с Чингизом, тоже находившимся в военном походе. Согласно китайской "Юань-ши", он даже как будто опережал завоевательные планы хозяина: "В год под циклическими знаками 1223 Субутай представил Чингизу доклад, в котором просил послать его против кипчаков". Получил, очевидно, согласие, и вот орда снова в Грузии, чье воинство успело собраться и приготовилось достойно встретить врага.

Субудай, однако же, использовал против этого сильного, воодушевленного крайней необходимостью защиты родины войска давний прием степной войны - оперативный простор в одной из широких грузинских долин, сильную засаду, обманное "паническое" отступление, последующее окружение и уничтожение стесненного в беспомощную кучу противника. Рашид-ад-Дин описывает, что Чжэбе укрылся в засаду, "а Субудай с войском пошел вперед. В самом начале сражения монголы бежали; гурджии пустились их преследовать. Чжэбе вышел из засады; их захватили в середину и в один момент перебили тридцать тысяч гурджиев".

Вслед за этим - проход через Дербент, столкновение с кипчаками, Калка.

Китайская "Юань-ши" посвящает Субудаю, единственному полководцу орды, отдельную биографию, но лишь скороговоркой сообщает о его победе над кипчаками и объединенной ратью русских князей Ми-чисы-лао (то есть Мстиславами.- В. Ч.), которых Субудай "одним боем заставил сдаться"...

Дипломатические и военные подробности событий на Калке мы позже разберем, уточнив, что называет китайский хронист "сдачей". В той же биографии Субудаю приписывается мысль о последующей организации войска: "Субудай представил затем Чингизу доклад о том, чтобы образовать особый корпус из... меркитов, найманей, кераитов, хангинцев и кипчаков, на что последовало согласие Чингиза".

---

[43] Пороки - китайские камнеметательные машины, способные бросать камни весом до 200 килограммов на расстояние до 1500 метров.

Может, это действительно был какой-то особый ударный корпус, а может, просто давний принцип формирования войск орды был зафиксирован с двадцатилетним запозданием. Для нас важно другое - средневековые историки дружно, в один голос, подчеркивают заслуги главного полководца Чингиза, и конечно, не без оснований. Именно под его командованием орда, мгновенно покончившая с государством Хорезмшахов, стремительно, как смерч, рванулась в Персию и Закавказье, всюду сея смерть, растоптала селения северокавказских народов, потом половецкие становища, овладела Крымом и Причерноморьем, разгромила соединенное воинство русских и половцев.

Субудая после Калки якобы догнал приказ Чингиза - повернуть морды коней на восток. Рейд по богатым странам Востока дал главное - добычу в виде золота и других драгоценностей, которая уже, наверное, обременяла конников, да и в Монголию один за другим приходили под конвоем вереницы рабов, караваны и обозы с Запада. А перед Субудаем снова, как в стране чжурчжэней, оказались хорошо укрепленные города, и он узнал, конечно, от пленных, разведки, да уже и по собственному опыту, что эти неприятели хоть и доверчивы, но "чрезвычайно круты", как сказано об "орусах" в "Юань-чао би-ши".

Разведывательный рейд на запад был более чем успешно завершен, и если вправду последовал такой приказ великого хана, то был он отдан и по другой важной причине - на Дальнем Востоке назревали тревожные международные события, за которыми Чингиз, очевидно, внимательно следил.

Государство чжурчжэней постепенно набирало силу. Когда Субудай уезжал оттуда, цзиньское правительство еще располагало армией в миллион воинов, рассредоточенной, правда, в многочисленных гарнизонах и по всем своим очень протяженным и неспокойным границам. Главные же ее регулярные части и народные ополчения были брошены на войну с тангутским государством Си Ся, подвижными отрядами западных пришельцев, разбойничающими на больших и малых дорогах, с многочисленными войсками Южной Сун и продажными полководцами, перебегающими от одного хозяина к другому. Почти вся территория Цзинь и пограничные районы сопредельных государств превратились в кровавое поле бесконечного и хаотичного сражения. Но государство чжурчжэней еще жило и напрягало все силы, чтоб сохранить себя. Действовал вышколенный чиновничий аппарат, проводились новые и новые рекрутские наборы, патриотически настроенные военные готовились к решительным боям, на безопасном севере предпринимались усилия для поисков руд и создания промышленных центров, пополняющих боевой арсенал. На берегах и островах Амура и Уссури, на отрогах Сихотэ-Алиня возводились новые крепости со сложными фортификационными сооружениями - башнями, валтангами и барбетами для подъема и установки катапульт, с максимальным использованием защитных свойств рек, болот, сопок и гор.

В распоряжении чжурчжэней было еще одно оружие, столетний опыт применения которого восхищает современных исследователей, - бескровный, самый разумный и дешевый способ разрешения международных противоречий - дипломатия. О том, что чжурчжэньские дипломаты прилагают усилия для прекращения затяжной войны с тангутами, Чингизу, конечно, доносили, и он предвидел скорый ее конец. Китайская Сун, отказавшаяся было платить дань чжурчжэням, безуспешно пыталась выступить против них в союзе с тангутами и тоже готова была принять новые предложения Цзинь. Создавалась совершенно иная политическая и военная ситуация, в которой был нужен Субудай.

Любознательный Читатель. Действительно, исторические судьбы Руси оказались связанными с судьбами государства чжурчжэней.

- Да! Ведь в другой ситуации монгольская верхушка могла заранее послать уставшему корпусу Субудая свежие подкрепления, чтобы напасть на русские земли еще в 1223-1224 годах, сразу после Калки. Застоявшихся коней и безработных любителей легкой наживы можно было в тот год по Великой Степи собрать множество...

Была еще одна причина, заставившая Чингиз-хана летом 1223 года отозвать Субудая с дальнего

запада. У чжурчжэней появилось новое мощное оружие - **взрывающиеся снаряды**.

- Простите, тогда огнестрельного оружия еще нигде в мире не было!

- Это верно, однако чжурчжэни уже обладали самым сильным по тем временам оружием огненного боя. Н. Я. Бичурин полтора века назад переводил-цитировал: "В сие время нючженцы (то есть

чжурчжэни.- В. Ч.) имели огненные баллисты, которые поражали подобно грому небесному. Для сего брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки сожигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню... Еще, кроме сего, употребляли летающие огненные копья, которые, быв пускаемые через зажигание пороха, сожигали за 10 от себя шагов. Монголы сих только двух вещей боялись".

Патроны с горящей смесью посылались в гущу врагов с помощью стрел, сильных луков и самострелов, а "огненные горшки", прожигающие латы, - катапультами. Причем чжурчжэням принадлежит изобретение дистанционного боевого устройства - снаряд с горючим составом долетал до цели, взрываясь там, где надо, и тогда, когда надо. Может, "огневые взрывчатые снаряды", появившиеся у чжурчжэней в 1221 году, и были те самые "чугунные горшки" с дистанционными устройствами, что пришли на смену устаревшим глиняным кувшинам? И еще узнал Чингиз, что в 1222 году цзиньское правительство издало указ об интенсивном развитии орошаемого земледелия и на просторных рисовых полях вновь пошла в рост главная пища чжурчжэньского солдата.

Наверно, его обеспокоило и последнее событие в стане набирающего силу врага - умер император Удабу и на престол вступил молодой Ниньясу, который сразу же повел тонкую дипломатическую игру с тангутским государством **Си Ся** с целью оторвать его от монголов, быстро подготовил соглашение о прекращении военных действий с Южной Сун, а коресцы, оценив ситуацию, намеревались, по всем признакам, отвергнуть монгольский протекторат и прекратить с Чингиз-ханом вассальные отношения. Короче, повторяю, там нужен был Субудай, который, однако, по пути на Керулен дал гигантский крюк в несколько тысяч километров.

- Куда? Зачем?

- Он не мог пойти назад по своему кровавому следу - через горные ущелья и разоренные города Востока или напрямую, через Великую Степь, населенную враждебными и многочисленными кипчаками, которые, объединившись, могли невежливо потребовать дележа богатой добычи у переправ через широкие реки. Кроме того, Субудай рассматривал свой бросок на запад как разведку боем и, исходя из такой цели, решил обогатиться новыми сведениями о землях, лежащих в бассейне Волги, попутно подкрепившись свежей добычей. Он сделал стремительный рейд на северо-восток, напал на болгар, оказался в ловушке, потерял часть добычи и воинов, но все же благополучно унес ноги.

Гигантская удавка захлестнула полмира.

- В Волжской Болгарин Субудай потерпел единственное свое поражение?

- Нет. Позже споткнулся о Козельск.

- Разве он там был?

- Да. Правда, до Козельска нам еще далеко... А пока последуем в монгольские степи, чтобы продолжить жизнеописание Субудая. В 1224 году, когда Чингиз-хан и Субудай вернулись домой, военные действия между чжурчжэнями и китайцами были прекращены, тангутское государство Си Ся заключило с Цзинь официальный мирный договор, а **Корё**, отгородившее свой полуостров мощной оборонительной системой, явно готовилось освободиться от данничества. Весь 1225 год эмиссары собирали по степям, формировали, вооружали, приучали к жесточайшей дисциплине многотысячное войско. Скорее всего, командовал организацией дела Субудай со своим уже огромным военным опытом. И, казалось, само небо помогало ему - до берегов Керулена дошла с востока радостная весть о неслыханной беде, постигшей чжурчжэней.

Экономической основой жизни государства Цзинь была великая Хуанхэ, перешедшая еще по договору 1142 года в полное его владение. Она служила главным транспортным средством в широтном направлении, а по гребням плотин и створам двадцати пяти шлюзов и понтонным мостам шли поперечные грузопотоки.

Другой такой большой реки и столь освоенной человеческим трудом не существовало тогда на планете. Ни с чем не сравнимым было ее сельскохозяйственное значение - полностью зарегулированный сток Хуанхэ обеспечивал водой огромные орошаемые площади. Особой заботой чжурчжэньского правительства, создавшего специальную палату водного надзора и водного транспорта, была охрана и содержание плотин Хуанхэ: искусственные сооружения реки сторожили войска чжурчжэней, а в 1189 году, например, судя по докладу министерства общественных работ, на возведении и ремонте ее плотин трудилось свыше шести миллионов человек!

Жизнь и стабильность реки обеспечивал мир на ее берегах, а мира там не было уже пятнадцать лет. И вот в 1225 году - не то из-за ослабления надзора за плотинами, не то из-за непредусмотренных чрезмерных отложений лёссовой взвеси в районах искусственно замедленного течения -Хуанхэ изменила русло и ввергла страну в хозяйственную катастрофу непоправимых масштабов.

А в следующем году, кульминационном по негативным хозяйственно-экономическим последствиям, огромная конная орда снова вторглась в страну, одновременно расправившись с государством тангутов.

Любознательный Читатель. Мы его как-то обошли стороной.

Когда оно образовалось?

- За полтора века до основания государства чжурчжэней, в 982 году, одновременно, кстати, с образованием Русского многонационального централизованного государства со столицей в Киеве... Тангуты создали сильное самостоятельное государство, выдержавшее семь больших войн с дочжурчжэньским северокитайским государством Сун, две - с киданями, побеждавшее в сражениях уйгуров, тибетцев и чжурчжэней. Еще в самом начале века Чингиз-хан несколько раз нападал на Си Ся. В 1209 году он, организовав ложное бегство и заманив врага в засаду, разгромил пятидесятитысячную тангутскую армию, взял огромный выкуп, а дочь царя Бурхана - в жены. И вот в декабре 1226 года последнее страшное поражение войск тангутов, длительная осада городов и столицы. Осенью 1227 года Чингиз-хан умирает среди кровавого ристалища[44], а его орда, проводив хана к месту погребения и убивая все живое на пути, тут же буквально стирает с лица земли государство тангутов. Люди, города, храмы, школы - все было уничтожено без остатка и навсегда, как и оригинальная культура этого народа.

- У него была самостоятельная культура?

- Да. Тангуты создали, в частности, свою письменность, непохожую на китайскую, уйгурскую или чжурчжэньскую.

---

[44] Второй поход на Тангут и смерть Чингисхана

Драгоценным осколком этой культуры является язык и литература; сохранившиеся тангутские книги и рукописи - богатейший материал для современных исследователей...

Наделение властью Угедея в 1229 году

А война с чжурчжэнями вновь приобретала затяжной характер. После смерти Чингиз-хана она продолжалась, потом двухгодичное исполнение великоханских обязанностей его младшим сыном - Толуем - война продолжалась, избрание на этот пост Угедея - война продолжалась, наконец вступив в заключительную фазу. Из военачальников, уничтоживших государство чжурчжэней, история выделяет Угедея, Монке, Толуя, Чжэбе и, конечно же, нашего старого знакомого Субудая. Батый же и его брат Орда, кажется, не принимали в той войне никакого участия, однако произошло в этот период одно очень важное событие, связанное с Батыем и - опять же! - будущими судьбами Руси. В 1229 году на Керулене состоялся общеимперский курултай - собрание ханской, родовой и военной знати, выбравшей великим ханом Угедея.

Курултай, очевидно по докладу Субудая, принял решение о большом походе на запад, назначив главным его шефом Батыя.

Однако в тылу оставалось сражающееся государство чжурчжэней, героическая борьба которого на целых восемь лет отсрочила нашествие орды на Русь.

Опускаю многие подробности последней войны чжурчжэней.

Она была неслыханно жестокой, как все войны, которые вели полководцы степной орды, сумевшие и тут предательством облегчить себе победу - договорились с Южной Сун о союзничестве в обмен на самую богатую Цзииьскую провинцию, которую, конечно, потом так и не отдали... Все чжурчжэни, способные держать оружие, вышли мужественно встретить смерть, далекие предки маньчжур, нанайцев, ульчей, удэге и орочей тысячами гибли на полях, сопках и крепостных стенах, в лесных и горных фортах. Многие их полководцы, одержавшие ряд побед над вторгшейся степной ордой и несметными толпами подневольных китайских солдат, были наделены талантами военачальников, личным мужеством, патриотизмом, рыцарской честью в высшей степени.

Древние хроники повествуют, как один из них, захваченный войском Толуя, попросил привести себя к нему и на вопрос о том, кто он такой, ответил: "***Я - полководец Чэнхошан, разбивший монголов под Даган-юанем, Вэй-чжоу и Даохой-Чу. Если бы я был убит в схватке, то могли бы подумать, что я скрылся и изменил отечеству; теперь же будут знать, каким образом я умер***". Он гордо отказался опуститься на колени перед Толуем, и ему отрубили ноги, потом разорвали рот до ушей, а он, захлебываясь кровью, все кричал: "***Никогда до этого не унижусь***!" Победившие, потрясенные ужасным зрелищем, попивали между делом, однако,

кумыс и молили: "Великий воин! Если когда-либо ты вновь возродишься, то удостой этим нашу землю!"

Любознательный Читатель. Мороз по коже... А это не легенда?

- Ваньянь Чэнхошан - историческая личность. По происхождению он - чжурчжэнь, хотя, как и многие другие его соотечественники, включая самих императоров, носил также китайское имя. Это был, бесспорно, храбрый и умелый военачальник.

- Но выходит, что сын Чингиза Толуй при всей его жестокости был выдающимся полководцем, если победил такого противника?

- Один современный ученый дает ему, единственному чингизиду, отличную характеристику как воину, но ставит эти его качества в прямую зависимость от главного наставника.

"Военную выучку он получил в Китае, сражаясь против лучших чжурчжэньских полководцев под руководством Субэтэя-богадура... (курсив мой.-В. Ч.). Близость к Субэтэю обеспечила Толую популярность в войсках". Субудай же, как пишет этот ученый, "за пятьдесят лет военной службы не потерпел ни одного поражения".

В средневековых манускриптах есть удивительная по силе и краткости характеристика главного полководца орды, сделанная китайским хроникером через высказывание другого чжурчжэньского военачальника - Хады. Перед смертью Хада, как и Чэнхошан, тоже пожелал увидеть своего победителя, но совсем по другой причине. Когда Субудай спросил, что заставило Хаду этого добиваться, тот ответил: "***Твое чрезвычайное мужество. Небо, а не случай родит героев! И так как я теперь тебя видел, то спокойно пойду на казнь***".

Далее последовало жестокое поражение цзиньских армий под Юйшанем и Иньчжоу - 1231, и оборона Кайфына - 1232 год. Н. Я. Бичурин: "В столице строили баллисты во дворце. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около фунта.. Баллисты были строены из бамбука, и на каждой стене городской поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, ни

днем, ни ночью не переставали. Отбойные машины на стене городской были построены из строевого леса, взятого из старых дворцов". Днем и ночью, однако, летели в город через рвы, валы и стены зажигательные снаряды неприятельских баллист... "1000 человек отважнейших солдат... должны были из прокопанного под городской стеной отверстия, переплыв через ров, зажечь подставки под баллистами..."

Все было напрасно: силы осажденных иссякали, а завоеватели гнали к стенам новые и новые скопища людей, заполнявших своими телами глубокие рвы. Когда орда ворвалась в город, шестьдесят тысяч девушек бросились с крепостных стен, и еще долгие годы опустошенный город отпугивал оставшихся в живых людей тем, что было во рвах...

Одна из главных причин поражений, конечно, та, что чжурчжэни не могли рассчитывать на стойкую поддержку народных масс китайского населения, для которых они тоже были захватчиками, хотя чжурчжэни, пять-шесть поколений коих родилось здесь, по праву считали эти земли родиной и сражались уже за свое отечество. Кстати, чжурчжэни в целом не были паразитической, эксплуататорской нацией - по данным археологов, военно-аграрные и крестьянские поселения простолюдинов представляли примитивные жилища с довольно жалким скарбом.

Война продолжалась! Весной 1234 года соединенные силы степных пришельцев и южносунских китайцев осадили последнее прибежище правительства чжурчжэкей - город и крепость Цай-чжоу.

Император Айцун, он же Ниньясу, поняв, что скорая и окончательная гибель государства и народа неизбежна, покончил с собой. "Нючженский государь предал себя огню", - писал Н. Я. Бичурин. Его преемник Мо-ди погиб с мечом в руках. Империя чжурчжэней прекратила свое существование, но... война продолжалась! На амурских островах и в Приморье еще целый год защищались последние обреченные чжурчжэньские крепости.

Советские археологи недавно раскопали близ современного Сучана одну из последних крепостей чжурчжэней[45], разрушенную в 1235 году, через четверть века после начала войны...

Любознательный Читатель. Да, это был народ-герой, а все героическое в истории нужно человечеству для будущего.

- И величие всемирной истории в том, что она неуничтожима...

- Кстати, мы продолжим военную биографию Субудая?

- Думаю, что в 1235 году, когда на Дальнем Востоке уничтожались остатки чжурчжэньской государственности, он уже занимался другим делом. Попутно сообщу, что полностью стереть с лица земли чжурчжэней не удалось - часть их осталась на территории теперешней Маньчжурии, уцелела и по новому административному китайскому делению даже добилась своего рода автономии, другая скрылась в непроходимых дебрях Уссурийской тайги, на века сохранила традиции и обычаи предков. Язык чжурчжэней во второй половине XVIII века изучали маньчжурские школьники Новой Цзинь... Но вернемся к Субудаю и 1235 году.

Для истории Евразии этот год имеет особое значение.

- Постойте-ка! Именно в этом году курултай подтвердил свое решение о походе на Русь? Значит, судьба государства чжурчжэней второй раз сомкнулась, оказалась непосредственно связанной с последующими событиями в средневековой Руси?

- Конечно. Руки на востоке были развязаны, освободился от работы главный исполнитель экспансионистских замыслов паразитической степной верхушки, объединения политиканов и милитаристов-феодалов, хорошо приспособившихся таскать каштаны из огня чужими руками. К тому времени Субудай накопил колоссальный опыт организации степного войска, использования пленников в военных целях, приобрел ничем не заменимые навыки ближней и дальней разведки, охраны ставки, штурма городов.

Обладал он, конечно, и личным мужеством, природной хитростью и закаленной, сильной волей, а также благоприобретенной верноподданнической психологией. Не исключено также, что он вынужден был служить Чингизу и чингизидам, подчиняясь жестким и жестоким нормам, регламентирующим порядки в монгольской феодальной империи.

- Его фигура постепенно вырисовывается как своеобразный символ тех далеких и тяжких времен, вобравший в себя черты века; это был, так сказать, типичный монгол.

- Субудай не был монголом, то есть представителем той народности, этническую основу которой составили северокеруленские племена "мэнгу", "мэн-ва", роды борджигин, тайчжиут и другие.

Взгляните на физическую карту Евразии. В самом центре Великой Степи расположена алтайско-саянская горная система.

Мне посчастливилось побывать во многих ее районах - в Туве и Горно-Алтайской автономной области, в Хакасии и Горной Шории, на юге Красноярского края и в Иркутии, на хребтах Иолго, Хамар-Дабан и Абаканском, на Телецком озере и в Казырской долине, на шорской речке Мрас-су и саянской Тубе. Можно сказать, что и родился-то я здесь, на самом северном отроге Алатау: в районе Мариинска - Тайги кончается всхолмленная местность, к северу идут уже низины, переходящие в нарымско-васюганские хляби, и наши места стокилометровой полосой соединяют алтайскую черневую тайгу с урманной томской.

От самого Урала станция Тайга имеет на Транссибе высочайшую для Западной Сибири отметку, и в наших лесах те же кедры, кандыки, сарана и марьин корень, что на Алтае или в Саяне.

Леса этой горной страны - богатейшие во всей Сибири, в них водится ценный пушной и снедный зверь, включая благородного оленя с его чудодейственными пантами, кедровники дают орех, подлесок - ягоды, реки - рассыпное золото и рыбу, травостои - мед, лекарства и корм скоту, недра - руды, которые еще в глубокой древности обращались в железо, бронзу, серебряные изделия.

---

[45] Николаевское городище (Сучанское городище)

В алтайско-саянских горах с доисторических времен жили люди, а бурная история Великой Степи издревле перемешивала ее народности и этнические группы. Тысячелетиями сюда стекалась степная вольница, угонщики табунов, искатели приключений, батыры, поссорившиеся с родичами, оскорбленные тиранством беглецы. В борьбе за существование, в опасных переправах через

бурные реки и высокие горные перевалы, в охоте на медведей и козерогов формировался особый тип азиатского горца - это были смелые до отчаянности люди, физически крепкие, выносливые, умеющие владеть оружием и легко переносящие жару и холод. И в самом центре этой страны из разноплеменных элементов сложились с незапамятных времен не слишком многочисленные, но стойкие и сильные племена, называвшие себя "туба", по китайским источникам - "дубо", по Рашид-ад-Дину - "урянхи", по востоковедческой терминологии - "дуболары"...

На географической карте имя этого народа отразилось в названии правого енисейского притока Тубы, образующейся от слияния саянских рек Казыра и Кизира. В наши дни далекие потомки горно-лесных жителей Южной Сибири именуются тофаларами - эта немногочисленная народность прирожденных охотников и оленеводов до революции прозывалась "карагасами" и тувинцами, что по старой русской этнографической терминологии значились "урянхайцами".

Из фундаментального труда Г. Е. Грумм-Гржимайло "Внутренняя Монголия и Урянхайский край" мы узнаем, "что Чингиз-хан набирал из них свои отборные дружины, что они же входили в состав его гвардии". (Курсив мой.- В. Ч.) В том же труде со ссылкой на различные источники указывается, что свою славу отменных воинов урянхайцы пронесли через века, принимая участие во многих азиатских войнах. Известный граф Рагузинский, занимавшийся в XVIII веке установлением сибирских границ, например, уточнял в своих "Записках" южносибирские военные и политические обстоятельства: "...наилучшие войска мунгальские и называются урянхи", а один монгольский полководец нового времени для тяжелейшего военного похода сквозь Тибет в 1717 году "составил свой 6-тысячный корпус главным образом из урянхайцев" - это уже из французского исторического труда. Через сто лет после этого похода остроту урянхайских сабель испытали на себе, кажется, и сами французы: "Среди волжских калмыков имеется поколение уранхус, которое в Отечественную войну, а именно под Лейпцигом, отличилось чрезвычайной храбростью".

Так вот, Субудай так же как и Чжельме, другой "пес" Чингиза, некогда спасший ему жизнь, были урянхайцами. Добавлю, что громкие победы Хубилая и Монке в Китае также нельзя приписывать только этим потомкам Чингиза. Нет, Субудай к тому времени уже, наверное, вышел, как говорится, в отставку или же умер, но его сменил другой урянхаец, который даже в имени своем, быть может даже кличке-псевдониме, сохранил название родного народа. Ссылаясь на Рашид-ад-Дина, почти современника и, бесспорно, лучшего знатока событии, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет: "Знаменитые монгольские полководцы Субудай, сподвижник Чингиз-хана, и Урянктай, сподвижник Монке и Хубилая, были родом - урянхайцы". Субудай, как мы уже знаем, был не только сподвижником Чингизхана, но и наставником его сына Толуя, однако на этом его исключительная роль в войнах XIII века не завершилась. Что же касается Урянктая, то я приведу о нем сведения из древних китайских летописей, не отвечая за их достоверность: "Урянгдай... ходил с Гуюком в 1245 году против чжурчжэней". "...А еще с князем Ба-ду на кипчаков, русских, оболеров и других"... "В 1246 году он снова ходил в карательную экспедицию против Бо-леров и Неми-сы". Позже, при завоевании Южного Китая, он стал главным полководцем орды.

Добавлю, что Урянктай приходился Субудаю родным сыном...

14. Глава 14

Монгольская "Юань-чао би-ши" ("Сокровенное сказание"): "Огодай (Угедей)... отправил в **поход Бату, Бури, Монке** и многих других царевичей на помощь (курсив мой.-В. Ч.) Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингиз-хане... за многоводными реками Адил и Даях (Адил - Итиль, Волга[46]; Даях-Яик, Урал. - В. Ч.). Старший брат Чаадай (Чагатай) сообщал мне (Угедею):

---

[46] Бол га или Большой Путь, так звалась наша величайшая европейская река; отсюда – Болгаария, болгары или хунны,

царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю (курсив мой.- В. Ч.). По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран так много, и народ там свирепый. (Перевод С. Козина; 1941 год. В переводе архимандрита Палладия; середина прошлого века: "Слышно, там неприятели чрезвычайно круты". - В. Ч.). Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры".

Курултай назначил старшим в походе внука Чингиз-хана Батыя, но для фактического руководства войском ему был придан Субудай, который долго и тщательно готовил набег.

Орда двигалась на запад, вбирая по пути отряды воинов со всей Великой Степи, формируя из родов и племен конные десятки и сотни, как это делали полководцы бывшего народа джурдже - так именовали чжурчжэней средневековые восточные летописцы. И вот перед сверлящим глазом Субудая выстраивается очередная тысяча, готовая по указке его кнута броситься вперед и заполнить пространство пылью, топотом копыт и ржанием коней, древним боевым кличем "У-р-ра-а-гх!". На этот раз Субудай предусмотрит все и не позволит ни башгирдам, ни болгарам, ни кипчакам, ни урусам оказать более или менее дружное сопротивление.

Персидский "Сборник летописей" Рашид-ад-Дина: "***Они дошли до города (Булгара) Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно, (но потом) опять возмутились. Вторично послали (туда) Субэдай-бахадура, пока он не захватил (их)***".

Ипатьевская летопись: "***В лето 6745. Приидоша безбожные Измаильтяне, прежде бившиеся с князьями Русскими на Калке. Бысть первый приход их на землю Рязанскую***".

Китайская "Юань-ши": "***Когда дошли до города Е-лицзань (Рязань.- В. Ч.), то был большой бой, и город взяли только через семь дней***".

Несколько слов о тактике предводителей орды. Суть ее русский народ окрестил пословицей: "Молодец против овец, а против молодца - сам овца". Если орда видела, что противник сильнее, она рассыпалась во все стороны по степи и вскоре исчезала за горизонтом. Быстроногие, выносливейшие степные кони были способны скакать по сотне верст подряд, от зари до зари, и неожиданно появляться перед очередной жертвой, не готовой к отпору. Блестяще организованная армия профессиональных воинов внезапно нападала на противника, во много раз превосходя его численностью, боевым опытом, легким совершенным оружием. Нужно также учесть, что орда умела получать о будущих жертвах достаточно нужных сведений военно-стратегического характера через степных осведомителей, служащих далеко на западе, вездесущих купцов, зорких воинов-соглядатаев, высылаемых вперед загодя, а непосредственно перед сражениями - с помощью опытных так называемых "послов", чьи главные обязанности были вовсе не дипломатическими.

И вот переправа через широкую холодную Итиль, последние костры из мордовских и буртасских жилищ, грабежи и насилия.

Земли урусов лежали за густыми лесами, не замерзшими еще реками, болотами, и надо было нагрянуть туда вместе с первыми снегами и морозами. Города и села урусов, разобщенные распутицей, были столь беззащитны перед стремительно приближавшейся ордой, что Субудай, уже нисколько не сомневаясь в успехе набега, отпустил Монке и Бучека, сыновей своего выученика Толуя, на юг - против половцев и ясов, не ждущих такого врага с севера.

Неожиданность набега - вот главный козырь Субудая.

Стояла обычная затяжная русская осень, первые белые мухи полетели, стали короткими сумеречные дни, когда так дремотно тянется долгая ночь у теплой печи, и какая тебе тут война,

---

ушедшие в Европу.

если от веку степняки нападали ранней весной, по свежей траве, либо сразу после уборки урожая. А со стороны степи так долго было все спокойно...

Субудай, набирая скорость, обошел с юга, лесостепью, заболоченные мещерские дебри и устремился к Рязани, свалившись воистину как снег на голову, а точнее, как ночной тать из лесу. "Послы" орды предъявили рязанцам наглый ультиматум: "От всего, иж имате в земли вашей, от человек, скотов и товаров десятое"... Рязанский князь **Юрий Ингоревич** собрал "братию" и всех своих вассальных князей на совет, который "много гадав, положиша, лучше всем помрети, нежели сором на ся прияти". И вот те, кого лишь очень условно можно назвать послами, услышали: "Отцы и деды наша испоконь дани никому не вдаваша, а за свою землю и честь головы складаша. То же и мы... И одарив послы тии, отпустиша" (курсив мой. - В. Ч.).

Согласно летописям и В. Н. Татищеву, совет рязанских князей сообщил Батыю: "Шлем послы наши со дары".

Время сохранило до наших дней прекрасное произведение русской средневековой литературы "Повесть о разорении Рязани Батыем", в которой утверждается, что великий князь нарядил посольство во главе со своим любимым сыном Федором, со многими богатыми дарами, дабы попытаться отвратить беду от земли Рязанской. Покойный советский писатель В. Ян в своей исторической трилогии описывает этот факт как бесспорно правдивый, числя среди послов пронского и ижеславльского князей, а также нескольких знатных бояр. Батый принял подарки, но, исключая всякую возможность благополучного исхода мирных переговоров, поставил неслыханное условие - отдать пришельцам в наложницы сестер и дочерей рязанских князей. Однако этого ему показалось мало - узнав, что княгиня Евпраксия, супруга главы посольства, происходящая из царского византийского рода, славится необыкновенной красотой, сказал князю Федору: "Дай мне, князь, познать жены твоя красоту". Тот засмеялся и ответил: "***Не прилично нам, христианам, тебе, нечестивому царю, водить жен своих на блуд. Если нас одолеешь, то и женами нашими будешь владеть***". Взбешенный хан повелел убить всех русских послов.

Народная память бывает цепче, а народные знания глубже, чем знания и намять отдельного человека, особенно келейного писца, его редакторов и цензоров, далеких от событий. Надо также учесть, что средневековая русская нежитийная литература, свободная в интерпретации подробностей, не знала, как считает современное литературоведение, вымышленных сюжетов.

Сказание о рязанской княгине Евпраксии написано просто и драматично, великолепным старым русским языком. Невестка великого князя, узнав о гибели в степной ставке Батыя своего мужа Федора, решается разом оборвать муки неизбывного горя.

"***Стояще в превысоком тереме своем и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковые смертоносные глаголы, и горести исполнися, абие (тотчас) ринуся из превысокого храма своего с сыном своим Иваном на среду земли и заразися до смерти (разбилась насмерть***)". Возвратившиеся на руины рязанцы перенесли останки Евпраксии и ее сына в храм Николы Корсунского, почему храм этот и стал называться "Николой Заразским"...

Мы с детства восхищаемся великими поступками древних, чаще всего греческих да римских мужей и жен, а чем, скажите, уступает любому легендарному деянию чужеземки поступок Евпраксии - этот лебединый порыв навстречу смерти, крайнее доказательство супружеской любви и верности?

Правда, нас сызмальства учат, что убийство Федора и всего посольства, поступок Евпраксии, партизанский рейд Евпатия Коловрата[47], возвращение князя Ингоря Ингоревича на пепелище Рязани, захоронение Евпраксии с сыном в храме - легенды. Но почему такая череда легенд,

---

[47] **Евпа́тий Коловра́т** — рязанский боярин, воевода и богатырь, герой рязанского народного сказания XIII века, времён нашествия Батыя

исполненных достовернейших подробностей, вдруг возникла в одном месте Руси и в одно время?

Косвенное подтверждение легенды о Евпраксии, например, есть в былине о Даниле Ловчанине, в воинской повести о Евпатии Коловрате, в новом названии храма Николы Заразского. В летописях же, на которые издавна опирается наука, и в самом деле нет никаких сведений как об этой трагедии, так и о том, в частности, что рязанцы возвратились в свою разоренную столицу.

Однако новейшие археологические данные свидетельствуют - возвращение такое состоялось. Ведь летописцы и хроникеры фиксировали далеко не все! Вот несколько примеров. В скандинавских хрониках нет ни малейшего намека на разгром Александром Ярославичем шведского войска на Неве в 1240 году!

Археологи раскопали вблизи современного Житомира целый город, полностью уничтоженный ордой в 1240 году, но названия его никто не знает - летописи о нем молчат. А много лет назад меня на всю жизнь поразило краткое сообщение Ипатьевской летописи, которой историки доверяют больше, чем другим: "В лето 6750 не бысть ничтоже", то есть не было ничего. А ведь "лето 6750" - это 1242 год, в который произошло одно из важнейших исторических событий средневековья - Александр Невский разбивает на Чудском озере немецких захватчиков!..

Что же касается так называемых легендарных рязанских событий 1237 года, то и летописное подтверждение им все же есть! Сравнительно недавно вышел тридцать первый том "Полного собрания русских летописей", в котором напечатан так называемый "**Мазуринский летописец**", где со многими подробностями излагается нашествие орды на Рязанскую землю.

Когда я прочел, например, как "приидоша погании ко граду, онии с огнии, а инии с порохи", то понял, что это было не что иное, как чжурчжэньский огонь. О достоверности летописного текста говорит, в частности, и то, что Евпатий Коловрат здесь назван по имени-отечеству, чего нет в повести. Подробно рассказывается в этой летописи и о гибели посольства князя Федора, и о смерти Евпраксии вместе с младенцем Иваном Постником, родившимся, очевидно, вовремя великого поста, то есть весной того года.

Правда, "Мазуринский летописец" датируется XVII веком, и в основе его вроде бы разные источники - Лаврентьевская и Никоновская летописи, святцы, Четьи-Миней, грамоты, хроники, хронографы, однако редакционная коллегия тома поясняет: "Вполне возможно, что все эти источники использованы составителем не непосредственно, а путем использования какого-то раннего источника". А великий знаток русских летописей академик М. Н. Тихомиров, изучавший в свое время "Мазуринский летописец" по оригиналу, считал, что часть сведений его, касающихся XIII века, заслуживает внимания.

Мои предки по матери и отцу происходят с Рязанщины, из-под Пронска, - они жили там с незапамятных времен, и я допускаю, что далекие их, а значит и мои, пращуры встретили там самый страшный год в истории этого края, расположенного на границе со степью. Из всех русских земель удельное Пронское княжество и его население стали первой жертвой орды перед самой зимой 1237 года.

Героически-отчаянное, но недолгое сопротивление в поле рязанских, пронских, муромских, ижеславльских дружин. И вот, как пишется в той же "Повести о разорении Рязани Батыем": лежат они "на земле пусте, на траве-ковыле, снегом и ледом померзоша, никем не брегоми, и от зверей телеса их снедаеми, и от множества птиц разтерзаеми. Все бо лежаща купно, едину чашу пиша смертную". "А татарове, - повествует В. Н. Татищев, - видевше многих своих избиенных, разсвирепеша зело, начата всюду воевати, грады разоряя и пожигая, люд избивая и пленя с великою яростию". Это краткое и обобщенное описание рязанских событий 1237 года лишено подробностей, которые сберегла народная память и тогдашняя литература.

"***Великую княжну Агрипену, матерь великого князя, з снохами и с прочими княгинеми мечи иссекоша, а епископа и священнический чин огню предаша, во святой церкве пожегоша, а иней многи от оружия подоша, а во граде многих людей, и жены, и дети мечи иссекоша, "и иных в реце потопиша; иереи, черноризца до останка иссекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство рязанское и сродник их, киевское и***

черниговское, поимаша, а храмы божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияша". Горькие эти строки замалчивают то, что легко вообразить. Во время сражения воин орды под страхом немедленной смертной казни не мог хватать добычу, мародерствовать и насильничать, но после победоносного боя захваченный город на три дня поступал в полное распоряжение этих самых рядовых воинов. Уничтожив всех способных к сопротивлению, озверевшая орда не только грабила "узорочие нарочитое", она живьем сжигала десятки девушек вместе с каким-нибудь убитым нойоном, бросала детей в пламя горящих изб. Прошу прощения у читателя и за такую правду - после тысячеверстного мужского поста орда набрасывалась на женщин, девушек и девочек, которых, конечно, не хватало на всех, и мало кто без содрогания может представить себе, что происходило из-за этой нехватки на пылающих улицах городов и сел рязанских. Средневековая наша словесность с деликатностью, присущей всей русской литературе, молчит об этом, а история при описании бесчинств орды ограничилась одной краткой и строгой формулой: "много ругание творяще..."

И. К. Гудзий, как мне помнится со студенческих лет, считал средневековую рязанскую литературу, в частности повести о разорении Рязани ордой, по их идейно-художественной значимости выдающимся, вторым после "Слова о полку Игореве" явлением нашей старой словесности... Завидую тем, кто еще не читал рассказ-старину об Авдотье-рязаночке - впереди у них радость встречи с романтической, умной и красивой притчей, пленительным образом русской женщины-патриотки. Действие условно перенесено на туретчину. Некий царь Бахмет разорил Русь, убил всех князей и бояр, увел большой полон. И вот, проделав долгий, полный опасности путь, молодая женка Авдотья-рязаночка является к царю Бахмету выручать брата, мужа и свекра. Он предлагает ей выбрать одного из родных и за неправильный выбор пригрозил отсечением головы. Авдотья выбирает брата, потому что муж и свекор у нее еще могут быть, а брата никогда: "Не видать мне буде единыя головушки, - мне милого братца родимого, да не видать век да и по веку".

Бахмет, у которого во время набега русские убили брата, заплакал, одобрил выбор и за речи разумные и слова хорошие вернул Авдотье-рязаночке весь полон, который она привела в родные места и расселила по-старому...

Есть в средневековой рязанской литературе сложная по сюжету, интересная по разработке характеров "Повесть о Петре и Февронии", в центре которой снова женщина-разумная и справедливая, умелая и терпеливая Феврония, отстаивающая свое право любить избранника; есть более позднее "Сказание об явлении Унженского креста" - трагедия двух любящих друг друга сестер, разлученных на всю жизнь; есть прекрасное биографическое повествование о муромчанке Юлиании Лазеревской, посвятившей себя обездоленным и несчастным людям... Известный дореволюционный литературовед В. А. Келтуяла, по учебникам которого гимназисты, студенты и курсистки вникали в нашу литературную старину, писал: "Почему муромо-рязанское творчество обнаруживало особый интерес к женщине, остается неизвестным". Н. К. Гудзий, насколько я помню его книги, лекции и семинары, такого вопроса вообще не ставил, хотя ответ на него, мне кажегся, очевиден.

Великий Саади: "После вторжения монголов мир пришел в беспорядок, как волосы эфиопа. Люди стали подобны волкам".

Русская литература, всегда выражавшая нравственные народные идеалы, откликнулась на невиданное бесчеловечие и разорение родной земли произведениями высокого гуманистического смысла.

Муромо-рязанцы, испытавшие первый, самый страшный удар орды, создали галерею прекрасных женских образов, олицетворявших великие человеческие идеалы - любовь, верность, братство, сострадание, поведали о взаимопомощи и бесстрашии, об уме, гордости и самообладании русских людей; это было бесценным духовным оружием наших предков, попавших под иго завоевателей...

Нет, надо читать нашу средневековую литературу, включая летописи, их своды и переложения; в

них столько воистину бессмертных, художественно совершенных страниц, столько возвышенных, хватающих за душу строк, столько непреходящего, такого, что нам нужно сегодня!

Субудай, в сущности, ничем не рисковал, напав поздней осенью 1237 года на северо-восточную Русь. Он понимал - лишь объединенные силы всех русских земель смогут не только противостоять воинству, но и уничтожить его, однако точно знал, что не встретит их, а разгромит княжества поодиночке. И дело было не только в феодальной раздробленности тогдашней Руси или же соперничестве, местничестве, политическом эгоизме русских князей, что издавна принято за главную причину побед орды. Это верно, что Михаил черниговский в той конкретной военно-стратегической ситуации не помог своими войсками Юрию рязанскому, но мог ли он это. сделать, если бы даже очень захотел?

Вспомним, что великий князь рязанский Юрий Ингоревич, узнав о появлении на русских рубежах орды, послал гонца в Чернигов. Летописи и народная память не сохранили имя этого посланца, который, в полной мере осознавая смертельную опасность, грянувшую над Русью, загнал, наверное, не одну лошадь. Прошу представить тысячу, если считать взгорки да петлястую кривизну средневековых, не спрямленных верст по осенней распутице, под дождем и снегом, сквозь густо облесенные долы, переправы через глубокие реки, броды, ночевки у костров. С какой скоростью гонец мог передвигаться? Для сравнения приведу сведения об одном рекордном концом переходе нового времени. В 1935 году группа спортсменов-конников прошла на чистокровных ахалтекинских скакунах из Ашхабада в Москву.

Причем двигалась она в лучшее время года, поровну и посуху, налегке и с хорошим отдыхом после каждого дневного броска... В первые три дня спортсмены делали по сто двадцать километров за сутки, а в последующие - в среднем менее пятидесяти, преодолев путь в четыре тысячи триста километров за восемьдесят четыре дня. Еще раз представьте себе, дорогой читатель, условия перехода рязанского гонца в ноябре-декабре 1237 года. Если он делал в день даже по сорок с лишним километров, то и в этом случае должен был добираться до Чернигова не менее трех недель.

И вот вообразим этого гонца в богатой, многолюдной, колокольной столице Северской земли, где, согласно различным источникам, находился в это время рязанский воевода Евпатий Коловрат. Если моему любознательному читателю хочется узнать, что там произошло, я могу на несколько минут свести его с самим Евпатием Коловратом. Эту воображаемую беседу лучше провести у лесного костра, когда воевода возвращался из Чернигова...

Морозная лунная полночь, снег на деревах синеет под синими звездами, кони вокруг жуют в торбах овес, воины кашляют у костров, ворочаются от холода, подступившего из лесу, что-то бессвязное бормочут сквозь тяжелый сон. Их всего триста человек с ним, отборных дружинников князя черниговского Михаила Всеволодовича...

Евпатий Коловрат бдит у тлеющего костра на конском потнике; грудью широк, лицом темен, плечами грузен, очами беспокоен и блескуч, будто жжет его изнутри огонь. Спросим его для начала разговора:

- Труден был нынешний переход?

Евпатий Коловрат. Еще как труден-то, не приведи господь. Лихо над Русью... Снеги пали глубокие, коням тяжко. Видишь, при нас щиты, мечи, копья, кольчуги, шлемы - без сего зачем идти? Овес, мясное и рыбное копченье, хлеб и мед - без сего не дойти... Лихо, лихо над Русью грянуло! Тропы уж перемело, а реки не встали. Забереги-то прихватило, но стрежень струит живой. Спешим, а день-то короток... Кони обезножели частью, и мы их забили.

Любознательный Читатель. Ноги поломали в колдобинах под снегом или на поторчины напоролись?

- Не так. В реке, на броду. Знать, это козляне от поля брод оборонили, а в Чернигов о сем не успели донесть.

- Как можно пустынный речной брод оборонить?

- Кованые железки с четырьмя шипами рассыпали по броду. И как она ни упади на дно-шип вверх смотрит... "Чеснок" называется. Степняки часто рады, если сменного коня теряют - свежатина, а русские поганое не едят. Коней забили, чтоб не мучились, обошли броды глубью да вплавь по стрежню, а забережный лед рубили мечами, вымокли до нитки, едва обсушились у огней; вон, слышь, кашляют витязи...

- Они пошли с вами по доброй воле?

- Подал я голос на черниговской площади: "Лихо над Русью, татары пришли, кто рязанцам поможет?" Дружина княжеская вся ко мне с криком подвинулась. Этих триста северских воев я сам выбрал.

- А почему только триста?

- Ежели больше - обоз нужен в такое время, а мы спешим налегке.

- Михаил Всеволодович черниговский, выходит, не предал Рязанскую землю?

- Нет. Он, известно, рассуждателен больно, только предавать рязанцев он не предавал. Мы ночь рядили с его боярами и воеводами. Полную рать быстро скликать нельзя.

- Почему?

- Татарин знал, какое время выбрать. До залесного Дебрянска по нынешней дороге четыре-пять дней верховой езды да обратно столько же... Степные богатые города и веси ближе, но поля убраны, свадьбы сыграны, в погребах меды бродят, дожидаясь всех, кто мог бы мечи в руках держать.

- Где же они?

- По лесным раменам вот этакими лунными ночами лес валят, дома рубят к весеннему сплаву в Киевскую и Переяславскую земли, а больше всего народу в далеких лесах, на ловах - мясо турье морозят, вепрей бьют, соболя и белку в силки имают - пушной товар по всем концам света в цене.

Богатые-то ловы в лесах под Гомием и Дебрянском, куда с первым санным путем ушли северяне и должны вернуться только к рождеству Христову. И если б все были на месте, то и тогда нужно время, чтоб боевых и обозных коней снарядить, сбрую подновить, оружие подготовить, собраться всем в Чернигове да выступить через леса к Рязани с кормом для коней и съестным припасом для воинов. Санный путь тяжел, северская обозная рать втрое б отставала от верховой и совсем не могла бы переправляться через реки, пока льды не встанут... И ночевать у костров зимой не мед, заболеют люди горлом, головой, грудью - какие будут воины? Посекут их татары, как ту капусту... Лихо над Русью!.. И рассыпалась она по горошине! И каждая горошина в свою ямку запала да лежит-набухает. Наша Муромо-Рязанская земля отвалилась от Чернигово-Северской еще при Мономахе и сама поделилась на пять, потом на тринадцать уделов. А сколько ныне князей в Чернигово-Северской земле, и не скажу - козельские, курские, трубчевские, сновские, рыльские, лопаснинские, вщижские, новгород-северские, путивльские, стародубские, дебрянские, карачевские... И каждый под себя норовит соседскую землю подгресть, чтобы дружину поболе соседской содержать. Правду говорил Игорь Святославлич черниговский, святую правду... И татар не угадаешь. Где они сейчас со всей своей силой? Не в Рязани ли уже? Их соглядатаи далеко впереди войска скачут. А может, обходят снежной степью и готовятся ударить по северским городам, по Чернигову иль самому Киеву!

- А воевода куда спешит столь безрассудно? Не разумней ли с этими богатырями засесть в каком-нибудь городе да задержать войско орды, побить, сколько можно, татар со стен?

- Где мой князь, там и я буду. Иного ни бог, ни Русская земля не простят мне...

Рязань пала 21 декабря, в пересчете на новый стиль 28 декабря 1237 года - в XIII веке эта календарная разница составляла семь дней. Первый русский партизан Евпатий Коловрат торопил свою дружину "скорей скорого".

И приехал в землю Рязанскую,

И увидел ее опустевшую,

Города разоренными,

Людей пробитыми.

Ему удалось собрать отряд народных мстителей общим числом в тысячу семьсот человек, во главе которого он кинулся по кровавому следу орды. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Евпатий Коловрат догнал войско грабителей лишь на Владимирской земле примерно в конце января 1238 года.

Любознательный Читатель. Откуда эта дата?

- Вспомним, что 3 февраля орда подступила к Владимиру, через пять дней пошла на приступ, а между тем пал Суздаль - эти крупные события никак не отражены в богатой подробностями повести о нашествии врага, и Субудай перед штурмом главных городов Владимирской земли едва ли оставил бы в тылу, вблизи Суздаля, столь сильную и мобильную дружину противника, как будто воистину восставшую из мертвых.

- Но мог ли Евпатий Коловрат с такой сравнительно небольшой дружиной нанести какой-либо вред Субудаю?

- Немалый. Особенно тылам. Его отряд был, конечно, бессилен против всей орды, но она к тому времени, почуяв безнаказанность, рассыпалась по всей Владимирской земле десятками и сотнями, с которыми вполне мог расправляться Коловрат. Кроме того, сама военная тактика орды создавала возможность ведения против нее успешной партизанской войны, чего чжурчжэни осуществить не смогли. Плано Карпини писал: "Когда они желают пойти на войну, то отправляют вперед первых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия... Они... только ранят и умерщвляют людей... За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит, также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают"... Так что Евпатий Коловрат, быть может, гнался за обозом по пятам самого Батыя, прикрываемого арьергардом и натерпевшегося, наверное, страху.

И едва нагнали они его

В пределах земли Суздальской,

Напали внезапно на стан Батыя

И начали сечь без милости.

И смешались полки татарские

От того удара нежданного.

Началось в их рядах смятение...

Понятно, что Субудай перед штурмом главных городов Владимирского княжества бросил против Коловрата большие силы и, согласно известному тактическому приему, взял партизанскую дружину в смертельное кольцо.

Снова бережно листаю крохотную ветхую книжечку "Героическая поэзия Древней Руси" с густо-красной, как тягучая застывающая кровь, обложкой и опять разглядываю выходные данные, свидетельствующие о том, что набрана она в осажденном Ленинграде. Нет, не зря гибли наши предки, если память об их мужестве народ, как оружие, хранил семь веков!

Любознательный Читатель. Евпатий Коловрат нам хорошо изложил реальную обстановку той давней и страшной зимы.

Очевидно, Михаил черниговский действительно не смог в полную силу помочь рязанцам...

- Не успел бы. В Чернигове ничего не знали о реальной силе врага, его действиях и намерениях. Неминуемая гибель ждала бы, конечно, всю черниговскую рать, если б она все-таки собралась и поредевшей, измученной тяжелым зимним маршем за полторы-то тысячи лесных верст

объявилась бы на ослабевших конях в тылу Субудая лишь в середине или конце февраля 1238 года. Несомненно также, что половцы, становища которых с осени разорял Монке, быстро донесли до Киева и Чернигова эту весть, и нельзя же было оставлять беззащитными города и земли лесостепной Руси!

- Но почему великий князь владимирский Юрий Всеволодович не помог рязанцам? Ему-то было совсем близко до Рязани!

- Строгой исторической науке неизвестно, когда во Владимире узнали о нашествии орды на Рязанское княжество, и точной даты сражения на реке Воронеже. В. Н. Татищев, однако, сообщает, что рязанцы, отпустив послов орды, вышли к Воронежу всей силой, и только после этого сообщается, что к Юрию Всеволодовичу "послаша, зовуще его себе на помощь".

Одновременно "слаша же ко северским и черниговским князьям"...

Насчет чернигово-северских князей вопрос, кажется, абсолютно ясен - любая их помощь из такой дали не успела бы. Но мог ли оказать эту помощь Юрий, тот самый, что в 1223 году послал большую рать в Прибалтику? Даже на всполошные сборы дружины и ополчения нужна была хотя бы неделя - это самое обширное русское княжество, раскинувшееся на сотни верст во все концы, не могло сосредоточить достаточную военную силу в день-два, а осенью путь от Владимира до Рязани, как и сейчас, между прочим, нельзя преодолеть по прямой через непроходимые болота и леса. Он извилисто шел тогда через Москву и Коломну, а это около четырехсот километров. Что они значат, может доподлинно узнать сегодня закаленный спортсмен, если выедет верхом на очень выносливой лошади примерно в конце ноября и не будет в пути пользоваться современными дорогами, мостами и гостиницами, взяв с собой еду, фураж и тяжелое средневековое оружие... Юрий Всеволодович сделал все, что мог!

- Простите, а что же он сделал такого, что мы его должны через семь с половиной веков вроде бы реабилитировать?

- Наши предки в реабилитации не нуждаются - мы нуждаемся в этом... Юрий спешно собрал воинство и послал в нелегкую и неблизкую дорогу через свежие снега, болота и предзимние речные переправы. Кстати, тот спортсмен-энтузиаст пусть в ноябре переплывет с лошадью ныне помельчавшие и сузившиеся Колокшу, Пекшу, Клязьму, Ворю, Яузу, Москву-реку, множество других замерзающих рек и речек, сегодня совсем маловодных, и в полной боевой готовности прискачет по первым снегам к Рязани... Рать, которую собрал Юрий Всеволодович, не могла перелететь по воздуху - это был изнурительный марш-бросок, о темпах и иных подробностях которого можно только догадываться.

- Но, быть может, Юрий Всеволодович послал на помощь Рязани небольшой отряд или сторожевой дозор?

- Нет, это было большое войско. В Ипатьевской летописи ясно сказано: "Юрьи посла сына своего Всеволода со всими людьми". А в Суздальской уточняется, что в этом походе приняли участие даже новгородские войска: "поиде Всеволодъ сьшъ Юрьевъ внукъ Всеволожь и князь Романъ и Новгородци съ своими вой из Владимеря противу Татаромъ". Возможно, что на помощь рязанцам поспешили воины из ближайшего новгородского форпоста Торжка.

Любознательный Читатель. А кто это - князь Роман?

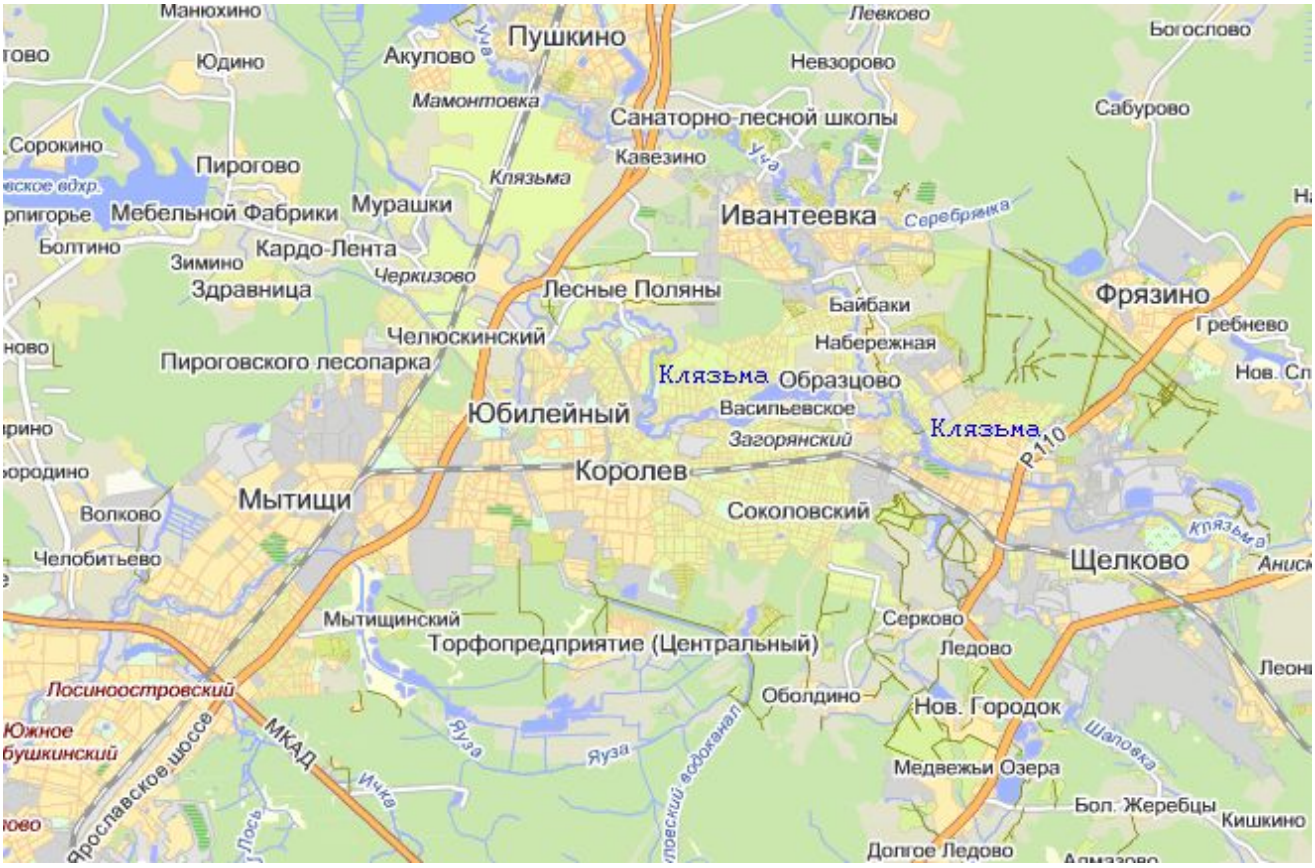
- Рязанский князь Роман Ингоревич, который, как считают историки, владел Коломной. Он, очевидно, выставил против врага и свою дружину, и остатки рязанского воинства, и народное ополчение... Владимирцы и новгородцы во главе с князем Всеволодом и воеводой Еремеем Глебовичем успели дойти до Коломны - это была сильная крепость, важный стратегический пункт при впадении Москвы-реки в Оку. История не сохранила почти никаких подробностей о битве при Коломне, кроме нескольких слов в Лаврентьевской, Новгородской I, Суздальской, Тверской и Львовской летописях: "бысть сеча велика", "бишася крепко", "ту у Коломны бысть им бой крепок". В битве приняли участие главные силы орды - Рашид-ад-Дин перечисляет пришедших к "городу Ике", то есть Коломне, чингизидов, шефов отдельных соединений. Орда, Бату, Кулькан, Гуюк,

Кадан и Бури, по обыкновению, не принимали личного участия в бою, но именно под Коломной был убит младший сын Чингиз-хана Кулькан, единственный чингизид, погибший за всю историю западных походов. Это произошло, очевидно, во время прорыва русских войск через тылы врага, откуда обычно монгольские полководцы и княжичи наблюдали за ходом сражений. Между прочим, непосредственное участие чингизидов в бою было настолько редким событием, что Рашид-ад-Дин фиксировал каждый такой случай, и среди членов ханского клана потерь не было, в сущности, за всю историю завоеваний, если не считать Коломенского сражения, хорезмского эпизода, когда стрелой был смертельно ранен один из многочисленных внуков Чингиза Мутуген, да войны с чжурчжэнями, во время которой в 1232 году умер своей смертью ученик Субудая Толуй.

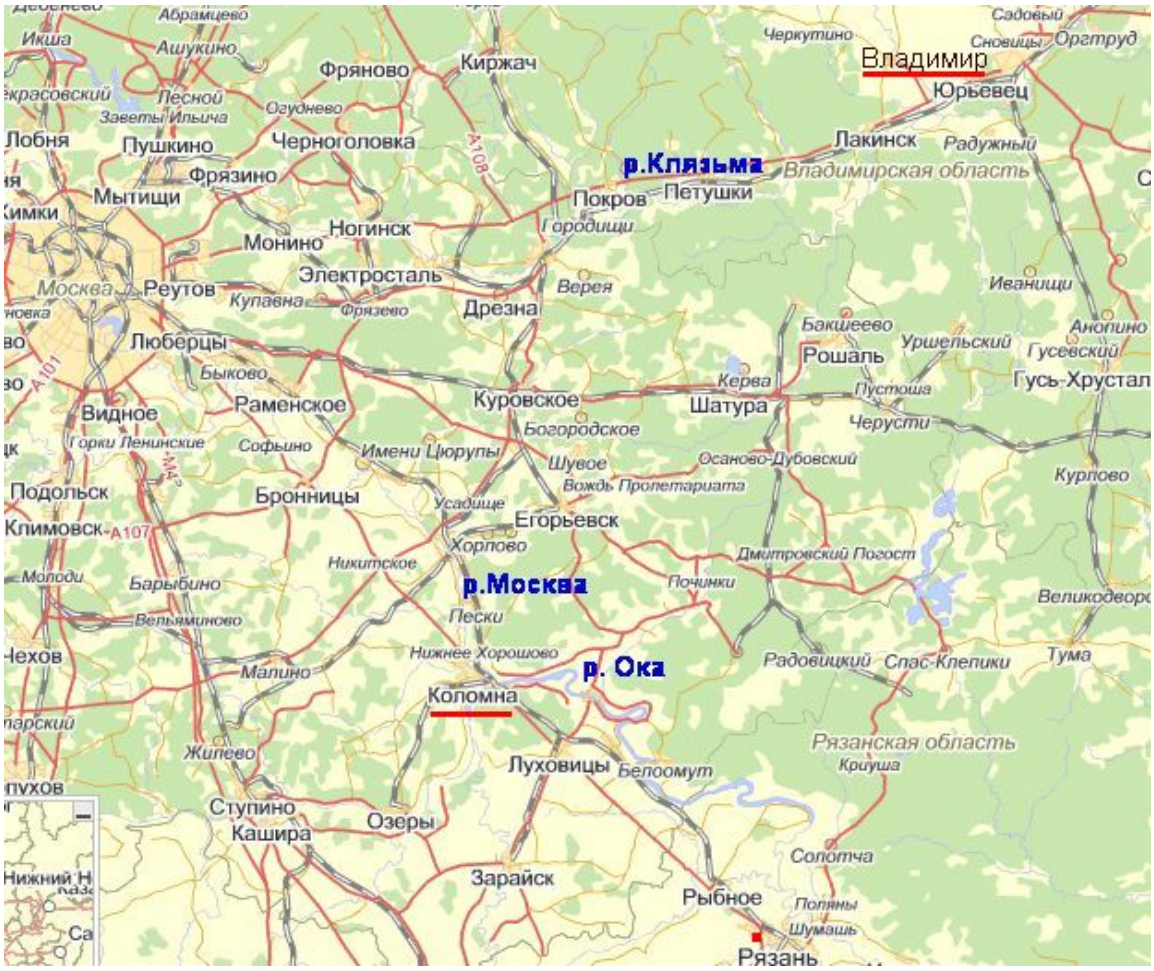
У русских под Коломной погиб, как сообщает Рашид-ад-Дин, "эмир Урман"", то есть князь Роман Ингоревич, и воевода Еремей Глебович. Князю Всеволоду Юрьевичу удалось прорваться и, наверное, лесными чащобами выйти к Владимиру, потому что в обороне Москвы - следующего опорного пункта на столбовой дороге к столице княжества - он не участвовал. Защищали Москву от первого в ее истории иноземного нападения князь Владимир Юрьевич и воевода Филип Нянка "с малым войском". И хотя стены ее были недостаточно укреплены, орда, не рассыпавшаяся еще на отряды для повальной "облавы", взяла город, по Рашид-ад-Дину, только "сообща" и "в пять дней". Суздальская летопись: "Взяша Москву Татарове и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками... а люди избиша от старьца до сосущего младенца, а град и церькови святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения възмеше, отъндоша".

Немало уже лет живу я по нескольку месяцев в году в лесном уголке Подмосковья, ничем особым вроде бы не примечательном. Ну, правда, идет из-под этой глинистой земли знаменитая по своим вкусовым качествам мытищинская вода, стоит первозданный лес, в котором встретились среди переходных сосен да берез величавые южные дубы со стройной северной елью, но история будто бы обошла стороной это водораздельное место, где сближают свои течения Клязьма и Яуза. Иногда я забираюсь в чащобу и древесные завалы, воображая себя в родной тайге... И вот однажды меня вдруг осенило, что узкое это междуречье большая история отнюдь не миновала - по нему ведь прошла орда Бату-Субудая! И эта догадка натолкнула на первую тайну первого набега орды на Русь...

Взгляните на карту Подмосковья, западные и северные закраины сопредельных областей. Найдите Рязань, стоящую на Оке, и Владимир на Клязьме. Мы же можем проложить точнейший маршрут основных сил орды в начале набега - его сохранила природа.



Грабители не могли идти напрямик, через заснеженные и захламленные леса! Это было воинское счастье, а может быть, и точный расчет Субудая, взявшего Рязань в те дни, когда на реках уже наморозило прочные льды.



От Рязани орда прошла через Коломну и Москву на Владимир ровными и легкими ледовыми дорогами по Оке, Москве-реке, Яузе и Клязьме. Даже этот единственный залесенный перешеек в несколько километров между течениями двух последних рек пересекался

замерзшими приточными ручьями и торной военной дорогой. Такого непрерывного легкого пути Субудай не встретит до самого Селигера, но вот первая загадка тех давних времен. Рязань пала 21 декабря, а у Владимира орда оказалась лишь 3 февраля. Сорок пять дней конное войско шло идеальными зимними дорогами от Рязани до Владимира! Причем на пути от Москвы до Владимира орде не пришлось брать штурмом ни одного города. Если вычесть из этих полутора месяцев пути недолгое Коломенское сражение и задержку из-за штурма Москвы, то все равно остается слишком долгий срок для преодоления сравнительно небольшого расстояния примерно в четыреста километров, которое летом степняки со сменными лошадьми покрывали за четыре-пять дней. Не может быть, чтобы такую медлительность вызвала, например, транспортировка камнеметательных машин - эти довольно простые деревянные устройства можно было быстро сделать в любом месте лесной Руси, да и санный обоз по ледовой дороге проходит в день по двадцать пять - тридцать километров.

Были, знать, другие, очень существенные причины, и путь оказался прерывным и нелегким. Уже в первые полтора месяца набега орда тратила много времени на поиски ежедневного корма для многих десятков тысяч подседельных, сменных и обозных коней, потому что фуражные запасы вдоль рек были минимальными.

Голодные кони набрасывались на копны сена, стоявшие в поймах, уничтожали в редких приречных селениях зерно, которого не хватало на всю орду, и мелким разрозненным конным отрядам приходилось в поисках корма делать тяжелые рейды по лесному заснеженному бездорожью, где, очевидно, их встречали отнюдь не хлебом-солью.

В этих лесах и долинах жили потомки вятичей, большого и сильного славянского племени, особый разговор о котором у нас впереди. Привыкшие к трудам, холодам и лишениям, упорные и выносливые пахари, плотники, охотники, плотогоны, бортники, они веками выковывали в себе качества настоящих воинов. Знали в своих местах каждую тропу, передвигались по глубокому снегу на тесовых лыжах или плетеных снегоступах, умели не жалеть себя в схватках. Пружинные самострелы и мечи были у них обиходными предметами, а обычные сельскохозяйственные и охотничьи орудия легко превращались в грозное оружие - шли в дело топоры, косы, ножи, секачи, вилы, рогатины, и каждый русский партизан был в этих условиях сильнее конного степняка с его легкой саблей, луком, стрелами и кожаной защитной одеждой; спешившийся же в лесу степняк становился почти беспомощным. К тому же у него были оголодавшие кони - основной подседельный и приводной; вдоль магистральной этой дороги корм был съеден конями русских воинов.

Декабрист Николай Тургенев писал, что "в величайших опасностях не армия, а народы спасают государства". В снежно-ледяных речных туннелях, где маневренность степной конницы ограничивали непроходимые стены леса, шла, должно быть, народная война, в какую всегда превращались все войны на Руси, если иноземный враг подступал к родным очагам наших предков. На путях конницы возникало надежное средневековое русское средство защиты - лесные завалы, и было, наверное, активное военное сопротивление остатков владимиро-суздальских войск авангарду орды в магистральных снежно-ледяных коридорах, а тылы ее трепали отряды народных мстителей и целые партизанские соединения; история и народная память сохранила нам имя командира одного из них - Евпатия Львовича Коловрата...

Города, стоявшие впереди, готовились, как могли, к обороне, но настоящих защитников-воинов, очевидно, уже оставалось мало - они полегли в Коломне, Москве, на Яузе и Клязьме, в лесах на подступах к столице княжества.

15. Глава 15

Это горькая историческая реальность, что наши предки в открытом бою оказывались бессильными перед многочисленной ордой. Единственной возможностью оказать более или менее длительное сопротивление врагу была защита городских стен. Не все это сразу тогда поняли. Горячие молодые князья, собравшиеся за стенами Владимира, надумали было скрестить с врагом мечи в рыцарском сражении, и только осторожность опытного воеводы Петра

Оследюковича предупредила ошибку. Вот как пишет об этом В. Н. Татищев: "***Княжичи хотяще, из града изошед, битися с татары, но воевода Петр отрече им а, рекий, яко видя их такое всюду множество, не можем противо им в поле стати, но добре, егда возможем, из забрал оборонятися***".

Воевода сказал с оттенком сомнения: "егда возможем", хорошо понимая, что спасения от такой силы не будет и за крепостными стенами, в которых к тому же - это было известно любому полководцу средневековья - войны не выигрываются... В летописях немало достоверных подробностей о способах штурма русских городов, в частности Владимира, о технических и иных новинках, примененных ордой. В. Н. Татищев: "***Пороки имяновались снасти стенобитные (или артилерия); великие бревна, на концах обиты железом и на козле повешены перевесом. Оное называется баран. Иные были как пожарные крючья и вилы, чем бревна ломали, ибо городы в Руси были деревянные; а иначе рычаги великие именовали ломы; камение же метали перевесами, самострелами великими, о каковых орудиях в римских гисториях у Тацита и пр, видим... Переметы же не что иное, как мосты через проломы***"...

У Владимира штурмующие, во-первых, "начаша туры рядити", то есть строить осадные башни у стен, чтоб оказаться на одном уровне или даже выше обороняющихся и в решительный момент перекинуть через стены "переметы", о которых упоминает летопись. Во-вторых, "**пороки**[48] ставити от утра и до вечера" - то есть стенобитные машины в большом количестве. В-третьих, "меташа камение в город велие, ими же множество людей избиша" - знать, воистину это были сильные метательные машины, если "велие", то бишь большие и тяжелые, камни летели за стену в город. О мощи осадной техники, которую могла сосредоточить орда, говорит следующее историческое сведение - Толуй и Субудай перед штурмом одного из чжурчжэньских городов приказали изготовить три тысячи баллист, триста катапульт, семьсот огнеметательных машин, семьсот штурмовых лестниц, доставить две с половиной тысячи вьюков с камнем! В-четвертых, "на ночь оградиша тыном около всего города", чтоб создать кольцевую внешнюю крепость для защиты от вылазок из внутренней и полностью отрезать осажденным путь к спасению. В-пятых, на владимирцев должно было психологически подействовать отсутствие в городе великого князя Юрия Всеволодовича, который, должно быть, понимал, что город обречен, но решение уйти в северные леса для организации партизанской войны было принято советом "вся предния мужи", а не единолично.

Он взял с собою только двух сыновцев, то есть племянников, Всеволода и Владимира Константиновичей, оставив во Владимире княгиню и "сыны своя Всеволода и Мстислава и воеводу Петра Оследюковича", хотя "мнозии умнии реша княгинь со всем статком и утварью вывести в лесные места". И нам, сегодняшним, путешествующим в далекое прошлое своей Родины, хорошо бы прочувствовать и понять благородство, трагизм и величие решения князя!.. Орда, наверное, знала, что главы княжества нет в городе, имея и в этом психологический перевес над защитниками крепости. Шестое обстоятельство - перед штурмом предводители орды продемонстрировали преднамеренный кровавый акт жестокости.

Летописи о многом молчат, но местами бывают очень обстоятельными, беспощадно правдивыми, и одно из таких мест - рассказ о штурме Владимира, который мог бы стать сценарной основой для трагичного и поучительного фильма...

"Татарове же приидоша ко Володимерю февраля 3 дня во вторник прежде Сыропустыя недели и сташа у Златых врат, водяще со собою княжича Володимера Юрьевича. И начаша вопрошати, есть ли во граде князь великий". Это был, наверное, способ проверить слух об отсутствии среди защитников главы княжества... "***И володимерцы начаша стреляти по них. И реша татаре ко***

---

[48] **Требушет** («требюше», от франц. trébuchet — букв. «весы с коромыслом») — средневековая метательная машина гравитационного действия, использовавшаяся при осаде городов. На Руси подобные камнемёты назывались пороками (производное от слова праща)

градским: "Не стреляйте". И приидоша ближе ко вратам, показаша князя Владимира, рекше: "Знаете ли сего княжича?" Братия же его, Всеволод и Мстислав, познавше брата своего, восплакашася горце и все людие с ними. Татарове же отступиша от Златых врат, видяще, яко русские не хощут с ними о мире говорити, како им годно, убиша князя Владимира пред градом..." Мстислав Юрьевич, средний сын великого князя, вскоре погиб на первом оборонительном рубеже Владимира. А с последним братом Всеволодом, прорвавшимся из-под Коломны, произошло не совсем обычное. "Батый же стоящу у града, борюшуся крепко о град", решил окончательно подорвать дух горожан угрозами и ложью: "где суть князи Рязанский... и князь ваш великий Юрьи не рука ли наша емши и смерти преда?" Епископ Митрофан, судя по всему сильно влиявший на княжеское семейство, утешил, как мог, владимирцев, призывая их принять "во ум тленность сего и скоро минующего жития", но об ином "не скоро минующем житьи" полечись и принять мученический "венец нетленный". Владимирцы принимают решение сражаться до конца.

Последний же сын великого князя, защитник Коломны Всеволод, надумал снестись с Батыем. Наверно, поступил он так по настоянию семьи и решению тех же "предния мужи". Быть может, владимирцы, окруженные сплошным круговым тыном, катапультами и кострами врагов, действительно поверили, что их великий князь уже погиб, и они попытались спасти последнего и единственного продолжателя династии. И вот Всеволод "сам из града изшедше с малом дружины и неси со собою дары многий", надеясь разжалобить Батыя юностью своей и "живот прияти" за богатые дары, выкупить жизнь, нужную другим. И что же Батый? "...Яко свирепый зверь не пощади юности его, веле перед собою зарезати".

Орда ринулась на последний штурм. Великая княгиня, жены и дети князей затворились с епископом Митрофаном в церкви внутреннего града. Штурмующие вломились туда, перебив у дверей последних защитников. Увидев на церковных верхах княжеское семейство, "начаша звати я, да снидут вси. Они же не послушаша, но камения меташа в ня...". Назвать бы мне тут по именам тех молодых женщин, подростков и детей, таким образом встретивших свой смертный час, да только не знаю я этих имен... И вот враги, "внесше древ множество, зажгоша в церкви", которая вся выгорела внутри вместе с людьми...

Кстати, епископ владимирский Митрофан был исключением - как правило, святые отцы перед нашествием орды разбегались, бросая свою паству. Епископ рязанский, как сообщается в летописи, "отъеха прочь в той год, когда рать оступила град", епископ ростовский Кирилл убежал в северное Белоозеро и "тамо избыв ратных". Позже епископ черниговский загодя уехал в залесный Глухов. Спаслись во время нашествия орды галичский и перемышльский епископы, а также глава русской православной церкви митрополит Иосиф. Профессор Московской духовной академии Голубинский вынужден был признать: "Если полагать, что обязанность высшего духовенства - епископов с соборами игуменов, - долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам права сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания. Они не говорят нам, чтобы, при всеобщей панике и растерянности, раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос" (Голубннский Е. Е. История русской церкви, т. 2. М., 1917, с. 14).

Февральский рейд отрядов орды по Владимирской земле был стремителен; все города княжества пали один за другим, потому что защитников в них оставалось мало - они погибли под Коломной, в Москве, на подступах к Владимиру и в самом Владимире, стягивались на Сить. И тем не менее почти каждый город брался с бою. В распоряжении науки есть достоверные свидетельства, полученные при археологических раскопках рязанских и владимирских крепостей и городов. Упомяну хотя бы о нескольких таких пунктах обороны. На правом берегу реки Прони стоял город-крепость **Ижеславец**, полностью разрушенный ордой поздней осенью 1237 года. Это удельное княжество граничило со степью, и потому его столица была хорошо укреплена. Северная стена, возвышавшаяся над крутым обрывом реки, была неприступной. С восточной, южной и западной сторон городище окружали три ряда валов и рвов, а внутренний детинец защищали два вала и

глубокий ров. Загородная резиденция-крепость рязанских князей **Новый Ольгов**, контролировавший Оку и Проню, стоял на отвесных обрывах, а с напольной стороны защищался высоким валом. В каком-то месте вал размыкался, и концы его заходили друг за друга, образуя воротный проем таким образом, что враг, штурмующий ворота, должен был брать щит в правую руку, а саблю или копье в левую.

Москвичи, как мы знаем, выдержали общий пятидневный штурм, столько же продержался Переяславль-Залесский. Родной город Александра Невского занимал стратегически важное положение на столбовой дороге от Средней Волги и густонаселенного бассейна Клязьмы к ледовому верхневолжскому зимнику, к Твери, Торжку и Новгородской земле. Он был защищен рекой Трубеж, рвами и системой оборонительных валов высотой от десяти до шестнадцати метров, на которых стояли двойные деревянные стены с двенадцатью боевыми башнями. На пятый день штурма город и стены были подожжены со всех сторон, и оборона стала невозможной. Все жители города были уничтожены.

У нас нет никаких подробностей падения в феврале 1238 года Костромы, Вологды и Ярославля. Археологи обнаружили в Ярославле, скажем, сплошной слой большого пожарища того времени и очень бедный так называемый культурный слой поверху - то есть город, основанный Ярославом Мудрым еще в 1024 году, полностью погиб и потом возрождался медленно, с течением веков, один из которых дал нашему народу и всему человечеству бесценную культурно-историческую находку - в местном монастыре, основанном незадолго до нашествия орды Бату - Субудая, каким-то необъяснимым чудом объявилась единственная рукопись гениального "Слова о полку Игореве"...

Нельзя не вспомнить также о **Боголюбове**. Он занимал важное во Владимирском княжестве стратегическое положение при впадении Нерли в Клязьму. Основал его в 1158 году Андрей Боголюбский, построив в центре поселения свою резиденцию-замок. Одним глазком увидеть бы, как он выглядел восемьсот лет назад! О художественном вкусе, воплощенном в боголюбовских камнях, чувстве гармонии, мастерстве и строительной сметке русских зодчих можно судить по храму Покрова на Нерли, бесподобному архитектурному памятнику тех времен, счастливо сохранившемуся неподалеку; 800-летие его отмечала мировая культурная общественность по решению ЮНЕСКО.

В Боголюбове стоял тогда прекрасный дворец белого камня, являвший собою целесообразно сложный, не имевший на Руси аналогов ансамбль светской, культовой и военно-замковой архитектуры. Главный собор, лестничные и крепостные башни, закрытые переходы, жилые помещения - все это было декорировано художественной резьбой по камню и дереву, барельефами, скульптурой, позолотой. Пол собора строители выстлали тяжелыми листами красной меди, хоры и переходы - майоликовыми плитками, дворцовую площадь - белым камнем, башни и башенки имели шатровые верха. Замок опоясывали заметные доныне рвы и оборонительные валы, на которых яростно сражались защитники города в январскую метель 1238 года. Орда взяла приступом, дочиста разграбила и до основания разрушила Боголюбовский дворец - выдающийся архитектурный памятник средневековой русской и общечеловеческой цивилизации...

Давно было дело, и, кажется, пора бы забыть об этом, да все как-то не забывается, как не забывается и последняя, чудовищная по разрушениям, война, и та Отечественная, когда спустя почти шестьсот лет после нашествия восточной орды войско западных "двунадесятн языков" дочиста разграбило и сожгло Москву, а его "великий" предводитель перед отступлением распорядился взорвать Кремль - историческое и архитектурное сокровище мирового значения - со всеми соборами, дворцами, колокольнями, башнями и стенами; ладно, пороху не хватило да фитили отсырели... Прошу прощения, что я попутно вспомнил и про такое, но разве забыла бы когда-нибудь просвещенная Европа, если б в 1815 году победители решили вдруг взорвать Лувр, собор Парижской богоматери и другие национальные святыни французов?

А теперь представим себе на минуту, дорогой читатель, реальность середины февраля 1238

года. Столица княжества пала, продержавшись четыре дня. Метут метели. Орда, "рассунушася" по всей земле Владимирской, штурмует города, где на забралах[49] стоят старики, женщины и подростки. Некоторые городки и часть деревень оказывались пустыми - все способные держать оружие ушли на **Сить**, а остальное население укрылось в лесных дебрях, недоступных степной коннице. На Сити же, в районах теперешних сел Покровского, Станилова и Юрьевского, Юрий Всеволодович обосновался станом, готовясь к партизанской борьбе - единственной возможности сопротивления...

В незапамятные времена на здешних просторах угро-финские племена, давшие, наверное, имена таким рекам, как Сеньга или Ухра, соседствовали с большим славянским племенем кривичей, назвавшим по-своему реки и речки: Устье, Ить, Черемуха, Волокуша, Соть, Сить.

Много обстоятельств определяло выбор Юрием Всеволодовичем места сбора войск и народного ополчения. По легким ледовым дорогам на Сить могли прийти воины из дальних и ближних городов - Костромы, Ярославля, Мышкина, Углича, Конятина, Кашина, Вологды. И с точки зрения тогдашней стратегии и тактики река эта длиною в сто сорок километров и шириною тридцать метров в среднем течении представляла собою наиболее удобное место для сбора войск. Леса прикрывали великокняжеский стан с тыла и флангов, а ее узкая долина, по крайней мере, уравнивала силы противников, даже давала некоторое преимущество русским. Сохранилась также возможность отступления по Мологе, в которую впадала Сить...

Любознательный Читатель. И все же орда как-то слишком быстро растрепала большое и сильное княжество, разбила Юрия Всеволодовича на Сити...

- Исходя из этого факта, нельзя все же, как это делается в исторических романах, представлять Юрия Всеволодовича этаким увальнем, лежебокой, растерявшимся, слабым и никудышным военачальником, мирным скопидомом. Присмотримся к нему повнимательней. Осенью того года ему бы исполнилось пятьдесят, и за его плечами была бурная жизнь, полная опасностей, ратных трудов и организационных государственных устремлений.

- Однажды, вспоминаю, мы уже говорили о том, что в год битвы на Калке он предпринял большой поход для защиты западного фронта против немецких рыцарей.

- Этот бросок в Ливонию во главе двадцатитысячного войска был только эпизодом его многолетней и упорной борьбы на том фронте! За год до этого владимирские полки вместе с новгородскими ходили на Венкек, в 1225-м разбили большое литовское войско, напавшее на Торжок и Торопец, в 1234-м - еще один большой поход против немцев... Военная биография этого князя началась в 1208 году, еще при жизни отца, когда Юрию было всего девятнадцать лет и ему впервые пришлось защищать наследство пращуров - земли, прилегающие к будущей великой русской столице. В том году "Кюръ Михаилъ и Изяславомъ пришедша, начаша воевать волость Всеволжю великого князя около Москвы, и се слышавь великый княз, посла сына своего Гюрга, и победи его Юрги, сама князя утекоста, а люди овех избиша, и иных повязаша и возвратися княз Юрги ко отцю".

После смерти Всеволода Большое Гнездо он, борясь за великокняжескую власть, дважды ходил на Ростов, один раз на Новгород и в этих феодальных междоусобных войнах был беспощаден.

Перед знаменитой братоубийственной Липицкой битвой он отверг предложения о мире, заявив своим воинам и воеводам: "***Человека оже кто иметъ живаго, то сам будет оубитъ, аще и золотом шито облечье будет, оубии, да не оставим ни одного же живаго, аще кто ис полку оутечеть, не убить имемъ, а тех вешати или распинати***". Жестокая междоусобица

---

[49] Ограда, чем двор или место забрано, обнесено, огорожено; Возникло на базе несохранившегося слова "забрало" ("забороло") старославянского происхождения со значением "городское укрепление в виде стены", которое восходит к общеславянскому zabordlo (от него образовались др.-рус. забороло -- бруствер, чеш. za'bradlo -- бруствер, перила), производному от глагола zaborti, возникшего на базе глагола borti (отсюда современные "бороться", "побороть"). "Забрало" буквально значит "то, что ограждает, защищает".

завершилась в 1229 году полной победой Юрия: "поклонишася Юрью вси, имуще его отцомъ собе и господиномъ". А в 1226, 1228, 1229 и 1232 гг. Юрий Всеволодович предпринимал походы на мордовские земли, расширяя отцовское наследство, продолжая крепить новый центр русской государственности, внешнюю и внутреннюю политику Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и отца своего Всеволода Большое Гнездо; так что это был опытный военачальник...

- Теперь становится понятным и логичным стремительный марш-бросок владимирских войск к Коломне в начале зимы и полуторамесячное сопротивление орде на пути от Рязани до Владимира! Наверное, великий князь Юрий Всеволодович и вправду сделал все, что мог...

- К сожалению, он поначалу недооценил врага, счел, наверное, опасность с востока чем-то вроде половецкой, никогда не угрожавшей всей Руси и давно ослабнувшей; эта недооценка выглядит в ретроспективе обыкновенной беспечностью, той самой русской беспечностью и самонадеянностью вождя или его информаторов, от которых наш народ не раз жестоко страдал в своей истории. Ведь еще в 1236 году появились во Владимирском княжестве толпы болгарских беженцев. В. Н. Татищев, перелагая летописные сведения, писал, что они "***пришли в Русь и просили, чтобы им дать место. Князь же великий Юрьи вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие***". А Юрий сам же предупреждал об опасности короля Белу IV!

Венгерский монах-миссионер Юлиан писал о событиях осени 1237 года: "***Князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан", что у орды "есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего***".

Но на что он сам надеялся, Юрий? Не влезешь в душу человека, да еще из такого далека! Если стратегические цели орды, несомненно, были известны Юрию, то о тактике ее и ближайших планах он, видимо, ничего не знал - дальняя и ближняя разведка у него была поставлена из рук вон плохо, а многовековой исторический опыт Руси говорил, что степняки никогда не проходили русскую землю насквозь и никогда не предпринимали больших походов зимой.

В февральском же хаосе 1238 года, царящем на Владимирской земле, не разобрался бы ни один вождь, будь он хоть семи пядей во лбу. Брались один за другим города, гибли в лесах на пути к Сита разрозненные остатки владимирских войск.

Не добрался до Сити, например, Иван Стародубский "с малым войском", отправивший семью "за Городец за Волгу в леса", и мы в точности не знаем, могла ли в той реальности успеть - за сотни-то лесных верст! - помощь из Новгорода, если б она и затевалась; не было ж тогда ни телефонов, ни радио, глубокие снега лежали, трещали морозы, а главные ледяные дороги мгновенно перерезались мобильными отрядами орды. Успел прорваться на Сить только брат Святослав из Юрьева-Польского да Васильке ростовский...

И надо представить себе состояние Юрия Всеволодовича, когда он узнал на Сити о том, что нет у него уже ни жены, ни троих сыновей, ни невесток, ни внуков и ни одного целого и свободного города... Переживавшего в те февральские дни муки неизбывного горя Юрия, у которого все в жизни рухнуло враз, можно понять, но неслыханная беда словно ничему не научила его воевод, профессиональных военных людей - сборные рати князя, оказывается, были рассредоточены по нескольким деревням и, как свидетельствует Ипатьевская летопись, "не имеющоу сторожи"; рассупонились, не ожидали, знать, такой скорости передвижения войска Бурундая - сему тоже не было исторического подобия...

И был еще у орды восточной, должно быть, главный и самый страшный военный прием, позволяющий ей почти без потерь брать даже очень хорошо укрепленные города,- новинка, заимствованная у китайцев и впервые примененная в неслыханных масштабах против чжурчжэней. Однако способ этот, использованный на всю мощь также при штурме среднеазиатских городов, не дал ожидаемого эффекта на Руси.

Любознательный Читатель. Что имеется в виду?

- Использование в военных целях пленных... Посмотрим, что произошло на Сити, когда враги обнаружили владимиро-суздальское ополчение, в котором собрались на смертный бой князья, бояре, воеводы, крестьяне, купцы, ремесленники. Великий князь Юрий Всеволодович "повеле воеводе своему Жирославу Михайловичу совокупити воинство и окрепляти люди, готовяся на брань. А в сторожи посла мужа храбра Дорофея Семеновича с 3000 мужей, да увесть о татарах". Разведка-то, повторимся, была у князя поставлена из рук вон плохо, потому что Дорофей Семенович, он же Дорож, "мало отошед, паки возвратися и поведа, рекий: "Княже, уже обошли нас татарове"... " И вот "соступишася на реке Сити обои полки, и бысть брань велия и сеча зла, лияшася кровь, яко вода, надолзе времени никто же хоте уступити. Но к вечеру одолеша безбожнии". Летописец повествует эпически просто, трагично и кратко: "Убиен быс великий князь Юрий Всеволодичъ на рице на Сити и вой его мнози погибоша". Новгородский современник события повествует о судьбе самого князя: "Бог же весть, како скончася, много бо глаголют о нем иные". Летописи и раскопки археологов на Сити, где первым из историков побывал М. П. Погодин еще в 1848 году, свидетельствуют, что рать Юрия Всеволодовича была разбита по частям, обратилась в бегство, и орда - это был ее коронный номер, - секла людей, как траву, преследуя их на семидесятиверстном пути до устья Сити.

А теперь я попрошу читателя обратить внимание на одно из последствий битвы: "...многие воеводы и бояре, и большая часть воинства падоша". Значит, какая-то часть дружинников и ополченцев была пленена - учтем это обстоятельство...

Последним князем, погибшим в северо-восточной Руси, был плененный на Сити Василько Константинович ростовский. Вот его великолепный портрет: "***Сей князь Василько бысть телом велик, лицем леп, очи светлы, храбр и мужествен, вельми изучен многим рукоделиям и хитростем, милостив ко всем и отнюдь не памятозлобен, винным прощателен***". Этого, должно быть, и вправду незаурядного человека враги на Сити "яша жива и ведоша до Ширенского лесу, нудяще его веру их прияти. Он же не послуша. Они же, много мучивше его, смерти предаша. Бысть сие зло марта 4-го дня". Когда орда ушла, княгиня ростовская Мария, дочь Михаила черниговского, эта выдающаяся, широкообразованная женщина, возродившая позже русское летописание, разыскала в Ширенском лесу останки любимого, перевезла в Ростов, предала земле, и среди ростовчан "бысть по нем жалость велия, и никто из служащих его до смерти можаше забыта, ниже хотяху иным князем служити".

Мысленно перенесемся в тот мартовский день 1238 года, когда отряд военачальника орды Бурундая, оставив гору трупов на льду Сити, вышел через Ширенский лес на торную торговую дорогу, ведущую к вожделенному богатому Новгороду, и здесь соединился с тысячами Субудая, обозом Батыя и огромным полоном. Татищев: "Татарове, победя ту князей, аще и велику язву понесоша, паде бо и их немалое множество, но множество их, а паче пленных, закрыва погибель их, идоша к Торжку" (курсив мой.- В. Ч.).

Какое-то число пленных Бурундай пригнал через Ширенский лес и на дорогах, ведущих к Торжку, подсоединил к основной их массе, захваченной ордой по западным волостям Владимирской земли - в окрестностях Дмитрова, Волока Ламского и Твери.

Небо исчезло. Субудай, превозмогая боль в спине, откидывался на заднюю луку широкого урусского седла и взглядывал вверх, где из серого ничего нарождался этот белый и мягкий лебяжий пух. Он был похож также на содержимое серых коробочек, что собирали с кустов, чьи корни смачивала вода, презренные, иссушенные солнцем, ковыряющиеся в земле и не умеющие держать в руках саблю жители Хорезма. Из такого белого пуха они ручным колдовством делали почти невесомую, приятную на ощупь одежду, которую Субудай в давнем горном походе полюбил больше, чем холодные и тяжелые, по-змеиному льнущие к телу ткани народа джурдже.

После взятия последних городов Субудай должен был отоспаться в каком-нибудь селении, чтоб силы, отнятые седлом, вернулись, а спинная боль ушла. Он вспоминал, как бородатый, годами равный Субудаю урусский купец, что следовал с болгарской земли при обозе, сделал с ним такое, чего полководец не ожидал познать в этой жизни. Через кипчака-переводчика почтительно

пригласил его в какое-то низкое черное жилище, называемое словом, будто взятым из языка джурдже, - бань-я. В каменном очаге бань-я доживал огонь, было жарко, как в хорезмских песках, и стояла в больших деревянных сосудах всеоживляющая вода. Голый красный купец бил мокрыми облиственными прутьями себя, потом кипчака и телохранителя-монгола, обливал их водой. Монгол отвратительно визжал и смеялся. Субудай подумал, что **яса** запрещает осквернять голым телом реку, а тут реки не было, а тело чесалось и требовало омовения. Он тоже разделся, осторожно попробовал на вкус воду - она была мягкой, как в весеннем ручье. Урус бросил воду на камни, расплылось горячее белое облако, и по телу старого воина разлилась неведомая приятная слабость. Субудай не разрешил бить себя. Он с юности этого никому не позволял, потому и оказался в степи, у Темучина, что было так давно, будто это было не с ним, - десять раз по пять лет. Однако теплая истома властно брала его в нежные путы, и он дал знак монголу сделать ему так, как делал себе этот старый обезумевший урус, который бил и бил себя по спине уже почти голыми прутьями, стоная, словно ему выворачивали суставы. Потом Субудая обливали водой, обтирали белой и прохладной урусской тканью, облекали в одежду из такой же ткани. В теплом жилище по его знаку сбросили на пол с широкой деревянной скамьи большой мягкий мешок, застланный той же белой прохладной тканью, а когда привели юную, нетронутую уруску с белой прохладной кожей, Субудай уже засыпал и, очнувшись от ее дрожания, жестом приказал монголу оставить его одного, потому что ему было хорошо одному, без боли в спине...

И если б не эта спинная боль, Субудаю было бы хорошо и сейчас вспоминать бань-я, подремывая на длинноногом русском коне хорошего спокойного хода, смотреть на белый небесный пух, точно такой, что спускался об эту пору и в его родные безветренные долины. И не думать бы о войне и крови на снегу, а лишь о сыне своем Урянктае, что был сейчас при Бурундае, и юном Кокэчу, которого отец пока держал в охране ставки.

И еще Субудай думал о том, как хорошо он сделал, что не повел большой плен от Ульдемира, - в западной части этого улуса тоже много людей, его воины быстро научились их искать по лесам и брать на арканы, и много их дойдет еще живыми до Новгорода, о богатствах которого урусский купец рассказал внуку Темучина сыну Джучи такое, чему Субудай пока не верит.

Только вот кони слабеют на скудном корме и не дойдут до нового нетронутого улуса, если урусский купец солгал и в первом городе, о котором разведка Субудая давно ему донесла, не окажется зерна.

Батый, упоенный победами, гнал Субудая вперед. Богатая добыча была у него в руках - вороха дорогих мехов и тканей, тяжелые сундуки, наполненные тонкими изделиями из золота, серебра и драгоценных камней, прекрасные юные девы с белой кожей, тугими телами, голубыми, как небо, глазами и длинными мягкими волосами, рослые, выносливые и сметливые рабы, умеющие ковать оружие и строить города, табуны сильных лошадей, верховых и упряжных, вывезших награбленное добро из темных лесных хлябей к этой ровной большой дороге. В завершение похода Батый возьмет древнейший город урусов, где скопились не тронутые веками сокровища, и ему, Батыю, не будет равных на Керулене по богатству и славе; он, повоевав эту страну, быть может, затмит славу своего великого деда...

Любознательный Читатель. А тут вдруг распутица...

- Пресловутая распутица так въелась в нашу доверчивую память еще со школьной скамьи, что малейшее отклонение от этой общепринятой версии многие назовут слишком запоздалой и малообоснованной натяжкой; но лучше, как говорится, поздно, чем никогда...

Если прочертить на карте маршрут орды от верховьев Воронежа через Рязань-Коломну-Москву-Владимир-Сить-**Ширенский лес**-Торжок, то получится огромный вопросительный знак.

- С такой уверенностью говорить о маршруте, когда историки вообще о нем ничего не знают...

- Историки, кстати, не знают и подлинной даты битвы на Сити.

- Неужели?

- Прочтите все летописи, все научные статьи и книги, посвященные набегу орды Бату-Субудая, и

вы ничего достоверного не найдете. Встречается, правда, в специальных и научно-популярных трудах условная дата - 4 марта 1238 года, но она не верна! Битва на Сити произошла, наверное, в понедельник, 1 марта 1238 года.

- Каким образом установлена эта дата?

- Ее помогает установить маршрут Бурундая после битвы на Сити, а сам этот маршрут - точная географическая промежуточная точка - **Ширенский лес**. Можно в нем и побывать, и найти его на более или менее подробной карте. Если известны расстояния между двумя точками - Калязином и Кашином - двадцать километров, и расстояния от этих пунктов до Ширенского леса - от Кашина примерно двадцать четыре километра, от Калязина - сорок, то мы найдем точное место, где был 4 марта 1238 года казнен Василько ростовский, захваченный в плен на Сити. Эта дата, кстати, совпадает с данными церковного календаря - был четверг крестопоклонной недели. А от места битвы на Сити до Ширенского леса примерно сто километров замерзшими ручьями и речками водораздельного Бежецкого верха - на северо-востоке Калининской области. Отряд Бурундая затратил на этот путь примерно трое суток... Думаю, что вместе с Васильком был уничтожен весь полон. Воображаю, как гнали плетьми связанных бывших воинов, ремесленников и пахарей узкими извилистыми путями, по глубокому снегу, а кое-где и бурелому, заставляя чистить дорогу. Бурундай спешил - он же не мог знать военной ситуации на Волге и хотел поскорей воссоединиться с главными силами, чтоб помочь взять Тверь и Торжок и сообща двинуться по Селигерскому пути на Новгород. Урусы падали от холода и голода; полон надо было хоть чем-то кормить, и он стал обременительным. А может быть, гонец Субудая сообщил Бурундаю перед его выходом на магистральный волжский лед, что последние урусские города Тверь и Торжок падут через день-два и полон стал не нужен... А Бурундай по-прежнему спешил - впереди лежал Новгород, и волжский ледовый путь от района Кашина до Селигера был не близким и не прямым, напоминающим по форме огромную букву дубль-вэ.

Вспоминаю, как впервые попал я в Торжок и совсем его не заметил, - это было на исходе молодости, и спешил я к своей невесте в село Никольское, где она проходила институтскую практику. Весь следующий день мы, зачарованные, бродили вокруг бесподобной ротонды архитектора, поэта и ученого **Николая Львова**, по старому парку его планировки, по сырым берегам заглохшего пруда. А на обратном пути в Москву, когда мы уже не замечали часов, потому что у нас впереди, казалось, была вечность, Торжок взял из нее большой летний день целиком, который тоже не заметился, запечатлев, однако, в нашей памяти этот маленький и такой обыкновенный городок, хотя тысячелетняя многострадальная судьба Торжка столь необыкновенна, что нет ей подобия даже на родной многострадальной русской земле, не говоря уже о землях чужих - сопредельных или далеких...

Ушкуйники и гости из древнего северного города облюбовали за озерами и болотами это приметное место у подножия сухой гряды в те давние времена, когда в Чернигове еще не стоял Спас, в Новгороде София и на Руси не было летописцев. **Новый Торг**, упоминаемый в летописях с 1136[50] года, стал значительным городом, обнесенным, конечно, стеной, валами и рвами; он принимал заморских гостей, сам торговал зерном и воском, но особое его значение для средневековой Руси состояло в том, что это был торговый посредник, своего рода перевалочная товарная база между Владимиро-Суздальско-Рязанскими и Новгородско-Псковскими землями. За изделия и деньги низовые купцы сбывали через Торжок главный свой товар - хлеб, пользуясь зимой накатанным санным путем, а летом рекой Тверцой[51], что текла мимо города и впадала в самое Волгу постепенно отнимавшую у Днепра значение, славу и звание главной русской реки. С самого зарождения город становится объектом княжеских междоусобиц и жертвой приходящих сюда изчужа. Кто только не осаждал, не захватывал, не грабил, не разорял и не жег Торжка!

---

[50] Город впервые упоминается в летописи под 1139 г. в связи с захватом его суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким.

[51] Само слово "тверца" в переводе с финского означает "быстрая".

В 1139 году к нему впервые протянулась рука Юрия Долгорукого. Город был опустошен, снова ожил, но в 1147 году этот неугомонный суздальский князь опять "пришед, взя Новый Торг и Мету всю". Его преемник Андрей Боголюбский умел не только строить города, но и разорять их, что убедительно доказал на примере Торжка в 1159 году. В отместку за изгнание из Новгорода сжег Торжок в 1167 году Святослав Ростиславич, а Всеволод Большое Гнездо, расширявший во все концы свои земли, с бою брал Торжок дважды - в 1178 и 1181 годах.

Однако хлебная торговля вновь и вновь возрождала городок на берегах Тверцы. При недородах же традиционный переходной запас хлеба в Торжке становился объектом особых княжеских интересов. Когда в 1215 году "поби мраз обилье", то князь Ярослав, надумавший голодом усмирить новгородцев, прежде других наложил руку на амбары Торжка, где "все цело бысть", и "не пусти в город ни воза", а пути к нему "все засекоше и реку Тхьверцу"... И вот весной 1238 года - первая осада города чужеземцами.

Любознательный Читатель. Но ведь орда вроде бы не брала больше Торжка, потерявшего, наверное, после полного уничтожения и тягостей повсеместного ига свое прежнее значение?

- Этот чудо-городок восстал, как феникс из пепла... В 1245 и 1248 годах его брали литовцы, в 1327-м - хан Узбек, позже буквально стер его с лица земли Иван Грозный по пути к Новгороду, в 1609-м - запорожские казаки, предавшиеся по случаю Смутного времени полякам, позже сами поляки овладели Торжком, а в промежутках между этими нашествиями город по-прежнему терзали междоусобные войны, которым не было числа и, казалось, не будет конца. В 1271 году его ненадолго отвоевал великий князь владимирский Василий Ярославич, а потом часто зорили-делили сыновья Александра Невского. Затем свои права на Торжок предъявило набирающее силу Тверское княжество, и в 1312 году он огромным откупом отвел от себя тяжелую руку Михаила Ярославича. И вот начала подыматься на юге Москва, новая мощная политическая сила с ее последовательным и настойчивым - где лаской или мошною, где военной или экономической жесточью - собирательством русских земель вокруг себя. Торжок дважды был разорен Иваном Калитой - в 1334 и 1337 годах - и дважды же - в 1391 и 1397 годах - с боем захватывался войсками великого князя московского Василия Дмитриевича...

С конца XIV века Торжок находится под властью Москвы, и один из ее наместников, как дурной сон, навек запомнился горожанам. Это был последний смоленский князь Юрий Святославич, изгнанный литовцами из своей вотчины вместе с вяземским Симеоном Мстиславичем. В Торжке Юрий убил Симеона, чтоб завладеть его красавицей женой. Овдовевшая княгиня вяземская Ульяна, сохраняя верность покойному супругу, ответила на домогательство насильника ударом ножа и убежала, но раненый Юрий догнал ее на княжем дворе, зарубил, бросил в Тверцу, и "бысть ему и грех и стыд велик, и с того побеже к Орде, не терпя горькаго своего безвременья, срама и бесчестия", а новоторы, как звали жителей этого города в старину, выловили в реке тело благоверной Иулиании вяземской и положили в церкви Спаса Преображения...

- И междоусобицы больше уже не касались Торжка?

- Да, протекторат Москвы защитил наконец-то город от этой многовековой напасти, и тем не менее во времена Василия Темного тверской князь Борис в последний раз взял и разорил Торжок. Но в необыкновенной истории этого обыкновенного русского города было немало других бед и волнений. В 1341 году горожане из "черных людей", тяготеющие уже к Москве, восстали против бояр, ориентирующихся на Новгород, убили на вече наместника, но были жестоко наказаны войском Симеона Гордого.

Вместе с Нижним Новгородом и Тверью этот город в в 1612 году поднялся против польской шляхты, захватившей Москву, и никто не считал, сколько новоторов полегло на ее улицах. В 1654-м Торжок опустошил мор, не раз в нем случались большие пожары, но неистребимый город на Тверце отстраивался, богател и быстро опережал в своем развитии многих ближних и дальних соседей.

Это покажется невероятным, но, судя по окладным книгам 1671 года, в которых учитывался общерусский сбор на содержание московских стрельцов, в Торжке было больше дворов, чем в

таких, например, городах, как Тверь и Владимир, Воронеж и Курск, Тула, Симбирск и Казань!

Городская крепость тогда еще стояла. В описной книге начала XVIII века значилось, что "город был рубленой, деревянной, в нем башни 4 проезжих, 7 глухих, по мере около города и башен 571 сажень; но от бывшего в 706-м году пожару згорел, и ныне токмо значит земляная осыпь". По точной переписи, в те же петровские времена числилось в городе и посаде 2333 купца...

И несмотря на то что полтора века спустя Торжок обошла железная дорога, он продолжал достойно держать марку обыкновенного русского города. Предреволюционные справочники свидетельствуют, что паровые мельницы Торжка мололи муки почти на миллион рублей, а его женщины-мастерицы славились на всю Россию не только серебряным и золотым шитьем по бархату и сафьяну, изготовлением отечественных туфель высшего качества, но и секретами производства замечательно крепкого кирпича, выделывать который для храмов, мостов и других важных построек их зазывали даже из очень отдаленных местностей.

- Сколько же раз этот необыкновенный городок погибал?

- Двадцать пять. Наверное, нет другого такого города на земле... Только интервенты брали его семь раз за семь веков. Осенью 1941 года произошло последнее сожжение и разорение Торжка.

Бродим по городскому саду, где уже нет никаких следов не только древнего земляного вала, но и осыпь его уже совсем "не значит". Рассматриваем скромный маленький городок, прилепившийся к берегам Тверцы, и память возвращает в давние и недавние времена... Николай Львов строил тут храмы и дома, Александр Пушкин останавливался в гостинице Федухина-Пожарского с ее знаменитыми "пожарскими" котлетами, учитель Д. И. Менделеева, отец русских химиков А. А. Воскресенский приезжал сюда хлопотать о народной школе, которую он открыл неподалеку, в родной деревне, где и упокоился навек... Вспоминаем и последнюю здешнюю битву с иноземным западным врагом, и первую, с восточным, - ту, что разразилась здесь в конце зимы 1238 года...

16. Глава 16

Дряхлеющий Субудай, давно уставший спешить, торопливо подъезжает к Торжку, щурит теряющие остроту глаза, издалека пытаясь найти самые слабые места крепости. Ему тепло в урусской овчинной одежде, собольей шапке и легкой обуви двойного собачьего меха, но болит спина. Ладно, что его верные тысячники не нуждаются даже в указке кнута, сами делают как надо привычную работу войны - равномерно расположили сотни кольцом, толпами гонят пленных урусов к темному лесу за пищей для костров и лестниц, бревнами для осады. А чья это сотня так отличилась? Урусы даже развели там большой костер, от которого тянет капающим в пламя жиром - не барана ли доставили сюда поперек седла? Барана, и успели даже взять в работу пленных, которые в одном только этом хорошем месте стучат своими топорами, делая туры и лестницы. Какой-то старый воин с длинной палкой в руке снует на коне среди них и выколачивает из этих широких спин неповоротливость презренных, ковыряющихся в земле.

Субудай подъехал к костру. Воины вскочили, склонили головы, и Субудай одобрительно кивнул им. Они совсем согнулись, а сотник, кажется урянхаец, от почтения уменьшившийся, протянул большой кусок пахучей баранины.

Субудаю полюбился здесь рыхлый сыр с тягучим соком, что урусы отбирают у лесных пчел, - от этой мягкой сладкой пищи не болит под узлом пояса и не надо жевать, а то зубы начали шататься и выпадать. Он попробовал откусить баранины, однако она была старой и полусырой. Бросил мясо в толпу телохранителей и, не оглядываясь, поехал дальше...

Полон в кольце дымов, внутри его - кольцо стен, с которых урусские стрелы не долетают до костров. Завтра самые меткие его стрелки, убивающие лебедя на лету, начнут из-за деревянных щитов посылать стрелы с зазубренными наконечниками в глаза врагов, заставят попрятаться этих медлительных урусов за бревна, и под пенье стрел и стук урусских топоров начнут расти у стен высокие туры из сырого тяжелого дерева, что не вдруг загораются, когда сверху льется смоляной огонь.

Завтра к вечеру прибудет под охраной гвардии внук Темучина сын Джучи, в губах которого зазмеится капризное недовольство, а в глазах вспыхнет ярость, если Субудай еще не сможет доложить ему о взятии города.

Где-то на севере пробираются через леса к дороге воины Бурундая. Быстрая разведка уже доскакала до Субудая и донесла, что Бурундай разбил последнее сборное войско главного урусского улуса, везет голову великого князя...

- А разве не вся орда во главе с Батыем одновременно подошла к Торжку?

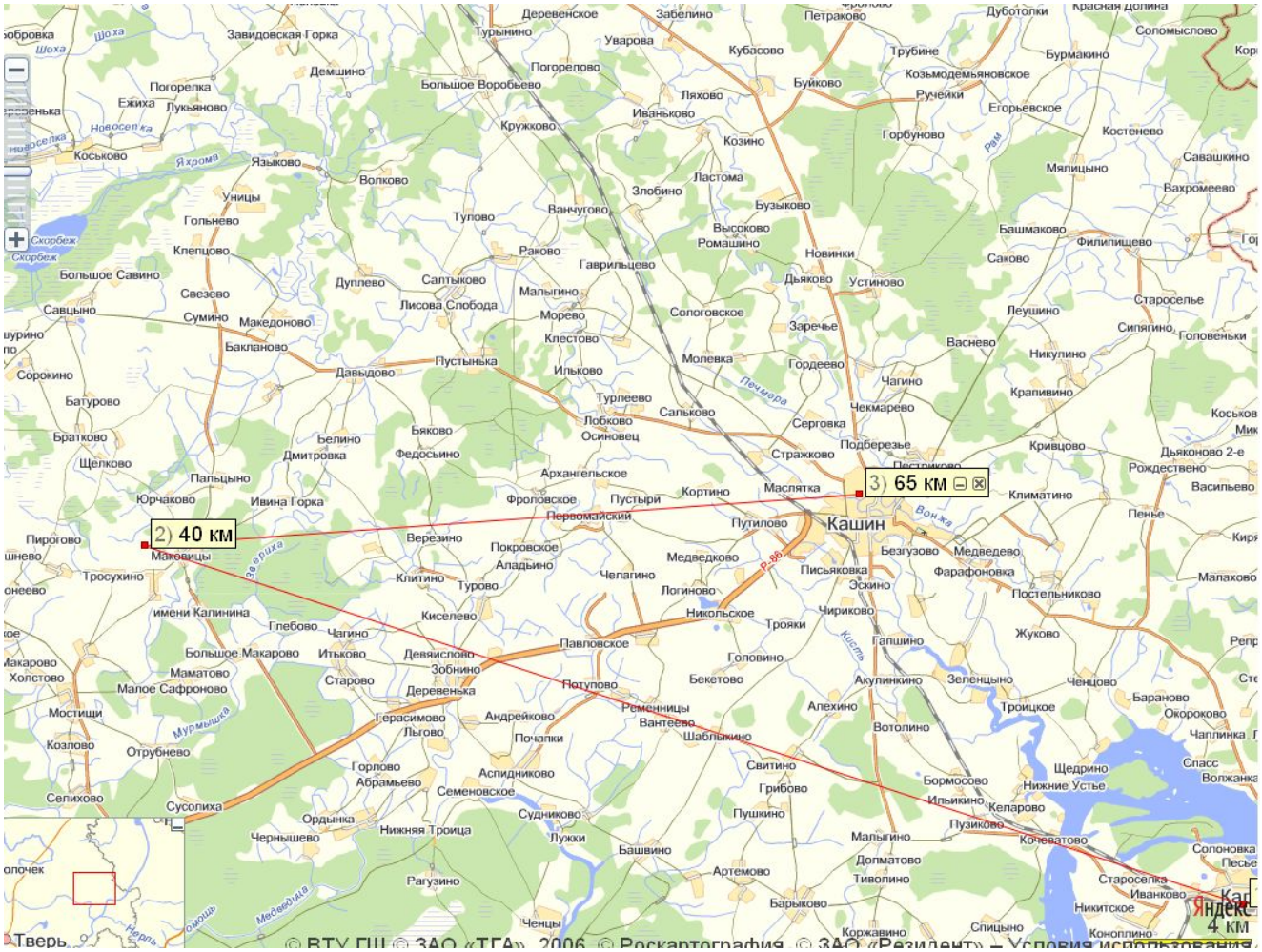
- Нет. Батыю незачем было спешить, имея двух таких надежных псов, и он под охраной гвардии ехал с гаремом за стремительным авангардом Субудая. Бурундай же со своим войском, чтобы не давать крюк западным обходом, пошел от Сити напрямик, по льдам попутных рек, иначе бы не мог оказаться в Ширенском лесу.

- Да кто тепеь знает, где был этот летописный **Ширенский лес**?

- Местные жители знают, потому что он и сейчас так называется и стоит на прежнем месте, конечно поредевший.

Кстати, историк С. М. Соловьев указывал довольно точные его координаты - "у села Ширинское, прежде бывший монастырь, от Кашина в 23 верстах, от Калязина в 38-40, при реке Ширинке, впадающей в Медведицу". Как и тысячи лет назад, лес этот питает ручьями Ширинку и Медведицу, молчаливо хранит в своей памяти сцену казни ростовского пленного князя Василька...

Василько был убит 4 марта 1238 года. Бурундай через день-два вышел на зимний волжский ледовый большак. А Субудаю надо было догрызать Торжок, этот нежданно крепкий орешек.



Иначе - гибель всего войска.

- Почему?

- Скоро доберемся до ответа... А пока Субудай едет вокруг Торжка. Вот он поймал взгляд пленного раба - взблеск синего лезвия сабли, который стоило бы тут же погасить саблей телохранителя, но пусть это произойдет завтра, под стеной, - большой труп его затвердеет, станет ступенькой для штурмующего. Полон велик и опасен. Под стенами, где хозяйка - смерть, урусские рабы разрубают звенья вязи, чтобы броситься на воинов Субудая, только смерть находит их прежде. Нет, он, Субудай, не предполагал, что люди этого большого лесного народа окажутся такими! Когда все привычно, хотя и трудно, с невозвратимыми потерями, завершилось в последнем городе, стоящем в начале этой дороги, ему привели юного уруса с отрубленной кистью правой руки. Это он, раненный, рванулся и добрался зубами до горла его, Субудая, любимого сотника, который после битвы должен был стать тысячником. Субудаю захотелось посмотреть на сердце пленника. Юноша, что-то шепча, помахал кровавым обрубком перед лицом и грудью, потом подставил голову палачу, полоснув по глазам Субудая горячим взглядом... Сердце его было точно такое, как у монголов, урянхайцев, джурдже и гурджиев...

Полон слабеет на холоде без мяса. По дикой вере Урусов в какого-то великого южного бога, они не принимают мяса в это время, а конину не едят никогда, но Субудай знал, что не сегодня-завтра они начнут есть ее, хотя хорошо понимают, что смерть подошла к ним со всех сторон... Сил мало, и напрасно он отпустил Монке: южные. кипчаки никуда бы не делись!

Субудай обогнул крепостной выступ, чтобы посмотреть на ворота, которые надо было проломить до прибытия Бату, и оцепенел.

- Увидел разлившуюся Тверцу?

- Нет. Новоторжская крепость стояла на правом, новгородском берегу Тверцы, и орда спокойно перешла ее по льду - в феврале толстый северный речной лед не вдруг, пробьет и острая пешня, не то что лошадиное копыто.

- Что же он увидел?

- Лед. Новоторы, еще в начале зимы узнав о нашествии орды, затворили ворота и наморозили на них и на всю стену, защищавшую город с напольной стороны, неприступный ледяной панцирь. На его скользком подножии нельзя было утвердить туров, осадных машин и лестниц... Однако это не более как предположение - орда все же установила стенобитные орудия, пороки, взяла город штурмом и, естественно, "весь пожгоша, а людей избиша". И летописи сообщают один совершенно поразительный факт, особенно если его взять в сравнении. В самом начале набега орда шесть дней штурмовала Рязань, пять - Москву, немногим дольше продержался стольный Владимир, а прежде чем овладеть Торжком, орда "биша пороки по две седмицы". **Две недели, четырнадцать дней, сражались защитники города**! **Только после взятия Торжка** Субудай мог двинуться к Новгороду.

- Почему к тому времени, когда вся северо-восточная Русь уже была повержена, сопротивление орде возросло? Может, сыграл роль особый патриотический и боевой дух жителей Торжка?

- Наши предки любили свою родину, конечно, не меньше, чем мы, а патриотическое сознание средневековая Русь выработала на много веков раньше, чем европейские народы.

Игумен Даниил, придя из-под Чернигова в Иерусалим, еще в 1108 году в записках своих шесть раз вспомнил родную речку Сновь и попросил у короля крестоносцев Болдуина разрешения поставить свечу от всей русской земли. Ни с чем не сравним пронзающий душу патриотизм "Слова о полку Игореве"! Это XII век. В Европе же впервые мысль о родине, как главной ценности народа, высказал Франческо Петрарка лишь в середине XIV века...

Но одним патриотизмом предков нельзя объяснить неудачи орды к концу ее первого набега на Русь. Рязанцы или владимирцы, надо думать, были не меньшими патриотами, чем жители Торжка, так же "чрезвычайно круты", а их столичные крепости, конечно, превосходили все остальные по числу защитников и надежности укреплений... Так что большой вопрос остается и даже обостряется, потому что необходимо когда-нибудь все же объяснить, почему сопротивление

орде и вправду возрастало! Исторические источники между тем просто фиксируют этот факт. А мы давайте подумаем вместе... Мне кажется, что Субудай сделал в этом краю стратегический просчет, полагаясь на способ осады крепостей, вывезенный из далекой страны чжурчжэнсй. Эта наступательная новинка оказалась бесполезной на Руси.

Субудай не начинал штурма Владимира, пока та часть его войск, что брала Суздаль, не подошла "со множеством плена".

Заметьте: он не отправил с конвоем пленных в степь, как добычу, а приказал пригнать их к Владимиру. Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что монголы сгоняли "сельское население к городским стенам, заставляя их землей, камнями и бревнами заполнять крепостные рвы до их уровня и убивая при этом тех, кто не поспевал за остальными". Пленных ставили к осадным таранным и камнеметательным машинам, гнали на стены, а горожан потом понуждали под страхом смерти брать цитадели собственных городов, как это было, например, в Бухаре. При таком способе взятия городов "гибли обыкновенно десятки тысяч народа". Ох, немало, знать, погибло владимиро-суздальцев, которых орда заставляла, убивая непокорных, сооружать туры и тын вокруг своей столицы, немало русых голов скатилось наземь у катапульт! Пленные ночами перегрызали зубами волосяные арканы и ремни, пытаясь убежать в леса, не думая о том, что быстрые сабли неусыпно стерегут их головы за кустами. Наши предки предпочитали гибнуть, но не штурмовать стен своих городов.

- Минуточку! Откуда это известно?

- Ниоткуда не узнаешь обратного. В летописях - ни слова, у восточных авторов, наполнивших подробностями тома, - тоже, хотя там есть вполне достоверные рассказы не только о том, как покоренные народы штурмовали свои столицы, но и легко подчинялись другим военным целям врага, составляя целые армии для борьбы с собственным народом. В китайских источниках сохранился такой факт: орда сформировала и двинула на штурм чжурчжэньской столицы Яньцзина (Пекина), в котором жило множество китайцев, три армии из сорока шести китайских дивизий! "Таких примеров, - замечает Г. Е. Грумм-Гржимайло, - можно привести очень много". Только нет ни одного даже отдаленно похожего примера из истории нашествия орды на Русь!

Косвенным доказательством того, что наши предки отказывались штурмовать родные города, служит необычно длительная история осады Торжка, под которым решилась судьба русского полона, превосходящего по численности орду... Возможно, что Субудай вообще не отправлял пленных в метрополию. Рабов надо было не только охранять, но кормить каждый день, чтобы они не перемерли в дороге[52], - иначе пропадал смысл их захвата.

И трудно представить, чтоб какая-то партия рабов могла пройти через всю лесную Русь, половецкую степь, через Сибирь, саяно-алтайскую горную страну и Вольские простоты - это же семь тысяч верст! Ведь стояла зима, которая в половецких степях, например, была злее, чем в средней полосе - с сорокаградусными морозами при сильнейших ветрах. Кстати, Субудаю было невыгодно отправлять рабов в далекий этап и потому, что конвоирование их ослабляло бы его войско, и без того уже сильно ослабленное. А в конце февраля по дороге к Новгороду шли и бежали обезумевшие от ужаса люди, но вражеская конница легко настигала их, и не было никому спасения от аркана или сабли. Число пленных увеличивалось, хотя и без того их у Субудая уже было больше, чем воинов.

- Это чем-то подтверждается?

- У Татищева ясно сказано, что татар перед Торжком было множество, "а паче (то есть больше - В. Ч.) плененных", которые нужны были степным грабителям для того, чтоб "закрывать погибель их" при штурме Новгорода. Однако утверждать, что русских пленных под Торжком скопилось больше, чем воинов у орды, слишком ответственно перед историей! Нельзя же полагаться на общее мнение Татищева, не называющего никаких цифр! И разве можно так решительно

---

[52] «Зима 1237/38 года — с сильными морозами. Люди, захваченные в плен татарами, «ото мриза изомроша».

настаивать без твердых оснований? Это может подорвать доверие читателя к нам. Ведь невероятно же, просто невозможно, чтобы воинов у Субудая было меньше, чем пленных! Историк С. М. Соловьев считал, что с Батыем пришло на Русь триста тысяч всадников. Это, к сожалению, принимается на веру.

Правда, по Рашид-ад-Дину, "**булгары** и башгирды" то есть волжские болгары и башкиры, выступили навстречу орде "с 40 туменами славного войска", и Бату узнал, "что их вдвое больше монгольского войска и что все они бахадуры". "Тумен" - это тьма, десять тысяч, и, **значит, перед нападением на болгар и башкиров у орды было 200 тысяч воинов?** Неизвестно, сколько сабель потеряла или приобрела орда в мордовско-буртасских землях, сколько отделилось для рейда на юг, но вот явилась в труде авторитетного историка эта круглая цифра - 300 тысяч, в романе В. Яна "Батый", однако, называется другая цифра - 400 тысяч всадников, а в одном дореволюционном научном сочинении говорится даже о "монгольской полумиллионной армии в конце русского похода", у Козельска...

- Ну, уж это-то слишком!

- А в новейших научных трудах опубликованы донельзя условные подсчеты численности этой "монгольской" армии, имеющие, впрочем, тенденцию к снижению первоначальных астрономических цифр. Одни авторы исходят из предположения, что детей в усредненной монгольской семье было пятеро и каждая будто бы выделила в первый западный поход по одному воину, а так как все население тогдашней Монголии могло составлять почти 700 тысяч человек, то, следовательно, Бату и Субудай привели на Русь ровным счетом 139 тысяч сабель. Другие расчеты основаны на произвольном допущении, будто все чингизиды были военачальниками, причем каждый из них якобы командовал туменом, тьмой, то есть десятью тысячами воинов. А так как по средневековым источникам на Русь пришел сын Чингиз-хана Кулькан, погибший под Коломной, семь внуков - Орда, Бату, Шеибани, Тангут, Гуюк, Кадан и Байдар, правнук Бури и внучатый племянник Аргасун, то вроде бы проще пареной репы определить общую численность орды, напавшей на Рязанское княжество перед зимой 1237 года, - она составляла тоже ровным счетом 100 тысяч человек.

Итак, сто, сто сорок, двести, триста, четыреста, пятьсот тысяч... Здравый смысл, дорогой читатель, подсказывает, должно быть, вам, что при такой разнице взглядов на важнейшее историческое обстоятельство не может быть верной картины набега орды на Русь в 1237-1238 гг., а любая из точек зрения, в том числе и наиболее распространенная "среднепотолочная", определяющая численность этой так называемой армии Бату-Субудая в триста тысяч воинов, - предположение, гипотеза, условность.

- И объективная истина о численности войска Субудая так далека от нас, что мы никогда не узнаем ее?

- Попробуем. Для дальнего и скорого грабительского набега трехсоттысячной степной армии нужно было, по самой крайней мере, 600000 коней - степняк не мог идти в столь дальний поход без запасной, сменной лошади[53]. И давайте попробуем ответить на элементарный вопрос: чем могло питаться такое количество животных полгода - с ноября 1237 года по апрель 1238-го? Среди зимы в заснеженных русских лесах подножного корма не было, а ведь каждой рабочей лошади, в том числе и несущей вооруженного всадника или вьюк с добычей, нужна мера овса в день - округленно десять килограммов.

Субудай, определяя для похода оптимальное количество конницы, рассчитывал на фураж, заготовленный в зиму урусами, - сено, солому, овес, ячмень, рожь, пшеницу. Фуражных запасов всей Руси, конечно, не хватило бы для прокорма мифического миллиона лошадей - такое

---

[53] По закону Чингисхана, у каждого воина было не менее трех лошадей.

Каждый воин должен был иметь, кроме ездовой, еще и вьючную лошадь. А для атаки был необходим боевой конь, ибо сражаться на усталой или необученной лошади равносильно самоубийству. См. также [**70**].

скопище животных передохло бы от голода еще у Пронска. Невозможно себе представить далее, как эта конная армада могла идти сквозь захламленные и заснеженные леса, по узким тропам, просекам и ледяным речным коридорам. След в след такая конница продвигалась бы очень медленно и почти бесконечно. Третье: грабительский набег на далекий лесной северо-запад был лишь эпизодом тех лет - в это же время шла затяжная война орды в густонаселенном Китае, в богатом и сильном Иране, большие отряды степняков действовали одновременно на границах с Кореей, в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, и совершенно невероятно, чтобы курултай послал 300 тысяч воинов и вдвое-втрое больше коней на маленькие города и деревушки наших предков, обнажая другие фронты и обрекая конницу и войско на голодную смерть. И последнее - зачем было Субудаю, прекрасно изучившему жертву, вести в этакую несусветную даль триста тысяч воинов, если он точно знал, что, напав неожиданно, предзимним бездорожьем, он легко разобьет русские княжества поодиночке значительно меньшими силами?

- Сколько же у него могло быть сабель?

- Непростой вопрос. Мы не знаем также, сколько рязанских и владимирских воинов, партизан и народных ополченцев противостояло орде.

Если говорить о численности отдельных профессиональных дружин, то она, очевидно, колебалась, определяясь экономической мощью того или иного княжества, площадью и плодородием княжеских земельных владений, их географическим расположением, размером богатств, добываемых в войнах, плотностью производящего населения, престижными, тактическими и политическими соображениями князя, не исключая даже такого явления, например, как преднамеренное уменьшение дружины посредством междоусобной или внешней войны из-за невозможности дальнейшего содержания наличного числа воинов. Рядовой удельный князь мог содержать дружину в несколько сот человек, большое княжество, по-видимому, - в несколько тысяч. В случае же большой войны проводилось, наверное, что-то вроде всеобщей мобилизации, и численность воинства той или иной земли значительно возрастала за счет "черных людей", ремесленников, купцов, то есть народного ополчения.

- Юрий Всеволодович Владимирский на Сити только в разведку послал три тысячи человек...

- Что не может быть правдой. Подумайте: посылать в "сторожа" целый конный полк, когда надо было срочно готовиться к битве с превосходящими силами врага! Да еще по густому дикому лесу, где под глубоким снегом таились предательские колодины и ветровал, ломающие ноги лошадям! Как вообще прошли бы эти три тысячи конников?.. След в след? Какие бы это были сторожа? У Юрия Всеволодовича было всего несколько тысяч воинов, в основном, северных народных ополченцев, у Бурундая, очевидно, поболе, но не слишком: даже для десятитысячной конницы, не говоря уже о стотысячной, в малонаселенной лесной северной местности не было каждодневного корма, тем более что к концу зимы запасы крестьянского фуража истощались...

- Но неужели никто из историков никогда не задумывался об истинной численности орды Субудая?

- Мне удалось найти одного такого ученого. Николай Иванович Веселовский родился в 1848 году в Москве, учился в Вологодской гимназии и на восточном факультете Петербургского университета, стал профессором ориенталистики, то есть востоковедения. Вот что он писал: "***На курултае (сейме) в Монголии 1229 г. решено было послать 30-тысячную армию для завоевания стран к северу от Каспийского и Черного морей; но она почему-то не была отправлена***"...

- Последующие шесть лет шла большая война с государством чжурчжэней!

- Именно. И далее: "***Только на курултае 1235 г. осуществилось это намерение. По первоначальному плану Батыю предлагалось дать 30000 войска; нет основания думать, что это число было потом изменено в ту или другую сторону***". Это сведение Н. И. Веселовского общедоступно - оно зафиксировано в словаре Брокгауза и Ефрона... Впрочем, скорее всего, и Веселовский прав, и те историки, которые числят в войске Бату-Субудая 150 тысяч воинов.

- Как так?

- Выйти в поход могли действительно 30 тысяч воинов, и большей частью не монголов, а разноплеменных соседних народов, которых условно, собирательно, со времен средневековья называют "татарами"; Н. И. Веселовский числит их в начальной орде Батыя "25 000 душ". Курултай, очевидно, делал ставку на воинский опыт Субудая, умевшего заставлять покоренных кочевников воевать на своей стороне против очередной жертвы.

От Монголии до Волги орда росла, как снежный ком, и, возможно, Рашид-ад-Дин верно числил в ней 200 тысяч воинов. Примерно четвертая часть их ушла на кипчаков, а главные силы были брошены на Русь, которая перемолола, почти уничтожила это огромное степное воинство.

- Сколько же сабель могло остаться у Субудая после штурма Торжка?

- Немалые тысячи их убыли сразу же по вступлении на русскую землю - не воздух же рассекала мечами сильная пограничная муромо-рязанская рать! Далее. Не все стрелы и камни со стен Старой Рязани неделю летели мимо, не вся кипящая смола лилась во рвы. Недешево далась Субудаю победа под Коломной, не без жертв достались орде Исады, Ижеславец, Новый Ольгов, Москва, Стародуб на Клязьме, Суздаль, Боголюбов, Владимир, Кострома, Галич, Волок Ламский, Дмитров и другие города. Войско Субудая таяло на глазах. Большие потери понес Бурундай на Сити, где "татары велику язву понесоша, паде бо и их немалое множество". Одновременно немалый урон при взятии Твери и мучительном двухнедельном штурме Торжка. Да, жители этой лесной страны оказались воистину "чрезвычайно круты"!

Муромо-рязанская дружина и воины Юрия Всеволодовича были профессиональными военными, с отрочества владели мечом и копьем, не говоря уже об их храбрости, физической силе и выносливости, служебном и моральном долге, священной правоте защитников своих земель, городов, семейств, домашних очагов, храмов, заветов предков, то есть родины. Отчаянно сопротивлялись и простые крестьяне, и ремесленники, и монахи, даже старики и женщины - это была, можно сказать, первая в истории нашего народа отечественная война. Надо бы учесть также ослабление войска Субудая за счет обычных для всякой войны раненых и больных, дезертиров и казненных. Ладно, если после взятия Торжка у Субудая еще оставался один, смертельно уставший от этого лихорадочного зимнего похода, боеспособный тумен, а всего, наверное, два или три, поредевших и разрозненных. Поручение курултая полководец, в сущности, выполнил - разбил войска врагов, взял все города, посеял ужас в этой дальней части света, захватил богатую добычу...

- И огромный полон, о судьбе которого мы собирались вспомнить...

- Она трагична - полон был уничтожен[54].

- Как? Более десяти тысяч человек!

- Полон, что вела орда из Индии, был весь изрублен саблями - сто тысяч человек! Мир до того не знал ничего подобного. Впрочем, через полтора века **Тамерлан** сооружал высокие пирамиды из человеческих голов - это историческая правда, зафиксированная очевидцами. В одну из таких пирамид после взятия Исфагани было набросано семьдесят тысяч голов! А испанские завоеватели полностью уничтожили население столицы средневековой Мексики - это был самый многолюдный город тогдашнего мира, насчитывавший шестьсот тысяч жителей. И Наполеон еще несколько веков спустя по пути в Сирию расстрелял на берегу моря сразу четыре тысячи турок и албанцев, которым он дал перед этим честное благородное слово французского офицера

---

[54] Другой особенностью применения ***хашара*** (согнанное население завоевываемой области) монголами было использование его как непосредственного орудия штурма, его первой волны. Этот бесчеловечный прием помимо основной цели – заставить обороняющихся израсходовать средства обороны по людям ***хашара***, сохранив собственно монголов, давал еще дополнительный психологический эффект воздействия на защитников. Сопротивляться людям, согнанным в ***хашар***, было трудно, если не невозможно: «Если пленные возвращались, не доставив прикрытия к стене, им рубили головы. Поэтому они были настойчивы и наконец пробили брешь».

сохранить их жизни в обмен на сдачу крепости, провиант и воду... Правда, в наши времена мир узнал трагедии Освенцима, Хиросимы и Кампучии...

Что же касается судьбы русского полона под Торжком, то часть его, наверное, погибла при затянувшемся штурме города.

Нападавшие, ослепленные яростью, гнали и гнали толпы ослабевших, голодных, замерзающих людей на стены. Немедленная смерть грозила за малейшее неповиновение, за один косой взгляд - слишком мало оставалось воинов, чтоб думать о том, как сохранить полон до степи. И в тот день, когда ценой последних больших потерь Торжок был взят и орда кинулась к горящим хлебным амбарам, оставшийся в живых полон, должно быть, взбунтовался, перебил ослабленную охрану и кинулся, ища спасения, в лесные чащобы и, конечно, к Новгороду.

- Это - предположение?

- Татищев пишет, что по взятии Торжка враги не только сожгли город и уничтожили его население, но и "...гоняхуся по людех Селигерским путем даже до Игнача креста, секуще люди, аки траву". Население там и сейчас не слишком густое, а тогда оно было куда реже и перед приходом орды загодя разбежалось по лесам, укрылось в Торжке и Новгороде. За время двухнедельной осады Торжка орда прочесала все окрестности и не оставила в них ни фуража, ни скотины, ни людей, сгоняя последних жителей этих мест под стены. Откуда же взялись люди на Селигерском пути? Скорее всего, это и был освободившийся, но беззащитный, как трава, полон.

- Похоже. Только не понимаю, зачем Субудаю было нужно это массовое бессмысленное убийство беззащитных людей? Это же был полководец, а не убийца.

- Наполеона тоже называют гениальным полководцем. Субудай хотел наказать за неповиновение, убрать свидетелей его слабости, а также запугать новгородских разведчиков Селигерской дорогой, загроможденной изрубленными трупами...

Сил у Бату оставалось все меньше, и они были разделены в тот момент на несколько отрядов - Бурундай выходил из Ширенского леса на Селигерский путь, Субудай штурмовал Торжок, отборные сотни охраняли ставку хана, часть войска застряла у Твери - этот город пал, как и Торжок, в марте, и еще какие-то группы грабителей, добравшихся до Костромы и Галича-Мерьского, догоняли главные силы Субудая.

- Но зачем тогда сей выдающийся полководец задержался под Торжком на целых две недели? Ведь, наверное еще под Торжком он понял, что Новгорода ему не видать. Не проще было бы покатать в зубах этот крепкий орешек - последнюю и такую стойкую русскую крепость, - да уйти поскорее с добычей в степь, сберегая время, людей и силы?

- Он не мог этого сделать. Крепкий орешек имел ядрышко, бесценное для Субудая, - большие запасы зерна. И в частности, поэтому конница Бурундая, проделавшая тяжелый бескормный путь лесными заснеженными дорогами по маршруту Владимир - Сить - Ширенскии лес, должна была, наверное, устремиться за сотни километров к Торжку, где надо было во что бы то ни стало подкормить лошадей и наполнить торбы зерном, чтоб его хватило до Новгорода.

- А тут из-за двухнедельной задержки под Торжком путь к Новгороду преградили разлившиеся реки?

- Никакого разлива еще не было.

- Но этого же сейчас нельзя доказать!

- Гидрометеорологических данных по Приильменью на весну 1238 года у нас, конечно, нет, и никогда их ни у кого не будет. Но если бы путь к Новгороду орде преградили разлившиеся реки, то летописи, десятки раз фиксирующие природные факторы, влиявшие на более мелкие политические и военные события, непременно бы отметили это обстоятельство в такой исторически важный момент.

- А что писали о нем историки?

- У Татищева, располагавшего, кстати, несколькими погибшими позже списками, нет ничего про

разлившиеся перед Новгородом реки, вскрывшиеся озера или растаявшие приильменские болота. Правда, в одной из многочисленных редакций его "Истории Российской" есть упоминание о тепле и лесах, преградивших путь Батыю, оно выглядит как предположение автора - летописного подтверждения факта весенней распутицы я не нашел. Молчат о разливе и летописи, найденные после Татищева.

- Однако это все же не доказывает, что распутицы не было, - мало ли сведений летописцы, сидевшие в своих темных кельях, не фиксировали.

- Новгородская земля, между прочим, сохранила больше других земель Руси летописных манускриптов. Это объясняется не только тем, что она уцелела от разорения ордой Бату-Субудая или высоким уровнем грамотности, в ней всегда было больше, чем где-либо на Руси, монастырей, где обычно велось русское летописание. Современный читатель может даже не поверить, но это правда научная - к концу XVII века в одном лишь Новгородском уезде и только монастырей, имевших крепостные дворы, было восемьдесят четыре! В XIII веке их было, конечно, меньше, но, очевидно, достаточно много, потому что до наших дней дошло в целости шестнадцать новгородских летописных манускриптов. Все новгородцы весной 1238 года пережили время тягостной неизвестности, все знали о надвигавшейся по Селигерскому пути опасности, и совершенно невероятно, чтобы многочисленные летописцы не отметили причины отступления Бату-Субудая, если б она была столь обыденно простой и очевидной. Видимо, новгородские летописцы, считавшие свершившийся оборот событий чудом, не знали подлинной причины, которая заключалась в отсутствии достаточных сил у орды, в огромных, почти катастрофических потерях, в просчетах и воинской осторожности Субудая.

- А что говорит по этому поводу другой классик нашей исторической науки - Карамзин?

- "Уже Батый находился в 100 верстах от Новгорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу, но вдруг испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края - к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад"... Как видите, Карамзин тоже ничего не пишет о разливе, а лишь о лесах и болотах, причем сам явно сомневается, что они могли быть истинной решающей причиной поворота орды, потому что вставляет в свою фразу предположительное вводное "как вероятно".

- Ну, а Сергей Михайлович Соловьев с его подробнейшей пятнадцатитомной "Историей России с древнейших времен"?

- В этом фундаментальном труде интересующему нас событию тоже посвящена одна-единственная фраза: "До Торжка дошли Селигерским путем... но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот"... Не будем останавливаться на том, что в тексте отсутствуют те самые "некоторые известия", которые мы тщетно ищем. С. М. Соловьев правильно говорит о боязни приближения весны, хотя это лишь одна, и не самая главная, сторона дела. Куда важнее было совершенно неоспоримое - Субудай вовремя понял, что у него уже не хватит сил, чтобы взять такую мощную крепость, как Новгород. Если б он располагал войском в 200- 250 тысяч сабель и был бы уверен в быстрой победе, то непременно воспользовался бы случаем! И Субудай был напуган, конечно, не лесами и болотами - он прошел ими тысячи верст по стране чжурчжэней и русских, а неминуемой грядущей потерей добычи и гибелью остатков своего войска! И мы не знаем, радостно ли изумилась сильная новгородская дружина, узнав позже истину, иль подосадовала, что упустила свою законную добычу, - не будем идеализировать феодальные времена и нравы с их общепринятыми тогда способами получения, так сказать, нетрудовых доходов...

Раскроем некоторые средневековые источники, где нет ничего о пресловутой распутице, но есть попытки сознательно обмануть соотечественников, спекулируя на их доверии и темноте. Вот как объясняли причины отступления Батыевой орды церковники: "***И поиде к Великому Новуграду, и за 100 верст не доходя возвратися, нападе на него страх, инии глаголют, яко Михаила Архангела виде с оружием путь ему возбраняющее***".

Добавлю, что если этот летописец сделал все же скидку на слух - "инии глаголют", то по другим летописям "объяснение" звучит вполне категорично: "***Новгород же заступил бог и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и святых правоверных архиепископов молитва***". Сколько бурсаков и семинаристов, слушателей духовных академий, священников, грамотных и верующих крестьян, рабочих, купцов, солдат, чиновников, мещан усваивали эту "святую" ложь!

Легенда о распутице, якобы спасшей Новгород, последовательно вдалбливалась в народную память. В конце XIX века московские профессора и приват-доценты выпустили "Русскую историю в очерках и статьях" под общей редакцией М. В. Довнар-Запольского. Это было солидное трехтомное издание, рекомендованное министерством народного просвещения, Святейшим Синодом и военным ведомством для средних учебных заведений, народных читален и библиотек, духовных училищ и семинарий, кадетских корпусов и офицерских школ. Здесь тоже утверждается, что Батый, не дойдя ста верст до Новгорода, "***быстро пошел обратно в придонские половецкие степи, избегая начавшейся распутицы. Это обстоятельство и спасло Новгород от погрома***" (курсив мой. - В. Ч.).

Совсем иная причина отступления орды от Новгорода выставляется в другом, тоже светском и общедоступном источнике. "Большая энциклопедия" под редакцией С. Н. Южакова, нужный нам том которой вышел в 1900 году, создавалась в основном либеральной профессурой, видными научными и общественными деятелями того времени и адресовалась главным образом интеллигенции. Подобно любой другой энциклопедии, это массовое издание содержит немало конкретных полезных сведений, концентрированно отражающих уровень знаний своей эпохи. Но вот как выглядит там военная ситуация зимы 1237/38 года: "***Страшному опустошению подверглась земля Рязанская и Суздальская. Затем Б. (то есть Батый. - В. Ч.) приказал остановиться. Причиной остановки было то обстоятельство, что нарушился стратегический план, начертанный Б., произошла путаница, и Б. не решился составлять нового плана в чужой земле***". Неизвестно, кто из ученых авторов писал эти строки, но курировал военный отдел профессор А. С. Лыкошин... Ах, ученые профессора, ах, милые либералы-просветители! Не стану поминать вас какими бы то ни было словами, спите спокойно, вы сделали свое дело...

Любознательный Читатель. Выходит, стоило Б. избежать некой путаницы или решиться начертать новый стратегический план в чужой земле, и он бы не остановился - пошел да и взял бы Новгород?!

- Знаете, со следующего тома на титульных листах этой энциклопедии начало печататься постоянное объявление о том, что она "рекомендована Главным управлением военно-учебных заведений в фундаментальные библиотеки кадетских корпусов и военных училищ".

- Нет слов... Итак, Субудай остановился перед Новгородом, у **Игнача креста**. Где был этот летописный Игнач крест?

- В середине прошлого века историк С. М. Соловьев предположил, что Игнач крест - это селеньице Крестцы, лежащее на кратчайшем прямом пути между Торжком и Новгородом.

Авторитет Соловьева был велик, и его мнение поддержал позже коллектив географов, историков, этнографов, экономистов и статистиков, создавший под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского фундаментальное многотомное географическое описание "Россия". Но в средневековье там не могло существовать никаких дорог - ни зимних, ни летних!

Прямой путь из Торжка к Новгороду преграждали дремучие леса и сырые низины, пересекали десятки рек, сотни ручьев, речек, болот и озер. Поддерживать в порядке столь протяженную магистральную дорогу было в те времена делом невозможным и бессмысленным - тележные и санные проезды быстро бы захламлялись валежником и заметались снегами, гати тонули, мосты сгнивали, насыпи размывались дождями да полыми водами, а летописцы сообщают, что средневековые войска всегда ждали, "егда ледове встанут".

17. Глава 17

Вспоминаю, как сидел я за своим письменным столом и, пытаясь представить себе маршрут авангарда Субудая, разглядывал подробную карту Новгородской области с добрым куском Калининской. Вошел гостивший у меня старший брат Иван и остановился за спиной. Он у нас ведь в нашу покойную мать - маленький, щуплый и такой же как она, тихий, вечный трудяга.

Иван почему-то заволновался, торопливо закурил, увидев карту, начал водить по ней пальцем и произносить какие-то невнятности:

- Ага. Вот это... М-м... Тут тоже... Да!.. Ну, это потом, уже в полку... Скажи! Тридцать пять лет прошло, а помню как сейчас!

- Ты что, воевал там, что ли?

- Ну... А тут мы с Сережкой Морозовым встретились. Это надо же: три тысячи верст фронта - и встретить братана вот на этом болоте! - И он ткнул пальцем в синие черточки близ озера Селигер.

Все эти годы мы жили вдалеке друг от друга, встречались редко, и как-то не доводилось поговорить о подробностях его солдатской службы. Помню, как перед Отечественной они с двоюродным братом Сергеем Морозовым, племянником мамы, появились в нашем тайгинском домишке. Мне тогда было чуть больше десяти, им всего-то по двадцать пять, но в моих глазах они предстали полусказочными героями, особенно, конечно, Сергей. Иван вернулся с финской, а Сергей горел в танке на Халхин-Голе, и к его гимнастерке был привинчен редкий по тогдашним временам орден боевого Красного Знамени. В нашей избенке сразу стало тесно, когда он вошел, а потом мама всегда вздрагивала от его внезапного громоподобного хохота.

- Из-за этого жуткого баса мы и нашлись вот тут в сорок третьем. Танки в тумане грохотали мимо к Ловати, но здесь остановились из-за встречных порожних машин. Слышу, лязгнула башенная крышка переднего танка, и сверху страшная ругань - аж моторы притихли. "Серега! - кричу. - Дьявол, ты?" - "Ну я, а ты кто такой?" - "Иван", - отвечаю. "Что ты тут делаешь?" - "Дорогой этой командую". - "Черт меня побери! Слушай, Ваня, пропускай нас сейчас же, а то враз сковырну эти твои мусорные ящики на колесах! Отгоню свою железяку и разыщу тебя"... И правда, прикатил перед большим боем на Ловати. Ну, побаловались спиртиком, и он уехал. А через неделю Серега утопил свой танк в болоте...

- Как это?

- Да так. Немцев за Ловать проперли еще зимой, и они там все лето тихо сидели, иногда только по-немецки: пук, пук! И вот у нас чья-то голова додумалась наступать по причине фактора неожиданности. А там же топи - я их на всю жизнь запомнил! Пошли без артподготовки, только "катюши" немного поработали - мы им с весны припас подвозили. Танки сразу же сели по уши. Серега, пока тонул, сумел расстрелять весь боезапас за Ловать, кой-как вылез в темноте с экипажем и деру по болотам... В этих местах мы долго еще грязь хлебали. Потом на Кенигсберг меня, оттуда срочно бросили на Прагу, а Серега пошел на Берлин. Он еще три раза в танке горел, но несгораемым оказался. Братьев пережил, хотя они и не воевали...

- Да тоже, знаешь, воевали, Ваня... Каждому свое. Их было трое, братьев Морозовых, на нашей улице в Мариинске. Старшего, Павла, огневого парня, заводилу мариинского комсомола, хоронил весь город; его убили из обреза мясники, но это было до меня. Второго, **Петра Ивановича**, я знал много, лет. Тоже орел был. Как я уже рассказывал, он работал в Сибири, Москве и на Дальнем Востоке - первым секретарем Амурского обкома партии, последний свой десяток лет на посту заместителя министра сельского хозяйства СССР. Мы виделись с ним по праздникам, редко по будням, иногда ездили на рыбалку Умер он неожиданно. Схоронили его на Новодевичьем, по соседству с певцом С. Я. Лемешевым и писателем К. А. Фединым. Поставили камень с орлиным профилем, и я, бывая у этой могилы, всякий раз вспоминаю скромное кладбище на окраине Тайги, где рядом похоронены наши отцы, рабочие-железнодорожники...

- Да, Петр ушел рановато, - с грустью говорит Иван. - А Серегу-то парализовало, слышал? Лежит

сейчас в Омске, не говорит, еле двигается, но живет! И после войны четырех сынов успел вырастить, такие богатыри!

Иван смотрит долгим взглядом на карту и спрашивает:

- У истока Волги никогда не был?

- Не был, - виновато сознаюсь я. - Знаешь, сколько лет собираюсь...

- А мы были... Стоит часовенка, под ней чистая лужица.

- Что говорили, Вань?

- Ничего. Какие слова, если такая война да исток Волги?

- Это верно.

- Просто попили той воды да фляжки наполнили для ребят...

Иван опять закуривает, не отрывая взгляда от карты.

-Вот тут, недалеко от начала Волги, в Мареве, стояла наша база.

- Расскажи.

- А что рассказывать-то? Служба у меня была не пыльная...

Его письма-треугольники, написанные каллиграфическим почерком, почтальонша приносила не часто и не редко, но регулярно. В них, правда, ничего не было про войну а больше все вопросы про наше житье. Мама просила меня читать их по нескольку раз и всегда чутко слушала, пытаясь угадать, что кроется за неизменными словами Ивана: "бьем фрица", "полный порядок" и "служба у меня не пыльная"...

- Помнишь хорошую песню про вашего брата фронтового шофера? - говорю я Ивану. - "Эх, дороги! Пыль да туман..."

- Ну, туманов-то там было хоть отбавляй, и они нас не раз выручали. Затянет болота, и мы радуемся - бомбежки не будет, газуй спокойно! А вот пыли совсем не было... Наступали то мы зимой - какая пыль? Дорогу помню отличную вот тут по Селигеру и дальше, по речным льдам, как по шоссе. Поперли фрица вот сюда, за Ловать, он все побросал. Помню, я сразу засек штабной опель-фургон в болоте. Влезаю - ящички, столики, а на счетчике всего полторы тысячи километров, ну, значит, от Берлина до Марева, дальше не дошла. Машина была в порядке, только радиатор нашим штыком пропорот. Завелась с полуоборота.

Порядок! Целый день вырубал ее изо льда, вытащил на чистое место. Ребята подъехали, быстро из железной бочки печку соорудили, нарубили немецких покрышек, отогрелись. С того фургона и началась наша база.

- А что она делала?

- Возила снаряды, патроны, продовольствие, горючее, овес: тогда еще кавалерия была. Все возили, что надо. Весь март и даже в апреле еще возили.

- Март и апрель? - уточняю я.

- Ну. Правда, под конец стала не езда, а погибель. Крадешься, бывало, - колеса уже в воде. Жалюзи прикроешь, чтоб вентилятор и свечи не заливало, рулишь туда, где побольше травы да кочкарника из воды торчит, но чувствуешь - болотный лед уже все, не держит, садится. Ну, начали и мы садиться. Раз я двое суток сидел без еды со снарядами. Лебедочный трос весь порвал и, пока снаряды не перетаскал к лесу, не мог вылезти...

С боевым грузом это был мой последний рейс перед половодьем. Там ведь есть топи - по четыре метра торфа и сапропеля! Танк Сережки Морозова, думаю, по сей день на дне болота рядом с другими...

- Да, у тебя не пыльная была служба... А в половодье, значит, отдохнули?

- Не отдыхали. Бревна возили. Саперы делали через топи дорогу... Знаешь, я всю действительную за баранкой, и финскую. Братскую руку Прибалтике подавал из кабины, этой

войны уже было почти два года, но не думал, что в сорок третьем за Селигером такая дорога может быть!

- Ну, а какая?

- Прямая, как стрела, черт бы ее любил!

Иван засмеялся.

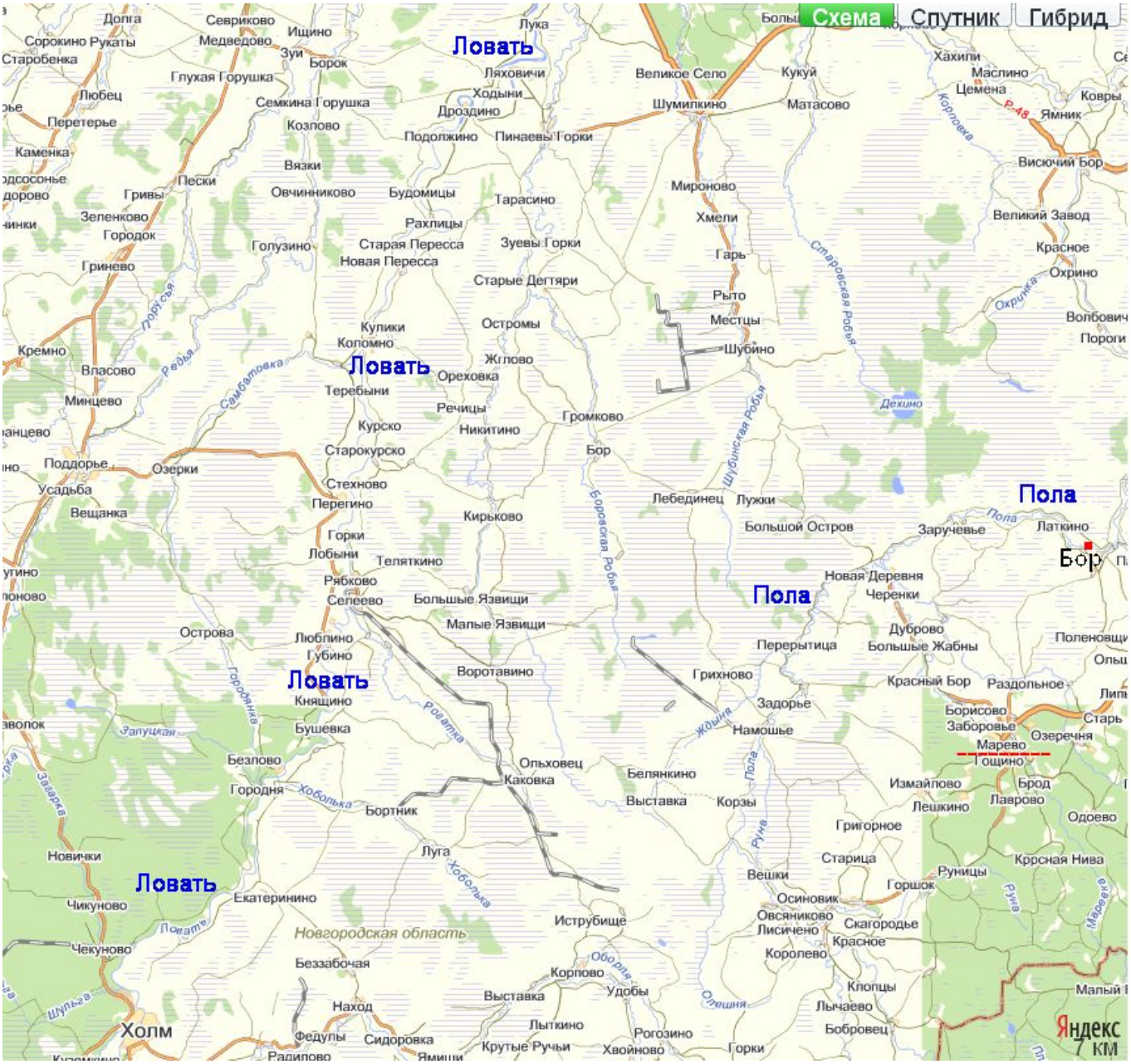
- Представь себе - клети на топях из лесин, а по ним с двух сторон по два бревна. Передние колеса рулем меж бревен держишь, а о задних только первый рейс думаешь и зыбь внизу чувствуешь. Начальный сквозной рейс я сделал на полуторке сам, потому что был в батальоне постарше и поопытней остальных. Потом все привыкли, гоняли, как по земле. Ну, соскочишь другой раз с колеи, зависнешь на заднем мосту или рессоре, поддомкратишь, и полный порядок! Ну, иногда, конечно, по уши в воде, но почему-то ничем не болели. Все лето возили.

- Как эта дорога шла?

- А вот - от Марева через Полу, что течет в озеро Ильмень, мост был, а тут уж недалеко, в тридцати километрах от Марева, и Бор. Где он? Да вот и, Бор! А за ним уж линия фронта, Ловать. Вдоль нашей дороги телефон был протянут, разъездные карманы сделаны. Освоились, только комарья тучи да паутов[55] - мы их мессершмиттами звали... И, конечно, неприятно, когда он, натуральный-то "паут", пикирует на тебя. Попадет, думаешь, в кузов, где "катюшины" подарки, все вмиг сгорит - и ты, и дорогая эта дорога, А он как горохом или градом по воде-шррр! Потом бомбы-хлюп, хлюп в болото. В крайнем случае кабину шевельнет, грязью обдаст да и скроется за Ловать.

---

[55] Пау́т – слепень, овод. **I** *Сибирь, Дальний Восток* - слепень. …Попутно замечу, что двух последних иногда даже в печати не различают. Но слепень (его еще называют паутом) пьет кровь, овод — нет. **II** *Европейская часть России (редко, в основном в сельских диалектах)* - овод



Первый раз только было страшновато, еще весной, когда дорогу тянули. Выехал-то я из Марева в тумане, потом солнце показалось, разогнало туман. Вижу - заходит на меня в лоб, а я газую вовсю и почему-то досадую, что не успел показать ребятам, у каких берез мои гильзы снарядные стоят - соку в них натекло уже, думаю, по горлышко...

Иван грустно засмеялся и снова закурил.

- Ты так и шоферил всю войну?

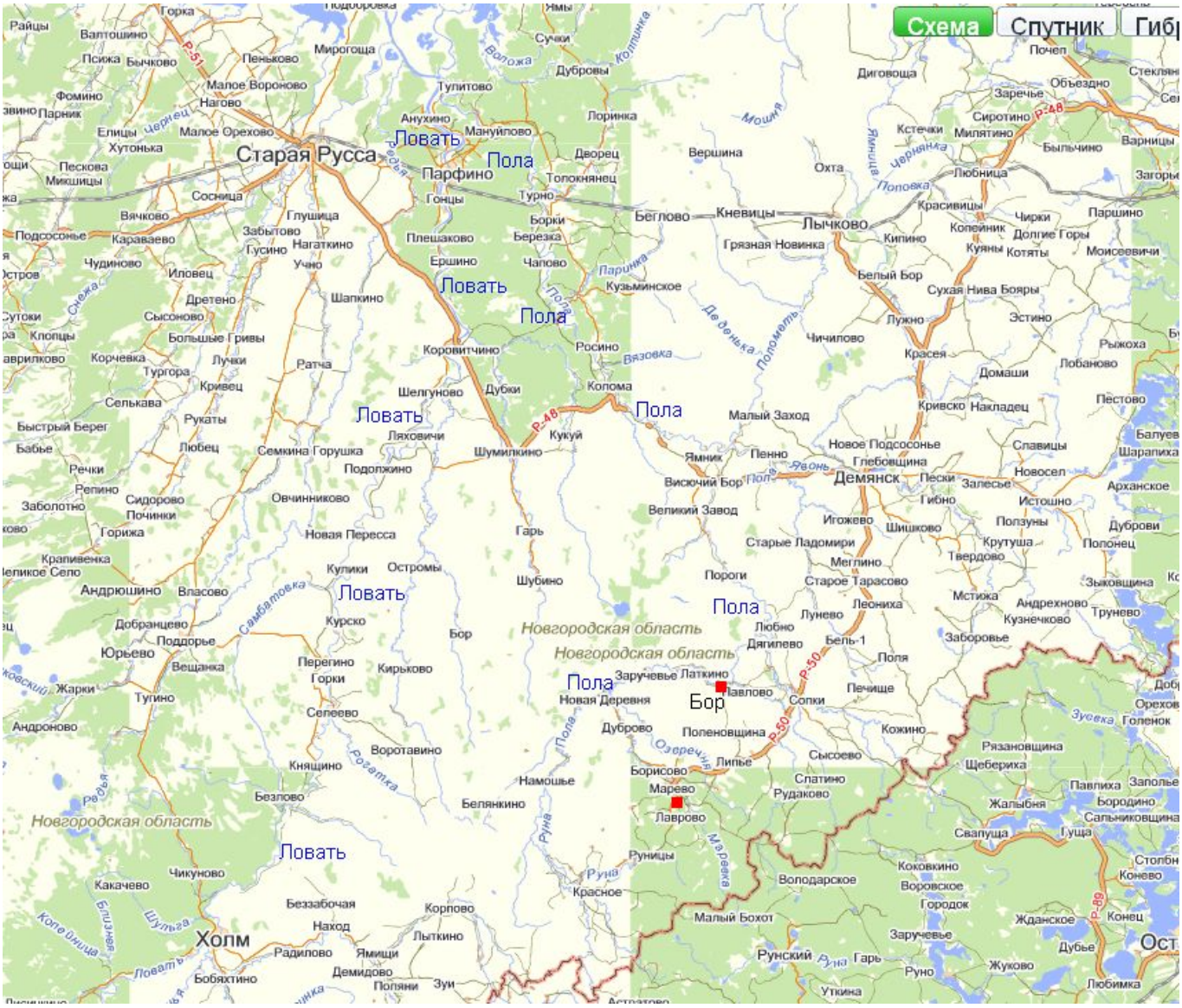
- Нет, скоро в гору пошел... Когда двинулись серьезные подкрепления, у нас наступила передышка, и я начал аккумуляторы перебирать. А перед этим написал в полк, чтобы срочно прислали кислоты и баллонов, иначе кранты. И вот сижу в своем фургоне, вожусь с аккумуляторами и слышу незнакомый приказной голос: "Где тут старшина Иван Чивилихин?" Выскакиваю, а штаны-то у меня кислотой сожжены, из них получились трусы, или, верней сказать, по сегодняшнему-то, шорты. Гляжу - полковник. Обозрел он меня со всех сторон, крякнул и, вижу - достал из планшета докладную. "Это ты писал?"- недоверчиво спрашивает. "Так точно!" - отвечаю, а сам думаю: в чем дело? Баллоны, кислоту вроде уже прислали...

Ладно. "Откуда у тебя такой инженерский почерк?"- спрашивает.

- "Практика, говорю. Техникум кончал, чертежи ребятам вечно подписывал".

- "Лейтенанта я вашего забрал в полк, а тебя пока оставляю в этом автобате за диспетчера"...

Ну, недолго я покомандовал той деревянной дорогой. После боя вывез по ней раненых, и полковник Миронов определил меня в писаря. Служба была непыльная, но к машинам и ребятам тянуло - не могу передать. Почую бензин - тяну носом, как собака на тяге. По итоговым сводкам и оперативным докладным полковник заметил, что писаришка штабной немного кумекает в автохозяйстве. Перед большим зимним наступлением сделали меня младшим лейтенантом и диспетчером нашего пятьдесят третьего автополка... Девятьсот машин! Не шутка. Начали готовить штурм Ловати - он за ней здорово укрепился, время было. Когда льды наморозило, поехали снова по Селигеру, по Вселугу, Стержу, по болотам, а особенно Пола выручала. Гляди!



Он повел пальцем по синей жилке.

- Это не река - это был божий подарок! По льду ее восточных притоков - смотри! - Поломети, Явони, Щеберихи и вот тут, мимо Марева, грузы и техника шли на Полу, а она льнет к Ловати. У Ильменя они сходятся, и туда - на Новгород - был нацелен главный удар. По льду Полы машины шли втрое быстрее, чем по лесам и болотам... Эх, Пола, Пола!

Пола, Пола... Стоп! Где-то я, не то у Татищева, не то в летописях, встречал название этой реки! Схватил с полки второй том "Истории Российской" Татищева. Да, вот оно, переложение события 6455-го, то есть 947 года: "Ольга, оставя в Киеве во управлении сына своего, сама со многими вельможи пошла к Новугороду в устрой по Мете и по Поле погосты[56]"...

---

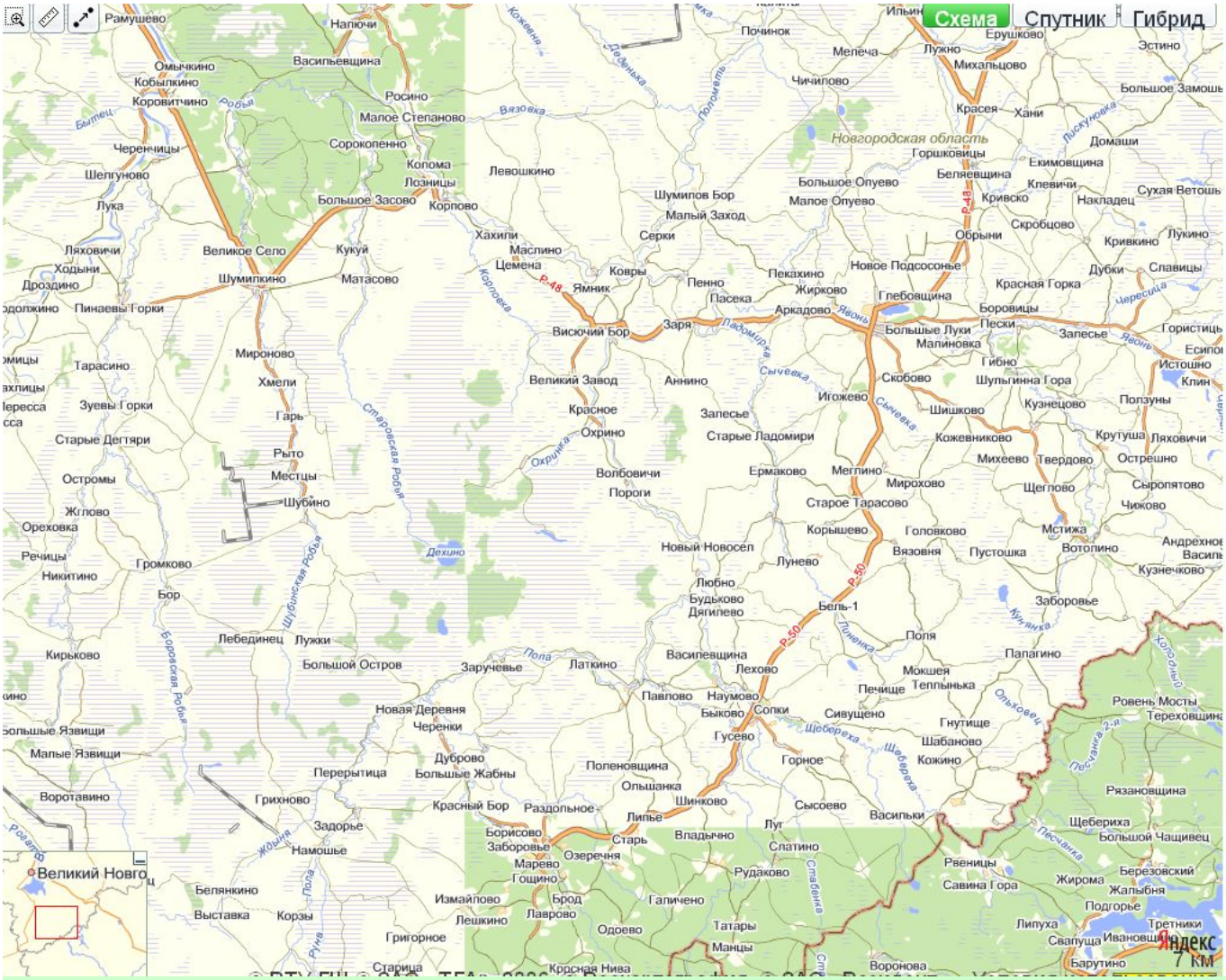
[56] **Пого́ст** — административно-территориальная единица на Руси. Впервые административно-территориально деление

- Ты чего там? - недоуменно спросил Иван.

- Понимаешь, почти за тысячу лет до твоих машин по этой Поле проехала княгиня Ольга, наверное, навестить свою родину, и селения, то есть погосты, устроила. Зимой, наверно, потому, что все лето перед этим она осаждала древлянскую столицу Искоростень. Конечно, зимой! Дальше ясно написано: "...а сани ея стоят в Плескове и до сего дни".

- Зимой как по шоссе,- профессионально подтверждает брат Иван, глубоко затягиваясь дымом.

- Слушай, а вот по твоему опыту, шоферскому и диспетчерскому: какой тут самый скорый зимний путь до Новгорода?



- Селигером, - говорит Иван, не глядя на карту. - Мимо Столбенского острова. Перед большим островом Хачиным налево, пока не упрешься в берег, а там мимо Березовского городища немного лесом и небольшим озерцом на Щебериху. По ней на Полу, к Ильменю, тут тебе и Новгород... Все эти дороги я знал как свои пять пальцев. И бездорожья тоже... Осташков, Валдай, Старая Русса.., Новгород, помню, взяли в январе сорок четвертого. Севернее Волховский фронт здорово жиманул...

- Удивительное совпадение! - вдруг вырвалось у меня.

- А что?

- Ты тут воевал, Сергей Морозов тоже, а на Волховском, рядом с вами, Анатолий Чивилихин.

на Руси установила княгиня Ольга, поделив Новгородскую землю на погосты, установив для них уроки, погост тем самым ассоциировался с местом остановки князя и его дружины во время сбора урока — погостьем (своего рода постоялый двор, от слов погостить, гостить, гостиница).

- Да ну! Не знал. Я с ним перед финской в Ленинграде встречался, он мне первую книжку свою подарил. После не привелось... Не дожил Толя, а зря...

У нас с поэтом Анатолием Чивилихиным общий предок. Рязанский мужик из-под Пронска Егор Кирилыч Чивилихин был его дед, наш с Иваном прадед. Деревня та исчезла с рязанской земли, но память о ней пока живет среди нашей московской родни, и всех нас называют по-уличному по имени моего прапрадеда, имя которого запомнилось, - Кирилиными.

А Толя двадцатидвухлетним студентом химического института выпустил перед войной первый сборник стихов, который я до сих пор храню; его в Тайге оставил Иван, уходя на фронт.

Книжки выходили и после войны, и после его трагической смерти в 1957 году - он, человек ясной, доверчивой и правдивой души, не захотел больше жить, и я не берусь его судить... Помню, весной того года я успел подарить ему свою первую книжку с шутливой и задиристой стихотворной надписью:

Понятно, мы с вами вдвоем

Не стоим любого Толстого,

Но все-таки скажем слово,

Негромкое, но свое.

Анатолий Чивилихин писал негромкие, но удивительно чистые стихи, иногда обращаясь к словам забытым, старорусским.

Во время последней встречи он, помнится, сказал мне, что в нашем языке лежат под спудом нетронутые клады, а когда я по молодости, по глупости спросил его, не будут ли нас путать из-за нашей довольно редкой, но все же одинаковой фамилии и не следует ли мне взять какой-нибудь псевдоним, он засмеялся и ответил, что в русской литературе всем и всегда хватит дорог, а насчет путаницы - это зависит не только от нас. Смешно и грустно, однако после его смерти нет-нет да и приходили в мой адрес письма читателей и редакторов издательств, адресованные ему, а в предпоследнем томе последней БСЭ в краткой моей персоналии приписаны мне его "Стихотворения" 1974 года издания...

- Иван, - говорю, - я помню много стихов Анатолия, но тебе хочу прочитать одно, фронтовое. Он ведь на Волхове и отступал и наступал... Эти стихи Михаил Дудин читал над его гробом. Слушай...

Отход прикрывает четвертая рота,

Над Волховом мутное солнце встает.

Немецкая нас прижимает пехота,

Спокойствие, мы прикрываем отход.

Браток, вон камней развороченных груда.

Туда доползи, прихвати пулемет.

Кто лишний - скорей выметайся отсюда!

Не видишь, что мы прикрываем отход.

Прощайте! Не вам эта выпала доля...

Не все ж отходит", ведь наступит черед!

Нам надобно час продержаться, не боле.

Продержимся - мы прикрываем отход.

Не думай - умру, от своих не отстану.

Вон катер последний концы отдает.

Плыви, коль поспеешь, скажи капитану:

Мы все полегли, мы. прикрыли отход.

- Хорошие стихи. Солдатские, - сказал Иван. Лицо его вдруг закаменело, и он медленно, вспоминательно произнес: - А от Новгорода Великого сорок домов осталось...

Мы помолчали, и я вернул его к прежнему разговору, к Селигеру.

- А был ты вот тут, на Березовском городище?

- Да везде я тут был! И не раз.

- А в Крестцах?

- Как же, - он подвигается к столу. - Здесь проходили, вот тут насквозь. Где на моторах, где на руках... Потом образовали нашу двадцать первую автомобильную бригаду - и на Кенигсберг!

Он замолк... Люблю слушать старых солдат! Только вот с братом Иваном поздновато разговорились. Ему уже под семьдесят, однако седины у него меньше, чем у меня, с самых послевоенных лет продолжает трудиться на Крайнем Севере по нефти-газу, работенка снова, можно сказать, не пыльная. Одно его только заботит - фронтовая награда.

- Разминулись мы с ним, понимаешь, ни он меня разыскать не может, ни я его, хотя все документы, указ - налицо. Гляди!

Рассматриваю старенький военный билет капитана запаса и цифры, означающие один-единственный, ему принадлежащий орден Красной Звезды. Надо найти, был бы совсем полный порядок.

...Весной 1981 года, возвращаясь из Чернигова, с похорон трагически погибшего нашего младшего брата Бориса, Иван умер в московском такси - трансмуральный инфаркт. Вскоре не стало и Сергея Морозова.

18. Глава 18

Не было человека, выдерживающего сверлящий взгляд Субудая, а этот бородатый урусский певец со спокойными и глубокими, как стоячая вода великого внутреннего моря, очами почему-то не трепетал перед старым воителем, смотрел не в сторону, не вниз и не на его красное веко, а прямо в правый глаз, который старался не замечать даже внук Темучина сын Джучи.

Белые руки раба не были испорчены черной работой и как будто никогда не держали тяжелого урусского топора или меча.

Раб, однако, хорошо рассказал про великий город урусов, где большие богатства и сильная крепость, а княжит в нем молодой ясный сокол, сын великого князя Ярослава, что недавно владел главным южным городом урусов Киевом.

- Мой дед бывал в Кивамане, - робким полушепотом добавил кипчак-переводчик и закатил глаза.

Субудай подумал, что ему, наверное, не доведется уже увидеть этого города - Субудая возьмет небо, а Кивамань возьмет Бурундай, если сумеет уйти отсюда в степь. Только Бурундай - это волк среди овец, но волк с головой барана: зачем он убил, как донесли Субудаю, последнего князя восточного улуса - кто там будет собирать дань?

- Спроси, - приказал Субудай толмачу. - Сколько у великого князя сыновей?

- Александр Ярославич, что княжит в Новгороде Великом, - начал певец, и Субудай в широком рукаве теплого халата из страны джурдже тайком загнул мизинец правой руки. - Андрей Ярославич, Константин Ярославич, Михаил Ярославич, Василий Ярославич...

Пальцы левой руки не гнулись, и Субудай, прислушиваясь к трудным именам, снова начал с того же мизинца.

- Ярослав Ярославич и Даниил Ярославич.

- Пять и еще два, - удовлетворенно пробормотал Субудай. - Семь...

Любознательный Читатель. В Новгороде, выходит, сидел в это время будущий Александр Невский? Почему же **он не помог** хотя бы Торжку?

- Возможно, он и успел помочь, усилив перед приходом орды гарнизон рубежной крепости княжества, отчего, в частности, она и продержалась две недели. И очень может быть, что, выйди он вовремя с новгородской ратью навстречу орде, ему удалось бы уничтожить уже сильно ослабленные отряды Субудая и Бурундая. Но чтоб на это решиться семнадцатилетнему князю, надо было более или менее достоверно знать численность их сил.

Ведь беженцы, видевшие, как конная орда заполняла их маленькие города и села, в один голос уверяли, что безбожные агаряне всюду и несть им числа. И Александр, человек, несомненно, наделенный недюжинным военным талантом, принял правильное решение обороняться с забрал. Не исключено также, что новгородцы на водораздельных волоках преградили лесными завалами дальние южные подступы к городу, изготовились сражаться на ближних ледовых дорогах. А оборону Торжка, быть может, стоило бы счесть даже тактической ошибкой - новоторам лучше было бы загодя вывезти или сжечь хлеб да укрыться за надежными новгородскими стенами. Субудай кинулся бы туда, рассчитывая быстро, как Рязань или Владимир, взять Новгород и Псков, застрял бы там с осадой на месяц-полтора, и весна отрезала б навсегда его погибающую без корма конницу от степи.

- И юный Александр стал бы Ильменским?

- Или Волховским. Однако можно предположить и другие последствия - трагические и непоправимые. Монгольский курултай, не дождавшись к лету Батыя со всеми чингизидами, Субудая и Бурундая с войском, собрал бы в степи и послал десяток свежих туменов на Новгород и Псков, уничтожив эти столпы русской средневековой цивилизации, что могло полностью повернуть не только дальнейшую историю нашего народа, но и историю всей Евразии...

Семеро Ярославичей, внуков Всеволода Большое Гнездо, пережили нашествие с востока, а старший из них, Александр, прекрасно, конечно, представлявший себе еще в 1238 году огромную угрозу с севера, северо-запада и запада, разбил через два года шведов, через четыре - немецких рыцарей, нейтрализовал литовцев и в течение двух десятилетий вел тончайшую дипломатию, сохранив меж четырех огней единственный, островок русской национальной независимости...

При свете двух плошек, в которых горело пахучее урусское масло, кипчак видел, как Субудай неотрывно смотрит в глаза уруса, и удивился: самые храбрые воины, не знавшие страха, больше всего на свете боялись того момента, когда Субудай обернет к ним свое красное веко, а этот раб... Не спуская взгляда с уруса, полководец спросил толмача:

- Почему он меня не боится?

Толмач перевел ответ:

- В душе певца живут боги, которые не подвластны земным владыкам.

- А боится он или не боится смерти? - мертвым голосом спросил Субудай.

- Так же, как великий богатур-воитель.

- Мудро и смело ответил... Пусть тогда споет.

Кипчак и урус перекинулись двумя-тремя словами, замолчали. Кипчак дрожал от страха.

- Говори! - приказал Субудай.

- Не смею, - весь трепеща, пробормотал кипчак.

- Говори!

- Он не будет петь.

- Почему? - Глаз Субудая начал наливаться кровью.

- Он голоден.

Субудай успокоился. Певцов надо кормить: они поют тем, кто дает им мясо, или тем, кто обещает дать мясо.

- Дай ему мяса.

Кипчак подполз к белой урусской ткани, уставленной глиняными чашками с едой, взял кусок баранины, но урус отрицательно покачал головой.

- Он не ест мяса, - робко сказал кипчак. - У них великое неедение, пост.

Субудай задумался, а кипчак ждал, что будет дальше,

- Пусть подойдет и возьмет сам что хочет.

Урус сделал шаг вперед, опустился на колени, взял со скатерти немного хлеба и горсть сушеных яблок, сел в темном углу. Кипчак заметил, что руки у него совсем не дрожали.

Субудай сидел, опустив голову, и, казалось, засыпал, а толмач с удивлением наблюдал, как неторопливо жует и обирает с бороды крошки урус. Но вот певец закончил трапезу, вытер тряпицей губы, помахал перед ними двумя пальцами, сложенными вместе, и Субудай увидел, что он принял из рук кипчака деревянное корытце, на которое были туго натянуты тонкие желтые жилы.

Раб положил корытце на колени, перебрал жилы быстрыми пальцами и, чуть покачиваясь, запел первым, горловым голосом, как поют все эти кипчаки, хорезмийцы, индийцы, персы, джурдже и гурджии. А на родине Субудая поют стоя, чтоб вмещалось побольше воздуха для голоса второго, что идет из глубокой середины груди. Так нигде во вселенной не поют, подумал Субудай с гордостью, и под убаюкивающий рокот жил стал думать о богатом городе, укрывшемся за льдами и снегами, и самом богатом городе Урусов Кивамань, о семи урусских братьях-княжичах, потом начал вспоминать чингизидов, вышедших с ним в этот поход, который получался под конец таким тяжелым.

Не сосчитал Субудай Кулькана, самого младшего сына Темучина, потому что его уже не было совсем, - он принял под урусской крепостью смерть. Субудай не стал считать и Бури, правнука Темучина, и внука Темучина Гуюка, сына каана Угедея, потому что они, как все чингизиды, больше всего любят соколиную охоту и вино, а своими распрями с Бату мешают Субудаю - приходится их тут посылать на покорение дальних маленьких селений. Не загнул он пальца, вспомнив Монке и Бучека, внуков Темучина, сыновей его четвертого сына Толуя, потому что их не было здесь. Субудай уничтожил с Толуем-отцом народ джурдже, и Монке с Бучеком тоже воины - рыщут в просторных степях, и враги рассыпаются перед ними, как стада маленьких диких кипчакских коз, которых не догнать и на мерине хорошего хода. И хотя Субудаю как воину было все равно, здесь Бату, внук Темучина, сын его старшего сына Джучи, или не здесь, он начал счет с него, потому что тот был здесь. Дальше шли его братья, внуки Темучина Орда, Шейбани и Тангут, и еще два внука Темучина - сын Джагатая Байдар и второй сын каана[57] Кадан. Сосчитал и сына Эльчжигидая Аргасуна, который не был чингизидом - его дед Качиун приходился братом Темучину, но Аргасун здесь, тоже заносится перед Бату, и его надо считать.

Четыре, два и один - семь... Тоже семь!

- О чем он пел? - спросил Субудай, взглянув смолкшему певцу в глаза, вдруг застывшие, как лед.

- О великом князе урусов Ульдемире, что жил в те времена, когда предки кипчаков еще не знали этой страны, не разделенной на улусы, и урусском батыре Иль-я, отрубающем врагу семь голов.

---

[57] каган - титул верховных повелителей у монголов *(Источник: "Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Чудинов А.Н., 1910)*

- Семь? - помрачнел Субудай и, чтоб услышала охрана, повысил голос: - Сломайте ему спину!

Раба взяли за слабые руки, повели - пусть расскажет своим богам, что Субудай может быть благодарным за то, что они сохранили для него спасительное зерно. За пологом юрты тоскливо, тягуче завыла собака урусского певца. Внезапно, словно озаренный, Субудай вскинул голову и подал телохранителю знак, отменяющий приказ. Тот кинулся наружу, крикнул слово, и оно передалось в сторону леса, удаляясь, Субудай впился глазом в колышущийся полог юрты - успеют или нет? Урус может пригодиться, он знает все эти места.

Надо скорей уходить отсюда в степь! Фуража мало, потому что длинные урусские строения с зерном горели, когда войско ворвалось в город, и Субудай впервые за всю свою жизнь приказал не поджигать, а гасить. Подгорелого этого зерна не хватило на всех коней, и часть войска во главе с Бурундаем ушла вперед, к большому урусскому озеру. Разведка доносила, что селения стали редки, безлюдны и корма в них нет... Как там Урянктай?

Реку Полу, "божий подарок" в рассказе Ивана, я запомнил, на Крестцах же поставил крест. Орда там не могла быть, хотя, повторяю, и Соловьев, и Семенов-ТянШанский с коллегами выводили ее именно туда. А В. Ян в романе "Батый" направил основные силы орды после битвы на Сити прямо к Игначу кресту, неизвестно где расположенному, минуя Торжок...

Если даже допустить, что орда попыталась пройти к Новгороду напрямую - лесами, попутными речными, болотными и озерными ледяными дорогами, как отряд Бурундая от Сити до Селигерского пути, то напрашивается множество аргументов, каждый из которых, а особенно все вместе, решительно отвергает этот маршрут.

1. Лесной прямопуток через район теперешних Крестцов был труднопроходимым, ненаселенным, а уставшая и поредевшая степная конница очень спешила и нуждалась в прокорме.
2. Игнач-крест был хорошо известен в средневековой Руси, очевидно, как ориентирующий знак, устанавливаемый обычно на важных точках водных путей. Орография[58] же местности и течение реки Холовы в районе Крестцов ничем особым не были примечательны.
3. Такие события, как нашествие орды, кровавое ристалище по дороге на Новгород и финальная остановка страшного врага, должны бы отложиться в народной памяти и местной топонимике.

   Живущие по Сити крестьяне из поколения в поколение и до сего дня хранят предания о том, что в селе Становище был княжеский стан, Юрьевское стоит вблизи места убиения Юрия Всеволодовича, в Судьбище казнили захваченных живыми русских воинов, на Бабью гору вышли навстречу орде с вилами и топорами бабы и девки, узнавшие о гибели своих мужей, отцов, братьев, сыновей, женихов, - они предпочли скорую смерть поруганию... В окрестностях же Крестцов не услышишь даже намека на события весны 1238 года.
4. От Игнача креста до Новгорода было сто средневековых, то есть двухкилометровых с небольшим, верст - чуть поболе двухсот километров. От Крестцов же до Новгорода, если даже считать по современному спрямленному пути, - менее восьмидесяти.
5. Селение Крестцы появилось в поздние времена, и название это определилось скрещением здесь дорог, а в соседней Ямской Слободе содержались конюшни и жили ямщики, обслуживающие дороги.
6. Субудай, командовавший набегом, имел за плечами огромный опыт военных походов в гигантском треугольнике между низовьями Амура и Хуанхэ, верховьями Тигра и Евфрата, истоками Волги, Днепра и Западной Двины; он прекрасно знал возможности конницы, которая за зиму прошла ледовыми дорогами тысячу километров, у него была блестяще поставлена разведка, и, несомненно, он выбрал в марте 1238 года наилучший, самый удобный путь к

---

[58] Орография - (от греч. óros — гора и...графия), раздел геоморфологии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа (хребтов, возвышенностей, котловин и т.п.) по их внешним признакам вне зависимости от происхождения.

Новгороду. Скорее всего, однако, что и выбирать-то ему не пришлось - авангард просто поскакал по свежему следу беженцев, "***секуще люди, аки траву***".

7. Крестцы расположены далеко в стороне от древнего Селигерского пути, по которому ринулась орда после взятия Торжка, о. чем столь недвусмысленно сообщают разные летописи и автор их главного свода-переложения В. Н. Татищев...

Селигерский путь, несомненно, существовал задолго до вояжа Ольги, еще в древнюю нашу бытность. Этим наиболее удобным путем ходили к словенам поляне, северяне, вятичи, по нему шли позже в лесные глубины юго-востока ушкуйники[59], на нем господин Великий Новгород основал свой торговый и военный форпост - Новый Торг, а летописная средневековая история не раз упоминает этот зимний и летний сухопутно-водный большак. В 1216 году, например, князь Мстислав новгородский "пришед на верх Волги Селигером-озером и взяша Ржеву". Наверное, этот главный зимник, идущий к северо-западной Руси и Новгороду, начинался от самой Твери, первым его участком была ледяная дорога по Тверце, и С. М. Соловьев был прав, когда писал, что орда дошла Селигерским путем до Торжка. Далее путь этот шел через замерзшие болота и реку Селижаровку к южной части озера Селигер и по его льду мимо островов Городомля и Столбенский.

Авторы "Полного географического описания нашего Отечества", этого во многих отношениях замечательного труда, чтобы как-то подкрепить гипотезу С. М. Соловьева, предлагавшего искать Игнач-крест в районе Крестцов, направляют орду через весь Селигер и далее на север - по льду озера Велье, поперек долин Поломети и Холовы. Этот гипотетический наступательный марш с бессмысленным отклонением далеко на север был попросту невозможен - заснеженные, бездорожные и бескормные лесные чащобы не пропустили бы туда степную конницу, поредевшую, отощавшую и уставшую после тяжелого похода. Если до наших дней в этих местах работает мощный Крестецкий леспромхоз, то можно себе представить, какие первозданные дебри стояли там в XIII веке...

Так где же все-таки искать тот Игнач-крест? Конечно же на кратчайшей и удобнейшей зимней дороге к Новгороду, на продолжении истинно Селигерского пути, то есть на Щеберихе и Поле!

Об удобстве этой древней дороги, кстати, кое-что может сказать даже простой взгляд на современную карту. Почти весь путь от Твери до Новгорода можно пройти летом по воде, а зимой по льду! Не знаю, где и какие погосты, заезжие места, где можно обогреться, отдохнуть, покормить коней, поставила зимой 947 года Ольга, но промежутки между теперешними Осташковом, Березовским городищем, Молвотицами и Великим Заходом поразительно равны - примерно по тридцати километров, то есть пятнадцати летописных верст - это ведь расстояние, которое преодолевал санный обоз или большое войско за светлый день!

А дорожные кресты наши предки ставили на видных, приметных местах, в переломных точках водных путей и рельефа, чтобы они издали оповещали о порогах, перекатах, волоках, пунктах обмена товаров, границах владений, мелях, бродах. Нет ли такого места на магистральном Селигерском пути примерно в двухстах километрах от Новгорода?..

Много раз я порывался съездить в тот район, написав однажды по рассказам очевидцев и министерским сводкам о печальных судьбах тамошних водораздельных лесов. Потом получал приглашения от ученых, ведущих в Крестецком опытном леспромхозе интересные промышленные работы по лесовосстановлению, от калининского писателя-природолюба Петра Дудочкина, знатока того края, новгородского поэта Василия Соколова, московского прозаика и соседа по дому Вячеслава Марченко, каждый год навещающего свои родные озера и реки...

И у истока Волги хотелось постоять, и по Селигеру проплыть, а после рассказа брата Ивана-

---

[59] **Ушкуйники** (от древне-рус. ушкуй — морское или речное парусно-гребное судно) — в Новгородской и Вятской землях XIV—XV веках члены вооружённых дружин, формировавшихся для захвата земель на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу и Каму.

побывать в Мареве, у начала и конца той "не пыльной" деревянной дороги, и на болоте, засосавшем танк Сергея Морозова, и на Волхове, где прикрывал отход Анатолий Чивилихин, и на холме Березовского городища - у могилы генерала Ивана **Шевчука**. Он воевал в этих местах, и на Березовском городище, откуда такой хороший обзор, был у него наблюдательный пункт. Однажды генерал, по местному преданию, обнял взглядом окрестности и мечтательно сказал бойцам; "Жить бы здесь, ребята, а не воевать!" Отсюда началось наступление частей Шевчука. Он погиб далеко от этих мест и перед смертью попросил похоронить его на Селигере. Товарищи по оружию исполнили его волю...

Бурундай, нарушив приказ, с полудня скакал назад, пока не увидел далекие дымы. Вершины дымовых столбов клубились в чистом ясном небе, озаренные уже невидимым солнцем, - ночью будет мороз. Отставшее ядро войска остановилось среди льда на большом, заросшем лесом острове, где была пища для огня. Уже слышалось ржание коней, когда Бурундай встретил гонца, только что посланного вослед ему Субудаем; старец еще раз доказал, кто тут великий воин, знающий наперед, что будет.

Желудок Бурундая давно был пуст, однако он, подъезжая к ханской юрте, заставил себя не смотреть на мясо в огне, источающее головокружительный запах, и на охрану, проводившую его удивленными и подозрительными взглядами. В юрту Бату молодого полководца не пустили, потому что хан, выпив свое вечернее вино, уже удалился на покой. Бурундай приблизился к маленькой походной юрте Субудая. Один из ночных телохранителей пнул ногой урусскую собаку, замершую у входа с оскаленными зубами, просунул голову за полог и разрешающим жестом позволил Бурундаю войти.

Субудай, не глядя на Бурундая, кривой рукой указал место рядом, подвинул теплое мясо и молча продолжал слушать урусского раба с белой бородой. Глаз Субудая был прикрыт, поэтому Бурундаю ничего в нем не удалось прочесть, а остановившийся взгляд уруса поразил его своей глубокой отрешенностью - в нем не было ни трепетного страха раба, ни холодной ненависти воина. Бурундай торопливо рвал зубами мясо, прислушиваясь к непонятным словам. Но вот Субудай выставил вперед сухую ладонь и повел пальцем в темноту, где - Бурундай только что заметил - стоял на коленях давно известный ему кипчак, толкователь болгарских, буртасских и урусских слов.

Тихим робким голосом кипчак начал пересказывать: большой богатый город урусов стоит в конце этой речной и озерной дороги на реке Волхо при озере Ильмень, старшем брате Селигера, наказанного когда-то солнцем.

- За что всемогущее солнце наказало это длинное озеро? - перебил Субудай, подумав вдруг о том, что название "Иль-Мень" очень похоже на слово из языка бывшего народа джурдже, и начал сквозь плавный спокойный голос уруса слушать шепот кипчака.

- Братья-батыры Ильмень и Селигер жили с отцом своим холодным Варяжем, - тихо переводил кипчак. - Солнце указало им сухую дорогу к себе и предупредило, что они могут дойти только вместе. Братья пошли через густой лес, устали и решили отдохнуть. Младший Селигер проснулся первым от теплого солнца и пошел один. Когда поднялся Ильмень, Селигер уже сделал сто и еще половину ста больших шагов. Ильмень не смог сделать ни шага, и солнце остановило Селигера, отрезало его мокрыми болотами от старшего брата, усыпало островами. Сколько сделал он шагов, столько тут островов. Потом всемогущее солнце подумало и одинаково наказало братьев - сколько больших шагов между ними, столько дней каждый год держит их подо льдом.

- За что же Иль-Меня, старшего? - не понял Субудай.

- За то, что у него плохой младший брат.

- Мудро, - обронил Субудай.

- Нет, - возразил урус. - Старшему было обидно равное наказание. И солнце утешило Ильменя богатым городом, а Селигеру ничего не дало, даже лишило помощи сестер.

- Каких сестер? - спросил Субудай.

- Рядом с отцом Варяжем живут две сестры - Ладога и Онега, - перевел кипчак. Когда напьется воды Ильмень, он рекой Волхо отдает лишнее Ладоге, она - отцу, а если трудно Ильменю,

Ладога помогает ему водой. Волхо тогда течет назад...

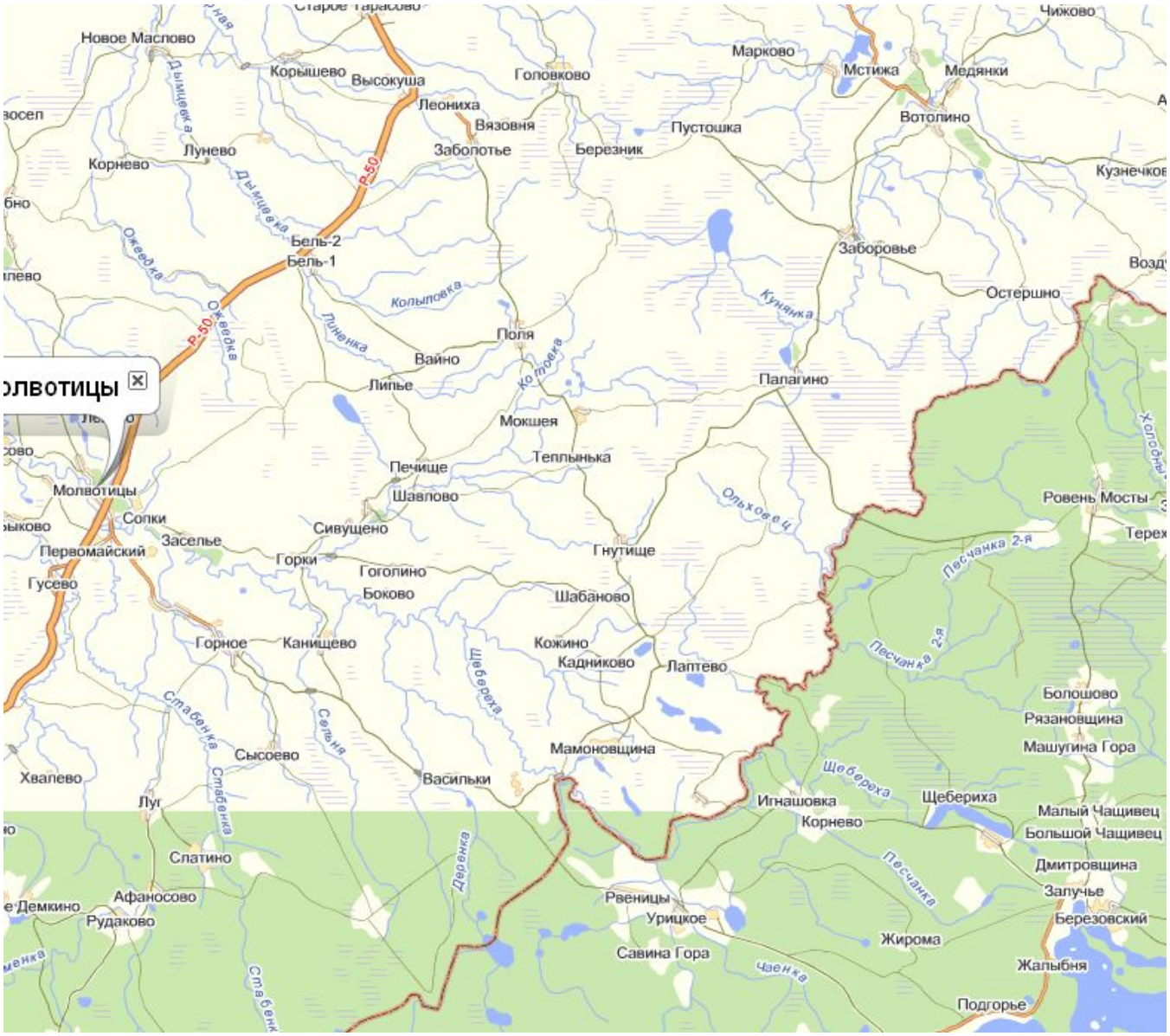
- Ты лжешь, урус! - крикнул Субудай. - А я тебе приказал говорить правду. Нет на свете реки, которая текла бы обратно!

- Есть, - возразил урус. - Волхо.

И Субудай опять услышал слово, похожее на те, что говорил бывший народ джурдже, - "межень".

- "Ме-жень" - это что? - спросил он кипчака.

- Середина сухого лета, - пояснил тот и добавил, что урус стоит на своем - река Волхо может среди лета течь назад.



Субудай впервые взглянул на Бурундая, высасывающего в полутьме кость. Субудай зря посылал за ним гонца - он и так должен был вернуться. Субудаю уже донесли, что сразу за озерным льдом стоит совсем небольшая крепость, но в нее сбежались все местные урусы, согнали туда скот и свезли зерно.

Зная, что впереди смерть, они будут сражаться, как барсы или как жители последнего злого города, в котором было зерно...

Любознательный Читатель. Какая крепость имеется в виду?

- Березовский Рядок на волоке Селигер - Щебериха, укрепленный форпост на пути орды к Новгороду. Это, конечно, предположение, но, возможно, и археологические раскопки Березовского городища подтвердят, что оно не было сожжено в 1238 году, как не был взят, быть может, и крайний северо-восточный русский город Галич-Мерьский, до которого в феврале доскакал один из отрядов Бурундая; такое предположение высказывал еще В. Н. Татищев...

Субудай без пояснений Бурундая понял, что передовые сотни обрыскали все пустые селеньица вокруг крепостенки, сейчас чутко спят у жарких огней, подкрепившись мясом последних запасных коней. Впереди, как сказал урусский певец, совсем нет сел, только через два перехода по речному льду стоит еще одна деревянная крепость со странным именем Молвотицы, укрепленная за зиму юным княжичем Александром...

- Тоже предположение?

- Новгород Великий не мог оставить без контроля главную стратегическую и торговую дорогу в глубь Руси - Селигерский путь. При частых междоусобных войнах крепости Торжок, Березовский Рядок, Молвотицы и, быть может, Великий Заход прикрывали дальние подступы к городу с юга, как позже феноменальные каменные прикрытия защитили Новгород с запада и севера.

Бурундай разумно поступил, проскакав мимо этой крепости, - взять он ее быстро не сможет, лишь потеряет время и людей.

Субудай вскинул голову, засверлил глазом урусского певца и спросил о главном:

- А где сухая дорога к солнцу? Если солжешь, я выну тебе сердце... Что сказало солнце братьям?

- Оно хотело сказать, что греет всех, если люди идут вместе...

Хозяин юрты задумался и услышал бормотание кипчака вперебой с плавной речью уруса:

- Сухая дорога тут была в те времена, когда жили братья-батыры, а сейчас везде снег и лед, потом везде будет вода.

Субудай подал кипчаку знак, чтоб они уходили. Когда полог перестал колыхаться, Субудай повернул красное веко к Бурундаю:

- Ты станешь большим воителем. Внуку Темучина сыну Джучи мы завтра скажем, что надо поворачивать морды коней...

А он, Субудай, готов был остаться в этих снегах навек, только б выбрались из них живыми его

сыновья Урянктай и Кокэчу... Коней совсем нечем кормить, вся сухая трава вокруг и впереди сожжена. И урусы на сытых подкованных конях зальют эти путаные ледовые дороги кровью его воинов. А под стенами Новгорода войско захлебнется водой, как тарбаган в норе. Что скажет Великая Степь? Позор падет на его седую голову, и Урянктай с Кокэчу лишатся будущего... Нет, и Субудай должен уйти отсюда, не потеряв лица! Всю жизнь он возжигал огнем свою славу непобедимого и не может погасить ее в здешних снегах, когда их пропитает вода.

В степь!

19. Глава 19

Итак, искать Игнач-крест в районе теперешних Крестцов так же бессмысленно, как искать его в окрестностях средневековой норвежской Христианин или на современном киевском Крещатике. Но где его все-таки искать?

Да здравствует бескорыстное и беспокойное, скромное и деятельное племя краеведов! Пока я собирался на Селигер, Щебериху и Полу, там, оказывается, все исходил да исплавал другой человек, который давно занялся розысками Игнача креста, пришел к интереснейшим самостоятельным выводам, затратив на эту работу годы. И это было не любительское развлечение, а именно работа-изучение летописей, архивов, исторической и географической литературы, кропотливое накапливание фактов, поездки, встречи, даже раскопки. Краевед С. Н. Ильин установил, что действительно самый спорый летний и зимний Селигерский путь от Твери и Торжка к Новгороду шел по озеру Селигер, затем через волок в два с половиной километра на озеро Щебериха, откуда по рекам Щеберихе и Поле к озеру Ильмень. На волоке, в середине этого важнейшего торгового и военного пути, а не в начале, как ошибочно сказано в публикации о работе С. Н. Ильина, для его охраны и промежуточного торга стояло древнее сторожевое Березовское городище, или - по-старинному - Березовский Рядок. В тридцати километрах ниже по Щеберихе был другой охранный пост - Молвотицы. В публикации ничего не сказано о Великом Заходе, расположенном на Поле еще примерно через тридцать километров. Пола в этом месте начинает большую петлю, отклоняющуюся от прямого пути к Новгороду, и зимник, возможно, здесь спрямлялся, экономя путникам время и силы.

Субудай должен был направить свой авангард именно по этому, самому короткому и торному пути!

О следах пребывания орды говорит и местная топонимика - в этом районе есть селения Большие Татары и Малые Татары, стоит на Селигере также село Неприе, жители коего, сказывают, не приняли пришельцев, взялись за топоры и вилы, а еще село Кравотынь[60], в котором, по преданию, орда вырезала всех от мала до велика. Один из главных аргументов краеведа - совпадение расстояния, потому что от Березовского городища до Новгорода около двухсот километров, то есть сто летописных так называемых больших верст по тысяче саженей каждая, а если быть совсем точным, от Новгорода до Игнача креста ровно 213 километров сегодняшним счетом.

Ну а где мог стоять Игнач крест? Конечно же у теперешней деревни Игнашовки на правом берегу Щеберихи! С. Н. Ильин доказал, что селеньице это древнее, найдя в старинной переписной книге упоминание деревни Игнашово, числившейся в Березовской волости. Географическое ее расположение весьма примечательно - здесь в Щебериху впадает приток Циновля, и крест стоял, скорее всего, на мысу, вблизи устья Циновли. "Купцов, плывущих с севера, он предупреждал: начинается трудный участок, впереди волок. Плывущим с юга напоминал: трудность позади. По" тому что от впадения Циновли река становилась более полноводной, вполне доступной для судоходства".

---

[60] Кравотынь (Кровав тын), где захватчики, по преданию, уничтожив жителей, надели их отрубленные головы на частокол.

И есть еще один, самый убедительный аргумент, кажется раз и навсегда решающий двухвековой спор ученых о местонахождении летописного Игнача креста - С. Н. Ильин вместе с лесничим К. П, Тихомировым нашел этот крест!

Он лежал в земле старого кладбища, и его долго выкапывали. Грубый, массивный и тяжелый каменный крест этот очень похож на Изборскии, Стерженский, Лопастицкий, Нерльский кресты, древность коих доказана. Правда, найден он был не в Игнашовке, а в Березовском городище, что на десяток километров отстоит от приметного мыса. Очевидно, судьба креста похожа на судьбы его ровесников и собратьев. За прошедшие века Лопастицкий крест то увозили, то возвращали на место. Не раз перемещали Нерльский крест, который был в конце концов обнаружен тоже на одном из местных кладбищ. Знаменитый Стерженский крест с новгородской надписью XII века нашел в XIX веке помещик Обернибесов, выкопал его из земли и поставил над прахом своего предка, похороненного в XVIII веке на кладбище погоста Стерж. О судьбе еще одного каменного креста, непосредственно связанного с нашествием орды, у нас большой разговор впереди...

Любознательный Читатель. Таким образом, наш большой вопросительный знак мы можем снять с карты?

- Правда, подлинность найденного креста научно не подтверждена. И если летописные версты были вдвое короче, то, значит, остатки орды прошли ледовыми дорогами на сто километров дальше и были остановлены новгородцами где-то в районе нынешней Старой Руссы.

- И хорошо бы еще раз вернуться к весенней распутице 1238 года...

Удивительна все же сила инерции в нашем мышлении! Автор журнальной публикации о поисках и находках краеведа С. Н. Ильина, обещая в подзаголовке статьи ответить на вопрос, "почему татары повернули обратно", пишет: "Испугавшись весенней распутицы, Батый отдал приказ об отступлении".

Научных работ на эту тему мне найти не удалось, и я обратился к знатокам края, любителям его

старины - что они думают о причинах отступления орды? Последовал дружный ответ - конечно, весенняя распутица, половодье, это же всем известно!

Несколько отличаются от других письма ко мне новгородского поэта Василия Соколова, в отрывках из которых я кое-что выделяю курсивом, чтобы оттенить важные для нашей темы места.

"В поднятом Вами вопросе об отступлении Бату от земли Новгородской самое существенное - как, почему?.. Вспомните Ваши же страницы о лесах дремучих. Именно такими были в ту далекую пору приильменские леса, затапливаемые в половодье.

Степнякам в лесах нечего было делать, лес пугал их. К тому же и населенные места среди лесов дремучих были редкими - вывод напрашивается сам собой".

Хорошо, верно, однако - снова о половодье?

"Соображение насчет того, что степняков, шедших на Новгород, остановило не только половодье, наши историки и краеведы поддерживают. Во-первых, говорят они, новгородцы дали ощутительный отпор татарам боем у Торжка. Во-вторых, взгляните на карту 12-13 вв., увидите: Новгородская земля занимает весь наш гигантский север от Белого моря до Урала, площадь, равную восьмой части Европы! Новгород был политическим, военным, религиозным центром этого полугосударства. Конечно, Батый зарился на Новгород и мог бы, вероятно, взять его, но не мог бы взять и освоить его громадную территорию с лесными дебрями непролазными, с болотами, озерами, где дорогами в основном служили те же реки и озера, что непригодно для конницы".

Тоже хорошо и правильно, только каким все-таки маршрутом пошла орда к Новгороду в марте 1238 года?

"Поселок Крестцы возник значительно позже 13-го века, когда пролегла дорога Москва-Новгород, а развился, когда возник оживленный тракт Москва - Петербург..."

Но куда же, по мнению современных новгородцев, пошла орда после взятия Торжка? "Батый от Торжка, мы думаем, двинулся на Валдай и Яжелбицы..."

Но ведь это не Селигерский путь! Направление Торжок-Валдай-Яжелбицы выводит через непроходимые леса прямо к тем самым Крестцам - маршрут, который мы решительно отвергли!

"Там ему и доложили высланные вперед о разливе рек Поломети, Полы, Холовы..."

Опять о разливе рек?

За эти письма, в которых выражены мнения новгородских историков и краеведов, я очень благодарен В. С. Соколову, специально не занимавшемуся темой, но они свидетельствуют о зыбкости, приблизительности, противоречивости в представлениях об одном из ключевых эпизодов родной истории. И, наверное, все это идет еще от дореволюционной историографии и от исторических романов. В семнадцатой главе романа В. Яна "Батый", озаглавленной "Остановка близ Игнач креста", события представяйты очень подробно...

"Всю ночь и утро монгольское войско продвигалось в направлении богатой северной урусскои столицы Новгорода. Но к полудню идти вперед уже стало невозможно. Кони постоянно проваливались по брюхо в рыхлый снег. Ростепель обращала еще недавно крепкие дороги в набухшие бурные потоки. Кони падали.

Всадники, подымая их, выбивались из сил. Проводники из пленных Урусов говорили, что дальше дорога будет еще хуже, что на пятьдесят дней всякая езда по дорогам прекратится, пока поднявшаяся вода в реках не утечет в море.

Бату-хан был в ярости. Он сам зарубил уруса, который громко смеялся, широко раскрывая рот, при виде провалившихся в болото воинов.

Бату-хан говорил:

- Для смелого и упорного нет преграды. Проводники нарочно завели нас в эти болота, чтобы погубить, но мы будем сильнее и хитрее их. Мы доберемся до славного торговлей богатого

Новгорода!

Воины стали громко роптать. На одном перекрестке, где был вкопан высокий, в три человеческих роста, деревянный крест, войско остановилось. Татары сошли с коней, чтобы дать им передышку. Субудай-батыр посоветовал обратиться к богам-покровителям и призвать шаманку Керинкей-Задан.

Она подъехала на небольшой черной лошади, обросшей за время морозов густой лохматой шерстью. Увидев Батухана, шаманка стала бить в бубен, прыгать в седле и выкрикивать слова молитв и заклинаний.

- Скажи, служительница заоблачных богов, - спросил Бату-хан, - идти ли мне вперед, будет ли мне в Новгороде удача, или я там погибну? Спроси у небожителей.

Керинкей-Задан, с медвежьей шкурой на плечах и в колпаке с нашитыми птичьими головами, соскочила с коня, приплясывая и ударяя в бубен, забегала по кругу и вдруг в несколько прыжков бросилась к одинокой высокой сосне, стоявшей на поляне.

- Я поговорю с облаками, посмотрю вдаль! - кричала она. - Боги все знают, боги все скажут!

Шаманка ловко вскарабкалась на верхушку сосны и стала раскачиваться. Сосна постепенно склонялась в сторону. Монголы закричали:

- Берегись! Слезай скорее!

Сосна наклонялась все быстрее и наконец рухнула. Шаманка упала в снег, пробила лед, бывший под ним, и погрузилась в мутную воду. Она барахталась, засасываемая черной вязкой топью...

- Арканы! Бросайте ей арканы! - кричал Субудай-богатур.

Он отстегнул от седельной луки аркан и ловко бросил его левой рукой. Конец не достал до шаманки. Субудай стал снова наматывать аркан и направил коня ближе к гибнущей Керинкей-Задан. Саврасый осторожно шагал, погружаясь по колено в снег. Субудай снова бросил аркан, и конец его хлестнул шаманку по голове. Она ухватилась за аркан рукой, продолжая погружаться в черную грязь. Конь Субудая сделал еще шаг вперед и вдруг тоже провалился. Субудай, пытаясь соскочить с коня, откинулся назад, но лед трескался, конь быстро опускался, ударяя ногами, и вязнул еще более.

Монголы завопили:

- Непобедимый тонет! Скорей на помощь!..

Несколько монголов с разных сторон с опаской приблизились к тому месту, где тонул старый полководец. Черные арканы мелькнули в воздухе и захлестнули поднятую руку и шею Субудая. Монголы напряглись, как струны. Субудай кричал:

- Спасите коня!.. Спасите моего саврасого!

Монголы выволокли Субудая на дорогу. Его конь провалился по шею, голова, фыркая, еще несколько мгновений подымалась над болотом. Саврасый заржал отчаянным человеческим криком...

Голова исчезла. Никаких следов не осталось от двух жертв жадного болота. Только круглый бубен плавал на поверхности страшного черного "окна", где навеки скрылись шаманка и верный конь Субудая". Бату-хан тут же принял решение поворачивать в степь.

Конечно, писатель может изображать далекое прошлое так, как он его видит, и вопрос о том, скажем, были ли у Игнача креста Батый и Субудай, для нас не столь важен, хотя я-то думаю, что они не скакали в авангарде войска. Берусь доказать более существенное - на конечной остановке орды по пути к Новгороду не было ни "рыхлого снега", ни "набухших бурных потоков", ни "черной вязкой" топи...

В. Ян, по всем признакам, предполагал, как - и многие, что Игнач крест стоял где-то в районе современных Крестцов, потому-то и нет у него ни слова о Селигере и Селигерском пути.

В связи с этим вспоминается мне последняя по времени массовая публикация на занимающую

нас тему.

В "Комсомольской правде" за 10 сентября 1978 года маршрут орды связывается с озером Селигер, хотя ничего решительно нет о дальнейшем ее пути к Игначу кресту и великолепно представлена та же распутица.

Любознательный Читатель. Нельзя ли открыть этот номер?

- Пожалуйста... "С юго-востока до Селигера в 1238 году докатились конные орды завоевателей. Воображение Батыя, покорившего многие земли, дразнили теперь Псков и Новгород.

"Посекая людей яко траву", двигалось войско к желанной цели "селигерским путем". И осталось до Новгорода всего несколько переходов, когда озеро вскрылось..."

- Выходит, что лихая степная конница скакала назад по вскрывшемуся Селигеру, то есть по воде?!

- Выходит так, но простим это заблуждение побывавшему на Селигере журналисту, - у него все же были благие намерения...

Далее он, нагнетая подробности, пишет, что "текущие в Селигер речки набухли весенней водой", "непролазными стали болота", и подытоживает: "Селигер, воды, в него текущие, и глухие леса без дорог загородили, прикрыли Новгород".

- Но ведь здесь как бы подразумевается, что, не будь вскрытия Селигера, набухания рек, непролазных болот и глухих лесов, орда взяла бы Новгород.

- Скорее всего, это идет от приблизительности представлений, полученных из школьного учебника. И пользы, конечно, от такой публикации нет никакой. Тираж популярной молодежной газеты более десяти миллионов экземпляров, и трудно даже подсчитать, сколько умов смолоду запутает такая статья, кривым зеркалом отражая важнейший момент отечественной истории!

- Книги все же читает поменьше людей...

- Не скажите! Газета мелькнула - и будто ее не было, а книга стоит на полках и ходит по рукам долгие десятилетня. Да и тиражи, знаете, вполне сравнимы! В. Ян напечатал "Батыя" в 1942 году, а 15 июня 1979 года состоялось заседание комиссии по его литературному наследству с участием академика И. И. Минца, профессоров А. И. Немировского и С. Г. Исакова, писателей-историков и литературоведов. Из сообщения в печати о работе комиссии стало известно, что исторические романы покойного писателя "изданы, кроме СССР, в 35 странах мира на 40 языках, всего свыше 250 раз, что "сейчас готовятся в свет новые издания" и "намечены мероприятия по популяризации творчества В. Яна". Романы те, конечно, будут переиздаваться, но следовало бы к ним сделать примечания серьезных историков, в частности о двухнедельной обороне Торжка, Селигерском пути, дальнейшем маршруте орды и, конечно же, о набившей оскомину распутице...

- Оставим, пожалуй, литературу и журналистику... Как сегодня толкуют этот важнейший поворотный момент нашего прошлого историки?

- Мнений всех их я, конечно, не знаю, но однажды с удивлением прочел соображения известного исследователя о том, что Новгород якобы откупился от Батыя богатыми дарами, хотя абсолютно никаких доказательств этого не существует. А вот передо мной переработанное и дополненное третье издание "Краткой истории СССР", солидный обобщающий труд, выпущенный Институтом истории СССР АН СССР и поступивший в массовую продажу весной 1979 года. В разделе, который нас интересует, как и о романе В. Яна "Чингиз-хан" или в большом свежем романе И. Калашникова "Жестокий век", тоже посвященном Чингиз-хану, нет ни слова о государстве Цзинь, хотя чжурчжэни, потомки которых живут на территории нашего Дальнего Востока, четверть века героически сражались с монгольскими, киданьскими, тангутскими и китайскими армиями. Что же касается истории Руси того периода, то в соответствующей главе нет ни слова о двухнедельном штурме Торжка и семинедельной обороне Козельска...

- Но это краткий курс...

- Да, но в нем почему-то все же говорится о пресловутой распутице! Причем давнее

предположение С. М. Соловьева о том, что орда повернула от Новгорода, боясь "приближения весеннего времени" (курсив мой.-В. Ч.), преподносится так, будто весна к тому моменту уже наступила и распутица отрезала орде путь к Новгороду.

- Интересно бы узнать, как это там сформулировано...

- Да ради бога... "Из Владимирского княжества Батый двинулся на Новгород, но ввиду весенней распутицы приказал, не дойдя 100 верст до Новгорода, повернуть на юг, с тем чтобы перезимовать в приволжских степях".

- Признаться, несколько неожиданная логика. Повернул из-за весенней распутицы, дабы за девять месяцев до наступления зимы перезимовать!.. Но как все-таки можно сегодня доказать, что распутицы не было и не она спасла Новгород?

- Летописи, в которых разбросаны бесчисленные сведения о состоянии дорог в связи с военными походами и другими большими событиями, повторяю, дружно молчат о распутице у Игнача креста. Однако это еще не доказательство... И давайте-ка начнем с установления точных дат. Как известно, Субудай начал штурм Торжка 22 февраля 1238 года, хотя вышел к нему, наверное, на несколько дней раньше, потому что к штурму надо было подготовиться, захватить в окрестностях остатки зерна и фуража. "И Торжку несть места, ни веси, ни сел такых, иже не воеваша", - сообщает Новгородская 5-я летопись...

- Но откуда эта точная дата - 22 февраля?

- Раскроем Троицкую летопись: "оступиша градъ Торжекъ, на Сбор по Федоровой неделе". В Новгородской Первой летописи то же самое: "оступиша градъ Торжекъ на Зборе по Федоровой неделе". Даты нет, но по церковному календарю неделя поминовения святого Федора начиналась 15 февраля в понедельник и кончалась в воскресенье 21 февраля 1238 года. В Тверской летописи указывается точная дата: "...придоша къ Торжку, в неделю первую поста, месяца февраля в 22 день"... Правда, с понедельника 22 февраля 1238 года началась вторая неделя великого поста, продолжавшегося семь недель и завершившегося пасхой 4 апреля...

- А дата взятия города?

Новгородская Первая летопись: "биша пороки по две недели"; Троицкая: "и бишася пороки по две недели"; Тверская: "и бишася ту окаании по 2 недели".

- Значит, учитывая, что 1238 год был не високосным, то город пал 7 марта?

- Летописи указывают более точную дату. Троицкая: "и тако погании взяша градъ Торжекъ месяца марта 5, на средохрестье"... Тверская: "***И тако погании взяша градъ месяца марта в 5 день, на память святого Конона, в среду 4-ю неделю поста***". Есть некоторые расхождения дат с данными церковного календаря, и я никак не могу их свести. Они появились, очевидно, в летописных строках, начертанных значительно позже события. По церковному календарю с датой сходится, однако, день поминовения святого Конона Исаврийского, который отмечался действительно 5 марта старого стиля, на третьей седмице великого поста. Есть и другие летописные варианты, но по общему развитию военных событий зимы 1238 года штурм Торжка так или иначе приходился на конец февраля-начало марта.

Скорее всего, Субудай еще до взятия города выслал, по своему обыкновению, вперед разведку и, быть может, авангардный отряд. Но мы для отсчета возьмем все же главную и точную дату - 5 марта 1238 года, когда основные силы орды, овладев Торжком и добыв спасительное зерно, пошли к Селигеру, Так вот, у Субудая было в запасе, по крайней мере, полтора месяца, чтобы дойти до Новгорода прочными и ровными ледовыми дорогами через замерзшие болота и озера.

- Полтора месяца?! А до Новгорода по Селигерскому пути было всего несколько конных бросков... Но полтора месяца - не слишком ли?

- Не слишком... Мы, правда, не знаем, когда вскрывалась в ту пору Селижаровка, вытекающая из Селигера на юго-восток к Волге, или озеро Ильмень, на берегу которого стоит Новгород.

Но имеем эти среднестатистические научные данные для нашего времени и с уверенностью

можем сказать, что до половодья, прерывающего почти на два месяца всякое сообщение в средневековой Руси, было тогда еще очень и очень далеко.

Причем тамошние реки и озера в XIII веке вскрывались намного позже, чем сейчас.

- Как это доказать?

- Открытая вода вначале появляется на водоразделах, в ручейках, в истоках речонок, потом вскрываются маленькие речки, притоки, за ними большие реки и в последнюю очередь озера. Современная лесная наука точно установила, что Валдай и все другие водоразделы района, все ручьи и реки Приильменской низменности были тогда надежно прикрыты хвойными дебрями, не пропускавшими солнечные лучи к снегам. Рубить лес вдоль Селигерского пути начали еще в средневековье. Смоляные мачтовые древостои обращались в города и села, в храмы, сараи, мельницы, в многослойные мостовые, стлани, топливо. Постройки, однако, быстро сгнивали, требуя замены, то есть новых рубок, а из-за особенностей местного климата и рельефа вырубленные площади не порастали первозданным лесом, покрывались кустарником и заболачивались. Однако самый тяжелый урон лесам Приильменья нанесло солеварение. Советские археологи, работавшие в Старой Руссе, нашли остатки солеваренных печей, чанов, рассолопроводных труб и рассольных колодцев уже в слоях середины XI века! С веками этот промысел развивался, и, согласно писцовым книгам, в 1625 году в Старой Руссе работало более 500 солеварниц. Легкодоступное и дешевое топливо постепенно истощалось, солеварение становилось невыгодным, но и через сто лет ученый сподвижник Петра I Иван Кирилов писал о Старой Руссе: "При сем городе... прежде бывало до 200 варниц, когда свободный торг был, а ныне 75 варниц". В 1771 году здесь построили крупный солеваренный завод, однако позже промысел полностью прекратился, как фиксируют современные исследователи, "из-за отсутствия дешевого топлива". А в XIX веке ученые забили тревогу по поводу исчезновения здешних лесов - в 1805 году, например, академик Н. Я. Озерецковецкий, в 1856 году академик Э. И. Эйхвальд, нашедший в больших болотах Приильменья "толстые корни сосен и других хвойных деревьев".

В настоящее время сильно истощенные леса района, покрытые вторичными лиственными древостоями, продолжают рубиться мощными леспромхозами, изреживаться ветровалами и заболачиванием. Изреженные лиственные леса, открывающие веснами доступ солнца к снегам, мелиорация, увеличение площадей распаханных и застроенных земель, обмеление рек, развитие дорожной сети и так далее - все это вызывает в наше время более раннее и ускоренное по сравнению со средневековьем таяние снегов, а значит, вскрытие рек и озер. И вот, несмотря на все эти обстоятельства нового времени, Селигер ныне вскрывается примерно в середине апреля. Что же касается Ильменя, то, по научным среднестатистическим данным XIX века, когда окрестные леса были все-таки погуще нынешних, он вскрывался 30 апреля.

А реки? "Весною, ранее всего, в половине апреля вскрываются реки на юго-западе Озерной области", - сообщает путеводитель "Россия" (т. III, с. 39). Это сведения конца XIX века. "Юго-запад Озерной области" - юг Новгородской, где реки в марте 1238 года, безусловно, стояли подо льдом. И еще мне вспоминается, что брат мой Иван в Отечественную войну возил снаряды по тамошним речным, болотным и озерным льдам в марте и апреле, вспоминается и народная пословица "марток - надевай трое порток" и разговор с одним военным специалистом, уверявшим меня, что по мартовскому и апрельскому болотному льду на учениях, проходивших как-то в трехстах километрах южнее Селигера, он перегнал колонну танков и бронетранспортеров...

Итак, в распоряжении Субудая был почти весь март 1238 года, две-три апрельские недели; татарская легкая конница могла доскакать до Новгорода по ровным и уже привычным ледовым дорогам, тем более что в XIII веке, как установила наука, в северном полушарии наблюдалось повсеместное похолодание - климатологи называют его малым ледниковым периодом.

И, наконец, есть бесспорная и очень для нас важная календарная дата, на которую почему-то никто из историков до сих пор не сориентировался. Ровно через четыре года после отступления орды от Игнача креста, в марте месяце, большое войско Александра Невского вышло в поход против рыцарей Тевтонского ордена. Общеизвестно, что в этом месяце был штурмом отбит

Псков, но далеко не все знают, что первому фронту помог тогда младший брат Александра Андрей Ярославич, который со своими владимиро-суздальскими полками прошел в том же марте тысячу километров по низинным, болотистым, изрезанным многочисленными реками и озерами местам - это возможно было только в конном походе ледовыми дорогами!

Сложный маршрут Александра известен, так же как и маршрут захватчиков, главную ударную силу которых составляла тяжелая рыцарская конница. Русские войска перешли Чудское озеро и решили дать бой у его восточного берега, где в случае сквозного прорыва мощной, но неповоротливой "свиньи" она оказалась бы беспомощной перед крутым берегом, лесом и глубоким снегом, крючьями, мечами, булавами, ножами и копьями русских дружинников и ратников. Карл Маркс: "Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы".

К словам, выделенным авторским курсивом, я бы прибавил уточнение "на льду" - известное историческое обстоятельство, очень важное для нашей темы. Остается добавить, что Ледовое - заметьте, дорогой читатель, Ледовое! - побоище на Чудском озере, которое намного сильнее, чем Селигер, испытывало смягчающее влияние Атлантики, произошло 5 апреля 1242 года, и русские воины, в том числе и конные, успели к родным очагам до наступления весеннего половодья, примерно на пятьдесят дней прерывающего всякое сообщение в средневековой Руси... Таким образом, если считать по новому стилю, лед на Чудском озере держался еще 12 апреля.

Конечно, год на год не приходится, но в дальнейшем нашем путешествии мы познакомимся с такими обстоятельствами весеннего бегства орды в степь, которые не оставят у нас никакого сомнения в том, что Новгород был спасен вовсе не распутицей или вскрытием Селигера, и давнее историческое заблуждение будет окончательно рассеяно... Теперь же нам следует установить обратный маршрут Бату - Субудая.

Любознательный Читатель. Это возможно?

- Субудай выбрал наивыгоднейший путь - кратчайший, легчайший и безопаснейший, да еще с попутным прокормом.

- В каком же направлении?

- Авангард Субудая, доскакавший до Березовского Рядка и Игнача креста, ставка Бату с охраной и основные силы орды, если они успели дойти до озера Селигер, на обратном пути в степь меняли направление пять раз.

- Откуда это известно? Кто поверит, что можно сегодня проложить столь точный маршрут?

- Вы сами найдете даже точки поворотов. Этот маршрут легко прокладывается на подробнейшей современной карте, и отклонения кое-где вправо-влево от реального пути Субудая едва ли составят несколько сот метров... В путь?

20. Глава 20

Любое решение или поступок на войне - результат выбора между необходимостью победить и возможностью уцелеть.

В покоренных городах Руси орда не оставляла ни гарнизонов, ни, говоря по-современному, комендантов, и вот. все войско скопилось в районе озера Селигер. Субудай размышлял. Он принес в жертву великому богу войны Сульдэ всех людей последнего непокорного города и весь полон, а сейчас, за эту ночь, надо было принимать важнейшее решение - какой дорогой идти к степи?

Великий хан не простит ему гибели брата, младшего сына Темучина, ссор между Бури, Гуюком и внуком Темучина сыном Джучи. Главная задача победившего, но погибшего войска состояла теперь в том, чтобы сохранить на пути в степь чингизидов - с их добычей. Нужно идти по возможности вместе - только тогда чингизидов сберегут недреманное око, опыт, осторожная мудрость и великие воинские доблести Субудая.

Последние сообщения тыловой разведки говорили о том, что по всей стране урусов стучат

топоры. Новую встречу с таким количеством топоров, что повыбивал из рук врагов Бурундай на Сити, сабли воинов Субудая еще выдержат, но сколько останется потом сабель и чингизидов? Урусский топор в этой лесной стране может стать куда более грозным оружием, чем сабля или меч.

Вспомнилось, как сотня его воинов из маленького, взятого общим пятидневным штурмом городка урусов, где всем коням не хватило корма, бросилась с пленным проводником в нетронутое лесное селение и не вернулась. Субудай подумал было, что они стороной обошли обоз внука Темучина сына Джучи, миновали дебрями сторожевые заслоны и ускакали, как зайцы, в бескрайнюю степь.

Однако разведка вскоре донесла, что увидела в большом и свежем древесном завале воинов с рассеченными головами и закаменевших от мороза коней с переломанными ногами. Он послал три карательные сотни, чтоб примерно наказать жителей этого жалкого селеньица, только оно было пустым - ни скотины, ни фуража, ни людей, а снега, валившие тогда день и ночь, перемели следы. Воины погрелись у горящих жилищ и вернулись ни с чем, потеряв среди древесных завалов еще несколько добрых коней.

Скорей, скорей отсюда, пока снега не пропитались водой!

Конь незаменим в степи, но он не может преодолеть даже небольшую, в какую-нибудь версту, низину, если снег осел и просырел.

Каким путем остатки грабительского войска вернулись в степь? До вожделенных южных просторов, где солнце уже растопило снега на взгорках и даже вызеленило их кое-где молодой травкой, было - в какую сторону ни пойди - около тысячи километров сегодняшним счетом, но в старину расстояния исчисляли временем, нужным для их преодоления, что было практичней, потому как сразу, одной мерой, учитывались особенности и состояние пути, средство и способ передвижения, тяжесть груза, препятствия и пора года.

Мне кажется, не случайно наш язык произвел слова "дорога" и "дороговизна" от одного корня, и, должно быть, изучающие русский иностранцы, встретив словосочетание "дорога дорога", думают, что это опечатка, пока не расставят семантических ударений. Нам из века в век при наших-то расстояниях, климате, пересеченности и сырости низинных пространств - недоставало сил, чтобы поддерживать в хорошем состоянии даже летние дороги, которые, чуть отклонись в сторону от городов, были неготовыми, как обобщенно и просто названы они в "Слове о полку Игореве". Вспомним также, что даже на степном юге воинам Игоря пришлось за неимением других средств гатить в начале мая какие-то болота трофеями...

А вот другие документальные - из века в век - свидетельства о состоянии наших дорог. Почти тысячелетие назад один юноша-курянин среди лета доехал с купцами из родного города до Киева, преодолевая в день всего по двадцать три версты. Через семь лет после того, как Субудай решал, какой маршрут в степь ему выбрать, эмиссар папы римского Плано Карпини затратил на сто двадцать верст от того же Киева до Канева целых шесть дней, то есть ехал еще медленнее, чем добирался из Курска будущий преподобный Феодосии. Спустя двести лет другой путешественник, венецианец Иосафато Барбаро сказал о наших летних лесных дорогах: "Летом в России никто не отваживается на дальний путь по причине большой грязи и множества мошек, порождаемых окрестными лесами, почти вовсе необитаемыми". И в степях, и в лесах дожди превращали овраги и речушки в непреодолимые препятствия, а болотца и луговые низины в "грязи непроходимыя", как писал с летней дороги еще через двести лет царь Алексей Михайлович, который оставил тогда повозки и "перебрался на вьюки". Спустя еще два века дороги Новгородской, Тверской и Московской губерний, по свидетельству авторов "Полного географического описания нашего Отечества", все еще находились "в довольно-таки первобытном состоянии". Труд тот был, кстати, посвящен памяти А. С. Пушкина, который близко и подробно знал эти дороги, мечтательно-пророчески написав:

Когда благому просвещенью

Отдвинем более границ,

Со временем (по расчисленью

Философических таблиц,

Лет чрез пятьсот) дороги верно

У нас изменятся безмерно:

Шоссе, Россию здесь и тут

Соединив, пересекут;

Мосты чугунные чрез воды

Шагнут широкою дугой;

Раздвинем горы; под водой

Прорoем дерзостные своды...

Время, однако, поускорилось - есть уже сегодня и шоссе, и мосты, и метро, и горы кое-где раздвинуты. Но в отдаленных местах Валдая, как и всего Нечерноземья, еще и сегодня пути-дороги таковы, что водители мощных грузовиков не рискуют кое-где ехать из одного села в другое без цепей.

Русские дороги летом захламлялись и зарастали, прерывались пожарами, сгнившими мостами на бесчисленных реках и притопшими гатями на болотах, петляли да кружили, подчиняясь рельефу, и недаром лишь былинным богатырям было под силу прокладывать прямоезжие пути. Осень с ее затяжными дождями даже предотвращала войны, и у меня немало выписок из летописей разных веков о том, как войска, "распутье деля", останавливались, "лют бо бяше путь", и ждали, "егда ледове встанут", либо возвращались из-за ранних и обильных - "коневи до черева" и "человеку в пазуху" - снегов.

Подытожим. В древности, средневековье и в новое время летом, осенью и зимой ездили люди на телегах, санях или верхом русскими дорогами, но пути эти были многотрудны, длительны, опасны и нередко сопровождались человеческими жертвами, о чем не единожды упоминают предания и первые наши историки.

Нет в летописях только ни одного упоминания о благополучных путешествиях и походах весенних, потому что в эту пору года никаких дорог не было, а половодье, так же как и осенняя распутица, не раз властно пресекало даже военные действия. Вспомню хотя бы два таких случая, что приключились незадолго до событий на Селигерском пути. Весной 1226 года двинулся было на Киевскую Русь король венгерский, но, как сообщает Ипатьевская летопись, "Днепроу же наводнившюся, не могоша переити". Правда, тут надо сделать поправку на описку переписчика - в протографе значился, конечно, не Днепр с Киевом, стоящим на высоком, незатопляемом, доступном с запада берегу, а Днестр, но сути дела это не меняет. А за три года до первого нашествия орды вешние воды прервали русский поход в литовские земли: "Весне же бывши, поидоста на Ятвязе и приидоста к Берестью реками наводнившимися, и не воэмогоста ити на Ятвязе".

Субудай знал, что страна урусов лежит в глубоких болотах, меж которых скоро потекут по разным сторонам света бесчисленные потоки воды; он тут останется навек с уцелевшими воинами, добычей и внуками Темучина, если не примет единственно правильного решения - срочно уносить ноги. Он-то, Субудай, бросил бы эти тяжелые тюки с южными шелками и западными сукнами, пышные, занимающие много места меха, но внук Темучина сын Джучи мечтает удивить степь богатой добычей, да и воины, которым достались торбы павших, не захотят без особого приказа расстаться с законным итогом войны, свидетельством их верности заветам Темучина. Пусть, однако, вьючат и ткани, и меха вместе с украшениями для женщин, кубками для мужчин и разноцветными камнями, добытыми саблями в краснокаменных, белокаменных и деревянных

жилищах, что построили урусы для своих тощих богов, изображенных на пестрых досках, которые так хорошо горят и греют, если ими кормить костер. Такие богатые и причудливые храмы из природного камня Субудай встречал только перед Железными Воротами в горах гурджиев, но воины-ровесники рассказывали ему, будто в Индии, куда они ходили с разведкой, жилища тамошних многоруких каменных и костяных богов еще причудливее, богаче и полны сверкающих твердых каменьев...

Субудай в этом тяжелом походе начал ненавидеть ровесников. Если молодые бросались в город, чтобы скорей добыть женщину, что Субудай перестал понимать, потому что во времена Темучина воин должен был прежде всего найти корм для коня, то эти, поседевшие в походах, как он сам, лезли даже в горящие жилища, чтобы набить суму всем, что попадет под руку - поношенной одеждой и обувью, простыми кожаными поясами, полуоблезлыми звериными шкурами, деревянной посудой. Только в последнем городе урусов по его, Субудая, приказу, малейшее нарушение коего специальные сотни наказывали немедленной смертью, все кинулись гасить горящие строения с зерном.

И вот караван готов. Субудай приказал умертвить ослабевших рабов, послал вперед разведку с проводниками и толпу сильных урусов, уцелевших при штурме и питающихся кониной, чтобы искали и чистили тропу, назначил в хвост каравана заслон, и по указке его кнута первая сотня на отдохнувших конях взяла уже протоптанный Бурундаем след.

Любознательный Читатель. Куда же, в каком направлении?

- Ответ на этот важный вопрос помог бы рассеять множество исторических недоразумений, увидеть путаницу, разнотолки и ошибки в бесчисленных описаниях давнего лихолетья, расстаться с некоторыми наивными представлениями, застрявшими в нашей памяти с младых, как говорится, ногтей.

Помню, меня поразило в юности, что В. Ян, написавший тысячи страниц о нашествии орды на Русь, ни одной из них не посвятил ключевому событию весны 1238 года - двухнедельной обороне

Торжка.

- Как же он сумел обойтись без этого?

- Попытаемся понять. Штурм был начат сравнительно небольшими силами 22 февраля. Отряд Бурундая долго пробирался на большак от Сити и 4 марта, когда пал Торжок, еще находился в Ширенском лесу, где в тот день был убит Василько ростовский.

А в примечаниях к своей "Истории Российской" Татищев, подсчитывая число павших городов, уточняет, что "Торжок же и Тверь не в феврале, но в марте взяты". Следовательно, третий крупный отряд штурмовал Тверь, и оба эти города какой-то срок сражались одновременно. История почему-то не сохранила никаких подробностей обороны Твери, но несомненно, что и ее осада была тоже очень трудной и длительной. Торжок орда взяла только тогда, когда к нему, хранящему самую важную добычу - зерно, подтянулись со "множеством плена" войска врага, идущие южным направлением от Твери. И вот В. Ян, исходя из неверного положения, будто у Батыя была гигантская армия в четыреста тысяч воинов, и не умея объяснить затяжную двухнедельную осаду Торжка столь подавляющими силами врага, допускает недопустимое - будто от Игнача креста орда возвращалась в степь через Торжок, Тверь, Волок Ламский, Дмитров и какие-то еще "другие города", которые были взяты ими на обратном пути. Вот как об этом говорится в романе: "***Татарское войско несколькими потоками двинулось из урусской земли назад в Кипчакские степи. По пути татары захватывали и уничтожали города, грабили и сжигали села, убивали жителей. Были разрушены Торжок, Тверь, Волок, Дмитров и другие города...***" Между тем Дмитров и Волок Ламский пали еще в феврале! У Татищева они даже названы прежде городов "другой стороны" - Городца, Костромы, Ростова, Ярославля, и в обратном порядке, означающем последовательный и еще наступательный маршрут к Новгороду - Дмитров, Волок, Тверь, и лишь после того, как сказано, что татары "попустошиша всю землю до **Галича** Меряского и Торжка", после описания битвы на Сити, следует рассказ о торжокской обороне. Кстати, о возрастающем сопротивлении орде говорит не

только героическая оборона Торжка и не менее, быть может, отчаянная защита Твери, но и тот факт, что Галич Меряский, самый северный город, до которого доскакали отряды Бурундая, согласно мнению В. Татищева, возможно, "взят не был". И, как знать, не лежит ли где-нибудь на чердаке или за божницей старого северного или сибирского дома неизвестная науке летопись, в которой есть страничка или хотя бы несколько строк, посвященных обороне Галича Меряского, Твери и, быть может, Березовского Рядка? И нет ли в ней хоть какого-нибудь намека на маршрут орды от озера Селигер?

- Но, собственно, зачем нам нужно знать этот маршрут?

- Не проследив исхода орды из Руси весной 1238 года, мы не сможем понять финала ее первого грабительского набега, загадки семинедельной обороны Козельска.

- Однако как понять Субудая, семь недель штурмовавшего Козельск, этот ничем не примечательный, но еще более "злой", чем Торжок, лесной городок? От него же было совсем близко до степи! И вообще, как Субудай оказался в такой удаленности от основного маршрута, как очутился вдруг под Козельском?

- Вот-вот. В Торжке заканчивалось скругление большого вопросительного знака - кровавый след основных сил Орды. Мы его сняли. Однако вы правы - еще один большой вопрос остается, и, чтобы ответить на него, нам следует восстановить точный маршрут Субудая до Козельска.

- Но как его восстановишь спустя сотни лет, если в известных нам летописях нет ничего об этом маршруте? И неужто историки не задумывались над ним?

- Трудов по русской истории - гора, и я, конечно, не мог ее всю осилить - ведь за всю жизнь мы прочитываем лишь несколько тысяч книг. Быть может, и есть какие-то догадки, приближающие нас к исторической истине, в малотиражных специальных изданиях или не увидевших света диссертациях, до которых я не добрался, просмотрев только труды наиболее известных русских историков. У Щербатова, Погодина, Костомарова, Ключевского, Бестужева-Рюмина, Забелина, Покровского, Грекова, Тихомирова я на этот счет ничего не нашел...

- А в классических трудах Татищева, Карамзина, Соловьева?

- С Татищева-то я и начал, потому что строгой исторической наукой давно доказано и до сего дня доказывается свежими исследованиями, что этот Нестор нового времени, человек исключительной работоспособности и добросовестности, всю жизнь собиравший исторические сочинения и древние рукописи, в том числе и в самых глухих старообрядческих уральских скитах, располагал по крайней мере несколькими летописями, ставшими позже вместе со всем бесценным древлехранилищем владельца жертвой пожара. Кстати, находя летописные разнотолки в освещении фактов и оценках, Василий Никитич Татищев считал своим долгом сохранить и их на суд будущих историков. Замечательный труд его полнится драгоценнейшими подробностями. Один пример. Татищев не был знаком со "Словом о полку Игореве", но в его "Истории Российской" есть такие на первый взгляд мелкие частности событий лета 1185 года, отсутствующие в известных нам летописях, которые помогают приблизиться к некоторым загадкам великого памятника русской средневековой литературы... И Татищев дает полное и подробное изложение событий зимы 1237/38 года, несмотря на кое-какие противоречия и неточности, отражающие противоречия и неточности первоисточников.

- Но неужели нет у него маршрута обратного движения орды?

- В общей форме - от пункта, как говорится, "А" до пунктов "В" и "С" - есть. Завершая описание наступательного маршрута чужеземных грабителей на Селигерском пути у Игнача креста, он сообщает: "Оттуда возвратися Батый к Рязани и иде к городу Козельску".

- Вот нам и маршрут. Не станем же мы спорить с самим Татищевым...

- Станем. Скажите, мог ли Субудай возвращаться на пустые пожарища? Маршрут орды при таких ориентирах должен был пролечь довольно длинной дорогой, связывающей сожженные уже города и разграбленные окрестности Торжка, Твери, Волока Ламского, Дмитрова, Москвы, Коломны и Рязани. Но грабительское войско не может идти дорогой, которой оно уже прошло!

Это Кутузов, обрекая армию врага на гибель, несколько веков спустя сумел после Бородина, Москвы и Малоярославца направить Наполеона по старой Смоленской дороге, где тот уже раз прошел и все дочиста пограбил. Правда, в отличие от Наполеона, Субудая на его бескормном пути беспокоить оружием было, собственно, уже некому, и в такой маршрут можно бы даже поверить, как поверил В. Ян, если б не другие важные обстоятельства, совершенно его исключавшие.

Абсолютно невероятно, чтоб Субудай со своим уже вовсе не грозным воинством, обремененным добычей, прошел эту тысячу километров сквозь опустошенные земли и, оказавшись в районе Рязани, то есть совсем рядом со степью, решился проделать на истощенных лошадях трехсоткилометровый весенний путь через леса на запад и еще семь недель штурмовать какой-то ненужный ему городок!

Другое, быть может, более важное обстоятельство тоже почему-то не учитывается. Дело в том, что Козельск был городом сильного Черниговского княжества, дальние северо-восточные границы которого издревле и надежно прикрывались не только засеками по лесам, кованым "чесноком"[61] по бродам, но и мощными по тем временам городами-крепостями. И Козельск являлся главной защитной крепостью лишь третьего оборонительного эшелона. Летописец впервые упомянул о нем еще в 1146 году одновременно с Лобынскcм, Колтеском и Дедославлем, выдвинутыми к самой границе с Ростово-Суздйльским и Муромо-Рязанским княжествами. По летописям следующего, 1147 года мы узнаем, что на подступах к южной границе Рязанского княжества, на степном рубеже, уже существуют Мценск, Карачев, Кром, Болдыж, Девягорск, Домагощ и Спашь, а еще через восемь лет упоминается Воротынеск, стоявший на Оке неподалеку от впадения в нее Угры.

От Смоленского княжества Чернигов и Новгород-Северский еще в середине XII века были надежно прикрыты городами-крепостями, стоящими непосредственно на границе, - Рогачевом, Орминой, Воробейной, Вщижем, Обловем, во втором эшелоне - Чичерском, Гомием, Ропеском, Стародубом, Сининым мостом, Радощем, Росусью, Трубецком, Брянском, Беницами и теми же Карачевом, Воротынеском и Козельском.

Создание северянами пограничной оборонительной системы, сравнимой, пожалуй, лишь с более поздней оборонительной системой Пскова и Новгорода,завершилось с удивительной последовательностью и логичностью - на острие клина, господствующего над верхним течением Оки, сопредельными смоленскими, владимирскими, рязанскими землями, возникают города-форты Лопасна на Оке, Сверилеск на Москве-реке, впервые упомянутые средневековыми историками в 1176 году, и, наконец, на следующий год Коломна - сильная пограничная крепость, основанная в стратегически важном пункте слияния Москвы с Окой, правда, уступленная позже вместе, кажется, с Сверилеском рязанцам. И не случайно в начале зимы 1237 года Субудай после сражения под Коломной, где погиб сын Чингиз-хана, пошел через одинокую и слабо укрепленную Москву на Владимирскую землю, не решившись брать одновременно почти двадцать пять чернигово-северских городов.

И вот весна 1238 года. Если бы Субудай пошел на Рязань, а от нее к Козельску, как написал В. Н. Татищев, основываясь на каком-то недостоверном сведении, он не мог бы обойти заслона из пограничных чернигово-северских крепостей! Штурм этих военных фортов задержал бы Субудая

---

[61] "Триболы (триволы) – древнеримское изобретение (" чеснок "), описанное Вегецием; представляет собой железный шарик с четырьмя острыми, конической формы, шипами, или просто четыре соединенные между собой шипа. Триболы рассыпали вокруг крепостных стен или на границах военного лагеря на пути предполагаемой кавалерийской атаки противника с целью уязвить копыта лошадей и привести в замешательство наступающих; впрочем, эффективность применения этого средства довольно сомнительна. Собственная кавалерия должна была быть защищена от поражения триболами, для чего рекомендовалось подбивать копыта лошадей специальными железными пластинами ("Виз. Аноним VI в."). Согласно военному трактату "De castrametatione" (X в.), каждый ромейский воин в походе должен был иметь по 8 триболов."

на неопределенное время, но ни в летописях, ни в народной памяти, ни в произведениях фольклора не сохранилось ни малейшего следа орды в оборонительном треугольнике Чернигово-Северской земли, если не считать Козельска, что означает единственное: **Субудай шел на этот город совсем не от Рязани, а другим маршрутом.**

- А что же пишет о возвратном маршруте орды другой классик русской исторической науки - Карамзин?

- Батый - де, "к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску". Карамзин не допускает мысли, что орда могла быть испугана неминуемой грядущей гибелью под стенами Новгорода, готового к надежнейшей обороне. Однако главное сейчас для нас в этой фразе замечательного русского историка - неведение о маршруте орды в степь. Назад - это было бы к Рязани, а вовсе не к Козельску, где орда еще не была.

- А как сказано у Сергея Михайловича Соловьева в его "Истории России с древнейших времен"?

- Слишком общо. "Пошли к юго-востоку, на степь..." Но не могли остатки орды взять прямо на юго-восток! Бездорожные лесные просторы отняли б у орды последние силы, и она погибла бы в них, заблудившись.

- С ее-то разведкой и местными проводниками?

- Русские проводники могли быть и такими, как Иван Сусанин... А в тех местах, которые имеет в виду С. М. Соловьев, восемьдесят лет спустя заблудилась большая рать Михаила тверского, возвращавшаяся из Новгородского княжества.

В ней, несомненно, были и местные жители, хожалые лесные мужики - бортники, лесорубы, охотники, но это не спасло положения. В Новгородской и Воскресенской летописях есть правдивые подробности о тяготах того похода, и я приведу несколько строк, написанных в тяжелом, трагическом ритме: ***"...Заблудиша в озерах и в болотех и начаша мерети гладом, едяху же и конину... и кожи со щитов содирающие едяху, а доспехи своя и оружья пожгоша, и приидоша пеши в ДОРЛЫ своя, а инии мнози измроша, жваху бо тогда голенища своя и ремение...***"

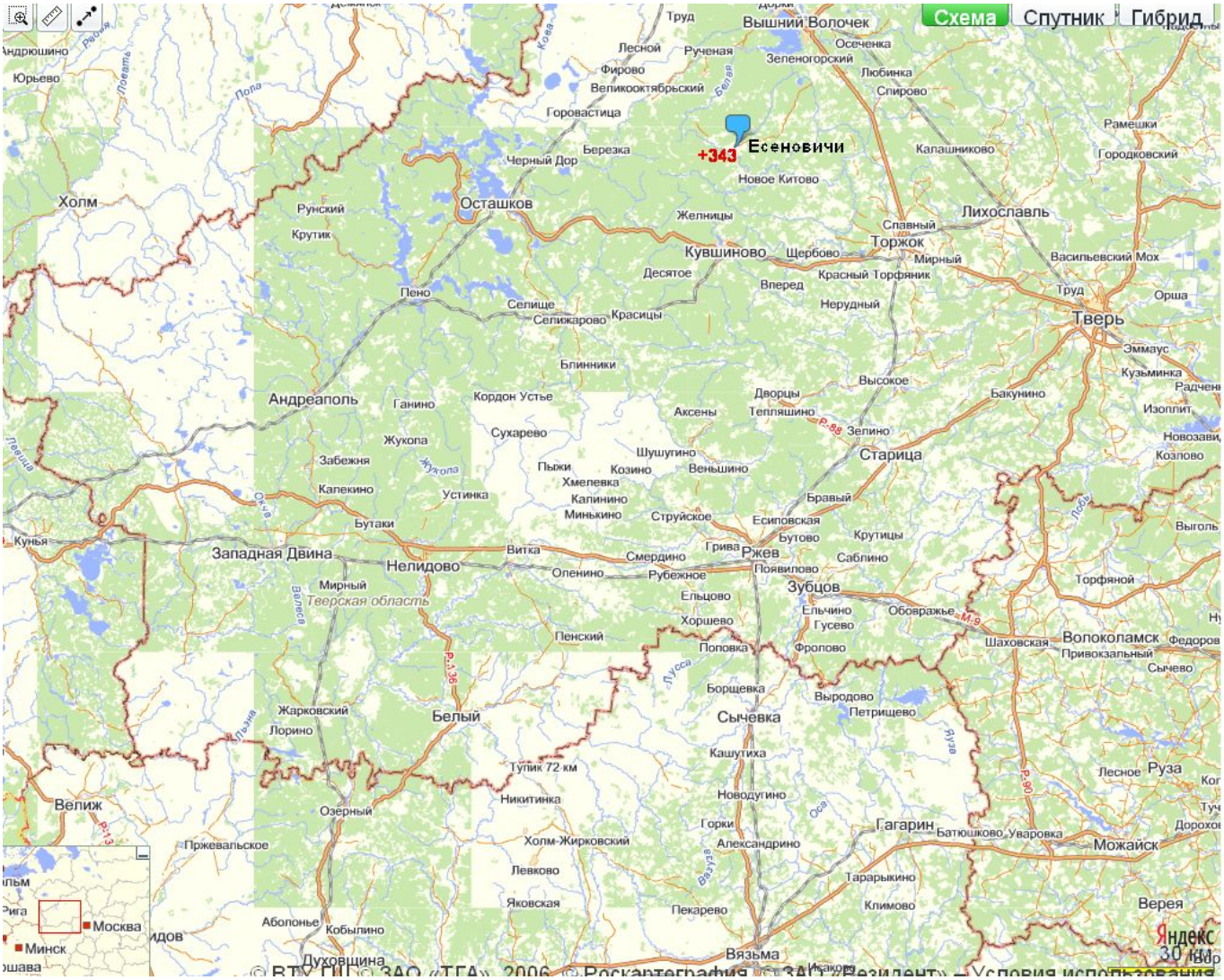
- Итак, куда же пошел Субудай?

- К главной отправной точке маршрута орда или ее авангард вернулись, конечно, по льду Селигера и Селижаровки. И вот перед Субудаем поднялась **Осташковская гряда** с ее отметками над уровнем моря в двести пятьдесят-триста метров, что уже немало по сравнению с приильменскими низинами. Не горы это, конечно, для Субудая, выросшего в Саянах, но из раннего детства он вынес главную заповедь урянхайца - самый легкий и часто единственный путь в горах, особенно веснами, когда по глубоким ущельям беснуется вода, рожденная солнцем из снега и льда, пролегает по гольцам и водораздельным грядам, выровненным вечностью...

Осташковская гряда пересечена множеством речек, бегущих во всех направлениях. Они вытекают из мелких озер или болот и впадают в мелкие озера или болота, но в середине марта, когда лед, схвативший кусты, прошлогодние жухлые травы, кочки и карчи, еще крепок, тянутся под берегами места, попутные основному направлению орды.

Движением на юго-запад Субудай пересек южные отроги Осташковской гряды и вышел к центру Вышневолоцкой. Еще раньше ему доносили о высокой гриве на севере.

Это была ключевая, отправная точка его маршрута. Она и сейчас такая же - высота в триста сорок семь метров над уровнем моря близ теперешнего села Есеновичи на западе Калининской области. С ее склонов сбегает Цна, приточные ручьи и речки в одну сторону, Поведь с притоками - в другую. От этой самой приметной здешней горы точно на юг шел ярко выраженный водораздел.



И Субудай, увидевший из седла половину вселенной, знал, что через места рождения этих рек, разбегающихся в разные стороны, пути к степи - короче и ровней, а из нетронутых долин, населенных врагами, добираться туда трудно, далеко и долго.

Если же наступит ранняя и быстрая, как в его родных горах, весна, то солнце растопят снега прежде всего на водораздельном гребне и подсушит эту длинную тропу. И хотя впереди еще была та же опасная неизвестность, от которой Субудай, как от пут, уже давно мечтал освободиться, на этой тропе к нему впервые за многие годы пришло на час-другой совсем забытое чувство умиротворенности и душевного спокойствия, потому что местность отдаленно напомнила ему родину.

Субудаю покойно и хорошо в лесу, его глаза слишком долго смотрели в степные дали, а внук Темучина сын Джучи все время озирается, ищет простора и вчера признался Субудаю, что ему кажется, будто деревья могут упасть и даже словно бы падают, но это у него просто оттого, что он смотрит в небо, по которому бегут редкие белые облака - быстро бегут к степи, что лежит прямо под полуденным солнцем...

Два хороших совета дал накануне Субудай внуку Темучина сыну Джучи. В авангард послать Бурундая - молодому богатуру надо пролить на снег и землю еще много крови врагов, познать много их жен и дев, чтоб поостыла его кровь, и тогда он сможет заменить его, Субудая, в большом походе до края вселенной. А Бури с дядей Байдаром и Гуюка с братом Каданом внук Темучина сын Джучи, по раскладу Субудая, оставил позади главного войска, хотя им-то очень не хотелось нюхать внутренности забитых коней да греться у холодного пепла. Но Гуюка и Бури надо было наказать за болтовню, которою они от самой степи язвили внука Темучина сына Джучи. В их словах была и правда, только Субудаю от нее не легче - если чингизиды совсем

поссорятся в этом тяжелом походе, конец которого неизвестен, войско ослабеет, развалится, как лошадиный кал, и по выходе из лесов свежие степные урусы добьют Субудая, не знавшего поражений. Пусть братья порыскают по дальним селениям в поисках корма да поучатся сами беречь воинов. Субудай устал думать за всех. По настоянию Субудая Бури с Байдаром взяли себе левую сторону водораздела, Гуюк с Каданом правую, чтобы дележ скудного фуража не ссорил отряды между собой. Если братья прокормят свои тысячи и дойдут до степи, она должна помирить собою всех чингизидов.

Со старым воителем остались четыре внука Темучина. Сыновья Джучи - Орда, Шайбан и Тангут - во всем слушаются Бату, Бату - Субудая, а Субудай - бога войны Сульдэ. Старый воитель хотел оставить при себе сына Урянктая, но тот в первом своем большом походе уже расправил крылья и настоял, чтоб отец послал его сотню в авангард с Бурундаем. Пусть еще поскачет немного впереди! Потом унаследует личную отцовскую тысячу, научится брать города и летать на крыльях воинской славы. А пока при Бурундае будет у Субудая свой глаз. В личной охране полководец держал с самого начала похода младшего сына Кокэчу, впервые познавшего женщину среди огня Е-ли-цзанн, и крылья его только начали отрастать...

Перед тем как отойти ко сну, Субудай приказал привести урусского певца, что ехал и кормился вместе с охраной. Певец нечаянно наступил на порог его маленькой юрты, и кипчак-переводчик, зная, что это наказывается смертью, в ужасе прикрыл глаза. Однако Субудай сделал вид, что не заметил нарушения монгольской ясы, которого, если спокойно подумать, и не было. На входе в юрту внука Темучина сына Джучи вчера оступился от усталости сам Субудай. А это юрта воина, не хана, и сам он не монгол, урянхаец, и здесь страна урусов, где ясы не знают, а певец любого народа служит богам, что живут в его душе...

- Какая там главная река? - спросил Субудай, указав рукой на запад.

- Волга, - сказал певец.

- Итиль, - перевел кипчак.

- А на юге?

- Итиль.

- Он лжет! - крикнул Субудай.

Великая Итиль далеко на востоке несет через степь свои воды к внутреннему морю и похожа на две великие реки народа, что назывался джурдже; они рядом бегут к беспредельному морю, в котором лежит вселенная. Итиль также течет через леса болеров, и Субудай дважды за свою жизнь ее покорил, а здесь Итили не может быть!

- Итиль рождается в трех дневных переходах отсюда, - уточнил кипчак. - А пересекает путь на юг - в одном переходе. И певец говорит, что эту урусскую Вол-Гу нельзя весной покорить.

Она три раза меняет путь.

- Почему? - оживился Субудай. - Горы?

Певец заговорил, и кипчак торопливо переводил. У Вол-Ги есть сестра Вазуза. Они когда-то заспорили, какая из них сильней, и побежали наперегонки к внутреннему морю, а когда встретились, то Вазуза совсем отклонила Вол-Гу по своему ходу, но сильно ослабела, и Вол-Га побежала встречать других сестер, две из которых - Моло-Га и Унжа - только немного сбили ее со своего пути. Собрав всех младших сестер, Вол-Га неторопливо и вольно пошла к внутреннему морю...

- И много у нее сестер?

Певец перечислял так долго, что Субудай перестал слушать. Он только понял, что среди этих сестер есть совсем ей родные Моло-Га и Ветлу-Га и, значит, какая-то дальняя-дальняя их родственница бежит из монгольских степей мимо его родины, потому что древние народы, жившие когда-то у священного озера, назвали ее Селен-Га....

Субудай отпустил певца и лег спать, успокоившись, - он выбрал хороший путь, потому что Итиль

и ее сестры не пустили бы его к степи, если бы не успел перейти главную урусскую реку по твердому льду и насту.

Вот оно - еще одно важнейшее обстоятельство, абсолютно исключавшее маршрут Субудая с остатками орды по старому пути, через разграбленные города и села на Рязань или же напрямик, по лесному бездорожью.

Любознательный Читатель. Весна?

- Да. И давно бы пора, знаете, задать историкам очень простой вопрос - если таяние снегов будто бы преградило Субудаю двухсоткилометровый путь к Новгороду, то разве не было этого таяния на тысячекилометровом пути к степи? Шел март, и вполне можно предположить, что солнце уже припекало, ветра теплели и начали сгонять на взгорках и открытых местах снега.

При движении на юго-восток орда должна была бы преодолеть долины множества речек и рек, забитых пропитанным водой снегом. В этом районе текут Цна, Осуга, Большая Коша, Поведь, Итомля, Тверца, Тьма и главное препятствие - Волга, миновать широкую извилистую долину которой было невозможно, как и последующие поймы сотен речек и рек, в том числе таких, как Москва и Ока.

До вскрытия рек, однако, было еще далеко. Согласно гидрометеорологическим данным XIX века, Волга вскрывалась у Твери 13-го, у Рыбинска-18 апреля, Москва-река у Москвы - 14-го, Ока у Калуги - 6-го, у Мурома - 16 апреля по новому стилю.

Нужно только, как я уже говорил однажды, учесть, что в XIII веке по всей Евразии началось резкое похолодание, а вскрытие рек в новое время ускорилось из-за поредевших лесов и множества других причин, вызванных человеческой деятельностью.

Итак, маршрут на юго-восток отменяло близкое весеннее половодье, которого Субудай опасался, потому что преодолеть коннице столько речных пойм и рек в пору ледохода или широкого разлива - дело совершенно нереальное... По той же причине Субудай не мог пройти к Козельску от Рязани; город защищали не только крепости северян и бездорожные леса, но и поймы Оки, Осетра, Протвы, Истьи, Угры, Серены, Жиздры - весной они были бы для конницы непреодолимыми из-за сырых глубоких снегов.

Через день Субудай отметил, что тропа стала совсем не трудной. Наверно, еще в те времена, когда не родился Есукай, прадед Бату, и дед Темучина Бартань-богатур, по ней ходили урусы на вьючных конях ловить пушного зверя, отбирать у лесных пчел их сладкий запас, требовать дань и поклоняться в храмах их непонятному богу, которому надо шептать слова и махать перед грудью той рукой, которую само небо предназначило для сабли. Этой же тропой пробирались в родные улусы беглые рабы, бродячие певцы, на ней дрожали за свои товары менялы, а их поджидали в самых темных местах урусские богатуры из разных улусов и долин. Субудаю же тут ничего не грозит, даже само солнце, - вода скоро начнет стекать отсюда, как с хребтины степного коня, пережившего зиму.

Субудай шел холмами, на которых начинались главные реки западных стран. Совсем рядом, как бормочет урусский раб-певец, жили истоки и притоки великой Итили, поящей далекое внутреннее море; три раза по пять зим прошло с той поры, как Субудай последний раз видел его низкие берега и серые осенние волны.

Эти же холмы рождают другую сильную реку, текущую в теплое и глубокое южное море; его Субудай тоже видел. А посреди течения реки, по словам кипчаков, стоит уже полтысячи лет самая Древняя и главная столица урусов, сияющая под солнцем золотыми шапками храмов, полных сокровищ. Если небу угодно будет выпустить отсюда Субудая живым, ему не позволят удалиться на покой, пока он не возьмет этого сказочного нетронутого города.

И тут же начало третьей большой реки, бегущей туда, где на заходе солнца обитает богатый народ немнсы, чьи купцы рассказали, что эта река струится сегодня через земли, уже завоеванные их рыцарями, к прохладному светлому морю, выбрасывающему на берег прозрачные желтые камни,-то море Субудаю уже не доведется посмотреть...

- И все-таки выбор Субудаем этого маршрута - пока только предположение?

- Под лесной подстилкой на этом водоразделе непременно должны лежать кости съеденных и павших степных коней, и специалисту не составит особого труда отличить их от местных.

Есть и другие совершенно достоверные данные, подтверждающие путь Субудая. О них мы вспомним позже, когда подойдем по этому единственно возможному маршруту к местам, где такие данные - документальные и археологические - обнаружены. А пока двинемся далее... Смотрите, как разделяются здесь воды. На восток текут Осуга, Большая Коша, Малая Коша, Волга. На запад Песочная, Жукопа, Межа, Береза, Лучеса, Обша, Днепр...

И когда Субудай вернется на голубой Керулен, то расскажет юным воинам про эту срединную тропу самое важное - у него за спиной остался нетронутый урусскнй улус с богатой столицей, слева от стремени медленно проплывали те два других,которые он только что повоевал,справа-еще два нетронутых улуса, а впереди - не то три, не то четыре, даже, быть может, пять, и если спокойно подумать, то каждый из них по отдельности, а значит, и все должны затрепетать при виде черной тучи быстроногих коней и кличе "ур-р-ра-гх!", рвущемся из молодых глоток...

Любознательный Читатель. Имеются в виду Новгородская земля, Рязанское, Владимиро-Суздальское, Полоцкое, Смоленское, Переяславское, Киевское, Чернигово-Северское, Галицко-Волынское и Турово-Пинское княжества?

- Да, весь десяток... Пошли дальше? Туда, где всходило солнце, стекали с водораздела новые и новые реки, названия которых не обязательно было знать Субудаю. Молодой Туд, Вазуза, Касня, Гжать, Москва, Протва, Шаня, Истра, Воря. А на западе все ручьи и речушки собирал верхний Днепр и его левый приток Вязьма...

Приостановимся здесь на минутку. Поход был спешным и трудным. Коней гнали, пока они не начинали падать. Перед каждым привалом шла их выбраковка на мясо и распределение корма между самыми выносливыми. Должно быть, запас торжокского зерна давно кончился; Селигерский путь передовых отрядов до Игнача креста и обратно, потом по водоразделу до истоков Угры и Вязьмы - это несколько сот километров заснеженной, извилистой лесной тропы, захламленной и заболоченной, на которой никакого подножного корма не было.

- Чем же держались кони?

- Им вообще нечем было бы держаться при любом другом маршруте в степь.

Внук Темучина сын Джучи не отпускал от себя Субудая, и старый воитель вынужден был тащиться в середине каравана, обремененного добычей, юртами, капризным гаремом, слугами, охраной и раздраженными, с первых же слов срывающимися на ругань и визг братьями-чингизидами.

Идти было бы можно, если б не так болела спина, если б на пути попалась хоть одна урусская бань-я и не стал бы таким раздражительным внук Темучина сын Джучи. Разъярился две ночевки назад, когда увидел, что едущие впереди воины и рабы разбили главный стан не на открытом месте, а в окружении густого леса. Он приказал было перенести свою юрту, но Субудай предупредил, что до большого просвета в лесу идти полночи, вьючный караван ложится, а корма на этот раз оставлено мало, уже горят костры и освежеваны кони. До этого внук Темучина сын Джучи казнил за нерасторопность двух слуг-хитаев и урусскую наложницу, проклял Бурундая за то, что тот не оттаскивает от главной тропы, которой шел караван, павших коней, ноги, головы, кости и внутренности коней съеденных и даже трупы казненных и умерших рабов и воинов. Субудай нарядил вдогонку воина с запасом корма, на пути стало почище, но черных птиц будто прибавилось.

А сегодня внук Темучина сын Джучи хотел послать Субудая вперед вместо Бурундая, потому что корма на стане почти не оказалось. Субудай обрадовался, приказал вьючить свою теплую юрту, но внук Темучина сын Джучи, когда уже наступила полная темнота, передумал отпускать от себя полководца. Субудай направил вперед караван вьючников, чтоб они подвезли корм, но будет ли он на следующей стоянке?

- Откуда же он мог взяться? И вообще - чем кормились в таком маршруте пятнадцать-двадцать тысяч лошадей?

- На склонах водораздела стояли селения. Не знаю, многие ли из них просуществовали до наших дней и какие зародились позже, только сейчас по этому водораздельному траверсу стоят десятки сел. Во всяком случае, водораздел в нескольких местах пересекался контролируемыми волоками, и на них издревле стояли укрепленные селения. Все города ведь возникли из деревень, и многие нынешние деревни куда древнее городов. Специальные отряды Субудая при малейшей возможности отклонялись от основного маршрута и неожиданно, из темных лесов, нападали на одинокие хутора, выселки и деревни, забирая у жителей все, что могло идти на корм истощенным коням, - овес, ячмень, семенную рожь и пшеницу, муку, просо, мякину, лузгу. Этого все равно не хватало тысячам лошадей. Запасной табун, что торил дорогу вслед за Бурундаем, съедал торчащие над снегом будылья, обгрызал мох с высоких пней, кусты, голые ветви деревьев и зверел от голода. Его по частям подгоняли к редким встречным овинам соломы, стогам сена, крытым токам с остатками невымолоченного зерна, и животные вмиг уничтожали все, даже перебитую в пыль труху, долизываясь до земли. Еще в самом начале маршрута Субудай увидел впереди, там, где шел Бурундай, далекие дымы и срочно послал приказ этой бараньей голове, чтоб тот не жег селения, пока не пройдут запасные табуны и не съедят соломенных крыш...

И он оказался прав - когда стало невозможно выменять парчу на горсть овса у добычливого товарища, воины начали бросать тяжелую и рыхлую добычу, которую подбирали другие, сортируя кладь, но потом урусское добро все равно оказывалось на грязном снегу, не нужное никому, и перед ночлегами уже кое-где разжигали костры дорогими мехами.

- Ну, это уж слишком!

- Допускаю, что это могло быть, если такой талантливый грабитель, как Наполеон, согласно упорным слухам, пока никем не опровергнутым, при своем позорном бегстве из Москвы бросил даже бесценные сокровища, украденные в Кремле. Кстати, маршруты Субудая и Наполеона пересеклись как раз в этом месте, где мы приостановились...

21. Глава 21

Едем в Болдино. Дорога куда как плоха: изуродована тяжелыми грузовиками, заболочена кое-где, просвет над нею затягивается листвой, которая вот-вот сомкнется и образует сумеречный туннель. Это старая Смоленская дорога. Знаменитая дорога! По ней, горделиво красуясь в седле наступал на Москву во главе своих полчищ Наполеон, изрекший незадолго до этого похода: "Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее". Он ни в грош, видно, уже не ставил героически сражавшуюся Испанию, Англию и Турцию, необъятные Индию и Китай, заокеанские САСШ, но через три месяца этот господин, бросивший по пути свое раздавленное войско, вновь оказался на старой Смоленской дороге, потеряв в России свою славу непобедимого и свое легендарное самообладание...

Наш скрипучий фургон западает то одним, то другим колесом, а то и двумя сразу в рытвины и водоемины, цепляет карданом и картером. На переднем сиденье, сразу же за шофером, чтоб не так трясло, едет глава нашей маленькой экспедиции, которого я знаю уже много лет, но каждая встреча и даже каждый телефонный разговор с ним обязательно открывают мне что-то новое, расширяющее мои представления о жизни, истории, архитектуре, о великих трудах и горьком бессилии человека, уже не имеющего ни здоровья, ни времени, чтоб завершить начатое.

Он пригласил меня в эту поездку, пообещав интересное. Но пока молчит, сутулится над своей палкой, да и трудно разговаривать в этакой тряске, под шум двигателя. Поехал я охотно - мне хотелось побывать в той точке, где скрестились, пусть и разделенные веками, пути Субудая и Наполеона.

Правда, в Вязьме он меня поразил на всю, как говорится, оставшуюся жизнь - не думаю, чтоб довелось еще раз увидеть что-либо подобное! Мы подъехали к большой старинной церкви,

одетой почерневшими лесами.

- **Одигитрия**! - произнес он торжественно и многозначительно, как будто одного этого слова было достаточно, чтобы понять все без комментариев. - Пошли?

Ничего я не понял, и мы полезли наверх по хлипким лестницам и подмостям без перил. Он карабкался впереди, ощупывал попутно кирпичную кладку, на межмаршевых переходах пробовал шаткие доски ногою и отчаянно смело ступал на них.

- Вы, пожалуйста, уж поаккуратней там! - крикнул я, когда высота стала расти, подул ветер, а переходы, заляпанные раствором и усыпанные кирпичным боем, сузились. Он ничего не ответил, лез себе да лез, и я не мог успеть за ним, потому что после инфаркта на такую высоту поднимался только по эскалатору метро. Наш спутник, молодой московский архитектор-реставратор Виктор Виноградов, догнал меня и сказал, чтоб я не беспокоился.

- Почему?

- Любая высота ему нипочем - у него птичье сердце.

Виноградов ушел вверх, я пополз за ним, притираясь к изящно выложенным кокошникам, и только тут заметил, что вся кладка не совсем обычна - старинный кирпич массивен, гладок и перемежается в рядочках раствора с математической правильностью; всяческие уголки, переходы, сопряжения сделаны из темно-красных фигурных деталей той же первозданной крепости, а кой-где начали попадаться белокаменные прожилины.

Наш старый вожак, не останавливаясь, что-то говорил, но слова отдувало ветром, и Виктор пояснял мне, что этот памятник - архитектурный уникум. В России не осталось памятников о трех каменных шатрах в ряд и на общих сводах, кроме, пожалуй, угличской Дивной. И основной кирпич особый - длина тридцать сантиметров, ширина шестнадцать, толщина восемь с половиной. Детали же кладки - шестнадцати различных размеров и конфигураций! - прошли специальную формовку и обжиг, то есть вся эта игрушка без единого отеса. А тут еще - видите? - все перемежает мячковский белый камень. По изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже Василия Блаженного...

- Ну, это уж слишком, - сказал я.

- Нет, нет, не слишком, старик-то знает!

И вот мы наконец на самом верху, близ огромных крестов и куполов, недавно заново обшитых листовой медью. Под нами весь город, над нами все небо. С колотящимся сердцем я уселся отдыхать на груду битого кирпича, а маленький сухонький старичок, первым сюда поднявшийся, дергал за рукав большого человека в спецовке то туда, то сюда, потом буквально сбежал по лестничным поперечинкам на марш ниже, к шатрам, и еще ниже, к барабанам, обнимал их и щупал, бросая тяжелые, безжалостные слова:

- Вы не понимаете, что творите! Вы варвар! Вы губите великий памятник! Ребра шатров неровны, кирпич стандартный, да еще весь в трещинах. А это что? Что это, я спрашиваю?

- Бетон, - слышится виноватый голос.

- А тут должен быть кирпич! Опять трещины... Вы понимаете, что влага заполнит их, порвет кладку, бетон ваш выветрится и рассыплется... Слушайте, здесь должен лежать тесаный белый камень, а вы опять замазали раствором! И почему не дождались спецкирпича? Ведь шестьдесят тысяч рублей за него перечислено! Журавины[62] сделаны не так, ниши не по проекту, подлинные арки растесаны. А "гуськи" - разве это "гуськи"?

Думаете, леса сбросите и снизу никто не увидит ваших

безобразий? Это же второй Василий Блаженный!..

Он побежал вниз, и мы начали спускаться за ним. Спускаться всегда опасней, чем подниматься, и

---

[62] **Журавина**— весьма распространенное в среднерусских губерниях название *клюквы*

мы еще не миновали кокошников, а он, благополучно миновав, как я подсчитал, восемнадцать лестниц, уже шумел на земле. Той осенью ему шел восемьдесят шестой год, и глаза его, загубленные катарактами и отслоениями сетчатки, видели только кроны деревьев да очертания куполов, и то если за ними стояло солнце...

Это был замечательный наш архитектор-реставратор Петр Дмитриевич **Барановский**, и мы по старой Смоленской дороге ехали в его родные места. Он совсем замкнулся после Вязьмы, не проронил ни слова и даже не перекусил с нами, отмахнулся.

- Памятник будем спасать, Петр Дмитриевич, - подсев к нему, сказал я. - В газету напишу, к начальству пойдем, приостановим работы.

- Спасибо. Я их уже приостановил, но поздно... А вы знаете, Наполеон запер в Одигитрии сто человек и приказал поджечь храм, но Платов подскочил, и казаки повытаскивали полузадохшихся людей... Ремонт - в начале-то девятнадцатого века - сделали хорошо, а мы в конце двадцатого не можем...

И снова замолчал до самого Болдина.

Мы подъехали к монастырю уже затемно, ничего не увидели и расположились на ночлег в деревне Болдино, у здешнего лесничего.

Не спалось. Тарахтел где-то движок, собаки вокруг брехали, потому что неподалеку бил стекла тещиного дома упившийся зятек. Петр Дмитриевич скрипел койкой и вздыхал в темноте.

- Не спите? - тихо спросил я.

- Нет. Не могу ни есть, ни спать, покуда всего не переживу и не перевспоминаю... Испортили памятник! Это не реставрация, а что-то обратное... Вы, кстати, рисковали сегодня.

- Не больше вас. Но я высоты не боюсь, с детства по кедрам лазил... Можно спросить?

- Да.

- Мне сказали, что у вас будто бы какое-то птичье сердце.

- Наговорят... Просто я налазил по лестницам и веревкам больше их всех, вместе взятых. Если все суммировать, может, десять Эверестов получится. Так что это у меня просто привычка. А сегодня мы все рисковали по другой причине.

Одигитрия ведь готова в любой момент рухнуть.

- Как! - испугался я за памятник. - Почему?

- А может и еще много лет простоять... Ее три тяжелых каменных шатра давят на своды, а те распирают стены. Поверху же стены ослаблены внутренними полостями, в которых при постройке были заложены мощные дубовые связи. Они выгнили за два с половиной века, и надо срочно пропускать стальные тяжи... Это я впервые сделал здесь, в Болдине.

- Давно?

- Как сказать? Не слишком. Вскоре после революции.

Железо привез из разобранной Китайгородской стены и укрепил им великолепный здешний памятник.

Он помолчал и добавил с горечью: - Только все было напрасно.

- Почему?

- Вы вообще-то знаете, что такое Болдино и что оно такое для меня лично?

- Нет. Если не спится, расскажите.

- Понимаете, тут родник всей моей жизни и моего дела...

В портфеле, стоящем у лежанки, я нащупал клавишу диктофона и включил; еще в Москве я попросил у Петра Дмитриевича разрешения на этот счет, и он сказал, чтоб я писал, что хочу, - секретов у него никогда никаких не было и он доживает жизнь без них.

Родился Барановский неподалеку от Болдина, в селе Шуйском. Отец его, безземельный крестьянин по положению, деревенский умелец по нужде и таланту слыл мастером на все руки - мог и срубы рубить, и дуги гнуть, и телеги да сани ладить, но главным занятием, к которому он сызмальства приучал сына, стало доброе и славное мельничное ремесло. Дмитрий Барановский умел и любил ставить на подпрудах смоленских речек эти древние простые устройства, от веку дающие народу хлеб насущный. И они красовались среди зеленых ракит, отделяя омутистые, черные и тихие воды от шумных, пенистых, белых, а еще бы красивее были, если б не грузная приземистость тех мельниц; утонить бы да поднять верха повыше, чтобы от этого все вокруг захорошело...

Не вышло, однако, по отцовской-то тропке пойти. Сын оказался жаден до книг и спрашивал про такое, о чем его ровесники, играющие под окнами в бабки, думать не думают, а отец хотя и думал, но ответить не мог. Однажды они проезжали село Рыбки, и сын впервые увидел деревянное строение, напоминающее огромную елку, вонзившуюся в небо. Работа была хорошая, старинной аккуратности, которую подновить приспела пора, и отец заметил, что сын тоже не сводит глаз с шатрового завершения в зеленых мшинках; он глядел на него неотрывно, пока лес не загородил деревню...

Петру Барановскому было пятнадцать лет, когда отец привез его в Болдин монастырь на храмовой праздник Введения Богородицы. Тут стояла такая же шатровая Введенская церковь, но выложенная до креста в кирпиче. Церковь-то закрыли по ветхости еще в пору отцовой молодости, а праздник остался - съехалось с окрестностей много народу, у монастырской стены торговля шла всякой всячиной, гармоники заливались за прудом, карусели крутились, но сын как завидел огромный пятикупольный собор, так и замер.

- Помню, меня поразило, - говорит Барановский, - что купола выше сосновых куп и отражаются в пруду вместе с облаками. Как в этой крохотной деревеньке люди подняли такие громады камня под небеса и придали им красоту?..

А через несколько лет по деревне прошел слух, будто сын Дмитрия Барановского подался в Москву, чтобы научиться чертить планы и по ним строить каменные дома.

- Поехал я не с пустыми руками. У меня были зарисовки церкви в Рыбках и Введенской в Болдине. В те годы возбудился интерес к архитектурной старине, но считалось, что влияние национальной русской зодческой школы, характерной шатровыми верхами, не распространилось западнее Можайска, переместившись на север. Когда в Московском археологическом обществе, объединяющем любителей старины, показал я свои эскизы западных шатровых церквей, ученые мужи ахнули и написали мне сюда поручительную бумагу...

- В каком году это было, Петр Дмитриевич? Давно?

- Не очень, в 1911-м...

У него не хватило терпенья дождаться лета, и на святки он явился в Болднно с братом. Игумен изучил бумажку и разрешил войти во Введенскую церковь, которую никто не посещал тридцать лет. Она была пуста, только в углу стояла огромная старинная печь. На полу лежал снег, нанесенный через окна и сквозные трещины. Юноша подошел к печи, смахнул картузом пыль и вздрогнул - открылись ослепительные краски изразцов. Братья сколотили лестницы, собрали по деревне мотки вервья. Карнизы сыпались, разрушенные корнями трав, шатер пронзали забитые кирпичной трухой трещины. Две недели братья, коченея на ветру и морозе, обмеряли ветхий памятник и примыкающую к нему трапезную палату XVI века.

- Удивительное, знаете, неповторимое явление!

Одностолпная, под сводами, с замечательным изразцовым декором и изразцовыми сверху донизу печами. Есть, конечно, Грановитая палата, но это столица, дворец, а тут монастырская трапезная в глухомани!.. И вот снова Москва. Заседание археологического общества. Развесил я чертежи, рисунки, эскизы с обмерами.

Прочел устный небольшой доклад и представил первый в своей жизни проект реставрации. Через

несколько дней получил приглашение снова явиться. Показывают решение и вручают премию в четыреста рублей пятирублевыми золотыми монетами. Для меня совсем нежданная и огромная сумма!

- На что же вы ее употребили?

- Положил в банк. Как ни трудно мне тогда было, я до весны не разменял из нее ни одной пятирублевки. А весной купил фотографический аппарат с прикладом и поехал по России...

Сначала сюда, в село Рыбки, где сфотографировал и обмерил деревянную шатровую церковь семнадцатого века. Потом вернулся в Вязьму, к Одигитрии, которая навсегда покорила меня, когда я встретился с ней на своем московском первопутке. Обмерял ее для практики - необыкновенно сложная и увлекательная была работа! Впрочем, вы сегодня, то есть, наверное, уж вчера, видели этот драгоценнейший памятник.

- Выходит, вы впервые поднялись на него шестьдесят пять лет назад?

- Выходит, так... А вам сейчас сколько?

- Скоро уже полсотни.

- Юноша, - засмеялся он в темноте и через паузу добавил задумчиво: - В вашем возрасте я был далеко отсюда. В Сибири.

- Где же? - полюбопытствовал я, потому что о Сибири мне всегда все интересно.

- Есть такой городок Мариинск...

- Удивительное совпадение! - вырвалось у меня.

- Именно?

- Да я же родился в Мариинске!.. А вы что там делали? - совсем глупо и бестактно спросил я, но было поздно.

- Библиотеку построил в классическом стиле, - произнес он. - С деревянными колоннами. Верстах в трех от станции. Помните?.. Моя вынужденная экскурсия туда была, связана с Василием Блаженным, но это уже совсем другие воспоминания, оставим их...

А я лежал и вспоминал то, о чем вспоминать не хотелось.

Магния Юрьевна Барановская еще в бытность свою рассказывала мне, как в середине 30-х годов Петру Дмитриевичу поручили обмерить Василия Блаженного.

- Зачем? - спросил он.

- Памятник назначен к сносу.

Барановский сказал что-то очень резкое, покинул собеседника, и вскоре Мария Юрьевна принесла ему первую передачу.

- Начали? - спросил он жену. - Рушат?

- Нет.

- Тогда я буду есть...

Чтобы прогнать от себя эти воспоминания, спрашиваю: - Петр Дмитриевич, а как вы, между прочим, тогда, до революции, сумели поступить в институт?

- Между прочим, сначала закончил Московское строительно-техническое училище, работал, потом уж был археологический институт...

Но это прочее было для него ничем не заменимой академией. За эти годы он всласть полазил по стенам, шатрам и куполам с рулеткой, от души пошлепал мастерком. В Москве, Туле и Ашхабаде работал помощником у архитекторов и подрядчиков, строил военные объекты на германском фронте. В Старице Тверской губернии провел полное исследование Борисоглебского собора, памятника XVI-XVII веков, представил проект и модель его реконструкции. Изучил образцы народного деревянного зодчества XVII-XVIII веков в районах Минска, Слуцка, Пинска и Ровно,

частично обмерил Китайгородскую стену - сразу-то после революции ее было решено отреставрировать и сохранить как памятник истории и городской фортификации... А в 1918 году Петр Барановский узнал, что во время эсеровского мятежа в Ярославле от артобстрела сильно пострадало особое национальное достояние нашего народа - замечательные памятники русской архитектуры. Через проломы в куполах, сводах и кровлях осенние дожди да мокрые снега могли смыть бесценные фрески. Он обратился в Наркомпрос.

- Это было удивительное, тяжкое и святое время. Трудно даже сейчас себе представить!.. Мятежи, оккупация, интервенция, голод - кровь льется, люди мрут. И остался, как в тринадцатом веке, лишь островок родной земли, не занятой врагом!

Голос у него сорвался. В темноте я перевернул кассету.

- Что нужнее - отремонтировать паровоз или древний храм?

И вот, по свидетельству Бонч-Бруевича, Ленин лично распорядился немедленно взяться за спасение памятников Ярославля... Меня назначили руководителем работ. Мне прежде всего нужен был брезент, чтобы срочно защитить самое драгоценное, но брезент был тогда тоже драгоценностью - ни на одном складе его не находилось. Наркомпрос обратился в военвед, и я тут же получил двенадцать огромных кусков брезента. До смерти запомню тот день - августа 1918 года, когда я выехал в Ярославль - во мне все пело... Вы еще не спите?

- Продолжайте, пожалуйста...

- Ну, прикрыл я фрески под проломами, все прикрыл! В жизни бывают, однако, поразительные, необъяснимые совпадения, и сейчас я вам расскажу совершенно дикую историю... Ровно через пятьдесят лет, в 1968 году, именно Ярославль стал свидетелем варварского деяния. Наши же реставраторы загубили замечательные фрески **храма Иоанна Предтечи в Толчкове** - не смогли, видите ли, вовремя починить кровлю! Преступников, правда, посадили на скамью подсудимых, но это, строго говоря, паллиатив - русская и общечеловеческая культура навечно лишилась неповторимых сокровищ средневековой живописи...

Барановский прерывисто вздохнул, и я сказал:

- Может, пора вам отдыхать, Петр Дмитриевич?

- Я мало сплю. И, кстати, тихо, как мышь... А вам интересно? Мне хочется снова вернуть вас сюда, в Болдино! Нет, нет, это вы меня извините, я давно так много не говорил...

Сейчас заканчиваю.

В Ярославле к 1927 году было восстановлено около двадцати памятников. Барановский же снова и снова бывал здесь. Обмерил Троицкий собор, колокольню, еще раз с превеликим удовольствием трапезную, составил проект реставрации всего комплекса, защитил на этой основе диссертацию и немедленно начал работы... Начал...

Он замолчал, и я выключил диктофон.

Утром, за чаем, будто не было никакого перерыва, он заговорил:

- Сразу же привез из Москвы дефицитнейший тогда металл. Взял в бетон, завел в ниши Введенской церкви, скрепил. Параллельно с каменными, плиточными и лепными работами затеял тут музеи - русская народная скульптура, резьба по дереву, керамика, старинное оружие, археологические находки. Здешние окрестности с точки зрения археологии - золотое дно! В верховьях Днепра множество городищ, и недаром скандинавские саги говорят о нашей прародине как о Гардарике - стране городов.

- В этих местах скрещивались две главные дороги глубокой древности - с севера на юг и с запада на восток, - добавил я. - Не только в древности. В средневековье степная орда прошла, и, наверное, можно найти ее следы! В новое время французы на Москву и обратно.

- А между ними поляки, литовцы, шведы... В 1500 году **великий московский князь Иван III на реке Ведроше**, что впадает в Осьму[63] почти рядом с монастырем, разбил польско-литовские

---

[63] Рясну (в летописях названа Тросной)

войска и взял все эти древнейшие русские земли под Москву и православие...

Да, свершилось тогда огромное историческое событие! С русской и литовской сторон в сражении участвовало по сорок тысяч[64] воинов. Перед Ведрошеи передовые русские отряды вступили в бой и тут же отошли "а восточный берег реки, а переправившихся литовцев встретили главные силы. Сеча завязалась жестокая и длительная. Но вот командовавший русскими войсками князь Даниил Щень послал в бой свежий засадный полк, который и решил исход сражения. Русские захватили всю артиллерию противника, много пленных, включая самого главу похода. В результате этой блестящей победы к Москве отошла исконно русская Северская земля - с Черниговом, Новгородом-Северским, Путивлем...

- А несколько позже инок Герасим, прозванный Болдинским, основал здесь скит, впоследствии монастырь... И удивительные находки, знаете, случаются в истории! В 1923 году в шведских архивах были найдены - что бы вы думали? - приходо-расходные книги Болдина монастыря! Это исключительно интересная и важная находка, потому что подтвердила, хотя и косвенно, мои догадки об архитекторе.

- Кто же он?

- **Федор Савельевич Конь**.

- Неужто?

- Да, тот самый единственный русский зодчий, который торжественно именовался как "государев мастер палатных, церковных и городовых дел". Родился он тут же, под Дорогобужем, а сын его был казначеем этого монастыря. Федор Конь, как вы знаете, построил два великих сооружения - Смоленский кремль и Белый город в Москве, а тут он появился около 1575 года. Его ссора с придворным Ивана Грозного немцем Генрихом Штаденом закончилась дракой. Мастер скрылся в этот монастырь и начал обстраивать его. Вознесся над лесом собор с громадной центральной главой и четырьмя поменьше, явилась чудо-трапезная, о которой мы уже говорили, колокольня в шестерик с огромными арочными проемами и шлемовидным завершением. Характер кладки, стилевые приемы, зодческий почерк в сочетании с документами и биографическими данными Федора Коня убедили меня в том, что именно он, этот великий русский зодчий, создал на своей родине еще один бессмертный памятник масгерства, искусства и духа, который еще при его жизни считался лучшим архитектурным комплексом Московского государства... Белый город Федора Коня безвозвратно исчез, поэтому так важно было сохранить **Болдинский монастырь!** К концу двадцатых годов основные реставрационные работы закончились... А теперь пойдемте смотреть. Где моя неразлучная подруга? Куда я ее дел?

Палка нашлась, и мы вышли на улицу. Жадно оглядев окрестности, я ничего не увидел - ни куполов, ни каменного шатра, ни колокольни... Но вот за прудом показалась низкая серо-белая стена и внутри ее что-то неопределенное и бесформенное - какое-то приземистое, свежего кирпича строение, деревянные навесики, груды старого камня, и в центре всего возвышалась гора, поросшая зеленой травой.

- Хорошо видите? - спросил Петр Дмитриевич, приостановившись на плотине.

- Да, - поперхнулся я.

- Они взорвали тут все! - крикнул он, и руки его, сжавшие набалдашник палки, побелели в суставах.

- Зачем? - растерянно спросил я, хотя хорошо знал, зачем фашисты планомерно и целенаправленно уничтожали памятники старины; затем, чтобы уничтожить этот предмет нашей национальной гордости, лишить нас исторической памяти, унизить презрением, запугать чудовищной аморальностью и даже обеднить в какой-то мере материально, потому что хорошо

---

[64] С литовско-русской стороны, по реальным оценкам, приняло участие до 10 тыс. воинов, московско-русских войск, видимо, было больше, но никак не 40 тыс., как следует из некоторых источников.

знали - мы все это будем когда-нибудь восстанавливать!

В тот болдинский день я узнал, что варварское уничтожение собора Федора Коня в 1943 году было также актом бессильной злобы и мстительности - в бывшем монастыре располагался штаб партизанских соединений этого района Смоленщины. В крохотном музейчике, еще с двадцатых годов хранящем несколько экспонатов, некогда собранных П. Д. Барановским, лежат на полках партизанские пулеметы, гранаты, висят портреты патриотов-партизан. Краткий отчет о действиях одного из соединений, которым командовал Герой Советского Союза Сергей Гришин: взорвано около ста мостов, пущено под откос 295 паровозов и 8486 вагонов с грузами, уничтожено более двадцати тысяч гитлеровцев...

Окруженные в монастыре партизаны сражались до последнего патрона. Оставшихся в живых согнали к стене Троицкого собора и расстреляли из пулеметов. На этом месте стоит сейчас скромный обелиск, но если думать о священной Вечной памяти, то должно восстать из праха все окружающее его!

Петр Дмитриевич, хватаясь руками за будылья, карабкается на гору камня и ждет, когда поднимутся остальные. Смотрит невидящими глазами вокруг, но у меня такое ощущение, что видит он все лучше других. Так оно и было, потому что никто из нас не видел архитектурного ансамбля Болдина целым, не входил в собор, не поднимался на колокольню.

- Старая Смоленская дорога - вот она, вдоль стены тянется, - показывает он рукой. - Стена имела четыре угловые башни... А там, у главных ворот, смоленские студенты выложили часть стены. Хорошая работа! Ну а мы общими усилиями трапезную возвели заново по моим ранним обмерам. Очередь колокольни.

Первый ярус, как видите, готов... Видите блоки под навесами?

Они добыты из такой же горы развалин, пронумерованы, и каждый уже знает свое место. Будем поднимать эти куски старой кладки и вклеивать... Собор был взорван умелыми разрушителями, однако огромные куски стен упали целехонькими - Федор Конь делал раствор доброго замеса! Все фрагменты поставим на место...

Это был новый метод реставрации, разработанный Барановским. Пойдут в дело вот эти кокошники, карнизы, детали окон - только когда? Работы на колокольне идут слишком медленно, руины собора даже не разобраны, а дожди, снега и травы вот уже три десятилетия с гаком делают свое недоброе дело, которому, к сожалению, помогало и окрестное население, устилавшее болдинским кирпичом дорожки в личных дворах да полы скотных дворов...

Вдруг я вздрогнул, увидев на краю гигантского каменного развала щемяще знакомое. Побежал вниз. Да, сомнений нет - сибирский кедр! Густотой своей меланхолической кроны выделяется из всего здесь растущего. Лет двести ему, красавцу, не меньше, - француза, значит, еще помнит. И устоял при взрыве, хотя рос под самой стеной собора. Молодец!.. Когда я вернулся, Петр Дмитриевич спросил:

- Кедр смотрели?

- Да... Устоял!

- Мне Мария Юрьевна читала о кедрах из вашей книги. И правда, хорошо бы эти леса поберечь, но с моей точки зрения есть дела поважней.

- Это было тоже нужное и нелегкое дело.

- Любой ботанический реликт можно вырастить, если есть хоть одно семечко, леса поднимутся сами, если оставить их в покое, - возразил он, - а вот рукотворная природа, памятники нашей истории и культуры часто исчезают навсегда...

Потом мы осматривали трапезную, будто выросшую из земли, - так она фундаментальна и естественна, так изящно-просты ее контуры, так гармоничны внутренние плоскости, закругления и линии, необъяснимой своей красотой и соразмерностью передающие дух старины. В избушке реставраторов Петр Дмитриевич бережно опорожнил свой пухлый портфель, и мы долго

рассматривали рисунки, эскизы и чертежи, густо усыпанные стрелочками с цифрами; сотни, тысячи, многие тысячи размеров в различных масштабах, разрезах, планах и профилях - генеральная схема будущего ваяния в камне...

Помню, как в одно из первых своих посещений жилья архитектора я обратил внимание на скромный стенд, висящий в узком темном коридоре. К нему были прикреплены какие-то черно-серые деревяшки, сильно тронутые временем. Петр Дмитриевич тогда еще видел одним глазом и, заметив мой интерес, скупо улыбнулся.

- Да, русский человек глазам не верит! И если в музее он ничего не трогает, это не значит, что ему не хочется потрогать... Щупайте, щупайте, это пока не рассыплется!

Зная, что хозяин ничего не хранит пустячного, спрашиваю:

- Откуда и что это?

- С русского Севера. То, чему они принадлежали, не имело цены... Идемте-ка...

Он взял меня под руку не для того, чтобы вести, а чтоб держаться за меня, когда я пойду. В простенке за дверью висела большая фотография, взглянув на которую, я остолбенел: среди ровного пустого простора стояло необычное деревянное сооружение, почти скульптура, - высокий стремительный ствол с конусом шатра, напоминающий бесподобный храм Вознесения в Коломенском. Тот же порыв к небесам, та же гармония, сотворенная руками безвестных мастеров. Только вокруг знаменитого каменного предтечи громоздится величественная галерея, на плавном переходе к шатру - своеобразные вытянуто-островершинные в три ряда кокошники да шатер вздымается ввысь, в перекрестном декоре. А тут - ровные бревнышки восьмерика со всех сторон и на всех высотах, лишь основание восьмерикового же шатра отбито от столпа небольшим козырьком. Крашеные тесины на гранях подчеркивают вертикаль.

Крыльцо взято под красивую крышу "бочкой", фронтон которой смотрит изящным кокошником. С противоположной стороны выглядывает кусочек апсиды, покрытой лемехом...

Снимок деревянной церкви был отпечатан со старинным безретушным тщанием, в точнейшей фокусировке, и даже трещины в бревнах, кажется, обозначались, однако смотреть его следовало с расстояния - памятник будто безмолвно кричал что-то восторженное проплывающим облакам. Если б увидеть этот черно-серый обелиск в окружении натурных красок-среди зеленых лугов, под голубым небом и белыми облаками, близ светлой реки!

И еще бы хорошо взглянуть на него зимним морозным днем, когда все вокруг ослепительно бело, на шатре искрится иней и темно-синяя тень уходит из-за низкого северного солнца за линию горизонта. А как он, должно быть, колдовски хорош в белую ночь или осенним туманным утром, пронзающий шатром густой молочный полог, и как жутко рядом с ним в грозу, когда он трепетно является из мрака во взблесках молний...

- Внутри были абсолютно неправдоподобные клироса[65]! - замечает хозяин. - В виде профилей двух деревянных коней. О таком я даже не слыхивал никогда!.. Интересные тябла-подставки[66] под иконами... Ну, огромную доску со старинной резной надписью об освящении храма в 1600 году сразу же перенес внутрь, скопировал на длинную полосу бумаги. Потом нашел одного ловкого деревенского парня, и мы с ним полмесяца обмеряли памятник от маковки до фундамента. До сих пор удивляюсь, как я тогда не сорвался с этой иглы! Обмеры и чертежи у

---

[65] **Кли́рос** (греч. κλῆρος — часть земли, доставшаяся по жребию) — в православной церкви место на возвышении перед иконостасом, на котором во время богослужения находятся певчие, чтецы и причетники (поставленные через епископскую хиротесию чтецы/певцы и иподиаконы считаются уже младшими клириками), а также лица священного сана, если они не принимают участия в богослужении по своему сану, а лишь помогают в чтении и пении.

[66] Тябла - горизонтальные деревянные брусья в иконостасе, на которые ярусами устанавливались иконы. Могли быть рельефно или живописно украшены.

меня. Вдруг когда-нибудь мы возьмемся возродить этот архитектурный уникум?..

Шатровая деревянная часовня в деревне Усть-Выя Верхнетомского района Архангельской области 17 в.

В 1920 году П. Д. Барановский в составе экспедиции, возглавляемой академиком И. Э. Грабарем, исследовал беломорский берег и Северодвинье. Есть в его бумагах маршрут той большой экспедиции, которую Народный комиссариат просвещения счел необходимым послать еще в гражданскую войну, чтобы выявить и зафиксировать зодческие сокровища края.

Архитектор показывает мне маленькую записную книжку. Мелкие карандашные строчки довольно хорошо читаются...

- Купил лодку за двадцать тысяч рублей, - поясняет Петр Дмитриевич, - Плыл один четыреста километров. Вез три пуда негативов на стекле, которые нельзя было побить или замочить... Лодка текла, и в последние дни сапоги вмерзали в лед... А в Усть-Вые, где стоял этот бесподобный храм, освященный при Борисе Годунове, мне рассказали смешную историю. Сразу после революции приходский священник умер от старости, и деревня пригласила псаломщика из соседнего прихода, только другая деревня, которую обслуживал этот храм святого Ильи, - завозражала, и дело дошло до драки - стенка на стенку. Сошлись на том, что написали прошение утвердить псаломщика в должности священника...

- А что с памятником потом стало?

- Минутку...

Он ощупью нашел какую-то папку, порылся в ней и достал старенький конверт. На почтовом штемпеле значился 1940 год, автор письма - ленинградский архитектор Владимир Сергеевич Баниге...

"В августе 1940 года наша экспедиция, пройдя на лодках верхнюю часть течения реки Пинеги, посетила село Усть-Выя. При осмотре берегов Выи и Пинеги было обнаружено, что силуэт шатровой церкви отсутствует... Обратившись к местным жителям (село Усть-Выя состоит из группы деревень), мы узнали, что за год или два до нашего посещения замечательный шатровый памятник северного русского зодчества XVI в. был разобран, точнее, повален. Подойдя к местоположению этого памятника, мы обнаружили его развалины. На высоком берегу реки увидели массивные бревна, лежащие на земле в виде продолговатого штабеля. Обнаружили слинявшие изображения на досках и тяблах древнего иконостаса. Нам рассказали, что к самому верху шатра привязали канат, за который тянули. Так как повалить шатровый сруб, по-видимому, было делом нелегким, то пришлось призывать на помощь жителей соседней деревни. Общими усилиями памятник был повален и лег на землю... Посетив с.Верхняя Тойма, мы узнали, что Георгиевская шатровая церковь начала XVII в. также назначена к разборке. Об этом нами была послана телеграмма в "Академию архитектуры".

- А на озере Вселуг, в **Ширковом погосте** - последний и единственный памятник неповторимого тверского архитектурного, можно сказать, стиля XVII века! Когда я его обмерял в 1930 году, он уже был в полуразрушенном состоянии. Ему скоро триста лет.

- Многовато...

- Да. Необычная, простая на первый взгляд, но на самом деле очень сложная конструкция его

покрытия надежно защищала основное здание - дожди и снега скатывались, как с гусиных крыльев. Разъять крышу на двадцать четыре крыла, вынести всю ее площадь наружу и разместить по вертикали мог только гениальный зодчий и строитель! И самое поразительное - сооружению невиданной конструкции была придана красота, гармония. Эстетический вкус ни в одной детали не подвел великого безымянного зодчего! Как я горюю, что уже никогда больше не увижу это диво дивное...

- Петр Дмитриевич, извините, но я не способен понять, как это крышу или шатер можно разъять на двадцать пять частей...

- На двадцать четыре.

- ...На двадцать четыре части, вывести их куда-то наружу да еще расположить по вертикали. И обойтись без тесаных осиновых дощечек, надежно покрывающих ту же, например, церковь Преображения в Кижах.

- Минутку!

Он поднялся, в несколько быстрых шагов достиг стеллажей, перебрал на ощупь несколько папок, достал одну из них и подал мне:

- Развязывайте! Листайте!.. Листайте дальше... Это все Селигер и Верховолжье.

Пролистнул я несколько рукописных страниц, эскизы, рисунки, увидел пожелтевший снимок какого-то необычного каменного крыльца.

- Крыльцо любопытное...

- А! Это крыльцо **Селижарова монастыря** - оживился он. - Волшебство русской архитектуры! Внутри шаровидная стойка, вокруг четыре столба. Видите, облицованный кирпич. Семнадцатый век. А собор стоял с пятнадцатого века! - Все было сломано на покрытие дороги. Какая мука - знать это! Я вывез оттуда в Болдино лишь деревянную скульптуру. Христа.

Замечательная вещь! Поза, ноги, руки, глаза - все живое!..

Листайте дальше. Там где-то должно быть описание той дивной церкви на Вселуге...

Вот! Большие, сложенные вчетверо, кальки. План удивительно симметричного фундамента. Бревенчатый четверик суживается кверху, и с какой стороны ни глянь, в каком разрезе ни возьми, капитальные стены образуют высокие усеченные пирамиды математически идеальные. Интересно! Сотни, тысячи размеров - диаметры, длины, углы, укосины, зарубы... Окна верхние, окна нижние, стекольчатые оконницы, их размеры в свету... Очень маленькие окна. Но изображения всего храма пока нет.

Петр Дмитриевич услышал хруст кальки.

- Как это чудо уцелело - не знаю и не понимаю!.. Такая там жалкая деревенька на отшибе, такой бедный приход... А вот теперь, за кальками, должно идти описание.

Да, вот оно!..

Освящена в октябре 11 дня 1697 года при благоверном государе Петре Алексеевиче и патриархе Андриане... **Ширкова погоста** Осташковского уезда Тверской губернии... Описание сделано в 1847 году.

- Читайте! Только помедленней.

Включив диктофон, я начал читать:

- "Церковь деревянная соснового мачтового леса... Длиною с алтарем восемь сажен и восемь вершков. Шириною пять сажен с аршином и десятью вершками... Стены наверху связаны четырехугольником, на котором утверждена глава... Крашена снаружи желтою и белою красками... Один престол во имя Рождества Иоанна Предтечи... Пол деревянный, некрашеный... Во всей церкви восемь окон, а именно - вверху пять, внизу три, из них два в алтаре"...

По лицу Петра Дмитриевича я заметил, что он видит этот памятник.

- Крыша! - нетерпеливо потребовал он. - Где там о крыше?

- "Крыша тесовая, из капитальных стен выведенная, состоит из трех ярусов, каждый из них сдвоен в виде четырех треугольников с четырьмя".

- Ну, поняли что-нибудь?

- Нет, - честно признался я. - О крыше, выведенной из капитальных стен, ничего не понял.

Прошу и читателя по этому краткому описанию и нашей беседе с Барановским вообразить себе внешний вид уникального, единственного в мировой архитектуре памятника. Попробуйте-ка на клочке бумажки набросать его контуры. Что за пирамида, что за крыша у вас получается? Не ленитесь, подумайте и порисуйте еще! Особенно я прошу поусердствовать инженеров, конструкторов, строителей, архитекторов, которые никогда не слыхали об этой жемчужине русского деревянного зодчества...

- А вот теперь, - торжественно произнес Петр Дмитриевич.

- Смотрите последние листы!

Перекинул я налево остатки бумаг - и ахнул: передо мной на фотографин воистину явилось чудо! В купах зелени стояло что-то совершенно удивительное - трогательно простое, по-детски незатейливое и несколько даже странное! Легкое, как хрупкий карточный домик, оно заняло своими сбежистыми стенами, маковкой и острыми крыльями не очень много пространства, но так, что исходит от этого прелестного сооружения какая-то необъяснимая притягательная сила, которую талантливый мастер ощутил, конечно, до того, как взялся за топор. Поразительная соразмерность во всем, гармоничность основных форм и деталировка, исполненная художественного такта. Крохотные оконца не могли быть на вершок шире-выше или отблескивать в других местах, длина выносных крыльев и расстояние между ярусами кажутся единственно

возможными, колокольня в любом исполнении была бы лишней рядом, поэтому она сделана в виде часовенки - невелички. И никаких украшений, никакого отвлечения от главного, околдовывающего взгляд...

- Узнать бы, кто это построил!..

- Народ русский построил.

Петр Дмитриевич, кажется, ждал, что я еще скажу, а что я мог сказать? Просто смотрел на чудо, и дивился ему, и чувствовал себя счастливым, оттого что принадлежу народу, создавшему такое.

Статью искусствоведа В. Сергеева, опубликованную в сборнике вскоре после той нашей встречи с П. Д. Барановским, я прочел с увлечением, какого давно не замечал в себе. И не только потому, что в ней были, как и у меня на предыдущих страницах, вполне детективные строки: "Ночной международный поезд остановился на одной из пограничных станций. Перед тем как покинуть территорию нашей страны, его пассажиры проходили обычный таможенный досмотр. Один из иностранных путешественников с досадой смотрел, как из принадлежавших ему по праву вещей была извлечена небольшая икона в тяжелом серебряном окладе. Незаконный "бизнес" не состоялся, и "небольшой русский сувенир", взятый, по словам растерявшегося путешественника, "на память о гостеприимной России", остался на ее действительно гостеприимной территории, а незадачливый бизнесмен эту территорию покинул. Заезжий бизнесмен и его туземные коллеги, ведущие финансовые операции в пригостиничных подворотнях, были, как выяснилось, непроходимыми дилетантами".

И далее: "...под темной олифой различилось уникальное, редчайшее по сюжету произведение малоизученной, лишь недавно открытой тверской школы..."

Перевел я дух и начал выхватывать глазом обрывки фраз: "...открылось авторское изображение XVI века...", "...лес, изображенный в соответствии с эстетикой средневекового искусства отдельными деревьями, там и тут разбросанными по светло-коричневым горкам. Горки-лещадки[67] - общепринятый в древности образ земли, пространства...", "...старый монах с седой бородой и серьезным вдохновенным лицом. Он стремительно падает на колени, простирая вперед руки". Дорого мог бы стоить русской культуре этот, к счастью, не состоявшийся "бизнес"!..

На иконе, изъятой зоркими таможенниками, изображено всего два дерева в виде пальм, вместо храма стоит большой деревянный крест, означавший, что на его месте будет основан монастырь, а монах - это Савватий Оршиский, коренной тверяк, побывавший в Иерусалиме и по возвращении ставший таким же отшельником, как, например, Герасим Болдинский, и так же, как он, не удостоенный канонизации, хотя надпись на иконе именует Савватия "преподобным". Обитель его стояла на реке Оршине близ Твери...

Публикация В. Сергеева содержит еще немало любопытных сведений! Оказывается, на месте креста, изображенного на иконе Савватия Оршинского, был действительно основан монастырь. Что за постройки в нем стояли, мы, наверное, никогда не узнаем, потому что он был упразднен еще в XVIII веке и превращен в приходскую церковь, на месте которой давным-давно пустота. Но вот еще: "Жители Савватьева помнят о человеке, давшем имя их селу. Церковь, построенная над его могилой, до нашего времени не сохранилась, но нам показывают заросшие травой остатки ее фундамента. Один из сельчан хранит у себя дома очень интересную для нас картину - старинный любительский пейзаж села и двух древних, (курсив мой. - В. Ч.) церквей посреди него.

Охотно разрешив нам сфотографировать картину, владелец и слушать не захотел о продаже ее для музея - это историческая память, и пусть остается здесь, в Савватьеве..."

Мне надо непременно увидеть эту "очень интересную" картину! Не знаю, чем она заинтересовала первооткрывателей, но я-то, быть может, совершенно безосновательно и наивно мечтаю увидеть

---

[67] Лещадка - Условное изображение уступов гор в иконописи

на ней яруса сказочных крыльев... Что ж, хорошо, к Селигеру и Вселугу прибавилось еще Савватьево! "Но послушай, - шепнул мне ленивый бес подступающей старости, - можно же не ехать, а просто найти в Москве автора статьи да посмотреть у него фотографию!" - "Звонить надо, разыскивать, - сказал я сатане. - Вдруг он в отпуске или длительной командировке, иконы ищет... Проще съездить, это же совсем рядом. И оригинал увижу". - "Ну, как знаешь, - промямлил дьявол. - А то позвони да спроси, купола или шатры над теми церквушками, и сразу все станет ясно". Послушался я беса - разыскал автора статьи по телефону, и знаток русского иконописного искусства Валерий Николаевич Сергеев сказал, что над селом Савватьевым высились купола...

Было бы, конечно, слишком, если б даже маленькие открытия делались по телефону! Но неужто, все еще думалось мне, из ста пятидесяти двух церквей, существовавших, как свидетельствует Иван Кирилов, в Тверском уезде по описи 1710 года, не было ни одной восьмискатно-трехъярусной? В Савватьево все равно придется ехать, потому что там стояла еще церковь над могилой Савватия Оршинского и сохранились "заросшие травой остатки ее фундамента". Может, в нем есть что-то общее с фундаментом церкви Ширкова погоста? А вдруг ушли в землю и не успели догнить нижние венцы? И если они идут на сужение, то капитальные стены были у этой церкви пирамидальными, прикрыть которые можно было только выносными ярусными скатами!..

Итак, никакого открытия не состоялось, открылись только чрезмерно дилетантские подступы к нему да несколько расширились представления о культурном прошлом Верховолжья. Но какова судьба единственной, дожившей до XX века восьмискатно-трехъярусной церкви Рождества Иоанна Предтечи в Ширковом погосте на Вселуге? В той папке Петра Дмитриевича Барановского я наткнулся на публикацию 1894 года, где рассказывалось, что уже тогда она была ветхой, "с темно-зеленым и совершенно выцветшим куполом". В 1930 году архитектор застал ее, как он сам написал, "в полуразрушенном состоянии". Надо бы взглянуть, что с нею сейчас! Неужто и это диво дивное исчезло, как исчез Св. Илья Выйского погоста, церкви села Савватьева и Оршина монастыря, превеликое множество памятников народного зодчества Севера? У меня есть справка о маршруте П. Д. Барановского по архитектурным памятникам Севера в 1920 году. Вот одно место из нее: "Н. Корельский монастырь, Ненокса, Лисеостров, Уйма, Лявля, Утостров, Холмогоры, Панилово, Кривое, Ракулы, Сийский монастырь, Челмохта, Зачачье, Хаврогоры, Моржегорье, Репаново, Березник, Осипово, Корбала, Ростовское, Конецгорье, Кургоминье, Тулгас, Топса, Троица, Сельцо, Заостровье, Телегово, Черевково, Циозеро, Белая и др." Интересно это "и др.", а также позднейшее горькое примечание: "На 1950 г. этих памятн. не существ."

Недавно прочел в газете, как в последнее время охраняются и восстанавливаются по Северу уцелевшие памятники русского деревянного зодчества и... как сгорают они от молний.

Неужели так уж трудно и без газетной подсказки прежде всего установить на них громоотводы?.. А зачем ехать на Вселуг, шепнул мне тот же бес, если памятника в Ширковом погосте тоже "не существ."? Расстроиться, погневаться, разразиться статьей?.. Написал я знакомому калининскому писателю Петру Дудочкину, природолюбу и краеведу. И вот радость! Он присылает мне письмо, сообщив, что недавно побывал на Вселуге. Несказанная красавица Ширкова погоста обрела новую жизнь, почти полностью восстановлена, и уже манит издалека своими двадцатью четырьмя белыми крыльями. Большую свежую фотографию я повесил перед столом, время от времени даю глазам отдых на ней, накапливая нетерпенье перед поездкой на Селигер и Вселуг.

На восток от Болдина вздымались леса - там явно шел к югу водораздел. Назавтра я поднялся туда, чтоб ступить ногой на тропу Субудая. Другого пути на Дорогобуж у него не было, кроме этой возвышенности над левобережьем Днепра...

Мне хотелось попутно побывать еще в **Алексинской усадьбе** XVII века. Здесь в 1858 году у своего богатого родственника Барышникова жил после сибирской каторги и ссылки декабрист Николай Басаргин вместе с женой Ольгой Ивановной, сестрой Д. И. Менделеева, и воспитанницей Полинькой Мозгалевской, вскоре вышедшей замуж за Павла Менделеева, старшего брата великого русского ученого. Очень хотелось побывать в Алексине, чтоб

вообразить атмосферу того времени да оживить память...

- Петр Дмитрич, вы бывали в Алексине? - спрашиваю я.

- Как же! Много раз. Дворец Доминико Жилярди, храм Матвея Казакова, барельефы **Федота Шубина**... Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии. В парке еще последний павлин бродил... Однако все приходило в запустенье, и мы, два чудака на весь уезд, мало что могли сделать...

- А кто второй?

- Пришвин.

- Какой Пришвин?

- Михаил Михайлович.

- Вы были знакомы! - вскрикнул я. - А что он тут делал?

- Жил и работал. Я пытался создать в Болдине музей народной деревянной скульптуры, а он был хранителем музея усадебного быта в Алексине. В имении сохранялась прекрасная библиотека, старинная мебель и посуда, роспись, лепка, драпировка... Пришвин в те годы не печатался, но что-то писал, я знаю...

Удивительные все же совпадения случаются в жизни! Ровно через два года после той нашей поездки в журнале "Север" было впервые опубликовано замечательное эссе М. М. Пришвина "Мирская чаша", где он пишет об Алексине, о музее и его судьбе, о собственных печальных страстях, выраженных через героя своего Алпатова, о грязевых и снежных хлябях, окружавших Алексино в те далекие уже годы... "И в таких-то снегах, по такой-то дороге, собрав возле себя целый обоз, едет из города человек иной жизни... Он едет спасти несколько книг и картин, больше ему ничего не нужно, и за это дело он готов зябнуть, голодать и даже вовсе погибнуть, есть такой на Руси человек, влюбленный в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего..."

22. Глава 22

Дорогобуж. С высоченного мыса над Днепром он как на ладони - средневековый русский город, в котором от средневековья не сохранилось ничего решительно, кроме преданий о нашествии орды. Субудай, бесспорно, взял и сжег его весной 1238 года - это был первый город на прямом пути орды от самого Селигера. Миновать Дорогобуж Субудай никак не мог - степная конница, существовавшая попутным грабежом, нуждалась в продовольствии и фураже, и еще перед началом исхода в степь, по свидетельству Рашид-ад-Дина, в ставке Батыя было решено "всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять". Дорогобуж лежал не только на основном пути орды в степь, но и на пути к Смоленску.

Правда, исторических известий о сожжении Дорогобужа не сохранилось, как нет ничего в летописях и о подступе орды или одного из ее отрядов к Смоленску ранней весной 1238 года. И тем не менее существуют косвенные свидетельства этих событий, которые в сочетании друг с другом восстанавливают историческую истину. Первое из них - "**Сказание о Меркурии Смоленском**". Орда подошла к Долгомостью, что стояло в тридцати верстах восточнее Смоленска на излучине Днепра, где был, очевидно, большой мост, и встретила героическое сопротивление смолян. Юноша Меркурий, свершив ратный подвиг, погиб... Легенда, фольклор? Подвиг Меркурия имеет неоспоримое подтверждение - юноша был канонизирован, день и год его смерти, как и любого другого святого, внесен в церковный календарь. Замечу, что год смерти указан верно - 1238[68], но день 24 ноября явно ошибочно, на что еще в прошлом веке обратил внимание известный историк церкви, профессор Московской духовной академии Голубинский: "По легенде о св. Меркурии Смоленском татары проходили мимо Смоленска во второй половине ноября; но необходимо думать, что это было гораздо раньше - около половины апреля".

---

[68] Подавляющее число источников (за исключением явных ошибок) называют годом смерти Меркурия Смоленского 1239 год.

Голубинский тоже ошибся - после взятия Торжка 5 марта 1238 года передовой отряд орды, необходимо думать, оказался в районе Смоленска примерно около середины этого месяца...

Отметим два важных обстоятельства, подтверждающих нашу концепцию исхода орды из Руси весной 1238 года. Первое - в середине марта даже на триста пятьдесят километров южнее Новгорода никакой непреодолимой распутицы или половодья еще не было, если конница прошла через долину Днепра и сам Днепр к Дорогобужу, стоявшему на правом берегу реки, прорвалась на сто километров западнее, в окрестности Смоленска, и вернулась назад к основному маршруту. Этот рейд был возможен только по твердому льду и торному зимнику, потому что по сторонам от местных зимних дорог, как писал в "Мирской чаше" М. М. Пришвин, лежали такие глубокие снега, что "в них можно было засадить лошадей по уши". Второе - у Субудая недоставало сил для штурма Смоленска, и он вынужден был оставить его, как и Новгород, "нетронутым".

Однако это был не последний русский город на пути Субудая. От Дорогобужа сн пошел точно на юг. Скорей, скорей в степь! Снега начинали подтаивать, а кони вязнуть...

Любознательный Читатель. Но как доказать, что Субудай выбрал здесь именно южное направление?

- Он не мог спуститься в обширный низинный речной бассейн на востоке, изрезанный во всех направлениях десятками долин, заполненных тающими снегами, - весна постепенно вступала в свои права. Субудай уже не первый день шел по восточной окраине Смоленского княжества.

- И на этом маршруте он не встретил никакого сопротивления?

- Были, наверное, мелкие отчаянные сражения, в которых полностью уничтожались встречные селения и люди, но стойко и последовательно сопротивлялась природа, чуждая степнякам, - выматывающий силы пересеченный рельеф, вязкий снег, непрочищенные леса, затяжное бестравье. Мучили открывшиеся старые раны и незаживающие свежие, заедала вошь, забивал кашель, ослабляла усталость, недосыпание, жар и головные боли.

Дохли кони. В летописях есть аналоги. В 1154 году, скажем, "поиде Юрий с ростовцы и суздальцы" и "со всеми детьми в Русь", но этот первый большой поход Юрия Долгорукого на южнорусские княжества прервался не только из-за бездорожья, но и потому, что "бысть в людех и конех мор велик во всех воех его, яко никогда ж тако бысть"... Юрий Долгорукий вернулся, а у Субудая, эпидемию и эпизоотию в отряде которого никак нельзя исключать, был единственный путь - вперед к степи, хотя здесь он вынужден был несколько уклониться от главного направления.

В окский бассейн отсюда начинают свой бег Лосьма, Волоста, Гордота и Угра, в днепровский - Осьма, Костря, Ужа, Десна...

- Почему подчеркиваются Угра с Десной?

- Водораздел между истоками этих двук рек - одна из важнейших поворотных точек нашего путешествия. Субудай с угро-деснянского водораздельного холма круто, под острым углом изменил маршрут - двинулся на восток, обходя деснянские притоки. В верховьях Болвы он взял, разграбил и сжег пограничный город Обловь и начал углубляться в пределы Черниговского княжества.

- Минуточку! Есть ли полная уверенность, что такой город Обловь, если он существовал, был уничтожен ордой в марте 1238 года?

- Обловь, Бловь или Блевь, впервые упоминаемый в летописи за 1147 год, был важнейшим сторожевым пунктом черниговцев в верховьях **Болвы**, на деснянско-окском водоразделе и у самой границы со смолянами. О том, что он представлял собою именно крепость, говорит сообщение Ипатьевской летописи 1159 года, когда в зимнем походе из Гомия (Гомеля) на северо-восточные владения соседей Изяславу Давыдовичу смоленскому пришлось брать Обловь "на щит". Эта крепость наверняка была восстановлена из-за ее важного стратегического положения и общей тенденции политического, экономического и военного развития тогдашней Чернигово-Северской земли - города там росли, как грибы. Правда, раскопок, которые бы

засвидетельствовали гибель Обловя в 1238 году, не велось, но есть результаты других очень обширных и квалифицированных археологических работ, подтверждающие важные для нас даты и события. Вспомним замечательное открытие академика Б. А. Рыбакова, имеющее непосредственное отношение к маршруту Субудая и вообще к нашей теме...

В пятидесяти километрах северо-западнее Брянска на деснянском мысу ученый раскопал приметный холм. Здесь в XII-XIII веках стоял город Вщиж, уничтоженный ордой. С напольной стороны он защищался валом и рвом шириной восемнадцать метров, имел стены с башнями и детинец. В самом раннем слое археологи обнаружили огромное языческое капище-молельню, а над ним и вокруг затаились в земле, золе и древесном угле бесчисленные свидетельства жизни и смерти небольшого удельного города Черниговской земли - замки, ключи, зеркала, браслеты, пряжки, целехонький золотой перстень, черепки примерно с двумястами различными гончарными клеймами и тому подобные бытовые предметы, красноречиво рассказавшие ученым о быте и образе жизни русских перед приходом степных грабителей.

Традиционно считается, что наши средневековые предки жили в грязи полуземлянок, топили по-черному, жгли лучины. А Б. А. Рыбаков обнаружил печи с дымоходами, развалы высоких труб лежали полосами до семи метров. Меня-то больше всего удивили именно эти печи с дымоходами, потому что с раннего детства по рассказам матери знал, что в нашей, ныне исчезнувшей деревне под Пронском, откуда вся родова[69] Чивилихиных и Морозовых, совсем недавно, точнее, еще в начале XX века избы топились по-черному. Во время моих последних наездов в Чернигов, когда она уже не подымалась с постели, мы говорили с ней целыми днями о всяком, в том числе и о прошлом, которое она почему-то охотно вспоминала.

- Изба по-черному - как это? Трубы над крышей совсем не было, что ли?

- Не было, сынок.

- Куда же дым выходил?

- В окна и дверь.

- И зимой? Значит, изба тут же выстужалась?

- Нет, тепло держалось до другой топки. Печь-то горячая... А дети на полатях спали...

- Но ведь сажа садилась на стены и потолок!

- Знамо, садилась.

- И в доме стояла вечная грязь?

- Нет. Подметали, мыли... Грязнее было, когда теленка брали в избу с мороза, однако и за ним убирали.

- И лучину жгли?

- А как же? Пряли при лучине, шили. Лучину зажигали от лучины, потому что спички берегли, даже расщепляли пополам.

- Но почему лучина? Ведь уже столько лет вырабатывался керосин!

- Карасину, сынок, не было у нас.

- А вы что - не могли догадаться выложить трубу, чтоб дым вытягивало? Почему топили по-черному?

- От нехваток, сынок... Дров не было. Стоял лесок недалеко барский, где мою маму, твою бабку, высекли за вязанку хвороста и деревянную чушку к ноге ремнями привязывали. А мы уж туда и не ходили.

- Кизяком, значит, топили?

- Нет, весь навоз шел на нашу делянку, а мы жгли солому...

---

[69] родня, родственники

Нет, не от дикости или глупости топил рязанский мужик свои избы по-черному, не от лености хлебал квасную тюрю, не от жадности бабы слепли у лучин, варили лебеду и подмешивали в хлеб древесную кору, - от безысходной бедности да безземелья.

Вспоминаю, кстати, один недавний разговор со знатоком нашей старины, московским историком Олегом Михайловичем Раповым.

- А чем объяснить, - спросил он, - что на русском Севере, где лесу было хоть отбавляй, крестьяне, жившие в больших просторных домах, тоже топили **по-черному**?

- Не знаю, - честно ответил я.

- И хозяйки там тщательно скребли и мыли полы и стены... Вроде бы бесполезная работа? Нет, топка по-черному была древним, простым, единственно доступным и эффективным средством против эпидемий. Наши предки, естественно, ничего не знали о вирусах гриппа, дизентерийной или чумной палочке и микробах, но инстинктивно, опытом нашли метод дезинфекции, что вместе с вымораживанием изб в трескучие морозы создавало более гигиеничную атмосферу в жилищах.

Добавлю, что с очень далеких времен известны попытки приписывать моему народу в целом образ жизни и свойства, унижающие его национальное достоинство. Еще чуток отвлекусь от раскопок Вщижа и маршрута Субудая ради этой темы...

Недавно мне довелось прочесть работу одного молодого московского ученого о философии средневековой Руси. Интересные и свежие есть там положения и мысли, но на вводных страницах приводятся без комментария летописные, не раз спекулятивно цитировавшиеся строки о первобытной дикости лесостепных и лесных восточнославянских племен: "***А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живущие скотьски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И Радимичи, и Вятичи, и Северъ одинъ обычай имяху: живяху въ лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто...***" И у современного неподготовленного читателя может сложиться представление, что у этаких звероподобных существ не только не могло быть никакого любомудрия, философских воззрений, но поневоле возникает отталкивающее, брезгливое чувство к людям, среди которых все мы, ныне живущие русские, украинцы и белорусы, имеем своих прямых предков. Но если северяне, например, были дикарями, то мог ли на их земле появиться знаменитый турий рог из Черной Могилы с его изумительной серебряной отделкой, позже вознестись такой шедевр зодчества, как Параскева Пятница, родиться "Слово о полку Игореве", гениальное художественно-публицистическое творение, аналогов которому - по эпической мощи, глубочайшему историзму и патриотизму, национальному духу, выразительности слога, сгустку чувств и бесконечной многооттеночности содержания, переданного с предельной краткостью, - не было и нет в мировой литературе!

Пресловутая летописная фраза, написанная подцензурным полянином, призвана была подчеркнуть политическое и нравственное превосходство великокняжеской метрополии, ее христианский патронаж. Археологические раскопки городищ и курганов, сохранившиеся произведения литературы и фольклора, проповеди, законоположения, летописи предоставляют огромный, почти необъятный материал для воссоздания подлинной картины образа жизни, обычаев и народного быта Руси, в том числе и тех времен, когда наши предки жили племенными объединениями. Что касается, скажем, еды, то вятичи, древляне, радимичи, северяне и все другие прарусские народности, как свидетельствует объективная наука, ели примерно то же, что мы с вами едим сейчас - мясо, птицу и рыбу, овощи, фрукты и ягоды, яйца, творог и кашу, сдабривая блюда маслом, анисом, укропом, уксусом и заедая хлебом в виде ковриг, калачей, караваев, пирогов. Чая и водки не знали, но умели делать хмельной мед, пиво и квас. Хрустальные фужеры и рюмки им с успехом заменяли кубки, турьи рога и чары. Чтобы хоть в какой-то мере представить себе разнообразие средневековой удороби, то есть хозяйственной и кухонной посуды - металлической, деревянной, глиняной, берестяной и плетеной, - я приведу по алфавиту ее далеко не полный перечень: блюдо, бочка, братина, ведро, **викия** (сосуд для вина), **голважа** (мера соли), горшок, **гърнъ** (глиняный сосуд), **дежа**, **дельва** (род бочки), **кадь**, **ковкаль**

(деревянная чаша), ковш, **корьць** (деревянный ковш), корыто, котьлъ (котел), **кошь** (плетеная посуда), кринка, **кръчава**, куб (большой чан), **къбель** (мерный сосуд), латка, ложка, лукно (мерные плетеные емкости), меденица (металлический сосуд), миса, нощва (неглубокое корытце), окове (большая мера объема, обработанная снаружи обручами), плоска (плошка), половник, сковорода, скудель (глиняный сосуд), со-лимо (солонка, судок), уборь (мера пшена), упомальник (умывальник), цебрь (мера зерна), чара, чаша, чарка, черпало (большой половник), чьбан (жбан).... Существовала специальная церковная посуда - потиры или, скажем, крины, то есть сосуды для елея и мира, и было еще у наших предков немало обиходных емкостей, таких, например, как "гротъ" или "укъня", которые мы знаем лишь по названиям, но не по назначению...

Да о каком "зверином" образе жизни наших средневековых предков может идти речь, если Б. А. Рыбаков, раскапывая лесной город северян **Вщиж**, по фундаменту и слоям насыпных потолков восстановил облик огромного двухэтажного дома, над которым красовался терем, обитый листовой медью! В доме были печи с дымоходами, рукомойники, бронзовые светильники, а в городке этом жили грамотные люди, о чем поведал кабаний клык с надписью: "Господи помози рабу твоему Фоме". В детинце Вщижа обнаружились мощные опоры многоугольной боевой вежи, найдены мечи, топоры, коловратные самострелы, арбалеты с шестеренчатым натяжным механизмом и даже уникальная "личина" - кованая железная маска, украшенная серебром и золотом.

За несколько лет до нашествия орды Вщиж пострадал от пожара во время междоусобицы, зафиксированной летописью, а над тонким черным прослоем лежал последний толстый трагический пласт - прах окончательно погибшего города с предметами тридцатых годов XIII века.

И вот историческая загадка - когда именно он погиб? Ученый предположил, что это произошло в 1238 году. В таком случае гибель Вщижа - еще одно доказательство нашей с читателем концепции о причинах спасения Новгорода. Если 5 марта 1238 года основные силы орды были у Торжка, примерно 10 марта ее авангардный отряд - у Игнача креста, 15-17-го -у Дорогобужа, то раньше 20 марта степняки никак не могли оказаться у Вщижа. Но чтобы попасть к нему, один из отрядов Субудая должен был идти с восточного - главного здешнего водораздела и преодолеть широкие речные заснеженные поймы Болвы и Десны, либо спуститься прямо на юг от Обловя, а потом через эти же долины да жиздринские верховья пробираться на восток. Таким образом, примерно в конце марта 1238 года даже на несколько сот километров южнее Новгорода никакого половодья еще не было.

Добавлю, что после журнальной публикации "Памяти" я получил множество писем читателей, в том числе и таких, где подтверждались мои соображения о причинах поворота орды Бату-Субудая от Новгорода. Бывший фронтовик Л. Б. Кругляшов из Свердловска пишет, например: "Авторитетно подтверждаю, что 25 марта 1942 года лично участвовал на лыжах в разведке, причем ходили мы под Рудню, что между Смоленском и Витебском, то здесь значительно южнее тех мест, где степная конница двигалась к Новгороду. А числа 5-7 апреля началось бурное таяние снега, и лыжи стали уже непригодны. Распутица в тех местах, вспоминаю, была такая, что ни прямыми, ни окольными путями невозможно было проехать даже на лошадях. Недаром в ту весну на многих участках нашего фронта, например в полосе 3-й и 4-й дивизий 22-й армии, снабжение передовой боеприпасами осуществлялось "по цепочке", из рук в руки, иногда за 20-30 километров"...

В конце одной из своих публикаций о раскопках Б. А. Рыбаков снабдил дату "1238 год" осторожным вопросительным знаком, допуская, очевидно, что город мог быть уничтожен и во время второго западного похода орды при движении ее на север сквозь горящую Черниговскую землю осенью 1239 года. Нет, Вщиж погиб все-таки на полтора года раньше! Наука точно установила, что такие города Черниговской земли, как Любеч и Брянск, вообще не подверглись нашествию. А к Вщижу можно было пройти с юга лишь через Брянск! В этот уцелевший город, кстати, перешел позже княжить Роман Михайлович, сын Михаила черниговского, потому что древняя богатая столица северян была полностью разрушена и, как установил академик Б. А. Рыбаков, вошла в прежнюю городскую черту только в XVIII веке. И в 1239 году орда не пошла на

север, в леса, разорив лишь лесостепные города, - она спешила на дальний запад.

Любознательный Читатель. Но почему орде, уничтожившей в конце марта 1238 года Вщиж, не подойти бы к Брянску с севера? До него ведь оставалось один-два конных перехода...

- Знаменитая "облава" в этом месте дала осечку.

Штурмовал Вщиж один из отрядов орды численностью, быть может, в две-три тысячи воинов. Этого достаточно, чтобы взять такую небольшую, хотя и сильную, крепость, как Вщиж, но потери при ее штурме, знать, были ощутительными, а результат невелик.

Ведь крепость имела хорошие, по тем временам, защитные сооружения, включая мощную боевую башню детинца, и дружину воинов-профессионалов, остатки вооружения которой говорят о том, что оно было на уровне тогдашней военной техники. Мы не знаем, сколько дней длился штурм, после которого Вщиж был уничтожен до основания, но идти на Брянск, а за ним дальше на юг, к Карачеву, в лесостепные густонаселенные места Черниговской земли, значило обречь поредевший отряд на верную гибель. Ему нужно было во что бы то ни стало соединяться с главными силами. Если он возвратился назад, в пределы Смоленского княжества, то я не исключаю, что этот фланговый рейд вообще закончился крахом - отряд грабителей могла подстеречь на пути смоленская рать и полностью уничтожить.

Возможно также, что сырые топкие снега в это время уже отрезали путь к Брянску, и в таком случае отряд неминуемо должен был погибнуть, потому что в восточном направлении дорогу ему пересекали две широкие речные поймы-Десны и Болвы, непреодолимые для конницы из-за вязких лесных хлябей и бескормицы. Отметим, что налет на Вщиж был внезапным. Жители этого погибшего городка, расположенного в сторонке от больших дорог, в момент нападения занимались мирными делами.

- Но как это можно доказать? Не хватит ли предположений?

- Это не предположение, а истина. Ее установил Б. А. Рыбаков, обнаружив гончарный горн, расположенный поблизости от крепостной стены, который "был раздавлен в тот момент, когда обжиг посуды подходил уже к концу, но еще не был завершен.

Большая часть посуды обожжена добела, хорошо звенит, некоторые сосуды не прокалились насквозь и в середине излома дают серую полоску".

Кстати, этот вщижский горн занимает особо важное место в почти необъятном археологическом материале - единственно по нему науке удалось установить способ загрузки средневековых обжигательных гончарных печей... Богатый городок, застигнутый врасплох, все же, очевидно, сражался отчаянно, почему и был полностью уничтожен огнем. Ценности, погибшие в пожаре, были не нужны завоевателям. Им требовалось тогда только зерно, фураж, и они внезапным набегом на далекий от основного маршрута город надеялись захватить запасы фуража и хотя бы семенного, сбереженного до весны зерна. Другими причинами этот побочный дальний бросок на юг, почти до Брянска, нельзя объяснить... И в своей фундаментальной работе "Ремесло Древней Руси" Б. А. Рыбаков, делая примечание к записям о вщижском горне, уже не сомневается, что город погиб весной 1238 года. И у него, как у нас, есть предположения о маршруте основных сил орды от Селигера до Козельска.

- Интересно! Совпадает ли этот маршрут с нашим?

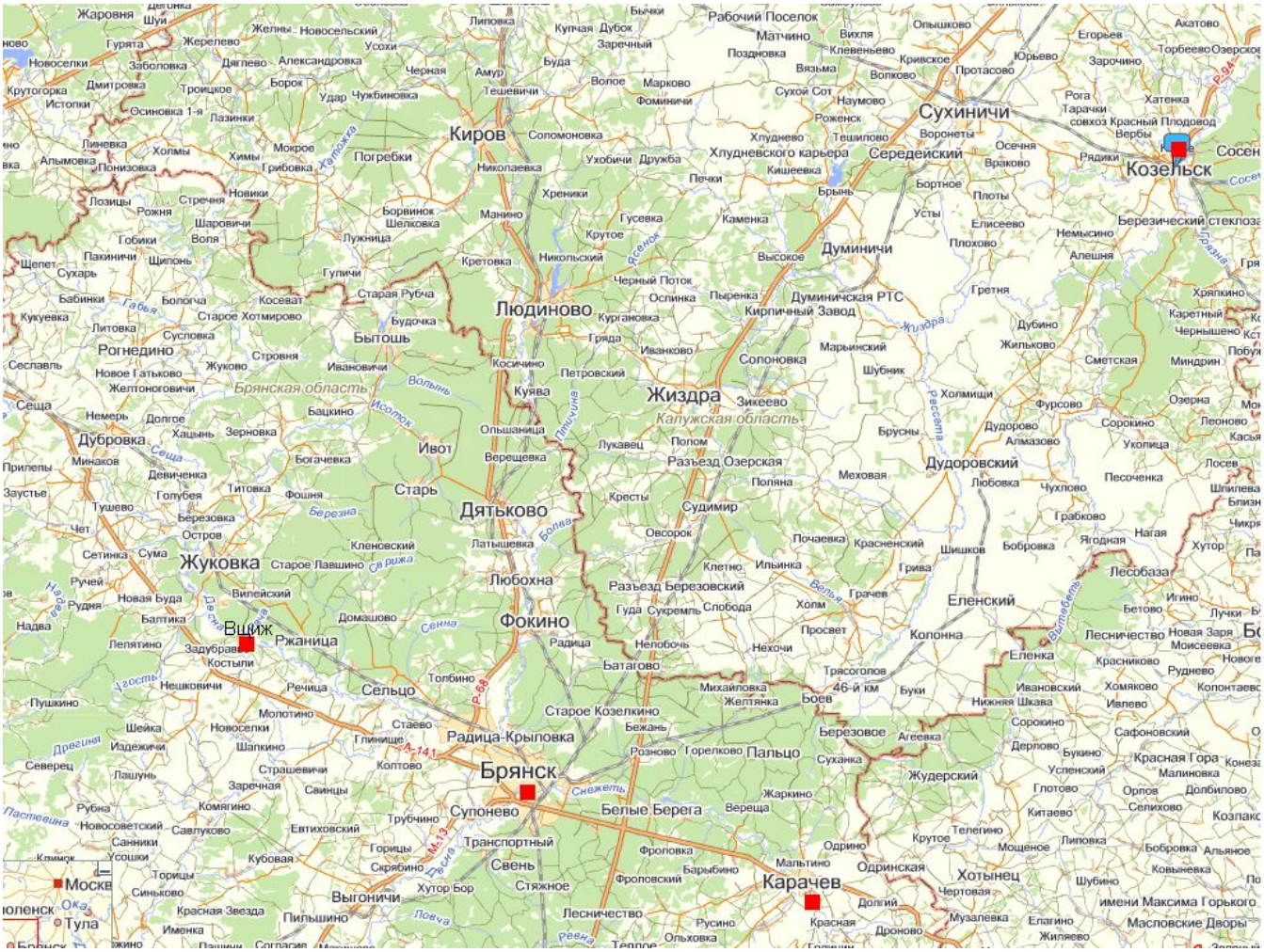
- Полностью приведу это место: "Разгром Вщижа, во время которого погибло и население (частично пытавшееся спастись в церкви), и множество ценностей, оказавшихся погребенными под слоем пожарища, я связываю с первым походом Батыя. От Селигера, по данным Рашид-ад-Дина, "тьмы шли облавой", т. е. обычным для татар способом - двумя путями с местом встречи в заранее назначенном пункте. Сам Батый шел, как известно, на Козельск, двигаясь, по всей вероятности, по восточному краю Брянских лесов. Рашид-ад-Дин, рассказывая о длительной осаде Козельска, говорил, что город был взят только тогда, когда через 2 месяца подошли войска Кидана и Буры (Березин И. Известия о походе Батыя на Русь). Каким путем они шли от Селигера на Козельск? Житие Меркурия Смоленского указывает один промежуточный пункт между

Селигером и Козельском, говоря, что татары прошли в 30 поприщах[70] (102 км) от Смоленска.

Если они были близ Смоленска, то дальнейший их путь мог идти только по западной опушке непроходимых для конницы Брынских лесов, т. е. по Десне, через Вщиж, Брянск и далее на Карачев и Козельск.

Если эти соображения верны, то вщижский горн получает точную дату - весна 1238 г., а его разрушение очень легко связать с осадои города, так как горн стоял у самой крепостной стены" (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 352).

- Однако мы считаем, что на Вщиж прошел один из отрядов орды...



- О судьбе этого отряда мы уже говорили. Огромный крюк через десятки речных заснеженных долин по маршруту **Вщиж-Брянск-Карачев-Козельск** он не мог ни при каких обстоятельствах совершить в это время года, преодолевая к тому же сопротивление попутных городов-крепостей.

- А где шел Субудай с главными силами?

- После взятия Обловя он должен был обогнуть истоки Болвы... По-над Болвой с востока тянулась к полуденному солнцу возвышенность, продолжающая основной водораздел русской долины и распределяющая ее обильные воды на несколько главных речных систем. В необъятный волжский бассейн несли отсюда свои приточные воды Жиздра, Рессета, Вытебень, Крома, Ока, Неручь, в днепровский - Ревна, Навля, Нерусса, Свапа, Тускорь, Сейм. У истоков Сейма начинались также Псел, Ворскла, Северский Донец, а на восточной стороне с ними сближались многочисленные притоки Сосны и Девицы, текущих в Дон. Здешние сухие

---

[70] **Поприще** — старорусская путевая мера. Этим словом, первоначально называли расстояние, пройденное от одного поворота плуга до другого во время пахоты. Известны упоминания в письменных источниках XI века. В рукописях XV века есть запись: «поприще сажений 7 сот и 50» (длиной в 750 сажень).

возвышенности уже были степью, зазеленевшей первой травкой, где Субудай с остатками своего войска, добычей и чингизидами мог оказаться примерно на два месяца раньше!

- На целых два месяца! Почему же Субудай не выбрал этого самого разумного в его положении, самого короткого маршрута?

- Это нам предстоит установить. Действительно, от верховьев Болвы он пошел не на юг, к степи, а на юго-восток, и вы замечаете, что маршрут орды снова приобретает форму вопросительного знака, только перевернутого?.. И этот большой вопрос тоже придется снимать, потому что его не заметила историческая наука, не говоря уж о романистах и журналистах.

- Кажется, и у нас нет строгих доказательств, что Субудай выбрал именно это направление...

- Эти-то доказательства есть, и мы к ним скоро придем, а сейчас в меру своих сил попробуем понять Субудая. Он, конечно, знал или догадывался о продолжении главного водораздела в южном направлении, но с угро-деснянского возвышения тропа повела его прямо на восток, а за Обловем отклонилась даже несколько на север, в обход, быть может, уже вскрывшихся ручьев и верховьев речек - это могло его встревожить, потому что на относительно сухих водораздельных петлях пропадало дорогое время, И вот ключевая точка дальнейшего маршрута - возвышенность между истоками Ужати и Деминой. Водораздел здесь незаметно раздвоился. Возможно, юго-восточный отрог возвышенности Субудай принял за коренной хребет и этот путь к степи показался ему прямее и ближе? С большой степенью вероятности мы можем также предположить вынужденный выбор дальнейшего маршрута орды. Пленные и разведка сообщали, что в долгом лесном бездорожье по-над Болвой нечем кормить коней, - на этом прямом южном пути до самой степи нет ни одного селения, где можно было бы хоть чем-то поживиться, зато на юго-восточном водоразделе простирались распаханные земли, стояли села и даже города.

- Откуда известно, что на водоразделе, идущем на юг, не было селений?

- Их и сейчас там немного. На узкой хребтине, поросшей дремучими лесами, нечем было кормиться ни людям, ни скотине и семь с половиной веков назад. Между прочим, точно по этой хребтине, образующей естественный рубеж, с VIII века проходила западная граница **вятичей** - большого и сильного славянского племени, об истории которого мы еще вспомним.

- Определить границу тысячу двести лет спустя? Полноте!

- Она точно определена археологом Седовым по распространению вятичского обычая трупосожжения и подтверждена археологом Арциховским по западному ареалу специфических женских украшений вятичей... А сейчас я попытаюсь восстановить еще одну историческую истину, которая на первый взгляд покажется фантастической, - весной 1238 года дорогу Субудаю на юг преградил князь Игорь.

- Какой это князь Игорь?

- Игорь сын Святославля внук Ольгов, князь новгород-северский.

- Простите, но ведь он умер за тридцать шесть лет до этого, в 1202 году!

- И тем не менее я допускаю, что именно князь Игорь заставил Субудая повернуть на юго-восток. Чтобы убедиться в этом, надо вернуться к 1196 году. Это был труднейший год в истории Чернигово-Северской земли. И дело не только в том, что Ольговичи понесли и невозвратимую потерю - в мае того года умер буй тур[71] Всеволод, брат Игоря, замечательный воин, надежда этой княжеской династих. Его схоронили в черниговской церкви святой Богородицы, как повествует Ипатьевекая летопись, "с великою честью и с плачем великым и рыданием, понеже бо во Ольговичех всех удалее рожаем и воспитаем и возрастом и всею добротою и можьственною доблестью и любовь имяше ко всим..." И этот год едва не закончился уничтожением и разделом

---

[71] "Буйтур" - переводилось как "дикий вол", "буйвол". По-тюркски "буй-туре" значит "высокий господин", т.е. "высокородный". Дальнейшая эволюция этого титула: батур, боотур, богатур, богатырь. Высокородного Всеволода переводчики превратили в дикую говядину! См. также **АЗ И Я**.

княжества.

К его началу против Ольговичей составилась мощная коалиция. Сильнейший князь Руси Всеволод Большое Гнездо владимиро-суздальский, Рюрик Ростиславич киевский, Давид Ростиславич смоленский пригласили также на грабеж и пагубу богатого княжества муромо-рязанских князей. Когда Всеволод Большое Гнездо и Давид смоленский вошли со своими войсками в земли Ольговичей, "волость их жьжета и Вятския городы поймало и пожьгле", Ярослав черниговский, Игорь новгород-северский, все остальные северские князья "ста под лесы своими, засекся от Всеволода и от Давыда и по рекам веле мосты подсечи".

Так вот, полоса сплошных дремучих лесов, отделяющая на северо-востоке жизненные центры Ольговичей от их оккупированной волости вятичей, как раз совпадала с будущим маршрутом Субудая, если б он пошел в степь южным путем, основным деснянско-окским водоразделом. Главными водными препятствиями на пути Давида, Всеволода и рязано-муромских князей были те же Десна с Болвой, их левые притоки Ужать, Неручь, Неполоть, Овсорок, Ревна, Навля и впадающие в Десну на подступах к столице Игоря Нерусса, Зноба, Свига, Ивотка, Шостка и Реть с притоками Осотой и Эсманью. Знать, мосты через какие-то из этих рек и подсекли северяне, предварительно завалив водораздельные высоты на северо-восточных рубежах княжества.

Средневековые лесные засеки были, очевидно, надежным защитным средством, если они смогли остановить сильные рати смолян, владимиро-суздальцев и рязанцев, привычных к тяготам лесных походов и умевших, конечно, разбирать или прожигать в засеках проходы. Подсекал мосты и делал засечную полосу над левобережьем Болвы и Десны, вероятно, князь Игорь, потому что густонаселенным районам именно его княжества, расположенного неподалеку от древней границы вятичей, объединенные враги угрожали в том тревожном году прежде всего. Игорь был куда более опытным и мобильным военачальником, чем Ярослав черниговский, обладал богатой, деятельной натурой и не раз за свою бурную жизнь предпринимал дипломатические и военные шаги,

зафиксированные и не зафиксированные в летописях, так что логичнее всего решительных и эффективных действий летом 1196 года можно было ждать именно от него.

Естественно, за сорок с лишним лет засеки князя Игоря подгнили, но заросшие мелколесьем эти многоверстные древесные завалы были еще очень серьезным препятствием для конницы степняков. Вижу могучие поверженные дубы с острыми сухими поторчинами[72], рыхлые березовые колоды и пни, долго не гниющие смоляные стволы елей и сосен, срубленных ратниками и смердами князя Игоря на уровне конской морды, бесконечный хаотичный древесный завал между ними, высоко ощетинившийся голыми сучьями, поросший уже густым малинником и мхом, под которым таились глубокие предательские провалы, - медведь не пролезет через это берендеево царство, не то что низкорослая степная лошадка! Нужно учесть, что князь Игорь делал водораздельные засеки очень широкими, чтобы преградить путь наступавшим в поперечном направлении, а Субудай должен был идти сквозь этот чертолом вдоль... Не исключено также, что черниговцы, узнав к весне 1238 года о приближении орды с северо-востока, успели подновить старые Игоревы засеки. Два-три свежих поперечных завала в сотню-другую саженей шириной да топкие снега делали водораздел непреодолимым для конницы. Засеки, это простое, и надежное оборонительное средство наших предков, еще много столетий служили им. На сотни верст тянулась засечная черта по южным лесным рубежам набирающей силу Московской Руси, и на нее вплоть до XVII века не тратились бы силы, если б она не защищала возродившееся Русское государство от степняков и крымчаков, имевших многовековой опыт грабительских набегов на север. Что же касается весны 1238 года, повторю, то старые засеки князя Игоря, быть может, стали одной из причин, из-за которой Субудай вынужден был от начала засек свернуть на юго-восток и пойти по свободному от сплошных лесов, там и сям распаханному водоразделу.

---

[72] ***Поторчина*, поторча** *вост.* **поторчевина** *пск.* кол, шесть, палка, рожен, воткнутый торчком, торчмя; надолба, тумба, каба, коба, столбик, торчек, копыл, пенек, тычек

- Но как можно знать, что семь с половиной веков назад этот юго-восточный водораздел был распахан?

- Он и сейчас распахан, и на нем живет много людей - в Пронине, Плюскове, Торбееве, Бильдине, Ерлыкове, Покровском, Попелеве, Фроловском, десятках других пунктов. И семь с половиной веков назад население двух здешних городов получало хлеб не с лесных же грив, сырых пойм или водных гладей! Есть также археологические данные, только что полученные при научных раскопках, о которых речь впереди...

Возможно также, что разведка орды с проводниками шла все время по свежему следу,- моторные мужички из водораздельных сел, начиная от самого Селигера и Верхневолжья, при первом же известии о надвигающейся беде могли быстро навьючить застоявшихся сытых лошадей и с запасом овсеца тронуться в скорый путь знакомой тропой, увозя на юг детей, жен, драгоценные иконы и книги. Их теплые кострища вели авангард орды единственно удобной дорогой, сулящей спасение и беглецам, и преследующим. Кроме того, местные проводники, заинтересованные в том, чтобы невиданный жестокий ворог поскорей уходил от родных мест, указывали орде выгоднейший путь, быть может одновременно имея в виду то, что ждало ее впереди. Допускаю также, что на выбор направления последнего броска орды в степь могло повлиять решение осторожного Субудая, проведавшего, что на выходе из лесов прямым конным маршрутом стоят семь черниговских городов-крепостей - Карачев, Кром, Болдыж, Спашь, Мценск, Домагощ и Курск, а в непосредственной близости от этого района - свежие конные дружины сильных русских княжеств - грозная сила в открытой степи для остатков грабительского войска. Нагрянув на Русь из лесу, Субудай решил уйти в степь тоже лесами - в юго-восточном направлении они еще далеко простирались за распаханным водоразделом.

А пока этот водораздел Среднерусской возвышенности по-прежнему хорошо делил здешние воды надвое. Слева оставались истоки Деминой, Вороны, Перекши, Рессы, Серены, справа все ручьи и речки текли в Жиздру. Водораздел становился все суше и ровней. Рейды оперативных передовых отрядов, добывающих корм, становились все короче, потому что с флангов их действия начали ограничивать две сходящиеся долины, забитые сырыми глубокими снегами.

Любознательный Читатель. Реки еще не вскрылись?

- Надо думать. Мы, правда, не знаем в точности, с какой скоростью передвигалась по водоразделу орда. Из-за узкой дороги растянулась она в длинную цепочку, и для нас не столь важно, как быстро шли мобильные, хотя и очень уставшие, отряды грабителей, снабжающие караван фуражом, или основные силы, ставка, запасные табуны и прикрытие. Если допустить, что в караване были ослабевшие вьючные кони с добычей, спешившиеся воины и чингизиды, не пренебрегающие удобствами, то едва ли скорость его превышала пятнадцать километров в сутки.

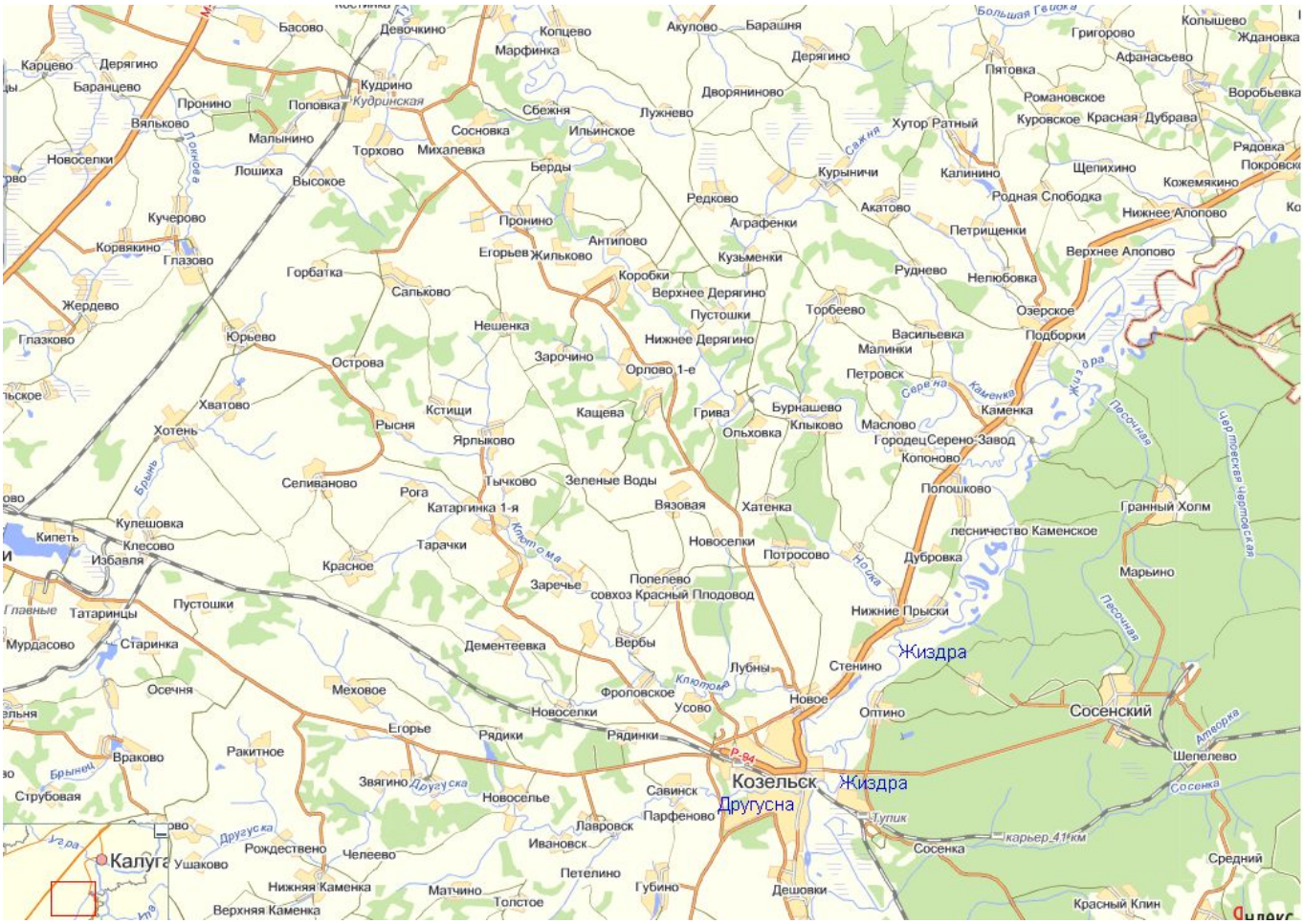
- Это, как говорится, среднепотолочная цифра?

- Нет. Есть скрупулезные расчеты скорости передвижения войск в средневековье. Для наших условий лучше всего подходит знаменитый **марш Владимира Мономаха**, начавшийся в последний день февраля 1111 года с обозом на санном ходу, который потом пришлось бросить из-за таяния снегов и переходить на вьюк.

Суточную скорость свежей рати Мономаха - двадцать пять километров - мы не можем принять для основного войска Субудая, она была куда меньше, но, повторяю, нам не нужна здесь большая точность. Значительно важнее установить скорость передвижения разведки и авангарда орды при ее исходе из Руси. Для них был первый корм и лучшие кони, основные и сменные. По степи орда летела со скоростью около ста километров в сутки. Такие же суточные конные переходы делал много позже Суворов, а генерал Плизантон во время американской войны между Севером и Югом совершил однажды рейд даже со скоростью сто тридцать шесть километров в сутки! Не будем приписывать авангарду орды рекордов - лесные и снежные дороги были все же очень тяжелыми.

Осторожно допустим среднесуточную скорость Бурундая в тридцать километров - в таком случае

он должен был выйти к завершающей точке нашего перевернутого вопросительного знака в последней декаде марта, когда большие реки еще стояли подо льдом и снегом. В XIX веке, располагавшем систематическими научными гидрометеорологическими данными, Ока у Калуги вскрывалась в среднем 6 апреля. Учтя значительную задержку весны в средневековье, о чем достаточно сказано ранее, мы придем к выводу, что авангард орды, двигаясь на юго-восток от верховьев Ужати и Деминой, постепенно входил в сужающийся клин водораздела еще по снегу. Спуски в поймы справа и слева становились все ближе к главной тропе. Под кручей слева еще лежал лед. Он рыхлел и уже, наверное, не держал ни конского копыта, ни ноги воина. За ним ширилась белая долина. Справа, в другую долину, что была еще шире, вел пологий спуск с топким снегом и тот же непреодолимый лед вдали извивался под солнцем серебряно-матовым змеем.



- Что же это были за реки?

- Слева - Серена с ее широкой поймой, но потом путь к ней пересекла долина другой реки - Клютомы. Справа же - Другуска[73].

- А что имеется в виду под заключительной точкой нашего второго вопросительного знака?

- Другуска и Клютома сближали да сближали свои долины, и вот при впадении в Жиздру их русла почти сливаются...

Посмотрите на карту.

- Козельск!

- Он. Только этим маршрутом остатки орды могли выйти на Козельск!

- В самом деле - заключительная точка. Да какая! Но неужели никто из историков не проложил

---

[73] Официальное название реки – Другуска. Хотя в разных статьях и копиях данного романа присутсвуют оба гидронима – Другуска и Другусна. Прим. ред.

этого основного маршрута?

- Мне таких работ найти не удалось... Ипатьевская летопись, пренебрегая подробностями, пишет кратко, обобщенно и правильно о том, что Батый "поплени града Соуждальскиие и приде ко граду Козельскоу". В путеводителе Семенова-Тян-Шанского "Россия" верно указано южкое направление, но без подробностей, объясняющих выход орды на Козельск.

Редело войско, если эту медленную и беспорядочную цепочку спешившихся всадников с бредущими за ними костлявыми лошадьми еще можно было назвать войском. Вконец оголодали кони и обессилели люди. Изнывал от нетерпения и неизвестности внук Темучина сын Джучи. Устал Субудай, чьей главной задачей в этом исходе из урусских лесов стало сохранить чингизидов, коней, добычу, жизнь свою и своих сыновей.

И вот на пути подарок - нетронутый город, где можно отдохнуть, обсушиться-обогреться, подкормить коней. Из последних сил тянули они за своими хозяевами, бредущими по рыхлому, вязкому снегу.

Любознательный Читатель. Снег еще лежал?

- Его защищали от солнечных лучей здешние густые хвойные леса, задерживающие в средней полосе, даже по данным XIX века, окончательное исчезновение снежного покрова иногда до середины мая! Передовой отряд Субудая вышел к Козельску примерно 25 марта.

23. Глава 23

Субудай проснулся на рассвете и вышел из своей маленькой юрты, чтоб в третий раз за эту ночь малым облегчением нарушить монгольскую ясу. Делал он это украдкой, в густом кустарнике, однако неусыпные охранники ханской ставки все видели, но, жалея его, прощали ему обыкновенную стариковскую слабость.

Хорошее место для ставки! Большой лесной остров тут кончался. В редколесье и дальше, на белой открытой покатости, стояли нетронутые холмики хорошо просушенной пахучей травы, ласкающие глаз своей похожестью на степные юрты. Бурундай, правда, стравил своим коням две такие юрты, зато у других оставил охрану, чтоб отъелись прежде всего кони гвардии и ханской ставки. И тут же с двух сторон взгорка били из-под земли два вечных источника холодной и прозрачной воды, почти такой, какая гложет камни родных гор Субудая. Ручьи, проточившие снег до земли, растекались в разные стороны к этим сходящимся речным долинам, а вдоль них чуть дымились уснувшие ночью костры.

Редкое место! Есть пища для костров и коней, есть вода, и там, где светлеет небо, скоро появится над темной лесной гривой солнце, ослепительно засияет снег на покатости.

Первозданную нетронутость ее портил только след Бурундая, у которого, знать, не совсем уж баранья голова, если он неделю назад выбрал такое место для ставки.

Субудай совершил в ручье омовение рук и лица, чему он научился в другой далекой стране, и по возможности делал это время от времени, потому что его ровесник-джурдже[74], которого он когда-то пощадил за втирания, умаляющие в спине боль, говорил, будто свежая вода, омывшая кожу, омолаживает человека на день или даже на два. Прежде чем войти в юрту, Субудай еще раз оглядел взгорок, на котором стояла большая юрта внука Темучина сына Джучи, и белую покатость, зовущую на родину, навстречу солнцу, и заметил черную точку вдали - не гонец ли от Бурундая?

Пора бы. Субудай вошел в юрту, посреди которой уже была разостлана белая ткань, и слабеющие кривые ноги его сами привычно подогнулись подле.

Субудай не думал, что этот последний город урусов так близко, - обычный разрыв в три дневных перехода его личные гонцы не успели преодолеть на ослабевших конях, их опередил Бурундай.

---

[74] Джурдже - так именовали чжурчженей средневековые восточные летописцы.

Воины Бурундая заслужили свежую добычу, а их кони - лучшего корма, но случилось, кажется, то, чего так опасался Субудай. Не дождавшись главных сил, Бурундай попытался, вырвавшись из леса, взять город с наскока, чтоб самому преподнести его внуку Темучина сыну Джучи. Не сумел, баранья голова, и потому сейчас сидит перед Субудаем, виновато молчит, ждет, когда его спросят о подробностях, а Субудай, которому подробности были неинтересны, тоже молчит - пусть голодный и усталый Бурундай, добравшись за день и ночь до ханской ставки, сам все расскажет внуку Темучина сыну Джучи, когда тот проснется.

- Сколько сотен пало на стенах? - решил Субудай задать единственный вопрос и тут же уточнил: - Сколько ты загубил воинов?

- Ни одного.

Субудай крикнул, чтоб подавали мясо.

- Урусы оставили город?

- Нет.

- Сдали? - обрадовался Субудай, даже не веря в такое счастье - впереди корм, рабы, нежная пища, бань-я и открытый путь в степь! Главное - корм; он весь в этом городе, потому что жителей и скота в узком междуречье не осталось, селения были брошены, а весь фураж, кроме этих последних куч сухой травы, вывезен урусами.

- Город богатый?

- Да, - Бурундай совсем помрачнел и наконец решился: - Они его не сдали.

Субудай вперил в него неподвижный зрак, в котором стояло досадливое недоумение.

- В городе черная смерть? - догадался он.

- Нет.

- Бурундай поступил мудро. Урусы сделали вылазку, их было больше, и Бурундай ушел назад?

- Нет, вылазки нам навстречу сделать нельзя, а я не пытался взять город.

Бурундай все еще не осмеливался взглянуть на хозяина юрты, вождя похода и повелителя всех событий этой зимы. Он ожидал яростного вскрика или жеста, означающего конец разговора, последующего часа тревожного неведения и непредусмотримого решения внука Темучина сына Джучи, когда старец-воитель на свой лад преподнесет хану столь дерзкую весть. Бурундай не угадал.

- Это хорошая новость,- сказал вдруг Субудай и, пытаясь выдать весь предыдущий разговор за игру, которую он будто бы вел ради испытания выдержки Бурундая, решил уверить его в своей осведомленности. - Новость хорошая, только протухшая...

Бурундай знал - он первым принес плохую весть в ханскую ставку, но неужели старый воитель так прозорлив, что догадался обо всем, даже не видя этого города?

- Бурундай станет великим воителем, - продолжал хозяин - Субудай умрет спокойно, а Бурундай поведет войска в нетронутые богатые западные страны.

Впервые услышал такое Бурундай от Субудая-богатура, но это еще больше растревожило его. Он не притронулся к еде и был так же мрачен, потому что ему предстояло сказать то, чего старый воитель никак не мог, угадать, но, кажется, уже предчувствовал, обратив неподвижное красное веко на Бурундая и даже выжидательно к нему склонившись.

- И Субудай не будет брать этой крепости урусов, - снова решился Бурундай.

Спокойствие! Неужели эта баранья голова рискнула сказать такое Субудаю, развалившему на своем веку столько стен вокруг каменных, глиняных и деревянных селений, сколько пшенных зернышек в этой урусской чаше?!

В наступившей тишине стали слышны крики снаруж и знак, что пробудился внук Темучина сын Джучи, которого вечно раздражал ранний утренний шум в лагере. Хан мог дремать под ржание

коней и крики черных птиц, но человеческого голоса на рассвете не переносил. Спокойствие... Нет, наверное, Бурундай, прежде чем сказать это, долго и спокойно думал - у него было на это время.

- Худо, - задумчиво произнес Субудай, с отвращением глядя на грязные руки Бурундая, потянувшиеся к мясу.

Может, лучше сам Бурундай придет к внуку Темучина сыну Джучи с такой вестью? Субудай понял, почему этот последний город урусов Бурундай считает нужным обойти стороной. Две дочерние реки, между которыми водораздел идет к степи, стекаются все ближе, падают меж крутых берегов в третью, материнскую реку, что куда сильней этих быстрых сестер. С трех сторон города под кручами лежит на рыхлом льду глубокий снег, покрывающий еще более глубокую воду, а там, куда подойдет через два дня Субудай, - такая же стена, как в злом северном городе, полном зерна, укрепленная непредвиденным урусским способом. Это так, можно даже не уточнять. Худо! Однако Субудай все же показал руками, как сходятся дочерние водные потоки, отсек их впереди ладонью, изобразив кручу главной реки, закруглил у груди воображаемую высокую стену.

- Так?

Бурундай взглянул в спокойный уже и внимательный глаз старого воителя, видевшего в степях, горах и лесах вселенной все и вся.

- Почти так. Но еще хуже, - произнес он. - Так, что хуже не может быть.

Спокойно. Субудай стал слишком стар, чтобы придать значение такой мелочи, как едва заметный оттенок торжества, просквозивший в голосе Бурундая. Это у него от молодости. И от молодости же неверие в себя и даже в Субудая, великого воителя. Нет, сейчас придется отвести гнев внука Темучина сына Джучи от этой пока еще темной головы - ее надо будет осветлить вниманием, когда Субудай начнет подготовку к штурму, и внушить ей спокойствие во время штурма.

- Как Урянктай? - задал Субудай последний вопрос.

- Твой сын, великий воитель, станет великим воителем.

Субудай приказал свертывать юрту и, припадая на обе ноги, пошел на взгорок. Он не стал объяснять подробностей внуку Темучина сыну Джучи об этом селении урусов, потому что еще не видел его стен, и попросил направить обоих полководцев для срочного рейда по окрестностям города, чтобы посмотреть запасы корма и живой силы Урусов, нужные для штурма.

- Какой город? - встрепенулся внук Темучина сын Джучи, вначале слушавший воителя равнодушно и сонно. - Откуда город?

- Богатый город, великий хан, - сдержанно промолвил полководец, хорошо зная, что внуку Темучина сыну Джучи нравится, когда Субудай называет его невзначай великим ханом.

- Однако великий воитель сам говорил, что на этом пути скоро степь, потому что лес редеет, - смягчился внук Темучина сын Джучи, выдержал паузу, но, поняв, что Субудай так и промолчит, добавил: - Это хорошо, что после такого перехода и перед степью - богатый нетронутый город.

- Хорошо, - совсем помрачнел Субудай.

- Почему же Бурундай здесь? - отпуская полководца, спросил внук Темучина сын Джучи; это у Субудая научился он задавать последний вопрос, который должен быть первым.

- Война всегда заставляет поворачивать морду коня то вперед, то назад, то в сторону...

Был у внука Темучина сына Джучи еще один вопрос, важней всех других.

- Степь за этим городом?

- Недалеко, - утешил Субудай. - И на пути не встретится врагов.

- Тогда мы будем отдыхать здесь три дня, - сказал напоследок внук Темучина сын Джучи и, подумав, добавил: - Потом один день в городе.

У Субудая оставалось неполных семь дней, чтобы взять последний город урусов, вернее, пять и даже меньше - надо ж доехать до него и хоть как-нибудь подготовиться к штурму. Все равно Субудай поедет рядом со своей юртой на урусском мерине спокойного хода, привычном к снегу и лесной чаще, - можно будет дремать, думать о родине и сыновьях; пусть его обгоняют запасные табуны и войско, пусть молодой и здоровый Бурундай скачет впереди, а Субудай стал стар.

Он ехал день, полночи и еще день. Завидев впереди большой дым, Субудай мечтательно подумал, что это горит город, уже взятый общим штурмом, но дым клубился в стороне от главного следа, уходил влево и назад. Когда Субудай прибыл в ставку Бурундая, спину совсем разломило, однако он нашел в себе силы принять молодого воителя для доклада, хотя и сам, проехав сквозь лагерь в сумерках, увидел, что все здесь, в небольших лесных островах перед городом, идет привычным чередом.

Как хорошо, что Субудай еще сохранял запасные табуны - надежду и спасение войска! Кипчаки, перегоняя табуны, сообщали старшему табунщику-монголу, сколько животных осталось лежать, а тот вечерами докладывал Субудаю итог, с каждым днем все сильнее тревоживший, потому что на прокорм войска уходило слишком много коней. Перед ночлегом от каждой сотни прибывали к табуну три воина. Они затягивали на ногах коня аркан, и один из них, взмахнув ножом, погружал руку в разъятую грудь животного, нащупывал сердце и сдавливал его, пока оно не переставало рваться из пальцев. Потом воины свежевали коня и разрубали на части. Двое доставляли мясо к пылающим по лесу кострам, а третий укладывал внутренности в шкуру и сбрасывал с крутого речного обрыва. Подволакивали на арканах и туда же сбрасывали коней, чье сердце нежданно и само остановилось.

Недавно Субудай повелел старшему табунщику казнить тех кипчаков, которые позволят коню подохнуть, - они должны были загодя умерщвлять его и оставлять близ тропы войску.

Первую ночь под городом Субудаю не давала заснуть боль в спине, в кривой левой ноге и разговор с Бурундаем. В конце его Бурундай сказал, что все еще не знает, как взять эту крепость, и не мог понятно объяснить системы ее укреплений - разводил руками, закатывал глаза, всегда оставляя, однако, узкую щелочку между веками, чтоб в свете плошки не упустить перемены на лице Субудая.

Старый воитель, не увидев крепости в темноте, надеялся все же, что небо в конце этого похода окажет ему последнюю милость - поможет найти самое слабое место Урусов и быстро поразить его. Не само ли небо расстелило вселенную перед копытами степных коней! Четвероногие сыновья зеленого простора и горячего ветра, прокармливая собою воинов, несут их во все концы света и свозят со всех концов света добычу - так было с той поры, как Субудай это увидел, так будет, пока он жив.

Личные его доносчики доложили в полночь неслыханное - у костров идут на разных языках тихие разговоры об этом плохом походе, после которого осталось столько сотен, сколько осталось волос на голове Субудая, и столько тысяч, сколько зубов у него во рту, и не надо брать этого и еще какого-то города, пора уходить в степь. Субудай тут же повелел в том краю лесной куртины, где горели эти шепчущие костры, взять по человеку от каждого огня, трех десятников и одного сотника, но не ломать им спины и не вырывать сердце, а подарить жизнь, сбросив связанными с речного обрыва, куда сбрасывали внутренности коней.

А утром Субудэй, впервые взглянув на город из-под древесных ветвей, подумал, что вместе с шептальщиками надо бы сбросить с обрыва его самого, потому что ему тоже захотелось оставить нетронутым это последнее селение Урусов и уйти поскорее в степь...

Он срочно послал Бурундая в ставку, чтобы тот подготовил внука Темучина сына Джучи к известию о том, что в означенный срок города взять нельзя, а сам полдня не слезал с мерина. Он снова и снова, щуря глаз, приглядывался к городу и до конца не мог понять системы его обороны, потому что водораздельный склон, на клин суженный двумя реками, суживал и обзор - вознесенный горой на один уровень с Субудаем, город хорошо был виден лишь с северо-западной стороны. Прямо перед Субудаем водораздел полого спускался к реке, вроде бы

полупетлей охватывающей город, хотя под снегом и густым кустарником внизу нельзя было рассмотреть поворотов русла. Город стоял на такой круче, что если поставить друг на друга два больших дерева, то верхнее могло даже не достать своим острием боевых башен, которых тут было, кажется, больше, чем на стенах других городов, взятых этой зимой Субудаем... Может, Бурундай догадается и сам скажет внуку Темучина сыну Джучи, что лучше бы не брать этого города?

Земляная, местами уже обтаявшая круча, увенчанная многобашенной деревянной стеной, на севере закруглялась с правильной плавностью. Под нею, в самом начале бескрайней низины, близко сходились две реки, так что Субудай ошибался, предположив раньше, что город стоит в междуречье. С северо-востока и востока к городскому холму, должно быть, прижималась большая материнская река (Серена), и за просторным белым полем на другом ее берегу чернел лес. Высоко над ним тянулась на юго-восток, к степи, темная грива главного водораздела. Она была в эту пору недосягаемой, и Субудай ясно понял, что попался в ловушку, - обойти город в таком месте ни конному, ни пешему войску невозможно, а как его брать?

Стены и башни с самого рассвета были усыпаны урусами, они что-то кричали, свистели и смеялись, показывали руками на Субудая, на дымы костров, на маленького коня, отбившегося ночью от табуна и увязшего под кручей в глубоком снегу.

Субудай решил послать вниз, к реке, трех ослабевших воинов-татар, чтоб они, соблюдая расстояние друг от друга, подошли к стене как можно ближе. Внизу снег был очень глубоким, и воины вязли по пах, но, нодчиняясь приказу, поднимались, медленно доставали из снега и переставляли ноги, с ужасом поглядывая снизу вверх, туда, где на стене притихли урусы, и оглядываясь назад в напрасной надежде, что им подадут знак возвращаться.

Субудаю надо было узнать, как далеко полетят урусские стрелы, но со стен почему-то не стреляли, только смотрели во все глаза на трех невиданных пришельцев с луками за спиной, осевших в снегу. Субудай послал верхового охранника вниз по склону, чтоб тот передал новый приказ - стрелять.

На стене послышался дружный смех, когда первая стрела совсем не полетела - воин задел пальцами тетиву. Другая, немного не долетев, воткнулась в бревно под ногами урусов, а третья попала - раздался женский визг. Субудай внимательно смотрел, как густо летят с башен стрелы, исчезая в снегу вокруг двух ползущих от стены воинов. Третий остался на месте со стрелой в плече, не мог вытащить ни ее, ни ног из сугроба, вопил как безумный. Вскоре завалился неподалеку другой с торчащей в шее стрелой. Добежал до Субудая только один, принес в спине излетную урусскую стрелу, две в руке, и Субудай, приказав врачевателю-хитаю лечить воина, назначил его десятником взамен вчерашнего шептальщика...

Стрелы урусов редко попадали в цель и летели не очень далеко, но у Субудая не было и таких - основной их запас израсходовался на севере, а в торопливом и трудном броске по водоразделу недоставало ни сил, ни времени, ни материалов, чтобы наладить снабжение войска наконечниками и оперением, хотя тех обремененных добычей воинов, что в середине похода начали тайком бросать пустые колчаны и тяжелые сильные луки в надежде пройти до близкой степи с копьями да саблями, Субудай в назидание остальным приказал казнить.

Любознательный Читатель. Все это придумано, конечно?

- Само собой. Я пользуюсь привилегией писателя придумывать мелкие подробности, не имея права сочинять факты, искажающие большую историческую истину. Монголы не умели обрабатывать металлов, и оружие ставилось ими превыше всех других ценностей при необыкновенной дешевизне человеческой жизни. Если, скажем, в бою кто-то подбирал утерянное оружие и не возвращал владельцу, тому вырывали сердце или ломали спину[75]... Вернемся к

---

[75] Законы Чингисхана карали смертью за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное ко вреду ближнего, троекратное банкротство, т.е. невозвращение

Субудаю и Козельску?

На следующее утро Субудаю донесли - раненый татарин исчез из-под стены. По следам на снегу было видно, что урусы спустили, наверное, на веревках лестницу и подняли его ночью в крепость. Худо. На вылазку они, должно, не рискнут, но обороняться будут зло! Да и как пойти на вылазку, если Субудай с войском спереди, справа и слева защищен глубокими заснеженными долинами? Урусы тоже пока спокойно сидят за этими же долинами. Ровный подход к городу, отрезанный извилистой рекой, лишь с юга. Субудай дважды спускался в ее долину, делающую большую полупетлю, мерин ложился брюхом на снег, всадник тянул и выворачивал шею, но ничего нельзя было рассмотреть. Плавное округление стен вдруг изломисто обрывалось высокой башней. Под ней устрашающе глубоко пронзала землю узкая щель без моста. Она как-то странно перекрывалась углом башни, и ворот с этой точки не было видно.

Проникнуть к южной, напольной части города оказалось не просто - десяток опытнейших воинов, посланных Субудаем, чтобы пересечь долину выше по течению реки, глубоко увязли в сыром снегу и до ночи вытаскивали арканами коней.

Субудай рассвирепел, когда узнал, что большой дым, клубившийся вчера слева и сзади, - это бывшее небольшое селение урусов. Жителей и корма в нем не оказалось, а наткнувшаяся на него передовая тысяча главных сил третью ночь грелась у жарких костров из сухих бревен. Из них легко и быстро можно было сделать стлань через долину и реку, а у ворот пустить на туры, лестницы и тараны. Тысячник клялся, что первые дома сожгла разведка Бурундая, его воины пришли уже к теплому пеплу, и он дожигал остатки. Тысячник униженно попросил Субудая позволить ему завтра сделать деревянный настил через снега. Его отоспавшиеся воины сейчас начнут рубить сырой лес мечами и саблями; пусть они грызут его хоть зубами всю ночь, к завтрашнему вечеру стлань будет.

- К восходу солнца, - возразил Субудай.

- Нет пленных, нет топоров, - сказал тысячник, взглянув Субудаю прямо в глаз.

Это был мужественный воин, умевший смотреть в глаза смерти и правде, а его тысяча заслужила хороший отдых - она первой ворвалась в северный хлебный город Урусов. Субудай решил оказать милость, начертав на снегу, подсиненном вечерним светом, дорогу к небольшому пустому и нетронутому селению Урусов по другую сторону главного хода, справа. Селение нашла и охраняла разведка Субудая.

- Долина от него рядом, - пояснил Субудай. - Она там не так широка, и места этого не видно с самой высокой башни города...

- Великий воитель, - прошептал тысячник.

- Раскидайте селение по бревну и тащите на арканах сюда, - будто не услышав привычного титула, продолжал Субудай и ткнул палкой в снег. - Тут тебя будет ждать еще тысяча воинов и сунский строитель мостов.

- Великий воитель! - воскликнул тысячник и бросился к своему коню.

На рассвете Субудаю сказали, что переправа готова, и с первым лучом солнца он подъехал к ней. Она стрелой легла через белую низину к противоположному крутому берегу дочерней реки.

Бревна лежали плотно, связанные волосяными арканами, урусской вервью[76] и трофейными тканями, скрученными в жгуты. Стлань пропускала по два всадника в ряд, и Субудай решил как можно скорее перебросить часть запасного табуна и войско на нетронутый соседний водораздел, ведущий к воротам города. Он еще не видел их, но предчувствовал, что не скоро начнет штурм, -

---

долга, и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе или в бою[Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.438-439].

[76] **ВЕРЕВКА** ж. вервь, вервие, воровина, ужище; самое общее название свитой или спущеной в несколько прядей толстой нити, обычно пеньковой;

создатель этой крепости мог придумать такое, что придумал бы, конечно, сам Субудай, окажись степной полководец на его месте в лесном холодном краю.

Последняя лесная куртинка с южной, напольной стороны города довольно близко подступала и к стене. Сквозь ветви уже были видны четырехскатные верха башен и спуск на берег материнской реки. Худо! Субудай увидел, что пологий спуск к большой реке начинается перед щелью, а не под стеной, на что он так надеялся! Ровная белая долина простиралась за городом глубоко внизу.

Субудай в нетерпении раздвинул кусты, все еще надеясь увидеть городские ворота, но глаз ослепило, и он прикрыл его, выжимая веками мутную слезу. Да, жители этого города сделали с воротами то же самое, что их северные соотечественники!

Простое и мудрое оборонной приспособление урусов, которое Субудай так боялся здесь увидеть, враз ослабило его ноги, голову и сердце, он бессильно сел на пружинящие ветви, под которыми дотаивал снег...

- Он увидел лед?

- Конечно!

Если рязанцы, коломенцы и москвичи не успели наморозить на ворота толстого ледяного щита, на откосном скользком основании которого нельзя было установить осадных орудий, то у новоторов и козельцев для этого было достаточно времени.

Должно быть, все население Козельска в морозные дни и ночи по цепочке поднимало из речных прорубей воду, намораживая ее на самое уязвимое место крепости. Ледяной панцирь, наглухо прикрывающий ворота, делал их неуязвимыми, и такой способ защиты крепостей применялся на Руси еще с языческих времен в тревожные зимы, когда опасность нападения врагов возрастала.

- Как это предположение можно подтвердить?

- Археологически, конечно, нельзя, но мы спокойно можем предположить изобретение такого фортификационного средства.

Думать иначе было бы недопустимым неверием в сметку пращуров, умевших блестяще использовать особенности родной природы и климата. Главное же - под ледяной стеной уходила в толщу земли глубокая щель.

Ясное полуденное солнце било из-за спины Субудая прямо в ледяную стену. Субудай щедро бы наградил уруса, придумавшего ее, если он не из тех гордых киязей, которым в степи ломали ребра под коврами, а они не просили пощады. Что за князь в этом городе?

Позвать певца! Он про свою страну знает все и болтлив, как все певцы. Урус появился возле палатки Субудая в сопровождении кипчака-толмача и, прежде чем взглянуть на полководца, приостановился перед большим каменным крестом, вкопанным в землю на опушке лесной куртины. Здесь была самая высокая точка местности, от нее шел пологий, уже протаявший спуск к берегу, к двум рядам толстых бревен, вертикально торчащих из снега. На эти бревна урусы, наверное, кладут летом мостовой настил. Судя по длине рядов, материнская эта река была широкой, сильной и древней, если размыла просторную низину за собой и подточила такую крутую гору под восточной стеной города.

Субудай терпеливо наблюдал, как урус машет перед собой рукой и что-то шепчет, не сводя глаз с креста. Утром Субудай подходил к этому кресту, напоминающему толстого уродливого человека с раскинутыми, словно обрубленными, руками и даже поковырял каменный его живот саблей охранника. Крест не подался нисколько и был вроде бы не каменный, а железный, потому что на острие сабли осталась коричневая ржавь.

- Это, конечно, из области чистой фантазии? Неправдоподобная подробность?

- **Козельский крест** - драгоценная историческая реликвия - цел до сего дня.

- Невероятно!

24. Глава 24

- Что означает этот камень? - спросил Субудай певца.

- Это был главный древний бог, которому поклонялись предки здешнего народа, - перевел кипчак. - Великий князь Киваманя именем Ульдемир, тот, что принял южную веру и принес ее сюда, приказал сделать из старого бога этот крест, означающий страдание человека на земле.

- Богатур Или-я служил у этого князя? - перебил Субудай, с гордостью подумав, что память его еще не слабеет.

- Да. А здешнее племя урусов еще долго молилось кресту, как старому богу, и поэтому правнук Ульдемира, тоже великий князь Киваманя и тоже Ульдемир, пришел сюда, победил местного князя и взял город.

- Как звали местного князя? - переспросил Субудай.

- Ходота, - сказал кипчак. - Это был великий воин. Он два года сражался с Ульдемиром, который был таким великим воителем, что его именем наши кипчакские матери и сейчас пугают детей.

Субудай взглянул на город, который два года защищал Ходота, и удивился, что почти такое же имя носил Хада, лучший полководец бывшего народа джурдже.

- А сейчас есть князь в этом городе?

- Василий, - сказал урус и добавил: - Вася Козля.

- Басили, - перевел кипчак. - Козел.

- Ба-си-ляо, - пробормотал Субудай, запоминая. - Худого рода?

- Урус говорит, что его так прозвали за нрав, а рода он высокого, от великих древних князей урусов. Его дед - князь Мстислав, которого победил в степи Субудай-богатур пятнадцать лет назад.

- На прямом пути в степь есть еще города, кроме этого?

- Смотря как идти.

Субудай - воин, он взял столько больших городов, сколько ему лет, и последний перед степью город он возьмет, чего бы это ни стоило, - вся земля урусов должна узнать, что города, которого не смог взять Субудай, нет и не может быть во вселенной.

- Когда уйдет в Итиль большая вода? - спросил он.

- Бог знает, - ответил урус. - Наметало много снега... Дней пятьдесят половодью срок.

Пять раз по десять! Субудай этого не ожидал. Он с детства знал, что снега сходят быстро, но здесь нет гор, и снег дальше от солнца, и реки урусов медлительны, как они сами...

- Ока тоже течет впереди?

- Поперек.

- Далеко до нее?

- Два перехода лесом.

В самом начале набега Субудай по свежему льду перешел широкую реку, текущую в Итиль, и его тогда поразило, что называется она точно так, как называется большая бурливая река, что бежит с родных его гор на север. Только эта Ока спокойней.

Субудай махнул рукой, отпуская уруса, но тут же окликнул кипчака, приказав спросить, что за нрав у местного князя.

- Озорной, - сказал певец. - Не приведи господь!.. Безотцовщина.

Сбросить в обрыв надо бы сначала Бурундая; он, наверно, наговорил внуку Темучина сыну Джучи что-то лишнее, от себя, - ничем другим нельзя было объяснить срочный вызов, что привез не ханский гонец и даже не воин охраны, а главный табунщик, старый монгол с воспаленными, часто мигающими веками, из-под которых все время текли мутные слезы. Он, как и Субудай, уже давно

не мог натянуть тетиву сильного лука, его держали в войске и делились с ним добычей за прежние заслуги. Монгол этот прошел с Субудаем сквозь все войны, был предан ему, как собака или конь, и полководец не случайно назначил старого ветерана командовать на водоразделе табунщиками-кипчаками - только они, два человека в войске, знали, сколько всего коней остается в запасных табунах, разрозненных расстояниями.

Сбросить бы к шептальщикам еще и всех чингизидов - они не стали ни о чем спрашивать Субудая, все решили без него.

- В степь! - сказал внук Темучина сын Джучи.

- В степь, - подтвердил старший Орда, не имевший, как всегда, своего мнения.

- В степь! - в один голос сказали Шаибан и Тангут, младшие братья Бату.

- В степь, - поддакнул Бурундай. - К стенам лестниц не поставить, таранов не утвердить. Ледяная стена. Нет рабов, нет корма.

- Нет стрел, - в тон ему добавил Субудай. - Надоело тощее мясо полусдохших меринов, а у нас нет ни одного барана.

Чингизиды засмеялись, а Бурундай, делая вид, что не понял намека, пробормотал сквозь зубы:

- Мудрый Субудай знает, что в степи нас ждут окруженный овечьими стадами Монке и Бучек со своими туменами.

- А если вначале нас ждет князь Михаил со своими туменами? - спросил Субудай.

- Это надо наверное узнать,- встрепенулся внук Темучина сын Джучи, и все чингизиды заговорили между собой о том, что полководцы не должны забывать главного - разведку во все концы направить, и, главное, туда, куда пойдет войско. Субудай в душе смеялся над ними, но сохранял непроницаемое лицо. Они забыли, что он великий воин. Своих лучших разведчиков Субудай сразу же определил к последнему стогу сена, который стоял на косогоре вдали от города, и приказал наказывать смертью всякого, кто попытается украсть хотя бы клок драгоценного корма. Это они узнали о нетронутом, полном зерна городе в стороне. Субудай пока никому не сказал о нем. Взяв город, он снабдит зерном лучших разведчиков и пошлет их кружным и опасным западным путем в степь. Они оторвутся от главных сил, и любое их сообщение через несколько дней станет неверным. Но пусть хоть один из них обойдет древесные завалы и с надежным кипчаком, знающим те места, тихо прокрадется меж южных селений урусов, разыщет в степи Монке. А Субудай не может рисковать остатками войска и добычей! На слабых конях возвращаться назад, огибая вершины всех этих бесчисленных рек, по лесному хламу, снова петлять водоразделами? Нет! Урусы успеют собрать силу, чтобы встретить его на границе степи вблизи своих городов. Идти только лесом, напрямую, навстречу Монке! Но до этого надо переждать большую воду и любой ценой выковырнуть урусов, как улитку, из их деревянной раковины.

Субудай обвел взглядом чингизидов. Сейчас он прыгнет на этих щенков, как барс.

- Воины устали, - гнул свое Бурундай, стараясь не видеть вывернутого красного века Субудая. - Их можно всех казнить за то, что они хотят в степь.

Субудаю тоже хотелось в степь. Он сказал:

- Идти в степь нельзя.

В ханской юрте стало тихо. Внук Темучина сын Джучи приподнялся, готовясь произнести слова, после которых ничего уже не поправить, но Субудай продолжал:

- За городом - река с широкой снежной долиной. Там, где она кончается, деревьев не различишь. Кони увязнут с головой.

Внук Темучина сын Джучи посмотрел на Бурундая, который сказал:

- Снег и воду обойдем сухой тропой на западе.

- До той тропы пять бескормных переходов. А на тропе нет селений, нет открытых мест. Дикий

лес не прокормит. Кони поломают ноги в завалах. Головы мы уже почти потеряли. На тропе потеряем коней. Перед степью потеряем добычу.

- Добычу нельзя терять, - возразил внук Темучина сын Джучи.

- Западная сухая тропа поведет через земли сильных Урусов. Там очень много городов, и на них надо еще год собирать всю степь, - добавил Субудай.

- Не трогать этот город и ждать, когда уйдет большая вода, - уже робко сказал Бурундай.

Эта баранья голова не понимает, что город придется брать совсем по особой причине, о которой Субудай пока не скажет никому.

- Большая вода здесь идет и стоит пятьдесят дней, потому что в темных лесах толстые снега, - возразил он. - А за холмами на том берегу еще одна большая река - Ока. И на пути великая Итиль, собирающая всю воду с земли урусов, болгар, буртасов и многих северных народов. Если не переждать, могучая Итиль унесет воинов, коней и добычу во внутреннее море, как сор.

- Если потеряем добычу, - сказал внук Темучина сын Джучи, - позор на всю степь.

Субудай нанес решающий удар:

- И вся вселенная узнает, что мы не смогли взять последнего маленького города урусов, сложенного из дерева.

- Потеряем лицо, - задумался внук Темучина сын Джучи.

- Идти в степь нельзя, - подытожил Субудай, выждал паузу и вдруг добавил: - Брать город сейчас тоже нельзя.

- Почему? - округлил глаза внук Темучина сын Джучи.

- Такого города мы еще не встречали... Но его, хотя и не сразу, придется уничтожить совсем, чтобы никто не узнал, какой ценой мы его уничтожили. И есть еще одна важная причина, из-за которой мы будем брать город. О ней я скажу только одному из вас.

Их оставили вдвоем с Бату-ханом, но Субудай передумал - эта причина должна объявиться позже и о ней не следует говорить, пока не использовано бескровного средства для взятия города.

Любознательный Читатель. А какое это могло быть средство?

- Один из городов чжурчжэней Субудай взял, разрушив над ним плотины и затопив его водой. Какой-нибудь южный город можно было также покорить без боя, лишив его жителей воды, но у козельцев, отделенных от рек стенами, наверняка были вырыты колодцы. В крайнем случае за время осады они могли их вырыть.

Ольга, по преданию, будто бы зажгла столицу древлян с помощью искоростеньских голубей и воробьев, взятых с города в виде дани, но этого легендарного средства, как и чжурчжэньского огня, не было в распоряжении Субудая. Голодная смерть козельцам тоже, наверное, не грозила - они согнали за стены со всей округи домашний скот и свезли зерно.

- Что же такое придумал Субудай?

В конце марта-начале апреля 1238 года Козельск оказался отрезанным весенним бездорожьем, крепостной стеной и врагами от всего мира. Горожане давно узнали, конечно, что на Русь напали несметные полчища врагов.

Такое представление создавалось в восприятии беженцев, потому что сравнительно небольшие селения наших предков не вмещали грабительскую конную орду и, казалось, она была везде - в городах и селах, в полях и лесах, в монастырях и замках, на дорогах, у стогов сена, речных и озерных прорубей. Потом беженцы с водораздела сообщили, что пришельцы коварны, беспощадны и уничтожают все живое на пути.

Когда над лесами показались черные тучи воронья и синие дымы, по лестницам взобрались на стены последние козельские сторожа. И вот ночами стали видны огни в прогалинах ближних

лесов, слышался уже вороний гвалт и конское ржание, дымы забили речные долины, заволокли небо - на притихший городок валила с северо-запада зловещая темная туча и, казалось, не было ей конца-краю. Сторожа с надвратной башни тревожно вглядывались в лесную опушку на горе, где угадывалось какое-то густое и плотное движение, как если бы гора эта была гигантским муравейником. Напряжение и тревога нарастали, потому что никаких признаков подготовки к штурму не замечалось. Из лесу иногда появлялись небольшие группы неведомых людей, одинокие любопытствующие всадники.

Подъезжавших поближе осажденные отгоняли, пристреливаясь к расстоянию и цели, а те лишь подбирали каждую стрелу и устремлялись к лесу. Вслед им свистели и улюлюкали мальчишки, обсевшие стену. Пришельцы пока только рассматривали из-под ладоней город с безопасного расстояния, и над ледяной стеной не пропела еще ни одна вражеская стрела.

Шли дня, полные тревог и ожидания. Снега в жиздринской пойме пропитывались водой, подступающей сверху, с водораздела, и она широко разлилась, заполнив старицы и ямы, затопив ивняк по всей низине и приглубые[77] берега под стенами. И вот через неделю после того, как из далеких лесов потянуло первым дымом, город на восходе солнца был разбужен колокольным набатом.

- Первый штурм?

- Нет. Штурмовать орда пока не могла: звонарь, дежуривший на колокольне, увидел спросонья невиданную картину, от которой у него захватило дух, и бухнул в колокол. Город посыпал на стены, однако там стояли вооруженные воины и отгоняли народ от внутренних лестниц и пологих дощатых подъемов-настилов, которые начали трещать под тяжестью толп.

Самые сильные и расторопные счастливчики пробивались наверх, к боевым площадкам, разевали рты и впадали в оцепенение.

В обтаявший склон, что спускался ко рву от ближайшей лесной куртины и креста, напрямую било яркое утреннее солнце, освещая сказочное видение. У края голого леса стояли круглые, похожие на копны сена или огромные шлемы жилища пришельцев, расшитые разноцветными письменами, клиньями, кольцами, кругляшками, бегучими изломистыми и плавными дорожками, а склон был устлан такими пестрыми и яркими коврами, что глазу было невмочь смотреть, и не смотреть тоже никак не выходило, хотя очи разбегались по сторонам. У входа в самую большую копну, на возвышении, сидел в расшитых цветных одеждах, должно быть, сам царь Бату, о котором козельцы уже слышали от беженцев. Одежды его прошивали золотые и серебряные нити, цветастая шапка остро вспыхивала световыми искрами. Слева застыли нарумяненными куклами семь жен царя, справа три царевича, тоже богато разодетых, и еще каких-то два татарина в таком же простом облачении, как многотысячная плотная масса воинов, что выстроилась на конях красивым полукругом. За спиной восточного царя колыхались на древке волосяные хвосты и цветастая хоругвь, перед ним были разостланы льняные полотнища, на которых стояли плошки с дымящимся мясом, высились кучи тканей и мехов, груды узорочья, золотых и серебряных чаш да кубков, а от середины этого видения, что не приснится ни в каком сне, тянулась к земляной щели длинная бирюзовая лента.

- Все это, конечно, фантазия?

- Естественно. Каждый может изменить тут что хочет или нарисовать в воображении любую другую картинку...

И вот трое пришельцев отделились от пестрой толпы и, выбирая на снегу путь попротоптанней, пошли вдоль ткани к обрыву. Один был, видно, из половцев, другой - темнолицый, узкоглазый и низкорослый, в богатом и пестром одеянии - неведомо какого племени, а третьего, статного и

---

[77] Приглубый берег - берег, имеющий значительные уклоны подводного склона и незначительную ширину. Волны подходят к берегу, сохраняя большой запас энергии и вызывая интенсивную абразию суши и снос обломочного материала к основанию подводного склона.

светлобородого, кто-то из беженцев узнал, шепнув соседям, будто это новоторжский гусляр, что поет не князьям, а народу за хлеб на торжищах. Потом, к общему удивленью, меж конских ног протиснулась на истоптанный снег большая пестрая собака и, лая с подвывом, побежала прямо по бирюзовой полосе, оставляя мокрые следы.

- Никак, главный посол бегит, - ахнул кто-то с башни. - Велика честь!

На стене сдержанно засмеялись. Собака прижалась - к ногам гусляра и смолкла, и тут закричал тонким голосом половец:

- Великий царь стран восточных Бату желает оказать уважение князю вашего славного селения, которое счастливо оказалось на пути его быстрых коней! Мы, послы, несем слово Бату князю Басили.

Со стены послышались веселые голоса:

- Наш Козля токо-токо глазыньки продрал!

- Обувается и ругается, почто с раницы подняли да ненадеванные сапоги жмут!

- Да не как-нибудь тебе ругается, а в Бату-мать!

От взрыва хохота, прокатившегося по стене, испуганно переступили копытами и замотали головами кони у леса. Половец чего-то недопонял, спросил гусляра и прокричал туда, к лесной опушке, до которой не должны бы долетать урусские слова и стрелы, что князь Басили, прежде чем увидеть великого и грозного Бату, творит утреннюю молитву. Внук Темучина сын Джучи гордо распрямился, потом нахмурился и спросил, чему же так смеются урусы. Ответа он не успел дождаться - толпа на стене раздвинулась и открылось высокое узорчатое сиденье, на котором виднелся маленький человечек, окруженный бородатыми мужами. Они были в богатых одеждах, отделанных мехом и черно-красным шитьем, поглядывали то на пришлого царя со свитой и войском, то на малолетнего князя своего, тоже приодетого как следует быть: длинный, ниже колен кафтан малинового цвета, перехваченный золотым поясом с раздвоенными концами, воротник, рукава, полы расшиты золотом и по груди от шеи до пояса тоже шла золотая прошва с тремя поперечными золотыми же полосами; красные востроносые сапоги, синяя шапка с краснымл наушниками и зеленым подбоем...

- Ну, эти-то подробности могли быть совсем другими - никто же не видел, как одевали малолетних князей.

- Почему же? В знаменитом "Изборнике" Святослава 1073 года изображен прадед князя Игоря Святослав Ярославич со своим семейством, и я привел точное описание одежд малолетнего Ярослава Святославича, будущего основателя династии рязанских князей. Не знаю, как изменились моды за полтора с лишним века, только торжественный наряд Василия козельского мог быть еще богаче и включать, например, золотую цепь на шее да еще в три ряда довольно обычное по тем временам золотое княжеское украшение. Впрочем, детали туалета князя Василия здесь не суть важны...

- Могучий восточный царь Бату, - снова закричал половец, - пришел гостем к богатому и славному князю Басили и оказывает ему великую честь! Он приглашает его и знатных людей города отведать яств и принять щедрые подарки!

- Если царь Бату пришел гостем, - через минуту ответили со стены, - то пусть и пожалует со своей свитой к нам. Мы спустим со стены удобные лестницы и встретим гостей чем богаты.

Бату-хан, когда ему перевели ответ, поежился и хмуро посмотрел на Субудая.

- Великий и могучий восточный царь Бату, - продолжал половец, выслушав спутника-монгола, пожалует также князя Басили землями и городами с вечной богатой данью! Юный князь Басили станет в этой стране самым сильным, самым великим князем!

- Щагол щаглуя на осиновом дубу! - раздался со стены молодой дерзкий голос, и, показалось, башни дрогнули от хохота, и кони снова замотали головами, а собака гусляра залаяла надрывно, с подвывом.

- Цыц! - утихомирил народ бородач в собольей шубе, стоявший подле князя, и зычным голосом обратился к послам: - Наш князь желает знать, за какие услуги он получит от царя Бату этакое ублаженье?..

Любознательный Читатель. Вся эта сцена придумана?

- Да, но есть основания придумать ее. Предводители орды всегда пытались брать города малой ценой, сначала склоняя жителей к капитуляции лестью, обманом или угрозами. Так было и до Козельска и после него. С. М. Соловьев писал, например, что у одного из городов на Буге Батый поставил двенадцать пороков, то есть стенобитных машин, но не смог разбить стен и "льстивыми словами начал уговаривать граждан к сдаче, те поверили его обещаниям, сдались - и были все истреблены". Что же касается Козельска, то Ипатьевская летопись прямо свидетельствует: враги сначала попытались "град прията" не каким-то другим способом, а именно "словесы лестьными", то есть лживыми. Не вышло...

- Чем должон платить наш князь за этакие милости? - спросили со стены.

- Великий и щедрый царь Бату желает почтить юного князя богатыми подарками, а всех жителей милостью своей, когда они откроют этот славный город для нашего недолгого отдыха.

Князь Василий вдруг вскочил с места, шагнул и выбросил вперед руку со странно сложенными пальцами - меж указательным и средним торчал розовый большой. Стена загудела шибче, вокруг ханской юрты возникло шевеление, послы оживленно заговорили меж собой, собака жутко завыла, а гусляр вдруг закричал, что у безбожных агарян льстивые языки, мало сил, а стрел и корма нет. Его перекричал тонким голосом половец:

- Иначе великие полководцы Субудай и Бурундай разотрут ваш город в пыль, а жителей утопят в крови!

Потом никаких слов не стало слышно, и половец вместе с монголом потащили певца к ханской юрте. Их свирепо хватала за полы собака.

- Ату Бату! Ату Бату! - кричали со стены.

Несколько всадников ринулись навстречу послам. Один из воинов спешился, взмахом сабли разрубил собаку пополам, потом воткнул гусляру нож выше левой ключицы, вспорол грудь и бросил вырванное сердце к стене. Оно трепетало на снегу, замирая. Все онемело и закаменело вокруг на мгновение.

Вот крики ужаса и боли разорвали тишину, над местом казни гусляра воздух со свистом пронзили стрелы. Длинные, шурша на излете оперением, они долетели до ханской юрты.

Всадники загородили хана и его свиту живой плотью, а вся орда подалась назад, в кусты. Пали с коней насквозь пронзенные воины, завизжали кони. Субудай спокойно и внимательно смотрел из кустов, как далеко летят с башен эти тяжелые урусские стрелы. Человеческая рука не могла натянуть тетиву столь сильного лука, и, должно быть, здешние урусы умели делать воротковые натяжные устройства. Таких луков сейчас не было в распоряжении Субудая, как не было стрел.

Приближаться к стене полководец теперь опасался - караульные на башнях посылали свои сильные стрелы даже в шевелящиеся кусты. Его, окруженного стражей, узнавали со стены и не раз пытались достать дальнобойной стрелой. Маленький князь урусов с утра до вечера бегал по стене со своими ровесниками. Взрослые воины разрешали ему наводить стрелу и спускать чеку...

Все это было так, не совсем так или совсем не так; бесспорными, подлинно научными подробностями о беспримерной Козельской обороне мы не располагаем и даже не знаем в точности, кто такой был малолетний князь Василий козельский.

На Руси несколько князей носили это имя. Василий (Васильке) Борисович, например, внук смоленского князя Давыда Ростиславича, в 1218 году княжил в Полоцке и упомянут только В. Н. Татищевым. В том же году, по летописным данным, умер на княжении в Торжке Василий Мстиславич, сын Мстислава Удатного и внук Мстислава Храброго. Уцелел во время нашествия орды Василий Всеволодович, правнук Всеволода Большое Гнездо, умерший в 1249 году князем

ярославским. 4 марта 1238 года, как мы знаем, принял мученическую смерть в Ширенском лесу Василько

Константинович ростовский...

О происхождении же Василия козельского ничего не известно. Екатерина II в своих исторических сочинениях и петербургские геральдисты при учреждении герба Козельска назвали его "Титычем", но никакими документами или ссылками на них это отчество подтверждено не было, и современные историки условно считают малолетнего козельского князя, при котором его удельный городок выдержал феноменальную семинедельную осаду орды, внуком князя козельского и черниговского Мстислава Святославича, что погиб в 1223 году, - над ним и его соратниками, завернутыми в ковры, пировали Субудай и Чжэбе после победы на Калке...

Цепочка прошлого разорвалась, в ней недоставало одного крепкого звенышка, и я все чаще вглядывался в маленький кружочек на карте.

Надо ехать в Козельск!

Многие средневековые города Чернигово-Северской земли, упомянутые в летописях как свидетели больших исторических событий, исчезли, и ученые давно спорят, где находились, к примеру, Домагощ или Неренск. Но Козельск-то стоит на прежнем месте, и пора нам с читателем побывать в нем, и если даже мы не найдем ни одной достоверной и свежей подробности, связанной с его героической обороной, то просто поклонимся этому святому месту и осветлим нашу память о предках минутой молчания.

Солнце не показывалось целый день; хмурились, суля дождь, небеса, но под вечер очистились, по-осеннему блекло заголубели. Солнца отсюда не было видно - приверха[78] вошла в тень крутого левобережья, зато щедрым предзакатным светом облило оно по ту сторону реки высокую охвоенную гряду, похожую на гигантскую зеленую стену, желтеющий лиственный лес у ее подножия, и посреди него, как в старой позлащенной раме, виднелись купола, скелеты шпилей, щербатые стены, невзрачные пристройки и еще что-то бесформенное и неразборчивое.

Вначале-то я, никогда не бывавший в этих краях, подумал, что Жиздра делает крутую невидимую петлю, тот берег - тоже левый, и, стало быть, это и есть Козельск - такой крохотный.

Но вот впереди и как-то вроде бы вверху вдруг проглянул городок, тоже, правда, невеличка, но над ним дымили трубы, с горы грохотали, шипя тормозами, разболтанные грузовики, какой-то лишайный автобус катил будто бы прямо в лоб, и я понял, что Козельск перед нами, вот он, а на другой стороне - Оптина пустынь...

До ночи удалось и в гостинице устроиться, и насчет пропитания договориться, и разыскать знатока всего здешнего - журналиста и краеведа, майора в отставке Василия Николаевича Сорокина; хороший, однако, город Козельск!

Козельск так стоит, что на него отовсюду надо смотреть снизу вверх. В этом месте круто обрывается довольно высокая водораздельная гряда, изрезанная оврагами и долинами приточных речек. Наверное, такая орография и предопределила название города - по узкому водоразделу мигрировало зверье, а дикие козы шастали по безопасным кручам, под которыми бурлила на перекатах хрустальная вода. Перекаты и сейчас можно углядеть, хотя время утихомирило их. В глубокой же древности здесь пошумливало, знать, довольно шиверистое[79] место, на котором и плот с медовыми туесами добычливый вятич мог посадить, и днище лодки

---

[78] ***Приверх***, ***привершек*** м. вершинка речки, приток, приголовок, одна из вершин реки.

Приверх, ***привершье*** ср. *волж.* ***приверха*** ж. *перм.* верхний конец острова, по течению.

[79] **Шиве́ра** — относительно мелководный (глубина до 1,5 — 2 м) участок реки с беспорядочно расположенными в русле подводными и выступающими из воды камнями и быстрым течением. Протяжённость шивер колеблется от нескольких десятков метров до нескольких километров. Из-за высокой скорости течения в шиверах возникают косые и прямые стоячие волны, обратные потоки, водяные ямы (бочки) за камнями.

пропороть да подмочить меха. Воображаю, как досадовал этот оборотистый и торопливый вятич; надо б подарок принести каменному богу, что грозно стоял на круче еще с тех времен, когда сплавлялись тут с товаром его дед и прадед, не ленившиеся зачалиться перед каменным перекатом и подняться к священному капищу...

...Стою перед тем самым каменным богом, тоже ничего не принес ему в жертву, хотя и у меня впереди опасный перекат, одно из ключевых мест нашего путешествия в прошлое.

Любознательный Читатель. Что за бог имеется в виду?

- Простой языческий бог, вернее, то, что от него осталось. Ржавинки рыжеют на плечах - прожилки железной руды.

О нем надо бы рассказать поподробнее. Поначалу он, вытесанный из прочнейшего железистого песчаника, был здешним языческим идолом. Когда пришла другая вера, ему оббили и отполировали голову, сильно стесали бока, и получился грубый каменный крест. Козельцы вспоминают, сколько приезжих и проезжих ученых с почтением осматривали эту историческую реликвию, рассказывают, о том, как незадолго до своей кончины побывал здесь Сергей Тимофеевич Коненков. Он посетил Оптину пустынь, встретился с местной общественностью, подарил городу одну из своих скульптур, а на музейном дворике долго присматривался к этому кресту, похаживал вокруг, пощупывал его своими чуткими многомудрыми руками...

Никто не знает, когда языческий идол вятичей превратился в христианский крест, но верней всего, что далеко не сразу после киевского крещения Руси. С незапамятных времен по верховьям и притокам Оки жило это восточно-славянское племя, быть может, самое отважное, предприимчивое и мобильное среди сородичей, потому что дальше других проникло в лесной северо-восток, пососедившись с финно-уграми. По обряду захоронения и характерным женским украшениям археологи установили его точную западную границу - она шла как раз по водораздельным высотам между бассейнами Десны и Оки - и южную - лесостепную. На северо-востоке пределы земли вятичей расплывались в безбрежных лесах, среди которых позже возникла столица самого большого на земле государства, так что как бы ни перемешивались москвичи с пришлыми и приезжими последнюю тысячу лет, племенной их корень все же вятичский.

Несмотря на сибирское мое рождение, я тоже могу причислить себя к этому роду-племени, потому что все мои предки с незапамятных времен жили на Рязанщине; вятичи еще в раннее средневековье проникли до муромских лесов и мещерских болот. И только тут, в Козельске, я вдруг вспомнил, что мама однажды прислала мне в студенческое общежитие посылку из Чернигова, в которой была небольшая пуховая подушка с наволочкой, вышитой по ранту красным и черным крестом...

Границы расселения вятичей, за исключением западной, менялись с VIII по XIII век, но географическим центром их земли всегда оставался район Козельска. Неизвестно, существовало ли у племени столичное поселение, только жиздринские козьи кручи для него были идеальным местом - опасные границы во все стороны далеки, а на этих обрывах легче обороняться. Кроме того, степь с ее вечной угрозой надежно была отгорожена двумя широкопойменными водными потоками и непроходимой полосой дремучих лесов, сохранивших свое стратегическое значение, между прочим, до XVII века, - через них шла знаменитая засечная черта, тянувшаяся отсюда аж до Нижнего Новгорода. А с северо-запада к району Козельска примыкало малолесное и сухое водораздельное плато с хорошими, пригодными для земледелия почвами. Однако главное достоинство этого места заключалось в другом: козельские крутяки располагались на переломной порожистой точке важного водного пути древности: **Днепр-Десна-Рессета-Жиздра-Ока-Волга**. О торговом и военном значении этого широтного пути и стратегической важности пункта посреди него история говорит примечательными, хотя и скупыми словами.

Тысячу лет назад, а точнее в 981 году, киевский князь Владимир - еще не Креститель и не Святой, а Красное Солнышко - после войны с поляками, во время которой захватил "***… грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и***

вятичи побѢди, и възложи на ня дань от плуга, якоже и отець его имаше.", предпринял большой поход в противоположную сторону, на землю вятичей. "И Вятичи победи и възложи на нь дань"...

Из краткого продолжения Несторовой записи мы узнаем, что, во-первых, вятичи, жившие на лесной окраине средневековой Руси, были в основном земледельцами, потому что платили дань не звериными шкурами, например, "по черной куне" с дыма или "по беле" со двора, а "от плуга", и, во-вторых, так было еще во времена Святослава. Вот эта интереснейшая концовка: "...и възложи на нь дань от плуга, яко же отець его имаше"[80]. И третье немаловажное сведение скрыто за столь лапидарным сообщением первого нашего историка - вятичи перед тем сумели как-то освободиться от дани Киеву, обрести независимость.

Покорение их Владимиром в 981 году, кстати, было тоже не окончательным - гордые вятичи тут же "заратишася", то есть восстали с оружием в руках, и Владимиру пришлось предпринять еще один поход. Отчаянно сражались вятичи на своих засечных границах, стойко держались в городах, в том числе, конечно, и над жиздринскнми кручами, но силы были слишком неравными. Эта кровопролитная победа потребовалась киевскому владыке не только и, наверное, не столько ради дани - походы во все концы давали немало, так сказать, "с меча", а традиционно земледельческая хлебородная южная Русь "с плуга"- неизмеримо больше тогдашнего Нечерноземья; куда важнее было стратегическое и политическое значение события 982 года. Через год "иде Володимиръ на Болъгары с Добрынею оуемъ[81] своим в лодьяхъ".

Любознательный Читатель. Что это за Добрыня?

- Былинный Добрыня Никитич, дядя Владимира по материнской линии, сын древлянского князя Мала, побежденного Ольгой. Сестра Добрыни Малуша стала матерью Владимира... Так вот, покорение вятичей открыло водный путь с Днепра на Волгу.

Политический смысл этой победы состоял в том, что вятичи, а через два года и радимичи стали последними большими восточнославянскими племенами, с подчинением которых Киеву завершается процесс огромной исторической важности - средневековая Русь окончательно утвердилась как единая и могучая многонациональная европейская держава с централизованной властью, хотя начальные государственные образования в виде княжеств здесь существовали задолго до призвания варягов, которое тешило и тешит норманистов.

- Доныне?!

- Да, что всегда использовалось в политических и пропагандистских целях. Все главные события средневековой Руси ставились и до сего дня иногда ставятся в чрезмерную зависимость от деятельности пришельцев, чтобы доказать неспособность наших предков к самостоятельному историческому развитию, к созданию собственной государственности.

Приостановимся на этой теме...

25. Глава 25

Начальные "обоснования" норманнского[82] происхождения русского государства навязали русской науке в XVIII веке немецкие ученые, прибывшие на работу в нашу Академию наук, основанную в 1724 году Петром 1. Математики, ботаники, физики сделали очень много для становления молодой русской науки, неоспоримы заслуги историка Г. Ф. Миллера, но тот же Г. Ф. Миллер, а

---

[80] Троицкий список новгородской первой летописи, Повесть Временных лет 6489 (981)

[81] Стоит заметить, что именно этот постоянный оборот, используемый в летописи - "ко уемъ", "къ оуемъ", "къ вуемъ", то есть к дядьям (и более широко - родственникам) по матери (единственное числе - "уй"), - в ряде случаев не понятый последующими переписчиками, породил мифическое племя "ковуев" или "коуев", до сих пор кочующее по страницам научных трудов.

[82] Существуют несколько версий происхождения Рюрика, из которых основными являются норманская и западно-славянская

также Г. З. Байер и особенно рьяно А. Л. Шлецер выступили с измышлениями о неполноценности средневековых славян, русских. Шлецер: "Русская история начинается от пришествия Рюрика... Дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев..." А вот что писал исторически недавно один норманист-чудовище: "***Организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство***". Гитлер, "Mein Kampf" ("Моя борьба").

Или, например, такое о наших предках и нас с вами: "***Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же неспособны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков***". Это другой учредитель "нового порядка", Гиммлер...

Два слова в цитате я выделил, потому что в наши дни публикуются на Западе писания наемных историков и политиканов, мечтающих навести свой новейший порядок на европейском Востоке.

Западногерманский историк Ганс фон Римша в своей книге "История России", вышедшей в 1972 году третьим изданием, продолжает выводить ту же мелодию на своей губной гармошке: "Государственной организации восточные славяне не знали... В древней русской летописи, составителем которой, вероятно, был варяг, а редактором, несомненно, варяг, описано "призвание князей"... Русским выпало на долю великое и редкостное счастье... Правящая династия была, вне всякого сомнения, варяжского происхождения... Основатель династии, варяг Рюрик, фигура исторически еще достаточно смутная..." И так далее. А вот что пишет в книге "Восток минус Запад равен нулю" некто Вернер Келлер, бумагомарака, не имеющий ни малейшего отношения к исторической науке: "История о призвании Рюрика, возможно, приукрашена в легендарном духе. Но неоспорим тот факт, что варяжская высшая прослойка приносит восточным славянам порядок..." (Курсив здесь и далее мой. - В. Ч.).

Возвращая читателя в XVIII век, напомню, что против немцев-норманистов сразу же выступил М. В. Ломоносов. В XIX веке норманнскую теорию поддержали Н. М. Карамзин, исходя из монархических тенденций своей "Истории государства Российского", и М. П. Погодин, дошедший до такой крайности, как высказывание о германском происхождении "Русской правды" Ярослава Мудрого, а также А. Куник, датский филолог В. Томсен и некоторые другие. Всем им возражали в принципе и множестве частностей знаменитый русский историк С. М. Соловьев, М. Т. Каченовский, М. А. Максимович, Ю. И. Венелин, С. А. Гедеонов, Г. В. Васильевский, боролся с норманистами Д. И. Иловайский - и это было тогдашним главным полем научных сражений. Отголоски их проникали в политику, философию, официальную идеологию, педагогику, литературу. А. К. Толстой в стихотворной сатире "История государства Российского от Гостомысла до Тимашева" (А. Е. Тимашев-министр внутренних дел, неусыпный запретитель свободомыслия в печати) иронически писал о "призвании" варягов:

И стали все под стягом.

И молвят: "Как нам быть?

Давай пошлем к варягам:

Пускай придут княжить.

Ведь немцы тороваты,

Им ведом мрак и свет,

Земля ж у нас богата,

Порядка в ней лишь нет".

Последующий текст со многими строчками, написанными по-немецки, не оставляет никакого сомнения, что поэт-патриот выступает против норманистов. А издатель-редактор "Московского

наблюдателя" И. Колошин излагал дело уже "на сурьезе":

Князей варяжских, призывая,

Славянский порешил совет

Сказать им: наша Русь большая,

Но на Руси порядка нет.

Любознательный Читатель. Не причисляя себя к норманистам, замечу, что призвали Рюрика все же для наведения порядка на своей земле.

- Разве?

- Это же каждому школьнику известно!.. Наизусть помню: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет".

- Интересно, откуда вы взяли эту фразу?

- Из "Повести временных лет" Нестора. Откроем хотя бы "Изборник" двухсоттомной "Библиотеки всемирной литературы".

- Откроем... Да, здесь тоже переведено именно так, хотя читатель может найти на противоположной странице фразу оригинала, где ни о каком "порядке" речи нет.

- Как?!

- А вот так... Смотрите сами. И заглянем еще в первоисточник, то есть в Ипатьевскую летопись. Второй том "Полного собрания русских летописей", столбец 14: "...земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет[83]" (***В лѣто . ҂s ˘ . m ˘ . o ˘ [6370 (862)] I И [10] изгнаша Варѧгы за море . и не даша имъ дани . и почаша сами в собѣ володѣти . и не бѣ в нихъ правды . и въста родъ на ро^д . и быша оусобицѣ в ни^х . и воєвати сами на сѧ почаша . и ркоша [28] поищемъ сами в собѣ кнѧзѧ . иже бы володѣлъ [29] нами и рѧдилъ . по рѧду по праву . идоша за море к Варѧго^м . к Руси . сіце бо звахуть . ты Вар^ѧгы Русь . æко се друзии зовутсѧ Свеє . друзии же Оурмани [30]. Аньглѧне . инѣи и [31] Готе [32]. тако и си [33] ркоша [34] . Русь . Чюдь [35]. Словенѣ . Кривичи . и всѧ землѧ наша велика . и ѡбилна . а нарѧда въ ^Д неи нѣтъ***). Как видите, ни о каком порядке здесь ничего не говорится. Речь идет о наряде.

- Что же означало слово "наряд"?

- Не только праздничную одежду, но и другое - примерно то же, что и сейчас... Бригадир, скажем, дает рабочим наряд, то есть задание, указание, что делать. У Даля "наряд", в частности, - это "повестка, повещенье, приказанье о посылке людей в работу". И Татищев первым растолковал это летописное слово как "распорядок и справедливость", "руководительство".

Переводить же слово "наряд" как "порядок" мы взялись, кажется, еще до Н. М. Карамзина и никак не можем остановиться...

Должен сообщить читателю и нечто особенное. В 1977 году впервые опубликована Холмогорская летопись. В предисловии к изданию говорится, что на обложке подлинника вытиснено: "Из древлехранилища Погодина". Русский историк прошлого века М. П. Погодин, сделавший так много полезного, был, однако, как и Н. М. Карамзин, последовательным норманистом, почему и не придал должного значения соответствующей фразе из принадлежавшего ему рукописного сокровища, и я выделю в ней слово, нужное нам для выяснения важнейшей исторической истины: "***И си реша чюдь, словене, кривичи варягом: "Вся земля наша добра есть и велика, изобилна всем, а нарядника в ней несть***"". А в 1978 году в 34-м томе "Полного собрания русских летописей" опубликован так называемый Пискаревский летописец. В нем перечисляется

---

[83] Кроме того существуют и разночтения этой фразы в разных летописях. Так в Тверской и Холмогорской летописях эта фраза звучит «Вся земля наша добра есть и велика изобилна всем а нарядникъ в ней несть». Тут уже речь идет о наряднике, то есть руководителе.

многонациональный состав того своеобразного средневекового полугосударства - словене-новгородцы, чудь, кривичи и меря, вначале изгнавшие варягов, а потом призвавшие себе князя, "***иже бы владел нами, рядил ны и судил вправду***". В Ипатьевской летописи эта мысль выражена так: ***"...и рядил по ряду, по праву***".

Есть очень примечательные строки и в Мазуринском летописце, напечатанном за десять лет до Пискаревского: "...***вспомянуша наказание Гостомысла всей Русской земли и послы своя послаша в Варяжскую землю***". И наконец, согласно Пискаревскому летописцу, послы эти сказали следующее: "***Вся наша земля добра есть и велика и изобильна всем, а рядчика в ней нет***". И наконец, давно известная Тверская летопись: ***"...вся земля наша добра есть и велика и изобилна всемъ, а нарядникъ в ней нетъ***".

Великоновгородское полугосударственное образование середины IX века было огромным: оно включало земли словен-новгородцев, чуди - этим словом назывались тогда эсты, живущие в Прибалтике, а также угро-финские племена Прионежья и Северной Двины, веси - угро-финских племен, заселявших крайний север средневековой Руси до побережья Белого моря, кривичей-славян, занимавших весьма протяженное широтное пространство от Немана до Волги, а также мери - смешанных племен угро-финской языковой группы, обитавших на лесных просторах нынешних Владимирской, Ивановской, Ярославской и Костромской областей...

Когда престарелый новгородский князь **Гостомысл**, оставивший какое-то "наказание", то есть завещание, умирает, все перечисленные выше народы, ранее как-то объединенные настолько, что "изгнаша Варягы за море", теперь "почаша сами в себе володети" и "вета род на род и быша усобице в них"...

- Приглашают варягов же?

- До сих пор никто в точности не знает, кто такие были **варяги**. Татищев их считал финнами, хотя этот народ назывался в те времена "емь". Другие полагали их шведами или норвежцами, и это самая живучая версия. В "Краткой истории СССР", вышедшей в 1978 году, варяги названы норманнами, в одной итальянской публикации 1979 года утверждается, что "норманны, они же викинги, они же варяги..." Недавно появилась у нас большая работа о том, что варяги - это большей частью кельты - остатки древнеевропейцев, вытесненные германскими племенами. Судя по многочисленности взаимоисключающих точек зрения, все они недостаточно верны.

Вспоминаю, как много лет назад, вчитываясь в "Слово о полку Игореве", составил я полный список упоминаемых в поэме племен и народов. Поразительно, в "Слове" нет ни полян, ни словен, ни вятичей; образовался уже на Русской земле народ, названный автором-северянином прекрасным гапаксом[84]; "русичи" - это был неологизм, образованный от корня "рус" по образу и подобию такого славянского патронима, как "вят-и-чи". А вот по алфавиту еще пятнадцать племен и народов: венедици (последние венеды или венецианцы?), готы (тетракситы), греки, деремела, касоги, латины, литва, ляхи (поляки), морава (чехи), немцы, овары, половцы (поганые), угры (венгры), хинова, ятвязи (литовцы)... И никакого упоминания о варягах, хотя они, как полагают норманисты, играли решающую роль в судьбах средневековой Руси!

Кто такие были викинги и норманны, чем занимались? В их цели никоим образом не входило создание где-либо государственности или "порядка"! Они плавали по морям, отыскивая на островах и побережьях богатые мирные поселения.

"Викинги убивали местных жителей, даже если они не оказывали им сопротивления, которое обычно было малоуспешным, так как нападавшие отличались необычайной воинственностью и отвагой...

---

[84] **Гапа́кс** (греч. *hapax legomenon*, «только раз названное») — слово, встретившееся в некотором корпусе текстов только один раз. Так, можно сказать, что *боливар* ‘шляпа определённого фасона’ — гапакс языка Пушкина (оно встречается только в знаменитом месте из «Евгения Онегина»).

Среди викингов особенно выделялись берсерки[85], могучие и свирепые воины, приходившие во время битвы в такое исступление, что они выли, кусали, свои щиты и сбрасывали с себя одежду; они считались неуязвимыми, пребывание их в дружине конунга служило признаком его силы и славы...

Захваченный скот они гнали к берегу моря, где закалывали его, все награбленные ценности вывозились, строения разрушались и поджигались. Пленников продавали в рабство" (История Норвегии.М" 1980, с. 101).

А недавно во взглядах на норманнскую "проблему" явилось мне новое и благотворное просветление. Пришло оно, правду сказать, сложным и дальним путем, через судьбу и труды одного замечательного человека, чьи очень важные для нашей темы строки были написаны и спасены для нас при чрезвычайных, трагических обстоятельствах, и я обязан рассказать о них, прежде чем отправиться по основному маршруту в даль сего, как говорится, свободного романа.

- IV век до н. э. Греческий мореход Пифей, плававший далеко за Геркулесовы столпы, поведал, будто он открыл в океане большой остров Туле (Фуле), холодный, негостеприимный и неплодородный, где полгода стоит день и полгода - ночь, и в своей книге "Об океане" искусно переплел реальности с небылицами.
- III век до н. э. Греческий звездочет, математик и географ Эратосфен, заведовавший знаменитой Александрийской библиотекой, своим авторитетом подтверждает существование Туле.
- II век до н. э. Никейский астроном Гиппарх, составивший первый звездный каталог и вычисливший продолжительность солнечного года, тоже заявляет о своей поддержке открытия Пифея.
- I век нашей эры. Великий греческий географ и сухопутный путешественник Страбон, написавший в своей семнадцатитомной "Географии" даже об Индии и серах (китайцах), называет Пифея лжецом, считая, что предел человеческого обитания на севере - параллель Иерны (Иивернип, Гибернии), то есть Ирландии.
- III-IV-V века н. э. Великое переселение народов. Вытеснение из многих районов Европы ее древних обитателей кельтов, часть племен которых - галлы - заселяют Ирландию, где сливаются с остатками первых иберийских насельников.
- VIII век. На крайнем севере Европы усиливаются потомки прагерманских пришельцев - норманны - с их грабительскими бросками во все стороны, от которых потом почти четыре века не было покоя ни ближним, ни дальним соседям. Их набеги на Ирландию начались с 795 года. Около этого времени часть ирландцев уплывает от берегов, давно ставшие родными, и открывает для себя большой остров среди океана.

Новоселы и их далекие предки даже не предполагали, что может быть на свете такая земля! К ней иногда величаво подплывали гигантские льдины, однако сама она никогда не обмерзала. Высокие горы были покрыты вечными льдами, но во многих из них жил огонь, выбрасывающий на мхи, кустарники, озера и пенные реки пепел и грязь. Землю иногда трясло, но вокруг нее плавали несметные косяки рыбы, которой можно было жить. И обнаружилось на острове еще чудо чудесное - из-под земли вечно била горячая вода! Появились на этой земле и норманны, но, так как грабить здесь было некого, кроме, друг друга, они теряли свой боевой пыл, мирно селились, становились рыбаками, овцеводами, учеными, монахами, бардами, исполняющими длинные песни - саги, начиная с древнейших преданий о Саге, супруге великого бога Одина, с которым она ежедневно пьет из золотого сосуда и ее волшебный лик отражается от солнца в воде, и кончая

---

[85] **Бе́рсерк** (**бе́рсеркер**) — викинг, посвятивший себя богу Одину, перед битвой приводивший себя в ярость. В сражении отличался большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли, безумием. Не признавали щит и кольчугу, сражаясь в одних рубахах, или обнаженными по пояс.

восхвалением воинских подвигов и успешных грабежей усопших и живущих соплеменников, которые ходили и ходят даже в таинственную необъятную землю на далеком востоке, называемую Гардарики, Страну Городов...

А в Страну Льдов, то есть Исландию, потянулись бедные мирные норвежцы, потому что в ней все были свободны и важные дела земли решало общее собрание жителей - альтинг, собрат средневекового русского веча; это были первые в социальной истории средневековья народные парламенты.

1190 год. На севере Исландии метет теплая вьюга, опутывает белой пряжей одинокий Тингейрарский монастырь, в темной громаде коего едва светится маленькое окошко, за которым некий монах Одд сын Снорри, перебирая-вспоминая древние предания и записи, пишет при свете плошки на латинском: "(972-983 гг.) В то время правил в Гардарики (на Руси) Вальдамар конунг (Владимир I) с великой славой... Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва (Ярослава Мудрого) конунга".

Зародились исландские саги - интереснейшее явление мировой литературы и истории! Новые и новые бесценные манускрипты являлись в Исландии, переводились, исчезали, вновь зарождались, переплетали недостоверное и явь, чаще, впрочем, было последнее - правда истинная.

"Хакон (сын Сигурда Хладаярла) потерял отца в юности, и когда он узнал о смерти отца своего, он достал себе корабль и людей и хорошо вооружил свою дружину и поплыл на восток в Вик, а оттуда в Восточное море. Принялся он грабить и стал разбойником-викингом. Он грабил в Швеции и у гаутов, виндов и куров[86] и на востоке до самой Сюслы (о. Сааремаа)..."

"Так говорит... Глум, сын Гейри, в своей песне, что Эйрик грабил... в Халланде и в Сконе и во многих местах в Данин, и всюду ходил он в Курланде и в Эстланде, и во многих других странах, грабил он на Востоке, также во многих местах в Швеции и в Гаутланде. Он ходил на север в Финнмарк и до самого Бьярмаланда войной... И после того как Эйрик пришел в Англию, он грабил повсюду в западных странах. Поэтому его прозвали Эйрик Кровавая Секира".

Вчитываюсь в новые и новые исландские саги, как когда-то вчитывался в монгольское "Сокровенное сказание"; в них много общего: война, грабеж, сражения, грабеж, битвы, грабеж, захват драгоценностей. Эйрик "грабил во многих местах на Востоке...", Олав "поплыл назад в Финнланд и грабил там...", Сигизмунд с товарищами "грабил на островах и мысах". Харальд "убил много народу, грабил повсюду в. стране той и добыл огромное богатство"... Гамли и Гудорм "отправились в поход сначала на восток, а потом в Норвегию и делали столько зла, сколько могли"...

Простой стиль, голая фактура, обнаженность мысли тут и там - все это соответствует младенческой поре в культуре этих народов. Еще одно место: "Олаву было тогда 9 лет. И замахнулся Олав топором, и ударил по шее, и отрубил голову, и говорили, что это - славный удар для такого юного человека".

Поразительное, ужасное совпадение! Олав Трюггвасон (норвежский король 995-1000 гг.), как и Темучин, когда ему было тоже девять лет, становится убийцей! Лишь иногда в сагах сквозь описания убийств и войн прорывается иное, истинно человеческое. Вот интересное мировоззренческое суждение Олава конунга, еще язычника, которое он высказывает князю Гардарики Владимиру Крестителю: "Я никогда не боюсь богов, у которых нет ни слуха, ни зрения, ни разума; я понимаю, что они не смыслят, - и вижу, господин, каковы они по природе; из того, что

---

[86] Куры (Kuren) — народ, который дал свое имя Курляндии, косе Kurische Nehrung и заливу Куриш-Гаф (см.). К. жили в древнейшие времена в нынешней Курляндской губ. и восточной части Пруссии и образовались из смеси древних К. финского племени с гораздо большей частью литовского. Название К. встречается в самых древних норманских сагах. У Нестора они упоминаются под названием корсь.

вижу тебя каждый раз с ласковым обычаем, кроме того времени, когда ты там и приносишь им жертвы, и всегда мне кажется, что не на счастье ты там. И поэтому я понимаю, что те боги, которых ты чтишь, правят мраком".

А вот сдержанно-интимное чувство человека, видно, оставившего свое сердце на далекой Руси: "Корабль прошел мимо обширной Сицилии; быстро шел корабль, на котором были храбрые мужи; мы были горды, как и можно было ожидать; меньше всего жду я, чтобы трус достиг того же; но все-таки девушка в Гардах словно и не хочет меня знать..."

Или другое, более важное для нашей темы - об отношениях русских и наемных скандинавов, о торге Ярослава с Эймундом насчет условий, на коих соглашался служить русскому князю отряд норманнов. Одна эта глава почти документального стиля говорит о многом...

"**Спрашивает конунг**, куда они думают держать путь, и они говорят так: "Мы узнали, господин, что у вас могут уменьшиться владения из-за ваших братьев, а мы позорно изгнаны из (нашей) страны и пришли сюда на восток в Гардарики к вам, трем братьям. Собираемся мы служить тому из вас, кто окажет нам больше почета и уважения, потому что мы хотим добыть себе богатства и славы и получить честь от вас. Пришло нам на мысль, что вы, может быть, захотите иметь у себя храбрых

мужей, если чести вашей угрожают ваши родичи, те самые, что стали теперь вашими врагами. Мы теперь предлагаем стать защитниками этого княжества и пойти к вам на службу и получать от вас золото и серебро и хорошую одежду. Если вам это не нравится и вы не решите это дело скоро, то мы пойдем на то же с другими конунгами, если вы отошлете нас от себя". Ярицлейв конунг отвечает: "Нам очень нужна от вас помощь и совет, потому что вы, норманны,- мудрые мужи и храбрые. Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу". Эймунд отвечает: "Прежде всего ты должен дать нам дом и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах, какие нам нужны". - "На это условие я согласен", - говорит конунг. Эймунд сказал: "Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождем ее и чтобы она была впереди в твоем войске и княжестве. С этим ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра (одна восьмая часть марки. - В. Ч.), а каждому рулевому на корабле - еще, кроме того, пол-эйрира". Конунг отвечает: "Этого мы не можем". Эймунд сказал: "Можете, господин, потому что мы будем брать это бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины, и если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша

доля станет меньше". И тогда соглашается конунг на это, и такой договор должен стоять 12 месяцев".

Возможность познакомиться с исландскими сагами, бесценным историческим памятником, причем с теми из них, в которых речь идет именно о средневековой Руси, мы получили благодаря великим трудам одного замечательного русского человека, для краткого рассказа о коем нам надо бы вернуться еще к одной исторической дате.

1941 год. Ленинград. Зима, блокада. Бомбежки, обстрелы, голод, холод. Несчетные тысячи смертей. Мрут ученые, рабочие, учителя, инженеры, домохозяйки, дворники, артисты. Умирают дети. Как вспомню записи Танечки Савичевой, комок подкатывает к горлу, и я ничего не могу с этим поделать... О ленинградской блокаде написаны тысячи страниц, но тем, кто пережил ее, все кажется, что рассказано неполно и мало...

По одной из ленинградских квартир, затемненной, с намерзшим льдом на батареях, вдоль полок и шкафов бродит тень человека. На полках и в шкафах книги на исландском, норвежском, шведском, датском, ирландском, финском, латинском, греческом, немецком, английском, французском и других языках, словари, рукописи.

Елена Александровна **Рыдзевская** (1890-1941) признана ныне классиком советской исторической науки. В предисловии к ее книге пишется:

"Рыдзевская была ученым-энтузиастом, была настоящим подвижником науки. Она не имела семьи, вела аскетический образ жизни; она мужественно преодолевала житейские трудности и невзгоды, стремилась свести до минимума хозяйственные заботы, чтобы как можно больше времени отдавать любимому делу – науке.

Таким ученым-подвижником она осталась в памяти своих коллег и друзей.

Рыдзевская была убежденным патриотом своей страны. Осенью 1941 г. в суровых условиях осажденного города она старалась помочь фронту, последние недели своей жизни проводила за изготовлением теплых вещей для советских воинов-защитников Ленинграда. В самые трудные дни блокады она не теряла веры в грядущую победу... Ее коллеги, сотрудники Института истории материальной культуры, больные и ослабевшие от голода, перевезла в институтский архив оставшиеся после ее смерти рукописи, отлично понимая их ценность".

Е. А. Рыдзевская первой в нашей науке перевела полные тексты исландских саг, касающиеся Руси. Многие ее работы остались незавершенными. Только папки с подготовительными материалами составляют более 80 единиц хранения фонда. Лишь в 1978 году вышла ее книга, и я для завершения этого нашего разговора приведу отдельные высказывания, фразы и строчки лучшего знатока темы, чтобы читатель смог самостоятельно разобраться во взглядах автора и сути вопроса.

"Походы викингов на Западную и Восточную Европу с конца VIII в. были результатом не каких-нибудь внешних обстоятельств или особых свойств характера северных германцев, т. е. скандинавов, а внутреннего процесса разложения родо-племенного строя, выдвижения знати и вождей, перехода от территориальной общины и военной демократии к феодализму".

"Никаких "государственных начал" и сложившегося государственного строя скандинавские пришельцы с собой на Русь не приносили и не могли принести по той простой причине, что и у них самих все это находилось лишь в периоде становления".

"...Скандинавы рано и быстро слились с местным населением и как этнический элемент растворились в нем".

"Варяги-это прежде всего скандинавские разбойничьи дружины, приходившие на Русь за данью; далее это наемные воины из той же среды в составе русской княжеской дружины".

"В языке самих скандинавов термин (означающий варягов. - В. Ч.) имеет весьма ограниченное распространение и применяется только к воину-наемнику, главным образом в Византии, реже на Руси".

"Термин "Русь" - во всяком случае не скандинавский. Эпоха викингов его не знает; в рунических надписях наша страна называется Гардар, в древнесеверной литературе - то же или Гардарики..."

"Варяги, несомненно, были весьма видной и активной составной частью княжеской дружины, но наряду с ними в нее входили и представители местной, славянской, знати и верхов городского населения". (В одной из статей автор ссылается на обычай, описанный в сагах, когда на смотр перед походом собираются все варяги, чтобы показать свое оружие, здесь "франки и фламандцы, а также воины из Киевской Руси, присоединившиеся к ним на византийской службе, в том числе и не разгаданные до сих пор колбяги[87]".)

"...Саги, будучи более или менее знакомы с генеалогией русских князей (правда, не раньше Владимира) и неоднократно указывая на наличие у них многочисленных дружинников-скандинавов и на другие связи с севером, нигде не обмолвились ни одним словом о варяжском происхождении самих князей".

"Исследования В. В. Гинзбурга (Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов

---

[87] **Колбяги** (др.-русск. *кълбягъ*, др.-исл. *kylfingar*, визант. Κουλπίγγων) — народ или социальная группа, проживавшие в X—XII веках на территории Северо-Западной Руси и Карелии на границах Новгородских владений. Их этническая принадлежность и область расселения точно не установлены.

Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. КСИИМК, 1940, No 7, с. 62, 66) показали, что по расовому типу Ярослав (прямой потомок Рюрика. - В. Ч.) - не пришелец с Севера, а человек местного происхождения; в его черепе нордические элементы не могут быть совершенно исключены, но в общем он ближе всего подходит к славянскому типу".

Первый советский ученый-скандинавист Е. А. Рыдзевская с честью выполнила свой долг перед наукой. Мир праху Вашему, Елена Александровна! Вечная Вам память...

Название "норманны", между прочим, означает "северные люди", "викинги" - "люди заливов". И "варяги" тоже не народ, не племя, не этническая группа; "варяжество" - род занятий, способ существования, профессия. Это были, повторимся, балтийские пираты, не знавшие других средств прокорма, кроме грабежа и продажи своего воинского умения. Разноплеменные отряды наемников и разбойников состояли главным образом из норвежцев, а также, наверное, из шведов, финнов и датчан, кельтов и карел, славян и литовцев, пруссов и эстов. А позже в княжеском, королевском или императорском окружении они - наемные военачальники, дружинники, переводчики, средневековые платные адъютанты, осведомители, телохранители и курьеры, разных чинов родственники по династическим и иным смешанным бракам - составляли что-то вроде социального слоя, очень долго существовавшего даже в столице самой Византии.

И есть одно важное и неоспоримое историческое обстоятельство, касающееся этого вопроса. В составе миссии великого киевского князя Игоря Старого, прибывшей в 945 году в Византию, - согласно Ипатьевской летописи к В. Н. Татищеву - был некто Ятвяг (то есть литовец) Гунарев, а среди имен, кличек и, так сказать, типично скандинавских фамилий мы видим Володиславля Улеба, Сынка Борича, Игорева слугу Нетия, купца Утина, Кола Кенова, Студкова, Переславина, Курдина, Шабрина и многих других, чьи имена отнюдь не скандинавские! Кто они, эти "варяги", из коих, как считается, состояла миссия?

Существует стародавняя версия, идущая от начальных летописей, отождествляющая первых пришельцев-варягов с "Русью". Нестор прямо называет Рюрика и его спутников "Русью": "Сице бо звахуть ты Варязы Русь, яко се друзий зовутся Свее (шведы), друзии же Оурмани (норманны, норвежцы), Аньгляне (англичане), инии и Готе (готы, предки прагерманцев, немцев)" ("сіце бо звахуть . ты Варѧгы Русь . æко се друзии зовутсѧ Свеє . друзии же Оурмани [30]. Аньглѧне . инѣи и [31] Готе [32]. тако и си [33] ркоша [34] . Русь . Чюдь [35]. Словенѣ . Кривичи").

И если Ипатьевская и другие наши летописи отличают варягов - русь от шведов, норманнов, англичан и немцев, значит, этнически они и в самом деле не были шведами, норманнами, англичанами или немцами! Кем же они могли быть? Безусловно, славянами!

26. Глава 26

Славянские племена издревле жили по южному Балтийскому побережью и на островах. В древних средиземноморских источниках есть смутные свидетельства, что янтарь отыскивается в некоей стране Венетов (венедов); Балтийское море тогда называлось Венедским, позже Варяжским... А русский исследователь Александр Федорович Гильфердинг писал: "Западные и северные соседи Балтийских славян, народы Германские, обозначали их теми же именами, какими и всех вообще Славян, т. е. Вендами или Виндами". Один саксонский монах в X веке свидетельствовал: "Эти славяне народ крепкий и сносливый на труд..."

История зафиксировала их племенную пестроту в эпоху европейского средневековья. Вагры, полабцы, глиняне и смольняне составляли племенной союз бодричей, ободритов или, как они сами себя называли, рарогов. Кичане, черезпеняне, доленчане, ратаре, моричане, укряне и речане образовывали союз велетов, или лютичей. Были также племена брежан, поморян, и особое славянское племя ранов, или руян, жило на острове Руген (Рюген, Ругин, Руян, он же Буян русских сказок).

В эпоху раннего средневековья у балтийских славян была своеобразная государственность - объединения племен, князья, чьи имена сохранила история, города Ратибор, Полабцев, Зверин,

Добино, Малахове, приморские крепости Бодрицкая, Радигощ, Щетин, Волын, Камеи, Колобрег... Из Гильфердинга: "В начале IX в., а вероятно гораздо раньше, у Висмарского залива процветала торговля в Рароге (у датчан он назывался Рерик), главном городе Бодричей, которые сами назывались рарогами". Балтийские славяне успешно воевали с датчанами, их поселения были в Нидерландах, Англии, есть предположения, что они доплывали до Исландии...

Имели свою религию, храмы, жрецов. Византийский историк Прокопий писал в VI веке о славянских верованиях: "Они признают одного Бога, создателя молыий, единым господом всего и приносят ему в жертву быков и всякие дары...

Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам..." В сложном ареопаге богов балтийских славян значились Сварог, Дажьбог-сын Сварогов, Стрибог, Жива, Радигост, Яровит, Тряс, Руевит, Морена, Рановит, Прано-Перун, Чернобог, Белбог, однако верховным божеством всех племен считался Световит (Святовит - "Святой Свет" или "Святой Светлый"). Великолепный храм его находился на острове Руане (Рюгене) в городе Арконе. Он представлял из себя изваяние больше человеческого роста с четырьмя головами. На побережье, в Щетине и Волыне, стояли Триглавы - идолы о трех головах; был и пятиглавый бог.

Божества балтийских славян олицетворяли поначалу мирные верования, которые изменились под влиянием исторических обстоятельств. Световит стал главным богом войны, мифологическим символом сопротивления - с кубком и охотничьим луком в руках и более поздним седлом, уздою и боевым мечом подле...

В начале IX века Готфрид датский овладел Рарогом, повесил князя бодричей Годослава. Другой их князь Дражко вынужден был уйти в изгнание, а через два года его убили подосланные датчанами люди. С той поры датчане и немцы взялись методично теснить славян, уничтожать их огнем и мечом, разрушать города и храмы, разлагая аристократическую верхушку племенных союзов, натравливая одно племя на другое и ассимилируя остатки коренных насельников края. В середине XII века, незадолго до немецкой агрессии на земли пруссов и прибалтийских народов, западнославянские аборигены еще кое-где автономно существовали, сохранялась устойчивая славянская топонимика. Вот выписка из грамоты 1159 года о доходах князя Поморского Ратибора и его супруги Прибыславы: "В области Ванцлавской деревня Гробно, крепость Узноима, крепость Щетина; на Одре деревня Челехова, крепость Выдухов, реки Текменица и Кременица, деревня Дожбьягора; область Сливинская: крепость Камена, деревня Пустихова; Колобрежекая область: деревни Поблота и Свелюба, город Радов, река Персанта, крепость Белград".

В 1168 году датский король Вольдемар I, получивший имя в честь своего прадеда Владимира Мономаха и свершивший около двадцати походов на славян-вентов, то есть балтийских, ворвался о ругинскую крепость Аркону, разрушил храм Святовита, уничтожил его статую.

Позже на остров пришли шведы, за ними немцы. Балтийское славянское Поморье постепенно становилось немецким, вера славян - католической, исконные названия - иноязычными, хотя и донесшими до нового времени славянские корни и даже следы древних верований, обожествлявших природу. На острове Рюген, например, у мыса Герген (Горный) стоит огромный гранитный утес Buskahm (Божий Камень), есть урочище Swantegara (Святая Гора), в устье реки Дивеновы деревня Swantiist (Святое Устье); и сегодня на Рюгене в названиях местечек звучат славянские понятия - Позериц (Поозериц), Густов, Медов...

Вспомним Пушкина:

И лежит нам путь далек:

Мимо острова Буяна...

Он не маленький, этот Рюген, Руян, Буян - почти тысяча квадратных километров. Связан с континентом автодорожной магистралью, меловые скалы глядят в море, встречают пароходы, как некогда они встречали-провожали купеческие и пиратские ладьи. Все побережье острова изрезано глубокими и укромными заливами и бухточками, в которых так удобно было прятаться норманнам, викингам, варягам. На просторах Рюгена - буковые леса, ржаные поля, светлые

дюны, зеленые луга, пресные озера, минеральные источники. Здесь зимуют тысячи лебедей, живут орлы и соколы, в глубинах тихих заливов водятся гигантские черепахи и жирные нерпы. Остров сохранил сотни видов животных, птиц, насекомых и растений, исчезнувших на континенте...

Живут на сегодняшнем Рюгене немецкие рыбаки, животноводы, овощеводы, в жилах которых тонкой струей течет славянская кровь. На прибрежных землях в Померании (Поморье) стоят Ольденбург и Бранденбург - бывшие славянские города Старгород и Бранибор (Сгорелец)...

А теперь обратимся к В. Н. Татищеву и так называемой **Иоакимовской** летописи. Василий Никитич Татищев, великий собиратель русских летописных манускриптов, полагал святым долгом написать свой гигантский сводный труд так, чтобы в нем ничего не было "мешано" с нелетописным материалом, перелагая из всех, в том числе и утраченных позже списков, "полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они писали, не переменяя, не убавляя из них ничего". И вот, получив от своего свойственника Мелхисидека Борсчова летопись первого новгородского епископа Иоакима, скопированную в одном из сибирских монастырей, историк "зачал писать то, чего у Нестора нет" или "иначе положено, как следует".

Иоаким - лицо историческое. Он был утвержден на епископство в Новгороде в 993 году. Главное в Иоакимовской летописи - новгородская предыстория и призвание Рюрика. Что в ней правда и что легенды - наука не разобралась, но некоторые факты, пусть и в полулегендарном антураже, полнятся характерными и убедительными подробностями, не противоречащими логике истории...

С. М. Соловьев об Иоакимовской летописи: "Нет сомнения, что составитель ее пользовался начальною Новгородскою летописью".

Современная наука, используя Нестерову летопись, разноязычные раннесредневековые источники и богатый археологический материал, уже не сомневается, что в конце V - начале VI века на среднем Поднепровье образовалось Киевское государство - княжество полян. Князь Кий поставил также Киевец, городок на Дунае, плавал в Константинополь. А на севере примерно в это же время создалось другое княжество, где, согласно Иоакимовской летописи, первокнязем был некто Славен, потом княжили три его сына - Избор, Владимир и Столпосвет, а потомок Владимира Древнего в девятом поколении Буривой был отцом новгородского князя **Гостомысла**, на котором прервалась эта династия. "***Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем любим, расправы ради правосудна. Сего ради вся окольни чтяху его и дары и дани даюсче, купуя мир от него. Многи же князи от далеких стран прихожаху морем и землею послушать мудрости, и видите суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду***".

Было у Гостомысла четыре сына,которые все погибли в войнах, а три "дочери выданы быша суседним князем в жены". И вот Гостомысл на склоне лет остается без наследника и однажды якобы видит сон, будто "из чрева средние дочери его Умилы" вырастает чудесное дерево - "от плод же его насысчасуся людие всея земли". Видел Гостомысл такой сон на самом деле или просто по разумению своему выбрал достойного наследника?

"Вещуны же реша: "***От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его". И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дсчере, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двемя браты и роды ею***.".

Вскоре Гостомысл, " ***видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя*** ". Интереснейшее место! В отличие от остальных летописей, Иоакимовская называет среди местных племен еще дреговичей и главное - на втором месте - какую-то таинственную "русь"! Не была ли эта "русь" местным племенем, как считал Д. Иловайский, или влиятельной эмигрантской группой балтийских славян, переселившихся с

запада в Новгородскую землю под военным давлением немцев и датчан? А может, в летописи следует читать "славян-руси"? И еще одно - варяги здесь не названы по национальной принадлежности, но из всего, что мы знаем по этому вопросу, можно предположить, что Умила была замужем за одним из западнославянских князей, - быть может, на острове Ругин, или в земле бодричей-рарогов, или, наконец, за князем "рутов", или "ругов", чье постоянное присутствие в раннесредневековой Европе много раз зафиксировано источниками.

Кстати, княгиня Ольга, явившаяся в Константинополь через десять лет после посольства Игоря, была представлена во дворе императора как "княгиня ругов". Вероятно, это обобщающее имя славян и образовало позднелатинское наименование средневековой Руси - Ruthenia.

Пойдем далее? В Ипатьевской летописи говорится, что посланцы Новгорода "идоша за море к Варягом, к Руси", в Холмогорской сообщается, что Рюрик "убрашася от немец", а В. Н. Татищев итожит: "***Прежде пришествия Рурикова колено словенских князей бывшее Гостомыслом пресеклось. Нестор преподобный сказует, что по смерти Гостомысла, словенского князя, по повелению или завещанию его призвали из варяг руссов князя себе Рюрика з братиею. Всем от истории ясно видимо, что оные варяги жили над морем Балтийским, отчего и море оное у русских Варяжское имяновано***..."

И еще один не вполне ясный вопрос стоит перед нами: куда именно явился Рюрик? Лаврентьевская летопись называет Новгород без каких-либо промежуточных пунктов, а в Ипатьевской, Радзивилловской, Московском Академическом списке, в летописцах Хлебниковском и ПереяславльСуздальском значится Ладога. И, зная, что наши предки, как и другие североевропейские народы, нанимали платные варяжские дружины для защиты от других - разбойничьих! - варяжских отрядов, можно предположить, что внук Гостомысла Рюрик действительно "утвердиша город старый Ладогу", то есть крепость, основанную словенами еще в VI веке, и поначалу защищал с севера водный прямоток по Волхову, ведущий к Новгороду.

Любознательный Читатель. Между прочим, во многих публикациях пишется, что и сам Рюрик - не более как миф, легенда.

- Хотел бы я увидеть сверхгения, доказавшего, что в результате супружества Мифа и Легенды родился человек во плоти, подлинная историческая личность - Игорь Рюрикович!

Игорь Старый княжил на Руси дольше всех князей и царей - с 879 года, когда по смерти Рюрика за малолетнего Игоря начал править его опекун и - согласно утраченной Раскольничьей летописи - дядя по матери Олег, по 945-й, когда древляне, пишет византийский историк Лев Диакон, привязали Игоря, приехавшего на полюдье[88], к двум наклоненным деревьям и разорвали...

- Даже в имени Рюрика слышится что-то скандинавское, вроде видоизмененного Рериха и Эрика...

- А ничего славянского не слышится?

Рассматриваю свою огромную любительскую генеалогическую схему, которую по разным источникам составляю много лет. Правящие династии издревле пересекались, связывались друг с другом династическими браками, и это было почти законом истории европейского средневековья. Ефанда, жена Рюрика, из рода норвежских королей. Иоакимовская летопись: "Имел Рюрик несколько жен, но паче всех любяще Ефанду, дочерь князя урманского, и егда та роди Игоря, даде ей обесчаный при море град с Ижорою в вено" (то есть, в дар, подносимый при женитьбе). А Ярослав Мудрый породнился чуть ли не со всеми европейскими августейшими

---

[88] Полюдье, ежегодный объезд подвластного населения ("людей") древнерусскими князьями, боярами-воеводами и их дружинниками в 10—13 вв. с целью кормления и сбора податей. Полюдье зафиксировано в арабских (Ибн Руста, Гардизи; 10—11 вв.), византийских (Константин Багрянородный; 10 в.) и в древнерусских (в летописях и грамотах 12 в.) источниках. По словам Константина Багрянородного, объезд людей производился в ноябре — апреле. По-видимому, князья во время Полюдья останавливались в погостах — административно-хозяйственных центрах земель, где они кормились, а также производили суд над подданными.

домами, поставив своего рода мировой рекорд по количеству семейных династических связей. Сам он женился на шведской принцессе Ингигерде, его сестра Доброгнева (Мария) была замужем за Казимиром Польским, дочь Елизавета - за норвежским королем Харальдом Суровым Правителем, другая - Анастасия - за Андреем Венгерским; сын Всеволод "поял", как писали в летописях, дочь византийского императора Константина Мономаха, другой сын Ярослава Святослав женился на Оде, дочери графа Штадского, Изяслав - на Гертруде, дочери маркграфа Саксонского. Вспомним также Анну, жену Владимира Святого, сестру византийских императоров Василия и Константина, английскую Гиду, супругу Владимира Мономаха, и его сестру Евпраксию, выданную замуж за императора Римской империи Генриха IV.

- Вы забыли еще Анну Ярославну, отданную в 1044 году замуж за Генриха I Французского.

- Как же... Это она, любимая дочь Ярослава Мудрого, приехав из великолепного златоглавого Киева в Париж, удивилась, в какую деревню попала, это ей посвятил прекрасные, пленительно-грустные свои стихи ныне покойный Николай Семенович Тихонов:

Над Днепром и над Софией славной
Тонкий звук проносится легко.
Как же, Анна, Анна Ярославна,
Ты живешь от дома далеко!
До тебя не так легко добраться,
Не вернуть тебя уже домой,
И тебе уж не княжною зваться -
Королевой Франции самой.

Небо низко, сумрачно и бледно,
В прорези окна еще бледней,
Виден город - маленький и бедный, -
И река - она еще бедней.

На рассвете дивами вставали
Облака и отступала мгла,
Будто там на облаках пылали
Золотой Софии купола.

Неуютно, холодно и голо,
Серых крыш унылая гряда,
Что тебя с красой твоей веселой,
Ярославна, привело сюда?

Из блестящих киевских покоев,
От друзей, с какими говоришь
Обо всем высоком лшрострое,

В эту глушь, в неведомый Париж?

Может, эти улицы кривые

Лишь затем сожгли твою мечту,

Чтоб узнала Франция впервые

Всей души славянской красоту

- Но все это XI-XII века - средостение русского средневековья, - продолжаю я разговор с любознательным читателем. - Династические браки, между прочим, уходят в глубь еще более давних времен, и вам в имени Рюрика, повторяю, не слышится ничего славянского?

- Что-то вроде есть, но что?..

Снова разглядываю свою разветвленную генеалогическую схему. Она не имеет научного значения - связи не полны, датировка во многих случаях условна. Харальд Суровый Правитель, Гудрод Великолепный, Эйрик Кровавая Секира - скандинавы. А вот княжеская династия бодричей, западных славян, поклонявшихся ругенскому Световйту и "героически сражавшаяся с датчанами и самим Карлом Великим... Годослав, Дражко, его преемник Славомир, Мотива, Ратибор, Крутой, Нилота, Прибыслав и Вартислав... А по линии славянских князей - через отца Рюрика, бодрического князя Годлава, то есть Годослава, - предок Рюрика в пятом или шестом поколении носил имя Рарог Сокол.

Что значит "рарог"? Есть такая птица "рара", живет очень далеко, в Чили, срезает клювом молодые побеги плодовых деревьев, но она тут ни при чем. Других подобий в нашем языке нет. Множество словарей славянских языков в библиотеке дочери.

Захожу в ее комнату, беру "Большой польско-русский словарь".

Есть! "Rarog. Балобан". Первое слово произносится по-польски "раруг", второе русское: "балобан". Балобан или балабан - вид крупного сокола, легко поддающегося дрессировке для охотничьих целей. "Рюрик" же по-польски звучит как "Рурык"; и есть летописный вариант имени Рюрика - "Рурик", есть чешское имя Ререк, польское Ририк, а если еще вспомнить, что западнославянский союз племен бодричей или ободритов называл себя "рарогами" или "рериками", то скорее всего "рюрик" есть видоизмененное веками и разноязычием западнославянское слово "рарог", означающее сокола... Убежден, что слово "сокол" не случайно в "Слове о полку Игореве" встречается в разных смысловых, грамматических и метафорических вариантах шестнадцать раз, в том числе пять раз непосредственно применительно к Игорю, потомку Рарога и Рюрика, два раза - тоже к Игорю, как "сокольцу" и "соколичу", то есть "сыну сокола", четырежды - к Игорю и другим князьям, участникам его похода, и один раз - к Святославу Всеволодичу, великому князю киевскому.

А недавно я разыскал в одной специальной публикации статью московского историка О. М. Рапова. Он доказал, что княжеские знаки на сохранившихся плинфах древнейшей киевской Десятинной церкви вовсе не трезубцы, как считалось, а символическое изображение сокола. На монетах рюриковичей X-XI вв., в том числе и на знаменитых серебряных деньгах Ярослава Мудрого - тоже условно-символические контуры сокола в атакующем полете (**Рапов** О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола - "Советская археология", 1968, No 3)... Рассматриваю снимки монет с круговой надписью "Ярославово сребро". Да, конечно, это пикирующий сокол: укороченный по сравнению с крыльями хвост, обводы точек на условной голове - вокруг соколиных глаз перья не растут. Но сокол никогда не был божеством ни у славян, ни у скандинавских народов, ни у одного континентального германского племени! Сокол, очевидно, древнейший тотем славянского рода, из которого происходил Рюрик и рюриковичи, превратившийся, на Руси в эмблему, символ княжеской власти...

Кажется, давно пришла пора отбросить гипотезу о норманнском происхождении русских князей и русской государственности, но издавна были и до сего дня находятся у нас авторы, неспособные

расстаться с ней. Один походя напишет, что шведский король Карл XII был "последним варягом", хотя он никогда никому не служил, однако этот "красивый" эпитет заставляет нас думать, что варяги были все-таки шведами.

Другой назовет Ольгу Хельгой, хотя она была русской девушкой из-под Пскова и носила поначалу прекрасное славянское имя Прекраса, а при крещении наречена Еленой. Третий окрестит валдайские волока "варяжскими", хотя русские люди пользовались ими тысячу лет...

На Западе же постоянно появляются псевдоисторические, политически спекулятивные публикации норманнстов.

Западногерманский журнал "Штерн", например, в полутора десятках номеров за 1980 год поместил пространное сочинение некоего Лео Сиверса "Немцы и русские", Талдычит в самом начале: "С походов норманнских судов на юг начинается русская история". "До этого русская история имела размытые контуры"...

"Варяги приплывали на своих быстрых лодках в 8 и 9 веках из Швеции"... "Они объединяли разобщенно живущие славянские племена, придавая им свою строгую организацию"... "Дали им имя Rus"... "Рюрик был первым князем в стране". И так далее, в духе давно протухшего норманизма, хотя еще лет двадцать назад один из ведущих западных норманистов, работающий в Швеции, официально заявил, что все их аргументы оказались несостоятельными и... надо создавать неонорманнзм! Только как его теперь создавать, если установлены совершенно объективные и неоспоримые научные истины:

1. Начальные государственные образования в виде союзов племен и княжеств существовали на Руси задолго до варягов.
2. Среди скандинавского и германского континентального населения никогда не было племени или этнической группы под названием "русь".
3. Скандинавы не могли оказать никакого заметного положительного влияния на жизнь средневековой Руси, потому что отставали от нее в общественном развитии; у них почти не было городов, на сто лет позже к ним пришло христианство, письменность, чеканка монеты; первый свод законов также появился на сто лет позже Русской Правды.
4. Варяги-иноплеменники не оставили на Руси никаких следов в языке, обычаях, верованиях, архитектуре, судостроении, быте, ремеслах.
5. Рюрик не упоминается ни в одном скандинавском или немецком средневековом памятнике. Он был, вероятно, славянином из племени бодричей (рарогов, **ободритов** - об Одре, т.е. живущие на реке Одре), внуком **Гостомысла**, сыном его дочери Умилы и бодрического князя Годослава (Годлава).

Добавлю, что еще М. В. Ломоносов считал Рюрика выходцем из западных славян, а В. Н. Татищев писал: "...Годелайб, которого дети неизвестны, то одному Рюрика Трувора и Синава причли"

("История Российская", т. 1, с. 293).

Занятие монархического трона иноплеменником было делом довольно обычным для средневековой и новой истории Европы. На английском престоле, начиная с норманнского завоевания, постоянно сиживали не британцы. Литовец Ягайло полвека был королем польским, Филипп V из французских Бурбонов - испанским, наполеоновский маршал Жан Батист Жюль Бернадот основал нынешнюю династию шведских монархов... Рюрик, однако, не был монархом - такого способа правления на Руси в его времена еще не существовало, и декабрист Никита Муравьев после прочтения антиисторической книги одного французского автора возмутился: "Рюрик, Олег, Игорь, Святослав - абсолютные владыки! Невежда!"

Однако и русскую императорскую корону возлагали на себя немцы, полунемцы, четвертьнемцы и ничего в этом "обидного" нет. Главное в другом. Политические спекулянты разных мастей толковали и толкуют факт призвания Рюрика как цивилизаторскую и даже расовую миссию германца в "неполноценных" прарусских и других восточноевропейских племенах, якобы

неспособных создать своей государственности; здесь проходил водораздел между норманистами и антинорманистами, о чем достаточно сказано выше. Кроме всего прочего, Рюрик не был, повторимся, скандинавом или северогерманцем; это обстоятельство при всей его исторической второстепенности подрезает, однако, норманистам становую жилу...

- Нет ли каких-нибудь европейских источников, хотя бы косвенно подтверждающих славянское происхождение Рюрика и более объективно освещающих вопрос о призвании варягов?
- Косвенных источников немало, и хотя они довольно поздние, их полезно знать. Австриец Сигизмунд Герберштейн, например, дважды побывавший в XVI веке в России, выпустил свои "Rerum moscoviticarum comnientarii" (Вена, 1549), где подробно писал о призвании варягов, заключив: "На основании всего этого, мне кажется, что русы скорее всего призвали себе князей из вагров или варягов, чем передали власть чужестранцам, которые были чужды и их религии, обычаям и языку". А в начале следующего века вышла в Кельне книга об истории всех языков, написанная Клодом Дюре. На нее ссылается знаменитый швед Филипп-Иоанн Страленберг, что был взят в плен под Полтавой, много лет пробыл в Сибири, где составил хорошую ее карту, понравившуюся Петру I, а по возвращении на родину писал немало о России. Вот цитата из него: "Клод Дюре говорит не без основания, что варяги, от которых происходил Рюрик, были вандалами, называемыми другими "вендами"".

А в 30-х годах прошлого века в Северной Германии была записана интереснейшая древняя легенда о Рюрике и его братьях. Узнал я о ней недавно из одной книги, вышедшей в Канаде в 1964 году. Автор ее, рассказывая о начале Руси, приводит сведения, изложенные в предыдущем абзаце, досадует, что не располагает книгой, в которой напечатана эта любопытная легенда, но публикует ее выходные данные - Marmier X. Les lettres sur le Nord (Мармье К. Письма о Севере).

Ксавье Мармье, французский путешественник и писатель, побывал в Северной Европе, в Африке, Америке, на Ближнем Востоке, отовсюду писал путевые очерки, потом романы, позже стал членом Французской академии. Посетил он и Россию, где познакомился с Н. Гоголем, П. Чаадаевым, В. Одоевским, П. Вяземским, И. Тургеневым, Л. Толстым, и стал первым западноевропейцем, представившим русскую литературу тамошнему читателю - переводил Пушкина, Гоголя, Бестужева-Марлинского, Жуковского и других, а его перевод "Героя нашего времени" Лермонтова до сих пор считается во Франции лучшим. Писал: "Ни одна литература, кроме русской, не проявила такого сильного стремления сохранить свой самобытный тон, свои местные формы, одним словом, свои отличительные черты национальной литературы; подобный факт воспринимается первое время с удивлением; но он становится понятным, если вспомнить, что эта литература была единственным убежищем для чувств национальной независимости и индивидуальной свободы, у которых не было иных способов для своего проявления..."

Но все это было позже, много позже первого путешествия Ксавье Мармье по Северной Германии, бывшей земле бодричей. И нет ли в московских библиотеках его книги?

В Историчке, которой я пользуюсь годами, ценя ее выше других за редкости и редкостную оперативность сотрудников, этой книги Мармье не оказалось, но выручила меня Горьковка МГУ, первая в моей жизни большая библиотека, которой я стольким обязан, - можно сказать, почти что началом жизни...

Позвонил давнему своему знакомому Виктору Васильевичу Сорокину, главному библиографу Горьковки и одному из лучших знатоков старой Москвы, в которой он помнит в лицо чуть ли не каждый дом. Интересней всего с ним общаться, как это вам, дорогой читатель, ни покажется странным, на московских... кладбищах. Виктор Васильевич знает тысячи надгробий на Ваганьковском, Введенском, Пятницком кладбищах, наизусть некрополи бывших Донского и Новодевичьего монастырей; это он мне первым показал все московские декабристские могилы; в его неторопливых тихих рассказах будто оживают давно ушедшие москвичи с их страстями, привычками, родственными и дружескими связями, добрыми делами, грехами, преступлениями и подвижениями...

- "Les lettres sur le Nord"? - переспросил он. - Marmier? Поищу! Выходные данные?

- Первое издание 1840 года, Париж, второе - 1841-го, Брюссель. Тоже, естественно, на французском.

Назавтра он позвонил мне и огорчил:

- Названных вами изданий и с точно таким названием, к сожалению, нет.

- Жалко! - подосадовал я. - Придется мне обращаться в Национальную библиотеку Франции по международному книгообмену.

- Может, вас устроит парижское издание 1857 года?

- Да мне любое! А что - неужто есть?

- Есть... Я полистал ее - путешествия по Норвегии, Швеции, то есть Европейскому Северу.

- А по немецким землям?

- Да заезжайте, сами посмотрите! Книгу я выписал на себя. Лежит, дожидается.

- Можно, я сейчас буду, минут через двадцать?

- Пожалуйста.

И вот она передо мной - "Северные письма" К. Мармье.

Открыл, и, сразу за титульным листом, первая же глава - "Мекленбург", Северная Германия - два герцогства, примыкавшие к Балтийскому морю. Как раз на этой территории обитали в средневековье славянские племена. В центре земли бодричей стоял город Зверин (позже Шверин), на побережье - Росток, сохранивший свое название до наших дней, а также Рарог, называвшийся уничтожившими его датчанами Рериком.

К. Мармье был слишком далек от затянувшегося диспута норманистов и антинорманистов, он скорее всего вообще ничего не знал о нем, как и о приписываемой Иокиму летописи. Просто юный путешественник довольно подробно записал легенду, которую услышал в бывшей земле бодричей, и так как она публикуется на русском языке впервые, то я приведу ее подстрочный дословный перевод, максимально приближенный к подлиннику. Перед этим большим абзацем - переложения древнейших мекленбургских мифов, не имеющих отношения к нашей теме, а далее следует нужный нам текст, перелагающий средневековую легенду, сохранившуюся в памяти далеких потомков балтийских славян до XIX века.

Вот это место, слово в слово: ***"Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы. В VIII веке нашей эры племенем оботритов (в подлиннике Obotrites, то есть ободритов, бодричей, рарогов.- В. Ч.) управлял король по имени Годлав (Godlav), отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком (Rurik-paisible, то есть "тихим", "мирным", "кротким", "смирным", "безмятежным"), второй Сиваром (Siwar-victoricux- "победоносным"), третий Труваром (Truwar-fidele- "верным"). Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они направились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между двумя правителями, братья пытались понять ("разобраться"), какой из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев братья, которыми восхищались и благословляли, пришли в Руссию (в подлиннике en Russie. - В. Ч.). Народ этой страны страдал (буквально gemissai, "стонал".-В. Ч.) под бременем долгой тирании, против которой больше те осмеливался восстать.***

Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил Новгородское княжество (в подлиннике la principaute Nowoghorod), Сивар - Псковское (de

Pleskow), Трувар - Белозерское (de Bile-Jezoro). Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года" (Marmier X. Lettres sur le Nord. Paris. 1857, p. 25-26; Мармье К. Северные письма. Париж, 1857, с. 25-26).

Легенда необыкновенно любопытна, хотя век указан ошибочно, а исторические даты не подтверждают молодого возраста трех братьев. Годослав (Годлав) погиб в 808 году, а призвание его сыновей русские летописи относят к 862 году. И "королевство" казненного отца не было мирным! У рано осиротевших братьев вообще не было уже никакого королевства, то есть княжества. Воспитанные, очевидно, матерью и ближайшими родственниками, они с юности познали ратный труд - сопротивление родственных славянских племен продолжалось.

Имея, очевидно, огромный боевой опыт в борьбе с немецко-датскими захватчиками и придя на Русь значительно раньше 862 года, они действительно защищали поначалу рубежи Новгородской земли от повсеместной тогда экспансии норманнов и викингов. Все трое были уже в солидном возрасте, когда получили княжеские столы, что в какой-то степени объясняет скорую и почти одновременную смерть Трувора и Синеуса. Дольше их прожил Рюрик, умерев, как и его дед Гостомысл, уже в глубокой старости...

Не было, кажется, в мировой исторической науке течения более вредного и спекулятивного, чем норманизм, - своего рода многовекового наукообразного террора, унижавшего русский народ, искажавшего его историю! И пришла пора окончательно похоронить норманизм, так как за бесконечными спорами на эту тему исчезало куда более важное - историческая суть, подлинные задачи науки..

- А в чем она, эта суть, какие задачи?

- В том, чтобы, используя старый, новый и новейший археологический материал, индийские, греческие, римские, византийские, ватиканские, армянские, еврейские, английские, немецкие, болгарские, русские, скандинавские, арабские источники, мифы и литературу разных широт и меридианов, богатейшую символику и конкретику дошедшего до наших дней прикладного народного искусства, данные общеславянской истории в связи с историей сопредельных народов, антропологию, нумизматику, сфрагистику[89], геральдику, верования и сказания, восстановить подлинную историческую картину средневековой, древней и древнейшей жизни наших предков, с достоинством ввести ее в русло мировой истории, в просветление!

27. Глава 27

Меня особо заинтересовало слово "русь" в перечислении племен, со старейшинами которых Гостомысл согласовал призвание Рюрика. Конечно, это могла быть новгородская колония западных славян, согнанных датчанами и немцами с родных мест в первой половине IX века. Только откуда все же могло взяться это слово, которым назвалась впоследствии наша великая страна с ее великой историей!

До сего дня почти все исследователи выводят слово "русь" из иностранных источников. О близкозвучных этнонимах "руты" или "**руги**" мы уже говорили. Уточню - во II-III вв. н. э. меж балтами, славянами и германцами жили какие-то руги. В V веке они зафиксированы на Среднем Дунае. Еще Тацит называл их "Reudignii". Ученые возводят это племенное имя к термину, означающему "корчеватели леса", - значит, руги занимались земледелием. Один автор предлагает взять за исходное понятие, образовавшее этноним "русь", слово "медведь", ибо оно во многих западноевропейских языках имеет общий корень "urs".

Финны и карелы, далее, словом "руотси" называли дружинников у варягов. В смысловой основе этого термина лежали понятия "весельные люди", "гребные воины", но он в равной степени

---

[89] **Сфрагистика** (от греч. σφραγις — печать), или **сигиллографи**я (от лат. sigillum — печать) — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати (матрицы) и их оттиски на различных материалах.

относился к славянам и шведам! Есть в то же время исследования, выводящие имя нашей родины от днепровского притока Рось, и вся эта пестрота мнений дает повод новым и новым дискуссиям. Истина же, быть может, находится посредине, - Русь, Россия, исходное имя нашей родины, возможно, исторически сложилось из многих источников. В таком случае упрекать кого-то, в частности великого Нестора, в непатриотизме, норманизме и прочее - дело несерьезное, тем паче, что все эти гипотезы научно не подтверждены до сего дня и, возможно, это вообще пустой спор. Решаюсь высказать свою точку зрения на происхождение слова "русь", которая мне представляется достаточно конкурентоспособной.

Любознательный Читатель. Интересно!

- На нее натолкнул меня замечательный ученый, великий словак **Павел Шафарик** - лингвист, диалектолог, этнограф, историк, знаток славянских древностей и языков. Родился он в 1795 году, окончил университет в Иене, учительствовал в Сербии, редактировал первый чешский иллюстрированный журнал, много занимался научными изысканиями в Праге в условиях противодействия австровенгерских властен, был цензором и хранителем библиотеки, терпел всю жизнь материальную нужду, нравственные утеснения, тяжело болел и незадолго до смерти, весной 1860 года, даже в отчаянии бросился во Влтаву.

Павел Шафарик первым доказал, что славяне вместе с романскими и германскими народами внесли равноценный вклад в формирование европейской цивилизации, его работы сыграли исключительную роль в подъеме национального самосознания всех славянских народов. Он оставил большое научное наследие по славянскому языкознанию и истории, среди которых главное место по праву занимает его многолетний труд "Славянские древности", в котором, как писали тогда, "под пеплом древности" автору "удалось найти столько света, что не только история славян, но и их старых соседей - скифов, кельтов, германцев, сарматов, финнов и др. - получила нежданную ясность и достоверность"...

На его надгробии надпись: "Въ красных Міра воспитал ся отъ юности своея..."

Строго говоря, слова "реудигнии", "руги", "руты", "руотси" или "роксоланы", например, от которых производил имя наших предков Д. И. Иловайский, фонетически все же довольно далеки от слова "Русь", и в английских, например, средневековых источниках, начиная с XII века, вначале упоминалась Русия, Руссия, Руссы (Rusia, Riiisy sie, Russi), потом появилась Рутения (Ruthenia), которую, как писал в своей "Хронике" XII в. **Роджер из Ховента**, "мы предпочитаем называть Руссией"... А "рос" греческих и арабских авторов или "рус" латинских? От речки Роси или латинского слова "rus", означающего сельскую местность? Но ведь сельских местностей было множество в Европе, а наша родина издревле славилась городами. И уже в глубокой древности большое племя наших предков, если какая-то часть его действительно некогда обитала в крохотном бассейне Роси, скорее обрело бы этноним, связанный с магистральными причерноморскими реками Доном, Донцом, Днепром, Днестром, Дунаем. В названиях этих рек настойчиво повторяется **звукосочетание "дн"**, все они даны каким-то одним древним народом, и мы скоро обратимся к нему, жившему на берегах северочерноморских рек пять тысяч лет назад, среди которого обнаруживаются явные следы и наших далеких предков...

- Даже?!

- Но вначале, пожалуйста, закончим тему о происхождении слова "Русь"... Люди Земли издревле жили в горах и пустынях, в тундре и джунглях, у морей или в степях, живут и сейчас.

Русские же деревни чаще всего лепятся к рекам. Так же располагались и наши древнейшие поселения, из которых образовались позже первые русские города, все без единого исключения обосновавшиеся на реках. Река снабжала наших предков рыбой, пернатой дичью, самым лучшим бобровым мехом, обеспечивала добычливую охоту на диких копытных у бродов, звериных водопоев, речных обрывов, давала воду для приготовления пищи, омовений, полива садов и огородов, корм домашней водоплавающей птице и луговую траву для скота. И еще одно, очень важное, - никаких дорог через леса в те времена не было, и река предоставляла легкий, идеально гладкий путь: летом по воде, зимой по льду. Река образовывала также естественную защиту на

крутых, изрезанных притоками берегах...

На реках и речных водоразделах издревле обменивались товарами соседи, по рекам шла и международная торговля, которая приносила доходы от пошлин, взимаемых с иноземных купцов. Реки давали выход к морям, на дальние внешние рынки. И наконец, особый разговор - о значении рек в военном деле. Имею в виду не только речные обрывы, на которых стояли феодальные замки и укрепленные города. У водных преград возводились системы Киевско-Переяславских крепостей, позже – феноменальные каменные Новгородско-Псковские **крепостные линии**. Наши предки умели также великолепие использовать привычную для них природную среду-реки, озера и болота-в открытых сражениях.

Очевидно, это подсобное тактическое средство русы знали с незапамятных времен, когда конных кочевников, прискакавших за добычей на земли наших предков-пахарей, встречали на бродах и переправах отчаянно сражавшиеся пешие воины. Далеко не всегда и по разным причинам река становилась помощником и другом, и мы, не забывая горьких уроков на Стугне, "Каяле", Калке, Сити, Пьяне, свято помним победоносные битвы на Днепре, той же Стугне, Западной Двине, Эмайыге, Неве, Чудском озере, Воже, Непрядве, Ворскле, Угре, Ведроше, Березине, Волге...

Наши далекие предки обожествляли реку, и первое свидетельство о почитании славянами рек и водяных божеста (нимф) зафиксировано у византийца Прокопия в VI веке н. э. Нестор тоже писал, что в языческую эпоху мы вместо богов почитали реки, озера, источники. В другом средневековом русском сочинении сказано: "наша язычники клали требы озерам и рекам, ради немощи очныя умывались в кладезях и повергали сребреники". После крещения Руси долго еще свершались у рек языческие народные празднества. Из Стоглава: "сходились мужи и жены и девицы на ночное плещеванье и безчинный говор и на бесовские песни и на плясанье и скаканье"; "тогда к реце идут с великим кричанием, аки беси и умываются водою". В житии преподобного Нифонта есть некоторые подробности праздника: "бесы в виде человеческом, ови бьяху в бубны, друзии же в козице и в сопели сопяху, инии же возложиша на лица своя скураты и идяху на глумление человеком и, мнози, оставивше церковь, течаху на позоры", то есть на это зрелище...

Так вот, Павел Шафарик поразил меня одной своей фразой, которой предшествовало утверждение, что в праславянском языке река называлась "руса" ("rusa"). Он писал: "**Это коренное славянское слово, как общее существительное имя, уже осталось в употреблении только у одних русских в слове русло**, означающем ложбину, русло реки, глубь, вир; но как собственное имя рек, городов и селений, более или менее близ них лежащих, употребляется почти у всех славян". И далее словацкий ученый привел двадцать топонимов, производных от корня "рус", в землях "русских, русняков (украинцев), поляков, чехов, словянов (словаков), босняков, сербов и болгаров".

Попутно ищу в своих заготовках карточку с интересной выпиской из трудов знаменитого русского историка прошлого века: "Народное имя Рось или Русь, как и многие другие имена, находится в непосредственной связи с названиями рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так Неман в старину назывался Рось; один из его рукавов сохранил название Русь; а залив, в который он впадает, имел название Русна. Далее следуют: Рось или, Руса, река в Новгородской губернии, Русь, приток Нарева; Рось, знаменитый приток Днепра на Украине; Руса, приток Семи; Рось-Эмбах; Рось-Оскол; Порусье, приток Полиста и прочие. Но главное, имя Рось или Рас принадлежало нашей Волге" (**Иловайский Д. Разыскания о начале Руси**. М., 1882, с.70-71).

Стоп! Ведь от того же праславянского корня "рус" образовано слово русалка, "нимфа" Прокопия! С древним культом ее связано множество языческих поверий. Русалки, шаловливые, прекрасные в своей наготе девы, могут соблазнить любопытного мужчину, защекотать до смерти или увлечь в реку и погубить.

Они живут в речной глуби или мельничных омутах, в троицу качаются на ветвях деревьев, куда, задабривая их, женщины вешают пряжу и платки. Стоит девушке тайно сплести венок в лесу и

бросить его на воду для русалки, та сразу же даст любимого. Поверья эти полны поэтического очарования и дожили кое-где до нашего времени.

А вот и новые слова того же гнезда. Русалкино заговенье. Во времена В. И. Даля в первый день после христианского праздника - апостольского поста, или петровок, в селениях Нижней Волги "девки идут все толпою с песнями на Волгу, бросают венки, провожая русалку, чудовище, представляемое несколькими парнями, покрытыми одним парусом; впереди несут на шесте занузданный конский череп, позади идет дико наряженный погонщик". "...На Русалку, или Семик, девки крестят в лесу кукушку, кумятся, завивают венки, а на русальнице, русальной или русальской неделе, следующей за Троицей, с Духова дня (перед праздником Пятидесятницы) более в лес не ходят порознь, тут гуляют русалки". Привожу это просторное гнездо русских слов и понятий, чтобы показать, насколько прочно укоренились языческие верования и обряды, связанные с русалками, в нашем народе - они переплелись с церковными праздниками и живут на Руси почти тысячу лет после принятия христианства!

Языческий обряд - весенние песни и пляски у реки, которые осуждали церковники, о чем мы говорили выше, назывались русалии. В житии святого Нифонта: "...нарекоша игру ту русалья".

В. И. Даль собрал еще немало диалектных русских слов, производных от того же исходного корня "рус". Это руслень - "приполок за бортом, за который крепятся ванты", руси - "обруч, обогнутый сетью", русленый, то есть цеженый квас, руслина-быстрина, стрежень, русленик-цедилка, руст; как говорят, что вода идет рустом, это значит, она идет потоком, струей. А к слову русый[90], означающему цвет волос. Даль прилагает русскую присказку: "Руский народ русый народ". И еще В. И. Даль зафиксировал в своем словаре собственное имя Рус, объяснив его как "сказочное чудовище днепровских порогов"; величайший знаток русского языка, быта и верований не мог внести в свой словарь этого слова, не услышав его в народе! И от древнейших языческих времен осталось у русских мужское имя **Руслан**, памятное по пушкинской поэме; это звучное древнерусское имя входит в современные словари личных имен, и я сегодня знаю в Москве нескольких Русланов.

Главным же путеводным словом для нас остается "русло", присущее только русскому языку образованное от корня "рус" с конечной русской флексией, очень распространенной в нашем языке; сравните: вес-ло, ветр-и-ло, корм-и-ло, тяг-ло, сус-ло, мы-ло, ора-ло, Яр-ило, мас-ло, точ-и-ло коромыс-ло и так далее.

Приступим к главному. Великое множество племен и народов на земле назывались по месту их преимущественного обитания, многие отставшие в общественном развитии в зависимости от этого обстоятельства называют себя и до сего дня. Самоназвание приморских чукчей - ан калын ("морские жители"), эвенков-оленеводов и охотников-дункан ("жители сопок"), бедуины - значит "степные", "жители пустынь", селькупы - шеш куль ("таежный человек"), африканские тервины - "лесные", индейцы сенека-нунда-вэ-о-но ("великий народ холмов"), индонезийские батаки - "живущие на воде". А восточнославянские раннесредневековые поляне - это "жители полей", дреговичи - "жители болот", древляне - "жителя дебрей, лесов", однако различия существовали только для них самих, и все они с незапамятных времен селились вдоль рек... И вот я решаюсь высказать предположение, которое, как мне кажется, выдерживает требования исторической лингвистики, топонимики, истории, логики. Если "руса" - это "река" - извечное место поселений наших предков, с которой всегда был так тесно связан их образ жизни и верования, "рус" - праславянский корень, образовавший такое большое гнездо слов только в русском языке. Рус - полузабытое мифическое днепровское божество, то обобщенный этноним "русы" или "руссы" - издревле значило "живущие на реках", "жители рек", "речной народ"...

- Но когда это - "издревле"? Ведь на Днепре славяне появились в V веке нашей эры, во главе с

---

[90] Слово «рос» (в других иранских диалектах рош, раша, рошна) восходит к древнеарийскому «раса» - чистый, светлый, благородный. Примерно в таком же, но в более узком значении, оно осталось и в славянорусском языке, в слове «русый».

князем Кием!

- Это одно из глубочайших заблуждений, идущее от первого русского историка Нестора, очевидца возвеличения Киевской Руси, но ограниченного в своих знаниях о древности. К тому же у него нет дат. И гипотеза о том, что все славяне будто бы расселились с Балкан, - не более как гипотеза.

Полностью согласен с выводом современного украинского исследователя А. П. Знойко: "Могучая Киевская держава IX-XIII вв. была ***только одним из позднейших фактов истории Руси*** (курсив мой.- В. Ч.), стародавняя же история и культура ее еще ждут широких исследований..." Наши отдаленные предки всегда жили на Днепре, они были автохтонами, то есть коренными жителями приволжских и причерноморских степей и прилегающих районов Европы.

На Киевских холмах археологи находят целые клады римских монет I-IV вв. нашей эры - видимо, предки полян производили излишки собственных товаров для международной торговли. А Геродот, посетивший южнорусскую степь еще в V в. до нашей эры, писал о северных районах, где у "множества огромных рек" жили так называемые скифы-пахари, "**которые сеют хлеб не для собственных нужд, а на продажу**". **Милоградская культура** Среднего Поднепровья (VII-II вв. до н. э.), более поздние зарубинецкая и черняховская (II-V вв. н. э.) несли в себе немало элементов, доказывающих их славянскую принадлежность. И на протяжении тысяч лет здесь сохранялась непрерывная земледельческая традиция. Знать, и в самом деле "глубоки омоты днепровския"!

- Но не станете же вы уверять, что пять тысяч лет назад в причерноморских степях жили далекие предки славян, русских! Для этого очень смелого предположения нужны доказательства.

- Они есть, и смелость ни при чем, если речь идет о подлинно научном, объективном знании...

Предыдущие страницы, кстати, были уже написаны, когда мне посчастливилось найти один старый сборник статей русских историков, археологов, ученых, любителей старины. В публикации профессора Ф. И. **Кнауэра** "**О происхождении имени народа Русь"** высказана интереснейшая гипотеза, ссылок на которую я не встречал. Автор пишет, что в древнеиндийских гимнах "Ригведы" упоминается мифическая река Rasa, "великая матерь", текущая па дальнем северозападе, на старой родине. А в "Авесте", священной книге древних персов, приписываемой самому Заратустре, говорится о реке Ranha, где живут люди без главарей, где господствует зима и земля покрыта снегом; позже у персов это река Raha, отделяющая Европу от Азии. Скрупулезным филологическим анализом исследователь доказывает этимологическое тождество этих названий с древним именем Волги - Ра, которое обрело впоследствии такие формы, как Рос у греков и арабов, Рось, Русь, Роса, Руса у славян. Последними топонимами были названы многочисленные северо-западные реки на новых местах расселения народа, вышедшего в глубокой древности на свои исторические пути с Волги, так же как другие древнеиндоевропейцы, переселившиеся с нее на дальний юго-восток, назвали один из притоков Инда именем той же реки-прародительницы **Rasa**.

Автор считает, что "имя народа "русь" чисто славяно-русского происхождения" и "в точной передаче слова означает не что иное, как "приволжский народ" (Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве, 1899. М., 1902, названная статья, с. 1-19).

Снова вспомним также компоненты главных гидронимов Причерноморья "дн". Реки Дон, Донец (Северский - большая, длиной более тысячи километров река), Днепр, Днестр, Дунай.

Ученые пришли к выводу, что названия всех этих рек образовались от одного понятия, принадлежавшего древнейшему народу, что жил в этих местах с незапамятных времен.

- Неизвестно какому?

- Это были предки ариев, то есть индоевропейцев, чья прародина локализуется наукой в степном Поволжье и Причерноморье.

- Что значит **арии**?

- "Этноним арии,- пишет современный исследователь Я. В. Чеснов в сборнике "Этнографы рассказывают", выпущенном Институтом этнографии им. Н. Н. МиклухоМаклая (М., 1978., с. 26),

многие тысячелетия назад означал "пахари", а затем стал названием господствующего народа в древней Индии"... Возможно, добавлю, что между словом "арии" и общим в своей коренной основе для всех балто-славянских народов словом, означающим это исходное понятие, есть связь.

Литовская, например, форма слова "пахать" - arti, ariu, в народном говоре "пахарь" - arijas, латышская - art, aru, сербскохорватская - орати, польская - огас, чешская orati, старорусская - орати и т. д. В Индии же слово aryia приобрело значение "благородный", "верный"... Так вот, если возвратиться к названиям северочерноморских рек, то в древнейшем памятнике арийской культуры "Ригведе" слово "дану" обозначает реку вообще. В поздних произведениях санскритской священной литературы, появившихся в Индии, это слово-реликт не встречается...

Но вернемся к арьям (ариям) и "Ригведе".

- Сразу множество вопросов! Что такое "**Ригведа**"? Когда и где она написана? Какое отношение имела древнейшая индийская литература к Причерноморью? Какая вообще может быть связь между народами, столь отдаленными исторически, и районами, столь отдаленными географически?

- Веды - памятники древнеиндийской литературы, написанные еще до возникновения буддизма. Переводится слово "веды" как "знание", и мы вспомним к месту русские слова, образованные от того же древнейшего первокорня,- "весть", "ведать", "ведомости", "ведун", "ведьма", "ведомство", "известия". "Ригведа", "веда гимнов"- колоссальный, по объему превосходящий Илиаду и Одиссею, вместе взятые, сборник лирико-мифологических священных песен, созданный в районе Афганистана - Пенджаба в последней четверти II тысячелетия до нашей эры арьями-скотоводами, которые переселялись в Индию на протяжении примерно пяти столетий.

- Откуда?

- Из степной и лесостепной зоны Восточной Европы, с междуречий Волги-Дона-Днепра-Днестра, где в III тысячелетии до нашей эры сложилась индоиранская, или арийская (индоевропейская), языковая и культурная общность. Арьи тесно соседствовали или даже составляли близкородственную общность с протобалто-славянскими племенами. Одно из главных научных подтверждений этого факта - поразительное сходство санскрита ведических арьев со славянскими, особенно восточнославянскими языками - по основному лексическому фонду, грамматическому строю, роли формантов и множеству других частностей. Об этом написана тьма исследований, но мы вынуждены ограничиться несколькими наиболее показательными примерами.

Санскритское nabha, nabhaca - это место обитания богов, пространство, несущее солнце и облака, рождающее зной и дождь, имеет соответствия во многих индоевропейских языках, но наиболее близко этому понятию русское "небо, небеса", выраженное в удивительно сходной лексической форме. Ученые, давно также сопоставляют санскритсковедическое "bhaga" (милостивый бог, покровитель, добрая судьба) со славянским словом и понятием "бог". Архаичные верования, мировоззренческие понятия и слова, их выражавшие, держались, очевидно, прочнее других, поэтому мы продолжаем.

Персонифицированная божественная надмирная сила в санскрите обозначается словом "дева" - от ведического "div", что сопоставимо со славянским "диво", и вполне может быть, что полуторастолетние споры филологов о том, кто такой "див" в "Слове о полку Игореве" ("Дивъ" Екатерининской копни), который "връжеся на землю" после поражения князя Игоря, когда-нибудь завершатся этим сопоставлением...

А вот еще два очень интересных примера из той же, как говорится, "оперы". "Агни - бог огня"... Неисчислимое множество гимнов вед посвящено Агни и его ипостаси... Все жертвенные ритуалы, начиная с ведических времен, проводятся перед огнем... В русском язычестве были широко распространены "моления огневи" под овином, возжигание купальских костров и другие обрядовые действия, связанные с культом огня. Запреты осквернять огонь разными "нечистыми" предметами традиционно соблюдаются многими старыми людьми и в наши дни...

Почти без изменений остается, например, в Югославии тот метод добывания "живого огня", о котором рассказывается в "Ригведе": "Агни породила счастливая древесина для трения", "добывайте трением, о мужи, провидца недвуличного..." В Югославии же в мае проводят праздник "живого огня", называемый "прогоница". По древнему обычаю, в этот день скот для защиты от болезней прогоняют между двумя кострами, зажженными от "живого огня"...

В обряде добывания огня имеют право участвовать только мужчины, которые вручную трут один брусок дерева о другой до появления искры, от которой зажигают солому, а от нее обрядовые костры (Гусева Н. Р. Индуизм. М., 1977, с. 79).

Добавлю, что литовцы и уничтоженные немцами пруссы, чьи далекие предки, близкородственные древнейшим балто-славянам, по основному своему языческому верованию были огнепоклонниками.

А в русском "Слове Христолюбца" засвидетельствовано следующее языческое моление: "Огневе молять, зовуще его Сварожичемъ". Сварог почитался и западными славянами, как одно из верховных божеств, а многозначное санскритское svarga - идущий (пребывающий) в свете, сияние, небо, небесный свет. Сын Сварога Дажьбог, упоминаемый, как известно, в "Слове о полку Игореве",- это Дажь-бог, "сияющий" бог; по словам русского летописца, "Солнце-царь, сын Сваротов еже есть Дажьбог".

Напомню также, что в Индия одним из древнейших культов, перешедших в индуизм от арьев, был и остается культ рек и воды, что у арьев и славян существовал одинаковый обычай захоронения погибшего воина с его конем, что славянский культ рода, настолько древний, что его истоки невозможно датировать, имел параллели в арийско-индуистских культах, а на Дону и Днепре найдено много статуэток, изображающих богинь-матерей, относящихся к эпохе энеолита. Скульптурные же изображения многоглавых индуистских богов, в частности пятиглавого или, позже, четырехглавого Вишну, имели поразительные соответствия в культовой скульптуре славян, Кроме каменного четырехликого **Збручского идола**, были, как мы уже знаем, многоглавые боги у славян, живших на острове Рюген (Руян) и балтийском побережье. По свидетельствам Титмара Мерзебургского, Саксона Грамматика, Адама Бременского и других очевидцев, живших в XI-XII вв., Световит в Арконе - это "большой, превосходивший рост человеческий, кумир, с четырьмя головами". Саксон: "В другом городе острова Руяны - Коренице было три храма, из которых в одном стоял громадных размеров истукан бога Руневита, о семи лицах, семь мечей в ножнах было привязано к его боку на одном поясе... В другом храме находился идол Поревита о пяти головах, и в третьем - идол Поренута о четырех лицах, а пятое лицо было на груди".

"Важнейшим в Поморском крае был Триглав, истуканы которого находились в Штетине, Волыни и других местах". В Браниборе (Бранденбурге) тоже был трехглавый идол... И ученые не сомневаются, что именно арьи принесли в Индию основу верований, из которых развился индуизм.

- Но ведь Индия - страна древнейшей земледельческой культуры, и, может быть, пришельцы усвоили то, что уже было?

- Нет. Индийские историки и археологи Д. Д. Гасамби, С. К. Дикшит и другие пришли к выводу, что именно арьи привнесли в Индию коневодство и железную металлургию, а советская исследовательница Н. Р. Гусева, на книгу которой мы ссылались, прожившая в Индии несколько лет, изучая индуизм, утверждает, что "арьи принесли с собой свои религиозные представления, нормы обычного права и социально-этические установления... распространяли в Индии ведизм и воспринимали многие элементы культуры и религии местного населения", хотя "наука пока не располагает точными сведениями о религии доведического населения Индии, так как до сих пор не прочтены письмена на печатях **цивилизации долины Инда** (или цивилизации Хараппы)".

- Хорошо, но подойдем к теме с другой, так сказать, стороны - можем ли мы говорить о славянах III тысячелетия до нашей эры?

- Можем! Советская исследовательница Т. И. Алексеева долгие годы изучала антропологический

материал и первой в истории науки пришла к выводу, что "формирование черт, присущих древним славянам, относится к глубокой древности, во всяком случае к III-II тысячелетиям до нашей эры" {Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных.- "Вопросы истории", 1974, №4, с. 60). Может быть, арьи, то есть "пахари", а позже, несомненно, "скифы-пахари", были земледельческим праславянским населением лесостепной и степной зон Причерноморья.

- А что в этой работе говорится об антропологических данных славян и германцев?

- Т. И. Алексеева, комплексно рассматривая многочисленные антропологические данные, сближает ряд славянских племен с балтийскими, находя одновременно большие разграничения с германскими: "В ряду колебаний этих соотношений германцы и восточные славяне занимают **диаметрально противоположное положение**".

Кстати, Т. И. Алексеева установила, что славяне впервые вступили в контакты с германцами не ранее начала нашей эры, а бодричи и новгородские словене принадлежали к одному антропологическому славянскому типу.

- Минутку! Если арьи, ушедшие в Индию, были степными скотоводами, а оставшиеся арьи - земледельцы - частично, может быть, предки балто-славян, у которых оказалось с арьями столько языковой и культовой общности, то это мы, а вовсе не немцы, вроде как бы арийцы!

- Только нельзя на этих или каких-либо других научных разысканиях строить какие бы то ни было расистские концепции. Немецкие фашисты пытались создать свою националистическую расовую теорию, согласно которой только немцы были якобы прямыми потомками ариев, настаивали на своей "чистоте расы", особой "избранности" немецкого народа, считали все другие народы умственно и физически неполноценными и этой антинаучной демагогией попробовали оправдать захватнические войны, бредовые плацы, уничтожения других народов, генетического "улучшения" человеческой породы. Мы знаем, чем все это кончилось...

Подытожим: последние достижения науки говорят, что индоевропейская общность формировалась в степях юго-восточной Европы, и данные археологии, которая относит это время к периоду так называемой срубной культуры, а также данные сравнительной лингвистики, этнографии, антропологии, истории позволяют сделать вывод о несомненной общности того большого этнического массива, в котором будущие ведические арьи-скотоводы соседствовали с праславянами-пахарями. Только никаких, повторяю, расовых концепций строить на этой базе нельзя...

28. Глава 28

Вятичи еще долго не могли примириться с поражением.

Поклонялись своим языческим богам; христианство сюда проникало с трудом. Есть летописное известие, что вятичи убили миссионера Киево-Печерского монастыря Кукшу - это произошло в 1113 году, то есть через сто двадцать пять лет после киевского крещения Руси! И Владимиру Мономаху, как и его прадеду и тезке, пришлось дважды собирать войско, чтоб снова привести в покорность это мужественное и сильное племя, о чем он сам пишет в "Поучении": "А въ вятичи ходихом по две-зиме на Ходоту и на сына его".

В 1154 году сам Юрий Долгорукий протянул было сюда руки, однако не вышло: "Пришедшю же ему в Вятиче и ста, не дошед Козельска", - должно быть, крепость эта была действительно серьезным препятствием, если он решил не штурмовать ее и вернулся назад. Козельск рос, богател со временем, а его крепость становилась все неприступнее. В 1223 году Мстислава, казненного на Калке Субудаем, летопись именует князем козельским и черниговским - видать, среди множества городов Северской земли княжеский домен Козельск числился тогда не последним, а вскоре этот город стал центром удельного княжества Козельского.

Потом 1238 год с его великой бедой, пришедшей из Великой Степи, но с противоположной от этой степи стороны...

Снова стою у **Козельского креста**. Интересно, какое имя носил бог, из коего сделан этот крест, - Дажьбога, Перуна, Хорса, Стрибога, Смарьгла, Ярилы, Купалы, Велеса, Мокоши, Чура, Морены, а быть может, самого Рода или самой Берегинн?

Ах, как мало мы знаем о своем древнейшем прошлом, словно бы стесняемся его, хотя учим школьников разбираться в сложнейшей иерархии языческих средиземноморских богов...

Этот грубый крест, в который превратилось козельское ритуальное изваяние, долго выполнял, наверное, роль лоцманского знака над порожистым участком Жиздры. Такими крестами, установленными на видных местах, наши предки издревле столбили приметные точки рельефа, сухопутных или водных путей. Снова вспоминаю летописный Игнач крест, до которого доскакала орда Селигерским путем, вспоминаю **Лопастицкий** с княжеским знаком, **Стерженский** с надписью, **Нерльский**, многочисленные более поздние кресты на сибирских реках, горах и перевалах.

Кстати, крепость на жиздринских бродах была экономически и стратегически важной еще и потому, что через нее по водоразделу, наверняка проходила в средневековье летняя дорога, связывающая восточные районы северных княжеств с югом, со степью, а также торный зимник по хлебородным местам к Козельску и далее на Карачевстолицу большого северского удела, от коего отпочковался козельский.

Крест многое мог бы рассказать, только камни, к сожалению, говорить не умеют...

Не перед камнем стою, а перед глубокой многовековой тайной!

Победоносное степное войско было сковано железной цепью организации и послушания, умело применяло новейшую осадную технику, обладало огромным опытом штурма самых неприступных твердынь того времени, руководилось поседевшим в жестоких боях главнокомандующим и - сорок девять дней штурмовало деревянный лесной городок, семь недель не могло взять Козельска! По справедливости Козельск должен бы войти в анналы мировой военной истории наравне с такими ратоборческими гигантами, как Троя и Верден, Смоленск и Севастополь, Брест и Сталинград.

В годы Великой Отечественной войны героически сражалась с фашистами и древняя земля вятичей. Прифронтовые белые снега и черные пепелища поливались алой солдатской кровью, а в немецких тылах поднимался на врага народ-богатырь. Страна вскоре услышала о маленьком городке Путивле и председателе его горсовета Сидоре Ковпаке, который со своим партизанским отрядом свершил беспримерный рейд по фашистским тылам протяженностью десять тысяч километров, уничтожив сорок вражеских гарнизонов. В верховьях Жиздры людиновские парни и девчата создали диверсионную группу мстителей, трагически погибшую вместе со своим вожаком Алексеем Шумавцовым, который посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза, а четверо его сподвижников Анатолий Апатьев, Александр Лясоцкий, Антонина и Александра Хотеевы - награждены орденом Ленина.

А недавно под стекло моего письменного стола ненадолго легла необыкновенная историческая реликвия с того самого деснянско-окского водораздела, который в древности делил не только воды, но и северян с вятичами. В этом районе ближайшего немецкого тыла сохранялась Советская власть, работали окружком и райком ВКП(б), действовало много партизанских отрядов. Одним из соединений командовал Виктор Алексеевич Серебряков, отец московского поэта и моего друга Геннадия Серебрякова. В отрочестве крестьянский парнишка из-под Палеха Виктор Серебряков воевал в дивизии Чапаева, позже стал кадровым военным и войну встретил на границе. Раненный в обе ноги, он долго отлеживался в крестьянском чулане, а потом на самодельных костылях два месяца шел по тылам к фронту. В окрестностях Дятькова нашел партизан, и они, несмотря на предъявленные документы и сохраненную нашивку со шпалой, посадили Серебрякова для пробы за пулемет. Позже Серебряков стал командиром одного из отрядов, потом начальником штаба партизанской бригады. Погиб он в мае 1943 года в тяжелом бою с карателями...

В лесу выходила газета "Народный мститель", о которой стоит рассказать. Один из ее номеров -

за 20 августа 1943 года - лежит под стеклом моего письменного стола. В четырехполоске небольшого формата все как положено: передовая, сводки с фронтов, клишированная рубрика "По родной стране". А вот сообщение об уничтожении фашистами города Жиздры: "Бесформенные груды кирпича да кучи пепла - это все, что осталось от красивого, хорошо знакомого многим из нас города Жиздры. Фашистские изверги, отступая под могучими ударами советских войск, полностью разрушили город - все деревянные дома сожгли, а каменные здания взорвали. Варвары разорили и уничтожили школы, библиотеки, больницы, кино, разрушили и взорвали все водоемы и колодцы... Многих жителей Жиздры и окрестных деревень фашистские работорговцы угнали на каторгу в Германию, а их имущество разграбили".

Третья полоса - партизанская. Рассказывается об уничтожении автоколонны врага, взрыве моста, диверсии на перегоне железной дороги, смелом разведчике П. - все фамилии тут зашифрованы. На последней страничке карикатура, краткая информация о действиях партизан Югославии, Греции, Бельгии и Франции, заметка о разоблачении шпионки, подосланной фашистами в партизанский район, и "Письмо с фашистской каторги" семнадцатилетней девушки к матери, которая, очевидно, передала письмо в партизанскую редакцию: "Здравствуйте, милая мамочка! От вас нет писем. Не знаю, что и подумать. Вы, конечно, живете плохо. Мама! Продай все мои вещи и купи себе хлеба. Не береги ничего для меня. Долго я едва ли выдержу. Очень ослабела. Работаем мы у барона Ф. Работаем кошмарно. Болят все суставы. Иногда с работы меня ведут под руки мои подруги. Мы стонем, как старухи, от боли в пояснице. В дождь, холод и жару работаем целый день с раннего утра и до захода солнца. Живем в барском сарае, под замком, с решетками на окнах. У нашего барона Ф. работает 70 человек - девушки из Чернигова, из Вязьмы, из Петергофа. Много среди них студенток и 10-классниц. Все мы тоскуем по родине. Мама! Помнишь, как я мечтала быть врачом или артисткой? Я об этом не могу вспомнить без слез..."

Все это было, дорогой читатель, если учесть глубину нашего путешествия в прошлое, совсем недавно...

Конечно, газете этой место в музее, и когда я, получив ее, позвонил директору Государственного. Исторического музея Левыкину, он помолчал и произнес с заметным волнением в голосе:

- Что-то не верится.

- Да нет, Константил Григорьевич, вот она, передо мной, и я вам ее, конечно, передам.

- Будем очень благодарны. И немедленно в основную экспозицию! А знаете, я ведь освобождал те места и был там ранен... Только, пожалуйста, сберегите эту драгоценность!..

И я снова почувствовал, что Левыкин волнуется. Еще бы! Сохранились, наверное, тысячи экземпляров партизанских газет времен второй Отечественной, войны, но такой нет даже в главном Историческом, музее страны, хранящем миллионы, бесценных экспонатов, в том числе, скажем, знаменитый турий рог из черниговской Черной Могилы.

Дело в том, дорогой читатель, что этот экземпляр "Народного мстителя" был напечатан на бересте! Размер небольшой - примерно сорок на тридцать сантиметров в развороте, но все же вместилось на четырех полосочках тринадцать заметок. Береста сохранила свою белизну, и на ней прекрасно отпечатались не только буквы, но и клише, и лишь в тех местах, где были зачернения от старых сучков да пленочные отслоения, часть слов не читается. Зато изумительная по качеству печать на желтоватой заболонной [91]стороне! Каждая буковка вдавилась, как в древних новгородских, смоленских и витебских берестяных грамотах, и заполнилась навеки типографской краской...

Сохранил эту необыкновенную, быть может, в своем роде единственную за всю историю печатного дела газету партизанский печатник Петр Федорович Кирюшнн, адрес которого мне дал Геннадий Серебряков. Я написал ему и вскоре получил ответ:

---

[91] **Заболонь, оболонь** — наружные молодые, физиологически активные слои древесины стволов и ветвей, примыкающие к образовательной ткани — камбию.

"Уважаемый В. А.! Коротко отвечаю на Ваши вопросы. Родился я в 1921 году, работаю в Дятьковской типографии с 1937 года и по настоящее время. В начале Отечественной войны я, как опытный печатник, был забронирован для дальнейшей работы по выпуску районной газеты, а после оккупации нашего района зачислен в партизанский отряд для организации подпольной типографии, где и работал до освобождения наших мест от гитлеровцев. В лесной партизанской типографии мне пришлось налаживать полиграфическое оборудование, обучать новые кадры, освоиться в тяжелых условиях землянки, приладиться набирать, верстать и печатать газету с оружием в руках, таскать ее тираж на плечах под обстрелом, бомбежкой - всего не перескажешь.

Весной 1943 года после ожесточенных боев, враг оттянул от фронта большие силы на уничтожение партизан - у нас кончилась бумага, самолеты с Большой земли не могли ее доставить, хотя газета была в тот момент нужна, как воздух. Я, молодой коммунист, понимал, какая сила заложена в печатном слове, но выпустить газету не мог.

И вот вышел из землянки, закурил и задумался - что же предпринять? А вокруг стоят и белеют березы, чистенькие такие! Подошел я к первой из них, посмотрел на нежную, белую, как бумага первый сорт, кору, и вдруг меня осеняло - не попробовать ли? Осторожно сделал надрез, и молодая кора хорошо сошла. Я прибежал с нею, свеженькой и сыроватой, в землянку, примерил к сверстанному ранее набору, положил на печатный станок и тиснул. Вышло отлично! Тут же понес газету секретарю окружкома ВКП(б) Туркину С. Г., тот, конечно, одобрил и сразу повеселел. Все, кто был в то время свободен, пошли с ножами и топорами в березняк, и мы тут же напечатали этот номер. За ним другой.

Тираж был небольшой, до 50 экземпляров. Распределялась газета по отрядам и среди населения разведчиками Сизневым В., Панковым Т., Лукашевой Т. и другими. Шла газета в пять районов, оккупированных немцами, которые были вокруг нас. Один из первых номеров "Народного мстителя" на березовой коре самолетом переправили в Москву и показали Сталину. И. В. Сталин сказал, это хорошо, что нашли выход из положения и не сорвали выпуск партизанской газеты, но враг может подумать, будто у нас нет бумаги. Бумагу прислали. Газета малым форматом выходила три раза в неделю, большим - один раз.

Конечно, не я один выпускал "Народный мститель", у нас был целый коллектив. Первый наш редактор Кустов Е. А. погиб в 1942 году, секретарем был Лугин П. А. Дальше - наборщик-печатник Новиков И. С., радиотехник Пискунович В. С., художник Скрипник, инициалы не помню, и я, старший по типографии, - наборщик, метранпаж и печатник...

Высылаю Вам подлинник газеты "Народный мститель" на бересте No 75 (237) за пятницу 20 августа 1943 года. П. Ф. Кирюшин. 20 июня 1979 года".

Наверное, боевые отличия у Петра Федоровича Кирюшина

есть, а я рассказал моим читателям о его газете и о нем, чтоб скромный человек этот к выходу на пенсию получил еще одну награду - общую нашу признательность, кстати; каждый может сейчас посмотреть эту газету в Государственном Историческом музее.

...Из прошлого разных эпох наплывают имена и события, беспокоят память; так и должно быть, потому что память, связующая все со всем, помогает жизни находить ее главный вектор.

Поднимаюсь рано, до восхода солнца. В одиночестве брожу по остаткам козельских валов, стою над глубоким рвом, по дну которого медленно перетекает из долины - Другуски к Жиздре слоистый туман.

Удивительное зрелище являет собою Козельск ранним туманным утром! Долины Жиздры, Другуски, Клютомы и Орденки запечатала белая пелена, сокрыла и Оптину пустынь, и Нижние Прыски, а поверх нее, словно из древнего туманного небытия, подымается легендарный город на мысу. Воздадут ли далекие забывчивые потомки должное героизму его, вспомнят ли великие муки этого обыкновенного русского городка, пережившего, как и достославный Торжок, множество междоусобных войн и опустошительных нашествий иноземцев? После уничтожения весной 1238 года Козельск возродился, а потом враги всегда приходили сюда на кровавую грабительскую

жатву осенью.

"Объятый странным ужасом", как писал Карамзин, бежал от рубежей московской земли осенью 1480 года крымский хан Ахмет. Сражение на Угре навсегда покончило с многовековой угрозой нашествий с юга, и хан Ахмет в бессильной ярости разграбил и дотла сжег первый попавшийся на обратном пути русский город - Козельск. А 7 сентября 1610 года, по словам старорусской хроники, "пришли из стана Сигизмунда вольные люди, в два часа овладели Козельском; погибло семь тысяч жителей; увели в плен воевод, бояр... Разграбили добро и ушли, предав пламени город". Тревожные дни пережил Козельск в октябре 1812 года, когда полчища Наполеона, покинув Москву, потянулись по Старой Калужской дороге. Городок этот вместе со всем югом России спасли тогда полководческий гений Кутузова, беззаветная храбрость его солдат и офицеров. Знаменитым фланговым маневром русские войска перерезали врагу путь на Калугу и Козельск, разбили корпус Мюрата под Тарутином, много раз брали и сдавали Малоярославец, но все же повернули разноязычную европейскую орду через Боровск, Верею и Можайск на Вязьму и Дорогобуж - по Старой Смоленской дороге к заснеженным берегам Березины.

8 октября 1941 года в Козельск ворвалась с запада неистовая бронированная орда гитлеровских убийц, разрушителей и грабителей. За восемьдесят один день оккупации города и района фашисты расстреляли и увезли в рабство множество людей, разрушили стратегически важную железнодорожпую станцию, все мосты, заводы, склады, школы, библиотеки, клубы, церкви.

Приведу только реестр их сельскохозяйственной "добычи". Гитлеровцы отобрали у окрестных колхозов и населения 8550 лошадей, 5249 коров, 2129 свиней, 4637 овец, 19860 домашних птиц, вывезли 19750 центнеров зерна, 11530 центнеров картофеля, 21150 центнеров фуража. Документы хранят с тех дней и один микроскопический факт, достойный, однако, презрительного внимания Истории: доблестные воины богатой и сильной европейской страны, умножая свои военные трофеи, "изъяли из детских яслей пятнадцать детских рубашек и двенадцать метров мануфактуры".

Все можно нажить и построить, все восстановить и приумножить соединенными усилиями природы и человеческих рук, но никогда и ничем не искупятся слезы матерей, вдов и сирот, ничем не заполнятся в человеческом роду пустые, расширяющиеся с каждым поколением клинья, идущие в вечность от каждого безвременно погибшего!...

И память снова и снова возвращает меня в Козельск средневековый, к часам, дням и неделям его беспримерной обороны весной 1238 года.

Сегодняшний Козельск - обычный райцентр с одно- и двухэтажными старыми и новыми домами и домишками, деревянными и каменными. От домонгольскпх времен, конечно, ничего не сохранилось. Культовые сооружения обычно крепче других построек стоят против времени, и было когда-то в Козельске ни много на мало, а сорок церквей, из которых уже к началу XVIII века осталось только три. Осмотрел я мощные своды самой старой (1620 года) церкви Воскресения, под которыми сейчас городская хлебопекарня, а снаружи даже не признать, что тут такое было или есть; полюбовался отличной сохранностью и статью Никольской, с грустью взглянул на руины церкви "(Сошествия святого духа в виде голубя" - в меня целиком захватил тот воображаемый Козельск, что стоял здесь весной 1238 года...

Конечно, это была крепость, и крепость по тем временам первоклассная, не только не уступающая крепостям стольных городов, но и превосходящая их по своей обороноспособности, если даже судить по ее останкам... Третий день хожу по крепости, пересекаю из конца в конец, меряю шагами, спускаюсь и поднимаюсь, в двух местах грузик на нитке сбросил в пустоту и завязал узелки, чтоб дома поточней промерить вертикали.

Ночами плохо спалось - мерещилась необыкновенная эта цитадель, яростная битва у ее главной стены, вспоминалась туманная наша древность и не такое уж давнее средневековье с их особыми способами защиты родных земель, не уступающими друг другу по своей эффективности, инженерной изобретательности, титаническим трудовым вложениям и непомерным расходам, говоря по-современному, на военные нужды...

Давно, между прочим, спрашиваю себя - зачем древний период развития нашей государственности, экономики, литературы, архитектуры, языка, военного искусства продлевается вплоть до XVII века, хотя в истории других народов мы обычно числим целое тысячелетие средневековья?

Уверенно пишем, например: "Авиценна, великий ученый-энциклопедист средневекового Востока, родился тысячу лет назад". Для Западной Европы средние века начинаются с краха Западной Римской империи (476 г. н. э.), кончаются открытием Америки (1492 г.). Почему же для нас открыт другой счет? Рука многих ученых авторов ныне почти автоматически выводит слова: "в древнюю, допетровскую эпоху...", "с реформами Петра закончилась наша древность", "древнерусский князь Ярослав Мудрый" и так далее.

Стало, так сказать, модным выносить слова "Древняя Русь" применительно к русскому средневековью в заголовки книг и статей. Сборник Е. А. Рыдзевской, например, назван составителями "Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв.", а ее замечательную статью, написанную в 1939 году и условно названную автором "Русь и варяги", безусловно переименовали так: "**О роли варягов в Древней Руси**", и я оставляю на совести человека, проделавшего этакое, вопрос о его научной корректности... Приходится вообще удивляться, как легко и незаметно прилагательное, определительное слово превратилось в часть составного существительного, в имя собственное.

Энциклопедические словари последнего времени дают отдельную статью-толкование "Древняя Русь", хотя никогда не существовало страны или государства под названием "Древняя Русь", как не было государства или страны, называемой, например, Древняя Франция, Древняя Польша или Древняя Монголия.

А вот книжная новинка на моем столе - только что вышедший солидный академический том "Степи Евразии в эпоху средневековья" (М., 1981), рассказывающий, по археологическим данным, о культуре кочевых народов с V по XIII век нашей эры.

В этой серии выйдет и том, посвященный нашим предкам, но с привычным, очевидно, "сдвигом по фазе" - археологические находки IX-XIII веков будут отнесены к эпохе "древности", а не средневековья.

Время на земле для всех ее обитателей текло одинаково, и мы, будто бы вступившие из древности сразу в новое время, по чьей-то недоброй воле вдруг попадаем в число народов отсталых и второстепенных, хотя, бесспорно, имели, как и все другие, свое средневековье и свою подлинную древность. Не отношу к нашей древности ни черниговский Спас, ни княжение Ярослава Мудрого, ни "Слово о полку Игореве", ни Козельскую оборону, ни Куликовскую битву, ни храм Василия Блаженного, потому что все это принадлежит, если исходить из общей-то мерки, к средним векам общечеловеческой и русской истории.

Не знаю, какими событиями отграничивают этот период в странах Востока; если же необходимо подчеркнуть своеобразие русского средневековья - своеобычность исторического пути всегда отличала один народ от другого! - то можно было бы условно принять нам свои великие вехи, отмечающие такое календарное понятие, как "средние века".

Средневековье наше завершилось, очевидно, приращением к могуществу Русского государства Сибири, древность же не началась, а, наоборот, закончилась основанием Киева в V веке!

Мы, правда, пока не располагаем собственными письменными свидетельствами о древнем, до-киевском, периоде своей истории, но это совсем не значит, что его не было; если б не было его, то не было бы ни нашего средневековья, ни нового времени...

Век от века вытесняли друг друга на южных рубежах древнеславянских расселении скифы, сарматы, готы, гунны, авары. Это были многочисленные и воинственные народы, сметавшие на своем пути все. Скифов, которых не могли победить даже могущественные персидские цари, разгромили сарматы, что стали в свою очередь жертвой свирепых готов, не раз запускавших острия мечей в нутро самой Римской империи. Готы долго казались непобедимыми, но вот из

глубин Азии ворвались в северное Причерноморье гунны. Они пронзили всю Евразию, подошли к Константинополю и Риму, потерпев первое серьезное поражение в 451 году далеко на западе - до Лютеции, Прапарижа, Атилле оставалось сделать всего два конных броска...

И вот перед нами во всем своем величии тайна нашей глубокой древности - почему ни сарматы, ни готы, ни гунны не тронули богатого, земледельческого и ремесленного Поднепровья?.. Что за сказочные богатыри там жили, каким богам поклонялись, на каком языке говорили?

Жили там тогда примерно такие же люди, как мы с вами, даже в среднем пожиже комплекцией, поклонялись, подобно древним грекам, властелинам неба, богам земли, воды и плодородия, покровителям ремесел, домашних и диких животных, верили в домовых и русалок, как другие верили в гномов, эльфов и сирен.

Итак, каким образом смогли уцелеть наши далекие предки в той древности, когда бесчисленные орды завоевателей уничтожали без следа целые народы и растворяли в дыму истории даже память о них?

Н. В. Гоголь, размышляя о гуннском, самом страшном из нашествии, писал: "Великий аванпост Европы занят был, как мы уже видели, владычеством Готов. Их многочисленные племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами... И Готы, те Готы, которые считались непобедимым ея оплотом и силою, уступили перед ними. Это так и долженствовало быть. Тайна азиятского многочисленного набега была совершенно неизвестна Готам. Если б они знали, что азиятское нападение более всего страшно силою перваго порыва, что уменье долее противостоять ему и продлить битву одни только могут выиграть... Впрочем, надобно сказать и то, что нужно было иметь нечеловеческую храбрость и крепость духа, чтобы выдержать первый напор Гуннов".

Истинным аванпостом Европы, однако, были в те древние времена не готы, а наши предки, которые не только знали тайну "азиятского многочисленного набега", но и сумели противопоставить ему, кроме храбрости и крепости духа, свою тайну, особую в ратной истории народов земли препону. И давайте прервем на секунду нашу всеобщую спешку сегодняшней разнообразной жизни, в которую далеко не всегда входит помогающая нам история, да поклонимся киевскому математику Аркадию Сильвестровичу Бугаю за его двадцатилетние труды, не имеющие, правда, никакого отношения к основной специальности этого человека.

Сокровенная тайна впервые было приоткрылась около века назад, потом ею почему-то перестали интересоваться, и только в наши дни А. С. Бугай со своими добровольными друзьями-помощниками занялся доскональным изучением необыкновенной системы обороны, созданной "скифами"-пахарями, которые, как доказывают крупные современные ученые, были предками восточных славян, живших на пограничье Великой Степи в эпоху подлинной нашей древности.

В основе этой системы был мощный земляной вал, обращенный фронтом к степи, с глубоким рвом у подножия.

Остатки таких сооружений доныне сохранились во многих областях Украины, и народ издревле зовет их **Змиевыми валами**. То едва заметное, извивающееся среди полей возвышение, то протянувшаяся на многие километры гряда с ярко выраженным рвом у южной подошвы, то внушительные даже сейчас двенадцатиметровой высоты искусственные земляные поднятия.

Один из валов, обследованный А. С. Бугаем, расположен на юге Киевской области. Поперечник основания - двадцать метров, теперешняя высота - до девяти, а гребень скрывается по обе стороны за Горизонтом. В толщу вала древние фортификаторы закладывали обожженные бревна, и современные методы радиокарбонного анализа древесного угля позволили определить точную дату сооружения - 370 год нашей эры. Именно в этом году гунны ворвались в Крым и стерли с лица земли **Боспорское царство** вместе со столицей Пантикапеей.

В иных местах валы тянутся параллельно друг другу, смыкаются с соседними системами, образуя неприступные, гениально простые, хотя и очень трудоемкие в строительстве защитные линия. Степная конница была бессильна прорвать их! Наездник не мог с ходу преодолеть рва и крутяка

над ним, а спешившийся степной воин терял все свои преимущества перед защитниками, которые не боялись и длительной осады. Степняки, впрочем, тогда вести ее не умели да и не могли - нужны были подсобные орудия, постоянный корм и вода для основных и запасных коней. Если же подножный корм в округе мгновенно стравлялся-вытаптывался и не текли речки, на суходоле не росло леса и неоткуда было пригнать рабов, которые могли бы соорудить осадные лестницы, то не лучше ли было повернуть морды коней туда, где таких неодолимых препятствий не встретится и не будет этих яростных бородатых воинов, ощетинившихся на гребне вала копьями, длинными крючьями, поднявших мечи, увесистые дубины и натянувших сильные луки с меткими стрелами на тетиве? Когда же, загромоздив ров трупами лошадей и людей, степняки все-таки прорывались на вал, за ним нежданно возникала другая оборонительная полоса, взять которую было еще трудней из стесненного, простреливаемого врагом пространства.

А. С. Бугай обследовал около семисот километров валов, обнаружил в одном месте фортификационную систему, по крайней мере, из шести параллельных земляных преград, определил тем же радиокарбонным методом дату сооружения самого древнего вала длиною в тридцать километров и прикрывавшего когда-то большое пресное озеро... Как вам, дорогой читатель, это ни покажется удивительным, вал тот, входящий в четырехрядную их систему, был насыпан в 150 году до нашей эры!

Историки помогают установить, что древнейшим из датированных к настоящему времени валов поднепровские славяне защитились от сарматов, только что покончивших тогда с многовековыми хозяевами Великой Степи - скифами. Найдены также валы, предотвратившие вторжение готов, и самые последние, направленные против агрессии аваров. Это уже VII век нашей эры, в который, строительство гигантских земляных крепостей прекратилось, наверное, потому, что позже оказалось более выгодным с военной и экономической точек зрения сооружать крепости-города и содержать на беспокойных южных рубежах опорно-сигнальные форпосты, а в распоряжении князей - мобильные дружины конных профессиональных воинов, включавших наемных кочевников и способных не только противостоять в открытой степи новым пришельцам-печенегам и половцам, но и совершать быстрые ответные рейды по их тылам и районам концентрации. Впрочем, старая добрая защита служила и позже, когда Киев возводил южную оборонительную систему крепостей против печенегов и половцев. Украинские археологи, обследовавшие недавно Змиевы валы в бассейне реки Стугны, утверждают, "что эти валы не только использовались, но строились или по крайней мере перестраивались в конце X-начале XI в." (Славяно-русская археология. Краткие сообщения, № 155. М 1978, с. 11).

А исследования Змиевых валов, будоражащих воображение, продолжаются. Подсчитано, например, что кубатура одного из них так велика, что на его сооружении работало не менее ста тысяч человек, в том числе, очевидно, рабы и военнопленные. Под защитой земляных твердынь располагались среди возделанных просторов города оптимально круглой планировки с населением примерно по тридцать-сорок тысяч жителей. Самая прочная, глубоко эшелонированная оборонительная система Древлянской земли создавалась девятьсот лет! Различные системы соседствующих земель смыкались, образуя сложный и единый фортификационный уникум, охватывающий полукольцом огромную территорию древнеславянской государственной федерации.

Действительно, малочисленные племена или разрозненные роды не могли создать хотя бы один из сохранившихся валов - от Фастова до Житомира протяженностью сто двадцать километров; такое под силу было только своего рода государственному образованию, объединенному рядниками и нарядчиками - верховной властью князей, племенных вождей, языческих жрецов и народного веча, общими верованиями и целями, аппаратом управления, порядком.

И еще раз вспомним пресловутых норманистов, вспомним, как в 1862 году с помпой, но исторически спекулятивно и ошибочно, было отмечено тысячелетие России. Воздвигнутый к этой дате в Новгороде прекрасный памятник был разобран немецкими фашистами, но недавно возрожден для новой жизни.

Хорошо, пусть стоит, только им отметили всего лишь эпизодическое, так называемое "призвание варягов", хотя первое устойчивое государственное образование сложилось на Русской равнине к 862 году, а в середине прошлого века можно было бы, наверное, со спокойным достоинством отметить 2000-летний, юбилей нашей своеобычной древней государственности, двадцативековой исторический путь великой и обильной, возделанной трудом наших предков - пахарей земли, защитившейся от степной Скифии-Сарматни первым оборонительным валом за полтора века до нашей эры, а может быть, и раньше...

А полтора тысячелетия спустя, в средние века, русский народ возвел на дальнем северо-западе своей прародины еще одну оборонительную систему, равных которой человечество тоже не знало ни до нее, ни позже.

Первой крепостью этого района была, очевидно, Ладога, основанная на заре средневековья. Наши предки пришли сюда еще в VI веке и поселились неподалеку от побережья Ладожского озера на речном мысу, омываемом водами Волхова и Ладожки.

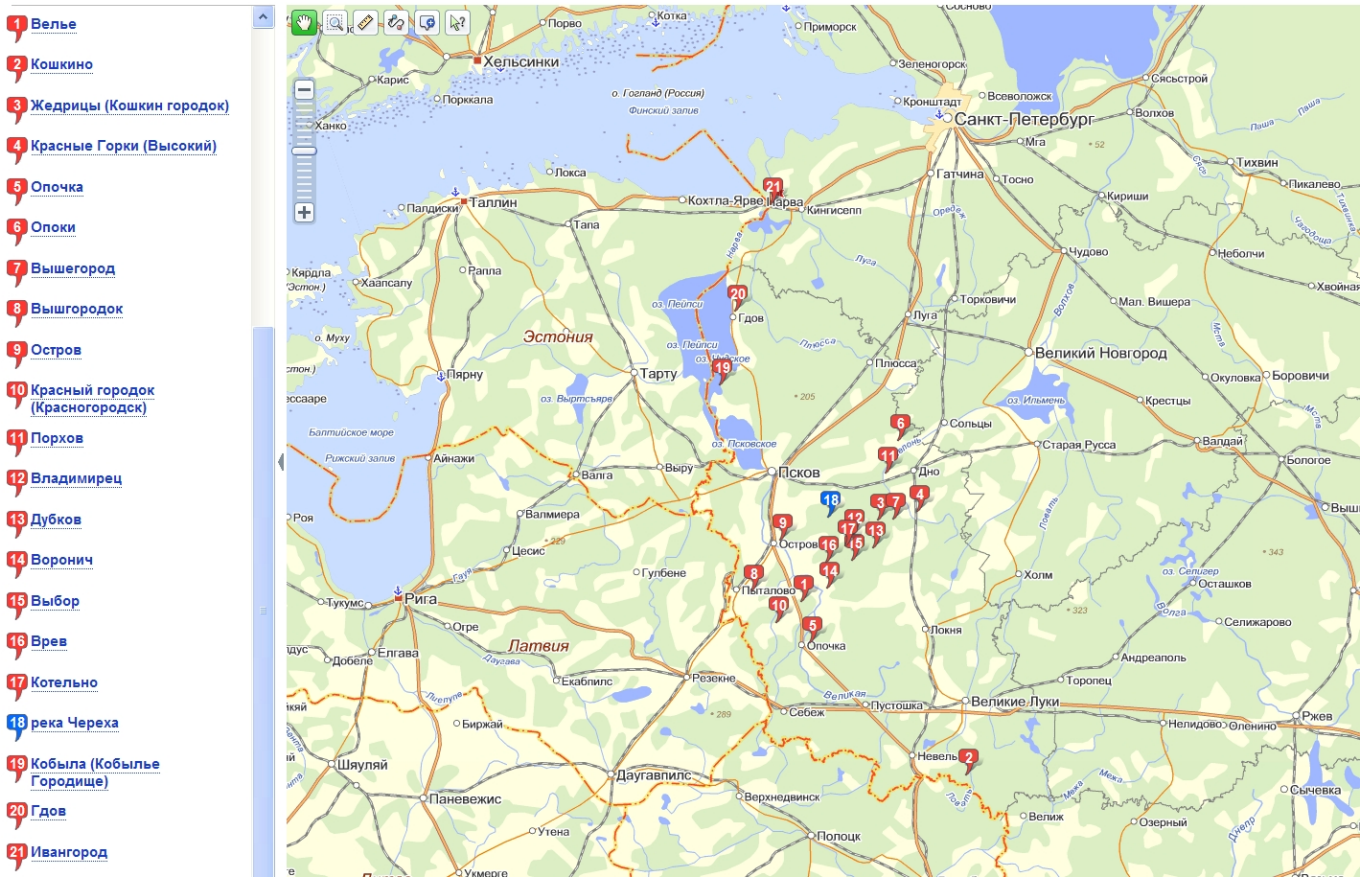
Традиционный земляной вал и ров перед ним защищали первопоселенцев с напольной стороны. В XII веке сильная каменная Ладожская цитадель надежно охраняла от шведской экспансии Новгород, запирая доступ к волховскому водному прямотоку, а через тысячу лет после ее основания Борис Годунов послал в город-крепость колокол с надписью: "Ладоге, оплоту государства моего".

Несколько позже Ладоги возник Изборск, упомянутый летописью как город еще в связи с приключением 862 года; он на долгие века прикрыл собою с немецкой стороны другой важнейший торговый, ремесленный и культурный центр русского средневековья - Псков.

Новгородско-Псковская земля, избежавшая нашествия орды с востока, в XIII-XV веках героически сражалась на три смыкающихся фронта, защищая возрождающуюся Московскую Русь.

Псковичи и новгородцы не смогли бы устоять, не сумели бы сохранить последний островок русской национальной независимости, если б не бросили тогда все силы на сооружение эффективной системы первоклассных крепостей!

На далеких от Новгорода северных рубежах Карельского перешейка возникли **Корела** и **Тиверск**, в истоке Невы - знаменитый **Орешек**, на северо-западном фронте - **Копорье**, принявшее на себя удары вначале датских крестоносцев (1224 год), затем немцев (1338 год), а вслед за ними пришел было под стены этой крепости сам шведский король Магнус, да только вернулся восвояси.



Через сто лет, когда объединил с Ливонским орденом свои войска король Дании, Швеции и Норвегии Кристиан III, до Копорья пришлось ему две недели безрезультатно осаждать соседнюю крепость **Ям на Луге**, возведенную новгородцами вскоре после Куликовской битвы, и откуда он, потеряв множество воинов, "отъидоша в свою землю". В конце же XV века вознесся над Нарвой знаменитый **Иван-город** - в подкрепление **Гдову** и **Кобыле** - старинным северным псковским форпостам на Чудском озере. Однако самая мощная концентрация крепостей возникла на юго-западных сухопутных подступах к Пскову[92] и Новгороду - **Вышегород**, **Опочка**, **Опока**, **Вышгород**[93], **Остров**, **Красный**, **Порхов**, **Владимирец**, **Дубков**, **Воронич**, **Колож**, **Выбор**,

---

[92] **Наиболее развитую** и совершенную систему обороны, дополненную во второй половине XV в., имел Псков. Она также состояла из целого ряда хорошо укрепленных форпостов. Часть их образовывала четкую линию, вытянувшуюся вдоль западной границы Псковской земли, а другая, более разветвленная, прикрывала всю ее южную окраину. Для небольшой территории Пскова, зажатой между владениями Литвы и Ливонского ордена, с одной стороны, и Новгорода - с другой, эта система была огромной. На иностранцев она производила сильное впечатление. Указывая, что вся земля Псковская очень невелика, «в длину шестьдесят миль, а в ширину сорок», Матвей Меховский (1457-1523) - автор историко-географического трактата о Восточной Европе, впервые опубликованного в Кракове в 1517 г., - был удивлен этой системой. «Земля Псковская,- писал он,- имеет тридцать каменных замков по направлению к Ливонии, каких нет ни в Московии, ни в Литве» [296]. Конечно, данные Матвея Меховского далеко не соответствуют действительности. По подсчетам самих псковичей, Псковская земля, лежащая узкой полосой вдоль западной границы Руси от реки Пяты до верховьев Великой и ее притоков, имела в длину около трехсот верст, а в ширину - едва доходила до ста [297]. При этом они сами свидетельствуют, что в начале XVI в. Псков имел только десять пригородов [298]. Если даже прибавить к ним Псков и два городища, оставшиеся к тому времени от Кобылы и Вышегорода, а также Колож и Котельно, не существовавшие уже в начале XV в. и не принятые псковичами в расчет даже как городища в начале XVI в., то и тогда число псковских крепостей возрастет только до пятнадцати. Не все они были и каменными. Однако преувеличение Матвея Меховского говорит о том впечатлении, какое система обороны Псковской земли производила на иностранцев. Для северо-запада Руси ее значение было огромно: она мешала немецким рыцарям и литовским феодалам продвинуться в глубь русской территории.

Местные оборонительные системы отдельных княжеств имели большое значение не только для каждого из них в отдельности, но и для Руси в целом. Псковская военно-оборонительная система защищала и основную новгородскую территорию, облегчая новгородцам охрану их западных рубежей. Поэтому после оборонительного строительства на реке Шелони в 1239 г., вызванного захватом Пскова и глубоким вторжением немецких рыцарей в русские земли, новгородцы не возвращались к укреплению своей западной окраины вплоть до постройки Порховской крепости в 1387 г., т. е. почти полтораста лет, когда фактически повторилась военная обстановка второй четверти XIII в.

[93] По-видимому, здесь имелся ввиду **Вышгородок**, так как во всех источниках топоним Вышгород используется как

Врев, **Высокий**, **Котельно**, **Велье**, **Кошкин**... И если какая-то из этих крепостей бралась длительной осадой или яростным штурмом, что, кстати, случалось не раз и не два, то за нею высились бастионы следующей, а затем целая гроздь неприступных твердынь, нанизанных на крутые речные берега, взять которую уже ослабленными силами было невозможно, и со дня на день могла подойти свежая новгородская или псковская рать, а то и обе вместе, да еще не дай Бог с войсками далекой залесной Московии, как это случилось зимой 1349 года, когда шведы вместе с датскими и немецкими наемниками были выбиты из первой же захваченной ими Орешковской крепости на Неве.

Вспомним, между прочим, что тогда уже наступило время "бога войны", пороховой артиллерии, появившейся вначале на вооружении захватчиков, но новгородцы и псковичи быстро противопоставили ей крепостные пушки да мощнейшие каменные бастионы, в которые закладывали огромные валуны, раскалывавшие, как орехи, чугунные ядра врагов. В 1428 году литовский князь **Витовт** так и не смог взять Порхова, хотя долго бомбардировал эту крепость из "Галки", крупнокалиберной тяжелой пушки, которую едва тащили цугом сорок лошадей...

Сохранившиеся стены и башни Иван-города, Порхова, Орешка до сего дня поражают нас своей толщиной и высотой, инженерной планировкой и тайниками, искусством и трудолюбием строителей, сделавших возможным патриотический ратный подвиг нашего народа в самую опасную и жестокую годину средневековья.

29. Глава 29

И вот передо мной Козельская крепость с ее неотступной загадкой. Если в глубокой древности славянский юго-восток оборонялся землей, северо-запад в средневековье - камнем, то чем держалась почти два месяца эта срединная цитадель? При царе Алексее Михайловиче жил в Тобольске образованный и наблюдательный серб Юрий **Крыжанич**, кстати, первым в истории высказавший мечту о грядущем единении всех славян. Заметив, что русский народ умеет замечательно использовать для обороны от врагов реки, озера, овраги, болота и естественные возвышения, он назвал такие места очень выразительно - "твердостями самородными". Но что были бы это за твердости, если б и древние и средневековые наши предки не приложили к ним рук и смекалки?..

По продольным и поперечным очертаниям эта огромная земляная гора напоминает солдатскую флягу, лежащую плашмя и чуть в наклон к меридиональному направлению, с горлышком, обращенным к югу. Достаю блокнот и рисую, как умею, эту флягу, а рядом - примерный профиль козельского мыса. "Горлышко" фляги - мост, жизнь и смерть древнего города. В поперечном сечении гора - та же фляга, омываемая водой. В районе Козельска в Жиздру впадают три речки - Другуска, Клютома и Орденка.

Покатый мыс, завершающий водораздельный склон, круто вздымается между первой из них и Жиздрой.

И вот вам, дорогой читатель, первая догадка и, быть может, отгадка Козельской крепости... Все реки, текущие в северном полушарии по меридиональному направлению, воздействуют на правый берег частицами воды, что обусловлено влиянием вращения Земли, - об этом свидетельствуют как натура любой речной долины, так и теоретические обоснования Бэра и Кориолиса. Другуска, довольно сильная река длиною в сотню километров с двумя десятками притоков, текущая с крутяков водораздела, в глубокой древности подточила козельскую гору и образовала неприступный обрыв. С веками, однако, гора осыпалась, застраивалась, теснила речку, и на ее правой приверхе для усиления защиты крепости был насыпан вал, о котором речь впереди.

Что же касается противоположной, восточной стороны козельской горы, то она... тоже крутая, и вдоль нее течет Жиздра! Я поставил восклицательный знак потому, что не вполне понимаю, как

сининым Вышегорода и обратно.

здесь оказалась река, да еще такая большая. За ней просторная, шириной в несколько километров, пойма, на противоположном поднятии - лес и Оптина пустынь. И недоумение мое связано с тем, что инерционные и гидродинамические законы, по которым наши реки всегда подмывают правый берег, должны бы расположить пойму слева от русла реки, если смотреть по ее течению, а у козельской горы жиздринская пойма простирается почему-то за правым берегом. Она покрыта кустарником, густой травой и многочисленными озерками, продолговатыми изгибистыми вымоинами, так называемыми "старицами", и, быть может, в этом отгадка? Река, разработав в геологически давние эпохи довольно широкую долину, наносила сюда, к последним перекатам, так много взвесей - глины, камушков, песка, что начала менять русло. Такой же вид имеет, например, пойма Десны у Чернигова, вся покрытая тихими рыбными старицами, едва уже различимыми с Вала. Но Десна в том месте, где в нее впадает Стрижень, все же льнет к городу, и это законный крутой правый берег, а у Козельска, повторяю, Жиздра течет под крутым левым берегом!

Что это - следствие естественного так называемого меандрирования, извилистости, характерной для равнинных рек, воздействия изгиба русла, из-за которого может подмываться и левый берег, или чтото другое? "Другим" может быть только одно - когда-то вятичи, дабы усилить оборонные качества своей главной крепости, помогли ослабевшей в широкой ровной пойме Жиздре, подсыпали, где надо, и направили ее к мысу, обеспечив надежной водной преградой всю восточную сторону крепости! Как бы то ни было, с двух продольных сторон козельского мыса, под обрывными берегами бежала и до сего дня бежит вода.

А над обрывом высились стены, у которых нельзя было без опорной площадки утвердить стенобитные машины. На забралах и в башнях сидели меткие стрелки и поражали врага на крутяках, воде или на открытой плоской местности, если речь шла о жиздринской пойме, и на склоне, обращенном к стене, если осаждавшие пошли бы на приступ через Другуску. От вершины горы до уровня воды по вертикали - около тридцати метров. И если прибавить пять-десять метров стены и боевых башен, то бессмысленным занятием было устанавливать внизу камнеметательные машины - большой, сметающий забрала и башни камень на такую высоту не бросить ни противовесом, ни натяжным устройством. Защитники же посылали вниз стрелы, бросали бревна и камни, набирающие в падении убойную силу. Таким образом, две самые протяженные стороны **Козельской крепости** - западная и восточная - были в средневековье совершенно неприступными.

Причем вдоль восточной, жиздринской стороны тянулся понизу самый мощный из сохранившихся валов. Он и сегодня производит внушительное впечатление, хотя расплылся и на нем стоят деревянные и каменные строения.

В плане гора на первый взгляд не напоминает флягу. Жиздра течет более или менее прямо, зато Другуска делает несколько поворотов. У меня, к сожалению, нет горизонталей. Если же их квалифицированно нанести, то древняя городская черта пойдет над обрывными местами по довольно правильному овалу, почти идеально повторяющему в плане контуры солдатской фляги...

Пунктирные линии в северной части мыса. С удивлением и восторгом я узнал, что так текла Другуска до 1936 года! Сейчас у нее за северным мостом спрямленное русло, которое было изначальным, древнейшим. Быть может, еще вятичи прокопали ей новый путь, продлив водную петлю почти до середины восточной подошвы козельской горы. Они, можно сказать, повернули реку вспять, заставив ее работать в помощь Жиздре и себе, - Другуска взялась подмывать свой правый берег, над которым высился крепостной крутяк, и заболачивать левый... Едва ли много на свете рек, повернутых навстречу своему основному течению! Древние козельские гидротехники или с гениальной простотой использовали минимальный местный меридиональный уклон, или... создали его своими руками в том месте, где материнская река с перекатных шивер бросалась вниз.

И удивительные совпадения! Маршрут основных сил орды от верховьев Воронежа до Торжка

имел форму гигантского вопросительного знака. Обратный путь Бату-Субудая по водоразделам - перевернутый вопросительный знак размером поменьше. Искусственное русло Другуски, полукольцом охватывавшее козельскую гору, - тоже вопросительный знак, только в зеркальном отражении! Правда, в 1936 году он потерял свое завершающее скругление - когда протянули железную дорогу по верху горы и новому направлению, инженеры сочли, что береговые опоры путепроводного пойменного сооружения ослабят эта подмывающая склон струя и болото, поэтому Другуску вернули в древнее русло.

Пробираясь по тальниковым зарослям прежнего, теперь уже старого русла, поднимаюсь на вал, который тянется над ним все еще мощной искусственной грядой, где я, оглядевшись, понял, что землю для этого вала взять было неоткуда, кроме как снизу, от подножия горы и русла Другуски. Таким образом, с запада и севера, где болотистая пойма Другуски соединялась с поймой Клютомы, с северо-востока, где искусственное устье Другуски примыкало к Жиздре, и с востока были надежные преграды под крутыми обрывами. Удивительно! Крепость великолепно защитилась с трех сторон, и это были стороны, откуда издревле ожидались враги. Единственная доступная ее сторона, так называемая напольная, располагалась с юга, где исторически сложившиеся обстоятельства образовали метрополию Козельска - Чернигово-Северское княжество.

Пунктиры же через "горлышко" фляги - это третья загадка Козельской крепости, которую тоже не вдруг отгадаешь. Сейчас в этом месте, под мостом, глубокая прямая выемка. По дну ее шла старая железная дорога. Только не строители в прошлом веке перекопали это самое узкое место горы; ров существовал задолго до них, и мост через него издревле связывал город-крепость с водоразделом. Шагаю по буграм над "горлышком" и опять прихожу к выводу, что землю для них можно было тут взять только снизу, из рва, который со временем, потеряв свое оборонительное значение, заилился, осыпался и зарос. Железнодорожники снова углубили его, выравнивая подъем из поймы, а землю переместили в пойменную насыпь.

Пытаюсь представить себе это место, каким оно было в XIII веке. Конечно же, ров опускался до уровня речной воды и Другуска соединялась с Жиздрой рукавом! Такое решение древних или средневековых фортификаторов, умевших замечательно приспосабливать к своим целям природу, было бы естественным и даже единственно правильным. Здесь самое узкое - каких-то двести сажен - место перешейка, тут же единственный вход-выход, связывающий город с "большой землей", и наиболее уязвимое его "горлышко". Течение Другуски бьет в гору с плавного поворота, будто река сама просится скорей к Жиздре. И здесь же обитало деятельное и воинственное племя, которое имело замечательных инженеров, вытворявших с реками все, что захотят, и располагало достаточным запасом времени, чтоб догадаться о пользе и даже необходимости пропустить воду этой реки через ров. Впрочем, заполненная водою канава никогда, в сущности, не была оборонительной новинкой, ее простота и надежность использовались разными народами с глубочайшей древности до нового времени. Вдоль московской Красной площади, например, исторически недавно тянулся заполненный водой ров, соединявший Неглинку с Москвой-рекой и защищавший Кремль с напольной стороны.

Ученые насчитали немало типов средневековых русских крепостей, группируя их по способу использования особенностей рельефа и водных препятствий. П. А. Раппопорт пишет: "Известен на верхнеокской территории пример городища, расположенного на перешейке речной петли, - это древний Козельск. Расположение его вполне аналогично расположению некоторых тверских городищ". Специалисту, конечно, виднее, но если в Козельске Другуска была соединена с Жиздрой боковым рукавом, то эта крепость уже приближалась к типу островных, самых надежных в те времена. Правда, принятая типология основывается прежде всего на природных признаках, и островными считаются крепости, которые защищались естественными водными препятствиями, главным образом болотами в северных районах Руси, известен ли был этот тип крепости в верховьях Оки? "Городища островного типа на рассматриваемой территории почти совершенно не встречаются, - пишет тот же автор. - Единственный пример - Городец на Жиздре, расположенный на овальном в плане холме посреди топкого болота на левом берегу Жиздры".

Так вот, неужто жители столичного поселения на овальном высоком холме и на левом же берегу Жиздры не знали защитных особенностей соседней крепости? "Во время половодья городище бывает полностью окружено водой и превращается в подлинный остров", - утверждает ученый П. А. Раппопорт, а в Козельске снимали мост через ров и превращали свою гору в подлинный остров не только в половодье, но когда пожелают. И она стала таким островом героической и трагической весной 1238 года, в самое половодье...

Не претендуя на терминологическое новаторство в области военно-исторической науки, я бы назвал древний и средневековый Козельск искусственно-островной крепостью. Бесспорно, она была на Руси одной из самых надежных цитаделей, включавшей в себя весь город. Чтоб разобрать эту и другие ее особенности, я снова раскрываю одну из страничек моего козельского блокнота, на которой попытался восстановить план и облик этой оригинальнейшей крепости.

Прежде всего о размерах укрепленной части города - они воистину необыкновенны и могут быть оценены только в сравнении с укреплениями других городов, например, того же Чернигово-Северского княжества. Путивль, обладавший примерно такой же системой обороны, как Козельск, имел защищенную площадь всего в 1-3 гектара, Вщиж - 6, Любеч - 5-10, Новгород-Северский - от 20 до 40, Чернигов - более 40 гектаров. Козельская гора была вся обстроена по овалу крепостной стеной. Длинная ось овала - чуть меньше километра, короткая - почти четыреста метров, то есть козельская система защиты окружала около 40 гектаров городской площади. Благо не было у козельцев недостатка в строительных материалах - по Жиздре стояли прекрасные леса с могучими стволами и их можно было приплавить к городу в любом количестве. Из отборных дубовых лесин возводились стены и башни, которые не являются ни загадкой, ни предположением, - они, бесспорно, существовали, играя роль сторожевых вышек, поднятых над стеной для лучшего обзора местности, и, конечно, оборонительных точек, откуда легче и безопасней было выцелить врага через узкие бойницы.

Осада Козельска в 1239 году, миниатюра XVI века из Голицинского тома Никоновской летописи

Любознательный Читатель. Откуда уверенность, что башни в Козельске были?

- Эти боевые башни ясно видны на старинной миниатюре, изображающей Козельскую оборону. Бесценный для истории рисунок, правда, относится к XVII веку, но ученые не сомневаются, что это копия с более раннего оригинала. Есть и косвенные доказательства. Во Вщиже академик Рыбаков раскопал остатки фундамента огромной многоугольной башни, опиравшейся на мощные стояки. И если в маленьком городке на севере Черниговского княжества возводились этакие сооружения, то очень трудно допустить, чтобы Козельск, столь важная стратегически крепость, их не имел.

- Но в Козельске-то не найдено таких фундаментов!

Мне нравится этот мой читатель. Ему подавай точные,

исторически бесспорные сведения. И я отвечу ему, что, к сожалению, в Козельске фундаментов древних башен пока не обнаружено, и чуть позже объясню, по какой, в частности, но, быть может, главной причине... Сооружения средневековой фортификации в этом районе Руси еще несколько

веков служили свою службу. Козельская гора после разорения снова постепенно заселилась, и на ней опять возникла крепость, которую в 1566 году приезжал инспектировать сам Иван Грозный. Стена имела две проезжие и шесть глухих башен. В домонгольское время их могло быть до двенадцати - по дистанциям перестрела.

С веками цельность козельской горы нарушалась промоинами, тропками-дорожками, огородными террасами, холм расползался, застраивался по склонам. Обороняемая площадь перестраивалась, уменьшалась, охватывая лишь вершину горы.

Появились пригороды, и с северной стороны к одному из них, "острогу", сделали пологий спуск, открыли подбашенные ворота и мост через Другуску. Через полтора века после ревизии Ивана Грозного появился еще один документ об этой крепости. Его нам оставил выходец из низов, замечательный деятель Петровской эпохи, секретарь Сената **Иван Кирилов**, человек широко образованный, занимавшийся географией и картографией, астрономией и физикой, экономикой и статистикой. Его работы давно признаны мировой наукой, и я рад, что могу здесь два слова вставить об Иване Кирилове для тех, кто о нем никогда не слыхал. В прошлом веке историк М. П. Погодин впервые выпустил фундаментальный труд Ивана Кирилова "Цветущее состояние Всероссийского государства", прекрасно переизданный в 1977 году с дополнениями под редакцией академика Б. А. Рыбакова.

Это статистическое описание России первой четверти XVIII века, которое я листаю как старинный увлекательный роман. В нем множество сведений о том, что ушло навсегда с лица нашей земли, и о том, что могло бы, пусть и фрагментарно, вернуться. Мечтательно имею в виду, например, московский Белый город Федора Коня, о башнях и мерах коего сообщает Иван Кирилов, или лобовую стену Козельской крепости - драгоценнейшие памятники нашей истории, архитектуры и фортификации... Итак, Иван Кирилов: "Козельск, город деревянной, рубленой, в нем 2 башни проезжие, 6 глухих, по мере около города и башен 389 сажен..."

- Но ведь это менее восьмисот метров по периметру. Крохотная крепостенка!

- Козельск после полного уничтожения в 1238 году возродился не сразу, и пригородная Оптина пустынь, я считаю, возникла тогда, когда на горе еще не появились новопоселенцы, потому что слово "пустынь" означает уединенный монастырь или монашескую келью, расположенную в безлюдных, отдаленных и труднодоступных лесных, горных или степных местах. И может быть, только в XIV или даже XV веке козельский мыс снова заселился и защитился новой крепостной стеной, правда, "по мере около города" вдвое меньшей...

- И все же не слишком ли смело предполагать, что к приходу орды стена тянулась по овалу с продольной осью чуть ли не в километр и поперечной почти в полкилометра?

- В сведениях XVI века есть неопровержимые доказательства. Один только продольный восточный вал вдоль Жиздры, искусственного русла и устья Другуски, оказывается, тянулся на 450 саженец, и его остатки почти на всем протяжении сохраняются доныне, хотя в целом козельская гора давно потеряла изначальную форму и от вершинного выгиба до подошвы сейчас усеяна домишками, садочками, сарайчиками-курятниками.

Тот же документ дает основание для новых загадок, отгадок и просто догадок, связанных с фортификацией этой необыкновенной крепости.

Козельский мыс был надежно защищен водой, болотами, крутыми обрывами, стеной, и городская цитадель - детинец - располагалась не в крайней точке мыса, как в других средневековых русских городах, а сразу же за "горлышком" и главной, то есть воротной, стеной, что увеличивало обороноспособность крепости.

- На каком основании сделан вывод о нетрадиционном расположении детинца?

- Археологических и летописных данных на этот счет нет, но, кроме смекалки древних козельцев, в какую я безоговорочно уверовал, в описании Козельской крепости XVI века есть одна простая фраза, содержащая, однако, множество информации. После упоминания о восточном вале длиною 450 саженей говорится о другом вале, более, надо понимать, длинном. В переложении на

русский язык XX века, эта фраза, взятая мною из дореволюционного калужского путеводителя, выглядит так: "Был и другой вал, который шел от "острога", по берегу реки Другуски, и, перейдя ее, охватывал южную, более других открытую часть города". Во-первых, "острог" - это древнее название самой удаленной от детинца пригородной окраины. Вспомним, что хан Кза (Гза[94]) в 1185 году после победы над Игорем Святославичем сделал набег на Посемье и Путивль, "пожже волости многий и острог у Путивля, а града не взя". Таким образом, "острогом" считалось поселение вне града, то есть крепости. Вал, во-вторых, тянулся над Другуской от северной части крепости к южной. Это подтверждает мои догадки о том, что русло ее было зарегулировано, а земля поднята для образования продольного западного вала, следы коего сейчас тоже еще заметны.

Но вот третье удивительное и загадочное сообщение - вал этот будто бы переходил Другуску и охватывал южную, действительно самую открытую, напольную часть города! Здесь я развожу руками и приглашаю читателя сделать это вместе со мной. Где, в каком месте вал мог переходить Другуску? Только через ров, речной проран, но тогда бы он перекрывал рукав! А за рвом, выходит, с юга, позже примыкал к крепости какой-то пригород? Это могло быть, и в такое случае он стоял тоже вне города. И не слишком ли фантастичным покажется предположение, что рукав Другуски пропускался под валом через каменный арочный водовод? Снова и снова прихожу к выводу, что о подробностях прошлого мы знаем примерно столько же, сколько о подробностях будущего...

Интересно все же течет Другуска! Стремительно сбегая с водораздела более или менее прямым путем к городу, она вдруг образует плавную дугу, а это значит, что воды ее успокоились и тихо текут по слабым грунтам, пропитывая берега. Возможно, что древние козельцы, пропустив сильную струю Другуски в Жиздру через рукав и тем ослабив реку, не только создали островную водную защиту, но и намеренно заболотили западные и северные подступы к чудо-крепости! Потом, повернув течение реки навстречу жиздринскому, не только подвели воду вплотную под северо-восточный крутяк, но и заболотили низинный уголок искусственного междуречья, хорошо зная, что даже небольшое, но глубокое и топкое болото преодолеть труднее, чем любую реку.

А стрежневой прямоток Другуски мог вызвать в проране исключительно счастливые последствия! Стоит вглядеться в сохранившуюся натурную реальность, чтобы живо представить себе, как Другуска, ударяя течением в южную подошву горы и быстро, коротким рукавом сбегая к Жиздре, подмывает глинистый грунт рва полукружием. И лобовая крепостная стена могла быть построена по обрыву с прогибом. Это был бы оригинальнейший, не имеющий аналогов в средневековой русской фортификации случай.

Существовали круглые, округлые, овальные, позже квадратные, правильно и неправильно многоугольные контуры крепостей, изучены всевозможные зоны обстрела вдоль стен, но идеальными защитными качествами обладала бы стена вогнутая, сферическая - враг мог быть поражен с любой точки и со всех сразу, а особенно эффективно с надвратной и угловых башен!

- Было бы само собой разумеющимся построить такую стену! Неужели козельцы, веками улучшая оборонные качества своей крепости, не додумались до этой еще одной гениально простой вещи?

- Не знаю. Были средневековые русские крепости, строители которых с исключительным остроумием создавали для врага искусственные препятствия. Проход к воротам, например, делался кое-где таким образом, чтоб нападающий не мог свободно пользоваться мечом, саблей или копьем с правой руки... На миниатюре, изображающей Козельскую оборону, вогнутость южной, лобовой стены, если она была, рассмотреть не удается, но ведь средневековая русская живопись не знала изображений в глубину, любая перспектива выглядела плоскостной, и, кроме того, миниатюра вместила лишь небольшой участок стены, да еще с условной масштабностью, несоблюдением реальных величин при изображении башен, камней, людей, оружия. Правда, есть

---

[94] ***Гза/Гзак*** - имя другого половецкого хана. Из существующих этимологий известны: а) Ф. Е. Корша: Гза/Гзак < xodža ~ xozä; иранск. xodža -"хозяин, господин"

косвенное, но неоспоримое доказательство, что воротная стена Козельской крепости высилась непосредственно на краю рва - перед ней не было вала, как во всех других крепостях средневековой Руси.

- Но я так понял из предыдущего, что остатки этого вала у "горлышка" можно и сейчас посмотреть - на него вроде бы пошла земля из рва?

- Правильно поняли, и я сам ходил там по гребням, еще не исчезнувшим. Однако древний вал этот, насыпанный довольно близко к южному обрыву, располагался необычно - не перед стеною, а за ней, перед детинцем.

- Как это можно установить?

- В Ипатьевской летописи сказано предельно ясно, что "разбившимъ градоу стеноу и вознидоша на валъ Татаре".

- И верно - убедительная подробность.

- От этого вала совсем немного места до края обрыва, и козельцы, естественно, соорудили стену на самом этом краю, чтоб не было свободных площадок для осадных лестниц и туров. А если край обрыва шел дугой, обращенной к городу, то стена должна была повторить эту дугу! Некоторая кривизна рва могла сохраниться даже до прошлого века, но железнодорожная выемка, конечно, спрямила ее. Найти бы в архивах отчеты о тогдашних земляных работах в Козельском перешейке или старинный план города!

- А что же говорят археологи?

- Ничего не говорят...

Это может показаться странным, дорогой читатель, но пока ни один ученый досконально не изучал крепости, ее гидротехнических и земляных сооружений, никогда лопатка археолога не касалась козельской горы. Неужто, еще и еще раз спрошу, мы и в самом деле так ленивы и нелюбопытны?

30. Глава 30

С урусом, придумавшим эту крепость, Субудай говорил бы как с равным, потому что тот был равным ему воителем, хотя и оборонным, не способным выиграть хорошую войну, дающую большую добычу.

Первое тяжелое препятствие на пути к воротной стене - вал. Он был пологим с внешней стороны, открытым для стрел - со стены и башен можно без опаски поражать цель и с расстояния добивать раненых, если они поползут к лесу. Крутой внутренний скат вала - простая и хитрая ловушка, из нее уж не выбраться ни одному воину, потому что толстый слой льда обрывался у края рва. Лед урусы успели наморозить и с внешней стороны вала, но скоро он растает, потому что начал уже таять на стене и воротах.

Главное, ров был очень глубок - высокое урусское дерево скрылось бы в нем с вершиной, хотя за зиму на дне его скопилось много снега, покрытого толстым слоем льда, потому что не вся вода успевала схватываться морозом на воротной стене, сбегала вниз и там застывала. Субудай знал лишь одно средство овладеть крепостью, чтобы примерно наказать последних непокорных урусов, взять фураж для коней и подкормить оголодавшее войско. К этому простому и верному средству, теперь единственному из всех, он прибегал повсюду во вселенной, теряя много рабов и воинов. Сейчас у него было мало рабов, если сравнить с прежними временами и другими странами, но у него будет слишком много воинов, если штурм по всем правилам войны окажется длительным и войско сделается подобным змее, пожирающей себя с хвоста. Самую сейчас важную тайну он не раскрыл пока никому, и даже внук Темучина сын Джучи оставался в неведении насчет общего количества запасных коней, слишком быстро исчезающих в утробах воинов.

Делить войско на отряды, дробить запасной табун и надежно его охранять Субудай начал еще с большого озера, но к концу этого тяжелого пути пришлось урезать дневную норму для основных

сил до одного коня на сотню, и воины давно уже поедали кое-как отмытые внутренности, обгладывали, как собаки, каждый мосол да тупили о кости сабли, добывая мозг. У костров начали возникать дикие побоища из-за мяса, и Субудай казнил правых и виноватых за нарушение священной ясы Темучина, несколько уменьшая число желудков и увеличивая конечную добычу великого кагана.

Зерно нужно, зерно! Субудай приставил к своему личному запасу, о котором не знал даже внук Темучина сын Джучи, особо верную охрану во главе с младшим сыном Кокэчу и каждый день спускался в глубокую сухую яму при урусской избе, развязывал мешки, убирал толстую красную ткань сверху и пересыпал зерна с ладони на ладонь. Тяжестью и цветом зерно напоминало золото в крупе, но было сейчас дороже золота. С этим запасом, сыновьями, чингизидами да верными воинами он уйдет в степь при любых обстоятельствах. Пусть все думают, что в этих мешках законная добыча воителя - блестящие камешки да тяжелые урусские ткани, пусть. Крупяное и хлебное зерно войска, всю сухую траву Субудай приказал собрать в одно место - фураж предназначался для ставки, охраны и воинов, оставшихся при городе. На главном же водоразделе рыщут по сторонам Гуюк с Каданом и Бури с Байдаром, отыскивая нетронутые селения.

Кормят коней, кормятся сами и не мешают Субудаю делать его дело.

А дело его сейчас состояло в безделье. Внук Темучина сын Джучи торопил, а Субудай отмалчивался, кряхтел, сгибал спину перед ханом, повторяя одно и то же: самый резвый скакун не может опередить время. Он так и не отдал приказа штурмовать город. Сделал, правда, необходимые распоряжения, без исполнения которых крепости взять было нельзя, и два особых отряда скрытно занялись под командой хитроумного сунца[95] работой, непривычной для степняков, но все войско бездеятельно стояло по окрестным лесам. Субудай ждал, когда потеряет терпение внук Темучина сын Джучи, а воины охотно пойдут на бессмысленный приступ и верную смерть под командой Бурундая.

Наконец старый воитель сказался тяжелобольным, лежал целыми днями у теплой урусской печи и выходил, скрючившись, только вечерами, чтобы распарить спину в маленьком черном строении, называемом бань-я, где было жарко, как в песках далекого Хорезма.

Дождался. Внуку Темучина сыну Джучи передали, что верный пес его великого деда заканчивает свой последний поход, смотрит в землю и неспособен руководить войском. Хан сделал огорченное лицо, спрятав мимолетный испуг от навалившейся вдруг на него ответственности, и одновременно испытал некое подобие радости, потому что впервые за этот длинный год почувствовал себя свободным от воли старого воителя. Он сам возьмет город, так оскорбивший его, внука и главного продолжателя дела великого Чингиза! И надо показать сейчас всем, что истинный победитель в этой войне тот, кто закончит ее славным последним деянием. Он обвел глазами чингизидов и тысячников, приподнялся.

- На штурм! - вскричал Бату, напрягшись так, что красные пятна проступили на его лице. - И чтобы каждый воин узнал мою волю - нетронутый этот город будет в их полном владении три дня и три ночи. В нем для самых храбрых добрая урусская еда и драгоценности, зерно, женщины и малолетние девственницы. На штурм!

На рассвете следующего дня в лесочках, примыкающих к южным подходам города, объявилось некое шевеление. Сторожа на башнях вылезали из-под теплых овчин, будили друг друга, с любопытством вглядывались в кишащую черноту, вслушивались в глухой перестук топоров и далекий невнятный шум, пронзаемый яростными выкриками. Чернота на полянах и в кустарниках быстро густела, в ней росло тревожное напряжение, однако городские сторожа, зная, что безбожной орде уходить некуда, не понимали, к чему этакие ранние всполошные сборы. Ожидание сменилось недоумением, когда обозначилась в голой древесной поросли черно-

---

[95] житель царства Сун. **Империя Сун** (кит. 宋朝, пиньинь *Sòng Cháo*, палл. *Сун Чао*) — государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279.

зеленая змея, а на белом снегу показалась ее серая голова. Плотная толпа мужиков в сермягах несла на плечах сухие бревна - знать, раскатали свои бани да сараи.

С козельцами подгородние не ладили издревле, с прадедов, из-за ближних удобей, пойменных покосов и речных тоней. Меж собой их тоже мир не брал. От погоста отстали, к городу не пристали запасливые и хлопотливые, как бобры, меняльщики местного товара на привозной - всяк все себе да себе на уме, рыбаки, ловцы зверя, поставщики овощной и мясной снеди, плетеной посуды, а больше блаженные, голые, но веселые недотепы, наемные косцы и лесогоны, живущие от отца к сыну по наряду хитрованов...

Сейчас их всех подравняла беда, потому что не послушались беженцев, понадеялись на откуп... Они шли навстречу смерти, подгоняемые смертью же. За ними сплошной плотной толпой тянулась нескончаемая череда пришельцев, волокущих по снегу к спящему пока городу, к валу, рву и воротной стене тяжелые бревна, неудобные сучья да ветки, хвойные вершинки да окомелки, жесткие дубовые рогачи да гибкие березовые хлысты. Шорох зловещий, похожий на стократно усиленный змеиный шип, прервался внезапно набатным буханьем большого колокола - проснулся страж на храме, враз побудил город, а на внешнем пологом скате вала первые редкие стрелы попали в цель и раздались крики раненых.

Подойти к гребню вала по узкому перешейку сразу все не могли, уйти с него было тоже делом нелегким. Фронт наступавших смешался. Освободившиеся от груза воины старались добить рабов да поскорей убраться с вала, проникнуть назад сквозь плотную шевелящуюся массу живых и полуживых, через обрубки сучьев и тонких деревьев, но шли, скользили, падали и ползли другие.

Напиравшие от лесной куртины черные толпы спихивали в ров нерасторопных, туда же летели раздавленные, раненые и убитые на гребне вала.

Пленные, проламывая дорогу кулаками, рванулись к левому флангу вала, под которым ров был мельче, дружно покатились вниз, и со стены было видно, как те из них, кто угодил в снежную толщу, торопливо выбирались из нее. Хватали ползущих сюда же, где было безопасней, степняков, душили их и били головами об лед, но на каждого раба навалилось по нескольку уцелевших врагов, размахивающих ножами.

- К стене! - закричали сверху. - Мужики, по-над Другуской к стене!

По крутому, местами уже обтаявшему обрыву остатки полона карабкались к западной стене крепости, где узкие лестницы на длинных веревках принимали спасенных. Люди свешивались с забрал, вытягивали шеи, пытаясь увидеть ад, разверстый пред южной стеной.

Стену и ее башни наконец-то сплошь усыпали городские лучники. Им не было нужды прятаться или целиться - каждый пускал стрелу за стрелой, и почти каждая попадала. Не по-божески, не по-людски было убивать с безопасной позиции безоружных и незащищенных, но каждый из этих незащищенных и безоружных нес под стену самое сейчас опасное осадное средство - ров постепенно мельчал, а на гребне вала уже образовался заслон из веток, бревен и людей, истекающих кровью и холодеющих, за которым штурмующие спасались от прямой стрельбы, пробирались в сторонку, к большой реке и приточной, где излетные стрелы урусов можно уже ловить руками. Однако рои стрел на подступах к заслону становились все гуще, образуя в толпе врагов сплошные недвижимые прогалины, но их тут же заполняли другие, беспорядочно бегущие к валу с легким грузом из двух-трех еловых веток с круглыми непробиваемыми щитами, которые словно притягивали к себе стрелы, и с бойниц начали выцеливать тех, кто не был защищен, а они все тянулись черной змеей из леса, шли к невообразимой мешанине тел на пологий внешний скат вала, ползли на его гребень, падали, визжали и кричали, пытаясь выдрать из себя зазубренные стрелы.

Всадники вдруг перестали посверкивать саблями, лента прервалась, и толпы воинов, побросав ношу, стреканули; по кустам, унося на щитах, в руках и спинах урусские стрелы.

Горожане с изумлением и ужасом разглядывали это ристалище дьявола - пораженных стрелами

на подступах к гребню вала и зарубленных там, куда стрелы не долетали, кровавые пятна на снегу и льду, мучительные корчи умирающих и неподвижные напряженные тела тех, кто еще надеялся выжить, дождавшись темноты за кучами брошенных древесных веток и сучьев. Перед безмолвной стеной звучал извечный глас войны - предсмертные стоны и хрипы, злобный и бессильный зубовный скрежет, страшный мужской плач и последние проклятия на неведомых языках...

Жуткие приглушенные крики доносились со дна рва, где под лесным хламом еще шевелились живые и невредимые, упавшие на мягкие ветки. То в одном, то в другом месте они, почуя, что сверху ничего не валится, пытались использовать последнюю возможность спастись - с ужасом и мольбой поглядывая на стену, карабкались по завалу к большой заснеженной реке, над которой стояло ясное весеннее солнце, но меткие стрелы с башен настигали их, опрокидывали, гнали изо рта кровавую пену. Со стены слышались жалостливые и гневные женские голоса:

- Изверги!

- У них, поди, тоже где-то матери и дети есть...

- Робят-то, робят уберите, бабы!

- Молодцы супротив овец подневольных! Пожалели бы...

С башен отвечали:

- Они тя ох и пожалеют, как на стену-то взойдут! Спроси у дешевских, как они тя пожалеют.

- Цыть, сороки! Чтоб и духу вашего не было!

- А робята пусть глядят, кому-нито после расскажут...

Солнце встало напротив южной стены, ударило в нее прямыми лучами, и с высокого ледяного скоса потекла вниз вода.

Стоны и душераздирающие крики во рву затихали, перед гребью тоже, по другой, знать, причине - полумертвых тепло умертвило, а полуживых оживило, и они, затаившись, ждали наступления темноты.

Город тревожно прислушивался к отдаленному гуду в задымленном лесу, гадал, что принесет завтрашний день, и готовился к нему, еще не зная, чем грозит грядущая ночь. В кузнях наспех ковали наконечники стрел, потому что расход их оказался нежданно велик, чинили истершиеся натяжные устройства, вострили и удлиняли пики на тот случай, если ворог завалит собою ров и полезет по телам, как по лестницам, на лобовую стену. Подгородние, поутру вернувшиеся, можно сказать, с того света, надумали спуститься ночью к завалу и сколь можно разобрать его. В сумерках самые нетерпеливые сбросили с забрал веревки, соскользнули по льду в глубину рва, принялись оттаскивать ветки, бревна и трупы к Жиздре, где их должна была вот-вот подхватить полая вода. Слабые предсмертные стоны снова послышались из глубины рва, и туда гроздьями полезли доброхоты, чтобы ускорить дело, только оно обернулось нежданной бедой - из лесного хлама на валу полетели не частые, но сильные и меткие стрелы. Они пронзили тех, кто еще висел на веревках и лестницах, смели со стены всех, кто там был, а защитники крепости ничем не могли ответить, потому как не ждали такого, да и стрелять бесприцельно по черной полосе на гребне вала было бессмысленно. За ней в сумятице дневного штурма затаились, должно, отборные воины, вооруженные сильными луками и запасом окровавленных стрел, перелетевших через ров со стен и башен, и сейчас эти стрелы в полутьме возвращались назад.

Из дальнего лесного окоема снова показалась голова огромной черной змеи. Извиваясь по светлому снегу и огибая куртинкн, черное чудовище медленно и беззвучно наползло к валу. Но вот стал слышен его грозный шип, черная голова раздулась перед валом, и через лесной завал опять полетели бревна, тесины, сучья, ветки, кусты, деревца, подрубленные под корень, хвойные лапы и мертвецы - осаждавшие убирали их из-под ног и перекидывали в ненасытный зев земного прорана. Уцелевшие доброхоты едва успели убраться со дна рва к Другуске и подняться на западную стену, чтобы в сгрудившейся вокруг детинца толпе дождаться, что решит городской

совет...

Любознательный Читатель. "Городской совет"? Звучит слишком, знаете, современно.

- В Ипатьевской летописи черным по белому написано: "Козляне же светъ створише".

- И что же он решил?

- Он еще раньше решил сражаться до последней возможности, а теперь надо было, наверное, сообща подумать, как защититься от неожиданного тактического приема Бурундая, от неуязвимых стрелков, поражающих всякого, кто рискнул высунуться из-за бревен, чтоб натянуть тетиву. Ведь козельский ров был очень узким - скорее всего, его ширина вверху определялась длиной бревен перекидного безопорного моста, всего-то метров пятнадцать или двадцать, чтоб могли надежно лечь стволы крепких мачтовых сосен. Кстати, он и сейчас примерно такой же ширины, и легко представить, какой меткостью и убойной силой обладали дневные козельские стрелы и ночные - Бурундая...

- Для сильной стрелы, конечно, это не расстояние...

- Однако перескочить через такой ров невозможно, а засыпать, сровнять его с поверхностью земли даже с помощью современных мощных самосвалов и бульдозеров - дело не шуточное. Тем более что он имел огромную глубину, и это - одно из главных обстоятельств, объясняющих феномен Козельской обороны.

- Простите, но ведь мы не знаем подлинной глубины козельского рва...

- Верно, все крепостные рвы средневековой Руси позасыпаны-позамыты; до полуисчезновения помельчавшие, они давным-давно поросли в сегодняшних глухоманях дикими травами, лесом и кустарником, а во Владимире, Торжке, Киеве, Чернигове и многих иных местах совершенно заровнены, застроены, и никакие археологические изыскания, наверное, уже не обнаружат их подлинного облика. Козельск же - счастливейшее исключение. В конце прошлого века козельский ров был подновлен - по нему, под мостом, прошла железная дорога, о которой мы уже вспоминали. Правда, в тридцатые годы она была снята, но проран в перешейке Козельского мыса остался.

- Значит, глубину его можно измерить!

- Можно. Только я попытался прикинуть в другом месте, более удобном - с железнодорожного путепровода через Другуску.

На глаз от головки рельса до воды было примерно тридцать пять метров. Зная, однако, что для моего глаза любая глубина всегда почему-то кажется глубже истинной, я позже написал козельскому краеведу В. Н. Сорокину, попросив его точно измерить заветную вертикаль. Вскоре он прислал мне ответ: "От рельса до уровня Другуски 28 метров. Но прошу Вас учесть, что в Древности Другуска была полноводнее". Я это учел, так же как примерную толщину снега и льда на дне козельского рва весной 1238 года, и естественный подъем поверхности мыса к перешейку, перерезанному рвом, и так называемый культурный городской слой, накопившийся за семь с половиной веков. Выходило, что глубина козельского рва была около двадцати пяти метров.

- Мы оставили этот ров среди апрельской ночи 1238 года, когда его беспрепятственно засыпала орда, стены оказались без защиты, а козельский городской совет заседал...

- Предполагаю, что козельцы быстро нашли эффективную защиту от смертельных стрел, посылаемых из Древесного завала.

- Что имеется в виду? Как можно защититься стрелку на стене от профессионально метких и сильных стрел противника в темноте и засевшего совсем рядом за надежным укрытием?

- Достаточно толстая плаха с узкой прорезью или небольшим, неразличимым в той самой ночной темноте отверстием для ответной стрелы - надежная гарантия безопасности. Такими простыми и надежными щитами козельцы, быстро прикрыли все бойницы башен и проемы забрал, их стрелы снова начали разить врага на подступах к валу. Падали пораженные насмерть, корчились в муках раненые, пока их случайно не находила другая стрела или торопливые руки живых не

перекидывали судорожное тело в ров, где через несколько мгновений раненого встречала смерть. Со стен было видно, как черная толпа начала редеть, откатываться назад, растекаться по сторонам. На забралах появились защитники крепости, отбросившие щиты. Они, не прячась, тщательно вьцеливали суетливые темные фигуры и расстреливали их.

- И сами падали под меткими стрелами, выпущенными из древесного завала?

- Нет. Стрелы их не брали! Степные стрелки, чьи глаза попривыкли к темноте, метили точно в проемы забрал и с ужасом видели, что стрелы попадают в грудь, живот, шею, голову, но эти бессмертные урусы не исчезают за бревнами, а продолжают сеять смерть по ею сторону вала.

- Такому предположению соответствует какая-нибудь легенда?

- Это - реальность, какой не могло не быть при защите Козельска.

- Ну, знаете!..

- Знаю... Бурундай, не понимая, что происходит у вала, откуда слышались такие же, как днем, стоны и крики, гнал и гнал из лесу толпы воинов, надеясь за эту ночь заполнить ненасытный ров хотя бы до половины. Когда ему донесли, что на стенах крепости появились железные урусы, от которых отскакивают стрелы, он не посмел нарушить волю Батыя и приказал продолжать дело, несмотря ни на какие потери. В его положении это было единственно правильное решение. Оно опиралось к тому же на опыт умирающего Субудая, взявшего столько городов во вселенной, сколько Бурундаю не взять, проживи он еще пять раз по десять лет. Великий воитель учил, что любой город надо брать, наращивая напор и ярость, только непрерывным - из ночи в день, изо дня в ночь - штурмом.

Пока жив еще старый воитель, пока спят чингизиды в теплых урусских жилищах, Бурундаю надо сделать все возможное и даже невозможное, чтобы сохранить свое лицо достойного преемника Субудая. Нет, он, Бурундай, может взять даже больше богатых городов, чем великий старец, если сохранит лицо и возглавит потом главный поход к бескрайнему синему морю, что сливается на дальнем западе с бескрайним синим небом, чего никто не видел, кроме великого Чингиза. Только покоритель вселенной увидел это в своих вещих снах, а Бурундай не только увидит наяву, но и спустится к соленым пенным волнам, и разожжет жертвенный костер, и какой-нибудь преданный блюститель жизни полководца, урянхаец или кипчак, смоет теплой водой соленую пену с крупа его коня...

За ночь Бурундай побывал у костров тех десятков и сотен, что ожидали своей очереди бежать с ношей ко рву, прикрываясь легкими круглыми щитами, и в густых куртинах, где воины, неумело махая урусскими топорами, валили охвоенный лес и ловко обсекали сучья саблями, посновал вдоль длинной ленты подносчиков сучьев и веток. Приблизившись к валу, молодой воитель долго рассматривал в рассветной полумгле черные фигуры неуязвимых урусов, что посылали со стены и башен стрелу за стрелой в головную толщу его войска, занятого простым, но тяжелым и опасным делом, на какое должно бы гнать рабов, а не хозяев Великой Степи.

Ответные стрелы из лесного завала были редкими. Отборные лучники Бурундая, умеющие сбивать лебедей на лету, целили в прорези деревянных щитов в самое уязвимое место железных урусов - в горло. Стрелы вонзались в доски, отскакивали от людей, и полководец так и не дождался сладостного зрелища, ни разу не увидел, как вражеский воин внезапно вздымает над стеной руки, будто порывается взлететь, и падает, захлебнувшись кровью. Было другое - урусы, зорко высматривая, откуда вылетают стрелы, посылали в это место древесного завала сразу несколько ответных, и Бурундай видел, что лучшие его воины опрокидываются назад со стрелами, торчащими из глазниц, становятся материалом для заполнения рва.

Бурундай, щурясь от света утренней зари, зацветающей над городом, еще долго следил за прочерками урусских стрел. Они были сильными, быстрыми, это так, но стрела летит для того, чтобы вонзиться в живую плоть врага, разорвать ее зазубринами, а сегодня очень много стрел втыкалось в землю, щиты, лесной хлам.

Сам-то Бурундай считался в молодости лучшим лучником рода и знал, как такими становятся. Он

не помнил, когда отец дал ему первый, маленький лук, как не помнил и того часа, когда его впервые оставили одного у гривы коня. Хорошо только запомнился день, в какой Бурундай убил зазевавшегося у норы детеныша тарбагана, изжарил в костре и съел его нежное жирное мясо, посверкивая глазами на голодных неудачливых ровесников.

И день, когда он победил всех в стрельбе из лука на ежегодном родовом празднике, и другой великий праздник в том же памятном году, когда стрела Бурундая догнала всадника-кераита, вошла ему в спину и пронзила сердце. Он оценил радости степной охоты, новых побед в соперничестве и, посылая в пылу сражений стремительную легкую смерть впереди себя, познал высшее счастье стрелка из лука - глаз и стрела, рука и тетива становятся одним страстным, до предела напряженным центром вселенной, властителем расстояния, ветра, времени, цели; сей вожделенный миг он ценил дороже всего на свете и, казалось в ту пору, никогда б не променял его, подобно иным, на доброе вино или власть над людьми, на самого лучшего сокола или коня, на горсти прозрачных камней или забавы с юной наложницей.

Однако небо распорядилось так, что он получил все это взамен уходящей воинской молодости, а сверх того мудрую, ревнивую и строгую опеку Субудая, чему вот-вот, кажется, должен наступить печальный конец, и капризную волю Бату, конца которой не предвидится, и неизвестность, скоропреходящую, мелкую сегодняшнюю и великую завтрашнюю, когда он поведет степные войска к далекому западному морю!

Последний раз Бурундай держал в руках лук год назад. Это было на земле болеров, сражавшихся с яростью обреченных. В далекие славные времена, когда великий Чингиз еще был жив, Субудай и Чжэбе, повергнув хорезмийцев, персов, армян, гурджиев, ясов, кипчаков, урусов и множество других промежуточных народов, бросились, как барсы, к последней богатой нетронутой земле, что лежала на средней Итили, к северу от прямого пути в родные степи. Молодой Бурундай, начавший тот великий поход во главе десятка, помнил, как быстрые болеры собрали нежданно большое конное войско, хитро заманили степных пришельцев, привыкших к легким победам, в лесную ловушку, перестреляли и посекли саблями множество богатуров. Бурундаю удалось тогда во время бешеного прорыва к степи сохранить почти половину своей сотни, всю добычу и впервые удостоиться благосклонного внимания Субудая. Почти пятнадцать лет и зим Субудай и Бурундай жаждали отмщения, и час тот грянул - земля болеров насквозь пропиталась кровью, пропахла дымом, а остатки ее войска старый воитель и Бурундай загнали в излучину реки, за которой вздымалась крутая гора.

Бурундай сошел с коня, чтоб не ходил перед глазом наконечник стрелы, и вспомнил молодые годы. Однако изящные невесомые башгирдские стрелы с белоснежным гусиным оперением находили живую цель только поначалу. Рука, что так давно не натягивала тетивы, скоро устала, начала дрожать, неметь, и Бурундай, поощрительно улыбаясь и отирая со лба обильный пот, передал слишком тугой лук его хозяину, молодому широкоплечему найману...

Сейчас он, замечая мельчайшие подробности подготовки к штурму, ясно видел, что железные урусы на стене двигаются после этой бессонной ночи с замедлением, плохо целятся, тяжелые излетные их стрелы то и дело минуют его воинов, и Бурундай еще раз вспомнил завет великого воителя о необходимости непрерывного нарастающего приступа, если он начат...

Любознательный Читатель. Но все-таки что это за "железные" воины на стене, от которых будто бы отскакивают стрелы?

- Воины, одетые в железо, предназначенное для рукопашного боя. Кольчуги, пластинчатые латы и кованые шлемы защищали от сабель, мечей, копий и, конечно, стрел.

- Но откуда известно, что козельцы имели такие железные одежды?

- В летописях, правда, об этом нет сведений, но посудите сами - в знаменитой черниговской **Черной Могиле** были обнаружены щиты, шлемы и кольчуги. Захоронение это довольно точно датировано по византийским монетам. И совершенно невозможно допустить, чтобы таких доспехов не было в распоряжении воинов важнейшей стратегической крепости Черниговской земли спустя двести пятьдесят лет! Добавлю: кроме обычных, ординарных доспехов, что были на

вооружении наших предков, кажется, во все времена, козельский воин тех лет имел еще одно уникальное защитное приспособление, обнаруженное археологами в этом районе Руси... Мы вспомним о нем скоро и к месту, а сейчас вернемся к первому штурму города.

Штурм еще не начинался, потому что не была закончена подготовка к нему, эта изнурительная и долгая рабская страда, уже отнявшая у Бурундая, должно быть, не меньше воинов, чем возьмет их сам штурм, последний яростный бросок через ров, доверху заполненный поверженным лесом Урусов и поверженными людьми степей. Бурундай в точности знал, почти видел, как это будет - бесчисленные подобия стояли перед глазами. К этому ночному часу, венчающему все дело обильной кровью и славной победой, он прикажет собрать и приберечь как можно больше стрел, пошлет к валу сотни новых зорких и умелых лучников, что уберут со стены всех урусов, которым не хватило железных одежд. Легкие прочные лестницы уже готовы. При каждой из них десяток отважных воинов ждет в кустах сигнала, и таких десятков - десятки, вооруженных длинными палками с острыми наконечниками, которые пронзят этой ночью кишки неуязвимых железных Урусов.

Бурундай не станет смотреть три последние череды. Урусы, теряя лучших своих воинов, истычут пиками первых, развалят топорами черепа вторых и уже на стене порежут ножами третьих.

Бурундай уйдет спать, чтоб уцелевшие прониклись еще большим уважением к нему, покорителю последней крепости урусов, не желающему оскорблять глаза скучным зрелищем, уши - воем и стонами победивших и побежденных. Бурундай - степной полководец: он почитает травяной простор, вековую воинскую хитрость степных сражений, доброго коня, а превыше всех звуков вселенной ставит шорох стрелы, пронзающей воздух и тело врага, свист сабли, мерный перестук четырех копыт и двух сердец. И воины знают, что Бурундай три дня не войдет в этот жалкий город, который три дня будет принадлежать только им...

Не пора ль? Солнце давно ушло за край земли, к западному морю, а тут, над лесами, даже след его, похожий на свежую кровь, уже стерла ночь и низкие черные тучи. Пора.

Бурундай махнул рукой и при трепетном свете костра понаблюдал, как уменьшается большая куча урусских стрел, накопленная за три дня и ночи. К ней чередой подходят самые знаменитые стрелки войска с особо сильными составными луками, посылающими стрелу на тысячу шагов. Каждый берет в левую руку столько стрел, сколько она может удержать. Стрелы быстро кончились, их не хватило на всех, и череда отборных воинов с луками прервалась, рассыпалась по своим сотням. Темная пасть ночи сомкнулась вокруг города и поглотила его, а оттуда, куда ушло солнце, медленно надвигалась, дыша могильным холодом, совсем густая чернота. Она опускалась к земле, заволакивала лес и воинов, начала тянуть сюда горькие дымы дальних костров.

Пора! Бурундай еще раз взмахнул рукой. Верховые, окружавшие полководца, ускакали в темноту. Все ожило вокруг.

Плотная черная масса двинулась к городу. Скорым шагом мимо Бурундая и каменного урусского изваяния, похожего на человека с раскинутыми руками, пронесли длинные лестницы, потом потянулись копейщики. Многие, кроме пик, достающих остриями вершины белоствольных деревьев, несли и метательные дротики, на поясах - кривые звонкие сабли, сделанные мастерами Хорезма, Персии, Кавказа и народа джурдже. Оружие это досталось воинам по праву победителей в боях, по наследству от старших братьев, отцов или давних соратников, чьи кости легли в белые снега урусов. И еще у каждого воина висел на поясе острейший нож в кожаном чехле. За один взблеск он раздваивает, обнажая сердце, грудь коня, до позвонков протыкает горло врага. На рукояти его даже во сне покоится рука воина, который сейчас рвется к стене, чтобы с помощью своего надежного и безотказного друга расчистить путь к первой женщине последнего урусского города.

Бурундай знал, что урусы сейчас отбросят свои луки, стрелы и щиты, схватятся за топоры на длинных рукоятях, за палки с крючьями, за длинные пики, мечи, железные дубины. Нет, Бурундай

не изменит своего решения и не станет смотреть, как образуется под стеной пропитанное кровью черное месиво из бывших степняков и как по нему взойдут на стену те, кому это назначено небом. Бурундай, истинно степной полководец, будет наблюдать за обыкновенной этой минутой войны отсюда, с возвышения, как учил великий Чингиз и как всегда делал великий Субудай. Свою верную тысячу, с которой он первым пришел сюда, Бурундай берег до этого главного ночного часа и позволил воинам самим выбрать момент, когда они ринутся в город. Пусть не торопятся, пожалеют себя, но и не запаздывают, чтобы не остаться без последней добычи и нетронутых урусских красавиц.

Внук Темучина сын Джучи выпил свое вечернее вино и в сладких волнах воображения перебирал различные достоинства жен, уже хорошо отдохнувших, как и сам хан, от дальнего и тяжелого перехода по чужим заснеженным лесам. Весь день он тосковал по родным зеленым степям и бездонному синему небу над ними, по соколиной охоте и свежему кумысу... А может, взять нетронутую русскую пленницу? Юную, упругую, с шелковистой и прохладной, как шелк, кожей и синими, под цвет неба, глазами, дрожащую от ужаса...

Вечернее вино просилось наружу, но внуку Темучина сыну Джучи не хотелось выходить из теплого урусского жилища, под ветер, завывающий в дымоходе очага, под снег, что принес этот ветер. О нем сказал охранник в последнем вечернем докладе.

Слава небу! Бурундай под защитой снега и темноты доверху заполнит ров, барсом прыгнет на стену жалкого урусского городка, что лепился на круче за покатой горой. Отсюда его не видно, и башен тоже не разглядеть из этого селеньица, сохраненного Бурундаем. Утром воитель успокоил его, доложил, что за день подготовка к штурму закончится, лес урусов хорошо послужит монголам, что лестницы готовы, древки копий удлинены, сабли отточены. Завтра утром Бату навестит больного Субудая - это пора сделать не только потому, что верный старый мерин достоин внимания за великие прошлые заслуги, - надо, чтобы он услышал весть о взятии города от самого внука Темучина сына Джучи, давно ждущего, когда он сможет гордо посмотреть в глаз Субудая.

Внук Темучина сын Джучи запахнул халат, утепленный мастерицами бывшего народа джурдже, торопливо выбежал наружу, побудив дремлющих охранников, и вернулся.

- Чингизиды?

- Спят, саин-хан, - ответил охранник. - Выпили много вина.

- Гуюк?

- Как и днем, никаких вестей.

- Бури?

- Тоже.

- Субудай?

- Стал совсем похож на старого одногорбого верблюда.

- Ха, ха! Стонет?

- Нет, саин-хан. Но лекарь говорит, болезнь у него внутри.

- Бурундай?

- Прислал гонца. Пошел на приступ, пожелал легких снов.

- Жены?

- Успокоились.

Наступила пауза, и охранник не знал, уходить ему или дожидаться вопроса. Внук Темучика сын Джучи сопел, раздувая ноздри, к лицу его прилила горячая кровь. Охранник попятился к выходу, боясь беспричинного гнева повелителя, но тот лишь коротко бросил:

- Пленницу!

Небо несло колючий снег к городу. Меж редких кустов его подхватывал ветер, рвущийся из долины дочерней реки. Сквозь снежную кисею мимо Бурулдая, тяжело дыша, бежали и бежали сквозь кусты воины с копьями, а эти совсем глупые урусы ничего не чуют. Спустились со стен и сидят у костров - за белой мерцающей пеленой инопа тускло проступали очертания башен, подсвеченных неверным красным пламенем. Само небо помогает Бурундаю! Город уснул, а сторожа греют у огня свои железные одежды, леденеющие наверху от холодного ночного ветра, и снега. Пока глаза Бурундая не закроются в последний раз, он будет благодарить небо за эту ночь - войско молча, не остановимо и беззвучно, как туча, движется на спящий город урусов, а сильный боковой ветер из долины дочерней реки уносит его грозные шорохи в широкую сырую снежную пустыню и там растворяет. Пусть эти беспечные урусы греются за стенами у своих костров, скоро их никакие костры уже не отогреют! И лишь бы его воины не превратили в большой костер весь этот город - погибнет золотое зерно, главная добыча Бурундая, за какую он завтра должен удостоиться благосклонного внимания Бату и одобрительного взгляда Субудая, если глаз старого воителя совсем не потускнеет до утра.

Передние воины должны уже пересечь открытое пространство, хлынуть через вал и ров к стене. Бурундай вглядывался в тревожную темноту, но сквозь мятущийся снег ничего нельзя было разглядеть, кроме кровавых отсветов урусских огней за крепостной стеной. Но вот на ней осветились

и замелькали неясные фигуры. Их тени, огромные и уродливые, будто это были чудовища иного мира, простерлись к лесу и даже в небо, а красные отсветы колдовски высвечивали вокруг них пляшущую снежную сумятицу.

- Ур-р-ра-а-а-гх!

Конь Бурундая прянул на высокий голый куст. Больно хлестнуло по глазам веткой. Полководец прикрыл их, отжимая слезу пальцами свободной руки, а другой так осадил коня, что тот взвизгнул от боли и недвижимо застыл в мучительном оскале.

А Бурундай наконец услышал музыку боя - лязг железа и предсмертные крики, но все покрыл всполошной набат. Урусы поздно хватились - во вселенной нет сил, что могли бы сейчас остановить воинов Бурундая. Их будут насквозь пронзать острыми пиками, опрокидывать вместе с лестницами в ров, засыпанный лесным хламом и мертвыми телами, разваливать им головы надвое мечами и топорами, но подымутся по другим лестницам другие, и урусов не хватит, чтобы умертвить всех. Увязив копья и дротики в телах врагов, отбросив сломанные сабли, они взойдут сейчас по человеческому мясу на стену, где вырвут из кожаных чехлов ножи, тут же падут от урусских железных дубин да мечей, и в этот момент прыгнет на город тысяча барсов Бурундая.

- Ур-рр-ра-гх!

Древний клич вырвался из тысячи глоток совсем рядом, и Бурундай открыл еще слезящиеся глаза.

- Ур-рр-ра-а-а-гх!

Грозный рев удалялся в метель и темноту, но стал слышней, потому что урусский колокол внезапно смолк, будто вдруг вырвали его железный язык. Вскочили уже на башню храма, опередив барсов Бурундая? Срывают одежды с юных дев, роются в княжьем доме, а этого маленького белоэадого волчонка волокут за волосы, чтобы утром Бурундай бросил его к ногам Бату?

Среди ночи Субудай неожиданно позвал к себе Кокэчу, и охранник понял, что старый воитель хочет попрощаться с сыном, потому что вот уже два дня он гнал от себя лекаря, желая поскорей встретиться с предками.

Отец, к удивлению Кокэчу, сидел у очага и грелся.

- Ты растешь, сын, - сказал Субудай, - и тебе пора знать то, что ты должен знать, если служишь потомкам Темучина.

- Слушаю, отец.

- Это был страшный поход. Темучин учил меня, что множество - страшно. Для урусов не было страшно множество моих воинов - я привел их сюда столько, сколько было нужно. Мне было страшно множества чингизидов... Знаешь, почему курултай назначил главой похода не старшего Орду, а второго сына Джучи Бату?

- Не знаю, отец.

- Джучи отказался завоевывать эти страны, и Темучин, шепчут, его умертвил. Орда покорил только слабые народы, что жили на север от родины твоего отца и деда. Бату никого не покорил. Курултаю надо было, чтоб между ними жила неприязнь, но чтобы каждый из них слушался меня, покорившего столько народов, сколько тебе лет... Младшие сыновья Джучи Шайбан и Тангут - не в счет. Ты заметил, как они смотрят мне в рот, когда я говорю? А почему я послал на южных кипчаков Монке с братом Бучеком?

- Не знаю, отец.

- Монке и Бучек, сыновья Толуя,- воины, как и их отец. У них отросли крылья, но пока они только степные воины, и здесь бы мне мешали... А Гуюк, сын великого хана Угедея, ненавидит Бату, потому что тот глава похода, хотя сам Гуюк никогда не станет воителем в отличие от младшего своего брата Кадана, которого Гуюк ревнует к его уже родившейся воинской славе.

Курултаю надо было, чтоб я стоял и над этими братьями да гасил их склоки с Ордой и Бату... А почему я держу правнука Темучина Бури с его дядей Байдаром, сыном Чагатая, подальше от всех остальных?

- Не знаю, отец.

- Бури - самый безродный среди чингизидов. Его погибший от хорезмской стрелы отец Мутуген, внук Темучина сын Чагатая, однажды увидел в ставке красивую жену домашнего слуги, увел ее в закуток и соединился с нею. Ее разлучили с мужем и оберегали, предполагая, что она понесла, а когда родился Бури, отдали назад мужу. Бури дерзок не по годам, пьет много вина, в пьяном виде всегда клянет Бату, и пожилой рассудительный Байдар при нем исполняет роль дядьки-опекуна... Курултаю надо было, чтоб я держал над ними руку и отводил их от Бату. Теперь ты понимаешь, сын, что за любую неудачу в походе отвечает перед курултаем и великим ханом твой отец?

- Понимаю... И я не хочу служить чингизидам!

- Никому больше не говори таких слов! За них тебе, Урянктаю и мне забьют камнями рот.

- И ты, отец, поэтому служил Темучину, его сыновьям, а теперь внукам?..

- Да, сын. Другой причины у меня не было и нет.

Невидимая туча надвинулась на город своим разверстым чревом. Косые снежные пряди погустели, задними зачернело совсем непроглядно, только метались и пухли в той черноте красные отсветы, будто дышал огненной пастью дракон из древних сказаний. Вдруг, пробив тьму и пургу, по глазам Бурундая остро полоснуло открытое пламя.

Зажгли город, бараньи головы! Пропадет в огне зерно, сгорит надежда Бурундая. Он свирепо взмахнул плетью, и конь одним прыжком вынес его на открытое место, где дуло сильней.

Телохранители ринулись за полководцем навстречу многоголосому вою, что нарастал впереди, пронзая ветер и сердце Бурундая.

Перед мордами коней шарахались, топча раненых, воины, убегающие от этого дикого предсмертного воя. Огонь впереди прожигал черный дым кривыми всполохами и оседал, будто вправду высовывал и прятал пламенные свои языки многоглавый дракон.

Огненные брызги из страшного зева летели навстречу всадникам. В беспорядочной толпе бегущих воинов появился первый, кто вырвался из пасти дракона. Он горел и дымился.

Бурундай мельком узрел, как его толкнули, а он пытается подняться, запрокидывает к небу лицо в черных пузырях и с белыми мертвыми глазами. Полководец содрогнулся, как пугливая женщина,

но тут же забыл об этом, потому что впереди было много живых факелов, бегущих и ползущих, куда больше догоравших, уже недвижимых головешек, а еще дальше такое, чего бы он не хотел увидеть даже в кошмарном пьяном сне.

За валом ярился огонь. Полыхал весь ров. На стене бегали урусы в железных одеждах и швыряли белые легкие сосуды, которые вспыхивали внизу новыми и новыми негасимыми очагами.

Перекинули через забрала большие деревянные бочки. Первая тяжело ударилась о ледяной уступ под стеной, развалилась и растеклась - разбрызгалась густой черной жидкостью. Огонь бросался на нее красными языками, задыхался от черного дыма и снова вспыхивал, чтоб уже не остановиться, а воспламенить все вокруг, даже под собой, внизу, в сердце рыхлого лесного хлама, куда стекали быстрые огненные струи. Запахи горящей смолы, березового дегтя, душистого урусского масла смешивались с тяжелым и сладким трупным духом. К горлу Бурундая подступила тошнота. Полководец с мрачной отрешенностью вглядывался сквозь дым в этот всепожирающий огонь, что жаром своим, набирающим силу, начал словно бы оживлять во рву его бывших воинов - пытаясь встать, они приподнимали головы, медленно шевелились, тянули к нему горящие руки, выгибали спины, вздувались и лопались.

Ров на глазах мельчал, в него из долины дочерней реки врывалось все больше ветра, который над огнем становился бесснежным, сухим и горячим, рвал пламя и дым прочь, обнажая городскую стену. Из башенных бойниц урусы уже лили воду, чтобы остудить бревна, и даже начали наугад постреливать за вал, в темноту, где вокруг Бурундая немо толпилось его полуживое опаленное войско.

31. Глава 31

Внук Темучина сын Джучи проснулся от криков за дверью и тупой боли в затылке. К нему рвались разъяренные братья: они приволокли Бурундая, бросили его к ложу внука Темучина сына Джучи, и тот, пнув полководца босой ногой в лицо, приказал подать коня.

Бату безрадостно посмотрел на ясное солнце, поднявшееся над косогором, за которым прятался город, и по свежему, еще не растоптанному снегу подъехал к избе Субудая. Охранник полководца, подобострастно кланяясь, сказал, что великий воитель разогнул спину и не хватается за грудь, как это было все минувшие дни и ночи. Бату, лениво завалившись на шею коня, сполз с седла, благодарно глянул на синее небо. Он успеет попрощаться со старым полководцем и, быть может, услышать последние советы. Войдя, он глазами показал Кокэчу, сыну Субудая, на дверь.

Субудай встретил хана прежним сверлящим взглядом, приподнялся.

- Лежи, Субудай, - сказал внук Темучина сын Джучи. - Урусы ночью сожгли во рву много воинов.

- Знаю, - проговорил Субудай таким свежим голосом, что Бату обрадовался и удивился. - Я про это узнал три дня назад.

- Великому воителю боги обо всем сообщают наперед?

- Не обо всем. Иначе я бы потерял желание жить. Сегодня они, убрав с неба тучу, которая меня давила, приказали подняться...

- Хвала вечному синему небу!

- И еще боги просили, чтобы пришел ко мне Бурундай.

- Я выбил пяткой кровь из его ноздрей.

- Не осмеливаюсь судить великого хана... Бурундай такого не заслужил.

- Оказывается, у тебя сердце всепрощающего бога, Субудай, но ты сам говорил мне, что на земле все происходит по соединенной воле всех богов.

- Бурундай достоин награды, великий хан.

- Не понимаю.

- Когда последний властитель бывшего народа джурдже принял змеиный яд и предал себя огню, мы с дядей твоим Толуем вошли в его дворец. На стене увидели золотую змею, пожирающую собственный хвост, и сын великого Чингиза сказал, что человек, сделавший ее,- великий мастер. А я подумал, что мастер был великим мудрецом.

- Говори, Субудай.

- Твое войско, великий хан, давно заглатывает себя. Бурундай обрубил хвост. Он заживет, а змея спасется, уползет из этих лесов в степь... Бурундай уменьшил число пустых желудков, которые нечем стало наполнять, увеличил кормовую долю для тех, кому небо пока сохраняет жизнь.

- Великий воитель! - воскликнул внук Темучина сын Джучи.

- Бурундай исполнял твою волю?

- Нет. Волю богов.

- Спрошу, Субудай. Мне донесли, что ты спас своего сына от этого штурма. Где Урянктай?

- Он делает главное дело. Без него ты города не возьмешь, великий хан.

- А почему не подошли на штурм Гуюк с Каданом?

- Пусть кормятся на водоразделе. Бури с Байдаром тоже пока не нужны. Я не хочу обременять тебя, великий хан, лишними заботами.

- Понимаю и ценю. Спрашиваю же затем, что предвижу у костров шепоты на разных языках насчет меня и Бурундая. Остальные чисты, а ты, как всегда, надо всеми.

- У каждого костра сидит мой человек, понимающий остальных. Язык змеи безвреден. И его можно легко вырвать.

Субудай приказал взнуздать коня. Встал на спину охраннику, сам перекинул ногу через седло. Высокое солнце уже растопило слой свежей пороши и снова взялось за плотные лежалые снега. С поляны, на которой стоял каменный урусский бог, Субудай долго смотрел на город. На башнях сидели урусские сторожа, да любопытные мальчишки бегали по стене, показывая Субудаю языки. Он соберет всех уцелевших мальчишек города, прикажет вырвать им языки и отпустить, чтобы шли по этой земле и рассказывали безъязыкими ртами о том, как милостив он, Субудай, подаривший им жизнь.

А уруса, создавшего эту крепость, он сразу же наградит за будущую службу! Ни у бывшего народа джурдже, ни в Хорезме, ни у одного горного племени, живущего вокруг внутреннего моря, он не видел такой главной стены. Если б Субудай оказался здесь на месяц раньше, он прошел бы мимо, сделав вид, что жалкий городок этот ему совсем не нужен. Но Субудаю очень нужен был хлебный город на севере, а внуку Темучина сыну Джучи снилась богатая древняя столица урусов, которую Субудай уже, наверное, тоже увидит только во сне. Потеряно золотое время, и вот он здесь, у этой маленькой крепостенки, которую надо штурмовать через такой глубокий ров. На дне его лежит пепел степных воинов, окрасивший снег и воду в грязный цвет, а черная нетронутая стена так и стоит. Ребенок бы догадался убрать мост через ров и наморозить на ворота и стену лед, который уничтожился огнем, превратился в эту грязную воду, что расплылась по обе стороны прорана и уже соединила дочернюю реку с материнской. Глупый урус! Лед должно было быстро растопить всемогущее солнце...

Мудрый урус! Главную эту стену он, оказывается, сделал не прямой или выпуклой, как везде во вселенной, а с отступом в воротной части. Самый толстый лед посредине сейчас уничтожился, и стало видно, что стена плавно изгибается внутрь наподобие осколка глиняной чаши. Надвратная башня стоит глубже, чем боковые, и в любое место, куда б штурмующие ни подступили, стрелы полетят отовсюду.

Нет, этому проклятому урусу он вынул бы глаза и отрубил руки! Под солнцем ближние строения города показали свои верха, и Субудай, прищурив глаз, ясно увидел, что за главной внешней стеной поднимается еще одна, очень крепкая с виду, окружающая самые высокие постройки

города. Те в свою очередь обступали высокий храм с башней для колоколов вверху. Умен урус. Он расположил внутреннюю крепость не в дальнем конце селения, на мысу, как во всех других городах этой земли, а сразу за воротами, чтобы усилить оборону. Глупый урус! Субудаю же надо проломить ворота, взять внешнюю стену, и город будет в его руках. Внутреннюю свою крепость, где главная добыча, Урусы сами возьмут или она сама сгорит. Добыча СубуДаю, впрочем, не нужна. Худо, если в огне погибнут запасы зерна да этот сын змеи, маленький князь, из которого надо бы по капле выпустить кровь на глазах живых Урусов, чтоб они узнали, как может быть благодарен степной воитель богу Сульдэ за победу над непокорными.

В тот день Субудай успел доехать до маленького селения урусов, что стояло в густом лесу на север от города. Его нашел сын Субудая Урянктай для себя, не тронул там никого и спокойно, вдали от ставки и отца, отдыхал первые дни на хороших кормах. Субудай, узнав об этом, сразу же послал туда хитроумного мужа из империи Сун, ведавшего камнеметательными машинами, что были брошены под северным хлебным городом, и наказал сыну, чтоб тот со своей сотней делал все, что скажет хитай.

Сын преподнес дорогой подарок! Субудай издали услышал звонкий перестук железа. На краю селения стояла маленькая кузница, и Субудай, заглянув в ее прокопченное чрево, увидел жаркое дыхание горна и рабов, махавших большими молотками, - Урянктай, наверное, дал им степной образец самого простого наконечника стрелы, груда "срезней" у порога кузницы росла.

И главное дело шло так, как задумал Субудай, - поднадзорные урусские мастера уже отесывали тяжелые рамы, собирали лотки, закругляли барабаны. Урусы, по словам Урянктая, были понятливыми, только пока не догадывались, зачем все это обработанное дерево и в таком количестве. Одно было плохо - рабам, чтобы исправно махать топорами и молотками, нужен был пусть не хлеб, а хотя бы здешний земляной плод, называемый ре-па. Но корм тут, наверное, кончался. Остатки зерна сын тайно переправил отцу, а скотину, судя по всему, сотня Урянктая съела и взялась уже за урусских коней, которые будут нужны, чтобы тянуть отсюда камнеметательные машины.

Субудай перед сном поведал сыну новости. Из личной тысячи Бурундая погибла почти половина. Много, очень много воинов сгорело во рву вместе с надеждами внука Темучина сына Джучи. Гвардейская тысяча Субудая вся цела, несет охрану ставки. Кокэчу, младший брат Урянктая, караулит запасное зерно, которое может их спасти в крайних обстоятельствах.

Крепость на большой реке быстро не взять, а дорогу к степи совсем отрезали широкие долины, забитые снегом, насквозь пропитанным водой. Она уже взялась разливаться над снегом, и теперь ни конный, ни пеший воин не сможет преодолеть ее, пока она не уйдет в Итиль и внутреннее море.

- Пришлю тебе, сын, свою тысячу для прокорма.

- Не делай этого, отец. У меня нет ни зерна, ни мяса.

- Степного воина кормят ноги его коня. Весь этот север нетронут.

- На севере непроходимые леса, отец. Водораздел слева доедают Бури и Байдар. Справа две реки, одна за другой. Их долины конь уже не перейдет.

- Не надо переходить. Иди вдоль первой реки. Встретишь безлесье - ищи кучи сухой травы и селение. Обойдешь исток, иди на вторую реку. Она больше первой, и значит, на ней гуще живут урусы. Селятся они на крутых правых берегах, и тебе не надо в долины.

- Хорошо, отец.

- Еще пришлю тебе Аргасуна с опаленным злым войском.

- Почему Аргасуна?

- Он ненавидит Бату, потому что не чингизид. Его дед Качиун был братом Темучина. А отец Аргасуна Элчжигитай-нойон ждет, чтоб сын отличился в этом походе и прибавил вес всему роду. Но Аргасун не управляется умом - он говорит против Бату.

- Что именно, отец?

- Аргасун болтал, что надо опалить бороду Бату. Пусть и дальше болтает. Сам ничего не говори. Скажешь худое - земля передаст. Так меня учил твой дед.

- Мир его праху!

- Людей не жалей, береги только коней. Чтобы выбрать лучший путь к селениям, пытай урусов. Мать на глазах детей, детей на глазах матери.

- Знаю, отец.

- У седла каждого воина должен быть аркан.

- Зачем?

- Брать стену.

- Какую стену?

- В той стороне стоит первое твое счастье воителя - богатый город урусов. Тихо, как змея, оползи ночью вал и ров, по арканам посылай воинов на стены.

- Где этот город, отец? - оживился Урянктай.

- За северными лесами. На второй, большой реке. О нем пока никто не знает, кроме тебя и меня.

- Спасибо,отец.

- И поспеши! Опереди Бури с Гуюком.

- Быстрей посылай свою тысячу и Аргасуна с палеными сотнями.

- Они голодны и свирепы, как полосатые звери страны бывшего народа джурдже... Жду от тебя гонца с главной новостью. Дальше в глубину земли урусов не ходи!..

- А если дальше будет большая и легкая добыча?

- Не ходи! У большого озера, ледяные берега которого вы с Бурундаем легко опустошили, я сказал Бату: "Глубже идти нельзя!" Его дед великий Чингиз-хан учил меня, что глубина несет смерть...

Разлились наконец урусские воды. Они досыта напоили глубокие снега, лежащие в долинах и на речных льдах, потом вместе с солнцем растопили и смыли их, взялись точить и рыхлить ровные ледяные поля между островами на поймах, белые извилистые полосы в руслах. Вода прибывала да прибывала с верховьев, залила все окрестности этой хитроумной крепости урусов и встала, набирая постепенно уровень, будто ниже по течению ее держали высокие плотины, как на реках бывшего народа джурдже.

Урусская вода - проклятие Субудая! Он не успел вывести остатки войска с добычей и чингизидами в сухую степь - топкие снега по-над поймами и в долинах, надледные хляби да водяные просторы стали совсем непреодолимыми. Он дважды покорял с большим войском самое Итиль, но тогда люди и кони были откормленными, сильными, великая спокойная река не сжимала холодом внутренностей, а при каждом воине - большой кожаный мешок, который не давал утонуть. Сейчас не переправить добычу и чингизидов даже через эту воду, если за ней не различаются отдельные деревья, а как же тогда разлилась Ока, что пересекла дорогу к степи в двух дневных переходах отсюда?

Урусская вода - воинское счастье Субудая! Он теперь может не опасаться, что урусы из каких-то нетронутых улусов соберутся и придут сюда, чтобы добить его малочисленное и ослабевшее войско, захватить добычу и самое дорогое - чингизидов, за жизни которых они могут затеять великий торг с великим ханом Угедеем. Субудай задолго до такого позора на всю вселенную вынужден будет перерезать себе глотку и умереть, как баран. Ему совсем не жаль себя, старого, он лишь боится степной хулы, что враз перебьет полувековую хвалу, да дрожит бессонными ночами за судьбу Урянктая и Кокэчу, сыновей своих.

Чтоб урусы не смогли подпустить соглядатаев, Субудай приказал Бурундаю выставить заслоны-

дозоры на всех дальних подступах к богатым распаханным водоразделам и этой замечательной урусской крепости, что оказалась куда крепче, чем это можно было предположить. Строитель-урус, которого Субудай все же превознес бы и взял на службу, подчинил себе все воды вокруг крепости. С востока, в широкой долине, они больше месяца будут стоять, прежде чем слиться в Оку, Итиль и внутреннее море. С севера и запада крепостные стены обегает длинный кривой вал, и к нему подступила стоячая вода дочерней реки, через которую Субудай вовремя проложил бревна из разобранного селения.

Где-то в лесах рыщут по склонам главного водораздела Гуюк с Каданом и Бури с Байдаром. Еще близ большого озера Субудай и внук Темучина сын Джучи подобрали им самые ослабленные и ненадежные сотни. Запас зерна, взятый в хлебном городе, ушел на прокорм коней Субудая и Бурундая, устремившихся основным маршрутом. Гуюк, по расчетам Субудая, должен был кормить свой отряд грабежом городов и селений, расположенных по правому склону. Так и было поначалу. Вскоре, однако, головные тысячи, истощившие хлебный фураж, начали бросаться по сторонам и опустошать ближайшие селения. Гуюк вынужден был посылать разрозненные отряды все дальше и дальше от водораздела, где бедные и мелкие селения урусов стояли реже, прятались в густых лесах, жались к заснеженным речным долинам, в которых увязали кони. Потом начались хлебные места другого улуса, где на одной из приречных круч стоял богатый город. Но Дорогобуж с налета взял Бурундай и, оставив запас зерна Субудаю и ставке, быстро ушел прямо на юг. Голодные воины Гуюка застали пепел. Однако они хорошо подкормились в окрестностях и, забыв осторожность, ринулись к богатой столице западного улуса (**Смоленск**). Сын великого хана, освободившийся из-под опеки Бату и Субудая, мечтал взять город на скаку, чтоб затмить их славу и посоперничать в добыче с безродным Бурундаем и сыном простолюдинки Бури, но храбрая и многочисленная дружина урусов встретила Гуюка в двух переходах от своего древнего города, и сыну Угедея долго еще мерещились в густых кустарниках стены железных бородачей. Не удалось их ни расклинить бешеным налетом, ни рассыпать по снежным полянам, а когда из-за леса появилась грозная тяжелая конница урусов, Гуюк первым повернул морду коня на восток и даже не оглянулся, чтобы посмотреть, как конные урусы отсекли на излучине реки половину отряда, засыпают его тучей стрел, достают воинов пиками, полосуют саблями, коням подсекают мечами ноги, железными крючьями выдергивают степняков из седел, добивают топорами и дубинами.

Субудаю донесли обо всем этом уже давно, а потом из отряда Гуюка пошли сообщения, которые полководец предвидел.

Корма совсем мало даже в дальних селениях - все съедено к весне самими урусами, их коровами, птицами, овцами и лошадьми.

Появились там неуловимые урусы на сильных конях. Не только сжигают на лесных и приречных полянах последние кучи сухой травы, но и заманивают разведку и мелкие группы Гуюка в непроходимые дебри, откуда возврата нет.

Воины были недовольны Гуюком еще в начале похода, когда он ставил во главе сотен только своих людей, не считаясь с родовыми обычаями разных племен. Слишком многих казнил, а после разгрома у излучины реки совсем перемешал в отрядах роды и племена, считая, что так, через своих людей и беспрерывные казни, легче будет внушить всем беспрекословное повиновение.

На такое не рискнул даже сам Темучин, создавая великую степную армию. Субудай тогда решительно пошел за ним, потому что человек, ставший Чингиз-ханом, уважал достоинство родов и благоволил вчерашним врагам даже больше, чем своему роду, если они верно служили ему. Половина вселенной легла под копыта степных коней, и народы, ее населяющие, истаяли наполовину, как этот урусский снег.

От войска Субудая тоже осталось куда меньше половины, однако и остаток придется половинить. Гуюк уже взялся за это по-своему, - по последним донесениям, от его отряда отделился умный и храбрый Кадан, потому что ночами в сотнях старшего брата начали исчезать раненые и больные воины. Потом Гуюк приказал выбирать владельцев самых слабых коней среди кипчаков и

найманов. Их кони шли в пищу оставшимся. В поисках корма отряды рыскали по водоразделу, жгли селения, убивали все живущее, но сами таяли на глазах. Кони - главная ценность степняков - слабели от бескормьяи тяжелых бездорожных переходов через сырые снега и бурные ручьи. Наконец воины Гуюка начали гибнуть безразборно, навек оставаясь в урусских лесах с перерезанным горлом из-за торбы овса, куска мяса, хорошего оружия, давней племенной вражды, неотмщенной крови предков, пустых ссор.

Настал день, когда поредевшие отряды Гуюка начали выходить на главный маршрут. Они потянулись к ставке, но Субудай, оповещенный заранее, выставил надежные заслоны, которые направляли бывшее войско на юг, по кручам главной реки. Инстинкт старого воителя подсказывал Субудаю, что там, как и на севере, куда ушел Урянктай с Аргасуном, должны быть нетронутые селения. И путь по весеннему бездорожью легчал - ручьи утихали, снега оседали, утончаясь с каждым днем и обнажая на взгорках землю с прошлогодней жухлой травой, сквозь которую скоро проступит свежая, молодая, зеленая - спасение войска!

На подступах к ставке озверевшие кони Гуюка прорвали заслон, смели охрану, прочную изгородь и разметали по клочку, съели вмиг большую запасную кучу прошлогодней соломы, собранной для гвардейской конницы и охраны. Гуюк, сын великого **каана**, не появился в ставке, только попросил передать Бату, что по возвращении с юга выдернет высокородному его жидкую бороденку.

Давно не было вестей от Бури с Байдаром. Субудай знал, что через несколько переходов от большого озера они взяли круто влево и пошли вдоль верхней Итили, где оказалось много богатых селений. Байдар медленно продвигался с основным отрядом этим дочерним водоразделом, а отряды Бури выискивали жилища урусов по обе его стороны. Они объедались у костров свежатиной, хорошо отсыпались, собрали запасной табун урусских коней. Байдар в походе спит меньше других, всегда спокоен и умеет ладить не только с воинами или неистовым Бури, но и самим Бату. А в правнуке Темучина внуке Чагатая сыне Мутугена гуляет чья-то дикая кровь. В каждом новом селении он ищет прежде всего какой-нибудь хмельной напиток, а потом всю ночь меняет пленниц.

Когда Субудай со ставкой пошел по главному водоразделу на юго-восток, гонец сообщил, что Байдар узнал о богатом городе на большом изгибе Итили (**Ржев**), собрал все войско и вместе с Бури бросился к нему. Больше никаких вестей от них не приходило, и Субудай начал тревожиться. Уже от города послал туда, глубоко в тыл, небольшой отряд надежных гвардейцев, который, однако, вначале бесследно исчез, но потом появился с караваном урусского зерна. Гонцы, оказывается, наткнулись на отделившийся отряд Кадана, который и себя подкормил и позаботился о ставке; Кадан станет великим воителем!

Не было пока вестей и от Урянктая с Аргасуном, хотя эти-то ушли совсем недалеко и пока продираются, наверно, сквозь густые северные леса, чтоб добраться до истоков двух дочерних рек и найти тот богатый нетронутый Урусскки город.

Субудай даже отдал сыну своего кипчака-толмача, который лучше всех в войске знает эту землю, обычаи ее жителей и каким-то особым нюхом чует, где может еще оставаться зерно и сухая трава,

Нет, создателю этой крепости Субудай все же сломал бы спину! Урус придумал, оказывается, такое, от чего Субудаю не спится вторую ночь. Прибывающая вода в дочерней реке, что омывала разливом западный и северный валы, вдруг пошла к материнской реке по тенистому глубокому рву сильной струей, прорвавшись под западным валом, потащила лесной сор, шкуры, гнилые внутренности коней, трупы казненных воинов. Теперь вокруг города была сплошная вода-широко разлилась и стояла с трех сторон света, но ревела и бурлила на дне рва, защищая южную ворогную стену крепости, самую доступную, как вначале подумал Субудай, а теперь он даже и не знал, можно ли снова начинать работы, если быстрый и сильный водный поток будет выносить из рва не только бревна и связанные кусты, но и большие камни, окажись они у Субудая под рукой.

Камни! Субудай вздрогнул, и сон совсем отшибло. Крепость не взять, если нет в этой местности камня! Надо ловить на южном и северном водоразделах пленных мастеров по железу и дереву,

возить сюда со всей округи сырой и сухой лес, железо, снова заваливать проран, щипать и строгать стрелы, ковать и калить наконечники, строить непробиваемые щиты и, главное, камнеметательные машины...

Но где взять камень? Из-под снега вытаивала черная земля, под ней на всю глубину рва плотно лежала, желтая и почти такая же мягкая глина, как та, на которой жил бывший народ джурдже. Но Субудай пока не увидел здесь ни одного камня, а без него нельзя снести башен и защитных верхов на стенах, уменьшить число стреляющих. Камень может лежать на дне большой реки, под водой, и его не достать. Придется месить глину и калить ее в огне большими тяжелыми кусками да разбирать все прокаленные огнем очаги ближайших селений. Но откуда взят крепкий камень на изваяние, напоминающее человека, которому кланялся урусский певец? И водовод под западным валом не может быть из глины или дерева - его бы размыло или быстро сгноило. Камень тут где-то должен быть! Надо пытать пленников, срезать на них мясо до костей, пока не покажут место, в котором они ломают камень...

Субудай постепенно успокоился и забылся, но вскоре проснулся, разбуженный предутренними протяжными криками урусских домашних птиц. Потом из крепости донеслось далекое знакомое блеяние баранов, пронзительный визг свиней и предсмертное хлебанье быков, слышное даже сквозь ржание голодных степных лошадей, выгрызающих до корней прошлогоднюю траву на обтаявших взгорках.

Субудай понял, что урусы закончили свой долгий пост и начали резать скотину на мясо, счастливцы.

А всю следующую ночь трещала и ухала материнская река.

Солнечным утром напряглись вешние воды, взломали наконец лед, и сплошное белое поле величаво двинулось вниз, опахивая прохладой речные кручи. Через день-два гулкие шорохи на реке начали стихать, меж льдин появилась открытая вода. Она все прибывала да прибывала, заливала снега в широкой пойме, подступала к далекому лесному окоему на той стороне долины.

Лед забил петли дочерней реки, окружил зыбким белым крошевом город с запада и севера, и только в проране перешейка вода ревела по-звериному, и степные кони, прядая ушами, тревожно прислушивались к грозному реву. Нет, этому проклятому урусу старый воитель вынул бы глаза и отрубил руки!

Люди, посланные Субудаем вслед Гуюку, доносили, что войско его хорошо кормится на крутых берегах материнской реки, где стоят хлебные селения и небольшой городок, взять который, однако, невозможно - он тоже со всех сторон окружен водой. А вскоре пришли долгожданные новости от Байдара и Бури. К ним присоединился отряд Кадана, и они взяли, правда с большими потерями, город на берегу Итили. В нем полно сухой травы, овса и того темного зерна, из какого урусы пекут душистый черный хлеб и варят пенный хмельной напиток. Лед там весь ушел по Итили во внутреннее море, но вода в долине еще прибывает.

Субудай послал гонца в обратный путь, наказав трогаться всем к ставке, когда Итиль пойдет на убыль.

Теперь старый воитель спокойно займется подготовкой к последнему штурму злого города. Путь в степи отрезан надолго, и на такой же срок рассредоточенные остатки войск Субудая надежно укрылись за половодьем, разделившим на сиротливые острова всю эту многоводную землю урусов...

Субудай, с нетерпением ожидавший вестей от Урянктая и Аргасуна, дождался наконец гонца. Спросил о главном:

- Нашли они город?

- Да. Поймали у лесного ручья двух соглядатаев из него, отца и сына.

- Так, - засверлил глазом старый воитель.

- Отец молчал, как земля, и ему забили рот камнями.

- Камнями? - оживился Субудай.

- Потом пытали сына, который ожил ночью и ускакал на коне к городу, оставляя след.

- **Любознательный Читатель**. Не слишком ли жестокие казни придумывает автор?

- Нет. Это были жестокие времена... Внук Темучина сын Толуя Монке-хан, взяв позже власть в ставке деда, арестовал влиятельных эмиров, нойонов, темников и других войсковых начальников. Перечисление их "надолго бы затянулось, - пишет Рашид-ад-Дин, и каждый воображал себя таким высоким, что даже горному небу до него не достать". Были тогда казнены многие родственники великого хана, а всю военную оппозицию, насчитывавшую семьдесят семь человек, "умертвили вбиванием в рот камней"...

- А что это за хлебный город, который - по нашему предположению - могли взять в глубоком тылу Кадан, Байдар или Бури, овладев запасами ржи?

- Ржев. Летопись впервые упоминает его в 1216 году.

Стоял Ржев довольно далеко от основного маршрута орды и взят был позже первых городов водораздела. Вернемся, однако, к Козельску.

- Понимаю, что наше свободное путешествие в прошлое позволяет предполагать кое-какие второстепенные подробности, но нам все же следует придерживаться более или менее достоверных фактов в главном. Откуда известно о бескормице в войске Субудая, дислокации его отрядов, месте расположения ставки Батыя или, скажем, о каком-то богатом городе по соседству с Козельском? В летописях-то об этом ничего нет!

- В летописях нет многого из того, что тогда происходило. И мы с вами пытаемся восстановить события, используя отрывочные летописные строки разноязычных авторов, народные предания, топонимику, фольклорные и литературные произведения, археологию, исторические аналоги, работы знатоков средневековых войн... И все же открытая нами страница родной истории так темна, что никак не обойтись без предположений, допущений, логических выводов... Однако очень многое становится практически неоспоримым.

Экономическое развитие глухих пограничных мест Новгородской, Смоленской, Черниговской и Владимирской земель не было тогда настолько высоким, чтобы, после долгой зимы в них могли досыта кормиться в течение почти трех месяцев десятки тысяч лошадей и всадников, занявших всю эту водораздельную местность между истоками Волги, Днепра, Десны, Болвы, Москвы-реки, Угры и Жиздры. Самому недоверчивому скептику, не способному расстаться с традиционными представлениями, предлагаю сегодня разместить в этом районе даже не полумиллионную армию с миллионом коней, а поставить на трехмесячный весенний постой всего-навсего пятнадцать тысяч людей да двадцать тысяч лошадей и понаблюдать, что из этого мероприятия получится...

Присмотримся и прислушаемся к местной топонимике. На водоразделе стоят и сейчас старые села Булатово, Татарка и Попелево, превращенное ордой, по местному говору, в "попел".

Есть под Козельском и **Батыево поле**, на котором мы позже обязаны будем приостановиться. Ставка же Бату, согласно преданиям, полтора месяца находилась в уцелевшем от огня пригородном селе у Козельска. Оно до сего дня именуется Дешевками, а речка, впадающая здесь в Жиздру, Орденкой.

- Ну, речка наверняка тогда текла, но село-то могло появиться позже.

- На месте этого села с глубокой древности и постоянно жили люди, что доказано раскопками Дешевского городища...

Отправляясь в обратный путь к степи, военачальники пришельцев-грабителей решили идти, как пишет Рашид-ад-Дин, "***облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разрушать***", однако орда застряла на два месяца, дожидаясь конца половодья и весенней травы. И войско не могло все это время стоять под Козельском - передохли бы с голоду кони. Поэтому оно должно было разбиться на отряды, чтобы искать новые и новые нетронутые села, деревнии выселки, стога сена, овины и скирды. По Рязанской и

Владимирской земле, а позднее по Переяславской, Черниговской, Киевской, Галицко-Волынской орда двигалась безостановочно и стремительно, не успевая уничтожать все города и села. А в районе между Торжком и Козельском она бесчинствовала со второй половины февраля до середины мая 1238 года, около трех месяцев. Таким образом, главный водораздел Русской равнины подвергся самому страшному опустошению за всю историю нашествий, настолько страшному, что свидетелей ему не осталось. Этим объясняется и скудость сведений об исходе войск Субудая в степь, и многовековая разноголосица о направлении, которым шла орда, и всеобщее огорчительное незнание подробностей обороны Козельска к трагической гибели других городов района. Должно быть, именно весной 1238 года были разорены попутные Дорогобуж, Ржев и Обловь, Долгомостье, Вщиж и Голяд, а также Ельня и Вязьма, если они или какие-то поселения под другими именами на их месте уже существовали.

Небольшой островной город-крепость **Городец на Жиздре**, о котором сообщает П. А. Раппопорт, едва ли был взят в пору разлива вешних вод, но погибли, наверное, другие города, не успевшие попасть в летописи до нашествия орды, которое окончательно стерло память о них с этой земли, испепеленной и надолго омертвленной...

Должен поведать вам, дорогой читатель, и еще нечто необычное. До решающего штурма Козельска произошло неподалеку одно важное и достоверное историческое событие, которое лишь совсем недавно стало известно узкому кругу специалистов.

Рассказать о нем впервые широкому читателю - высокая честь и тяжкая обязанность, потому что это событие, в коем проявилось необыкновенное мужество и сила духа наших предков, было страшным, кровавым, испепеляющим душу ненавистью к захватнической, грабительской войне, когда бы и где бы она ни приключилась.

32. Глава 32

Рассвело совсем, но туман вокруг Козельска не рассеивался, ждал солнца. Мы поехали на север. Проселочная дорога, как в глубокой древности, змеилась по увалистым взгоркам, где было повыше и посуше. Моя добрая старая "Волга", видавшая всякие виды, нет-нет да буксовала на подъемах и юзила на спусках, потому что дорогу досыта напоили дожди и туманы, разъездили-расшлепали тяжелые машины с урожаем. Водораздел сплошь распахан, по окрестным далям синеют леса, и впереди та же манящая синева, за которой наша необычная цель.

- Не проедем, - сказал мой козельский поводырь Василий Николаевич Сорокин. - Как пить дать не проедем.

- Попробуем!

- Сядем - не вылезем.

- А цепи на колеса?

- Бесполезно. На кардан сядем. У меня же не только местный, но и фронтовой опыт...

Извилистая полоса тумана потянулась в глубокой низине.

- Река, - обронил Сорокин, - **Серена**.

- Это значит "туманная"? - спросил я наудачу о том, чего, кажется, не знает в точности никто.

Несомненно, название реки вятичское, но что оно воистину означает? Князь Игорь не принял участия в зимнем походе 1185 года, потому что "бяше серен велик, яко же вон не можахут зреима перейти днем до вечера". В. Н.Татищев пояснял это неясное слово другим неясным словом "въялнца", В. И. Даль называл "сереном" наст, наледь на снегу, Б. А. Рыбаков считает серен "туманом", О. В. Творогов переводит это слово как "распутица"; поди разберись...

- Приличная река, - говорит Василий Николаевич. - Еще сейчас больше ста верст от истока, и в старину по ней, наверное, ходили к Жиздре и Оке большие торговые ладьи. Но нет, не проедем к тому месту, откуда они ходили...

В самом деле не проехали. Даже двухдверный "козел-вездеход" едва ли прободался бы через

эти леса такой дорогой. Досадно, конечно, что не добрались до святого места, о котором надлежит всем нам знать, ну да ладно, в другой раз.

И Сорокин, взглянув на меня сбоку, будто услышал мои мысли.

- Ну да ладно, - сказал он. - В другой раз. Среди лета. А в Козельске я вам один московский телефон дам, не пожалеете...

По рекомендации Сорокина разыскал я в Москве Татьяну Николаевну Никольскую, чтобы вместе с ней хотя бы мысленно побывать там, куда мы не смогли добраться из-за осенней распутицы.

- Даже летом не проехать! - решительно заявила она. - Легче со стороны Калуги - оттуда ближе подходят сносные дороги...

Т. Н. Никольская-представительница одной из самых "тихих" на земле профессий. Песен не поют о ее коллегах, к перевыполнению планов не призывают, отчеты об их трудах публикуются мизерными тиражами в узкоспециальных изданиях, а материально ощутимые результаты скромно ложатся на полки музеев или в запасники. Однако без усилий этих подвижников науки все человечество легко бы превратилось, по русской присказке, в Иванов, не помнящих родства. Т. Н. Никольская - археолог.

Археология восстанавливает, возрождает, оживляет память земли, то скупо, сухо и невнятно, то подробно, живописно и ясно рассказывая о том, как начинался на ней человек, как перемещались по лику планеты, добывая себе пропитание, племена ее и народы, где возникали ремесла, искусства, города и государства, какая и когда развивалась этика, философия, религия, политика, дипломатия.

Наконец, археология сотворила величайшее чудо - через надписи на камнях, глиняных табличках, папирусе, пергаменте, бересте и бумаге предоставила слово давно ушедшим в небытие поколениям; слава археологии, вечной спутнице и верной помощнице Истории!..

Татьяна Николаевна Никольская много лет занимается раскопками на бывшей земле вятичей. Это подвижное и большое племя, некогда заселявшее крайний северо-восток Русской земли, как известно, дольше других восточных славян держалось язычества и сохраняло свое племенное имя. Но что оно означает?

Откуда они пришли сюда? Где бы это узнать?

Река Вятка, текущая так далеко от земли вятичей, никак не могла дать свое имя этому племени, однако и топонимическая случайность маловероятна. Можно предположить другое. Вятичи, это сильное и мобильное племя, в котором вначале мирно растворилась, полностью ассимилировалась балтоязычная голядь, что обитала в бассейне Угры, пошли дальше на северо-восток, в леса, слабо заселенные угро-финскими племенами. Новоселы, продвигаясь по рекам от русл к истокам, прочно оседали на пустых землях и давали окружающему свои названия. Наверное, это северяне, поднимаясь вверх по Днепру, назвали левый его приток Десной, то есть "Правой", бужичане, они же дулебы и волыняне, дали имя Десны тоже левому притоку Южного Буга и уж несомненно вятичи, заселяя и распахивая свободные земли в бассейне Москвы-реки, поименовали точно так же один из левых притоков Пахры. Первый москвич, чье имя нам известно - Степан Кучка, жил на крутяке над речкой Неглинкой, наверное, задолго до Кучки получившей свое новое имя вместе с бесчисленными Серебрянками да Березовками среднерусской полосы.

В районе теперешней Москвы вятичи встретились с крайними восточными поселениями другого большого славянского племени - кривичей, западный ареал расселения коего подходил аж к Неману, а на востоке охватывал Верхнюю Волгу. Уверен, что речка Сетунь, текущая ныне в черте столицы, названа именно кривичами - это они оставили на древней своей родине коренные славянские топонимы: Стырь, Птичь, Свислочь, Случь, Горынь, Струмень. Так что Сетунь, как, наверное, и Вятка, - не топонимическая случайность или фонетическое совпадение. И еще раз - слава археологии! Недавно у истоков Сетуни, в районе Одинцова, московские археологи обнаружили рядом типично кривичские и типично вятичские захоронения...

Десять лет я прожил в Кунцеве, можно сказать, на берегу Сетуни, небольшой петлястой речонки,

в которой текла черная, всегда теплая и дурно пахнущая - от промышленных стоков - вода, точнее, химический раствор, который в последние годы стал вроде бы немного попрохладней и почище. Что означает слово "сетунь"? Еще в XVII веке, при Алексее Тишайшем, в Москве-реке и ее притоках водились стерлядь, судак, налим и так много иной рыбы, что ниже русла Сетуни стояла государева деревня Мневники, где жили мневники, то есть рыбаки, поставлявшие рыбу для царской "мневой" (налимьей) ухи. Так что "Сетунь"- это, наверное, от слова "сеть", а что может значить "Вятка" и, главное, "вятичи"?

В 907 году вятичи приняли участие в походе Олега на Царьград. Позже, как мы уже знаем, их два года покорял сам Владимир Красное Солнышко, потом дважды ходил на вятичского Ходоту и его сына Владимир Мономах. При Мономахе же вятичи-язычники убили киевского миссионера **Кукшу**, о чем мы тоже упоминали. Не исключено, что вятичские первопроходцы, не желавшие принимать христианства, некогда ушли подальше от киевских князей, ориентируясь по летнему, восходящему на северо-востоке солнцу, где-то переправились через Волгу и первую большую реку за ней - на крайнем пределе проникновения - назвали в честь своего древнего племенного имени: Вятка.

Новгородские ушкуйники впервые появились на реке Вятке в 1174 году, застали там укрепленные городки, в том числе и самый большой, названный ими Болванским, где было главное капище местного населения, быть может полностью растворившего в себе вятичей, первых русских пришельцев, чьи верования в божественные силы природы и олицетворявших эти силы идолов были им все-таки ближе...

Во всяком случае, в этом очень далеком от столичного вятичского Козельска краю течет множество рек и речек с непонятными русскому человеку названиями - Пижма[96], Нылга[97], Какмаш, Идык[98], Кильмез[99], Унваи, Шуда[100], Кемда, Уржум и так далее, и лишь одна материнская, в имени которой зафиксирован явно славянский корень и русская флексия!

Корень "Вят"? Но что он может значить? И нельзя ли добраться через него до родового корня, происхождения вятичей?

Мне это было бы очень интересно, потому как отношу себя к потомкам вятичей, несмотря на то что родился в Сибири. Мои предки по отцовской и материнской линии жили на Рязанщине в бассейне реки Прони, охваченной в средневековье вятичским расселением, что неопровержимо доказали в наши дни археологи, а задолго до них недвусмысленно засвидетельствовал летописец: "***...и прозвашася вятичи, иже есть рязанци".***

Летописи пытаются также объяснить, откуда пошло название этого племени. Вятичей будто бы привел в незапамятные времена откуда-то с запада, "от ляхов", их вождь по имени Вятко, что может быть, однако, просто удобной легендой и к тому же совсем не проясняет смысла племенного персонима. Радимичей ведь тоже якобы привел Радим... Однако постойте-ка - уже на исторической памяти Руси геройски погиб в Юрьеве князь Вячко, защищая этот русско-эстонский

---

[96] Общеславянское слово «**пи́жма**», обозначающее как весь род в целом, так и многих его отдельных представителей, можно считать происходящим от *польского* «**piżmo**» или *чешского* «**pižmo**», что означает мускус (сильный запах органического происхождения) и в свою очередь восходит к искажённому произношением латинскому слову «bisámum». Большинство представителей рода пижма действительно обладают весьма сильным и довольно близким по оттенку эфирно-смолистым запахом, причём запах этот исходит ото всех наземных частей растения[1].

[97] Нылга < ж. а. Ныл-эг < удмуртское «ныл» — «девочка»

[98] ... у них освященная лошадь — **идык** остается таковой на всю жизнь, т.е. неприкосновенной...» (культовое понятие тувинских шаманов)

[99] **Кильме́зь** — река в Европейской части России, второй по длине приток реки Вятки. Название реки, по-видимому, можно связать с названием удмуртского племенного объединения «калмез» или с марийским словом «кылмыш» — замёрзло, т.е замерзающая река.

[100] **Шу́да** — название марийского происхождения нескольких рек на территории России.

город от немецких псов-рыцарей! Как емкую краткую повесть о славном и тяжком прошлом, перечитываю татищевские строки, описывающие события того года, когда с юго-востока на русскую землю впервые пришел Субудай, а на северо-западе лилась кровь латышей, эстов, литовцев и русских, отражавших натиск европейской орды: "***6731 (1223). Того же году немцы, пришед к Юрьеву, облегли и крепко добывали. Но князь Вячек, яко мудрый и на рати смелый, храбре охраня град, часто выпадая, многий вред немцом причини. С ним же бяху добрии бояре новгородци и псковичи, помогаху ему храбре..."***

Между прочим, когда были напечатаны первые главы "Памяти", ко мне пошло много писем, и я с радостью отмечал в них жгучий интерес к родной истории. И вот в одном из писем - несколько нежданное для меня: "Вы часто ссылаетесь на Татищева. А кто это такой?"

Василий Никитич **Татищев** (1686-1750) - достойный сподвижник Петра и Ломоносова, великий труженик, исполинская историческая личность. Экономист, математик, историк, горный инженер, географ, лингвист, естествоиспытатель, этнограф, страстный собиратель старинных русских рукописных сокровищ, археолог, публицист, землеустроитель; можно сказать, палеонтолог, так как первым в мировой науке написал о мамонтах, философ, политик, просветитель, общественный и государственный деятель, дипломат, администратор, ученый-юрист и реформатор - автор примечательного проекта изменений в правлении Россией...

"Практичность во всем, - писала "Русская старина" почти сто лет назад, - и в делах, и в воззрениях, полное отсутствие идеализма, мечтательности и глубокое понимание сущности вещей, находчивость, умение всегда ко всему приноровиться, необыкновенно здравое и меткое суждение обо всем и тонкая здравая логика - вот отличительные черты интеллектуального и нравственного облика Татищева". Чтобы порельефней представить эту могучую фигуру, приведу некоторые факты, связанные, с его деятельностью, обстоятельствами жизни и смерти. Знаток трудов Бэкона, Декарта, Лейбница, Гоббса, Локка, он участвовал как воин-артиллерист в штурме **Нарвы**[101], Полтавской битве и прутской кампании; этот специалист горнорудного дела открыл и по достоинству оценил немало редких манускриптов, и в их числе ценнейшую Русскую Правду Ярослава Мудрого - первый законодательный сборник нашего средневековья, а также "Судебник" Ивана Грозного, побывал с различными важными государственными поручениями в Германии, Польше, Дании, Швеции, вывез оттуда множество книг; основал теперешний **Свердловск**[102], открыл уникальную железную гору, назвав ее Благодатью, - она два с половиной века снабжала сырьем уральские заводы; этот бывший астраханский губернатор тридцать лет трудился над своей "Историей Российской", беловой экземпляр которой погиб в пожаре, а часть уцелевших черновиков впервые увидела свет спустя восемнадцать лет после смерти автора; варианты этого феноменального труда с обширными комментариями были напечатаны еще через сто лет, и только революция сделала общим достоянием частные архивы, где хранилось немало рукописей В. Н. Татищева; после войны вышло первое подлинно научное издание его "Истории Российской".

Отдав все силы служению родине, В. Н. Татищев, преследуемый всесильным Бироном и прочими недоброжелателями, значительную часть жизни прожил подследственным, подсудным и опальным, даже сидел в Петропавловской крепости, а последние двадцать пять лет, отстраненный от всех должностей, провел в деревне под Москвой... И вот, согласно семейному преданию, настал час, когда он заказал себе гроб, поприсутствовал при рытье могилы и попросил священника, чтоб завтра тот приехал приобщить[103] его.

Курьеру, прискакавшему в тот день из Петербурга с указом о прощении и орденом Александра Невского, вернул орден за ненадобностью. Назавтра он дал последние наставления детям и

---

[101] …**вопреки** распространенной версии, не участвовал во взятии Нарвы (1705)

[102] … **основатель** Ставрополя (ныне Тольятти), Екатеринбурга и Перми.

[103] Церк. То же, что *причастить* (во 2 знач.).

внукам, принял священника и скончался...

Ежемесячный исторический журнал "Русская старина" летом 1887 года с горечью писал, что могила столь достойного сына отечества находится в крайне запущенном состоянии. Об этом же сообщил еженедельник "Литературная Россия" летом 1980 года...

Стыдоба-то какая на весь белый свет! А ведь там (**Болдино**), в десятке километров от Солнечногорска, и не требуется многого. Неужто всем за последнее столетие стало так уж некогда? Только я не верю, что среди нынешних московских студентов-историков, например, совсем не осталось настоящих русских парней...

Снова к вятичам, эпониму Вятко и подлинному историческому лицу Вячко. Полное имя Вячко или Вячека - Вячеслав. Однако что оно значит? Понятны современные, скажем, сербские имена Мирослав и Драгослав или русские Святослав, Владислав, Ярослав, Станислав; Ростислав и Всеслав из "Слова о полку Игореве" и даже прозвище, хотя и спорное по смыслу, "Гориславлич". Но что означает русское имя Вячеслав и его корень "вяч" или, например, чешское Vaceslav и его корень "vac"?

А корни "вят" и "вяч", несомненно, близкие, но по каким законам они изменяют окончание и как это влияет на смысл при словообразованиях? Вопросы совсем любительские, почти праздные, и я подосадовал, что необходимость и даже возможность создания словаря корней отрицал величайший любитель и знаток русского слова Владимир Даль. Заглянув в его словарь, я нашел "вятку" - этим словом называли лошадь местной породы, выведенную в бассейне реки Вятки. А как этот замечательный знаток и толкователь русских слов, собравший их в своем бесценном словаре более 280 тысяч, в том числе и малоупотребительных, диалектных, местных, забыл слово "вятичи"?

Поразительно, даже не верится! "Вятичей" в "Толковом словаре живаго великорускаго языка" действительно нет, хотя Даль его употреблял в своих художественных произведениях, например в "Оборотне": "***Вятичи нередко сильно тоскуют по своей родине...***" И совсем уж огорчило и почти обезнадежило меня высказывание В. И. Даля насчет словаря корней: "***Корнеслов... это труд неблагодарный и часто бесполезный, выводы таких розысканий бывают более плодом увлечения, чем открытых истин; каким образом одно слово вырастало из другого, а тем более на первоначальном корне своем, этого никто не покажет"***.

Ладно, и я не покажу, но корни эти почему-то застряли в моей памяти и прорастали воспоминаниями. Однажды вспомнилось, как в детстве подселились к нам на тайгинскую улицу вятские - здоровые мастеровые мужики, быстро поставившие на задах наших огородов крепкие дома. С ребятишками-новоселами мы сразу подружились, охотно играли в новые игры, привезенные ими, целыми днями вместе пропадали в лесу и на речке Березовке. В детских ссорах мы дразнили их "вятскими", они нас "чалдонами", и я еще вспоминаю, как древний старик, разнимая драчунов, добродушно приговаривал:

- Мы, вячкие, робята хвачкие - семеро одного не боимся!

Но, может, я за давностью лет забыл, что именно так в народной речи звучало это слово - "вятские"? Звоню московскому писателю Андрею Блинову; зная, что родом он из вятских краев.

- Да, да! Именно так, - подтвердил он. - Только в нашей деревне говорили по-другому: "Мы, вячкие, робята хвачкие: семеро на одного - не боимся никого, а один на один - все котомки отдадим!"

- Крепкий народ, если умеет так шутить над собой.

- И еще. Плывут на плотах, а с берега им кричат: "Эй, что за люди на плотах?" - "Мы не люди, мы - вячкие!"

- Вот это хватанули... А какая река течет у твоей деревни?

- Лудяна, и в нее тут же впадает Березовица. А что?

- Да так, знаешь, любопытствую... Спасибо.

Потом звонил всем знакомым Вячеславам, в том числе трем писателям. К сожалению, никто из них не знал смысла первого корня этого составного имени. Один предположил, что, может, он идет от "веча" или "вещать", потому что по словарю имен значится и "Вечеслав"; другой - от "вещий", "ведать"; третий, сославшись на свой разговор с покойным Алексеем Юговым, уверял, что зовут его "Вечнославным", - только все это было слишком приблизительно и фонетически малооправданно, однако счастливо-случайно дало толчок новому любительскому поиску!

Мне вдруг припомнилось, что существовало в старорусском языке слово "вящий", употребляемое иногда и сейчас. Беру того же Даля и смотрю подробное толкование. "Вящий... больший, величайший, наибольший, высший по силе, величине, власти...

Вящие люди... большие, передние, знатные, сановитые, богатые, с весом".

Стоп. Ведь у меня на полке стоит еще "**Успенский сборник**", ценнейший ранний памятник старорусского языка и литературы! Этот, как сообщается в предисловии, "самый древний памятник восточнославянской письменности", состоящий из оригинальных произведений средневековой русской и южнославянской художественной литературы, единственный рукописный экземпляр которого был обнаружен в книгохранилище кремлевского Успенского собора в середине прошлого века, представлял собою тяжелый фолиант, взятый в переплет из досок, обтянутых кожей. Полное типографическое его воплощение, содержащее более восьмидесяти печатных листов - почти восемьсот страниц убористого шрифта! - вышло в 1971 году, и я сразу же схватил его в "Академкниге". "Успенский сборник" интересен для меня особенно тем, что он ровесник "Слова о полку Игореве", то есть составлен и написан, как это определил скрупулезный научный палеографический, исторический и филологический анализ, на рубеже XII-XIII веков, и он помогает мне кое-что понять в волшебной словесной вязи "Слова"...

На первых же страницах "Успенского сборника" значится имя Вячеслава, а по всей книге множество "вящих" слов, таких, как "вящьши", "вящий", "вящьшаго" и т. д., только на месте "я" во всех этих словах значится давным-давно исчезнувшая тридцать шестая буква старославянского алфавита - так называемый "**юс малый**", означающий тоже давно утраченный в русском языке, но сохранившийся в польском, гласный звук "е" носовое...

Вспомнилось вдруг, что в какой-то летописи читал я о возмущении непосильным золотоордынским гнетом новгородских "черных" людей, а вятшии люди во главе с князем усмирили их.

Отсюда уже стало совсем недалеко до вятичей, некогда, как мне вдруг подумалось, превосходивших родственные племена "по силе, величине, власти"!

Наверное, все это слишком неинтересно далекому от филологии читателю? И я в попутных своих поисках натолкнулся на огорчительное для меня высказывание Н. Г. Чернышевского: "***Человеку, который не намерен делаться филологом, санскритский язык не принесет ни малейшей пользы. Еще менее пользы приобретает он, научившись различать большой юс от малого***".

Однако мы скоро увидим, что наш малый юс принесет нам большую пользу, поможет вскрыть одну изумительную, великую историческую истину!

В этимологическом словаре русского языка, выпущенном перед революцией другим замечательным словолюбом А. Преображенским, преподавателем 4-й Московской гимназии, не только приведены соответствия слову "вящий" в старославянском, словенском, болгарском, сербском, чешском, польском, верхне- и нижнелужицком, исчезнувшем полабском языках, но и нашлось совсем нежданное - этот общеславянский корень, оказывается, полуобразует старославянское имя Вяштеславъ, где вместо "я" тоже значится "юс малый", и русское Вячеслав, что значит, очевидно, "великославный", "многославный", "достославный", "славнейший", современным книжным словам "вящий" и "вяще" (больший, больше) в старорусском соответствовали, в частности, "вятшии", "вячьшии" и "вяче". А сходному чешскому имени Vaceslav соответствует польско-чешское Wactav и латинское Venceslaus с его первокорнем "Venc"...

Однако все это было, по Далю же, всего лишь "плодом увлечения", а мне хотелось найти авторитетное научное объяснение, "каким образом одно слово вырастало из другого, а тем более на первоначальном корне своем". Не нашел даже подтверждения догадке, но почему-то никогда не забывал о ней, досадливо сетуя при бессоннице на свою филологическую беспомощность, но вдруг один счастливый случай нежданно вернул меня к этим корням-мучителям "вят", "вяч" и "вящ".

И главная, вящая находка пришла, как это ни странно, через мой давнишний интерес к "Слову о полку Игореве"! В бессмертной этой поэме я, как и другие любители, помню чуть ли не каждое слово и разные значения многих одинаковых; слово "старый", например, употребляется четырежды, и всякий раз в новом смысле! В тексте нет "вятичей", зато есть замечательное словообразование "русичи", нет слова "вящий", есть "вещий", только мне помогли не эти и вообще даже не исходнославянские слова поэмы. Первопричиной находки стали заимствованные слова восточного происхождения.

Много лет я собираю издания "Слова", какие могу найти, ищу любую книгу и публикацию о нем - покупаю, выменяваю, с сердечной дрожью принимаю в подарок, досаждаю авторам, выпрашиваю редкости во временное пользование и не дошел еще разве только до воровства и сквалыжного зажиливания. Когда я взял в руки книгу Менгеса "Восточные элементы в "Слове о полку Игореве"" (М., 1979), то никак не предполагал найти в ней то, что так давно искал. Немецкий филолог Карл Генрих Менгес, родившийся в 1908 году, - большой знаток "Слова о полку Игореве", русского и превеликого множества других языков. Он учился в трех немецких университетах и МГУ, жил в Чехословакии, Турции, Америке, много раз бывал в нашей стране, изучая средневековые русские рукописи, культуру и языки восточных народов. В его книге использованы лексические пласты языков, в сущности, всей Евразии - от ирландского до японского, от нганасанского до тамильского. Почти невообразимый языковой космос величайшего из материков открывается в его работе! Предполагаю, что многие читатели даже никогда не слышали о самом существовании некоторых языков, которыми оперирует ученый. Перечислю, к примеру, только языки, которые привлекает Менгес в своем сравнительном филологическом анализе, чтобы разобраться в происхождении такого обыкновенного слова, как "телега": протомонгольский, древнемонгольский, письменно-монгольский, современный монгольский, халхасский, ордосский, монгорский, китайский, древнерусский, сербохорватский, словацкий, древневолгобулгарский, арабский, венгерский, румынский, туркменский, якутский, орхоно-енисейский, древнеуйгурский, кашгарский диалект уйгурского, чувашский, восточноболгарский, чагатайский, куманский, аккадский, шумерский, караимский, бурятский, турецкий, болгарский, чешский, армянский, персидский, сибирскотюркский, тувинский, маньчжурский, тунгусский, эвенкийский, эвенский, нанайский, ульчский, негидальский, аварский, орочский, тамильский, общесемитский, корейский, алтайский, русский, малаялам и каннада...

И вот в авторском очерке ранней истории славян, открывающем книгу, я впервые увидел рядом корни "вят" и "вящ", напечатанные старославянским шрифтом. Близкие по своему древнему происхождению, принадлежности к одной языковой европейской семье и географическому району, написанию и звучанию, они сближались авторитетнейшим филологом-этимологом и по смыслу. Давно я так не радовался! Однако в этом же большом абзаце специального историко-филологического текста со ссылками на древнегреческие, санскритские, осетинские, арабские, персидские и т. д. слова содержалось еще нечто совершенно сенсационное, чем я спешу поделиться с читателем, если он не устал от путешествия по дебрям корнесловия.

Заглянем перед этим на минутку в Древнюю Грецию и Рим, где образовалась начальная европейская письменность и наука.

Знаменитый древнегреческий историк и путешественник Геродот, живший в V веке до н. э., первым из ученых мужей Средиземноморья побывал на юге нашей страны и писал о скифах, в том числе и оседлых, земледельческих. "Скифы-пахари Геродота, - считает К. Г. Менгес, - могли быть славянами, поскольку скифы в согласии с типичными чертами, какие им приписываются, были настоящие кочевники степей, а не оседлые земледельцы". Обширной и убедительной

аргументацией недавно подкрепил этот вывод ведущий советский археолог и историк Б. А. Рыбаков в своей работе "Геродотова Скифия" (М., 1979).

Прошло пятьсот лет. Естествоиспытатель-энциклопедист Плиний Старший, задохнувшийся в 79 году новой эры ядовитым дымом Везувия, оставил людям феноменальный тридцатисемитомный труд "Historia naturalis", где впервые упоминается о венедах, бесспорных предках славян. Через двадцать лет после смерти Плиния написал о венетах другой великий римский ученый Публий-Корнелий Тацит, а в следующем, II веке - александрийский астроном, географ и математик Клавдий Птолемей в своем трактате "География".

И еще мы вправе попутно вспомнить римского императора и философа Марка Аврелия, который вел затяжные войны с разными народами на северных границах империи - квадами, маркоманами, сарматами и, как сказано в БСЭ, "др.". Среди других были, очевидно, и предки славян. И тут я должен вернуть читателя к уже известному нам Гржиму. Дело в том, что у меня в руках оказалось интересное письмо ленинградского ученого-ботаника Алексея Григорьевича Грумм-Гржимайло, сына знаменитого путешественника, отправленное 30 января 1966 года своему двоюродному брату московскому ученому-металлургу Николаю Владимировичу Грум-Гржимайло и возвратившее меня к истории их рода... А. Г. Грумм-Гржимайло был человеком точного, достоверного знания, и я, прочитав все его книги, снабженные, как правило, солидным справочно-научным аппаратом, убедился, что ему можно верить.

"Впервые Гржимали вышли на историческую сцену во II веке нашей эры. К северу от границ огромной Римской империи на территории Средне-Дунайской низменности находилась древняя Паннония, населенная тогда в основном вендами, т. е. славянами, относившимися к западной славянской ветви. В Паннонии на берегу Дуная стояла крепость Виндебож или Виндебон, как ее называли римляне. Под защитой толстых каменных стен этой крепости были сооружены древние храмы с идолами, которым поклонялись славяне этой области. Виндебож (впоследствии Вена) занимал господствующее положение на Дунае.

Кто владел этой твердыней, тот и мог пользоваться бассейном Дуная для торговых и другого рода сношений. Римляне всячески старались завладеть этой крепостью и в 167-180 гг. н. э. вели упорные бои за Паннонию и ее главную цитадель. Командовал римской армией сам император Марк Аврелий. Ему удалось сдержать натиск "северных варваров", но овладеть Виндебожем он не смог и в 180 году умер под его стенами.

Защищал эту крепость вендский вождь или рыцарь, получивший прозвище "Гржимала". Гржим-это древнейший славянский корень, выражающий понятие "гром", а в переносном смысле - "сила", "победа". "Гржимала" - прилагательное от слова "гржим" и было употреблено в смысле "победивший" и "разящий". На гербе, которым ты интересуешься, изображена крепость Виндебож, а не "гроб господень", как ты пишешь, и рыцарь, стоящий в воротах в шлеме, со щитом и мечом на ударе, - это и есть наш родоначальник Гржим или Гржимала"...

А жившие среди других народов на Днепре, быть может, будущие поляне на заре нашей эры торговали с далекими народами и государствами, о чем предметно свидетельствуют многочисленные клады римских монет II-IV веков, найденные при археологических раскопках киевских холмов. Приближался час основания средневековой столицы полян ее легендарными летописными героями-братьями Кием, Щеком и Хоривом, их сестрой Лыбедью, по имени которой будто бы названа речка Лыбедь, текущая в черте Киева.

Оставим пока легенды, мифы, археологические находки, топонимику; обратимся снова к науке, к венедам и вятичам.

Сижу, пишу подряд слова: венеды - венеты - венды - винды - Виндебож - Вена - Венеция - Венцеслаус - Вацлав - Вечеслав - Вячеслав - Вячко - Вятко - вятичи... Безусловно, между этими этнонимами, географическими названиями и именами есть семантическая общность, связующий

смысл! И если в корневой основе всех перечисленных слов лежит понятие "большой", "великий", то венеды[104] и вятичи точно вписываются в общую этнонимическую и общественную историю народов Земли! У многих народов, отставших в общественном развитии, как считают этнографы, сегодняшние самоназвания означают поначалу, например, "женщина" (группа австралийских аборигенов "галинья"), затем "мужчина", "человек" (кеты, ненцы, нивхи), потом "люди" (саами), и, кстати, подобные понятия-этнонимы лежат в основе самоназвания немцев Deutsche (от древнего diot, diota) или тюрков. А союзы племен на границе перехода к классовому обществу и государству образуют новые этнонимические слова-понятия - франки ("свободные"), саксы ("товарищи по оружию"), алеманы (южные германцы, "все люди"), венеды, венеты, вятичи ("большие люди", "великое племя")...

Следовательно, и у славян, как у других племен Европы, в позднеантичные времена шел процесс становления военной демократии, новой эпохи социального развития, и ни тогда, ни позже, в средневековье, они по своей общественной организации не стояли ниже или выше соседей. И как же я радовался, когда к моим любительским предположениям прибавилось точное знание, научное подтверждение догадки! Замечательный немецкий ученый К. Г. Менгес доказывает, что племенное название венеды (венеты) есть искусственная латинизация патронима, образованного от корня "вят" (читаемого, повторюсь, как "вэнт", только с носовой, гнусливой "н".- В. Ч.) и соответствующего латинскому vent, что означает "большой" в сравнительной степени! Наверное, стоило нам с вами, дорогой читатель, свершить это попутное филологическое путешествие, в котором мы узнали, что средневековые вятичи - потомки древних славян-венедов?

И еще у нас есть "Слово о полку Игореве"!.. В бездонной глубине его смысла таится важное звенышко цепи времен, поражающее фантастической прочностью народной исторической памяти. После поражения князя Игоря, когда "на реке на Каяле тьма свет покрыла", "по Русской земле простерлись половцы, точно выводок гепардов" и "снесеся хула на хвалу", то есть "пал позор на славу", - "готские[105] красные девы на берегу синего моря, звоня русским золотом, поют время Бусово...". **Бус**, по-гречески "бык", он же Бооз и Бож-царь и военноначальник племенных объединений славян (антов), казненный готами в IV веке вместе с семьюдесятью другими вождями родственных племен.

Восемьсот лет жило воспоминание об этом трагическом событии у незлопамятных наших предков, полторы тысячи лет назад имевших какие-то зачатки государственного единения, созданного, очевидно, в связи с агрессией сильного врага. Автор "Слова", участник битвы на Каяле, не видел и не слышал, конечно, летом 1185 года тмутараканских готских девушек, это он напомнил о гибели Буса!..

Правда, есть ученые, которые крепко сомневаются в столь глубокой памяти наших предков и, несмотря на очевидность факта, соответствующим образом комментируют это место в "Слове о полку Игореве". Но ведь существуют аналогичные бесспорные факты! Еще сегодня живут на Земле народности и племена, пребывающие на родо-племенной стадии развития, которые помнят имена своих предков в двадцатом-тридцатом поколениях, даже не связывая их с громкими событиями, подобными казни Буса. Да и родная история дает нам еще один великолепный пример. Русская устная традиция, народная память девятьсот лет хранила имена Владимира Красное Солнышко и Добрыни.

А около 550 года нашей эры раннесредневековый хронист Иордан Мезогот довольно подробно рассказывает о славянских племенах, которые "исходя из одного корня... произвели три имени, то

---

[104] Основным историческим предком славян является одно из арийских племен - венеды. О венедах, выступающих под именем «энеты», сообщают еще мифы архаической Греции, рассказывающие о совместных походах по Малой Азии союза племен ахейцев, этрусков и энетов, кульминацией которых было взятие Трои. Затем их пути разделились. Ахейцы остались на юге Балкан, став родоначальниками древних греков. Этруски и венеды ушли в Италию.

[105] Сулейменов разбивает текст на слова иначе: "...уже връжеся Дивь на землю (се бог отский). Красныя девы въспеша..." Слова в скобках значат "это (т.е. Див) - бог предков".

есть венетов, антов, склавен", живущих на главных междуречьях юго-восточной Европы. "***Внутри них (то есть между рек) находится Дакия, огражденная крутизною Альп наподобие венца, вдоль левой стороны которых, там, где они поворачивают на север, от истока Вистулы*** (античное название Вислы) ***на безмерном пространстве расселился многолюдный народ венетов. Имена их могут ныне меняться в зависимости от родов и мест, однако в основном они называются склявены и анты. Склавены обитают от города Новнетунум и озера, которое называется Мурснан, вплоть до Данастра (то есть Днестра) и на север до Вислы: там имеются болота и леса вместо городов. Но там, где изгибается Понтийское море, анты -самые могучие среди них- распространяются от Данастра до Данапра (то есть Днепра); эти реки отстоят друг от друга на много привалов (пути)"***.

Итак, в подлинном историческом сочинении середины VI века н. э. снова упоминаются венеты в связи с их северо-западными соседями-готами, прагерманцами. Известно также, что славяне-венды (винды) жили в средневековье на Балтийском побережье и, согласно исландским сагам, на них ходил викинг Хакон...

Еще одна важная для нашей темы работа! Опираясь на филологический анализ и труды средневековых авторов, советский исследователь Г. А. Хабургаев подбирает к этнониму "венеты" новые, так сказать, северные языковые ключики и... приходит к результату, идентичному выводам Менгеса! В своем научном труде "Этнонимия ,,Повести временных лет"" (М., 1979) он пишет: "Venetae Иордана, Wenden и Winclen немцев, Venat диалектное финское позволяет реконструировать для этого наименования исходный корень vent - vet, который у восточных славян мог дать только "вят", что и лежит в основе сближения позднеантичного и средневекового этнонима венеты с восточнославянским этнонимом вятичи".

Миновало после Иордана Мезогота еще почти пять веков, и потомков древних венедов, вятичей, то есть "великих", "людей большого племени", христианизация догнала в бассейне Оки.

Позже, углубляясь в историю вятичей, напал я на новый след. Вспоминаю еще один разговор с археологом Никольской.

- Кто до вас раскапывал вятичские города и курганы?

- Многие. Булычев, Спицын, Арциховский...

- Вы знали Артемия Владимировича?

- Он мой учитель.

Это был великий археолог! Именно **А. В. Арциховский** нашел 26 июля 1951 года первую новгородскую берестяную грамоту. Его экспедиция начала работать в Новгороде в 1932 году, и вот через двадцать лет раскопок, находок важного и второстепенного, радостей, разочарований, едва теплящихся надежд - великое открытие! В тот сезон было найдено еще девять грамот, и А. В. Арциховский вскоре написал: "Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы".

- Скажите, Татьяна Николаевна, - задал я важный для меня вопрос. - Не слышали ли вы от покойного Артемия Владимировича, что вятичи - потомки венетов?

- Он ничуть не сомневался в этом. И даже писал на эту тему. Посмотрите его "**Курганы вятичей**"...

Книжка эта напечатана в 1930 году в Вологодской типографии тиражом всего в тысячу экземпляров, ни разу с тех пор не переиздавалась. Нашел, читаю: "***Самое имя "вятичи", как блестяще доказано А. А. Шахматовым, происходит от древнего названия славян "Венто***".

Римляне сделали из этого названия, как известно, венедов, и Тацит так называет славян. Отсюда

же происходит племенное имя вендов. Из "венто" приставкой обычного для славянских племен суффикса получается "вентичи". Носовой звук "еп" обозначается, как известно, в славянской транскрипции через юс малый и переходит с сохранением этой транскрипции в "я". Так "вентичи" превратились в “вятичей”. У Арциховского есть ссылка, в частности, на статью Шахматова, опубликованную в малоизвестных и малодоступных "Известиях Академии наук"- VI серия, No 16 за 1907 год. Надо искать!

В основном тексте ничего нет о венетах-вятичах, но вот примечание, набранное микроскопическим шрифтом: "***Имя вятичей сопоставляется с Vento - основною формой, к которой восходят названия Венеты, Vindir и т. д.***". И... следует ссылка на работу русского профессора-германиста Ф. А. Брауна, у которого я нашел ссылку на известного словацкого славяноведа Павла Шафарика... Дальше я не пошел, и без того лишний раз убедившись, что новое - это хорошо забытое старое...

Стою пред Козельским крестом, вытесанным из каменного языческого бога, и пытаюсь вообразить себе далекого предка, некогда так же стоявшего над этой жиздринской кручей...

Вятичи дольше всех восточных славян сохраняли свое племенное имя. Поляне последний раз упоминаются в 944 году, древляне в 990-м, словене в 1018-м, кривичи в 1127-м, дреговичи в 1149-м, радимичи в 1169-м, северяне за два года до знаменитого похода князя Игоря, в 1183-м, но в Игоревом "Слове" они, как и другие племена - сородичи, уже не значатся.

Вятичи, жившие без князей и дольше других самоуправлявшиеся древним народовластием и старейшинами, в последний раз названы летописцем по своему племенному имени в 1197 году.

Заглянем на минуту в историю середины XII века. В 1146 году разразилась большая междоусобная война - князья черниговские, смоленские и киевские пошли на отца Игоря, северского князя Святослава Ольговича, которому в XII веке принадлежала земля вятичей. Черниговские Владимир и Изяслав Давыдовичи, придя с войском сюда, как пишет В. Н. Татищев, "***созвали старейшин и говорили о Святославе, что он Вятич не любит и разоряет, яко не свою область, чтоб его они поймали или убили, а имение его все себе разделили. На что им старейшины Вятич отвечали: "Вы наши все государи и нам равны. Кто нами владеет, тому мы верны и покорны, не взирая на милость и немилость, рассуждая, что бог вас над нами определяет. И не без ума, по апостолу, меч в наказание винным, а отмсчение злым носите. А руку на господина своего поднять не можем, и никогда того в нас и в праотцех наших не бывало***"". На полях своего сочинения замечательный историк отмечал конспективно самые важные летописные события. Против этого места значится: "Вятич умный ответ".

А летом 1147 года отец князя Игоря приехал с сыном Олегом в гости к своему союзнику Юрию Долгорукому. Кровавое и страшное даже по нравам тех времен событие предшествовало этому гостеванию - Юрий убил своего тысяцкого Кучку в его селе, завладел вдовой-красавицей, а дочь убитого выдал за сына Андрея. Святослав погулял на свадьбе и отбыл домой под перестук топоров - тем летом Юрий на берегу Москвы-реки, "полюбя же вельми место то", начал строить город, которому суждено было сыграть особую роль в русской и мировой истории.

Следующая половина тысячелетия была наполнена огромными событиями на всей планете, и соразмерно этому масштабу жила Москва. Нашествия с востока, севера, запада и юга на весь славянский мир породили великий многовековой подвиг потомков венедов и вятичей - москвичи, калужане, рязанцы, туляки, орловцы, тверяки, слюляне, владимирцы, костромичи, нижегородцы, ярославцы, вологодцы образовали этническое ядро великорусской нации, создавшей вокруг Москвы вместе с потомками других восточнославянских племен могучее государство. Они сбросили чужеземный гнет, неудержимо устремились на восток, к Великому океану, вышли к морям изумленной Европы...

33. Глава 33

Вернемся, однако, к лету 1147 года, когда Святослав Ольгович возвращался через землю

вятичей на свою отчину, и вспомним некоторые подробности. Святослав, "перешед Оку, ста", потому что умер его "добрый старец Петр Ильин, иж был муж отца его, уже от старости на коне че може идти, бе бо лет за 90".

Не от этого ли Петра Ильина - через отца, мать, старших братьев или такого же доброго старца - перешли к Игорю Святославичу "преданья старицы глубокой" и бывальщины о деде его Олеге Святославиче? Зачем было Святославу брать с собою в столь дальний и тяжкий путь человека, родившегося, быть может, еще при Ярославе Мудром, сыне Владимира Крестителя и Рогнеды, умудренного свидетеля стародавних событий и хранителя родовых тайн? Не для того ли, чтоб он пел на свадьбе славу князьям "старым" и новым?

А между Москвой и Окой, как сообщает В. Н. Татищев, Святослав Ольгович прошел через два города вятичей - Любек и Сыренск, во второй редакции "Истории Российской" названный почему-то **Серенском**...

В. Н. Татищеву можно доверять, но иногда не мешает и проверять его по летописным подлинникам. Любек в Ипатьевской летописи назван Лобыньском, и такой город историки действительно числят на Протве, а Сыренском и Серенском ошибочно поименован, кажется, летописный **Неренск**.

- Татьяна Николаевна! - говорю я археологу Никольской, раскопавшей древнее Дешевское городище и несколько средневековых вятичских городов. - Неренск - это не...

- Нет, нет! Этот город пока не найден. И его не стоит искать на Серене, где стоял Серенск, называемый летописцами также Шеренском. Наш город определен еще до революции, село рядом с городищем и сейчас называется этим именем, ну а раскопки окончательно все подтвердили...

"Наш город"... Это сказано, наверное, потому, что мы с Татьяной Николаевной много о нем говорили. Но как археологические раскопки могут подтвердить название города, если не найдено на этот счет записи на камне или бересте?

Современной науке известен археологический уникум - **Райковецкое городище**. Этот пока единственный полностью раскопанный средневековый русский город, погибший от нашествия орды, условно назван учеными, работавшими там с 1929 года, по имени ближайшего села, что в Житомирской области, однако никто не знает, как он на самом деле назывался в XI-XIII вв. - ни летописи, ни былины, ни народная память, ни топонимика не сберегли его подлинного имени...

- А наш город? - спрашиваю я о поселении, до останков которого не смог доехать осенним бездорожьем.

- Он замечательно сохранился, конечно, с точки зрения археолога. Помню, как впервые мы пришли на этот речной мыс. Серена обтекает его, а с напольной стороны - представьте себе - до сего дня глубокий ров и вал...

И я представляю, как археологи, оглядевшись, ставят палатки, заваривают чай, достают лопаты, ножи, пинцеты, щеточки-кисточки, геодезические приборы, фотокамеры, планшеты, миллиметровку, намечают, с какого конца приступать, срезают первый двадцатисантиметровыпслой и с волнением начинают перебирать его осторожными и чуткими пальцами. Это нелегкий, кропотливый и очень ответственный труд, потому что культурный слой, переработанный археологами, погибает навсегда, и никто в будущем его уже не восстановит, если даже придет сюда с самыми благими намерениями, совершеннейшими методами, орудиями и приборами, неограниченным запасом времени и средств.

В своей фундаментальной книге "**Земля вятичей**", вышедшей в 1981 году, Т. Н. Никольская подвела итоги раскопок земли наших предков, и теперь мы довольно полно представляем их образ жизни, экономику, культурные и торговые, в том числе международные, связи, многое можем сказать об их верованиях, ремеслах, обычаях, художественном вкусе, жилищах, крепостях.

На сегодняшний день обнаружено 1183 кургана и 1161 селище и городище вятичей, и почти все

они, подчеркну, располагаются вдоль рек. Как бисер, нижутся поселения и захоронения наших предков по берегам Оки, Москвы-реки, Верхнего Дона, Десны, Болвы, Угры, Клязьмы, Вори, Нары, Лопасни, Прони, Протвы, Неручи, Осетра, Серены, Вытебети, Истры, Рузы, Упы, Навли, Зуши. На крайних восточных пределах расселения славян вятичи освоили чрезвычайно важный и выгодный географический район - из него шли удобные речные пути в бассейны Волги, Днепра и Дона, что, возможно, в какой-то мере предопределило исторические судьбы потомков вятичей...

Филологическое путешествие в прошлое можно повторить, археологическое - никогда, но есть в этих науках и кое-что общее, например, почти безграничный объем информации об истории и культуре навсегда ушедших в небытие эпох. В самом деле, если взять, скажем, русский язык XII века, то кроме сведений, что он нес, это целый мир! И как он различен в летописях, литературных произведениях, церковных книгах, проповедях, переводах, берестяных грамотах, оставаясь совершенно неизвестным в разговорной речи и диалектах! А насколько отличаются по языку великие памятники нашей средневековой словесности - "Слово о полку Игореве", "Поучение" Мономаха и "Слово" Даниила Заточника! И археологический материал, добытый в различных местах, всякий раз по-новому рассказывает о быте, искусстве, образе жизни, верованиях, орудиях труда, жилищах, военной технике, ремеслах, торговых связях, событиях далеких времен и о многом-многом ином, имеющем, как в литературе, свои трудные тайны...

- Как глубок серенский ров? - продолжаю я расспрашивать Татьяну Николаевну Никольскую.

- Еще сейчас от заплывшего дна до гребня вала метров десять будет.

- Ничего. Хотя козельский был много глубже.

- А о стенах ничего не скажете?

- Стояли. В нескольких местах раскопали фундаменты. И вообще орешек этот был маленьким, но довольно крепким, с ядром.

- Вы имеете в виду детинец?

- Да. С преградьем и селищами. И вообще, там столько неожиданностей!

- Например?

- Даже не знаю, с чего и начать... В слоях - вся история средневекового Серенска. Сняли плотный слежавшийся слой, потом пошел рыхлый, серовато-бурый с включениями сожженной глины, мелких камней, золы, извести; мертвый прах над погибшим городом. А под ним главное - мощный черный сухой слой: уголь, зола, известь, обожженная глина, уголь и снова сплошной уголь.

Город сгорел сразу весь и дотла! Ниже были кое-где еще следы пожара, которые можно связать с междоусобной войной 1232 года, отмеченной в Воскресенской летописи. Город, кстати, назван там Сереньском. А вскоре он был уничтожен полностью. Главное открытие при раскопках - тот самый сплошной слой всепожирающего пожара...

Да, трагедия небольшого вятичского города обернулась подлинным археологическим открытием! Нежданное бедствие застало Серенск в пору его расцвета, и слой смерти, так же как, скажем, в Помпее или Старой Рязани, рассказал о нем и его жителях больше, чем может рассказать культурный слой какого-либо другого человеческого поселения, пришедшего в упадок постепенно. Татьяна Николаевна перечисляет находки.

Предметы быта и орудия труда: ножи, топоры, ключи от цилиндрических замков, обломок косы-горбуши, спиральное сверло, гончарная керамика, дужки от ведер, сланцевое пряслице, обломки бронзовой чаши, пинцет, двусторонние костяные гребни, стремена, шпоры, удила, подковы, скребницы, замок от лошадиных пут, книжные застежки, писала... Женские украшения: бронзовые и серебряное колечки, подвески и браслеты, стеклянные, хрустальные и сердоликовые бусины, изделия из золота - два перстня, серьга, трехбусинное ажурное кольцо...

- Золотые украшения вы числите на последнем месте?

- В археологии раздробленная кость или обломок сосуда бывает куда дороже золота. Вы слышали, конечно, о глиняной корчаге из Гнездовского городища с надписью X века "**гороухша**"

или "горушна"?

Да, горшку этому, предназначенному для горчицы, воистину нет цены. Он свидетельствует, что за сто лет до первой дошедшей до нас русской книги, великолепно исполненной каким-то дьяконом Григорием для известного новгородского посадника Остромира, и за два с половиной века до "Слова о полку Игореве" среди простых людей на Руси бытовала письменность! Значит, было и обучение письму и чтению, значит, были и книги, бесследно канувшие в Лету...

- Серенские раскопки не дали ничего подобного старорязанским кладам или глубинной полноте Райковецкого городища, - продолжает Никольская, - но мы добыли свое, не менее ценное, позволяющее сделать очень важные выводы. Найдено около четырнадцати тысяч предметов! Правда, из них более половины - стеклянные браслеты, а также металлические - пластинчатые, витые, плетеные.

- Сколько же могло быть жителей в этом городке?

- Общая площадь городища шесть гектаров, детинца - менее полугектара. Жителей в Козельске было четыре-пять тысяч, в Серенске от пятисот до тысячи человек, но за стенами и в детинце могли укрыться от врага подгородние.

- И все равно, Татьяна Николаевна, в Серенске не могло собраться несколько тысяч женщин, украшенных браслетами.

- Вот-вот. И с этим обстоятельством связано первое наше важное открытие!

Археологи, оказывается, раскопали следы производства стеклянных украшений, браслетов и перстней, дом ювелира, гончарную печь, сыродутный горн, нашли шлаки цветных металлов, отходы и полуфабрикаты, медные матрицы, около пятидесяти литейных форм для браслетов, перстней, колец, крестиков... Это был город металлургов, гончаров, ювелиров!

- Вперемежку - мастерские и жилища, жилища-мастерские, снова мастерские и жилища...

Да, за лесами, в безопасной сторонке от больших водных и сухих путей, стоял этот замечательный городок средневековых русских мастеров, вырабатывавший на сбыт разнообразную промышленную продукцию! По Серене она сплавлялась к Жиздре и Оке, расходилась во все концы земли вятичей. Значит, это был также город торговцев?

- Да, и с обширными связями,- подтверждает Татьяна Николаевна. - Одна из самых интереснейших находок - особые известняковые формочки для отливки браслетов. Я даже не поверила своим глазам, когда увидела на половинке первой из них едва различимые буквы. А в другой полевой Сезон - обломок той же формы и тоже с буквами. Сложила в целое. Это было почти невероятно! Не знаю, поймете ли вы мое состояние?

Еще бы не понять! В 1936 году недалеко от древнейшей киевской Десятинной церкви, погибшей при штурме города ордой, была найдена литейная форма с несколькими непонятными буквами.

В 1948 году обнаружилась в земле парная форма, и надпись прочли - это было литейное приспособление некоего мастера Максима. И вот археолог Никольская находит в вятичском городе ремесленников Серенске три литейные формочки с буквами, которые при совмещении дали то же имя! Кто это был - киевлянин или вятич? Работал он постоянно в древней столице Руси или Серенске? Изготовлял ли формы, так сказать, серийно, для продажи, или ездил туда-сюда ставить литейное дело? Где и когда он погиб? Мы ничего этого не знаем, но три редчайшие археологические находки дали нам имя средневекового русского мастера и засвидетельствовали связи между маленьким городком Серенском, затерянным в вятичских лесах, и самим стольным Киевом!

- Серенские литейные формы дали еще несколько археологических сенсаций, - говорит Татьяна Николаевна.

Да, это так. Найдена форма с изображением человеческого лица - значит, серенские мастера отливали барельефы-портреты!

Интересно, что на оборотной стороне каменной формы изображен княжеский знак - **трезубец**,

сокол. Точно такой, как на плинфах[106] знаменитого черниговского храма Параскевы Пятницы...

И еще несколько слов об одной исключительно важной серенской находке, своеобразно, неоспоримо, материально подкрепляющей некоторые особенности "Слова" и, в частности, в какой-то мере его подлинность. Боже, сколько было истрачено слов, чтобы объяснить и оправдать языческое мировидение автора! Да одно это отличительное свойство, говорящее, по выражению Пушкина, "о духе древности" великого произведения, исключает позднейшую подделку! И вот для тех последних скептиков, кто еще стоит - качается на том, будто на переломе XII-XIII веков на Руси уже не должно бы вроде быть рецидивов язычества. и, следовательно, явления самого "Слова", я с удовольствием и удовлетворением сообщу о серенском открытии: Т. Н. Никольской в прахе погибшего города найдена **литейная** форма, изображающая сцену языческих русалий. Вспоминая, что в 1113 году именно у Серенска был убит язычниками киевский миссионер Кукша, рассматриваю снимок этого изделия XIII века.

Динамичные контуры трех женщин, вырезанные уверенной рукой. Одна, запрокинув голову, пьет из кубка, другая играет на музыкальном инструменте, третья зашлась в бесовской пляске.

Драгоценнейшая, редчайшая находка! Если у нас нет абсолютно никаких доказательств, что "Слово о полку Игореве" исполнялось или читалось при жизни его героев и автора, отчаянно смело и кощунственно возродившего в тогдашней литературе, а значит в сознании современников, память о языческих богах и верованиях, то сцена русалии, отлитая по этой серенской форме, тайно или явно распространялась по Руси уже после создания поэмы. Слава археологии!

- Татьяна Николаевна, - продолжаю я разговор, до сути коего, чрезвычайно интересной и нужной мне, мы пока не добрались; подхожу со стороны и вроде бы издалека: - При том, говоря по-современному, промышленном потенциале, что имел Серенск, и навыках его мастеров не делали ли там оружия?

- По количеству, характеру, расположению и сочетанию находок можно с уверенностью утверждать, что Серенск также и город оружейников. Знаете, сбыт этого товара во все времена был гарантирован...

- А что за находки?

- Ну, прежде всего кузнечные горны, специальный инструмент - кувалды, наковальни, а также отходы и полуфабрикаты изделий. Во-вторых, огромное количество археологически сохранившегося, легко опознаваемого оружия и средств защиты воинов...

При неполном раскопе Серенска найдено сто двадцать три каленых наконечника стрел, шесть наконечников копий, сабля, сабельные ножны, мечи, железные кистени, бронзовая булава, восемь обрывков кольчуг, пятьдесят девять пластин от брони.

- Есть и вполне сенсационная находка, - говорит мне Татьяна Николаевна.

- Что вы имеете в виду? - спрашиваю.

- Железная личина, - торжественно произносит Никольская, и я вздрагиваю. - Кованая защитная маска, почти точно повторяющая черты лица воина.

Вздрагиваю потому, что до этого разговора успел уже написать о "железных воинах" на козельских стенах, допустив, что если в далеком залесном Вщиже, раскопанном академиком Б. А. Рыбаковым, обнаружилась "личина", то в такой стратегически важной крепости, как Козельск, они тоже должны бы быть на вооружении! И вот оно, подтверждение, - в Серенске, ремесленной и оружейной мастерской Козельского удельного княжества, найдена железная маска! Их пока всего

---

[106] Плинфа *(от греч. plínthos — кирпич)* - широкий и плоский обожжённый кирпич, применявшийся в строительстве в Византии. Плинфа применялась также в древнерусском храмовом зодчестве 10 — начала 13 вв. (Софийский собор, 1037, и церковь Спаса на Берестове, 1113—25, — в Киеве), являлась нередко основным материалом для возведения конструктивных элементов зданий.

несколько экземпляров в распоряжении ученых, но надо учесть, какая еще лежит перед нами археологическая целина. Между прочим, на вооружении западных рыцарей "личин" в то время не было, они надевали на головы цилиндрические ведра с прорезями для глаз. "Ведра" эти были тяжелы, громоздки, сужали обзор...

Подвожу разговор к наиболее важному для меня:

- В вашей краткой специальной публикации о раскопках Серенска гибель города не датирована...

- Это время нашествия орды, чему в археологическом материале нашлось бесспорное доказательство. Десятая часть наконечников стрел - по классификации знатоков средневекового оружия - монгольские так называемые "срезни". Они откованы грубо, наспех и даже несколько напоминают каракорумскне.

- Необыкновенно интересно! - продолжил я тему. - Конечно, радиокарбонный метод не может уловить разницу в год-два, но нет ли других способов определить, когда погиб Серенск-в 1238 или 1239-1240 годах?

- В летописях о взятии Серенска нет ничего - ни в наших, ни у Рашид-ад-Дина, ни в монгольских или китайских источниках.

А для вас эта разница в один-два года имеет значение?

- Да! - откликнулся я. - Очень важное.

- Не знаю, как вам помочь. У меня были другие задачи.

- Ну, а если представить общую картину гибели Серенска?

Ров там не был слишком трудным препятствием, это не Козельск. И осадных орудий для низких стен, очевидно, не потребовалось.

Да и тащить их через лесное бездорожье - дело нереальное. И налет был достаточно внезапным, хотя вполне возможно, что сторожа и предупредили город за несколько часов до штурма.

Професспональные воины, взявшие до этого столько сильно укрепленных городов, очевидно, по арканам и лестницам, сделанным на скорую руку, пошли на общий яростный штурм и, овладев в нескольких местах стеной, ворвались в город. Может, даже среди ночи...

- При раскопках детинца мы, между прочим, обнаружили одну археологическую загадку.

- Что именно?

- Невероятное количество горелого зерна.

Я онемел.

- Понимаете, ну просто - сплошное зерно! - восклицает Татьяна Николаевна. - Толстый слой. Везде! Давали на исследование специалистам. Рожь, мягкая пшеница. Конечно, город ремесленников обменивал свои изделия на сельскохозяйственные продукты, выращенные на примыкающем распаханном водоразделе, но не ясно, почему перед гибелью Серенска столько зерна оказалось в его детинце, - аналогов этому нигде нет! Один найденный в детинце нож, облепленный горелыми зернами, я так и оставила...

Она продолжала говорить, а я слушал и не мог произнести ни слова... Будто из-за стены голос:

- Быть может, это был свежий осенний урожаи, но почему он оказался в детинце в таком количестве?

- Нет, - прихожу я в себя. - Дело было весной.

- Вы так думаете?

- В апреле 1238 года, - уточняю я. - Когда часть орды стояла у Козельска.

Степным воинам, прошедшим с боями тысячу километров по зимним дорогам, ничего не стоило в любое время года преодолеть водоразделом каких-то сорок верст - это два-три дневных перехода на истощенных конях, если выбирать сухие и малолесные места. Остаткам орды в тот момент позарез нужно было зерно! И еще три обстоятельства исключают гибель Серенска во

время второго набега на Русь:

1. В 1239-1240 годах орда шла хлебородными и густонаселенными южными землями, не нуждаясь в фураже.
2. Даже Переяславль, Киев и Чернигов были попутными пунктами в далеком западном походе, не говоря о других небольших попутных городах. Было бы абсурдным отклоняться далеко на лесной север ради какого-то крохотного ремесленного Серенска, если полководцев орды не соблазнил ни Брянск, ни Любеч, ни даже древний богатый Смоленск, где только каменных церквей, наполненных драгоценной утварью, стояло к тому времени около двадцати.
3. Субудай и Бурундай, Бату и Кадан, некоторые сотники, тысяцкие и рядовые участники второго западного похода прекрасно помнили, что весь водораздел за Жиздрой с его двумя городами - Козельском и Серенском - они превратили в мертвую пустыню; там не было ни жилищ, ни скота, ни зерна, ни людей.

- Да, вы знаете, - задумчиво произносит Никольская, - при раскопках Серенска мы на каждом шагу обнаруживали человеческие скелеты. Поврежденные огнем и совсем целые, женские и детские в том числе. Ох, много! В бывших погребах и подвалах жилищ, в мастерских, постройках детинца... Наверное, задохнулись дымом, погибли в пламени...

Может, жители этого средневекового рабочего городка защищались до последней возможности и, поняв, что гибель неизбежна, сожгли себя вместе с зерном?

Любознательный Читатель. Ну, знаете, это уж, наверное, из области чистой фантастики!

- Почему же? Те времена доподлинно знают также... Стоял в Азербайджане богатейший город Ганджа. Прорвавшаяся из Персии орда обложила в 1235 году этот город и взяла приступом.

Армянский летописец Киракос пишет; "Тогда жители, видя город во власти неприятеля, частью сожгли себя вместе со своими жилищами, чтобы не попасть в руки неприятелей, частью сожгли все, что можно было сжечь, и остались только сами", но враги "перерезали всех жителей, не различая ни мужчин, ни женщин, ни детей". Возможно, так было и в Серенске.

С нетерпением ждал я окончания летнего археологического сезона 1980 года: что нового найдет Т. Н. Никольская, продолжающая раскоп Серенска? Быть может, новые "срезни", меч или целую сохранившуюся в золе кольчугу, наполненную костями безвестного русского воина? Не каждый читатель, верно, знает, что это простое защитное средство было чудом средневекового мастерства. Полная кольчуга делалась из многих тысяч мелких колечек, и подобное стальное одеяние было найдено однажды на Куликовом поле. А для тех, кто пока совсем лишен уважительного интереса к родной старине, я кратко сообщу об одном ювелирном чуде - тверских колтах, сработанных на Руси задолго до нашествия восточных орд. Слово "**колты**" - старинное, и его трудно сыскать в современных словарях; означает оно ушные подвески, женские серьги. Представьте себе кольцо с полукружием внизу, к которому припаяно шесть миниатюрных серебряных конусов. На каждый конус напаяны колечки диаметром чуть поболе полумиллиметра из проволоки толщиной в две десятые миллиметра. И вот в каждом из тысяч этих кольцевых гнездышек сидит крохотное зернышко серебра диаметром в четыре сотых сантиметра! Размеры эти установлены специальной современной микрофотосъемкой, и я не понимаю, попросту отказываюсь понимать, каким образом мастер почти тысячу лет назад мог без микроскопа или хотя бы сильнейшей линзы проделать такую тончайшую, поражающую воображение работу!.. Звездчатые эти колты дивно искрили, переливались, сияли, играли при легчайшем повороте головы тверской модницы. Волшебное творение средневекового русского ювелира чудом дошло до наших дней - его сохранила земля, и им сегодня можно полюбоваться в ленинградском Русском музее. И другие изделия средневековых ювелиров поражают воображение - серебряные, например, так называемые **лунницы** с резнью. Представьте себе миниатюрную вещицу, на которую плотно, рядочками напаяно 2250 мельчайших серебряных зерен, каждое из которых в 5-6 раз меньше булавочной головки. А в Государственном Историческом музее в Москве хранится оправа с крестовидной прорезью, которую специалисты считают верхом совершенства средневековой русской ювелирной техники. Вот что о ней пишет Б. А. Рыбаков: "***Между***

двенадцатью камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в 4-5 витков, припаянных только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по пять тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянные к пестику. На пространстве в 0,25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов". Нет, не могу себе представить, как такое можно сделать без микроскопа!

Не знаю, делали ли серенские мастера нечто подобное, - пока такого не найдено, но вполне возможно, что, кроме товаров, так сказать, широкого потребления, вятичские ювелиры мастерили изделия и высшего запроса.

- В этом сезоне я ничего сверхнеобычного не нашла, - говорит мне Татьяна Николаевна. - Однако есть кое-что новенькое, помогающее подсветить историю...

- Что именно?

- Бронзовый замочек так называемого херсонесского типа в виде лошадки, рукоять меча, три креста - энколпиона[107], то есть сделанные из двух половинок миниатюрные складни с полостью. А в глубоком подвале на краю детинца обнаружена серенская архаичная керамика, но вам это, наверное, неинтересно.

- Каким временем определена?

- Началом одиннадцатого.

- Так это же для меня самое важное! - обрадовался я. - Ведь если в Серенске производилась гончарная керамика в начале XI века, то это дочернее поселение образовалось, вероятно, позже своей "метрополии", то есть Козельска.

- Вполне возможно. Подтверждения, однако, надо искать в Козельске... И в подвале том, знаете, опять останки людей. И всюду - зерно! Скелеты буквально засыпаны зерном! Пшеница и рожь...

Под конец беседы с Татьяной Николаевной Никольской попросил я подарить мне одно горелое зернышко из Серенска.

- Зачем?

- Положу в прозрачную коробочку и поставлю на стол.

Через некоторое время я получил небольшую бандероль; в ней были обгоревшие зерна ржи из серенского раскопа No 6, пласт 2, кв. 18, произведенного летом 1980 года. Склеил я из этих зерен что-то отдаленно напоминающее семилопастные вятичские височные подвески, положил в овальную коробочку с эмалевой крышкой, на которой изображен Дмитрий Донской. Зерна урожая 1237 года видны сквозь решетчатый орнамент этого изделия, выпущенного к 600-летию Куликовской битвы.

34. Глава 34

Снова брожу над речными кручами Жиздры, по гребням оплывших валов, над глубоким, заросшим бурьяном рвом. С высшей точки мыса видна Оптина пустынь в золотом осеннем обрамлении, колоколенка Нижних Прысков, дорога на Серенск... Вглядываюсь мысленно в далекие дали времен, ратных и мирных.

Возносится надо всем и все освящает семинедельная оборона города, слава и гордость русского

---

[107] **Энколпион** (др.-греч. egkolpion нанедренник, наперсник, панагир, панагия) — небольшой ковчежец прямоугольной, округлой или крестообразной формы с изображением Иисуса Христа или святых. Внутри энколпиона помещались частицы освященной просфоры или мощи святых, чтобы охранить человека от различных напастей, особенно в дальних путешествиях или походах. Носится на шнурке или цепочке. Используется как наградной знак для награждения епископов при рукоположении (посвящении в сан). В иконописи энколпион изображают на святых архиереях — святителях.

средневековья! И совсем будто недавно побывали здесь Жуковский и Гоголь, Апухтин и Алексей Толстой, братья Киреевские и Тургенев, Аполлон Майков и Афанасий Фет, Федор Достоевский и Лев Толстой, а в наши, можно сказать, дни - воин и писатель Дмитрий Фурманов, писатель-поэт Михаил Пришвин, великий ваятель Сергей Коненков... Каждый из них жил своими страстями, служа своей эпохе, но, наверное, каждый думал в Козельске об истории, о тайне маленького великого городка, затаившейся в глуби веков. Может, частично именно потому, что время надежно сокрыло эту тайну, никто из них ни слова, ни строки не написал о давнем подвиге предков?

И все-таки в необъятной русской литературе, если хорошо поискать, можно найти поэтические и прозаические интерпретации необыкновенного ратного события 1238 года. Жил на свете такой поэт и прозаик Александр **Степанов**, отец знаменитого карикатуриста "Искры" Николая Степанова. Выпускник Благородного пансиона при Московском университете, офицер штаба Суворова и участник альпийского похода, позже написавший огромную - в двести с лишним страниц - патриотическую поэму "Суворов". Был первым красноярским губернатором, покровительствовал декабристам. Выпустил двухтомный научный труд о своей губернии, романы "Постоялый двор" и "Тайна", посвященный, однако, не тайне Козельской обороны.

Доживал свои дни Александр Степанов неподалеку от Козельска, в селе Троицком, куда я тоже не смог проехать, хотя так хотелось побывать у его могилы, пока она не исчезла совсем. Храню много лет снимок ее, дошедший до меня кружным путем, из Сибири,- обитый со всех сторон кусок черного мрамора с буквами, по которым уже не узнать, кто упокоился под этим донельзя изуродованным надгробьем...

Так вот, есть у Александра Степанова поэма, где описывается вече козельцев и их последнее сражение:

Природа думает спокойно
Под черным пологом уснуть.
Лишь осажденные сомкнуть
Не думают очей и стройно
Из града на врагов пошли;

Оставили тихонько гору,
Приблизились без шума к бору,
Батыя сонным обрели
И ринулись к врагам,
Как брошены каменья
В покрыто поле саранчи.
Ударил час сраженья!

Все было, однако, не так в реальности, но мужество и порыв земляков поэта угаданы верно. Много позже другой малоизвестный русский поэт Александр Навроцкий, умерший незадолго до революции, написал поэму "Злой город". Седой старик говорит на вече:

Докажем, что взять нас в неволю нельзя,
Пока у нас жизнь не отнимут.
Припомним завет Святослава, друзья,
Что мертвые срама не имут...

Затем поэт вообразил штурм города ордой:

Полдня нападали на город они

И лезли на крепкую стену.

Когда уставали иль гибли одни,

Другие являлись на смену.

Но, стойко врага отражая удар,

Как львы, осажденные бились,

И многие сотни погибших татар,

Как мусор, со стен их валились.

Романист В. Ян тоже очень приблизительно описал события в соответствующем месте своей исторической трилогии. У него слишком ошибочный маршрут основных сил орды от Игнача креста, нет подробностей подхода к Козельску и штурма города, если не считать множества условно-литературных и совершенно неправдоподобных деталей.

Осаду города будто бы начал со своим отрядом Гуюк-хан. Увидев, однако, что "татарские отряды проходили мимо", отправляясь в Кипчакские степи неведомо каким путем, решил было "снять осаду".

"Об этом узнал Бату-хан и сейчас же примчался", также неизвестно откуда, но если судить по предыдущим страницам романа "Батый", то примчался он через нехоженые леса и разлившиеся воды за триста верст из... Рязани! И вот "бешеные" Субудай-богатура "загородили отступление отряду Гуюка и погнали его обратно к стенам Козельска".

Рашид-ад-Дин, коротко сказав о безуспешной двухмесячной осаде Козельска Батыем, совсем не упоминает Гуюка, зато будто бы Кадан и Бури, подойдя со своими отрядами, в "три дня" взяли город. Не будем судить о достоверности этого сведения, однако примем его в качестве подспорной гипотезы - не все же писцы Рашид-ад-Дина, в самом деле, выдумывали, а через два поколения пересказчиков именно такая мелкая подробность могла дойти до них и сохраниться хотя бы потому, что она подтверждает сомнения в полководческих способностях Батыя, которому персидский историк, служивший чингизидам, отпустил по разным поводам немало комплиментов.

Декабрист Никита Муравьев писал: "Мы признаем одну только преграду завоевателям - дух народа". Русский летописец объясняет феномен Козельской обороны "крепкодушием" его защитников. Но неужто они были более крепкодушными, чем, скажем, владимирцы, которые, после того как орда на пятый день пробила во многих местах стены и прошла на них по переметам, целый день до вечера сражались в проранах и на забралах! Или новоторы, выдержавшие двухнедельный штурм? Насмерть стояли рязанцы, коломенцы, москвичи, тверяки, но почему именно козельцы держались более полутора месяцев? Чудес на свете не бывает, и неоспоримая реальность этого необычайного исторического факта давно требует реалистического объяснения.

Любознательный Читатель. Неужто никто из историков никогда над этим не задумывался?!

- Задумывались они или нет - не знаю, только их размышлений или даже предположений на сей предмет мне найти не удалось...

В 1776 году высочайше утвержденный герб Козельска геральдисты сопроводили такой "исторической" справкой: "***Во время нахождения Батыя на Россию, сей град, быв уделом малолетнего князя Василия Титыча, был осажден татарскими войсками, и хотя малолетство князя являлось бы долженствовать ослабить его жителей, но верность их Государю превозмогла в них все другие чувствия; они разсудили сделать вылазку и обще с***

князем своим малолетним погибнуть или спастися. Сие ими исполнено было, но от превосходящего числа татар были все побиты и с князем засвидетельствовали свою верность. В напоминание сего приключения герб им полагается, в червленом поле, знаменующем кровопролитие, накрест расположенные пять серебряных щитов с черными крестами, изъявляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре златые креста, показующие их верность".

Позже и до наших дней историки даже не пытались проникнуть в тайну столь длительной обороны Козельска, и я для экономии читательского времени не стану цитировать их, лишь констатирующих общеизвестный летописный факт его беспримерной стойкости. Ничего не проясняют и военные историки, и специалисты по средневековой фортификации. Крупнейший современный знаток старорусских крепостей П. А. Раппопорт, написавший о них солидные работы, ограничивается сообщением о том, что "г. Козельск Батый осаждал два месяца и огромными потерями смог взять его после подхода крупных сил". Срок осады в "два месяца", а также сведение о подходе "крупных сил" взяты у Рашид-ад-Дина, но этот персидский историк, повторяю, слабо и лишь по позднейшим разноречивым рассказам представлял обстоятельства набега орды 1237 - 1238 годов, сообщая, например, о его начале, что "булгары были многочисленный народ христианского вероисповедания" и "границы их области соприкасаются с франками" (!), а о конце, ознаменованном взятием Козельска с помощью подкреплений "в три дня", говорится, что после этого победители "расположились в домах (?) и отдохнули". Сдается, что Рашид-ад-Днн, заполнивший свою летопись родословными чингизидов и событиями в Азии, вообще не знал подробностей западных походов орды - не упоминает после Козельска ни Переяславля, ни Чернигова, ни Киева, не говоря уже о Владимире-Волынском, Сандомире, Кракове, Буде или Дубровнике, и в справке о Бату называет кровавую бойню в Восточной Европе до предела общо и кратко - "завоеванием северных стран".

Предельно кратко и общо, к сожалению, говорится о финальном сражении 1238 года и в самом солидном труде по истории СССР: "Таким образом, героический Козельск почти на два месяца задержал татаро-монгольскую армию". Однако в этом двадцатитомном академическом сочинении нет ни слова о том, каким образом произошло сие задержание, и меня не оставляет подозрение, что ни один историк никогда не побывал в Козельске и не прикинул на месте, как вообще такое могло свершиться.

- Известный русский историк Михаил Погодин побывал в Оптиной пустыни, а значит, и в Козельске...

- Он ничего не оставил о Козельской обороне, хотя немало сделал доброго в тот период повышенного интереса к русской старине... В самом деле удивительно! Есть подробные исследования о Невской победе Александра Ярославича над шведами, о Ледовом побоище, тщательно вычерчены маршруты войск перед этими сражениями 1240 и 1242 года, схемы боевых действий публикуются даже в энциклопедиях, а вот о козельской эпопее 1238 года нет ни одной научной работы или хотя бы отдельной справочной статьи!

- Наверное, все в недоумении останавливались, не зная, как объяснить факт, который считали аксиомой, - маленькая деревянная крепостенка почти два месяца сражалась с несметным войском.

- Да, миф этот слишком живуч... Краевед Василий Николаевич Сорокин, великолепно знающий местную старину, водит по Козельску бесчисленные экскурсии, рассказывая о полумиллионной армии врага, семь недель беспрерывно штурмовавшей город. Когда я его спросил, откуда эта цифра, он показал мне историческое сочинение, в котором она действительно названа. Пригласив его на мост, я попросил взглянуть и вообразить, как могли тут стоять в течение почти двух месяцев полмиллиона людей и не менее миллиона лошадей. За этот срок каждый воин должен был съесть минимум одного коня, оставшись без приводного, обязательного в степном войске. Но чем мог питаться бестравной весенней порой этот постоянно уменьшавшийся, но все равно гигантский табун?.. Сорокин развел руками.

- Мы уже подробно говорили о начальной численности орды Субудая - на границах Руси в ноябре 1237 года появилось около ста пятидесяти тысяч степных воинов.

- Да! И после Торжка - повторимся - их осталось, быть может, два-три тумена. Потому-то ослабленные отряды орды отступили от Новгорода, не смогли прорваться к Смоленску, а после уничтожения Вщижа не пошли даже на соседний **Дебрянск**[108].

Нехватка фуража, пищи, стрел, разложение войска, половодье, преградившее путь в степь, необходимость дождаться весенней травы, ссоры чингизидов, в чем мы документально скоро удостоверимся, и, наконец, крепость необычайных защитных качеств, способная сопротивляться даже и полумиллионной средневековой армии, потому что была условно доступна лишь с узкого перешейка, перерезанного очень глубоким рвом с бурлящей внизу водой, - всю эту реальность необходимо учесть, чтобы приблизиться к разгадке тайны семинедельной обороны "крепкодушных козлян", как их именует летопись. Они были крепкодушными без всяких кавычек, но не были исключением в нашей военной истории; за истекшую тысячу лет все большие войны с захватчиками становились всенародными, а когда русский народ защищался, он не сдавал своих крепостей...

Никакого, однако, пятидесятидневного беспрерывного штурма Козельска не могло быть - этого не выдержала бы ни деревянная крепость с немногочисленным и непрофессиональным гарнизоном, ни осаждавшие. Врагу нужно было время, чтобы более или менее безопасно преодолеть глубокий ров, приблизиться к стене, проломить ее тараном. Козельск невозможно было взять без достаточных запасов камня и камнеметательных машин, которые следовало построить на месте, - абсолютно нереально, чтобы тяжелые и громоздкие сооружения орда тащила по лесному весеннему бездорожью сотни километров от Торжка. Но даже и после того, как баллисты и таран сделали свое дело, не все для козельцев было потеряно. Убежден, что город пал из-за одной роковой ошибки, допущенной осажденными, или последнего, крайнего способа осады, примененного под конец ордой.

- Что имеется в виду?

- Сначала установим примерные даты Козельской обороны. Расчеты, которые я опускаю, показывают, что передовые отряды орды вышли к Козельску примерно 25 марта 1238 года. В таком случае последний штурм начался 9 мая и продолжался три дня и три ночи непрерывно - это был проверенный и надежный способ изматывания осажденных. Под прикрытием камнепада и прицельной стрельбы из-за щитов был преодолен ров. Возможно, он даже не засыпался лесным хламом, который легко было сжечь. Перемет - несколько десятисаженных бревен, перекинутых с помощью треног и арканов к городским воротам, образовывали мост и опору для стенобитного устройства. Осажденные не могли помешать - стрелы поражали их на разрушенных башнях и венцах стены, камни убивали и калечили даже за стеной, на внутренних подступах к ней.

- Камнеметательные машины - предположение?

- Нет, реальность. Они изображены на старинном рисунке, отображающем штурм Козельска, о них идет речь в летописях, и коренная ошибка осажденных, я считаю, связана именно с ними...

Внимательно прочтем соответствующие строки Ипатьевской летописи. Каждое слово - чистое золото, потому что это единственное место во всем необъятном русском летописании, сообщающее некоторые, очевидно, достоверные подробности штурма: "***Разбившимъ градоу стеноу и возиидоша на вал Татаре***".

Таким образом, за стеной необыкновенной этой цитадели действительно был еще один, внутренний вал, а значит, и ров, очевидно, перед детинцем, внутренней крепостью, расположенной необычно - сразу за главной стеной. На валу началась рукопашная схватка: "***Козляне же ножи резахоуся с ними***". Это было традиционное оружие пеших воинов

---

[108] Старое название Брянска

средневековой Руси - ножами воины народных ратей подрезали жилы степным коням, доставали всадников, и в "Слове о полку Игореве" засапожные ножи упоминаются дважды... Жуткая резня на внутреннем валу Козельска разрешилась в пользу осажденных - враги отступили через пролом, в панике очистили перемет через ров.

- Откуда это сведение?

- Если б все было не так, не произошло бы последующего... Наступила, очевидно, какая-то пауза в битве, потому что горожане еще один "***светъ же створиша***". И вот осажденные "***исшедше изъ града, исекоша праща их***"... Навсегда останется тайной, чья была эта глупая голова, первой предложившая "***изнити на полки Тотарьскые***". Самое было бы разумное, конечно, после уничтожения диковинных камнебросов, от которых не было защиты, разрушения или сожжения перемета вернуться всем в крепость и завалить пролом! Субудай не стал бы терять время на трудоемкую и долгую организацию второго штурма, постройку новых катапульт, заготовку камня, изготовление стрел.

Впрочем, возможно, что никакого решения идти на вражеские полки вовсе не было. Скорее всего, Субудай разыграл обычную свою карту. Он задолго до решающего штурма спрятал основное войско в лесу или за косогором, близ ставки Батыя, а остатки штурмующего отряда умело изобразили паническое отступление в поле. Горожане, увлеченные битвой, погоней и, как им казалось, полупобедой, все дальше удалялись от города, чтобы добить последних врагов - уставших, израненных, слабых в пешем бою, разбегавшихся мелкими группами и поодиночке от этих яростных урусов. Ведь козельцы, донельзя изнуренные двухмесячной осадой, ничего не знали о подлинной численности вражеских войск, военной тактике, хитрости, таланте и опыте главного военачальника неведомых пришельцев. Совершенным безумием, отсутствием всякого здравого смысла можно объяснить поступок осажденных, вдруг бросивших такую крепость, оставивших без защиты жен и детей для того лишь, чтобы погибнуть всем в неравном бою. И вот орда, появившаяся из-за косогора, отрезала им путь к городу. Летописец кратко сообщает о последней битве козельцев с татарскими полками, не уточняя подробностей. Он ничего не говорит о коннице, и враги могли быть пешими в том случае, если успели съесть значительную часть коней. Остаткам орды надо было уходить в степь, потому что появилась свежая трава и реки входили в берега, а без коней это стало бы невозможным делом. Для сохранения конницы Субудай мог пойти и на преднамеренное уменьшение числа людей, выставив только безлошадных воинов...

- И это последнее сражение той давней страшной войны было очень значительным, если козельцы, согласно летописи, уничтожили четыре тысячи врагов.

- Что не может быть правдой. Четыре тысячи убитых степняков - слишком много, потому что в таком случае и противников должно бы быть примерно столько же, а это маловероятно: в средневековом русском городе такого значения и площади все население едва достигало этой численности. Скорее всего, летописец допустил традиционное преувеличение ровно в десять раз, как это делал он и его коллеги во многих других случаях.

- Но ведь эта цифра - четыре тысячи врагов, убитых в последнем сражении у Козельска, - во всей исторической литературе проходит как неоспоримая!

- И тем не менее она ошибочна. Есть, между прочим, серьезное основание говорить об этом с большой долей уверенности. Когда в конце XIX века тянули через Козельск железную дорогу на Тулу, то при земляных работах посреди Батыева поля тронули груду человеческих черепов. Очевидно, задолго до Тамерлана, увенчивавшего свои победы пирамидами из голов побежденных, такая пирамида была сооружена близ стен Козельской крепости в мае 1238 года. Рабочие, десятники, инженеры тщательно собрали все трагические свидетельства события и в честью перезахоронили. Это были, несомненно, останки героической козельской дружины, потому что орда сжигала тела своих павших воинов в больших кострах. Так вот, черепов было по тщательному счету **двести шестьдесят семь**.

Выходит, в последнем своем бою защитники Козельска, вышедшие из города на вылазку, могли

убить около четырехсот врагов, но и сами сложили головы.

"***Батый же взя городъ***", - сообщает летописец, но мы так ничего и не знаем о том, каким образом Козельск был все-таки взят.

Любознательный Читатель. Однако автор упомянул о каком-то последнем, крайнем средстве Субудая.

- Это-лишь мое предположение, которое нельзя исключать из той давней реальности. Если на вылазку, вслед за убегающими врагами, ринулось триста самых горячих и сильных воинов, скорее всего, это была княжеская дружина, то оставшиеся горожане, увидев их окруженными и гибнущими, могли сбросить перекидные бревна в ров, завалить пролом и продолжать борьбу.

Они снова были в относительной безопасности, потому что единственная доступная стена крепости опять защищалась непреодолимым, почти тридцатиметровой глубины земным провалом.

- И что же дальше?

- У Субудая уже не было камней и камнеметательных машин, чтобы без потерь перекинуть бревна к стене. Пращи были изрублены мечами и топорами козельских, дружинников, а камни израсходованы. Козельцы втаскивали их на стены, сооружали надежные прикрытия от стрел, нагромождали в месте пролома, собирали в кучи, чтобы швырять в осаждавших; орудие нападения превратилось в орудие защиты... Возможно, что Кадан и Бури действительно подошли со своими отрядами уже после вылазки горожан и, не считаясь с потерями, погнали воинов на общий штурм стен с козельских круч. Не исключаю и последний, единственный способ штурма, который оставался в распоряжении Субудая, - он срочно восстановил несколько катапульт и зажег город, который стал ему не нужен, потому что пищевые и фуражные запасы в нем кончились, а уцелевшие кони орды уже паслись на молодой траве.

- Зажечь? Каким образом? Чем? У него же не было чжурчжэньского огня.

- Предупреждаю - это горючее и сырье, из коего оно изготовлялось, может вызвать у современного читателя шок.

- Говорите, вытерплю...

- Горожане со стен видели большие костры, на которых орда сжигала своих павших воинов. Потом на виду козельцев зажглись небольшие бездымные костры, к которым враги подтаскивали безголовые тела их отцов, братьев, мужей и женихов. Оцепенев от ужаса, смотрели, как пришельцы разрубают трупы на части и погружают в железные котлы, подвешенные над огнем.

- Зачем?!

- Я предупреждал... Желтый человеческий жир переливали в глиняные горшки, собранные со всей округи. Под прикрытием ночи и щитов орда подтащила к валу несколько срочно восстановленных баллист, и в стену, постройки детинца, в крыши ближайших изб воткнулись первые стрелы с зажженной ветошью, пропитанной жиром. Потом полетели через ров горячие горшки, разбрызгивающие при ударе легкую липкую жидкость, которая тут же вся вспыхивала жарким огнем.

- Какая, однако, бесчеловечная фантазия!

- Прошу за такую подробность прощения, но она - не фантазия. Итальянский путешественник, точнее, разведчик папы римского Плано Карпини[109], побывавший через восемь лет после падения Козельска в Монголии, рассказывая о способах осады ордой укреплений, писал: ***"...они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома, и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо***"...

"***Батый же взя городъ, изби вси и не пощаде от отрочатъ до сосущихъ млеко. О князи***

---

[109] **Плано Карпини. История монголов**

Васильи неведомо есть, и инии глаголяхоу, яко в крови оутоноулъ есть, понеже оубо младъ бяше есть"... Автор одной из русских летописей, Новгородской 5-й, ставит в этом месте запятую и уточняет: "***младъ бяше есть, 12 летъ***".

А вот поэтические строки о дальнейшей судьбе Козельска:

Батый повелел, чтоб свой гнев показать

И страх по Руси всем навеять,

Разрушить Козельск и с землею сровнять,

То место, где был он, сохой запахать

И сорной травою засеять.

Исполнили волю владыки рабы,

С землей бедный город сровняли,

И городом злым за упорство борьбы

Козельск с той поры называли.

Александр Навроцкий, автор множества исторических драм, повестей и стихотворений, от которых в народной памяти навечно остались лишь песня об утесе Стеньки Разина, поэтически домыслил, конечно, будто Батый приказал распахать козельский мыс и засеять сорной травой. Не до этого было хану. Но истинная правда, что победители назвали Козельск "городом злым". Свидетельство тому есть и у Рашид-ад-Дина, и монгольское прозвание Козельска известно со времен средневековья - Могу-Болгусун, "Злой Город", но нашего особого внимания заслуживает сообщение об этом в Ипатьевской летописи, где имеется краткая мотивировка такого переименования: "***воу Татарехъ не смеють его нарещи градъ Козелскъ, но градъ злыи, понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татаръ сыны темничи три***".

Если сообщение о сыновьях погибших темников не легенда, то имеющиеся в исторической литературе условные подсчеты, основанные на предположении, будто каждый из девяти чингизидов командовал в этом набеге "тьмой", туменом, - ошибочны и несколько преуменьшают начальную численность войска Бату - Субудая. Никаких исторических подтверждений, что чингизиды были темниками и под Козельском трое из них потеряли сыновей, то есть самых младших чингизидов, не существует. Темниками служили в том набеге неизвестные нам лица, и сообщение летописи о трех их погибших сыновьях свидетельствует о тяжелых боях за Козельск и в какой-то мере, хотя и очень косвенно, подкрепляет аргументацию о подлинной численности степняков, от которых к концу набега на северовосточную Русь осталось примерно три тьмы, раздробившихся на мелкие банды и тающих как снег.

Не берусь утверждать, что ясным майским днем 1238 года победители устроили пир именно вокруг пирамиды из голов побежденных, хотя это вполне бы соответствовало тем временам и нравам, - после победы на Калке Субудай устроил пир на телах двенадцати живых русских князей. Но именно на последнем пиру участников первого набега па Русь - скорее всего, под Козельском приключилось такое, что пересказывать не стоит, лучше процитировать надежный средневековый источник.

"Бури сказал: Бату равен мне: зачем он пьет раньше меня? Он не больше, как баба с бородой, и я, пятой толкнув, свалю его и растопчу". Гуюк сказал: "Он баба со стрелами и луком, я велю бить поленом его по груди".

Сын Элчжигитая Хархасунь сказал: "Вот я приделаю ему сзади деревянный хвост".

Эги слова взяты не из позднейшей легенды, не из степного предания, а из "Юань-чао би-ши" - "Сокровенного сказания", или "Тайной истории монголов", замечательного памятника монгольской литературы, написанного по горячим следам событий и законченного "в год мыши, в седьмой луне", то есть летом 1240 года, "во время пребывания на реке Кэрулянь", в самом

сердце империи...

Неслыханные оскорбления! При всех чингизидах, военачальниках и женах! И от кого? От младшего сородича Гуюка, никудышного вояки! От щенка Бури, сына простолюдинки, которому не старый еще Бату в отцы годился! И этот сучий сын Бури мнил себя равным внуку Темучина сыну Джучи, покорившему непокорных урусов! И туда же Аргасун!

Была, знать, в этих кратких характеристиках правда о воинской беспомощности Бату, называемого, однако, доныне в энциклопедиях "выдающимся полководцем", если его сообщники по разбойничьему набегу открыто и в один голос, будто сговорившись, посмели высказать такое. Подобные оскорбления и угрозы в адрес официального командующего походом возможны были только в том случае, если он действительно не обладал ни характером, ни реальной властью, чтобы тут же наказать противников. Он обязан был это сделать хотя бы ради укрепления дисциплины в распадающемся войске и соблюдения принципов ясы, требующей беспрекословного подчинения старшему по роду и чину...

Однако Бату вынужден был все стерпеть! Во главе своего уже очень немногочисленного войска он "пои***де в землю Половецькоую***", где откололись отряды, верные Гуюку, Бури и Хархасуню (Аргасуну). Шел тихо, как тать, тайно пробираясь балками и лесами. На пути в степь стояли русские города-крепости Карачев, Кром, Спашь, Мценск, Домагощ, Девягорск, Дедославль, Курск. Почему Бату их не тронул?

Сейчас-то мне все это стало ясно и понятно - не было ни отваги, ни времени, ни, главное, сил, а вспоминаю, как поразило когда-то одно средневековое сведение о численности войск, оставшихся верными Бату. Думаю, что и Г. Е. Грумм-Гржимайло, у которого я его впервые встретил, тоже немало удивился. Всего четыре тысячи воинов добрались с Бату до безопасного района Великой Степи. Впрочем, вполне возможно, что и эта цифра традиционно преувеличена средневековыми летописцами в десять раз...

Бату не забыл, однако, о последнем победном пире. Он затаил злобу, отложив месть до удобного случая, а пока лишь пожаловался Угедею. Великий хан, очевидно, увидел в этом эпизоде зародыш будущих распрей между потомками Чингиза и, быть может, почуял первый тревожный признак неминуемого распадения необъятной империи. Он страшно разгневался и не пожелал видеть даже родного сына своего Гуюка, послав его "брать крепкие города и переносить тяжкие труды". Хархасуню же передали слова Угедея: "***У кого Хархасунь научился поносить так нашего родственника? За такие преступления его надо бы казнить, но я пошлю его с Гуюком***".

Следовало бы привести слова Угедея, соизволившего, по совету нойонов, все-таки допустить сына к себе для отеческого внушения: "Когда ты отправился в поход, то по дороге перебил всех ратников и охладил их рвение. Не думаешь ли ты, что народ Орусы, устрашившись одного тебя, покорился, и потому ты осмелился оскорбить старшего твоего брата, как врага?...

Субеэтай, напереди, заслонял и защищал тебя, и ты, с большой ратью, взял эти несколько родов Орусы; сам же по себе ты не показал доблести ни на копытце козленка. Хорош молодец!"

Так перевел это важное место "Юань-чао би-ши" П. И. Кафаров в середине прошлого века, несколько упрощая, адаптируя подлинник. А вот перевод С. А. Козина 1941 года, в котором назидание Угедея полнится любопытными деталями: "***Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этой своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингиз-хана, что множество - страшно, а глубина - смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком Субеэтая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей***

судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мингая да Алчидай-Хонхотай-цзанчина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасупом судит Батый!"

Бучжек - это сын Толуя, младший брат Монке, отличившийся, очевидно, при разгроме половецких становищ, Аргасун-Хархасунь, внучатый племянник Чингиза, а Субеэтай, естественно, главный полководец орды Субудай, "под крылышком" которого чингизиды "всем своим множеством" ходили в первый поход на Русь...

И еще одна цитата из "Сокровенного сказания": "***Потом (Угедей) приказал храброму Субеэтаю (курсив мой.- В. Ч.) идти войной на север... переплыть две реки Идиль и Чжаях (Итиль и Яик, то есть Волгу и Урал) и прямо идти на народ Кивамань (Киев)...***" Как читатель знает со школьной скамьи, снова было собрано свежее степное войско. Но Субудай не пошел "прямо", решив, очевидно, прежде всего покончить с самой густонаселенной и богатой на Руси **Чернигово-Северской** землей.

По летописным сведениям, уже ко времени похода князя Игоря на половцев в ней числилось более пятидесяти городов, и от большинства их остался, по словам средневекового русского историка, "только дым, и земля, и пепел". Погибла и великолепная столица княжества - Чернигов. "***Пришедше же послании оступиша град Чернигов в силе тяжце. Слышав же Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, нападение иноплеменных на град прииде на нь с вой своими. И лют бе бой у Чернигова, оже и тараны на нь ставиша и меташе на нь камением полтора перестрела, а камень яко можаху четыре мужа силнии подьяти его. Но побежден бысть Мстислав и множество от вой его избиено бысть и град взяша и запалиша огнем***". Следы нашествия, между прочим, видны и сегодня - на метровой глубине под полом Спасо-Преображенского собора раскопан толстый черный слой древнего пожарища, а в пещерах Болдинской горы рядами захоронены защитники города, погибшие в 1239 году...

Строго говоря, мы не знаем, кто из полководцев орды осаждал Чернигов и разорял землю северян, но вполне возможно, что это нелегкое дело взял в свои руки наш старый знакомец Субудай, "немалую язву понесоша" и здесь, отступивший отсюда в степи для сбора новых орд, чтоб через год ринуться на древний Киев. Старший из чингизидов Орда считался, очевидно, совсем не годным к воинскому делу, и поэтому официальным главой нового похода стал Бату - следующий по старшинству племянник Угедея.

Русский же летописец отлично знал, кто фактически руководил ордой, подступившей к Киеву в 1240 году: "***не от роду же его, но бе воевода его перьвый Себедяй богатоуръ и Боуроунъдаии багатырь, иже взя Болгарьскоую землю и Соуждальскоую***". Однако Батыю и тогда приписывались доблести тех, кто ему служил.

Вспомним слова средневекового нашего историка, исполненные трагико-эпической простоты: "***Приде Батый Кыевоу в силе тяжцс, многомъ множьствомъ силы своей и окроужи градъ... И не бе слышати от гласа скрипения телегъ его, множество ревения вельблюдъ его, рьжания от гласа стадъ конь его***". О штурме древней столицы Руси всего несколько слов: "пороком же, бесъпрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стены". Есть и еще некоторые подробности, но настолько скупые, что мы, кажется, больше знаем об осаде Трои и Карфагена, чем о штурме Киева поздней осенью 1240 года...

Любознательный Читатель. И все-таки нельзя ли хоть что-нибудь прояснить? Киев же! В одном месте орда била стены или во многих? Сколько дней и ночей? Кто руководил обороной? Что говорит археология?

- Прежде всего хотя бы в общих чертах обрисовать, что собою представлял средневековый Киев. Его недаром сравнивали с Царьградом! Уже в начале XI века **Титмар Мерзебургский** писал, что

в Киеве **восемь рынков и более четырехсот церквей**.

- Но это же невероятно!

- Почему? В Киеве было плотное и многочисленное население - посадские люди, бояре, дружинники, священники, княжеская челядь, ремесленники, купцы, иностранцы-гости и постоянно живущие в городе иноплеменники. Тот же путешественник отмечал, например, что в Киеве много "весьма быстрых датчан[110]". Жили в нем греки, армяне, евреи, верхушка "черных клобуков"...

Конечно, большинство церквей было деревянными и домовыми, боярскими; они сгорали в пожарах и снова строились. Современная наука считает, что в Киеве перед нашествием орды численность населения приближалась к 50 тысячам человек. Для сравнения: в Новгороде тех времен жило 30 тысяч человек, в Лондоне - несколько меньше, а позже в крупнейших ганзейских городах Гамбурге, Гданьске и других - приблизительно по 20 тысяч жителей. Средневековый Киев делился на несколько частей. Был "город Ярослава", "город Владимира", "Замковая гора", Посад... Площадь его наиболее плотно заселенной части определена в 360-380 гектаров.

- С чем-нибудь бы сравнить...

- Нагляднее всего с Московским Кремлем, площадь которого чуть более 28 гектаров. Протяженность только одного киевского "города Ярослава" по периметру была три с половиной километра - эта мера взята по стенам, которые стояли на вершинах валов. Толщина киевских валов в основании - до двадцати метров.

Внешний их скат делался с уклоном примерно сорок пять градусов. Стены, стоящие на валах, были дубовыми, с земляной засыпкой. Стояли в стенах мощные оборонительные каменные башни с воротными проемами, Киево-Печерский монастырь был защищен каменными стенами. Вдоль валов тянулись рвы, заполненные водой. Ширина их была до восемнадцати метров.

- Как можно было легко и быстро взять такую крепость?

- Вот видите - у вас каким-то образом сложилось мнение, что Киев был взят "легко и быстро!" Это очень ошибочное представление, и оно идет, наверное, от учебников, оставляющих в нашей памяти будто бы главное, но почему-то замалчивающих подробности героической Киевской обороны 1240 года. Да и специалисты по военной истории пишут о ней походя, вскользь, как о чем-то не стоящем внимания... О причинах такого положения вещей пусть **Любознательный Читатель** подумает на досуге сам, а сейчас мы с ним перейдем к наиболее достоверным подробностям падения столицы средневековой Руси...

Огромная орда Бату-Субудая-Бурундая окружила город, стоявший на правом, крутом берегу Днепра, 5 сентября. Эта дата точно указана в Псковской Первой и Супрасльской летописях, а также в **летописи Авраамки** "татаре пришед Киевоу 5 сентября".

Приступ начался со штурма, как говорится в Ипатьевской летописи, "вратъ Лядских", то есть "Ляшских" ("Польских"), "расположенных с напольной, наиболее доступной стороны.

Сколько дней и ночей метали камнебросы, сколько ночей и дней "бес престани" били пороки в главные ворота - неизвестно, только первое и самое тяжкое сражение разыгралось именно здесь, на наружных валах, стенах и башнях Ярославова города, которые, как подтверждает советский исследователь М. К. Каргер, "по своей мощи не имели равных в истории древнерусской фортификации". Та же Ипатьевская летопись позволяет представить нам "***постави же Баты порокы городоу подълѣ вратъ Лѧдьскьх тоу бобѣахоу пришли дебри порокомъ же бес престани бьющимъ днь и нощь выбиша стѣны и возиидоша горожаны на избыть стѣны и тоу бѣаше видити ломъ копѣины и щетъ скѣпание.стрѣлы wмрачиша свѣтъ***

---

[110] **В том большом городе**, который является столицей этого королевства, имеется 400 церквей, 8 ярмарок, а людей – неведомое количество; они, как и вся та провинция, состоят из сильных, беглых рабов, отовсюду прибывших сюда, и, особенно, из быстрых данов [102]; до сих пор они, успешно сопротивляясь сильно им досаждавшим печенегам, побеждали других

побѣженъим.". Однако киевляне побеждены еще не были!

- Минуточку. А кто руководил обороной? Какой князь?

- Князя в городе не было. Незадолго до прихода орды Киев захватил Даниил Романович Галицкий, который ушел на запад готовиться к защите своих исконных земель, а оборону Киева поручил тысяцкому Дмитру Ейковичу. Сильной профессиональной дружиной Дмитр не располагал, город защищали ремесленники, торговцы, крестьяне пригородных селищ, поэтому Киевскую оборону, как и Козельскую, мы можем с полным правом считать народной.

- Что произошло дальше?

- Город брался по частям. Оборонялась каждая улица, храм, дом. Дмитр был ранен, но сумел организовать оборону следующего укрепления - "города Владимира". Никаких подробностей нет, но, очевидно, он тоже был взят беспрерывным штурмом и за его стенами разыгралась новая кровавая сеча.

Раскопки 1946 года на Б. Житомирской улице обнаружили огромное количество беспорядочно лежащих человеческих костей. В хорошо сохранившейся печи найдены два маленьких скелетика - дети пытались спастись там...

- Сколько же времени сопротивлялся Киев?

- Сразу в трех летописях - Псковской Первой, Авраамки и Супрасльской сообщается, что враги взяли город 19 ноября 1240 года, в понедельник[111]. Именно это уточнение - "понедельник" - позволило ученым убедиться в достоверности сообщений этих летописей; день 19 ноября 1240 года приходится, по точным календарным расчетам, как раз на этот день недели.

- Значит, Киев оборонялся два с половиной месяца!

- Да. Летописи уточняют "10 недель и 4 дня", а если считать день окружения и падения города, то выходит, что киевляне сражались семьдесят шесть дней. Добавлю, что в 4-й Новгородской, Воскресенской, Никоновской, Тверской, Софийской и Густынской летописях названа другая дата падения Киева - 6 декабря 1240 года.

- Чему же верить?

- Последней дате тоже надо верить. Киевская оборона 1240 года - Брест нашего средневековья! В Ипатьевской летописи называется самая последняя оборонительная цитадель после падения первых укрепленных "градов": "гражане же создаша пакы дроугии градъ около пресвятое Богородице", к которой приступили враги и где "бысть брань меж ими велика". Первая каменная киевская церковь - так называемая Десятинная - стала последним оплотом Дмитра и последних защитников города. Сражение за эту церковь было настолько упорным и длительным, что осажденные начали рыть из нее тайный подкоп - археологи нашли глубоко в земле вертикальный ствол, поржавевшие заступы и дужки от ведер, в которых поднимали землю... Но произошло непредвиденное и непоправимое, как бы символизирующее трагический конец блестящей средневековой русской цивилизации.

- Что именно?

- Видимо, немало последних киевлян "оузбегшимъ и на церковь и на комаръ церковный и с товары своими". Мы не знаем, какие были верха у Десятинной церкви - имелись, очевидно, и

---

[111] По сведениям Псковской 3-й летописи монголы взяли Киев 19 ноября 1240 г., но южнорусское летописание (а равно и владимиросуздальское) указывает датой падения города Николин день, т.е 6 декабря. Возможно первая дата указывает на взятие монголами в конце ноября так называемого "Ярославова города", т.е. стен Киева, поставленных Ярославом Мудрым, который расширил территорию города относительно той, что была при его отце Владимире Святославиче. На то, что монголы, взяв стены "Ярославова города", остановились на какое-то время, есть указание и в Ипатьеской летописи. Поэтому галицкий летописец, более осведомленный в сути происходившего, и посчитал датой окончательного взятия города Николин день, когда пал последний очаг сопротивления – Десятинная церковь внутри "града Владимира".

колокольня, и купола, и закомары, из-за которых можно было отстреливаться и бросать камни; "товарами" же, видно, летописец назвал драгоценности, а также, может быть, фамильные иконы и книги - не могли же в самом деле гибнущие люди тащить на церковь ткани или кожи... И вот своды храма, которому было уже примерно двести пятьдесят лет, не выдержали и рухнули, "от тягости провалишася". Случилось это, наверное, как раз 6 декабря 1240 года. Таким образом, Киев сражался около трех месяцев, а точнее, девяносто три дня. Это одно из самых примечательных в мировой истории оборонительных сражений пришлось как раз на календарную середину полуторатысячелетней жизни великого русского города... "Взяша Киев татары, и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом".

Вот уже около ста лет археологи находят при киевских раскопках ужасающие следы разгрома и массовых убийств. В братской могиле на Подоле было обнаружено около двух тысяч костяков, при земляных работах по Большой Владимирской улице вскрыт слой, в котором сплошным полуметровым пластом на протяжении четырнадцати метров лежали человеческие останки.

Множество людей погибло в Десятинной церкви и в Зверинецких пещерах, выходы из которых орда завалила в декабре 1240 года... Шесть лет спустя Плано Карпини засвидетельствовал, что монголо-татары "произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады взяли его и убили жителей города, отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный; а теперь он сведен почти ни на что, едва существует там 200 домов, а людей там держат они в самом тяжелом рабстве".

Смерть и разрушение пришли в юго-западную Русь, охватив все ее города и веси. После уничтожения десятка муромо-рязанских городов, двух десятков владимиро-суздальских, новгородского Торжка, нескольких смоленских поселении, Вщижа, Обловя, Серенска, Козельска и еще примерно пятидесяти черниговских, погибло двадцать шесть киевских, четырнадцать переяславских, восемнадцать галицких, тридцать два волынских города.

После этого большого похода, подробности которого - совсем другая тема, Бату, как известно, обосновался за Волгой и до самой смерти под всяческими предлогами уклонялся от поездок в столицу империи. Однажды его послам в метрополии даже остригли бороды, он и это снес, будучи человеком трусливым и осторожным. Будучи же мстительным, зорко следил издалека за теми, кто ему когда-то нанес тяжкие оскорбления.

Гуюк, ставший в 1246 году великим ханом, недолго наслаждался верховной властью. Выйдя в военный поход против Бату, о чем тому донесли заранее, он дошел только до Самарканда, где, как пишет Рашид-ад-Дин, его "настиг предопределенный смертный час и не дал ему времени ступить шагу дальше того места, и он скончался". Есть предположения, что Гуюк был отравлен людьми, подосланными Бату. Описанию дальнейших кровавых событий Рашид-ад-Дин предпосылает средневековый персидский стих:

На то место, где тебе надо что-либо выжечь,

Бесполезно класть целебный пластырь.

Настал черед Хархасуня. Согласно летописи Рашид-ад-Дина, сын Толуя Монке, взошедший на престол с согласия Бату, казнил вдову Гуюка и многих родственников, "вбиванием в рот камней" умертвил почти сотню военачальников, в том числе двух сыновей Илчжитая, включая, конечно, "старшего эмира" Хоркасуна (Хархасуня, Аргасуна). Отец казненных, племянник Чингиза Илжитай-нойон (Элчжигатай "Сокровенного сказания") сумел бежать на запад, но его поймали в горах на территории теперешнего Афганистана и "привели к Бату, где он соединился со своими сыновьями..." Змея заглатывала собственный хвост.

Удовольствие расправиться с Бури, активным участником династического и военного заговора, Монке тоже предоставил Бату, который и "предал его смерти". Французский путешественник

Гильом де Роброк пишет, что Бату будто бы приказал отрубить Бури голову за то, что тот, будучи во хмелю, говорил о владыке Итилии оскорбительные слова и вздумал пригнать в Золотую Орду свои стада на пастьбу. Только едва ли Бури был обезглавлен; монгольские ханы не проливали кровь родственников, а топили, травили ядами, душили, закатывали в ковры и забивали до смерти.

В кровавом ристалище 1251 года уцелели только самые верные военные служаки. Среди событий того времени персидские летописи сообщают о посылке Бурундая-нойона во главе десяти туменов "из храбрых тюрков" к берегам Отрара для подавления какого-то большого восстания, вспыхнувшего вблизи метрополии.

И Бурундаи, очевидно, стал воистину "великим воителем", если в 1258 году он был послан на дальний запад, чтоб привести в покорность Даниила Галицкого, - орда разрушила тогда последние крепости Руси, и у нашего народа остались нетронутыми только Смоленск, Новгород и Псков... В те же 60-е годы XIII века была начата Монке-ханом новая большая война в Китае. Захватническое войско возглавил сын Субудая Урянктай, командовавший тоже десятью туменами, только неизвестно, состояли ли они "из храбрых тюрков" или каких-либо других "татаро-монгол"...

Что же касается знаменитого отца Урянктая, то Плано Карпини, прибывший летом 1246 года в ставку Гуюка, еще застал Субудая в живых, назвав его в своих записках "старцем" и "воином". Главный воитель XIII века, всю жизнь прослуживший Чингизу и его потомкам, проливший от Приморья до Венгрии реки человеческой крови, бесследно исчез в тумане истории - сведений о месте, времени и обстоятельствах его смерти нет.

Рашид-ад-Дин только сообщает, что личную отцовскую тысячу принял его младший сын Кокэчу.

А Бату, внук Темучина сын Джучи? Вспоминаю рисунок из школьного учебника сорокалетней давности. Китайский художник-миниатюрист изображает юного безбородого Батыя: свободная восточная одежда, мягкие чувяки с загнутыми носками, вальяжный шаг и красивое, изнеженное, капризное лицо, похожее на девичье. Он и в самом деле, очевидно, не был сильной и мужественной личностью, если в истории нет ни одного упоминания о его участии в боях, если в жестокой борьбе чингизидов за богатства и земли он получил наихудший удел на дальней бесплодной северо-западной окраине империи. Руками военнопленных и рабов построил свою столицу далеко в стороне от метрополии и важнейших торговых дорог, избегал бывать даже на курултаях, так и не решился вступить в борьбу за великоханский престол, который после смерти спившегося Угедея пустовал пять лет, потом был занят врагом Бату Гуюком, а через два года уступлен Монке.

За последние пятнадцать лет жизни Бату ни разу ни с кем не воевал, жил безмятежно, наслаждаясь в роскошном дворце восточными сластями, разноплеменным гаремом, безграничной властью над покоренными народами, куражась над их послами с неуравновешенностью алкоголика и расправляясь с их князьями с жестокостью сатрапа, потягивая винцо не только на досуге, но и, кажется, перед официальными приемами далеких гостей. Гильом де Роброк, побывавший в Бату-Сарае в 1253 году, писал: "Лицо Батыя было тогда покрыто красными пятнами". Через три года Бату-хан бесславно окончил свою жизнь и, в отличие от других потомков Чингиза, похороненных на родине, был зарыт в прикаспийской степи вместе с многочисленными, как пишет Большая Советская Энциклопедия, "женами, слугами, конями и баранами".

Любознательный Читатель. Вернемся, однако, к первому набегу орды... Вопрос о начальной численности степного войска остается спорным, не так ли?

- Так. Точного числа воинов Бату-Субудая, появившихся на границах Рязанского княжества осенью 1237 года, никто не знает и, наверное, не узнает никогда - нет достаточно достоверных источников. Многие историки явно преувеличивали, когда писали о 300-500 тысячах всадников, которым нужно было прокормить в этом зимнем походе сквозь русские леса около миллиона лошадей, что абсолютно нереально! Надо учитывать, что размер фуража, заготовляемого на

Руси в зиму, определялся собственными потребностями - излишки в те времена не производились за ненадобностью, сбыта не было. А русские сказители так описывают военное столкновение в верховьях реки Воронежа: "Батыева сила была велика, один рязанец бился с тысячью, а два с тьмою", то есть с десятью тысячами! Однако это всего лишь обычный фольклорный прием гиперболизации. Подсчет соотношения сил осложняет и то, что мы в точности не знаем, сколько на самом деле воинов выставило каждое отдельное княжество - Рязанское и Владимирское, сколько русских участвовало в сражениях на Воронеже, под Коломной, на Сити, сколько врагов погибло при взятии Рязани, Владимира и других городов, сколько осталось после двухнедельного штурма Торжка... Предположение о 150-тысячном начальном войске степняков наиболее приемлемо.

- Доктор исторических наук В. В. Каргалов пишет: "По существу, это были объединенные силы Монгольской империи. Численность войск Батыя достигала 150 тысяч".

- Силы Монгольской империи сражались тогда еще на четырех фронтах - китайском, половецком, персидском и корейском, часть воинов исполняла полицейские функции в покоренных странах. Но численность войск Бату-Субудая в 150 тысяч можно принять в качестве гипотезы, хотя не существует данных, чтобы говорить о ней с полнейшей уверенностью. Здравый смысл подсказывает, что в таком случае фуража крестьянской Руси хватило для зимнего прокорма своего скота и примерно 450 тысяч пришлых лошадей, хотя и постоянно уменьшавшихся в числе, что в открытых сражениях и при штурмах крепостей погибло значительно больше, чем сто тысяч степных воинов... В любом случае, при любом начальном числе степного войска, финал похода оказался плачевным - располагая поначалу подавляющим превосходством в численности, а позже достаточным временем до разлива рек и вскрытия озер, орда Бату-Субудая в марте 1238 года уже не имела сил, чтобы взять Новгород и Смоленск, а остаткам войска пришлось почти на два месяца задержаться у Козельска...

Но моя цель состояла не в том, чтобы сделать какие-то научные открытия; мне хотелось навести читателя на раздумья, пробудить у него интерес к прошлому - о нем мы знаем совершенно недостаточно, и все наши надежды возлагаются сегодня на историческую науку.

35. Глава 35

Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть, что, как и почему все происходило в прошлом; литератор же обязан опереться на достижения исторической науки и, рассмотрев минувшее сквозь призму своего мировидения, по-своему проиллюстрировать давние годы и события, подсветить их личным фонарем и, быть может, внести в них сегодняшний смысл, непременно сообразующийся с главными векторами истории.

Но что ему делать, .если тема, какую он избрал, в новейших трудах историка поворачивается нежданными сторонами, видится в парадоксальных отдельных ракурсах, постепенно и полностью подменяющих твои знания о той эпохе совершенно другими, противоположными? Следовать этой научной новизне, чтобы, как говорится, не отстать от века, или самому попытаться, опираясь на исторические источники и сопоставляя точки зрения специалистов, самостоятельно увидеть прошлое XII-XIII века, нашествие кочевников?... Арабский историк Ибн ал-Асир, современник событий: "***Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда***".

Два главных фронта - восточный и западный - да два дополнительных - северный и южный; враги "со всех сторон русские полки обступили". Почему это произошло? Были ли какие-нибудь глубинные причины, вызвавшие, в частности, неслыханное нашествие степняков на Восточную Европу?

"...Я как историк вижу свою задачу в том, чтобы внести необходимую ясность" (Гумилев Л. Н. С точки зрения Клио[112]. - "Дружба народов", 1977, No 2). Нуждаясь в ясности, ищу в работах

---

[112] Клио — муза истории в древнегреческой мифологии. Изображалась со свитком папируса или футляром для

современного специалиста-историка конкретные и точные данные о предыстории нашествия XIII века.

Первая и главная причина передвижений конных орд из азиатских степей в европейские, по мнению доктора исторических наук Л. Н. Гумилева, - изменения климата. ***"...Засуха X века подорвала хозяйство кочевников в южных, более засушливых местах, кипчаки (половцы) оказались в более выгодном положении: окраины сибирской тайги и многоводные реки спасли их от засухи. Благодаря этим природным условиям кипчаки одержали в X веке победу над канглами (печенегами) и гузами (узами, торками, туркменами) и, преследуя врага, вступили в причерноморские степи***".

Несколько ранее была высказана иная точка зрения, тоже принадлежащая специалисту-историку и этнологу. Только печенегов он называет кенгересами, канглами же совсем другой степной народ и верно указывает, что печенеги были первыми кочевниками, появившимися в причерноморских степях еще в IX веке, и ни половцы, ни, естественно, засуха X века были тут ни при чем, так как "во второй половине IX века хазары и гузы заключили союз и так стеснили печенегов, что часть их, обитавшая в Устьюрте[113], покорностью купила себе покой, а другая часть прорвалась в причерноморские степи и около 890 г. достигла нижнего Дуная..." (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 95).

Итак, печенеги появились в Причерноморье из-за военно-политической ситуации IX века в центре Великой Степи, а половцы - все же по причине засухи X века? Однако существует мнение, что в X веке никакой засухи в Великой Степи не было и с IV века нашей эры она буйно и непрерывно цвела, хорошо увлажняясь атлантическими циклонами. "***Так продолжалось до XIII в. с небольшим периодом усыхания в IX в***.". Интересно, что и эта точка зрения высказана тем же автором и в той же упомянутой выше книге! И еще оттуда же опять совершенно противоположное: ***"...в X веке Великая Степь превратилась в пустыню***"! Книга эта вышла в издательстве "Наука" и рассчитана, как сказано в предисловии, "на широкий круг читателей", но в ней есть немало страниц, при чтении коих читатель только широко разведет руками...

Любознательный Читатель. А чем все же объясняются в книге завоевательные походы степняков в XIII веке?

- Монголы - де пересидели засуху во влажном ононском бору, а "в XII веке происходило интенсивное увлажнение степной зоны Евразии и количество пастбищ увеличилось за счет изменения природных условий". Больше пастбищ - значит, больше скота и больше людей. Отсюда - внезапное усиление монгольских племен, экспансия орд Чингиза и его потомков.

- Но почему не усилились в XII веке племена, пересидевшие засуху, если она была, на тех же окраинах сибирской тайги, в Бузулукском лесном острове, Кулундинских ленточных борах или в обширнейшем и влажном алтайско-саянском горно-лесном районе?..

- На это ответа нет.

- Когда-то и что-то я слышал о детерминистах прошлого, вульгарно-материалистически объяснявших историю географией...

- В частности, профессора Брюкнер и Тутковский задолго до Гумилева связывали нашествия кочевых народов с засухами в Великой Степи. Они считали, что не увлажнения степи, а периодические усыхания заставляли кочевников в поисках корма для скота и, значит, собственного благополучия устремляться из Центральной Азии в Европу. Сухие периоды,

---

свитков. Дочь Зевса и Мнемозины — богини памяти. Согласно Диодору, получила имя от того, что воспевание в поэзии даёт восхваляемым великую славу (*клеос*).

[113] **Устюрт** (Истьюрт, то есть "равнина", тюрк.) — плато в Средней Азии (Казахстан, Узбекистан), расположенное между Мангышлаком и заливом Кара-Богаз-Гол на западе, Аральским морем и дельтой Амударьи на востоке. Площадь ок. 200 000 км². Основной ландшафт представляет собой глинистую полынную и полынно-солянковую пустыни, юго-восточная часть плато — глинисто-щебнистая пустыня. Участки солончаковой и (на севере) песчаной пустыни.

полагали они, приходились на III, VIII и XII века нашей эры. Л. Н. Гумилев не вспоминает об этом, зато ссылается на Г. Е. Грумм-Гржимайло, который "рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т. е. синтетически".

- Грумм-Гржимайло был сторонником географического детерминизма?

- Посмотрим. У него есть высказывание о тенденции к усыханию сравнительно небольшой Алашанской степи в новое время, но его действительно синтетический подход к двухтысячелетней истории Азии потребовал трезвой оценки взглядов Тутковского и Брюкнера, которые пытались, как он пишет, "установить связь между массовыми передвижениями среднеазиатских народов и сухими периодами в III, VIII и XII веках. И, якобы как следствие, в III веке - нашествие гуннов, в VIII - венгров, в XII - татар". Следом Г. Е. Грумм-Гржимайло уточняет исторические факты:

- “1. Гунны появляются в России (теснят вестготов) во второй половине IV века, поход же Аттилы через Германию, закончившийся битвой народов в долине Труа (в 451 г.) был совершен в конце первой половины V века.
- 2. Мадьяры только в конце IX столетия прикочевывают на берега Дуная из южнорусских степей, куда проникают из-за Волги в начале этого века.
- 3. Нашествие Батыя на Россию произошло в 1236 году,
- очевидно, что и выводы, построенные на столь ошибочных данных, не могут быть верными".

Будучи рыцарем точного, неподкупного знания, Грумм-Гржимайло отвергает умозрительные построения детерминистов не только из-за перечисленных выше несовпадений, но и ввиду полной их недоказуемости, из-за отсутствия основополагающих данных: "***Как ни завлекательна эта гипотеза, как ни пытался профессор Тутковский обосновать ее ссылками на работы авторитетнейших ученых, все же главным ее недостатком остается ее совершенная необоснованность... Она лишена необходимой ей базы, которую могла бы дать ей только история, но именно история и опрокидывает ее"***.

- Выходит, и Л. Н. Гумилев тоже отвергает предположения Тутковского и Брюкнера?

- В том-то и дело, что нет! Не ссылаясь на предшественников, пишет, что за 2000-летний период "мы отметили три периода усыхания степей, каждый раз сопровождавшиеся выселением кочевников к окраинам Великой Степи и даже за ее пределы" (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников. - "Природа", 1972, No 4, с. 50).

- А как эти периоды усыхания были определены?

- В другой публикации есть ответ, если его можно счесть ответом. "Путем сопоставления исторических событий с явлениями природы удалось подметить причины усиления и ослабления кочевых держав Центральной Азии и обратным ходом мысли (курсив мой.-В. Ч.) датировать периоды усыхания и повышенного увлажнения аридной зоны Евразии (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. - Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 199).

- То есть исторические события (как бы следствия), датируются природными явлениями (как бы причинами), хотя причинно-следственная связь между ними научно не установлена?

- Выходит, так... К чести старой русской науки, Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло принципиально утверждал, что попытки найти физико-географические объяснения массовых передвижений народов или, добавим, больших межконтинентальных войн-нашествий "заслуживают того, чтобы на них остановиться, но не с тем, чтоб оттенить нх положительное значение, а для того, чтобы отметить любопытный образчик разъяснения космическими причинами народных явлений огромной важности, выхваченных из истории и трактуемых независимо от данных этой истории".

- Но совсем отрицать влияние географических, природных факторов на историю народов, наверное, нельзя?

- Безусловно. В частности, климат Великой Степи действительно менялся - в течение веков и

тысячелетий...

Установить циклы вековых колебаний ветров и увлажнении, увидеть их истинное влияние на жизнь людей - задача интересная и, наверное, очень сложная, не терпящая упрощенчества.

"...Целесообразно рассматривать человечество как вид Homo sapiens, - пишет, между прочим, Л. Н. Гумилев. - Но тогда все закономерности развития всех видов млекопитающих (курсив мой.- В. Ч.) применимы к людям". Нет, человеческие сообщества все же не скопища леммингов, а их перемещения по лику земли, создание там или сям сильной государственности, большие завоевательные походы зависели не столько от засух или сочности травостоев, сколько от социально-экономических, политических и иных общественно-исторических причин.

- В самом деле, разве можно какими-то климатическими изменениями объяснить завоевательные походы Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона, отсутствие больших перемещений народов Великой Степи за последние восемь веков или переселение в Сибирь части русского европейского населения, начатое казаками в XVI веке?

- У Л. Н. Гумилева, кроме неодетерминистской гипотезы, есть новейшая теория "пассионарности" - от латинского "passio", "страсть". Из-за природных факторов, каких-то неясных биологических и космических причин будто бы образуются в определенных районах планеты очаги человеческой активности, рождающие "пассионариев". "...***Пассионарность не только передается от родителей к детям, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами***".

Среди "пассионариев" ученый числит, например, Александра Македонского и Наполеона, Магомета и Яна Гуса, а к неполноценным, не удостоенным благосклонности природы, относит обширные ареалы и "неполноценные" народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, Прибалтики, бенгальцев, тамилов и многие другие народы Индостана, а также Африки, Америки, Западной Европы...

- Это в той же популярной книге?

- Нет, в многочисленных статьях, напечатанных за последние годы в специальных периодических изданиях. Но один лишь пример из реальной истории средневековой Руси полностью опрокидывает искусственные неодетерминистские и "пассионарные" построения. Если в X веке Великая Степь "превратилась в пустыню" из-за смещения влагонесущих циклонов на север, то на обширных просторах всегда достаточно увлажненной Русской равнины должно было бы наступить переувлажнение, что сопровождалось бы расширением болот, подтоплением сел и городов, малым медовым сбором, слабым опылением культурных растений, уменьшением вегетационного периода, вымоканием урожаев, сокращением сенокосных и пахотных угодий, летних и зимних транспортных путей и, как следствие, замиранием политической, хозяйственной и военной деятельности народа, живущего в этом районе Евразии, потерей им той самой пассионарности, какая, согласно той же гипотезе, идет, как говорится, от бога, если счесть "богом" невыясненные природные причины подсознательных психодинамических реакций "вождей", ведущих за собой "толпу".

Допустим все же, что переувлажнение Русской равнины в X веке имело место, однако социально-общественные последствия его были прямо противоположными. В том веке - совершенно исключительном в русской истории! - окончательно сформировалось и вышло на мировую арену огромное раннефеодальное многонациональное государство, первое на этой территории.

Вокруг Киева были объединены поляне, словене, древляне, радимичи, северяне, дреговичи, кривичи, вятичи, чудь, меря, весь. Киевская Русь приобщилась к христианству, письменности, международной жизни, нацелилась на усвоение и творческую переработку высочайшей византийской культуры. Формировался этнос, народ - у него была единая территория, центральная власть, общий язык, понятный всем от Карпат до Волги, от Ладоги до Азова. Строились города и погосты, содержались сильные дружины, то и дело снаряжались большие армии для ведения внешних войн. Ни одно столетие русской истории не выдвинуло столько выдающихся государственных и военных деятелей первой руки, как X век,- Олега Вещего, Игоря

Старого, Ольгу Мудрую, Святослава Воителя, Владимира Красное Солнышко, Крестителя, Святого. Каждая из этих очень даже "пассионарных" личностей и события, связанные с ними, могли бы стать темами отдельных исторических романов, не идеализирующих ни личности, ни времена, ни нравы... Это было сильное захватническое феодальное государство, сравнимое по всем статьям с западноевропейской империей Карла Великого, и другим оно в те времена не могло быть. Взрыв политической и военной активности, наблюдавшийся на Русской равнине в X веке, объясняется, однако, не личными качествами киевских князей, климатическим циклом или "пассионарностью" региона, а глубокими экономическими, социальными и иными объективными историческими процессами...

Кстати, космическо-климатическая гипотеза и теория "пассионарности" Л. Н. Гумилева - своего рода элементы его "этнической истории", суть которой сводится к тому, что соседствующие так называемые "суперэтносы" должны непременно вступить между собой в вооруженный конфликт и что процесс этногенеза и, в частности, усиления-ослабления степных кочевых держав "происходит не по линиям общественного развития, а по этническому заполнению регионов. Таким образом подтверждается, что этнос не спекулятивная категория, а явление природы, т. е. разновидность биосферы земли" (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. - Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 201).

Любознательный Читатель. Может быть, я чего-нибудь недопонимаю, но мне кажется, что умозрительными построениями Л. Н. Гумилева очень легко объяснить причины любой войны или агрессии.

- Вы отлично все поняли... И не столько объяснить, сколько, как это ни покажется чудовищным, оправдать! В глубокой, всесторонне аргументированной статье наш ведущий исторический журнал, в частности, пишет: "Своей концепцией этнической истории Л. Н. Гумилев, по существу, оправдывает жестокие завоевания и кровопролитные межэтнические конфликты.

В чем же виноваты Чингиз-хан, Наполеон или Гитлер и, главное, при чем тут феодальный или капиталистический строй, если "пассионарная" активность таких "героев" была вызвана биологическими мутациями, а сами они и поддерживавшие их группы, проводя завоевательные войны, следовали лишь биографическим законам развития монгольского, французского или германского этносов?" (Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории.- "Вопросы истории", 1974, No 12, с. 83).

Однажды, выступив одновременно с Л. Н. Гумилевым (в журнале "Природа", 1970, No 2), академик Ю. В. Бромлей напомнил слова Гегеля о недопустимости "указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера или на честолюбие Цезаря как на причину падения республиканского Рима".

В соответствии с основными взглядами Л. Н. Гумилева в его работах немало конкретных спорных высказываний, в частности по истории русского средневековья, и на них следует непременно остановиться, как на "любопытном образчике" объяснения второстепенными, часто надуманными причинами "явлений огромной важности".

"Для решения поставленного вопроса о столкновении монголов с Русью мы должны сделать экскурс в южнорусские степи, где в то время обитали "куманы, иже рекомые половцы".

Когда монголы вытеснили меркитов в долину Иргиза, обитавшие там куманы (половцы) приняли беглецов, тем самым став врагами монголов". И этот, так сказать, проступок половцев называется главной причиной войны с большим воинственным народом, пасшим свои стада от Иргиза до Днестра! Ну хорошо, а какова была причина разорительного нашествия на богатейшие города, на цветущие долины Средней Азии? Очень, оказывается, простая!

Хорезм-шах Мухаммед не пропустил караван купцов-разведчиков и казнил монгольских послов. "С этого эпизода начинается кровавая лавина, которой монголы прошли по Средней Азии", - пишет автор.

Первопричину же гибели русской средневековой цивилизации, оказывается, следует искать на

Калке, где были убиты "послы" Орды...

Вернемся на **Калку**, чтобы разобрать очень непростую дипломатическую ситуацию, сложившуюся перед битвой, и военно-тактическую - во время нее. Тумены орды, ведомые Субудаем и Чжэбе, обошли дербентским проходом Кавказский хребет, опустошив перед этим земли афганцев, персов, азербайджанцев, армян, грузин. Обогащенные драгоценной и транспортабельной добычей - сокровищами древних народов, воинственные пришельцы, быть может, уже грезили о далеких родных юртах, путь к которым лежал теперь через всю Великую Степь. Однако на подступах к этой степи они натолкнулись на отчаянное сопротивление аланов, или ясов, предков нынешних осетин, рядом с которыми встали воины других северокавказских народов и многочисленное половецкое войско во главе с ханом Котяком, отлично понимавшим, что его народ обречен, если орда из этих тесных гор вырвется на травяные просторы. В ущельях и распадках она лишалась маневренности, не могла использовать своей массированной мощи, и дело, говоря по-современному, запахло керосином. Тогда Субудай и Чжэбе предложили половцам вроде бы обоюдовыгодное соглашение - мы-де, татары, и вы, кипчаки, одного степного рода, а ваши союзники ясы - чужие и вам, и нам по крови; договоримся не трогать друг друга, и вы за это получите множество лошадей, нагруженных золотом и парчой.

Коварный замысел полностью осуществился - половцы-кипчаки, получив обещанное, предали ясов, покинули кавказские предгорья и рассыпались по своим становищам, а орда прошла с мечом и огнем по Северному Кавказу, причем часть ясов примкнула к победителям и вместе с ними устремилась на север, чтоб отомстить половцам за измену.

"Монголы вели войну корректно", - пишет Л. Н. Гумилев, замалчивая, однако, правду о подлом обмане в 1223 году половцев, дружить с коими пришельцы договорились! Орда с лихвой вернула подаренную добычу, дочиста разграбив половецкие становища, столь корректно "отблагодарив" за доверие, победу над ясами и их северокавказскими соседями. Половцы в поисках спасения и защиты устремились на Русь, во главе с тем же Котяком, сообщившим, что "сей род неведомо откуда приде, днесь землю нашу поплениша, а вашу заутро пришед, возьмут".

Русские князья немедленно "начаша воинство велие совокупляти", отложив традиционные распри. "Тогда татарове, уведавше, прислаша послы своя, рекуще: "***почто хощете на ны итти кровь пролияти? Мы же не приидохом на вы, ниже на землю вашу и ничто вамо заяхом, а имамы рать с половцы. И аще хощете покой нмети, устроиве мир, половец же к себе не приемлите***".

Это был тот же, только что успешно использованный на Кавказе, "ход конем"! Конечно, половцы, у которых тоже было рыльце в пушку, рассказали русским о "корректности" полководцев орды, поэтому "князи же рустии прияша сие зло, яко татаре сольстити хощут, не послушаху" послов, разгадали коварный замысел пришельцев, намеревавшихся разбить врагов поодиночке. И вот послы-разведчики были убиты. Не раз и не два, что становится даже навязчивым, Л. Н. Гумилев утверждает, будто войны, что вела орда, вызывались убийствами ее послов, и этим простым логическим перевертышем все жертвы страшной агрессии превращаются в виновных.

Издревле предполагается, что посол - выравниватель, успокоитель международных отношений, посредник добрососедства, а "послы" орды были не кем и не чем иным, как последними разведчиками и провокаторами, предъявляющими оскорбительные и непомерные требования грабительского войска, готового в любом случае броситься на очередную жертву. Ничего не стоит выбрать из подробностей бесчисленных военных походов орды несколько примеров убийства ее лазутчиков или ультимативных провокаторов, но правильно ли, не разобрав ни одного конкретного случая, строить на этих единичных фактах целую концепцию? Конечно, то время было жестоким для всех, и где-то, возможно, посланцы орды были убиты по случайности, всегда и везде непредусмотренно нарушавшей любую закономерность мирного человеческого общежития или военной обстановки, где-то из-за их безмерно наглых, оскорбительных требований, предусматривающих, скажем, выдачу княжеских жен и дочерей полководцам орды, где-то из-за военно-тактических соображений момента, дабы, например, уничтожить соглядатаев-

врагов, увидевших крепостные сооружения и силы осажденных, отрезать себе путь к отступлению или капитуляции, ожесточить обороняющихся, чтоб оин защищались, не рассчитывая на пощаду.

Люди средневековья, конечно, куда лучше, предметнее нас представляли себе организованную беспощадность и аморальность орды...

Да, послов орды, впервые появившихся в 1223 году у границ Руси, как свидетельствует русская летопись, действительно убили, и якобы в ответ на это победители "так жестоко расправились" с русскими князьями, "настелив на них, связанных, доски и под стоны, хруст ребер и грудных клеток устроив пир над полководцами врага, задыхающимися от унижения и ярости, один за другим умирающими от ран".

Однако кем были убиты эти "послы", история в точности не знает. В. Ян в свое время писал, что послы-сольстители были на обратном пути перебиты половцами. В таком случае казнь русских князей после битвы - не отмщение за убийство послов, а убийство послов - отмщение половцами за коварное нарушение северокавказского договора, разгром их становищ и вернейший способ исключить любые дипломатические варианты как для орды, так и для русских.

Было, однако, некое историческое обстоятельство, важное для прояснения ситуации. Когда русские войска "сташа на Днепре", "татарове прислаша другие послы, рекуще: "***почто послушали есте половец конюхов и послы наша избиша? И оже мира не хощете, идите к нам, а мы готовы". Князь же велики отпусти послы тыя***" (курсив мой.-В. Ч.). Если русские по своей этической недоразвитости не понимали общепринятых еще с доисторических времен деликатностей в обращении с послами, то почему они их отпустили на этот раз, когда терять стало нечего и вопрос о скорой битве не на жизнь, а на смерть был предрешен?..

Субудаю пришлось хорошо подумать, как выманить русские отряды в степь, рассыпать и лишить объединенной, ударной силы, а потом свершить привычное и простое дело, да так, чтобы надолго запомнили эти наивные урусы каменный мешок Калки-реки, которую, как говорили в Степи, вечное синее небо послало Субудаю, он-то знал, что сам нашел ее на половецкой земле и выбрал местом беспроигрышного сражения; противники за восемь суток беспорядочного преследования мелких конных отрядов истощили свои силы в безводной степи, а его воинство хорошо отдохнуло за эту неделю у прохладной, с высокотравными берегами реки.

В своей массовой публикации ("С точки зрения Клио". - Журнал "Дружба народов", 1977, No 2) Л. Н. Гумилев снова утверждает, будто монголы вообще "объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов"! Но "каков же был первый камешек этой лавины?" - спрашивает автор и отвечает с прежней последовательностью, выставляя попутно совершенно другую причину, вызвавшую "войну против Руси", и "подкрепляя" свою концепцию очередной подменой понятий, возвращающей нас на Калку:

"Убийство послов русскими князьями, среди которых был Мстислав Козельский и Черниговский, монголы восприняли как предательство гостей, что, как известно, в Степи считалось худшим из преступлении. Нападение на свое отступавшее войско они сочли вызовом, на который ответили кровавым набегом в 1237-1241 годах..."

Да, довелось дожить до таких времен, когда недоказанное убийство "послов" орды русскими князьями выдается за непреложный факт, сам этот сомнительный факт - за главную причину неслыханного нашествия, когда организованные степные грабители именуются гостями, а беспорядочное преследование разрозненными отрядами русских арьергарда быстрой конницы, без риска и потерь заманивающей врага в смертельную ловушку, нападением на отступающее войско, даже вызовом; удивительно, что все это печатается огромным тиражом в современном периодическом журнале!..

Но если первый "камешек" завоевательной лавины - бегство меркитов под защиту половцев, за что монголы должны были непременно отомстить, "ради чего и появились в 1223 году в донских степях", то ради чего они появились в степях и горах, принадлежавших киданям, меркитам, найманам, в государствах чжурчжэней и тангутов, в Корее, Индии, на землях афганцев, персов, азербайджанцев, Багдадском халифате, Грузии, Сирии, Армении, Китае, Польше, Моравии,

Далмации, в Поднестровье, Тибете, Бирме, Вьетнаме, у японских берегов и даже на острове Ява? Ради чего они на обширных просторах Евразии творили неслыханные жестокости?

Монголы, как сообщает Л. Н. Гумилев, своих убивали "охотно, но просто" - ломали спину или вырывали сердце; чужих еще более охотно и не так "просто" - снимали скальпы, расчленяли по суставам, живьем сжигали в кострах. В кафедральном соборе польского города Сандомира я видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен - новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи в 1240 году. Однако самые, должно быть, чудовищные казни придумывал, как свидетельствует история, Хулагу, брат великого хана Монке, посланный завоевывать Переднюю Азию. Разгромив Багдадский халифат и казнив последнего аббасида, он направил угрожающее ультимативное письмо владетелю Сирии Насиру, правнуку знаменитого Саладина, главного врага крестоносцев. Насир с достоинством ответил: "***Ваше высочество, мне пишете, что считаете себя орудием божьей кары, обращенным на тех, кто заслуживает его справедливый гнев, что вы нечувствительны к людской скорби, что вас не трогают человеческие слезы и что бог исторг из вашего сердца всякое чувство жалости. В этом вы правы: это величайшие из ваших пороков, и в то же время это черты характера, которые свойственны дьяволу, а не должны быть присущи государю. Это добровольное признание вас позорит***". Защитника Мосула князя Салиха Хулагу приказал зашить в бараньи шкуры и обрек на медленную смерть от зноя и червей. Другому арабскому князю, одному из потомков Саладина, он вырывал клещами куски мяса из тела и забивал ими рот жертвы...

Нет, нашествия орды объяснялись вовсе не местью за укрытие беглецов, уничтожение "послов" или преследование "отступавших"! Причинами нашествия было: добывание в походе прокорма для воинов и лошадей, захват драгоценностей, дорогих мехов и тканей, скота, наложниц и рабов для паразитической степной олигархии, обращение народов и государств в бесправных данников; жестокости же орды стали проверенным способом деморализации жертв страхом.

Тему о мифических посольско-дипломатических деликатностях, якобы морально возвышавших степных завоевателей XII века над прочими народами, хорошо иллюстрирует один пример. Открывая кровавую эпоху внешне-военной экспансии, Чингиз-хан в 1210 году грязно оскорбляет посла соседнего государства чжурчжэней, как бы завещая своим потомкам, если они сильны, презирать любые правила международных отношений.

Г. Е. Грумм-Гржимайло: "История показывает, что монголы не придавали большого значения договорам и вообще не стеснялись нарушать свое слово, данное врагу даже при самой торжественной обстановке".

А Л. Н. Гумилев настойчиво продолжает поиск оправдательных причин военной степной агрессии XIII века. Пишет: "Влекомые по степи необходимостью закрепиться на каком-то рубеже, - а это было непросто, - монголы дошли до самой Палестины, где только и были отбиты". Не повальный разбойничий грабеж, не обращение в рабов и данников всех встречных народов ради обогащения олигархической степной верхушки, удовлетворения ее непомерного властолюбия, а, оказывается, необходимость "закрепиться на каком-то рубеже" влекла по Евразии орду, трудностям закрепления которой "на каком-то рубеже" современный историк даже вроде бы сочувствует!

Итак, "объективные" природные факторы и несколько донельзя субъективных и частных причин якобы вызвали невиданные в истории человечества захватнические войны!

Конкретно обвиняются солнце, циклоны и дожди, а также недалекие и недогадливые жертвы агрессии с их, получается, незаконными правами на самозащиту, претензиями на человеческое достоинство и свободу, стремлениями помочь в беде соседям; такого, кажется, еще никогда не бывало в исторической науке...

Самое, пожалуй, удивительное в концепции Л. Н. Гумилева то, что он категорически отрицает основную исходную причину, из-за которой "монголы оказались в Восточной Европе". Он пишет: "***Распространенное мнение заключается в том, что они стремились "завоевать мир". В***

30-е годы эта идея была настолько распространена, что даже известный романист В. Ян озаглавил финальную часть своей трилогии о монголах "К последнему морю", имея в виду Адриатику. Для наших современников, к счастью, этот вопрос не столь ясен, и они значительно менее категоричны". Подумать только - "к счастью"!

Но ведь это "распространенное мнение" считалось аксиомой не только в 30-е годы XX века, но даже в 30-е годы XIII века!

Решение о нашествии на Европу было принято в 1229 и 1235 гг. общемонгольскими курултаями, исполнявшими наказы умершего Чингиза. Снова раскрываю "Юань-чао би-ши" ("Сокровенное сказание", или "Тайную историю монголов"), в которой есть некоторые подробности, важные для нашей темы. "Огэдай (Угедей), вступивши на престол, так совещался с братом своим Чаадаем (Чагатаем): "***Отец наш, царь Чингиз, оставил народы еще не завоеванные...***"" (Здесь первый переводчик памятника П. И. Кафаров считает не лишним сделать примечание, уточняющее значение китайских иероглифов: "вэй вань ди" - собственно "недоконченные")... В перечислении этих "недоконченных" народов некоторые их названия вполне понятны современному читателю: Кэшмир (северо-индийская провинция), Кича (Кипчаки), Булгар (государство волжских болгар), Асу (ясы, осетины), Олусу (урусы, русские), а в китайской "Юань-ши" ("Истории монголов") упоминаются еще и не-ми-сы (немцы)...

С эпохи средневековья об этой химерической идее знала и Европа. Венгерский монах Юлиан, побывавший осенью 1237 года в южнорусских степях, первым донес до западных стран весть, что татары собираются, как он писал: “подчинить себе весь мир". Несколько позже Плано Карпини подтвердил: "***Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир***".

Л. Н. Гумилев, оказывается, все же осведомлен неплохо, если через несколько страниц, забыв, очевидно, о том, что утверждал ранее, пишет: "... в пролитой крови утонула идея всемирной (курсив мой. - В. Ч.) монгольской монархии". Значит, она, идея эта, все же существовала?

Для наших современников это совершенно ясно еще и потому, что найден подлинный манускрипт середины XIII века, редчайший и ценнейший политический документ, из первых рук свидетельствующий об идее всемирной монгольской империи. Это **письмо** самого Гуюк-хана, привезенное Плано Карпини осенью 1247 года папе римскому Иннокентию IV в ответ на его буллу.

История письма драматична и несколько таинственна. О нем узнали еще в XIII веке из многочисленных рукописных копий записок Плано Карпини, а позже - из печатных изданий и переводов его книги. Папский посол поведал, что перед отъездом на родину ему вручили это письмо, которое он перевел на латынь. Ханские писцы заставили переводить ее обратно отдельными фразами, "желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове, и приговаривая: "смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего...". Затем они вручили подлинник письма, дважды скрепив его ханской печатью. Он был написан "по-сарацински", "чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа".

И вот случилось так, что письмо потерялось, - ни латинского, ни "сарацинского" текстов! Либо "Господин Папа" и его преемники не пожелали, чтоб кто-то прочел наглое и унизительное ханское послание, либо необъятные ватиканские архивы были в таком состоянии, что найти ценнейший исторический документ не удавалось почти семь веков. Историки не только не знали содержания письма, но долго и безуспешно гадали, что вообще это значит - "по-сарацински"...

Представляю волнение и радость польского ученого монаха Кирилла Каралевского, который обнаружил в архивах Ватикана узкий и длинный, более метра, свиток, склеенный из двух кусков ветхой бумаги. Большие красные печати, персидские письмена...

Это случилось лишь в... 1920 году!

Виднейшие тюркологи, иранисты и монголоведы перевели текст ханского послания к главе

европейского христианского мира. За угрожающей вводной строкой, написанной по-тюркски: "***Силою вечного неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ***", - следовало предостерегающее, приказное, презрительное, хотя местами и не совсем внятное письмо, в котором явные и скрытые угрозы перемежаются-сменяются покровительственной иронией, оправданиями кровавых агрессий, убийствами послов (!), принципиальным провозглашением права грабить и уничтожать народы, наглейшими ультимативными требованиями и, наконец, - именем бога! - прямой угрозой войны.

Вот это интереснейшее письмо-приказ слово в слово: "***Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял.***

После того как держали совет в... области Karal (Керулен), вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: "Вы взяли всю область Majar (Венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?" И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингиз-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказу бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. (Так вот, оказывается, как монголы объясняли войны и жестокости убийствами их "послов"! - В. Ч.) ***В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)?***

Разве так ты говоришь: "Я христианин, я люблю бога, я презираю и..." Каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благости жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно "мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество". Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что вам следует знать. А если "вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно.

В последние дни джамада-оль-ахар года 644 (3-11 ноября 1246 г.)".

На печатях же переводчики прочли следующий текст: "Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть боятся".

Удивительное совпадение: Чингиз-хан, Угедей-хан, Бату-хан и Гуюк-хан - первые враги и губители монгольского народа - вместе со своими раздувшимися от человеческой крови военными советниками цинично оправдывали собственные преступления именем бога; спустя семь веков ворвалась на нашу землю бронированная западная орда, солдаты которой носили ременные пряжки с надписью "Gott mit Uns", то есть "Бог с нами"...

Заключительная тирада статьи Л. Н. Гумилева звучит так: "Найдены развалины Трои, раскопана Вавилонская башня, спасены сокровища Тутанхамона, прочтены иероглифы майя, раскрыта подделка летописи, совершенная Иваном Грозным, оспорен односторонний взгляд на монголов...

Хвала Клио!"

Удивительно не то, что Л. Н. Гумилев полагает, будто им руководительствует божество, - удивляет и, правду сказать, поражает скромность ученого.

Свято верю в науку, это единственное средство проникнуть в тайны природы, понять закономерности развития общества, познать человеку самого себя. Допускаю в числе научных методов познания сущего гипотезы, анализ более или менее достоверного и более или менее спорные выводы и предположительные обобщения. Однако нет, кажется, в сегодняшнем научном арсенале способов, которые помогли бы раскрыть причины заведомо ненаучного подбора фактов и тенденциозного истолкования исторических истин.

Не стоило бы, пожалуй, уделять построениям Л. Н. Гумилева такое внимание, если б он не был столь настойчив и последователен, а его возможные оппоненты столь молчаливы. И вот я, русский писатель, интересующийся родной историей и отнюдь не претендующий ни на какие открытия в ней, снова раскрываю его книгу: "Две кампании, выигранные монголами в 1237-1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал. Например, в Великой Руси пострадали города Рязань, Владимир и маленькие Суздаль, Торжок и Козельск".

Две короткие фразы, но сколько в них пренебрежения очевидными данными истории, сколько сознательно передернутых фактов, сколько оскорбительного для наших предков, а значит, и для нас! Неожиданные грабительские набеги орды уважительно именуются "кампаниями", которые так называемые монголы "выиграли". "Военный потенциал" и "города" - не одно и то же, так что пример в данном случае логически неоправдан, ненаучен, и "широкий круг читателей" в этом месте, надеюсь, еще раз недоуменно и широко разведет руками, расширив круг понимающих.

Называя далее "Великой Русью", должно быть, Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества XIII века, автор числит в них Козельск, принадлежавший Черниговской земле в качестве центра его дальнего удельного княжества, и Торжок, что, не будучи княжеским уделом, вел большую и самостоятельную торговлю, являясь фактически торговым филиалом и новгородцев, и владимирцев, и тверян, административно-пограничным пунктом и военной крепостью общерусского значения, состоявший в 1237 году под протекторатом Новгорода. Впрочем, это мелочь, и куда важнее здесь общий список городов и будто бы мимолетное словцо "пострадали"...

Что бы вы подумали, дорогой читатель, если б вдруг узнали, что в 2700 году, то есть также через семьсот с лишним лет после событий, некий ученый напечатает на нашей с вами родине книгу, в которой сделает следующее сенсационное открытие: за несколько кампаний, "выигранных" немецкими фашистами в 1941-1942 гг., пострадали города Минск, Сталинград и маленькие Торжок, Жиздра и Козельск? Такое сравнение при всей его полемичности хорошо иллюстрирует методику Л. Н. Гумилева. Ведь почти во всех русских городах орда полностью уничтожала жилища и население, включая, как сообщается в летописях, младенцев, "сосущих млеко", а если уж затевать разговор об истинных масштабах разорения Руси в 1239- 1240 годах, то как можно делать вид, что за эти годы не были превращены в руины Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский, Владимир-Волынский, Галич и превеликое множество других русских городов?! Доктор исторических наук П. П. Толочко пишет: "***О разгроме Южной Руси Л. Н. Гумилев просто умалчивает. Правда, был разорен Киев (отрицать этот факт исследователь на решился), но случилось это, "потому что киевляне убиляи монгольских парламентариев"... Старание Л. Н. Гумилева преуменьшить результаты монголо-татарского нашествия в XIII в. резко расходится с данными науки..."*** (Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. Киев, 1980, с. 209).

Что же касается территории еще не существовавшей тогда "Великой Руси", то я приведу здесь примерный список городов, разграбленных и сожженных ордой только за зиму 1237/38 года в Рязанском и Владимирском княжествах: Пропек, Бель, Ижеславец, Исады, Новый Ольгов, Борисов-Глебов, Старая Рязань, Рославль, Коломна, Москва, Стародуб-на-Клязьме, Владимир, Суздаль, Ростов, Боголюбов, Юрьев-Польской, Переяславль-Залесский, Городец, Константинов, Кострома, Дмитров, Мышкин, Кснятин, Кашин, Бежецк, Углич, Ярославль, Красный Холм, Волок

Ламский, Тверь - тридцать городов!

Вы заметили, конечно, дорогой читатель, что я не упоминаю в этом длинном списке, отдельно числя, героически сражавшиеся Торжок и Козельск, - они были взяты весной 1238 года и не входили в состав Рязанского или Владимирского княжеств. Не называю я также больших городов "Великой Руси" Мурома и Нижнего Новгорода, разоренных ордой в 1239 году, Вологды, тоже павшей, согласно Воскресенской летописи, зимой 1238 года, смоленских и черниговских Ржева и Дорогобужа, Ельни, Вязьмы и Обловя, Вщижа и Серенска. Учтем также, что не все тогдашние города успели попасть в летописи, судьба многих известных - неизвестна, и я вспоминаю заметки Александра Грибоедова, который живо интересовался историей и топонимикой средневековой Руси. Называются эти записи "Desiderata", то есть "Пожелания", и вот одно место из них: "***Между именами городов великого княжества Рязанского в исчислении русских городов (...) иные нам знакомы, другие вовсе исчезли. Наша историческая география много бы свету приобрела, кабы кто потрудился определить их местоположение.***

Например, где полагать должно Торческ, Тешилов, Крылатеск, Неринск (Норильск?), Кулатеск и тот Рославль или лучше Ярославль-Польский." (курсив А. С. Грибоедова.-В. Ч.).

Как мог ученый-источниковед пренебречь общеизвестным свидетельством летописца, который с пунктуальной точностью сообщает об успехах первой, так сказать, кампании орды на Владимирской земле: "В един февраль месяц взяша четырнадцать градов"? И пусть большинство из них были действительно маленькими, но почему из общего количества разрушенных русских городов называется ничтожная их доля? Неужто затем, чтобы искусственно, хотя и в неясных целях, приуменьшить тяжкую напасть, что обрушилась на Русь лютой зимой 1237/38 года?

Это по меньшей мере грешно: наши далекие предки, подарившие нам величайшее счастье - жизнь на земле, пустыми глазницами смотрят нам вослед, а их уцелевшие современники уже тогда точно и кратко назвали то, что произошло, погибелью Русской земли.

"Поищем причину "погибели"?" - попутно спрашивает Л. Н. Гумилев и тут же ответствует: "Только ослепление непомерным эгоизмом лишило князей Рюрикова дома воли к сопротивлению.

Только их полная неспособность объединиться..." Ах, как все, оказывается, просто!..

Исторически сложившаяся феодальная раздробленность, малочисленность дружин и ратей, большие труднопреодолимые расстояния для оповещения и сборов войск у русских, и в то же время прекрасно поставленная разведка, внезапность нападения, огромный боевой опыт и гибкая военная тактика степняков, наличие у них новейшего оружия - китайских баллист и чжурчжэньского огня, жестокость как средство деморализации противника, умение заинтересовать и обеспечить разбойничьей добычей, собрать и дисциплинировать беспрерывными казнями большое разноплеменное и разноязычное войско - вот некоторые подлинные и достаточно важные причины побед орды.

Назвав лишь пять "пострадавших" городов "Великой Руси", автор тут же делает очередное сногсшибательное открытие: "Прочие города сдались на капитуляцию и были пощажены". Ни больше ни меньше! Но разве ж не было сражения под Коломной, во время которого погиб воевода Еремей Глебович, а из осаждавших - сын самого Чингиза Кулькан? Разве не сражались с мужеством и яростью герои-москвичи? Они хорошо понимали, что обречены - "зане не успеша утвердити" крепостных стен. И вот внезапно напавшее многотысячное войско врага только пятидневным штурмом овладело будущей великой русской столицей, захватив в плен дорогую добычу - Владимира Юрьевича, сына великого князя, руководившего обороной.

Рязань, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Боголюбов да и все другие большие и маленькие русские города, о которых с таким пренебрежением пишет Л. Н. Гумилев, стояли в те трагические дни насмерть, бились до последнего человека, способного держать в руках топор или меч, варить и лить со стен смолу, ковать багры и иаконечники стрел, метать камни.

Несчетные тысячи дружинников, воевод, ополченцев, мирных жителей и не меньше пятнадцати русских князей погибли в зиму 1237/38 года; и нельзя выбросить из истории это общенародное и

повсеместное сопротивление врагу, нельзя допустить попыток опорочить наших предков!

Напомню: знаменитый русский историк XIX века А. И. Костомаров писал, что при нашествии орды на Русь "не сдался ни один город, ни один князь". Советский академик М. Н. Тихомиров: "Мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя".

36. Глава 36

Камушки, небрежно брошенные в прошлое, рождают лавину новых противоречивых и спорных положений. Намереваясь и в последующую историю средневековой Руси внести необходимую ясность, Л. Н. Гумилев утверждает, что после нашествия Батыя "Золотая Орда превратилась в восточноевропейское государство, где большинство населения было русским. Разумеется, порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века, был далек от идеала, но любое другое решение было бы худшим". И далее: "Осуществлялся симбиоз Великороссии с Золотой Ордой", "тесный союз Орды и Руси".

Прежде всего Золотая Орда не была восточноевропейским государством, и русские в ней не составляли большинства хотя бы потому, что их княжества не входили в состав Орды. Золотая Орда, которая, кстати, так стала называться значительно позже, включала земли волжских болгар, мордвы, буртасов и черемисов (мари), башкирские и половецкие степи из конца в конец.

Северный и Восточный Кавказ, Крым, северные районы Средней Азии, где в одном только бывшем Хорезмском султанате сам автор числит двадцать миллионов человек. В это непрочное феодальное образование были включены также Поднестровье, вся Западная Сибирь, и на карте Евразии оно выглядело гигантским ромбовидным многоугольником, по углам коего располагались дельта Дуная, бассейн сибирской реки Чулыма, понизовья Оби, Сырдарьи и Амударьи.

Что же представлял собою этот "симбиоз" и "тесный союз", не "с точки зрения Клио", а на самом деле, с точки зрения очевидцев и хроникеров, и насколько "порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века", был "далек от идеала"?

Замечательный русский писатель Серапион Владимирский, очевидец "нового порядка" на Руси XIII века, писал эпически просто и трагично: ***"...кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполъньшеся, бѣжаша мьножайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша гради мнози опустѣли суть, села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися, красота наша погыбе, богатьство наше онѣмь в користь бысть, трудъ нашь погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть, в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля нашея, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ господень!*** ".

А вот еще один документ. Через лупу рассматриваю узкую полоску бумаги, факсимильно воспроизведенную в прошлом веке с подлинника; ветхую, исписанную неведомым средневековым писцом старославянскими ломаными буквами. Этому, документу нет цены!

Найден он в Любече, на родине преподобного Антония, основавшего в XI веке Киево-Печерскую обитель.

Дважды бывал я в Любече. Подолгу любовался я днепровскими далями с холма, на котором когда-то красовался замок Владимира Мономаха и где в 1096 году состоялся знаменитый **Любечский съезд князей**. Любеч уцелел от нашествия орды, но ничего в нем с той поры не осталось, кроме памяти, закрепленной в списке, лежащем передо мной. Хранился документ в монастыре, после упразднения которого он в 1786 году был передан в любечскую церковь Воскресения Господня, где его и обнаружили в середине прошлого века.

Поминальный список черниговских князей - тоненький лучик в далекое прошлое. Ученые и любители старины не раз обращались к Любечскому синоднику, чтоб найти в нем ответы на давние загадки.

Выписываю для себя имена тех, кого много веков здесь поминали при церковных службах: "Князя

Дмитрия Черниговского, убиенного от татар за православную веру", "Князя Иоанна Путивльского, страстотерпца и чудотворца, убиенного от татар за Христианы", "Князя Димитрия Курского, княгиню его Феодору и сына их Василия, убиенного от татар", "Князя Александра Новосильского, убиенного от татар за православную веру, и князя Сергея Александровича, убиенного от татар". Летописцы не заметили ни одного из этих князей! Но вот и знакомое всем нам имя: "Князя Василия Козельского, убиенного от татар за православную веру". За ним - Михаил черниговский. Этот внук Святослава Всеволодича, героя "Слова о полку Игореве", открывает новую трагическую страницу нашего путешествия в XIII век. Венгерский монах Юлиан писал о жестокости восточных властителей: "***Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление***".

Плано Карпини: "***Они посылают также за государями земель, чтобы те явились к ним без промедления, а когда они придут, то не получают никакого должного почета, а считаются, наряду с другими, презренными личностями. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же позволяют вернуться, чтобы привлечь других, некоторых они губят также напитком или ядом***".

Михаил черниговский, казненный в Орде по приказу Батыя в 1246 году, - его, 67-летнего старика, долго били пяткой против сердца, - был не первой жертвой нового "порядка", установленного на Руси после нашествия, и далеко не последней.

Почти одновременно с ним, как известно, погиб отец Александра Невского великий князь Ярослав Всеволодович, отравленный Тур-акиней[114], матерью Гуюка. В разное время погибли в Орде рязанские князья Роман Ольгович, Иван Ярославич, Василий Константинович и еще один Василий, чье отчество неизвестно, тверские Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович Грозные Очи, Александр Михайлович и Федор Александрович, а также Андрей Мстиславич черниговский, Ярослав Ярославич суздальский и другие, и все эти жертвы приходятся на первые сто лет владычества Орды над Русью – таким то был на деле "симбиоз" между ними!

Этот погостный список можно бы дополнить длинным перечнем князей и княжичей, которых Орда держала в качестве заложников, открыв его Олегом Игоревичем Красным. Он был раненым уведен в Орду, где провел целых четырнадцать лет, и возвратился в Рязань, по сообщению Лаврентьевской летописи, только в 1252 году. Княжичей-аманатов в Орде удерживали годами, чтобы обеспечить повиновение их отцов-князей. В разные годы там жили под постоянной угрозой смерти сыновья великого князя Дмитрия Константиновича суздальского Василий **Кирдяпа** и **Семен**, сын великого князя Михаила Александровича тверского Александр, сын Бориса Константиновича нижегородского Иван, сын Олега Дмитриевича рязанского Родослав и другие.

А сколько князей вынуждено было приезжать в Орду на поклон, подвергаясь унизительным процедурам шаманского "бешення и кудейства"! "О, злее зла честь татарская!" - горестно воскликнул летописец после явки к хану самого Даниила Галицкого. Александр Невский, кстати, был первым русским князем, который в 1242 году побывал в Орде. Потом ездил туда еще трижды. Из последней поездки он не вернулся, умерев по дороге домой от неведомого недуга в возрасте сорока трех лет.

У нас нет доказательств, что он, как и его отец, был отравлен, но это отнюдь не исключено...

Навсегда останутся неизвестными погостные списки простых людей - русских, болгар, половцев, мари, мордвы, буртасов, адыге, черкесов, осетин, азербайджанцев, погибших по дороге в рабство

---

[114] После Темучина в столичном городе Каракоруме в течение нескольких лет властвовала также христианка по имени Туракина (1242-1245), вдова Угедея, сына Темучина. Туракина (тур. Tyrekene) не стал сильным правителем. Она, все-таки была первым христианским правителем Китая, и единственной такой до конца имперского Китая. К тому же она была женщиной, что плохо сочетается с общими представлениями о монголах. См. также Л.Н. Гумилев. Эхо Куликовской битвы

от голода и холода, болезней и при попытках к бегству.

Плано Карпини свидетельствовал, что в стране русских, "а также в Комании (то есть в половецких степях) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу".

Л. Н. Гумилев пишет, будто "русские мастера ездили в Кара-Корум на заработки", только этого не подтверждают ни документы, ни очевидцы, ни умозаключения по каким-либо аналогам. На заработки в Кара-Корум! Русский человек не очень-то охотно едет и за семь верст, как говорится, киселя хлебать, а до Кара-Корума было семь тысяч верст тяжелой и опасной дороги. Да и было ли кому ездить-то на заработки?

Плано Карпини писал, что в Орду из Руси насильно уводили каменщиков, плотников, вообще всех ремесленников и всех холостых мужчин и женщин. Кроме того, забирали каждого из трех сыновей

из больших семейств, а также нищих, чтоб, наверное, уничтожать их как непроизводящую часть населения. Оставшиеся облагались данью. "Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, - свидетельствует Гильом де Роброк через десять лет после Плано Карпини, - татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных".

По различным малотиражным специальным изданиям рассыпаны старые и новые документальные и археологические сведения о положении городских рабов, которые строили завоевателям города, храмы, дворцы, ковали оружие, обрабатывали драгоценности. Квалифицированные ремесленники вроде ювелира Кузьмы, сделавшего Гуюку золотой трон и квадратную печать, оттиски которой можно увидеть на письме хана римскому папе, жили семьями, а молодые рабы строили себе большие землянки, где они содержались под стражей. Рацион: хлеб на вес, "но очень немного" и "ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю". Одежда: "ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое", "иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках". Режим: "бьют как ослов". И это - симбиоз?!

Далекое - горькое и страшное! - время.

Никто и никогда не подсчитает, сколько людей было продано тогда в дальние страны. Из западноевропейского средневекового источника: "никакая другая торговля на Черном море в XIV-XV вв. не могла сравниться по важности с поставкой рабов в Египет". В работорговле Золотой Орды с Египтом, Сирией, Италией и Францией основным товаром были женщины.

Итальянцы, например, закупали их в XIII веке на черноморских рынках в два раза больше, чем мужчин, а позже на одного раба брали четыре рабыни, причем неизменно по более высокой цене. В одном западноевропейском документе той поры названа самая большая цена, которая была заплачена за семнадцатилетнюю русскую девушку, - 2093 лиры, а самый ходовой разноплеменный живой товар сбывался по цене 136-139 лир "за штуку". Тамошние законодатели, кстати, в том же XIII веке разработали для рабов юридические нормы. В Руссильоне дети "белых татарок" Марф, Марий, Катерин и других, чьи имена не сохранились в документах, считались рабами, если даже они рождались от брака со свободным человеком, в Венеции провинившийся раб мог подвергнуться любой казни и пытке... (Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978).

Много воды утекло, много страшного и горького приключилось за семь веков на родной земле, но почему-то не забывается и то, что пережили наши пращуры в десятом - пятнадцатом поколениях!

Не работается, нестерпимо хочется курить, и я выхожу на **Ордынский тупик**, в котором стоит наш дом. К нему примыкает небольшой сквер, где красуется оригинальнейший памятник архитектуры, охраняемый государством. Стройная трехъярусная колокольня совершенных пропорций и форм - Василий Баженов! С ней соединена трапезная классического стиля, расширенная двумя приделами. Небольшие изящные портики с колоннами ионического ордера глядят на обе стороны. И уж совсем полное отступление от канонов старого московского зодчества - так сказать, фасад, выходящий на Большую Ордынку. Это **круглый храм** без традиционных трех апсид.

Сколько ни смотрю на памятник, восстановленный после пожара 1812 года другим великим русским зодчим Осипом Бове, меня не покидает ощущение, что кроме смелых и нестандартных классических форм, пришедших с запада, есть в его облике и нечто восточное. Богатые и пестрые орнаментальные опояски, огромный сферический купол над закруглением алтарной части.

Храм, должно быть, не случайно стоит именно здесь, на углу Ордынки и Ордынского тупика, и не случайно называется Всех Скорбящих Радости...

Смотрю налево, пропуская машины, идущие с Красной площади. Как хорошо поставлен на ней **Покровский собор** - архитектурное чудо XVI-XVII-XVIII-XIX-XX и так далее веков. Когда идешь с той стороны, от Исторического музея, он вырастает перед тобой, величественно подымается в небо и будто парит над пустотой Замоскворечья, как что-то неземное, сказочное, и только нелепый кирпич гостиницы, появившейся недавно, потеснил его слева своим серым углом.

Отсюда, с Большой Ордынки, гостиницы, к счастью, не видать. Иду к обводному каналу, "Канаве". От храма почти незаметно улица входит в изгиб. Левый ряд старинных домов ползет по неподвижным фасадам правого, и вот в небесном клинышке появляется шатровый придел Василия Блаженного, а за ним - купол за куполом является каменная фантазия, целиком заполняя просвет Ордынки и... заслоненная какими-то каменными сараями сравнительно недавней кладки! По Черниговскому переулку, в котором стоит только что отреставрированный храм во имя Михаила черниговского и его боярина Федора, убиенных в Орде, перехожу на Пятницкую. Улица изгибается уже за Канавой, и опять весь просвет ее заполняет сказочный храм Бармы Постника, олицетворяющий великий народный праздник давней победы. Памятник тоже частично заслонен рядовой постройкой прошлого века, сводящей на нет великолепное пространственное решение гениального зодчего...

В табачном киоске беру папиросы и спички, разменивая **рубль**, и вдруг вздрагиваю, вспомнив, что наша основная сегодняшняя денежная единица пошла от самых горьких, и страшных времен в истории нашего народа.

В сущности, каждый предмет, на какой ни бросишь взгляд, имеет свою сложную и долгую биографию - будь то книга или часы, паспорт или компас, лампочка или монета; мир вещей нерасторжимыми узами связан с историей природы и людей...

Вспоминаю, что в XIV веке великий московский князь платил Золотой Орде ежегодную "тягость" в 5000 рублей, новгородский - 1500; много это или мало?

Рубль. Кто не знает, что слово это образовано от глагола "рубить" и что-то когда-то и зачем-то разрубали, чтоб получить денежную единицу. Что, когда и зачем, вернее, почему?

Основной денежной единицей в домонгольской Руси была **гривна**, различная по весу и форме в разных княжествах, но я беру ее как среднюю денежную единицу, о коей есть подробные сведения в трудах историков. Это не монета, а золотой или серебряный брусок, и не маленький, не легонький - весил он чуть ли не полфунта, точнее 195 граммов. Впрочем, есть подсчеты, согласно которым усредненный вес гривны примерно 70 граммов. Реальную ценность серебряной гривны можно представить по ее покупной способности: за гривну можно было купить двести беличьих шкурок, за пять гривен - раба. Серебро было в средневековой Руси привычным обиходным металлом, и цвет его издавна вошел в народную и литературную поэтическую речь.

Кроме "сребряна стружия", то есть древка копья, в "Слове о полку Игореве" упоминаются серебряная седина Святослава Всеволодовича, серебряные струи Суды и серебряные берега Донца. А выкуп за попавшего в половецкий плен князя Игоря был назначен в 2000 серебряных гривен, за других князей - по 1000, за воевод - по 100-200 гривен. Если учесть, что в походе 1185 года участвовало кроме Игоря еще четыре князя да несколько воевод, то простым сложением-умножением мы получим сумму, говорящую об огромных платежных возможностях Ольговичей.

В летописях то и дело встречаются сведения о золотых и серебряных княжеских подарках, выкупах и вкладах, и я приведу некоторые из них. Владимир Святой приказал выковать

серебряные ложки для всей дружины, а в 996 году раздал нищим и убогим 300 гривен, очевидно, тоже серебра. В 1097 году Давид Игоревич дал польскому королю Владиславу 50 гривен золота. Владимир Мономах, крупнейший землевладелец средневековой Руси, подарил отцу 300 гривен, тоже, очевидно, золота... Изделия из драгоценных металлов и гривны были обычными и в торговле. В Смоленском, например, договоре 1219 года записано: "Аже латинский купитъ суды серебряные, дати ему весцю от гривны серебра по **ногате** смоленской".

Эти сведения привел я для того, чтобы читатель мог судить о княжеских богатствах домонгольской Руси, о почти невероятном количестве драгоценных металлов, находящихся и в обороте и выключенных из него в виде церковной, монастырской и дворцовой утвари, украшений, посуды, оружейной оснастки, боярских, купеческих и иных накоплений.

Откуда? Марко Поло писал, что у русских "много серебряных руд, добывают они и много серебра". Это неверно - на Руси тогда не было серебряных рудников, как и золотых россыпей. Не выпадали на нее серебряные дожди, да и куры не приносили золотых яиц. Мне, к сожалению, не удалось найти ни одного специального научного исследования об источниках драгоценных металлов на Руси, но можно предположить, что торговые пошлины, налагаемые на иноземных купцов, торговля оружием, и мехами - этим легким, транспортабельным и дорогим товаром - создала основной золотой и серебряный запас средневековой Руси. Ведь она велась еще в те незапамятные времена, когда княжеская дань собиралась в виде беличьих, лисьих, горностаевых, куньих, соболиных, бобровых шкурок, пользующихся большим спросом в Византии, странах Средиземноморья и Западной Европы. В наиболее отдаленной европейской стране Англии, например, соболиные меха, как исконно русский пушной товар, были известны еще до норманнского завоевания. В англо-норманнских средневековых памятниках начиная с XII века во множестве вариантов встречается слово, обозначающее этот товар, с неизменной славянской основой: sibiline, sebeline, sambeline, sanbeline... Существовали также такие термины, как "clesmes", "klesem" - клязьминские меха, "Smolynq", "smoleynwerK" и "smolenskischeswerk" - смоленские. "Слово "sable" вошло в геральдику с обозначением черного цвета; синонимом прилагательного "черный" является оно и в английском поэтическом языке" (Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979, с. 48).

Меха в огромных количествах добывались по всей лесной Руси, много пушного товара и, кстати, урало-сибирского серебра давала меновая торговля с лесным Востоком. Драгоценную добычу приносили войны, откупи от войн, выкупы и, очевидно, продажа пленных, грабительские набеги на ближних и дальних слабых соседей, что в те времена повсюду считалось самым дешевым и "благородным" способом обретения благ. В 1193-м новгородцы осадили один югорский город и "высылаху къ нимъ лестьбою, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите смердъ своихъ, а своя дани". Урало-сибирское серебро, видать, и в дальнейшем шло на Русь. Именно из-за него в 1332 году Иван Калита начал войну с Новгородом. "***Великий князь Иван приде из Орды, а възверже гневъ на Новгород, прося у них серебра закамьского***".

Наконец, какую-то часть княжеских сокровищ, бережно передаваемых из поколения в поколение, образовывали свадебные и дипломатические подарки. Еще Ольга получила от византийского императора золотой подарок в 30 милиарезий[115], и не без драгоценного приданого брал, наверное, Владимир Святой княжну болгарскую и царевну византийскую, Ярослав Мудрый - принцессу шведскую, Владимир Мономах - английскую королевну, Юрий Долгорукий - дочь половецкого хана...

И все же исходным, главным источником, так сказать, валютной мощи средневековой Руси была

---

[115] **Милиарисий** (позднелат. miliarisium, от лат. miliarensis — тысячный) — римская серебряная монета. Введена Константином I в 310—320 годах. Милиарисии разделяют на «тяжёлые» — достоинством в 2 силиквы (5.54 г) и «лёгкие» — достоинством в 1.75 силиквы (4.54 г). Милиарисии крупнее и разнообразнее силикв, гораздо более редкие и лучше проработанные, но в остальном схожи с последними (внешне и эволюционным путём).

ее природа и труд смерда. Князья, челядь, духовенство, боярство, купечество и воинство ничего материального не производили, их кормили, одевали и снаряжали "черные люди" - земледельцы, охотники, рыбаки, ремесленники, чей кабальный труд через даннические, торговые и военные опосредствованія концентрировался в серебряных и золотых гривнах.

Нашествие 1237-1240 годов, кроме прочих неисчислимых бед, сопровождалось захватом и вывозом из Руси основных запасов благородных металлов. Их везли в слитках, гривнах, ювелирных изделиях, Вышаривали каждый храм и терем, грузили на верблюжьи горбы серебряные блюда, кубки, кольца, подвески, оклады икон и книг. Драгоценности не испаряются, не усыхают, и я думаю иногда - где сейчас, в каких континентальных подземельях, на каких островах сокровищ хранятся свезенные когда-то в центр Азии пуды индийских, бирманских и персидских алмазов, тонны хорезмского, багдадского и сирийского золота, русского, польского и венгерского серебра?

После нашествий победители обложили огромной податью русских князей, а на пахарей назначили годовую дань "по полугривне с сохи". И как ни велики были вековые накопления, они в течение второй половины XIII века истощились, что попутно с подрывом всей экономики страны привело, как бы сейчас сказали, к девальвации - гривну начали рубить пополам, каждый серебряный "рубль" весил уже вдвое меньше, а данники оказались не в силах платить больше, чем "по рублю с двух сох".

И если бы дань взималась единовременно и только, как говорится, чистой монетой! Доктор исторических наук В. В. Каргалев учел все "тяготы", что брала паразитическая верхушка Золотой Орды во второй половине XIII века. Кроме "поплужного", были еще "ям", "тамга" и "мыт", разного рода "дары", "почестья" и "пошлины", "поминки", "выходное" и "памятное", "поклонное", "кормное", "становое", "выездное", "мимоезжее", "ловитва" и просто ничем не мотивированное вымогательство ценностей. Отдельно собирались пошлины для хана, ханши, родственников хана и ханши, послов, баскаков и назначались внеочередные поборы - так называемые "запросы" на войну или на содержание чиновников. Эти "запросы" были нежданными и часто нежданно большими. Есть исторически достоверное сведение, что волжские болгары, чтобы выплатить один из таких "запросов", продавали своих детей...

Нет, не было во второй половине XIII века никакого единого "восточноевропейского государства", не было "симбиоза" и "тесного союза" Золотой Орды и Руси! Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая полуколония с жестоким режимом грабежа и геноцида, управляемая через посредство русских феодалов, а также в какой-то мере через духовных лиц, кстати с самого начала освобожденных от каких бы то ни было податей.

Чиновники Орды разработали гибкую и коварную систему двойной эксплуатации тружеников Руси. Князей убивали, держали в страхе за детей-заложников, умело натравливали друг на друга, не давали ни одному из них усилиться и в обмен на беспрекословное послушание и щедрую дань вручали им власть; эта треклятая политическая и экономическая система существовала за счет непомерной эксплуатации народа-великомученика.

И еще несколько слов, дорогой читатель, об одной чрезвычайной особенности русской жизни второй половины XIII века. У большинства из нас со школьной скамьи сложилось представление, будто нашествие Батыя враз разрушило средневековую, русскую цивилизацию, подорвало ее экономику и культуру, а после него начался медленный, но неуклонный процесс возрождения производительных сил и национального самосознания. Это было не так, и Л. Н. Гумилев, выдвинув тезис о "тесном союзе" Руси и Золотой Орды во второй половине XIII века, волей-неволей, но все же скорее волей, чем неволей, навязывает массовому читателю ложные представления о самом, быть может, тяжком полустолетии в истории русского народа.

Посмотрим, какой она была, вторая половина XIII века, для северо-восточной Руси, например, ставшей жертвой первого похода орды. Разрушенные города, сожженные села, уполовиненное население; подростки, бабы и старики строят жилища, пашут и жнут, вытягивая из себя все жилы, чтобы выжить и наработать на дань князю и Орде. Правда, вернулись из лесов беженцы,

переселились из опасных степных мест уцелевшие семьи. Великий князь владимирский **Андрей Ярославич**, человек гордый и отважный, заявив, что "лутчи ми есть бежати в чюжюю землю, неж дружитися и служити Татаромъ", пытается заключить антиордынский союз с Даниилом Галицким. И вот началось!

- 1252 год. Большой отряд ордынской конницы под командой Неврюя разбивает княжескую дружину, разрушает Переяславль-Залесский и Суздаль, грабит и сжигает села, уводит скот и большой полон. "Татарове же рассунушася по земли... и люди бещисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша".

Из Бату-Сарая зорко следили за усилением того или иного княжества, за народными волнениями, немедленно предупреждая и пресекая попытки ослабить иго.

- 1254 год. Сражение Даниила Галицкого с ратью Куремсы.
- 1258 год. На границах Галицкого княжества появляется огромное войско во главе с самим Бурундаем, который вынуждает Даниила разрушить крепости и делает его постоянным данником Орды. Потом война с иранскими хулагидами несколько отвлекла Золотую Орду, но большие походы в Галицкое княжество и на Литву сопровождались попутным грабежом уже не единожды разоренных районов Руси. Были, очевидно, и нападения отдельных мелких отрядов, не зафиксированные летописцами.
- 1273 год. Войска Золотой Орды дважды нападают на новгородские земли. Разорение Вологды, Бежицы и их окрестностей.
- 1275 год. Разгром юго-восточной окраины Руси, района Курска. "Татарове велико зло и велику пакость и досаду створнша христианомъ, по волостемъ, по селамъ дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустить".

Поразительное историческое "откровение" высказывает Л. Н. Гумилев насчет этих лет: "Смоленск присоединился к Золотой Орде в 1274 году добровольно. В эти годы Орда, раздираемая мятежом Ногая, не вела завоеваний". Но ведь именно в эти годы степные грабители дважды прошли насквозь северо-восточную Русь - до Вологды, а разорение курских земель произошло по возвращении огромного золотоордынского войска из нашествия на Литву через Смоленское княжество, в котором новейшие археологические раскопки обнаружили страшное запустение сел и уменьшение населения.

- 1278 год. "Того же лета приходша Татарове на Рязань, и много зла сътвориша, и отъидоша въ свояси".
- 1281 год. Календарная середина "симбиоза", "тесного союза", конец коего наш историк определяет 1312 годом, - об этой дате мы еще вспомним... Жуткая середина! "Татарове рассыпашася по всей земле... и опустошиша вся". Многочисленная золотоордынская рать под командой Ковгадыя и Алчидая разрушила Муром и Переяславль, разграбила окрестности Суздаля, Ростова, Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка, часть Новгородских сел.
- 1282 год. Новый опустошительный набег на владимирские и переяславские земли. "Пришедше, много зла створиша в Суздальской земли, якоже и преже сотвориша въ мимошедшее лето".
- 1283 год. Разорены и разграблены ордынским войском Воргольское, Рыльское и Липецкое княжества, города Курск и Воргол.
- 1284 год. Новая междоусобная война, быть может инспирированная Ордой и проведенная при непосредственном участии ее войск. Великий князь Дмитрии Александрович пришел "ратию к Новугороду, и съ Татары и съ всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, и волости пожгоша".
- 1285 год. "Князь Елторай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву, и много зла сътвориша".

- 1293 год. Самый страшный год второй половины XIII века. За краткой летописной строкой "в лето 6801 Дюдень приходилъ на Русь и плени градов 14 и пожьже" кроется, по сути, новое нашествие, что не уступало, пожалуй, раззору при нашествии Бату-Субудая, потому что Дюдень никуда не спешил, и летописец смело делает это сравнение, ибо враги "села и волости и монастыри" и "всю землю пусту сотвориша", людей не только из городов и сел, но даже "из лесов изведоша" в полон. Были разорены Муром, Москва, Коломна, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Поле.
- 1293 год. "Того же лета царевичь Татарский Тахтамиръ приеде изъ Орды на Тферь, и многу тягость учини людемъ". По пути сквозь владимирские земли этот отряд "овехъ посече, а овехъ в полон поведе".
- 1293 год. Местный князь приглашал ордынскую рать под Ярославль для подавления народного восстания. Три набега за один год! В ближайших к Орде районах Руси грабить стало нечего - от Мурома до Твери золотоордынское воинство "положиша всю землю пусту".
- 1297 год. "В лето 6805 бысть рать Татарская, прииде Олекса Неврюи".

Такой-то вот "порядок" был установлен на Руси во второй половине XIII века! Пять нападений золотоордынцев - 1252, 1258, 1281, 1282, 1293 годов - носили характер настоящих нашествий. В. В. Каргалов: "Владимирские и Суздальские земли опустошались за это время пять раз... Четыре раза громили татары "новгородские волости", семь раз - княжества на южной окраине (Курск, Рязань, Муром), два раза - Тверские земли... Переяславль-Залесский татары разрушали четыре раза (в 1252, 1281, 1282, 1293 годах), Муром-три раза, Суздаль-три раза, Рязаньтри раза, Владимир - по меньшей мере два раза (да еще трижды татары опустошали его окрестности) "...

Замечу, что труд В. В. Каргалова (Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967) вышел из печати за десять лет до публикации Л. Н. Гумилева, в которой утверждается, что установленная во второй половине XIII века "система взаимоотношений" между Русью и Ордой "может рассматриваться как симбиоз, союз"... Нельзя, кстати, отказать Л. Н. Гумилеву в последовательности - рассматривая в книге "Поиски вымышленного царства" период, предшествовавший нашествию степняков на Русь в XIII веке, он в контрастном противоречии с данными истории утверждает, будто никогда не существовало и... половецкой опасности! Академик Б. А. Рыбаков писал в связи с этим: "Полное отрицание половецкой опасности в XII в. и старание преуменьшить результаты татаро-монгольского вторжения в XIII в. резко расходятся с данными науки и могут быть объяснены не привлечением новых источников, не эрудицией востоковеда, а предвзятой мыслью автора, его излюбленной дедукцией" (Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана.-"Вопросы истории", 1971, No 3, с. 154).

Указывая, что Л. Н. Гумилев "защищает право на бездоказательность", Б. А. Рыбаков подробно разбирает главу его книги, где утверждается, что "Слово о полку Игореве" написано в... середине XIII века! Крупный ученый, знаток русского средневековья, так сказать, "от земли", то есть археологии, виднейший источниковед научно устанавливает, что в книге А. Н. Гумилева огромное количество фактических неточностей, небрежностей и нелепостей, нагромождений искусственных построений и есть даже "подтасовка исторических источников". Изложение событий на Руси автором книги "Поиски вымышленного царства", считает Б. А. Рыбаков, - это "сумбурный экскурс в чуждый для него древнерусский мир", "попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактической основы "озарений" Л. Н. Гумилева". ,

Да, сила во второй половине XIII века была на стороне Орды; на смену одному убитому врагу являлась сотня, а разгром сотни вызывал новое грабительское и карательное нашествие. Все мыслимое и немыслимое вытерпел тогда от поработителей наш народ, только было бы ошибкой представлять его и в тот период пассивным страстотерпцем, покорным и послушным данником.

То там, то тут вспыхивали вооруженные выступления, начатые еще в 1252 году гордым **Андреем Ярославичем** владимирским. Когда первое карательное войско **Неврюя** подошло к Переяславлю-Залесскому, то, "собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика". Андрей Ярославич был разбит, но этой

битвой открылась эпоха сопротивления, бунтов, восстаний, чаще стихийных, чем организованных, ведущих иногда к победам, по, как правило, к поражениям. Однако именно эта эпоха не допустила превращения Руси в один из улусов Орды и предопределила будущее. Перелистываю летописи...

- 1257 год. "Приехали численники, изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую". Но восстали новгородцы, где "чернь" отказалась дать врагам "тамгу" и десятину от Новгорода, и "послы", ордынские получили от ворот поворот.
- 1259 год. Снова прибыли, "послы" из Орды - "Беркан и Касачик и иныа многиа", и опять "был мятеж великий в Новгороде, чернь не хотела дать число". Последовал сговор бояр с пришлецами, и "перемогли бояре чернь и явились под число, делали себе бояре легко, а меньшим людям зло".
- 1262 год. "Люди ростовские, не вытерпев насилий поганых, собрали вече и выгнали их из городов из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бусурмены дани и оттого великую пагубу творили людям".
- Конец 60-х и 70-е годы. Стояла относительная "тишина" с обеих сторон, только иногда ордынцы нападали на окраинные районы Руси (Вологда, Курск, Рязань, Смоленск - попутный большому золотоордынскому походу на Литву).
- 1281 год. "Князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переяславль, и начал рать собирать, и град крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие". Орда послала на него "рать многую, Тураитемира и Алтына и многих татар". Князь временно отказался от борьбы.
- 1283 год. Князья Олег Рыльский и Святослав Липецкий громят "слободы" ордынского-баскака Ахмата. Тот бежал, но вскоре вернулся с большим войском карателей, опустошившим все русское пограничье.
- 1285 год. Пришел на Владимирскую землю "царевич из Орды", пустил свое войско в вольный грабеж, но "князь великий **Дмитрии Александрович**, собрав рать многую, пошел на них, и побежал царевич в Орду".

Но сила ордынская пока все же ломила... А начало XIV, переломного века полнилось исторической символикой грядущих времен.

- 1301 год. В Рязань пришел большой ордынский отряд, чтобы выступить против княжества Московского. "Осенью князь Данило Московский ходил на Рязань ратью, и бился у города Переяславля (Рязанского), и одолел князь Данило и много татар избил".
- 1310 год. Пришла рать татарская под Брянск. Князь **Святослав Брянский** "ратью великой, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачи стрелы татарские воздух, и были, как дождь, и была сеча злая", но враги задавили числом, и князь Святослав пал "последним в полку"...

Нет, никаким "союзом" или тем более "симбиозом" с захватчиками не пахло на Руси во второй половине XIII - начале XIV века! И только антинаучный словесный курбет, внеисторичное раздувание частного в ущерб общему позволяют кой-кому говорить о некоем "союзе" и "симбиозе" Руси с Золотой Ордой в этот период, который мы вынуждены были рассмотреть в некоторых документальных исторических подробностях.

Исторический процесс, как и всегда, в те годы был диалектичным, многооттеночным, и в недрах русской жизни зарождался новый определяющий вектор. Отдельные районы Руси, расширяясь, оживали; народ, примеряясь к обстоятельствам тех лет, когда ордынские набеги ослабевали, снова брался за плуг, вставал к кузнечным горнам и мехам; стучали топоры на Руси...

Доктор исторических наук В. В. Каргалов: "С начала XIV века начался быстрый подъем сельскохозяйственного производства, расширялись земельные площади, занятые под пашни. В документах того времени постоянно упоминаются "чистки" и "росчисти", отвоеванные у леса и

кустарника. Вокруг деревень появлялись новые поселения - "починки", "слободы". Малоурожайная "подсека" вытеснялась трехпольем. Совершенствовались орудия труда. Массовым стало применение двузубой сохи - "косули" с железными сошниками, плуга с железным лемехом. Начали восстанавливаться и русские города, особенно сильно пострадавшие от нашествия завоевателей. Росло торгово-ремесленное население вокруг деревянных "градов", появлялись и расширялись новые "посады". Русь постепенно набирала силы..."

Исторически символичным было и одно важное тверское событие начала века:

- 1317 год. Кавдыгай во главе большого ордынского войска напал на Тверское княжество. И вот **князь Михаил**, "собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба, и была сеча великая". Тверяки "многих татар поймали и привели в Тверь", а Кавдыгай "повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал в станы"...

Но что же это за переломный 1312 год, якобы ознаменованный разрывом "союза" Руси с Ордой? Что примечательного произошло в том году на Руси? Да ничего такого, что выделило бы его из череды тяжких предыдущих и последующих лет. Вымирали в те лета города, исчезали села, нивы зарастали бурьяном и кустарником, забывались ремесла. Не прекращались набеги золотоордынских конных банд на уцелевшие города и села, междоусобные войны, разбой ушкуйников. Часть населения северо-восточной Руси уходила на Вятку, Устюг, Тотьму, а те, кто оставался верным земле своих предков, нечеловеческими трудами и терпением закладывали будущее, копили ярость, которой со временем ничто на свете уж не могло противостоять.

Посмотрим, однако, как наш автор интерпретирует события XIV века на Востоке, в мире, менее для него, востоковеда, чуждом. Что приключилось в Орде в 1312 году, превратившем, как черным по белому пишет Л. Н. Гумилев, "симбиоз в действительное иго"? Оказывается, в том году ханом **Узбеком** был принят ислам, что летопись отметила единственной спокойной фразой: "***Озьбяк вступил на царство и обосурманился***".

Хан Узбек рьяно взялся за укрепление своей личной власти в Орде, вступил в борьбу с чингизидами, обезглавив семьдесят дальних и ближних родственников, занялся другой массовой, хотя и куда более безобидной операцией, обязательной для каждого мусульманина. А Русь во время его долгого царствования истекала кровью в жестоких усобицах, в борьбе князей за власть и первенство. То Москва брала верх, то Тверь, причем сильный и деятельный Михаил Ярославич тверской много лет удерживал великокняжеский ярлык, а хан Узбек, выдавший свою сестру Кончаку за московского князя Юрия Даниловича и казнивший нескольких тверских князей, кажется, так и не разгадал многоплановой и хитроумной политической игры Ивана Калиты, не успел заметить подспудного и подъяремного усиления Москвы, которой уже с тех самых смутных времен были уготованы особые исторические судьбы.

И никаких тебе признаков прежнего систематического, повально-грабительского "действительного ига"! Единственный за всю первую половину XIV века большой и, так сказать, специализированный поход золотоордынскнх войск, при участии, кстати, войска **Ивана Калиты**, состоялся лишь на Смоленск в 1340 году, когда хан Узбек был уже при смерти. Характерен мотив этого похода - совсем в духе грядущих времен: смоленский князь отказался платить Орде дань.

Не наблюдалось и особого обострения религиозных отношений между христианами и "бусурманами". Хан Узбек, как сообщается в одной исторической справке, "не только не преследовал православное духовенство, но сохранил за ним все льготы, данные первыми ханами", а какая-то часть степных вельмож, воинов и населения Золотой Орды, не желая расставаться с прежними верованиями, бежала от насильственной исламизации на Русь, где многие язычники и **христиане-несториане** принимали более знакомое им православие.

Другими словами, никакого разрыва "тесного союза" Руси и Золотой Орды в 1312 году не последовало, хотя бы потому, что его никогда не существовало! Между прочим, Л. Н. Гумилев, лишний раз демонстрируя искусственность и бездоказательность своих "исторических" построений, в другой работе противоречит сам себе, как это у него нередко случается, отодвигая дату разрыва этого "союза" ровно на полвека. Цитирую: "***1362. Переворот Мамая и разрыв***

традиционного союза Руси и Золотой Орды" (Поиски вымышленного царства, с. 380). Так на какой все же дате останавливается ученый, где "необходимая ясность"?

После смерти хана Узбека и его сына-преемника **Джанибека**, удавленного родным сыном **Бердибеком**, проханствовавшим всего два года, началась в Золотой Орде невероятная, по выражению летописца, "замятня" - за двадцать лет в ней сменился двадцать один хан. На этой кровавой волне всплыл интриган, авантюрист и пройдоха темник **Мамай**...

Золотая Орда слабела и распадалась, как распадалась вся некогда великая монгольская империя - освободился Иран, за ним Китай. Наступало время Руси.

Внук Ивана Калиты великий князь московский **Дмитрий Иванович** блистательно продолжил многотрудное дело деда. У него были сложнейшие отношения с Ордой и Литвой, с князьями тверскими и рязанскими, у него были мудрые советники, в том числе и Сергий Радонежский, у него был Кремль, обнесенный каменной стеной, обширные и постоянно расширяющиеся земли, населенные народом, постепенно осознававшим свое единение и силу. И еще одно было, наверно, самое важное. Вспоминая возвращение Ивана Калиты в 1328 году из Орды, летописец времен Дмитрия констатирует: "***бысть оттоле тишине велика по всей Русской земле на сорок лет и пересташа татарове воевати землю Русскую***" - имелись в виду Московское и Владимирское княжества, ядро будущей Великороссии. До первого нападения Ольгерда на северо-восточную Русь в 1368 году здесь укрепилась-устоялась хозяйственная и политическая жизнь, развились производительные силы и, как писал В. О. Ключевский, "***успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле***". У Дмитрия был, наконец, боевой опыт, накапливаемый с одиннадцатилетнего возраста, полководческий талант, осознание историчности момента и объективное совпадение интересов с интересами своего народа. "С народом все можно, без народа ничего нельзя!" - восклицал декабрист Николай Крюков, обладавший, как многие его товарищи, историческим мышлением...

Движение истории уже ничто не могло остановить.

37. Глава 37

В последний раз вернемся к неодетерминистской гипотезе, потому что есть попытка климатическими причинами объяснить крупнейшие международные события XIV века, когда изменились "пути атлантических циклонов, от которых прямо и непосредственно зависит жизнь Великой Степи"...

Выделяю курсивом два слова и цитирую далее: ***"В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на Верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря до абсолютной отметки минус 19 м. В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пассимальными. Это приводит к кризису кочевого хозяйства в начале XIV века***"...

И вот вроде бы следствие: ***"В результате уже к 70-м годам XIV века у монгольских ханов нет сил и средств для противодействия китайцам, которые сбрасывают монгольское иго***".

Непонятно, какое отношение могла иметь засуха в Великой Степи и "кризис кочевого хозяйства" к историческому событию в Китае, если еще в 1264 году столица монгольской империи была перенесена из Кара-Корума в Пекин и захватническая династия Юань, начиная с императора Хубилая, уже сто лет - через посредничество продажных китайских чиновников и генералов - паразитировала на труде многомиллионного земледельческого и ремесленного оседлого населения. Больше того - наука пока не располагает никакими данными о катастрофической засухе XIV века в Великой Степи, якобы вызвавшей крах кочевого хозяйства.

Зато есть сведения о природных катаклизмах в Китае незадолго до его освобождения! "***Китайские летописцы рассказывают, что уже в 1333 г. обнаружились многие ненормальные явления в природе. В том году имели место жары и засухи, вызвавшие***

голод, затем непрерывно шли дожди, затопившие целые округа и погубившие до полумиллиона людей. В следующем году опять отмечены засухи и повальные болезни, уничтожившие до пяти миллионов человек. Особенного напряжения стихийная жизнь природы на Востоке достигла к 1337 г., когда землетрясения, наводнения, голод, опустошающие налеты саранчи, страшные эпидемии не переставали уничтожать жителей Востока. Те же явления повторились снова с неменьшей силой и в период 1345-1348 гг., и лишь после 1348 г. несколько стихло бушевание стихийных элементов" (Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976, с. 42-43). Не прекратилось, отметим, а лишь "несколько стихло"...

Но постулат выдвинут, и сама собой напрашивается параллель: если причиной освобождения китайцев из-под монгольского ига была засуха в Великой Степи, то она же вызвала ослабление и Золотой Орды, у которой к 70-м годам XIV века тоже не стало сил и средств для противодействия русским!

Но когда климатическими причинами объясняется ослабление Золотой Орды, то логично было бы этими же причинами объяснять и одновременное усиление Руси. "Колоссальный подъем уровня Каспийского моря", если он действительно имел место, мог быть вызван, согласно данным того же автора, только колоссальным переувлажнением Русской равнины, дающей Каспию через обширную водосборную систему Волжского бассейна более четырех пятых годового поступления воды. "***В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели, летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожаи и болезни***" (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников.- "Природа", 1972, No 4, с. 52).

Еще раз, как и относительно X века, вообразим себе многоснежные мягкие зимы, затяжные весны, долгие половодья, прохладные и дождливые летние месяцы, холодные и дождливые осенние, заболачивание лугов, подтопы пашен, городских деревянных настилов и гатей, недозревание хлебов, крах бортничества. Метеосводок за XiV век у нас нет, и главный источник сведений о природных явлениях тех времен - летописи.

Роюсь в них, начиная со второй половины XIV века, и особенно внимательно смотрю записи о годах, предшествовавших Куликовской битве.

Да, пришел на Русь повальный, невиданный-неслыханный мор!

- 1352 год. Мор в Пскове, Новгороде, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале. "***Во всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скора; и бысть страх и трепет велий на всех человецех***[116]". "***В Глухове же тогда ни един человек не остался, все изомроша, сице же и на Белоозере***". "***Глаголаша же неции яко той мор поиде из-Ындейской страны"... Страшная эпидемия! "Аще бо кто что у кого возьмет, в той же час неисцельно умрет***". Что это было - оспа, холера, тиф? Вот и подробное клиническое описание этой болезни, снова нагрянувшей на Русь.
- 1364 год. "***Того же лета мор бысть в Переславли, болезнь же бысть сицева: прежде яко рогатиною ударит за лопатку, или под груди противу сердца, или меж крил, и тако разболевся, начнет кровию харкати, и огонь зажжет и разворит, и потом пот велий пойдет, таже потом дрожь имет, и пролежав день един, или два, а ретко три, кто бы пролежал три дня, и тако умираху; а еще железою боляху, не единако: иному убо на вин, иному же на стогне; иному же под пазухою, иному же под скулою, иному же за лопаткою; и умираху на день человек иногда по седмидесять, а иногда по сту, а иногда с полутораста..."***

Это была "черная смерть", **чума**. Еще в 1351 году она проникла в Россию из Западной Европы через Польшу, позже пошла с юга. Летописец рассказывает о размерах бедствия и его

---

[116] Никоновская летопись

распространении. "Н***е токмо же в граде Переяславли было сие, но по всем властем и селам и монастырем Переславским. А прежде того был мор в Новегороде в Нижнем, а пришел от низу, от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуда на Рязань и на Коломну, а оттуда в Переславль, а оттуда в Москву, и тако разыдеся во все грады, и во Тверь, и в Володимер, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можаеск, и на Волок, и во все грады разыдеся мор силен и страшен..."*** А "***на Белеозере тогда ни един жив обретеся***".

Эти подробности нам, дорогой читатель, нужны, чтобы яснее представить масштабы эпидемии, поразившей Русь, которая через несколько лет после бедствия вышла на Куликово поле.

Напасть по числу жертв не уступала большому вражескому нашествию, только нашествие невидимой чумной палочки было ужаснее - нельзя было ни сразиться с нею, ни убежать от нее; люди мерли, ничего не зная о причинах смерти, способах лечения болезни, о карантинах, прививках и прочем. Летописец не проводит прямой параллели, но заканчивает описание эпидемии знакомыми печально-трагическими словами: "***Увы, увы! кто взможет таковую сказати страшную и умиленную повесть?.. И бысть скорбь велиа по всей земли, опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыя***"...

Старинные описания народного бедствия нам нужны еще и для того, чтобы дополнить подлинную картину русской жизни накануне Куликовской битвы сопутствующими заметками о погоде, климатических явлениях. Нет, никаких сведений о проливных дождях, вымокании урожаев, заболачивании лесов и, вообще, переувлажнений Русской равнины в XIV веке не существует, и мору всегда сопутствовала... засуха!

Засуха в XIV веке? Как про нее узнать что-либо достоверное? Конечно, кое-что могут сказать на эту тему климатологи, астрономы, археологи, дендрологи, изучавшие годовые кольца древнейших живых деревьев, а также мертвых, сохранившихся в потонувших настилах средневековых городов, но все же главный источник сведений - русские летописи. Беру то самое пятнадцатилетие перед Куликовской битвой. Вот выдержки из Патриаршей (Никоновской) летописи, начиная со страшной эпидемии, охватившей Русь от Нижнего Новгорода до Белоозера и Волока Ламского.

- 1364 год. "***Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеся и земля горяше".***
- 1365 год. "***Мгла стояла с пол-лета, и зной и жары бяху велицы, лесы, болота и земля горяше, и реки перезхоша, иные же места воденыа до конца исхоша; и бысть страх и ужас на всех человецех и скорбь велиа". "Того же лета пожар бысть в Москве, бе же тогда схмень и жары велицы, возста же тогда и буря со вихром силна зело, и размета огнь повсюду и много людии поби и пожже, и вся погоре и без вести бысть, и той зовется великий пожар, аще от Всех Святых начася и разыдеся ветром и вихром повсюду...***" И попутно: "***Того же лета во Твери и в Ростове мор бысть", "Того же лета мор бысть в Пскове", "Того же лета мор бысть в Торжку велик зело***".
- 1366 год. "***Того же лета бысть сухмень и зной велик, и въздух курящеся и земля горяше, и бысть хлебнаа дороговъ повсюду и глад великий по всей земле, и с того люди мряху***...". И попутно же: "***Того же лета бысть мор на Волоце велик зело***".
- 1371 год. "***Сухмень же бысть тогда велика, и зной и жар мног, яко устрашитися и встрепетати людем; реки многи пересхоша, и езера, и болота, а лесы и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяша, и бысть страх и трепет во всех человецех. И бысть тогда дороговь хлебьна а велика и глад велии по всей земле". "Того же лета бысть знамение в солнци, места черныя, аки гвозди, и мгла велика стояла по ряду с два месяца, и толь велика мгла была, яко за две сажени перед собою не видети было человека в лице, а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху с воздуха на землю, и тако по земли пеши хожаху. Бяше же тогда жито дорого, и меженина в людех, и оскудение брашна, дорогось велика. Бяше же тогда лето сухо,***

жито посохло, а лесове и борове и дубравы и болота погораху, инде же и земля горяше".

- 1372 год. Совершенно исключительный год вообще в климатической истории Земли! Вот что рассказал о нем 14 августа 1980 года в "Советской России" член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Н. Р. Деряна: "***Теперь-то мы знаем, что названный год венчает целую серию жестоких засух, охвативших русскую землю во второе половине XIV века. Если мы обратимся к сводке данных о колебании солнечной активности, составленных астрономом Д. Шове, то обнаружим, что именно в 1372 году мощность солнечных явлений оценена им десятибалльной оценкой. Причем мы увидим, что астроном рискнул поставить ее всего один раз за весь двухтысячелетний период***".
- 1374 год. "***Того же лета быша зной велицы и жары, и на всяк скот был мор велик. Потом же прииде и на люди мор велик по всей земле Русской***".

Приближалась Куликовская битва, и в год первой победы Дмитрия над золотоордынским войском на Воже летописец зафиксировал и зимнюю погоду, которая отнюдь не была "многоснежной, мягкой, с частыми оттепелями какими вроде бы должны быть наши зимы в XIV веке по гипотезе Л. Н. Гумилева (Поиски вымышленного царства, с. 30).

- 1378 год. "***Тое же зимы быша мрази велицы и студень беспрестанна, и изомроша мнози человеци и скоты, и в малех местех вода обреташася, изсякла бо вода от многих мразов и в болотех, и езерах, и в реках***".

И логично было бы в этом месте поставить вопрос: если передвижения народов Великой Степи связывать не с экономическими, политическими и другими общественно-историческими причинами, а лишь с космическими и климатическими, то почему в XIV веке, когда засуха в степях была, возможно, злее, чем на Руси или в Китае, никакого перемещения кочевников к окраинам Великой Степи и за ее пределы не последовало?

"...Отражение реальной истории в исторической литературе нельзя назвать зеркальным!" - восклицает Л. Н. Гумилев, убедительно подтверждая это бесспорное положение собственными работами, продолжает пользоваться любым случаем, чтобы тиражировать свои "открытия" о причинах грабительских войн, "пассионарности", политическом союзе и даже - внимание, читатель, сверхновая идефикс! - этническом симбиозе" Руси с Золотой Ордой в XIII веке и прочем-прочем, внеисторическом и внесоциальном.

Попутно напомню любознательному читателю, что после Великой Октябрьской революции группа белоэмигрантов образовала за рубежом так называемую школу "евразийцев", которые не признавали объективных законов развития общества, преувеличивали роль религиозных, психологических, природных, этических и этнических факторов в истории, отрывали домонгольскую Русь от последующего процесса становления нашей государственности, полностью игнорировали самостоятельный экономический, социальный, политический и

культурный опыт Киевской Руси, пытаясь лишить русский народ его исторических и национальных корней.

Глубокими и мощными были эти корни! Так считали передовые русские ученые старой школы, так считают современные объективные исследователи. "Элемент политический, государственный представлял единственную живую сторону отечественной истории, а развитие государства составляло ее национальное своеобразие (Фроянов И. Киевская Русь. М., 1980, с. 8). Становление средневековой русской государственности было, однако, далеко не единственной живой явью нашей истории, а национальное своеобразие выразилось не только в нем.

За несколько веков до нашествия Бату-Субудая наши предки, еще носившие племенные имена, выработали общий русский язык. Нет смысла уводить читателя в терминологические дебри современных филологов, различающих в становлении нашего языка много этапов, периодов, исторических оттенков, но почему-то ставящих под сомнение существование именно русского языка в Киевской Руси. Приведу свидетельство грамотного очевидца, жившего в те далекие времена, когда словене (новгородцы) и поляне (киевляне) вместе с кривичами, северянами, древлянами, вятичами объединились в государство: "...***а словеneск язык и русьскый один... аще и поляне звахуся, но словенская речь бе***[117]".

Термин "русьскый" по отношению к языку впервые зафиксирован в летописных известиях XI века, но отражал понятия X - к такому выводу пришел замечательный советский историк академик М. Н. Тихомиров.

И вот что интересно: для наших образованных предков, письменно выражавших уже тогда общерусское самосознание и толк русского ума, понятия "народ" и "язык" были идентичными. В первом дошедшем до нас произведении русской литературы - "Слове о законе и благодати" Илариона, излагающем в форме речи, обращенной к Владимиру Святому, историю с позиций тогдашней теологической философии, говорится: "вера бо благодатьнаа по всей земли простреся и до нашего языка рускаго доиде". Связывая времена, наш язык донес до нас это слово-понятие из пророческого и совсем близкого пушкинского далека:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.

И назовет меня всяк сущий в ней язык.

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык.

Одним из доказательств того, что наш язык в домонгольское время стал общерусским, служат двухсотлетние споры самых крупных ученых-филологов, приписывающих авторство Игорева "Слова" то галичанину, то киевлянину, то северянину.

Специалисты разбирают старославянские, церковнокнижные и иные слагаемые средневекового русского языка, стилевые или диалектные его различия, как разбирают слагаемые и различия языка современного, но самым убедительным и неоспоримым доказательством его тысячелетней национальной принадлежности служит то, что почти все мы, сегодняшние, даже без специальной подготовки более или менее свободно понимаем почти все тексты, написанные на этом языке за тысячу лет до нас. "Почти", потому как не все сегодняшние читатели свободно понимают все сегодняшние тексты, однако я уверен, что все они без исключения поняли фразы о русском языке из летописи и сочинения Илариона, которым без малого тысяча лет, и подробные описания бедствий, когда шла "по всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скора" и "бысть сухмень

---

[117] "Тѣмь же Словѣньску æзыку оучитель єсть Павелъ ѿ негоже æзыка и мы єсме Русь тѣм же и намъ Руси оучитель єсть Павелъ апс҃лъ понеже оучилъ єсть æзыкъ Словѣнескъ и поставилъ єсть єпс҃па и намѣстника по себѣ Андроника Словѣньску æзыку а Словѣнескъ æзыкъ и Рускыи ѡдинъ ѿ Варѧгъ бо прозвашасѧ Русью а пѣрвѣє бѣша Словѣне аще и Полѧне звахусѧ но҃ Словѣньскаæ рѣчь бѣ По҃лѧми же прозвашасѧ занеже в полѣ сѣдѧху æзыкъ Словѣньскыи бѣ имъ єдинъ"

велиа по всей земле" - этим текстам шесть столетий с лишком. Чтобы окончательно убедить сегодняшнего читателя в том, что он способен свободно понять старорусские тексты, приведу краткое извлечение из сочинений Феодосия Печерского: "***Аще ли видиши нага или голодна или зимою или бедою одержима, еще ли ти будет жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или от всех поганых - всякого помилуй и от беды избави, аще можеши.***.." Это написано девятьсот лет назад. Понятно каждое слово, а мысль исполнена человеколюбия, или, как бы мы сейчас сказали, гуманизма и интернационализма, издревле присущих русскому чувству и сознанию, русской литературе, то есть нравственности народа и его культуре.

Национальное своеобразие русского средневековья заключалось и в том, что на огромной территории от Ладоги до Азовского моря и от Карпат до Волги существовал единый язык, на котором люди разговаривали и писали понятные всем грамотным слова и фразы; у этого языка была в основном общая лексика, грамматический строй, правописание. Замечу, что в XIII веке французский, например, язык был понятен только населению Иль-де-Франса, а обширные окраины говорили на провансальском, каталонском, баскском, бретонском и фламандском языках, что северные и южные немцы не понимали друг друга в более поздние времена, и когда Бисмарк в конце XIX века создал общегерманскую армию, то не все солдаты, набранные из разных районов страны, могли исполнять команды офицеров.

Своеобразие нашего средневековья, включая его домонгольский период, состояло и в том, что письменный язык прекрасно обслуживал широкие народные массы русского народа в те времена, когда не только восточные ханы, но и некоторые западноевропейские короли были неграмотными. Какая стихия средневекового народного языка хлынула вдруг в мир после открытия первой новгородской **берестяной грамоты**! А ведь это великое чудо истории и культуры дошло до нас в высшей степени случайно. Не было никогда библиотек или хранилищ берестяных грамот; исписанные простолюдинами обрывки бересты просто выбрасывались за ненадобностью. И сколько же их в русских городах и селах пошло на растопку печей, сгорело при пожарах, уничтожилось нашествием Бату- Субудая и прочих, потерялось и сгнило, если только при локальных новгородских раскопках найдено около шестисот бесценных документов, просто и живописно рассказывающих о быте, нравах, культуре, образовании, экономике, социальных отношениях в эпоху нашего средневековья! И это лишь начало. В сырой новгородской - и не только новгородской!- земле лежат еще многие тысячи манускриптов на бересте. Десять грамот уже найдено в Смоленске, одна в Витебске, три в Пскове, тринадцать в Старой Руссе, а лето 1980 года принесло археологам новое открытие, с радостью встреченное всеми культурными людьми, - в Могилевской области при раскопках Замковой горы средневекового Мстиславля найдена первая берестяная грамота. Слава археологии! Береста, между прочим, кора так знакомого всем нам, близкого русской душе дерева, единственного на свете, имеющего белую кожу, удивительно связует отдаленнейшие времена. Вы помните, дорогой читатель, номер партизанской газеты, напечатанной на бересте 20 августа 1943 года в немецком тылу? А сейчас я хочу вам поведать нечто необычное. Оказывается, арьи, жившие на территории нашей страны в III тысячелетии до н. э., тоже пользовались берестой! Они принесли ее в Индию вместе с памятью о прежней родине. "Небезынтересен тот факт, что арьи, придя в Индию, использовали бересту, очевидно, сначала как материал для изображения магических знаков или, возможно, изображений богов, а в более поздние века береста была использована в Кашмире для записи "веды ведовства", т. е. "Атхарваведы"" (Гусева Н. Р. Индуизм. М., 1977, с. 58).

Великое историческое счастье выпало на долю русского народа - его государственный, богослужебный, письменный и разговорный язык был в своей основе и множестве частностей одним и единым. "Счастье"? А может быть, великое подвижение славянских просветителей **Кирилла**, и Мефодия, тогдашней интеллигенции нашего народа, в борьбе с греческим (византийским) влиянием отстоявших на заре своей средневековой христианизируемой культуры святая святых национальной самобытности[118]?

---

[118] Кирилл и Мефодий никогда на территории Киевской Руси не были и специалисты до сих пор не пришли к единому

В Западной Европе католическая церковь повсеместно насаждала чуждую всем народам классическую латынь, искусственно затормаживая развитие культуры, в частности литературы на родных языках. На примере нашего ближайшего западного соседа Польши, издревле населенной коренными славянами, мы увидим, насколько сильным и пагубным был этот тормоз. Если у нас в качестве особой государственной ценности хранится украшенная великолепными миниатюрами пергаментная книга, написанная на старославянском языке, близком народному, - так называемое **Остромирово евангелие**, переписанное в 1056- 1057 гг. (значит, и до него на Руси уже были книги!), то польский народ, к сожалению, не располагает чем-либо даже отдаленно подобным. Когда у нас в конце XII века явилось миру "Слово о полку Игореве" - гениальное литературное произведение, созданное на русском языке и занявшее в своем роде единственное, только ему принадлежащее место в культуре всех времен и народов, то в Польше тех времен еще ни строчки не было написано по польски! Зачином национальной польской литературы был не светский по содержанию, переводной к тому же с латинского "Псалтырь королевы Ядвиги", относящийся лишь примерно к... 1400 году! На Руси уже почти пять веков развивалась самостоятельная национальная литература на родном языке, а первый польский историк и литератор Ян Длугош (1415-1480) изложил свою многотомную "Historia Polonica" на латыни. Лишь в XVI веке зародилась польская национальная литература и появился первый крупный автор, писавший на родном языке; это был поэт Я. Кохановский (1530-1584).

Вспомним также, кстати, корсунские книги, написанные "русьскими письмены". Этот факт будоражит воображение, заставляет ученых разных стран и любителей истории вновь и вновь обращаться к нему, вновь и вновь задаваться вопросом, который может показаться неожиданным: действительно ли создал Константин (Кирилл) старославянскую письменность? Подумаем, дорогой читатель, вместе: в 860 или 861 году, то есть еще до призвания в Новгород Рюрика и почти за сто тридцать лет до киевского крещения Руси, на южных ее рубежах, и не в княжеском дворце, а в обиходе, какого-то, быть может, купца-русича, обыденно существуют две книги - Евангелие и Псалтырь, канонические христианские тексты коих, столь сложные по богословскому своему содержанию и архаичному стилю, написаны некими русскими письменами! Более того, Константин "и чловека обрет", говорившего " тою беседою", то есть русским языком, а "въскоре" он сам "начят чисти читать" и съказати "говорить" - " на этом языке, "и мънози ся ему дивлеаху, бога хваляще"! И это историческое сведение приводится во всех двадцати трех известных науке списках Паннонского жития Константина, что совершенно исключает его легендарное происхождение или случайность!

Чудо или бог тут были совершенно ни при чем, и пора по достоинству оценить это неоспоримое свидетельство. Мы имеем дело с важнейшим фактом истории европейской и мировой культуры - Константин взял у наших предков уже достаточно развитое ими, очевидно, греко-славянское письмо за основу будущей своей кириллицы, не создал старославянской письменности, а только усовершенствовал, упорядочил уже существовавшие восточнославянские письмена ("устроив писмена") применительно к русскому и языкам других славянских народов Европы. Причем некоторые из них, в частности болгары, в IX-X веках, по свидетельству Черноризца Храбра, тоже пользовались приспособленным к своему языку греческим уставом "без устроения". О значительной зависимости азбуки и осуществленных "в малех летех" переводов греческих текстов Кирилла от восточнославянских корсунских книг говорят и такие факты:

В одном из посланий папы Иоанна VIII, современника Кирилла и Мефодия, недвусмысленно говорится, что "славянские письмена" были известны до Кирилла и он их "только вновь нашел, вновь открыл".

В ряде списков жития Кирилла язык его переводов называется "рускым" ("написа рускым языком", например книги для моравцев).

Упоминания в древних списках об "азбуке рускои".

мнению, автором какой именно из двух славянских азбук — глаголицы или кириллицы — является Константин.

В одном из таких списков к перечню букв кириллицы дается интереснейшее примечание: "Се же есть буква словенска и болгарска, еже есть русская".

Изложение истории появления старославянской письменности в некоторых средневековых русских источниках, например: "А грамота русская явилась, богом дана, в Корсуни русину, от нея же научися философ Константин и оттуду сложив и написав книгы русским языком".

Кириллическая азбука-граффити IX века на стенах киевского Софийского собора, открытая в 1969 году, представляет собой двадцатисемибуквенную, наиболее архаичную как бы основу классической кириллицы.

Надпись "**гороухща**" на корчаге из Гнездовского захоронения начала-середины X века могла быть сделана несколько ранее этого времени и свидетельствует о широком, до сельских глубинок распространении письменности среди восточнославянского простонародья в дохристианский период истории Руси.

Первой точно датированной кириллической книгой всех славян является знаменитое Остромирово евангелие, переписанное в 1056-1057 годах и представляющее собой высочайший образец европейского средневекового книжного дела - бесспорный результат прочной и долгой традиции...

Главный вывод из всего предыдущего напрашивается сам собой - именно корсунские книги, восточнославянская форма греко-славянского письма явилась основой классической, удобной и простой кириллицы, "устроенной" Константином-философом (Охрименко П. П. К истории создания нашей азбуки (кириллицы). Сумы, 1979).

Многие ученые, начиная с И. И. Срезневского, считали и считают, что протокириллица в виде греко-славянского письма существовала у наших предков с VI-VII веков. Бытует в науке и еще одна точка зрения, впервые высказанная в прошлом веке Павлом Шафариком: Кирилл изобрел не кириллицу, а усложненную глаголическую азбуку.

На базе общерусского языка основывалось - вместе с архитектурой, живописью, ювелирным и оружейным искусством - высшее достижение средневековой Руси - ее замечательная литература. От нее, многострадальной, дошла до нас малая часть, и я назову лишь семь воистину классических произведений, созданных за период феодального раздробления страны, - "**Слово о законе и благодати**" Илариона, "**Повесть временных лет**" и "**Житие Феодосия Печерского**" Нестора, "**Поучение** чадом" Владимира Мономаха, "**Моление**" Даниила Заточника, "http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_XII_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0**Слово о полку Игореве**" - Игоря сына Святославля внука Ольгова, "**Повесть о разорении Рязани Батыем**", "http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_XIII_%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0**Слово о погибели Русской земли**"...

Жанровое, тематическое, стилевое разнообразие, художественные высоты, языковые сокровища, глубокие мысли, предельное эмоциональное напряжение! Обо всем этом написано множество книг. И любой свежий читатель, познакомившийся хотя бы с перечисленными произведениями, а потом с классической литературой позднего русского средневековья - "**Задонщиной**" Софония-рязанца, "**Сказание о Мамаевом побоище**", "**Хожение за три моря**" Афанасия Никитина, сочинениями Ивана Грозного, Ивана Пересветова, Аввакума Петрова, "Повестью о Горе-Злосчастии", - скажет, что по неисчислимым признакам, включая даже прямые текстовые заимствования, это единый литературный процесс, лишь временно прерванный - заторможенный нашествием завоевателей.

А ведь были и есть люди, считающие себя учеными, которые хотели бы отсепарировать литературу домонгольской Руси, якобы не вписывающуюся в общий процесс становления нашей национальной культуры! Они по сей день пишут о том, что только Куликовская битва якобы

явилась начальной точкой всего национального и лишь с того времени вошли в мир невесть откуда под названием "русского" такие понятия, как государственность, военная слава, политическая и философская мысль, культура, литература, изобразительное искусство... Эти ученые делают вид, будто не знают, что понятие и слово "русский" вошли в обиход за много столетий до Куликовский битвы, известны еще с языческих времен. "...***Мужи его по Русскому закону кляшася оружьемъ свои, и Перуном; богомъ своим***" ("Повесть временных лет" по Радзивиловской летописи). "***Тако и си святая (Бориса и Глеба) постави святити въ мире премногыми чюдесы, сияти в русьскеи стороне велицеи***" ("Житие Бориса и Глеба"). Первый свод законов (XI в.) назывался "Правдой Русьской". А в "Слове о полку Игореве" (конец XII в.), где нет ни одного племенного названия наших предков, упоминаются "Руския сыны", "жены Руския", два раза "руское злато", два раза "русичи", два раза "русици" (сравнимо с "венедици" и "тоемици"), но чаще всего, как известно, "Русская земля"-двадцать раз!

Несколько слов об одной очень важной и, быть может, самой характерной особенности русской средневековой литературы, составляющей ее национальное своеобразие. В старину авторы прекрасно понимали, насколько серьезное это дело - литература, и поэтому не разменивались на тематические мелочи, а размышляли и писали с патриотических и гражданских позиций о главном - об исторических судьбах родины и народа.

Несчетное число раз встречается на страницах наших средневековых книг выражение "Русская земля", необыкновенно многооттеночное по смыслу. Это и географическое понятие - то есть пространства, занятые русским народом, и политическое, зовущее соотечественников к единению, и конкретно-историческое, и этническое; это и земля-кормилица, дающая жизнь ее народу-пахарю, со всем, что на ней есть - живой природой, городами, селами, людьми, и святая родина, почти всегда нуждавшаяся в защите от внешних врагов и внутренних распрей. Вчитайтесь в хватающие за душу строки: "***Светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными***"...

Один современный зарубежный исследователь пишет: "Вдохновенный гимн "светло светлой и украсно украшенной земле Русской" не имеет себе равного во всей европейской литературе того времени и даже позднейших веков. Это единственное в своем роде поэтическое произведение, предметом которого является не личность богатыря, не подвиги героев, а сама родина, как целое... Нигде - ни у французских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни в рыцарских романах, ни у Данте - мы не найдем такого сжатого и сильного, ослепительного видения родины... Только сто лет спустя, в 1353 г., мы найдем у Петрарки гимн, обращенный к Италии как родине".

В средневековой русской литературе сегодняшний **Любознательный Читатель** найдет неизведанные высоты, глубины и связи времен. Из сочинений Кирилла Туровского, исполненных символики, драматизма, философских раздумий, я приведу лишь две строки, расположив их друг под другом, как стихи:

Неизмерьная небесная высота,

Не испытана преисподняя глубина...

Слова эти написаны в середине XII века. А вот колдовские строчки, которые не грех лишний раз напомнить:

Высота ли, высота поднебесная,

Глубота, глубота акиян-море.

Широко раздолье по всей земли,

Глубоки омоты днепровския...

Это записано в XVIII веке замечательным русским поэтом Кириллом Даниловым; символическо-

симфонический зачин[119] его знаменитого сборника Белинский счел образной характеристикой национальных качеств русского народа и его исторического пути...

К сожалению, за четыре века отечественного книгопечатания мы, выпустив миллиарды книг, ни разу не удосужились издать более или менее полное собрание произведений средневековой нашей литературы; по приблизительным подсчетам, она для начала могла быть представлена тридцатью авторами и сотней сочинений.

Не сказал я еще о двух великих явлениях стародавней нашей жизни, во многом разных, но и очень сходных. В два могучих молота ковалась неразрывная цепь времен из того же, самого драгоценного на свете материала: талантов и умов, знаний, мыслей и переживаний, дошедших до нас через посредство языка. Оба эти явления были порождены русским средневековьем и, сделав свое святое дело, вместе с ним ушли в прошлое, но навсегда остались неповторимым подвигом национального духа, щедрым вкладом земли Русской в общечеловеческую культуру.

Старины... Так называл народ свой героический эпос. К сожалению, не осталось уже на земле ни одного человека, который мог бы не с книги, а по памяти, со слов прадеда, по-старинному нараспев, от "зачина" до "исхода" исполнить, скажем, старину о крестьянском сыне-богатыре, прискакавшем из далекого залесного, знать вятичского, села Карачарова на помощь осажденному татарами Чернигову... Были такой никак не могло статься - в старине отражалась великая народная мечта, позволившая продлить жизнь русского богатыря от X века, когда он, победив Соловья-разбойника, пьет зелено вино на пиру самого Владимира Красное Солнышко, до XVII, когда "старой ли казак Илья Муромец" едет по чистому полю через ковыль-траву и ему встречаются "станишники, по-нашему, русскому, разбойники".

Не стану повторять общеизвестного об исторической ценности ратных и мирных сцен, о художественных качествах старин, их музыкальности, языковом богатстве и своеобразии - для нашей темы важно то, что в течение всего средневековья народная память хранила имена и деяния богатырей, олицетворявших сопротивление грабителям и захватчикам, которые слились в собирательный образ "татар", главных врагов того времени, а центром единения и борьбы сделался Киев, древняя столица Руси.

Народное творчество, связуя поколения памятью, воспитывало не только патриотические чувства, но и классовое сознание, исподволь, из глуби жизни подготавливая народ к роли подлинного творца истории. Князей церкви, кстати, в старинах совсем нет, бояре и князья светские, кроме Владимира, - эпизодические и довольно пассивные фигуры. Все они не только далеки от забот и дел богатырей, но и относятся к ним с откровенным презрением - сам "ласковый" Владимир назовет однажды Илью Муромца "деревенщиной-засельщиной".

Безыменные гусляры, скоморохи, калики перехожие[120], песнопевцы создали всесословную галерею народных героев. Среди них Святогор, Микула Селянинович, Вольга Святославович, или Волх Всеславич, Дунай Иванович, Василий Буслаев и его строгая матушка Амелфа Тимофевна, богатый гость Садко, вожак перехожих калик Косьян Михайлович, Михаил Поток, Иван Гостиный сын, Суровец Суздалец и так далее - такого многообразия народных типов не знала даже великая средневековая русская литература!

Отметим также, что герои нашего былинного эпоса, кроме физической силы, обладают прекрасными нравственными качествами, наиболее полно отразившимися в образе Ильи Муромца,- он прост, сдержан, спокоен, смел, уверен в себе, независим в суждениях, бескорыстен, добродушен, скромен, умеет пахать, воевать и от души веселиться. И еще одно, очень важное. Среди сотен былинных сюжетов нет ни единого, в котором изображались бы феодальные распри,

---

[119] зачине былины "Про Соловья Будимировича"

[120] **Кали́ки**, **кали́ки перехо́жие**, **кале́ки перехо́жие** — старинное и доныне употребительное в разных частях России название для странников-слепцов, поющих духовные стихи. Произошло от калиги (лат. caligae — «сапоги»)- подвязные сандалии, в которые обувались паломники, отправлявшиеся в Иерусалим.

междоусобицы князей, и, сообразно народным идеалам, русские богатыри не путешествуют с обнаженным мечом за тридевять земель. Они уничтожают лесных разбойников, держат заставы и, оберегая родную землю от внешнего врага, ведут только оборонительные сражения, что было главной заботой и великой исторической миссией русского народа в эпоху средневековья. Центр тяжести этой эпохи пришелся на период со второй трети XIII века до середины XV. Историк В. О. Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год только северо-восточная и северная Русь вынесли 160 внешних войн и грабительских набегов. Русский героический эпос, как высокое гуманистическое достижение общечеловеческой культуры, был активной силой этого самого тяжкого лихолетья в жизни нашего народа, подготовившего коренной поворот всемирной истории.

Напомню еще об одном неповторимом явлении средневековой русской культуры, которое смело и без малейшего преувеличения можно назвать грандиозным, что сделал в свое время академик Д. С. Лихачев. Зародившись в XI веке, оно развивалось, зрело, обогащалось семьсот лет и закончилось в XVII веке, связуя наше средневековье своим единством, непрерывностью, самостоятельностью и своеобразием. По концентрации, глубине, объему и богатству политических, экономических, социальных, географических, дипломатических, военных, этнографических и иных важнейших сведений, содержащихся в нем, это наследие наших предков не знает себе равных в мире, является своего рода феноменом мировой культуры и науки, национальной гордостью русского народа. Читатель, конечно, понял, что речь идет о русском летописании.

Летописание было прежде всего делом государственной политики и идеологии, но от начала своего до затухания вбирало в себя мощные пласты самых разнообразных знаний, уникальные первоисточники, средневековые рукописные шедевры, и сегодня к летописям, кроме историков, обращаются астрономы, литературоведы, живописцы, искусствоведы, лингвисты, сценаристы и режиссеры кино и телевидения, топонимисты, фольклористы, реставраторы старинных икон и рукописей, философы, климатологи, архитекторы, археологи, писатели, работающие во всех жанрах, и просто любители старины. В составе летописей дошли до нас такие исторические и литературные сокровища, как "Повесть временных лет" Нестора - этот, по выражению А. А. Шахматова, "величественный и самый дорогой памятник старины", "Русская правда" Ярослава, "Поучение чадом" Владимира Мономаха, "Хождение за три моря" Афанасия Никитина, исторические повествования об ослеплении Василька теребовльского, походе Игоря, убиении Андрея Боголюбского и Михаила черниговского...

Общеизвестно, что летописи служили источником знаний и литературных вдохновений для многих декабристов. Ими интересовались, их изучали Александр Корнилович, Александр Бестужев, Никита Муравьев, Федор Глинка, Михаил Лунин, Сергей Трубецкой, Кондратий Рылеев. Вильгельм Кюхельбекер считал их "лучшими, чистейшими, вернейшими источниками для нашей словесности". В тягостные дни скорбной ссылки летописи были постоянным чтением Александра Одоевского, написавшего однажды оттуда: "С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновений - древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев".

Трудно даже представить себе подлинный размах и объем русского летописания! Оно велось в великокняжеских городах, в отдельных княжествах, уделах, епархиях, монастырях. Множество летописей погибло при феодальных войнах, бесконечных пожарах, нападениях внешних врагов, и можно только гадать, сколько и каких письменных реликвий было навсегда потеряно в период нашествия в XIII веке и последовавшего за ним ига. Немало рукописей, наверное, специально уничтожалось политическими антагонистами в междоусобной борьбе; и мне, например, больше всего жаль летописей черниговских Ольговичей, в частности времен князя Игоря, потому что эти тексты открыли бы многие загадки "Слова о полку Игореве", включая, быть может, даже автора бессмертной поэмы.

Судьба великого исторического и культурного наследия складывалась трагично и позже. Современная наука установила, что только в имении первого собирателя и перелагателя средневековых исторических трудов В. Н. Татищева сгорело в XVIII веке пять летописей, в том

числе ценнейшие Раскольничья и Голицынская. В пожаре 1812 года погибла уникальная Троицкая летопись - первый московский свод - одновременно с богатейшим собранием старинных рукописей Мусина-Пушкина и единственным подлинным экземпляром "Слова о полку Игореве"...

Камень долговечнее пергамента, но я попутно и для сравнения скажу о судьбе каменной летописи одного из древнейших русских городов - Смоленска, в котором совсем недавно было сделано сенсационное археологическое открытие. В конце XII - первой трети XIII века этот богатый цветущий город не только не отставал по всем статьям от центров других княжеств, но и, как вдруг выяснилось, опережал их по размаху каменного строительства. Достоверно стало известно, что за это время в Смоленске было возведено не менее тридцати зданий - больше, чем, например, во всех городах великокняжеской северо-восточной Руси, если даже считать тамошние памятники, известные только по письменным источникам! Причем основная часть смоленских архитектурных сооружений поднялась в течение сорока лет до нашествия орды, которая так и не вошла в этот город, но тем не менее до наших дней дожили только три каменных памятника, во многом к тому же утративших свой первоначальный облик. Остальные архитектурные сокровища этот город потерял еще в средневековье, от них сохранились только остатки фундаментов, раскопанные археологами в самые последние годы.

Культура русских городов, особенно княжеских столиц, развивалась не однобоко, а всесторонне, и были в Смоленске, конечно, своя литература и свое летописание. Все уничтожилось без следа, если не считать каких-то обрывков смоленских известий в общерусских летописных сводах! Безвозвратно погибли также собственно переяславские, рязанские, галицко-волынские, турово-пинские, полоцкие, тмутараканские летописи, не говоря уже о манускриптах из второстепенных центров культуры. Что же осталось? Для любознательного читателя приведу поалфавитный перечень русских летописей, сводов и списков разной редакции и сохранности, которыми на сей день располагает отечественная и мировая историческая наука - это .лишь остаток, так сказать, фундамент, по которому едва ли можно судить обо всем некогда величественном, почти фантастическом здаяии...

Прежде всего это так называемые Академические списки - XII список Воскресенской летописи, список Новгородской первой летописи младшего извода, Новгородских четвертой и пятой летописи, Алатырский список Воскресенской летописи, XIV и XVI списки Никоновской летописи, Александро-Невская летопись; Архивные списки-II список Никоновской летописи, II список Псковской, Софийской второй, Воскресенской...

Далее идут Бальзеровский список Софийской первой летописи, Великопермская летопись, Виленский список, Летопись Авраамки, "Владимирский Полихрон" начала XIV века, "Владимирский Полихрон" Фотия, пять Владимирских сводов - 1177, 1193, 1212, 1228 и 1263 годов, Вологодско-Пермская летопись, Воронцовский сборник, Воронцовский список Софийской первой летописи, Воскресенская летопись, Временник дьяка Тимофеева, Голицынский список Новгородской четвертой летописи, Голицынский том Лицевого свода, Горюшкинский список Софийской первой летописи, Древнейший свод, Ермолаевский список Ипатьевской летописи, Ермолинская и Есиповская летописи, Иное Сказание, драгоценнейшая Ипатьевская летопись, "Иудейский" хронограф, Казанская история, карамзинские списки Воскресенской и Софийской первой летописи, Киевский свод, Кирилло-Белозерские списки Великопермской и Ермолинской летописей, Комиссионный список Новгородской первой летописи, Краковский список Ипатьевской летописи, "Краткие извлечения" из Новгородско-Софийского свода, Кунгурская летопись, фундаментальнейшая Лаврентьевская, Лаптевский том лицевого свода XVI в., Латухинская Степенная книга, Лебедевская летопись, "Летописный отрывок 1276 г.", "Летописец русский", "Летопись великих князей литовских", "Летопись о многих мятежах", Лицевой свод XVI в., Львовская летопись, Московские своды 1379, 1463, 1472, 1479 годов, Московско-академический список Суздальской летописи, Нач,альный свод, обширнейшая Никоновская и Никаноровская летописи.

Это далеко-далеко не все! В тяжкую средневековую пору лучше всего сохранились новгородские

летописи, списки и своды - шестнадцать манускриптов, псковские - двенадцать, шесть ростовских, три тверских, а по разным другим местам нашлось в свое время все же немало других хронографов и хроник - восемь так называемых Синодальных списков разных летописей, шесть Толстовских, несколько сводов церковных деятелей, летописи - Радзивиловская, Ремезовская, Симеоновская, Строгановская, Типографская, Черепановская, Якимовская...

С нашествием Бату - Субудая русское летописание почти повсюду прервалось, возобновившись усилиями Марии ростовской после народного восстания против захватчиков в 1262 году, когда "избави Бог от лютого томленья бусурменьского люди Ростовьския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилия поганых, изволиша вече, и выгнаша из городов, из Ростова, из Суждаля, из Ярославля".

Позже взялись за перо московские летописцы, а в начале XVIII века русское летописание навсегда замерло, сменившись газетной хроникой, документальными свидетельствами событий, научными и литературными сочинениями. Петр Первый оказался первым поборником исторического просвещения, высказав мысль о необходимости издания русских летописей. Дело это оказалось нелегким и осталось таким же до наших дней. Только с 1841 года началось издание Полного собрания русских летописей. До революции было выпущено всего двадцать три тома, в советское время напечатано еще двенадцать, и конца этому предприятию пока не видно. Летописи начали переиздавать, но они выходят мизерными тиражами при огромном спросе на них...

Кстати, в последних трех томах Полного собрания русских летописей напечатаны хроники, которые я раньше не упоминал.

Это Литовская и Жмойская, Быховца, Баркулабовская, Аверки и Панцырного, а также Холмогорская летопись, Мазуринский, Двинский, Постниковский, Пискаревскнй и Бельский летописцы - новые и новые стволовые срезы с цветущего древа жизни, ее красноречивые годовые кольца, то сжатые, плотные, то рыхлые, с широкими просветами, то ровные и правильные, то искаженные следами сучков и порубов. Сколько же всего сохранилось этих бесценных исторических свидетельств? - спросит любознательный читатель. Отвечу: все они, сохранившиеся, конечно, пока не найдены, но в нашей национальной сокровищнице числится на сегодняшний день около тысячи русских летописных манускриптов!

Летописи - главный политический документ русского средневековья - были самым заметным и важным проявлением тогдашней общественной жизни. Последовательно и непрерывно фиксируя события, летописи как бы сводили их воедино, создавая обширнейшую панораму государственного и народного бытия X-XVII веков, без которой нельзя было бы ничего, понять в истории России нового времени. Представьте на секунду, что нет у нас наших летописей - и огромное мутно-серое пятно было бы на месте сложной, яркой, динамичной жизни, полной человеческих страстей, эпохальных идеологических, политических, военных и культурных событий средневековой Руси!

На неоспоримые исторические факты из начальных летописей ссылались позже объединители русских земель, неразрывно связуя этой государственной политикой времена, возрождая и формируя на новом этапе национальное сознание русского народа. Летописи настойчиво подчеркивали преемственность власти, политическую и династическую непрерывность ее в течение всего средневековья.

Вот как именовался, например, Дмитрий Донской, личность которого стала символом возрождающейся Руси:

"Князь великий Дмитрей Иванович, внук Иванов, правнук Данилов, праправнук Александров, прапраправнук Ярославль, пращур Всеволожь, прапращур Юрьев, прапрапращур Владимиров Всеволодовичя Ярославичя Володимеричя, великого нового Константина, крестившего Русскую землю, сродник новых чюдотворцев Бориса и Глеба".

На основании сведений из летописей присоединялись вновь к общерусскому государству Смоленск, Чернигов, Полоцк, Новгород. По летописным данным - повести об убиении в Орде

Михаила черниговского - Иван Грозный решил потревожить его останки в черниговском Спасо-Преображенском соборе и, символически связуя времена, нашел им подобающее место в Москве. Позже Петр Первый, углубляя историческую память, перенес прах Александра Невского из Владимира в Петербург...

38. Глава 38

И еще несколько слов о связующем в нашей средневековой истории. Оно проявлялось буквально во всем. Разве не полнится конкретно-историческим смыслом и одновременно высшей символикой теснейшее идейное и художественное единство между двумя выдающимися литературными произведениями той эпохи - "Словом о полку Игореве" и "Задонщиной"? И разве не народ как главная сила истории, освоивший Русскую равнину в домонгольские времена, через несколько веков вернул ее себе?

Современный архитектор подчеркнет не только национальную самостоятельность и своеобразие начального русского зодчества и огромные достижения, например, черниговской, смоленской, новгородско-псковской или владимиро-суздальской творческих школ, но и найдет их продолжение в веках. Специалист по истории экономики рассмотрит как единое развивающееся целое систему землевладения и хозяйственную жизнь русского средневековья, торговые отношения и денежное обращение, знаток генеалогии проследит родовую преемственность власти, военный человек, интересующийся стариной, тоже скажет свое слово, археолог, дипломат, правовед, искусствовед или социолог - всяк свое...

И ни феодальная раздробленность домонгольской Руси, ни нашествие степных орд не прервало глубинного течения народной жизни! Как это ни покажется парадоксальным, но даже те, кто участвовал в междоусобицах, подчинялись подспудным центростремительным, связующим, объединяющим силам. В частности, "изгойство", волевой захват власти и сложнейшая калейдоскопическая система ее законного наследования - "лествица" делали все русские княжества и уделы не статичными, законсервированными, изолированными друг от друга административно-политическими единицами, а чем-то другим, совершенно оригинальным, чему не найдено ни терминологических определений, ни аналогов в историй средневековой Западной Европы. Наукой давно доказано, что внутри каждого отдельного русского княжества протекала интенсивная экономическая и культурная деятельность, осуществляемая коренным населением разных социальных слоев. Князья же, волей или неволей переходя с одного "стола" на другой, брали с собою дружину, воевод, семью, челядь, "добрых старцев", любимых песнопевцев, мастеров высшей квалификации, утварь, книги.

Не стану перечислять знаменитых имен или законных - по наследству, "лествице", по "ряду" с вече, смене сюзерена, жалованному дару, то есть безболезненных, легких, как из горницы в горницу - переходов князей из княжества в княжество и не собираюсь доказывать, что междоусобные войны и переходящая все границы мобильность русских князей, называемая современными историками "коловращением", были полезными для страны. Нет, эти неизбежные порождения тогдашнего общественно-экономического строя наносили ей колоссальный вред, подрывали народные силы, ослабляли сопротивление внешним врагам и скрупулезно фиксировались летописцами именно в силу своего вреда. Однако сколько было законных, безболезненных княжеских пересмен, сколько было переходов из княжества в княжество бояр, воевод и священнослужителей, не замеченных летописцами! И эта непрерывная смена "прописок" способствовала общерусскому обмену политическими новостями и страстями, навыками управления, военным искусством, ремеслами, преданиями, литературой, особенностями разговорного языка.

Медленно и мучительно возрождалась идея общенационального политического единения, которое попытался осуществить в начале XII века Владимир Мономах, а во второй его половине Андрей **Боголюбский**, опиравшийся на свое молодое, обширное, единое, лишенное мелких уделов княжество. В то же время мелкие и слабые уделы постепенно становились благодатным материалом для централизации власти. И нашествие сильных внешних врагов в XIII веке отнюдь

не ускорило, как считают "евразийцы", этот естественный исторический процесс, тяга к которому обнаруживается уже в XII веке, наоборот - затормозило его, отодвинуло на столетия. Н. Г. Чернышевский: "У нас сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце..."

Кстати, многие из читателей, наверное, полагают, что с так называемой норманистской теорией происхождения нашей государственности давно покончено. Ничуть не бывало! Не только на Западе, но и в отечественных публикациях нет-нет да и проскользнут давние идейки, унижающие русский народ. Иногда это делается походя, как бы между прочим, даже в очень солидных академических изданиях.

Двенадцатый том Словаря современного русского языка, 1586 столбец: "Русь... Наименование восточнославянской народности; сама эта народность..." По словарю получается, что шестимиллионный народ средневековой Европы, освоивший за века значительную часть ее территории, создавший свою государственность и самостоятельную культуру, был всего-навсего "народностью". И далее идет цитата из книги Н. Полевого, известного журналиста прошлого века, не получившего систематического образования и лишь начитавшегося сочинений норманистов: "Летописи придают им имя варягов... коим означают они... всех обитателей Скандинавии, отличая в числе других варяжских народов отдельный народ: русь". Как видим, с помощью ссылки на ошибочную и обветшалую цитату солиднейшее современное научное издание исподтишка пропагандирует даже этническую несамостоятельность нашего народа! А ведь, толкуя это слово, можно было процитировать и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, и Есенина или замечательные слова В. И. Ленина из статьи "Главная задача наших дней", в которой он говорит о природных богатствах, запасе человеческих сил и прекрасном размахе, "который дала народному творчеству великая революция", - реальных предпосылках для того, "чтобы создать действительно могучую и обильную Русь". Можно было бы вспомнить и древнего сирийского писателя, еще в VI веке употребившего слово "Русь" ("Рос") применительно к нашим предкам, и, наконец, начальные строки Гимна Советского Союза...

В свое время Алексей Югов в книге "Думы о русском слове" уже обращал внимание на толкование понятия "Русь" в Академическом словаре, и я вслед за ним повторяю комментарий, вспомнив с добрым чувством покойного литератора-патриота. Хочу также отметить прямую связь между "норманистами" и "евразийцами", установить непосредственную преемственность их антиисторических русофобских взглядов. "Норманисты" числили среди "варяжских народов" скандинавский народ под названием "русь", "евразийцы" считают русских неким "туранским народом", производя этот термин от азиатских равнин. Один из западных "евразийцев", скрывшийся за ннициалами, пишет, что "не только из Киевской Руси не возникла современная Россия, но это было даже и исторически невозможно", так как Киевская Русь якобы являлась "группой княжеств, управлявшихся варяжскими князьями". "Норманисты", настаивая на миссионерской роли варягов-скандинавов, отрицали значение домонгольской русской государственности и культуры, "евразийцы" делают то же самое, всячески к тому же превознося опустошительные грабительские завоевания значительной части Евразии разноплеменными ордами кочевников в XIII веке и создание ими на дымящихся развалинах средневековых цивилизаций недолговечных региональных военно-феодальных образований.

Вот две строчки из одной и той же "исторической" песенки. "Государство русское начало существовать только со времени свержения монгольского ига" - это тот же Н. Полевой.

"Московское государство возникло благодаря татарскому игу" - это наш современник, "евразиец" Н. Трубецкой. Вынуждая нас вспоминать - по жесткому выражению современного советского историка В. В. Мавродина - "смрадный дух норманизма", "евразийцы" утверждают, будто Чингиз-хан выполнял "самой природой поставленную задачу" и "выступал как осуществитель творческой миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания". Даже, по выражению К. Маркса, "кровавое болото" золотоордынского ига на Руси, затормозившее на несколько веков ее экономическое, политическое и культурное развитие, "евразийцы" считают полезным для

русского народа, завершая свои антиисторические изыски бредовым и спекулятивным тезисом, будто "современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингиз-ханом"... И я бы, может быть, не стал здесь повторять эти бредни, если б не прочел недавно программной рукописи какого-то молодого кандидата исторических наук, доморощенного "евразийца", в которой он, как попка, повторяет, будто "правители Москвы являлись законными наследниками дела и державы Чингиз-хана"...

Уместно ли на таком фоне называть золотоордынскую систему одностороннего грабежа, убийств и насилий "тесным союзом" и "симбиозом"? В сущности Л. Н. Гумилев пользуется запрещенным приемом, выдавая мучительно трудную двадцатилетнюю международную и внутреннюю политику Александра Невского, одного из русских князей, за надуманный союз "всея Руси" с Ордой, а после его смерти еще более надуманно продлевая этот "союз" то на полвека - до 1312 года, когда он вдруг прервался по религиозным причинам, то аж на целый век до 1362 года, когда этот никогда не существовавший "союз - симбиоз" прекратился в связи с переворотом Мамая или "взрывом этногенеза".

Летят годы и десятилетия. На родной моей земле являются миру новые и новые люди, для коих все придет в свой час - первый свет солнца в очи, первое полуосознанно произнесенное слово "мама", так похожее на всех языках, первая написанная буква, первая прочитанная фраза, первая самостоятельная мысль, первая книга, над коей задумается человек. Позже, через жизненный опыт и книги, придут понятия о людях и мире, осознание себя как частицы общего, осмысление роли родного твоего народа в истории, в семье человеческой, придут раздумья о прошедшем и будущем.

С каждым годом в нашей стране появляются новые и новые миллионы читателей и граждан... И для каждого из этих юных соотечественников в свой час при/тут знания и размышления о самой тяжкой беде, постигшей русский народ в стародавние времена, когда он был лишен величайшей силы - единения, понес неслыханные жертвы, испытал великие муки, выполнив, однако, свою историческую миссию и оставив национальную совесть незапятнанной. Эти размышления не исчезнут и за далекими горизонтами следующего тысячелетия, как жили они все тысячелетие исходящее... Русский народ сдержал на восточных рубежах Европы печенежские, гузские, половецкие орды, что было лишь драматическим прологом к трагедии XIII века!..

"Русь была отброшена на несколько столетий, - пишет Б. А. Рыбаков, - и в те века, когда цеховая промышленность запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыя".

А сейчас я для того молодого любознательного читателя, который впервые задумается о роли и месте его народа в истории, приведу раздумья трех великих людей прошлого, его славных соотечественников. Первый из них, гений с кипучей кровью и солнечным умом, прожил немного, но успел исколесить почти всю Европейскую Россию, дважды ступив в азиатские пределы; он никогда не был в Западной Европе, но увидел и узнал многие народы, черпая бесценные духовные, нравственные сокровища к жизни родного своего народа русского. Второй - человек строгого, пытливого и обширного ума, родившийся на великой Волге, - не только предрек социальные перемены в жизни русского и всех других народов России, но и прошел за верность своим идеалам тяжкий путь страстотерпца от Петербурга до Внлюйска. Третий, родившийся, как и первый, в сердце России - Москве, философ, стойкий революционер, блестящий публицист, вынужденный большую часть жизни провести в изгнании, оставаясь велиликим патриотом своего народа, последовательно разрушая в Западной Европе миф о дикости и варварстве его и его собратьев по глубоким этноисторическим корням, сказал больше ста лет назад слова, хорошо звучащие и сегодня: "Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас, но несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной"...

Итак, прошу, неизвестный и доброжелательный мой читатель, подумать над высказываниями трех этих великих русских людей на тему, в которую мы с тобой вынуждены были вникнуть.

А. С. Пушкин: "Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией..."

Н. Г. Чернышевский: "Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергнувшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину разбили враги". "Жалко или нет бытие подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только...

Быть всемогущими в политическом и военном смысле и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?"

А. И. Герцен: "Татары пронеслись над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили друг друга и после всех этих ужасов исчезали за Каспийским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве... Материальный ущерб после неоднократных опустошений привел к полному истощению народа, он согнулся под тяжким гнетом нищеты. Люди бежали из деревень, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе".

Однако просвещенная Западная Европа ничего не знала обо всем этом! Британцы, например, накопившие в домонгольские времена много сведений о Руси и даже вобравшие в свой язык некоторые русские слова, попросту забыли о нашей родине, два с половиной века истекавшей кровью. Самые образованные англичане даже в первой половине XVI века весьма смутно представляли себе, где вообще эта Руссия или Рутения, с князьями коей некогда почитали за честь породниться их короли. Подробное географическое сочинение Роджера Барлоу, написанное около 1540 - 1541 гг., помещает Россию где - то "у Сарматских гор" и "гор Гиркании"...

А. С. Пушкин: "Европа в отношении России была столь невежественна, как и неблагодарна".

А теперь нам с вами, дорогой читатель, предстоит побывать на поле русской славы, на поле Куликовом...

Отрицать роль личностей, этнических или религиозных процессов в истории было бы нелепо. Только исторические векторы, направившие войска Дмитрия и Мамая на Куликово поле, сложились из множества и иных, куда более глубоких сил, сделавших это великое сражение главным по своему значению событием истории не только XIV зека, но и многих предшествующих и последующих веков.

Сражение за Непрядвой одни (в частности, "евразийцы") считали решительным столкновением "леса и степи", и до наших дней эта тема - схема не только насквозь проходит через публикации главного зарубежного "евразийца" Г. Вернадского, но и, к сожалению, заполняет многие страницы свежих исторических и неисторических романов... Другие видели в Куликовской битве разрешение извечной борьбы между "Западом и Востоком" или рассматривали ее как эпизодическое и чисто военное происшествие. Наконец, самое распространенное, живучее и, быть может, самое неверное представление о Куликовской битве постепенно сложилось под влиянием русских летописцев и первых наших профессиональных историков, рождая и поныне множество спорных по смыслу стихотворений, поэм, речей, статен и глав романов о громкой победе русских над монголо - татарами, христиан над "бусурманами", то есть мусульманами.

Повнимательней присмотримся, что собою представляла к 1380 году Золотая Орда, и в частности войско **Мамая**, с этнической и религиозной точек зрения. Строго говоря, оно не было "татаро -

монгольским" или "монголо - татарским".

В самом деле, о каких монголах на Волге к концу XIV века может идти речь, если за полтора столетия до этого с Батыем осталась в его отцовском, джучиевом улусе совсем небольшая горстка коренных монголов, к тому же теряющих уже свои национальные признаки из-за многочисленных смешанных браков с иноплеменницами? И, видно, недаром русский летописец среди народов, пришедших на Русь в орде Батыя, ставит на первое место "куманов", то есть кипчаков, половцев, недаром в старых русских исторических трудах и даже справочниках Золотая Орда называлась также "Кипчакской". Арабский же историк Эломари, касаясь основного этнического состава Золотой Орды XIV века, совсем не упоминает монголов; "***В древности это государство было страною кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (то есть татары) смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (то есть татар), и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними***". Быстро растворялись в местном населении не только разноплеменные монголы, для коих время и события уготовили быстрое и окончательное разрушение родового единения, но и довольно стойкие племенные монгольские образования. В фундаментальном труде Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского "Русь и Золотая Орда" (М. - Л., 1950) рассказывается о двух многочисленных монгольских племенах, этнические судьбы которых были прослежены учеными. **Джалаиры** и **барласы** в результате захватнических военных походов степняков первой половины XIII века оказались в Семиречье среди коренного тюркского населения. Оттуда во второй половине XIII в. джалаиры перекочевали в район Ходжента (Ленинабад), а барласы - в долину реки Кашкадарьи. "***Два этих больших монгольских племени - джалаиры и барласы - пришли из Семиречья в какой - то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае во второй его половине, считали своим родным языком тюркский язык***" (курсив мой. - В. Ч.), И еще одно научное сведение, касающееся уже судеб всего монгольского этнического элемента Золотой Орды: "***После образования Золотой Орды кипчаки составили основное ядро ее населения, и процесс отюречнвания численно небольшого слоя монгольского населения был закончен в XIV в***." (Аракин Д. В. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. - В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках, с. 121).

Для немногочисленных потомков основателей Золотой Орды стала совсем чужой их далекая родина, язык предков, суровый степной уклад жизни, сменившийся паразитическим сибаритством.

Их давно уже не объединяли ни жесткие каноны устной Чингизовой ясы, совершенно забытой, ни древние верования, потому что даже среди первых монголов-европейцев были и христиане-несториане, и буддисты, и язычники-шаманисты, а с начала XIV века все больше становилось мусульман. Что же касается культуры, объединяющей тот или иной народ, то ни о какой золотоордынской культуре нельзя даже и заикаться, потому что завоеватели-пришельцы не умели писать на своем забытом языке, не умели ни строить, ни ваять, а первоначальное этническое расовое растворение в различных народах усилилось в тюркоязычных половцах, сменившись последующим и окончательным - в **хорезмийцах**, из которых несколько поколений чингизидов-джучидов набирали советников, чиновников, евнухов, писцов, сборщиков дани, военачальников. Так что монголов на Волге в конце XIV века нельзя рассмотреть даже в самые сильные исторические микроскопы.

"Татары", как я уже писал в первых главах этой публикации, - собирательное, чрезвычайно условное летописное название разноплеменного войска, нападавшего на Русь в 1223, 1237, 1239 и 1240 годах - никакого этнического отношения к предкам современных поволжских татар не имели.

Центральноазиатские племена **татар** (та - та, та - тань), как мы знаем, полностью были уничтожены еще ордами Чингиза. Корни же казанских татар уходят в глубь времен - к многочисленному, стойкому народу, создавшему еще в домоигольское свое средневековье

богатое и сильное государство Волжскую Болгарию (**Булгарию**). Вместе со своими родственниками и соседями, свободолюбивыми степными рыцарями башкирами (башгирдами), волжские болгары первыми побили Субудая в 1223 году, потом стали первой жертвой первого похода Бату - Субудая на запад, первыми отчаянно восстали в глубоком тылу их войск, сделались, как и русские, данниками Орды, и неверно с исторической и нелепо с лингвистической точки зрения повторять сегодня слова о татарском иге, да еще к тому же... над татарами. В эпоху же позднего средневековья этнически смешанное Казанское ханство действительно стало одним из последних осколков распавшейся Золотой Орды; перед походом Ивана Грозного IV в нем пребывало в рабстве около ста тысяч русских людей...

Привычные выражения "монголо - татарские завоевания" или "татаро-монгольское иго" недостаточно полно отражают этнический состав степняков, напавших на Русь в XIII веке, и затушевывают социальную, классовую, автократическую природу феодальной империи средневековья, жестоко эксплуатировавшую позже множество народов и регионов Евразии. Пользуясь этими общеупотребительными упростительными терминами, замену которым, очевидно, найти нелегко, мы всегда должны иметь в виду связанные с ними объективные обстоятельства больших исторических событий тех времен.

Эксплуататорская власть Золотой Орды распространялась на огромную территорию Евразии, ее контуры являли собой гигантский многоугольник, по границам которого находились районы сегодняшней Молдавии, Кемеровской области, Крыма, Азербайджана, пермских лесов, Среднего Урала, бассейна Оби, низовьев Сырдарьи и Амударьи. Гнет Золотой Орды, разъедаемой спонтанными противоречиями и внешнеполитическими факторами, в середине XIV века слабел повсюду, и жалкий авантюрист Мамай лишь сделал попытку приостановить колесо истории. Л. Н. Гумилев настаивает, будто "тесный союз", якобы существовавший между Ордой и Русью, к тому времени "стал тягостным для обеих сторон" из-за изменения на Волге религиозной ориентации и включения золотоордынцев "в чужой и враждебный Руси суперэтнос". По его мнению, на Куликовом поле "бой шел вовсе не с "погаными" (то есть язычниками), а с "бусурманами" (то есть мусульманами)". Посмотрим, так ли это, приняв к сведению, что никакого религиозного, "мусульманского суперэтноса" в Азии никогда не было и не могло вообще быть, как не было, например, "христианского суперэтноса" в Европе.

Какого роду - племени был **Мамай** - никто не знает. Он мог быть из половцев - кипчаков, составлявших в орде этническое большинство, из хорезмийцев, которые к тому времени забрали в свои руки весь служилый аппарат Бату - Сарая и главных провинций, мог быть и китайцем, и человеком совершенно неопределенного национального происхождения - условно скажем, "татаро - монголом".

Вознесся Мамай при хане Бердибеке, женившись на его дочери. Вместе с тестем умертвил его родного отца и двенадцать братьев. Бердибеку аллах не дал наследника, и в двадцатилетней золотоордынской "замятне", перебравшей двадцать одного хана, Мамай, этот придворный интриган и честолюбивый военный служака, чувствовал себя как рыба в воде. Русский летописец отмечал, что у него "гордость бе велиа и чаяние выше меры".

Мамай трижды завоевывал Сарай и трижды изгонялся оттуда, потом закрепился на западе улуса - в понизовых междуречьях Днепра, Дона, Волги, на Кавказе, в Таврии. К походу на Москву Мамай готовился два года и собрал всех, кого мог собрать с помощью денег, посулов и плетен. Тотальной мобилизацией и скупкой вооруженных орд были охвачены не только подвластные ему земли, но и далекие их окраины, евразийские глубинки.

Мамай "даваше обильно всем и посла во многие страны" уговаривателей - эмиссаров с торбами, наполненными данническим и награбленным русским серебром и заемным генуэзским золотом.

"И снидошася к нему от многих стран Татарове на ласкание его и даяние"...

Татары? Вовсе нет! Этим условным этнонимом летописец назвал невообразимое по национальной и религиозной пестроте полчище наемников, добровольцев и подневольных, многим из которых суждено было остаться на Куликовом поле и сорокаверстном кладбище,

протянувшемся от Непрядвы до Красивой Мечи.

Среди профессиональных степных грабителей и усмирителей, составлявших значительную часть вооруженных сил Золотой Орды и поскакавших на легкую, как им казалось, поживу за авантюристом, наверняка было большинство тайных и явных язычников. "Как бы ни были велики успехи ислама и при Узбек-хане, они не выходили за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи". "...Еще в XV в. в Дешт - и - Кыпчак было много язычников, т. е. многие придерживались шаманизма" (упомянутая работа Д. Грекова и А. Якубовского, с. 166, 168).

Не исключаю, что в орде Мамая находилось также некоторое число "татаро - монгол", заброшенных судьбой и событиями из бывшей далекой метрополии с ее столицей Пекином. Кто они были по вероисповеданию? Только не мусульманами! Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал, что еще и в XVI веке господствующей религией в Монголии был, наряду с буддизмом, древний шаманизм. Так что эта часть войска состояла из буддистов, язычников - шаманистов и даже конфуцианцев; китайцы - воины, верно служившие монгольской династии Юань, и окитаившиеся разноплеменцы, изгнанные из страны народным восстанием 1368 года, могли доскакать в поисках грабительского прокорма до крайних пределов распадавшейся империи. Среди "татаро - монгол" наверняка были также **христиане - несториане**; эта вера пришла в монгольские степи еще до Чингиза, сохранялась все средневековье, и ее исповедовали даже некоторые ханы, например сын Батыя Сартак.

Конечно, мусульман хватало в войске Мамая, и летописец, очевидно не зная их этнической принадлежности, обобщенно пишет о "бесерменах" (басурманах). Предполагают, что "бесермены" - эго камские болгары или хорезмийцы, но едва ли избегли этого похода другие "бусурмане", мусульмане - степняки! В XIV веке шла мусульманизация и тюркизация бесчисленных племен и народностей, согнанных в центр Великой Степи двухвековым военным самумом, И несомненно, что в полчище Мамая влились отряды кочевников из Заволжья, с границ Синей Орды - язычники, мусульмане и язычники - мусульмане, в чудовищной и часто спорной этнической пестроте коих не могут разобраться поколения ученых. На основании исследований Березина, Сенковского, Аристова, Бланкенагеля, Григорьева, Разумова, Сосновского, Ханыкова, Радлова, Потанина, Бартольда, Банзарова и многих других Г. Е. Грумм-Гржимайло приводит умопомрачительный список племен и родов, составивших основу, например, "степных узбеков", которые в XVI веке заняли богатые земледельческие районы Средней Азии и слились с коренными жителями древнего Хорезма. В состав степного узбекского союза входили тюркские и отуреченные динлинские роды и племена - канглы, кипчак, киргиз, уйгур, карлык, аргын, алагин, тогус, юс, кучин; монгольские - хорлас, нукуз, кьжот, джалаир, ойрат, дорбет, онгут, татар, хонкират, мангыт, монгол, хатачии; не то тюркские, не то монгольские, не то тунгусские - кераит, найман, ктай (кидань), баргут; совершенно неизвестного этнического" происхождения - **меркит**, минг, кенегес, кынгыт...

Всего, как пишет ученый, "до сотни, да и эта цифра не является еще окончательной". Подчеркну, что сведения относятся к XVI веку, и трудно даже вообразить, какая этническая пестрота была в центре Великой Степи на два века раньше, во времена Мамая, Тохтамыша и Тимура...

В подвластных Мамаю районах прошла повальная мобилизация. Летописи называют мордовских князьков, а также ясов и черкесов. Можно ли их включать в "мусульманский суперэтнос"? Нет! Ясы, предки осетин, были в то время частью язычниками, частью православными христианами, а собирательным именем "черкесы" тогда и позже называли разноплеменные народности Северного Кавказа и Прикаспия, среди которых первые русские этнографы различали абадзехов, адиге, бесленеевцев, бжедухов, мехешевцев, егарукаев, убыхов, шепсугов и многих иных. Приняв христианство еще от первых византийских миссионеров, они упорно продолжали исполнять языческие обряды и обычаи даже после прихода сюда через несколько столетий ислама шиитского толка. Летопись числит в Мамаевом войске также буртасов - народность мадьярских этнических корней и языческих, как и мордовцы, верований, жившую в Прикавказье и Поволжье, где они полностью позже ассимилировались, хотя еще в XX веке в Поволжье сохранялось несколько деревень далеких потомков **буртасов**, почти неотличимых от русского населения,

которое называло их бурташами. С большой долей вероятности можно говорить о вовлечении в поход стародавних соседей кавказских буртасов - аланов, которые были христианами. Об этих народах писал великий азербайджанский поэт Низами:

Плечистые аланы позади,

Буртасы слева рвутся напролом...

Почти неизбежно в бешеный круговорот тотальных военных сборов были втянуты и русские "вольные люди", жившие грабежом летописные бродники, будущие казаки, несомненно, православные христиане; еще при Калке они целовали крест Мстиславу и тут же во главе со своим атаманом Плоскиней предали киевского князя.

Позже они платили дань Золотой Орде, о чем сообщал венгерский король Бела IV в письме римскому папе. Шли с Мамаем, очевидно, и мелкие отряды литовцев, с пограничьем и княжеской резиденцией которых так тесно контактировал горе-завоеватель; было бы противоестественно, если б они не влились в левый фланг Мамаева полчища, когда **Ягайло** вел из метрополии многочисленную сильную армию к тому же полю Куликову. Кем же были по религиозной принадлежности литовцы? Не мусульманами и не католиками, потому что католичество в Литву пришло лишь после 1386 года, когда Ягайло женился на польской королевне Ядвиге, обменяв на ее красоту и польско-литовский престол древние верования своего народа. Сам он был в 1380 году не то язычником, не то крещеным язычником, войско же его делилось на православных и приверженцев дохристианской языческой веры.

Кстати, плечом к плечу с Дмитрием Ивановичем, как известно, встали в полдень 8 сентября 1380 года два отважных и умных литовских князя. **Андрей** и **Дмитрий** **Ольгердовичи** привели с собой на Куликово поле не только псковских, полоцких, черниговских и брянских русских воинов, но и верных им витязей - земляков, сородичей и соплеменников. И еще уточню - митрополит литовский (киевский) Киприан, болгарин по происхождению, в 1380 году стал одновременно и митрополитом московским, так что в день Куликовской битвы противостояли друг другу тысячи единоверцев и единоплеменников, имеющих к тому же одного официального духовного пастыря.

А знаменитый русский историк Н. М. Карамзин когда-то разыскал в Синодальной библиотеке старинную книгу, в которой рассказывается, как 2 июля 1380 года прискакал в Москву один из стражей дальней границы Андрей Семенов. С пятьюдесятью конными удальцами он одиннадцать дней объезжал степями "силу" Мамая, а на двенадцатый его "***имали и поставили пред Царем***".

Мамай спросил: "***Ведомо ль моему слуге Мите Московскому, что аз иду к нему в гости***?" Далее Мамай перечисляет "Орды, Царства и Князей", идущих с ним на Москву, и под конец просит передать Дмитрию: "***может ли слуга мой всех нас употчивать***?" Дмитрий, как мы знаем, смог употчевать их всех, но отметим одну подробность того важного разговора: разных князей - военачальников под своим штандартом Мамай числил более тридцати,"***опричь Польских***".

И если участие поляков - католиков в битве на Непрядве не подтверждается другими источниками - Мамай мог просто прихвастнуть, - то историки, веря летописям, не сомневаются, что какую - то часть разношерстного войска, пришедшего на Куликово поле, составляли **армяне**-григориане - наемные или мобилизованные воины, вероятно, не из Великой Армении, на которую власть Мамая не распространялась, а потомки тех армян - изгнанников, что бежали на север в XIII веке, спасаясь за Кавказским хребтом от уничтожения ордой. И еще одно несомненное сведение об этническом и религиозном составе орды Мамая. Приплыл морем и прошел сушей на поле Куликово большой полк **фряжских рыцарей**[121], нанятый на заемные деньги черноморских и

---

[121] Критичес, жности для сбора максимальных сил. Есть любопытное известие, будто советники Мамая говорили ему: «*Орда твоя оскудела, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять генуэзцев, черкес, ясов и другие народы*»[11]. Также в числе наёмников названы мусульмане и буртасы. По одной из версий[1], весь центр боевого порядка ордынцев на Куликовом поле составляла наёмная генуэзская пехота, конница стояла на флангах. Встречается

средиземноморских купцов. В наемном полку была та же этническая пестрота, которая характеризовала все это разбойничье - захватническое полчище. В Италии, откуда явилось на Русь закованное в рыцарские латы воинство, их называли **кондотьерами** - от слова condotta - "наемная плата". Отряды хорошо вооруженных авантюристов, нанимаемые в XIV веке итальянскими феодалами и мелкими тиранами, боровшимися за власть, города и земли, состояли в основном из немцев, но были среди них также английские рыцари, например свирепый Джон Гаквуд, предводитель отряда наемных англичан, французские и итальянские искатели легкой наживы,служившие оружием тому, кто больше платил.

О религиозной их принадлежности едва ли стоит говорить - быть может, только в детстве они были христианами - католиками. Один из самых беспощадных разорителей итальянской земли немецкий предводитель кондотьеров Вернер фон Урслинген, скажем, наводивший на Италию ужас в 1334 - 1352 годах, выбил серебром на своем панцире такой "религиозный" девиз: "Враг Бога и милосердия".

Летописец, перечислив очевидную часть, так сказать, наличного состава войск Мамая, добавляет: "и иныа с ним". Не будем долго гадать, кто были эти "иныа", но вполне возможно, что национальную и религиозную пестроту огромной орды, поднявшей до неба пыль по всему каспийско - черноморскому югу летом 1380 года, дополняли, например, иудеи, которых русские летописцы числили среди сборщиков золотоордынской дани и ростовщиков; это могли быть и далекие потомки хазарского клана правителей, и крымские **караимы** - обособленная иудаистская секта, поселившаяся в Крыму задолго до событий, и персидские, выметенные народным восстанием торговцы, выступавшие в роли средневековых интендантов и маркитантов. Возможно, что освободительная борьба в Иране, покончившая к тому времени с властью Хулагидов, выбросила на север и часть их бывших прислужников, исповедовавших зороастризм, исконную религию персов, из горных районов Азербайджана, подвластного Золотой Орде, были мобилизованы не успевшие "обесерменитьcя" христиане, поклонявшиеся разрушенным храмам древней Албании, с Тамани - готы - тетракситы, а из Крыма, с которым у Мамая было связано столько экономических и политических страстей, вполне могли пойти на дальнюю соблазнительную добычу еще жившие там **крымские готы**, чью воинственность отмечали средневековые историки; готы были православными христианами, издревле пасомыми Византийской (Константинопольской) метрополией.

Итак, вражеское войско на Куликовом поле не представляло никакого "мусульманского суперэтноса", в полчищах Мамая были не только представители всех мировых религий, но и последователи множества их разнотолков и ответвлений.

За два года повсеместных сборов к такому предприятию примкнули все, кто, служа или подчиняясь власти, наловчился стрелять, колоть, рубить, резать и грабить людей, азиатские и европейские ландскнехты и искатели приключений, степные, лесные и горные разбойники, рыцари наживы, средневековые уголовные преступники и прочее перекати - поле, в том числе и самый низкий человеческий сброд, не верящий ни в бога ни в черта, какого во все времена хватало на этой земле.

Меньше всего в полчище Мамая было монголов и татар. Это было разноплеменное и разноязычное скопище разноверцев, обманутое, соблазненное, принужденное или купленное международным авантюристом XIV века, движимым непомерным воинским честолюбием, властолюбием и звериным политическим цинизмом, так что Куликовская битва, широкое празднование любого юбилея которой не может оскорбить ни исторической памяти, ни национального достоинства или религиозного чувства кого бы то - ни было из живущих, священна для всего цивилизованного человечества, потому что знаменовала собой особую, исключительную веху в мировой истории.

информация о численности генуэзцев в 4 тыс. человек и о том, что за участие в походе Мамай расплатился с ними участком крымского побережья от Судака до Балаклавы.

Перейдем к этой важной теме.

39. Глава 39

Мамаевы полчища не были, однако, рыхлым или слабым конгломератом разнородных боевых отрядов. Они сорганизовались в тысячеверстном совместном целевом походе, подтянули фланги и тылы, слились, сжались утром 8 сентября 1380 года в единый мощный кулак. Кроме беспрекословного единоначалия их объединяла общая цель - изрубить в крошку, как они предполагали, неповоротливую мужичью рать Дмитрия московского и ринуться на беззащитные города и села русских с повальным грабежом, огнем и насилием. Однако не только это "***Мамай мысляше в уме своем, паче же в безумии своем***"! В одном из средневековых Синопсисов, "согласно с некоторыми иными списками", как пишет Карамзин, зафиксированы интереснейшие подробности событий, непосредственно предшествовавших Куликовской битве.

Дмитрий Иванович, узнав о приближении огромного войска Мамая, сделал попытку дипломатическим путем предотвратить сражение. Он "***отправил к Мамаю хитрого мужа Захария Тютчева, дав ему множество золота, серебра и двух переводчиков***".

Встреча боярина Захария **Тютчева** с Мамаем - еще одно свидетельство, как на самом деле относились к послам степные завоеватели, если они были уверены в своей силе и безнаказанности. Для начала разговора русский посол, разложив драгоценные дары, именем великого князя справился о здоровье Мамая. Дипломат ничегошеньки не нарушил в посольском ритуале, однако Мамай тут же унизил и оскорбил посла. Он во гневе сбросил башмак с ноги и сказал Тютчеву: "***се ти дарую***", а своим воинам: "***возьмите дары Московские и купите себе плети: злато бо и сребро князя Дмитрия все будет в руку моею***".

Приведу еще несколько важных для нашей темы средневековых свидетельств. С весны 1380 года Мамай разослал по всем подвластным ему улусам повеление: "...***ни един из вас не пашите хлеба, да будете готовы на русские хлеба***". Это было нужно ему не только для того, чтобы оторвать от сельскохозяйственных работ ради своих чисто военных целей мужское земледельческое население обширных территорий, соблазнив его чужим хлебом, он задумал куда более серьезное.

Кроме золота, серебра и хлеба нового урожая Мамай, оказывается, вознамерился отнять главную ценность любого оседлого народа - землю. Во время встречи с Захарием Тютчевым он изложил одну из основных целей похода на князя Дмитрия: "***землю же его разделю служащим мне, а самого приставлю пасти стада верблюжее".***

Однако "чаяние выше меры" состояло и в другом, более опасном для судеб Руси. Да! Мамай знал, конечно, об усилении в степной **Синей Орде** хана Тохтамыша, законного, по родове, наследника верховной ордынской власти, знал о жестоком и могучем, объявившемся за Каспием, железном Тимуре и понимал, что его узурпаторская власть в Орде недолговечна.

Нет, Мамай затеял не просто грабительский поход, каких Русь вынесла без числа. Этакую силу он собрал и не для того также, чтобы восстановить прежний размер дани или увеличить ее. Снова прислушаемся к угрозам Мамая: "***Баскакы посажаю по всем*** (курсив мой. - В. Ч.) ***градом русским, а князей русских изобью***"... Есть и летописное сведение, касающееся планов завоевателя: "***Царь Батый пленил всю Русскую землю и всеми странами и всеми ордами владел, также и Мамай мысляще во уме своем паче же в безумии своем***".

Политический авантюрист задумал одним ударом ликвидировать войско Дмитрия, узурпировать власть не только в Московском княжестве, но и во всей Руси, передать ее землю, как главную ценность, в грабительскую эксплуатацию тем "князьям", что в тот момент служили ему и шли на Русь в его войске. Такой порядок, между прочим, существовал незадолго до событий на Руси в Китае, где вся земля была отобрана у земледельцев. Талантливый китайский историк профессор У. Хань, погибший во время "культурной революции", писал: "***Бедняки вносили залоговые деньги и подолгу умоляли о милости, прежде чем им сдавали по нескольку му (му - 0,061 га. - В. Ч.) земли; целый год надо было вставать до света, работать при луне,***

проливать пот, трудиться без отдыха, чтобы получить хоть какой - нибудь урожай". Более половины этого урожая шло владельцу земли. "После уничтожения империи Сун население было организовано в двадцатидворки (цзя) во главе с монголом, который пользовался абсолютной властью над семьями, включенными в двадцатидворку". Захватчики - вельможи и их китайские прислужники получали обширные земли вместе с людьми "на кормление". "Максимум был у императрицы Борта - хатун в Чжэньдине: 80 тыс. дворов". И бесконечные поборы! Чудовищно велики они были при восшествии на престол очередного императора династии Юань, протокольные их описи сохранились в китайских архивах. Например, "по случаю воцарения императора Жэньцзуна общая сумма пожалований составила 39550 лянов золота (лян[122] - монета весом 37,3 грамм серебра - В. Ч.), 1849050 лянов серебра, бумажных денег на сумму 203279 динов (дин - денежная единица, равная 50 серебряным лянам. - В. Ч.) и шелковых тканей 472434 куска" (Хань У. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980). Не этот ли порядок, о котором, безусловно, были наслышаны в Орде хотя бы через среднеазиатских чиновников, служивших там и тут, задумал Мамай перенести на Русскую землю, где основная часть тружеников - земледельцев была еще лично свободна?

Быть может, речь шла даже о создании обширнейшей и сильной новой Орды на Русской земле - во главе с Мамаем, и эти честолюбивые "чаяния выше меры" представляли серьезную угрозу для сопредельных государств и народов.

Во время встречи с Мамаем Захарий Тютчев держался с достоинством, отвечал смело, и охрана Мамая собралась было его убить, однако золотоордынский темник, уже мнивший себя властелином Руси, остановил их и пригласил русского дипломата к себе на службу. Тот прямо не отказался, попросив прежде отправить ответное посольство в Москву, Мамай отрядил четырех мурз[123] и послал с ними и Тютчевым наглый ультиматум Дмитрию: "***Ведомо ли ти, яко улусами нашими обладаешь: еще ли еси млад, то прииди ко мне да помилую тя***".

Встретив на Оке первый русский отряд сторожей, Захарий Тютчев повязал мурз, разорвал в клочья грамоту Мамая и отправил одного из сопровождавших посольство вражеских воинов сообщить обо всем в ставку.

Историки не знают точной **численности войск Мамая**, который, конечно, преувеличил, сказав Андрею Семенову, будто в наличии у него семьсот три тысячи, а всем войскам числа он не ведает, но существует объективное и твердое мнение - за всю историю Руси никогда еще не появлялся на ее рубежах столь многочисленный, технически оснащенный, мобильный и профессионально подготовленный враг! А с севера на Куликово поле пришла "вся сила русская" - и воеводы, и дружинники, и ремесленники, и "сыны крестьянские от мала до велика", и "многие люди и купцы со всех земель и градов". Это была, по Карамзину, "вящшая" сила, когда - либо собранная на Руси, но сколько всего сошлось воинов под стяг Дмитрия, наука окончательно не решила.

Канун битвы имел одну подробность чисто военного характера, о коей следовало бы упомянуть. Военные историки много раз описывали подготовку к этому эпохальному сражению средневековья, восхищаясь полководческим новаторством Дмитрия, который, в частности, решительно и смело перешел Дон, расположив войска перед Непрядвой. Этим он обезопасил тыл, исключил вероятность флангового обхода и какую бы то ни было возможность к отступлению. Известно, что полководцы Западной Европы применили эту стратегическую новинку только через двести лет.

Подчеркивая значение подвига Дмитрия, напомню, как разрешались две сходные военные

---

[122] Основная денежная единица Китая середины XIX - начала XX в., равная 10 мао и 100 фыням. Насчитывалось около 180 видов лянов с разным содержанием серебра. Наиболее распространенными были: купинский (казначейский) весом в 37,3 г, хайгуанский (таможенный) — 37,7 г, шанхайский лян — 33,74 г чистого серебра.

[123] **Мурза** (тюрк., от перс. мирза), титул феодальной знати в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Сибирском ханствах и в Ногайской Орде.

ситуации прошлого. За триста без малого лет до Куликовской битвы, весной 1093 года, умер великий киевский князь Всеволод Ярославич, и половцы решили немедленно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы повоевать Русскую землю. Против них выступил Владимир Мономах с двоюродным братом Святополком и братом Ростиславом. Русские войска остановились перед **Стугной**, и князья со своими советниками порешили было не переходить весеннюю наводнившуюся реку. "***Кияне же мнози не восхотеша совета сего и рекоша: "Хощем ся бита, поступим на ону страну реки"***". Поразительно звучат в исторической ретроспективе вещие слова Игоря: "Не такова - то река Стугна"... Половцы наголову разбили русских.

Многие пали в злой сече, другие утонули в Стугне, в том числе и юный князь Ростислав, о чем с такой пронзительной печалью говорится в "Слове о полку Игореве": "***Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.***.." (Возвращая читателя к остановке авангарда Субудая у Игнача креста в марте 1238 года и повороту орды от Новгорода, замечу попутно, что сражение на Стугне, что "худу струю имея", произошло 26 мая, и это убедительно говорит о большом запаздывании весен в средневековье; причем Стугна, "***бе бо тогда наводнилась вельми***", текла по лесостепи и очень далеко от Новгорода, южнее даже Киева).

А ровно за сто сорок лет до Куликовской битвы прадед Дмитрия двадцатилетний князь Александр Ярославич с новгородцами и ладожанами прижал шведов - захватчиков к реке и нанес, им сокрушительное поражение, обретя в памяти потомков имя **Невского**...

Раз на раз, как говорят, не приходится... Незадолго до эпохальной Куликовской битвы состоялось несколько ее, можно сказать, репетиций, в том числе и генеральная. Беру то самое пятнадцатилетие, предшествовавшее Куликовской битве, в начале которою мор еще косил горожан в Твери, Торжке, Ростове, Пскове, Волоке Ламском, а почти в конце его пал "на скот и люди по всей земле Русской", то самое пятнадцатилетие, когда так часто "***бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеся и земля горяше***". От этих бед, а не от сырости, страдала Русь и все же набирала - накапливала силу, готовясь к решительной схватке с Ордой и уже не отступая ни на шаг, терпя иногда и поражения, но чаще одерживая победы. Остановимся на хронологии, уже привычной читательскому глазу.

- 1365 год. Грабительский поход на рязанские земли "царевича Тагая", Был разграблен и сожжен Переяславль-Рязанский, села и попутные города. Войско Тагая безнаказанно и "со многой тягостью пошло в поле". Однако наступали, видать, иные времена - открытой борьбы, единения, дружного сопротивления врагу. На помощь дружине Олега рязанского, временно, очевидно, отступившей под натиском подавляющих сил степняков, пришли полки Владимира пронского и Тита козельского. Соединенные силы трех князей бросились вслед грабителям и нагнали отряды Тагая у реки Войды, возможно, на переправе, броду. "***Былъ им бой крепокъ и брань лютая и сеча зла, и падали мертвые отъ обоихъ сторонъ***". Ордынцы были разбиты, а Тагай, "рыдая и плача и лицо одирая отъ многой скорби, едва с малой дружиной убежалъ".
- 1367 год. Нападение хана Булат - Темира на нижегородские волости. Нижегородский князь, объединившись с братьями, разбил степняков.
- 1373 год. Очередная грабительская рать Орды прошла по рязанским землям с огнем и мечом, приблизилась к московским рубежам. Дмитрий, предупреждая нападение на Московское княжество, вышел навстречу "со всей силой своей", одновременно послав за помощью в Нижний Новгород. Помощь прибыла незамедлительно. Объединенные русские полки встали на левом берегу Оки "и татар не пустили и все лето там стояли".
- 1374 год. Дерзейший рейд по Волге новгородской вольницы. Правда, ушкуйники грабили и русские города, и ордынские селения, однако это разбойничье предприятие показало Руси, что стало можно пройти с оружием до низовьев Волги и померяться силой с воинством степняков в чреве Орды.

- 1376 год. Большой предупредительный поход московских войск далеко да юг, за Оку. "Князь великий Дмитрий Иванович Московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской".
- 1377 год. Победоносный марш низовских князей на г. Булгар, подвластный Мамаю, и установление контроля над средним течением Волги.
- 1378 год. **Вожа**, генеральная "репетиция". Среди лета сторожа донесли Дмитрию, что идет на него сильное степное войско, посланное Мамаем и возглавляемое мурзой Бегичем. Московский князь выступил навстречу, переправился через Оку. И вот за небольшой рекой рязанской земли замаячили всадники в остроконечных шапках, заблистали на солнце острия их копий.

Русские войска не пошли на противоположный берег Вожи, "ста против них крепко". Дмитрий Иванович возглавил центральный полк, а князь Данила пронский и московский окольничий Тимофей Вельяминов - фланговые. Несколько дней стояли противники на берегах Вожи, и 11 августа 1378 года, как писал Н. М. Карамзин, ордынцы наконец "сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на Россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы, ехали вперед легкою рысью". И вот по команде Дмитрия русские полки пришли в движение - одновременно ударили по центру и с флангов. Степная конница смешалась, обратилась в бегство. У переправы их расстреливали из луков, рубили мечами, кололи копьями. В сражении погиб сам Бегич и несколько ордынских "князей": Хазибеи, Коверга, Карагалук, Кострок... Наступили сумерки, за ними туманная ночь. Карамзин: "Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день Великий Князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами".

Это была первая большая победа над степняками за полтора века!

Были за то же пятнадцатилетие, кстати, два горьких поучительных урока и еще один, особо приметный, обогативший Дмитрия бесценным военным опытом.

В 1368 году напал на Московское княжество **Ольгерд** литовский. Этого Дмитрий не ожидал, очевидно оставив без надзора западные границы. Он, правда, послал по своей земле грамоты, призывая на военный сбор, но они не успели - Ольгерд разгромил разрозненные отряды Дмитрия, стремительным маршем вышел к Москве. А из-за собственной беспечности в реке Пьяне через десять лет потерпело сокрушительное поражение от ордынцев нижегородское войско: ***"...доспехи своя на телеги и в сумы скуташа, рогатины, сулицы и копья не приготовлены, а инии еще и не насажени быша, такоже и щиты и шеломы; и ездиша, порты своя с плечь спущающе***".

Дмитрий Донской принял летом 1380 года особые предупредительные меры. Отменные воины на лучших лошадях были загодя посланы далеко в степь и не спускали острых глаз с огромного вражеского войска. Были созданы специальные отряды удальцов - "сторожей", постоянно сносившиеся с Дмитрием, который, очевидно своевременно узнав о трехнедельном стоянии Мамая в верховьях реки Воронежа, максимально, использовал это время для сбора, концентрации, смотра войск и смелого марша его за Оку, на Куликово поле.

Сбор войск... Кажется поразительной организованность, с какой сошлись в Коломне русские полки, но не все, может быть, знают, что этому предшествовала грандиозная репетиция 1375 года. За несколько лет до этого, когда Дмитрию было всего двадцать один год от роду, он решается на смелый, достойный зрелого мужа поступок - отвергает претензии тверского киязя Михаила на Владимирское великое княжение и сам отказывается ехать в Орду за ярлыком. Летописец зафиксировал его слова, исполненные уверенности и силы: "***Не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу***". И вот, взяв на себя великое бремя объединения Руси и предвидя решительное военное столкновение с Ордой, Дмитрий подвигается на важнейшее государственное дело, отвечающее общерусским целям, - силой обеспечить тылы, окончательно нейтрализовать Тверь, извечную соперницу Москвы, и даже превратить, если удастся, это богатое и мощное княжество в союзника. Среди лета 1375 года Дмитрий объявляет общерусский

сбор для **похода на Тверь**. Гонцам нужно было проскакать изрядные расстояния от Москвы во все концы - до Новгорода Великого, Смоленска, Брянска, Белоозера, Тарусы, Ярославля, других ближних и дальних городов, князьям на местах провести спешную мобилизацию войск, срочно и организованно стянуться в одно место и в одно время. В срок пришли к Волоку воины новгородские, ярославские, ростовские, кашинские, серпуховоборовские, суздальские, белозерские, городецкие, стародубские, моложские, новосильские, оболенские - всего двадцать два отряда. В течение месяца осаждал Дмитрий Тверь, сила была явно на его стороне, и тверской князь вынужден был заключить очень важный договор с Дмитрием: "***А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с единого всем противу их. Или мы пойдем на них, и тобе с нами с единого пойти на них***".

Так вот, на ту первую общерусскую мобилизацию XIV века ушло всего две недели!

И через три года, как известно, состоялось первое победоносное сражение армии молодого Русского государства с ордынским войском на Воже, узнав о котором Мамай будто бы горестно запричитал: "***Увы мне! Что створили русстии князи надо мною? Како мя срамоте и студу предали... како могу избыти сего поношения и безчестиа?"***

К. Маркс: "Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже. Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими".

В распоряжении Дмитрия к тем временам действительно уже было войско, которое можно назвать профессиональной общегосударственной феодальной армией. Она постепенно создавалась в течение нескольких десятилетий перед Куликовской битвой посредством закрепления вассальной зависимости удельных князей от "старшего брата", то есть великого князя московского, закреплялась обязывающими "докончаниями": "***а кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг, а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг***". "***Будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья***". И вот мобилизационная грамота - приказ Дмитрия, посланная с гонцами 15 августа 1380 года во все концы Руси: "***Вы бы чяса того лезли воедин день и нощь, а других бы есте грамот не дожидалися".***

Дисциплинированность, организованность и мобильность армии Дмитрия попросту поражает! Самая трудная военная дорога ждала князя Андрея кемского - он собирал своих воев на далекой

северной реке Кеми, текущей в Белое озеро, и устюжских князей с Сухоны, неблизок был путь псковичей с Чудского озера, новгородцев с Ильменя, дружины Глеба Друцкого с правобережья Днепра, витязей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей с литовского пограничья. Все они через болота и леса "лезли воедин день и нощь", преодолевая в сутки по 60 - 85 километров, что было рекордной скоростью для тех времен и условий. Причем следует учесть, что псковичи, например, и новгородцы были тяжеловооруженными. "***Чюдно быша воинство их, и паче меры чюдно уряжено конми, и партищем, и доспехом.***.." "***Все люди нарядные, пансири, доспехи давали з города***", то есть из городских оружейных арсеналов.

В Куликовской битве все необычно - и решительный переход русских через Дон, и поведение Олега рязанского, и однодневное опоздание Ягайлы, и выбор места битвы, и выделение трети войска, его конной гвардии, в Засадный полк, и разительное неравенство сил. По средневековой воинской науке и практике, массированный удар конницы должен был обеспечить легкую победу над пешей ратью. Потому - то Мамай "***и поиде на великого князя Дмитрия Ивановича, яко лев ревый, и яко медведь пыхаа, и аки демон гордяся***".

Уставы европейских рыцарских орденов, ограничивая **роль пехоты** вспомогательными функциями, не возбраняли ей спасаться от кавалерия бегством и даже запрещали выставлять пехотинцев против конников.

Конница Мамая, значительно превосходившая по численности все воинство Дмитрия, устремилась на Большой полк его. Туда же был нацелен и бронированный таран фряжских рыцарей. Против русских была и тревожная неизвестность о действиях Олега и Ягайлы, и полное неведение о судьбе князя Дмитрия.

Обычаи средневекового европейского рыцарства требовали, чтобы князь, возглавляющий войско, сражался на виду - под хоругвью и при всех регалиях, увлекая своим примером дружину.

Степные же военачальники выбирали удобное место, чтоб можно было наблюдать за битвой и руководить ею, а при неблагоприятном ее исходе спастись на лучшем скакуне. Не знаю, думал ли Дмитрий о внимательных взглядах на него из далекого нашего будущего, но поступил он в свой звездный час так, как никто из полководцев не поступал ни до него, ни после. Облачившись на виду всего войска в доспехи рядового ратника, он растворился в центре Большого полка, в своем народе, чтобы победить вместе с ним или умереть вместе с ним, а каждый воевода, самостоятельно оценивая обстановку, великолепно знал "свой маневр" и не нуждался в главном командовании - это было вершиной воинского искусства всех времен...

Перейдем к чрезвычайно важному! Совсем - совсем не случайно мы, вспоминая наше давнее или сравнительно недавнее прошлое, говорим о славе русского оружия.

Прежде чем приостановиться на этой теме в связи с Куликовской битвой, хочу поделиться с читателем одним своим личным впечатлением. Живу я напротив Третьяковки. Прямо перед окнами - церковь Николы в Толмачах, без куполов, служащая пока хранилищем картин, а чуть наискосок - вход в знаменитую на весь свет картинную галерею, ее изумительный васнецовский фасад. Нет - нет да захожу я туда, чтоб вновь и вновь насладиться творениями великих русских мастеров кисти, отдохнуть, укрепиться духом, повспоминать, прикоснуться к истории...

Восприятие произведений искусства у каждого человека индивидуально, и когда я стою перед знаменитым полотном Виктора Михайловича Васнецова, на котором изображены Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, то вижу в нем величественный триединый символ русского, украинского и белорусского народов, охраняющих богатырскую заставу... А вот замечательная картина "Утро на Куликовом поле", которую Александр Бубнов начал писать в 1943 году - переломном в истории Великой Отечественной войны. В полотне этом тоже сквозит образнохудожественная символика. Мужик с топором на переднем плане, Дмитрий Донской на коне, а за ним - сермяжно-лапотная Русь чуть ли не с дрекольем... Однако реальное утро 8 сентября 1380 года на поле Куликовом было все же другим!

Какие бы ни были разнотолки среди ученых относительно подлинной численности войск Дмитрия и Мамая, почти все они сходятся на том, что новая орда, нагрянувшая на Русь, значительно превосходила числом русское воинство. Как же оно могло нанести столь сокрушительное поражение Мамаю и его "князьям", его самому многочисленному за всю историю европейского средневековья войску? Чудо?

Любознательный Читатель. Чудес на свете, как известно, не бывает - все имеет реальную основу, материалистическое объяснение... Мамаева орда была втянута в мешок, вынужденные спешиться степняки потеряли маневренные преимущества, сражались только на фронте, занятом войском Дмитрия...

- Все верно, только кроме тактических и стратегических причин было еще одно, чрезвычайное важное. Археологи, историки, военные специалисты издавна изучали и изучают боевую технику средневековья - назову А. Н. Кирпичникова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, Г. А. Федорова - Давыдова, А. А. Строкова, В. Г. Федорова; данные о русском оружии средневековья давал и дает разнообразный и богатый археологический материал, былины, летописи, изография, литература, исторические сочинения разноязычных авторов. И я, суммируя их сведения, оставляю любознательного читателя наедине с историком.

Историк. Своего рода символом мощи и совершенства военной техники средневековой Руси можно счесть тяжелые и длинные, до ста семидесяти сантиметров, стальные стрелы середины XII века с металлическим стабилизатором, хранящиеся в Оружейной палате Кремля. По некоторым данным, их изобрел и применил сын Андрея Боголюбского Изяслав. Чтобы послать такой снаряд в гущу врагов, нужно было иметь очень сильный самострел. Степной всадник, пусть и великолепно владеющий своим главным оружием, стрелял чаще всего с коня, управляя им и одновременно натягивая тетиву и прицеливаясь - дальность полета стрелы и меткость попаданий

снижались. Пеший же русский воин, стоявший на оборонительном валу, крепостной стене или в строю, хорошо защищенный броней, мог спокойно целиться из надежного и сильного, с прицельной рамкой самострела, технически довольно сложного устройства, где "тетива натягивается крючком, крючок натягивается гребенкой, которая передвигается системой двух шестерен" (Рыбаков Б. А. Русское военное искусство X - XIII вв. М" 1945, с. 19).

Или взять простое и прозаическое русское изобретение, которое часто встречается археологам в погребениях IX века - железная обойма нескольких разновидностей с одним, двумя или тремя пирамидальными шипами. Эти **ледоходные подковки** для обуви воинов и конских копыт - убедительное материальное доказательство того, что зимние военные дороги средневековой Руси проходили по замерзшим рекам и озерам. Приспособление давало преимущество русскому воину в ледовых сражениях зимы 1238 года, если войско нападавших степняков в несколько раз не превосходило по численности отряды дружинников, ратников или партизан.

- Мы еще не говорили об **основном оружии и доспехах** русского воина...

- В самых ранних археологических слоях обнаруживаются шлемы, мечи, щиты, кольчуги, латы, копья длинные и короткие, метательные - сулицы, шпоры, детали конской сбруи и даже стальные боевые маски коней. Русь в эпоху своего средневековья была вынуждена производить надежное боевое и защитное вооружение, потому что враги нападали на нее со всех сторон. И уже в черниговской Черной Могиле, ранней и самой богатой находке, Дмитрий Самоквасов обнаружил набор оружия конного воина. Без такого оружия Русь бы не уцелела под напором западных рыцарей и восточных кочевников.

- А каким было вооружение Чингизовых орд?

- Империя Чингиза представляла собою самую отсталую, тупиковую ветвь средневекового феодализма. Стоявшие на очень низкой ступени экономического и общественного развития, кочевники не производили собственного оружия, не изобрели ни одного нового боевого средства. Их разноплеменное легковооруженное и подвижное конное войско брало численным превосходством, жесткой дисциплиной, массированным применением лука и стрел, позже осадной военной техникой, заимствованной, как мы уже знаем, у более развитых народов, в основном у чжурчжэней и китайцев. Кованые маски степняков, хранящиеся в наших музеях, как показали исследования, были изготовлены в Индии. И только хорошо вооруженный воин Бату - Субудая имел защитный **куяк** из буйволовой кожи, иногда с нашитыми на него железными пластинами. У Мамая были тяжеловооруженные фряжские рыцари, а мурзы, эмиры, беки, баи, нукеры - телохранители защищались русскими, среднеазиатскими и кавказскими кольчугами и панцирями облегченного типа и устаревших образцов. Военная тактика и стратегия степняков вообще исключала применение тяжелого боевого и защитного снаряжения. Они даже не подковывали коней, чтоб не снижать их быстроходности. Основным вооружением степняков даже на **Угре в 1480** году оставался тот же лук, легкое копье, сабля, нож, колчан со стрелами и волосяной аркан, в то время как у русских воинов были уже "ручницы" - тяжелые пищали огненного боя. А когда в 1921 году Красная Армия очищала Монголию от белогвардейских и белокитайскнх банд, наши командиры жаловались, что негде подковать коня... Поговорим, однако, подробней о качестве средневекового русского оружия, боевой оснастке профессионального воина, **рыцаря**.

- Только не стоит, наверное, преувеличивать, называя русского дружинника рыцарем. Рыцари были на Западе...

- Это не так! Анонимный восточный автор составил по материалам VIII века "Книгу пределов мира" и в [главе] "Рассуждении о стране Рус" пишет про воинство наших предков: "Одна часть их рыцарство... Там изготавливают очень ценные клинки и булатные мечи. Все руссы вооружены такими мечами, их рыцари всегда носят броню". Слово "рыцари" употреблено без перевода... Самым распространенным доспехом на Руси была кольчуга - замечательное военное изобретение наших предков; название ее происходит от русского слова "кольцо". Восьми - десятикилограммовая рубашка из многих тысяч стальных колечек равномерно распределялась

по всему корпусу, вес ее почти не ощущался. Этим русским доспехом охотно пользовались богатые рыцари Запада. В средневековой французской героической поэме "Рено де Монтобан" упомянута bon haubert qui en Roussie, то есть "добрая кольчуга, что из Руси", благодаря которой знатный рыцарь Рено де Монтобан стал неуязвимым в сражениях...

Русский героический эпос постоянно упоминает булатные кольчуги, латы, шлемы, щиты: "***Пеленай меня, матушка, в латы булатные"... "Надевала Настасья Микулишна кольчугу булатную с ожерельем пансырным, опустила на лицо белое личину булатную с дорогими каменьями, убрала косы под наголовник кольчатый и шелом из укладу булатного***".

Что же касается меча, то это прямое, длинное, обоюдоострое, колюще - рубящее, часто тяжелое, двуручное оружие было непременной принадлежностью русского воина; на мече клялись, меч посылали врагу как знак объявления воины, юных воинов посвящали в мечники, то есть меч был основным предметом рыцарского ритуала и главным оружием в бою. Вспомним еще и еще раз "Слово о полку Игореве"! Ярый тур Всеволод, брат Игоря, "гремит" со своим полком "о шлемы мечами булатными", а враги "головы свои подклонили под те мечи булатные" (харалужпые). Значит, наши предки умели в те далекие времена выделывать булатную сталь! И это из Руси распространялись такие понятия, как броня ("Brunie" немецкой "Рифмованной хроники"), кольчуга, шелом, перчатки (от русского слова "перст"), доспех, секира, клинок, копье, самострел (арбалет).

Воротковым или пружинным русским самострелом мог послать трехсотграммовую стальную стрелу даже неопытный в ратном деле отрок, пронзая любую защитную оснастку врага.

Превосходство наших предков в оружии объяснялось нуждами обороны, мастерством русских мастеров и главное - уровнем развития экономики и промышленности, в частности металлургии и металлообработки средневековой Руси. Археолог А. Н. Кирпичников пишет, что в XII веке на Руси появляется много военных новинок международного класса, и часть их является по находкам древнейшими в Европе. "Таковы шестоперы, наруч, крюк для натягивания арбалета, кольчуги с плоскими кольцами, конская маска, шпоры с пластинчатым козырьком и шпоры с колесиком", а изобретательность русских оружейников "безусловно обогащала развитие военного дела не только в Восточной Европе" (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971, с. 78). Добавлю, что пластинчатая броня и гибкие кольчуги разных видов, надежно защищая русского средневекового рыцаря от стрел, ударов копий, сабель, мечей и боевых топоров, не стесняли свободы.его движений, чем выгодно отличались от сплошных металлических западных панцирей, в которых малоподвижный рыцарь не мог без помощи оруженосца сесть на коня, был во многих конкретных ситуациях сражения почти небоеспособен, а выброшенный из седла, становился совершенно беспомощным - его легко глушили, прокалывали пиками, затаптывали копытами, заарканивали. О надежности же русского защитного боевого снаряжения неоспоримо свидетельствует тот факт, что князь Дмитрий, сражавшийся на самом тяжком участке битвы, не получил ни одной раны, а был лишь контужен от ударов по броне, которая вся оказалась во вмятинах и царапинах...

Очень интересны и мелкие детали - подробности русского вооружения тех времен. Шлем западного рыцаря нельзя было разрубить саблей или мечом, и русские оружейники придумали боевую палицу, булаву - бронзовый шар на рукояти, снабженный пирамидальными выступами. Шлем не пробивался насквозь, но удар булавы мог оглушить врага, ошеломить его. Русский шлем - в отличие от плосковерхих или овальных западных и закругленных восточных, основу коих составлял деревянный каркас, - был с незапамятных времен больше как бы коническим, с коего соскальзывала сабля или меч противника, и этот шлем много - много позже взял Васнецов в качестве прообраза красноармейского шлема. Плечи русского воина, если на них со свистом опускалась острейшая сабля степняка или тяжелый меч западного рыцаря, оставались невредимыми, потому что меж латами и кольчугой прикреплялась широкая наплечная стальная пластина, от которой историческая традиция до сего дня сохранила офицерские погоны, самые, кстати, широкие в мире.

- Однако временами на защиту родины вставала и сермяжно - лапотная Русь...

- Лапти в крестьянской Руси носили как легкую, дешевую и гигиеническую обувь, очень удобную при косьбе, жатве, молотьбе и других сельских занятиях, но и крестьяне носили чаще кожаные сапоги и поршни, а лапти никогда не были обувью, надеваемой перед боем. По данным науки, во всех странах Западной Европы, вместе взятых, найдено в археологических слоях IX - XIII веков значительно меньше кольчуг и шлемов, чем в земле тех же столетий одной лишь Новгородской земли, хотя Европа тогда была заселена несравненно плотнее, а в новое время тщательнее раскопана археологами...

И вот в полдень 8 сентября 1380 года встали стеной на Куликовом поле русские латники, витязи и рыцари...

- А какая разница между ними?

- Латник - средневековый русский воин, защищенный стальными одеждами, броней: шлемом, кольчугой, панцирем.

Латником мог быть купец, богатый посадский человек или крестьянин, любой состоятельный ратник, а боярин или рядовой профессиональный воин обязательно вставали в строй в латах.

Витязь - по В. И. Далю - "храбрый и удатливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь". Это понятие шире, чем рыцарь, - витязь мог быть и пешим. Рыцарь же - в прямом смысле - "конный витязь старины, когда ручной бой, меч и латы решали дело", а также "конный латник дворянского сословия".

"Всадник раннего средневековья - это прежде всего дружинник - профессионал. Ему присуща высокая боевая выучка; он разнообразно экипирован. Боевой конь был своеобразным "живым" оружием витязя X - XIII вв., и его снаряжение характеризуется теми же передовыми и мобильными техническими критериями, как и "холодные" средства нападения и защиты" (Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX и XIII вв.- Археология СССР, вып. EI - 36, с.5).

- Хорошо бы подвести окончательный итог - какое конкретно оружие и какие доспехи имело русское войско на Куликовом поле?

- Профессиональные витязи и рыцари из всех районов мобилизации - это была "кованая рать", "от глав их и до ногу все железно", хотя не все, конечно, воины были так вооружены.

Подробные исследования письменных, изографических и археологических материалов, связанных с Куликовской битвой, показали, что наши предки имели совершенное вооружение тех времен - собственного изобретения и изготовления, а также все лучшее, что производили оружейники Запада и Востока. Даже простое перечисление этого оружия дает представление о его универсальном разнообразии: копья **харалужные**, мечи русские, литовские, булатные, кончары (клинки) фряжские, топоры легкие, кинжалы фряжские, мисюрские обоюдоострые, самострелы русские, стрелы каленые, сулицы немецкие, шеломы злаченые, черкасские, немецкие, шишаки (боевые наголовья) московские, калантари (безрукавные, со стальными пластинами доспехи) злаченые, щиты червленые, топоры чеканы, копья злаченые, рогатины, сабли и байданы (пластинчатые кольчуги) булатные, палицы железные, корды (однолезвийные, прямые или слегка искривленные клинки) ляцкие, доспехи твердые, шеломы злаченые с личинами, кольчуги сварные и клепаные, шлемы с высоким шпилем для еловца (флажка), крюки серповидные железные на длинных древках для стаскивания всадников с коней (Кирпичников А Н. Куликовская битва. Л., 1980, с. 74 - 82).

Куликовской битве посвящено множество научных работ, романов и поэм, но я лично предпочитаю летописные повести, сказания и тогдашнюю литературу - свежее, прямо с дерева, яблочко все же лучше сухофруктов, желе и компотов...

"Богатыри русские и хоругви их, аки живы пашутеся, и доспехи их русские, как вода во все ветры колебающигся. А шеломы на главах их, аки утренняя заря во время ведра светящееся и яблоцы шеломов их, аки пламя огненное".

"И абие сступишася обои силы велицеи их на долг час вместо, и покрыша полки поле, яко на десяти верст, от множества вой. И бысть сеча зла и велика и брань крепка, трус велик зело, яко же от начала миру сеча не была такова великим княземь руским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6 - го часа до 9, прольяша кровь, аки дождова туча, обоих - руских сынов и паганых"...

"И паде татарьское тело на христьянском, а христьянское тело на татарьском, и смесися кровь татарскаа с христианьскою, всюду бо множество мертвых лежаху, и не можаху кони ступати по мертвым не токмо же оружием убивахуся, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися на поле Куликове... множества ради многих сил сошедшеся".

Общий настрой всех исторических и литературных русских памятников - это радостный вздох освобождения, упоение великой победой, а Софоний - рязанец в своей "Задонщине" даже отметил международное значение события: "***Помчалась слава к Железным Вратам (на Кавказ), к Риму и Феодосии по морю и к Тырнову (в Болгарию) и оттоле к Царюграду (Константинополю, Стамбулу) на похвалу: Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове***".

Вчитываешься в летописи, народные сказания, в научные, популярно - публицистические и чисто литературные пересказания величайшего события средневековой истории и никак не можешь отделаться от ощущения, что Дмитрий, разработавший вместе со своими воеводами гениальный стратегический план битвы, предугадывал ее исход и будто бы заранее знал, что конный Сторожевой полк целиком сгинет под саблями, но наведет главные силы Мамая прямо на него - туда, куда надо, что Большой полк, утопая в своей и чужой крови, не дрогнет и, главное, не побежит, не сделается легкой добычей вражеской кавалерии, которая увязнет в нем, как в глине, потом враг сомнет полк Левой руки и Запасный, однако покажет наконец тыл изнывающему в нетерпении Засадному полку Владимира серпуховского и Боброка волынского, что Олег рязанский, с которым Дмитрий породнится через несколько лет, в те дни, продолжая вести свою тончайшую и опаснейшую политическую, дипломатическую и военную игру, не нападет со свежей ратью из-за Непрядвы и не позволит ни сегодня, ни завтра этого сделать Ягайле, полудобровольно - нехотя выходившему из безнадежной для него игры, и что Мамай в три часа пополудни, увидев с Красного холма финальную сечу, "с страхом встрепетав и велми стонав", панически вскочит на коня и не оглянется до самой Орды.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве:

"Тогда же на том побоищи убьени быша на сьступе: князь Федор Романович Белозерьский, сын его Иван, князь Федор Торусский и брат его Мьстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Васильев тысячкого, Михаиле Иванов, сын Анкифовичь, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевнчь Акатьевич, наречаеми Волуй, Михаиле Бренков, Лев Мозырев, Семен Медиков, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывый преже болярин бряньекий, и инии мнози, их же имена не суть писана въ книгах сих. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старейших боляр имена, а прочьих боляр и слуг оставих имена и не писах их множества ради имен, яко число превосходить ми; мнози бо на той брани побьени быша".

Выписал я из повестей, сказаний, летописей и других средневековых источников "прочьи" имена, фамилии, прозвища участников Куликовской битвы, творцов великой победы - разведчиков, сторожей, воевод, князей, дружинпиков, ополченцев... Все они равны перед историей!

Гридя Хрулец, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Юркасапожник, Родион Ржевский, Андрей Волосатый, Василий Тупик, Яков Ослябятев - сын Осляби, Климент Полянин, Иван Свеславнн, Григорий Судоков, Петр Горский, Карп Олексин, Тимофей Васильевич Вельяминов, Андрей Ростовский, "нарочитый богатырь" Григорий Капустин, Андрей Стародубский, Василий Ярославский, Федор Моложский, Иван Квашня, Иван Смолянский, Глеб Брянский, Фома Тынин, Дмитрий и Владимир Друцкие, Семен Оболенский, Иван Тарусский, Семей Онтонов. (Коротонос), Тимефей Волуевич Костромской, Фома Хабычеев, Андрей и Роман Прозоровские, Лев Курбский, Иван Васильевич Посадник и сын его Дмитрий, Фома Крестный, Дмитрий Завережский, Михаил Поновляев, Юрий Хромый, Родион Жидовинов, Данило Белеут, Константин Волк, Юрий Мещерский, Игнатий Крепь, Петруша Чуриков, Андрей Муромекий, Константин Кононов...

Список этот примерный, не полный и не точный, и давно пора составить историкам научный список участников Куликовской битвы, известных по именам, да высечь его злачеными буквами в музее на Красном холме. Вечная память всем им, погибшим 8 сентября 1380 года на Куликовом поле или позже от ран и болезней...

"Князь же великий Дмитрий Иванович с прочими князи русскыми и с воеводами, и с бояры, и с велможами, и со остаточными плъки русскыми, став на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою, иже крепко бишася с иноплеменникы и твердо за нь брашася, и мужски храброваша, и дръзнуша по бозе за веру христианьскую, и возвратися оттуда на Москву, в свою отчину, с победою великого, одоле ратным, победив врагы своя".

Иногда пишут, что Мамай с Куликова поля бежал в Крым, где тут же был убит кафскими генуэзцами. Это не так. Мамай "***дерзнул восстать" еще раз; "паки гневашеся и ярящеся зело и, собрав остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь***".

Очевидно, людские резервы подвластных ему земель и сундуки со златом - серебром не были исчерпаны, если он быстро собрал новое войско. С генуэзцами, чьи великие надежды рухнули, денежки плакали, а четыре тысячи воинов - земляков не вернулись с далекого севера, он рассчитался сполна - отдал им по договору 28 ноября 1380 года золотые земли южного берега Крыма от Судака до Балаклавы и селения готов, надеясь, очевидно, компенсировать потерю за счет земель Руси, уже неспособной, как он, очевидно, полагал, собрать новое воинство прежней численности и силы. "***И сице ему умыслыщу и се ему весть прииде, что идет на него некый царь со Востока именем Токтамышь ис Синее Орды***".

Мамаю пришлось повернуть не на север, а на восток. В районе Калки, севернее теперешнего Жданова, Тохтамыш наголову разбил войско авантюриста, и Мамай, эта, по выражению автора "Сказания о Мамаевом побоище", "неутолимая ехидна", бежал в Крым. В городе Кафе (ныне Феодосия) - центре работорговли на Черном море, это "имение" было отобрано, проходимец убит и брошен на съедение голодным свиньям...

В последний раз обратимся к новациям современного ученого, к его "этнической истории".

Без антинаучной, ничем не обоснованной сверхновизны доктор исторических наук Л. Н. Гумилев не может. В самой последней статье, напечатанной уже после журнальной публикации "Памяти", он по - прежнему прокламирует "этнически - симбиозные отношения между Золотой Ордой и Русью", продолжает разъяснять, что такое "пассионарность", которая, оказывается, есть некая "присутствующая во Вселенной человеческая энергия", не связанная "зависимостью с этическими нормами".

И еще кой - какая новизна - мир XII - XIV веков делится теперь уже не на две части, а на три: католический, православный и мусульманский "суперэтносы", якобы внутренне единые, но смертельно враждебные друг другу, хотя общеизвестно, что история не знает религиозных суперэтнических войн, а как раз внутри этих "суперэтносов" в средневековье мира не было никогда - не прекращались военные распри среди русских и литовских князей, шли беспрерывные феодальные, религиозные, межгосударственные и межнациональные войны в Западной Европе, на востоке католического региона произошла грандиозная битва при Грюнвальде, а в третьем мире без конца воевали чингизиды, арабы, турки - сельджуки, к концу же периода значительная

часть "мусульманского суперэтноса" была залита кровью, испепелена жестоким человеком, ни разу не улыбнувшимся за тридцать лет, мусульманином Тамерланом, виднейшим носителем, выходит, той самой "пассионарностн" - то есть сконцентрированной в нем человеческой энергии, каким - то образом перелившейся из Вселенной в эгу особь, не связанную зависимостью с этическими нормами ..

Однако новые "открытия" блекнут перед новейшими! Л. Н. Гумилев утверждает, будто этногенез длится в истории 1200 лет - за этот отрезок времени народ зарождается, достигает зенита и погибает, исчезает с лика Земли. Поразительное откровение!

Значит, должно считать уже исчезнувшими такие, например, народы, как армянский или японский? Отжив три срока, согласно этой сверхновой гипотезе, китайский и индийский народы трижды вымерли, хотя на самом деле индийцев скоро будет семьсот миллионов, а китайцев миллиард. Тем же малым аршином пытается мерить Л. Н. Гумилев и русский народ, беря за точки отсчета Куликовскую битву, как начало русского народа, и ее недавний круглый юбилей: "Ход этногенеза идет без остановки, - апокалипсически вещает ученый автор - 1200 лет этноса отстукивают. И теперь законный вопрос: много это или мало - 600 лет в истории, в жизни народа, победившего врагов? Я отвечу: шестьсот лет - это середина - это время зенита" (Гумилев Лев, Год рождения 1380... Статья подготовлена А. Куркчи. - "Декоративное, искусство", 1980, № 12, с. 37).

Таким образом, дорогие соотечественники, как бы мы после сентября 1980 года ни стремились развивать свою экономику и культуру, как бы мы не крепили дружбу народов и международное добрососедское сотрудничество, третий по численности народ современного мира и самая многочисленная нация Советского Союза, имеющая такие заслуги перед мировой историей, бесследно исчезнет с лика планеты теперь уже меньше чем через шесть столетий! Правда, исходя из этой супермодерновой гипотезы доктора исторических и доктора географических наук Л. Н. Гумилева, мы не будем одиноки. Намного раньше, едва ли не в ближайшие десятилетия, сами собой исчезнут французы, норвежцы, немцы, поляки, шведы, англичане, болгары, итальянцы, испанцы, то есть практически все народы Европы! Давненько мы не слыхивали таких "пассионарных" умозаключений, никогда еще великая наука и великое искусство истории не выглядели столь, так сказать, декоративно...

40. Глава 40

Прозрачный весенний день - весь как утро! Он совсем не похож на тот сумеречный дождливый полдень 1947 года, когда мне впервые довелось увидеть Куляково поле. Той осенью приехал я работать на станцию Узловая, и в одно из воскресений мы с товарищем, обладателем трофейного мотоцикла, собрались на рыбалку в донское верховье. Тихий Дон начинался в десятке верст от Узловой, из Иван-озера, но мы поехали на юг. Помню такие же, как сейчас, черные терриконы в черной распаханной степи, женщин, вручную выбирающих свеклу из холодной, сырой земли, искалеченных, безногих фронтовиков у богородицкой чайной, длинную очередь перед крохотным магазинчиком в Епифани... Память о недавней большой и тяжкой войне жила тогда в каждом из нас и в каждом клочке этой земли, заслоняла все остальное...

Ничего мы не поймали на даровой прокорм, зато завернули на Куликово поле. Товарищ мой был постарше, прошел войну, и, когда мы остановились у гигантской чугунной колонны, он сказал:

- Знаешь, местные говорят, что как раз через этот холм проходил фронт. Смотри, окопы и воронки еще не все запаханы!

Величественный чугунный памятник на Красном холме. На барельефах с победоносным Георгием и многоярусной колонне вроде не было ни скола, ни царапины.

- Как могло это получиться? - спросил я. - Колонна уцелела!

- Тоже удивляюсь... Сотни тонн фигурного полого чугуна, высота сажен пятнадцать, диаметр внизу метра три. Местные - говорят, будто она во время обстрелов ходила по полю...

Красивая сказка! И отсюда он побежал, как Мамай когда-то.

Подумать только - более полтыщи лет, а разницы вроде никакой!

Даже конец один - что у Мамая, что у Гитлера, И еще, знаешь, какое - то непонятное совпадение - с этого кургана Мамай побежал, а Гитлер в Сталинграде споткнулся о Мамаев курган и, как отсюда, тоже попятился до самого Берлина. Не знаешь, почему тот сталинградский курган так назван[124]?

Полуразрушенный храм с худыми верхами и пустыми оконными проемами стоял неподалеку от колонны, и я не знал тогда, что это была последняя церковь, построенная на Руси. Храм во имя Сергия Радонежского освятили в 1918 году, а проектировал его знаменитый архитектор А. В. Щусев.

И вот через тридцать три года я снова на Куликовом поле.

Поездку эту организовал ректор Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева Геннадий Алексеевич Ягодин; и мы, два десятка писателей, художников, композиторов, архитекторов и журналистов, приехали сюда, удивляясь тому, что не наши творческие союзы позвали нас на поле русской славы, а этот умный и деятельный человек, на попечении которого пятнадцать тысяч обучаемых и обучающих, нашел время и силы, чтобы оторвать всех нас от письменных столов, мольбертов, пюпитров и чертежных досок...

Огромная гора камня и щебня высится близ Красного холма, и хорошо, что мы ее застали еще не рассыпанной по дорожкам и подъездам - такой точки обзора уже никогда здесь не будет!

Глазу и душе просторно перед Куликовым полем, нашей национальной святыней. Поблескивает справа Дон, впереди, в низине, угадывается Непрядва. Там, перед нею, встала утром 8 сентября 1380 года живая стена, и Мамаевой орде нельзя было ни проскакать сквозь нее, ни обойти через речные струи да куликовые болотца стороной. Остатки дубовой рощи справа - из этого заовраженного леса ринулся на врага Засадный полк, решивший все в средневековой русской и мировой истории, сторицей отомстивший за товарищей, погибших на его омертвевших от ужаса и ненависти глазах... И где - то тут в начале XIX века сделал первые свои находки бывший член Союза благоденствия С. Н. Нечаев. Это удивительно - декабрист прежде всех ученых занялся уточнением места Мамаева побоища и сообщил в "Вестнике Европы" в 1821 году о находках на поле Куликовом!..

Колонна в честь Дмитрия Донского обновилась! Она отчищена от патины и вековой затвердевшей пыли, ровно зачернена стойким красителем, позлащен ее верх, восстановлены надписи. Тульские мастера отлили новые граничные тумбы, предусмотренные стародавним проектом Александра Павловича Брюллова. От монумента трудно оторвать взгляд - так этот памятник величествен и гармоничен. Со всей округи, оказывается, приезжают сюда молодые пары перед свадьбами.

Хорошо!

И храм Сергия Радонежского не узнать! Ни жутких ребер каркаса куполов, ни провалов, ни пустых глазниц в стенах. Над левым круглым приделом сооружено великолепное новое покрытие в виде шлема русского ратника - так замыслил в свое время сделать Щусев, но тогда власти ему этого не позволили.

---

[124] Назв «Мамаев курган» известно издавна[1][2][3]. Однако оно, вероятней всего, не имеет никакого отношения к полководцу Мамаю. По мнению сотрудников музея, название идёт от тюркского слова, обозначающего «бугор, возвышенность»[4][5].

Происхождение этого имени не выяснено. В татарском языке mamaj - 'чудовище. которым пугают детей' (Даль), однако это значение может быть новым, связанным уже с именем пресловутого хана Мамая. Хотя в современном монгольском языке сохранилось нарицательное имя mam бранное 'черт, дьявол'. Возможно что имя происходит от этой основы и частицы aj (рудимент родительного падежа). Менее вероятна этимология от монгольского слова meme 'сосок, женская грудь', встречающегося в некоторых тюркских языках. См. также **Проблема с Мамаем и Батыем**

Прекрасно отреставрирован огромный собор в Монастырщине, где будет музей, приведены в порядок дороги, территория всего Красного холма...

Да стоит все здесь века нескончаемые!

Жаль только, что мы, готовясь к 600 - летию Куликовской битвы, не смогли создать панораму великого сражения, снять хороший исторический фильм и даже почему - то не решились освободить от запашки ту святую часть здешней земли, на которой насмерть стояли шесть веков назад наши предки. Это не было бы слишком большой потерей для сельского хозяйства района - пешее войско Дмитрия, стоявшее местами так плотно, что погибший не мог упасть, размещалось на нескольких - по нынешней мере - десятках гектаров перед Непрядвой. Их надо навечно заповедать! Пусть растет на них седой ковыль да конский щавель, выбрасывающий к осени красные семенники. А посреди такого поля Куликова, быть может, положить груду эпически огромных мечей, шлемов, щитов, секир и копий, сделанных из вороненой и нержавеющей стали, копирующих в десятикратном увеличении оружие подлинное, средневековое, чтоб можно было подойти к этому месту и снять шапку. Больше ничего не надо.

А в Москве хорошо бы проспект или площадь назвать именем Дмитрия Донского, монумент поставить, вернуть Ослябинскому и Пересветскому[125] переулкам их исконные названия, призреть, взять под крышу замечательный барельеф итальянского мрамора, изображающий Дмитрия Донского и других героев эпохи Куликовской битвы; пока он - вот уже почти полвека - пребывает на подворье Донского монастыря, доступный солнцу и влаге, морозам и дымным городским ветрам. И давно пора поставить хотя бы памятный знак в Торжке, посвященный его героическим защитникам, мемориальную доску установить на московском памятнике Всех Святых на Кулишках, а также в Серпухове, Звенигороде, Коломне, Белозерске и других городах, чье воинство приняло участие в Куликовской битве. Следовало бы поставить памятник Вячко в Тарту, Довмонту в Пскове, Василию в Козельске, где также хорошо бы создать живописную диораму обороны и реконструировать, поднять над славным рвом крепостную средневековую стену. Она станет единственной на всю страну. Сейчас там пустое место, и пятидесяти тысячам ежегодных экскурсантов, посещающих ныне Козельск, посмотреть, в сущности, нечего...

Память - животворная сила настоящего, она полнится подробностями, влечет нераскрытыми тайнами, глыбится в умах и сердцах великими свершениями предков, зовет быть достойными их!..

За народным войском Дмитрия Донского, победившим такого врага на святом жертвенном ристалище, стояла не только Русская земля с ее трудным и величественным прошлым, необозримым и

трудным будущим; за ним стояла вся разостлавшаяся вдруг от океана до океана Земля Знаемая, стояла сама История.

Тысячелетиями для древних народов Евразии война, вытеснение иноплеменников с охотничьих территорий, а позже пастбищ и полей, насильственный захват рабов и добычи были естественными способами существования, нормой и образцом поведения. Вот как, например, описывал Гоголь обычаи древних германцев: "Они жили и веселились одною войной. Они трепетали при звуке ея, как молодые, исполненные отваги, тигры. Думали о том только, чтобы померяться силами и повеселиться битвой...

---

[125] Пересветов переулок. В названии переулка увековечена память о Пересве́те — легендарном герое Куликовской битвы, монахе Троице-Сергиевского монастыря. По легенде, сразил в единоборстве перед основным сражением татарского богатыря Челубея, погибнув при этом сам[2].

Был похоронен рядом с храмом Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове, близ которого находился переулок, первоначально (в XIX в.) и получивший название Пересветов, но упразднённый в ходе реконструкции (1973 год)[2]. В 1987 году это название было присвоено близлежащему 1-му Восточному переулку, называвшемуся так по соседней Восточной улице[3].

Они сражались почти наги, выказывая во всей простоте атлетическую свою силу. Плащ, застегнутый вместо пряжки терновым шипом, кожа дикого зверя на плече - вот их убранство.

Они строились густо, кучами, в виде клина; действовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями[126]; львиная сила мышц их бросала их так далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля..."

Тяжелый земледельческий и ремесленный труд, отнимая силы, постепенно охлаждал боевые страсти, прикреплял мужчин к сезонным и регулярным работам, к своим пашням, мастерским и семейным очагам, но из Азии, этого, по выражению Гоголя, "народовержущего вулкана", через Великую Степь еще много веков накатывали на Европу воинственные неземледельческие, не знающие постоянных городских и сельских поселений народы - скифы, сарматы, авары, гунны, гузы, печенеги, половцы, монголы, имевшие право быть в истории как все прочие. На тысячи лет проникала в глубь, времен историческая память европейских народов, письменно фиксируя бесконечную череду больших грабительских войн, приходящих с востока. Прервать, остановить эту лавину выпало на долю русского народа в XIV веке - так распорядилась История.

Куликовская битва - военно - политическое столкновение огромной исторической значимости, отразившее назревающие социально - экономические процессы. Уклад и образ жизни, который на протяжении тысячелетий находил разрешение в захватнических набегах и нашествиях, опустошениях огромных территорий, военном грабеже и последующей непомерной эксплуатации покоренных народов, должен был уступить зарождавшейся прогрессивной тенденции общественно - хозяйственных отношений соответствовавших качественно новому, более высокому уровню развития производительных сил, торговых сношений, социальной дифференциации и сопутствующим этнопсихологическим процессам, происходившим на Восточно - Европейской равнине; история поставила перед русским и другими народами, населявшими эту равнину, великую задачу по созданию сильного централизованного государства нового времени, и они с этой задачей блестяще справились.

Старое, однако, никогда легко не уступало новому ни в большом, ни в малом. Через два года после Куликовской битвы золотоордынский хан **Тохтамыш** нежданно привел на Русь семидесятитысячное войско, обманом взял Москву и уничтожил ее население. У Дмитрия не было ни времени, ни людских ресурсов, чтобы подготовиться и отразить нападение. И - снова тяжелая дань! Дмитрий Донской вынужден был платить в год семь тысяч рублей серебром, добавив однажды к этой огромной сумме десятитысячный взнос за тверского задолжавшего князя; представьте себе кучу серебра, представьте реки соленого пота, пролитые земледельцами и ремесленниками Московской Руси, чтоб наработать только один этот взнос...

Дмитрий Донской оставил духовную, в которой зорко предрек политическую перспективу: "***А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть***". И вот в самом начале XV века наступили эти времена. Сын Дмитрия великий князь владимирский и московский **Василий Дмитриевич**, тот самый, что в 1395 году спешно собрал войско, чтоб выступить против самого Тамерлана, подошедшего к Ельцу и после двухнедельного стояния повернувшего назад, получает однажды послание **Едигея**. Документ этот чрезвычайно интересен и не нуждается в особых комментариях - настолько он политически и психологически ясен, в подробностях иллюстрируя новую историческую ситуацию. Вот это письмо, вернее, тоскливая жалоба - просьба в переложении на современный язык. "***От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышанье учинилось таковое, что неправо у тебя чинят в***

---

[126] Фрамея - холодное оружие, дротик древних германцев, длиной около полутора метров с тонким и острым наконечником. Применялась в качестве метательного оружия и использовалась в рукопашном бою.

Альтер. толкования термина - ФРАМЕЯ (лат. framea) - галльское копье с широким наконечником, по форме напоминающим лист лавра

городах, послы царевы и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините - это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир - Колгуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом.

А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло.

А ныне Булат - Султан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни брата своего не посылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в своей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде..." ("Собрание государственных грамот и договоров", М., 1819, ч. 2, с. 16- 17).

Эта "грамота" не возымела действия, и в 1408 году Едигей сам явился на Москву, чтоб не только посмотреть ее "своими очами", но и попытаться силой восстановить старое, невозвратимое. Большое войско Едигея месяц осаждало Кремль, так и не подступив к его каменным твердыням из-за прицельной стрельбы со стен, разграбило окрестности и вернулось в степь фактически ни с чем.

Позже Русь выдержала почти бесчисленные нападения большеордынских, казанских и крымских войск и грабительских отрядов Улуг - Мухаммеда, Мамутека, Седи - Ахмата, Мозовши, Мамутяка, Егупа и прочих. Отражая эти набеги, молодое Московское государство при Василии Втором[127] и Василии Третьем крепло экономически, расширялось территориально, развивало свою национальную культуру, становилось новой политической и государственной явью - Россией, а Золотая Орда, наследственный улус внука Темучина сына Джучи, окончательно распадалась и слабела. При Ахметхане была предпринята последняя попытка вернуть прежнее силой оружия, однако она обернулась исторически неизбежным событием.

...Стою на современном мосту через Угру, неподалеку от Калуги, смотрю на широкую долину, распахнувшуюся по обе стороны быстрой речной струи. Ровно через сто лет после Куликовской битвы пришли сюда и встали на этих равновеликих, зеленых, гладких, как столешницы, пространствах два огромных войска. Вижу нечто символическое в том, что противостояние это сотворилось на старой Киевско - Московской дороге и древняя столица как бы вручала здесь судьбу Руси новому стольному граду. Была символической и тревожная молчаливая недвижимость первого часа, за которой угадывался исторически неизбежный исход, и последующие победоносные сражения на бродах, и гром пищалей с русского берега, символически звучало имя почти никому сегодня не ведомого полководца, пришедшего сюда во главе русского войска, - Иван Младой...

Это было следствие Куликовской битвы - последняя немирная встреча грабительской Орды и молодой России...

Освободительная Отечественная война 1612 года, освободительная Отечественная война 1812 года, беспримерная воинская и трудовая дружба народов нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов - все это, как и многое другое из прошлого и настоящего имеет корни в битве на Непрядве.

Слава полю Куликову!

Надобно также обернуться нам на запад, откуда восемьсот лет назад подобралась к нашим предкам и их ближайшим соседям первая большая война, растянувшаяся на много веков...

---

[127] **Васи́лий II Васи́льевич Тёмный** (10 марта 1415 — 27 марта 1462)

Не раз бывал я в Польше; колесил польскими дорогами по газетной командировке и с туристическим вояжем, занимался декабристским поиском и просто гостил у друзей. Варшава, Лодзь, Познань, Белосток, Ченстохов, Освенцим, Катовице, Краков, Нова-Гута, Новы-Тарг, Закопане, Тарнув, Жешув, Ярослав, Сандомеж, Радом, Быгдощ, Щецин, Сопот, Гданьск...

Когда был в Польше последний раз, из Гданьска потянуло на восточную окраину воеводства, где я давно мечтал побывать, да все случай не выпадал, а в этот приезд просто не нашел сил миновать места, в которых когда-то вроде бы вдруг и, казалось, намертво завязался тугой узел средневековой европейской истории, но был, к счастью, одним махом разрублен славянским мечом. Концы чужеземных давящих вервей еще много веков сплетались вновь, пока в наши дни не сгорели в огне совсем...

Над Ногатой, быстрым рукавом Вислы, среди современных городских кварталов остроугольным каменным утесом возвышается знаменитая тевтонская крепость[128]. Есть, как говорится, на что посмотреть! Видел я русские, турецкие, французские, шведские, чешские, южно - и средненемецкие, японские и иные крепости времен давно минувших, однако ни одна из них не может в какой-либо мере сравниться с **Мальборком**. Пять оборонительных каменных рубежей надо было взять штурмом, чтобы добраться до сердцевины цитадели, а еще глубокие рвы, подъемный мост, стенные, башенные и дворцовые бойницы, система циклопических ворот, расположенных таким образом, что исключались прямые прострелы, с хитрой ловушкой в главном надвратном помещении, куда можно было впустить пешего или конного неприятеля, запечатать с двух сторон тяжеленными падающими железными затворами, шутя перебить его сверху через специальные отверстия и горой свежих трупов окончательно преградить доступ к внутреннему двору крепости. В течение нескольких веков сгонялись сюда с большой округи каменщики, миллиарды кирпичей крепчайшего старинного обжига было уложено в эту неприступную твердь, которая, по современным меркам, занимала восемнадцать гектаров площади, а ее помещения - двести двадцать тысяч кубометров пространства!

Высокий замок, Средний замок, Низкий замок, великолепная трапезная, страшенной высоты юго - западная башня типа "гданиско", переходы, колодцы, складские помещения... Не знаю, что говорила другим посетителям крепости архитектура замков, башен, храмов и трапезных - все эти ребристые звездчатые своды, стрельчатые проемы, стройные колоннады, какие ассоциации вызывала у гостей Мальборка роспись золотых ворот или скульптурный декор капителей, не

---

[128] Замок М,нциоду в него из Венеции переехал великий магистр ордена. В течение XIV века замок многократно расширялся и перестраивался.

ведаю, о чем думает среднестатистически" турист, рассматривающий коллекции старинного оружия, фарфора и монет, изделий из янтаря, археологические черепки да железы, а меня мое едва сдерживаемое воображение - хотя делаю я документальную работууносило в давнишние, редко вспоминаемые в обыденности времена, когда северогерманцы и рыцари - крестоносцы методично, век за веком, теснили славян, коренных насельников балтийского побережья, лабовисленского междуречья и прибрежных островов, дойдя к началу XIII века до земли пруссов, на которую нам надо бы на минуту вернуться.

Этот большой и сильный народ, кажется, никому не мешал - мирно и трудно жил в своих лесах и болотах, добывал мед, пушнину и рыбу, торговал с Польшей, Литвой и Русью, поклонялся старым языческим богам и не хотел знать новых, чужеземных.

Первые католические миссионеры были перебиты. Позже польские князья, подталкиваемые папой римским, пошли на север с крестом и оружием, однако, встретив стойкое сопротивление и ответные набеги, пригласили в эти места из Средиземноморья безработных рыцарей - тевтонов, не предполагая, какой тяжелый обоюдоострый меч они заносят не только над судьбою несчастных пруссов, но и над собственной головой, над благоденствием и государственностью всех прибалтийских народов и восточных славян. Пруссы, так и не принявшие креста, были именем пречистой девы Марии, покровительницы пришельцев, и тем самым тевтонским мечом с длинной рукоятью да еще всепожирающим огнем полностью уничтожены, навсегда стерты с лица земли - с их дружными поселениями, отлаженным бытом, с их верованиями и своеобразной культурой, впитавшей славянсколитовские элементы, с их архаичным языком и этническим разнообразием, на равных включавшим в этот без следа исчезнувший народ племена бартов, варнов, натайгов, помезан и порезан...

Любой народ, где бы он ни жил и каким бы малочисленным ни был, представляет собою стремительно возрастающую с годами и веками общечеловеческую ценность - он несет в будущее земной истории неповторимую свою культуру, язык, предания старины, обычаи, ремесла. В бурях европейской истории текущего тысячелетия счастливо дожили до наших дней так называемые "малые" народы - вепсы, баски, гагаузы, саами, табасаранцы и многие другие. Нет на этом старом цивилизованнейшем материке бодричей, лютичей, руян, пруссов, и мы не знаем, какие оттенки приобрела бы история Европы, если б остались в ней эти народы, а давнее тяжкое преступление против человечества еще недостаточно квалифицировано по заслугам...

Победоносный Тевтонский орден, соединившись с остатками ливонцев, разбитых Александром Невским, за полтора века создал на этой земле мощное автократическое военное государство, сделавшееся орудием папской курии, немецких феодалов и захватчиков - колонистов. Из Венеции перенес сюда свою резиденцию великий магистр, а Мариенбург превратился в неприступную крепость с роскошными внутренними покоями, стал притягательным местом не только для западных искателей разбойничьих приключений, но и августейших их земляков - королей и принцев, князей и маркграфов. Красный зев каменного чудища был оскален острыми башнями - зубьями на солнечный восход, окна - бойницы свирепо взирали на восточные просторы...

Одно важное историческое обстоятельство просветляет международную ситуацию в этом европейском регионе конца XIV - начала XV в. "Христианизировать" здесь стало некого, и, таким образом, пропадал смысл существования Тевтоно - Ливонского ордена, если б у пришельцев не оставалось стародавней главной цели - военной захватнической экспансии, устремленной на восток. Польша и только что католицизированная Литва вдруг ясно увидели, как обкусываются кусок за куском их земли. И вот средневековый немецкий милитаризм скликал в Мальборк под свои стяги всю свободную ратную силу Запада, и после первых легких побед к середине лета 1410 года скопилось в одном месте более восьмидесяти тысяч до зубов вооруженных воинов; впрочем, есть историки, доказывающие, что их было чуть поболе тридцати тысяч - тенденции к преувеличению ратных сил не избежал тогда, кажется, никто. Они сконцентрировались на пограничье древних поселений пруссов, поляков и литовцев, между деревнями с уже чисто немецкими названиями **Грюнвальд** и Танненберг или, по русским летописям, "межи грады

Дубровиа и Острога", построились в боевой порядок - не традиционной железной "свиньей", а протяженным фронтом, выдвинув вперед не длинные пики из-за тяжелых щитов, а новое для тех времен оружие - затаенный в железных стволах огонь, гром, каменнья да свинцовые ядра, что могли пробивать прогалины в строе противника, на лету срывать головы людям, ломать ноги лошадям; около ста бомбард было выдвинуто перед рядами рыцарей.

Сакраментальный "Drang nach Osten" должен был свершиться одним гигантским прыжком. В достоверном средневековом сочинении говорится, что Великий Магистр Ульрих фон Юнгинген "хотел подчинить своей власти многие страны и королевства".

Перед ним простирались Литва и Польша, но какие имелись в виду другие "страны и королевства"? Насмерть поразив ближайшую цель, не мечтал ли магистр Ульрих фон Юнгинген выйти на псковско - новгородские рубежи, последний оплот русской независимости, чтоб рассчитаться за давние поражения, начиная с Ледового побоища, потом ринуться" к границам таинственно возрождавшейся Московии, разбившей ровно за тридцать лет до того орды Мамая, тоже мечтавшего покорить многие страны и королевства? Ведь Москва только что снова подверглась нападению степняков, была разграблена степняками ее земля.

Стратегические же тылы крестоносцев были перед этим обеспечены - Ульрих фон Юнгинген сумел заключить союз с чешским королем Вацлавом и венгерским Зигмундом, родственником польского Ягайлы. У войска, что встало 15 июля 1410 года перед фронтом ордена, бомбард не было. Польские войска - пятьдесят одно боевое знамя под командованием краковского мечника Зындрама из Машковиц заняли левый фланг, литовско - русское войско сорок хоругвей - правый. В центре русско - литовского войска стояли три смоленских полка, закованные в латы и вооруженные тяжелым боевым оружием, пришли на битву отряды из Киева, Львова, Бреста, Витебска, Гродна, Полоцка, Пинска, Лиды, Новогрудок, Вылковыска, Кременца, Мельницы, Дрогичина, Стародуба, Галича, Перемышля, Холма, Новгорода Великого и Новгорода - Северского... Издалека пришли на битву четыре тысячи чехов-патриотов, в рядах которых находился будущий знаменитый вождь гуситов Ян Жижка, затаилась в сторонке на дороге, ведущей в тыл, к Ульново (Фаулену) летучая татарская конница. Оба крыла огромного войска опирались в болота, речки и озера, что, как и на Куликовом поле, делало невозможным фланговые обходы и удары с тыла.

Предстоящее главное сражение на втором фронте восточноевропейского средневековья должно было решить исторические судьбы многих народов обширного региона.

Поле это напоминает великие русские ратные поля - Куликово, поле под Бородином и Прохоровкой. Простор, селеньица вдалеке, запашки, а ближе к центру кустарники, перелески, леса; "грюнвальд" по - немецки - "зеленый лес". А в центре поля разнотравье - зеленые проростки жизни из крови павших воинов разных народов. И сама природа на месте Грюнвальдской битвы свершила земное поднятие, будто возвысила над окрестными низинами историческое значение события 1410 года...

Асфальтированная автомобильная стоянка, киоск с открытками, дорожки к памятнику, установленному в 1960 году, к 550 - летию битвы - высоченная железобетонная колоннада с гербами наверху, среди коих все больше одноглавые польские орлы, каменный монумент рядом, сделанный в условной современной манере. Поодаль - полукруглое кирпичное здание, в небольшом фойе которого картины давней битвы, копья, мечи, секиры, шлемы, рыцарские доспехи, а из-за шторы, из темного зала доносится громкая боевая музыка, крики, команды, лязг железа; на экране демонстрируются отрывки из современной киноэпопеи о Грюнвальдской битве. Какой она была?

В последней поездке по польским городам и весям у меня с собой была тоненькая книжечка, приобретенная случайно по пути.

Со мной ездил мой польский друг, свободно владеющий пятью европейскими языками, он меня знает много лет и, значит, знал, что мне надо. В лодзинском магазине букинистической книги, быстро перебирая полку за полкой, он выудил тоненькую брошюрку, изданную в Петербурге в

1885 году. С ходу я взял ее - что в наше время сорок злотых? - это был, как говорится, мал золотник, да дорог: речь Михаила Осиповича Кояловича на торжественном заседании Славянского благотворительного общества, посвященном 475 - летию Грюнвальдской битвы.

Раскрываю ее... "***Наша Куликовская битва имела великое значение не в одной восточной России. Кроме восточной России и татарского мира нравственное ея влияние простиралось далеко на Запад, в тогдашнее Литовское княжество, и отразилось даже на Грюнвальдской битве, которая походила на Куликовскую даже внешним своим ходом***".

Были, однако, и различия в общем ходе великого сражения и множестве частностей... "Перед началом битвы в литовско - русской и польской частях соединенного славянского войска обнаружились резко противоположные особенности. Витовт и его литовско - русское войско скоро устроились и сгорали нетерпением сразиться. Ягайло медлил, и польское войско плохо устраивалось. Ягайло горячо отдавался делам благочестия.

Известно, что и наш Дмитрий Донской отдавался, перед походом на Дон, великому благочестию. Но у Ягайлы вышло нечто иное, утрированное. Еще до прихода на поле битвы все войско (т. е. христианская его часть) и его вожди исполняли христианские обязанности, исповедались и приобщились. Ягайло счел нужным еще исповедаться и приобщиться и потому отстоял обедню, но затем опять стал слушать вторую обедню, а неприятель уже подходил, был на виду. Витовт понукал Ягайлу выезжать к войску (богослужения шли в ближнем тылу польской армии. - В. Ч.), начинать битву и насилу убедил его сесть на лошадь, но и на лошади Ягайло стал еще исповедоваться. Подозревали, впрочем, что он переговаривается с духовником насчет мирных предложений, которых ожидал от рыцарей"...

Все это было похоже на Ягайлу, сына Ольгерда и тверской княжны Ульяны, великого князя литовского и польского короля, того самого, что отвернул в 1380 году от Куликова поля.

Основатель польско - литовской династии Ягеллонов около шестидесяти лет пробыл на политической арене Восточной Европы, не оставив, однако, слишком заметной печати своей личности на тогдашних событиях огромного исторического значения. Взгляды историков на Ягайлу противоречивы, и многие считают его человеком небольшого ума и слабого характера, десятилетиями руководимого польскими феодалами и главным образом католическим духовенством. Исторические события, несомненно, зависят от главных личностей эпохи, просветляют в сознании современников и памяти потомков натуры сильные, волевые, интересы и поведение коих объективно совпадали с интересами народных масс, поступательным ходом истории, - Александра Невского, Довмонта Псковского, Дмитрия Донского, и негативные, отражавшие регрессивные исторические тенденции - Мамая, Ульриха фон Юнгингена; да и Ягайло, как известно, не удостоился прозвания Грюнвальдского...

Ясное июльское солнце с утра било в глаза немецким рыцарям, их оруженосцам и лучникам, раскалило к полудню доспехи, и нельзя было покинуть строй, чтоб напоить коней, уставших под грузом тяжелых вооруженных всадников. Изнывали от зноя литовские, польские, русские, чешские полки. И вот Ульрих фон Юнгинген в нетерпении прислал Ягайле и Витовту обидный вызов на битву.

Грюнвальдская битва хорошо описана у замечательного польского историка Яна **Длугоша**, жившего в XV столетии. К сожалению, его двенадцатитомная "История Польши", написанная на латинском, полная ценнейших исторических подробностей и художественных достоинств, на русский язык не переведена, и польские друзья изложили мне кое - что по краковскому изданию 1925 года. Вернувшись домой, я, однако, разыскал единственный русский перевод именно того отрезка польской истории, что был связан с Грюнвальдской битвой...

Ульрих фон Юнгинген прислал, оказывается, королю Владиславу (Ягайле) с герольдами "***два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дальше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты***

считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов [99] отступить, насколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы."... Но и такой "подарок" не побудил Ягайло к действиям.

Общего сигнала так и не последовало, и вот литовская конница отважно и стремительно ринулась в атаку. Быстро смешались ряды сражавшихся, и бомбардиры врага не успели управиться - более или менее эффективными оказались лишь первые два залпа, и тут же главный удар тяжелого конного рыцарства немцы направили на литовско - русское войско. Пение победоносного орденского гимна огласило окрестности, его заглушил лязг стали...

Согласно Я. Длугошу, вступили в сражение и поляки.

Войско крестоносцев было жестко и строго организовано. Основу его составляла ударная конница. Начальная боевая единица - "копье" - состояла из тяжеловооруженного рыцаря, легковооруженного оруженосца и лучника. 20 - 100 копий составляли "знамена", отряды, которые выстраивались в клинья.

И вот гигантский клин потянулся по дорогам и полям, нацеливаясь острием на центр союзного войска, где стояли русские полки. Замысел Ульриха фон Юнгингена и его командующих - великого контура Фридриха фон Валленрода и великого маршала Конрада фон Лихтенштейна - состоял, очевидно, в том, чтобы, уничтожив центральные русские полки, рассечь союзные войска надвое и бить по частям поляков и литовцев. Ян Длугош: "***Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое - то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль.***

Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой - то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного".

Первый ряд русских был изрублен без остатка, смялись второй и третий ряды, потом в сече пал весь передовой полк смолян, уронив свою хоругвь. Возникла опасность для правого фланга польского войска, который стал подаваться под натиском немцев, часть коих уже прорывалась к обозам, а некоторые литовские беглецы понесли в Литву паническую весть о победе немцев, которые в десятки тысяч глоток уже запели над полем: "Христос воскрес!"

В речи М. О. Кояловича меня поразило одно сведение - оказывается, немецкие историки, совсем в духе будущих "евразийцев", приписывали великую грюнвальдскую победу той самой легкой татарской коннице, что стояла на крайнем правом фланге соединенных славянских войск, готовая в любой момент броситься на добивание бегущего противника или... стрекануть по спасительной дороге на Ульново! Тезис не верен и даже спекулятивен хотя бы потому, что серьезные комментаторы битвы считают общую численность легковооруженной татарской конницы всего в 1000 - 2000 всадников.

Нет, как признает объективная история, исход битвы предрешили смоленские полки, что стояли насмерть, наваливая копьями, мечами и секирами вал за валом перед собой! Это был центр всего объединенного войска - на стыке сходящихся дорог из Грюнвальда и Танненберга, и, когда в ходе боя образовалась движущаяся по этим дорогам знаменитая железная "свинья", она уперлась рылом в булатную стену смолян, не отступивших ни на шаг. Они не только защитили правый фланг польского войска, но даже начали бить, как говорил Коялович, в бок немцам, уносившимся за литовскими беглецами. И далее: "Витовт, изнемогавший в усилиях остановить, собрать и устроить беглецов, имел, однако, достаточно присутствия духа, чтобы понять величие момента и доблести смольнян. Он послал им подкрепление, стал понукать Ягайлу, бывшего сзади войска, выехать в переднюю часть польского войска, чтобы одушевить его; сам, между тем, стал командовать и своим оставшимся войском и польским".

Воображаю кульминационный момент битвы. Безвестный смоленский витязь в русском шлеме, защищенный вместе с конем булатными латами, с блистающим булатным русским мечом прорубает с товарищами просеку в рядах врагов, прорывается к штандарту Великого Магистра, отбрасывает его копье, приподнимается на стременах и через головы охранников направляет каленое острие своего длинного копья в грудь Ульриха фон Юнгингена, поразив его "под сосок".

"Было еще много дела уже больше всего для польского войска", - говорил М. О. Коялович. Крупный польский конный отряд ринулся к Грюнвальду, в обход растянувшемуся немецкому войску, и ударил его во фланг. "Этот обход, возможный, как всякому очевидно, только при стойкости центра, т. е. при доблести смольнян, дал значительно иной оборот битве..." За этим обходным отрядом уже, без сомнения по указанию Витовта, понеслось к Грюнвальду татарское войско и "показало обычную свою способность побивать неприятеля сбоку и сзади"...

"Понеслись и малороссийские конные отряды, казаки и забрались не только к Грюнвальду, но и к Танненбергу и даже оттуда били немцев".

Исход одного из самых исторически значительных на памяти средневековых европейцев сражений стал неизбежен...

Тогда, в Польше, я, ранее не интересовавшийся подробностями Грюнвальдской битвы, грешным делом, подумал, что русский историк белорусского происхождения Михаил Коялович мог преувеличить в юбилейной речи, говоря, что "главное и первое дело, основа всего успеха была в доблести смольнян" и в военном таланте князя Витовта, но мои польские друзья перевели для меня слова Яна Длугоша, которые я позже сверил по печатному русскому источнику: "***В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобает мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками***".

Неустойчивые мирные годы текли век за веком, стены Мальборка нет - нет да сотрясались бурными волнами европейской истории, и через все эти события невредимой прошла фанатичная идея "Drang nach Osten". В новое время на древней земле пруссов возникла наследница Тевтонского и Ливонского религиозно - милитаристских орденов немецкая монархическая Пруссия, в новейшее время она усилиями "железного канцлера" Бисмарка расширилась, поглотив почти весь фатерланд, а империалистическая, милитаристическая и националистическая идефикс к концу XIX века отлилась в триединую формулу - король во главе Пруссии, Пруссия во главе Германии, Германия во главе мира.

С 1896 года каменная твердыня Пруссии - Мариенбург - начала укрепляться свежей системой обороны: батареи, форты, люнеты, орудийные и стрелковые бойницы. После первой мировой войны эти укрепления были демонтированы, и по Гаагской конвенции Мальборк стал считаться историко - архитектурным памятником. Но вскоре новые события сотрясли Европу.

Гитлеровцы продолжили дело тевтонов, и Мальборк сделался для них символом старых и новых устремлений на восток. Нарушив Гаагскую конвенцию, они вновь превратили памятник истории в современную военную крепость. Напомню, чем это кончилось.

Стою в центре внутреннего двора Мальборка. Незыблемо лежит здесь большой гранитный камень, как заключительная точка летописи, растянувшейся на восемь столетий...

Январским днем 1945 года, когда от мороза липли к рукам автоматы, прорвались к Мальборку солдаты и офицеры 2-го Белорусского фронта. Их встретил бешеный огонь с башен, стен и крыш. В крепости засело несколько тысяч гитлеровцев, вскормленных диким мясом геббельсовской пропаганды. Они изготовились дорого продать свои жизни. Глубокие подземелья замков и храмов были набиты боеприпасами и продовольствием, средневековые, недосягаемые снаружи колодцы давали свежую воду, подступы к цитадели окружали рвы и надолбы, опутывала колючая проволока, а вся окрестная земля являла собою сплошную затаившуюся смерть - мины рвались

даже от автоматной пули, пущенной наугад. Однако эту голову подыхающей коричневой гидры надо было непременно раздавить! Пятьдесят два дня и пятьдесят одну ночь длился беспрерывный и беспримерный штурм крепости, пока она не пала в солнечный мартовский рассвет. Многие тысячи советских воинов остались здесь навек, и у камня, положенного в их память, смолкает сегодня разноязычный говор, молча снимаются с голов береты, шляпы, испанки, шапки, кепи, конфедератки, сомбреро, фески, пилотки, бескозырки...

Ужасающие руины 1945 года остались только на фотоснимках. Более десятка лет польские реставраторы и каменщики восстанавливали замок, где с 1961 года разместился замковый музей с его замечательными коллекциями исторических и культурных ценностей. Рваная двухцветная мозаика пестрит на внешней кладке стен темный средневековый кирпич и светлый, современный: вечный след последней войны...

И еще существует такая великая сила, как историческая память народов и живая память современников... Это здесь когда-то был учрежден Железный крест, несущий символику, связанную с гербом Тевтонского ордена, сюда автор "Крестоносцев", лауреат Нобелевской премии Генрик Сенкевич обратился с гневным письмом к Вильгельму II, на этих плацах устраивались грандиозные представления и манифестации гитлеровцев, насаждавших в немецком народе нацистскую идеологию, вокруг этих стен сохранились обширные кладбища военнопленных - советских и британских солдат. Полмиллиона людей со всех концов света входят ежегодно в замок, чтобы оживить память; народы, теряя память, теряют жизнь.

41. Глава 41

Следы последней, чудовищной по разрушениям и по масштабам, войны, память о ней, о ее несметных невинных жертвах никогда не исчезнут с многострадальной земли Европы.

Орадур - де - Глан, Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Освенцим, Бжезинка, Треблинка, Лидице, Хатынь, Бабий яр, Красуха...

Последним, отмеченным особо кровавой печатью фашизма местом, которое мне довелось посетить, был Крагуевац. Это незабываемо.

Группа советских писателей была приглашена югославскими товарищами на празднование очередной годовщины освобождения Белграда. Глава нашей делегации поэт Сергей Викулов, освобождавший город от фашистов, ненасытно вглядывался в него спустя тридцать три года, и мы не мешали ему, бывшему командиру батареи. Наши войска пробивались сюда сквозь горы, укрепленные врагом по дорогам и на узлах дорог, по перевалам и переправам, на господствующих вершинах и фронтальных склонах.

Воины 3 - го Украинского фронта форсировали Дунай на юго - востоке от города, разбили оперативную группировку врага "Сербия", двинулись на Белград, перед которым уничтожили еще одну сильную немецкую группировку. Штурм Белграда начался утром 20 октября 1944 года, когда наши танкисты ворвались в город с юго - востока, овладели мостом через Саву, а Дунайская военная флотилия отрезала немцам пути отхода на север. К вечеру Белград был освобожден...

21 октября 1977 года мы выехали из Белграда на юг. Узкая асфальтированная дорога петляла по горным склонам, спускалась в речные долины, вела сквозь низкие облака от одной покатой вершины к другой. Мы обгоняли, нас обгоняли, а с высоких точек открывалось необычное: по дорогам, перевившим всю горную Шумадию, двигались, придерживаясь нашего направления, бесконечные вереницы автобусов и машин. Сотни, тысячи разноцветных коробочек на колесах, плотно набитых маленькими гражданами республики. Нам пояснили, что со всей Югославии в этот день каждый год съезжаются в Крагуевац около ста тысяч детей на Большой школьный урок...

Этот городок имеет славную историю, туго вплетающуюся в историю Сербии, Югославии, Балкан. После сооружения в 1853 году Крагуевацкого плавильного завода здесь образовалось ядро рабочего класса Сербии, где началась революционная деятельность первого на Балканах социалиста Светозара Марковича и проведены в 1878 году первые рабочие демонстрации под

красными знаменами. Потом создание ячеек социал - демократической партии, позже коммунистической, участие крагуевацких коммунистов в организации Народного фронта свободы в 1935 году, и вот в апреле 1941 года нападение фашистской Германии, капитуляция югославской армии, призыв коммунистов к народному восстанию - это была тогда единственная политическая и патриотическая сила, способная возглавлять освободительную борьбу. Вскоре после нападения гитлеровцев на Советский Союз на заседании ЦК КПЮ 4 июля было принято решение о начале вооруженной борьбы. 7 июля восстала Сербия, 13 - го - Черногория, 22 - го - Словения, в конце июля - Хорватия, Босния и Герцеговина, 11 октября - Македония[129].

Крагуевац гордится тем, что первый отряд сопротивления был создан в нем еще в июне 1941 года и тридцать пять десятков боевых отрядов организовали первый саботаж ночью 27 июня. К середине сентября партизаны Шумадии, число которых достигло пятнадцати тысяч человек, провели около ста вооруженных нападений и диверсий: ликвидировались жандармерии, сжигались немецкие комендатуры, уничтожались отдельные колонны захватчиков, подрывались железнодорожные станции, мосты, переезды, телефонные и телеграфные линии связи. Крагуевац стал городом - героем.

Крагуевац стал городом - мучеником. В середине сентября 1941 года немецкое командование, направившее основную военную мощь на Восточный фронт, на Москву, вынуждено было перебросить одну дивизию с оккупированной территории Советского Союза, по одной из Греции и Франции, чтобы любой ценой ликвидировать народное восстание в Югославии. Начальник немецкого Верховного командования фельдмаршал Вильгельм Кейтель по указанию самого Гитлера издал 16 сентября 1941 года приказ. Вот строчки из этого официального исторического документа, действие коего распространялось на всю оккупированную Европу: "***В каждом отдельном случае сопротивления немецким оккупационным властям, каковы бы ни были специфические обстоятельства, нужно считать, что речь идет о коммунистическом движении. Для подавления движения в самом его зародыше, при появлении первых признаков восстания необходимо применять самые строжайшие меры с целью сохранения авторитета оккупационных частей и для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению беспорядка. В связи с этим нужно напомнить, что человеческая жизнь в этих странах ничего не стоит и что только необыкновенной жестокостью можно достичь устрашающего эффекта. В отмщение за жизнь одного немецкого солдата - что в этих случаях должно быть общим правилом - следует подвергнуть смертной казни 50 - 100 коммунистов***"...

28 сентября 1941 года генерал Франц Боше взял по Приказу Гитлера единоличную власть в Сербии и развил положения берлинского приказа, потребовав от подчиненных поступать "со всей бесцеремонной жестокостью, ибо жертвами пали сотии немецких солдат", и пояснил, обратившись к истории: "***Вашим заданием является объездить страну, в которой в 1914 году ручьями текла немецкая кровь из-за коварства сербов - мужчин и женщин. Для всей Сербии должен быть дан устрашающий пример, который должен больше всего затронуть все население. Вы - мстители этих мертвых. Каждый, кто поступает мягко, подвергает опасности жизни своих друзей. Невзирая на личность, он будет признай к ответственности и предан военному суду***".

В начале октября 1941 года, когда немцы начали общее - наступление на партизан Сербии, на части Крагуевацкого и Чачакского отрядов, партизаны захватили роту немцев, сбили разведывательный самолет с начальником связи коменданта Сербии, освободили Горни Миланавец и Чачак. Из приказа генерала Франца Боше от 10 октября 1941 года: "***В Сербии из-за балканского склада ума и больших размеров коммунистического и замаскированных под***

---

[129] Большинство современных историков пришло к консесу о решающем влиянии переноса начала войны с мая на июнь на провал блицкрига Германии против СССР в 1941 (из-за восстания в Югославии, возглавленном И.Б. Тито и войны в Греции). Хотя есть и другие точки зрения.

национальные повстанческих движений нужно выполнить приказание Верховного командования вооруженных сил с самой большой строгостью. Быстрое и бесцеремонное подавление сербского восстания явится вкладом в окончательную победу немцев...

Если будут потери среди немецких солдат или фольксдойче, то территориальные уполномоченные коменданты вплоть до командующего полка сразу же дадут приказ о расстреле противника по следующему порядку:

- ***a) за каждого убитого немецкого солдата или фолъксдойче (мужчину, женщину или ребенка) - 100 пленных или заложников;***
- ***b) за каждого раненого немецкого солдата и фольксдойче - 50 пленных или заложников..."***

Вспоминаю попутно, как попал мне в руки подлинный дневник тринадцатилетнего бахмачского парнишки Толика Листопадова - этот потрясающий своей жестокой правдой исторический документ, написанный на оккупированной Черниговщине, пока хранится у меня, но предназначен для музея.

Это в нем я прочел строчки, пронизанные чувством маленького патриота: "Скоро ли у нас в городе будут люди, которые и говорят по - нашему и по духу наши?" А вот опубликованные в моей повести "Здравствуйте, мама!" строчки из ночной записи 1 января 1942 года:

"***За одного убитого немца будут расстреливать 100 человек наших жителей***". В Нежине кто-то убил немца с собакой, а они за это расстреляли 140 человек жителей и говорят: "***100 человек за немца и 40 человек за немецкую собаку***".

Общие потери немцев в районе Крагуеваца на 16 октября 1941 года составили пятьдесят человек убитыми и сорок ранеными. Гитлеровцы с педантичной точностью выполнила приказ... 50x100+40x50=7000...

Территориально уполномоченный комендант, опираясь на свежие войсковые батальоны, оттеснил партизанские отряды в горы и приступил к исполнению карательных обязанностей. Людей хватали в домах, на улицах, в церквах, школах. Брали только мальчиков, юношей, мужчин и стариков, уводили и увозили в глубокую низину, где текли два светлых ручья... К вечеру 21 октября 1941 года у Красного города, как называют в народе Крагуевац, лежало ровно 7000 трупов.

В долине этой сегодня мемориальный музей. Со старых фотографий смотрят на тебя все семь тысяч пар глаз, закрывшихся туманным осенним днем. Безгрешные искристые ребячьи глаза - тихие, доверчивые, наивные, задумчивые, грустные, озорные, кроткие, веселые, отчаянные! Траурно - торжественное шествие ста тысяч детей Югославии к святым могилам ровесников - самое возвышенное, что я видел в жизни.

Стою у одного из мемориалов, под которым покоятся останки трехсот школьников и восемнадцати учителей, вижу закаменевшее лицо Сергея Викулова, слышу - вспоминаю слова сербского друга:

Мой класс ожидает пули,

И никто никому не подсказывает...

Все, даже самые маленькие, на память знают урок,

В последний раз поблескивают их ребячьи глаза:

Здесь нет двоечников, ибо мы сыны народа,

У которого и самый маленький ребенок,

Лишь только научится ходить,

Уже знает, как нужно умирать.

Разве вы все еще удивляетесь,

Что добровольно остаюсь с ними?

Чтобы я, их старый учитель, одних их оставил?

А завтра? Чтобы на меня показывали пальцем?

Вы этого не понимаете...

Это мы, "дикари", знаем:

Учитель не только с классным журналом учитель.

Стреляйте! Я веду последний урок!

И еще мне вспоминается последнее посещение Кракова... **Вавель**, резиденция польских королей. Торжественнопечальный спуск к саркофагу Адама Мицкевича.

Всплывают в памяти белые, нерифмованные стихи Анатолия Чивилихина, столь редкие в его творчестве:

Та армия, в которой я служил,

Освободила Краков в день январский...

19 января 1945 года... Поэт и воин не увидел, однако, Вавеля в тот день - освободители спешили на Одер. И лишь светлой победной весною, возвращаясь домой, он со своими фронтовыми друзьями сделал остановку в Кракове. После ужасающих руин, которые довелось им увидеть за прошедшие четыре года, они надумали поближе познакомиться с сокровищем, спасенным ими, - ведь древний Краков, прекрасный город ученых, революционеров, поэтов, рабочих, служащих, художников, студентов, был обречен фашистами на полное уничтожение, и только молниеносная мера нашего Верховного Главнокомандования спасла это историко - архитектурное сокровище Польши и всей Европы.

В Вавель победителей пригласили хозяева: "осмотреть гробницы тех, кто когда-то властно правил Польшей".

Я объяснил, что русских офицеров

Сюда влекло желание другое-

Здесь погребен, друг нашего поэта

И друг свободы - значит, друг наш дважды.

И мы пришли, чтоб возложить венок,

Зримо вижу картину, как наш Анатолий с венком весенних цветов идет в группе друзей - фронтовиков сквозь толпу посетителей, которая уважительно расступается пред их сияющими орденами и медалями, пред этим венком.

Сначала показалось непонятным -

Как окружая королей заботой,

Здесь умные рабы не рассчитали,

Что королям, должно быть плохо спится

В соседстве с верным рыцарем свободы,

Однако вскоре объяснилось все...

Русские офицеры весны 1945 года не смотрели на помпезные гробницы королей, на величественные своды, на витражи, резные колонны и решетки художественного литья - они шли, провожаемые любопытными и почтительными взглядами, прямо к простым железным перильцам, что скромно расположились средь каменного пола, огораживая вход в подземелье.

Да, он лежит под мраморным надгробьем

Невдалеке от Яна Казимира,

Совсем невдалеке от Сигизмунда,

Но, чтобы не тревожить сих последних,

Его похоронили в подземелье,

И вход закрыт железною плитой.

Поэт, если он истинный поэт, увидит смысл и символ в обыденном, зорко заметит то, мимо чего бездумно пройдут тысячи нас, обычных смертных.

Изгнанник в жизни и за гробом узник,

Прими поклон хотя бы лишь за то,

Что говорил о временах грядущих,

Когда народы, распри позабыв,

В единую семью соединятся.

Последние две строки я знал с детства и вспоминал их, когда впервые побывал в Вавеле, где было тогда не так людно.

Вспомнились они мне и сейчас, в пестрой и густой толпе современных туристов. Снова величественные фигуры Александра Пушкина и Адама Мицкевича встали в памяти рядом, соединенные тем общеизвестным стародавним рукопожатием, о коем в не совсем обыденных, теперь уже далеких обстоятельствах вспоминал незнаменитый русский поэт Анатолий Чивилихин, ныне покойный...

Пусть живет средь людей и народов вечная добч ропамять!

42. Глава 42

Открытое письмо Доржийну Дашдаваа, заведующему кафедрой русского языка и литературы Высшей партийной школы при Центральном Комитете Монгольской народно - революционной партии.

"Дорогой Доржийн!

Временами вспоминаю наше доброе знакомство, последующие за ним встречи, неспешные долгие разговоры обо всем на свете - о "Сокровенном сказании" и "Слове о полку Игореве", о русской литературе XIX века и монгольском переводе трех с лишним сотен томов "Ганджура" и "Данчжура" в XVIII, о Москве и Улан - Баторе, о науке и народных обычаях, о женах и детях, о космосе и человеческой душе, о зарплате и снабжении, о политике и истории, о Чили и Кампучии, Америке и Китае, прошлом и будущем.

Храню твои письма и открытки, написанные чистейшим русским языком, и мою книгу, переведенную тобой на монгольский, с твоей дарственной надписью.

А помнишь заседание ученого совета в Московском университете, где ты защищал свою интересную диссертацию о языке Максима Горького и особенностях перевода его романа "Мать" на твой родной язык? Накануне мы просидели полночи над твоим вступительным докладом, уточняя филологические термины.

Ты волновался утром, старательно делал вид невозмутимейшего человека, но я - то чувствовал и знал, чего тебе, друг, это стоило! Однако все прошло хорошо, как и должно быть, и я с удовольствием вспоминаю твою отличную защиту, посещение посольства Монгольской Народной Республики и наше скромное застолье с холодной русской водкой, теплыми бурятскими бозами, горячими монгольскими блюдами и замечательным, обжигающим белым пламенем калмыцким чаем...

Однажды мы заговорили о русских путешественниках и ученых, сделавших так много для того,

чтобы мир узнал о природе, истории, народе Монголии, вспоминали Бичурина и Кафарова, Пржевальского и Потанина, Ядринцева и Певцова, Козлова и - с особенным почтением Грумм-Гржимайло. У меня на столе как раз лежали книги этого исследователя Центральной Азии, в их числе и второй том фундаментальнейшего исследования о Западной Монголии и Урянхайском крае, впервые изданный в Улан - Баторе на русском языке по решению Учебного комитета Монгольской Народной Республики вскоре после наших революций.

Кажется, я говорил тебе, что замечательный ученый был потомком одного из древнейших родов Европы, а по матери - родственником декабриста - историка А. О. Корниловича и белорусского историка М. О. **Без - Корниловича**?

Никто из прежних путешественников не пахал столь глубоко на таком обширном поле, как Монголия, и едва ли кому-нибудь удастся повторить научный подвиг Григория Ефимовича! Глубокие исследования по географии, геологии, почвоведению, метеорологии, зоологии, ботанике, экономике, антропологии, этнографии, истории. Сейчас, пожалуй, несколько институтов не справятся за такой срок с работой, которую проделал Г. Е. Грумм-Гржимайло с несколькими спутниками - сотрудниками. За полтора года ученый прошел 7250 километров, из них шесть тысяч - первым, сделал 140 гипсометрических и анероидных измерений, определил географические координаты 30 пунктов, стал первым европейцем, добывшим лошадь Пржевальского. На доске научных соревнований каждого института, снаряжающего экспедиции, можно бы вывесить в качестве образца перечень того, что привез из Центральной Азии в конце прошлого века Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло: 114 экземпляров крупных и средних млекопитающих, более 100 мелких, 1150 экземпляров птиц, 700 яиц с гнездами, около 100 экземпляров рыб, 105 пресмыкающихся и земноводных, 35000 экземпляров насекомых, 800 листов гербария, 850 образцов горных пород, множество журналов с монгольскими песнями, преданиями, словниками, статистическими таблицами, ящики с негативами и материалами других заданий; вот какие истинные рыцари науки, Доржийн, закладывали фундамент наших знаний друг о друге!

А второй том "Западной Монголии и Урянхайского края", целиком посвященный истории твоей родины с древнейших времен, - монументальное научное сочинение в девятьсот широкоформатных страниц, - даже сравнить, кажется, не с чем, и я его читаю как захватывающий роман, с недоумением и сожалением отмечая, что такого концентрированного и глубокого труда о моей стране и моем народе пока не создано... Близкие Григория Ефимовича рассказывали мне о том, как трудны были его последние дни, омраченные тяжелой болезнью, как он, мужественно борясь со смертью, скончался весной 1936 года. Хоронили его все московские Грумы и ленинградские Груммы, знакомые и незнакомые сограждане, советские ученые во главе с президентом Академии наук Александром Петровичем Карпинским, бессменно занимавшим этот высокий выборный пост с мая 1917 года и умершим через несколько месяцев после своего друга и коллеги...

И может, ты не знаешь, Доржийн, что на похороны Г. Е. Грумм-Гржимайло срочно вылетела тогда из УланБатора большая группа монгольских ученых? Успели, и никому не позволили нести гроб с телом покойного - ни у дома на улице Графтио, ни на Волковом кладбище, попросили предоставить это право им.

Выступивший на гражданской панихиде монгольский ученый сказал, что в его народе живет память о седобородом русском, который прошел всю Азию и знал, как растут горы и рождаются моря.

Схоронили его по соседству с великим писателем Николаем Лесковым...

Об истории мы много с тобой говорим при наших встречах.

В прошлом каждого народа были и темные, и светлые страницы, заполненные описанием деяний героев и злодеянии антигероев.

Однажды у нас зашел разговор о Чингиз-хане. Я сказал, что это был, видно, сильный мужик, если сумел... А ты вдруг перебил, возразив, что это ужас какой сильный мужик загубил миллионы людей по всем сторонам света и омертвил свой народ, выключив его на много веков из мировой

истории.

Да, Доржийн, я знаю это. Современный монгольский историк Ш. Сандаг пишет: "***Тотальная мобилизация людских и экономических ресурсов нанесла Монголии серьезный ущерб. Монгольские воины, огнем и мечом покоряя чужие страны и оставаясь там в качестве полицейской силы Монгольской империи, не вернулись, а рассеялись и ассимилировались с более многочисленными народами на местах. Жестоко пострадала и экономика страны, поставленная на службу военным авантюрам***".

Чингиз-хан и его потомки алчно грабили всех и вся, ничего не оставив после себя, кроме тяжких воспоминаний о реках пролитой человеческой крови, бесчисленных разрушенных городах Евразии, кроме полуомертвевшей центральноазиатской территории с ее несчастным народом - тружеником. Много на эту тему можно было бы сказать анализирующих и обобщающих слов, но мне лично все сказал неизвестный монгольский поэт XIII века. В замечательном "Сказании об Аргасуне-хуурчи" он поведал о том, как прискакал к Чингиз-хану, задержавшемуся в чужой стране на очередном брачном ложе, народный певец и музыкант Аргасун. Чингиз спросил: "Здоровы ля супруга моя, сыновья и весь народ?" Аргасун - хуурчи ответил:

Супруга твоя и сыновья твои здоровы!

Но не знаешь ты, как живет весь народ твой.

Жена твоя и сыновья твои здоровы,

Но не знаешь ты поведенья великого народа твоего!

Поедает он кожу и кору, что найдет, разорванным ртом своим,

Всего народа твоего поведенья не знаешь ты!

Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим ртом своим,

Твоих монголов обычая и поведенья не знаешь ты!

Это сказал великий поэт...

В позднее средневековье монгольский народ стал жертвой ничтожных князьков и родовых старшин, китайских и маньчжурских феодалов. Навалилась на него также страшная темная сила - наркотическое религиозное учение с его многовековым опытом духовного порабощения людей и разветвленными институтами.

Бесчисленные ламаистские школы собирали со всей Монголии мальчиков, чтобы через тридцать пять лет зубрежки выпускать их в мир знатоками священных книг, содержащих многие тысячи страниц.

Мне довелось однажды, Доржийн, увидеть все эти триста тридцать четыре тома канонического санскритского текста. В этом единственном полном экземпляре, которым располагает моя страна и Европа, хранится, конечно, и древняя восточная мудрость, и сложнейшая философия, и мистическая мифология, и народная медицинская рецептура, ждущая расшифровки, но ведь все на свете должно иметь меру... Семьсот монастырей, тысячи ритуллных капищ, сто тысяч священнослужителей! Эти святые отцы свято обслуживали власть имущих, утешая скотовода труженика тем, что его душа - де переселится в счастливое новое бытие и забудет краткосрочную земную юдоль...

Ламы ничего не производили, даже потомства, что вместе с массовыми убийствами, бедностью и болезнями истощало силы нации, катастрофически сокращало ее численность, и Н. М. Пржевальский сто лет назад с грустью размышлял о возможном исчезновении твоего, Доржийн, народа с лика земли.

А он нужен земле, монгольский народ, как любой другой, до наших дней пронесший сквозь тысячелетия свой язык, любовь к родине, навыки освоения природных богатств, обычаи, особенности национального характера... Жестокость была навязана Чингизом его

разноплеменным завоевательным ордам как средство устрашения жертв; жестокими были в те времена и многие власть имущие Англии, Испании, Руси, Китая, и это в средневековой Европе, где уже появились первые парламенты и университеты, заживо сожгли Жанну д-Арк, Джордано Бруно, Яна Гуса... Впрочем, ради исторической справедливости следовало бы отметить, что раннесредневековая земледельческая Русь в силу различных обстоятельств более или менее бескровно вживалась в просторные территории угро-финских племен и при создании своей государственности опиралась на довольно высокую по тем временам морально-этическую основу - в "Русской правде" (XI век!) не предусматривается в качестве карательных мер ни увечий, ни смертных казней; допускалось только убийство ночного вора на месте преступления, если нельзя было его связать и дождаться света; это была, в сущности, средневековая юридическая формулировка нынешнего так называемого "предела необходимой самообороны"...

В одной дореволюционной справочной статье писалось о психическом складе твоего, Доржийн, народа: "Вообще монголы приветливы и широко гостеприимны, словоохотливы, вспыльчивы, но не злопамятны, упрямы, но легко поддаются обаянию лести". В этой давней характеристике все по-человечески симпатично и понятно, в том числе и последняя черта, насчет "лести", - скажи, Доржийн, есть ли на свете человек, равнодушный к поощрительному доброму слову или комплименту? А без упрямства, которое, кстати, часто путают с упорством, ни один народ не дожил бы до нашего времени, как не дожил бы он без любви к детям и привычки к труду... Тот же автор писал, что монголы "способны трудиться много и долго", и - не прими за лесть или комплимент - я это знаю по твоей диссертация... Труд, зиждитель всего, жизнелюбие и долготерпение позволили монгольскому народу в самые тяжкие годы безвременья сохранить надежды на добрые перемены, и они пришли вместе с большой переменой в судьбе северного соседа, моего народа, с которым после встречи Ленина и Сухэ-Батора побратался твой народ, Доржийн. И на огромной территории, свободно вместившей бы несколько самых крупных европейских государств, зародилась новая современная цивилизация - социалистическая, то бишь общественная, предусматривающая полное раскрытие народного потенциала в трудовой связи с принадлежащими ему природными богатствами, всеобщим обязательным светским образованием, с непременным сбережением всего национального при его приобщении, естественном входе в общечеловеческую культуру, науку, политическую и всякую иную жизнь; феодальная и полукочевая еще в начале XX века Монголия стала к нашим дням страной стопроцентной грамотности, развивающейся индустрии, интенсивного скотоводства, устойчивого земледелия. Счастья и мира твоему, Доржийн, доброму, гостеприимному и мирному народу!

Опять я вспоминаю о войнах, Доржийн...

Тридцать три века назад произошла на земле первая война, которая сохранилась в памяти людей благодаря письменам на камне. Египетский фараон Рамзес II сражался с царем хеттов Хетасаром, и между ними был заключен договор, устанавливающий на земле вечный мир. После этого на планете приключилось более пятнадцати тысяч войн, и люди находили для них свои определительные слова - были войны большие и малые, локальные и мировые, междоусобные и религиозные, торговые и колониальные, феодальные и династические, крестьянские и гражданские, внутренние и внешние, повстанческие и партизанские, грязные и священные, семилетние и столетние, чайные и опиумные, расовые и народные, наступательные и оборонительные, химические и танковые, разорительные, захватнические, истощительные, победоносные, беспощадные, истребительные, тотальные, позиционные, окопные, сухопутные, морские, воздушные, экономические, холодные, психологические...

А некоторым войнам земляне пока не смогли придумать односложных названий из-за их чудовищности. Как назвать войну кампучийских наймитов против собственного народа, в которой было уничтожено на глазах всего мира более трех миллионов человек?!

А как назвать войну против народа Внутренней Монголии с целью китаизирования, полного растворения коренного населения обширного района Азии, когда официально было объявлено, будто "судьба монгольского языка и письменности недолговечна"...

Правители сегодняшнего Китая поднимают на щит "покорителя вселенной" Чингиз-хана, Хубилая, маньчжурского императора Канси, подсовывают школьникам карты, включающие в территорию этой страны "периода наибольшего могущества" часть Сибири и Дальнего Востока, всю Монголию, юго-восточную и всю Среднюю Азию, Ближний Восток, Восточную Европу и даже Северную Африку! Весной 1980 года в Китае было торжественно отмечено 753- летие со дня смерти Чингиза - организовано пышное шествие к специально выстроенной гробнице, состоялось возлияние вина и молока на, так сказать, его копье, произнесены соответствующие речи... А современник трагических событий средневековой истории китайского народа Чжан Чжу писал:

В канавах люди пожирают трупы,

Ребенка мать бросает на дорогу-

Прохожие глаза отводят тупо:

Они помочь уже ничем не могут.

В сплошной войне идут десятилетья

В сплошной войне идут десятилетья... Сегодня это антиафганская, центральноамериканская, ближневосточная, южноафриканская и иные войны доморощенной и международной реакции против свободы народов и сил социального прогресса.

Это и международная война с человеческим в человеке, нравственно разлагающая или усыпляющая большие общественные группы и целые народы, это и война "покорителей" природы, хищнически уничтожающая бесценное наследие землян, единственный источник их благ...

Не могу не вспомнить здесь замечательного русского ученого Николая Николаевича Миклухо - Маклая, естествоиспытателя - материалиста, антимальтузианца и великого гуманиста, патриота России, сына Человеческого. Около ста лет назад он призывал к рациональному использованию богатств земной природы, к освоению пищевых ресурсов Мирового океана, верил в неисчерпаемые возможности и силу науки, провозглашал оптимистическое будущее всего человечества. В речи, произнесенной 26 августа 1878 года в Сиднее на собрании членов Линнеевского общества, он говорил: "***Если мы, взявшие на себя бремя науки, намерены быть гуманистами в истинном значении этого слова и заботиться о благе человечества не только в настоящее время, но и в будущем, мы должны, на мой взгляд, помнить об обратной стороне всех наших гуманистических идей, которые с течением времени, несомненно, восторжествуют. Мир освободится от человеконенавистнических предрассудков, от рабства, от будто бы обоснованных претензий одного народа угнетать другой народ, человечество поймет преступность насилия, жестокости, неравноправия, люди всех наций и рас поймут, что между собой они равны и каждый из них наделен от рождения равным правом на жизнь и жизненные блага. Наука избавит человечество от эпидемий, многих пока неизлечимых болезней, облегчит труд людей, обогатит их душу и мозг прекрасными идеалами***".

Ты знаешь мои книги, Доржийн, в которых я, как и многие, писал о чрезвычайных сегодняшних опасностях для человечества, связанных с бездумным, временщическим использованием природного сырья, значительная часть которого уходит ныне на производство оружия, а грядущее грозит ядерными, бактериологическими, климатическими, нейтронными, радиологическими, лазерными, космическими и неизвестно еще какими войнами, результаты и последствия коих никто не в состоянии предсказать. Грядет уничтожение земной жизни? Кроме циничных политиканов, алчных наживал и продажных писак, объявились "теоретики", пытающиеся навязать людям комплекс политического бессилия или агрессивности, чтобы доказать неизбежность войн, делая свое мерзопакостное дело с такой лихостью, что можно подумать, будто сами эти гуманоиды проживают на летающих тарелках. Может, они успели забыть, что на каждого

погибшего во второй мировой войне пришлось в среднем по 1000 килограммов снарядов и бомб, в корейской - по 5600 килограммов, во вьетнамской - по 17 800, или не знают, что ныне на каждую душу живу приходится по 200 с лишком тонн эквивалентной тротилу одной только ядерной взрывчатки, а несколько килограммов современного отравляющего химического вещества способны умертвить несколько миллионов людей.

Между тем коллективный разум человечества выработал единственное практическое средство против угрозы войны - ограничение, сокращение, затем всеобщее и полное разоружение; это историческая необходимость, не имеющая альтернативы.

Только как сие сделать? Сегодняшняя трудная реальность и наше будущее тревожили один прозорливый ум еще в конце прошлого века. "К счастью, в то время, когда слепая природа под страхом истребления требует соединения всех разумных сил, а разумные силы, вооруженные истребительнейшими орудиями, невольно приходят к вопросу о необходимости разоружения и вместе с тем к невозможности его, - открывается способ из величайшего зла сделать величайшее благо". Русский философ Николай Федорович Федоров, кстати, первым из мыслителей заговоривший о неизбежности выхода человека в космос, предрек наперекор, как он выражался, "политическим мошенникам" превращение военных армий в трудовые для всеобщего дела людей - рационализации, использования природных богатств земли и освоения космического пространства ради тех же людей... И нет на Земле ни одного "избранного" народа, как нет ни одного "неполноценного", все они без исключения равны между собой, всем им мать - Земля предоставила равное право жить, трудиться, растить детей и никому не дала привилегий силой или хитростью отнимать у других заработанные блага или паразитировать на чужих трудах и талантах. Бездна Космоса, в которой мы, земляне, одни - одинешеньки, необходимость раскрытия тайн природы и человека, чтобы в конце концов сохранить жизнь на Земле, - это равняет всех живущих и станет рано или поздно общечеловеческой аксиомой, думать иначе будет невозможной аморальностью для единопланетян, все еще переживающих младенческую пору своей истории.

Во время одной из встреч с тобой, Доржийн, мы заговорили о сегодняшнем и будущем. И в повести, над которой я тогда работал, мне захотелось выразить общие наши мысли в раздумьях одного из ее героев, потомка декабриста, мечтающего написать большой труд о созидательной истории человечества; в этой работе он собирался коротко и точно оценить всяческих ганнибалов и наполеонов, чингиз-ханов и гитлеров, пунические, столетние и прочие войны, сосредоточив главное внимание на истории становления Человека - на развитии гуманистической мысли, наук, на совершенствовании труда человечьего, на борьбе людей с угнетением, нуждой, предрассудками, болезнями и неправдой, на усложнении взаимоотношений между обществом и природой...

Да воцарится мир меж людьми и народами!"

Чернигов - Козельск - Куликово поле - Москва.

1973 - 1980 гг.

43. Глава СВЯЗУЮЩАЯ ВСЕ СО ВСЕМ...

Заметки о романе - эссе Владимира Чивилихина "Память"

Способ быть счастливым в жизни есть:

быть полезным свету и в особенности

Отечеству.

Н. М. Карамзин

Думается, только в наши дни могла родиться такая необычная по всем статьям книга, как "Памягь". В годы, когда народ пристально вглядывается в свое прошлое, недавнее и далекое, пытаясь осмыслить, понять, что дало ему силы свершить невиданную в мире революцию, создать неслыханное ранее государство рабочих и крестьян, выстоять и победить в самой кровопролитной войне, какую знала история. В годы, когда все больше советских людей стало осознавать, наследниками какого великого богатства мы являемся, наследниками какой культуры, уходящей корнями в глубь веков!

Такие книги, как "Память", служат словно бы катализатором, заметно усиливают интерес к истории, они отвечают на многие вопросы и ставят новые, открывая увлекательные маршруты для грядущих исследователей... Они мощный заряд и возвышающих душу эмоций, и обогащающих память знаний.

Не всякой книге суждено вызвать столько разноречивых толков, сколько их уже выпало на долю "Памяти". Прав ли писатель, отстаивая свои предположения о маршруте Батыевых орд во время нашествия на Русь в 1237 - 1238 годах, о численности их, о точной дате битвы на Сити, о причинах поворота захватчиков от Новгорода, об обстоятельствах гибели героических защитников неприступного Козельска, названного татарами "злым городом", о качестве вооружения русского войска в битве на поле Куликовом, о лингвистических истоках слова "вятичи" и т. п. Возникали и другие вопросы. Что представляла собой Русь в те далекие времена? Какое значение для ее исторических судеб имело то нашествие и установившееся затем так называемое татаро - монгольское иго? Было ли у Руси свое средневековье или ее "древность" затянулась чуть ли не до петровских времен, когда на Западе вызревали уже революции буржуазные? И о самом важном - впрямь ли неспособны были наши предки навести порядок в своем доме, как это утверждали сторонники норманистской теории призвания варягов на Русь или их "оппоненты" - "евразийцы", расходящиеся с норманистами, пожалуй, лишь в том, что порядок Руси будто бы был принесен... с Востока? И существуют ли вообще народы, наделенные особой "пассионарностью", то есть некой "присутствующей во Вселенной человеческой энергией", не связанной "зависимостью с этическими нормами", и народы... неполноценные, что ли, с "нулевой пассионарностыо", обделенные природой в прямом и переносном смысле. Последнее звучит почти кощунственно, напоминая о бредовых расистских теориях германских фашистов.

Владимир Чивилихин в "Памяти" обнажил потаенный смысл новейших попыток пересмотра истории средневековья нашей Родины, с открытым забралом вышел на бой за истину, вышел во всеоружии фактов, научных данных. И книга его стала величественным гимном народам - созидателям, исторический смысл существования которых не пожива за счет менее "пассионарных" соседей, а развитие собственной экономики, культуры, освоение природных богатств.

Развитие это невозможно без знаний основательных и всесторонних, знаний в практически неисчерпаемом объеме, причем и таких, что относятся к глубинной сути самого человека как существа не только биологического, но и социального.

Созидателям не обойтись без исторической памяти. "...Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, движения и подвижения народов, царства и кумиры, великие труды миллионов, моря их крови и слез, разрушающее и созидательное, пестрые факты, широкие обобщения, разноречивые выводы - в этой бездне минувшего так легко и просто потеряться, растворить себя в том, что было и больше никогда не будет, а потому будто бы так легко и просто обойтись без всего этого, прожить оставшееся время сегодняшним днем, найдя радость в честном заработке на кусок хлеба для своих детей, - пишет Владимир Чивилихин. Однако память - это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее".

Роман - эссе "Память" тем и хорош, что распахнут вширь и вглубь, что стоит за ним громадный объем знаний, не просто переложенных автором на доступный и неспециалистам язык, но по - настоящему освоенных, то есть взятых критически, глубоко и всесторонне осмысленных,

оспариваемых, когда это необходимо, но опять - таки с привлечением новых фактов, аргументов, логических выводов.

Вширь - потому что, задавшись целью исследовать хрод в веках, историю, что прошла через него", а именно род декабриста Николая Осиповича Мозгалевского, автор вскоре вышел на прямо - таки необозримое житейское море - люди ведь в своих действиях и своих судьбах связаны друг с другом гораздо теснее, чем это обычно принято думать. И вот под пером писателя оживают все новые и новые имена, громкие и не очень, известные или малоизвестные, порою открываемые с совсем неожиданной стороны, и встают за ними разнообразнейшие пласты человеческой деятельности. Автору приходится вслед за героями разбираться не только в истории и географии, но и в... металлургии, коль речь заходит о знаменитом русском металлурге В. Е. Грум - Гржимайло и его сыне, пошедшем по стопам отца; разбираться в химии - без этого невозможно говорить о великом Д. И. Менделееве, который родственными узами был связан и с потомками декабристов, и с поэтом Александром Блоком; разбираться в архитектуре - а как иначе расскажешь о П. Д. Барановском или К. И. Бланке; разбираться в строительстве, когда боковые тропинки повествования уводят не куда - нибудь, а к великой Транссибирской железной дороге и Байкало-Амурской магистрали, в создании или изыскании трасс которых принимали участие и декабрист Гавриил Батеньков, и внуки декабристов Николай Мозгалевский, Василий Ивашев; разбираться в сельском хозяйстве, поскольку без этого не понять подвига В. А. Мозгалевского, внука декабриста, дворянина, ставшего одним из первых русских поселенцев в Туве. Впрочем, все области знаний, в которые пришлось в определенном объеме вникать автору (и во что он настойчиво вовлекает своего любознательного читателя), даже перечислить трудно...

Большинство тех, о ком рассказывает и на чьи труды опирается Владимир Чивилихин (что обусловлено самой тематикой и спецификой романа-эссе), - это либо путешественники, этнографы, востоковеды, вроде Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Н. Миклухо - Маклая, Н. Я. Бичурина, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, либо историки - от Н. М. Карамзина, В. Н. Татищева, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Веселовского до М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Е. А. Рыдзевской... Особенно западает в душу то неоднократно подчеркиваемое автором обстоятельство, что "наукой наук" вполне профессионально увлекались многие декабристы - пятьдесят пять историков насчитывается среди них! А декабрист Александр Корнилович был основателем первого в России исторического альманаха "Русская старина".

С большой теплотой, искренним глубоким уважением пишет автор об археологах - подвижниках, таких, как А. В. Арциховский, нашедший первую новгородскую берестяную грамоту и тем положивший начало открытию изумительного мира чуть не поголовной грамотности древней, как сказали бы раньше, а теперь, наверное, вслед за Владимиром Чивилихиным, скажут - средневековой Руси; как Т. Н. Никольская, открытия которой при раскопках близ Козельска блестяще подтверждают сведения о высоком уровне хозяйственного и культурного развития домонгольской Руси.

А какая гордость за подлинных патриотов своей Родины и ее древней истории звучит в строках писателя о самых простых русских людях, отнюдь не ученых с мировым именем, но внесших тем не менее весомый вклад в науку и культуру! Например, о Дмитрии Самоквасове, который еще в царское время, наперекор казенным профессорам, отрицающим саму возможность развития богатой культуры на территории Древней Руси, начал на свои деньги раскопки Черной Могилы на Черниговщине, ныне знаменитой во всем просвещенном мире. Или - о Николае Ядрннцеве, революционере и неутомимом исследователе природных и культурных богатств Сибири, инициаторе учреждения первого в здешних краях Томского университета, человеке, открывшем Орхоно-енисейские письмена с параллельным текстом на китайском языке, что вполне сравнимо со знаменитым открытием французским ученым Шампольоном параллельного греческого текста к египетским иероглифам. Или - о школьном учителе истории Ф.И. Кириллове, который первый обратил внимание на следы древней цивилизации на Белом Июсе, но, к сожалению, не мог достучаться до уснувшей профессиональной совести тогдашнего главного археолога Красноярска. Или - о краеведе из Козельска В. Н. Сорокине и других. Так и хочется воскликнуть

вслед за писателем: "Слава краеведам!"

Распахнута "Память" и вглубь. Прежде всего, в глубь времен. Если говорить об истоках древней славянской культуры, то - в третье и второе тысячелетия до нашей эры. Более близкие вехи - IX век с основанием могучего государства - Киевской Руси; XII век с неудачным, но отнюдь не бесполезным, как предполагает автор, походом русичей на половцев, воспетым в бессмертном "Слове о полку Игореве", поэме, столь любимой автором и нередко цитируемой на страницах романа - эссе; XIII век с безмерным трагизмом татаро - монгольского нашествия; XIV век с битвой на поле Куликовом; XIX век с движением декабристов; наконец, совсем недавние дни Великой Отечественной войны и дни наши - 70 - 80-е годы... Но если вспомнить о глубоко и увлекательно анализируемых автором "славянизмах" в древнеиндийских гимнах "Ригведы" и в священной книге древних персов "Авесте", а точнее, о внутренне присущем родстве многих корневых слов в языках этих народов, или вспомнить о находках на Белом Июсе, то временные границы "Памяти" раздвигаются еще дальше.

Чем же привлекает это сложное, трудное для восприятия произведение широкие читательские круги? (А ведь привлекает! О чем ином могут свидетельствовать сотни писем автору, посыпавшиеся сразу после журнальной публикации?) Прежде всего, вероятно, тем, что писатель с первых же строк не скрывает своего пристрастного отношения к человеку, судьбу которого он берется проследить в веках. И это не какой - то выдуманный герой, в которого можно верить или не веритьв зависимости от мастерства литератора. Нет, это человек, который жил, оставил отчетливый след на земле, продолженный его многочисленными - сто пятьдесят человек за полтора столетия! - потомками.

Человек, который боролся вместе с товарищами. (Кстати, Владимир Чивилихин увлекательно показал, как рождалось и укоренялось в общественном сознании еще в далеком прошлом это прекрасное слово, ныне, в советских условиях, ставшее привычным обращением.) Причем он и его товарищи декабристы боролись в неимоверно трудных условиях, когда даже самые большие оптимисты не столько рассчитывали на успех восстания, сколько на силу своего нравственного жертвенного примера для потомков, Человек этот, декабрист Николай Мозгалевский, дорог советскому писателю Владимиру Чивилихину вдвойне - и как настоящий гражданин своей Отчизны, и как прямой предок самых близких ему людей - жены и дочери. Но это личное по сути неразрывно связано с общественным. Нам, советским людям, нужно знать, что было задолго до нас, как на неимоверно длинном, порой непереносимо страшном, кровавом пути пробивались и все крепли ростки гуманизма, мечты о жизни вольной и праведной, истинно достойной человека. Нам нужно глубокое понимание того, что Большая История складывается из миллионов и миллионов кратких во времени, но отнюдь не "маленьких" историй конкретных людей, живых, из плоти и крови, с неповторимыми, только им присущими личностными чертами, с их личными помыслами, поступками, деяниями, которые обретали особенно большое общественное звучание, когда были обращены не вовнутрь, не на себя только, а на благо Отечества, поскольку именно в этом виделся им "способ быть счастливым в жизни".

Судьба Николая Мозгалевского, тесно переплетенная с судьбами его товарищей, ведет автора, словно нить Ариадны, в глубь лабиринта прошлого. И открываются все новые и новые ответвления, новые истории людские, и они неразрывно связаны с Историей страны. Историей человечества.

Поражает, как много успели декабристы и до того, как их созидательная деятельность была насильно пресечена или ограничена - заточением, каторгой, ссылкой, и даже после...

Какой глубокий нравственный след в истории России, и особенно Сибири, они оставили! Говоря о том, что память о декабристах - неотъемлемая, святая частица нашей духовной жизни, Владимир Чивилихин приводит отрывок из письма А. Ф. Голикова из города Плавска Тульской области - отклика на журнальную публикацию: "Декабризм надо расценивать как явление человеческой цивилизации, родина которому Россия... Вторая часть революции декабристов протекала по всей России до 90 - х годов - в Сибири, на Урале, Кавказе, на Украине, в Молдавии, Средней Азии, во

многих иных местах, включая заграницу. Декабризм - не только и не столько восстание на Сенатской площади, это полувековая подвижническая и на редкость активная по тем временам деятельность разгромленных, но не сломленных революционеров. Их революция была и в том, что они оставили нам литературные, философские, политические, естественнонаучные труды, как вехи к светлым знаниям, свободе и счастью нашему..."

Чивилихинская "Память" дает в этом смысле новую пищу для размышлений. В частности, поправляя историков, в самых последних изданиях о декабристах пишущих, что к амнистии 1856 года в разных местах Сибири их нашлось всего 19 человек, из которых 16 вернулись в Россию, а трое умерли в изгнании, автор рассказывает о пятерых, оставшихся в Сибири. Среди них почти на полвека пережил дату восстания поэт Владимир Раевский.

Ровно через 56 лет " - 14 декабря 1881 года - был похоронен в Иркутске единственный крестьянин - декабрист Павел Дунцов - Выгодскии. На десять месяцев дольше него прожил Александр Луцкий, умерший в 1882 году на поселении близ Нерчинских горных заводов. Тот самый Александр Луцкий, внук которого, красный командир Алексей Луцкий, был сожжен японцами в паровозной топке вместе с Сергеем Лазо...

А ведь Луцкий был не только одним из самых юных декабристов, но еще и самым слабым здоровьем. Единственный из декабристов-“северян” он был отправлен по этапу с партией уголовников и пробыл в пути в обшей сложности около года, единственный из декабристов-дворян был подвергнут наказанию розгами. Так какой же неистребимый пламень жизни горел в этом необыкновенном человеке, отважившемся к тому же на два побега, дольше всех своих товарищей пробывшем на каторжных работах и все же пережившем их!

Среди декабристов были, пишет Владимир Чивилихин, "первоклассные поэты и прозаики, страстные публицисты, талантливые переводчики, философы, филологи, юристы, географы, ботаники, путешественники-открыватели новых земель, инженеры-изобретатели, архитекторы, строители, композиторы и музыканты, деятели народного образования, просветители коренных народов Сибири, доблестные воины, пионеры - зачинатели благих новых дел, и просто граждане с высокими интеллектуальными и нравственными качествами.

Конечно, они составили целую эпоху в русской истории и сами были ее творцами, являя собой перспективный общественно-социальный вектор".

Так можно ли писать о них бесстрастно? Или о других, по-своему одержимых, которые встретились писателю в его долгом путешествии в прошлое? Вряд ли. Тем более Владимиру Чивилихину, который вошел в литературу как писатель остро драматичный. Достаточно вспомнить, какую критическую бурю вызвал острейший конфликт повести "Елки-моталки" между человеком-тружеником по природе своей и по всему мировоззрению, Родионом Гуляевым, и тунеядцем Евксентьевским, для которого паразитизм стал тоже своего рода осознанным кредо. За повести "Елки-моталки", "Серебряные рельсы" и "Про Клаву Иванову" Владимир Чивилихин первым из русских писателей в 1967 году был удостоен премии Ленинского комсомола. А его страстные, бескомпромиссные выступления в защиту от бесхозяйственности кедровых лесов, "светлого ока Сибири" - озера Байкал, самой почвы родной русской земли, вошедшие в книгу "По городам и весям", снискали ему славу острейшего современного писателя-публициста и принесли Государственную премию РСФСР.

Вот и в "Памяти" он выступает страстным защитником... Чего? Самой нашей великой истории и культуры! Защитником, потому что и на это духовное богатство, святая святых наше, ведутся непрерывные атаки, открытые или лицемерно маскируемые, тем более нетерпимые в нынешних условиях обострившегося идейного противоборства двух систем общественного развития.

Итак, страсть, открытая заинтересованность, та тенденциозность, о которой в свое время говорил В. Белинский и без которой не может родиться ничего истинно великого, ведет Владимира Чивилихина в глубь прошлого. А "под пеплом древности" столько света! Неугасимого духовного света, зажженного нашими предшественниками. Света любви и верности своему народу, а значит, и гуманизму вообще, всему человечеству. Автор "Памяти" щедро приводит все новые и

новые ярчайшие свидетельства такой истинно гуманистической любви русских людей к Отечеству, порою просто потрясающие. Таковы, например, строки из черновых набросков Н. Н. Миклухо - Маклая, найденных недавно в Австралии у его потомков.

"Память" - это не хладнокровное исследование ученого, которому все равно, что исследовать. "Память" - это взволнованное и волнующее слово гражданина, патриота нашей Советской Родины, и в частности той ее части, которая "союз нерушимый республик свободных навеки сплотила". Это - слово интернационалиста до мозга костей. "Память" - это слово писателя-коммуниста.

Авторская пристрастность, прорывающаяся порой в прямых лирических отступлениях, а подспудно пронизывающая все произведение, как бы растворяющаяся в его ткани, не противоречит другому важному качеству "Памяти": основательности, доказательности книги.

Не во всякой докторской монографии встретишь столько идей, которые открывают дорогу исследователям, идущим вослед, дают простор для развития научного поиска. Высокую оценку "Памяти" дали в печати ученые - филологи и историки, многие известные критики, литературоведы, прозаики, публицисты. Но главное, обращаясь к книге, любой может сам проверить авторские предложения и расчеты, обратиться, если его не убеждает авторский комментарий, к первоисточникам, на которые Владимир Чивилихин ссылается со щедростью, хотя и непозволительной в "чисто" художественном произведении, но вполне уместной вот в таком новаторском как по форме, так и по содержанию романе.

Колоссален объем знаний, привлеченных и переработанных писателем. Десятки, может, сотни источников! Это пока, к сожалению, большая редкость в художественно-публицистическом произведении. И как всегда, когда есть основная идея, в данном случае - величие и огромная историческая глубина культуры нашей Родины, вокруг нее и в доказательство ее автором немедленно осваивается и привлекается новейший материал. Можно согласиться с историком В. В. Каргаловым, заметившим, что многие, вероятно, только из "Памяти" подробно узнали об открытии советскими историками в Сибири, на Белом Июсе, рисунков древних охотников. Можно и добавить: не тем ли путем широкие круги читателей узнали об исследованиях украинским математиком А. С. Бугаем Змиевых валов, гигантских фортификационных сооружений оборонительного характера, возвести которые было под силу лишь большой и хорошо организованной древней государственной федерации? (А ведь датируются они с помощью радиокарбонного анализа древесного угля обожженных стволов, заложенных внутрь валов, 270 годом нашей эры, а один из них - даже 150 годом до нашей " - Г.Ч.).

Или - о многолетних, воистину патриотических трудах архитектора - реставратора П. Д. Барановского? Или - не только о колоссальных по масштабам и объему исследованиях Г. Е. Грумм-Гржимайло, но и о самой его подвижнической жизни? И еще о многом, многом другом...

И вот что крайне важно в этой глубоко научной в основе своей книге: она написана настоящим большим писателем, не литератором-популяризатором, нет, мастером-публицистом и прозаиком. Художественно убедителен, например, образ Субудая - не просто жестокого воителя, но и старика, любящего своих сыновей, понимающего всю сложность своего и их положения, если не сбережет он в этом трудном походе чингизидов и добычу... В "Памяти" - чудесный сплав высокой художественности с подлинной документальностью. Подлинной! Это не игра в "документ" только потому, что документальную литературу современный читатель ценит подчас чуть ли не выше обычной прозы. Строгость своего отношения к фактической основе автор подчеркивает: "Я пользуюсь привилегией писателя придумывать мелкие подробности, не имея права сочинять факты, искажающие большую историческую истину". Любопытно, что жизнь, новейшие данные научных исследований не раз подтверждали выдвинутые в "Памяти" и художественно обоснованные гипотезы (например, о наличии у защитников Козельска железных масок, делавших их неуязвимыми для татарских стрел, и др.). В другом месте, рассуждая о различии между профессиональным ученым и писателем, взявшимся за историческую тему, Владимир Чивилихин пишет: "***Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть,***

что, как и почему все происходило в прошлом; литератор же обязан опереться на достижения исторической науки и, рассмотрев годы и события сквозь призму своего мировидения, подсветить их личным фонарем и, может быть, внести в них сегодняшний смысл, сообразуясь с главными векторами общественного развития..."

С декабристов Владимир Чивилихин только начал свое путешествие в прошлое - как с великого нравственного примера, выражающего духовную сущность своего народа. А в принципе народ и есть главный или даже единственный герой его книги.

Прежде всего народ русский. Это естественно, поскольку и сам автор - плоть от плоти и кровь от крови этого народа.

Владимиру Чивилихину дороги и свои рязанские из - под Пронска - корни, и духовные корни нашей культуры, уходящие глубоко за пределы русского средневековья, во времена языческие, когда складывались и язык народа, и, может, не столь еще философское, сколь поэтическое Осмысление им своей жизни, и ее уклад... Кому дорога и близка Сибирь, которою "могущество России прирастать будет", как пророчествовал М. В. Ломоносов, - и прирастает все стремительнее у нас на глазах! Сибирь, в которой Владимир Чивилихин родился (в Мариинске, в 1928 году), провел детство и юность, по которой проложил несчетные свои журналистские и писательские тропы в зрелые годы. Дорог ему народ русский как выразитель созидательного начала, прежде всего как пахарь и строитель, а потом уж воин.

Владимир Чивилихин ярко показал трагизм положения едва еще начинавшей складываться в единое целое земли Русской в XII веке. С одной стороны на нее навалились немецкие "псы-рыцари", напрочь истребившие славянские племена бодричей, лютичей, руянов, балтоязычных пруссов и безостановочно теснившие на восток остальные народы, населявшие Прибалтику, "псы-рыцари", подбиравшие ключи к Пскову и Новгороду, пока не остановили их своим беспримерным мужеством наши предки; с другой - одержимые идеей мирового господства, стремлением "дойти до последнего моря" чингизиды собирали в спаянные страхом и жаждой наживы тумены разношерстные орды из побежденных ими народов, любителей легкой наживы тех времен, указывая им среди прочих целен и богатые земли Урусов...

Немало горьких и возвышенных страниц в "Памяти" о новейших временах, когда мирный, созидательный труд советского народа был прерван гитлеровским нашествием. Варварские действия захватчиков на советской земле были направлены не только на то, чтобы надолго приостановить экономическое и культурное развитие страны, но и на то чтобы, разрушая как можно больше, вытравить и историческую память народа.

Во весь рост встает в "Памяти" народ русский, миролюбивый, но в мужественный, великий в своем патриотизме: безвестный автор "Слова о полку Игореве", впервые в литературе сказавший "русичи", и Евпатии Коловрат, первый русский партизан в одной из первых наших народных, отечественных войн; безымянные участники героической семинедельной обороны Козельска, обороны Рязани, Владимира, Москвы, Торжка и те, кто на поле Куликовом полтора столетия спустя перемолол грабительскую орду; декабристы, которые своим примером не только озарили путь революционерам России, но и оказали благотворное влияние на судьбы сотен и тысяч своих соотечественников, прежде всего жителей Сибири, и, наконец, наши современники, советские люди, победившие в кровопролитпейшей войне, созидающие самое счастливое на земле общество. Весь громадный содержательный материал книги, вся ее направленность ярко выявляют определяющий вектор развития нашего общества, нашей древней государственности и культуры - созидание, мирное строительство и преимущественно оборонительный характер военных действий, если уж и приходилось в них участвовать.

Впрочем, герой "Памяти" - народ не только русский. С живейшей заинтересованностью рассказывается автором, к примеру, о народе ди, или динлинах, известном еще с III тысячелетия до нашей эры, некогда овладевшем "всем Китаем, дав ему династию Чжоу".

Что это был за народ? Об этом спорили и спорят ученые.

Г. Е. Грумм-Гржимайло не сомневался в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что

подтверждается данными антропологии.

"И если динлины были действительно индоираноязычными скифами, - размышляет Владимир Чивилихин, - то можно только поражаться силе и численности этого народа, заселившего в древности всю евразийскую Великую Степь - от Черного моря до Желтого, и оставившего замечательные образцы прикладного искусства".

Рассказывает автор и о народе чжурчжэней, сумевшем в средневековье развить и богатую культуру, и даже технику, но которому крайне не повезло с соседями. Истаял этот народ в битвах с полчищами Чингиз-хана. Наконец, автор прослеживает и то, как трагически политика этого хитрого, безжалостного, беспринципного властителя сказалась на судьбах самого монгольского народа, именем которого действовал Чингиз-хан.

Завоевательные войны, расточившие его силы, надолго устранили затем монгольский народ с арены мировой истории. И только социалистический строй помог Монголии занять достойное место в братстве народов.

Значительное место в "Памяти" занимает полемика автора с двумя вроде бы противоположными, но, как всякие крайности, сходящимися в своей сути направлениями в науке. Речь идет о норманистах и "евразийцах".

Камня на камне не оставляет Владимир Чивилихин от теории норманистов и их современных последователей, доказывающих неспособность якобы вообще славян, и в частности русских, навести порядок в собственном доме. Все содержание "Памяти" убеждает в обратном. Народу, создавшему такую великую культуру и такое могучее государство, какими они предстают на страницах книги, не нужны наставники со стороны. Автор привлекает все новые и новые, как наши, так и зарубежные, научные источники, опрокидывающие в зародыше эту фальшивую и вредную теорию.

"Оппонентами" норманистов выступили "евразийцы". Суть новаций их, в принципе, не во многом расходится с норманистами - порядок на Русь несли - де более "пассионарные" пришельцы, только уже не с Запада, а с Востока.

Владимир Чивилихин приводит убедительные, логичные, опирающиеся на строгие научные данные возражения наиболее активному и заметному выразителю идей "евразийцев" доктору исторических наук Л. Н. Гумилеву. Он выступает против преуменьшения урона, нанесенного Руси нашествием, против попытки изобразить трехвековое иго, надолго задержавшее ее развитие, в качестве некоего "союза Великороссии с Золотой Ордой", "тесного симбиоза Руси и Орды".

Он показывает, как давили и грабили Русь ордынцы, сколько кровавых набегов они еще совершили, пока не остановили их, уже навсегда на Угре, как издевались они над русским народом и его князьями.

Но разумеется, пафос "Памяти" - не в полемике со сторонниками ошибочных воззрений. "Память" сильна своей, как уже отмечалось, открытостью для дальнейших исследований, предлагаемых любознательному читателю, сильна антимилитаристским духом, пафосом истинного интернационализма, созидания.

Она рождает законную гордость за наш великий народ, за его великую и древнюю историю. Она помогает воспитывать столь необходимое каждому гражданину, патриоту чувство исторической памяти, "связующей все со всем".

44. Глава Приложение

44.1. Бланк Карл Иванович

(1728 год - 26.10(6.11).1793 года), Сын петербургского архитектора И. Бланка, сосланного с семьей по делу Волынского. Русский архитектор, представитель барокко и раннего классицизма. Жил и работал в Москве. Учился в «команде» В. С. Обухова (1745-49) и с 1749 года у Д. В. Ухтомского. Участвовал в строительстве Воспитательного дома в Москве в 1764-1770 годах,

перестройке Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря в 1747-60 годах, усадьбы Кусково в 1760-е -1780-е года; а также построил ряд церквей в Москве: Николы в Звонарях в 1765-68 годах и другие, и в Подмосковье - в Спас-Косицах в 1761году и Вышгороде в 1764 году, «Голландский домик» в 1755 году.

См. также **http://pokrovka.narod.ru/Sources/zm/Blank/Blank.htm**, Бланк, Карл Иванович

вернуться к ссылке

44.2. Церковь Николы в Звонарях, Ул. Рождественка, 15/8

История храма, как, впрочем, и большинства русских соборов, удивительна и трагична. Восходит она к временам Ивана Грозного. Именно тогда в Звонарской слободе из тесаных бревен сложили церквушку в честь Николая Угодника. Не раз она горела. Восстанавливали ее "всем миром", на деньги прихожан. А в середине XVIII века по приказу Екатерины II известный архитектор того времени Карл Бланк выстроил новый каменный храм. Здание удачно соединяло в себе классическую основу с русскими традициями, сочетая компактную купольную композицию с крестообразным внутренним пространством.

Таким оно сохранилось до наших дней (после Отечественной войны 1812 года были переделаны лишь каменная ограда и два крыльца собора).

В 30-х годах Николу в Звонарях закрыли. С того времени чудом уцелела уникальная икона - Божией матери Взыскания погибших. Ее сберегла старенькая прихожанка разграбленного храма, которая даже в годы эвакуации не расставалась со спасенной реликвией. После войны она передала икону в **Пюхтицкий женский монастырь**, что располагался невдалеке от Таллина. Но на этом история чудотворной иконы не закончилась. После образования независимой Эстонской Республики патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял решение создать в Москве Подворье Пюхтицкого монастыря. И случилось так, что настоятельница будущего подворья - матушка Филарета - из всех предложенных ей 14 московских храмов выбрала Николу в Звонарях. Туда-то и была с почестями возвращена икона Божия матерь Взыскания погибших.

44.2.1. Церковь Николы в Звонарях в Москве. 1762–1781

Планы построек екатерининского барокко, отражающие общую для них тенденцию к использованию изгибов и сложных построений.

В Москве, в которой елизаветинское барокко не создало почти ничего значительного, появление зданий нового стиля знаменует собой как интерес Екатерины II к старой столице (в начале царствования она бывала здесь довольно часто), так и освобождение дворянства от государственной службы по «Указу о вольности дворянства». Многие семьи и отдельные вельможи не то чтобы вернулись из Петербурга (их владения в Москве сохранялись и при Петре, и при Елизавете), но более прочно обосновались как в старой столице, так и в подмосковных усадьбах. Отсюда происходит тот ощутимый аристократический характер екатерининского барокко в Москве и Средней России.

Начало стилю было положено как аристократами-заказчиками, так и самой императрицей. В 1762–1781 гг. возводится церковь Николы в Звонарях, которая располагалась рядом с усадьбой графа И.И.Воронцова, который и был, вероятно, заказчиком строительства. В этом памятнике характерно сочетание сдержанного декора внизу и усложненной барочной декорации завершающего восьмерика, увенчанного яйцевидным куполом с люкарнами.

Церковь Николы в Звонарях была построена архитектором К.И. Бланком в 1762-1781 годах в стиле позднего барокко. Высокий восьмигранник церкви контрастирует с массивным основанием, пластика люкарн и венчающей главы противопоставляется плоскостному решению граней восьмерика, что и придает архитектурным массам напряжение, характерное для барокко. Высокие арочные окна главного объема и барабана дополнены круглыми проемами второго света и люкарнами купола. Это создает изящное разнообразие фасадного рисунка, однако при этом не теряются единство и компактность общей композиции.

Трапезная и колокольня появились позднее, в начале XIX века, когда усадьба Воронцова, для которого Бланк и возводил эту церковь, распалась, и храм стал обычной приходской церковью.

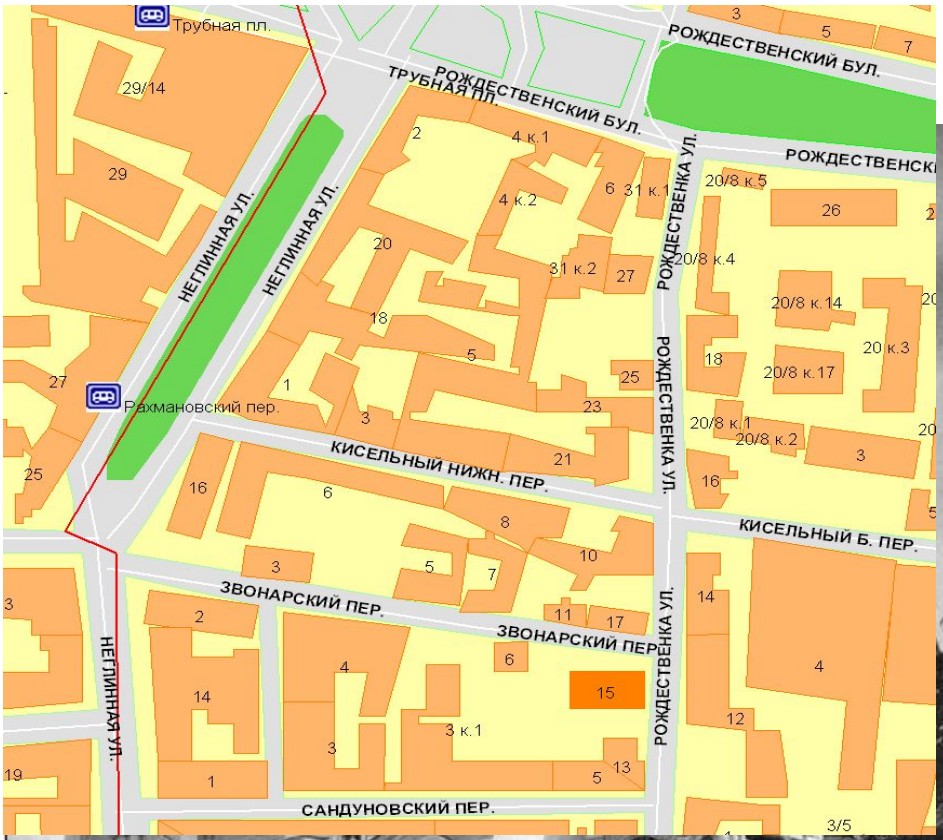
Композиция этого храма с растянутым в поперечнике четвериком и более узким восьмериком, восходящая к архитектуре аннинского барокко, стала вновь использоваться в 1760-е гг.

Церковь Николы в Звонарях в Москве. 1762–1781

См. также:

- **ОТ УЛИЦЫ ТВЕРСКОЙ ДО СРЕТЕНКИ**

- **Екатерининское барокко, или Барочетто в Москве**



Московская церковь Николы в Звонарях. 1881 год

44.3. Кусковский парк

Село Кусково - старинная вотчина графов Шереметевых.

Украшение усадьбы - Кусковский дворец - был построен в 1769-1775 гг. в стиле классицизма.

В отличие от каменных павильонов приусадебного парка, дворец был выстроен из дерева, причем каждая из его комнат была оригинально декорирована и не похожа на другие.

На территории парка располагаются различные павильоны.

Голландский домик был выстроен в 1749 году на берегу небольшого усадебного пруда. Его стены сплошь облицованы дельфтскими плитками, изображающими сцены из голландского быта. Второй небольшой этаж занимает зал-гостиная.

Государственный музей фарфора, располагающийся на территории усадьбы, был создан в 1917 году на основе национализированной коллекции А.В. Морозова. Позднее сюда были переданы и другие частные собрания - Л.К. Зубалова, М.П. Боткина, императрицы Марии Федоровны. В 1932 году музей фарфора был преобразован в Государственный музей керамики, владеющий сегодня прекрасным собранием экспонатов начиная с XV века. Здесь представлены как ведущие европейские школы, так и русский фарфор XVIII-XIX веков, в частности, работы русского первооткрывателя фарфора ученого-химика Д.И. Виноградова. Из изделий западноевропейских мастеров особенно привлекает майолика XV-XVI веков.

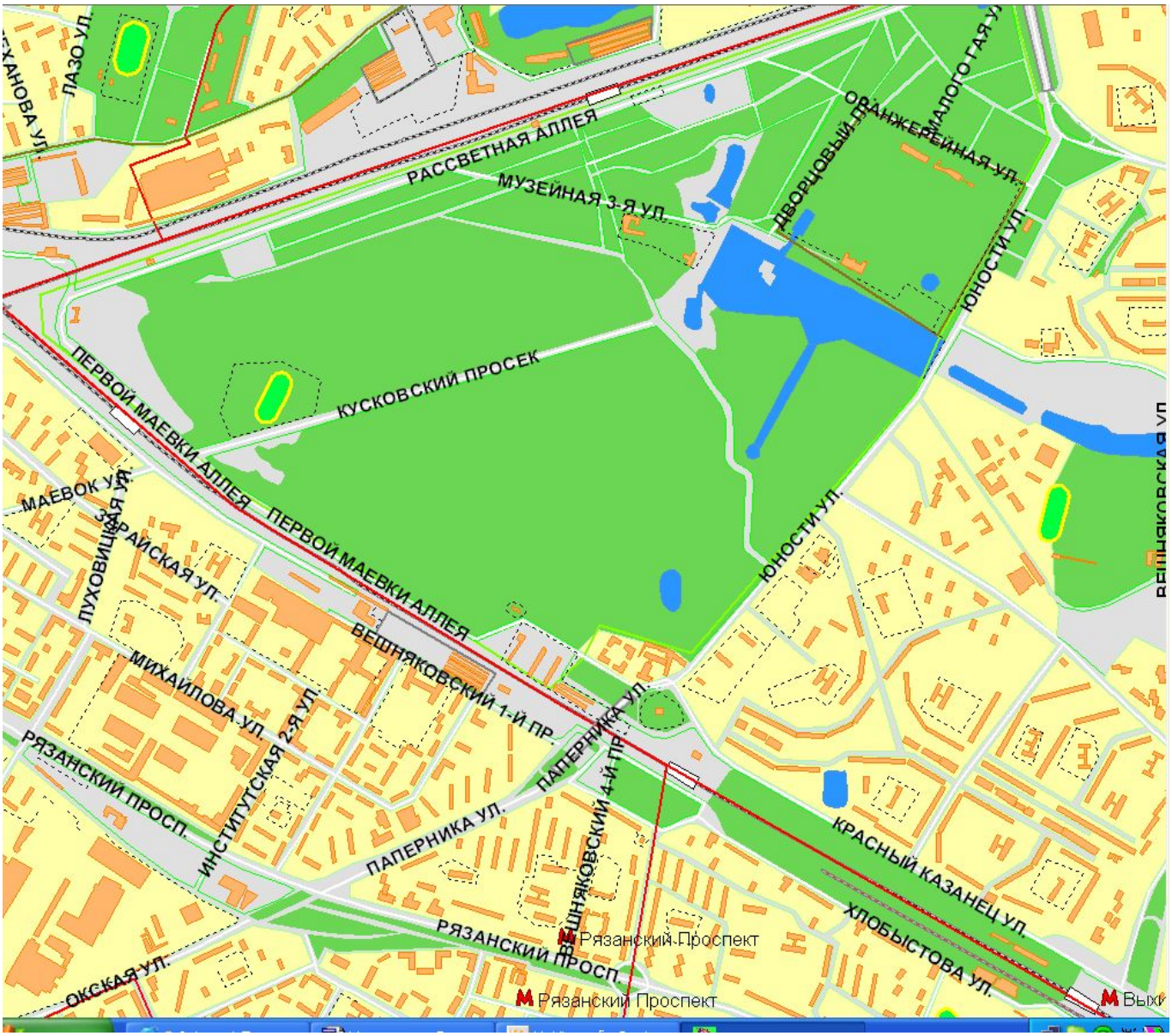
К знаменитому павильону Кусковского парка Эрмитажу (его авторство приписывают архитекторам Ф.Аргунову и К.Бланку) сходятся восемь аллей парка, отсюда видна стройная башенка-ротонда, увенчанная куполом.

На западном берегу Итальянского прудика стоит Грот, выстроенный в 1756-1771 годах под руководством крепостного архитектора Ф.С. Аргунова. В нишах помещены статуи античных богов. Автор скульптур и белокаменной резьбы фасадов - скульптор М.И. Зимин, интерьер Грота создан петербургским художником И.И. Фохтом. Грот - самый красивый павильон Кусковского парка. Итальянский домик построен в 1753-1754 годах архитекторами К.И. Кологривовым и Ф.С. Аргуновым. Рядом с домиком был сооружен прямоугольный пруд со срезанными углами, также названный Итальянским.

Кусковский парк славился тем, что здесь выращивали апельсины, лимоны, ананасы, причем за пределами парка также росли фруктовые деревья. В 1761-62 гг. в парке была выстроена Оранжерея, включавшая в себя три павильона. В одном из них - восточном - размещался храм Чуда архангела Михаила.

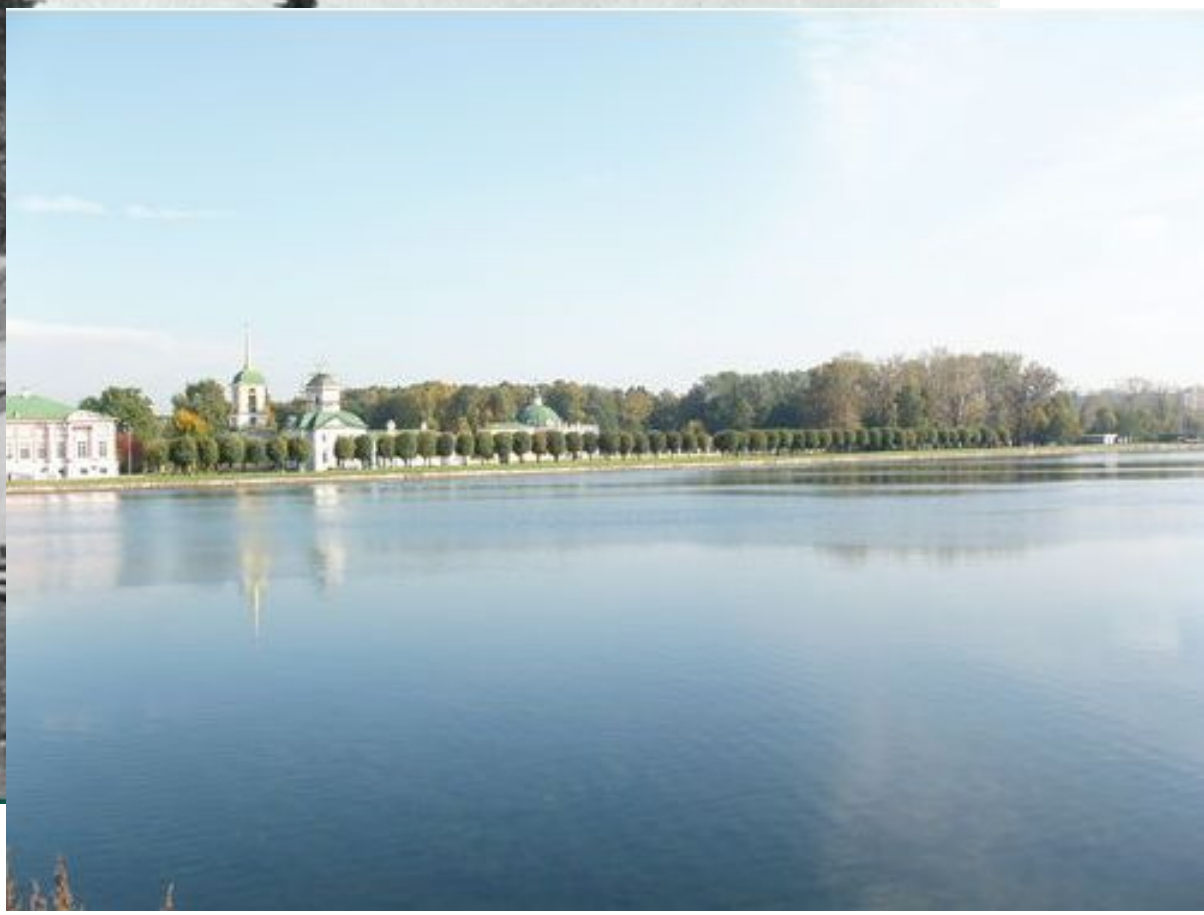
В ансамбль усадебных построек входят павильоны и построенная в 1737-1739 годах архитекторами А. Мироновым и Г. Дикушиным Спасская церковь.

В Кусково был зверинец и коллекция редких птиц. Славился Кусковский театр. Здание театра не сохранилось, но память об одной из крепостных актрис, ставшей женой графа Н.П.Шереметева, - Прасковье Ковалевой (Жемчуговой) - осталась в названии улицы “Аллея Жемчуговой”.


РАССВЕТНАЯ АЛЛЕЯ
МУЗЕЙНАЯ 3-Я УЛ.
ДВОРЦОВЫЙ ПР.
ОВАНЖЕРЕЙНАЯ УЛ.
ЮНОСТИ УЛ.
ПЕРВОЙ МАЕВКИ АЛЛЕЯ
КУСКОВСКИЙ ПРОСЕК
МАЕВОК УЛ.
ЗАРАЙСКАЯ УЛ.
ПУХОВИЩАЯ УЛ.
ВЕШНЯКОВСКИЙ 1-Й ПР.
ПАПЕРНИКА УЛ.
МИХАЙЛОВА УЛ.
ИНСТИТУТСКАЯ 2-Я УЛ.
РЯЗАНСКИЙ ПРОСП.
ВЕШНЯКОВСКИЙ 4-Й ПР.
КРАСНЫЙ КАЗАНЕЦ УЛ.
ХЛОБЫСТОВА УЛ.
ОКСКАЯ УЛ.
Рязанский Проспект

Кусковский дворец

Москва. Кусковский парк. Партер регулярного парка 1780 г.



Справа от дворца

44.3.1. Усадьба Кусково

Архитектурно-парковый ансамбль Кусково - уникальный по сохранности и художественному значению памятник русской усадебной культуры 18 века. Усадьба получила широкую известность как "летняя загородная увеселительная резиденция" одного из богатейших вельмож России - графа Петра Борисовича Шереметьева, сына и наследника знаменитого фельдмаршала петровской эпохи, первого российского графа Б.П. Шереметьева. Более пятидесяти лет он посвятил созданию блестящего ансамбля на месте родовой вотчины, которой Шереметьевы владели с 16 века. Здесь все делалось "по апробации и по указу его сиятельства", по образу царских загородных резиденций, с использованием лучших достижений высокоразвитого в то время ансамблевого строительства, с учетом русских традиций и особенностей кусковского ландшафта.

Европейски образованный, просвещенный вельможа П.Б. Шереметьев привлекал к созданию увеселительной усадьбы не только известных архитекторов, живописцев, знатоков искусства - таких как Ю. Кологривов, К. Бланк, А. Фохт, Л. Лагрен, но и крепостных мастеров. Значительная часть строений усадьбы была выполнена по проектам "собственных" архитекторов - Ф. Аргунова, А. Миронова, Г. Дикушина.

Усадьба состояла из трех частей - запрудной со Зверинцем, французского регулярного парка с основным архитектурным ансамблем и английского парка "Гай". С наибольшей полнотой сохранился архитектурно-парковый комплекс центральной парадной части.

Назначение усадьбы во многом определило её своеобразие. Изысканные образы усадебной архитектуры, великолепный французский парк, зеркальная гладь прудов, многочисленные увеселительные затеи были превосходными декорациями, среди которых разворачивались грандиозные театральные праздники. С наступлением лета, дважды в неделю, по распоряжению гостеприимного хозяина на усадебные гуляния приглашались все "кому угодно оным пользоваться". Особо отмечались дни рождения и тезоименитства владельцев, важные государственные и церковные даты. Сюда стремилась "почти вся Москва". Раскинувшаяся на 230 гектарах усадьба в дни особенно торжественных приемов собирала до 30 тысяч гостей.

Центром всего ансамбля является Дворец, доминирующий в архитектурной сюите. В непринужденной ассиметрии здесь, на берегу Большого пруда, расположились церковь, колокольня, Кухонный флигель. Водная гладь пруда служила своеобразной сценической площадкой, по которой во время гуляний скользили ярко расцвеченные челноки, ялики и парусная яхта с пушками, разыгрывая потешные "морские баталии". С центрального портика Дворца открывается перспектива в запрудную часть парка.

Северный фасад дворца выходит во французский регулярный парк - единственный уцелевший в Москве подобный образец садового искусства середины 18 века. Строгая геометрия его "зеленой архитектуры оживлена беломраморной скульптурой русских и итальянских мастеров 18 века. Чередование зеленых ковров и цветников партера, торжественного зала под отрытым небом, завершает большая каменная оранжерея.

В западной и восточной частях парка на берегах небольших прудов расположились два маленьких ансамбля - Голландский и Итальянский.

Голландский домик - единственный сохранившийся из построек, окружавших небольшой пруд, и самый ранний из увеселительных павильонов усадьбы. Более полно сохранился ансамбль вокруг Итальянского пруда с экзотическим Гротом, изящным Итальянским домиком и веселой россыпью Менажерей. В непосредственной близости от Итальянского домика был устроен зеленый воздушный театр. Главным "угощением" для гостей были знаменитые кусковские спектакли - итальянские и французские оперы, балетные дивертисменты в исполнении крепостных актеров графов Шереметьевых. Некогда на этой сцене впервые зазвучал голос самой известной крепостной актрисы 18 века - Прасковьи Жемчуговой.

Большой пруд

Церковь, Колокольня, арх. А.Ф. Миронов, Г.Е. Дикушин

Лоцман
путешествий

Грот

Эрмитаж. Построен под руководством арх. К.И. Бланка

Швейцарский домик

Дворец. Построен под руководством арх. К.И. Бланка

Итальянский домик

Большая Каменная оранжерея

44.3.2. История села Кусково

История села Кусково восходит к XVI веку. Впервые оно упоминается в конце XVI в.: "За боярином Иваном Васильевичем Шереметевым...". Известно из писцовых книг 1623/1624 г., что в шереметевской "старинной" вотчине уже стояла деревянная церковь с двумя приделами - Николы Чудотворца и св. Флора и Лавра, а в селе писцы отметили "двор боярина, да двор животинный, живут деловые люди" (так назывались лично свободные слуги). В 1577 году деревня "Найденово, Чурилово, а Вешняково тож-пуста" была прикуплена боярином Иваном Васильевичем Шереметевым к уже существовавшему в то время селу Кусково, которое называлось Спасским по церкви во имя Спаса Нерукотворного, находившейся на месте оранжереи (если встать спиной к кусковскому дворцу, то место бывшей церкви можно определить вполне точно - это правый флигель оранжереи - до 20 века над этим флигелем был крест, в советское время замененный декоративным шпилем). После И.В. Шереметева Кусковом владел его сын Федор Иванович Шереметев, перешедший на сторону самозванца Лжедмитрия I, за что и был пожалован им в бояре, впоследствии он в составе "семибоярщины" (органа управления государством семи бояр - Ф.И. Шереметева, И.Н. Романова, А.В. Трубецкого. Ф.И. Мстиславского, И.М. Воротынского, Б.М. Лыкова, А.В. Голицына) стоял за приглашение польского королевича Владислава на русский престол. Когда решался вопрос о престолонаследии, то, как говорят, именно он, Федор Шереметев, сказал: "... выберем-де Мишу Романова, он молод и глуп еще", каковая характеристика, возможно, и предопределила выбор новой династии.

От Федора Ивановича Шереметева Кусково переходило в продолжении почти ста лет от одного представителя этого рода к другому, пока Владимир Петрович Шереметев в 1715 г. не продал его за 200 рублей брату, известному сподвижнику Петра Великого Борису Петровичу Шереметеву, наследники которого преобразили Кусково. Он прославился многими победами, особенно в Северной войне, во время которой после одного из сражений получил чин фельдмаршала (третий в России), а после усмирения восстания в Астрахани он был пожалован первым российским графом. Под Полтавой Шереметев командовал центром русской армии и во многом способствовал победе над Карлом XII. Шереметев обладал большим родовым богатством, во время войны в Лифляндии он, по выражению царя Петра, "славно похозяйничал", да за службу ему отдали многие имения с крестьянами (так, например, после Полтавской битвы, Шереметев стал владельцем Юхотской волости с 12 тысячами крестьян), но всю свою жизнь провел в походах, сражениях, дипломатических переговорах и вряд ли бывал во многих из них, в том числе и в Кускове.

Фельдмаршал скончался через четыре года после покупки Кускова (в 1719 г.) и расцвет усадьбы связан прежде всего с его сыном - Петром Борисовичем. По преданию, село получило свое название от куска, которым граф Петр Борисович Шереметев обыкновенно называл свою родовую собственность, небольшой участок земли, где были дом, главный пруд, сад и село. Почти все, что есть в Кускове, обязано своим появлением Петру Борисовичу Шереметеву, да и сама мысль выстроить именно здесь роскошную подмосковную усадьбу, возможно, возникла потому, что Шереметев хотел иметь ее неподалеку от подмосковного дворца императрица Елизаветы Петровны в селе Перове.

Наиболее полно описал это место в 1886 году Михаил Иванович Пыляев, создавший книгу «Старая Москва». В 1893 году, с небольшими дополнениями, «пыляевское» описание усадьбы вошло в книгу Ивана Кузьмича Кондратьева «Седая старина Москвы».

«Вся земля кругом принадлежала князю А. М. Черкасскому, и в сравнении с его огромным имением, которое составляли почти все ближние села и деревни, окружавшие Кусково, действительно, оно было кусочком. Когда граф Петр Борисович женился на единственной дочери князя Черкасского, то все его поместья: Перово, Тетерки, Вишняки, Выхонь, Жулебино и Останкино - перешли в род графов Шереметевых. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу в приданое более 80 000 душ крестьян.

Молодая графиня Варвара Алексеевна провела детство в Вишняках (в двух верстах от Кускова к югу)[1] и очень любила их; она не хотела забыть родину, и молодой граф исполнил желание своей супруги, выстроил для нее на своем куске дворец и назвал его Кусковом.

Дом был построен по плану французского архитектора Валли и имел до 20 различных покоев.

В спальне покойного графа висел неоконченный его портрет, писанный пятнадцатилетнею его дочерью; смерть помешала кончить его, и неутешный отец не хотел, чтобы чья-нибудь рука коснулась работы милой его дочери. Других портретов его было здесь несколько, один работы Гротта, простреленный 10-ю пулями; другой в парадной столовой и также прострелен пятью пулями; рядом с ним прорезанный портрет графини, жены его. Эти три испорченные портрета остались памятником пребывания здесь французов в 1812 году. По преданию, граф Петр Борисович очень не любил французов и был враг тогдашней французской философии.

Сад был устроен после чумы, в 1772 году. Разведение его дало возможность некоторое время пропитаться голодавшему тогда народу.

В саду Кускова было 17 прудов, карусели, гондолы, руины, китайские и итальянские домики, китайская башня наподобие нанкинской, с колоколами,- граф называл ее голубятней, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты.

Теперешний дом и сад Кускова только остатки прежнего великолепия: нынешний так называемый гай, или роща возле театра, был некогда превосходным английским садом, с такою обстановкою, что граф и его гости предпочитали его дому и французскому саду.

Направо от дома – подъемный мост, около которого стоят шесть пушек – трофеи Полтавской битвы, подаренные Петром I графу Шереметеву.

В этой роще стоял летний дом графа Петра Борисовича, где он постоянно жил в неприемные дни и где принимал своих друзей. Дом этот назывался «домом уединения». В этом домике жил граф, когда лишился милых сердцу жены и дочери, и оттуда выходил только для приема знатных гостей, иногда Екатерины и других государей.

В последний раз императрица была в Кускове в 1787 году во время празднования двадцатипятилетия своего царствования (мраморный обелиск возведен именно в память об этом последнем визите царственной особы, хотя до этого она иногда бывала здесь). Императрица прибыла в Кусково 30 июня со всем двором и блестящей свитой. Екатерина вступила на кусковскую землю через великолепную арку. При приближении поезда императрицы стоявший на большом пруде двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов также гремели пушечные выстрелы. К большому дому вела галерея живых картин: здесь стояли попарно жители и слуги Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты по пути. Через большой сад хозяин провел царицу в сад английский и лабиринт (окружал беседку, которая стояла на кургане; тут же стояла и статуя Венеры. Возле нее была Львиная пещера: здесь на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова), где при вечернем солнце показывали свои прихотливые сооружения и редкости, а после повел царицу в театр, где давали оперу «Самнитские браки» и в заключение балет. Екатерине очень понравился спектакль: она допустила всех артистов к руке и раздала им подарки. На этом празднике бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь.

В «доме уединения» в 1810 году помимо графа жила еще Анна Николаевна - калмычка, весьма важное лицо в Кускове. Дом этот впоследствии отдавался внаймы и был сломан в 1812 году. С 1810 года дом этот жадные опекуны стали отдавать внаймы, и его нанимала для летней дачи, прельщенная преданиями старины Кусковского театра, известная актриса Е. С. Сандунова. Судьба спасла Сандунову от последующей встречи здесь с французами, а ограбленный ими дом был вскоре сломан.

На конце рощи было небольшое озеро под названием Локасино; искусственная река соединяла его некогда с другими небольшими озерами: через рукава этой речки живописно перекинуты были красивые мосты с раззолоченными перилами: один из них вел в глубину рощи, к так называвшемуся «убежищу философов» или в Тентереву деревню, в красивый домик с зеркальными стенами, полами и плафоном, наполненный тысячами редкостей. Недалеко от этого дома было другое здание под названием «Метрея»; это был небольшой скотный двор, куда приводили графу на показ его любимых коров. У опушки гая, недалеко от нынешней Гиреевской рощи и дороги в Косино, бил фонтан; в пятидесятых годах (XIX века) в этом гаю стояла еще «беседка тишины» и курган. Беседку окружал некогда искусный лабиринт, а на кургане стояла статуя Венеры; возле нее была львиная пещера; здесь на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова. Недалеко отсюда был знаменитый стог сена, который еще помнят некоторые старожилы: при приближении к нему замечалась оригинальная беседка в виде русской избы, в которой за дубовым столом на тесаных скамьях сидели двенадцать мужичков в праздничных нарядах и в интересных позах и пили водку. Это была группа восковых фигур, которая называлась «пьяною компанией». Эта группа не изображала русских мужичков, а иностранцев, что тут были восковые фигуры какого-то «Вилиуса», «турка», еще «господина без печали, веселого брата», затем «француза» и доктора «Бамбаса вместе с дамой». Судьба этих кукол была самая печальная: портной Иван Пучков и обойщик Нефед Никитин в ночное время перебили их, отшибли им головы и руки, обобрали их платье и продали в Москве. Позднее опустошение этого «Шомьера» довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра во Владычино дороге, на том месте, где теперь мост через канал, прежде был так называемый «потаенный фонтан», и стоило только шутнику отвернуть кран, как на бедного, проходившего через мост, лился проливной дождь.

Говоря о бывшем великолепии Кускова, нельзя не вспомнить и о старинных его угодьях. К числу их принадлежала и та роща, которая теперь известна под именем зверинца; зверинец был в окружности до трех верст; еще заметны теперь два пересекающихся под прямым углом в средине леса проспекта и видны следы каменной башни, служившей сборным местом охотников, но уже нет следов построек настоящего зверинца, где содержались разных пород звери: черные американские, серые русские и сибирские медведи, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; их считалось до 600 голов; остатки этих стад выведены отсюда в 1809 году, и зверинец уничтожен. Охоту графа составляли обыкновенно сорок псарей, сорок егерей, сорок гусаров и т.д., все по сорока.

На месте нынешнего оранжерейного здания, где уцелела старая домовая церковь, стоял первый дом владельцев, за которым в память петровской эпохи и для собрания воедино голландских памятников сооружен был дом «Голландский» (1749 г.). Сохранилась ограждающая решетка, сделанная по рисунку, который во время пребывания здесь на досуге набросала Екатерина.

Пруды Кускова были полны дорогих рыб; рыбы было столько, что неводом вылавливали зараз по 2000 карасей - и раз была вынута из пруда раковина с жемчугом; в старину на пруду было несколько рыбачьих хижин, стояли яхты со шлюпками и лодками, был остров с руинами, были матросы в шкиперских кафтанах кофейного и вишневого цвета с белыми пуговицами. Помимо прудов, среди садов Кускова протекал быстрый ручей; он был расчищен, углублен, обложен по берегам камнем и обращен в речку; от этой речки сделаны отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными, с живописными берегами островками, переходными мостиками, с золочеными перилами, башенками, беседками и т. д.

Перечисляя памятники роскошного прошлого Кускова, нельзя обойти описанием карусели с затейливыми играми, как-то: кольцами, мячами, кеглями, висячим шаром, деревянными конями для езды в одноколках, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбах; затем был здесь «Диоген», врытый в землю,- сидел он в дубовом чану со снимающейся крышкой; философ был сделан из алебастра и расписан под цвет натурального тела; он имел при себе муравленый кувшин и шнуровую книгу в кожаном переплете.

В саду был еще Храм молчания или тишины. В этом здании, сооруженном в лабиринте, стояли только, в знак молчания, две большие вазы с крышками. В саду также в некоторых местах возвышались большие декорации из тесу с изображениями красками красивых ландшафтов и строений. Такие декорации часто употреблял в дело князь Потемкин во время проездов Екатерины по бедным и скучным местностям. Была в Кускове одна декорация, представлявшая домики, при них ворота с замком и скобками. Красовалась там еще беседка «Трефиль», снаружи и внутри обитая равендуком, с расписными стеклами; на ней надпись: «Найти здесь спокойство»; был и «философский домик», обитый внутри березовою корою и на дверях с надписью на французском и русском языках. В числе затей стоял еще «открытый воксал (Vauxhall)» для музыки и танцев, с наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, как мы уже говорили, отличался театр Шереметева. По величине он равнялся нынешнему московскому Малому театру, но удобством, вкусом, изяществом и богатством он далеко оставлял второй позади.

В 1790 году граф Николай Петрович познакомился со своей крестьянкой Прасковьей Ивановой (Кузнецовой, Ковалевой или Горбуновой - так как она была дочерью кузнеца), сделал ее актрисой и назвал по сцене Жемчуговой. При первой встречей с ней он был поражен ее красотой и воспылал к ней серьезной страстью. Он взял ее из отцовского дома (по преданию, ее отец был кузнецом) и поместил ее во флигеле, где жили его актрисы; здесь он обратил все свое внимание на образование своей избранницы. К ней были приставлены учителя, в числе которых были и иностранцы. … Граф жил с Парашей в отдельном доме наискось от театра, и обстановка дома была проста необыкновенно. Девять лет жили влюбленные в этом домике, наконец, счастье их было нарушено невообразимыми сплетнями гостей и гуляющих в Кускове, и граф в 1800 году, запечатав театр, оставил Кусково и переехал в Останкино. Мало-помало все лучшие вещи были перевезены из Кускова в Останкино, и Кусково было позабыто. В 1801 году граф вступил с Прасковьей в законный брак. В 1803 году она родила ему сына Дмитрия и через несколько дней (3 февраля 1803 года) умерла. Сам граф скончался в 1809 году. Над имением шестилетнего графа Дмитрия Николаевича назначена была опека. Опекуны во время долгой опеки все свозили из Кускова, уничтожали и продавали даже с аукциона все движимое имение, все памятники, постройки, здания, сооружения и прочее, прикрываясь недостатком средств для штата. Нашествие французов 1812 года им пришлось тоже кстати. В это время в Кускове стоял корпус французского маршала Нея. Ссылаясь на посещение неприятелем подмосковных имений Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенных или уничтоженных французами. После этого Кусково совсем оскудело. В настоящее время (1893 год) Кусково – одна из любимых *дачных местностей*, и дачи раскиданы вокруг него на большое пространство. Кусково находится в семи верстах от Москвы, между большими дорогами: Владимирской и Рязанской. По церкви Спаса Кусково называлось Спасским. В церкви до сих пор сохранилась старинная дорогая утварь и воздухи собственной работы Елизаветы Петровны. Церковь находится подле дома; она каменная и невелика; архитектура ее также не замечательна, но ризница богата.

Где теперь столбы и шлагбаум, на выезде с кусковской земли в сторону Перова и Опекунова, при повороте к Тетеркам (Тетеревникам), стоял деревянный столб с надписью, приглашавшей посетителей Кускова «веселиться, как кому угодно, в доме и в саду».

Только внук Петра Борисовича Шереметева Дмитрий Николаевич приводит Кусково в порядок. Единственный сын брака по любви Николая Петровича Шереметева и Параши Ковалевой стал военным, участвовал в подавлении бунта декабристов, воевал в польской кампании 1831 г., но вскоре вышел в отставку и посвятил себя благотворительности, много занимаясь Странноприимным домом (ныне институт скорой помощи имени Склифосовского). Он умер в 1871 г. в Кускове, скоропостижно, присев на диван в кабинет-конторке дворца. Его наследником стал сын Сергей Дмитриевич, родившийся в 1844 г. и не увидевший того, что сделали с его Россией коммунисты - скончался в 1918 г. Сергей Дмитриевич Шереметев, автор многочисленных

исторических и генеалогических работ, был председателем Археографической комиссии и многолетним попечителем Странноприимного дома.

В 1880 году вблизи села был устроен химический завод. Трудились на нем 15 человек а территория завода была расположена в то время в живописной местности. Почти примыкая к нему, находился большой копаный пруд, принадлежавший генералу Куприянову. Этот пруд сохранился до наших дней.

"1881 года за номером 610 дано сие свидетельство из Московского Губернского Правления гражданину Северо-Американских Соединенных штатов Александру Бари, отставному подполковнику Николаю Сытенко и титулярному советнику Николаю Рубинскому в том, что дозволяется им содержать в Московском уезде, близ станции ж.д. Кусково, в даче, под названием 6-ой части села Перова, собственно им принадлежащей, завод для выделки минеральных масел. Марта 11 дня, 1881 года". Так появился завод "Товарищество русско-американского нефтяного производства".

12 июля 1882 года Дмитрий Иванович Менделеев заключил соглашение с администрацией сроком на 4 года, по которому принимал на себя обязанности консультанта по вопросам технического и химического производства нефтяных продуктов. Комната Д.И.Менделеева находилась на втором этаже. С фасада ее можно было отличить по необычной архитектуре: она была похожа на теремок с двускатной крышей. Именно в этой "башне" Д.И.Менделеев занимался исследованиями тяжелых и легких углеводородов нефти и многих других химических соединений. В этой комнате были созданы чертежи и проекты, по которым был смонтирован, опробован и пущен в постоянную эксплуатацию первый в мире аппарат непрерывной перегонки нефти без отходов, изготовленный в механических мастерских завода. В 1883 году Д.И.Менделеев предложил способ и организовал производство на заводе тяжелых осветительных масел, решил проблемы их безопасного использования. Он внедрил технологию четырех видов некоптящнх и пожаробезопасных масел:

керосин высшего сорта (t вспышки = 40°С)

астролин (1 всп.= 60°С)

бакулеум (t всп.=50-70°С)

пиронефть (t всп.=100-130°С)

До изобретения и освоения производства на Кусковском химическом заводе менделеевского некоптящего и взрывобезопасного керосина бакулеум источником освещения в деревне была лучина, а в городах - свечи и различные сорта американского и бакинского взрывоопасного коптящего бензина. Частые пожары были настоящим бедствием городов и деревень.

Работа Дмитрия Ивановича продвигалась весьма успешно. Во многом благодаря его таланту исследователя и конструктора, завод стал выпускать в год 80 тыс. пудов осветительных масел (включая керосин), 40 тысяч пудов смазочных масел, остатки нефти (мазут) реализовывались как товарная продукция. Но Менделеев ушел. Ушел, проработав на Кусковском заводе только три года. Он вынужден был так поступить из-за невежества и неуважительного к нему отношения хозяев завода.

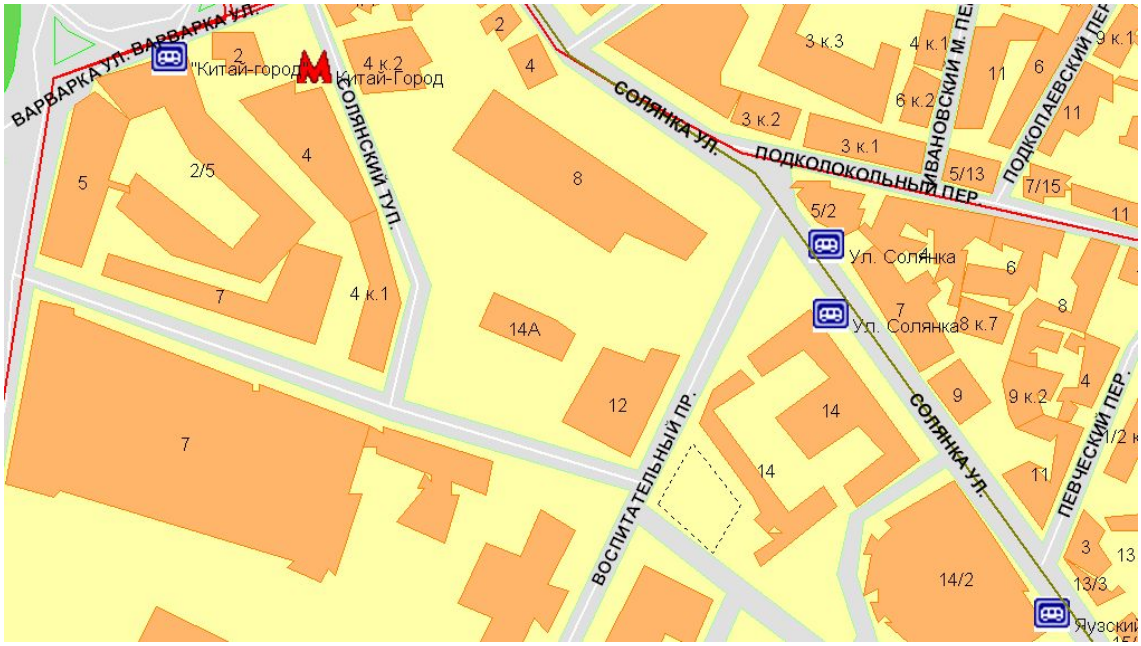
В 1932 г. в Кусково переводится музей фарфора, созданный на основе частных коллекций Л.К. Зубилова и А.В. Морозова, и значительно расширенный впоследствии - ныне это единственный в России музей художественного стекла, фаянса и фарфора, насчитывающий около 30 тысяч предметов.

44.4. Солянка, 14

В старину здесь находился большой «Васильевский сад» устроенный царем Василием III. Позже здесь был построен Воспитательный дом (ныне академия им. Петра Великого). Мысль основать на этом месте дом для незаконнорожденных детей принадлежала одному из Екатерининских вельмож И. И. Бецкому.

В 1763 году он обратился к Екатерине II с проектом создания этого дома, а в 1764-1772 годах монументальное здание было сооружено по проекту архитектора К. И. Бланка, при участии М. Ф. Казакова.

В 1826 году для управления Воспитательным домом был создан Опекунский Совет (архитекторы Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьев) - Солянка 14а. Ансамбль зданий Опекунского Совета был одним из крупнейших произведений Московского ампира.



Идея Воспитательного дома полностью воплотилась в его архитектурном здании, - изолированном от всего остального города и величественно монументальном. На постройку, как известно, пошел камень из разобранной стены Белого города. Его поныне существующее здание возводил, по одной версии, тот же К.И.Бланк, строивший тогда и Екатерининскую церковь в Замоскворечье, а по другой - специально приглашенный в Москву петербургский архитектор Ю.М.Фельтен, автор знаменитой решетки Летнего сада. Строительство растянулось на много лет, и известно, что в последние годы под наблюдением именитых зодчих работы выполнял некто Ситников, крепостной мастер Демидова, а достраивал Воспитательный дом и вовсе Жилярди, построивший, кстати, и здание для его Опекунского Совета на Солянке в 1825 году.

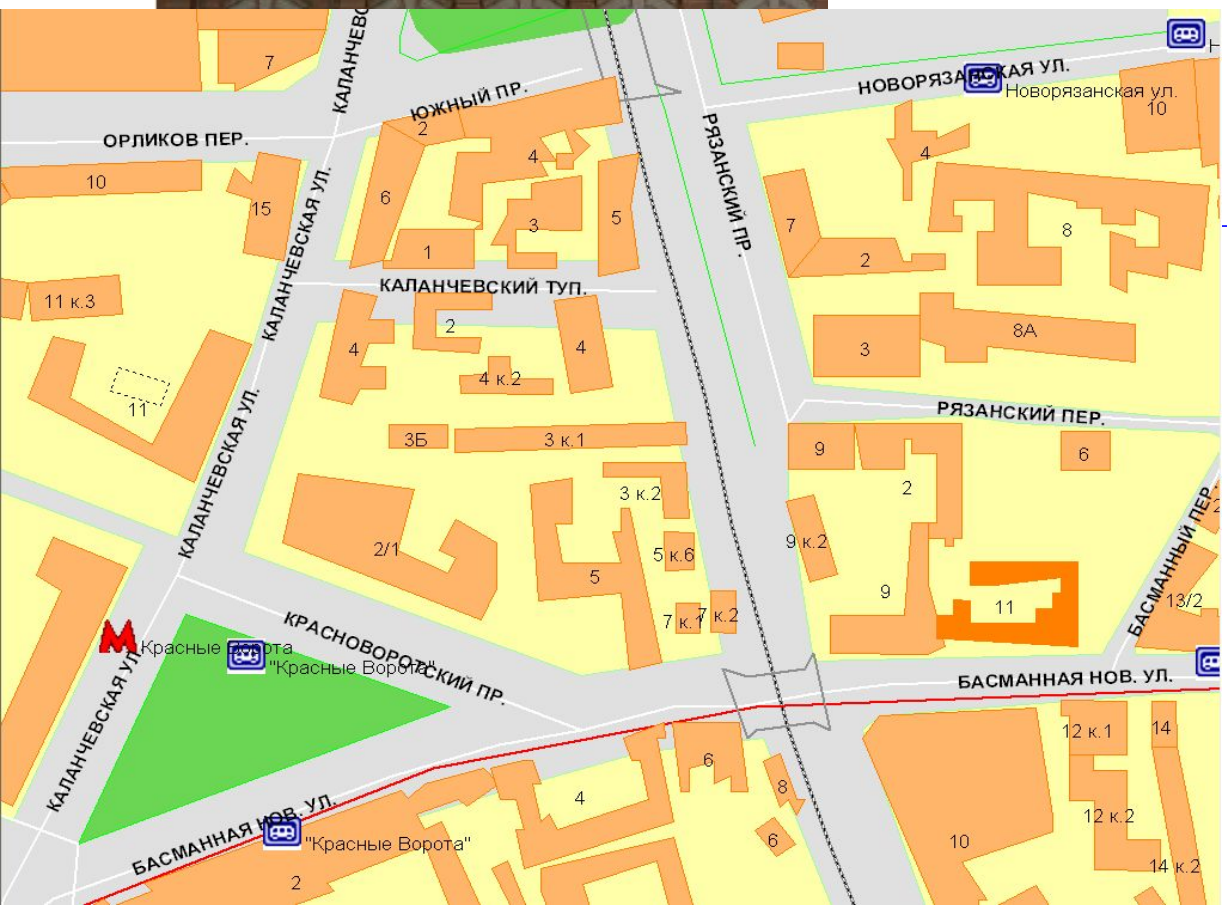
(Единственная в Москве освященная во имя этого праздника, она была поставлена в честь восшествия на русский престол императрицы Екатерины II, которое состоялось в день памяти святых Кира и Иоанна 28 июня (11 июля) 1762 года. Этим и объясняется столь редкое для Москвы посвящение храма.

[Купол здания бывшего Опекунского совета Воспитательного дома (Солянка, 12)]

[Святые мученики Кир и Иоанн пострадали в Египте в начале IV века н.э. во время уже угасавших, но все еще сильных римских гонений на христианство]).

44.5. [Церковь Петра и Павла на Новой Басманной]

(Новая Басманная улица, 11). Построена в 1705-28 (или 1708-23), сменив деревянный храм, сооружённый на этом месте (в Капитанской слободе, заселённой офицерами полков новой регулярной армии) в 1695. Строительство церкви началось, по-видимому, архитектором И.П. Зарудным по указу Петра I и «по данному собственной его величества руки рисунку», но было приостановлено на несколько лет из-за указа 1714 о запрещении каменного строительства в Москве; завершено под руководством архитектора И.Ф. Мичурина. В 1745-46 по проекту архитектора К.И. Бланка с запада по оси с храмом была возведена колокольня. Церковь принадлежит к немногочисленной в Москве группе памятников раннего барокко, тяготеющего к западноевропейским формам. См. также [МОСКОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА НА НОВОЙ БАСМАННОЙ УЛИЦЕ].



[(Новая Басманная

44.6. Вышгород под Вереей

Верея - древнерусская столица верховий реки Протвы. Впервые город упомянут письменно в 1371 г. Город старше этой даты. Верею украшает кремлёвский холм, над Протвой, собор Рождества Христова XVI и старинная городская застройка.

Вышгород это русский город XI-XVII вв. Сегодня об этом напоминает городище высоко вознесённое над правым берегом Протвы.

Название города-крепости соответствовало его пограничному положению юго-западных ворот Москвы. По В. И. Далю, верея - столбы, на которые навешивались полотенца ворот. Город находится на высоком правом берегу Про-твы. Отсюда открывается прекрасная перспектива окрестностей, глубокой долины и бегущей по ней реки, изобилующей здесь перекатами и имеющей разветвления русла (протоки). Впервые о Верее упоминается в летописи в связи с походом на Москву литовского князя Ольг пзда в 1371 г. В 1410 г. город разграбили татары, предводительствуемые Едигеем, а спустя 35 лет в окрестностях Вереи похозяйничали литовцы. С 1432 по 1486 гг. существовало Верейское княжество.

В 1610 г. Верею захватили и разграбили польско-литовские захватчики.

Река Протва имеет очень древнее имя, весьма вероятно восходящее к рубежу III-II тыс. до н. э. Pratum на латыни означает ‘луг’. Prthivim на санскрите означает ‘земля’. Медные и каменные топоры, возраст которых не менее четырёх тысяч лет, представлены в долине Протвы. Но основным украшением долины являются

громады вятичских курганов VIII-XIII вв., древнерусские городища, чаще всего имеющие предысторию в раннем железном веке (VIII в. до н. э. - VII в. н. э.) и церковные ансамбли старинных сел. Липовые парки старых боярских и дворянских гнезд в долине Протвы словно отступили на задний план широчайших, захватывающих дух пейзажей. Но присутствие их чувствуется, оно облагораживает издревле обжитую людьми благодатную речную долину.

Первое упоминание в летописи о **Вышгороде** на Протве относится к 1352 г. в описании похода Московского князя Симеона Гордого на Смоленск. Этот небольшой город-крепость просуществовал почти 400 лет до петровского времени. В 1761 г. в Вышгороде, принадлежавшем генерал-фельдмаршалу графу А. И. Шувалову (1710 - 1771), была построена двухэтажная интересная по архитектуре церковь. В начале XIX в. она была перестроена, что изменило, к сожалению, ее внешний облик.

44.6.1. Усадьба Спас-Косицы

Усадьба Спас-Косицы (Наро-Фоминский р-н). От Вереи до Спас-Косиц ведёт узкое асфальтированное шоссе. Приблизительное расстояние - около 15 км, но их стоит преодолеть, ради того, что бы увидеть великолепный храмовый комплекс старого имения Шуваловых.

В середине XVIII столетия граф Александр Иванович Шувалов получил во владение Вышгород и его окрестности. Брат могущественного фаворита Елизаветы Петровны, он располагал значительными средствами для обустройства своих подмосковных владений. К этому строительному периоду (1761 г.) относится сооружение церквей в Вышгороде, Спас-Косицах и Набережной Слободе. Авторство зодчего, возводившего ансамбль в Косицах, документально не установлено (предположительно это К.И. Бланк). Возможно, в проект были привнесены изменения, уже после начала строительства. В пользу этой версии "говорят" гипертрофированные по высоте угловые барабаны глав, однако не умаляющие общего впечатления от памятника.

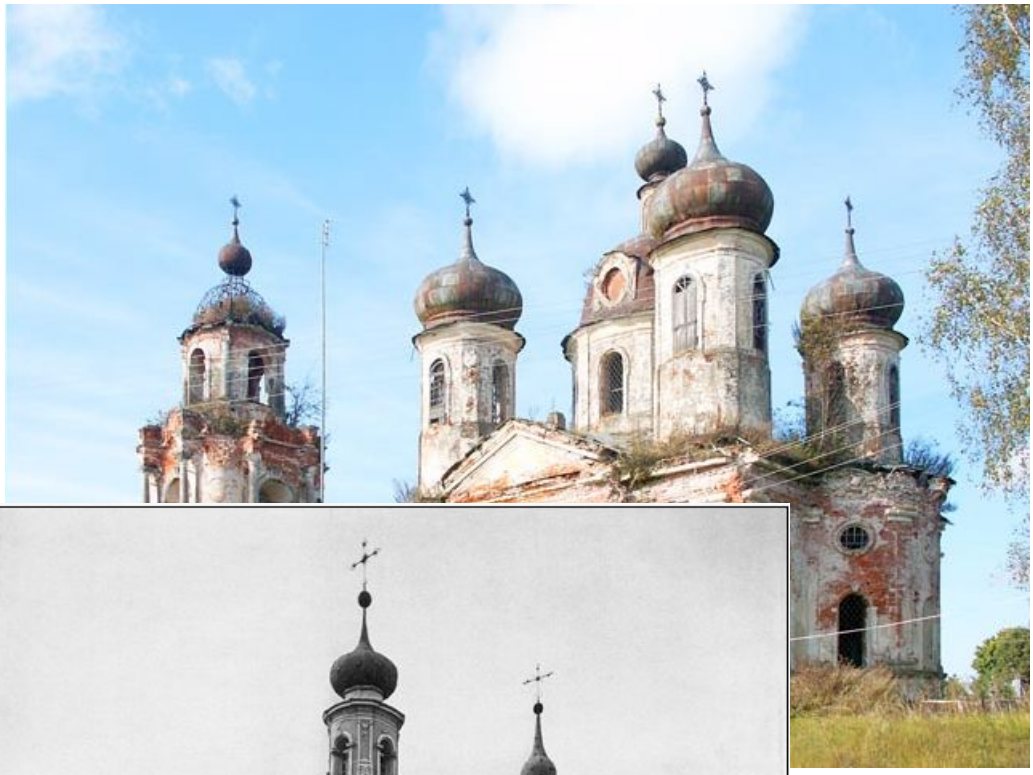
Четырёхстолпный, двусветный пятиглавый храм Преображения Господня имеет в плане правильный квадрат с апсидальным восточным

выступом. Фасады, декорированные в духе "пилястрового стиля" акцентированы большими фронтонами.

Внутреннее просторное помещение храма освещается арочными и овальными окнами. Несущие столбы украшены спаренными пилястрами с лепными капителями, растительного рисунка. Фресковые росписи утрачены.

Трёхъярусная колокольня в основании имеет четырёхгранник со скошенными углами, прорезанный овальными световыми проёмами, и украшенный пилястрами и нишами. Верхние ярусы, убывающие по высоте, значительно легче и грациознее. Они несут черты елизаветинского барокко.

Колокольня Преображенской церкви д.Спасс-Косицы

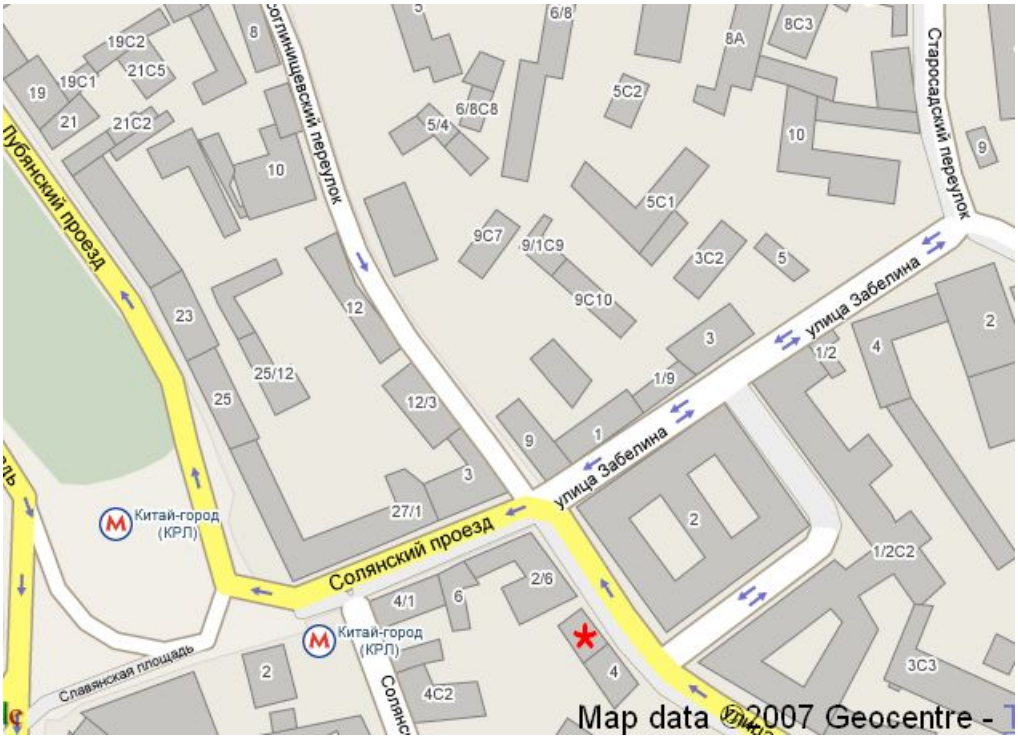


Преображенская церковь д.Спасс-Косицы Наро-Фоминского района

44.7. Церковь Кира и Иоанна, что при Сербском подворье, в Москве

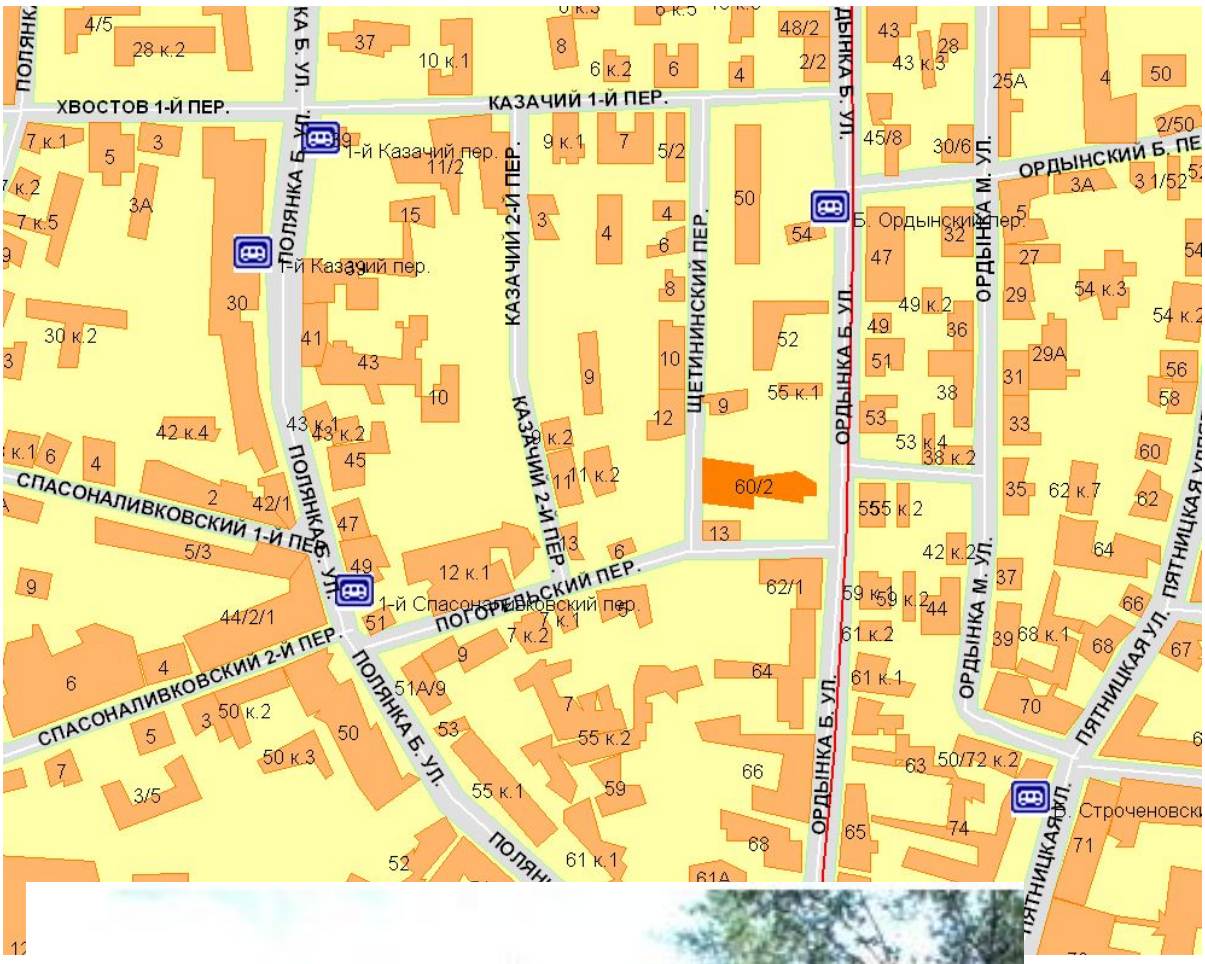
Прежняя Троицкая церковь, стоявшая здесь, упоминается в XVI в. В 1754 сгорела, через 4 года восстановлена, но неудачно. Новая заложена в 1764 в память восшествия на престол Екатерины II. Арх. К. И. Бланк.

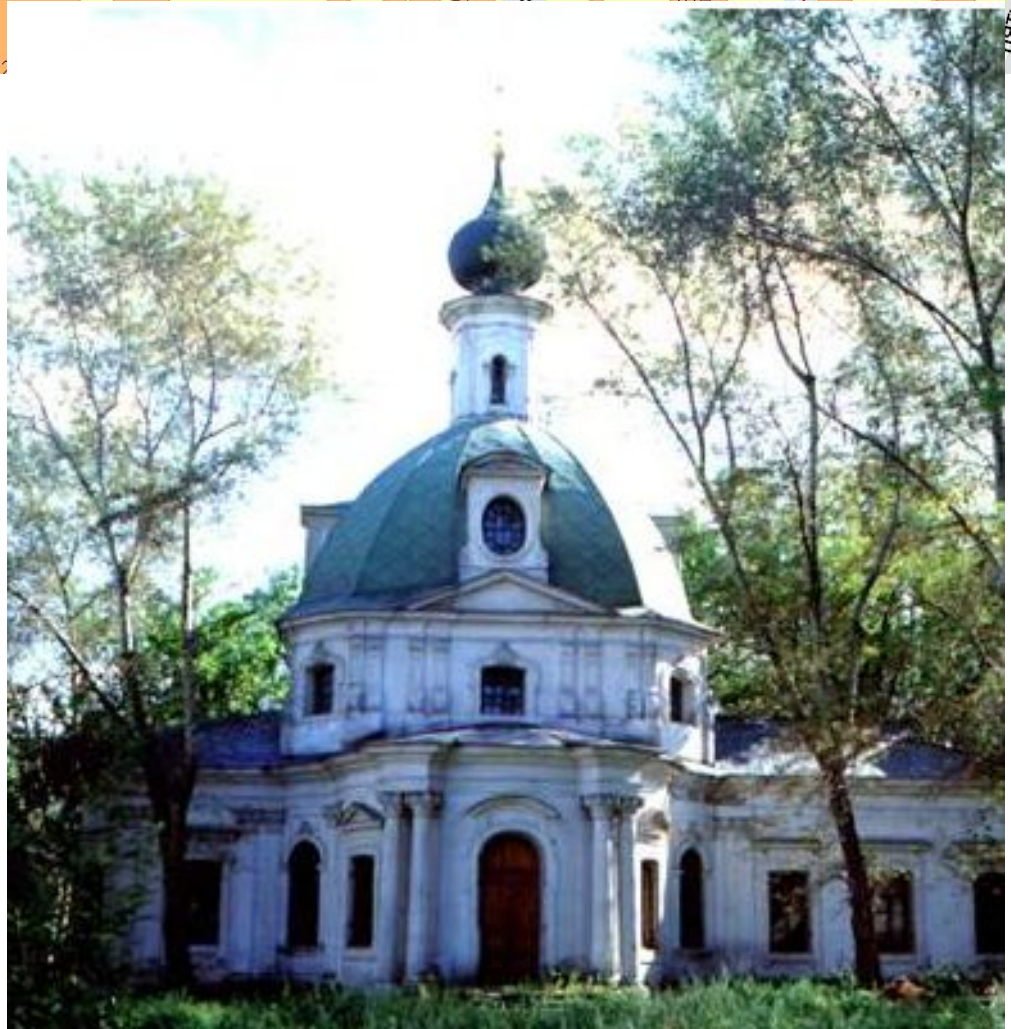
Освящена в присутствии Императрицы в 1768. С 1860 использовалась под склад утвари перестраиваемого Ивановского монастыря. В 1873 передана под устройство Сербского подворья. Отремонтирована. Освящена 30 нояб. 1874 во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Приделы были: Спаса Нерукотворного Образа, Николая Чудотворца, Александра Невского. Снесена в 1933, сохранился лишь один столб ограды.



Место, где располагалась Церковь Кира и Иоанна на Солянке

44.8. *Екатерины Мученицы*, что на Всполье. Большая Ордынка (60/2)





Главная церковь построена в 1763-1767 годах архитектором К. И. Бланком по указу Императрицы Екатерины II на кабинетные суммы. Около 1869 года построены нынешняя колокольня и вся западная церковь с престолами.

Церковь Екатерины на Всполье

Построена в 1766-75 архитектором К.И. Бланком в ознаменование вступления на престол Екатерины II. По преданию, первая деревянная церковь мученицы Екатерины поставлена здесь в начале XVII в. в память об одной из побед русского ополчения над польско-литовскими интервентами (в 1612 на этой территории находился укреплённый лагерь гетмана Ходкевича). Позднее её сменил кирпичный храм, известный с 1657, трапезная которого в перестроенном виде была сохранена при сооружении существующего здания. Разновременные объёмы Бланк скомпоновал в оригинальную композицию из 2 размещённых на одной оси зданий - нового «холодного» храма с востока (престол Екатерины) и старой «тёплой» трапезной с запада (престолы Спаса Нерукотворного Образа и Николая Чудотворца), объединённых поставленной между ними 2-ярусной колокольней.

В 1870-72 по проекту П.П. Петрова (по другим сведениям, Д.Н. Чичагова) трапезная была полностью перестроена в тёплый храм (с престолом Александра Невского), а колокольня, частично включённая в его объём, увеличена третьим ярусом (ныне верхние ярусы разобраны). «Холодный» храм, выстроенный в стиле позднего барокко, принадлежит к редкому в Москве типу архитектурных сооружений, несколько напоминающих по внешнему облику парковые павильоны императорских дворцов под Петербургом. Низкий, двухсветный, со скошенными углами четверик храма, усложнённый крестообразно примыкающими к нему пониженными апсидой и 3 притворами, завершён высоким сомкнутым сводом с люкарнами и главой на гранёном барабане. По верху стен апсиды и притворов проходит

плоский антаблемент, членящий основной объём на 2 яруса и опирающийся на парные с композитными капителями пилястры. На втором ярусе стены расчленены укороченными пилястрами, опирающимися на волютообразные кронштейны. «Тёплый» храм, сооружённый в духе эклектики, представляет собой четырёхстолпный, прямоугольный в плане объём, завершение которого в виде сомкнутого свода на низком восьмерике отчасти повторяет по пропорциям и силуэту верхнюю часть «холодного» храма. В интерьере «холодного» храма фрагментарно сохранилась настенная живопись начала XIX в. и лепнина того же времени. Сохранившаяся по линиям улицы и Погорельского переулка замечательная ограда с пилястровыми столбами, увенчанными белокаменными двухглавыми орлами, и двумя массивными воротами сооружена по проекту Бланка в 1769. Кованая металлическая решётка между столбами, первоначально предназначавшаяся для ограждения Соборной площади Кремля, была изготовлена в 1731.

44.9. Церковь Спаса Нерукотворного Образа в Вороново

Московская обл., Подольский р-н, с. Вороново

Церковь Спаса в усадьбе Вороново

Каменная однокупольная центрическая церковь, замечательный образец елизаветинского барокко. Выстроена по проекту К. И. Бланка на средства И. И. Воронцова. Боковые приделы Никольский (первоначально Марии Египетской) и вмч. Артемия. Купол и шпиль отдельно стоящей многоярусной колокольни были сломаны в кон. 1941, восстановлены в нач. 2000-х.

Спасская церковь села Вороново

44.10. *Бориса и Глеба*, что у Арбатских ворот

Построена 1764 году архитектором К. И. Бланком на средства графа. А. П. Бестужева-Рюмина. Два западные придела пристроены в 1816 г. Снесена в 30-е гг. XX в.

44.11. Строительство нового Кремля

К концу XV века навсегда было сброшено ярмо татарской неволи, тяготевшее над Русью два с половиной века. При великом князе Иване III объединенное Русское государство вышло на широкую международную арену. "Изумленная Европа, - писал К. Маркс в своем труде "Секретная дипломатия XVIII века", - в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства".

Желая сделать Кремль достойной резиденцией выросшего и укрепившегося Русского государства, Иван III приглашает в Москву лучших русских и иностранных мастеров. Для этого он отправляет посольство в Италию с наказом привезти в Москву каменных дел мастеров и горододельцев. В 1475 году в Москву приехал болонский архитектор Аристотель Фиораванти, а несколько позже- Петр Антонио Солярио из города Милана, Марко Руффо, Алевиз, Антон Фрязин и другие[130].

---

[130] Архитекторы Аристотель Фиораванти (Aristotelus Fiorovanti) из Болоньи; Алевиз Фрязин Старший (Aloisio da Caresana

В конце этого столетия в Кремле развернулись большие строительные работы. Сооружались Успенский и Благовещенский соборы, церковь Ризположения, строилась Грановитая палата, закладывался великокняжеский дворец. В 1485 году приступили к постройке новых кирпичных стен и башен Кремля и расширению его территории. Спустя десять лет, в 1495 году, эти работы в основном были закончены. Новые стены и башни, как правило, строились по линии старых белокаменных стен и только с северо-восточной стороны - на новой территории. В некоторых местах старые, белокаменные стены вошли в состав новых, кирпичных. Стены и башни строились постепенно, так, чтобы в крепости не оставалось открытых участков, которыми мог бы воспользоваться неприятель в случае внезапного подступа к Москве. Строительство укреплений началось с южной стороны Кремля, выходящей к Москве-реке, где стены были наиболее ветхими.

В 1485 году итальянский архитектор Антон Фрязин заложил на месте старых Пешковых ворот Тайницкую башню с отводной стрельницей, соединявшихся арочным мостом. В башне был устроен тайник-колодец и тайный ход к Москве-реке для снабжения Кремля водой. От этого тайника башня и получила свое название.

Спустя два года архитектор Марко Руффо заложил на юго-восточном углу Кремля круглую угловую башню, получившую название Беклемишевской стрельницы - от примыкавшего к ней двора боярина Беклемишева. Одновременно строились и другие башни и стены по берегу Москвы-реки - Петровская, 1-я и 2-я Безымянные и Благовещенская.

В 1488 году Антон Фрязин на юго-западном углу Кремля, у впадения реки Неглинной в Москву-реку, возвел круглую угловую башню, получившую название Свибловой стрельницы (со стороны Кремля к башне примыкал двор бояр Свибловых). Таким образом, Кремль был укреплен с южной стороны, по берегу Москвы-реки, мощной кирпичной зубчатой стеной с семью боевыми башнями.

В 1490 году архитектор Петр Антонио Солярио с западной стороны Кремля, на месте старых Боровицких ворот, заложил новую проездную Боровицкую башню и стену до Свибловой стрельницы.

С восточной стороны Кремля, на месте старой белокаменной Тимофеевской башни, через ворота которой в 1380 году Дмитрий Донской выходил со своими дружинами в поход на Куликово поле, была сооружена новая кирпичная проездная башня с отводной стрельницей и мостом через ров. Позже она получила название Константино-Еленинской башни по располагавшейся недалеко отсюда в Кремле церкви Константина и Елены. Мощные кирпичные стены стали теперь расти от Беклемишевской башни к северу, к нынешней Красной площади.

В 1491 году Петр Антонио Солярио построил со стороны Большого посада новые мощные проездные башни с отводными стрельницами и проездными воротами - Фроловскую (ныне Спасская) и Никольскую "по новой основе".

Над воротами Спасской башни с обеих сторон были помещены белокаменные доски с вырезанными надписями, рассказывающими о времени сооружения башни. Одна из них, написанная по латыни, помещена над проездными воротами отводной стрельницы со стороны Красной площади, другая - над воротами самой башни со стороны Кремля. На ней славянской вязью вырезано:

"***В лето 6999 (1491 г.- Ред.) июля божиею милостию сделана бысть сия стрельница повелением Иоанна Васильевича государя и самодержца всея Руси и великого князя Володимирского и Московского и Новгородского и Псковского и Тверского и Югорского и Вятского и Пермского и Болгарского и иных в 30 лето государства его, а делал Петр Антоний Солярио от града Медиолана***".

Никольская башня, как сообщают летописи, была заложена не на старом месте, а на новой, примыкающей к Кремлю с северо-восточной стороны территории. От башни стена пошла вниз по

Vercellese), Антон Фрязин (Antonio Gilardi), Марк Фрязин (Marco Ruffo), Петр Фрязин (Pietro Antonio Solari), Бон Фрязин (Marco Bono), Алевиз Новый (Aloisio da Milano) из Милана

склону к реке Неглинной. Здесь на берегу реки в 1492 году над водным источником была сооружена мощная угловая башня, названная Собакиной по двору бояр Собакиных. Ныне это Угловая Арсенальная башня. Между Никольской и Спасской башнями была построена и Сенатская башня, не имевшая в то время названия. Название она получила в XVIII веке от построенного за ней в Кремле здания Сената.

Во время строительства укреплений в 1493 году в Кремле два раза вспыхивал сильнейший пожар, уничтоживший деревянные надстройки на башнях, кровли на стенах и временно возведенную деревянную стену от Никольской башни до реки Неглинной; сгорела и Боровицкая башня. На некоторое время это приостановило строительные работы. В 1494 году в Москву прибыл итальянский мастер стенного и палатного дела **Алевиз**, которому и было поручено сооружение стен и башен на самом тяжелом участке - по болотистому берегу реки Неглинной. Предварительно здесь было необходимо провести большие и сложные гидротехнические работы, которые начались в 1495 году; тогда "заложиша стену градную камену на Москве возле Неглины, не по старой основе, а града прибавиша". Строительство на этом участке было окончено четыре года спустя, и кольцо кремлевских укреплений сомкнулось. Здесь были построены Конюшенная (ныне Оружейная), Колымажная (ныне Комендантская), Троицкая и Граненая (ныне Средняя Арсенальная) башни. Граненая башня со стеной, как предполагают, была заложена на месте старой угловой башни Кремля времени Дмитрия Донского. Самой мощной здесь была Троицкая башня с отводной стрельницей и проездными воротами. У Боровицкой башни, где река Неглинная отступала далеко от стен, был вырыт глубокий ров и через него перекинут подъемный мост. В это же время (очевидно, в 1495 году) была возведена Набатная башня, расположенная с восточной стороны Кремля, напротив храма Василия Блаженного.

Таким образом, строительство стен длиной более двух километров и 19 башен, очевидно, было закончено в 1499 году. Территория Кремля увеличилась до ныне существующих размеров (около 28 гектаров).

Иван III приказал очистить местность перед стенами Кремля на 200 саженей, перенести церкви, монастыри и кладбища, примыкавшие в Кремлю, что вызвало большое недовольство духовенства.

В 1499 году в Кремле был заложен княжеский двор с каменными палатами и погребами, огражденный высокой каменной стеной, шедшей от Боровицкой башни по бровке Кремлевского холма до царских хором. Эта стена закрывала великокняжеский двор от любопытных взглядов и предохраняла от пожаров, возникавших в Замоскворечье. Башни Кремля были построены по всем правилам фортификационного искусства и военной техники того времени. Из них можно было обстреливать все подступы к Кремлю и местность вдоль стен. Каждая башня представляла собой самостоятельную крепость, и защитники ее могли продолжать оборону даже в том случае, если соседние башни и стены были бы заняты врагом.

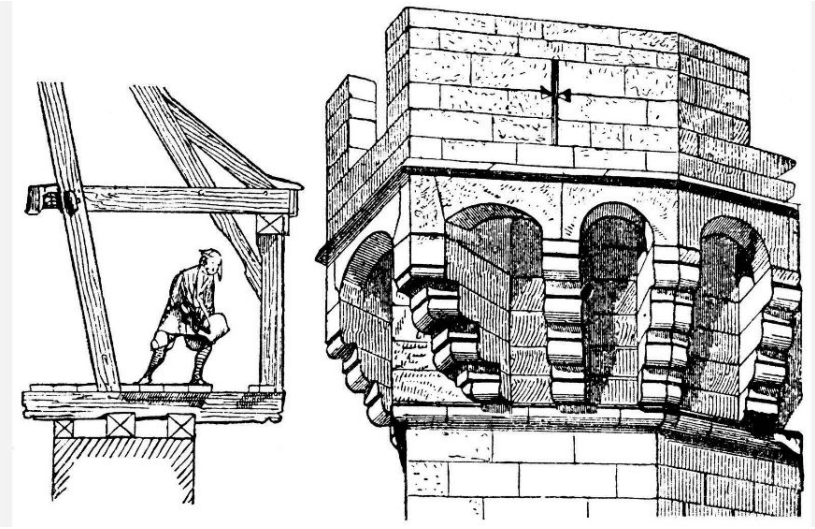
Особое значение имели отводные стрельницы у Спасской, Никольской, Троицкой, Константино-Еленинской башен - они предназначались для защиты проездных ворот. От ворот отводных стрельниц опускались подъемные мосты через ров, а проезд в воротах закрывался специальными железными решетками - герсами. В случае проникновения неприятеля внутрь стрельницы герсы опускались, и враг оказывался запертым в своеобразном каменном мешке, где его можно было обстрелять с верхней галереи стрельницы.

До нашего времени герсовые решетки не сохранились, но прорези, в которые они опускались, можно видеть и сейчас в проезде Боровицкой башни. На фасаде этой башни видны и круглые отверстия в виде замочных скважин, в которые проходили цепи механизма подъемного моста.

На наружных фасадах Константино-Еленинской, Троицкой башен и Кутафьи в кладке стен сохранились вертикальные пазы, в которые проходили деревянные рычаги подъемных мостов.

Наиболее прочные круглые и граненые башни ставились на углах крепости (Беклемишевская, Водовзводная и Угловая Арсенальная). Толщина их стен достигала более 3 метров. Они служили для круговой обороны, а также имели в своих подвалах тайники-колодцы для снабжения водой

защитников крепости в случае осады. Один из этих тайников сохранился до наших дней в подвале Угловой Арсенальной башни.



Верхняя часть башен расширена и нависает над нижней. В ней устраивали машикули - бойницы навесного боя. Через них также лили горячую смолу и кипяток на прорывавшегося к подножию башен неприятеля.

Машикули

В 80-х годах XVII столетия на башнях были надстроены покрытые черепицей шатры, и кремлевские укрепления приобрели более декоративный вид. Боевое значение машикулей[131] утратилось, и они были заложены изнутри. Сейчас их можно увидеть снаружи в завершениях нижних четвериков почти на всех башнях, кроме Спасской, Никольской, Троицкой, Боровицкой и Царской.

Башни завершались зубцами с бойницами, сверху были покрыты деревянными шатрами. Основной массив каждой башни внутри имел несколько этажей-ярусов, перекрытых деревянными настилами, которые назывались мостами. Между этажами были устроены деревянные лестницы. Стены башен были прорезаны узкими бойницами.

Дальнейшее усовершенствование кремлевских укреплений продолжалось при сыне Ивана III - великом князе **Василии III**. В 1508 году было по-велено "вокруг града Москвы ров делати камнем и кирпичем и пруды чинити вокруг града". К этим работам Алевиз приступил в тот же год.

С северо-восточной стороны Кремля, где ныне раскинулась Красная площадь, был выкопан глубокий ров, который начинался у нынешней Угловой Арсенальной башни и шел к Беклемишевской. Здесь ров соединялся с рекой Москвой. С обеих сторон ров был обнесен высокими зубчатыми кирпичными стенами. Ширина рва достигала 32 метров, а глубина 12 метров. Перед воротами отводных стрельниц Никольской, Спасской и Константино-Еленинской башен через ров были сделаны деревянные мосты на сваях, через последний пролет которых из ворот опускался подъемный деревянный мост.

В 1508-1516 годах Алевиз соорудил дополнительную зубчатую стену по самому берегу Москвы-реки, которая предохраняла южную кремлевскую стену от весенних половодий. Тогда же была закончена постройка всех гидротехнических сооружений на реке Неглинной, где ныне раскинулся Александровский сад. Здесь были построены плотины, каменный мост на арках через реку и предмостная башня Кутафья.

44.11.1. Угловая Арсенальная башня (Собакина башня)

Московский Кремль:

- 1-я Безымянная башня
- 2-я Безымянная башня
- Арсенал

---

[131] Машикули или навесные бойницы (стрельницы) - устраивались обыкновенно в стенах и башнях каменных и деревянных (в России). Машикулями называются горизонтальные щели, образуемые парапетом, отодвинутым на кронштейнах наружу от поверхности стены.

- Архангельский собор
- Беклемишевская башня
- Благовещенская башня
- Благовещенский собор
- Большой Кремлевский дворец
- Боровицкая башня
- Верхоспасский собор и теремные церкви
- Водовзводная башня
- Воскресенские ворота Китай-города
- Государственный Исторический музей
- Государственный Кремлевский дворец
- Грановитая палата
- ГУМ [3 эт.]
- Казанской иконы Божией Матери собор
- Колокольня Ивана Великого
- Комендантская башня
- Константино-Еленинская башня
- Кутафья башня
- Лобное место
- Мавзолей В.И. Ленина
- Музей В.И. Ленина
- Набатная башня
- Никольская башня
- Оружейная башня
- Оружейная палата
- Памятник Г.К. Жукову
- Памятник Минину и Пожарскому
- Патриарший дворец и собор Двенадцати Апостолов
- Петровская башня
- Потешный дворец [3 эт.]
- Сенат
- Сенатская башня
- Собор Василия Блаженного
- Спасская башня
- Средняя Арсенальная башня
- Тайницкая башня
- Теремной дворец
- Троицкая башня
- Угловая Арсенальная башня
- Успенский собор
- Царская башня

- Царь колокол
- Царь пушка
- Церковь Ризположения
- Церковь Рождества Богоматери

Угловая Арсенальная башня, расположенная напротив Исторического музея, построена Петром Антонио Солярио в 1492 г. Это самая мощная угловая башня Кремля, глубоко ушедшая в землю. Нижний массив ее состоит из 18 граней, а основание сильно расширено. Это придает ей большую устойчивость. В верхней части расположены навесные бойницы - машикули. Стены достигают 4 м толщины. Они предназначались не только для обороны, но и для охраны тайника-колодца в подземелье башни, который сохранился до наших дней. В древности из башни был выход к реке Неглинной. Впоследствии его заложили. Свое название башня получила от примыкающего к ней здания Арсенала. До постройки Арсенала она называлась Собакиной, так как поблизости от нее находился двор бояр Собакиных.

В 1707 г. Петр I, готовя Кремль к обороне против шведов, приказал растесать узкие бойницы башни в широкие окна для установки в них пушек.

При взрыве Никольской башни и Арсенала в 1812 г. отступавшими французскими войсками частично пострадала и Угловая Арсенальная башня. Взрывная волна сорвала с нее верхний шатрик с вышкой, массив башни прорезали трещины. Вскоре ее восстановил в прежнем виде архитектор О. И. Бове. В 1946-1950 гг. башня подверглась капитальной реставрации. Высота башни со стороны Александровского сада - 60,2 м.

44.12. Зарядье

Зарядье - один из древнейших районов Москвы, появившийся в XII-XIII веках на территории Китай-города[132].

Название «Зарядье» произошло от названия места «за рядами» , где находились торговые ряды, примыкавшие к Красной Площади.

История формирования древнего торгово-ремесленного центра Зарядье теснейшим образом связана с Кремлем.

На территории Зарядья находилась самая первая улица Москвы, проходившая вдоль реки и соединявшая Кремль и пристань - Мокринский переулок.

Располагавшаяся у пристани церковь носила имя святого Николы Мокринского - покровителя плавающих и путешествующих.

На территории Зарядья в XIII-XIV веках стали селиться иноземные феодалы, перешедшие на службу московскому князю, и купцы.

По Варварской улице в 1380 году выступало на Куликовскую битву войско Дмитрия Донского.

---

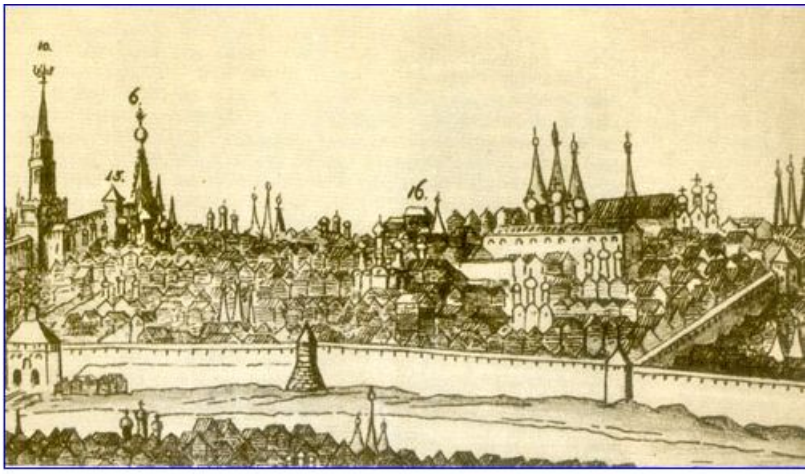
[132] "Тюркское имя Китай (Катай) на языке половцев означало "крепость", "укрепление"". От этого корня "происходит название исторического места самого древнего (после Кремля) района Москвы Китай-города". Появившегося после того, "как в 1534-1535 гг. торговые ряды, составлявшие Великий посад, были обнесены стеной".

Формирование района Зарядье закончилось в XVI веке строительством каменной стены Китай-города, отделившей Зарядье от Москва-реки. Построена). Общая протяженность стены, построенной итальянским архитектором (Петр Малый Фрязин) - 2,6 км.

Мокринский переулок. Вид к западу от церкви «Св. Анны в Углу»

Стены Китай-города пали только один раз и то, перед своими же - когда войско Пожарского выбивало засевших за ними поляков.

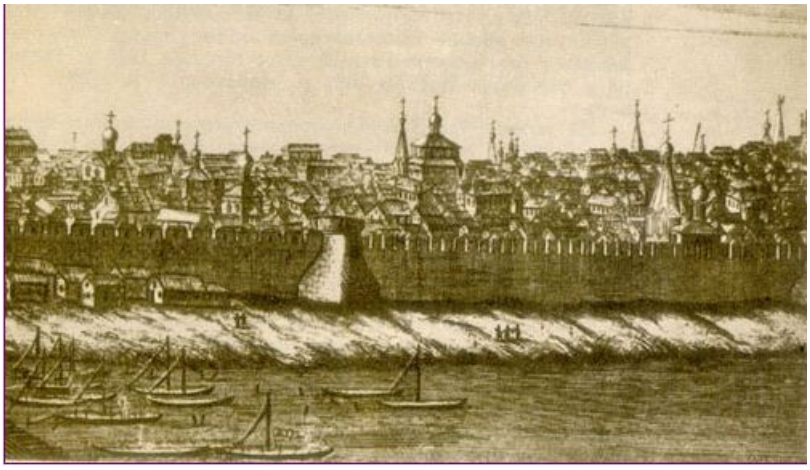
В западной части Зарядья, у церкви святой Варвары, по имени которой улица и получила свое название, располагалась большая царская тюрьма. Тогда-то и родилась поговорка: «Иди к Варваре на расправу».



Зарядье. Вид с правого берега Москвы-реки. 1661

Церковь Зачатия Анны, стоящая перед южным фасадом гостиницы «Россия» - одно из древнейших каменных зданий Москвы вне Кремля (построена в конце XV века). Петр I придавал приоритетное значение строительству каменных домов именно в Зарядье, издав соответствующий указ.

В середине XVI века англичане, установившие первые торгово-политические контакты с Россией Ивана Грозного, получили для себя площади на территории Зарядья - **Старый Английский двор**, построенный итальянским архитектором Алевизом. По своему значению и художественным качествам английский двор мало уступал Грановитой палате Кремля.



Зарядье. 1708

В середине XVII века по настоянию русских купцов, опасавшихся конкуренции, англичан из России изгоняют, а палаты за 500 руб. продают родственнику царя.

Палаты Романовых XVI-XVII вв. в свое время принадлежали деду царя Михаила Романова, по легенде он здесь родился. Превращены были в музей еще в 1859 году.

См. также Зарядье выберется из "Чечулинского сундука", Зарядье, ПАДЕНИЕ ЗАРЯДЬЯ, ЦЕРКВИ В КИТАЙ-ГОРОДЕ, МОСКВА. ЧТО БЫЛО - ЧТО СТАЛО, Китай-Город, Тюркские корни Москвы

Вернуться к ссылке

44.12.1. Церковь Зачатия святой Анны

Зачатия Святой Анны, что в Углу. Зарядье, Кривой переулок. Упоминается уже под 1493 годом. Сложена из белого камня. Обновления были в 1547 и 1753 годах. Придел Екатерины Мученицы построен царем Алексеем Михайловичем в 1658 году. Другой придел Мученика Мины более древнего времени. Колокольня середины XVIII века.

Впереди - Москворецкий мост. За ним - Васильевский спуск.
Церковь Зачатия святой Анны, что в Углу, гостиница "Россия".

В Зарядье, в Китай-городе, находится маленькая церковь Зачатия святой Анны, что в углу. Церковь действительно находилась на повороте Китайгородской стены от Москвы-реки к Варварским воротам, где восточная и южная стены образовывали угол. Предание выдаёт эту церковь за одну из древнейших после уже несуществующей церкви Спаса на Бору в Кремле. Под 1493 годом церковь Зачатия Анны упоминается впервые в летописи в связи с пожаром.

Церковь зачатия Анны, что в Углу

Церковь зачатия Анны

Вернуться к ссылке

44.12.2. Храм Святой Варвары в Зарядье (Варварка ул 2)

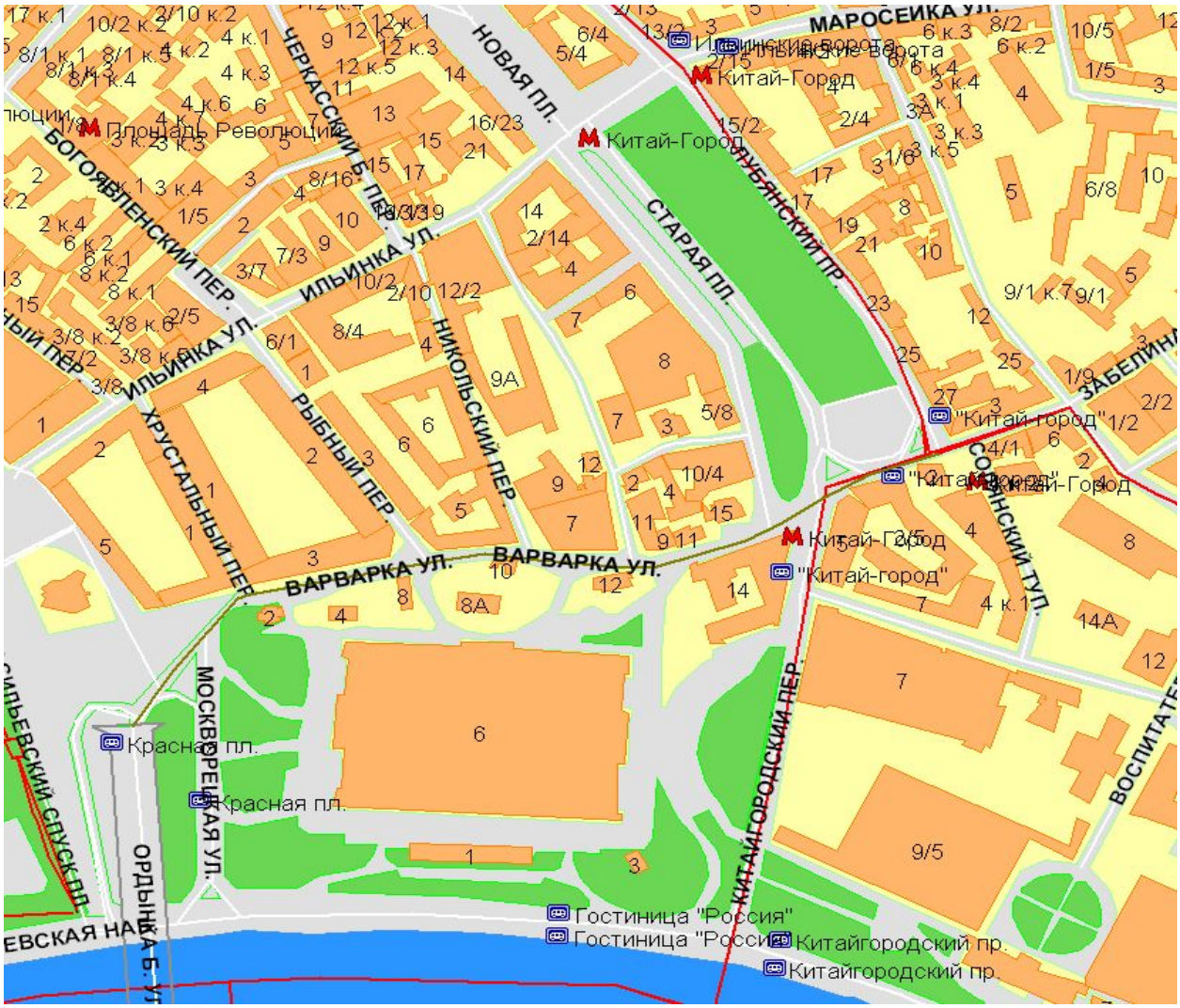
Церковь великомученицы Варвары – первая от Кремля в знаменитой цепи храмов и палат Зарядья (Варварка, 2). Имя улицы известно с 1434 года. Можно предположить, что и церковь - скорее всего, деревянная - к этому времени уже существовала.

Первый каменно-кирпичный храм Святой Варвары, давший название московской улице, был построен в Зарядье примерно в 1514 году итальянскими архитекторами наряду с десятью другими церквами по приказу царя Василия III.

Тогда Василий III "со многим желанием и верою" повелел построить в Москве десять каменных и кирпичных церквей. Перечислив эти десять, летописец прибавляет к ним одиннадцатую, поставленную частными людьми с затейливыми именами-прозвищами: Василий Бобр, Федор Вепрь и Юшка Урвихвостов. Это и была церковь Варвары, подвалы которой только что обнаружены в Зарядье. С десятью церквями государевой постройки ее объединяло имя архитектора - Алевиз Фрязин.

При великокняжеском дворе трудились два итальянских (фряжских) архитектора с таким именем: миланец Алоизио да Карезано и венецианец Алоизио Ламберто да Монтаньяно. Первый прибыл раньше, чтобы заложить стены Кремля на стороне Неглинной, выстроить каре государева дворца и вырыть ров по Красной площади, который с тех пор так и называется - Алевизовым. Второй приехал позже, задержанный крымским ханом (в Бахчисарае до сих пор показывают портал дворца в стиле итальянского ренессанса), и прозвался Алевизом Новым.

Главная работа Нового - Архангельский собор (царская усыпальница в Кремле), законченный в 1508 году. Строителем одиннадцати храмов 1514 года литературная традиция называла Алевиза Нового, но современные исследователи доказывают авторство Старого.



Наземная часть, собственно церковь, разобранная в 1796 году, была не каменной, а кирпичной. Именно этот кирпич, с фрагментами тесаного декора на нем, вперемешку с кровельной черепицей извлекается сейчас из подвала.

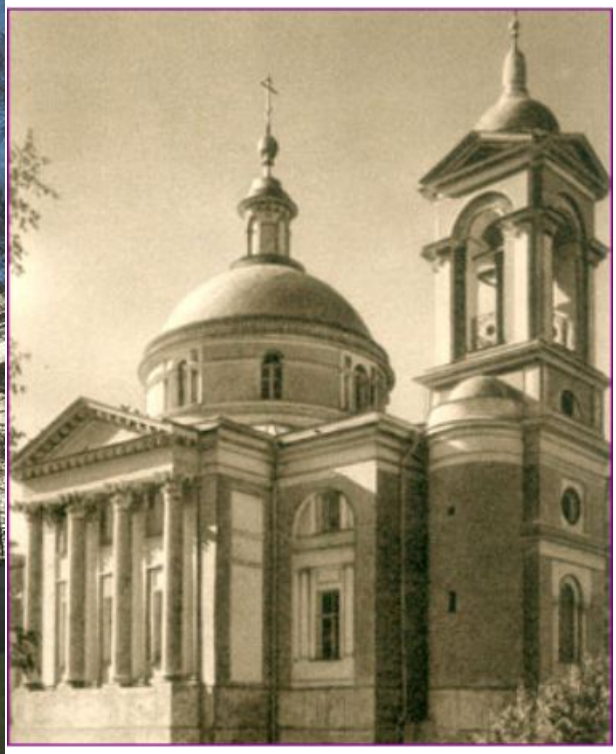
Церковь представляла в плане квадрат с выступающими на каждой стороне полукружиями – **квадрифолий** (лат. quadrifolium - четырехлистник, храм крестово-купольного типа, четыре "ветви" которого завершаются апсидами. Греческое на звание - **тетраконх**. Другое значение термина - декоративное обрамление в виде четырехлистника, образованного наложенными друг на друга под углом квадратами с закруглением четырех углов). Для сравнения, собор Высокопетровского монастыря образует в плане восьмилепестковую розу - **октаконх**.

Возможно, подземелье, необычно глубокое для XVI века, служило сокровищницей, и не только церковной. Василий Бобр, Федор Вепрь и Юшка Урвихвостов были гостями-сурожанами, то есть купцами самой богатой гильдии, торговавшей с генуэзскими колониями в Крыму (Сурож – нынешний Судак). Каменный дом, где они жили, тоже сохранился – это знаменитые палаты **Старого Английского двора**, обнаруженные по соседству с церковью еще в 1960-е годы (Варварка, 4).

До англичан они принадлежали гостю Ивану Бобрищеву "прозвищем Юшкову", явному потомку Юшки и Бобра.

См. также **ЦЕРКОВЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ**, **Варвары на Варварке**

Теперь в Москве есть уникальный комплекс XVI века: дом и низ приходской церкви, которая наверняка служила домовым храмом.

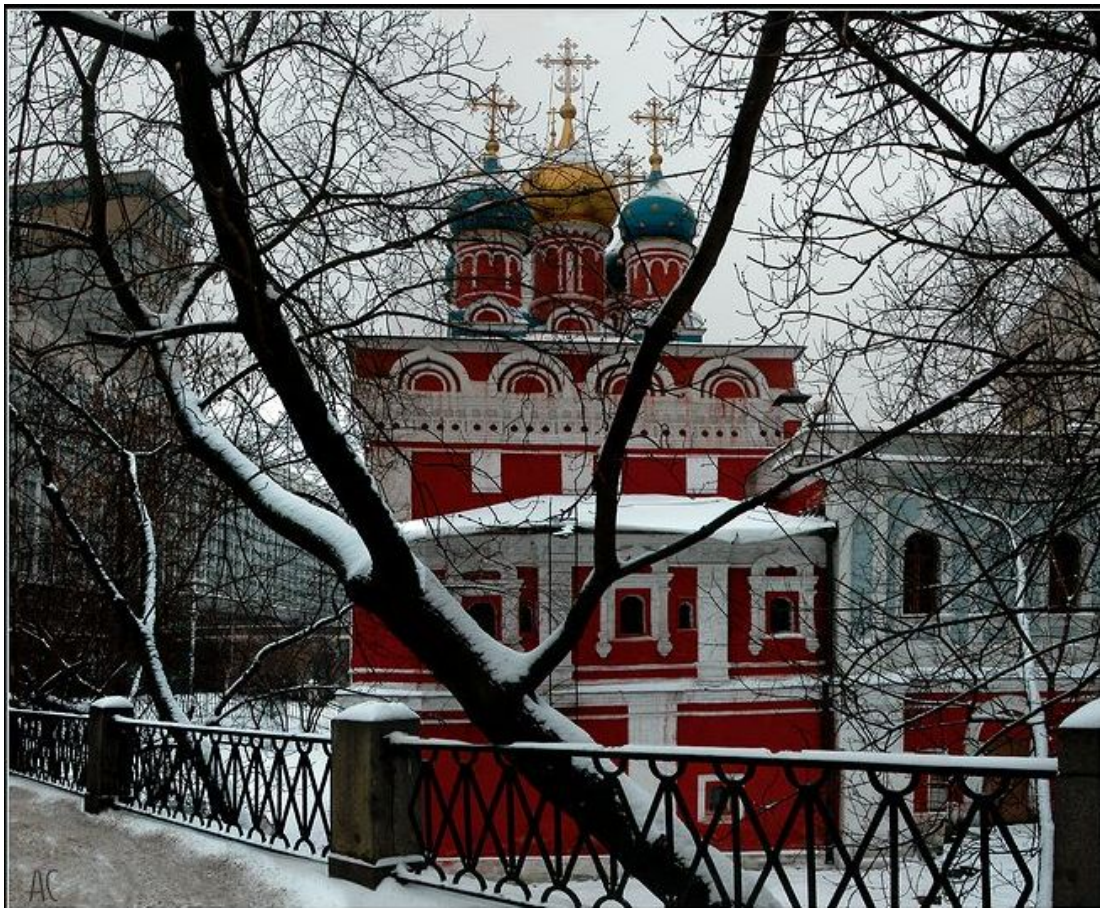


Церковь Варвары. IXX век

Церковь Варвары в Зарядье

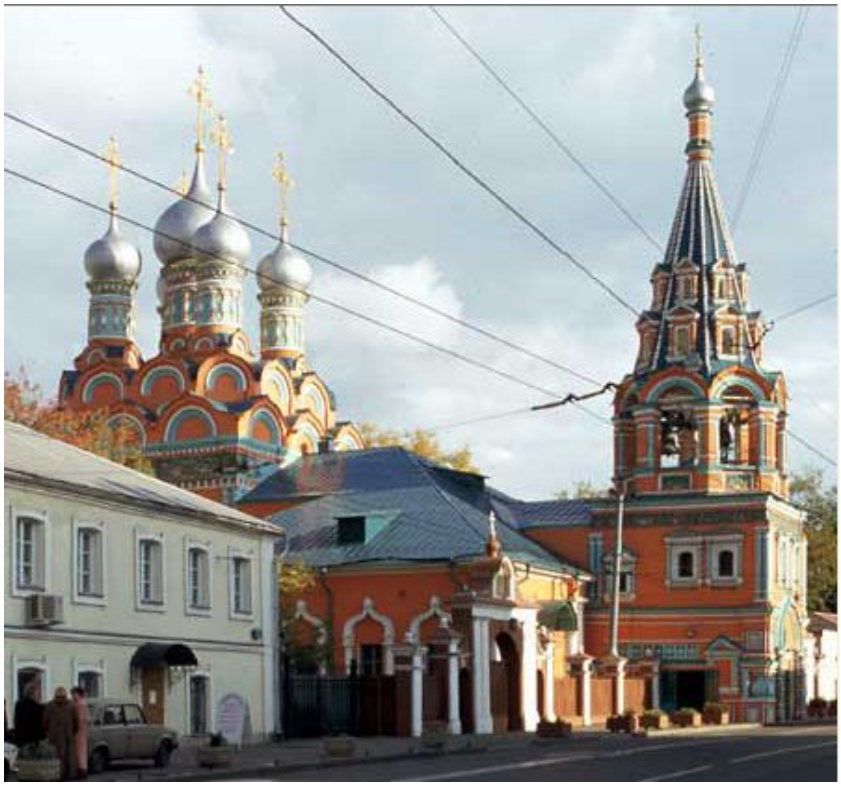
44.12.3. Церковь Георгия Победоносца в Зарядье (ул. Варварка, дом 12)

1462 г. - каменная церковь Георгия Великомученика на Варварской улице "у старых тюрем" (в связи с находившимся рядом Государевым тюремным двором).



Церковь Георгия Победоносца в Зарядье

1535 г. - место называется Псковской горой по поселению мастеров - "пищальников" (артиллеристов) из Пскова. Церковь с тех пор называется "Георгия на Псковской горе". **См. также** **Церковь Георгия Победоносца на Псковской горе** (Покрова на горе, у Старых Тюрем, что на пяти углах).

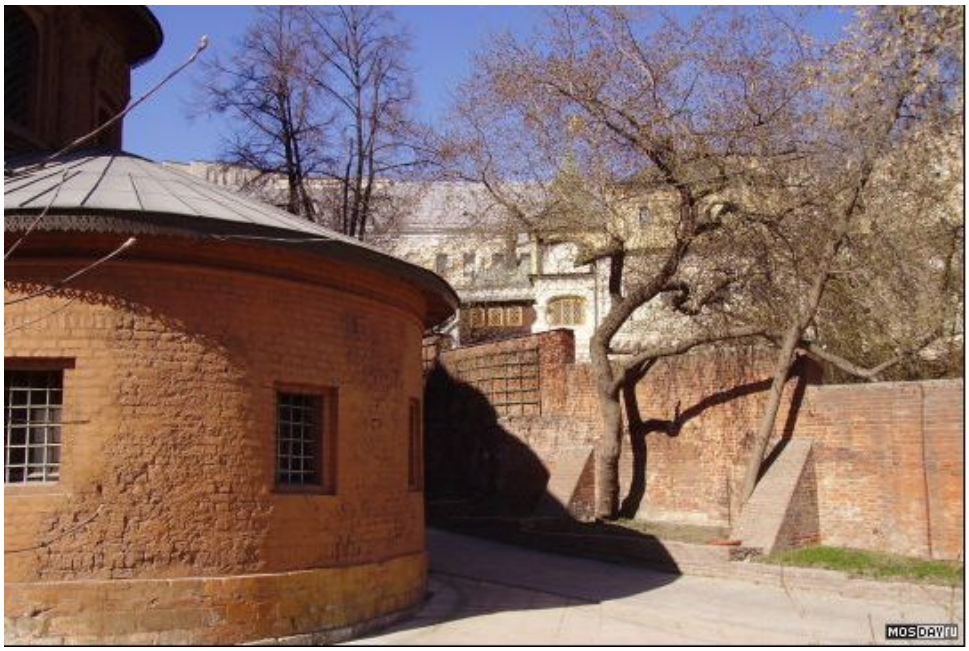


Церковь Георгия Победоносца на Псковской горке находится в непосредственной близости от Красной площади, на улице Варварке рядом с гостиницей Россия. Этот живописный и праздничный храм представляет собой тип посадского храма, который получил распространение в Москве в 17 веке. Название местности говорит о том, что здесь было поселение выходцев из Пскова.

Церковь Георгия на Псковской горке была построена в 1658 году на месте более древней церкви 15 века. Позолоченный центральный купол храма окружен ярко-голубыми, с золотыми звездами, малыми главами. Рельефный декор фасадов из тесаного кирпича придает зда**Церковь Георгия Победоносца на Псковской горке** нию

исключительную живописность. С запада к храму примыкает трапезная, которая соединена переходом со стройной колокольней в неоготическим стиле, возведенной в 1818 году на месте первоначальной звонницы. Позднейшая побелка сводов скрывает интересную живопись, части которой проявились после фрагментарных расчисток множества наслоений.

44.12.4. Знаменский монастырь



Апсида и дворик Знаменского собора на Варварке (остатки Знаменского монастыря, основанного в 1629-1631 годах) на "Старом Государевом дворе" - на территории усадьбы бояр Романовых.

http://www.strana.ru/stories/02/09/30/3164/234275.html

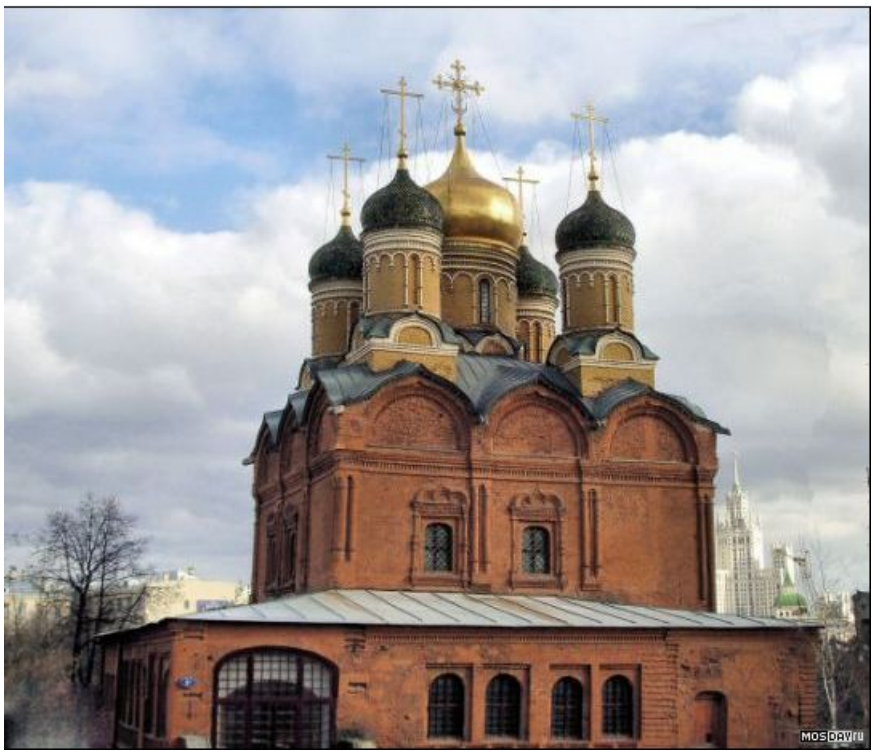
Знаменский собор. 1882

колокольня Знаменского монастыря"

улица Варварка, дом 8-10

Знаменский монастырь. Построен в 1679-1684

годах (архитекторы: псковские мастера Ф.Григорьев и Г.Анисимов) в Зарядье, в Знаменском мужском монастыре, основанном в 1631 году царем Михаилом Романовым на старом дворе (родовой усадьбе бояр Романовых).



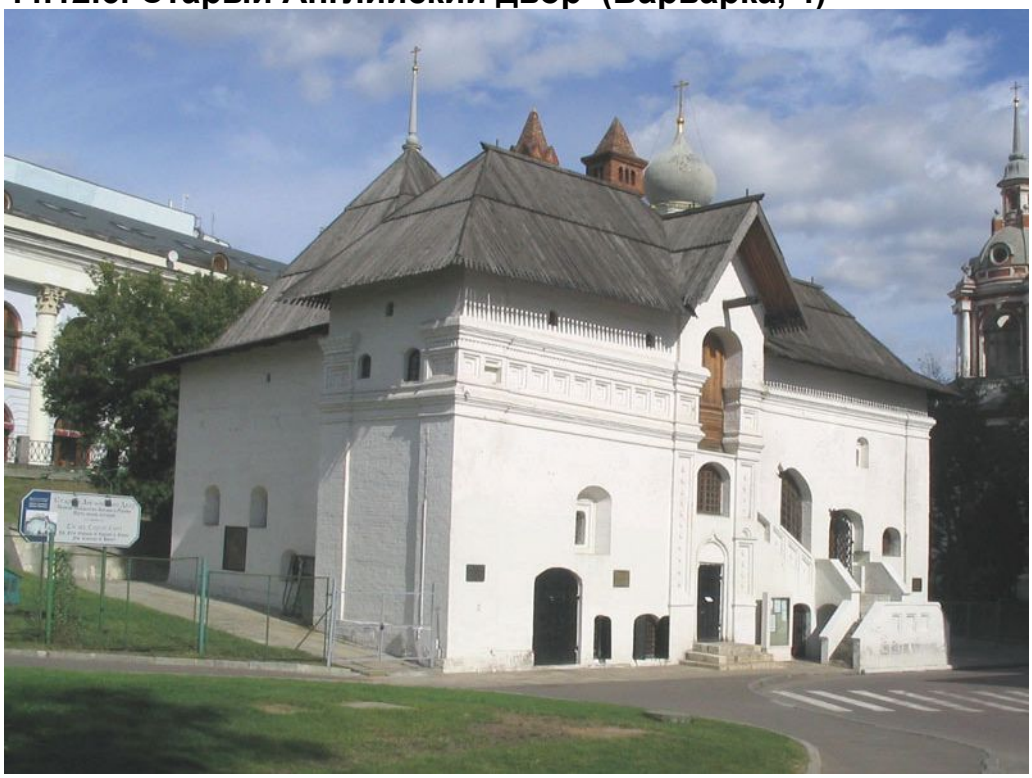
Вернуться к ссылке

44.12.5. Храм Рождества Иоанна Предтечи (Варварка, дом 15)

Храм Рождества Иоанна Предтечи Варварка, дом 15. Построен в 1741 году на средства фабриканта Ф.С.Подсевальщикова на месте древнего каменного храма. В 1920-е закрыт. Использовался под детский сад, конторские помещения, склад, перестроен под жилой дом. Уничтожены внутреннее убранство, восьмиугольный барабан с главой купола, колокольня (до 2-го яруса), ограда, ворота, сбита архитектурная обработка, в том числе резные наличники. В 1991 года московские власти приняли решение о возвращении храма РПЦ, но богослужения не возобновлены, храм не освобожден.

Построена была церковь Филаретом Никитичем Романовым в память посвящения его в патриархи 24 июня 1619 г. В XVIII в. церковь была обновлена, и в ней сделали придел в честь священномучеников Климента, папы Римского, и архиепископа Петра Александрийского в память восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, пришедшийся на день празднования этих святых в 1742 г. Также здесь был придел Боголюбской иконы Божией Матери – эта чудотворная икона помещалась на Варварских воротах.

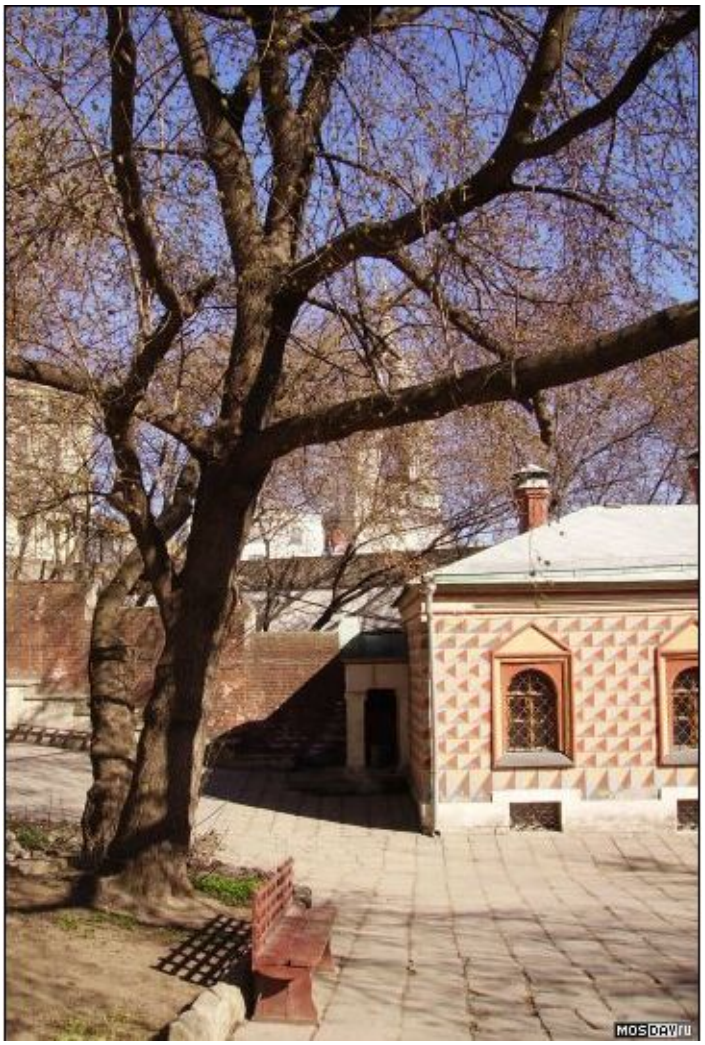
44.12.6. Старый Английский двор (Варварка, 4)



Вернуться к ссылке

44.12.7. Палаты бояр Романовых

двор Палат бояр Романовых



Белокаменное здание палат с шатровой крышей когда-то входило в состав обширного городского

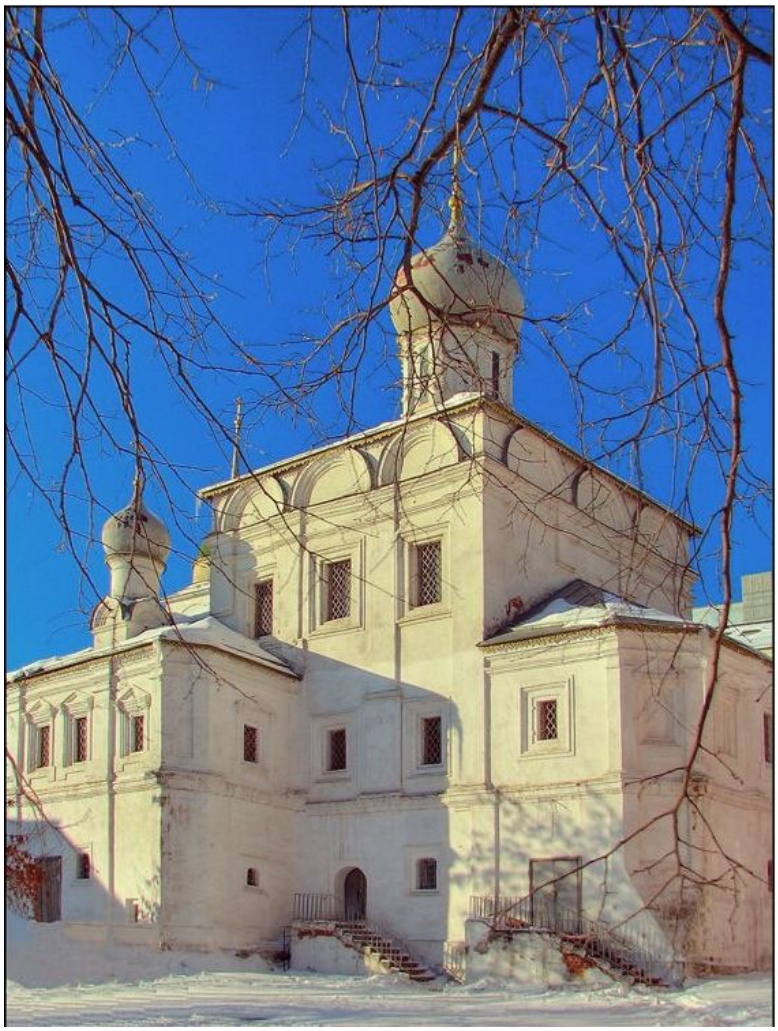
двора. Время основания усадьбы ученые относят к концу XV века - она обозначена уже на первом

плане Москвы 1597 года. Дом построил Никита Романович, сын того самого Романа Юрьевича, давшего начало династии русских царей Романовых, брат Анастасии Романовой, ставшей супругой царя Ивана IV Грозного, дед первого царствующего Романова - Михаила Федоровича. К сожалению, здание не дошло до нас в своем первозданном виде. Однако глубокий белокаменный подвал, построенный еще в XVI веке, сохранился. В 1571 году, во время нашествия Девлет-Гирея, когда вся Москва предана была пламени, пострадал по всей вероятности и двор Никиты Романовича. После этого, спустя десять лет, в 1580 году, хозяин дома подвергся опале Грозного: после брака своего с Марией Нагой царь послал на двор Никиты Романовича 200 стрельцов, которые и расхитили все достояние боярина. Никита Романович, кроме того, лишился всех своих поместий и остался в совершенной бедности, так что принужден был просить у проживавших подле него англичан материи на одежду себе и детям. В дни славы и благоденствия своего Никита Романович не чуждался сближения с англичанами, и один из них давал даже уроки латинского языка сыну его юному Федору Никитичу, впоследствии патриарху российскому Филарету. Впрочем, Иван Васильевич возвратил милость к шурину по первой незабвенной своей супруге и, умирая, назначил Никиту Романовича в числе четырех ближайших советников сыну своему царю Федору Ивановичу. По возвращении царской милости боярину Никите Романовичу и по вступлении в отеческое наследие его сына, Федора Никитича, бывшего в великой милости у своего двоюродного брата царя Федора Ивановича, двор их приведен был в наилучший вид. Сохранилось предание, что именно здесь родился царь Михаил Федорович. В первый раз предание это является записанным в первой половине XVIII века при архимандрите Николае по случаю прошений его о пособии для восстановления ветхих старинных монастырских зданий.

При Борисе Годунове Романовы, как явные претенденты на русский престол вновь подверглись опале, а Федора Никитича сначала в 1599 году заключили в тюрьму, а потом насильно постригли в монахи под именем Филарета.

С этого времени двор на Варварке долго оставался без своего хозяина, и хотя Филарет Никитич был при самозванцах в Москве, но не долгое время и, как монах, не жил в своем доме.

В 1626 году мая 3-го дня пожар, опустошивший Москву, не пощадил и государева двора. Следствием его было расширение Варварской улицы. Но каменные палаты на углу этой улицы и Псковского переулка, ликвидированного в XX веке при строительстве гостиницы, оставлены на старом месте. Возрождение двора началось по избрании Михаила Федоровича на престол России. Государь занял царские палаты в Кремле, и дом этот стал известен как "Старый государев двор, что на Варварском крестце или у Варвары-горы". В то время при Знаменской церкви на государевом дворе был уже протопоп Иаков с двумя священниками и третьим придельным и другими лицами клира. Что же касается до палат царских, то они едва ли кем были заняты. 24 сентября 1631 года,



после смерти своей матери, инокини Марфы Ивановны, новоизбранный царь подписывает указ об основании Знаменского монастыря, а грамотой от 1 ноября того же года наделяет обитель бывшими за ней родовыми царскими населенными имениями и угодьями, в числе которых и уже знакомые нам палаты. Монастырскими усилиями на белокаменных подвалах строятся два этажа из кирпича - подклети и первый жилой этаж с тяжелыми сводчатыми перекрытиями.

Вернуться к ссылке

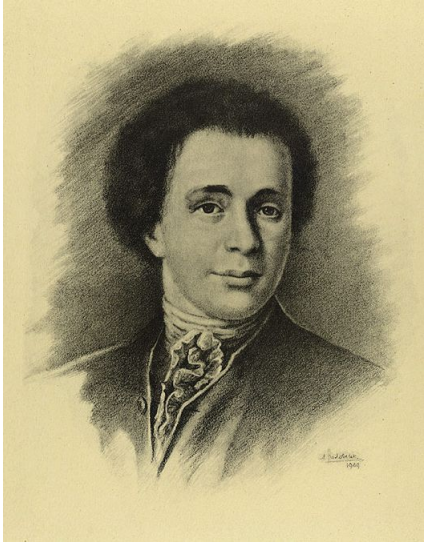
44.12.8. Церковь Максима Блаженного на Варварке (ул. Варварка, 4)

Максимовская церковь, Максимоисповедницкая церковь - **бывшая церковь Бориса и Глеба**, переименованная в честь похороненного в 1434 году на церковном кладбище московского юродивого Максима Нагоходца.

Придел Максима Блаженного устроен при существовавшей деревянной Борисоглебской церкви после 1434 г. Новый каменный храм постройки 1568 г. - во имя Максима Исповедника. Современная церковь возведена в 1698-99 гг. Главный престол Максима Блаженного, придел Максима Исповедника. Колокольня 1827-29 гг. Закрыта не ранее 1929 г. Богослужения возобновлены после 1994 г.,

Ее колонну часто называют "Пизанской башней" Москвы. И действительно, колокольня этой церкви заметно отклоняется от своей оси.

Вернуться к ссылке



44.13. Баженов Василий Иванович (1737г. - 1799г.)

Построен в стиле раннего классицизма. **Приписывается В. И. Баженову**. Со стороны дворового фасада (где сделан вход в здание) это типичный усадебный дом с парадным двором и великолепными воротами, со стороны же уличного фасада сооружение включено в городскую застройку (изначально здание было отделено от улицы сквозной оградой, которая была

уничтожена в 1930-х гг. при расширении Моховой; тогда же была устроена декоративная лестница, поднимающаяся к центру фасада). Любовь к четким объемам архитектор умело подчиняет принципу фасадности торжественно развертывая вдоль улицы трехчастную симметрическую композицию здания. Соединяющие главный дом с флигелями галереи подчеркивают протяженность всего ансамбля и его раскрытость навстречу Кремлю.

Одновременно в общем объемном построении здания наблюдается его устремленность вверх: от низких флигелей, украшенных четырехколонными ионическими портиками с фронтонами, к высоко поднятому на раскрепованном цоколе трехэтажного дома четырехколонному портику большого композитного ордера, к балюстраде с вазами над карнизом и завершающему центральный блок бельведеру (до перестройки после пожара 1812 г. он был сквозным и увенчивался скульптурой). Равновесие этих двух разнонаправленных движений при вписанности главного корпуса с примыкающими к нему двумя флигелями в треугольник создает ясную гармоничную композицию объемно-пространственного решения, как гармоничны и все пропорции здания. Стены украшены тонким скульптурным декором и каннелированными пилястрами. Первоначальная внутренняя планировка и убранство Пашкова дома подверглись очень большим переделкам (при восстановлении после

пожара Москвы и двукратном приспособлении его к новому назначению: с 1861 г. здесь был размещен Публичный Румянцовский музей.

См. также **Архитектор В.И. Баженов**, **Дом Пашкова**, **Поливаново. Василий Иванович Баженов**

Вернуться к ссылке

44.14. Бове Осип (Иосиф) Иванович (1784 г. – 1834 г.)

Осип (Иосиф) Иванович Бове (24.10(4.11). 1784, Петербург, - 16(28). 6. 1834, Москва) - один из великих архитекторов русского ампира.

Он родился в семье живописца, итальянца по происхождению. В возрасте восемнадцати лет был определен в московскую архитектурную школу при Экспедиции кремлевского строения (1802-1807).

О. И. Бове А. А. Михайлов Большой театр в Москве 1821 – 1824

Отечественную войну 1812 года Бове встретил в рядах московских ополченцев. После изгнания из Москвы войск Наполеона и демобилизации он поступил на службу в Комиссию для строения Москвы, созданную для восстановления разрушенного города. После 1814 года был главным архитектором "фасадической части" Комиссии для строения Москвы, - реализовывал идею создания целостных городских ансамблей. Фактически Осип Бове стал главным архитектором города, хотя только в 1816 Императорская Академия художеств в Петербурге присваивает ему звание архитектора.

В послевоенные годы в Москве развернулось широкое строительство. В 1810-20-е гг. в древней столице возникли главные архитектурные ансамбли, важнейшие общественные сооружения. Многие старые ансамбли перестраивались. Москвичи отвергли официальный петербургский план застройки послепожарной Москвы (план петербургского архитектора В.И.Гесте), который, как они считали, не учитывал исторического наследия первопрестольной и нарушал целостность городских святынь. Конкретным восстановлением города занялась группа московских архитекторов. В большинстве своем это были ученики и последователи М.Ф.Казакова.

Бове начал реконструкцию центра Москвы. В старой столице после опустошительного пожара 1812 года возникла угроза стихийной застройки. Чтобы избежать этого архитекторы Комиссии для строения разработали под руководством Бове альбомы "образцовых проектов" жилых домов для владельцев разного достатка. Кроме проектов, в них содержались рекомендации по строительству и категорическое запрещение изменять фасады без ведома архитекторов Комиссии. Сам Бове разработал новый тип дома - городской особняк, который широко распространился в Москве.

Бове - автор ансаблей Красной и Театральной площадей. Одновременно с работой по постройке

Большого театра он проектировал устройство Александровского, или, как его тогда называли, Кремлевского сада до Троицкого моста. Реку Неглинку заключили в трубу, территорию огородили решеткой. Лучшие садовники высадили деревья и кусты, разбили клумбы и боскеты. Восхищение современников вызвал **грот**, сохранившийся до нашего времени. Замыкали перспективу сада пандусы, спускавшиеся с Троицкого моста. Отдельный выход вел к зданию Манежа.

Манеж был построен в 1824 по проекту архитектора А. А. Монферрана и инженеров Карбонье и

испанца А. А. Бетанкура. Они спроектировали и осуществили невиданное до этого безопорное перекрытие деревянными фермами с пролетом 45 м. **Бове же разработал проект декоративного скульптурного убранства Манежа, использовав** тему античных военных доспехов.

[Прогулки по городу. Красная площадь после реконструкции О. И. **Бове**]

Участник Отечественной войны, он использовал военную тему в декоре и Манежа, и многих особняков. Бове добавил манежу торжественности и парадной

выразительности, характерное для московского ампира этого времени. Оформление фасадов по проекту и под руководством Бове в 1825 г.

Грот в Александровском саду

Под его началом в центре Москвы были перестроены Торговые ряды напротив Кремля (1814–1815; не сохранились), разбит Александровский сад с гротом (1820–1822), декоративно оформлена инженерная структура Манежа (1824–1825), создана **Театральная площадь** (1818–1824) с Большим театром (1821–1824; здесь Бове переработал проект А.А.Михайлова).

См. также **ДМИТРИЙ КУЛЬЧИНСКИЙ: "У ТВОРЕНИЙ БОВЕ В МОСКВЕ НЕСЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА"**, **Осип Бове: главный архитектор Москвы**

Вернуться к ссылке

44.15. ЖИЛЯРДИ, ДОМЕНИКО (1785–1845)

Вернуться к ссылке

ЖИЛЯРДИ, ДОМЕНИКО (Дементий Иванович) (1785–1845), архитектор, видный мастер ампира, один из создателей нового облика Москвы после пожара 1812.

ДОМЕНИКО ЖИЛЯРДИ

Родился в Монтаньоле (Швейцария) 4 (15) июля 1785 в семье архитектора Джованни Баттиста (Ивана Дементьевича) Жилярди, который в 1787 начал работать в России. Доменико, впервые приехавший туда с матерью в 1796, впоследствии жил преимущественно в Москве. Учился у своего отца, а также у К.Скотти и других живописцев в Петербурге (с 1799), посещал миланскую Академию художеств (1804–1806), затем самостоятельно изучал искусство и архитектуру Рима, Флоренции и Венеции. Вернувшись на свою вторую родину в 1810, в 1811 был определен в помощники отцу, состоявшему в должности архитектора Воспитательного дома. Ненадолго выехав в Казань при нашествии Наполеона, по возвращении занимался восстановлением древней столицы. Работал в Экспедиции кремлевских строений, а в 1818 занял место Джованни Жилярди, уволившегося по старости.

Реконструировал в 1818–1827 ряд построек, входящих в число главных произведений его отца, в том числе здания **Екатерининского института** (ныне Дом офицеров Московского военного округа) и т.н. **Вдовий дом** (ныне Центральный институт усовершенствования врачей на Кудринской площади). Значительно перестроил (1817–1819) **старое здание Московского университета** (работы М.Ф.Казакова), нынешним своим обликом обязанное в основном именно Доменико Жилярди. Среди его главных сооружений также дом Луниных (ныне Музей искусств народов Востока, 1818–1823), дом Гагарина (ныне Институт мировой литературы имени А.М.Горького, 1820), Опекунский совет (ныне Российская академия медицинских наук, 1823–1826), усадьба Усачевых-Найденовых (1829–1831), значительная часть построек усадьбы Кузьминки, в том числе Конный двор (1820–1823). Многие свои работы создал в соавторстве с А.Г.Григорьевым.

Для всех архитектурных образов Жилярди характерен парадный монументализм, подчеркнутый мощными колоннадами фасадов, четкой ритмикой орнаментальных вставок и скульптурного декора. Высоким совершенством отличаются и оформленные под его руководством интерьеры (в особенности Опекунского совета и дома Гагарина).

Построил и ряд мавзолеев-ротонд – в Кузьминках, Суханове (1813) и Отраде-Семеновском (1832) под Москвой. Мавзолей в Отраде стал его последней работой в России, – в том же году он, сетуя на здоровье, уехал в Швейцарию.

Умер Жилярди в Монтаньоле 28 февраля 1845.

Смотри также - **Династия архитекторов Жилярди**,

44.15.1. Екатерининский институт (Суворовская площадь, 2)

Московское училище ордена Святой Екатерины, один из институтов благородных девиц для обучения дочерей потомственных дворян. Основан в 1802. В 1804 при Екатерининском институте создано мещанское отделение для девиц прочих сословий, которое в 1842 преобразовано в самостоятельное Мещанское училище; на его основе в 1891 открыт Александровский институт. Здание Екатерининского института на Екатерининской площади (ныне Суворовская площадь, 2) первоначально принадлежало графу Салтыкову, который имел здесь «загородный двор» с палатами и регулярным парком. В 1777 было взято в казну, здесь открыли Инвалидный дом для офицеров и солдат. Перестройку **осуществлял в 1802 И.Д. Жилярди, после разрушений, нанесённых пожаром 1812**, Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьев в 1826-27 восстановили здание в

формах позднего классицизма, с широким, мощным 10-колонным портиком в центральной части и лаконичными боковыми флигелями, оформившими парадный двор с отделяющей его от площади строгой кованой решёткой. Сохранена планировка главного корпуса, торжественная

монументальная отделка интерьеров, в том числе колонного актового зала. Перед зданием в 1818 была разбита площадь, за ним устроен пейзажный парк с прудом (единственным открытым водоёмом р. Неглинной). С 1928 в здании Центральный дом Красной Армии (ныне Центральный дом Российской Армии).

Центральный дом Советской Армии имени М. В. Фрунзе (б. Екатерининский институт, 1802-07, архитектор И. Д. Жилярди; перестроен в 1818-27, архитекторы Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев).

Екатерининский институт

44.15.2. Вдовий дом (Баррикадная улица, 2)

Вдовий дом, одно из важных общественных сооружений «послепожарной» Москвы, характерный образец стиля ампир. Построен в 1818-23 Д.И. Жилярди как масштабное и строгое по своему облику здание с монументальным римско-дорическим ордером в качестве отделки. В состав правого крыла здания включена часть старого (Инвалидного) дома середины XVIII в. (с 1772

перестраивался, в том числе И.Д. Жилярди в конце 1780-х гг.; сгорел в 1812), два выступа которого хорошо видны со стороны двора.

Разновременность правой и левой частей скрыта надстройкой третьего этажа и главным композиционным элементом, который «держит» фасад протяжённого здания, - мощным восьмиколонным портиком-лоджией с гладкими стволами большого дорического ордера и венчающим их фронтоном. Ныне в здании размещается Академия последипломного образования врачей. Большой сад Вдовьего дома присоединён к территории Зоопарка.

Вдовий дом

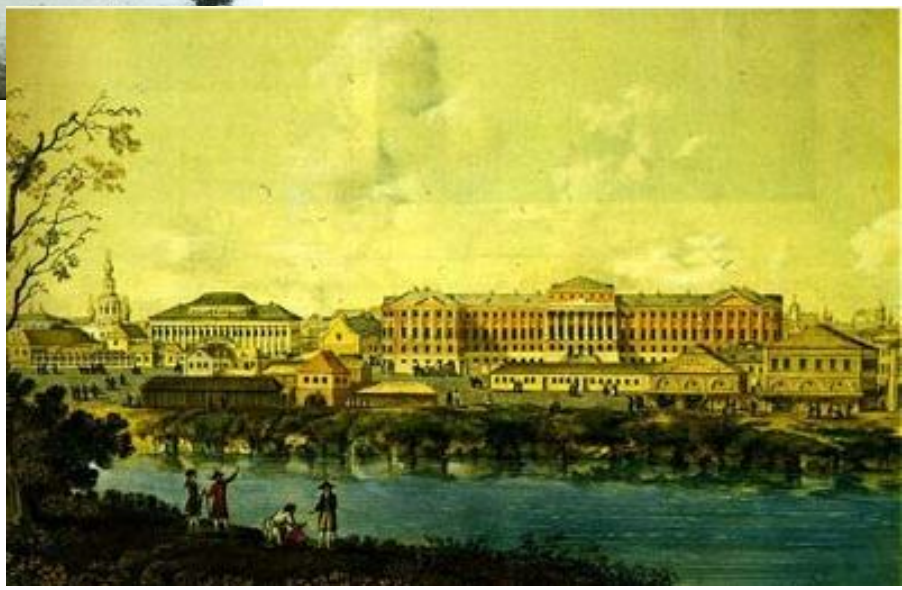
Смотри также - **Дом в Кудрине**, **КУДРИНО. ПРЕСНЯ. НОВИНКИ. ЩЕПЫ**

44.15.3. Старое здание Московского университета

Здание старого Московского университета на Моховой, выстроенное по проекту М.Ф.Казакова в 1786-93 годах и восстановленное после пожара 1812 года архитектором Д.И.Жилярди.

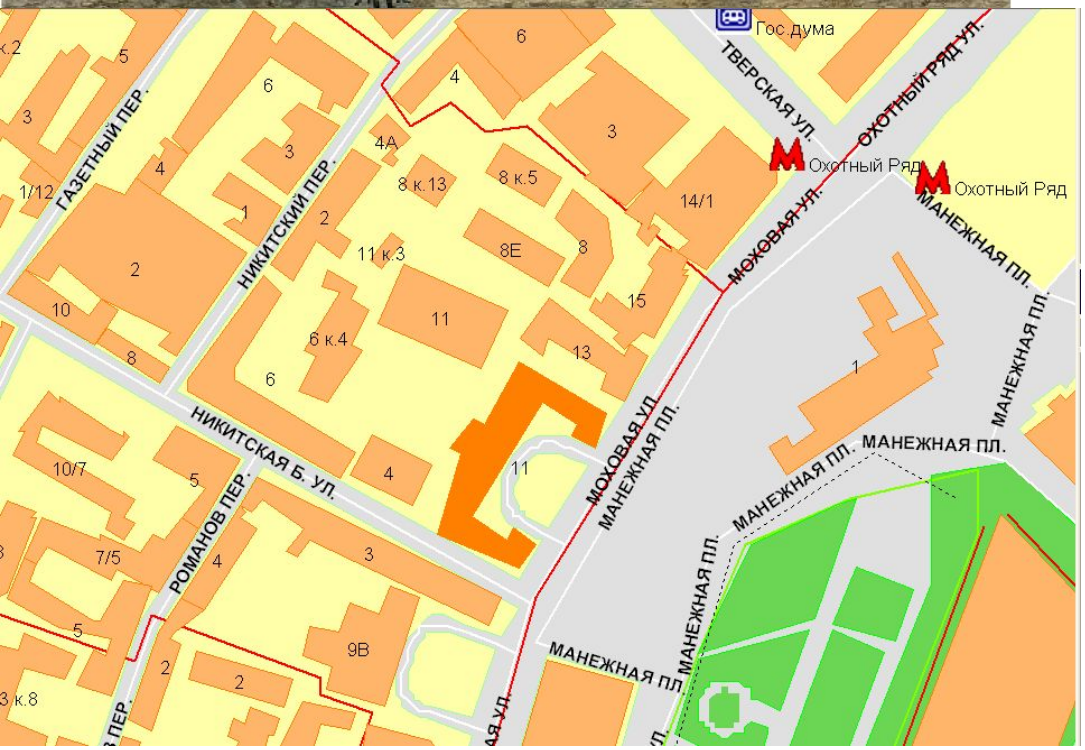
Подмосковным известняком облицованы цокольный этаж главного фасада, лестница и пилоны ворот, из цельных блоков известняка сложен фундамент ограды.

[Вид на Московский университет со стороны реки Неглинки]



Новое здание Московского университета на Моховой с церковью св. Татьяны.

Акварель Г.Ф.Барановского. 1848 г.
Вернуться к ссылке



44.16. ЖОЛТОВСКИЙ, ИВАН ВЛАДИСЛАВОВИЧ (1867-1959)

ЖОЛТОВСКИЙ, ИВАН ВЛАДИСЛАВОВИЧ (1867-1959), русский архитектор, один из лучших мастеров русского неоклассицизма досоветского и советского времени. Родился в Пинске 15 (27) ноября 1867.

Поступив в петербургскую Академию художеств в 1887, окончил ее в 1898. Изучал архитектуру в Италии (1910-е годы, 1923-1926), испытав огромное влияние как античного, так и ренессансного зодчества. Особенно близок ему был А.Палладио, чьи *Четыре книги об архитектуре* он позднее перевел на русский язык (изданы в 1938).

Мастерски варьировал антично-ренессансные мотивы в проектах, осуществленных по общественным и частным заказам (дом Скакового общества, 1903, и особняк Тарасова на Спиридоновке, 1909-1912; оба - в Москве), продолжил линию русского палладианства в усадебной архитектуре (усадьбы «Липовка», 1907-1908; в Удомле, 1907; Бережках, 1910; все - в Московской области), активно занимался индустриальной архитектурой и комплексным градостроительством (жилые дома завода АМО в Москве, 1915).

После 1917 возглавлял архитектурный подотдел отдела ИЗО (Коллегия по делам изобразительных искусств) Наркомпроса (с 1918) и архитектурную секцию Российской академии художественных наук (РАХН, с 1921). Предложил самобытный план перепланировки Москвы (1918-1923), - с новым центром столицы на юго-западе. Исполнил генеральный план и проекты нескольких деревянных павильонов Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (1923). В проектах 1926-1928 (Госбанк на Неглинной, котельная МОГЭС на Раушской набережной, Дом советов в Махачкале) органично соединил классику с элементами конструктивизма, **жилые дома на Манежной пл. (ныне Интурист; 1933-34), на Ленинском проспекте (1949 г.), на Смоленской пл. (1950 г.), на проспекте Мира (1957 г.), ипподром (1951-55 года) - в Москве.** С 1933 руководил мастерской № 1 Моссовета, а в 1953-1959 - мастерской-школой института «Моспроект». В эти годы разработал и градостроительно внедрил известнейший свой архитектурный образ - жилой дом, где декоративные элементы Ренессанса сочетаются с многоэтажной и стандартизованной, сугубо современной для тех лет внутренней структурой; эталонами явились дома на Смоленской площади и Большой Калужской улице (оба закончены в 1949; за проект последнего зодчий получил Сталинскую премию 1950). Среди поздних работ Жолтовского особенно известен московский ипподром (1951-1955). Почти всю творческую жизнь активно работал также и как педагог (в Высших художественно-технических мастерских, ВХУТЕМАСе и других вузах).

Умер Жолтовский в Москве 16 июля 1959.

Литература:

И.В.Жолтовский. Проекты и постройки. М., 1955;

Архитектор И.В.Жолтовский. Каталог-путеводитель по фондам Музея архитектуры. М., 1985;

См. также **Дом-лауреат**

Вернуться к ссылке

44.16.1. Манежная пл.

Площадь, в дальнейшем получившая название Манежная, впервые упоминается ещё в конце XV-го века.

После возведения Арсенальной башни Кремля (1492 г.) было решено снести все деревянные постройки, располагавшиеся рядом, так как от них исходила постоянная угроза пожара. На их месте образовался старейший московский посад, здесь жили торговцы и ремесленники, здесь же они и торговали своими товарами. В дальнейшем вокруг площади стали образовываться торговые ряды, часть из них сегодня занимает здание ГУМа, часть - улицы Неглинка и Петровка, а Охотный ряд, получивший своё название, т.к. там торговали дичью, по сей день сохранил своё название. Одно из возможных первоначальных названий Манежной площади - Вшивая площадь (в те времена понятие "вшивый" было лишено присущей ему сегодня эмоциональной презрительной окраски).

А в 1817-м году, в честь пятилетия победы в Отечественной войне 1812-го года, было построено здание Манежа (архитекторы А. А. Бетанкура и Карбонье Дарсит), после чего площадь и получила своё название.

Манеж предназначался для смотра войск, а по праздникам – для выставок и концертов, в такие дни праздничные мероприятия не обходили стороной и саму площадь, - здесь проходили народные гуляния, устраивались ярмарки и т.д.

Архитектурный ансабль площади сложился в конце XIX - начале XX столетий : в 1883 году появилось здание Исторического музея, в 1892 году - здание Городской Думы (ныне филиал Исторического музея), в 1893 году окончательно сформировались Верхние торговые ряды (нынешний ГУМ). В 1903-м году – гостиница «Националь» и **дом Жолтовского** ("дом с колоннами", сегодня – гостиница «Интурист»).

Сегодня под Манежной площадью располагается один из главных торговых центров столицы - Охотный ряд. Над ним возвышается скульптурная композиция "Георгий Победоносец, поражающий змея" - символ Москвы и фонтанный комплекс работы Зураба Церетели.

От Красной площади Манежную площадь отделяют Воскресенские ворота с часовней Иверской Божьей метери (снесены в 1934-м, восстановлены в 1995-м). На против здания Исторического музея в 1995-м году установлен памятник Г.К. Жукову. А также на границе площадей находится довольно оригинальный памятник – «Нулевой километр России», вмонтированная в брусчатку площади звезда, символизирующая начало всех автодорог страны.

Неподалеку, в Александровском саду у западной стены Кремля – Могила Неизвестного солдата. Сам Манеж на сегодня представляет собой крупнейший выставочный зал столицы (6500 кв.м.)

Моховая улица, дом 15, административное здание, памятник архитектуры советского периода, автор - академик Жолтовский. В источнике указан неправильный адрес «Дома с колоннами» - **Моховая улица, дом 13.**

См. также **Манежная площадь**

44.17. Казаков М.Ф. (1738-1812)

Казаков Матвей Федорович. Родом известнейший русский архитектор Казаков был из крестьян - сын крепостного, отданного помещиком в матросы, но по счастливой случайности оставшегося при Адмиралтейской конторе в Москве копиистом.

Только это и спасло Федора Михайловича от вечной матросской службы, а семью его избавило от крепостной неволи. Юность Казакова прошла в упорном учении. Он входил в команду - архитектурную школу московского архитектора Д.В. Ухтомского, воспитанники которого занимались в основном ремонтом и исправлением ветшавших построек Кремля. Эта работа, сопровождавшаяся тщательными обмерами древностей, составлением чертежей и смет, стала главной школой зодчего. Полученный у Ухтомского большой практический опыт пригодился Казакову при восстановлении опустошенной пожаром Твери. Ему тогда было поручено отстроить из руин сгоревшего архиерейского дома Путевой дворец императрицы - главнейшее здание в городе. Возводить его надлежало не щадя труда человеческого, в крайней спешке, ибо зимой 1767 года Екатерина II намеревалась проследовать через Тверь в Москву на открытие Комиссии по новому Уложению. В 1768 году судьба объединила усилия и таланты двух замечательных русских архитекторов - Василия Баженова и Матвея Казакова ради сооружения наиславнейшего в свете здания - Большого Кремлевского дворца. Идея проекта Кремлевского дворца, его основные художественные принципы - все это исходило от Баженова. Однако без Казакова, своего главного помощника, Баженов просто не справился бы с таким гигантским объемом работы. Через некоторое время от шумного начинания в Кремле не осталось и следа, но для Казакова почти семилетнее сотрудничество с Баженовым - важнейший, неизгладимый из памяти этап жизни. Можно с уверенностью сказать, что поражение баженовского проекта стало переломным событием в творчестве Казакова. Как величайший зодчий он родился в пору этой архитектурной трагедии.

Главная ее причина состояла в том, что художественная идея Кремлевского дворца противоречила новому значению Москвы, на которое указал уже Николай Карамзин: "Со времен Екатерины Великой Москва прослыла Республикою". Идеалом ее обитателей стала усадьба: дом на лоне природы, в окружении парка, классическая беседка над прудом... Тогда как геометрические абстракции баженовского дворца именно преодолевали, даже "отменяли" природу, "естество" города.

Историки искусства недаром называют Казакова практиком, которому обычно был присущ трезвый взгляд на вещи. И хотя это не совсем справедливо, тем не менее Казаков действительно не имел склонности к тому "архитектурному театру", героем и жертвой которого стал Василий Баженов. Казаков был ближе к реальному делу, к зодчеству в изначальном смысле этого слова, что блестяще проявилось в первой его крупной самостоятельной московской работе - Пречистенском дворце.

Одно то, что Казакову поручили строить дворец для императрицы, говорит о признании его таланта и опыта. Довольна была и коронованная заказчица, прибывшая в Москву на празднование Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией: уже в мае 1775 года Казаков получил чин архитектора.

На него буквально хлынул поток заказов, и в тот же год зодчий начал Петровский путевой дворец на Петербургской дороге.

Еще только разворачивалось строительство Петровского дворца, а Казаков уже принимается за проектирование Сената в Кремле. Более десяти лет велось сооружение этого огромного здания, одного из самых значительных произведений архитектуры русского классицизма, ставшего торжественным гимном Просвещению.

Ротонда была излюбленной темой Казакова. Он строил православные храмы-ротонды (церкви Филиппа Митрополита, 1777-1788; Косьмы и Дамиана на Маросейке, 1791; Голицынской больницы, 1790-е), мавзолей-ротонду в смоленской усадьбе Алексино, в форме ротонды решал углы жилых и общественных зданий в Москве (**Дом Благородного собрания**, 1793; Университетский пансион на Тверской, 1790е, дом Голицына и др.).

В 1783 году, с согласия Екатерины II, Казаков поступил в распоряжение главы только что созданного Екатеринославского наместничества - Г.А. Потемкина, который замыслил грандиозную утопию: воздвигнуть на полупустынном тогда юге "третью столицу" и застроить ее огромными зданиями, в числе коих - театр, университет, судилище... Жизнь показала вскоре, что затея была всего лишь очередным спектаклем "архитектурного театра". Поддайся Казаков искушению, положи все свои силы на сооружение невиданных архитектурных колоссов, сколько потом было бы разочарования, сколько несчастья. Но урок с Кремлевским дворцом, видимо, пошел ему впрок; сказавшись больным, он вскоре возвратился в Москву - к семье, к своему настоящему делу.

Еще в 1782 году Казаков начал строительство **Московского университета**.

Здание возводилось более десяти лет, по частям - в три этапа. Одновременно Казаков совершенствовал его архитектурный облик: отказывался от усложненных элементов, от обилия скульптуры, добивался простоты и величественности. Завершенное здание, органично вошедшее в ансамбль центра Москвы, своей архитектурой напоминало крупную городскую усадьбу.

Еще одну чрезвычайно непростую художественную задачу предстояло решить мастеру при подготовке проекта дома Благородного собрания.

Возводимые им в Москве замечательные усадьбы становились признанными образцами художественного вкуса. Особенно много их было выстроено на Тверской, главной улице тогдашней Москвы после пожара 1773 года.

Впрочем, вероятно, не было в Москве района, где Казакову не привелось бы строить классицистические усадьбы. Лучшие и наиболее известные из них - дом на Гороховой улице богача-заводчика Ивана Демидова, сохранивший великолепную золоченую резьбу парадных

интерьеров, так называемые "золотые" комнаты (1780-е), и другие дома на Петровке, на Ильинке, на Мясницкой. В их парадных интерьерах, изысканных и красивых, созидалась празднично гостеприимная атмосфера общения.

Имя Матвея Казакова прочно связано со всей классической (допожарной) Москвой, потому что именно его основные, лучшие здания придали тогда лицо городу. Практически все они были выстроены в стиле зрелого классицизма.

Казаков едва ли не единственный из крупных художников эпохи Просвещения в России создал то, что называется школой. С полным основанием можно говорить о русском классицизме казаковской школы. Кстати сказать, даже дом зодчего в Златоустовском переулке был не просто жилищем семьи, но и своего рода домашним университетом искусств. Здесь под руководством Казакова много лет действовала архитектурная школа. В числе его учеников - архитекторы Родион Казаков, Еготов, Соколов, Бове, Тюрин, Бакарев.

См. также **Матвей Федорович Казаков**, **Казаков**

44.17.1. Колонный зал Дома Союзов (Дом Благородного собрания в Москве)

Дом Союзов в Москве, общественное здание; одна из достопримечательностей столицы. Здание в стиле классицизма, построено (до 1775) М. Ф. Казаковым для князя В. М. Долгорукова-Крымского. После приобретения (в 1784) дома и усадьбы московским дворянством для «Благородного собрания» Казаков значительно расширил его, изменив планировку (1784-1790-е гг.): на месте внутреннего двора был построен знаменитый двусветный Колонный зал (площадь 24,8 *м* ´ 39,5 *м*, высота 14,5 *м*) с величественной коринфской колоннадой. Зал украшают изящные хрустальные золочёные люстры и зеркала в форме окон, зрительно увеличивающие пространство зала, придающие ему торжественный и нарядный вид. Дом был выстроен из кирпича, с применением дерева в конструкциях перекрытий и колоннах. После пожара 1812 здание восстанавливалось архитектором А. Н. Бакаревым. В 1903-08 дом был реконструирован архитектором А. Ф. Мейснером: надстроен 3-й этаж, частично изменены главный фасад и планировка помещений, прилегающих к Колонному залу.

Большая Дмитровка ул., д.1

Стиль - зрелый классицизм, прямоугольное в плане трехэтажное здание; угол (выходящий на Дмитровку и Георгиевский пер.) оформлен с помощью ротонды; фасады - портиками коринфского ордера.

В «Благородном собрании» московское дворянство проводило приёмы. В 1860 отделение Российского музыкального общества положило начало систематическим симфоническим концертам в Колонном зале; организатором и дирижёром был Н. Г. Рубинштейн.

См. также **Благородное собрание**

Вернуться к ссылке

44.17.2. Монетный двор

Палаты Монетного двора - одно из старейших сохранившихся производственных зданий

Москвы. Построены в 1697г. параллельно проезду Воскресенских ворот. Нарядный главный корпус Монетного двора вместе со зданием Аптеки и Воскресенскими воротами оформил площадь у парадного въезда в Китай-город и на Красную площадь. Двухэтажное здание с проездной аркой в южной части делит территорию на внешний и внутренний дворы. В его нижнем этаже находились не сообщавшиеся между собой производственные палаты - Плавильная, Кузнечная, Плащильная и Пожигальная.

Все помещения второго этажа - Казначейская, Кладовая, две Пробирных и "Работная" палаты высокие, просторные, хорошо освещены большими окнами с двух сторон. Верхний этаж имеет богатую архитектурную обработку: резные белокаменные наличники окон, в простенках между окнами - белокаменные приставные колонки. Развитой карниз обогащен во фризовой части поясом из полихромных изразцов. Строго организованный фасад с равномерным ритмом членений является одним из лучших примеров архитектуры "нарышкинского барокко". В 1732-1740гг. под руководством П.И.Гейдена Монетный двор реконструировался. Новые корпуса образовали два замкнутых двора по обе стороны палат. Из них первоначальный облик сохранил только главный фасад здания по линии Исторического проезда. Его членение пилястрами малого ордера характерно для барокко. Позднее в зданиях Монетного двора размещались Присутственные места, в 1781г. реконструированные М.Ф.Казаковым.

44.18. Шервуд Владимир Осипович (1833 - 1897)

(1833 - 1897, Москва), архитектор, теоретик архитектуры, скульптор. Окончил МУЖВЗ (1857), с 1872 академик архитектуры. Был страстно увлечён идеей создания художественно целостного национального стиля; искал его основы в художественном наследии допетровского времени, выделяя среди памятников, в которых воплотилась «цельность русской идеи», ансамбль Московского Кремля; был одним из главных сторонников «русского стиля». Получил возможность воплотить свои идеи в конкурсном проекте здания Исторического музея, утверждённом в 1875. Отчасти следуя выдвинутой И.Е. Забелиным программе, широко использовал самобытные формы московской архитектуры XVI-XVII вв. и свойственное ей богатство кирпичного декора. С помощью многочисленных шатровых башенок придал живописную выразительность зданию музея, силуэт которого органично вписался в ансамбль старинных зданий Красной площади.

В 1887 создал памятник-часовню «Гренадерам - героям Плевны», выполнив для него литые барельефы, рисунки для майоликового иконостаса и витражей, в 1897 - памятник Н.И. Пирогову у здания хирургической клиники Московского университета на Большой Пироговской улице. Похоронен на кладбище Донского монастыря.

Исторический музей, 1875 -1881 годы. Архитектор В.О.Шервуд, инженер А.А.Семёнов. Красная площадь, дом 1/2

См. также **ШЕРВУД, семейство русских архитекторов и художников, представителей историзма и модерна.**

Исторический музей

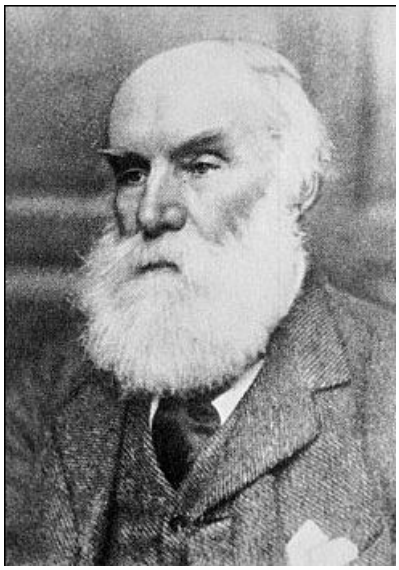
Вернуться к ссылке

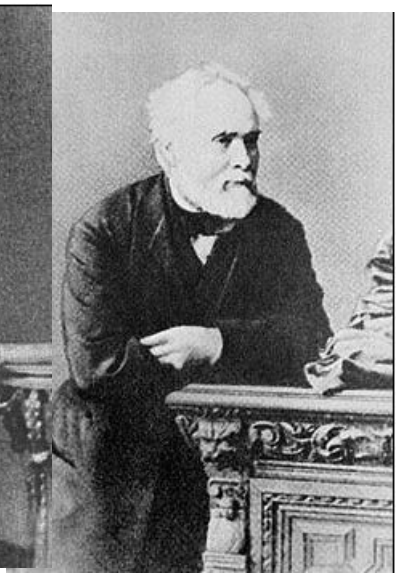
44.19. «Мюр и Мерилиз», торговый дом

История ЦУМа началась в XIX веке, когда два шотландских коммерсанта Арчибальд Мерилиз и Эндрю Мюр основали в Санкт-Петербурге торговую компанию, названную их именами: «Мюр и Мерилиз». Товарный знак «Мюръ и Мерилизъ» был зарегистрирован в 1857 году. В конце XIX - начале XX века дела компании вел третий совладелец - Уолтер Филип. В 1880-х годах из Петербурга компания переехала в Москву, где через пять лет открыла оптовый магазин дамских шляп и галантереи на углу Кузнецкого моста и Петровки (в «доме Хомякова»). Вскоре торговый дом купил здание для большого магазина на Театральной площади, на месте сегодняшнего ЦУМ. Было решено создать здесь крупный универсальный магазин, наподобие лондонского «Уайтли» или парижского «Бон Марше». Лучшего места было не найти: рядом

проходила улица дорогих магазинов - Кузнецкий мост. Неподалеку располагался шикарный Пассаж.
Через несколько лет «Мюр и Мерелиз» перешел на торговлю в розницу, увеличил ассортимент и стал первым в России универсальным магазином.

Успех розничного магазина подтверждался скоростью, с какой универмаг открывал новые отделы. В розничной торговле кроме шляпок и тканей появилась дамская модная одежда и обувь, мебель, посуда, спортивные товары, ковры и т. п. «Мюр и Мерилиз» стал первым в России универмагом - магазином для людей среднего класса, где можно было купить почти все, кроме продуктов.





Мюр Эндрю (1817-1899)
- руководитель торгового дома "Мюр и Мерилиз" (1857-1874)

Филип Уолтер (1845-1919)
- совладелец торгового дома "Мюр и Мерилиз"

Мер
187
- уч
фир
сво
Пет
(184
185
в т
Мер

Мосторг (б. Мюр и Мерилиз), Петровка, 2

См. также **БЕГАЛИ ПО ЦУМУ ЧЕХОВ И КОКЕТКИ**, **«Мюр и Мерелиз» (ЦУМ)**, **Рерберг**

Вернуться к ссылке

44.19.1. Р.И. Клейн

Клейн Роман Иванович [19(31).3.1858-3.5.1924, Москва], русский архитектор. Учился в петербургской АХ (1877-82), затем в Париже у Ш. Гарнье (до 1884). Академик петербургской АХ (1907). Преподавал в Рижском политехническом институте, находившемся в эти годы в Москве (1916-18), и в Высшем техническом училище в Москве (1918-23). Сооружения К. отличаются высоким качеством исполнения, но эклектичны по характеру (преимущество модернизованная классика). Главное произведение К. в Москве - здание Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (1898-1912), а также Средние торговые ряды на Красной площади (1892), здание универсального магазина "Мюр и Мерилиз" (ныне Центральный универмаг; 1908), Бородинский мост (1912). В 1918-24 К. участвовал в ряде архитектурных конкурсов на проекты рабочих посёлков для Донбасса, Грозного, Туапсе.

Главой семейства Клейнов был обрусевший немец, преуспевающий коммерсант, имевший звание потомственного почетного гражданина Москвы. Роман Иванович, родившийся 19 марта 1858 года, был пятым из семерых его детей. С ранних лет мальчик проявлял большие способности к музыке и рисованию и долго не мог решить, которому из искусств отдать предпочтение, пока, наконец, дружба с архитектором М.А. Вивьеном не определила его окончательный выбор. В 1873 году Клейн поступил на архитектурное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества. С 1875 года начал работать чертежником у В.О. Шервуда, строившего ту пору Исторический музей. Пройдя эту "первую", по собственным словам, "серьезную практическую школу", в 1878 году поступил в Академию художеств, по окончании которой был отправлен на трехгодичную стажировку в Италию.

Вернувшись в Москву, Р.И. Клейн начал самостоятельную творческую деятельность. Семейные связи, живой, общительный и энергичный характер, а главное - растущее год от года мастерство позволили молодому архитектору получить огромное количество выгодных и ответственных заказов и стать московским "строителем Сольнесом", как окрестили его, по имени героя известной пьесы Г. Ибсена, тогдашние журналисты.

В числе наиболее крупных работ, исполненных им на рубеже веков, можно назвать: Средние торговые ряды, университетские клиники и студенческие общежития, производственные корпуса чаеразвесочной фабрики Высоцких, хлопчатобумажной мануфактуры Гюбнера и шелковой мануфактуры Жиро, комплекс Трехгорного пивоваренного завода, здания дворянской богадельни им. С.Д. Нечаева, банков Русского для внешней торговли и Северного, три реальных училища, классическую гимназию, Педагогический и Гинекологический институты (построенные на средства П.Г. Шелапутина), а также многочисленные особняки и доходные дома, включая и свой собственный дом в Олсуфьевском переулке.

В 1897 году, по инициативе И.В. Цветаева, Клейну было поручено составить проект, а затем и возглавить строительство Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). Эта грандиозная работа, растянувшаяся на 15 лет, стала главной в жизни зодчего, однако вовсе не заставила его бросить другие заказы.

Вот в такой ситуации Роман Иванович и получил предложение "Мюра и Мерилиза". С этой фирмой его связывало давнее знакомство: именно он приспосабливал для торговых нужд прежнее здание универмага. Той работой заказчики остались довольны, так что новое приглашение выглядело вполне закономерным.

На звание новатора в архитектуре Р.И. Клейн никогда не претендовал. Всю жизнь он был эклектиком, проектировал в самых разных стилях, от русского до классики, но в этом направлении достиг большого мастерства. Коллеги ценили его как "умного, эрудированного человека и

добросовестного исполнителя порученного дела". Сам же зодчий свое творческое кредо формулировал так: "При исполнении архитектурных задач я всегда преследовал тесное согласование принципов чистого строительного искусства с утилитарными современными потребностями и конструктивностью сооружения".

Проект универмага "Мюр и Мерилиз" - прекрасное тому подтверждение. Конструктивная схема здания, выбранная Клейном, была для своего времени очень новой и передовой. Главная ее особенность - замена несущих стен колоннами и получение таким образом обширного открытого внутреннего пространства, дающего широкие возможности его планировки. "Это здание, - говорилось в пояснительной записке к проекту, - первое в России, стены которого построены из железа и камня, причем толщина заполнения кирпичных стен, начиная с фундамента, соответствует только климатическим условиям, именно: 1 аршин. Постройки из железа и камня особенно распространены в Америке, где такая конструкция вызывается высотой зданий в несколько десятков этажей. При проектировании же здания товарищества "Мюр и Мерилиз" она была применена для того, чтобы иметь возможность сделать стены тоньше и вследствие этого расширить площадь помещений, получить достаточное освещение их дневным светом". К инженерным расчетам Р.И. Клейном был привлечен лучший специалист в области металлоконструкций В.Г. Шухов.

См. также **КЛЕЙН Роман (Роберт) Иванович**, **Моя Москва: ЦУМ.**

Вернуться к ссылке

44.20. Валькот Вильям Францевич (1874, Одесса - 1943, Лондон)

44.20.1. Московский Вавилон XX века, или незаконченная мечта Саввы Мамонтова (история гостиницы «Метрополь», Москва, Театральный проезд, 1/4)

На территории, где стоит сегодня «Метрополь», раньше располагалось «Челышевское подворье», построенное купцом Павлом Челышевым: непримечательная гостиница и бани «Челыши» с прудом во дворе. В 1898 г. оно перешло в руки Санкт-Петербургского страхового общества, а то отдало участок его в аренду на 25 лет Северному домостроительному обществу во главе со знаменитым промышленником и меценатом Саввой Мамонтовым. Страховщики выделили на постройку 1 млн. 200 тыс. руб.

Мамонтов хотел построить целый **культурно-разлекательный центр** - с театром размерами больше Венской оперы, гостиницей, рестораном, концертным залом, зимним стадионом (катком), читальным и выставочным залами, зимним садом и магазинами/конторами, офисами.

В 1899 был объявлен международный конкурс, в котором принимало участие 20 видных архитекторов из России и Европы. Победил Лев Кекушев – крупнейший представитель модерна в стране. Возводить комплекс начали с корпуса, примыкавшего к стене Китай-города, где предполагался оперный театр. Однако неожиданно Кекушев почему-то был отстранен от работ, и в дальнейшем фасады выполнялись **по проекту шотландского архитектора Уильяма Валькота**, занявшему всё лишь 4 место в конкурсе. "Челыши" разобрали, а пруд засыпали.

Для формления интерьеров были приглашены знаменитые художники Васнецов, Поленов, Коровин; архитектор Шехтель. Главный фасад, обращенный на Театральный проезд, украшало громадное **мозаичное панно** «Принцесса Греза», выполненное по рисункам Врубеля. Вдоль всего здания был установлен фриз-барельеф «Времена года» скульптора Андреева. А по

периметру проходил керамический пояс с **цитатой Ницше**: «Опять старая история! Когда выстроишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему». После революции эту цитату заменили на лозунг о важности диктатуры пролетариата.

Однако осенью 1899 г. **Савва Мамонтов был обвинён в злоупотреблениях и растратах, арестован, отдан под суд** (его защищал известнейший авдокат того времени Плевако) и отправлен в Таганскую тюрьму. После меценат был оправдан судом присяжных, но разорен и лишен возможности осуществить свой грандиозный проект, который перешёл в другие руки.

Чтобы побыстрее «отбить кредит» другие акционеры решали строить в первую очередь не культурный центр, а более выгодные гостиницу и ресторан. Пригласили новых архитекторов: Эрихсона, Жолтовского и др. Ядром главного зала с купольным витражом стал фонтан. Мебель для «Метрополя» изготовили лучшие западные и российские мебельные фирмы. Стилизованные под различные эпохи, помещения получили характерные названия: «Кабинеты Луи XIV», «Ампир», «Модерн», «Русский кабинет».

В 1901 г. было объявлено об окончании строительства, и взорам москвичей предстало необычное здание в стиле модерн. На гостиницу приходили смотреть, как на чудо. И действительно, «Метрополь» считался одной из лучших в Европе гостиниц, который выделялся не только своей оригинальной архитектурой, мраморными колоннами, громадными витринами, паркетным полом и латунными люстрами.

Новое здание было оснащено **самым современным** техническим оборудованием того времени: централизованное горячее водоснабжение, электростанция, артезианский колодец, центральное отопление (чбольшая редкостью в то время), телефонная станция, системы сигнализации, вентиляции, электрические лифты, холодильные установки, хлебные печи…
Однако в ночь на 15 декабря 1901 г. в «Метрополе» случился сильнейший пожар. **Отель сгорел почти полностью**. Уцелели только капитальные стены и передний фасад, и, что поразительно, сохранились майоликовые панно («искусство не горит!»). Убытки от пожара=3 млн. руб. Но Санкт-Петербургская страховая компания тут же приступила к восстановлению отеля, правда с немалыми отклонениями от первоначального проекта Валькота. За счёт отказа от театра значительно увеличили число номеров. Владельцы, стремясь как можно быстрее компенсировать убытки тут же открывали «торговые точки». Так, в начале 1903 г. в готовой части здания открыли сразу 10 магазинов.
2-е открытие «Метрополя» произошло в 1905 г. Его сразу же окрестили **«Вавилоном XX века».** Гостиница стала очень популярной: здесь проходили выставки художников, светские вечера и

банкеты, располагались редакции популярных литературных газет. В здании помещался и один из лучших московских кинотеатров (первый 2ухзальный) «Опера-Кинемо» («Модерн»).

Снимки гостиницы - **МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЗАНЯТИЯМ ПО МОСКВОВЕДЕНИЮ**, **http://ffragm.narod.ru/arch/fanny_arch12.jpg**, **http://piter-photo.ru/photo/id.5749.html**.

44.20.2. Немного об архитекторе

…**спроектировавший** всю эту роскошь русский англичанин, родившийся под Одессой Уильям Уолкот (в России его звали Вильям Францевич Валькот) всего лишь несколько лет назад (в 1943-м) умер в Лондоне совершенно разорившимся - его имущество, дом, мастерская - все погибло при бомбардировке британской столицы немцами.

Для задуманного здания С.И.Мамонтов искал и новый стиль архитектуры. И в особенности фасады этого здания, выходившие на три стороны от Китай-города, должны были демонстрировать новую эстетику - свободную, изящную и театрально- величественную. Итоги проведенного конкурса Мамонтова не интересовали. Он был абсолютно уверен в полной некомпетентности жюри.

Он объявил новый конкурс со значительно большим числом участников. И выбор был сделан. В самом конце 1899 года Савва Иванович приглашает в качестве главного архитектора "Метрополя" Валькота. Предложение принимается, и в память о своей первой творческой победе Вильям Франкович украсил одно из наиболее выразительных помещений гостиниц - центральный световой дворик - резными позолоченными барельефами с изображением женской головки. Молодой архитектор быстро становится популярным среди московских заказчиков на строительство особняков торговых и транспортных сооружений. Уже в следующем, 1900 году Валькот проектирует и наблюдает за строительством нового дома Якунчиковых в Померанцевом переулке. По его проекту строится и соседний дом - особняк владельца музыкальных магазинов и постоянного издателя сочинений С.В.Рахманинова и других русских композиторов - К.А.Гутхейля. Оба особняка становятся впоследствии яркими примерами московского модерна. И здесь, на фасадах этих разных по архитектуре зданий, как талисман, как знак удачи архитектор размещает изваяния в виде женских головок.

В 1906 году Валькот навсегда покидает Москву и Россию. Он переезжает в Англию и поселяется в Лондоне. Здесь, на родине предков, Валькот становится известен больше как художник- график, мастер офорта. Со временем его назовут "величайшим архитектурным рисовальщиком XX века"...

Архитектор Вильям Валькот построил в России всего несколько зданий, но при дворе английской королевы после Октябрьской революции его в шутку стали называть «красным архитектором». Сам же Валькот, вспоминая свою работу в Москве, говорил, что он оставил русским красную жемчужину на Патриарших прудах. Действительно, здание английского отеля в Спиридоньевском переулке выделялось среди всех других строений не только ярко-красным цветом, но и в первую очередь изысканностью линий и продуманностью интерьеров.

Единственный дом в Лондоне, построенный Валькотом.

См. также **Немного о модерне**, **Сто архитекторов московского модерна**, **Незавершенная мечта Саввы Мамонтова**

44.21. Монигетти, Ипполит Антонович - архитектор (1819 - 1878)

Вернуться к ссылке

Учился в московском Строгановском училище и в Академии Художеств; за проект театрального училища награжден медалью. В Италии, Греции и на Востоке изучал памятники зодчества и составил богатое собрание рисунков, за которые получил звание академика. Назначенный главным архитектором царско-сельских дворцов, он руководил сооружением купальни, в виде турецкой мечети, на большом пруду, отделкою дворцовых цветочных оранжерей, устройством двух мостиков в парке и постройкою нескольких дач. В Петербурге им выстроены дома Новосильцева, графини Апраксиной, князя Воронцова (на Мойке), графа П.С. Строганова (на Сергиевской улице). В Крыму возведены, по его проектам, различные здания на Императорской даче Ливадия, в том числе, церковь византийского стиля. Им сочинен проект православной церкви в Веве, Швейцарии, и произведена отделка нескольких парадных комнат Аничковского дворца (особенно удачно декорированы лестница в стиле Людовика XVI, гостиная в стиле Людовика XIV и библиотека в позднероманском стиле). Дальнейшие его работы: внутреннее убранство Императорских яхт "Держава" и "Ливадия", дом в курском поместье князя В.И. Барятинского, возобновление Императорского дворца в Скерневицах и **проект здания для политехнического музея в Москве**. М. был отличный архитектор-практик, искусный орнаментист и сочинитель рисунков для художественно-промышленных производств. Недурно работал также акварелью (в музее Александра III - портрет танцовщицы Адриановой).

44.21.1. Музей Политехнический в Москве - 1875-1877 (Москва, Новая пл., 3/4)

Архитектор:	Монигетти И.А., Шохин Н.А.
Стиль:	псевдорусский
Описание:	здание занимает участок продолговатой формы; большая часть составляющих его объемов - трехэтажные; часть помещений освещается дневным светом через застекленную крышу
Композиция:	здание состоит из трех разновременных частей, занимающих участок между Лубянской и Ильинской площадями, вытянутый вдоль Новой площади
Перестройки:	1896 - южный корпус, Шохин Н.А.; 1903-1907 - северный корпус, Макаев Г.И., Воейков В.В.

Политехнический музей

Политехнический музей

Политехнический музей

http://www.rubricon.com/showbigimg.asp?id=1900029632,

http://www.e-project.redu.ru/mos/images/42.jpg Вернуться к ссылке

44.22. Померанцев Александр Никанорович (1849 – 1918)

Померанцев Александр Никанорович [30.12.1848 (11.1.1849), Москва, - 27.10.1918, Петроград], русский архитектор. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (окончил в 1874) у К. М. Быковского и в петербургской АХ (1874-78). Преподавал в петербургской АХ (с 1888; профессор с 1892, действительный член с 1893, ректор в 1899-1900). Ученики: Г. Б. Бархин, И. Г. Лангбард. В постройках П. новые для 2-й половины 19 в. пространственная организация торговых, выставочных и общественных зданий и большепролётные металлические конструкции перекрытий сочетаются с архитектурными формами и декором в **псевдорусском стиле**. Работы: Верхние торговые ряды в Москве (ныне Государственный универсальный магазин; инженер В. Г. Шухов, 1889-93); Городской дом (ныне облисполком; 1896-99) в Ростове-на-Дону; храм-памятник Александра Невского в Софии (1904-12).

По проекту Померанцева на Миусской площади в Москве с 1911 велось строительство грандиозного (на 4 тыс. человек) девятиглавого храма Александра Невского в ознаменование освобождения крестьян 1861 (не закончен). Померанцев выполнил также архитектурную часть бывшего памятника Александру III близ храма Христа Спасителя (1900, снесён в 1918).

Верхние торговые ряды

я.

Ростовская Дума 1899 г.

44.23. Фонвизин (фон Визин) Михаил Александрович

Фонви́зин (фон Визин) Михаил Александрович (1787-1854), декабрист, генерал-майор в

отставке (1822). Племянник **Д. И. Фонвизина**. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов русской армии 1813-1814. Масон, член «Союза спасения», «Союза благоденствия» (один из инициаторов его Московского съезда 1821) и Северного общества. Осуждён на 8 лет каторги. С 1828 в Нерчинских рудниках. В 1832-1853 на поселении в Енисейске и Тобольске. Автор воспоминаний, статей по истории и философии.

Группа зданий №12 и 14 выкрашены в один голубой цвет. **Дом № 12** - бывшая княжеская усадьба Голицыных, позднее перешедшая к отцу декабристов М.А. и И.А. Фонвизиных, которые создали здесь московский центр декабристского движения. В 1870-х гг. новая владелица Н.Ф. фон Мекк произвела перестройку усадьбы и превратила ее в роскошный дворец с 50 комнатами.Но в 1881 году фон Мекк продает усаьбу чаеторговцу А.С.Губкину. Дом еще несколько раз меняет хозев и в 1912 году домом владеет Дворянский земельный банк. Ныне здесь размещается Государственный Комитет Российской Федерации по рыболовству.

Чуть выше дом № 14 - особняк пушкинских времен, где в 1830-1840-х годах московские писатели собирались на «четверги» у владельцев дома Павловых, здесь состоялась встреча представителей московской литературной общественности с М.Ю. Лермонтовым, уезжавшим в ссылку на Кавказ. В 1867 г. владение переходит к французскому купцу Эмилию Маттерну, который вскоре участвует в промышленной компании с Антоном Эрлангером, жившим одно время в этом доме. Эрлангер становится директором московской паровой вальцовой мукомольной мельницы на Сокольничьем поле. В начале XX века в семье Маттерн были юристы, педагоги,

члены благотворительных обществ. В 1907-1912 гг. дом арендовал "Немецкий клуб". В 1914 г. собственность Л. О. Вяземской, владелицы частной женской гимназии.

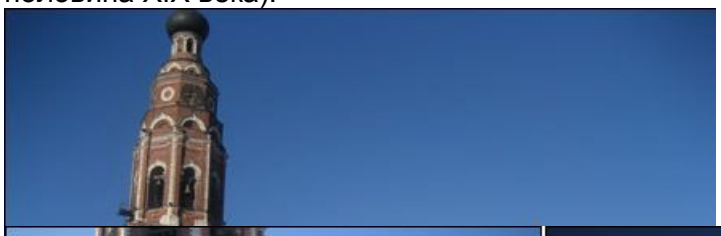
Вернуться к ссылке **Вернуться к ссылке в Гл.6**

44.23.1. Бронницы

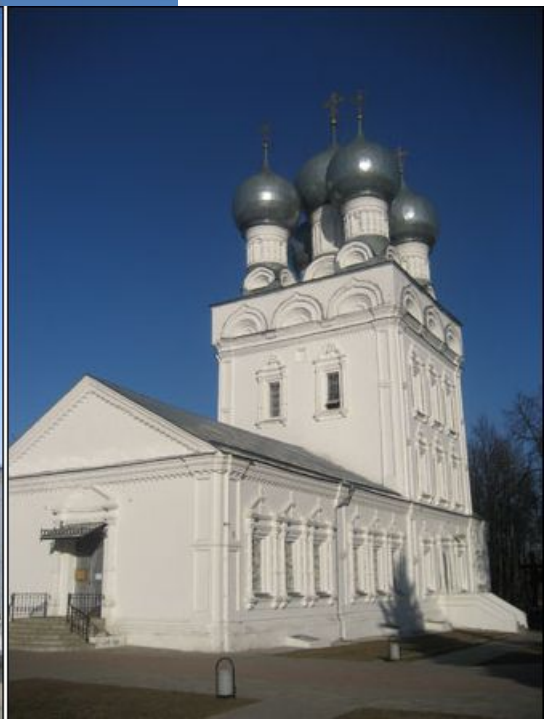
Первое упоминание о Бронницах встречается в завещании великой княгини Софьи Витовтовны, жены Василия Первого. “А из коломенских сел даю внуку своему князю Юрию свой же прикуп Велино, да Кривцево, да Бронниче…”. Датировано оно в современном летоисчислении 1453 годом - по историческим канонам это и является годом рождения Бронниц.

У стен собора Михаила Архангела находится семейная усыпальница семьи Фонвизиных

Собор Михаила Архангела (1696-1705 годов), где похоронены декабристы М.А. Фонвизин и И.И. Пущин, Иерусалимская церковь (начало 1840-х годов), здание казарм конного полка (первая половина XIX века).



Соборный комплекс Архангела Михаила: Бронницкая колокольня, Иерусалимская церковь и Архангельский собор



Бронницкая колокольня и Архангельский собор

При Петре I в Бронницах в 1705 году был выстроен каменный собор Михаила Архангела,

сохранившийся до наших дней. Пятиглавый собор выполнен в стиле московского барокко.

Церковь Иоанна Милостивого, иначе - Иерусалимская церковь, построена в честь чудотворной бронницкой иконы, прославленной чудесными исцелениями во время чумы и холеры.

См. также **Бронницы**

44.23.2. Фонвизин Денис Иванович

Фонвизин (Денис Иванович; фамилия Ф. писалась в XVIII в. в два слова; это же правописание сохранялось до половины XIX века; окончательно установлено правописание в одно слово Тихонравовым, хотя уже Пушкин находил это начертание правильным, как придающее более русский характер фамилии писателя, который был, по выражению Пушкина, “из перерусских русский”) - знаменитый писатель Екатерининской эпохи; род. в Москве 3 апр. 1745 г.; происходил из лифляндского рыцарского рода, выехавшего в Москву еще в XVI в. и совершенно обрусевшего. Первоначальное образование Ф. получил под руководством своего отца, Ивана Андреевича, который, как вспоминает Ф. в “Чистосердечном признании”, “был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением”, однако, был довольно начитан, преимущественно в сочинениях нравоучительного характера. Представляя своего отца человеком старого времени, отличающимся такими достоинствами, каких не имеется в “нынешнем обращении света”, Ф. дает возможность указать прототип для созданного им Стародума: те сентенции личной и общественной морали, которые влагаются им в уста Стародума, заключались, может быть, уже в наставлениях отца, возбуждавшего в Ф. любовь к старой русской жизни. Несмотря на “безмерные попечения”; объем домашнего образования был не особенно велик, так как средства не позволяли отцу Ф. “нанимать учителей иностранных языков”: дома он усвоил элементы русской грамотности, а чтение церковных книг, будучи одним из важных средств религиозного воспитания, вместе с тем дало Ф. знакомство со славянским языком, “без чего российского языка и знать невозможно”. В 1755 г. Ф. поступил в только что открытую гимназию при московском унив.; в 1760 г. был “произведен в студенты”, но пробыл в университете всего 2 года. Хотя и очень чувствовались недостатки этих юных просветительных учреждений, хотя преподавание было весьма слабо, хотя учителя отличались “пьянством и нерадением”, тем не менее Ф. много вынес из годов своего ученья: не говоря уже о знании французского и немецкого языков, открывшем ему непосредственный доступ к европейским литературам, школа дала Ф. известную умственную дисциплину, благодаря которой он выделяется из среды современных ему литераторов не только талантом, но и систематичностью образования. На школьной скамье, под влиянием некоторых профессоров, начинаются и литературные занятия Ф.: в 1761 г. он поместил в журнале Хераскова “Полезное Увеселение”, переводную статейку “Правосудный Юпитер” и отдельно напечатал перевод басен Гольберга. В следующем году он издал перевод нравоучительного сочинения Террасона: “Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая” и напечатал несколько переводов в издании проф. Рейхеля: “Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствий”. К этому же времени относятся не дошедшие до нас оригинальные произведения Ф., в которых выразилось его стремление к сатире. “Острые слова мои, вспоминает Ф., носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным”. Несмотря на этот успех, Ф. отзывается о своих первых произведениях очень строго, говоря, что это “были острые ругательства: много было в них

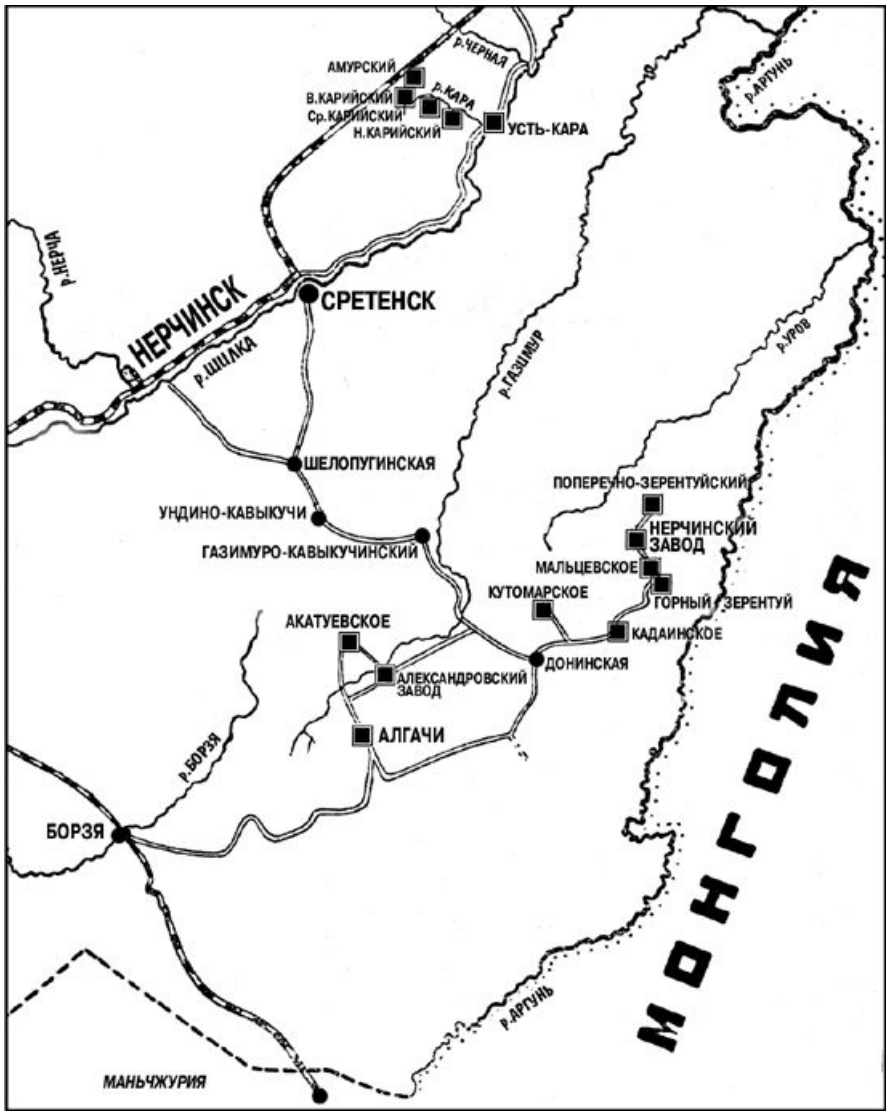
сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли". К годам ученья относится и зарождение в Ф. любви к театру: во время поездки гимназистов в Петербург для представления куратору Шувалову, Ф. был в одном спектакле, и впечатление вынес сильное. "Действия, произведенного во мне театром - рассказывает он, - почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров - великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие". В 1762 г. ученье Ф. в университете прекращается; он определяется сержантом гвардии, хотя эта служба его совсем не интересует и он от ее уклоняется, насколько возможно. В это время в Москву приезжает двор, и вице-канцлер определяет Ф. в коллегию иностранных дел "переводчиком капитан-поручичья чина", а в следующем году Ф. назначен "быть для некоторых дел" при кабинет-министре у принятия челобитен, И. П. Елагине, который с 1766 г. получает в свое заведывание театры. Назначением этим Ф., может быть, был обязан "греху юности" - переводу Вольтеровой "Альзиры", который начат был им еще в университете. Елагин был очень расположен к своему молодому подчиненному, но служба была тяжела для Ф. вследствие неприятностей с секретарем Елагина, драматургом Лукиным, старавшимся вооружать против Ф. кабинет-министра. В первое же время пребывания в Петербурге Ф. сблизился с кн. Козловским и некоторыми другими молодыми литераторами. Об этом кружке он впоследствии не мог "без ужаса вспомнить", так как "лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве". Это направление не прошло бесследно для Ф.: он увлекся модным вообще в то время скептицизмом, отголоском чего является "Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке", напечатанное в первый раз в ежемесячном издании "Пустомеля", в 1770 г. Однако, увлечение идеями кружка кн. Козловского не могло быть для Ф. особенно продолжительным, так как религиозная основа домашнего воспитания была в нем сильна и он "содрогался, слыша ругательство безбожников". К этому периоду жизни Ф. относятся некоторые его стихотворения и новые переводы, из которых особенный успех имели переводы поэмы Битобе "Иосиф", а также повести Бартелеми: "Любовь Кариты и Полидора" (1763). В это же время появляется первый опыт Ф. в области драмы: в 1764 г. была представлена его комедия "Корион", переделанная из франц. комедии Грессе "Сидней". Это произведение важно не только для развития таланта Ф., как переход от переводов к "Бригадиру" и "Недорослю", но в нем можно видеть и прогресс вообще русской литературы. "Применение иностранных комедий к нашим нравам - говорит Н. С. Тихонравов - было уже шагом вперед от простых переводов к произведениям более оригинальным". Правда, оригинальность пьесы выразилась только в немногих внешних чертах, так как и сюжет, и структура, и главные типы комедии целиком заимствованы. Однако, "Корион", судя по современным свидетельствам, понравился публике. Успех ободрил автора, и вероятно уже в 1768 г. был написан "Бригадир", представляющий собою значительный прогресс в применении чужих произведений к русскому быту. Несмотря на заимствование главного действующего лица, знаменитого Иванушки, из комедии датского писателя Гольберга "Jean de France", несмотря на некоторые другие черты подражания, "Бригадир" есть одно из важнейших явлений нашей литературы. Если в "Корионе" черты русского быта едва были намечены, то в "Бригадире" они выдвигались на первый план, так что заимствование могло почти совсем оставаться незамеченным. Типы петиметра и щеголихи, выставленные в лице Иванушки и советницы, в достаточной мере были знакомы уже из русской действительности, особенно из наблюдений над столичной жизнью, в чем могут лучшим подтверждением служит для нас статьи сатирических журналов того времени. Еще более оригинальными, выросшими на русской почве, являются типы советника, бригадира и бригадирши. Немудрено поэтому, что "Бригадир" произвел сильнейшее впечатление на тогдашнюю публику: Н. И. Панин отозвался о нем, как о "первой комедии в наших нравах"; Ф. сравнивали с Мольером, комедия его не сходила со сцены. В 1769 г., вследствие новых столкновений с Лукиным, Ф. был вынужден оставить службу при Елагине и определился опять в коллегию иностранных дел, к гр. Н. И. Панину. Как секретарь Панина, он положительно завален работой: ему поручена обширнейшая переписка с нашими дипломатами при европейских дворах; под руководством своего начальника он составляет крайне любопытный проект государственных реформ, по которому предполагалось предоставить верховному сенату законодательную власть,

обеспечить “два главнейшие пункта блага государства и народов: вольность и собственность”, для чего нужно освободить крестьян. В этом проекте обращает на себя внимание характеристика господства временщиков: “вчерашний капрал, неизвестно кто, и стыдно сказать, за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером”; “никто не намерен заслуживать, всякой ищет выслуживать”, Замечательно также обличение крепостного права. “Представьте себе государство, говорит Ф., где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьею над человеком другого состояния, где каждый следственно может быть или тиран, или жертва”. Упоминает Ф. и о необходимости уничтожить невежество, на которое опирается рабство. Рядом с официальными поручениями, Ф. приходится много работать и по различным частным делам гр. Панина. Служба при Панине продолжалось до 1783 г., когда Ф. вышел в отставку с чином статского советника и с пенсиею в 3000 руб. Литературная деятельность Ф. за этот период его жизни не могла быть особенно велика, так как для нее не хватало досуга; тем не менее именно в это время, может быть вследствие постоянных впечатлений, которые испытывались в центре общественных и политических интересов эпохи, появились важнейшие в литературном и общественном отношениях произведения Ф. Это были статьи в “Собеседнике любителей российского слова”: “Опыт российского сословника”, “Вопросы автору Былей и Небылиц”, “Челобитная российской Минерве от российских писателей”, “Поучение, говоренное в Духов день Иереем Василием”, и комедия “Недоросль”, представленная в первый раз в 1782 г. “Челобитная российской Минерве” имеет значение как защита прав литературы против разных ее врагов, отрицающих пригодность писателей “к делам”, а знаменитые “Вопросы” касаются некоторых больных сторон русской действительности. Смелость, “свободоязычие” этих “Вопросов” вызвали против Ф. неудовольствие имп. Екатерины II. “Недоросль”, как и “Бригадир”, занимает первое место в сатирической литературе Екатерининского времени, боровшейся за просвещение. По своей оригинальности он значительно выше “Бригадира”: заимствования проявляются в некоторых незначительных частностях, напр. в знаменитой фразе г-жи Простаковой о том, что география не нужна, так как есть извозчики и т. п. Типы семей Простаковых и Скотининых несомненно русские, унаследованные от старого времени и сохраняющие в неприкосновенности свои исконные черты невежества и грубости. Правда, в некоторых из этих типов есть следы карикатуры, но в общем они чрезвычайно жизненны, и этим объясняется как успех комедии в свое время, так и тот интерес, который она до известной степени возбуждает и теперь. Для эпохи Ф. и лично для автора большое значение имели и скучные для нас речи резонеров, в особенности Стародума, в уста которого Ф. влагал выражение своего идеала гуманности и просвещения. За время службы при гр. Панине Ф. совершил с больной женой (рожд. Роговиковой) первое путешествие за границу (1777 - 78), побывав в Германии и во Франции. Второе путешествие было предпринято в Германию) и Италию (в последней Ф. провели 8 месяцев) в 1784 г.; через два года уже самому Ф. пришлось ехать лечиться от последствий паралича в Вену и Карлсбад. Последние годы жизни вообще прошли для Ф. в тяжелой обстановке: расстроилось окончательно здоровье, а вместе с тем пошатнулось и его материальное благосостояние, вследствие разных тяжб с арендаторами. Литературная деятельность Ф. почти совсем прекращается, если не считать литературными произведениями его письма из-за границы и его путевые журналы. Они не предназначались для печати и были опубликованы уже в XIX в., но представляют выдающийся интерес, как суждение умного наблюдателя тогдашней европейской жизни. Отзывы Ф. о европейцах далеко не всегда справедливы и часто крайне резки (как напр. знаменитая фраза: “француз рассудка не имеет и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастие”), но это пристрастие, объясняемое отчасти личными мотивами, болезнью, неприятностями путешествия, не уничтожает значения некоторых заметок Ф.: в них виден самостоятельный, критически-мыслящий человек, и в этом отношении письма Ф. следует поставить значительно выше “Писем русского путешественника” Карамзина. В 1792 г. Ф. умер и похоронен в Александро-Невской лавре. В своей литературно-общественной деятельности Ф. выступает как честный, убежденный прогрессист, как поклонник просвещения и лучшего общественного устройства, не изменяющий до конца тем освободительным взглядам, которые

господствовали в начале Екатерининского царствования, несмотря на то, что эти взгляды в позднейшее время уже не пользуются покровительством и сочувствием правящих сфер: он чужд оппортунизма, которым отличались многие тогдашние литераторы, смотревшие очень легко на свою профессию, тогда как он видит в ней службу обществу. Как образованный человек и самостоятельный ум, он критически относится к наблюдаемым явлениям, провидя впереди идеал лучшей жизни. См. “Сочинения, письма и избранные переводы Ф.” (СПб., 1866, под ред. П. А. Ефремова, с биографией, составленной А. П. Пятковским); “Первое полное собрание сочинений Ф.” (М., 1888); кн. П. А. Вяземский, “Фонвизин” (СПб., 1848; “Полн. Собр Соч. кн. Вяземского”, т. V); Тихонравов, “Материалы для полного собрания сочинений Ф., под ред. Л. Н. Майкова” (СПб., 1894); Незеленов, “Литературные направления в Екатерининскую эпоху” (СПб., 1889); С. А. Венгеров, “Русская поэзия” (т. 1; здесь напеч. составляющее величайшую библиографическую редкость шуточное стихотворение “Чортик на дрожках”; это стихотворение помещено также в “Материалах” Тихонравова, который сомневается, однако, в достоверности его принадлежности Ф.); И. Н. Жданов. “Фонвизин” (в “Русском Биограф. Словаре”; полная библиография).

А. Бороздин.

44.24. Зерентуйский рудник



Собственно Нерчинскую каторгу к началу века составляли следующие тюрьмы, расположенные при рудниках: Горно-Зерентуйская, Акатуйская, Александровская (Александровский завод), Алгачинская, Кутомарская, Мальцевская и Кадаинская.

Карийские тюрьмы (Верхне-Карийская, Средне-Карийская, Нижне-Карийская и Усть-Кара) были ликвидированы в 1897 году.

Вернуться к ссылке

Зерентуйский заговор 1828, неудавшаяся попытка заключённых *Зерентуйской каторжной тюрьмы* (Забайкалье) организовать вооружённое восстание с целью освобождения. Заговор возглавил декабрист И. И. *Сухинов*. Участники заговора (около 20 чел.) предполагали обезоружить местный гарнизон, поднять восстание на др. рудниках и заводах Нерчинской каторги, идти в Читу и освободить

находящихся там декабристов. Восстание намечалось на 25 мая (6 июня) 1828, однако в результате предательства заговор был раскрыт. Главные его участники (В. Бочаров, П. Голиков, В. Михайлов, Ф. Моршаков и др.) расстреляны, остальные наказаны плетьми. Приговорённый к расстрелу Сухинов накануне казни покончил самоубийством.

См. также: Гессен С., Заговор декабриста Сухинова, М., 1930; **Нерчинская каторга**; **История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги**

44.25. Тайны восстания декабристов

Вот Сергей Муравьев-Апостол, автор первой российской конституции. Детство провел в Гамбурге, затем воспитывался в Париже. На русском языке впервые заговорил на тринадцатом году жизни. Александр Одоевский: «Когда с ним пытались перестукиваться через тюремные стены, он не мог понять и ответить по одной простой причине: не знал русского алфавита». (Эйдельман).

Трубецкие, Волконские, Свистуновы – откуда они могли хотя бы что-то знать о жизни крестьян, если сроду среди этих самых крестьян не бывали, а книги читали всё больше французские и английские?

«Конституция, написанная Никитою Муравьевым, как он сам сознавался впоследствии, не имела практического смысла, вследствие незнакомства с бытом русского народа и незнания существовавших законов... Н. Муравьев точно так же не знал быта русского народа, как большая часть его товарищей. Николай Тургенев объявил в первом издании «Опыта о налогах», что деньги, вырученные от прода¬жи книги, назначаются для выкупа крепостных крестьян, посаженных в тюрьму за долги, между тем как крестьяне не могли сидеть в тюрьме за долги, по закону им можно было дать взаймы не более 5 рублей». Это не какой-нибудь реакционер из III отделения клевещет на «выдающихся представителей» - это отрывок из мемуаров декабриста А. Муравьева, родного брата вышеописанного Никиты...

Хулиган, как и положено блестящему кавалергарду того времени, избалованный до последней крайности маменькой Иван Анненков – на одном из балов начал ради озорства неприлично настойчиво ухаживать за женой своего товарища Ланского. Результат – дуэль. Вызвавший Анненкова Ланской поднял пистолет и выстрелил в воздух: требования чести были соблюдены, убивать товарища Ланской не хотел. Анненков – долго целился…и убил Ланского. И вы не поверите, чем его наказали! За прямое убийство – 3 месяца крепости. Анненков был любимцем Александра I, да и маменька кавалергарда имела влиятельных друзей. Но с тех пор ненависть к тирании (3! Месяца! Заключения!) стучала в его сердце, как пепел Клааса. Замечу в скобках, ровно до начала восстания стучала. Потом сразу как-то затихла.

Ну, с Анненковам, допустим понятно – совершенно незаслуженно претерпел от тирана. А другие?

Другие – это просто уж праздник какой-то. Томимый неразделенной любовью и …(жить будет, любить – никогда) тяжелым ранением Якубович, опять же, пострадавший от тирана Александра I за организацию страшной дуэли, о которой я потом, отдельно, напишу. Волконский, который и вовсе не понимал до конца , во что встревает , и тут можно верить характеристике, данной в записках Николая I :«Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый; он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.» . Слегка больной на голову Кюхельбекер… Пестель….ооооо, тут надо сказать отдельно, этот господин того заслуживает…

А самое интересное – о , материализм! – заложеные-перезаложеные имения и постоянная потребность в деньгах . Ибо – моты были и бонвиваны, что ж поделаешь. А заложены имения кому? Государству. А во главе государства кто? Царь. Нет Царя – нет государства - нет долгов. А значит – долой тирана, да здравствует новая, свободная (и от долгов тоже) жизнь!

Но был среди декабристов и «избранник судьбы», тот, чье высокое чело, по его собственному мнению, достойно мог украсить венец , подобный венцу Бонапарта. Ну, уж никак не меньше. Это был и единственный из декабристов, привлеченный к суду не только за политическое, но и за

уголовное преступление. За воровство бюджетных средств, так сказать. Но об уголовщине позже. Итак, господин Пестель. Первыми убедились в бонапартистских поползновениях Пестеля сами же руководители Северного общества. С редкостным для них единодушием. Никиту Муравьева разглагольствования Пестеля о благе диктатуры оттолкнули сразу. Как и Сергея Трубецкого. Трубецкой выразился недвусмысленно: «Человек вредный, и не должно допускать его усилиться, но стараться всевозможно его ослабить». Это были не просто слова - через свои связи в Южном обществе Трубецкой усиленно пестовал оппозицию Пестелю... Рылеев сказал: «Пестель человек опасный для России и для видов общества». У Пестеля нельзя было отрицать большого таланта приспособления: при первом свидании с Рылеевым автор «Русской правды» в течение двух часов ухитрился быть попеременно и гражданином Севере-Американской республики, и бонапартистом, и террористом, то защитником английской конституции, то поборником испанской... На буржуазно-честного петербургского литератора это произвело крайне неблагоприятное впечатление и у него, видимо, сохранилось воспоминание о Пестеле как о беспринципном демагоге, которому доверяться не следует.

А вот собственноручные воспоминания Сергея Трубецкого о вышеописанной встрече с Пестелем: «При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе: в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость».

Это не удивляет. Декабристы о Французской революции были хорошо осведомлены, а успехи Комитета общественной безопасности в отправке людей на гильотину приводили их в ужас.

Впрочем, г-н Пестель жестокостей не чурался. Внимание! Чтобы вызвать в солдатах ненависть к правительству, он проявлял к ним крайнюю жестокость . Слово Горбачевскому, декабристу, члену «Общества соединенных славян» : «Вятского полка командир Пестель никогда не заботился об офицерах и угнетал самыми ужасными способами солдат, думая сим возбудить в них ненависть к правительству. Вышло совершенно противное. Солдаты были очень рады, когда его избавились, и после его ареста они показали на него жалобы. Непонятно, как он не мог себе вообразить, что солдаты сие угнетение вовсе не отнесут к правительству, но к нему самому: они видели, что в других полках солдатам лучше, нежели им; следовательно, понимали и даже говорили, что сие угнетение не от правительства, а от полкового командира».

Все попытки Пестеля объединить Северное и Южное общество под единым руководством встретили дружное сопротивление «северных», так как они были убеждены, что затеяно это объединение с одной целью: отдать всю власть в руки Пестеля. А ручки –то эти были загребущие…Вороват был …Именно за присвоение средств, выделяемых на питание и обмундирование солдат и офицеров и было возбуждено против него – единственного!- уголовное дело. Схема была проста и нам, живущим в сегодняшней России, понятна: вышестоящий чиновник за «откат» закрывал глаза на финансовые махинации Пестеля.

Флигель-адъютант, глава Следственной комиссии по делу о финансовых злоупотреблениях во Второй Южной армии, П. Д. Кисилев задолго до декабрьских событий выражался о Пестеле так: «Действительно много способностей ума, но душа и правила черны, как грязь». Он даже ухитрился написать ка0то политический донос- честно, не шучу!- на неугодного сослуживца Гноевого, называя того , поверите ли, карбонарием, опасным для службы, которую он, Гноевой, всегда критикует. Донос остался без последствий – офицера просто перевели в другой полк, подальше от Пестеля.

Пестель написал прелестный проект управления Россией. Это было бы , в полном смысле этого слова, полицейское государство. В знаменитом и ужасном 3-м отделении работало всего (задумайтесь! Вспомните страшные рассказы о ужасах тотальной слежки при царизме) около 40 человек, а Пестель, чтобы не мелочиться, предлагал создать Стражу из 50 000 жандармов. Это

так, для начала. А еще Высшее Благочиние – сверхтайная полиция, о которой знает только глава государства и глава сего приказа. Ужас-ужас, г-н Пестель!

Ну, разумеется, цареубийство было им предусмотрено и желательно, но только чужими руками.

Лунину поручить, например, или Якубовичу…их же потом и казнить можно за цареубийство.

И что интересно, он сразу предупредил своих подельников, как будет себя вести в случае провала бунта, на следствии. Прямо и честно сказал – всех заложу. Так и сделал, хороший, принципиальный человек. На следствии Пестель, нужно отдать ему должное, держался достойно - на коленях не ползал, как иные, не юлил, слезами не обливался. Спокойно и подробно закладывал всех. Вспоминает А. Муравьев: «Когда Северное общество стало действовать очень нерешительно, тогда он объявил, что если их дело откроется, то он не даст никому спастись, что чем больше будет жертв, тем больше будет пользы - и он сдержал свое слово. В Следственной комиссии он указал прямо на всех участвовавших в Обществе, и если повесили только 5 человек, а не 500, то в этом Пестель нисколько не виноват: со своей стороны он сделал для этого все, что мог». Как известно, решение о том, что после смерти Александра I трон наследует не Константин, женившийся на полячке и отрекшийся от наследования престола, а Николай, было окончательно принято Александром I еще в 1823 году. Был подготовлен тайный манифест, назначавший Николая наследником престола. Содержание манифеста было известно узкому кругу людей: Императору, цесаревичу Константину, их матери, митрополиту Филарету, Аракчееву и Голицыну, который переписал документ и оставил его на хранение в 3 местах: Государственном совете, Сенате и Синоде. Разумеется, Николай Павлович и его супруга тоже знали о том, как Император распорядился их судьбой, но точное содержание манифеста было им неизвестно.

И как же принял известие о своем новом положении наследник Николай Павлович? «Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскую, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной. Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было - служить ему изо всей души, и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел; ибо хотя при императрице Екатерине в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушился, не заменясь ничем. Что с восшествия на престол Государя по сей час много сделано к улучшению, и всему дано законное течение и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот совершенное изображение нашего ужасного положения. С тех пор часто Государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822 г. начала нам про то же говорить, упоминая об каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный Государь.»

В 1825 году, когда в Петербург прибыл принц Оранский, друг Николая Павловича, Александр I открыл принцу свои намерения, тот был « словно громом поражен». Он пытался убедить

Государя, что отречение Константина от правления может быть истолковано неверно, что оно может быть пагубно для империи. Александр остался тверд в своем решении.

Я думаю, можно вполне верить воспоминаниям Николая I. Полнейшее отсутствие честолюбия и стремления к власти он проявил и после кончины Александра I, незамедлительно присягнув Константину. Впрочем, если я буду уходить так далеко от темы, то не закончу никогда. Итак, престол свободен. Ни Николай, ни Константин не самодержцы. Как только Петербург узнал о смерти Александра I, власти и войска начали присягать Константину. 27 ноября присягнул ему и Николай. Константин, со своей стороны, присягнул Николаю. Началась гонка фельдъегерей из Петербурга в Варшаву, где жил Константин как наместник Польши, и обратно. Николай просил Константина приехать в Петербург и сесть на трон. Константин отказывался. И даже сказал « Удавят, как батюшку». Страшным местом был русский престол в те года. "Корону подносят, как чай, а никто не хочет", - острили в Петербурге. Несомненно, наследник престола не желал нарушать Закон о престолонаследии, и честь не позволяла ему принять корону, пока остается хоть малейшее сомнение. Как писал В.А.Жуковский , началась трехнедельная борьба « не за власть, а за пожертвование чести и долгу троном». В конце концов, Николай решился и назначил на 14 декабря переприсягу.

Эти странные интриги, плетшиеся в дни безвластия! Начнем с того, что о заговоре было известно, более того, были отлично известны имена главных заговорщиков. Еще летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И.В. Шервуда сообщение о широком противоправительственном заговоре на юге. 17 июля 1825 г. Шервуда доставили в Петербург, и в тот же день он был принят императором. Александр спрашивал, как велик заговор и легко ли его будет раскрыть. Шервуд отвечал, что "по духу и разговорам офицеров вообще, а в особенности во 2-й армии, заговор должен быть распространен довольно сильно" и что он имеет сведения об участии в нем его знакомого - Ф.Ф. Вадковского.

О слышанном от Вадковского Шервуд донес А.А. Аракчееву, а тот - Александру I. Выехав I сентября 1825 г. из Петербурга в длительное путешествие по России, император получил это донесение уже в Таганроге. 11 октября он передал полученные бумаги начальнику Главного штаба И.И. Дибичу, который, однако, отнесся к ним скептически и уверял его, что все это "выдумки" и "кончится вздором". Но Александр I отвечал ему: "Ты ошибаешься. Шервуд говорит правду, я лучше вас знаю людей".

Уверенность Александра легко объяснима: к этому времени в его руках был еще один донос, подтверждавший существование в армии обширного заговора. А.К. Бошняку, агенту начальника южных военных поселений генерала И.О. Витта, удалось проникнуть в тайное общество. В августе 1825 г. Витт отправил донесение об этом Александру, а 19 октября был принят им в Таганроге. Судя по всему, императору была представлена картина заговора, охватившего чуть ли не всю армию. Как писал впоследствии Дибич Николаю I, Витт сообщал, что тайное общество "значительно увеличилось", что "18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель". В числе "деятельнейших" членов Витт назвал М.Ф. Орлова, В.Л. Давыдова, Н.А. Крюкова, В.Н. Лихарева, Н.М. Муравьева, Н.А. Бестужева, К.Ф. Рылеева.

После смерти Александра I при разборе его бумаг была обнаружена написанная его рукой записка, не имевшая ни адресата, ни даты. "Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма, - говорилось в ней, - разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров".

Как только была обнаружена эта записка, стали выяснять, кому она предназначалась и для чего была написана. 18 марта 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, ее послали вел. кн.

Константину Павловичу в Варшаву. Возвращая ее, тот написал 26 марта Дибичу: "Хотя покойный государь император изволил часто говаривать со мною о подобных обстоятельствах, но об сей записке я не знал, а полагаю, что она следовала или к графу Алексею Андреевичу, или к князю Александру Николаевичу Голицыну". "О заговоре кричали на всех перекрестках", - писал Пушкин.

Естественно, что знавшей о таком серьезном заговоре в армии Константин категорически не желал принять корону. Это, конечно, мои домыслы, но всё-таки – ему БЫЛО страшно. Для Николая восхождение на трон было тяжелым долгом, от исполнения которого он не мог уклониться.Так что же происходило в Петербурге? Как могло случиться, что полиция не желала (несмотря на прямые указания Императора) арестовывать заговорщиков? Какова роль генерал-губернатора Петербурга графа Милорадовича, знавшего о заговоре и не принимавшего никаких мер для его пресечения? Последнее особенно интересно, учитывая, что при допросах главарей декабристов упоминался некий (неназванный) «глава заговора», от которого они получали важные сведения(сразу отсылаю к книге Владимира Брюханова «Заговор Милорадовича», которую найти на своих захламленных книжных полках не могу, но уверяю, документы там приводятся очень интересные) . А ведь именно Милорадович потребовал, чтобы Николай, который знал об отречении Константина, немедленно присягнул. По сути дела, это был военный переворот. Переворот, организованный графом Милорадовичем.

Незадачливый "диктатор" декабристов князь С.П.Трубецкой в своих мемуарах рассказал, что "как только Николай получил известие о болезни императора, пригласил к себе Милорадовича и представил, что в случае кончины императора он... должен наследовать. Милорадович ответил наотрез, что великий князь Николай не может и не должен никак надеяться вступить на престол".

"Войско припишет дело измене, и гвардия решительно откажется принести присягу", - объявил генерал-губернатор. Другими словами, Милорадович почти открыто обвинил Николая в заговоре... И, пригрозив бунтом гвардии, которая всецело ему подчинялась, не оставил ему никаких шансов. Генерал-губернатор действовал не один: его поддержали гвардейские генералы А.Л.Воинов и К.И.Бистром (позднее Николай припомнит им "довольно странное, даже непозволительное" поведение 14 декабря, когда они, по сути, ничего не сделали, чтобы помочь императору подавить мятеж).

Интересный диалог приводит в своих воспоминаниях Р.М.Зотов, служащий Театрального управления. Известный драматург князь А.А.Шаховской спросил Милорадовича:

- Если Константин Павлович настоит на своем отречении, ваша присяга будет как бы вынужденная. Вы очень смело поступили.
- Имея шестьдесят тысяч штыков в кармане, можно говорить смело, - ответил генерал-губернатор.

Не исключено, что именно этот "довод" Милорадович привел и Николаю.Ну, что же, всегда правы большие батальоны...

Когда в 1820 года происходит "семеновская история, Император был убежден, что восстание Семеновского полка - дело рук тайного общества. И такое общество действительно существует - это "Союз благоденствия". На стол генерал-губернатору ложатся списки его руководителей - подробный донос сделал Михаил Грибовский, перечисливший, как он выразился, "корифеев революционной партии" поименно (первым номером в его списке значился давний знакомец Милорадовича Николай Тургенев, под вторым номером фигурировал адъютант графа Федор Глинка!). И тут происходит самое интересное. Милорадович проводит расследование. Взбунтовавшиеся солдаты подвергаются жесточайшим наказаниям. Однако никто из членов "Союза благоденствия" не пострадал. "Объяснить этот факт логично мы затрудняемся", - признавался биограф Александра I великий князь Николай Михайлович.

Положение наследника было очень непрочно.

Гвардия хотела Константина – Николая не слишком любили, а Константин был свой среди гвардейцев. В 1799 году Константин участвует в Итальянском и Швейцарском походах

А.В.Суворова. (Тогда и произошло его знакомство с Милорадовичем - в своих письмах цесаревич неоднократно благодарил генерала за службу.) Константин принимал участие во всех войнах с Наполеоном.

Правда, после Аустерлица великий князь принадлежал к сторонникам мира с Францией. Но когда Наполеон напал на Россию в 1812 году, цесаревич принял командование гвардией. Сражался достойно, получив золотую шпагу "За храбрость". Таким образом, даже гвардейцы, не участвовавшие в заговоре , направленном на свержение монархии, могли не поддержать Николая Павловича. Наконец, Константин имел свою "партию" из числа приближенных. Руководителем его администрации был граф Н.Н.Новосильцев, разработавший проект конституции для России - "Государственную уставную грамоту". Среди сторонников цесаревича был "проконсул Кавказа" Ермолов. А в Варшаве даже возник целый заговор приближенных к наместнику лиц, поставивших своей целью "насильно возвести его на престол".

Вообще, с Константином все обстояло очень непросто. Интересную проговорку допустил в своих воспоминаниях граф Мариоль, воспитатель детей великого князя: "После того, как события разыгрались в Петербурге, великий князь Константин признался мне, что знал о заговоре". "Стоит кинуть брандер в Преображенский полк, и все воспламенится", - говорил он своему двоюродному брату принцу Евгению Вюртембергскому в ноябре 1825 года. А Денис Давыдов писал, что "однажды цесаревич сказал некоторым из своих окружающих о возможности для него вступить на престол: "Я эту шапку и сам надеть сумею".

Разветвлённый заговор в армии. Двусмысленное поведение высших сановников. Николай Павлович, практически, один. Против нескольких заговоров. Всё решится 14 декабря. 12 декабря от Константина, находившегося в Варшаве, пришло официальное подтверждение его отречения от престола. Тотчас последовал манифест о воцарении императора Николая I, и была назначена "переприсяга". Декабристы были хорошо информированы о том, что происходило при дворе и в правительстве: один из них (С. Г. Краснокутский) был обер-прокурором Сената, другой (А. И. Якубович) был на короткой ноге с петербургским генерал-губернатором М.А. Милорадовичем, а Г.С. Батеньков пользовался доверием самого авторитетного и осведомленного из членов правительства М.М. Сперанского. Не говоря уже о том, что , возможно, Милорадович и был тем самым «тайным главой» заговора, который подробно информировал главарей обо всем, что происходит во дворце. Узнав, что на 14 декабря назначена переприсяга, члены Северного общества решили: медлить больше нельзя. 10 декабря они избрали диктатором восстания полковника лейб-гвардии Преображенского полка кн. С.П. Трубецкого (Рюриковича, между прочим!!), 12 декабря на квартире К.Ф.Рылеева члены тайного общества разрабатывают план выступления. Приглашают возглавить восстание двух новых членов - А.Якубовича и А.Булатова. В это время Великий князь Николай Павлович получает сообщение о разветвленном заговоре. Он вызывает М.А.Милорадовича и поручает ему арестовать мятежников. Но Милорадович бездействует. Ну, у него есть на это свои причины. Вечер 13 декабря: подпоручик Ростовцев, член тайного общества, приезжает к Николаю Павловичу, рассказывает о возможном выступлении. О своем визите к Великому князю он сообщает Рылееву. Мятежникам становится ясно, что отступать некуда. И тут происходит раскол внутри тайного общества - Якубович и Булатов решают выйти из игры. Это Якубович-то, орел, герой, которому поручено было самое ответственное дело: ворваться во дворец и арестовать царскую семью. И желательно – убить Николая. Очень желательно. Каховский – тот прямо говорил за два дня до мятежа: «С этими филантропами ничего не сделаешь, тут просто надобно резать, да и только!» .

Так никто и не возражал, только никто руки пачкать не хотел. Впрочем, именно Якубович на совещании у Рылеева вечером 13-го декабря предложил «альтернативный вариант» восстания: просто «разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабить, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви…». Правда, Штейнгель напомнил расходившемуся Якубовичу, что в столице «90 тысяч одних дворовых», и в случае всеобщего пьяного бунта могут пострадать их же собственные родные и близкие. Идея взбунтовать народ была, к счастью, отвергнута. Стройный план выступления рухнул., но и отступать было некуда; уже был арестован на юге Пестель, а все

знали, что слово свое он держит, обещал всех заложить –значит, заложит. Рылеев сказал: "Ножны сломаны, и сабель не спрятать". Все согласились с ним. "Мы умрем! Ах, как славно мы умрем!" - пафосно кричал Одоевский (опять же, Рюрикович).

Вернуться к ссылке

44.26. Благодатский Рудник

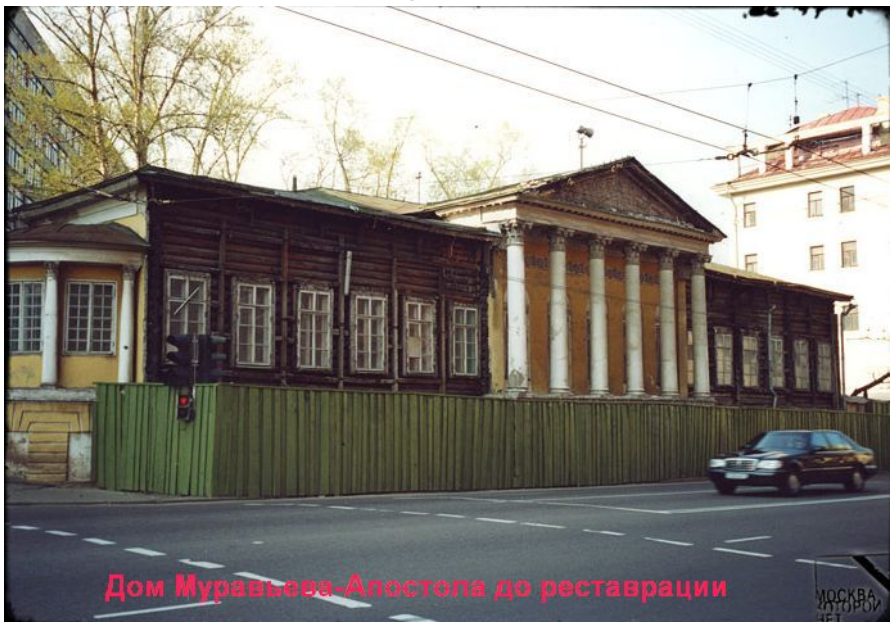
Екатерино-Благодатский серебряный рудник и прииск - Нерчинского горного округа, Забайкальской области, открыт в 1789 г., в 11 верстах от Нерчинского завода. Руда состоит из серебросодержащего свинцового блеска, залегающего в плотном известняке.

БЛАГОДАТСКИЙ РУДНИК – каторжная тюрьма, в которой с октября 1826 г. и до перевода в **Читинский острог** (сентябрь 1827) содержались осужденные декабристы. Подчинялась Нерчинскому комендантскому управлению.

Условия содержания в Благодатском руднике были чрезвычайно тяжелыми и унизительными для заключенных; в нем отбывали наказание 8 главных преступников, осужденных по **1 разряду**: **С.Г. Волконский**, **Е.П. Оболенский**, **А.Я. Якубович**, **В.Л. Давыдов**, **С.П. Трубецкой**, **А.З. Муравьев**, **П.И. Борисов** и **А.И. Борисов**.

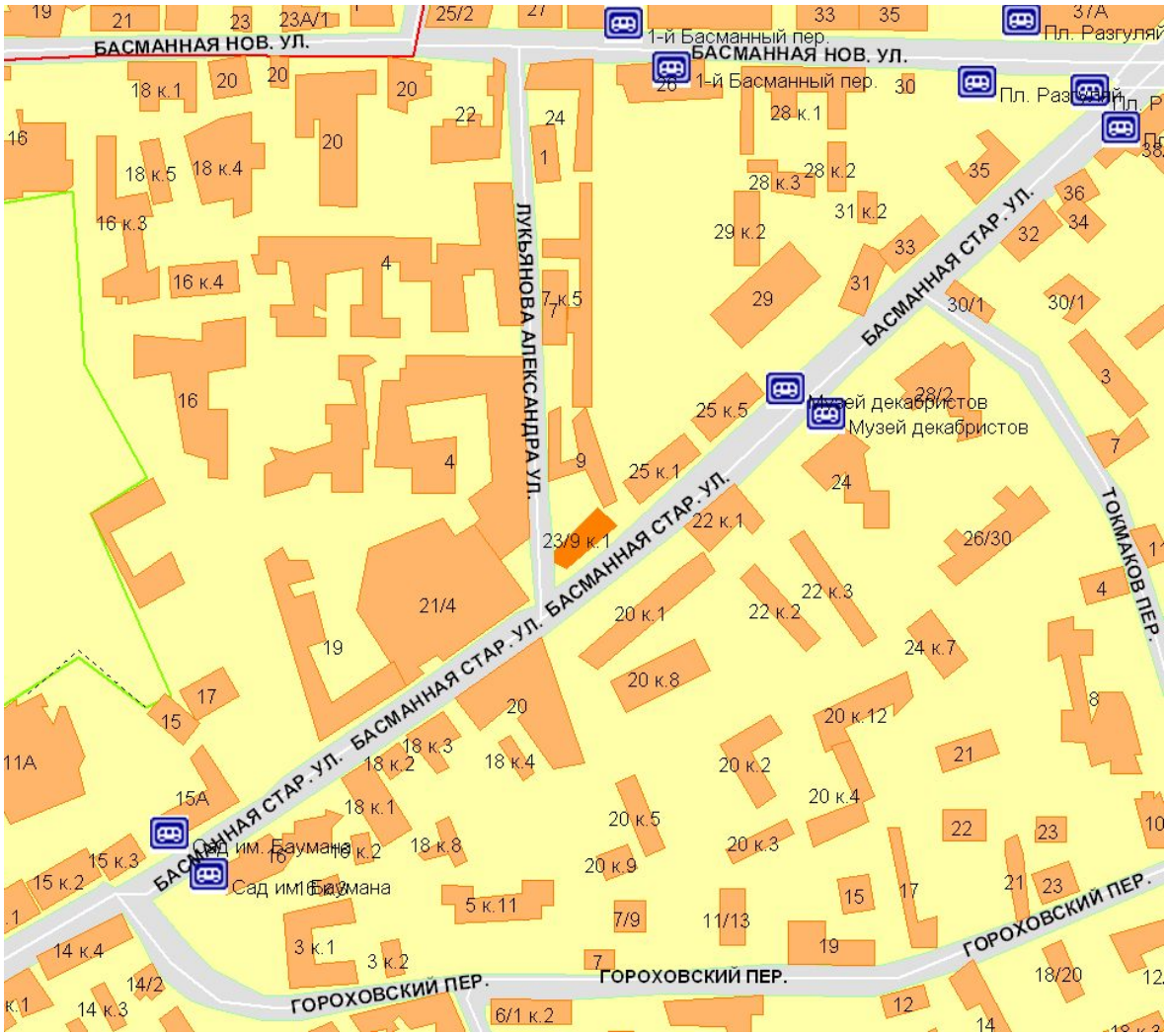
Вернуться к ссылке

44.27. Городская усадьба Муравьевых-Апостолов (Старая Басманная ул., 23)



Главный дом, включающий в восточной части старый подклет с одностолпной палатой начала XVIIIв., был построен в 1802г., вскоре после него - флигель. В 1817г. владение приобрел И.М.Муравьев-Апостол, дипломат, член Российской Академии, писатель, отец декабристов М.И. и С.И. Муравьевых-Апостолов. Дом парадно развернут к улице, причем скругление красной линии у переулка подчеркнуто полукруглым объемом на срезанном углу дома. Парадный двор замкнут поставленным поперек участка двухэтажным флигелем с центральным проездом в хозяйственный двор, отделенный от переулка крылом флигеля. Главный дом является одним из наиболее ярких образцов жилой застройки архитектуры московского зрелого классицизма. Деревянный корпус стоит на каменном сводчатом подклете, трактованном как цокольная часть. Шестиколонный коринфский портик с повышенным фронтоном создает

на фасаде центрическую пирамидальную композицию. Пластичность объема здания усиливает угловая полуротонда с колонками, первоначально открытая терраса или зимний сад.



Дом-музей Муравьевых-Апостолов в Москве, он же - Музей декабристов.

Хорошо сохранились интерьеры дома, традиционно разделенные на парадную анфиладу вдоль уличного фасада и более скромные задние комнаты.

Кстати, во время реставрации **выяснилось имя архитектора**. Оказалось, что дом, приписываемый Матвею Казакову, создал И.Д. Жуков, входивший в круг Казакова.

Комментарий 2001г.: Проект реставрации дома, занимаемого Музеем декабристов, филиалом Государственного исторического музея, выполнялся в 1980-е гг. Реставрационные работы затянулись на все 1990-х. В 2004 году дом был полностью восстановлен после длительного

периода запустения и, особенно, последних пяти лет, которые он простоял без штукатурки и бревна начали гнить..

См. также **Старая Басманная ул., 23. Дом Муравьева-Апостола**, **Новоселье у Муравьевых-Апостолов**

Флигель усадьбы Муравьевых-Апостолов

Дом-Муравьева-Апостола

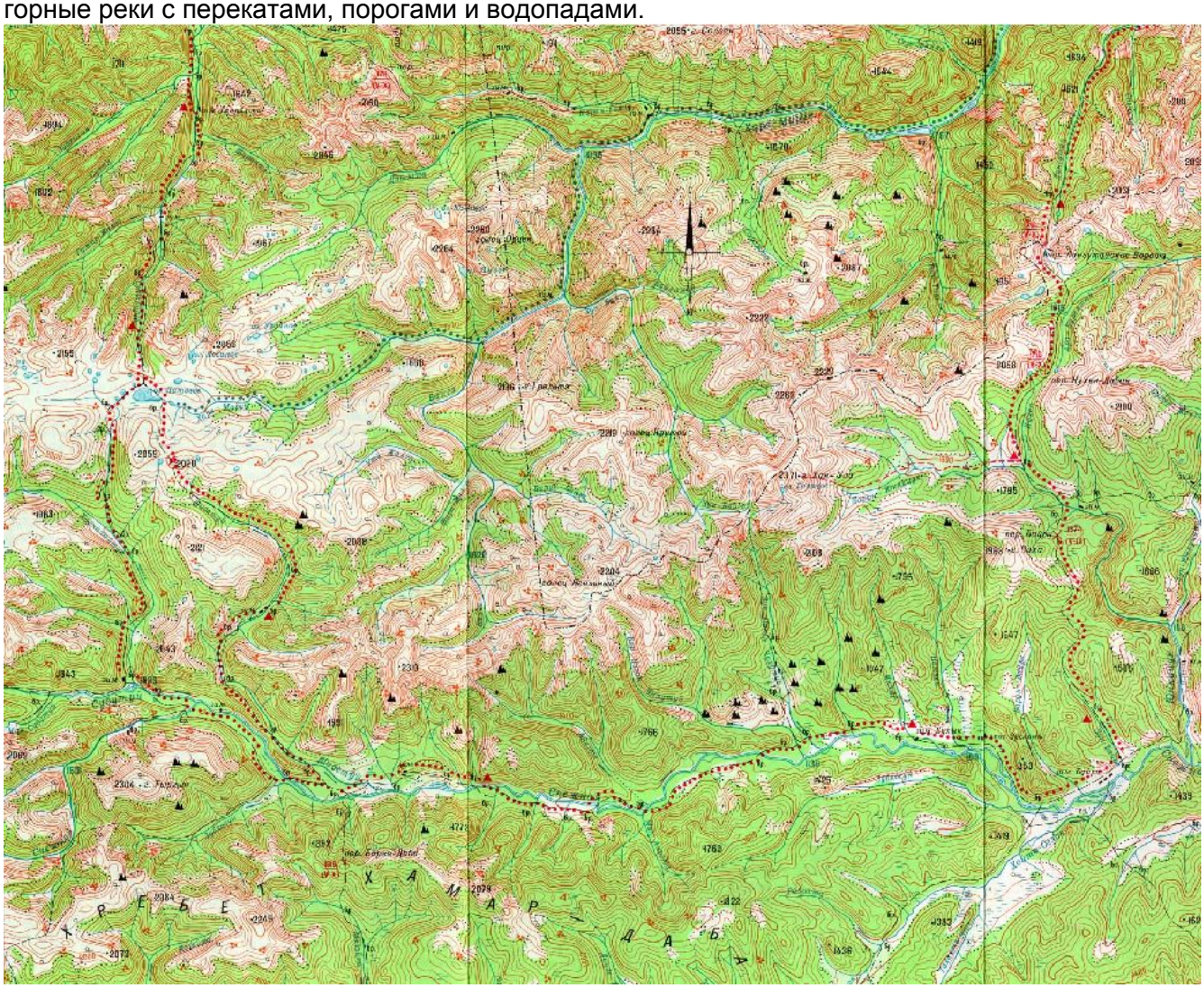
Вернуться к ссылке

44.28. Хамар-Дабан

Вдоль юго-восточного побережья Байкала на сотни километров протянулся хребет Хамар-Дабан. Его вершины – гольцы – поднимаются выше пояса древесной растительности, достигая высот более 2300 м над уровнем моря. Наиболее популярная вершина – Пик Черского (2090 м).

Горы Хамар-Дабана круто обрываются к Байкалу и являются естественной преградой для воздушных потоков, переносимых через Байкал. Осадков здесь выпадает больше, чем на смежных пространствах, влажный климат способствует обильному росту разнообразной

растительности, за что хребет иногда называют «сибирскими джунглями». Многочисленны здесь горные реки с перекатами, порогами и водопадами.

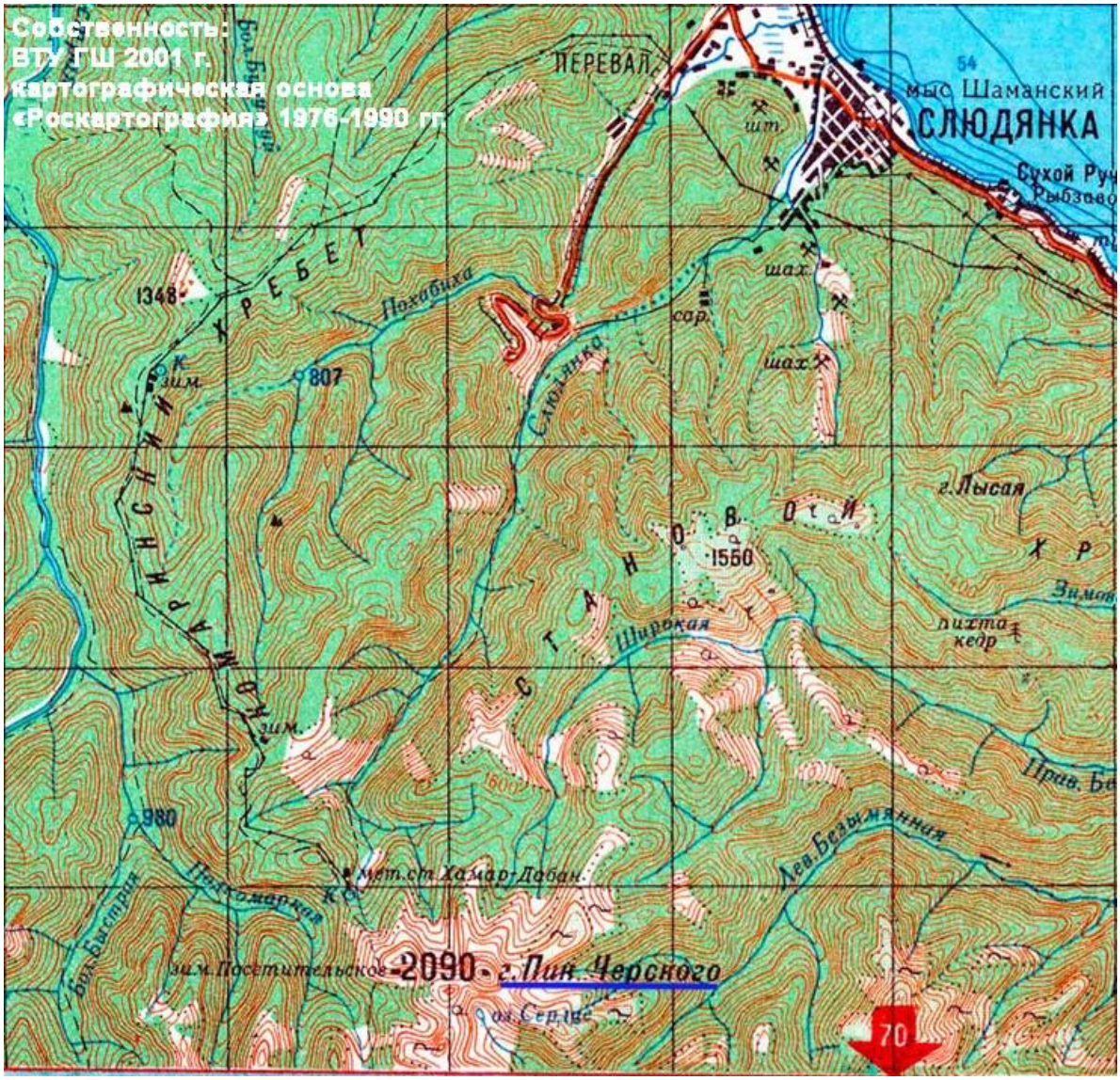


Карта центрального Хамар-Дабана

Хамар_Дабан

Склоны Хамар-Дабана

центр **Хамар-Дабана**



горы Хамар-Дабана

Хребты Хамар-Дабана

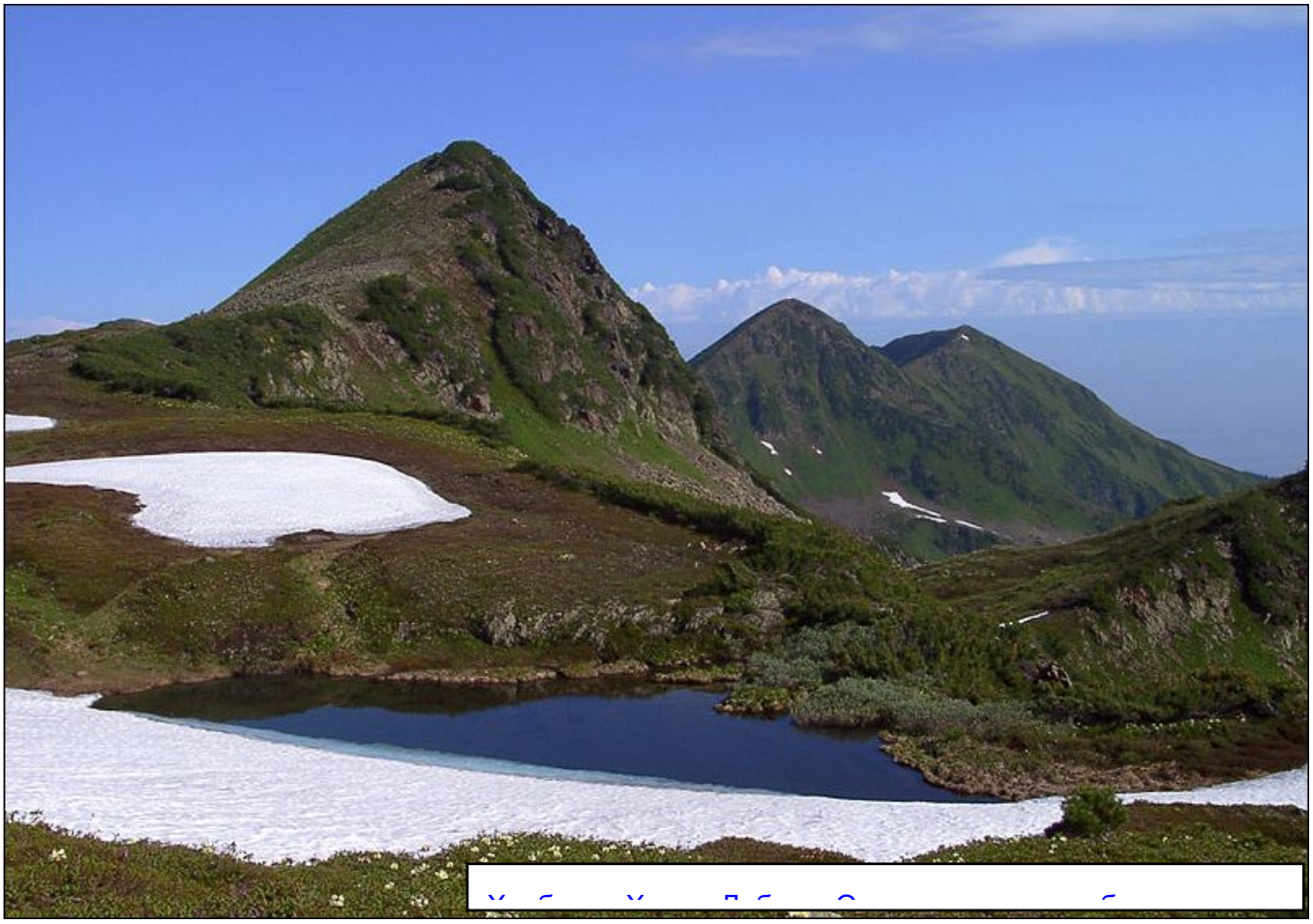
Цепь горных массивов Хамар Дабан

http://baikaltravel.ru/adm/foto/resultХамар-Дабан (в переводе с бурятского хребет - нос, ореховый перевал) – это название горной страны у Байкала, которая подразделяется на малый и большой Хамар-Дабан. Она представляет собой цепь горных массивов шириной от 40 до 90 км там, где проходят малый и большой Хамар-Дабан, разделенные долиной реки Темник, и длиной 500 км. Вершины хребта (гольцы) лишены растительности, имеют округлые формы без резко выраженного гребня и достигают высоты 2000-2300 м над уровнем моря. Максимальная высота хребта 2371 м (гора Хан-Ула). Цепь тянется вдоль юго-восточного берега Байкала от Селенгинского среднегорья до хребта Мунку-Сардык. Горы круто обрываются к Байкалу и являются естественной преградой для воздушных потоков, переносимых через Байкал. Осадков здесь выпадает больше, чем на смежных пространствах, влажный климат способствует обильному росту разнообразной растительности, за что хребет иногда называют «сибирскими джунглями».

Хребет сложен из твердых пород, на нем широко распространены каменистые россыпи, скальные останцы высотой до 20 м и более, проявления водной эрозии, обрывы. Здесь бывают сели и оползни, а землетрясения иногда достигают 9-11 баллов. Грунтовые воды, залегают близко к поверхности, часто выходят вверх и образуют заболоченные участки, порой значительные по длине в долинах рек. В Хамар-Дабане много малых и достаточно больших рек, наиболее крупные из них: Снежная, Хара-Мурин, Темник, Утулик, Зун-Мурин, ширина которых доходит до 45 метров, глубина до 1,5 метров. В верховьях скорость течения достигает 2 м/с. Дно рек сложено из песка, гравия, валунов, в межень почти все реки преодолимы вброд. Замерзание рек происходит в октябре _ ноябре (в течение зимы некоторые промерзают до дна), с образованием многочисленных наледей, вскрытие - в апреле - мае, с небольшим весенним половодьем. Наибольшие уровни воды в реках наблюдаются в июле, когда совпадает таяние снега в верховьях с обильными дождями. В это время уровень воды и скорость течения резко возрастаю, происходит затопление пойм. На реках много порогов, перекатов и водопадов, обычны скальные каньоны и прижимы с трудными обходами. Немногие озера,

встречающиеся в долинах рек, на плоских междуречных пространствах и плато, незначительны по величине и глубине и имеют ледниковое происхождение.

Климат В северной части хребта, обращенной к Байкалу и подверженной его влиянию, климат более умеренный и влажный, что позволяет говорить о наличии здесь холодных субтропиков: в год здесь выпадает до 1300 мм осадков, дожди зачастую имеют ливневый характер, в высокогорье же объем осадков может достигать 2000 мм. Высота снегового покрова на склонах может вдвое превышать обычную норму 80-120см. Средняя температура января составляют-16 -18 °С, июля +14 °С. На южную часть значительное влияние оказывает засушливый климат полупустынь Монголии, осадков в среднем за год выпадает 300-350



мм, высота снежного покрова в 2-3 раза меньше, чем в северной. Средняя температура января -23-27 °С, июля +15 + 18 °С. Можно назвать типичными для хребта минимумы ночных температур зимой до -35 °С (абсолютный минимум -55 °С). Иногда здесь бывают штормовые погоды с выпадением снега и резким понижением температуры в летние месяцы, раннее выпадение снега в августе, а устойчивый снежный покров ложится к концу сентября. Снежный покров разрушается в конце апреля - середине мая, в это время наблюдается сход лавин Осень, как правило, сухая, безветренная, с резким понижением температуры воздуха в октябре (днем до -6-8 °С, ночью до -4-10 °С). В это время возможны мощные снегопады.

Флора и фауна Растительность хребта - горно-таежная, труднопроходимая, как на всех хребтах Прибайкалья, имеет три высотных пояса: пояс террас и предгорий с распространенными здесь болотами,

лугами, березовыми лесами и полями; горно-таежный пояс темнохвойной тайги с преобладанием пихты на увлажненных участках и кедра на более крутых и сухих склонах; верхним переходным подпоясом с пихтово-кедровыми парками и высокотравными субальпийскими лугами (так называемый подгольцовый на высотах 1500-1700 м, с мощными зарослями труднопреодолимого кедрового стланика, кашкары и ивовых); выше 1700 м - гольцовый пояс с альпийскими низкотравными лугами и пустошами, зарослями кедрового стланика. Леса имеют высоту до 22 метров и изобилуют валежником, буреломами и россыпями камней (курумами), участками горелого и сухостойного леса.

Фауна хребта представлена 37 видами млекопитающих и 260 видами птиц. Для защиты флоры и фауны хребта, а также наблюдения за воздушным бассейном здесь организован Байкальский биосферный заповедник.

Немного истории В 17-19 веках во время развития караванной торговли (Чайный путь) через Хамар-Дабан было проложено несколько дорог (Хамар-Дабанский, Игумновский Удунгинский тракты), на которых строились почтовые пересыльные станции и поселки, но после постройки железной эти дороги потеряли свое значение и используются в основном туристами и охотниками. Поселки и станции ликвидированы.

Изучение Хамар-Дабана началось во второй половине 19 века. Известный исследователь Сибири Густав Радде впервые совершил восхождение на пик Комарский, который в дальнейшем получил название пика Черского в честь польского ссыльного и известного исследователя Байкала. В 20-е годы 20 века пик называли пиком А. Львова, в честь топографа, проводившего здесь первые крупные геодезические работы.

В настоящее время в горных частях Хамар-Дабана нет населенных пунктов. Они расположены у подножия гор в Тункинской долине, вдоль Московского тракта и Транссибирской железнодорожной магистрали, в долинах рек Селенга и Джида.

См. также **Природа Байкала**, **Карты Хамар-Дабана** , **О Байкале .ру**

Вернуться к ссылке

44.29. Алешковские пески

46°35′00″ с. ш. 33°03′00″ в. д. (G)

Але́шковские пески, *Олешковские пески* (укр. *Олешківські піски*) - песчаный массив (песчаная арена), расположенный на Украине в 30 км к востоку от города Херсон.

Массив имеет размер около 15 км в диаметре. Алешковские пески являются самым крупным песчаным массивом в Европе[1]. Состоят из бескрайних барханов (местные жители называют их «кучугурами»), высотой около 5 метров, и редкой растительности.

Ранее в Алешковских песках находился военный полигон, на котором отрабатывали бомбометания летчики из стран Варшавского договора. В связи с этим было ограничено научное исследование региона. До сих пор в песках находится большое количество неразорвавшихся снарядов.

44.29.1. Название

Название происходит от старого (до 1925 года) названия города Цюрупинск - Алешки. В литературе разных лет пески в низовье Днепра называют Алешковскими (большинство дореволюционных статей), Олешковскими (работы советского времени до 1950-х годов), Нижнеднепровскими, реже Цюрупинскими.

44.29.2. Происхождение

Алешковские пески в нынешнем своём виде появились очень недавно. В низовьях Днепра пески существовали всегда, но их продвижение сдерживал покров степной растительности. В 18-м, а

также в XIX веке сюда начали завозить овец (один только барон Фальц-Фейн, основатель заповедника Аскания-Нова, владел огромными стадами до миллиона голов[2]) которые уничтожили траву, освободили пески, а ветровая эрозия дала им возможность расширяться. По словам П. Костычева, изучавшего Алешковские пески в 1880-х годах, не более чем за сто лет до того времени, Алешковские пески были сплошь закреплены растительностью, местами древесной.

Алёшковские пески

Мнение, «будто появление песков произошло от изменения климатических условий местности», Костычев считает совершенно голословным («доказательств на это нет ни малейших»). «Образование сыпучих песков и препятствие к их закреплению обусловливаются одною и тою же и притом только одною причиною: усиленно пастьбою скота.»[3] В «Журнале общеполезных сведений» за 1837 год указывается, что площадь лесов на песках нижнего Днепра, составлявшая в 1802 году более 5000 га к 1832 году упала практически до нуля.[4])

44.29.3. География, климат

Опытные работы по закреплению песков были начаты в конце XVIII века, но масштабный характер приобрели в 1830-1840 годах в связи с деятельностью по активизации лесоразведения Министра финансов графа Канкрина и образованием Алешковского лесничества.[4] Период генерального межевания и наделения крестьян землей (1859-1890 годы) обернулся катастрофой для лесов и площади песков значительно увеличились. Восстановление было продолжено только начиная с 1920-х годов. Сейчас пески остановлены по краям огромными искусственными лесами,

общей площадью около 100 тысяч гектаров. В регионе действует Степной филиал УкрНИИ лесоагромелиорации (УкрНИИЛХА), который решает проблемы комплексного использования песков, а также создания препятствий на пути расширения пустыни.

Собственно днепровские пески занимают площадь 161 200 га, а с межаренными землями - 210 000 га. Несмотря на то, что Алешковские пески часто называют пустыней, это не совсем верно. По температурному режиму и количеству осадков их можно отнести скорее к полупустыням. Тем не менее, климатические условия таковы, что летом песок нагревается до 75 градусов. Воздух над песками прогревается сильнее, чем над окружающей местностью, влажность воздуха снижается, поэтому в летнее время дождевые капли быстро испаряются, и интенсивность дождей (по некоторым неподтверждённым данным) здесь несколько меньше, чем в самом Херсоне, который находится по другую сторону Днепра. Хотя сейчас пески и сдерживаются лесами, иногда они заносят окраины близлежащих селений.

Алешковские пески

44.29.4. Экология

Основные факторы, влияющие на экологическую ситуацию в регионе - уменьшение площади леса и уменьшение слоя песка. Уменьшение площади леса вызвано вырубкой, пожарами, естественной гибелью сосновых насаждений, неспособных к самовоспроизводству и может привести к расширению песчаного массива.[4] С другой стороны, бесконтрольное использование песка для строительных целей и размещение сельскохозяйственных объектов в регионе приводит к понижению уровня грунтовых вод и их загрязнению, что может лишить жителей региона качественной питьевой воды и негативно повлияет на лес.[5]

Вернуться к ссылке

44.30. Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (17.02.1860 - 1936)

Географ и зоолог, исследователь Зап. Китая, Памира, Тянь-Шаня (1884-90), Зап. Монголии и Тувы, Дальнего Востока (1903-14). Открыл Турфанскую впадину. Труды по физической, политической, исторической географии и этнографии Центр. Азии, энтомологии.

Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович (**Grigoriy Grumm-Grjimaylo)** родился в семье экономиста.

В 1880 году он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Особенно интересными оказались лекции Вагнера по зоологии беспозвоночных, оказавшие влияние на выбор Грумм-Гржимайло специальности. Он становится энтомологом и выбирает для углубленного изучения группу бабочек.

В 1884 году Грумм-Гржимайло окончил университет и отправился к Алайскому хребту, совершил экскурсии по Алайской долине, дошел до Муксу и, перевалив затем Заалайский хребет, вышел к озеру Кара-Куль. В последующие три года (1885-1887) Грумм-Гржимайло последовательно расширяет район своих работ на Памире и в припамирских странах - Каратегине, Дарвазе, Гиссаре, долине Вахша, Карши, Шахризабса, затем посещает Тянь-Шань в бассейне Нарына и Чатыркёля, откуда проходит в Кашгар и опять в Алтай. Наконец, в последней памирской экспедиции Грумм-Гржимайло прошел к Мургабу, Ранкгулю и Сарыколу, за которым открывалась панорама высочайших снежных гор Музтага на территории Китая, откуда путешественник повернул на юг - к Каракоруму и Вахану, и вышел к долине реки Оксу.

Результаты четырехлетних работ Грумм-Гржимайло на Памире, Тянь-Шане были им доложены в Географическом обществе и опубликованы в 1890 году. Материалы памирских экспедиций оказались в значительной мере новыми в части энтомологической фауны и были переданы в Зоологический музей Академии наук. За путешествия на Памире Русское Географическое общество наградило Грумм-Гржимайло серебряной медалью и избрало его своим действительным членом.

Ледник Грумм-Гржимайло

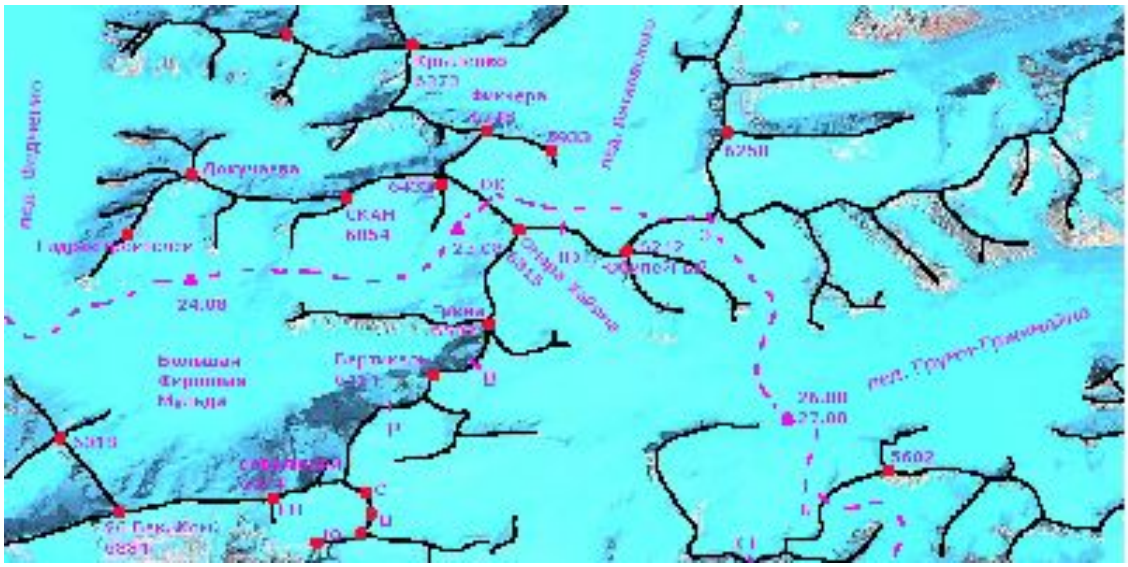
Успех четырех экспедиций на Памир позволил ему надеяться на участие в новой экспедиции во внутренние труднодоступные части Азии.

В 1889 году, после смерти Пржевальского, Географическое общество сформировало три экспедиции в Центральную Азию - Певцова в Куньлунь и Кашгарию, Громбчевского в верховья Пянджа и Тарима (Раскема) и Грумм-Гржимайло в Восточный Тянь-Шань и Наньшань. Эта экспедиция оказалась самой большой и важной во всей научной деятельности Грумм-Гржимайло. Именно в центральноазиатском путешествии 1889-1890 годов он проявил свои способности выдающегося географа и собрал настолько разнообразный материал, что это позволило ему в

течение многих лет работать над вопросами географии Центральной Азии и плодотворно разрабатывать этнографию и историю народов этой страны.

27 мая 1889 году из Джаркента (ныне Панфилов в Казахстане) вышла экспедиция Грумм-Гржимайло. Путешественники побывали в Восточном Тянь-Шане, в пустынных горах Бэйшаня, изучали высокую и сложную систему китайских гор Наньшаня, посетили высокогорное озеро Кукунор.

На южных склонах Тянь-Шаня, недалеко от Турфана, была открыта и обследована обширная и глубокая котловина, поросшую редкой растительностью. Турфанская (Люкчунская) котловина оказалась удивительно глубокой. Подобных котловин во всем мире насчитывается только три-четыре. Дно котловины, где белело солью мелкое озеро Броджанте, лежало на 130 метров ниже уровня океана. Ее открытие заинтересовало географов всего мира, и уже через несколько лет, в 1893 году, экспедиции Роборовского было поручено организовать в ней регулярные метеорологические наблюдения на постоянно действующей станции.



Хребтовка 5:

Узел ледников Грумм-Гржимайло, Башурв и Хабарвив-Хац

Ш – пер. Шипка (3А)	Ж – пер. Железнодорожник (1Б)	Б – пер. Бартанг (2Б)
СГ – пер. Седло Ганцевича (3А)	О – пер. Оптимальный (1Б)	

В степях Джунгарии Грумм-Гржимайло охотился за дикими лошадьми, шкуры которых впервые привез Пржевальский. Но Пржевальскому не удалось тогда самому убить редчайшего зверя, и первым из европейских охотников, кто сам добыл этого пустынного скакуна, оказался Грумм-Гржимайло.

Он впервые рассказал о пустынных горах Бэйшань. Эти горы связывают Тянь-Шань и Наньшань.

Шаг за шагом по неизвестным путям шел караван, переваливая высокие горы и переправляясь через бурные реки в долинах. Наконец, путешественники вышли к берегам великой китайской реки Хуанхэ.

Экспедиция провела съемки по маршрутам длиною 7250 километров, в 30 местах определила географические координаты, а в 140 пунктах выяснила абсолютные высоты. В пути проводились метеорологические наблюдения, сборы коллекций насчитывали 214 млекопитающих, 1150 птиц, 400 яиц с гнездами, около 100 рыб, 105 пресмыкающихся и земноводных, 35 тысяч насекомых, 800 листов гербария, 850 образцов горных пород.

Результаты путешествия Грумм-Гржимайло оказались настолько разнообразными и богатыми, что отчет о работе экспедиции вышел в трех больших томах под общим названием "Описание путешествия в Западный Китай". Русское Географическое общество присудило ему премию

Пржевальского, первую после ее учреждения. Парижская Академия наук также вручила путешественнику премию.

После выхода последнего, третьего тома "Описания путешествия в Западный Китай" в 1907 году Географическое общество присудило автору Константиновскую медаль.

Вернувшись из Китая в Петербург, Грумм-Гржимайло усиленно занимался обобщением собранных материалов, написал книгу "Описание Амурской области", служил в департаменте торговли, а затем в таможенном департаменте и ведал делами, касающимися торговли с азиатскими странами.

Через несколько лет, он отправляется в Западную Монголию и Туву. В 1903 году он выходит из поста Зайсан в Казахстане и проходит через долину Черного Иртыша и Монгольский Алтай в пустынную обширную котловину, где расположены большие озера Убса, Хараусу, Харанур. Грумм-Гржимайло поднялся на гору Хархира, перевалил через хребет Таннуола и из Тувы прошел на Алтай - в Кошагач. Путешественник не стал давать подробного описания маршрута и работ этой поездки, а включил собранные материалы в монографию о Западной Монголии.

Все больше и больше интересуется ученый этнографией. Люди, их быт, хозяйство, обычаи, история, памятники старины - все это привлекает его внимание. Вернувшись из путешествия, Грумм-Гржимайло пишет большую работу - "Западная Монголия и Урянхайский край". Один том этого труда посвящен описанию природы стран, с которыми он познакомился, а три - народам, проживающим в этих странах.

До последних дней он работал в Географическом обществе. Он писал книги, статьи, рецензии, вел обширную переписку со своими многочисленными корреспондентами. В его квартиру на Петроградской стороне в Ленинграде приходили письма из Монголии, Китая, Франции, Германии, Англии - его знали во всем мире.

См. также **Галерея лепидоптерологов России** (**Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло.**)

Вернуться к ссылке

44.31. Чернигов, Собор Спаса Преображения, XI век

Фекла святая. Фреска Спасо-Преображенского собора в Чернигове Конец 1030-х гг

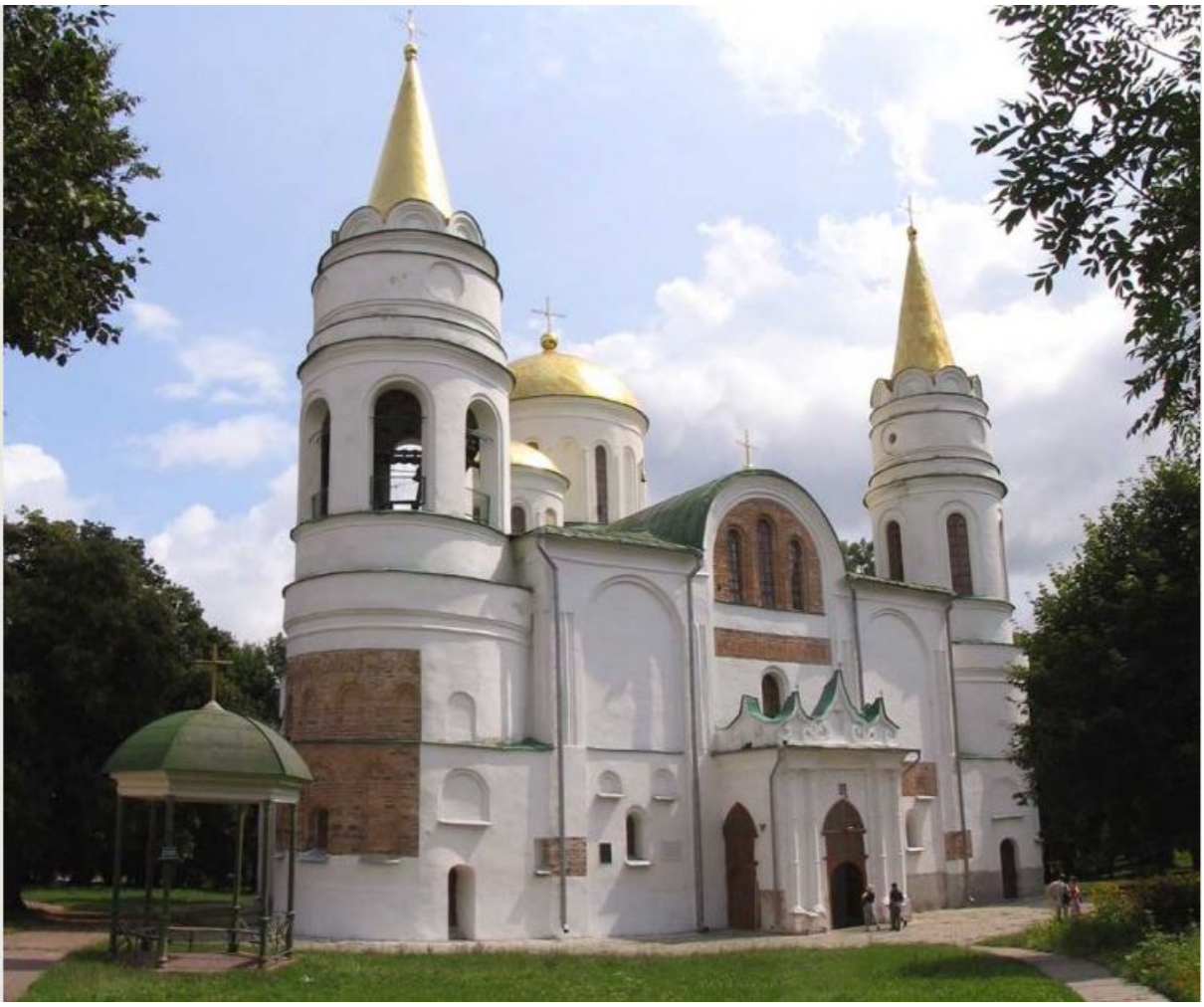
Фресковые росписи и первоначальное убранство Спасского собора до нас не дошли. Уцелели только незначительные фрагменты и полуфигура святой равноапостольной Феклы. В 1930-х годах фреску извлекли из стены храма и перевезли в Черниговский архитектурно-исторический заповедник.

Фреска была исполнена, скорее всего, в конце 30-х годов XI века (Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI-XV вв. - М.: Искусство, 1973. С. 29.), сразу же после освещения собора.

Верхние красочные слои утрачены, но отчетливо видна светотеневая

живопись, характерная для византийской иконописи, еще сохраняющий в Македонский период античные традиции. Лику святой приданы благородные, классически правильные черты. Формы моделируются контрастом теплых и холодных цветов. Овал темно-охристого лика тонко притенен зеленоватыми тенями, а большой нимб выделяется на бледно-голубом фоне.

В Византии помнили и весьма почитали святую ученицу апостола Павла, просветителя греков. В Константинополе в ее честь было воздвигнуто четыре храма, один из них по распоряжению самого Константина Великого. На Руси святая равноапостольная Фекла не пользовалась широким почитанием. В Москве, например, не было и нет ни одного храма, ей посвященного.



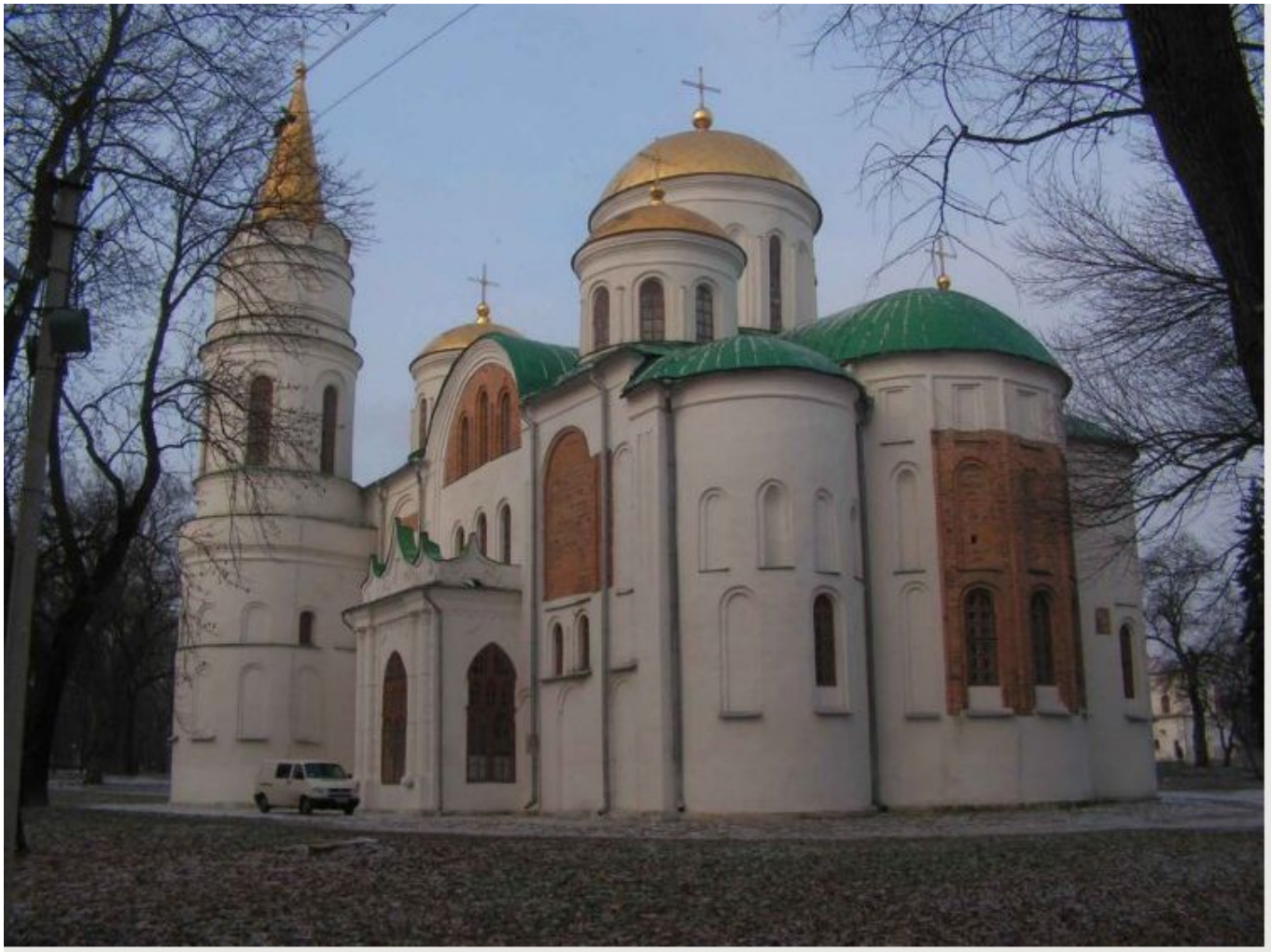
Чернигов. Церковь Спаса. XI век.

44.31.1. Святая Фёкла

Святая Фёкла (Текла) родилась в городе Иконии (на Средиземноморском побережье современной Турции, вблизи Греции). Её отец занимал внимание в Римской империи и являлся римским наместником в Иконии. Фёкла росла в достатке и благополучии, соответствующем высокому положению семьи, и воспитывалась родителями в традициях языческих верований своих предков. К 18-ти годам это была красивая и образованная девушка. Родители готовились отдать её замуж.

Впервые жители Иконии услышали об учении Иисуса Христа от апостола Павла, когда в сопровождении Варнавы (см. Деяния, гл. 13, 14) он, по пути в Грецию, пришёл в Иконию (45 года от Рождества Христова). Апостол остановился в доме Онисифороса, который располагался по соседству с домом римского наместника, и Фёкла из окна своего дома слушала проповеди св. Павла, с которыми он обращался к местным иудеям и эллинам. Слова апостола привлекли внимание и постепенно наполнили душу девушки светом искренней и глубокой веры во единого

Бога и Отца и в Иисуса Христа, сына Божия, который пришёл взять на себя грехи людей и указать им путь к спасению. День ото дня Фёкла укреплялась в вере и в убеждении, что её жизнь должна быть посвящена христианству.



Родители придерживались старых взглядов и уговаривали дочь вернуться к языческим традициям семьи, но не смогли заставить Фёклу отказаться от веры в Христа-Спасителя. Разгневанный упорством дочери, наместник приказал сжечь её на костре, но внезапная гроза с сильным ливнем потушили огонь. Тогда Фёклу бросили в яму с голодными львами. Но львы стали ласткться к ней, как домашние кошки. На неё напустили ядовитых змей, но и они не причинили ей вреда.
Замученная преследованиями отца, девушка была вынуждена бежать из Иконии. Отец послал за ней отряд воинов, но их постигла неудача.

Святая Фёкла отправилась сначала в Антиохию, оттуда - дальше на юг. По пути она проповедовала учение Иисуса Христа и творила многие чудеса.

Весь путь девушка прошла пешком. Когда она достигла Маалюльских гор, силы покинули её: она была утомлена долгим странствованием и истощена усталостью. Но чтобы спуститься в селение, надо было преодолевать высокую гору.

Тогда Фёкла, пав на колени, стала просить Господа помочь ей. И произошло одно из чудес господних: гора раздвинулась и образовала узкий проход, по которому Фёкла вышла к селению. Само слово "Маалюля" означает по-арамейски "проход" или "вход".

Св. Фёкла поселилась в небольшой пещере у ущелья. Святая долгие годы прожила в этой пещере у источника, проводя дни в посте и молитве. К ней приходили люди из разных мест, и она крестила уверовавших водой из источника и исцеляла больных.

И сегодня те, кто с искренней верой приходят к могиле святой Фёклы и испить воды из неиссякаемого чудотворного источника, получают исцеление от болезней и благословение. У пещеры св. Фёклы христианами был создан алтарь, где совершались молитвы до III века от Рождества Христова. Алтарь сохранился до сегодняшнего дня. С 4-ого - до начала 19-ого веков в Маалюле располагался центр епископата.

Сейчас здесь женский православный монастырь, относящийся к Антиохийской православной церкви. Послушницы заботятся о поддержании монастыря и воспитывают девочек-сирот. 24 сентября - праздник св. Фёклы. В этот день в монастыре особенно много гостей. 14 сентября, в праздник Креста Господня, на вершинах в Маалюле зажигают костры в память о том, каким способом в 325 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа из Иерусалима в Константинополь передавалась весть о нахождении под почвы Святаго Креста, на котором был распят Иисус Христос.

См. также **ЧЕРНИГОВСКИЙ СПАС: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Вернуться к ссылке

44.32. Миклухо-Маклай Николай Николаевич

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Николай Николаевич (5.07.1846-2.04.1888), этнограф и общественный деятель. Родился в семье инженера-путейца. В 1863 поступил в Петербургский университет, но в 1864 был исключен из него за участие в студенческом движении. Продолжал образование в Германии (в Гейдельбургском, Лейпцигском и Йенском университетах, до 1868). В 1866-68 посетил Канарские острова, Мадейру, Марокко, берег Красного моря с целью изучения морской фауны, вместе с тем проявлял большой интерес к культуре и быту народов этих мест.

В 1870-80-х Миклухо-Маклай занимался преимущественно исследованиями по антропологии и этнографии коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и островов Тихого океана. Жил в 1871-72; 1876-77 и 1883 на сев.-зап. берегу Новой Гвинеи, а также посещал острова Океании, совершил две экспедиции на Малаккский полуостров. Находясь среди папуасов Новой Гвинеи, наиболее подробно изучил жизнь и быт этого народа. В своих исследованиях Миклухо-Маклай доказывал видовое единство и родство различных рас.

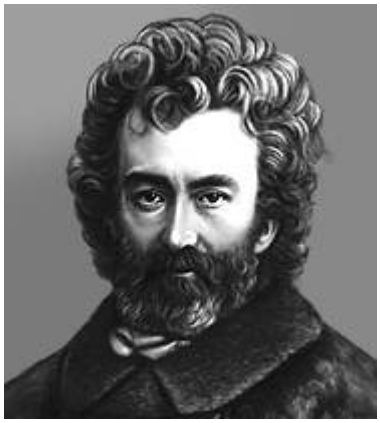
Остаток лет Миклухо-Маклай провел в Индонезии и Австралии. В 1881 разработал проект создания Папуасского союза на Новой Гвинее как независимого государства, призванного противостоять колонизаторам. В 1886 Миклухо-Маклай внес предложение о создании на Новой Гвинее русских поселений, которые в народническом духе призваны были воплотить идеал русских *общин-артелей.* Из своих многочисленных экспедиций Миклухо-Маклай привез богатейший этнографический и антропологический материал, переданный в дар Этнографическому музею Петербурга.

В.А. Федоров

Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846, имение Рождественское Новгородской губ. - 1888, Петербург) - этнограф. Родился в семье инженера-путейца. В 1859-1863 годы учился в гимназии, которую не окончил. За участие в студенческой манифестации в 1861 году 15-летний Миклухо-Маклай был арестован и содержался трое суток в Петропавловской крепости. В 1863 году стал вольнослушателем отделения естественных наук физико-математического факультета

Петербургского университета, одновременно посещая лекции в Медико-хирургической академии. В 1864 году за участие в студенческих волнениях был исключен и уехал за границу, чтобы продолжить образование в Гейдельбергском, Лейпцигском и Йенском университетах, где Миклухо-Маклай изучал философию, медицину, химию. В 1866-1869 собирал зоологические коллекции в Европе и на Ближнем Востоке. В 1869 году при поддержке Русского географического общества получил разрешение совершить плавание к Новой Гвинее на корвете "Витязь" для антрополого-этнографических исследований. В 1871- 1872 годы, 1876-1877, 1883 годах Миклухо-Маклай жил на Новой Гвинее, занимаясь научной работой и собирая многочисленные коллекции. Исследования Миклухо-Маклая опровергли распространенное представление о том, что народы Юго-Восточной Азии и Австралии по своим способностям стоят ниже европейцев. Он выступал в защиту прав папуасов против готовящегося колониального раздела Новой Гвинеи Германией и Англией, обращаясь в рус. и иностранную печать с заявлениями и телеграммами протеста. Обращаясь на "высочайшее имя", пытался добиться от русского правительства разрешения на организацию "вольной русской колонии" на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Александр III собственноручно начертал: "Миклухо-Маклаю отказать". До конца жизни работал над томами описания своих путешествий, полагая своей целью "успех науки и благо человечества". Умер от тяжелой болезни.

Использованы материалы кн.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.



Миклухо-Маклай Николай Николаевич - русский этнограф. Изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании (1870-1880-е годы), в том числе папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи (ныне Берег Миклухо-Маклая).

Миклухо-Маклай родился в семье инженера в селе Рождественском, близ города Боровичи Новгородской губернии.

В 1863 году он поступил вольнослушателем в Петербургский университет. В 1864 году за участие в студенческих сходках он был исключен без права поступления в высшие учебные заведения России. Миклухо-Маклай уехал в Германию. Два года он слушал лекции на философском факультете Гейдельбергского университета в Германии, затем изучал медицину в Лейпциге и Йене. Миклухо-Маклай обратил на себя внимание естествоиспытателя Геккеля, пропагандиста идей Дарвина.

В 1866 году Геккель взял 19-летнего студента в качестве ассистента в большое научное путешествие. Мадейра, Тенерифе, Гран Канария, остров Ланцерот, Марокко, Гибралтар, Испания, Париж - таков был маршрут первого путешествия Миклухо-Маклая.

Затем он изучает ракообразных, морских губок и др. на берегу Мессинского пролива и отправляется на берег Красного моря.

В марте 1869 года Миклухо-Маклай появился на улицах города Суэца. Выбрив голову, выкрасив лицо и облачившись в наряд араба, Маклай добрался до коралловых рифов Красного моря. Он прошел пешком земли Марокко, побывал на островах Атлантики, бродил по Константинополю, пересек Испанию, жил в Италии, изучил Германию.

В руки Миклухо-Маклая попал труд Отто Финша "Новая Гвинея", изданный в Бремене. У Миклухо-Маклая возникает идея исследования Тихого океана. В статье "Почему я выбрал Новую Гвинею?", Миклухо-Маклай писал, "что именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований".

20 сентября 1871 года Миклухо-Маклай высадился на берегу залива Астролябия, близ селения Бонга, на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Племена и селения были здесь разобщены и

постоянно враждовали друг с другом; каждый чужеземец, будь он белый или черный, считался нежелательным гостем. Миклухо-Маклай первым спустился в шлюпку. На берегу ручья, у моря, матросы и корабельные плотники срубили первый русский дом на Новой Гвинее - дом Маклая.

Ученые-офицеры с "Витязя" провели топографическую съемку местности. Бухта с коралловыми берегами - часть обширного залива Астролябия - была названа порт Константин, мысы - именами топографов, делавших съемку, а ближайший остров получил имя Витязь. Корвет "Витязь" продолжил плавание, а Миклухо-Маклай остался на берегу Новой Гвинеи.

Ему удалось поразить папуасов... Миклухо-Маклай сел на землю, спокойно развязал шнурки башмаков и... улегся спать. Он заставил себя заснуть. Когда, проснувшись, Миклухо-Маклай поднял голову, он увидел, что папуасы мирно сидели вокруг него. Луки и копья были спрятаны. Папуасы с удивлением наблюдали, как белый неторопливо затягивает шнурки своих ботинок. Папуасы решили, что раз белый человек не боится гибели, то он бессмертен.

Миклухо-Маклай лечил папуасов, давал им полезные советы. Вскоре жители селений полюбили Миклухо-Маклая, называя "Тамо-рус" - "русский человек". Позднее по всему побережью прошел слух, что Миклухо-Маклай не только "Тамо-рус", но и "Караан-тамо" - "человек с луны" или "лунный человек".

Получив доступ в деревни, Миклухо-Маклай начал свои исследования. Черепа своих родственников папуасы выбрасывали возле хижин, но нижняя челюсть сберегалась подвешенной к потолку хижины. Ученому долго не удавалось найти целый череп. Миклухо-Маклай собирал коллекцию образцов волос папуасов и, чтобы не обидеть их, отрезал пряди своих густых волнистых волос и выменивал их на пучки черных волос папуасов. Благодаря этой мене они позволяли Миклухо-Маклаю делать антропометрические измерения. Миклухо-Маклай установил, что волосы папуасов ничем не отличаются от волос европейцев.

Больше года прожил он в хижине на берегу океана. Здесь он написал "Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее". Нанес на карту архипелаг Довольных Людей и обширный пролив, открыл новый вид сахарного банана, ценные плодовые и масличные растения.

В декабре 1872 года в залив Астролябия зашел русский клипер "Изумруд" под командой Кумани. Папуасы торжественно проводили "Тамо-руса".

Воспользовавшись заходом "Изумруда" в Манилу, он в Лимайских горах находит чернокожих негритосов, тайна происхождения которых еще не была разгадана. Рост их не превышал 1 метра 44 сантиметров ("негритосы" по-испански - "маленькие негры"). Здесь, на Филиппинах, Миклухо-Маклай совершил новое крупное открытие: негритосы вовсе не негры! Обычай, язык и другие признаки бесспорно указывали на их родство с папуасами.

В 1874 году Миклухо-Маклай отправился в путешествие по Малаккскому полуострову. Таинственные племена, обитающие внутри Малаккского полуострова, туземцы называют "оран-утан" ("человек леса"). Миклухо-Маклай отправился искать диких оранов.

Первых "оран-утанов" Миклухо-Маклай встретил в лесах, на верховьях речки Палон. Пугливые, низкорослые, чернокожие люди проводили ночи на деревьях. Все их имущество состояло из тряпья на бедрах и ножа. Они скитались в диких лесах, давали своим детям имена в честь деревьев, добывали камфору, которую выменивали у малайцев на ножи и ткани. И они ничем не походили на малайцев, ростом напоминали негритосов Филиппин, а обликом - папуасов Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай сделал достоянием науки места обитания меланезийцев Малакки, их облик, образ жизни, верования и язык.

В 1875 году Николай Николаевич в Бейтензорге закончил заметки о странствиях среди "людей леса". К тому времени русские картографы уже нанесли на карту Новой Гвинеи гору Миклухо-Маклая, близ залива Астролябии. Это был как бы прижизненный памятник - редкая честь для ученых.

В 1876-1877 годах он совершил путешествие в западную Микронезию и северную Меланезию, посетив острова Палау, Вуап (Яп) и архипелаг Адмиралтейства.

В последних числах июня 1876 года путешественник достиг Берега Маклая. Матросы выгрузили припасы, ящики, бочки, подарки для папуасов. Все старые знакомые были живы. Папуасы очень радушно приняли "Тамо-русо".

В ноябре 1877 года в залив Астролябия зашла английская шхуна "Флауэр оф Ярроу". Миклухо-Маклай решил отправиться на ней в Сингапур - привести в порядок коллекции, засесть за книги и статьи о своих открытиях.

На прощание он созвал папуасов из всех окрестных деревень и предупредил их, что белые люди могут оказаться работорговцами и пиратами. Настоящие друзья подадут особый "знак Маклая", и тогда папуасы могут доверяться во всем братьям "Тамо-руса".

После путешествия 1879-1880 годов по Меланезии он выяснил, что на южном берегу Новой Гвинеи обитают те же папуасы, что и на Берегу Маклая, и на берегу Папуа-Ковиай.

В 1882 году после двенадцати лет странствий Миклухо-Маклай вернулся в Петербург. Он стал героем дня. Газеты и журналы сообщали о его приезде, излагали биографию, Ученые общества Москвы и Петербурга устраивали заседания в его честь. В ноябре 1882 года Миклухо-Маклай встречался в Гатчине с Александром III.

Миклухо-Маклай напряженно следил за событиями в мире. В 1884 году восточную часть Новой Гвинеи разделили Германия и Англия. Немцы закрепили за собой северо-восточную, англичане - юго-восточную четверть острова. Отто Финш, явившийся на Берег Маклая по следам Миклухо-Маклая, подготовили этот захват.

Однажды Отто Финш сознался, что при этом он выдал себя за "брата Маклая". Он старался видеться с русским ученым, чтобы выведать "знак Маклая", о котором простодушный Маклай сообщал всем кто интересовался его любимой наукой.

Миклухо-Маклай из Мельбурна отправил Бисмарку телеграмму: "Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию". В тот же день он послал телеграмму Александру III, умоляя русского царя заступиться за папуасов.

В феврале 1886 года Миклухо-Маклай покинул Австралию и в апреле прибыл в Россию. Из Одессы он сразу же направился в Ливадию, где добился приема у Александра III. Он предложил царю основать русское поселение на Берегу Маклая. Александр III поручил новогвинейское дело специальной комиссии; комиссия отвергла проект Миклухо-Маклая, и царь вынес вердикт: "Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать".

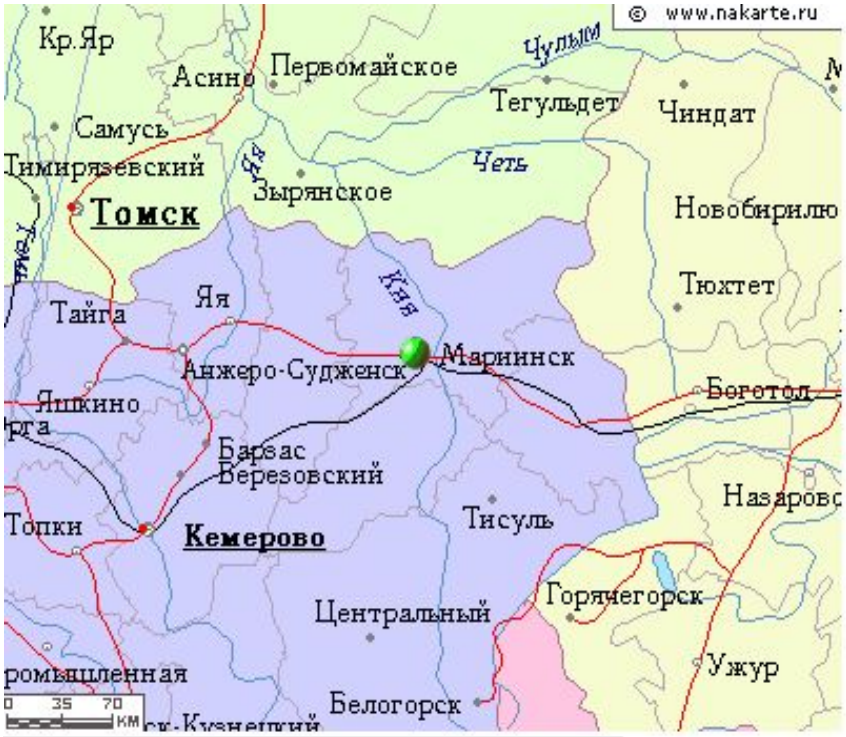
Последние дни жизни Миклухо-Маклай провел в клинике Виллие при Военно-медицинской академии. Миклухо-Маклай умер на больничной постели в 9 часов 30 минут пополудни в субботу 2 апреля 1888 года. Хоронили его на Волковом кладбище. На незаметной могиле поставили деревянный крест с короткой надписью.

Вклад Миклухо-Маклая в антропологию и этнографию был огромным. В своих путешествиях он собрал множество данных о народах Индонезии и Малайи, Филиппин, Австралии, Меланезии, Микронезии и западной Полинезии. Он первым описал папуасов как определенный антропологический тип.

Использованы материалы сайта *http://100top.ru/encyclopedia/*

Вернуться к ссылке

44.33. Мари́нск



Мари́нск - город (с 1856) в России, административный центр Мариинского района Кемеровской области.

Население 42,4 тыс. чел. (2005).

Город расположен на левом берегу реки Кия (приток Чулыма, бассейн Оби), в 178 км от Кемерова. Рельеф города - в основном равнинный. Среднегодовая температура в Мариинске составляет −0,1°, климат резко континентальный.

В Мариинском районе имеются полезные ископаемые: светлый песок, белая глина (используется для производства кирпича), торф. По берегам Кии раньше в небольших количествах добывали рассыпное золото.

В городе имеется краеведческий музей и дом-музей писателя В. А. Чивилихина.

Карта окрестностей города **Мариинск**

44.33.1. История

До появления русских поселений в районе Мариинска жили селькупы (остяки) — племена финно-угорской группы. Одна из трактовок названия реки Кии возводит гидроним к селькупскому слову *«кы»*, что означает «река». Согласно другой версии, слово *«кия»* имеет тюркское происхождение и обозначает «каменистый склон, обрыв».

После Новокузнецка Мариинск считается старейшим городом в Кузбассе. Русское село **Кийское** было основано в 1698 году. Оно располагалось на главном почтовом Московском тракте. Населенный пункт получил статус города в 1856 году, но в течение всего следующего года сохранял название «Кийское». В 1857 был переименован в честь императрицы Марии Александровны (1824—1880) — жены Александра II. Летом 1891 года, в период строительства Транссибирской магистрали в Томской губернии, Мариинск посетил Николай II, тогда ещё цесаревич.

Мариинский район формировался в основном за счет крестьян, переселявшихся в Сибирь из Центральной России. Большинство из них продолжали заниматься земледелием; другими видами деятельности местного населения были торговля, мелкое производство, извоз, золотодобыча. В 1858 г. численность населения города составляла 3671 чел., в 1897 — около 8,5 тыс., а в 1913 г. — более 14 тыс. Для конца XIX — начала XX в. Мариинск считался довольно крупным городом, торговым и транспортным узлом. Возле Мариинска был построен железнодорожный мост через Кию (1895 г.), открыт вокзал. О том, что город был «бойким» местом, говорит, в

частности, тот факт, что в нем имелись храмы различных конфессий — православные церкви, католический костел и синагога. (Большая часть этих храмов была снесена после 1917 г.).

44.33.2. Экономика

- спиртовой комбинат
- ликёро-водочный завод
- мясокомбинат (закрыт)
- лесопромышленный комбинат (закрыт)
- деревообрабатывающий завод
- завод металлоизделий
- швейная фабрика (закрыта)
- трикотажная фабрика (закрыта)
- мебельная фабрика

Мариинский район — преимущественно сельскохозяйственный. А сам Мариинск - ликеро-водочный и железнодорожный.

44.33.3. Транспорт

Федеральная автомагистраль М 53 «Байкал», автодорога Р 400 из Томска.

Железнодорожная станция Красноярской железной дороги.

Вернуться к ссылке

44.34. Морозов Пётр Иванович

1908	родился в Мариинске Томской губернии
1977	умер в
1939	член ВКП(б)

Образование

1928	окончил сельскохозяйственный техникум
1930 - 1934	учёба в Омском сельскохозяйственном институте
1935	окончил педагогическое отделение Омского сельскохозяйственного института

Послужной список

1928 - 1930	зоотехник
1934 - 1936	зоотехник совхоза, преподаватель Куйбышевского зооветеринарного техникума (Новосибирская область)
1936 - 1937	в РККА
1937 - 1941	директор зооветеринарного техникума (Новосибирская область)
1941 - 1946	заместитель начальника Новосибирского областного земельного отдела
1946 - 1947	начальник Новосибирского областного отдела животноводства
1947 - 1949	заведующий Сектором Совета по делам колхозов при СМ СССР
1949 - 1951	заместитель председателя Исполнительного комитета Новосибирского областного Совета
1951 - 8.1952	1-й заместитель председателя Исполнительного комитета Новосибирского областного Совета

8.1952 - 2.1955	председатель Исполнительного комитета Кемеровского областного Совета
2.1955 - 8.1957	министр сельского хозяйства РСФСР
15.8.1957 - 9.4.1964	1-й секретарь Амурского областного комитета КПСС
31.10.1961 - 29.3.1966	член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС

Награды	орден Ленина
	орден Трудового Красного Знамени

Фотография - Депутаты Верховного Совета СССР 6-го созыва. Предоставлена whp057.narod.ru
Источники:

Советская историческая энциклопедия, тт. 1 - 16, Москва, 1961 - 1976

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии, 1957 - 1990, Москва, 1958 - 1991

Молотов, Маленков, Каганович 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы, Москва, 1998

Вернуться к ссылке в гл. 6

Вернуться к ссылке в гл. 17

44.35. Александр Осипович Корнилович (1800-1834)

Александр Осипович Корнилович (1800-1834) - штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба, историк и литератор. За участие в событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Корнилович был приговорен к ссылке в Сибирь. После года каторжных работ возвращен из Читинского острога в Санкт-Петербург и почти пять лет провел в одиночной камере в Петропавловской крепости.

Здесь были написаны им 37 записок "на высочайшее имя" по вопросам внутренней и внешней политики, экономики, истории и литературы, воспитания, образования и религии. Кроме этих записок, которые впервые публикуются полностью, в книгу вошли ответы Корниловича на "вопросные пункты" по делу о связях декабристов с австрийским правительством, его письма 1826-1834 гг. и роман "Андрей Безыменный", также написанный в заключении.

См. также **Корнилович Александр Осипович** (БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ)

Вернуться к ссылке, **к ссылке 2**

44.36. Альманах «Русская старина»

Исторический и одновременно литературный альманах «Русская старина». Карманная книжка для любителей и любительниц отечественного» издавалась декабристом А. О. Корниловичем; вышла всего одна книжка – на 1825 г. Корнилович – историк и исторический беллетрист, серьезно изучавший эпоху Петра I, участник Вольного общества любителей российской словесности, был сотрудником «Полярной звезды» и других изданий.

Книжка «Русской старины» состояла из пяти статей Корниловича, объединенных общим названием «Нравы русских при Петре Великом», и четырех статей историка и этнографа В. Д. Сухорукова, имевших заглавие «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетии». В произведениях Корниловича очень высоко оценивалась деятельность Петра I как просвещенного монарха-реформатора, делалось характерное для декабристов скрытое противопоставление Петра I Александру I. Пушкин, работая над «Арапом Петра Великого», обращался к статьям Корниловича, в частности к статье «О первых балах в России».

Сухоруков собирал материалы по истории Войска Донского. В своих работах он подчеркивал героизм, мужество, природное свободолюбие донского казачества, т. е. те гражданские добродетели, которые прославлял Рылеев в «думах» и поэмах. Статьи Корниловича и Сухорукова, отличаясь исторической точностью, были в полном смысле слова художественными произведениями.

«Русская старина» была сочувственно встречена читателями и вскоре вышла вторым изданием.

См. также **"Случайный декабрист" Александр Корнилович**

Вернуться к ссылке

44.37. Крепость Виндебож (Виндомина, Виндобона)

И еще мы вправе попутно вспомнить римского императора и философа Марка Аврелия, который вел затяжные войны с разными народами на северных границах империи - квадами, маркоманами, сарматами и, как сказано в БСЭ, др. Среди других были, очевидно, и предки славян. И тут я должен вернуть читателя к уже известному нам Гржиму. Дело в том, что у меня в руках оказалось интересное письмо ленинградского ученого-ботаника Алексея Григорьевича Грумм-Гржимайло, сына знаменитого путешественника, отправленное 30 января 1966 года своему двоюродному брату московскому ученому-металлургу Николаю Владимировичу Грум-Гржимайло и возвратившее меня к истории их рода...А.Г. Грумм-Гржимайло был человеком точного, достоверного знания, и я, прочитав все его книги, снабженные, как правило, солидным справочнонаучным аппаратом, убедился, что ему можно верить.

Впервые Гржимали вышли на историческую сцену во II веке нашей эры. К северу от границ огромной Римской империи на территории Средне-Дунайской низменности находилась древняя Паннония, населенная тогда в основном вендами, т.е. славянами, относившимися к западной славянской ветви. В Паннонии на берегу Дуная стояла крепость Виндебож или Виндебон, как ее называли римляне. Под защитой толстых каменных стен этой крепости были сооружены древние храмы с идолами, которым поклонялись славяне этой области. Виндебож (впоследствии Вена) занимал господствующее положение на Дунае. Кто владел этой твердыней, тот и мог пользоваться бассейном Дуная для торговых и другого рода сношений. Римляне всячески старались завладеть этой крепостью и в 167-180 гг. н.э. вели упорные бои за Паннонию и ее главную цитадель. Командовал римской армией сам император Марк Аврелий. Ему удалось сдержать натиск северных варваров, но овладеть Виндебожем он не смог и в 180 году умер под его стенами.
Защищал эту крепость вендский вождь или рыцарь, получивший прозвище Гржимала. Гржим - это древнейший славянский корень, выражающий понятие гром, а в переносном смысле - сила, победа. Гржимала - прилагательное от слова гржим и было употреблено в смысле победивший и разящий. На гербе, которым ты интересуешься, изображена крепость Виндебож, а не гроб

господень, как ты пишешь, и рыцарь, стоящий в воротах в шлеме, со щитом и мечом на ударе,- это и есть наш родоначальник Гржим или Гржимала...

См. также **Германия — славянская земля**, **Мизун Юрий, Мизун Юлия - "Русь ведическая."** , **Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Становление России**, **НЕ ЧУЖДАЯ НАМ КРОВЬ**

Вернуться к ссылке

44.37.1. ВИНДОБОНА

ВИНДОБОНА (*лат*. Vindobona от кельт. vindo — белый; совр. Вена). Первоначально кельтское поселение, на месте которого после захвата Норика римлянами возник (вероятно, в сер. 1 в. н.э.) лагерь одной **алы**[133], а позднее, в кон. 1 в. — лагерь целого легиона и стоянка дунайского флота. В то время как расположенный несколько восточнее Виндобоны более древний и значительный лагерь Карнунт был отнесен к провинции Паннония уже при Тиберии, Виндобона была включена в систему провинциального управления только в правление Клавдия. В 180 во время 2-й Маркоманской войны в Виндобоне умер император Марк Аврелий. Вокруг лагерной стоянки легиона возникло гражданское поселение, процветавшее из-за близости к пересечению двух важнейших транспортных артерий — Дуная и «Янтарного пути». В 3 в. это поселение стало муниципием. В 5 в. Виндобона была оставлена римлянами.

Вернуться к ссылке

44.37.2. Виндомина

Около 3000 года до нашей эры на территории современной Австрии поселились венето-иллирийские племена, основавшие на месте одного из сегодняшних районов Вены поселок и возведшие вокруг него укрепления. После них сюда пришли кельты, которых в 16 году нашей эры сменили римляне. На месте нынешней Вены римляне нашли кельтское поселение «**Виндомина**» (кельтск. «Белые поля») и построили тут один из своих лагерей, центр которого находился на месте нынешнего Хохер-Маркт. Главный лагерь римлян располагался несколько дальше, но в Виндобоне (так римляне переименовали Виндомину) постоянно стоял гарнизон одного из римских легионов. Географическое положение Виндобоны позволяло римским войскам не только отражать набеги германцев, но и самим предпринимать захватнические вылазки.

Со временем вокруг военного лагеря стали вырастать торгово-ремесленные поселки. В Виндобоне охотно и подолгу жил римский император Марк Аврелий, здесь он и умер в 180 году. С течением времени римляне были вытеснены отсюда новыми завоевателями, которые в этом районе вообще часто сменяли друг друга, но наиболее настойчиво к захвату этих земель стремились германские племена, которые переименовали **Виндо-бону** в **Вению** Нынешнее название австрийской столицы впервые упоминается в исторических хрониках в 1030 году, но только в 1037 году Вена называется городом. Тогда она входила во владения герцогского рода Бабенбергов — могущественных правителей, владевших многими австрийскими землями. Однако сами Бабенберги тогда еще не жили в Вене, потому что она была слишком открыта для нападений мадьяр.

44.38. Марк Аврелий

Марком Аврелием Антонин, Marcus Aurelius Antoninus Augustus (лат.), римский император, прославленный "философ на троне". Правил с 7 марта 161 до 17 марта 180: с 161 по 169 — вместе со своим названным братом Луцием Вером; с 177 до 17 марта 180 — со своим сыном Коммодом). Родился 26 апреля 121 и был

ыло», название происходит от традиционного применения легионной конницы на ное подразделение римской армии, позднее состоявшее обычно из союзников (*ala*

усыновлен своим дядей Антонином Пием, будущим императором. Умер 17 марта 180 в **Виндобоне** (совр. Вена) от морового поветрия.

44.38.1. Юность

В силу своего рождения Марк Аврелий получил прекрасное образование: учителем латинского красноречия был Фронтон, а греческого — Герод Аттик. Философии его обучали платоник Александр, перипатетик Клавдий Север, стоик Аполлоний из Халкедона, но главным его наставником стал Квинт Юний Рустик, который познакомил его с трудами Эпиктета. Через полгода после смерти императора Адриана, Марк Аврелий вступил в должность квестора (5 декабря 138), стал консулом в 140 и 145, когда был оформлен его брак с дочерью императора Антонина Пия — Фаустиной Младшей.

44.38.2. Первый период правления

1 января 161 Марк в третий раз стал консулом и после смерти Антонина Пия началось совместное правление Марка и его названного брата Луция Вера. Почти сразу же началась война против парфян, вторгшихся в римские владения. Положение было тяжелым, но уже в 163 была отвоевана Армения, в 164 была захвачена парфянская столица на Евфрате Ктесифон, а в 166 был заключен выгодный для римлян мир, закрепивший за ними города северо-западной Месопотамии — Эдесса, Карры, Нисибис.

Марк Аврелий

денарий **Марк Аврелий**, 161-180

Вскоре положение осложнилось и на севере, где варварские племена германцев и сарматов вторглись в 167 в пределы империи. Командование римскими легионами возглавил сам Марк Аврелий и ему удалось к 175 заключить мир. Германцы признали римский протекторат и поселились на территории римских гарнизонов.

44.38.3. Второй период правления

В 175 наместник Сирии, видный полководец, отличившийся в войне с Парфией, Авидий Кассий, поднял мятеж. Он объявил себя императором, распустив слух о смерти Марка Аврелия. Несмотря на поддержку мятежников наместником Египта, смута продолжалась недолго и через 3 месяца Авидий Кассий был убит своими сообщниками. Марк прибыл в восточные провинции позже и посетил Александрию, Сирию, Каппадокию, Смирну (совр. Измир), Грецию. В 176 Марк Аврелий объявил своего сына Коммода соправителем. Недолго отдохнув в Риме, Марк был вынужден отправиться на север, где в 177 началась новая война с германцами, закончившаяся в 179 победой римского оружия. Но воспользоваться плодами своих побед Марк Аврелий уже не смог, ибо скончался 17 марта 180 в Виндобоне. После смерти император был официально обожествлен, в честь его был построен храм и назначены жрецы. Военные деяния **Марка Аврелия** запечатлены на барельефах 30-метровой колонны в Риме, а на Капитолии до сих пор стоит конная статуя императора[2].

На Капитолийской площади стоит памятник Марку Аврелию - единственная сохранившаяся античная бронзовая конная статуя. Статуя уцелела только потому, что ее считали изображением императора Константина Великого, который покровительствовал христианам и был всегда глубоко почитаем ими;

См. также **Марком Аврелием** (Энциклопедия «Вокруг света»)

Вернуться к ссылке

44.39. Гримальди

(из истории княжеского рода Гримальди – правящей династии Монако)

Заселение этого участка морского побережья восходит к незапамятным временам. Находки в Гротах Обсерватории Монако относятся к каменному веку. Кто были эти племена, как звались – неизвестно. Археологические раскопки показали лишь, что в I тысячелетии до нашей эры их практически уничтожили пришельцы, разрушив поселения и оставив слои грандиозных пожаров. Здесь расселились тогда воинственные племена лигуров. Впрочем, их самих вскоре вытеснили финикийцы.

В период финикийского господства здесь был выстроен храм Мелькарта, которого греки и римляне отождествляли с Гераклом. Легенда рассказывает, что этот герой и основал Монако. Решив отдохнуть в этом чудесном уголку Лазурного берега, он дал ему название Портус Геркулис Монеки - Геркулесова уединенная пристань. От этой пристани будто бы и пошел город.

На самом деле уже в X веке до нашей эры здесь была финикийская крепость. Финикийцы удерживали этот участок берега довольно долгое время. Они как раз и завезли в Монако многие растения из далекого Леванта, в том числе и пальмы.

В VI-VII веках до нашей эры название Монако упоминается в перечне греческих колоний на Средиземном море. Город-крепость в удобнейшей бухте был одним из важнейших стратегических пунктов между Генуей и Массалией (Марселем). Это прекрасно понимали римляне, вторгшиеся сюда в I веке до н. э. Намереваясь закрепиться здесь надолго, римляне проложили знаменитую Виа Юлиа - дорогу, которая начиналась в районе нынешнего города Вентамильи и через Ла-Тюрби и Монако шла до Ниццы и еще дальше - до Марселя. В течение пяти веков Виа Юлия была одной из главных дорожных артерий Римской империи, связывавшей Рим с Галлией, Германией, Испанией и Англией. Известно также, что именно в Монакском порту Цезарь собирал свой флот для битвы с Помпеем. Римлян вытеснили арабы, а их во второй половине XI века нашей эры - генуэзцы. Одни «захватчики и оккупанты» моментально сменяли здесь других…

12 июня 1162 года император Священной Римской Империи Фридрих Барбаросса отдал консулам

Генуэзской республики права на все побережье Лигурийского моря от Специи до Монако, а через 30 лет сын Барбароссы Генрих VI передал во владение генуэзцам скалу и гавань Монако. В 1215 году генуэзцы построили здесь квадратный замок с четырьмя башнями на фундаменте старой крепости – знаменитое «каменное гнездо».

Легенда рассказывает о том, что в один из рождественских дней 1297 года в ворота замка постучался скромный монах-францисканец. Ничего не подозревающие караульные пустили его обогреться. Оказавшись внутри, монах сбросил рясу и выхватил оружие. Вслед за ним в открытые ворота замка ворвалась группа вооруженных воинов. Этим переодетым монахом был Франсуа Гримальди, основатель династии, и поныне правящей в Монако.

Захват Монако родом Гримальди тесно связан с историей Генуи, с борьбой между партиями гибеллинов и гвельфов. В конце XIII в. Гримальди поддерживали гвельфов, то есть сторонников папы римского. Патрицианская семья Гримальди была изгнана из родного города и поселилась в небольшой усадьбе неподалеку от Вентимильи и Монако. А затем решила свои «жилищные проблемы» таким обычным для своего века путем. Истинно говорят, «вор у вора дубинку украл».

Род Гримальди - один из немногих, который правит с XIII в. По всей Европе он славился некогда своей скандальной репутацией. Даже после того как в результате длительной борьбы этой династии удалось окончательно утвердиться у власти в 1419 году, наследники Франсуа

Гримальди продолжали заниматься пиратством и разбоем, нападая на торговые суда. Позднее они решили узаконить грабежи и ввели для купцов «право проезда мимо Монако». Плата равнялась двум процентам от стоимости провезенных товаров.

Жан II Гримальди был убит на двенадцатом году правления своим братом Люсьеном. Тот в свою очередь княжил восемнадцать лет - пока его не заколол кинжалом племянник Бартоломео Дориа. Его преемник Херкулес правил пятнадцать лет, а затем был утоплен во время купания. Генрих I Гримальди был сброшен своими подданными в море, Генрих IV Гримальди - в Сену. По сей день на гербе Монако красуются два монаха с обнаженными мечами, напоминая о приходе династии к власти - и о том, что здешние рыцари некогда были настоящими пиратами и разбойниками, грабившими жителей богатого Прованса и совершавшими набеги даже на Геную.

Уже в начале правления Гримальди Монако превратилось в самостоятельное княжество под протекторатом Генуи. Ему приходилось отстаивать свою самостоятельность у самой Генуи, миланского герцога, короля Франции. Самая известная осада Монако произошла в 1507 году, когда крепость была окружена генуэзцами и с суши, и с моря. Монакский гарнизон героически сражался 102 дня и отстоял независимость княжества. Однако к концу XV века княжество уже было в упадке, и в 1524 году князь Августин Гримальди обратился к Карлу V, императору Священной Римской Империи, с просьбой взять княжество под протекторат. В 1605 году территорию княжества заняли испанские войска, а в 1641 году княжество перешло под протекторат Франции. В результате Великой французской революции, сбросившей с трона короля, была свергнута и княжеская власть в Монако. На протяжении бурного для Европы XIX века она восстанавливалась и низвергалась еще дважды.

Казалось бы, век рыцарей-разбойников прошел. Впрочем… Впрочем, не тот ли дух заставил князя Гримальди дать свое согласие на строительство Монте-Карло, «города-рулетки» в 1861 году и придумать авантюру с подоходным налогом, едва не закончившуюся войной с Францией в 1951 году…

DEO JUVANTE - С Божьей

44.39.1. Монако

Основателем рода Гримальди считался Отто Канелла, бывший в 1133 консулом Генуи; его сын получил имя Гримальди. В 1296, в ходе одной из гражданских войн в Генуэзской республике, гвельфы были изгнаны из Генуи и укрылись в Провансе. Собрав небольшую армию, они, возглавляемые Франческо Гримальди, 2 января 1297 завладели крепостью Монако. Согласно летописи, вождь гвельфов переоделся в францисканского монаха и был пропущен в крепость ничего не подозревавшими стражами, после чего открыл ворота вооруженным воинам.

44.39.2. Гримальди из рода Гелфов

Первые сведения о династии Гримальди из генуэзского рода Гелфов (или Гуэльфи) можно найти в документах и хрониках XIII века. И уже тогда упоминается договор с императором Генрихом VI на право владения этой территорией, затем появляются сведения о первых войнах Гелфов и Гримальди с кланом Гиббелинов, небезосновательно считавших эту землю своей собственностью. Только в конце XIII века в имущественных спорах появляется какая-то определённость, достигнутая, по обычаям того времени, с помощью шпаги и хитрости. 8 января 1297 года некие Франсуа Гримальди, его друг Орацио Гастальди и представители ещё шести корсиканских семей, переодевшись францисканскими монахами, ночью проникли в замок и захватили его, перебив стражу и спящих хозяев. Этот день считается днём основания династии Гримальди.

44.39.3. Генуэзские alberghi и родовая геральдика в XIII-XV вв

Этимология термина albergo проистекает от лангобардского “arbergo”, уходя корнями в античность: “heriberg” истолковывается как «казарма», «убежище». В современном итальянском языке “albergo” означает «гостиница». В локальных хрониках первые упоминания об альберго относятся к 1267 г., и уже к 1290-м гг. это понятие обретает терминологическую устойчивость. Со второй половины XIII в. под термином «альберго» подразумевают экономический и политический альянс различных знатных семей, не связанных кровными узами, но принявших одну фамилию с потерей своей собственной. Такому пониманию «альберго» эквивалентны ломбардское “domus” и тосканское “consorteria”.

Агрегация семей в альберго происходила поэтапно. Среди первых альберги, возникших до 1310 г., генуэзские историки называют семьи Спинола, Дориа, делла Вольта, **Гримальди**, Джентиле, Империале и Каттанео. Одним из самых ранних считается союз Сальваго, образованный до 1241 г. на основе объединения фамилий Порчи, Непителли и Стриджапорчи. Трудно с определенностью сказать, каковы были причины подобной консолидации. Но в последнем случае можно с уверенностью утверждать, что утрата прежней фамилии была выгодна семьям Порчи и Стриджапорчи по причине ее крайнего неблагозвучия - в переводе фамилии звучат как «свиньи» и «счищенная со свиней грязь».

См. также **Проклятие рода Гримальди**, **Монако - история княжества, отдых и путешествия в Монако**, **Княжество Монако**

Вернуться к ссылке

44.40. Герб Гржимал

… **герба “Гржимала”** (три кирпичного цвета башни в золотом поле; в открытых воротах средней башни вооруженный воин защищает вход, в **нашлемнике** [134]– три страусиных пера). Эта ветвь рода появилась в XV ст., …

…**контуры замка**, крепости, над стеной **пять** зубцов, по бокам три. В стене распахнуты двустворчатые ворота. В них - рыцарь в средневековых доспехах. В правой руке, вытянутой вперед, обнаженный меч. Все это взято в квадрат, над которым корона с **пятью** зубцами. И еще тут какие-то стержни, а на них **пять** пышных волнистых перьев. Что они означают - не знаю.

- Ну, вся эта символика не сложна - геральдисты хотели сказать, что фамилия, которой присвоен герб, участвовала в **пяти** крестовых походах из восьми...

…**Заимствование гербов** делалось или без всякой в знамени перемены, или с некоторыми изменениями, чрез которые постоянно просвечивает их первоначальный и коренной вид. Такие перемены, не чуждые, впрочем, и западной рыцарской геральдике, были необходимы для того, чтобы отличить герб одной фамилии от других гербов одного с ним разряда, а иногда делались вследствие требований геральдики как науки или в память отличий и подвигов. Для образца мы приведем несколько наиболее резких примеров разделения составных частей одного знамени по разным полям, перестановки их и изменения цветов:

1) в гербе, напр., *Гржимала* воин должен стоять в воротах крепости о трех башнях; у *Повалишиных* (Грб. VIII, 35) он поставлен на крепости вместо третьей башни; …

Вернуться к ссылке

---

[134] **НАШЛЕМНЫЙ**, *нашеломный*, вообще на шлеме находящийся; *нашлемное украшение*. *Нашлемник*, *нашеломник* м. гребень, дракон, орел, трубка с перьями и пр.

44.41. Болеслав III Кривоустый

Болеслав III Кривоустый (польск. *Bolesław III Krzywousty*) (20 августа 1085, Краков — 28 октября 1138, Сохачев, Польша) — князь Польши (с 1102) г., представитель династии Пястов.

Болеслав III был вторым сыном короля Владислава I Германа и Юдиты Чешской, дочери Вратислава II, короля Чехии.

Борьба за престол

После смерти Владислава I Германа развернулась длительная борьба за власть в Польше между его двумя сыновьями — Збигневом и Болеславом III. В этой борьбе Болеслав опирался на часть крупной польской аристократии, высшее духовенство и мелкое рыцарство, а также на союз с Киевской Русью и Венгрией. Збигнев, в свою очередь, рассчитывал на помощь императора Священной Римской империи, князя Чехии и князей Западного Поморья. В 1106 г. Збигнев был разбит Болеславом и бежал в Поморье, позднее, в 1122 г. он был пленен братом и ослеплен. В результате победа осталась за Болеславом III, который к 1108 г. установил свою власть во всех польских землях.

Поражение Збигнева не остановило его союзников: в 1109 г. в Польшу вторглась десятитысячная армия императора Генриха V. Однако Болеславу III удалось разбить немецкие войска в Глогувской битве и снять осаду с Вроцлава. Чешская армия также была вытеснена из страны. Вскоре Болеслав III сумел примириться с империей и Чехией.

Подчинение Поморья

Прекращение конфликтов с империей позволило Болеславу III заняться подчинением Поморья, власть польских князей над которым уже на протяжении века оставалась чисто номинальной. В 1113 г. войска Болеслава захватили поморскую крепость Накло и восстановили княжескую власть в области вдоль течения реки Нотец. Следующий этап борьбы за подчинение Поморья пришелся на 1116—1119 гг., когда польские войска захватили Гданьск и подчинили Восточное Поморье.

Основная борьба, однако, развернулась за Западное Поморье (Померанию), одну из наиболее развитых польских земель с богатыми и автономными городами (Щецин, Волин, Колобжег) и сильным немецким влиянием. В 1121 г. польские войска захватили Щецин, а в следующем году оккупировали остров Рюген. Западнопоморские князья признали сюзеренитет Польши. С целью усиления центральной власти Болеслав III начал активную христианизацию поморских земель. При помощи бамбергского епископа Оттона он обратил в 1124—1125 гг. в христианство язычников, которые все еще составляли большую часть населения Поморья. В 1128 г. было учреждено Поморское епископство в Волине (позднее перенесено в Камень Поморский (Каммин)).

Однако польскому влиянию в Поморье угрожали набирающие силу немецкие княжества северо-восточной части Священной Римской империи: Бранденбург, Саксония, Мейсен, а также архиепископство Магдебургское. В 1127 г. под их давлением князь Западного Поморья Вартислав признал сюзеренитет императора и выступил против Польши. В ответ Болеслав III объединился с Данией и в 1129 г. польско-датские войска вторглись на территорию Западного Поморья и быстро подчинили княжество. Вартислав бежал из страны, земли за Одером и Рюген отошли к Дании, восточная часть княжества — к Польше. Но полностью восстановить польскую власть над Западным Поморьем не удалось: Болеслав III был отвлечен событиями в Киевской Руси и Венгрии (см. ниже), а в результате в 1135 г. на имперском съезде в Мерзебурге Болеслав III, хотя и был признан сюзереном Западного Поморья, но в свою очередь принес оммаж императору за этот свой лен.

Участие в междоусобицах в Киевской Руси и Венгрии

Будучи женатым на дочери Святополка Изяславича, великого князя Киевского, Болеслав III неоднократно вмешивался в усобицы русских князей и воевал с Владимиром Мономахом, впрочем без особого успеха.

Неудачно также окончилось вмешательство Болеслава во внутренние конфликты в Венгрии. Польский князь поддержал претензии герцога Бориса против короля Белы II Слепого. В 1132 г. войска Болеслава III были разгромлены Белой II в битве при Шайо. Одновременно в Силезию вторглись чешские войска, союзные венгерскому королю. Болеслав III был вынужден в 1135 г. признать Белу II королем Венгрии.

Статут Болеслава Кривоустого

Перед своей смертью в 1138 г. Болеслав опубликовал свое завещание, известное как **Статут Болеслава** Кривоустого. В соответствии с ним Польское государство подлежало разделу между сыновьями Болеслава III: старший Владислав получал Силезию, второй сын Болеслав — Мазовию и восточную Куявию, Мешко — большую часть Великой Польши с Познанью, а младший Генрих — Сандомир и Люблин. Остальная часть территории Польши (Краковская земля, Серадзко-ленчицкая земля, западная Куявия и восточная часть Великой Польши) должны были образовать особый удел, который бы передавался старшему князю из рода Пястов. Таким образом, формировалась **система сеньората**: Польша дробилась на отдельные княжества, номинально подчиняющиеся старшему в роде князю, который получал титул великого князя Краковского и, в дополнение к своим наследственным землям, центральный удел. Ему также должно было непосредственно подчиняться Поморье. Великий князь Краковский должен был отвечать за внешнюю политику польских земель, заниматься организацией обороны страны и церковными вопросами.

Фактически Статут Болеслава Кривоустого более, чем на 200 лет закрепил в Польше феодальную раздробленность и повлек потерю таких польских территорий, как Силезия и Поморье.

Брак и дети

- (1103) Збыслава, дочь Святополка II, великого князя Киевского

  Владислав II Изгнанник (1105—1159), князь Краковский (князь-принцепс) (1139—1146), князь Силезии (с 1138 г.)
  дочь (род. 1111), замужем (1124) за Всеволодом, князем Муромским

- (1115) Саломея, дочь Генриха, графа Берг-Шелкингена
  Лешек (1115—1137)
  Рыкса (1116—1155), замужем (1129) за Магнусом Сильным; (1136) за Володарем, князем Минским; (после 1143) за Сверкером I, королем Швеции
  дочь (род. 1119), замужем (1132) за Конрадом Плотцкау, маркграфом Северной марки
  Зофия (ум. 1136)
  Казимир (1122—1131)
  Болеслав IV Кудрявый (1122—1173), князь Краковский (князь-принцепс) (1146—1173), князь Мазовии и Куявии (с 1138 г.)
  Гертруда (1123—1160), монахиня в монастыре Цвайфелтена
  Мешко III Старый (1126—1202), князь Краковский (князь-принцепс) (1173—1177), князь Краковский (1190, 1199—1202), князь Великой Польши (с 1138 г.)
  Генрих (1127—1166), князь Сандомирский (с 1138 г.)
  Добронега (1129—1147), замужем (1142) за Дитрихом, маркграфом Нижне-Лужицким
  Юдита (1130—1170-е), замужем (1148) за Оттоном I, маркграфом Бранденбурга
  Агнешка (1137—1182), замужем (1151) за Мстиславом II, великим князем Киевским
  Казимир II Справедливый (1138—1194), князь Краковский (1177—1190, 1190—1194)

Вернуться к ссылке

44.42. Владимир Мономах (1053 год — 19 мая 1125 года)

Полководец и государственный деятель Древней Руси, князь смоленский (с 1067 года), черниговский (с 1078 года), переяславский (с 1093 года), великий князь киевский (с 1113 года).

Внук Ярослава Мудрого, сын князя Всеволода Ярославича — одна из самых ярких личностей в древнерусской истории. Мать его была дочерью византийского императора Константина Мономаха (отсюда его историческое прозвище — Мономах, по деду).

Всю свою долгую жизнь Владимир Мономах посвятил объединению Русской земли и защите ее от постоянных набегов половцев. Под этим названием, а также под именем команов (у византийцев), кунов (у венгров), кипчаков (у грузин) этот кочевой народ, обитавший в южнорусских степях, встречается в древнерусских летописях, в польских, чешских, венгерских, немецких, византийских, грузинских, армянских, арабских и персидских письменных источниках. Воевать с ними Владимир Мономах начал, когда получил в удельное правление порубежное Переяславльское княжество, стоявшее на краю Дикого поля, или, как его тогда называли на протяжении целого столетия — Половецкой степи.

Отечественная история донесла до нас горестные цифры: с зимы 1061 года по 1210-й половцы совершили 46 только больших набегов на Русь, не считая малых. Больше всего от них досталось приграничной Переяславльской земле. Девятнадцать раз половецкие орды волной накатывались на это княжество, прикрывавшее собой, без малого, пол-Руси.

Для сравнения скажем, что на Поросье (область на реке Рось) пришлось 12 набегов. На Северскую землю — 7. На Киевское княжество и на Рязанщину — по 4. На Черниговщину, земли Белой Руси и другие области врагу приходилось прорываться через Переяславльское княжество. Набеги же степных хищников малыми силами в древнерусские летописи просто не записывались. Деревушка — не город, село — не посад. Да и много ли летописей Древней Руси дошло до наших дней.

Чтобы понять истинную роль Владимира Мономаха в борьбе с половцами на рубеже XI—XII столетий, достаточно упомянуть о

военных походах, совершенных им в не утихавшей войне с Диким полем. Немногие князья-ратоборцы в отечественной истории имеют подобный послужной список:

- поход 1078 года, когда юный князь шел из города-крепости Смоленска на помощь отцу князю Всеволоду и по дороге с жаркими боями пробивался через вторгшиеся на Русскую землю половецкие полки;
- битва в том же году на Нежатинской ниве с князьями-недругами Борисом Вячеславовичем и Олегом Святославовичем, в войсках которых находились и многочисленные наемные половецкие отряды;
- сражения на берегах реки Десны и за Новгород-Северским («за Новым Городом»), в результате которых в плен попали половецкие ханы Асадук и Саук, разгромлена конница хана Белкатчина и отбит большой полон, захваченный степняками в разоренных землях под городом Стародубом;
- поход против половецких кочевий — веж за порубежную реку Хорол в 1083 году;
- переход за реку Супой, во время которого по дороге к Прилукам произошла кровопролитная битва с половцами. На следующий день князь Владимир Мономах во главе переяславльской дружины пошел к Белой Веже, где нанес противнику большое поражение. Возможно, речь в древнерусских летописях здесь идет о двух разных походах в порубежье: на Супой и к Прилукам;
- поход против половцев, прорвавшихся через защищенное заставами порубежье на город Святославль;
- поход на пограничный город Торческ, подвергшийся внезапному нападению орды степняков и оказавшийся в осаде; поход на город Юрьев, по которому из Дикого поля был нанесен сильнейший удар половецкой конницей;
- ожесточенное и кровопролитное сражение с половецкими ханами-союзниками у Халепа;
- сражение с половецкой ордой близ Варина, где княжеские дружинники захватили половецкие вежи; жестокий бой со степной конницей в 1093 году на пограничной реке Стугне, в результате которого было предотвращено большое вражеское вторжение на русские земли;
- большое сражение в 1094 году у Чернигова с князем Олегом Святославовичем, который пришел на Черниговщину с «половечьскою землею». Впоследствии этот князь не раз наводил на Русь степные орды (не случайно в «Слове о полку Игореве» он назван Олегом Гориславичем);
- отступление с поредевшей в боях дружиной из Чернигова в родной город-крепость Переяславль «сквозь полки половечьские», которые пытались окружить князя Владимира Мономаха и его воинов; избиение под стенами Переяславля личных дружин половецких ханов Итларя и Китана в 1095 году;
- поход за Римов (пограничный городок в Посулье, сожженный во время нападения войском хана Боняка) в том же году;
- поход на половецкие вежи, кочевавшие в опасной близости от русского приграничья за рекой Голтвой;
- совместный поход с князем Святополком Изяславичем на хана Боняка за реку Рось на Бог (к реке Буг или к Богуславлю, стоящему и ныне на реке Рось); поход против кочевников-торков и половецких веж за пограничную реку Сулу;
- упорная погоня с князем Святополком Киевским за ханом Боняком (очевидно, в 1096 году, когда половецкое войско прорвалось через порубежье и напало на стольный град Киев);
- другая погоня за войском хана Боняка, совершившего внезапное нападение на приграничные русские земли, за ту же реку Рось в степное приграничье, но на сей раз княжеские конные дружины зашли глубже в Дикое поле;

- поход на вежи хана Боняка, одного из самых «злокозненных» степных правителей, из Переяславля за реку Сулу; первый большой поход из приграничья на вежи хана Урубу (Урусобу) к реке Молочной в 1103 году, что стало для степняков полной неожиданностью;
- еще один поход на половецкое войско хана Боняка к пограничному городу-крепости Лубну;
- большой поход против половцев в 1110 году к Воиню — русскому городку на Днепре — в союзе с князьями Святополком и Давидом Святославичами;
- большой степной поход 1111 года с киевским князем Святополком и другими русскими князьями-союзниками к половецким городам Шарукани и Сугрову; тогда русская рать за 22 дня проделала путь в 500 километров и оказалась в донских степях, самом центре половецких кочевий;
- большой поход 1113 года к Ромну и в Посульское пограничье с Олегом Черниговским и другими союзными князьями против могущественных степных ханов Боняка и Аепы.

По подсчетам историка С.М. Соловьева, еще в княжение своего отца Владимир Мономах одержал над половцами 12 побед в сражениях. Почти все — на степном порубежье Русской земли. Мономах стремился к единению Древней Руси, а произойти это могло только с прекращением княжеских междоусобиц, истощавших военные силы русских. Это удавалось ему далеко не всегда, а если получалось, то на непродолжительное время. Порой ему приходилось вооруженной рукой, в союзе с другими князьями, наказывать ослушников. Но все это делалось не с целью расширения собственных владений, а для укрепления русских княжеств перед общей опасностью в лице Дикого поля.

В период правления в стольном граде Киеве Владимиру Мономаху удалось объединить вокруг себя большую часть Русской земли. На княжеском съезде в городе Любече, состоявшемся осенью 1097 года (по летописи — «в год 6605»), Мономах убедил крупнейших русских князей объединить дружины для борьбы с половецкой опасностью и «устроить мир» на земле Отчизны, прекратив междоусобицы. Он явился организатором и вдохновителем целого ряда совместных походов русских князей против половцев. Самыми большими из них были походы 1103, 1107, 1111 годов.

В постоянной борьбе с Диким полем великий ратоборец Русской земли показал себя выдающимся тактиком и стратегом. Он основательно изучил характер набегов половцев на Русь и пришел к выводу, что эти набеги нужно упреждать. Кочевники обычно нападали на русские княжества в самом начале лета. Мономах же предложил совершать походы в степь ранней весной, когда после зимней бескормицы половецкие кони еще не набрали силы. Он же предложил громить половцев не в приграничье, а на территории их родовых кочевий.

Первый крупный дальний поход русской рати состоялся в 1103 году после Долобского совета князей. Владимир Мономах выступил в поход вместе с князем Святополком Киевским. Их войско состояло из конницы, которая шла берегом Днепра, и пеших воев, плывших на ладьях. В районе острова Хортица пешие ратники высадились на берег и вместе с конниками двинулись в степь. Русское войско за четыре дня прошло примерно 100 километров. Впереди двигался большой отряд — «сторожа», который выполнял функции сторожевого охранения и разведки.

Когда о движении русских полков стало известно в половецких вежах, ханы собрались на «съезд», чтобы обсудить такое небывалое дело — противник зашел в глубь Дикого поля. Ханы решили разбить русскую рать и затем незамедлительно совершить большой набег на Русь. Первое большое сражение с кочевниками произошло в урочище Сутень. Русская «сторожа» окружила здесь и уничтожила большой половецкий отряд во главе с ханом Алтунопой. Так половцев впервые разбили на их собственной земле.

Битва же с главными силами степного народа состоялась утром 4 апреля на реке Молочной. Летописец так описывает ее пролог: «И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу».

Сражение, как и ожидалось, началось яростными атаками несметной половецкой конницы, но русские ряды не дрогнули. Пешая рать, составлявшая «чело» (расположенная в центре), не позволила половецкой коннице разорвать себя и притянула к себе главные силы врага. Княжеские конные дружины, стоявшие на флангах («крыльях») начали разгром войска ханов. После жаркой сечи половцы обратились в бегство, русская конница преследовала противника, кони которого после зимовки потеряли прежнюю резвость. В той битве погибли 20 половецких ханов.

От такого удара половецкие орды не сразу пришли в себя. В мае 1107 года степняки во главе с ханами Боняком и Шаруканом совершили набег на окрестности порубежного города-крепости Переяславля. В августе они повторили набег и дошли до реки Сулы близ Лубеня. Владимир Мономах вновь поднял русских князей на совместный поход и внезапно обрушился на походный стан кочевников. Половцы не успели даже выстроиться для битвы. Захватив большой полон, русские дружины «с победой великой» вернулись домой.

Чтобы обезопасить Русь от разорительных набегов половцев, Владимир Мономах использовал не только военную силу, но и прибегал к дипломатическим приемам. Он женил двух из своих сыновей — Юрия, будущего Долгорукого, и Андрея — на дочерях знатных половецких ханов. Так поступали и другие удельные князья. Однако и это не удержало степные орды от набегов на северных соседей.

Тогда Владимир Мономах задумал совершить сверхдальний поход в Половецкую степь, выйти к Дону и там разгромить те половецкие **вежи** [135](кочевья), которые до сих пор избегали удара русских дружин. Этот поход состоялся в 1111 году, в конце февраля, когда степь находилась еще под снегом. Пешие русские ратники выступили в дальнюю дорогу на санях. На санях же везли тяжелое оружие и корм для коней.

Маршрут объединенного войска нескольких русских князей пролегал в стороне от ближайших к границам Руси кочевий, что обеспечило скрытность похода. В конце марта русское войско вышло на берега реки Северский Донец и взяло половецкие городки Шарукань и Сугров, освободив здесь много пленников.

Появление многотысячной русской рати в самом центре Дикого поля заставило половецких ханов соединиться в одно огромное конное войско. Произошло два больших сражения. Второе из них, состоявшееся 27 марта на берегах Днепра, отличалось необычной ожесточенностью. Владимир Мономах выстроил русские полки в привычный боевой порядок: пешие воины стали в центре, а княжеские конные дружины — на флангах (крыльях). Они составляли одну боевую линию. Но на сей раз древнерусский полководец поставил и вторую линию — ее составили полки самого Мономаха и черниговского князя Давыда Святославича.

Половецкая конница всей массой обрушилась на первую линию русских воев. Однако теснота на поле битвы не позволяла им вести прицельную стрельбу из луков, и степняки так и не смогли прорвать строй противника. Напрасно ханы раз за разом посылали своих воинов в атаку. Когда Владимир Мономах убедился, что наступательный пыл половцев иссяк, он ввел в сражение вторую линию. Такого большого поражения от русских, что произошло на берегу Дона, половцы еще не знали.

После разгрома в 1111 году половецкие вежи, чтобы избежать полного уничтожения, откочевали за Дунай, а до 40 тысяч половецких воинов вместе с семьями и стадами ушли в Грузию, нанявшись на военную службу к царю Давиду IV Строителю. Там из них был сформирован 5-тысячный отряд царской гвардии. Когда русская рать после победы на Дону вновь пришла в донские степи, то половецких веж она там не обнаружила.

---

[135] **вежа** (древнерусский шатёр, кибитка, башня), 1) то же, что кибитка; 2) жилище на каркасе из жердей, крытое дёрном, у саамов.

киби́тка (тюрк. кибит — крытая телега, лавка), крытая повозка — жилище кочевых народов евразийских степей.

В последние годы правления и жизни Владимира Мономаха кочевые орды из Дикого поля больше не тревожили русские земли. Безопасными стали жизнь в порубежье и торговые пути по Днепру. Черта земледелия продвинулась на юг.

Великий воитель известен еще и тем, что за годы своего княжения создал целую систему крепостей на степных границах Руси, гарнизоны которых бдительно «сторожили» Дикое поле. Он добился того, что русское войско сражалось и уходило в поход под единым командованием. Мономах выбрал правильную тактику борьбы с кочевыми ордами, стремясь прежде всего уничтожить живую силу врага, а не просто изгнать его из порубежья. Он часто собирал в походы народные ополчения. Став великим князем киевским, он значительно увеличил численность легкой конницы, воины которой во владении луком и саблей ни в чем не уступали степнякам. Владимир Мономах — автор знаменитого «Поучения» своим сыновьям, содержащего сведения о походах и войнах его времени и призывающего укреплять единство Руси. (В частности, в этом историческом документе говорится, что за свою жизнь великий князь-воитель совершил 83 больших и малых похода.)

Во время великого княжения Мономаха в Киеве и других городах было построено много больших и красивых храмов, переведено на славянский язык немало византийских (греческих) книг. Летописи приписывают ему важные дополнения к «Русской Правде» — своду древнерусских законов, действовавших на протяжении многих столетий. При нем Древнерусское государство достигло вершины своего могущества и расцвета.

Последние годы своей жизни Владимир Мономах посвятил государственному устройству Киевской Руси, которую поделил между сыновьями-наследниками. Он наказал им быть послушными старшему из них, правившему в стольном граде Киеве. Великий ратоборец Руси мечтал видеть своих сыновей сильными удельными правителями, подчиненными во всех больших делах великому киевскому князю. Его главенство должно было не только символизировать единство русских земель, но и оберегать ее от княжеских междоусобиц и кочевых народов Дикого поля.

44.42.1. Жены и потомство

Владимир Мономах был женат трижды, но в истории осталось имя лишь **первой** [136]его жены — Гиты, дочери короля Гарольда II

Дошедшие до нас сведения о детях последнего короля англосаксов весьма скудны. По-видимому, только Гите, младшей дочери Гарольда, было суждено продолжить род отца, да притом на русской земле.

Поскольку Гита (в скандинавской транскрипции Гида) принадлежала к датскому королевскому дому, о ней имеются сообщения в норвежских Королевских сагах: за её судьбой проследил знаменитый средневековый хронист Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus, 1150-1220), написавший многотомное сочинение «Деяния датчан» (Gesta Danorum). Кое-что удалось выяснить и датскому историку XVII века Тормоду Торфею (Thormodus (Tormod) Torfaeus, 1636–1719). Вот что нам известно о дочери короля Гарольда.

После смерти бабушки Гита уехала к своему дяде Свену Эстридсону (Ульфсону), королю Дании, и тот, как пишет Саксон Грамматик, «отечески оценив по заслугам благочестие и нежность девушки, своей родственницы, договорился о свадьбе с князем Владимиром…» Николай Михайлович Карамзин в «Истории государства Российского» убедительно доказал, что речь здесь шла о Владимире Мономахе (1053–1125), внуке Ярослава Мудрого, и в связи с этим особую роль в этом сватовстве, видимо, сыграла Елизавета Ярославна — тётка князя Владимира. Её первым мужем был норвежский король Гаральд Гардрада (Harald III Sigurdsson, Harald Hardraade или Hardrade, 1015–1066), о самоотверженной и романтической любви которого Алексей

---

[136] **Жены**: первая - Христина, королевна Шведская, дочь Ингора; вторая - Ефимия. http://www.peoples.ru/state/king/russia/vladimir_2/index.html

Константинович Толстой (1817–1875) написал балладу «Песня о Гаральде и Ярославне». После гибели Гардрады осенью 1066 года в битве при Йорке Елизавета Ярославна вторично вышла замуж — за короля Свена (Sven II Estridssen, 1018–1076) и, познакомившись с Гитой во время её пребывания в Дании, могла порекомендовать её в жены своему племяннику Владимиру Всеволодовичу.

Дочь короля англосаксов Гита фигурирует в другой исторической балладе Толстого «Три побоища». Правда, временные рамки в этом произведении смещены: поэт предполагал, что во время битвы при Гастингсе Гита уже была супругой Мономаха. На самом же деле Гиту привезли на Русь только в конце 1075 или в начале 1076 года, причём после того, как король Свен предпринял безуспешную попытку вернуть дочери короля Гарольда английский престол. Гита стала супругой Владимира Мономаха, и в 1076 году у неё родился сын Мстислав (умер в 1132 году), будущий великий киевский князь, который фигурирует в сагах под именем Гарольда — Гита назвала его в честь своего отца. Заметим, что в крещении Мстислав-Гарольд носил имя Феодор…

… Трудно утверждать категорически, кому из многочисленных детей Владимира Мономаха, кроме старшего сына, она приходилась матерью. Как известно, после Мстислава один за другим в период с 1076 по 1081–1082 годы появились на свет Изяслав (1077–1096), Святослав (1079–1114), Ярополк (1082–1139) и Вячеслав (1083–1154). По мнению историка Владимира Андреевича Кучкина, эти княжичи были погодками, а двое из них, возможно, даже были близнецами, так что, скорее всего, Гита была их матерью.

Младшие дети Мономаха: Роман, Юрий (будущий Долгорукий), дата рождения которого точно не установлена, Андрей (родился по летописям в 1102 году) и дочери Евфимия, Агафья, Мария, которые появились на свет после большого промежутка времени и вполне могли быть детьми другой женщины, не Гиты. Заметим, что в русских летописях дважды упомянуто о смерти жён Мономаха: в 1107 и в 1126 году. Нас интересует запись от 7 мая 6615 (1107) года, сообщающая о смерти «Володимеряи» (то есть жены Владимира). О том же горестная заметка в «Поучении» Мономаха: «…и Гюргиева мати умре». О Гите ли тут идёт речь?

См. также **Владимир Мономах. Русская цивилизация**, **Владимир Мономах историческое жизнеописание. *Дмитрий Емец***, **Владимир Всеволодович Мономах. *Д. С. Лихачев***, **Владимир II Всеволодович Мономах. Биография.РУ**, **Княгиня Гита на киевском столе. Вокруг света**, **Ищут себе чести, а князю славы, Н. КОТЛЯР**

Вернуться к ссылке

44.43. Князь Мстислав (Фёдор) Владимирович Великий, сын Владимира Мономаха

Мстислав был сыном великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха и княгини Гиты, дочери последнего перед нормандским завоеванием англо-саксонского короля Гаральда.

В 1088-93 гг. Мстислав владел Новгородом Великим, в 1093—95 гг. являлся держателем Ростовской и Смоленской земель, в 1095-1117 гг. вновь княжил в Новгороде Великом, в 1117-25 гг. — в Белгороде-Киевском и, по-видимому, являлся соправителем отца в Киеве; в 1125-32 гг. был великим князем киевским.

Мстислав воевал с половцами, чудью, литвой, русскими князьями-мятежниками и одержал много крупных побед. Особо выдающимся был его победоносный поход в Полоцкую землю в 1127 году, в котором приняли участие многие подвластные Киеву князья.

Мстислав заложил Новгород «больше первого», а в нем построил церкви Богородицы и Свт. Николая. В подвластной ему Ладоге была сооружена каменная крепость. В Киеве он построил церкви Свт. Феодора и Богородицы Пирогощи, а также основал Федоровский монастырь.

Многие ученые считали, что Мстислав являлся последним редактором «Повести временных лет».

Древний автор отмечал, что Мстислав «был великий правосудец, в воинстве храбр и доброразпорядочен, всем соседям его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен. Во время его все русские князи жили в совершенной тишине и не смел один другаго обидеть. Сего ради его вси именовали Мстислав Великий. Подати при нем хотя были велики, но всем уравнительны, и для того всии приносили без тягости».

Никольский Собор, заложенный в 1113 году по повелению князя Мстислава, сына Владимира Мономаха. Грандиозность Храма особенно ярко подчеркивается соседними небольшими храмами. В 16-17вв у Никольского Собора собиралось Новгородское Вече. В интерьере сохранились фрагменты фресок 17в. в 90-е года в ходе реставраторских работ Храм обрел первоначальные формы.

Князь Мстислав, будучи тяжко больным, увидел во сне святого Николая, который повелел направить в Киев посольство за чудотворной иконой. Так и было сделано, но на озере Ильмень разразилась сильная буря, и лодку с княжеской челядью прибило к берегу. Когда волнение стихло, у борта лодки была найдена икона с изображением Чудотворца. Мстиславу эта икона принесла исцеление, и он заложил сохранившуюся до наших дней церковь.

2-я половина 12 века явилась переломным этапом в истории древнерусского государства. Княжение Владимира Мономаха (1113 - 1125) и его сына Мстислава (1125-1132) в качестве князя киевского завершало существование единого древнерусского государства. Начался процесс его распада, наступала эпоха феодальеых центров, внесшая существенные изменения в этнополитическую и демографическую ситуацию в Восточной Европе. Ещё в 1-й четверти 12 века верховными собственниками северо-восточных земель оставались южнорусские князья, которые получали с Ростовской земли дань, судили местное население и предоставляли там кормления южнорусской знати. После смерти Владимира Мономаха (1125) эта зависимость прекратилась и князь Юрий Долгорукий стал первым самостоятельным князем Ростово-Суздальской земли. Политический центр древнерусских земель перемещался во Владимир.

См. также **Б.А.Рыбаков. Рождение Руси**, **Мстислав I Владимирович. Википедия**

Вернуться к ссылке

44.44. Владислав Локетек

Влади́слав Локо́ток (польск. Władysław I Łokietek, 1260 или 1261 — 2 марта 1333) — польский князь, король польский (с 1320).

Владислав Локетек. Рисунок *Яна Матейко*

Внук Конрада Мазовецкого, сын Казимира I Куявского. Прозвище Локоток (польск. *Łokietek*) получил из-за своего малого роста (по некоторым источникам 130 см).

Князь на Куявах и Добжыне (1267—1275; под опекой матери), удельное правление совместно с братьями (1275—1288), князь брест-куявский и серадзский (1288—1300), князь сандомирский (1289—1292); затем ленник короля чешского Вацлава II (1292—1300) и регент в Добжыньском княжестве (1293—1295), князь ленчицкий (1294—1300), князь великопольский и поморский (1296—1300).

В 1293—1295 союзник краковского князя (с 1290) Пржемысла, короля польского (Пржемысла II, 1295—1296).

После конфликта с Вацлавом II Чешским в изгнании (1300—1304); предполагается, что принимал участие в торжествах великого юбилея 1300, организованного Папой Римским Бонифацием VIII, пребывал в галицких и словацких землях.

Вернувшись из изгнания, во главе венгерских отрядов въехал в Краков (1306), распространил свою власть на Малую Польшу и Восточное Поморье. В 1314 присоединил к Малой Польше Великую Польшу и вёл борьбу за объединение всех польских земель. В 1320 коронован в Кракове польской короной (1320—1333).

См. также **Владислав II Локоток, король польский,** Из Энциклопедии Брокгауза и Ефрона

Вернуться к ссылке

44.45. Казимир III Великий

Казимир III Великий (Портрет Яна Матейко)

Казимир III Великий (польск. Kazimierz III Wielki) (30 апреля 1310—5 ноября 1370) — сын Владислава Локетка и Ядвиги Гнезненской, дочери калишского князя Болеслава, вступил на престол после смерти отца, в 1333 г. Последний король из династии Пястов. Многократно вступал в брак: с Анной (Альдоной) — княжной литовской из рода Гедиминовичей; с Адельгейдой, княжной Гессенской; с Ядвигой из Глогова. Также известно о его близких отношениях с двумя дамами: Кристиной из Праги и Эстер. От первой супруги у Казимира родились дочери — Кунигунда и Эльжбета; другие тоже принесли ему детей, однако их имена неизвестны.

Ситуация в Польше

В момент вступления Казимира на престол Польша находилась в тяжелом положении. Единства земли и власти, к которому всю жизнь стремился Владислав Локетек, не было: Силезия отпала к Чехии, Мазовия тяготела отчасти к Чехии, отчасти к немецким рыцарям, Поморье также ушло из-

под власти Польши. Страна была окружена врагами, которые отнимали у нее город за городом, грабили. Внутреннее состояние государства было не менее плачевно: бесправие, грубое дворянство, угнетенный народ, отсутствие просвещения, заброшенные поля, застой в торговле.

Надгробие Казимира III в Вавельском Соборе (Краков)

Политические достижения Казимира III

Величие Казимира III заключается именно в том, что он, несмотря на свою молодость, сразу понял положение вещей и наметил единственное средство спасения падающего государства — мир с соседями и внутренние преобразования. Все правление Казимира есть длинный ряд мирных договоров: с венграми (1334), чехами (*Вышеградский мир* 1336 г.), немецким орденом (*Калишский мир* 1343 г.). Нельзя сказать, что Казимир легко шел на уступки: он отдавал лишь то, чего удержать не мог, не упуская случая завладеть тем, что было плохо защищено. Так, после смерти бездетного Болеслава Галицкого, Казимир, пользуясь несогласием бояр относительно выбора князя, в два похода овладел княжеством Галицким, освободил его от татарского ига и склонил соседей (Венгрию и Литву) к признанию за ним нового приобретения.

Социальная политика

Казимир III принял строгие меры против грабежей и разбоев, в которых нередко участвовала и своевольная шляхта; дороги стали безопаснее, торговые сношения снова оживились. Казимир покровительствовал низшим классам: он выслушивал жалобы холопов о притеснении и наказывал виновных, в том числе дворянского происхождения; предупреждал народные нужды своими реформами. Так, им организованы автономные крестьянские общины, уменьшены подати, отданы крестьянам пустые земли. За эти действия Казимир получил прозвище *«короля холопов»*.

Национальная и культурная политика

Иностранная колонизация Польши при Казимире приняла значительный масштаб: большинство пустующих земель заселяют немцы, отчасти армяне, евреи, татары; всем им Казимир дарует магдебургское право, обеспечивает свободу вероисповедания. Все это приводит к экономическому и культурному росту страны.

Заботы Казимира о просвещении сказываются в открытии массы приходских школ и, наконец, в основании Краковского университета (1364), по аналогии с Болонским. Практическое направление деятельности университета состояло в следующем: было выдвинуто преподавание права, как наиболее нужное для внутреннего строя Польши. Казимир чувствовал с самого начала всю шаткость и неудобство обычного права, действовавшего в качестве закона в старой Польше, но только в конце своей долгой и упорной работы над внутренним объединением Польши он смог объявить единый определенный закон для всей Польши — известный Вислицкий статут (1346-47).

Казимир не хотел отставать от Европы и в украшении своих городов. По выражению Длугоша, «Казимир нашел Краков деревянным, а оставил каменным». Умер он в 1370 г.

Вернуться к ссылке

44.46. Ягайло

ЯГАЙЛО (Йогайла, Ягелло) (1351–1434) – великий князь литовский (1377–1392), король польский (Владислав II Ягелло, 1386–1434), родоначальник династии польских королей Ягеллонов.

Родился в 1351 в Вильнюсе; отец – великий князь литовский Ольгерд, мать – тверская княжна Ульяна Александровна. Был крещен в православие. Великим князем литовским стал по завещанию отца в 1377. Его дядя Кейстут, мечтавший о великокняжеском престоле для своего сына Витовта, не решался поначалу нарушить слово, данное Ольгерду в присутствии литовских и русских панов и бояр, и настаивать на своих желаниях. Он надел на голову Ягайло великокняжескую шапку, набросил на плечи горностаевую мантию, дал в руки меч – символы великокняжеской власти. Ягайло унаследовал мощное государство, простиравшееся от Балтийского до Черного морей. Можно было разделять и властвовать, но у Ягайло было 11 родных братьев и еще 6 двоюродных (сыновей Кейстута), что не обещало спокойной жизни.

В 1380 Ягайло заключил договор с http://www.krugosvet.ru/articles/44/1004448/1004448a1.htm3олотой Ордой против Московского княжества, стал союзником Мамая в http://www.krugosvet.ru/articles/113/1011379/1011379a1.htmКуликовской битве 1380, но в самой битве не участвовал, остановившись примерно на расстоянии одного дня пути от поля сражения.

В 1382 вел борьбу за власть с Кейстутом, имевшим немало крестоносцев среди наемников своего войска. Ягайло перекупил их и захватил в плен Кейстута вместе с женой Бирутой и сыном Витовтом. В Кревском замке Кейстут, по

показаниям одних источников, в припадке отчаяния сам на себя наложил руки, а согласно другим, был задушен по приказанию Ягайло. Говорили, что Ягайло приказал утопить и Бируту, отняв перед этим у них Вильнюс и замок в Троках (ныне Тракай). Двоюродный брат Ягайло Витовт, заключенный вместе со своим отцом Кейстутом в тот замок, успел спастись бегством к великому магистру тевтонского ордена и начать борьбу с Ягайло. Она закончилась захватом Тевтонского орденом княжества Жемайтия в Литве. В 1383–1384, чувствуя шаткость власти, Ягайло начал искать поддержки у Польши. В результате Кревской унии 14 августа 1385 Ягайло обязался принять католичество и возвратить Польше отторгнутые у нее ранее земли. В 1386 к Ягайло приехали послы из Кракова, прося принять польскую корону (краковцы протестовали против передачи ее бездетным польским королем Казимиром подольскому князю Константину Ольгердовичу – сводному брату Ягайло, сыну Ольгерда от первой жены Марии Ярославны, княжны витебской).

Посоветовавшись с матерью и панами, поняв, что на восток в московские земли ему дорога заказана, Ягайло устремился на запад. Он без сомнений перешел в римскую веру, был крещен под именем Владислава II, вступил 18 февраля 1386 в брак с польской королевой Ядвигой I, что позволило Польше объединиться с Литвою и составить единое государство с польской системой управления. При включении Литовского княжества в состав Польского королевства Ягайло было предписано «навек присоединить все свои земли, литовские и русские, к короне Польской». Вопрос о том, был ли Ягайло польским королем или только супругом польской королевы, подвергался польскими учеными сомнению еще в 19 в. Но факт утверждения польской династии Ягеллонов на польском троне на 200 лет (с 1386 по 1572) не требует доказательств.

В 1386 прибывший в Литву Ягайло начал массовое крещение литовцев. Крестившие рыцари получали от него значительные привилегии. 20 февраля 1387 он дал право городского самоуправления Вильнюсу. Однако такая политика нравилась далеко не всем. Значительная группа оппозиционно настроенных ему литовских князей в 1392 добилась передачи власти в Литовском княжестве Витовту, правда, с сохранением за Ягайло титула «верховного князя» Литвы. Тем самым уния Литвы и Польши не была нарушена. Она по-прежнему служила мощной основой сопротивления наступлению Тевтонского ордена, удерживавшего литовские (Жемайтию) и польские (Добжинскую провинцию) земли.

В 1402 Ягйало вторым браком женился на Анне Цилийской, прожил с ней 15 лет в ожидании наследника, но рождались дочери. В 1409 начал Великую войну с Тевтонским орденом, поддержанным Священной Римской империей. В знаменитой Грюнвальдской битве 1410 объединенные силы Польши и Литвы при участии русских, украинских, белорусских и чешских полков разгромили основные силы Тевтонского ордена, за чем последовало освобождение Жемайтии и Добжинской земли. Во всех этих событиях Ягайло проявил себя талантливым организатором и военачальником, добившемся также выплаты Тевтонским орденом в 1411 значительной контрибуции.

В 1413 году в Городле (Западный Буг) между польским королем Владислав II (Ягайло) и великим князем Литовским Витовтов была заключена новая уния, которая ограничивала участие православных в государственном управлении и в соответствии с которой Польша и Литва обязались никогда не воевать между собой.

Но самым знаменательным было то, что в Городле король Владислав дал литовским и южно-русским боярам католической веры права польской шляхты и польские гербы. Новоиспеченной шляхте были переданы в вечное владение земли, на которых они сидели. Отныне, все административные должности в Литовском государстве имели право занимать только лица католического вероисповедания.

Против этого выступил брат Ягайло – Свидригайло, который опирался на украинских и белорусских князей и выступал против сближения с Польшей. Но успех сопутствовал не ему, а Ягайло. В июне 1431 Ягайло во главе польских войск вторгся на Волынь (смерть Витовта в 1430 развязала ему руки). Ягайло поддерживала польская знать, церковь, выступавшая против союза

Польши с Чехией и всемерно стремившаяся к распространению католичества в Литве, а также далее – на Западной Руси. Свидригайло пытался оказывать сопротивление своему родственнику, но в результате его поражения в битве у реки Святой князем Литвы стал Сигизмунд (1435–1440). Актом от 3 января 1433 Ягайло подтвердил решимость в случае смерти Сигизмунда передать под власть Польши все литовские земли.

С 1417, желая иметь наследника, Ягайло не единожды женился (в 1417 ему уже было 66 лет): вначале на Елизавете Грановской, но брак был недолгим и бесплодным, затем, уже в четвертый раз, на Софье, от которой, наконец, родились сыновья, в том числе будущие короли Польши Владислав III и Казимир VI.

Ягайло умер 1 июня 1434 в Городоке. В оценке его личных качеств историки расходятся. Одни полагают, что он был человеком небольшого ума и слабого характера, а его роль в истории приписывают стечению обстоятельств. Другие, и, в частности, литовские историки, отмечают его большие способности, личное влияние на ход исторических событий; но и те, и другие считают его жестоким и вероломным правителем.

См. также **Ягайло**, Материал из Википедии, История Беларуси : **Ягайло** (1377 - 1381, 1382 - 1392)

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.38

44.47. Грюнвальдская битва

(**Танненбергская битва**, 15 июля 1410) — решающее сражение «Великой войны» 1409—1411 между Польшей, Великим княжеством Литовским, с одной стороны, и Тевтонским орденом — с другой. Битва закончилась полным разгромом войск Тевтонского ордена. Произошла близ Грюнвальда и Таннеберга (Пруссия), откуда и получила своё название.

Великий магистр ордена Ульрих фон Юнгингена

Великий князь Витовт

Предыстория

«Великая война» 1409—1411 возникла из-за стремления Великого княжества Литовского вернуть находившиеся под властью Тевтонского ордена литовские земли (Жемайтию); Польша выступала союзником княжества в этом конфликте.

3 июля 1410 соединенные польско-литовские войска под командованием польского короля Владислава II Ягайло (Ягеллона) двинулись к границе владений Тевтонского ордена, навстречу им из столицы орденских владений Мариенбурга (современный Мальборк) вышла армия под командованием великого магистра ордена Ульриха фон Юнгингена. Среди тевтонцев, кроме собственно членов ордена и их вассалов, были рыцари из Германии, Франции и Англии, а так же наёмники швейцарцы, англичане и др; Всего 51 знамя, общей численностью 27 тыс. человек. Польское войско включало собственно польские полки, полки наемников (чехов и влахов), а так же полки «земли Леопольской», «земли Подольской, которая имела три знамени, ввиду многочисленности своего населения», «земли Галицкой»; в

литовской армии, которой командовал великий князь Литовский Витовт (Витаутас), двоюродный брат Ягайло, находились Гродненская, Ковенская, Лидская, Смоленская, Мстиславская и Оршанской (под командованием князя Смоленского Семена Лингвена Ольгердовича), Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская хоругви; на стороне союзников выступала также татарская конница. Всего польско-литовская армия насчитывала 91 хоругвь, 32 тыс. человек.

15 июля противники сошлись на равнине в треугольнике между селами Грюнвальд, Таннеберг (ныне — Стэмбарк) и Людвигсдорф (ныне — Лодвигово). Войска ордена выстроились фронтом в 2 км между Грюнвальдом и Таннебергом (в западной историографии сражение обычно называют битвой при Таннеберге) в две линии. Правое крыло первой линии возглавлял Конрад Лихтенштейн, левое — Фридрих Валленрод, вторую линию — сам великий магистр. Союзники выстроились в три линии на протяжении 2,5 км между Грюнвальдом и Людвигсдорфом. На левом крыле находились поляки (совместно с чехами, русью и др.) под командованием коронного маршала Польши Збигнева из Бжезя, третья линия — во главе с самим Владиславом, на правом — литовские войска под руководством Витовта, на крайнем правом фланге — татарская конница Джелал-эд-Дина, старшего сына Тохтамыша.

Битва

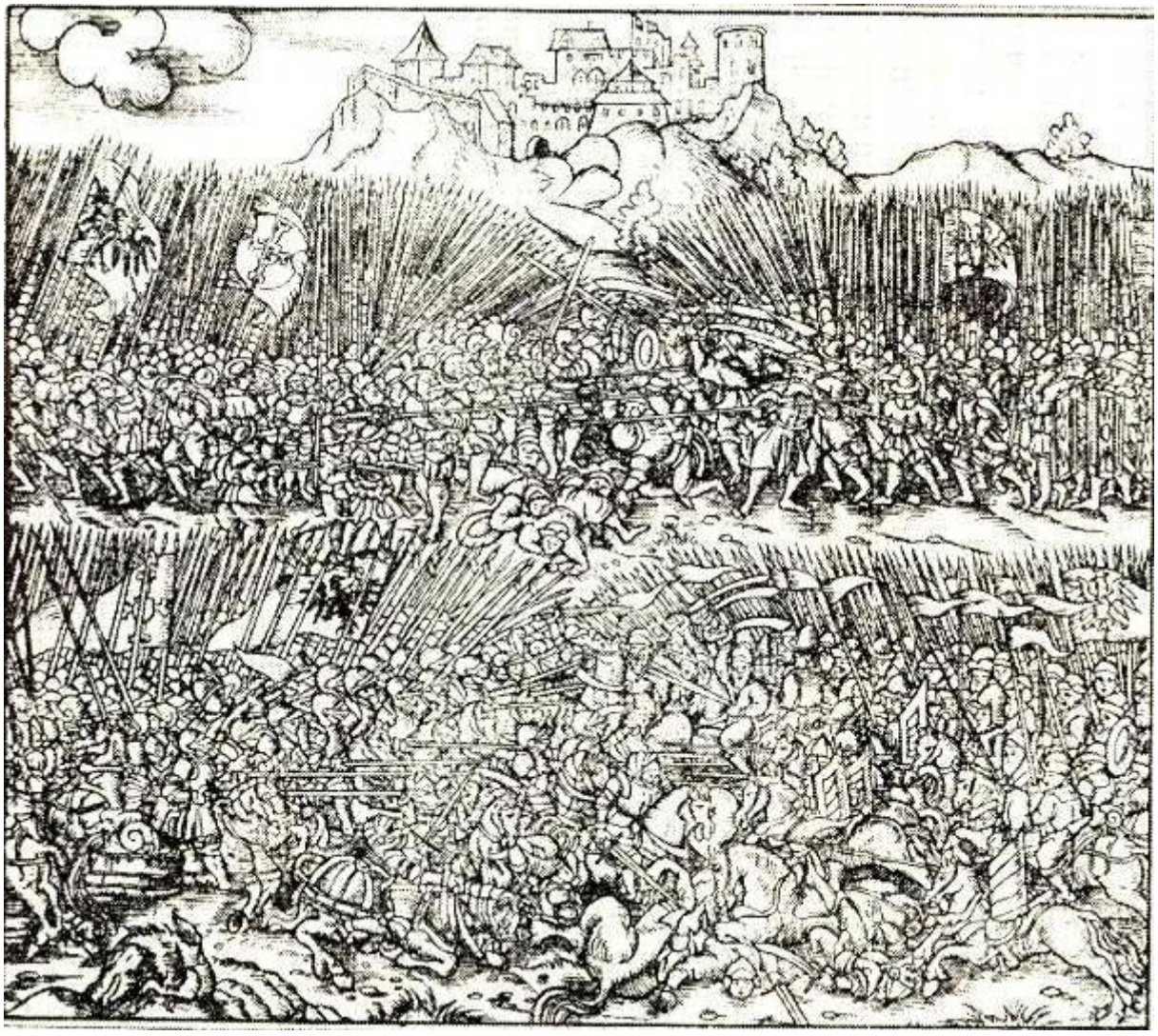
Сражение началось в полдень с наступления легкой конницы Витовта на левый фланг тевтонцев. Атака была встречена артиллерийским залпом (вероятно, первое и малоуспешное применение полевой артиллерии). Следом за легкой конницей в бой пошли остальные хоругви, коим уже не угрожала опасность пушечных выстрелов и лучников. В ответ началось

контрнаступление тяжелой кавалерии Валленрода. Одновременно с этим в бой втянулись первые польские войска первой линии и правый фланг Ордена.

Литовская кавалерия не смогла противостоять тевтонцам и обратилась в бегство. Валленрод начал ее преследование, однако тяжелая конница Ордена не могла двигаться по пересеченной местности быстро, что дало время Витовту перегруппировать войска. Одновременно Валленрод столкнулся с сильным сопротивлением литовско-русской пехоты. На помощь этим полкам Витовт выслал несколько хоругвий. Этот шаг изменил ход битвы. Удар крестоносцев сдержали "витязи земли смоленской" и виленская, трокская, городенская и жамойцкая хоругви. Хронист Стрыйковский описывает это так: «Трокская, виленская шляхта з Жамойцю стала трывалі з Вітаутам, і палякам мужна дапамагалі. Але ж іншыя паветы літоускія разбегліся хто куды мог у розныя бакі. І галоунай з святым Юрыем харугвы не стала, на якую усе войска Літоускае глядзела. Ужо было цяжка Літве, але Вітаут на чале з Наваградцамі і з Валынцамі смела стаяу». Кроме того, польские войска, потеснив Лихтенштейна, начали охватывать Валленрода еще и с правого фланга.

Чтобы исправить ситуацию, Юнгинген ввел в бой вторую линию тевтонской кавалерии, однако поляки также задействовали резерв, которым командовал Ягайло, а литовская конница Витовта успешно вернулась на поле боя и нанесла сильный удар по левому флангу Ордена, который увяз в бою с пехотой и потерял маневренность. После гибели Юнгингена и отказа части тевтонских войск продолжать сражение армия Ордена обратилась в бегство.

Погибло 205 орденских братьев, включая всех трех командующих. Общие людские потери составили около 8000 человек. Потери польско-литовского войска неизвестны.



Итоги

Около трети тевтонской армии полегло на поле боя, было убито практически все руководство Ордена, значительное число рыцарей попало в плен. Союзники «стояли на костях» три дня, после чего начали движение к Мариенбургу.

Замок был осажден, однако уставшее и ослабленное польско-литовское войско не решилось на штурм. Витовт отвел свои войска из-за угрозы восточным рубежам княжества, польские ополченцы стремились вернуться домой до уборки урожая. В результате через несколько недель осада была снята.

Завершивший Великую войну Торуньский мир 1 февраля 1411 имел относительно мягкие для Ордена условия: тот терял Жемайтию в пользу Великого княжества, Добжиньскую землю в пользу Польши и выплачивал контрибуцию. Однако фактическое уничтожение армии, необходимость выплаты контрибуции и выкупа за пленных рыцарей подорвали могущество тевтонцев — ряд ганзейских городов отказался от союза с ними, приток наемников и рыцарей из Центральной Европы сократился. Несмотря на это, как самостоятельное государство Орден просуществовал еще более века.

См. также **Варварская энциклопедия: Грюнвальдская битва**, **Грюнвальд**, Вечерний Минск, 18 Января 2007 г., **Грюнвальдская Битва**, Дикая охота, Военно-исторический клуб, **Икона Мальборкского Замка,** Литературная газета, Выпуск №49 - 50, **Грюнвальдская битва**, Хронос, **Грюнвальдская битва**, Википедия**, Грюнвальдская битва. Сражение при Грюнвальде-Танненберге (1410 год)**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.40

44.48. Разделы Польши

Разделы Речи Посполитой (польск. Rozbiór Polski или Rozbiory Polski; лит. Padalijimas) — раздел территории польско-литовского государства (Речи Посполитой) между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией в конце XVIII века (1772-1795).

Даты трёх разделов Речи Посполитой

- 5 августа 1772 года
- 23 января 1793 года
- 24 октября 1795 года

В результате Наполеоновских войн Наполеон Бонапарт на короткое время восстановил польское государство в форме Варшавского герцогства, однако, после краха Наполеоновской империи, три державы-победительницы вновь разделили Польшу и решили создать на завоёванных ими территориях автономные области, такие как:

- Великое герцогство Познанское
- Вольный город Краков
- Царство Польское

Предыстория земель, отошедших в состав России

Значительная часть территории, отошедшей в состав Российской империи, до середины XII века входила в состав Киевской Руси, а после распада единого древнерусского государства относилась к различным русским княжествам: Галицкому, Волынскому, Киевскому, Полоцкому, Луцкому, Теребовльскому, Турово-Пинскому и так далее. Большинство из этих земель подверглись страшному разорению во времена татаро-монгольского нашествия. Некоторые земли в Поднепровье на долгие годы теряют русское оседлое население и становятся т. н. *Диким Полем*, как например территория Переяславского княжества. С XIII века эта территория

становится объектом экспансии польского королевства и литовского княжества. В первой половине XIV века Киев, Поднепровье, также междуречье Припяти и Западной Двины захвачены Литвой, а в 1352 году земли Галицко-волынского княжества разделены между Польшей и Литвой. В 1569 году, в связи с люблинской унией между Польшей и Литвой, большинство русских земель, относившихся дотоле к владениям Литвы, переходят под власть польской короны. На этих землях распространяется крепостное право, происходит насаждение католичества. Местная аристократия в массе своей полонизируется, возникает культурный, языковой и религиозный разрыв между высшими и низшими слоями общества. Сочетание социального гнета с языковым, религиозным и культурным разобщением приводит к разрушительным народным восстаниям середины XVII века и кровавым мятежам 1760-х гг.(см. Колеевщина), от которых польско-литовское государство так и не смогло оправиться (Соловьев С.М. *История России с древнейших времён*).

Ситуация накануне разделов

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5:%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0-%D0%B4%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2.png

Карта Речи Посполитой до разделов

В середине XVIII века польско-литовское государство уже не было в полной мере независимым. Оно было фактически зависимым от Российской Империи. Российские императоры оказывали непосредственное влияние на избрание польских королей. Особенно ярко эта практика видна на примере избрания последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, бывшего фаворитом российской Императрицы Екатерины Великой. Во время правления Владислава IV (1632—1648), всё чаще стало применяться правило liberum veto. Эта парламентская процедура была основана на представлении о равенстве всех шляхтичей-депутатов сейма. Для принятия каждого решения требовалось единодушное согласие. Мнение любого депутата, что какое-либо решение повредит интересам его воеводства (зачастую подразумевались его собственные интересы), даже если это решение было одобрено всеми остальными депутатами, было достаточным, для того, чтобы это решение забаллотировать. Процесс принятия решений всё более затруднялся. Liberum veto также предоставляло возможности давления и прямого влияния и подкупа депутатов со стороны иностранных дипломатов.

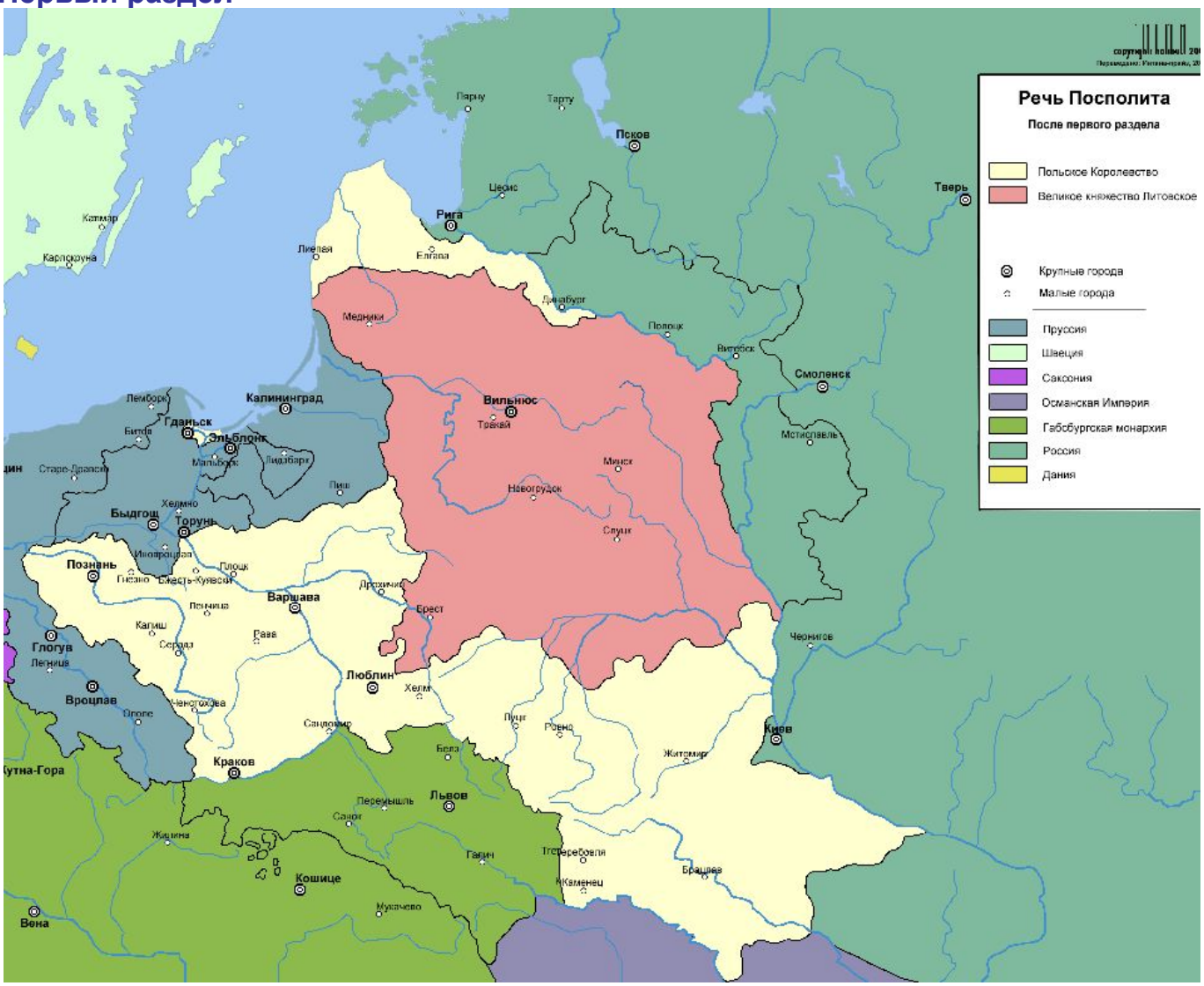
Речь Посполита сохраняла нейтралитет во время Семилетней войны, при этом, она проявляла сочувствие к союзу Франции, Австрии и России, пропуская российские войска через свою территорию к границе с Пруссией. Фридрих II принял ответные меры, заказав изготовление большого количества фальшивых польских денег, что должно было серьёзно затронуть экономику Речи Посполитой. В 1767 году через пророссийски настроенную польскую знать и российского посла в Варшаве князя Николая Репнина Екатерина II инициировала принятие конституции Речи Посполитой, которая ликвидировала результаты реформ Станислава II Понятовского 1764 года. Также был созван, так называемый репнинский сейм, работавший под фактическим контролем и на условиях, продиктованных Репниным. Репнин также приказал арестовать и выслать в Калугу некоторых активных противников своей политики, таких как Юзеф Анджей Залуский и Вацлав Ржевуский. В новой конституции были закреплены законом все порочные практики прошлого, в том числе, liberum veto (в части, именуемой кардинальные законы). Речь Посполита была вынуждена опереться на поддержку России для защиты от усиливающегося натиска со стороны Пруссии, которая желала аннексировать северо-западные районы Польши, дабы соединить свои западную и восточную части. В этом случае, Речь Посполита сохранила бы выход к Балтийскому морю только в Латвии и на северо-западе Литвы.

Репнин потребовал свободы вероисповедания для православных и протестантов и в 1768 г. некатолики были уравнены в правах с католиками, что вызвало негодование среди католических иерархов Польши. Такую же реакцию вызывал сам факт вмешательства во внутренние дела

польско-литовского государства, что привело к войне, в которой силы Барской конфедерации сражались против войск России, польского короля, восставшего православного населения Украины (1768—1772). Конфедерация также обратилась за поддержкой к Франции и Турции, с которой Россия в это время находилась в состоянии войны. Однако турки потерпели поражение от русских войск, помощь Франции оказалась несущественной и силы конфедерации были разгромлены русскими войсками Кречетникова и польскими королевскими войсками Броницкого.

Соседи Польши, а именно, Пруссия, Австрия и Россия, подписали секретное соглашение о сохранении неизменности законов Речи Посполитой. Этот союз позже стал известным в Польше как «Союз Трех Черных Орлов» (на гербах всех трёх государств был изображен черный орёл, в отличие от белого орла, символа Польши).

Первый раздел



Первый раздел (1772)

19 февраля 1772, в Вене было подписано конвенция о разделе. Перед этим, 6 февраля 1772 в Санкт-Петербурге было заключено соглашение между Пруссией и Россией. **В начале августа российские, прусские и австрийские войска одновременно вошли в Польшу**[137] и заняли области, распределённые между ними по соглашению.

---

[137] …она потихоньку уже вводила свои войска в Ципское графство, принадлежавшее Польше. В сумятице событий никто в Европе даже не заметил подлой агрессии. Это был первый шаг к разделу Польши. Действие Шестое Напряжение, **Фаворит, Пикуль В.С.**

Силы Конфедерации, исполнительный орган которой был вынужден покинуть Австрию после того, как та присоединились к прусско-российскому союзу, не сложили оружие. Каждая крепость, где располагались её воинские части, держалась максимально долго. Так, известна оборона Тынца, которая продолжалась до конца марта 1773 года, а также оборона Ченстоховы, возглавляемая Казимежем Пуласким. 28 апреля 1773 года российские войска под командованием генерала Суворова взяли Краков. Франция и Англия, на которых возлагали надежды конфедераты, остались в стороне и выразили свою позицию уже постфактум, после того, как раздел произошёл.

Ковенция о разделе была ратифицирована 22 сентября 1772. В соответствии с этим документом Россия завладела частью Прибалтики (Ливония, Инфлянт), до этого находившейся под властью Польши, и Белоруссией до Двины, Друч и Днепра, включая районы Витебска, Полоцка и Мстиславля. Под власть российской короны перешли территории площадью 92 тыс. км^2 с населением 1 млн 300 тыс. человек. Пруссия получила Эрмланд (Вармию) и Королевскую Пруссию (польск. Prusy Królewskie) (позже ставшую новой провинцией под названием Западная Пруссия) до реки Нотеч (нем. Netze), территории герцогства Померания без города Гданьск (Данциг), округа и воеводства Поморское, Мальборское (Мариенбург) и Хелминское (Кульм) без города Торн (Торунь), а также некоторые районы в Великой Польше. Прусские приобретения составили 36 тыс. км^2 и 580 тыс. жителей. К Австрии отошли Затор и Освенцим, часть Малой Польши, включающая южную часть Краковского и Сандомирского воеводств, а также части Бельского воеводства и вся Галиция (Червонная Русь), без города Кракова. Австрия получила, в частности, богатые соляные шахты в Бохне и Величке. В общей сложности, австрийские приобретения составили 83 тыс. км^2, и 2 млн 600 тыс. человек.

«Рейтан — Падение Польши», картина Яна Матейко. Холст, масло, 1866, 282 x 487 см

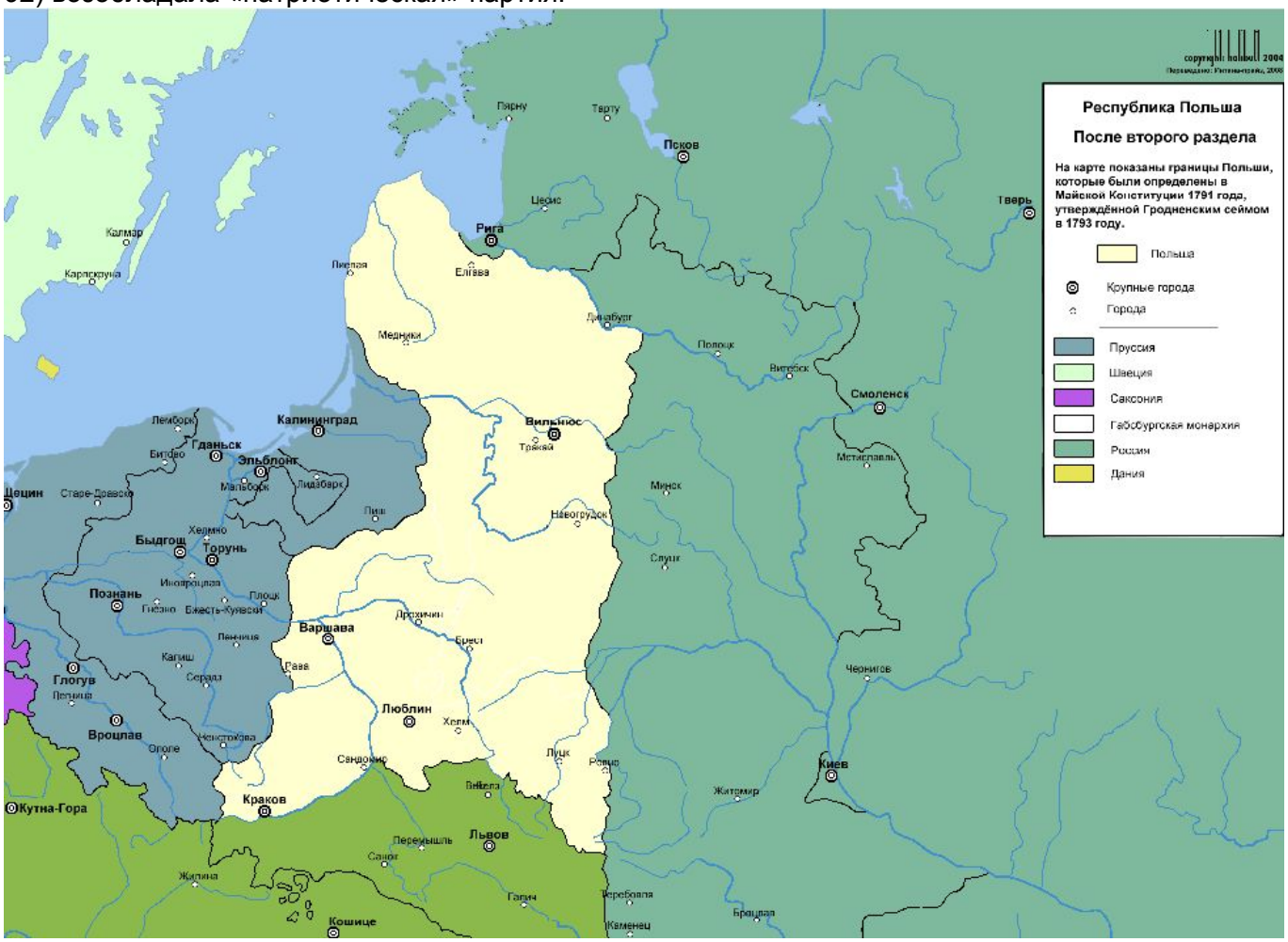
Заняв территории, причитающиеся сторонам по договору, оккупационные силы, потребовали ратификации своих действий с стороны короля и сейма. Под давлением Пруссии, Австрии и России Понятовский должен был собрать сейм (1772—1775) для утверждения акта раздела и нового устройства Речи Посполитой. Полномочная делегация сейма утвердила раздел и установила «кардинальные права» Речи Посполитой, в состав которых вошли избирательность престола, и liberum veto. Среди нововведений было установление «постоянного совета» («Rada Nieustająca») под председательством короля, из 18 сенаторов и 18 шляхтичей (по выбору сейма). Совет был разделен на 5 департаментов и осуществлял исполнительную власть в стране. Король уступил совету право отдавать земли «королевщины» в аренду. Совет представлял королю трех кандидатов на должности для утверждения одного из них. Сейм, продолжавший свою работу до 1775 года, провел административные и финансовые реформы, создал Комиссию Национального Образования, реорганизовал и сократил армию до 30 тыс. солдат, установил косвенные налоги и жалование чиновникам.

Захватив северо-западную Польшу, Пруссия взяла под контроль 80 % оборота внешней торговли этой страны. Через введение огромных таможенных пошлин, Пруссия ускоряла неизбежный крах Речи Посполитой.

Второй раздел (1793)

После Первого раздела в Польше прошли важные реформы, в частности в сфере просвещения. «Эдукационная комиссия», действовавшая в 1773—1794 (примас Понятовский, Хрептович, Игн.

Потоцкий, Замойский, Пирамович, Коллонтай, Снядецкий) с помощью средств, конфискованных у иезуитов, реформировала университеты, которым были подчинены средние школы. «Постоянный совет» существенно улучшил управление в военной, а также в финансовой, промышленной и земледельческой областях, что благотворно сказалось на состоянии экономики. В то же время возникла «патриотическая» партия (Малаховский, Игн. и Стан. Потоцкие, Адам Чарторыжский и др.), желавшая разрыва с Россией. Ей противостояла «королевская» и «гетманская» (Браницкий, Феликс Потоцкий) партии, настроенные на союз с Россией. На «четырехлетнем сейме» (1788—92) возобладала «патриотическая» партия.



В это время Российская империя вступила во вторую русско-турецкую войну (1787) и Пруссия спровоцировала сейм на разрыв с Россией. Условия польско-прусского договора 1790 г. были таковы, что последующие два раздела Польши оказались неизбежными. Конституция 3 мая 1791 г. расширила права буржуазии, изменила принцип разделения властей и упразднила основные положения конституции Репнина. Польша вновь получила право проводить внутренние реформы без санкции России. «Четырехлетний сейм», принявший на себя исполнительную власть, увеличил армию до 100 тысяч человек и ликвидировал «постоянный совет», реформировал «кардинальные права». В частности было принято постановление «о сеймиках», что исключило безземельную шляхту из процесса принятия решений, и постановление «о мещанах», что уравняло крупную буржуазию в правах со шляхтою.

Принятие майской Конституции повлекло за собой вмешательство со стороны соседей Польши, которые опасались восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. Пророссийская «гетманская» партия создала Тарговицкую конфедерацию, заручилась поддержкой Австрии и выступила против польской «патриотической» партии, поддерживавшей Конституцию. В военных действиях против «патриотической» партии, контролировавшей сейм, участвовали и русские войска под командованием Коховского. Литовская армия сейма была разгромлена, а украинская, под командой Иосифа Понятовского, Костюшки и Зайончка, потерпев поражения под Полоном,

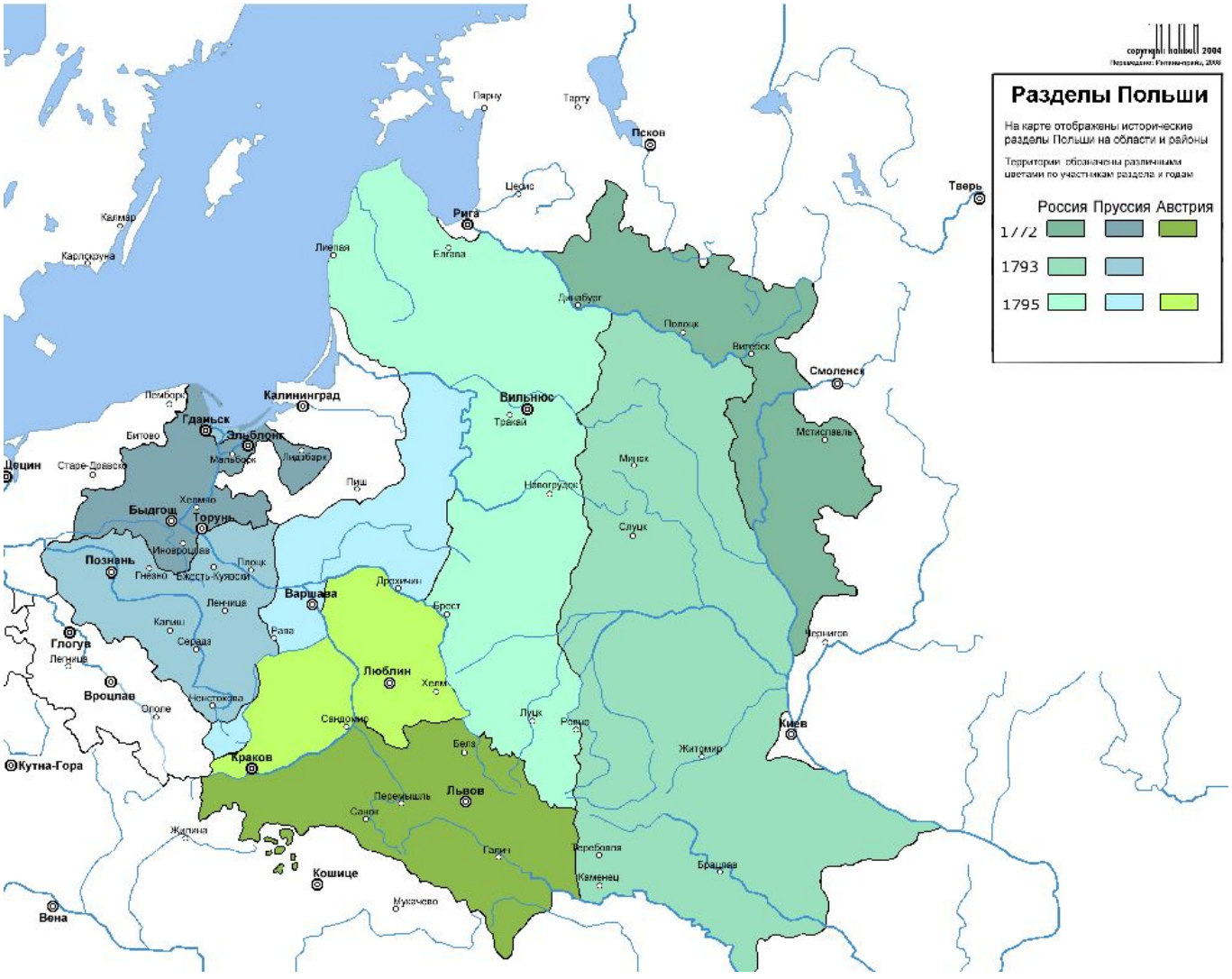
Зеленцами и Дубенкой отошла к Бугу. Будучи преданы своими прусскими союзниками, сторонники Конституции покинули страну, а в июле 1792 король присоединился к Тарговицкой конфедерации. 23 января 1793 Пруссия и Россия подписали конвенцию о втором разделе Польши, которая была утверждена на созванном тарговичанами Гродненском сейме (1793).

Согласно этому соглашению Россия получила белорусские земли до линии Динабург(Двинск)-Пинск-Збруч, восточную часть Полесья, украинские области Подолию и Волынь. Под власть Пруссии перешли территории, населенные этническими поляками: Данциг, Торн, Великая Польша, Куявия и Мазовия, за исключением Мазовецкого воеводства.

См. также Русско-польская война 1792, Восстание Костюшко, Гродненский сейм

Третий раздел

Поражение восстания Костюшко (1794), направленного против разделов страны, послужило поводом для окончательной ликвидации польского государства. 24 октября 1795 года государства, участвующие в разделе, определили свои новые границы. В результате Третьего раздела Россия получила литовские, белорусские и украинские земли к востоку от Буга и линии Немиров-Гродно, общей площадью 120 тыс.км2 и населением 1,2 млн человек. Пруссия приобрела территории, населенные этническими поляками, к западу от рр. Пилицы, Вислы, Буга и Немана вместе с Варшавой (получившие название Южной Пруссии), а также земли в Западной Литве (Жемайтия), общей площадью 55 тыс. км^2 и населением в 1 млн человек. Под власть Австрии перешли Краков и часть Малой Польши между Пилицей, Вислой и Бугом, часть Подляшья и Мазовии, общей площадью 47 тыс. км^2, и населением 1,2 млн человек.



Три раздела Польши на одной карте

Вывезенный в Гродно король Станислав Август Понятовский сложил свои полномочия 25 ноября 1795 г. Государства, участвовавшие в разделах Речи Посполитой, заключили «петербургскую конвенцию» (1797 г.), которая включала постановления по вопросам польских долгов и польского короля, а также обязательство, что монархи договаривающихся сторон никогда не будут использовать в своих титулах название «Королевство Польское».

Территория, перешедшая под власть российской империи, была разделены на губернии (Курляндскую, Виленскую и Гродненскую). Здесь были сохранены прежняя правовая система (Литовский статут), выборность судей и маршалков на сеймиках, а также крепостное право.

В Пруссии из бывших польских земель были созданы три провинции: Западная Пруссия, Южная Пруссия и Новая Восточная Пруссия. Официальным языком стал немецкий, введены прусское земское право и немецкая школа, земли «королевщины» и духовные имения отобраны в казну.

Земли, перешедшие под власть австрийской короны, получили название Галиция и Лодомерия, они были разделены на 12 округов. Здесь также были введены немецкая школа и австрийское право.

В итоге трёх разделов Речи Посполитой, к России перешли литовские, белорусские и украинские земли (кроме части Украины, захваченной Австрией), а коренные польские земли, населенные этническими поляками, были поделены между Пруссией и Австрией.

Четвёртый и пятый разделы

Последующие цифровые обозначения разделов польских территорий не имеют столь широкого распространения как три предыдущих. Они используются преимущественно в польской историографии. Под четвёртым разделом обычно понимается раздел Герцогства Варшавского на Венском Конгрессе 1815 г., хотя иногда (но гораздо реже) этот же термин может обозначать включение Царства Польского в состав Российской Империи в 1832 г. и включение Вольного города Кракова в состав Австрийской империи в 1846 г.

Под пятым разделом обычно подразумевается Пакт Молотова — Риббентропа и последующее за ним присоединение западных воеводств Польши к Третьему Рейху как генерал-губернаторства и одновременному присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в 1939 г.

Вернуться к ссылке

44.49. Грум-Гржимайло

- **Грум-Гржимайло** - польский дворянский род, герба Гржимала, происходящий от хорунжего петыгорского полка Луки Грума, владевшего поместьями в 1647 г. Его потомство внесено в VI часть родословных книг Могилевской и Симбирской губернии.
- **Барановские герба Гржимала (Подольской губернии).** Родоначальником Барановских герба Гржимала считается Петр Молоха (Петраш с Молохова) из рода Гржималов, в 1345 г. получивший за заслуги от польского короля Казимира Великого имение Баранов в Сандомирском воеводстве с замком над Вислой, от которого и произошла настоящая фамилия. К середине 16 в. род сильно разветвился и обеднел, некоторые его представители оказались в Подолии и на Волыни.
- **Заборовские (польские дворянские роды).** Заборовские - польские дворянские роды, гербов Гржимала, Остоя, Прус 2-й, Равич, Рогаля и Стржеме. Из них Заборовские-Гржимала восходят к началу XVII в. и внесены в I часть родословных книг Виленской и Ковенской губернии и книгу двора Царства Польского, а Заборовские-Равичи, восходящие к XVI в., внесены в I и VI часть родословных книг Киевской и Подольской губерний и княжеского двора Царства Польского. В. Л.

- **Гржимала** - дворянский **род** польского происхождения, герба **Гржимала** Гржемислав **Гржимала** из Залесья пожалован в 1400 г. землею в Ломжинской земле.

Казимир **Гржимала** владел поместьями в 1706 г. Его потомство внесено в I часть родословной книги Гродненской губернии.

- **Список Дворянских родов Седлецкой губернии, Роды утвержденные герольдией бывшего царства Польского, сост. Ананьев В.С. 1910, прислал Михаил Линниченко, MYLinnichenko@mtu-net.ru) (Фамилия, год утверждения, герб).**

Будзишевский (1840, Гржимала); Бартольдъ (1848, Гржимала); Вельгурский (1849, Гржимала); Гржимала (1844, Гржимала); Домашевский (1840, Гржимала); Збиковский (1849, Гржимала); Островский (1842, Гржимала); Охенковский (1844, Гржимала).

- **Существовал еще род Замойских**. герба Гржимала, из которого происходил Ян Замойский., архиеп. Львовский († 1611), бывший послом в Риме, Константинополе и Вене, известный своим столкновением с примасом уханским на сейме для избрания преемника Сигизмунду-Августу. Этот род пресекся в конце XVII века.
- **История и генеалогия Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского**. Список дворянских фамилий Лидского уезда в XIX веке и их гербы. Барановский – Гржимала; Гржимала – Гржимала; Цыдзик – Гржимала.
- **Козановичи** — русско-польский дворянский род, герба *Гржимала,* происходящий от Петра Козановичи, войта могилевского, который за защиту города против казаков пожалован в королевские секретари (1661). Род Козановичи внесен в VI часть родословной книги Могилевской губернии (Гербовник, XII, 92).
- **Список землевладельцев Летичевского уезда.**

Гржимало-Покржевницкая Эрнестина Эрнестовна

Вернуться к ссылке

44.50. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО, Грумм-Гржимайло Владимир

ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО, Грумм-Гржимайло Владимир Ефимович [12(24).2.1864, Петербург, - 30.10. 1928, Москва], советский металлург, член-корреспондент АН СССР (1927). Брат Г. Е. Грумм-Гржимайло. Родился в семье экономиста. По окончании Петербургского горного ин-та (1885) работал на уральских металлургических заводах. С 1907 адъюнкт, а с 1911 по 1918 ординарный профессор Петербургского политехнического ин-та, затем до 1924 профессор Уральского горного ин-та. Последние годы жизни (с 1924) Грумм-Гржимайло работал по проектированию металлургических и др. заводских печей, создав в Москве Бюро металлургических и теплотехнических конструкций. Грумм-Гржимайло доказал экономическую целесообразность т. н. русского бессемерования, дал ему правильное теоретическое обоснование, показав, что благодаря перегреву горение углерода в чугуне начинается с первых минут продувки (при англ. типе бессемерования горение углерода протекает только после выгорания кремния и марганца). В 1908 Грумм-Гржимайло первым применил законы физической химии (закон о равновесном состоянии системы в зависимости от изменения температуры и закон действия масс) к объяснению процессов, происходящих в бессемеровском конвертере и в стальной ванне мартеновской печи. В 1910 Грумм-Гржимайло предложил теорию расчёта пламенных печей, применив законы гидравлики к движению печных газов. Изучая свойства огнеупорных материалов, в особенности динаса, Грумм-Гржимайло создал "теорию перерождения динаса", являющуюся до сих пор основой технологии его обработки. В работе "Прокатка и калибровка" Грумм-Гржимайло впервые научно объяснил методы калибровки валков, державшиеся в секрете старыми мастерами. Эта книга положила начало теоретическому изучению калибровки. Под руководством Грумм-Гржимайло создавались проекты различных нагревательных печей: методических - для нагрева слитков перед прокаткой, кузнечных - для термической обработки металлов, сушильных, отжигательных, а также мартеновских. Соч.: Собрание трудов, под ред. И.

П. Бардина, М.- Л., 1949. Лит.: Кучин А. В., Выдающийся русский металлург Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, Хар.- М-, 1951.

Вернуться к ссылке

44.51. Демидов (Антюфеев) Никита Демидович

Никита Демидович Демидов (Антюфеев) - личность, оставившая заметный след в индустриальной истории Тулы, одна из крупнейших фигур в истории отечественного промышленного предпринимательства 18 века.

Тем более огорчительно, что о первой половине его жизни, приходящейся на предшествующее, 17 столетие почти ничего не известно.

Согласно тексту надписи на надгробии, "Никита Демидович прозванием Демидов родился в граде Туле в лето от рождества Христова 1656 года марта в 26 день". В переводе на новый стиль эта дата соответствует 5 апреля.

Наиболее раннее из выявленных на сегодняшний день упоминаний о нем находится в "смотренных списках" тульских ствольных заварщиков (одна из специальностей казенных оружейников) и относится в 1676 году. Будущий заводчик отмечен здесь вместе со своим отцом, Демидом Клементьевичем. Обратим внимание на то, что в литературе можно встретить и другое отчество последнего (Григорьевич), но приведенное свидетельство, на наш взгляд, места для каких-либо споров на этот счет практически не оставляет.

В списке 1676 года при имени отца Никиты указано его прозвание - Антюфеев. Именно Антюфеев - а не Антуфьев или Антюфьев, как нередко значится в работах историков прошлого и нынешнего веков. Тульские документы упоминают Антюфеевых по крайней мере со второй четверти 17 века. Большинство членов рода уже в этом столетии так или иначе связаны с Тульской оружейной слободой, некоторые живут в ней. Но в отличии от предков двух других известных впоследствии промышленных династий Тулы - Баташевых и Мосоловых - сколько-нибудь заметного места в ней на протяжении большей части столетия (исключая последнее десятилетие) Антюфеевы не занимают.

Событийная история первой половины жизни Никиты Демидова состоит исключительно из легенд и преданий. Некоторые детали их выглядят вполне правдоподобными, другие сомнительны. Отнюдь не исключено, что Демид Клементьевич, как гласит предание, пришел в Тулу из села Новое Павшино (совр. Дубенского района Тульской обл.), что первоначально он не имел в Туле собственного дела и даже сын его в молодые годы работал по найму подмастерьем у одного из более состоятельных кузнецов.

Примерно к началу 90-х гг. 17 в. ситуация изменяется. В 1692 году Никиту Антюфеева встречаем в составе возглавляемой слободским старостой группы кузнецов, направленных "обществом" в Москву защищать права оружейников в одном из земельных споров. Включение 36-летнего Никиты в эту группу - признак роста его авторитета в слободе, и, можно предполагать, укрепившегося материального положения.

Согласно преданию, переломную роль в биографии Демидова сыграла встреча кузнеца с Петром I, несколько раз проездом посетившим Тулу в 1695-1696 гг. И хотя не только эта встреча, но и сами приезды царя в оружейную столицу России документальных подтверждений пока не имеют, нет и серьезных оснований отвергать возможность этих событий, память о которых сохранила изустная история рода. Традиция утверждает, что с безукоризненным качеством исполнив несколько непростых поручений государя, Никита получил разрешение построить в Туле, на реке Тулице недалеко от ее впадения в Упу, вододействующий доменный и передельный завод,

ставший первым предприятием в длинном списке основанных Демидовыми металлургических мануфактур.
К этому времени жизнь Никиты Антюфеева как раз подошла к своей середине. Впереди была совсем не похожая на первую вторая ее половина - жизнь Никиты Демидова, удивительная, беспрецедентная по высоте взлета, по масштабу задуманного и совершенного.

Биография Никиты Демидовича не только в "антюфеевский", но и в "демидовский" период его биографии, была тесно связана с Центральной Россией, прежде всего - Тулой. На Урале, где в 1702 г. у Демидова появился переданный государством Невьянский завод, его успешно заменял старший сын Акинфий, умелый, энергичный, преданный помощник, гордость и надежда отца. Это позволяло Никите подолгу жить вблизи столицы, в том числе и Туле, при первом его заводе. Двор (городская усадьба) Демидова находилась в казенной Оружейной слободе, в приходе Николо-Зарецкой церкви. В Туле, у себя на заводе, Никита Демидов и умер - случилось это в 1725 году 17 (н.с. - 28) ноября в 9 часов 20 минут пополудни. Похоронили его на кладбище приходской церкви.

Жену Никиты Демидова звали Евдокией (Авдотьей) Федотовной. Вдова надолго пережила его: во всяком случае еще в 1744 г. она была жива. Известны четверо детей Никиты: трое сыновей и дочь. Хотя и в разной мере, все сыновья - Акинфий, Григорий и Никита - оставили заметный след в истории отечественной металлопромышленности. Металлургом был и его зять, Лукьян Маркович Красильников, металлозаводчик и основатель промышленной династии, впрочем, далеко не столь значительной, как демидовская.

См.также **Демидовы. Хронос**, **Птенец гнезда Петрова**,

Вернуться к ссылке

44.52. Невьянский завод

Невьянский чугуноплавильный и железоделательный завод, старейший, металлургический завод региона, один из первенцев уральской доменной металлургии, "дедушка уральских заводов", положивший начало грандиозному демидовскому промышленному комплексу XVIII - начала XX вв. на Урале, с 1920-х - механический завод, крупное предприятие военно-промышленного комплекса.

Завод с самого начала создавался как военное предприятие, призванное снабжать российскую армию и военно-морской флот предметами вооружения. Указами Петра I от 10 мая и 15 июня 1697 правительством поручено верхотурскому воеводе на р.Тагиле и Невье, где "сыскана железная руда", "построить и завесть большой железный завод", чтобы "лить пушки и гранаты и всякое ружье", а также изготавливать железо - связное, прутовое, дощатое, цренное[138] и кровельное. Однако, в связи с неясностью в то время военно-политической обстановки в Западной и Северной Европе, было "велено", до нового указа и присылки мастеров, к постройке не приступать. Указ последовал 23 апреля 1699, первые 40 мастеров и подмастерьев из Москвы прибыли 14 марта 1700. Строительство началось весной 1700, работали крестьяне 15 слобод в количестве 1500 чел., из них 312 конных. Стройкой руководил верхотурский "служилый человек" М.Бибиков, в 1701 его сменил московский, "мастер плотинного и доменного строения" С.Викулин.
К концу 1701 построены: плотина длиной в 101,3 сажени (216,2 м), шириной в 15 (32 м) и высотой в 3 сажени (6,4 м), доменная печь высотой в 13,5 аршин (9,6 м), кричная фабрика с двумя горнами при одном молоте, кузница, амбары, дома и избы для мастеровых и служащих. 15 декабря 1701 получен первый чугун, 8 января 1702 выковано первое железо. Строились вторая домна и вторая кричная фабрика, "вертельня" для сверления орудий. Однако среди строителей выявилось "нерадение", происходили "крамолы, свары и ссоры многие", завод постигли "остановка и поруха", качество построек было неудовлетворительное.

4 марта 1702 недостроенный завод указом Петра I передан "со всем строением и припасами" в частную собственность тульскому заводчику, известному специалисту в области металлургии и

---

[138] **ЦРЕН** м. царен и цирена ж. чрень, род большой сковороды, плоского котла ящиком, для выварки соли. Вовремя ливан на железный црен, Кормч. Поделили (наследство) црен на Луде: досталось Назарьи да Есипу четверть црена и с росолом, Акты. | Црен, арх. вообще котел. Цренный, к нему относящийся, чренный.

Црен или *чрен* (стар.) - большая солеваренная сковорода, употреблявшаяся на заводах для выварки соли. Упоминается в жалованной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича святой Софии 1137 г. Из Ц. получалось до 150 пд. соли.

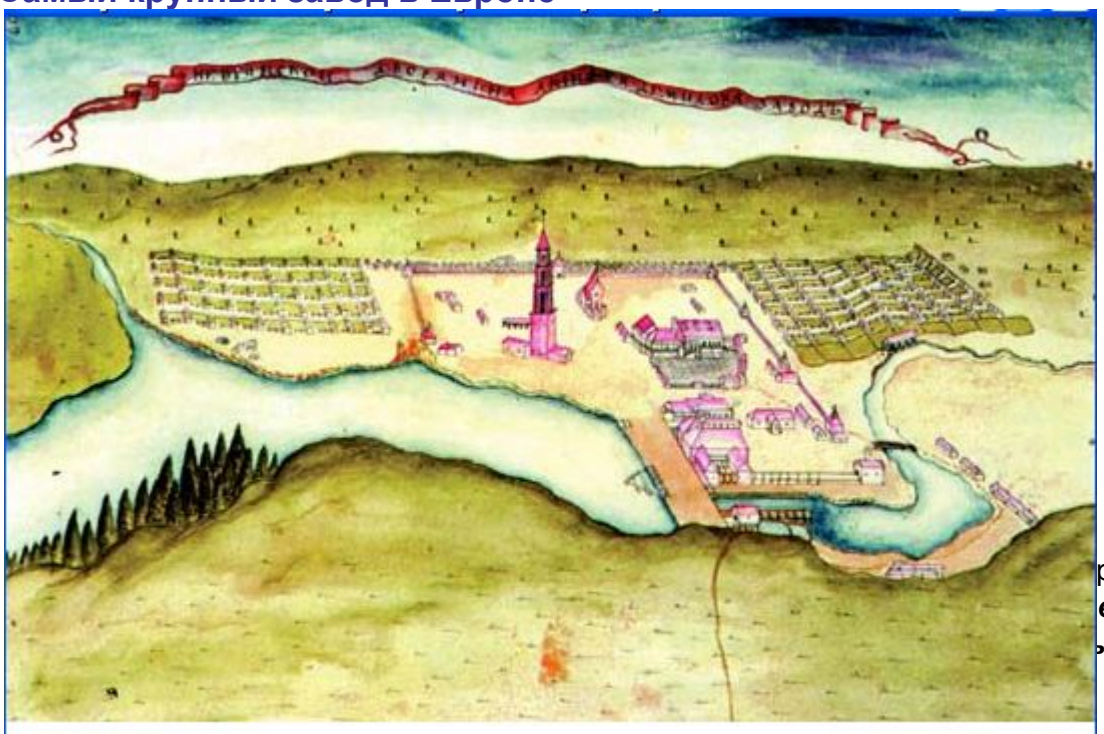
оружейного дела Никите Антуфьеву-Демидову с условием, чтобы он работал "про его великого государя артиллерию и всего войска потребы", поставлял воинские припасы по более низким ценам, чем другие заводчики, а также уплатил в рассрочку стоимость возведённых построек. Демидову было "делать велено пушки, мортиры, фузеи[139], сабли, тесаки, палаши, копья, латы, шишаки, проволоку, сталь и иные снасти".

Помимо желания быстрее увеличить производство военной продукции, решение о передаче завода было вызвано стремлением Петра I привлечь энергичного Никиту Демидова к перспективному развитию металлургического производства на богатом природными ресурсами Урале, что соответствовало промышленной политике Петра I, направленной на поощрение частного промышленного предпринимательства.

Выявились недостатки в строительстве завода: первая домна оказалась неисправной, в 1703 размыло плотину. Демидову пришлось не только достраивать, но и перестраивать заводские сооружения, чем занялись привезённые из Тулы мастеровые, возглавляемые тульским мастером С.Трегубовым. В 1716 доменную печь перестроил мастер Ф.Казанцев, в 1717 пущена вторая домна.
Рабочие кадры завода формировались за счёт переведённых с тульских заводов мастеров, купленных Демидовыми в центральных губерниях крепостных крестьян, нелегального приёма беглых, пришлых, сходцев, беспаспортных, раскольников, позднее зачисленных ревизиями в подушный оклад. По ходатайству Н.Демидова, указом от 9 января1703, для выполнения вспомогательных работ по заготовке руды, дров, древесного угля и др. припасов, к заводу приписаны государственные крестьяне Аятской и Краснопольской слобод и монастырские крестьяне села Покровского в числе 917 душ мужского пола.

Завод был окружен четырёхугольной бревенчатой крепостью с 7 башнями и 3 воротами. Внутри неё, кроме производственных зданий, находились: господский двор с каменными палатами, заводская контора, кладовые, "людские", церковь и построенная в 1725-1732 каменная колокольня высотой в 27 саженей (57,6 м) с установленными на ней английскими часами-курантами стоимостью в 5 тыс. руб. (все производственные здания и сооружения завода тогда оценивались в 30,2 тыс. руб.), наклонившаяся в сторону (по-видимому, вследствие какой-то ошибки строивших её каменщиком) - знаменитая, сохранившаяся до наших дней "Невьянская башня", окруженная до сих пор множеством тайн, преданий и легенд. За крепостью ("острогом") располагались дома мастеровых и работных людей.

Самый крупный завод в Европе



Старый Невьянский завод

Невьянский завод сразу же превратился в самый крупный металлургический завод России и сохранял это положение в течение всей первой четверти XVIII в. Уже в первые годы он

рокоствольное. || В
ейник, фузейщик,
ый полк.

выплавлял чугуна больше, чем все Тульско-Каширские заводы. Невьянские домны в 1730-х гг. давали в сутки от 220 до 280 пудов чугуна, первая домна могла выплавлять до 400 пудов, они были крупнее, производительнее и экономичнее самых большие английских и лучших шведских домен того времени. В середине XVIII в. "старанием" приказчиков Ф. и Г.Махотиных построена доменная печь высотой в 19 аршин (13,5 м) - "царь-домна", тогда самая большая в мире, имевшая две фурмы для дутья, а не одну, как принято было в то время во всём мире. Поскольку производственные мощности завода не могли справляться с переработкой всего выплавленного чугуна, уже вскоре после основания Невьянского завода вблизи него, в 5 и 7 верстах, построены вспомогательные передельные заводы - Шуралинский (1716) и Быньговский (1718), с 1716 завод стал экспортировать железо в Западную Европу. В 1717 он выплавил 204,5 тыс. пуд чугуна и изготовил 100,2 тыс. пуд кованного железа.

На заводе раньше, чем в Западной Европе, были установлены прокатные станы простейшей конструкции - "плющильные машины". Велась очистка черновой меди, доставлявшейся с Колывано-Воскресенского завода. В 30-40-х гг. XVIII в., кроме предметов вооружения, полосового железа, медных досок, завод изготавливал якоря, косы, молоты, наковальни, отливал колокола весом до 200 пудов и посуду. В 1784 завод имел 4 доменных печи, из них действовала одна; для расковки железа использовались 6 горнов и 3 молота; выделка дощатого железа и медных досок велась под 6 молотами и в 5 горнах; изготовление "уклада" (сыродутной стали) - в 6 горнах и под 2 колотушечными горнами; в якорной фабрике было 4 горна и 3 молота, действовали медеплавильные печи. В заводе насчитывалось 15 "фабрик" (цехов), не считая ручных кузниц, 25 горнов и 16 вододействующих молотов.

В середине XVIII в. на заводе появились, тоже раньше чем в Западной Европе, углевыжигательные печи, в которые садилось сразу по 45 куб. саженей куренных дров с выходом до 220-230 коробов древесного угля. По данным второй ревизии (1747), при заводе числилось крепостных мастеровых и работных людей: купленных заводовладельцами - 1042, положенных в оклад по первой ревизии - 2018, "не помнящих родства" -172, оставленных по указу -158, а всего 3390 душ мужского пола.

Основная продукция

Основную продукцию завода со дня его основания до 1779, на протяжении почти всего XVIII в., составляли артиллерийские орудия, снаряды, якоря, железо для военных ведомств. Уже в 1702 завод получил заказ отлить 400 пушек, 10 мортир, 1000 фузей и по 1000 ядер к каждой пушке.

Было изготовлено артиллерийских орудий: в 1703 - 54, 1704 - 34, 1705 - 19, в1706 - 7, а всего за первые пять лет существования завода - 114. Царским указом от 19 января 1705 предписано выплавку пушек на уральских заводах прекратить, но они были обязаны продолжать производство артиллерийских снарядов и железа для военных нужд. С 1702 по 1718 изготовлено на заводе артиллерийских снарядов (бомб, гранат, ядер, картечи) 908,7 тыс. шт. Готовая продукция отвозилась к чусовским пристаням, а весной по р.Чусовой, Каме и Волге сплавлялась в центральные районы страны и в Санкт-Петербург. Только караваном 1706 отправлено 26 пушек, 4 мортиры, 3350 ядер, 7400 бомб, 27400 ручных гранат, 18925 пудов полосового железа. Указом от 5 июля 1718 Демидову предписано "повсягодно" поставлять Адмиралтейству по 47,7 тыс. пуд железа, т.е. почти всю годовую выковку готового железа в 30-40-е гг. XVIII в., причем запрещалось принимать его от других заводов "за негодностью" - из-за более низкого качества. Эпизодически, по особым правительственным заказам, продолжалась отливка артиллерийских орудий и др. военных припасов. Было поставлено Адмиралтейству: в 1721 - 22 пушки, в 1727 - 137, в 1728 - 15 пушек, по заказу 1742 - 413 пушек и ядра к ним, в 1739-1747 - 1744 шт. якорей.

(Обязательные поставки с частных заводов отменены Манифестом 21 мая 1779). О росте поставок продукции завода казне и на рынок свидетельствует число судов отправленных заводом в весенних караванах: в 1706 - 7, 1723 -13, 1733 - 37, 1745 - 62. При Никите и Акинфии Никитиче Демидовых Невьянский завод, являвшийся их резиденцией, центром горнозаводской вотчины, пережил период наивысшего расцвета. После смерти в 1745 Акинфия Демидова его владения были разделены между тремя его сыновьями, причём Невьянская часть досталась старшему сыну Прокофию, мало интересовавшемуся заводскими делами, который в 1769 продал все свои заводы, в т.ч. и Невьянский, Савве Яковлевичу Яковлеву (Собакину), в руках потомков которого завод находился до начала XX в.

См. также **Невьянский завод**, Просвещение.RU

Вернуться к ссылке

44.53. Чихачевы

Если каменный уголь в Кузбассе был открыт первопроходцами ещё в 1721 году, то первооткрывателем Кузнецкого угольного бассейна считается П.А.Чихачёв. Он прочертил его контуры, определил размеры и выразил уверенность в огромном экономическом значении угольных богатств этого «крупнейшего из всех угольных бассейнов мира».

165 лет назад, в марте – декабре 1842 года по представлению штаба корпуса горных инженеров на Алтай и в Кузбасс был направлен чиновник особых поручений при министерстве финансов Петр Александрович Чихачев.

В свои 34 года он был известен как крупный геолог и географ, проведший серьезные исследования во Франции, Италии, по Ближнему и Среднему Востоку, Африке. Перед П.А. Чихачёвым ставилась задача «Оследовать край как в геологическом и орографическом, так и вообще в научном отношении». С ним направились художник Е.Е. Мейер, топограф Н. Боярский, горный кандидат В.Серков, промывальщик Калинин, лекарский ученик Ануфриев, толмач Хабаров и др.

По территории современной Кемеровской области экспедиция прошла по долинам реки Тисуль, Берикуль – к отрогам Кузнецкого Алатау, где по р. Кии и её притокам работали золотоискательские партии. По пути следования в Кузнецк П.А. Чихачёв отмечал выходы угля и окаменелых стволов деревьев на левом берегу Томи и массивные каменноугольные пласты в окрестностях Томского завода на берегу Томь-Чумыша. На левом берегу Киньи, притока Абы, учёный увидел первые обнажения песчаника и известняка «ниже (старше) карбонового возраста». На правом берегу Абы, в окрестностях дер. Афониной, были обнаружены пласты каменного угля и там уже бурили скважины и шахты для их разведки. Такие же пласты каменного угля он наблюдал около дер. Бачат. Из вмещающих угольных пород были собраны отпечатки растений, изученные впоследствие немецким естествоиспытателем Иоганном Геппертом.

П.А.Чихачёв отметил, что угленосные отложения развиты в пространстве между горным хребтом Алатау и реками Чулым, Кондома, **Мрассу** и Уса.

Чихачёв установил, что Кузнецкий бассейн – один из крупнейших резервуаров каменного угля в мире. В среднем он занимал пространство в 250 км в длину и 100 км в ширину. «Эти неоцененные богатства, совершенно нетронутые благодаря чрезвычайному обилию лесов, могут когда-нибудь сыграть ещё более значительную роль, если бы удалось там обнаружить осадочные слои

железа…Чрезвычайно важное значение с практической точки зрения имеет ассоциация железной руды и каменного угля».

Пётр Александрович составил первую геологическую карту бассейна Алтая, Кузнецкой и Минусинской котловин и Саян в масштабе 1:1 000 000, отпечатанную на двух листах и возбудившую в то время большой интерес. На этой карте впервые была отмечена площадь распространения угленосных отложений Кузнецкого бассейна, нанесен ряд рек, речек и горных хребтов, не показанных на предыдущих картах даже более крупного масштаба.

Результатом этой поездки на Алтай и в Кузбасс стала книга «Voyage scientifique dans l, Altai Oriental et les parties adjiointes de la frontiere de Chine », изданная в Париже на французском языке в 1845 г. В обработке собранных материалов принимали участие ученые Эли де Бомон, Вернейль, Гепперт, что придало труду особую ценность. На русский язык книга «Путешествие в Восточный Алтай» переведена в 1974 г.

Первая часть её содержит исторический очерк путешествия, с физико-географическими, этнографическими, экономическими и другими сведениями, вторая часть геологические наблюдения автора на Алтае. К книге прилагался атлас рисунков, чертежей и маршрутов, планы и разрезы отдельных рудников Западной Сибири. Книга богато иллюстрирована замечательными рисунками русских художников Е. Е. Мейера и И.К. Айвазовского. Этот труд по богатству содержания, точности описания и красочности издания, а также по картографическому материалу стал непревзойденным памятником русской и мировой географической литературы. «Дельной, патриотической книгой» называл работу П.А.Чихачёва В.Г. Белинский.

«Путешествие на Алтай» - это плод обширнейшей эрудиции и самого глубокого знания всех естественных наук» - писалось в «Горном журнале» (1845, кн. 10-11).

Пётр Александрович получил домашнее образование в Царском Селе. Отец его, Александр Петрович Чихачёв, отставной полковник лейб-гвардии Преображенского полка, в 1804 году был назначен директором города Гатчина в чине действительного статского советника. Мать Чихачёва, Анна Федоровна, урождённая Бестужева-Рюмина (двоюродная сестра декабриста Бестужева-Рюмина) была женщина высокой культуры, много внимания уделяла воспитанию сыновей, оба они были для своего времени видными путешественниками.

В двенадцать лет он свободно владел немецким и французскими языками, а позднее греческим и латинским. За границей Чихачёв слушал лекции Наумана, Брейтгаупта, Либиха, Л. Фон-Буха, Г. Розе и других знаменитых геологов и естествоиспытателей, а затем работал а Париже у Эли де Бомона. В 1830 г. Чихачёв был «пожалован в переводчики Государственной коллегии иностранных дел» и направлен в Азиатский департамент. В Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Чихачёв занимался преимущественно Восточным вопросом. Он посетил Египет, путешествовал по Палестине, Ливийской пустыне, Синаю и Сирийской пустыне, побывал в Константинополе. Вскоре Чихачёв получил место при русском посольстве в Константинополе. Наряду со своими служебными обязанностями помощника секретаря занимался изучением истории и этнографии народов, населявших Малую Азию, начал изучать турецкий и испанский языке.

В 1835 году, во время пребывания художника Брюллова в Константинополе, Чихачёв сопровождал его в поездках. Брюллов изобразил его в восточном костюме, в котором последний обычно разъезжал по Малой Азии, Сирии, Египту и другим странам Северной Африки.

В 1834-1836 годах он посетил города Оттоманской империи, Испанию, Португалию, Италию, Францию и другие европейские государства. В 1836году он оставил службу и решил посвятить себя научным исследованиям. В 1839 году Чихачев по рекомендации Александра Гумбольдта приступил к изучению природных богатств Апеннинского полуострова. 1842 год -экспедиция на Алтай и в Саяны. С 1848 по 1863 год Чихачёв провёл восемь научных экспедиций по Малой Азии, им было опубликовано свыше 20 работ по геологии и палеонтологии Малой Азии.

Таким образом, человек, давший впервые названию нашему краю был учёным с мировым именем, член Парижской, Берлинской, Мюнхенской, Венской, Филадельфийской и других академий, Королевского лондонского географического общества, Берлинского, Римского, Итальянского и других географических обществ. В поощрение путешественников по Азии Чихачёв оставил, по завещанию, Парижской Академии Наук капитал в 100 тысяч франков. Премии П.А. Чихачёва был удостоен Обручев В.А. Именем Чихачёва назван хребет на юго-востоке Алтая.

В 1995 году группа кемеровских журналистов и туристов совершила попытку пройти путём Чихачёва по Восточному Алтаю, результаты этого путешествия были опубликованы в областной газете «Кузбасс», в статье Василия Попка «Петр Чихачев».

Умер Чихачёв во Флоренции 13 октября 1890 года, на 82-м году жизни. Похоронен на кладбище Аллори. На надгробном камне из серого гранита к 150-летию со дня рождения была помещена беломраморная плита с надписью: «Родина чтит тебя, дорогой Петр Александрович » Младший брат Чихачёва П.А. – Платон Александрович Чихачёв также являлся одним из замечательных русских путешественников, он член-учредитель Русского географического общества, участник многих экспедиций и, в частности, в 1835 г. из Петербурга отправился в Шотландию и Англию, затем посетил Францию, Италию и из Палермо перебрался на судне в Филадельфию. Но посетил север США, Канаду, отправился в Акапулько, на Тихом океане, посетил Эвкадор. Через Сантьяго, через Анды и Пампы, достиг Буэнос-Айреса, отсюда в 1838г. через Бразилию и Европу вернулся в Россию. В 1855г. Чихачёв в качестве волонтёра, находился в рядах защитников Севастополя. Его труды: «Об озёрах и пароходстве Соединенных Штатов» и «О Буэнос-Айресских пампах» («Отечественные записки» 1840-х годов); «О прогулке с пластунами в Байдарскую долину»(«Русская беседа»), «Калифорния и Уссурийский край» («Вестник Европы,1889).

Таким образом имена братьев Чихачёвых навсегда вписаны в историю России их научными исследованиями.

См. также **Русский географ, которого мы знаем в переводах с французского - Петр Александрович Чихачев**, **Чихачев Петр Александрович**, Петр Чихачев. Путешествие в Восточный Алтай. М.,1974.360с; Г.В.Крылов, В.В.Завалишин, Н.Ф. Козакова. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирское книжное издательство. 1988; В. Цыбульский. П.А. Чихачев – выдающийся исследователь Алтая. Кемеровское книжное издательство, 1959

Вернуться к ссылке

44.54. Грум Кондратий Иванович (Грум - Гржимайло)

Грум Кондратий Иванович (Грум - Гржимайло) - Грум (Грум - Гржимайло, Кондратий Иванович; 1794 - 1874) - один из первых русских врачей-писателей; учился в духовной семинарии и затем в гимназии; окончил курс в Виленском университете в 1817 г. со званием кандидат философии и в

1819 г. - лекарем; в 1823 г. получил звание доктора медицины и хирургии. С большой субсидией от правительства издавал первую в России медицинскую газету «Друг Здравия», с 1833 по 1866 г. Писал очень много и по самым разнообразным вопросам, преимущественно в своей газете, в «В. Медицинском Журнале» и в «Тр. Русских Врачей»; издавал отдельные популярные книги по гигиене, имевшие довольно значительное распространение, например, «Руководство для прививания предохранения оспы»; «О вторичном прививании коровьей предохранительной оспы»; «Руководство к воспитанию и сохранению здоровья детей» (1843 - 1845) и др.

Кондра́тий Ива́нович Грум-Гржима́йло (21 сентября 1794, Могилёв — 1874) — один из первых русских врачей-писателей.

Учился в духовной семинарии и затем в гимназии; окончил курс в Виленском университете в 1817 с званием кандидата философии и в 1819 — лекарем; 10 октября 1823 получил звание доктора медицины и хирургии.

Служил в Могилёве военным хирургом, участвовал в русско-турецкой войне и в подавлении польского восстания. После выхода в отставку занимался проблемами оспопрививания.

С субсидией от правительства издавал первую в России медицинскую газету «Друг здравия», с 1833 по 1866. Писал очень много и по самым разнообразным вопросам, издавал отдельные популярные книги по гигиене, имевшие довольно значительное распространение. В частности, автор книги «Добрые советы матери», содержавшей советы по распознаванию болезней у детей.

Вернуться к ссылке

44.55. Князья Демидовы Сан Донато

44.55.1. ДЕМИДОВЫ В ИТАЛИИ

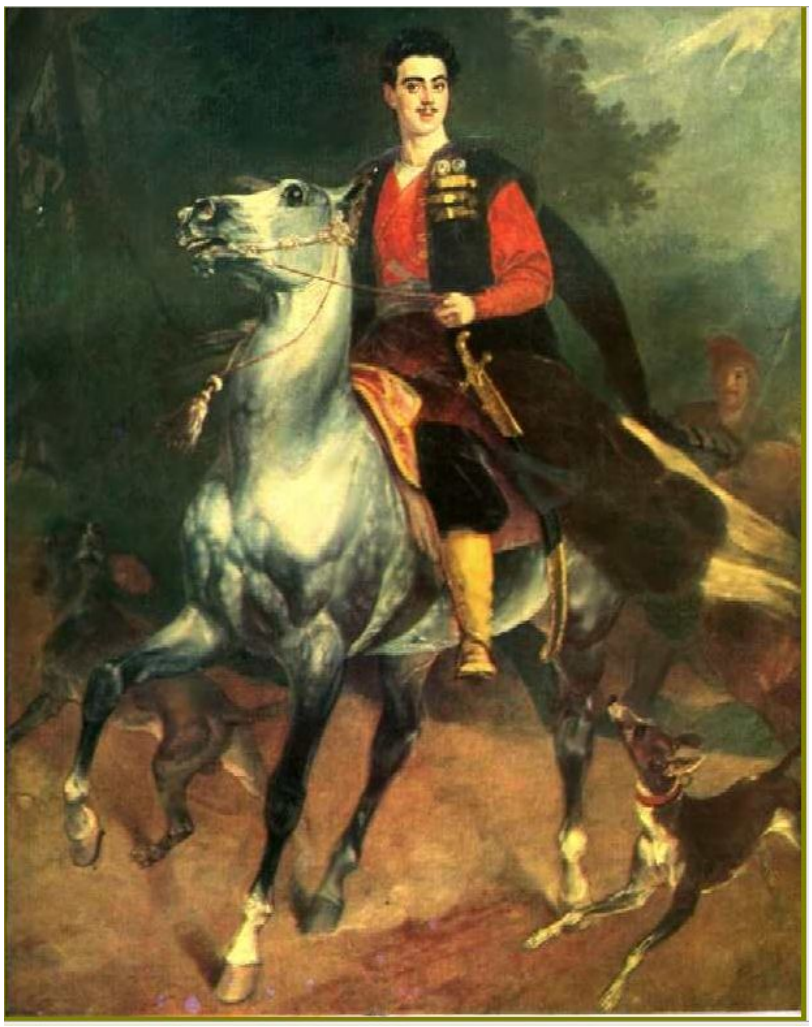
Первым Демидовым, который, приехав в Италию, избрал её своей второй родиной, стал Николай Никитич Демидов. Осиротев в 13 лет, он уже в 18 был подполковником при дворе Екатерины II, затем – тайным советником при Павле, возглавил дело Демидовых на Урале, а для изучения зарубежного опыта отправился в путешествие по европейским странам. Однако угроза наполеоновского нашествия заставила его забыть о собственных интересах и вернуться на родину. В 1812 г. Николай Никитич снаряжает на собственные средства «Демидовский полк», сам берет в руки оружие и участвует со своим 14-летним сыном в Бородинском сражении! Эстет и ценитель прекрасного, он заслужил тогда благодарность императора и фельдмаршала Кутузова. Ближе к пятидесяти Николай Никитич перебрался сначала в Рим, а затем во Флоренцию. Это он устроил здесь художественный музей и богатейшую картинную галерею; основал дом для призрения престарелых и сирот. И неслучайно Стендаль называет его «самым щедрым в Италии благотворителем». Неразрывно связана с Италией и жизнь его младшего сына – Анатолия Николаевича (1813–1870). Историки отмечают, что именно он унаследовал от отца страсть к путешествиям, коллекционированию, экстравагантность и способность творить благие дела. Уже в 20 лет он основал в Петербурге благотворительный приют. А во Флоренции, продолжая начатые отцом дела, подарил большое малахитовое распятие замечательной работы Папе Пию IX. Ныне оно хранится в библиотеке Ватиканского дворца. Анатолий с успехом служил дипломатом при посольствах России в Риме, Флоренции, Лондоне и Париже. **Любопытно, что женился Анатолий Демидов на Матильде Бонапарт, племяннице Наполеона. И Великий Герцог Тосканский Леопольд II по случаю свадьбы присвоил ему титул князя Сан-Донато.**

Герб князей Демидовых Сан Донато

Получив по наследству от отца виллу Сан-Донато, Анатолий Николаевич превращает её в своего рода музей, собрав совершенно сказочную коллекцию скульптуры, изделий из серебра и слоновой кости, мебели и книг. Однако с 1863 г., потеряв к вилле интерес, Анатолий Демидов начал распродавать свою коллекцию и умер через два дня после последней распродажи, состоявшейся 28 апреля 1870 г. Наследником своего имущества и всех титулов он делает племянника Павла Демидова (1839–1895), который попеременно жил то во Флоренции, то в Киеве. Но, женившись в 1871 г. на княгине Елене Трубецкой, Павел Демидов переехал на постоянное жительство в Италию, купив в 1872 году огромное владение – виллу Пратолино. Несмотря на то, что благоустройство виллы требовало огромных денег, супруги не жалели средств и на благотворительные цели. Они вносили значительные суммы на облицовку мрамором фасада собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Павел и Елена продолжали содержать прежние фамильные благотворительные заведения, а также открыли «дешевую столовую Елены Трубецкой». За свою филантропическую деятельность в Италии Павел Павлович Демидов был награжден орденами Святых Мазрилия и Лазара и «Итальянской короны». Вручив золотую медаль, жители Флоренции избрали его почетным гражданином своего города. Здесь он открыл школы, приюты и дешевые столовые для рабочих.

Князь Павел Павлович Демидов Сан-Донато (титул кополевства Итальянского) заказал К. Брюллову "Последний день Помпеи", **был городским головою Киева**. Жена его, Елена Петровна (как и супруг – почетный гражданин Франции), пристроила в Одессе на углу улиц Садовой и Дворянской к уже существующему корпусу новый, украшенный прекрасной отделкой, с богатыми интерьерами. Меценат, почетный член многих благотворительных обществ княгиня Демидова Сан-Донато подарила кадетскому корпусу (на 4-й станции Фонтана) коллекцию портретов царствовавших особ дома Романовых работы известных художников (в том числе Тропинина)...

Князь Павел Павлович Демидов скончался на вилле Пратолино в 1855 г. Флоренция с большим почетом проводила похоронный кортеж, поскольку князь, несмотря на свою привязанность к Италии, захотел быть похороненным в Нижнем Тагиле на родине Демидовых. Эта дорога, кстати, заняла тогда 15 дней. Последняя из Демидовых, Мария Павловна, была красивой и образованной женщиной с тонким вкусом и плюс ко всему – прекрасной балериной. Она танцевала на приемах и балах, на ее классические балеты приезжала вся римская знать и даже члены российской императорской семьи.



Портрет А.Н.Демидова Сан-Донато 1831г. Брюллов К. П.

44.55.2. НА ВИЛЛЕ «ПРАТОЛИНО»

Вилла Пратолино, купленная Павлом Демидовым, находится всего в 18 километрах от Флоренции. Её площадь – 150 гектаров, а создавалось это огромное владение по гениальному замыслу Франческо I Медичи и справедливо считалось одним из чудес света. Вилла была построена по проекту друга и учителя Медичи– известного архитектора и скульптора Бернардо Буонталенти в период с 1569 по 1584 годы. В её создании принимали участие лучшие скульпторы XVI века: Джамболонья, Амманати, Почетти. Именно они создали изумительный парковый ансамбль с многочисленными скульптурами, движущимися водяными «шутейными» механизмами, лабиринтами и гротами… Говорят, парк был как бы населён сказочными существами. И всюду слышался шум множества фонтанов. В целом же ансамбль оставлял странное впечатление, создавал атмосферу таинственности и мистики. К тому же виллу населяли не только многочисленные пажи и придворные, но и карлики, клоуны… Залы виллы были украшены великолепными потолками из резного дуба, а также резными дверями с гербами и монограммами Демидовых. Герб украшала надпись по латыни: **Acta non Verba («Делами, не словами»**). Здесь размещалась и собранная Демидовыми картинная галерея – столь роскошная, что придавала вилле сходство с музеем. После Октябрьской революции всё состояние Демидовых в России было национализировано, но в итальянских и других европейских банках на счетах владелицы виллы Марии Павловны сохранились значительные капиталы. С их помощью она основала и содержала Национальный дом для тяжелобольных участников Первой мировой войны, арендовала жильё для бедняков, оставшихся без крова. Поддерживала княгиня и созданный во Флоренции хор кубанских казаков. Мария Павловна не очень-то жаловала советскую Россию и не пожелала передать родине оставшуюся во Флоренции часть богатейшей коллекции Демидовых. Виллу и имение Пратолино она завещала своему родственнику, племяннику Павлу, отпрыску югославской королевской семьи. Именно он, Павел Карагеоргиевич, и продал всё имущество виллы Пратолино со всеми угодьями с аукциона при посредничестве Сотсби в 1969 году.

Он не пожалел даже громадного **портрета Анатолия Демидова** на коне. Сегодня эту картину знаменитого русского художника Карла Брюллова можно увидеть в галерее Пити во Флоренции. Собрав с аукциона баснословную сумму, Павел уехал из Италии. Советские представители в аукционе участия не принимали. Вилла за один миллиард лир была приобретена Флоренцией в 1970 году. Сегодня это общественный парк-музей с концертно-выставочной деятельностью.

44.55.3. Флоренция - Одесса: Демидовы, князья Сан-Донато

В Италии имя Демидовых стало известно в 1815 году. Николай Никитович Демидов, основатель "в

За время пребывания в тосканской столице он учредил дом презрения бедных, детскую школу и приют, основал художественный музей и богатейшую картинную галерею. В знак благодарности и уважения флорентийцы одну из площадей, вблизи Демидовского дома призрения, назвали Демидовой и на этой же площади поставили щедрому меценату памятник из белого мрамора, представляющий Николая Никитовича в римской тоге, обнимающего больного ребенка, а у ног его расположены четыре скорбные статуи (1871 год).

В Одессе же он упоминается как один из жертвователей на сооружение памятника городскому голове - герцогу Ришелье (1822-1827). Также в начале 1800-х годов Николай Никитович купил в Тираспольском и Херсонском уездах (сейчас это территория Одесской области), 18 тысяч десятин земли с незначительным населением и перевез сюда крестьян из своих северных вотчин. Здесь он занимался новаторством в сельском хозяйстве.

Младший сын Николая Никитовича Анатолий Николаевич, служил в министерстве иностранных дел и состоял при русском посольстве сначала в Париже, затем в Риме и в Вене.

В 1840 году Анатолий Николаевич женился на Матильде де Монфор, родной племяннице Наполеона Бонапарта. И именно тогда великий князь Леопольд II Лорранский пожаловал Анатолию тосканский титул князя Сан-Донато, который Николай I носить ему в России не разрешил. Через пять лет супруги развелись.

На вилле в Сан-Донато Анатолием Николаевичем был выстроен домовой храм. В то время (1857 год) в самой Флоренции русской церкви еще не существовало, поэтому Демидовский домовой храм стал центром духовной жизни русских тосканцев. Здесь же им была основана шелковая фабрика. Анатолий Демидов продолжал пополнение открытой его отцом картинной галереи, покровительствовал художникам и стремился познакомить итальянцев с их творчеством.

В Одессе Анатолий Демидов известен как жертвователь двух тысяч рублей в 1839 году на "учреждение и построение женского монастыря с училищем при нем для сирот духовного звания" и как жертвователь немалых сумм на благоустройство глазной [офтальмологической] больницы.

Умер Анатолий Николаевич в 1870 году бездетным. Его племянник Павел Павлович Демидов в 1872 году получил по наследству княжеский титул Сан-Донато от итальянского короля Виктора-Эммануила II и унаследовал принадлежавшее дяде, Анатолию Николаевичу, княжество Сан-Донато. В этом же году Павел Павлович получил Высочайшее дозволение императора Александра II, как и его потомки, носить в России иностранные ордена - Св. Маврикия и Лазаря, и Итальянской короны, а также и титул князя Сан-Донато. 20 января 1877 года Высочайше был утвержден герб князей Сан-Донато, содержавший эмблемы как герба Флоренции и местной общины, так и княжеские итальянские регалии (мантия с золотыми звездочками и шлем).

Павел Павлович продолжал обогащать виллу Сан-Донато выдающимися произведениями искусства. Во Флоренции, где он часто жил с семьей на вилле Сан-Донато, а затем в приобретенном им бывшем имении Медичи Пратолино, им были открыты дешевые столовые для бедных, ночлежные приюты, школы и передана муниципалитету крупная сумма денег на облицовку мрамором фасада собора Санта Мария дель Фьоре. За эти пожертвования Павел Павлович и его жена были избраны муниципалитетом почетными гражданами Флоренции, а в 1879 году в их честь на деньги, собранные по подписке, была выбита золотая медаль с изображением Павла Павловича и его жены Елены Петровны Демидовых. На обратной стороне медали (реверсе) надпись по-итальянски: КНЯЗЬЯМ ПАВЛУ И ЕЛЕНЕ ДЕМИДОВЫМ САН-ДОНАТО - БЛАГОДАРНАЯ ФЛОРЕНЦИЯ.
Несколько позже в знак благодарности за пожертвования, сделанные князем городу, на фасаде собора Санта Мария дель Фьоре был помещен фамильный герб Демидовых, под которым расположена надпись "Paolo Demidoff".

В 1880 году Павел Павлович продал на аукционе виллу Сан-Донато вместе со всем ее содержимым, подарив русской православной церкви во Флоренции (тогда еще временной)

богатую церковную утварь, иконы, деревянные панели и великолепные резные двери работы знаменитых братьев Барбетти.

В этом же году началось флорентийское храмостроительство, в книге для сбора средств, на строительство русского православного храма, присланной духовной консисторией из Петербурга в Италию, среди первых жертвователей записано и имя князей Сан-Донато.

Скончался Павел Павлович Демидов во Флоренции в 1885 году. Прах его был перевезен в Нижний Тагил и захоронен в родовой усыпальнице Демидовых в Выйско-Никольской церкви.

После смерти мужа его вдова Елена Демидова, унаследовав все состояние и имущество мужа, пожертвовала на строительство русской флорентийской церкви крупную сумму денег, составившую почти пятую часть всех расходов на постройку (в память об этом над входной дверью установлен небольшой образ св. царицы Елены, покровительницы княгини Е.П. Демидовой).

Итак, Елена Петровна осталась одна с пятью детьми на руках: два сына и три дочери, младшей из которых было чуть больше года. В начале 1890-х годов она из Киева переехала с детьми в Одессу, где прожила более 25 лет, часто бывая при этом и во Флоренции. Но даже тогда, как мы могли убедиться, она не перестала заниматься благотворительностью, активно участвуя в жизни двух городов - Флоренции и Одессы.

В 1902-03 годах оказалось, что имеющихся средств на завершение строительства Храма русской православной церкви во Флоренции не достаточно. В этот трудный момент на помощь опять

пришла княгиня Е.П. Демидова Сан-Донато - храм удалось возвести к намеченному сроку. В 1903 году, наконец, был построен во Флоренции русский православный Храм с верхней церковью Рождества Христова и нижней церковью - Никольской, во имя святителя Николая Мирликийского. Нижняя церковь являлась историческим продолжением домового храма князей Демидовых, основанного в 1840 г. на их вилле под Флоренцией в Сан-Донато. Сохранилось и посвящение в честь небесного покровителя Николая Никитича Демидова, основателя "флорентийской ветви" семейства. Так же в нижнем храме русской православной церкви находятся две мемориальные доски с надписью на русском и итальянском языках: "Храм сей своим благолепием обязан Павлу Павловичу Демидову, князю Сан-Донато и его супруге Елене Петровне, урожденной Трубецкой".

В Одессе Елена Демидова жила в своем имении на Французском бульваре (территория нынешней Одесской киностудии). Само имение небольшое, но очень уютное, расположенное невдалеке от моря. Интересно отметить, что фасад здания украшен барельефами из итальянского белого мрамора, на которых изображены деятели культуры и политики Италии и России. Конечно же в имении была возведена и небольшая домовая церковь.Слева от парадного въезда расположен барельеф с гербом, относящимся к мужской. Во внутреннем дворике растут, напоминая всем о прекрасной стране, трехметровые итальянские пинии, привезенные Демидовой из самой Италии. Это, хочется заметить, очень радует душу.

А над окном церкви размещен барельеф с бюстом Данте Алигьери. Над барельефом Данте красуется родовой герб, относящийся к женской половине рода.Но опечаливает тот факт, что "одесский памятник" роду Демидовых, князей Сан-Донато находится в очень плохом состоянии. Если в нем и теплится жизнь, то только благодаря председателю Союза Кинематографистов Украины в Одессе - Вадиму Васильевичу Костроменко. Расположившись в бывшем особняке, он сохраняет одесситам поистине памятник архитектуры. Именно Вадим Васильевич поведал мне прекрасную историю о пребывании здесь "русских флорентийцев".

См. также **Уральские Князья Сан-Донато, или особая страница в истории двух культур**, **Одесса - Мама**. ***Одесса в лицах и домах***

Вернуться к ссылке

44.56. Тоджа

Тоджа, Азас, озеро в Тувинской АССР, в западной части Тоджинской котловины. Площадь 51,6 *км*^{2}. В **Тоджа** впадает р. Азас, вытекает р. Тоора-Хем (правый приток Большого Енисея). Высшие уровни в июне, низшие в марте — апреле; размах колебаний уровня 1,4 *м*. Замерзает в начале ноября, вскрывается во 2-й половине мая. Летом (июль) вода на поверхности прогревается до 19 °С.

См. также **National-geographic, ноябрь 2003. Тоджа**, **Тувинцы--Тоджинцы**, Винегрет из событий - **Тоджа**

Карта окрестностей озера Тоджа

Вернуться к ссылке

44.57. Буржуазно-демократическая революция в Китае 1911-1912 гг.

Синхайская революция

Она закончилась тем, что династия Цин, являющаяся маньчжурской династией и правившая страной на протяжении трех столетий, была свергнута, а последний цинский император смещён с трона. Организаторами и руководителями восстания были революционные организации «Гунцзиньхой» и «Вэньсюэшэ».

События складывались следующим образом. Сунь Ятсен, лидер революционного движения, подготовил ряд восстаний в разных провинциях Китая, и одно из них, исторически считающееся датой начала революции, состоявшееся 10 октября 1911 года в провинции Ухань, приведшее к мятежу саперного батальона, перешедшего во всеобщее восстание войск, посланных на усмирение провинции Сычуань — дало толчок всем последующим революционным событиям. В этот день были захвачены дворец и арсенал. Заершилась Синхайская революция 12 февраля 1912 года когда последний китайский император, шестилетний Пу И, официально отрёкся от трона. Так произошло падение династии Цин, правящей Китаем начиная с 1644 года по 1912 год включительно. В ходе этой революции произошёл целый ряд событий, таких как отделение внешней Монголии, провозглашение Тибетской независимой республики и провозглашение Китайской республики.

Первые же известные события этой революции начались на юге Китая в апреле 1911 года, а последние события, связанные с этой революцией завершились летом 1912 года.

Более подробно хронологическая цепочка событий Синхайской революции выглядит следующим образом:

Апрель 1911 года. Гуанчжоу. Хуанхуанганское восстание. Вооруженное восстание с целью свержения власти маньчжурской династии Цин. Свыше 100 вооруженных членов «Тунмэнхоя» во главе с Х.Сином атаковали резиденцию маньчжурского наместника провинции Гуандун и Гуанси и захватили ее, но подразделения местного китайского гарнизона, на которые делали ставку лидеры «Тунмэнхоя», не поддержали их. Правительственные войска разбили повстанцев. Х.Сину удалось бежать в Гонконг. Позднее тела погибших 72-х повстанцев были захоронены на холме Хуанхуаган.

Май 1911 года. Пекин. После национализации Цинским правительством строившихся на средства китайского населения железной дороги Чэнду — Ханькоу и Гуанчжоу — Ханькоу в провинциях Лянху и Гуандун, было подписано соглашение с банковским консорциумом Великобритании, Франции, Германии и США о передаче ему строительства железнодорожной линии на территории Китая, что нанесло ощутимый удар по китайской буржуазии.

Июль 1911 года. Сподвижник С.Ятсена С.Цзяожэнь возглавил созданный им и его сторонниками «Тунмэнхой Центрального Китая» с целью подготовки революции в провинциях бассейна реки Янцзы. Ван-Хурэ (Монголия). Участники антикитайского собрания направили прошение правительству России о помощи в борьбе против Манчжурской династии в Китае.

Август 1911 года. Чэнду. Сычуаньское восстание. Десятитысячный митинг, на котором было принято воззвание к населению всей провинции с призывом не платить налоги, прекратить торговлю и занятия в школах. Императорский наместник Ч.Эрфэн приказал войскам открыть огонь по демонстрантам, собравшимся у его резиденции. Десятки человек были убиты и ранены. В ответ на эти действия в пригородах Чэнду началось вооруженное восстание, перекинувшееся на ряд уездов провинции.

Сентябрь 1911 года. Сычуаньские повстанцы взяли город Жунсянь. Восставшие взяли города Синьцзинь и Шуанлю. Наводнение в результате разлива реки Янцзы.

Октябрь 1911 года. Учан. Учанское восстание. Явилось историческим началом революции. Мятеж саперного батальона, перешедший во всеобщее восстание войск, посланных

на усмирение провинции Сычуань. Непосредственными организаторами и руководителями восстания были революционные организации «Вэньсюэшэ» и «Гунцзиньхой», признававшие программу «Тунмэнхоя». Восставшие захватили губернаторский дворец и арсенал. Военным губернатором провинции Хубэй был назначен командир бригады Л.Юаньхун, гражданским губернатором — председатель совещательного комитета Т.Хуалун. Были провозглашены независимость провинции Хубэй от пекинского правительства и введение республиканской формы правления. Хубейское военно-революционное правительство объявило набор добровольцев в революционную армию. Революционные части выступили в поход на провинцию Цзянси. Революционные войска взяли город Баньян. Революционные войска взяли города Баньян и Ханькоу. Победа вооруженных восстаний в городах Сиань и Чанша. Революционные войска, вступив в провинцию Цзянси, взяли город Цзюцзян. Победа восстания против династии Цин в городе Тайюань. Революционные части заняли города Наньчан и Аньцин. Победа вооруженного восстания в городе Юньнань. Продолжается наступление на город Нанкин. Находящийся во французской эмиграции С.Ятсен провозгласил Китайскую Республику.

Ноябрь 1911 года. Пекин. Премьер-министром и главнокомандующим армией Китая назначен генерал Ю.Шикай. Шанхай. Победа вооруженного восстания. Гуйян. Революционное восстание в провинции Гуйчжоу. Ханчжоу. Победа вооруженного восстания против манчжурской династии. Гуйлинь. Победа революции в провинции Гуанси. Нанкин. Неудачное вооруженное восстание. Начало революционной борьбы в провинции Цзянсу. Победа вооруженных восстаний в городах Фучжоу и Гуанчжоу. Чэнду. Город взят сычуаньскими повстанцами. К концу ноября в 15 из 24 провинциях Южного, Центрального и Северного Китая было свергнуто господство маньчжурской монархии.

Декабрь 1911 года. Ван-Хурэ. Внешняя Монголия провозгласила независимость от Китая, на том основании, что она являлась вассалом манчжурской династии, а не Китая. Столицей страны объявлен город Ван-Хурэ, переименованный в городе Угра. Нанкин. Революционные войска вступили в город. Пекин. Отменено требование обязательного ношения косичек и объявлено о реформе календаря. Шанхай. Начались переговоры представителей республиканского лагеря с правительством Ю.Шикая. Пекин. Главнокомандующий китайской армией ген.Ю.Шикай, перешел на сторону революции. Шанхай.Торжественная встреча С.Ятсена, прибывшего из Франции. Нанкин. Собрание делегатов восставших провинций избрало С.Ятсена временным президентом Объединенных провинций Китая.

Январь 1912 года. Нанкин. Торжественное провозглашение Китайской Республики во главе с временным президентом С.Ятсеном. Вице-президентом Китайской Республики избран Л.Юаньхун. Военным министром Нанкинского правительства назначен Х.Син.

Февраль 1912 года. Революционная ассамблея утвердила предложения Ю.Шикая провести конституционную реформу. Пекин. Последний китайский император, 6-летний Пу И, официально отрекся от трона. Нанкин. С.Ятсен отказался от поста президента Китайской Республики, предложив передать его ген.Ю.Шикаю, во избежание гражданской войны между Севером и Югом. Собрание делегатов избрало ген.Ю.Шикая временным президентом Китая. С.Ятсен принял новую программу «Тунмэнхоя», в которой лозунг «прав за землю» был заменен абстрактным, расплывчатым требованием политики «государственного социализма».

Март 1912 года. Нанкин. Принята временная конституция Китайской республики. Отставка Х.Сина с поста военного министра.

Апрель 1912 года. Нанкин. С.Ятсен официально ушел с поста временного президента Китайской республики, передав власть ген.Ю.Шикаю. Лхаса. Провозглашение независимой Тибетской республики. Пекин. Переезд из города Нанкин правительства Китайской республики. Лондон. После протеста ряда великих держав отменено решение о предоставлении британо-бельгийского займа Китаю.

Август 1912 года. Лондон. Нота МИД правительству Китая с требованием отказаться от направления военной экспедиции китайских войск в Тибет. Китайский революционер и бывший президент Сунь Ятсен основал Китайскую национальную партию — Гоминьдан.

Крестьянское восстание стихийно вспыхнуло летом в провинции Хэнань. Повстанцы под руководством разорившегося помещика Бай Лана выступили против помещиков и чиновников под лозунгом «Бей богатых — помогай бедным». Они объединились в партизанскую армию, которая в течение 2 лет — аж до 1914 года вела военные действия против правительственных войск.

См. также **Синьхайская Революция. 1911-1913 гг. Сборник документов и материалов**

Вернуться к ссылке

44.58. Управление амбын-нойона Танну-Урянхая

С 1757 по 1911 г. Тува находилась под игом Цинскрй (маньчжурской) династии Китая. Свою политику маньчжурские правители осуществляли в Туве через управление амбын-нойона (главного правителя) Танну-Урянхая. В период протектората России (с 1914 г.) вело соглашательскую политику со ставленниками царского (Временного) правительства в Туве.

Упразднено в августе 1921 г. на Всетувинском учредительном хурале, провозгласившем образование Тувинской Народной Республики.

Создание Усинского пограничного округа санкционировано царем Александром III 30 декабря 1885 г. Начальник округа ведал, главным образом, вопросами развития русской торговли в Урянхае, укрепления взаимоотшошений русских поселенцев и тувинцев. В 1912 г. его функции перешли к заведующему пограничными делами, а после объявления протектората России над Тувой (17 апреля 1914 г.) — комиссару по делам Урянхайского края, должность которого Государственная дума учредила 21 июня 1914 г. Упразднено в марте 1918 г. решением IV съезда русского населения Тувы в Белоцарске.

После захвата Тувы маньчжурами в середине 18 века было изменено её административно-территориальное устройство. По численности военнообязанных мужчин в возрасте от 18 до 60 лет были образованы соответственно: из 10 человек – арбан, 150 – сумон, а из 2 и более сумонов – хошун. Всего в Туве было образовано 8 хошунов с 48 сумонами, 720 арбанами. В основу реформы была положена идея прикрепления непосредственного производителя к земле того или иного хошуна для образования своеобразных военных поселений и групп хозяйств, обязанных поставлять повелителям военную силу в случае надобности и служить главным источником доходов. Теперь крепостного арата называли албаты (подданный), который должен был платить ежегодно богдыхану албан (подать), князьям – ундурюг (налог) и другие поборы. Земля, таким образом, превратилась в источник феодальной эксплуатации. Албан и ундурюг были своеобразной земельной рентой. В каждом хошуне назначался правитель, а один из них назначался всеобщим старостой – амбын-нойоном тувинских хошунов. Маньчжуры, не имея своей администрации в Туве, решили сосредоточить в руках правителя власть над всей Тувой, разместив его ставку в Самагалтае, находящемся на пути в 6 уртелях (почтовых станциях) от Улясутая.

Амбын-нойон Тувы издавал указания о сроках выполнения албана, о взимании ундурюга.

См. также **История России. Всемирная, мировая история - История Тувы, Из истории налогов Тувы**, **Тува в период правление маньчжурской династии (1757-1911 гг.)**

Вернуться к ссылке

44.59. Минусинская котловина (Хакасско-Минусинская)

Минуси́нская котлови́на расположена между горными системами Южной Сибири: Кузнецким Алатау на севере, Восточным и Западным Саянами на юге. Рельеф преимущественно слабохолмистый. Высота над уровнем моря составляет 200—700 м. Распаханная степь, месторождение угля.

Реки: Енисей, Абакан.

Города: Абакан, Минусинск.

Климат

Климат Минусинской котловины считается одним из лучших в Сибири. До революции Минусинскую котловину зачастую называли "Сибирская Италия". В 1829 г. декабрист С.Г. Краснокутский, проживающий в ссылке в Минусинске, первым начал выращивать вишню. Это стало началом сибирского садоводства. Климат Минусинска позволяет выращивать и другие фруктовые культуры.

Целебные свойства озер Минусинской котловины используются издавна, о многих из них сложено немало преданий и легенд. А вот курорты возникли только на трех из них: Шира, Тагарское и Учум. Самая давняя здравница Приенисейской земли, обустройство которой началось в 1871 г., расположена именно здесь - курорт "Озеро Шира". Наряду с санаторием, тут находятся десятки баз отдыха и профилактории, принадлежащие различным предприятиям края и республике Хакасия.

Хакасско-Минусинская котловина

44.59.1. Племена Минусинской котловины

В лучших условиях находились жители Минусинской котловины на Верхнем Енисее. Окружённая с трёх сторон горными хребтами, а с севера — тайгой, она была хорошо защищена от набегов кочевников, пока у тех не сложились крупные политические

объединения. Здесь, как и на Алтае, складывается па рубеже II и I тысячелетий до н. э. карасукская бронзовая культура (река Карасук находится именно здесь), сопровождавшаяся переходом к кочевому быту. В минусинских степях этот переход был, однако, кратковременным. В VIII—II вв. до н. э., в период тагарской археологической культуры (от Тагарского острова на Енисее и Тагарского озера, оба близ Минусинска), население большей части енисейских степей переходит к оседлости и поливному мотыжному земледелию, сочетавшемуся с яйлажпым скотоводством. Вдоль всего Енисея и его притоков были прорыты многочисленные каналы. Хлеб жали бронзовыми серпами, зерно растирали на каменных ручных зернотёрках.

Земледелие, однако, ввиду сухости климата было возможно далеко не везде. Наряду с земледельческими были такие районы, в которых попрежнему преобладало скотоводство. Разводили лошадей, быков, баранов, коз, кости которых в большом числе встречаются в погребениях. На скалах (и в скотоводческих и в земледельческих районах) изображаются большие стада коров, лошадей и овец, на камнях могильных оград — отдельные домашние животные. Возросло значение коневодства. Кости лошади, встречавшиеся ранее сравнительно редко, и сбруя (например, бронзовые удила) обычны в раннетагарских погребениях. Лошадь использовалась при пастьбе скота (конные пастухи) и как средство передвижения. На каменных плитах и скалах имеются изображения лошадей, запряжённых в четырёхколёсные повозки или в сани, и верховых. Были известны узда и сёдла без стремян. Лошадь использовалась и в военном деле. Для транспорта применялись также двугорбые верблюды и быки. Быки ходили в упряжи (наскальные изображения), на верблюдах ездили верхом: сохранилась бронзовая фигурка верблюда, на котором сидит человек. Скот давал мясо и молоко. Из шерсти овец делали ткани (сохранились их обрывки в могилах, а также глиняные пряслица).

С развитием оседлости связано строительство постоянных жилищ. На скалах встречаются изображения бревенчатых, крытых корой и, вероятно, глинобитных домов с очагом внутри. Как и на Алтае, в могилах встречаются бревенчатые срубы, крытые деревянным настилом. На одной писанице (наскальном рисунке) рядом с тремя бревенчатыми и одним глинобитным домом стоит колоколовидная кочевническая юрта, видимо, из войлока. Возможно, что одни и те же люди, жившие зимой в постоянных домах, летом с юртами выезжали в степь. Скот зимой, невидимому, держали в помещениях. На одном из наскальных рисунков изображено жилище с пристройкой (хлевом) для скота. Жители Минусинской котловины до середины I тысячелетия до н. э. не знали железа. Это объясняется, однако, не только медленностью распространения железа на север, но и тем, что Сибирь очень богата медью и оловом. Раннетагарская культура VII—V вв., современная майэмирской на Алтае, подобно этой последней, связана с наиболее высокой техникой изготовления бронзовых изделий.

Количество их указывает на обилие металла, имевшегося в распоряжении жителей Минусинской котловины в это время. Высоко стоят техника литья и качество металла. Формы изделий из бронзы чрезвычайно разнообразны. Мастера-литейщики имели у себя наборы литейных форм, рассчитанные на массовое изготовление бронзовых предметов.

Около V в. до н. э. появляется железо. Начинают разрабатываться местные месторождения железной руды. Железные изделия подражают по форме бронзовым. Окончательно железо вытесняет бронзу, как и на Алтае, примерно со II в. до н. э. Применение железа имело важное значение для дальнейшего развития земледелия и деревянного строительства, а также в военном деле. Оседлый образ жизни способствовал развитию керамики. Последняя, однако, невысокого качества, сделана от руки и почти лишена орнамента.

Процесс разложения первобытнообщинного строя и выделения племенной знати можно проследить по материалу погребений. В тагарских курганах заметно отражено имущественное неравенство. Древние курганы (VII- V вв. до н. э.) располагаются в могильном поле без особого порядка и сравнительно невелики. Как эти, так и позднейшие курганы опоясаны оградой из плит. Обычны парные захоронения, указывающие на формирование патриархальной семьи. Вместе с мужскими костяками найдено оружие, с женскими- кожаные мешочки с бронзовыми предметами домашнего обихода (ножи, шилья, иглы) и сухожилиями для шитья. Курганы эти представляют собой семейные могилы и образуют в своей совокупности родовые могильники или кладбища, что свидетельствует о том, что родовые связи были ещё достаточно крепкими. Вместе с тем уже среди курганов первого периода появляются курганы, имеющие более значительные размеры и более богатый инвентарь. Таковы, например, некоторые курганы у Тагарского озера. В материальной культуре тагарцы имели много общего со своими западными соседями, в первую очередь с кочевниками Алтая. Определённые параллели огут быть прослежены и далее — между тагарскими древностями, с одной стороны, скифскими Северного Причерноморья и сакскими Средней Азии — с другой. Особенно велико сходство в произведениях искусства, для которых в Минусинской котловине, как и на Алтае, в основном характерен звериный стиль.

Накопление богатств и развитие обмена способствовали начавшемуся разложению первобытно-общинного строя. Происходит отделение ремесла (прежде всего металлургии) от сельского хозяйства. Медеплавильщики, позднее кузнецы ставят на изделиях, например на серпах, свои клейма. Учащаются военные столкновения. В раннетагарских погребениях все мужчины и многие женщины захоронены вооружёнными — с кинжалами и чеканами. Важнейшими видами оружия являются боевой чекан и лук со стрелами, с бронзовыми наконечниками. Сражались и в пешем и в конном строю, как это видно по изображениям на скалах. Имелись и укрепления, которые представляли собой родовые убежища, куда люди собирались в случае военной опасности. Борьба между родами велась за лучшие пастбища и сопровождалась, как правило, грабежом.

К IV—III вв. относятся курганы, не уступавшие современным им Пазырыкским и принадлежавшие, видимо, племенным вождям. Эти курганы (Кара-Кургэн в устье реки Уйбата, Узун-Оба) отличаются большими размерами и по устройству во многом сходны с алтайскими (погребальные камеры с деревянными стенками и полом, крытые накатом из толстых брёвен с лежащими поверх него камнями). Особенно велик Салбыкский курган, достигающий 11,5 м в высоту и 100 м в диаметре, обставленный у основания огромными камнями. Сооружения подобного рода требовали множества рабочих рук и могли создаваться лишь силами целых племён.

Для искусства древних минусинцев, как и для алтайского, характерен звериный стиль, что указывает на сохранение известных элементов тотемизма. И по тематике и по стилю минусинское искусство аналогично алтайскому.

Как и майэмирцы, носители тагарской культуры принадлежали к древнему европеоидному населению Западной Сибири. Видимо, именно к этим западносибирским европеоидам относятся китайские известия о динлинах, которых **Одна из енисейских надписей из района Минусинской**

котловины китайцы применительно ко второй половине I тысячелетия до н. э. помещали где-то в Южной Сибири. В каком отношении эти динлины стояли к динлинам, жившим в середине II тысячелетия до н. э. к югу от Гоби, в бассейне Хуанхэ, сказать трудно.

См. также **Кузнецкая котловина**, **Минусинский угольный бассейн**, **Абаканская степь**, **Республика Хакасия**, **Племена Казахстана и Сибири (VI—I вв. до н. э.)**, **Минусинская котловина — «Царство Археологии»**

Вернуться к ссылке

44.60. Муравьёв-Амурский, Николай Николаевич

Никола́й Никола́евич Муравьёв-Аму́рский (11 (23) августа 1809 — 18 (30) ноября 1881, Париж) — граф, русский государственный деятель, генерал-губернатор Восточной Сибири.

Окончив Пажеский корпус, поступил прапорщиком лейб-гвардии в Финляндский полк. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828—29 гг. (участвовал в осаде крепости Варны) и в подавлении польского восстания 1831 года.

В 1833 году Муравьёв-Амурский вышел в отставку и четыре года занимался хозяйством в имении Стоклишках, Виленской губернии, пожалованном его отцу в пожизненное владение.

Когда генерал Е. А. Головин, при котором Муравьёв-Амурский во время военных действий ранее состоял адъютантом, был назначен командующим отдельным кавказским корпусом и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Закавказье, Муравьёв-Амурский был определён к нему для особых поручений (в 1838 году) и несколько раз принимал участие в походах против горцев.

С 1840 по 1844 гг. Муравьёв-Амурский был начальником одного из отделений Черноморской береговой линии и в этой должности участвовал в усмирении племени убыхов.

После кратковременной отставки Муравьёв-Амурский был причислен к министерству внутренних дел и в 1846 году назначен исправляющим должность военного губернатора Тулы и тульского гражданского губернатора. Муравьёв-Амурский обратил серьёзное внимание на нужды губернии и в отчете о своей первой своей ревизии указал на неудовлетворительное состояние тюремных помещений, на упадок сельского хозяйства, для помощи которому он планировал учреждение в Туле губернского общества сельского хозяйства. Он первый из губернаторов поднял вопрос об освобождении крестьян: девять помещиков подписали подготовленный с подачи Муравьёва-Амурского адрес (обращение) государю. Дело осталось без движения, но царь обратил внимание на Муравьёва-Амурского, как на «либерала и демократа».

Тем не менее Муравьёв-Амурский был назначен в 1847 году генерал-губернатором восточной Сибири.

В истории расширения российских владений в Сибири Муравьёв-Амурский сыграл видную роль: ему принадлежит почин в возвращении Амура, уступленного Китаю в 1689 году (**Нерчинский**

договор). Ещё до отъезда в Сибирь, Муравьёв-Амурский заручился помощью Г. И. Невельского, исследовавшего устья Амура и остров Сахалин. Эти исследования, доказавшие доступность устьев Амура для больших судов, поставили вопрос о желательности приобретения Амура на более твердую почву, удостоверив, что Амур представляет удобный путь для сообщения с Тихим океаном. Муравьёв-Амурский энергично принялся за хлопоты по разрешению захвата Амура, но встретил сильное противодействие в Петербурге: правительство, не желая разрыва с Китаем, предпочитало осторожный способ действия, а Муравьёв-Амурский настаивал на агрессивной политике. Тем не менее факт занятия Невельским устьев Амура был признан, и в течение 1851—1853 годов производились исследования лимана Амура, острова Сахалина; везде были основаны русские поселения.

Приближавшийся разрыв с западными державами заставил правительство обратить внимание на защиту Камчатки; единственный удобный путь, которым можно было туда отправить войска, был водяной путь по Амуру.

11 января 1854 года императором Николаем I было предоставлено Муравьёву-Амурскому право вести все сношения с китайским правительством по разграничению восточной окраины и разрешено произвести по Амуру сплав войска.

В мае 1854 года произошёл первый сплав, год спустя — второй, с которым прибыли на устье Амура первые русские поселенцы.

Долго длились переговоры Муравьёва-Амурского с китайским правительством, и только 16 мая 1858 года Муравьёв-Амурский заключил с Китаем Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем. Муравьёв-Амурский получил за заключение этого договора титул графа Амурского.

Само по себе, однако, обладание левым берегом Амура было недостаточно, пока флот не имел свободного выхода в море: левый берег у устья вскрывается гораздо позже, чем правый. Этот недостаток айгунского трактата был пополнен Пекинским договором (заключённым в 1860 году графом Игнатьевым), по которому Россия приобрела не только Уссурийский край, но и южные порты.

Будучи генерал-губернатором Восточной Сибири, Муравьёв-Амурский делал попытки населить пустынные места по Амуру, но попытки эти не были удачны; дальнейшие поселения происходили по наряду из забайкальских казаков, а добровольные поселения на Амур приостановились. Столь же неудачны были поселения по реке Мае, в 1851 году. Не удались и попытки Муравьёва-Амурского устроить правильное пароходное сообщение по Амуру и почтовый тракт.

Имея в виду главное возражение противников занятия Амура — отсутствие постоянного войска для защиты области от вторжения китайцев — Муравьёв-Амурский выхлопотал разрешение на освобождение нерчинских крестьян от обязательных работ в рудниках и на сформирование из них двенадцатитысячного корпуса казачьего войска, которое было поселено на берегах Амура.

В 1861 году Муравьёв-Амурский оставил должность генерал-губернатора, вследствие непринятия его проекта о разделении восточной Сибири на два генерал-губернаторства, и был назначен членом Государственного Совета.

В течение двадцати лет, до своей смерти, Муравьёв-Амурский только изредка приезжал в Россию, чтобы принять участие в заседаниях государственного совета, и почти безвыездно проживал в Париже, где и похоронен на Монмартрском кладбище. В начале 90-х годов XX века останки Муравьева-Амурского перевезли во Владивосток, где и перезахоронили в районе исторического центра города.

В 1891 году в городе Хабаровске, на берегу Амура, Муравьёву-Амурскому воздвигнут памятник работы скульптора А. М. Опекушина. В 1992 году памятник был восстановлен, а в 2006 году его изображение появилось на новой банкноте 5000 рублей.

Литература

- Приобретение Амура было предметом оживленной полемики в журналах 1858—1864 гг. (см. ст. И. И. Завалишина в «Русской Старине», 1881 г. № 9 и 10: «Амурское дело и влияние его на Вост. Сибирь и государство»).
- В 1891 году вышло сочинение И. Барсукова : "Граф Н. Н. М.-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам". В "Отчете о присуждении премий Макария митрополита московского" (Санкт-Петербург, 1895) профессор Буцинский отрицательно отнесся к М. В защиту последнего В.П. Ефимов издал брошюру: "Гр. Н. Н. М.-Амурский перед судом профессора Буцинского" (Санкт-Петербург, 1896). - Ср. статью Шумахера "К истории приобретения Амура" ("Русский Архив", 1878, № 11); воспоминания Филипсона в "Русском Архиве" (1883, № 6); воспоминания Б. Милютина ("Исторический Вестник", 1888, № 11 и 12); биографический очерк М. Венюкова ("Русская Старина", 1882, № 2); А. Заборинский "Гр. Н.Н. Муравьев-Амурский в 1846 - 56 годах" ("Русская Старина", 1883); А. Баранов "На реке Амуре в 1854 - 55 годах, воспоминания офицеров из отряда Н.Н. Муравьева" ("Русская Старина", 1891).
- См. также **Н.Н. Муравьев**-Амурский, **"Муравьев-Амурский, полномочный представитель царя", газета "Алфавит" No.30, 2000**, **Наследие графа Амурского, Вокруг сета, №3 (2810) Март 2008**

Вернуться к ссылке

44.61. Молокане

Молока́не — разновидность духовного христианства, особая этнографическая группа русских.

Основы веры

Духовные христиане отличаются символическим и аллегорическим толкованием текстов Библии,

не признают православного культа

не признают икон

не признают святых

не признают церковной иерархии, клира.

не употребляют в пищу свинину и спиртное, не соблюдают православных постов,

иногда отказываются от службы в армии и т. д.

История

Впервые термин «молокане» был использован в конце XVIII века в отношении людей, отвергших православный культ. Есть несколько теорий происхождения названия «молокане». Согласно одной из них, молокане пили молоко в постные дни, когда приём «скоромной» пищи запрещён православными канонами, за что их и прозвали молоканами. Сами молокане предпочитают ссылаться на упомянутую в Библии метафору «духовного молока» (1 Петра 2:2).

Основателем молоканства считается Семён Уклеин из Тамбовской губернии. Оттуда молоканство быстро распространилось в Саратовскую, Воронежскую, Астраханскую и другие губернии.

Ниже приведена выписка, выполненная Е. И. Финогеновым, ИЗ АКТОВ, собранных Кавказской Археографической комиссией (архив ГУ Наместника Кавказского, том X, изд. под ред. пред. комиссии дейст. стат. советника Ад. Берже). Тифлис, тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885 г.

ШЕМАХИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Записка о русских переселенцах-раскольниках в Каспийской области стр.281,293.

1. Историческое изложение. Первое поселение раскольников в Каспийской области началось в Карабахской провинции, на урочище Кызыл-Кишлака в 1830 году сосланными по суду казаками земли Войска Донского, содержавшими духоборческую секту. Но распоряжение правительства по сему предмету сделано было ещё в 1829 году.

Распоряжений правительства о переселении из России в Закавказский край раскольников из дел Каспийской палаты государственных имуществ не видно, кроме нижеследующего: 1830 года, октября 20-го, высочайше утвержденное мнение государственного Собрания о духоборцах-молоканах, иконоборцах, молоканах, иудействующих и других, признанных особенно вредными ересях. Государственный совет… положил: для руководства о духоборцах, иконоборцах, молоканах, иудействующих и других, признанных особенно вредными, ересей постановить следующее…

2. Различие расколов. В каспийской области поселены раскольники: старообрядцы, молокане, духоборцы, скопцы, иудействующие, или субботники. Молокане: веруют в Христа, но отвергают все наружные обряды и церковные таинства.

МЕСТА ПОСЕЛЕНИЯ. В 1834 году были поселены на урочище Алты-Агач выходцы из России по добровольному желанию, а в 1840 году из переселившихся из села Алты-Агач, в числе 315 душ мужского пола, основано новое село на урочище Хильмилли. Оба села состоят и в настоящее время в Кушинском участке, из населения молокан преимущественно. В 1843 году на урочище Чухур-Юрт поселились переселенцы из Карабахского уезда Варащинского участка села Кызыл-Кишлака, в числе 57 душ мужского пола и 46 женского пола молоканской секты и переселенцы из России. Также в 1843 году поселены при станции Маразы Кобринского участка, тоже молокане из России, а в настоящее время, в 1844 году, основано новое поселение на урочище Джабаны Кущинского участка. Прибывали в Хельмилли: в 1840 — 352; 1841 — 12; в 1842 — 3; в 1843 — 14; в 1844 — 17 человек.

БЛАГОУСТРОЙСТВО. В каспийской области все поселения русских раскольников устроены по образцу деревень и сел внутренних губерний в России. В Ширванском уезде в селе Хильмилли и Чухур-Юрт отбиты по одной улице, на коих указано строить дома. Раскольники тех селений не соблюдают строго правил даже в том, чтобы улицы были прямы. Лучшего устройства дома находятся в Ширванском уезде, в селениях Алты-Агач, Топчи и Хильмилли.

УПРАВЛЕНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, С/ХОЗЯЙСТВО. Сельское управление в раскольничьих селениях состоит из старосты, десятских и писаря. В Шиваском уезде писари получают: в селе Хильмилли 100 руб. с канцелярскими припасами; в Алты-Агаче — 90 руб.; в Топчи — 120 руб. без канцелярских припасов. Школ в раскольничьих селениях нет.

Сельское Хозяйство у переселенцев ведётся по принятым правилам их праотцами с тою только разницей, что плодородие земли поселяет между ними ещё большую беспечность, чем прежде в России, ибо дает достаточные урожаи без употребления тщательной обработки и удобрения полей. Кроме того, закостенелость в старинных обычаях, непредприимчивость и отвращение от всякого рода нововведений овладели ими до невероятной степени.

НРАВСТВЕННОСТЬ И МОРАЛЬ. Раскольники, поселенные в Каспийской области, ведут себя вообще трезво, скромно, миролюбиво между собою, а главы семейств заботятся о благосостоянии своих жён и детей. Пьянство между раскольниками весьма редко.

Раскольники между собою очень доверчивы, но к другим жителям не только не доверчивы, но даже весьма скрытны, что увеличивается тем более, чем ближе известное обстоятельство к их пользе касается, и вообще они делаются пред теми скрытными, которые составляют их начальство или имеют какое-либо влияние.

В 1830-х годах, по декрету Николая I, для заселения молоканами и духоборами открываются закавказские провинции. Одновременно с этим среди молокан происходит всплеск религиозного энтузиазма, связанный с распространившимися между ними пророчествами о начале тысячелетнего царства Христа в районе горы Арарат в 1836 г.

В конце XIX века число молокан в России превышало 500 тыс. человек. Большинство из них жили в Закавказье (в том числе в Карсской области, впоследствии отошедшей к Турции) и на Северном Кавказе.

Обширный район в южной части Владикавказа до сих пор в народе называют Молока́нкой по названию Молоканской слободы, многие строения которой сохранились до наших дней. В этом районе продолжает функционировать молоканский дом собраний, на собраниях бывают около 150 человек. Один из центральных городских садов Баку носил ранее наименование «Молоканский садик».

Современность

Среди других территорий, где молокане живут компактно, Сальские степи в Ростовской области, Ставропольский край, Краснодарский край, один из районов Тульской области, Тамбовская область, Воронежская область, несколько сёл в Азербайджане, Армении и Грузии.

Летом 2005 года молокане отпраздновали 200 лет со дня легализации их веры. На юбилей в Ставропольский край съехались делегации из всех регионов, где молокане проживают компактно.

Молокане в Америке

В начале 1900-х годов несколько тысяч молокан эмигрировало в США (западное побережье) и Мексику (северо-запад). На сегодня в Соединённых Штатах около 20 тысяч человек «этнически идентифицируют себя как молокане», в том числе около 5 тысяч регулярно посещают молоканские служения.

При поддержке американских молокан был построен Молоканский центр в селе Кочубеевском Ставропольского края.

См.также Молокане, Molokane.org: Molokan Home Page(англ.)? Авраам Шмулевич. "Русская религия: царь духов и вождь сионского народа". "Русский журнал", 12 февраля 2007 г., Авраам Шмулевич, Марк Кипнис. Субботники (Иудействующие). КЕЭ, том 8, колонка 635-639

Вернуться к ссылке

44.62. СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ

Въ лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонъ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродъ, кде нынъ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сто-ронь, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приьха князь печенѣжьскый к ръкь, возва Володиме-ра и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударить моимь, да не воюемъ за три лъта; аще ли нашь мужъ ударить, да воюемъ за три льта». И разидостася разно Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нъту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?» И не обрътеся никдъже. Заутра приъхаша печенѣзи и свой мужъ приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всъмъ воемъ, и приде единъ старь мужъ ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дътьства бо его ньсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усние, разгнъвавъ-ся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повъда ему вся. Сей же рече. «Княже! Не въдъ, могу ли со нь, и да искусите мя: нъту ли быка велика и силна?» И налъзоша быкъ великъ и силенъ, и повель раздраждити быка; возложиша на нь желъза горяча, и быка пустиша. И побъже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придо-ша печенѣзи, почаща звати: «Нъ ли мужа? Се наш доспьлъ». Володимеръ же повелъ той нощи облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бь бо превеликъ зьло и страшенъ. И выступи мужъ Володимерь, и узръ и печенѣзинъ и посмъяся, — бъ бо середний тьломь. И размъривше межи объма полкома, пустиша я к собъ. И ястася, и почаста ся

кръпко держа-ти, и удави печенъзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенъзи побъгоша, и Русь погнаша по них ськуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть. Володимеръ же великимь мужемь створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побъдою и съ славою великою.

См. также **Никита Кожемяка**. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, **Герои мифов. Никита Кожемяка. gy.narod.ru/heroes/n/nikita-kozshemyaka.html , Д.С.Лихачев. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси**

Вернуться к ссылке

44.63. Жития Александра Невского

Во имя господа нашего Иисуса Христа, сына божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник: "В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается". Хота и прост я умом, но все же начну, помолившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего - кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: Так говорит господь: "Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду". И воистину - не без божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его - как труба в народе, лицо его - как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его - как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: "Оставили меня одного". Так же и князь Александр - побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: "Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей".

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: "Пойду и завоюю землю Александрову". И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пыхая духом ратным. И пришел в Неву,

опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: "Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою".

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: "Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ". И, припомнив слова пророка, сказал: "Суди, господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне".

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: "Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя господа бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо"». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: "Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру". Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: "Не рассказывай этого никому".

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего. Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра. Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий - Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый - новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый - из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой - из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве. Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, напротивоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творцаю.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих -одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив. После победы Александров

ой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великй силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: "Покорим себе славянский народ".

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: "Пойдем, И победим Александра, и захватим его".

Когда же приблизились немцы, то -проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: "О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя". Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: "Суди меня, боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка".

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: "Захватим Александра", - отдал бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя "божьими рыцарям".

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: "Ты, господи, помог кроткой Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою".

И сказал Александр: "О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и бога своего, избавившего их от плена египетского".

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: "Александр, знаешь ли, что бог покорил мне многие народы. Что же - один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего".

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: "Вот вдет Александр!"

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: "Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему". Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: "Князь хороший в странах - тих, приветлив, кроток, смиренен - и тем подобен богу". Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и бог помогает, ибо бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же бог землю Александра богатством и славою и продлил бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: "Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших - Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе божьем"».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: "От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого - обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем". Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им; "Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей". И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как

не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним.

Много потрудившись богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его бог и больший чин принять - схиму. И такс миром богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: "Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!" Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: "Уже погибаем!"

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время. И так прославил бог угодника своего.

См. также **Повесть о житии Александра Невского.** Институт русской литературы, **Повесть о житии Александра Невского. Википедия**, **Александр Невский. Невская битва**

Вернуться к ссылке

44.64. Задонщина

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, ЯКО ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрей Иванович[1] с своим братом, с князем Владимером Андреевичем[2], и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича[3]. Ведомо нам, брате, что у быстрого Дону царь Мамай[4] пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю[5]. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя[6] — поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле[7] одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля сидит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаючи: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру христианьскую.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондреевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андреевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы о похвальных сих о нынешных повестех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго[8]. Начата ти поведати по делом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещаго Бояна, горазда гудца в Киеве. Тот бо вещий Боян воскладоша гораздыя своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю Киевскому

Игорю Рюриковичю[9], вторую — великому князю Владимеру Святославичю Киевскому, третюю — великому князю Ярославу Володимеровичю[10].

Аз же помяну резанца Софония[11] и восхвалю песнеми и гусленными буйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского. И пение князем руским за веру христианьскую.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лет.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Андреевичь помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой крепостию, и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася ратного духа, уставиша собе храбрыя полъкы в Руской земли и помянуша прадеда своего великого князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синие облакы, посмотри к силному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичю. Ци буря соколи зонесет из земля Залеския в поле Половецкое[12]. На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону великого на брезе. Звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде, стоят мужи навгородцкие у святыя Софии[13], а ркучи тако: «Уже нам, брате, не поспеть на пособь к великому князю Дмитрею Ивановичю». И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андреевичю на пособе.

К славному граду Москве сьехалися вси князи руские, а ркучи таково слово: «У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи[14], межу Чюровым и Михайловым, брести хотят, а предати живот свой нашей славе».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате князь Владимер Андреевичь, пойдем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьяньскую».

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнездо есмя были великого князя Владимера Киевскаго, не в обиде есми были по рожению ни соколу, ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю».

О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрею и брату его Дмитрею[15], да Дмитрею Волыньскому[16]. Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полководцы, под трубами повити, под шеломы възлелеаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андрей Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собе два браты, сынове Олгордовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Зберем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на свои борзи комони, и посмотрим быстрого Дону, испиемь шеломом воды, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские».

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит и гром гремит в каменом граде Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, — стучит силная рать великаго князя Дмитрея Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспехи и черленými щиты. Седлай, брате Андрей, свои борзи комони, а мои готови — напреди твоих оседлани. Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 тысещ окованые рати».

Уже бо, брате, возвеяша сильнии ветри с моря на уст Дону и Непра, прилелеяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и

грому великому на речке Непрядве[17] межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролится крови на речьке Непрядве!

Уже бо въскрипели телегы межу Доном и Непром, идут хинове на Русскую землю. И притекоша сирые волцы от уст Дону и Непра ставъши воют на реке, на Мечи, хотят наступити на Рускую землю. То ти были не сирые волцы, — приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лебеди крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лебеди крилы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вой своя привел. А уже беды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галици свои речи говорять, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости брешут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала[18].

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиц ис камена града Москвы обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во златое свое стремя, и взем свой мечь в правую руку, и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на встоце сияет и путь поведает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимер Андреевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям. Уже бо поганьте поля руские наступают и вотчину нашу отнимают».

И рече ему князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате Владимер Андреевичь, сами себе есми два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов, и крепцы бысть князи белозерстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичу да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михаиле Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати. А воеводы у нас крепкия, а дружина сведома, а под собою имеем боръзыя комони, а на собе злаченыи доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные; а пути им сведоми, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за веру крестьянскую. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собе чести и славного имени».

Уже бо те соколи и кречати и белозерскыя истреби за Дон борзо перелетели и ударилися на многие стада на гусиные и на лебединые. То ти быша ни соколи ни кречети, то ти наехали руские князи на силу татарскую. Треснута копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремят мечи булатныя о шеломы хиновские на поле Куликове на речке Непрядве.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша, а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вместо и протопташа холми и луги, и возмутишася реки и потоки и озера. Кликнуло Диво[19] в Руской земли, велит послушати грозъным землям. Шибла слава к Железным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле ко Царюграду[20] на похвалу руским князем: Русь великая одолеша рать татарскую на поле Куликове на речьке Непрядве.

На том поле силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремели громы велицыи. То ти ступишася руские сынове с погаными татарами за свою обиду. А в них сияли доспехы злаченые, а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святей богородицы.

Не тури возрыкали у Дону великаго на поле Куликове. То ти не тури побеждени у Дону великого, но посечены князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича, побеждени князи белозерстии от поганых татар: Федор Семеновичь, да Семен Михайловичу да Тимофей

Волуевичь, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизовичь, да Михаиле Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвета[21] чернеца бряньского боярина на суженое место привели. И рече Пересвет чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти от поганых татар!» Тако бо Пересвет поскакивает на своем борзом коне, а злаченым доспехом посвечивает. А иные лежат посечены у Дону великого на брезе.

Лепо бо есть в то время и стару помолодитися, а молоду плечь своих попытать. И молвяше Ослябя[22] чернец своему брату Пересвету старцу: «Брате Пересвете, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брате, летете главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речьке Непрядве за веру крестьяньскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, но толко часто вороны грают, трупу ради человеческаго. Грозно бо бяше и жалостъно тогды слышати, занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспели бяше птицы жалостные песни. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. Микулина жена Васильевича Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а ркучи тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко мне». А Тимофеева жена Волуевича Федосья тако же плакашеся, а ркучи тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в живо-те». А Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве, припахнули к нам от быстрого Дону полоняныа вести[23], носяще великую беду, и выседоша удальцы з боръзых коней на суженое место на поле Куликове на речки Непрядве».

А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тем рускым богатырем под ранами.

Туто щурове рано въспели[24] жалостные песни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннин день. То ти было не щурове рано въспеша жалостныя песни восплакалися жены коломеньские, а ркучи тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужей наших на нась в землю Половецкую». А ркучи тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Непр зоградити, а Дон шоломы вычръпати, а Мечу реку трупы татарьскими запрудити? Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили. Уже мужей наших рать трудила».

Того же дни в суботу на Рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки на поли Куликове на речьке Непрядве.

И нюкнув князь Владимер Андреевичь гораздо, и скакаше по рати во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом посвечиваючи. Гремят мечи булатные о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, ты еси у зла тошна времени железное забороло. Не оставай князь великый с своими великими полкы, не потакай крамолником. Уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрую дружину у нас потеряли, а в трупи человечье борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. Не вставай, князь великый, с своими бояры».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дети боярьские, то ти ваши московские слаткие Меды и великие места. Туто добудете себе места и своим женам. Туто, брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни да посмеют ми ся враги моя мне». И помолися богу и пречистой его матери и всем святым его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полетеша на быстрый Донь. То ти не соколи полетеша: поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичь с своими полки за Дон со всею силою. И рече: «Брате князь

Владимер Андреевичь, тут, брате, испити медовыа чары поведеные, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татар поганых».

Тогда князь великий почал наступати. Гремят мечи булатные о шеломы хиновские. И поганые покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бежать, а руские сынове широкие поля кликом огородиша и злачеными доспехами осветиша. Уже бо ста тур на боронь.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Андреевичь полки поганых вспять поворотили и нача их бити и сечи горазно тоску им подаваше. И князи их падоша с коней, а трупми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побегше неуготованными дорогами в Лукоморье, скрегчюще зубами своими, и дерущи лица своя, а ркуче: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати и детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а в Русь ратию нам не хаживати, а выхода нам у руских князей не прашивати». Уже бо въстонала земля татарская, бедами и тугою покрышася; уныша бо царем их хотение и княземь похвала на Рускую землю ходити. Уже бо веселие их пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья и доспехи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, камкы, насычеве везут женам своим. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Вознесеся слава руская на поганых хулу. Уже бо вержено Диво на землю. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича по всем землям текут. Стреляй, князь великый, по всем землям, стреляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за веру христьяньскую. Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И отскочи поганый Мамай от своея дружины серым волком, и притече к Кафе граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Заласкан. А не бывати тобе в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за своя согрешения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з девятью ордами и 70 князями. А ныне ты, поганый, бежишь самдевят в Лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тобя князи руские горазно подчивали, ни князей с тобою, ни воевод! Ничто гораздо упилися у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле! Побежи ты, поганый Момай, от нас по задлешью».

Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милують его. Тако господь бог помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича меж Дона и Непра, на поле Куликове, на речки Непрядве.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь сь своим братом с князем Владимером Андреевичем и со остальными своими воеводами на костех на поле Куликове на речьке Непрядве. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лежат трупи крестьяньские акы сонный стоги у Дона великого на брезе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нет и колько молодых людей нет».

Тогды говорит Михаиле Ондреевичь московъскый боярин князю Дмитрию Ивановичю: «Господине князь великый Дмитрий Ивановичь, нету туто у нас сорока боярин больших мосъковъских, да 12 князей белозерскых, да 30 бояринов посадников новгородцких, да 20 бояринов коломеньскых, да 40 бояринов переяславъских, да полу 30 бояринов костромскых, да пол 40 бояринов володимеръских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов резаньских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовъскых, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60 бояринов звенигородцких, да 15 бояринов углецъких. А из-гибло нас всей дружины пол 300 000. И помилова бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Братия, бояра и князи, и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром, на поле Куликове на речке Непрядве. И положили есте головы своя за землю за Рускую и за веру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вице и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андреевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени».

Богу нашему слава.

---

[1] *Дмитрий Иванович* — великий князь Московский с 1362 по 1389 г. Был прозван Донским после Куликовской битвы.

[2] *Владимир Андреевич* — князь серпуховский и боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского.

[3] *Микула Васильевич* — московский воевода; был женат на сестре жены Дмитрия Донского.

[4] *Мамай* — татарский военачальник («темник») при хане Бердибеке (1357—1361 гг.), в 1379 г. захватил власть и был фактическим правителем Золотой Орды до 1380 г.

[5] *Залесская земля* — так назывались земли Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского.

[6] *...хиновя...* — по-видимому, слово это означает какие-то неведомые восточные народы.

[7] *...на реке на Каяле...* — Здесь под Каялой подразумевается река Калка, на которой русские потерпели первое поражение от татар в 1223

[8] *...великого князя Владимера Киевского.* — Московские князья всячески подчеркивали свое происхождение от киевских князей, и именно от Владимира Святославича Киевского, который в 988 г. принял христианство.

[9] *Игорь Рюрикович* — киевский князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г.

[10] *Ярослав Владимирович* — сын Владимира Киевского, великий князь Киевский. Княжил в Киеве с 1019 по 1054 г.

[11] *Аз же помяну резанца Софония...* — Либо автор говорит о себе в третьем лице, либо эта фраза принадлежит переписчику текста.

[12] *...в поле Половецкое.* — Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались Половецким полем, а татары — половцами.

[13] *Святая София* — главный храм Новгорода. На площади около Софии, также как и на торговой площади, собиралось новгородское вече.

[14] *...на реки на Мечи...* — Река Красивая Меча — правый приток Дона.

[15] *Андрей и Дмитрий Ольгердовичи* — сыновья великого князя Литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя Московского — Андрей с 1377 г., а Дмитрий с 1379 г.

[16] *...да Дмитрею Волыньскому...* — Дмитрий Боброк-Волынский — сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

[17] *Непрядва* — приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле. Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

[18] *Руская земля... за Соломоном побывала.* — Эта фраза — переосмысление непонятного (или искаженного в том списке, которым пользовались при составлении «Задонщины») восклицания «Слова о полку Игореве» — «О Русская земля! уже за шеломянем еси!»

[19] *Кликнуло Диво...* — В «Слове о полку Игореве» — Див. Слово «див» не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает «дива» мифическим существом (чем-то вроде лешего или вещей птицы).

[20] *Шибла слава к Железным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле ко Царюграду...* — Железные Ворота — теснина в среднем течении Дуная. Ворнавичи — какое-то искаженное географическое название; Кафа (совр. Феодосия) — генуэзская колония в Крыму; Тырново — с 1186 по 1393 г. столица Болгарского царства; Царьград — столица Византии.

[21] *Пересвет* — монах Троицкого монастыря.

[22] *Ослябя* — монах того же монастыря. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что сражение началось поединком Пересвета с татарским богатырем.

[23] *...полоняныа вести...* — вести о пленении. Употребление этого оборота в «Задонщине» объясняется зависимостью плача жен та этом памятнике от плача Ярославны в «Слове о полку Игореве».

[24] *Тутo щурове рано въспели...* — Щур — певчая птица.

См.также **Задонщина. Энциклопедия «Кругосвет», Лихачев Д. С. Великое наследие** // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. – Л.:, Дмитриева. **Задонщина** // Энциклопедия "Слова о полку Игореве". Т. 2. - 1995, **Задонщина. Википедия**,

Вернуться к ссылке

44.65. Слово о полку Игореве

1.	Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? ↕ →
2.	Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню! ↕ →
3.	Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, ↕ →
4.	помняшеть бо речь пръвыхъ временъ усобіцѣ. Тогда пущашеть ї соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю. ↕ →
5.	Боянъ же, братіе, не ї соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. ↕ →
6.	Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, ↕ →
7.	наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. ↕ →
8.	Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. ↕ →
9.	И рече Игорь къ дружинѣ своей: ↕ →
10.	«Братіе и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, ↕ →
11.	а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону» ↕ →
12.	**Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи** искусити Дону Великаго. ↕ →
13.	«Хощу бо, – рече, – копіе приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» ↕ →
14.	О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену

	древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы! ↕ →
15.	Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку: ↕ →
16.	«Не буря соколы занесе чресъ поля широкая – галици стады бѣжать къ Дону Великому». ↕ →
17.	Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче: ↕ →
18.	«Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Кыевѣ! Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь ждетъ мила брата Всеволода. ↕ →
19.	И рече ему буй туръ Всеволодъ: ↕ →
20.	«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! ↕ →
21.	Съдлай, брате, свои бръзыи комони, ↕ →
22.	а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди ↕ →
23.	А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени; ↕ →
24.	пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени. ↕ →
25.	Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю – славѣ». ↕ →
26.	Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. ↕ →
27.	Солнце ему тъмою путь заступаше, ↕ →
28.	нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въ стазби; ↕ →
29.	дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскый блъванъ. ↕ →
30.	А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ. ↕ →
31.	Уже бо бѣды его пасетъ птиць подобію, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. ↕ →
32.	О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси! ↕ →
33.	Длъго ночь мркнетъ. ↕ →
34.	Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, ↕ →
35.	щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. ↕ →
36.	Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю – славы. ↕ →
37.	**Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя**, и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. ↕ →
38.	Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. ↕ →
39.	Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе – храброму Святьславличу! ↕ →

40.	Дремлетъ въ полѣ Ольгово **хороброе** гнѣздо. Далече залетѣло! ↕ →
41.	Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине! ↕ →
42.	Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому. ↕ →
43.	Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, ↕ →
44.	чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д̃ солнца, а въ нихъ трепещуть синіи млъніи. ↕ →
45.	Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! ↕ →
46.	Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. ↕ →
47.	О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси! ↕ →
48.	Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы. ↕ →
49.	Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, ↕ →
50.	стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона и отъ моря, ↕ →
51.	и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. ↕ →
52.	Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи русици преградиша чрълеными щиты. ↕ →
53.	Яръ туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. ↕ →
54.	Камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя, ↕ →
55.	поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, яръ туре Всеволоде! ↕ →
56.	Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая! ↕ →
57.	Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. ↕ →
58.	Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. ↕ →
59.	Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. ↕ →
60.	То же звонъ слыша давный великый Ярославь ↕ →
61.	сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. ↕ →
62.	Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постала за обиду Олгову, храбра и млада князя. ↕ →
63.	Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву. ↕ →
64.	Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. ↕ →
65.	Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ

	дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. ↕ →
66.	То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копіа харалужныя ↕ →
67.	въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли! ↕ →
68.	Что ми шумить, что ми звенить ↕ →
69.	давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. ↕ →
70.	Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. ↕ →
71.	Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ↕ →
72.	ту кроваваго вина не доста, ↕ →
73.	ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. ↕ →
74.	Ничить трава жало щами, а древо с тугою къ земли преклонилось. ↕ →
75.	Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. ↕ →
76.	Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица ↕ →
77.	княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, и сами на себѣ крамолу ковати, ↕ →
78.	а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. ↕ →
79.	О, далече заиде соколъ, птиць бья, – къ морю. ↕ →
80.	А Игорева храбраго плъку не крѣсити! ↕ →
81.	За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. ↕ →
82.	Жены рускія въсплакашась, аркучи: ↕ →
83.	«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!». ↕ →
84.	А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми. ↕ →
85.	Тоска разліяся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. ↕ →
86.	А князи сами на себе крамолу коваху, ↕ →
87.	а поганіи сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. ↕ →
88.	Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый кіевскый грозою. Бяшеть притрепеталъ ↕ →
89.	своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ

	въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. ↥ →
90.	Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. ↥ →
91.	Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. ↥ →
92.	Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. ↥ →
93.	А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ. ↥ →
94.	«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, – чрѣною паполомою на кроваты тисовѣ, ↥ →
95.	чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено, ↥ →
96.	сыпахуть митъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, ↥ →
97.	и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. ↥ →
98.	Всю нощь съ вечера **босуви врани възграяху** ↥ →
99.	у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Ки саню и не сошлю къ синему морю». ↥ →
100.	И ркоша бояре князю: ↥ →
101.	«Уже, княже, туга умь полонила. ↥ →
102.	Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны. ↥ →
103.	Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. ↥ →
104.	На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: ↥ →
105.	по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. ↥ →
106.	Уже снесеся хула на хвалу, ↥ →
107.	уже тресну нужда на волю, ↥ →
108.	уже връжеса дивь на землю. ↥ →
109.	**Се бо готскія красныя дѣвы** въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. ↥ →
110.	А мы уже, дружина, жадни веселія». ↥ →
111.	Тогда великій Святславъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: ↥ →
112.	«О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. ↥ →
113.	Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. ↥ →
114.	Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! ↥ →
115.	А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тіи бо бес щитовь, съ засапожникы, кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу. ↥ →

116.	Нъ рекосте: «Мужаемѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». ↥ →
117.	А чи диво ся, братіе, стару помолодити? ↥ →
118.	Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду. ↥ →
119.	Нъ се зло – княже ми непособіе, ↥ →
120.	наниче ся годины обратиша. ↥ →
121.	Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. ↥ →
122.	Туга и тоска сыну Глѣбову!». ↥ →
123.	Великий княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? ↥ →
124.	Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. ↥ →
125.	Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. ↥ →
126.	Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти – удалыми сыны Глѣбовы. ↥ →
127.	Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? ↥ →
128.	Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? ↥ →
129.	Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича! ↥ →
130.	Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи свои желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. ↥ →
131.	Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. ↥ →
132.	Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича! ↥ →
133.	А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. ↥ →
134.	Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. ↥ →
135.	Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны – хинова, литва, ятвязи, деремела и половци – сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. ↥ →
136.	Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: ↥ →
137.	по Рсі и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! ↥ →
138.	Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. ↥ →
139.	Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. ↥ →
140.	Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте! ↥ →

141.	Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты? ↕ →
142.	Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! ↕ →
143.	Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. ↕ →
144.	Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а **самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи исхоти юна кров. А тьи** ↕ →
145.	рекъ: ↕ →
146.	«Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». ↕ →
147.	Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго – Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. ↕ →
148.	Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ городеньскіи. ↕ →
149.	Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, ↕ →
150.	уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. ↕ →
151.	Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю, ↕ →
152.	которое бо бъше насиліе отъ земли Половецкыи! ↕ →
153.	На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. ↕ →
154.	Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. ↕ →
155.	Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, ↕ →
156.	утръ же воззни стрикусы, отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, ↕ →
157.	скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. ↕ →
158.	Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ. ↕ →
159.	Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. ↕ →
160.	Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. ↕ →
161.	Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. ↕ →
162.	Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, смысленый, рече: ↕ →
163.	«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути!». ↕ →
164.	О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! ↕ →
165.	Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ; ↕ →

166.	сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи – Давыдовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. ↕ →
167.	Копіа поютъ. ↕ →
168.	На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть. ↕ →
169.	«Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви, ↕ →
170.	омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, ↕ →
171.	утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». ↕ →
172.	Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: ↕ →
173.	«О, вѣтрѣ вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? ↕ →
174.	Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? ↕ →
175.	Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? ↕ →
176.	Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?». ↕ →
177.	Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: ↕ →
178.	«О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. ↕ →
179.	Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. ↕ →
180.	Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». ↕ →
181.	Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: ↕ →
182.	«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! ↕ →
183.	Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче». ↕ →
184.	Прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. ↕ →
185.	Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. ↕ →
186.	Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою – велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! ↕ →
187.	Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкіи подвизашася. ↕ →
188.	А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, ↕ →
189.	въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, ↕ →
190.	и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. ↕ →
191.	Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня. ↕ →
192.	Донецъ рече: ↕ →
193.	«Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа!». ↕ →
194.	Игорь рече: ↕ →

195.	«О, Донче! Не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънах, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сънію зелену древу, ↕ →
196.	стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ». ↕ →
197.	Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. ↕ →
198.	Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. ↕ →
199.	Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонило. ↕ →
200.	А не сорокы втроскоташа – на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. ↕ →
201.	Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, ↕ →
202.	по лозію ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. ↕ →
203.	Млъвитъ Гзакъ Кончакови: ↕ →
204.	: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». ↕ →
205.	Рече Кончакъ ко Гзѣ: ↕ →
206.	«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею». ↕ →
207.	И рече Гзакъ къ Кончакови: ↕ →
208.	«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ». ↕ →
209.	Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти: ↕ →
210.	«Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской земли безъ Игоря! ↕ →
211.	Солнце свѣтится на небесѣ – Игорь князь въ Руской земли. ↕ →
212.	Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кіева. ↕ →
213.	Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. ↕ →
214.	Страны ради, гради весели. ↕ →
215.	Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! ↕ →
216.	Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! ↕ →
217.	Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! ↕ →
218.	Княземъ слава а дружинѣ! Аминь. ↕ →

44.65.1. По хоти

…Фраза "**спала князю умъ похоти и жалость ему знамение заступи**", не понята уже последующими переработчиками текста, по всем канонам лексики и грамматики древнерусского языка сообщающая, что "княжем овладела мысль ("умъ) о жене ("по хоти") и желание заслонило ему [дурные] предзнаменования", которые предупреждали об опасности, она не содержит никакой загадки, подтверждая, что первоначальным героем поэмы о событиях 1185 года был именно Владимир Игоревич, а не Игорь Святославич.

…То, что до нас дошло, подверглось как минимум двойному копированию: неизвестный переписчик в XVI веке перенёс текст с пергамента на бумагу, в XVIII веке бумажный список был скопирован Мусиным-Пушкиным. Последний, кроме того, произвёл разбивку на слова, расставил знаки препинания и заглавные буквы (исходный текст был сплошным, без интервалов между словами).

Хоть - любимая, желанная (жена), подруга: Кая раны, дорога братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая? *13—14*. [Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ ...подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». *33—34*.] [Рекъ Боянъ и ходы на (Ходына) Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы», — Рускои земли безъ Игоря». *44*.]

…Есть в "Слове" место прямо-таки апокалиптическое: посреди поля, усеянного трупами дружинников, стоит кровать, на которой недорезанный Изяслав сын Васильков занимается противоестественным сексом, выкрикивая заодно прощальные слова павшим! "***Изяславъ ... подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи. И схотию на кровать и рекъ: 'Дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша.'***" Подчёркнутый текст переводится следующим образом: "**И с любимцем на кровать, и сказал:..**" ("***Хоть***" по-древнерусски значит "**любимец**".) Сулейменов изменяет разбивку текста на слова: "***...притрепанъ литовскыми мечи исхоти юна кров. А тьи рек:..***" Теперь подчёркнутый текст переводится так: "**...притрепанный литовскими мечами исходил юной кровью. А тот сказал:..**"

Вернемся к сенсации. Несомненно, наиболее значительная статья сборника -- "Проблема критического текста 'Слова о полку Игореве'" И.А. Мещерского и А.А. Бурыкина. Здесь собрано толкование многих "тёмных" мест "Слова" многими авторами (за исключением О. Сулейменова). На стр. 100 читаем: "***Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... на кроваве траве притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ***". *Последняя фраза лишена какого бы то ни было смысла. Ссылки на то, что кровать здесь -- символ брачного ложа, часто связываемого в фольклоре со смертью, не заслуживают серьёзного внимания, так как подобная аллегория противоречила бы поэтике 'Слова'. Считаем необходимым принять исправления М.И. Маньковского, Н.К. Грунского и М.В. Щепкиной:* ***исходи юна кровь, а тъй рекъ****, нашедшие положительную оценку Л.А. Булаховского. Это чтение в наибольшей степени соответствует смыслу всего контекста*". Статья Булаховского опубликована в 1955 г. в № 18 украинского журнала "Радянське літературознавство". Выходит, в данном (и единственном) случае Олжас Сулейменов изобрёл велосипед! Но отчего же тогда разгорелся сыр бор?! Эта реконструкция была забыта. Дмитрий Сергеевич, вероятно, о ней просто не знал. И опубликована она в сборнике всего лишь потому, что, оказывается, первым её открыл не Сулейменов.

44.65.2. босуви врани възграяху

…"…***БО*** (ибо) ***СУИ*** (беззаботный- впустую) ***врани взграяху***…" вместо позднего "босуви", тем более, что ученые не нашли подтверждения древнему применению слов "бусов, бусовый" как "серый, дымчатый", а «вороны-вороны» в «Слове» прямо именуются "врани".

См. также **Слово о полку Игореве. Википедия**, **Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»**, **Словарь-справочник "Слова о полку Игореве": В 6 выпусках** / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз; Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Сост. В. Л. Виноградова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, **1965—1984**., **Склока о полку Игореве**. Е. Д. Федюнькин, **Половецкая Русь**, Олжас Омарович Сулейменов. Аз и Я, **Еще о тюркизмах "Слова о полку Игореве"**

Вернуться к ссылке

44.66. Тьмутаракань

1 — станица Тамань, античная Гермонасса, средневековая Таматарха, общепринятое положение города Тмутаракань;

2 — станция Сенная (античная Фанагория);

3 — гора Бориса иГлеба, по новым находкам В. В. Туманова;

4 — бывшая протока р. Кубани, западное гирло

Тамань - станица Темрюкского района Краснодарского края, порт на берегу Таманского залива Керченского пролива. В 6 веке до нашей эры греки основали здесь город Гермонассу, вошедший в состав Боспорского государства.

В конце 10 — начале 12 вв. на месте Тамани находился город Тмутаракань — центр Тмутараканского княжества. В 13 веке в Тамани обосновались генуэзцы, с конца 15 это турецкая крепость.

Большинство исследователей ныне принимают местонахождение Тмутаракани на месте Таманского городища, современной станицы Таманской (античной Гермонассы). Но это, скорее, застарелая (с конца XVIII века) традиция, чем доказанный факт.

Раскопки средневековых слоев на Таманском городище в 1955 году экспедицией под руководством Б.А. Рыбакова открыли фундамент русской церкви, обнаружили славянскую керамику X — XI веков, и, казалось, укрепили идентификацию Тмутаракани и Тамани. Но фактически подтверждено только существование русского поселения в этом месте. А может быть, это был только русский квартал (слобода) в византийско-хазарском городе? Недаром ведь среди монетных находок X — XI веков 47 процентов составляют монеты византийские, а русских там значительно меньше. Считать при этом город столицей русского княжества — более чем натяжка.

Прямые письменные свидетельства о нахождении Тмутаракани на месте Таманского городища отсутствуют. Косвенно на это может указывать надпись на знаменитом Тмутараканском камне, найденном именно в Тамани. Ныне, после долгих сомнений и многочисленных жарких споров, он практически всеми признается подлинным. Но и признавая подлинность камня, мы только определяем, откуда князь Глеб «мерил море». От Тмутаракани — да. Но было ли это в надписи обозначением «града» или границы княжества?

По византийским источникам предшественником этого города была античная Фанагория, которая с VIII в. имела название Таматарха. Тождественность ее с летописной Тмутараканью подтвердилась археологическими находками. Наиболее известная из них — Тмутараканский камень с надписью: **«Въ лето зфоз (1068 г.) індікта з (6) глебь князь мерилъ море по леду от тьмутараканя до кърчева Т и Д (10000 и 4000) сяженъ».**

Главный письменный источник «Повесть временных лет» упоминает о Тмутаракани между 988 и 1094 годами с интервалами в три-пять, максимально до 25 лет. Прекращение упоминания о Тмутаракани в Киевском летописании, естественно, объясняется тем, что как раз в 1094 году (27 апреля; по другим сведениям — в 1088 году) в Киеве скончался преподобный Никон, через которого благодаря его личным связям с княжеством сведения о последнем поступали в Киевскую лавру.

Поэтому некоторые считают именно 1094 год годом гибели Тмутаракани[140]. Но большинство историков доводят жизнь княжества до начала двадцатых годов XII века. Важно упоминание Тмутаракани в решении Любечского съезда русских князей в 1097 году и в «Хождении игумена Даниила в Иерусалим» в 1104 -1106 годах. Керамические остатки, как и другие находки русских ремесленных изделий, а также предметов христианского культа прежде всего на Таманском городище (единственном пока, и то частично раскопанном), также укладываются в рамки X — XII веков. Исторические и археологические сведения согласно указывают на доживание княжества во всяком случае до 1110 -1120 годов.

44.66.1. Летописное известие 1125 г. о принятии княжений после смерти Владимира Мономаха и известие "Рязанских достопамятностей" о преемственности в рязанском княжении

"Преставися благоверный великий князь Володимер Манамах, сын Всеволожь, внук внук Ярославль, правнук великого Владимера... Престави же ся на Альте у любимыа его церкви, юже сам создал потщанием многим; все же сынове его: Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк, Вячеслав, Роман, Юрьи, Андрей, и бояре его несоша его к Киеву, и положен бысть во святей Софеи, у отца своего. Княжение Мьстиславде. И седе по нем в Киеве на великом княжении старейший сын его, Мстислав. Еще юн сый, и бися на Колокше с Олгом Святославичем, с внуком Ярославлим, а ему дядя, сего ради, занеже Святослав, большей брат Всеволоду, деду Мстиславлю, сам хотя на великое княжение, и одоле ему Мстислав, и прогна его в **Тмутаракань** и оттоле в Рязань".

"Князю Всеволоду Ольговичу тмутораканскому дан Чернигов, князю Ярославу Святославичу черниговскому Муром, князю Святополку Ольговичу Рязань".

Начиная со второй четверти XII века, как считают исследователи, постепенно оформляется самостоятельность Рязанского княжения. 1125 год - начало этого процесса. В этот год умер Владимир Мономах, и в Киеве утвердился Мстислав Владимирович. Приведенный отрывок летописи описывает распределение княжений, упоминает уже известную нам (см. Летописное известие 1096 г. об усобице в Муромо-Рязанской земле) битву при Колокше 1096 года, после которой разбитый Мстиславом Олег бежал в Тьмутаракань, а потом якобы в Рязань. Однако известно, что Олег умер в 1115 году, и приведенный отрывок следует понимать как припоминание прежних событий. Точнее выглядит известие знаменитой "Росписи князем резанским" из рязанских поздних рукописей. Одна из них - "Рязанские достопамятности" - сообщает под 1125 годом приводимое известие о том, что Рязань досталась в 1125 году князю Святополку Ольговичу. Лит-ра: Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.9. М., 1965. С. 153; Рязанские достопамятности, собранные арх. Иеронимом. Рязань, 1889. С. 3; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. Гл.2 ; "И были полки Ольговы...": Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50х годов XVI в / Сост. А.И. Цепков. - М., 1994.

---

[140] Противоречит Летописному известию 1125 г. о принятии княжений после смерти Владимира Мономаха.

Вислые свинцовые печати: 1 — «От Ратибора» (Тмутаракань); 2 — Вячеслава Ярославича (Смоленск); 3 — Феофано Музалон (жены черниговского князя Олега Святославича); 4 — «Печать Новгородская»; 5 — новгородского наместника Дмитрия Донского

См. также **Тмутаракань**, **Тмутаракань — древнерусская «Атлантида». Грипась В.,** Мстислав Храбрый из Тьмутаракани. Волков В., Гумилев Л. Н. Синхрония. Вторая тетрадь (980-1113 гг.), В ВИХРЕ ВРЕМЕН - МАТУШКА, **Склока о полку Игореве**. Е. Д. Федюнькин

Вернуться к ссылке

44.67. Набег половцев на Посемье 1185 года

…Кроме текста "Слова..." современный историк располагает двумя версиями событий апреля-мая 1185 года в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.

…Следует внимательно рассмотреть цели и военно – политическое значение похода Игоря. Мнения ученых здесь расходятся: одни считают поход Игоря незначительным пограничным рейдом, другие – грандиозным по замыслу походом, сквозь всю половецкую степь.

За год до своего поражения Игорь действительно предпринял небольшой рейд на реку Мерл. Это был безопасный поход, полностью исключавший угрозу окружения, но и не особенно опасный для половцев, так как затрагивал лишь незначительную часть степи.

От участия во всех общерусских походах на половцев Игорь уклонялся.

Вся деятельность Игоря во время напряженной войны с объединенными силами половцев в 1184 – 1185 годах не может вызвать одобрения и объяснить нам появление посвященной ему поэмы.

Если в 1176 г. половцы повоевали только шесть пограничных городков, даже не поименованных в летописи, то теперь, в 1185 г., было повоевано и разорено все Посемье, и, самое главное, были порублены или пленены в степи тысячи воинов со всей Северной земли – из Новгорода, Путивля,

Трубчевска, Рыльска, Курска и других городов. И если, несмотря на все это певец нашел множество тонких и сильных средств оправдания князя Игоря, смягчения его несомненной вины, то причина этого лежит далеко за пределами личной симпатии к Игорю и искать ее надо в общем положении всей Южной Руси летом 1185 года.

…Говоря о взаимоотношениях Руси с половцами в XII в., он отделывается несколькими парадоксами: «Половцы вошли в систему Киевского княжества так же, как, например, Полоцкая или Новгородская земля, не потеряв автономии» (стр. 312). «От падения Хазарского каганата в 965 г. до основания Золотой орды в 1241 г. никакого степного объединения не существовало и опасности для русской земли со стороны степи не было» (стр. 312). Отказываюсь понимать эту фразу! Разве не было грандиозного похода Шарукана в 1068 г., разбившего войска всех сыновей Ярослава Мудрого? Разве не писал летописец в 1185 г.: «***Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со множеством Половець на Русь, похупаяся, яко пленити хотя грады рускые и пожещи огнем***»? [1]

…Одна из частей «Слова» посвящена картине той беды, которая обрушилась на Посемье и Посулье после поражения Игоря. И это тоже страница из жизни Владимира Святославича. Именно Владимира и его брата Олега Святослав Киевский посылает в Посемье летом 1185 г. наводить порядок в разоренной Гзаком земле.

Из-за нежелания Давыда Смоленского вступать в драку с половцами отпор степнякам не состоялся. Половцы взяли Римов и ушли в Поле с богатой добычей. Олег и Владимир Святославичи стали единственными из русских князей, кто увидел страшную картину разграбленного и взбунтовавшегося Посемья. Об этом в Ипатьевской летописи: ***Святослав посла сына своего Олга и Володимера в Посемье то бо слышавше возмятошася городи Посемьские <...> и мятахоуть ся акы в мутви городи вооставахоуть***... (Стб. 645-646).

Гзак сжег острог Путивля (окольный город). Но кремль выстоял.

…Что же касается Игоря и его спутников, то, вероятнее всего, они были повязаны половцами Гзака еще полусонными, а вместе с ними был захвачен и калым, который Игорь вез Кончаку, - то самое загадочное "руское золото", в связи с потерей которого, по свидетельству автора "Слова о полу Игореве" и к великому смущению его исследователей, оплакивали ("каяли") Игоря различные народы. В самом деле, откуда у Игоря, если он шел в набег на половцев, могло оказаться "русское злато"? Теперь и эта загадка получала объяснение.

Кончак прибыл слишком поздно: если верить Лаврентьевской летописи, Гзак успел даже послать известие в Киев князьям с предложением обмена пленных, хотя последнее могло произойти и на следующий день. Вероятно, молодоженов и "красных девок" ему все-таки пришлось освободить во избежание неприятностей со стороны Кончака и донских половцев, к числу которых Гзак не принадлежал, будучи половцем поднепровским. Но на Игоря и остальных такая неприкосновенность не распространялась. Если вспомнить, что в 1168 году Олег Святославич, старший брат Игоря, захватил вежи Гзака, пленив его жену и детей, можно допустить, что половецкий хан взял реванш. Неизвестно, какие отношения у Гзака были с Кончаком, во всяком случае, не дружественные. Вот почему, отпустив Игоря на поруки, он все-таки отправился в Посемье грабить земли новоявленного зятя Кончака, не поддавшись на уговоры обратиться против их общего с Игорем врага, переяславльского князя Владимира Глебовича, куда тотчас же отправился сам Кончак.

…**ГЗАК** — половецкий хан, глава объединения донских половцев бурчевичей, сын хана Беглюка (Белюка), в летописи назван Бурновичем. В Ипат. лет. под 1169 рассказано о поражении Г. от Ольговичей: «Тои же зиме ходиша Ольговичи на половци, бе бо тогда люта зима велми и взя Олег веже Козины и жену, и дети, и злато, и сребро, а Ярослав Беглюковы веже взя...». В 1185 Г. участвует как союзник Кончака в битве с Игорем; его сын Роман Кзич берет в плен Всеволода, брата Игоря. После победы над Игорем Г. совершает набеги в Посемье и на Путивль, «***и повоеваши волости их, и села их пожгоша. Пожгоша же и острог у Путивля***».

44.67.1. Река Сейм и Посемье

Сейм, река в Курской области РСФСР, Сумской и Черниговской областях УССР, левый приток р. Десны (бассейн Днепра). Длина 748 *км,* площадь бассейна 27,5 тыс. *км*^{2}. Берёт начало на Среднерусской возвышенности, течёт в широкой долине, в пойме много стариц. Питание преимущественно снеговое. Средний расход воды в 105 *км* от устья 99,6 *м*^{3}*/сек.* Замерзает в конце ноября - начале января, вскрывается в конце марта - начале апреля. В низовьях местное судоходство. На С. - гг. Курск, Льгов, Рыльск, Путивль.

…на 772-м км своего пути, Сейм впадает в р. Десну — левый Приток Днепра. Общая площадь бассейна р. Сейм составляет 27 тыс. 400 км2, из которых 20 тыс. 350 км приходится на территорию Курской области.

В ее пределах, по данным Царева И. И., Сейм имеет 639 притоков: длиною 101—200 км — 2, 51—100 км — 7, 21 —50 км — 42, 11—20 км — 59, 10 км и менее — 529.) Значительными по длине притоками правобережья являются реки: Рать (43 км), Тускарь (113), Свана (197); из левобережных притоков — Донецкая Сеймица (71), Полная (54), Реут (58), Снагость (59 км), остальные притоки — мелкие реки и ручьи. Река Сейм несет свою воду в сравнительно глубокой — 50—75 м и довольно широкой эрозионной долине, выработанной в отложениях меловой, палеогеновой и неогеновой систем. Ширина долины постепенно увеличивается.

Если обратиться к трудам нашего выдающегося земляка и одного из самых выдающихся историков Украины XIX ст. О. М . Лазаревского, мы узнаем, что название р. Сейм происходит от количества рек, которые ее составляют. Справа – это реки Клевень, Локня, Ворголь, Есмань. А слева – реки Гнилушка, Сарнавщина, Куколка. Всего семь рек. Отсюда и происходит «Сейм», сначала говорили «семь», а затем стали называть «Сейм», прибавив букву.

Река Сейм

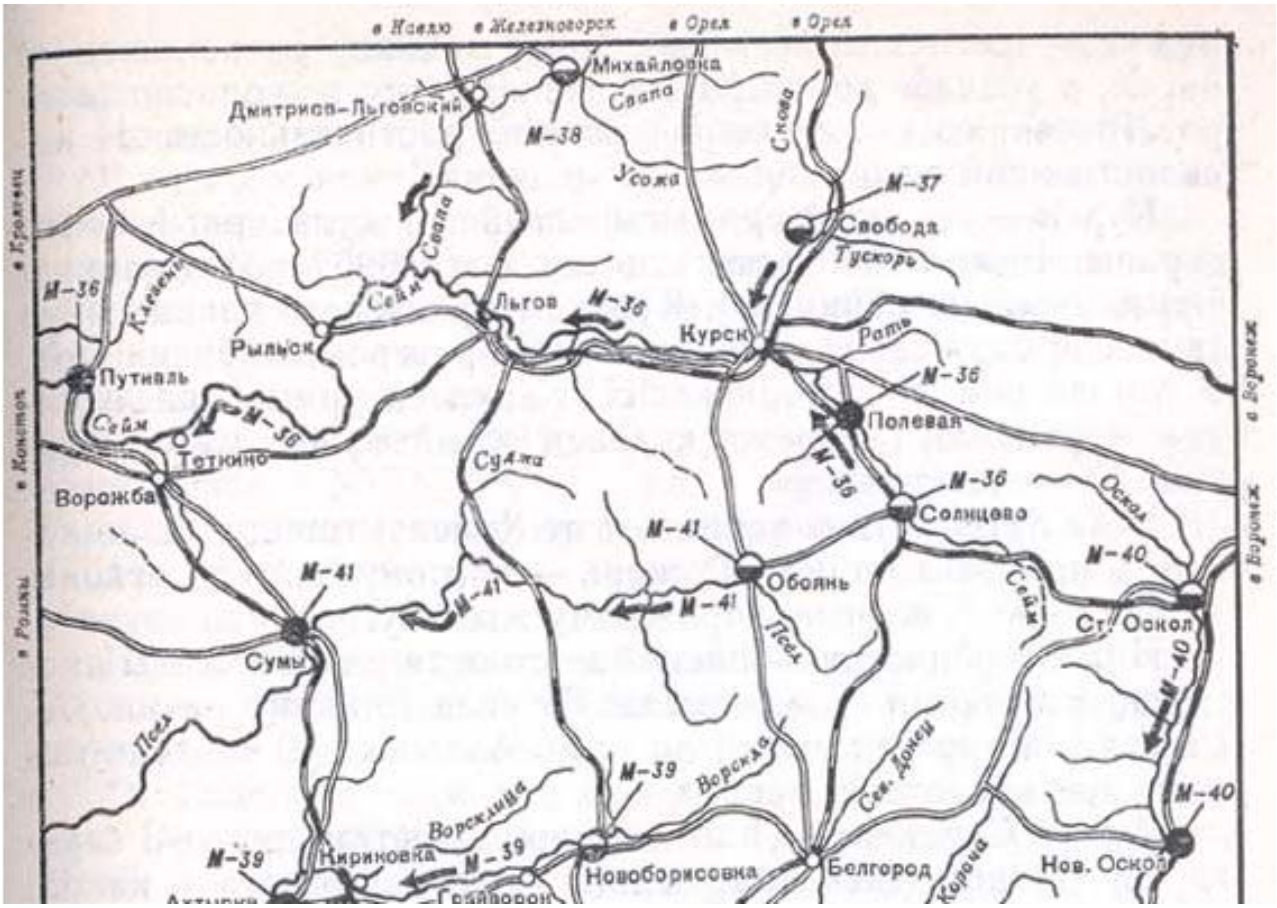


Схема рек юго-западного склона Среднерусской возвышенности

Карта Курской области с рекой Сейм – Глушково, Рыльск, Льгов, Курск, Полевая, Шумаково, Солнцево, Сейм

44.67.2. Рыльск

Город Рыльск расположен в 120 км к западу от Курска на высоком правом берегу реки Сейм, между впадающими в него речками Рыло и Дублянь. Город стоит на холме и окружен холмами, а с трех сторон окаймлен речными долинами. Рыльск — один из древнейших городов не только Курской области, но и России. Археологические раскопки позволяют утверждать, что Рыльск был городом уже в дохристианскую эпоху древней Руси, т. е. ранее X века.

В летописях Рыльск упоминается впервые под 1152 годом, когда Юрий Долгорукий — князь Суздальский и Ростовский, после неудачного похода на Чернигов «иде к Рыльску». Затем имя Рыльска звучит в 1185 году, когда он составлял особый удел и князья его участвуют в различных войнах. Так, Святослав в 1185 году в Игоревом походе; Олег — в битве при Калке в 1224 году, Мстислав — в 1241 году.

К 1283 -1285 годам относится известный летописный рассказ о печальных Рыльских делах, связанных с ханским баскаком Ахматом, князем Липицким Святославом и Рыльским князем Олегом. Последним самостоятельным Рыльским князем в XIII веке считается Василий Шемяка, при котором в 1295 году была обретена Чудотворная икона Знамения Пресвятой Богородицы.

К началу XIV века Рыльское княжество перешло во власть литовцев. В 1454 году польско-литовский король Казимир IV Ягеллович отдал Рыльск в удел бежавшему в Литву князю Ивану Дмитриевичу, сыну Шемяки. И, как говорит Никоновская летопись, Рыльские князья действовали в составе литовских войск Витовта.

В период усиления гонений на православие в Литве, при польском короле Александре (1492 - 1506) князь Василий Иванович Шемяка (сын Ивана Дмитриевича) со своим Рыльским уделом перешел на сторону Великого князя Московского Иоанна III. Окончательно Рыльск был утвержден за Россией договором о перемирии от 25 марта 1503 года Александра Литовского с Иоанном III. Василий Шемяка стал последним удельным князем в Московском государстве. В 1523 году Василий III посадил князя Василия в темницу по обвинению в сношениях с Литвой, а его Рыльский удел присоединил к своим владениям. С этого времени в Рыльске стали править назначаемые Москвой воеводы.

Находясь в составе Московского государства, Рыльская округа имела важное значение вследствие своего пограничного положения, а Рыльск к середине XVI века вошел в число русских городов первой линии государственной обороны от нападений поляков и литовцев, крымцев и нагайцев. Число служилых людей в Рыльске — дворян и детей боярских, было сравнительно велико. Они несли службу в разъездах и станицах, сторожах — ближних и дальних, расположенных в южных степях. К концу XVI века Рыльск, как и Путивль, был одним из центральных пунктов военной пограничной стражи.

В 1604 году Рыльск — один из первых русских городов, перешедших на сторону самозванца, а рыльский воевода князь Шаховский Григорий Петрович стал одним из сподвижников Лжедмитрия и вдохновителем последующих смут на Руси.

В 1612 - 1613 годах рыляне во главе с Прокофием Воейковым и Богданом Износковым отличились «в ратных подвигах по освобождению Отечества от Польских и Литовских войск и от воровских Черкас». В числе 255 подписей под Соборною Грамотою 1613 года об избрании на Царство Михаила Федоровича Романова есть подписи и рылян. Так, «Подпись 175 - ая. Рылянин и выборной человек Иван Брехов во всех место дворян выборных место рукуприложил. Подпись 176 - ая. Из Рыльска пушкарь выборной Иван Родивонов и выборных стрельцов и казаков и в пушкарей в посадских людей в место руку приложил».

В XVII веке Рыльск был одним из важнейших стратегических пунктов, служивших опорой русской границе века против поляков и крымцев, которые продолжали свои набеги на Курские земли почти до конца XVII. Рыляне были отважными воинами и честно несли свою службу за что получали награды, в том числе и земли.

Так, в 1686 году по жалованной грамоте Царей Иоанна и Петра Алексеевичей рыльскому помещику Дмитрию Яковлевичу Суковкину было пожаловано «за его многую службу, промыслы и храбрость в роды и роды» из поместья в вотчину — половина слободки Белицы по речке Белица с урочищами. В 1689 году также за свои службы и по случаю заключения «вечнаго мира с Польским королем» были пожалованы землей из поместья в вотчину рыльские помещики Алексей Прокофьевич Артюхов и Игнатей Федорович Кулешов.

В конце XVII - начале XVIII столетия Рыльск утрачивает значение военной пограничной крепости, постепенно превращается в один из крупных торговых городов.

18 декабря 1708 года, при разделении России на 8 губерний, город Рыльск был приписан к Киевской губернии. 29 мая 1719 года, в росписании Киевской губернии на провинции Рыльск показан в Севской провинции этой губернии. С 1 марта 1727 года при образовании по указу Екатерины I Белгородской губернии Севская провинция вместе с Рыльском вошла в ее состав.

44.67.3. Льгов

Льгов – один из старейших городов курского посемья древней исторической области славянского племени северян.

Под именнем Ольгов город впервые упоминается в Ипатьевской летописи. Летом 1152 года вблизи Ольгова половецкие ханы собирали свои орды для совместного похода с Юрием Долгоруким на Чернигов. В то время Ольгов являлся вотчиной внука Ярослава Мудрого – Олега Святославича, от имени которого город получил своё название (в древности имя Олег произносилось как "Ольг"). Близость древнего Ольгова к половецким кочевьям предопределила его половцами и он на долгое время прекратил своё существование.

Второе рождение города произлошло в XVI веке. В 1571 год на месте древнего Ольгова уже существовало укреплённое пограничное поселение южной окраины Московского государства – "Городенская Сторожа", отражавшее частые набеги крымских и ногайских татар. Высокие валы, сторожи, сохранились до сегодняшнего дня.

В декабре 1645 года под Городенской сторожей курский воевода князь Семён Романович Пожарский наголову разбил крымских татар, пришедших войной на Курский и Рыльский уезды, и отвоевал у них многочиссленный "русский полон". Дмитрия Солунского, который по имени древнего города стали называть Ольговским или Льговским. С Льговским Дмитриевским монастырём связана судьба Иоав Льговского – известного в XVII веке и ставшего одним из наиболее почитаемых распространителей старообрядчества. С 1657 по 1672 год Иов был настоятелем Льговского монастыря, отстроил его после крымского разорения 1645 года, собрал многочисленную братию. Именно отсюда, скрываясь от преследований властей, Иов ушёл на Дон, где в Чирской обители в 1681 году он нашёл своё последнее прибежище.

Льговский Дмитриевский монастырь просуществовал до 1764 года, когда по указу Екатерины II он был упразднён. К тому времени монастырская слобода уже стала центром торговли и ремесленного производства всей округи.

В 1779 году, при учреждении Курской губернии, слобода бывшего Льговского монастыря получает статус уездного города Льгова. В 1780 года Льгову "высочайше пожалован" собственный герб с изображением на зелёном поле птицы дрофы, "которой в окрестностях сего города плодится много", а в 1784 году был утверждён план генеральной застройки, особенности которой город сохранил до настоящего времени.

Льгов XIX века – тихий провинцальный городок. В городе не было крупных промышленных предприятий, и был он известен разве что как один из центров пивоварения и производства сала. Основным занятием его жителей была торговля. Ещё со времён существования монастыря во Льгове проводились 4 ежегодные ярмарки: Васильевская (1 января), Пятницкая (в десятую пятницу по Пасхе), Семёновская (1 сентября) и Знаменская (27 ноября). Торговые люди составляли гордость города. Представители льговских купеческих фамилий Пафнутьевых, Коншиных, Крыгиных, Гадицких, Кусаковых, Жбанковых были изветны своей

благотворительносью, неоднократно жертвуя на дело городского благоустройства значительные суммы. В 1891 году Николай Гаврилович Дерюгин завещал городу капитал, который был употреблён на устройство городского банка. В знак благодарности льговчане назвали улицу, на которой размещалось красивейшее здание банка – Дерюгинской.ез Льгов проследовал цесаревич Александр Николаевич

Знатные особы посещали уездный город очень редко. Однако, в 1837 году, во время своего путешествия по России через Льгов проследовал цесаревич Александр Николаевич. Будущий император Александр II в сопровождении свиты и своих учителей направлялся из Курска в село Ивановское Льговского уезда – имение князей Барятинских "Марьино", где пробыл несколько дней.

В 1867 году через Льгов прошла железная дорога, соединившая Курск и Киев. С этого времени в городе активно развивается самостоятельное промышленное производство.

В конце XIX века Льгов становится важным железнодорожным узлом: через него проходят две дороги, соединившие в одном направлении Киев и Воронеж, в другом – Харьков и Брянск. Это обстоятельство позволило городу быстро развить свою перерабатывающую, а познее и металлообрабатывающую промышленность. Быстро растёт население города. Открываются новые учебные заведения - женская гимназия, мужское реальное училище, а уже в советское время - педагогический техникум и фельдшерско-акушерская школа.

В 1928 году Льгов становится окружным центром, объединившим территорию пяти уездов бывшей курской губернии. Однако, дальнейшее быстрое развитие было прервано Великой Отечественной войной. С октября 1941 по март 1943 года Льгов находился в оккупации, во время которой в городе действовала молодёжная подпольная организация. Деятельность льговских молодогвардейцев окончилась трагически: в сентябре 1942 года они были захвачены и расстреляны немцами. На центральной площади Льгова юным героям установлен памятник.

44.67.4. Обоя́нь

Обоя́нь — город в России, административный центр Обоянского района Курской области.

Герб г. Обоянь

Население около 13,8 тысяч жителей (2006).

Географическая широта: 51°13'
Географическая долгота: 36°15'
Высота над уровнем моря, метров: 180

Город расположен на берегу реки Псёл (приток Днепра), в 60 км от Курска, на автомагистрали М2 «Крым».

Одноимённая железнодорожная станция на однопутном тепловозном ответвлении Ржава — Обоянь (31 км.) от магистрали Москва — Симферополь.

История

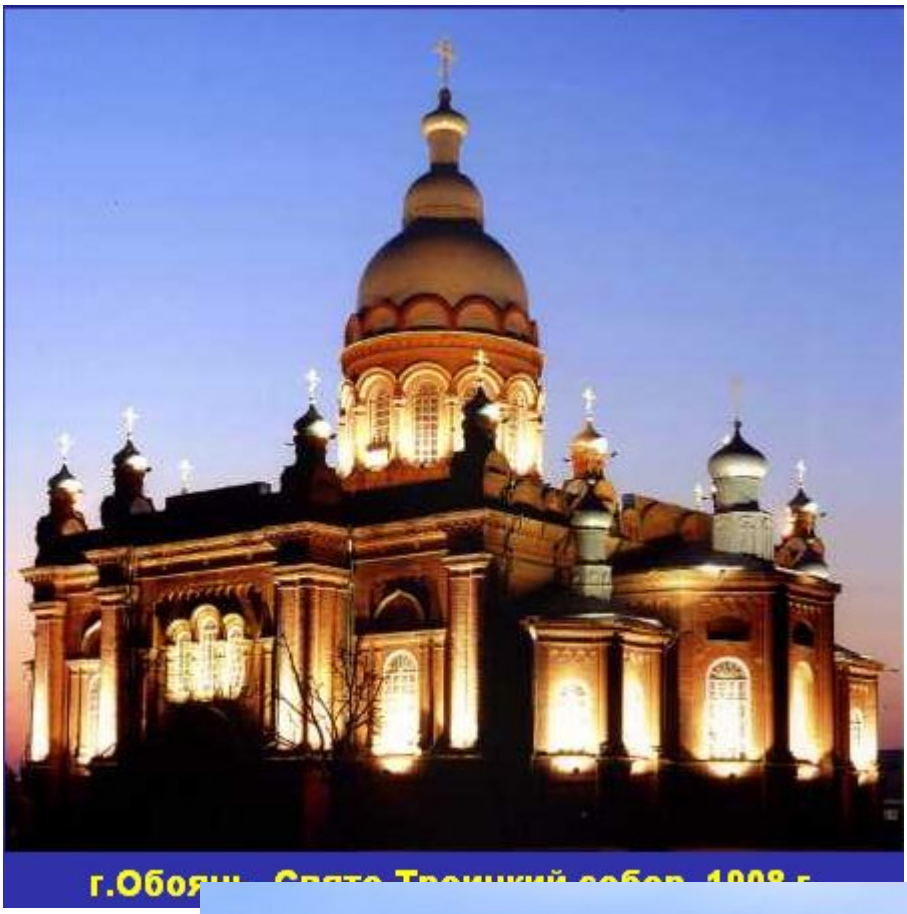
Основан как крепость в 1639, обрёл статус города в 1779. Карамзин к городу Обоянь приурочивает Веяхань или Беяхань — городок, упоминаемый впервые в летописи под 1147 г. и находившийся между Посемьем и переяславскими владениями. Позднейшие исследователи утверждают, что Обоянь основана в 1650 году, в качестве порубежного острожка, для ограждения от кочевых степных народов. В 17[141]08 году Обоянь была приписана к Белгородской провинции, а в 1779 году назначена уездным городом Курского наместничества, преобразованного в 1796 году в Курскую губернию.

---

[141] **В 1708 году Обоянь** приписана к Киевской губернии, с 1720 входила в состав Белгородской провинции (с 1727 году – губернии) , с 1779 года – уездный город Курского наместничества (затем губернии).

Исторический очерк

Основан в 1639 г. как крепость на южных границах Российского государства, в устье р. Боянь (старорусское название Обоянки), на высоком правом берегу р. Псёл. [Поспелов, 1998: с 1650 г. упоминается город Обоянь].

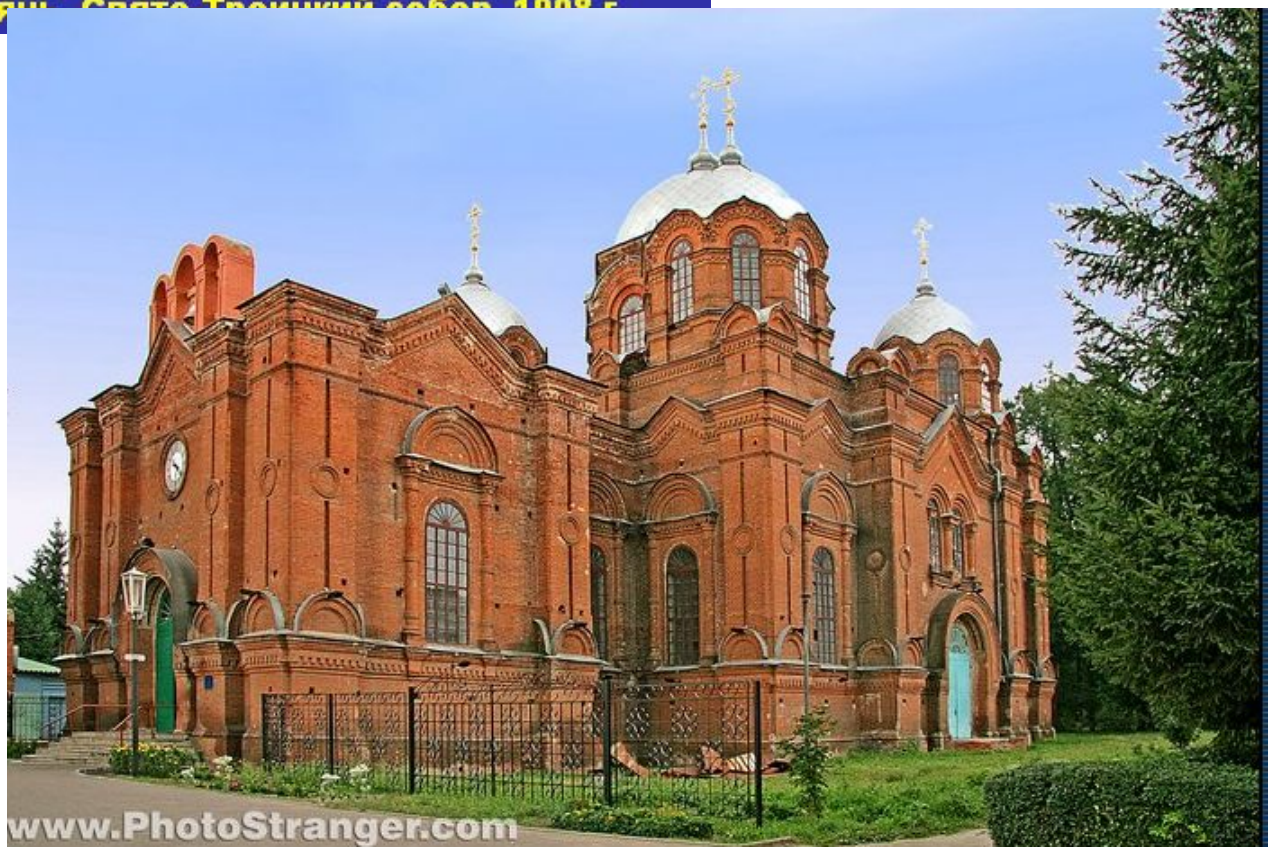


Предполагается, что сначала река называлась по местности Баянь (татаро-монгольское bajan "богатый"); позже появилась русская приставка о-, означающая "вокруг, около", и образовавшееся название Обоянь осмысливается как "река, текущая по богатой местности".

Город Обоянь с 1779 г.

В 1950 г. через Обоянь прошла автомагистраль Москва - Симферополь; через Псёл и Обоянь перекинуты мосты.

Архитектура, достопримечательности



Храм Александра Невского, г. Обоянь (1907 г., арх. В.Г. Слесарев)

2-х этажные купеческие дома 19 в. в центральной части города, здание бывшей женской прогимназии, монументальный 5-купольный собор Александра Невского (1907), Троицкий собор и Смоленская церковь.

В Обояни родился основоположник отечественной электротехники В. В. Петров, жили белорусский поэт Я. Колес, певец Г. М. Нэлепп. В 30 км от Обояни, на реке Пене, находится село Красное – родина актера М. С. Щепкина.

См.также 1. **«Ипатьевская летопись». ПСРЛ. Т. II. СПБ. 1908. стб. 634.**, **Три имени автора «Слова о полку Игореве». ЧЕРНОВ А.**, **Половецкая Русь. Знание-Сила. Номер 5-6/00. Никитин А.**, **О создателе версии похода князя Игоря на половцев в 1185 году в Лаврентьевской летописи. В.Ю.ФРАНЧУК**, **Князь Игорь и хан Кончак. Рыбаков Б.А.**

Вернуться к ссылке

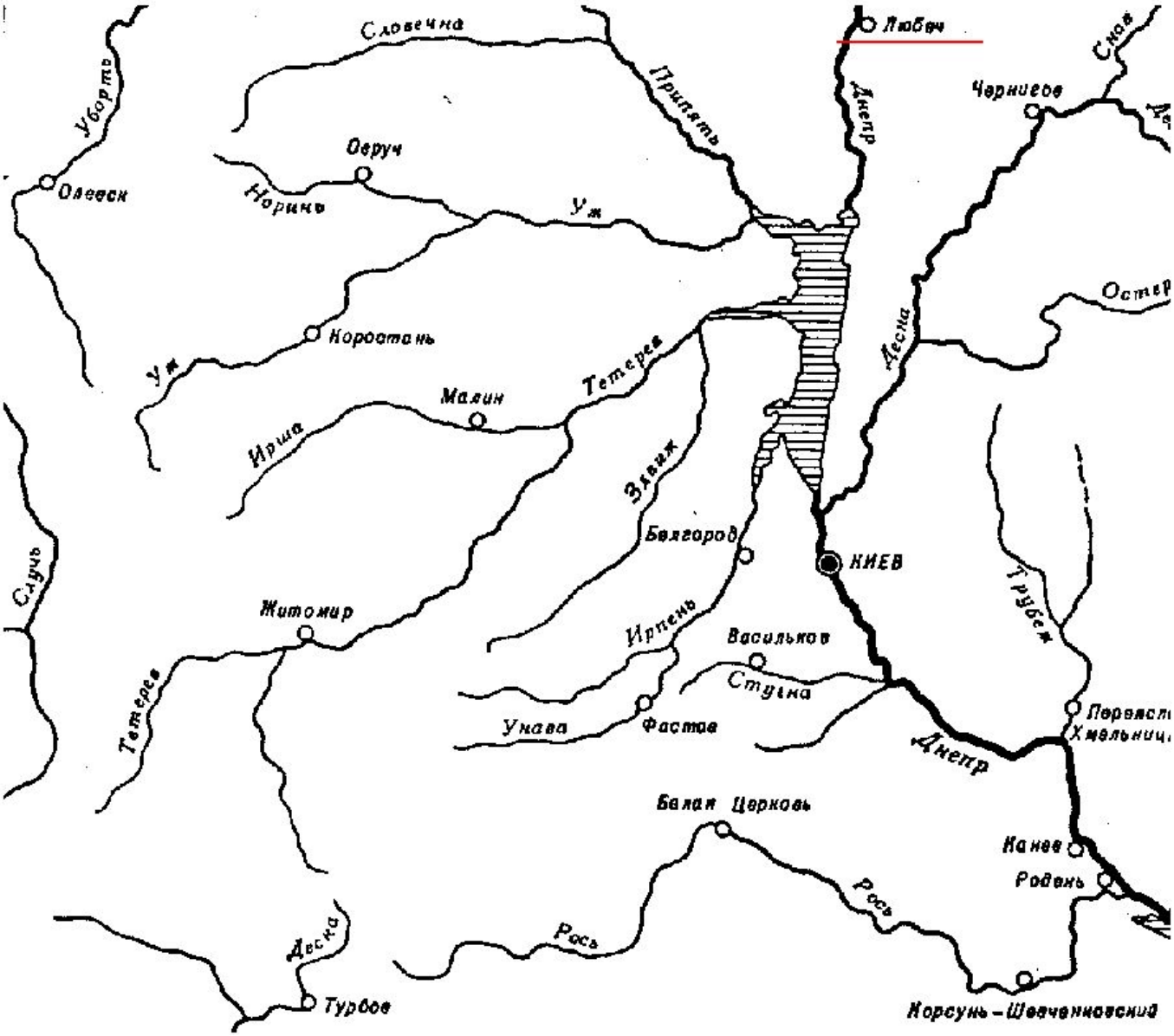
44.68. Любеч

Любеч — в настоящее время посёлок городского типа Репкинского района Черниговской области Украины; в прошлом считался городом — один из древнейших на Днепре. Первое упоминание - 881 г.

Население — 2,4 тыс. жителей (2007).

История

Любеч впервые упоминается в Повести временных лет как город, который в 882 году захватил новгородский князь Олег, напрявлявшийся в Киев. Любеч как Teliotza (Телиоца) упоминается в трудах византийского императора Константина Багрянородного [1]. Сыном Малуши Любечанки, ключницы Ольги, был Владимир. В результате борьбы с братом Ярополком Владимир Святославич был вынужден бежать к варягам. Однако в 980 он вернулся и около Любеча разгромил дружину Ярополка. В 1015 на берегу Днепра у Любеча новгородский князь Ярослав Мудрый разбил своего сводного брата, киевского князя Святополка Окаянного.



В 1051 отшельник Антоний (ум. в 1073), уроженец Любеча, после долгого пребывания на Афоне, поселился в одной из пещер киевского холма, что считается датой основания Киево-Печерского монастыря.

В 1097 в городе состоялся первый съезд русских князей.

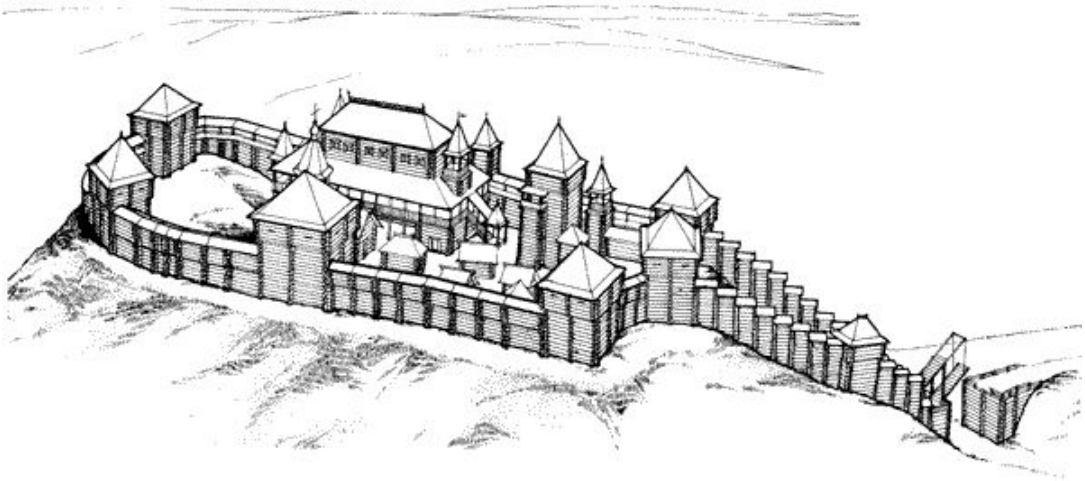
В 1147 Любеч был сожжён Ростиславом Мстиславичем, а в 1157 опустошён половцами. Некоторое время жизнь в нём едва теплилась, но черниговский князь Святослав Ольгович, получив город, видимо, отстроил его, поскольку Ольговичи здесь обсуждали (1180) план военных действий против Ростиславичей.

После второго похода Батыя (НЯ-ДК 1240) город пришёл в упадок. Возможно, любечскими боярами были герои Куликовской битвы братья Александр Пересвет и Родион Ослябя.

В XIV веке вошёл в состав Великого княжества Литовского; с 1471 года — центр волости Киевского воеводства.

С 1569 года — центр Любечского старостваКиевского воеводства Речи Посполитой.

С 1648 — центр казацкой сотни Черниговского полка. Сильно пострадал во время казацких выступлений в XVI веке против поляков. Б.Хмельницкий сделал город ранговым имением черниговских полковников.



Вид княжьего двора – реконструкция по данным раскопок

Во времена И. Мазепы городом завладел сам гетман.

После 1708 года город стал собственностью семьи Полуботков, а позже — Милорадовичей.

См. также **Древнерусский город-крепость Любеч**, **История славян. Любечский съезд князей 1097 г. А. Гудзь-Марков**

Вернуться к ссылке

44.69. Создание Ордена крестоносцев

Тевтонский (Немецкий) орден[142], или Орден крестоносцев, был немецким католическим духовно-рыцарским орденом. Возник он в XII веке, в эпоху Крестовых походов, в Палестине. Папа Иннокентий III утвердил его в 1198 году (тогда рыцари и стали носить белые плащи с черным крестом). Оставшись в Палестине не у дел, Орден сперва попытался обосноваться (но безуспешно) в Трансильвании (Семиградье), а затем ему удалось в XIII веке создать на чужих землях феодальное военно-колонизационное государство. Началось с того, что князь **Конрад I Мазовецкий** [143](1187 или 1188—1247), стремясь с помощью рыцарей отразить набеги соседей, балтийского племени пруссов, отдал Ордену в 1226 году свои владения в Хелминской земле (на правом берегу Вислы в нижнем ее течении). Отсюда крестоносцы начали покорение пруссов. К 1283 году вся Пруссия оказалась под гнетом рыцарей, которые в самом начале колонизаторского похода добились от императора, а вскоре и от папы буллы, согласно которой захваченные земли становились собственностью Ордена. Папа принял Орденское государство под свое покровительство.

Дальнейшее его расширение шло как за счет земель, где имелось некрещеное население (Литва), так и за счет давно уже (в X в.) принявшей католичество Польши, шло методами насильственного захвата и посредством интриг, подкупа, обмана, дипломатических ухищрений. В Восточной Прибалтике Орден имел свой филиал: созданный в 1237 году из остатков Ордена меченосцев Ливонский орден, подчинявший папско-епископской власти земли латышей и эстонцев, пытавшийся продвинуться и дальше, но разбитый Александром Невским в Ледовом

---

[142] Его название звучало в сокращенной форме уже с самого начала "Тевтонский (немецкий) орден", в то время как официальная форма названия относилась к госпиталю Марии в Иерусалиме: "Орден братьев госпитальеров Святой Марии Германской Иерусалимской"

[143] Конрад I., (польский) герцог Мазовии (*1187, †1247). Приглашение последовало зимой 1225/26 после двух крестовых походов (1218 г. и 1221-1223 гг.), которые провалились, и особенно северная часть владение герцога страдала от контрударов пруссов

побоище 1242 года. К концу XIV — началу XV века владения Тевтонского ордена (с ливонскими землями) простирались от Лебы до Нарвы и занимали территорию в 200 000 кв. км.

44.69.1. "Рыцари церкви"

…Известно, что в период между 1100 и 1300 гг. возникло 12 духовно-рыцарских орденов, которые превратились в своего рода ударные отряды папства, использовавшиеся в борьбе против мусульман и язычников, для грабежей и захвата чужих земель. Тевтонский орден был утвержден в 1198 г. папой Иннокентием III. Первым магистром его стал Генрих Вальпот. В 1221 г. папа Гонорий III распространил на тевтонцев все те привилегии, которыми пользовались более старые ордены иоаннитов и тамплиеров.

…Монахи-миссионеры первыми двинулись на разведку с целью выведать позиции Руси на побережье Балтийского моря. Так, в 1184 г. архиепископ Бремена Гартвик II послал в землю ливов августинского монаха Мейнарда, который вместе с германскими негоциантами обосновался у селения Икескола. Довольно быстро бременский иерарх учредил новое ливонское епископство, поставив во главе Мейнарда.

Проповеди миссионеров не имели успеха. Более того, ливонские язычники чуть было не принесли в жертву своим богам сподвижника Мейнарда - Теодориха. Когда же новоиспеченный епископ пытался отбыть в Германию, ливы не отпустили его, опасаясь, что "потом придет христианское войско".

Однако Мейнард сумел передать свое послание в Рим, и папа Целестин III объявил о крестовом походе против непокорных ливов. Понтифик не скупился на обещания и даже дал отпущение грехов "всем тем, кто, приняв крест, поедет для восстановления первой церкви в Ливонии".

Уже после смерти Мейнарда, зимой 1198 г., крестоносцы во главе с Бертольдом высадились на Двине подле Икесколы и Гольмэ. И хотя Бертольд погиб в одной из схваток, "рыцари церкви" опустошили ливонскую землю, принудили ливов креститься, оставили там монахов, которые стали получать содержание - меру зерна "с плуга", то есть с участка земли, вспаханной одним плугом. И все же, как только немецкие рыцари возвратились восвояси, ливы изгнали монахов и отвергли крещение.

Однако новый ливонский епископ Альберт задумал полный захват Подвинья и создание здесь крупного церковного княжества. Получив поддержку папы Иннокентия III, германского короля Филиппа Швабского и датского короля Канута IV, Альберт во главе крестоносцев на 23 кораблях в 1200 г. вошел в Двину. Подавив сопротивление ливов, он в 1201 г. основал крепость Ригу и поставил под контроль всю морскую торговлю этих земель.

Примерно с 1215 г. по инициативе Иннокентия III германские феодалы и "рыцари церкви" форсируют проникновение на восточное побережье Балтийского моря под предлогом христианизации языческого племени пруссов.

…Примерно в это же время мазовецкий князь Конрад весьма неосторожно пригласил тевтонцев для покорения языческого племени пруссов. "Тот день, - отмечает французский историк Эрнест Лависс, - когда Конрад Мазовецкий, признав свое бессилие, призвал тевтонских рыцарей против Пруссии, подготовил падение Польши".

Великий магистр ордена Герман фон Зальца, один из искуснейших (и вероломнейших) дипломатов своего времени, в 1226 г. подписал с Конрадом договор, по которому тевтонцы получили польскую Хелминьскую землю, а затем Фридрих II Гогенштауфен в своей "золотой булле", изданной в том же году в Римини, отдал Пруссию на растерзание Немецкого ордена. Папа Григорий IX объявил даже крестовый поход против язычников-пруссов и благословил тевтонцев на крестоносный разбой в Прибалтике. После первых же успехов тевтонцев папа римский "закрепил" Пруссию за орденом, угрожая всем, кто осмелится посягнуть на права Тевтонского ордена, "гневом всемогущего и его апостолов Петра и Павла".

….Как подчеркивает известный средневековый хронист Петер из Дусбурга в своей "Хронике земли Прусской", посвященной гроссмейстеру тевтонцев Вернеру фон Орзельн, захваты

Тевтонского ордена носили характер "мирной миссии", а крестоносцы были не кем иным, как миротворцами, несшими слово божие в языческие земли. Хронист в достаточной степени откровенен, когда не скрывает своих симпатий к рыцарям Тевтонского ордена и, описывая их жестокости, говорит о пруссах, как о "детях дьявола".

Что же представляла собой Пруссия перед нашествием туда крестоносных псов-рыцарей? Ко времени агрессии земля прусская была заселена племенами, относившимися к балтской группе народов и близкими литовцам и латышам. Это была своего рода конфедерация 11 этнически родственных территорий: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Бартия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судовия, Галиндия и Сассовия. Граничила Пруссия с Литвою, Польшей и Русью. Государства там еще не существовало, а начавшийся у пруссов процесс феодализации, образования и становления государства был нарушен вследствие агрессии Тевтонского ордена.

Первое антинемецкое восстание (1242-1249), которое Петер из Дусбурга называет "вероотступничеством", охватило все три завоеванные орденом западные земли Пруссии - Помезанию, Погезанию и Вармию. Вслед за первым последовал еще ряд выступлении пруссов, и все же при поддержке западноевропейских правителей и не без помощи местной знати тевтонцам удалось подавить освободительную борьбу на этой древней земле.

Как писал о тевтонцах великий польский поэт Адам Мицкевич в "Гражине", "из крестоносной псарни прибыл тать, пес, разжиревший от литовской крови". Тевтонский орден стал жестоким, коварным и чрезвычайно опасным врагом не только для язычников, но и для соседних христианских народов.

За неполные 50 лет Тевтонский орден в ходе истребительных войн покорит все прусские земли. От Польши была оторвана не только Хелминьская земля, но и Восточное Поморье, постоянными объектами экспансии тевтонцев стали Добжинская земля и Куявия. Крестоносцы представляли также большую угрозу Литве и северо-западным русским землям. Под постоянным натиском ордена была и западная часть литовский Жемайтии (Жмуди).

Рыцарские ордены в Прибалтике благодаря жестокой дисциплине и единению во имя грабежей и разбоя были намного сильнее прибалтийских племен в политическом и военном отношениях. Имя тевтонца стало для поляков, литовцев и русских синонимом жестокости и бесчестия, наглости и глумления над самим знаком креста - символа христианства. Недаром в средние века о тевтонцах ходили слухи, что они продали душу сатане.

В 1261 г. после поражения тевтонских рыцарей в сражении с литовцами пруссы подняли восстание против поработителей, которое прокатилось по всей Прибалтике, и только в 1283 г. ордену удалось окончательно покорить это гордое и свободолюбивое племя. "К концу XIII века, - отмечает К. Маркс, - цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву".

Чтобы удержать свое господство над Прибалтикой, тевтонцы продолжали беспощадно истреблять всех, кто пытался оказать им малейшее сопротивление. Вот, например, как описывает "Хроника Ливонии" поход крестоносных завоевателей: "И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили из них женщин и детей в плен, и наконец сошлись вместе у замка. На следующий и на третий день, обходя все кругом, разоряли и сжигали, что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой... Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода". Рыцари обратили в пустыню богатую область Вironию, опустошили область Гервен, сожгли красивую и многолюдную деревню Каретэн, разорили почти всю Эстонию.

В 1224 г. при взятии города **Юрьева** "воинство Христово" перерезало все население. Даже само славянское название крестоносцы выкорчевали, превратив в немецкое Дорпат (Дерпт).

В 1236 г. большое войско тевтонцев вторглось в ливонские земли, предав их огню и железу. Но псов-рыцарей опрокинули воины объединенного Литовского государства.

Через год после этого события Тевтонский и Ливонский ордены объединились. Магистру тевтонцев (получившему титул великого магистра - гроссмейстера) подчинился магистр (который в дальнейшем стал называться ландмейстером) Ливонского ордена. Объединив таким образом свои силы, германские рыцари стали готовиться к новому "Дранг нах Остен". Вступив в союз со шведскими феодалами, тевтонцы стали угрожать Пскову и Новгороду. Папский посол Вильгельм Моденский спешно

сколачивает союз Швеции и Тевтонского ордена с целью захвата пути по Неве. Условия: две трети отвоеванных земель шведскому королю, треть - тевтонцам, десятина с населения - католической церкви.

Папа римский Григорий IX, с одной стороны, надеялся на переговоры с русскими князьями о переходе их в католичество, а с другой - своими посланиями звал в крестовый поход на Русь шведского ярла Биргера, зятя короля. В июле 1240 г. шведское войско высадилось на невских берегах. В это же время татаро-монгольские орды подтягивались к реке Роси - притоку Днепра. И это совпадение было неслучайным: конечно же шведские и немецкие феодалы хотели воспользоваться бедственным положением Руси, вынужденной вести бои на многих фронтах. С 1236 г. в Новгороде княжил Александр Ярославич. Своевременно узнав о вторжении шведов, он вместе со своими дружинами совершил молниеносный по тем временам переход к Неве и 15 июля 1240 г. разбил Биргера. За победу в этой битве Александр был назван "Невским".

В том же году и немецкие псы-рыцари предприняли поход на Русь. Им удалось захватить Изборск, Копорье, Псков, грабили они и новгородскую землю. Весной 1241 г. Александр Невский стал собирать ополчение по всей Новгородчине, дождался он отрядов и из Владимирского княжества. Во главе объединенных русских сил князь выступил против Тевтонского ордена, и уже весной 1242 г. был освобожден Псков, штурмом взято Копорье. Преследуя рыцарское войско, русские дружины вместе с союзниками - карелами и ижорой - подошли к Чудскому озеру. На рассвете 5 апреля 1242 г. на льду замерзшего озера развернулась битва. По словам летописца, русские воины "дрались как львы". В результате Ледового побоища погибло 500 рыцарей, еще 50 тевтонцев взято в плен. "И бысть та сеча зла и велика, и треск от копий ломления и звук от мечного сечения и не бе видети льду, покрыто бо все есть кровию..."

Ливонией называлась в то время конфедерация 5 духовных княжеств (Ливонский орден, Рижское, Курляндское, Дерптское и Эзель-Викское епископства), которая номинально находилась под влиянием римского папы и германского императора.

Дальнейшая агрессия на Восток была остановлена, тем самым устранилась нависшая над русским народом опасность разделить судьбу порабощенных Тевтонским орденом и немецкими феодалами прибалтийских народов.

Орденские рыцари в 1243 г. "прислаша послов с поклоном в Новгород", отказавшись от своих завоеваний в русских землях. В том же году был заключен мирный договор между Новгородом и Тевтонским орденом.

Особый интерес представляют отношения между Тевтонским орденом и Россией. Для военных столкновений со своим мощным восточным соседом "рыцари церкви" избрали именно тот момент, когда России приходилось обороняться на два фронта: с востока против татаро-монгольской Орды, а с запада - против шведских и германских феодалов. И если с татарами русские князья, и в частности Александр Невский, вели переговоры и были принимаемы внешне довольно любезно (летописец по этому поводу пишет: "О, злее зла честь татарская!"), то с тевтонцами всякого рода переговоры практически исключались, ибо орден ставил перед собой задачу, как отмечает академик Е. В. Тарле, какую ни до, ни после них (вплоть до Гитлера) никто не ставил: истребление всех русских славян, кроме нужного количества в качестве рабочего скота. Татары же были завоевателями "обычного образца": они пришли, разбили русские войска и наложили на население контрибуцию, не тронув русской церкви, не вторгаясь в уклад жизни русского народа.

См. также Краткая историческая справка. Восточная Пруссия., **Тевтонский орден. [Военно-исторический словарь]**, **Трижды крещеная Литва**

Вернуться к ссылке

44.69.2. Пруссия в 13 веке

По замечанию некоторых исследователей, самоназвание страны пруссов (Пруса) созвучно древнему имени страны фризов (Фруза).

Представление о границах Пруссии наиболее полно отражено в «Хронике земли Прусской» ("Chronicon terre Prussie") Петра Дусбургского (конец первой трети XIV в.), согласно которой в составе Прусской земли было 11 частей:

Кульмская земля и Любовия (первая), Помезания (вторая), Погезания (третья), Вармия (четвёртая), Натангия (пятая), Самбия (шестая), Надровия (седьмая), Скаловия (восьмая), Судовия (девятая), Галиндия (десятая), Барта и Плика Барта (одиннадцатая).

К середине XIII века территория Пруссии, по данным хроник Тевтонского ордена, насчитывала одиннадцать автономных районов или земель: Бартия, Вармия (Эрмланд), Галиндия, Зассен (Любовия), **Замбия (Самбия),** Надровия, Натангия, Погезания, Помезания, Судавия (Ятвягия) и Шаловия (Скаловия). Во главе каждой группы племен стоял вождь (или райкс). Духовным центром каждого прусского района считался местный “Ромове” -священная роща с дубом посередине. Самая главная “Ромове” находилась в Надровии, и ею управлял верховный жрец Криве-Кривайте.

См. также **Вальдау— Низовье**, **Пруссы. Происхождение и образ жизни. Всемирная история**, **Kenigsberg - Калининград**

44.69.3. Конрад I Мазовецкий

Ко́нрад Мазове́цкий (польск. Konrad I Mazowiecki, 1187— 31 августа 1247) — представитель династии Пястов, один из польских князей периода феодальной раздробленности.

Четвёртый и младший сын Казимира II Справедливого и чешской княжны Гелены Зноемской (в старой историографии её считали русской княжной Еленой Всеволодовной), младший брат Лешека Белого.

Князь Куявии в 1202-1247 гг., князь Серадза, князь Краковский в 1229 - 1232, 1241 - 1243 гг. Основатель независимого Мазовецкого княжества в составе Польши. Правил в нём в 1207-1247 гг.

Тесно сотрудничал с Немецким (Тевтонским) Орденом крестоносцев, в 1226 г. отдал ему во владение Хелминскую землю Польши.

Конрад Мазовецкий, завязавший в 20-е гг. XIII в. дружеские контакты с галицко-волынской княжеской династией Романовичей и не раз пользовавшийся их военной помощью, в 30-е гг. XIII в. изменил внешнеполитическую ориентацию, сделав ставку на Тевтонский орден. Именно Конрад пригласил тевтонских рыцарей, незадолго до того с позором изгнанных из пределов Венгрии королем Эндре II (1205—1235), в Хелминскую

землю для оказания ему помощи против набегов пруссов. С этого момента пожалованная князем земля становится опорным пунктом Тевтонского ордена в его агрессии против Пруссии. Тевтонский орден пришел на смену Добжиньскому ордену (немецким рыцарям, получившим в 1228 г. пожалование Конрада Мазовецкого в Добжиньской земле), на который возлагалась обязанность защиты Мазовии от язычников (пруссов). Примером в этом **[352]** должен был служить Орден меченосцев; но добжиньцы не оправдали надежд Конрада. Добжиньский орден, по мнению одного из современных историков [Масан 1996], был «явлением маргинальным, изначально обреченным на быстрый упадок».

В 1237-1238 гг. потерпел поражение всместе с крестоносцами под **Дорогичином** от галицко-волынского князя Данилы Романовича и был вынужден возвратить ему Дорогичинскую землю над Бугом (сегодня - территория Подляского воеводства в составе Республики Польша), захваченную Польшей в конце XII века. 10 июля 1241 г., воспользовавшись гибелью великого князя Генриха II Благочестивого во время нашествия хана Батыя, занял Краков, став краковским князем (1241-1243). Однако после битвы 23 мая 1243 г. под Суходолом, в которой он потерпел поражение от малопольского князя Болеслава V Стыдливого, был вынужден покинуть Краков и вернуться в Мазовию.

См. также **КОНРАД МАЗОВЕЦКИЙ. История - Средние века**, **КОНРАД МАЗОВЕЦКИЙ. Жалованная грамота князя рыцарям Добжиньского ордена**, **ОРДЕН БРАТЬЕВ РЫЦАРСКОЙ СЛУЖБЫ ХРИСТУ В ПРУССИИ (ДОБЖИНСКИЙ). А.П.Бахтин**

Вернуться к ссылке

44.69.4. Дрогичин

Дрогичин (в отличие от других поселений того же имени называемый Дрогичиным Бельским, Надбужским, Подляшским или первым) — заштатный город Гродненской губернии, Бельского уезда, на Зап. Буге, в 54 вер. от уездного города. Течением Буга город разделяется на две части, из которых лежащая на правой стороне реки называется Ляцкое и лежит в Гродненской губ., а расположенная на левом берегу Буга — Русская — находится в пределах Седлецкой губ. Уже в XII в. здесь находилось укрепление. В 1192 г. Всеволод назначил Дрогичин в удел брату своему Игорю. В XIII столетии Конрад Мазовецкий отдал его рыцарям Добрянским с обязательством охранять страну от нападения язычников. В 1240 г. Д. опустошен был татарами и вскоре занят литовцами, после чего еще несколько раз переходил из рук в руки. В XVI в. Д. уступал по благосостоянию только Гродно, Вильно и Бресту. В 1569 г. Д. перешел от Литвы к Польше и с этого времени стал приходить в упадок вследствие корыстолюбия войтов и старост. В 1657 г. Дрогичин разрушили шведы, в 1660 г. — русские; много он пострадал также во время войны со шведами (1702). При 3-м разделе Польши Ляцкая сторона Дрогичин досталась Пруссии, Русская — Австрии. В 1807 г. Ляцкая сторона присоединена к России. В 1808 г. Д. назначен уездным городом Белостокской области, а в 1842 г. оставлен за штатом. В настоящее время город состоит большею частью из невзрачных построек, обитатели которых занимаются земледелием и огородничеством. Среди этих лачуг возвышаются громады двух упраздненных католических монастырей и здания бывшей иезуитской коллегии и пиарского училища. В 1891 г. жителей было 2041 (1083 мужч. и 958 женщ.); из них православных 862, католиков 658, евреев 517. Православный собор, 178 зданий, сельская лечебница, училище, до 15 лавок, одна ярмарка; торговля незначительна и город немного оживляется только во время навигации. При произведенных в 1886—1888 гг. Авенариусом раскопках найдено немало предметов, относящихся к языческому периоду. См. Н. П. Авенариус, "Д. Надбужский".

Вернуться к ссылке

44.70. Вольдемар II Победитель (1170 – 1241)

Годы жизни: 1170 - 1241
Годы правления: 1202 - 1241
Отец: Вальдемар I

Мать: София Полоцкая
Жены: 1) Ингеборга (Рикса) Саксонская
2) Маргарита (Дагмара, Драгомира) Богемская
3) Беренгария Португальская
Сыновья: [2] Вальдемар, [3] Эрик, Абель, Кристофер, [бастарды ?] Кнуд, Нильс
Дочь: [3] София

Вальдемар считается одним из самых значительных правителей средневековой Дании. В 10-х годах XIII века он организовал несколько крестовых походов против языческих племен, обитавших на противоположном берегу Балтийского моря. 25 июня 1219 г. в Битве при Линданиссе близ Ревеля он разгромил эстонцев. Согласно легенде, во время сражения с неба упал кусок красной ткани с белым крестом - так называемый Даннеброг, ставший государственным флагом Дании.

Несмотря на то, что Дания была одним из самых могущественных государств Балтии, в 1223 г. Вальдемар потерпел поражение от своего вассала графа Шверинского и попал в плен. Он был выпущен на свободу в 1226 г., дав обещание отказаться от большинства своих завоеваний в Северной Германии. В 1227 г. Вальдемар вторгся в Германию, надеясь восстановить "статус кво", но 22 июля в битве при Борнхёведе был вновь разбит. С тех пор влияние Дании в Южной Балтии сильно уменьшилось.

Остаток жизни Вальдемар посвятил составлению свода законов, известного как Ютландский кодекс, который был окончательно завершен уже после его смерти.

В 1232 г. Вальдемар провозгласил соправителем своего сына Эрика, который через 10 лет стал следующим королем Дании.

…**датский король был праправнуком** по материнской линии великого киевского князя Владимира Мономаха.

Родословная короля такова. У Владимира Мономаха был сын Мстислав. Его дочка Ингебьерг была выдана замуж за герцога Шлезвига – Кнута Лаварда, сына датского короля. Ингебьерг, ожидая рождения ребенка, гостила у своих родителей в Киеве. А в это время в результате дворцовых интриг в Дании был убит Кнут Лавард. Через две недели после его смерти родился в 1131 г. сын, которого назовут Владимиром в честь его деда. Раннее детство Владимир проведет на Руси. Для датчан это имя было иностранным, тем более нединастическим.

В 1157 г. Владимир был избран королем Дании. Благодаря его умелому, энергичному управлению государством для датчан имя становится привычным, немного измененным на датский манер – Вальдемар. Начиная с Вальдемара I более двухсот лет датскую историю будут называть эпохой Вальдемаров.

ВАЛЬДЕМАР II (Waldemar) - дат. король с 1202 г., сын кор. Вальдемара I. Род. в 1170 г. в Вордингборге (Дания). Под его руководством датчане в 1219 г. захватили часть Сев. Эстонии и построили там крепость *Ревель*. В 1220 г. датчане расширили захваченную обл. и в 1221 г. соединились с немцами, наступавшими с юга, от *Риги*. В 1222 г. *эсты* восстали и попросили русских на помощь. В 1223 г. Вальдемар заключил союз с *Ливонским орденом* "против русских и против язычников". Рыцари разбили эстов на р. Имере и взяли *Феллин*, причем рус. пленников "**всех повесили перед замком на страх другим русским**". В 1227 г. объединенные силы нем. городов и князей разбили В. I в битве при Борнхеведе, положив конец стремлению дат. короля к господству на всем побережье Юж. и Юго-Вост. Балтики. Умер 23 марта 1241 г.

См. также **http://www.xsp.ru/forum/viewtopic.php?t=1870**, **Вальдемар II. Викизнание**, **Датский король Вальдемар Победитель. В. Лесмент**

44.70.1. Таллин

То было начало XIII века. В 1219 году датские феодалы во главе с королем Вальдемаром II Победителем захватили земли эстов и на месте старой, разрушенной ими крепости Линданисе на Тоомпеа построили новую. От нее и пошел Таллин[144], происходит он от слов Taani linna, что означает "Датский город". На сохранившейся наиболее ранней печати Таллина, относящейся к 1277 году, изображены три идущих коронованных леопарда с головами в анфас на треугольном гербовом щите. Леопарды были синими, располагались они на золотом поле.

Когда епископ Альбрехт снова овладел виковцами и заставил их повиноваться, тогда король датский Вольдемар II-й, **[182]** также вздумал испробовать счастья у эстов, и выслал вперед в Ливонию войско, которое покорило земли Гарриген, Вирланд и Иервен. Не много же лет спустя, король датский Вольдемар II прибыл самолично, со множеством народа и епископом лунденским, в Ливонию и начал строить город Ревель, в 1223 году. Точно таким образом чрез несколько времени датчане выстроили замки Везенберг и Нарву, чтобы из них покорять и охранять окружные земли. Тогда то датские ревельские епископы основали и тщательно выстроили мало по малу все церкви и монастыри в Гарриене и Вирланде, при помощи щедрых пособий от датских королей.

См. также **Ревель.** Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

44.70.2. Нарва

В летописи Ниенштадта говорится, что король Датский Вольдемар в 1223 году начал строить город Ревель, а затем крепости Везенберг и Нарву. В летописи Генриха Латыша имеется указание на то, что Нарва построена в 1224 году.

В русских летописях дата еще более поздняя – 1256 год. Новгородская летопись говорит: "В лето 6764 (1256) придоша свеи и емь и сумь и Дидман... и начаша чинити город на Нарове" В этой летописи ничего не говорится о датчанах. Есть шведы, емь и сумь – суть местные племена. Под Дидманом следует разуметь Дитриха фон Кивеля, датского ленника, владевшего эстляндским берегом реки Наровы. Отсюда такое предположение, что Нарва построена датчанами.
Документы нарвского архива подтверждают версию о том, что Датское королевство, владевшее городом в течение 125 лет и, не имея средств для дальнейшего его содержания, продало город в 1347 году Ливонскому ордену.

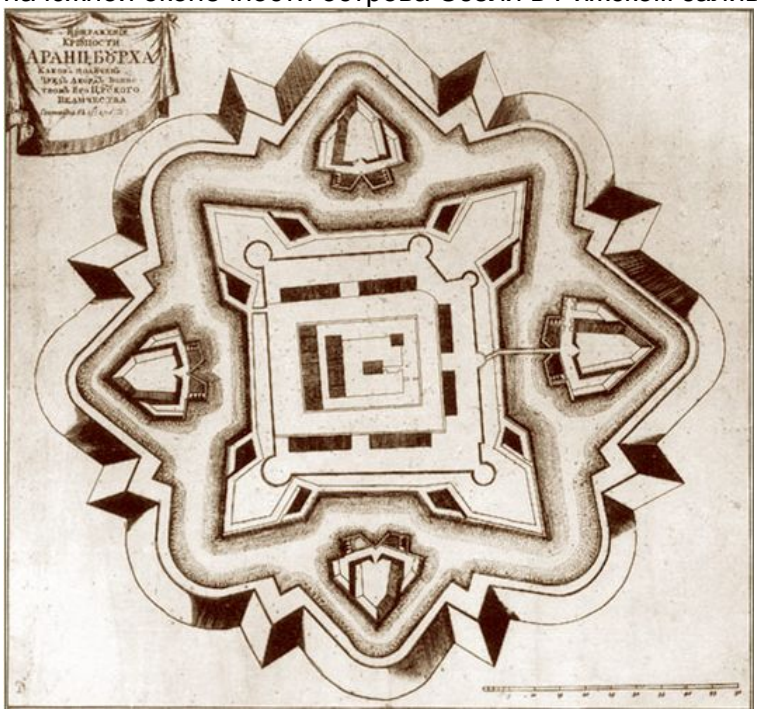
У Нарвы есть и второе имя – Ругодив. Но оно почему-то не прижилось и чаще слышится в устах людей, изучающих историю города. Кроме того, это имя сохранилось в исторических справочниках и литературных произведениях дореволюционной эпохи. В опубликованном в 1893 году «Временнике Эстляндской губернии» есть статья Трусмана под заголовком «Русские элементы в Эстляндии», где упоминается, что Ругодив в переводе с лопарского наречия означает «Остров защиты», из чего автор заключает, что это слово не русского происхождения.

---

[144] **ТА́ЛЛИН** (Tallinn; в 1219—1917 гг. ***Ревель***), столица (с 1918 г.) Эстонии, порт на юж. берегу Финского зал. Балтийского моря. 404 тыс. жителей (2000). Городище эстов на Тоомпеа (Вышгород) существовало в X—XI вв. Известен с 1154 г. (в русских летописях под названием ***Колывань***). В XIII—XIV вв. находился под властью Дании, Ливонского ордена, Швеции. С 1712 по 1917 г. в составе России. Архит. памятники: в Вышгороде — замок (XIII—XIV вв.), Домская церковь (XIII—XV вв.); в Ниж. городе — ратуша (XIV—XV вв.), здание Большой гильдии (начало XV в.), церковь Олевисте (XIV—XVI вв.). Дворцово-парковый ансамбль Кадриорг (XVIII в.) с дворцом (ныне худож. музей) и домиком Петра I (дом-музей Петра I).

44.70.3. Аренсбург

Уездный город Эзельскаго уезда, Лифлянской губернии, и бывшая до 1836 года русская крепость, на южной оконечности острова Эзеля в Рижском заливе. Гавань с двумя маяками.



Уже в XII веке местные коренные жители эсты, занимавшиеся морским разбоем, имели на месте Аренсбурга свои укрепления. Датский король Вольдемар II в 1205 г., завладев островом, срубил здесь деревянный городок, но пожаром последний был вскоре уничтожен. При утверждении в 1221 г. на Эзеле христианства и основании епископства, городок был восстановлен. Рижский епископ Герман фон-Оснабрюгге в 1334 г. заложил в Аренсбурге укрепленный каменный замок, который аренсбургские и гапсальские епископы избрали своей резиденцией при управлении Ливонией.

План крепости Аренцбург на острове Эзель. 1710 «Изображение крепости Аранцбурха каков получен чрез акорд Воинством Его Царскаго Величества Сентябриа в 15 д 1710 го», мастерская П.Пикарта.

Вернуться к ссылке

44.71. Крепость Юрьев

Город под названием Юрьев был основан в 1030 Ярославом Мудрым, в 1224–1893 назывался Дерпт, в 1893–1919 – снова Юрьев.

Дерпт (нем. Dorpat) - город в Эстонии (ныне Тарту, эст. Tartu) - один из древнейших городов Прибалтики (в X- XI вв. был известен как поселение древних эстов - Tarpatu, хотя постоянное городище на этом месте датируется уже V в). Расположен на обоих берегах р. Эмайыги, в 30 км от её впадения в Чудское оз. Впервые упом. в «ПВЛ» (1030) как град Юрьев, занятый и перестроенный вел. кн. киев. Ярославом Мудрым (и названный по его по христ. имени - Юрий). До нач. XIII в. Юрьев находился в тесной связи с близлежащими Псковом и Новгородом Великим. В 1215 был захвачен немцами, но в 1223 освобождён в результате общего восстания эстов. Для защиты города из Новгорода прибыл отряд в 200 чел. во главе с кн. Вячеславом Борисовичем (Вячко). В 1224 после длит. осады Юрьев был вновь захвачен ливон. рыцарями, переименовавшими его в Д. и сделавшими его центром Дерпт. епископства. С кон. XIII до сер. XVI вв. входил в Ганзейский союз и играл важную роль в его торговле с Новгородом и Псковом. Под 1328 в Моск. летописи отмечен большой пожар в Д.: «Того же лета погоре город Немецкыи Юрьев весь, и божници и полаты каменые падоша, и згоре в полатах Немец 2000 и 500 и 30, а Руси 4 человекы». Часто Д. упом. в Новгородских летописях и в разрядных записях времён Ливонской войны 1558-1583. В 1558 гарнизон Дерпта капитулировал перед русскими. По Ям-Запольскому миру (1582) город отошёл к Польше. В 1600 захвачен шведами, а в 1603 - снова поляками. Летом 1656, в период рус.-швед. войны, был взят русскими, но после неудачной 2-мес. осады Риги, они вынуждены были оставить Ливонию, в т. ч. и Д. Из древних построек здесь сохранились лишь развалины 3-нефного Вышгородского собора (XIII-XV вв.) и Ивановской церкви (XIV в.).

…**после победы над чудью**, князь Ярослав Мудрый в честь своего небесного покровителя Георгия (Юрия) основал город Юрьев (Тарту, Эстония) и построил храмы в Новгороде и Киеве.

Еще в 1224 г. немцы напали на русский город Юрьев (ныне Тарту)[20]. В Юрьеве находился в это время ставленник новгородцев – полоцкий князь Вячко[21], прославившийся своей мужественной борьбой с орденом Меченосцев. Настроенный в пользу немцев ливонский летописец называл его «сущим дьяволом». С этим «дьяволом», засевшим в Юрьеве вместе с 200 русскими ратниками, рыцари думали легко справиться.

Они подкатили к Юрьеву осадную башню, громили его стенобитными орудиями, подвели под стены подкоп, не давая осажденным ни минуты покоя. Горсть русских ратников, засевших в Юрьеве, отказалась сдаться, хотя рыцари предлагали им почетные условия сдачи и свободный пропуск назад в Новгород. Когда немцы начали штурм города, русские через пролом начали скатывать вниз «колеса, полные огня», и подожгли осадную башню. Но немцы через тот же пролом ворвались в город и подвергли его страшному опустошению. Русские ратники во главе с князем Вячко предпочли погибнуть в битве, чем сдаться врагу.

www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/gospodin_velik_nov.pdf

Тарту известен с 1030 под названием Юрьев. В 1224- 1893 официальное название города было Дерпт. С 1625 город принадлежал Швеции и был одним из важных культурных центров Шведского королевства. В 1630 в Тарту (Дерпте) была открыта гимназия повышенного типа, которая в 1632 была преобразована в университет. Произнося речь по поводу открытия университета, генерал-губернатор города потребовал, чтобы его студентами могли стать не только дети дворян и бюргеров, но и простые крестьяне. В 1684 близ Тарту была открыта первая в Прибалтике и Швеции учительская семинария, в которой готовили учителей для сельских школ, которые должны были вести обучение на эстонском и латышском языках. Университет Тарту временно прекратил своё существование в 1710 в годы Северной войны, когда город и его окрестности стали ареной боевых действий. Позже университет был восстановлен и в 20 в. пользовался репутацией одного из лучших вузов Советского Союза. Особенно известен своей филологической школой. Дерпт вошёл в состав Российской империи в 1721 после окончания Северной войны. В 1893-1919 снова носил название Юрьев; с 1919 - Тарту.

По договору, заключенному в 1463 году между Московским великим князем Иоанном III и великим магистром Ливонского ордена, ливонские рыцари обязывались оказывать всяческое покровительство православным верующим в Дерпте. Однако, нарушив договор, немецкие католики стали притеснять верующих и склонять их к принятию католичества. Много приходилось переносить православным жителям от немцев-латинян, желавших привлечь их к своей вере. Там, где не имела успеха лесть, пускались в ход угрозы, принуждения и даже побои.

Священник Исидор в своих словах мужественно встал на защиту Православия, призывая паству хранить каноническую верность Московскому митрополиту. Городской старейшина немцев Юрий по прозвищу Трясиголова (Фелингузен)

пожаловался Дерптскому католическому епископу на то, что якобы слышал хулу священника Исидора на веру католическую.

В праздник Крещения Господня, 6 января 1472 года, священник Исидор совершал великое водоосвящение на реке Омовже (ныне Эмайыги).

…Тогда Дерптский епископ, распалившись яростью, велел бросить всех в реку Омовжу, а святого Исидора, облекши в иерейские (священнические) одежды, бросить в саму Иордань, где он освящал воду в день Богоявления.

…**Непосредственным же поводом к началу Ливонской войны** послужил вопрос о "юрьевской дани" (Юрьев, впоследствии названный Дерпт (Тарту), основал еще Ярослав Мудрый). Согласно договору 1503 г. за него и прилегающую территорию должна была уплачиваться ежегодная дань, что, однако, не делалось. К тому же Орден заключил в 1557 г. военный союз с литовско-польским королем.

http://www.rustrana.ru/articles/1639/livon1558.gifВ ноябре 1557 года Иван Грозный сосредоточил в Новгороде 40-тысячное войско для похода в ливонские земли. В декабре эта рать под командованием татарского царевича Шиг-Алея, князя Глинского и других воевод двинулась к

Пскову. Вспомогательная рать князя Шестунова в это время начала боевые действия из района Ивангорода в устье реки Нарвы (Наровы).

В январе 1558 года царская армия подступила к Юрьеву (Дерпту), однако взять его не смогла. Затем часть русских войск повернула к Риге, а главные силы направились к Нарве (Ругодиву), где соединились с ратью Шестунова.

В боевых действиях наступило затишье. Только гарнизоны Ивангорода и Нарвы обстреливали друг друга. 11 мая русские из Ивангорода атаковали Нарвскую крепость и на следующий день захватили ее. Вскоре после взятия Нарвы русским войскам под командованием воевод Адашева, Заболоцкого и Замыцкого и думного дьяка Воронина было приказано овладеть крепостью Сыреньск. 2 июня полки были под ее стенами. Адашев выставил заслоны на рижской и колыванской дорогах, чтобы не допустить к Сыреньску главные силы ливонцев под командованием магистра Ордена.

5 июня к Адашеву подошло большое подкрепление из Новгорода, что видели осажденные. В тот же день начался артиллерийский обстрел крепости. На следующий день гарнизон сдался. Из Сыреньска Адашев возвратился в Псков, где сконцентрировалось все русское войско. В середине июня оно взяло крепости Нейгаузен и Дерпт. Весь север Ливонии оказался под русским контролем.

Юрьев (Дерпт) на открытке конца 19 – начала 20 века.

См. также **Священномученик Исидор пресвитер и с ним 72 мученика, в Юрьеве Лифляндском за Православие пострадавшие**, Ливонская война 1558-1583 гг., Дерпт, Тарту, Юрьев, **Тарту. Википедия**

Вернуться к ссылке на Юрьев, вернуться к ссылке на Дорпат

44.72. Юрий Всеволодович Владимирский (26 ноября 1188 — 4 марта 1238)

Юрий II Всеволодович - великий князь владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо и княгини Марии Чешской.

Юрий Всеволодович[145] стал в 1212 г. великим князем владимирским вопреки традиции престолонаследия. Его отец Всеволод Юрьевич рассорился со своим старшим сыном Константином и перед смертью отдал престол любимому сыну Юрию. Между братьями началась усобица. В 1216 г., на реке Липица, между братьями произошла кровопролитная битва, в которой победу одержал Константин.

Изображение взято со страницы **Юрий Всеволодович Владимирский - биография** (http://taina.aib.ru/biography/jurij-vsevolodovich.htm). Но здесь, по-видимому изображен его брат - Ярослав Всеволодович. См. ссылки в разделе **Ярослав Всеволодович**.

Юрий бежал в Городец, но затем был возвращен Константином и объявлен наследником престола. Юрий поклялся забыть прошлое и быть вторым отцом малолетним детям своего старшего брата. В 1219 г., после смерти Константина Всеволодовича, Юрий Всеволодович вновь стал великим князем владимирским.

Княжение Юрия Всеволодовича было спокойным до 1224 г. В этом году Русь впервые столкнулась с монголо-татарскими ордами, которые шли из глубин Азии, покоряя огнем и мечом все, что попадалось им на пути. В первой битве русских дружин с татаро-монголами на реке Калке Юрий Всеволодович участия не принимал. Князья не смогли договориться о совместной защите Русской земли. Разделенная на малые княжества и мучимая внутренними раздорами, Русь не могла противостоять татаро-монгольскому нашествию.

…**В 1233 году булгары** попросили у Юрия Всеволодовича помощи против надвигающихся с юга полчищ татар. В качестве дара послы привезли красивый красный мрамор, которым затем был вымощен пол в церкви святой Богородицы Княгинина монастыря во Владимире.

Юрий Всеволодович посоветовался с князьями-родичами и в начале 1233 года отправил десятитысячное войско на Среднюю Волгу, в Булгарию. Командовал войсками сын Юрия – Всеволод. Вместе с ним пошли в поход рязанский и муромский князья. Однако, вместо того, чтобы вместе с соседями булгарами, с которыми был мир, дать отпор татарам, русское войско обрушилось на Булгарию и в нескольких битвах коварно разгромило булгаров и полностью разграбило их страну.

… **Между тем Джурги**(Юрий), не довольствуясь разбоями на границе, вторгся в Джун-Мишарский округ бия Маркаса и сильно пожег его. Но когда опьяненные победой урусы вздумали осадить Дэбэр, Газан с тыла напал на них и погнал прочь. Сам Джурги сумел спастись бегством, но был при этом ранен в **зад**, отчего с тех пор не мог ездить на лошади. Его же войско, состоявшее из балынцев и ополчений кисанских и капских беков, загнали в глубокий снег и перестреляли из луков... Было убито 9 кисанских и канских беков и 450 их бояров, с которых сняли кольчуги, а простых воинов - 12 тысяч.

В конце 1237 г. несметные полчища татаро-монголов, предводительствуемые ханом Батыем, вторглись на земли северо-восточной Руси. Первой жертвой батыева нашествия стало рязанское княжество. Рязань была окружена, а в город направлены послы. “Если желаете мира, — сказали послы, — то десятая часть вашего достояния будет наша”. — “Когда никого из нас в живых не останется тогда все возьмете” — ответил рязанский князь. Этот ответ предопределил судьбу не только Рязани но и многих других русских городов. Рязань была сожжена дотла, а все ее жители истреблены от мала до велика.

Юрий Всеволодович, осознавая смертельную угрозу, отправился в Ярославль собирать войско. 3 февраля 1338 г., разорив по пути Суздаль, Коломну и Москву, Батый подошел к Владимиру и взял город штурмом. Великая княгиня Агафья с детьми и горожанами укрылись в Успенском соборе, где все они были сожжены заживо.

Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович убит монголами 11 марта[146] 1238 года.

«На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят, и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о

---

[146] В кровопролитном сражении (4 марта 1338 г.) **полегло все русское войско** вместе с великим князем Юрием Всеволодовичем и двумя его сыновьями. После битвы ростовский епископ Кирилл нашел среди убитых тело Юрия Всеволодвича по княжескому одеянию (голова великого князя была отсечена в бою и разыскать ее так и не смогли).

разорении церкви и гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин, князь, уже обошли нас татары».

Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком и Всеволодом, и Владимиром, исполчив полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий **князь Юрий Всеволодович**, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его».

Обезглавленное тело князя было обнаружено на поле боя ростовским епископом Кириллом, который отвёз тело в Ростов и похоронил его в каменном гробу в храме Богоматери. Голова князя была найдена и приставлена к телу. Через два года останки были торжественно перенесены Ярославом Всеволодовичем в Успенский собор во Владимире, при этом, по свидетельствам очевидцев «глава святая прильнула к святому телу, так что и следа не было отсечения на его шее; правая рука поднята была как бы у живого, показывая на подвиг»

…Юрий Всеволодович оказался бездарным полководцем. На него и его окружение напал панический страх перед татарами. Он не организовал наблюдения за татарскими войсками перед Ситской битвой. Не было разведки и перед всем монголо-татарским нашествием. А еще интересен тот факт, что еще в 1229 году он был ранен в **ягодицу**, от чего не мог ездить на лошади (см. «Летопись Гази Бараджа, 1229 -1246 годы» в издании «Свод булгарских летописей» том 1. гл. 21 Оренбург, 1993 год). Поэтому он не мог на лихом коне руководить русскими войсками в Ситской битве, как описано в русских летописях. Его осторожно и медленно возили в возке.

…был ли Юрий Всеволодович на Сити? Он ведь, если верить летописцам, не прямо по Волге пошел к Сити, а окружным путем из Углича по реке Корожечне до города Кой. Вот здесь неувязка с русскими летописями: не мог великий князь на царском возке проехать большое (25 км в ширину) Солодихинское болото между Коем и Ситью! Можно было с трудом проехать по краю болота на коне или пройти пешком. Юрий не мог физически попасть на битву и руководить ею. Он по вернул за своей казной по дороге на Новгород. Однако отъехать далеко ему не удалось, и, как говорят булгарские летописи, попал он засаду, устроенную булгарским отрядом во главе с Кул Буратом. Охранный отряд великого князя был уничтожен булгарскими лучниками. Великий князь соскочил с возка и побежал в сторону леса, но увяз в глубоком снегу. К нему подскочил воспитанник (помощник) булгарского эмира Гази Бараджа Нарык и отсек голову, затем насадил её на древко боевого знамени и отправил к эмиру.

См. также **ВСЕВОЛОДОВИЧИ**, **Юрий Всеволодович**, **Князья Владимиро - Суздальские. Князья Юрьев – Польские. ХРОНОС**, **Юрий Всеволодович Основатель**, **Бахши Иман. Джагфар тарихы**.

Вернуться к ссылке, вернуться к ссылке из раздела «Ярослав Всеволодович»

Вернуться к ссылке из раздела «Сражение на реке Сить»

44.73. Битва на реке Калке

Битва на реке Калке между русскими князьями и половцами с одной стороны, и монголами — с другой, произошла 31 мая 1223. Битва закончилась победой монгольских войск.

В 1222 монгольское войско под предводительством Джэбэ и Субэдэй-баатура (лучших полководцев Чингисхана) вторглось в половецкие степи. Половецкий хан Котян Сутоевич обратился к своему зятю, галицкому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому и к другим русским князьям, прося у них помощи против нового грозного врага: «Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра и вашу полонят, если мы все дружно не встанем против них». Северные русские удельные князья не откликнулись на его призыв, южные собрались в Киев на совет под главенством трёх великих князей: киевского Мстислава Романовича, галицкого Мстислава Мстиславича и черниговского Мстислава Святославича. После долгих уговоров Мстислава Удалого и щедрых

подарков было решено, что «лучше встретить басурманов на половецкой земле, нежели на своей».

В совместном походе кроме трёх великих князей приняли участие: сын киевского князя Всеволод и сын черниговского — Василий, Даниил Романович Волынский, Михаил Всеволодович Переяславский, Владимир Рюрикович Смоленский, Олег Курский, Александр Туровский, Андрей Вяземский и др. со своими дружинами. Сбор был назначен на Зарубе, возле острова Варяжского (остров находился напротив устья реки Трубеж, ныне уничтожен Каневским водохранилищем), в 10-ти километрах от нынешнего Трахтемирова, Каневской области. Узнав о сборах, монголы прислали своих послов с такими словами: «Мы с Русью войны не хотим и на вашу землю не посягаем. Воюем мы с половцами, которые всегда были вашими врагами, а потому, если они бегут теперь к вам, — бейте их и забирайте себе их добро». Выслушав послов, русские князья приказали всех их перебить[147]. Это действие учитывало аналогичный опыт половцев, которые в 1222 году поддались на уговоры монголов нарушить свой союз с аланами, после чего Джебе разбил алан, а затем обрушился и на половцев.

Собравшееся огромное войско выступило вместе, но не имело общего командующего. Дружины удельных князей подчинялись лишь своим великим князьям. Половцы под руководством Котяна признавали только Мстислава Удалого. Котян перед выступлением в поход крестился в православную веру. Перейдя на левый берег и обнаружив передовой отряд неприятеля, русские после короткого, но кровопролитного боя обратили монгол в бегство, командующий Гани-бек был убит. Двигаясь на восток и не видя неприятеля, русские войска спустя две недели вышли на берег реки Калки, где разбили другой передовой отряд монгол. Разведка не обнаружила поблизости крупных сил неприятеля, а потому все русское войско переправилось на левый берег Калки и расположилось тремя отдельными станами, на расстоянии нескольких вёрст друг от друга.

Едва устроив свой стан, Мстислав Удалой лично выехал на разведку. Доехав до лагеря противника и оглядев его, князь решил, что силы противника не слишком велики и он сможет разбить их сам. Вернувшись, он приказал своему войску и половцам готовиться к бою, ничего не сказав остальным князьям.

Битва началась утром 31 мая. Мстислав Удалой с галичанами стоял в центре, правое крыло составляли волынцы, а слева сражались половцы. Черниговский стан находился слева от Мстислава Удалого, а киевский справа. Вначале сражение развивалось удачно для русских.

---

[147] Л. Н. Гумилев особо отмечает тот факт, что послы, которых казнили русские князья, были несторианами. Монголы, вероятно, рассчитывали, что они лучше договорятся с православными русичами, как христиане с христианами. Однако на деле отношения между православными и несторианами были далеко не добрыми.

Даниил Романович, первым вступивший в битву, рубился с беспримерной храбростью, не обращая внимания на полученные раны. Ему удалось сбить монгол, и они начали отходить. Слева теснил орду Олег Курский. Но монголы главный удар направили на половцев, которые, не выдержав натиска, внезапно обратились в беспорядочное бегство и в поисках спасения бросились в стан князя Мстислава Черниговского, смяв и расстроив его полки, уже готовые к выступлению. Это решило дело в пользу противника. Положение ещё мог спасти князь Мстислав Романович Киевский, имевший возможность ударить во фланг. Но он не захотел выручать Мстислава Удалого, начавшего битву без него, и безучастно наблюдал, как бежали другие русские полки.

Одна часть монголов гнала бегущих до берегов Днепра, а вторая осадила стан киевского князя. Он храбро отбивался три дня, но после того как посланный на переговоры атаман бродников (беглого люда) Плоскиня, в итоге предавший князя, поклялся на кресте, что если русские положат оружие — никто из них не будет убит, а князей и воевод отпустят домой, сдался. Монголы своего обещания не сдержали: все русские князья и военачальники были положены под доски и задавлены победителями, усевшимися сверху пировать. Простых воинов увели в рабство.

…Тут нашли великую стражу татарскую, с которыми передовые русские учинили бой, где убили воеводу Ивана Дмитриевича и других двух. Но татары, не долго бившись, пошли прочь, а князь великий, перейдя реку оную, стал. Мстислав же Мстиславич со своим передовым полком пошел за татарами и, послав разъезд Яруна с половцами, сам шел помалу. Оные вскоре, увидев великое множество татар, возвратясь, сказали, что татары идут за ними недалеко. Мстислав, хотя ему советовали отступить к полкам великого князя, но он, надеясь на свою храбрость, а кроме того из-за несогласия с великим князем, не дав ему знать о приближении татар, устроил полки свои, а татары шли за передовыми русскими к полкам прямо. Мстислав, видя такое великое множество покрывших все поля татар, которых око не могло обозреть, понял свою ошибку, но отступить уже было невозможно, послал к великому князю с известием, чтоб шел со всем войском. Великий князь весьма тем оскорбился, что Мстислав без воли его и согласия так далеко ушел, и прислал сказать, как уже видел, что ему отступить, ни помощи подать не успеть, однако ж, как мог быстрее, полки выстроил. Но молодые князи, не спросясь старших, с малым числом их людей туда побежали. Мстислав Мстиславич, увидев татар уже вблизи заходящих, устроился как мог. И начали татары сильно наступать. Тогда Данил Романович владимирский, князь Семен Олегович и князь Василий Гаврилович крепко бились. Сперва смяли татар и погнали, ибо князи половецкие со всем их войском подоспели и многих татар, побивая, гнали. Тут князя Василька Гавриловича прокололи копьем, Данила Романовича в грудь копьем прокололи. Он же хотя и млад был, 18-ти лет, но мужествен весьма, презрев свою рану, бился еще крепко. И так побили татар множество. Мстислав Ярославич луцкий, Немой называемый, видя Данила окровавленным, которого он крепко любил и ему после себя наследие дать хотел, возопил своим, чтоб отмстили кровь юноши сего и, жестоко на татар наступив, бился. Также Олег, князь курский, князь

половецкий Ярун и другие половцы так жестоко на татар наступали, что уже ожидали вскоре всех татар победить. Сие довольно долго было, так как татары ни с коего боку русских заехать не могли. Но как только половцы миновали болота, не осмотрясь в запальчивости, идучи за татарами, тогда тотчас татары великим множеством половцев объехав, сбили. И половцы пришли на полки великого князя, оные так смяли, что князь великий не успел в порядок привести, а татары сильно на него и прочих князей наступили. И был бой прежестокий, с обе стороны храбро долгое время бились. Князь Мстислав Мстиславич, поворотясь, отступал, сражаясь с татарами. И видя полки великого князя, не мог к оным присовокупиться и сожалел о своем упрямстве, да поздно. Князь великий, видя татар великое множество и своих изнеможение, стал отступать к реке Калке, только татары весьма препятствовали и уже многих побили.

Тогда князь великий, с ним князь Андрей, зять его, князь Александр дубровицкий, видя зло то, стали на реке Калке. И так как место оное было каменисто, тотчас за ночь тут сделали городок из камней и леса, в который бегущих людей собрали несколько тысяч, а прочие побежали. Татары поставили около оного двух воевод, Черкана и Тешкана, которые, обступив городок, в осаде содержали, а прочие до трех дней гнались за русскими князями к Днепру. Князь великий бился из городка три дня и, видя свое изнеможение, послал к татарским князям для договора и особенно бывшим с татарами бродницам, у которых был воевода Плоскиня (621). Оный окаянный дал великому князю клятву с крепким обнадеживанием, что никого не убьют, но всех за откуп отпустят. Оному поверив, князь великий отдался. Он же, окаянный, приведя их к князям татарским, советовал им всех побить и никого живым не отпустить. Татары, взяв крепость ту, людей русских всех побили, а князей положили на землю и, покрыв их досками, сами сели на них обедать. И так их всех подавили и ни одного из взятых тут не оставили. Гнавшиеся же за русскими до Днепра многих побили, но много и своих потеряли, ибо бегущие русские где могли, в лесах и тростниках залегая, многих татар, малыми отрядами гнавшихся, нападая, побивали и сами спаслись, особенно где князи или воеводы храбрые были.

На берегах Калки русское воинство потеряло около 9 тыс. человек, уцелела только одна десятая. Сверх того, очень многие погибли при преследовании, в том числе 9 из 18 князей, среди них: Мстислав Черниговский, его сын Василий, Изяслав Луцкий, Юрий Несвижский, Святослав Шумский и Изяслав Каневский. Только каждый десятый вернулся из похода. С этой битвой народный эпос связывает и гибель русских богатырей: в летописи среди убитых названы имена Александра Поповича и Добрыни Рязанца — реальных лиц и, очевидно, знаменитых воинов, раз их упомянули наряду с князьями. Мстислав Удалой и Даниил Романович смогли достичь Днепра и, переправившись с остатками войска на правый берег, уничтожили за собой ладьи и плоты. Но монголы их дальше не преследовали; они ушли за Волгу, где потерпели поражение от болгар, и возвратились в Среднюю Азию.

44.73.1. Силы сторон

«В 1221-1223 гг. Субудай предпринимает глубокую разведку силами одной «группы армий» (**около 30 тыс. человек**). Он уничтожает 200-тысячное войско султана Мухаммеда Хорезмшаха, огибает с юга Каспийское море и вторгается на территорию Закавказья. На зиму разведывательная «группа армий» отходит зимовать в Иран, в то время как основные силы Чингисхана завоевывают Индию. Связавшись с вождем, Субудай просит разрешения продолжить операцию на север и получает его. В 1223 г., организовав стратегическую засаду (близкую по схеме к бою у Тразименского озера), Субудай и Чжебе довершают разгром Грузии. Субудай получает приказ вернуться, но прежде чем уйти в степь, его отряду предстоит выиграть еще одно сражение – памятную для русского народа битву на Калке.

Оттуда же [из Киева] пошли они в апреле месяце и пришли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И тут к ним прибыла вся земля Половецкая, и черниговцы приехали, и киевляне, и смоляне, и с прочих сторон всякие [люди]. И когда переходили вброд Днепр, воды [его] как-будто прикрылись от множества людей. А галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. И куряне, и трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, прибыли конными. И изгнанники галицкие

пришли по Днестру[2] и вышли в море - ибо была у них тысяча лодок, и вошли в Днепр, поднялись к порогам и стали на реке, у брода Хортицы на быстрине. И были с ними Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.
Дошли вести в стан, что пришли татары посмотреть русские ладьи; услышав же об [этом] Даниил Романович и, сев на коня, погнался посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья вместе с ним помчались смотреть невиданное войско. Оно же отошло, а Юрий им [князьям] рассказал, что "это стрелки". А другие говорили, что "это простые люди, ниже половцев". Юрий Домамирич же сказал: "Это ратники и добрые воины".

По поводу этого исторического события доктор С. А. Федоров сообщает следующие любопытные сведения: "В битве... на стороне монгол... сражались обитатели Подонья - бродники, из которых образовалось потом донское казачество. Монголы, как всегда, умело использовали недовольство между ними и русскими князьями, подчиняться которым не хотели предки донцов, тем более что связь между ними была очень слаба. Кроме того, монголы объявили по прибытии на юг России о невмешательстве во внутренние их дела и полной веротерпимости, а в то время в Европе господствовал принцип: cuius regio, eius religio (чья власть, того и вера). Кроме жителей Подонья с монголами были и аланы (дагестанцы) ; всего в войске было 20 000 своих и 5 000 чужих против 80 000 русских. Битва на Калке не входила в задачу этого кавалерийского рейда монгол - они были к тому спровоцированы (умерщвлением их послов)... Несмотря на тройной количественный перевес [+156], русские войска были разбиты преимуществом монгольского искусства, дисциплины монгольских войск; это, видимо, сразу увидели предки донцов, знатоков у себя военного дела, и решили перейти на сторону монгол, несмотря на их громадное меньшинство" [+157] .

44.73.1.1. Численность войск противоборствующих сторон

Русские и половцы

Хотя считается, что общая численность союзников составляла около 100 тыс. чел., более вероятно, что русских было не больше 40 – 50 тыс. человек, половцев 10 – 12 тыс. человек (многих перебили монголы, многие бежали не только на Русь, но и в Европу, в частности в Венгрию), все половцы были лучники, хотя наверное было небольшое число тяжеловооруженных знатных копейщиков. При этом практически все источники считают, что из общего числа союзников только 10 – 15 тыс. человек были хорошо вооруженные опытные воины, т.е. княжеские дружинники

Некоторые летописи и в частности В. Ян упоминают о том, что в завершающей стадии битвы участвовал сводный отряд дружинников с севера Руси направлявшийся служить к Киевскому князю, однако численность его не указывается. Вполне вероятно, что дружинников было не меньше 2 – 3 тыс. человек

Монголы и их союзники

- 3 тумена монгольской конницы, около 30 тыс. чел (Субедей-багатур, Джебе-нойон, Тохучар-нойон)
- примерно 5-7 тыс. человек составляли войска из народов, набранных во время похода (ясы, аланы, касоги, ….)
- летописи упоминают среди союзников монголов бродников, однако участие их большого количества в рядах монгольского войска кажется маловероятным наверное не больше 1 – 2 тыс. человек

Согласно отечественным летописям российское войско исчисляется в 100000(!) бойцов, да еще многие половецкие отряды в придачу. Поскольку никому в голову не приходило сие сведение обдумать и проанализировать, все так и талдычат – сто тысяч. Соловьев же оценивая возможности тогдашней Руси приходит к выводу – максимум 50 тыс. Причем со стороны Южной и Северной поровну – около 25 тысяч бойцов.

После битвы на Калке, по сообщению арабского историка Ибн ал-Асира[148], в Волжской Булгарии произошли следующие события: "Татары... направились в Булгар в конце 620 года [4 февраля 1223 - 23 января 1224 г.]. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество, и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек". *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1899, Т. 1.

44.73.2. Река Калка (Кальчик)

Калка (ныне Кальчик), река, правый приток реки Кальмиус в Донецкой области (Украина), на которой 31.5.1223 монголо-татарские завоеватели разгромили русские дружины и половецкий отряд. В 1380 на реке Калка хан Золотой Орды Тохтамыш разбил войско темника Мамая.

Кальчик впадает в Кальмиус в 66 километрах от его устья. Имеет приток Малый Кальчик. На реке находится Старокрымское водохранилище. Длина реки 88 километров.

…В историографии есть утвердившееся мнение, что Кальчик и является **Калкой** и битва на Калке происходила в верховье Кальчика возле Каменных могил. Этого мнения придерживаются **К.В.Кудряшов**, С.А. Плетнева. Однако существует критика этого мнения и другие предполагаемые места. Например, это мнение критикуют Владимир Николаевич Шовкун.

На водоразделе между реками **Берда** и Кальчик (притоком реки Кальмиус), от истоков вдоль и правого берега небольшой реки Коротыш (левого притока Берды) расположен заповедник "Каменные Могилы".

См. также **Где же легендарная река Калка?**

44.73.3. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Часть 3. Калка

Рассматриваются существующие этимологии названия р.Калка (Н.Аристов, Д.Эварницкий, М.Фасмер, О.Прицак, И.Добродомов), на берегах которой в 1223 г. произошла битва с татаро-монголами закончившаяся поражением русских дружин, автор разделяет точку зрения М.Фасмера, что гидроним имеет славянский корень кал "грязь", но при этом не исключает возможности более раннего "скифского" происхождения этого речного имени – с индоевропейским *kel- // *kal- "черный", допуская его "мнимый перевод" славянами: Kala / Kalka "черная" (река) > Kala / Kalka "грязная" (река).

Часть 4. Топонимический аспект одного события древнерусской истории

В статье содержится критика гипотезы К.В.Кудряшова о месте битвы русских с татаро-монголами на р.Калке в 1223 г. с учетом данных исторической топонимики. Доказывается маловероятность того, что она происходила в верховье Кальчика в районе урочища Каменные Могилы.

---

[148] **Ибн-ал-Асир**, арабский историк, 1160—1232, сражался с Саладином против крестоносцев, был дипломатом у багдадских-халифов. Соч.: “Камиль оттеварих”— всеобщая история от создания мира до 1230, изд. Торнбергом, 1851.

Анализ географических названий показывает, что древнерусский гидроним Калка (Калка1) в словообразовательном плане не тождествен современному названию Калка (Калка2) в гидронимии р.**Кальмиус**. Это следует учитывать при определении "места камениста", где находился стан Мстислава и произошла битва.

44.73.4. Река Кальмиус

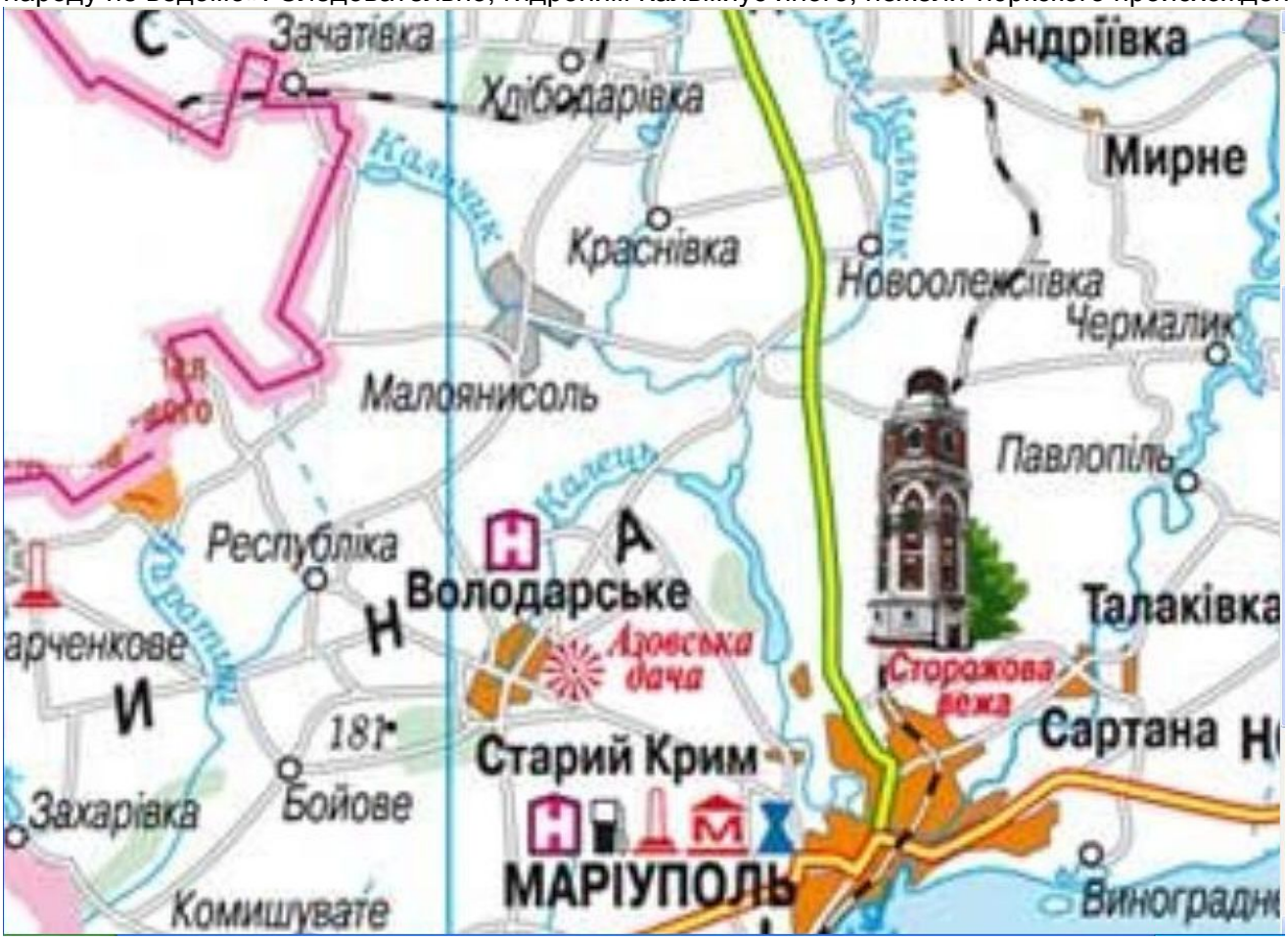
Ка́льмиус — река равнинного типа. Принадлежит бассейну Азовского моря. Исток находится на южном склоне донецкого кряжа в южной части г.Ясиноватая. Протекает по территории Украины в пределах Ясиноватского, Старобешевского, Тельмановского и Новоазовского районов Донецкой области. Впадает в Азовское море в г.Мариуполь. Длина 209 км, площадь водного бассейна 5070 км², средний расход воды в районе пгт.Сартана 8,25 м³/сек, уклон реки составляет 0,91 м/км. Замерзает в декабре, вскрывается в марте. В верхней части Кальмиус течет в юго-восточном направлении, изменяя его на юго-западное в пределах Старобешевского района.

44.73.4.1. Гидроним

Загадка названия реки Кальмиус ищет своего разрешения с конца XIX века — исследования начаты академиком Д. И. Эварницким. Однако существующие этимологии гидронима Кальмиус не могут быть приняты по той простой причине, что элементарно не соответствуют исходной, то есть природной гидрологической характеристике этой реки.

В современной топономике название реки принято считать произошедшим от тюркских слов «кил» — «волос» и «миус» — «рог», что означает «узкая [как волос]» и «искривленная [как рог]». Также первую часть слова можно возвести к тюркскому слову «каль» — «золото». Ведь, как стало известно позже, донецкий край богат многими минералами и полезными ископаемыми, его земля содержит почти все химические элементы таблицы Менделеева, в том числе золото и другие драгоценные металлы. Однако в переводе письма хана Кырыма Гирея от 1762 года

Запорожскому Кошу (центральный орган управления Запорожской Сечи) сообщается, что «Кальмиюс имянуемое место не токмо нам (Крымскому ханству), но вообще и всему татарскому народу не ведомо». Следовательно, гидроним Кальмиус иного, нежели тюркского происхождения.



В то же время, в различных письменных источниках неоднократно название реки звучит как «Кальмоус» (Callmous) или «Кальмус» (Callmuss). «Кальмус» (реже — «Кальмиюс») — название стоянок рыболовных суден в посёлках Ялта и Юрьевка Першотравневого района Донецкой области («Словарь гидронимов Украины»). В топономии широко известен ирландский (кельтский) термин «callow» —

8. «низкий, часто затопляемый»;

9. «низина, часто затопляемый луг».

А термин-определяемое «моус» («мус») в названии «Кальмоус» («Кальмус») восходит к древнеанглийскому «mouth» — «рот, уста», а в топонимии — что-либо, напоминающее рот:

- «устье (реки);
- вход (в гавань);
- отверстие (пещеры) и т. д.».

Следовательно, гидроним «Кальмоус» обозначал первоначально «затопляемое, подтопляемое устье реки» (удобное для стоянки рыболовных суден). Так обозначалось место при впадении справа в Кальмиус крупного притока Калки,

По мнению донецкого ученого Черных А. П., правильнее было бы возводить происхождение названия реки к одному из летописных вариантов гидронима Кальмиус — Калъкъ («надъ Калкомъ», «за Калокъ реку») и его коррелята Калы, Кали («Книга Большого чертежа»). Исходя из латинского «calco» — «топтать, вдавливать, втаптывать», вариант названия Кальмиуса — «Калъкъ» употреблялся в значении «Кочевая [река]», так как весной — вверх по течению, а к зиме — вниз по реке прогонялись стада скота. А вторую часть названия реки — «моус» следует возводить к другому значению древнеанглийского слова «mouth» — «вход и выход»; проход,

позволяющий быстро уходить («mosey»). Следовательно, — «Кальмоус» — «Кочевой проход» [от р. Калы (Кали) и вдоль неё к реке Миус (Миюс)].

44.73.5. ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА XIII В. НА РЕКЕ КАЛКА

«Каменные могилы» и речка Каратыш[149]

Как видим, материалы погребения с р.Калки позволяют датировать комплекс домонгольским временем. Как было выше указано, исследователи связывают такого типа находки с черноклобуцкими древностями (Кирпичников А.Н., 1966, 1971; Плетнева С.А., 1973), что, по-видимому, не лишено оснований. Так, из семи известных ныне масок (Ротмистровка, Ковали, Липовец, Городище, Серенск, Херсон, Калка) пять найдено на русских землях. Три из них обнаружены на территориях, заселенных черными клобуками, причем две (Ковали и Липовец) входят в состав типично черноклобуцких комплексов. Несмотря на то, что погребение с р.Калка дошло в полностью разрушенном виде, нам представляется, есть все основания отнести его к той же группе памятников.

Время, которым датируется данный комплекс, место, где он был найден, его близость поросским древностям, перечисленные выше его специфические черты дают нам основание связать это погребение с трагическими событиями, разыгравшимися на Калке в конце мая 1223 г.

Подводя итог можно сказать, что наличие в данной местности нескольких речек, носящих название "Калка", сообщение Ипатьевской летописи под 1237 г. о татарах, с которыми русские бились на "Калкох" (ПСРЛ, т-II), факт обнаружения здесь уникального погребения, несущего явные признаки того, что оно было произведено в экстремальных условиях, свидетельствуют, что битва 1223 г. произошла неподалеку от места обнаружения данного погребального комплекса.

---

[149] С восточной стороны гряду скал омывает речка Каратыш — левый приток Берды. По версии академика Кудряшова, при битве на Калке, именно у каменных Могил был расположен укрепленный лагерь киевского князя Мстислава.

Приведенные данные говорят в пользу того, что место Калкинского побоища 1223 г. надо искать где-то близ границ нынешних Володарского и Волновахского р-нов Донецкой обл., а никак не у г.Мариуполя и, тем более, не на территории заповедника "Каменные Могилы".

См также **Материалы источников по битве при Калке**, **Битва на реке Калке. Википедия**, **Завоевание Руси монголо-татарами**, **ПЕРЕХОД К УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI - НАЧАЛО XП в.)**, Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3, **Кальмиус. Википедия**, **«Стратегии непрямых действий» Б. Г.Лиддел-Гарт**, **Василий Татищев. История Российская. Часть 2**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в разделе Чингисхан

Вернуться к ссылке в гл.35

44.74. Ярослав III Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо (8 февраля 1190, Переяславль - 30 сентября 1246, Каракорум)

Ярослав Всеволодович. Фреска церкви Спаса на Нередице церковь близ Новгорода. Около 1246

Ярослав четыре раза занимал новгородский стол в период с 1215 по 1236 год, управляя городом в общей сложности одиннадцать лет. Князь предводительствовал во многих военных походах против врагов Новгорода — Ливонского Ордена и прибалтийских язычников. В 1227 году он «крести множество корел, мало не все люди».

В 1238 году, уже при татаро-монгольском иге, Ярослав Всеволодович стал великим князем владимирским. Он первый из русских князей явился в ставку к хану Батыю с верноподданническими уверениями и был назначен «старейшим» среди остальных князей. Но подтверждение такого пожалования было необходимо получить у великого монгольского хана в далеком Каракоруме, куда Ярослав и отправился. Он добился искомого, а на обратном пути в 1246 году был отравлен. Фреска с изображением Ярослава в церкви Спаса на Нередице, вероятнее всего, была заказана в год смерти князя его сыном Александром Невским.

Фреска условна и схематична, но, возможно, в ней сохранены некоторые портретные черты Ярослава Всеволодовича. На княжеском корзно (плаще) есть изображения одноглавых орлов — одни из первых в древнерусской геральдике.

Великий князь Киевский(1236-1238), великий князь Владимирский(1238-1246).

Сын Всеволода Большое Гнездо и Марии Чешской. Отец Александра Невского. Княжил в Переяславле, Галиче, Рязани, несколько раз приглашался и изгонялся новгородцами; участник междоусобных войн, потерпел поражение в Липицкой битве (1216). Дважды ездил в Золотую Орду, а также в Монголию.

В 1212 году Всеволод Юрьевич умер, оставив Ярославу Переяславль Залесский. Сразу же между сыновьями Всеволодовыми Константином и **Юрием** начались усобицы. Ярослав был на стороне Юрия и дважды в 1213 и 1214 годах ходил к нему на помощь со своими переяславцами, но до битвы дело так и не дошло.

В 1215 году новгородцы послали к Ярославу звать его к себе на княжение. Только что ушедший из Новгорода князь Мстислав Мстиславич Удалой оставил здесь много своих сторонников.

Ярослав, едва появившись в городе, повелел схватить двух бояр и заточить их в Твери. Потом собрал вече против Тысяцкого Якуна Намнежича. С веча народ бросился грабить Якунов двор, а жители Прусской улицы убили боярина Овстрата с сыном. Такое своеволие не понравилось Ярославу, он не захотел оставаться далее в Новгороде, выехал в Торжок, сел здесь княжить, а в Новгород посадит наместника, последовав в этом случае примеру деда, дядей и отца, которые покинули старый Ростов и утвердили свое пребывание в новых городах.

Скоро представился ему благоприятный случай стеснить Новгород и привести его окончательно в свою волю: мороз побил осенью весь хлеб в Новгородской волости, только в Торжке все было цело. Ярослав велел не пропускать в Новгород ни одного воза хлеба из Низовой земли; в такой нужде новгородцы послали к нему троих бояр с просьбой переехать к ним опять. Ярослав задержал посланных. А 'между тем голод усиливался, бедные люди ели сосновую кору, липовый лист, мох, отдавали детей своих в вечное холопство; трупы умерших валялись повсюду - по торгу, по улицам и по полю, собаки не успевали съедать их; большая часть вожан померла с голоду, остальные разбежались по чужим странам. Новгородцы послали к Ярославу посадника Юрия Ивановича и других знатных людей звать опять его к себе, он велел задержать и этих, а вместо ответа послал в Новгород двух своих бояр вывести оттуда свою жену. Тогда новгородцы послали к нему с последнею речью: "Ступай в свою отчину, к св. Софии, а нейдешь, так скажи прямо". Ярослав задержал послов, задержал всех гостей новгородских, и были в Новгороде печаль и вопль, говорит летописец. Расчет Ярослава был верен: старине новгородской трудно было устоять при таких обстоятельствах, но старая Русь была еще сильна своим Мстиславом. Узнав, какое зло делается в Новгороде, Мстислав Удалой II февраля 1216 приехал туда, схватил Ярославова посадника Хота Григорьевича, перековал всех его дворян, въехал на двор Ярославов и целовал крест новгородцам, а новгородцы к нему - не расставаться ни в животе ни в смерти.

Ярослав, узнав о новгородских новостях, стал готовиться к войне, велел наделать засеки по новгородской дороге к реке Тверце, а в Новгород отправил 100 человек из его жителей, казавшихся ему преданными, с поручением поднять мятеж против Мстислава и выпроводить его из города. Однако эти 100 человек, как только пришли в Новгород, так единодушно перешли на сторону Мстислава, который отправил в Торжок священника сказать Ярославу: "Сын! Кланяюсь тебе: мужей и гостей отпусти, из Торжка выйди и со мною любовь возьми!" Ярославу не полюбилось это предложение; он отпустил священника без ответа, а всех новгородцев, задержанных в Торжке, числом более 2000, созвал на поле за город, велел схватить их, заключить в оковы и разослать по своим городам, имущество же их и лошадей раздал дружине.

Выходка эта имела обратное следствие. Все оставшиеся новгородцы 1 марта 1216 года вместе с Мстиславом выступили против Ярослава. На реке Вазузе Мстислав соединился с двоюродным братом Владимиром Рюриковичем Смоленским. Несмотря на это, он опять послал к Ярославу с мирными предложениями, но тот велел отвечать: "Мира не хочу; пошли - так ступайте; на одного вашего придется по сто у наших". Тогда Мстислав с Владимиром двинулись к Твери и стали захватывать и жечь села. Узнав об этом, Ярослав выехал из Торжка в Тверь. Мстислав пошел дальше и принялся разорять Переяславскую волость, а к Константину Ростовскому послал с предложением союза. Константин немедленно соединился с ним, Ярославу пришли на помощь братья Юрий, Святослав и Владимир. Вместе с ними была вся сила Суздальской земли; прогнали всех - горожан и селян - у кого не было лошади, тот шел пешком. Страшное было чудо и дивное, говорит летописец: пошли сыновья на отцов, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господа на рабов. Всеволодовичи встали на реке Кзе, и Мстислав послал сказать Ярославу: "Отпусти новгородцев и новоторжцев, возврати волости новгородские, которые ты захватил; с нами примирись и крест целуй, и крови не проливай". Ярослав отвечал отказом: "Мира не хочу, новгородцев и новоторжцев не отпускаю; далеко вы шли, а вышли, как рыба на сухо".

Всеволодовичи, уверенные в своей силе, вели дело к битве. Мстислав отступил к реке Липице, и здесь 21 апреля произошло большое сражение. Новгородцы с такой силой ударили на полки Ярославовы, что переяславцы не выдержали и побежали, а после лютой битвы обратилось в бегство и все войско. Ярослав прибежал в Переяславль на пятом коне, загнав четырех, и затворился в городе. Не довольно было ему первого зла, говорит летописец, не насытился кровью человеческой, избивши в Новгороде много людей, и в Торжке, и на Волоке, этого было ему все мало; прибежав в Переяславль, он велел и тут перехватать всех новгородцев и смолян, зашедших в землю его для торговли, и велел их бросить одних в погреб, других в тесную избу, где они и перемерли все числом полтораста". Тем временем Юрий сдал Мстиславичам Владимир (здесь сел брат его Константин), а сам поехал в Радилов на Волге. Но Ярослав не хотел покориться, заперся в Переяславле и думал, что отсидится здесь, но когда Мстислав с Константином двинулись к Переяславлю, то он испугался и стал слать к ним с просьбой о мире, а затем и сам приехал к брату Константину, ударил ему челом и сказал: "Господин! Я в твоей воле: не выдавай меня тестю моему Мстиславу и Владимиру Рюриковичу, а сам накорми меня хлебом". Константин помирил его с Мстиславом еще на дороге, и когда князья пришли к Переяславлю, то Ярослав одарил их и воевод богатыми дарами; Мстислав, взяв дары, послал в город за дочерью своей, женой Ярославовой. Ярослав не раз после этого посылал к нему с просьбой возвратить ему жену, но Мстислав не соглашался.

В 1218 году Мстислав покинул Новгород и поехал в Галич. Среди новгородцев опять начались смуты, и, чтобы прекратить их, они вынуждены были опять просить князя у Юрия Всеволодовича. В 1221 году он вновь отправил к ним Ярослава. Новгородцы были рады Ярославу, говорит летописец, и когда в 1223 году он ушел от них в свою волость - Переяславль Залесский, то они кланялись ему и уговаривали остаться, но он не послушал их просьбы. В 1224 году новгородцам удалось в третий раз пригласить его к себе. Ярослав пришел к ним и на этот раз пробыл в Новгороде почти три года, обороняя волость от разных врагов.

В 1225 литовцы в числе 7000 страшно опустошили села около Торжка, не дойдя до города только трех верст, перебили многих купцов и захватили всю Торопецкую волость. Ярослав нагнал их близ Усвята, разбил, перебил 2000 человек и отнял добычу. В 1227 году Ярослав ходил вместе с новгородцами на ямь, землю всю повоевал и привел без числа полона. В следующем году он ушел в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей. В 1230 году новгородцы послали вновь за Ярославом; Ярослав приехал немедленно, поклялся исполнять все грамоты Ярославовы, но по-прежнему не постоянно жил в Новгороде, где занимали его место сыновья Федор и Александр.

В 1234 Ярослав со своими полками и новгородцами выступил против немцев под Юрьев и остановился недалеко от города, отпустив людей своих воевать окрестные области для сбора съестных припасов. Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие из Оденпе, но русские побили их; некоторые из немцев пали в битве, но больше погибло их в реке, когда под ними обломился лед;

русские, воспользовавшись победою, опустошили их землю, истребили хлеб; тогда немцы поклонились князю, и Ярослав заключил с ними мир на выгодных для себя условиях.

В 1236, узнав, что Михаил Всеволодович Черниговский занят тяжелой войной с галицкими князьями Даниилом и Васильком Романовичами, Ярослав оставил в Новгороде сына Александра, взял с собою несколько знатных новгородцев, 100 человек новоторжан, полки переяславские и ростовские, двинулся на юг, опустошил Черниговскую волость и сел на великое княжение в Киеве. Более года он спокойно княжил здесь, как вдруг пришло известие о татарском нашествии и о страшном опустошении Владимиро-Суздальской земли. Бросив Киев, Ярослав поспешил на север, но не успел прийти вовремя. Юрий Всеволодович был разбит на Сити и погиб в битве. Узнав о гибели брата, Ярослав приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями. В 1239 году он должен был выступить против литовцев, которые воевали уже в окрестностях Смоленска; великий князь победил литовцев, взял в плен их князя, потом урядил смолян, посадив у них князем Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой с большой добычей и честью.

Однако важнейшим делом Ярослава было улаживание отношений с татарами. Вскоре после нашествия Батый прислал на Русь баскаком одного сарацина, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имевших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил по обычаю татарскому и обложил данью: каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния не был, обязан был платить мехом; кто не мог заплатить, того отводили в рабство.

Ярослав отправился в Орду к Батыю, который раскинул свой стан на берегу Волги. Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская его, сказал: "Будь ты старший между всеми князьями в русском народе". .Таким образом, вместе с Владимиром Ярослав получил из рук Батыя и Киев, но после жестокого разорения татарами русской столицы, это имело лишь символическое значение. Своего сына Константина Ярослав отправил в Монголию к великому хану. В 1245 Константин возвратился и передал, что Угедей требует к себе самого Ярослава. Ярослав двинулся в далёкий путь и в августе 1246 приехал в Монголию, где был свидетелем воцарения Каюка, сына Угедеева. Монах Плано Карпини встретился с Ярославом в Орде. Невелика была, по его словам, честь, которой пользовался здесь старший князь русский, но все же ему давалось высшее место перед всеми другими владетелями. Тот же путешественник оставил нам некоторые подробности смерти великого князя, последовавшей в 1246. Ярослава позвали к матери великого хана, которая, как бы желая оказать честь русскому князю, дала ему есть и пить из собственных рук. Возвратившись от ханши, Ярослав заболел и через семь дней умер, причем тело его удивительным образом посинело, почему все и думали, что ханша отравила его. Причина, по которой монголы поступили таким образом, не известна. Едва ли здесь имели место какие-то русские дела - слишком далека была Монголия от Руси, чтобы вникать в них. Возможно, этим убийством хотели досадить Батыю. Тело Ярослава было привезено на Русь и погребено во Владимире в Успенском соборе.

См.также **Ярослав III Всеволодович**, **Словарь терминов**

Вернуться к ссылке

44.75. Темучин

…**Поскольку татары** сотни лет жили бок о бок с казахами, составляли с ними единый народ и образовывали единое государство то перевод слова татар логично искать в казахском языке: таттыру — дать попробовать на вкус или угостить; татулык — дружба, хорошие приятельские отношения; тату — дружный, мирный; татар — дружественный и гостеприимный народ. В походе на запад татары поставили в армию Монголов 5 туменов — 50 тыс. воинов и удостоились чести идти в авангарде войска, отсюда, по сообщению **Рубрука** происходит и общее название «татар» данное европейцами всем родам и племенам, принимавшим участие в походах Шынгысхана и Батыйхана.

…Если рассматривать слово «казак» с точки зрения тюркского языка и отталкиваться от этнонима «сак», то получится кас+сак; кас — враг, неприятель, недружелюбный, враждебный или настоящий, подлинный; сак — осторожный, с острой интуицией; кассак — казак — недружелюбный, враждебный с острой интуицией настоящий враг или подлинный «сак».

…**Начнем с того**, что армия Шынгысхана имела общий уран «Кху» (Гони) идентичный с ураном Тюрков Гуннов, имела такой же, как у Гуннов, бирюзового цвета флаг, на котором был изображен тенгрианский знак солнца в виде равностороннего креста или шанарака, у христиан этот знак известен как Георгиевский крест.

Тенгрианскую (Тенир — бог, небо) религию не исповедывал ни один народ в мире, кроме тюрков.

Имеются свидетельства о том, что Шынгысхан говорил, и писал (Жасак и Билик, соблюдаемые только казахами и татарами, и абсолютно не известные монголам и китайцам) на тюркском языке, и не существует ни одного хотя бы намека, на то чтобы он говорил на монгольском (Сяньби) или китайском языках.

Шынгысхан носил, абсолютно тюркский титул (Шин + гыяс +хан — высокий лучезарный верховный вождь).

Ни монголы, ни китайцы, никогда не носили титул хана, хакана, кагана, бека, бия, бая, бильге и т. д., к примеру, верховные вожди монголов всегда вплоть до наших дней носили титул Контайши.

Шынгысхан имел тюркское имя Темиршин (железный, кузнец, Темирбай, Темирбек, Темирхан и.т.д.), исковерканное монголоведами до Тэмучин, хотя таких имен у монголов никогда не было и нет, к тому же сами монголоведы отмечают, что имя Тимиршину было дано в честь татарского (то есть тюркского) батыра[150].

… **Тэмучжин был первенцем** Оэлун и Есугай-баатура. Как раз накануне его появления на свет Есугай участвовал в походе монголов против другого татаро-монгольского племени – татар.

Есугай-баатур, считая рождение сына в час победы над врагом счастливым предзнаменованием, назвал его именем своего знатного пленника Тэмучжином.

Все известные предки Шынгысхана, все приближенные к нему люди и полководцы, все его дети, жены имели тюркские имена, которых ни когда не было и нет ни у монголов, ни у китайцев, но многие из них характерны для казахов и татар по сей день. Родословная Шынгысхана: Шынгысхан — Есукей — Бартан — Кабылхан — Тумкехан (Таукехан) — Байсункар — Кайду — Датумен. Все имена чисто тюркские.

Шынгысхан из четырех официальных жен ни имел, ни одной монголки или китаянки.

Ко всему прочему, как в монгольском языке (на 40% состоит из тюркских слов), так и в китайском отсутствует понятие термина «монгол», которым свой народ-войско «окрестил» Шынгысхан. Тюркологи считают, что слово «Монгол» правильно звучит как «Мынкол» и переводят, его как тысяча войска (Мын + кол), однако нам представляется, что это слово носит другой смысл. Мынкол можно перевести как тысяча рук (кол — рука). В казахском языке есть смысловые выражения со словом рука, например открытая рука, — так говорят о щедром человеке, длинная рука — о человеке влиятельном с возможностями и т.д., а о многочисленном и сильном народе говорят многорукий или тысячерукий — Мынкол.

Для истории не является секретом родоплеменной состав народа — войска Шынгысхана, как и родоплеменной состав монголов из них видно, что ни один монгольский род не участвовал ни в

---

[150] Когда в семье вождя подклана киятов (подразделения царской семьи борджигинов) родился старший сын Темучжин, названный в честь поверженного татарского князя Темучжина-Уге, - неизвестно. (Исследователи оперируют тремя версиями: 1155, 1162 и 1167 г. Чаще упоминают год Свиньи (1167) и год Черной лошади (1162) - прим. ред.). Неизвестно к какой расе принадлежал юноша с серо-зелеными глазами. Может, к тюркизированным арийцам, как сельское население Кашгарии, а, может, к монголом, которые кочевали у подножия горного массива Хэнтэй, неподалеку от истоков Онона и Керулена.

избрании Тимиршина ханом, ни в создании его государства, а также не участвовал ни в одном завоевательном походе, и даже больше — именно сяньби были покорены мынколами, после чего этноним «мынкол» перешел и на них, в истории таких примеров достаточно.

В списке родов народа-войска Шынгысхана находятся только рода, составившие казахскую нацию, ногайскую и татар. В изучении любого кочевого народа главное не его название, а его родоплеменной состав.

Когда говорят о происхождении Шынгысхана, называют род Боржиган или Боржигат, хотя хорошо известно, что отец Шынгысхана был ханом рода Кият (казах), у которого имеются подрода Айдын (большая вода; большой водоем), Жаурынши (лопатка), Барджигит (Байджигит), в свою очередь у подрода Барджигит есть подрод Тобыкты (лодыжка), сегодня этот подрод входит в состав Аргынов (аргун), именно из него происходил Шынгысхан и именно из Тобыкты состояла его личная охрана.

К выше сказанному можно добавить, что у монголов и у китайцев полностью отсутствуют какие-либо народные придания о Шынгисхане, в то же время как казахский эпос изобилует ими, а наука подтверждает их идентичность с реальными событиями. Например: монголоведы утверждали, что старший сын Шынгысхана Жоши был убит путем перелома спины по приказу отца, параллельно веками существовал казахский эпос, в котором говорится о том, что Жоши был убит на охоте диким куланом, который в ярости отгрыз ему правую руку и унес ее в степь. Останки Жоши извлеченные из мавзолея подтвердили правдивость легенды, — он был действительно затоптан копытами и у него, отсутствовала правая рука.

Помимо всевозможных исторических доказательств тюркского происхождения Шынгысхана и казахских родов, с легкой руки лжеисториков, нареченных монголами и китайцами, в последствии ставших в одно мгновение тюрками, существуют доказательства бытового порядка. Ко времени образования государства Шынгысхана у предков современных монголов, за исключением некоторых родов отсутствовала культура разведения лошадей, монголы приносили в жертву собак и разводили свиней, у них практиковалась матриархальная структура построения семьи, а также языческое вероисповедание. Все это в корне отличает предков монголов от тюрок и от племен составивших народ Шынгысхана. Ко всему прочему, по свидетельствам исследователей Монголии, в частности Пржевальского, монголы ни когда не кочуют в районах предгорий и гор, в то время как тюрки и народ Шынгысхана не мыслили и не мыслят скотоводство без гор, где располагаются летние пастбища — джайляу.

Итак, Шынгысхан, имеющий тюркское имя, тюркский титул, тюркское вероисповедание, говорящий на тюркском языке, происходящий из казахского рода Кият, женатый на женах тюркского происхождения (первые две жены из казахского рода Коныpат и две из татар), имеющий типичную для той эпохи тюркскую внешность (для казахов и татар, являющих собой промежуточное состояние между европеоидной и монголоидной расами даже на сегодняшний день рыжие, светлые волосы и зеленые глаза не редкость, чего практически не наблюдается среди монголов, китайцев и других ярких представителей монголоидной расы), официально объявлен монголом и китайцем!!!

Вернуться к ссылке

44.76. Сокровенное сказание монголов

"Сокровенное сказание" - древнейший литературный памятник монголов. Считается, что оно было создано в 1240 году в правление Угедей-хана. Оригинал памятника не сохранился. Самая древняя дошедшая до нас рукопись представляет собой монгольский текст, затранскрибированный китайскими иероглифами и снабженный переводом на китайский язык. Транскрипция была сделана в конце 14 века в учебных целях, чтобы китайцы могли учить монгольский язык. В частности, поэтому один из авторов транскрипции Сокровенного Сказания - Хо Юаньцзе - использовал при транскрипции так называемые "мнемонические иероглифы": очень во многих случаях для транскрипции того или иного слова используются иероглифы, подходящие

не только по фонетике, но и по значению к соответствующему монгольскому слову. Язык, зафиксированный в данном памятнике, является очень архаичным монгольским языком, относящимся по классификации Н.Н.Поппе к Восточно-среднемонгольскому диалекту.

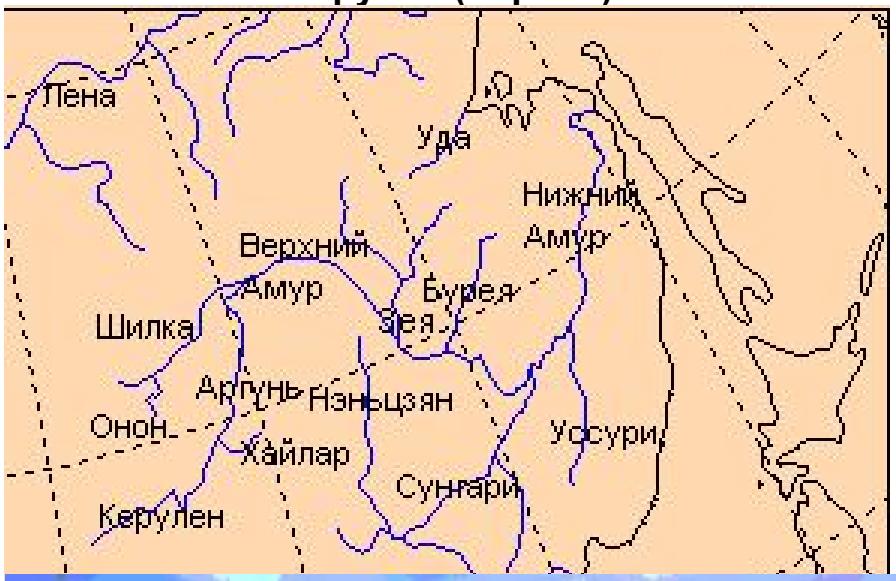
Сокровенное сказание, будучи наиболее обширным и литературно обработанным из древнейших монгольских памятников, представляет собой неоценимый источник по истории, языку и этнографии монголов. В него входят и стихотворные фрагменты, восходящие к народной поэзии, и прозаические части, представленные самыми разными жанрами: от легенд и элементов эпоса до образцов канцелярской речи.

Европейские ученые познакомились с "Сокровенным сказанием" благодаря архимандриту Палладию, служившему в Русской духовной миссии в Пекине. Он в 1866 году опубликовал перевод данного памятника.

См.также **СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ. Перевод С.А.Козина**

Вернуться к ссылке

44.77. Река Керулен (Хэрлэн)



Бассейн Амура (Омыр — жизнь, существование) простирается от Монголии, где располагаются истоки рек Онон и Керулен, до речек северо-западной части острова Сахалин, впадающих в опресненный Амурский лиман и являющихся, по сути, притоками Амура.

Керулен — река в северной Монголии, протекающая по Цэцэн-хановскому аймаку. По-китайски называется **Лу-цзюй-хэ**. Как один из главных водных источников Монголии, Керулен, орошая плодородную долину, служит всегда местом пристанища кочевых орд и потому играл весьма видную роль в истории страны. Китайские армии в своих походах на номадов весьма часто доходили до Керулена. Так было в войнах с Сюн-ну, Ту-кюэ. Позднее Темучин основал свою ставку у истоков Керулена, на юг от хребта Гэнтейя, и положил здесь основание монгольскому могуществу. По показаниям юаньской

Окрестности реки Керулен

истории, биографии Чингисхана и юаньской секретной истории на общем сейме князей на Керулене, у подошвы горы Баянь-улан, во исполнение воли Чингисхана, был избран императором Угэдэй. Во времена Галдан-Бошокту-хана ойратского Керулен, служил районом борьбы его с китайцами. В 1690 г. Галдан здесь зимовал. В 1695 г. в походе на север против Бошокту-хана император Кан-си приносил жертву духу реки Керулен, прося его помощи к истреблению противника. В 1696 г., в воспоминание своей остановки Кан-си поставил памятник, с надписью, в местности Хайсур-гату на Керулене, у самого берега реки. В настоящее время долина Керулена населена более других частей Монголии; жители долины ведут оживленную торговлю с русскими.

См. также Китайское сочинение "Мэн-гу-ю-му-цзи", перевод П. Попова ("Записки о монгольских кочевьях", 1895).

Вернуться к ссылке

44.78. Динлины

Динлины (кит. 敕勒) — европеоидный народ, живщий в долине реки Хуанхэ в III т. до н. э.. Тип их, восстановленный на основании сводки сведений, «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза» К динлинской расе принадлежат четыре древних народа Центральной Азии: кыргызы на верхнем Енисее, динлины в Прибайкалье, усуни, которых история застает у оз. Лобнор, но в момент передвижения их на запад — в северный Тянь-Шань, и бома в Саяно-Алтае. Формой брака была моногамия, религией — культ героев. Процесс исчезновения динлинов с исторической арены закончился в начале II тысячелетия н. э.

Динлины - древнейшие европеоиды Китая, Монголии и Алтая

"Белокурая раса, **динлины** китайцев, имела на заре китайской истории обширное распространение в Средней Азии. К динлинской расе принадлежат четыре древних народа Центральной Азии: **кыргызы** на верхнем Енисее, **динлины** в Прибайкалье, **усуни**, которых история застает у оз. Лобнор, но в момент передвижения их на запад - в северный Тянь-Шань, и **бома** в Саяно-Алтае. Все эти четыре народа имели голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы. Все эти народы были более или менее смешаны с соседями. К динлинам относятся **енисейские остяки-кеты**. Палеоантрополог Дебец считает долихоцефальный южносибирский тип, т.е. динлинов, протоевропеоидным, "близким к кроманьонскому". Прямой связи с европейцами динлины не имели, являясь ветвью, отклонившейся еще в палеолите.

Появление динлинских племен на севере Гобийской пустыни связывается с проигрышем динлинами тысячелетней войны с китайцами (борьба "черноголовых" китайцев с "рыжеволосыми дьяволами" в китайских хрониках 2600 г. до н.э.). Племена **ди** зафиксированы в Китае в III тысячелетии до н.э. как аборигены. За 3000 лет часть динлинов была истреблена, часть бежала, часть смешалась с китайцами [как айны в Японии]. Смешение произошло в эпоху Чжоу, XII в., причем чжоуские племена состояли в большой мере из ди. Этим объясняется наличие у древних китайцев высоких носов и пышных бород. Другая часть разбитых динлинов отступила на юг, в джунгли Сикана и Юньнани. Там они превратились в лесные племена - **мань** китайских географов. Потомками их являются **черные поло**, имеющие ряд европеоидных черт, а также племена **цзеляны**, **яо-мяо**, **вони**, **йе-жэнь**, **путэ** и **мосо**. Потомками динлинов, смешанных с тибетцами, монголами и китайцами, являются **тангуты** в Амдо и окрестностях Ганьчжоу, воинственные горцы, больше похожие на кавказцев, чем на монголов. Тангуты говорят на тибетском языке. Приближаясь по языку к народам индокитайской группы, динлины по своим физическим признакам и психическим особенностям принадлежали к той же белокурой расе, которая некоторыми антропологами считается первобытной в Европе."

Динлины были свободолюбивым [как кавказцы] и подвижным народом, они распадались на множество мелких родов и собирались для отпора врагу лишь в редких случаях и на самое короткое время. Китайцы потому побеждали их, что имели дело не со сплоченным народом, а с отдельными его поколениями; к тому же пользовались их взаимными счетами и натравляли их друг на друга. Что динлины не были склонны к подчинению, выше всего ставя свою индивидуальную свободу, видно из того, что они без колебания бросали свою порабощенную родину и расходились [причина миграций сино-тибетцев?] – одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем. Так, они с течением времени добрались с одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, а с другой до Байкала, Алтая и южной Сибири [Саянские горы китайцы называли Динлин].

Рисунок в «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэн» изображает уйгура человеком с толстым носом, большими глазами и с сильно развитой волосяной растительностью на лице и всем теле и, между прочим, с бородой, начинающейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями. Характерная особенность: уйгуры, подобно древним киргизам, носили серьги [как запорожцы] – обычай, распространенный у динлинов, но не у тюрков. «Желтоголовые» уйгуры уцелели, может быть, даже до наших дней в лице белокурых мачинцев Кэрийских гор.

Насколько быстро были утрачены уйгурами особенности динлинского типа – неизвестно, относительно же киргиз имеется следующее мерило: в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза преобладали у них настолько, что «черные волосы считались нехорошим признаком, а (люди) с карими глазами почитались потомками (китайца) Ли-лин»; к XVII же веку, когда с ними впервые столкнулись русские, киргизы оказались уже совершенно иным народом – черноволосым и смуглым.

В X веке среди **киданей** жило еще белокурое племя, шедшее всегда в авангарде их вредоносных полчищ; засим даже в конце XVIII века среди **маньчжур** встречались, и притом, по-видимому,

нередко, субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой, ныне же среди тунгусских народностей этот тип более не встречается. Он удержался, однако, далее к востоку, в северной Корее, где и до настоящего времени, светлые глаза, рыжие волосы, густые бороды и кавказские черты лица – явление далеко не редкое."

(Г.Е. Грумм-Гржимайло)

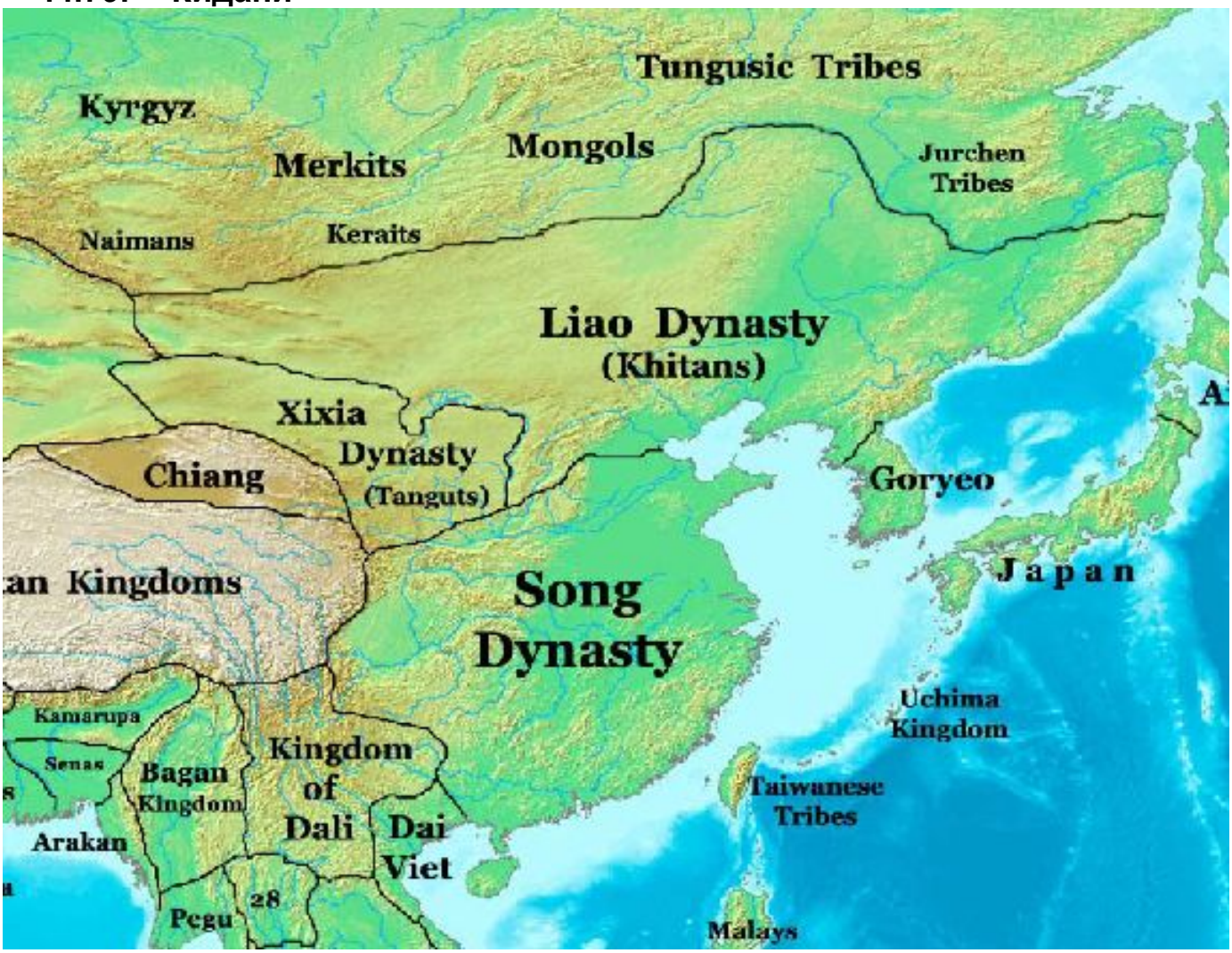
Часть динлинов стали предками **тибетцев** и **тангутов**, часть ассимилирована **кыргызами**, **уйгурами**, **хунну** и **тюрками**. Их расовые признаки зафиксированы у **киданей**, **корейцев**, **айнов**, **манчжур**, **кумандинцев** [?]. А часть динлинов стала и основателями **монгольского народа**, или по крайней мере рода Борджигин (откуда Чингис-хан).

Вероятные потомки динлинов обнаруживаются, как ни странно, на Памире, в Ишкашиме и на склонах Гиндукуша, причем здесь они называются **"бади"** (**бай-ди**) и переводятся как "ветренные". [Можно считать, что так их назвали за счет проживания в высокогорьях, хотя с китайского бай-ди можно перевести как "белые (снежные?) ди"]

См. также Л.Н.Гумилев. Динлинская проблема, **Г. Е. Грумм-Гржимайло. Белокурая раса в Средней Азии. С.-Петербург. 1909**

Вернуться к ссылке

44.79. Кидани



Кида́ни (**китаи**) (кит. 契丹 цидань) — кочевые племена монгольской (согласно китайской историографии — тунгусской) группы, в древности населявшие территорию современной Внутренней Монголии и Республики Монголия.

В начале X века под влиянием соседнего высокоразвитого китайского государства консолидация киданей в единую общность усиливается.

В 907 вождь одного из племён Елюй Амбагай провозгласил себя императором киданей, подчинив себе несколько соседних племён, а в 926 расширил территорию за счёт соседнего царства Бохай (Бохайго), охватывавшего юг Приморья, юго-восток Маньчжурии и северо-восток Кореи.

Государство киданей, существовавшее по 1125, в 947 было названо Великим Ляо, в 983 — Великим государством киданей, в 1066 — снова Великим Ляо.

Активно укрепляясь на северных рубежах Китая, кидани отторгли часть его территорий (часть современных провинций Хэбэй и Шаньси). Их государство, протянувшееся от Японского моря до Восточного Туркестана, было наиболее могущественной державой Восточной Азии. Это отразилось в том, что историческое называние Китая в русской и западной (Cathay) традициях восходит именно к этнониму Кидань.

Основы управления в государстве Ляо были созданы китайцами и корейцами, на основе китайских иероглифов и из китайских элементов письма была создана письменность, развивались города, ремёсла, торговля.

Не сумев справиться с соседями и вернуть утраченные территории, Сунская империя была вынуждена пойти на подписание в 1004 мирного договора и согласиться на выплату дани. В 1042 дань была увеличена, а в 1075 Китай отдал киданям ещё часть своей территории.

С конца XI века государство Ляо приходит в упадок, а в 1125 его уничтожают чжурчжэни. Часть киданьской знати (каракидане, или каракитаи) уходит в Среднюю Азию, где в районе рек Талас и Чу сложилось небольшое государство каракитаев — Западное Ляо (1124—1211).

Современные исследователи не смогли доказать преемственность между К. и какими-либо этническими группами, являющиеся их возможными потомками: ни на северо-востоке Китая, ни в Туркестане, где они, по всей видимости, ассимилировались с местным тюрко- и ираноязычным населением. Результаты последних генетических исследований говорят в пользу предположения о том, что дауры по крайней мере частично являются потомками киданей [1].

Письменные памятники на киданьском языке почти не расшифрованы, так что трудно судить в каких-либо подробностях о перемещениях этого народа.

Однако по истории киданей имеется немало китайских источников. Первая обстоятельная информация о киданях имеется в летописи 北魏书 Бэйвэйшу (История династии Северная Вэй).

КИДАНИ (китаи, каракитаи[151]), древний монгольский народ. Первое упоминание о киданях содержится в китайских источниках 8 в., где указывается, что они занимали территорию на юге нынешнего Дунбея (Маньчжурия). В 916 кидани создали собственное государство, с середины 10 в. известное под названием Ляо, которое господствовало в северном Китае и Монголии. (От названия киданей происходит русское наименование Китай, вопринятое от монголов.) В 1125 это государство было уничтожено чжурджэнями, основавшими в Маньчжурии династию Цзинь. Часть киданей оставались вассалами дома Цзинь вплоть до завоевания северного Китая Чингисханом, затем многие из них перешли на службу к монголам (например, знаменитый советник Чингисхана Елюй Чуцай). Группа киданей после гибели государства Ляо двинулась на запад и поначалу обосновалась на землях киргизов в верховьях Енисея, а затем основала в **Семиречье** государство Западное Ляо, простиравшееся от границ Китая до Амударьи. Правитель Западного Ляо носил титул гурхана. Каракитаи, как их называли в Средней Азии, придерживались анимистических взглядов, но терпимо относились к исламу и христианству. Держава каракитаев была уничтожена в 1213 найманами, а ее жители позднее вошли в состав населения монгольского государства.

---

[151] Каракытаи (Кара — великий, большой; кытай или кытаю и катау — вспыльчивый; непредсказуемый, неуступчивый, неумолимый человек; Каракытай — великий, непредсказуемый, неумолимый и неуступчивый)

Кидани, китаи, племена монгольской группы, в древности кочевавшие на территории современной Внутренней Монголии и МНР. Известны с 4 в. В 907 вождь племени Ила-Абуги объявил себя императором Кидани и, подчинив ряд соседних племён, расширил империю на Запад и Север, а в 926 завоевал на В. царство Бохай. В 947 государство было названо Великим Ляо, в 983 — Великим государством киданей, в 1066 — снова Великим Ляо. государство Ляо, раскинувшееся от Японского моря до Восточного Туркестана, было наиболее могущественной державой Восточной Азии. С 1005 Китай, проиграв войну с Киданями, платил им ежегодную дань. С конца 11 в. начался упадок государства Ляо, а в 1125 оно было уничтожено чжур-чжэнями. Часть Киданей ушла на Запад в Среднюю Азию (каракидани, каракитаи). Известны два вида киданьской письменности. От названия Кидани происходит русское наименование Китая, пришедшее от монголов и тюрок.

См. также **Кидани и Сибирь**

Вернуться к ссылке в гл.10

Вернуться к ссылке в гл.13

44.80. Семиречье

Семиреченская область в начале XX века

Семиречье — на тюркских языках **Жетысу** (казах. Жетісу), **Джети-суу** (кирг. Жетисуу) — географическая область в Центральной Азии. Входило в Семиреченскую область Российской империи.

Занимает предгорья северных склонов Тянь-Шаня и долины рек, стекающих с них. С запада ограничена хребтом Каратау, включая долины рек Чу (Шу) и Талас. С востока граничит с Джунгарией, включая долину реки Или. С севера примыкает к озеру Балхаш.

Исторически семью реками этого региона считались:

- Сырдарья,
- Талас,
- Чу,
- Или,
- Каратал,
- Аксу,
- Лепсы.

Семиречье - район этногенеза казахов. См. также семиреченские казаки.

В равнинной части Семиречья — полынные степи, пески, в предгорьях — леса. Один из древнейших центров цивилизации Средней Азии. В VI—XIII вв. Тюркский каганат, государства тюргешей, карлуков, караханидов, каракитаев. В XIII в. завоёвано монголо-татарами. С XVI в. казахский Старший жуз. С середины XIX в. была в составе России. В исторической литературе Семиречье — территория, включавшая также долину р. Чу.

Семиречье в настоящее время находится на территории государств:

- Казахстан
- Киргизия (долина реки Талас, район Бишкека)

- Китай, Синцзян-Уйгурский автономный район (верховья Или).

Крупные города (с запада на восток):

- Тараз
- Бишкек
- Алматы
- Талдыкорган
- Кульджа (под российским контролем в 1871-1881 гг.; в 1881 г., по окончанию дунганского восстания возвращена Китаю)

См. также Карты уездов из «Настольного атласа А. Ф. Маркса, 1903 года», «Карта Туркестана и части русских владений в Средней Азии. Составил Ю.М. Шокальский», конец XIX века, на www.genealogia.ru; также Image:BE-Russian-Turkestan-map.jpg в Wiki Commons

Вернуться к ссылке

44.81. Енисейские кеты

Этноним основной — Кеты

Автоэтноним (самоназвание) — Самоназвание *кет* "человек" (мн. ч. *денг* "люди", "народ").

Другие этнонимы — В прошлом известны как енисейцы, енисейские остяки.

Территория расселения — Широко расселены в нижнем течении р. Енисей. Больная часть кетов живет в Туруханском районе Красноярского края, расселяясь в виде компактных групп по притокам Енисея Елогую, Сургутихе, Пакулихе, Курейке. Подкаменнотунгусская группа расселяется на территории Эвенкийского АО. Таким образом, этническая территория кетов в бассейне Енисея простирается с юга на север более чем 1500 км.

Численность — По данным переписей численность кетов относительно стабильна: 1897 — 988, 1926 — 1428, 1959 — 1019, 1970 — 1182, 1979 — 1I22, 1989 — 1113.

Расовая принадлежность, антропологический тип — Неоднозначной является антропологическая оценка кетов. В общей расовой классификации кеты относятся к енисейскому антропологическому типу, входящему в состав уральской расы. По всему комплексу антропологических признаков кеты являются монголоидами с несколько ослабленной степенью выраженности монголоидных черт. Обладая рядом общих признаков, по территории проживания, они обнаруживают сходство с соседними народами. Так, северные группы кетов в антропологическом плане тяготеют к селькупам, отчасти хантам и ненцам, а южная, подкаменнотунгусская, к хакасам и шорцам. В настоящее время сформулировано положение, что уральские черты кеты приобрели достаточно поздно, поэтому, енисейский антропологический тип генетически не связан с уральской расой и может быть выделен в самостоятельный систематический ранг. Но данная позиция является дискуссионной.

Язык — Кетский язык в лингвистической классификации занимает изолированное положение. Он входит в енисейскую языковую семью, в которую, наряду с кетским, включаются

языки зафиксированных в XVIII в. в верховьях р. Енисей, а ныне ассимилированных, аринов, асанов, котов и некоторых других народов. Лингвистические связи енисейцев прослеживаются в отношении тюркских и самодийских языков. Современный кетский язык делится на два диалекта: имбатский, объединяющий ряд говоров территориальных группировок кетов (курейский, елогуйский и т.д.) и сымских, сохранившийся у неболъшого числа кетов.

Этногенез и этническая история

Современные кеты являются потомками одного из так называемых енисейскоязычных народов, или даже единого енисейскоязычного народа, в прошлом жившего в Южной Сибири. Это арины, асаны, яринцы, байкотовцы и котты, которые в течение XVIII – XIX вв. были ассимилированы окружающими их народами. Так, енисейские компоненты принимали участие в формировании отдельных групп хакасов (качинцы), тувинцев, шорцев, бурят. Миграционные процессы, которые в Южной Сибири были связаны с этнополитической историей тюрок, коснулись и енисейские народы. Начало переселение предков кетов связывается с IX – XIII вв., что привело к оседанию немногочисленных групп кетоязычного населения по берегам Енисея и его притоков. Именно здесь, в контакте с хантами и селькупами, а затем и с эвенками, сформировалась самобытная кетская культура.

Кеты производят себя от гагары, посланной Верховным богом Есь (Небо) и убитой людьми. Быть может, это самый загадочный народ Сибири. Его исторический след теряется в сумрачной дымке далеких тысячелетий. Ученые предполагают, что енисейские кеты - потомки хеттов, библейского народа, создавшего в III-II тыс. до н. э. могущественнейшую державу Малой Азии.

…Предки кетов начали свой путь в Сибирь давно, примерно 4 тысячи лет назад. Начался он из Малой Азии и Закавказья, далее продолжился в Северное Предкавказье, Южный Урал, - рассказал профессор. - Через 500 лет предки кетов широким потоком расселились на огромной площади - от реки Камы до верховий Лены и Ангары, от устья Иртыша до Тувы и Алтая. Заходили они и в Северную Монголию. В Сибирь кеты принесли развитое бронзолитейное производство, самобытное мастерство в изготовлении глиняной посуды и скотоводство. Предки кетов быстро освоились с условиями Сибири и приобрели охотничьи и рыболовецкие навыки. Потом настали для них тяжелые времена. Вторжение иранских племен, затем воинственных тюрков заставило часть кетов уйти в глубь таежных районов, где они стали заниматься только охотой и рыболовством. Значительная их часть была ассимилирована и стала говорить на других языках.

Русские познакомились с кетами в 1607 году, когда вышли на Енисей, и назвали их енисейскими остяками, или имбаками. Позже путешественники и ученые выяснили и иные родственные кетам племена - арин, ассанов и котов, пумпоколов. Несомненно, были и другие группы кетов, но, к сожалению, они не попали в поле зрения любознательных путешественников и ученых, и мы о них ничего не знаем. С усилением русской колонизации кетские племена стали уходить с родных мест. Некоторые были ассимилированы тюрками и русскими. В 1730-х годах около Красноярска умер последний аринец Арзамас Лоскутов. Финский ученый А. Кастрен 160 лет назад встретил только пятерых кетов по реке Агул на юге Красноярского края, которые еще знали родной язык. Незаметно ушли со сцены ассаны и пумпоколы. Мы даже не знаем, как последние называли себя.

Сохранились только енисейские кеты.

…**Смысл большей части топонимов** Кемеровской области непонятен современным её жителям и для огромного их большинства является загадкой.

Загадочны и непонятны такие топонимы, как Юрга, Кия, Артышта, Кондома, Иня, Барзас. Ясно, что эти и подобные им географические названия нерусского происхождения. Но спросите коренного жителя Южного Кузбасса, шорца, что означают слова: Кондома, Кольчезас, Барзас? Он затруднится ответить. Телеуты, проживающие недалеко от железнодорожной станции Артышта, не могут объяснить значение этого топонима. Но тот же шорец легко сумеет объяснить, что название реки Бельсу "тайменная река"; телеут, не задумываясь, ответит, что название деревни Карагайла означает "богатый соснами".

…К топонимам кетского происхождения относятся такие, как Барзас, Амзас, Барандат, Итат, Берикуль, Тисуль, Бунгур, Ур, Уксат (Ускат), Бачат. А.П. Дульзон на большом фактическом материале доказал, что существовало, пять кетоязычных племён.

1) енисейские кеты;

2) кеты-пумпокальцы;

3) кеты-арины;

4) кеты-котты;

5) кеты-ассаны.

На кетско - енисейском языке слово "река" - СЕС; кетско - пумпокальском - ТЕТ; кетско - аринском - СЕТ; кетско - коттском - ЧЕТ, ШЕТ; кетско - ассанском - УЛ, УЛЬ, УР, ГУР. Исходя из этого, приведённые выше топонимы произносились кетами в форме Борузас, Амсес, Борунтет, Итет, Борукуль, Уксат, Багчет.

Кто же изменил кетские гидронимы? С VI века нашей эры на территорию Южной Сибири стали проникать с юга тюркоязычные племена, потомками которых являются шорцы, татары нижнетомские, тюрки чулымские, татары барабинские, телеуты и др. народности.

По всей вероятности, тюркоязычное население вступило в деловые отношения с кетами, усвоив их способы охоты, рыбной ловли и переняв кетские географические названия, прежде всего гидронимы. Но усвоили их в форме, соответствующей фонетическим законом своих, тюркских языков, и превратилось Борусес (волчья река) в Барзас, Амсес (мать-река) в Амзас, Борунтет (река волков) в Барандат, Итет (оленья река) в Итат, Уксат (стерляжья река) в Ускат, Багчет (черёмуховая река) в Бачат и т.п.

…**Г.Е. Грумм-Гржимайло определяет кыпчаков как европеоидов** (1926, 57-59), они в расовом отношении сильно отличались от тюркютов, которые были ярко выраженными монголоидами (Гумилев, 1993, 181). Это хорошо согласуется с описанием кыпчаков домонгольского периода как явно не монголоидов, отчего возникло их древнерусское название "половцы" за светлый цвет волос (полова - рубленая солома) (Гумилев, 1992, 71).

Правда, в этнониме в связи с этим предпринимались попытки объяснить семантику этнонима Куман через апеллятив "кум" - лесок, желтый (Еремеев, 1970, 136) или же оним Кыпчак через слово "куба" - бледный, светлый (там же, 136). С этим вряд ли можно согласиться, так как , наряду с формой Куман, существовали диалектные формы Коман, Кубан (ср. название реки Кубань), а вместе с формой Кыпчак - Кыйчак (да формы Кып(чак) и куба на базе тюркских языков не согласуются). Подобный народноэтимологический взгляд не допустим в научной этнонимике.

Л.Н. Гумилев так определяет этнорасовую принадлежность кыпчаков Алтая и Саян: "Кыпчаки - западная ветвь динлинов, европеоидного народа, жившего в Минусинской котловине еще до нашей эры" (Гумилев, 1992, 71). А одними из потомков динлинов , как известно, были кетоязычные народы, в последствии отюреченные и смешавшиеся в тюрками.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что племя Медведя енисейских кетов территориально обитало на Северном Алтае и отрогах Западных Саян. На Саянах оно жило рядом с кетоязычным же племенем Лебедя. Экспансия гэгуней (кыргызов), тугю (тюркютов) и других тюркоязычных народов на Саяно-Алтай в V-VI вв. до н.э. изменило этнополитическую ситуацию региона, возник, благодаря консолидации с аборигенными народами, Первый тюркский (тюркютский) каганат и т.д. Аборигенные народы (от Алтая на западе до озера Байкал на востоке) в тюркютском эле образовали конфедерацию Теле (союз аборигенных племен).

Племя Медведя енисейских кетов в союз Теле вошло как племя Киби. Позже, уже в период Уйгурского каганата, часть Киби переселилась на Иртыш, где образовался с частью же племени Лебедя и создала тот племенной костяк, который впоследствии сильно разросся и явил миру племя Кыпчак, сначала подчиненное кимакам, а потом возглавившее и переименовавшее кимакское государственное образование.

Волны этнической экспансии на запад IX-XII вв. увели за собой кимако-кумано-кыпчаков с родных земель, но на Саяно-Алтае остались их потомки, среди которых шорско-хакасские роды Кый (Хый), Кобый (Хобый), Кызай (Хызай) и хакасская родоплеменная группа Койбал. Лишь одни койбалы сумели до XVIII в. донести язык своих предков - кетский, что достойно удивления и уважения.

Топонимика территории, прилегающей к поселку Полигус

- р. Анчалго — солнечный, южный склон. р. Бахта кет. (бокто — твердый берег реки)
- г. Уль-Тысь — сырая сопка, кет. (уль — сырой, водянистый; тысь — сопка, голец)

Топонимика территории, прилегающей к поселкам Бурный, Кузьмовка, Суломай

- р. Алексис — вероятно, река Алексея, кет. (сис — река)
- пос. Суломай — красная глина, кет. (сулэм — красный; кай — обрыв, яр, гора)
- р. Тайгекако — кет. (тайгэ — язь)

См. также **Хетто-хурритский след**, **Краткий словарь по топонимике Эвенкии**, **Исчезающие народы России. Кеты**

Вернуться к ссылке

44.82. Ядринцев, Николай Михайлович

Никола́й Миха́йлович Ядри́нцев (18 (30) октября 1842, Омск — 7 (19) июня 1894, Барнаул) — сибирский публицист и общественный деятель, исследователь Сибири, один из основоположников сибирского областничества.

Николай Ядринцев родился в Омске, в купеческой семье. В 1851 переехал вместе с родителями в Томск. Учился с 1854 в Томской мужской гимназии. В возрасте 17-ти лет уехал в Санкт-Петербург, где стал вольнослушателем университета. Там познакомился с Г.Н. Потаниным и С.С.Шашковым. Принимал активное участие в основании и деятельности землячества студентов-сибиряков, в среде которых зародились идеи сибирского патриотизма.

В 1863 году Ядринцев возвратился в Омск, работал учителем, совместно с Потаниным был организатором литературных чтений. Вслед за Потаниным в 1864 году переехал в Томск, где сотрудничал в газете "Томские губернские ведомости". Опубликовал там же статьи "Сибирь перед судом русской литературы", "Этнологические особенности сибирского населения. В 1865 году вместе с Г.Н. Потаниным, Е.Я.Колосовым был арестован. 2 года провёл в Омской тюрьме. Находясь в заключении, не прекращал литературных работ. Позднее написал книгу "Русская община в тюрьме и ссылке".В 1868 году был признан виновным в намерении отделить Сибирь от России и сослан в Шенкурск, Архангельской губернии.

В 1874 получил помилование и переехал в Петербург, где устроился секретарём к местному председателю комиссии по тюремному надзору. В 1876 переехал в Омск, где состоял на государственной службе до 1880 года.

В 1878 году совершил первую комплексную экспедицию на Алтай как член Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, изучал постановку переселенческого дела, собрал этнографический и ботанический материалы. В 1880 году в результате его второй экспедиции были составлены географические карты Телецкого озера, реки Чуи и её притоков, проведено много антропологических исследований. Был награждён золотой медалью ИРГО. Ядринцев посетил почти все районы Алтая, включая центр. высокогорную области. Его статьи «О мараловодстве на Алтае», «Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ» и др. представляют научную ценность и в наши дни. Во время экспедиции (1886, 1889, 1891) в Минусинский край и к верховьям Орхона открыл развалины Кара-Балгаса и древней монгольской столицы Каракорума, а также памятники древнетюркской письменности — орхоно-енисейские надписи.

В 1881 году возвратился в Петербург, где в 1882 вышел самый значительный и актуальный труд Ядринцева "Сибирь как колония". 1 апреля 1882 основал в Петербурге газету "Восточное обозрение". В 1888 перевёл газету в Иркутск.

В литературных сочинениях тяготел к лирико-публицист. жанрам, в частности, к путевым очеркам, которые нередко носили обличительный характер. Выступал как критик и литературовед: статьи «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири», «Начало печати в Сибири», о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. И. Наумова, С.Я . Елпатьевского и др.

В 1894 году, по личной просьбе, Ядринцев был назначен заведующим статистическим отделом Управления Алтайского горного округа. Прибыв в Барнаул, 7 июня из-за безответной любви[1] будучи в состоянии аффекта, он покончил жизнь самоубийством - принял яд в доме купца Сулина[2]. Последние дни писателя отражены в документальной повести нашего современника И. П. Кудинова «Шесть дней в июле». Похоронен на Нагорном кладбище в Барнауле, гранитный памятник изготовлен на Колыванской шлифовальной фабрике по проекту архитектора Шулева.

См. также **«Дело о злонамеренных действиях...". Восточно-Сибирская Правда. 22 Марта 2003,** М. Лемке "Н.М. Ядринцев" (СПб., 1904; издание ред. "Восточного Обозрения"; Ядринцев "К моей автобиографии" ("Русская Мысль", 1904, VI); "Сибирский Сборник" (1895, III, IV и 1896, II). М. Лемке.

Вернуться к ссылке

Гранитная черепаха из Каракорума рядом со стенами монастыря Эрдэнэ-дзу. По преданию, город охраняли от наводнений 4 гранитных черепахи

44.83.Каракорум

Координаты: 47°17′57″ с. ш. 102°33′38″ в. д. / 47.299167° с. ш. 102.560556° в. д. (G)

Каменная черепаха с развалин города Каракорум

Карако́рум (монг. Хар Хорум) — столица Монгольской империи; власть Каракорума признавали и правители Золотой Орды. Название восходит к тюркскому топониму окрестных гор Каракорум (буквально «чёрные камни», «нагромождение чёрных камней»).

История

Построен в 1220 г. по приказу Чингисхана как главный лагерь, где он оставлял семью на время своих походов и как центр по производству вооружений и прочего оснащения войск.

Китайские советники убедили Чингисхана и его преемника Угэдэя (1186—1241) в необходимости иметь постоянную столицу государства. Во время правления Угэдэя и сложилось представление о том, что Каракорум — центр монгольского государства. Угэдэй построил здесь дворец, названный Маньняньгун (монг. Түмэн амгалант) — «Дворец десяти тысяч лет». Младших чингизидов обязали тоже построить здесь по дворцу.

Главная местная достопримечательность – конечно, **монастырь Эрдене-Зуу**, самый древний и самый почитаемый в Монголии. Когда-то он состоял из 62 храмов, и здесь жили десять тысяч лам, но после жестокой борьбы с буддизмом во времена коммунистической эпохи «в живых» осталось лишь 18 построек и 3 храма, а все монахи умещаются в одном маленьком молитвенном зале. Монастырь окружают 108 ступ.

Политическое значение

Во времена великих ханов Монгольской империи Угэдэя, Гуюка и Мункэ в Каракорум приезжали в знак покорности и почитания государи ближних и дальних стран, включая русских князей; здесь решались вопросы о престолонаследии; здесь принимались решения о новых завоевательных походах, приводившие в действие миллионы людей и переворачивающие их судьбы; сюда с надеждой на влияние устремлялись эмиссары мусульманской, буддистской, христианской и других конфессий. Сведения о Каракоруме содержатся в китайских летописях и записках европейских путешественников 13 в.: Плано Карпини, Марко Поло и В.Рубрука.

Структура

Город состоял из нескольких изолированных друг от друга кварталов, в которых жили ремесленники, торговцы и посланники со всего света. Там жили люди разных рас и религий.

Рядом с христианскими (несторианскими) церквами путешественники видели многочисленные мусульманские мечети и буддийские храмы.

Упадок

С завоеванием монголами Китая и основанием юаньской династии столица Монгольской империи была перенесена (1264) ханом Хубилаем в Ханбалык (ныне Пекин), а в 1267 — в построенный чуть севернее старого Пекина город Даду («Великая столица»).[1] После изгнания монголов из Китая в 1368 г. остатки юаньского руководства опять обосновались в Каракоруме, но ненадолго: в 1388 г. минские войска полностью разрушили город, и после этого он никогда не был восстановлен.

Современное состояние

Развалины города находятся в верхнем течении р. Орхон в 380 километрах юго-западнее современного Улан-Батора. На аэрофотоснимках отчетливо видны развалины городских стен, планировка улиц и остатки каменной кладки, по которым можно определить расположение построек. Каракорум просуществовал около 140 лет. Несколько раз в городе был сильнейший пожар и много раз его громили войска китайской династии Мин. Руины города находятся сейчас близ монастыря Эрдэни-Дзу.

История открытия

В конце XIX века русский учёный Н. М. Ядринцев обследовал развалины Каракорума.

…**Н.М.Ядринцев и его спутники** — художник-бурят С.А.Пирожков и топограф П.П.Смысловский — выявили каменные стелы с параллельными текстами на китайском и древнетюркском (более известном под названием орхонского рунического письма) языках.

"Самое важное в находках г. Ядринцева, несомненно, заключается в открытии им каменных таблиц с двуязычными надписями, рядом с китайскими иероглифами текст, изображенный руническими знаками вроде минусинских. Предположение, что эти надписи представляют параллельные тексты, дает надежду дешифровать минусинские письмена", — так первым в 1890 году оценил находку выдающийся русский путешественник, исследователь Азии Григорий Потанин.

Орхоно-енисейские надписи, впервые открытые на Енисее С.Ремизовым, Ф.Страпенбергом и Д.Мессершмидтом в 1696—1722 годах, были выполнены орхонским руническим письмом, служившим многим тюркоязычным народам раннего Средневековья от Забайкалья до Киргизии. Их дешифровка датским лингвистом В.Томсеном и прочтение текстов, выбитых на стелах Каракорума, тюркологом В.В.Радловым позволили по авторитетному мнению С.В.Киселева, Л.Г.Кызласова и Л.А.Евтюховой "вывести на арену истории многие племена и народы, о которых до этого историки знали только из кратких сообщений официальных хроник китайского двора".

А. М. Позднеев анализом исторических источников подтвердил местонахождение Каракорума у буддийского монастыря Эрдэнидзу (построен в 1585 в южной части Каракорума).

В 1948 и 1949 годах здесь работала советско-монгольская археологическая экспедиция. Её руководитель С. В. Киселёв (1905—1962) был удостоен за эту работу звания члена-корреспондента АН СССР и Государственной премии СССР. В юго-западной части города открыты остатки дворца Угедея, сооруженного на гранитном цоколе; под дворцом обнаружены остатки буддийской кумирни конца XII — начала XIII вв. со стенной росписью.

Литература

- Атлас древностей Монголии, в. 1, СПБ, 1899;
- Древнемонгольские города. М., 1965;
- Позднеев А., Монголия и монголы, т. 1—2, СПБ. 1896—98;

- Ткачёв В. Н. Каракорум в XIII веке // ***Mongolica**: Памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884-1931).* Сборник статей. М.: Наука, 1986. С. 219-231;
- Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума // «Известия русского географического общества», 1890, т. 26, в. 4;

…**Большие строительные** работы в Каракоруме развернул брат Чингисхана, Угэдэй. Каждый его родственник должен был построить здесь по дворцу. А родственников Угэдэй имел много. По свидетельству Гильома де Рубрука, францисканца, побывавшего в Каракоруме, город производил незабываемое впечатление. Тут стояло "…12 кумирен различных народов, две мечети, одна христианская церковь…"Перед ханским дворцом находилось знаменитое серебряное дерево, сооруженное мастером Вильгельмом Парижским, плененным в Венгрии. Внутри него проходили 4 трубы, по которым вытекал кумыс, мед, рисовое пиво и вино. Эти напитки употреблялись во время дворцовых попоек.

Ханский дворец и серебряное дерево в Каракоруме в представлении художника XVIII в. Рядом на фотографии – современная реконструкция по описанию Плано Карпини внешнего вида знаменитого дерева. Улаанбаатор, отель «Монголия», 2006 г.

…Каракорум просуществовал 300 лет, из которых 32 года был столицей монгольской империи. В 1368 г. его разрушили китайские войска. Попытки возродить город предпринимались неоднократно.

В XVI веке по приказу Абатай-хана рядом с развалинами из камней прежнего Каракорума был возведен монастырь Эрденидзу - "Храм Сокровища". Весь комплекс окружили стенами, образующими прямоугольник. На середине каждой стороны - городские ворота. Роль башен выполняли мемориальные сооружения - субурганы. Всего их 108.

Крепостные стены Хара-Балгаса VIII–IX вв. сохранились лучше столицы Монгольской империи – Каракорума

См. также **Рототаев П. Покорение гигантов**, **К вопросу об открытии Каракорума**, **Каракорум, город. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона**, **Каракорум – сказочная столица Монгольской империи**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в разделе Чингис-хан

44.84. Хара-

Балгас (Карабалгасун, Орду-Балык)

Плодородная долина Орхона с древних времен была центром империй поочередно для жужаней, уйгуров, монголов. Развалины города Орду-Балык, ныне орхонский Хара-Балгас (Карабалгасун) находятся к северу-западу от монастыря Эрдэнэ-Дзу. Каменная крепость, столица Уйгурского ханства просуществовала около 100 лет в VIII–IX вв. Комплекс ханского дворца был огражден высокими крепостными стенами, которые хорошо сохранились до наших дней и в отличии от Каракорума они остаются не разрушенными и неприступными даже в наше время. Вокруг стен, по данным археологов, располагались водные каналы.

Площадь крепости 500 на 500 метров. Стены сложены из камня с чередованием слоев плоских и крупных камней. С четырех сторон крепостную стену окружает земляной вал. При раскопках внутри крепости обнаружена глиняная посуда с киданьской письменностью, а в 1970 г. были обнаружены в субургане монгольские летописи на коре березы XVI в. размером 7 на 4 см и 14 на 5 см. Сейчас фрагмент этих рукописей экспонируются под стеклом в музее Хар Бухын Балгаса. Раскопки в крепости Хара-Балгаса обнаружили остатки дворцовых зданий и многоэтажной цитадели, украшенных оригинальным орнаментом и черепицей с явным воздействием культуры танского Китая. Среди развалин города был обнаружен обломок обелиска с надписями на турецком, согдийском, китайском языках. Повествуют они о доблестях шести правителей, где упомянуто имя Алп Кутлуг Улуг Бильге кагана, правившего страной в 745 г.

Из исторических хроник известно, что в этом месте в XVI–XVII вв. для обсуждения монгольской ясы 18 раз собирались монгольские князья. В XVII в. на развалинах этой крепости был построен буддийский монастырь.

Уйгурия в степях Монголии была сокрушена в 840–847 гг. енисейскими кыргызами. Уйгуры были вынуждены уйти на запад и смешались с местным населением Турфана, Карашара и Тучи. Новое уйгурское ханство простиралось от Восточного Туркестана, главным городом которого был Бишбалык, развалины которого находятся около Гучена, до озера Лобнор. В 874 г. новое Уйгурское государство было официально признано Китаем.

… **Экспедицией** были обнаружены развалины древних городов, в том числе в 450 верстах от Кяхты в долине Далалхын-Тола развалины Хара-Балгасуна (оказавшегося впоследствии остатками уйгурского Каракорума VIII в., к юго-востоку от озера Угей-Нор), остатки крепостной стены и башни (называемые окрестными жителями Хара-Херем) и следы улиц, тянувшиеся на протяжении двух с лишним верст, которые видел до этого Падерин.

… **Несколько слов** относительно уйгурского государства. Часть уйгуров, подчинявшаяся прежде Танской династии, откочевала и присоединилась к уйгурам, населявшим район реки Селенги. Сын родоначальника этих уйгуров хан Кун-Бильге, отделившись от тюркского государства после подавления тюркского войска, в 644 г. объявил себя ханом десяти областей уйгуров, девяти областей ойратов и тридцати областей татаро-монголов. Сын названного хана Богучар выступил на престол в 746 г. и правил до 759 г., нося титул «хан, правитель страны, ниспосланной небом». Памятник этому хану, высеченный их камня, в настоящее время стоит у истоков реки Могай-гол, впадающей в стык двух рек Хануй и Хуну в местности Шинэ-удзун. В 751 г. в районе двух рек Орхон и Джиримту, т.е. на родине тюрок, была основана столица уйгурского государства, где организована ставка и ямынь управления страной. Остатки этого города ныне нам известны под названием Хара-балгасун. На старом уйгурском наречии этот город назывался **Хан-Балык**[152]. Примерно в этот же период на северном берегу реки Селенги был создан город Баин-балгасун. Развалины этого города находятся в местности Байбалигун-сум. Со времени своего появления город Баин-балгасун стал местом, где любили останавливаться согдийские и киданьские купцы. Согдийцы — это народ, прибывший из-за Или-Тарбагатая. Занимаясь торговлей, они распространили среди уйгуров две различные религиозные системы — учение Будды и учение

---

[152] Камбалук, Кабалут — древнее название Пекина. По-видимому, опечатка автора. Должно быть **Орду-Балык**. ХАРА-БАЛГАС - развалины г. Орду-Балык - столицы Уйгурского государства 8-9 вв., на р. Орхон, в Монголии.

Мани. Последняя стала проникать на восток из стран, лежащих в стороне захода солнца, т.е. с запада. В земли уйгуров начали приезжать согдийские ламы. Они оставались там жить, строили храмы, совершали богослужения. Тюрки и уйгуры в начале пользовались квадратным письмом, каковое постепенно совершенствовалось и приспосабливалось к данным языкам. Начиная со времени хана Богучара, уйгуры стали использовать согдийскую письменность. Когда уйгуры овладели согдийской письменностью, старое письмо, которым они пользовались при высечении надписей на памятниках, вышло из употребления. Переводы учения Шакьямуни они стали делать уже на новой письменности.

См. также Древняя столица Киданьской империи – Хар Бухын Балгас, **Представления монголов о своем происхождении и месте в историческом времени и мировом пространстве**, **Памятники уйгурской культуры в Монголии. Ю. С. ХУДЯКОВ**, **Уйгурский каганат. Р. Безертинов**

Вернуться к ссылке

44.85. Кумандинцы (кубанды, куманды, оре куманды, тадар-кижи с языком кумандинским, тюбере куманды)

Кумандинцы - одна из ветвей северных алтайцев. Их история на данной территории прослеживается с незапамятных времен. Происхождение кумандинского этноса связано с длительно протекавшими процессами внедрения кочевников монгольских степей в лесные районы Северного Алтая, где они входили в контакт с издревле обитавшими здесь таежными охотниками, рыболовами, собирателями и мотыжными земледельцами.

Этноним «куманды» в дореволюционный период не был самоназванием кумандинцев. Он был дан им соседними племенами (тубалары, шорцы, теленгиты, челканцы) по названию их основного и самого многочисленного рода (оре) и алтына куманды, тогда как сами себя кумандинцы называли просто «татар-кижи» (прим. «Кижи» по-алтайски есть «человек»). Некоторые исследователи считают, что этноним «куманды» в переводе означает «лебедской человек» (видимо лебеди могли быть их тотемным животным). По мнению Л.П. Потапова и О. Притсака, термин «куман» в наименовании кумандинцев адекватен названию *половец* и *кипчак*.

Если волны пришлых кочевников состояли в основном из тюркоязычных монголоидов, то аборигены Северного Алтая были представлены так называемыми угро-самодийскими и в какой-то мере кетоязычными народностями. В физическом облике местных жителей сочетались черты, свойственные европеоидам и палеосибирским народам уральской расовой группы.

Тюрки по языку, угро-самодийцы по укладу жизни и быта, - так можно было бы коротко охарактеризовать этнокультурные особенности кумандинцев, сложившиеся к моменту появления на Алтае русского населения.

…Ещё один герой, который нам потребуется, - тюрки - этнос, обитавший на огромном пространстве от северных границ Китая до Днепра, известный под именами хазар, печенегов, болгар, кипчаков (последних в Киевской Руси называли половцами, в Византии - куманами).

…В январе 1986 г. "Вечерняя Москва" рассказала о единственном (!) в СССР специалисте по половецкому языку, сотруднике Института языкознания АН СССР Али Ахметовиче Чеченове. Заветная мечта Чеченова - побывать в Венеции. Оказывается там, в Библиотеке святого Марка, хранится главный "учебник" половецкого языка - CODEX CUMANICUS. В СССР не было копии Кодекса Куманикус!

…Самоназвание

- **Куманды** (по названию одного из родов, этимологически этноним сопоставляют с этнонимом куман и связывают с тюркским корнем qu: <*qub «бледный» + -man).
- **Куванды / куванта**
- **Кувандык / кувандыг / кувандых**

Генетическая принадлежность

Кумандинский язык является диалектом алтайского языка, по мнению некоторых тюркологов может считаться отдельным языком в хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков.

Первые упоминания о кумандинцах в русских исторических источниках относятся к 1628 г. Имеется в виду челобитная тобольских воевод, в которой говорится, что 28 февраля 1628 г. они послали из Кузнецкого острога служилых людей - "Олешку Бакая с товарищем на твою государеву службу в Чебанскую волость:". На обратном пути четверо из них были убиты людьми телеутского князя Абака, среди которых были и кумандинцы. (Телеутское княжество существовало в Горном Алтае вплоть до середины 18 в.)

Телеутские князья считали кумандинцев своими кыштымами, или данниками, которые обязаны были кроме всего прочего участвовать и в военных походах телеутских дружин. Вероятно, ранее таким же образом кумандинцы вынуждены были принимать участие в дальних военных экспедициях татаро-монгол. Так что русские, не зная того, могли познакомиться с кумандинцами значительно раньше 1628 г.

…**В антропологическом** плане кумандинцы, как и древние половцы, имеют много европеоидных черт. Еще первые русские землепроходцы отмечали значительное количество светловолосых и голубоглазых детей в кумандинских аилах.

Вполне возможно, что алтайские кумандинцы являются потомками более древнего, чем тюрки, населения Алтая, уходящего корнями в афанасьевскую и андроновскую культуры Бронзового века.

Такие исследователи-краеведы, как А.М. Малолетко и Б.Х. Кадиков связывают происхождение кумандинцев с одним из древнейших народов Сибири - кетами.

Так, согласно монографии В.И. Вербицкого (1893 г.), "названия утки в языках северных и южных алтайцев звучат соответственно - урътек и су-гуш. Первые слоги этих слов означают "вода", но у северных алтайцев используется кетское слово "уръ", а у южных - тюркское "су". Также обстоит дело и со словом "айна" - "дьявол". Ныне это слово в том же значении используют шорцы, северные алтайцы и хакасы. Южным алтайцам оно незнакомо." /Малолетко А.М., 2000 г., С. 275-277/

На генетическую связь кумандинцев с неким древнейшим населением Сибири европеоидного типа, возможно динлинами, указывал еще в начале XX в. известный исследователь Центральной Азии Грум-Гржимайло: "татаро-монгольский тип, господствующий в Южном Алтае, - писал он, - превращается на севере, в лесах Бийского и Кузнецкого острогов, в почти европейский". /Грум-Гржимайло Г.Е. 1909 г. - С. 176/.

Отюречивание предков кумандинцев происходило на протяжении нескольких веков. Они входили в состав первого и второго Тюркских каганатов, испытали на себе власть Кыргызских и Уйгурских правителей (6-9 вв. н.э.). А затем по их землям прошлась конница Чингиз-хана - на несколько веков земли кумандинцев оказались в составе империи Юань, а затем "Белой Орды".

В процессе феодального дробления в конце 13-нач. 14 вв. Золотая Орда распалась на две части, из которых восточная, включающая полосу степей от Волги до Западной Сибири, получила название Белой Орды. Феодальные распри и усобицы привели постепенно к распаду Белую Орду, в результате чего в первой половине 15 в. на ее территории происходит обособление отдельных крупных феодальных улусов: Ногайской орды, Шейбанидского улуса и Сибирского ханства. Территориально кумандинцы входили в состав Белой Орды, а затем Сибирского ханства. /См. Nicholas Poppe. The heroic epic of the Khalha Mongols. Second Edition - The Mongolia Society, P.O. Drawer 606, Bloomington, Indiana/ Потапов Л.П. 1969 - С. 81/.

См. также КУМАНДИНЦЫ - АБОРИГЕНЫ АЛТАЯ. **Ерошкин Д.В**, **Кумандинцы. И.И. Назаров**

Вернуться к ссылке

44.86. За три года до битвы

НЕ БИТВА, НО СВАДЬБА

…**На протяжении последних десятилетий** истолкование текста "Слова...", а вместе с тем и событий 1185 года шло исключительно под углом зрения "половецкой опасности" для Руси конца XII века. При этом исследователи закрывали глаза на дружеские связи князей и ханов, забывали межэтнические браки и их последствия, хотя Игорь Святославич был по крови (и, вероятно, по воспитанию и языку) на 3/4 половцем[153].

… **Причину похода Игоря** в Степь нужно искать в той политике, которую передал в наследство Черниговскому дому еще его дед Олег Святославович, наперекор агрессивным устремлениям тогдашнего Центра развивавший тенденции сотрудничества и династических браков с Полем. На половчанках, как мы уже говорили выше, были женаты и он сам, и немалая часть мужчин из рода Ольговичей. Таким образом уже к началу XII века в большинстве князей Черниговского дома текло до трех четвертей половецкой крови, так что не просто странным, но и лишенным всякого логического обоснования выглядит бытующее сегодня представление об Игоревом походе в Степь как о ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.

Вспомним же: когда в феврале 1185 года Святослав Киевский звал Черниговского князя Ярослава для совместного похода против Кончака, тот ему ответил: "Аз есмь послал к ним мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой муж поехати." А уже в апреле того же года отряд ковуёв этого самого Ольстина Олексича сопровождает дружину Игоря и его сына Владимира в Степь... Не к обусловленному ли во время недавних переговоров с Кончаком месту встречи? Если следовать логике и соединить одной линией посольство Ольстина Олексича к Кончаку и последовавшую вслед за этим экспедицию Ольговичей в Степь, то надо признать, что акция Игоря носила отнюдь не военный характер и осуществлялась по предварительной договоренности с самим Кончаком. И если мы вспомним, что еще за несколько лет до роковой весны 1185 года Игорь просватал своего сына Владимира за дочь хана Кончака Свободу, то и вопрос о сути переговоров с ним Ольстина Олексича, и вопрос о цели неожиданного похода в Степь самого Игоря Святославича и его юного сына Владимира перестанет таить в себе какую бы то ни было тайну, ибо станет ясно, что это — продолжение все той же политики династических браков, которую завещал своим потомкам Олег Святославич. Встретившись с Кончаком и обсудив с ним место и время предстоящей свадьбы, Ольстин Олексич возвратился в Чернигов, чтобы 23 апреля, приняв на себя роль проводника, эскортировать свадебный поезд к обусловленному месту…

… Понятно, что ревность в контексте истории черта не такая привлекательная для исследователя как чувство патриотизма, но именно она является тем импульсом, который заставил Игоря, не дожидаясь лета и не обращая внимания на тревожные знамения неба, снарядить свадебный поезд и двинуться через враждебное Поле к месту, где должно было состояться бракосочетание Владимира с Кончаковной. А виновником этой ревности была не кто иная, как знаменитая "плачущая" Ярославна, на которой Игорь Святославович женился за год до похода, в 1184 году, после смерти первой жены. В 1185 году Ярославне было шестнадцать лет, так что, с учетом того, что мачеха оказалась практически РОВЕСНИЦЕЙ своему пасынку Владимиру, нетрудно представить себе ту взрывоопасную ситуацию, в которой, как пишет Л.Наровчатская, “минул год со дня свадьбы Ярославны, когда она в свадебном платье с бебряными рукавами вошла в дом Игоря”. Ежедневная вынужденная близость молодых людей друг к другу, встречающиеся за

---

[153] Святослав Ольгович Новгород-Северский был сыном одной половецкой хатуни (дочери Тугра-хана) и мужем другой (дочери хана Аепы). У князя Игоря из "Слова", следовательно, половчанками были бабка и мачеха!

Глава Черниговского дома Олег Святославович в свою очередь был женат на дочери половецкого хана Осолука — матери Святослава Северского и, соответственно, бабке Игоря (так что Игорь и по этой линии оказывается внуком половчанки и правнуком хана Осолука).

столом взгляды, случайные касания, без которых не обойтись, живя под одной крышей, — это именно из-за них "спалъ князю умь по хоти" (то есть “сжигало князю ум ревностью по супруге”), причем фраза, как почти каждое выражение в “Слове”, имеет, по замечанию П. Мовчана, “многоэтажный” смысл, говоря одновременно как о терзаниях Игоря по поводу собственной жены, так и о его постоянном размышлении над поиском невесты для сына.

О самом же факте того, что женитьба Владимира была делом предрешенным, говорит то, что “молодой княжич выехал к отцу из Путивля, только что полученного им в удел, что неизменно предшествовало СВАДЬБЕ, которая, таким образом, завершала выделение юноши из семьи и свидетельствовала о его самостоятельности и независимости” (А. Никитин).

О не военной цели Игорева похода говорит и тот факт, что Ярославна ждала возвращения экспедиции не в городе мужа — Новгород-Северске, где должна была находиться, ожидая его с войны, а в городе сына (ведь Владимир все же официально считался ее сыном) — в Путивле, где она могла находиться только в одном случае — если бы ожидала прибытия туда невестки, то есть возвращения свадебного поезда уже не в дом отца, а в дом сына, где и предстоит жить молодым после СВАДЬБЫ.

… Думаю, что для верного прочтения поэмы нам необходимо отрешиться от понимания слова «полк» исключительно как воинского термина и посмотреть на него шире. Так, например, В. Аникин в книге “Русский фольклор” пишет: “слово "полк" в древнерусском языке означало не только “рать”, “войско”, “ополчение”, но и вообще всякое объединение людей, достаточное для выполнения каких-либо совместных действий. Таковы, в частности, ПОЕЗЖАНЕ, дружки жениха или ЖЕНИХОВ ПОЛК".

См. также **"Слово о полку Игореве": перевод и разгадка "тёмных" мест. Николай Переяслов**, **Половецкая Русь**. Знание-Сила. **Номер 5-6/00**

Вернуться к ссылке

44.87. Река Онон

Онон, река Забайкальской области— река Забайкальской области, одна из двух ветвей составляющих реку Шилку, а, следовательно, одно из главных верховьев Амура — берет начало в Кентей-ханских горах, в пределах Китайской империи, направляется к северу и в 60 верстах от своего истока достигает границ Забайкалья при Верхне-Ульхунской станице; течет верст 20 вдоль границы, поворачивает опять в китайские пределы и после 200 верст течения окончательно входит в Забайкалье и течет сперва по направлению к городу Акше; далее поворачивает на северо-восток до второй Чиндантской станицы, откуда опять меняет направление на север до соединения с рекой Ингодой. Общее направление Онона восток-северо-восток и только выше устья Аги река течет к северо-западу. Длина течения Онона составляет

несколько более 700 верст; из них в пределах России Онон течет около 400 верст и на этом протяжении принимает 3 больших притока: Илю и Агу слева и Онон-Борзу — справа. Ширина Онона в пределах России сперва 40-50 саженей; постепенно расширяясь, она, подобно Ингоде, достигает 100 саженей ширины, далее к устью снова суживается до 60 саженей; средняя глубина 10 футов. От Верхне-Ульхунской станицы до города Акши Онон течет довольно медленно по низменной и болотистой равнине; ниже города Акши речная долина Онона вдруг спирается крутыми и обрывистыми берегами, течение становится стремительным, так как на этом участке приходится в среднем до 3 футов падения на 1 версту. Далее, после слияния с Онон-Борзою, речная долина снова расширяется и сливается местами с обширной солончаковой степью. Русло наполнено отмелями и островами и вода в нем постоянно мутна. Окаймляющие долину Онона горы состоят преимущественно из гранитов, сланцев и порфиров; правый берег до сих пор покрыт роскошными лесами. Берега Онона вообще живописны, благодаря прекрасной и разнообразной флоре Забайкалья, как например даурская альпийская роза (Rhododendron dauricum), чернослив (Prunus sibirica) и т.п. Проезжавшему здесь в мае Палласу, под впечатлением пышно развившейся перед ним природы, берега Онона показались самыми привлекательными из всех посещенных им в Сибири. Фауна Онона не менее любопытна в том отношении, что в этой реке, обильной породами рыб, встречаются и такие, каких нет в других сибирских реках; кроме того в ней водятся раки, не встречающиеся нигде во всей Сибири, начиная от Урала и до Забайкалья. На берегах Онона находится также почти единственное в России месторождение олова, открытое в 1812 г. и давшее 138 $^{1}/_{2}$ пудов металла. На правом берегу Онона (урочище Делюн-Болдок) родина Чингиз-хана[154]; множество неисследованных еще исторических памятников. Сплав и судоходство по Онону почти не существуют, хотя и то, и другое более возможно, чем на Ингоде. Это объясняется редкостью населения и недостаточным плодородием Ононской долины. Обширные степные луга открывают здесь широкий простор скотоводству, которое и составляет главное занятие жителей.

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в разделе "Чингисхан"

44.88. Кераиты

Кереиты (Кэрэиты, Кераиты; от монг. *кэрэ*, «во́рон») — союз племён, обитавших в степном Забайкалье в X—XII веках. Ведущая роль в союзе принадлежала монголоязычным племенам, хотя он включал и другие (тюрко-уйгурские, самодийские) элементы. Кереиты приняли участие в этногенезе монголов, а также других народов Евразии.

По сведениям, передаваемым Рашид ад-Дином, кереиты представляют собою «род монголов; их обиталище есть [по рекам] Онону и Кэрулэну, земля монголов».[1] «Сокровенное сказание» указывает, что ставка кереитского хана (Тогрула) находилась в Тёмном Бору на реке Толе.

Вопрос о происхождении кереитов остаётся открытым. По некоторым версиям,[2] кераиты выделились во второй половине IX века из среды отуз-татар или шивэй. На основе данных Рашид ад-Дина Г. О. Авляев делает приблизительную реконструкцию состава кереитского союза семи племён: монгольские элементы — собственно кереиты (занимали лидирующее положение), хиркун (?), альмад или албат, дунгхоит; тюрко-уйгурские — джиркин (?), сакаит; самодийские — тумат.[2]

Как сообщает арабский историк Абу-ль-Фарадж бин Харун, кереитский хан обратился в 1007 году к несторианскому митрополиту в городе Мерв с просьбой принять его в христианскую веру вместе с народом. Хан при крещении получил имя Маргуз (Марк), всего было крещено около 200 тысяч человек. С учётом детей и стариков численность кереитов в начале XI века можно примерно определить в 400 тысяч.[3]

---

[154] Произошло это предположительно в октябре 1155 года в урочище Делюн-Болдок неподалеку от села Цасучей – райцентра Ононского района Читинской области.

В XII веке Кереитское ханство играло большую роль в степи, вело войны с утвердившейся в Северном Китае чжурчженьской династией Цзинь. Кереитского хана Маргуза, носившего титул Буюрук-хана, взяли в плен татары и отослали к Цзиньскому двору, где Маргуза казнили, пригвоздив к «деревянному ослу». Маргуз оставил двух сыновей, между которыми поделились кераитские роды.

Один из внуков Маргуза, Тогрул (Тоорил), получил, по словам Рашид-ад-Дина, титул Ван-хана; по мнению группы учёных, имя Ван-хана было искажено западными писателями в Иоанна, откуда произошёл пресвитер Иоанн. Бывший сначала союзником Чингисхана, Тогрул поссорился с ним, потерпел поражение, бежал к найманам и погиб. Кереиты подпали под власть Чингиса, и самостоятельное существование их с этих пор прекращается. Может быть, остатком их нужно считать нынешний казахский род кереев. Возможно, что среди кереитов нашли себе последователей несторианские миссионеры, бродившие тогда по всей Средней Азии; но усвоение владычеству кереитов тех черт, которыми украшает легенда царство Иоанна-пресвитера, не заслуживает никакого доверия.

См. также Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова, 1952, Юань-чао би-ши. Сокровенное сказание монголов. Пер. С. А. Козина, 1941, Авляев Г. О. К вопросу о происхождении кереитов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья, *Гумилёв Л. Н.* Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). — М.: Айрис-пресс, 2002. — С. 432. — ISBN 5-8112-0021-8, **Митиров А.Г. "Ойраты-калмыки: века и поколения"**

Вернуться к ссылке

44.89. Найманы

Найманы — племя, ныне являющееся одним из шести племён (конырат (хунгират), уак, кирей, аргын, кипчак и найманы), составляющих так называемую Среднюю Орду казахов (см. казахи, киргизы). Обычные их кочевки — по Тарбагатаю, близ Балхаша и Улытау, но отдельные роды встречаются по всей территории Средней Азии, даже среди чисто монгольских аймаков в Монголии (в Автономном районе Внутренняя Монголия, среди цонголов и западных бурят). По Аристову, имя найманы происходит от названия р. Найма, притока Катуни, где было первоначальное местообитание найманов. Слово "найман" также связывают с монгольским числительным "восемь",то есть союз восьми племен.Есть также предположение, что найманы происходят от киданей, которые были восьмиплеменным народом.Перейдя в Западную Монголию, они, после падения государства Ляо образовали союз родов или племя Найманы. Во время Чингисхана, уничтожившего два найманских ханства, занимавшие Монголию от Орхона до Чёрного Иртыша, большая часть найманов была отброшена на запад, в земли, где они частью и ныне обитают.

Первые достоверные сведения о найманах — у Рашид-ад-Дина (XIII век), который описывает их так: «Это племя степное: некоторые жили в крепких горах, другие в степях… Обитали Большой Алтай, Каракорум… горы Алуй-Сераса и Кук-Иртыша… у этих Н. племен были свои почтенные и сильные государи; они имели многочисленное и хорошее войско; обычаи и привычки их были подобны монгольским. Государей их в древние дни называли Кушулук-хан — сильный, великий государь. Из племен, близких к найманам и которых юрты соединялись с их юртами, было племя Бикин». Их территория, по Аристову, простиралась до Чингисхана, от рр. Тамира и Орхона до Иртыша.

Ко времени Чингисхана найманы были одним из самых сильных кочевых племен. Вошедши в состав Джагатаева улуса и разделяя до известной степени судьбы чингисидов, они продолжали крепко сохранять своё племенное и родовое устройство. В период походов Тимура Найманы, вместе с аргынами, занимали территорию от р. Ишим на юго-западе до Каратала и на запад до р. Нуры (Аристов). С середины XV века они входят в состав казахского союза, судьбу которого они с тех пор и разделяют (см. Киргиз-кайсаки). Еще в XVIII веке найманы считались одним из самых «знатных», то есть сильных и многочисленных киргизских племён (Рычков). Новейшей статистики

нaйманов, как отдельного племени, не имеется. По данным Спасского (1820 г.) Найманы числилось в русских и китайских владениях до 60900 семейств, около $^{3}/_{8}$ населения всей Средней Орды. Вероятно, то же соотношение сохраняется и теперь. Из антропологических данных о найманах имеются 23 измерения Ивановского, дающих рост найманов — 1626,77 мм, головной указатель — 89,31.

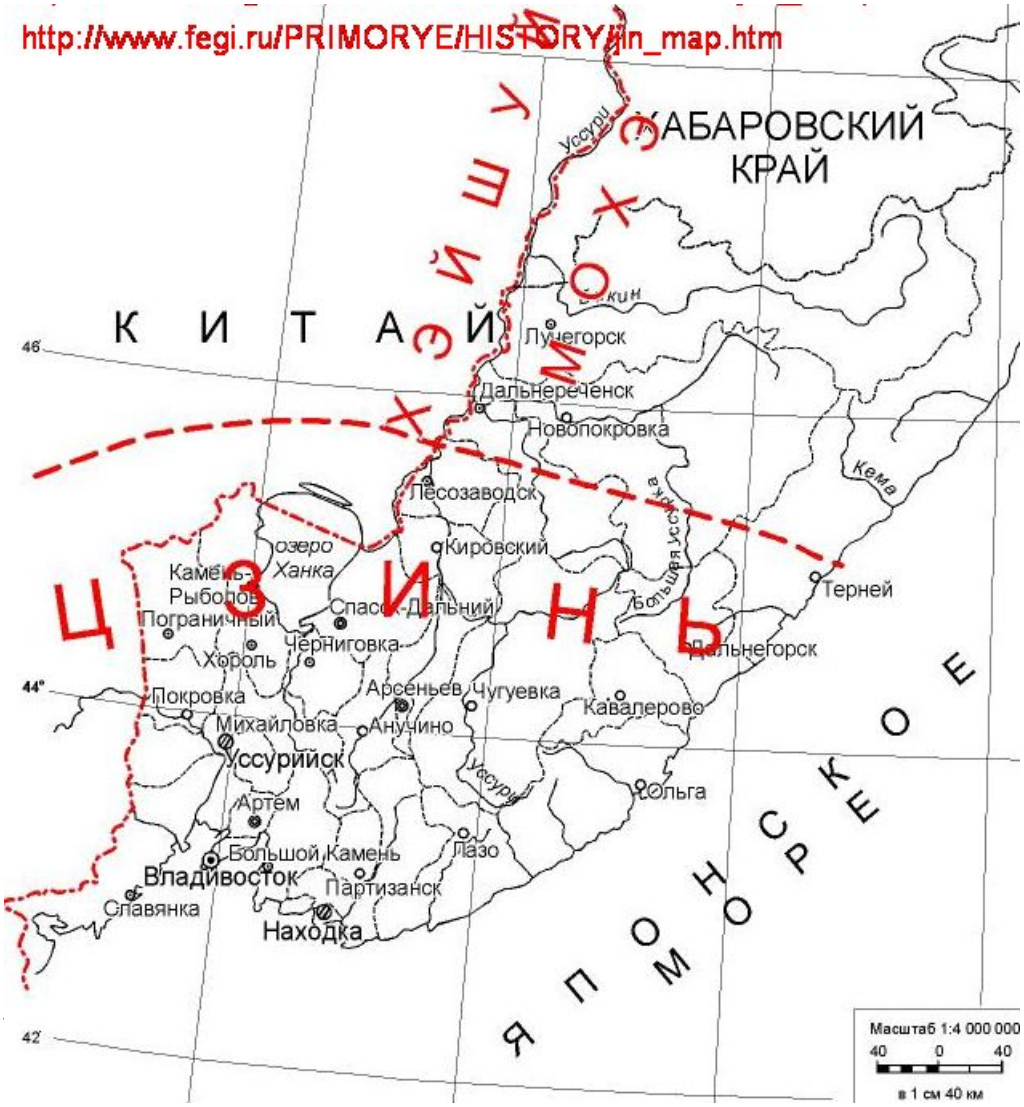
См. также «Сборник Летописей. История монголов, соч. Рашид-Эддина», пер. Березина (СПб., 1858);Н. А. Аристов, «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей» (СПб., 1897; у него приведена и литература), **Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов**

Вернуться к ссылке

44.90. Чжурчжэни

Чжурчжэнями, начиная с X века, стали называть происходившие от хэйшуй[155] **мохэ** племена, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии и на опустевших в значительной степени после киданьского завоевания бохайских землях.

В первой половине X века часть чжурчжэней была переселена киданями на юг Маньчжурии. Эти чжурчжэни были подданными империи Ляо и назывались "мирными" или "цивилизованными" чжурчжэнями. Чжурчжэни, обитавшие на обширных землях на восток и северо-восток от реки Сунгари, назывались "дикими" или "непокорными" чжурчжэнями. Их обязанности в отношении империи Ляо ограничивались присылкой посольств с данью. Кидани редко и в большинстве случаев без особого успеха вторгались в их земли. Дань, которую должны были поставлять киданям племена Маньчжурии, Приморья и Приамурья, состояла из лошадей и скота, пушнины, тканей, драгоценностей, лекарственных растений.



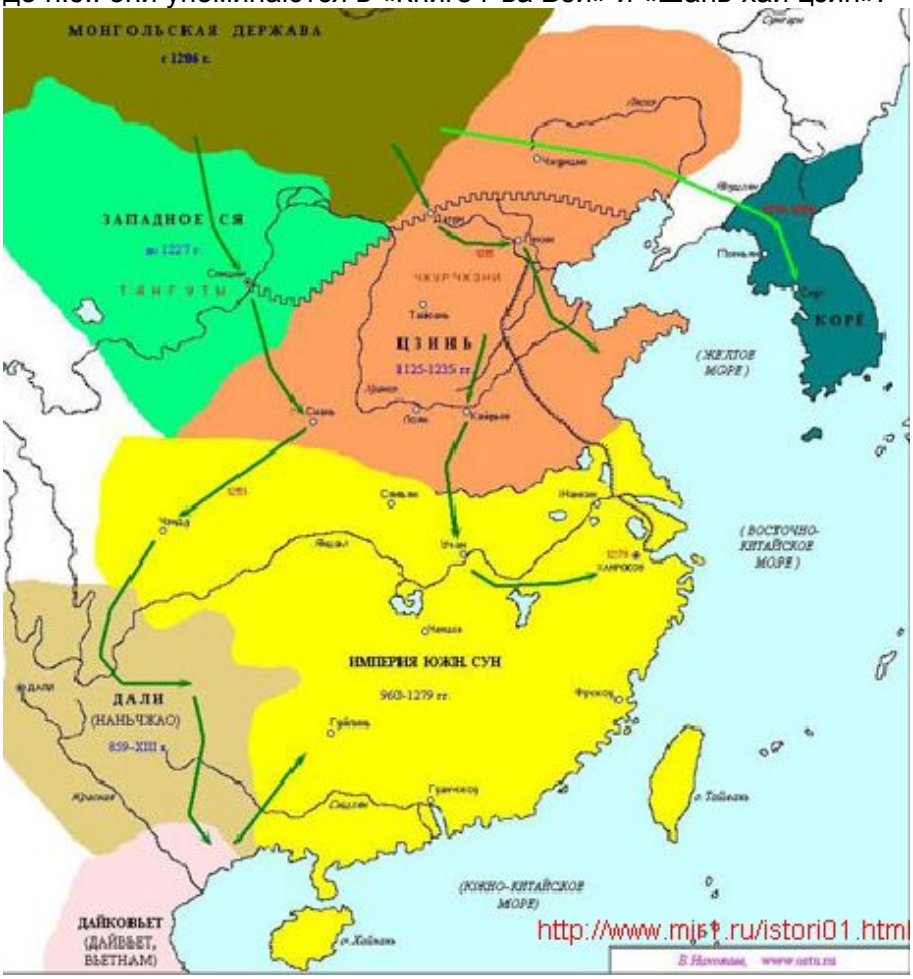
Особенно ценились охотничьи соколы "хайдунцин", за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли племен Пяти владений (по-китайски "У-го") - также потомков хэйшуй мохэ, обитавших в низовьях Сунгари, Уссури и прилегающей к ним долине Амура.

Чжурчжэни, чжуличжэнь, нюйчжэнь, нюйчжи, племена тунгусского происхождения, населявшие с древних времён восточную часть современного Сев.-Вост. Китая (Маньчжурии) и Приморья. До 10 в.

были независимыми, имели связи с Китаем и Кореей. В 10—11 вв. находились в зависимости от киданей. В начале 12 в. племена Ч. были объединены Агудой, который в 1114 поднял восстание против киданей. В результате Ч. создали независимое государство Цзинь (1115—1234), уничтоженное монгольскими завоевателями. В период монгольского господства Ч. вновь распались на ряд племенных групп и до 16 в. не играли значительной роли в истории Вост. Азии. С конца 16 в. у одной из групп Ч. — т. н. нюйчжи Цзяньчжоу, получивших своё наименование по названию местности, выдвинулся родовой старейшина Нурхаци,которому удалось в течение 1583—1625 объединить не только племена Цзяньчжоу, но и целый ряд других, получивших впоследствии название маньчжуров.

Значение слова «чжуржэнь» неизвестно. Интересен тот факт, что в маньчжурском языке слово jušen встречается во многих лексических единицах со значением «раб», «крепостной». Например, jušen halangga niyalma — «маньчжурский крепостной» буквально означает «человек из клана чжурчжэней».

…**Возможными предками чжурчжэней** могли быть создатели неолитической культуры Хуншань. Этноним «чжуржэнь» относят к X веку, когда тунгусо-маньчжурское царство Бохай было захвачено киданями. Однако такие сходные называния как Сушень (Sushen) были известны еще до н.э.: они упоминаются в «Книге г-ва Вэй» и «Шань-хай цзин».



44.90.1. Армия Золотой империи Цзинь

ВОЙСКО РАННИХ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

У ранних чжурчжэней не было политического единства и не было армии. Каждый вождь имел свою небольшую дружину. Мощная дружина впервые появляется у Ингэ и насчитывала 1000 латников. Дружина Агуды состояла из 2-2,5 тысяч воинов. Все воины были только конными. Дружина состояла из отрядов по 50 человек. Их вооружение включало лук со стрелами, копьё, меч или дубинку и длинные крючья. Тело было защищено кожаным или железным панцирем. В ходе войны с киданями начала складываться чжурчжэньская армия. Армия играла большую роль в чжурчжэньской истории. Средневековая поговорка гласила «Золотая империя армией началась, армией и закончилась».

СТРУКТУРА АРМИИ

Основу чжурчжэньской армии составляли подразделения из 5, 10, 100 и 1000 латников. В армии была установлена твёрдая дисциплина. В случае гибели командира подразделения казнили весь пяток или командиров подчинённых подразделений, то есть, за гибель сотника казнили десятников.

При императоре Уцимае была сформирована Императорская гвардия из лучших воинов. Это

было ядро армии. Постепенно появлялись рода войск. Основным родом войска была кавалерия, которая подразделялась на тяжёлую и лёгкую. Была создана пехота, которую чжурчжэни не имели. По китайскому образцу была создана камнемётная артиллерия. Особым новшеством чжурчжэней стал огнестрельный[156] полк.

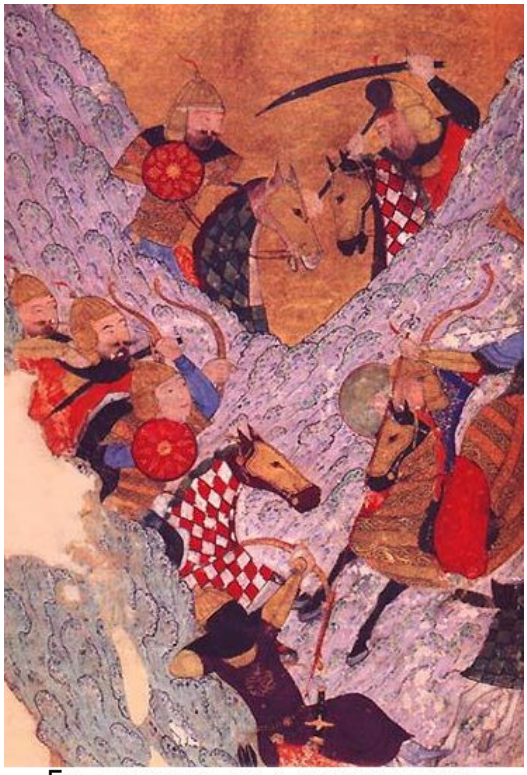
ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Полководцы - одни из наиболее известных в истории людей. Сохранилось немало имён великих полководцев разных народов. Имели таких замечательных людей и чжурчжэни.

Первым и наиболее знаменитым полководцем был основатель империи Агуда. Уже в первый год своего правления он разбил многотысячную армию киданей и захватил г. Лоян, бывшую Верхнюю столицу Бохая. В последующие годы он успешно развивает наступление, захватывая одну за другой столицы Ляо, а затем побеждает сильное государство тангутов. Но до победы над киданями он не дожил.

Ваньянь Эсыкуй, полководец, похороненый на месте современного Уссурийска. Именно он возглавил операцию по подавлению мятежа бохайцев, создавших в 1116 г. Великое государство Бохай. Благодаря таланту Эсыкуя чжурчжэни избежали войны на два фронта и последнее бохайское государство было ликвидировано на четыре месяца. Позднее Эсыкуй добился многих побед и особо уважался Агудой.

Ваньянь Чжаньмоха, сподвижник Агуды. Им были разработаны и успешно реализованы операции по захвату китайкой столицы в 1126 г. и по покорению Северного Китая в 1127 г. В 1127 г. он воевал не только с регулярной китайской армией, которой командовал прославленный полководец Юэ Фэй, но и разгромил добровольческую армию «Восьми иероглифов» и крестьянские отряды «Красных повязок». Через десять лет он оказался замешанным в заговоре и покончил с собой.



Битва монголов с чжурчженями

Вушань жил в начале XIII в. с отрядом менее тысячи воинов он сумел выставить заслон монгольскому наступлению в 1226 г. Многотысячная монгольская армия была не только остановлена, но и разбита. Это была последняя большая победа чжурчжэней.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Чжурчжэни успешно вели действия на полях сражений. В первых рядах конницы и пехоты ставились латники. Некоторые элементы тактики описаны средневековыми летописями. «… Во время сражения чжурчжэни проявляли максиму выдержки и не стреляли, пока противник не приблизится на 50 шагов… Встретившись с противником, высылают одного-двух солдат на быстрых лошадях для разведки неприятельских позиций. Когда внезапно атакуют врага с флангов, фронта и тыла, то, ворвавшись в строй на глубину до ста шагов, враз стреляют из луков, тогда поражённых стрелами очень много. Если одержат победу, то приводят в порядок свои отряды. Если потерпят поражение, то не рассыпаются, а собираются снова. Разрозненные отряды сливаются воедино. Они опять атакуют противника. Они дерутся так, как будто сами духи вступают в сражение и, в конце концов, одерживаю победу… Чжурчжэни жили в земляных городищах. Из глины с водой лепили валы. На морозе поливали их водой. На триста ли вокруг крепости выжигали всю растительность… На

[156] Завоевавшие в 12 в. весь Северный Китай чжурчжэни стали пользоваться изобретенным китайцами пороховым огнестрельным оружием. От чжурчжэней оно попало к воинам Чингисхана, разгромившим их государство.

подступах к вражеской крепости разбивали один или несколько укреплённых лагерей. Здесь сосредотачивалось войско, изготавливались тяжёлые камнемёты. Камнемёты прицельно обстреливали город…»

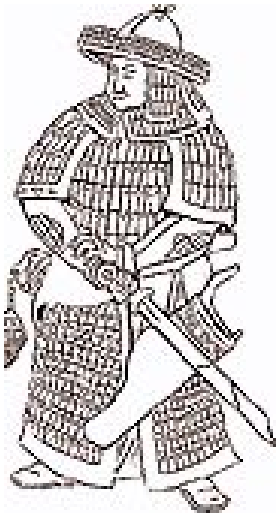
Быстро в армии распространились камнемёты. Использовались каменные ядра различной величины. Тяжёлые камнемёт могли прицельно посылать 10-килограмовые ядра на 150 м. В наступающей армии использовались колёсные камнемёты. Перед боем их выстраивали в один ряд и могли весь огонь сосредоточить на конкретных целях.

Камнемёты могли стрелять **зажигательными снарядами.** Пороховая смесь помещалась в бумажный шар, облитый смолой, который перед запуском прокалывали раскаленным шилом.

Чжурчжэни придумали фугасный снаряд взрывного и осколочного действия. Они были керамическими или чугунными. Особенно пугали врагов «громовые копья» - трубы, начинённые порохом со специальным зарядом. На месте взрыва такое «копьё» выжигало всё до сотни метров в диаметре. Это был прообраз реактивного снаряда.

Перед штурмом города разбивали лагерь, подготавливали камнеметы, штурмовые лестницы, крытые передвижные переходы, тараны, передвижные башни. Затем начинали штурм. **Чжурчжэни разработали собственные правила обороны городов.** Перед городом убирали всё, что могло помочь противнику. Особое внимание уделялось воротам. Если противник близко подходил к городским стенам, спускали бочки с порохом. Формировали специальные отряды для вылазок. Для защиты от ядер над стенами натягивали сети или бычьи шкуры. Если враг прорывался на стены, то защитники сразу уничтожали свои камнемёты, чтобы ими не воспользовался противник.
Для защиты границы строились оборонительные системы. Они включали систему валов и крепостей протянувшихся более чем на 1500 км.

Чжурчжэни умело развивали военное искусство.



ЛИЧНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Лук со стрелами был самым распространенным оружием. Чжурчжэньский лук бил на 320 шагов. Известно, что Агуда своим луком навылет пробивал всадника. Использовались разные типы луков и стрел. Археологами обнаружено 67 вариантов чжурчжэньских наконечников стрел. В ходе войны с Китаем, появились арбалеты. Они были мощнее луков и стреляли стрелами или глиняными шарами. Колчан делали из дерева и носили справа (пехота) или за спиной (всадники).

Разнообразным было оружие ближнего боя. Использовались различные копья (15 типов). Комбинированные наконечники копий с ножом из средневековых народов нашей планеты встречаются только у чжурчжэней. Также использовались различные дротики - короткие метательные копья. Широко использовались палаши (однолезвийные мечи) и мечи-кончары, а также боевые топоры и секиры, булавы и кистени.

Чжурчженьский шлем старого образца

http://radikal.ru/F/s41.radikal.ru/i093/1005/66/9d86f94b686e.jpg.html

Тело воина защищали пластинчатые доспехи. На голову одевался шлем. Защитники крепостей на лицо надевали специальные железные маски, позволявшие безопасно обстреливать нападавших.

Чжурчжэни не только успешно использовали известное оружие, но и существенно усовершенствовали его, что позволяло иметь передовую, для своего времени, армию.

Васильевское городище… Эта горная крепость была последним крупным средневековым городищем, обнаруженным в Приморье. Васильевское городище, начало 13 века нашей эры, находится в распадке между южными отрогами хребта Лозовый (Чандалаз).

…Сам город был небольшим – мы насчи-тали остатки примерно от двух-трёх десятков жилищ, но учитывая то, что не всегда такие следы остаются, можно предположить, что число жилищ могло достигать до 50. В таком городе могли жить до 500 человек.

… Соответственно это может объяснить и загадку не совсем обычного расположения городища – среди скалистых отрогов, в распадке, мало пригодном для земледелия или скотоводства.

Городище могло выполнять роль убежища для военного гарнизона, призванного контролировать перемещение по «императорскому» тракту и всем окрестностям. Наверняка не зря крепостные валы охватывают и защищают именно «Ворота» Чандалаза.

… Гребень Чандалаза заметен очень далеко, его видно со всех крупных городищ Сучанской долины – и с Екатериновского городища, расположенного всего в десятке километров от Васильевского городища, и с башен Шайгинского городища, и с валов Николаевского городища. То есть наиболее вероятным предназначением Васильевского городища была сторожевая, охранная функция, предупреждение об опасности всех жителей долины реки Партизанской (Сучана).

См. также Персидская миниатюра

44.90.2. Конец золотой империи - Цзинь

К началу XIII в. империя Цзинь, находилась в зените своего могущества. Само название империи: Цзинь - "Золотая" несло в себе притязания на власть (каковой обладает золото) и долголетие (золото не ржавеет). Основанная в начале предыдущего столетия чжурчжэнями (народ, через пять веков названный маньчжурами), в лесах южной Маньчжурии, она к середине XII в. распространила свое господство на обширные территории Дальнего Востока и Северного Китая и с этого времени безвозбранно[157] доминировала в регионе. Неизбежная многонациональность империи не являлась проблемой для страны.

Народ династии - чжурчжэни (а их к 1207 насчитывалось 6 158 636 человек) проживал в основном в лесных областях на сравнительно редко заселенном северо-востоке. Разумеется, что несколько сот тысяч из них, в большинстве своем потомственные воины, устроились и в южных, преимущественно китайских районах государства. Насколько можно установить из источников, у чжурчжэней не происходило сколько-нибудь значительных трений с этническим большинством - китайцами (хань). И наоборот - явное напряжение ощущалось в отношениях с еще одним крупным народом империи - киданями. Последние, господствовавшие в империи Ляо (сокрушенной чжурчжэнями в 1114-1128 гг), не забыли свои поражения и при любом удобном случае готовы были отомстить победителям.

У кочевников (киданей и чжурчжэней), оказавшихся в населенных китайцами местностях, полным ходом шел процесс китаизации, смены традиционных ценностей. В наибольшей мере это проявилось при дворе. полностью перенявшем китайский образ жизни. Административное деление страны на 19 губерний позволяло вовремя и успешно осуществлять управление страной,

---

[157] **БЕЗВОЗБРАННЫЙ** (*устар.*), невозбраняемый, беспрепятственный, дозволенный, разрешенный, допускаемый. ***Безвозбранность*** ж. беспрепятственность, отсутствие запрета, помех, затруднений. *Безвозбранно* (нареч.) *пользоваться чем-нибудь.*

что в равной же мере осложнялось распухшим (по китайскому примеру) бюрократическим аппаратом. Отдавая дань кочевому прошлому, двор империи (высшие эшелоны власти прочно оккупировали представители рода Ваньян) не имел какого-то постоянного местопребывания. В зависимости от тех или иных причин император постоянно переезжал - из столицы в столицу. Для этого в свое время было учреждено пять столиц: Южная - в городе Кайфын (Бяньцзин), Северная - Дадин, Западная - Датун, Восточная - Ляоян. Главнейшей по своему значению была все же Средняя столица, размещавшаяся в Чжунду (практически идентичен с современным Пекином). В упомянутых пунктах были выстроены громадные комплексы императорских дворцов.

Система имперской обороны была зеркально противоположна традиционной китайской оборонной концепции - т.е обращена лицом не к степям севера, а на юг. Основным противником по праву считалась китайская империя Южная Сун, с которой Цзинь вела, время от времени, жестокие войны. Вдоль пролегавшей по р. Хуайхэ границы были выстроены многочисленные укрепления а крепости укреплены и снабжены сильными гарнизонами. Горные проходы и дефиле были надежно прикрыты заставами. Была также установлена сеть постов раннего оповещения. Надо полагать, что основные силы полевой армии были развернуты именно на юге. Также и высшее команндование считало южный театр военных действий наиболее вероятным и готовилось к ведению войны именно там. Следует отметить, что традиционная кочевническая тактика чжурчжэней - вести войну предпочтительно кавалерийскими соединениями, к началу 13 в. уступает китайской. В связи с притоком китайцев в армию множатся, и в конце концов становятся преобладающими, пехотные части, изменяя тем самым всю концепцию ведения войны.

Северная граница империи вопреки существующим сейчас представлениям о Великой стене, была прикрыта довольно слабо. Великая стена уже триста лет не получала должного ухода (начиная с появления в этих местностях империи Ляо, которой стена не была нужна, ибо ляосцы в отношении кочевников проводили наступательную стратегию. Той же линии держались и чжурчжэни). За триста лет система укреплений Стены безусловно успела изрядно обветшать, однако по прежнему представляла собой довольно значительное препятствие (напомню: система Стены включала в себя на некоторых участках до пяти параллельных рядов укреплений) для конницы кочевников, всегда, впрочем, знавших, где ее обойти. Попытки первых императоров Цзинь распространить свое владычество на Монголию, окончились в 1147 г., поражением экспедиционной армии. Район Датуна, прилегающий к юга к Великой стене, считался со стратегической точки зрения далеким и спокойным тылом. Здесь паслись табуны армейских коней, т.е. средство пополнения ударной силы цзиньской армии - кавалерии. Армия Цзинь начитывала до миллиона человек (что как-то слишком уж много для сорокамиллионной империи), из них большая часть стояла гарнизонами в городах, оставляя в полевой армии пару сотен тысяч солдат. В оборонительных войнах (как например в войне с Южной Сун в 1204-1208 гг.) именно полевая армия наносила противнику жестокие удары, заставляя его откатываться на свою территорию.

Экономика была обыкновенной для преимущественно аграрной страны. Главными источниками доходов являлись: пошлины с торговли по пост Шелковому пути (конечно, сильно захиревшему с античных времен) и налоговые поступления . Немалые суммы поступали в качестве дани от Южной Сун (250 тыс. связок монет и 250 тыс. лянов серебра (1 лян = 37 грамм)), закрепленной договором от 1142 г. Наиболее прожорливыми расходными статьями бюджета являлись вооруженные силы и поддержание в действующем состоянии системы дамб, плотин и шлюзов долине Хуанхэ - главной житнице страны.

Отношения с кочевниками императоры Цзинь строили по вассальному признаку. С отменным результатом применялся принцип "разделяй и властвуй". На неугодные империи племена частенько совершались карательные походы. Все вожди кочевников, по восшествии на престол нового императора, должны были отвешивать поклоны, повернувшись в сторону Пекина. Западный сосед - тангуты, поддерживал с Цзинь довольно хорошие отношения. После восстания

в Цзинь в 1201 г, отношения между державами заметно охладели (чжурчжэни подозревали Ся в помощи мятежникам).

В 1205 г. после полувекового перерыва возобновились открытые столкновения с монголами. Отряды монголов напали на Цзинь и нанесли поражение пограничным отрядам чжурчжэней. Тангуты, выступившие на соединение с цзиньцами, опоздали.

44.90.3. ВОСТОЧНОЕ СЯ (1215-1233)

В 1215 году, когда правитель Золотой империи со своим двором, опасаясь монголов, переехал в Южную столицу (совр. г. Кайфын в провинции Хэнань, КНР), командующий цзиньскими войсками в Ляодуне Пусянь Ваньну отложился от империи, объявив себя правителем государства Великое Чжэнь. Однако войны с соседними чжурчжэньскими губерниями и восставшими киданями, которых поддерживали монголы, не принесли Ваньну успеха.

Лишившись Восточной столицы (совр. город Ляоян в провинции Ляонин, КНР), находясь во враждебном окружении, Пусянь Ваньну совершает со своим войском, насчитывавшим свыше ста тысяч воинов, дерзкий переход на восток, где в городе Кайюань провозгласил создание государства Восточное Ся (другой вариант названия - Восточное Чжэнь , то есть, "Восточные [чжур]чжэни"). Новое чжурчжэньское государство занимало территорию трех губерний Золотой империи: Хэлань, Сюйпинь и Хулигай, что соответствует восточной части Маньчжурии, северной части Корейского полуострова и центральной и южной частям Приморского края.

Восточное Ся наладило дипломатические и торговые связи с Корё. Какое-то время ему удавалось поддерживать мирные отношения с монголами. Оно даже участвовало в совместных с монголами походах против обосновавшихся на территории Корё мятежных киданей. Однако, в 1233 году монгольские войска, пройдя через Корё, осадили Южную столицу Восточного Ся. Несмотря на то, что, как писалось в летописи "*город был неприступен как железный*", монголы взяли его штурмом и пленили Пусяня Ваньну. В дальнейшем монгольские "*войска дошли до Кайюаня и Сюйпинь, все восточные земли были умиротворены*"

Государство Восточное Ся просуществовало только 19 лет, однако оно оставило глубокий след в истории Приморья. Бывшее далекой окраиной Золотой империи Приморье стало одной из центральных областей нового чжурчжэньского государства. Поток переселенцев, пришедших вместе с Пусянем Ваньну из губернии Восточной столицы, способствовал быстрому развитию хозяйства. Именно в это время, стремясь защититься от неминуемого монгольского вторжения, чжурчжэни строили на территории Приморья большое количество сильно укрепленных городов-крепостей на вершинах сопок и в горных распадках. Остатками этих городов являются Шайгинское, Лазовское, Ананьевское, Екатериновское и многие другие городища в Приморье. Именно находки эпиграфических материалов – бронзовых печатей, эталонных гирь и других предметов с надписями, содержащими указание на девизы правления Пусяня Ваньну, - на горных городищах Приморья позволили определить принадлежность этих памятников к государству Восточное Ся.

Последствия монгольского нашествия оказались катастрофическими для народов чжурчжэньской империи. Некогда хорошо обжитые территории превратились в заброшенный край. Средневековый китайский летописец свидетельствует, что на том месте, где стояли города и кипела бурная жизнь, царило запустение и паслись дикие звери. Чжурчжэньские ремесленники и земледельцы вывозились в города-ставки монгольских ханов. Одно из свидетельств тому - находки на древнемонгольском городище Дён-Терек в Туве. Обнаруженные там черепица и глиняные головы драконов были сделаны пленными чжурчжэньскими мастерами, строившими входную арку буддийского храма на Николаевском городище Партизанского района в Приморье.

44.90.4. Шайгинское городище

Существует вполне надежное свидетельство о том, что в империи Цзинь (1115-1234) умели плавить железную руду и достигать полного расплавления металла. Известный отечественный специалист по дальневосточной металлургии Леньков вел раскопки на Шайгинском городище (Приморский край). В результате был обнаружен цзиньский завод полного цикла переработки - 8

печей со стоками и изложницами (вот оно - литье!), 2 кричных горна, масса кузнечных горнов, и - ВНИМАНИЕ! - большой запас каменного угля! Древесный уголь также обнаружен в значительном количестве, но, скорее всего, он использовался для розжига печей и горнов.

Это не ранее середины XII века. Зато все надежно определено и укладывается в общий контекст - в третьей четверти XIII века аналогичные мастерские найдены в Элегесте и Ден-Тереке (только масштабы поменьше), а в Каракоруме найдены чугунные изделия. При темпах НТР в средние века появление первых зарядных камор для бомбард из чугуна в Европе в середине XIV века не кажется чем-то отсталым или проигрывающим по сравнению с Китаем.

К тому же, следует учесть, что Шайгинское городище - это чжурчжэни. Своеобразные "кельты Дальнего Востока". Китайцы там могли быть только в качестве рабов или солдат гарнизона, присланных с юга. А в землях, населенных при Цзинь чжурчжэнями, начало железного века определяется по раскопкам на Сенькиной Шапке (радиоуглеродным методом) - ВНИМАНИЕ! - 950 г. до н.э. +/- 50 лет (хотя многие исследователи и сомневаются, что полученные данные правильны).

Поэтому ранняя история железа на территории современного Китая - это непаханное, по сути, поле. И вклад некитайских народов КНР в развитие китайской металлургии отрицать нельзя.

См. также **Воробьев М. В., Чжурчжэни и государство Цзинь. (X в. — 1234). Исторический очерк, М., 1975**, М. В. Воробьев. **Культура чжурчжэней и государства Цзинь** (X в. - 1234 г.). Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983, **История Приморья. История - эпоха средневековья**, АНЬЧУНЬ ГУРУНЬ - древняя летопись 13 века, **КОНЕЦ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ - ЦЗИНЬ**, **ШАЙГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ**, Ивлиев А. Л. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока . - Владивосток . – 2000, Тупикина С. М. Морские сюжеты в графике шайгинской керамики // Мир древних образов на Дальнем Востоке . - Владивосток . - 1998

Вернуться к ссылке в гл.11

Вернуться к ссылке в гл.13

44.91. Мохэ

Древние мохэ относились к тунгусо-маньчжурским народам. Первые упоминания о них относятся к IV - V векам нашей эры. В этот период они появились на территории Маньчжурии, Приморья и Приамурья. С севера мохэсцы соседствовали с древними палеоазиатскими народами, которые занимались охотой, оленеводством и рыболовством. На западе они жили рядом с лесными охотниками и полукочевниками шивэйцами (предками монголов), кочевниками киданями и тюрками. На юге граничили с древнекорейским государством Когурё.

Хозяйство мохэсцев было комплексным. Они занимались земледелием, используя для вспахивания земли лошадей, разводили свиней. Таежная охота и рыболовство также были важными отраслями их хозяйства. Для жилья мохэсцы строили землянки. Китайские летописцы сообщают, что вход в мохэские жилища устраивался сверху. Чтобы залезть в него нужна была лестница. Однако археологические исследования не подверждают это сообщение. Возможно, оно относится к обычным искажениям древних хроник.

… Мохэсцы жили общинными поселениями. Группы поселений объединялись в племена. К VII веку насчитывалось несколько десятков мохэских племен. Летописи выделяют семь наиболее известных и влиятельных племенных объединений. Из них наиболее крупными и сыгравшими важную роль в истории были сумо мохэ, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, в верховьях реки Сунгари – главного притока Амура в Маньчжурии, и хэйшуй мохэ на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура. На территории Приморья, наряду с хэйшуй мохэ, в его северной части было самое восточное из мохэских племен – хаоши мохэ.

… Начиная с V века мохэ играли заметную роль в политической истории Восточной Азии. Они воевали с древнекорейским государством Когурё, иногда попадая в зависимость от него. Тогда

же установились дипломатические отношения отдельных мохэских племен с Китаем. В конце VI века восемь племен сумо мохэ, насчитывавшие несколько тысяч воинов, во главе с вождем Тудицзи, потерпев поражение в войне с Когуре, переселились в Северный Китай, где им были выделены земли для проживания. Тудицзи, а впоследствии и его сын прославились как выдающиеся полководцы в войнах Китая с Когурё, тюрками и тибетцами.

В 668 году после продолжительной войны Китаю удалось уничтожить государство Когурё. Выступавшие в качестве союзников Когурё мохэские племена в большом количестве были переселены в Северный Китай, многие известные ранее мохэские племенные объединения “рассеялись, ослабли и впоследствии о них ничего не было слышно”. В VI – VII веках ярко проявилась неравномерность развития мохэских племен. Бывшие в соседстве и непрерывных связях с цивилизациями Китая и Когурё сумо мохэ развивались особенно быстро. Именно у них зародилось первое государство тунгусо-маньчжурских народов **-** Бохай.

Вернуться к ссылке

44.92. Яса

Монгольское слово яса (ясак, джасак) означает "поведение" или "декрет". До недавнего времени было обычным говорить о Великой Ясе как о собрании общепринятых монгольских правовых установлений. Это происходило, частично, потому, что статьи Ясы, относящиеся к уголовному законодательству и наказанию, привлекали большее внимание историков, нежели любая другая часть кодекса.

Не существует сохранившейся полной копии Великой Ясы, хотя восточные авторы XIII- XV веков свидетельствуют, что такие списки существовали. Согласно историку Джувейни (ум. 1283 г.), подобный список хранился в сокровищнице каждого потомка Чингисхана. Рашид ад-Дин (1247-1318 гг.) упоминает о существовании этих списков множество раз. В персидском трактате о финансах, приписываемом Назиру ад-Дину Тузи (ум. 1274 г.) имеются многие ссылки на Ясу. Макризи (1364-1442 гг.) был проинформирован своим другом Абу-Нашимом о списке, имеющемся в багдадской библиотеке. На основе информации Абу-Нашима Макризи попытался представить полный отчет о содержании Ясы. Фактически же, ему удалось очертить лишь часть кодекса, в основном статьи, посвященные уголовному законодательству и наказанию. Рашид ад-Дин, со своей стороны, цитирует многие ордонансы и высказывания Чингисхана, некоторые из которых были, возможно, фрагментами Ясы, а другие – так называемыми "максимами" (билик). Долгое время современные историки, имеющие дело с Ясой, базировали свои заключения в основном на информации, предос- тавленной Макризи и Рашидом ад-Дином. До недавнего времени недостаточное внимание уделялось краткой сумме Ясы, сделанной Григорием Аб-уль-Фараджем (Бар Хэбрэусом (1225/1226-86 гг.) или же более расширенному пересказу Джувейни. Но эти два писателя наметили канву наиболее значимого деления Ясы, касающегося государственного закона монголов.

С моей точки зрения, Яса как целое ни в коем случае не может быть охарактеризована как обычное законодательство. Она была монгольским императорским законом, сформулированным Чингисханом; и сами монголы рассматривали ее именно в этом свете. Для них она была обобщенной мудростью основателя империи; и мы знаем, что они считали Чингисхана боговдохновенным Сыном Неба. Армянский историк Григор из Алканца записал историю появления Ясы на базе услышанного от монголов, хотя ее нельзя рассматривать как точную в деталях, она адекватно передает дух монгольского отношения к Чингисхану и делу его жизни. Согласно Григору, когда монголы "***осознали свое положение, весьма подавленные своей несчастной и бедной жизнью, они обратились к помощи Бога, Создателя неба и земли, и заключили с ним великое соглашение, повинуясь его повелениям. По приказанию Бога им явился ангел в виде орла с золотыми перьями и заговорил их собственной речью и языком с вождем, которого звали Чанкез (Чингиз)... Затем ангел сообщил им все повелении Бога... которые сами они называют ясак***".

Джувейни также рассматривает боговдохн*овенный разум* Чингисхана как источник Ясы*: "**В то время как Всемогущий (Бог) выделил Чингисхана из числа его современников по разуму и интеллекту... он (Чингисхан), лишь опираясь на глубины своей души и без утомительного изучения (исторических) анналов, без согласования с (традициями) древних времен, изобрел все приемы (государственного управления**)".*

Как по мнению Джувейни, так и по мнению Макризи, Яса была талисманом, обеспечивающим победу на поле сражения. Как указывает А.Н. Поляк, монголы и тюрки приписывали Великой Ясе полумагическую власть.

Дошедшие до нас фрагменты Ясы гласят следующее [+201]:

1. Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.
2. Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.
3. Кто лжет с намерением или волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти.
4. Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти [+202].
5. Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза.
6. Кто даст пищу или одежду полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.
7. Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.
8. Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого. [+203]

<...>

10. Он (Чингис-хан) постановил, чтобы на потомков Али-бека Абу-талеба, всех до единого, не были наложены подати и налоги, а также ни на кого из факиров, чтецов аль-Корана, законодавцев, лекарей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников не были налагаемы подати и налоги.
11. Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал как средство быть угодным Богу.
12. Он запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий - пленник; он запретил им есть что бы ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезный и чрез блюдо, на котором едят [+204].
13. Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это [+205].
14. Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.
15. Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится [+206].
16. Он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он нечист; утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистыми и нечистыми.
17. Он запретил им оказывать предпочтение какой-либо из сект, произносить слова, употребляя почетные названия, а при обращении к султану или к кому другому должно употреблять просто его имя.

<...>

19. Он предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву.

<...>

21. Он предписал им представлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей.

<...>

23. Он узаконил, чтобы старейший из эмиров, когда он проступится и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы пред ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя бы то было лишение живота.

<...>

25. Он предписал султану учреждение постоянных почт, дабы знать скоро о всех событиях в государстве.

26. Он предписал наблюдать за исполнением Ясы сыну своему Чагатаю бек Чингис-хану.

<...>

34. Дети, прижитые от наложницы, считаются законными и получают по распоряжению отца соответствующую долю наследства. Раздел имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших; меньший же сын наследует хозяйство отца. Старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери, из числа жен одна всегда старшая преимущественно по времени брака.

35. По смерти отца сын распоряжается судьбою его жен, за исключением своей матери, может жениться на них или выдать их замуж за другого.

…Если кто-нибудь, нападая или отступая, обронит свой вьюк, оружие или часть багажа, то находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; в противном случае он предается смерти" (Макризи; см. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева //Труды Восточного отделения Имп. Археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864. С. 440.

См. также **Г.В. Вернадский** "Монголы и Русь", Э. Хара-Даван. "Чингисхан ..." Часть 1. Приложение, **Яса**, Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. XX. **Яса** и борьба с ней

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в разделе Чингисхан

Вернуться к ссылке в Главе 15

44.93. Но что же означает само слово "монгол"?

…В средневековой этнической истории монгольских и тюркских племен Средней, Центральной и Восточной Азии много запутанного и спорного. Поэтому, следует согласиться с исследователями полагающими, что вопрос о том, какие племена из перечисленных у Рашид-ад-дина и китайских историков являются тюркскими, или монгольскими, в настоящее время вряд ли разрешимый. В значительной степени это затруднено тем, что название племен, титулов и личные имена у народов этого региона сильно перемешаны в результате заимствованийhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1_-_ftn49. Тем не менее, существует несколько версии о происхождении монголов и татар.

Согласно одной из них, монголы (**Мэньву**) являются частью отуз-татар (северных шивейцев), родственны токуз-татарам (южным шивейцам), и происходят от черноречных мохэсцев, близких хисцам, уйгурам, тукюэсцам, киданям, кумохам и другим племенам тунгусо-манчжурского происхождения. Иными словами, монголы и татары — племена тунгусо-манчжурского происхождениhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1_-_ftn50. По другой версии, монголы и татары — монголоязычные племена, в современном понимании, родственные кумохам, каям, киданям, кераитам, найманам, меркитам, ойратам, мангытам и дрhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1_-_ftn51. Третий вариант предполагает,

что татары — племя тюркского происхожденияhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1 - _ftn52.

… Допускается, что принять название монголы Чингисхана научили и убедили чжурчженские чиновники, поскольку раньше существовал народ Мэнгу, который побеждал чжурчженей и татар и имел своих императоров. Однако, Мэнгу был, потом сильно разгромлен и его царская династия пресеклась. Чингисхан объявил себя преемником этой династии, мстителем за разгром государства, восстановил его название и название рода монголыhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1 - _ftn67. При создании своей империи Чингисхану пришлось долго воевать с шестью татарскими племенами, победив которые он приказал всех их перебить. Несмотря на это, значительная часть татар осталась в живых, вошла в состав монгольской армии империи Чингисхана. Многие татары стали потом великими и уважаемыми эмирамиhttp://uvek.sgu.ru/education/religion/chapter.jsp?target=1 - _ftn68.

Этноним "монгол" в форме "мэнгу", "мэнгу-ли", "мэн-ва" впервые встречается в китайских летописях династии Тан (VII - X вв. н.э.).

…При Хоувэйской династии (386—532) инородцы, обитавшие в Монголии, назывались жоужань; после них на сцену выступили тюкюэ, подчинившие своей власти весь северо-западный край, между тем как юго-восточными и южными степями владели сначала кидани, потом кумохи; возникали и другие дома, управлявшие под эгидой китайцев и получавшие от них как свои титулы, так и поддержку своей власти. В период Танской династии (620—901) особенно усилилось племя хуйхэ, или уйгуров. В летописях Танской династии впервые встречается имя монголов; они называются здесь «шивэй монгу». В X и XI вв., по летописям Сунской династии, прозвание «шивэй» отпадает, и монголы именуются уже просто «мэнгу», «монгу» или «монгули».

…**В период восхождения** Чингисхана как правителя кочевых народов Центральной Азии название “татар” имело два значения: конкретное наименование племени отуз-татар, кочевавшего южнее р. Керулен и враждовавшего с монголами Чингисхана, и собирательное - всех восточных кочевников от Великой Китайской стены до сибирской тайги, которое им дали их соседи тюрки и китайцы. Татары этого времени - это монголы. В китайском сочинении “Мэн-да бэйлу”[158] монголы названы монголо-татарами (“Мэн” от “мэнгу” - монголы и “да” от “да-да” - татары). Такое объединение названий двух племен не было случайным, ибо и монголы и татары были ответвлениями одного и того же монголоязычного народа.

… К термину “тюркские племена их составитель А.А.Семенов дает следующее разъяснение: “Тюрками Рашид-ад-дин называет кочевые племена Центральной Азии самого различного происхождения, говорившие не только на тюркских языках, но и на языках монгольском, тунгутском и тунгусо-манчжурских. Таким образом, “тюрки” у нашего историка - не этнический и лингвистический, асоциально-бытовой термин: “кочевники”. Следовательно, терминология Рашид-ад-дина не может служить основанием для установления происхождения тех или иных племен”.

На это обстоятельство указывает во вступительной статье к летописям персидского историка и И.П.Петрушевский: “Подобно большинству своих современников, Рашид-ад-дин называет тюрками все кочевые скотоводческие народы Азии как тюркоязычные, так и монголоязычные…”. И далее делает вывод: “Можно утверждать, с большой долей вероятности, относительно ряда племен - татар, меркитов, ойратов, - что в XIII в. они были монголоязычны, а не тюркоязычны”.

Однако Рашид-ад-дин дает и классификацию народов империи Чингисхана по языку и родству. Тюркоязычные племена названы им огузами (туркменами), к ним он относит кипчаков, калачей, канглыев, карлуков и др., и монголоязычные - “народы, которые в данное время славны под именем монголов, как джалаиры, татары, ойраты, меркиты и прочие…”. Таким образом, татары у персидского летописца отнесены к монгольским племенам. Еще ранее в XI в. уйгурский ученый Махмуд Кашгари к тюркским народам относил киргизов, кипчаков, огузов, тухси, ягма, чигил,

---

[158] **"Мэн-да бэй-лу** (Полное описание монголо-татар)" Чжао Хуна (1221 г.)

иаграк, а также ямак, башкир, булгар, сувар и печенегов. О татарах он писал: “Так же у каждого из племен ябаку, татар, басмил свой присущий им язык. Вместе с тем они хорошо знают и тюркский”

… **Звучавшее** на самом деле «Мэнгу» (что на татарском и ныне значит «Вечное»), данное Чынгыз ханом и его соратниками своему государству «название Монгол было, на первых порах, чисто ученое и официальное». «И таким образом, эти два названия «Татар» и «Монгол» (из которых последнее пересилило в силу той же официальности) ввели в недоумение не только европейских ученых, но и Рашид-Эддина (Рашид ад-Дин – Е.Г.), и, может быть, его современников, которым показалось, что название Монгол должно или нужно было существовать с давнего времени». Такой уверенный вывод по «вечному и неразрешимому» для историков-европоцентристов вопросу о соотношении в средние века названий «Татар» и «Монгол» изложил академик В.П. Васильев еще в середине XIX в. в своих работах, «непопулярных» и ныне у историков-европоцентристов.

…Кроме того, многие личные имена монголов (Чингис, Угэдэй, Темучин, Мухури и др.) принадлежат неизвестному языку. Народы этого огромного региона с древности говорили на языках, близких к нынешним: на востоке — к маньчжурским, в центре — к монгольским, и на западе — к тюркским.

«**Всем известное имя Тэмучень** есть не что иное, как его прозвище», писал китайский государственный деятель Мэн-хун, который был лично знаком с Чынгыз ханом. «Они [татары] называют Чингиса «звон железа», так как он был кузнецом» - это свидетельство европейца Рубрука, лично посещавшего татар в пятидесятые годы XIII в.

«Звон железа» по-татарски будет звучать и ныне – Timerching (если читать по правилам английского прочтения и произношения букв). На кириллице – Тимерчынг, где «нг» произносится как заднеязычное «н» (ng). Необходимо учесть при этом, что первыми имя это было записано китайцами (имеются в виду те записи, что дошли до нас – а не дошли до нас записи именно на татарском языке, составленные уйгурским и арабским письмом и еще, естественно, составленные также и на некоторых других языках).

А китайцы игнорируют букву «Р» - вернее, не пользуются им, нет у них такого звука в языке. Например, слово «персы» по-китайски будет звучать – «по-сы». Так что видно наглядно, какому языку принадлежало «мирское» имя Чынгыз хана, которым звали его близкие, и которое означало на татарском языке «Звон железа».

…**А значение имени-титула** «Чынгыз хан» также было давным-давно установлено и объяснено татаро-башкирским историком Ахмет Заки Валиди Туганом, всемирно признанным тюркологом: Имя-титул «Чынгыз хан» означало - «всегда [реально] преодолевающий, прогрессивный, побеждающий правитель». Образовано это несложное имя, с чем согласится любой владеющий татарским языком, из двух слов - «чын», что значит «действительно, реально» и из слова «гиз» («гыз»), что значит «преодолевающий», (от слова «гизу» - «преодолевать», «продвигаться вперед»).

…Самого Чингисхана при рождении называли Темиршином, от слова темирши - "кузнец". В дальнейшем это имя у тюркских народов сократилось до Темир.

…Имя Чингисхан ему было подобрано биями четырех родов - Кият, Найман, Керейт, Меркит, поднявшими его на белой кошме и объявившими его ханом. Согласно письменным источникам, таких биев было 12 человек. Имя было дано так. Шын по-казахски - "самый высокий пик в горах". Гыс по-древнетюркски означает "луч". В современном казахском языке "луч" - єияс, азербайджанском - гияс. Таким образом, имя означает "высокий, лучезарный хан" - Шын-гыс-хан.

…В последнее время многие историки считают, что слово "монгол" происходит от казахского "мын-кол". Мын - "тысяча", кол - "войско". "Мынкол" - "мынгол" - "монгол".

Позиция **Данаярова К**. наиболее сомнительна, так как автор отрицает очевидный факт - антропологические признаки казахов (монголоиды) и язык из кыпчакской группы тюркских языков. Множество исторических источников содержат сведения о европеоидных антропологических

признаках древних и раннесредневековых тюрков (**половцы**, ковуи[159], чёрные клобуки, печенеги, торки, берендеи, киргизы и т.д.) и ряд современных исследователей считают тюрков изначально европеоидами. А та этнонимическая эквилибристика, которой автор владеет в совершенстве, блекнет перед одним из ряда схожих феноменов - Францией. В генофонде французов преобладает кельтский элемент (галлы), а язык – романский и самоназвание от древнегерманского племени франков.

См. также **Р. Бариев. Кого скрывает энтоним?**, История Монголии, **Сепаратисты могут оставить от Франции один Париж. Правда 02.12.08**

Вернуться к ссылке

44.94. Какой же расы были тюрки?

… **Антропологически тюркский этнос** неоднороден, но основная часть - представители большой европеоидной расы. В целом антропологический облик тюрков с древнейших времен характеризовался преобладаниями европеоидных признаков при весьма слабой примеси монголоидности или ее отсутствии (см. гл. быт и культур тюрков). В этом плане можно привести данные археологии. Мизиев И. М., со ссылкой на А. Х. Нагоева пишет: «адыго-кабардинцы даже переняли кочевой курганный обряд захоронения и соблюдали передвижной образ жизни» (ук. раб. с. 132). Если занести это в счет культурных взаимосвязей, то требуют объяснения **случаи обнаружения в кабардинских курганах черепов с признаками монголоидности**. (Археология, Нальчик 1980. стр. 92).

…Древний “андроновский” (степной евразийский) расовый тип (одна из ветвей североевропеоидов) был по данным палеоантропологов широко представлен в Древней Руси [8].

…Книга Э.Барбер написана на основании изучения удивительно хорошо сохранившихся мумий людей, находящихся в музее города Урумчи, столицы Синьцзян-Уйгурского района КНР. Она пришла к выводу, что тысячу лет назад на западе Китая, т.е. нынешнем Синьцзяне жили люди европейской расы родственные кельтам.

…Ныне учеными доказано, что родиной тюркских народов является Центральная Азия. Отсюда они расселялись в самых различных направлениях :на север, юг, запад и восток. Последние исследования советских ученых привели к убедительным доказательствам, что Центральная Азия являлась одним из мировых центров образования европеоидной расы. Миграция в другие регионы приводила к смешению с мест ным населением и мутации генетической системы . На востоке и севере, смешиваясь с местным населением они приобретали монголоидные признаки, на западе они ассимилировали местное население, обращая его в чисто европеоидный тип расы.

…Три главных признака отличают внешние физические особенности европеоидов - белый цвет кожи, глубоко сидящие глаза и выдающийся нос с орлиной горбатиной. Коренные жители Синьцзяна сохранили эти признаки несмотря на попытки китайских правителей китаизировать их. Известный русский путешественнк Свен Гнедин, прошедший весь этот край в 1893-1897гг. обратил внимание на эту черту: "все жители этой местности,- писал он,- имеют впалые глаза и резко очерченный нос" (С.Гедин. В сердце Азии. Спб.,1899г., т. 2, стр.77).

…В арабских и персидских источниках средневековья мы обнаруживаем богатые сведения о многих народах Восточной Европы: о буртасах, хазарах, булгарах, сакалиба, баджанаках

---

[159] Стоит заметить, что именно этот постоянный оборот, используемый в летописи — **«ко уемъ», «къ оуемъ», «ко вуемъ»,** т.е. к дядьям (родственникам) по матери (ед. число — "уй"), — в ряде случаев не понятый последующими переписчиками, породил мифическое племя «ковуев» или «коуев». Впервые «коуи» появляются в статье 6659/1151г. Ипатьевского списка летописи, в котором, как отмечено издателями, изначально стояло **«оуи»,** а над ним едва приметное **«к»**, и с этого момента в рассказе неизвестно откуда появляются **«торки, ковуи, берендеи и печенеги»,** хотя раньше указаны только **«черные клобуки»** [Ип., 427, 517, 544, 638], до сих пор кочующие по страницам научных трудов наряду с реальными этнонимами[23].

маджарах, русах, вису, юра и других. Все из этнонимов, кроме *сакалиба,* приняты арабами и персами от самих восточно-европейских народов, лишь этноним *сакалиба* является в этом отношении не очень ясным.

…Если обратить внимание на сами арабские источники, то арабское слово *саклаб* (в ед. числе) или *сакалиба* (во мн. числе) обозначает белокурых или рыжеволосых людей, в них неизменно подчеркивается рыжий (или рыжеватый) цвет волос или красная (красноватая) окраска кожи лица у сакалиба [там же, 870]. В словаре Ашраф ибн Шараф ал-Музаккир Ал-фаруги, составленном в 1404—1405 годах в Индии под названием "Даниш-наме-йи Кадар-хан" ("Книга знаний Кадар-хана"), отмечается, что Саклаб (سقلاب) — это область в Туркестане, люди там белые [Баевский С.И., 1980, 87]. Все вышесказанное дало русским арабистам и востоковедам возможность идентифицировать сакалиба со славянами. В русскоязычных исследованиях восточных географических источников средневековья этноним *сакалиба* даже не упоминается, передается он словом "славяне". В том, что сакалиба — это славяне, никто не сомневается, хотя некоторые отмечают то, что в арабских и персидских источниках сакалиба нередко идентифицируются с тюрками, булгарами и т.д.

§ 2. Ясно одно: сакалиба — это арабское название белых, рыжеволосых людей.

…§ 3. Для того, чтобы адекватно раскрыть значение арабского этнонима *сакалиба,* означающего белолицых рыжеволосых людей, необходимо установить народ, людей, которые в то время называли себя и представлялись другим белолицыми или рыжеволосыми и в то же время жили вместе с известными тюркоязычными народами в таком тесном контакте, что приезжающие арабы и персы считали сакалиба и тюрков одним народом или одних рассматривали в составе других. Таким народом тогда, естественно, были кыпчаки.

Слово *кыпчак* этимологически восходит к тюркскому *къу-чак,* которое состоит из двух корней: *къу (къу~къуб~къуба)* 'рыжий', 'бледный', 'бело-рыжий', ' светлый', и *чак,* означающий *сак~чак* древнее название тюрков (а не ираноязыч-ных, как ошибочно утверждают некоторые индоевропеисты). *Къучак* 'белые саки', *-чак* может быть идентифицирован и с уважительно-уменьшительным аффиксом *-чык.* Слово *къу* применяется и в значении 'лебедь', по-другому *ак кош* 'белая птица'. *Куу* 'белый', 'белая птица' составляет другой этноним со словом *кижи~кеше* 'человек', *куукижи* 'белые люди', 'лебединцы' . Слово *къу~куу* применяется со словом *ман* в виде *куман~куманды.* Сравните еще: *мон* в слове *теркмон.* В Западной Европе вместо этнонима *кыпчак* применяется слово *куман.* Вторая часть этого слова *-ман* до сих пор однозначно не этимологизирована.

То, что *къу* в этнониме *къучак~кыпчак (къуман)* имеет значение "белый, рыжий, светловолосый", подтверждается еще и тем, что во многих тюркских народах мы наблюдаем белых (желтых) и небелых (нежелтых). Так, в V—VI вв. на территории Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана белые гунны, которые иначе назывались эфталитами, образовали государство. В истории известны белые татары и черные татары, белые хазары и черные хазары, белые киргизы и другие киргизы, сары уйгуры и другие.

Итак, в составе тюрков были племена, которые называли себя светловолосыми, белыми. Дальше мы увидим, что это были кыпчаки. На то, что этноним *кыпчак* обозначает белых, светлых (по-тюркски: сары чэчле 'желтоволосые'), ученые-тюркологи давно обратили внимание. Так венгерский ученый Ю.Немет еще в конце 30-х годов пришел к этому выводу. Он писал, что "бледно-желтые" наименования половцев являются калькой с их тюркских самоназваний *куман* и *кун,* которые восходят к тюркскому прилагательному *къу* (из более старого *къуб)* 'бледный', 'желтый' [Добродомов И.Г., 1978, 116; Немет Ю., 1941,99].

… Для нашей темы очень важно, что кыпчаки представлялись "белокурыми" также и арабам, поэтому арабы называли кыпчаков *сакалиба,* т.е. белолицыми, светловолосыми. Таким образом, в арабских и персидских источниках этноним *сакалиба* является арабской калькой этнонима *къуман* или *кыпчак (къучак).* Он означает "кыпчак", а не "славяне".

… Алтайская общность, в которую входят тюрки, по мнению ряда исследователей, некогда была европеоидной. Однако по мере продвижения на восток отдельные их ветви были поглощены в

антропологическом отношении местным монголоидным населением и две из них (монголы и тунгусо-маньчжуры) окончательно растеряли все европеоидные морфологические признаки. Сегодня, как известно, среди тюрков встречаются как почти чистые европеоиды: турки, азербайджанцы и др., так практически чистые монголоиды - якуты, тувинцы и др., а также и смешанные в расовом отношении народы, по замечанию П. И. Пучкова, составляющие большинство тюркских этносов[2] .

См. также **ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ**, **Тюрки** - Википедия, Г.Хидоятов: Какой же **расы** были **тюрки**?, **Евразийские Арии**, **ЗАКИЕВ М. З. Сакалиба - это кыпчаки, а булгары - одно из кыпчакских племен**, **Западные тюрки в странах Востока.** Будаев Н., **Половцы**, **Горохов А. В. Тюркский аспект "монгольского" завоевания Евразии**

Вернуться к ссылке

44.95. Чингиз-хан

Чингис-хан (монг. Чингис хаан, 1162? — 25 августа 1227) — краткий титул монгольского хана из рода борджигинов племени монголов, объединившего разрозненные монгольские племена. Собственное имя, полученное при рождении — Темуджи́н, Темучи́н (монг. *Тэмүүжин*).

Великий полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию и Восточную Европу. Основатель Монгольской Империи и её первый великий каган.

После смерти в 1227 году наследниками стали его прямые потомки от первой жены Бортэ по мужской линии, Чингизиды.

44.95.1. Родословие

Основная статья: ***Борджигин***

С древности монголы вели фамильные списки (*ургийн бичиг*) своих предков. Родословная Чингисхана, основателя Монгольской империи, была и остаётся связана с историей самих монголов.

Согласно «Сокровенному сказанию», предком Чингисхана был Бортэ-Чино, который породнился с Гоа-Марал и поселился в Хэнтэе (центрально-восточная Монголия) вблизи горы Бурхан-Халдун, по предположению Рашид-ад-дина состоялось это событие в середине VIII века. От него во 2—9 поколениях родились Батцагаан, Тамачи, Хоричар, Уужим Буурал, Салихажу, Их нудэн, Сэмсочи, Харчус.

В 10 колене родился Боржигидай-Мэргэн, первый из монгольских князей, носивший фамильное имя Мон. Он женился на Монголжин-гоа, единственной дочери Хорилардай-Мэргэна. В 11 колене фамильное древо продолжил Торголжин-багатур, женившийся на Борогжин-гоа, от них родились Добун-Мэргэн и Дуба-Сохор. Женой Добун-Мэргэна стала Алан-гоа, родом из хори-туматов[1] (согласно, Рашид ад-Дину, она была «из племени куралас»[2]).

Пять детей Алан-гоа дали начало пяти монгольским родам — от Бэлгунотая повёлся род Бэлгунут, от Бугунотая — Бугунут, от Буху-хатаги — Хатагин, от Бухату-салджи — Салджиут. Пятый — Бодончар, был храбрым воином и правителем, от него пошел род Борджигинов.

От четырех детей Дува-Сохора — Доноя, Догшина, Эмнэга и Эрхэха — произошли четыре племени ойратов. Уже в то время сформировалось первое монгольское государство Хамаг монгол улус, существование которого относится к середине XII века.

44.95.2. Биография

Рождение и ранние годы

Река **Онон** осенью, место где родился и вырос Чингисхан

Темучин родился в урочище Делюн-Болдок на берегу реки Онон (в районе озера Байкал) в семье одного из вождей монгольского племени тайчиутов Есугэй-багатура («багатур» — герой) из рода Борджигин и его жены Оэлун из племени онхиратов, которую Есугэй отбил у меркита Эке-Чиледу. Был назван в честь плененного татарского вождя Темучина-Уге, которого Есугэй победил накануне рождения сына. Год рождения Темучина остаётся до конца не выясненным, так как основные источники указывают на разные даты. По данным Рашид ад-Дина, Темучин родился в 1155 году. «История династии Юань» называет в качестве даты рождения 1162 год. Ряд учёных (например, Г. В. Вернадский) на основании анализа источников указывает на 1167 год.

В 9 лет Есугэй-багатур сосватал сына Бортэ, 10-летней девочке из хунгиратского рода. Оставив сына в семье невесты до совершеннолетия, чтобы лучше узнали друг друга, он уехал домой. Согласно "Сокровенному сказанию", на обратном пути Есугэй задержался на стоянке татар, где он был отравлен. По возвращению в родной улус, он заболел и слег, и через трое суток умер.

После смерти отца Темучина его приверженцы покинули вдов (у Есугея было 2 жены) и детей Есугея (Темучина и его младшего брата Хасара, и от второй его жены - Бектера и Бельгутая): глава клана тайчиутов выгнал семью с насиженных мест, угнав весь принадлежавший ей скот. Несколько лет вдовы с детьми жили в полной нищете, скитались в степях, питаясь кореньями, дичью и рыбой. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму.

Вождь тайчиутов, Таргутай (дальний родственник Темучина), объявивший себя властелином земель, когда-то занятых Есугеем, опасаясь мести подрастающего соперника, стал преследовать Темучина. Однажды вооруженный отряд напал на стойбище семьи Есугея. Темучину удалось было бежать, но он был настигнут и взят в плен. На него надели колодку — две деревянные доски с отверстием для шеи, которые стягивались между собой. Колодка была мучительным наказанием: человек не имел возможности сам ни поесть, ни попить, ни даже согнать муху, севшую ему на лицо.

Он нашёл способ ускользнуть и спрятаться в маленьком озере, погружаясь вместе с колодкой в воду и выставляя из воды одни ноздри. Тайчиуты искали его в этом месте, однако не смогли обнаружить; его заметил батрак из племени сельдуз Соркан-Ширэ, который был среди них, и решил его спасти. Он вытащил из воды молодого Темучина, освободил его от колодки и проводил к своему жилищу, где спрятал в телеге с шерстью. После ухода тайчиутов, Соркан-Ширэ (в последствии его сын Чилаун стал одним из четырёх близких нукеров Чингиз-хана) посадил Темучина на кобылицу, снабдил оружием и отправил домой.

Через некоторое время Темучин нашёл свою семью. Борджигины сразу же перекочевали на другое место, и тайчиуты больше не смогли их обнаружить. В возрасте 11 лет Темучин подружился со своим ровесником знатного происхождения из племени джаджират - Джамухой, который позднее стал вождем этого племени. С ним в своем детстве Темучин дважды становился побратимом (Андой).

Несколькими годами позднее Темучин женился на своей нареченной Бортэ (к этому времени во служении у Темучина появляется Боорчу, также вошедший в четверку самых близких нукеров).

Приданым Бортэ стала роскошная соболья шуба. Темучин вскоре направился к самому могущественному из тогдашних степных вождей — Тогорилу, хану племени кераитов. Тогорил был побратимом (андой) отца Темучина, и ему удалось заручиться поддержкой вождя кераитов, напомнив об этой дружбе и поднеся соболью шубу Бортэ. По возвращении от Тогорил-хана, один старик монгол отдал во служении своего сына Джелме, ставшего одним из полководцев Чингиз-хана.

44.95.3. Начало завоеваний

При поддержке Тогорила-хана силы Темучина стали постепенно расти. К нему стали стекаться нукеры; он совершал набеги на соседей, умножая свои владения и стада. Первыми серьёзными противниками Темучина оказались меркиты, действовавшие в союзе с тайчиутами. В отсутствие Темучина они напали на становище Борджигинов и угнали в плен Бортэ (по предположению, она была уже беременна и ждала первого сына Джучи) и вторую жену Есугея — Сочихэл, мать Бельгутая. В 1184 году (по приблизительным подсчетам, исходя из даты рождения Угэдэя) Темучин с помощью Тогорила-хана и кераитов, а также своего анды (названного брата) Джамухи (приглашенного Темучином по настоянию Тогорил-хана) из рода джаджиратов разгромил меркитов и вернул Бортэ, а мать Бельгутая, Сочихэл, отказалась вернуться назад.

После победы, Тогорил-хан отправился в свою орду, а Темучин и его анда Джамуха остались жить вместе в одной орде, где они снова заключили союз побратимства, обменявшись золотыми поясами и конями. По прошествии некоторого времени (от полугода до полутора) они разошлись по разным путям, при этом многие нойоны и нукеры Джамухи присоединились к Темучину (что послужило одной из причин неприязни Джамухи к Темучину). Отделившись Темучин приступил к устройству своего улуса, создавая аппарат управления ордой. Старшими в ханской ставке были поставлены два первых нукера - Боорчу и Джелме, командный пост получил Субетай-багатур, в будущем знаменитый полководец Чингиз-хана. В этот же период у Темучина появляется второй сын Чагатай (точная дата его рождения не известна) и третий сын Угэдэй (октябрь 1186 года). Свой первый маленький улус Темучин создал в 1186 году (1189/90 годы также являются вероятными), и имел 3 тьмы (30 тыс. чел.) войска.

В восхождении Темучина как хана улуса Джамуха не видел ничего хорошего и искал открытой ссоры со своим андой. Поводом стало убийство младшего брата Джамухи - Тайчара, при попытке отогнать из владений Темучина табун лошадей. Под предлогом мести Джамуха со своим войском в 3 тьмы двинулся на Темучина. Сражение произошло у гор Гулегу, между истоками реки Сенгур и верхним течением Онон. В этом первом большом сражении (по основному источнику "Тайная история") потерпел поражение Темучин. Это поражение на некоторое время выбило его из колеи и он должен был собраться с силами для продолжения борьбы.

Первым крупным военным предприятием Темучина после поражения от Джамухи, была война против татар, совместно с Тогорил-ханом. Татары в то время с трудом отбивали атаки цзиньских войск, вступивших в их владения. Объединенные войска Тогорил-хана и Темучина, примкнув к войскам Цзинь двинулись на татар, сражение произошло в 1196 году. Они нанесли татарам ряд сильных ударов и захватили богатую добычу. Правительство чжурчжэний Цзинь в награду за разгром татар присвоило степным вождям высокие титулы. Темучин получил титул «Джаутхури» (военный коммисар), а Тогорил — «Ван» (князь), с этого времени он стал известен как Ван-хан. Темучин стал вассалом Ван-хана, в котором Цзинь видела наиболее могущественного из правителей Восточной Монголии.

В 1197-1198 гг. Ван-хан без Темучина совершил поход против меркитов, разграбил и ничего не уделил своему названному "сыну" и вассалу Темучину. Это положило началу новому охлаждению. После 1198 года, когда Цзинь разорила кунгиратов и другие племена, влияние Цзинь на Восточную Монголию стала ослабевать, что позволило Темучину овладеть восточными районами Монголии. В это время умирает Инанч-хан и найманское государство распадается на два улуса, во главе с Буйрук-хана на Алтае и Тайан-хана на Черном Иртыше. В 1199 Темучин вместе с Ван-ханом и Джамухой общими силами напали на Буйрук-хана и он был разбит. По

возвращении домой путь загородил найманский отряд. Бой было решено провести утром, но ночью Ван-хан и Джамуха скрылись оставив Темучина одного в надежде что найманы покончат с ним. Но к утру Темучин осознает их план и отступает не вступая в бой. Найманы же стали преследовать не Темучина а Ван-хана. Кереиты вступили в тяжелый бой с найманами, и в очевидности гибели Ван-Хан направляет гонцов Темучину с просьбой о помощи. Темучин отправил своих нукеров, среди которых отличились в бою Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун. За свое спасение Ван-хан завещал после смерти свой улус Темучину (но после последних событий он в это не верил). В 1200 году Ван-хан и Темучин выступили в совместный поход против тайчиутов. На помощь к тайчиутам пришли меркиты. В этом бою Темучин был ранен стрелой, после чего всю последующую ночь его отхаживал Чжелме. К утру тайчиуты скрылись оставив многих людей. Среди них был Сорган-Шира, спасший когда-то Темучина, и меткий стрелок Джебе, который сознался что именно он стрелял в Темучина за что и был прощен. За тайчутами была организована погоня. Многие были перебиты, некоторые сдались во служение. Это было первое нанесенное поражение тайчиутам.

В 1201 году монгольские и не монгольские силы (включавшие татар, тайчиутов, меркитов, ойратов и другие племена) решили объединиться в борьбе против Темучина. Они приняли присягу верности Джамухе, и совершили обряд возведения его в Гур-ханы. Узнав об этом Темучин связался с Ван-ханом который незамедлительно поднял войско и прибыл к нему.

В 1202 году Темучин самостоятельно выступил против татар. Перед этим походом он сделал попытку реорганизовать и дисциплинировать войско — издал приказ, согласно которому категорически запрещалось захватывать добычу во время боя и преследования неприятеля: начальники должны были делить захваченное имущество между воинами только по окончании боя. Жестокое сражение прошло, и на совете собранным Темучином после битвы, было решено уничтожить всех татар, как месть за убитых ими предков монголов (в частности за отца Темучина). Страшное было приведено в исполнение - были убиты и беременные женщины и дети из племени татар, дабы полностью истребить их.

Весной 1203 произошло сражение с объединенными силами Джамухи и войском Ван-хана во главе с его сыном. Хотя Ван-хан и не хотел войны с Темучином, но его уговорил сын Нилх, ненавидевший Темучина за то, что Ван-хан отдавал тому предпочтение перед своим сыном и думал передать ему кераитский престол в обход его, и Джамуха, утверждавший, что Темучин объединяется с найманским Тайян-ханом. В этом сражении улус Темучина был сильно потеснен, и понес много потерь. Но был ранен сын Ван-хана, из-за чего кереиты покинули поле боя. Чтобы отсрочить время на переподготовку Темучин начал отправлять дипломатические послания, целью которых было разобщить как Джамуху и Ван-хана, так и Ван-хана с сыном. В то же время все, кто не был ни на одной из сторон, создавали свою коалицию чтобы разбить как Ван-хана, так и Темучина. Но узнав об этом Ван-хан напал первым и разбил их, после чего уверился в своей силе и беспечно начал пировать. Когда о беспечности Ван-хана донесли Темучину, было принято решение молниеносно напасть и застать врасплох. Не делая даже ночных остановок войско Темучина настигло кереитов и наголову их разбило осенью 1203 года. Улус кереитов перестал существовать. Ван-хан же с сыном успели бежать, но натолкнулись на караул найманов, где Таян-хан велел срубить голову Ван-хану. Сын Ван-хана смог сбежать, но в итоге тоже был убит позднее уйгурами.

С падением кереитов, в 1204 году Джамуха с оставшимся войском примкнул к найманам, в надежде на гибель Темучина от рук Таян-хана или наоборот. Теперь Таян-хан видел в Темучине единственного своего соперника в борьбе за власть в монгольских степях. Узнав о том, что найманы думают о нападении, Темучин решился на немедленный поход против Таян-хана. Но перед походом он начал реорганизацию управления войском и улусом. В начале лета 1204 года войско Темучина - около 45 000 всадников - выступило в поход на найманов. Войско Таян-хана поначалу отступало с целью заманить поглубже войско Темучина, но потом вступило в бой по настоянию сына Таян-Хана - Кучлука. Найманы вскоре были разбиты в ожесточенном бою, в котором найманы дрались до конца, уйти удалось лишь Кучлуку с небольшим отрядом в Алтай к

своему дяде Буюруку. Таян-хан погиб, а Джамуха скрылся еще до начала ожесточенного боя поняв что найманам не победить. В боях с найманами особенно храбро сражались Хубилай, Чжебе, Чжельме и Субетай.

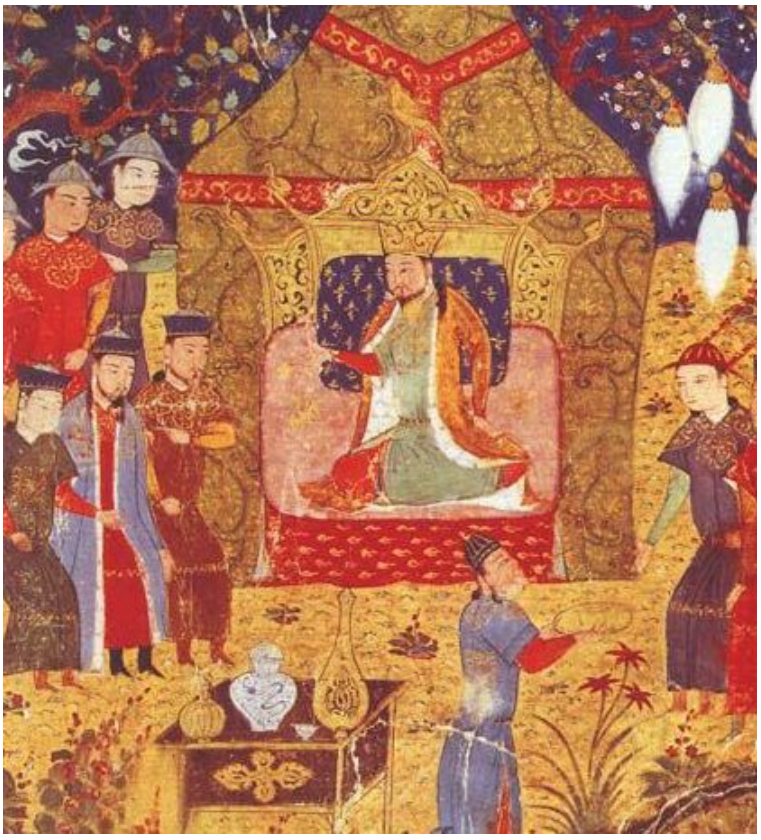
Осенью того же года Темучин развивая успех выступил против меркитов и меркитский народ пал. Тохтоа-беки правитель меркитов, сбежал в Алтай, где объединился с Кучлуком.

Весной 1205 года войско Темучина напало в районе реки Бухтармы на Тохтоа-беки и Кучлука. Тохтао-беки погиб, а его войско и большая часть найманов Кучлука, преследуемых монголами, утонули при переправе через Иртыш. Кучлук со своими людьми сбежал к кара-китаям (юго-западнее озера Балхаш). Там Кучулук сумел собрать разрозненные отряды найманов и кераитов, войти в расположение к гурхану и стать довольно значительной политической фигурой. Сыновья Тохтоа-беки бежали к кипчакам, взяв с собой отрубленную голову отца. На их преследования был послан Субетай.

После поражения найманов большинство монголов Джамухи, перешло на сторону Темучина. Самого же Джамуху в конце 1205 года сдали свои же нукеры, за что и были казнены Темучином. Темучин не хотел его убивать и предлагал дружбу. Но впоследствии Джамуха был убит.

44.95.4. Реформы Великого хана

Имя Чингисхана в каллиграфическом написании (старомонгольское письмо)



Весной 1206 года у истоков реки Онон на курултае Темучин был провозглашён великим ханом над всеми племенами, где ему был дан титул — "Чингисхан". Монголия преобразилась: разрозненные и враждующие монгольские кочевые племена объединились в единое государство.

Провозглашение Тэмуджина Чингисханом на курултае 1206 года

Тогда же был издан новый закон: **Яса**. В нём главное место занимали статьи о взаимопомощи в походе и запрещении обмана доверившегося. Нарушившего эти установления казнили, а врага монголов, оставшегося верным своему хану, щадили и принимали в своё войско. «Добром» считалась верность и храбрость, а «злом» — трусость и предательство.

После того как Темучин стал всемонгольским повелителем, его политика ещё ярче стала отражать интересы нойонства. Нойонам нужны были такие внутренние и внешние мероприятия, которые способствовали бы закреплению их господства и увеличению их доходов. Новые завоевательные войны, ограбление богатых стран должны были обеспечить расширение сферы феодальной эксплуатации и укрепление классовых позиций нойонов.

Административная система, созданная при Чингисхане, была приспособлена к осуществлению этих целей. Все население он поделил на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч),

перемешав тем самым племена и роды и назначив командирами над ними специально подобранных людей из приближенных и нукеров. Все взрослые и здоровые мужчины считались воинами, которые в мирное время вели своё хозяйство, а в военное время брались за оружие. Такая организация обеспечила Чингисхану возможность увеличить свои вооружённые силы примерно до 95 тыс. воинов.

Отдельные сотни, тысячи и тумены вместе с территорией для кочевания отдавались во владение тому или иному нойону. Великий хан, считая себя собственником всей земли в государстве, раздавал землю и аратов во владение нойонам, с условием, что те будут за это исправно выполнять определённые повинности. Важнейшей повинностью была военная служба. Каждый нойон был обязан по первому требованию сюзерена выставить в поле положенное число воинов. Нойон в своём уделе мог эксплуатировать труд аратов, раздавая им на выпас свой скот или привлекая их непосредственно к работе в своём хозяйстве. Мелкие нойоны служили крупным.

При Чингисхане было узаконено закрепощение аратов, запрещен самовольный переход из одного десятка, сотни, тысячи или тумена в другие. Этот запрет означал уже формальное прикрепление аратов к земле нойонов — за ослушание арату грозила смертная казнь.

Специально сформированный вооружённый отряд личных телохранителей, так называемый кешик, пользовался исключительными привилегиями и предназначался главным образом для борьбы против внутренних врагов хана. Кешиктены подбирались из нойонской молодёжи и находились под личным командованием самого хана, будучи по существу ханской гвардией. Вначале в отряде числилось 150 кешиктенов. Кроме того, был создан особый отряд, который должен был всегда находиться в авангарде и первым вступать в бой с противником. Он был назван отрядом богатырей.

Чингисхан возвел в культ писаный закон, был сторонникам твёрдого правопорядка. Он создал сеть линий сообщений в своей империи, курьерскую связь в крупном масштабе для военных и административных целей, организовал разведку, в том числе и экономическую.

Чингисхан разделил страну на два «крыла». Во главе правого крыла он поставил Боорчу, во главе левого — Мухали, двух своих наиболее верных и испытанных сподвижников. Должность и звания старших и высших военачальников — сотников, тысяцких и темников — он сделал наследственными в роду тех, кто своей верной службой помог ему овладеть ханским престолом.

44.95.5. Покорение Северного Китая

В 1207—1211 годах монголы завоевали землю киргизов и уйгуров, то есть подчинили себе практически все основные племена и народы Сибири, обложив их данью. В 1209 году Чингисхан завоевал Среднюю Азию и обратил свой взор на юг.

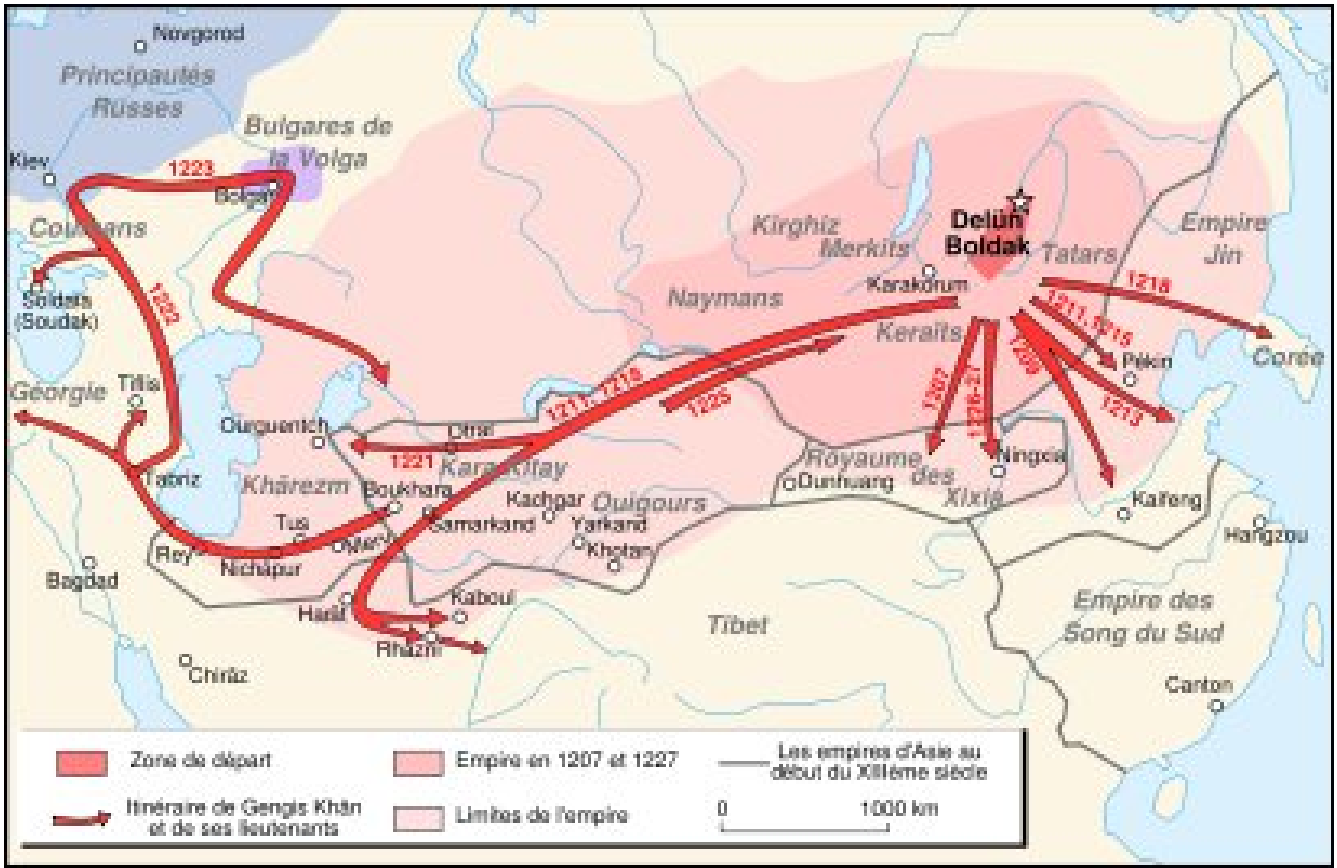
Перед покорением Китая Чингисхан решил обезопасить восточную границу, захватив в 1207 году государство тангутов Си-Ся, ранее отвоевавших Северный Китай у династии китайских императоров Сун и создавших своё государство, которое располагалось между его владениями и государством Цзинь. Захватив несколько укреплённых городов, летом 1208 «Истинный властитель» отошёл к Лунцзиню, пережидая нестерпимую жару, выпавшую на тот год.

Тем временем до него доходят известия, что его старые враги Тохта-беки и Кучлук готовятся к новой войне с ним. Предупреждая их вторжение и тщательно подготовившись, Чингисхан разбил их наголову в сражении на берегу Иртыша. Тохта-беки оказался в числе погибших, а Кучлук спасся бегством и нашёл приют у каракитаев.

Монгольские Лучники на конях

Удовлетворенный победой, Темучин снова направляет свои войска против Си-Ся. После победы над армией китайских татар он захватил крепость и проход в Великой Китайской стене и в 1213 году вторгся непосредственно в саму Китайскую империю, государство Цзинь и прошёл до Няньси в провинции Ханьшу. С нарастающим упорством Чингисхан вёл свои войска в глубь континента и установил свою власть над провинцией Ляодун, центральной в империи. Несколько китайских полководцев перебежали на его сторону. Гарнизоны сдавались без боя.

Утвердив своё положение вдоль всей Великой Китайской стены, осенью 1213 года Темучин посылает три армии в разные концы Китайской империи. Одна из них, под командованием трёх сыновей Чингисхана — Джучи, Чагатая и Угэдея, направилась на юг. Другая под предводительством братьев и полководцев Чингисхана двинулась на восток к морю. Сам Чингисхан и его младший сын Толуй во главе основных сил выступили в юго-восточном направлении. Первая армия продвинулась до самого Хонана и, захватив двадцать восемь городов, присоединилась к Чингисхану на Великой Западной дороге. Армия под командованием братьев и полководцев Темучина захватила провинцию Ляо-си, а сам Чингисхан закончил свой триумфальный поход лишь после того, как достиг морского скалистого мыса в провинции Шаньдунь. Но то ли опасаясь междоусобиц, то ли вследствие иных причин он решает весной 1214 года вернуться в Монголию и заключает с китайским императором мир, оставив ему Пекин. Однако не успел предводитель монголов уйти за Великую Китайскую стену, как китайский император перевел свой двор подальше, в Кайфын. Этот шаг был воспринят Темучином как проявление враждебности, и он снова ввёл войска в империю, теперь обречённую на гибель. Война продолжилась.



Походы Чингисхана и его полководцев

Войска чжурчжэней в Китае, пополнившись за счёт аборигенов, сражались с монголами до 1235 года по собственной инициативе, но были разбиты и истреблены преемником Чингисхана Угэдеем.

44.95.6. Борьба с Кара-киданьским ханством

Вслед за Китаем Чингисхан готовился к походу в Казахстан и Среднюю Азию. Особенно его привлекали цветущие города Южного Казахстана и Жетысу. Осуществить свой план он решил через долину реки Или, где располагались богатые города и правил ими давний враг Чингисхана — хан найманов Кучлук.

Пока Чингисхан завоевывал все новые города и провинции Китая, беглый найманский хан Кучлук попросил давшего ему убежище гурхана помочь собрать остатки армии, разбитой при Иртыше. Заполучив под свою руку довольно сильное войско, Кучлук заключил против своего сюзерена союз с шахом Хорезма Мухаммедом, до этого платившим дань каракитаям. После короткой, но решительной военной кампании союзники остались в большом выигрыше, а гурхан был вынужден отказаться от власти в пользу незваного гостя. В 1213 году гурхан Чжилугу скончался, и найманский хан стал полновластным правителем Семиречья. Под его власть перешли Сайрам, Ташкент, северная часть Ферганы. Став непримиримым противником Хорезма, Кучлук начал в своих владениях гонения на мусульман, чем вызвал ненависть оседлого населения Жетысу. Правитель Койлыка (в долине реки Или) Арслан хан, а затем и правитель Алмалыка (к северо-западу от современной Кульджи) Бу-зар отошли от найманов и объявили себя подданными Чингисхана.

В 1218 году отряды Джэбэ совместно с войсками правителей Койлыка и Алмалыка вторглись в земли каракитаев. Монголы завоевали Семиречье и Восточный Туркестан, которыми владел Кучлук. В первой же битве Джэбэ разгромил найманов. Монголы разрешали мусульманам публичное богослужение, запрещенное ранее найманами, что способствовало переходу всего оседлого населения на сторону монголов. Кучлук, не сумев организовать сопротивление, бежал в Афганистан, где был пойман и убит. Жители Баласагуна -открыли ворота монголам, за что город получил название Гобалык «хороший город». Перед Чингисханом открылась дорога в пределы Хорезма.

44.95.7. Завоевание Средней Азии

Основная статья: **Монгольское завоевание Средней Азии**

На запад

После завоевания Китая и Хорезма верховный владыка монгольских клановых вождей Чингисхан послал на разведку «западных земель» сильный кавалерийский корпус под командованием Джэбэ и Субедея. Они прошли по южному берегу Каспийского моря, затем, после разорения Северного Ирана, проникли в Закавказье, разбили грузинскую армию (1222) и, продвигаясь на север вдоль западного берега Каспийского моря, встретили на Северном Кавказе объединённое войско половцев, лезгинов, черкесов и аланов. Произошёл бой, который не имел решительных последствий. Тогда завоеватели внесли раскол в ряды неприятеля. Они одарили половцев и обещали их не трогать. Последние стали расходиться по своим кочевьям. Воспользовавшись этим, монголы легко разбили аланов, лезгинов и черкесов, а затем разбили по частям и половцев. В начале 1223 года монголы вторглись в Крым, взяли город Сурож (Судак) и снова двинулись в половецкие степи.

Половцы бежали на Русь. Уходя от монгольского войска, хан Котян через своих послов просил не отказать ему в помощи своего зятя Мстислава Удалого, а также Мстислава III Романовича, правящего великого князя Киевского. В начале 1223 года в Киеве был созван большой княжеский съезд, где было достигнуто соглашение, что вооружённые силы князей Киевского, Галицкого, Черниговского, Северского, Смоленского и Волынского княжеств, объединившись, должны поддержать половцев. Сборным местом для русской объединённой рати был назначен Днепр, близ острова Хортица. Здесь и были встречены посланцы из монгольского лагеря, предлагавшие русским военачальникам порвать союз с половцами и вернуться на Русь. Учитывая опыт половцев (которые в 1222 году пошли на уговоры монгол нарушить свой союз с аланами, после чего Джэбэ разбил алан и напал на половцев) Мстислав казнил посланцев. В **битве на реке Калка** войска Даниила Галицкого, Мстислава Удалого и хана Котяна, не известив остальных князей решили самостоятельно «расправиться» с монголами переправились на восточный берег, где 31 мая 1223 года были полностью разгромлены при пассивном созерцании этого кровопролитного сражения со стороны основных русских сил во главе с Мстиславом III, расположившимся на возвышенном противоположном берегу Калки.

Мстислав III, огородившись тыном, в течение трёх дней после битвы держал оборону, а затем пошёл на соглашение с Джэбэ и Субедаем о сложении оружия и свободном отходе на Русь, как не участвовавший в битве. Однако он, его войско и доверившиеся ему князья были вероломно пленены монголами и жестоко замучены как «изменники собственному войску».

После победы монголы организовали преследование остатков русского войска (лишь каждый десятый воин вернулся из Приазовья) разрушая на днепровском направлении города и деревни, захватывая в плен мирных жителей. Однако дисциплинированные монгольские военачальники не имели приказа задерживаться на Руси. Вскоре они были отозваны Чингисханом, который посчитал, что основная задача разведывательного похода на запад успешно решена. На обратном пути у устья Камы, войска Джэбэ и Субедея потерпели серьёзное поражение от волжских булгар, отказавшихся признать над собой власть Чингисхана. После этой неудачи монголы спустились вниз к Саксину и прикаспийскими степями возвратились в Азию, где в 1225 году соединились с главными силами монгольского войска.

Оставшимся в Китае монгольским войскам сопутствовал такой же успех, что и армиям в Западной Азии. Монгольская империя была расширена за счёт нескольких новых завоёванных провинций, лежавших к северу от Жёлтой реки, за исключением одного-двух городов. После смерти императора Сюинь-Цзуна в 1223 году Северная Китайская империя практически прекратила своё существование, и границы Монгольской империи почти совпали с границами Центрального и Южного Китая, управлявшегося императорской династией Сун.

44.95.8. Смерть Чингисхана

Империя Чингисхана на момент его смерти

По возвращению из Центральной Азии Чингисхан ещё раз провёл свою армию по Западному Китаю. Согласно Рашид-ад-дину осенью 1225, откочевав к границам Си Ся, во время охоты Чингисхан упал с лошади и сильно расшибся. К вечеру у Чингизхана начался сильный жар. Вследствии чего на утро был собран совет, на рассмотрении которого стоял вопрос "отложить или нет войну с тангутами". На совете не присутствовал старший сын Чингизхана Джучи, к которому и так было

сильное недоверие, по причине его постоянных уклонений от приказов отца. Чингизхан приказал, чтобы войско выступило в поход к Джучи и покончило с ним, однако поход не состоялся, так как пришла весть о его кончине. Чингизхан проболел всю зиму 1225-1226 гг.

… Обстоятельства смерти Джучи опять-таки темны и запутанны. По официальной версии, «озвученной» придворным историком Чингисхана Рашид ад-Дином, Джучи умер в кипчакских степях от какой-то болезни, как раз в то самое время, когда Чингисхан хотел поручить ему возглавить поход на башкир, волжских булгар и русских. Но это именно что точка зрения официального историографа. К тому же Джучи умер в начале 1227 года, а поход, о котором идет речь, совершил Батый, и только через десять лет. Неужели поход десять лет откладывался из-за отсутствия главнокомандующего? Так что есть вроде бы основания сомневаться и в «официальной» версии смерти первенца Чингисхана, и в том, что в 1227 году Чингисхан уже планировал большой поход на север.

Арабский книжник Джузджани приводит другую версию: якобы Джучи, очарованный степной страной Дешт-и-Кипчак, стал думать, что в мире нет лучшего места - и уже не стремился к дальнейшим походам. Более того, он якобы собрался устроить заговор против отца, умертвить его на охоте, заключить мир с Хорезмом, восстановить разрушенное и осесть в Дешт-и-Кипчак, став правителем этой страны. Его брат Чагатай каким-то образом об этих планах проведал и немедленно известил отца. Как многие властители в подобной ситуации, Чингисхан не стал возбуждать официального следствия и предавать дело огласке -он попросту послал доверенных людей, которые то ли подсыпали Джучи яду, то ли выждали момент, когда он на охоте отделился от свиты, сломали спину и бросили в камышах...

Вот только одно многозначительное дополнение: автор этой версии Джузджани Чингисхана ненавидел, вынужден был бежать после разгрома Хорезма в Индию и там, по обычаю всех «политэмигрантов», писал книги сугубо «антитатарского» содержания, старательно выставляя Чингисхана и его земляков выродками человечества, повинными во всех смертных грехах...

Однако не все так просто. Версию о заговоре и убийстве поддерживает и автор «Алтан тобчи», то ли Лубсан Данзан, то ли попросту анонимный книжник-лама: старший сын Чингиса «задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очин Сэчен и дал ему яд».

А впрочем... И так - негладко, и этак - неладно. Автор «Алтай тобчи», кто бы он ни был, писал свою книгу через четыреста с лишним лет после событий и мог полагаться исключительно на труды предшественников. Он настолько плохо знает историю татар, что называет Джучи Чагатаем - хотя из текста ясно, что речь идет все же именно о Джучи.

Есть еще третья версия, основанная на степном *фольклоре* - в Великой Степи традиция устных сказаний очень развита, и память о событиях держится порой сотни лет. Так вот, степные предания в один голос твердят, что Джучи умер *не своей смер тью* - но виной тому отнюдь не человеческие руки. Вариантов три: Джучи, преследуя стадо маралов, упал с коня, сломал себе шею и умер; его растоптало стадо куланов, когда он на охоте вылетел из седла; на Джучи напал тигр (в те времена тигры в кипчакских степях еще водились).

Весной 1226 Чингисхан вновь возглавил войско и монголы перешли границу Си Ся в низовьях реки Эдзин-Гол. Тангуты и некоторые союзные племена были разбиты и потеряли несколько десятков тысяч убитыми. Мирное население Чингисхан отдал на поток и разграбление войску. Это было начало последней войны Чингисхана, рассчитанной на полное истребление тангутского народа. В декабре монголы форсировали Хуанхэ и вышли в восточные районы Си Ся. Под Линчжоу произошло столкновение со стотысячной армией тангутов с монголами. Тангутская армия была полностью разгромлена, Линчжой пал. Путь на столицу Си Ся теперь был открыт.

Угедей, третий сын Чингисхана и его преемник

Зимой 1226-1227 гг. началась последняя осада Чжунсина. Весной и летом 1227 года тангутское государство было практически уничтожено, а столица была обречена. Падение столицы Си Ся связана непосредственно со смертью Чингизхана, который скончался под ее стенами. Согласно Рашид-ад-дину, он умер до падения столицы тангутов. По данным "Юань-ши" Чингизхан умер, когда жители столицы начали сдаваться. "Сокровенное сказание" рассказывает что Чингизхан принял с дарами тангутского правителя, но почувствовав себя плохо приказал его убить. А затем приказал взять столицу и покончил с тангутским государством, после чего скончался. Многое об обстоятельстве смерти Чингизхана в летописях упущено и противоречиво, также разные источники трактуют разную причину смерти - внезапная болезнь, болезнь от нездорового климата тангутского государства, следствие падение с лошади. С уверенностью можно сказать: умер он в начале осени (или в конце лета) 1227 года на территории тангутского государства Си Ся сразу после падения столицы Чжунсин (современный город Иньчуань) и уничтожения тангустского государства.

Где был захоронен Чингизхан до сих пор не установлено, все источники приводят разные места и возможные процессии погребения. Согласно завещанию, преемником Чингисхана стал его третий сын Угедей.

44.95.9. Личность Чингисхана

Основные источники, по которым мы можем судить о жизни и личности Чингисхана, были составлены уже после его смерти (особенно важно среди них «Сокровенное сказание»). Из этих источников мы получаем довольно подробные сведения как о наружности Чингиса (высокий рост, крепкое телосложение, широкий лоб, длинная борода), так и о чертах его характера. Происходя из народа, по-видимому, не имевшего до него письменности и развитых государственных институтов, Чингисхан был лишён книжного образования.

…**Споря с версиями** о том, что покоритель Вселенной был настолько занят военными походами и грабежами, что у него не было времени на самообразование, академик и профессор университета Внутренней Монголии Тэнгуз Баярын заявляет, что он обнаружил эдикт, написанный в 1219 году рукой самого Чингисхана.

Академик Баярын сообщил, что послание даосскому монаху свидетельствует о грамотности Чингисхана. «Этот указ написан на монгольском языке в таком уникальном стиле и тоне, который мог быть присущ только великому правителю», - утверждает Баярын.

До сих пор историки считали, что правитель степных орд был неграмотным, поскольку монгольский письменный язык был создан, когда Чингисхану перевалило за сорок, и времени для учебы у него уже не оставалось.

Тут следует возразить уважаемому академику Поднебесной. Историки и прежде были прекрасно осведомлены о том, что во время взятия Пекина Чингисхан познакомился со знатным китайцем Елюй Чуцаем. Он принадлежал к старинному, родственному монголам, царскому роду киданей. Елюй Чуцай являлся советником последнего императора Алтан-хана. Чингисхану ученый понравился своей статной осанкой, длинной бородой, речью, но, прежде всего, своей верностью и преданностью былым хозяевам. Чингисхан ненавидел предателей и безжалостно рубил им головы.

... Благодаря Елюй Чуцаю многовековая великая китайская цивилизация облагородила варвара-степняка. Он убедил Чингисхана в том, что выгоднее не уничтожать земледельцев и их посевы, а взимать с них налоги, не разрушать города, унося накопленные там богатства, а сохранять их для блага империи. Через века до нас дошел афоризм мудрого старого китайца: «**Царство, завоеванное на коне, не может управляться с коня**».

…В отличие от гунна Аттилы, владевшего языком остготов и латинским, сын баатура Есугая с китайцами и персами разговаривал через толмачей. Однако его дети – «новые монголы» - обучались языку и письменности у уйгуров, единственного в ту пору цивилизованного тюркского народа.

… Древние китайские рукописи свидетельствуют, как в 1220 году великий правитель пригласил в Гиндукуш даосского монаха Чань-чуня и попросил создать для него эликсир жизни. От него правитель узнал принципы даосизма. Чингисхан интересовался мусульманской религией, которую объявил одной из трех официальных – кроме шаманизма и христианства – вероисповеданий своей империи.

С дарованиями полководца он соединял организаторские способности, непреклонную волю и самообладание. Щедростью и приветливостью он обладал в достаточной степени, чтобы сохранить привязанность своих сподвижников. Не отказывая себе в радостях жизни, он оставался чужд излишеств, несовместимых с деятельностью правителя и полководца, и дожил до преклонных лет, сохранив в полной силе свои умственные способности.[*источник?*]

44.95.10. Итоги правления

При покорении найманов Чингисхан познакомился с началами письменного делопроизводства, часть найманов поступила на службу к Чингисхану и была первыми чиновниками в монгольском государстве и первыми учителями монголов. По-видимому, Чингисхан надеялся впоследствии заменить найманов этническими монголами, так как велел знатным монгольским юношам, в том числе и своим сыновьям, учиться языку и письменности найманов. После распространения монгольского владычества, ещё при жизни Чингисхана, монголы пользовались также услугами китайских и персидских чиновников.

В области внешней политики Чингисхан стремился к максимальному расширению пределов подвластной ему территории. Для стратегии и тактики Чингисхана были характерны тщательная разведка, внезапность нападения, стремление расчленить силы противника, устройство засад с использованием специальных отрядов для заманивания неприятеля, маневрирование крупными массами конницы и т. д.

Монголы у стен Багдада. 1258

Повелитель монголов создал величайшую в истории империю, подчинившую в XIII веке огромные пространства Евразии от Японского моря до Чёрного. Им и его потомками сметены с лица земли великие и древние государства: государство Хорезмшахов, Китайская империя, Багдадский халифат, покорена большая часть русских княжеств. Громадные территории были поставлены под управление степного закона «Яса».

Но в отличие от других завоевателей на протяжении сотен лет до монголов, господствовавших над Евразией, только Чингисхан сумел организовать стабильную государственную систему и сделать так, что Азия выступила перед Европой не просто неизведанным степным и горным пространством, но консолидированной цивилизацией. Именно в её границах потом началось тюркское возрождение исламского мира, своим вторым натиском (после арабов) чуть было не добившего Европу.

В 1220 Чингисхан основал **Каракорум** — столицу Монгольской империи.

Место, где располагался Каракорум, в наши дни

Монголы почитают Чингисхана как величайшего героя и реформатора, почти как воплощение божества. В европейской (в том числе и русской) памяти он остался чем-то вроде предгрозового багрового облака, которое появляется перед страшной, всё очищающей бурей.

44.95.11. Потомки Чингисхана

Основная статья: **Чингизиды**

У Тэмуджина и его любимой жены Бортэ было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдэй, Толуй. Только они и их потомки могли претендовать на высшую власть в государстве. У Тэмуджина и Бортэ также были дочери:

- Ходжин-бэги, жена Буту-гургэна из рода икирес;
- Цэцэйхэн (Чичиган), супруга Иналчи, младшего сына главы ойратов Худуха-бэки;
- Алангаа (Алагай, Алаха), вышедшая замуж за нойона онгутов Буянбалд (в 1219 году, когда Чингисхан выехал на войну с Хорезмом, он поручил ей государственные дела в свое отсутствие, поэтому зовется также Төр засагч гунж (правительница-принцесса);
- Тэмулэн, жена Шику-гургэна, сына Алчи-нойона из хонгирадов, племени её матери Бортэ;
- Алдуун (Алталун), вышедшая замуж за Завтар-сэцэна, нойона хонгирадов.

У Тэмужина и его второй жены меркитки Хулан-хатун, дочери Дайр-усуна, были сыновья Кюльхан (Хулугэн, Кулкан) и Харачар; а от татарки Есугэн (Есукат), дочери Чару-нойона — сыновья Чахур (Джаур) и Хархад.

Сыновья Чингисхана продолжили дело Золотой династии и правили монголами, а также покоренными землями, основываясь на Великой Ясе Чингисхана вплоть до 20-х годов XX века. Даже манчжурские императоры, которые правили Монголией и Китаем с XVI по XIX век, были потомками Чингисхана, так как для своей легитимности женились на монгольских принцессах из золотой фамильной династии Чингисхана. Первый премьер-министр Монголии XX века Чин Ван Ханддорж (1911—1919), а также правители Внутренней Монголии (до 1954 года) являлись прямыми потомками Чингисхана.

Фамильный свод Чингисхана ведется до XX века; в 1918 году религиозный глава Монголии Богдо-гэген издал приказ о сохранении *Ургийн бичиг* (фамильного списка) монгольских князей. Этот памятник хранится в музее и называется «Шастра государства Монголия» (*Монгол Улсын шастир*). Многие прямые потомки Чингисхана из его Золотого рода живут в Монголии и Внутренней Монголии (КНР), а также в других странах.

44.95.12. Генетические исследования

Согласно исследованиям Y-хромосомы, около 16 миллионов мужчин, живущих в Центральной Азии, происходят строго по мужской линии от одного предка, жившего 1000±300 лет тому назад. Очевидно, этим мужчиной мог быть только Чингисхан или кто-либо из его непосредственных предков[3][4][5].

Хронология основных событий

- *1162 год* - Рождение Темучина (также вероятные даты - 1155 и 1167 года).
- *1184 год* (приблизительная дата) - Пленение меркитами жены Темучина - Бортэ.
- *1184/85 год* (приблизительная дата) - Освобождение Бортэ при поддержке Джамухи и Тогорил-хана. Рождение старшего сына Чингисхана - Джучи.
- *1185/86 год* (приблизительная дата) - Рождение второго сына Чингисхана - Чагатая.
- *Октябрь 1186 года* - Рождение третьего сына Чингисхана - Угэдэя.
- *1186 год* - Свой первый улус Темучина (также вероятные даты - 1189/90 года), а также поражение от Джамухи.
- *1190 год* (приблизительная дата) - Рождение четвёртого сына Чингисхана - Толуя.
- *1196 год* - Объединенные силы Темучина, Тогорил-хана и войск Цзинь наступают на племя татар.
- *1199 год* - Нападение и победа объединенных сил Темучина, Ван-хана и Джамухи над племенем найманов во главе с Буйрук-ханом.
- *1200 год* - Нападение и победа совместных сил Темучина и Ван-хана над племенем тайчиутов.
- *1202 год* - Нападение и уничтожение племени татар Темучином.
- *1203 год* - Нападение кераитов, племени Ван-хана, с Джамухой во главе войска на улус Темучина.
- *Осень 1203 года* - победа над кереитами.
- *Лето 1204 года* - победа над племенем найманов во главе с Таян-ханом.
- *Осень 1204 года* - победа над племенем меркитов.
- *Весна 1205 года* - Нападение и победа над сплоченными силами остатков племени меркитов и найманов.
- *1205 год* - Предательство и сдача Джамухи его нукерами Темучину и вероятная казнь Джамухи.
- *1206 год* - На курултае Темучину присваивают титул "Чингисхан".
- *1207 - 1210 года* - Нападения Чингисхана на государство тангутов Си Ся.
- *1215 год* - Падение Пекина.
- *1219-1223 года* - Завоевание Чингисханом Средней Азии.
- *1223 год* - победа монголов во главе с Субэдэем и Джебе на реке Калка над русско-половецким войском.
- *Весна 1226 года* - Нападение на государство тангутов Си Ся.
- *Осень 1227 года* - Падение столицы и государства Си Ся. Смерть Чингисхана.

См. также **Чингиз-Хан**, Д'Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана. Париж, 1935, Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. *Империя Чингис-хана*. М.: Восточная литература, 2006. ISBN 5-02-018521-3 , Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова, 1952, Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой, 1952, Юань-чао би-ши. Сокровенное сказание монголов. Пер. С. А. Козина, 1941, Юань ши. История династии Юань. — М.: Пекин, 1976, **Варварская галерея / Персидская миниатюра**, *Р. Храпачевский* **Авторский взгляд на историю России**, **Бушков Александр - Чингисхан**

Вернуться к ссылке

44.96. Рашид ад-Дин

Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани (**Рашид ад-Доулэ**; **Рашид ат-Табиб** — «врач Рашид»)[1] (ок. 1247, Хамадан — 18 июля 1318, Тебриз) — иранский государственный деятель, врач и учёный-энциклопедист; везир государства ильханов Ирана (1298—1317) . Поступил на государственную службу в период правления Абака-хана (1265—1282). При Газане (1295—1304) выдвинулся на ведущие роли, стал везиром Высочайшего дивана и осуществил важнейшие экономические реформы. При хане Ольджайту (1304—1316) фактически был первым лицом в управлении государством. В начале правления Абу Саида (1316—1335) из-за интриг политических противников утратил власть, а затем по ложному обвинению был казнён.

Составил исторический труд на персидском языке Джами' ат-таварих («Сборник летописей»), являющийся важнейшим историческим источником, особенно по истории Монгольской империи и Ирана Хулагуидов. Большую источниковедческую ценность представляет также переписка Рашид ад-Дина.

Происхождение

Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани родился около 1247 года в иранском городе Хамадане. Считается, что он происходил из незнатной семьи учёных евреев. Дед Рашид ад-Дина врач Муваффик ад-Доулэ находился в окружении низаритского имама Рукн ад-Дина Хуршаха.[2] После падения исмаилитских крепостей в конце 1256 года перешёл вместе со своим сыном (отцом Рашида) на службу к монгольскому хану Хулагу.

Рашид ад-Дин до перехода в ислам (около 1277 года, дата спорна) был известен как Рашид ад-Доулэ. После казни в 1318 году его голову носили по Тебризу, «возглашая о казни „неверного еврея“». [3]

С другой стороны, информация о еврейском происхождении Рашид ад-Дина исходит из лагеря его врагов и потому вызывает сомнения.[4] Дело в том, что после казни еврейского купца Са'д ад-Доулэ (1291), служившего с 1289 года везиром при ильхане Аргуне (1284—1291) и ненавидимого мусульманами, обвинение в принадлежности к евреям было верным средством опорочить противника. Так или иначе, в период своей службы при дворе Рашид ад-Дин выказывал себя ревностным мусульманином-суннитом шафиитского толка — господствующей идеологии в среде персидской гражданской бюрократии того времени.

Политическая карьера

Обращение Газан-хана в ислам

Рашид ад-Дин поступил на государственную службу в период правления Абака-хана (1265—1282). Он служил, вероятно, в финансовом ведомстве, и в то же время был придворным врачом. Медицина в средние века не была отделена от других естественных наук, которые, как и математика, алхимия и астрология, особенно ценились монгольскими ильханами. Репутация учёнейшего врача и ботаника весьма способствовала укреплению авторитета Рашид ад-Дина.

Будучи придворным врачом ильхана Газана (1295—1304), Рашид смог использовать опалу и казнь везира Садр ад-Дина Халиди, который незадолго до этого провёл неудачную реформу по вводу в обращение бумажных денег, и стать ближайшим советником и одним из двух везиров Газана (1298). Са’д ад-Дин Саведжи номинально был первым везиром и хранителем государственной печати, но фактически на протяжении двух десятилетий всеми делами государства управлял Рашид ад-Дин.

Подтверждением могущества Рашид ад-Дина служит тот факт, что десять из четырнадцати его сыновей были наместниками Багдада, Киннесрина, восточной Малой Азии (Рума), Грузии, Ардебиля, Исфахана, Фарса, Хузистана, Кермана и Дамгана. Некоторыми областями (Рахб и Хадис) управляли его племянник и его вольноотпущенники (Басра).

Реформы

К началу правления Газан-хана государство находилось в глубоком экономическом кризисе. Осознавая необходимость перемен, молодой хан при вступлении на престол, по совету эмира Ноуруза, принял ислам и сделал его государственной религией. Этот шаг позволил ему достичь сближения с иранской духовной и чиновной знатью, заинтересованной в укреплении центральной власти. Этой же цели служило выдвижение на высший пост потомственного чиновника Рашид ад-Дина.

Государь ислама Газан-хан, да укрепит господь навеки его владычество и да продлит навеки его правосудие и милость, благословенные намерения посвятил тому, что является чистейшим благодеянием и настоящим правосудием, и все высокие помыслы направил к тому, чтобы

поправить изъяны, объявившиеся в государственных делах, и совершенно устранить новшества и злодеяния.

— *Джами' ат-таварих* [5]

В Рашид ад-Дин приписывает все заслуги в проведении реформ исключительно ильхану. Однако переписка Рашида показывает, что в основу реформ Газана были положены политические идеи его везира.[4] Рашид ад-Дин был сторонником укрепления центральной власти. Его политическим идеалом было государство Сельджуков времён Низам аль-Мулька и Малик-шаха.[6] Рашид считал необходимыми: усвоение ильханом и монгольской элитой традиций иранской государственности; борьбу с центробежными стремлениями монголо-тюркской кочевой знати; твёрдую фиксацию размеров ренты-налога и оздоровление финансового аппарата для облегчения положения *ра'ийатов* — крестьян и небогатых горожан — и поднятия их податной платёжеспособности; восстановление разрушенных ирригационной системы и сельского хозяйства, ремесла, торговли и городской жизни.

Важнейшие реформы были проведены в налоговой сфере. Была запрещена раздача *бератов* (ассигновок), дававших право откупщикам получать жалование из сумм налогов той или иной области, что приводило к полному разорению крестьян и оскуднению казны. Теперь сбором налогов должны были заниматься государственные чиновники. В связи с этим были установлены строго фиксированные размеры *хараджа* (поземельной подати) и *купчура* (подушной подати) с каждой области в деньгах или долях урожая. Податные расписания, скреплённые печатью, хранились в Тебризе, а в каждой области податная роспись, выбитая на железных листах, каменных плитах или стенах мечетей, должна была быть представлена для общего сведения. Запрещалось требовать с населения налог свыше приведённого в списках.

Серебряный дирхем Газан-хана

Была упорядочена денежная система, а также система мер и весов (по тебризскому стандарту). Вместо различных монет, чеканившихся в разных областях, вводился единый для всего государства дирхем, весивший 2,15 граммов серебра. 6 дирхемов составляли серебрянный динар, а 10 тысяч динаров — счётную единицу *туман*. Реформированная денежная система оказалась настолько удобной, что вскоре была введена и в соседнем государстве Чагатаидов.

Были проведены большие оросительные работы и предприняты меры по заселению заброшенных земель. Например, по приказу Рашид ад-Дина, его сын Джалал ад-дин, правитель Рума, должен был провести канал из реки Евфрат в районе Малатья для орошения 10 поселений в новом поместье Газан-хана. Известно, что сам Рашид затратил до 700 тысяч динаров на восстановление плотины на реке Карун (по-видимому, *Банд-и-Кейсар* — «Кесарева плотина» — в Хузистане).

В результате реформ экономика страны испытала некоторый подъём. Об этом можно судить не только по *Джами' ат-таварих* и переписке Рашид ад-Дина, но и по сообщениям других историков, например, Хафиз-и Абру и Мухаммеда ибн Хиндушаха Нахчевани. Хамдуллах Мостоуфи Казвини в географическом труде *Нузхат ал-кулуб* (около 1340 года) рисует картину хозяйственного подъёма в ряде районов Ирана. [7] Общий доход государства увеличился с 17 миллионов до 21 миллиона динаров в год.[8] Благотворное влияние реформ чувтвовалось даже во времена Джелаиридов (около 1360 года). По мнению историков, именно реформам Газан-хана и Рашид ад-Дина государство Хулагуидов обязано ещё несколькими десятилетиями существования. В то же время, крупномасштабная раздача земель в *икта'* стало одной из главных причин будущего распада.[6]

Положение при Ольджайту

При наследнике и брате Газана ильхане Ольджайту, сохранялась политическая линия, проложенная реформами. Сохранил своё влияние и Рашид ад-Дин. Посредством интриг, обычных для придворных чиновничьих кругов, ему удавалось устранять своих политических противников. Рашид удалил от двора ходжу Хибетуллаха, в 1312 году обвинил и погубил первого

везира Са'д ад-Дина Саведжи, когда тот попытался интриговать против него. После этого его товарищем по везирату стал купец-уртак — член крупной торговой компании — Тадж ад-Дин Алишах Гиляни.

Утрата власти и казнь

Абу-Саид Бахадур-хан, сын Ольджайту-хана, вступил на престол в двенадцатилетнем возрасте (1316). Фактическим правителем при нём стал эмир Чобан, происходивший из монгольского племени сулдуз. Благодаря поддержке Чобана усилился второй везир Тадж ад-Дин Алишах. Интригами он сначала отстранил Рашид ад-дина от власти (1317), а затем ложно обвинил его в отравлении хана Ольджайту, которого Рашид ад-Дин лечил, как придворный врач. Он был признан виновным и казнён (перерублен мечом пополам) вместе с сыном Ибрахимом, кравчим хана, 18 июля 1318 года. Всё имущество Рашид ад-Дина было конфисковано и разграблено, но после казни эмира Чобана в 1327 году, во время везирата Рашидова сына Гийяс ад-Дина Мухаммада Рашиди (1327—1336), следовавшего политическим традициям отца, поместья были возвращены его сыновьям, а доброе имя восстановлено. Однако в 1407 году при правителе Западного Ирана Мираншахе, сыне Тимура, останки Рашид ад-дина были изъяты с мусульманского кладбища Тебриза и перезахоронены на иудейском.[3]

Владения

Мавзолей Ольджайту в Солтанийе

За годы своего везирата Рашид ад-Дин скопил огромные богатства, которые заключались, прежде всего, в земельных владениях. Это были имения в округах Басры, Мосула, Кермана, Бама, Тебриза, Хузистана, в Малой Азии и других. В районе Дийярбекра по приказу Рашид ад-Дина провели канал, именовавшийся Рашидовым, орошавший 12 основанных здесь селений, названных именами его сыновей.

Рашид ад-Дин владел на правах *мулька* (безусловной собственности) 12 770 *фадданами* (плужными участками), что составляло примерно 70-80 тысяч гектаров пахотных земель (для сравнения — в инджу, то есть личной собственности ильхана Газана было 20 000 фадданов); кроме того, значительные земельные владения были выделены им 14 сыновьям и 5 дочерям.[9] Рашид ад-Дин имел во владении 39 тысяч финиковых пальм, множество садов и виноградников, 250 тысяч баранов, 30 тысяч лошадей, 10 тысяч верблюдов, 20 тысяч кур, 20 тысяч гусей и уток.

Большая часть состояния в 35 миллионов динаров была вложена в товарищества крупных оптовых торговцев [10] — уртаков. Из числа рабов Рашид ад-Дина двести, занятые в торговых операциях, приносили ему ежегодный доход 10 тысяч динаров каждый.[11]

В Тебризе Рашид ад-Дину принадлежал целый квартал Руб'-и Рашиди («Рашидов квартал») в четверть города, построенный им на собственные средства. В этом квартале, согласно письму Рашид-ад-дина к своему сыну Са'д-ад-дину, было до 30 тысяч домов (то есть семейств жителей; эта цифра маловероятна),[11] 24 караван-сарая, 1500 лавок, ткацкие, красильные, бумажные мастерские, много садов, бань, складов, мельниц и монетный двор. Для орошения квартала был специально проведён большой канал, называвшийся Рашиди.

В *Руб'-и Рашиди* работали искусные ремесленники, собранные из разных городов и стран. В медресе квартала обучалось от 6 до 7 тысяч студентов. В квартале была особая «улица улемов», населённая богословами, муэззинами, чтецами Корана. В госпитале Даруш-Шифа («Дом исцеления») работало 50 лучших медиков из Индии, Китая, Египта и Сирии — окулисты, хирурги, костоправы. Каждый из них обучал по 5 молодых рабов Рашид ад-Дина. В библиотеке *Руб'-и Рашиди* было 60 тысяч книг по точным наукам, истории, поэзии и богословию, в том числе и тысяча списков Корана, выполненных выдающимися каллиграфами. После казни Рашида библиотека была разграблена, погибли некоторые его сочинения, хранившиеся там.[10]

Близ Тебриза Рашид ад-Дин восстановил пять запустевших селений, поселив в каждом из них по 20 молодых рабов и по 20 рабынь следующих народов: грузин (гурджийян), курдов (курдийян),

абиссинцев (хабешан), негров (зенгийян) и греков (румийян). Рабы обслуживали два больших садоводческих хозяйства Рашид ад-Дина. Деревни были названы Гурджийян, Курдийян, Хабешан, Зенгийян и Румийян.

В летней столице ильханов городе Солтанийе, достроенном ханом Ольджайту в 1313 году, Рашид ад-Дину также принадлежал возведённый на личные средства квартал Рашидийя с 1500 домами.

Покровительство учёным

Мавзолей Хадаллаха Мостоуфи в Казвине

Рашид ад-Дин оказывал покровительство учёным, служившим под его началом в финансовом ведомстве государства. Известны авторы исторических сочинений Вассаф и Хамдаллах Мостоуфи, выдвинувшиеся благодаря его содействию.

Шихаб ад-Дин Абдуллах ибн Фазлуллах Ширази по прозванию Вассаф (точнее, *Вассаф ал-хазрет* — «Панегирист его величества») написал большой исторический труд по-персидски с арабским заглавием *Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар* («Разделение областей и распределение веков»), известный под названием Тарих-и Вассаф («История Вассафа»). Задумывавшийся как продолжение «Истории мирозавоевателя» Ата Малика Джувейни труд охватывал период с 1257 по 1323 годы. Первые четыре части были закончены и поднесены Ольджайту-хану при посредничестве Рашид ад-Дина в 1312 году, пятая часть закончена в 1328.

Хамдаллах ибн Абу Бекр Мостоуфи Казвини — автор исторического труда Тарих-*и гузидэ* («Избранная история»), законченного в 1330 году и посвящённого везиру Гийас ад-Дину Мухаммаду Рашиди. Также им написаны стихотворная летопись *Зафар-намэ* («Книга победы», закончена около 1335 года) и географический труд Нузхат ал-кулуб («Услада сердец», ок. 1340).

Литературное наследие

Рашид ад-дином был составлен энциклопедический труд *Китаб-ал-ахья ва-л-асар*, содержащий сведения по естествознанию, агротехнике и строительству. Его перу принадлежит комментарий к Корану *Мифтах ат-тафасир* и ещё три труда по шафиитскому богословию, переведённые на арабский язык и известные под общим заглавием Маджму'а-и Рашидийя («Собрание трудов Рашида»).

Мукатабат-и Рашиди (или Муншаат-и Рашиди) — переписка Рашид ад-Дина — содержит ценные сведения об истории Ирана, о политических идеях автора и его хозяйстве. Она состоит из 53 писем, в их числе 4 письма Рашид ад-Дину от разных лиц, остальное — письма, адресованные им сыновьям, различным мусульманским духовным лицам, военным и гражданским чинам. Они были собраны и объединены в книгу под названием *Саваних ал-афкар-и Рашиди* («Думы и размышления Рашида») его секретарем Мухаммедом Аберкухи в период везирата Гийас ад-Дина Мухаммада Рашиди (1327—1336). Наибольший интерес представляет письмо, в котором приведено завещание Рашид ад-Дина с перечислением имений и имущества. Стиль писем неоднороден, возможно, какая-то часть писалась секретарями везира.[6] Существовали малообоснованные сомнения в подлинности переписки. [12]

Наибольшую ценность представляет исторический труд *Джами' ат-таварих*, созданный под редакцией Рашид ад-Дина.

Джами' ат-таварих

Газан-хан на коне. Миниатюра из *Джами' ат-таварих*

Газан-хан, бывший полиглотом и знатоком истории,[13] особое внимание уделял истории собственного народа. В 1300/1301 он приказал Рашид ад-Дину собрать воедино все сведения, касающиеся истории монголов. Основная часть работы, получившая название *Та'рих-и Газани* («Газанова летопись») была поднесена Ольджайту-хану в 1307 г. Полностью труд был закончен к 1310/1311.

Авторство и источники

Над *Джами' ат-таварих* работала под руководством самого Рашид ад-Дина группа авторов. В неё входили два секретаря Рашид ад-Дина — историк Абдаллах Кашани (написавший и самостоятельный труд «История Ольджайту-хана»), и, вероятно, Ахмед Бухари.[14] Они, по-видимому, и были составителями чернового текста, по крайней мере, III раздела I части *Та'рих-и Газани*, то есть истории государства ильханов. В работе принимал участие и эмир Пулад Чжэн-сян, приехавший в Персию из Китая в 1286 году, знаток монгольской истории и обычаев. Как сообщает поэт Шемс-ад-дин Кашани, Рашид ад-Дин и Пулад Чжэн-сян изо дня в день занимались вместе, как учитель и ученик: «счастливый эмир рассказывал, ученый везир записывал с его слов».[15] Много исторических сведений было получено от Газан-хана и от других монголов.

Кроме того, для составления глав, связанных с историей Китая, у Рашид ад-дина было двое китайских учёных; для истории Индии — буддийский монах Камалашри из Кашмира. Есть указания на то, что в работе принимал участие и французский католический монах.[15]

Помимо изустной информации, полученной от знатоков истории, в работе над *Джами' ат-таварих* использовались следующие источники: *Диван-и лугат ат-тюрк* («Собрание тюркских наречий») Махмуда Кашгари, тюркского энциклопедиста XI века; Тарих-*и-джехангуша* («История мирозавоевателя») Ата Малика Джувейни, персидского историка, находившегося на службе ильханов; часть *Алтан дептер* («Золотой книги»), написанной на монгольском языке официальной истории Чингис-хана, его предков и преемников, сохранившейся в архивах ильханов.

В исторической науке дискуссионным остаётся вопрос о роли самого Рашид ад-Дина в создании *Джами' ат-таварих*. Отечественное востоковедение (В. В. Бартольд, И. П. Петрушевский и др.) признаёт заслуги везира ильханов как основного автора и редактора всего труда.[15] В то же время, существуют довольно скептические точки зрения на роль Рашид ад-Дина в работе над этим сочинением.[16] Они главным образом основаны на том факте, что после казни Рашид ад-Дина один из его секретарей — историк Абдаллах Кашани — заявил претензии на авторство *Та'рих-и Газани*.

Композиция

В основу *Джами' ат-таварих* был положен план из двух основных частей. В первую включена история монголов и основанных ими государств, включая Иран Хулагуидов. Вторая часть включала всемирную историю: всеобщую историю до ислама (написанную в исламской исторической традиции); историю халифата и последующих мусульманских государств до монгольского нашествия — Газневидов, Сельджукидов, хорезмшахов, Гуридов, исмаилитов Аламута; историю немусульманских народов и государств — Китая, древних евреев, «франков», римских пап, «римских» (германских) императоров и Индии — согласно их историческим традициям.

> ***Несмотря на то, что летописи некоторых народов, кои суть неверные и идолопоклонники, не согласуются с рассудком [вследствие] пустых вымыслов и вводящих в заблуждение рассказов, [но] они [в этом труде] приведены по той причине, чтобы у людей проницательных [это] было бы поводом для доверия [к полноте истории], а последователи ислама и правоверия по прочтении таких [рассказов] были бы осведомлены о порочных верованиях, уклоняющихся от истины, и, уклоняясь от сущности сего, пребывали бы в исполнении обязанностей похвалы Аллаху за милость руководительства на пути истинной веры…***
>
> — Джами' ат-таварих [17]

Была задумана и третья часть, которая должна была содержать географическое описание «семи климатов» мира, а также всех торговых путей Монгольской империи. Она либо не была написана, либо погибла при разграблении тебризской библиотеки Рашид ад-Дина после его казни в 1318 году.

Значение

Труд *Джами' ат-таварих*, по словам В. В. Бартольда, представлял последнее слово персидской историографии своего времени.[18] По выражению И. П. Петрушевского, он был «среди исторических трудов данного периода на персидском языке единственным в своем роде по замыслу и выполнению». [19]

Рукописи

Русские переводы

«Сборник летописей» — принятый в отечественной исторической литературе перевод заглавия этого труда. Правильнее было бы перевести «Собрание историй», поскольку *Джами' ат-таварих*, как указывает И. П. Петрушевский, «представляет значительный шаг вперед по сравнению с установившимся до него традиционным типом летописных сочинений». [19]

В 1858—1888 годах востоковедом И. П. Березиным был осуществлён частичный перевод *Джами' ат-таварих*.

- Рашид-Эддин. Сборник Летописей. История Монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: О турецких и монгольских племенах / Пер. с персидского, с введением и примечаниями И. П. Березина // Записки импер. Археол. общества. 1858. Т. 14;
- Персидский текст, русский перевод и примечания см.: Труды Восточного отделения Российского Археологического Общества. 1858. Т. V; 1861. Т. VII; 1868. Т. VIII; 1888. Т. XV.

Первое полное издание в четырёх томах было предпринято Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1936 году. К началу Великой Отечественной войны было закончено составление сводного критического персидского текста. Перевод III тома был осуществлён А. К. Арендсом ещё в 1939, но издан лишь в 1946 году. I том в переводе Л. А. Хетагурова и О. И. Смирновой и II том в переводе Ю. П. Верховского увидели свет соответственно в 1952 и 1960 годах.

Примечания

1. ↕ Сохранилась следующая запись его имени: Рашид ал-Хакк ва-д-Дунйа ва-д-Дин Фазлаллах ибн ал-Маула ас-Сахиб ал-'Азим ас-Са'ид, султан ал-хукама ва-л-хуккам фи заманихи 'Имад ад-Даула ва-д-Дин Абу-л-Хайр ибн ал-Маула ас-Сахиб ал-Мадхи Муваффик ад-Даула 'Али ал-Мутатаббиб ал-Хамадани, известный как Рашид ат-Табиб, см.: **Фалина А. И.** Рашид ад-Дин и его переписка **Проверено 7 августа 2008 г.**
2. ↕ Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII веках. М.:"Наука", 1978. С. 234.
3. ↑ 1 2 Электронная еврейская энциклопедия **Проверено 7 августа 2008 г.**
4. ↑ 1 2 Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 17.
5. ↕ **Рашид ад-Дин** Сборник летописей. Т. 3. С. 252-253 **Проверено 7 августа 2008 г.**
6. ↑ 1 2 3 **Фалина А. И.** Рашид ад-Дин и его переписка **Проверено 7 августа 2008 г.**
7. ↕ Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. С. 59.
8. ↕ История Ирана. М.:Издательство МГУ, 1977. С. 156.
9. ↕ История Ирана. М.:Издательство МГУ, 1977. С. 153.
10. ↑ 1 2 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. **Проверено 7 августа 2008 г.**
11. ↑ 1 2 Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 21.
12. ↕ Например, Р. Леви считал, что это подделка, выполненная в Индии не ранее XV века. См.: Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 8.
13. ↕ Бартольд В. В. Сочинения… Статья «Газан Махмуд». С. 494—495.
14. ↕ Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 25.
15. ↑ 1 2 3 Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 26.
16. ↕ Например, французский историк Блоше (E. Blochet. Introduction a l'histoire des Mongols de Raschid-ed-din. Leyden—London, 1910.). Можно привести также точку зрения Л. Н. Гумилёва: «Замысел был поистине грандиозен*, но Рашид ад-дин… имел идеи и желание,*

но не имел ни времени, ни навыков обращения с материалом, не знал приемов исторической критики и, следовательно, не мог отличать достоверные версии от искаженных. Короче говоря, великий финансист историю писать не умел. Но это его не смутило. В Персии в то время было много безработных образованных людей. Везир пригласил их и поручил собирать материалы, что те и выполнили. Затем эти материалы и выписки, не сверяя и не критикуя достоверность сведений, подшили, переплели и представили ильхану, который тоже не стал вникать в текст, а просто наградил составителя». (Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства.)

17. ↑ **Рашид ад-Дин** Сборник летописей. Т. 1., кн. 1. С. 51 **Проверено 9 августа 2008 г.**
18. ↑ Бартольд В. В. Сочинения… С. 292.
19. ↑ [1] [2] Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. С. 7.

Библиография

Сочинения Рашид ад-Дина

- *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1, кн. 1.
- *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой,редакция проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1, кн. 2.
- *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. — Т. 2.
- *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. — Т. 3.
- *Рашид ад-Дин.* Переписка. — М.: «Наука», 1971.

Литература

- *Бартольд В. В.* Сочинения: Работы по исторической географии и истории Ирана.. — М.: «Наука», 1971. — Т. 7.
- Беленицкий А. М., *Петрушевский И. П.*, Пигулевская И. В., Строева Л. В., *Якубовский А. Ю.* Рабовладельческое общество в Иране // История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. — Л.: 1958.
- Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. / Отв. редактор академик И. А. Орбели. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. — 492 с.
- Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1. — С. 5—38.
- Фалина А. И. Рашид ад-Дин и его переписка // Рашид ад-Дин. Переписка. — М.: «Наука», 1971.
- **Lunde P., Mazzawi R.** A History of the World**(англ.)** ***журнал Saudi Aramco World.* Aramco Services Company.**
- **Петрушевский И. П.** Рашидаддин ***Большая Советская Энциклопедия***
- Рашид ад-Дин **— на сайте *Восточная литература.***
- Рашид ад-Дин **— в *Электронной еврейской энциклопедии.***

Вернуться к ссылке в главе 11

Вернуться к ссылке в главе

Вернуться к ссылке в главе

Вернуться к ссылке в главе

44.97. Чёрные Клобуки

…**Половцы те же по сути печенеги**. Имя это у русских, может, им от пространных полей или степей данное, Стрыковский полагает, что от плена, которым они русские пределы опустошали, или от полевания, т. е. охоты за зверьми. Сами они звались команами, или куманами.

…До 9-го века половцы жили на востоке от р.Урал; по Ахмед- Заки Валидову они жили к западу от р. Иртыш. В 890 году кыпчаки перешли р.Урал, напали на печенегов в разорвали их надвое - на восточных (предков нынешних каракалпаков), и западвых (известных под именем "черных клобуков", т.е. тоже каракалпаков); в 900-1200 годах кыпчаки жили от Волги до Днепра и делали набеги на южную Россию.

ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ - у киевлян общее прозвище племен, прикочевавших к лесостепным границам Киевской Руси после того, как Подонские степи заняли Кыпчаки-Половцы. Русские стали так их называть но внешнему виду, чёрным войлочным шапкам. Летописцы часто называют их и отдельными племенными именами, чаще всего Торками и Берендеями. У Константина Багрянородного это "Узы" (см). В летописях для Берендеев встречается и наименование Перендеи. Если считать, следуя русскому историку Татищеву, что имя Торков произошло от сарматского "гневливый" или от скандинавского языческого бога Тора, то можно с уверенностью признать в имени Перендий точный перевод названия этого бога. Соответственно с понятиями славянскими, Перундив, как и скандинавский Тор, бог грома и молнии. И не случайно о таинственны" Берендеях на Руси возник ряд легенд и сказок мистического содержания. Торетов вспоминают на Кавказе самые ранние греческие географы. На Днепр они пришли с давно сложившейся бытовой культурой и, без сомнения, с сильным отпечатком долгого сожительства с Казарскими Славянами. Берендеи по имени, ближе всего к Береңджерам арабских авторов. При многоразличных "разночтениях" древних рукописей, нет ничего необычайного в том, что сами Арабы пишут это имя "Баранджер", что у Армян оно обратилось в "Варанждин" и "Варачан", у персидских географов пишется, как "В. Н. НД. Р", а в русских летописях, как Берендичи, Берендея, Перендеи.

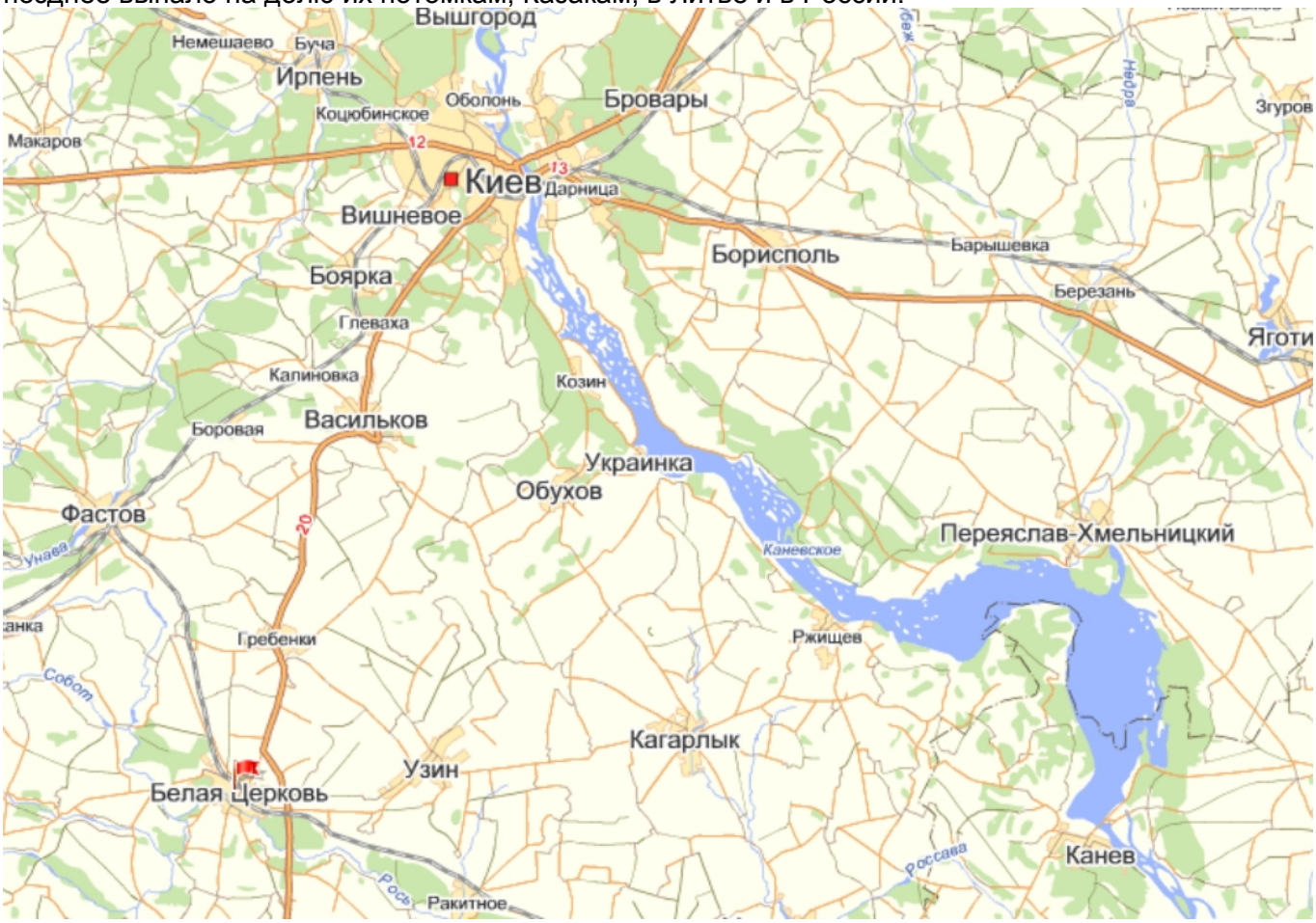
Страна, горы и реки в районе Терека, где вначале проживали Береңджеры, носили их имя. Иногда в источниках оно заменяется названием Басилы, в котором не трудно узнать Базилеев древности. В стране Береаджер христианство господствовало уже в VII в. По Плинию там же когда-то жили Удзы. Все они могли быть и Туранцы и Кавказские Славяне и туранославянской смесью. Но в годы 721-37 Арабы уничтожали их во множестве, топили в реках или просто убивали. Части же их удалось скрыться на север. Во всяком случае, Ибн Фадлан в 922 г, видел в Камском Булгаре пять тысяч Баранджеров, а персидские географы того же столетия знали христиан В.Н.НД.Р. на Верхнем Дону, южнее Окских Угро - Финнов, Маджар. Как они попали на Дон, рассказывает Константин Багрянородный. Ему они были известны под общим с Торками именем **Узов** (см. **УЗЫ**). В 948 году он писал: "Пятьдесят лет назад, так называемые Узы договорились с Казарами; сообща с ними побили Печенегов в сражении и изгнали их из их собственной страны, которую так называемые Узы занимают до сих пор". О том, где до этого времени жили Печенеги, Татищев говорит: "Оные прежде жили между Дона и Волги, до Яика, а последи до Дуная распространился. Это же подтверждает и археология, Следовательно, после изгнания Печенегов и до прихода в наши стели Половцев (1060 год), Ч. К., Торки и Берендеи, проживали между Верхним Доном и Волгой и ниже по Дону, где персидская география (Гудуд ал Алэм) указывает В.Н.НД.Р., два племени Б. Радас (Бродников) и Казарских Печенегов. Все эти выходцы с Кавказа, несомненно, находились и в державе Томаторканской, где составляли кадры касажской и хазарской дружины Мстислава Храброго. После же того, как Половцы заняли наши степи, они ушли от них на запад и оказались при границах Киевской Руси. После этого ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ почти два века находились в состоянии непримиримой вражды и непрерывной войны с Половцами. Поэтому видеть между ними какие-либо родственные связи немыслимо.

В. Н. Татищев, ранний русский историк, составил подробный летописный свод, для которого имел возможность использовать и списки, после бесследно исчезнувшие из архивов. В

летописях, по его словам, "их историки разно имянуют, яко торки, печенеги, козары, черники, клобуки и берендеи, мню, что разные смешаны были" (История Российская, т. 1, примечание к главе 26). "И было их войско немалое, иногда козарами прозванное, иногда же поршане или поросяне от реки" (там же том П, примечание к гд, 5-й и 6-й). "Они их разно имяновали. Видно ж, что в одном месте у одного торки или козары, у другого берендеи" у третьего черные клобуки" (там же той IV, примечание к главе 11).

Наряду с туранскими именами их вождей: Моначкж, Сатмаз, Каракозь, Мнюз, Карас, Кокей, в летописях обнаруживаются и имена со звучанием алан" - скандинавским: Чекоман, Тошман, Кулдьяр, Кондувдый, Тудор. Вообще, ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ, стали народом, пережившим основательную метисацию. По данным археологии: "Торки, прошедшие по южнорусским степям, были настолько смешаны с другими народами и, в частности, с Печенегами, что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным" (С. А. Плетнева, МИА 62, стр. 165).

Попав в непосредственное соседство с Киевской Русью, ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ заняли положение, известное в истории под термином "федераты" (см.). Они участвовали в ее политической жизни и в княжеских междоусобиях, помогали в борьбе со степными кочевниками. По словам Татищева, их пребывание там каждый князь потому "видел за полезнейшее, что в Черных клобуках много было мужей искусных и храбрых, понеже непрестранно себя обороняя или исча прибытка, в войне пребывали". Значение их в политической жизни древней Руси было подобно тому, какое позднее выпало на долю их потомкам, Казакам, в Литве и в России.



С крупными и малыми владетелями на Руси ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ заключали договоры в своих собственных интересах и без всякого принуждения с их стороны. Одним из многих примеров подобного соглашения приводит Ипатьевская летопись под годом 1159; племенные вожди Берендеев и Торков послали к Мстиславу предложение "Аще ны хощеши любити, яко же ны есть любил отец твои н по городу ны даси по девшему, то мы на тон отступим от Изяслава: Мстислав рад был речи той... и яся им по всю волю их". Они жили в отданных им на кормление городах,

между Русами, но основали и несколько своих; Торческ, Саков, Берендичев[160], Берендеево, Ижеславль, Урнаев и др.

ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ получили у Русов наименование по внешнему виду, чёрным войлочным шапкам. Оно возникло в народе, но так же их называли и летописцы. С развитием же русской научной мысли, составители летописных сводов не удовлетворились таким примитивным прозвищем и обратили внимание, что эти народы, как выходцы из страны Черкасии, должны называться общим именем Черкасов. Поэтому в Московском летописном своде XV века под годом 1152 поясняется: "Все Черные Клобуки еже зовутся Черкасы" . Несколько позднее такое же пояснение помещено и в Воскресенской летописи.

На основании всех этих летописных данных, русский историограф Н. М. Карамзин и делает свой вывод (см. Карамзин), что имя Казаков древнее Батыева нашествия (1237 г.) и принадлежало Торкам и Берендеям, которые у Русских назывались Черкасами, т. е. так же как и Казаки в официальных актах.

От XIII в. прозвище Ч. К., вообще исчезает из летописей, в хрониках и актах появляются их имена - Черкасы и Казаки.

См. также **Чёрные клобуки**, **Берендеи**

Вернуться к ссылке

44.98. ПОЛОВЦЫ (кыпчаки, куманы, команы, шары)

ПОЛОВЦЫ - русское название союза тюркских кочевых племен, занявших Дон и Черноморские степи ок. 1054[161] г.; сами себя они называли Кыпчаками[162] и под этим именем известны на Востоке; в Европе знали их, как Куманов.

С их приходом в Черноморье, Томаторкань потеряла свою степную область и сохранялась, как небольшое независимое княжество, только в Кубанском Приазовье. Чернигов и Рязань возвратились под власть русских князей; часть прежнего населения степи Черные Клобуки разместились в днепровской лесостепи. Им и приходилось в дальнейшем принимать первые удары Половцев, направленные на Русь.

Со временем половецкие князья переродились с Рюриковичами; П. стали принимать деятельное участие в их частных делах и распрях. При первом нашествии Монголов в 1223 г., Русь и Половцы сообща потерпели поражение в битве на р. Калке, а к 1240 т. были окончательно покорены Бату-ханом. В его царстве многочисленные племена Половцев составили коренное население степей, благодаря чему владения Золотой Орды сохраняли прежнее название Дешт и Кыпчак (Половецкая степь). 40 тыс. кибиток Половцев перекочевали в Трансильванию, где они после смешались с Венграми.

…В 1237 году Батый, покорив восточную и южную части России, напал на кыпчаков и разбил их. По свидетельству арабского историка Рукнаддина быстрому успеху монголов способствовали раздоры между двумя группами кыпчаков. Одна часть покорилась, другая ушла на запад; часть последней переселилась в Венгрию. Пленных кыпчаков покупали венецианские купцы, которые продавали их в Египте.

---

[160] Прежнее их имя встречается только в географических названиях: поселение Берендеево русские акты указывают между Коломной и Ижвой, Берендичев обратился в Бердичев

[161] До 9-го века они жили на востоке от р.Урал; по Ахмед- Заки Валидову они жили к западу от р. Иртыш. В 890 году кыпчаки перешли р.Урал, напали на печенегов в разорвали их надвое - на восточных (предков нынешних каракалпаков), и западвых (известных под именем "черных клобуков", т.е. тоже каракалпаков); в 900-1200 годах кыпчаки жили от Волги до Днепра и делали набеги на южную Россию.

[162] В современных интерпретациях самоназвание Кыпчак трактуется как “дикая степь”, “два ножа”, “злополучный” и т. д.

С течением времени кыпчаков стало в Египте довольно много и султан египетский составил из них особые полки. Эти воины стали известны под именем мамелюков (т.е. рабов). В 1259 году мамелюки взбунтовались, убили султана и на его место посадили своего кыпчака Ибака.

Ценные сведения о половецком языке сохранились в так называемом "Алфавите" при рукописе "Кодекс Куманикус", составленной Генуэзцами и немецкими миссионерами в XIII в. "Алфавит" вспоминает и Казаков в сочетании "Хасал Косак". причем оно переводится там, как "Казаки охраны", а это полностью отвечает той роли, которую выполняли Казаки в генуэзских колониях Крыма и Приазовья.

В царстве Золотой Орды П. перемешались с другими тюркскими и монгольскими подданными ханов и в позднейшей истории появляются под общим именем - Татары.

…**Куманды** (по названию одного из родов, этимологически этноним сопоставляют с этнонимом куман и связывают с тюркским корнем qu: <*qub «бледный» + -man).

См. также ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. ЕВРОПА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА. **Кочевое население и феодальные государства юго-восточной европы в x-xiv вв.**, **В. П. Костюков. КЫПЧАКИ**

Вернуться к ссылке

44.99. Субудай

Субэдэй-Багатур

Субэдэй (1176 — 1248) — виднейший монгольский полководец, соратник Чингисхана. Сын кузнеца Джарчиудая из племени урянхат, брат Джелмэ. Участвовал во всех основных монгольских походах первой половины XIII века — на северный Китай (Империя Цзинь), меркитов, государство Хорезмшахов. Совместно с Джэбэ руководил монголами в битве на Калке (1223). Был фактическим руководителем в походах Бату-хана (Батыя) на Русь (1237—1240) и Центральную Европу (1241—1242).

…**В надписи Сун Цзы-чжэня** рассказывается о том, что население столицы чжурчжэней Бяньцзина (совр. Кайфын) в 1233 г. не было перебито благодаря вмешательству Елюй Чу-цая, несмотря на то что город оказал завоевателям длительное сопротивление. Сообщение Сун Цзы-чжэня об этом случае интересно по содержащимся в нем деталям, поэтому приведем его полностью: “Как только враг, отклонив приказ [о сдаче], выпускал хотя бы [одну] стрелу или камень [по осаждающим войскам], в соответствии с [существовавшей] государственной системой, [все] убивались без пощады во всех случаях. Накануне падения Бяньцзина главнокомандующий *(шоу-цзян)* Субудай прислал [к императору] человека с донесением. Притом [в докладе] говорилось: “***Этот город долго сопротивлялся нам, и убито и ранено много [наших] воинов. [Поэтому] хочу вырезать его весь***”. Его превосходительство (Елюй Чу-цай. — *Н. М.*)поспешно прошел [в императорскую ставку] и в докладе императору сказал: “***Воеводы и воины вот уже десятки лет мокнут на земле и пекутся на солнце (бао-лу), борясь только за земли и народ. Если получить земли без народа, то как они будут использованы!***” Его величество колебался, но еще не решался. [Тогда его превосходительство] доложил ему еще: „***Все мастера-лучники, оружейники, золотых дел мастера и семьи богатых и знатных чиновников и народа собрались за стенами этого города. Если перебить их, то не будет никакой прибыли, а это означало***

бы, что [войска] потрудились напрасно!" Его величество только теперь согласился с ним и издал указ, кроме одного [только] рода Вань-янь [265], всех остальных простить и освободить [от наказания]. В то время в Бяньцзине скрывалось от войны 1470 тыс. семей" [266]. В этом: отрывке перед нами выступает, с одной стороны, полководец Субудай, сподвижник Чингисхана, убежденный сторонник приемов ведения войны, установленных самим основателем монгольского государства, и, с другой стороны, хан Угэдэй, человек, не чуждый некоторых новшеств, но скованный в своих действиях традицией, и его советник — представитель китайских помещиков Елюй Чу-цай. Угэдэй не сразу решается отойти от традиции и воспрепятствовать намерениям старого полководца Субудая: для него, Угэдэя, так же как и для других чингисидов, установления Чингиса являются священным законом. Только соображения экономического порядка заставляют его отступить от традиции.

Во время работы над переводом в "**Юань ши**"[1] жизнеописания **Субэдэя**, одного из самых замечательных полководцев и сподвижников **Чингисхана**, я столкнулся с загадочным описанием его участия в походе монголов **Бату** и еще десятка царевичей-чингизидов в Восточную Европу и Русь. Вот этот текст из 121-й цзюани "**Юань ши**" (в круглых скобках курсивом, здесь и далее, даны мои примечания к переводу китайского текста):

Цзюань 121: «[В год] синь-чоу (**с 13.02.1241 г. по 1.02.1242 г.**), **Тай-цзун** приказал ***чжувану* Бату** и прочим пойти карательным походом на владетеля племени **у-лу-сы** (**урусы, т.е. русские**) **Е-ле-бань**. Ему было нанесено поражение, город **Ту-ли-сы-гэ** был окружен, но не взят. **Бату** подал доклад [императору], [чтобы] прислали **Субэтая** руководить сражением, **Субэтай** набрал войско из ***хабичи***, [а из числа] ***кэрун-ко'уд***[2] и прочих каждый пятидесятый человек последовал за ним. [**Субэтай**] в одном сражении захватил **Е-ле-бань**, выдвинулся, атаковал **Ту-ли-сы-гэ** и за 3 дня овладел им, полностью взял племя тех **русских** и вернулся. Проходя горы **Ха-цза-ли**[3], напали на владетеля племени **венгров** (馬札兒 **ма-чжа-эр, мадьяры, т.е. венгры**) – короля (怯憐 **«це-лянь», т.е. транскрипция слова «кэрэл» или «кираль», в "Юань ши" оно принимается за имя**). **Субэтай** был в авангарде, вместе с ***чжуваном* Бату**, **Хулагу**[4], **Шейбаном**[5] и **Каданом**[6], которые продвигались по отдельным пяти дорогам. Все говорили так: «Войско короля исполнено силы, не сможем легко продвигаться».

Сразу же возник вопрос, что это за события, связанные с русскими - ведь в феврале 1241 г. монголы уже ушли с Руси в Польшу и Европу, оставляя за собой разоренные земли Юго-Западной Руси. После 6 декабря 1240 г., когда они взяли Киев и прошлись с огнем и мечем по Волыни, Подолии и Червонной Руси, закончился так называемый "Батыев погром". Это с одной стороны, а с другой - что за загадочные "**Ту-ли-сы-гэ**" (русский город) и "**Е-ле-бань**" (владетель или господин "племени русских)?

… Окончательный вывод этого небольшого исследования следующий - в рассказе 121-й цзюани «***Юань ши***» о "**Ту-ли-сы-гэ**" и "**Е-ли-бань**" отразились события разорения земель Поросья и "своих поганых[163]" на Киевщине монголами осенью 1240 г., увод ими части "черных клобуков" и роли в этом монгольского полководца **Субэдэя**. Эти события слабо отражены в русских письменных источниках и более известны нам по данным археологии. Введение в научный оборот дополнительного письменного источника о событиях осени 1240 г. в землях "своих поганых" Руской Земли дает возможность лучше оценить события этой последней кампании **Батыя** и **Субэдэя** на Руси. Роль **Субэдэя** в ней оказывается довольно специфической - ему

---

[163] Современное значение этого слова ("грязный, нечистый") – вторично. Ведь изначально погаными на Руси называли соседей-кочевников, исповедовавших многобожие, потому что значение этого слова – "языческий", а восходит оно к латинскому paganus – "языческий", "сельский". Латинское слово проникло во многие европейские языки, назовем хотя бы польское poganin и английское pagan.

…Как считает О. О. Сулейменов, йазык – степь, равнина, языки, языги – жители степей. Поган – через латинское paganus, тюркское пакган – пастух, кочующий со стадами и пахарь, переходящий с участка на участок.

…Кстати, "поганый" и "язычник" происходят от тюркских слов "паган" - "пастух" и "йазык" - "степняк".

поручено, как это не раз было в его карьере, "разобраться" с тюркскими народами, не желавшими подчиниться монголам. Только ли военные таланты и эффективность их использования заставляли выбирать **Субэдэя** для таких миссий? Видимо они играли главную роль в принятии **Чингисханом** и его преемниками подобных решений. Но можно вспомнить о догадке известного исследователя кипчаков С.А. Ахинжанова - **Субэдэй**, выходец из урянхаев, мог ссылаться на родство последних с теми тюркскими племенами, которые как и урянхаи были когда-то в составе Кимакского каганата. Поэтому **Субэдэй** в 1222 г. и мог "улещивать" половцев бросить их союзников алан, говоря что они (половцы) ему родичи [2, с.147]. Торки (гузы/узы) и печенеги, главные составляющие объединения "черных клобуков", тоже были некогда выходцами из распавшегося Кимакского каганата. Не было ли одной из причин почему **Субэдэя** отозвали к **Бату** в 1240 г. то, что в кампании против Руси и ее тюркских федератов понадобились и военные способности, и дипломатическая ловкость **Субэдэя**. Судя по данным «***Юань ши***» ему пригодилось и то, и другое - одни города Поросья он уничтожал, другие ему сдавались, так что он смог набрать достаточное количество новых подданых для кочевой империи монголов и увести их с собой. Однако не всех - избежавшие этой участи "черные клобуки" все же сохранили свое присутствие в Поросье (топонимика и археология Поросья это подтверждают [17]). Но среди них, обескровленных монгольским погромом, значительно быстрее пошли процессы христианизации и ассимиляции с русскими. В итоге к XV в. можно говорить об окончании этого процесса, население этих мест все больше становится известным как "козаки" - свободные люди по-тюркски (Есть другая точка зрения на происхождение слова «казак» - "Каз ак" по-тюркски значит "гусь белый", т.е. "лебедь". Прим. Редактора-оформителя).

См. также **Загадочная война Субэдэя с русскими**, **Р.Г.Скрынников. Монгольское нашествие**, Андрей Балабуха "Когда врут учебники истории. Прошлое, которого не было", Склока о полку Игореве

Вернуться к ссылке в 11 гл.

Вернуться к ссылке в 13 гл.

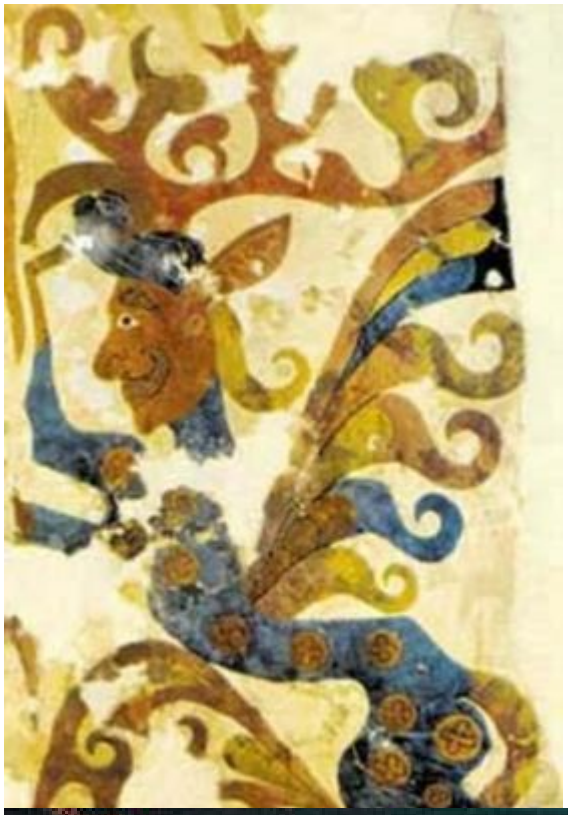
44.100. Пазырыкские курганы

Первые курганы с "замерзшими" могилами были открыты в 1865 г. В.В. Радловым (Катандинский курган и курган в могильнике пазырыкской культуры Берель, Казахстан). Тогда впервые была обнаружена

сохранившаяся во льду одежда. Одна из наиболее замечательных находок - т. н. катандинский кафтан. В настоящее время выставлен в Государственном историческом музее (Москва). Там же хранится и другая уникальная вещь из этого кургана, названная фраком за сходство фасона, сшитая из меха соболя и крытая китайским шелком.

http://www.altai-guide.ru/photo/P1070361.jpgАрхеологи имеют дело главным образом с нетленными вещами, так как огромная часть древней материальной культуры, созданная из органических материалов, пропадает бесследно. Среди потерянного навсегда — то, что когда-то было "второй кожей" человека - его одежда. Поэтому, когда находят чудом сохранившиеся костюмы, — это становится настоящим открытием. Так случилось в "замерзших" могилах Горного Алтая, принадлежащих древней культуре (IV—III вв. до н. э.), получившей название пазырыкская (по месту расположения одного из самых ярких памятников — курганов в урочище Пазырык на Улаганском нагорье, исследованных в 30-е и 60-е годы прошлого века).

http://www.altai-guide.ru/photo/P1070377.jpgРаскопки больших "царских" курганов в 60-е годы прошлого века (Пазырыкских, Башадарских, Туэктинских) в Горном Алтае дали уникальный археологический материал, но одежды в нем было не много. Все эти курганы потревожены еще в древности, одежда с тел погребенных сорвана, многое пропало, многое повреждено настолько, что не поддавалось атрибутации. Тем не менее, великолепные остатки костюма пазырыкцев — скотоводческого населения горных долин Алтая - были тщательно изучены, и в литературе сложилось довольно устойчивое мнение о том, что он собой представлял (Руденко, 1953, Яценко, 1999).



Орнаментальная стилистика из Пазырыкского кургана

http://www.altai-guide.ru/photo/izobrajenie_198.jpgИ вот в 1990—1995 гг. на плато Укок (Кош-Агачский район республики Алтай) впервые за время изучения пазырыкской культуры (т. е. более чем за 130 лет) были открыты и исследованы курганы знати и рядовых пазырыкцев, чьи могилы не были потревожены и оказались "замерзшими" (т. е. заполненными льдом). Настоящим открытием и одним из самых больших впечатлений стали нетленные тела, облаченные в одеяния далекой эпохи. Но последовавшее затем более чем десятилетнее исследование пазырыкского костюма привело к еще более интересным результатам, чем факт самих находок.

Общая характеристика пазырыкской культуры

Исследователями установлено, что пазырыкцы не были только кочевниками, разводившими коней, крупнорогатый скот, овец и коз; они занимались также земледелием. О социальном расслоении говорят разные по размеру и богатству сопроводительного инвентаря захоронения. Качественно срубленные из бревен могильные камеры. Раскопки на Укоке показали, что пазырыкцы, находясь на стыке трех крупных культурных регионов Центрально-Азиатского, Алтай-Саянского и

Среднеазиатского - испытывали культурное влияние этих важнейших евразийских центров этногенеза, и сами активно участвовали в формировании культуры центральной Азии. Итоги последних изысканий показывают, что ядро ареала пазырыкской культуры находилось в Горном Алтае, а периферийные зоны захватывали сопредельные районы Казахстана, Синьцзянь-Уйгурского национального округа КНР, с проникновением в районы Тувы и Западной Монголии. Пазарыкцы, судя по антропологическим реконструкциям, были высокорослыми людьми, с мощными шеями, крупными головами, неширокими, но очень высокими носами. Преобладал европеоидный тип, хотя считается, что пазырыкцы, скорее всего, являли собой конфедерацию различных этнических родов. Мужчины носили волосы средней длины, подстриженные под "горшок", женщины заплетали косы. Благодаря открытию, получившему название **Принцесса Укока**, установлено, что женщины периода расцвета пазырыкской культуры носили парики и использовали косметические средства.

Войлочная попона из Пазырыкского кургана

Тела как мужчин, так и женщин из акалахинских и пазырыкских курганов покрывали татуировки, сюжеты которых строго подчинялись общим представлениям о трехуровневой структуре мира. На ногах изображались рыбы, маркирующие подземный мир, на руках и корпусе - животные и сцены противоборства хищника и копытного животного --#-- символика "земного" мира, а в верхней части рук располагались изображения птиц, либо других солярных символов.

…**Каждая культура имеет свой запах**. Над пазырыкской культурой витает слабый запах конопли, семена которой обнаружены в "царских" могилах, упакованные в кожаную орнаментированную флягу и насыпанные на потрескавшиеся закопченные камни, лежащие внутри бронзового котелка. Пазырыкцы имели привычку вдыхать пары конопли, имеющие слабый наркотический эффект. Судя по тем вещам, которые были обнаружены во всех царских могилах, это происходило так, как описывал Геродот: "Взяв конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный пар и дым, что никакая эллинская баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия" (Геродот, IV, 75). Эта страсть оказалась пагубной для тех из них, кто дышал паром конопли над бронзовым котелком (как это было зафиксировано во втором Пазырыкском кургане): их организм постепенно был отравлен вдыхаемыми парами, в которых содержались соединения меди (Полосьмак, Трунова, 2004). Другим запахом культуры может быть назван запах кориандра, семена которого использовались как благовония - они найдены не только в мешочках, но и частично на каменном блюдечке, стоявшем в изголовье погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 женщины.

Погребальная колесница из Пазырыкских курганов

Пазырыкские курганы, группа больших курганов в урочище Пазырык, на правом берегу р. Большой Улаган на территории Улаганского района Горно-Алтайской АО. Представляют собой могилы родовых или племенных вождей, сооруженные в основном в 5—4 вв. до н. э. (по мнению др. исследователей, в 3 в. до н. э.). Исследовались в 1929 (М. П. Грязнов и С. И. Руденко) и 1947—49 (С. И. Руденко). В П. к. были открыты прямоугольные ямы глубиной до 4 *м* и площадью около 50 *м*^{2}, в которых стояли погребальные камеры (бревенчатые срубы) высотой до *2 м,* с полом, двойными стенами и потолками, покрытыми берёстой, кустарником и, до краев ямы, — накатом из брёвен. Затем был насыпан небольшой земляной холм, а сверху — мощный слой дикого камня. Вследствие значительной высоты

урочища Пазырык, особенностей климата и конструкции курганов вскоре после их сооружения под ними образовалась многолетняя мерзлота, обеспечившая хорошую сохранность всего положенного в могилу, в частности бальзамированных погребённых (на одном обнаружена татуировка) в колодах-саркофагах, трупов лошадей[164], захороненных на накате к С. от могильной ямы, вне погребальной камеры. Хорошо сохранились изделия из дерева, тканей, войлока, меха и кожи — предметы одежды, домашнего обихода, средства передвижения и др. Находки дают полное представление о физическом типе и культуре погребённых. Многочисленны произведения искусства, выполненные в своеобразном зверином стиле, и принадлежности конской сбруи. Интересны древнейший из известных художественно выполненный переднеазиатский ворсовый ковёр, а также тончайшей работы шерстяные переднеазиатские ткани и вышитая китайская шёлковая ткань. Эти находки свидетельствуют о широких культурных связях древнего населения Алтая.

…**Известные пазырыкские женские рубахи сшиты из дикого шелка** — чесучи либо из хлопка. Причем шелк этот — один из наиболее древних шелков некитайского производства (в Китае еще с III тыс. до н. э. получали шелк от одомашненного шелкопряда). И произведен этот дикий шелк был, скорее всего, либо в некитайских варварских государствах (юг современного Китая), либо на территории Ассама (в современной Индии), являвшегося с древности в культурном отношении частью Юго-Восточной Азии. Хлопчатобумажные ткани, не отличающиеся в данном случае особой искусностью исполнения, которая была присуща индийским ткачам, прославившимся тонкими муслинами, тоже происходили, скорее всего, из вышеназванных регионов. Именно здесь существуют две разновидности дубовых шелкопрядов, которые дают дикий шелк — туссор.

См. также **По следу скифского коня**, Руденко С. И., Горноалтайские находки и скифы, М.— Л., 1952; его же, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.— Л., 1953; его же, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.— Л., 1960; Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М., 1951., **Племена Казахстана и Сибири (VI—I вв. до н. э.)**, **Тайны "Царских" Пазырыкских курганов**, Ее откопали, и сразу начались землетрясения, пьянства и самоубийства

Вернуться к ссылке

44.101. Хинова

Хинова — этноним (2): ***Два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буиство подасть Хинови***. *25*. ***Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша***. *32*.

Уже бо въскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Руськую землю. *Задон. Ист.-1, 542* (*кон. XVI — нач. XVII в. ~ XIV в.*). ***И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя.*** *Задон. Унд.*, *535* (*сер. XVII в. ~ XIV в.*).

Ср. хин, хина — китайцы, Китай (в языке XVIII в.).

Не причисляю зде островов оных, которое великое число прилежит, некоторых континентов к брегам, якоже к Норвегии, **хинам**, Бразилии. *География генералная Небесный и земноводный круги... Преведена с лат. яз. на рос.* [*Ф. Поликарповым.*] *М.*, *1718*, *с. 69.* Довольно ли Екатерина / Россиею тебе владеть? / Там, где лежит Япон и **Хина**, / где Музы древни стали петь. *Ода ...1764 г. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., ч. 7, б. г., с. 105.* Лишь ты, простря твои победы, / Умел щедроты расточать: / Поляк, турк, перс, прус, **хин** и шведы

---

[164] …В первом Пазырыкском кургане было найдено 10 лошадей, в других курганах их встречается ещё больше. …Высоким ростом и стройным сложением они сильно отличаются и от лошадей из менее богатых погребений, и от современных табунных лошадей Алтая и Казахстана. Наиболее близки к ним ахалтекинские скакуны из Туркмении, потомки древних парфянских и бактрийских лошадей.

/ Тому примеры могут дать. *Ода на взятие Измаила. Сочинения Г. Р. Державина. СПб.*, *1808*, *ч. 1*, *с. 89.*

Ср. Вс. Миллер (*Хинова* «*Сл. о п. Иг.*». — *ИОРЯС*, *1914*, *т. XIX*, *с. 110—118*) держится мнения, что «хинова» — «старинное русское имя финнов в форме собирательной, как Мордва, Меря, Весь, Литва и другие» (замена *ф* через *х*, как напр., Фрол / Хрол, Фома / Хома, «Хинская земля» вм. финская у сказителей Олонецкого края). *С. 116—117*: «Ярославна придает стрелам, поражающим русскую рать, эпитет „хиновьскыя“. Конечно, в данном случае это были половецкие стрелы. **...**Оружие получает эпитет от названия тех народов, от которых получалось на Руси или которые особенно славились его изготовлением**...** Можно думать поэтому, что стрелы **...**названы *хиновскими*, т. е. финскими, потому что финны считались искусными кузнецами, и финские стрелы были особенно страшны **...**может быть, в эпитете *хиновскія* стрелы **...**чувствовалось присутствие кудесничества**...** Ведь Ярославна *заговаривает* ветер, чем особенно, как известно, славились финские кудесники по свидетельству скандинавских саг». *А. А. Потебня* («*Сл. о п. Иг.*». *Текст и примеч. Изд. 2-е, Харьков, 1914, с. 113—114*): «Хинова — название половцев или другого степного народа, может быть, гуннов, по старой памяти». Автор считает, что «Хинови» — это дательный падеж от собират. «Хинова».

Д. А. Расовский (*Хинова. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII, Praha, 1936, s. 305, 306*): «Арабский географ XII в. Идриси, живший при дворе сицилийского короля Рожера II, **...**упоминает большой город Кинов **...**из контекста Идриси очевидно лишь, что этот город находится где-то у северного побережья Азовского моря. **...**Хинова была бы именем горожан, может быть, даже целой области в половецкой земле, называвшейся по городу Кинову. И так как, с одной стороны, кочевники-половцы вряд ли имели города с населением, состоявшим из половцев, а, с другой стороны, из летописей мы знаем, что в половецких степях и в причерноморском побережье действительно были города, но, по-видимому, всегда с этнически чуждым половцам населением, то все это позволяет предполагать, что и в данном случае горожане-Хинова были не половцами, а принадлежали к какой-то особой народности, только живущей среди половцев».

М. Шефтель (*La Geste du Prince Igor'. New York*, *1948*, *p. 123*, *131*) считает, что под Хиновой следует подразумевать угров (венгров). *Л. А. Булаховский* («*Сл. о п. Иг.*» *как памятник др.-рус. языка. — В кн.:* «*Сл. о п. Иг.*». *Сб. исслед. и статей. М. — Л.*, *1950*, *с. 132*): «Хинови («**...**и великое буйство подаста Хинови» к Хинова) — очень естественная ошибка под влиянием дательного же падежа мужского склонения — ови».

Д. Моравчик (*Gyula Moravcsik. Zur Frage der Хинове im Igor-Lied. — International Journal of Linguistics and Poetcs*, *t. III*, *1960*, *p. 69—72*) считает, что этнонимом «Хинова», обозначаются гунны, как в XI—XII вв. называли венгров. *А. В. Соловьев* (*Восемь заметок к* «*Сл. о п. Иг.*». *1. Хинова — ТОДРЛ*, *т. XX. М. — Л.*, *1964*, *с. 369*): «Мы считаем, что объяснение М. Шефтеля и Д. Моравчика наиболее правильно. Певец „Слова“ сказал „угорские иноходцы“ и „Угорские горы“, ибо это были утвердившиеся в языке народные обозначения. Но когда он говорит от себя, он пользуется для венгров термином более изысканным, „высокого стиля“. Можем прибавить, что епископ Краковский Викентий в своей хронике, писанной в конце XII в., говорит также: „Гуннов или Угров“ («Hunnos seu Hungaros». Vicentius **Kadlubek**. Res gestae principum ac regum Polonise. Warszawa, 1824, I, s. 99, — *примеч. А. В. Соловьева*)». *И. Г. Добродомов* (*О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — В кн.: Тюркологический сборник*, *1975. М.*, *1978*, *с. 103*): «Большинство исследователей **...**склонны к восстановлению в качестве исходной формы *хинъ* или же к реконструкции фонетически более старой формы *хынъ* (с учетом исторического изменения сочетания *хы* в *хи* в русском языке XII—XIII вв.)». *С. 125—127*: «Из материалов Мервези-Ауфи следовало, что по стопам парода *сары* — **шары*, образовавшего потом в южнорусских степях западную ветвь половцев сорочинов под эгидой бонякидов, шел другой половецкий народ — *кун*, название которого до сих пор сохранилось в венгерском kun(ok) ‘половцы’. Именно этот народ образовал восточную часть половцев, населявших южнорусские степи **...**этническое название *кун* на булгарской почве могло приобрести звучание **хын* (или **хăн* с редуцированным гласным), которое в точности соответствует древней форме *хынъ* загадочного

термина *хинове*, упомянутого в „Слове о полку Игореве“. Итак, *хинами* назывались восточные половцы, занимавшие районы Подонья и находившиеся под эгидой шаруканидов. Именно против этих половцев был предпринят поход, воспетый в „Слове о полку Игореве“. **...**Упоминание **...***половцев* в одном списке с *хинами* в „Золотом слове Святослова“, вероятно, можно объяснить тем, что в указанном контексте восточные *хины* — шаруканиды противопоставлены западным *половцам* — бонякидам, которые иногда именовались *сорочинами***...**

Можно также предположить, что одно из названий — *половцы* или *хинова* — является маргинальной глоссой, ошибочно попавшей не на свое место в текст „Слова о полку Игореве“ при переписке, тогда вопрос о противопоставлении *хинова* — *половци* в данном контексте снимается, а, скорее, возникает вопрос об их тождестве. Логичней всего было бы считать, что глоссой — пояснением на полях сгоревшей рукописи был более привычный термин *половци*, которым пояснялся редкий и малоизвестный термин *хинова*, но наличие соединительного союза *и* перед словом половци при неуместности союза или даже усилительной частицы *и* в случае опущения этнонима *половцы* предполагаемой глоссы заставляет принять иное объяснение — в пользу глоссового характера термина *хинова*, который мог быть написан несколько выше строчки с поясняемым словом *половци*. Правда, здесь речь могла идти**...**, скорее, о конкретизации слишком широкого и неопределенного этнического наименования *половци*. Автор глоссы, возможно, хотел сказать, что в данном случае речь шла не обо всех половцах, а лишь об их значительной и главной части, которая после поражения неудачного похода Игоря воспрянула духом. В пользу глоссового характера этнонима *хинова* говорит следующий факт: в выписке Н. М. Карамзина из „Слова о полку Игореве“, содержащейся в знаменитой „Истории государства Российского“, *хинова* в перечне покорившихся народов отсутствует».

Ср. также: К. Г. **Менгес**. Восточные элементы в «Сл. о п. Иг.». Пер. с англ. А. А. Алексеева. Л., 1979, с. 168—169.

…**Основой, ключевой позицией** (стр. 311) для перенесения «Слова о полку Игореве» в XIII в. для Л.Н. Гумилева явились такие слова, как «Хинова» и «Деремела». Слово «Хинова», обычно считающееся воспоминанием о первых тюрках наших степей - гуннах, Л.Н.Гумилев связывает с названием чжурчжэньской империи Кин-Цзинь на берегу Тихого океана. По мысли автора, это название принесено на Русь монголами, заменившими звук «к» на «х». Гумилев пренебрегает тем, что империя Кинь, отстоявшая от Руси на 5 тыс. км, перестала существовать за несколько лет до появления монголов на Руси и что ни в одном источнике, ни в русском, ни в восточном, ни в западноевропейском, татаро-монголов никогда не называли «хинами».

Вернуться к ссылке

44.102. Река Каяла

КАЯЛА (Каялы́) — символическое или географическое название реки, на которой произошла битва войск *Игоря Святославича* с половцами в 1185. В Слове упоминается 6 раз: «Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго» (С. 12); «Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву» (С. 16); «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы» (С. 18); «...кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша» (С. 22); «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла» (С. 25); «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны...» (С. 38). КАЯЛА упоминается также в Ипататьевской летописи («Наведе на ня Господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю на реце Каялы» — С. 642—643) и в «*Задонщине*» («От него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов» — список Ундольского).

Многие исследователи считают, что попытки обнаружить реку, называвшуюся в XII в. КАЯЛА, — это напрасный труд, так как реальной реки с таким названием никогда не было; это символическое или метафорическое наименование.

Вопрос о том, является ли название КАЯЛА географическим либо символическим, непосредственно связан с этимологией самого этого слова. Еще в 1823 ***Н. Грамматин*** предположил: «Не оттого ли Каяла и название получила, что русские каяли Игорево предприятие?» (Слово. С. 159). Также от глагола «каяти» производил слово КАЯЛА и П. Е. Ваденюк, считавший, что в Слове так названа реальная, известная по Ипатьевской летописи р. ***Сюурлий*** (в значении «реки суда и осуждения»). Подтверждение своей мысли исследователь видел в том, что название КАЯЛА применялось автором Слова также при рассказе о событиях 1078 (Где нужно искать... С. 57). К схожему выводу пришел и ***П. П. Вяземский***: «Каяла, вообще, река загадочная; по словам поэта предполагать можно злощастную реку.

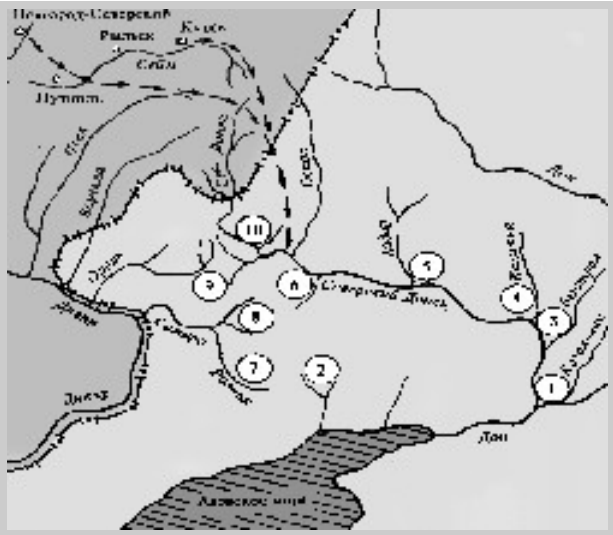
… Принципиально новый аргумент в споре о существовании реального геогр. названия КАЯЛА появился в 1929, когда М. Фасмер предложил два варианта этимологии КАЯЛА: 1) из тюркского kaja — утес, скала, ср. kajalyγ или kajalū — скалистый; 2) из тюркского kajan — быстрый, горный поток, водопад (*Vasmer*. Der Flußname... S. 172). Впоследствии ученый признал второй вариант менее вероятным (*Фасмер*. Этимологический словарь... С. 216), а первый получил широкое признание у исследователей (напр.: *Ржига*. Восток...; La Geste. P. 110; *Menges*. The Oriental Elements... P. 28—29; *Pritsak*. Der Flussname... P. 61—62; Слово — 1985. С. 451 и др.).

Существуют, однако, и другие гипотезы о возможном тюркском источнике слова КАЯЛА Так, например, ***В. М. Глухов***, признавая вероятность варианта «КАЯЛА — скалистая», предположил, что реку «из-за трагического исхода Игоревой битвы русские могли назвать „жестокой“, „преступной“ (от тур. Kiyaklik — жестокость, kiyal, kiyali — преступная, жестокая)» (К вопросу... С. 37). ***Б. А. Рыбаков*** также предположил, что сами русские могли дать реке тюркское имя «Каялы», которое он, на основании консультации ***Н. А. Баскакова***, возвел к кипчакскому qajaly — печаль («Слово» и его современники. С. 224). Баскаков по поводу этой этимологии заметил, что такое «предположение возможно, если это название реки является русским, но, судя по остальным топонимам и гидронимам половецкого поля, в те времена господствовали скорее тюркские наименования» (Тюркская лексика. С. 111—112). В сер. работ (1976—85) Баскаков предложил целый ряд своих гипотез о происхождении гидронима КАЯЛА Исследователь производил название КАЯЛА от следующих тюркских слов: 1) qoγaly — «изобилующая кугой, осокой»; 2) qyjaqly — «изобилующая осокой»; 3) qyjyly — «с узкой полосой берега между скалами и рекой»; 4) qyjyqly — «извилистый, с изгибами», а также привел как вероятное возведение гидронима КАЯЛА к qalaly — «с городом, с крепостью» со ссылкой на П. М. Ковешникова. Существуют и другие предположения о тюркской этимологии Каяла: из qaj + jaly — «река со скользкими берегами» (*Гойгел-Сокол*. О некоторых древнетюркских словах... С. 61); из qal + jal + ly — «река + грива, возвышенность + аффикс обладания (*Корж*. К вопросу... С. 105). ***К. Г. Менгес*** подверг критике гипотезы Баскакова и ***М. Т. Гойгел-Сокола*** и отметил, что источником слова Каяла может быть только тюркское qajalyγ — «скалистый» (Восточные элементы. С. 102). Наличие в Северном Причерноморье ряда гидронимов, образованных от основы qaja- (см.: *Гетманец М. Ф.* Новое о Каяле // Актуальные проблемы. С. 45—47), подтверждает вероятность такой этимологии названия Каяла.

Общим для всех исследователей, считавших Каяла заимствованием из тюркского языка, является признание первоначальной несклоняемой формы слова в Ипатьевской летописи («на **рѣцѣ Каялы**» вместо ожидаемого при склонении существительного с основами на -а в мест. пад. ед. ч. «на **рѣцѣ (на) Каялѣ**»). В Слове и «Задонщине» Каяла склоняется, но сторонники тюркской этимологии этого слова реконструируют здесь форму «Каялы́» (La Geste. P. 110; *Jakobson*. New Slavic... P. 390; *Pritsak*. Der Flussname... P. 62; *Čiževska*. Glossary... P. 174; *Менгес*. Восточные элементы. С. 100—101 и др.).

44.102.1. Предыдущие гипотезы

Место битвы дружины Игоря с половцами по разным гипотезам; авторы этих гипотез; название реки, которую они приняли за Каялу и расстояние по прямой от южных границ Киевской Руси (от окраин древнерусского города Донец):



1. Карамзин Н.М. (р. Кагальник, 420 км);
2. Балагей Д.И., Аристов Н.Я., Бутков П.Г. (р. Кальмиус, 270 км);
3. Афанасьев В.А. (р. Быстрая, 400 км);
4. Стеллецкий В.И. (р. Калитва, 350 км);
5. Арцыбашев Н.С. (р. Айдар, 220 км);
6. Сибилев Н.В., Кудряшов К.В., Гетманец М.Ф. (р. Макатиха, 150 км);
7. Лонгинов А.В. (р. Мокрые Ялы, 220 км);
8. Рыбаков Б.А. (Каяла — поэтич. вымысел, р. Сюурлий-Гнилуша, 150 км);
9. Федоров В.Г. (протока Кривель, 110 км);
10. Гойгел-Сокол М.Т., Пядышев Г.Е. (р. Малая и Крайняя Балеклейка, 60 км).

…Исследователями предложены разные варианты локализации Каялы. Приведем все известные версииhttp://chernov-trezin.narod.ru/KayalaV.htm - _ftn13:

1. река Кагальник, приток Дона (Карамзин, Беляев, Семенов, Семенов Тянь-Шанский, Глухов, Баскаков);
2. приток Кагальника (Новиков);
3. река Айдар, левый приток Северского Донца (Арцыбашев);
4. река Быстрая, левый приток Северского Донца (Афанасьев);
5. река Калитва, левый приток Северского Донца, впадающий в него чуть выше реки Быстрой (Стеллецкий);
6. река Калалы, приток Егорлыка, который впадает в реку Маныч, являющуюся, в свою очередь, самым нижним левым притоком Дона (Ковешников);
7. река Кальмиус или ее приток река Кальчик, впадающие в Азовское море с севера, где, как считается, в 1223 г. произошло первое столкновение соединенных русско-половецких сил с монголами (Бутков, Броневский, Багалей, Кудряшов);
8. река Берда, впадающая в Азовское море с севера (Григорович);
9. река Самбок, впадающая в Азовское море с севера (Зотов);
10. река Миус, впадающая в Азовское море с севера (Тиньков, Гетманец);
11. река Казенный Торец в среднем течении Северского Донца (Ваденюк);
12. река Макатиха в среднем течении Северского Донца (Сибиллов, Кудряшов, Гетманец, Сумаруков, Махновец);
13. река Каменка в среднем течении Северского Донца (Кудряшов);
14. Ложников овраг в среднем течении Северского Донца (Грум-Гржимайло);
15. река Мокрые Ялы в бассейне Днепра (Лонгинов, Рыбаков);
16. река Кривель в бассейне Днепра (Федоров);
17. район реки Самары в бассейне Днепра (Рыбаков, Плетнева);
18. овраг Скелеватый в бассейне Днепра (Рыбаков);

19. река Орелька, впадающая в Орель, которая, в свою очередь, является левым притоком Днепра (Корж);
20. река Казинка в междуречье Северского Донца и Оскола (Андриевский);
21. река Хахлань или река Холка в междуречье Северского Донца и Оскола (Иванов);
22. река Малая (Крайняя) Балаклейка в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол, Беликов, Сафонов, Пядышев);
23. река Гнилица в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол).

44.102.2. Вариант-гипотеза К. В. Кудряшова

… По утверждению В. М. Глухова, поход Игоря был совершен не на Донец, а на Дон, в подтверждение чего делается ссылка на Ипатьевскую летопись, которая будто бы называет именно реку Дон.[22] Однако в действительности в Ипатьевской летописи в описании похода Игоря ни разу не упоминается о Доне, но зато трижды называется Донец, а именно: при описании похода северских войск к этой реке, при переправе через нее и, наконец, при отступлении к ней после ночлега в степи.

Вопреки ошибочному мнению В. М. Глухова, Северский Донец иногда в древних источниках действительно называется Доном[165]. Это правильно подметил еще 200 лет тому назад В. Н. Татищев, который по поводу летописного описания похода 1111 г. говорит: «***Здесь хотя во всех манускриптах написано — на реке Дону, но обстоятельства доказывают, что это Донец Северский, который Доном на многих местах именован, что и река Салница, сказанная здесь, утверждает, ибо оная течет в Донец с правой стороны, ниже Изюма, как в Большом Чертеже показано. Сия же ошибка, что Донец Доном называется, есть древняя***».[23]

… Для географического определения места столкновения войск Игоря с половцами важнее всего указание Ипатьевской летописи на реку Сальницу, где высланные вперед русские «сторожа» — разведчики встретились с подошедшими войсками Игоря. Согласно Книге Большому Чертежу[166],

---

[165] Но тогда возникает вопрос: как отличить одну реку от другой? Как объяснить то место в "Слове", где «Игорь мыслію поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца» ? Автор "Слова" четко понимал, где Дон и где Донец.

[166] "Книга большому чертежу", описание крупнейшей карты России 17 в., свод географических и этнографических сведений; была практическим руководством при посылках служилых людей для "государевой службы". С конца 17 и в 18 вв. служила общеобразовательным пособием, а также использовалась в научных целях. "К. Б. ч." была составлена в 1627 в Разрядном приказе. Она состоит из вводной части и основной — подробного описания утраченной карты Русского государства, включившего в себя все имевшиеся на карте надписи и изобразительные материалы. Поскольку карта 1627, состоявшая из "Старого чертежа" и "Большого чертежа полю", не сохранилась, то "К. Б. ч." является

Сальница впадает в Северский Донец с правой стороны, между реками Изюмом и Изюмцом, вблизи нынешнего города Изюма.

В. М. Глухов отказывается верить показанию Книги Большому Чертежу относительно Сальницы на том основании, что в 37 рукописных списках Книги Большому Чертежу о Сальнице не упоминается и будто бы только в печатных изданиях (1792 г.) этого источника Сальница показана впадающей в Северский Донец около Изюма.[25] Но приведенное возражение В. М. Глухова ничего еще не доказывает. То обстоятельство, что в одних списках Сальница упоминается, а в других ее нет, свидетельствует лишь о том, что были разные редакции Книги Большому Чертежу, — и только, не более.

А что рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице действительно были, это подтверждается тем, что еще в 1740-х годах, т. е. задолго до опубликования (1792 г.) Книги Большому Чертежу, В. Н. Татищев имел ее **рукописный** экземпляр, где Сальница упоминалась. Н. С. Арцыбашев в 1820-х годах писал, что Сальница «впадает с правой стороны в Донец не только выше Оскола, но даже и Изюмца (см. Книгу Большому Чертежу; мы имеем ее **рукописную**)».[26] Значит, и в XVIII и в XIX в. имелись рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице.

Маршрут похода Игоря 1185 г. (Вариант К. В. Кудряшова)

… Указанное местоположение Сальницы подтверждается и наличием возле нее Изюмского кургана («Кременная гора», «шеломя»), за который выступила в степь Русь, о чем «Слово» восклицает: «***О, Русская земля! Уже за шеломянем еси!»***.[28]

Из летописного описания похода Игоря Северского видно, что Каяла находилась в районе между реками Сальницей и Сюурлий, от которой русские отступали к **северу** «***хотяхуть бо бьющеся дойти рекы Донця***».[29] Таким образом, неоспоримое свидетельство Книги Большому Чертежу о местонахождении Сальницы в районе Изюма, вблизи Изюмского кургана, подтвержденное пребыванием Игоря в плену именно на реке Тор, недалеко от Сальницы, — все это, вместе взятое, делает невероятным всякое предположение о местоположении реки Каялы в бассейне нижнего Дона.

… Согласно летописи, от Сальницы русские шли всю ночь и на следующий день, в пятницу 10 мая, «в обеднее время», увидели половецкие полки,

---

ценным историческим источником, дошла в многочисленных списках 17—19 вв. Существует 8 основных редакций "К. Б. ч.". Впервые опубликована Н. И. Новиковым под названием "Древне российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них урочища и на каком они расстоянии" (1775).

стоявшие на другой стороне реки «Сюурлия».48 Реку Сюурлий, таким образом, надо искать на расстоянии полуторадневного перехода от Сальницы. В прямом расхождении с Ипатьевской летописью во второй редакции (изданной в 1774 г., часть 3) в «Истории Российской» В. Н. Татищева говорится, что русские встретили половцев на реке Суугли, а о Сюурлии вообще не упоминается. Сопоставляя наименование «Суугли» с русским названием «Угол», «Угла» для реки Орели, Аристов отожествил Орель и ее приток Орельку с рекой Сюурлий. В. Г. Федоров, поддерживая мнение Аристова, утверждает, что конные и пешие войска Игоря «могли» будто бы «пройти за сутки форсированным маршем расстояние от Сальницы до Орели — Суугли, равное 70 верстам».49

… мы считаем, что русская рать в течение ночи и утра следующего дня могла пройти от Сальницы до Сюурлия около 40—45 верст, едва ли более. Это соответствует расстоянию между Изюмом и местом слияния Голой Долины, Сухого и Казенного Торца. Название «суярлы» (в значении «развилка рек», «разлив воды») вполне применимо к указанному слиянию рек, в особенности к впадению разветвленного устья Голой Долины в Сухой Торец.52 Косвенно такое местоположение реки Сюурлий подтверждается сообщением В. Н. Татищева о том, что от этой реки половцы отступили «за гору». Действительно, в углу, образуемом Сухим и Казенным Торцом, к югу от Сухого Торца расположена гора Карачун.53

…Предстояло искать Каялу, руководствуясь указаниями, 1) что она имеет быстрое течение, согласно указанию «Слова», и 2) что тюркское слово «каялы» обозначает «каменистая». В 1943 г. Н. В. Сибилев первый высказал предположение, что Каялой надо считать речку Макатиху, которая имеет быстрое течение и крутые высокие берега. Это предположение казалось весьма вероятным и давало мне основание написать: «Возможно, что Макатиха и есть река Каяла, как полагал местный украинский археолог Н. В. Сибилев, специально обследовавший этот район».**54** Гипотеза Н. В. Сибилева подвинула поиски Каялы вперед, но известное сомнение в окончательном решении вопроса все же оставалось. Недавнее гидрологическое обследование интересующего нас района выявило, что речка Макатиха — это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой «заболоченный намытый **чернозем**», сток воды имеет «крутое падение», но далеко не совершенен. «Это приводит, с одной стороны, к заболачиванию, с другой — к образованию ступенек с небольшими водопадиками».

Приведенная характеристика Макатихи означает, что это — не «каменистая» река и, значит, ее нельзя считать Каялой.

…Путь Игоря, отходившего от реки Сюурлий к Северскому Донцу, неизбежно должен был пересечь реку Каменку, протекающую в 4 верстах от Изюмского кургана и впадающую в Северский Донец между Изюмцом и Осколом.**55** Окруженные на рассвете в субботу (11 мая) половцами, русские, отбиваясь от врагов, непрерывно продвигались к Северскому Донцу в течение всего дня, наступившей затем ночи и утра 12 мая, пока не потерпели поражения на Каяле. В этих условиях продвижение северских войск происходило хотя и медленнее, чем во время их наступления к югу, но в указаный срок дойти до места ночлега в степи до реки Каменки они могли.

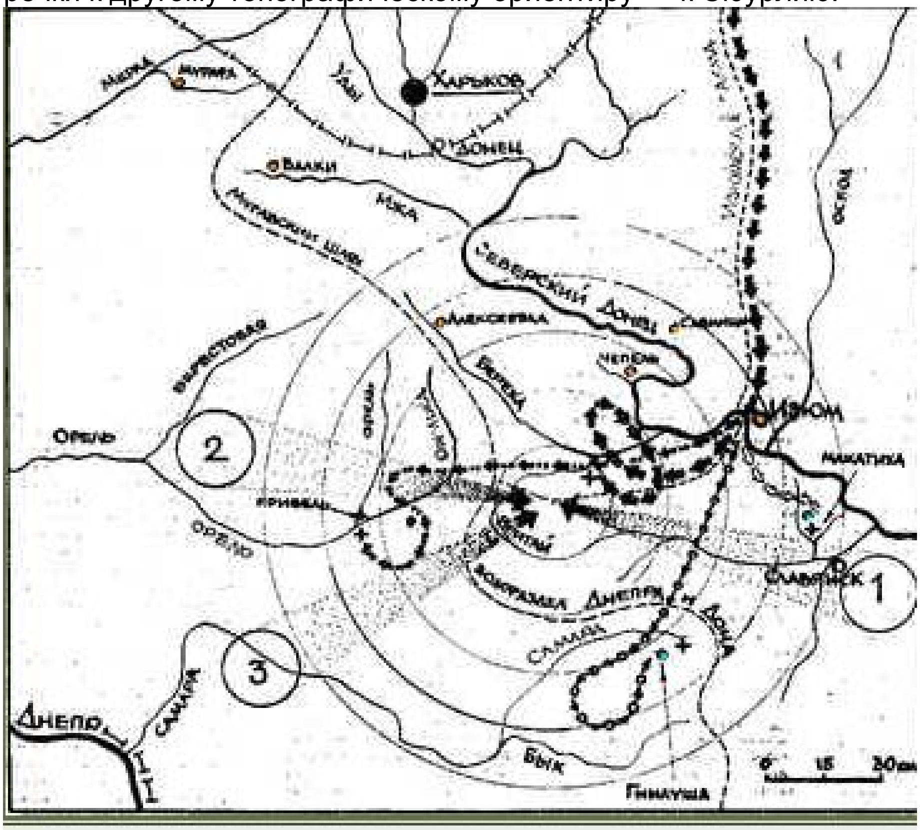
Указанную реку Каменку мы и считаем настоящей Каялой ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием «Каялы» в значении «каменистая».

44.102.3. Вариант-гипотеза М. Гетманца

…Как известно, после Сальницы дружины Игоря вступили на половецкую территорию, шли ночь и рано утром на речке Сюурлий встретили половецкие полки.

Учитывая опыт, накопленный в экспериментальном переходе от Новгород-Северского до Сальницы, Гетманец пришёл к выводу, что за короткую майскую ночь Игорь прошел, по летописи, «помалу идястя» не более 30 километров. Как раз на таком расстоянии от современного Изюма он и стал искать Сюурлий.

…В «Слове» была упомянута длинная гора — «шеломя», пройдя которую воины воскликнули: «О Русская земле! Уже за шеломянем еси!» Эту гору можно увидеть и сегодня, если из Изюма выехать в сторону Славянска. Гетманец отправился по «торской» дороге вдоль неизвестной речки к другому топографическому ориентиру — к Сюурлию.



Семитысячное конное войско не могло обойтись в длительном переходе без воды. Гетманец полагает, что этой неизвестной речкой вполне могла быть современная Каменка.

А дальше в летописи сказано, что на заре им дорогу преградили полки половецкие, стоящие близ реки Сюурлий. Она должна была быть не очень далеко (километров за 25 — 30 от Сальницы), к тому же небольшой и неглубокой, поскольку известно, что половцы с противоположного берега «пустивше по стреле на Русь... поскочиша», а русичи без каких-либо осложнений эту речку «переехале». По версии Михаила Федосеевича, нынешняя река Голая Долина и есть, видимо, тот самый Сюурлий.

…Именно здесь и произошло первое сражение между русичами и половцами. Полки Игоря одержали победу над сравнительно небольшими отрядами кочевников, начали их преследование в глубь степи, а вечером, вернувшись с «полоном», решили здесь заночевать. А когда рано утром 11 мая князь проснулся, то увидел, что со всех сторон русские дружины обступили половцы, и «идут они от Дона, и от моря», «аж пыль поля прикрывает». И тогда он принимает решение пробиваться в направлении Донца, который всего в шести километрах, чтобы прикрыться лесом.

Но половцы разгадали его намерение и, перекрыв путь, стали прижимать русские полки к речке с крутыми берегами — Каяле. И было сражение великое: «с раннего утра и до вечера», а потом «с вечера до света». «И летели стрелы каленые, и гремели сабли о шлемы, и трещали копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой». С берегов Каялы, по летописи, плененный Игорь видел своего брата Всеволода, который отчаянно бился, идя «вкруг при езере». Финальные события битвы происходят на берегу озера, ибо летописец заканчивает свое повествование словами: «а прочие в море истопоша». Это означает, что озеро было большим. И к полудню на третий день, говорит автор «Слова», пали стяги Игоревы. «Черная земля костьми была засеена, кровью полита». Так закончили свой поход храбрые русичи, «полегши за землю Русскую».

Учитывая все эти факты, Гетманец стал искать огромное поле, на котором могли бы поместиться семь тысяч русичей и еще больше половцев, чтобы рядом были озеро и речка для водопоя и неподалеку — Северский Донец. И нашел его вблизи села Глубокая Макатиха. А дальше занялся поиском легендарной Каялы, ставшей местом гибели русского войска.

Кстати, до Гетманца многие исследователи ее считали рекой символической, рекой «гибели и покаяния», которой на географической карте и быть не могло. Михаил Федосеевич стал первым, кто не согласился с этой устоявшейся версией. Прежде всего потому, что в летописи Каяла

называется рекой половецкой и перечисляется в ряду других — Сюурлий, Сальница, Оскол, Донец...

— С тюркского Каяла переводится, как «скалистая», а потому ее берега должны были оправдывать это название, — поясняет М. Гетманец. — Но вблизи подобной реки не было. Не считая небольшой Макатихи, которая весной, как в «Слове», становилась полноводной и быстрой.

Но однажды он обратил внимание на то, что расположенные рядом колхозные поля усеяны огромными камнями. Местные жители рассказали, что раньше здесь была «скеля» и с нее рубали камень. Гетманец стал раскапывать берега Макатихи и... обнаружил ее скалистые берега. Это уже было открытие.

…По Гетманцу получалось: русские дружины вечером 9 мая 1185 года переправились через Северский Донец в районе Изюмского кургана, якобы того самого знаменитого «шеломяна», который рефреном проходит через начальные главы «Слова»: «О Русская земле! Уже за шеломянем еси!»

Реку Суюрлы он отождествляет с Голой Долиной, а Каялой называет нынешнюю Макатиху. Морем-озером (в славянском языке эти понятия были тождественны), где утонуло много воинов Игоря, М.Гетманец считает соленые водоемы Славянска. При этом он ссылается на свидетельство известного украинского археолога Н.Сибилева, сделавшего когда-то любопытную запись: «…В 1894 году, когда прокладывали железнодорожную ветку (от Славянска к курорту) между озерами Вейсовым и Рапным было выкопано много человеческих скелетов. Они …были небрежно разбросаны, и найдены недалеко от поверхности земли». Здесь же якобы валялись и изъеденные солью остатки железного оружия.

…Сейчас от бывшей степной речки остался всего лишь тощий ручеек, а на сливающуюся с ним Голубую Долину, как на голубую нитку, нанизано множество водоемов местного рыбкомбината. Вокруг них мы заложили 78 шурфов. И — ни одной находки. Беседовали и со старыми рыбаками, на глазах у которых рождалась система этих водоемов. При их создании проводились крупные земляные работы, во время которых на десятках гектаров снимали грунт до самого материка. Бульдозеристы находили здесь лишь снаряды, захоронения времен Великой Отечественной войны, но из древностей — ничего.

Итак, на этот раз Каялу мы не обнаружили. Зато, кажется, убедительно доказали, что Макатиха — это не Каяла!

44.102.4. Вариант-гипотеза А. Чернова

… В 1939 г. военный историк В.А. Афанасьев предположил, что Каяла — река Быстрая[167]. С деталями предложенного им маршрута ученое сообщество не согласилось, но по инициативе Д.С. Лихачева в Белой Калитве была установлена стела в память Игорева похода.

… Однако никто почему-то не заметил, что и сам поэт на дне текста скрыл древнерусское имя Каялы, выдав название реки за эпитет: ***«Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;».***

А поскольку русские поселения на Северском Донце близ Быстрой существовали и до половцев, и даже при татарах (и древнее название могло сохраниться), видимо, академик Лихачев все же оказался прав.

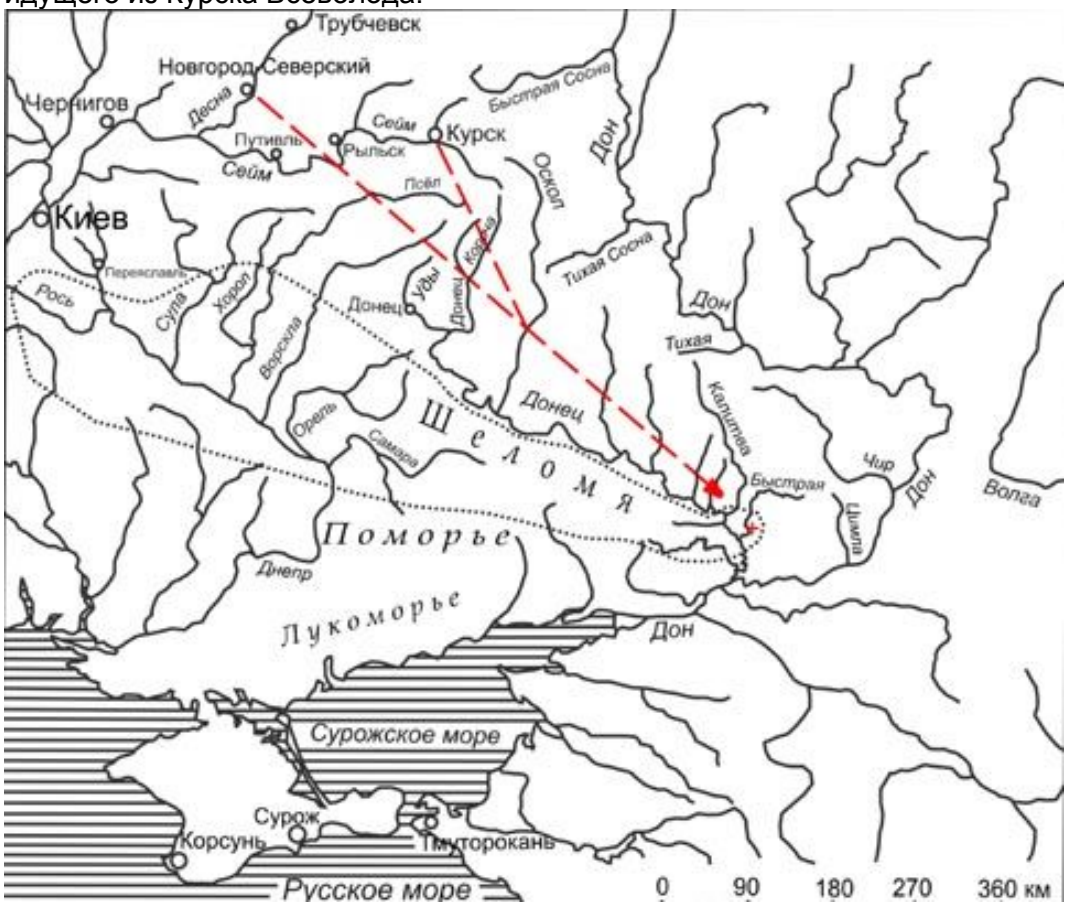
«Слово…» и летопись задают жесткие условия поиска: ищем в Поле Половецком на левом берегу Северского Донца и ниже Оскола междуречье Сюурлия и Каялы. В поперечнике оно менее одного дневного перехода. При этом скалистая Каяла — левый приток Северского Донца. И течет она по северному краю «поля безводного», где-то «у Дона Великого».

---

[167] **Бы́** — река в Ростовской области, левый приток Северского Донца. Длина — 218 км, площадь бассейна — 4180 км². Характер течения равнинный, питание снеговое, верховья летом пересыхают. Угольные месторождения. На Быстрой расположен город Морозовск, посёлки городского типа Михайлов, Быстрогорский, Жирнов.

Быстрая — последний левый приток Донца. Реки к востоку от нее, обтекая каменное плато, впадают в Дон. И на северной границе этого «безводного поля» должно лежать «озеро», по южному берегу которого русские во время решающей битвы пытались пробиться к Северскому Донцу.

… Перейдя Донец, Игорь по левобережью пошел к Осколу. И двое суток ждал у этой реки идущего из Курска Всеволода.



Сколько шли от Оскола — неизвестно. Но в некую пятницу у Сюурлия встретили половцев. Те пустили через реку «по стреле на русь» и побежали. Их преследовали Святослав, Владимир и Ольстин. А Игорь и Всеволод следовали за ними «помалу».

На Каяле вернулись к ночи передовые части. Игорь предложил отходить, чтобы до рассвета переправиться через Донец. Но Святослав сказал, что его кони отстанут. Следовательно, до Донца было более пяти, но менее двадцати пяти километров.

К утру из степей подоспели ханы Кончак и Гзак.

Ипатьевская летопись: «И тогда все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца». Поскольку в Поле пришли по левому берегу Северского Донца, то Донец справа.

Более суток Всеволод с боем вел полки к Донцу. Их отрезали от воды, и ратников мучила жажда. (В «Слове…» эта тема прозвучит дважды!) Но почему, если ты идешь по берегу, нельзя напиться? Подсказка в Лаврентьевской летописи: половцы стрелами не подпускали русских к воде. Значит, Игорево войско шло вдоль обрыва. У Быстрой именно левый берег — скала. Выходит, вечером в пятницу Игорь все же форсировал Каялу.

… В Нижнем Подонцовье на левом берегу излуки Быстрой заканчиваются холмы Донецкого кряжа («О, Русская земля, ты уже за Шеломенем!») и начинается безводная Донская степь. Между Доном, Северским Донцом, Быстрой, Цимлой и Чиром рек нет. А эти обтекают некое обширное плато. Вот почему Ярославна называет это место «безводным полем».

…Мы ехали, еще не зная, что древний пейзаж Жирнова и его окрестностей утрачен: каяльские скалы пошли на строительство Волго-Донского канала. Сотни миллионов тонн известняка вывезены.

См. также К. В. КУДРЯШОВ. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь, **Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, 1950**, **Тайна битвы на Каяле**, **А. Чернов. Второе имя реки Каялы**

Вернуться к ссылке

44.103. Иакинф (Бичурин *Никита Яковлевич*)

Иакинф Бичурин (*Никита Яковлевич Бичурин*, в монашестве *архимандрит Иакинф*; родился 29 августа (9 сентября) 1777 в с. Бичурино[168] (с. Шини) Свияжского уезда Казанской губернии — 11 (23) мая 1853, Санкт-Петербург) — один из основоположников отечественной синологии. Своему другу Н.С. Щукину Никита Яковлевич сообщил, что его родное село Бичурино по-чувашски зовётся - Шинер (Щукин ошибочно записал : Шинях).

Русский дипломат, востоковед и путешественник, знаток китайского языка, оставил значительное число сочинений о Китае и сопредельных странах. Ввёл в мировой научный оборот значительное число китайских исторических источников, в том числе Сокровенное сказание монголов. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (с 17 декабря 1828 года).

Биография

Отец — священник Яков Данилович Бичурин (1749—1812).

…Никита, первенец в семье Якова и жены его Акулины Степановой, родился в 1777 году в с. Акулево, а в 1779 семья переехала в с. Бичурино Свияжского (с 1781 г. — Чебоксарского) уезда, по названию которого он и получил впоследствии фамилию Бичурин.

Воспитывался в Казанской семинарии, окончил Казанскую духовную академию в 1799 году; приняв монашество, в 1802 году был назначен архимандритом Вознесенского монастыря в Иркутске. В 1807 году определён начальником духовной миссии в Пекине, где и оставался до 1822 года.

Могила Бичурина в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге

Во время борьбы с Наполеоном, русскому правительству было не до Китая, в результате чего миссия испытывала недостаток средств и была полностью опустошена. За это начальник миссии был лишён сана архимандрита и сослан в Валаамский монастырь. В 1826 году ему удалось переселиться в Петербург, где он получил при министерстве иностранных дел должность переводчика с китайского языка.

В Кяхте открыл первую в России школу китайского языка. Преподавал в школе, создал первый учебник китайского языка («Китайская грамматика»).

С 1831 года член Азиатского общества в Париже. Неоднократный (шесть раз) лауреат Демидовской премии.

В Санкт-Петербурге отец Иакинф получает светское признание, среди его знакомых — А. С. Пушкин. В Забайкалье встречался с декабристами: братьями Бестужевыми, И. И. Пущиным и другими.

---

[168] Малоизвестные страницы из биографии ученого-востоковеда Никиты Бичурина ожили сегодня на его малой родине в Чувашии – в деревне Типнеры Чебоксарского района, где отмечали 228-летие со дня рождения знатного земляка.

Никита Бичурин родился в 1777 году в с. Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Чебоксарский район Чувашской Республики).

Библиография

Важнейшие работы Иакинфа: «Записки о Монголии» (1828), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана» (1828), «Описание Пекина» (1828), «История первых четырёх ханов из дома Чингисова» (1829), «Китайская грамматика» (1831) «Историческое обозрение Ойратов или Калмыков» (1834), «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840), «Статистическое описание Китайской империи» (1842), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена» (1851).

… Он составил многотомный китайско-русский словарь, 8 словарей других восточных языков, перевел 17-томную историю Китая, сделал множество переводов местных авторов по самым разным отраслям науки и культуры, собрал богатый этнографический материал.

Дань памяти

В посёлке Кугеси Чебоксарского района Чувашской Республики находится музей Бичурина.

См. также **Становление личности Иакинфа Бичурина**, **Никита Яковлевич Бичурин — выходец из бедных**, **Бичурин и Чувашия**, **Российская Государственная библиотека**

Вернуться к ссылке

44.104. Кафаров Петр Иванович (Палладий 17(29).9.1817, Чистополь, ныне республика Татарстан, — 6(18).12.1878, Марсель)

Архимандрит Палладий. Гравюра из Китайско-русского словаря, 1888 г.

Пётр Ива́нович Кафа́ров (отец (архимандрит) **Палла́дий**) (1817—1878), руководитель 13-й Русской православной миссии в Пекине. Создатель китайско-русского словаря и транскрипционной системы (см. транскрипционная система Палладия). Учился в Казанской семинарии, затем в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1840 году пострижен в монахи и отправлен в составе духовной миссии в Китай, где и начал изучать китайский язык и литературу. В 1849 году рукоположен в иеромонахи.

В дальнейшем неоднократно бывал в Китае, возглавляя духовные миссии в Пекине и изучая языки и культуру Дальнего Востока. В 1878 году, во время возвращения из очередной экспедиции, умер.

Научные интересы: история Китая и Монголии, буддизм, китайская литература. Труды: «Китайско-русский словарь» (не окончен, завершён П. С. Поповым, издан в Пекине в 1888 г.)

…Для специалистов по алтаистике имя архимандрита Палладия известно прежде всего тем, что именно он нашел и сделал первый краткий перевод на русский язык "Старинного китайского сказания о Чингис-хане", которое позже получило широкую известность как "Сокровенное сказание монголов" - первый крупный литературный памятник монгольского языка, имеющий огромную ценность для филологов, историков, этнографов, фольклористов.

Изданные сочинения

- «Жизнеописание Будды» («Труды пекинской духовной миссии», том I)
- «Исторический очерк древнего буддизма» (там же, том II, СПб, 1853)
- «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» 1866 (там же, том IV)
- «Путешествие даосского монаха Чан-чуня на Запад» (там же)

- Палладий Си ю цзи или Описание путешествия на Запад// «Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб. 1866
- Палладий Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия// «Записки Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества», кн. 9-10, Иркутск 1867
- «Две недели в китайской кумирне» («Современник», 1863)
- Палладий Старинное китайское сказание о Чингисхане. Шэн-ву-цин-чжэн-лу (Описание личных походов священно-воинственного). Перевод с предисловием и примечаниями// «Восточный сборник», I, СПб. 1877
- «Старинные следы христианства в Китае» (там же)
- «Дорожные заметки из Пекина до Благовещенска» («Записки Императорского Русского Географического Общества», 1872)
- «Elucidations of the Marco Polo's Travels in North-China» («Journal of the North-China Branch of the R. As. Soc.», vol. X, 1876)
- Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии // «Западное Императорское Русское Географическое Общество», 1879, том VIII).
- Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Там же. — 1871. — Т. VII, вып. 2, 3, 6, 7
- Китайско-русский словарь, сост. б. нач. Пекинской дух. миссии архим. Палладием и ст. драгоман, имп. диплом, миссии в Пекине П. С. Поповым. Т. 1-2. Пекин, тип, Тун-Вэн-Гуань, 1888.
- «Китайская литература магометан: изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке, под заглавием Юй Лань Чжи Шен Ши Лу». Elibron Classics, 2001
- Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг., СПБ, 1892.
- Извлечения из китайской книги «Шен-ву-цзи». — Пекин, 1907
- Комментарий Архимандрита Палладия Кафарова. На путешествия Марко Поло по Северному Китаю с предисловиями Н. И. Веселовского С.-Петербург Типография Императорской Академии Наук 1902 гг. 47 с
- Архимандрит Палладий (Кафаров). Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения православной проповеднической Миссии в Китае//Китайский благовестник. 1915. Вып. 9-12. С.44.
- Выписки из дневника, ведённого в Пекине в 1858 г., «Морской сборник», 1860, № 9—10
- Палладий (Кафаров П. И.). Русское поселение в Китае в первой половине XIV века.// Живая старина. СПб., 1894, вып.1, с.65-67.

См. также Корифей отечественного востоковедения: Петр Иванович Кафаров

Вернуться к ссылке

44.105. Меркиты

В конце 12 - начале 13 века на территории монгольского Трехречья (р. Керулен, Онон и Орхон) было образовано монгольское государство "Хамаг Монгол Улс" во главе с Тэмуджином. Но наряду с ним на территории Центральной Азии существовали и другие государства, такие как Кэрэитское, Найманское ханства, а также государства татар и меркитов.

Бурятия, Тугнуйская степь перед грозой

Непосредственно на территории современной южной Бурятии находилось государство меркитов, которые разделялись на удуит-меркитов, увас-меркитов и асахан-меркитов. Меркиты были одним из сильнейших народов Центральной Азии, были воинственны и многочисленны. Ставка их хана Тохто-беки находилась где-то в районе Хилха-Селенги. Меркиты издавна воевали со своими соседями - кэрэитами, татарами, монголами. Во время одного из меркитских налетов ими даже была захвачена жена Тэмуджина Борте[169], позже отбитая им с помощью Тогорила (Ван-хана) кэрэитского, во время первого крупного сражения монголов и кэрэитов с меркитами в 90 годах 12 века в селенгинской степи Буури-Хээрэ.

Вторая битва состоялась осенью 1204 года в урочище Харадал-Худжаур в южной Бурятии. Тогда меркиты были разбиты, остатки племени вместе с Тохто-беки бежали в Баргуджин-Токум. В 1205 году меркиты вновь поднялись на борьбу. На этот раз против них выступили объединенные войска Тэмуджина, Ван-хана и Джамухи. Армия союзников сразилась с ослабевшими силами меркитов близ реки Хилок. В той битве меркиты вновь были разбиты, часть их сил засела в крепости Тайхал, но в конечном счете сдались под напором отрядов военачальника Чимбая, хан меркитов был убит преследовавшим его монгольским отрядом.

…В 1208 году Чингисхан совершил еще один поход на меркитов. Сражение произошло возле реки Хилок у крепости Тайхан. В этой битве меркиты вновь были разбиты, часть их войска засела в крепости. Крепость была построена на высоком скальном образовании, имела неприступный вид и была приспособлена для длительной осады, в ней был устроен колодец. Но войскам монголов

---

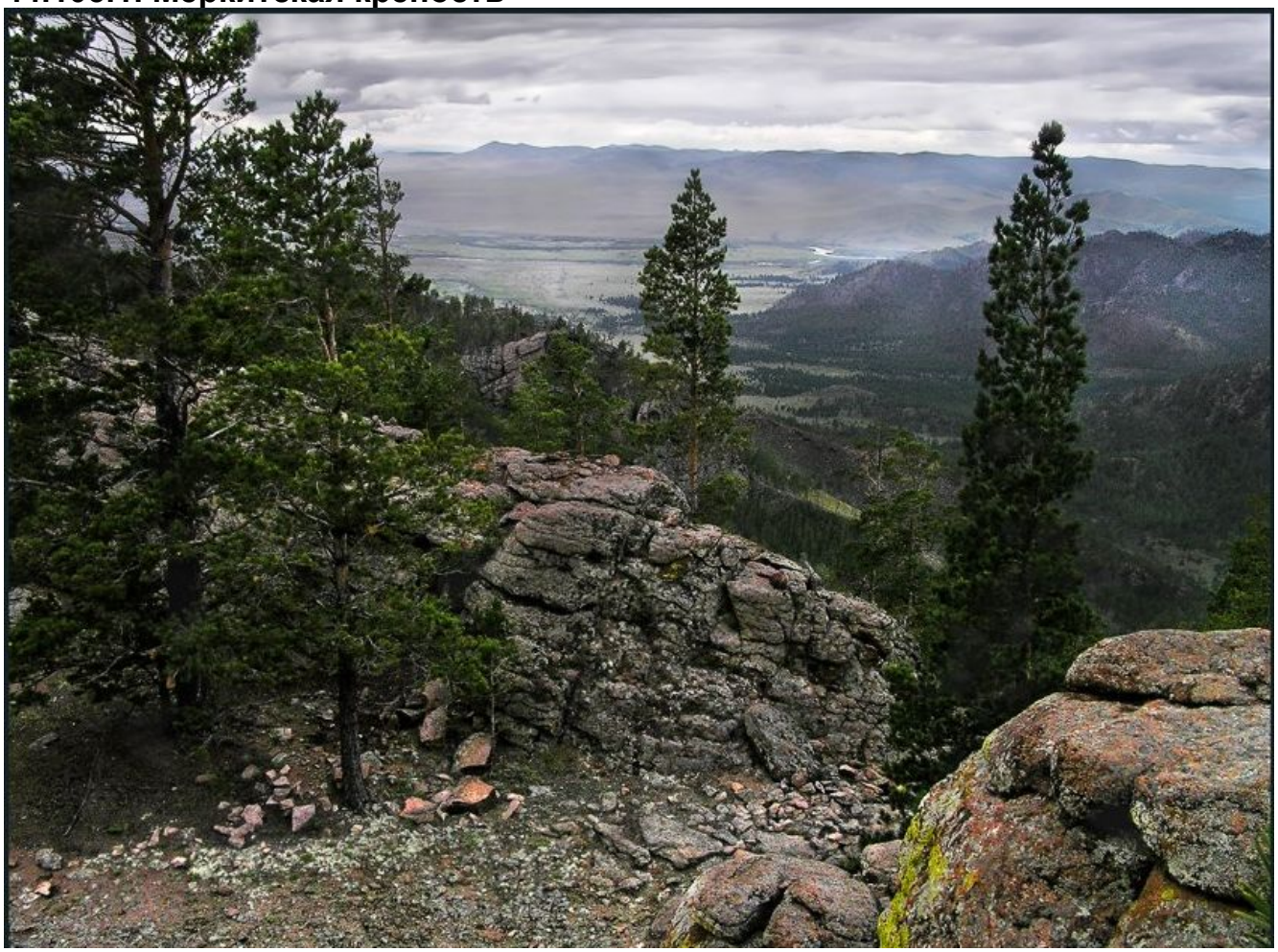
169 Однако, после этого, не переставали ходить упорные слухи о незаконном происхождении старшего сына Чингисхана - Джучи.

удалось взять крепость штурмом. Позже меркиты не раз пытались отстоять свою независимость. Они пытались собрать новое войско, но в 1215-1216 г.г. против них были направлены войска хана Джочи, в результате чего они были практически уничтожены

Позже меркиты не раз пытались отстоять свою независимость, сыновья Тохто-Беки продолжали борьбу с монголами уже в западной Монголии на стороне Найманского ханства. Здесь они были разбиты окончательно, многие были уничтожены, остатки некогда грозного народа были распределены по улусам и воинским частям монголов.

В настоящее время на территории современного Казахстана (в Районе Семиречья - Жетысу, В Алматинской и Карагандинской областях) живет род Джалаир из Казахского народа, относящегося к Среднему Жузу. Старое название рода Джалаир - Меркиты.

44.105.1. Меркитская крепость



Меркитская крепость - памятник природы и истории, имеющий несколько названий: Тугнуйские столбы, Абрикосовая гора, Шара-Тэбсэг.

Хайласан - *крепость меркитов. Скальный массив на правобережье устья р. Тугнуй. Помимо разнообразных памятников археологии (могильники, петроглифы) здесь особо выделяется укрепленное место Шара-Тэбсэг на уступе отвесной скалы. Туда ведет дорога, которая в опасных местах защищена массивными каменными бордюрами. В центре крепости устроен потайной колодец с вырубленным в скалах ходе. На вершине утеса устроены наблюдательные площадки с обзором на десятки километров. Согласно историческим сведениям, это есть меркитская крепость-святилище Тайхан, у стен которой в 1176 году Чингис-хан провел первое в своей жизни боевое сражение.*

Остатки укреплений

Сибирские абрикосы, растут они в единственном месте, только на этой горе-крепости.

...Что касается абрикосовой рощи, то она действительно существует. Правда, есть плоды дикорастущего абрикоса почти невозможно. Внешне они напоминают старинную новогоднюю игрушку из папье-маше, внутри которой находится традиционная косточка. За короткое сибирское лето абрикосы не успевают созреть, поэтому плоды их небольшие и кислые.

Сибирский абрикос и сарана[170]

См.также **Племя меркитов**, **Меркитская цитадель**, Мухоршибирский район Республики Бурятия

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.38

[170] Сарана, сарана полевая, сибирская красная лилия, Lilium tenuifolium. Растение из семейства лилейных.

44.106. Войско монголов

Монгольской армии не требовалось длительной подготовки к войне. Сам образ жизни кочевника располагал к тому, чтобы в любое время оседлать коня и выступить в поход. Жилища монголов были полностью приспособлены для длительного пути. При перекочевке или военной экспедиции тратилось не более часа на установку войлочной юрты и еще меньше — на её разборку и упаковку на спине вьючного верблюда. Некоторые шатры и кибитки не разбирались, а водружались на колёсные повозки, запряженные быками. Такие передвижные жилища следовали за неисчислимыми табунами и отарами, которые хозяева ежегодно перегоняли с зимних пастбищ на летние и обратно.

Семьи воинов могли сопровождать и наступающую армию. В походные стойбища, что располагались неподалёку от мест сражении и осад, монгольские богатыри сносили военную добычу; они не заботились о пропитании и не разлучались надолго с женами и детьми, потому что семьи часто находились рядом. С юных лет мальчишки вдыхали дым дорожных костров и боевых пожарищ, наблюдали за военными действиями, учились обращаться с лошадьми и оружием — и в итоге вырастали крепкими и мужественными бойцами.

Подготовленность своих воинов — прирожденных наездников к военным походам Чингисхан дополнил установлением в войске жесточайшей дисциплины и введением особых приемов боя.

Все монголы были разделены на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тысяч). Во главе их стояли десятники, сотники, тысячники и темники. Созданный Чингисханом закон — яса устанавливал коллективную ответственность за поведение в бою. Если воин трусил, бежал от врага,— казнили весь десяток. За бегство десятка казнили всю сотню. Десяток состоял из членов одного рода, хорошо знавших друг друга. Трусливый, ненадежный просто не попадал в воины. Ему не было доли в добыче, он был навеки опозорен, он превращался в изгоя. Поэтому в бою монголы были отважны и упорны.

Войско состояло из легкой и тяжелой конницы. Легкие всадники были одеты в кожаные доспехи, имели кривую саблю, боевой топор, аркан, легкое копье и два лука — для стрельбы легкими и тяжелыми стрелами. У каждого воина было два колчана по 30 стрел. Воины тяжелой конницы, помимо всего перечисленного, имели длинное колье, прямой меч, железный шлем и кольчугу. Кони их были защищены кожаными доспехами. В бою легкая конница атаковала первой, а затем ложным отступлением заманивала уверенного в своей победе противника под удар главных сил. Передвигались монголы стремительно, пересаживаясь в пути на свежих коней.

Осадная машина монголов

По закону Чингисхана, у каждого воина было не менее трех лошадей. В Китае монголы познакомились с осадной техникой. Впоследствии, штурмуя города, они использовали тараны и камнеметательные машины, которые обслуживали китайские инженеры.

Любимым оружием монголов был лук. Натягивая тугую тетиву до уха, воины поражали цели на расстоянии сотен метров. У многих имелись копья и сабли, обязательной принадлежностью кочевника и в повседневной жизни, и в бою считался аркан.

Обычно кочевое войско делилось на три части: центр и два фланга. Когда начиналось сражение, центр притворно отступал, заманивая противника, и если тот углублялся в монгольские позиции,

в предвкушении победы теряя осторожность, то фланги наносили удар с двух сторон, а центр разворачивался и возобновлял битву.

44.106.1. Тактика монгол

В описании Джованни дель Плано Карпини тактика татар выглядит так: «Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают.

Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на, десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю.

Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более. Когда же они желают приступить к сражению то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собою на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих.

Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много.

А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда во время бегства убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой». 6, III, III-IV

44.106.2. Состав и устройство войск Тамерлана

Войска Тамерлана состояли из пехоты и конницы. Впрочем, пехота его в дальних степных походах была снабжена лошадьми; конница или по крайней мере значительная часть ее в случае надобности была приучена сражаться в пешем строю, следовательно, соответствовала нашим драгунам; она спешивалась в тех случаях, когда надо было вернее или сильнее стрелять из лука, но, без сомнения, вообще действовала лучше на лошадях, чем в пешем строю [+212].

Конница разделялась на простых и отборных воинов, составлявших легкую и тяжелую конницу. Была также гвардия хана. Кроме того, были еще: 1) понтонеры, они употреблялись для устроения судов и наведения мостов; 2) метатели григорианского, или "греческого", огня; 3) разного рода рабочие, умевшие строить осадные машины и обращаться с метательными орудиями. Эти последние два рода войск были доведены до большого совершенства. Для метания григорианского огня употреблялись медные котлы, т.е. мортиры примитивного устройства. Из хода осад, предпринятых Тамерланом, видно, что ему были известны почти все

способы, употреблявшиеся греками и римлянами для овладения крепостями; 4) для действий в горах Тамерлан имел особого рода пехоту, составленную из горских жителей.

Войска, как и у Чингис-хана, были разделены на десятки, сотни, тысячи, тумены (10 или 12-тысячные отряды) и пр., предводимые десятниками, сотниками, тысячниками и эмирами.

44.106.3. Вооружение и походные запасы, производство в чины. власть начальников и жалованье

Тамерлан требовал, чтобы во время войны простые конные воины, или легкая конница, имели для похода лук, колчан со стрелами, меч или палаш, пилу, шило, иглу, веревки (ременные), топор, 10 наконечников для стрел, мешок, турсук (бурдюк), две лошади; сверх того каждые 18 человек должны были иметь кибитку (шатер из войлока).

Отборные воины, или тяжелая конница, были вооружены шлемами, латами, мечами, луком и стрелами; каждый из них должен был иметь по две лошади и каждые 5 человек по одной кибитке.

Кроме того, были осадные отряды воинов, вооруженных палицами, секирами, саблями, а лошади их покрыты тигровыми кожами. Эти воины, вероятно, составляли телохранителей Тамерлана.

Тысячники и эмиры кроме лично присвоенного им вооружения должны были возить с собой значительные запасы оружия для снабжения им простых воинов. Запасы эти перевозились на вьючных лошадях и верблюдах.

Пехотный воин должен был иметь меч, лук, несколько стрел, но в случае предстоящих сражений число стрел предписывалось особым повелением [+213]. Пехота была только легкая.

Закон Чингис-хана, повелевавший перед выступлением в поход или перед сражением осматривать войска, их оружие и вообще все, что воины должны были иметь с собою, Тамерлан соблюдал во всей строгости.

В каждом десятке из отборных воинов выбирался тот, кто соединял благоразумие с мужеством, и после согласия десяти других делаются десятником [+214]. Тысячник обыкновенно избирался из детей эмиров или князей, но из лиц, зарекомендовавших себя искусством в военном деле и храбростью. Каждый начальник имел своего помощника, который в случае надобности замещал его.

Десятники имели право принимать на службу воинов для пополнения некомплекта в своем десятке; сотники могли утверждать в должности десятников, выбранных их товарищами, а тысячники - сотников. Власть начальников состояла в наказании непослушных, в изгнании тех, которые нарушали долг службы, и замещении их. (Судя по этому перечню, начальникам, по-видимому, не было предоставлено право наказывать своих подчиненных смертью.) Тамерлан не любил телесного наказания и запрещал его, говоря, что начальник, власть которого слабее кнута и палки, недостоин сана, им занимаемого. За ослушание, трусость, нарушение дисциплины применялись наказания, установленные Ясой Чингис-хана; трусов, прежде чем подвергнуть положенному наказанию, наряжали в женское платье, румянили и, привязав к хвосту осла, водили в таком виде по людным местам.

Простые воины могли достигать званий десятника и сотника; высшие должности замещались представителями дворянства, а простолюдинам они были доступны лишь в случае совершения ими каких-либо выдающихся подвигов.

Жалованье определялось не в монетных единицах, а в лошадиных ценах. Десятник получал жалованье в десять раз больше рядового воина; из этого видно, какое значение придавалось этой должности, соответствующей нашему младшему унтер-офицеру (командиру отделения в пехоте). Сотники получали жалованье, равное двойному окладу десятника; тысячники - втрое больше сотников [+215] . За маловажные проступки делались вычеты из жалованья.

Были установлены награды воинам за особые заслуги: похвалы, прибавки жалованья, подарки, увеличение доли при раздаче добычи, повышение в чины, пожалование почетных прозвищ

(багадур и т.п.). При отличиях, оказанных целыми частями войск, им жаловались литавры, знамена и т.п.

44.106.4. Начала регулярности в войсках Тамерлана

Начало это выражалось в постоянстве войсковой организации, в правильности построений войск, в их дисциплине, а также в форменных отличиях различных частей войск и однообразии масти лошадей в конных частях.

Пехота назначалась для действий на местности, неудобной для боевой работы конных масс; она же охраняла армию в походе, при движении в горах и лесах. Кроме того, она находила применение в действиях по осаде крепостей.

44.106.4.1. Тактические правила Тамерлана и его боевые порядки

Отряд, не превышавший 12000 коней, для боя делился обыкновенно на девять частей (неодинаковой силы), а именно: главный корпус, или резерв, составлял одну часть (силою от 1/4 до 1/2 всего отряда), правое крыло - три части, левое - столько же, авангард - одну часть, передовые посты - также одну часть. Каждое из крыльев состояло из трех частей: своего (частного) авангарда, правой половины и левой половины.

Крылья строились по обе стороны общего авангарда, уступами позади его; в отношении общего резерва они находились уступами впереди. Общий и частные авангарды составлялись из легкой кавалерии, главные силы крыльев - из драгун, общий резерв - главным образом из тяжелой конницы с придачей легкой конницы в пропорции около 1/4.

Для сражения выбиралось обширное и ровное поле; отряд ставился по возможности в такое положение, чтобы солнце не било ему в глаза. При движении на неприятеля требовалась точная выдержка направления и сила удара; легкие войска подготовляли его своим метательным оружием.

Сражение начиналось с метания стрел и дротиков войсками аванпостов, затем авангарда. Если по обстановке оказывалось необходимым поддержать последний, в дело вступал авангард одного из крыльев, далее по порядку, одна из половин этого крыла и потом другая; при дальнейшем развитии боя в него подобным же образом вступало другое крыло [+216]. Если все эти усилия оказывались недостаточными, эмир должен был с главными силами, т.е. с резервом, броситься на неприятеля сам с полной уверенностью, что девятая атака, по своей сокрушительной силе подобная девятому валу разъяренной морской стихии, доставит победу.

В то время, когда войска почти всех народов, не имея правильного строя, сражались толпою, будучи увлекаемы в бой примером и усилием своих храбрых начальников, Тамерлановы полки, правильно построенные в несколько линий, представляли гибкий боевой порядок, обеспечивавший возможность планомерного развития боя и повторения ударов. Наличие мощного общего резерва, который вводился в бой по достаточном выяснении обстановки, позволяло выбрать для главного удара наиболее чувствительную для противника точку. Составленный из лучших войск и вводимый в дело массой, он, таким образом, решал победу. С другой стороны, если бы завязка боя обнаружила и у противника большое превосходство сил или труднодоступную позицию, то тот же боевой порядок давал возможность уклониться от боя, выведя из него большую часть сил нетронутыми.

Сам гений войны, казалось, подсказал Чингис-хану и Тамерлану вышеуказанный способ ведения боя, удивительно приспособленный к условиям азиатских степных театров войны. Он так хорошо продуман, что почти все сражения той эпохи были решительны и наносили совершенное поражение неприятелю монголов.

44.106.4.2. Для корпуса от 12 до 40 тысяч конницы

М. И. Иванин приводит чертеж боевого порядка для 40-тысячной конницы [+217]. Боевой порядок конной армии силою до четырех туменов был следующий: войска разделялись на 14 частей, из коих одна, вероятно не менее 1⁄8 всей армии, под личным начальством полководца, составляла

резерв; по 3 части назначалось на правое и левое крылья, составляя вторую линию, из них по одной было в частных авангардах, а две другие составляли правую и левую половины каждого крыла; впереди авангарда каждого из этих крыльев 2-й линии ставилось еще по три части, составлявшие первую линию; из них по одной также отделялось в авангарды; впереди интервала между крыльями выставлялся главный, или общий, авангард, в который назначалась легкая кавалерия, состоящая из неустрашимых и опытных воинов; они должны были с громким криком бежать и приводить в беспорядок авангард неприятеля; впереди авангарда выставлялись аванпосты [+218]. Частные авангарды крыльев составляются равным образом из легкой конницы (которая входит также в состав резерва в пропорции около 1/3). Главные силы крыльев состоят из драгун. Ударную массу общего резерва составляет вся тяжелая конница.

Дело завязывалось авангардом, предшествуемым стрелками, составлявшими передовые отряды. В этом боевом порядке особенно выступает демонстративная роль общего авангарда, который своими смелыми действиям, очевидно, должен был ввести в заблуждение неприятеля относительно своих сил, с тем чтобы за образуемой им завесой, которая, вероятно, раздавалась вправо и влево для маскировки большей части фронта всего боевого порядка (лава), остальные части его могли производить необходимые по обстановке маневры. Главный авангард постепенно подкреплялся авангардами 1-й линии, потом частями той же линии; если эти семь атак не решали битвы, то вводились в бой части 2-й линии и, наконец, общий резерв (3-я линия).

44.106.4.3. Для целой армии

Боевой порядок конной армии силою более 40 000 всадников от двух предыдущих отличается тем, что в нем третья линия, или, что то же, общий резерв, составляющий около половины всех сил, состоит не из одной, а из трех отдельных групп; причем наиболее сильная из них, центральная, имеет в своем составе 40 полков [+219] отборной, исключительно тяжелой кавалерии, а две фланговые, более слабого состава, образованы из трех видов конницы приблизительно поровну. В первых рядах центральной группы помещалось главное знамя Тамерлана; этой группой он командовал непосредственно. Главный авангард этого боевого порядка имел еще свой особый авангард (или передовой отряд), независимо от линии аванпостов. Ведение боя происходило подобно тому, как и при единицах меньшей силы, т.е. оно было основано на питании боя из глубины и на повторении ударов.

В данном случае, как и в двух предыдущих, обращает на себя внимание пустота в центре боевого порядка, прикрытая только сравнительно слабым общим авангардом. Точно неизвестно, имел ли Тамерлан в виду ослаблением своего центра завлекать неприятеля внутрь боевого порядка, чтобы вернее окружить и истребить его, или умышленно растягивал фланги, имея сильные резервы (когда прочие народы того времени почти не знали их), чтобы заставить неприятеля также растянуться и потом рвать резервом его центр или бить противника по частям. Вернее, что порядки эти при фактическом ведении боя не имели строго обязательного значения, представляя лишь типы, средние нормы для руководства, от которых, как видно по имеющимся примерам действительных боев, сам Тамерлан допускал отступления в широких пределах.

При соответствующих условиях местности в состав боевого порядка входила и пехота (в некоторых сражениях также и боевые слоны); при действиях же на местности степного характера, когда применялись боевые порядки описанных типов, в которых место пехоте не указано, она употреблялась, вероятно, для обеспечения тыла, для обороны лагеря и для прикрытия заводных лошадей, которые в предвидении боя оставлялись в обозе.

См. также Персидская миниатюра / Миниатюры из Хроники Рашида ад Дина, **Монгольская осада**, **Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.)**, *Р. Храпачевский* **Осадные технологии монголов**, **Эренжен Хара-Даван «Чингисхан как полководец и его наследие»**

Вернуться к ссылке

44.107. Зажигательное и огнестрельное оружие

44.107.1. Порох

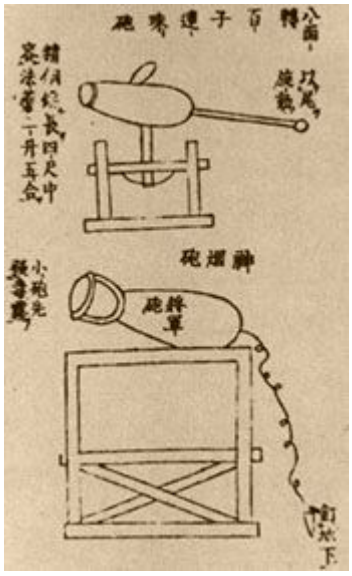
Порохами называются различные взрывчатые соединения или смеси, основная форма взрывчатого разложения которых представляет собой послойное горение. Наиболее известная форма пороха состоит из серы, селитры (нитрат калия) и древесного угля. Такой порох был изобретен китайскими алхимиками, пытавшимися изготовить эликсир бессмертия.

Китайский фейерверк. Гравюра на дереве, изданная в 1643 г.

Для взрывчатого эффекта необходимо, чтобы порох содержал около 75 % селитры. Ранние составы китайского пороха имели 50 % селитры и поэтому были не взрывчатыми, а горючими.

Сера была известна в Китае с древних времен. Когда была открыта селитра - неизвестно, но имеется свидетельство, что китайские алхимики знали соединение серы и селитры уже 3 в. н.э. Так, например, знаменитый алхимик Гэ Хун пишет о рецепте порошка, в который входили сера, селитра, слюда, красный железняк, глина и другие вещества. При нагревании этой смеси получался таинственный “пурпурный порошок”, который должен был превратить свинец в золото, а ртуть в серебро.

О селитре также писал в конце 5 в. китайский медик Тао Хунцзин. В 8 в. знания о селитре проникают в арабские страны, где ее называли “китайским снегом”. В Европе селитра оставалась неизвестной еще несколько столетий и появляется вместе с порохом.



Мортиры. Иллюстрация из руководства по военным искусствам, датируемого эпохой Мин.

Изобретение протопороха можно отнести к середине 7 в. Знаменитый медик и алхимик Сунь Сымо (581-682) в сочинении “Главные наставления по канону эликсира высшей чистоты” (“Тай цин дань цзин яо цзюе”) пишет о воспламеняющейся при накаливании смеси, состоящей из серы, селитры и рожков локустового дерева - *цзаоцзе* (Gleditschia japonica). Через 150 лет подобные смеси стали достаточно распространенными.

В 808 г. алхимик Цин Сюй-цзы получил горючий порох, состоящий из смеси серы, селитры и древесного угля. В этом же веке порох стал применяться в военных целях. В последующие века китайцы разработали множество типов огнестрельного оружия.

В 850 г. был изготовлен взрывчатый порох. Его формула приводится в собрании даосской классики, в книге “Классификация сущностей таинственного пути истинного происхождения вещей”. Эта формула приписывается Чэн-иню, являвшемуся учителем Гэ Хуна. Книга содержит 35 формул эликсира, которые были признаны опасными.

В трактате “Об основах военного дела” (“Уцзинь цзуняо”), написанного в 1044 г., указывается, что кроме трех основных компонентов пороха - селитры, серы и древесного угля - в его состав могли

входить вещества, регулирующие скорость горения. Чтобы усилить поражающую способность зажигательной смеси, в нее добавлялись различные ядовитые вещества.

Завоевавшие в 12 в. весь Северный Китай чжурчжэни стали пользоваться изобретенным китайцами пороховым огнестрельным оружием. От чжурчжэней оно попало к воинам Чингисхана, разгромившим их государство.

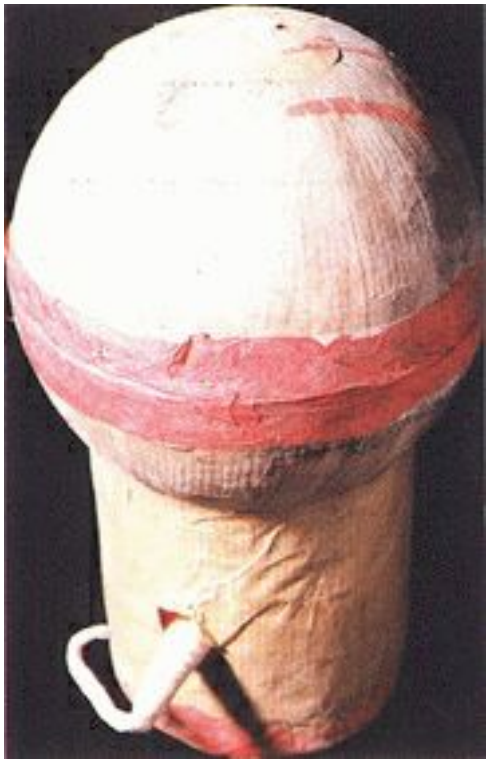
…В 1241 году, во время нашествия монгольских орд на Европу, во время битвы при Легнице-Вальштадте в Моравии немцы, поляки и моравы сполна ощутили на себе силу пороха, который метали по ним монголы. Фугасные и зажигательные ручные гранаты примерно в то же время использовали также волжские булгары.

Во второй половине эпохи Сун (12-13 вв.) с китайскими методами изготовления и использования пороха знакомятся арабы. В это же время в Европе переводится много арабских рукописей, среди которых есть и работы, посвященные производству пороха и огнестрельного оружия. В середине 13 в. состав пороха был описан Роджером Бэконом и Альбертом Великим. С начала 14 в. европейцы начинают производить огнестрельное оружие - первые пушки в Европе появляются в 1327 г.

Китайское чугунное артиллерийское орудие 16-17 вв.

44.107.2. Бомбы, гранаты и мины

Первые китайские бомбы были зажигательными, поскольку в них было недостаточно селитры. В начале 11 в. стали изготовлять “бомбы громовых раскатов”, в которых имелся уже достаточный для взрыва процент селитры. Эти бомбы имели запалы и делались из бамбука или бумаги. Метались они с помощью метательных машин. В них могли помещаться крошки битого фарфора. Подобным образом изготавливались ручные гранаты. Эти бомбы и гранаты производили страшный шум, что приводило в замешательство вражеских бойцов и сильно пугало их лошадей.



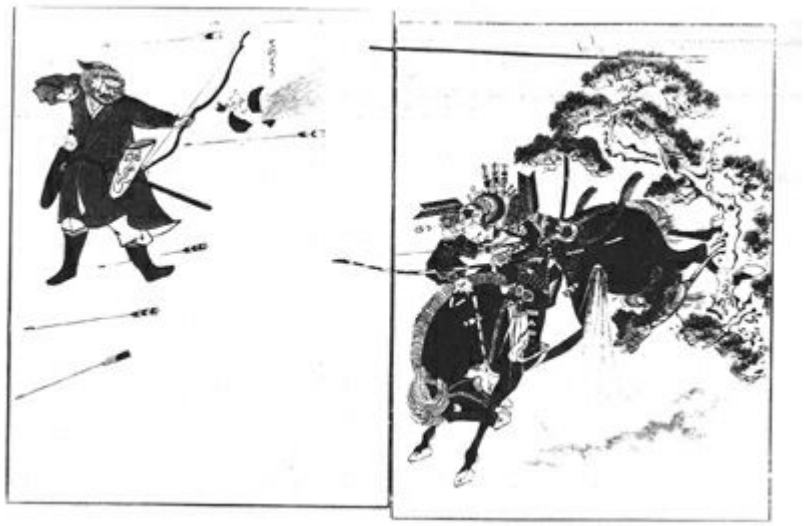
Китайская бомба 17 в. с запалом, использовавшаяся для стрельбы в облака с целью ускорить дождь.

В 12 в. китайцы стали изготовлять фугасные бомбы с мощным взрывным действием. Кожуха этих бомб делались из литого железа. При взрыве они разбрасывали шрапнель, убивая или калеча врага. Их также начиняли известью, которая при взрыве поражала глаза противника, причудливыми смесями ядохимикатов или проволочными ежами, которые ранили ноги врага при наступании на них. В качестве яда часто использовался мышьяк.

Использование ядов в военных целях имеет древнюю традицию в Китае. Так, например, известковая пудра применялась с 2 в. до н.э. Горшки с ней забрасывали с помощью метательных машин в стан врага или на борт корабля, где они разбивались, и находящаяся в них известковая пудра создавала облако, слепившее врага. Ядовитые газы применялись в военных целях в Китае с 4 в. до н.э. Ранние моисты писали о использовании мехов для закачки ядовитых газов в туннели, прорытые врагами при

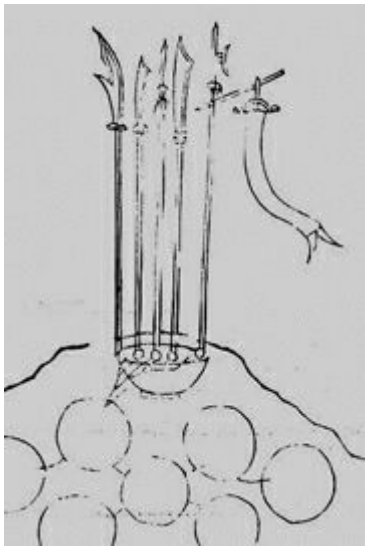
осаде города. Использование газа в военных целях было развитием метода, использовавшегося при окуривании помещений с 7 в. до н.э. Окуривание в дальнейшем часто применялось для уничтожения книжных червей.

Самым мощным взрывным устройством 12-13 вв. было *техопао*. Оно представляло собой два соединенных друг с другом цилиндра, отлитых из чугуна и начиненных порохом разного состава. Один заряд был взрывным, а другой - зажигательным. Фитиль, соединенный с первым зарядом, поджигался перед запуском снаряда при помощи специальной катапульты.



Чугунная разрывная бомба “грозовой грохот” 13 в. Гравюра из японской книги, изданной в 1293 г. и описывающей монгольское вторжение в Японию в 1274 г.

В конце 13 в. применялись земляные мины с механическим запалом. Над минами иногда в качестве приманки выставляли набор алебард, пик и знамен. Враг, привлеченный видом оружия, подходил к нему и наступал на механизм, который зажигает взрыватель земляных мин. Некоторые из деталей спускового механизма китайских земляных мин оставались секретными до 17 в., когда их описания были наконец опубликованы. В этих описаниях указывается, например, что запал делался из кремня, по которому при освобождении шнура производился удар стальным предметом, что приводило к появлению искр, попадающих на трут.



“Подземный, опрокидывающий небо гром” - подрывная мина-ловушка 14 в.

Китайцы также использовали “сигнальные бомбы”. Это были бомбы, которые при подбрасывании взрывались подобно фейерверку.

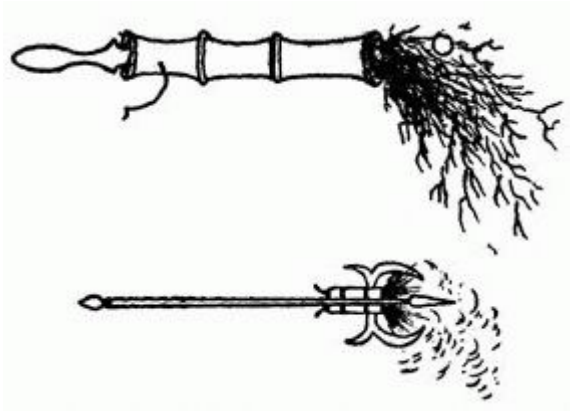
44.107.3. Ружья, пушки и пороховые огнеметы

Около 905 г. было изобретено первое проторужье, называемое “огненной пикой”. Фактически это устройство действовало как огнемет, в котором пороховой заряд прикреплялся в концу копья. Порох при своем горении производил сильное пламя, которым и поражали противника. После изобретения настоящих ружей “огненные пики” оставались популярны до середины 20 в.

Самое старое в мире изображение порохового оружия - огненной пики и гранаты - в сцене искушения медитирующего Будды воинами Мары, стремящимися помешать ему достичь просветления. Фрагмент рисунка на шелковом знамени середины 10 в.

Во второй половине 11 в. при проведении военных действий китайцы стали использовать закрытые с одного конца трубки, в которые закладывали порох и вставляли стрелу. С помощью запала надо было поджечь порох, который взрывался и выталкивал стрелу.

Во время обороны города Дэань (современный Аньлу в провинции Хубэй) в 1132 г. Чэнь Гуй стал использовать огнемет *хоцян*, который заряжался с дула и обслуживался двумя воинами. Ствол огнемета делался из бамбука.



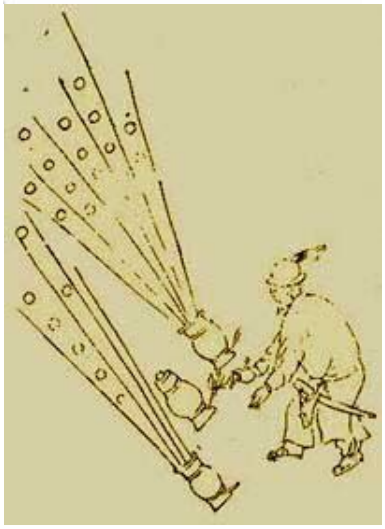
Ружье *тухоцян* и пищаль *хоцян*.

Порох в “огненных пиках” содержал около 60 % селитры, а для настоящего огнестрельного оружия, которое появилось в Китае в середине 13 в., было необходимо 70-80 % селитры.

В 1259 г. оружейниками города Чоучуньфу (современный Чоусян в провинции Аньхой) начала производиться модификация “огненной пики” - пищаль *тухоцян*. С помощью нее уже можно было стрелять картечью, состав которой точно неизвестен. Это могли быть мелкие камни, осколки глиняной посуды и куски железа.

Средневековый “сотрясающий небо извергатель свирепого огня”, стреляющий снарядами с ядовитым дымом.

“Огненные пики” часто изготавливались с несколькими стволами, и когда порох в одном стволе выгорал, загорался запал следующего ствола. Одним из видов “огненной пики” было “ружье-мотыга”. Ствол на нем крепился перпендикулярно ручке. Из такого орудия можно было стрелять, подняв его над стеной. Помимо извержения огня, это орудие стреляло металлическими шариками.



Китайские вазоподобные мортиры 16 в., которые стреляли чугунными бомбами, наполненными проволочными ежами с отравленными остриями.

К концу 13 в. стволы огнестрельного оружия стали делаться из железа и бронзы. Так, например, в Маньчжурии была найдена бронзовая пищаль, относящаяся к 1288 г. Одновременно начали применяться длинноствольные пушки и короткоствольные пушки-мортиры, стрелявшие каменными и чугунными ядрами. Сохранилось несколько сотен подобных огнестрельных средневековых орудий Китая, самое раннее из которых было изготовлено в 1351 г.

Бронзовое китайское артиллерийское орудие, которое, согласно надписи, было отлито при династии Мин.

44.107.4. Ракеты

Идея пороховой ракеты возникла в древнем Китае из практики изготовления фейерверков. В 1232 г., когда монголы осадили город Кайфын, защитники города использовали оружие, которое было описано в хронике как “стрелы летящего огня”. Нет точного указания, что это были ракеты, но вряд ли это были простые стрелы, поскольку в данном описании луки не упоминаются. Рисунки, встречающиеся в позднейших военных документах, часто изображают пороховые ракеты привязанными к стрелам и копьям.

“Гнездо пчел” - пусковая установка связанных в пачку ракет. Реконструкция, выполненная по рисункам и текстовым описаниям 14 в.

При создании ракет, которые подразделялись на сигнальные и боевые, большое внимание обращалось на величину сопла: оно должно быть не слишком большое и не слишком маленькое. Для стабилизации полета ракет использовались различные стабилизаторы в виде плавников и крыльев. Изготавливались специальные стационарные пусковые установки, которые позволяли выпускать одновременно до 320 ракет. Имелись также портативные ручные пусковые установки ракет. Это были конические корзины, которые не изготавливались очень прочными, поскольку при изнашивании их просто заменяли.

Портативные пусковые ракетные установки корзиночного типа, использовавшиеся в 14 в.

В начале эпохи Мин был изобретено огнестрельное устройство, совмещающее в себе метательную машину и реактивную систему. Метательная машина использовалась для запуска “летающих снарядов” (*фэй дань*), которые были снабжены крыльями, имели сопло и две секции с пороховыми зарядами. Вырывающиеся из сопла газы при горении в одной из секций снаряда подожженного еще на земле пороха увеличивали дальность его полета, а заряд во второй секции взрывался, когда снаряд достигал цели.

Вернуться к ссылке

44.108. Государство Корё

В начале X в. территория Корейского полуострова представляла собой арену борьбы между отколовшимися от Силла независимыми властителями, наиболее крупными из которых были Кёнхвон, основавший в 892 г. государство Хубэкче, и Кунье, также провозгласивший в 901 г. создание собственного государства (в 904 г. оно получило название Маджин, а затем, в 911 г., - Тхэбон). Среди сподвижников Кунье выделялся Ван Гон, выходец из влиятельной семьи, выдвинувшейся в период развала государства Силла и владевшей землями в районе Сонака.

Участвуя в походах Кунье, Ван Гон зарекомендовал себя способным военачальником и приобрел большую популярность в Тхэбоне. В 918 г. он сверг Кунье и провозгласил создание государства Корё. У Ван Гона оставался, по существу, один противник - Хубэкче, так как ослабевшее Силла влачило жалкое существование и искало дружбы с Ван Гоном (в 920 г. между ними был заключен

союз, в 931 г. Ван Гон лично нанес визит вану Силла и затем прислал посла с подарками). В 935 г. последний силлаский ван добровольно отдался под власть Ван Гона, а уже в следующем году было наконец уничтожено Хубэкче и тем самым завершено объединение страны. Столицей нового государства стал Сонак, переименованный в Кэген (совр. Кэсон).

Несколько десятилетий ушло на то, чтобы полностью покончить с сепаратистскими тенденциями местных властителей. При подчинении их Ван Гону им оставлялись в большинстве случаев прежние владения. К 80-м годам X в. с ними было наконец покончено, и по всей стране введена единая административная система.

В это время с севера над Корё нависла серьезная угроза. В 946 г. киданьская империя Ляо завоевала Северный Китай. Покорив обитавшие в бассейне р.Амноккан племена чжурчжэней, кидани вышли к границе Корё. Правители Корё предприняли ряд мер для обороны страны, возведя несколько новых крепостей и усилив их гарнизоны. При этом они всячески избегали давать киданям повод к войне, сохраняя позицию нейтралитета между Ляо и сунским Китаем.

Однако в 993 г. кидани перешли Амноккан и вторглись в пределы Корё. Разгромив корёские войска в районе Понсана, они вышли к р.Чхончхонган и форсировали ее, однако, продвинувшись еще дальше на юг, потерпели серьезное поражение и вынуждены были начать мирные переговоры. От захвата корёских земель киданям пришлось отказаться, но Корё обязалось разорвать отношения с враждебными киданям Сунами. В том же году кидани покинули пределы Корё, и вскоре отношения с Сунами были восстановлены; северная граница стала усиленно укрепляться.

В 1009 г. ван Мокчон был свергнут одним из военачальников. Кидани немедленно воспользовались благоприятной ситуацией и снова, в 1010 г., вторглись в Корё. После неудачной осады Хынхванджина кидани направились в глубь страны и у Тхонджу в решающем сражении разгромили корёс-кую армию. В 1011 г. кидани разграбили столицу - Кэгён (двор бежал в Наджу). Между тем на захваченной территории продолжалось сопротивление, и кидани, не имея возможности подавить его, стали отступать.

В 1014 г. власть в Корё захватила группа военачальников. Вскоре, в 1018 г., последовало третье киданьское нашествие. После боя у Хынхванджина они двинулись на Кэгён, но, потерпев поражение в ряде боев, вновь были вынуждены отступить. При отступлении они были наголову разбиты у Куджу. После этого кидани оставили попытки завоевать Корё и установили с ним дипломатические отношения.

Наибольшего расцвета Корё достигло в XI в., особенно при ване Мунджоне (1047-1082). Именно он создал ту административную систему, которая просуществовала почти два с половиной столетия. Это было время торжества принципов централизации и государственной собственности на землю (которая с созданием Корё была восстановлена). Однако уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки ослабления государства и сокращения государственного земельного фонда.

Из-за непомерного роста числа чиновников встал вопрос о прекращении выдачи им служебных наделов, материальное благосостояние и статус основной массы чиновничества начали падать. В то же время много земель было передано в награду "заслуженным сановникам", пожаловано или захвачено родственниками ванов, не выполнявшими реальных функций в сфере управления.

В результате чрезвычайно усилились имущественные различия между основной массой чиновничества, непосредственно занятой делами службы, и высшей знатью, что приводило к острым противоречиям в среде господствующего класса. Обострились также противоречия между военным (менее привилегированным) и гражданским чиновничеством, между столичной и провинциальной знатью. Положение усугублялось произволом крупных землевладельцев в отношении крестьян, чьи наделы они захватывали (равно как и служебные земли мелких чиновников). Усилившийся налоговый гнет (в немалой степени за счет произвольных требований собиравших налоги чиновников) и утяжелившаяся трудовая повинность приводили к разорению крестьян - держателей государственных наделов; участившееся бегство земледельцев еще

более ухудшало положение оставшихся, связанных с ними круговой порукой. В конечном счете это приводило к сокращению доходов государства. Одновременно появились могущественные семьи, происходившие не из правящего рода; захватывая государственные земли вместе с сидевшими на них крестьянами, они не только сосредоточивали в своих руках большие богатства, но и получали определенный политический вес. Немало земель принадлежало монастырям. В целом XI-XII века отмечены ростом крупного частного землевладения. Многие крупные землевладельцы содержали вооруженные отряды.

В начале XII в. Корё пришлось столкнуться с чжурчжэнями, которые усиливались по мере того, как слабела киданьская империя Ляо. В 1104 г. в бою с ними у крепости Чонпхён корёские войска потерпели поражение. В 1107 г. чжурчжэни предприняли новое нападение, но были на этот раз отбиты с большими потерями.

Корёские войска, перенеся войну на земли противника, захватили значительную территорию, однако через два года под постоянным натиском чжурчжэней были вынуждены оставить ее, а после провозглашения чжурчжэньской империи Цзинь в Китае Коре пришлось признать вассальную зависимость от нее.

В это время реальная власть в стране принадлежала Ли Джагёму (его дед, Ли Джаён, занимал выдающееся положение при ване Мунджоне). Он женил вана Инджона на двух своих дочерях и сосредоточил в своих руках управление военным министерством и министерством чинов. Ван Инджон пытался в 1126 г. отстранить его, но эта попытка кончилась тем, что сам ван фактически был лишен свободы. В следующем году благодаря поддержке группировки сановников из Согёна (совр. Пхеньян) во главе с буддийским монахом Мёчхоном Инджону удалось отстранить от власти Ли Джагёма, но это привело к росту амбиций согёнской группировки. В Согёне усилились сепаратистские настроения, вылившиеся в крупнейший мятеж 1135 г. Идеологом мятежа стал Мёчхон, доказывавший с помощью геомантических построений, что столицу государства необходимо перенести в Согён. Под властью мятежников оказались значительные территории Северо-Запада, объявленные "Государством великих свершений". Правительственные войска во главе с выдающимся государственным деятелем Ким Бусиком после многомесячной осады весной 1136 г. взяли Согён штурмом и жестоко подавили мятеж. Это была победа сторонников укрепления государства.

Однако во второй половине XII в. вновь обострились отношения противоборствующих группировок. В 1170 г. ван Ыйджон был свергнут в результате военного переворота. Военачальники во главе с Чон Джунбу возвели на престол Мёнджона (брата свергнутого вана), но реальную власть оставили в своих руках, причем роль высшего органа управления фактически выполнял коллегиальный военный орган Чунбан.

С середины XII в. в стране участились крестьянские выступления. Они происходили в 1162, 1166 гг., а в 1176 г. разразилась настоящая крестьянская война под руководством Мани, охватившая несколько южных провинций. Восставшими были государственные крепостные (ноби) и другие крестьяне. В общей сложности ими было захвачено более 50 городов. В 1177 г., после подавления основных очагов восстания на юге, восстание перекинулось на северо-западные районы. Окончательно подавить его удалось только к концу 1178 г. Мани после жестоких пыток был казнен. Крупное восстание происходило в 1193-1194 гг. в провинции Кёнсан под руководством Ким Сами, Хё Сима и др.

В 1196 г. реальную власть в стране захватил полководец Чхве Чхунхон, создавший как бы собственную, параллельную династию правителей. До 1258 г., т.е. до самого монгольского завоевания, страной управляли он сам и его потомки, а ваны обладали лишь номинальной властью. Чхве Чхунхон много сделал для укрепления внутриполитической стабильности и успешно предотвращал выступления своих возможных противников, однако крестьянские восстания продолжались.
В 1198 г. в столице был раскрыт заговор ноби, в следующем году произошли крестьянские выступления на северо-востоке страны, в 1200 г. вспыхнуло восстание ноби и крестьян в

провинции Кёнсан. В 1201 г. его удалось подавить, но в следующем году в этой провинции началось новое восстание, продолжавшееся до 1203 г.

В начале XIII в. Коре пришлось опять столкнуться с киданями, которые были вытеснены монголами со своих земель. В течение 1216-1218 гг. кидани трижды вторгались на полуостров, но каждый раз, терпя поражение, отступали.

Тогда же Корё впервые оказалось лицом к лицу с более опасным противником - монголами.

Борьба корейского народа против захватов монголов освещена в следующей главе.

Административная система Корё сложилась, с одной стороны, на основе тхэбонской, с другой - силлаской государственной традиций. Принципиально новым в чиновной системе Корё было отсутствие в ней собственно чинов: было установлено, как в Китае, 9 рангов, каждый из которых подразделялся на две степени. Степень стала главным фактором, определявшим положение человека в обществе и системе (в соответствии с ней производилась и выдача жалованья); для каждой должности предусматривалась определенная степень.

Системой степеней в Корё были охвачены все лица, получающие установленное содержание (в том числе и те, что не являлись в полном смысле слова чиновниками): чиновники центральных (столичных) учреждений, военные, провинциальные, придворные чиновники, титулованные женщины (жены, наложницы, дочери ванов), близкие родственники вана; лица, имеющие особые звания за заслуги (хун), лица, имеющие почетные титулы (чак);, гражданские чиновники без определенных функций (мунсанге) и военные чиновники без определенных функций (мусанге).

Центральный аппарат состоял из учреждений различных видов: высшие правительственные учреждения, отраслевые министерства, основные научно-учебные и другие крупные учреждения, управления (си), канцелярии (со), склады (чхан, ко), дворцовые учреждения, так называемые тогамы и другие учреждения, создаваемые на определенный срок для выполнения конкретных задач. Хотя на протяжении всей истории Корё в аппарате управления много раз проводились реформы и изменения, наиболее существенные были проведены в середине XI в. при ване Мунджоне (1047-1082), когда в основном и сложилась административная система. Был создан огромный чиновничий аппарат, определены и максимально унифицированы штаты всех учреждений и четко расписаны по рангам и степеням все должности в государстве. Штаты учреждений были увеличены в несколько раз за счет большого числа канцеляристов, стоявших ниже системы степеней, но тем не менее занимавших определенные должности. Совещательным органом при ване был Тобёнмаса, должности в котором занимались по совместительству высшими сановниками государства. В общей сложности в центральном аппарате Корё насчитывалось 150-170 учреждений, известно более 500 различных должностей, которые были заняты примерно 2,5 тыс. чиновников.
В административно-территориальном отношении Корё делилось на провинции (то), включавшие более мелкие административные единицы - населенные пункты разной величины с примыкающей территорией. Число провинций не было постоянным; в XI-XII вв. помимо них существовали два пограничных района (Восточный и Северный), включавшие каждый по две-три провинции.

Для каждой провинции и более мелких административных единиц существовал определенный управленческий штат. Особый статус (малых столиц) имели три важнейших города: Пхеньян (бывшая столица Когурё), Кёнджу (бывшая столица Силла) и Янджу (бывшая столица Пэкче), называвшиеся Согён.Тонгён и Намген ("северная", "восточная" и "южная" столицы). Для управления ими существовали специальные органы, а Согён, игравший совершенно особую роль в государстве, имел еще и административный аппарат, дублировавший столичный.

Армия Коре состояла из соединений, делившихся на отряды (ён). Отряды эти имели единую организацию и штаты и возглавлялись чангунами. Для общего руководства имелся коллегиальный орган - Чунбан, состоящий из командиров крупных соединений и их заместителей. Военных чиновников насчитывалось около 4 тысяч.

В общей сложности в Корё было около 10 тыс. чиновников. За службу они обеспечивались условными земельными наделами в соответствии с рангом. В 1076 г. было введено жалованье зерном.

Чиновничество (янбаны) составляло господствующий класс Корё. Никакой юридической грани между родственниками вана и остальным чиновничеством (как в Силла) не существовало, но имущественная дифференциация в среде господствующего класса была очень велика, достигая пропорции 1:100. Комплектовалось чиновничество из всех слоев общества, преимущественно путем производства в чины за заслуги и через сдачу экзаменов, восстановленных в 958 г. (в них могли участвовать и свободные крестьяне).

Как и в Объединенном Силла, главным объектом эксплуатации в Корё было свободное крестьянство (янъины), сидевшее на государственных наделах. Все крестьяне трудоспособного возраста были военнообязанными. Ниже их стояли чхонины ("подлые"): ноби и люди презираемых профессий. Ремесленники были довольно немногочисленны и в основном относились к государственному сектору. Купечество было также немногочисленным и действовало в основном в сфере казенных интересов. Источником комплектования его были богатые крестьяне. Хотя занятие торговлей считалось презираемым и статус купцов был ниже, чем земледельцев, их благосостояние и жизненный уровень значительно превосходили соответствующие показатели крестьянства.

С утверждением государства Корё государственная собственность на землю была восстановлена, причем на более высоком уровне в смысле усиления условности держаний. Наделы чонсиква, выдаваемые за службу чиновникам, состояли в праве сбора в свою пользу государственного налога, полагавшегося с определенной территории, причем при изменении служебного положения заменялся и надел. На тех же основаниях выделялись земли для содержания государственных учреждений (конхэджон), пенсионные наделы для вдов и детей чиновников (кубунджон), для военных поселенцев (тунджон). Особо существовали земли самого вана (нэджанджон) и дворцовые (кунвонджон). Лицам, имевшим титулы знатности кон, ху, пэк, нам и ча, полагался сигып - надел от 3000 до 300 дворов, налоги с которых шли в их пользу.

Частные земли были представлены в первую очередь дарственными землями (саджон), переходившими в полную собственность их получателей (в основном родственников и приближенных ванов), а также наградными землями (конымджонси). Частными были также земли, подаренные буддийским монастырям. Правители Корё стремились ограничить рост частного землевладения, и до тех пор, пока в государстве сохранялась внутренняя стабильность, им это удавалось. С ослаблением государства многократно увеличивались злоупотребления со стороны могущественных сановников, стремившихся навечно закрепить за собой служебные земли, и частный сектор обнаруживал тенденцию к росту.

Крестьянские земли назывались минджон. Они закреплялись за крестьянами, но оставались собственностью государства, которое оставляло за собой право менять наделы, отбирать и т.д. Государство стремилось уравнять размер наделов и не допускать захвата их чиновниками.

Основной формой эксплуатации крестьянства был поземельный налог. При Ван Гоне он был установлен в размере 1/10 урожая, но уже в конце X в. повысился до четверти. Существовал и подворный налог, вносимый тканями или другими предметами (в зависимости от местных условий).

Помимо налогов в Корё существовал ряд повинностей, основной из которых была трудовая, а кроме нее - воинская (каждого крестьянина, призванного на действительную службу, обеспечивали несколько других военнообязанных), извозная и др. Мобилизации в случае войны подлежали и чхонины (они служили гребцами на кораблях и использовались на тяжелых работах).

Арендная плата, которую платили крестьяне, арендующие земли у частных владельцев, превышала ставки поземельного налога и доходила до половины урожая. Довольно широко была распространена казенная ссуда, предоставлявшаяся на льготных условиях, для нужд которой

государством был создан специальный зерновой фонд, образовавшийся из специальных отчислений от налоговых поступлений. Она была, как правило, 10%-ной, тогда как частные ростовщики брали до 30-60%.

Основными зерновыми культурами, возделывавшимися в период Корё, оставались рис, ячмень и просо. Из технических культур выращивались в основном лен и конопля. Профессиональное ремесло было в основном казенным и сосредоточивалось главным образом в столице, где существовал целый ряд государственных учреждений, ведавших изготовлением различных предметов, а также мастерские, обслуживающие нужды вана и двора, и в нескольких крупных городах. Предметы повседневного обихода для нужд народа производились непосредственно в крестьянских семьях (ткани, циновки, деревянные изделия, посуда и т.п.).

Внутренняя торговля строго регламентировалась государством, создавшим специальное ведомство по контролю над ней. Рынки имелись лишь в нескольких крупных городах и работали раз в пять дней. В столице Кэгёне было несколько сот лавок. Государство пользовалось правом по собственному усмотрению изменять цены. Роль денег играли зерно и ткани. Попытки ввести металлические деньги не увенчались успехом (они находились в обращении лишь некоторое время в конце XI - начале XII в.). Большим успехом пользовались серебряные бутыли, введенные в обращение в конце XI в.

Внешняя торговля шла в основном за счет купцов, сопровождающих прибывающие в Корё посольства. Таким образом, иностранные купцы посещали страну нечасто, но зато очень большими группами - до нескольких сот человек. С киданями и чжурчжэнями торговля велась в приграничной полосе, а с Японией - через г.Кымджу. Основным внешнеторговым партнером Корё был сунский Китай. Традиционный корёский импорт состоял из драгоценных металлов, женьшеня, шелка, фарфора и бумаги; главным потребителем импорта был ванский двор. Из Китая ввозились также книги буддийского и конфуцианского содержания, художественные произведения.

В идеологической области доминировали конфуцианство и буддизм. Вся система образования и подготовки кадров чиновников всецело находилась под влиянием конфуцианства. Помимо высшей конфуцианской академии существовало некоторое число казенных и довольно много частных школ, созданных конфуцианцами по собственной инициативе.

Буддизм в период Корё достиг своего наивысшего расцвета. Буддийские монастыри получали земельные наделы на тех же основаниях, что и государственные учреждения, а высшие чины сангхи приравнивались в этом отношении к чиновникам. Буддийская церковь располагала огромными богатствами, пожертвованными ей ванами и частными лицами. В отличие от периода Силла в Корё монахи принимали .активное участие в политической жизни, их вооруженные отряды участвовали в борьбе за власть. Со временем буддизм начал все больше подвергаться нападкам конфуцианцев, наиболее радикальные из них требовали не только лишить сангху материальной базы, но и полностью запретить буддийское учение.

Высокого уровня развития достигли в Корё гуманитарные науки. Имелось специальное ведомство по составлению исторических сочинений. Были созданы такие выдающиеся произведения, как "Самгук саги" ("Исторические записи трех государств") Ким Бусика и "Самгук юса" ("Забытые дела трех государств") Ирёна. Было издано ксилографическим способом более 6 тыс. томов Большого свода буддийских сутр ("Тэджангён"); в XIII в. начал применяться металлический шрифт. Имелись достижения в медицине, астрономии и других науках.

Буддизм продолжал стимулировать развитие изобразительного искусства, особенно скульптуры. Для нужд двора и высших сановников производилось значительное количество высокохудожественных предметов роскоши. Особенно знаменит был корёский фарфор. Высокого уровня в период Корё достигла дворцовая и парковая архитектура.

Крупнейшим поэтом периода Корё был Ли Гюбо, оставивший около двух тысяч произведений (в том числе и прозаических). Известен и еще ряд поэтов, но из их сочинений мало что дошло до нашего времени. Широкое распространение имели фольклорные песни. В столице время от

времени проводились массовые празднества, где исполнялись различные песни и танцы. В области музыки и хореографии наиболее значителен был вклад Чо Ёна, жившего в XI в. и создавшего немало оригинальных танцев.

Вернуться к ссылке

44.109. Тангутское государство Си Ся

Си Ся (кит. 西夏, пиньинь *Xī Xià*) или **Тангутское царство** — государственное образование тангутов, существовавшее в 1038—1227 гг. к северо-западу от китайских царств Сун и Цзинь на территории современных провинций Шаньси и Ганьсу. Контролировало восточный отрезок Великого Шёлкового пути.

История

Тангуты были данниками Сунской империи до восстания 982 года, которое вынудило китайских императоров к 1006 году фактически признать независимость тангутов. Наиболее блистательный период тангутской истории совпал с правлением Юань-хао (1032—1048), который дал своему государству имя древнего хуннского царства Ся (буквально Си Ся — «Западное Ся», к западу от исторических земель хунну), принял титул императора и попытался распространить свою власть на весь Китай. В 1044 г. сунские правители согласились выплачивать ему дань в обмен на прекращение набегов.

В течение двухсот последующих лет правители Западного Ся периодически вступали в борьбу с китайской династией Цзинь и киданьской династией Ляо. Их система управления была выстроена по сунскому образцу, однако буддизм был возведён в ранг государственной религии. В качестве письменности была принята самобытная система, которую разработал Ели Женьюн.

В 1227 г. государство тангутов пало под ударами Чингисхана.

Тангуты и соседи

Изучение

Начало исследованию их культуры, письменности и языка положило открытие П. К. Козловым тангутских рукописей города Хара-Хото в 1909 году.

Определяющий вклад в изучение Си Ся в первой половине XX века сделал Н. А. Невский, также реконструировавший тангутский язык. Благодаря его работе тангутоведение началось в Японии,

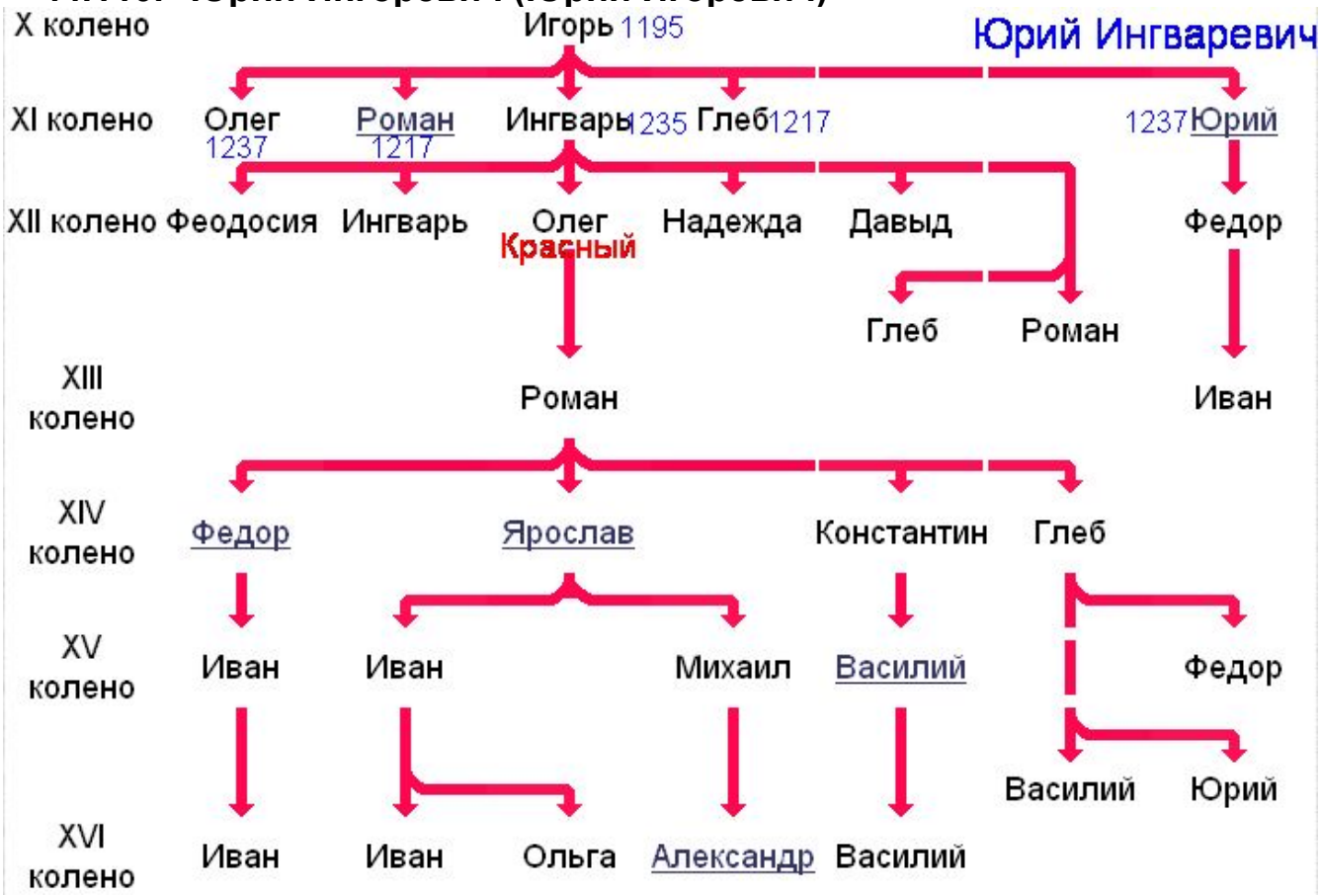
Германии и Китае. Во второй половине XX века крупнейшим специалистом мирового уровня стал Е. И. Кычанов, специализировавшийся на истории Си Ся и издавший ряд тангутских письменных памятников. В настоящее время развивается изучение Си Ся в Китае.

Тангуты - 1) народ тибето-бирманской группы (самоназвание — ми, минья, китайское название — дан сян), создавший в конце 10 в. на территории современной провинции Ганьсу и западной части провинции Шаньси в Китае государство Си Ся. Тангуты часто и успешно воевали с китайцами. Имели свою письменность, создали цивилизацию, известную по раскопкам в Хара-Хото. После разгрома государства монгольскими завоевателями (1227) часть Тангуты вошла в состав тибетцев Цинхая, остальные ассимилированы монголами и китайцами. 2) Монгольское название тибетцев. В русской литературе до 1930-х гг. употреблялось применительно к тибетцам-скотоводам провинции Цинхай.

См. также Кычанов Е. И., Очерки истории тангутского государства, М., 1968, **Падение Тангутского Государства**, **Тангуты**, Второй поход на Тангут и смерть Чингисхана

Вернуться к ссылке

44.110. Юрий Ингоревич (Юрий Игоревич)



Игорь Глебович (? - 1195) (X колено), князь Рязанский (1180) женат на кж. Агриппине (Аграфене) Ростиславовне (? - 1237). Вдова погибла при захвате Рязани монголами

Олег Игоревич (? - 1237) (XI колено) убит

В источниках существует большая путаница между сыновьмя Игоря Глебовича и Ингваря Игоревича. Схожесть отчеств (Игоревич и Ингваревич) дает разное толкование в потомках двух князей. Поэтому в исследованиях есть Олег, Роман и Глеб у обоих князей. Установить точно их существования пока не представляется возможным. Здесь они все показаны. Точно есть сведения об **Олеге Ингваревиче (Красном)**, от которого продолжился род Рязанских князей, несмотря на междоусобицу и нашествия монгол, Романе и Глебе Ингваревичах

Роман Игоревич (? - 1217) (XI колено), князь Рязанский (1213 - 1217) убит двоюродным братом Глебом Владимировичем, которого поддержал в убийствах Константин

Ингварь Игоревич (? - 1235) (XI колено), князь Рязанский (1217 - 1235)

Глеб Игоревич (? - 1217) (XI колено) убит двоюродным братом Глебом Владимировичем, которого поддержал в убийствах Константин

Юрий Игоревич (? - 1237) (XI колено), князь Рязанский (1235 - 1237) убит вместе с женой

Феодосия (? - 5.5.1244), дочь Ингваря Игоревича (XII колено), жена с 1218 года Ярослава II (X колено) (см. князья Владимиро - Суздальские)

Ингварь Ингваревич (? - ок. 1252) (XII колено), князь Рязанский (1238 - 1252)

Олег Красный Ингваревич (? - 1258) (XII колено), князь Рязанский (1252 - 1258)

Надежда (или Фетиния) (ин. Евдокия) (? - 1278) (XII колено) жена с 1232 года Владимира Константиновича Углицкого (XI колено) (см. князья Ростовские)

Давыд Ингваревич (? - 1237) (XII колено) убит

Федор Юрьевич (? - 4.3.1237) (XII колено) убит. Женат на Евпраксинии, греческой княжне, убитой в декабре 1237 года

Глеб Ингваревич Рязанский и Коломенский (? - 1237) (XII колено) убит

Роман Ингваревич (? - 12.1237) (XII колено) убит

В 1217 г. внук Глеба Ростиславича – рязанский князь Глеб Владимирович вероломно убил шестерых своих братьев, но на следующий год вынужден был бежать в Поле, и в Рязани сел Ингварь Игоревич.
Ингварь Игоревич – великий князь рязанский, старший из пятерых (шестерых) сыновей рязанского князя Игоря Глебовича от брака с некой Аграфеной Ростиславной.

В 1195 г. после смерти отца, вместе с братьями занял рязанское княжение. В 1207г., во время похода великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо на юг, был оговорен детьми князя Владимира Глебовича, своими двоюродными братьями, и вместе с другими рязанскими князьями заключен великим князем в темницу, откуда его освободил лишь в 1212 г. после смерти Всеволода его преемник – великий князь владимирский Юрий Всеволодович. В 1217 г. рязанский князь Глеб Владимирович решил убить своих двоюродных и родных братьев, пригласив их на пир. Ингвар Игоревич спасся от гибели только потому, что опоздал.

Ингварь Игоревич, заняв рязанский престол в 1218 г. он разбил Глеба и приведенных им половцев, которых в том же году, попросив помощи у Юрия Всеволодовича, разбил во 2-й раз. Умер предположительно в 1235г., оставив пятерых сыновей: Ингваря, Давыда, Глеба, Романа и Олега Красного. Давыд Ингваревич, ставший князем Муромским, погиб в битве с татарами в 1237г.

Глеб Ингваревич, ставший князем коломенским, так же погиб в битве с татарами. Многие исследователи его отождествляют с рязанским князем Романом Ингваричем, погибшем в сражении с татарами. Поэтому по разным источникам считается что у Ингвара Игоревича было пять или шесть сыновей.

Брат Ингвара Игоревича – **Юрий Игоревич**, 4-й из пятерых сыновей рязанского князя Игоря Глебовича, впервые упоминается в летописях в 1207 г. как участник междоусобной борьбы между рязанскими князьями. Вместе с ними был посажен Всеволодом Большое Гнездо во владимирскую тюрьму и выпущен после смерти последнего в 1212 г. После смерти Ингвара Игоревича в 1235 г. (по другим данным, в 1220гг.), сел на великое рязанское княжение. С его именем связана гибель Старой Рязани.

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю **Юрию**

Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в остальном. И услышал великий князь **Юрий Ингваревич** Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь (**Юрий Ингваревич**) Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать - как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, н молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив, в неверии своем распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: "Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей". Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: "***Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь***". Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое - князя Ивана Федоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь **Юрий Ингваревич** об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, князя Федора, и многих князей, и лучших людей и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий **Юрий Ингваревич** братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: "Избавь нас, боже, от врагов наших, и от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок". И сказал братии своей: "О государи мои и братия! Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича". И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики

были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два - с десятью тысячами. И увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: "О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!" И пересели с коня на конь и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Убит был благоверный великий князь **Юрий Ингваревич**, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные и воеводы крепкие и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грех ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река сильная, грех ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

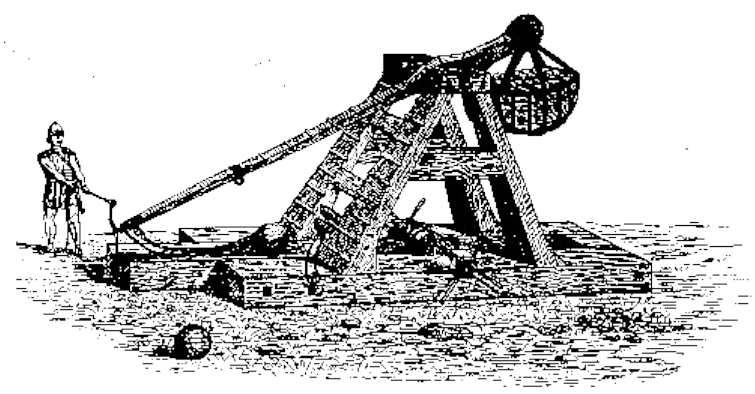
И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город - одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами - и взяли град Рязань месяца декабря в 21 день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами, и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали - во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекли, а других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников рязанских князей - князей киевских и черниговских - захватили. А храмы божий разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего - ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

Вернуться к ссылке

44.111. Требюше, или гравитационные метательные машины

44.111.1. Введение

Эта статья посвящена техническим особенностям гравитационных метательных машин. О тактике и истории боевого применения требюше, а также средневековой терминологии будет сказано в отдельной статье, посвященной европейским средневековым метательным машинам в целом.



Основное внимание было сознательно уделено требюше европейского образца, и с этой целью подобраны иллюстрации, хотя подобная техника возникла в Китае и

широко использовалась китайскими, татаро-монгольскими армиями и армиями мусульманских стран. Метательные машины восточных стран заслуживают особого рассмотрения, которое перегрузило бы данную статью.

44.111.2. Принцип действия и общее устройство

Общее устройство требюше просто (см. рис. 1). Основанием является опорная рама. Иногда она снабжается колесиками или ставится на другую деревянную раму; в этом случае при помощи ломов можно слегка поворачивать основное сооружение и этим перенацеливать его. На опорной раме находятся вертикальные стойки, соединенные вверху осью. Ось продета через подвижную балку-балансир (метательный рычаг) и является для нее точкой опоры.

Рис 1. Общее устройство требюше

К короткому толстому концу рычага прикреплен массивный противовес или веревки, за которые при запуске одновременно резко дергают несколько человек. К длинному тонкому концу рычага прикреплена праща с вложенным в нее метательным снарядом. Праща представляет собой длинную веревку с закрепленным посередине кожаным или сетчатым карманом. Один конец веревки неподвижно прикреплен к концу балки-рычага, другой заканчивается петлей. Эта петля надевается на металлический зубец, насаженный на самый конец балки-рычага. Еще длинный конец рычага снабжен канатом, при помощи которого его можно притягивать к земле (одновременно поднимая расположенный с противоположного конца противовес), и металлическим кольцом. Это кольцо зацепляется за вделанный в опорную раму подвижный крюк, вместе они образуют спускное устройство (триггер). Большие требюше также снабжены колесным воротом, на который наматывается канат, притягивающий длинную часть рычага к земле, и желобом-направляющей, в котором лежит праща перед пуском.

Итак, длинная часть рычага притянута к земле воротом и закреплена спусковым устройством, противовес с противоположной стороны поднят вверх, праща уложена в желоб-направляющую и в нее положен снаряд. "Оператор" с безопасного расстояния дергает за веревку, прикрепленную к спускному крюку. Крюк выходит из кольца на балке-рычаге, балка высвобождается. Противовес под действием силы тяжести (гравитации), ускоряясь, тянет короткий конец балки вниз. Длинный конец, взмывая вверх, тянет за собой пращу. Наконец, праща отрывается от направляющей, ее движение в воздухе опережает подъем балки и по кругообразной дуге она захлестывает вокруг конца балки, придавая дополнительное ускорение снаряду. Петлеобразный конец пращи соскальзывает с зубца, праща развертывается и высвободившийся снаряд по крутой дуге летит вперед (см. рис. 2).

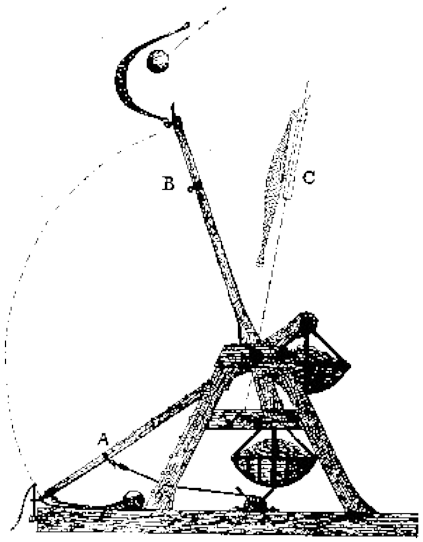


Рис 2. Схема выстрела требюше.

Рис 3. Замедленная съемка выстрела реконструированного требюше.

Требюше в действии можно наблюдать и на красивой фотографии, рис. 3. Это замедленная съемка огромной машины, созданной в датском Middelaldercentret. В качестве снаряда использована дымовая шашка, позволяющая лучше отследить траекторию полета.

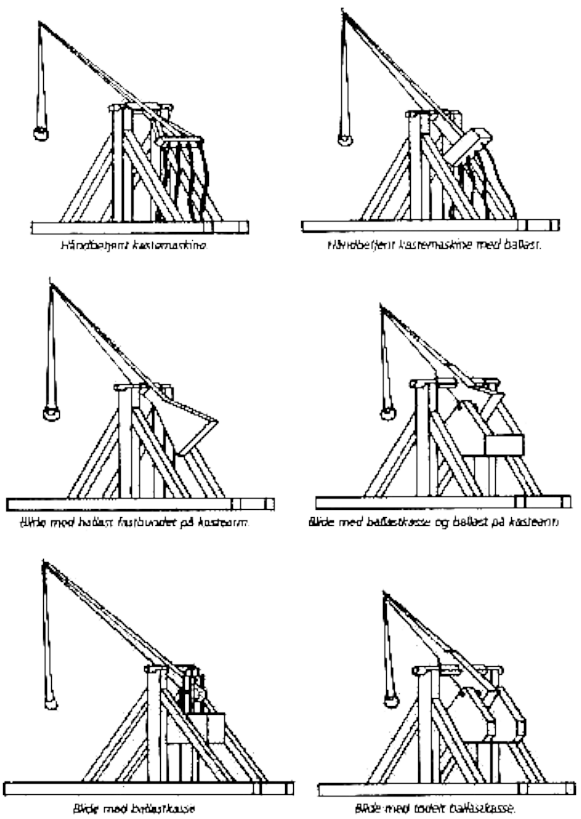
Требюше делается из обычного деревянного бруса и веревок с минимумом металлических частей. В этом устройстве отсутствуют какие-либо сложные и трудные в обработке детали, что позволяет справиться с постройкой команде плотников средней квалификации. Поэтому стоит требюше недорого и для его изготовления не нужны какие-либо стационарные специально оборудованные мастерские. Надо ли говорить, что это достоинство, и большое.

Построить посредственный требюше нетрудно, но построить так, чтобы обеспечивались нужные дальность, точность и надежность стрельбы – совсем непросто. Все пропорции должны быть идеально сбалансированы, а этого можно добиться либо знанием геометрии и механики, либо долгим практическим опытом, лучше же и тем, и другим. Об этих тонкостях пойдет речь дальше.

44.111.3. Тактическая классификация

С тактической точки зрения требюше можно разделить на легкие (предназначенные для поражения людей) и тяжелые (предназначенные для разрушения зданий и сооружений). Это достаточно принципиальное разделение.

Для поражения людей можно использовать легкие камни весом несколько килограммов. Соответственно, требования к прочности и мощности такого требюше невысоки и он может представлять собой легкую конструкцию, удобную в изготовлении, сборке и передвижении. Его метательный рычаг легко сделать поворотным в горизонтальной плоскости, что облегчает перенацеливание. Приводить в действие легкий требюше можно вручную, дергая короткий конец рычага за веревки. Это намного быстрее, чем подъем тяжелого противовеса посредством колесного ворота. Следовательно, легкий требюше может обладать высокой скорострельностью.



Напротив, стену можно разрушить только тяжелыми снарядами, порядка 100 кг. Для метания таких камней нужна огромная подъемная сила, которую может обеспечить только многотонный противовес, поднятый на значительную высоту. При каждом выстреле большой требюше испытывает сильнейшие перегрузки, поэтому его конструкция неизбежно должна быть массивной, а значит, малоподвижной. Перенацеливание такой машины затруднено, подъем противовеса возможен только при помощи ворота и, следовательно, скорострельность неизбежно низка.

Рис 4. Типы требюше.

С конструктивной точки зрения требюше делят на две большие группы: ручные и с противовесом. На рис. 4 схематично показаны 6 типов требюше:

1. вверху слева – ручной требюше с тяговыми веревками, расположенными горизонтально;

2. вверху справа – ручной требюше с тяговыми веревками, расположенными вертикально;

3. в центре слева – требюше с фиксированным противовесом;

4. в центре справа – требюше с подвижным противовесом, прикрепленным к оси;

5. внизу слева – требюше с подвижным подвешенным противовесом;

6. внизу справа – требюше с двумя симметрично подвешенными противовесами.

Естественно, это самая общая классификация, в рамках которой существуют многочисленные промежуточные типы.

44.111.4. Немного теории

Поскольку наиболее значимы в истории осадной техники большие стенобитные требюше, основное внимание будет уделено именно им.

Эффективность требюше зависит от следующих факторов:

1) масса противовеса и способ, которым он прикреплен к рычагу, а также высота его подъема;

2) вес и форма снаряда;

3) длина и пропорции рычага по обе стороны от опоры;

4) изгиб и длина зубца на конце балки-рычага, за который зацеплена праща;

5) длина пращи.

Определенный вклад в увеличение дальности и точности стрельбы может внести и установка опорной рамы на колесики, но этот прием применим только к сравнительно легким и маломощным требюше.

Далее рассмотрим каждый фактор немного подробнее:

А. Противовес.

Безусловно, чем тяжелее противовес и чем выше он подвешен, тем большая потенциальная энергия накапливается, и это главные факторы. Однако некоторую роль играет и траектория падения. Фиксированный противовес падает по дуге. Подвешенный противовес способен падать круто вниз, что обеспечивает наибольшую вертикальную составляющую вектора импульса. Поэтому требюше с подвижным противовесом обладают несколько большей мощностью.

Б. Снаряд.

Большим достоинством требюше является способность метать снаряды любой формы и размеров. Однако для пробития бреши в стене необходимо, чтобы снаряды один за другим били в одну точку; этого можно добиться лишь в том случае, если все снаряды будут одного веса и формы. Снаряд с большим весом или аэродинамическим сопротивлением недолетит, с меньшим весом – перелетит. Снаряды требюше летят по навесной траектории с невысокой (относительно пороховой артиллерии) скоростью, поэтому идеальной для них является сферическая форма.

Для "идеального" средневекового требюше модели Виллара де Онкура (о ней еще будет сказано) любопытные расчеты зависимости дальности полета от веса снаряда были сделаны английской компанией Artefacts по заказу американской организации WGBH/NOVA. Так, при противовесе 8 т снаряд весом 40 кг должен пролететь 402 м, 100 кг – 277 м, 180 кг – 240 м, 400 кг – 30 м. Были определены и зависимости дальности от массы противовеса при той же конструкции. Так, стандартный 100-кг снаряд при противовесе 4 т пролетит 154 м, 6 т – 209 м, 8 т – 277 м. Естественно, эти данные завышены по сравнению с реально достижимыми, поскольку не учитывают многие препятствующие факторы, в частности, трение балки-рычага об ось и сопротивление воздуха и ветра, а также неизбежные конструктивные отклонения "реального" требюше от "идеального". Фактическая (по результатам испытаний) дальность 100-кг снаряда при противовесе 8 т будет около 200 м вместо 277. Однако сами соотношения останутся в силе.

Отмечено также, что более тяжелый снаряд раньше покидает пращу во время выстрела и поэтому летит по более высокой (навесной) траектории, а более легкий – по более настильной.

Кроме того, более легкий снаряд летит дальше, более тяжелый обладает большей разрушительной силой, и важно найти оптимальную середину для данной конструкции требюше и конкретной тактической ситуации. Любые же крайности более опасны, чем может показаться. Если снаряд будет слишком тяжел, он не сможет преодолеть силу тяжести и, поднявшись вертикально вверх, способен обрушиться на сам требюше. Именно такая печальная судьба постигла машину, которую соорудили в 1521 г. люди Кортеса во время осады столицы ацтеков, Теночтитлана. Не менее опасно использовать и слишком легкие снаряды. Такой снаряд не

способен воспринять всю энергию рычага и эта энергия может перегрузить несущую конструкцию, способствуя ее ускоренному разрушению.

В. Рычаг.

Важны и правильные пропорции метательного рычага. Уже около 1320 г. некий Марино Санудо (Marinus Sanutus) указал, что идеальное соотношение между коротким и длинным концами рычага (по отношению к точке опоры) должно составлять 1:5.5, а при необходимости стрелять на максимальную дальность (пусть даже за счет мощности) – 6:1. Обычная длина балки-рычага большого требюше составляет 10-12 м.

Г. Зубец для зацепа пращи.

Это малозаметная, но очень важная деталь – штырек на конце балки-рычага, за который зацепляется свободный конец пращи. Если этот зубец в линию с балкой или только слегка изогнут, петля на конце пращи соскользнет с него раньше, снаряд высвободится из пращи раньше и полетит по более крутой траектории. Если зубец более изогнут в направлении движения, праща развернется позже и снаряд полетит по более настильной траектории. Причем угол стрельбы зависит и от тяжести снаряда (см. пункт Б).

Важна и длина зубца. Если зубец не только прямой, но и короткий, праща может развернуться слишком рано, еще не сделав достаточно большой дуги, и снаряд полетит назад, а не вперед. Если зубец слишком длинный и изогнут слишком сильно, праща развернется слишком поздно, уже в верхней точке дуги, и снаряд ударит землю перед самой машиной. Продуманно меняя изгиб зубца или его длину, можно точно регулировать дальность стрельбы. Так, датский Middelaldercentret применяет специальные деревянные кольца-насадки на зубец, позволяющие произвольно менять дальность стрельбы. Каждая насадка уменьшает дальность на 5 м.

Д. Длина пращи.

В принципе требюше способен метать снаряды и без помощи пращи, только одной балкой-рычагом. Однако захлест пращи резко увеличивает скорость снаряда и дальность стрельбы повышается примерно вдвое.

Для дальности и предсказуемости стрельбы очень важно, чтобы траектория пращи была максимально прямой. Поэтому пращу перед выстрелом аккуратно укладывают в специальный желоб-направляющую.

Если праща вращается вокруг конца балки медленно, балка сделает большую дугу, прежде чем праща опередит ее, и высвобождение снаряда произойдет позже. Если праща вращается быстро, ее конец соскользнет с зубца раньше и снаряд отделится на более ранней точке траектории.

Короткая праща вращается быстрее длинной.

Отсюда зависимость: короткая праща дает более крутую (навесную) траекторию полета снаряда, длинная – более настильную.

Опытным путем установлено, что при длине балки-рычага 10.6 м наибольшая дальность достигается при длине пращи 7.5 м. Удлинение или укорачивание пращи будет уменьшать дальность стрельбы и менять высоту полета, причем предсказуемым образом.

Естественно, длина пращи должна быть меньше, чем расстояние от зубца до оси балки-рычага. Иначе праща просто не сможет свободно

оторваться от земли во время пуска.

В сочинении "Беллифортис" Конрада Киезера фон Эйхштадта (Konrad Kyeser von Eichstadt), 1405 г., имеется рисунок требюше, праща которого снабжена крючками, очевидно предназначенными для регулировки ее длины (см. Рис.18).

Е. Колесики.

Рис 5. Требюше во время осады Иерусалима крестоносцами (из "Истории" Уильяма Тайра, XIV век).

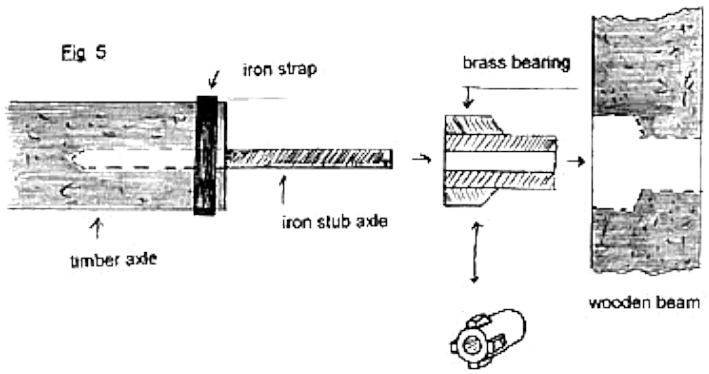
На некоторых средневековых миниатюрах требюше снабжены небольшими колесиками, например, на рис. 5, изображающем осаду Иерусалима (из "Истории" Уильяма Тайра, William of Tyre, XIV век, Biblioteque Nationale de France). Ранее предполагали, что колесики предназначены для выкатывания на боевую позицию собранного на безопасном удалении требюше и для его более легкого перенацеливания. Современные реконструкции существенно дополнили этот взгляд. Выяснилось, что колесики позволяют смягчить отдачу и продлевают жизнь конструкции. В момент, когда противовес после пуска достигает нижней точки, стационарный требюше кренит вперед, а задняя часть приподнимается вверх и затем опускается, сотрясая всю конструкцию. Колесики позволяют амортизировать этот эффект. Наконец, движение вдоль линии пуска добавляет скорости снаряду и одновременно выравнивает траекторию, делая ее идеальной с баллистической точки зрения.

К сожалению, эта полезная конструктивная деталь не смогла найти широкого применения. Малые ручные требюше и так легко перемещаются, перенацеливаются и обладают малой отдачей. А большие стенобитные требюше слишком тяжелы и громоздки, чтобы надежно держаться на колесах.

44.111.5. Составные части большого требюше

44.111.5.1. Рама и вертикальные стойки

"Чистый" вес большого требюше составляет 6-7 т, а с противовесом – 17-21 т. К тому же размашистые движения балки-рычага создают большие нагрузки. Поэтому несущая конструкция такой машины должна быть очень прочной. Предпочтительный материал – массивные дубовые балки. Очень важно, чтобы вся конструкция могла разбираться и перевозиться (на этот счет есть ясные указания в средневековых источниках). Для этого на балках делают выступы и пазы (как у сборного дома из бруса).



Опорную раму чаще делают прямоугольной, вертикальные стойки могут иметь разную конструкцию. Датский Middelaldercentret предпочел две треугольных стойки с боковыми распорками.

Рис 6. Бронзовая втулка для более легкого вращения рычага на оси.

44.111.5.2. Ось

Ось, соединяющая вверху вертикальные стойки, держит на себе балку-рычаг. Это очень важная, но малозаметная снаружи деталь, поэтому по средневековым миниатюрам крайне сложно определить, из чего она должна быть сделана.

Ось закреплена внутри или сверху стоек и проходит сквозь балку-рычаг. Большинство исследователей предполагают, что ось делалась из железа. Английская компания Artefacts, изучив дошедший до наших дней средневековый кран в кафедральном соборе Солсбери, даже предложила литые бронзовые "втулки", встроенные в балку-балансир и снижающие трение с железной осью (см. рис. 6). Однако датский Middelaldercentret и французский Armedievale сочли

более адекватной проверенную средневековую технологию использования деревянной оси. Датчане делают ее из граба. Деревянные оси доказали свою прочность в ходе испытаний, однако они требуют смазки жиром, чтобы снизить трение.

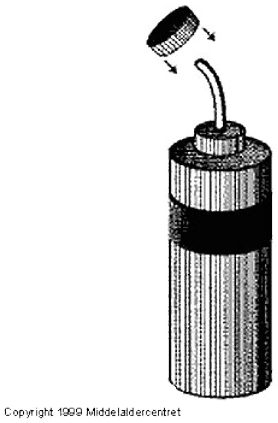
44.111.5.3. Балка-рычаг

Чтобы тяжелый требюше стрелял точно и предсказуемо, балка-рычаг должна быть жесткой и негнущейся. Лучший способ – сделать рычаг из двух брусьев, сложенных продольно, с выемками для опорной оси и оси подвески противовеса. Эти брусья скрепляются железными обручами в местах наибольшей нагрузки. Лучший материал – ясень или вяз. Многие средневековые миниатюры показывают именно такой дизайн.

Впрочем, пригодна и цельная балка из прочного дерева.

44.111.5.4. Праща

Довольно уязвимая часть конструкции, поскольку быстро рвется. Предполагали, что состоит из веревки с кожаным карманом посередине, однако испытания показали, что кожаный карман не выдерживает продолжительную стрельбу даже камнями 1-2 кг. Более надежен карман из веревочной сетки с подшитой кожаной основой. По данным Middelaldercentret, он выдерживает 100-120 выстрелов до первого повреждения. Большому износу подвержена также петля, надеваемая на зубец балки-рычага.



44.111.5.5. Зубец

Рис 7. Зубец и деревянные кольца для регулировки дальности стрельбы.

Как было сказано в 3Г, очень важная деталь требюше (см. рис. 7). На рисунке видны деревянные кольца, надеваемые на зубец с целью уменьшения его длины и изменения дальности стрельбы.

44.111.5.6. Спусковой механизм

Это тоже важная, но малозаметная деталь. Современные реконструкторы так и не определили с абсолютной достоверностью, какой механизм использовали в Средневековье. На некоторых миниатюрах "пуск" осуществляет человек с молотком, на других он держит в руках веревку, но сам механизм нигде не виден.

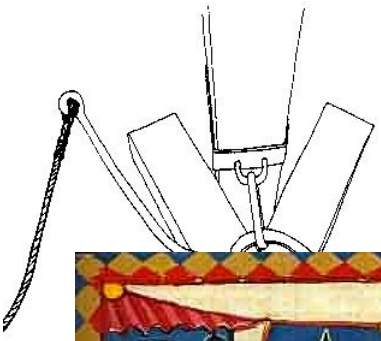


Рис 8. Спусковое устройство.

Современные требюше используют устройство из кольца, прикрепленного к балке-рычагу, и подвижного крюка, прикрепленного к раме или надстройке над ней. Механизм, используемый Middelaldercentret, представлен на рис. 8. Такое устройство обладает высокой надежностью и обеспечивает безопасность "стрелку", который дергает привязанную к крюку веревку с достаточного расстояния. Однако более примитивные требюше, видимо, имели еще более простое (но и более опасное) спусковое устройство в виде веревки, перехватывающей балку-рычаг сверху и блокируемой колышком, выбиваемым молотком (см. рис. 9).

Рис 9. Требюше во время осады замка фон Тростберга, 1300-1330.

44.111.5.7. Колесный ворот

"Зарядка" требюше производится одним или двумя колесными воротами, на которые наматывается

привязанный к длинному концу балки-рычага канат. Вороты могут быть как горизонтальными, так более сложными вертикальными с промежуточной передачей (кабестан). Кабестан вращали, наваливаясь на рычаг, установленный на уровне груди. Еще более эффективным (и широко распространенным в Средневековье) является использование двух "беличьих колес", внутри которых находится команда. Используя собственный вес и инерцию колес, она поднимает 10-т противовес всего за 5-6 мин. Обычно одна смена, обслуживающая большой требюше, насчитывает 10-12 человек.

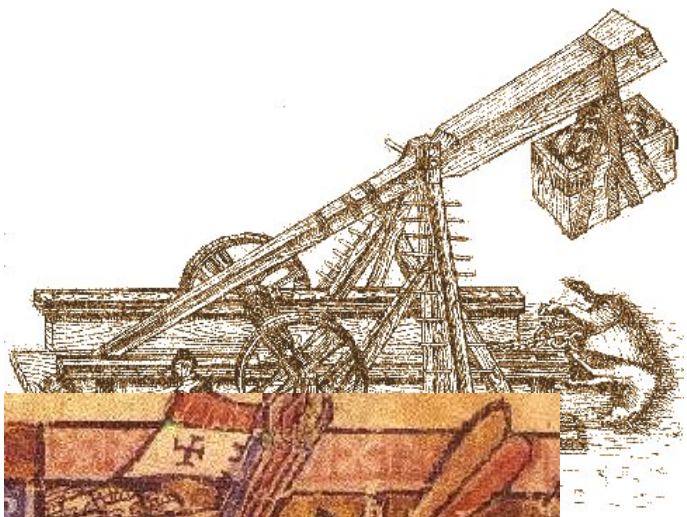
44.111.5.8. Противовес

Обычно противовес представляет собой большой деревянный ящик, подвешиваемый к оси, проходящей через толстый конец балки-рычага. Иногда он имеет треугольный вид при взгляде сбоку и подвешивается за один из углов, иногда он имеет прямоугольную форму и снабжен "ручками", которые и присоединены к оси. В этот ящик засыпают камни, песок или землю. Согласно "Записной книжке" Виллара де Онкура, он должен иметь длину 3.6 м, ширину 2,4 м и глубину 3,6 м.

Оптимальным считается противовес, сделанный из свинца (очень тяжелый и в то же время легкоплавкий и мягкий металл). Такой противовес массой 10 т имеет объем около кубометра. Однако высокая стоимость делала применение таких противовесов скорее исключением, чем правилом.

Самые поздние требюше делали с двумя симметрично подвешенными противовесами. Это облегчало транспортировку (при перевозке требюше в разобранном состоянии) и загрузку.

44.111.5.9. Снаряды



Основным снарядом требюше является сферическое каменное ядро. Например, когда английский король Эдуард I в 1288 г. осаждал уэльскую крепость Эмлин, для большого требюше было изготовлено 480 ядер. Однако, если требюше используется не для прицельного разрушения стен, а для произвольного обстрела внутренней части крепости, можно применять необработанные камни любой формы.

Широко использовались также своеобразные "разрывные" снаряды из обожженой глины с вделанными в нее булыжниками (их называли "ульями", beehives). Такой снаряд разрушался при ударе о землю и булыжники разлетались во все стороны.

Рис 10. Метание дохлой лошади, рисунок Колдерера 1507 г.

Если ставилась задача поджечь вражеский город, метались зажженные бочки со смолой. Особенно широко использовали зажигательные снаряды арабы, снаряжавшие их различными составами на основе нефти.

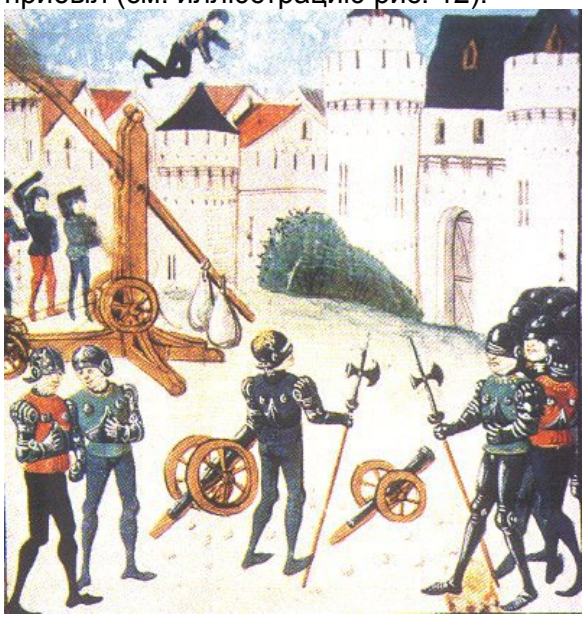
Метание мертвой лошади можно видеть на странице с рисунком Колдерера (1507 г.). Стоящий рядом с требюше воин держит веревку, ведущую к спусковому устройству.

Кстати, современные английские любители смогли провести успешное метание мертвой коровы, доказав реалистичность данной иллюстрации.

Требюше использовались и для ведения "психологической" войны, например, для забрасывания в осажденную крепость отрубленных голов противников, как показано на миниатюре из "Заморской истории" ("Histoires d'Outremer") XIII века, рис. 11.

Рис 11. Метание отрубленных голов, "Histoires d'Outremer" XIII века.

При помощи требюше могли возвращать в осажденную крепость перехваченных гонцов и лазутчиков. Например, по сообщению известного французского хрониста Фруассара, при осаде крепости Оберош (Auberoche) в 1345 г. французы перехватили английского гонца и, привязав ему к шее письма, отправили таким образом обратно. Когда крики затихали, считалось, что гонец прибыл (см. иллюстрацию рис. 12).



Наконец, арабам случалось использовать требюше для метания горшков с ядовитыми змеями и скорпионами.

Рис 12. Переброска пленного, французский манускрипт XV века.

44.111.6. Типы требюше

44.111.6.1. Ручные требюше (перьеры)

Ручные требюше являются самой ранней разновидностью гравитационных метательных машин. Их очевидным предшественником является палка с привязанной к ней пращей. Затем система усложнилась: на столб с вилкой наверху стали класть длинную жердь, к одному ее концу привязывали пращу, к другому – тяговые веревки, за которые одновременно дергали несколько человек. Полагают, что этот переход впервые произошел в Китае предположительно в V-VI веках до н.э. В Европе (Византии) с ручными требюше впервые познакомились к концу VI века и, постепенно усложняясь, они использовались вплоть до конца XIV века, когда их окончательно вытеснили более прогрессивные пороховые картечницы.

Непосредственное человеческое усилие не обладает достаточной мощностью, поэтому ручные требюше не могут эффективно использоваться для метания тяжелых снарядов. В то же время отсутствие многотонного противовеса имеет свои плюсы. Ручной требюше – "самовзводящаяся" система. У тяжелого требюше длинный конец рычага с пращой после "выстрела" задирается вертикально вверх и необходимо длительное усилие, чтобы при помощи ворота притянуть его к земле и снова поднять короткий конец с противовесом. У легкого ручного требюше длинный "метательный" конец рычага перевешивает короткий "тяговый" конец и после "выстрела" короткий конец сам возвращается в верхнее положение, необходимое для нового "выстрела". Поэтому скорострельность ручного требюше может быть очень высокой ("дернули – отпустили, дернули – отпустили").

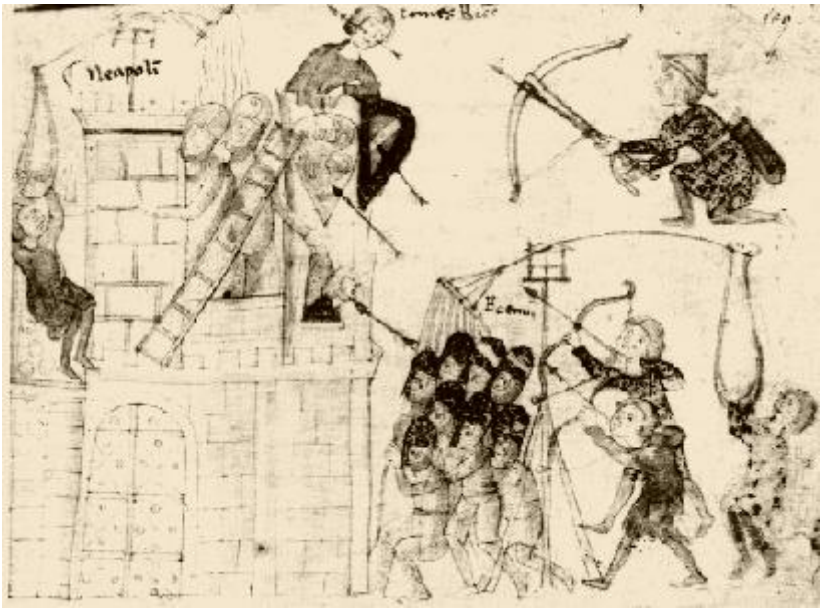


Рис 13. Требюше из "Хроники" Петруса де Эболи (1190-1197 гг.).

Ручной требюше в действии показан на рис. 13 из "Хроники" Петруса де Эболи, изображающем осаду Неаполя войсками германского императора Генриха VI (в 1197 г.). Сразу видны его особенности: вертикальная стойка (столб с распорками) легка и проста по конструкции, опорной рамы нет вообще.

Рычаг сидит не на оси, а продет через рамку вверху вертикальной стойки. Такая конструкция позволяет легко поворачивать рычаг в горизонтальной плоскости для перенацеливания. Сам метательный рычаг представляет собой не массивную балку, а скорее тонкую жердь. Видно, как рычаг согнулся в процессе стрельбы: если для большого требюше это недостаток (ухудшается точность стрельбы), то для ручного – достоинство (изгиб рычага создает дополнительную упругую силу). Спереди десяток солдат тянет рычаг вниз за веревки. Веревки присоединены к рычагу посредством устройства типа "граблей", очевидно, чтобы команда имела больше места и веревки не путались между собой. Хорошо видно устройство пращи – один конец имеет петлю и надет на крючок на конце рычага. "Заряжающий" тянет пращу вниз, весом своего тела сгибая рычаг и превращая его в своего рода лук. Умелый "заряжающий" мог в какой-то степени и наводить требюше Примечательно, что вся команда имеет доспехи и ее прикрывает отряд лучников – ручной требюше находится в зоне поражения луков и арбалетов защитников города, поскольку дальность его стрельбы недостаточна (100-200 м).

Ручные требюше могут иметь разные опоры – в виде башни, из двух стоек и т.д., но все они обычно легки и удобны для перевозки.

Рис 14. Требюше из "Библии Мацейовского" (ок. 1240 г.).

Еще один требюше можно видеть на миниатюре из "Библии Мацейовского" (ок. 1240 г.), рис. 14. Здесь "заряжающий" вообще висит на веревке, привязанной к праще.

Ручные требюше также называют "перьерами". Иногда ручной требюше дополнительно снабжается небольшим фиксированным противовесом, во Франции такие "гибридные" устройства именовали "бриколями". И "перьер" ("камнемет"), и бриколь ("лямка носильщика") являются весьма неопределенными терминами и могут применяться также к машинам, ничего общего с требюше не имеющими, что порождает путаницу и мешает правильно интерпретировать средневековые источники.

В XII веке пытались использовать и очень большие ручные требюше, способные метать камни до 90 кг (200 фунтов) на 120 м со скорострельностью до 1 выстр./мин. Например, во время осады англо-голландскими крестоносцами Лиссабона в 1147 г. (известный эпизод II крестового похода) использовались два больших ручных требюше, каждый из которых обслуживало несколько смен по 100 человек. За 10 часов каждая из них запустила около 500 камней. Однако вскоре подобные машины были вытеснены требюше с противовесом, превосходящими их по всем характеристикам (мощности, точности, дальнобойности, количеству обслуги), кроме скорострельности.

44.111.6.2. Требюше с фиксированным противовесом (мангонели)

В отличие от ручных требюше, происходящих из Китая, требюше с фиксированным противовесом считают чисто европейским изобретением. Точная дата неизвестна, но не позже конца XII века (3-й крестовый поход). В Европе они продержались, наряду с другими видами больших требюше, до

начала XVI века, см. рис. 15 (рисунок Ренатуса, 1529 г.). Такие требюше проще по конструкции и незначительно дешевле, чем машины с подвижным противовесом, но несколько уступают в мощности. Есть у них и более существенные недостатки. Фиксированный противовес постоянно меняет ориентацию в процессе стрельбы, тогда как подвижный всегда обращен дном вниз. Поэтому необходимо или делать фиксированный противовес однородным (например, из дорогостоящего свинца), или мириться с перемещением балласта (камней или песка внутри деревянного ящика).

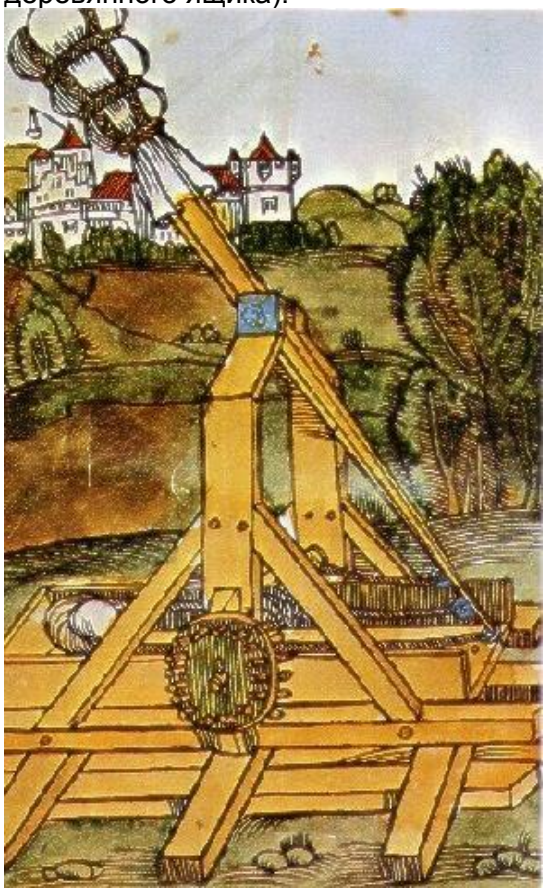


Рис 15. Требюше с фиксированным противовесом, 1529 г.

Это перемещение быстро разрушает балластный ящик. Более того, перемещение балласта делает движения балки-рычага менее предсказуемыми и ухудшает точность стрельбы. Наконец, отдача требюше с фиксированным противовесом никак не амортизируется и его метательный рычаг склонен к многократным колебаниям после пуска, пока противовес не остановится в самой нижней точке. Эти колебания преждевременно разрушают машину и несколько снижают скорострельность. Поэтому с XIII века в Европе возобладали требюше с подвижным противовесом, а фиксированный противовес применялся тогда, когда обстоятельства требовали построить машину быстрее и проще.

Великолепную современную реконструкцию, выполненную Рено Беффейтом из Armedievale, можно наблюдать на рис. 16. Этот "mangonneau" (мангонель) находится в замке Тиффож (Tiffauges) в Вандее, некогда принадлежавшем Жилю де Ре по прозвищу "Синяя Борода".

44.111.6.3. Требюше с подвижным противовесом

Именно таким машинам (собственно требюше) посвящена основная часть данного обзора. Наиболее передовые из них снабжены беличьими колесами вместо ручного ворота и имеют два симметричных противовеса вместо одного. Требюше с спаренным противовесом известны под прозвищами "куйяр", "биффа" или "бригола".

Рис 16. "Мангонель" из Тиффожа, совр. реконструкция.

44.111.7. Эффективность

Исследования средневековых источников и опыт современных реконструкций позволили выделить оптимальный тип большого стенобитного требюше. Это устройство с рычагом 10-12 м, противовесом около 10 т, метающее каменные ядра в 100 кг весом на 200-220 м со скорострельностью 2 выстрела в час. По данным современных замеров скорость полета тяжелого ядра требюше превышает 200 км/ч (60 м/с). Высота полета ядра достигает 60-80 м. Непосредственно стрельбу производит расчет из 12 человек, однако для ведения непрерывной круглосуточной стрельбы необходимо несколько таких расчетов. Кроме того, нужны дополнительные люди для выделки и подвоза каменных ядер, а также для сборки и ремонта. Общая команда может составлять 50 и даже 100 человек, однако от большинства из них какая-либо квалификация не требуется.

В принципе можно создавать требюше с противовесом 20 т, метающие камни 300 кг, а на короткое расстояние в тонну и даже больше. Однако изготовление, перевозка и сборка такого гиганта затруднена, загрузка ядер вручную тоже чрезмерно трудоемка и происходит медленно, деревянная конструкция испытывает чрезмерные перегрузки. В то же время никакого выигрыша в дальности стрельбы не происходит.

В мирное время требюше (наряду с другой осадной/оборонительной техникой) хранились в разобранном виде на складе под надзором специального городского или королевского чиновника, magister tormentorum. В военное время он руководил сборкой в районе боевых действий и стрельбой. По опыту современных реконструкций, изготовление большого требюше требует около 300 человеко-дней (при использовании только инструмента, доступного в средние века). Со сборкой из готовых блоков справляется десяток плотников за 3-4 дня. Однако не исключено, что у средневековых плотников рабочий день был дольше и работали они более квалифицированно.

Стенобитные способности требюше еще не проверены в должной степени. По имеющемуся опыту испытаний можно только сказать, что они вполне реальны, но для пробития бреши в 2-м стене нужны многие десятки , а то и сотни калиброванных ядер (поскольку брешь должна быть достаточно крупной для прохода штурмующих войск).

Опыт реконструкций также свидетельствует, что добиться надежной работы требюше непросто и это требует больших познаний и навыков, чем кажется на первый взгляд. Однако если требюше сделан грамотно, он действительно способен работать без поломок круглосуточно и много дней подряд. Надо только проверять веревки и регулярно смазывать ось рычага смесью сала и воска.

Наконец, опыт стрельб, особенно в Middelaldercentret, опроверг долго бытовавшее мнение о неточности стрельбы больших требюше и невозможности их перенацеливания. Было подтверждено, что при стрельбе на максимальную дальность отклонение в сторону от идеальной линии не превышает 2-3 м. Причем, чем снаряды тяжелее, тем отклонение меньше. Гарантируется попадание в участок 5х5 м с дистанции 160-180 м. Дальность стрельбы можно предсказуемо менять с точностью до 2-3 м, укорачивая или удлиняя пращу, меняя наклон и длину зубца, вес снаряда или вес противовеса. Перенацеливание в сторону можно производить, поворачивая опорную раму ломами. Поворот даже на небольшой градус дает ощутимое (и также предсказуемое при элементарном знании геометрии) смещение выстрела в сторону. Опытный magister tormentorum, в совершенстве изучивший свою машину, способен гарантированно поразить любую неподвижную цель в пределах дальности стрельбы после небольшой пристрелки. Это подтверждает средневековые рассказы о "контрбатарейной" стрельбе требюше.

Современные реконструкции также подтвердили противопехотную эффективность легких ручных требюше и средневековые сообщения о создаваемом ими "ливне камней". Современные энтузиасты достигают скорострельности 10 выстр./мин и даже более, хотя нормальной (по французскому опыту) считается скорострельность 3-4 выстрела в минуту при весе камня 5-10 кг. Нацеливать ручные требюше можно только приблизительно, но этого достаточно, если противник идет густо. Никакой, даже минимальной подготовки для стрельбы из ручного требюше не требуется. Дальность стрельбы невелика (50-150 м в зависимости от веса камня), но зато навесная траектория позволяет стрелять из-за укрытия. Простота устройства позволяет изготавливать легкие требюше в достаточном количестве и быстро передвигать к месту штурма.

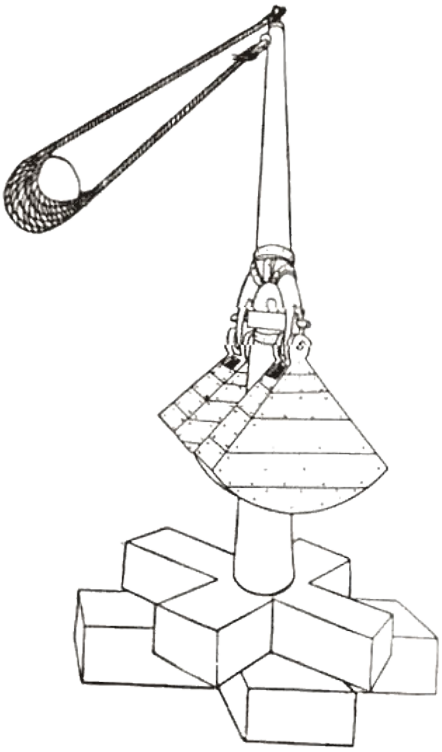
44.111.8. Источники и опыт реконструкции

Ни один средневековый требюше не дошел до наших дней. Это неудивительно – дерево недолговечный материал. К тому же до середины XIX века сознанию даже образованных людей была совершенно чужда мысль о необходимости сохранения технического наследия прошлого. Если личное оружие еще сохранялось в семьях как фамильная ценность, то хранящиеся в арсеналах машины утилизовались сразу же, как только теряли практическую ценность.

Во Франции последние 2 средневековых требюше погибли в 1830 г. во время пожара в городе Аррас. В целом по Европе в последний раз требюше был найден в 1890-х годах, когда решили

снести старую церковь в Либенмюле (Liebenmuhl) в Восточной Пруссии. Судьба его характерна: местные жители сразу же распилили его на дрова.

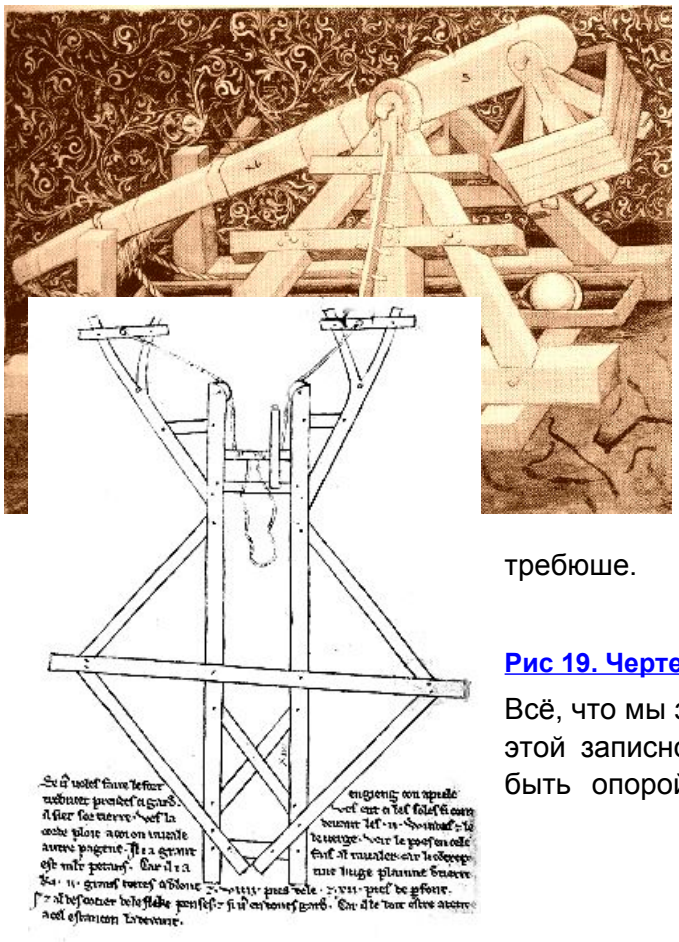
Уже в наше время на юге Франции были найдены остатки требюше, установленного во время осады замка Монсегюр в 1243 г. Эта находка имеет определенную историческую ценность, поскольку подтверждает данные хроник и позволяет точнее представить поле боя, однако для технической реконструкции требюше она не дает ничего. То же можно сказать и о многочисленных находках каменных ядер.



Таким образом, наши знания о требюше основаны только на текстах и иллюстрациях средневековых рукописей. Этот источник столь же обилен, сколь и поверхностен. Обычными составителями средневековых хроник были монахи или отставные политики, люди, совершенно безразличные к технике и упоминающие ее только вскользь. Размытость средневековой терминологии часто не позволяет даже с уверенностью определить, о каком типе военной машины в данном случае идет речь. К сожалению, столь же чуждо техническим подробностям было и подавляющее большинство средневековых миниатюристов. Большинство рисунков показывают метательные машины только схематически, и даже там, где они показаны крупным планом, нет никакого внимания к точности пропорций и мелким, но важным для реконструктора деталям.

Только небольшое число источников более конкретно описывают военную технику, но и в этих случаях часто трудно определить, что перед нами – описание реальной машины или произвольная фантазия автора, к практике не имеющая никакого отношения. В качестве примера можно привести рис. 17.

Рис 17. Требюше из "De Machinis" Паоло Сантини.



Интересны иллюстрации из "Bellifortis" Конрада Киезера фон Эйхштадта (Konrad Kyeser von Eichstadt), ок. 1405 г., например рис. 18. Однако и они производят впечатление скорее теоретических изысков.

Рис 18. Требюше из "Bellifortis" Конрада Киезера фон Эйхштадта, ок. 1405 г.

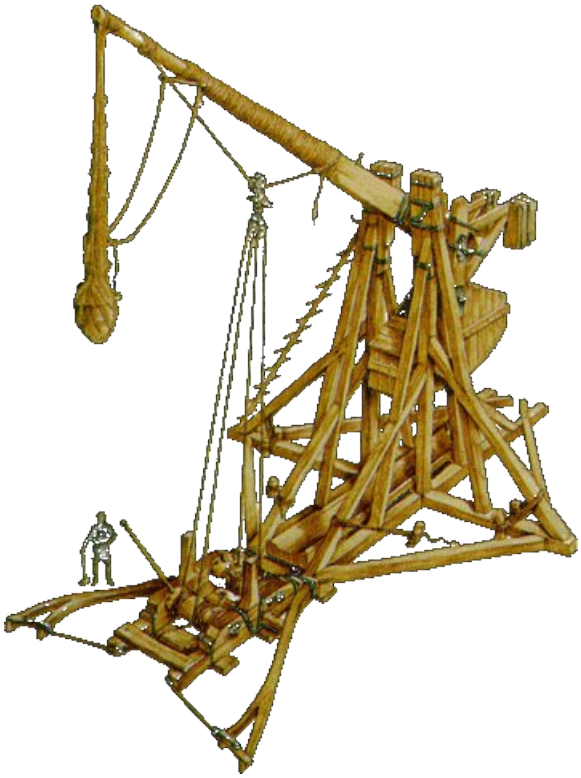
Из подлинной "технической документации", практически использовавшейся при строительстве требюше, до нас дошла только "Записная книжка" Виллара де Онкура (Villard de Honnecourt), ок. 1250 г. (Biblioteque Nationale, Париж). Именно она является отправной точкой для всех современных реконструкций больших требюше.

Рис 19. Чертеж Виллара де Онкура .

Всё, что мы знаем об авторе, содержится в заметках на полях этой записной книжки, предназначенной, как предполагают, быть опорой для памяти автора и помогать ученикам и

наемным рабочим в его мастерской. Ее большая часть посвящена архитектуре и содержит профессиональные чертежи соборов, причем заметки на полях приводят современных исследователей к мысли, что Виллар де Онкур мог принимать непосредственное участие в их проектировании и постройке (наверняка, собора в Реймсе и, возможно, соборов в Кёльне и Лозанне). Однако "требюшестроителей" интересует самый конец "Записной книжки", содержащий единственный бесспорный дошедший до нас чертеж опорной рамы требюше, см. рис. 19. Предполагают, что "Записная книжка" могла содержать и другие, несохранившиеся рисунки, поскольку в тексте называются и верхние части машины. Было бы неуместным переносить в данный краткий обзор все подробности современных исследований, посвященных "Записной книжке", скажем лишь, что опорная стойка требюше Виллара де Онкура должна иметь высоту 7.9 м, а балка-рычаг – длину 13.4 м. Примерно на такие размеры и стали ориентироваться современные исследователи.

Реконструкции помогают и сохранившиеся образцы других средневековых устройств, прежде всего подъемных кранов. Такие краны были встроены во многие средневековые здания, особенно расположенные на берегах рек. Склады товаров в них находились на верхнем этаже во избежание порчи во время наводнений. По конструкции средневековый кран очень похож на требюше, только работает в замедленном "управляемом" режиме.



Последний раз в Европе всерьез обсуждали возможность военно-прикладного применения требюше в 1575 г., затем наступило трехвековое забвение. Только в середине XIX века в Европе вновь пробудился интерес к Средневековью и, в частности, к средневековым военным технологиям. Появились и первые, пока теоретические, опыты реконструкции требюше. Самая известная из них принадлежит Эжену Виолле-ле-Дюку (Eugene Viollet-le-Duc), французскому архитектору, при поддержке императора Наполеона III сохранившему от разрушения и поставившему под охрану государства многие средневековые памятники.

Рис 20. Рисунок Виолле-ле-Дюка.

На рис. 20 можно видеть реконструкцию требюше по чертежу Виллара де Онкура из работы Виолле-ле-Дюка "Обзор военной архитектуры средних веков", 1854 г. В последующем эта реконструкция была подвергнута критике некоторыми историками, утверждавшими, что Виолле-ле-Дюк произвольно собрал ее из всевозможных средневековых узлов и деталей и что она вообще носит искусственный характер. Однако современные реконструкторы вновь высоко оценили эту работу, отметив, что чистый теоретик Виолле-ле-Дюк смог замечательно предугадать основные пропорции и элементы реальных, проверенных опытом машин.

Тогда же во Франции была предпринята и первая попытка практической реконструкции. По указанию Наполеона III капитан Фаве (Fave) построил требюше с опорным рычагом длиной 10.6 м и противовесом 4500 кг, причем пращу и зубец проектировал лично Наполеон III. Изображений этого требюше не сохранилось, при первом выстреле ядро полетело на 70 м в обратную сторону из-за неправильно установленного зубца (см. раздел 3Г). Следующие 4 выстрела показали дальность 120-175 м, причем боковое отклонение не превысило 3 м. На 5-м выстреле требюше развалился, поскольку конструкция его была слишком слабой.

Затем еще столетие не предпринималось никаких действий. Реконструкторы этого времени уделяли главное внимание торсионным машинам античного образца. Только в середине 1980-х

годов интерес к требюше возродился во Франции, Англии и, особенно, Дании. В 1989 г. датский центр средневековых исследований Middelaldercentret начал первую действительно серьезную, тщательную реконструкцию большого требюше. За основу были взяты чертеж Виллара де Онкура и рисунок Виолле-ле-Дюка, однако они подверглись серьезной доработке с учетом изученных средневековых миниатюр, узлов средневековых машин и практического плотницкого опыта. В последующем создавались другие машины, самой мощной и поистине "образцовой" (хотя и состоящей только из доступных в Средневековье материалов и узлов) является машина 1997 г., см. рис. 21.

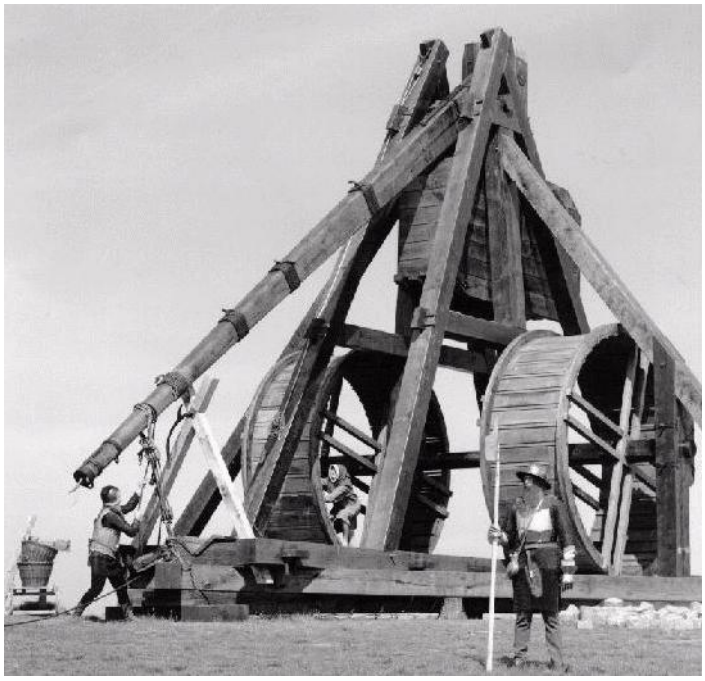


Рис 21. Современный супер-требюше.

Она сделана из дубовых бревен, весит 6 т и использует противовес 15 т, способна бросать снаряды до 300 кг весом и может поворачиваться по горизонтали при помощи ломов, поскольку ее рама поставлена на другую деревянную платформу. Балка-рычаг состоит из двух брусьев, продольно скрепленных веревками. Хорошо видны зубец на конце балки-рычага и спусковое устройство вверху Х-образной стойки. Видны желоб, по которому скользит праща со снарядом во время пуска, и два "беличьих колеса".

К настоящему времени Middelaldercentret сделал более 6000 выстрелов из требюше разного калибра и получил серьезные статистические результаты..

Исследования Middelaldercentret вызвали резкий всплеск интереса к требюше в 1990-е годы, особенно за океаном. Отчасти этот интерес стимулируют и компьютерные военно-исторические игры вроде Age of Empires. Появилось множество любителей, строящих модели требюше разной величины и даже устраивающих соревнования, появились математические исследования и компьютерные имитаторы. Появились даже выпускаемые заводским способом игрушечные конструкторы для детей разного возраста (вплоть до преклонного) из пластмассовых деталей. По-своему все это хорошо и правильно, но к истории имеет мало отношения. Особенно такой "военно-развлекательный" подход характерен для США.

Из более-менее серьезных организаций, занимающихся реконструкцией требюше с тщательным соблюдением исторической достоверности, можно выделить датский центр средневековых технологий Middelaldercentret (главный специалист по требюше – Петер Вемминг Хансен, Peter Vemming Hansen), австралийское общество любителей средневековой военной истории The Grey Company (Рассел Майнерз, Russell Miners), французскую компанию по реставрации и выпуску средневековой техники Armedievale (Рено Беффейт, Renaud Beffeyte), аналогичную английскую компанию Artefacts и американскую телекомпанию научно-популярной направленности WGBH/NOVA. Хансен, Майнерз и Беффейт олицетворяют собой три главных категории людей, интересующихся такой техникой. Хансен профессиональный историк. Для Майнерза (программиста в обычной жизни) требюше – хобби, однако столь углубленное, что он стал практически профессионалом в этом деле. Беффейт – профессиональный ремесленник-реставратор (правильнее сказать, мастер по дереву и металлу), сделавший своей специализацией создание точных копий средневековой техники (не только метательных машин, но и пушек). Среди современных историков-"теоретиков" главным знатоком требюше считается американец Пол Чеведден (Paul Chevedden).

Именно на основе сайтов пяти вышеуказанных организаций сделан данный обзор. На этих сайтах можно найти и обширные списки литературы, прямо или косвенно затрагивающей тему требюше.

К настоящему времени создано значительное число точных реконструкций средневековых требюше, наиболее активные и исторически точные исследования проводились в Дании, Франции и Великобритании (в последней отчасти на американские деньги). Действующие большие требюше можно разделить на две категории: одни создаются любителями в познавательно-развлекательных целях, другие эксплуатируются музеями в познавательно-коммерческих целях. Среди таких музеев наиболее впечатляющие коллекции в нескольких французских замках (Кастельморон, Сен-Бриссон, Тиффож, Кастельно и др.) и английском (точнее, уэльсском) замке Каэрфилли (Caerphilly).

Фактически исследования требюше проводятся всего лет 10-15 немногими людьми, в большинстве своем ограниченными в средствах. Поэтому данная тема еще далека от полного раскрытия. В частности, в доступных через Интернет источниках заметен явный перекос в сторону средневековой истории скандинавских стран, Великобритании и Франции. Изученность в этом разрезе средневековых рукописей Германии, Италии, Испании, арабских стран ниже, хотя в них требюше и другие метательные машины использовались не менее активно.

Также и реконструированные машины еще не ответили на некоторые существенные вопросы. В частности, нет еще точной количественной оценки стенобитных способностей требюше. Возможно, это связано с тем, что по-настоящему отработанные большие требюше появились только в 1997/8 гг., проведение же длительных стрельб по замковым стенам требует значительных расходов, непосильных для музеев и относительно небогатых любителей. Можно надеяться, что со временем и этот вопрос будет решен.

См. также .*ВКаминский* Баробаллисты**, Требушет**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в 41 Гл.

44.112. Ижеславец

Лаврентьевская летопись скорбно повествовала о разорении Пронска: «Батый виде силы своея много побиено и разгневался зело и нача Рязанскую землю воевати…и град Пронск и Белгород, и Ижеславец разори до основания»…

В 1237 году в рамках рутинных мероприятий по зачистке Рязанского княжества нукеры хана Батыя разрушили город Ижеславец, стоявший на берегу речки Прони. С тех пор города нет, есть село Ижеславль (Жеславль, Жислав).

В его названии переплелись корни двух языков – славянского («слав») и угро-финского («иж»). Корень «иж» отсылает к водной стихии – будь то источник, река, или божество подземных вод.

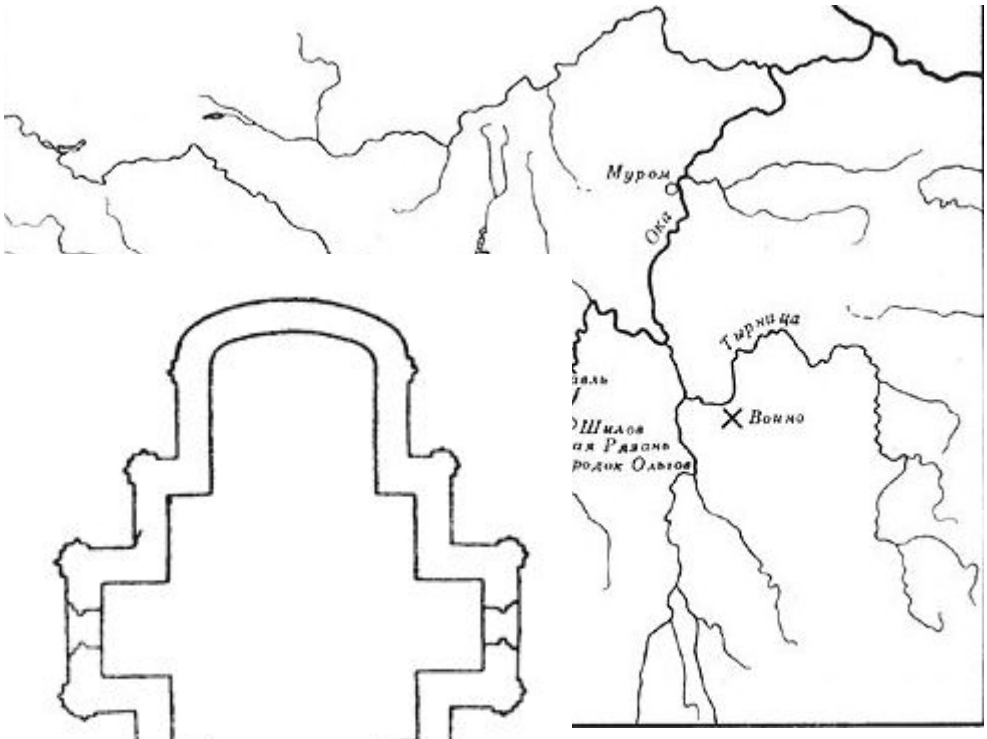
Река Проня делает поворот налево, упираясь в холм, на котором стоял **Ижеславец.**

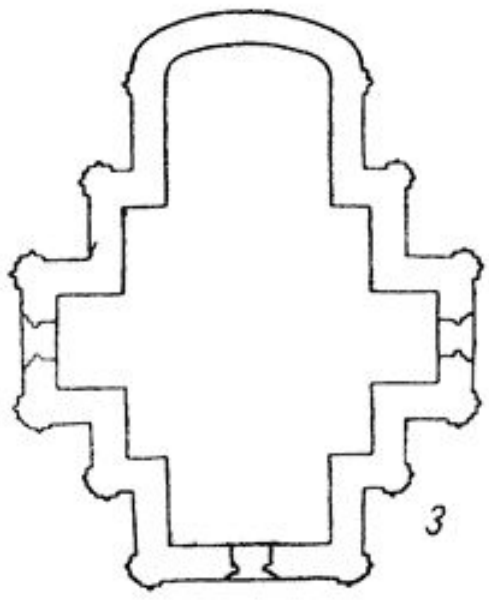
Вернуться к ссылке

44.113. Новый Ольгов

На высоком берегу р.Оки напротив впадения в нее р.Прони недалеко от домонгольского Ново-Ольгова городка находится хорошо известный археологам Никитинский могильник, объединяющий захоронения абашевской культуры бронзового века и раннесредневекового финно-угорского населения рязанского края.

…Из 30 рязанских городов могут быть нанесены на карту без затруднений: Рязань Старая на Оке, Пронеск или Пронск, Переяславль на Трубеже (или современная Рязань), Михайлов, Венев - всего лишь 5 селений, сохранившихся до нашего времени в качестве городов. Остальные стали селами или исчезли с лица земли.





Относительно легко устанавливается место, которое занимал Новый городок Ольгов на устье реки Прони. До сих пор при устье Прони виден

остаток вала, находящегося на вершине холма. Здесь, по предположению Иловайского, находился Новый городок Ольгов. Место для городка указывают там, где теперь стоит село Никитино.

Бесстолпная церковь Ново-Ольгова городка (конец XII – начало XIII века) стоит около северо-восточных ворот крепости. Среди немногочисленного типа бесстолпных храмов он обладает максимальным пролётом. Особенность этой церкви – крестообразный план. Три её притвора, подобно контрфорсам, погашали распор сводов.

Церковь Нового Ольгова городка по своему плановому решению не имеет аналогий в предшествующей архитектуре Руси. Трудно найти ей прямую аналогию и в архитектуре других стран. Размеры подкупольного пространства церкви Нового Ольгова городка чуть ли не 8 метров. Это при отсутствии столбов предполагает смелую конструкцию, возможно сочетание арок и свода.

Вернуться к ссылке

44.114. Боголюбово

БОГОЛЮБОВО, поселок городского типа во Владимирской обл., в Суздальском р-не. Расположен на берегу Клязьмы. Население 4,2 тыс. чел. Основан в сер. XII в. как замок-резиденция кн. *Андрея Боголюбского,* с XIII в. в замке Рождественский *(Рождество-Богородицкий)* монастырь. В 1230-х укрепления Боголюбова разрушены монголо-татарами. Сохранились: остатки валов, Рождественский собор (XII в. — 1751), переход и “лестничная башня” княжеского дворца (XII в.), собор Боголюбской Богоматери, кельи и надвратная колокольня (все XIX в.). Боголюбове входит в состав Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Близ Боголюбова — знаменитая церковь *Покрова на Нерли* (1165).

Боголюбово. Расположено в 10 км. от Владимира, при впадении Нерли в Клязьму. В 1158-1165 гг. Андрей Боголюбский при устье Нерли построил каменный ансамбль своей загородной резиденции. Фасад боголюбовского храма Рождества Богородицы был украшен резной белокаменной скульптурой. Ансамбль Боголюбова расположился на площади в 3 га. и был окружен валом и шедшей по его гребню каменной стеной.

В полуторах километрах от Боголюбова, в месте старого впадения Нерли в Клязьму, в 1165 г. “за одно лето“ по воле Андрея Боголюбского была выстроена белокаменная церковь Покрова. Это архитектурная жемчужина Северо-Восточной Руси.

Боголюбов-город, княжеский замок св. кн. *Андрея Боголюбского.* Построен в 1158-1165 на высоком берегу Клязьмы близ устья Нерли. Его опоясывали земляные валы с белокаменными стенами. Сохранилась лишь одна лестничная башня с переходом на хоры собора. Основание стен последней, как и остатки других

частей ансамбля, раскрыты раскопками. Дворцовый ансамбль располагался на площади, вымощенной белокаменными плитами. Его центром был собор, связанный переходом с лестничной башней, от которой далее также белокаменный переход вел во второй этаж дворца. К югу от собора через вторую башню шли переходы, выводившие на крепостную стену. Под переходами были арочные проходы и проезд. Все эти части объединялись аркатурно-колончатым поясом в единое живописное и торжественное целое. Фасады украшали барельефы, фресковая роспись, некоторые детали были обиты золоченой медью. Высокий и стройный дворцовый собор имел необычные для древнерусской архитектуры круглые столбы-колонны, расписанные под белый мрамор и завершенные огромными лиственными капителями. Пол хоров устилали майоликовые плитки, а в самом храме — медные плиты, запаянные оловом и блестевшие, как золото. По свидетельству летописи, в храме было много драгоценной утвари. Перед собором на площади стоял уникальный в русском зодчестве восьмиколонный киворий (сень) с золоченым шатром над белокаменной водосвятной чашей.

44.114.1. Храм Покрова на Нерли

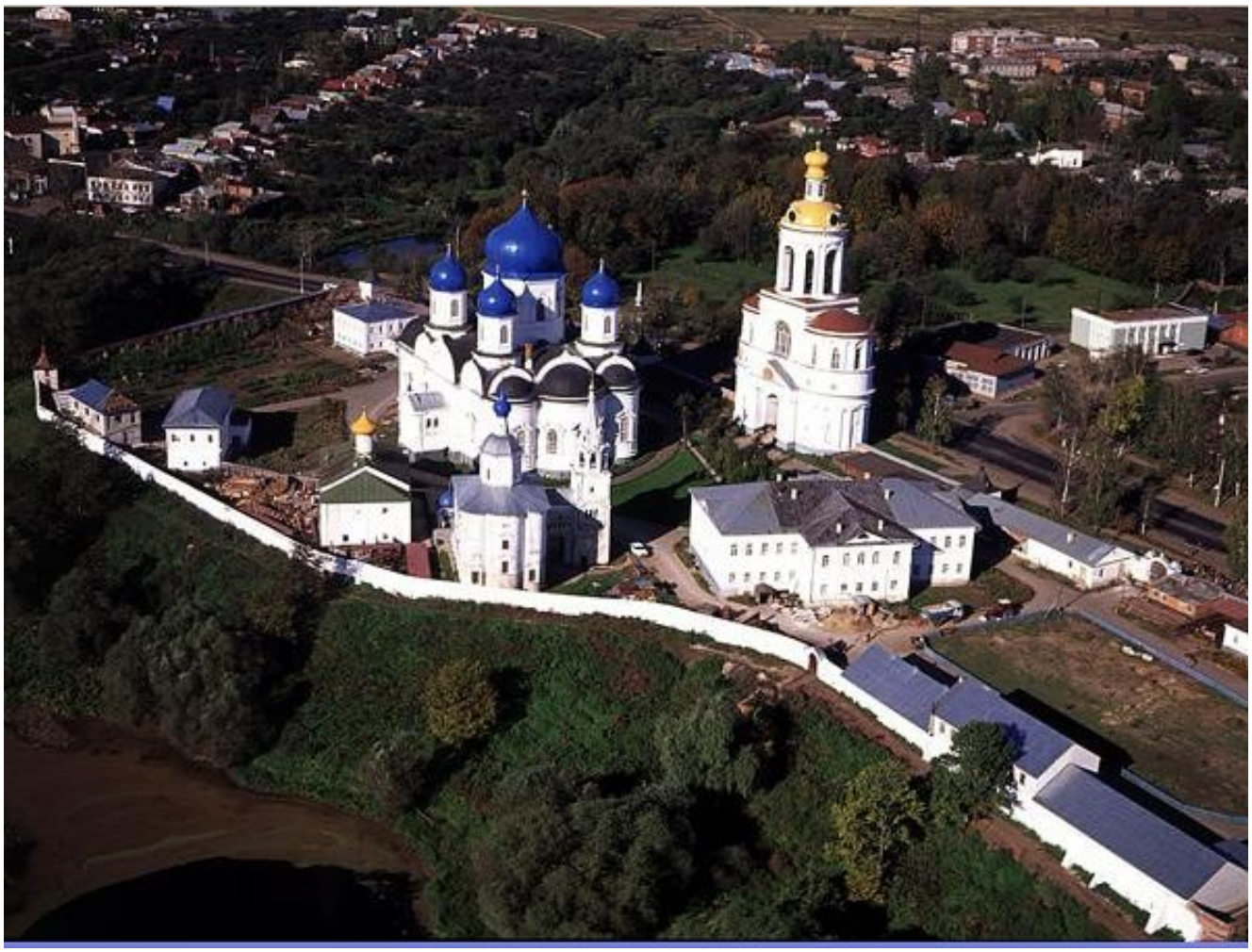
Посреди заливного луга, при впадении реки Нерли в Клязьму красуется белокаменная церковь Покрова 1165 г., одно из самых лирических творений древнерусских зодчих. Вокруг - полный покоя и поэзии луговой простор. Вольный воздух, высокое небо, пышные травы - и на взгорке, на берегу тихой старицы - нежный силуэт древней церкви. Издалека манит ее белый наряд посреди древесных крон. Изящество форм, грация силуэта, резная декорация преодолевают тяжесьб камня. Рельефы - аркатурно-колончатый фриз, женские маски, сюжетные группы - складываются в целую систему, декоративную и философскую. Центральное место в ней принадлежит библейскому царю Давиду, чей образ связывается в богословии с идеей Покрова - покровительства Богоматери.

Во времена князя Андрея Боголюбского, строителя этой церкви, на Владимирской Руси приобретает известность событие из Византийской истории X в.: явление Богоматери во Влахернском храме Константинополя святым Андрею Юродивому и Епифанию при нападении на греков сарацин в день 1 октября - "Влахернское чудо". Тогда же во Владимире учреждается праздник Всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы (1 августа). В Византии на этот день приходилось празднование Животворящего креста. Белокаменный крест с высеченной на нем "Похвалой кресту", стоявщий в XII в. на пути к церкви Покрова, хранится сейчас в Боголюбовском храме. Все эти празднования - "Влахернского чуда", Спаса и Богородицы, Животворящего креста - объединяет идея божественного покровительства, которая со временем оформилась в особый праздник Покрова Богородицы.

"Житие князя Андрея Боголюбского" связывает строительство этой церкви еще с одним событием - гибелью от ран юного князя Изяслава Андреевича после похода 1164 г. в Волжскую Болгарию.

Церковь Покрова достойно венчает короткий, но исключительно плодотворный градостроительный период Андрея Боголюбского. Совершенная красота, таинственная глубина рельефов, мемориальный и церковно-исторический смысл - так много всего соединилось в этом небольшом, одиноко стоящем уже более восьми веков храме. Облик храма, такой законченный и цельный, первоначально был иным. Храм окружала галерея, а холм, на котором он стоит, был облицован белым камнем. Царственная ступенчатая церковь продолжала Боголюбовский замок и стольный Владимир, а пристань на оживленном речном пути обеспечивала князю могущество. Сейчас, спустя века, ничто не напоминает о политической злобе дня, лишь совершенная красота смягчает и трогает душу.

44.114.2. Дворец князя Андрея Боголюбского



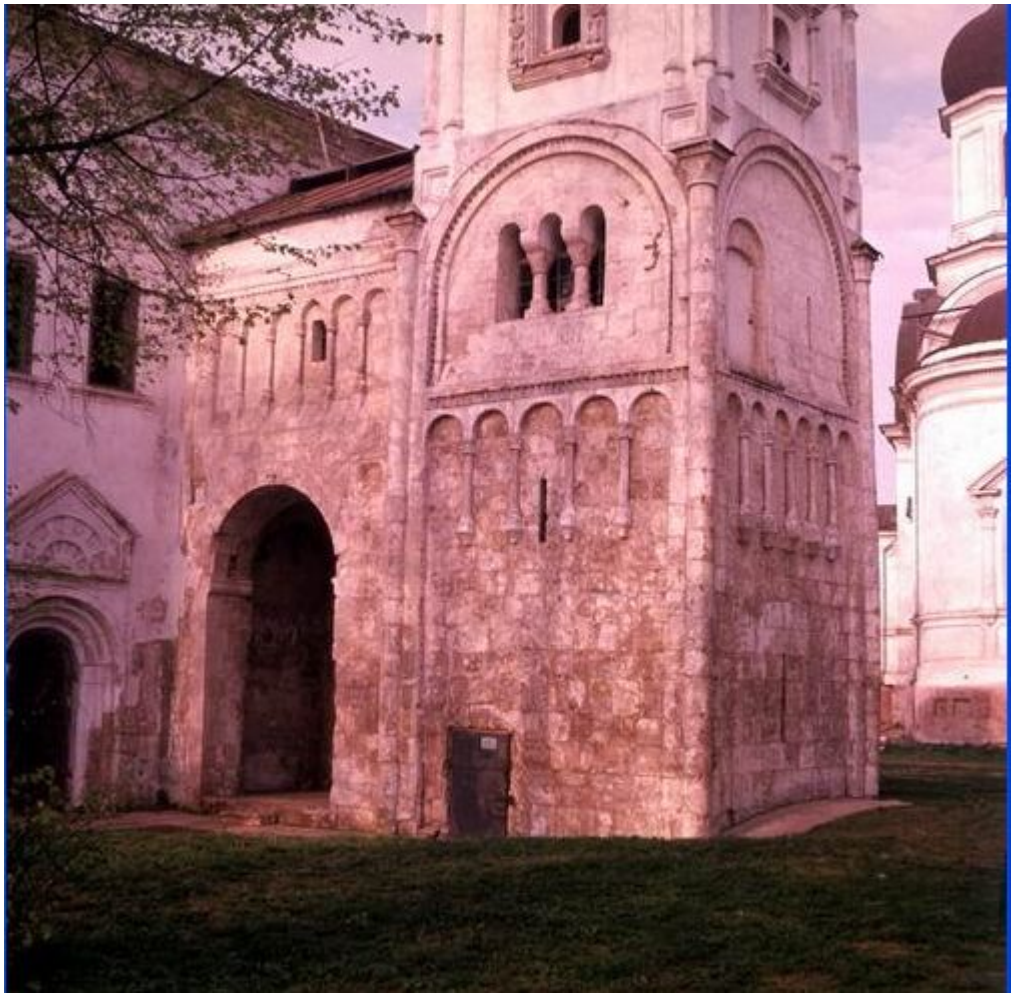
На подступах к Владимиру, вблизи слияния рек Нерли и Клязьмы, в 1158-1164 гг. раскинулся на высокой береговой гряде "город камен именем Боголюбый". Предание связывает его основание и выбор места с покровительством Богородицы. 18 июня 1155 г. князь Андрей Юрьевич проезжал здесь, двигаясь из Киева в Суздаль, свою вотчину. Князь вез с собой чудотворный образ Божьей Матери византийского письма, названный впоследствии Владимирским. Вдруг кони встали, отказываясь двинуться с места. И так продолжалось дотемна, покуда князь не приказал раскинуть шатер для ночлега. И ночью усердно молился перед чудотворной иконой, и так сильна и горяча была его молитва, что Божья Матерь сама явилась ему. На этом месте князь основал замок и повелел написать явленный ему образ Богоматери. Икона Боголюбской Богоматери стала местной святыней. А привезенную икону поместили во вновь построенный Успенский собор во Владимире.

Княжеский замок занял южную часть города, с севера примкнул посад. После татарского разорения Боголюбов остается городом и числится в "списке градом русским" конца XIV в.; впоследствии становится селом, а в советское время поселком.

При въезде со стороны Владимира справа вдалеке виднеется луговой простор, а впереди со стороны дороги - остатки древней крепости: заросший пруд на месте рва и холмы - бывший крепостной вал. За каменной оградой с башнями высится ансамбль Боголюбова монастыря; древнейшая часть его - белокаменные памятники княжеского дворца XII в.

Княжеский дворец в Боголюбове отличался сказочным великолепием, которое летопись сравнивает с храмом Соломона. В кольце земляных валов, рвов и каменных стен вырос белокаменный собор во имя Рождества Богородицы. Такими же галереями и башнями он соединялся с жилыми покоями князя и с крепостью. Собор, подобно Успенскому храму, украшали резные рельефы и фрески, медь и позолота, керамические полы и оконные витражи. Круглые, раскрашенные под мрамор колонны, поддерживали своды. Перед входом в храм стояла белокаменная водосвятная чаша под шатром, священный столп с четырьмя Богородичными ликами. Площадь перед дворцом выстилали белокаменные плиты с желобами-водостоками. 17 лет владимирского княжения провел князь Андрей в своем загородном замке - продолжении столичного Владимира. Здесь он принял

мученическую смерть от рук политических соперников - бояр Кучковичей. Убийство произошло в ночь на 29 июня 1174 г. в лестничной башне. Именно эта двухъярусная башня и примыкающая к ней галерея - единственное, что сохранилось из обширного дворцового строения.



После смерти князя в Боголюбове обосновался мужской монастырь. Древний собор разрушился от ветхости и неумелых переделок и в XVIII в. был заменен новым. Над лестничной башней надстроили шатер колокольни. Место княжеских покоев занял келейный корпус. В XIX в. древние ворота с надвратной церковью сменило новое здание - Успенская надвратная церковь с колокольней, тогда же построили и огромный пятиглавый собор. Они теперь определяют боголюбовскую панораму. Но внимательный взор тотчас отличит благородную древность: белокаменную галерею над аркой и лестничную башню с двумя резными аркатурно-колончатыми фризами, с чудным тройным окном, с внутренней лестницей, вьющейся вокруг колонны. А возле нее - ниша, где лежало тело убиенного князя, в XVIII в. канонизированного церковью.

Облик древнего собора и дворца стал известен благодаря многолетним археологическим исследованиям Н.Н. Воронина. В Боголюбове теперь женский монастырь.

Вернуться к ссылке

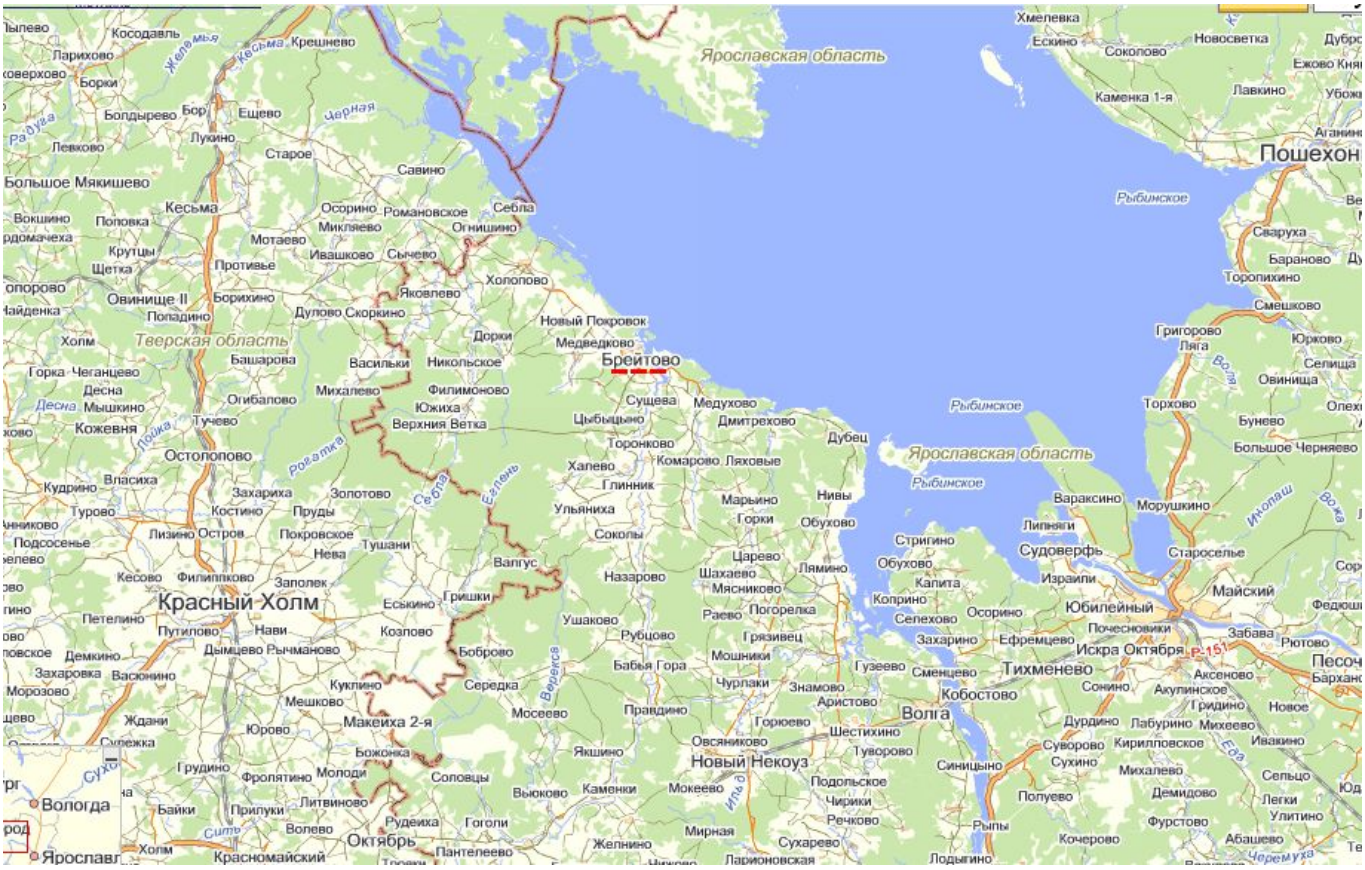
44.115. Сить

Сить — река на северо-западе европейской части Российской Федерации, в Тверской и Ярославской области. Впадает в Рыбинское водохранилище на Волге. До создания Рыбинского водохранилища была притоком реки Мологи.

Длина — 159 км, площадь бассейна — 1900 км ^{2}, расход воды — 13,4 м^3/сек. Вскрывается в апреле, ледостав во второй половине ноября.

Крупнейшие притоки — Болотея, Верекса (левые).

Исток Сити в отрогах Бежецкого верха в районе села Сабурово (Сонковский район Тверской области). Протекает река по равнинной, лесной, малонаселённой местности. Ширина реки в верховьях 5 — 10 метров, в среднем течении около 30-40 метров, возле устья ширина увеличивается почти до полутора километров из-за подпора Рыбинского водохранилища. Скорость течения небольшая.



В устье реки расположено большое село Брейтово.

Неподалёку от Брейтово в 1238 г. состоялась битва между татаро-монголами и войском великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, закончившаяся поражением владимирского войска и вошедшая в историю, как битва на реке Сити.

Вернуться к ссылке

44.116. Сражение на реке Сить

44.116.1. Версия Ершова

Тайна Ситской битвы существует до сих пор, как в причинах внезапного скрытного окружения войск князя **Юрия Всеволодовича** на протяжении почти всего течения Сити[171] (более 100 километров),так и в средствах и неразгаданных путях темника Бурундая. Каким образом огромная масса войск (около 40000 всадников -- четыре тьмы) незаметно подошла и окружила русские войска, пройдя огромные пространства с трех сторон?

Сама официальная дата Ситской битвы, 4 марта 1238 года, вызывает сомнение. Дата 4 марта 1238 года является точной датой смерти ростовского князя Василько Константиновича, замученного в Ширенском лесу вместе с полоном.

Ссылаясь на историка С. М. Соловьева, занимавшегося определением местонахождения Ширенского леса, В. А. Чивилихин в своей книге "Память" указывает, что Ширенский лес находится сейчас в 24 километрах от г. Кашина и в 40 километрах от г. Калязина на реке Ширенке, притоке реки Медведицы, т. е. около 100 километров от мест Ситской битвы. Он считает, что после битвы Бурундай шел до этого леса 3 дня. Тогда, по его мнению, Ситская битва произошла 1 марта 1238 года.

---

[171] Река Сить - начинается с Сонковоской возышенности в Тверской обл., впадает в Рыбинское водохр. Длинна 158 км. Притоки Болотец и Верекса. Лесистые берега. Река узкая, петляет. Летом мелеет и заростает доворослями.

На наш взгляд если основываться на том же историческом факте, наиболее вероятна дата Ситской битвы 2 марта 1238 года, так как Бурундай спешил на помощь главным силам хана Батыя, уже взявшим Тверь 21 февраля 1238 года и штурмующим Торжок вторую неделю. После чего Бату-хан должен был пойти на Новгород. В случае недостаточно оправданной задержки Бурундай рисковал отсечением головы. Других наказаний у хана не было. Поэтому Бурундай прошел этот путь за 1,5-2 дня.

Однако, по мнению С. А. Мусина-Пушкина, высказанному в его книге "Очерки Моложского уезда", Ширенский лес находился на границе Угличского и Романово-Борисоглебского уездов, где, как он утверждает, было урочище Ширены и пустоши Васили. Однако на территории Раменского сельсовета нынешнего Борисоглебского округа протекает река Ширенка, а в 10 километрах на территории Ярославского округа находится село Ширенье. От места Ситской битвы до реки Ширенки (через Мышкин) около 100 километров. Следовательно, этот отряд шел двое суток. Отсюда следует, что Ситская битва произошла 2 марта 1238 года.

Следует заметить, что на урочище Ширены или на реку Ширенку не мог идти Бурундай, так как этот путь уводил бы их к юго-востоку, а не на запад -- к Торжку и Новгороду. Пленных с князем Васильком вел другой небольшой отряд которому было поручено увезти награбленное и пленных.

В настоящее время по вопросу о месте сражения ученые и краеведы пришли в основном к единому мнению, заключающемуся в том, что в районе селений Могилицы и Божонки было сражение с полком Дорожа (Дорофея Семенова); в районе селений Игнатова, Станилова, Юрьевского, Красного -- битва центрального полка под командованием самого князя Юрия Всеволодовича (на реке Сить было три деревни с одинаковым названием "Игнатово": около Сысоева, около Станилова и рядом с Семеновским); признается сражение в районе селений Семеновское, Игнатово, Княгинино, Покровское, Великое Село, однако умалчивается размах этой битвы, ибо памятник погибшим воинам стоит напротив Игнатова, близ Станилова, что не совсем справедливо.

Большинство ученых и краеведов признают два направления движения отрядов татар на Сить.

Первое -- с верховьев Сити от Коя, второе -- от устья Сити. Но нет твердого мнения, откуда пришли отряды к устью Сити и к Кою. Например, Семен Мусин-Пушкин утверждает, что к устью Сити отряд пришел от Галича, а к Станилову -- от Бежецка, через Красный Холм.

Очевидно Бату-хан остановил свои войска в районе Рязань -- Коломна -- Москва -- Владимир для тщательной и глубокой разведки путей на Ростов - Ярославль - Мологу -- Сить; на Ростов - Углич -- Кой -- Воскресенское; на Углич -- Мышкин -- Некоуз -- Лацкое -- Семеновское. Были тщательно разработаны планы захвата Переяславля, Ростова, Ярославля, Твери, Торжка, Вологды, Галича (который так и не смогли взять) и Ситской битвы. Были и другие задачи, например заготовка кормов приблизительно на 300000 лошадей и продовольствия более чем на 100000 , всадников и др.

Взяв Владимир 7 февраля 1238 г., Батый послал отряд возможно отряды, для разгрома и уничтожения Суздаля и других более слабых городов -- до Юрьевца, Дмитрова, Костромы, с одновременным возложением на них функции сбора и сопровождения награбленного, захвата и конвоирования пленных к Твери и Торжку для использования в строительстве сооружений для штурма крепостных стен и заваливания рвов их трупами, а также конвоирования рабов для работорговли и использования их в Орде.

Основные силы Батыя, пройдя Юрьев-Польский, напали и уничтожили в течение пяти дней, Переславль-Залесский. Преодолев расстояние в 205 километров за двое с половиной суток, приступили к штурму Твери.

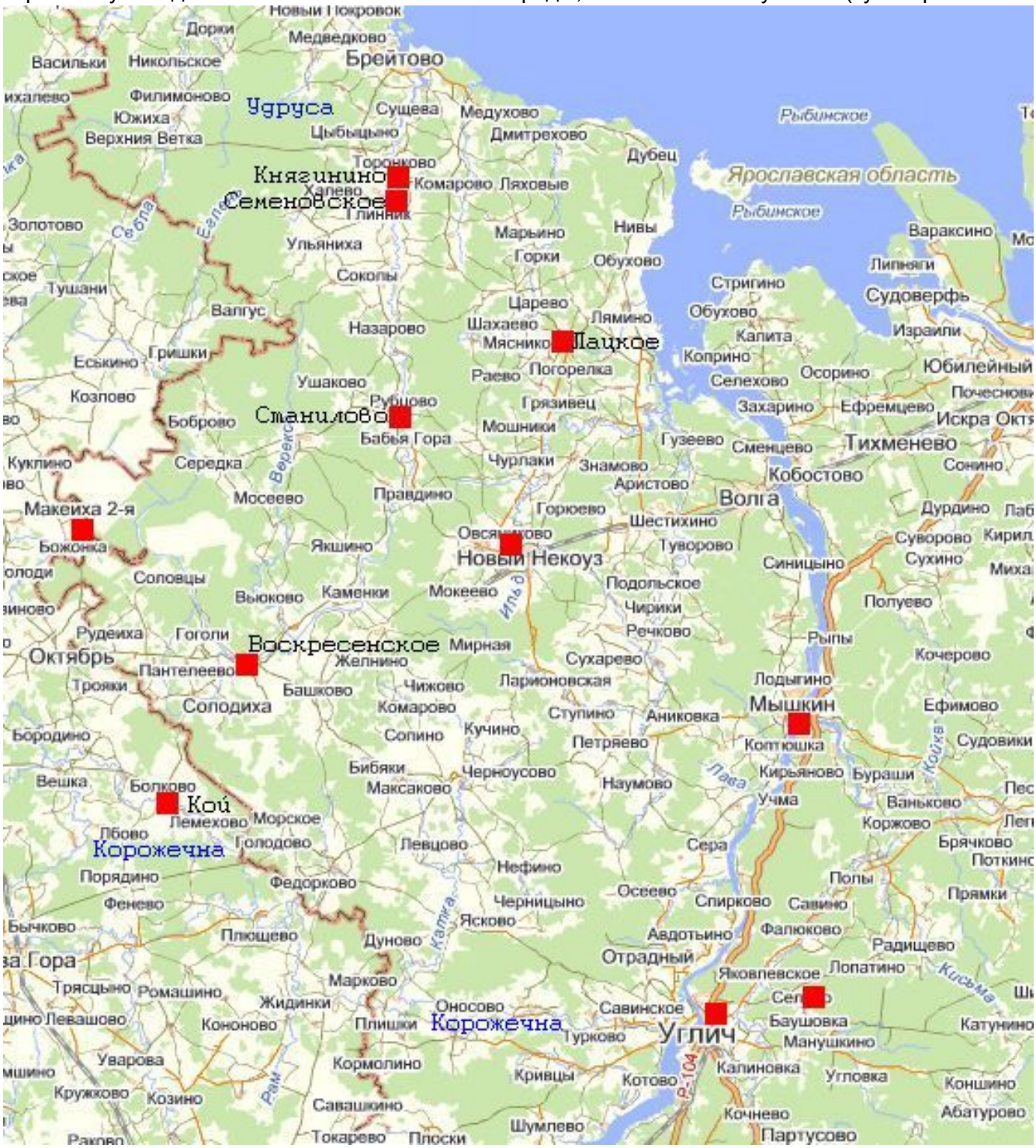
Ситская битва произойдет после взятия Твери 2 марта 1238 года (официальная дата 04.03.1238 г.). Вот почему князь Юрий ожидал нападения татаро-монголов от Твери, через Бежецк и Красный Холм по кратчайшему пути. Юрий ошибочно считал, что у Батыя в Твери и Торжке все его силы.

Можно упрекнуть князя Юрия в отсутствии дальней разведки в южном и юго-восточном направлениях. Некоторые летописи отмечают, что стражи Юрия проспали врага.

Из вышесказанного можно сделать еще один важный вывод, а именно - главные силы Бату-хана не участвовали в Ситской битве, и не могли участвовать, так как в это время они вели самый тяжелый, двухнедельный штурм Торжка. У них не было времени участвовать и в штурме Ростова Великого и Суздаля. Там были другие отряды.

Интересен вывод о скорости передвижения хана Батыя, Он дает возможность определить примерные сроки взятия других городов. Получается, что средняя скорость их передвижения была около 80 километров за сутки. Это максимально возможная скорость движения зимой. Очевидно, степняки привыкли отдыхать в седле.

Для штурма и взятия Ростова Великого, Ярославля, Вологды, Галича и разгрома войск князя Юрия Бату-хан должен был послать сильные отряды, не менее пяти туменов (тумен равен тьме),

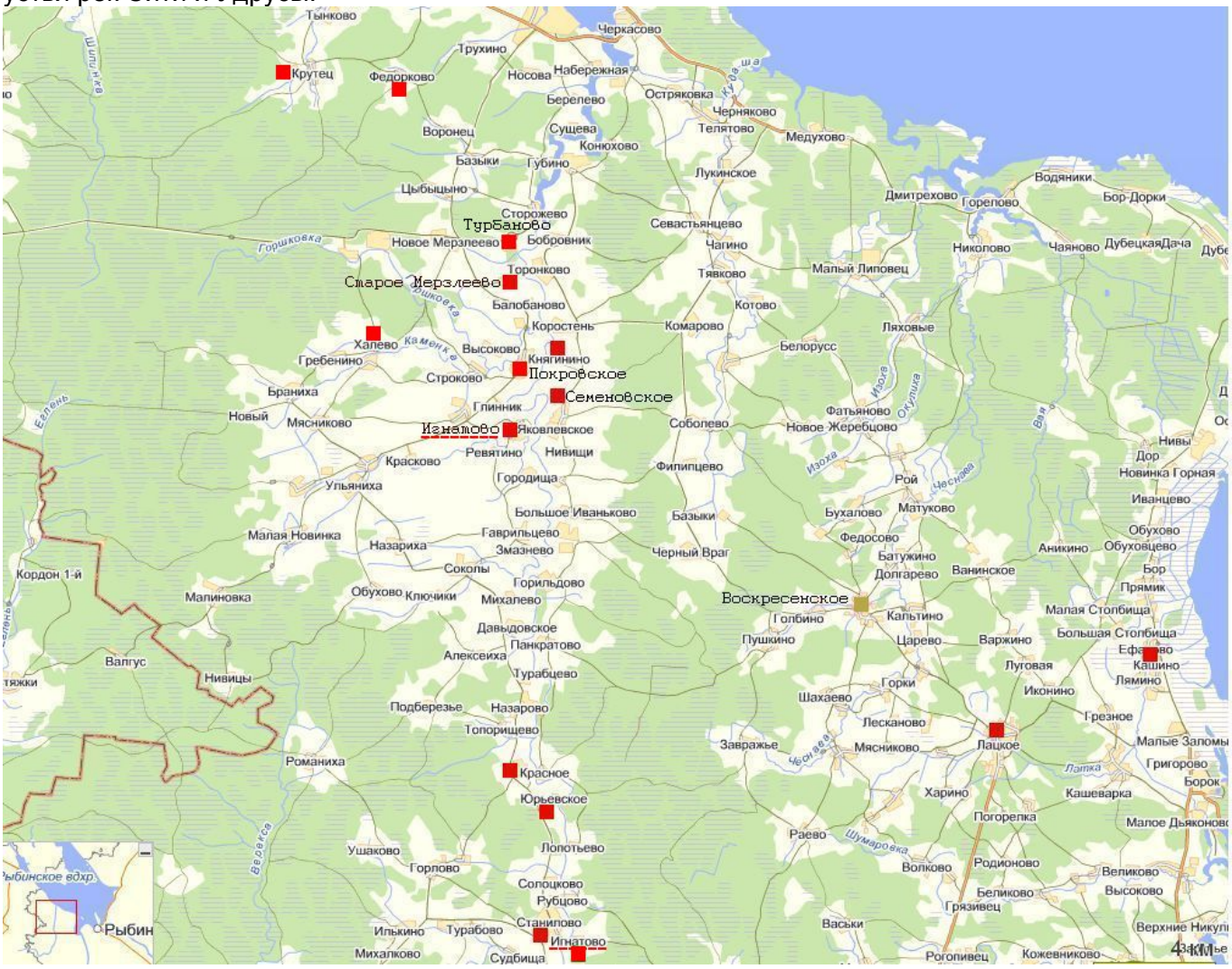


т. е. 50000 всадников, под общим командованием Бурундая. Ростов был взят 20 февраля 1238 года, затем отряд под общим командованием Бурундая разделился: часть его ушла на Ярославль; во главе основных сил Бурундай пошел на Углич, где еще разделил силы, образовав два (первый и второй) оперативных отряда для нападения на Сить. Третьим оперативным отрядом для нападения на войска князя Юрия с севера и северо-востока был ярославский отряд (около одной тьмы). Первым оперативным отрядом (две тьмы) командовал сам Бурундай, идя от Углича вверх по реке Вороксе до Коя[172], затем на с. Воскресенское на Сити, Второй пошел от

[172] От Углича до Коя можно дойти вверх только по реке Корожечна.

Отряд Бату-хана прибыл в Углич, оттуда рекой Корожечной поднялся вверх по течению до лесного поселка Кой. Третий

Углича на Мышкин -- Некоуз -- Лацкое -- Семеновское, с отделением в Некоузе меньшей части отряда на Станилово. Ярославский (третий) оперативный отряд пошел по Волге, реке Мологе в устья рек Сити и Удрусы.



Именно на рубежах Углича и Ярославля мы подходим к началу разгадки тайны скрытного окружения всех трех отрядов князя Юрия по отдельности растянутых к началу битвы по Сити на расстояние более 100 километров, с выдвинутыми небольшими отрядами охранения по западному берегу и, надо полагать, с запасным полком на восточном берегу между Семеновским и Красным, а также отрядами охранения обозов в Семеновском, Княгинине и на левом берегу в Великом Селе (между Покровским и Брейтовом).

Разгадка тайны скрытности окружения состоит в том, что Бурундай, в отличие от шумных погромов, поджогов и грабежа главными силами Бату-хана, применил тактику скрытных переходов по ночам с созданием режима абсолютного непроникновения беженцев, вестников и разведчиков на Сить, а также мелких отрядов, шедших к князю Юрию. А погромы всех селений этих районов, с полным уничтожением селений, вырезанием людей и уводом случайно оставшихся в плен, были после битвы.

Очевидно, была проведена глубокая массированная скрытная разведка по всем дорогам и тропам, с поимкой "языков". Кроме разведки был создан режим изоляции всего района Сити от

отряд пошел на город Мышкин и далее, пробираясь лесными дорогами, направился к верховьям реки Мологи. Татары пытали на огне захваченных в пути крестьян, стараясь выведать от них, где находится боевой стан князя Георгия владимирского. Мелкие татарские отряды были разосланы Бату-ханом для разорения великого княжества владимирского. Они жгли все встречные города и погосты. В начале марта Бату-хан стоял в лесном поселке Кой, где нашел много сена, заготовленного к весеннему сплаву. Темник Бурундай расположился в Бежецке.

внешнего мира. Причем скрытные заставы татаро-монголов, проникавшие ночами по всем дорогам и тропам, очевидно, были эшелонированными, иначе хотя бы один герой, да прорвался бы в стан князя Юрия, чтобы сообщить об опасности.

Таким образом, первый оперативный отряд Бурундая скрытно сосредоточился вблизи села Воскресенского, а ярославский отряд в лесу на левом берегу Мологи выше села Ветрина, в районе потом построенной деревни Пенье (теперь в зоне затопления). Второй оперативный отряд, отделившийся от отряда Бурундая в Угличе и направляющийся через Мышкин -- Некоуз -- частью к Станилову, а в основном к Семеновским обозам, также подошел скрытно. Этому отряду путь был ближе: до Станилова - 71 километр, а через Лацкое до Семеновского -- 113 километров. О применении татаро-монголами тактики "облавы" подробно писал Тимур-Лен. Ее использование в Ситской битве подтверждено многими летописями и признано всеми исследователями. К началу битвы русские полки были расположены в следующем порядке. Первый - трехтысячный конный полк во главе с воеводой Дорожем, находился в верховье Сити, в районе селений Могилицы и Божонки, с целью своевременного обнаружения (разведки) противника и встречного боя с его передовым отрядом.

Второй - центральный отряд - в районе селений Игнатово -- Станилово -- Юрьевское -- Красное. Там был стан командующего, князя Юрия Всеволодовича, с оборудованными для боя позициями, с обозами в районе третьего полка.

Третий отряд (полк правой руки) -- в районе Семеновского, Игнатова (рядом с Семеновским), Петровского, Ст. Мерзлеева и Великого Села, которого сейчас нет. Задачи отряда -- обеспечение северного фланга русских войск и участие в главном сражении. В соответствии с тактикой русских войск того времени должен быть и запасный (засадный) полк. Запасный полк князя Юрия, скорее всего и был поставлен на восточном берегу Сити, так как Юрий считал его безопасным (даже не вел разведку в сторону востока), а точнее между Семеновским и Красным, чтобы во время битвы полк мог идти на помощь как в стан Юрия, так и к северному полку.

Все три отряда к моменту битвы были растянуты на расстояние более 100 километров. Бурундай, выйдя к Сити, точно знал расположение этих отрядов. Как от своей разведки, так и от пленных он узнал и о проходе полка Дорожа в верховье Сити мимо села Воскресенское, куда он пошел, ожидая встречи передового отряда Батыя от Бежецка, ибо он, как и Юрий, считал, что все силы врага находятся в Твери и Торжке.

Итак, выйдя к Сити у села Воскресенское, Бурундай вдогонку Дорожу направил сильный отряд (около одной тьмы) для его уничтожения у селений Могилицы, Божонки и других. Этот отряд громил, вырезал и сжигал все на своем пути, ибо скрывать уже было нечего. Вот поэтому долгое время у многих ученых и краеведов, в том числе и у С. А. Мусина-Пушкина, сложилось мнение, что татаро-монголы пришли с запада -- от Бежецка через Красный Холм. В действительности главные силы Бурундая пошли от Воскресенского, вниз по Сити.

Второй отряд окружения, надо полагать, Бурундай направил в устье реки Верексы, в 5-8 километрах от Воскресенского (на северо-восток), затем вверх по ней, до Ковалевского ручья и далее на север, до соединения с северным третьим отрядом окружения с целью замыкания кольца окружения.

Третий, северный отряд окружения, только что упомянутый, отделился, как надо полагать, от ярославского оперативного отряда при подходе к устью реки Сити и устремился дальше вверх по Мологе (на 13 километров выше) до укрепленного городища Старое Холопье. Много позже на том месте построено было с. Борисоглеб с усадьбой Мусина-Пушкина. Отряд взял Старое Холопье, пошел вверх по реке Удрусе, рассыпавшись по деревням вплоть до Суминского, а через Новинку, Крутец, Ветрянку, замкнув кольцо окружения, вместе со вторым отрядом устремился через Федорково на Великое Село, Турбаново, Старое Мерзлеево, а с Халева на Покровское. Именно так, на мой взгляд, должно было произойти окружение войск князя Юрия. Такая схема "облавы" не противоречит летописям, подтверждается народными преданиями всех этих мест, отдельными заключениями ученых и краеведов.

Теперь можно представить весь ход Ситской битвы. Поскольку все отряды Бурундая подошли без спешки, скрытно и действия их были заранее согласованы, то больших временных интервалов между сражениями в разных местах не было. Однако первым сражением надо считать разгром трехтысячного полка Дорожа ночью, под утро, второго марта 1238 года. Надо полагать, нападение на него было сделано тогда, когда основной его состав находился в крестьянских избах селений Могилицы, Божонки и других, ибо князь Юрий и Дорож уже 8 суток ждали нападения.

Естественно, много суток Дорож не мог полк держать в седле, имея теплые избы. Сторожили по западным направлениям сотни, а скорее, десятки всадников. Свой тыл Дорож считал безопасным. Селения с русскими воинами одновременно были окружены. Начался смертный бой около изб.

Выскакивавших из изб русских воинов рубили около дверей и окон. Удалось вырваться из кольца окружения очень немногим. Это была жестокая битва. Воевода Дорож, доскакавший до князя Юрия доложил: "Княже, обошли уже нас татарове... Мы их ждали от Бежецка, а они пришли от Коя".

Пройдя безлюдную низменную местность устья Сити, ярославский отряд напал на район селений: Черкасово, Иван-Святой, Брейтово, Остряковка и другие.

Одновременно с наступлением из устья Сити второй оперативный (некоузский) отряд Бурундая напал на обозы в Княгинине и Семеновском и начал громить их укрепления (в Семеновском по преданию, был монастырь). Этот некоузский отряд еще раньше обнаружил засадный полк и напал на него основными силами. Засада не получилась. Запасный полк первым после полка Дорожа принял удар при следовании на помощь к селу Семеновскому. Битва разгоралась. Возможно, князь Юрий дал команду, а скорее, командир третьего полка правой руки сам направил часть своих воинов на помощь к Семеновскому через Сить. Битва ожесточилась у д. Игнатово (у Семеновского).

В это время третий (северный) отряд окружения напал на Великое Село, окружил его и уничтожил вместе с людьми (Великое Село не возродилось), а затем ударил по полку правой руки в с. Покровском и начал теснить воинов с берега на лед Сити. С другого берега, от Княгинино, Семеновского и рядом стоящей деревни Игнатово, тоже стали теснить русских воинов на лед Сити. У князя Юрия, предположительно, было около 15000 воинов, причем более половины составляли плохо обученные ополченцы. Крестьяне тоже участвовали в битве, но они были в лучшем случае с вилами и обычными топорами.

У Бурундая во всех отрядах, участвующих в Ситской битве, было не менее сорока тысяч всадников. Примерно две тьмы он довел до Воскресенского на Сити. Около одной тьмы составлял второй (некоузский) оперативный отряд и около одной тьмы было в третьем (ярославском) отряде.

Превосходящие силы Бурундая окружили русские войска по частям, сжимая кольцо окружения, и к вечеру того же дня полностью уничтожили оба полка: центральный, во главе с князем Юрием, в районе Станилово -- Юрьевская -- Красное, и северный полк правой руки, в районе Семеновское -- Игнатово -- Покровское. Князь Юрий погиб в деревне Юрьевская.

В районе Семеновское -- Игнатово -- Покровское битва разгорелась раньше, чем в самом стане Юрия в Станилове, поэтому летописцы, возможно, верно утверждают, что Юрий разделил свои войска, послав часть на помощь северному полку, и тем ускорил свою гибель. Поэтому именно здесь могла быть самая ожесточенная битва, ибо в ней участвовали весь полк правой руки, запасный полк и часть войск центрального полка. Здесь окруженные по частям русские воины с обоих берегов были оттеснены на лед Сити превосходящими силами, где скопилось столько сражавшихся, что лед не выдержал и проломился.

Сохранилось предание об огромном количестве трупов с обеих сторон в проломах льда, они остановили течение реки, образовав плотину. Это место стало называться "плотища".

Войско Бурундая настолько было ослаблено в Ситской битве, что этот факт послужил одной из причин отказа Бату-хана штурмовать Новгород Великий с тридцатипятитысячным населением.

В заключение можно сказать: князь Юрий имел к началу битвы три боевых линейных полка на значительном удалении друг от друга и запасный (засадный) полк; для проведения Ситской операции и полного окружения русских войск Бурундай разделил войско на три оперативных отряда и три отряда окружения; нашествие на Сить всех отрядов Бурундая проводилось скрытно, в глубокой тайне, все разведчики, свидетели и подходящие к Сити мелкие отряды уничтожались.

Ситская битва произошла в трех местах: в районе селений Могилицы и Божонки (битва полка Дорожа); в районе Станилово -- Юрьевская -- Игнатово -- Красное (битва центрального полка под командованием князя Юрия); в районе Семеновское -- Игнатово -- Покровское (тут, по предположению, была самая ожесточенная битва с участием в ней кроме полка правой руки запасного полка и части центрального полка, посланного Юрием на помощь).

44.116.2. Версия по ДЖАГФАР ТАРИХЫ

Правдоподобная версия того, что случилось на Сити появилась после публикации свода булгарских летописей **ДЖАГФАР ТАРИХЫ** в 1993 году. См. **Список сокращений, обозначений и топонимов**.

… На зиму было намечено совместно овладеть Русью, Канская, Балынская, Джирская, Джунская и Джукетунская части которой должны были подчиняться и платить дань Булгару, а Галиджийская и Баштуйская - Мэнхолу. Я горел желанием расквитаться с Джурги (**Юрий Всеволодович Владимирский**) за все те беды, которые претерпел по его вине. Когда Манкай(**Мунке**) взял Кисан (**Рязань**), я тут же вышел из своего лагеря в Лачык-Убе с 500 казанчиев, 5 тысячами казаков Кул-Бурата и 3 тысячами арбугинцев Аблас-Хина и без боя вступил в Джун-Калу (**Нижний Новгород**). Бояры радостно встретили меня, ибо знали, что только я могу спасти их от ужасов войны. Одновременно Боян через Нукрат (**Киров)** прошел к Джукетуну (**Устюг)** и взял этот город при помощи увещевания Ас-Азима, которого я отправил с ним. Из Джун-Калы, где ко мне присоединились 2 тысячи ульчийцев (славян), я направил Бадри к Кану (**Муром)**, а Кул-Бурата - к Кул-Асме (**Клязьма)**, и они взяли эти города со страшной резней. Узнав об этом, Джурги оставил в Булымере (**Владимир)** Батыра (сын Арбата, воевода Владимира) и бежал на речку Шуд (**Сить**), куда стал собирать войска из Балына (**Суздаль)** и Галиджа (**Галич**). “Тиле Балынлы” надеялся отсидеться в лесах и сохранить войско, чтобы потом вернуться и вновь овладеть своей землей.

Я, однако, разбил его планы, послав в Галидж свою грамоту с извещением о возможности мирного перехода Галиджа под руку великого хана Мэнхола в случае невмешательства галиджийцев в войну с Балыном. Галиджийские бояры, прочтя грамоту, не помогли Джурги...

Утвердив Джун-Калу под властью Державы и оставив здесь Аблас-Хина, я пошел на Раджиль (Радилов-городок). Кул-Бурат, идя впереди меня, взял и сжег эту крепость, а затем - Куш-Урму (**Кострома)** и Ар-Аслап (**Ярославль)**. В Куш-Урме с нами соединился Боян, взявший после Джукетуна Балукту и Мир-Галидж, но добытое им было так велико, что я оставил его на месте. В Джир (**Ростов)** я вступил мирно, под звон колоколов, ибо здешние бояры помнили и любили меня. Они со слезами рассказали мне, что Джурги насильно вывел семью Васыла из города в свой лагерь и умоляли спасти ее... Между тем Гуюк взял Моску (**Москва**) благодаря сдаче сына Джурги, отстранившего Нанкая (воевода Москвы Филипп Нянька) от власти. Нанкай же заперся в балике имени его предка - “Арбат”, где бека и убили. Гуюк привез его голову к Булымеру, и Батыр, увидев ее, в горести сдался. Так как вначале он не хотел покоряться татарам и оказал им сопротивление, то Гуюк тут же велел задушить престарелого моего дядю.

Я же с джирскими проводниками устремился к Шуду, через сдавшийся моим боярам Амут. Ни один джирец - из ненависти к Джурги и любви ко мне - не сообщил Балынцу о моем стремительном движении. Три тысячи казаков и 300 суварчиевских ополченцев во главе с Кул-Буратом тихо обошли лагерь с запада и стали в засаде на пути в Галидж, а я ударил с остальными по самому стану Джурги. Впереди бежали 2 тысячи пехотинцев джирского бояра Дэбэр-Аслапа которого Джурги ранее сослал в Джун-Калу за симпатии ко мне, а я назначил своим

послом в Джире. Джурги бросился по Галиджийской дороге, но его возок угодил под выстрелы суварчиевских стрелков и мечи казаков Кул-Бурата. Соскочив с возка, Джурги пустился в чащу, но увяз в снегу. Нарык ловко подъехал к нему, и, отрезав его голову чиркесом, насадил ее на древко боевого знамени.

Бат-Аслап (Святослав Всеволодович), же был отправлен Джурги в Галидж с обозом, в котором находилась вся казна Балына. С ним были отправлены и Васыл, и его сын Барыс, ничего не знавшие об этом. Когда разъезд Бат-Аслапа встретил Кул-Бурата, то Бат-Аслап тут же повернул к югу и встретился с Гуюком, а Барыс в сумятице бежал к сардару и был препровожден ко мне. Остальные родственники Васыла также, при соединились ко мне со своими людьми, и я отнесся к ним как к своим сыновьям. Балынцы же - числом до 25 тысяч - были беспощадно изрублены моими людьми, потерявшими 500 казаков 250 болгарских стрелков и тысячу джирцев и джунцев.

Бат-Аслап передал Гуюку казну и был пощажен ханом - однако не за это, а за его действия против меня. Он оклеветал бедного Васыла, сказав Гуюку, что тот нарочно направил своего сына ко мне^ с десятью возами из пятидесяти. Это была ложь. Но напрасно Васыл говорил, что ничего не знал о содержимом возов и не склонял Барыса к побегу. Гуюк мучил его страшными пытками и, не заставив бека оболгать сына и меня, в ярости убил.

См. также **С. Ершов, Тайна битвы на реке Сить**, **Бахши Иман. ДЖАГФАР ТАРИХЫ**, **Куликовская битва и рождение Московской Руси**

Вернуться к ссылке

44.117. Львов Николай Александрович (1751 – 1803/04)

Архитектор, теоретик архитектуры, график, поэт, музыкант, изобретатель, член Российской Академии (1783), почетный член Петербургской АХ (1786). Родился в имении Никольское-Черенчицы (родовое поместье Львовых), архитектуру изучал самостоятельно. Львов – яркий представитель классицизма, в его постройках преобладают четкие http://www.newtorg.narod.ru/tor_2side/foto/torzhok2.jpgгеометрические формы (куб, цилиндр, пирамида), украшенные лаконичным декором. Значительная часть построек Львова на территории бывшего Новоторжского уезда – Борисоглебский собор и надвратная церковь Борисоглебского монастыря, общественный колодец и другие в Торжке, усадебные комплексы Раек-Знаменское, Никольское-Черенчицы, церковь Казанской Богоматери с колокольней в селе Арпачеве (1783-91), Митино-Василевский усадебный комплекс, стилистически связывается с его именем также постройка усадеб Грузины, Прямухино и др. Львов – один из создателей пейзажного стиля в русском садово-парковом искусстве 2-й половины 18 века, разрабатывал и широко внедрял в практику строительства огнестойкие материалы (землебитные постройки, мосты и хозстроения из валунов). В литературном творчестве Львова прослеживается влияние сентиментализма и раннего романтизма, одним из первых Львов выдвинул проблему народности в литературе. Львов – составитель 2-томного «Собрания русских народных песен с их голосами…» (1790), в музыке ему принадлежит идея многоголосия народных хоров. Львов открыл залежи угля на Валдайской возвышенности, изобрел «каменный картон» (кровельный материал типа толя), создал свою систему отопления и вентиляции кухни», усовершенствовал печь – автор графической «Метаморфозам» Овидия и Державина. Умер в Москве, усыпальнице в селе Никольском

зданий, конструкцию «паровой для обжига извести и др. Львов иллюстрации к произведениям Г.Р. похоронен в родной (см. Мавзолей).

МАВЗОЛЕЙ

Памятник архитектуры в селе Никольское (бывшее село Никольское-Черенчицы) Торжокского района, построен в 1784-1806 году по проекту архитектора Н.А. Львова в его имении как фамильная усыпальница. Возведен из кирпича и белого камня на цоколе из валунного («дикого») камня; объемная композиция включает массивный, приземистый цокольный ярус (усыпальницу), над которым возвышается Никольская церковь-ротонда, окруженная 16-ю колоннами римско-дорического ордера и увенчанная куполом и главой. Мавзолей доминирует над окружающем пейзажем, по своим художественным данным является одним из лучших памятников зрелого классицизма на территории Тверской области. В 1980-81 годах Мавзолей реставрирован, в его усыпальнице – могила Н.А. Львова.

Ротонда. Архитектор Николай Александрович Львов. Возведенная в 1783 году как надколодезная часовня

Главный дом усадьбы Знаменское-Раек построен в последней четверти XVIII века по проекту архитектора Н.А.Львова. По желанию владельца, Ф.И.Глебова-Стрешнева, дом был выполнен в дворцовом стиле, но без излишнего декора. Сам Н.А.Львов писал: "Украшение только то у места, которое вид надобности имеет: кружки, крючки и падинки на пропорциональном строении не более оное украшают, как парчовые заплаты на стройном гладком кафтане".

Главной достопримечательностью Василева является каменный трехарочный мост, построенный Н.А.Львовым из огромных валунов (без применения связующего раствора).

См. также Благотворительный Фонд им. Н.А. Львова, **Львов Николай Александрович**, **Архитектор Николай Александрович Львов**, Постройки Н.А.**Львова**

Вернуться к ссылке

44.118. Торжок

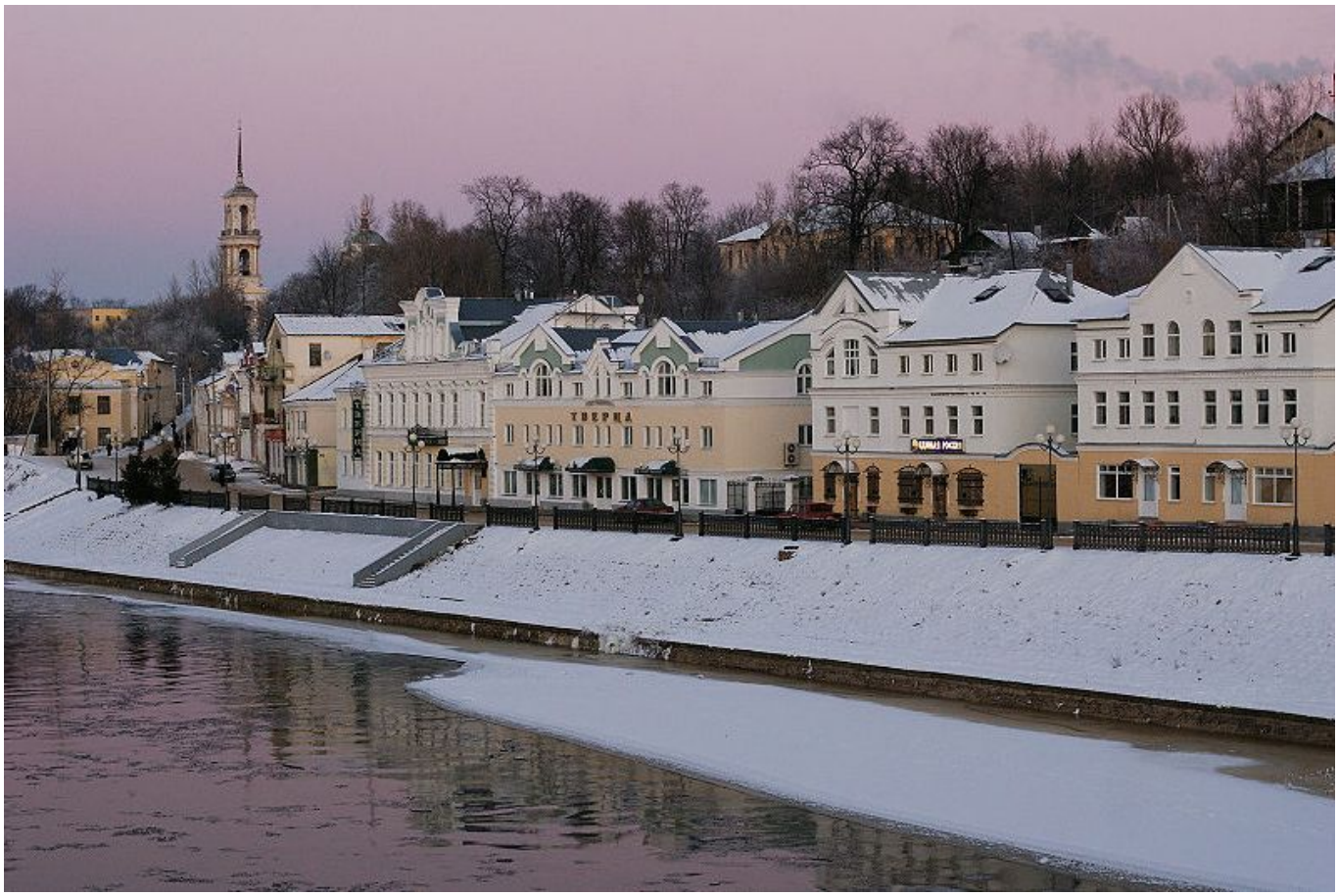
… Первое косвенное упоминание о Торжке в летописи относится к 1015 (6523) г., когда началась христианизация окраинных новгородских земель (третья новгородская летопись). Здесь в первой половине XI в. Ефремом Новоторжским был основан Борисоглебский монастырь, который является древнейшим православным монастырем России.

…В лѣто 6497. [989]. Крестися Володимиръ и вся земля Руская [59]; и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду [60] архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы [61]; и бысть [62] радость всюду.

…И по малѣ временѣ [47] прииде Святополкъ, и показаша путь Ростиславу; а Святополкъ сѣде [48] на столѣ. И сѣдѣ лѣто, и абие [49] по/л.70./зва его брат Изяславъ в Русь, а сына своего присла Ярослава. И тъ [50] сѣдивъ [51] лѣто, и [52] выгнаша его [53] новгородци [53], и введоша [54] Ростислава Мьстиславлича [В 55]. И сѣдивши [56] лѣто одино, иде в Русь, оставивъ Давыда, сына своего; и тому [А] показаша путь по немъ [1], и введоша [2] Мьстислава Юрьевича [3]. И сѣдѣ 2 [4] лѣта и мѣсяць, и [5]выгнаша [5] и, и введоша [6] Ростислава опять и [7]-Смоленьска. И посади сына своего Святослава, и самъ иде Кыеву [8] на столъ; и выгнаша Святослава, и введоша [9] Мьстислава, Юрьевъ внукъ, Ростиславича. И тъ сѣдивъ [10] год [10], и выведе его [11] строи волею, и введоша [12] и опять Ростиславича Святослава; и бѣжа из города; и введоша [13] Романа Мьстиславица [14], Изяславль внукъ; и потомъ сѣде Рюрикъ Ростиславиць [15]; и потом сѣде Юрьги [16] Андрѣевич [17]; а [18] по Юрьи Святославъ Мьстиславич [19] Юрьевъ внукъ; а потомъ отець [20] его Мьстиславъ [21] Безокыи [22]; а потомъ красныи Ярославъ, внукъ Юрьевъ; а потомъ опять Безокыи [23], и тъ [24] преставися; и введоша [25] с [26] **Торжьку** [27] брата его Ярополка, и по семъ [28] Бориса Романовича; и по Борисѣ въиде [29] отець [30] его Романъ Ростиславич [32], потомъ брат его Мьстиславъ [31] Храбрыи Ростиславлич [32], и по Мьстиславѣ Володимиръ Святославиць [33], и потомъ отець [34] Святославъ. /л.70об./ Олговъ [35] внукъ; по [36] Святославѣ [Б 36] Ярославъ Володимирич [37], своякъ Всеволожь; по семъ [38] Мьстиславъ Давыдовиць [39]; по семь [40] опять Ярославъ; и по семъ сведоша [40] Ярополка Ярославича, Олговъ [42] внукъ; по сем введоша [41] опять с **Нового торгу** Ярослава Володимирица [43], своякъ Всеволожь; по семь [40] введоша [44] Святослава, сынъ Великого Всеволода, внукъ [45] Юрьевъ; и [46] по семь дасть [47] Всеволод сынъ свои старѣишии Костянтинъ [48], и Костянтина [49] выведоша; огять дасть Святослава; и прииде [50] Мьстиславъ Мьстиславиць [51] в **Торжокъ**, и введоша [52] и в Новъгород; по семь Ярославъ Всеволодиць [53]; и опять Мьстиславъ [54] Мьстиславиць [55]; и по семь Святославъ Мьстиславиць [56], Романовъ внукъ; и по семь [57] брат его Всеволод; и по семь [58] Всеволод Юрьевиць [59], внукъ Всеволожь; и опять Ярославъ Всеволодиць [60]; опять [61] Всеволод Юрьевич; и по семь [62] Михаило Всеволодиць [63], Олговъ внукъ; (Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный, академический, толстовский списки *)

Житие Ефрема Новоторжского. Посвящено архимандриту Новоторжского Борисоглебского монастыря Ефрему (ум. 1053 г.). По Ж. и частично по ***Патерику Киево-Печерскому*** и другим источникам восстанавливается его биография. Родом венгр, он родился во 2-й пол. X в. Прибыл на Русь в кон. X в. с двумя братьями, Моисеем и Георгием, поступил на службу к сыну князя Владимира Борису, княжившему в Ростове*г* становится боярином, состоит при князе конюшим. После убийства Святополком князя Боряеа на р. Альта (см. ***Нестор***, ***Сказание о Борисе и Глебе***) Ефрем оставил княжеский двор. Согласно житийной легенде, найдя на месте расправы над князем Борисом отсеченную голову своего брата Георгия, погибшего при защите патрона, Ефрем отправился на север Руси, в Новый Торг (близ Торжка). Здесь, в центре торговли новгородцев, псковичей и полуязыческих племен, Ефрем основал странноприимный дом, 12 лет посвятил христианской миссионерской деятельности и "подвигу странноприимства". Впоследствии, очевидно в Новгороде, в подчинении у которого в то время был Торжок, он принял иночество. По всей видимости, именно тогда Ефрем добился у новгородского архиепископа разрешения на строительство в Новом Торжке храма и монастыря, посвященных Борису и Глебу. В 1038 г. Ефрем стал архимандритом, построив на правом берегу р. Тверцы каменный собор и основав при нем новоторжский **Борисоглебский монастырь**. Скончался Ефрем 28 января 1053

г. в глубокой старости и был погребен в основанном им соборе, в каменном гробе, по преданию, им самим высеченном.



Тверецкая набережная

..В позднем житии Ефрема Новоторжского говорится, будто бы Ефрем был родом угрин, т. е. венгерец, и приходился родным братом Георгию, отроку Бориса, убитому на Альте. Ефрем принял монашество и построил Борисоглебский монастырь в Торжке (умер в 1058 г.). Сказочность жития Ефрема доказывается уже тем, что Борис и Глеб не были ещё канонизированы в 1058 г., когда Ефрем будто бы построил в их честь монастырь. Поэтому относить построение Торжка к первой половине XI в., как это делается в некоторых работах, пока нет оснований (*И. Красницкий, Тверская старина. Очерки истории древностей и этнографии, вып. 1. Город Торжок, СПБ 1876. Сочинение Красницкого основано на более ранней работе Илиодора «Историческо-статистическое описание города Торжка», Тверь 1860*).

Торжок впервые упоминается в летописи 1139 (6647)[173] года, возник и развивался как торговое поселение, сменил несколько названий (Торг, Новый Торг, Торжец, Торжок). Город располагался на пересечении сухопутных и водных путей, что способствовало его экономическому развитию. К XIII

---

[173] До ордынского завоевания владимирские князья 10 раз захватывали город, требуя от новгородцев признания своих притязаний. Каждый раз этому предшествовали неурожайные годы в новгородской земле. Именно с хлебной блокадой, организованной в 1139 г. в Торжке владимирским князем Юрием Долгоруким, связано первое летописное упоминание города.

Въ лѣто 6647 [1139]. Приде Гюрги князь и-Суждаля Смольньску и зваше новгородьце на Кыевъ /л.20об./ на Всѣволодка, и не послушаша его. И тъгда бѣжа Ростиславъ Смольньску къ отцю из Новагорода, септября 1, сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 лѣт и 4 мѣсяцѣ; и разгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю, възя Новыи търгъ. И послашася новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, заходивъше ротѣ; и бѣ мятежь Новѣгородѣ, а Святослав дълго не бяше. Въ то же лѣто вьниде князь Святослав [5] Олговиць Новугороду и сѣдѣ на столѣ мѣсяця декабря въ 25. (Новгородская первая летопись старшего извода)

веку город был обнесен стеной, защищен земляным валом и рвами и превратился в крепость. Находится на третьем месте (после Новгорода и Старой Руссы) по количеству найденных берестяных грамот.

… "В такой крайности", - пишет историк Сергей Соловьев, новгородцы вынуждены были призвать к себе «на царство» ненавидимого ими князя, чтобы тот со своей дружиной помог им прогнать из главного форпоста земли Новгородской незваных гостей. В 1147 году князь Святополк с дружиной и новгородским ополчением увяз под Торжком в распутице и без дела вернулся восвояси. Через 10 лет князь Ростислав Смоленский (затем Киевский) дал республике своих сыновей: одного в Новгород, другого - в Торжок. Но не к добру это было: изгнанный из Новгорода князь Святослав Ростиславич, получив помощь от Андрея Юрьевича Боголюбского, в отместку "пожег Новый Торг".

Надвратная Спасская церковь Борисоглебского монастыря

Отныне история Торжка складывается как история нашествий, пожаров, разорений и невероятных, почти мгновенных возрождений.

В 1197 году город был вновь в расцвете сил, и правил в нем обиженный новгородцами внук Юрия Долгорукого, сын князя Всеволода Большое Гнездо - Ярослав, отец Александра Невского. Когда новгородцы вновь упросили его править ими, Ярослав послал им наместника, а сам остался княжить в Торжке.

О богатстве тамошнего торга говорит тот факт, что одних новгородских купцов, когда князь захотел их "перековать", схвачено было 2000: столько купчин не сыскать было ни в одном русском городе! В 1215 году Ярослав впал в «свирепую блажь» и запретил поставку продовольствия из Торжка в замученный неурожаем Новгород, отчего померло с голоду множество людей. Тогда-то и вступился за новгородцев славный борец за правду Мстислав Удалой, сказав им знаменитые слова: "Пойдемте освобождать своих братьев и свои владения, чтоб не был Торжок Новгородом, а Новгород - Торжком".

Разгромив князей, Удалой в 1218 году миром навел порядок в Торжке. На следующий год в этот богатый город перешел новгородский владыка - архиепископ Антоний. В конце концов, когда вновь целая шайка князей окопалась в Торжке, новгородцы за огромные деньги выкупили у них город. Но лишь князь Михаил Черниговский вернул Новгороду богатства из разграбленного князьями Торжка...

В 1238 году Торжок в течение двух недель — с 21 февраля по 5 марта — сдерживал осаду монголо-татарских войск. Торжок пал, но его сопротивление помешало походу татаро-монгольских войск на Новгород. В последующие века Торжок неоднократно разрушался в ходе междоусобных войн, особенно сильно он пострадал в 1372 году от набега под предводительством тверского князя Михаила. С 1478 года Торжок, как и вся Новгородская земля, стал подчинён Великому государству Московскому.

В древности носил название Новый Торг, из-за чего в топонимике одновременно с прилагательным «торжокский», используется и старый вариант — «новоторжский». До революции уезд, центром которого был Торжок, носил название «Новоторжского», а самоназвание жителей города по сей день остаётся — новоторы.

Достопримечательности

Торжок имеет статус Памятника градостроительства, входит в перечень исторических городов России. В городе сохранились многочисленные архитектурные памятники XVII—XIX веков, среди которых:

- деревянная церковь Вознесения (XVII век)
- комплекс Борисоглебского монастыря, в который входят собор (1785—1796, архитектор Н. А. Львов), колокольня (1804 год, архитектор Ананьин) — классицизм; настоятельский корпус (1714 год), церкви XVII—XVIII веков
- Спасо-Преображенский собор (1822 год)
- Путевой дворец (конец XVIII века)
- Ильинская церковь, ныне подворье монастыря Нилова пустынь
- Церковь Георгия Победоносца (между 1692 и 1805 годами[1]).
- многочисленные жилые дома в стиле классицизма

В окрестностях Торжка находится несколько помещичьих усадеб, находящихся в разной степени сохранности:

- Василёво (5 км от Торжка) — памятник паркового строительства конца XVIII века (архитектор Н. А. Львов), музей деревянного зодчества «Василево», «Чёртов» мост.
- Митино (7 км от Торжка) — бывшая усадьба Львовых. Памятник усадебного и паркового строительства конца XVIII — начала XIX веков (архитектор Н. А. Львов).
- Раёк-Знаменское — бывшая усадьба Ф. И. Глебова-Стрешнева.
- Прямухино — бывшая усадьба Бакуниных, в которой родился и проживал известный русский мыслитель, революционер, анархист, панславист и один из идеологов народничества Михаил Александрович Бакунин.

См. также Торжок, Торжок: историческая справка, В. З. Исаков. Озеро Селигер. Путеводитель, Полное собрание русских летописей. Том третий. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Указатель географических названий и этнонимов (Торжок)

Вернуться к ссылке

44.119. Загадка Игнач-Креста

44.119.1. Рухнул замысел разгромить соединенные силы Северо-Восточной Руси в открытом поле в одном - двух больших сражениях

… Батый устремился к Новгороду. И вот первый знак того, что его замысел разгромить все русские силы в открытом поле не состоялся. Торжок, не дав ратников Юрию Всеволодовичу, продержался две недели. Город был взят только 23 марта. От Торжка двинулись селигерским путем к Новгороду, но, не дойдя ста верст, от Игнач-Креста повернули на юг и пошли на Козельск.

Выдающийся русский историк С. М. Соловьев писал:

«Не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь».

Так и повелось в истории объяснять поворот от Новгорода.

Однако и поход на Козельск грозил теми же весенними неприятностями. Даже большими. В Козельске и на пути к нему снега начинают таять на две недели раньше, чем под Новгородом.

В связи с этим интересно заглянуть в исследования климата Древней Руси, проведенные доктором физико-математических наук Е. П. Борисенковым и доктором исторических наук В.М. Пасецким, которые в своей книге «Экстремальные природные явления в русских летописях XI—

XVII веков» дают справку: «Зима 1237/38 года — с сильными морозами. Люди, захваченные в плен татарами, «ото мриза изомроша».

Под 1238 годом читаем у них: «Поздняя затяжная весна. Монголо-татарские войска Батыя после взятия Торжка двинулись к Новгороду, не терпя лишений ни от чрезвычайных морозов, ни от метелей, ни от разлития вод. Не доходя 100 верст до Новгорода, «они безбожники, вспятиша от Игнача Креста». Весна была маловодная, и войска Батыя при отходе на юг не пострадали от половодья». Эти сообщения подтверждаются данными о морозной зиме в Западной Европе.

Что же остановило Батыя неподалеку от Новгорода, какое значение имел этот город в его стратегическом замысле?

… На Рязань пришлось потратить неделю. Ошибки Юрия Всеволодовича очень помогли овладеть городами Владимиро-Суздальского княжения, но первое же вступление на Новгородскую землю дохнуло угрозой поражения. Новгородские полки, новгородские ратники, владеющие тяжелым оружием, одетые в крепкие доспехи, не пришли на Сить, они остались оборонять город. Три дня на Владимир, две недели на Торжок, а сколько придется биться за Новгород? Не пришлось бы с позором отступить.

… Следующим государством на пути победоносных войск Бату был Великий Новгород. Войска джехангира произвели «демонстрацию силы»: в марте 1238г. они осадили и взяли передовой новгородский форпост Торжок. **Но Новгородский князь Ярослав не собирался повторять ошибок своего брата и не ответил на провокацию степняков**. Именно это (а не весенняя распутица или ослабление монгольских войск, как полагали историки прошлых веков) побудило Бату повернуть свои войска на юг, не дойдя до Новгорода всего 200 верст.

… 22 февраля ордынцы осадили Торжок, крепость на пути к Новгороду. Торжок имел большое стратегическое значение, и есть основания полагать, что руководил осадой сам Батый, пока остальные его рати опустошали междуречье Оки и Волги. В Торжке не оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и оборону возглавили «Иванко посадник Новоторжскыи, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаиле Моисеевич» и другие руководители посадского населения. Первый приступ ордынцев был отбит, и они вынуждены были перейти к «правильной» осаде: «отыниша тыном всь около, якоже инии гради имаху, и бишася порокы по две недели». Только после двухнедельных непрерывных приступов, когда «изнемого-ша людие в граде», 5 марта, Торжок пал{ Полное собрание российских летописей, т. I, стб. 521 — 522; т. III, с. 52. }.

… В 1238 г. новоторжцы, возглавляемые посадником Иванкой, две недели сдерживали войска хана Батыя, обрушившего на город тучи стрел и огромные камни метательных орудий. Оценивая подвиг Торжка в дни этой страшной катастрофы, академик В. Л. Янин пишет: «Распятый и поруганный, так и не дождавшийся новгородской помощи, он сражался насмерть, заслонив Великий Новгород. Героической обороной Торжка был спасен от военного разорения Новгород, а вместе с ним и русская государственность».

… 7 февраля пала столица Северо-Восточной Руси—Владимир. Однако еще до осады города ушел на север собирать полки против монголо-татар великий князь Юрий Всеволодович. Вот почему после взятия Владимира хан Батый направил три отряда к Ярославлю, Городцу и Ростову на поиски князя Юрия: «И оттоле разсыпашася татарове по всей земле той». Четвертый отряд, который возглавил, по мнению многих исследователей, сам хан Батый и Субудай, направился к Торжку. Это направление было не случайным, ведь именно в Торжке князь Юрий мог получить помощь от новгородцев и своего брата Ярослава. По пути к Торжку были захвачены и разорены Юрьев, Переяславль, Дмитров, Волок Ламский и тогда еще совсем небольшая Тверь. Некоторые источники отмечают среди разрушенных городов еще Кашин и Кснятин (близ современной д. Скнятино Калязинского района).

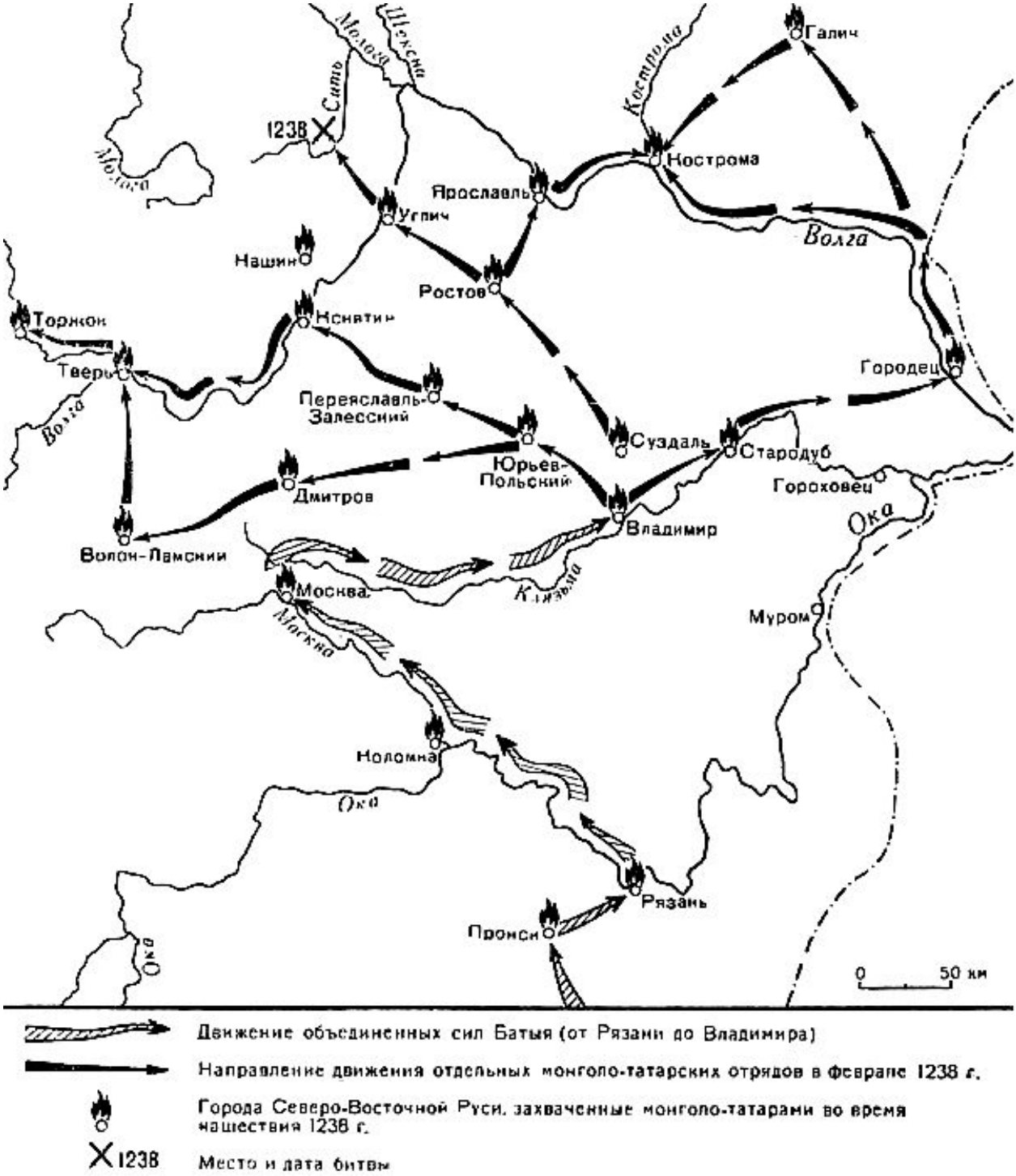


Рис. 5. Разгром монголо-татарами городов Северо-Восточной Руси. (январь-февраль 1238 г.)

… «Отоле приидоша оканнии Измалтяне, оступиша град Торжекъ на Зборъ по Федорове неделе и биша пороки по две недели, и знемогоша люде в городе, а из Новагорода не бы и помощи. Но уже хтоста себе в недоумении, и в страсе, и тако погании взяша град Торжек, и иссекоша вся от мужеска пола и до женьска, а сё всё изобнажено и поругано бъдною и нужною смертью предаша дша своя Гсви мца марта 5 на срехртье ту убиене быша, Иванко посадник Новоторжскы Яки Влункови, Глеб Борисови, Михаило Моисееви. Тогда гоняша оканнии от Торжку Серегрскы путем нолни до Игнача крста, а все людие секуще, аки траву. За сто верст до Новагорода не дошли, Нов же город заступи Богъ и святаа Богородица»

44.119.2. Монголы изначально не планировали захват Новгорода

…Как явствует из летописей, к Торжку монголы впервые подошли 22 февраля 1238 г. ([ПСРЛ т.15, стб.370]), а взяли его 5 марта, т.е. через 12 дней – даже сильно укрепленный Владимир продержался вдвое меньше, поэтому обозленные монголы "исекоша вся от мужьска полу и до женьска" ["*Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*", издательство АН СССР, М.-Л. 1950, с.76], а за какими-то горожанами, которые вырвались из Торжка, устроили погоню вплоть до Игнача-креста: "гнашася безбожнии Татарове Серегерьским путем до Игнача-креста, и все секучи люди, яко траву, и толико не дошедше за 100 верст до Новгорода" [ПСРЛ т.15, стб.371]. Из этого свидетельства Тверской летописи (а также из Львовской летописи) становится ясным, что Новгород монголы брать не собирались, вопреки бытующим в популярной литературе недоумениям – "почему татары… не пошли на Новгород" [**Дж. Феннел** *Кризис средневековой Руси 1200 – 1304*, "Прогресс", М. 1989, с.121]. Ужас, который охватил новгородцев (отметим, что новгородцы даже побоялись направить помощь Торжку, своему важному торговому центру) при известии о приближении монголов (ведь они никак не могли знать, что это не приступ к Новгороду, а только лишь погоня за немногочисленными беглецами из Торжка; в Ермолинской летописи есть важное уточнение на этот счет – "вси люди изсекоша, а за **прочими** (*выделение мое – РХ*) людми погнашеся от Торжка", [ПСРЛ т.23, л.122]) – вот причина панических записей в новгородских летописях, которые через 750 лет воспринимаются невзыскательными авторами как свидетельство "развития успеха" монголами в направлении Новгорода. Поэтому так распространен миф о том, что "Новгород был пощажен" [**Дж. Феннел** *Кризис средневековой Руси 1200 – 1304*, "Прогресс", М. 1989, с.121], в то время как отход от Игнач-креста был просто завершением погони, задача которой была выполнена – ведь беглецов порубил "аки траву" небольшой отряд монголов. При этом основные силы северо-западного корпуса монголов были под Тверью и Торжком, а остальные "монголо-татарские силы… были разбросаны по огромной русской равнине" [**В.В. Каргалов** *Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники*, "Высшая школа", М. 1967, с.108].

44.119.3. …доколе намъ межь собою бранитися и наводити другъ на друга Татар

…Поход на Переяславль и Чернигов в 1239г. точно не датирован. Южный поход 1240г - зимой. Следующее крупное вторжение произошло аж через двенадцать лет (это к вопросу о систематических набегах, с помощью которых татары терроризировали население Руси). Знаменитая Неврюева рать 1252г. - летом. Четыре вторжения в 1281-1293гг. завершавшиеся Дюденевой ратью. Все зимой. Федорчукова рать 1328г - зимой. Набег Арапши в 1377г, завершившийся побоищем на Пьянее - август. Битва на Воже в 1378г. - опять август. Куликовская битва - 8 сентября 1380г. Нашествие Тохтамыша - август 1382г. Нашествие Едигея - декабрь 1409г. Поход Улу-Мухаммеда - июль 1439г. Поход Улу-Мухаммеда 1445г., завершившийся 7 июля битвой на Каменке и пленением Василия II - лето. «Стояние на Угре» - май-ноябрь 1480г.

Что сразу бросается в глаза? Вплоть до середины XIV татары вторгаются на Русь зимой. Единственное исключение - Неврюева рать 1252г. А вот все последующие вторжения наоборот летом. И тут тоже одно исключение - набег Едигея в 1408г. **Причём все зимние набеги имеют одну общую черту - татары приходят по просьбе русских князей.** Так походы 1281-1293гг - участие татарских полков в междоусобице сыновей Александра Невского Дмитрия и Андрея. Федорчукова рать - поход татар на Тверь в помощь Ивану Калите. Были и другие более мелкие вторжения. Например, участи татар в междоусобице Михаила Тверского и Юрия Московского. Опять-таки зимой. А вот в походе Неврюя русские как раз не участвовали. Так же без участия русских происходили все остальные летние вторжения татар.

Картину портит набег Едигея 1409г., состоявшийся зимой. Но в этом случае нужно участь обстоятельства. Всё началось с конфликта Василия Дмитриевича Московского со своим тестем Витовтом Литовским. В Москву из Литвы отъехал Свидригайло, двоюродный брат Витовта, и Василий, готовясь к войне с Литвой, обратился за помощью к Едигею. Тот помощь обещал, но

вместо неё известил обо всём Витовта. Разгоревшейся войной Едигей и воспользовался, напав как раз тогда, когда Свидригайло с полками вторгся в Литву. Не было у Едигея сил для открытой битвы. Вот и пришлось ему искать удобный момент. Так что зимнее время вторжения - вынужденное.

…Ярослав занял Владимирский стол в 1238г. после смерти старшего брата Юрия. Но вот где он находился до этого…

…Есть и ещё один, косвенный аргумент в пользу того, что Ярослав пришёл во Владимир в 1238г. никак не из Киева. В Тверской, Никоновской и ряде других летописей сказано, что Ярослав, придя во Владимир, приказал «церкви очисти отъ трупия мертвыихъ». Представим, что Ярослав в Киеве получает известие о смерти брата. Произойдёт это не раньше марта. Пока он снесётся с Михаилом, пока тот добёрется из Галича до Киева - раньше апреля Ярослав не выступит. Реки ещё ото льда не освободились, так что идти придётся сушей. С учётом весенней распутицы раньше середины мая ждать Ярослава в Киеве не приходится. А Владимир пал восьмого февраля. И что же, больше трёх месяцев трупы лежат непогребённые? И, заметьте, церковные службы не идут. Абсурд. Так что Ярослав не в далёком Киеве был, а где-то рядом. Но где? В 1236г. Ярослав ушёл из Киева с Суздальскую землю. Естественным выглядит предположение, что уходит он в свой Переяславль. Но выше уже было показано, что князем Переяславльским зимой 1237-1238гг. был Всеволод Юрьевич. Кстати, в самом факте перехода Переяславля к сыну Юрия ничего криминального нет. В то время удельные княжества ещё не стали вотчинами, и Юрий, как Великий князь Владимирский, был вправе решить судьбу стола, оказавшегося вакантным с уходом Ярослава в Киев. По возвращении Ярослава с юга он мог получить от брата другой город. Наиболее вероятным местом княжения Ярослава в 1236-1238гг. является Кострома. Такое предположение позволяет ответить на шестой вопрос - почему Юрий не избрал этот город местом сбора войск.

Давайте соберём вместе все аргументы в пользу того, что татар на Русь зимой 1237-1238гг. привёл Ярослав. Выбор зимы как времени вторжения и слова Андрея в 1252г. ***[«Господи, что есть доколе намъ межь собою бранитися и наводити другъ на друга Татар, лучше ми есть бежати въ чюжюю землю, неже дружитися и служити Татаромъ»*** Никоновская летопись 1252г.] свидетельствуют о том, что татар именно привели. Естественно тот, кто привёл - тот и должен был выиграть от нашествия. А выиграл Ярослав. Татары уничтожили всю семью его старшего брата, открыв дорогу к великому столу как самому Ярославу, так, в последствии, и его сыновьям. Впоследствии, во время южного похода, татары передадут Ярославу ещё и Киев. Тем самым, позволив ему объединить в своих руках оба великих княжения. В 1239г. Ярослав и татары совместно действуют против Михаила Черниговского (об этом позднее), хотя по летописи первая встреча Ярослава с Батыем состоялась только в 1243г. Наконец само молчание летописи о деятельности Ярослава во время нашествия, хотя он точно был в Суздальской земле, тоже весьма красноречиво.

… **Все это время** на р. Сить Юрий Всеволодович ждет подхода оставшихся сил Суздальской земли, а из Новгорода и Южной Руси – помощи от своего брата Ярослава: "И жда брата своего Ярослава, и не бе его" [ПСРЛ т.10, с.109]. Из всех ожидавшихся подкреплений пришла только дружина брата великого князя Святослава Всеволодовича, который упоминается среди князей, учавствовавших в битве на р. Сить ([ПСРЛ т.1, стб.465]). Однако, основные силы, на которые надеялся великий князь – т.е. полки Ярослава Всеволодовича, не успели подойти до нападения монголов на стан войск великого князя и его вассалов. Этот факт часто интерпретируется как намеренное нежелание Ярослава Всеволодовича помочь брату, а то и вовсе как сговор его с монголами. Но из скудных сведений летописей известно, что в 1236 г. Ярослав Всеволодович захватил Киев вместе с новгородскими и новоторжскими добровольцами и "седе в Кыеве на столе; и державъ новгородцевъ и новоторжець одину неделю и одаривъ я, отпусти проче; и придоша здрави вси" [24, с.74]. Судя по новгородскому летописанию, Ярослав Всеволодович спокойно "седе в Кыеве на столе" вплоть до гибели своего брата великого князя, т.е. до 1238 г. Иное известие о киевских делах 1236 – 1238 гг. дает Ипатьевская летопись (далее – ИЛ), в нем

приводится диаметрально противоположная информация – Ярослав сел на Киевский стол, но "не мога его держати, иде пакы Суждалю" [ПСРЛ т.2, стб.777], уступив Киевский стол черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу. Сравнение с сообщением Татищева, согласно которому Ярослав, предварительно разорив черниговские земли, мирно, по договору, отдал Киев [46, с.230], добавляет недоумения касательно записи в ИЛ – в ней нет ни срока великокняжения Ярослава в Киеве, ни даже объяснения, каким образом стороны мирно разошлись после боевых действий.

Исследователи феодальной войны первой трети XIII в. между Черниговом и Галичем (и их союзниками) за Киев давно сомневаются в достоверности данного фрагмента ИЛ, из-за тенденциозности ее галицкого автора в описании событий этой войны и искусственности вставки рассказа о взятии Ярославом Киева в текст обширного повествования о других событиях [123, с.563-565]. Кроме того, текст ИЛ, относящийся к событиям после 1205 г., как известно, не был изначально датирован автором, а проставленная в Ипатьевском списке ИЛ датировка была сделана редактором летописи значительно позднее и с большими ошибками (в Хлебниковском списке ИЛ датировки вообще отсутствуют). Видимо, поэтому даже М.С. Грушевский не рискнул положиться на сведения ИЛ и считал, что Ярослав Всеволодович покинул Киевскую землю только после получения известия о гибели великого князя Юрия Всеволодовича [83, с.249], к этому же выводу подводит и О.М. Рапов, который считает, что Михаилу Черниговскому пришлось вести долгую борьбу с Ярославом Всеволодовичем за Киев и только "около 1238 г. он вновь захватил Киев" [153, с.124]. Возможно также, что туманное известие Татищева ([46, с.230]) о каком-то договоре Ярослава Всеволодовича с черниговскими и смоленскими князьми является отражением сложного торга если не за сам Киевский стол, то за компенсацию его уступки. Если это так, то даже можно предположить, что могло быть такой компенсацией – Переяславское княжество, бывшее тогда ступенькой к Киевскому столу. Дело в том, что в 1220-х оно было практически постоянно в руках у суздальских князей из дома Всеволода Большое Гнездо, а с 1234 г., когда престол Переяславля (Русского) покинул Святослав Всеволодович (брат Ярослава и Юрия суздальских), больше не имеется известий о том, кто в нем княжил [108, с.134]. Поэтому Ярослав Всеволодович вполне мог быть в 1236 – 1238 гг. или в Киеве, или в Переяславле, где в течение года-полутора шла торговля за эти столы.

С учетом вышесказанного, становится понятным, что сложная ситуация в Киевской земле держала там Ярослава Всеволодовича вместе с его собственной дружиной, и единственно чем он мог помочь брату, так это приказать своему сыну Александру (Новгородскому князю в 1236 – 1240 гг., будущему Невскому, см. [138]) собрать новгородские полки. Косвенно на это указывает Татищев, когда пишет, что Юрий Всеволодович посылал просьбу Ярославу о помощи полками в Новгород [46, с.233], где Ярослава очевидно не было (так выходит по сведениям новгородских источников), а сам Ярослав должен был быть в Суздале (по версии Ипатьевской летописи). Если же понимать сообщение Татищева как передачу переосмысленных им сведений одного из его источников, где говорилось о том, что на самом деле Юрий Всеволодович торопил своего племянника Александра Ярославича выполнить приказ отца помочь новгородскими полками, то тогда все встает на свои места. В этой ситуации юный новгородский князь ничем не мог помочь – его положение в Новгороде Великом как приглашенного по ряду князя, которое он не мог подкрепить силой или авторитетом (как это делал его дед Всеволод Большое Гнездо и позже он сам, уже будучи Александром Грозным и победителем в "Ледовом побоище"), было в 1238 г. весьма шатким. Собственная дружина Александра была мала, а Новгород, отказавшийся помогать даже своему собственному Торжку, явно не горел желанием отдавать своих воинов суздальскому князю.

Вернуться к ссылке в гл. 17

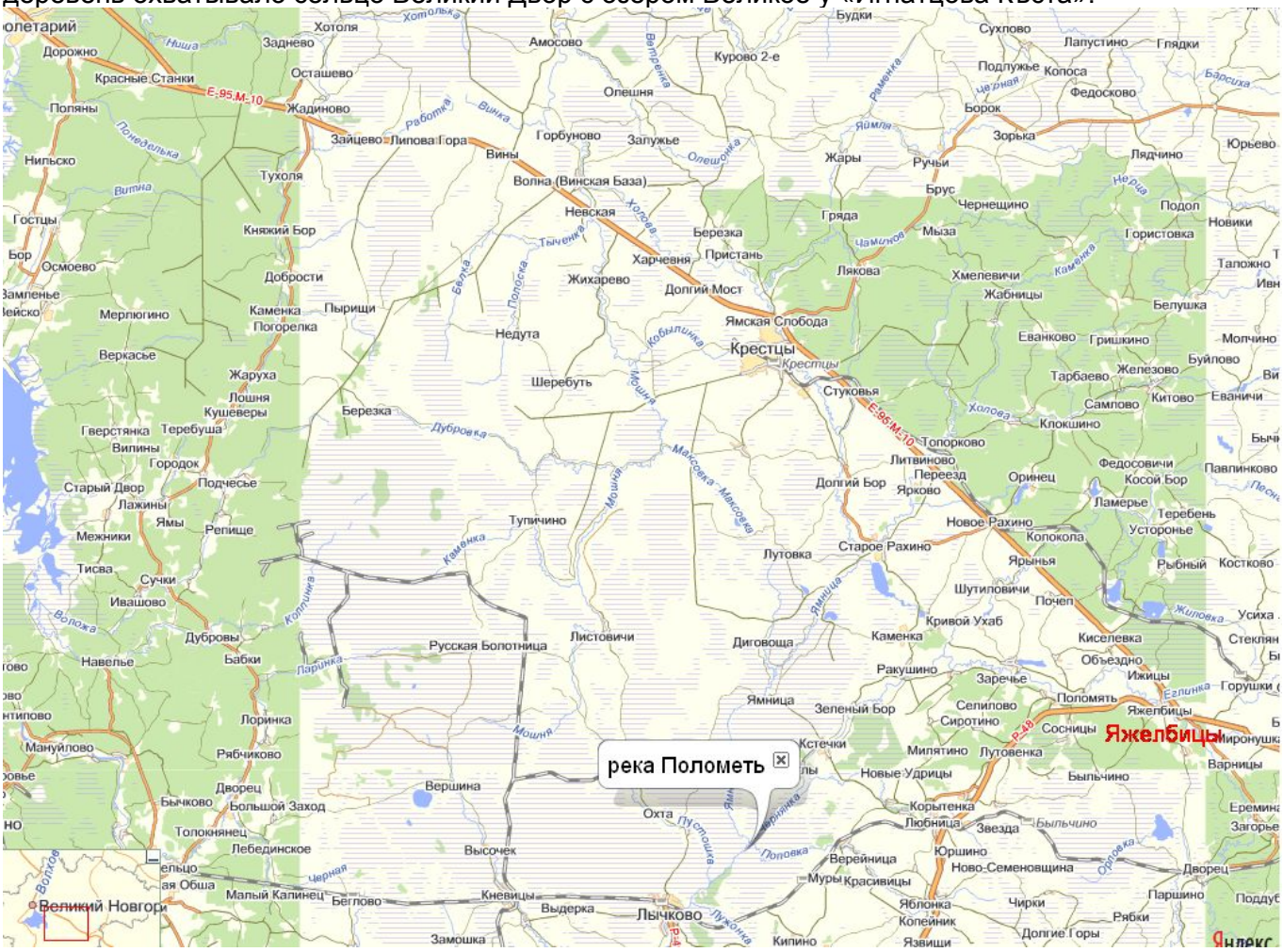
Вернуться к ссылке в гл.16

44.119.4. Игнач-Крест

44.119.4.1. Река Полометь

…Путь к Господину Великому Новгороду был открыт. Сюда устремились основные силы хана Батыя. Они прошли Селигерским путем около 200 километров и остановились у реки Полометь. Новгородская I летопись повествует: «Ганяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегерьскым путемь оли и до Игнача креста, а все люди секуще акы траву, за 100 верст до Новагорода». В Новгородской IV летописи последняя фраза заканчивается словами: «за 100 верст до Новагорода не доидоша», а в конце известия сказано: «и они безбожници въспятишася у Игнача креста». Здесь речь идет о походе безбожников (татар) от Торжка Селигерским путем к Новгороду. На своем пути они всех поголовно истребляли (косили как траву). Ордынское войско остановилось у Игнач-креста. До Новгорода оставалось всего лишь 100 верст. Однако степняки внезапно развернули своих боевых коней и около 18 марта 1238 года отступили на юг.

По мнению профессора С. Н. Орлова, придорожные каменные кресты на Новгородчине не редкость. Они были широко распространены в эпоху средневековья на перекрестках важнейших торговых путей и указывали главные магистральные направления. Именно в районе Яжелбиц на Поломети и проходил такой путь. Это документально подтверждает берестяная грамота № 390 второй половины XIII века. В ней упоминается княжеский «большак». В Переписной оброчной книге Деревской пятины (около 1495 года) подробно описываются владения нового московского собственника Андрея Рудного Колычева. Поместье было обширным и наряду с десятками деревень охватывало сельцо Великий Двор с озером Великое у «Игнатцова Къста».



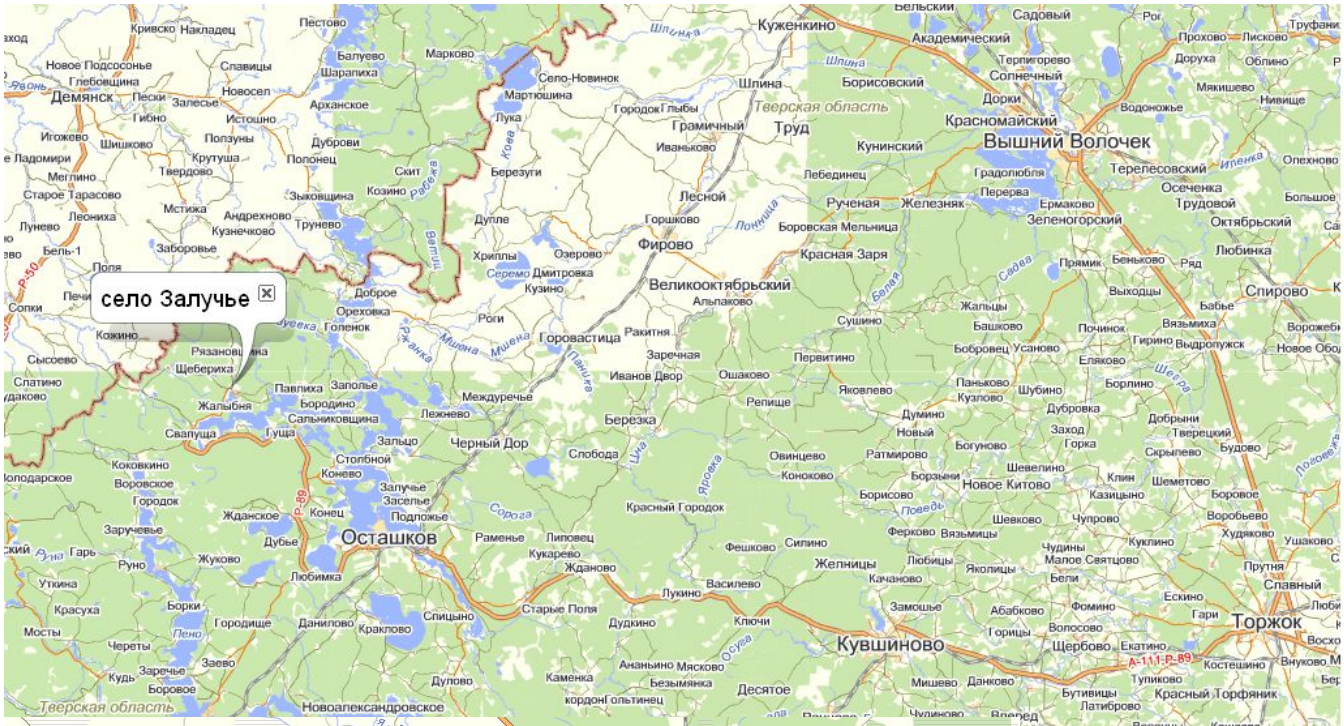
С учетом авторитетных мнений была, наконец, сделана топографическая привязка. Выяснилось, что летописный Игнач-крест мог располагаться буквально в 800 метрах к северо-западу от деревни Поломять, на правобережье одноименной реки. Здесь, неподалеку от озера Глухое, когда-то пролегал Яжелбицкий путь — один из маршрутов древнего Селигерского пути. Место

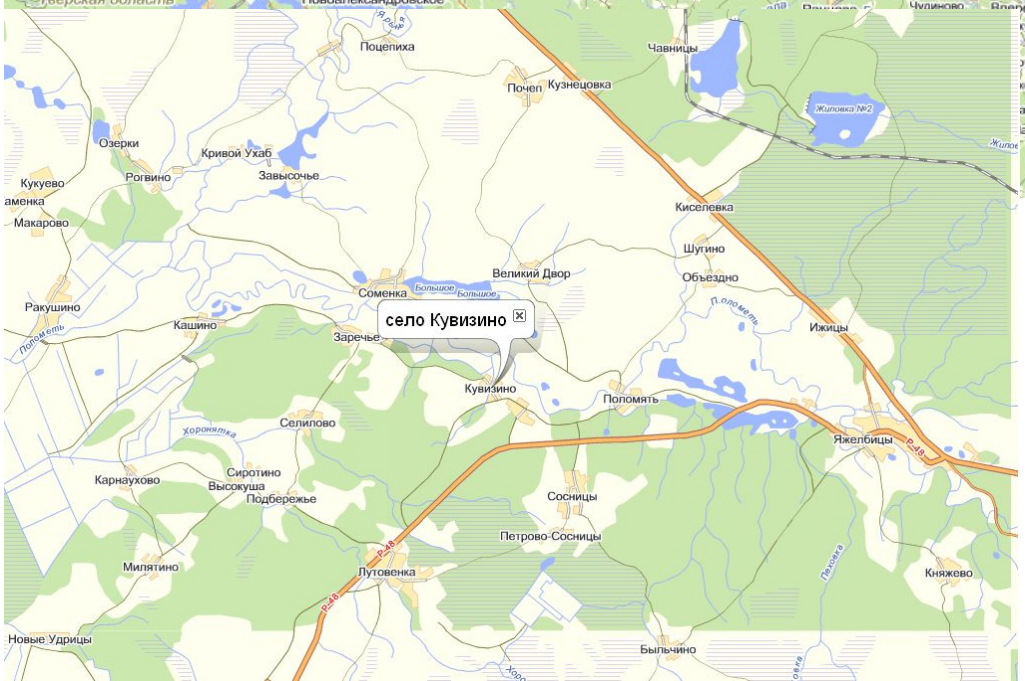
холмистое, возвышенное, поросшее сосняком. Лес — поздний. К хвойным породам примешивается молодняк дуба. С противоположной стороны, на левом берегу реки, живописно раскинулись деревянные избы деревни Кувизино. Не исключено, что именно здесь был последний рубеж отрядов ордынского войска. С первой надпойменной террасы великолепно просматривалось величественное творение природы — огромная гряда «Алаунских гор»

Из карты видно, что Яжелбицкий путь пролегал северо-восточнее реки Пометь (маркер на карте указывает место слияния трех рек Поповка, Чернянка и Ямница от которого и берет начало река Пометь). Таким образом река Пометь не могла служить преградой на Яжелбицком пути.

44.119.4.2. Деревня Залучье

…Селигерский путь наряду с целым рядом других, как можно судить по летописям, был для новгородцев одним из наиболее древних, освоенных и привычных. Путь этот существовал в нескольких вариантах: в частности, шел через Полново и далее по реке Явони, а также через Залучье по реке Щеберехе. Второй из этих путей, на котором в районе нынешней деревни Залучье стоял новгородский укрепленный городок Березовец и где до сих пор высится Березовское городище, многократно описан в литературе. Согласно гипотезе, выдвинутой краеведом С. Н. Ильиным, именно на этом пути стоял исторический Игнач крест, далее которого не смогли пройти полчища Батыя.





44.119.4.3. Село Кувизино

Мемориальный знак был открыт на территории Валдайского заповедника неподалеку от новгородской

деревеньки Кувизино на территории Валдайского национального парка.

Вернуться к ссылке

См. также **«Батыев погром» - нашествие или объединение?**, *Р. Х[illegible]кий* **Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу**,

Добавить в друзья

Новгородский Игнач-крест

Вернуться к ссылке

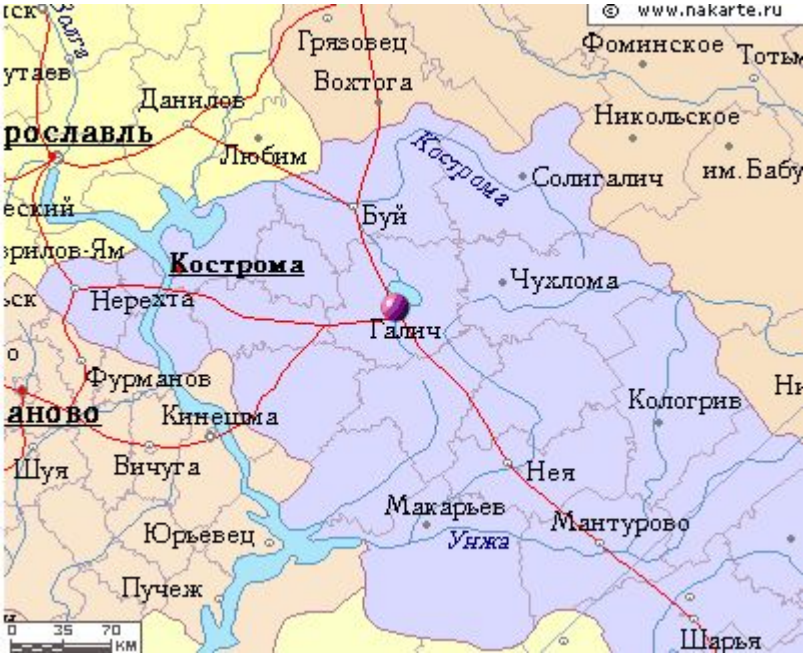
44.120. Генерал Иван Шевчук

Шевчук Иван Павлович (1892, с. Чапля, ныне Летичевского района Хмельницкой области УССР,—30.10.1942, Северо-Западный фронт), один из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке во время Гражданской войны 1918—20, генерал-майор (1940). Член КПСС с марта 1917. Родился в бедной крест. семье. Участник 1-й мировой войны 1914—18, награжден 4 георгиевскими крестами, произведён в прапорщики. После Октябрьской революции 1917 участвовал в формировании и обучении красногвардейских отрядов в Хабаровске. Летом 1918 возглавлял красногвардейские отряды на Уссурийском фронте в боях против интервентов и белогвардейцев. По решению 5-го краевого съезда Советов Дальнего Востока и Урульгинской конференции партийных и советских работников в середине 1919 создал и возглавил Тунгусский партизанский отряд. В апреле 1920 участвовал в боях с японцами за Хабаровск. С июня 1920 один из командующих 2-й Амурской партизанской армией. В феврале 1922 командовал обходящей колонной под Волочаевкой. Окончил курсы усовершенствования комсостава, командовал полком, участвовал в советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД (1929). Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933). Во время Великой Отечественной войны 1941—45 командовал стрелковой дивизией, погиб в бою. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью.

Вернуться к ссылке

44.121. Галич Мерьский (Костромской)

Достоверная дата основания городского поселения на месте Галича неизвестна. Клад высокохудожественных бронзовых изделий культового назначения, хранящийся в настоящее время в коллекции Эрмитажа (Галичский клад), датируется примерно **XIII веком до н. э.** В город в раннем средневековье (ориентировочно X век) с городища Унорож (находилось при впадении реки Тойги в Вексу, несколько севернее современного Галича) был перенесён племенной центр мери, вследствие чего он был известен по летописным источникам как **Галич Мерский**, однако согласно официальной версии город был основан в 1158 или 1159 годах Юрием Долгоруким.



…Впервые Галич упоминается в продолжении к Академическому списку Суздальской летописи под 6745 г. от сотворения мира (то есть в 1237/38 гг.): ***«…И поидоша /татары/ на великого князя Юрья оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии же к Ярославлю, а инии на Волгу и на Городец, и те попленища все по Волзе и до Галича Володимерьскаго, а инии идоша к Переяславлю, и тот град взяша; оттоле всю страну ту и городы мнози попленища…***».

…Российский историк В.Н. Татищев однозначно писал в своем труде, что Галич был основан Юрием Долгоруким в 1159 г. http://siz.exporus.ru/Library/churkova.htm - _edn155 Точно нельзя сказать, получены ли данные сведения из недошедших до нас источников или Татищев основывался на методе аналогии: многие города с названиями, подобными южнорусским, в Северо-Восточной Руси были основаны Юрием Долгоруким (это точно известно из дошедших до нас летописей), значит и Галич, получив свое название от Галича Волынского, был основан им в то время.

После Татищева многие видные общероссийские историки придерживались его мнения. Некоторые историки выдвигают версию, что Юрий Долгорукий решил после потери великокняжеского престола утешить себя, создав в Ростово-Суздальском княжестве подобие Великого Киевского княжества.http://siz.exporus.ru/Library/churkova.htm - _edn156 И на границе Ростово-Суздальского княжества князь создал город, который призван был играть роль форпоста Северо-Восточной Руси в освоении Северной и Вятской земли. А чтобы еще более возвысить его роль, дал ему название великого южнорусского города.http://siz.exporus.ru/Library/churkova.htm - _edn157 Другие полагают, что просто в его княжество в IX-X вв. был приток славянской колонизации из Южной Руси в связи с опустошением Киевской Руси постоянными набегами кочевников-степняков. И название городу было дано по тому, что на земли Галичские больше пришло выходцев из Галича Волынского. http://siz.exporus.ru/Library/churkova.htm - _edn158

Успенский собор на горе Краснице

Самая первая крепость Галича располагалась на т.н. называемой Шемякиной горе на Балчуге (в переводе с татарского - грязь, пустырь). Остатки этой крепости сохранились до сих пор. Вершину высокого холма венчают осевшие, но еще мощные земляные валы бывшего кремля и в настоящее время достигающие высоты 5,5 м.

…В середине XIII в. Галич был уже довольно-таки важным и относительно крупным городом, через который проходили зарождавшиеся тогда торговые пути между Северо-Восточной Русью и Севером с Вяткой. В иерархической структуре Руси того времени Галич занимал тогда более важное место, чем Кострома и Москва. Об этом говорит то, что в 1246 г. Галич достался четвертому сыну великого князя Ярослава Всеволодовича, тогда как Москва и Кострома соответственно пятому и шестому. В то время Галич становится столицей удельного Галичского княжества, расположенного по левым притокам Волги - рекам Унже и Костроме.

…После смерти Дмитрия Донского Галич достался в наследство его второму сыну Юрию. В конце XIV в. Галич несколько раз подвергался нападениям татар, но в 1396 г. галичская рать под руководством Юрия Дмитриевича совершила опустошительный поход в окрестности Казани, надолго отбив у татар охоту нападать на галичские земли (только в 1427 г. татары снова подступили к Галичу).

Но больше всего Галич в истории России связан с Феодальной войной в первой половине XV в. После смерти московского князя Василия Дмитриевича галичский князь не признал московскую систему престолонаследия от отца к сыну, и после двух нанесенных ему оскорблений со стороны нового московского князя князь Юрий начал междоусобную войну за обладание Москвой. После его смерти борьбу продолжили его сыновья. Галичское княжество, обладая в то время значительными материальными ресурсами и сохраняя известную экономическую и политическую

обособленность проявило в итоге яркий сепаратизм. Скорее всего именно тогда и сооружается вторая крепость на городище рядом с Балчугом. Эти укрепления начала XV в., расположенные на самой вершине Балчуга на ровной площадке, с северо-запада примыкают к укреплениям XII в., а с юго-востока новый город был укреплен насыпными валами и рвами, смыкавшимися с оврагами. Эта война с переменным успехом длилась целую четверть века - за это время галичские князья неоднократно захватывали Москву, но в итоге победа осталась за московским князем. Галичские князья проиграли по многим причинам: это и более благожелательное расположение Орды, самих москвичей и других русских князей к Василию Темному, и периферийное положение Галичского княжества на Руси, и частые набеги татар на Галич, и вероломство Шемяки, ослепившего Василия II, и общепризнанная политика московских князей по собиранию русских земель, и позиция Церкви...

В 1450 г. Галичское княжество окончательно присоединяется к Москве, а Галич становится просто центром большого уезда. В XV-XVI вв. Галичский уезд разделялся на "осады" (волости): Солигаличскую, Чухломскую, Судейскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую. Для управления Галичем и его землями в Москве был создан особый приказ - "Галицкая четь" или "четверть" - такое большое значение придавалось в Москве в это время этим землям.

Во второй половине XV в. Галич становится опорным пунктом Москвы для борьбы с казанскими татарами и для завоевания Поволжского района. Наличие же возле Галича множества холмов и труднопроходимых лесов только увеличивало обороноспособность города. Но частые нападения татар на Галичскую землю заставили построить новые усиленные укрепления в Галиче, Кологриве и Ветлуге. Т.к. резкие изменения, произошедшие в развитии русского военно-инженерного искусства во второй половине XV в., привели к необходимости построения в Галиче новой более современной крепости, т.к. старая крепость на Балчуге не годилась для эффективного применения крепостной

артиллерии(по П.А. Раппопорту). Поэтому тогда сооружается уже третья по счету крепость, находящаяся сейчас в центре современного Галича. Эта крепость просуществовала до начала XVII в., когда была сожжена поляками.

… Галич, хотя это и менее известно, был родиной самозванца Григория Отрепьева. Поэтому во время Смутного времени город оказался во власти поляков, но в результате восстания Галич сумел освободиться от интервентов. Но в 1609 г. карательная экспедиция под командованием Лисовского сожгла город.

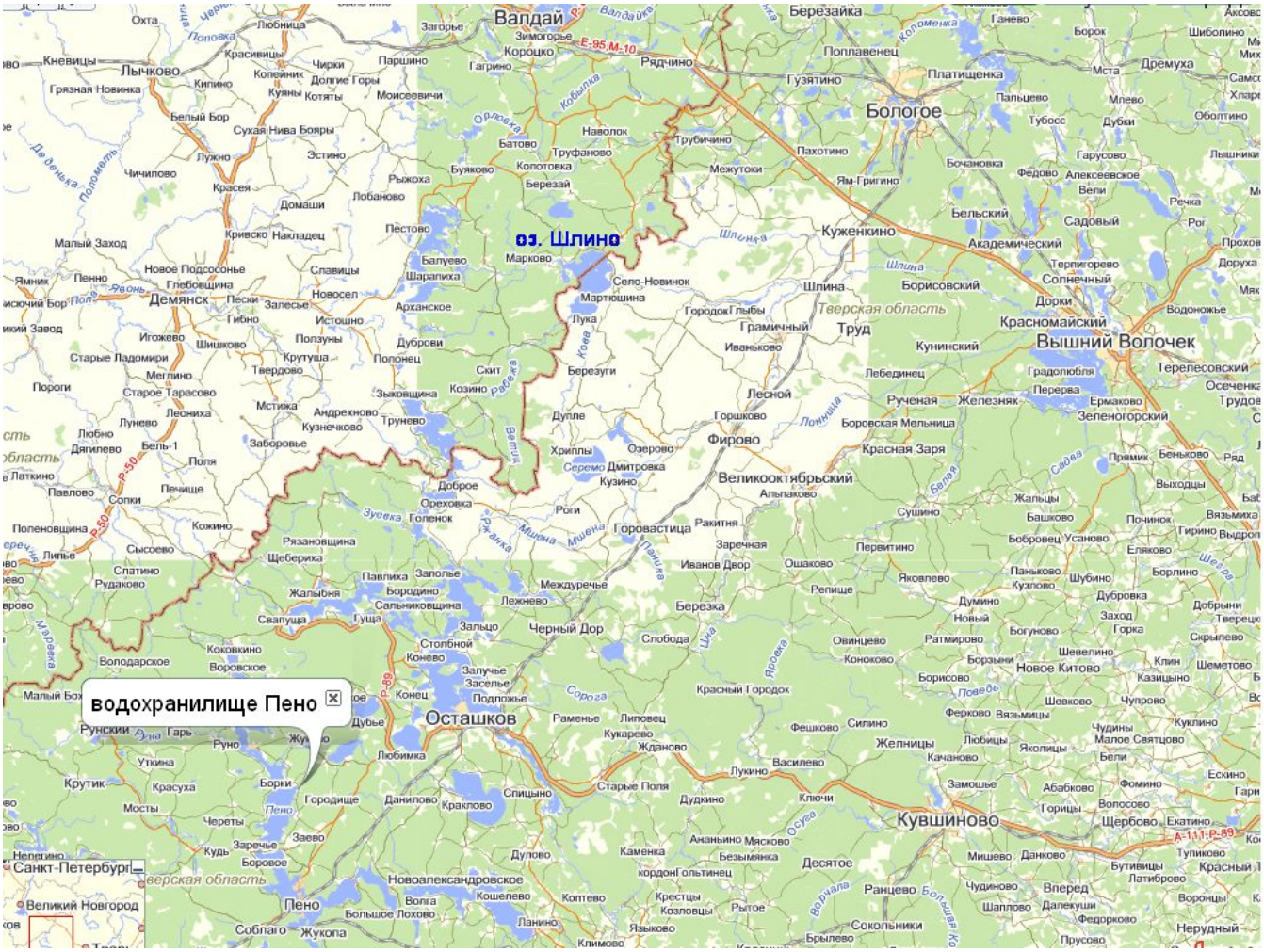
См. также **История Галича**, **Православные храмы Костромской губернии**

Вернуться к ссылке

44.122. Осташковская гряда

На Северо - Западе Тверской области, рядом с Селигером, находится малоизвестный "Край тысячи озёр". Он относится к Валдайской возвышенности. Это одно из сохранившихся глухих мест в центре нашей страны. Всхолмленная местность, покрытая лесами, бесчисленными большими и малыми озёрами, как будто специально предназначена для путешествий. Валдайская моренная гряда тянется с северо-востока на юго-запад, начинаясь в районе Тихвина, проходит через Валдай, истоки Волги и далее через Великие Луки, верховья Ловати на Витебск и Минск. В районе Валдая от Валдайской гряды ответвляется Осташковская гряда, которая пролегает восточнее озёр Шлино и Серемо (северное), затем мимо Осташкова, озера Пено и вновь соединяется с Валдайской грядой в районе водораздела Волги и Западной Двины. Вышневолоцкая гряда начинается севернее Вышнего Волочка, проходит на юго-запад через Селижарово.

Осташковская гряда вместе с Вышневолоцкой образуют Валдайскую возвышенность. Восточный склон Валдайской возвышенности является водоразделом рек, текущих на север, юг и запад. Отсюда начинают свой путь Волга, Днепр,Западная Двина, большие и малые притоки этих рек. Дремучими лесами, по малонаселенным местам течёт на северо-запад речка Любутка, соединяя в ожерелье множество озёр ледникового происхождения. Это район бассейна Западной Двины. Здесь, на Валдайской возвышенности, шумит древнейший русский лес, первое упоминание о котором восходит к "Повести временных лет": "Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг. Двина из того же леса вытекает и течет на север. Из того же леса вытекает Волга на восток..." Около 70 тысяч лет назад здесь проходила граница последнего оледенения, но в результате потепления климата Земли ледники отступили на север, оставляя после себя гигантские борозды и моренные гряды.



… По Валдайской возвышенности проходит водораздел бассейна Волги и Балтийского моря. С Валдайской возвышенности берут начало реки: Волга, Западная Двина, Днепр, Ловать, Мста, Пола, Сясь, Молога и др.

Вышневолоцкая гряда, моренная гряда, расположенная к востоку от Валдайской возвышенности, главным образом в Калининской области РФ. Состоит из Торжковской и Удомельской гряд. Протягивается на 300 *км* (от Ржева на Торжок — Вышний Волочёк — Удомля и Пестово). Отдельные холмы и гряды с крутыми склонами до 200—230 *м* абсолютной и до 30—50 *м* относительной высоты. Вышневолоцкая гряда сложена валунными песками и суглинками. Множество озёр. Покрыта сосновыми и еловыми лесами.

44.122.1. Река Цна

Цна — река на северо-западе европейской части Российской Федерации, в Тверской области, впадает в озеро Мстино.

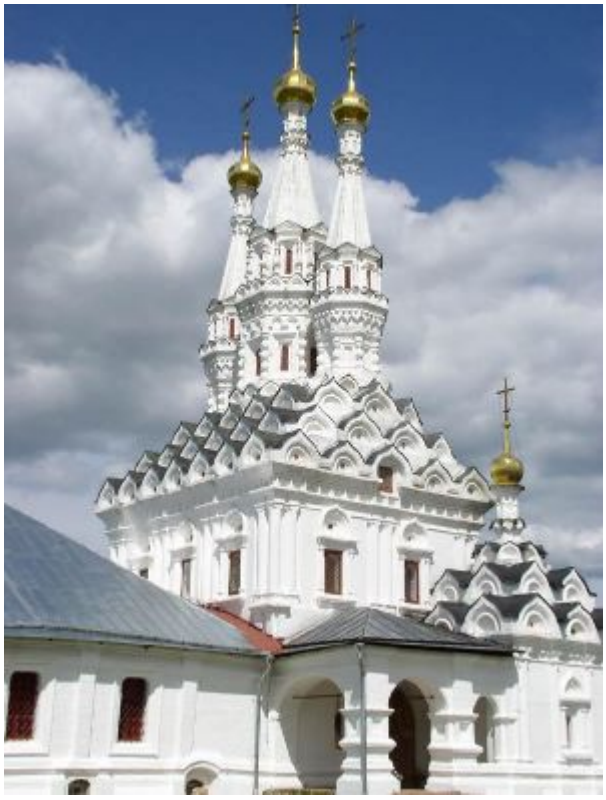
Длина — 160 км, площадь бассейна — 4 390 км², средний расход воды в 38 км от устья — 12,3 м³/сек. Принадлежит к бассейну Балтийского моря, крупнейший населённый пункт — г. Вышний Волочёк, крупнейший приток — Шлина.

Цна берёт начало в болотах на склоне Цнинской возвышенности (отроге Валдайской возвышенности). Русло реки извилистое, ширина 10-30 метров. Протекает через Вышневолоцкое водохранилище, участок реки между выходом из водохранилища и устьем (длиной около 7 км) почти целиком проходит по городу Вышний Волочёк.

Цна является важным элементом вышневолоцкой водной системы, с древних времён нижнее течение реки было частью водного пути из Волги в озеро Ильмень и Великий Новгород, а позднее в Санкт-Петербург.

Вернуться к ссылке

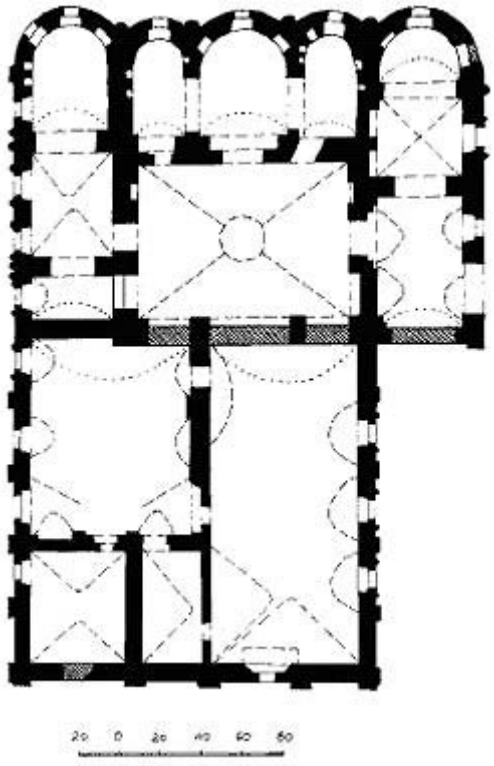
44.123. Церковь Одигитрии в Вязьме



Завершение церкви Одигитрии в Вязьме. Три маленьких стройных шатра – наиболее украшенная часть храма.

Этот храм возвышается посередине обширного монастырского двора в начале пологого спуска к речке Бебрь. Это юго-западная окраина Вязьмы, районного центра Смоленской области. Небольшой город на холмистых берегах петляющих речек Вязьма и Бебрь возник на дороге в Литву, на полпути между Москвой и Смоленском. В документах он впервые упоминается в первой половине XIII в. В 1530-х гг. выходец из Данилова монастыря Переславля-Залесского преподобный Герасим основал здесь обитель в честь Иоанна Предтечи.

Кем и когда была сооружена вместо деревянного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи каменная церковь Одигитрии[174], неизвестно – утрачены древние монастырские акты. Принятая в науке дата строительства каменного храма – 1637 г. – ошибочна. Впервые она появилась, по-видимому, у М.А.Ильина из сопоставления двух неточных свидетельств. В описаниях монастыря 1850-х гг. в качестве строителя первого каменного собора фигурирует игумен Гурий без какого-либо документального подтверждения.



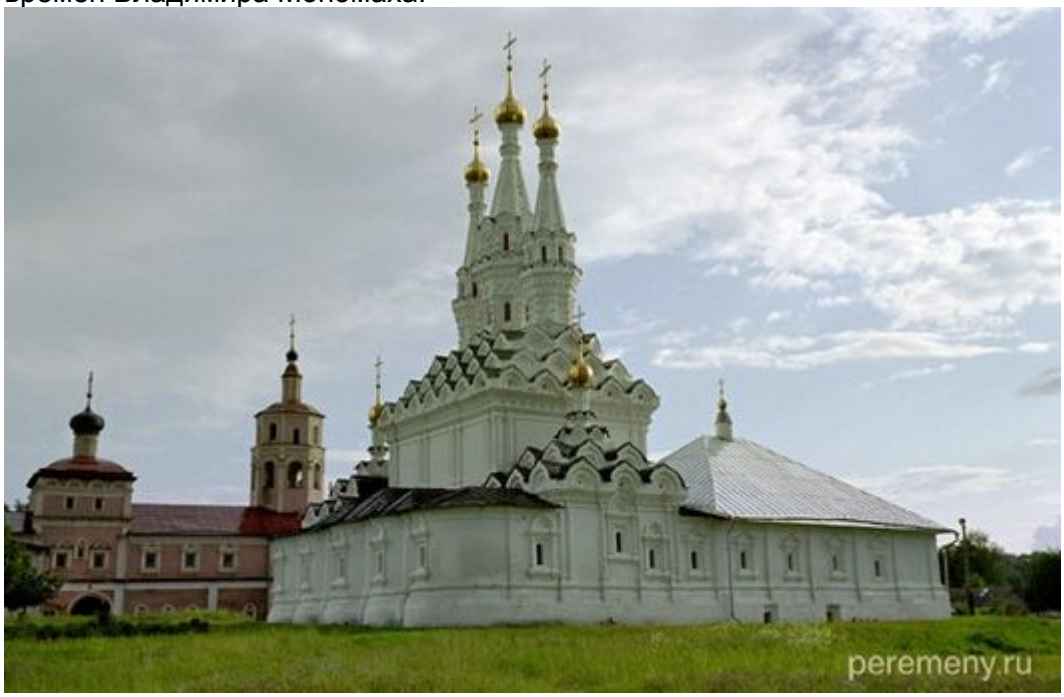
План

После опубликования «Списков иерархов» П.М.Строева это имя приобрело датировочное значение – его игуменство падает на 1635–1638 гг., что и послужило основой датировки храма 1637 г. Но настоятелей Гуриев могло быть в обители больше, чем один, тем более данные Строева по этому монастырю пунктирные, не покрывающие весь XVII в. Свидетельства же описаний XIX в. полны неточностями и явными ошибками – можно предположить, что строитель первого каменного храма в монастыре мог быть вовсе не Гурием. В неопубликованных вяземских писцовых книгах 1646 г. все церкви города названы еще деревянными, а в книгах 1673 г. каменная церковь Одигитрии – строящейся. Но принять 1673 г. за дату строительства храма не позволяет его декорация, стиль которой ближе к памятникам 1650-х гг. В эти же неспокойные годы мира-войны с Польшей кажется наиболее уместным и своевременным переосвящение монастырской церкви Иоанна Предтечи и посвящение ее иконе Одигитрии – путеводительницы и защитницы Смоленской земли со

---

[174] **Одиги́трия** (греч. Οδηγητρια — *Указующая Путь*), **Путеводи́тельница** — один из наиболее распространённых типов изображения Богоматери с Младенцем. Отрок-Христос сидит на руках Богородицы, правой рукой Он благословляет, а левой — держит свиток, реже — книгу, что соответствует иконографическому типу Христа Пантократора (*Вседержителя*).

времен Владимира Мономаха.



Нельзя сказать, чтобы церковь Одигитрии не была замечена исследователями древнерусской архитектуры. Ее замечали, упоминали – и продолжали писать о других памятниках и тенденциях XVII в. Но если ее датировали 1637 г., то тогда исследователям просто необходимо было признать, что именно в ней, а не в московском храме Троицы в Никитниках (1634–1650) была создана новая для русской архитектуры декоративная система, получившая название узорочья, причем создана была сразу в окончательном и полном своем варианте. Если же храм Одигитрии был построен раньше церкви Рождества Богородицы в Путинках в Москве (1649–1652), то почему тогда не отмечали придуманный в нем новый композиционный прием – трехшатровое завершение?

Храм Одигитрии не является первопамятником: он был построен позже обоих признанных столичных шедевров.

Вязьма. Женский монастырь Иоанна Предтечи. Собор Божьей Матери Одигитрии построен в 1638 г.. Похожих трёхшатровых храмов в России осталось всего три, насколько мне известно - Одигитрии в Вязьме, Рождества в Путинках, Москва, и Дивная церковь в Угличе. Большинство подобных церквей было разрушено при патриархе Никоне, который таким образом боролся с неправильным пониманием народом сущности Святой Троицы.

При игумене Гурии в 1630-1638 годах на пожертвования из царской казны поставлен каменный трехшатровый храм в честь иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской с двумя приделами - южным во имя Иоанна Предтечи и северным во имя Симеона Богоприимца.

Храм сильно пострадал в 1812 году и долгое время стоял в запустении. На пожертвования прихожан и вяземских купцов при архимандрите Вениамине в 1832-1837 годах он был восстановлен и освящен. В 1912 году проведено исследование состояния Одигитриевского храма известным архитектором-реставратором П.Д.Барановским, материалы которого легли в основу реставрационных работ, проведенных в 1960-1980 годы.

См. также **Марина Вдовиченко. Церковь Одигитрии в Вязьме**, **Москва - Смоленск (ноябрь 2006)**

Вернуться к ссылке

44.124. Барановский Пётр Дмитриевич (1892 – 1984)

(1892, село Шуйское Смоленской губернии — 1984, Москва), архитектор-реставратор, автор новых методов исследования и восстановления памятников архитектуры. Открыл способ реконструкции разрушенных зданий по сохранившимся в кладке обломкам кирпича (так называемым хвостам), первым стал вводить железобетонные связи в каналы, оставшиеся от сгнивших деревянных частей, занимался проблемами консервации руин, восстановления фрагментов упавшей кирпичной кладки. В 1920—30-х гг. активный сторонник музеефикации архитектурных памятников, инициатор создания первого в России музея под открытым небом в Коломенском. В Москве составлял обмеры и фиксировал этапы разборки Казанского собора на Красной площади (1923—33), церкви Николая Чудотворца в Мясниках (1928), реставрировал палаты Голицына (1923) и Троекурова (1928), архитектурные памятники усадьбы Коломенское, в том числе церковь Вознесения (1923—28), церковь-колокольню Георгия Победоносца (1923—33), Водовзводную башню (1923—26), Казанскую церковь (1925—28); Львиные ворота усадьбы Измайлово (1928—36), церковь Трифона в Напрудном (1934—37), трапезную Андроникова монастыря (1947—49), ансамбль Крутицкого подворья (1947—84). Своей активной деятельностью в защиту разрушаемых памятников архитектуры навлёк на себя репрессии со стороны властей; был выслан в г. Мариинск (1933—36). Похоронен на кладбище Донского монастыря.

См. также **Барановский Петр Дмитриевич**, **Барановский Петр Дмитриевич**, **Барановский, Пётр Дмитриевич**

Вернуться к ссылке

44.125. Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчково

…XVII век для Ярославля был периодом его особого расцвета. Одни связывают этот расцвет с разорением Новгорода и переездом опытных новгородских купцов, а вместе с ними и торговли, в Ярославль, другие – с особым расположением города. Действительно, через этот старинный волжский город проходили торговые пути к Белому морю – и через него к Европе, к Каспийскому морю – и через него к Восточным землям. Ярославские князья никогда не соперничали с Москвой,

и поэтому без брани и кровопролитий присоединились к Московскому государству, оставаясь ему верны во все тяжелые годы и смуты. Да и московские торговые пути шли через Ярославль, и поэтому он играл особую роль в Московском государстве. В городе было сосредоточено более 800 торговых мест и 29 иностранных контор. Ко второй половине XVII столетия здесь насчитывалось 1175 ремесленников. Особенно выделялось кожевенное производство и связанные с ним промыслы – скорняжный, обувной и прочие. Кожевенным делом занималась одна треть всех ремесленников. Ярославская кофть (наиболее тщательно выделанная кожа) вывозилась в Англию, Голландию и другие европейские страны. Расцвет торговли и ремесел придал городу особый колорит: рядом с типично русскими постройками находились конторы английских и голландских коммерсантов, лавки индусских купцов с причудливыми заморскими изделиями разрежали ряды торговцев местным товаром. Город, имевший древнюю культуру и традиции, впитывал новшества и востока, и запада с тонкой избирательностью. И наиболее ярко это проявилось и увековечилось в храмоздании этого периода. В памятниках церковного зодчества Ярославля, как в многогранном кристалле, преломились те черты восточного и западного искусства, которые нашли отклик в национальном вкусе русского человека. Они воплотились в своеобразном трансформировании традиционного старинного стиля, сохраняя неповторимый русский колорит. Восточные изразцы и изразцовые кирпичи делались с рисунками и узорами русской тематики и искусно дополняли чисто русский декор; европейское барокко трансформировалось в русское барокко в изящных арках, оформленных резными плетениями, сказалось в оформлении стен колонками.

Сильнейший пожар 1658 года уничтожил почти все древние храмовые постройки: 29 храмов, 3 монастыря, 1480 гражданских зданий погибли в пламени. Но благочестивые и богатые ярославцы восстановили свой город в еще большей красе. Непрерывно строились десятки храмов: щедрые вклады позволяли использовать лучших строителей и мастеров, лучшие материалы; реализовывать сложные архитектурные конструкции. В год иногда освящали по два-три храма. Купцы спешили оставить о себе память в богоугодных делах зодчества, и в этом порыве возникал даже некоторый дух соперничества: кто лучше, кто щедрее, кто оригинальнее.

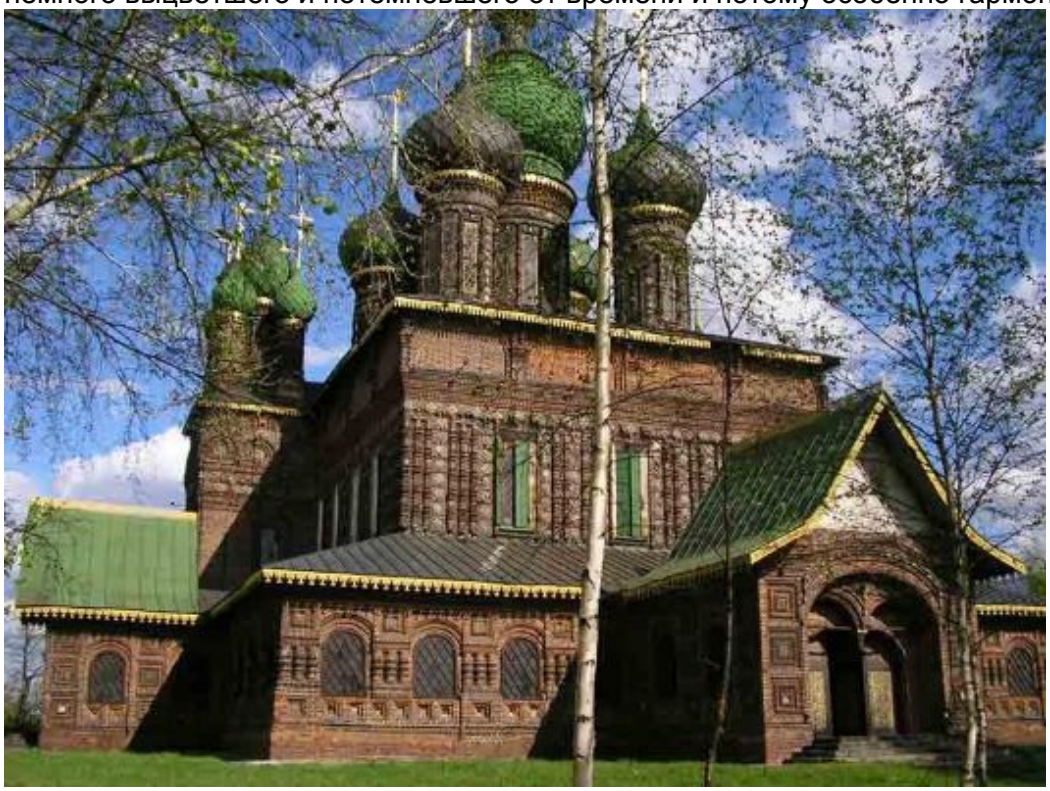
Именно на этой волне и создавался храм Иоанна Предтечи уже после таких самобытных ярославских жемчужен, как храмы Илии Пророка, Рождества Христова, Иоанна Златоуста.

Храм расположен на берегу реки Которосли. Раньше это было предместье города, заселенное в основном кожевниками, которое называлось Толчковской слободой: для кожевенного промысла нужна была дубильная краска, получаемая толчением древесной коры, отсюда и название – Толчково.

По местным преданиям, был когда-то на этом месте Вознесенский женский монастырь, разоренный поляками в 1609 году. До нашего времени никаких документов об этом не осталось, известно лишь, что позже здесь была деревянная церковь во имя Иоанна Предтечи с приделом Казанской иконе Божией Матери. «Ты, поп Конон, в той новой церкви во имя святого славного Пророка и Предтечи и Крестителя Господня Иоанна служил бы шесть недель во все дни, а к приделу велел бы ты иного попа нанять и четыредесятницу велел бы ему служить по тому же», – написал митрополит Ростовский Варлаам (Старорушин; † 1652) в 1644 году в грамоте попу Конону. Но жителям слободы этой маленькой деревянной церкви не хватало, и они просили

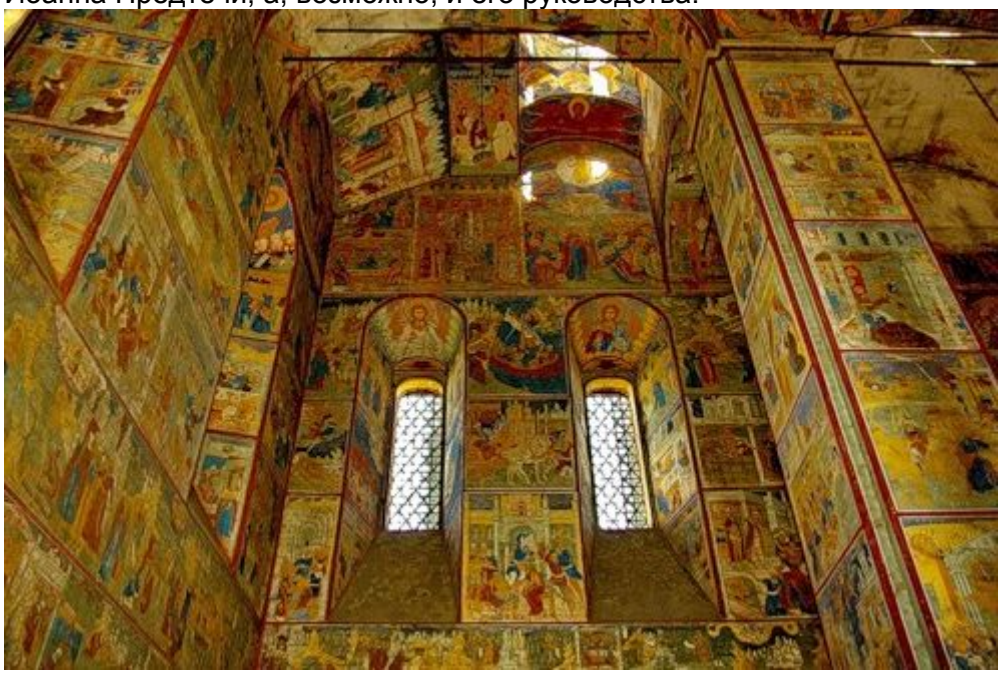
разрешения на постройку зимней церкви в честь Вознесения Господня, видимо памятуя о разоренном Вознесенском монастыре. Разрешение это они и получили. Но не успели приняться за постройку зимней церкви, как деревянная Предтеченская церковь, сохранившаяся от пожара 1658 года, сгорела в 1659 году: «В лето от сотворения мира 7167 (1659) града Ярославля большого Толчковской слободы церковь святого Иоанна Предтечи деревянная в день Святой Пасхи, по отпетии Божественной литургии, волею Божией или небрежением служителей церковных возгореся внутри пламенем велиим, от коего погоре вся даже до основания».

…По разрешению царя Алексея Михайловича от 29 июня 1671 года, на заброшенных казенных землях были построены специально два кирпичных завода. В грамоте от 15 августа 1671 года митрополит Иона (Сысоевич; † 1690) дает разрешение на постройку храма в честь праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи с двумя приделами: один – во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; другой – во имя Казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия. Шестнадцать лет строился этот храм, но не из-за долгостроя, как в советское время, а из-за кропотливости исполнения сложной архитектурной композиции, из-за бережного и любовного исполнения всех деталей и росписи. В конструкции использовались лекальные кирпичи, что было свойственно ярославской зодческой школе. Свободно оперируя разной конфигурацией кирпичей, строители создали удивительные по красоте пластические стенные поверхности, где крупные детали соседствуют с более мелким, дробным орнаментом. Кирпичные стены, усеянные изразцовыми вставками, «дают впечатление затейливого ковра, немного выцветшего и потемневшего от времени и потому особенно гармоничного».



Храм представлял собой четырехстолпную пятиглавую церковь с крытыми одноэтажными галереями с трех сторон, что было типично для Ярославля. Входом в галереи были три высокие щипцовые крыльца на столбах. Храм имел два симметричных придела. Как правило, приделы выполнялись ниже основного уровня, но здесь они были выполнены одинаковыми по высоте с основным кубом, что создавало впечатление особой грандиозности храма. Необычность храму придавали также выполненные вместо традиционных куполов изящные пятиглавия, которыми были увенчаны два предела, впервые использованные в ярославском зодчестве. Грандиозная по размерам (ее высота достигала 44 метров), фантастическая по силуэту своих 15 глав церковь Иоанна Предтечи ослепляла роскошью декоративного убранства и мастерством его выполнения. Неизвестный толчковский мастер как бы стремился вобрать в свое творение все, чем славилось русское храмовое строительство его эпохи, сохраняя удивительную гармоничность. Сведено в единое целое и соборная представительность пятиглавых московских храмов, и торжественное величие церквей Поволжья, и многокупольность деревянных северных церквей, и декоративная многоцветность ярославских храмовых строений. До сих пор встает вопрос: по чьему проекту строился этот замечательный

храм? Ни в каких документах нет ни автора проекта, ни руководителя постройки. Многие путешественники, любовавшиеся Предтеченским храмом, особенно в первой половине XVIII века, приписывали построение то бухарским купцам, то голландским зодчим. Но в действительности у храма нет ни одной детали, несвойственной русскому зодчеству и декоративному оформлению, не использованному ранее. Но здесь эти детали воплотились с небывалой насыщенностью и гармонией. С другой стороны, известно, что возглавлял Ростовскую и Ярославскую кафедру в это время (с 1652 по 1690 годы) митрополит Иона (Сысоевич), который отличался особой любовью к храмозданию, имел обширные познания в этой области, имел особый талант архитектора. Под его руководством были построены многие храмы и монастыри в Ростове, Угличе, Ярославле и даже Ростовский кремль. Многие исследователи указывают, что нельзя не учитывать возможности влияния этого замечательного архитектора-святителя на строительство и церкви Иоанна Предтечи, а, возможно, и его руководства.



Внутреннее убранство храма едва не превосходило его внешнее благолепие. Шестнадцать лучших мастеров под руководством Димитрия Григорьева Плеханова, потомственного иконописца, и молодого иконописца Феодора Игнатьева занимались его росписью.

Димитрий Григорьев был к этому времени маститым мастером: известно, что ранее он принимал участие в росписи Архангельского собора Московского Кремля, ростовского Успенского собора, ярославской церкви Николы Мокрого, ростовской церкви Спаса на Сенях. Как подрядчик и руководитель он расписывал Успенский собор Троице-Сергиевой лавры и вологодский Софийский собор. Предполагают его участие и во многих других храмах: в Тутаеве (Воскресенский), в Ярославле (Димитрия Солунского и Богоявления) и Ростове (Воскресенский, Иоанна Богослова, Троицкого собора ростовского Яковлевского монастыря). Несомненно, что художники Толчковского храма имели и очень хорошее для того времени богословское образование. Это позволяло им не только охватить в росписи Новый и Ветхий Завет, историю Русской Церкви, жития святых, богослужебные сюжеты, но и свободно воплощать эти религиозные и художественные замыслы, требующие знания многих дополнительных нюансов. Это настоящая энциклопедия евангельских и библейских сюжетов, не знающая равных не только в ярославской, но и во всей древнерусской настенной иконописи. В алтаре представлен цикл из 18 композиций на тему «Толкование литургии», один из наиболее полных в восточно-христианском искусстве. Здесь помещены сюжеты православных праздников и события земной жизни Христа. Многие сюжеты византийского происхождения: «Великое зерцало», «Лимонарь, сиречь цветник» и т. д. В девять ярусов расписаны стены уникальными по красочности и по сюжетам фрагментами. Пять нижних ярусов занимал месяцеслов (святцы), где последовательно по месяцам и дням изображены святые и праздники. В шестом ряду подробно изображены сцены жизни Иоанна Крестителя: бегство Елисаветы с младенцем Иоанном в горы, ведение ангелом Иоанна в пустыню, проповедь Иоанна и его деяния при дворе царя Ирода. Изображен вещий сон Ирода: орел выклевывает ему глаза. По количеству сюжетных картин, которых в храме более 500, храм не имеет себе равных в мире.

Интересно, что храм был расписан всего лишь за один год – с 5 июня 1694 года по 6 июля 1695 года.

"Песнь Песней". Фреска храма

… Особую ценность представляли царские врата придела Казанских святителей Гурия и Варсонофия. Как говорилось выше, они были пожертвованы казанскими благотворителями уже в готовом виде. Деревянная резьба с позолотой на цветной подложке выполнена ювелирно, напоминая изящество китайских мастеров. Посещавший храм в июне 1863 года цесаревич Николай Александрович особо отметил ценность этих врат и высказал желание не поновлять их, чтобы избежать внесения каких-либо изменений в изысканный узор.

В ансамбль Иоаннопредтеченской церкви входила и изящная 45-метровая шестиярусная колокольня, четыре верхних яруса которой прорезаны арками звона. В некоторых деталях оформления, да и в самом облике колокольни заметно существенное влияние пышного «нарышкинского» барокко, гармонично сочетающегося с узорочьем ярославской архитектуры. Широкий карниз третьего яруса, проемы арок и декоративные башенки, щедро украшенные ковровым белокаменным узором, гармонично перекликались с архитектурой и декоративной отделкой храма. Известный архитектор А.М. Горностаев писал о ней: «Ее изысканный нежный силуэт как нельзя более подходит к величественным соборным массам храма».

См. также **Ярославский храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Толчково**

Вернуться к ссылке

44.126. Русско-литовская война 1500–1503

Русско-ливонско-литовская война 1500-1503 — война между Великим княжеством Московским с одной стороны и Ливонской конфедерацией, выступившей в союзе с Великим княжеством Литовским (ВКЛ), вызванная стремлением первого к территориальной экспансии. После присоединения северо-русских земель и укрепления русского централизованного государства перед Московским княжеством встал вопрос о присоединении западно-русских земель, находившихся под контролем ВКЛ. Борьба между Московским и Литовским княжествами за западно-русские земли вызвала ряд русско-литовский войн в конце XV—XVI веках. Русско-литовская война 1500-1503 годов стала второй по счёту.

Русско-литовская война 1487–1494 годов закончилась присоединением к Московскому княжеству территории большинства Верховских княжеств; Смоленск, однако, остался в литовском владении. В самом ВКЛ начало проявляться религиозное угнетение православных католиками. Князья западнорусских княжеств стали искать защиту у московского князя Ивана III. Попытка литовского князя Александра Ягеллона обратить из православия в католичество свою жену Елену Ивановну вызвало недовольство Ивана III, и он стал принимать на свою службу перебежчиков.

В апреле 1500 года в подданство к Ивану III перешли князья С.И.Бельский, В.И.Шемячич и С.И.Можайский, со своими владениями, составлявшими значительные территории в восточной части ВКЛ с городами Белая, Новгород-Северский, Рыльск, Радогош, Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. ВКЛ потребовало возвращения земель, Иван III отказал и решил, не дожидаясь похода литовских войск, в мае 1500 года открыть боевые действия на северо-западном, западном и юго-западном направлениях. На юго-западном направлении русские войска под командованием воеводы Якова Захарьича Кошкина овладели Брянском, Мценском и

Серпейском, князья которых перешли на сторону Ивана III. Сдались города Гомель, Новгород-Северский, Чернигов, Почеп, Рыльск и другие. На сторону русских перешли князья Трубецкие и Мосальские. На западном направлении войска под командованием бывшего царя казанского Магмед-Амина и воеводы Юрия Захарьича Кошкина овладели Дорогобужем. К Дорогобужу подтянулись другие русские отряды Д. В. Щени, Василия Шемячича, Якова Захарьича и Семёна Стародубского. Объединённое русское войско под командованием Д.В. Щени двинулось к Смоленску, ставшему центром обороны литовских войск под командованием К.И. Острожского. 14 июля 1500 года в битве на Ведроши русское войска нанесли сокрушительное поражение литовцам, потерявшим около 8 тысяч человек убитыми; князь К.И. Острожский попал в плен.

После битвы на реке Ведрош русские продолжили одерживать победы: 6 августа Я.З.Кошкин взял Путивль, а 9 августа А.Ф.Челяднин на северо-западном направлении взял Торопец, а союзник Московского княжества крымский хан Менгли I Гирей громил юг ВКЛ, его сыновья взяли и выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Бряславль и вывели оттуда множество пленников.

21 июня 1501 года в войну на стороне ВКЛ вступила Ливонская конфедерация. 27 августа войска Ливонской конфедерации под командованием Вальтера фон Плеттенберга разбили русские силы на реке Серице и 8 сентября взяли Остров. Однако, из-за начавшейся эпидемии они вынуждены были отступить. Литовское войско также перешло в наступление, однако не смогла взять город Опочку.

Осенью русские войска перешли в наступление как на земли Ливонской конфедерации, так и на ВКЛ, одержав ряд побед (Д.В. Щеня опустошил Северо-Восточную Лифляндию и значительную часть Эстляндии, русские нанесли поражение немцам у замка Гельмед, литовцам у Мстиславля, хотя сам город взять не удалось). Нападение войск Большой Орды на северские земли засавило Ивана III перебросить туде русское войска с севера. Объединёнными услилиями русских войск и союзных войск крымского ханства, нападение было отбито.

В течение 1502 года войска рыцарей Ливонской конфедерации безуспешно пытались овладеть Псковом (дважды), Красным Городком, Изборском. Русские войска на западном направлении взяли Смоленск и Оршу, однако приближение крупного литовского войска заставило сына Ивана III Дмитрия Жилку отвести русские отряды. После это русские произвели ряд опустошительных рейдов вглубь ВКЛ (крымское войско Менгли I Гирея в 90 тысяч человек сделало набег на ВКЛ и Польшу и все опустошило в районах Луцка, Турова, Львова, Бряслава, Люблина, Вишнецка, Бельза, Кракова), постепенно его обескровливая. Это заставило литовского князя Александра направить свои усилия на подписание мирного договора.

25 марта 1503 года было подписано Благовещенское перемирие сроком на шесть лет. По нему Московское княжество получило огромную территорию, охватывающую верховья Оки и Днепра с 19 порубежными городами городами, в том числе Черниговым, Гомелем, Новгород-Северским и Брянском. ВКЛ лишилось 70 волостей, 22 городища и 13 сёл — около трети своей территории. 2 апреля 1503 года было подписано перемирие с Ливонской конфедерацией, по которому она обезопасила свои границы вплоть до Ливонской войны.

44.126.1. Ведрошская битва

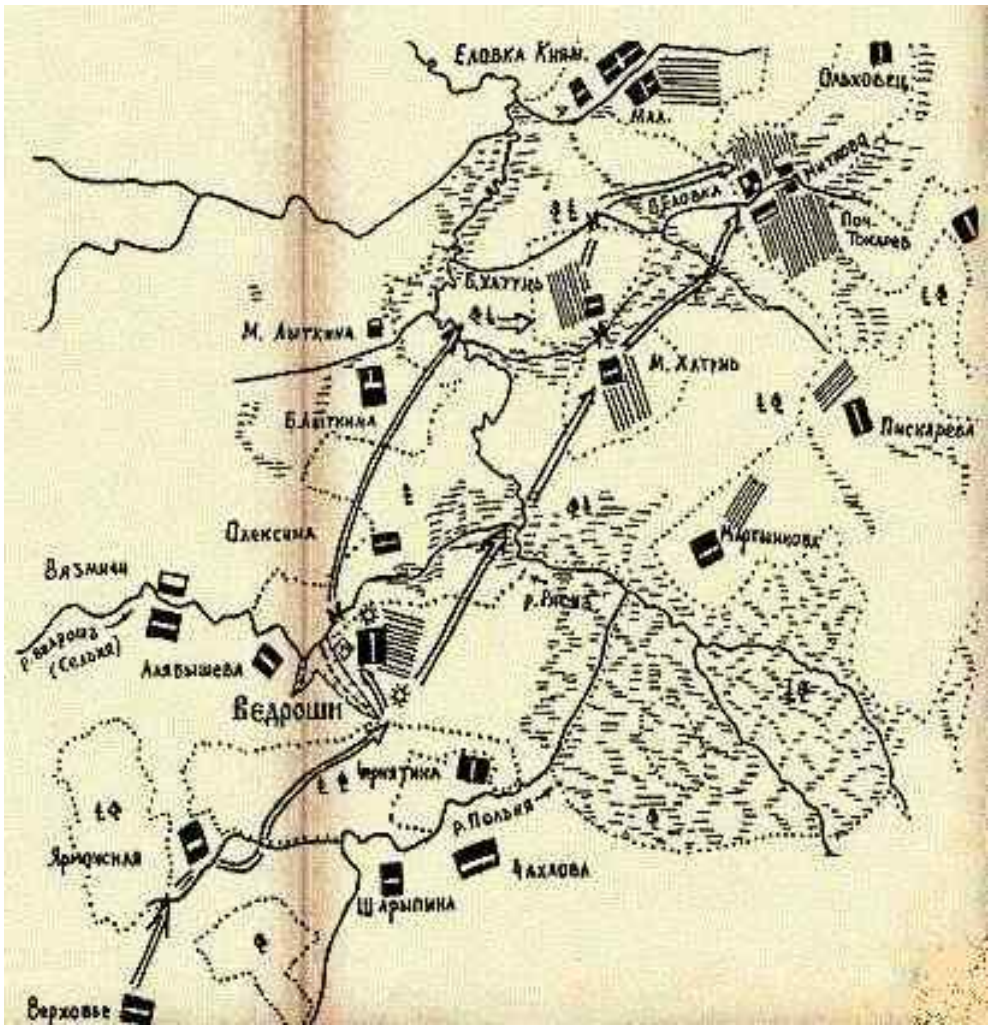
Ведрошская битва — одна из наиболее значимых битв в русской истории, в результате которой к Московской Руси отошла более чем треть земель Великого Княжества Литовского. Битва произошла 14 июля 1500 в 50 км к западу от Калуги. В ней русское войско под руководством князя Даниила Щеня противостояло объединённой литовско-польской армии под командованием великого гетмана литовского Константина Острожского. Обе армии насчитывали около 40 тысяч человек [1]. Во время битвы около 8 тысяч литовцев были убиты, большое количество было взято в плен, в том числе сам гетман Острожский и многие высокопоставленные дворяне. Острожский был отправлен в заточение в Вологду.

… В преддверии битвы

Уже в мае воеводе Юрию Захарьичу Кошкину удалось взять Дорогобуж. На борьбу с Московским княжеством литовским князем Александром была послана армия во главе с гетманом Константином Острожским. Ей навстречу шла набранная в Тверской земле рать, возглавляемая князем Даниилом Васильевичем Щеня-Патрикеевым. Её задачей было взятие Ельни и Рославля. Продвигаясь по тракту Вязьма-Ельня, русская армия остановилась у Ведроши для воссоединения с другими отрядами, в том числе с ратью Юрий Захарьича Кошкина, который по росписи Ивана III поступал в подчинение к Щене. Ещё одним воеводой, принявшем участие в битве, стал князь Иосиф Андреевич Дорогобужский.

Ход битвы

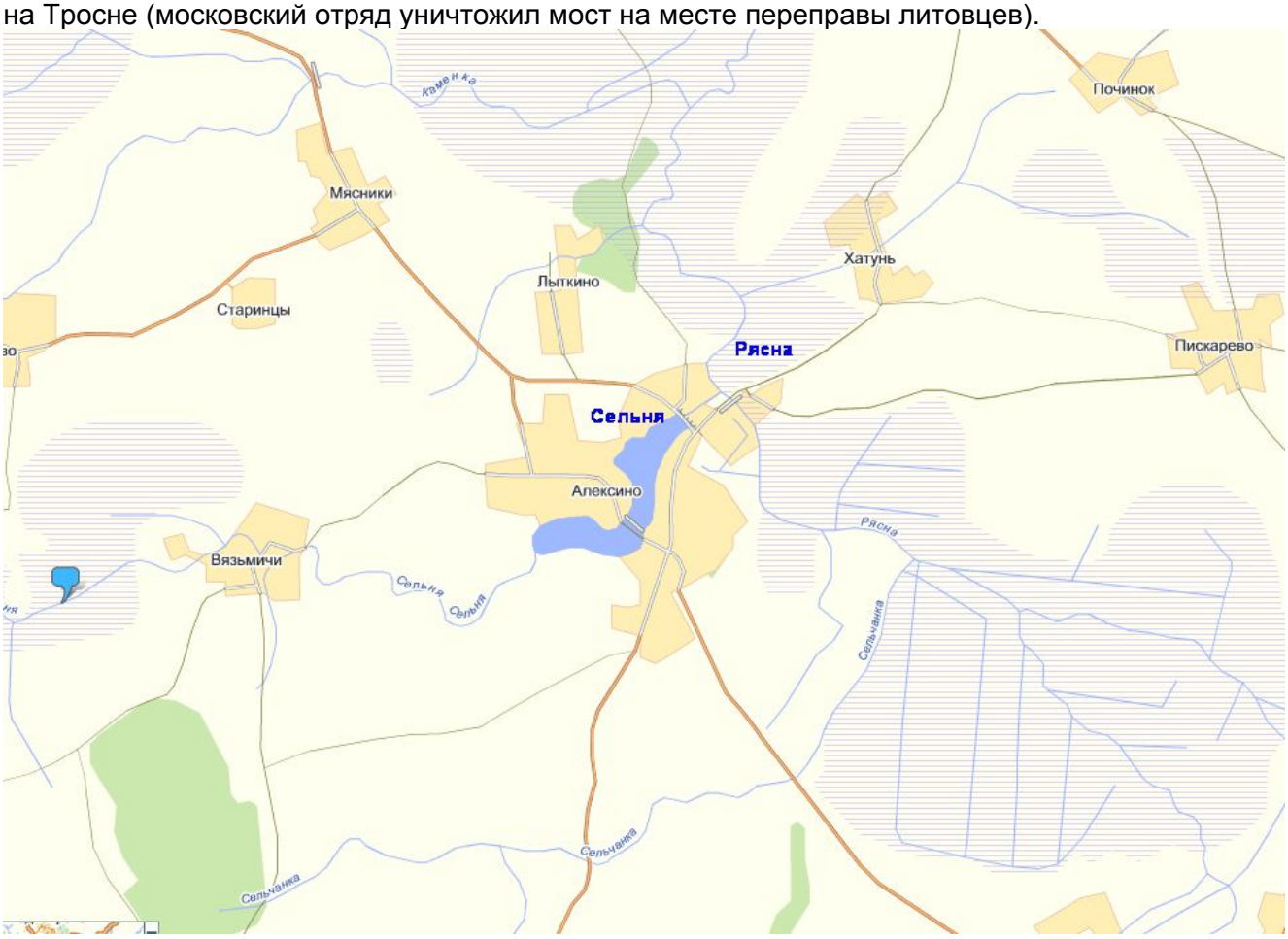
Рать Щени продвигалась по тракту Вязьма-Ельня и стала у села Ведроши для кончательного сбора воевод (тракт в старину шел не прямо, через Ушаково, а через Ведроши, где сейчас юго-западная окраина современного села Алексино). Ю.З.Кошкин по росписи войска поступал в подчинение к Щене, к месту сбора он прибыл, но затеял спор, не желая подчиняться выходцу из рода, у которого будто бы меньше заслуг. В конечном счете, разрядные книги не называют Кошкина среди воевод - участников сражения на Ведроши. Назовем еще одного воеводу на Ведроши - кн.Иосифа Андреевича Дорогобужского (из Тверских князей, чей отец, будучи воеводою в Дорогобуже, изменил Литве). Гетман кн.Острожский, получив известие о собирании русско-московского войска на Ведроши, выступил навстречу, в Ельню (до XVII века часто использовалась окольная дорога из Смоленска в Дорогобуж через Ельню). Оттуда, минуя Лопатино, используя скрытность и данные разведки, выдвинулся к селу Ведроши и напал на передовые московские части. Наряду с селом, летописи и хроники называют речки, ближние к месту боя: Ведрошь (сейчас Сельня) и Полма (затем Польня, ныне Сельчанка); они обе впадают в Рясну.



Не выдержав натиска, русско - московский авангард отступил к главным силам, за Рясну (в летописях названа Тросной).

Гетман литовско-русского войска, предполагая численное превосходство московской рати, стремился его компенсировать скоростью и натиском. Не выжидая долго, литовско- русское войско 14 июля того же, 1500 г., переправилось через Рясну - Тросну и ударило по московской армии, начав основной этап сражения. Московско-русские войска отступили к "Миткову полю" (Митково, а ныне

Большой Починок рядом с более известной Еловкой, удалено от села Ведроши на 7-8 км.), где, видимо, стоял большой полк. Остановив неприятеля у Миткова поля, московское войско перешло в контратаку. Литовское отступление перешло в бегство, паники добавило и уничтожение моста на Тросне (московский отряд уничтожил мост на месте переправы литовцев).



Основной этап битвы, вылившийся в шестичасовой бой, закончился полным разгромом литовской рати, мало кто спасся бегством, большинство погибло, или утонуло, или было взято в плен.

Сражение, для того времени, было довольно крупным. С литовско-русской стороны, по реальным оценкам, приняло участие до 10 тыс. воинов, московско-русских войск, видимо, было больше, но никак не 40 тыс., как следует из некоторых источников. Оба войска оказались на высоте, но судьба благоприятствовала московскому. Литовская армия эффективно вела себя на марше и в наступлении, ее отличали скрытность, активная разведка, скорость и атакующий стиль. Московское войско, вначале проявив нерешительность, затем сражалось упорно и яростно, применило скрытый обходной маневр с уничтожением моста.

Битва на Ведроши заняла достойное место в ряду побед российской армии. Она закрепила взятие Дорогобужа, обезопасила подступы к Вязьме, западному форпосту Москвы; позволила обратить Дорогобуж в плацдарм для дальнейшего продвижения к Смоленску и взятия его.

Последствия битвы

Битва привела к подписанию мирного договора в 1503 году, по которому Великому княжеству Московскому отходили обширные территории, составлявшие примерно треть литовских владений, в том числе северо-восточная Украина. После помилования и освобождения князем Василием III Острожский вновь предпринимал попытки реванша, но даже победа в Битве при Орше 1514 не принесла каких-либо политических результатов, способных компенсировать результаты Ведрошской битвы.

См. также **История города Дорогобуж**

Вернуться к ссылке

44.127. Конь Федор Савельевич

Фёдор Савельевич Конь — русский зодчий второй половины XVI века, выдающийся строитель крепостных сооружений: каменных стен и башен «Белого города» Москвы (1585—1593; по линии теперешнего бульварного кольца, снесены в основном в XVIII веке), мощных городских стен Смоленска (1596—1602).

А.Васнецов. Семиверхая башня Белого города (на месте современного храма Христа Спасителя)

Конь Федор Савельевич - «государев мастер»: строитель Белого города в Москве (1586 - 1588 гг.) и Смоленской крепостной стены (1596 - 1602 гг.), возможно начинал строительное поприще в Болдинском Дорогобужском монастыре. Год рождения и время смерти Федора Коня неизвестны.

Почти неизвестна и биография зодчего; краткие и отрывочные записи в источниках к.

XVI - н. XVII вв дают лишь некоторые представления о нем.

К таким источникам относятся приходные и расходные книги Болдина - Троицкого монастыря под Дорогобужем за 1568 - 1607 гг., наказы и грамоты царя Федора Иоановича 1591 г. и 1595 г., различные хронографы и летописцы XVII в. В существующих источниках он назван и Конем Федоровым, и Кононом Федоровым, и Кондратом Федоровым, и Феодором. Для Федора Савельевича прозвище «Конь» могло быть связано либо с его личными качествами, либо с его происхождением. Исследователи предположительно считают Федора Коня выходцем из Троицкого монастыря в Болдине. В 1594 г. Федор Конь сделал вклад в Болдин Монастырь (35 руб.), с Болдиным были связаны и родные Коня: в 1600 г. «с Москвы из суконного ряду Федор Петров сын, а Федора Коня пасынок, дал вкладу 20 руб.; среди работников Болдина монастыря сын Коня Мартин Иванов».

Постройки Коня отличались высокой техникой строительства, продуманностью конструкций, большим архитектурным мастерством.

См. также В. АРТЁМОВ **Федор Савельевич Конь**

Вернуться к ссылке

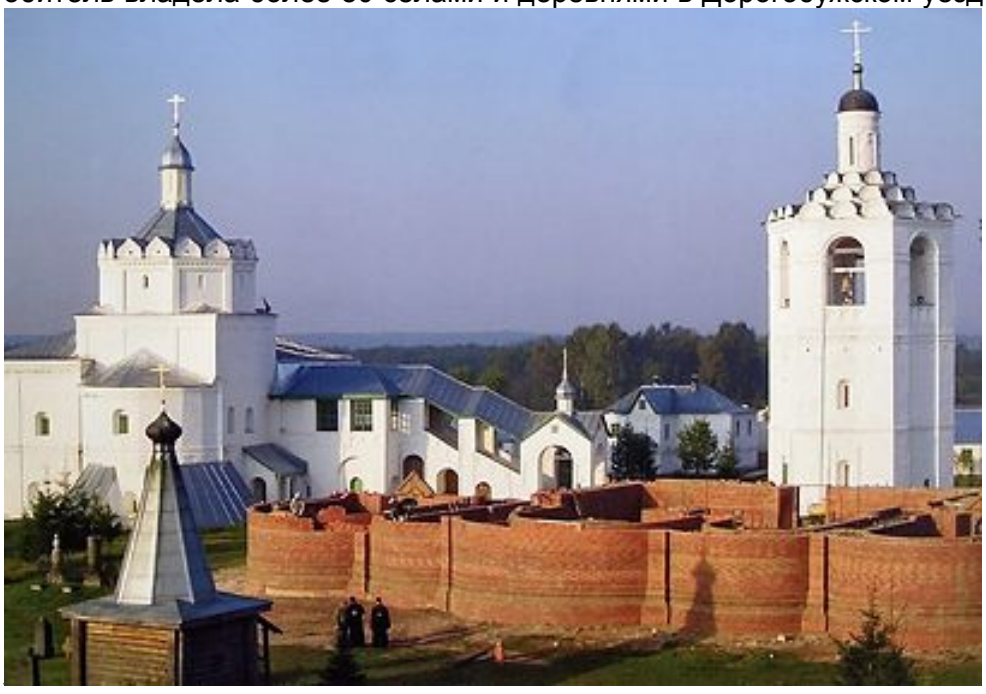
44.128. Болдинский монастырь

Троицкий Болдин[175] монастырь (*Троице-Болдин*, *Свято-Троицкий Герасимо-Болдинский*) — мужской православный монастырь в Смоленской области в 15 километрах от города Дорогобужа, в деревне Болдино в подчинении у Смоленской епархии.

Средневековый период

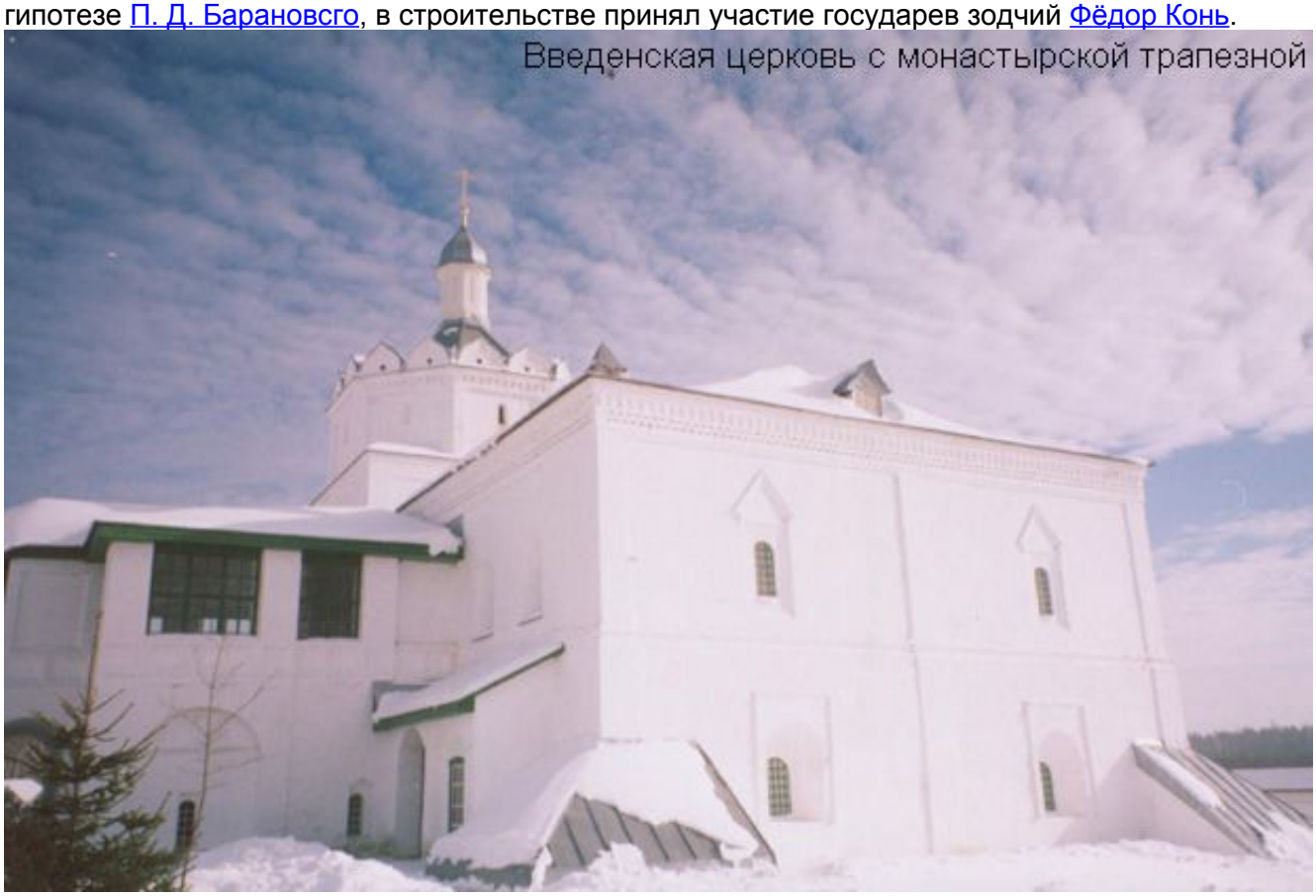
Фреска «Собор святых» во Введенской церкви (XIX век); основатель монастыря Герасим Болдинский — второй слева.

Монастырь был основан в 1530 году преподобным Герасимом Болдинским. В XVI веке монастырь неоднократно получал дары: земли от царя, крупные вклады от бояр и состоятельных людей; обитель занималась и собственной торговой и промысловой деятельностью. К концу XVI века обитель владела более 80 селами и деревнями в Дорогобужском уезде, около 20 монастырскими деревнями в других уездах, мельницами, охотничьими и бортными угодьями, скотными дворами, рыбными ловлями. Монастырские подворья и торговые лавки существовали в Дорогобуже, Вязьме, Смоленске, Москве. Монастырь владел мельницами, охотничьими и бортными угодьями, скотными дворами, рыбными ловлями.



[175] Могучие, древние дубы, по-славянски "болды"

Каменное строительство в монастыре развернулось в 1590-х годах. Тогда были выстроены пятикупольный Троицкий собор (не сохранился), колокольня (сохранилась), трапезная палата с церковью Введения во храм Богородицы (сохранились) и стены (перестроены). Согласно гипотезе П. Д. Барановсго, в строительстве принял участие государев зодчий Фёдор Конь.



С 1617 по 1654 годы Дорогобужский край находился в составе Польского королевства. Монастырь опустел; позже его строения были переданы Смоленскому иезуитскому коллегиуму. Монастырь возрождён в 1654 году, когда смоленкие земли вновь вошли в состав Московии. Обитель не смогла сохранить за собою былых богатств: к концу XVII века ей принадлежало около 20 деревень.

XVIII — начало XX века

В 1764 году, согласно манифесту, подписанному Екатериной II (1764) у монастыря были отобраны все земли. Большую помощь монастырю оказал благотворитель — князь Андрей Долгоруков.

На 1870—1880-е годы приходится новый расцвет монастыря. Настоятелем был назначен иеромонах (впоследствии архимандрит) Андрей (Васильев).

За время его 24-летнего управления монастырем были отремонтированы и перестроены все существовавшие здания и храмы монастыря, построены новые Святые ворота, часовня на месте кельи св. Герасима Болдинсого, деревянные кельи, хозяйственные здания, гостиница для паломников, настоятельский дом, профсорная, мельница на озере, высажен сад (в 700 корней). Он же на основе двух древних текстов написал и издал новое «Житие Преподобного Герасима».

В 1919—1927 годах в монастыре были проведены реставрационные работы под руководством П. Д. Барановского. В бывших монастырских зданиях организован историко-художественный музей, в экспозицию которого, в числе прочих экспонатов, вошли фрагменты изразцовых печей XVII-XVIII веков, деревянная скульптура, собранная М. И. Погодиным. На территорию обители был перевезён деревянный храм из села Усвятье.

44.128.1. Колокольня Свято-Троицкого Болдинского монастыря

Свято-Троицкий Болдинский монастырь расположен близ села Болдино, на берегу речки Болдинки, недалеко от старинного городка Дорогобуж в Смоленской области. Первые упоминания о нем относятся к 1528 году. Некоторое время все постройки монастыря были деревянными, и только в конце XVI века здесь началось каменное строительство.

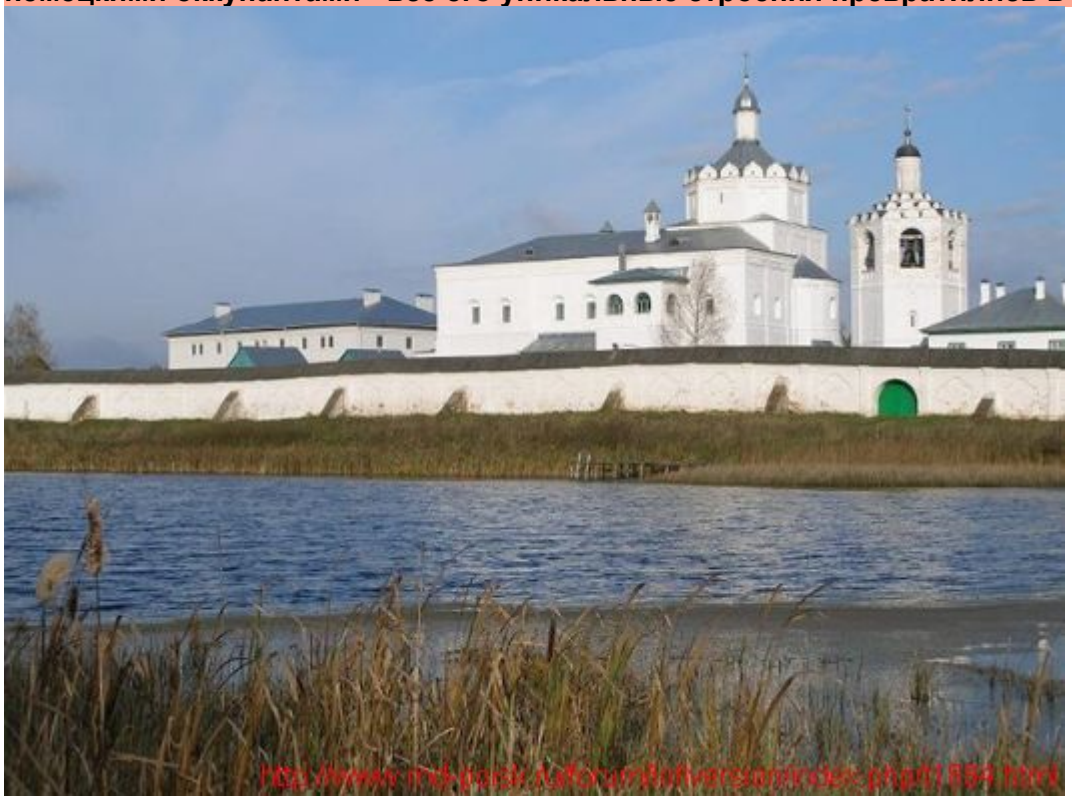
Первым возвели пятиглавый Троицкий собор, за ним трапезную палату с шатровой церковью во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и высокую шестигранная колокольню. Долгое время дата строительства и имя мастера были довольно спорными [4. С.50-53]. По современным данным строительство колокольни завершается к 1592 году. Возглавлял работы талантливый зодчий "государев каменных дел мастер" Федор Савельевич Конь. В это время он еще трудился над укреплением крепостной стены Смоленска, поэтому непосредственно работы в монастыре шли под наблюдением его помощника "церковного мастера" Терентия [1. С.292].

По своей форме колокольня продолжает традицию столпообразных храмов "иже под колоколы". Это шестигранный столп, увенчанный горкой кокошников. Согласно средневековым канонам строительства, высота колокольни не могла превышать высоту главного собора монастыря. И в Болдинской обители высота колокольни с крестом составляет около 25 метров, что на 10 метров ниже центральной главы Троицкого собора [2. С.19].

Несмотря на свой достаточно традиционный облик, эта колокольня никогда не была храмом. Небольшие помещения двух первых ярусов столпа не были предназначены для службы, а имели хозяйственное значение. В третьем ярусе размещались колокола и часы, механизм которых, как и у всех средневековых часовых механизмов, приводился в действие при помощи поднятого на высоту груза. Сейчас мы могли бы сравнить этот груз с гирьками маятниковых часов. До самой революции на колокольне находился большой благовестный колокол, отлитый в Москве в 1585 году новгородским мастером "государевым колокольным литцом" **Иваном Афанасьевым**. Этот мастер в 1571 году отливал 450-пудовый **колокол "Медведь"** для колокольни Иван Великий в Москве. Однако вес самого большого из семи колоколов не превышал 50-60 пудов. В наши дни вес благовестника совсем не велик и составляет всего 12 пудов [2. С.19].

Судьба Болдинского монастыря достаточно трагична. Его не раз разоряли во время вражеских набегов, и к началу XX века все монастырские строения сильно обветшали. История реставрации и восстановления монастыря связана с именем Петра Дмитриевича Барановского. Впервые он попал в обитель пятнадцатилетним подростком, а в 1921 году он, уже специалист-архитектор

возглавил реставрационные работы [1. С.292]. Здесь знаменитый реставратор впервые применил новые методы реставрации - замену сгнивших деревянных связей железобетонными и восстановление формы утраченных кирпичей по их фрагментам [3. С.95-97]. Однако вскоре монастырь закрыли и все работы в нем прекратились. До 1928 года здесь действовал музей, а затем была устроена сельскохозяйственная артель. Во время войны в монастыре находились ремонтные мастерские партизанских отрядов, **а в 1943 году монастырь был взорван немецкими оккупантами - все его уникальные строения превратились в руины** [1. С.292].



Восстановление монастыря началось в 1964 году опять под руководством Барановского. После его смерти работы возглавил ученик реставратора - Александр Михайлович Пономарев. К 1987 году на основе сохранившихся фрагментов кладки, а также тщательных обмеров и чертежей была восстановлена колокольня, а к концу 1990-х годов - церковь Введения и некоторые хозяйственные постройки [2. С.19].

[1] Самые знаменитые монастыри и храмы России. М., 2001.
[2] Пономарев А.М. Неюбилейные размышления. Смоленск, 2001.
[3] Петр Барановский: Труды, воспоминания современников. М., 1996.
[4] Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996.

Вернуться к ссылке

44.129. Ширко в погост, озеро Вселуг, Тверская губерния

На современных картах озера Стерж и Вселуг, первые в цепочке Верхневолжских озер, изображены как одно большое длинное озеро. Граница между ними кажется условной, как между плесами Селигера. Но так было не всегда. До постройки верхневолжского

бейшлота в 1843 году, и даже позднее, вплоть до его реконструкции в 1943, это были два отдельных озера. Их соединяла протока, то есть Волга. У самого устья этой протоки, при впадении ее в озеро Вселуг и стояло тогда село Ширков Погост. Переехать с одной стороны озер на другую удобнее всего было именно в этом месте, и через Ширков Погост с востока на запад проходила дорога. В окрестностях на десятки верст не было ни одной церкви. Ширково, с его древним деревянным храмом, оказалось как бы центром всей округи. Во всяком случае, оно не было таким тихим и малолюдным, как сейчас.

Деревянная церковь Иоанна Предтечи в Ширкове[176] построена в 1697 году. Сейчас она выглядит необычно, по крайней мере для этих мест. Однако, судя по некоторым сохранившимся рисункам того времени, когда-то этот тип церквей был достаточно распространен.

http://www.proselki.ru/topics/shirkov_pogost/shirk4.pic.htmКонструкция церкви многоярусная, состоит из трех поставленных друг на друга четвериков, уменьшающихся с высотой и перекрытых восьмискатной кровлей.

К середине XX века некогда большое и оживленное село пустеет, а деревянная церковь постепенно разрушается. В 1960 году церковь была обследована В.А. Ополовниковым. Под его руководством разработан проект реставрации, которая была проведена в 1974-77 годах. В процессе реставрации были убраны обычные "поновления" XIX века - тесовая обшивка и железное покрытие главы (заменено традиционным лемехом[177]). Несколько более спорным решением была разборка пристроенной в первой половине XIX века колокольни. Конечно, ее формы, подражавшие каменным колокольням классицизма, не очень гармонировали с динамичными линиями древней церкви - но все-таки это тоже был памятник деревянного зодчества, и его по-своему жалко...

Вернуться к ссылке

44.130. Селижаров монастырь

Строительство Свято-Троицкого мужского монастыря относится примерно к 14-15 вв.

…"Местность, занимаемая посадом и монастырем, весьма привлекательна: это прекрасная долина, перерезываемая в длину рекою Волгою, а поперек, впадающею в нее с левой стороны рекою Селижаровкою. Монастырь занимает на этой долине угол, образуемый двумя сходящимися реками." Когда и кем основан Селижаров монастырь- неизвестно, но место выбрано

---

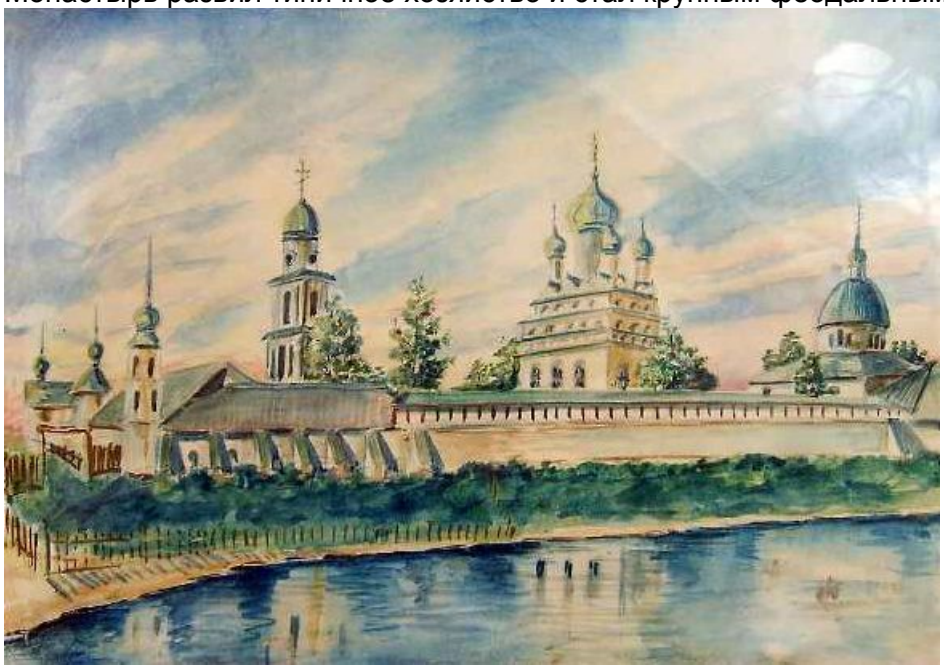
[176] По преданию, церковь Рождества Иоанна Предтечи была построена на том месте, где полки Александра Невского одержали победу над литовскими полчищами в 1245 году.

[177] Лемех, гонт, дрань - так на Севере называют колотые, тесаные дощечки или покрытия глав, барабанов, шатров и т.д. Пластины до 40 см вытесываются топором слегка изогнутыми и прибиваются внахлест каждая коваными четырехгранными гвоздями для избежания вращения. Вытесанный из осины Л. имеет характерный блеск. На юге Л. называют гонтом, дранью.

не случайно. Здесь скрещивались пути: сухопутный из Ржева и водный с низовьев Волги и из Твери. Предполагают, что на месте постройки монастыря стояло укрепленное городище с насыпными валами.

Первое письменное упоминание о монастыре относится к 1504 году, когда князь Вшюцкий пожертвовал на монастырь деньги, о чем записано было в грамоте.

В 1513 году Волоцкий удел вошел в границы Московского государства, в Ржевский уезд. Монастырь развил типичное хозяйство и стал крупным феодальным собственником.



В 1519 году Василий III подарил монастырю часть Езжинской волости Ржевского уезда деревни Хотошино, Опокинино, Сушково, Скоково, пустоши Бабино и Коноплавово, а также половину озера Волго и озеро Воловье.

О состоянии монастыря в 16 и 17 веках известно немного. В 1539 году царь Иоанн IV Васильевич дал монастырю грамоты, в которых были прописаны льготы: например, монастырские крестьяне освобождались от уплаты пошлин в других городах. В 1547 году монастырю было дано право собирать с проезжающих торговцев пошлину в пользу монастыря за проезд по мосту через р.Селижаровку. В 1600 году это право было подтверждено новой грамотой. В начале 16 века монастырь привлекал внимание Московских царей.

В 1607 году Василий Иванович Шуйский приказал учредить в Селижарове Таможенную избу для сбора пошлин с торговцев.

К этому времени население крестьян возле монастыря называлось Подмонастырской слободой. На протяжении своего существования монастырь переживал годы подъема и упадка. Так в начале 17 века, во время польско-литовской интервенции монастырь и его вотчины подверглись разорению. Из писцовых книг . "1624 - 1625 годов видно, что в самом монастыре осталось только 5 монахов" а в слободе крестьян земледельцев не было, там жили лишь бобыли и монастырские слуги.

Из деревень, принадлежащих монастырю сохранились лишь 4, а 37 превратились в пустоши. Процесс восстановления шел медленно, В 1662 году в монастырских вотчинах насчитывался 71 крестьянский двор. В 1678 году в переписной книге записано 120 крестьянских дворов. Лишь к началу 18 века монастырь обрел силу, В 1705 году ему принадлежало 100 деревень. Росло и число крепостных крестьян, их было 3453 человека. Управляли ими 64 монастырских служащих.

Однако в 1763 году экономическая мощь монастыря резко упала после секуляризации церковных земель. Но несмотря на это монастырь оставался центром православной жизни, центром торговли, оказывал влияние на все стороны жизни населения.

Три раза в год в Селижарове проходили ярмарки - 25 сентября, в Троицын день и 26 июня, длились ярмарки 2 дня. На них приезжали купцы из Осташкова, Торжка, Владимира с разными шелковыми, бумажными и мелочными товарами, обыватели привозили рыбу, дёготь, смолу, из Ржева везли хлеб.

Вдоль стен монастыря снаружи стояли лавки, за наем их монастырь получал доход. В 1810 году таких лавок было 19. Монашествующих и священнослужителей было 6 человек, послушников – 4, штатных служителей - 9, всего насчитывалось - 19 человек.

Что же представлял собой на протяжении многих веков Селижаров Троицкий мужской монастырь, уникальный историко-архитектурный комплекс?

В 1685 году была построена Соборная летняя церковь, каменная, пятиглавая, она имела форму квадрата, с папертью и двумя приделами. Она именовалась Соборной Церковью Троицы, Снаружи по кирпичу была отбелена известью, крыша железная на деревянных стропилах, окрашена медянкой, вход в нее с трех сторон- западной, северной, южной. **Западные двери располагались под шатровым крыльцом, с висячими арками на кувшинообразных столбах, железные, створчатые**.

Главы при соборе обиты белым железом, большая из них чешуйтая, каждая увенчана железным четырехконечным крестом с сиянием - вызолоченные. Церковь святых аппостолов Петра и Павла упоминается, как зимняя церковь-трапезная, Она была построена в 1610 году. В здании размещались хлебная, поварня, мукосейня, келарская и казначейская палаты, а в погребах сушильня и квасоварня.

Сама церковь занимала небольшое помещение на 2 этаже. В 1762 году в церкви был проведен большой ремонт: в алтаре были заложены три небольших арочных окна» под ними были прорублены три прямоугольных больших окна. В это же время другие окна первого и второго этажей были растесаны. На оконные проемы были сделаны наличники, которые сохранялись до начала 80-х годов 20 столетия, фактически до начала реставрационных работ. После ремонта казенная и келарская палаты были переведены в другое помещение и церковь заняла весь второй этаж. Был сделан новый резной золоченый иконостас, а в 1803 году устроен второй придел святых Гурия и Вареонофия»

Здание заканчивалось высоким четырехскатным деревянным шатром, на котором в 1819 году был сделан деревянный купол, а над алтарем большая главка».

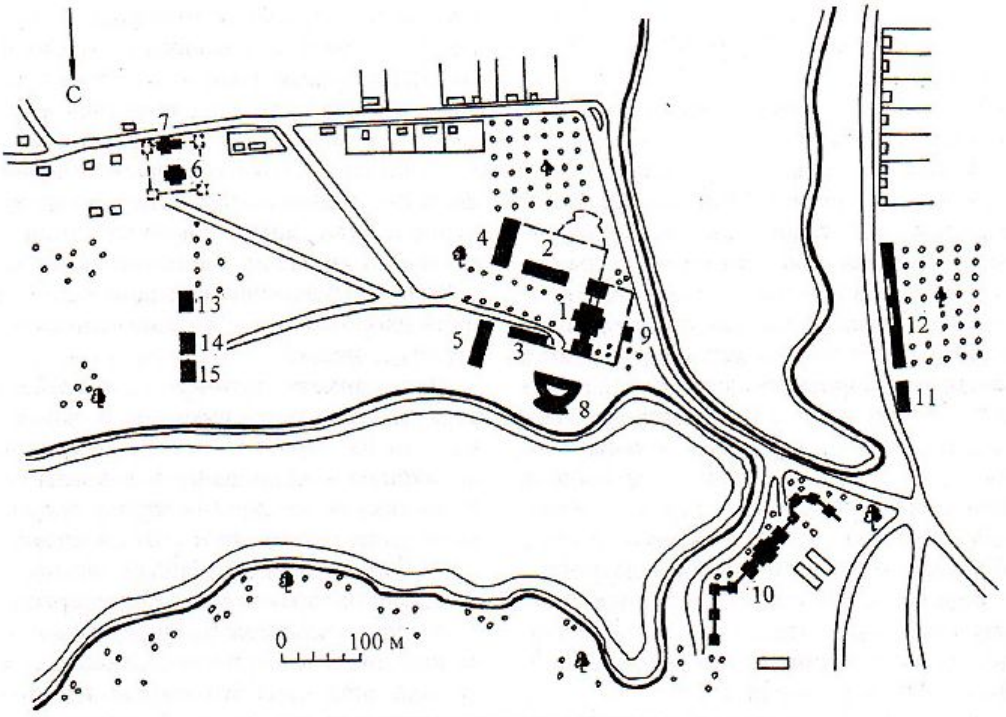
В 1800 году стены и своды церкви были расписаны, в 1855 году живопись подновлялась. К сожалению все архитектурные детали: четырехскатный деревянный шатер с куполом, а также вея роспись утрачены. Церковь Петра и Павла является одним из уникальных редких примеров монастырского культового зодчества, где в одном здании объединены храм, трапезная и другие хозяйственные помещения. Ничего подобного во всей Тверской губернии в то время не было.

Вернуться к ссылке

44.131. Алексинская усадьба

Крупный архитектурно-парковый ансамбль, создававшийся на протяжении сорока лет. Начиная с 1782 г. для владельца усадьбы И.И. Барышникова выполнял заказы М.Ф. Казаков, которому,

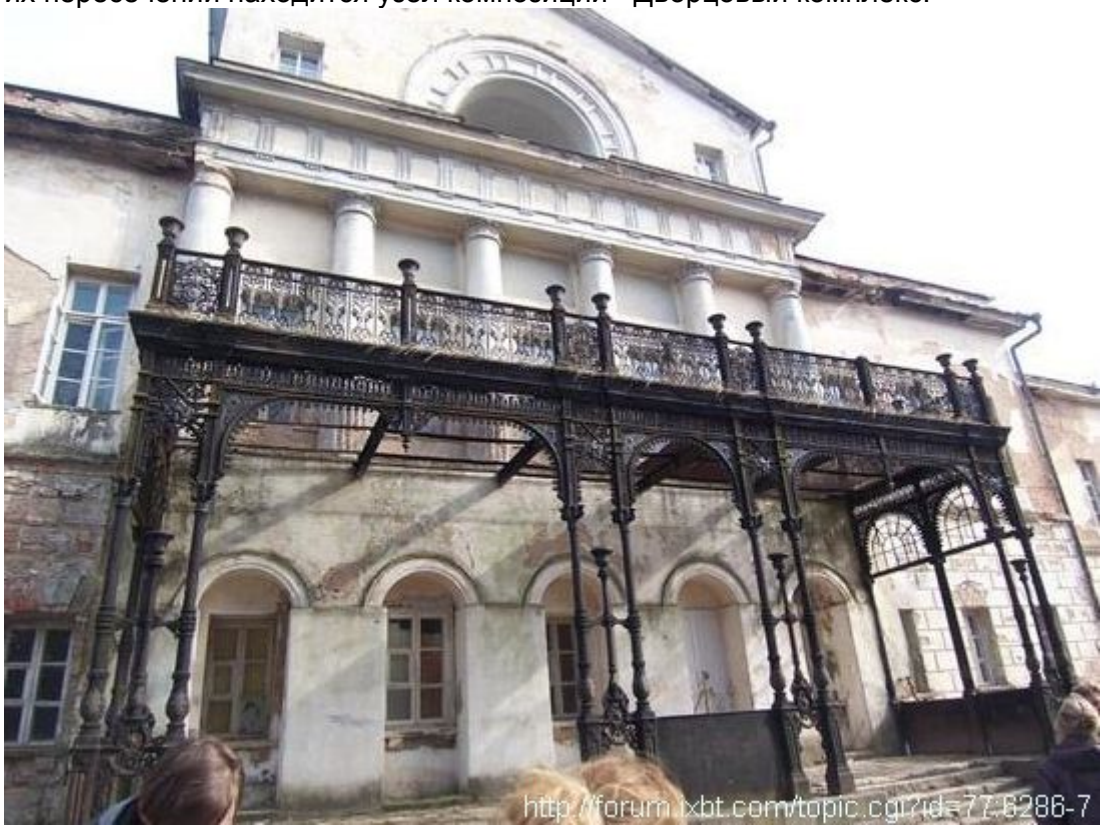
возможно, принадлежат и проекты зданий, сооруженных в Алексине. По стилистическим признакам к работам Казакова могут быть отнесены церковь Михаила Архангела, Андреевская крепость, конюшня, контора, амбары. Строительство в усадьбе велось под непосредственным наблюдением крепостного архит. Я. Жданова - ученика М.Ф. Казакова. С 1810-х гг. в создании алексинского ансамбля принимал участие Д. Жилярди, который мог проектировать дворец и музыкальный павильон. В этот период строительство в усадьбе возглавлял ученик Д. Жилярди крепостной архит. Д. Поляков.



Усадьба Барышниковых. Генплан:

1 – дворец; 2–3 – службы; 4–5 – флигели; 6 – церковь Михаила Архангела; 7 – церковь Андрея Стратилата; 8 – конюшни; 9 – музыкальный павильон; 10 – Андреевская крепость; 11 – склады; 12 – амбары; 13–15 – избы

Формирование парка продолжалось вплоть до 20-х гг. 19 в. Алексино - один из лучших и самых крупных на Смоленщине усадебных ансамблей классицизма. Структуру усадьбы определяют три планировочные оси. Главная из них - с северо-запада на юго-восток - проходит через стрелку мыса по плотине, разделяющей водоемы. Направлением берегов определены две другие оси. На их пересечении находится узел композиции - Дворцовый комплекс.



Его ядро - дворец (1819-23) - крупный объем с повышенным центром. Главную ось на юго-востоке замыкает храмовый комплекс, включающий церковь Михаила Архангела (1794) и скромный храм Андрея Стратилата (1847). Дорога в створе западной стороны церковной ограды (не сохр.) отделяла основную усадебную территорию от череды кирпичных оштукатуренных изб. Главный

(дворцовый) комплекс усадьбы был идеально симметричен. Он состоит из музыкального павильона (построен между 1818 и 1824 гг.), двух корпусов служб (нач. 19 в.), двух жилых флигелей (1770-80-е), фланкирующих парадный двор, и конюшен (1770-80-е гг.). Их также было две, но в советское время южную конюшню разобрали - осталась лишь северная, на берегу. Конюшни зеркально повторяли друг друга.

Полукруглую дугу каждого здания стягивает диаметр, обращенный к партеру перед дворцом. Ближе всего к дворцу расположены низкие хозяйственные сооружения; за ними, параллельно ему - флигели. На северо-западе главная ось проходит по касательной к западному флангу Андреевской крепости (строилась между 1798 и 1810 гг.) с высокой башней посредине и восемью низкими по сторонам.

В юго-западной части вытянулся комплекс хозяйственных построек (1780-е) с двухэтажным зданием важны между приземистыми амбарами и складами по берегу нижнего водоема. Четкость центрального ансамбля, по крайней мере в 19 в., несколько механистично подчеркивали сквозные ограды с мерным ритмом каменных столбиков. Западный прямоугольник ограды соединял торцы дворца с восточным фасадом музыкального павильона и продолжался к востоку, в плоскости задних фасадов продольных служебных построек. Два других прямоугольника (сильно вытянутых вдоль оси этого ансамбля) симметрично объединяли с торцами дворца фасады хозяйственных построек и флигелей. Все архитектурные сооружения усадьбы, вместе с водоемами и окружающими их парками, образуют единый архитектурно-ландшафтный ансамбль. К востоку от дворца (в сторону церковного комплекса) расположен старейший парк усадьбы. Сейчас он имеет пейзажный характер, и от его

первоначальной регулярной планировки сохранилась лишь аллея по восточной границе. На юге парк ограничен валом и рвом вдоль дороги на Дорогобуж. У юго-западного угла парка эта дорога поворачивает на север, вдоль берега нижнего пруда и проходит мимо дворца к парадному двору. Между западным фасадом дворца и дорогой расположен "Собственный садик". На краю его, против входа во дворец, находится невысокий музыкальный павильон.

В 1,5 км к северу от дворца на опушке леса стоит у дороги небольшая часовня, очень лаконичная по формам, свойственным неорусскому стилю нач. 20 в. Помимо старинных насаждений на левых берегах, вдоль правых берегов водоемов простираются два других, более поздних, парка. Верхний начинается у впадения реки в верхний пруд и тянется до плотины. Объемы Андреевской крепости органично связаны с верхним парком и окружены густым массивом насаждений. Нижний парк расположен на склоне правого берега нижнего пруда В отличие от верхнего, этот парк состоит из системы открытых полян, связанных между собой сетью дорожек и отделенных одна от другой редкими группами деревьев. Со многих точек парка открываются виды на другие берега с расположенными на них постройками Дворцового комплекса и Андреевской крепости. В южной части нижнего парка, у самой воды, сохранилась "зеленая беседка" из восьми лип, посаженных по кругу.

См. также **Усадьба Барышниковых в Алексине. Подробности**, Усадьба Алексино, **Алексино**, **Алексино (Дорогобужский район Смоленской области)**

Вернуться к ссылке

http://www.rustrana.ru/rubrics.php?r_id=1319

44.132. Шубин, Федот Иванович (1740—1805)

Федо́т Ива́нович Шу́бин — великий русский скульптор.

Шубин родился 17 (28) мая 1740 в Архангельской губернии, в рыбацком поселке близ Холмогор. Отец его, Иван Афанасьевич Шубной, свободный крестьянин, знал грамоту и был первым учителем М. В. Ломоносова. В семье Шубиных занимались рыбным промыслом, хлебопашеством, резьбой по кости и перламутру.

Зимой 1759 г., после смерти отца, Федот Шубной по примеру своего великого земляка отправился с рыбным обозом в столицу. Два года юноша резал табакерки, веера, гребни, безделушки, которые охотно покупали в Петербурге. В ноябре 1761 г. Федот Шубной, покровительствуемый М. В. Ломоносовым и первым попечителем Академии художеств И. И. Шуваловым, был

внесен в списки учеников под именем Федота Шубина. В Академии обучался у Николя-Франсуа Жилле.

Шубин учился настойчиво и не раз удостаивался похвалы и наград. В июне 1766 за барельеф «Убиение Аскольда и Дира» ему были вручены Большая золотая медаль и «Аттестат со шпагою», что означало получение первого офицерского чина и личного дворянства. Академические работы Шубина, к которым относятся также жанровые статуэтка «Валдайка с баранками» и «Орешница с орехами», до нас не дошли. За «хорошие успехи, добронравие, честное и похвальное поведение» Шубин с группой пенсионеров в мае 1767 года едет в Париж. Там их опекал русский посол Д. А. Голицын, человек просвещенный и передовой, меценат, большой знаток искусства. По совету Дидро, с которым был дружен Голицын, Шубина определили в мастерскую к скульптору Ж.-Б. Пигалю, известному не только как создатель аллегорических и мифологических композиций, но и как автор ряда реалистических портретных бюстов. Работая у него, Шубин копирует произведения современных французских скульпторов и античные статуи, лепит барельефы с картин Рафаэля и Пуссена. Но особенно много Пигаль заставляет своего ученика работать с натуры. Вечерами Шубин посещал натурный класс Парижской Академии художеств, часто бывал в Королевской библиотеке и мастерских известных скульпторов. «Ни единого в Париже места примечательного и достойного, касающегося для нас, не пропускаем и употребляем старание в приращении разума», — писал он в Петербург.

После трехлетнего пребывания в Париже, в конце 1770 года Шубин г разрешения Академии едет в Рим. В следующем году он создает портреты И. И. Шувалова (1771) и его племянника Ф. Н. Голицына (1771,). Удачным оказался и мраморный бюст Екатерины II, несмотря на то, что эта работа была исполнена не с натуры. Тогда же фавориты императрицы — Алексей и Федор Орловы — заказывают Шубину свои портреты. Эти произведения отличаются особой сдержанностью и реалистическими тенденциями в трактовке образов.

В 1772 г. Шубин во время путешествия с Демидовыми по Италии останавливался в Болонье, где выполнил ряд работ, за которые старейшая в Европе Болонская Академия выдала ему диплом на звание почетного академика. Летом 1773 г., перед возвращением в Петербург, Шубин вместе с Демидовыми совершил еще одно путешествие — в Лондон.

Первой работой скульптора на родине был бюст екатерининского дипломата князя А. М. Голицына, одно из самых блестящих произведений Шубина (1775, гипс,; мрамор,). Облик образованного вельможи, в котором тонкий ум сочетается со светской изысканностью, а чувство превосходства над окружающими с усталостью стареющего человека, показан проникновенно и выразительно. Великолепно передано струящееся движение складок одежды, которые будто повинуются повороту головы и плеч и в то же время оттеняют его. Мрамор поистине «дышит» под резцом мастера, как говорили современники об искусстве Шубина. Эта работа заслужила похвалу Фальконе.

4 сентября 1774 года Академия художеств, нарушив устав, согласно которому звание академика полагается только за произведения исторического или мифологического жанра, присуждает его Шубину за портретный бюст императрицы. Такое исключение стало возможным потому, что было известно о благоволении к скульптору и придворной знати и самой Екатерины II.

В 70-е годы мастер создал очень много портретов, при этом работал быстро — не менее одного бюста в месяц. Все желали иметь портреты, сделанные любимцем императрицы. Однако неистощимая наблюдательность и проницательность помогли скульптору не повторяться, находить новые решения, идущие не от внешних признаков, а от внутреннего содержания модели. В портретах Шубина перед нами проходит высший свет Петербурга. За внешней грацией и изяществом придворной дамы М. Р. Паниной (середина 1770-х,) проскальзывают холодность, властность и высокомерие; знаменитый полководец фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский (1777) изображён в искусно задрапированном плаще, внешность его нисколько не приукрашена. Более того — скульптор сумел выявить в нем черты сильной и значительной натуры. Совсем иной характер раскрыт в портрете В. Г. Орлова (1778). Аристократичная осанка, пышная

драпировка — вся импозантность внешнего вида получила под рукой скульптора оттенок иронии. Прост и строг по композиции бюст богатого промышленника И. С. Барышникова (1778). В этом представителе нарождающейся буржуазии Шубин видит умного и расчётливого дельца; блестяще слиты воедино индивидуальные и социальные черты.

Взволнованностью, романтическим настроением поражает портрет статс-секретаря Екатерины II П. В. Завадского (середина 1770-х). Такому восприятию образа способствует и пластическая трактовка формы — темпераментная быстрая лепка.

Сокровенные движения души раскрывает скульптор в удивительно поэтическом облике молодого человека — «Портрет неизвестного» (середина 1770-х). Спокойная композиция, мягкая моделировка помогают ощутить состояние глубокой задумчивости портретируемого.

В 1774—1775 годах Шубин работал над заказом Екатерины II и над серией, состоявшей из пятидесяти восьми круглых мраморных барельефов (диаметром около 70 см) с изображением князей и царствующих особ от Рюрика до Елизаветы Петровны. Барельефы предназначались для круглого зала Чесменского дворца и в настоящее время находятся в Оружейной палате. Образы трактованы в соответствии с характеристиками, данными в летописях. В следующее десятилетие Шубин выполняет многочисленные заказы на декоративные работы: статуи и рельеф для Мраморного дворца, скульптуры для Троицкого собора Александро-Невской лавры, мраморный мавзолей генерал-лейтенанту П. М. Голицыну. Последней декоративной работой Шубина была статуя Пандоры для большого каскада, созданная в связи с заменой обветшавших свинцовых скульптур Петергофа. Прообразом для нее послужила «Купальщица» Фальконе, которую Шубин копировал в Париже.

Из портретных работ 80-х годов заслуживают внимание бюсты П. Б. Шереметева (1783, Кусково), генерала И. И. Михельсона (1785,), медальон с профильным изображением Екатерины II и ее скульптурный бюст (1783).

Обособленно стоит в творчестве Шубина статуя «Екатерина II — законодательница» (1789—1790). Эта статуя, изображающая императрицу в образе богини Минервы, пользовалась большим успехом, но от императрицы скульптор не получил вознаграждения, не получил и профессорского места в Академии, где портретная скульптура считалась «низшим жанром». Со временем интерес к Шубину угасает. Выполненные без прикрас, портреты все меньше нравятся великосветской публике, которая хочет видеть свое изображение идеальным. Меньше становится заказов, падает и оплата. Художник вынужден обратиться к Г. А. Потёмкину, и тот ходатайствует перед президентом Академии художеств И. И. Бецким о зачислении Шубина на должность адъюнкт-профессора в скульптурный класс. От себя скульптор тоже подает прошение в Совет Академии и просит предоставить ему платную должность. Оба письма остаются без ответа. Тогда в 1792 г. Шубин обращается к Екатерине: «Всемилостивейшая Государыня, нахожусь в умалении здоровья и необходимости просить о помощи…» Лишь через два года прославленный мастер был утвержден профессором, но без предоставления платного места. Невзгоды подорвали здоровье и без того больного человека, обремененного большой семьей. Но Шубин не перестает работать. Произведения, относящиеся к 1790-м годам, свидетельствуют о способностях скульптора глубоко и полно раскрывать характер человека. Многогранны созданные им образы: суховатый старый вояка адмирал В. Я. Чичагов (1791,), добродушно-надменный сибарит Г. А. Потемкин (1791, ГРМ), генерал-фельдцейхмейстер Платон Зубов (1796,), педантичный И. И. Бецкой (1790-е, ГТГ), петербургский градоначальник Е. М. Чулков (1792,) и др.

В 1792 г. Шубин по памяти создает портрет М. В. Ломоносова (ГРМ). В отличие от других, этот портрет глубоко демократичен, прост но композиции и трактовке формы, насыщен глубокой интеллектуальностью. и нем нет никаких элементов парадности и официальности. Шедевром портретного искусства является бюст Павла I (1797, мрамор, ГРМ). Шубин раскрывает в нем всю сложность образа: надменность, холодную жестокость, болезненность и скрытое в глубине страдание. Тем не менее, работа скульптора Павлу понравилась.

С каждым годом положение Шубина становилось все тяжелее. В 1797 он обращается за помощью к Павлу, а через год подает прошение Академии с просьбой «не оставить дачею хотя одной казенной квартиры с дровами и свечами». Но и это осталось без внимания. Шубину не на что было содержать семью, он стал слепнуть, а в 1801 сгорели его дом и мастерская с работами, которые там находились.

Удары судьбы не заставили Шубина изменить себе. В одной из последних работ — бюсте Александра (1801, Воронежский областной музей изобразительных искусств) за внешней приветливостью императора видно холодное равнодушие. Александр все же выказал милость — пожаловал скульптору бриллиантовый перстень. Вынуждена была проявить внимание к Шубину и Академия, предоставив казенную квартиру и свечи, о которых он давно просил. В 1803 году по указу Александра I Шубина назначили, наконец, адъюнкт профессором с жалованием по штату. Но здоровье было вконец подорвано, и 12 (24) мая 1805 Шубин умер. Смерть скульптора прошла почти незамеченной. Трагически кончилась жизнь ваятеля, искусство которого, по словам В. И. Мухиной, было «образом времени».

Вернуться к ссылке

44.133. Меркурий Смоленский

Меркурий Смоленский (ум. 1239) — православный святой, почитаемый в лике мучеников. Память совершается 24 ноября (по юлианскому календарю).

Меркурий был славянином из Моравии и происходил из княжеского рода. В юнном возрасте пришёл в Смоленск и поступил на службу к смоленскому князю. Согласно жития, Меркурий отличался набожностью и «благочестивой жизнью: подвизался в посте и целомудрии».

Мученичество принял в 1239 году во время нашествия хана Батыя на Смоленск. По преданию, когда татарские войска стояли в 25 верстах от города, на Долгомостье, молившемуся ночью в соборе перед иконой Божией Матери местному пономарю явилась Богородица, велевшая позвать Меркурия.

… Меркурий послушался веления Богородицы и ночью пошёл во вражеский лагерь где, согласно жития, истребил множество врагов, включая некого исполина, наводившего на всех страх своей силою. В ходе сражения сын убитого исполина отсёк Меркурию голову, но татары в страхе бежали: «*побросав оружие, гонимые какой-то неведомой силой, они бежали от города, под котором погибло так много из лучших бойцов, и удалились из пределов Смоленских*».

Тело Меркурия было погребено жителями в Успенском соборе Смоленска. Церковное празднование в память святого Меркурия было установлено в конце XVI века, но уже с 1509 года жители Смоленска почитали его заступником города.

В Интернете большая путаница по поводу года гибели Меркурия Смоленского, так авторы статьи «**Меркурий Смоленский**» ошибочно утверждают о гибели Меркурия в 1242 году.

…«Но до нас дошла легенда о Меркурии Смоленском, в которой повествуется о татарском походе на Смоленск по возвращении их из Венгрии в 1242 году. Татаро-монгольские отряды, продвигаясь к Смоленску, достигли малопроходимого из-за огромного количества болот района у села Долгомостье на юго-востоке от города. Преодолеть эту естественную преграду смогли лишь

немногие. Они подошли к городу со стороны Молоховских ворот (стояли на месте нынешней площади Смирнова), но вышедшими из города жителями были разбиты. В память об этом событии был установлен знак, просуществовавший до XVII века.

По легенде оборону Смоленска от монголо-татар возглавил воин Меркурий. Он же, собрав необходимые силы, направился с ними к д. Долгомостье и разбил стоявшие там татарские отряды. Однако, победа была омрачена гибелью самого Меркурия, которого позднее за совершенные подвиги православная церковь объявила святым. Таким образом, монголо - татарам не удалось на этот раз установить свое иго на Смоленщине, но в 1274 году Великое Княжество все же вынуждено согласиться на уплату дани Орде. В русских летописях Мазуринского летописца 1247 года можно прочитать: князю Меркурию, как только Батый со своим войском решил идти на Смоленск, было явление (Меркурий был набожным человеком). Он услышал голос Смоленской пресвятой Богородицы: “Поди и победи татарских воинов”. Встретилось русское войско с отрядом монголо-татарского хана у д. Долгомостье (ныне Рябцевского сельского округа) на берегу Днепра. И началась битва. “... Пришел Меркурий, перекрестившись взял меч и убил исполина и многих посек... ”»

А авторы другой статьи «**Священномученик Меркурий Смоленский, Печерский**» утверждают, что это горестное событие произошло 7 августа 1347 года – «Был иноком Киево-Печерского монастыря. На Смоленской кафедре, вероятно, был приемником епископа Лазаря, так как испытал со своей паствой ужасы Батыева нашествия. В описании Киево-Печерской лавры о нем говорится: «Святой Меркурий, епископ Смоленский, убит Батыем в 1347 году». Святитель, делом и словом прославив Святую Троицу в стране земного странствования, теперь славит Ее у престола Божия. После блаженной кончины святого мощи чудесным образом приплыли по Днепру к Киеву и были положены в Ближних (Антониевых) пещерах.».

См. также **Слово о Меркурии Смоленском**, **Меркурий Смоленский**, **7 декабря - память святого мученика Меркурия Смоленского**

Вернуться к ссылке

44.134. Река Болва

Современные словари объясняют слово "болван", как обрубок дерева, чурбан. Деревянная форма для расправления шляп, париков... "Болванка" — слиток стали, а также кусок железа, дерева или заготовка для изделий.

Я говорю про Ивана, а ты про болвана. Ростом с Ивана, а умом с болвана. С рожи болван, а во всем талан. Крестил под Иваном, а прозвали болваном. Слово "болванщина" означает дурачье, неучи, неотесанный люд. В. Даль этому слову дает также пояснение — истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог.

По Брянщине протекает река Болва, приток Десны. О происхождении ее названия существует несколько гипотез. Одни предполагают, что название реки балтийского происхождения, другие - славянского, третьи, что по форме оно может быть сравнительно с вологодским и... Предание гласит также, что название реки Болва связано с древним языческим культом.

Болва. Она имеет в себе немало неразгаданного.

Наверное, многим будет интересно узнать, почему река Болва имеет такое название. Место, где мы живем, когда - то занимало племя вятичей. Вятичи - одно из многочисленных древнерусских племен, сильных и могущественных, дольше всех сохраняло свою независимость. Киевский князь Владимир предпринял два похода на вятичей и в конце концов покорил их. Последнее упоминание о вятичах, как о самостоятельном племенном объединении, относится к 1197 году. Так вот вятичи были язычниками и верили в богов, которые олицетворяли силы природы. Вырубали из деревьев и вырезали их изображения, устанавливали в своих языческих ка¬пищах и молились им, приносила в их честь жертвы. Такие вырезанные изображения носили названия идола или болвана. По Далю «болван» — это раскрашенная деревянная кукла. Но ведь в летописях река Болва называлась Оболва. Отсюда недалеко от слова оболванить. Оболванить

по В. И. Далю - заставить верить во что-либо, одурачить. Теперь можно смело говорить, что оболванить, болван - Болва. То есть, если кто - либо попадал к вятичам, то был вынужден поклоняться вместе с ними их богам, молиться их деревянным идолам, болванам.

Река, осень, Болва

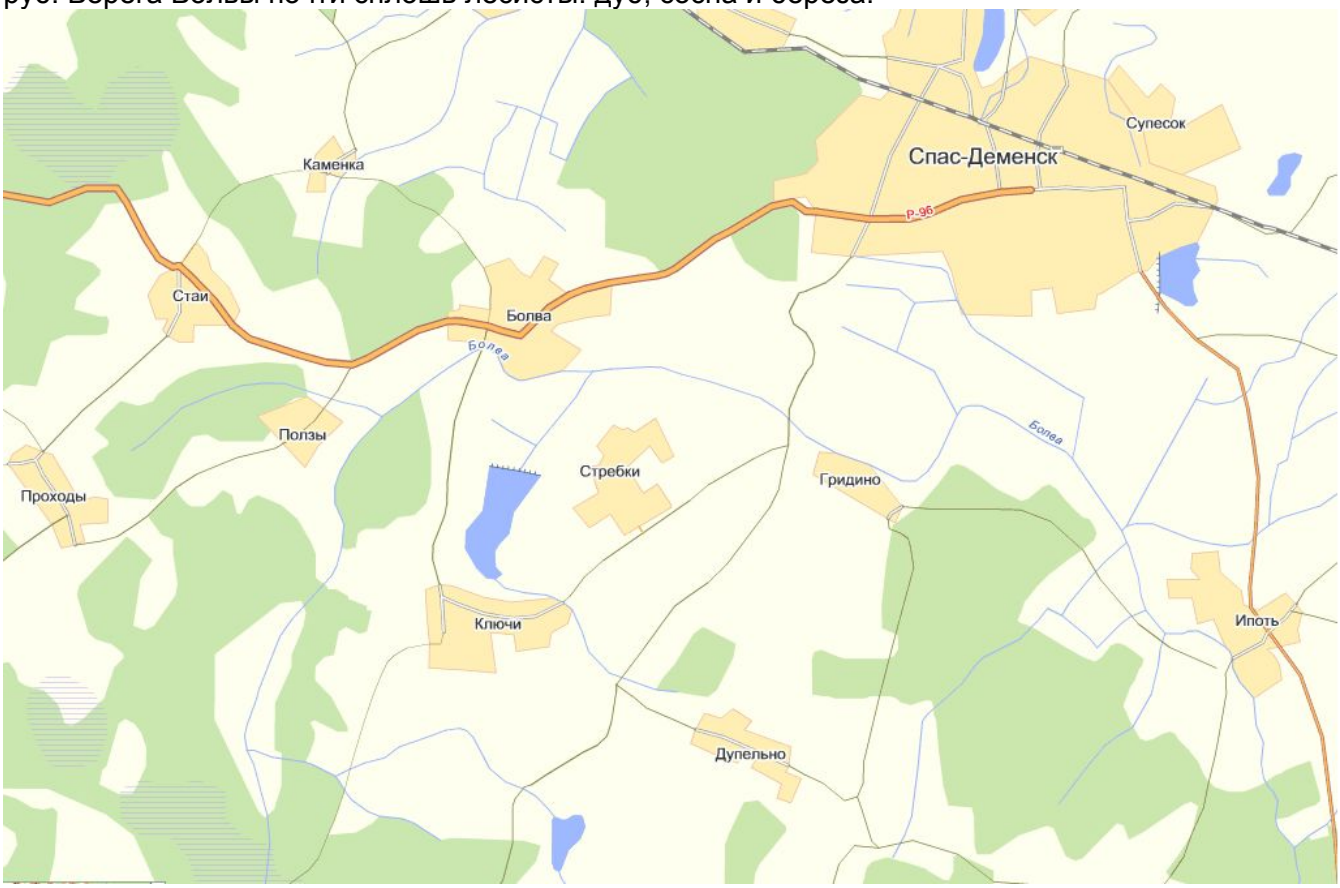
Из рек бассейна Днепра наибольшую площадь бассейна на территории Калужской области имеет р. Болва (3200 км2).

Река Болва является левым притоком р. Десны (у г. Брянска, *прим. ред.*). Истоки ее находятся в Спас-Деменском районе. Бассейн реки грушевидной формы, характеризуется слабоволнистой равнинной местностью. Максимальная ширина долины – 5 - 6 км. Ширина поймы на отдельных участках достигает 1 км. Ширина русла в нижнем течении – 12 - 15 м. Глубина реки в межень - 0,5 - 1,5 м, а наибольшая - 4м. Средняя скорость течения - 0,3 м/сек.

Остальные реки бассейна Днепра на территории области - р. Снопоть (площадь 900 км2) и р. Ветьма (180 км2) - по своим особенностям близки к рекам бассейна р. Болвы.

Болва - река Орловской и Калужской губерний, левый приток реки Десны, в которую впадает несколько выше города Брянска; берет начало в Масальском уезде Калужской губернии между селом Никольским и деревнями **Проходы** и **Ключи**. В верховьях ее берега болотисты, хотя местность возвышается здесь на 865' (Теплово и Любунь) и даже 904' (Спас-Демьянское, 129 саженей). Все течение Болвы составляет 226 верст, из которых Калужской губернии принадлежит 189 верст; остальные - Орловской губернии. От постоялого двора Усохи ширина реки Болвы достигает 10 саженей. Русло часто каменистое; есть водоскаты. В других местах берега песчаны и много отмелей. Глубина колеблется от 6' до 10', ширина достигает 50 саженей. Река имеет большое значение по обильному сплаву леса; нижнее течение Болвы судоходно всю первую половину лета. По Болве спускаются байдаки, поднимающие груза до 7 тыс. пудов. От Сукремля до Екатеринославля идут 5-6 недель. Уровень реки Болвы колеблется в пределах 62 с. при самом слиянии ее с рекою Десной (пересеч. 4° мер., близ Городища) до 95 с. в самых верховьях. У Шибенца течение очень быстрое, и берега чрезвычайно высокие; обрывы 15 сажень; выходы

фосфоритов и мергелей. Уровень реки здесь 65 с. Сплав леса достигал на реке Болве 140 тыс. руб. Берега Болвы почти сплошь лесисты: дуб, сосна и береза.



Верховья реки Болва

Вернуться к ссылке

44.135. Отопление по-черному

… Дым прогревает не только камни, но и стены бани. Сажа, оседающая на камнях, сгорает полностью, а оседающая на стенах и потолке, остается. Поэтому и называется баня по-черному. Стены и потолок в бане получаются прокопченными. Это означает, что они почти стерильны. В дыме содержится формальдегид, один из лучших антисептиков, известных человечеству. Сажа - прекрасный абсорбент, она забирает из воздуха бани все неприятные запахи, оставшиеся от предыдущего сеанса. Баня строится и топится так, что на пол и на полок сажа почти не попадает.

… Несмотря на мрачное название, баня по-черному гигиеничнее белой, в ней не выживают грибки, а расплодившиеся за неделю бактерии уничтожаются в процессе "дымного" прогрева. Поэтому и предки наши предпочитали рожать детей в бане, топившейся тогда по-черному повсеместно. Чистое помещение, тепло, наличие горячей воды делали процесс родов гораздо менее рискованным как для здоровья матери, так и для нормального начала жизни младенца.

…Дым, который образовывался при горении, выходил через устье печи и поднимался вверх. Оказавшись под потолком, дым начинал искать выход наружу. При этом он окуривал потолок и несколько верхних венцов рубленой избы. Найдя волоковое[178] окно, он изгибался книзу, чтобы попасть в него, а выйдя наружу, круто поворачивал вверх. В старинной загадке топка по-черному иносказательно изображается так: «Мать черна (печь), дочь красна (огонь), сын голенаст,

---

[178] Волоковое окно - небольшое окно, вырубленное в двух расположенных друг над другом бревнах деревянного сруба на полбревна вверх и вниз. Изнутри волоковое окно закрывается (заволакивается) тесовой задвижкой, выполненной из доски. В курной избе через волоковые окна выводился дым.

изгибаться горазд (дым)». Совершая непосредственно в избе один оборот, выходящие из печи газы оставляли свое тепло в помещении, выпуская на волю уже охлажденный дым. Таким образом, печка, топящаяся по-черному, была достаточно экономичной. Благодаря тому что во время топки изба не только окуривалась и одновременно проветривалась, из нее постоянно удалялась сырость. Когда же топка заканчивалась, волоковое окно закрывалось, и печь начинала отдавать накопленное тепло, нагревая уже чистый воздух. Установлено, что прокопченное дерево лучше противостоит гнилостным микробам, грибкам и насекомым, уничтожающим древесину. Оттого-то добротно срубленная курная изба могла простоять, не разрушаясь, более ста лет. При топке по-черному сажа покрывала защитным слоем в основном потолок, а стены только до *воронцов* — полок, идущих вдоль стен и названных так за их черный цвет. Находясь высоко, под потолком, воронцы служили как бы границей между закопченной верхней и нижней чистой частью избы. Замечательно, что в курной избе никогда не было тараканов и клопов. Ученые полагают, что топка по-черному была в свое время очень эффективным средством борьбы с эпидемиями. Может быть, поэтому страшная эпидемия чумы, разразившаяся в свое время в Европе, менее всего коснулась Руси. О том, что дым «полезен при заплесневелом воздухе и эпидемии чумы», писал в одном из научных трактатов средневековый ученый и врач Амирдовлат Амаснаци.

… На русском Севере расставаться с беструбными печами не спешили. Например, в деревнях Приозерского района Архангельской области в 20-х годах XIX века пятая, а то и третья часть изб были курными. Е.М. Бломквист, изучавший постройки восточных славян, объяснял эту живучесть черных печей так: «Высокие сводчатые потолки, характерные для северных изб, дают много места наверху для дыма, и он не ест глаз, здесь удобно сушить и покуривать рыбачьи сети под высоким потолком, а благодаря сухому теплому воздуху, характерному для истопленной черной избы вообще, дышится в этих черных хоромах легко». Вместо волокового окна в чердаке и крыше курной избы нередко делали специальные отверстия, в которые вставляли деревянные трубы. Их либо сколачивали из досок, либо выдалбливали из пустотелого ствола дерева. В безлесных районах дымоходы плели из ивовых прутьев, а затем обмазывали с внешней и внутренней стороны глиняным раствором. Хотя дымники, так же как и обычные печные трубы, возвышались над кровлей, печь все так же продолжала топиться по-черному.

… Вся система вентиляции и дымоотвода продумана здесь очень тщательно, выверена вековым житейским и строительным опытом народа. Дым, собираясь под потолком — не плоским, как в обычных избах, а в форме трапеции,— опускается до определенного и всегда постоянного уровня, лежащего в пределах лишь одного-двух венцов. Чуть ниже этой границы вдоль стен тянутся широкие полки — «воронцы», которые очень четко и, можно сказать, архитектурно отделяют чистый интерьер избы от ее черного верха....

Верх рудной избы до уровня "воронцов" примерно на полметра выше человеческого роста, от копоти открытого очага черный. Нижняя часть стен избы, пол, откосы окон и подоконники - светложелтого цвета.

Вернуться к ссылке

44.136. Вщиж

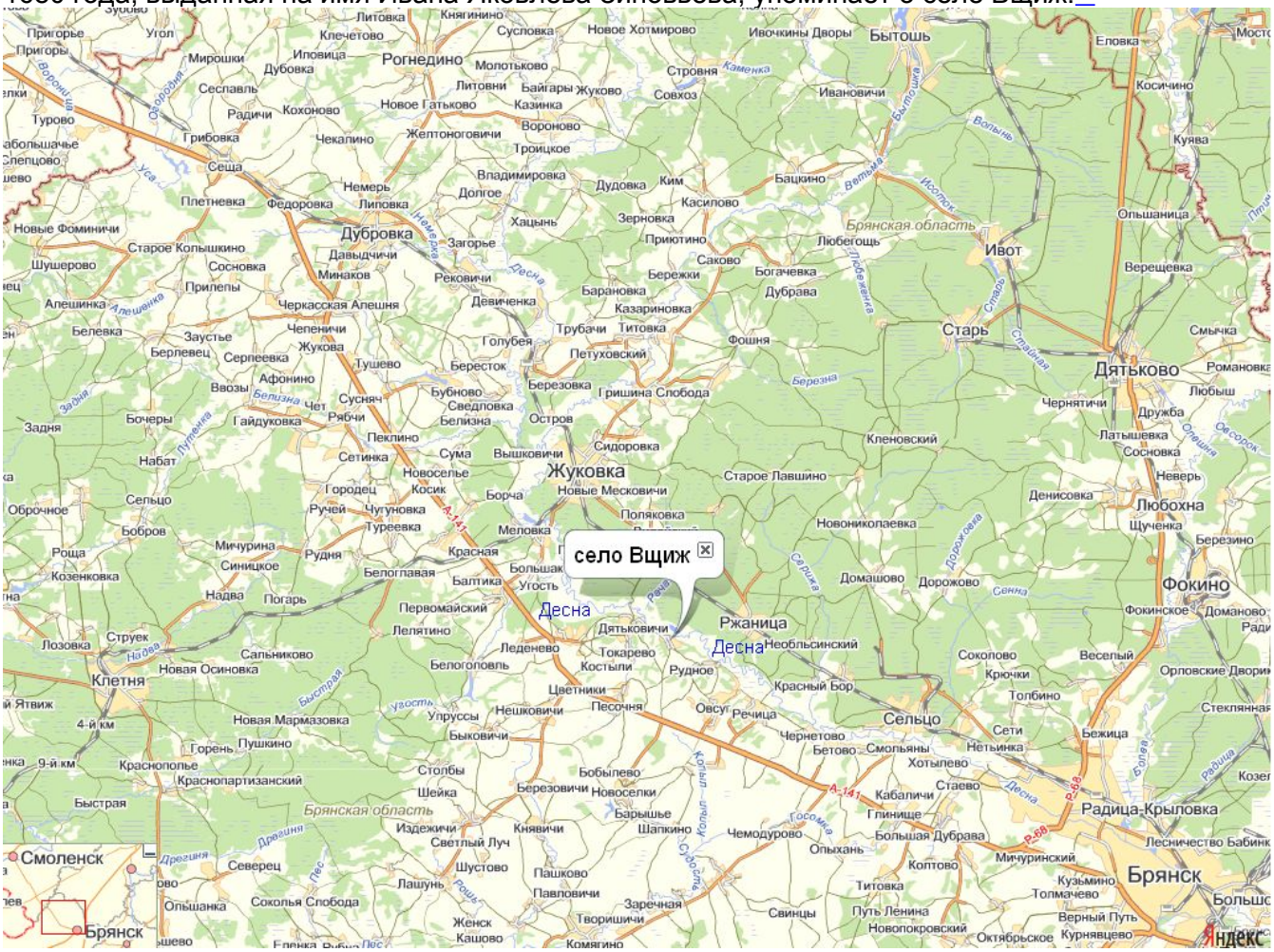
Вщиж — село в Жуковском районе Брянской области России.

Расположен на правом берегу реки Десна.

История

Вщиж или *Вщижек* и *Щиж* — главный город бывшего Вщижского княжества. Вероятно, он возник в конце X века для ограждения от степняков. В. Н. Татищев считает его удельным городом (XI век) Черниговской волости. В первой половине XII века он находился во власти черниговского князя Всеволода Ольговича, который в 1142 году уступил его Владимиру и Изяславу Давидовичам. До своей смерти в 1151 году здесь княжил Владимир, а после него его сыновья Владимир до 1152 года и Святослав до 1167 года. В 1159, во время княжения Святослава, Вщиж подвергся нападению и осаде со стороны Святослава Ольговича, явившегося к нему с полочанами и

галицкой дружиной, и не был взят только благодаря помощи, присланной Андреем Боголюбским. Тем не менее Вщижское княжество пришло в зависимость от Святослава Ольговича, как старейшего князя в Черниговской волости. В 1164 умер Святослав Ольгович, и старшим в роду являлся вщижский князь Святослав Владимирович; но он не стремился в Чернигова и до конца жизни (1167) оставался князем в Вщиже. После смерти его Вщижское княжество было разделено между его родственниками, братьями Святославом Всеволодовичем черниговским и Ярославом. Оказавшийся обиженным при этом дележе, Олег Святославич поднял усобицу. Разделенное между несколькими владельцами, княжество скоро потеряло и свое название; с XIII века, после татарского разгрома, когда Вщиж был разрушен до основания, только одна жалованная грамота 1680 года, выданная на имя Ивана Яковлева Зиновьева, упоминает о селе Вщиж.[1]



Археологические раскопки

Среди села Вщижа при раскопках в 1840-х годах найдены остатки старинной церкви, с сохранившимися внутри церковными вещами. Близ алтаря был найден склеп и в нем громадный человеческий остов. Стены церкви уцелели и возвышались на 2 аршина; толщина стен 1¾ аршина. Снаружи церкви находилось 12 колонн. Кирпич, из которого она выстроена, по своей форме и по замечательной крепости указывает на чрезвычайную древность постройки: длина кирпичей 6 вершков, ширина 4½ и толщина 1 вершок. Вокруг церкви можно проследить еще остатки галереи. Найденный скелет великана приписывается князю Святославу Владимировичу.[1] Раскопки проводились и в XX веке советским археологом Б. А. Рыбаковым в 1940 и 1948-1949 годах.[2]

… Собственно остатки города состоят из детинца (остатков крепости-замка), укрепленного рвом и валом посада и прилегающего к нему окольного града. Планировка детинца, установленная благодаря археологическим раскопкам, такова: в центре стояла башня-вежа, окруженная коновязями, ближе к стенам замка располагались дома боярской и княжеской челяди, рядом с ними крупный и богатый боярский дом. На самой оконечности мыса располагалась сторожевая

башня. Прямо на площади детинца обнаружены погребения и следы пожара, связанного с осадой 1160 г., длившейся в течении пяти недель. На территории посада обнаружены остатки каменного храма (10 х 13 м.), являвшегося доминантой застройки. При раскопках XIX в. на территории храма обнаружены уникальные предметы церковной утвари - водолей, паникадила, хоросы, остатки царских врат. Все они хранятся ныне в Государственном Историческом Музее в Москве. Близ храма, построенного (согласно имеющимся реконструкциям) в традициях черниговского зодчества располагалось небольшое кладбище. Здесь же, на посаде, а так же на территории окольного града располагались ремесленные производства: гончарные и ювелирные мастерские, кузницы, перемежавшиеся с жилищной застройкой. Храм и укрывшиеся в нем горожане погибли в 1238 г. во время осады Вщижа татарами, после чего город уже не возрождался. Лишь спустя столетия на его месте возникло село, впервые упомянутое в письменных источниках под 1623 г. Неподалеку от города еще недавно располагался курганный некрополь, воспетый великим русским поэтом Ф.И. Тютчевым. Ныне сохранился лишь 1 курган, у которого установлен памятный знак, остальные варварски уничтожены в советский период.

Вблизи Вщижского детинца расположено городище Благовещеняеская гора, исследованное Б.А. Рыбаковым. На нем в раннем железном веке располагалось славяно-балтское святилище (юхновская археологическая культура), вероятно связанное с культом богини Лады. В христианское время (XI-XIII вв.) здесь находилось кладбище, затем - православная часовня, ныне установлен памятный знак в форме креста.

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в Приложении (Козельск)

44.137. Вятичи

Вя́тичи — восточнославянский племенной союз, обитавший в VIII-XII веках в бассейне Верхней и Средней Оки (на территории современных Московской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской и Липецкой областей) [1] [2]. Археологические памятники представлены ромено-борщевской археологической культурой. [3][4]

Происхождение

Согласно Повести временных лет, вятичи и радимичи были «от рода ляхов», то есть западных славян. Название *вятичи* произошло от имени родоначальника племени, Вятко, уменьшительной формы от славянского имени Вячеслав

«Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко… а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи»

[5] [6] Альтернативная гипотеза связыват происхождение этнонима с индоевропейским корнем *ven-t «мокрый, влажный» (праславянское vet)[7]. По археологическим наблюдениям расселение вятичей происходило с территории Днепровского левобережья[7].

История

В IX — X веках вятичи выплачивали дань Хазарии по щелягу (предположительно, серебряной монете) с сохи. Они жили без князей, общественное устройство характеризовалось самоуправлением и народовластием. О существовании у них городов ничего неизвестно. В то же время находки многочисленных монетных кладов свидетельствуют об участии племенной верхушки в международной торговле. В 964 и повторно в 966 годах в результате походов князя Святослава вятичи последними среди хазарских данников были переподчинены Киевской Руси. Сын Святослава — Владимир вновь воевал с вятичами и наложил на них дань в 981 году. Они восстали, и в 982 году их пришлось завоёвывать снова. До конца XI века они сохраняли определённую политическую независимость; упоминаются походы против вятиичей князей этого времени. В последний раз вятичи упоминаются летописью под таким племенным именем в 1197 г. Их земля стала территорией Черниговского, Ростово-Суздальского и Рязанского княжеств.

Первый поток славянской колонизации Ростово-Суздальской земли: кривичи и (ильменские) словене. Вятичи начали колонизацию позднее.

Археология

Предшественниками славянского населения в бассейне верхней Оки были представители сложившейся к III—IV векам мощинской культуры. Такие особенности культуры как домостроительство, обрядность, керамический материал и украшения, в частности вещи, инкрустированные цветными эмалями, позволяют отнести её носителей к балтоязычному населению[8]. С VIII века начинается заселение верховьев Оки славянским населением, мощинская культура сменяется археологической культурой, которая сопоставляется учеными с роменской и борщевской культурами. Об этом говорят культурные элементы в

домостроительстве и керамике, характерные для славян[8]. Считается, что при этом балты не покинули прежних мест расселения, а вступили в культурное взаимодействие с пришедшими славянами. Так при влиянии представителей мощинской культуры у славян появляется традиция хоронить умерших в курганах, ранее для них не характерная, как и обычай сооружения кольцевых оград[8]. Характерные особенности славянской культуры верхнего поочья VIII—X веков:

- основной тип поселений — селища, площадью от 2,5 до 6 гектаров;
- керамика близкая по характеристикам к роменской — лепная посуда (горшки, миски и сковородки), большая часть которой не имеет орнаментов, мешьшая имеет орнаментацию, аналогичную роменской[7].

В верховьях Оки, до впадения в неё Угры, процесс ассимиляции протекал наиболее интенсивно и завершился к XI—XII векам. В XI—XII столетиях курганы указанного региона имеют уже характерный вятичский облик, погребения ориентированы головой к западу, в отличие от балтских, для которых типична ориентировка на восток. Так же славянские погребения отличаются от балтских групповым расположение курганов (до нескольких десятков)[8].

Продвижение вятичей на северо-восток вдоль долин Оки, а затем Москвы происходит, начиная с IX—X веков, об этом говорят открытия нескольких селищ с лепной керамикой в Серпуховском, Каширском и Одинцовском районах Московской области[7]. Нужно отметить, что при этом славянская колонизация не происходит в бассейнах Нары и Протвы. Указанный период характеризуется высокой плотностью славянских курганов с типичными для вятичей семилопастными височными кольцами. Наибольшее чило таких захоронений обнаружено в басейне Москвы[8].

Территория распространения археологических памятников, относящихся к периоду максимального расселения вятичей (XI—XII века), имеет следующие границы: Юго-западная граница вятичей проходит по водоразделу Оки и Десны[6]. В верховьях Десны и её притоков, а также в бассейнах притоков Оки, Жиздры и Угры, выделяется полоса, где вятические курганы соседствуют с кривичскими, памятники с находками семилопастных височных колец вятичей соседствуют с находками браслетообразных завязанных височных колец кривичей смоленско-полоцких[8]. Затем граница вятичей проходит вдоль долин Угры и Оки вплоть до впадения Москвы в Оку, минуя бассейны Протвы и Нары[8]. Далее граница расселения вятичей следует на северо-запад вдоль правых притоков до верховьев Москвы-реки (где также встречаются памятники кривичей), а потом поворачивает на восток по направлению к верховьям Клязьмы[8][6]. При впадении Учи в Клязьму граница поворачивает на юго-восток и идет сначала по левому берегу Москвы, а затем Оки[6]. Крайняя восточная граница распространения семилопастных височных колец — Переяславль-Рязанский[6]. Далее граница распространения вятичей идет к верховьям Оки, включая бассейн Прони. Верхнее течение Оки целиком занято вятичями[8][6]. Обнаружены также отдельные археологические памятники вятичей на верхнем Дону, на территории современой Липецкой области[2].

Культура

По религии вятичи долгое время оставались язычниками. В XII веке ими был убит христианский миссионер Кукша Печерский. Над мертвыми вятичи совершали тризну, а затем кремировали, возводя над местом погребения небольшие курганные насыпи. Однако согласно летописным данным, вятичи клали кости умерших в небольшую посудину, которую ставили на столбе при дорогах. Отличительной чертой женских захоронений вятичей считаются семилопастные височные кольца [9]. О балтском влиянии на вятичей (через местные племена мощинской культуры) также говорят характерные украшения — шейные гривны, которые не принадлежат к числу распространённых украшений в восточнославянском мире X-XII вв. Только у двух племен — радимичей и вятичей — они получили относительно широкое распространение. Среди вятичских украшений есть шейные гривны, не известные в других древнерусских землях, но имеющие полные аналогии в летто-литовских материалах. [10]

…Киевский монах - летописец Нестор сообщал, что вятичи - грубое племя, "яко звери, ядуще все нечисто". Да и русский мат, если верить ему, пошел гулять по Руси с легкой руки вятичей. Они этим славились - по свидетельству летописца, срамословье было у них пред отцами и снохами, браков не было, жен умыкали на плясаньях и бесовских игрищах, а некоторые имели по две и по три жены.

Впрочем, возможно, что Нестор был пристрастен к вятичам: слишком уж независимым - в том числе и от киевских князей - стремился быть лесной народ, положивший начало древнему населению Москвы.

... Из краткого продолжения Несторовой записи мы узнаем, что, во-первых, вятичи, жившие на лесной окраине средневековой Руси, были в основном земледельцами, потому что платили дань не звериными шкурами, например, "по черной куне" с дыма или "по беле" со двора, а "от плуга", и, во-вторых, так было еще во времена Святослава. Вот эта интереснейшая концовка: "...и възложи на нь дань от плуга, яко же отець его имаше".

… Однако археологические раскопки городищ и курганов, сохранившиеся произведения литературы и фольклора, законоположения, проповеди и летописи свидетельствуют о другом. Эти данные дали огромный материал для воссоздания подлинной картины образа жизни, обычаев и народного быта Руси, в том числе и тех времен, когда наши предки жили племенными объединениями. Пища их была примерно такая, как и сейчас, — ели они мясо, рыбу, птицу, овощи, фрукты и ягоды, яйца, творог и кашу, сдабривая блюда маслом, укропом, анисом, уксусом и заедая хлебом. Чая и водки не знали, но умели делать хмельной мед, пиво и квас. Ученый-археолог Б. А. Рыбаков, раскапывая лесной город вятичей Вщиж, по фундаменту и слоям насыпных потолков восстановил облик огромного двухэтажного дома, над которым красовался терем, обитый листовой медью. В доме были печи с дымоходами, рукомойники, бронзовые светильники, а в городе жили грамотные люди, о чем поведал кабаний клык с надписью: «господи помози рабу твоему Фоме». Ясно, что летописная фраза о «зверином» образе жизни подчеркивала лишь политическое и нравственное превосходство великокняжеского Киева над покоренными племенами вятичей и других прарусских народностей.

Антропологический облик

Антропологически вятичи из московского региона были близки к северянам: имели длинный череп, узкое, ортогнатное, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо и средневыступающий нос с высоким переносьем. [11] Треть вятичей умирала еще в детском возрасте. Продолжительность жизни у мужчин редко превышала 40 лет, у женщин значительно ниже. Вятичи страдали от кариеса.

См. также **Вятичи**, **Археологические памятники вятичей**, **Русские это такая мордва**, **Карачев в древности**, **Земля Вятичей**

Вернуться к ссылке

44.138. Походы Владимира Мономаха на половцев (1101-1111 гг.)

«Великая война» на степной границе продолжалась. В 1096 году хан Боняк разорил окрестности Киева и сжег в Берестове княжеский двор, а ханы Куря и Тугоркан подступили к Переяславлю. Боняка удалось отогнать, а затем объединенное войско Святополка Киевского и Владимира Мономаха обрушилось на Тугоркана. Половцы, стоявшие у Переяславля на берегу Трубежа, не ожидали нападения и были разгромлены. Сам Тугоркан и его сын погибли в сече.

Но сохраняли свои силы опасные враги — ханы Боняк и Шарукан. Война еще не была закончена. Пройдет совсем немного времени, и орда Боняка снова появится под Киевом...

В этой тревожной обстановке и собрался княжеский съезд в Любече. Громко и авторитетно звучал на нем голос Владимира Мономаха — второго по значению князя не Руси (Переяславль в иерархии русских городов следовал за стольным Киевом), прославившегося как умелый и удачливый полководец, ни разу не потерпевший поражения. Именно ему принадлежала роль фактического организатора обороны степной границы (первые удары половцев неизменно обрушивались на пограничное Переяславское княжество). Владимир Мономах убеждал князей «Пошто губим Русскую землю, сами на себя делая котору (раздор, распрю), а половцы землю нашу несут розно и радуются, когда между нами встает рать. Будем едины сердцем и соблюдем Русскую землю!» .

Не сразу и не легко согласились князья на провозглашенный принцип «каждый держит отчину» свою, потому что этот принцип отметал старые претензии на чужие владения, честолюбивые надежды на захваты новых земель и княжеских столов, потому что каждый, кто осмелится теперь поднять меч на своих сородичей, встретит общий отпор князей: «Если теперь кто на кого покусится, против того будут все и крест честной!» Половецкая рать была слишком опасной, она угрожала всем, и князья принесли клятвы верности: «Сотворить мир и благость земле Русской и брань иметь с погаными».

Клятвы были даны, но усобицы утихли не сразу. Еще два года то там, то здесь вспыхивали пожары братоубийственных войн, пока, наконец, в 1100 году княжеский съезд в городе Витичеве не положил им конец. Появилась реальная возможность для общерусской борьбы с половцами.

Первые же известия об объединении русских князей произвели отрезвляющее впечатление на половецких ханов. В 1101 году, по словам летописца, «прислали половцы послов своих и просили мира», и русские князья «сотворили мир с половцами». Половцы клялись, что будут во веки веков хранить мир, не нарушать русских рубежей, перестанут вымогать дары. Но уже осенью 1102 года хан Боняк, нарушив клятвы, напал на переяславские земли и ушел с добычей прежде, чем подоспели русские дружины. Нет, на клятвы половецких ханов надеяться было нельзя, обеспечить безопасность южной границы можно только военными средствами.

По инициативе князя Владимира Мономаха на Долобском озере снова собрались русские князья. Речь шла о большом походе в половецкие степи. Владимир Мономах предлагал начать поход весной 1103 года, когда половцы не ждали нападения, когда кони их обессилели после голодной зимовки. Были у него и противники, которые говорили: «Не годится, князь, весною идти в поход, погубим смердов, и коней, и пашню их». В летописях сохранилась гневная отповедь князя Владимира Мономаха: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут. А почему не помыслите о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его из лука? А лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и все его именье? Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?»

Владимиру Мономаху удалось убедить князей. Было решено, что в марте рати соберутся в Переяславле для совместного похода в половецкую степь. Впервые на рубеже собиралось общерусское войско (только князь Олег Святославич Новгород-Северский, давний недруг Ярославичей, отказался прислать дружину), впервые Владимир Мономах мог вести войну по своему плану, так как являлся фактическим предводителем войска (его старший брат Святополк Киевский не отличался военными способностями и лишь формально возглавлял войско). Князю предстояло реализовать свои давние планы войны с неуловимой половецкой конницей, войны, подобной которой не вел еще никто из русских князей. Разве что князь-витязь Святослав, но для него рейд в печенежские степи был не более чем эпизодом среди грандиозных походов...

Владимир Мономах давно понял, что в войне с извечными врагами Руси — кочевниками нельзя придерживаться оборонительной тактики, нельзя отсиживаться за валами и засеками, за стенами крепостей, обрекая войско на пассивность и давая тем самым половцам возможность определять направление ударов, создавать там, где им выгодно, огромный перевес сил. И дружинная конница, лучшее в мире войско, тоже вынуждена была следовать по путям, проложенным для нее половцами: конные дружины выходили лишь в погоню за половецкой ордой, стремясь уже после

набега отбить добычу и пленников. Необходимо было не преследовать отступающего, насытившегося кровью и добычей врага, а предупреждать его, громить вдали от русских земель, лишать возможности нападения, организовывать походы значительными силами далеко в глубь степей, мощные удары по центрам кочевий, по половецким городкам, которые те вынуждены будут защищать, потому что в городках их семьи и награбленная добыча. И не придется разыскивать летучие отряды половцев в степной необъятности, они сами соберутся вместе, чтобы преградить дорогу к своим вежам. Вот тогда-то и можно решить исход всей войны в больших сражениях, в «прямом бою», которого степняки не любят, но к которому их вынудит военное искусство противника. Навязать половецким ханам свою волю, заставить их сражаться там и так, как это выгодно русским воинам,— вот в чем видел Владимир Мономах залог успеха. Но пока это были только мысли о войне, их надо было превратить в дела, и это собирался совершить князь в предстоящем походе. И еще одну неожиданность приготовил Владимир Мономах своим врагам. Раньше в полевых сражениях с половцами участвовали главным образом конные дружины, к схваткам с ними половцы привыкли, умели расстраивать ряды, убивая стрелами лошадей, нападая клином тяжеловооруженных всадников. Половецким атакам князь; решил противопоставить глубокий строй пеших воинов, прикрытых большими щитами, вооруженных длинными копьями. Ощетинившийся копьями сомкнутый строй пешцев остановит яростные атаки половецких наездников, а конница довершит разгром. Именно так поступил когда-то князь Святослав, готовясь к истребительным атакам стальных византийских катафрактов, и добился желаемого. Военный опыт предков — достояние потомков!

Войско выступило в поход, когда Днепр очистился ото льда. По полноводной весенней реке поплыли на юг в ладьях пешцы, а по берегам вровень с ними шли конные дружины. Далеко впереди бежали сторожевые разъезды, что бы вовремя предупредить об опасности. Тем не менее Владимир Мономах приказал всем воинам надеть доспехи и не выпускать из рук мечей и копий: половцы коварны, внезапные нападения из засады их излюбленная военная хитрость.

Где-то возле острова Хортица, близ порогов, пешцы вышли из судов на берег, соединились с конными дружинами. Начался поход через степи к реке Молочной, что впадала в Азовское море. Там были центры половецких кочевий, туда уходили половцы с наступлением осени, чтобы перезимовать в теплых краях, а поздней весной, когда степь покроется травой, возвратиться к русским рубежам.

Первая стычка была выиграна русским сторожевым полком, который двигался осторожно, по оврагам и логам, за холмами и курганами. Передовой отряд хана Алтунопы был окружен русскими пешцами и почти весь перебит, а немногие уцелевшие в сече, прорвавшиеся через кольцо пешцев половцы были настигнуты свежей русской конницей и зарублены. Погиб и сам Алтунопа. Некому было даже предупредить об опасном продвижении русского войска.

Успех воодушевил русских князей, и они охотно согласились с предложением Владимира Мономаха ускорить движение, постараться навязать генеральное сражение главным половецким силам, а если половцы не примут боя — разорять их вежи до самого Дона, пока ханы не выйдут навстречу, чтобы спасать свое богатство и сородичей.

Половцы решили принять бой. На рассвете 4 апреля две рати сблизились. Летописец так описал начало сражения: «И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу». Русские полки успели принять боевой порядок, тщательно продуманный Владимиром Мономахом. В центре встала крепкая пешая рать: в едином сомкнутом строю стояли киевляне и черниговцы, смоляне и ростовцы, переяславцы и полочане. На крыльях — конные княжеские дружины.

Половецкая атака разделялась как бы на несколько последовательных ударов, каждый из которых мог сломить дух войска и сокрушить его. Мог бы, но не сумел...

Вот на русский строй накатились волны половецких конных лучников, как косой секущий дождь полились бесчисленные стрелы. Но пешцы, прикрывшись большими щитами, окованными железом, выстояли. Лучников сменили тяжеловооруженные воины в панцирях, с разящими кривыми саблями. Своей массой они хотели проломить русский строй. Но пешцы приняли их на копья, разили коней и всадников, опрокидывали на землю храбрецов, первыми бросавшихся на русский строй. А когда половцы в нескольких местах прорвали первую линию копьеносцев, их приняли в топоры и кинжалы задние ряды.

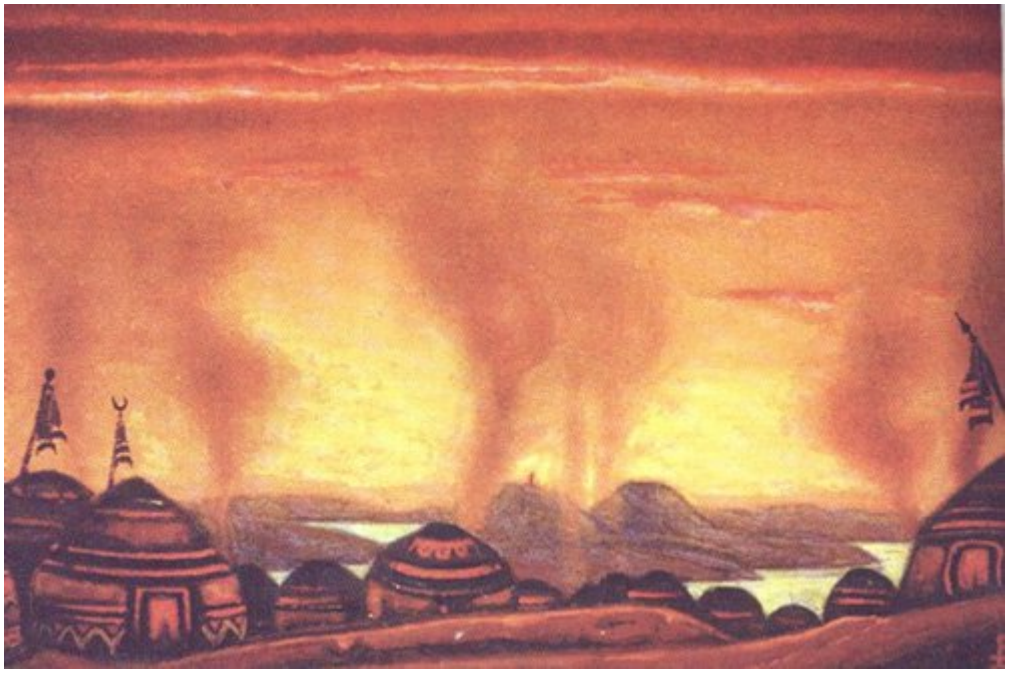
Падали в степную траву половецкие всадники, а русский строй не пятился, продолжал стоять, и половецкие запасные отряды сгрудились перед толпой сражавшихся, не зная, что делать,— сеча могла поглотить их, растворить в себе, каждый новый отряд только увеличил бы толчею. Ханы недоумевали: куда направить следующие удары?

И тогда по сигналу Мономаха в битву вступили конные дружины, ударив с флангов. Половцы дрогнули и побежали, их преследовали русские дружинники на свежих, не утомленных битвой конях. Спастись удалось не многим. В сече и во время преследования было убито двадцать половецких ханов: Уруссоба, Кчия, Арсланопа, Китанопа, Куман, Асупа, Куртх, Ченегрепа, Сурьбан и прочие, менее известные. Это была победа!

После короткого отдыха русское войско двинулось дальше, на беззащитные половецкие станы.

Была захвачена огромная добыча: шатры и имущество, стада, табуны коней. Но главным было освобождение множества русских пленников, которых половцы еще не успели отправить на невольничьи рынки Крыма, в Судак и Херсонес.

Торжественно встретил победителей Переяславль, вотчина князя Владимира Мономаха. Велика была радость князей, но Владимир Мономах предостерегал от преждевременного успокоения. Еще сохранили свои конные тысячи самые опасные враги Руси — ханы Шарукан и Боняк, неизвестно даже, где они кочуют. Предстоят еще нелегкие походы, чтобы границы Руси стали по-настоящему безопасными. Половцы получили жестокий урок — не более.



Урок действительно был жестоким. Донецкие половцы, разгромленные Владимиром Мономахом, притихли. Не было с их стороны вторжений ни в следующем году, ни через год. Но хан Боняк продолжал набеги, хотя и без прежнего размаха, осторожно. Поздней осенью 1105 года он внезапно появился у Зарубинского брода, неподалеку от Переяславля, пограбил приднепровские села и деревни и быстро отступил. Князья даже не успели собрать погоню. В следующем 1106 году половцы нападали на Русь уже трижды, но набеги были малоудачными и не принесли степнякам добычи. Сначала они подступили к городку Заречску, но были отогнаны киевскими дружинами. По словам летописца, русские воины гнали половцев «до Дуная» и «полон отняли». Потом Боняк

«повоевал» возле Переяславля и поспешно отошел. Наконец, по словам летописца, «пришел Боняк и Шарукан Старый и иные князья многие и встали около Лубна». Русское войско двинулось им навстречу, но половцы, не принимая боя, «побежали, хватаючи коней».

Эти набеги не представляли серьезной опасности для Руси, легко отражались княжескими дружинами, но недооценивать половецкой активности было нельзя. Половцы начали оправляться от недавнего разгрома, и нужно было готовить новый большой поход в степи. Или, если Боняк и Шарукан опередят, достойно встретить их на рубежах русской земли.

В августе 1107 года большое половецкое войско осадило Лубен, Шарукан привел с собой уцелевших донских половцев, хан Боняк — приднепровских, к ним присоединились ханы других половецких орд. Но в переяславской крепости еще с лета стояли дружины многих русских князей, собравшихся по призыву Владимира Мономаха. Они кинулись на помощь осажденному городу, с ходу форсировали реку Сулу и внезапно ударили по половцам. Те, даже не выставив боевые стяги, бросились врассыпную: некоторые не успели взять коней и бежали в степь пешими, бросив полон и награбленную добычу. Мономах приказал коннице неотступно преследовать их, чтобы некому было снова нападать на Русь. Боняк и Шарукан с трудом спаслись. Преследование продолжалось до реки Хорол, через которую, пожертвовав прикрывавшими его бегство воинами, успел переправиться Шарукан. Добычей победителей стало множество коней, которые славно послужат русским воинам в будущих походах в степи.

Политическое значение этой победы было большим. В январе 1108 года ханы многочисленной орды Аепы, кочевавшие неподалеку от рубежей Киевской Руси, предложили заключить договор о мире и любви. Договор был принят русскими князьями. В результате единство ханов распалось, создались условия для окончательного разгрома Шарукана и его союзников. Но подготовка нового общерусского похода в степи требовала значительного времени, а Шарукану нельзя было давать передышки. И зимой 1109 года Владимир Мономах послал на Донец своего воеводу Дмитра Иворовича с переяславской конной дружиной и пешцами на санях. Ему было велено точно выяснить, где стоят зимой половецкие станы, готовы ли они к летним походам на Русь, много ли осталось у Шарукана воинов и коней. Русская рать должна была опустошить половецкие вежи, чтобы Шарукан знал: и зимой не будет ему покоя, пока он враждует с Русью.

Воевода Дмитр выполнил поручение князя. Пешцы в санях и дружинники верхами быстро прошли через степи и в начале января уже были на Донце. Там их встретило половецкое войско. Воевода выставил против половецкой конницы испытанный сомкнутый строй пешцев, о который разбилась атака лучников, а разгром вновь довершили фланговые атаки конных дружинников. Половцы бежали, бросив свои шатры, имущество. Тысячи кибиток и множество пленных и скота стали добычей русских воинов. Не менее ценны были сведения, принесенные воеводой из половецких степей. Оказалось, Шарукан стоит на Дону и собирает силы для нового похода на Русь, обменивается гонцами с ханом Боняком, который на Днепре тоже готовится к войне.

Весной 1110 года объединенные дружины князей Святополка, Владимира Мономаха и Давида выдвинулись к степному рубежу, встали у города Воиня. Туда же шли из степи половцы, но, неожиданно для себя встретив готовое к битве русское войско, повернули назад и затерялись в степях. Половецкое вторжение не состоялось.

Новый поход в степи готовился долго и обстоятельно. Снова на Долобском озере встретились русские князья, чтобы обсудить план похода. Мнение воевод разделилось: одни предлагали подождать следующей весны, чтобы двинуться на Донец в ладьях и на конях, другие — повторить зимний санный поход воеводы Дмитра, чтобы половцы не могли откочевать на юг и откормить на весенних пастбищах своих коней, ослабевших за время зимней бескормицы. Последних поддержал Владимир Мономах и его слово оказалось решающим. Начало похода наметили на самый конец зимы, когда морозы спадут, но еще сохранится легкий санный путь.

В конце февраля в Переяславле сошлись рати из Киева, Смоленска, Чернигова, Новгорода-Северского и других городов. Прибыли великий киевский князь Святополк с сыном Ярославом, сыновья Владимира Мономаха - Вячеслав, Ярополк, Юрий и Андрей, Давид Святославич

Черниговский с сыновьями Святославом, Всеволодом, Ростиславом, сыновья князя Олега — Всеволод, Игорь, Святослав. Давно не собиралось для совместной войны столько русских князей. Снова к конным княжеским дружинам присоединились многочисленные рати пешцев, так хорошо проявившие себя в прошлых походах на половцев.

26 февраля 1111 года войско выступило в поход. На реке Альте князья остановились, поджидая припоздавшие дружины. 3 марта войско вышло на реку Суду, пройдя за пять дней около ста сорока верст. Учитывая, что вместе с конными дружинами двигались пешцы и большие санные обозы с оружием и припасами, такие темпы похода следует признать весьма значительными — тридцать верст за дневной переход!

Идти было тяжело. Началась оттепель, снег быстро таял, лошади с трудом тащили нагруженные сани. И тем не менее скорость похода почти не снизилась. Только хорошо обученное и выносливое войско было способно на такие переходы.

На реке Хороле Владимир Мономах приказал оставить санный обоз, перегрузить оружие и припасы во вьюки. Дальше шли налегке. Начиналось Дикое Поле — половецкая степь, где не было русских поселений. Тридцативосьмиверстный переход от Хорола до реки Псел войско преодолело за один дневной переход. Впереди ждала река Ворскла, на которой русские воеводы знали удобные броды — это было очень важно, так как полноводные весенние реки представляли серьезную преграду. Далеко впереди главных сил ехали конные сторожи, чтобы предупредить неожиданное нападение половцев. 7 марта русское войско вышло на берег Ворсклы. 14 марта рати достигли Донца, повторив зимний поход воеводы Дмитра. Дальше лежала «земля незнаемая» - так далеко русские дружины еще не заходили. Впереди мелькали конные разъезды половцев — орда хана Шарукана была где-то близко. Русские воины надели доспехи, приняли боевой порядок: «чело», полки правой и левой руки, сторожевой полк. Так и пошли дальше, в боевом порядке, готовые в любую минуту встретить половецкое нападение. Позади остался Донец, показался Шарукань — степной город, состоявший из сотен кибиток, шатров, невысоких глинобитных домов. Половецкая столица впервые увидела вражеские знамена под своими стенами. К обороне Шарукань явно не готовился. Вал вокруг города был низким, легкопреодолимым — видимо, половцы считали себя в полной безопасности, надеясь, что их надежно оберегают просторы Дикого Поля... Жители прислали послов с дарами и просьбами не разорять город, но взять откуп, какой русские князья назначат. Владимир Мономах приказал половцам сдать все оружие, отпустить пленников, вернуть награбленное в прошлых набегах имущество. Русские дружины вошли в Шарукань. Это произошло 19 марта 1111 года.

Только одну ночь простояло русское войско в Шарукане, а утром пошло дальше, к Дону, к следующему половецкому городку — Сугрову. Его жители решили защищаться, выйдя с оружием на земляной вал. Русские полки со всех сторон окружили Сугров и засыпали его стрелами с горящей просмоленной паклей. В городе начались пожары. Обезумевшие половцы метались по пылающим улицам, пытаясь справиться с огнем. Тогда начался приступ. Тяжелыми бревнами-таранами русские воины пробили городские ворота и вошли в город. Сугров пал. Разбойничье гнездо, из которого в прошлые годы вылетали лихие ватаги половецких всадников для очередного набега, прекратило свое существование.

До реки Дона оставалось всего половина дневного перехода... Между тем сторожевые разъезды обнаружили большое скопление половцев на речке Сольнице (река Тор), притоке Дона. Близилось решительное сражение, итогом которого могла быть только победа или смерть: русское войско так далеко зашло в Дикое Поле, что спастись от быстрой половецкой конницы в случае отступления было невозможно.

Наступил день 24 марта 1111 года. Густые толпы половцев показались на горизонте, выкинув вперед щупальца легкоконных разъездов. Русское войско приняло боевой порядок: в «челе» — великий князь Святополк со своими киевлянами; на правом крыле — Владимир Мономах и его сыновья с переяславцами, ростовцами, суздальцами, белозерцами, смолянами; на левом крыле

— черниговские князья. Испытанный русский боевой строй с несокрушимой фалангой пехоты в центре и быстрыми конными дружинами на флангах...

Так сражался Владимир Мономах в 1076 году с рыцарской конницей в Чехии — пешцы-копьеносцы в центре и конница на флангах — и победил. Так он строил войско в прошлом большом походе против половцев и тоже одержал верх. Так спустя много лет расставит свои полки еще один славный витязь «Ярославова рода» — Александр Невский, когда приведет своих воинов на лед Чудского озера, чтобы отбросить немецких псов-рыцарей...

Только к концу дня половцы собрались для атаки и огромными толпами бросились на русский строй. Опытный Шарукан отказался от обычной половецкой тактики — удара конным клином в «чело» — и наступал по всему фронту, чтобы конные дружины князей не могли помочь пешцам фланговыми ударами. Жестокая сеча началась сразу и в «челе», и на крыльях. Русские воины с трудом сдерживали половецкий натиск.

Наверное, хан ошибся, именно так построив сражение. Его воины, многие из которых не имели доспехов, не были привычны к «прямому бою», к тесной рукопашной схватке и несли огромные потери. Русские выстояли и начали медленно продвигаться вперед. Быстро смеркалось. Половцы, поняв, что сокрушить русское войско неистовым натиском не удается, повернули коней и ускакали в степь. Это был успех русских князей, но это не была еще победа: множество половецких всадников спаслись и могли продолжать войну. Так и расценил ситуацию Владимир Мономах, посылая вслед за половцами сторожевой полк. Шарукан будет где-то собирать свое степное воинство, нужно узнать — где...

Только один день стояли русские полки на поле битвы. Сторожевые разъезды сообщили, что половцы снова собираются в толпы близ устья Сольницы. Русские полки выступили в поход и шли всю ночь. Впереди уже мигали костры огромного половецкого стана.

Наступило утро 27 марта 1111 года. Оба войска вновь стояли друг против друга. На этот раз Шарукан не стал искать удачи в страшном «прямом бою», в котором русские оказались непобедимыми, а попытался со всех сторон окружить полки князей, чтобы издали расстреливать ратников из луков, пользуясь быстротой половецких коней и огромным численным превосходством. Но Владимир Мономах не позволил взять свое войско в кольцо и сам решительно двинулся вперед.

Это было неожиданностью для половецких военачальников: обычно русские ждали, когда на них нападут, и только отразив удар, переходили к контратакам. Половцы вынуждены были снова принять «прямой бой». Предводитель русского войска навязал врагу свою волю. Вновь половецкая конница навалилась на центр русского строя, и опять пешцы-копьеносцы выстояли, дав возможность конным дружинам ударить по флангам. Переяславская дружина под стягом Владимира Мономаха сражалась на решающих участках боя, наводя страх на врагов. Конные дружины других князей врывались в половецкие ряды, разрывали на части половецкий строй. Напрасно метались ханы и тысячники, пытаясь наладить управление боем. Половцы сбивались в нестройные толпы, беспорядочно передвигались по полю, избиваемые неуязвимыми в своих доспехах русскими дружинниками. И надломился дух половецкого войска, покатилось оно вспять, к Донскому броду.

Устрашенные этим зрелищем, остановились свежие половецкие тысячи на другом берегу Дона. Конные дружины неотступно преследовали отступавших половцев, безжалостно вырубая их длинными мечами. Десять тысяч воинов хана Шарукана нашли погибель на донском берегу, множество попало в плен. Разгром был полным. Не до набегов на Русь теперь хану...

Вести о победе русских князей на Дону громом прокатились по половецким степям. Устрашился хан Боняк, увел своих днепровских половцев подальше от русских рубежей, и на Руси не было даже известно, где он и что делает. Остатки донских половцев откочевали к Каспийскому морю, а некоторые еще дальше — за «Железные ворота» (Дербент). Великая тишина наступила на степной границе Руси, и это было главным результатом похода. Русь получила долгожданную

передышку.
Вернуться к ссылке

44.139. КОЗЕЛЬСКИЙ КАМЕННЫЙ КРЕСТ

Каменный Козельский Крест является древнейшей святыней Козельска. Его происхождение восходит к дохристианской эпохе вятичей, пришедших в Козельский край в V веке по Р.Х. Вятичи поклонялись балто-славянским богам-идолам и именно таким идолом и был прежде этот камень, изображавший, по всей видимости, богиню – покровительницу женщин. Об этом свидетельствуют антропоморфные формы камня, напоминающие женскую фигуру (бабу), поднявшую вверх в молитвенном или благословляющем жесте руки. Однако, с принятием христианства, вятичи переделали камень в Крест: стёсано лицо бабы, камень приобрёл более обобщённые формы, напоминающие крест. По преданию, в таком, уже христианском виде, козельский каменный Крест был установлен на братской могиле козельчан, погибших при Батыевом нашествии.

То, что наши предки установили на этом святом месте свою главную святыню, свидетельствует о многом: во-первых, каменный Крест был для них символом их веры Христу и отречения от язычества, и именно он достоин был стоять на могиле христианских мучеников, убитых язычником Батыем. Во-вторых, разрушенный и сожжённый дотла город вряд ли сохранил какие-либо церковные святыни (учитывая то, что храмы Козельска были деревянными). Но неповреждённый огнями пожарищ каменный Крест в глазах козельчан символизировал несгибаемый дух Козельска. Более того, каменная «вечность» Креста – давала козельчанам надежду на увековечивание их подвига в памяти народной.

Всё это полностью соответствует дошедшим для нас летописным свидетельствам о том, с какими чувствами и с какою верою козельчане совершали свой подвиг!

"***Козляне же свет сотвориша не вдатися Батыю. Рекше яко аще князь наш млад естью Но положим живот свой за нь и сде славу сего света приимше и там небесныя венцы от Христа Бога приимем***" (Ипатьевская летопись).

…Крест этот по преданию был поставлен уцелевшими козельчанами на братской могиле защитников Козельска. Благодаря усилиям козельского краеведа В.Н. Сорокина Козельский Крест был установлен как памятник героям обороны Козельска на Мемориальной площади. Сохранился Сорокинский рисунок этого памятника. Далее, возможно в связи с сооружением на площади мемориала Великой Отечественной войны, а может быть и из крестоборчества атеистической власти, Крест был передан в Козельский краеведческий музей в качестве экспоната и был установлен во дворе старого здания музея. В связи с получением музеем нового здания (дома Цыплакова) крест демонтировали и… (!) бросили в сарай около старого музея.

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в Гл.28

44.140. Днепр-Десна-Рессета-Жиздра-Ока-Волга

44.140.1. Исток Оки

… **Исток Оки** объединяет с большинством подобных мест то, что его нельзя однозначно локализовать. Как утверждают многие источники из-за активной хозяйственной деятельности, вырубки лесов, распашки земель, и мелиорации, облик как Орловщины, так и конкретно истока Оки и ее участка вплоть до Орла сильно изменился. Так по описанию А.Я. Ефимова в истоках Оки в конце XIX – XX вв. располагались многочисленные труднопроходимые болота или заболоченные леса, на надпойменных террасах произрастал широколиственный лес.

… Нужно также отметить, что Ока берет свое начало в зоне большого водораздела, где сравнительно на не большой площади имеют свои истоки притоки Волги, Днепра и Дона. То есть в этом месте как бы соприкасаются воды Черного, Азовского и Каспийского морей. Таких зон в европейской России насчитывается еще три. Зона Оковецкого леса (Балтийское, Черное и Каспийское моря) Оковецкий святой ключ, Андомская возвышенность (Балтийское, Каспийское моря, и Северный Ледовитый океан) Атлека-исток трех океанов и зона в республике Коми (Баренцево, Белое и Каспийское моря).

… С.Д. Краснощекова и Л.Н. Красницкий в своей монографии «Археология Орловской Области». «Вешние Воды», Орел, 2006 г., следующим образом описывают проблему истоков в древности. «Если взять квадрат со стороной 10-15 км по границе Орловской и Курской областей с центром в д. Александровка, то в границах этого квадрата берут начало, помимо Оки, ее притоки Очка, Неручь (приток Зуши), Сучья (приток Сосны) и Снова (приток Сейма). Близко находятся истоки другого притока Сема – Свапы, являющейся юго-западной границей Орловской и Курской областей. По мнению курских краеведов, ранее все эти реки брали истоки из Самодуровского, ныне пересохшего озера. Есть описание Самодуровского болота 1925 г.: «…Впадина до 530 м ширины, представляющая из себя сплошной торфяник, и сейчас не пересыхающий в летом в северной части. Эта впадина не так давно (лет 39-40) представляла из себя непроходимое болото, скорее озеро, ширина которого в некоторых местах доходила до 2 км и глубина от 10 до 21 метра. Из этого, почти осушенного в настоящее время громадного болота, берут начало Свапа, Очка, Снова и Сновка. Есть основания для допущения, что в этом месте в исторические времена проходила связь между Днепровским и Волжским бассейнами… Можно предположить, что Самодуровское болото между истоками Сновы и Очки было когда-то озером и, таким образом, чрез него создавался непрерывный, без волоков, путь из Днепра в Волгу, «великий водный путь из Черного моря в Каспийское». Данный водный путь от Киева шел вверх по Днепру до устья Десны, по Десне до устья Сейма, по Сейму и его притокам до Самодуровского озера. Далее возможны два варианта: первый - по Очке и далее по Оке до Волги, второй – по Неручи и Зуше до Оки – Волги. Через Самодуровское озеро был возможен путь от Днепра к Дону по притокам Сосны и далее по Сосне. Сохранившиеся древнерусские летописи не содержат сведений об использовании самодуровского «гидроузла», но находки римских монет и арабских дирхемов IX-X вв. по курскому Посемью и Верхней Оке подтверждают такую возможность, особенно в весеннее половодье, когда Орловское течение Оки вплоть до середины XIX в. была судоходной».

44.140.2. Жиздра (река)

Жи́здра — река в Калужской области России, левый приток Оки. Берёт начало в болотистой местности в 10 км к востоку от города Людиново, течёт по Среднерусской возвышенности сперва преимущественно на юг, затем в районе города Жиздры поворачивает на восток, а после Жиздры — на северо-восток. Впадает в Оку чуть выше г. Перемышль.

На реке расположены города Жиздра, Козельск и Перемышль. Так же на берегу реки располагается Оптина пустынь.

Гидрология

Длина 223 км, площадь бассейна 9170 км². Питание снеговое и дождевое. Средний расход воды около 35 м³/сек (в районе Козельска). Замерзает в конце ноября, вскрывается в начале апреля. Река сплавная ниже Козельска. В бассейне реки Жиздры - 28 притоков длиной более 10 км и 101 приток длиной менее 10 км с общей длиной 265 км.

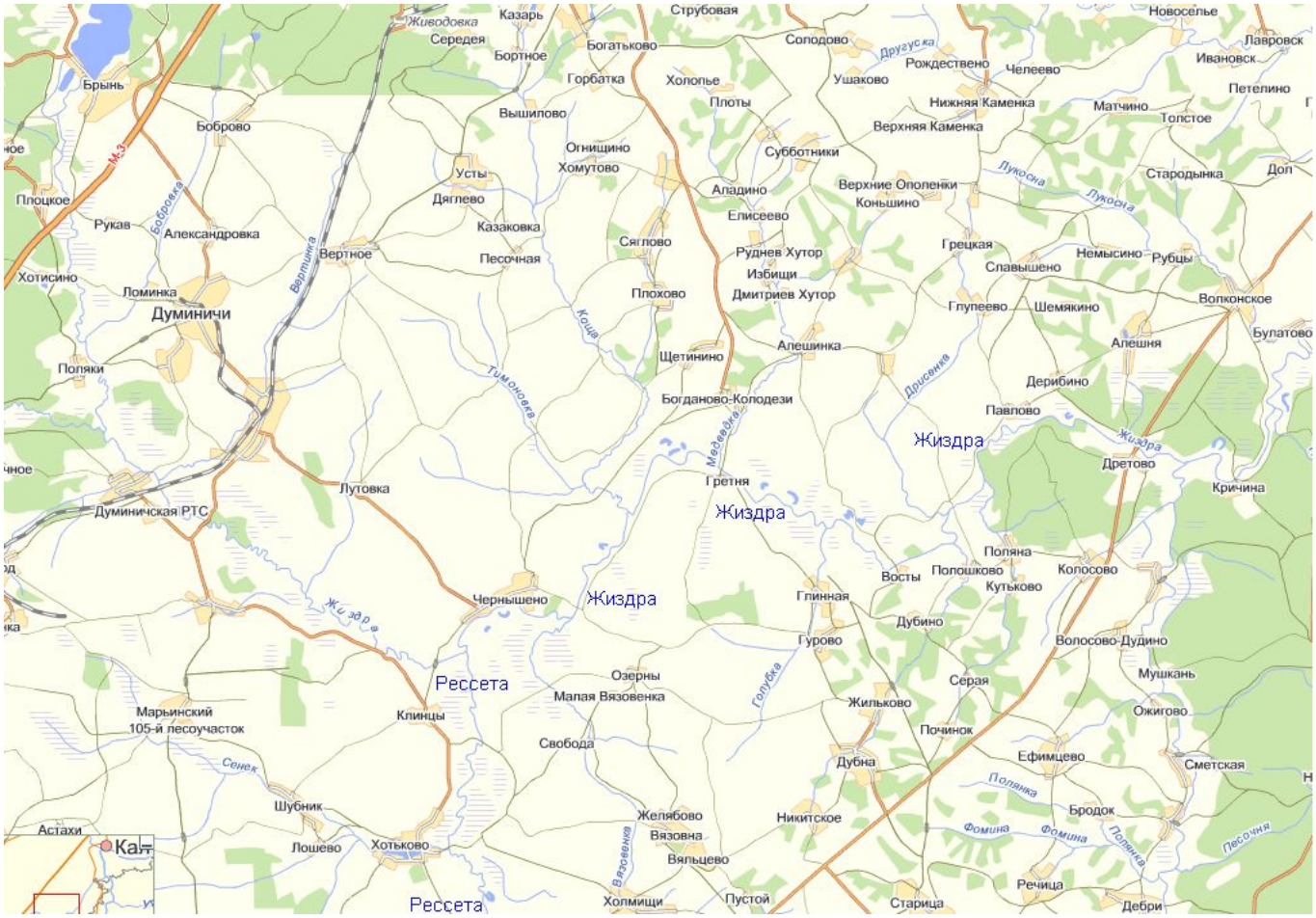
Притоки: Рессета, Вытебеть, Грязна, Песочня(правые), Брынь, Серена, Ясенок, Драгожань, Кощa, Другуска, Клютома (левые).

44.140.3. Река Рессета

…Река Рессета, крупный правый приток Жиздры, вытекает из болота (*Болонь*) у деревни Богатово на северо-востоке Брянской области, течет в верховьях на восток, затем поворачивает на северо-восток и север и впадает в Жиздру на 128-м км на уровне 149 м. Длина 123 км, средний уклон 0,308 м/км. В верховьях берега реки довольно открытые, ниже они поросли смешанным и хвойными лесами. Селений по берегам немного.

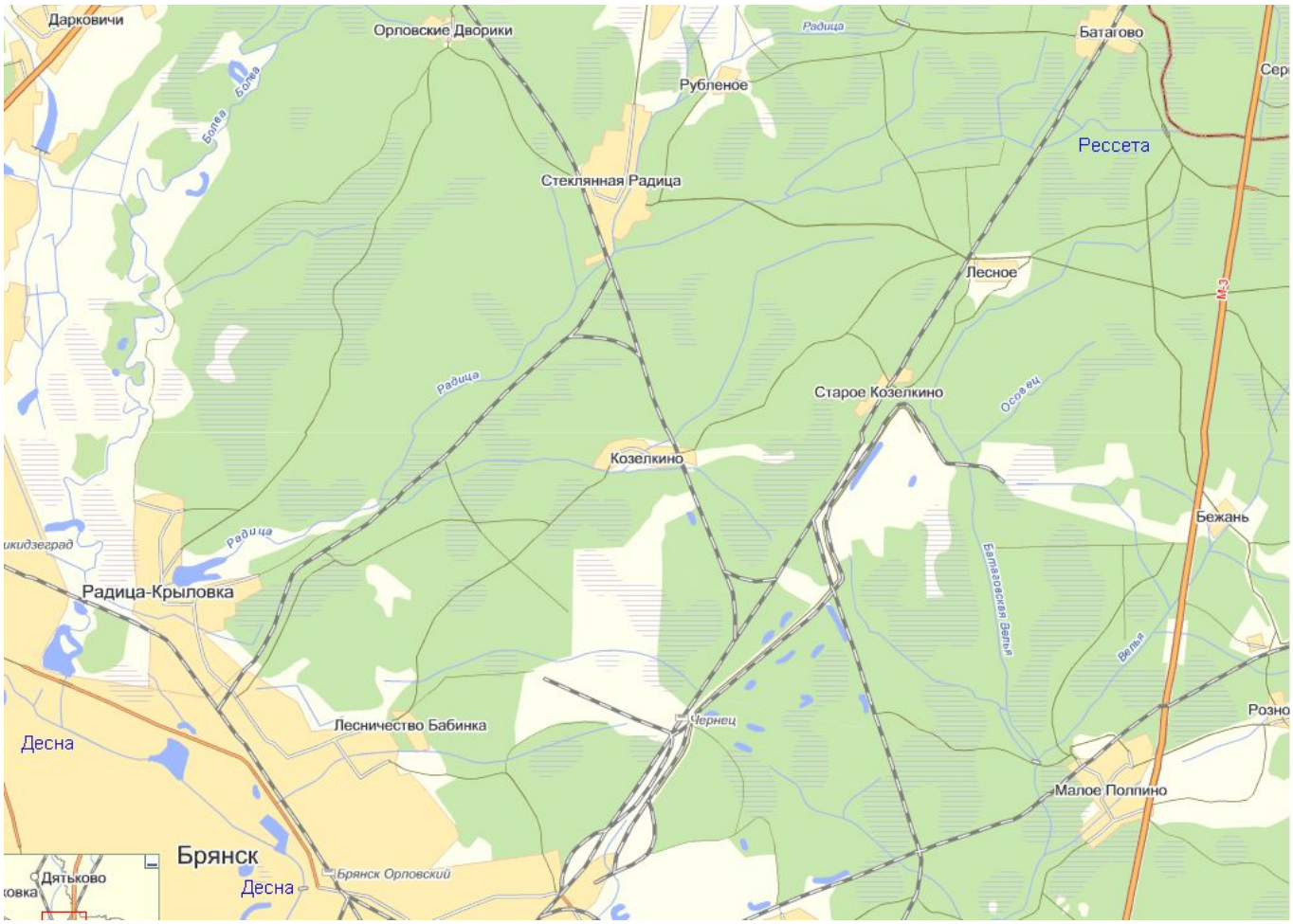
От станции Богатово до села Бояновичи 21 км, далее до устья Вельци 39 км, далее до устья Ловатянки 23 км, далее до деревни Кдынь 15 км, далее до устья 25 км.

Маршрут начинаем в половодье от станции Богатово железнодорожной линии Сухиничи-Брянск. Богатово очень близко к истоку Рессеты, поэтому становиться на воду даже на пике половодья можно не ближе чем на 2-3 км восточнее. Русло Рессеты весьма извилистое, пойма очень широкая и в некоторых местах достигает 10 и более километров. В пойме много озер-стариц, встречаются старые речные дюны, поросшие лесом. Скорость течения вначале незначительная, берега лесистые, малонаселенные. Вдоль правого берега идет проселочная дорога к селу Николаевка на правом берегу. Ниже на левобережье до устья левого притока Лоховы вдали от реки расположено село Бояновичи. До границы с Калужской областью река течет на восток, а ниже моста дороги между районными центрами Хвастовичи и Карачевым постепенно склоняется к северо-востоку. Первое значительное селение на Рессете в Калужской области - деревня Стайки стоит на левом берегу также вдали от воды. Большинство селений расположено по коренным берегам далеко от реки. Ниже левого притока Вельи на левобережье Рессеты раскинулось село Красное, куда ходит автобус со станции Судомир железнодорожной линии Сухиничи-Брянск (36 км). Рессеты здесь неширокая, сильно извилистая, местами засорена топляком, попадаются старицы, трудноотличимые от основного русла. Берега покрыты кустарником, изредка дубовыми рощами.



От села Красное можно начать плавание по Рессете и в межень, в малую воду. Проходим деревни Новоселки, Решетиловка, Рессета на левом берегу. Река здесь весьма живописна, с прирусловыми песчаными валами, с сухими берегами, покрытыми в большинстве сосновыми борами, чередующимися местами с дубравами. Летом Рессета сильно мелеет. На окраине деревни Рессета большой залив - Грустишь. На левом коренном берегу раскинулась группа курганов. Через 7 км в реку слева впадает Ловатянка, ниже устья которой берега Рессеты одеты лесом. Река становится шире, меньше петляет, места здесь живописные. Встречаются завалы, заколы, карчи моренного дуба. У деревни Кцынь на левом берегу, куда ходит автобус из города Козельск (57 км), также есть курганы. Здесь реку пересекает мост дороги, ведущий из Кцини в поселок Дудоровский. Ниже на левобережье вдали от воды стоят деревни Мойлово и Хотьково. Жиздра, в месте впадения, шире и полноводней Рессеты. *Устье расположено между деревнями Клинцы и Чернышево.*

44.140.4. Десна (приток Днепра)



Десна – Радица - Рессета

Десна́ — река в Европейской части России и на Украине, левый приток Днепра, самый длинный из его притоков. Длина реки — 1187 км, длина судоходной части — 535 км (Жуковка). Площадь бассейна — 88,9 тыс. км².

Десна берёт исток в пределах Смоленской возвышенности, с торфоболота «Голубой мох», близ Ельни[1]. Протекает по Смоленской и Брянской областям России, Черниговской и Киевской областям Украины. В верхнем течении берега реки низменные и болотистые, ниже Брянска правый берег повышается. После впадения Сейма долина расширяется, много проток и стариц. Ледостав с декабря по начало апреля. Весной большое половодье. Средний расход воды в устье 360 м³/сек.

Впадает в Днепр в северной части Киева.

С древних времён Десна являлась важным транспортным путём, соединявшими Киевщину с бассейном Дона (по Сейму) и бассейном Оки (по Болве).

Притоки

- Правые: Судость, Снов.
- Левые: Большая Присмара, Болва, Снежеть, Навля, Нерусса, Сейм, Остёр, Шостка.

Вернуться к ссылке

44.141. Гостомысл

Гостомысл (? - 860) — легендарный старейшина словен новгородских, с именем которого в некоторых поздних списках летописей связывается сказание о призвании Рюрика.

Гостомысл — один из героев литературного произведения XVII века «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске». Из-за разночтения большого количества источников возможно, что Гостомысл был одним из первых новгородских посадников (в списке посадников указан первым), или князем в Новгороде. Имя Гостомысла встречается в западных анналах как имя вождя вендов (западных славян).

Гостомысл в источниках

В ранних древнерусских летописях имя Гостомысла не встречается, его имя как старейшины кратко упомянуто в Новгородско-Софийском своде начала XV века (Софийской первой и Новгородской четвёртой летописях). Как инициатор «призвания варягов» он впервые появляется в источниках XVI века. Воскресенская летопись(XVI в.) сообщает, что по совету Гостомысла призвали варягов из Пруссии:

И въ то время въ Новеграде некый бе старейшина именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житie, и созыва владалца сущая съ нимъ Новаграда, и рече: «советъ даю вамъ, да послете въ Порускую землю мудрыя мужи и призовете князя отъ тамо сущих родовъ

.Согласно Степенной Новгородской книге Гостомысл умер глубоким стариком. В летописях указывают про холм Гостомысла и его могилу на Волотовом поле вблизи Великого Новгорода.

Археологи сомневаются в самом существовании Новгорода в IX веке, самые ранние постройки там датируются 930-ми годами. Княжеская резиденция в Рюриковом городище возникла ранее и там обнаружены следы скандинавского присутствия. Однако предположительно имя Гостомысла в источниках IX века обнаруживается вдали от Новгородских земель. Гостомыслом звали одного из племенных вождей вендов (западных славян), который погиб в 844 году в сражениях против короля Людовика согласно Ксантенским[1] и Фульдским анналам. В оригинальном тексте имя погибшего вождя пишется на латинском как Gestimus. Ссылаясь на это сообщение в середине XIX века И.И. Срезневский писал, что имя Гостомысла имеет западнославянские корни, так как окончание «*-мысл*» не характерно для восточных славян, но часто встречается среди западных славян.

Иоакимовская летопись

Историю Гостомысла наиболее подробно излагает так называемая **Иоакимовская летопись**, спорный источник, опубликованный историком В.И. Татищевым в XVIII веке:

«Буривой, имея тяжкую войну с варягами, неоднократно побеждал их и стал обладать всею Бярмиею до Кумени. Наконец при оной реке побежден был, всех своих воинов погубил, едва сам спасся, пошел во град Бярмы, что на острове стоял, крепко устроенный, где князи подвластные пребывали, и, там пребывая, умер. Варяги же, тотчас пришедшие, град Великий и прочие захватили и дань тяжелую возложили на славян, русь и чудь.

Люди же, терпевшие тяготу великую от варяг, послали к Буривою, испросить у него сына Гостомысла, чтобы княжил в Великом граде. И когда Гостомысл принял власть, тотчас варягов что были каких избили, каких изгнали, и дань варягам отказался платить, и, пойдя на них, победили, и град во имя старшего сына своего Выбора при море построил, заключил с варягами мир, и стала тишина по всей земле. Сей Гостомысл был муж великой храбрости, такой же мудрости, все соседи его боялись, а его люди любили, разбирательства дел ради и правосудия. Сего ради все близкие народы чтили его и дары и дани давали, покупая мир от него. Многие же князи от далеких стран приходили морем и землею послушать мудрости, и видеть суд его, и просить совета и учения его, так как тем прославился всюду.»

Три дочери Гостомысла были замужем за соседними князьями, а четыре сына умерли еще при его жизни. Скорбя о неимении мужского потомства, Гостомысл однажды увидел во сне, что из чрева средней его дочери, Умилы, произросло огромное дерево, покрывшее своими ветвями огромный город. (Ср. историю о сне, увиденном дедом Кира Великого). Вещуны растолковали, что один из сыновей Умилы будет его наследником. Перед смертью Гостомысл, собрав «*старейшин*

земли от славян, руси, чуди, веси, меров, кривичей и дряговичей», рассказал им о сне, и послали они к варягам просить в князья сына Умилы. На зов явились, по смерти Гостомысла, Рюрик с двумя братьями.

НАРЯД ВСЕМУ ГОЛОВА

…Возникает вопрос, зачем ильменские словене искали себе князя «за морем»? Летописец Нестор в «Повести временных лет» пишет, что своих правителей до Рюрика у них никогда не было.

Словене варягам-руси якобы заявили «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». На самом деле в подлиннике данной летописи сказано: «а наряда в ней нет». В чем же дело? Оказывается, Д.С. Лихачев сделал неверный перевод. Он дал толкование слову «наряд» не в соответствии со смыслом оригинала летописи. Вероятно, велико было влияние традиции, заложенной еще двести лет назад норманистами-русофобами, для которых важно было подчеркнуть: на Руси «порядка нет, никогда не было и не будет!» Между тем подлинный смысл фразы Нестора связан с управлением и организацией. Именно их недоставало вконец рассорившимся новгородцам, которые и обратились к варягам-руси за помощью. Иными словами им требовался начальник, руководитель, управляющий. О том, что было именно так, а не иначе, доказывают и более поздние русские летописи, в которые, с некоторым уточнением, всегда включалась «Повесть временных лет». Например, в Тверской, Львовской, Никифоровской и других летописях (в соответствии с действительным смыслом) вместо слова «наряд» поставлено «нарядник» — то есть управляющий.

КТО ПРАВИЛ ДО РЮРИКА?

Нестор, как уже отмечалось, утверждал, что до Рюрика у ильменских словен не было своих князей. Но оказалось, такая точка зрения в корне неверна. Историю, связанную с Новгородом, он знал очень посредственно и фрагментарно. В свое время тверской монах Вениамин довольно резко высказывался по данному поводу: «О князях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся дело у нас славян во Новеграде...» По данным летописи новгородского епископа Иоакима (?-1030), которая дошла до нас лишь в пересказе русского историка В.Н. Татищева (1686-1750) известно, что у новгородских славян была целая династия князей! Их имена — Вандал, Избор, Столпосвят, Владимир, Буривой.

В начале IX века один из них, Буривой, имел тяжкие войны с варягами, побеждал их, а также обладал всей Бьярмиею до реки Кумены (современная Пермская земля). И на этой реке он был разбит бьярмами, погубил всю рать и сам едва спасся, уйдя в город Бармы. Сей город, столица Бьярмии, был на острове реки Кумены, в недоступной крепости. И там Буривой вскоре умер.

В.Н. Татищев считал, что упомянутым местом, где скрывался Буривой, может быть остров между двумя рукавами реки Вуэксы, впадающей в Ладожское озеро. Именно туг, согласно летописям, еще в конце XIII века была воздвигнута русская крепость Корела, переименованная захватившими ее впоследствии шведами в Кексгольм (ныне город Приозерск Ленинградской области). Давая новое название твердыне, они своеобразно переиначили карело-финский топоним Кекки-саари (переводится как Кукушкин остров).

Тогда же варяги пришли в Новгород Великий и наложили дань на славян и на чудь. Однако вскоре призванный из Бармы сын Буривого **Гостомысл** возглавил восстание новгородцев и победил варягов. **Гостомысл** правил долго и мудро, но в старости у него не оказалось наследника. Новгородский князь наказывает старейшинам звать князем Рюрика, сына его средней дочери Умилы.

Она была замужем за князем бодричей (славянское племя, жившее на побережье Балтики) Годлавом. Однако после гибели **Гостомысла** новгородцы решили «володеть сами по себе», но у них начались междоусобные конфликты. Тогда они направили посланцев к родственному им славянскому племени за внуком умершего князя. Таким образом, данный факт перечеркивает

версию о
призвании на княжение чужака-иноземца.

ДО ПРИЗВАНИЯ В НОВГОРОД

Читателям, вероятно, любопытно будет узнать, что делал Рюрик до прихода в Новгород? Попытаемся ответить на данный вопрос. Существует гипотеза, согласно которой Рюрик-новгородский ни кто иной, как бывший в IX веке правитель областей в Ютландии и Фрисландии. Ютландия — полуостров, на котором находится Дания, а Фрисландия — земли к западу от нее, на побережье Северного моря. Первым высказал такое предположение ординарный профессор Дерпского университета (Тарту) Фридрих Краузе еще в 1836 году. Отечественные исследователи Б.А. Рыбаков и Г.В. Вернадский также придерживались этой точки зрения.

Согласно германским источникам Рюрик известен как Herraud-Hrorekr Ludbrandson Signjotr Thruvar (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Напомним, по русским летописям, он родился в 780 году, по немецким хроникам несколько раньше. Вот, что повествуют о Рюрике западные источники.

Рюрик происходил из скандинавского рода Скъёлдунгов. Отец его, Людбранд Бьерн, был изгнан из Ютландии и стал вассалом Карла Великого, от которого он получил лен (земельное владение, которое жаловалось королем в пожизненное пользование вассалу на условии несения военной или административной службы) Фрисландию. Это произошло примерно в 782 году.

Людбранд Бьерн женился на Умиле, дочери ободритского князя (к слову, у Гостомысла действительно была дочь с таким именем и сам он, возможно, являлся князем ободритов!), от которой имел сыновей: первенца Харальда и младшего сына — Херрауда — Рюрика.

В 826 году Любранд умер, и лен переходит к старшему брату Харальду. Харальд принимает в этот год крещение в Ингельхейме около Майнца вместе со всем родом. После него он переходит под покровительство Людовика Благочестивого и получает другой лен — Рустинген во Фрисландии, то есть в Нидерландах. Оба брата вели долгие войны против короля Дании Готфилда,
защищая свою территорию. В боях погиб Харальд и владения перешли к Рюрику. Однако после смерти императора Людовика, в 843 году его земли достались императору Лотарю (сын и наследник Карла Великого).

Оказавшись не у дел, Рюрик (ему было тогда около сорока лет) становится пиратом. В 850 году его флот из 350 кораблей напал на побережье Англии, и после этого бесчинства против церкви он стал известен всему свету как «язва христианства» (jel Christianitatis, согласно британским хроникам). Затем эскадра Рюрика грабит поселения в устье Рейна и побережье Фрисландии. Лотарь вынужден пойти на компромисс и передает Рюрику Фрисландию на условиях защиты его земель от викингов. В 854 году Лотарь заменяет лен и вместо Фрисландии даёт Рюрику Ютландию. Примерно в это время у Рюрика родилась дочь Гертруда, мать известного по шекспировской пьесе принца Гамлета.

Спустя восемь лет, согласно предположению исследователей, ставящих знак равенства между описанным персонажем и Рюриком-новгородским, он появляется в Новгороде Великом, где принимает княжение.

ЭПИЛОГ

«Повесть временных лет» сообщает: «И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю Русь, и пришли, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой Синеус, — на Белоозере, а третий Трувор, — в Изборске». Умила ведь имела трех сыновей. «И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене». Так по праву наследования три внука **Гостомысла** разделили между собой земли своего деда. Потому как они были из племени русь, подвластные им новгородские словене стали именоваться

русскими. Спустя два года братья Рюрика скончались и князь сделался единовластным правителем всех земель. Нестор указывает, что умер он в 879 году.

Крепость Трувора. Изборск http://www.ordvor.ru/forum/viewtopic.php?t=418p=15322

Рюрик княжил пятнадцать лет, однако, согласно летописи на унаследованных им землях ничем не прославился. Можно подумать, что и никакого влияния на отечественную историю он не оказал. Однако такой вывод неправомерен. Этот человек основал прочную династию Рюриковичей, которая впоследствии повелевала гигантской страной более 750 лет и прервала свое существование только в 1598 году, когда сына царя Ивана Грозного не стало. Надо помнить и то, что Рюрик дал свое родовое имя великой стране России.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Один из создателей «норманнской теории» Г.З. Байер первым выдвинул версию о том, что имена братьев Рюрика Синеус и Трувор есть не что иное, как неправильное понятие скандинавского словосочетания. Синеус означает «свой род» (сине хус), а Трувор — «верная дружина» (тру-варинг[179]). Таким образом, Рюрик пришел княжить на Новгородские земли со своим домом и верной дружиной. Летописец Нестор якобы неверно истолковал скандинавские словосочетания и решил будто это имена братьев Рюрика.

Много позже данное предположение поддержал археолог и историк академик Б.А. Рыбаков. Благодаря его авторитету данная гипотеза получила широкое распространение и по сей день присутствует почти во всех учебниках русской истории.

Так что же, реален только Рюрик, а об остальных братьях можно забыть? Скорее всего, так поступать не следует. Мекленбургские ободритские предания говорят о призвании на Русь трех братьев. Имя первого славянское («синий ус»), а второго — скандинавское (по-скандинавски оно означает «заслуживающий доверия»).

Во всех современных переводах «Повести временных лет», в хрестоматиях и учебниках утверждается, что после прибытия на Русь Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор в Изборске. Между тем, в Ипатьевской и Радзивиловской летописях повествуется совсем о другом: придя в Новгородскую землю, братья первым делом «срубили» город Ладогу (ныне село Волховского района Ленинградской области). В нем-то и начал править Рюрик и только по прошествии нескольких лет перебрался в Новгород. Но могло ли такое быть? Еще в семидесятые годы XX века археологические раскопки, проведенные под руководством доктора исторических наук Е.А.Рябинина, показали — Рюрик не строил город на Ладоге. Он, как выяснилось, был заложен в 753 году, более чем за сто лет до прибытия варяга.

Более того, с помощью дендрохронологии (определение даты по спилу дерева) было установлено, что при строительстве в Ладоге использовалось дерево, срубленное в ... 612 году. Значит, поселение существовало значительно раньше 753 года.

---

[179] А может быть с английского – True war?

Кстати, не выдерживает никакой критики и утверждение некоторых исследователей, что Новгород был возведен Рюриком. Первое упоминание об этом городе в Никифоровской летописи относится к 859 году, то есть за три года до появления приглашенного князя.

В небольшом шведском городке Норрчепинге находится единственный в мире памятник князьям Рюрику, Олегу и Игорю. По местной легенде, именно отсюда Рюрик отплыл на Русь и основал правящую династию. Но так было на самом деле или нет, науке пока неизвестно.

См. также **Гостомысл и призвание Рюрика**, **История России**, **Легенда о призвании варягов**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в Гл. 26

Вернуться к ссылке в Гл. 26.2

44.142. Иоакимовская летопись

Иоакимовская летопись, **История Иоакима** — условное название выдержек из старой рукописи, опубликованных русским историком XVIII века В. Н. Татищевым в труде «История Российская» (1-й том, 4-я гл.).

Татищев предполагал, что летопись принадлежала первому новгородскому епископу Иоакиму (ум. 1030 г.). Выдержки содержат ряд уникальных сведений по ранней истории славян и Древней Руси, которым не находится соответствия в других источниках.

Происхождение летописи

Все сведения об истории текста исходят от самого В. Н. Татищева. Собирая древние русские манускрипты, он обратился к своему родственнику Мелхиседеку Борщову, архимандриту Бизюкова монастыря Смоленской губернии. Тот в мае 1748 года прислал три тетради, принадлежавшие якобы монаху Вениамину, «*который о собрании русской истории трудился, по многим монастырям и домам ездя, немало книг русских и польских собрал*». Татищев так описал тетради: «*Сии тетради видно, что из книги выняты, по разметке 4, 5 и 6-я, письмо новое, но худое, склад старой смешанной с новым, но самой простой и наречие новгородское*».

Когда Мелхиседек в сентябре 1748 года скончался, то следы источника, откуда тетради были списаны, затерялись. Другой монах сказал Татищеву, пытавшемуся отыскать Вениамина, что книга принадлежала самому Мелхиседеку и что списал он её в Сибири.

Татищев пришёл к выводу, что Вениамина не существовало, а в его распоряжении оказался текст летописи, написанной епископом Иоакимом, в начале XI века. «*Между такими неведомыми Нестору и забвенными историками есть Иоаким, первый* епископ новогородский, *о котором хотя нигде, чтоб он историю писал, не упоминается, но это не дивно, ибо видим других многих*».

В нашем распоряжении имеется лишь текст выписок Татищева, сделанных в 1748 году. Историк не дословно воспроизвёл текст оригинала, а в части, посвящённой событиям IX—X веков, упомянул в виде вольного пересказа лишь сведения, которые по его мнению расходились с «Повестью временных лет». Наиболее полно Татищев воспроизвёл рассказ от первого лица (предположительно Иоакима) о крещении Новгорода.

Содержание, характер информации и возможные источники

1. Легенда о Скифе и Словене, об основании «града великого». Имеет параллели, как отметил сам Татищев, со «Сказанием о Словене и Русе» (XVII в). Также содержит ссылки на поэта Ювелия и греческие легенды. Она содержит множество эллинизмов: скифы, Иллирия, Фракия, Бастарн, Понт, Меотис, алазони, амазони. Легенда известна по русским летописям XVII века, однако обычно в ней фигурирует ещё и Рус, отсутствующий в Иоакимовской летописи.

2. Легенды о Вандале, Владимире, Буривое, Гостомысле и призвании Рюрика. Имеются ссылки на песни и повести. В них обилие германизмов, в том числе и скандинавских названий: Вандал,

Бярмия, Гардорик, Гунигар, Колмогард, Зимеголы. В данной части содержится элемент географической ориентации, характерной для скандинавских саг: «И был князь Вандал, правил славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многие земли на побережье моря завоевав и народы себе покорив, возвратился во град Великий». Имена князей, кроме Рюрика и Гостомысла в других источниках не встречаются. Рассказ о Гостомысле часто сравнивают со «Сказанием о Словене и Русе и городе Словенске», где упоминается князь Избор, известный Иоакимовской летописи.

3. «О князьях русских старобытных»: Рюрике, Оскольде, Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, Ярополке, Олеге и Владимире. Татищев, выбирал те части текста, которые расходились с Нестором, переписывал их, указывая те места, где Иоаким пишет «согласно» или «почти» с Нестором. Так автор пишет о источниках сведений по некоторым князьям: «*Имяна же сих осьми неведомы…, разве в песнех древних воспоминают*,» — противопоставляя устные и письменные источники. Также в этой части заметны следы редакции первоначального текста. Сведения об Аскольде частично отсутствуют, Татищев записал: «*Здесь на стороне подписано: утрачены в летописце 2 листа*». В одном месте о Святославе автор указывает «яко речется», то есть «как сказано в источнике». Татищев сообщает новые сведения о происхождении Рюрика (сын варяжского князя в Финляндии от дочери Гостомысла) и княгини Ольги (дочь изборского князя).

Сведения данной части касаются истории христианства на Руси, в частности дают отличные от «Повести временных лет» подробности крещения Аскольда, Ольги и Владимира. Автор негативно оценивает язычника Святослава и сочувствует прохристианскому Ярополку. При дальнейшем изложении эти сведения вставляются в описание княжения Владимира: «После этого пошел Владимир на булгаров и, победив их, мир заключил и принял крещение сам и сыновья его, и всю землю Русскую крестил. Царь же болгорский Симеон прислал иереев ученых и книги в достаточном количестве». В этой же вставке говорится об Иоакиме в третьем лице: «*Митрополит же, по совету Владимира, посадил епископов по городам: в Ростове, Новеграде, Владимире и Белеграде. Сии шедшие по земле с вельможи с войском Владимировым учили люд и крестили всюду сотнями и тысячами, сколько где удавалось, хотя люди неверные весьма о том скорбели и сожалели, но отказываться из-за воинов не смели*».

4. О крещении Новгорода. Рассказ ведётся от первого лица. «*Мы же стояли на торговой стороне, ходили по торжищам и улицам, учили людей, насколько могли… И так пребывали два дня, несколько сот окрестив*».

5. О женах и сыновьях Владимира. Список распределения сыновей по городам сделан соответственно старшинству и совпадает со списком «Повести временных лет» под 6496 (988) год, но в «Повести» зафиксировано два положения в распределении городов — до смерти Вышеслава и после неё, в тексте Иоакимовской летописи сказано лишь о первичном распределении и указывается имя матери Бориса и Глеба, которое отсутствует в «Повести».

Хронология летописи

Иоакимовская летопись лишена абсолютной хронологии в годах, характерной для «Повести временных лет». Используется относительная хронология по правлениям князей.

Датировка событий «по коленам» правителей характерна для устной традиции. Следы подобного изложения имеются в «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве». В Иоакимовской летописи говорится о поколениях словенских князей от Вандала до Гостомысла.

Относительная хронология по годам в период правления какого-либо монарха характерна для византийской историографии а также, по мнению исследователей, для раннего этапа русского летописания (до 60-70-х годов XI века). Она присутствует в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха и в так называемом «Перечне» княжений «Повести временных лет». В Иоакимовской летописи имеется относительная дата: «*Рюрик по смерти братьев обладал всею землею, не имея ни с кем войны. В четвертое лето княжения его переселился от старого в Новый град великий ко Ильменю…*» В «Повести временных лет» эта дата отражена в разделении

года призвания братьев и их смерти «через два года». Кроме того, сведения о походах князей, которые в «Повести» разделены по разным годам (так что иногда один поход растягивался на несколько лет), в Иоакимовской летописи даны в качестве перечисления народов, на которые были совершены походы.

Параллели сведениям летописи в других источниках

Информация Иоакимовской летописи имеет параллели в других летописных и внелетописных источниках, что может свидетельствовать как о древености её сведений, так и о позднем заимствовании фальсификатором.

Сведения Иоакимовской летописи	Параллельные тексты
«*Князь Славен, оставив во Фракии и Иллирии около моря по Дунаю сына Бастарна, пошел к полуночи и град великий создал, во свое имя Славенск нарек*».	«И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. <...> И он (Славянин) приказал чтобы принесли много дров, камней и угля, и эти камни бросали в огонь, и на них лили воду, пока не пошел пар и под землей стало тепло». — арабо-персидский текст «Собрание историй» («Маджмал аттаварих»), 1126 г.[1] «Славия» — арабское название Новгородской земли. «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели… Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом… И пришел (апостол Андрей) к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся (в банях), и удивился им». — «Повесть временных лет», н. XII века.
« А Вандал… все земли… себе подчинил и сынам своим передал. Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Потом умер Избор и Столпосвят, а Владимир принял власть над всей землей. Он имел жену от варяг Адвинду…»	В скандинавской «Саге о Тидреке Бернском» XIII века, известной также на Руси, говорится о Гертните, конунге из Новгорода, который завоевал обширные земли и разделил их между сыновьями и другими конунгами. «У него было два сына от жены, старший звался Озантрикс, младший Вальдимар, а третий сын, которого он имел от… наложницы, назывался Ильей». Во главе всей земли Гертнит поставил Озантрикса, но затем над всей землёй Гертнит поставил конунгом Вальдимара, которому пришлось сражаться с Аттилой и Тидреком за Полоцк и Смоленск.[2]
«Люди же, терпевшие тяготу великую от варяг,	В легенду из «Повести временных лет» включены

послали к Буривою, испросить у него сына Гостомысла, чтобы княжил в Великом граде. И когда Гостомысл принял власть, тотчас варягов что были каких избили, каких изгнали, и дань варягам отказался платить»	имена, которые известны по другим источникам и принадлежат людям, жившим в IX веке. Окончания «-ой» и «-мысл» не характерны для восточных славян, но встречаются среди западных. Гостомысл упомянут в Ксантенских анналах как один из племенных вождей вендов (западных славян), который погиб в 844 году в сражениях против короля Людовика.[3] Буривой может ассоциироваться с чешским князем конца IX века Борживоем, отцом которого был Гостивит. Жену Борживоя звали Людмила — именем, близким позвучанию к Умиле (дочь Гостомысла по Иоакимовской летописи).[4] «Великий град» может ассоциироваться с Велиградом ([5], городом бодричей близ современного города Висмара в немецкой земле Мекленбург-Передняя Померания. Археологи предполагают, что Велиград был основан в VII веке. По Иоакимовской летописи «Великий град» располагался на берегу моря.
Сон Гостомысла: "Однако спящему ему пополудни привиделся сон, как из чрева средней дочери его Умилы произрастает дерево великое плодовитое и покрывает весь град Великий, от плодов же его насыщаются люди всей земли. Восстав же от сна, призвал вещунов, да изложил им сон сей. Они же решили: «От сынов ее следует наследовать ему, и земля обогатиться с княжением его».	В «Саге о Хальвдане Черном» XIII века, о норвежском конунге Хальвдане IX века, говорится о жене конунга Рагнхильде, которая видит сон, предвещающий рождение сына Харальда: «Рагнхильд снились вещие сны, ибо она была женщиной мудрой. Однажды ей снилось, будто она стоит в своем городе и вынимает иглу из своего платья. И игла эта у неё в руках выросла так, что стала большим побегом. Один конец его спустился к земле и сразу же пустил корни, другой же конец его поднялся высоко в воздух. Дерево чудилось ей таким большим, что она едва могла охватить его взглядом. Оно было удивительно мощным… На дереве было много больших ветвей, как вверху, так и внизу. Ветви дерева были так велики, что распространялись, как ей казалось, над всей Норвегией и даже еще шире»..[6]
Упоминается о христианских священниках княгини Ольги в Киеве: «*Ольга, владея с сыном и научена бывши от пресвитеров, бывших в Киеве, вере Христове, но крещения народа ради принять не могла*».	Яхья Антиохийский, христианский арабский автор начала XI века, возможно, видевший воинов-русов в Антиохии в 999—1000 годах, пишет о том, что Ольга обращалась к императору с просьбой прислать священников на Русь. Из Царьграда был послан епископ, который в Киеве крестил княгиню и каких-то людей. «*Нашел я эти сведения в книгах русов*,» - пишет Яхья.[7] Константин Багрянородный, описывая визит княгини Ольги к нему в Константинополь в 957 году, называет в её свите «пресвитера Григория», не упоминая о крещении княгини.[8] В «Повести

	временных лет» под 969 годом также упоминается «презвутер» при Ольге, который похоронил её по христианскому обряду.
«*По смерти Ольги Святослав пребывал в Переяславце на Дунае,… не единожды побеждая, наконец за Дунаем у стены длинной (что сия за стена и где, я описания не нахожу — Татищев) все войско погубил. Тогда диавол возмутил сердца вельмож нечестивых, начал клеветать на христиан, бывших в войске, якобы это падение войск приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же настолько рассвирепел, что и единственного брата своего Глеба не пощадил, но разными муками томя убивал*».	Поход Святослава на Балканы и его поражение довольно подробно описаны византийскими историками Львом Диаконом и Скилицей. Обычно в византийской литературе «длинной стеной» именовалась невысокая стена от Черного моря до Мраморного, преграждающая подход к Константинополю на расстоянии примерно 40 км от столицы Византии. Из описания русско-византийской войны 969—971 гг. следует, что Святослав никогда не подходил близко к длинным стенам Константинополя, однако это совершали в VI веке славяне при набегах на Византию. Византийские писатели ничего не сообщают ни о распрях в стане русского войска, ни о наличии в его составе христиан.

Мнения историков

Споры о достоверности тетрадей начались ещё с времён Татищева.

Начиная с М.М. Щербатова (1789 год) в науке утвердилось мысль о Иоакимовской летописи как о фальшивке. Историограф Карамзин считал её шуткой Татищева.

Оппонентом Щербатова выступил И. Н. Болтин. Историк С.М. Соловьёв в «Истории России с древнейших времен» говорит о татищевских известиях в целом: «*свод летописей Татищева, в подлинности которых нет основания сомневаться*» [9]. П. А. Лавровский предположил, что летопись написана современником крещения Руси в X веке.

Церковный историк критического направления Е.Е. Голубинский считал её сборником легенд XVII века в компиляции Татищева. И. Линниченко, как и большинство последующих учёных, видит в Иоакимовской летописи не «шутку» Татищева, а один из вариантов широко распространённых в XVII—XVIII вв. исторических легенд. С. К. Шамбинаго сопоставил Иоакимовскую летопись с Новгородской Третьей Летописью, предположив, что она составлена на основе «Повести о старобытных князьях», дополнявшей Новгородскую летопись, и написанную в свою очередь по инициативе новгородского митрополита Иоакима (1621—1690 гг.), будущего патриарха. Шамбинаго также указал на позднюю киноварную надпись на Комиссионном списке Новгородской Первой Летописи: «*Летопись Акима епископа новгородского*». Это позволило О. В. Творогову заключить, что Иоакимовская летопись входит в круг легендарных повестей XVII века, когда определённой их группе приписывали авторство Иоакима[10].

В целом в историографии XX века Иоакимовская летопись считалась наиболее сомнительным из так называемых «татищевских известий». Но при этом сложилась практика, допускающая осторожное (с обязательными оговорками) обращение историков к её сведениям. Среди признаков позднего происхождения отмечалось, что «сон Гостомысла» использован Татищевым для оправдания передачи трона по женской линии после смерти Петра I. Само упоминание Гостомысла говорит о позднем происхождении Иоакимовской летописи, так как его имя впервые появляется в русских источниках в конце XV века, хотя в франкских хрониках встречается созвучное имя вождя вендов.[11]

Б. А. Рыбаков с оговорками ссылается на текст Татищева, называя сведения о крещении Новгорода местными легендами и поговорками. Он называет летопись «*компилятивным источником XVII века*», но признает «*что у составителя Иоакимовской летописи мог быть в руках какой-то недошедший до нас более ранний источник, сообщавший сведения, часть*

которых блестяще подтверждена археологическими данными».[12] Этими данными Рыбаков считал раскопки в Киеве, обнаружившие, что «*постамент идолов киевских языческих богов, поставленный в самом центре княжеского Киева, был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.*». Этот памятник был интерпретирован Я. Е. Боровским и Д. Н. Козаком как остатки христианских церквей, разрушенных по Иоакимовской летописи Святославом.[13]

Наиболее значимым шагом для дальнейшего изучении Иоакимовской летописи стали раскопки В. Л. Янина в Новгороде, которые велись по данным Иоакимовской летописи, относящимся к событиям крещения города. Раскопки вокруг церкви Преображения, упомянутой в тексте, показали, что в 989 году на месте сгоревших домов были построены новые, что подтверждает сведения о поджоге домов воеводой Добрыней. В пожарищах домов найдены клады серебряных монет не моложе 989 года, хозяева которых были, судя по всему, убиты, что подтверждает рассказ о подавлении восстания. В слоях 972—989 годов найден нательный крестик, что также подтверждает информацию летописи о христианской общине Новгорода. Янин отмечает «наличие в повести отдельных реалистических деталей, находящих археологическое подтверждение», это «позволяет считать, что её возникновение в середине XV века. опиралось на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию»[14]. Ещё в 1988 году Янина поддержал О.М. Рапов, который сопоставил сведения Никоновской летописи под 6498 годом с данными дендрохронологии, — сведения Иоакимовской летописи не ставятся им под сомнение. [15] А. В. Назаренко (2001) с оговорками привлекал в своих построениях данные Иоакимовской летописи о симпатиях к христианству Ярополка Святославича.

В 2005—2006 гг. в Великом Новгороде проводились подводные раскопки с целью выявления остатков «Великого моста» через Волхов, самое раннее упоминание которого содержится в Иоакимовской летописи. Пока удалось обнаружить опоры моста XIII—XIV вв., что вселяет С.Трояновскому и другим участникам проекта уверенность в возможность обнаружения конструкций XI—XII вв. Если доверять тексту летописи, то мост был построен одновременно с нижним ярусом новгородских мостовых в 970—980-х гг, и археологи могут как подтвердить эти сведения, так и опровергнуть их.

В новейшем исследовании А. П. Толочко (2005 г.), который специально обратился к анализу «татищевских известий», делается однозначный вывод, что Иоакимовская летопись целиком создана Татищевым (её сведения, с точки зрения автора, «подтверждают» ряд догадок, делавшихся Татищевым до её открытия и содержат факты, которые могли быть известны только Татищеву, но не средневековому летописцу). Противники удревнения Иоакимовской летописи указывают на тот факт, что не существует текстологических доказательств её подлинности, а археологические данные, на которые ссылаются апологеты Иоакима, весьма сомнительны («строительный мусор» в Киеве, и «следы пожара» в Новгороде). В свою очередь, С. В. Конча ответил на критику Толочко встречной статьёй, где говорится, что его критические замечания построены целиком на предположениях [16], тогда как ряд фактов, приведенных в Иоакимовской летописи, не могли быть известны российским историкам XVIII века, но подтверждаются другими источниками.

Вернуться к ссылке в Гл. 26

44.143. Варяги

Варя́ги (греч. Βάραγγοι, др.-исл. Vaeringjar) — поселенцы из Балтийского региона, представители которых присутствовали как наёмные воины или торговцы в Древнерусском государстве (IX—XII вв.) и Византии (XI—XIII вв.).

Древнерусские летописи связывают с варягами-русью образование государства Русь («призвание варягов»). Вопрос о том, кого называли на Руси варягами, продолжает оставаться дискуссионным. Ряд источников сближают понятия «варяги» со скандинавскими викингами, с XII века на Руси лексема «варяги» заменяется псевдоэтнонимом «немцы». Из византийских источников известны варяги (варанги) как особый отряд на службе у византийских императоров с

XI века, скандинавские источники сообщают только о варягах-скандинавах (вэрингах) на службе в Византии.

Варяжский вопрос

Начиная с XVIII века, историки спорят о том, кто же были те легендарные варяги, основавшие Русь согласно летописной версии («призвания варягов»). Если по древнерусским источникам варяги представляли собой наёмников «из-за моря» (с берегов Балтики), то византийцы вносят в название явный этнический оттенок с размытой географической локализацией этого этноса. Скандинавские источники заимствуют понятие варягов от византийцев, хотя большинство версий этимологии слова варяги исходит из германских языков.

В современной историографии наиболее часто отождествляют варягов как скандинавских «викингов», то есть варяги — славянское наименование викингов. Существуют иные версии этнической принадлежности варягов — как финнов (В. Н. Татищева, И. Н. Болтин), немцев-пруссов (историография XVI века, начиная со «Сказания о князьях Владимирских»), балтийских славян (А. Г. Кузьмин).

Под «варяжским вопросом» принято понимать совокупность проблем:

- этническая принадлежность варягов в целом и народа русь как одного из варяжских племён;
- роль варягов в развитии государственности у восточных славян;
- значение варягов для формировании древнерусского этноса;
- этимология этнонима «русь».

Попытки разрешения сугубо исторической проблемы часто политизировались и привязывались к национально-патриотическому вопросу. С ответом на вопрос, какой народ принёс восточным славянам правящую династию и передал своё название — славянский, балтийский или германский — оппоненты могли связывать ту или иную политическую заинтересованность исследователя. В XVIII—XIX веках «германская» версия («норманизм») полемически увязывалась с превосходством германской расы. В советское время историки были вынуждены руководствоваться партийными установками, в результате чего летописные и прочие данные отвергались как выдумки, если не подтверждали образования Руси без участия скандинавов.[1]

Данные по варягам довольно скупы, несмотря на частое их упоминание в источниках, что позволяет исследователям строить различные гипотезы с упором на доказательство своей точки зрения. Данная статья полно излагает известные исторические факты, связанные с варягами, без углубления в решение варяжского вопроса.

Этимология

Впервые понятие варяги зафиксировано в сочинении арабского ученого Аль-Бируни (1029 г.): «*От [океана] отделяется большой залив на севере у саклабов [славян] и простирается близко к земле булгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу.* »[2] Аль-Бируни узнал о варягах скорее всего через волжских болгар от славян, так как только последние называли Балтику *Варяжским морем*. Также одно из первых синхронных упоминаний варягов относится ко времени правления князя Ярослава Мудрого (1019—1054) в «Русской Правде», где выделялся их правовой статус на Руси.

Ретроспективно русские летописцы конца XI века относили варягов к середине IX века («призвание варягов»). В исландских сагах варяги (vaeringjar) появляются при описании службы скандинавских воинов в Византии в начале XI века. Византийский хронист 2-й половины XI века Скилица впервые сообщает о варягах (варангах) при описании событий 1034 года, когда варяжский отряд находился в Малой Азии.[3]

Известный специалист по Византии В.Г. Васильевский собрал обширный эпиграфический материал по истории варягов, в результате чего высказал предположение:

«Тогда нужно будет принять, что имя варангов образовалось в Греции совершенно независимо от русского «варяги» и перешло не из Руси в Византию, а наоборот, и что наша первоначальная летопись современную ей терминологию XI и XII веков перенесла неправильным образом в предыдущие столетия.»[4]

Переводчик саг с древнеисландского О.И. Сенковский высказал следующие версии происхождения слова «варяги». По его мнению «варяги» означали искажённое в славянском самоназвании дружины викингов — *félag*.[5] Возникшая позднее в Византии лексема «веринги» (væringjar) могла быть заимствованием от русов, то есть искажённые «варяги». В сагах викинги называли себя норманнами, употребляя термин «веринги» («варяги») только по отношению к скандинавским наёмникам в Византии. Сенковский также обратил внимание на то, что в договоре викинга Эймунда с князем Ярославом (Эймундова Сага) первый обращается к князю с выражением: «*Мы просимся быть защитниками этого владения...*» Защитники на языке саги — *varnarmenn*. В Византии или на Руси слово защитники могло превратиться в *верингиар* (væringjar) по предположению историка XVIII века В.Н. Татищева.

С.А. Гедеонов нашёл ещё одно близкое значение в балтийско-славянском словаре древанского наречия, опубликованном И.Потоцким в 1795 г. в Гамбурге: warang (меч, мечник, защитник).

Другая распространённая версия — «варяги» произошло от др.-герм. *wara* (присяга, клятва), то есть варягами были воины, давшие клятву (надо полагать в верности византийскому императору).[6] По мнению А.Г. Кузьмина слово происходит от кельтского *var* (вода), то есть под варягами понимали жителей (по версии Кузьмина: ославяненных кельтов) побережья вообще (аналог этимологии в русском: поморы).[7]

Австриец Герберштейн, будучи советником посла в Московском государстве в 1-й половине XVI века, одним из первых европейцев ознакомился с русскими летописями и высказал своё мнение о происхождении варягов. Связывая название варягов со славянским прибалтийским народом вагров, Герберштейн приходит к выводу, что : «*русские вызвали своих князей скорее от вагров, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком*»[8] В трудах европейских средневековых хронистов отсутствуют какие-либо свидетельства о варягах в землях вагров или поморских славян, таким образом по предположению Герберштейна варяги есть искажённое на Руси именование славян-вагров.

44.143.1. Варяги на Руси

Варяги-русь

Призвание варягов. В.М. Васнецов

В наиболее ранней из дошедших до нас древнерусских летописях, «Повести временных лет» (ПВЛ), варяги неразрывно связаны с образованием государства Русь, названном так по имени варяжского племени русь. Рюрик во главе руси пришёл в новгородские земли по призыву союза славяно-финских племён, чтобы положить конец внутренним раздорам и междоусобицам. Летописный свод начал создаваться во 2-й половине XI века, но уже тогда наблюдается противоречивость сведений о варягах.

Во вступительной части ПВЛ летописец даёт перечень окружающих народов:

«Ляхи [поляки] же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны [норвежцы], готы [жители Готланда], русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги [франки] и прочие.»[9]

Варяги обозначены как жители всего побережья Балтики. Летописец не уточняет, какие именно народы входили в состав варягов. Хотя они перечислены наряду с отдельными этносами, их обширное географическое положение указывает на обобщающий смысл понятия «варяги», что также отражено в названии Балтийского моря Варяжским. Когда, согласно летописной версии,

союз славяно-финских племён решил пригласить себе князя, его стали искать у варягов: «*И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие [народы] называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, — вот так и эти. [...] И от тех варягов прозвалась Русская земля.*»[9]

С той поры варяги в качестве наёмной военной силы участвуют во всех военных экспедициях первых русских князей, в завоевании новых земель, в походах на Византию. Во времена Вещего Олега под варягами летописец подразумевал русь, при Игоре Рюриковиче русь начала ассимилироваться со славянами, а варягами называли наёмников с Балтики («*послал за море к варягам, приглашая их на греков*»). Уже во времена Игоря в Киеве находилась соборная церковь, так как среди варягов по сообщению летописца было много христиан.

На русской службе

Хотя в ближайшем окружении киевского князя Святослава были воеводы со скандинавскими именами, летописец не называет их варягами. Начиная с Владимира Крестителя, варяги активно используются русскими князьями в борьбе за власть. У Владимира служил будущий норвежский конунг Олав Трюггвасон. Один из самых ранних источников по его жизни, «Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.), сообщает о составе его дружины на Руси: «*его отряд пополняли норманны, гауты и даны*».[10] С помощью варяжской дружины новгородский князь Владимир Святославич захватил престол в Киеве в 979 году, после чего постарался избавиться от них:

«После всего этого сказали варяги Владимиру: "*Это наш город, мы его захватили, - хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека*". И сказал им Владимир: "*Подождите с месяц, пока соберут вам куны*". И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: "*Обманул нас, так отпусти в Греческую землю*". Он же ответил им: "*Идите*". И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: "*Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного*".»[11]

Хотя русские наёмники служили в Византии и раньше, именно при Владимире появились свидетельства о крупном контингенте русов (ок. 6 тысяч) в византийском войске. Восточные источники подтверждают отправку Владимиром воинов на помощь греческому императору, называя их русами.[12] Хотя не известно, относятся ли эти «русы» к варягам Владимира, историки предполагают, что от них в Византии вскоре произошло название варанги (Βάραγγοι) для обозначения отборного воинского подразделения, состоящего из различных этносов.

Сколько варягов удавалось привлечь князьям из-за моря, можно оценить по дружине Ярослава Мудрого, который в 1016 году в поход на Киев собрал 1000 варягов и 3000 новгородцев.[13] Сага «Прядь об Эймунде»[14] сохранила условия наёма варягов в войско Ярослава. Предводитель отряда в 600 воинов Эймунд выдвинул такие требования за год службы:

«Ты должен дать нам дом и всей нашей дружине, и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах, какие нам нужны [...] Ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра [...] Мы будем брать это бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране [...] И если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля станет меньше.»[15]

Таким образом ежегодная фиксированная плата рядового варяга на Руси составляла около 27 г (1 эйрир) серебра или немногим больше ½ древнерусской гривны того периода, причём воины могли получить оговоренную сумму только в результате успешной войны и в виде товаров. Наём варягов не выглядит обременительным для князя Ярослава, так как после захвата великокняжеского престола в Киеве он выплатил новгородским воинам по 10 гривен. [13] После года службы Эймунд поднял плату до 1 эйрира золота на воина. Ярослав отказался платить, и варяги отправились наниматься к другому князю.

Варяги и немцы

В синхронных документах X века (русско-византийские договора и византийские документы) название «варяги» не используется, так что все упоминания о них до XI века носят ретроспективный характер. В русских летописях варяги предстают прежде всего как наёмные профессиональные воины в IX—XI вв. С XII века — как купцы с Балтики, а понятие «варяжский» смещается в сторону обобщающего этнического признака. В житие Св. княгини Ольги о её родителях сообщалось: «*Отца имела язычника, также и мать некрещённую от языка Варяжска.*»

В договоре[16] конца XII века новгородцев с ганзейской торговой лигой варяги выступают как выходящее из употребления общее наименование «немцев» и жителей Готланда. Новгородская летопись младшего извода отмечает в 1201 году заключение новгородцами мира с варягами, завершившего крупную ссору на Готланде видимо по торговым делам несколькими годами ранее. В русских источниках слово «варяжская» по отношению к церквям означало фактически «католическая».

С XIII века слово «варяги» вышло из употребления, так как было вытеснено псевдоэтнонимом «немцы», что нашло отражение в описании призвания Рюрика в поздних летописях[17]: «Избрашася от немец три браты с роды своими...» Царь Иван Грозный писал шведскому королю: «*В прежних хрониках и летописцех писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги: а варяги — немцы*»[18]

44.143.2. Варяги в Византии

Византийский император Константин Багрянородный (945—959 гг.) оставил в своих сочинениях подробное описание государственного устройства Византии, но нигде не упомянул про варягов. Варяги также не упоминаются в византийских документах или при описании событий 2-й половины X века. Они появляются в источниках с XI века, иногда совместно с русами. Единственное употребление термина в более раннем времени относится к «Псамафийской хронике», документу 1-й половины X века, однако неясно, кем был употреблён термин φαραγοι (*фараг*) для названия телохранителя византийского императора — анонимным автором или переписчиком единственной греческой рукописи, утерянной к наст. времени.[19]

Наёмники

Иллюстрация из хроники Скилица с женщиной, убивающей варяга. В тексте хроники она для этого использовала меч.

Впервые варяги на византийской службе отмечены в хронике Скилицы в 1034 году в Малой Азии (фема[180] Фракезон), где они размещались на зимних квартирах. Когда один из варягов попытался силой овладеть местной женщиной, та в ответ заколола насильника его собственным мечом. Восхищённые варяги отдали женщине имущество убитого, а его тело выбросили, отказав в погребении.[20]

В 1038 году варяги участвуют в боях с арабами на Сицилии, в 1047 действуют в южной Италии, в 1055 они совместно с русами обороняют итальянский город Отранто от норманнов.[21] Около 1050 года византийский император послал в Грузию отряд в 3 тыс. варягов (варангов) на помощь византийскому союзнику в его междоусобной войне.[22]

---

[180] **Фема** — термин византийского административного и военного устройства.

Как свидетельствует византиец Кекавмен, в 1-й половине XI века наёмники-варяги не пользовались особой благосклонностью императоров:

«Никто другой из этих блаженных государей не возводил Франка или Варяга [Βραγγοη] в достоинство патриция, не делал его ипатом, не поручал ему наблюдения за войском, а разве только едва кого производил в спафарии[23] . Все они служили за хлеб и одежду.»[24]

Кекавмен в рассказе о знаменитом последнем викинге и будущем норвежском короле Харальде Суровом, служившем в варягах в 1030-е годы, назвал того сыном царя Варангии, что равнозначно византийскому пониманию в XI веке варягов как норманнов или норвежцев. Византийский историк XI века М. Пселл также говорил о варангах как о лицах, принадлежащих к племени[25], хотя без уточнения этнографической принадлежности или географической локализации. Современник Кекавмена и Пселла, хронист Скилица, вообще идентифицировал варягов как кельтов: «*варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков*».[4]

О этническом понимании византийцами слова «варяги» свидетельствуют жалованные грамоты (хрисовулы) из архива Лавры св. Афанасия на Афоне. Грамоты императоров освобождают Лавру от воинского постоя, в них перечисляются контингенты наёмников на византийской службе. В хрисовуле №33 от 1060 года (от императора Константина X Дуки) указаны варяги, русы, сарацины, франки. В хрисовуле №44 от 1082 года (от императора Алексея I Комнина) список меняется — русы, варяги, кулпинги, инглины, немцы. В хрисовуле №48 от 1086 года (от императора Алексея I Комнина) список значительно расширяется — русы, варяги, кулпинги, инглины, франки, немцы, болгары и сарацины. В старых изданиях хрисовулов соседние этнонимы «русы» и «варяги» не были разделены запятой (погрешность копирования документов), в результате чего термин ошибочно переводился как «русские варяги». Ошибка устранена после появления фотокопий оригинальных документов.[26]

Гвардия императоров

Варяги в Византии. Иллюстрация из хроники Скилицы.

В византийских источниках XII—XIII века наемный корпус варягов часто именуется *секироносной* гвардией императоров (Τάγμα των Βαραγγίων). К этому времени сменился его этнический состав. Благодаря хрисовулам стало возможным установить, что приток в Византию англичан (инглинов) начался видимо после 1066 года, то есть после завоевания Англии нормандским герцогом Вильгельмом. Вскоре выходцы из Англии стали преобладать в варяжском корпусе.

Норманский хронист XI века Готфрид Малатерра по поводу битвы 1082 года заметил: «англяне, которых называют варангами».[4] Византийский писатель XV века Георгий Кодин при описании придворной трапезы сообщает: «*варанги восклицают императору многая лета на своем отечественном языке, то есть по-английски*».[4] Из последнего свидетельства следует, что варяги приобрели привилегированное положение в византийском войске. Возможно авторы сделали обобщение, назвав язык варягов английским. Так Саксон Грамматик при описании визита датского короля Эрика в Константинополь в 1103 году отметил встречу короля с соотечественниками:

«Между прочими, которые от города Константинополя жалованье получают, датского языка люди первую воинскую степень имеют, и их караулом царь здравие свое защищает. И когда он [Эрик I] в Константинополь прибыл, то варанги от императора получили позволение к королю своему прийти.»[27]

Чужеземцы и раньше использовались в качестве дворцовой стражи, но только варяги приобрели статус постоянной личной гвардии византийских императоров. Начальник варяжской гвардии именовался *аколуфом*, что означает «сопровождающий». В сочинении XIV века Псевдо-Кодина даётся определение: «*Аколуф является ответственным за варангов; сопровождает василевса во главе их, поэтому и зовется аколуфом*».[28]

Анна Комнина, дочь императора, высоко оценивает варягов, рассказывая о событиях 1081 года : «*Что же до варягов, носящих мечи на плечах, то они рассматривают свою верность императорам и службу по их охране как наследственный долг, как жребий, переходящий от отца к сыну; поэтому они сохраняют верность императору и не будут даже слушать о предательстве.*»[29] Анна характеризует варягов как отважных варваров, носящих обоюдоострые мечи на правом плече и имеющих большие щиты. В 1081 году весь отряд варягов под началом Намбита был истреблён в сражении итальянскими норманнами Роберта Гвискара.

В саге о Хаконе Широкоплечем из цикла «Круг Земной» повествуется о битве в 1122 году византийского императора Иоанна II с печенегами в Болгарии. Тогда «цвет войска», отборный отряд веринго в 450 человек под началом Торира Хельсинга первым ворвался в лагерь кочевников, окружённый повозками с бойницами, что позволило византийцам одержать победу.

В 1204 варяжская гвардия в последний раз проявила себя, обороняя Константинополь от рыцарей-крестоносцев. Никита Хониат, свидетель этих событий, так написал про варягов-секироносцев после того, как рыцари ворвались в город:

«Ласкарис начал неотступно увещевать и поощрять собравшийся сюда народ к сопротивлению неприятелям. Равным образом он возбуждал идти на предстоявшую битву и секироносцев с их бранными железными оружиями на плечах, говоря, что им также надобно не менее римлян страшиться бедствий, если управление римскою империею перейдет к чужеземцам, потому что они не будут уже тогда получать такой богатой платы за службу и не удержат почтенного звания охранной царской стражи, но будут зачислены в неприятельское войско даром наряду со всеми. Однако, несмотря на все его усилия никто из народа не отозвался на его голос и даже секироносцы обещали содействие только за деньги, бесчестно и воровски считая крайнюю опасность положения удобнейшим временем торговаться.»[30]

После падения Константинополя известия о варягах-воинах в Византии отсутствуют, однако этноним «варяг» постепенно превращается в патроним, составную часть личного имени. В документах XIII—XIV вв. отмечены греки видимо скандинавского происхождения с именами Варанг, Варангопул, Варяг, Варанкат, из которых один был владельцем бань, другой врачом, третий церковным адвокатом (экдиком).[28] Таким образом воинское ремесло не стало наследственным делом у потомков варягов, осевших на греческой земле.

44.143.3. Варяги в Скандинавии

На рунических камнях, возводимых скандинавами в IX—XII вв., слово «варяги» не встречается. На севере Норвегии недалеко от российского Мурманска есть полуостров Варангер и одноимённый залив. В тех местах, населённых саами, найдены воинские погребения, датируемые эпохой поздних викингов. Впервые варяги как *væringjar* (веринги) появляются в скандинавских сагах, записанных в XII веке. Верингами называли наёмников в Византии.

«Сага о Ньяле» рассказывает об исландце Кольскегге, который примерно в 990-е годы: [31]

«отправился на восток, в Гардарики [Русь], и пробыл там зиму. Оттуда он поехал в Миклагард [Константинополь] и вступил там в варяжскую дружину. Последнее, что о нём слышали, было, что он там женился, был предводителем варяжской дружины и оставался там до самой смерти».[32]

«Сага о людях из Лососьей долины» несколько противоречит в хронологии «Саге о Ньяле», называя Болли в 1020-е годы первым исландцем в варягах:

«После того как Болли провел зиму в Дании, он отправился в дальние страны и не прерывал своего путешествия, пока не прибыл в Миклагард. Недолго пробыл он там, как вступил в

варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда [Константинополя]».

Болли в 1030 году вернулся в Исландию с богатым оружием и в роскошных одеяниях, поразивших его соплеменников.

Одним из наиболее прославленных героев саг стал будущий норвежский король Харальд Суровый, воевавший в 1034—1043 гг. по всему Средиземноморью с отрядом в 500 варягов, а перед тем послуживший Ярославу Мудрому. Сага о Харальде Суровом из цикла «Круг Земной» сообщает легендарный обычай, позволявший варягам по смерти византийского императора уносить сокровища из дворца: «*Харальд трижды ходил в обход палат, пока находился в Миклагарде. Там было в обычае, что всякий раз, когда умирал конунг греков, веринги имели право обходить все палаты конунга, где находились его сокровища, и каждый был волен присвоить себе то, на что сумеет наложить руку*». Однако Харальд по сообщению той же саги был брошен в темницу по обвинению в присвоении имущества императора, а затем бежал на Русь. Харальд погиб в 1066 году в битве при Стамфордбридже, которая, как считается, положила конец эпохе викингов.

Вернуться к ссылке

44.144. Елена Александровна Рыдзевская (1890-1941)

… Елена Александровна **Рыдзевская** родилась в Петербурге 10 января 1890 года в семье генерала, военного инженера. Среднее образование она получила в одной из лучших в ту пору в столице России частной гимназии Л. С. Таганцевой, помимо того, изучая иностранные языки дома, овладела английским, французским, немецким, а затем, отчасти уже в институте, шведским, норвежским, датским, читала и переводила со словарем с итальянского языка (2).

В 1907-1911 годах она училась и закончила четыре курса словесно-исторического факультета Санкт-Петербургского женского педагогического института, получив подготовку как археолог, этнограф, историк и филолог под руководством С. Ф. Платонова, Ф. А. Брауна, А. А. Спицына, а затем и А. А. Шахматова (3). На пятом, практическом курсе института она отказалась учиться, так как, по ее словам, "не собиралась заниматься педагогической деятельностью" (4).

С 1910 года Е. Рыдзевская работала по археологии в Эрмитаже под руководством академика Я. И. Смирнова (5), и в такой степени углубилась в эту работу, что, казалось, станет именно археологом, хотя, как она писала позднее, "специальностью наметила себе еще в средней школе русскую историю, которой и занималась будучи курсисткой, причем с 1909 года избрала основным предметом занятий древнейший период русской истории, в частности – скандинавско-русские отношения этого времени. В связи с этим изучила как русские летописи, так и древнесеверную литературу (саги и другие письменные памятники)" (6).

Развивая в себе именно задатки археолога, Рыдзевская в августе-сентябре 1912 года изучала под руководством известных скандинавских археологов Т. И. Арне, О. Альмгрена и Ё. Гальмстрёма археологические материалы в музеях Стокгольма, Осло и Бергена и принимала участие в работе Археологического съезда в Стокгольме. В 1913 году она знакомилась в Москве с древностями Исторического музея, а в мае-июле 1914 года изучала памятники искусства и археологические памятники в Германии (Берлин и др.) и в Италии (Венеция, Флоренция и др.) (7).

Первые научные труды Рыдзевской были по археологии. На основании изучения коллекций Эрмитажа Рыдзевская опубликовала в 1915 году в "Записках отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества" два сообщения о кладах – "Тверской клад 1906 года" и "Клады старых серебряных шейных гривен западного типа" (8). В этом же выпуске (стр. 210-221) помещено и ее третье сообщение – "Клад серебряных вещей из Терслева", фактически – сокращенный пересказ незадолго перед тем вышедшей в Копенгагене статьи датского археолога Х. Йохансена (9).

В первой названной работе Рыдзевская сообщала, что "осенью 1906 года в Твери, между р. Волгою и Тьмакою, близ полотна железной дороги, студентом Санкт-Петербургского

университета А. И. Ивановым замечен был предмет, принятый им сначала за обломок жестяной коробки, но при ближайшем рассмотрении оказавшийся серебряным запястьем. Дальнейшим расследованием места находки был обнаружен большой клад серебряных вещей в остатках глиняного горшка. В 1908 году клад был поднесен отцом студента Иванова, председателем местной архивной комиссии И. Л. Ивановым, великому князю Константину Константиновичу, которому было угодно передать его в императорский Эрмитаж..." (10). Далее Рыдзевская детально описала находки, однако без попыток датировки их.

Во второй работе Рыдзевская сообщала о хранящихся в Эрмитаже серебряных шейных гривнах, найденных в 1870-1880-х годах в Смоленской, Витебской и Петербургской губерниях, и гривнах неизвестного происхождения. Ссылаясь на мнение А. А. Спицына, Рыдзевская писала: "Гривны данного типа могут быть относимы к VIII-IX в., они попадаются и отдельно в погребениях Литвы и западных финнов. Происхождение этих гривен и их оригинального орнамента неясно. Возможно, что это местная, литовская форма, представляющая своеобразную обработку более старой римской" (11).

В пересказе статьи Йохансена о кладе Терслева Рыдзевская писала: "По составу своему клад близок к другим кладам серебра X-XI в. восточной и северной Европы", Будучи, видимо, полностью согласна с выводами Йохансена, она резюмировала: "Он (клад. – Г. А.) характерен для местного производства, где происходила переработка орнаментальных мотивов, заимствованных извне. Сношении с Востоком являются второстепенными по своему значению; благодаря им получился лишь самый материал, серебро. Тонкие филигранные работы восточного происхождения – техника, основанная еще на античных традициях – не нашли подражания в Скандинавии; тут служило образцом новое, западноевропейское более грубое и варварское искусство" (12).

Не будучи археологом-полевиком (да и не до полевых археологических работ было тогда, в разгар первой мировой войны и последовавших затем революций 1917 года), Рыдзевская в дальнейшем отошла от простого описания археологических коллекций, а к концу жизни оценила свои археологические сообщения, как "всего-навсего ученические работы описательного характера" (13).

Тем не менее, уйдя от прямой археологической тематики, Рыдзевская всеми своими последующими исследованиями русских и скандинавских источников раннего средневековья предстала перед читателем как историк, а впоследствии и как этнограф, специалист в области этнической ономастики и анализа фольклорных данных. Она внесла вклад, без которого вряд ли может обойтись археолог и историк, в той или иной мере изучающий раннее средневековье Скандинавии и Руси и древние русско-скандинавские связи. Взаимосвязь скандинавской и отечественной тематики вообще проходит сквозь все работы Рыдзевской. Сама она эту взаимосвязь трактовала так: "Я как-никак – скандинавистка, вышедшая из русской истории, как исходной точки, и тесно связанная с нею" (14).

Обстоятельства складывались так, что Рыдзевская многие годы была лишена возможности полностью посвятить себя науке. Так, после Октябрьской революции, с января по март 1918 года, она работала переводчицей Петроградского телеграфного агентства (ПТА), а после перевода ПТА в Москву во второй половине 1918 – начале 1919 года находилась на канцелярской работе в Наркомпросе (15). Затем ей, казалось, удалось вернуться к прямым научным занятиям: 6 мая 1919 года она была избрана научным сотрудником Отделения археологии России Государственного Эрмитажа, с 26 июня стала помощником хранителя там же, а в сентябре 1919 года – научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры (РАИМК).

Уже через полгода Рыдзевская подготовила к печати и сдала на обсуждение в Разряд древнерусского искусства РАИМК статью "Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgarðr" и приступила к завершению статей “**О названии Руси Gardariki**” у скандинавских писателей и о варяжских божницах.

Бедственное продовольственное положение в Петрограде периода гражданской войны остро испытывали тогда на себе многие ученые. Одинокая – без родственников и семьи – Рыдзевская 26 апреля 1920 года вынуждена была подать в Правление Российской академии истории материальной культуры заявление с просьбой уволить ее ввиду необходимости отъезда в провинцию "по состоянию здоровья" для поступления там, на постройке железнодорожной линии Петроград-Рыбинск, на работу, более обеспечивающую прожиточный минимум (16). Интересно, что еще долго после отъезда в Весьегонск, где она в 1920-1922 годах была занята на канцелярской работе в конторе "Рыбинскстройка" (17), в протоколах заседаний и в письменных отчетах Разряда древнерусского искусства РАИМК за период 1919-1922 годов значатся как единственные сданные для печати работы только научные статьи Рыдзевской "Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgarðr" и "О названии Руси Гардарик у скандинавских писателей" (18).

Однако увидела свет лишь одна из этих статей – "Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgarðr" (19). В ней автор освещает один из вопросов о местных названиях Киевской и Новгородской Руси, основываясь на отражении их в скандинавских сагах и в других памятниках той эпохи. Рыдзевская приходит к выводу, что Holmgarðr отражает более древнее, чем "Великий Новгород", название части этого города, а именно – поселения Холм на юго-востоке Великого Новгорода.

Рукопись "О названии Руси Гардарик у скандинавских писателей" так и не увидела свет, как не была завершена и не обнаружена мной рукопись о варяжских божницах. Из двух сохранившихся в архиве ЛОИА текстов рукописи о названии Гардарики (20) первая под названием "О названии Руси Garðariki в связи с древнесеверным словом garðr" на 12 рукописных страницах, видимо, первичный, более короткий вариант рукописи "О названии Руси Garðariki у скандинавов" на 24 страницах. Рыдзевская, не в пример прямолинейному переводу некоторыми нашими современниками Garðariki как "страна городов", подошла к этимологии этого названия более осторожно. Она писала: "Что у скандинавов со словом gar ðr не связывалось понятие о городе в русском смысле этого слова, доказывает, между прочим, и отсутствие у них как в древности, так и в нынешнее время крупных центров с названиями, в состав которых входило бы это слово... 1) На основании значения, с которым слово gar ðr является перед нами в древнесеверном языке, можно было бы с уверенностью сказать, что оно вовсе не обозначает и не может обозначать города в смысле urbs и art, и что нельзя поэтому объяснять название Garðariki, как "страна городов", если бы не вышеприведенное место из Hauksbok, где русские города называются именно garð'ами. 2) Если же приходится на этом основании принять толкование Garðariki – "страна городов", то, во всяком случае, условно и со следующей оговоркой: объяснение этого названия следует искать не в древнесеверном слове garðr, как таковом, а в близком к нему русском "город", переиначенном применительно к древнесеверному языку. 3) Что касается предположения, что русские города по внешнему виду значительно отличались от скандинавских, то на основании археологических исследований и изучения письменных памятников едва ли можно думать, что разница между ними была настолько значительна, чтобы дать повод назвать Русь – Garðar и Garðariki на основании большего сходства русского города с усадьбой, хутором, чем с настоящим городом по скандинавским понятиям" (21).

В 1922 году Рыдзевская смогла вернуться в Петроград и с августа начала работать инвентаризатором в журнальном отделе Библиотеки Академии наук СССР, а с 1924 по 1929 год занималась инвентаризацией и каталогизацией хранящихся там собраний гравюр, литографий, рисунков, старинных и редких книг, составлением карточных каталогов, определением гравера и художника, выдавала справки по изданиям и т. п. (22).

До 1931 года, когда она перешла на научно-исследовательскую работу (по договорам и сдельно), Рыдзевская все свое свободное время отдавала изучению как по скандинавской тематике, так и по истории Новгородской Руси и варяжской проблеме. В 1929 году она опубликовала небольшое исследование, посвященное одному из эпизодов, упоминающихся в древнерусской летописи, "Die dänische Huno-Sage und eine Episode aus der alterussischen Chronik" (23). Год спустя другую – седьмую в ее научной жизни статью – 'Несколько замечаний по поводу статьи В. А. Брима

"Колбяги"' (24), в которой дала анализ этого загадочного этнонима, а еще через год – еще одну статью – "Ein Skandinavischer Beiname in einer russischen Chronik", где на встречающихся в IV и V хрониках Новгорода XV в. и в рукописях XV-XVII вв. упоминаниях имен Водмолъ, Володимен, Володимер, Водомол, Въдьмоль и фонетических аналогов их в древненорвежском (vadmal), древнешведском (vapmal), латышском (wadmala), эстонском (wadmal), разбирает вопрос о прозвище, в основе которого лежит название груботканого сукна вадмоля (25).

С 1931 года научно-исследовательская деятельность Рыдзевской получает новый размах, публикуются ее новые работы.

…В 1932 году вышло небольшое, но ёмкое исследование Рыдзевской "К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 году" (27), в котором она объясняет термин Русь как понятие классовое, а не этническое. В "Библиографической заметке о современной шведской исторической науке" Рыдзевская предприняла обзор шведского научного журнала "Historisk tidskrift" за время с 1925 по 1934 год (28).

В большом, пожалуй, самом крупном исследовании – "К варяжскому вопросу" (29) – на основе анализа топонимов северо-западной Руси и верховий бассейна Волги Рыдзевская показывает ареалы наибольшего влияния варяжских имен и слов на местные топонимы. Небольшое сообщение "Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г." (30) показывает Рыдзевскую не только как историка, но и как лингвиста-германиста, хорошо ориентирующегося а средневековых немецких диалектах. Ее статья "Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне" (31) интересно ставит проблему происхождения князя Владимира и подоплеки его тесных связей со скандинавами.

Но наиболее глубокое понимание законов исторического и диалектического материализма Рыдзевская проявила в своих последних пяти публикациях (пятая – посмертная), начиная с 1936 года, когда Рыдзевская стала более тесно сотрудничать с Институтом истории материальной культуры (1931-1937 и 1939-1941 годы) и Институтом антропологии и этнографии (1938-1939 годы). В статье "Слово "смерд" в топонимике", задавшись изучением топонимов, произведенных от слова "смерд", до того не собранных и не изученных, но встречающихся как в летописях и древнейших актах и грамотах, так и в более поздних изданиях, кончая списками населенных мест и т. п., Рыдзевская не только определяет ареал распространения топонимов, связанных со словом "смерд", но и взаимосвязь древнерусского социального термина "смерд" и этнического термина "мордва" (32).

В статьях "Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних германцев" (33) и "О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы" (34), написанных по кропотливо собранным из древнескандинавских источников сообщениям, Рыдзевская приводит некоторые свидетельства о существовании в прошлом у скандинавов как тотемизма, так и материнского рода.

В объемистой статье "Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX-XIII вв." (35) ученая тщательно обобщила громадный материал из древнескандинавских источников, воссоздающий широкую картину не только истории земледелия, но и стихийных бедствий в Исландии и Норвегии.

Статья "Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе", прочитанная автором 14 апреля 1941 года на заседании сектора дофеодальной и феодальной Восточной Европы, содержит глубокий анализ многочисленных свидетельств в пользу существования Старой Ладога как города, отданного новгородским князем скандинавам-вождям его наемной дружины в "держание" со сбором дани. Статья была опубликована лишь в 1945 году в "Кратких сообщениях ИИМК АН СССР" (36). В этом же номере сообщений опубликовано единственное в печати сообщение о смерти Е. А. Рыдзевской, причем дата смерти указана неточно: в сноске 1 к заголовку статьи сказано, что Рыдзевская погибла в ноябре 1941 года в осажденном Ленинграде (37), между тем как она скончалась от истощения 8 декабря 1941 года (38).

Из неопубликованного научного наследия Рыдзевской следует прежде всего упомянуть рукопись "Rossika" на 264 страницах – переводы из многочисленных древнесеверных источников, которые содержат сведения о Руси или о поездках скандинавов на Русь, Это тот материал, в котором всегда ощущали недостаток наши археологи и историки, специализирующиеся на изучении древней Руси.

К сожалению, рукопись осталась незавершенной. Помимо пропуска в русском тексте многих выходных данных и имей собственных в оригинальном написании, многие части рукописи предельно фрагментарны, содержат лишь упоминания каких-либо географических точек в Восточной Европе, если текст саг более ничего не говорит о них. Конечно, в таком незавершенном виде "Rossika" не принесла бы необходимой пользы археологам и историкам. Не случайно академик Б. Д. Греков, давая 4 декабря 1935 года отзыв о "Rossika" Рыдзевской, отмечает, что подбор материалов, сделанный Е. А. Рыдзевской, представляет известную ценность, и работу Е. А. Рыдзевской следует напечатать, но тут же указывает: "Работа Е. А. Рыдзевской не однородна. Тут имеются переводы целых саг или весьма значительных отрывков из них и рядом очень мелкие цитаты из текстов, цитаты, сами по себе интересные и имеющие значение в качестве источника для древнего периода в истории России... Если сага, приводимая полностью, говорит о людях, местах, событиях довольно подробно и дает читателю достаточный материал для суждения, то мелкие обрывки, называющие имя или место, весьма невразумительны для читателя. Мне кажется, совершенно необходимым снабжать такие отрывки кратким пересказом источника и таким образом ставить приводимый отрывок в связь с контекстом" (39).

Аналогично оценил рукопись "Rossika" и М. К. Картер: "Выдержки эти чаще всего являются простым упоминанием названий отдельных городов или географических названий Восточной Европы с очень небольшим контекстом. Только немногие из них представляют повествовательный текст с тем или иным историческим содержанием... Считая безусловно желательным и необходимым закончить названный сборник, думаю, однако, что необходимо пересмотреть выдержки в сторону некоторого расширения контекстов" (40).

Эта работа по расширению контекстов еще не проделана и ждет своего кропотливого исследователя и соавтора Рыдзевской.

В более законченном виде находится другая большая и важная работа, в которой Рыдзевская выступает уже не только в роли переводчика, составителя и комментатора отдельных фрагментов древнескандинавских источников, но и в роли автора. Это рукопись "**К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи**" (41) (164 страницы), подготовленная к печати, по-видимому, в 1940 году. Рукопись представляет собой широкое историческое полотно, где предпринята попытка проследить и выявить первичное содержание не только преданий о Рюрике, Синеусе и Труворе, Аскольде и Дире, по и многие аспекты древнейшей русской летописи в сравнении со многими фольклорными мотивами в других славянских и скандинавских письменных источниках.

Имеется и ряд более мелких рукописей, так и не увидевших сеет, но представляющих интерес и для скандинависта и специалиста по древней Руси, например, "О названии острова Березань" (19 страниц) (42), "О названии города Изборск" (16 страниц) (43), "Несколько замечаний по поводу книги Е. Г. Кагарова "Пережитки первобытного коммунизма "в общественном строе греков и германцев", 1937 г. (19 страниц) (44). Последняя рукопись-рецензия ценна и тем, что показывает, в частности (как и отзыв Рыдзевской на рукопись монографии Н. Н. Волкова о лопарях (45)), насколько может быть засорена наша научная литература, в том числе и монография, неправильными, искажающими исторические факты переводами и толкованиями источников.

Вернуться к ссылке

44.145. Знаки Рюриковичей и символ сокола

«Загадочные фигуры» на монетах и печатях Рюриковичей, на перстнях и подвесках, принадлежавших князьям и их дружинникам, на кирпичах Десятинной церкви, а также на других предметах, являвшихся собственностью рода, возглавлявшего феодальную верхушку в Киевской Руси, давно уже вызывают массу всевозможных споров и толкований. Подробный историографический обзор вопроса о сущности знака Рюриковичей содержится в работах И.И.Толстого и А.В.Орешникова (1). Упоминания о различного рода дешифровках знака имеются в трудах Н.П.Лихачева и Б.А.Рыбакова (2). Ниже мы приводим краткий перечень, всех существующих мнений по данной проблеме.
Н.М.Карамзин в «Истории государства Российского» назвал знак, изображенный на монетах Рюриковичей, «трезубцем» (3). Нумизматы XIX в. - А.Воейков, Я.Я.Рейхель, И.П.Сахаров, С.И.Шодуар, Ф.Ф.Шуберт - считали, что «фигура» является изображением древнего светильника - трикирия или паникадила (4). Я.Волошинский, Ф.А.Жиль, А.Тильзеус фон Тильнау, к мнению которых примыкал вначале И.И.Толстой, видели в знаке изображение хоругви (5). С.Г.Строганов в письме к А.А.Кунику отмечал, что знак Рюриковичей «не что иное, как церковный портал» (6). И.А.Бартоломей предлагал считать «фигуру» якорем. (7) Известный археолог XIX в. А.А.Уваров утверждал, что знак есть искаженное изображение верхней части особого византийского скипетра (8). К такому же выводу в 1884 г. пришел и И.И.Толстой, по мнению которого, этот византийский скипетр был доставлен на Русь из Царьграда царевной Анной Владимиру (9). Б.В.Кёне и А.А.Куник видели в знаке изображение птицы. Б.В.Кёне считал, что на монете изображен ворон (10). А.А.Куник заявлял, что «загадочная фигура» - голубь, символизирующий святого духа (11).

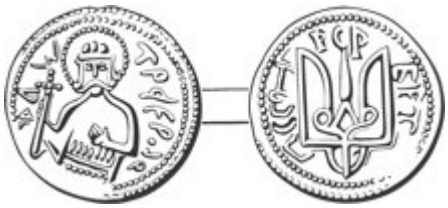
Позднее А.А.Куник под влиянием доводов А.А.Уварова и И.И.Толстого, которые указывали, что в Византии вплоть до XIII в. голубь изображался летящим или парящим головою вверх, отошел от своего первоначального мнения и стал считать знак изображением державы - символом власти киевских князей (12). Известный шведский ученый Т.Арне, который исследовал подвески со знаками Рюриковичей, найденные в Швеции, пришел к выводу, что на них, изображена «птица с распущенными крыльями» - «знаменитый родовой знак Ярославова серебра, повторяющий схематично такой же родовой знак Св.Владимира» (13). К.Болсуновский видел в знаке Рюриковичей зашифрованное слово (14). П.Н.Милюков в статье «Норманский знак на монетах Великого княжества Киевского» (1889 г.) писал о сходстве «загадочной фигуры» со шлемами, изображенными на ковре из Байе (15). Впоследствии мнение П.Н.Милюкова было подвергнуто сокрушительной критике со стороны А.В.Орешникова (16). Д.Я.Самоквасов предлагал считать знак Рюриковичей скипетром, форма которого заимствована из скифских курганов (17). Вятский статистик П.М.Сорокин усмотрел в знаке изображение топора с двумя лезвиями - франциску. Сравнивая родовой знак Рюриковичей с родовыми знаками вотяков, П.М.Сорокин полагал, что первый должен изменяться при переходе от князя к князю (18). А.В.Орешников считал, что П.М.Сорокин наиболее близко подошел к объяснению знаков на монетах и присоединился к мнению последнего (19). Дальнейшие исследователи знака Рюриковичей и его эволюции отказались как-либо толковать данную фигуру в своих работах.

В историографическом обзоре следует привести одну фразу из книги С.А.Гедеонова «Варяги и Русь». Он писал: «Изображенная на игоревой гривне птица с поднятыми кверху когтями может быть сокол-рерик» (20). О какой «игоревой гривне» идет речь - непонятно. Одна из древнейших русских монет (или печатей?) с изображенным на ней знаком Рюриковичей в XIX в. приписывалась князю Игорю. Может быть, ее имел в виду С.А.Гедеонов?

Классификация знаков Рюриковичей была впервые создана А.В.Орешниковым (21). Впоследствии в нее трижды вносили поправки - один раз Б.А.Рыбаков (22) и дважды В.Л.Янин (23). В основу своей классификации А.В.Орешников положил принцип «образования знака из простого в более сложный» (24). Так как на серебре Ярослава Мудрого изображен «трезубец», то он предположил, что знак отца Ярослава - Владимира был проще - двузубец, имеющийся на одной из древних печатей (25). Принцип, на котором зиждется классификация А.В.Орешникова,

вызывает серьезные возражения. Если мы обратимся к статье В.Л.Янина (26), то убедимся, что знаки князей XI-XII вв. намного проще и схематичнее древних.

А.А.Ильин и Н.П.Бауэр считали принадлежащим Владимиру Святославичу те знаки, которые А.В.Орешников приписывал Владимиру Мономаху (27). Б.А.Рыбаков также высказывал сомнения по поводу «первого знака А.В.Орешникова». Он отмечал, что «...в ряде случаев монеты Владимира («Владимирово серебро») находят с вещами XI в., например в радимчском кургане XI в. близ с. Вотня на Днепре, в Липлявском могильнике XI-XII вв. с западной монетой, современной Владимиру Святославичу, и т. д. (отметим, что в обоих случаях монета уже успела превратиться в подвеску к ожерелью). В пользу этого взгляда (взгляда А.А.Ильина и Н.П.Бауэра. - О.Р.) говорит и нахождение монет в кладах не позднее середины XI в., да и палеографический анализ букв указывает скорее на раннюю дату» (28).



Бесспорно принадлежащим Владимиру Святославичу Б.А.Рыбаков считает знак, изображенный на кирпиче от Десятинной церкви, так как не кто иной, а именно Владимир был строителем этого первого русского христианского храма (29).

Если мы сравним знаки, которые А.В.Орешников приписывал Владимиру Мономаху, со знаком на кирпиче от Десятинной церкви, то убедимся, что сходство их очевидно. Различаются они лишь тем, что у знака на кирпиче не имеется отростка от среднего зубца, да в средней части знака некоторые весьма незначительные детали (которые, кстати сказать, на всех имеющихся монетах с именами Владимира и Ярослава изображаются по-разному, а иногда и вовсе отсутствуют) изображены несколько иначе. Таким образом, принадлежность Владимиру Святославичу знаков, классифицированных А.В.Орешниковым как знаки Владимира Мономаха, не вызывает никаких сомнений.

Если внимательно присмотреться к знакам Владимира, то создается впечатление, что «фигура» все время совершенствовалась в период чекана монеты. Однако в какую сторону она совершенствовалась - упрощалась или усложнялась,- сказать трудно. Скорее всего, изменения в «фигуре» происходили в сторону упрощения знака.

Рассмотрим «загадочную фигуру», изображенную на монетах Владимира и Ярослава Мудрого. Знаки представляют собой какие-то необычные трезубцы. Крайние зубцы больше всего напоминают лезвия ножей или крылья какой-то птицы. Средний зубец резко отличается от двух крайних - на большинстве знаков Владимира он состоит из двух неравных частей: нижней - утолщенной, и верхней - более тонкой. Средний зубец знака, нанесенного на кирпич Десятинной церкви, имеет только нижнюю утолщенную часть. На монете Ярослава Мудрого средний зубец не имеет двойного деления, а завершается кружком. Три верхних конца трезубца упираются в поперечную перекладину, от которой книзу опускается четвертый зубец. Этот зубец на одних знаках Владимира слегка закругляется, на других, так же как и на знаках Ярослава, выступает в виде равнобедренного треугольника. На некоторых знаках Владимира от средней части «фигуры» на крайние зубцы вынесены какие-то странные «крючки».

Г.Н.Анпилогов убедительно доказал, что многие из знаков собственности, нанесенные на владельческие борти, представляют собой изображение вил, топоров, плугов и многих других предметов. Он указывает, что рисунки на бортях настолько точно передают сущность предметов, что по ним можно изучать уровень развития материальной культуры того времени, когда они были изображены. Исследователь добавляет, что нередко к этим реалистическим рисункам «... делались различного рода дополнения в виде крестов, отдельных черточек и т.п.» (31). Вероятно, знаки Рюриковичей, которые также являются знаками собственности должны характеризоваться теми же признаками, которые Г.Н.Анпилогов выявил при анализе бортных знамен, а именно:

возможны некоторые посторонние дополнения и небольшие отклонения от нормы, но в основном рисунок должен передавать самые существенные черты изображенного предмета.

Для определения сущности «фигуры» очень важно рассмотреть стокгольмский экземпляр Ярославова серебра. Его первым отыскал и опубликовал Б.В.Кёне (32). Правда, Б.В.Кёне представил стокгольмское серебро как монету князя Олега. Он утверждал, что знак на «монете Олега» есть изображение ворона - древнейшего герба Дании. Надпись по краю монеты Б.В.Кёне считал латинскою и читал ее OLEG REX, произвольно расставляя буквы, а также приняв один из крестов, нанесенных на поверхность, за букву X33. Против такого чтения надписи выступил А.А.Куник, доказав, что «латинская надпись» сделана русскими буквами и читается как О ГЕОРГІ (оагиос Георгий), а надпись на обратной стороне монеты совершенно ясно читается как: ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО (34).

Таким образом, монета принадлежит не Олегу, а Ярославу. С чтением А.А.Куника согласились все крупнейшие нумизматы XIX и XX столетий. А.А.Куник считал, что на монете христианского князя не могло быть такого языческого изображения, как ворон. Вместе с тем, он, в свою очередь, подметил, что на стокгольмском экземпляре Ярославова серебра на нижнем зубце «фигуры» имеются какие-то кружки, очень похожие на глаза птицы. Это дало ему повод утверждать, что «загадочная фигура» изображает живое существо, но не ворона, как думал Б.В.Кёне, а «голубя, олицетворяющего святого духа».

Впоследствии А.А.Куник под влиянием доводов А.А.Уварова и И.И.Толстого отошел от своего первоначального мнения. (35) Стокгольмский экземпляр был признан грубым скандинавским подражанием серебру Ярослава Мудрого. На эту монету перестали обращать внимание при расшифровке знака Рюриковичей. Однако уже в XX в. такие авторитетные ученые, как Н.П.Бауэр и Н.П.Лихачев, решительно высказались, против того, чтобы считать стокгольмский экземпляр подражанием монетам Ярослава (36).

Т.Арне, опубликовавший найденные на территории Швеции подвески, изображение знака на которых почти аналогично изображению на Ярославовом серебре и на стокгольмском экземпляре (на подвесках «птица» так же, как и на стокгольмском экземпляре, изображена с глазами), признал их по происхождению русскими (37). Предположение, что где-то в Бирке или в Росскилле понадобилось кому-то в XI в.(!) подделывать серебро под монету Ярослава Мудрого и при этом писать на нем русскими буквами О ГЕОРГІ, ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО, лишено, на наш взгляд, всякого здравого смысла. Нет никакого сомнения в том, что стокгольмский экземпляр - русская монета, хотя ее и могли отчеканить за границей по заказу Ярослава Мудрого.

Знак, изображенный на стокгольмском экземпляре и особенно на подвесках, опубликованных Т.Арне, очень напоминает летящую птицу. Впрочем, знаки, нанесенные на монеты Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, также чрезвычайно похожи на изображение летящей птицы: массивная голова, опущенная книзу, острые крылья, короткое туловище, к которому примыкает тонкий хвост (на монетах Владимира), и целостность туловища и хвоста (на монетах Ярослава). Похож на изображение летящей птицы и знак на кирпиче Десятинной церкви. Отличие последнего от первых в том, что «птица», нанесенная на кирпич, не имеет хвоста. Отметим, что длина крыльев - боковых зубцов на знаках Владимира значительно превосходит длину тела «птицы» - нижнюю половину среднего зубца.

Посмотрим теперь на знаки <которые> обычно приписывают князьям X-XI вв. Почему-то все исследователи, пытавшиеся расшифровать «загадочную фигуру» не обратили на них никакого внимания. Между тем, эти знаки являются важным связующим звеном при определении сущности «фигуры». На нижней части обоих знаков ясно видна передняя часть головы хищной птицы: длинный клюв, маленькие круглые глаза, обведенные дополнительными кружками, низкий, большой по размерам лоб. Туловище у птицы отсутствует. Над головой ее с левой стороны

поднимается крыло - почти точная копия крыльев, изображенных на знаках Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, с правой стороны возвышается крест. Между крылом и крестом имеется какой-то завиток (на другом знаке, крест без верхнего конца; другой крестик примыкает к клюву птицы). Знаки отличаются друг от друга лишь в мельчайших деталях, сущность их остается одной и той же - изображение птицы.

Передняя часть головы птицы ни в коей мере не напоминает передней части головы голубя. Голубь не имеет такого длинного, возможно, даже слегка загибающегося клюва. У голубя довольно высокая лобная часть, а глаза сильно сдвинуты к бокам. Таким образом, вероятность изображения голубя отпадает. Еще менее похожа голова птицы на голову ворона. А пропорции тела летящей птицы не имеют ничего общего с пропорциями тела летящего ворона. Слабенькие, почти совсем рельефно не выделяющиеся на фоне тела плечи ворона не могут иметь никакого сравнения с могучими плечами птицы. Передняя часть головы птицы, изображенной на монетах Рюриковичей, может принадлежать только одному из видов боевых птиц: орлу, ястребу или соколу. Однако и орел, и ястреб обладают «тупыми» и короткими крыльями по отношению к длине своих тел (38), в то время как на монетах Рюриковичей птица изображена с острыми и длинными крыльями. «Фигура», изображенная на монетах Рюриковичей, больше всего напоминает летящего сокола.

Сокол имеет короткое плотное туловище, большую массивную голову, довольно длинную шею, которая при полете вбирается в плечи, острые и длинные крылья, значительно превосходящие длину тела птицы, короткий мощный хвост, примыкающий к туловищу (иногда он несколько заострен на конце, но чаще оканчивается закруглением в виде лопаточки), который вместе с туловищем образует при полете птицы третий средний зубец «трезубца». Глаза у соколов окаймляются дополнительными кружками, получающимися в результате того, что птица в этих местах не имеет растительного покрова. Ничего похожего ни у ворона, ни у голубя нет. Зато этот признак сокола очень четко зафиксирован на знаках Рюриковичей. Основные характерные черты сокола на монетах Рюриковичей X-XI вв. прослеживаются хорошо, хотя нередки и некоторые «излишние» добавления к рисункам в виде крестов, кружков и т.п. Этими добавлениями, так же как и надписями по ободку монет, денежные знаки одного князя отличались от денежных знаков других князей. Сущность же знака, по крайней мере для X-XI вв., оставалась одной - изображение сокола. На кирпиче от Десятинной церкви характерные черты сокола также хорошо прослеживаются.

Сокол на монетах Владимира отличается от сокола на монетах Ярослава тем, что птица изображена в различных ракурсах. На монетах Владимира чеканщик во Сокол на монетах Владимира отличается от сокола на монетах Ярослава тем, что птица изображена в различных ракурсах. На монетах Владимира чеканщик воссоздал птицу, какой она бывает видна, если смотреть за ее пикированием снизу, с земли. Поэтому-то на знаках Владимира не изображены глаза сокола, зато хорошо видны ноги птицы, вынесенные под крылья, а также деление «среднего зубца» на две части - на туловище и на примыкающий к нему хвост. На монетах Ярослава летящий сокол изображен таким, каким он виден, если смотреть на птицу сверху. При таком ракурсе мы не увидим ни его ног, ни деления средней части, зато может видеть глаза птицы.

Знаки, которые исследователи относят к концу XI-XII вв., очень далеки от своего прототипа. На некоторых из них (например, на знаке, который приписывают Всеволоду Большое Гнездо), невозможно найти не только характерных черт сокола, но вообще черт птицы. Трансформированы позднейшие знаки до такой степени, что возникает сомнение: действительно ли это знаки Рюриковичей? Несколько особняком стоит знак, изображенный на древнейшей, по мнению некоторых исследователей русской печати (39). Он имеется на обеих ее сторонах.

Верхний средний зубец у этого знака полностью отсутствует. Надпись на монете не читается. А.В.Орешников, как уже было сказано выше, приписывал этот знак Владимиру Святославичу. Возможно, что нанесенная на печать «фигура» также является изображением летящего сокола, ибо несмотря на недостающие элементы - отсутствие хвоста и задней части туловища, - пропорции тела этой птицы до некоторой степени передаются.

Когда сокол пикирует на свою жертву, задняя часть его туловища и хвост поднимаются кверху, и их далеко не всегда можно увидеть с земли. Поэтому возможно, что в случае с «двузубцем» мы имеем не случайное, а специальное искажение (если это только можно назвать искажением) тела птицы. При рассмотрении знаков Рюриковичей важно учитывать, под каким углом художник решил изобразить летящего сокола. Однако принадлежность этого знака Владимиру Святославичу крайне сомнительна, ибо почти аналогичный знак (тоже «двузубец») был найден на фрагменте гончарного сосуда XI-XII вв. при раскопках Изяслава (Рогнедина).

Образ сокола в Киевской Руси употреблялся часто. Если мы обратимся к нашим древнейшим былинам, то увидим, что Вольга обладает способностью оборачиваться то птицей - соколом, то рыбой - щукой, то серым волком (40). Так же и Волхв Всеславич перевоплощается в волка, в тура «золотые рога», в ясного сокола (41). Особый интерес вызывает былина «Вольга», записанная А.Ф.Гильфердингом и прокомментированная Б.А.Рыбаковым (42). В ней рассказывается о борьбе Вольги с Санталом: «Поезжае Вольга в Волгугород, видела царица нехороший сон: бьется сокол да с черным вороном, перебил сокол да черна ворона. Ясный тот сокол - Вольга богатырь, черный тот ворон - то сам Сантал» (43). Б.А.Рыбаков убедительно доказал, что эта былина повествует о реальных исторических событиях, которые происходили на Руси во второй половине X в. Вольга - древлянский князь Олег Святославич борется с могущественным варягом Санталом - Свенельдом («черным вороном» (44). Названия «сокол» и «черный ворон», применительно к этим историческим лицам, по-видимому, не случайны. Древним гербом датчан, как мы уже указывали выше, был ворон, а на монетах киевских князей изображался сокол.

В других былинах Владимирова цикла рассказывается о том, как Илья Муромец и Добрыня Никитич «ходят - гуляют» по синему морю Хвалынскому на «Соколе» - корабле, на который нападают «черные вороны» - в одном случае турки, в другом - татары. После того, как Илья Муромец разбивает врагов, «Сокол» благополучно возвращается на Русь. Турки и татары в данном случае являются позднейшей подстановкой. Во времена Владимира ни те, ни другие не вышли еще на мировую арену. В XII в. «черными воронами» называли половцев, а соколами по-прежнему русских князей. Вероятно, тут сказывалась уже народная традиция называть всех врагов, которые посягали на Русскую землю, «воронами».

В «Слове о полку Игореве» термины «сокол» и «соколич» служат для обозначения князей Рюриковичей - Игоря, Всеволода, Владимира и др. «Не буря соколы занесе через поля широкая, галицы стады бежать к Дону Великому» (45). Под «соколами» здесь подразумевается «Ольгово хороброе гнездо», а под галицами - половцы, что видно из контекста. После описания поражения войска Игоря певец восклицает: «О! Далече зайде сокол птиць бья к морю: а Игорева храброго пълку не кресити! (46). Бояре говорят Святославу Киевскому: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а либо испити шеломомь Дону. Уже соколама крильца припешали поганных саблями, а самаю опуташа в путины железны» (47). После бегства Игоря из плена (он «полете соколом под мылами» (48) Гзак говорит Кончаку: «Аже сокол (Игорь. - О.Р.) к гнезду летит, соколича (Владимира. - О.Р.) ростреляеве своими злачеными стрелами» (49). В «Слове о полку Игореве» даже половцы называют князей Рюриковичей «соколами».

Возникает вопрос: каким образом сокол «залетел» на монеты и печати Рюриковичей, в русские былины, в «Слово о полку Игореве»? Почему именно сокол, а не орел, не ястреб, не ворон? Сокол не был древним божеством ни у славян, ни у скандинавских народов. Да с принятием христианства ни одному языческому богу и не осталось места в русском религиозном пантеоне, хотя пережитки язычества еще сохранялись долго. Тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что сокол был

эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси. Возможно, что сокол в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья. Следы тотемизма нередко проявляются в культе животных, в геральдике, в фольклоре спустя несколько веков после принятия новой религии.

Примечания:

1. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. - СПб., 1882. С. 165-183; Орешников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // АИЗ. - М., 1894, 10. С. 301-311.
2. Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2.- Л., 1928; Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА, VI, 1940. С. 230, 231, 233.
3. Толстой И.И. Ук. соч. С. 165.
4. Там же. С. 165, 166.
5. Там же. С. 166, 180.
6. Там же. С. 166.
7. Там же.
8. Там же.
9. Толстой И.И. Знамя первых наших христианских великих князей. Тр. VI, АС. - Одесса, 1886. С. 269.
10. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты... С. 62-65.
11. Там же. С. 166.
12. Там же. С. 183.
13. Arne T.I. Fornvdnnen meddellanden fren K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien. 1911-12, 47.
14. Болсуновский К. Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. - Киев, 1908. С. 4-6.
15. Орешников А.В. Ук. соч. С. 304.
16. Там же. С. 304.
17. Там же.
18. Там же. С. 305-308.
19. Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси. - М., 1936. С. 33.
20. Гедеонов С. Варяги и Русь. II. - СПб., 1876. С. XXXIV.
21. Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси.
22. Рыбаков Б.А. Ук. соч.
23. Янин В.Л. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК, 57, 1955; его же. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, 62, 1956.
24. Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 35.
25. Там же.
26. Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, 62, 1956.
27. Ильин А.А. Топография кладов древнерусских монет X-XI вв. и монет удельного периода. - Л., 1924. Табл. I; Бауэр Н.П. Древнерусский чекан конца X - начала XI в. // ИГАИМК, 1927. С. 315.
28. Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 231.
29. Там же. С. 247.
30. Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник // СА, 1964, 4. С. 154-156 и др.
31. Там же. С. 168.

32. В настоящее время имеется шесть экземпляров, подобных стокгольмскому. Поэтому само название «стокгольмский экземпляр» чисто условно.

33. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты... С. 62-69.

34. Там же. С. 72-74.

35. Там же. С. 167, 168.

36. Бауэр Н.П. Ук. соч. С. 316, 317; Лихачев Н.П. Ук. соч., 2. С. 178, 179, 183.

37. Arne T.I. Ук. соч. С. 47.

38. Брем А.Э. Жизнь животных. - СПб., 1903. С. 692, 717.

39. Лихачев Н.П. Ук. соч. 2. С. 173; В.Л.Янин считает древнейшей русской печатью печать новгородского князя Изяслава Владимировича. Знак на этой печати очень похож на знак, изображенный на кирпиче Десятинной церкви: сокол на нем также не имеет хвоста. Янин В.Л. Древнейшая русская печать X века // КСИИМК, 57, 1955. С. 40.

40. Былины. I. - М., 1958. С. 318.

41. Там же. С. 10, 11.

42. Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. I. - СПб., 1884. С. 247-248; Рыбаков Б.А. Древняя Русь (сказания, былины и летописи). - М., 1963. С. 54-58.

43. Гильфердинг А.Ф. Ук. соч. С. 247, 248.

44. Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 55.

45. Слово о полку Игореве сына Святославля внука Ольгова. - М., 1954. С. 4.

46. Там же. С. 6.

47. Там же. С. 18.

48. Там же. С. 32.

49. Там же. С. 34.

См. также Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в., В Старой Ладоге найден герб Рюриковичей, **В. А. Чудинов - Руница и тайны археологии Руси**

Вернуться к ссылке

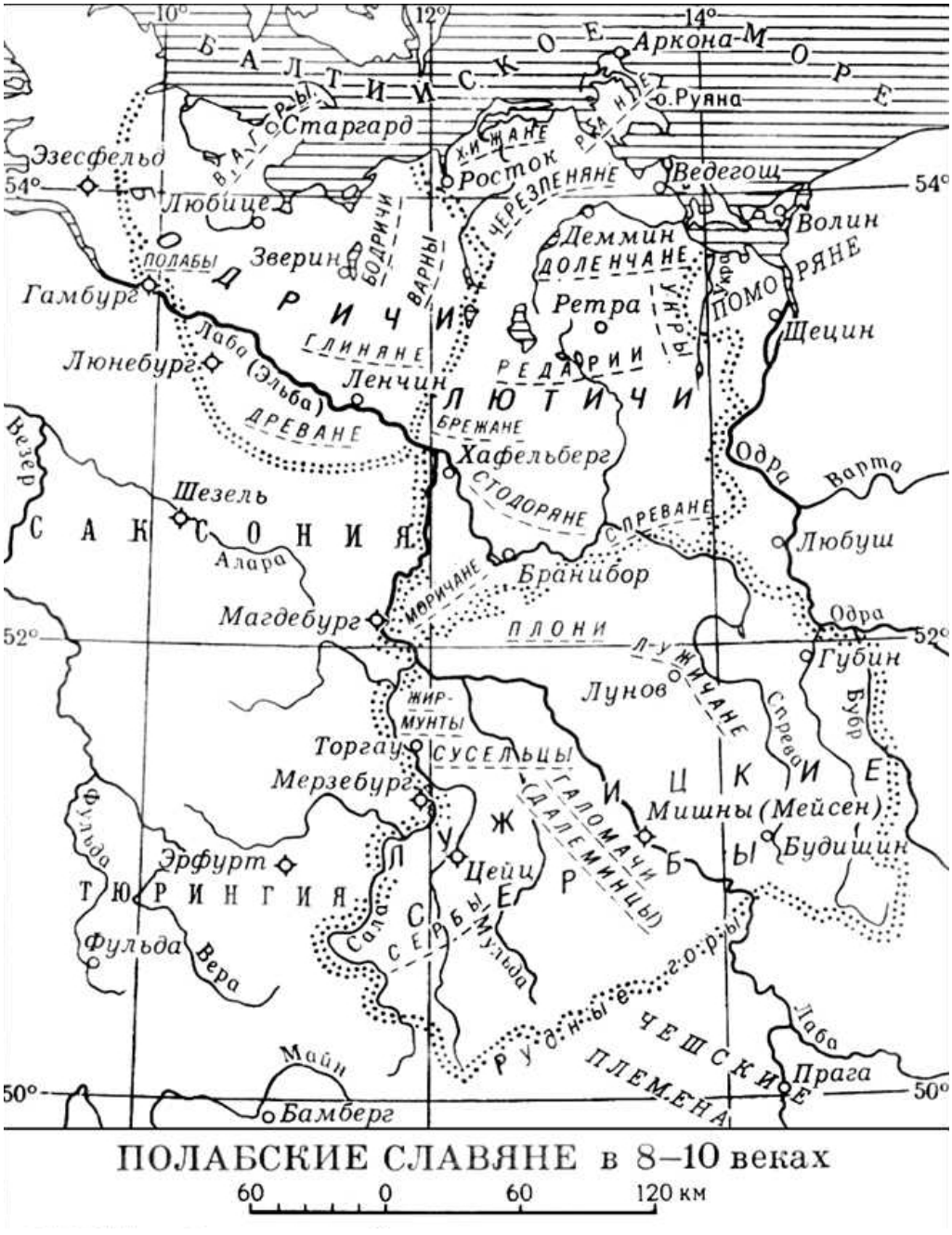
44.146. Бодричи

Бо́дричи (**ободри́ты**, **ра́роги**) — средневековый союз славянских племен, так называемых полабских славян. Ареал проживания - нижнее течение Эльбы (Лабы), территория современного Мекленбурга, восточная часть земли Шлезвиг-Гольштейн и Нижняя Саксония.

В VIII—XII вв. бодричи представляли собой союз бодричей, вагров, полабов, глинян, смолян, варнов, древан. Крупнейший город на побережье Балтийского моря, известный у ободритов как Рарог, у датчан (викингов) известен как «Рерик» (de:Reric). Города (грады): Старгард, Любице, Велеград, Варнов, Зверин, Илово, Добин (около Висмара) и другие. Союз бодричей представлял из себя неустойчивое объединение нескольких удельных княжеств, среди которых регулярно возникали конфликты. Одновременно бодричи находились в состоянии вражды с соседними лютичами и саксами, что предопределило их устойчивый союз с Франкским государством. Во время правления у франков Карла Великого бодричи воевали на его стороне против лютичей и саксов, а их князь Дражко (Траско, Драговид) признал себя вассалом императора франков. Но народ не поддерживал князя в его начинании и ему приходилось бежать из страны. Усилившиеся в начале IX века датчане в 808 году выступили против Каролингов и их союзников. Готфрид (Датский) взял штурмом Рарог, пленил и повесил князя Годелайба, разрушил сам город, а большее число жителей (ремесленников и торговцев) переселил в Хедебю. Затем датчане дважды нанесли поражение Дражко и Готфрид обложил племя бодричей данью. После смерти Дражко (810 год) и Готфрида при князе Славомире бодричи восстановили союз с Каролингами.

К IX веку в ободритском населении усиливается социальное расслоение, формируется собственная феодальная элита, которая заимствовала материальную культуру у датской и немецкой знати. В это же время появляются первые христианские миссии. Первым принял Христианство князь Славомир в 821 году.

После распада империи Каролингов бодричи стали вассалами Восточно-франкского (Германского) королевства. От вассальной зависимости освободились только в 30-е годы X века. В 90-е годы X века князь Мстивой I(Мстислав), заключив союз с Харальдом Синезубым и женившись на его дочери, сумел создать политические предпосылки для создания венедского княжества, в которое, помимо ободритов, входили и племена лютичей. Это государственное образование возглавил князь Годеслав (Godescalcus) из рода Биллунгов (Наконидов), внук Мстислава, который в 1043 году занял ободритский престол и содействовал христианизации страны. В 1066 году против Годеслава/Готчалка поднялось языческое восстание и он был убит. Воспользовавшись антихристианскими настроениями, власть захватил языческий князь Круто (князь Рюгена/Руяна). Сын Годеслава/Готчалка Генрих в 1090 году смог вернуть власть Биллунгам (Наконидам).



Наибольшего развития самостоятельное государство бодричей ("Королевство Вендов и Абодритов") достигло при Прибыславе I (около 1135 - 1146) и Никлоте (около 1135 - 1160). Несмотря на попытки Никлота сохранить независимость княжество постепенно германизировалось. При Прибыславе II (1160 - 1178) бодричи были фактически включены в состав Германии, на основе их территории впоследствии возникло герцогство Мекленбург.

К середине XII века немецкие князья Генрих Лев и Альбрехт Медведь включили вендские территории в свое государство. В 1147 году христианские феодалы-рыцари организовали крестовый поход против славян-

язычников в Северное Полабье и преобразовали земли ободритов и лютичей в Мекленбургскую марку, после чего начался процесс христианизации и постепенного «онемечивания» и ассимиляции ободритов[источник не указан 158 дней].

44.146.1. Родственные связи ободритских князей

Родоначальником основного княжеского рода бодричей мекленбургская традиция называет Вышеслава сына Гензериха - короля Вандалов. Вышеслав считается первым королём Вендов и Ободритов, по подсчётам Иоганна Фридриха Хемница (XVII век), правил 16 лет и умер в 486 г. Был женат на Адолле, принцессе саксонской, от которой дочь Саллинга (вышла за князя лангобардов), сын Аларик - второй король Вендов и Ободритов. Далее по Хемницу правили Альберик, Иоганн, Радагаст, Вышеслав, Оритберт I, Оритберт II и Вицислав. При этом власть переходила от отца к сыну. Историчность первых восьми королей в большинстве случаев не подтверждается другими сохранившимися источниками, хотя некоторые эпические персонажи соседних народов возможно соответствуют отдельным представителям ранней династии Вендов и Ободритов. Саксон Грамматик в своих "Деяниях данов" упоминает Радбарда - конунга Гардарики (Руси), сюжеты о котором перекликаются со сведениями о королях Оритберте I и Оритберте II. По Хемницу имя "Оритберт" заимствовано у лангобардов (матерью Оритберта I называется дочь короля лангобардов). Девятый король Вицислав упомянут в ряде раннесредневековых источников (Витсан, Витсаб, Витсин) из которых известно и время его смерти - 795 или 798 г. У Вицислава было трое сыновей - Драговид (Дражко), Славомир и Годелайб (Годлав). Сын Драговида - Челодраг (или Цеодраг) умер в 830 г. Сыновья Челодрага - Гостомысл и Добемысл, были последними королями основной ветви правящего рода, и после смерти Добемысла в 861 г. королевство перешло к удельным князьям бодричей. Королём стал Мстивой I из рода Биллунгов, правивший бодричами 23 года и умерший в 865 или 869 г. Родоначальником Биллунгов считается младший сын Оритберта I - Биллунг I, удельный князь бодричей, княживший до 765 г. Биллунг II, сын Биллунга I, правил 33 года и умер в 798 г. Затем у бодричей княжили последовательно сыновья Биллунга II - Мечислав (13 лет) и Радагаст (до 840 или 842 г.), затем сын Радагаста - Мстивой I, который в 861 г. стал королём Вендов и Ободритов.

В родословных преданиях сообщается о многочисленных родственных связях вендско-ободритских князей, но большинство сведений ничем не подтверждено. Из ранних королей Аларик был женат на принцессе бургундов, Иоганн - на норвежской принцессе, Радагаст - на гранадской (то есть испанской), Альберик и Оритберт I - на сарматских (польских), Оритберт II - на англосаксонской, король Вицислав и князь Мечислав Ободритский - на русских и литовских. От Годелайба сына Вицислава, прозводили род русских князей Рюриковичей. Большинство родственных связей ранних правителей бодричей, отмеченных в родословных преданиях, не подтверждены независимыми источниками.

Жена Ярослава Мудрого — Ингегерда была дочерью шведской королевы Астрид, которая до замужества была ободритской княжной.

См. также **ИСТОРИЯ ОБОДРИТОВ**, **Боривой**

Вернуться к ссылке

44.147. Руги

Руги (лат. *rugii*, *ругии, роги*) — германское[1] племя эпохи Великого переселения народов, последние известия о котором относятся к середине VI века. В X—XII веках ругами именовали в Западной Европе жителей Киевской Руси. Этническая принадлежность ругов к германским народам подтверждается многочисленными свидетельствами античных и раннесредневековых источников, также работами германских археологов (см. ссылки в тексте статьи). Оспаривается некоторыми российскими исследователями на основе поздних источников.

44.147.1. История ругов

44.147.1.1. Античное время

Корнелий Тацит в I веке локализовал местоположение германского племени *ругиев* на побережье Балтики, к востоку от Ютландского полуострова. Тацит сообщил, что они отличаются от других племён круглыми щитами, короткими мечами и покорностью царям.[2] Соседями ругов на востоке были балтские племена эстиев, считающиеся предками пруссов, к югу от ругов обитали готы (*готоны* по Тациту).

Александрийский географ II века Клавдий Птолемей составил обширный труд, в котором постарался дать места обитания народов и населённых пунктов с их привязкой к географическим координатам. Ругов Птолемей разместил в Великой Германии (Γερμανίας Μεγάλης) на побережье Балтики между Одером (река Виадуа) и Вислой, называя их *ругиклеями* (Ῥουτίκλειοι). В их землях Птолемей обозначил нахождение города Ругиума (Ῥούγιον).[3] Примерно в тех местах в XIII веке возник город Rügenwalde (совр. польский Дарлово).

Готский писатель середины VI века Иордан, перечисляя древние племена Скандинавского полуострова, назвал среди прочих и ругов, выделяющихся ростом и схожих в этом с данами. Иордан также назвал *ульмеругов*, то есть островных ругов, среди обитателей Балтийского побережья. Проживание ругов в тех краях отмечено в топониме Рюген, острова недалеко от устья Одера. Рюген в конце VI—VII вв. был заселён прибалтийскими славянами,[4] но к XV веку снова стал немецким. В южной Норвегии была провинция Rygiafylke (совр. Ругаланн), название которой указывает на возможную родину ругов. Некоторые исследователи указывают на ругов наряду с готами как на носителей оксывской археологической культуры (II в. до н. э. — I в.) в Польском Поморье (между Одером и Вислой).

44.147.1.2. Великое переселение народов

Готы, мигрируя из Скандинавии, вытеснили ульмеругов с побережья. Впоследствии руги в результате миграций Великого переселения народов оказались в придунайских землях в районе современной Австрии, где подпали под власть Аттилы. После смерти Аттилы его варварская гуннская империя распалась, руги вместе с другими германскими племенами гепидов и готов сражались в 454 году против наследников Аттилы в Паннонии и прогнали их из центральной Европы в Причерноморье. Затем по Иордану часть ругов поселилась в восточной Фракии (совр. европейская часть Турции), большая их часть осталась на северном берегу Дуная около римской провинции Норик (недалеко от современной Вены). В чешском языке современное название Австрийской Республики — Rakousko, что можно перевести как земля ругов.

История ругов в этот период описывается в «Житие святого Северина», написанном его учеником Евгиппием. Остготы, занявшие Паннонию, не давали ругам прохода в Италию. Руги короля Флакцитея (Flaccitheus) на северном берегу Дуная вступили в союз с римлянами провинции Норик на южном берегу против общего врага, остготов, но были разбиты в 469 в сражении на реке Болии. Примерно в 475 году вместо умершего Флакцитея королём ругов стал его сын Фелетей (Feletheus).

В 476 году начальник варварского войска Одоакр сверг последнего римского императора, став первым германским правителем Италии. По сообщению Иордана Одоакр и сам был из ругов,[5] но большинство свидетельств указывают на его происхождение из германцев-скиров. Когда среди ругов разгорелась междоусобица, Одоакр в 487 напал на них и увёл в плен короля Фелетея. Сын короля Фредерик возглавил ослабевших ругов. Спасаясь от Одоакра, руги присоединились к вождю остготов Теодориху. С ними Теодорих вошёл в Италию в 489, где захватил власть в 493, убив на пиру Одоакра. Места на Дунае (Rugorum patria), где проживали руги до их разгрома Одоакром, заняли лангобарды, как о том сообщает Павел Диакон в «Истории лангобардов».

Руги-германцы упоминаются Прокопием Кесарийским при событиях 541 года:

«Эти руги являются одним из готских племен, но издревле они жили самостоятельно. Когда первоначально Теодорих объединил их с другими племенами, то они стали числиться в среде

готов и вместе с ними во всем действовали против врагов. Они никогда не вступали в браки с чужеземными женщинами и благодаря этому несмешанному потомству они сохраняли в своей среде подлинную чистоту своего рода.»[6]

В тот год руги провозгласили своего соотечественника Эрариха королём готского королевства в Италии после убийства прежнего короля Ильдебада. Процарствовав 5 месяцев, Эрарих был убит готами, и на освободившийся престол взошёл гот Тотила. После захвата Италии войсками византийского императора Юстиниана племя готов, а вместе с ними и руги-германцы, исчезли в Италии.

Одно из последних свидетельств о ругах относится к 558 году, когда их упомянул в списке варварских племён в эпитафии, посвящённой святому Мартину Турскому, епископ Мартин Бракарский, уроженец Паннонии, где ещё жила память о германском племени, обитавшем недалеко от тех мест.[7]

В «Видсиде», древнейшем памятнике германской поэзии (IV—VI вв.), в списке наиболее известных племён Европы упоминаются руги и островные руги (хольмрюгги) без их географической локализации.[8]

Историк Беда Достопочтенный упомянул в своей «Церковной истории народа англов» (начало VIII века) ругиев на побережье Балтики, причислив их к германским племенам.

44.147.2. Смешивание ругов с русами

В X веке этноним *руги* был перенесён западноевропейцами на жителей Киевской Руси. Есть частные предположения, что в IX веке племя русь с Рюриком пришло в Приильменье с острова Рюген, или из мест, где жили германцы-ругии.

Самое раннее упоминание о ругах-славянах содержится в «Раффельштеттенском таможенном уставе», изданном около 905 года для взимания торговых пошлин с купцов от ругов и богемов (чехов), желающих торговать в Баварской Восточной марке на Дунае. Современный историк и филолог А. В. Назаренко считает, что ругами именовались купцы из Киевской Руси.[9]

Продолжатель Регинона, рассказывая о миссии епископа Адальберта в 961—962 годах в Киев, называет княгиню Ольгу королевой ругов (reginae Rugorum) и неоднократно именует русских ругами. Английский священник Роджер в своей «Хронике» конца XII века, описывая события в Англии в 1-й половине XI века, пишет об одном знатном изгнаннике: «*бежал из этой земли в землю ругов, которую мы называем Руссией.*»[10]

Ведомости о ругах (киевских русах) проникли также во Францию, что было связано с женитьбой французского короля Генриха I на Анне (1051 г.), дочери Ярослава Мудрого. Сообщая об этой свадьбе, Гийом Жюмьезский, автор истории норманов, писал, что Генрих женился на дочери короля ругов. Некоторые авторы полагают (например Г. Ловмянский) что эти сведения были получены им от русов из окружения Анны.

В современной популярной литературе под влиянием сочинений XIX века [11] ругами называют также полабских славян, населявших в средние века остров Рюген и прибалтийское славянское Поморье от Эльбы до Одера. В синхронных источниках жителей Рюгена называли ранами или руянами, а все отождествления славян-руян с ругами делаются в рамках частных предположений без документальных подтверждений.

Вернуться к ссылке

44.148.Павел Шафарик

Шафаржик (Šafařik) Павел Йосеф (13.5.1795, Кобельярово, Словакия, — 26.6.1861, Прага), словацкий и чешский славист, деятель чешского и словацкого национально-освободительного движения. Окончил Йенский университет

(1817). Преподавал в сербской гимназии (1819—33), хранитель (1841) и директор (1848) библиотеки Пражского университета. В период Революции 1848 занимал либерально-буржуазные позиции. Председатель общества "Славянская липа" (с апреля 1848) и чехословацкой секции Славянского съезда в Праге (июнь 1848). Ш. — первый славист, применивший сравнительно-исторический метод к изучению славянских народов. В основных трудах ("Славянские древности", рус. пер., т. 1—2, 1837—48; "Славянская этнография", рус. пер. 1843) дал историческое обоснование славянской общности и показал роль славян в мировой истории. Занимался также славянскими языками, мифологией, чешской и словацкой литературой и фольклором, палеографией. В 1818 совместно с Ф. Палацким опубликовал трактат "Основы чешского стихосложения...", в 1826 — "Историю славянского языка и литературы по всем наречиям". Выступил как поэт (сборник "Татранская Муза со славянской лирой", 1814). Оказал влияние на развитие славяноведения в др. странах, в том числе в России.

См. также **Павел Йозеф Шафарик (1795 – 1861), выдающийся деятель чешского и словацкого национального возрождения**

Вернуться к ссылке

44.149. Иранизмы в русском языке и топонимике России

Иранское происхождение имеют названия некоторых предметов быта, одежды, напитков, жилищ и др., а также социальные термины:

- *собака* (др.иран. spaka-)
- *чертог* (среднеперсидский čahār-tāg «четырёхсторонний (купол)»
- топор (перс. tabar)
- чаша (в дошедших до нас иранских языках это слово утрачено, но сохранено в санскрите, а также армянском как заимствование)
- гуня (шерстяная куртка – из иран. gauna- «цвет, цвет шерсти»)
- штаны (авестийский paiti-štāna-)
- сапог (авестийский safa- «копыто»)
- хата (иран. kata- «дом», «землянка»)
- ворс (иран. varsa- «волос»)
- хмель (иран. hauma «священный напиток»)
- медь – предположительно от названия Мидии
- пан (др. чеш. hpán из иран. gupāna- «пастух»)
- церк.слав. хомѣстаръ «противник» - авест. hamaēstar т.ж.
- Бог – иран. baga-. В большинстве индоевропейских языков однокоренные слова имеют значение «доля», «благо» и только в иранских и славянских оно приобретает значение «Бог», что говорит в пользу если не заимствования самого слова славянским, то по крайней мере влияния ираноязычного мира на формирование этого значения у слова.
- Див – злой дух. Возможно под влиянием иранских дэвов.
- Благо – авест. bərəja- «обряд, благословение»
- Святой – иран. spanta-, ещё есть только в балтийских.
- Честь – иран. čisti «мысль»
- Цена – иран. kaēna- «возмездие»
- Явный – иран. āvi-
- Мудрый – Mazdah-
- Рай – иран. rāy- «богатство», «благо» - заимствование из иранских

- Слово – иран. sravah-
- Слух – иран. srauša-
- Зло – иран. zūrah- «насилие»
- Небо – иран. nabah-

Значительное количество топонимов в Северном Причерноморье имеет скифо-сарматское происхождение. В частности названия крупнейших рек региона — Дон, Дунай, Днепр и Днестр, происходит от слова *dānu* — вода, река (в осетинском — «дон», а на санскрите — «дно»).

Дон

Один из самых известных иранизмов русского языка. Этимологизируется через осетинский (один из восточно-иранских языков), на котором и сегодня **don** значит “река, вода.” Разговор о том, как именно назывались иранские народы, давшие название реке, не вполне корректен, потому как народов было много: скифы, киммерийцы, сарматы, вероятно, русы и аланы. В любом случае, они говорили на одном из иранских наречий, в древности (скифы?) – на более архаическом, откуда древнегреческое **Τάναΐς** (Геродот, Страбон), первоисточником которого является авест. **dānu**- ж., в более позднее время – на восточно-иранских, откуда современное русское “Дон.”

Днепр

Тоже иранизм, хотя об этом названии ведутся споры. Название впервые зафиксировано в поздней античности:(греч. **Δάναπρις**; Аноним Periplus Ponti Eux. 58, также Менандр Прот., Феофан, лат. **Danaper** (Иорд. 5), **Danapris**, Географ Равеннский.

Классическая этимология (Кречмер, “Glotta” 24, 11 и сл.): это слово происходит из балканско-скифск. ***Dānu-apara**- “задняя река” (др.-инд. **áparas**, авест. **apara**-”задний, более отдаленный”, по сравнению с Днестром (см.)). Слав. **ě** должно отражать осет. æ (***Don-æpr**-). Не совсем понятно, почему долгое “а” выпало, поэтому были предложены альтернативные объяснения:

(Соболевский) от скиф. ***Danapras** “стремительно, сильно текущий” или ир. **Dānu-+ipr**-, ср. Ибр (см.); см. Соболевский, РФВ 64, 186; AfslPh 27, 243.

В греческой антике Днепр назывался **Βορυσθένης** (Геродот, Птолемей, Страбон), лат. **Borysthenes** (Плиний, Hist. Nat. 4, 82), что, возможно, отражает иранское ***vourustāna**- “широкое место.” Отсюда же печенежское название Днепра **Βαρούχ** (Константин Багр., De adm. imp. 38), гуннское **Var** (Иордан 5, 52), возможно, от авестийского **varu**-, **vouru**- “широкий”, осет. **væræx**, **urux**- то же.

(Трубачев считает иранскую этимологию Βορυσθένης неверной).

Дуна́й

Фасмер: укр. Дуна́й, ст.-слав. Доунавъ (Супр.), болг. Ду́нав, сербохорв. Ду̏нав, Ду̏наво, др.-сербск. Дунавь, хорв. Dȕnaj, словен. Dunaj ["Вена"], чеш. Dunaj, польск. Dunaj; см. Ягич, AfslPh 1, 300 и сл.

Заимствовано через готское ***Dōnawi** из кельт.-лат. **Dānuvius** (Цезарь, De bello Gall. 6, 25 и т. д.), родственного авест. **danu**- “река”. др.-инд. **dānu**- “сочащаяся жидкость”, осет. **don** “река” (см. Дон); ср. М. Фёрстер, ZfslPh 1, 15 и сл.; Мюлленхоф, AfslPh 1, 290 и сл.; Кречмер, “Glotta” 24, 7 и сл.; Р. Мух, Mitt. Inst. f. österr. Geschf. 50, 311; Шварц, AfslPh 42, 306. Из **Dānuvius** происходит д.-в.-н. **Tuonaha**; из гот. **Dōnawi** заимств. ср.-греч. **Δούναβις**, откуда сир. **Dōnabis** (Маркварт, Streifzüge 483).

Альтернативы:

Соболевский выводит “Дунай” из сарматского ***Dānu-avi-** “овечья река”

См. также **Иранские и славянские языки : Исторические отношения, Д. Эдельман**, **Иранизмы в восточнославянских языках**, **К вопросу об иранских заимствованиях в эрзянском языке**

Вернуться к ссылке

44.150. Каменные Новгородско-Псковские крепостные линии

…Важнейшей военно-политической задачей, стоявшей перед княжеской властью в период раннефеодального государства, была организация обороны южнорусских земель от степных кочевников. Вся полоса лесостепи, т. е. как раз важнейшие районы Руси, постоянно находилась под угрозой их вторжения. О том, насколько велика была эта опасность, можно судить хотя бы по тому, что в 968 г. печенеги едва не захватили саму столицу древней Руси — Киев, а несколько позднее победу над печенегами удалось одержать только под стенами Киева. Между тем создать непрерывные укрепленные пограничные линии раннефеодальное государство не могло; подобная задача оказалась под силу лишь централизованному Русскому государству в XVI в.

В литературе часто встречаются указания, что в Киевской Руси якобы все же существовали пограничные оборонительные линии, остатками которых являются так называемые Змиевы валы, тянущиеся на много десятков километров. Но это неверно. Змиевы валы в действительности — памятники другой, гораздо более древней эпохи и не имеют никакого отношения к Киевской Руси.

Оборону южнорусских земель строили иначе, путем закладки в пограничных со степью районах укрепленных поселений — *городов*. Кочевники редко решались на рейды в глубь русской территории, если в тылу у них оставались незахваченные русские города. Ведь гарнизоны этих городов могли ударить на них сзади или перерезать им путь отхода назад в степь.

… Наибольшее внимание Новгород и Псков уделяли укреплению своих западных границ (со стороны Немецкого ордена) и южных (со стороны Литвы). Именно здесь сосредоточивались все наиболее сильные новгородские и псковские крепости. При этом, несмотря на полную политическую самостоятельность Пскова от Новгорода в XV в. и даже военные конфликты между ними, на новгородско-псковской границе крепостей почти совершенно не было. Более того, крепости, предназначенные для защиты от Немецкого ордена, новгородцы строили только там, где новгородские земли имели непосредственную границу с орденскими землями. Там же, где между орденскими и новгородскими землями лежала псковская территория, новгородцы крепостей не возводили, очевидно, предполагая, что псковские крепости достаточно надежно прикрывают их с этой стороны.

…Кирпичные или каменные стены в XI — XII вв. известны в единичных случаях. Так, кирпичными были стены митрополичьей усадьбы вокруг Софийского собора в Киеве и стены Киево-Печерского монастыря, кирпичными же были стены митрополичьего «города» в Переяславле. Каменной стеной был окружен детинец, вернее, княжеско-епископский центр во Владимире. Все эти «городские» стены по существу представляют собой памятники скорее культового, чем военного зодчества; это стены митрополичьих или монастырских усадеб, где военно-оборонительные функции уступали место функциям художественно-идеологическим. Ближе к собственно крепостным сооружениям стояли каменные стены замков в Боголюбове (Суздальская земля) и в Холме (Западная Волынь). Однако и здесь художественные задачи, стремление создать торжественно-монументальное впечатление от княжеской резиденции играли большую роль, чем чисто военные требования.

По-видимому, единственным районом Руси, где уже в это время начала слагаться традиция строительства каменных оборонительных стен, была Новгородская земля. В сложении этой традиции значительную роль, вероятно, сыграло то обстоятельство, что в этом районе были выходы естественной известняковой плиты, которая очень легко добывается и дает превосходный материал для строительства.

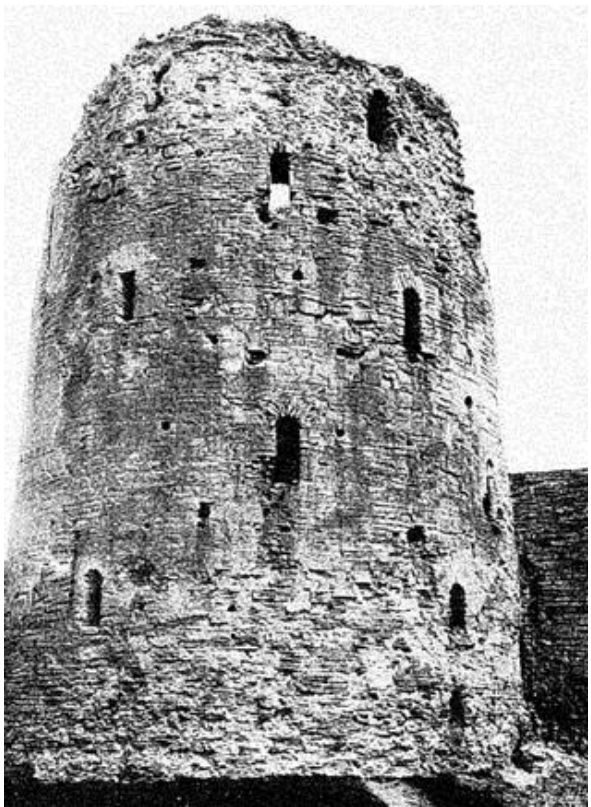
… Таким образом, крепости Северо-восточной Руси второй половины XIV и первой половины XV в. имеют «односторонний» характер: одна их сторона защищена мощными укреплениями и снабжена башнями для фланкирования стен, а остальные — более слабыми укреплениями, приспособленными только к фронтальной стрельбе, но прикрытыми естественными преградами (см. табл., III). Такие крепости полностью соответствовали применявшейся в это время тактике

осады. Во-первых, они обеспечивали фланкирующий обстрел напольных участков стен, который являлся наиболее действенным средством отражения штурма. Во-вторых, сооружение таких укреплений требовало меньших затрат, было более экономичным.

Примером наиболее ранних укреплений, где уже полностью сложилась описанная «односторонняя» система обороны, может служить город Старица в Тверской земле (1366 г.). Среди памятников XIV в. характерны также укрепления городов Романова, Вышегорода на Протве, а среди памятников начала XV в. — Плеса, Галича-Мерьского и др. С точки зрения экономии средств и рабочей силы наиболее выгодным было расположение крепости на таком мысу, где напольная сторона попадала бы на узкий перешеек и, следовательно, имела бы очень небольшое протяжение (см. табл., IV)>. Таковы, например, города Радонеж и Вышегород на Яхроме. Очень выгодно было также расположение крепости на полуострове в речной петле, так как и здесь напольная угрожаемая сторона имела незначительное протяжение. Таковы Кашин и Воротынск.

Те же принципы лежат и в основе планировки укреплений Северо-западной Руси XIV — первой половины XV в. Новгородские и псковские крепости этого времени в большинстве случаев очень похожи на московские и тверские, но они имеют и некоторые отличительные особенности. Здесь широко распространены укрепления островного типа, занимающие отдельные холмы с крутыми склонами со всех сторон. Таковы, например, новгородские городки Демон (городище Княжья гора) и Кошкин городок, а также псковские крепости Дубков и Врев. Применялись здесь и укрепления на речных островках — например, Остров, Опочка, Тиверский городок. Когда новгородские и псковские горододельцы придерживались мысового типа крепости, то они обычно не очень соблюдали геометрическую правильность ее валов и больше ценили естественные преграды, чем строители укреплений Северо-восточной Руси.

Характерно, что новгородцы и псковичи в XIV — XV вв. непрерывно совершенствовали и реконструировали укрепления не только детинцев, но и окольных городов в своих столицах — Новгороде и Пскове. В Северо-восточной Руси в это время не только не строили оборонительные сооружения окольных городов, но не поддерживали даже укрепления окольных городов, сложившихся в XII — XIII вв. Причина этого, видимо, в том, что в Северо-восточной Руси усиление княжеской власти привело к полному подчинению городов, которые в XIV — XV вв. не имели здесь никаких прав самоуправления. Между тем строительство укреплений окольных городов было, по-видимому, всегда связано с местным, городским самоуправлением и являлось функцией горожан, а не князя. Может быть, отличия в структуре укреплений отдельных районов Руси сказываются даже в терминологии. Так, в Московском и Тверском княжествах центральная часть укреплений приобрела наименование *кремль*, в Новгороде же сохранился термин *детинец*, а в Пскове сложился свой местный термин — *кром*.



… Деревянные стены крепостей Новгородской и Псковской земель были того же типа, что ив Северо-восточной Руси; сходна и эволюция их конструкции. Так, в новгородской крепости Холм (XV в.) стена состояла из трех бревенчатых стенок и имела общую толщину 2 1/2 м. Однако в Северо-западной Руси уже с XIV в. достаточно широко строят каменные крепости. Зачатки этой традиции восходят еще к XII — XIII вв., когда были построены каменные укрепления в Ладоге и Копорье. В XIV и XV вв. здесь развернулось уже интенсивное каменное оборонительное строительство: появились каменные стены в Новгороде и Пскове (как в детинце, так и в окольном городе), а также каменные крепости Порхов, Остров, Орешек, Изборск, Ям (рис. 14). В псковской

крепости Велье, построенной в XIV в., половина городских стен была каменной.

Изборская крепость. Башня Вышка. XV в.

…Важно отметить, что если строительство каменных башен в Западной Волыни связано с влиянием польского и венгерского зодчества, то в новгородских и псковских каменных крепостях нет никаких следов иноземного воздействия. Сложение здесь устойчивой традиции каменного оборонительного строительства, очевидно, объясняется издавна выработанными приемами местной инженерной «школы», а также обилием в этом районе залежей известняковой плиты.

Часть каменных укреплений новгородских и псковских земель выстояла до наших дней. Правда, большинство из них было позднее капитально перестроено, но Порховская крепость 1387 г., лишь частично переделанная в 1430 г., сохранилась почти целиком. Изборская крепость, несмотря на несколько этапов реконструкции, в основном относится к середине XV в.

В каменных крепостях Северо-западной Руси, так же как и в деревянных, стороны, обращенные к реке или к крутым склонам, приспособлены к защите с помощью фронтальной стрельбы и поэтому лишены башен. Все башни расположены там, где был возможен штурм и где, следовательно, была необходимость во фланкирующем обстреле стен. Каменные стены XIV — первой половины XV в. имели различную толщину: на наиболее ответственных участках с напольной стороны крепости — до 3 — 4 м, а на других участках — 1 1/2 — 2 м. Уже в первой половине XV в. каменные стены часто усиливают с помощью дополнительных каменных прикладок, что вызвано применением при осаде пушек крупного калибра. В верхней части стен возводили каменные зубцы, а за ними располагали деревянную площадку для воинов. Как деревянные, так и каменные стены обычно покрывали кровлей.

… Стратегическая организация обороны страны в XII, XIII и XIV вв. носила, как ни странно, менее организованный характер, чем в XI в. Процесс феодального дробления страны не только не давал возможности усовершенствовать оборону границ по сравнению с системой Киевской Руси, но, наоборот, ликвидировал даже то, что уже было создано в этом отношении. Если в XI, а частично еще и в XII в., в Южной Руси существовала согласованная система обороны территории со стороны степи, то позднее каждое княжество строило оборону своих границ самостоятельно.

44.150.1. Змиевы валы

Зми́евы валы́ — народное название древних (предположительно со II в до н. э. по VII в н. э.) оборонительных валов по берегам притоков Днепра южнее Киева. Их остатки сохранились и сегодня по рекам Вить, Красная, Стугна, Трубеж, Сула, Рось и др. Валы по времени создания соответствуют Зарубенецкой, Черняховской и Пеньковской археологическим культурам.

Название «Змиев вал» происходит от народных легенд о древнерусских богатырях, усмиривших и запрягших Змия (аллегория образа грозных кочевников, зла и насилия) в гигантский плуг, которым пропахали ров-борозду, обозначившую пределы страны. По другой версии, Змиевы валы названы по своей характерной змеевидной конфигурации расположения на местности. Подобные сооружения известны также на Поднестровье под названием «Траяновых валов».

Скифская теория

Во II в. до н. э. в северном причерноморье появляются сарматские племена для защиты от них скифы-земледельцы строят оборонительные сооружения в том числе Змиевы, Траяновы и перекопский вал.

Славянская теория

Цели строительства те же что и в скифской теории, но в качестве строителей указываются праславяне, разнообразие теорий основывается на отсутствии достоверных данных о культурной и этнической принадлежности Зарубенецкой и Черняховской археологических культур.

Готская теория

Согласно Готской теории Змиевы и Траяновы валы были построены северочерноморским Королевством Готов (которое ассоциировалось с Черняховской культурой) для защиты от кочевников гуннов. Во время Великой Отечественной войны фашистская Германия использовала эту теорию для обоснования территориальных претензий на Украину и Крым. По политическим причинам после войны официальной советской историей существование Готского государства в северном Причерноморье отрицалось, признавался только факт миграции готских племён через эти территории.

Сказка о Никите Кожемяке и Змее Горыныче

Никита Кожемяка — герой народной сказки, записанной в нескольких вариантах в разных областях России, Украины и Белоруссии на сюжет змееборства. Кожемяка (иначе — Кирилл, Илья Швец) до убиения змея и освобождения царевны, в доказательство богатырской силы разрывает несколько сложенных вместе бычьих кож. В наиболее полных вариантах (белорусском и украинском) дочь киевского князя, унесенная змеем, узнает, что он боится одного Никиты Кожемяки; просит отца отыскать богатыря, которого посыльные князя застают за работой; он от неожиданности разрывает 12 кож. Сначала отказывается, но, тронутый просьбами и плачем

детей, присланных князем, обматывается пенькой, обмазывается смолой и после боя со змеем освобождает княжну. В память победы урочище близ Киева с тех пор зовется Кожемяками.

В северорусском пересказе иное окончание. Змей, опрокинутый Никитой Кожемякой, молит его о пощаде и предлагает разделить с ним землю поровну. Никита сковал соху в 300 пудов, запряг в нее змея и провел борозду от Киева до моря; затем, деля море, он убил змея и утопил его труп, с тех пор та борозда называется Змиевыми валами.

Описание

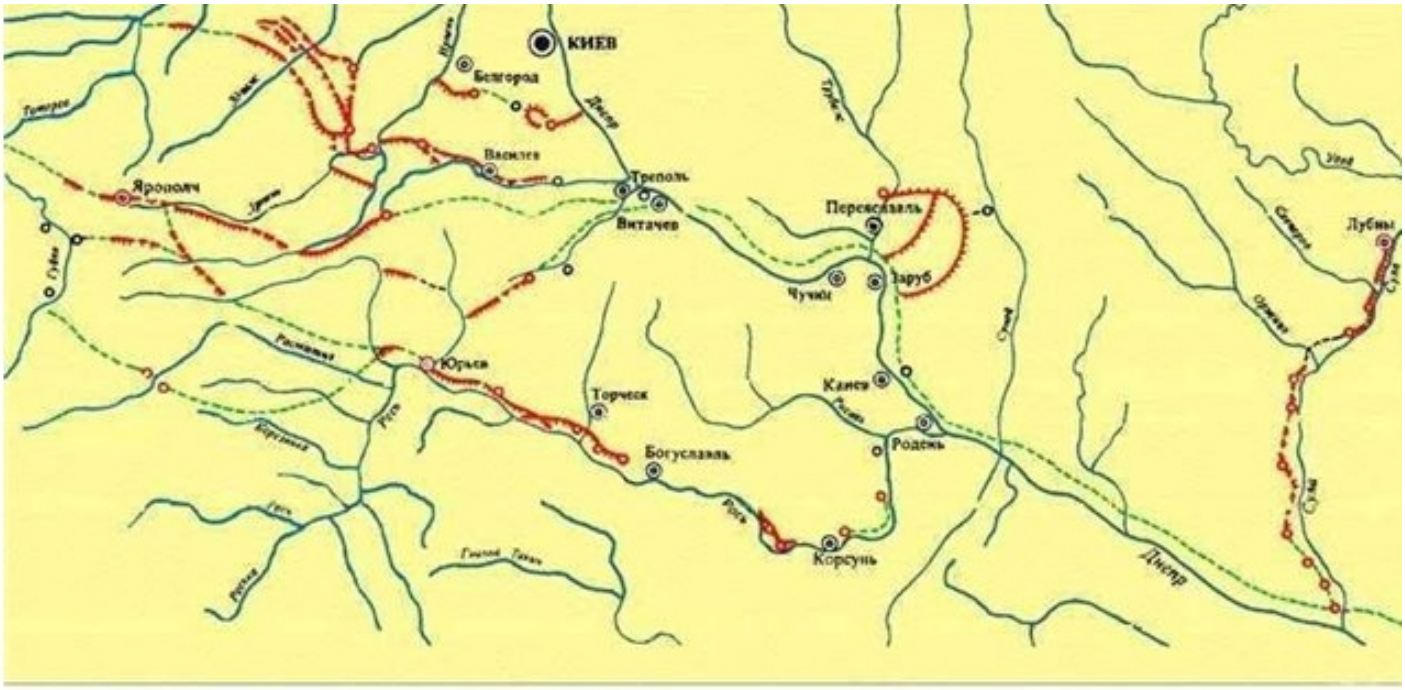
Укрепление представляло собой искусственно созданные земляные валы, дополнявшиеся рвами. Отдельные их участки состояли из нескольких укрепленных линий, представлявших в совокупности значительные по масштабам строительства и протяженности сооружения. Общая протяженность валов составляла около 1 тыс. км. Создавались они, как правило, уступом в сторону степи, фронтом на юг и юго-восток и образовывали единую систему противоконных заграждений, достигавших 10—12 м в высоту при ширине основания в 20 м. Часто валы усиливались на верхних площадках деревянным частоколом (иногда стенами) с бойницами и сторожевыми вышками. Протяженность отдельных валов составляла от 1 до 150 км. Для прочности в валы закладывались деревянные конструкции. У подножий валов, обращенных в сторону врага, рылись рвы.

Выявлено около десятка различных конструкций «змиевых валов», в зависимости от характеристик грунта, рельефа и гидрографии местности. Отдельные участки валов состояли из нескольких линий укрепленных валов и рвов с эшелонированием на глубину свыше 200 км. Позади валов во многих местах найдены признаки городищ и укреплений, служивших для размещения войсковых формирований. На направлениях вероятного движения противника у валов выставлялись стражники, которые в случае опасности разжигали дымные костры, являющиеся сигналом для сбора на угрожаемом направлении подкрепления для отражения нападения врага.

Первые письменные упоминания

Несколько раз валы Среднего Поднепровья упомянуты летописью: под 1093 г.—два вала южнее низовьев Стугны за Треполем (современное с. Триполье), под 1095 и 1149 гг.—оба Переяславских вала, под 1151 г.—вал южнее среднего течения Стугны к югу от Василева (современный г. Васильков). При этом летопись не дает прямого ответа на вопрос о значении валов как искусственных сооружений. Они упоминаются при описании военных действий как против половцев, так и между древнерусскими князьями, но без определения их конкретной роли в этих действиях: войска «проидоша вал»; «прошедше вал»; «ставшим межи валома»; «пришедше к валови»; «изидоша стрилци из валу»; «ста межи валома»; «иде за вал»; «пришедше к валови и не проходяче валу». В летописи под 1223 г. говорится о появлении в южнорусских степях орд Чингисхана, которые прошли через половецкие владения и, согласно одному из летописных списков, «придоша близ Руси, идеже зовется вал Половечьский».

В письме к германскому императору Генриху II Брунон сообщал, что Владимир Святославич с дружиной два дня сопровождал его по пути к печенегам до границы своего государства, которое он окружил (circumklausit) от бродячего (кочевого) врага (vagum hostem) очень мощным и очень длинным (firmissima et longissima) «ограждением» (sepe). К сожалению, в литературе нет единого мнения о значении примененного Бруноном латинского термина «sepe». Его переводят и как «засеки, завалы», и как «частокол», и как «изгородь», и как «забор, паркан, деревянное ограждение». Аналогом описанному Бруноном сооружению, по мнению большинства исследователей, может быть только Змиев вал с деревянной стеной наверху.



Змиевы валы на юге Руси.

1 — Змиевы валы; *2* — следы вала; *3* — примерное направление вала; *4* — валы раннего железного века; *5* — древнерусские города.

Классификация валов

- Змиевы валы Волыни — обобщающее название огромного количества небольших по размерам и длине валов, которые помещаются в четырехугольнике Львов-Луцк-Ровно-Тернополь.
- Змиевы валы Подолья — название цельного вала, который тянется от среднего течения реки Буг к районам центральной Черкащины и небольшого количества меньших валов этого же района.
- Змиевы валы Киевщины — наибольшая в Украине система укреплений на правом берегу Днепра, которая состоит из валов различной высоты и длины. Ей принадлежит первое место на Украине по общей протяжности.
- Змиевы валы Переяслава — двухваловая система укреплений неподалеку от нынешнего города Переяслав-Хмельницкий Киевской области.
- Змиевы валы Посулья — название широкого вала, который тянется по правому берегу реки Сула от ее устья к среднему течению и его ответвлений, которые доходят почти до города Сумы.
- Змиевы валы Полтавщины — два перерывчатых вала, которые расположены на правых берегах рек Ворскла и Хорол.
- Змиевы валы Харьковщины — всего два мощных редута длиной 20 и 25 километров возле Харькова и Змиева соответственно.
- Крымские валы — трёхрядовая система укреплений между Азовским и Черным морем на Керченском полуострове. Еще в середине первого тысячелетия до нашей эры Геродот писал, что для защиты от скифов местное население выкопало широкий ров и построило вал от Таврийских гор до Меотийского моря. Вал получил название Киммерийского.

См. также Красная книга **крепостей**, Раппопорт П.А. Древние русские **крепости**, **Змиевы валы**, **История, которой мы не знаем**, **Г. Мокеев Древнерусские крепости комбинированного типа**, **Тайна Змиевых валов**, **Кучера М.П. История исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в Гл. 28

Вернуться к ссылке в Гл.41

44.151. Руслан

Руслан, производная форма от тюркского слова "арслан" - "лев".

… **У многих народов имя Арслан** в процессе употребления, оттачиваясь, теряло звуки "а", "р" или "н". У кабардинцев оно превратилось в Аслан, у русских - в Руслан. Среди казанских татар-мужчин были носители имен Арслан, Арыслан, Арсланха, Арысланбай, Арыслангали, Арысланзадэ, Арыслангэрэй, Акарыслан, Караарыслан, среди татарочек - Арсланбикэ. У джигитов Балкарии и Карачая можно встретить следующие имена: Аслан, Асланбек,Бияслан (у чеченцев - Беслан), Асланмырза, Аслантокъ, Асланукъ, Асланукъа, Асланалий, Аслангерий, у кумыков - Арслан, Арслангереи.

У марийцев, ингушей и чеченцев это имя звучит как Аслан, у алтайцев и ногайцев же - Арслан. По мнению ученого Н.И.Ашмарина, по имени человека Услан (Аслан, Арслан), жившего в западном Татарстане, названы селения Нижний и Верхний Услон, последнее из которых дало своё название району: Верхнеуслонский. Название города Бугуруслан, как и русская фамилия Бугурусланов, произошли от сочетания Буга+Арслан("Буга" - бык).

См. также **К истокам слова. Рассказы о происхождении слов. Откупщиков Ю.В.**

Вернуться к ссылке

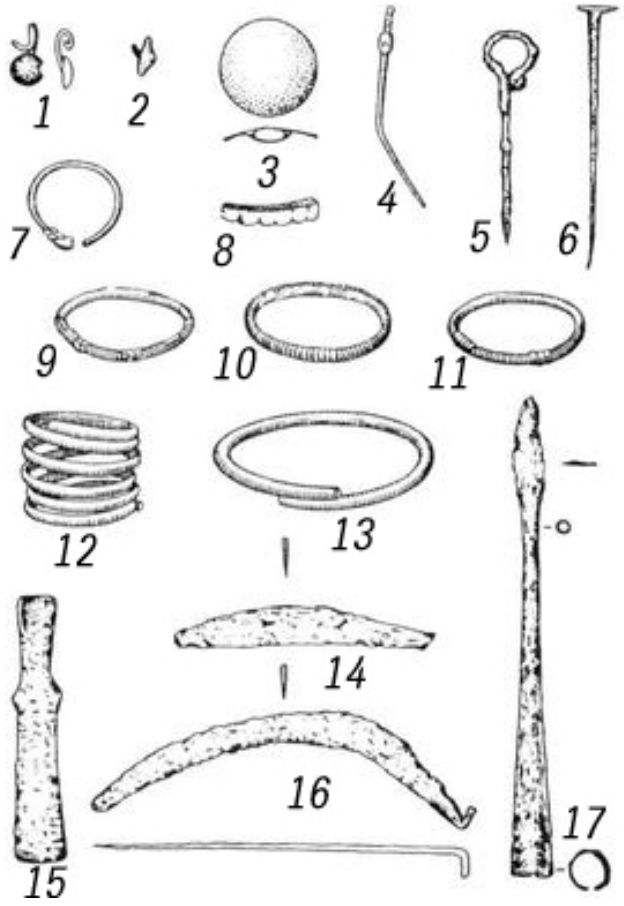
44.152. Милоградская культура

Милоградская культура— полесская археологическая культура I тыс. до н. э. Отождествляются с неврами Геродота.[1] Носителей культуры причисляют либо к балтам [2], либо к праславянам. Генетически связана с тшинецкой культурой[3]. В дальнейшем была ассимилирована пришедшими с северо-запада подклешево-поморскими племенами[1], сформировавшими впоследствии зарубинецкую культуру.

Милоградская культура, археологическая культура, распространённая в 1-м тыс. до н. э. на территории Южной Белоруссии и Северной Украины, от верховьев р. Горынь до нижней Десны. На поздних этапах известна только на территории БССР. Названа по городищу в поселке Милоград Гомельской обл. Представлена укрепленными и неукрепленными поселениями, курганными и грунтовыми могильниками; характерны круглодонные сосуды и металлические украшения типа изделий *латенской культуры*. Племена М. к. находились на стадии разложения родового строя, занимались пашенным земледелием и скотоводством.

Европейские культуры раннего железного века:
— нордические культуры,
— ясторфская культура,
— культура Гарпштедт-Нинбургер,
— латенская культура,
— лужицкая культура,
— культура домовидных урн,
— восточнобалтийская культура,
— поморская культура каирнов,
— **милоградская культура**,
— прото-эстонцы.

Жилища



Население данной культуры проживало в поселениях состоящих из землянок.

Захоронения

Погребальный обряд синкретичен: практиковалась и кремация и курганные захоронения.

Милоградская культура: 1—13 — бронзовые и железные украшения; 14 и 17 — железный нож и дротик; 15 — железный пластинчатый топорик; 16 — железный серп.

См. также Жаров Г. В. К вопросу о юго-восточном пограничье милоградской культуры

Вернуться к ссылке

44.153. Rasa

… **О реке Волге**, как восточной границе прародины арьев, на основании изучения древних текстов, в 1912 году писал Кнауер. Вновь, уже в середине XX века, к мысли о том, что прародина всех индоевропейцев находилась на землях Восточной Европы, вернулся немецкий ученый Шерер.

И действительно, судя по текстам Ригведы, махабхараты и Авесты, древние арьи прекрасно знали флору и фауну Европейского Севера, поклонялись Полярной звезде, Большой Медведице, созвездию Кассиопеи, Волопаса и Персея, т.е. созвездиям Приполярья и Заполярья. Один из переводчиков текста Махабхараты на русский язык академик Б.Л. Смирнов отмечал, что: Большой исторический интерес для решения вопроса о родине арийцев представляют...сообщения текста о том, что ближайшие к Полярной звезде созвездия описывают круги, центр которых - Полярная звезда...Эти созвездия не заходят за горизонт, то есть описывают круг, который можно проследить почти весь в течение одной ночи, особенно зимой, только в странах, расположенных не южнее приблизительно 55-56 градусов с.ш. Текст говорит об опасностях арктических путешествий и прямо указывает: как только человек проникает дальше на Север, он погибает -. Но, судя по текстам Махабхараты и Авесты, в эпический период (т.е. до 3 тыс. до н.э.) арьи жили не только на севере, но и на юге, и в центре Восточной Европы. Из чего мы делаем такой вывод? Как известно, великая река нашей Родины - Волга вплоть до 2 века н.э. носила имя, под которым её знала священная книга древних иранцев Авеста - Ранха или Ра. Но Ранха Авесты аналогична реке Ганге Ригведы и Махабхараты, именно на ее берегах жили древние арьи, предки современных индийцев и иранцев. - Через ряд столетий пронесли арии память о своей прародине и о ее великой реке Волге. Ведическое Rasa, авестийское Ranha,...название мифической реки, которая опоясывает землю - пишет В.И. Абаев.

Так что же за люди, какие народы населяли в то далекое время Центральную Россию? Как повествует Авеста, по берегам моря Воорукаша (Молочного моря Махабхараты) и Ранхи

(Волги) располагался ряд арийских стран от Арьяна-Вэджа (арийского простора) на крайнем севере до семи индийских стран на юге, за Ранхой (т.е. в Центральной России). Эти же семь стран упоминаются в Ригведе и Махабхарате как земли между Гангой и Ямуной, на Курукшетре. О них говорится: Прославленная Курукшетра. Все живые существа, стоит только прийти туда, избавляются от грехов -, или - Курукшетра - святой Алтарь Брахмы; туда являются святые брахманы - мудрецы. Кто поселился на Курукшетре, тот никогда не узнает печали, о царь -. Зато население других стран древние арьи оценивали несколько иначе: тех, что обитают вне пределов Химавана, в удалении от Ганги, Сарасвати, Ямуны и Курукшетры...нечистых, стоящих вне дхармы (закона)...следует всячески избегать -.

Нам остается ответить на вопрос - так что же это за реки - Ганга и Ямуна, между которыми лежала страна Брахмы. Мы уже выяснили, что эпическая Ранха-Ганга - это Волга. Но, как следует из древнеиндийских источников, единственным крупным притоком Ганги, текущим с юго-запада, была река Ямуна. А так как Ганга - Волга, то, следовательно, Ямуна - это наша Ока! Возможно ли это? Судя по всему - возможно. Не случайно в течении Оки то там, то здесь попадаются реки с названиями: Ямна, Ям, Има, Имьев. И более того, согласно арийским текстам, вторым именем реки Ямуны было Кала. Так вот, до сих пор устье Оки называется местными жителями устьем Калы. Кроме того, Ямуна в среднем течении называлась Вака, и так же зовется в Рязанской области река Ока.

Упоминаются в Ригведе и Махабхарате и другие крупные реки. Так недалеко от истока Ямуны (Оки) размещался исток текущей на восток и юг и впадающей в Червоное (Красное) море реки Синдху (Синдху на санскрите - поток, море). Но вспомним, что в ирландских и русских летописях Черное море называлось Черемным, то есть Красным. Так кстати, до сих пор называется участок его акватории на севере. На берегу этого моря жил народ синды и располагался город Синд (современная Анапа). Можно предположить, что Синдху древнеарийских текстов - это Дон, чьи истоки находятся недалеко от истока Оки. Тем более что в позднеантичных и римских текстах Дон иногда называют Синдом.

В Волго-Окском междуречье есть множество рек, над именами которых тысячелетия оказались не властны. Для доказательства этого не требуется особых усилий: достаточно сравнить названия рек Поочья с названиями священных криниц Махабхараты, точнее, той ее части, которая известна как - Хождение по криницам -. Именно в ней дано описание более 200 священных водоемов древнеарийской земли Бхараты в бассейнах Ганги и Ямуны (по состоянию на 3150 г. до н.э.):

Криница - Река в Поочье

Агастья Агашка
Акша Акша
Апага Апака
Арчика Арчиков
Асита Асата
Ахалья Ахаленка
Вадава Вад
Вамана Вамна
Ванша Ванша
Вараха Варах
Варадана Варадуна
Кавери Каверка
Кедара Кидра
Кубджа Кубджа
Кумара Кумаревка
Кушика Кушка
Мануша Манушинской
Париплава Плава

Плакша Плакса
оз. Рама оз. Рама
Сита Сить
Сома Сомь
Сутиртха Сутерки
Тушни Тушина
Урваши Урвановский
Ушанас Ушанец
Шанкхини Шанкини
Шона Шана
Шива Шивская
Якшини Якшина

Удивительно и то, что мы имеем дело не только с почти буквальным совпадением названий священных криниц Махабхараты и рек Средней России, но даже и с соответствием их взаимного расположения. Так, в санскрите и в русском языке слова с начальной Ф чрезвычайно редки: из списка рек Махабхараты только одна имеет Ф в начале названия - Фальгуна, впадающая в Сарасвати. Но согласно древнеарийским текстам, Сарасвати - единственная большая река, текущая к северу от Ямуны и к югу от Ганги и впадающая в Ямуну у ее устья. Ей соответствует только находящаяся к северу от Оки и к югу от Волги река Клязьма. И что же? Среди сотен ее притоков только один носит название, начинающееся на Ф - Фалюгин! Несмотря на 5 тысяч лет, это необычное название практически не изменилось.

Другой пример. Согласно Махабхарате, к югу от священного леса Камьяка текла в Ямуну река Правени (то есть Пра-река), с озером Годавари (где вара - круг на санскрите). А что же сегодня? По-прежнему к югу от Владимирских лесов течет в Оку река Пра, и лежит озеро Годь. Или еще пример. Махабхарата рассказывает, как мудрец Каушика во время засухи обводнил реку Пару, переименованную за это в его честь. Но далее эпос сообщает, что неблагодарные местные жители все равно называют реку Парой, и течет она с юга в Ямуну (Оку). И что же? До сих пор течет с юга в Оку река Пара, и так же, как и много тысяч лет назад, называют ее местные жители. В описании криниц пятитысячелетней давности говорится, например, о реке Пандье, текущей недалеко от Варуны - притока Синдху (Дона). Но река Панда и сегодня впадает в крупнейший приток Дона - реку Ворону. Описывая путь паломников, Махабхарата сообщает: Вон Джала и Упаджала, в Ямуну впадающие реки -. Есть ли ныне где-нибудь текущие рядом реки Джала (джала - река на санскрите) и Упаджала? Есть. Это река Жала (Таруса) и река Упа, впадающие рядом в Оку. Именно в Махабхарате впервые упомянута текущая на запад от верховьев Ганги (Волги) река Саданапру (Великий Данапр) - Днепр.

Но если сохранились названия рек, если сохранился язык населения, то, наверное, должны сохраниться и сами народы? И, действительно, они есть. Так, в Махабхарате говорится, что к северу от страны Пандьи, лежащей на берегах Варуны, находится страна Мартьев. Но именно к северу от Панды и Вороны по берегам Мокши и Суры лежит земля Мордвы (Мортвы средневековья) - народа, говорящего на финно-угорском языке с огромным количеством русских, иранских и санскритских слов.

Страна между Ямуной, Синдхом, Упаджалой и Парой называлась А-Ванти. Именно так - Вантит (А-Вантит) называли землю Вятичей между Окой, Доном, Упой и Парой арабские путешественники и византийские хроники.

Махабхарата и Ригведа упоминают народ Куру и Курукшетру. Курукшетра - дословно Курское поле, и именно в центре его стоит город Курск, куда Слово о полку Игореве помещает курян - знатных воинов.

Союзником кауравов в великой войне с пандавами был народ саувиров, живших в стране Синдху. Но именно так - саувирами - называли вплоть до XV века русских-северян, откуда родом был

герой Слова о полку Игореве князь Игорь Святославович. Упоминается этот народ - саувиры и Птолемеем во II в. н.э.

Ригведа сообщает о воинственном народе Криви. Но латыши и литовцы так и называют всех русских: криви - по имени соседнего с ними русского этноса кривичей, чьими городами были и Смоленск, и Полоцк, и Псков, и нынешние Тарту и Рига.

Говоря об истории Восточной Европы, археологи и историки в целом период с 10 по 3 тыс. до н.э. не особенно детализируют. Это мезолит-неолит, с их археологическими культурами. Но археологическая культура в известном смысле абстрактна, а ведь здесь жили реальные люди, которые рождались и умирали, любили и страдали, воевали и роднились, и как-то оценивали себя, свою жизнь, сами называли себя какими-то конкретными именами. То далекое от нас прошлое было для них настоящим. И именно древнеарийские источники дают возможность пролить свет на некоторые темные страницы этих семи тысячелетий (с 10 по 3 тыс. до н.э.).

В одном из сказаний Махабхараты рассказывается: Мы слыхали, что когда Самварана, сын Ракши, правил землею, для подданных наступили великие бедствия. И тогда от всякого рода бедствий разрушилось царство, пораженное голодом и смертью, засухой и болезнями. А войска врагов разбивали потомков Бхараты. И, приводя в сотрясение землю своими силами, состоящими из четырех родов войск, царь панчалов быстро прошел через всю страну, покоряя её. И с десятью армиями он победил в битве того. Тогда царь Самварана вместе с супругой, советниками, сыновьями и родственниками бежал в великом страхе. И стал жить у великой реки Синдху (Дона) в роще, расположенной близ горы и омываемой рекою. Так потомки Бхараты жили долгое время, расположившись в крепости. И когда они прожили там целую тысячу лет, потомков Бхараты посетил великий мудрец Васиштха. И когда он прожил там восьмой год, сам царь обратился к нему: Будь нашим домашним жрецом, ибо мы стремимся царства. И Васиштха дал свое согласие потомкам Бхараты. Далее нам известно, что он назначил потомка Пуру царем-самодержцем над всеми кшатриями (воинами) по всей земле. И тот вновь вступил в обладание столицей, которая ранее была обитаема Бхаратой и заставил всех царей платить ему дань. Могущественный владыка страны Аджамидха, овладев всей землей, совершил затем жертвоприношения -.

Так рассказывает Махабхарата о делах давно минувших дней. Но когда же и где это происходило? Царствование Самварана относится, по принятой в Махабхарате хронологии, к 6-4 тыс. до н.э. Затем, после разгрома и изгнания, народ Самвараны живет в бассейне реки Дона в крепости Аджамидха целых тысячу лет - вплоть до 5-4 тыс. до н.э. Все это тысячелетие на их родных землях господствует другой народ-завоеватель и пришельцы панчалы. Но после 5-4 тыс. до н.э. кауравы отвоевывают у панчалов свою родину и вновь живут на ней.

Казалось бы, правдивость этого древнего предания невозможно в наши дни ни подтвердить, ни опровергнуть. Но вот что сообщает нам современная археологическая наука. Л.В. Кольцов пишет: Одним из крупных культурных проявлений в мезолите Волго-Окского междуречья была бутовская культура. Обращает на себя внимание локализация описанных памятников бутовской культуры в западной части Волго-Окского междуречья. Абсолютная хронология ранних этапов бутовской культуры определяется рамками от середины 8 тысячелетия до н.э. до второй половины 7 тысячелетия до н.э.(т.е. перед нами время правления царя Самвараны - 6400 г. до н.э). Во второй половине 7 тысячелетия до н.э. в Волго-Окское междуречье вторгается другая группа мезолитического населения, которая располагается в этом регионе, в его западной части, оставив археологическую культуру, которую мы называем иеневской. С появлением пришельцев население бутовской культуры вначале отходит на восток и юг региона. Под давлением иеневской культуры бутовское население распалось, вероятно, на несколько изолированных групп. Часть их, видимо, даже покинула Волго-Окский бассейн, свидетельством чего являются факты появления типично бутовских элементов в других соседних регионах. Таковы памятники с бутовскими элементами в бассейне Сухоны или Боровичская стоянка в Новгородской области -. Что касается вытеснивших бутовцев иеневцев, то происхождение их представляется археологам не вполне ясным. Они отмечают, что: По-видимому, где-то во второй половине бореального

периода (6-5 тыс. до н.э.) часть населения Верхнего Поднепровья двинулась на северо-восток и заселила часть Волго-Окского междуречья, потеснив бутовские племена -. Но - замкнутость иеневского населения, отсутствие мирных контактов с окружающими его культурами привели, в конечном счете, к упадку культуры и обратному его вытеснению окрепшими к концу существования иеневцев бутовцами. Таким образом, в конце 6-го тыс. до н.э. позднебутовское население снова начинает реконкисту - повторный захват своей исконной территории -.

Итак, - иеневская культура, находившаяся во враждебных отношениях с бутовской и потерявшая связь с материнской территорией, по-видимому, постепенно выродилась, что привело в дальнейшем к облегчению движения бутовцев обратно на запад и ассимиляции ими остатков иеневцев. Во всяком случае, в ранненеолитической верхневолжской культуре, сформировавшейся в регионе в 5-м тысячелетии до н.э., мы уже практически не находим элементов иеневской культуры. Бутовские же элементы резко доминируют -.

При сравнении текста эпоса и данных археологии поражает совпадение и хронологии всего события, и отдельных его эпизодов. И возникает закономерный вопрос: не скрываются ли за бутовцами потомки Пуру-пауравы, а за иеневцами - их враги панчалы? Тем более что, как не странно, но над этими событиями время оказалось не властно. И сегодня у истоков Дона (у реки Донец) рядом с городами Кимовском и Епифанью на холме стоит крошечная деревушка, сохранившая свое древнее название - Аджамки. Может быть, когда-нибудь археологи найдут здесь руины древней крепости царя Самвараны - Аджамидхи.

Но в таком случае можно предположить, что до наших дней дошли названия и других поселений древних арьев. И это так.

Так, на слиянии рек Упы и Плавы стоит город Крапивна. Но в одной из книг Махабхараты рассказывается о городе Упаплаве - столице народа матсьев, проживавшего в царстве Вираты. А слово вирата на санскрите и значит - лубяное растение, крапива.

Самым великим из семи священных городов древних арьев был город Варанаси - центр учености и столица царства Каши, то есть сияющего. Эпос утверждает, что Варанаси основан в глубочайшей древности, при внуке прапредка людей Ману, спасшегося от потопа. По астрономической хронологии Махабхараты Варанаси как столица существовал уже за 12 тысяч 300 лет до наших дней. Название его производят или от слова варана, что значит лесной слон (мамонт), или от наименования рек Вараны и Аси, на которых и стоял этот город, или возможно, что оно происходит и от сочетания вара-наш, что означает круг (крепость) наш.

Но есть ли сегодня город с таким названием на реке Варане? Если посмотреть на берега реки Вороны, то мы там такого города не увидим. Однако вспомним, что вплоть до XVIII века нынешняя река Воронеж называлась Великой Вороной, была судоходной и даже полноводнее верхнего Дона. На этой реке сегодня стоит крупнейший город юга России - Воронеж. О том, когда он основан, у нас нет никаких точных данных. Воронеж упоминается и под 1177 годом, и в 1237 году.

Считается, что крепость Воронежа была восстановлена в 1586 году. В XVII-XVIII веках город был деревянным, однако еще в 1702 году в его черте имелись руины каких-то каменных строений, называвшиеся местными жителями казарскими. Сейчас на территории Воронежа насчитывается по меньшей мере четыре древнерусских городища. Есть и памятники предшествующих эпох. Но мог ли Воронеж быть древним Варанаси?

На этот вопрос следует ответить положительно. Во-первых, само название Воронеж более близко к древнеарийскому Варанаси (Варанаши), нежели современное индийское Бен-Арес (город Ареса), тем более что в XVI веке крепость называли Воронец, а в XVII в. - Воранаш. Во-вторых, древнеарийский эпос указывает в районе Варанаси на ряд географических объектов, отсутствующих в Индии. Помимо реки Вараны (Великой Вороны), возле Варанаси текли реки Аси, Кавери, Дева. Но у самого Воронежа и сейчас текут реки Усмань, Каверье, Девица. Недалеко от Варанаси находились водоем Вай-дурья (дурья - гора) и горы Дева-сабха (сабха - сопка). Но и

сейчас в Воронежской и Липецкой областях течет река Бай-гора, а холмы южнее Воронежа у рек Сосны и Дона зовутся Девогорье.

В одной из книг Махабхараты говорится о Варанаси как о городе в области Видеха. Но эпическая страна Видеха со столицей Митхилой располагалась в краю семи устьев Ганги (Волги) и тысячи лотосовых озер и, как считали санскритские комментаторы, никакого отношения к царству Каши не имела. (Кстати и сейчас в дельте Волги растет множество лотосов, а 5-6 тысяч лет назад уровень Каспийского моря был ниже современного на 20 метров, и дельта Волги смыкалась с дельтами Терека и Урала в один огромный озерный край).

Это кажущееся противоречие объясняется просто: у Воронежа в Дон впадает река Ведуга, по имени которой, судя по всему, и была названа область Видеха.

Рядом с городом Варанаси, как свидетельствует Махабхарата, был расположен город Хастин, ставший столицей арьев после битвы на Курукшетре (Курском поле) в 3102 году до н.э. И что же? Рядом с Воронежем расположено село Костёнки (в XVII в. - город Кастин), знаменитое своими археологическими памятниками, древнейшие из которых относятся к 30-му тыс. до н.э. Культурные слои этого селения идут из глубокой древности до наших дней без перерыва, что свидетельствует о преемственности культуры и населения.

Так что, мы думаем, можно утверждать, что Воронеж и Варанаси, как Костёнки и Хастин, - одно и тоже.
На реке Воронеж находится и другой крупный город юга России - Липецк. Этого названия нет в Махабхарате. Зато есть город Матхура (Матура), также один из семи священных городов древних арьев. Он располагался на Курукшетре (Курском поле) к востоку от Ямуны (Оки). Но и сейчас в реку Воронеж у Липецка впадает река Матыра. Эпос говорит о том, что для захвата города Матуры Кришне необходимо было вначале овладеть пятью возвышенностями в его окрестностях. Но и сегодня, как и много тысяч лет тому назад, пять холмов к северу от Липецка продолжают господствовать над долиной.

Вполне возможно, что многочисленные сведения по этногенезу, сохраненные Махабхаратой, помогут археологам в идентификации тех археологических культур Восточной Европы, которые носят пока свои условные археологические названия. Так по Махабхарате в 6-5 тыс. до н.э. - все эти панчалы произошли от Духшанты и Парамештхина -. Таким образом подтверждается возникновение племени или народа, названного археологами иеневцами, непосредственно перед их вторжением на территорию Волго-Окского междуречья, т.к. Духшанта непосредственно предшествовал Самваране.

Когда-то Гаврила Романович Державин писал: Река времён в своем стремленьи уносит все дела людей -. Мы же столкнулись с удивительным парадоксом, когда реальные реки словно остановили поток времени, вернув в наш мир и тех людей, что когда-то жили по берегам этих рек, и их дела. Вернули нам Нашу Память.

Здесь же хотелось бы привести названия рек и озер Русского Севера и показать возможность расшифровки этих названий через санскрит:

р. Алака (Лодейнопольскии уезд Олонецкой губернии) - Алака (река в Индии; завиток)
р. Анила (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.) - анила (ветер; синий)
р. Важа (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.) - ваджа (быстрота; вода)
р. Важа (Олонецкая губ.)
р. Важа (Каргопольский уезд Архангельской губ.)
р. Важка (там же)
р. Важка (Яренский уезд Вологодской губ.)
р. Вала (приток р. Вятки) - вал (быстро идти), вала (пещера)
р. Валга (Кадниковский уезд Вологодской губ.) - валгу (красивая)
р. Вандыш (Каргопольский уезд Архангельской губ.) - вандья (восхваляемый)
р. Вандыш (Яренский уезд Вологодской губ.)
р. Вапра (Устюгский уезд Вологодской губ.) - вапра (берег, откос)

оз. Вара (Олонецкая губ.) - вар (вода), вара (лучшая)
р. Варда (Пинежский уезд Архангельской губ.) - варда (дающий воду)
р. Варида (Вельский уезд Вологодской губ.) - варида (дающая воду)
р. Варжа (УстьСысольский уезд Вологодской губ.) - варджа (отклоняющийся)
р. Варз (Мурманский уезд Архангельской губ.) - варх (светиться). Варсак (р. в Пакистане)
р. Варзуга (Мурманский уезд Архангельской губ.) - варас (широта, простор)
р. Варзуга (Пинежский уезд Архангельской губ.)
р. Варзенка (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.)
р. Вашка (Мезенский уезд Архангельской губ.) - ваш (звучать), ваша (шум воды)
р. Вашка (Онежский уезд Архангельской губ.)
р. Вашка (Кирилловский уезд Новгородской губ.)
р. Вашка (Яренский уезд Вологодской губ.)
р. Вашка (п-ов Канин Нос)
оз. Вашкозеро (Кемский уезд Архангельской губ.)
р. Вега (приток р. Онеги) - вега (поток)
р. Вель (Кадниковский уезд Вологодской губ.) - вел (двигаться), вела (течение)
р. Вель (Вельский уезд Вологодской губ.)
р. Вель (Печорский уезд Архангельской губ.)
р. Гавиньга (Кирилловский уезд Вологодской губ.) - гавини (коровья)
р. Гавяна (УстьСысольский уезд Вологодской губ.)
р. Гавиша (Вельский уезд Вологодской губ.) - гавиша (жаждущий коров)
р. Ганга (Онежский уезд Архангельской губ.) - Ганга (река в сев. Индии, идущая)
р. Ганга (Кемский уезд Архангельской губ.)
оз. Ганго (Кемский уезд Архангельской губ.)
р. Гангрека (Ладейнопольский уезд Олонецкой губ.)
оз. Гангозеро (Ладейнопольский уезд Олонецкой губ.)
оз. Гангозеро (Кижский погост)
р. Гар (УстьСысольский уезд Вологодской губ.) - гара (напиток)
р. Гуда (УстьСысольский уезд Вологодской губ.) - гуда (канал изливания)
р. Дан (УстьСысольский уезд Вологодской губ.) - дану (река по Ригведе)
р. Девяка (Грязовецкий уезд Вологодской губ.) - девика (богиня, небесная), Девика (река в Др. Индии)
р. Джаля (УстьСысольский уезд Вологодской губ.) - джаля (вода)
р. Индега (Печорский уезд) - Инду (Луна)
р. Индига (Мурманский уезд) - индха (воспламеняющийся)
р. Индига (Меленский уезд)
р. Индоманка (Кирилловский уезд)
р. Индога (Тотемский уезд)
р. Ира (УстьСысольский уезд) - ира (освежающая)
р. Каваса (Вельский уезд) - каваса (зияющая)
р. Кайласа (исток р. Пинеги) - Кайласа (назв. горы)
р. Какша (Никольский уезд) - какша (скрытая в зарослях)
р. Кама (приток Волги) - кама (желание, любовь)
р. Камавелица (Тотемский уезд)
р. Камчуга (Тотемский уезд)
оз. Камозеро (Кемский уезд)
оз. Камозеро (Кирилловский уезд)
р. Карна (Грязовецкий уезд) - карна (ушастый; имеющий отводы)
р. Карна (Онежский уезд)
р. Кала (Вельский уезд) - кала (темный, тихая)
р. Калия (Пинежский уезд) - Калия (имя водн. змея, маленькая)
р. Кула (Тотемский уезд) - кула (берег; пруд)

р. Кула (Вельский уезд)
р. Кулой (Холмогорский уезд) - кулия (канал, река)
р. Кулой (Пинежский уезд)
р. Кулать (Тотемский уезд)
р. Кунжа (Кадниковский уезд) - кунджа (заросший), кундж (бормотать)
р. Кубена (Кадниковский уезд) - кубха (извилистая)
р. Куброс (Вельский уезд) - кубра (лес)
р. Куша (УстьСысольский уезд) - куша (осока)
р. Лакшма (Устюжский уезд) - Лакшмана (имя героя - отмеченный удачей -)
р. Лекшма (Устюжский уезд) - лакшми (счастье, богатство, красота)
р. Мандера (Кижский погост) - Манди (река в Пакистане), мандара (тихий), мандира (радующая)
р. Мана (Мурманский уезд) - ман (манить, влечь)
р. Мана (Вельский уезд) - мани (жемчужина)
р. Мурташ (Вельский уезд) - мурта (воплощенный)
р. Павана (Пинежский уезд) - павана (очищающий, лебяжья)
р. Павна (Онежский уезд)
р. Падма (Сев. Прионежье) - падма (кувшинка, лотос)
р. Падма (вторая, там же)
оз. Падма (там же)
р. Падома (Вельский уезд)
р. Падома (Кирилловский уезд)
р. Пурная (Вельский уезд) - пурна (полный; река в Ю. Индии)
р. Пурная (УстьСысольский уезд)
оз. Пурно (Олонецкий уезд)
оз. Пурное (Лодейнопольский уезд)
оз. Панка (Тотемский уезд) - пана (напиток)
р. Пинега (Вельский уезд) - пиньга (красно-бурая)
р. Пинега (Пинежский уезд)
р. Пинежка (Шенкурский уезд)
р. Пия (Шенкурский уезд) - пи (пить)
р. Пия (Онежский уезд)
р. Пияла (Каргопольский уезд) - пияла (березовая)
р. Пуя (Шенкурский уезд) - пуя (вонючая)
р. Рана (Сольвычегодский уезд) - ран (звучать, радоваться)
р. Рогна (Вельский уезд) - рогагхна (целительный)
р. Рип (Никольский уезд) - рипх (рокотать)
р. Рипинка (Устюжский уезд) - рипу (коварная)
р. Рокса (Кижский погост) - ракша (медвежья)
р. Раксошка (Онежский уезд)
оз. Раксомское (Онежский уезд)
р. Рудака (Сольвычегодский уезд) - руд (рыдать)
р. Рудея (Олонецкая губ.)
ручей Сагарев (Кижский погост) - сагара (море)
р. Сандала (Кижский погост) - санда (одаривать)
р. Сандала (Лодейнопольский уезд)
р. Санда (Лодейнопольский уезд)
р. Сара (Каликовский уезд) - сар (течь)
р. Сара (Ладейнопольский уезд) - сара (вода, бегущая)
р. Сара (Белозерский уезд)
р. Сарова (Пинежский уезд)
оз. Сарозеро (Лодейнопольский уезд)
р. Сарга (Лодейнопольский уезд) - сарга (течение, изливание)

р. Сорга (Шенкурский уезд)
оз. Саргинское (Лодейнопольский уезд)
р. Сарба (Лодейнопольский уезд) - сарб (двигаться)
оз. Сарба (Лодейнопольский уезд) - сарпа (змея)
р. Синдош (Вологодский уезд) - Синд, Инд (река в Индии)
р. Синдошка (Вологодский уезд) - синдху (река, поток)
оз. Синдор (УстьСысольский уезд)
р. Сираж (Вельский уезд) - сира (поток)
р. Ситка (Кирилловский уезд) - сита (светлый)
оз. Ситское (Кирилловский уезд)
оз. Ситково (Грязовецкий уезд)
р. Ситъ (Кадниковский уезд)
р. СУхона (Вологодская губ.) - сукха (процветание), сухана (легкоодолимая)
р. Сура (Пинежский уезд) - сура (божественная)
р. Сюра (Пинежский уезд) - сура (текущий, вода)
р. Суран (УстьСысольский уезд)
р. Суровка (Вологодский уезд)
оз. Свар (Кирилловский уезд) - свар (сверкать)
р. Тавт (Кадниковский уезд) - тават (обильный)
р. Тавта - (Тотемский уезд)
р. Тара (Вельский уезд) - тара (ясный, громкий), тара (конь, переправа)
р. Тар - (Шенкурский уезд) - тар (звездная)
р. Тарна (Шенкурский уезд) - тарна (переправа), тарани (быстрая)
р. Тарка (Мурманский уезд)
р. Тарнога (Тотемский уезд) - тараньга (волнующаяся)
р. Тарта (Тотемский уезд)
р. Тикена (Тотемский уезд) - тик (идти, течь)
р. Ура (Сев. Прионежье) - ура (змея)
оз. Ура (Сев. Прионежье)
р. Ура (Пинежский уезд) - Ури (река в древ. Индии)
р. Урья (Череповецкий уезд) - урья (овечья)
оз. Урозеро (Белозерский уезд) - уру (широкий)
оз. Урозеро (Лодейнопольский уезд)
р. Удора (Мезенский уезд) - удара (прекрасный)
р. Удора (Яренский уезд)
оз. Харас (Белозерский уезд) - харас (глоток, напиток)
р. Харина (Никольский уезд) - хари, харина (желтый; цвета Солнца)
ручей Харинский (Сольвычегодский уезд)
р. Харручей (Каргопольский уезд)
р. Харута (Печорский уезд) - харита (золотая)
оз. Харута (Печорский уезд)
р. Харьяж (Печорский уезд)
р. Харева (Пинежский уезд)
оз. Шива (Олонецкая губ.) - шива (добрый, вода)
р. Шона (Никольский уезд) - Шона (река в Индии), шона (багряная)

См. также **С.В. Жарникова. Золотая нить. Вологда. 2003г**, **ЖАРНИКОВА С.В. Публикации**

Вернуться к ссылке

44.154. Арии

…**Если бы меня** спросили, какие два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: "русский и санскрит". И не потому, что некоторые слова в обоих этих

языках похожи, как и в случае со многими языками, принадлежащими к одной семье. Например, общие слова могут быть найдены в латыни, немецком, санскрите, персидском и русском языках, относящихся к индоевропейской группе языков. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структуры слова, стиль и синтаксис.

…Возьмём для примера самое известное русское слово нашего века "спутник". Оно состоит из трёх частей: а) "s" - приставка, б) "put" — корень и в) "nik" — суффикс. Русское слово "put" едино для многих других языков индоевропейской семьи: path в английском и "path" в санскрите. Вот и всё. Сходство же русского и санскрита идёт дальше, просматривается на всех уровнях. Санскритское слово "pathik" означает "тот, кто идёт по пути, путешественник". Русский язык может образовывать такие слова, как "путик" и "путник". Самое интересное в истории слова "sputnik" на русском. Смысловое значение этих слов в обоих языках совпадает: "тот, кто следует по пути вместе с кем-либо". Мне остаётся только поздравить советских людей, которые выбрали такое международное и всеобщее слово.

Когда я был в Москве, в гостинице мне дали ключи от комнаты 234 и сказали *"dwesti tridtsat chetire".* В недоумении я не мог понять, стою ли я перед милой девушкой в Москве или нахожусь в Бенаресе или Удджайне в наш классический период где-то 2000 лет назад. На санкрите 234 будет *"dwsshata tridasha chatwari"*. Возможно ли где-нибудь большее сходство? вряд ли найдется ещё два различных языка, сохранивших древнее наследие — столь близкое произношение — до наших дней.

Мне довелось посетить деревню Качалове, около 25 км от Москвы, и быть приглашенным на обед в русскую крестьянскую семью. Пожилая женщина представила мне молодую чету, сказав по-русски: *"On moy seen i ona moya snokha".*

Как бы я хотел, чтобы Панини(**19**), великий индийский грамматист, живший около 2600 лет назад, мог бы быть здесь со мной и слышать язык своего времени, столь чудесно сохраненный со всеми мельчайшими тонкостями!

Русское слово *"seen"* и *"soonu"* в санскрите. Также *"madiy"* - это *"son"* в санскрите может быть сравнено с *"moy"* русского языка и *"my"* английского. Но только в русском и санкрите *"moy"* и *"madiy"* должны измениться в *"moya"* и *"madiya"*, так как речь идет о слове *"snokha"*, относящемся к женскому роду. Русское слово *"snokha"* — это санскритское *"snukha"*, которое может быть произнесено так же, как и в русском. Отношения между сыном и женой сына также описываются похожими словами двух языков.

…**В северорусском гаять** – убирать, хорошо обрабатывать, а в санскрите гайя – дом, хозяйство, семья.

В вологодских говорах карта – это вытканный на половике узор, а в санскрите карт – прясть, отсекать, отделять. Слово прастава, то есть тканая орнаментальная или вышитая полоса, украшающая подолы рубах, концы полотенец и в целом декорирующая одежду, в санскрите означает – хвалебная песнь: ведь в гимнах Ригведы священная речь постоянно ассоциируется с орнаментом ткани, а поэтическое творчество мудрецов сравнивается с ткачеством – «ткань гимна», «ткать гимн» и так далее.

Вероятно, именно в северорусских говорах надо искать объяснение и тому, как готовился ритуальный хмельной напиток сома. В текстах Ригведы постоянно упоминается некая «жертвенная солома», необходимая для приготовления сомы:

«С поднятым ковшом расстилая

Жертвенную солому при жертвоприношении во время прекрасного обряда,

Я переворачиваю (ее, чтобы она дала) больше места богам.»..

или

«На жертвенной соломе этого мужа

Выжат сома для жертвоприношения (этого) дня,

Произносится гимн и (пьется) хмельной напиток».

Сому, как известно, смешивали с молоком и медом.

Но именно в Вологодской области использовалось приспособление из соломы, сложенной в виде решетки для процеживания пива. Поэтому таинственный напиток богов – был не настоем эфедры или мухоморов, не молочной водкой, как предполагают ряд исследователей, а, судя по всему, пивом, секреты приготовления которого до сих пор сохраняются в тайне в глухих уголках русского Севера. Так, старожилы рассказывают о том, что раньше пиво (а сейчас и водку) кипятили с молоком и медом и получали хмельной напиток с удивительными свойствами.

См. также **Дурга Прасад Шастри. СВЯЗЬ МЕЖДУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ И САНСКРИТОМ**, **Локаманья Бал Гангадхар Тилак. Арктическая Родина в Ведах**, **УИЛЬЯМ Ф. УОРРЕН. Найденный рай на Северном полюсе**, **Жарникова С.В. Мы кто в этой старой Европе?**

Вернуться к ссылке

44.155. Ригведа

Риг-веда (санскр. ऋग्वेद, ṛgveda[?], «веда гимнов») — собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы.

Ригведа — собрание гимнов на ведийском языке, входящее в число четырех индуистских религиозных текстов, известных как Веды. Риг-веда была составлена, видимо, около 1700—1100 гг. до н. э. и является одним из древнейших индо-иранских текстов и одним из древнейших религиозных текстов в мире. Веками она сохранялась только в устной традиции и впервые записана была, вероятно, только в раннем средневековье[1]. Риг-веда — наиболее древняя и значительная из Вед, ценный источник для изучения древнеиндийской истории и мифологии.

44.155.1. Этимология

Слово *ригведа* — составное (татпуруша), состоит из двух санскритских корней: *рич* (санскр. ऋच्, ṛc[?], «хвала, стихи») и *веда* (वेद, veda[?], «знание»).

44.155.2. Текст

Ригведа состоит[3] из 1028 гимнов (или из 1017, не считая составленные на ведическом санскрите апокрифические валахилья (*valakhīlya*[?]) — гимны 8.49—8.59), многие из которых предназначены для различных жертвенных ритуалов. Это длинное собрание коротких гимнов главным образом посвящено восхвалению богов. Оно состоит из 10 книг, называемых мандалами.

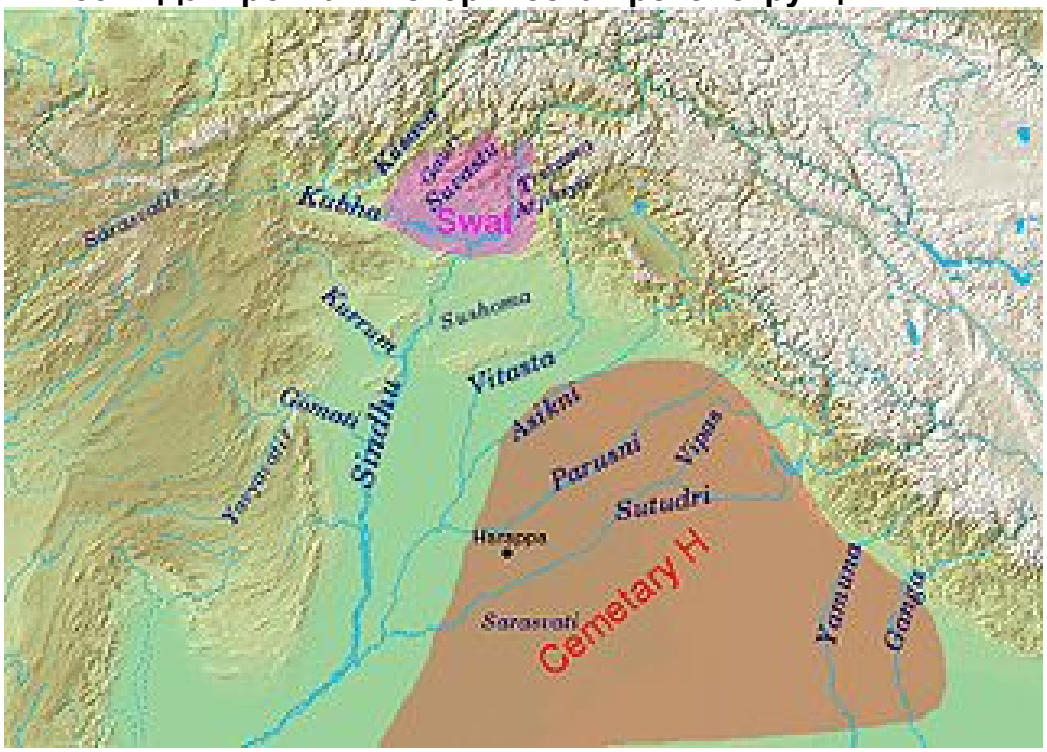
Каждая мандала состоит из гимнов, называемых *сукта* (*sūkta*), которые, в свою очередь, состоят из отдельных стихов, называемых «рич» (*ṛc*[?]), во множественном числе — «ричас» (*ṛcas*[?]). Мандалы не равны ни по длине, ни по возрасту. «Семейные книги», мандалы 2-7, считаются самой старой частью и включают самые короткие книги, отсортированные по длине, составляя 38 % текста. Мандала 8 и Мандала 9, вероятно, включают гимны различного возраста, составляя 15 % и 9 % текста соответственно. Мандала 1 и Мандала 10 — самые молодые и самые длинные книги, составляют 37 % текста.

44.155.3. Сохранение

Ригведа сохраняется двумя главными шакхами («ветвями», то есть школами или редакциями): Шакала (*Śākala*[?]) и Башкала (*Bāṣkala*[?]). Учитывая большой возраст текста, он очень хорошо сохранен, так что эти две редакции практически идентичны и могут использоваться равнозначно без существенных примечаний. С Шакалой связывается Айтарейя-Брахмана. Башкала включает Хилани и связана с Каушитаки-Брахманой. Эти редакции включают порядок расположения книг и орфоэпические изменения наподобие регуляризации сандхи (названной Олденбергом «orthoepische Diaskeunase»), происходившей в течение столетий после составления самых ранних гимнов почти одновременно с редакцией других Вед.

Со времени составления текст существует в двух версиях. В Самхитапатхе применяются все правила санскрита для сандхи, и её текст используется для декламации. В Падапатхе каждое слово изолировано, и она используется для запоминания. Падапатха по своей сути — комментарий к Самхитапатхе, но обе они представляются равнозначными. Восстановленный на метрических основаниях оригинальный текст (оригинальный в том смысле, что он стремится восстановить гимны в том виде, как они были составлены риши) лежит где-то между ними, но ближе к Самхитапатхе.

44.155.4. Датировка и историческая реконструкция



География Ригведы, с указанием названий рек; также показаны распространение Сватской культуры и Культуры кладбища H.

Ригведа древнее любых других индоарийских текстов. Поэтому внимание западной науки было приковано к ней со времён Макса Мюллера. Записи Ригведы на раннем этапе Ведической религии сильно связаны с дозороастрической персидской религией. Считается, что зороастризм и ведический индуизм развились из ранней общей религиозной индо-иранской культуры.

Ядро Ригведы считают сформировавшимся в конце бронзового века, вследствие чего оно предстаёт единственным экземпляром литературы бронзового века, сохранившимся в непрерывной традиции. Его составление обычно относят к 1700—1000 гг. до н. э.[4].

В последующих столетиях текст подвергся стандартизации и пересмотрению произношения (самхитапатха, падапатха). Эта редакция была завершена около VII века до н. э.[5].

Записи появились в Индии около V века до н. э. в форме письма Брахми, но тексты, сравнимые по длине с Ригведой, скорее всего, не записывались до раннего средневековья, когда появились письмо Гупта и письмо Сиддхам. В средние века манускрипты использовались для обучения, но до появления в Британской Индии печатного пресса в сохранении знания играли незначительную роль из-за своей хрупкости, ибо записывались на коре или пальмовых листьях и в тропическом климате быстро разрушались. Гимны сохранялись в устной традиции около тысячелетия со времени их составления до редакции Ригведы, и вся Ригведа целиком сохранялась в шакхах в течение последующих 2500 лет, начиная с редакции вплоть до *editio princeps* Мюллера — коллективный подвиг запоминания, не имеющий аналогов в любом другом известном обществе.

Пураны называют Видагдху автором Пады.[6] Другие учёные считают, что падакара Ригведы — Стхавира Сак Айтарея Араньяки.[7] После своего составления тексты сохранялись и кодифицировались обширным обществом ведического духовенства в качестве центральной философии ведической цивилизации железного века.

Ригведа описывает подвижную, кочевую культуру с запряжёнными лошадьми колесницами и металлическим (бронзовым) оружием. По мнению некоторых учёных, описываемая география соответствует Пенджабу (Гандхаре): реки текут с севера на юг, горы относительно далеки, но всё же достижимы (сома — растение, произрастающее в горах, и его приходилось покупать у заезжих торговцев). Однако гимны, определённо, составлялись в течение долгого периода, со старыми элементами, возможно, происходящими ещё из индо-иранских времён, начала второго тысячелетия до н. э. Таким образом, существуют разногласия о том, говорится ли в заявлениях о разрушении каменных крепостей ведическими ариями и особенно Индрой о городах цивилизации долины Инда или они относятся к столкновениям между древними индо-арийцами и культурой БМАК (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) на территории современных севера Афганистана и юга Туркменистана, находящихся в 400 км от верхнего Инда за горами Гиндукуш (или Хинду Куш). В любом случае, несмотря на то, что большинство текста, скорее всего, было составлено в Пенджабе, даже если он базировался на ранних поэтических традициях, в нём нет ни одного упоминания ни о тиграх, ни о рисе (в отличие от поздних Вед)[8], что вызывает предположение о том, что ведическая культура проникла на равнины Индии уже после составления Ригведы. Точно так же, предположительно, в тексте нет упоминаний о железе.[9] Железный век в северной Индии начался в XII веке до н. э. с Культуры чёрной и красной керамики (Black and Red Ware — BRW). Этот период широко принимается в качестве начала кодификации *Ригведы* (упорядочения отдельных гимнов в книги, исправления самхитапатхи (*samhitapatha*) путём применения к раннему метрическому тексту сандхи (sand*hi*) и падапатхи (*padapatha*) (путём разделения сандхи)) и составления ранних Вед. Это время, возможно, совпадает с ранней династией Куру, сдвигая центр ведической культуры из Пенджаба к современному Уттар-Прадешу.

Некоторые имена богов и богинь, содержащиеся в Ригведе, встречаются в других религиозных системах, также основанных на прото-индоевропейской религии: Дьяус-Пита схож с древнегреческим Зевсом, латинским Юпитером (от *deus-pater*) и германским Тюром (*Tyr*); Митра (*Mitra*) схож с персидским Митрой (*Mithra*); Ушас — с греческой Эос и латинской Авророй; и, менее достоверно, Варуна — с древнегреческим Ураном. Наконец, Агни по звучанию и смыслу схож с латинским словом «ignis» и русским «огонь».

Некоторые авторы отследили астрономические ссылки [10] в Ригведе, которые позволяют отнести её к 4 тысячелетию до н. э.[11], ко времени индийского неолита. Обоснования этой точки зрения остаются спорными.[12]

Казанас (Kazanas) (2000) в полемике против «Теории арийского вторжения» предполагает дату около 3100 г. до н. э., основываясь на идентификации ранних ригведических рек Сарасвати (река) и Гхаггар-Хакры и на глоттохронологических аргументах. Находясь в полемике с основной точкой зрения учёных, эта точка зрения является диаметральной противоположностью основным взглядам исторической лингвистики и поддерживает остающуюся спорной теорию выхода из Индии, которая относит поздний протоиндоевропейский язык ко времени около 3000 г. до н. э.

Однако аргумент с рекой Сарасвати не является сколь-нибудь убедительным, поскольку известно, что индоарии, придя на Индостан перенесли с собой индоиранские гидронимы. В частности, аналог реки Сарасвати существовал и у иранцев — Харахваити (в иранском звук «с» переходит в «х»).

44.155.5. Более современные индийские взгляды

Индуистское восприятие Ригведы сдвинулось от изначального ритуалистического содержания к более символической или мистической интерпретации. Например, описания жертвоприношения животных рассматриваются не как буквальное убийство, но как трансцендентные процессы. Известно, что Ригведа считает Вселенную бесконечной по размеру, разделяя знание на две категории: «низшее» (относящееся к объектам, наполненное парадоксами) и «высшее» (относящееся к воспринимающему субъекту, свободное от парадоксов). Даянанда Сарасвати,

основатель Арья Самадж, и Шри Ауробиндо подчёркивали духовную (*адхьятимик*) интерпретацию книги.

Река Сарасвати, прославляемая в РВ 7.95 как величайшая река, текущая с горы в море, иногда отождествляется с рекой Гхаггар-Хакра, пересохшей, возможно, до 2600 г. до н. э. и определённо — до 1900 г. до н. э.. Существует и другое мнение, что изначально Сарасвати была рекой Гильменд в Афганистане. Эти вопросы связаны с дебатами теории индо-арийской миграции (называемой «Теорией арийского вторжения») и заявлением, что ведическая культура и ведический санскрит происходят из цивилизации долины Инда (называемым «Теорией исхода из Индии»), имеющим важнейшее значение в индуистском национализме, см., например, Амал Киран и Шрикант Г. Талагери. Субхаш Как заявлял, что в организации гимнов существует астрономический код. Бал Гангадхар Тилак, также основываясь на астрономических параллелях в Ригведе, в своей книге «The Orion» (1893) заявлял о присутствии ригведической культуры в Индии в 4 тысячелетии до н. э., и в своей книге «Arctic Home in the Vedas» (1903) обосновал гипотезу о приходе ариев из арктических областей на юг в начале Ледникового периода (см. Арктическая гипотеза).

См. также Риг-веда

Вернуться к ссылке

44.156. Збручский идол

Збручский идол — славянский каменный идол, найденный у села Гусятин в реке Збруч (приток Днестра) в 1848 году. Идол представляет собой четырёхгранный столб высотой 2,67 м, высеченный из серого известняка. Столб разделен на три яруса, на каждом из которых высечены различные изображения. Нижний ярус изображает подземное божество, средний — мир людей, верхний — богов. Идол венчает круглая шапка. Дата создания идола — приблизительно X век. Хронологически дата создания идола совпадает с периодом существования збручского культового центра. По данным археологических раскопок идол был установлен на территории святилища, расположенного на горе Бохит.

Збручский идол хранится в Краковском археологическом музее. В Москве, Киеве и Тернополе имеются копии идола в натуральную величину.

44.156.1. Описание идола

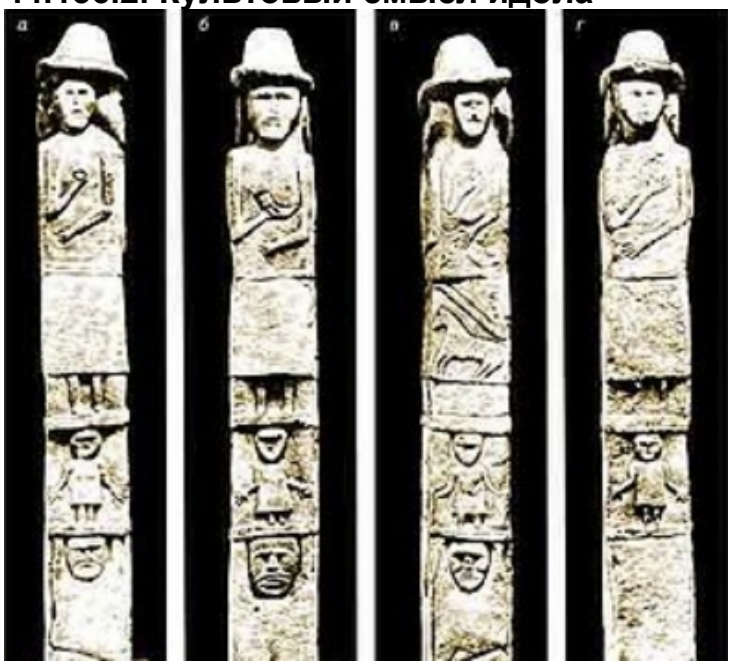
Верхняя часть идола оформлена в виде округлой шапки с меховой опушкой, под шапкой расположены четыре лица. Идол разделен на три горизонтальных яруса. Высота верхнего яруса — 160 см, среднего — 40 см, нижнего — 67 см. Таким образом, на идоле имеется 12 отдельных секций. Одна из секций нижнего яруса пуста, остальные же 11 содержат по одному изображению.

На грани нижнего яруса, противопоставленной пустой, изображён усатый мужчина, стоящий на коленях и поддерживающий обеими руками средний ярус. На двух прилегающих гранях нижнего яруса эта же фигура показана сбоку, и обращена коленями к пустой грани. Таким образом, представляется возможным определить лицевую сторону всего идола.

Верхний ярус содержит крупные изображения двух женщин и двух мужчин в длинной подпоясанной одежде. Одна женщина изображена с рогом, вторая — с кольцом. Мужчины соответственно изображены один — с конём и мечом, второй — с солярным знаком на одежде, кругом с шестью лучами внутри него.

Средний ярус схож с верхним, однако его фигуры значительно мельче. Фигуры также разделяются по полу — под женскими фигурами верхнего ряда также изображены женские, под мужскими — мужские. Одежды людей также длинные, но без пояса. Фигуры изображены с расставленными руками, как бы образуя хоровод.

44.156.2. Культовый смысл идола



Стороны идола

Женская фигура с рогом идентифицируется учёными как Макошь, богиня плодородия, а фигура с кольцом — как Лада, богиня весны, покровительница брака и любви. Мужская фигура с мечом и конём легче всего поддаётся определению, эти атрибуты свойственны Перуну, богу грозы и войны. Божество с солярным символом может быть определено либо как Хорс, бог солнца, либо как Дажьбог, бог плодородия и солнечного света. Скорее всего здесь изображён именно Дажьбог, для которого солярный знак был лишь опознавательным символом, из-за чего солнце изображено не в руках, а на одежде бога.[1] Мужское божество, держащее на себя землю может быть сопоставлено с Велесом (Волосом).

Однако стоит заметить, Осип Максимович Бодянский первым предположил в 1846 году, что Хорс — не имя отдельного Божества, а эпитет, прозвище-«хейти» Даждьбога.[*источник не указан 213 дней*]

См. также **А.В. Журавлев. Збручский идол – путеводитель по славянской Вселенной**, **Збручский идол**

Вернуться к ссылке

44.157. Индская цивилизация

Индская или **Хараппская цивилизация** — одна из трёх наиболее древних цивилизаций человечества, наряду с древнеегипетской и шумерской. Из всех трёх она занимала наибольшую площадь. Развивалась в долине реки Инд до прихода ариев, в II тыс. до н. э. Наиболее значительные центры — Хараппа, Лотхал и Мохенджо-Даро.

44.157.1. Предыстория

С VII тыс. до н. э. в долине Инда и Сарасвати развивается производящее хозяйство. Выделяется особая раннеземледельческая культура, которую называют мергарской. В эту эпоху человек нашёл эффективный способ получения продуктов питания, оптимальное для данного региона развитие земледелия, охотничьего промысла и зарождающегося скотоводства. Это создавало все необходимые условия для перехода на качественно новую ступень — формирования нового культурно-исторического комплекса,

44.157.2. Цивилизация

У индских дравидов были развиты монументальное строительство, металлургия бронзы, мелкая скульптура. В зачатке находились частнособственнические отношения, а в основе сельского

хозяйства лежало ирригационное земледелие. В Мохенджо-Даро были обнаружены едва ли не первые известные археологам общественные туалеты, а также система городской канализации.

Письменность долины Инда учёным расшифровать не удаётся, поэтому сведения о политическом развитии Хараппы и Мохенджо-Даро и имена правителей на сегодняшний день неизвестны. Важная роль отводилась внешней торговле: у хараппской цивилизации было сообщение с Месопотамией, Средней Азией, прямые торговые контакты доходили до Шумера и Аравии.

44.157.3. Закат

Закат индской цивилизации приходится на XVIII—XVII века до н. э. В это время основная масса дравидского населения сдвигается на юго-восток (на территории Пакистана остаются только предки народа брауи) и утрачивает былой уровень развития. Вероятно, это было вызвано ухудшением природных условий. Последний удар по носителям цивилизации нанесло вторжение ариев, описанное в «Ригведе».

Одним из потомков Индской цивилизации является культура кладбища H.

Первые данные о существовании доарийской цивилизации в западной Индии опубликовал в XIX в. Александр Каннингем. Окончательно существование Индской цивилизации было установлено в 1921-22 гг. экспедицией во главе с Джоном Маршалом.

44.157.4. Этническая и генетическая принадлежность

Вопрос об этнической принадлежности не решён, хотя чаще всего предполагается связь с носителями дравидийских языков.

Область распространения цивилизации хорошо коррелирует с распространением гаплогруппы L Y-хромосомы.

44.157.5. Основные памятники

- Лотхал
- Мергарх
- Мохенджо-Даро
- Наушаро
- Пирак
- Хараппа

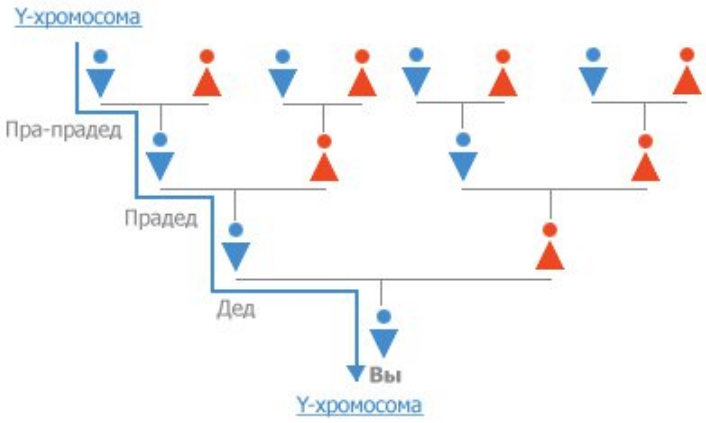
Археологические культуры, обычно связываемые с миграцией индоиранских народов (согласно Encyclopedia of Indo-European Cultures). Чаще всего с данными народами связывают Андроновскую, Маргианскую и Язскую культуры. Культуры кладбища H, медных кладов, сватская (гандхарская) и серой расписной керамики чаще рассматриваются как потомки хараппской цивилизации.

См. также

- Маргианская цивилизация — существовала параллельно с Индской на территории Туркмении и Афганистана
- Мелуххa — важный торговый партнёр Шумера, которого часть археологов отождествляет с Индской цивилизацией
- Теория исхода из Индии — учение об индоевропейском характере индской цивилизации.
- **Хараппская цивилизация**

- Уорвик Брей, Дэвид Трамп. Инда, цивилизация долины (Мохенджо-Даро, Хараппа)
- Вернуться к ссылке

44.158. Гаплогруппы русских



У каждого человека имеются 23 пары хромосом в которых записана вся генетическая информация доставшаяся от родителей. Хромосомы образуются в момент зачатия путем кроссверинга (перекреста), каждая берет половину от материнской хромосомы и половину от отцовской, что конкретно достанется от мамы, а что от папы - не известно, все решает случай.
В этой лотереи не участвует только одна мужская хромосома – Y, она целиком передается от отца к сыну как эстафетная палочка. Надо отметить, что у женщин ее нет вообще.

С каждым новым поколением в каких-то участках хромосомы - локусах, происходят мутации, именно благодаря этим мутациям становится возможным реконструировать рода. локусов в хромосоме несколько сот.

Пока непонятно зачем, но природа почему-то многократно дублирует генетическую информацию записанную в локусах. Повторов бывает от 5 до 40. Раз в несколько поколений в каждом локусе происходит мутация, количество повторов вдруг уменьшается на 1-2 повтора или увеличивается.

Какие же гаплогруппы наиболее часто встречаются у русских?

Народы	Кол-во, человек	R1a, %	R1b, %	I1a, %	I1b, %	N3, %	E3b1, %	Примечания
Русские (север)	380	34	5	6	6	35	0	Архангельская и Вологодская обл.
Русские (центр)	364	47	8	5	10	16	5	Тверская, Псковская и Смоленская обл.
Русские (юг)	484	55	5	4	16	10	2	Орловская, Курская, Воронежская, Белгородская обл., Кубань
Русские (все великорусы)	1103	51	7	5	12	22	3	
Белорусы	574	50	10	3	16	10	-	N3 =10 % в среднем: от 8 % на юге Беларуси до 19 % на севере
Украинцы	50	54	2	5	16	-	8	Выборка 585 человек для I1b
Русские (все вместе с украинцами и белорусами)	1852	48	7	4	13	16	2	
Поляки	55	56	16	7	10	-	4	56 % на выборке 55 человек: вероятный диапазон 43—68 %
Словаки	70	47	17	17		3	10	
Чехи	53	38	19	19		0	8	
Словенцы	70	37	21	12	20	0	7	37 % на выборке 70 человек: вероятный диапазон 27—49 %
Хорваты	108	34	16	6	32	-	6	34 % на выборке 108 человек: вероятный диапазон 26—44 %
Сербы	113	16	11	-	29	-	20	16 % на выборке 113 человек: вероятный диапазон 10—24 %

Народы	Кол-во, человек	R1a, %	R1b, %	I1a, %	I1b, %	N3, %	E3b1, %	Примечания
Болгары	34	15	17	-	-	-	21	15 % на выборке 34 человек: вероятный диапазон 7—30 %
Литовцы	164	34	5	5	5	44	-	
Латыши	113	39	10	4	3	42	-	
Финны (восток)	306	6	3	19	0	71	-	
Финны (запад)	230	9	5	40	0	41	-	
Шведы	160	24	13	36	0	14	-	
Немцы	48	8	48	25	0	-	-	8 % на выборке 48 человек: вероятный диапазон 3—19 %
Немцы (баварцы)	80	15	48	23		0	8	Бавария занимает юго-восток Германии. Гаплогруппа J: 5 %
Англичане (восток)	172	9	56	30		0	3	Восток Англии: заселялся германцами в эпоху ВПЛ
Ирландцы	257	1	81	15		0	2	Потомки кельтов
Итальянцы	99	2	44	14		0	13	Гаплогруппа J: 20 %
Румыны	45	20	18	2	18	0	7	Гаплогруппа J: 21 %
Осетины	47	2	43	11		0	6	Гаплогруппа J: 34 %
Армяне	89	6	25	31		3	3	Гаплогруппа J: 29 %
Греки(киприоты)	45	2	9	22		0	27	Гаплогруппа J: 33 %

Невооруженным взглядом заметны 3 наиболее распространенных среди русских гаплогруппы.

R1a 45.3%, N3 20,3%, I1b 10,6%

Перевожу на русский:

- славян (вернее их называть арийцами об этом ниже) - 45%
- угро-финов - 20%
- норманы - 11%

И никакого 300 летнего оплодотворения татарами русских баб не прослеживается. Либо Ига таки не было, либо Иго организовывалось угро-финами.

Еще один важный момент, южные русские в пределах погрешности не отличаются от украинцев. Да, и северные русские не столь уж сильно разбавлены угро-финами. Но % финских гаплотипов пренебрежительно мал.

44.158.1. О славянах, праславянах, ариях и «ираноязычных индоевропейцах». Почему славяне - «арийцы», а германцы - нет

Смотрим в Большую Советскую Энциклопедию. Читаем:

«Единственно оправданным и принятым в настоящее время в науке является применение термина «арии» лишь по отношению к племенам и народам, говорившим на индоиранских языках».

И далее – «В языкознании арийскими называются индоиранские языки».

На самом же деле это наши предки-арии принесли язык в Иран, и через тысячелетия, уже в наше время, его стали считать иранским. А поскольку есть большая школа иранских языков, то арийские стали принимать за иранские, перепутав причину со следствием.

Иранские языки относятся к индоевропейским, и датировка их следующая – древнейшие, от 2-го тысячелетия до н.э. до 300-400 лет до н.э., средний – от 300-400 лет до н.э. до 800-900 лет н.э., и новый – 800-900 лет н.э. до настоящего времени. То есть древнейшие иранские языки датируются уже ПОСЛЕ ухода ариев в Индию и Иран, и более чем через 1000 лет ПОСЛЕ жизни праславянского предка (4500 лет назад). На иранском языке он, наш предок, говорить никак не мог. На арийском говорил, арийский язык его потомки тысячу-полторы лет спустя и принесли в Иран. А западно-иранская группа языков появилась вообще примерно в 500 г. до н.э.

Так арии и праславяне стараниями наших ученых стали безликими «индоевропейцами», а арийские, древнеславянские языки стали «индоиранскими». Это тоже политкорректно. И пошли совершенно фантастичные пассажи, принятые в научной литературе, что «на Днепре жили ираноязычные племена», что «скифы были ираноязычны», что «жители **Аркаима** говорили на иранских языках».

На арийских они говорили, на арийских. Они же древнеславянские языки.

Согласно индийским ведам, именно арии пришли в Индию с севера, и это их гимны и сказания легли в основу индийских вед. И, продолжая дальше, ведь это русский язык (и родственные ему балтийские языки, например, литовский) ближе всех к санскриту, а от русского и балтийских языков и до Европы рукой подать. Стало быть, балто-славянские языки и есть основа «индоевропейских языков», не так ли? То есть, они же и арийские языки, если называть вещи своими именами.

Так, никто и не спорит. Но, знаете ли, это как-то неправильно славянам такую честь оказывать. «Индоевропейские языки» - это политкорректно, некие безликие «индоевропейцы» - тем более политкорректно, славяне – не очень политкорректно. А уж арии – это, знаете ли, чревато.

Итак, стало ясно, что род R1a1 в ДНК-генеалогии – это арии, они же наши предки, праславяне, они же «индоевропейцы». Свой арийский язык, он же праславянский, они принесли в Индию и Иран 3500-3400 лет назад, то есть 1400-1500 лет до нашей эры. В Индии он трудами великого Панини был отшлифован в санскрит примерно 2400 лет назад, близко к рубежу нашей эры, а в Персии-Иране арийские языки стали основой группы иранских языков, древнейшие из которых датируются 2-м тысячелетием до н.э. Все сходится.

Вот что значит, когда у лингвистов нет в руках дат жизни и миграции ариев, в частности, на территории современных Индии и Ирана. Отсюда им, ариям, а потом и всем другим – жителям русской равнины, Приднепровья, Причерноморья, Прикаспия, южного Урала – всем было присвоено звание «индоевропейцев», и тем более «ираноязычных», с точностью до наоборот.

Вот откуда эти неуклюжие «индоевропейцы» взялись. На самом деле арийские языки у них и без всякой Индии или Ирана были, по всей русской равнине и до Балкан. Ими же, ариями, язык был принесен в Европу, ими же и в Иран и в Индию. От Индии до Европы – одна и та же группа языков – арийских. А ее взяли и назвали «индоевропейской», «индо-иранской», «иранской». И что вообще уму непостижимо, наши люди, наши предки, праславяне оказались «индоевропейцы», а то и «иранцы». «Ираноязычные жители Днепра». Каково?

Так в какую сторону шел арийский, праславянский поток – на запад, в Европу, или наоборот, на восток? По регионам – на повышение от 4500 лет, или на понижение? В Индию, как мы уже видели – на понижение, от 4500 до 3850 лет. Значит, поток с территории нынешней России шел на восток.

А западнее?

Анатолий Клёсов собрал 25-маркерные гаплотипы рода R1a1 по всем странам Европы, и для каждой страны или региона определил гаплотип общего для популяции предка, и когда этот предок жил. И оказалось, что почти по всей Европе, от Исландии на севере до Греции на юге, общий предок был один и тот же! Иначе говоря, потомки как эстафету передавали свои гаплотипы своим же потомкам по поколениям, расходясь из одного и того же исторического места, прародины праславян, прародины «индоевропейцев», прародины ариев - которой

оказались Балканы. **И не просто Балканы, а Сербия, Косово, Босния, Македония. Это – ареал самых древних гаплотипов рода R1a1.** И время жизни первопредка, на которое указывают самые древние, самые мутированные гаплотипы – это 12 тысяч лет назад. Точнее, 12200 лет назад, но это уже слишком. В археологии и лингвистике для тех времен таких точностей не знают.

ДНК-генеалогия совершенно определенно указывает, что на протяжении почти 6 тысяч лет наши праславянские балканские предки жили в тех краях, никуда особо не передвигаясь. Если и передвигались – следов тех активистов в гаплотипах наших современников пока не найдено. Возможно, и не осталось. Но примерно 6 тысяч лет назад началось Великое переселение народов – видимо, в связи с переходом к новым формам хозяйствования и необходимостью освоения новых территорий. Первое выдвижение – на северные Карпаты, на территорию исторической Буковины. Там, где найдена загадочная Трипольская культура, которая, по мнению археологов, так же загадочно и пропала.

А она не пропала. Потомки трипольцев там и живут. Их общий предок, по местным гаплотипам, жил 6 тысяч лет назад, и принадлежал роду R1a1. Праславянин. И гаплотип того предка нам теперь известен. Он – тот же, что и гаплотип предка восточных славян. Та же семья.

И далее пошли расходиться волны миграций рода R1a1 во все стороны, с Балкан (археологическая культура Винча и культуры, ей родственные) и Буковины (трипольская культура). Практически во все стороны – 4-5 тысяч лет назад, третье-четвертое тысячелетие до нашей эры.

Германия – точно такой же 25-маркерный гаплотип, что у восточных славян, 4800 лет назад.

Сейчас его обладателей (уже с мутациями) в Германии в среднем 18%, но в некоторых районах достигает трети. Большинство остального населения Германии имеют «прибалтийскую» гаплогруппу I1 (24%) и «западноевропейскую» R1b (39%).

Норвегия – такой же гаплотип, предок на территории современно Норвегии жил 4300 лет назад. В Норвегии доля R1a1 сейчас в среднем – от 18 до 25% населения. В основном – балтийская I1 (41%) и западноевропейская R1b (28%) гаплогруппы.

Поскольку у всех прочих европейцев рода R1a1 гаплотип первопредка на соответствующих территориях такой же, то не буду это больше и упоминать. Буду только указывать, когда первопредок (он же потомок балканских R1a1) жил.

Швеция – 4250 лет назад. Видно, что для освоения северных территорий – Норвегии, Швеции – понадобилось время, несколько веков, 500-600 лет. Всего среди современных шведов 17% потомков праславян, рода R1a1. В основном – балтийская I1 (48%) и западноевропейская R1b (22%) гаплогруппы.

Перейдем к Атлантике, на британские острова. Здесь – целая группа территорий, на которых издавна живут потомки ариев, R1a1. Они численно отнюдь не доминируют по сравнению с другим родом, R1b, типичным представителем которых являются кельты, и которые пришли туда 3500-4000 лет назад. Но и их, потомков ариев, на островах не так мало.

В Англии общий предок современных носителей R1a1 жил 4800 лет назад, как и в Германии. Но в Англии и вообще на британских островах потомков славян относительно мало, от 2% до 9% по всем островам. Там полностью доминируют западноевропейская R1b (71%) и балтийская I1 (16%) гаплогруппы.

В Ирландии – 5200 лет назад. По какой-то причине ирландские гаплотипы самые древние в Западной Европе и на Британских островах. Или действительно заселение было очень ранним, или выжили древние ирландцы удачнее других. Но сейчас в Ирландии представителей гаплогруппы R1a1 немного, не более 2-4% населения. Там три четверти западноевропейской гаплогруппы R1b.

На освоение северной, холодной и горной Шотландии понадобилось время. Общий предок тамошнего филиала рода R1a1 жил 4300 лет назад. В Шотландии потомки праславян по численности снижаются с севера на юг. На севере, на Шетландских островах, их 27%, и эта

численность падает до 2-5% на юге страны. В среднем, по всей стране, их около 6%. Остальные – от двух третей до трех четвертей – имеют западноевропейскую гаплогруппу R1b.

…**члены рода R1a1** на Балканах, которые жили там 12 тысяч лет назад, через двести с лишним поколений вышли на восточно-европейскую равнину, где 4500 лет назад появился предок современных русских и украинцев рода R1a1, включая и автора этой статьи. Еще через пятьсот лет, 4000 лет назад они, праславяне, вышли на южный Урал, еще через четыреста лет отправились в Индию, где сейчас живут примерно 100 миллионов их потомков, членов того же рода R1a1. Рода ариев. Ариев, потому что они себя так назвали, и это зафиксировано в древних индийских ведах и иранских сказаниях. Они же - потомки праславян или их ближайших родственников. Никакой «ассимиляции» гаплогруппы R1a1 не было и нет, да и гаплотипы почти те же, легко выявляются. Идентичны славянским. Еще одна волна ариев, с теми же гаплотипами, отправилась из Средней Азии в Восточный Иран, тоже в 3-м тысячелетии до нашей эры, и стали иранскими ариями.

Наконец, еще одна волна представителей рода R1a1 отправилась на юг и достигла Аравийского полуострова, Оманского залива, где сейчас находятся Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, и тамошние арабы, получив результаты тестирования ДНК, с изумлением смотрят на сертификат тестирования с гаплотипом и гаплогруппой R1a1. Арийской, праславянской, «индоевропейской» - назовите как хотите, но суть та же. И эти сертификаты определяют границы ареала походов древних ариев. Приведенные ниже расчеты показывают, что времена этих походов в Аравию – 4 тысячи лет назад.

См. также **ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ СЛАВЯНЕ И «ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ»? ОТВЕТ ДАЁТ ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ. Часть 1**, **ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ СЛАВЯНЕ И «ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ»? ОТВЕТ ДАЁТ ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ. Часть 2**, **«Се – человек» (часть 1)**, **«Се – человек» (часть 2)**, **«Иосиф и его братья, или Взрослые игры с молекулярной генеалогией» (часть 1)**, **«Иосиф и его братья, или Взрослые игры с молекулярной генеалогией» (часть 2)**, **«Иосиф и его братья, или Взрослые игры с молекулярной генеалогией» (часть 3)**, **«Иосиф и его братья, или Взрослые игры с молекулярной генеалогией» (часть 4)**, **«Иосиф и его братья, или Взрослые игры с молекулярной генеалогией» (часть 5)**, **«Хинди-руси бхай-бхай с точки зрения днк генеалогии, или Откуда есть пошли славяне»**, **«Гаплотипы восточных славян - девять племён?»**, **«Гаплотипы угро-финских русских северных славян: семь племён?»**, **«Вклад ДНК-генеалогии в лингвистику и археологию»**

Вернуться к ссылке

44.159. Клёсов, Анатолий Алексеевич

Анатолий Алексеевич Клёсов (род. 1946). На протяжении 12 лет — профессор биохимии Гарвардского университета (Центр биохимии, биофизики и медицины Гарвардской медицинской школы).

Известен как первый советский пользователь Интернета и первый автор публикации о нём в советской печати[1] (см. Рунет).

С 1996 по 2006 гг — управляющий по исследованиям и разработкам и вице-президент компании в области полимерных композиционных материалов в промышленном секторе, Бостон, и одновременно (с 2000 г.) — старший вице-президент компании и главный научный сотрудник по разработкам новых противораковых лекарств. В СССР — доктор химических наук, профессор Московского университета им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией Института биохимии им. А. Н. Баха Академии наук СССР.

За исследования в области биологического катализа был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола (1978) и Государственной премии СССР (1984).

Член Всемирной академии наук и искусств (Стокгольм — Вашингтон) с 1989 г.

Живёт в Ньютоне, Массачусетс.

В настоящее время активно участвует в дискуссиях по ДНК-генеалогии на сайте rodstvo.ru. Является автором серии публикаций об «арийском» происхождении гаплогруппы R1a (восточные славяне) — на том основании, что именно носители этой гаплогруппы в ДНК (Y-хромосома), как показывает картина мутаций в ДНК, перешли в Индию с севера во 2-м тысячелетии до н. э. под самоназванием «арии», и в настоящее время одну и ту же гаплогруппу R1a1 имеют в среднем 48 % этнических русских (до 62% в Орловской, Белгородской областях и окружающих регионах [Underhill et al, 2009]) и 16 % (примерно 100 млн человек) индийцев «индоевропейского происхождения» (в отличие от дравидов); до 72 % высших каст в Индии имеют ту же гаплогруппу R1a1 [Sharma, Rai et al, J. Human Genetics, v. 54, pp. 47-55 (2009)]. [2][3]. Автор серии публикаций в области ДНК-генеалогии — о происхождении евреев. Золотая медаль (апрель 2009) Международной Ассоциации коэнов за вклад в изучение истории еврейского народа.

Вернуться к ссылке

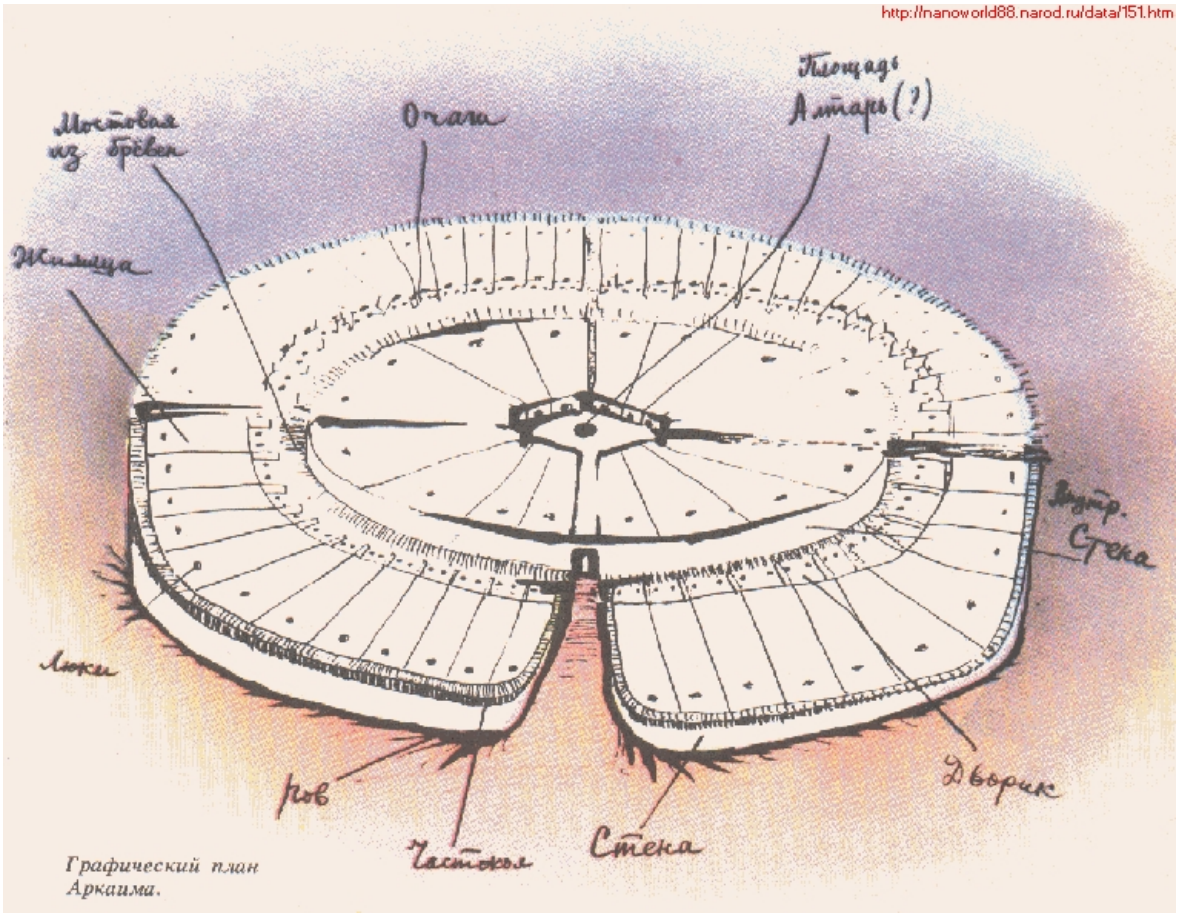
44.160. Аркаим

Аркаим — укреплённое поселение эпохи бронзы. Расположено в южно-уральской степи, в 8,2 км к северо-северо-западу от посёлка Амурского и 2,3 км к юго-юго-востоку от посёлка Александровского, в Брединском районе[1] Челябинской области.

Топоним "Аркаим" происходит из башкирского языка (башк. *Аркайы́м*). Так называлось недалеко расположенное башкирское село, переставшее существовать в начале 20-го века.

44.160.1. История открытия

Открыт в 1987 году группой челябинских учёных под руководством Геннадия Здановича. Предыстория открытия памятника была связана с охранными мероприятиями в зоне строящегося Большекараганского гидроузла. Несколько отрядов (С. Г. Боталова, С. А. Григорьева, Г. Б. Здановича, В. С. Мосина, А. Г. Гаврилюка) вели работы на этой территории. Были обследованы: стоянка Усть-Утяганская, поселение Черкасы II, а так же группа курганов и могильников. Но главная находка была сделана отрядом С. Г. Боталова. Было обнаружено укреплённое поселение Аркаим.



До 1991 года продолжалась борьба за сохранение памятника, и, соответственно, работы велись ускоренными темпами, что, несомненно, снижало их качество. Сохранение памятника поддержали и многие видные учёные СССР и ко всему прочему к 1991 году в стране наметились явные тенденции к кризису. В 1991 году строительство было прекращено. Работы на поселении стали вестись медленнее, а следовательно, внимательнее. В ходе работ было вскрыто около 8000 кв. м. площади поселения (примерно половина), вторая часть была исследована с помощью археомагнитных методов. Тем самым была полностью установлена планировка памятника. Здесь же был впервые в Зауралье применён метод реконструкции, и Л. Л. Гуревичем сделаны рисунки возможного вида поселения. Памятник датируется рубежом III—II тысячелетий до н. э., либо началом II тысячелетия до н. э.

С 1991 года был объявлен заповедной зоной и включён в состав Ильменского заповедника.

44.160.2. Долина городов

Города и укреплённые поселения аркаимского типа в настоящий момент обнаружены на значительной площади, охватывающей юг Челябинской области, юго-восток Башкортостана, восток Оренбургской области и север Казахстана. Хронологически они относятся к эпохе средней бронзы, то есть их возраст примерно 3,8—4 тысячи лет. Начало исследованиям положили археологи ЧелГУ во главе с Г. Б. Здановичем. На сегодняшний день исследования ведутся Институтом археологии УрО РАН, Историко-культурным заповедником «Аркаим», институтами и университетами Челябинской, Свердловской, Оренбургской областей, а также специалистами из США, Голландии, Германии, Украины.

Поселения аркаимского типа в отличие от других поселений андроновской культуры имеют свою специфическую особенность: сопряжённые стены по кругу, овалу или прямоугольнику. До сих пор среди ученых идут споры о принадлежности памятника. Некоторые относят его к андроновской КИО, некоторые выделяют особую Синташтинскую культуру (названную так по поселению Синташта на реке Синташта в Челябинской области). Работы по изучению памятников продолжаются.

По найденным в могильниках черепам был восстановлен облик жителей Аркаима, оказавшимися европеоидами. Антропологические реконструкции мужчины и женщины выставлены в областном краеведческом музее г. Челябинска. Там же представлена большая экпозиция находок в Аркаиме.

См. также **Аркаим** – древнейший в мире славянский город-обсерватория

Вернуться к ссылке

44.161. Лопастицкий крест

Лопастицкий или Витбинский крест из красного песчаника стоял на берегу пролива, соединяющего озеро Лопастицы с озером Вытбино в Тверской губернии. « *Знаки, высеченные на этом кресте, может быть, означают:* ⌣ — *Иисус,* ꙗ — *Христос»*, — полагал А.К. Жизневский[34]. Граф А.С. Уваров ему возражал: « *Такое толкование этих знаков кажется мне весьма сомнительным»* [35]. — В.Л. Янин, датировав его XII-XIII вв., отметил: « *По-видимому, истолковать весь рисунок можно значительно проще, если в точке под крестом усмотреть схематическое изображение «адамовой головы», а в знаке «в виде скобы» — такое же изображение «святого духа», которое в виде голубя встречается иногда на русских домонгольских крестах»* [46]. Тем самым, В.Л. Янин усматривал в этих знаках чисто христианскую символику, как и А.К. Жизневский, но иную. Я же полагаю, что и здесь речь идет о надписи руницей.

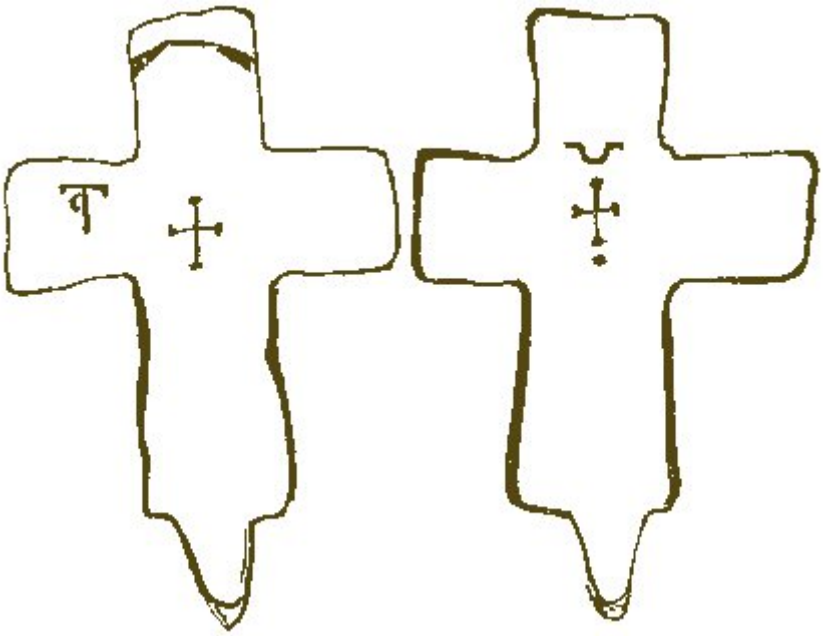


Рис. 21. Лопастицкий крест

Надпись гласит: БОГ ТЕБЕ! ТБЕРЬ, ТЕ 2, что можно понять как БОГ ТЕБЕ, ТВЕРЬ, ТЕ ДВОЕ. Иными словами, крест является намогильным; формула БОГ ТЕБЕ! соответствует современной МИР ПРАХУ ТВОЕМУ! Слово ТВЕРЬ означает княжество, а точка в цифровом значении соответствует числу два, то есть двум погребенным. Как видим, на этом христианском намогильном памятнике нет обозначений погребенных, указано только количество лежащих и их принадлежность к Тверскому княжеству. По скупости сведений данный крест вполне соответствует языческим деревянным «намогильникам».

Рис. 22. Мое чтение надписей на Лопастицком кресте

См. также **Колосов В. И.** **Стерженский и Лопастицкий кресты, 1890 г.**

Вернуться к ссылке

44.162. Стерженский крест

Стерженский крест — каменный крест высотой 167 см, поставленный новгородским боярином Иваном Павловичем в 7,8 км от истока Волги, при её впадении в озеро Стерж. На Стерженском кресте надпись: «***В лето 6641 (1133 н. э.) месяца июля 14 день почах рыти реку ею аз Иванко Павловиц и крест се поставих***»

В настоящее время Стерженский крест находится в Тверском государственном краеведческом (объединенном историко-архитектурном и литературном) музее в городе Тверь.

…***Знаменитый Стерженский*** *крест с новгородской надписью XII века нашел в XIX веке помещик Обернибесов, выкопал его из земли и поставил над прахом своего предка, похороненного в XVIII веке на кладбище погоста Стерж.*

Вернуться к ссылке

44.163.Нерльский крест

…**Нерльский крест** XII в. (Владимиро-Суздальская земля). Четырехконечный белокаменный крест с текстом «Похвалы Кресту»: «(КРЕСТ) (О)ХРАНЬНИКЪ ВСЪИ ВСЕЛЕНЫИ КР(ЕС)ТЪ Ц(Е)РКВИ БОЖ(ИЕЙ) ОУКР(А)ШЕНИЕ КР(ЕСТ)Ъ Ц(А)Р(Я)МЪ ДЕРЖАВА КР(ЕСТ)Ъ ВЪРНЫМЪ ОУТВЬРЖЕНИЕ КР(ЕСТ)Ъ АНГ(Е)Л(А)МЪ СЛАВА КР(ЕСТ)Ъ ДЪМОНЪМЪ ПРОГОНИТЕЛЬ», стоял на берегу р. Нерли, в 150 м от Покровской церкви (1165 г.) близ Боголюбова монастыря. В 1911 г. крест был зафиксирован П.П. Покрышкиным, сфотографировавшим его. Фотография впервые опубликована Н.Н. Ворониным, который обнаружил крест на открытом сельском кладбище «на задворках села». Им же предложена дата по палеографическому анализу надписи. (Надпись на Нерльском каменном кресте. Изд.: Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики, XII в. — СА, VI, 1940, с. 310—314 (снимок и прорись).

См. также **Новгородский Игнач-крест**, **Панченко В.Б. К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси**

Вернуться к ссылке

44.164. Боспорское царство

Боспорское царство, **Боспо́р** — античное рабовладельческое государство в Северном Причерноморье на Боспоре Киммерийском (Керченском проливе). Столица — Пантикапей. Образовалось около 480 до н. э. в результате объединения греческих городов на Керченском и

Таманском полуостровах. Позднее расширено вдоль восточного берега Меотиды (Меотидского болота, Меотидского озера, совр. Азовского моря) до устья Танаиса (Дона). С конца II века до н. э. в составе Понтийского царства. С конца I в. до н.э. постэллинистическое государство, зависимое от Рима (клиентский статус). Вошло в состав Византии в 1-й пол. VI в.

44.164.1. История

После середины VII века до нашей эры на северном берегу Чёрного моря появляются греческие переселенцы, а к началу второй четверти VI века до н. э. осваивают значительную часть побережья, за исключением южного берега Крыма.

Первой колонией в этом районе было, основанное во второй половине VII века до нашей эры, Таганрогское поселение, расположенное в районе современного Таганрога.

Раскопки античного города Пантикапей

Скорее всего, колонии основывались как апойкии — независимые полисы (свободные гражданские коллективы). Греческие колонии были основаны в районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива), где постоянное местное население отсутствовало. Постоянное население наличествовало в Крымских горах, где жили племена тавров, в степях периодически кочевали скифы, вокруг реки Кубани жили полукочевые меоты и земледельцы синды. Первое время колонии не испытывали давления со стороны варваров, население их было весьма немногочисленным, а оборонительные стены у поселений отсутствовали. Около середины VI в. до н. э. зафиксированы пожары на некоторых небольших памятниках, в том числе на Мирмекии, Порфмии и Торике, после чего на первых двух из них возникают небольшие укреплённые акрополи. Удобно расположенный, обладающий хорошей торговой гаванью и поэтому достигший значительного уровня развития Пантикапей, надо думать, стал тем центром, вокруг которого объединились в межполисный союз греческие города обоих берегов Керченского пролива. В настоящее время появилось мнение, что первоначально ему удалось объединить вокруг себя только близлежащие малые города, а на другой стороне пролива центром стала основанная в 3-ей четв. VI в. до н. э. Фанагория. Около 510 г. до н. э. в Пантикапее был построен храм Аполлона ионического ордера. Видимо, от имени священного союза городов, возникшего вокруг храма, выпускалась монета с легендой «АПОΛ». Был ли этот союз равен политическому, как он был организован, кто в него входил — неизвестно. Существует гипотеза, связывающая выпуск этих монет с Фанагорией.

Согласно указанию древнего историка Диодора Сицилийского, около 480 г. до н. э., в Пантикапее к власти пришла династия Археанактидов, видимо, во главе с неким Археанактом. Характер её правления не совсем ясен. Раньше предполагалось, что она могла возглавлять широкий оборонительный союз полисов — симмахию, в который входили все города по обоим берегам Керченского пролива, включая Феодосию. Сейчас учёные склоняются к тому, что власть Археанактидов была тиранической. Во главе объединения стояли тираны Пантикапея из греческого, скорее всего, милетского рода Археанактидов. В состав союза точно входили такие города и поселения, как Мирмекий, Порфмий и Тиритака. Вхождение в него других греческих поселений на Таманском и Керченском полуостровах под вопросом.

В 438 до н. э. власть в Пантикапее перешла к Спартоку, основателю династии Спартокидов, которая правила на Боспоре до 108 г. до н. э. Судя по имени, основатель династии не происходил из греческой среды. Скорее всего, истоки его родословной нужно искать на территории Фракии. Тесная связь с варварскими племенами прослеживается в ходе всего правления династии Спартокидов.

После недолгого правления Спартока, и, возможно, узурпации власти неким Селевком (возможно, его имя возникло в результате порчи текста Диодора Сицилийского), к власти пришёл царь Сатир I (433—389 гг. до н. э.), энергично взявшийся за увеличение территории своего государства. Его дело продолжили Левкон I и Перисад I (348—311 гг. до н. э.) — правители IV века до н. э., с именами которых связан период наивысшего расцвета Боспора.

Расширение владений Спартокиды начали, видимо, с присоединения Нимфея, по некоторым данным, входившего в Афинский морской союз. В городе находился представитель Афин, которого, по данным оратора Эсхина звали Гелон. По утверждению Эсхина, последний передал власть над городом Боспорским тиранам, а сам получил за это в управление городок Кепы. Последнее может косвенно указывать на то, что Таманский полуостров в это время уже входил в состав Боспорского государства. Впрочем, учитывая, что целью Эсхина было опорочить своего политического противника Демосфена, данные здесь могут быть не слишком точными. В любом случае, Нимфей вошел в состав государства без боя.

Драматичнее сложилась борьба за Феодосию. Этот крупный, порт находился относительно далеко от основных центров государства и пользовался поддержкой своей метрополии - Гераклеи Понтийской — города на южном побережье Чёрного моря. Боспорское войско потерпело поражение, в немалой мере, из-за военных хитростей применённых гераклейским стратегом. В результате, гераклейские войска высаживали десанты непосредственно на территории Боспорского царства. Судя по огромному импорту амфор с вином из Гераклеи Понтийской в первой половине IV в. до н.э., отношения нормализовались довольно быстро. Видимо, в середине 80-х годов IV в. до н. э. Феодосия вынуждена была покориться, и Спартокиды стали именовать себя «архонтами Боспора и Феодосии». Победа над Феодосией означала присоединение территории всего Керченского полуострова. Затем Спартокиды обратили взоры на восточное побережье Керченского пролива. Левкон сразу после победоносной Феодосийской кампании, разгромив стремительным броском из-под Феодосии Октамасада, сына синдского царя Гекатея, стали обладателями во второй половине 80-х гг. IV в. до н. э. новых земель с синдским населением и Фанагории. Результатом всех этих завоеваний было приобретение Спартокидами новых портов и торговой монополии, обширных плодородных земель и права хлебного экспорта.

После смерти Перисада разгорелась борьба между его сыновьями Сатиром, Пританом и Евмелом. Она продемонстрировала, с одной стороны, нарушение традиции престолонаследия Спартокидов, которая заключалась в участии двух старших сыновей в управлении государством сначала совместно с отцом, а после смерти его в соправительстве двух братьев до смерти одного из них, с другой — необходимость для боспорских династов в своей политике учитывать ситуацию, сложившуюся в племенном мире Северного Понта и Приазовья. Евмел, младший из братьев, претендуя на престол, выступил против двух старших. Военные действия разгорелись, вероятно, в районе Прикубанья. В армии Сатира, а после его гибели — Притана, помимо наёмников, важной силой были союзники — скифы. Евмел опирался на превосходившее численно противника войско местного племени фатеев, обитавших на азиатском Боспоре. Победивший Евмел жестоко расправился с противником. Во время своего короткого правления (309—304 гг. до н. э.) он боролся с пиратством и поддерживал дружественные отношения с причерноморскими греческими городами. Особое внимание боспорских царей к понтийским делам было отнюдь не случайным. Оно отвечало изменившейся ситуации в этом регионе в связи с начавшимися передвижениями скифов и теснивших их с востока сарматов.

Но связи с Афинами не прерывались: за хлебный дар в 77 тыс. литров афиняне дважды отправляли на Боспор посольство с благодарностью. Источники свидетельствуют о политических

связях Спартокидов с Афинами, Дельфами, Делосом, Милетом, Египтом. Ещё более тесными стали контакты с Южным Понтом.

Последний из Спартокидов — Перисад V — принуждён был отречься от престола. В 108 г. до н. э. он передал власть правителю Понтийского царства (Юго-Восточное Причерноморье — восточная часть современной Турции) Митридату VI Евпатору, владевшему тогда обширными территориями и ставшему опасным врагом самого Рима.

На его европейской стороне вспыхнуло восстание под предводительством Савмака (греч. Saumakos). Были захвачены Пантикапей и Феодосия. Савмак убил Перисада, а присланный Митридатом полководец Диофант бежал. Через год Диофант вернул Боспор. В его распоряжении были сухопутная армия и флот, с помощью которых он захватил и Пантикапей, и Феодосию. Виновники восстания были наказаны, Савмак отправлен к Митридату и, видимо, казнён. Разрушения в городах и поселениях европейского Боспора, датированные концом II в. до н. э., обычно связывают с этими событиями.

В 80-х гг. до н. э. боспорцы отложились от Митридата, но были усмирены им, а управление над Боспором царь передал своему сыну Махару. Но тот изменил делу отца и принял сторону Рима. В 60-х гг. до н. э. Митридат лично прибывает на Боспор и превращает его в плацдарм для подготовки к новой войне с Римом. Огромные поборы с населения для содержания армии, строительства флота и крепостных сооружений, вербовка в войско рабов, а затем и морская блокада со стороны римского флота вызвали недовольство на Боспоре и истощили его.

Разрушительное землетрясение в 63 году до н. э. В этом же году, в Пантикапее, Митридат погиб, скрываясь во дворце на вершине горы от взбунтовавшихся солдат, провозгласивших правителем его сына Фарнака.

Римляне вручили власть над Боспором Фарнаку, назвали его своим «другом и союзником», но просчитались: Фарнак объявляет себя «царём царей» и желает расширить свои владения за счёт самого Рима. В качестве наместника на Боспоре он с 48 г. до н. э. оставляет Асандра. Но тот успешно отвоевал престол, разгромив в 47 г. до н. э. сначала Фарнака, а затем Митридата II, после чего женился на дочери Фарнака Динамии и с 46 г. до н. э. единолично стал править на Боспоре. С его деятельностью до 20 г. до н. э. связывают постройку оборонительных укреплений (так называемый Асандров вал, видимо, отделивший Керченский полуостров от остальной части Крыма) для защиты от соседних племён, большие восстановительные работы, активизацию морских сил, успешную борьбу с пиратами.

После длительных войн, разорений и опустошений при Асандре, но особенно при сыне его Аспурге положение на Боспоре стабилизируется. Начался период нового, вторичного расцвета, охвативший I — начало III в. н. э. При Аспурге возросла территория государства за счёт временного присоединения Херсонеса. Царь вёл успешные войны со скифами и таврами. В 14 г. он получил звание «друга римлян» и добился у римлян права на боспорский престол. На его монетах были портреты римских правителей. Боспор в глазах римлян был источником хлеба, сырья и важным стратегическим пунктом. Рим стремился поставить на его престоле своих приверженцев, держал там свои войска. И все же степень зависимости не была всегда одинаковой и такой, какой желали этого в Риме. Уже сын Аспурга Митридат вёл войны с римлянами. Но в годы правления его брата Котиса I (45-68 гг.) окрепла связь с Римом. С конца I в. Рим все больше видит в Боспоре важный форпост на северо-востоке, способный сдерживать натиск варваров. При Рескупориде I и Савромате I строятся оборонительные сооружения, укрепляются границы, усиливается армия и флот. Савромат I и Котис II одерживают победы над скифами. При Савромате II (174—210 гг.) боспорский флот очищает от пиратов южные берега Чёрного моря. Совместные военные действия с соседями должны были усилить независимость Боспора от Рима.

В начале III в. н. э. в Северном Причерноморье появляются племена, получившие наименование готов. Готы принадлежали к германской группе племён и пришли с берегов Балтийского моря. Но в своём движении они увлекли многие племена Восточной Европы и возглавили большое

племенное объединение. В 30-х гг. III в. н. э. варварские племена готского союза разрушили Горгиппию, в 40-х гг. полному разгрому подверглись Танаис и окружавшие его поселения. Начались и передвижения аланов с востока.

С середины III века государство подвергалось натиску варваров — готов и боранов (см. Скифская война III века). Пришельцы совершали морские походы, опираясь на Боспор как на организационную базу и используя его флот. После смерти Рескупорида IV 254/255 — 267/8 гг.) началась борьба за престол. Во время этой смуты постепенно прекращается жизнь в Нимфее и Мирмекии.

В IV в. Боспор обращается к римлянам, чтобы те за уплату ежегодной дани помогли обеспечить ему спокойную жизнь. Однако Рим сам с трудом отбивается от варваров и не может оказать помощь ослабевшему Боспору. Вторжение гуннов миновало Боспорское государство. В 70-80-х гг. IV в. гунны прошли мимо Боспора и обрушились на "готское государство" Германариха. Боспорское государство существовало до начала VI в. В течение второй половины V и начала VI в. над Боспором распространялся "протекторат" гуннского племени утигуров, вернувшихся из Европы после распада Гуннского союза. Надписи с именами царей династии Тибериев-Юлиев датируются вплоть до конца V в. В надписях имеются перечни должностных лиц государства этого времени - епарха, комита, протокомита. Восстанавливаются биографии "сильных людей" этого "темного" времени, например, комита Савага - уроженца района Китея, похороненного с женой Фаиспартой в крупном склепе в столице в 497 г. Идет постепенная христианизация Боспора. В Пантикапее (Боспоре) и Тиритаке в V-VI вв. строятся базилики - христианские храмы. Знать хоронят в каменных склепах, многие из которых - расписные. Стиль живописи, однако, крайне примитивный и являет собой пример деградации и упадка. Продолжают существовать Пантикапей (Боспор), Тиритака, Китей, Киммерик, Фанагория, Кепы, Гермонасса, ряд крепостей (Ильичевское городище на Тамани). В 520-530-х гг. Византия устанавливает над Боспором прямую власть. Античный период его истории плавно переходит в византийский без разрывов в эволюции материальной культуры.

44.164.2. Экономика

Монета из Пантикапея. III в. до н. э.

Ведущая роль на Боспоре принадлежала товарному производству злаков — пшеницы, ячменя, проса.

Основу Боспорской торговли составлял экспорт зернового хлеба, достигавший колоссальных по тому времени размеров: Демосфен рассказывает, что Афины получали с Боспора половину всего необходимого им привозного хлеба — около 16 тысяч тонн в год.

Помимо хлеба, Боспор вывозил в Грецию солёную и вяленую рыбу, скот, кожи, меха, рабов.

В обмен на все эти товары государства Греции отправляли на Боспор вино, оливковое масло, металлические изделия, дорогие ткани, драгоценные металлы, предметы искусства — статуи, терракоту, художественные вазы. Часть этого импорта оседала в боспорских городах, другая часть переправлялась боспорскими торговцами в степь для знати окружающих племён.

Гермонасса, Фанагория, Горгиппия становятся крупными торговыми центрами. В Горгипии строится крупный морской порт, через который вывозится хлеб из Прикубанья.

При Спартокидах в городах Боспора расцветает и ремесленное производство. В Фанагории, Горгиппии и других городах существуют небольшое мастерские и крупные эргастерии, где применяется труд рабов.

В первой половине III в. до н. э. в государстве разразился острый денежный кризис. Прекращена чеканка золотой и серебряной монеты Пантикапея. Монетная реформа Левкона II в третьей четверти III в. до н. э. — выпуск номиналов медной монеты с именем и титулом царя — способствовала восстановлению денежного хозяйства и в то же время укрепляла авторитет

династии. После Левкона царская чеканка (но уже золотая) стала традиционной. Был возобновлён выпуск пантикапейского серебра. Во второй половине III—II веков до н. э. возродилась автономная чеканка в Феодосии, Фанагории, Горгиппии.

После присоединения Боспора к Понту начали активно развиваться торговые отношения с городами этого государства, в первую очередь с Синопой. По словам Страбона, ежегодно из Боспора в Понт поставлялось 180000 мединов (7200 тонн) и 200 талантов (4000 килограмм) серебра.

После попадания Боспора под влияние Рима начинается новый экономический подъём, продолжавшийся на протяжении I и II веков нашей эры. С боспорских товаров римские власти не взимали обычной обязательной пошлины в размере 1/2 части всего товара. Боспорские купцы торговали с далёкой Александрией Египетскиой и даже далёкими итальянскими городами.

В начале 40-х годов IV века в Боспоре прекращается чеканка монеты, что свидетельствует об определенном упадке традиционной античной системы хозяйства. Экономическая жизнь локализуется в территориально-хозяйственных микрозонах вокруг сохранившихся городов. Одним из ведущих аграрных районов в IV-VI вв. становится Крымское Приазовье, где продолжают существовать многочисленные укрепленные поселения. Монеты не чеканятся, но продолжают обращаться: в кладах VI в. содержатся вместе византийские и позднебоспорские монеты.

См. также **Арифарн, царь сираков**, **Боспорское царство. Расцвет государства и падение Спартокидов**

Вернуться к ссылке

44.165. Корела (крепость)

Крепость Корела — современное обозначение сохранившейся каменной средневековой крепости в городе Приозерске, а также музей, расположенный в её помещениях. До 1611 года Корелой назывался город, расположенный вокруг крепости, впоследствии носивший имена Кексгольм, Кякисалми, и, наконец, Приозерск.

44.165.1. KAKISALMI – КОРЕЛА - KEKSHOLM - ПРИОЗЕРСК

…Приозерск – один из древнейших городов России. Впервые он упоминается в письменных источниках как город Корела. В летописи составленной в конце XVI - начале XVII в., отмечается что именно в Кореле в 879 г. был похоронен сам князь Рюрик – родоначальник династии Рюриковичей. Город Корела являлся важным торгово-военным и религиозно- культурным центром территории, где обитало летописное племя корела.

Он замыкал Вуоксинский водный путь «из варяг в греки», располагаясь в самом устье Узьервы (старинное название нижнего течения Вуоксы при её впадении в Ладожское озеро). О ранней истории древнекарельского города, первоначально именовавшегося Кякисалми (Кукушкин пролив), сегодня мало что известно из-за чрезвычайной скупости источников. Предположительно, позднее новгородцы назвали город Корела, по названию

племени, которое проживало в этих местах. Само племя корела упоминается в новгородских берестяных грамотах с 1066 г., а в летописях с 1143. В древности крепость Корела находилась на острове реки Вуоксы, но со временем, из-за понижения уровня воды в реке, один из рукавов древнего русла высох, и крепость оказалась не на острове, а на мысу.

Основали крепость карелы, давшие ей название - Кякисалми. В Новгородских же летописях город упоминается под названием Корела. В 1293 г. шведские войска высадились на берегу Выборгского залива и основали мощную крепость Выборг. Взяв под контроль выход к морю, шведские рыцари подчинили себе всю западную половину Карельского перешейка. А спустя 2 года шведы предприняли попытку завоевать и наиболее населенную восточную половину Карельского перешейка с ее стратегическим центром - Корелой. В 1295 г. отряд шведских рыцарей выступил из Выборга и двинулся на восток через Карельский перешеек к Кореле.

Корельские горожане и крестьяне, мужественно и упорно отстаивали город, и большая часть их погибла в борьбе. Крепость пала, уцелевшие во время штурма защитники Корелы были взяты в плен. В Новгороде было быстро собрано сильное войско, которое двинулось освобождать Корелу. 6 суток без перерыва длился русский натиск, шведы были наголову разбиты.

остоянная военная угроза, исходившая от Выборга, вынудила новгородцев принять меры по укреплению Корелы, и старое укрепление на острове было разобрано. В 1310 г., тверской князь Борис Константинович, приглашенный новгородцами для обороны Карелии, возводит замок в городе Корела. Здесь был сооружен окружавший остров большой земляной вал, увенчанный мощной бревенчатой крепостной стеной. В результате чего модернизированная крепость, ставшая мощным форпостом Новгорода на Карельском перешейке, выдержала нападения шведов в 1314, 1322, 1337 и 1338 гг. Как сообщает летопись, в 1364 г. в Корельском городке "посадник Яков поставил костер камен", т.е. каменную башню, которая значительно укрепила существовавшие тогда деревоземляные сооружения. Это было первое каменное сооружение Корелы. Из-за того, что площадь этого острова невелика, со временем город распространился и на территорию соседнего острова, имевшего большие размеры. По мере роста города и 2-й остров оказался слишком тесным, и неукрепленное городское поселение (посад), вероятно уже в XIV в., распространилось на северный берег реки Вуоксы, а еще позднее, вероятно в XV в., - и на южный берег. За два с половиной века его территория увеличилась в 13 раз! При этом по плотности населения Корела превосходила все города Северной Руси: на гектар городской площади здесь приходилось 339 человек, в то время как в Орешке – 25, в Новгороде – 73, а в Ладоге – 76.

Борьба против шведской агрессии на Карельском перешейке продолжалась в течение нескольких десятилетий. Шведские рыцари еще 4 раза пытались овладеть Корелой. Впоследствии Корела стала административным и торговым центром подвластной Новгороду. Через Корелу осуществлялась торговля Карельских земель с Новгородом. В 1479 присоединена к Московскому государству.

В сер. XVI в. между 3-мя крупнейшими государствами у Балтийского моря - Россией, Польшей и Швецией - началась Ливонская война. В кон. октября 1580 г. шведский главнокомандующий Понтус де Ла Гарди двинулся из Выборга на Корелу. На обоих берегах Вуоксы шведы построили осадные сооружения, установили пушки; лодки с шведскими солдатами блокировали обе городские крепости, отрезав их от внешнего мира. Немногочисленный русский гарнизон с исключительным мужеством отстаивал город. Только, когда весь город был уже объят пламенем, воевода согласился начать переговоры. Догоравший город был сдан шведам. Однако местные крестьяне не захотели покориться чужеземной власти и начали партизанскую войну. Русское военное командование трижды делало попытки освободить город. Однако шведы уже успели восстановить городские укрепления, и оба приступа, производившиеся без помощи артиллерии, не увенчались успехом. Затянувшаяся на 25 лет Ливонская война привела к значительному ослаблению страны и закончилась невыгодным миром: в 1583 г. по мирному соглашению Швеции достались захваченные ею русские владения, в том числе города Ивангород, Ям, Копорье и Корела.

Корела оставалась под шведской властью в течение 17 лет - с 1580 по 1597 г. Именно тогда в городе строятся каменные здания и оборонительные сооружения заменившие деревянные русские. Самые замечательные из них – это Круглая башня и Старый арсенал с Пороховым погребом которые сохранились до наших дней. В укрепление «замка» и ремонт башен Спасского острова шведское правительство вкладывало большие финансовые средства. Дело продвигалось быстро, недостатка в рабочей силе и материалах не было. На кирпич были разобраны все три каменных монастыря Корельского уезда.

В 1590 г. Россия, восстановив силы после тяжелой многолетней Ливонской войны, вновь выступила против Швеции. Война окончилась успешно для России, и по Тявзинскому мирному договору шведам пришлось возвратить все захваченные в Ливонской войне русские владения. Но окончательно шведы оставили эту территорию лишь 3 сентября 1597 г. Мирная жизнь продлилась недолго. В России наступило Смутное время. Москву захватили поляки. В 1609 г. в Выборге был подписан договор между русским воеводой Скопиным-Шуйским и шведским полководцем Якобом де Ла Гарди об оказании помощи против поляков. Согласно договору Приладожская Карелия должна была отойти к Швеции. Однако местное население отказалось признать договор, и шведам пришлось в 1610 г. силой оружия подчинять себе эти земли. В сентябре 1610 г. шведские войска осадили Корелу. В крепости было около 2000 ополченцев и 500 стрельцов. 2 марта 1611 г. после полугодовой героической обороны город Корела капитулировал. Из 3000 жителей к окончанию осады осталось всего около 100 человек, а воинов - лишь несколько десятков.

После заключенного в 1617 г. Столбовского мира, часть принадлежавших России земель, прилегающих к Финскому заливу, была потеряна для России. Корела с уездом была в течение почти ста лет под властью Швеции. Шведы, понимая важность этого опорного пункта, начали в конце пер. пол. XVII в. проводить большие строительные работы по укреплению крепости. Они разобрали оставшиеся деревянные стены детинца, увеличили высоту земляных валов, облицевали их с обеих сторон валунной кладкой. Была построена мощная воротная башня с двумя ярусами боя. Кроме того, были усилены редутами маленькие острова на подступах к крепости, а подход на лодках был затруднен вбитыми в дно реки кольями. Вероятно тогда же изменили название с первоначального - Кякисалми, на более удобное для шведов - Кексгольм (Кукушкин остров).

Пытаясь отвоевать территории, отошедшие к Швеции, 3 июля 1656 г. русские войска численностью 2500 человек осадили крепость Кексгольм. За лето было предпринято несколько неудачных попыток взять крепость и 26 сентября осада была снята.

В начале XVIII в. Петр I начал войну со Швецией за возвращение выхода России к Балтийскому морю. После решающей победы России под Полтавой в 1709 г. русские войска перешли в наступление и на берегах Балтики. После взятия Выборга Кексгольм оказался отрезанным от основных путей, связывающих его с главными шведскими военными силами в Финляндии, и судьба города была фактически предрешена. 8 июля 1710 г. русские полки подошли к южному берегу реки Вуоксы против крепости, а на другой день переправились через реку и заняли северный берег вблизи крепостных валов. Крепость была блокирована со всех сторон. Войска под командованием генерала Брюса заняли высоты на северном берегу, господствовавшие над крепостью, и немедленно начали строительство осадных сооружений. В начале августа по Ладожскому озеру прибыла на судах из Шлиссельбурга осадная артиллерия, и с 7 августа началась бомбардировка крепости из осадных орудий, длившаяся непрерывно до 2 сентября. Артиллерийский огонь вызвал пожары, многие деревянные здания в Новой и Старой крепостях сгорели. Не выдержав сокрушительного огня русской артиллерии, комендант Шерншанц 2 сентября начал переговоры о сдаче. По условиям договора, победители предоставили шведскому гарнизону право, сдав крепость, уйти в шведские владения; при этом выходить из крепости шведские солдаты должны были с одними только ружьями, но без пушек и знамен. 8 сентября 1710 г. над Кексгольмом вновь взвился русский флаг. В честь этого события южные городские ворота обиты трофейными латами шведских рыцарей. Вскоре после овладения К ексгольмом 17-21 октября 1710 г. Петр I специально ездил осматривать возвращенную России крепость. 30 августа 1721 г. в Финляндии был подписан мирный договор, по которому Кексгольм вновь стал русским городом.

См. также **Линия Маннергейма (Тайпале, Каарнайоки) - побережье Ладоги - крепость Корела, октябрь 2006г.**

Вернуться к ссылке

44.166. Тиверск

расположение городища Тиверск

Ти́верское городи́ще (*Тиверский городок, Тиверск*, фин. *Tiurinlinna*) — остатки древнего укреплённого поселения карелов и новгородцев. Расположено примерно в 4 км южнее посёлка Васильево (Приозерского района Ленинградской области).

44.166.1. Происхождение названия

Как свидетельствуют летописи и другие исторические документы, в XIV—XV веках существовал именно «Тиверский городок». Название «Тиверск» начинает встречаться в источниках лишь с XIX века.

Изначальное карельское название городища — Тиури, Тиурин-линна (от карельск. *tiuri, tiveri* — водопад, перекат и карельск. *linna* — город).

44.166.2. История

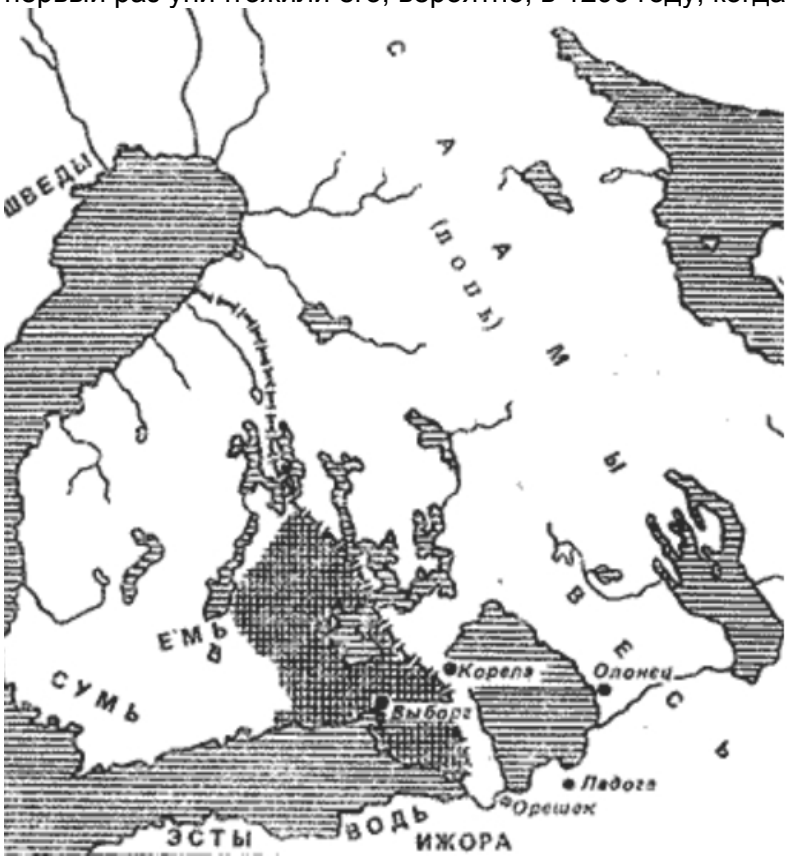
Остатки камеры в восточной стене

По мнению ряда исследователей изначально карельское городище Тиурин-линна возникло на острове Тиури посреди Вуоксы вблизи Тиверских порогов не позднее IX века. Поселение являлось столицей карельской родовой группировки тиврульцев — одного из так называемых «пяти родов карельских детей»[1], затем столицей удельного Тиверского княжества (один из княжеских центров

Карельского княжества). На месте городища найдены вещи, относящиеся к доновгородскому периоду в истории острова: западноевропейская монета XI века, поясные крючки, обломки браслетов, бубенчик, бусины, топор, датирующиеся X — началом XII веков.[2]

Существует противоположное мнение, согласно которому данных о существовании Тиверского городка ранее XIV века нет, и его основание относится к самому началу XIV века либо к концу XIII века.[3] Первое упоминание Тиверского городка встречается в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном, по мнению историков, в конце XIV века:[4] *«А се Залескии: ..Ладога камен. Орешек. Корельскыи. Тиверьскии..»* Не исключено, что обжитый на рубеже X-XI веков остров был впоследствии покинут, а в XIV веке, в обстановке шведской военной угрозы, заселён вновь.

В XIII—XIV веках Тиверский городок представлял собою одну из лучших крепостей в регионе, стратегическая цель которой заключалась в том, чтобы задержать врага на подступах к крепости Корела. Фактически крепость контролировала водный путь между Выборгом и Корелой. Шведы в первый раз уничтожили его, вероятно, в 1295 году, когда шли походом на Корелу (Кякисалми).



В 1323 году вблизи Тиверского городка прошла установленная Ореховским мирным договором граница между Новгородом и Швецией. Один из пунктов договора запрещал шведам и новгородцам строительство крепостей по обе стороны границы. Данный факт свидетельствует в пользу того, что Тиверский городок как укреплённая крепость возник до 1323 года. С другой стороны, сооружение вблизи границы крепости как дополнительной преграды на пути к племенному центру Кореле могло быть ответной акцией на возросшую активность шведов, выразившуюся, в частности, в строительстве в 1293 году Выборга. Исходя из этих дат можно предположить, что сооружение Тиверского городка произошло между 1293 и 1323 годами.[2]

Приблизительно в 1330-х годах, во времена новгородского воеводы Валиты Корелянина (по всей видимости в источниках имелся ввиду просто карельский валит того времени), городище было окружено валом и в большей части — каменной стеной двухметровой высоты, сложенной насухо из больших валунов. По верху стен в древности шёл деревянный, высотой также около двух метров бруствер — боевое укрытие для защиты воинов от неприятельского огня и удобства стрельбы.

Тиверский городок пережил эпоху расцвета в XIV веке, когда среди карел были сильны и антишведские, и, отчасти, антирусские настроения. Город, по предположению учёных, являлся оплотом языческой оппозиции, это был опорный пункт карельской племенной верхушки, недовольной тем, что власть уходила у неё из рук. Здесь наверняка находились и православный храм (что официально требовалось для торгово-ремесленного города Корельской земли), и заповедные жертвенные камни.

Согласно Никоновской летописи, в 1404 году Тиверский городок вместе с 13 другими селениями был отдан в кормление смоленскому князю Юрию Святославичу после того, как Смоленск был захвачен литовским князем Витовтом.

В 1411 году шведы при очередном набеге на Новгородскую землю разрушили Тиверский городок, после чего новгородские власти решили его не восстанавливать. Его укрепления уже не могли бы противостоять сильному противнику, вооружённому арбалетами и огнестрельным оружием.

Намного позже, вследствие сильного падения уровня воды в старом русле реки Вуоксы (после Тайпальской катастрофы 18 мая 1818 года), остров Тиури соединился с материком, а на месте восточного рукава реки образовалось сухое каменистое ложе.

Поперёк городища была проложена почтовая дорога, а в стенах сделан пролом. Через западный рукав были сооружены два моста, опирающиеся на выступавший из воды гранитный гребень, и поставлена мельница, от которой сейчас остался только фундамент. Мельница прекратила работу после нового обмеления русла Вуоксы в 1857 году в результате взрывных работ в Лосевской протоке. До сих пор на некоторых камнях в протоке заметны две белые полоски — показатели уровня воды в 1818 и 1857 годах.

Впервые Тиверское городище описал известный ученый-филолог Я. К. Грот в 1847 году. В 1890 году были произведены археологические раскопки и составлен план и описание городища. На территории городища был найден клад, в котором среди различных предметов оказались две арабские монеты X века.

44.166.3. Жертвенные камни

Жертвенные камни

В северо-восточной части Тиверского городища располагаются несколько крупных валунов высотой от полутора до двух с половиной метров. На западной стороне одного из камней выбит небольшой равносторонний крест, заключённый в окружность диаметром около 10 см.

По поводу значения валунов для прежних жителей и появления креста существует несколько предположений.

Наиболее общепринятой считается версия о мистическом значении камней для проживавших здесь карел. В результате археологических исследований на Карельском перешейке учёными было обнаружено большое количество священных (жертвенных) камней вблизи бывших карельских поселений. Тиверский городок в IX—XIII веках являлся центральным поселением карельского племени тиврульцев, поэтому можно предположить, что у жителей Тиверского городка имелось своё священное место, непременным атрибутом которых у карел являлись жертвенные камни.

По поводу происхождения отметки в форме креста также нет единого мнения. Подобными знаками помечали выдающиеся из-под земли гранитные глыбы и большие камни в XIV—XVI веках в двух случаях. Во-первых, при маркировке (обозначении) государственных границ. Во-вторых, при освящении бывших языческих капищ. Однако следует заметить, что граница со Швецией, установленная Ореховским мирным договором, проходила не в этом месте, а несколько западнее.

В пользу версии об освящении капища свидетельствует факт, что известный иеромонах Илия из Новгородского Архиерейского дома дважды в 1530-х годах приезжал в Корельский уезд, чтобы «разорять и истреблять скверные мольбища». Ему в помощь архиепископ Новгородский Макарий давал отряд служилых людей. Не исключено, что тиверский камень был освящён по

православному обряду весной 1534 года, когда отец Илия прибыл на Карельский перешеек с миссионерско-ревизионной целью.

Существует версия, предполагающая, что крест на камне был высечен ранее, однако поскольку ещё в XIV веке Тиверский городок являлся одним из значимых населённых пунктов для карел-язычников, то следует предположить, что освящение камней произошло уже после разрушения городка, то есть после 1411 года.

Вероятно, окрестные карелы продолжали приходить на святые для них места поклоняться прежним языческим идолам, что и вызвало недовольство церкви и последующее освящение камней.

…**Если Карела** и сейчас вполне существует и здравствует то Тиверск давно почил и о нем напоминает только местная топонимика, так называемые Тиверские волоки на старом русле да и остатки старых крепостных стен. Русские не раз совершали свои походы на эти земли защищая свои экономические интересы, но самые известные - это поход князя Ярослава (отца Александра Невского) в 1227 году где он так же пытался крестить карел и финов, но потерпел в этом неудачу. Следующая серьезная бойня со шведами была в 1240 году, так называемая Невская Битва и наконец в боевом походе 1277-1278 годах Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) зимой пройдя от Копорья через финский залив по льду вторгся на территорию современной Финляндии и прошел ее насквозь вплоть до Ледовитого океана. Тогда Карелия полностью вошла в состав Новгородской республики.

См. также **"Крестовый камень" Тиверска - мнения и гипотезы**, **Тиверский городок в карельских владениях Великого Новгорода**, **О Карельском Перешейке**

Вернуться к ссылке

44.167. Орешек (крепость)

Кре́пость Оре́шек — в русских летописях **го́род Оре́хов**[1] (швед. **Нотебург**).

Древнерусская крепость, расположена на острове Ореховый в истоке Невы, на юго-западе бухты Петрокрепость, рядом с городом Шлиссельбург. Крепость была соединена со Шлиссельбургом паромной переправой.

44.167.1. В составе Земли Новгородской (1323—1468)

Крепость **Орешек** получила свое имя благодаря названию острова у истока Невы, на котором в 1323 году князем Юрием Даниловичем, внуком Александра Невского, была построена крепость.

Из Новгородской летописи:

В лето 6831 (1323 от Р. Х.) ходиша Новгородци с князем Юрием Даниловичем в Неву и поставиша город на усть Невы на Ореховом острову; ту же пріехавше послы великы от Свейского короля и докончаша мир вечный с княземъ и с Новым городом по старои пошлине …

Памятный камень «Ореховского мира»

В 1323 году — место установления «Ореховского мира».

В 1333 году (по данным Псковской летописи — в 1331) город и крепость переданы в отчину («въ отцину и в дѣдѣну, и его дѣтемъ») литовскому князю Наримунту, он ставит сюда своего сына Александра (ореховский князь Александр Наримунтович). Орешек становится столицей удельного Ореховецкого княжества. Наримунт жил больше в Литве, а в 1338 году он не явился на зов Новгорода защищать его против шведов и отозвал своего сына Александра.

Затем здесь был взят в плен шведами новгородский боярин-дипломат Козма Твердиславич.

… Здесь в 1323 году новгородцы заложили городок, который вместе с Ладогой должен был закрепить за Новгородом бассейн Невы и выход к Балтийскому морю. Первоначально новый форпост занимал только остров и был прежде всего военным укреплением. В 1352 году были воздвигнуты башни и стены - не в дереве, а сразу в камне. Регулярно расположенные башни-"костры" стали новшеством в оборонительном строительстве севера Руси. Эти башни впоследствии способствовали артиллерийскому оснащению крепости.

В 1349 году, после отбития крепости у шведов, посажен воевода Иаков Хотов.

В 1352 году построены каменные стены.

В 1384 году сын Наримунта Патрикей Наримунтович (родоначальник князей Патрикеевых) был приглашён в Новгород и был принят с большими почестями и получил город Орехов, Корельский городок (Корелу), а также Луское (с. Лужское).

В Водской пятине Земли Новгородской — центр Ореховского уезда (до 1612 года).

44.167.2. В составе Московского княжества (1468—1612)

В XV веке, после подчинения Новгородской земли Московскому княжеству, крепость была полностью перестроена.

Во время русско-шведских войн неоднократно подвергалась нападениям со стороны Швеции.

44.167.3. В составе Швеции (1612—1702)

… В дальнейшем (в XV веке) город расширился на близлежащие берега Невы. Вплоть до начала XVII века Орешек был крупным торговым и военным центром Новгородской, а затем Московской Руси. В нем насчитывалось около 200 дворов и примерно 1200-1500 жителей. Крепость была одной из сильнейших твердынь того времени. "Когда они (шведы) его осмотрели, то поняли, что замок нельзя обстрелять и взять штурмом из-за его мощных укреплений и сильного течения реки" - писал шведский хронист Э.Тегель о походе шведов к Орешку в 1555 году.

В сентябре 1611 г. шведские войска под руководством Делагарди осадили крепость, и в мае 1612 г. русский гарнизон сдался. Из 1300 защитников крепости в живых осталось около 100. Шведы назвали крепость — Нотебург (Ореховый город). Перед сдачей, согласно легенде, защитники крепости замуровали в стену икону Казанской Божьей Матери в надежде на то, что она поможет вернуть русским их землю.

В древности крепость имела внутренние водные коммуникации. После осмотра Нотебурга в 1681 году фортификатор Эрик Дальберг сообщал в отчете шведскому королю, что цитадель имела "добротный, обложенный изнутри ров с водой, из которого через свод на ладьях при русских при желании можно было попасть в реку и в озеро". Во рве вокруг внутренней цитадели мог укрыться целый флот, будучи невидимым снаружи крепости.

В плане крепость представляет многоугольник с семью внешними башнями и самостоятельной внутренней трехбашенной цитаделью. Периметр стен, тянущихся вдоль береговой линии, составляет около 740 метров, средняя высота стен - 12 метров (башен - 14-16), а толщина стен у подошвы достигает 4,5 метров. Путь к Воротной башне лежал через подъемный мост через ров, вход защищался тяжелыми воротами и опускной железной решеткой.

В 1612-1702 годах Орешком владели шведы, занявшие его в Смутное время. Они называли его Нотебург (фактически просто переведя название на свой язык). После взятия Нотебурга Петром I в 1702 году крепость была модернизирована - усилена околобашенными бастионами, сохранив свое ключевое стратегическое значение (не зря Петр переименовал ее в Шлиссельбург - "Ключ-крепость").

44.167.4. В составе России (с 1702)

В результате Северной войны русское войско под командованием Б. Шереметева 11 октября 1702 г. осадило крепость и одержало победу. В осаде участвовал Пётр I лично в должности бомбардир-капитана. *«Правда, что зело жесток сей орех был, однако же, слава Богу, счастливо разгрызен… Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила»*, — писал тогда Пётр I думному дьяку Андрею Виниусу. В честь этого события отлили медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет». Тогда же крепость переименована в Шлиссельбург — «ключ-город».

См. также **Орешек**

Вернуться к ссылке

44.168. Копорье

Копо́рье (фин. *Kaprio*) — посёлок в Ломоносовском районе Ленинградской области. Административный центр Копорского сельского поселения.

44.168.1. История

Копорье, или Копорие — древнерусский город в Новгородской земле, уездный центр в Водской пятине. Водское, ижорское, финское название: Kaprio (каприо).

Крепость в Копорье была заложена в 1237 году. Впервые упоминается в новгородских летописях в 1240 году, когда немецкие рыцари Ливонского Ордена построили в Копорском погосте деревянную крепость.

В 1241 году Александр Невский отбил крепость у немецких рыцарей и разрушил её. При штурме погиб знаменитый богатырь Гаврила Алексич. Софийская I летопись:

Въ то же лѣто по възвращению, побѣдѣ великаго Александра Ярославича, тое же зимѣ пакы приидоша от Западныя страны Нѣмци и Чюдь на Водь. И повоеваша все, и дань на них възложиша, и срубиша городъ въ Копории въ отечествѣ великаго князя Александра Ярославича. <…> Того же лѣта поиде князь Олександръ на Нѣмцы, на городъ Копорье, съ Новгородци и взя городъ, а Нѣмцы приведе въ Новгородъ.

В 1280 году великий князь Дмитрий Александрович поставил в Копорье каменный город, который через два года разрушили новгородцы в результате конфликта с князем. Вновь крепость была выстроена в 1297 году, а в конце XV — начале XVI века была перестроена.

… **До Ливонской войны** (15 век) крепость Копорье - важный пункт обороны Новгородской республики.

…**После захвата шведами** в 1581 году Копорье вновь перешло к России лишь по договору 1590 года.

…В первой четверти XVI в., в связи с распространением огнестрельного оружия, крепость основательно перестроена.

В 1612 году (Смутное время) 2 тысячи человек шведов осадили Капорье и после правильной осады гарнизон сдался. По Столбовскому миру 1617 года крепость отдана Швеции. В 1656 году русские пытались вернуть ее обратно - неудачно.

В 1703 году, после трехдневного обстрела из мортир и обрушения части стен, шведы сдали крепость петровскому воеводе генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву.

С удалением границы государства российского на запад Копорье потеряло военное значение, и в 1763 г. была упразднена как крепость. Далее она находилась в руках различных частных владельцев, которые время от времени пытались организовать здесь торговлю тесаным камнем. Слава Богу - безуспешно.

…В XVIII веке Копорье — уездный город Санкт-Петербургской губернии.

44.168.2. Достопримечательности

Сохранились развалины крепости: стены (толщиной около 2 м) и четыре угловые башни (высотой около 20 м) — Северная, Южная (между ними — цитадель), Средняя и Наугольная (наиболее разрушена). В середине XX века в центре крепости была обнаружена полуразрушенная церковь Преображения. Этот небольшой по площади (10×14 м) каменный одноапсидный четырехстолпный храм был построен новгородскими мастерами в первой четверти XVI века. Также сохранились подземные ходы. Два подземных хода под Северной и Южной башнями крепости (ведут в казематы для пыток) и еще один ход за церковью, к реке.

1. Северная башня
2. Южная башня
3. Крепостной мост
4. Средняя башня
5. Наугольная башня
6. Проломы в стенах
7. Руины Преображенской церкви
8. Остатки неизвестных мне построек
9. Кладбище с разрушенной церковью
36. Речка Копорка в глубоком овраге
37. Деревня Копорье
38. Автомобильная дорога.

44.168.3. О МАСТЕРАХ КРЕПОСТИ КОПОРЬЕ

Крепость Копорье *(Рис.1)* — замечательный и весьма своеобразный памятник древнерусского оборонного зодчества, определяющий целую эпоху в истории русской архитектуры. Еще недавно считалось, что этот памятник, предыстория которого довольно подробно изложена в летописях 1, относится к концу XV—началу XVI века [2].

Однако новое исследование крепости позволило время ее появления отодвинуть на полстолетия раньше и считать ее произведением не московской, а новгородской военной архитектуры, связанным с энергичной строительной деятельностью главы новгородского «Совета господ» — архиепископа Евфимия II (1429—1458) [3],по инициативе которого возводились культовые и гражданские здания в Новгороде, Старой Руссе, Вяжищах и Хутыне и велось одновременно большое военно-оборонительное строительство — «поновлялись» стены Ладоги (1445), полностью перестраивалась старая крепость Ям (1448) и «покрипливался» детинец самого Новгорода (1450)[4].

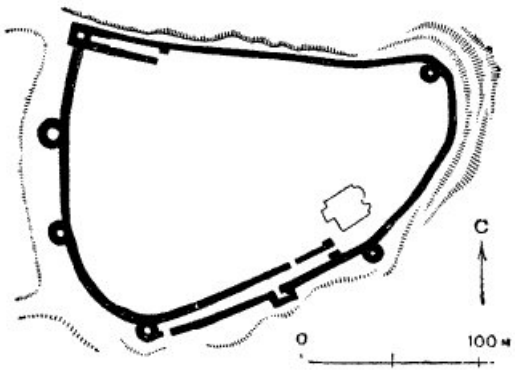
Не исключена возможность, что существующая в Копорье мощная, сложенная из плитняка крепость, сменившая собой устаревшую Копорскую крепость конца XIII века, была воздвигнута Евфимием II в ходе войны 1443—1448 годов — точнее, после событий 1447 года,— когда Ливонский орден заключил с датским королем Христофом III, бывшим одновременно королем Швеции и Норвегии, наступательный союз против Новгорода сроком на два года и когда против Новгорода выступила коалиция сразу из трех государств — Ливонского ордена, Пруссии и Швеции[5].

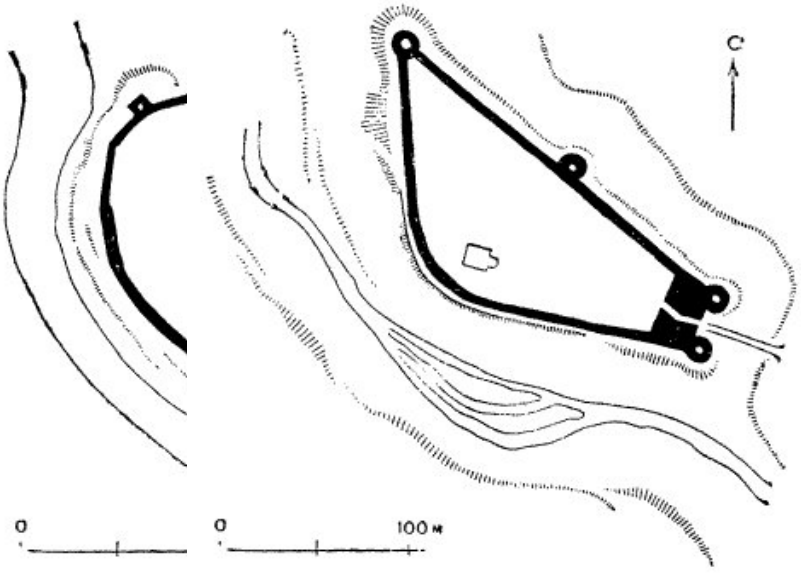
Рис.1. Копорье. Башни юго-восточной стены крепости

Следует принять во внимание также и то, что, выступив против Новгорода в 1447 году, "ливонские рыцари заранее намеревались взять и уничтожить крепости Ям и Копорье; для этого по их просьбе из Пруссии был откомандирован даже специалист по осадной артиллерии[6]. Данное обстоятельство, с одной стороны, позволяет говорить о перестройке крепости Копорье после военных действий 1447 года вполне уверенно, а с другой — обосновать эту перестройку мощностью артиллерии того времени. Последнее предположение будет более обоснованным, если учесть, что полная перестройка расположенной неподалеку крепости Ям в 1448 году была произведена Евфимием II уже после того, как она выдержала два вражеских штурма (в 1444 и 1447 годах), каждый из которых сопровождался интенсивным пушечным обстрелом[7].

Рис.2. Схематические планы крепостей Изборска, Порхова и Копорья

Но если стоящая в Копорье древняя каменная крепость была построена на заключительном этапе войны 1443—1448 годов, в период лихорадочной строительной деятельности Евфимия II, то кто же был непосредственным ее строителем? Объемно-пространственная структура памятника, его свободная плановая конфигурация, соответствующая месту расположения, четкая ориентация в сторону наименее серьезных естественных преград, выраженная группировкой башен на лобовой — приступной стороне, что согласуется с осадной тактикой XIV—XV веков, и,





наконец, определенный характер построения системы обороны, соответствующий характеру построения обороны крепостных сооружений конца XIV — начала XV веков в Изборске и Порхове[8] *(Рис.2)*, — все это позволяет не

сомневаться в том, что мастерами, сложившими его величественные массивы, были новгородские зодчие, хорошо знакомые с общими принципами русского военно-оборонительного строительства первой половины XV века. Однако широкая въездная арка Копорской крепости, сделанная в очень небольшом прясле[181] стены, зажатом между двумя фланкирующими его огромными башнями *(Рис.3)*, совершенно отличается от въездных рукавчатых захабных устройств более ранних крепостей Изборска и Порхова. Неизвестная по другим памятникам русской военной архитектуры предшествовавшего периода и принципиально отличная от въездных арок Тверского кремля конца XIV века, сделанных уже не в стенах, а в башнях, фланкируемых, стоящими по бокам дополнительными стрельницами[9], въездная арка крепости Копорье примечательна еще и тем, что за ней находится не обороняемая территория, а длинный, слегка изогнутый сводчатый коридор, облицованный в XIX веке кирпичом. Этот коридор насквозь прорезает огромную толщу юго-восточной стены крепости, которая снабжена различного рода помещениями и камерами. По своему характеру он является не чем иным, как видоизмененным рукавчатым захабом, известным по другим новгородским и псковским оборонительным сооружениям.

Рис.3. Копорье. Въездная арка крепости

Совмещение в Копорской крепости несколько видоизмененного захаба[182] с въездной аркой, фланкируемой мощными крепостными башнями,— факт весьма примечательный в русском военном зодчестве. Он наводит па мысль об участии в строительстве крепости двух групп мастеров — русских и иноземных.

В самом деле, если Копорская крепость была выстроена при новгородском архиепископе Евфимии II, то предположение об участии в ее создании иностранцев становится вполне правдоподобным. Во всяком случае, свой многокомнатный дворец с тридцатью дверными

---

[181] **Прясло** — в русском оборонительном зодчестве участок крепостной стены между двумя башнями[1]. Например: «Прясло Воротной и Клементовской башен», что следует понимать как крепостную стену ограниченную Воротной и Климентовской башнями.

[182] **Захаб** — фортификационное сооружение в средневековых крепостях, укрепление, защищавшее крепостные ворота. Как правило, представляло собой длинный, узкий коридор, соединяющий внешние крепостные ворота в башне с внутренними воротами, ведущими внутрь крепости. Захабы русских крепостей имели 20—40 метров в длину, 3—5 метров в ширину и могли располагаться как снаружи крепостных стен, так и внутри. Очень часто захабы имели один или несколько поворотов для замедления движения атакующих при прохождении захаба.

проемами Евфимии ставил в Новгородском кремле с помощью местных и приглашенных зодчих; рассказывая о создании этого дворца, в 1433 году летописец особо отметил: «а мастеры делали Немецкиа изъ Замориа съ Новгородцкими мастеры»[10].

Следует принять во внимание также и то, что, избранный на новгородский владычный стол в 1429 году по жребию, Евфимии II официально был поставлен на архиепископство в 1434 году не московским митрополитом, а смоленским. Благодаря этому он не зависел от Москвы. Более того, Евфимии был самым рьяным поборником новгородского сепаратизма; время его архиепископства — время усиленной идеологической борьбы Новгорода с Москвой. Помимо большого строительства в Новгороде и новгородских пригородах, сопровождавшегося возрождением форм и приемов монументальной архитектуры XII века, напоминавшей о былом величии Новгорода, при Евфимии развивалось летописание и усиленно воскрешались местные легенды о величии Новгорода и чудесах его святых. В это время в Новгород по приглашению Ефимия из Афона приехал знаменитый Пахомий Логофет — опытный сербский ритор и агиограф[11](**Агиография**— научная дисциплина, занимающаяся изучением житий святых, богословскими и историко-церковными аспектами святости), который должен был придать простым и бесхитростным новгородским легендам о заслугах местных святых определенную назидательность, пышность и торжественность [12]. Все это призвано было возвеличить и прославить Новгород, показать его древность и святость, укрепить антимосковские настроения среди новгородцев, идеологически обосновать борьбу новгородского боярства с Москвой[13].

Рис.4. Охрид. Въездная арка крепости

Естественно предположить, что количество иностранцев в Новгороде при Евфимии II было довольно большим. Не одинокими были в нем, вероятно, и «заморские» мастера, выстроившие вместе с местными зодчими резиденцию новгородского владыки. Среди них могли находиться и сербские зодчие, прибытие которых в Новгород было связано, возможно, с приездом Пахомия Логофета. Они-то вместе с новгородскими городовыми «смышленникамп» и приняли, видимо, участие в полной перестройке старой Копорской крепости конца XIII века, не отвечавшей требованиям военной техники первой половины XV века. Отсюда не случайно и сходство въезда в эту крепость с въездами во многие средневековые сербские «грады» — особенно в города Охрид и Белград. Правда, укрепления Охрида датируются приблизительно XII — —XIV веками, а их фланкирующие въезд башни имеют полукруглую в плане форму, слегка выступают вперед и лишены пушечных бойниц[14] *(Рис.4)*. Однако в Белграде подобного рода башни сильно вынесены вперед, как бы стискивают собой въездную арку и снабжены бойницами, рассчитанными на применение артиллерии[15] *(Рис.5)*. По своему внешнему облику и принципу устройства эти въезды близки въезду в крепость Копорье.

Рис.5. Белград. Въездная арка

крепости

Участие в евфимиевском строительстве приезжих мастеров не было случайным эпизодом в жизни Новгорода первой половины XV века. «Золотые», или Васильевские двери, сделанные в 1336 году по заказу архиепископа Василия Калики для новгородской Софии, дают основание считать, что с передовыми образцами византийского искусства новгородские мастера познакомились довольно рано[16]. Если же обратиться к новгородской живописи, то культурные связи Новгородской боярской республики с Сербией и Болгарией, достигшими в первой половине XIV века наибольшего территориального расширения и независимости, прослеживаются уже с конца XIV века[17]. Фрески церкви Спаса на Ковалеве[18], например, стилистически очень близкие к моравским росписям конца XIV — начала XV века в Раванице, Манассии и других местах северной Сербии[19], свидетельствуют об этом наиболее ярко и убедительно[20]. Фрески эти, конечно, не единственные. Развитие новгородской живописи XIV—XV веков вообще «имеет много общего с развитием живописи на Балканах»[21].

Сказанное следует распространить и на строительное искусство Великого Новгорода. Во всяком случае, говоря о связях русской архитектуры с зодчеством южных славян, исследователи также приходят к выводу о влиянии на новгородское церковное строительство XIII—XV веков болгарской и сербской архитектуры как в отношении типов, так и деталей [22].

…Прямым откликом на действия Москвы, собиравшей под свою могучую руку разобщенные русские земли, могло быть и приглашение в Новгород сербских строителей. При учете того, что в первой половине XV века Новгород был блокирован Западом как в смысле военной техники, так и в смысле произведений искусства[24], а Византия клонилась к упадку, обращение Евфимия к Балканам становится вполне понятным. Этим самым он как бы вступал в конкуренцию с московским великим князем, при дворе которого сербские мастера уже работали[25], и противопоставлял культуру Новгорода культуре Москвы.

Приезд в Новгород сербских писателей, художников и зодчих становится еще более реальным, если учесть, что на исходе XIV века и в начале следующего столетия многие из них из-за быстро ухудшавшейся политической обстановки на родине[26] эмигрировали в другие земли[27], где и находили себе работу[28], а подчас и вторую родину[29]. Крепость Копорье и является, вероятно, одним из примеров использования их мастерства и знаний на новгородской почве 30.

Следует отметить, однако, что прием фланкирования арочною въезда в крепость парными, близко стоящими друг к другу башнями, примененный в Копорье, не нашел широкого распространения в русской военной архитектуре последующего времени[31]. Подобно тому, как архиепископский дворец в Новгороде с его главной квадратной в плане палатой (известна под названием «Грановитой»), перекрытой сводами на нервюрах, опирающимися на столб в центре, является запоздалым отзвуком готики на Руси, так и применение парных башен у въезда в крепость Копорье было запоздалым отголоском приемов средневекового военного зодчества на русской почве. Строители Грановитой палаты, указывает М. К. Каргер, выступали «носителями традиций угасавшего средневекового зодчества Северной Европы»[32]. Такими же носителями старых строительных традиций были и иноземные, мастера, участвовавшие в создании оборонительных сооружений Копорья.)

См. также Северные **Крепости**: **Копорье**, **Крепость Копорье** - Средневековые замки мира: история, архитектура, фото, . О мастерах **крепости Копорье**

Вернуться к ссылке

44.169. Ям на Луге

Кингисе́пп (реже **Ки́нгисепп**[1]) — город (с 1784) в России, административный центр Кингисеппского района Ленинградской области.

Город расположен на реке Луге, в 114 км от Санкт-Петербурга.

Основан новгородским боярином Иваном Фёдоровичем как крепость **Ям** в 1384. С 1703 по 1922 город назывался Я́мбург, затем был переименован в честь эстонского революционера Виктора Кингисеппа (В 1952 г. Кингисеппом был также назван город Курессааре в Эстонской ССР, вернувший своё прежнее имя в 1988 г.).

44.169.1. Допетровская эпоха

Первое летописное упоминание относится к 1384 году когда новгородцы во главе с князем Патрикеем, укрепляя свои границы от нападения немецких и шведских рыцарей, построили здесь крепость, «город камен на Луге, на Яме», имевшую сплошную каменную стену с башнями и воротами. Крепость выдержала осаду войск Швеции и Ливонской конфедерации в 1395 и 1444-1448 годах.

В той же летописи под 1395 годом упоминается как городок Яма, под 1397 годом Ямьский городок, 1444 годом Яма город. Название крепости Яма получила по местности, где она находилась: на южном побережье Финского залива, между финскими племенами водь и нарова размещалось финское племя ямь; так же называлась и земля, где оно проживало, а по ней назвали и крепость Яма.

В ливонских и ганзейских источниках город Яма до конца XV века назывался Ниенслотом, то есть Новым замком, Новым городком, из-за чего долгое время считалось, что до этого времени он не упоминается в иностранных источниках. После основания Ивангорода, на который было перенесено имя Ниенслот, постепенно в обиход западных хронистов вошло русское название Ямы[2].

К XV веку становится не только военным, но и ремесленно-торговым центром Северо-Западной Руси и административным центром Ямского уезда Водской пятины Новгородской земли. В 1583 году город был уступлен Швеции, в 1595 году возвращён, но затем снова отошёл к Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 года Стены и башни крепости были взорваны в 1681.

44.169.2. Российская империя

Возвращён России в 1703 в ходе Северной войны 1700-21, но шведская форма названия Ямбург («крепость Ям») была сохранена.

В 1708 году Ямбург был передан во владение светлейшему князю Меншикову, а после его ссылки перешёл в казну. В первой половине XVIII века была развита стекольная промышленность. С 1784 года Ямбург — уездный город.

В Ямбурге, в имении Романовка (ныне парк «Комсомоловка»), жил в 1830-е гг. герой Отечественной войны 1812 генерал К. И. Бистром (сохранилась его могила с памятником, скульптор П. К. Клодт).

С XIX века в городе существовало коммерческое училище. Сейчас в здании училища располагается Кингисеппский краеведческий музей.

В начале XX века Ямбург — один из беднейших городов Петербургской губернии, где главным доходом обывателей была отдача домов в наём расквартированным войскам. Военнослужащие до революции составляли значительную часть населения города. Так, в 1849 году из 2100 жителей города 1317 (62,7 %) приходилось на долю «нижних воинских чинов». В этот период в городе квартировал батальон гренадерского императора Франца I полка и уездная инвалидная команда. Накануне Первой мировой войны в Ямбурге дислоцировался 146-й пехотный Царицынский полк 37-й пехотной дивизии.

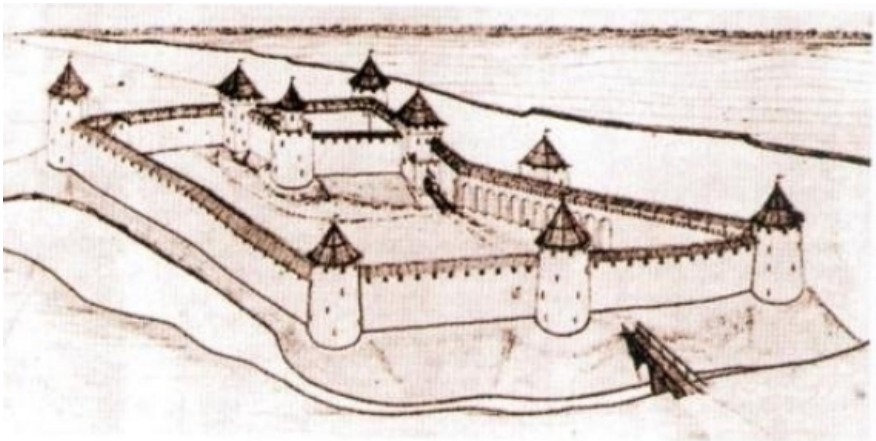
44.169.3. Крепость Ям

… **Постройка Ямгорода** – одно из строительных мероприятий, которые проводил во второй половине XIV века Господин Великий Новгоорд, укрепляя свои северо-западные рубежи. Согласно летописи, в 1384 году «…поставиша новгородцы город камян на реце на Луге, на Яме… » Это первое упоминание о крепости, хотя известно, что еще в VIII-IX веках здесь существовало

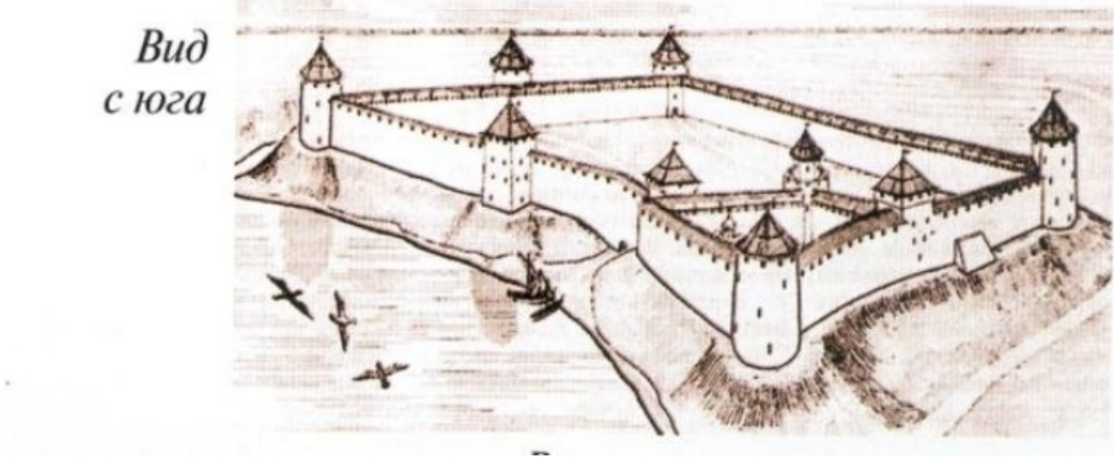
большое поселение со смешанным финно-угорским и славянским населением. Этот «город камян» явился тем зародышем, из которого со временем вырос город, последовательно называвшийся Ямгородом, Ямбургом и Кингисеппом.

Ямгороду предстояло выполнять две функции: во первых, лхранять подступы к Новгороду и самим фактом существования утверждать в этих местах новгородское влияние; во вторых , контролировать судоходство по Луге – одному из важных (хотя и второстепенных по сравнению с Невой и Вуоксой) торговых путей.

О значении этой каменной твердыни говорит и то, что она была возведена невиданно быстро – «в 30 дней и 3 дня». При закладке каменных стен и башен присутствовали новгородские воеводы «Есиф Захарьинич, Юрьи Онцифорович, Иван Федоров, Федор Тимофеев, Стефан Борисов» и многие другие представители крупнейших боярских фамилий Великого Новгорода.



Реконструкция крепости Ям на XV век



Не исключено, что, подобно большинству русских средневековых укреплений, Ямгород первоначально представлял собой земляную крепость, уже существовавшую к 1384 году, а в упомянутое время лишь перестраивался и укреплялся по образу и подобию современных ему фортификационных ансамблей. Так же, как в Копорье или Ладоге, строители удачно использовали обрывистый берег реки, состоящий из напластований известняковых пород. Из сероватого плитняка и булыжных камней была сложена и новая крепость. Высота стен и башен с наружных сторон увеличивалась за счет глубокого рва, сохранившегося до наших дней. В плане крепость имела форму неправильного четырехугольника; самая длинная ее сторона равнялась 61 метру, вторая 52 метрам, третья 34 метрам и четвертая 39 метрам. По углам ее высились две круглые и две квадратные башни.

Первый бой крепость Ям приняла лишь через одиннадцать лет после постройки. В 1395 году к ее стенам подошел шведский отряд, но неприятелю не удалось застать русских врасплох: в результате смелых вылазок защитников крепости, возглавляемых князем Константином Ивановичем Белозерским, шведы понесли урон и были вынуждены отступить.

Два года спустя в окрестностях появился немногочисленный отряд ливонских рыцарей, который разорил прилегающие волости (по сведениям летописи, семь сел), но на саму крепость напасть не отважился.

Важнейшую роль Ям сыграл во время войны новгородцев с ливонцами 1443-1448 годов.

В конце XV века Ямгород был не только важной в стратегическом отношении крепостью, но и крупным ремесленным, торговым и административным центром. Под защитой каменных укреплений быстро рос пасад. По переписи 1500 года в Яме было 239 тягловых (т.е. плативших оброк) дворов, кроме того – нетягловые дворы управляющего уездом великокняжеского наместника, монастырь, церковь. Довольно многочисленное по тем временам ремесленное население жило главным образом в пасаде, раскинувшемся по берегам Луги, на Новгородской и Копорской сторонах. На пасаде жили ремесленники самых разнообразных специальностей: кузнецы, сапожники, кожевники, плотники, портные, гончары, пекари.

Однако после постройки в 1492 году крепости в Ивангороде военное значение Яма уменьшилось. Укрепленный рубеж между Русью и Ливонией переместился на запад, к реке Нарве. А в последствии разорения, явившиеся следствием длительной Ливонской войны 1558-1583 годов, особенно ощущавшиеся здесь, тяготы все большего закрепощения крестьян, рост государственных податей – все это во второй половине XVI века привело к обнищанию населения и запустению земель возле Яма.

…Данные раскопок позволяют сделать заключение, что северо-западная часть крепости Ям – древнейшая. По-видимому, на рубеже XV-XVI веков Ям, как и другие крепости в бывших новгородских землях, был перестроен.

Однако остатки старинных оборонительных сооружений на высоком берегу Луги не исчезли бесследно. Еще вначале XIX века были вскрыты небольшой участок крепостной стены и нижняя часть башни. Обнаруженная в башне бойница подошвенного боя с большой бойничной камерой и узкой прямоугольной амбразурой напоминала очертаниями такие же в Ладоге и Капорье.

Четыре из девяти ямгородских башен были расположены по углам цитадели (аналогичной цитадели в Орешке), а пять – в окольном городе. Крепостная стена имела толщину 3,4-4,2 метра.

Во время археологических работ сезона 1972 года были найдены и исследованы ворота XVI века, ведшие из окольного города в цитадель. Они находились в ее северо-западной части, недалеко от места, где стены стыкуются со стенами окольного города. Комплекс ворот представляли собой две четырехугольные башни, поставленные одна за другой. Сквозь башни в цитадель вел коридор длиной более 17 метров, разделенный тремя собственно воротами. Хорошо сохранились металлические подставы и ниши для воротных полотнищ (створок). Ворота в Ямгородскую цитадель были защищены «каменной ловушкой» - четырехугольной ямой, выложенной камнем, которую можно было преодолеть только в случае, если опущен подъемный мост.

Археологи обнаружили также нижние части северо-восточной и юго-восточной башен цитадели, имевших диаметр около 13 метров – обе сохранились вместе с бойницами до второго яруса.

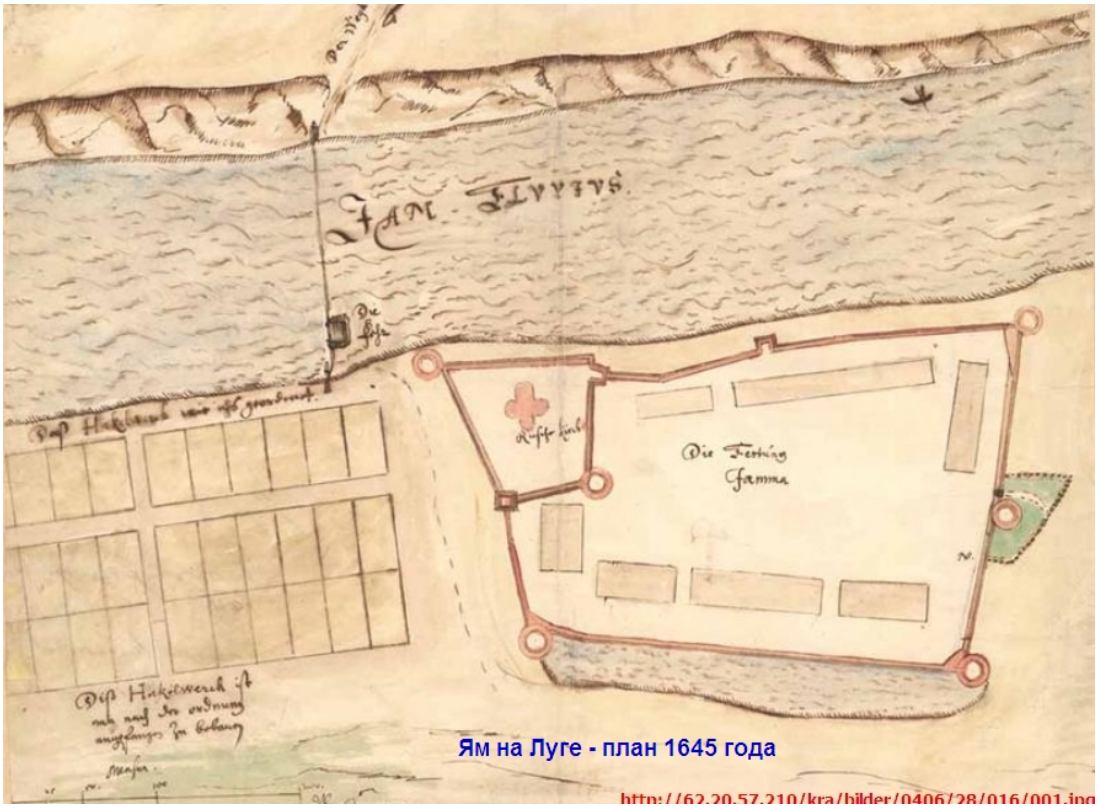
Построенная с расчетом применения пушек, крепость Ям, как и другие памятники оборонного зодчества XVI века, имела регулярные прямые стены, по периметру которых были ритмично расставлены башни. Толщина стен достигала 4,3 метра, их фасады были облицованы хорошо подогнанными известняковыми плитами. Башни Ямгорода поставлены в местах резкого перелома крепостных стен. Вынесенные далеко за их лицевую линию, башни выполняли роль узловых оборонительных пунктов.

В конце Ливонской войны, осенью 1581 года, шведская армия во главе с Понтусом де ла Гарди захватила Нарву, Ивангород и Копорье, а 28 сентября 1581 года вошла в Ям. Только на следующий год русским удалось вернуть южные районы Капорского и Ямского уездов. Однако по условиям Плюсского перемирия 1583 года шведы оставляли за собой Копорье, Ям, Ивангород и все побережье Финского залива, за исключением небольшого участка в устье Невы. Но уже в 1588 -1590 годах в результате успешных военных действий эти города были отвоеваны Россией, а по условиям Тявзинского мира 1595 года Ям вернулся в состав российских земель.

В начале XVII века шведы использовали трудную обстановку, сложившуюся на Руси в связи с народными восстаниями, боярскими междоусобицами и непрекращающимися конфликтами с Речью Посполитой.

Ям на гравюре 1634 года

Среди городов, отошедших Швеции по Столбовскому миру 1617 года, был и Ямгород. Во второй половине XVII века шведы взорвали значительную часть укреплений крепости (но не четырехбашенную цитадель) – судя по всему, намереваясь ее реконструировать. Однако новое строительство по каким-то причинам так и не началось.



Ям на Луге - план 1645 года

Уже в самом начале XVIII века, когда в ходе Северной войны Ямгород взяли петровский войска, начались строительные работы с целью восстановления крепости и усиления ее военной мощи, для чего в 1703 году на месте частично разрушенной каменной крепости по собственноручному проекту Петра I было сооружено земляное укрепление («фортенция») с четырьмя бастионами и куртинами.

Несмотря на это, к середине XVIII века Ямгородские укрепления окончательно потеряли всякое значение. В 1781 году по указу Екатерины II сохранившиеся крепостные башни были разобраны до основания, а в 1816 году следы крепости уничтожены окончательно.

См. также **Ям на Луге**, Крепость **Ям**, Семнадцатый век - **Ям на Луге**, **КРЕПОСТИ** С БАШНЯМИ НА ВСЕХ СТОРОНАХ

Вернуться к ссылке

44.170. Ивангород

Ивангóрод (эст. Jaanilinn, фин. Iivananlinna) — город на северо-западе России, входит в состав Кингисеппского муниципального района Ленинградской области.

Население — 10 916 человек (1 января 2009 года), площадь — 7,7 км².

Город расположен на правом (восточном) берегу реки Нарвы (напротив эстонского города Нарва), в 159 км к западу от Санкт-Петербурга.

44.170.1. История

Вид на Ивангородскую крепость

Ивангород был основан как крепость в 1492 московским князем Иваном III Васильевичем и назван в его честь. В немецких документах конца XV века был известен как «контр-Нарва». Крепость Ивангород с мощными каменными стенами и десятью башнями — первое русское оборонительное сооружение с регулярным, прямоугольным планом (1492—1610).

В XVI веке Ивангород неоднократно подвергался нападениям со стороны немцев, шведов и поляков. В 1581—1590 (после Ливонской войны) и в 1612—1704 (в результате шведской интервенции начала XVII века в России) находился под властью шведов. В 1704 захвачен русскими войсками в ходе Великой Северной войны.

После окончания Северной войны военное значение Ивангородской крепости постепенно сошло на нет, а город утратил статус самостоятельного населённого пункта и стал считаться форштадтом (предместьем) Нарвы.

В 1920 году в соответствии с условиями Тартуского мирного договора Ивангород перешёл Эстонии.
После присоединения Эстонии к СССР в 1940 году город оставался в пределах административных границ новообразованной Эстонской ССР.

44.170.2. Ивангóродская крéпость

Ивангóродская крéпость (Ивангород, Ленинградская область, Россия), была построена во время правления Ивана III Васильевича летом 1492 на правом берегу Нарвы. В начале она была полностью из дерева. Целью возведения Ивангородской крепости было защита Новгородской земли. На левом берегу реки с XIII века стояла крупная крепость рыцарей Тевтонского ордена (Нарвская крепость).

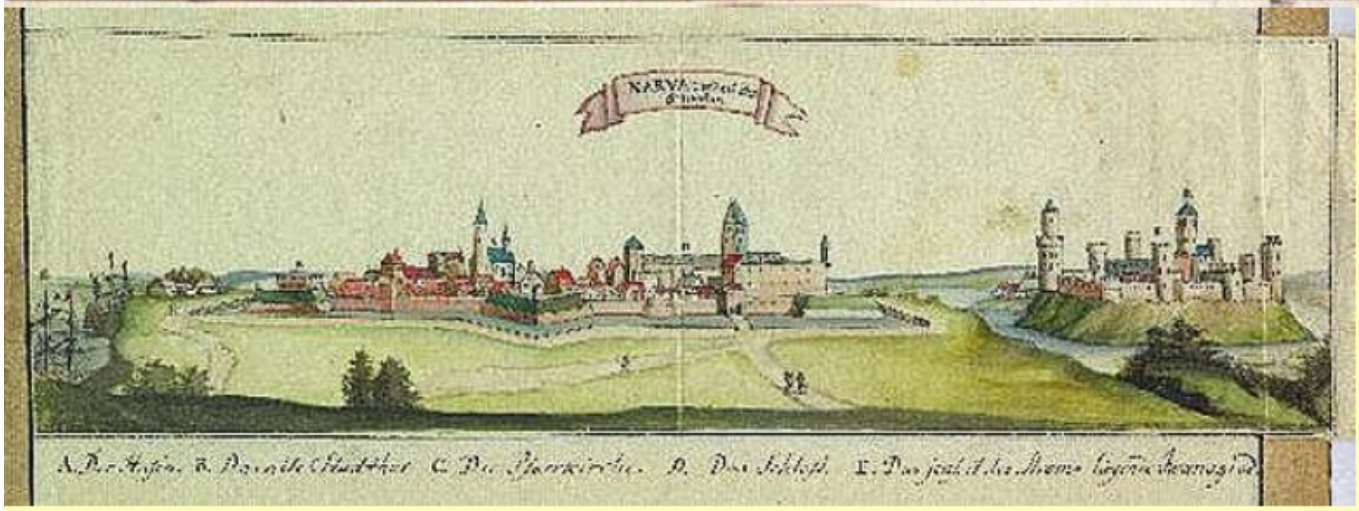
Своей геометрически правильной планировкой Ивангород существенно отличался от других русских крепостей, имевших сложившуюся свободную, асимметричную планировку и композицию.

На протяжении последующих десятилетий Ивангородскую крепость целенаправлено расширяли и укрепляли. После распада Тевтонского ордена Эстония попала под шведское владычество, а после окончания Ливонской войны 1583 та же участь постигла и Ивангород.

В 1704 Пётр Великий окончательно отвоевал Ивангород и включил его в состав России.

Архитектурный ансамбль крепости

- Успенский собор
- Никольская церковь
- Замок
- Крепость (1492)
- Колыванские ворота
- Передний город
- Пороховой амбар (XVII в.)
- Арсенал
- Гаубица (1891)
- Тайник и батарея (капонир)



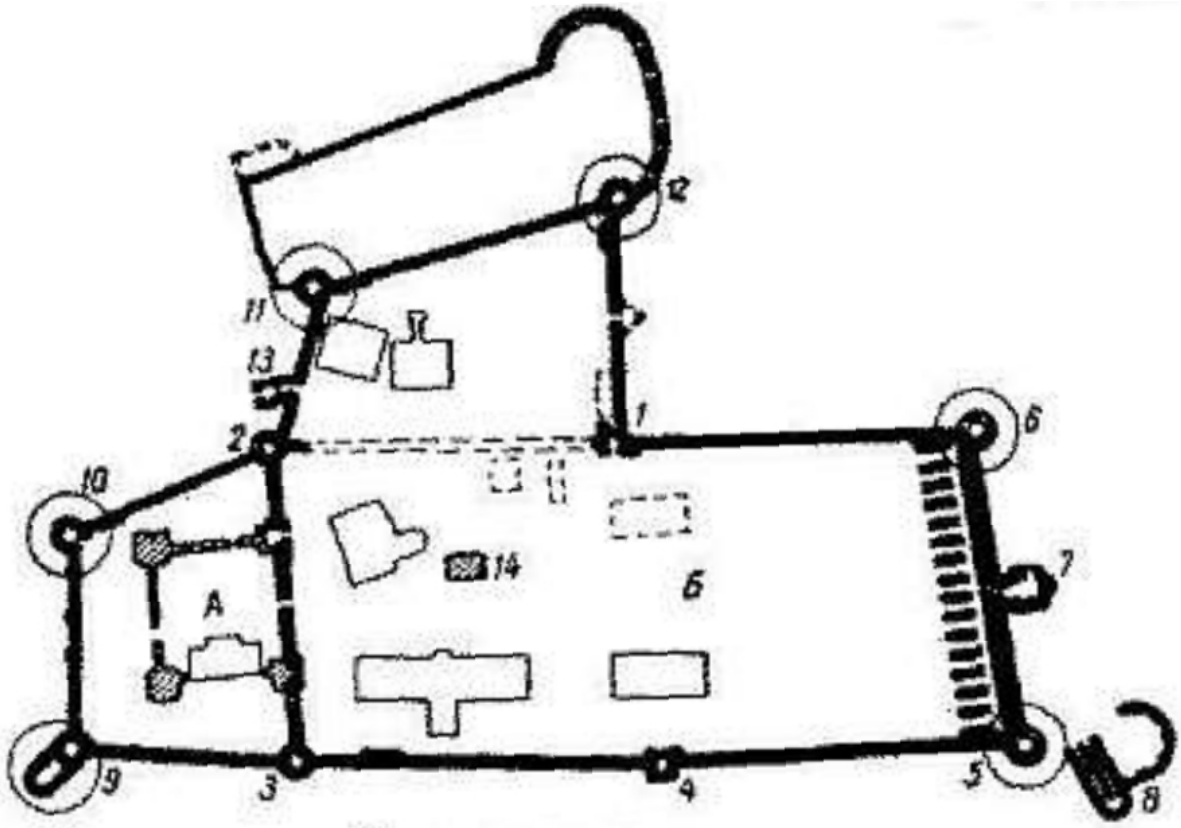
- Амбар (XVIII в.)
- Боярский вал

Нарва и Ивангород на гравюрах XVII века

… **В истории оборонного зодчества** России Ивангород являлся первой строго регулярной крепостью, представлявшей в плане квадрат со стороной между башнями 36 метров. Укрепление 1492 года было относительно небольшим (оно огораживало 2200 кв. м), не имело колодца, а его башни слабо выступали за пределы стены, т. е. их нельзя назвать фланкирующими, но его общее архитектурное построение с геометрически размеренными типовыми частями прямо или косвенно все же оказало преобразующее влияние на последующее развитие русского военно-инженерного дела. Ивангород по существу открыл собой эпоху строительства регулярных крепостей, наилучшим образом приспособленных для массового использования огнестрельного оружия и облегчавших строительство пограничных форпостов из стандартных деталей. В 1496 году, используя внезапность, шведы без боя захватили, ограбили и сожгли Ивангород.

Среди трофеев, по сообщению шведской хроники, оказались «сундуки, полные серебра, шкур, воска и золота» (явно купеческое имущество). Вместе с пленными даже железные двери и крюки от ворот нагрузили шведы на свои отплывающие корабли. Урок не пропал даром. Московские власти переселили в недавно основанный юрод военных поселенцев (в 1498 г. там было 167 дворов посадских людей и свыше трех десятков — служилых казаков) и развернули чрезвычайные работы по дополнительному усилению крепости на Девичьей горе. В одном из донесений 1507 года немцы из Нарвы писали, что «русские намереваются перед своей крепостью построить высокую стену. Здесь были мастера Воллендимер Торгкан (Владимир Таракан.— А. К.) и Маркус Грек... Они хотят заложить вокруг замка (постройки 1492 г. — А. К..) стены с большими башнями так далеко и широко, чтобы можно было разместить 8 тысяч человек». В этом письме с редкой и точной осведомленностью сообщалось о грандиозном замысле построить с помощью русского и иностранного мастеров перед укреплением 1492 года, т. е. со стороны Наровы, и рядом с ним, на незанятой части Девичьей горы, новые оборонительные сооружения. Этот масштабный план действительно на несколько десятилетий определил ход оборонительного строительства в Ивангороде. К третьей четверти XVI века Ивангород обстроился четырьмя

новыми укрепленными районами, не считая посада, самостоятельно обнесенного деревянной стеной. В результате первоначальное укрепление оказалось скрытым внутри более поздних стен и превратилось в гарнизонную цитадель (ее стали называть замком). Строительство осуществлялось в несколько этапов.



План крепости Ивангород:

А — крепость 1492 года; Б — Большой Боярский город. 1 — Набатная башня; 2 — Воротная башня; 3 — Провиантская башня; 4 — Широкая башня; 5 — Новая (Водяная) башня; 6 — Верхняя башня; 7 — Отводная (Восьмиугольная) башня, стоящая на месте старой Воротной башни; 8 — тайник и батарея („Колонир"); 9 — Колодезная башня; 10 — Пороховая башня; 11 — Башня Наместника; 12 — Длинношая башня; 13 — Ивангородские ворота; 14 — Никольская церковь. Кружками отмечены башни, взорванные немецкими фашистами.

Сначала (примерно в первой четверти XVI в.) к замку был пристроен защитивший его с напольной стороны Большой Боярший город площадью 25000 квадратных метров. От своего предшественника он унаследовал геометрически правильное построение плана и регулярную расстановку (на расстоянии 93—111 м) трехъярусных сводчатых башен. Верх стен и башен увенчивали двурогие зубцы Все круглые башни, а это были главнейшие узлы артиллерийской обороны, располагались на углах крепости, а все четырехугольные — помещались посередине прямолинейных отрезков стен, и в них находились ворота (таковыми были башни Набатная и Старая воротная — позже перестроенная в Отводную). В северо-западную стену Большого Бояршего города была включена стена укрепления 1492 года с двумя башнями (мы видим их и сегодня). Эта стена между Воротной и Провиантской башнями имела одну особенность — она выполняла роль ширмы, не позволявшей противнику, находившемуся в высотной башне «Длинный Герман», увидеть, что делается внутри Большого Бояршего города. Чем выше строился «Длинный Герман» на одном берегу Наровы, тем выше надстраивалась стена на другом. В конце концов она достигла высоты 22 метра, скрыв от неприятельского глаза, а также и от пушечного огня дома и другие постройки, находившиеся на крепостном дворе.

В ширмообразной стене и в стенах вблизи Воротной и Провиантской башен сохранились ловушки с подъемными мостами, что препятствовало проникновению противника в замок по верху укрепления. При подъеме моста воин мог соскользнуть в провал и упасть с большой высоты. Так защитники Ивангорода заботились о недоступности цитадели, где, очевидно, хранились военные запасы и провиант.

Внутри Большой Бояpший город, стены и башни которого к середине XVI века были надстроены, занимали деревянные дома гражданского населения и гарнизона. Существовало несколько поперечных улиц, выходивших на главную, проложенную по длинной оси «города» к воротам замка 1492 года. В северо-западном углу «города» находятся две каменные церкви. Одна, двухапсидная, бесстолпная,— Никольская, другая, более обширная, также без столбов, трехапсидная на подклете — Успенская. Обе воздвигнуты, возможно, одновременно с Большим Бояршим городом. Их зодчий был знаком, судя по необычным пропорциям сооружений и некоторым деталям (устройство сводов, арочный поясок на барабане), с приемами западноевропейской архитектуры.

Не исключено, что им был уже упоминавшийся Маркус Грек. По-видимому, до 1556 года, т. е. еще до начала Ливонской войны, в Ивангороде были развернуты обширные оборонительные приготовления. Возможно, что именно тогда перед Большим Бояршим был воздвигнут Передний город площадью 6400 квадратных метров, надежно защитивший северо-восточную сторону Большого Бояршего города. Вход в Передний город (Ивангородские ворота) был проделан в труднодоступном для противника месте — со стороны Наровы. К напольному фронту Передний город обращен двумя круглыми пятиярусными башнями — Наместника и Длинношеей Название последней связано с дозорной вышкой, увенчавшей башню.

Предположительно одновременно с Передним городом было сооружено укрепление (с двумя башнями — Пороховой и Колодезной) площадью 6200 квадратных метров, закрывавшее замок со стороны реки Наровы (назовем его предзамком) Здесь мастера осуществили давний замысел ивангородцев — у основания Колодезной башни они построили закрытый спуск к воде На Пороховой башне была сооружена специальная вышка для осмотра города Нарвы, в результате эта башня оказалась самой высокой в крепости (около 30 м).

См. также Российская **крепость Ивангород**, Ивангородская **крепость**, **КРЕПОСТИ С БАШНЯМИ НА ВСЕХ СТОРОНАХ**, Косточкин В.В. **Крепость Ивангород**.

Вернуться к ссылке

44.171. Гдов

В лето 6939 (1431 год), на весну наяша мастеров 300 муж и заложиша город новый, на реце, на Гдове, половину стену камену, а иную деревяну, … и единого лета учиниша каменную и деревянную стену, и земцы березские даша мастерам 300 рублёв», - так повествует Псковская летопись о важном событии, происшедшем более пяти с половиной веков тому назад.

Гдовская крепость построена на высоком холме. С двух сторон холм омываем рекой Гдовой, с третьей стороны протекал ручей Старица, а вдоль четвертой, напольной, стороны крепости был вырыт глубокий ров, который заполнили воды Гдовы и Старицы.

Крепость Гдова встала близ берега Чудского озера, прикрывая собою важнейшую сухопутную дорогу, ведущую к Пскову с севера. Она была самым крупным укреплением в каменном кольце крепостей Псковской земли. Особую прочность гдовской крепости придавали валуны, из которых были сложены стены.

Крепость была усилена шестью башнями, двумя захабами, своеобразными « коридорами смерти», простреливаемыми через бойницы в стенах.

Гдовская крепость занимала площадь около четырех гектаров. Это был большой средневековый пригород Пскова. В центре крепости располагался архитектурный ансамбль, состоящий из трёх

храмов. В 1431 году, одновременно с возведением каменных стен крепости, строилась маленькая Успенская церковь.

В 1540 году возводится собор во имя великомученика Димитрия Солунского. Это типичный псковский храм, но от церквей псковского типа отличается размерами – он несколько больше, так как строился как кафедральный собор.

Во времена Ивана Грозного, предположительно в 1580-м году возведена высокая трёхъярусная колокольня. Первый ярус занимал арсенал, на втором была церковь во имя Архангела Михаила. На третьем ярусе располагались колокола, звон которых был слышен за многие километры.

Было в городе шесть улиц с 80 дворовыми местами, 20 лавками и клетями.

Вокруг крепости привольно раскинулись посады и стрелецкие слободы с жилыми дворами и огородами. Кроме немногочисленных « детей боярских» и представителей духовенства, все горожане платили оброк, несли государево «тягло».

Боевая летопись Гдова началась задолго до основания крепости в 1431 году. На Гдовской земле

дали первый жестокий урок немецким рыцарям Ливонского ордена русские воины во главе с Александром Невским. « И бысть ту сеча зла и велика немцам…» Ледовое побоище закончилось блестящей победой русского воинства.

Год 1323-й. Немцы, нарушив мир, « берег весь и городок

Гдову …взяша». Постройка каменной Гдовской крепости в 1431 году резко усилила отпор врагу на севере Псковской земли.

В 1480-м году « … приидоша немцы со многими силами ко Гдову городу и начаша огненные стрелы на град пущати, и посады и волости вся пожгоша» Но выстояли гдовичи в неравной схватке, отогнали врага.

В 1581-м году в дни героической обороны Пскова против войск польского короля Стефана Батория, гдовичи разгромили посланный к ним вражеский отряд.

В 1613 году во время польско-шведской интервенции близ Гдова проходили жаркие бои. Лишь в августе 1614 года шведскому королю Густаву Адольфу удалось взять гдовскую крепость.

В 1657 году Гдов выдержал осаду восьмитысячной шведской армии Магнуса Делагарди.

В ходе Северной войны, в Гдов приезжал Петр Первый. По его указу была сделана обваловка стен и башен гдовской крепости для их укрепления.

С окончанием в 1721 году победоносной Северной войны границы государства Российского отодвинулись глубоко на запад, Гдов перестаёт быть порубежным городом. Закончилась многотрудная боевая судьба Гдовской крепости.

См. также **Гдовская крепость**

Вернуться к ссылке

44.172. Кобыла

В 50 километрах к югу от Гдова, неподалеку от места Ледового побоища, расположено древнее село Кобылье городище.

В XIX веке оно было уездным городком под названием Кобыла. Об основании этого городка и церкви в нем Псковская летопись сообщает: "В лето 6970 (то есть в 1462 году) заложиша псковичи новый городец и назваша его Кобылою на обидном месте над Великим озером... А делаша его мастеры псковские..." Ливонцы часто нападали на этот участок Чудского побережья.

В 1461 году немцы и русские пришли к соглашению: каждая сторона ловит рыбу только у своего берега. Поблизости от устья реки Желчи, впадающей в Чудское озеро, проходили важные пути сообщения. Для укрепления своего положения в этом узле водных и сухопутных путей, идущих на Псков, наши предки и заложили "новый городок".

Крепость просуществовала недолго. Первую осаду немцев она выдержала с помощью подоспевшего отряда псковичей. Вторично ливонцы напали на нее в марте 1480 года, и на этот раз крепость была сожжена.

В Кобыле одновременно с крепостью была построена церковь Михаила-архангела.

Она представляет собой церковное сооружение Псковского типа.

Церковь одноглавая, четырехстолпная и перекрыта горизонтальными полуцилиндрическими сводами.

…**Крепостей было довольно много**, они тянулись от Балтийского моря до Пскова через каждые 26 верст[183]. И в каждой из них сидела воротняя стража. В ее задачи входило отгонять разбойников от славянских поселений. Причем знаменитое «Ледовое побоище» произошло, как гласят летописи около вороньего камня. На самом деле он назывался воротним, а около него находилась крепость Кобылье Городище. Это поселение и сегодня находится на берегу Чудского

---

[183] …**Исследования** показали, что в те далёкие времена в районе южнее существующей ныне деревни Козлово (точнее - между Козловым и Таборами) находился какой-то укреплённый форпост новгородцев. Не исключено, что тут был старый "городец" (до переноса, или строительства нового городца на месте, где ныне находится Кобылье Городище). Этот форпост (городец) находился в 1,5-2 км от деревни Таборы.

озера, там же стоит памятник Александру Невскому. Но самой крепости, увы, уже нет. Я интересовался у местных стариков, где сегодня находятся возможные исторические памятники того периода. И вот, один дедушка мне сказал, что до постройки Нарвской ГЭС останки крепости можно было увидеть своими глазами, но сейчас она находится на дне озера. Поскольку из-за постройки ГЭС уровень озера поднялся на 3 метра. Во времена же Александра Невского цепь крепостей фактически представляла собой укреп район, взять который было почти не реально. Именно поэтому Александра Невского сильно не любили, как варяжские налетчики, так и немецкие рыцари, которые после постройки цепи крепостей не могли уже свободно ходить грабить по Неве, Чудскому и Псковскому озерам.

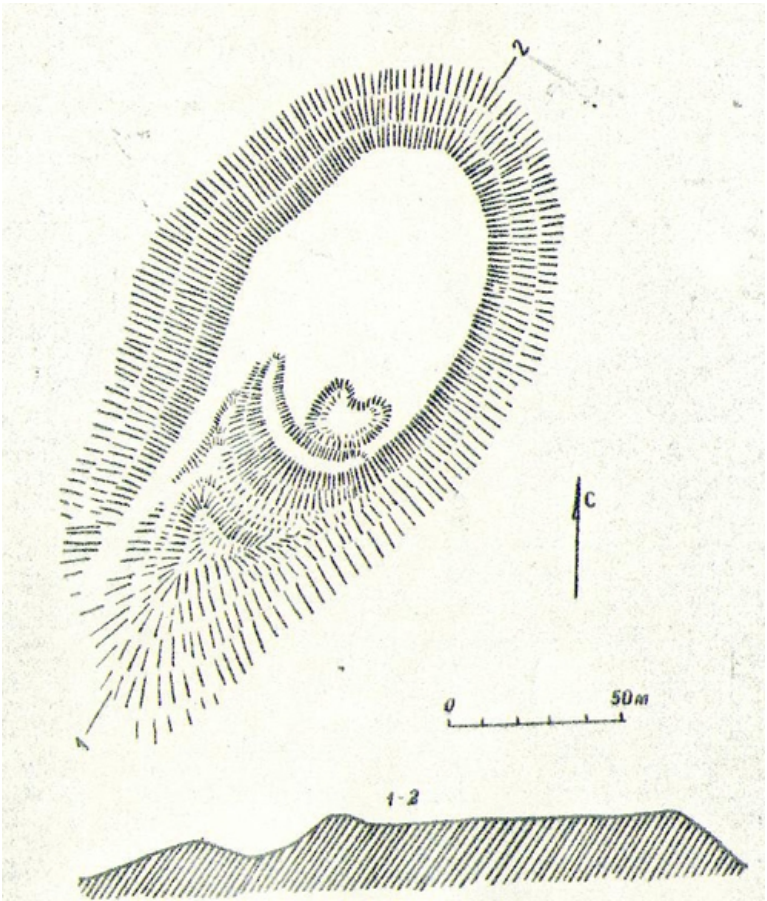
См. также **Ледовое побоище**, **Тайна «Невского» ордена**

Вернуться к ссылке

44.173. Вышгород

Впервые городок Вышгород упоминается в «Списке городов русских», (датированный между 1387 и 1392 годами). Следующий раз он упоминается в летописях в 1428 году, когда литовский князь Витовт осаждал его, но не смог взять. Следующее упоминание относится к 1471 году, в период подавления Новгорода. Летом 1471 года в Псков прибыл московский боярин Василий Зиновьевич и с ним 100 человек, для организации похода на Новгородские земли. 10 июля 1471 года вся *«сила Псковская поидоша на Новогородскую землю…начаща воевати Новгородсую землю, волость и жечи»* . В ответ, Новгородцы ответили ударом с Вышегорода – *«много хором пожгли и церковь Святого Николы сожгли, вельми преудивленну и чудну»*. Псковичи тут же направили отряд для взятия Вышегорода *«пришедшее под Вышегород, и обступивше его того же месяца в 15-й день в неделю утре, и начаша бити пушками и стрелами стреляти»* (Псковская летопись издания 1834 года) После непродолжительной осады и серьезных потерь с обеих сторон, Вышегородцы запросили пощады и откупились, вернув пленных и все выпущенные стрелы.

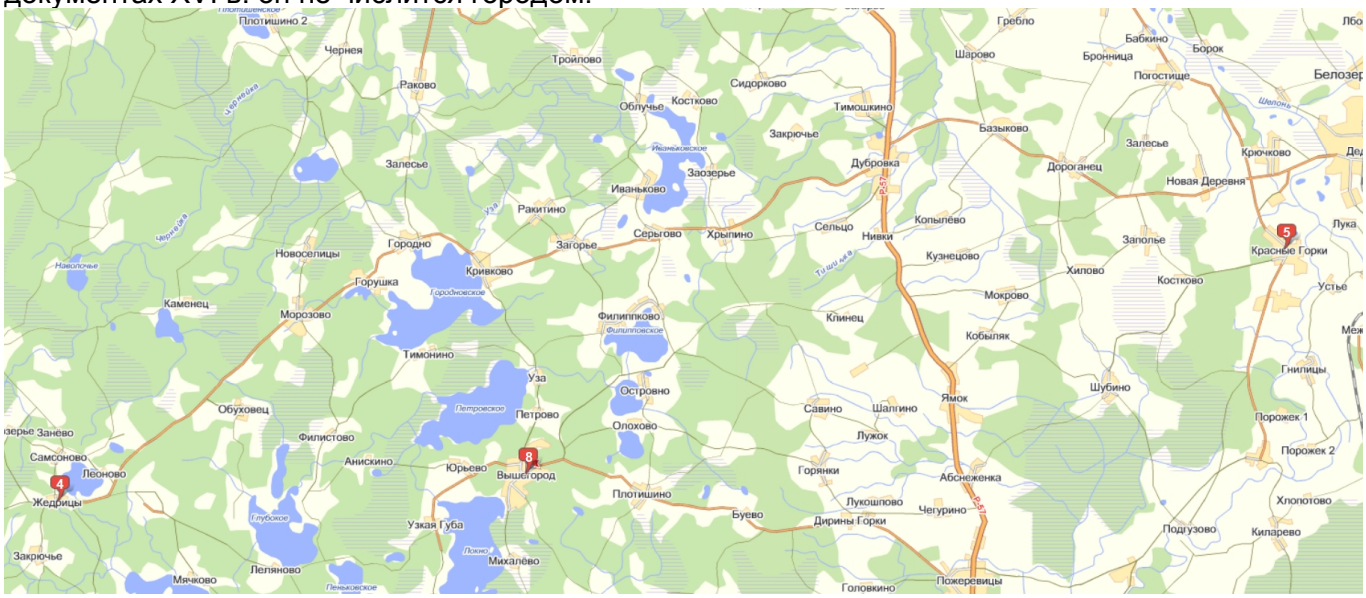
Сам городок имел деревянные стены и, что важно, в нем не было запасов воды, то есть источника воды в крепости не было. Кроме этих подробностей еще любопытна версия Псковского летописца о Шелонской битве: «Новгородцы услышвше силу Псковскую, что воюют волости, и отрядише воеводою Казигмера, да Дмитрия сына Марфина….и поидоша на Псковичи, и наехаша на Шелони на силу Московсую князя Даниля..» Выходит, что заманили Псковичи Новгородцев на Шелонскую битву.



После завоевания Новгорода и Пскова Иваном III стратегическое значение крепости пропадает, и бывшая крепость превращается в обычный погост и волостной центр.

Вышегород занимает обособленное место среди городищ Псковской земли, возникших в XIV-XVI вв. и известных в исторической литературе, как псковские города-пригороды. Письменные источники упоминают Вышегород, начиная с рубежа XIV и XV вв., но пригородом его не называют. Располагаясь на границе с Новгородской землей в составе Навережской губы, Вышегород был надежной крепостью Новгорода. Последнее подтверждается

летописными данными. В 1428 году Литовский князь Витовт осаждает Вышегород, выступив против Новгорода: "В лето 6936 (1428) ...князь Витовт Литовский нача нелюбье держати на Новгород, а приеде первое к Вышегороду, стоял два дни и две ночи..." В 1471 г. с Вышгорода новгородцы начали поход на псковские земли: "В лето 6979 (1471) пригонивше новгородцы из зарубежья с Вышегорода и в Навережской губе и много хоромов пожгли, и церковь Святого Николы сожгли..." В этом же 1471 г. псковичи выступив против Новгорода вместе с Иваном Васильевичем, осадили Вышегород: "псковичи...скопившися вся сила 10 тысящ и поидоша за рубежь с князем Василием Федоровичем и сташа под вышегородом и повоеваша волости". Вероятно в конце XV века Вышегород прекращает свое существование, как крепость, т.к. в документах XVI в. он не числится городом.



Городище Вышегород относится к типу островных укреплений. Находится на северо-восточной окраине деревни Вышегород и расположено на высоком естественном холме, занимающем преобладающее положение на местности. У подножия городища, с северной стороны находится поселок горняк, с восточной стороны - современное кладбище. Площадка городища, овальная в плане, вытянута по линии С-Ю с отклонением к востоку. Площадка ровная, незначительно повышается к северу. Размеры площадки - 85 м х 60 м. Центральную и западную части площадки занимает церковь Михаила Архангела с колокольней (1863 г.) В 14 м на ЮВ от церкви расположено ветхое жилое строение. С северной, восточной и западной сторон склоны городища крутые, дополнительных оборонительных сооружений нет. С южной и юго-западной сторон площадка защищена дугообразным валом, длиной более 40 м, шириной 4,5 м., высотой до 3 м. Перед валом зафиксирован небольшой отрезок рва глубиной 1.2 м. По юго-западному склону проходит въезд на городище. Произведенная шурфовка выявила следующую стратиграфию напластований: 0 -0.10 м - дерновый слой; 0.10-0.45 м - темно-серая гумусированная супесь с включениями кирпича и обломков валунов; 0.45-0.53 м - однородная черная гумусированная супесь. Материал составлен фрагментоми керамики XIV-XVI вв., коваными гвоздями, единичными костями животных.

См. также Егоров В. **Вышегород** плачет по пушкинскому Лукоморью., Храм Михаила Аргангела в **Вышегороде**

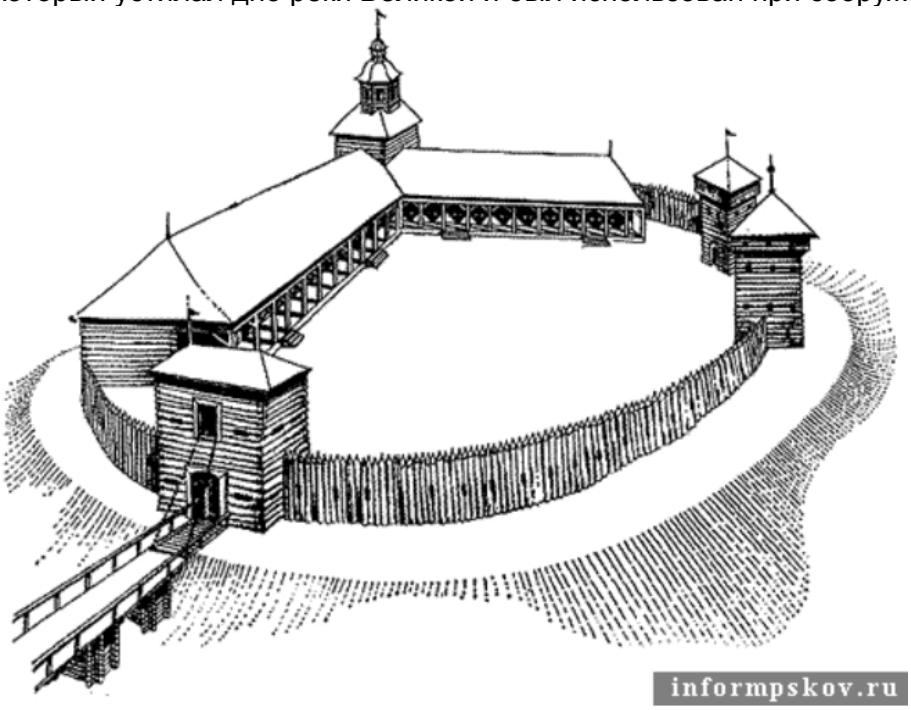
Вернуться к ссылке

44.174. Опочка

В 1414 году псковичи на излучине реки Великой заложили крепость, которую нарекли — **Опочка**. Первоначальное название крепости – **Коложе** (разрушена в 1406 г. войсками литовского князя Витовта), в дальнейшем крепость была переименована и стала называться Опочка.

Это время и считают годом основания города.

… **Опочка ни разу** не открыла врагу своих ворот. Для постройки города в XV веке было выбрано место в излучине реки Великой. Осенью 1414 года туда прибыли псковские мастера, а из окрестных деревень пришли люди. Концы излучины строители соединили рвом, в результате чего получился остров. Рубили лес, возводили бревенчатые стены и башни с бойницами. Стены сооружали из вертикально поставленных брёвен. Общая протяжённость их составила около 500 метров. Название Опочки произошло от слова "опока". Так назывался известковый камень, который устилал дно реки Великой и был использован при сооружении крепостного вала.



Боевое крещение крепость получила в 1426 году, когда литовский князь Витовт начал наступление на Псков. Первой на пути врага стояла крепость Опочка. Горожане притаились за городским валом, и врагам показалось, что крепость пуста, даже мост через ров был не убран. Захватчики пробежали через мост и устремились к валу. Опочане, находившиеся в засаде, перерезали верёвки, на которых держался мост. Тот рухнул, и враги упали в реку на острые колья, вбитые под мостом. Осада продолжалась два дня и две ночи. Защитники крепости отбили все атаки врагов.

…Пётр I своим указом приписал город **Опочка** к Ингерманландской губернии созданной 1708 году. А с созданием в 1727 году Новгородской губернии город был включён в её Псковскую провинцию.

В 1772 году была создана Псковская губерния — центром губернии стал город Опочка, в неё были включены 2 провинции Новгородской губернии: Псковская и Великолуцкая, а затем после первого раздела Польши, из вновь присоединённых земель к губернии были присоединены новые провинции: Двинская (Польская Лифляндия) и Полоцкая из земель бывшего Витебского воеводства губерния стала называться 2-й Белорусской, а губернским городом до 1776 года оставалась Опочка. С 1777 года Опочка — уездный город Опочецкого уезда вновь образованного Псковского наместничества.

См. также **В.В. Косточкин Русское оборонное зодчество конца XIII - начала XVI веков**

Вернуться к ссылке

44.175. Опока

… **Выше по течению Шелони**, на правом берегу напротив впадения реки Удохи был расположен городок Опоки, где сохранилось городище, носящее характерное название "Городок". На городище встречается керамика XIII в.

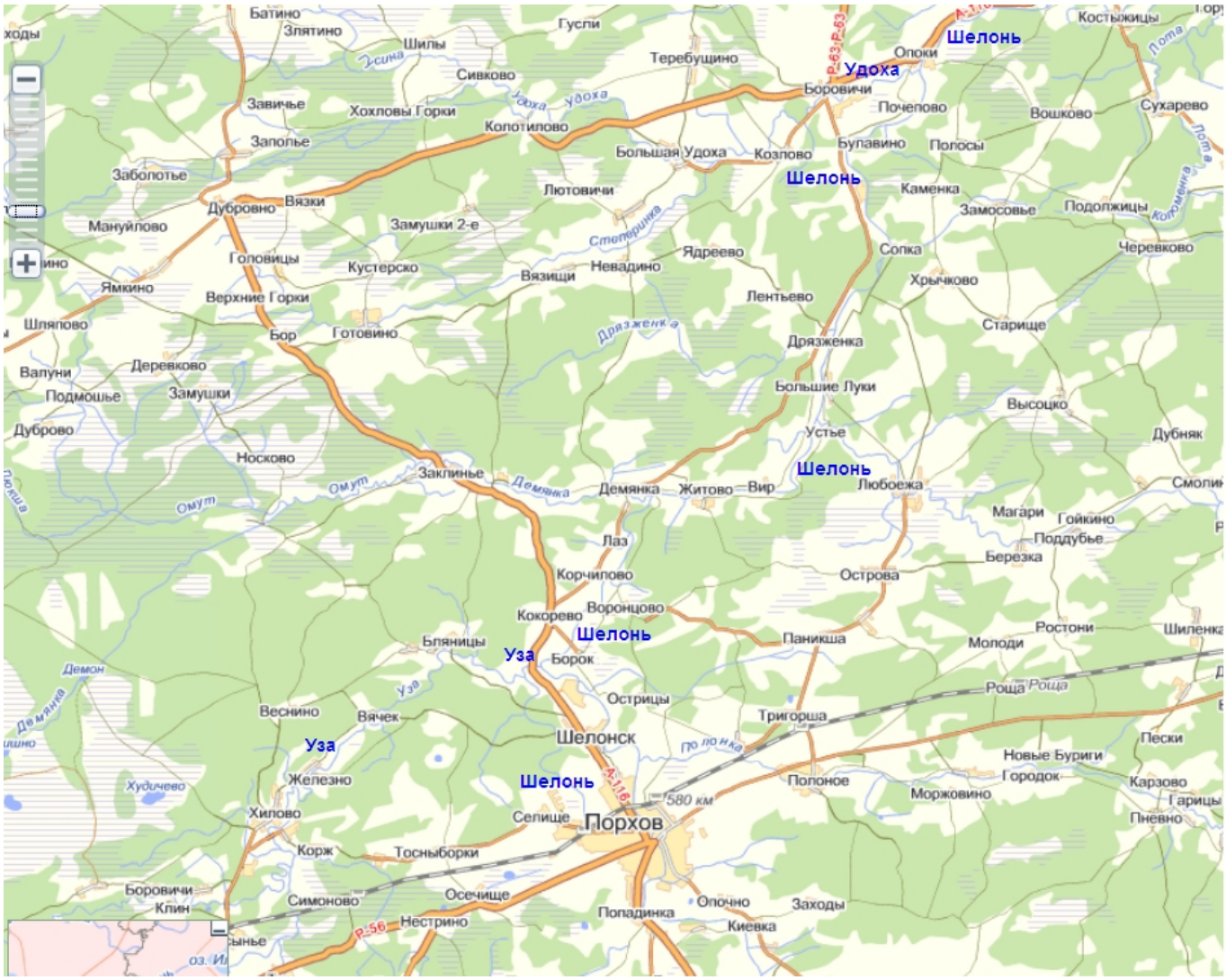
… Совершенно ясно, что причиной постройки "городков" была опасность с юга. Городки не только перекрывали путь вторжения по долине Шелони, но и становились укрепленными центрами заселяемой земли. Все укрепления были небольшими и располагались или на самой Шелони или неподалеку от нее. Кроме перечисленных "городцов", которые могут быть отождествлены с основанными в 1239 г. (безымянный "Городец", Опоки, Старое городище Порхова и Кошкин городок), в Шелонской земле было еще два укрепленных пункта: Вышегород - в 25 км к западу от Шелони на реке Судоме, и Высокий городок (на левом берегу верхней Шелони), но при исследовании этих городков П.А. Раппопорт не обнаружил керамики XIII в. Вероятнее всего, эти два города были основаны уже в XIV столетии в процессе дальнейшего освоения и внутренней колонизации

…**До 1329 г. никаких известий** о Шелонской земле нет, а в этом году упоминаются Опоки, занимавшие, судя по всему, значительное место среди шелонских городков. В 1329 г. великий князь Иван Данилович (Калита) с войском выступил в Новгород, а оттуда направился к Пскову, где укрылся тверской князь Александр Михайлович, злейший враг Калиты. Наиболее краткое

известие помещено в Новгородской Первой летописи, где под 1329 г. рассказывается о том, как псковичи "выпровадив" тверского князя в Литву, присылают послов в Опоки, где и заключают мир(50). Более подробный рассказ IV и V Новгородских летописей и Летописи Авраамки помещен под 1330 г., по этим известиям Иван Калита, "ставши в Опоке", понял трудность завоевания Пскова и "намолви" митрополиту Феогносту отлучить мятежный город от церкви. Александр Михайлович покидает Псков, а псковичи присылают послов в Опоки(51). В псковских летописях события трактованы сходно, особенно отмечается, что Иван Калита прошел довольно небольшое расстояние от Новгорода до Опок (около 170 км) за 3 недели, "не хотя псковичь разгневити"(52).

Из известий 1329/1330 г. следует, что Опоки находились на сухопутном (и, вероятно, водном, так как события происходили летом) пути из Новгорода в Псков, причем от Опок этот путь шел к Дубровне. Как уже говорилось, напротив Опок в Шелонь впадает река Удоха, на которой стоит Дубровна. Возможно, что ладьи, следующие по Шелони вверх, в Опоках выгружались, а далее путь мог быть сухопутным или на легких судах вверх по Удохе до Дубровны.

В 1346 г. великий князь литовский Ольгерд с большим войском предпринял поход на Шелонь, причем выставленной причиной войны было нанесенное князю словесное оскорбление: "Того же лета прииха князь Литовскыи Олгердъ съ своею братьею съ князи и со всею Литовьскою землею, и ста в Шелоне, на усть Пшаги реки, а позывая новгородцовъ: "хочю с вами видетися; лаял ми посадник вашь Остафеи Дворяниць, назвал мя псомъ"(53). Во время похода Ольгерда долина Шелони и даже долина Луга были разорены, а расположенные на Шелони города Порхов и Опоки, которые, вероятно, не были захвачены, выплатили выкуп: "И взя Шелону и Лугу на щитъ, а с Порховьского городка и съ Опоки взя окуп" (54). На этом военные действия прекратились. Опоки и Порхов, который упоминается впервые, выступают в рассказе о событиях 1346 г. как наиболее значительные поселения на Шелони, которые Ольгерд не смог захватить и которые могут



заплатить контрибуцию(55).

… Оживленный водный торговый путь по Узе и далее по Шелони, связывающий Новгород с Западом, непосредственно повлиял на развитие Шелонской земли в XIII-XIV вв. Не только пограничное положение Шелони и военная роль стоящих на ней городков, но и расположение этого района на одном из самых важных торговых путей сделало его заметной частью Новгородской земли. Заметим, что Уза впадает в Шелонь ниже Порхова и выше Опок, так что именно Опоки должны были принимать купеческие караваны и защищать водную дорогу вниз по Шелони.

… После перенесения поселения и возведения каменной крепости в 1387 г. Порхов стал центром Шелонской земли, основные события в Шелонской земле теперь происходят в Порхове. До этого, судя по известию 1346 г., Порхов по своему значению был равен Опокам.

… Мы видим, что на Шелони к началу XVI в. осталось только три города, Опоки и Вышегород, по всей видимости, уже потеряли и свои укрепления, и свой городской характер. Это подтверждается известием Сигизмунда Герберштейна, который в 1517 г. проезжал по маршруту Воронач - Выбор - Володимирец - Порхов - Опоки и далее. Этот путь позволяет говорить об еще одной сухопутной дороге, проходившей от юго-восточных псковских пригородов к Порхову, а затем в Опоках сливавшейся с дорогой Псков - Дубровна - Опоки Новгород. В Порхове

Герберштейн отметил каменную крепость, а в Опоках - впадение реки Удохи в Шелонь и "заброшенную крепость"(126).

…Здесь прямо на берегу Шелони небесно-голубая Благовещенская церковь (1772).

В ней сохранилось убранство XVIII-XIX вв. и великолепный барочный иконостас с деревянной статуей Христа. Вокруг церкви – кладбище, на котором обелиск в виде колонны с надписью «Карамышевы».

См. также Новгородская архитектура на Шелони

Вернуться к ссылке

44.175.1. Вышгородок[184] (Вышгород на Лоде)

…**В 1460-е годы формировалась** третья линия псковской оборонительной системы по самому пограничью. Именно в это время и было решено поставить на Юго-Западе русско-литовско-емецком рубеже крепость Вышгородок.

В летописи об этом сообщено так: **«6984 (1476г). Тоя же зимы приехавши слобожане ис Кокшинской волости, оучали бити челом князю Ярославу и посадники псковским и всем к Пскову, чтобы их жаловали и ослобонили им на городци у речки Лоди поставити город».**

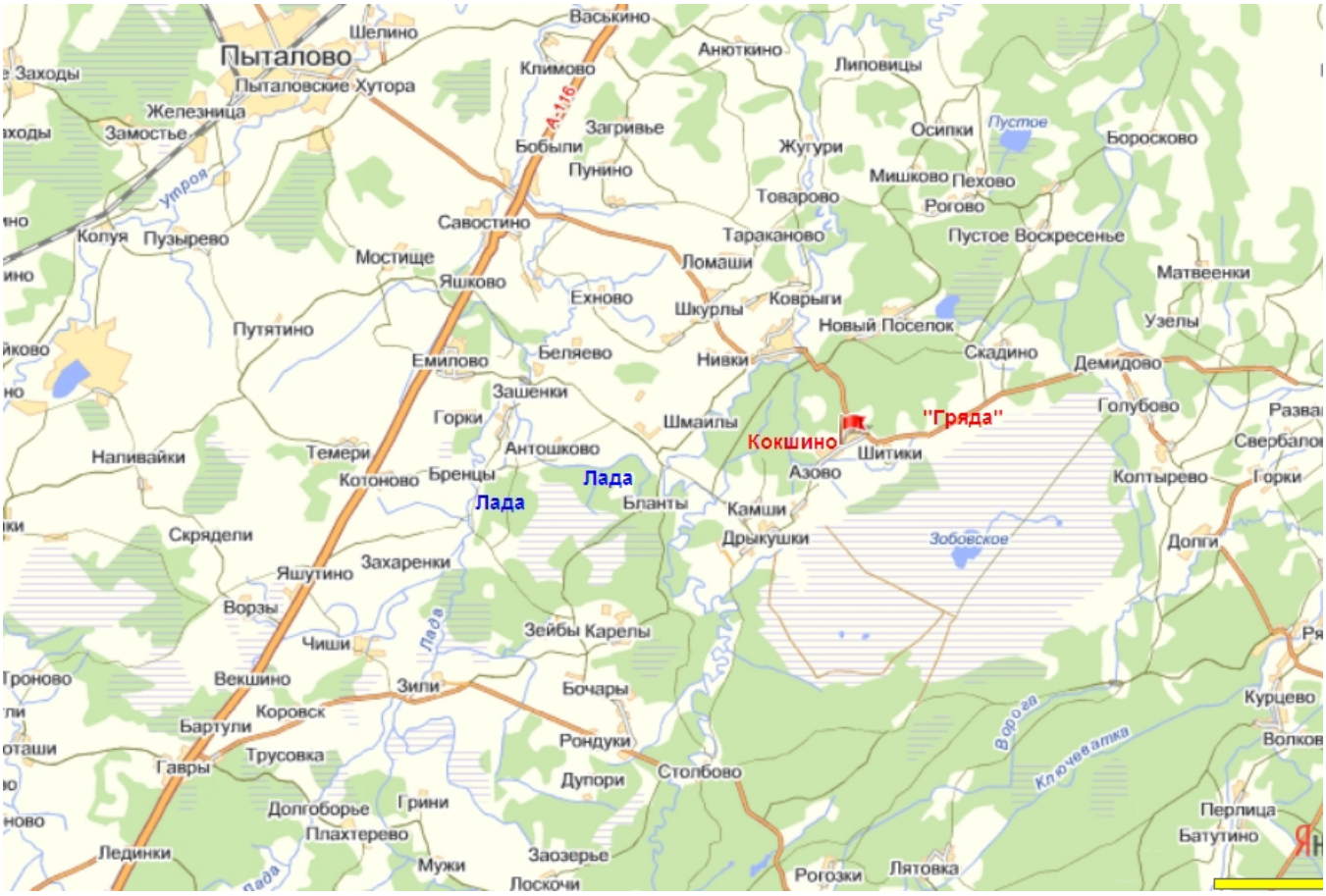
После чего местные жители заложили 20 июля 1476 года и окончательно построили в 1478 году новый пригород – Вышегород, на реке Лоде(ныне Лада).

…**В 1958 г. городище Кошкина** городка было обследовано П.А. Раппопортом, установившим, что на площадке высокой продолговатой горы с валами на узких сторонах нет культурного слоя(37), и это позволяет предположить, что Кошкин городок был крепостью-убежищем без постоянного населения. Вероятно, он был построен жителями (или для жителей) Ясенского и Жедрицкого погостов. Подобные городки без постоянного жилья известны в более позднее время в Псковской земле: таким, судя по всему, был Вышгородок, поставленный в 1476 г. в Кокшинской волости (38).

…**Весьма любопытна** на ближайшемъ къ Порхову переѣздѣ такъ называемая «Грива»; дорога идетъ по гребню чрезвычайно высокой насыпи версты въ полторы длиной, причемъ рѣшительно нельзя объяснить себѣ: природа ли устроила здѣсь эту насыпь, — такъ она характерна,—или потрудились здѣсь въ колоссальной работѣ руки какихъ-то невѣдомыхъ людей и неизвѣстно для какой цѣли? Направо и налѣво отъ нея, далеко внизу, разстилается болото, и замѣтны многія «мочилы», ямы съ водой, назначенныя для мочки льна, — продукта, производство котораго растетъ здѣсь изъ году въ годъ; «Грива» тянется не по прямой линіи и не всегда одинаковой высоты; она обставлена для безопасности съ обѣихъ сторонъ перилами, и видъ съ нея вдаль очень хорошъ.

---

[184] **Вышгород**, *стар.*, кремль, внутренний город, обнесенный стеною, крепость на возвышенном месте среди города или с краю; в древней Руси название многих городов



Говорятъ, что есть совершенно подобныя возвышенія, имѣющія видъ насыпей, близъ погоста Вышгорода и Судомы-горы; всѣ они совершенно необъяснимы и при раскопкахъ обнаруживали чистѣйшій гравій; это какая-то шутка природы.

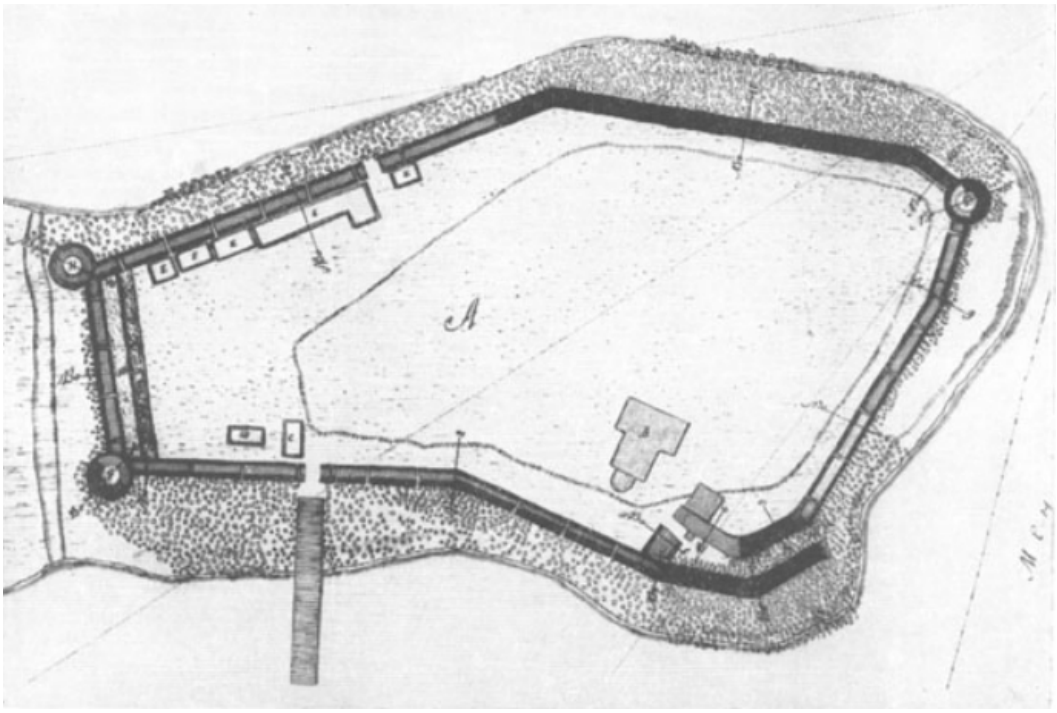
См. также Новгородская архитектура на Шелони

Вернуться к ссылке

44.176. Остров

Остров - древний русский город. Первое упоминание в летописи о нем относится к 1341, когда псковичи предложили островичанам поехать "...воевати Лотыгоре". Однако, прибыв в установленный срок на место сбора рати, псковичи столкнулись с немцами и латгалами, которые "...тако же поехали воевати волости псковскиа". Выступив в неравную схватку, псковичи потеряли девять человек, в том числе двух своих предводителей и отошли. Немцы предприняли переправу обратно на реку Великую "и в то время приспеше островичи о Васильи о Онисимовичи, тогда опять емоу посадничество во Острове, и оудариша ни них". Не ожидавшие нападения захватчики были опрокинуты "...помощью святыя троица и молитвою святого отца Николы" (речь идет о существовании уже в этот период храма Св. Николая Угодника на территории крепости). Не позднее конца XIV в. вокруг города возводятся каменные стены: крепость стала крупным военно-оборонительным сооружением Древней Руси.

Каменная крепость из серого известняка (туфа) располагалась на низком островке между рекой Великой и ее правым рукавом (в прошлом - речка Скобожиха). Форма крепости соответствовала рельефу занятого ею участка: стены окружали наиболее возвышенную часть острова - 2 Га, отделенную от остальной части рвом. Укрепления строились с расчетом подхода в половодье воды к самым стенам. Главный въезд в крепость располагался в северо-западной части, имел захаб.



Кроме главных ворот в крепости были еще небольшие дополнительные ворота. Одни из них носили согласно описи 1585-1587 название "временных". По мнению исследователя А. Н. Кирпичникова захаб возводился примерно в 1350-1500 (как минимум в три строительных приема). Раскопками в этой части крепости также выявлена прямоугольная башня с размерами 4,4 х 6 м, примыкающая к западной стене с востока. Помимо четырехугольной (Никольской) башни, на углах крепости прослежены три других, круглых. Нижняя угольная находилась на северо-восточном углу крепости. Другие две назывались Верхними наугольными башнями. Своеобразно было организовано водоснабжение крепости. В восточной части крепости, вблизи от Верхних башен, проходил канал, названный в описях речкой Ропотухой. В ее русле стоял колодец.

Прикрывая Псков с юга, г. Остров подвергался неоднократным нападениям, участвовал в обороне Псковской земли. Так в 1406 ливонские рыцари две недели разоряли окрестные волости, приблизились к г. Острову, стояли под ним, но штурм не предприняли. В тот же год островичи вместе с жителями других псковских пригородов под предводительством псковского посадника Юрия Козачковича отправились в успешный для них поход на Ржеву против литовцев, захвативших Коложе. В 1426 во время нового нападения на Псковскую землю литовцев во главе с князем Витовтом островичи "...ходища тороном к Велью..." наехали на отдыхающих татар и 40 человек из них убили.

…**Во время войны с Ливонским орденом**, начатой Москвой и Псковом в 1501 г., немецкие войска, прорвавшись вглубь псковских земель, двигались вдоль реки Великой, а параллельно им по другому берегу шла псковская рать. Крепость Остров оказалась на немецкой стороне реки и в ночь с 7 на 8 сентября подверглась скоротечному штурму - стены в нескольких местах были пробиты артиллерией, а постройки внутри крепости подожжены огненными стрелами. В летописи об этом сказано: "Псковичи островлянам не помогоша ничем же, только смотреша". Ворвавшись в городок, немцы предали смерти около 4000 человек и ненадолго захватили Остров (ПЛ, I, с. 86; II, с. 224,252,253). После того как немцы оставили город, он опять вошел в состав Русского государства. Это почти все, что известно в исторических источниках о городе и крепости в тот период.

…**До присоединения к Москве** Псковской земли в 1510 г. Остров имел своего посадника и вече.

Блистательную страницу вписала крепость в русскую военную историю в конце XVI века, когда в 1581 в Россию двинулись войска короля польского Стефана Батория. С самого начала войны крепость стала опорной базой русских войск, где они получали питание и отдых. Ксендз Станислав Пиотровский, автор "Дневника последнего похода Стефана Батория на Россию" писал: "...полагали, что Островом легко овладеть и обещали взять его для забавы и ради присутствия короля, но, когда увидели место, занимаемое крепостью, со всех сторон окруженное водою... то сейчас поняли, что труднее взять его видя, чем не видавши...". Островичи проявили огромную

стойкость. Исход осады решил сам Стефан Баторий. Объезжая крепость, он заметил сильную выгнутость западной стены, не дававшую возможности отсюда вести фланкирующий огонь по осажденным. Город был разграблен захватчиками и сожжен дотла. В 1582 по Запольскому миру Остров вновь был возвращен Москве.

Зависимость пригорода Острова от Пскова можно видеть во многих архитектурных деталях храма Св. Николая Чудотворца, построенного в крепости в 1542 и сохранившегося до наших дней. Первое упоминание в летописи о Никольской церкви в острове относится к 1543 году "...в лето 7051 ...того же лета поставиша в Острове городе святаго Николу..." На барабане церкви сохранились фрагменты керамической ленты с надписью перечислявшей великого князя Ивана Васильевича, церковных старост и строителей и благотворителей церкви. Не позднее 1553 к церкви был пристроен придел Преображения Господня. Двухъярусная колокольня, изначально располагавшаяся отдельно, в 1802 году была пристроена к храму. Как по наружному, так и по внутреннему своему виду храм напоминает стиль древних Псковских церквей. Алтарь церкви против обычая обращен на север. На шейке купола Никольской церкви в свое время была сделана надпись, кафельные буквы которой позже выпали. Выше надписи шейка купола была опоясана целым рядом изящных украшений, каждое из которых представляло из себя пятиглавый храм с цветами и фигурами животных по бокам, а вверху - герб. Официально герб г. Острова утвержден 28 мая 1781. В иконостасе Никольской церкви большую художественную ценность имела икона "Сошествие в ад" (перевезена в советское время в Ленинград).

… Как город-крепость Остров просуществовал до Северной войны, а затем начал постепенно разрушаться, но руины старой крепости были хорошо заметны вплоть до Второй мировой войны. Во время войны крепость была окончательно разобрана немецко-фашистскими захватчиками для ремонта дорог и строительства плотины через реку Великую. И, боюсь, делалось это ими не без удовлетворения, памятуя о неудачах тевтонских предков под стенами Островской крепости. Вид на реку от развалин крепости и остатки самой крепости на открытках начала 20 века:

…**Одной из главных достопримечательностей** г. Острова является уникальное сооружение - цепной мост через реку Великую, свидетельствующий о высоком искусстве российского мостостроительства. Мост состоит из двух отдельных пролетов, построенных через два рукава р. Великой. Величина каждого из пролетов 94 метра, со стрелой провеса цепей в 1\2 пролета.

Опоры выведены из отборной известковой плиты и облицованы булыжным камнем. Три нижних и верхних ряда отдельных столбов сделаны из гранита. Открытие цепного моста, на котором присутствовал император Николай I, состоялось в ноябре 1853. Создатель цепного моста - инженер путей сообщения Михаил Яковлевич Краснопольский был удостоен ордена Святой Анны второй степени.

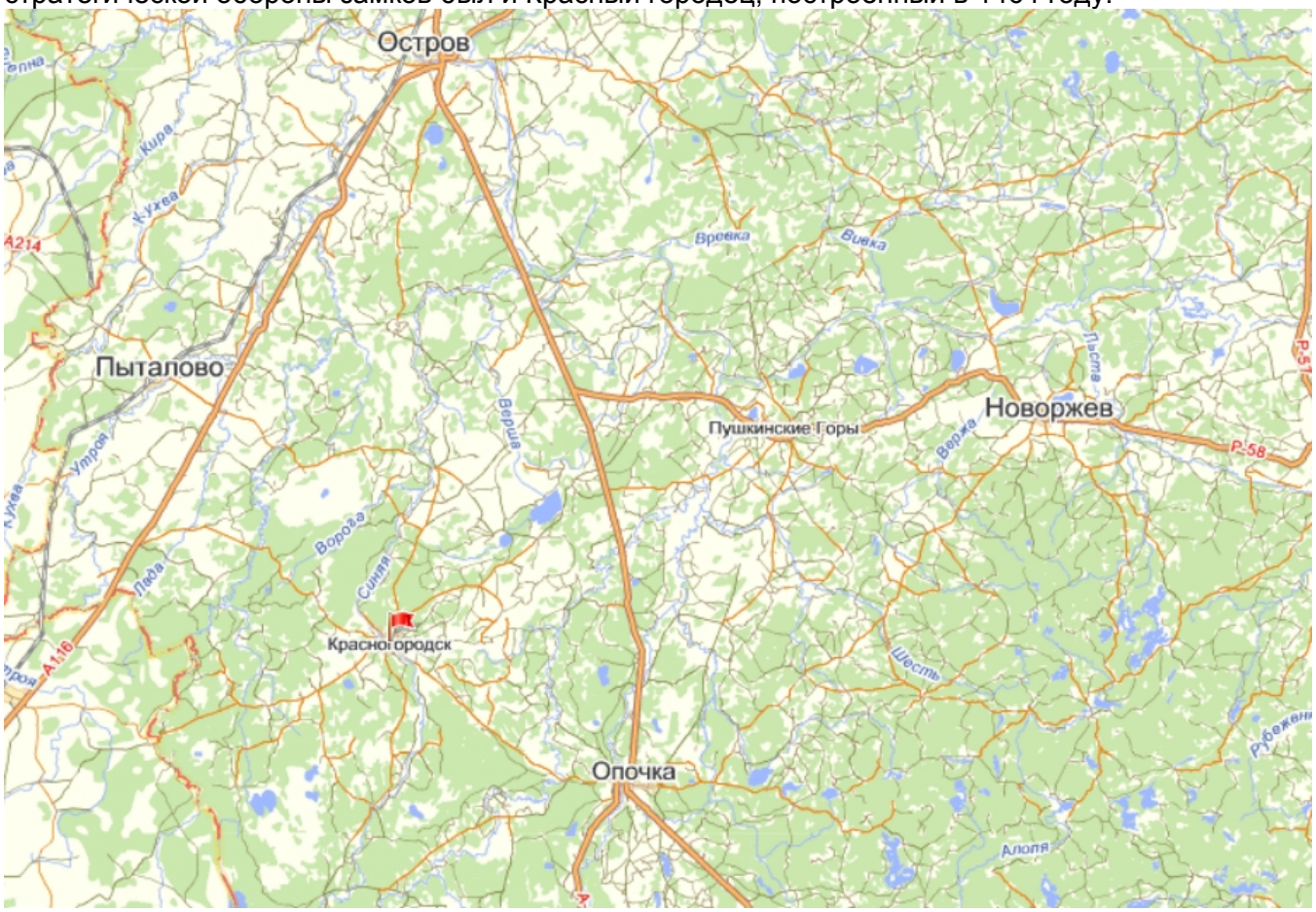
От древней крепости 15 в. на острове в центре города сохранились только остатки стен и нескольких руин угловых башен, да еще одноглавая Никольская церковь 16 в.

См. также Остров - крепость, церкви и цепные мосты, **Город Остров Псковской области**

Вернуться к ссылке

44.177. Красный городок

Начиная со второй половины XIII века происходит обособление Пскова от Новгорода . По Болотовскому договору 1348 года Псков становится совершенно самостоятельным и только в церковных вопросах подчинялся новгордскому архиепископу. С этого времени начинается усиление западных и южных рубежей псковской республики. В ряду основанных по линии стратегической обороны замков был и Красный городец, построенный в 1464 году.



Крепость Красного городка строилась при псковской князе Иване Александровиче и посаднике Алексее Васильевиче. Ее отличал довольно мощный вал, окружающий площадку городища со стороны реки Синей, - строители учитывали возможность штурма крепости с любой стороны. Площадка не повторяла конфигурацию мыса, на котором сооружено укрепление, а была тщательно подогнана к форме четырехугольника. Для этого все стороны холма были тщательно подрезаны и превращены в прямоугольные отрезки. Башни строились за стенами крепости, и артиллерийский и ружейный огонь ее защитников мог поражать врагов с любой стороны укрепления.

Красногородская крепость имела водяной тайник, выходивший к реке Синей. Стены и башни были деревянными. Башни стояли на четырех углах крепости.

На самом валу размещался пороховой погреб, двор наместника, городского приказчика, Спасо-Преображенская церковь. Уже с 1470 года крепость имела свою печать, что свидетельствует о ее высоком статусе.

Первая осада Красногородской крепости была осуществлена в 1502 году отрядами Ливонского Ордена. Осажденные послали за помощью во Псков. Узнав о том , что к Красному городу идет подкрепление, ливонцы отступили. В 1559 году ливонцы вторично появились под Красным городком и подвергли разорению соседние волости.

В 1581 году, в ходе Ливонской войны с Польшей, гарнизон Красного городка при подходе войск Стефана Батория сжег крепость и ушел во Псков.

В 1607 году Красный город был захвачен литовским гетманом Лисовским. В 1634 году Россия, ослабленная Смутным временем заключила мир с Польшей и отдала ей 16 городов, в том числе Себеж, Невель и Красный. Возвращены они были России только при царе Алексее Михайловиче по Андрусовскому перемирию в 1667 году. На этом и закончилась военная история Красного городка. В 18 веке крепость была упразднена. От нее сохранились лишь земляные валы.

Вернуться к ссылке в гл.29

Вернуться к ссылке в гл.42

44.178. Порхов

Порхов — город (с 1777) в России, административный центр Порховского района Псковской области.

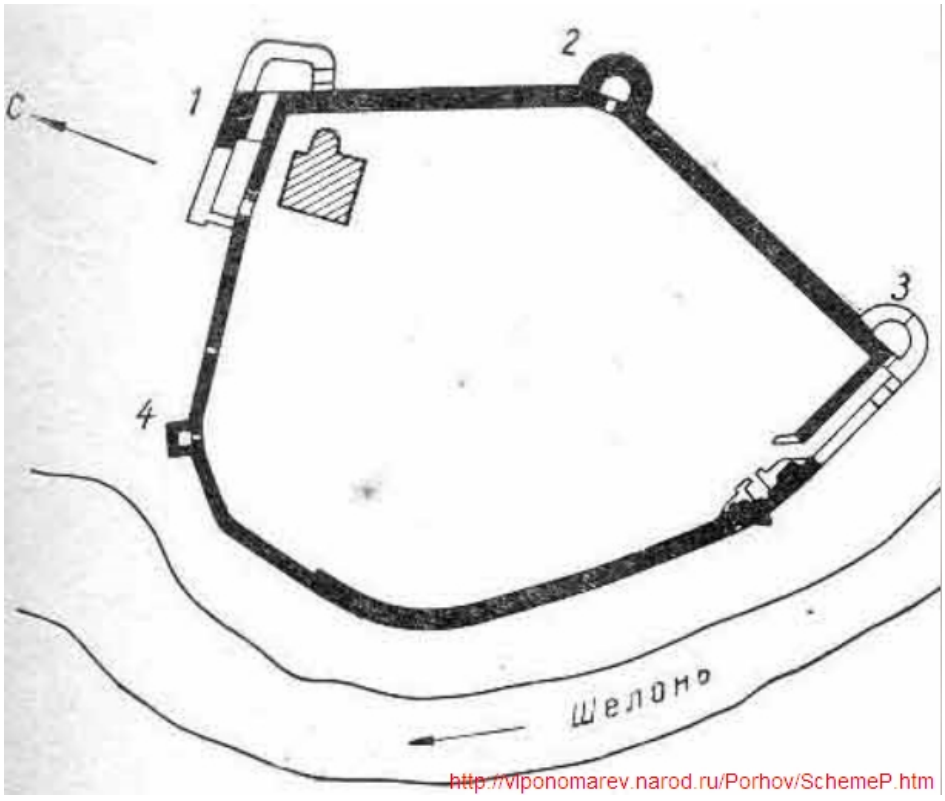
Население 11,9 тыс. чел. (2005).

Название города произошло от слова «парох» — белый камень (известняк).

Город расположен на Шелонской низменности, на реке Шелонь (бассейн озера Ильмень), в 88 км от Пскова.

Известен с 1239 года как город в составе Новгородской республики — «князь Александр с новгородци сруби городци на Шелоне» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 77). В 1442 году присоединён к Московскому княжеству.

Порховский кремль (Порховская крепость) — крепость в центре города Порхов Псковской области. Крепостные построения из темного известняка сохранились практически полностью, но в несколько разрушенном состоянии. Находится по оба берега реки Шелонь. На правом берегу стоит сама крепость, имеющая пятиугольную форму, укрепления — каменные стены и 3 башни в полуразрушенном состоянии. По стенам можно пройти благодаря существующим в них проходам. Внутри крепости находится сад с отреставрированной в 1777 году Никольской крепостью и Краеведческий музей. На левом берегу, вне крепостной стены, стоят две церкви — Спасо-Преображенская и церковь Рождества Богородицы.



Цифрами на плане обозначены башни:

1 - Никольская; 2 - Средняя; 3 - Псковская; 4 - Малая.

Примечание: черным показаны существующие на поверхности земли части крепости.

Крепость Порхов - одна из немногих неплохо сохранившихся на северо-западе, крепостей с односторонней обороной. Такие крепости строились в русских землях с середины XIV, практически до конца XV века, когда на Русь пришла регулярная каменная фортификация. Кроме того, некоторые части крепости являются единственным на северо-западе, сохранившимся почти в полном объеме, образцом доогнестрельной фортификации.

Крепость города Порхова (деревоземляная) основана в 1239 году князем Александром Ярославичем (Невским) на правом берегу р. Шелони. В 1387 году на городском вече новгородцы приняли решение перенести крепость на новое место – место где в настоящее время находится центр современного города и сделать ее каменной.

Малая башня **крепости Порхов**.

Крепостные сооружения имели вид неправильного пятиугольника, повторившего контуры занятой ими возвышенности. С западной стороны подходы прикрывались руслом реки Шелони, с востока – широким рвом. С севера к крепости примыкала заболоченная низина, непроходимая в дождливое время. Стены из местного известняка достигали толщиной двух, а высоты одиннадцати метров. С восточной стороны они были укреплены тремя башнями: Средняя и Псковская – полукруглые, Никольская – прямоугольная. Квадратная башня (Малая) укрепляла крепость с северо-западной стороны. Башни достигали высоты семнадцати метров. Внутри они разделялись деревянными мостами на ярусы, имели бойницы. Въезд в крепость был через башню Никольскую, рядом с которой стоит Никольская церковь. За сводчатым проездом башни располагался рукавчатый захаб. Другой захаб назывался Псковским.

Средняя башня крепости.

В 1428 г. Порховская крепость выдержала осады литовских войск князей Ольгерда (1346 г.), Витовта (1428 г.), польских отрядов Стефана Батория (1581 г.). В 1611-1617 гг. в смутное время захвачена шведами.

В конце 15 века, после присоединения Новгорода к Москве, крепость оказалась на второй линии русских оборонительных сооружений и оставалась военной до 1764 года. Потеряв военное значение, Порховская крепость продолжала разрушаться.

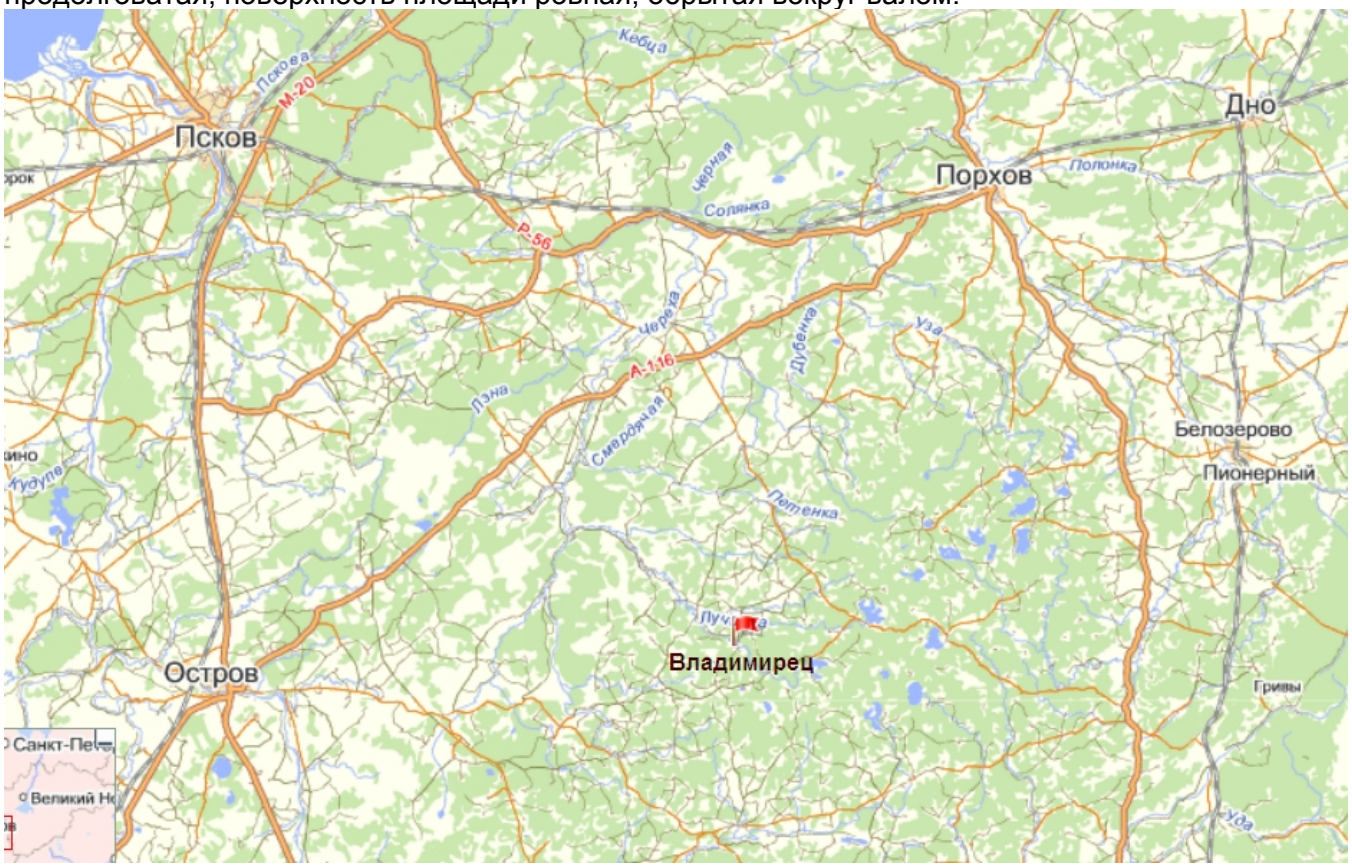
Каменная крепость находится на небольшой возвышенности на левом берегу реки Шелонь, на территории современного города Порхов. Место для крепости выбрано с учетом природного рельефа. В результате, две стороны крепости - южная и юго-западная, защищены излучиной реки, а северная болотистой низиной.

См. также **Порховская крепость**, **Порхов**

Вернуться к ссылке

44.179. Владимирец

"**ПРИГОРОД Владимирец** построен псковичами на рубежах своих владений для защиты от нападений своих соседей – братьев новгородцев", - сказано в одном из исторических источников. Володчина гора, на которой возвели крепость, находилась в начале прошлого века на территории Сонинской волости (ныне Шиковской) в 50 верстах от Острова. В длину она составляла 54 сажени, в ширину - 29, по форме напоминала четырехугольник. При этом подошва горы продолговатая, поверхность площади ровная, обрытая вокруг валом.



Внешние укрепления насыпного вала, - информирует источник, - сохранились до сих пор. На востоке, в углу, находится насыпной курган. В прежние времена в нем был оборудован тайник со сводами из плит. С южной стороны имелся колодец, ныне засыпанный землей. С западной располагался спуск с крыльцами. Плиты из тайника, ступеней, употреблены на постройку колокольни церкви святого Николая.

В настоящее время городище стоит на открытом месте, но существует предание, что в древности его с трех сторон окружал болотистый лес. Псковский летописец повествует: "псковитяне заложили в 6970 (1462) году другой новый городок на Володчиной горе и нарекли Володимирец, и в нем поставили церковь святого Николая, которую тогда же и освятили".

По версии новгородского епископа Иоакима, писавшего историю ранее Нестора, славянский князь Вандал имел трех сыновей - Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построил по граду, нарек их именами. Изборск во имя Избора, Владимир во имя Владимира (Владимирец). Из летописи следует, что в 1462 году пригород возвели в очередной раз, видимо, до того его разорили враги. Их было немало. В 1560 году для защиты Владимирца и других псковских

пригородов в западную область Руси прибыл конный отряд во главе с князем Василием Борбошиным. В это время сюда вторглось "малое немецкое войско" во главе с воеводой Ламошка. Немцы под Владимирцем были разбиты, руководитель отряда пленен и отправлен в Москву, где его казнили.

Сегодня считают, что пригород наречен в честь крестителя Руси, князя Владимира, который провел здесь детство и отрочество. Выходит, что он служил форпостом на юго-востоке псковской земли еще в X веке. С крепостью связано множество преданий. По одному из них, когда в 1580 году на родную землю нагрянуло войско Стефана Батория, жители пригорода собрались в церкви, "силы небесные раскрыли землю и церковь ушла под нее". Некоторые люди позже даже слышали пасхальное пение, доносившееся из недр земли.

Достоверно известно, что церковь существовала, как и сам пригород, разоренный завоевателями. Храм, существующий до сих пор, сооружен в 1797 году (другой источник указывал 1780 год) на соседнем холме. Каменная церковь святого Николая Чудотворца имеет два придела: во имя Рождества Богородицы и святителя Дмитрия Ростовского чудотворца. В конце XVI века Владимирец превратился в обычный погост, который выгорел в 1875 году, не пострадала лишь церковь.

Вернуться к ссылке

44.180. Дубков

Пог.Дубки находится в Порховском р-не Псковской обл., на р.Пого-Щенке[185]; по губернскому делению он числился в Туровецкой волости Островского уезда. К 80-м гг. XVI в. был городищем, на посаде которого существовал наместничий двор. Территория уезда делилась на 5 губ.

…**в 1471 году**, в период противостояния Москвы и Великого Новгорода, с Дубкова были сняты шесть пушек и переправлены в Порхов. Так повелел Великий князь московский Иоанн III, который потребовал, чтобы псковичи вместе с княжеским войском шли на новгородцев.

Чуть раньше в псковской летописи сообщается о немецком набеге. Среди атакованных населенных пунктов был и Дубков. Тогда немцы «много псковичь и новгородцев иссекоша, плениша и пожогша».

Только как они сумели взять крепость, если только действительно взяли, а не ограничились разграблением посада. Дубков кажется неприступным для любого по численности врага. Крутые склоны Спасской горы «в лоб» невозможно преодолеть.

…В переписи 1674 года сообщается, что «пригород Дубков пуст, один крестьянский двор». Почему опустела крепость, неизвестно. Возможно, полагают ученые, основной причиной запустения Дубкова стали незначительные размеры городищенской площадки - 0,5 гектара и проблемы с водоснабжением. Хотя источник с чистой водой, как сообщил Анатолий Васильевич Коротин, на одном из склонов городища пробивается до сих пор.

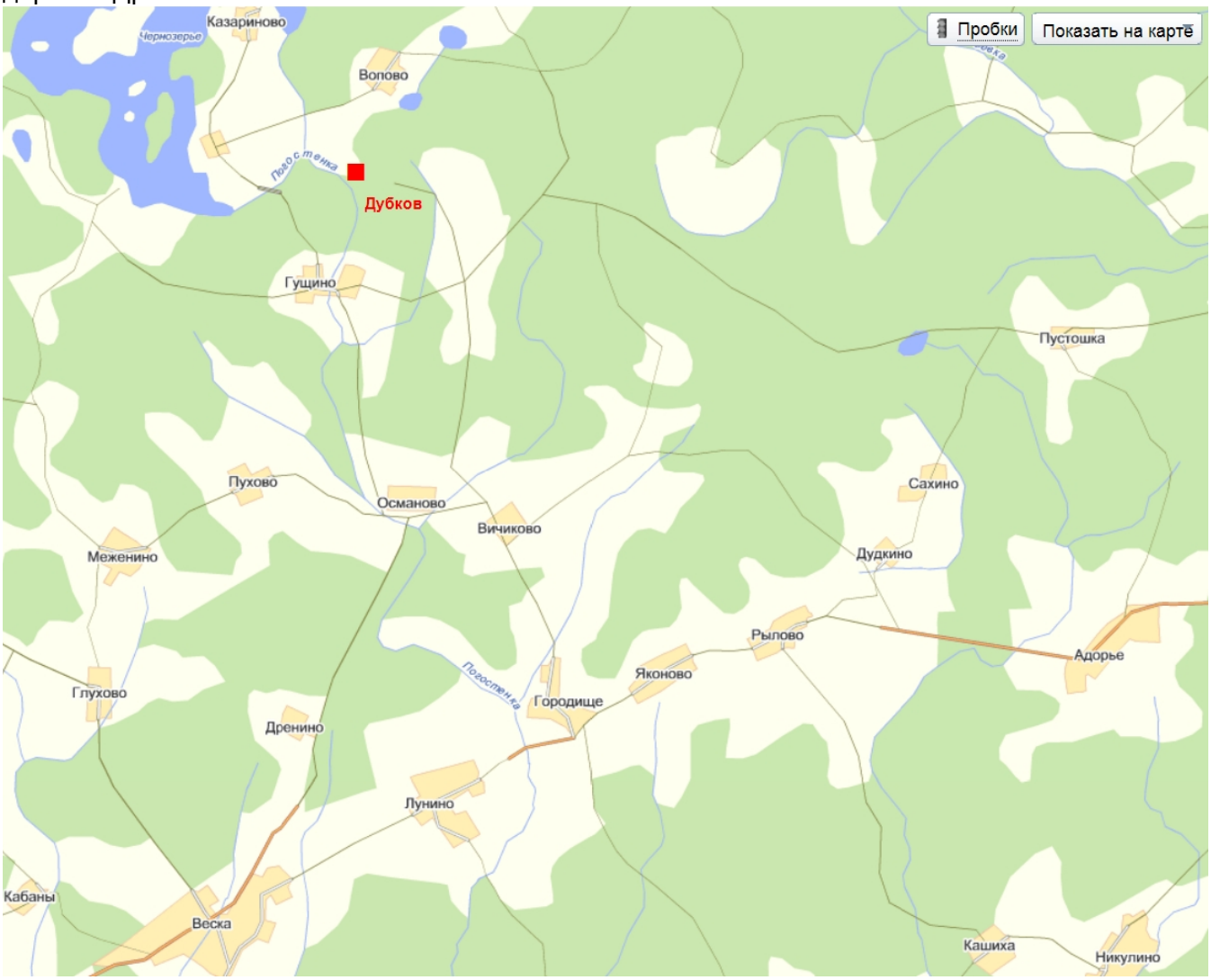
Перепись конца 80-х годов XVI века донесла до нас несколько имен обитателей Дубкова. Судя по переписи, жили они скудно: «16 дворишек пустых, хоромы развалилися». Пахали те люди нивы да разводили огороды на посаде, за пределами крепости. А у Федора Исакова, сына Неведрева, в нем росло 35 яблонь. На горных местах жили бобылями Микифорко Еремеев и Васка Денисов».

… **Кладбище** на городище Дубков имеется, как современное, так и более древние захоронения, так как можно увидеть несколько каменных крестов. Добраться туда можно, если нет своего транспорта, на утреннем автобусе из Новоржева "Новоржев-Адорье ч/з Заречье", купив билет до Вёски и попросив водителя остановиться на повороте на деревню Городище. А там по дороге всё время прямо около 4-5 километров и вы в Дубкове.

---

[185] Сейчас река Погостенка

… **Дубков** находится в Новоржевском районе на вершине горы **Душилиха**. Да, кладбище там есть. Добраться можно из Новоржева автобусом до деревни Вёска, а потом пешком через деревни Дренино и Османово.



…Только, поворот не на дер. Городище, а на дер. Османово.

Если быть точнее, тогда уж поворот не на деревню Османово, а на деревню Дренино.

… Островский уезд Псковской губернии занимает 4370,6 кв. вер. Местоположение уезда — слабо возвышенное, прерываемое песчаными холмами, не имеющими между собой связи. Самая возвышенная часть находится на востоке, по правую сторону реки Великой, где проходит водораздел Великорецкого и Шелонского бассейнов. Тут возвышается отдельная группа Судомских гор, в районе 30—40 верст, и они имеют совершенно другой характер в сравнении с другими горными кряжами Псковской губернии. Горы эти почти не имеют предгорий, и самая высокая в этой группе гора Судома находится на самой окраине уезда. Отсюда эти горы тянутся хребтами в разных направлениях; от перекрещивания горных хребтов образуется довольно много котловин, образующих небольшие озера; из них вытекает множество небольших речек и ручьев бассейнов рек Сороти, Черехи, Узы и Шелони. Самые высокие горы: Судома и Липенские, при истоке реки Судомы; **Душилиха** у погоста Дубки.

…**Городище Дубков** (XIV - XVII вв.) расположено в 1 км к северо-востоку от деревни Гущино, Вескинская волость, на горе Спасская.

См. также Ям-Запольский мир, Административное устройство Псковской земли(из книги В.Л.Янина Новгород и Литва. Пограничные ситуации в 13-15 веке.)

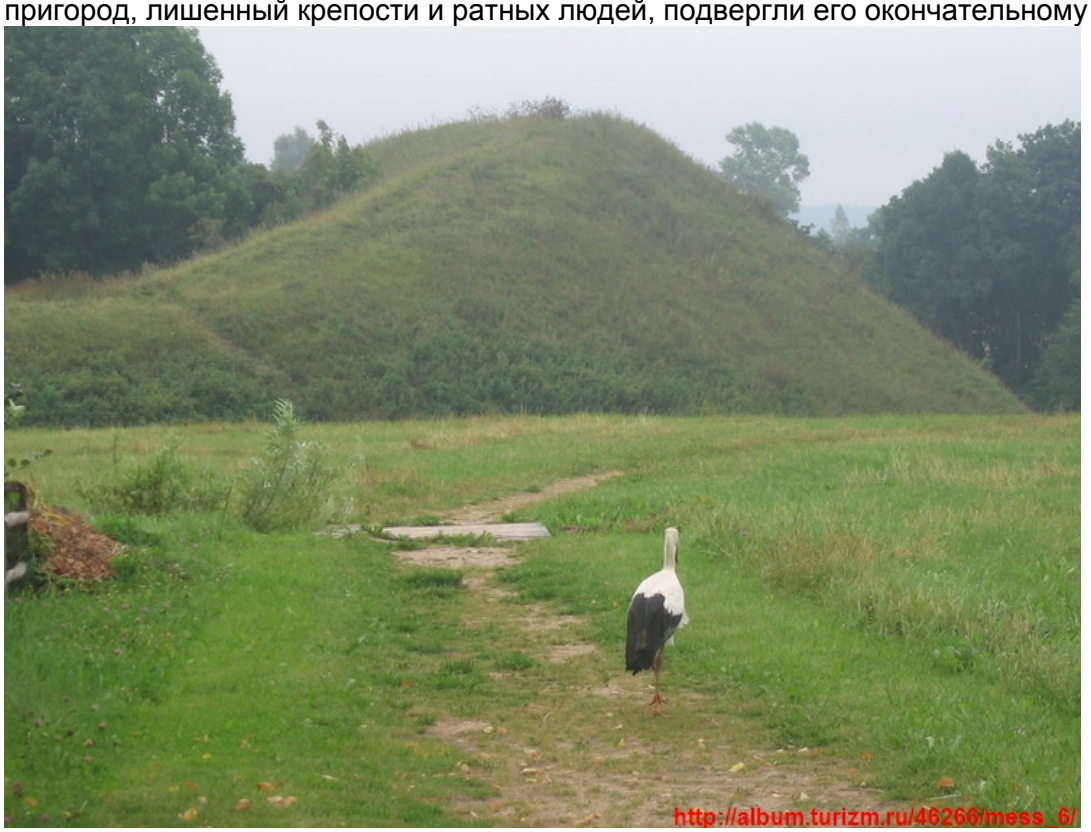
Вернуться к ссылке

44.181. Воронич

В трех километрах от Михайловского, рядом с Тригорским парком городище Воронич.

Высокий холм остатки бывшей здесь в XIV-XVI веках крепости. Она находилась в центре псковского пригорода Воронич. Воронич имел большое значение как пограничный стратегический пункт, защищавший наряду с другими пригородами (Врев, Выбор, Остров, Велье, Опочка и др.) подступы к Пскову с юго-запада, и как важный торговый пункт, обеспечивающий удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу.

В XV веке в Вороните числилось до 400 податных дворов и несколько монастырей. В народе сохранилось предание о том, что в пригороде и вокруг него было 77 церквей и монастырей. Значительно превышая Велье, Опочку, Остров, Воронич достиг расцвета к концу XVI века. Полчища Стефана Батория разгромили крепость и, отступая, уничтожили пригород, отомстив героическим защитникам Воронича и земли русской, задержавшим войска захватчиков и не давшим им возможности застать врасплох псковичей. Дальнейшие набеги иноземцев на пригород, лишенный крепости и ратных людей, подвергли его окончательному разорению.



Вершина холма опоясана с юго-запада высоким и крутым валом. В далеком прошлом она была обнесена высокими деревянными стенами с башнями по углам.

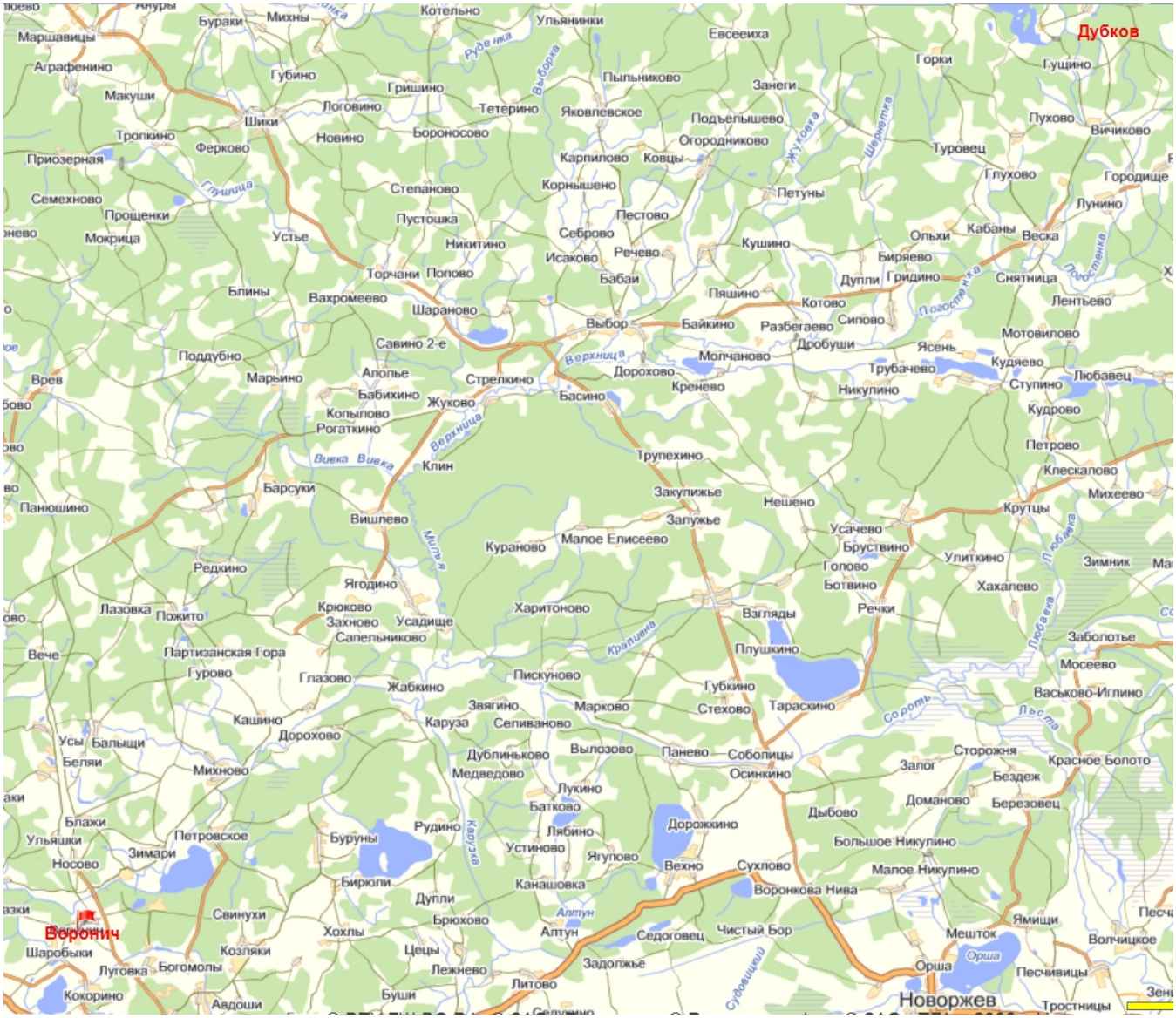
В крепости было двое ворот, к которым вели боковые дороги. Следы этих дорог сохранились и по настоящее время. Внутри крепости находились склады оружия, боеприпасов и продовольствия. "Осадные клети" - постройки легкого типа, которые являлись временным убежищем для окрестных жителей в моменты опасности.

Некогда в крепости было две церкви Ильинская и Егорьевская. Следы Ильинской церкви почти совершенно утрачены. Находилась она в центре крепости, ближе к валу. Частично сохранился фундамент Егорьевской церкви, сгоревшей в 1913 году, каменная ограда и несколько древних каменных крестов XV-XVI веков. Они были реставрированы в 1984 году. У входа на церковный двор лежит большая куча каменных ядер, найденных при раскопках на городище.

…Городище Воронич находится на левом берегу реки Сороть в черте усадьбы Тригорское, к северо-западу от деревни Воронич. Оно занимает высокий останец коренного берега реки, образованный крутыми склонами оврагов и речной поймой. С напольной стороны городище отделено от плато широким искусственным рвом. Размеры площадки городища 100 х 110 м.

Она возвышается над уровнем дна оврагов и рва на 15-19 м. Высота вала: от дна рва - 27 м, от площадки городища - 8 м. Культурный слой на площадке городища прослежен в шурфах от 0.5 до 1.9 м. Слой темно-серый до интенсивно черного или темно-коричневого. Материк - желтый песок и красноватая глина. Слой включает прослойки угля, золы, глины, древесного тлена, прокаленной

почвы. В основании слоя вскрыты деревянные настилы со следами пожара и хорошей сохранностью дерева. Основную категорию находок составляют фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге, датирующейся XIV-XVI вв. Индивидуальные находки: ледоходный шип, шиферные пряслица, ножи, точильные камни. На площадке городища находятся каменные кресты, привезенные с территории Пушкиногорского района. Имеются также надгробные камни XVIII-XIX вв. с высеченными изображениями крестов. Среди крестов находится также камень-крестовик.



Вернуться к ссылке

44.182. Колож

…Предшественником Опочки был упоминавшийся еще в 1390 г. город Колож. Город был четырехугольным в плане и находился на холме высотой 20 м в нескольких км к востоку от реки Великая. Крепость имела валы высотой 3 м. В 1406 г. крепость была захвачена и сожжена литовскими войсками. 11 тыс. жителей были пленены.

… умелое использование защитных свойств природы и подчинение этих свойств делу защиты оборонительных сооружений вообще было ведущим началом русского городового строительства. Больше того, есть основание говорить о решающем значении стратегического фактора при выборе мест для укрепленных пунктов на Руси, ибо отсутствие достаточных естественных преград или их легкая преодолимость исключали возможность создания оборонительных сооружений на тех или иных, на первый взгляд как бы подходящих, местах, а снижение их

защитных свойств приводило к тому, что укрепленные пункты либо прекращали свое существование, либо переносились на другие, более выгодные места. Так случалось, например, с Коложем, разрушенным литовцами в 1406 г., и с Котельно, сгоревший в 1428 г. После гибели этих городков их укрепления не были восстановлены, однако взамен их псковичи выстроили неподалеку Опочку и Выбор, которые пришли им на смену[186] .

Вернуться к ссылке

44.183. Выбор

Городок Выбор с крепостью возник как форпост для защиты от иноземцев юго-западных рубежей Псковской земли вместе с крепостями Дубков, Воронич, Врев. Его задачей была охрана средней части реки Сороть. Название «Выбор» в истории связано с выбором нового места для строительства крепости взамен сгоревшего в 1428 городка **Котельно**. Место выбиралось удобным для устройства крепости - среди сосновых лесов, между двух рек. Одну из них назвали Выборкой, а городок Выбором. Год 6939 (1431) как год основания Выбора указан в "Псковских летописях", где повествуется, что ***"...В лето 6939 (1431) князь Александр Федорович и Юрий посадник Тимофеевич и все посадники псковские заложили город новый Выбором нареченный в Котеленском округе на реке над Ругодивом в Залесьи Выбор и начали делать и до зимы сделали. А заложили стену на Воздвиженье честного Креста***", т.е. 14 сентября в день празднования Воздвижения честнаго и животворящкго Креста Господня, а ***"...в лето 6942 (1434) ... псковичи новые города укрепили стеной и привалы к стене учинили. Одному на берегу во Гдове и другому в Залесьи на Выборе***". Известны и другие даты: на карте Псковской области год основания Выбора - 1424, а по сведениям Государственного архива псковской обл. Выбор основан в 1322 новгородцами.

В последующей истории крепость отражала многочисленные нападения, несколько раз была разрушена и сожжена, в частности, войском Стефана Батория в 1585-1587. Здесь осталось два двора черных, а людей 3 человека...Отмечено 133 места пустых". "1634 год ...Литовские люди пошли с Себежа на Велье, Врев, Выбор и тех пригородов уезды. Дворовых, монастырских, церковных, помещичьих крестьян, их жен, детей побили, посады и уезда сожгли. Выбор литовские люди выжгли, а посадские люди целы.." С укреплением власти Московского государства, образованием Российской империи, крепость утрачивает оборонное значение. Состояние земляных укреплений в начале XX в. описано протоиереем Николаем А.Пановым "...в 35 верстах от города Острова, около реки Выборки находится гора, которая носит название "Городище". Форма городища четырехугольная, продолговатая. Верхняя часть горы имеет площадь до 600 шагов в окружности и до 30 в ширину, а высота горы до10 саж. По краю этого возвышенного места идет широкий и прочный земляной вал. В валу есть два пролома, сделанные, по народному преданию, Стефаном Баторием.

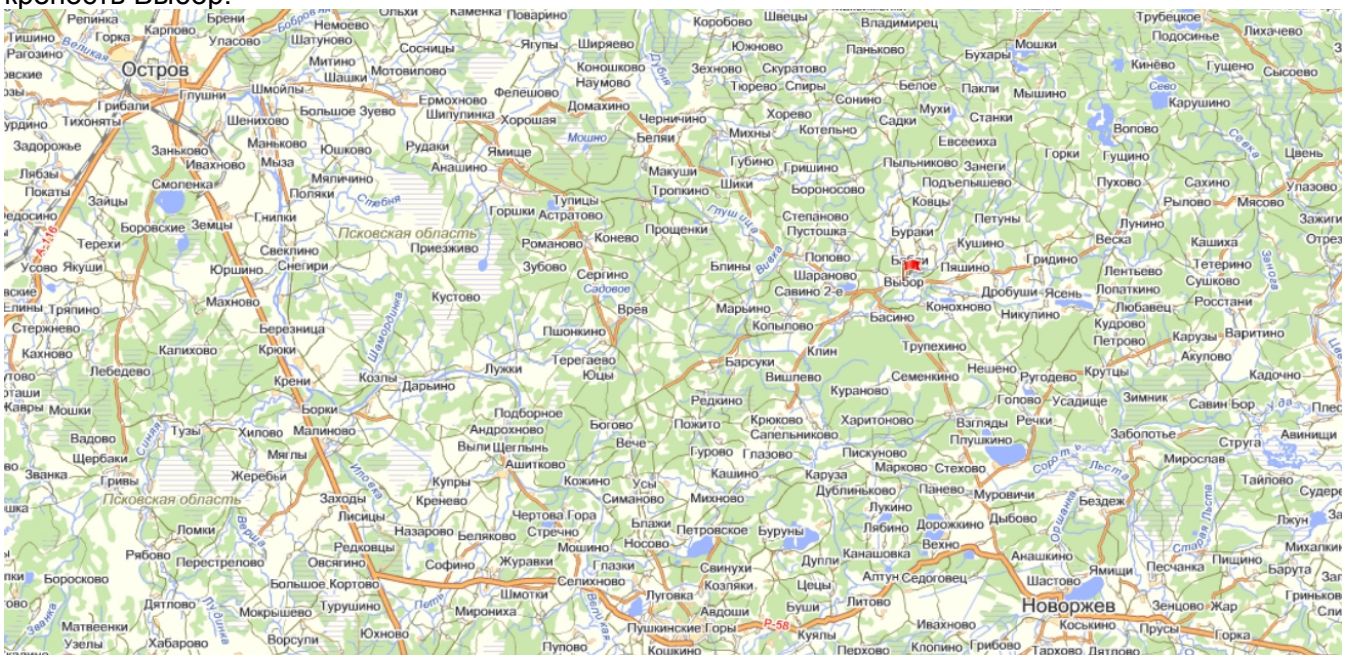
Архитектурное описание

При строительстве крепости использован характерный прием сочетания особенностей ландшафта с искусственными земляными укреплениями. Как пример, она описана исследователем памятников оборонного зодчества Руси П.А.Раппопорт ..."в отдельных, довольно редких случаях, мысовые укрепления 14-15 вв. располагались на невысокой горе с пологими

---

[186] **Л. И. Софийский**. 500-летний юбилей города Опочки. - «Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии», вып. 1. Псков, 1919, стр. 161. Сообщение летописи о том, что псковичи за 14 дней 1414 г. «постаниша град Коложе на новом месте на Опочке» (ПЛ, вып. 2, стр. 36), хорошо показывает, что Опочка была создана взамен Коложа.

склонами. Такое расположение недостаточно обеспечивало безопасность крепости одними только естественными преградами, и поэтому площадка окружалась валом по всему периметру, а не с одной только напольной стороны. Примером может служить построенная в 1431 псковская крепость Выбор.



Выборское городище находится на длинной холмистой гряде, возвышающейся над окружающей низиной примерно на 10 м. С одной, северо-восточной, стороны городище отрезано рвом от продолжения гряды. Большая ширина рва (около 40 м.) при сравнительно небольшой высоте самого холма, на котором расположено городище, не дает полной уверенности в том, что ров этот искусственный; вполне возможно, что площадка городища занимает естественный холмистый островок, изначала окруженный со всех сторон естественными склонами. По всему периметру площадки проходит вал, имеющий всюду более или менее одинаковую высоту от 3.5 до 4.5 м.

В юго-западной части кусок вала срыт для устройства более позднего въезда. В юго-восточной части вал частично прорезан окопами времен Великой Отечественной войны. Въезд соединяет вершину холма с главной улицей поселка, современная застройка которого располагается с западной, юго-западной и юго-восточной сторон от городища. Северо-восточная часть верхней площадки холма используется под кладбище. Здесь сохранились руины церкви Успения Божией Матери (1807). Южная часть занята огородами и жилыми постройками. Здесь найдено множество фрагментов керамики, датированной XV -XVI веками. При мелиоративных работах вблизи Городища был найден каменный топор идеальной шлифовки. Археологи определили его возраст - 4-5 тысяч лет. В песчаном карьере найден обломок бивня мамонта. Эти вещи стали экспонатами Новоржевского районного музея. Габариты в плане - 230 х 170 м.

См. также **Выбор и Дубков: забытые крепости**

Вернуться к ссылке

44.184. Врев

Врев (Врёв) — древнее городище на территории Псковской области, расположенное между городами Остров и поселком Пушкинские Горы. Сегодня рядом с городищем находится *село Врев*.

На территории городища сохранился холм, на котором в средние века располагась крепость[1]. В средние века Врев представлял собой город, в котором имелись храмы и монастыри.

Город Врев входил в число древних псковских пригородов-форпостов в числе таких пригородов-крепостей Пскова, как Воронич, Остров, Опочка, Выбор[2], Велье[3] и др. Их роль заключалась в

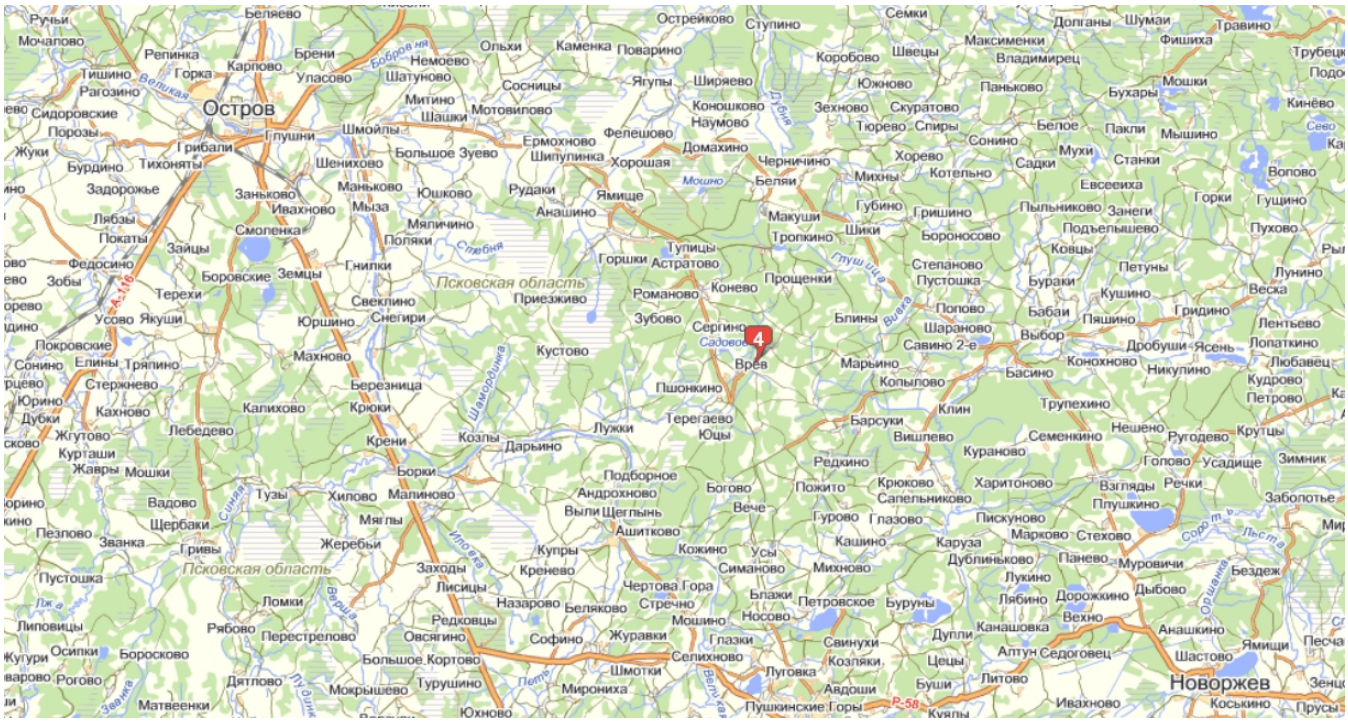
защите подступов Пскова с юго-запада. Они играли также роль торговых пунктов, обеспечивающих удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу[4].

Город Врев - древний форпост Псковской земли

Единственное упоминание Врева, древнего пригорода Псковской земли, в Псковских летописях связано с осадой его в 1426 войском Витовта, великого князя литовского. Осаждавших "вревичи побиша, а вревич паде не много" . Существует и более раннее упоминание Врева ("Врево") в документе конца XIV века - "Списке городов русских дальних и ближних". Древний Врев входил в число военных укреплений на рубеже с Литвой.

Городище Врев занимает, согласно данным археолога А.Р. Артемьева площадь 0,6 Га. С северо-запада оно было отрезано рвом шириной 6 м, большая часть коего засыпана при сооружении въезда при основании князем А.Б. Куракиным здесь церкви. Тогда же был срезан вал. Еще в XVIII веке вал существовал с трех сторон, исключая обращенную к озеру, и имел высоту 9, 10,7 и 2,7 м. На городище в это время имелись въезды с 2-х сторон.

Посад Врева занимал площадь около 8 Га. Рельеф местности, т.е. наличие болот, озера, песчаной гряды вблизи городища, по-видимому, мешали росту посада, расположенного на небольшой плоской возвышенности, примыкающей к восточному склону городища. С севера посад граничил с озером Зеленец (Вревское) (1,3 Га), с юга - с болотом и ручьем, восточная сторона была защищена высокой песчаной грядой (часть ее занимает кладбище), в которой есть



разрыв, видимо, служивший в древности воротами, через которые проходила дорога в пригород Выбор.

Исчезновение пригорода: "Городище, что был городок Врев"

Писцовые книги 1585-1587 указывают на резкое сокращение числа тяглых дворов на посаде Врева (из 100 осталось лишь 5), а также на то, что Врев к этому времени был всего лишь городищем ("Городище, что был городок Врев"). Под 1711 в переписной ("третьей") книге Псковских пригородов обозначено лишь: "Пустой пригород Врев…". К этому времени были видны лишь следы существовавших здесь некогда монастырей - Ильинского мужского и Покровского женского. Вплоть до XVIII века Врев оставался центром Вревского уезда Псковской губернии, а после упразднения уезда был погостом Мясовской волости Островского уезда той же губернии.

О происхождении топонима "Врев"

Ойконим [187]Врев своим происхождением, возможно, обязан речке Вревке, текущей неподалеку. Последняя могла иметь связь с общеславянским глаголом "вьрети" - "кипеть, бурлить". Возможна и первоначальная связанность гидронима с формой, сохранившейся в болгарском языке: vrvь - это нечто тянущиеся. Ввиду этого обратим внимание на то, что "Ь" после "в" при написании слова со временем заменился на близкий по произношению гласный "е". Любопытно, что на карте 1850 мы видим немного иное название речки - "Веревка". Дальнейшая потеря в топониме и гидрониме гласного "е" связано с метатезой (как это было в словах предъ - перед, гласъ - голос, град - город).

Но есть иная версия появления названия "Врев" (не от названия водоема), и она также важна. Дело в том, что древнерусское слово Вервь (врвь врьвь), упомянутое в "Русской Правде", означало судебно-административной единицу (общинную организацию), члены которой в известных случаях связаны круговой порукой и платили дань - виру. Название этого союза могло, таким образом, перекочевать в название псковского пригорода, при его образовании. Некоторые исследователи (Миллер, Соловьев, например) полагали, что "вервь" составляла округ, границы которого определялись измерением веревкой. Действительно, имеются указания, свидетельствующие о том, что веревка (вервь) употреблялась как единица земельной меры, причем и в позднее время.

Говоря об этимологии топонима "Врев", следует также вспомнить еще одну, "местную" версию его происхождения. Зафиксированная филологами, эта легенда повествует нам о горе, охватившем переживших нашествие врага: "Бойня зьдесь бальшая была, нарот плакыл, плакыл, вот и Врёф". Любопытно, как переплетается данная легенда со спецификой псковского говора - перехода гласного звука "е" в "ё" (т.е. не Врев, а Врёв). Любопытно также, что часть легенды вовсе не вымысел, если считать ее связанной с фактом упоминания Врева в летописи.

См. также **Врев**

Вернуться к ссылке

44.185. Высокий

…**Город Высокое**, по-видимому, надо относить к Высоцкому погосту, где теперь находится село Высокое на правом берегу реки Шелони [225)].

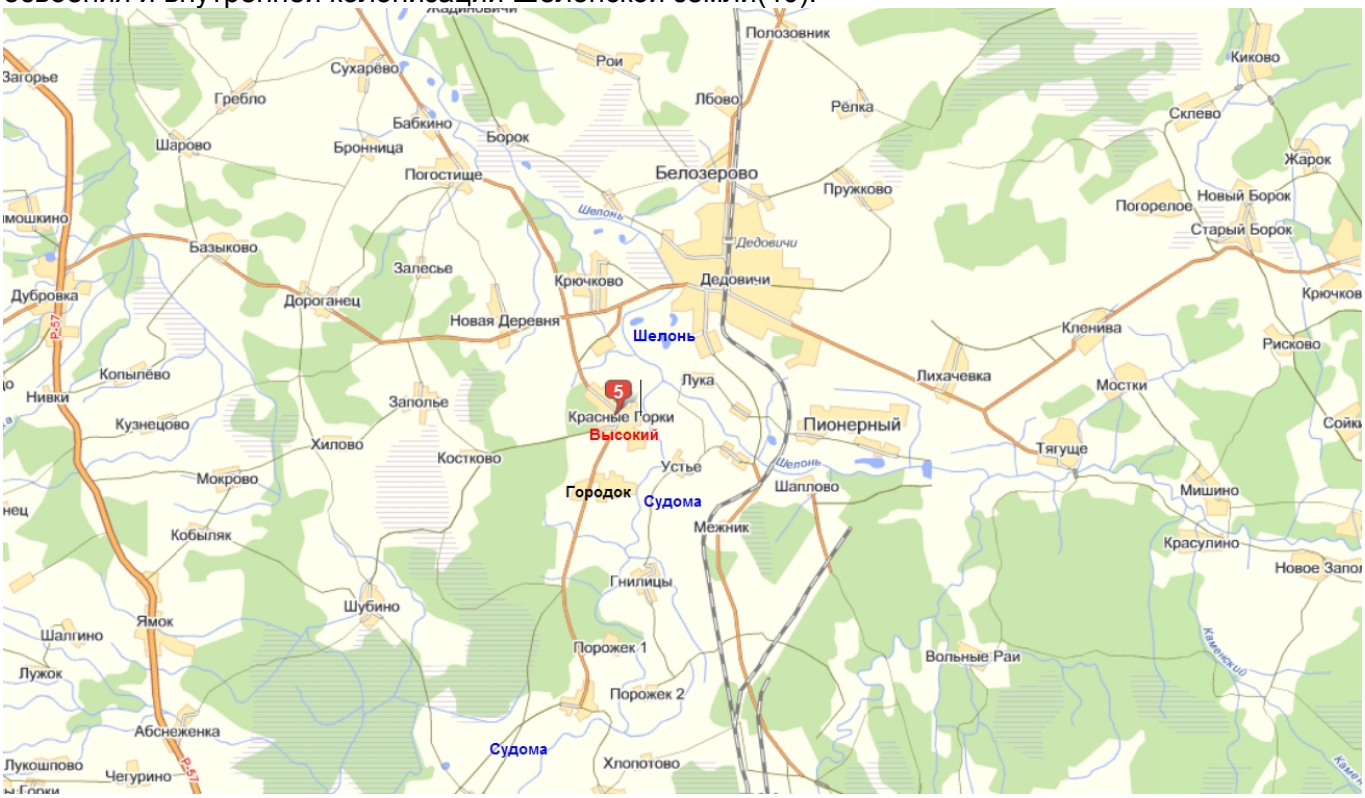
… **И тогда князь Александр** (в будущем Невский) приехал строить для защиты от немцев и шведов крепости по реке Шелони. Это было в 1239

[187] **Ойконим** — вид топонима, имя собственное — название любого населённого пункта, от города до отдельно стоящего дома

году. Князь не мог не оценить географического положения Горек, откуда на десятки верст просматривались Шелонь, Судема, близлежащие деревни. Александр заложил по берегам Шелони ряд крепостей: Порхов, Кошкин город и другие. Среди городов значится и город Высокий, который, согласно писцовым книгам, располагался там, где в **Шелонь** впадает река **Судома**.

Город Высокий состоял из четырех частей: городок Высокий представлял собой насыпную гору с крутыми скатами без единого дерева и кустарника, что позволяло спускать на противника камни, бревна, горящие предметы. В городок вел единственный вход (он и поныне существует), который закрывался специально заготовленными щитами и валунами. В Высоком была построена деревянная церковь в честь Святого Николая; вокруг нее хоронили умерших. И поныне среди местных жителей бытует легенда, что эта церковь провалилась в глубь земли. Вторая часть города -сельцо Высокое, ныне деревня **Городок**. Считается, что по имени сельца Высокое и был назван город Высокий. Третья часть укрепления - посад на реке **Судома** Горки, впоследствии Княжьи Горки, **Красные Горки**. Здесь жил наместник. После того, как в городке сгорела деревянная церковь Святого Николая, новую церковь построили в Горках - в честь святого Ильи. Это было уже в начале XV века.

…**Совершенно ясно**, что причиной постройки "городков" была опасность с юга. Городки не только перекрывали путь вторжения по долине Шелони, но и становились укрепленными центрами заселяемой земли. Все укрепления были небольшими и располагались или на самой Шелони или неподалеку от нее. Кроме перечисленных "городцов", которые могут быть отождествлены с основанными в 1239 г. (безымянный "Городец", Опоки, Старое городище Порхова и Кошкин городок), в Шелонской земле было еще два укрепленных пункта: Вышегород - в 25 км к западу от Шелони на реке Судоме, и **Высокий** городок (на левом берегу верхней Шелони), но при исследовании этих городков П.А. Раппопорт не обнаружил керамики XIII в. Вероятнее всего, эти два города были основаны уже в XIV столетии в процессе дальнейшего освоения и внутренней колонизации Шелонской земли(40).



… Высокое (или Высокий городок) располагалось у деревни Городок (Дедовического района) на левом берегу Шелони. От Высокого осталось мысовое городище с валом по всему периметру холма(69). По мнению П.А. Раппопорта, Высокий городок первоначально располагался на месте городища в поселке Дедовичи тоже на левом берегу Шелони (это мысовое городище с валом с напольной стороны). Основание первоначального городка (в Дедовичах) исследователь относит к

XIV в., а перенесение города состоялось, по его мнению, "несколько позже"(70). Добавим лишь предположение о том, что перенесение Высокого городка могло состояться около 1387 г., когда новгородцы "перенесли" Порхов и укрепили его. Более совершенные план и система обороны городища в деревне Городок соответствуют более поздней дате. Мероприятия по реконструкции обороны Шело некой земли в последней четверти XIV в. могли затрагивать не только Порхов.

См. также **М.Н. Тихомиров. "Список русских городов дальних и ближних", Русский щит по реке Шелони, Новгородская архитектура на Шелони**

Вернуться к ссылке

44.186. Котельно

Котельно - древний пригород Пскова, построенный для защиты от нападения новгородцев. Пригород Котельно получил свое название от формы горы - опрокинутый котел. Псковский летописец свидетельствует о том, что в 1406 году Орденмейстер Рижский в течение двух недель разорял принадлежащие Пскову волости под Островом и под Котельном. Данные летописца, таким образом, свидетельствуют о том, что к началу 15 века была построена деревянная крепость под названием Котельно. Длина крепости превышала 70 метров, ширина - около 46 метров. С восточной, северной и южной стороны крепость была окружена оврагами.

…**С северной же стороны**, кроме оврага, имеется земляной вал, переходящий на западную сторону с искусственным рвом. С западной стороны был въезд.

По свидетельству псковского летописца, в августе 1426 года «...князь Литовский Витовт, разруша мир со Псковом, пришел с великою силою литовскою и татарскою к городу Опочке... В сие же время посадники Псковские... с четырьмя стами псковичей поехоши под город Котельну, Витовт о сем услыша, отрядил 7000 человек литвы и татар, кои сразясь под Котельном, убили псковичей двадцать семь, да в полон взяли тринадцать человек». «Прочие, однако ж, сражавшись с ними и положивши многих на месте, пробились до крепости, и в оной засевши, затворились...» (Истор. опис. г. Пскова Ильинского, ч. II, стр. 60, 61). В 1428 году город Котельно весь выгорел. Предание гласит, что князю Александру Федоровичу с посадниками пригород Котельно не понравился, и они решили выбрать новое место для пригорода. Посланные выбрали довольно красивое место на речке, которую назвали Выборкою, а пригород Выбором.

… **Владимирец** и Котельно защищали район истока реки Черехи, впадающей в Великую неподалеку от Пскова.

Вернуться к ссылке

44.187. Велье

Поселок Велье Пушкиногорского района Псковской области расположен на отрогах Валдайской возвышенности. Название Велье происходит от финского "вялья" - просторный, свободный, в ландшафте чередуются холмы, озера, долины. Издавна жители этих мест занимались животноводством, выращиванием льна, производством плодов и ягод. Село, расположенное на одном из плоских холмов вдоль двух древних дорог - в Литву и Ливонию - сохранило свою старую планировку: параллельно сбегают с холма к озеру узенькие улочки. Близко протекают реки Великая, Исса, Синяя - части древнего пути "из варяг в греки" и пути, соединявшего Русь с Ливонией.

Первое упоминание о Велье относится к 1368 году: "В лето 6876 рать Немецкая у Велья из Налесья была ... " (Псковская летопись).

…**Однако первые** жители - славяне-кривичи - появились здесь намного раньше. Археологические исследования подтверждают гипотезу Н.И. Костомарова о существовании окольного города в урочище "Грива". Первоначальное освоение участка относится к концу I тысячелетия. Городище продолжало существовать в древне - русское время.

Достопримечательность села является Велейская крепость. На небольшой псковской территории крепостей в XIV-XV веках было значительно больше, нежели по всей Московской Руси. Для защиты Псковской земли от врагов были построены крепости-пригороды: на севере - Гдов, на западе - Изборск, на юге - Остров, Котельно, Врев, Воронич, Велье, Опочка, Красный городок и др. Северные, по преимуществу - каменные, южные - деревянные представляли собой разветвленный конец пограничной обороны.

…Расположена крепость на большом пологом холме. Длиной 260 м., шириной 70 м. с подсыпным земляным валом, окруженным тремя озерами.

… **Площадка городища** возвышается над уровнем воды в озере на 13 м. Крепость в Велье была комбинированной - земляно-дерево-каменной и в этом плане уникальной на псковской земле. Юго-западная половина городища имела по краю площадки вал, по верху которого проходила деревянная стена. Северо-восточная часть крепости представляла собой каменную стену общей длиной 295 м., высотой 6-8 м., толщиной 3,5 - 4,5 м., с тремя башнями и тремя дорогами к ним.

На территории крепости стояла церковь Михаила Архангела - покровителя вельян. Велье входило в первую линию псковских оборонительных сооружений на юго-западной границе с Ливонией и Литвой, защищая важные дороги на Псков, Новгород, Москву.

…**Крепость выстроена** в середине XIV веке и была выдвинута на ливонский рубеж. Она защищала узел важных сухопутных дорог из Литвы на Москву, Псков, Новгород. Другая дорога шла через Велье из Ливонии, связывая города южной Ливонии с Псковом и Новгородом. Крепость находится на большой, хорошо сохранившейся земляной насыпи, окружена озерами Черное, Велье и Чадо. Озеро Чадо занимает площадь 70 га и примыкает к крепостному вал с северо-западной стороны, с ним связанно множество легенд. На юго-западе от крепостного вала находится озеро Велье (278 га).

… **В 1406 г. вельяне** принимали участие в преследовании литовцев, разоривших крепость Коложе. В 1408, 1409, 1426 гг. неоднократно немцы и литовцы осаждали Велье, которое ни разу не было сдано врагу.

В 1565 г., во время Ливонской войны, литовцы, как пишет летописец: "шли наших людей искать и сошлися с нашими под Вельем". Нередко вельянам в борьбе помогал г.Воронич.

В XVI в. город Велье - уже значительное поселение (посад) за пределами крепости, со своим уездом - "Велейщиной".

После похода Стефана Батория на псковскую землю в 1581 г. в Велье осталось всего 20 дворов из 133 прежних. Велье теряет свое былое значение.

…**В XVII в результате** Северной войны Псковская земля и в т.ч. Велейские укрепления утратили оборонное значение и село стало превращаться в обычную провинцию.

…**В 1711 г. Велье** было пожаловано ген-прокурору Сената графу П.И. Ягужинскому, затем с 1744 г. им владел его сын - С.П. Ягужинский.

В 1761 г. граф назначил управляющим вотчиной Л.А.Травина, который оставил добрый след в истории Велья, прежде всего как рачительный администратор и историк-краевед. В числе многих деяний Травин построил в 1763 г. ныне существующую Крестовоздвиженскую церковь.

В 1777 г. Велье перешло к кн. Г.А. Потемкину-Таврическому.

В 1780 г. Велье посетила Екатерина II, по преданию императрица решила построить здесь загородный дворец.

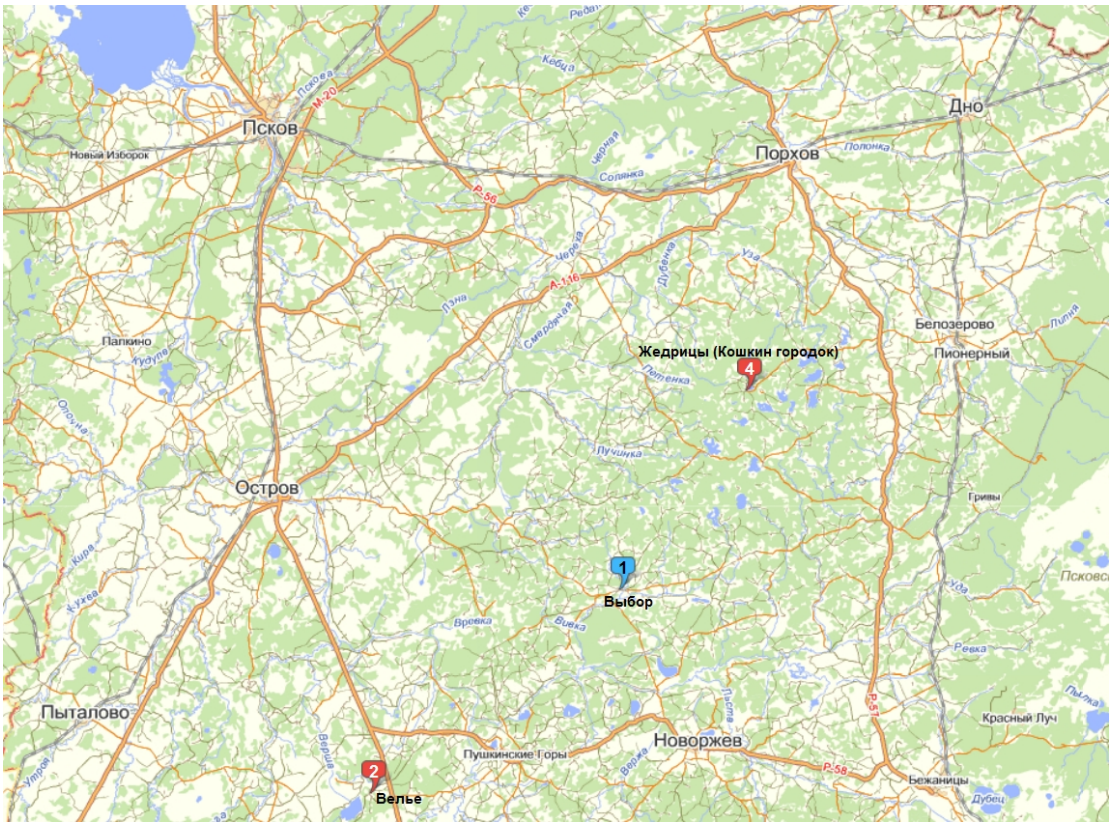
В 1782 г. Велье было пожаловано фавориту императрицы князю А.Д. Ланскому, который заказал проект дворца архитектору Д.Кваренги.

От Ланского оно перешло князю А.Б.Куракину .

См. также **Велье**, **Музей - заповедник А.С.Пушкина. Велье.**

Вернуться к ссылке

44.188. Кошкин



…**Поблизости от Вышгорода** также в Шелонской пятине находился город Кошкин. Андрияшев указывает, что местоположение Кошкина города установить в точности трудно; возможно, что он был в Жедрицком погосте [227)].

…**Четвертым "городком"**, сооруженным в исследуемом районе, был, по всей видимости, Кошкин городок. В новгородской берестяной грамоте № 704, датируемой первой половиной - серединой XIII в., сообщается: "От городцано к посаднику ко великому. Се побегли ясенян...". Издатель грамоты, В.Л. Янин, предположил, что упомянутые в грамоте "городчане" - жители Кошкина городка, расположенного поблизости от Ясенского погоста (откуда "ясенян..." ясеняне). По мнению ученого

определение "городчан" как жителей еще одного шелонского, Высокого городка менее вероятно(34).
М.Н. Тихомиров, вслед за А.М. Андрияшевым, не указывал точного расположения Кошкина городка и предлагал его локализацию в Жедрицком погосте(35). Между тем, место Кошкина городка еще в 1922 г. было определено на горе "Городок" у деревни Подгородье, находящейся между Ясенским и Жедрицким погостами(36).В 1958 г. городище Кошкина городка было обследовано П.А. Раппопортом, установившим, что на площадке высокой продолговатой горы с валами на узких сторонах нет культурного слоя(37), и это позволяет предположить, что Кошкин городок был крепостью-убежищем без постоянного населения. Вероятно, он был построен жителями (или для жителей) Ясенского и Жедрицкого погостов. Подобные городки без постоянного жилья известны в более позднее время в Псковской земле: таким, судя по всему, был Вышгородок, поставленный в 1476 г. в Кокшинской волости(38).

… В 1404 г. Витовту удается захватить Смоленск в тот момент, когда смоленский князь Юрий Святославич находился в Москве. "И се слышавъ князь Юрьи Смоленскыи, что град его взят бысть, прииха в Новъгород, и прияша его новгородцы"(88). По сообщению Новгородской четвертой летописи, новгородцы дали Юрию Святославичу в кормление 13 городов: "Русу, Ладогу, Орехов, Тиверский, Корельский, Копорью, Торжок, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Высокое, Кошкин, Городец"(89). Здесь очевидная ошибка: Кошкин городок (городец) превратился в два города - Кошкин и Городец. Точнее сведения Летописи Авраамки, где к перечисленным городам прибавлен пропущенный в Новгородской четвертой летописи Ям, а Кошкин городок пишется вместе: "Руса, Ладога, Орешок, Тивескыи, Корельскый, Копорье, Торжок, Волок Ламьскый, Порьхов, Вышогород, Яма, Высокое, Кошькин городец"90. Изгнанному из своего княжества смоленскому князю дается в кормление невиданное доселе количество городов, причем привлекает внимание то обстоятельство, что многие города из приведенного списка ранее в кормление не давались: таковы Торжок, Волок Ламский и все перечисленные города на Шелони (Порхов, Вышегород, Высокий и Кошкин городок)(91).

… В составленной в 1572 г. Духовной грамоте царя Ивана Васильевича (Грозного) перечислены те же три города на Шелони, что и в Духовной грамоте 1504 г.: Порхов, Высокой, Кошкин городок. Но перечисление идет в другом порядке, шелонские города разделены вставленными Куреском (Курском, Куром) и Доманом (Демоном): "А пригороды Новгородския: город Иван, город Яма, город Копорье, город Орешик, город Ладуга, городок Высокой, городок Доман, городок Куреск, городок Порхов, городок Кошкин, городок Старая Руса"(127). Упоминание Кошкина городка и Высокого в 1572 г. последнее, после него эти пункты исчезают со страниц источников, а в Шелонской земле остается один центр - Порхов. Лишь в нем, и то в небольшой степени, теплилась городская жизнь, Порхов со временем стал и единственным экономическим центром этого провинциального района.

См. также **М.Н. Тихомиров. "Список русских городов дальних и ближних"** , **Новгородская архитектура на Шелони**

Вернуться к ссылке

44.189. Юрий Крыжанич

Крыжанич (Юрий) — ученый хорват, один из первых проповедников идеи панславизма. Род. около 1617 г.; учился в Вене и Болонье, позже изучал в Риме богословие; ездил в Константинополь, откуда скоро возвратился, убедившись в враждебности греков к славянской народности. В 1656 г. Крыжанич окончил первый том своего большого труда на латинском языке, в котором он с жаром рассуждает о церковном раздоре: "Bibliotheca Schismaticorum universa" etc. Был ли написан обещанный в заглавии второй том этого труда — неизвестно; первый же том уцелел в римской казанатовой библиотеке в монастыре Santa Maria Sopra Minerva. Там же хранится и сделанный Крыжанич перевод на латинский язык сочинений Нила Солунского. В 1657 г. прибыло во Флоренцию русское посольство, с Чемодановым и Постниковым во главе, и у Крыжанич явилась мысль отправиться в Россию, чтобы там проповедовать идею славянского

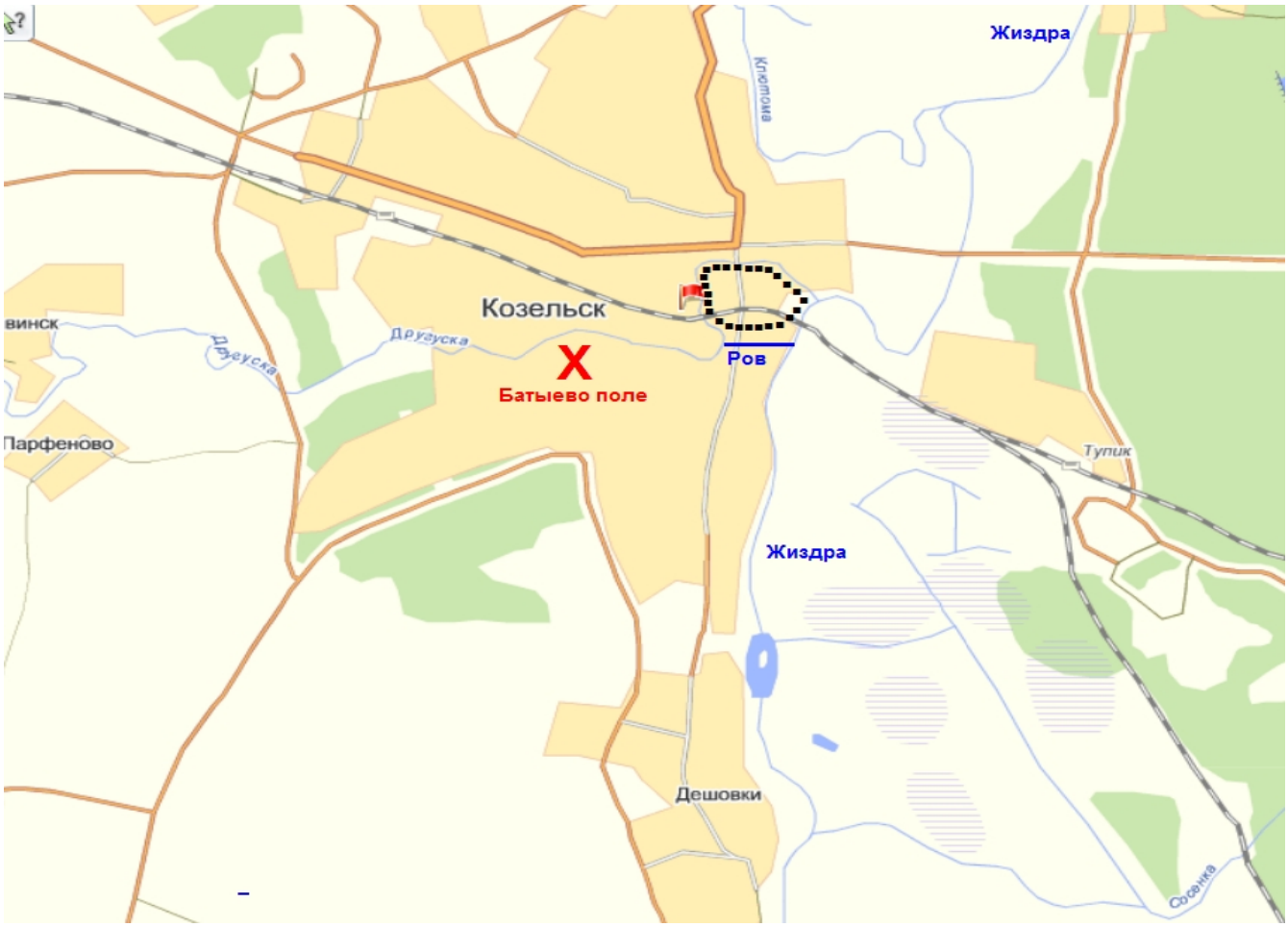
единения. Он посетил Флоренцию, виделся с посольством, произведшим на него дурное впечатление, и в Россию отправился только в следующем 1658 г. В Вене Крыжанич встретил новое русское посольство, прибывшее туда с поздравлениями к импер. Леопольду, и вскоре после его отъезда двинулся в Россию, через Венгрию, Угорскую и Галицкую Русь. В Львове Крыжанич пробыл около 3 месяцев, познакомился с историей и тогдашним состоянием Польши, а также с польской ученой и публицистической литературой. В 1659 г. Крыжанич прибыл в Малороссию, где в то время шла борьба между приверженцами Выговского и Юрия Хмельницкого. Крыжанич отдался сначала под покровительства Выговского, а затем, когда перевес оказался на стороне Москвы, перешел к Юрию Хмельницкому. Свои политические думы за это время Крыжанич выразил в двух сочинениях: "Putno opisanie od Lewowa do Moskwi" и "Besida ko Czerkasom, wo osobi Czerkasa upisana". В первом указываются причины нерасположения малороссов к России, которые автор видит во влиянии ляхов и греков, а также в политике Москвы относительно Малороссии; поэтому автор излагает свои соображения "как нужно обходиться с черкасами и вести дела". Во втором, разделенном на две части: 1) "усмотрение о неволях, которые мы, казаки, имеем терпеть от ляхов"; 2) "усмотрение о Царском Величеству", Крыжанич убеждает малороссов подчиниться России, которая берет перевес не случайно, а вследствие исторического хода событий. В Малороссии Крыжанич пробыл полтора года и хорошо познакомился с положением страны. Его сочинения сделались известны в Москве, где не могли нравиться его резкие, самостоятельные отзывы и мнения, а потому, лишь только Крыжанич прибыл в Москву, как по распоряжению приказа лифляндских дел, 8 января 1661 г., был послан в Тобольск, чтобы "быть ему там у государевых дел, у каких пристойно". Этим была замаскирована ссылка. О пребывании его в Тобольске сведений нет. Мы знаем, что здесь жил расколо-учитель Лазарь; познакомился Крыжанич также и с протопопом Аввакумом. Дела у Крыжанич не было, а потому он всецело отдался литературным занятиям: он привез с собой порядочную библиотеку, которую собрал за границей и по дороге в Москву. Труд его по русской истории, составленный, в Тобольске, на основании иностранных и русских источников (не издан), служил, вероятно, подготовлением к "Политике" Крыжанич, изданной проф. Безсоновым в "Приложениях" к "Русской Беседе" за 1859 г. и отдельно в1860 г., под неверным заглавием "Русское государство в половине XVII в.". "Политика" написана хорватским языком, но с русскими словами и особенностями; алфавит употреблен латинский, но с отчетливой передачей славянских букв. Значительная часть труда писана по-латыни. Крыжанич изображает жизнь русских или вообще славян, сравнивает ее с жизнью других народов, отсюда делает заключение о потребностях и недостатках и предлагает средства к их устранению; разбирает вопрос о народном и государственном богатстве, говорит о торговле, ремеслах, земледелии и добывании металлов, о внешней, военной силе государства; наконец, рисует картину внутренней жизни Руси, как результат ее исторического развития. К "Политике" тесно примыкает другой труд Крыжанич: "De Providentia Dei" (изд. Безсоновым в 1860 г., под загл. "О промысле"), где вопрос о победах и поражениях, благосостоянии и бедствиях государства рассматривается с религиозно-догматической точки зрения и главной причиной всех причин, о которой забывают люди, выставляется *Промысел Божий,* посылающий поражения и другие бичи. Сочинение свое Крыжанич посвятил было наследнику престола и надеялся через это достигнуть смягчения своей участи; но не нашлось возможности тогда же отправить труд в Москву. Впоследствии, Крыжанич несколько раз изменял свое посвящение (рукопись сохранилась, но целиком еще не напечатана). Есть сведения, что труды Крыжанич все же не остались неизвестными в Москве: они были в царской библиотеке и ходили по рукам у частных людей. В Сибири в 1666 г. Крыжанич написал и грамматический труд, за которым Бодянский и Шафарик признают много достоинств: "Граматично изказание об русском иезику" (изд. Бодянским в "Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.", 1848, I, и 1859, III). Московский собор 1667 г., с его постановлением не перекрещивать католиков при переходе в православие, вызвал чисто-богословский труд: "Об светом крещценю", в котором Крыжанич защищает постановления собора. Известная соловецкая челобитная побудила Крыжанич написать на нее обличение: "Соловечска Челобитна, об сујеверству и об раздору". В "письме об освобождении" (litterae pro liberatione), с которым Крыжанич обратился к новому наследнику

престола Федору Алексеевичу, проводятся те же идеи, что и в "Политике": верховная власть предостерегается от злоупотреблений и от излишнего доверия к иноземцам. Только после смерти Алексея Михайловича, 1676 г., Крыжанич удалось освободиться из ссылки и отправиться в Москву. О дальнейшей судьбе Крыжанич имеется мало сведений. В письме к царю Федору Алексеевичу, "на счастливое его государское венчание" Крыжанич просил, между прочим, отпустить его на родину. Просьба не была тогда же исполнена, хотя и есть известия, что Крыжанич умер вне России: когда, где и при каких условиях — неизвестно. Недавно московское общество истории и древностей российских предприняло в своих "Чтениях" издание полного собрания сочинений Юрия Крыжанич

Литература: Соловьев, "История России" (т. XI и XIII); Смирнов, "Сербского попа Юрия Крыжанич опровержение Соловецкой челобитной", в "Творениях св. отцов" (1860, кн. 4); статья о Крыжанич в "Современнике" (1860, август); "Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVII vieka s ove strane Velebita" (Загреб, 1869); Даничич, "Gramatika Gjurgja Križanica", в "Rad Jugoslavenske Akademije zuatosti i umjetnosti" (1871, кн. XVI), там же (1872, кн. XVIII) статья Ягича; Безсонов, "Католический священник серб (хорват) Юрий Крыжанич" (в "Правосл. Обозр.", 1870, три статьи); Костомаров, "Русская история в жизнеописаниях" (т. 11); Арс. Маркевич, "Юрий Крыжанич и его литературная деятельность" (в "Варш. Унив. Известиях", 1876, январь и февраль, и отдельно); статьи проф. А. Т. Брикнера. в "Древней и Новой России" (1876, кн. II и III) и в "Russische Revue" (1876, кн. II); его же ряд статей о Крыжанич в "Русском Вестнике", с 1887 г.; Первольф, "Славянская взаимность с древнейших времен до начала XVIII в." (1874).

Вернуться к ссылке

44.190. Козельск



…**По данным Рашид ад-Дина**, после уничтожения последних полков Владимиро-Суздальской Руси монгольские предводители устроили военный совет, судя по расположению их туменов на

март 1238 г., они должны были собраться в ближайшем для всех пункте – в районе Твери. Там было решено возвращаться в Половецкую степь, причем по новым местам, чтобы идти "облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся [на пути], брать и разрушать" [там же]. Фронт этой "облавы" раскинулся очень широко – от восточных районов Смоленского и Черниговского княжеств на ее левом фланге, до Рязанской земли на правом. Левое крыло вел Батый ("Бату подошел к городу Козельску" [39, с.39]), а правое, видимо, вели Бури и Кадан, которые соединились с Бату у Козельска довольно поздно ("потом прибыли Кадан и Бури" [там же]).

Маршрут правого крыла точно неизвестен, только из одного из списков "Повести о разорении Рязани Батыем" известно, что монголы прошли мимо Рязани весной 1238 г., не тронув ее [97, с.110]. О маршруте Батыя известно больше – от Торжка он двинулся по Волге и Вазузе (приток Волги) к междуречью Днепра, а оттуда через смоленские земли к черниговскому городу Вщиж, лежащему на берегу Десны [16]. Археологи установили, что **Вщиж** (летописный "Въщиж") погиб от монгольского нападения в 1238 г. [159, с.114-115]. Прохождение монголов через смоленские земли зафиксировано в "Слове о Меркурии Смоленском", в котором сказано, что Батый был недалеко от Смоленска и "ста от града за 30 поприщ [17]" [30, с.204]. Исследователи "Слова о Меркурии Смоленском" установили, что местом стоянки монгольского отряда было Долгомостье [136, с.154, 156]. Долгомостье было недалеко от современного Ельца и находилось в бассейне Десны, как и Вщиж. Скорее всего, следуя по Десне, монголы Бату вышли на р. Жиздра, по которой добрались до Козельска (он лежит на берегу Жиздры).

Город оказал монголам героическое сопротивление, некоторые подробности которого мы рассмотрели выше. Отметим еще, что успеху обороны могло содействовать то обстоятельство, на которое указал О.М. Рапов: "Козельск был хорошо прикрыт со всех сторон реками, болотами и холмами и взгорьями… Разлив р. Жиздры, наполнение ручьев и болот талой водой [18] не могли не сковать действий монголов" [154, с.86]. Кроме того, козляне осуществляли удачные вылазки, во время одной из которых они уничтожили осадные орудия: "исшедше из града, исекоша праща их, нападше на полъкы их и убиша Татар" [ПСРЛ т.2, стб.781].

По сведениям русских летописей, осада продолжалась 7 недель, пока к Козельску не подошли тумены Кадана и Бури и тогда монголы "взяли его в три дня" [39, с.39]. Оборона Козельска является одним из самых замечательных эпизодов отечественной военной истории, слова галицкого летописца рисуют яркую картину борьбы русских людей за свой город: "Яко ум крепкодушный имеють людье в граде, словесы лестьными невозможно бе град прияти. Козляне же свет [19] сътворише – не вдатися Батыю, рекше, яко аще князь нашь млад есть, но положим живот свои на нь и зде славу сего света приимше… Тотаром же бьющимся о град, прияти хотящим град, разбившим граду стену. И возиидоша на вал Тотаре, Козляне же ножи резахуся с ними. Свет же створиша – изиити на полкы Тотарьскые. И исшедше из града, исекоша праща их, нападше на полъкы их и убиша Татар 4 тысящи и сами же избьени быша. Батыи же взя город, изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко, о князи Васильи неведомо есть, и инии глаголяху, яко во крови утонул есть, понеже убо млад бяше есть. Оттуду же въ Татарех не смеють его нарещи "град Козлеск", но "град злый", понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татар сыны темничи три. Татары же искавше и не могоша их изнаити во множестве труп" [ПСРЛ т.2, стб.781].

См. также **Объяснение загадок обороны Козельска 1238 г.**, **Слово о том, как город-герой пытаются сделать городом-бомжом**, **Козельск не был взят, а люди живы**, ***Р. Храпачевский.*** **Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу**, **ОБОРОНА КОЗЕЛЬСКА 1238 ГОД (историческая справка)**

Вернуться к ссылке в гл.29

Вернуться к ссылке в гл. 31

44.191. Кирилов Иван Кириллович (1689—1737)

Иван Кирилович Кирилов, один из основателей отечественной географической науки, родился в 1689 году в семье подьячего *(Лицо, ведающее приказным письмоводством)*. В 1702 году, в возрасте тринадцати лет, поступил в Навигационную школу, находившуюся тогда в Москве, в ведении Оружейной палаты, о чем сохранилось письменное свидетельство: *«Послан из Палаты Оружейной в школу наук математических, во ученики Иван Кирилов, которого принять учителю Андрею Фархварсону с товарищи нынешнего 1702 майя в 23 день»*.

Этот документ опровергает сложившееся представление о И.К. Кирилове как о самоучке. В 1712 году Кирилов — подьячий в Ельце, выполняет землемерные или топографические работы, связанные, скорее всего, с широкой заготовкой леса для строительства судов, поскольку в то время Елец числился «по кораблестроительным делам» и был приписан к Азовской губернии. Знаем же мы об этом потому, что именно в 1712 году стольник И.Д. Хлопов объезжал ряд губерний, отыскивая для службы в Москве способных молодых людей. Среди двенадцати человек, отобранных Хлоповым, был и двадцатитрехлетний Иван Кирилов.

В Москве Кирилов поначалу служил в Поместном приказе, но вскоре, когда Приказ упразднили, а его дела передали в Поместный стол Сената, там же оказался и он. В Сенате Кирилов прослужил более двадцати лет и, начав с самой нижней ступеньки служебной лестницы, поднялся до обер-секретаря Сената (1728).

С первых же дней своей службы на новом месте, Кирилов обратил на себя внимание углубленным интересом к картам, картографии, к тому, что мы бы назвали сейчас экономической географией.

Вероятно, поэтому, когда в 1720-х годах в России приступили к полномасштабным геодезическим съемкам и составлению карт территорий Империи, руководство этими работами было поручено И.К. Кирилову. Помимо картографических материалов, к Ивану Кириловичу стекались и разнообразные статистические сведения: о наличных дорогах, реках, лесах, городах и сёлах, составе и численности населения, его занятиях, промыслах и т.д. Всё это богатство Кирилов решил использовать для составления полного описания Отечества.

В 1727 году грандиозный труд, первый в своем роде, был завершен и назывался, по обычаю того времени, так: «**Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечествия, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят, губернии Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская»**.

Название прекрасно очерчивает предмет исследования и дает представление о широте кругозора его автора.

Вторая книга того же труда посвящена описанию Нижегородской, Казанской, Астраханской, Архангельской и Симбирской губерний... Этой работой русский ученый во многих отношениях опередил своих европейских коллег и заслужил право называться первым эконом географом. Экземпляр «Цветущего состояния...» имел в своей библиотеке А.С.Пушкин.

Одновременно с «Цветущим состоянием...» Кирилов подготовил и первый обширный атлас Российской Империи. Но вот с изданием его вышла долгая и малоприятная заминка. Дело в том, что с той же целью из Франции был приглашен академик Делиль, уже начавший работу по составлению Академического атласа России и, естественно, совершенно не заинтересованный в

труде Кирилова. Вероятно, не без его воздействия открывшаяся в 1725 году Академия наук встретила проект Кирилова без особого сочувствия.

Однако И.К.Кирилов, видевший крайнюю нужду в картах для практической деятельности государственных учреждений, торговли, военного дела и т.п., не смирился, решив во что бы то ни стало добиться издания своего атласа. Побуждало его к этому не столько вполне понятное авторское самолюбие и ущемленная национальная гордость, сколько принципиальное несогласие с принятой на Западе методикой информационного насыщения карт:

«...Вкратце приношу, что меня принудило впервые зачать географические российские карты в один атлас собрав: тот недостаток, которого в чужестранных картах терпеть не мог, ибо многим несходствам и более жилые места пустою землёю опоясывают и в карты кладут... »

Кирилов не пожелал даже воспользоваться «чужеземными» меридианами и выбрал за точку отсчета свой: меридиан островов Даго и Эзель (Хиума и Сарема), расположенных в российских водах Балтийского моря.

Когда Кирилов увидел, что работа Делиля затягивается, он принял решение напечатать свой атлас под личную ответственность и на собственные средства. В 1734 году первый том «Атласа Российской Империи» вышел в свет. О том, насколько тщательно он проработан, свидетельствует тот факт, что многие его данные входят сейчас в учебники по истории развития народного хозяйства в качестве первоисточников.

Например, исследуя русскую промышленность, Кирилов составил перечень железоделательных заводов и фабрик первой четверти XVIII века и дал их общий итог: «233 промышленных предприятия».

В работе Кирилова приводится немало исторических описаний и свидетельств (о походах Ермака, покорении Сибири, освоении Камчатки), сопровождаемых этнографическими и хозяйственными подробностями. В частности, рассказывая о Камчатке и трех её островах (Нижнем, Верхнем, Большерецком), автор сообщает:

«...Население там разнообразное, каждый народ говорит на языке, который с прочими сибирскими иноземцами ничем не сходят, и мужской пол весь пустобородный. Лошадей и скота никакого не имеют, токмо немного оленей. Питаются рыбой, травою, кореньями, соболей, лисиц, бобров камчатских ловят множество, которым зверем покорённые камчадалы и ясак платят. Из русских товаров выбойку, китайку, топоры, котлы, иглы, напёрстки, отчасти красные сукна на зверя охотно меняют ».

Самое интересное, что всё это написано почти за два десятилетия не только до выхода в свет классического труда С.Крашенинникова о Камчатке, но даже до начала его путешествия.

В качестве обер-секретаря Сената Кирилов способствовал снаряжению различных экспедиций, обычно имея в виду конкретный государственный «прибыток».

Оренбургская экспедиция

Оренбургская экспедиция также была задумана Иваном Кириловым ввиду выгод торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией. В Государственном архиве Оренбургской области хранится документ: «Проект обер-секретаря Сената И.К. Кирилова строительства русского города на юго-восточных рубежах Российской Империи».

В этом проекте Кирилов аргументированно доказывает историческую необходимость и целесообразность безотлагательного строительства города-крепости: «Требуется укрепить юго-восточные границы государства, построить «великий город-крепость» и сделать его главным опорным пунктом края. А от него по Яику, Самаре и Сакмаре строить крепости, редуты и форпосты, которые составят оренбургскую пограничную линию».

Эта линия призвана была защитить границы Империи, земли её новых подданных — киргиз-кайсацкого и каракалпакского народов — от джунгар и в значительной мере послужить препятствием для разорительных набегов степняков на башкир, а башкир на степняков, воспрепятствовать междоусобным конфликтам.

Новый город должен был стать организующим центром, базой торговли России с киргиз-кайсацкими ордами и ханствами Средней Азии, с Афганистаном, Персией, арабским Востоком, Индией. В Проекте об этом записано, что строительство нового города необходимо «не только для одного содержания киргизцев, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухару, в Бодохшан, в Балх и в Индию».

Первого мая 1734 года проект Кирилова получил одобрение государыни Анны Иоанновны, а 18 мая его автор был назначен главой экспедиции — называлась она поначалу «известною», а затем и прямо Оренбургской.

Экспедиция имела большие полномочия, ей должен был подчиняться уфимский воевода. Помимо ученых, топографов, инженеров, военных, в составе экспедиции находились несколько студентов Славяно-греко-латинской академии и священник.

Любопытный факт: первоначально священником в экспедицию Кирилова вызвался ехать Михаил Васильевич Ломоносов, учившийся тогда в классе риторики Славяно-греко-латинской академии. Однако во время допроса в канцелярии Академии Ломоносов признался, что он сын крестьянина

и положен в подушный оклад, а не сын поповича, как говорил прежде. После этого признания Ломоносов вообще не был рукоположен в священники, и вопрос об участии его в экспедиции отпал...

Десятого ноября 1734 года Кирилов с экспедицией прибыл в Уфу, затем двинулся к месту предполагаемой закладки будущего города. В конце года в верхнем течении Яика он основал первую из крепостей на оренбургской линии: Верхнеяицкую.

Но план Кирилова, составленный умозрительно, на основании одних теорий, на деле оказался не столь легко осуществим. *«Пришлось мечтать не об устроении флотилии на Аральском море, думать не о снаряжении торговых караванов из Оренбурга через киргизскую степь в богатую золотом, пряностями, драгоценными камнями и тонкими тканями благодатную Индию, —* писал историк П.Н. Столпянский, *— нет, пришлось вести упорную кровавую борьбу за каждый шаг, за каждый кусочек номинально числящейся за ними земли и вести борьбу на два фронта. С двумя народностями, тоже номинально состоящими в нашем подданстве: с боков давили башкиры, которые понимали, что их владычеству пришел конец, а впереди были воинственные номады киргизы...»*.

Достигнув по Яику устья реки Ори, Кирилов, помолясь Богу, заложил здесь 15 августа 1735 года крепость, а неделю спустя, 31 августа, основал город Оренбург, переименованный позже в крепость Орскую.

Далее была заложена Бердская слобода — в двадцати верстах от Сакмарского казачьего городка вниз по Яику, следом крепости Сорочинская, Тоцкая, Бузулукская, Ольшанская (Елшанская), Борская, Красносамарская...

Летом 1736 года Кирилов выехал в Самару, где находилась штаб-квартира Оренбургской экспедиции, для решения неотложных дел и в Оренбург (Орск) уже не вернулся — 14 апреля 1737 года, на сорок восьмом году жизни, он умер от чахотки в Самаре и там же был похоронен. В бумагах Кирилова были найдены ландкарты, не завершенные исторические и географические труды, несколько летописей из Сенатского архива. Кроме того, за покойным остался долг казне в 7591 рубль (по сведениям историка С.Соловьёва), который положили взыскать с его сына — Петра Ивановича Кирилова, обер-аудитора Военной коллегии. Однако сын оказался не в состоянии выплатить такой долг.

Спустя двадцать пять лет Сенат нашёл, наконец, способ, как списать эту весьма значительную по тем временам сумму и освободить сына, ради заслуг его отца, от уплаты отцовского же долга: в докладе, поданном императрице Елизавете, Сенат просил о пожаловании Петра Ивановича Кирилова десятью тысячами рублей — с тем, чтобы в эту сумму зачесть и долг. Ходатайство Сената было удовлетворено только в 1764 году Екатериной II.

Оценивая деятельность И.К. Кирилова на посту начальника Оренбургской экспедиции, различные исследователи, пишущие об истории Оренбургского края, единодушны в одном: главной ошибкой Кирилова был неправильный выбор места для закладки города-крепости. «Кирилов пренебрег растянутостью коммуникаций с Центральной Россией, — замечает историк В.В.Дорофеев в статье «Начало Орска», — за что пришлось расплачиваться в первую же зиму: гарнизон крепости выжил только за счет уменьшения состава почти на 800 человек, более половины которых погибло на пути в Сакмарский городок...»

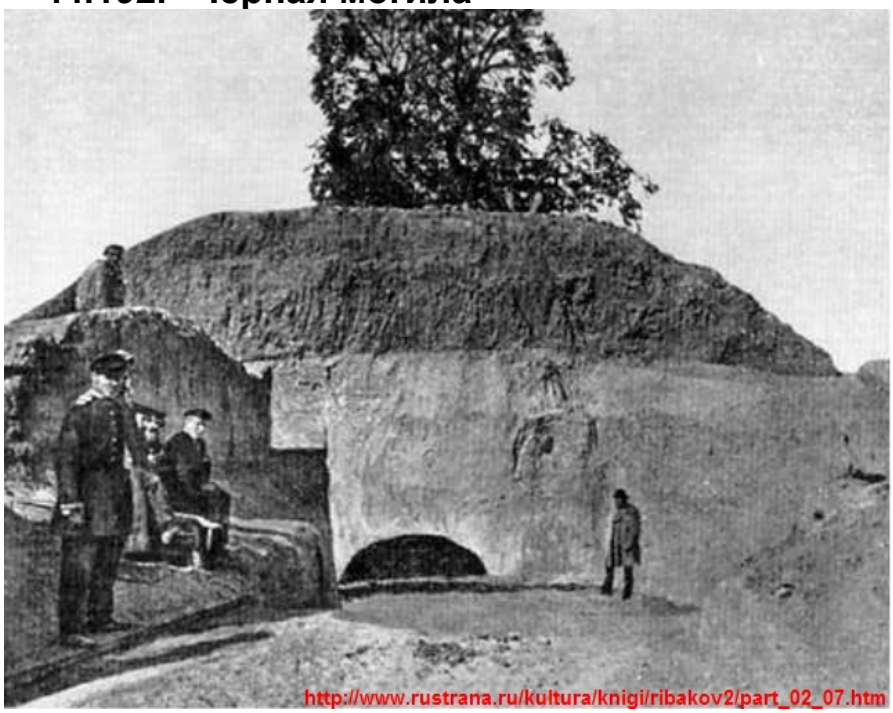
Экономически несостоятелен был и план Кирилова относительно строительства в Оренбурге (Орске) серебряного завода: не было ни подходящего качества руды, ни, самое главное, лесов в необходимом количестве.

Аполлон Кузьмин, автор книги «Татищев» (1981), писал, что Кирилов «воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было и не слишком много оснований». Однако, по мнению писателя, «Кирилов был, конечно, совершенно искренен, с огромной энергией принявшись за освоение Новой России, как он называл полупустынные районы, которые предстояло оживить». Научные же заслуги Ивана Кириловича Кирилова не подлежат сомнению.

См. также **Иван Кирилович КИРИЛОВ**, **Иван Кириллович Кирилов - 320 лет со дня рождения**, **Кирилов Иван Кириллович (1689–1737)**

Вернуться к ссылке

44.192. Чёрная могила



«Чёрная могила» — курган древнерусского происхождения конца X века в Чернигове. Местное предание приписывало его князю Чёрному, основателю Чернигова. Раскопан в 1872—1873 Д. Я. Самоквасовым. Под насыпью обнаружены остатки большого костра, на котором были сожжены трупы двух воинов (по предположению учёных в кургане погребены отец и сын), а также, вероятно, рабов и рабынь; в кургане найдены орудия труда и женские украшения. На кострище найдены мечи, кольчуги, наконечники копий и стрел, металлические сосуды, керамика и многое другое. В насыпе на высоте 7 м от основания лежали шлемы, кольчуги, 2 золотые византийские монеты времен Василия I Македонянина, и, по-видимому, ритуальные предметы (железный котёл с костями барана, два жертвенных ножа, бронзовый идольчик и два сосуда из рогов тура в серебряной чеканной оправе), положенные в момент тризны. Серебряные оковки рогов украшены чеканным растительным орнаментом, на большом роге изображены мужчина и «женщина» с луками, стреляющие в птицу, фантастические животные.

Есть предположение, что в кургане захоронен современник князя Святослава, упомянутый в «Повести временных лет» под

968 годом, воевода Претич с «другой стороны Днепра», спасший Киев от печенегов и заключивший мир с ханом, обменявшись с ним оружием. Предметы из кургана в настоящее время находятся в Государственном историческом музее в Москве. Подобные курганы имеются в Гнёздове — Гнёздовские курганы.

Шлем из Черной могилы

См. также Бронзовый идол из **Черной могилы**

Вернуться к ссылке

44.193. Каган

Кага́н (*хакан, хаган*) — высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии. Хан ханов. В монгольское время слился с родственной формой **каан** («великий хан»).

Впервые засвидетельствован в китайских источниках применительно к центрально-азиатскому племени сяньби (

III век). В 402 его приняли жужани вместо гуннского титула шаньюй. От жужаней он был заимствован аварами и тюркютами (с 551 г.), создавшими в середине VI века самую крупную на тот исторический момент кочевую империю — Тюркский каганат. После его распада титул получил хождение у многих тюркоязычных народов (хазары, уйгуры, карлуки, кыргызы, кимаки и др.).[1]

В Европе с эпохи Великого переселения народов существовало три каганата: Аварский, Тюркский и Хазарский. Кроме того «каганом гор» в некоторых арабских хрониках назывался правитель страны Сарир в Горном Дагестане (IX век).

Титул кагана в IX веке носил и верховный правитель Руси, заимствовав его, как полагают, у хазар. Митрополит Илларион называл каганами киевских князей Владимира и Ярослава Мудрого. В Слове о полку Игореве титул употреблён по отношению к тмутороканскому князю Олегу Святославичу.

В форме «каан» появляется в источниках начиная с

XIII века. Так обозначается верховный правитель Великого Монгольского Улуса, причём эта титулатура законодательно зафиксирована в Ясе Чингис-хана: ***Царям и знати не надо давать многообразных цветистых имен, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным (личным) именем.[2]***

Другая статья Ясы закрепляет порядок провозглашения кааном — кандидатура обязательно должна быть одобрена участниками великого курултая, совета всех чингизидов и кочевой знати. Нарушителям грозила смертная казнь.

Считается, что первым титул каана принял Угэдэй.[3] Рашид ад-Дин в *Джами ат-таварих* дополняет этим титулом имена многих членов рода Борджигинов, начиная с Бодончара, а также имена потомков Чингис-хана — правителей Угэдэя, Гуюка, Мункэ, Хубилая и Тэмура. Сам Чингис кааном не именуется. При этом, тот же Рашид ад-Дин замечает, что *«Угедей… стал после Чингиз-хана кааном»*.[4] О «Чангыз-Каане» пишет и армянский историк Григор Акнерци (инок Магакия).[5]

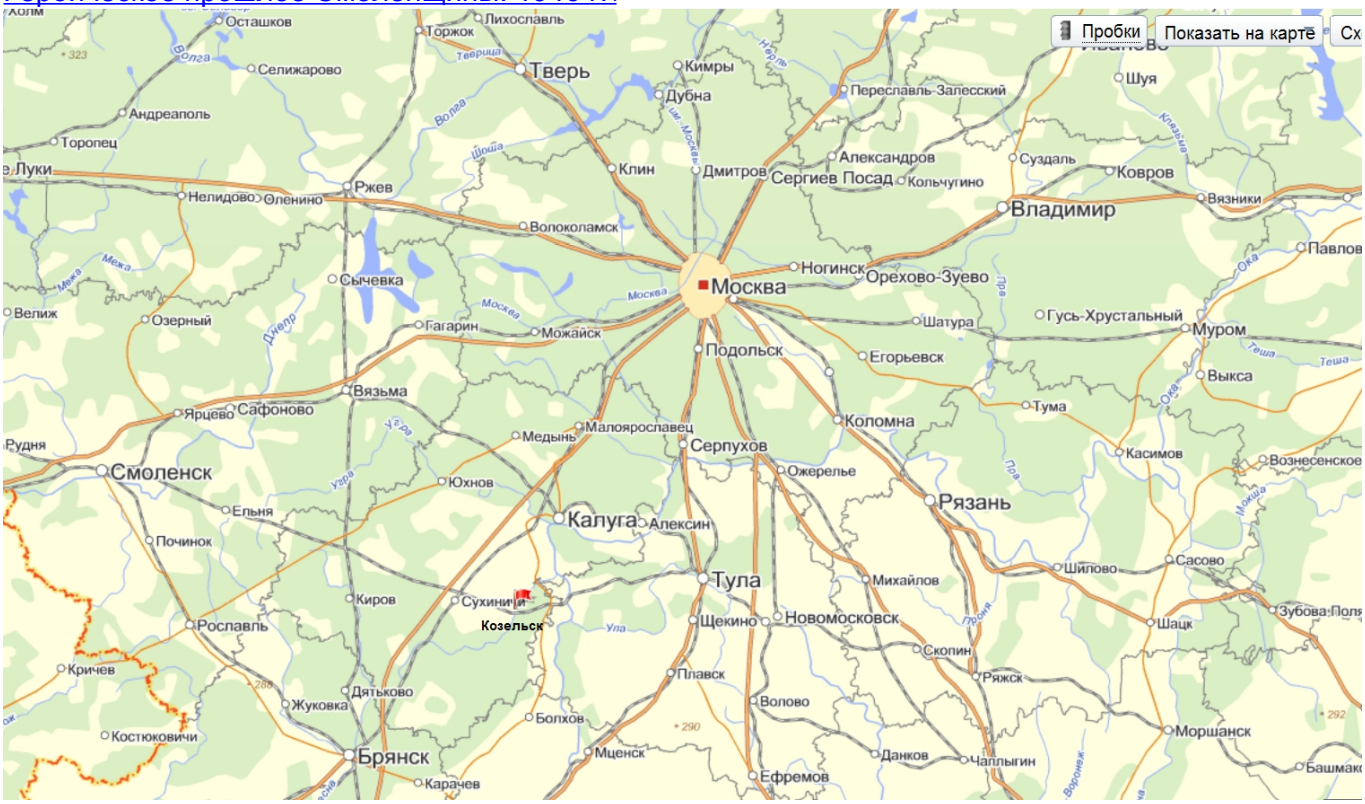
Вернуться к ссылке

44.194. Смоленск в 1238 г.

… 1238 году татары обошли Смоленск, коснувшись только восточных частей княжества. В следующих 1239-1240 г.г. татары двинулись на южные русские княжества, разгромили и завоевали их, но Смоленск снова остался в стороне от движения захватчиков. Верно, отдельные отряды татар приближались к Смоленску со стороны Ельни. 15 августа 1239 г. татарский отряд подошел к Смоленску, но смоленские жители сумели отстоять город. Татары были разбиты. Под первым впечатлением боев с татарами возникла сказочная повесть о героическом подвиге воина Меркурия, остановившего врага. Обезглавленный в бою, он принес свою отсеченную голову в город. Таким образом, Смоленск избежал татарского погрома, вто время, как города северо-восточной Руси и южного Поднепровья были в развалинах. \ Н. Андреев, Д. Маковский. Смоленский край в памятниках и источниках. Ч.1.1949 г.\

…В 1239 году «умыслил злой мучитель Батый тайное нашествие на богоспасаемый Смоленск», - говорится в сказании о Меркурии Смоленском. Большой татарский отряд был послан Батыем на покорение Смоленска. Татары вторглись на Смоленскую землю, оставляя после себя пепел и

развалины, мучая и убивая людей. - И многие из православных сами себя зарезывали и от себя смерть принимали, чтобы не осквернииться от поганых. Татары двигались на Смоленск со стороны Ельни. Не доходя 24 верст до Смоленска, они были задержаны девятиверстным болотом (Долгомостье). Через болото перешла только часть татар. 15 августа около города появились татарские разъезды. Ночью смоляне перебили многих из них, что воодушевило жителей. И когда назавтра к городу приблизились татары, смоляне вышли навстречу «в поле» (за Молоховские ворота). Решительно ударили смоляне на татар; последние не выдержали и побежали. Главные силы татар, стоявшие за болотом, вынуждены были удалиться к себе в степи. \ Д. Маковский. Героическое прошлое Смоленщины. 1946 г.\



Первым смоленским святым русская церковь канонизировала смоленского юношу Меркурия, который спас город во время нашествия татар. Наука склонна считать, что это не подлинное лицо, а мифологизированный образ юноши-воина, распространенный в европейских странах в эпоху раннего Возрождения.

В жизнеописании Смоленского Меркурия рассказывается, что когда татары подошли к городу, Богородица послала воина на подвиг. Он выходит навстречу войску врага, сражается с великаном и убивает его. Однако сам погибает от рук сына великана, который отсекает Меркурию голову. Некий великан, не имеющий исторического имени, олицетворяет зло, которое должно быть наказано. Смоленск в действительности не был захвачен татарами.

Вот как описал это событие первый смоленский историк И. Шупинсикий: «Татары , разоряя Россию, сделали нападение и на Смоленское княжение. Войска татарские остановились за 25 верст от города, на месте, называемое Долгомостье, кое и теперь известно под тем же именем и означает древнюю кровопролитную войну множеством курганов. Тут напал на них нечаянно находившийся тогда на службе великого князя, кое имя его не известно, римский князь Меркурий, убил их главного начальника, на которого они, в рассуждении его силы, больше, нежели на все свое многолюдство надеялись; чрез что привел их в великое смятение и множество из них перерубил, а остальных обратил в бегство; но и сам лишился жизни».

Современные исследователи попытались детализировать события, отнеся их к весне 1239 года. Меркурий уже возглавлял дружину, и о его римском сане не упоминается. Дружина якобы встретила Батыя у кромки болота и приняла сражение, на помощь пришли и жители Смоленска.

Что же произошло далее? Обезглавленный Меркурий восстал на поле боя, взял свою голову и пришел в Смоленск к городским воротам. Смоляне были изумлены. В какой момент Меркурий умер, не рассказывается, но все же это произошло, ибо смоляне похоронили его тело в Успенском соборе по левую сторону клироса. Над гробом поставили оружие: меч, копье, щит, шлем, поднесь. От всех реликвий Меркурия до наших лет сохранились лишь железные сандалии. Все остальное утрачено при разных обстоятельствах. Во-первых, при захвате Смоленска поляками в 1611 году, затем при перестройке Успенского собора в 17 веке.

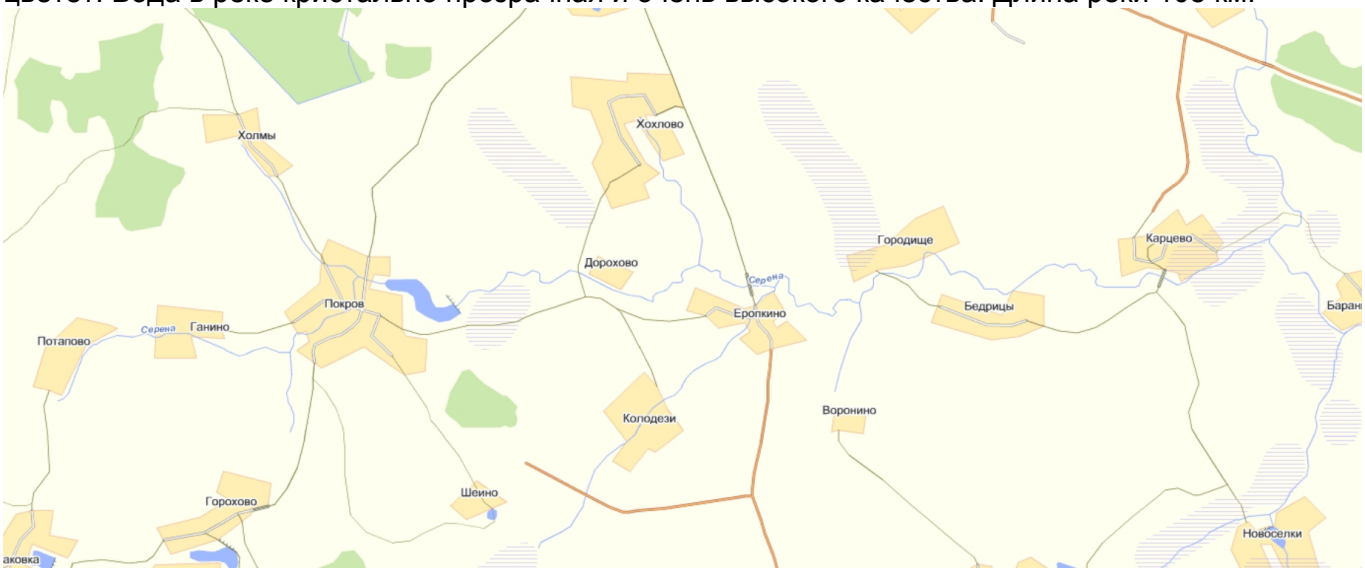
Последняя находка, связанная с именем Меркурия, была сделана в 1900 году. Церковный историк Д. Вишневский на чердаке Диво-Зачатьевской церкви обнаружил сундук, а в нем серебряный ковчежец с частицей мощей св. Меркурия. В русской иконописи образ Меркурия представляется в облике юноши в латах и в полном вооружении. У итальянского художника Боттичелли мифологический Меркурий отнюдь не смоленский, изображен на его самой известной картине «Весна» (около1478 г.). Меркурий разгоняет палкой зимнее облако. На нем легкая накидка, шлем и меч на подвязи через плечо. Бывая часто в Талашкине и хорошо зная Смоленск, художник Н.К. Рерих создал картину на сюжет со Смоленским Меркурием (хранится в Америке). Он изобразил его на фоне крепостной стены 17 века, которой при жизни святого не было. Образ Смоленского Меркурия мы найдем и в росписях Владимирского собора в Киеве, выполненных художником В.М. Васнецовым. В честь подвига Меркурия смоляне поставили когда-то знак – каменный столб у Молоховских ворот, который был утрачен еще в 18 веке. \ Л. Журавлева, искусствовед. «Смоленские новости», 1997, 21 марта\

См. также Слово о Меркурии **Смоленском**

Вернуться к ссылке

44.195. Серена

Река Серена – самый крупный, левый приток Жиздры – берет начало близ деревни Холмы. Вытекает из небольшого родника с хрустально чистой водой, Сирена первые 20 км. продвигается строго в восточном направлении. Серена - речка мелководная, с длинными перекатами, не цветет. Вода в реке кристально прозрачная и очень высокого качества. Длина реки 108 км.



Исток у д. Потапово – Ганино – Покров – Дорохово – Еропкино – Городище – Бедрицы – Карцево – Коровино – Нестеровка – Глинное – Космыново – Лаптево – Привалово – Головино – Староселье – Никольское – **Серенск** – Молостово – Мошонки – Копцево – Марфинка – Сбежня – Ильинское – Берды – Сбылево – Антипово – Плюсково – Коробки – Нижнее Дерягино – Юдинки – Грива – Бурнашево – Клыково – Городец – Маслово – Шамордино – Копоново – Полошково – Серено-Завод – Каменка – река Жиздра.

...**В справочнике 1864** года о Серене говорилось, что течет она между берегами "весьма крутыми, обрывистыми и открытыми. Всего течения по Калужской губернии 93 версты. Берега

частично глинистые, частично каменистые; дно песчаное, но более каменистое, течение имеет быстрое".

Утро на реке Серене.

...Откуда же такое название - Серена. "Среен" - в переводе с древнерусского - наст, гололед и еще прилагательное светлый. Может быть, вятичи, пришедшие сюда более тысячи лет назад, светлым весенним днем увидели эту реку и эти просторы? Во всяком случае, других объяснений автор) сколько не искал, не нашел. Километрах в четырех выше места кашей стоянки на правом берегу вот уже более семи веков дремлют мощные валы древнего города Серенска. Когда-то это был крупный ремесленный и торговый центр, но во время нашествия Батыя город погиб и более не возродился. В середине шестидесятых годов археологи откопали здесь сплошное пепелище: обгоревшие бревна, запасы обуглившегося зерна, куски спекшихся стеклянных браслетов... Были обнаружены и неглубокие, поспешные захоронения. Поднявшись вверх по реке, можно осмотреть древнее городище, походить по бывшему кремлю, посаду, посмотреть на крутые валы и глубокие рвы, так и не спасшие от разорения город, название которого носит теперь небольшая деревенька.

Река Серена

См. также **Загадки реки Серены**, **Знакомьтесь: река Серена**

Вернуться к ссылке

44.196. Кукша Печерский

Кукша Печерский (умер после 1114 года) — иеромонах Киево-Печерского монастыря, преподобномученик.

Проповедовал вместе со своим учеником Никоном христианство вятичам, жившим на Оке, занимая местность нынешних Орловской и Калужской областей, за что был зверски убит ими. Гибель Кукши прозрел преподобный Пимен Постник. В церкви он громко сказал: «*Брат наш Кукша убит на рассвете!*» Погребён Кукша в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря.

В житии Кукши Печерского рассказывается о его многочисленных чудесах. Православной церковью память крестителя Орловского края празднуется 11 октября (27 сентября по старому стилю), Собор преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер и 9 сентября (27 августа по старому стилю).

Современные исследователи предположительно называют местом гибели Кукши и его ученика город Серенск на реке Серене, притоке Жиздры (нынешний Мещовский район Калужской области), - но, скорее всего потому, что этот город, несомненно, находился на пути проповедников и к тому же хорошо исследован археологами; обнаружены на Серенском городище и явные следы христианской проповеди - в частности, уже упомянутые выше нательные крестики, и в их числе

крестик с выемчатой эмалью XI-XII веков, имеющий, вероятно, киевское происхождение. Еще одним местом кончины преподобного называют Мценский район нынешней Орловской области: здесь у деревни Карандаково находится так называемый "Страдальческий" колодец, который молва связывает с именем Кукши, находится в 15 километрах от города Мценска, Орловская область. На этом месте находится святой источник, у которого ежегодно 9 сентября совершается торжественный молебен. Имя преподобномученика Кукши также носит православная гимназия в Орле.

См. также **Преподобный Кукша - просветитель вятичей**

Вернуться к ссылке

44.197. Василий Никитич Татищев

Васи́лий Ники́тич Тати́щев (1686—1750) — известный российский историк, географ, экономист и государственный деятель; автор первого капитального труда по русской истории — «Истории Российской», основатель Ставрополя (ныне Тольятти), Екатеринбурга и Перми.

Биография

Василий Никитич Татищев родился 16 (26) апреля 1686 г. в поместье своего отца, Никиты Алексеевича Татищева (ум. 1706), в Псковском уезде. Учился в Московской артиллерийской и инженерной школе под руководством Якова Брюса, вопреки распространенной версии, не участвовал во взятии Нарвы (1705), по достоверным данным, получил льготу от службы до 1706 г. включительно. Участвовал в Полтавской битве и в Прутском походе. В 1713—1714 гг. совершенствовал своё образование за границей, в Берлине, Бреславле и Дрездене. В 1717 году в Данциге Татищев по заданию Петра I вёл переговоры о включении в контрибуцию старинного образа, который, по преданию, был написан святым Мефодием. Переговоры окончились неудачей, а Татищев смог опровергнуть предание. Из обеих поездок за границу Татищев вывез большое количество книг.

По возвращении из Данцига он служил под начальством Брюса, президента берг- и мануфактур-коллегии. В 1719 году Брюс обратился к Петру I с предложением о необходимости подробного описания географии России, указав Татищева в качестве исполнителя этой работы. Это послужило толчком к созданию татищевской «Русской истории». Татищев, отправленный на Урал, сразу не мог представить царю план работы, но Пётр в 1724 году напомнил о работе Татищеву. Возникшая после начала работы необходимость в исторических сведениях в конечном итоге привела к превращению работы из географической в историческую. В 1719 году Татищев подал царю представление, в котором указывал на необходимость размежевания в России. В письме к Черкасову в 1725 году он говорит, что был определён *«к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной географии с ландкартами»*.

Освоение Урала. Промышленник и экономист

В 1720 году новое поручение оторвало Татищева от его историко-географических работ. Он был послан *«в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить»*. Ему приходилось действовать в стране малоизвестной, некультурной, издавна служившей ареной для всяких злоупотреблений. Объехав вверенный ему край, Татищев поселился не в Кунгуре, а в Уктусском заводе, где и основал управление, названное вначале Горной канцелярией, а потом Сибирским высшим горным начальством. Во время первого пребывания Татищева на уральских заводах он успел сделать весьма многое: перенёс Уктусский завод на реку Исеть и там положил начало нынешнего Екатеринбурга, выбрал место для строительства медеплавильного завода около деревни Егошиха, тем самым положив начало городу Перми, добился дозволения пропускать купцов на Ирбитскую ярмарку и через Верхотурье, а также заведения почты между Вяткой и Кунгуром. При заводах открыл две начальные школы, две — для обучения горному делу, выхлопотал учреждение особого судьи для заводов, составил инструкцию для оберегания лесов и т. п.

Меры Татищева вызвали неудовольствие Демидова, видевшего подрыв своей деятельности в учреждении казённых заводов. Для расследования споров на Урал послан был Г. В. де Геннин, нашедший, что Татищев во всём поступал справедливо. Он был оправдан, в начале 1724 года представлялся Петру, был произведён в советники берг-коллегии и назначен в сибирский обер-бергамт. Вскоре за тем его послали в Швецию для надобностей горного дела и для исполнения дипломатических поручений. В Швеции Татищев пробыл с декабря 1724 г. по апрель 1726 г., осмотрел заводы и рудники, собрал много чертежей и планов, нанял гранильного мастера, пустившего в ход гранильное дело в Екатеринбурге, собрал сведения о торговле Стокгольмского порта и о шведской монетной системе, познакомился со многими местными учёными и т. д. Возвратясь из поездки в Швецию и Данию, Татищев некоторое время занимался составлением

отчёта и, хотя ещё не отчисленный от бергамта, не был, однако, послан в Сибирь. В 1727 году он был назначен членом монетной конторы, которой тогда подчинены были монетные дворы.

Политическая деятельность при Анне Иоанновне

На этой должности его застали события 1730 г. По поводу них Татищевым составлена была записка, подписанная 300 чел. из шляхетства. Он доказывал, что России, как стране обширной, более всего соответствует монархическое управление, но что все-таки «для помощи» императрице следовало бы учредить при ней сенат из 21 члена и собрание из 100 членов, а на высшие места избирать баллотировкою. Здесь же предлагались разные меры для облегчения положения разных классов населения. Вследствие нежелания гвардии согласиться на перемены в государственном строе весь этот проект остался втуне, но новое правительство, видя в Татищеве врага верховников, отнеслось к нему благосклонно: он был обер-церемониймейстером в день коронации Анны Иоанновны. Став главным судьёй монетной конторы, Татищев начал деятельно заботиться об улучшении русской монетной системы. В 1731 г. у Татищева начались недоразумения с Бироном, приведшие к тому, что он был отдан под суд по обвинению во взяточничестве. В 1734 г. Татищев был освобожден от суда и снова назначен на Урал, «для размножения заводов». Лично участвовал в пытках заключённых по «слову и делу государеву». Ему же поручено было составление горного устава. Пока Татищев оставался при заводах, он своей деятельностью приносил много пользы и заводам, и краю: при нём число заводов возросло до 40; постоянно открывались новые рудники, и Татищев считал возможным устроить ещё 36 заводов, которые открылись лишь через несколько десятилетий. Между новыми рудниками самое важное место занимала указанная Татищевым гора Благодать. Правом вмешательства в управление частных заводов Татищев пользовался весьма широко и тем не раз вызывал против себя нарекания и жалобы. Вообще, он не был сторонником частных заводов, не столько из личной корысти, сколько из сознания того, что государству нужны металлы, и что добывая их само, оно получает более выгоды, чем поручая это дело частным людям. В 1737 г. Бирон, желая отстранить Татищева от горного дела, назначил его в Оренбургскую экспедицию для окончательного усмирения Башкирии и устройства управления башкир. Здесь ему удалось провести несколько гуманных мер: например, он выхлопотал, чтобы доставление ясака было возложено не на ясачников и целовальников, а на башкирских старшин. В январе 1739 г. Татищев приехал в Петербург, где устроена была целая комиссия для рассмотрения жалоб на него. Его обвиняли в «нападках и взятках», неисполнительности и т. п. Есть возможность допустить, что в этих нападках была доля истины, но положение Татищева было бы лучше, если бы он ладил с Бироном. Комиссия подвергла Татищева аресту в Петропавловской крепости и в сентябре 1740 г. приговорила его к лишению чинов. Приговор, однако, не был исполнен. В этот тяжёлый для Татищева год он написал своё наставление сыну — известную «Духовную».

Последние годы. Написание «Истории»

Основная статья: ***История Российская (Татищев)***

Падение Бирона вновь выдвинуло Татищева: он был освобождён от наказания и в 1741 г. назначен в Царицын управлять Астраханской губернией, главным образом для прекращения беспорядков среди калмыков. Отсутствие необходимых военных сил и интриги калмыцких владетелей помешали Татищеву добиться чего-либо прочного. Когда вступила на престол Елизавета Петровна, Татищев надеялся освободиться от калмыцкой комиссии, но это ему не удалось: он был оставлен на месте до 1745 г., когда его из-за несогласий с наместником отставили от должности. Приехав в свою подмосковную деревню Болдино, Татищев уже не оставлял её до смерти. Здесь он заканчивал свою историю, которую в 1732 г. привозил в Петербург, но к которой не встретил сочувствия. Сохранилась обширная переписка, которую вёл Татищев из деревни.

Накануне смерти Татищев поехал в церковь и велел туда явиться мастеровым с лопатами. После литургии он пошёл со священником на кладбище и велел рыть себе могилу возле предков.

Уезжая, он просил священника на другой день приехать причастить его. Дома он нашёл курьера, который привёз указ, прощавший его, и орден Александра Невского. Он вернул орден, сказав, что умирает. На другой день, 15 (26) июля 1750 г., он причастился, простился со всеми и умер. Главное сочинение Татищева смогло появиться в свет только при Екатерине II.

У историка осталось двое детей[1], благодаря дочери он стал прапрадедом поэта Тютчева[2].

Философские взгляды

Вся литературная деятельность Татищева, включая и труды по истории и географии, преследовала публицистические задачи: польза общества была его главною целью. Татищев был сознательным утилитаристом. Мировоззрение его изложено в его «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ». Основной идеей этого мировоззрения была модная в то время идея естественного права, естественной морали, естественной религии, заимствованная Татищевым у Пуфендорфа и Вальха. Высшая цель, или «истинное благополучие», по этому воззрению, заключается в полном равновесии душевных сил, в «спокойствии души и совести», достигаемом путём развития ума «полезною» наукою. К последней Татищев относил медицину, экономию, законоучение и философию.

При этом скептики (Пештич, Лурье, Толочко) подчеркивают, что это не свидетельствует о научной недобросовестности (во времена Татищева понятий о научной этике и правилах писания исторического исследования еще не было) или сознательной мистификации читателя, а скорее как раз отражает именно выдающуюся самостоятельную исследовательскую, отнюдь не «бесхитростно летописную» деятельность историка: дополнительные «известия» — это, как правило, отсутствующие в источниках логические звенья, реконструированные автором, иллюстрации его историографических и философских концепций и т. п. Дискуссия вокруг «татищевских известий» продолжается.

Другие сочинения

Кроме основного труда и упомянутого выше разговора, оставил большое количество сочинений публицистического характера: «Духовная», «Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств», «Рассуждение о ревизии поголовной» и др.

«Духовная» (изд. 1775) даёт подробные наставления, обнимающие всю жизнь и деятельность человека (помещика). Она трактует о воспитании, о разных родах службы, об отношениях к начальству и подчинённым, о семейной жизни, управлении имением и хозяйством и т. п.

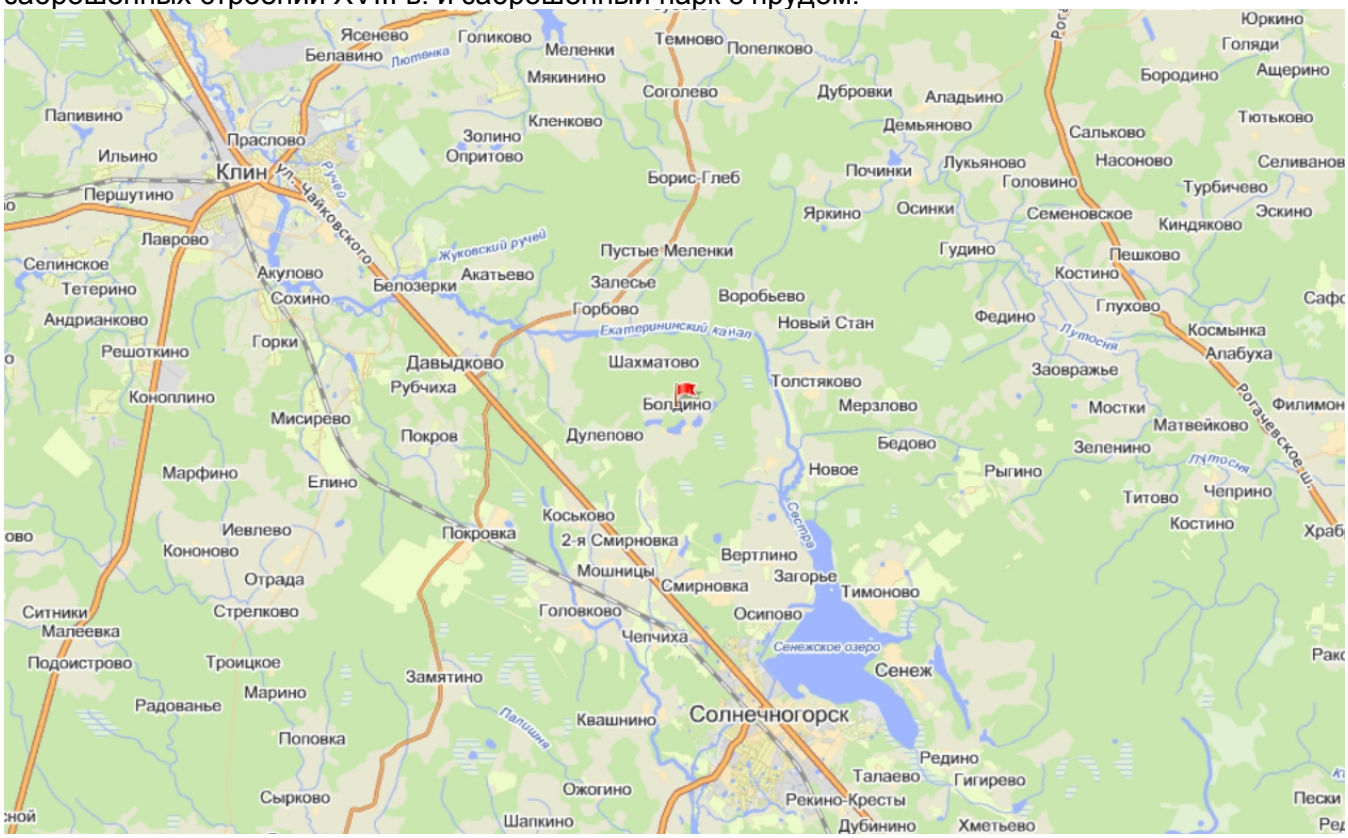
В «Напоминании» излагаются взгляды Татищева на государственное право, а в «Рассуждении», написанном по поводу ревизии 1742 г., указываются меры к умножению доходов государственных.

См. также Иоакимовская летопись, История Российская (Татищев), Татищев Василий Никитич. *История Российская*. Часть 1, Татищев Василий Никитич. *История Российская*. Часть 2, **Татищев** Василий Никитич

Вернуться к ссылке

44.198. Усадьба Болдино – вотчина Татищева

Усадьба Болдино расположена в кладовой красавицы-природы – в Солнечногорском районе, в 14-ти км от самого г. Солнечногорска и в 6-ти км к северо-востоку от ст. Головково. Ее основная историческая ценность в том, что принадлежала усадьба известным людям, таким как историк и политический деятель Татищев и знаменитый купец Феттер. От нее остались лишь несколько заброшенных строений XVIII в. и заброшенный парк с прудом.



Несмотря на то, что в усадьбе уже практически нечего восстанавливать, вандалы продолжают растаскивать остатки сооружений по кирпичику, и жечь губительные костры у исторического пруда.

Василий Татищев

Несомненно, что имение Болдино навсегда связано с великим русским деятелем В.Н. Татищевым. Но не все знают, что он был сослан в эту усадьбу после того, как в 1745 г. был снят с должности губернатора Астрахани. Но именно в этих благодатных местах Татищев написал свои

самые знаменитые книги, такие как: «История Российская», первый в России энциклопедический словарь, «Книгу Большого Чертежа» и др. Кроме того, он первый из российских историков проводил исследования на основе научных знаний.

За долгие годы жизни в Болдино Татищев собрал огромную библиотеку редких книг по истории и философии, древнеримских и греческих авторов, работы известных физиков. К сожалению, все это богатство было уничтожено огнем после кончины Татищева.

За день до своей смерти Василий Никитич узнал, что с него сняты все обвинения, и что он награждается орденом Александра Невского.

Татищев был погребен на Рождественском погосте, где сам и велел себя похоронить. Сейчас от поселка Рождественский погост остался только фундамент церкви и кладбище, где и расположена могила Василия Татищева. А в Болдино в честь 300-летия Татищева был установлен гранитный монумент. На нем есть следующая надпись: «Здесь в Болдино жил и творил Татищев В.Н. (1686-1750). Выдающийся русский ученый-историк, географ, этнограф, экономист, сподвижник Петра I, государственный деятель, основатель городов Свердловска и Перми». Поистине знаменитейшая личность, разносторонняя и великая в своих достижениях и открытиях, Татищев заслуживает должного внимания даже сейчас.

Судьба усадьбы

После смерти Василия Никитича Болдино было передано по наследству его потомкам. В 1780 г. сын Татищева Евграф организовал строительство усадьбы заново. Наследникам Татищева имение принадлежало вплоть до 1851 года.

Потом перешло во владения генеральше Ю.Р. Трофимович, затем семье Пантелеевых. Но еще один владелец Болдино был не менее известен, чем сам Татищев. Это был Николай Феттер. Даже сегодня любой охотник желает опробовать ружье и патроны марки «Феттер». Он был основателем «Патронного завода Феттер», кроме того, активно занимался благотворительной деятельностью, помогал сиротам, вкладывал средства в строительство жилья для бедных.

При Феттере Болдино наполнилось новой энергией, оно было отстроено заново и отреставрировано, новый хозяин вдохнул жизнь в здешние сады и пруды. Известно также, что в разные времена на месте усадьбы была стеклодувная, затем фруктовый парк, использовавшийся под выгул домашнего скота, а пруды были местом для слива отходов. Между прочим, говорят, что эти пруды были созданы по проекту самого Татищева.

Во время Великой Отечественной войны Болдино было объектом боевых действий и сейчас можно встретить немые свидетельства – сохранившиеся наспех вырытые окопы.

Сегодня

Сегодня усадьба Болдино находится в очень плачевном состоянии. Многие говорят, что восстанавливать скоро будет уже нечего, но сейчас еще точно не поздно. От имения остались, так сказать, «только рожки, да ножки», но все-таки что-то сохранилось и по имеющимся документам можно спроектировать постройки того времени. Разрушенные каменно-кирпичные постройки, уже похожи, скорее, на отдельно стоящие бараки или заброшенную свиноферму. Практически отсутствуют какие-либо свидетельства о том, что здесь жили и творили великие люди нашей страны.

Усадьба Болдино по решению Правительства Московской области находится в списке памятников истории и культуры, состоящих на государственной охране, в соответствии с Постановлением Правительства Московской Области от 18 мая 2002 г. № 188/16.

На дворе уже 2008 год, прошло 6 лет с момента определения Болдино историческим памятником, но ничего не меняется и усадьба с каждым днем сбрасывает на землю последние кирпичики.

Хотя есть и более обнадеживающая информация о том, что был проведен конкурс на работы по восстановлению усадьбы Болдино. Победителям этого конкурса предстоит большая и кропотливая работа. Во-первых, на такой огромной площади (83 га) необходимо провести

ландшафтные работы, обустроить территорию, а, во-вторых, по уцелевшим историческим источникам восстановить постройки площадью 12 000 кв. м. Остается только надеяться на то, что предлагаемый конкурсантом-победителем проект будет согласован достаточно быстро, иначе решение вопроса реконструкции снова затянется, как уже было не раз. На самом деле, до этого конкурса уже было предложено множество проектов, но ни один не стал осуществляться.

Вернуться к ссылке

44.199. http://www.portal-slovo.ru/philology/376/ Успенский сборник XII века: к вопросу о характере состава

Успенский сборник XII-XIII вв. принадлежит к наиболее древним и ценным памятникам славянорусской письменности. Открытый в 1842 году В.М.Ундольским в собрании Успенского собора Кремля, за 160 с лишним лет этот памятник многократно описан, изучен палеографически (выявлено два писца, участвовавших в создании рукописи), предполагается место создания рукописи и хранения до поступления в сокровищницу Московского Кремля. В XIX-начале XX века опубликованы многие фрагменты Усп.сб., среди которых древнейшие списки Жития Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Житие Мефодия и Похвальное слово первым славянским Святым; в 1971 году состоялась публикация текста целиком [10]. К тому же это один из самых часто привлекаемых к исследованиям церковнославянского языка (ЦСЯ) русского извода в качестве основы для сопоставления с другими, как более ранними, так и более поздними, текст.

Но при очень хорошей изученности вышеназванных текстов, постоянной то затихающей, то вспыхивающей вновь дискуссии об авторстве и времени создания славянских Житий нельзя не отметить тот удивительный факт, что ни одного достаточно полного исследования памятника целиком за 160 лет не было. В большей части сообщений о нашем памятнике содержится примерно следующая информация: "Усп. № 4/1063 — так называемый Успенский сборник — минея-четья за май, конца XII в., написанная русским уставом, в большой лист, содержит: житие первоучителя Мефодия, епископа Моравского, житие св. Вита; из русских житий: жития Бориса и Глеба и Феодосия Печерского" [12].

С самого начала исследования Усп.сб. отмечается необычный порядок расположения чтений в предположительно майской минее (правильное расположение чтений на 1 - 10 мая, потом сразу же 15 мая; далее идет чтение на 4 мая (или 2 июля – Житие Еразма), потом "вразнобой" следуют 15 июня, 25 июня, 29 мая и 12 мая). Еще более странным кажется порядок расположения гомилий: за словами Иоанна Златоуста на период от Великого Понедельника до Страстной Пятницы вдруг оказывается чтение Андрея Критского на Лазареву субботу, а потом слово Иоанна Златоуста на Вербное воскресение. При наличии слов на Вознесение Господне есть только два чтения на период от Пасхи до Вознесения (на 4ую неделю по Пасхе о расслабленном и на 5ую о самаряныне). Еще есть память святых отцов Вселенского собора (при этом Эфесского, который не первый, а третий!, хотя в неделю перед Пятидесятницей должна быть память Первого Собора). Получается, порядок этой части Усп.сб. еще более запутанный и требует объяснений.

Все известные нам объяснения состава Усп.сб. до сих пор опираются или на мнение А.Н.Попова 1879 года [2, с.6-7] ("чтения выбраны по воле заказчика"), или архиепископа Сергия 1901 года [7, с.263], считавшего, что Усп.сб. "списан с неправильно составленной Минеи, где могли быть перепутаны листы". Первая версия всегда была более привлекательной, так как могла обосновать самостоятельность составления памятника русским писцом. Возможный заказчик был найден в 1972 году: М.В.Щепкина считает, что сборник мог быть создан для Марии Шварновны, жены Владимирского князя Всеволода Юрьевича, в последние годы её жизни, которые как раз приходятся на 1199-1206. Оснований для такого вывода оказывается довольно много: Мария Шварновна была моравского происхождения (наличие в Усп.сб. житийных текстов, посвященных чтимым в Чехии святым, отмечается уже А.И.Соболевским как одна из особенностей памятника); в Усп.сб. есть житие Февронии (редкое для Руси имя), а имя сестры Марии как раз Феврония. М.В.Щепкина достаточно логично обосновывает сделанные ей выводы, хотя многие из них носят характер предположений. К примеру, наличие житий Ирины и Феодосии объяснено так: "Ирина –

возможно имя сестры Марии Шварновны, …Феодосия могло быть именем дочери Февронии и Михаила". К этим предположительным объяснениям добавляется нежелание выяснить странный порядок гомилий в Усп.сб. Исследовательница говорит о неважности такого объяснения, так как "исторических указаний … не извлекается" [11, с.73,63].

Объяснение, данное М.В.Щепкиной, хорошо подтверждает передвижение рукописи Усп.сб. с юга (по мнению исследовательницы, текст написан в Галицко-Волынском княжестве) в Ростово-Суздальскую землю, ибо именно туда после смерти Андрея Боголюбского в 1174 году едет Всеволод, муж Марии, и женатый на Февронии Михаил – братья князя Андрея. Сразу же скажем, что многие выводы, предлагаемые исследовательницей, кажутся нам логичными. Например, отмеченное на л.292об. заглавие, которое наведено киноварью спустя некоторое время после написания, действительно может содержать намек на имя Мария для увековечивания дня памяти княгини как владелицы рукописи [11, с.73]. Но Мария в отмеченный день – 29 октября – вспоминается в месяцеслове вместе с прп.Аврамием, и именно в этот день русская церковь вспоминает Авраамия Ростовского, что тоже достойно киноварного выделения. Так что привязка к месяцесловным датам едва ли может однозначно указать на заказчика или того, кому посвящен текст.

Нам кажется, что решить вопрос о характере состава Усп.сб. можно только если объяснить порядок следования гомилий. Странно предполагать, что грамотный и аккуратный писец, сознательно стилизующий почерк свой под почерк предшественника при принятии у него работы [10, с.21], допускающий крайне мало ошибок, так что особенности его говора установить уже 160 лет не удается, абсолютно произвольно располагает чтения на главный период церковного года, а прочитавшие впоследствии рукопись её переплели и сохранили до наших дней в библиотеке центрального столичного собора. При допущении, что писец Усп.сб. переписывался с ранее неверно составленной Минеи, нам придется задать себе еще один вопрос: зачем надо было составлять четью минею на май с включением в неё слов на Страстную седмицу, если на протяжении X, XI, XII и даже XIII века Пасха на май выпасть не может, последним возможным числом было 25 апреля.

Несмотря на этот логичный вывод, Усп.сб. продолжают исследовать именно как Минею на один из месяцев Постно-Цветного периода, используя предложенный в свое время А.С.Орловым термин "Торжественник". Из последних работ можно назвать статью С.Ю.Темчина "Этапы становления славянской гимнографии (863 – ок. 1097)" [8,с.63-64], где изложена гипотеза создания протографа Усп.сб. в восточноболгарский (преславский) период - время правления царя Симеона (894-970) - вместе с мартовской минеей (Супрасльская рукопись). Задачей переводчиков, по мнению автора, было повторить триодные служебные тексты четьими сборниками на Постный и Цветной периоды.

Объяснений, почему при верном порядке гомилий в Супр. рук. чтения в Усп. сб. расположены так нестандартно и зачем все же потребовалось составлять практически идентичные минеи на разные месяцы, если в один из них – май – Пасхи быть не могло, С.Ю.Темчин не дает, что не делает его версию абсолютно доказательной.

Итак, необходимость обращения к порядку слов в Усп.сб. не вызывает сомнений. Выпишем этот порядок:

175б – Иоана чьрьньця презвутера дамаскиньска слово о исъхъшии смокъвьници и о притъчи винограда въ стыи понедельникъ [15]

180в – Иоана Златоустаго слово о десяти девиць и о милости и о молитве въ костянтиня града златоустааго от съказания еуангльскааго еже от матфеа на утрия еже есть великыи въторьникъ

188а – Иоана арьхіепспа златоустаго слово въ великыи въторьникъ и о събьрании събора на га и глааху чьто сътворимъ

190в - Иоана арьхиепспа костянтина града златоустааго слово въ великыи въторьник и о i(10) двць и о прилюблении убогыихъ

195а - Иоана арьхиепспа златоустаго слово о блудьници въ великую среду къ пасце

197в - Иоана арьхиепспа златоустаго слово въ великую срђду ѡ зависти еже въ еуаньгли речено излђзъше же фарисеи и съветъ сътвориша на іса да его изгубять

201в – СТОГО ОЦА НАШЕго иѡана златоустаго слово о блудьници въ великую среду

203б - Иоана арьхиепспа костянтина града златоустааго слово въ великыи четвьртъкъ егда умы нозе ученикомъ своимъ

206б - СТОГО ОЦА НАШЕг иwана златоустаго слово о чьстьнемь крьсте речено въ стыи пятък

212б – ИОАНА АРЬХИепспа по пятъце събьраша ся арьхиереи и фарисеи къ пилату глюще

216б – ВЪ ВЕЛИКЫИ четвьртъкъ нощь стго оца нашего евьсевия епспа александрьскаго слово о въшьствии іѡана прдтча въ адъ

222в – ВЪ СУБ ЛАЗОРЕву стго оця нашег андрея архиепспа критьска -- ерусалимитина похвала о четвьрьтодьневьнеемь лазори

233г – СТАГО ИѡАНА оця нашег златоустааго слово на вьрбьницю

239в – ВЪ СУБ ВЕЛИКую слово стго григория антиѡхиискааго на стое и спсьное погребение и въскрьсение га нашего Іс Ха ги блгослов

245в – ИОАННА ЗЛАТОустааго слово на преславьное въскрешение тридневьное га нашего Іс Ха

Это тот набор чтений, который и вызывает недоумение порядком расположения. Какие можно предложить гипотезы порядка расположения слов, если отказаться от версии об ошибке писца?

1. Версия календарная. Евангельская история последних дней земной жизни Христа связана с 14-15 нисана, с праздником иудейской Пасхи. Известно, что в первые века христианства празднование Воскресения Христова проходило в воскресение после рассчитанного иудейского праздника (кстати, известно, что некоторые малоазиатские христианские общины отмечали оба дня). По требованию Никейского собора 325 года, который после 300 лет гонений на христиан установил христианство как государственную религию и систематизировал пасхалии на основе расчетов обратимости лунного круга и дней весеннего полнолуния, для всех христиан принято известное решение:

1. совершать Пасху только в "день Господень", в воскресение, но не с иудеями;
2. совершать Пасху только после дня весеннего равноденствия, когда солнечный день начинает увеличиваться;
3. не допускать совпадения иудейской и христианской Пасхи, всегда совершать христианскую Пасху позже.

Правила Первого собора предлагали схему, которая свела на нет возможность совпадения двух праздников, то есть окончательно отделяла христианство от иудаизма, и устанавливали единый для всех христиан день Пасхи, Благовещения и Рождества Христова. Эти календарные расчеты были отлично известны славянам: И.И.Срезневский, рассматривая древнейшие глаголические памятники, приводит приписку из глаголического Служебника, где дан обратный порядок пасхальных границ (самая поздняя из них – 18 апреля). На Руси известно Учение Кирика 1136 года и произнесенное в 1038 Слово о законе и благодати Илариона, где безупречные цифры однозначно позволяют говорить о знании на Руси календарных расчетов уже в X – XI веках.

Последовательность расположения Слов сначала относит нас к воспоминаниям о последних пяти днях земной жизни Христа – слово в Великий Понедельник, три чтения на Великий Вторник и в Великую Среду, далее слово в Великий Четверг и в Страстную Пятницу. Три чтения, идущие далее, имеют особый смысл лишь для христиан, но не для почитателей иной веры, ибо и рождение Иоанна Крестителя, и чудо Воскрешения Лазаря, и Воскресение Господне значимы как события лишь для верующих во Христа.

Возможность подтверждения версии текстом Усп.сб. Можем ли мы предположить, что составитель Усп.сб. был хорошо знаком с историей становления христианства как

государственной религии? Прямое подтверждение можно найти во втором агиографическом тексте – Житии Афанасия Александрийского. Вторая половина Жития (6б,2 – 8б,19) со слов "пьрвыи же съборъ бысть въ Никеи.." дословно повторяет текст о Первом соборе по славянскому переводу Хроники Георгия Амартола, на что указала Л.И.Щеголева [13,с.12-25]. Анализ разночтений славянского текста Хроники и Жития Афанасия и греческого источника приводит нас, в отличие от Л.И.Щеголевой, к мысли о творческом характере использования греческого текста и убеждает в высоком уровне грамотности славянского автора. Среди отмеченных неточностей в переводе с греческого оригинала отметим как наиболее показательные две.

Во-первых, отмечается пропуск слова при передаче Символа Веры: "καί συνάναρχον" = "собезначального" [13, с.20-21]. Но в греческом тексте Никейского Символа Веры этого слова нет [4, 37-38]. Так что славянский переводчик отнюдь не случайно опускает слово, вероятно, он замечает неточность оригинала. Еще более выразительным оказывается второе разночтение: в славянских переводах греческому "ορθοδόξως" = "православный" соответствует "преславно", в чем Щеголевой видится порча. Трудно предположить, что слово "православие" было славянскому писцу неизвестно, поэтому мы проверили реальное словоупотребление "ορθοδόξως" и обнаружили, что по отношению к религии термин впервые употреблен в Кодексе Юстиниана 529 года. До шестого века термин "ορθοδόξως" фиксируется в значении "правильный" в грамматическом смысле в трудах греческого лексикографа II века Юлия Поллукса из Александрии [14].

Славянский переводчик оказывается более тонким в выборе слов и более образованным, чем греческий автор. Введенное позже, уже в период начавшихся расхождений между Римской и Византийской церквями слово "православие" не могло органично вписаться в текст о Первом соборе.

Заметим еще, что хотя Первый Собор формально и утвердил христианство, но гонения на христиан продолжались еще и после него, при императоре Юлиане Отступнике, а споры с ересью осужденных сторонников Ария шли и до Третьего Эфесского собора 431 года, то есть более ста лет.

2. Версия агиографическая. Идущие подряд в тексте слова Иоанна Златоуста (в том числе и Псевдо-Златоуста), разбитые один раз словами Евсевия Александрийского и Андрея Критского, а второй раз словом Григория Антиохийского, заставили нас прочитать "заголовки" отнесенных непосредственно Златоусту слов и вспомнить его биографию. После крещения Св.Иоанн некоторое время жил с подвижниками в сирийской пустыне, далее был поставлен пресвитером в Антиохи и быстро прославился как оратор и проповедник; в 398 стал епископом Константинопольским, снискал любовь горожан, но ненависть многих высших церковных чинов. Результатом явилось его низложение и изгнание. По требованию народа он возвращен, но снова был смещен, причем ему запретили служить пасхальную заутреню в Св.Софии, и он отслужил её под открытым небом, после чего был отправлен в ссылку.

В 407 году уже совершенно больного ссыльного иерарха перевезли еще дальше от места первоначальной ссылки, чтобы лишить его популярности, по дороге Св.Иоанн скончался. Несмотря на хуление бывшего архиепископа со стороны властей, народ отказывался забывать его и не посещал церкви, где не поминалось имя Златоуста. В 417 почитание восстановили, а в 438 мощи святого торжественно перенесены в Константинополь в храм Св.Апостолов.

Оставшийся неизвестным славянский автор показывает нам типичное строение стандартного жития мученика, пострадавшего за веру. Обычно такое Житие состоит из рассказа о жизни посвятившего себя служению Богу, но все же обычного человека; потом его мученическая смерть (часто гиперболизированная). Далее могут следовать рассказы об обретении мощей мученика, торжественном перенесении их и о канонизации мученика. Учитывая предположение, высказанное в свое время Хр.Лопаревым, а потом И.Добревым, что первыми славянскими четьими сборниками были переводы византийского Панегирикомартирология, обращая внимание на распространение в славянской письменности житий первых христианских мучеников и

канонизацию первыми именно мчн.Бориса и Глеба, версия вполне может быть применена для толкования гомилетической части Усп.сб, большая часть агиографической половины которого состоит из жизнеописаний первомучеников. Кстати, если все же признать общий протограф для Усп.сб. и Супр.рук., то этот текст обязан был быть Мартирологом, так как Супр.рук. состоит из житий мучеников практически целиком.

3. Версия апокрифическая. В тексте Усп.сб. много апокрифов. Он и начинается с апокрифического Паралипоменона Иеремии, и одним из последних текстов будет Сказание об Агапии. К слову сказать, неканоническими следует считать и русские жития, ведь при официальной канонизации Бориса и Глеба дата их памяти иная, а Феодосий Печерский хотя и почитается, но на канонизацию его в XII веке греческая Церковь еще не идет.

Мы рискнули соотнести характер наших слов и евангельских эпизодов и получили следующее:

131. Воскрешение Лазаря: от Иоанна 11, 1-46.

132. Заговор начальников иудейских против Христа: От Иоанна11, 47-57.

140. Бесплодная смоковница: от Матфея 21, 18-22, от Марка11,12-14; 20-26.

143. Иисус Христос в Вифании: от Матфея 26, 6 – 13, от Марка14, 3 – 9, от Иоанна138, 11, 55 - 12,11.

151. Допрос Иисуса Христа у Анны: От Иоанна18, 13. 19-24.

165. Явление Воскресшего Христа Марии Магдалине: От Иоанна 20, 11-18.

Фрагменты приведенной таблицы [1,с.1361-1371] наводят на весьма интересное для нас размышление. Ведь полного совпадения в евангельских рассказах нет, полная история земной жизни Спасителя восстанавливается только при совмещении всех источников. Не мог ли наш автор позволять себе совмещение, удвоение разных текстов для создания полной картины, нужной ему?

Возможность подтверждения версии текстом Усп.сб. Уже назван текст Жития Афанасия, составленный из двух половинок: начала, взятого из "Луга духовного" Иоанна Мосха по тексту, содержащемуся еще и в Синайском патерике, и соотнесенной с ХГА второй половины жития. Кстати, некоторые интересные словоупотребления (к примеру, слово "оземствие") соотносят вторую половину со службой Афанасию Александрийскому, причем по старейшему её варианту, представленному в Путятиной Минее.

Первый текст Усп.сб. – апокрифический Паралипоменон Иеремии – компилирует двух ветхозаветных Пророков, причем Книга Варуха не относится к каноническим. Заметим еще, что вариант из Усп.сб., к сожалению, частично утраченный из-за порчи начала памятника, не полностью совпадает с другими вариантами этого апокрифа, на что обратил внимание еще акад. Н.С.Тихонравов [9].

Два первомученика русских Борис и Глеб имеют два текста в Усп.сб. – Сказание и страсть и похвала (8б – 18б) и Сказание Чудес (18б – 26а). Разделена пополам память Иова (как и текст из Книги Иова). Всегда отмечаемая непоследовательность Жития Мефодия (102б - 109в), где не содержится рассказа о жизни Мефодия до начала его деятельности вместе с Константином, и Похвального Слова Святым Равноапостольным братьям (109в – 115г) абсолютно повторяет нам изложенную выше схему гомилетического цикла.

Есть еще один текст, указывающий на удвоение и смешение апокрифического характера. Под 5 мая расположено "Мучение Иринии". Память мученицы относят к этому числу и майские Минеи служебные начиная с Путятиной. Но вот как заканчивается Житие Ирины в Усп.сб.: "почи же въ раце априля мсца въ .З. днь се же написа апелиянъ старьць дхъмь стыимь" (84а). "Земля" в кириллице соответствует цифре "7", получается, что Ирина упокоилась 7 апреля, почему же мы чтим её память 5 мая? Должно быть, есть несколько памятей Ирины в году? Да, несколько, но на 7 апреля ни один не приходится.

По современному месяцеслову на 7 апреля приходится житие мученика Каллиопия, прославленного не в последнюю очередь благодаря своей матери – Феоклии. Параллелизм двух текстов может почувствовать знающий оба: Ирина фактически делает христианином своего отца Ликиния, Феоклия же наставляет сына Каллиопия быть твердым в вере Христовой. В тот же день вспоминаются Мчч. Руфин, Акилина и с ними 200 воинов, причем в рассказе об их муках есть параллелизм с предыдущей парой: Акилина заботится о сидящем в темнице дьяконе Руфине.

Время жизни Ирины – за 200 лет до Никейского собора – не позволяет, казалось бы, использовать и это житие для подтверждения идеи глубоких исторических знаний автора Усп.сб. Но при внимательном изучении обращает на себя внимание фрагмент изложения Ириной сути её веры: она доказывает веру в Святую Троицу, причем употреблен оборот "ѡмооусия Троиця" (82а, 20), а этот грецизм появляется впервые именно в Никейском символе веры, да еще и приписывается Константину Великому [4]. Значит, и этот текст послужил базой для внесения авторских идей.

То, что Житие Ирины – это апокриф, отмечено акад. Тихонравовым при публикации Ирининого мучения по списку XV века [9,с.146-163]. Мы в первую очередь отметили практически полную идентичность рассказов, но последняя фраза, содержащая число, в рукописи XV века приведена в соответствии с месяцесловом. Интересно, что писец XV века внес исправление и в речь Ирины, исправив грецизм "ѡмооусия" на "оумоисія" [9,с.161]. Следовательно, актуальное включение в Усп.сб. лексемы не понято более поздними русскими книжниками.

Но, кроме перечисленных выше первомучеников, 7 апреля в месяцеслове упомянут еще Георгий исповедник, мученик иконоборческих времен, митрополит, а на 5 мая, помимо Ирины, в современном месяцеслове приходятся именины Илариона, и это совпадение заставляет задуматься. Изложение версии четвертой напрашивается само собой.

4. Версия русская, историческая. Обнаружение в Усп.сб. Жития Ирины, она же Иларион, она же Георгий, не могло остаться без внимания. Предположение о связи текста с историей русского христианства первых веков логично следует из присоединения Жития Ирины к двум известным русским текстам. Но высказанная выше идея о выделении киноварью даты 29 октября не в связи с Марией Шварновной, а в связи с прп. Авраамием Ростовским заставляет сузить пространственные границы до истории ростовской, владимирской, суздальской земли, что не противоречит высказывавшимся ранее взглядам на место создания рукописи.

Современное Житие Авраамия Ростовского повествует о его праведной жизни и обращении многих язычников в христианство в XI веке (1073-77) и об обретении мощей Святого при великом князе Всеволоде в период с 1176 по 1212, то есть через 100 лет после смерти Авраамия. Цифра 100 отделяет Первый собор от Третьего, в Сказании о Борисе и Глебе сообщено о перенесении мощей мучеников через 100 лет после их гибели от руки брата. Даже Слово о законе и Благодати и Учение о числах Кирика разделяет около ста лет. Наконец, кириллическое "Р" - цифра 100 – есть во второй половине Жития Феодосия на л.66а Усп.сб., причем эта цифра – последняя в ряду необъяснимых цифр, встретившихся на полях и в тексте Жития Феодосия Печерского. Этот текст был столь многократно описан филологами и историками, что отсутствие объяснений этих загадочных цифр и даже упоминаний об их наличии заставило нас обратиться непосредственно к рукописному памятнику [16].

Появление цифр предваряется припиской на листе 46г (лист смены почерка), в СК описанной так: "полууставом XIV века: и сю строку ищи перекиня оди(н) лист"[6,с.183]. Далее в СК указывается, что лист, на который дается ссылка, "по-видимому, вырезан". Но при перечислении утраченных в Усп.сб. листов нигде не указано отсутствие листа после л.46. Не указано в СК и то, что надпись неоднородна: рядом с последней строчкой текста написано "и сю строку", а остальная часть фразы ниже, мельче и, по нашему мнению, иным почерком. Кстати, в издании Усп.сб. на фотографических приложениях это видно [10, рис.4].

"Перекинув один лист" (то есть пропустив 47а-г), мы оказались на листе 48, но ничего не обнаружили. Рекомендация почерка более позднего не помогла. Зато, следуя рекомендации

первой записи, мы вышли на листе 49б на "сю строку". Последние строчки 46г – "и седъше глааху чьто сътворимъ" - вполне соотносимы с четвертой строкой на л.49б: "и сице же глаше имъ". Мы предполагаем, что кто-то из читающих книгу в XIV-XV веках дописал имеющуюся ранее приписку, сообразив, к какому фрагменту она относится.

Непосредственно перед строкой на л.49б и находится первая цифра – 61 (кириллицей). Эта цифра написана разными чернилами, первая буква светлее, вторая темнее, но на всем листе чернила также неоднородны. На следующем развороте рукописи на полях столбцов 49г и 50б появляются мелкие цифры 63 и 64, писанные более светлыми чернилами, и на л.50г также более светлыми чернилами в текст вписана цифра 65. Не разбирая отдельно написание каждой цифры, заметим, что часть из них написана сбоку колонки, часть внутри, ряд цифр не имеет вокруг себя точек, некоторые, как только что отмеченная 65, имеют разное обрамление. Перед цифрой стоят четыре точки, после – только одна. Все эти особенности еще будут предметом нашего специального описания в последующих статьях. Сейчас же приведем только ряд цифр, находящихся внутри текста, а не сбоку колонки. Это 61, 65, 69, 71, 75, 76, 79, 81, 83, 93.

Второй (основной) писец Усп.4 относится к цифрам очень внимательно, ведь именно он создает намеренную путаницу в порядке расположения житий. Надо сказать, что в заглавиях житий цифры постоянно правятся и подчищаются. К примеру, на полях Усп.4 напротив записи о дате памяти Мефодия, первоучителя славянского написана "г=6", тогда как "i=10" в самом тексте пишется по подтертому. Среди написанных на полях цифр привлекает к себе внимание 86 на л.60а, где цифра "6= г" крупнее и четче "п", к тому же опущена чуть ниже. Последняя цифра 100 в публикации А.А.Шахматова 1899 года [5, с.95] изображена с тремя точками вокруг, как бы образующих "нимб". В Усп.4 мы все же видим титло, хотя писец написал перекладину его чуть тоньше, тогда как опущенные вниз хвостики титла оказались более яркими. Очевидно, что работа над цифрами не случайна и несет скрытый смысл.

К тому же включение в житийный текст цифр сопровождено не отмеченной в описаниях припиской на листе 61а,б: вверх ногами очень мелко, но уставным письмом написано "ги п*моз* рабу своѣ". В приписке крупная и немного расплывшаяся "П", остальные буквы тоненькие, не исключена смена орудия письма. Строкой ниже видны остатки титла и верхней части букв (можно предположить частичную запись в столбик), пострадавшие при уменьшении рукописи в XV веке в связи с подготовкой к переплету. Рядом очень тонко, практически незаметно написаны "ВО", под ними можно предположить следы еще двух букв, подтертых или пострадавших от времени. Из особенностей начертаний букв в приписке, как нам кажется, можно отметить квадратную форму овалов букв "р" и "б" и квадратную форму "носика" у "у".

Мы считаем эту приписку написанной рукой писца и связанной с окончательным складыванием замысла: рассказать о некоторых событиях истории своей земли языком Церкви, а не "светской" хроники. Вероятно, основное внимание составителя может быть направлено на события церковной жизни Ростовской земли.

При такой версии получает однозначное толкование начало рукописи с Паралипоменона Иеремии. А сама идея заставляет заглянуть в русские летописи за период XII века (отрезок 6600-6700). Мы воспользовались Лаврентьевской летописью, учитывая написание цифры "6" как "г" в нашем памятнике. Такое написание будет указанием на счет лет по ультрамартовской датировке, именно её использовал автор отраженной в Лаврентьевской летописи редакции. В Ипатьевской начертание "6" как "s" указывает на мартовский год, чем объясняется расхождение в год между датами многих событий в этих двух летописях.

Отмеченные даты оказываются соотнесены с историей Владимиро-Суздальской земли. 6665 – смерть Юрия Долгорукого и призыв на княжение Андрея Боголюбского. 6669 – строительство Успенского собора во Владимире. 6683 – рассказ об убийстве Андрея Боголюбского. Длинная запись под 6693 годом рассказывает в том числе и о поставлении Луки, нового епископа Ростова, Владимира, Суздали и всей Ростовской земли [3]. Восстанавливаются также год 6661 – основание Переяславля Залесского, 6671 – объявление столицей Владимира на Клязьме. Кроме

того, с годом 6671 связана попытка учредить во Владимире митрополию, в связи с чем посылалось посольство в Константинополь, в 6676 был собор в Киеве по случаю споров о посте, где от Суздаля был известный Феодор (Феодорец), впоследствии зверски убитый как еретик, причем описание его казни напоминает смерть первомучеников.

Интересно, что под 6694 годом (следующая после последней из перечисленных нами цифр) в Лавр.лет. содержится запись: "М(с)ця мая в 1 день на память ста(г) пррока Иеремея. В сере(д) на ве(ч)рии бысть знамение въ слнци" [3, с.396]. Запись следующего года сообщает о рождении у Всеволода сына Бориса "м(с)ця мая в 2 день на пренесенье стою мчнку Бориса и Глеба". Далее записи с днем памяти ствятого в Суздальской летописи регулярны, ими сопровождаются в том числе и записи 6710 (смерть Февронии), 6714 – смерть Марии Шварновны, 6720 – смерть Всеволода Большое Гнездо, здесь дополнительно появляется индиктное исчисление (правда, индикт не обозначен).

Мы вспомнили, что индиктом сопровождалась запись о перенесении мощей Феодосия Печерского под 6599 (конец предыдущего столетия). Обращение к Лавр.лет. позволило найти перед записью о начале 6600 года сообщения: "В се же лето знамение в слнци яко погыбнути ему и мало ся его оста акы м(с)ць бы(с) в ча(с) 2 дне м(с)ця маия…Въ се же лето волхвъ явися Ростове иже вскоре погыбе" [3, с.214]. Этот текст есть и в Лавр., и в Ипат.лет., а записи в указанные выше годы оформлены в двух старейших летописях по-разному.

Наконец отметим, что записи Лавр.лет. о событиях конца столетия (6698 и 6700) находят прямые параллели в Усп.сб. Выделенная киноварью повесть о Святом Авраамии соотносима не только с памятью прп. Авраамия Ростовского, в 6697 преставился поставленный лишь три года назад ростовский епископ Лука, обычно упоминаемый в одном ряду с новгородским Нифонтом, ростовским Кириллом и владимирским Симоном как образец благочестия. В 6698 епископом поставлен Иоанн, отец духовный князя Всеволода. В 6700 рассказано о торжествах в Суздальской земле с участием епископа Иоанна и князя Всеволода (Дмитрия) с указанием "того лета заложен бысть град Суждаль". Скорее всего, это рассказ о восстановлении Суздальского Дмитриева монастыря (бывшее подворье Киево-Печерской Лавры), сгоревшего в конце XI века, как раз 100 лет назад. Примерно в то же время во владимиро-суздальской земле основано еще несколько монастырей, в том числе монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы на Клязьме, настоятелями которого в разное время были св.Симон, епископ Владимирский, и Кирилл ростовский, в богатой библиотеке которого, по всей видимости, хранился когда-то Успенский сборник, и два женских – Успенский, основание которого связывают как раз с Марией Шварновной, и Суздальский Ризоположенский, в котором позже упокоилась черниговская княжна, известная как прп. Евфросиния Суздальская.

Обобщая сказанное выше, мы уточним предлагаемую версию о создании Усп.сб. Это памятник ростово-суздальской земли, составленный параллельно с летописью того же времени и излагающий историю становления Ростово-Владимиро-Суздальской епархии. Жития первомучеников и апокрифы, правящиеся по мере необходимости, использовались как материал для художественного изложения церковной, а не светской истории, подобно тому как греческие Хроники послужили базой для формирования текста русских летописей. Автором-составителем Усп.сб. (второй писец) был человек высочайшей образованности, скорее всего, он был насельником Дмитриева монастыря в Суздале, где и создал этот памятник письменности. Время начала работы над памятником мы бы привязали именно к периоду между 6693 и 6697 годом, далее следует перерыв, вероятно связанный с оставлением работы первым писцом; окончание работы, вероятно, относится к периоду сразу после 1230 года, после смерти в Дмитриевом монастыре ростовского епископа Кирилла I. Дополнительные доказательства этой версии, извлеченные из анализа текста Усп.сб., мы предложим в следующей работе о судьбе древнерусской рукописи.

Вернуться к ссылке

44.200. Ѧ (кириллица)

Малый юс (**Ѧ**, **ѧ**) — буква исторической кириллицы и глаголицы, ныне употребляемая только в церковнославянском языке. В старославянском глаголическом алфавите имеет вид и считается 35-й по порядку, в кириллице выглядит как и занимает 36-ю позицию. Числового значения в глаголице и поздней кириллице не имеет, в ранней кириллице использовалась как знак числа 900 (так как по форме напоминает греческую букву сампи (Ϡ, ϡ) с тем же числовым значением). В церковнославянской азбуке обычно объединяется с буквой «А йотированное» и занимает 34-е место; иногда не объединяется, тогда ставится в алфавите после йотированного **А**. Происхождение глаголической буквы спорно (её возводят то к глаголическому же **Н**, то к лигатурам из греческих букв, наподобие **εν** или **ον**); кириллическую обычно объясняют как повернутую по часовой стрелке на четверть круга глаголическую.

Название «малый юс» условное; из древности пришло только самое слово «юс», используемое в нынешних названиях четырёх букв, но что оно значит — неясно (ус? узы, вязь?).

Фонетическое значение и варианты начертания

Первоначальное фонетическое значение буквы — носовой гласный [ɛ̃], реже (и только в древнейших памятниках) йотированный [jɛ̃] (в этом случае для нейотированного звука в глаголице используется начертание с дополнительной вертикальной линией от самой левой точки буквы вниз, именуемой условно «носовой с хвостиком» (в англоязычной литературе почему-то «носовой ер»), а в кириллице — знак в виде **А** с дополнительной горизонтальной чертой, соединяющей ножки внизу; иногда встречается начертание в виде буквы **А** с v-образной перекладиной). В единичных случаях в древнейших глаголических текстах встречается использование малого юса то ли как знака носового произношения предыдущей гласной, то ли в роли буквы **Н**: *аѧ҃ѣлъ* (ангел).

Постепенно звуковое содержание малого юса изменилось, превратившись в [ʲa] после согласных и [ja] после гласных и в начале слова, то есть совпало со значением буквы «йотированное А». В русском языке на его месте обычно употребляется **Я** (*пѧть* — *пять*); носовое же произношение и особые буквы сохраняются только в польском (*pięć*).

Поздняя орфография

Из-за того, что произношение юса и йотированного **А** совпало, использование двух букв стало разграничиваться искусственными формальными правилами. Например, такими:

- система 1: юс пишется после согласных, а в остальных случаях — йотированное **А**;
- система 2: йотированное **А** используется в качестве прописной буквы, а юс — в качестве строчной.

В новоцерковнославянском языке русского извода (то есть с XVII века) малый юс и йотированное А (**ІА**) по произношению не различаются: оба знака эквивалентны русской **Я**. В некоторых учебных азбуках юс и **ІА** даже печатали рядом, как если бы это были варианты одной и той же буквы. Правила церковнославянской орфографии требуют использования буквы **ІА** в начале слов, юса же в середине и в конце, за следующими двумя исключениями:

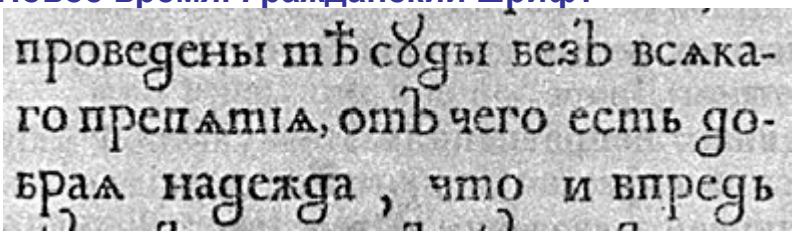
- личное местоимение *я* (= их, 3-е лицо вин. пад. множ. и двойств. числа) пишется через юс (но образованное от него относительное местоимение *яже* (= которая, которые, которых) — через **ІА**);
- слово *языкъ* и производные от него пишутся различно в зависимости от смысла: через малый юс пишутся орган речи и средство общения, народ же («нашествие галлов и с ними двунадесяти язык») — через **ІА**.

Когда церковнославянской орфографией пользовались при печати текстов на других языках — например, русском и сербском, — то местоимение 1-го лица *я* (в собственно церковнославянском языке не существующее, ему соответствует *азъ*) по общему правилу передавалось буквой **ІА**.

В отличие от русского языка, юс иногда пишется в церковнославянском после шипящих (хотя читается в этом случае так же, как буква **А**). Основные случаи его использования в такой позиции таковы:

- юс после шипящих в окончаниях местоимений, причастий, прилагательных и существительных указывает на формы множественного числа: *дщи наша* (наша дочь) — *дщєри нашя* (наши дочери);
- юс после шипящих в суффиксе кратких действительных причастий настоящего времени (им. падеж ед. числа мужского и среднего рода) иногда может использоваться для снятия омонимии с формами аориста: *слышя* (слыша, слышащий) — *слыша* (ты/он слышал, аорист от *слышати*; они слыли, аорист от *слыти*), но часто пишется и без необходимости, например в полной форме *слышяй* (слыша, слышащий), ни с чем не омонимичной.

Новое время. Гражданский шрифт


проведены тѣ сѣды безъ всяка-
го препятія, отъ чего есть до-
брая надежда, что и впредь

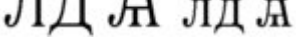
Пример текста, набранного первым вариантом гражданского шрифта. Буква «Я» имеет форму малого юса.

В гражданском шрифте Петра I малый юс присутствовал только в первом экспериментальном варианте (1707 или 1708 года), но почти сразу (в 1708 году) был заменен формой нынешней буквы **Я** (происходящей от скорописной формы малого юса XVII в.).

Модернизирующая стилизация

В наше время, при издании древних текстов гражданским шрифтом, иногда предпочитают не использовать соответствующее малому юсу сегодняшнее начертание **Я**, а предпринимают попытку просто стилизовать эту букву (равно как и прочие) под нынешние формы. Обычно при этом получается что-то вроде несколько расширенной прописной буквы **А** с третьей ножкой, а строчная буква делается как уменьшенный вариант прописной, вот в таком духе:

А Аа

Это решение небезупречно по эстетическим соображениям: буква получается слишком несбалансированной (пустой сверху и переусложненной внизу). Для облегчения нижней части знака иногда среднюю ножку рисуют тонкой, а не толстой (хотя чертится она сверху вниз, а не наоборот) и (или) оставляют без засечек; у боковых ножек  иногда засечки делают односторонними (только наружу). В результате получается изображение, по стилю отличающееся от других букв шрифта. Иногда предлагают верхнюю часть знака и левую ножку строить по модели нынешней русской буквы **Л** (у **Л** и **Д** в старину тоже был острый верх, сейчас это сохранилось в некоторых шрифтах):

ЛД Ѧ лд ѧ

Дореволюционная 10-рублевая купюра. Буква **Я** в словах «десять» и «управляющій» изображена в виде малого юса

Архаизирующая стилизация

В силу того, что буква **Я** — всего лишь новый облик малого юса, её традиционно и изображали в виде малого юса в стилизованных под старину русских надписях (в рекламе, на обложках книг по древнерусской истории и филологии и т. п.), а не изобретали «архаизированное» **Я**-образное начертание, как это часто делают сегодня.

Альтернативные названия

В церковнославянской азбуке малый юс могут называть просто «юс» (так как другие юсы не используются) или даже «я».

В литературе по филологии, палеографии и т. п. иногда для краткости вместо словосочетания «малый юс» используют условное написание «ѧс» (аналогичным образом вместо «большой юс» — «ѫс» и т. п.).

В некоторых хорватских источниках словом «юс» (*jus*) называют букву **Ю**, тогда как «настоящие» юсы именуются «эн» (малый), «ен» (малый йотированный), «он» (большой) и «ён» (большой йотированный) — *en, jen, on, jon*.

Таблица кодов

Малый юс в стандартных 8-битовых кодировках отсутствует (можно считать, что отождествляется с **Я**). Наличествует только в юникоде:

Регистр	Десятичный код	16-ричный код	Восьмеричный код	Двоичный код
Прописная	1126	0466	002146	00000100 01100110
Строчная	1127	0467	002147	00000100 01100111

В HTML прописную букву Ѧ можно записать как Ѧ или Ѧ, а строчную ѧ — как ѧ или ѧ.

Вернуться к ссылке

44.201. Бус

44.201.1. Царь Додон и Геродот

Теперь мне хочется показать на живом примере, какое эхо может вызвать в науке неверная нота, взятая Переписчиком. Неразоблаченная ошибка писца, размножаясь в современных толкованиях, приобретает силу неопровержимого исторического факта, на котором воздвигаются порой крепости невероятные.

В. И. Стеллецким кратко описана история толкований строки «поют время Бусово, лелеют месть Шароканю», в которой удалось поучаствовать и мне.

В. И. Стеллецкий: «Первая часть предложения представляет собой неясное место в «Слове». Высказывались различные предложения. Н. Грамотин в 1823 году предполагал, что Бус - имя половецкого хана. С 30-х годов а советской науке утвердилось мнение, высказанное Е. Огоновским в 1876 году, что под Бусом следует понимать Божа, одного из князей предков восточных славян, именуемых в науке условно «антами». В 375 году Бож был побежден готским королем Вннитаром. Он, его сыновья и семьдесят знатных антов были взяты в плен и казнены.

Особую точку зрения занимал Н. К. Гудзий. Он писал: «Бус, очевидно, один из прославившихся победами половецких ханов». («Слово о плъку Игореве», 1938). В своей «Хрестоматии по древней русской литературе», однако, он уже пишет: «Бус - антский князь Бос или Боус».

В 1962 году О. Сулейменов высказал мнение, что оба рассматриваемых предложения относятся к одной и той же битве 1107 года, в которой половецкие ханы Боня и Шарухан «старый» были разгромлены объединившимися русскими князьями... С поражением Игоря перед Кончаком, сыном Артыка и внуком Шарухана, открылась возможность отомстить за злоключения своего отца и деда, потому-то «готские девы» и вспоминают о недавнем поражении, позорном бегстве кипчаков и радуются победе Кончака. И в казахском языке сохранилось точное определение такого массового бегства целого племени или народа, какое пришлось испытать кипчакам после разгрома. Оно называется «босу». «Время босу», или если взять конструкцию «Слова» «время босуво-бусово» (**1**).

В. И. Стеллецкий принимает это объяснение и переводит: «поют про время (давних) напастей, лелеют месть за (поражение) Шарухана» (**2**).

О. В. Творогов также согласился с доводами моей статьи и отказал Божу в доверии(**3**).

Победу эту я могу считать тем более значительной, что Бож олицетворяет все то худшее, что несла в науку «патриотическая» историография. Почему в XIX веке изобретение Е. Огоновского не было принято ни одним из ученых? Почему в 30-х годах нашего века все советские исследователи единогласно признали изобретенье за великое открытие? Один Н. К. Гудзий еще сопротивлялся в 1938 году, но и он, в конце концов, был вынужден принять эту версию, успевшую превратиться в аксиому.

На примере Божа можно убедиться, как просто делается история.

...Е. Огоновский (**4**), увлеченный соседством «готских дев» с «временем Бусовым» (в написании Мусина-Пушкина) обратился к сочинению римского историка Иордана (VI век) «О происхождении и деяниях готов», где в одном из рассказов обнаружил имя «Бооз». Этого оказалось достаточным для рождения гипотезы, которую он высказал весьма неубежденно.

Через полвека мысль его была подхвачена и получила неожиданное направление. Бооз - превратился в «Божа» (хотя в латинском алфавите нет буквы «ж», и Иордан никак не мог бы написать эту форму); анты объявлены восточными славянами только на том основании, что автор «Слова» якобы помнил о существовании Бооза.

За четыре истекших десятилетия уравнение анты = восточные славяне вошло в сознание историков без всяких доказательств, и в солидных научных работах по истории восточных славян этот тезис приводится походя, как само собой разумеющийся.

А. К. Югов и вовсе превратил Божа в русского: «поминают смерть князя русского Божа - славят и отмщение за Шарухана».

Так ошибка переписчика XVI века породила целое направление в исторической науке.

В 1962 году в статье «Босый волк и напевы готских дев» (**5**) я усомнился: «Почему злополучные девы - в связи с незначительным, в сущности, поражением Игоревых ратей вспоминают так легко и привычно тоже незначительное в общем событие тысячелетней давности?

И автор «Слова», каким бы просвещенным он ни был, едва ли он, сын своего века, мог знать факты столь отдаленные, тем более, что в этом, по-видимому, не было никакой надобности. Вероятно, речь идет о чем угодно, только не о мифическом анте Бозе».

Сегодня, перечитывая ту свою работу, я отказываюсь от нее. Кроме приведенного отрывка. И добавляю: для автора даже времена Ярослава Мудрого - давние. Историческое прошлое, в его представлении, ограничивается пределом XI века. У интеллигента XVIII века прошлое включает, по крайней мере, два тысячелетия. Приписывая Автору столь глубокий взгляд в древность, мы невольно искажаем картину диалектического развития исторического сознания.

И действительно, чтобы так запросто упоминать историческое имя Автор должен быть уверен, что читатели поймут даже такой намек. Мы должны признать, что история антов была широко известна в Киевской Руси XII века. Каждый грамотный русич знал ее. Но что тогда поделать с тем фактом, что ни один из многочисленных источников славянской письменности не углубляется в

своем знании истории ниже IX-X веков? И нет никаких доказательств того, что произведение Иордана читалось в Руси. Но даже если бы его переводили и любили, почему именно антов Автор избрал в качестве предков славян? Ни о языке их, ни о культуре, даже о месте обретания их в 375 году нет у Иордана никаких известии кроме того, что он их называет гуннским племенем. Но и сейчас вряд ли какой историк назовет гуннов славяноязычным народом.

Автор «Слова», мне кажется, вовсе не знал о существовании гуннов, готов и тем более антов (ант скорее всего связано с латиногреческим анти - противоположное; древнее; чужое. Так могли обобщенно называть латиняне любого противника).

«Амал Винитарий... с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войска в пределы антов» (**6**). Здесь «ант», возможно, синонимично термину «гунн». Но даже если поверить всему, что нагородили историки, вызывает возражение и то, что «готские девы», враждебные анту - Игорю, поют радостно о поражении его предка Боза и лелеют месть за половецкого хана Шарухана. Так близко к сердцу могли принимать поражение половцев в начале XII века, наверное, половецкие девы, а вовсе не древнегерманские.

«Простор» опубликовал и ответ на мою статью, который был прислан В. Ф. Соболевским, известным специалистом по древнерусской литературе (**7**).

Всю эту работу он посвятил одному - защите Божа. Правда, никаких новых аргументов в пользу его уважаемый ученый не представил, справедливо полагая, что в некоторых условиях убежденность - главный аргумент: «***Ошибочность суждения О. Сулейменова явно проистекает из утверждения о случайном фонетическом совпадении «Боза» и «Бусово». Такой вывод противоречит историческим данным». Или: «Чем же была вызвана у автора «Слова» надобность говорить об антском короле Бусе, (уже не «Booз».-О. С.) о факте столь отдаленном и заставлять «готских дев» поминать об этом? Вот здесь и выступает действительный общий замысел «Слова» - подействовать на патриотические чувства всех русских князей, напоминая им о тех далеких временах, когда антский король Бус отражал набеги готов...***»

Напоминать можно тем, кто знал об этом. Неужели все русские князья XII века проходили в школе подробнейший курс по истории готов и антов? И потом, не так уж успешно отражал Booз набеги готов, если оказался распятым на кресте вместе со всеми своими сыновьями. Примеры такого отражения можно было бы найти и не в столь далекой истории...

Далее В. Ф. Соболевский приводит свой главный аргумент: «Можно не сомневаться в том, что автору «Слова» были известны исторические материалы, которыми он пользовался».

Доказательств столь ответственного утверждения нет пока, но есть уверенность. Таким образом, В. Ф. Соболевский убедил меня, что автор и все его читатели - удельные князья, бояре и прочая, и прочая знали десять строк из сочинения Иордана.

...Даже, описывая всем известные действия или выражения книжного происхождения, писатель или переписчик обычно делали ссылки на источник (чаще всего церковный), из которого почерпнуто знание. Например, в «Житии и хождении Даниила» (Кирилло-Белозерский список) часты библиографические ссылки типа: «якоже во Еуангелии писано» (л. 142) и «прочая писано в Паремии» (л. 159), «и прочая писано в Житии ея (богородицы)» (л. 148) и «прочая в Деяниях» (л. 142) и пр. и пр.

Авторы или книгописцы так кратко отсылали читателя к произведениям широкоизвестным.

Если же источники малоизвестны, то ссылки более подробны и событие малоизвестное описывается значительно шире. В «Слове» же «время Бусово» никак не комментируется, что может служить доказательством или некнижного, т. е. неисторического его происхождения, или же чрезмерной известности этого выражения, что невозможно.

Лингвисты-тюркологи несомненно уточнят прочтение и разбивку найденной в гуще древнерусского текста тюркской фразы. Может оказаться, что некоторые сочетания неверны. Но

композиция «Плеснь»-«знаешь» и «дебрь кисань»-«железные путы» мне кажутся твердо доказуемыми.

Более десяти лет назад я впервые так прочел «плеснь ...дебрь кисань», непрерывно искал им опровержения и лишь сейчас решаюсь опубликовать эту находку. Ценность ее для истории языковых взаимоотношений Руси и Поля неоценимо велика и относиться к ней надо со всей бережливостью.

Это первое тюркоязычное предложение, обнаруженное в славянском источнике до XIII века. Мы не встречали до этого рубежа даже пары тюркских слов, объединенных синтаксической связью.

Итак, весь микроэпос «Сон Святослава и его толкование боярами» в протографе выглядел, по-моему, в следующем виде (**8**):

А Святъславъ мутенъ сонъ виде:
В Кіеве на горахъ снчь
съ вечера одевахъть мя, рече,
чрьною паполомою на кроваты тисове;
чрьпахнуть ми синее вино съ трутомь смешено.
Сыпахуть ми тъщи тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгь на лоно и негуютъ мя.
Уже дьскы безъ кнеса вмоемъ тереме златовръсемъ.
(Всю нощь съ вечера) бусоврамне (възграяху). «Блеснь скана
болони беша дебрь кисан ю инес ошлюкъ син (ему морю)».
И ркоша бояре Князю:
«Уже, Княже, туга умь полонила;
Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата:
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома крильца припешали
поганыхъ саблями,
а самаю опустоша въ путины железны.
Темно бо бе, гдн:
два солнца померкоста,
оба багряная стлъпа погасоста
и съ нимъ молодая месяца (Олегъ и Святъславъ)
тъмою ся поволокоста на реце на Каяле,
Тьма светъ покрыла: по Руской земли простроша ся Половци.
Ак пардажи уй въ море погрузиста и великое буйство подасть
Хинови.
Уже снесеся хула на хвалу,
уже тресну нужда на волю,
уже връжеса дивъ на землю
(се бог отский)
Красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня руским златом.
Поютъ бусоврамне,
лелеютъ месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселія.

Примечания:

1. Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии В. И. Стеллецкого.М., 1967, стр. 160-161.
2. Там же, стр. 70.
3. Слово о полку Игореве. Комментарий О. В. Творогова, М.-Л., 19в7, стр. 503.
4. «Слово о полку Игореве» - поэтический памятник русской письменности XII века. Львов, 1876.

5. «Простор», 1962, № 11.

6. Иордан. О происхождении и деянии готов. («Гетика»). АН СССР, 1960, стр.115.

7. Соболевский В. Ф. Готские девы в «Слове о полку Игореве». «Простор», 1963, № 5.

8. В скобках даны дописки Переписчиков. Подчеркнуты объясненные мною места.

44.202. Бус Белояр

...**Однажды ночью над Киевом** Антским, что расположен близ Алатырской горы (Эльбруса), засияла на темном небе яркая звезда. В ту же ночь князю Дажину Бог Вышний послал сына. И пришли от сорока народов сорок чародеев-звездочетов, и принесли они дары младенцу, и сказали: - Княжеский сын совершит великие дела и прославит Антскую Землю. Сам Вышний приветствует его рождение звездой!

И открыли они “Звездную книгу”, данную славянам Колядой, и прочли древнее предсказание: “И настелит Овсень мост. И первым проедет по нему Крышень, а второй - Коляда, третий – Бус (Март)”. И потому назвали младенца по-написанному - Бусом. И прозвали его Белояром, ибо родился он в последний день месяца Белояра, на закате Дня Сварога.»

Современные «апологеты бусовы», прямо пишут « И рождался Бус также как и Коляда, и Крышень (и как Иисус Христос). При его рождении также явилась новая звезда-комета. Об этом упоминает древнеславянская рукопись IV-го века «Боянов гимн», рассказывающий о звезде Чигирь-угорь (комете Галлея), по которой при рождении князя звездочеты предсказали его великое будущее. По комете, упоминаемой “Бояновым гимном”, была определена дата рождения Буса Белояра. Бус родился 20 апреля 295 года н.э. А по различным знамениям, бывшим при рождении Буса Белояра, волхвы предсказали, что Бус Белояр закончит Сварожий Круг. В кавказских легендах (пересказанных Ш.Б. Ногмовым и др.) говорится, что Бус был старшим сыном. Кроме того, у его отца было еще семь сыновей и одна дочь. Имя одного из братьев мы находим в “Бояновом гимне” это кам (волхв-шаман) Златогор, названный в честь Золотой горы Алатыря. А имя сестры Буса — Лебедь Сва (она же в скандинавских сагах Сванхильд), названа в память о прародительнице Птице Матери Сва.

И родился Бус, его братья и сестра в священном граде Кияре — Киеве Антском (Сар-граде) близ Эльбруса. И был Бус наследником престола Русколани-Антии.

Род Белояров произошел от соединения рода Белогоров, издревле живших у Белой горы, и рода Ария Оседня (рода Яров) в самом начале эпохи Белояра.

Власть предков Буса Белояра распространялась от Алтая, Загроса, до Кавказа. Бус - было тронным именем сакских и славянских князей. Знаменитым предком Буса Белояра был сак Бус Бактрийский, который в IV веке до н.э., был правителем Бактрии и Согдианы, провинций Персии. Династия Бусов была связана кровно со многими царскими домами мира: в кельтской Европе с царским домом короля Артура, у франков с Меровингами, у скандинавов с Инглингами. В Малой Азии с потомками царя Давида (в том числе и с Иисусом Христом). В Индии с царями солнечной династии (в том числе с Рамой и Буддой Шакьямуни). Были в родстве князи из династии Бусов и с Заратуштрой (потомки пророка правили в Бактрии, они породнились с кеянидами). И все те религиозные течения, основателями коих были Рама, Кришна, Будда, Заратуштра, Христос, были столь же родными для князей антов, как и учения Крышня, Коляды и Велеса.

Русские ведические учения (близкие к вишнуизму) и зороастризм рождались на землях, подвластных князьям Бусам и кеянидам.»

Странно ли, что классические ученые полагают миф о Бусе Белояре поздней подделкой?! И снова не странно, что мои исследования связывают это имя с «Возрождением-воскрешением».

«***Бус и братья прошли посвящение. Вначале они шли дорогой Знания, были послушцами-учениками. Пройдя этот путь, он стали ведунами - то есть ведающими, теми, кто в совершенстве знает Веды. До высшей степени, до степени - Побуда (Будая), то есть***

пробужденного, и пробуждающего, духовного учителя и благовестника воли богов, поднялись братья Бус и Златогор.»

Год гибели Буса-Будая, 368 год, имеет вполне определенный астрологический смысл. Это рубеж, конец эпохи Белояра (Овна- Бута), начало эпохи Рода (Рыб - Исуса). В Библии, «уходящий в прошлое», Бута-Дий бьет по лицу, «приходящего на правление», Исуса по лицу.

Согласно Иордану, Амал Винитарий, вторгшийся в славяно-антские земли, в первой же битве был разбит. Но потом он «стал действовать более решительно». И вызвано это было тем, что по славянскому астрологическому учению наступила Полночь Сварога - 31 лютеня 367 года (21 марта 368 года). Остановилось Старое и стало вращаться Новое Коло Сварога. В ту же ночь, когда был распят Бус, произошло полное лунное затмение. Также землю потрясло чудовищное землетрясение (трясло все побережье Черного моря, разрушения были в Константинополе и Никее). И в том же году придворный поэт и воспитатель сына императора Децилл Магн Авзоний написал такие стихи:

Между скифскими скалами

Стоял для птиц сухой крест,

С которого из тела Прометеева

сочилась кровавая роса...

Это не только поэтическое видение, соединившее крест и образы Буса, Христа и Прометея. Это след того, что в те годы сведения о распятии Буса говорили и в Риме.

То есть язычники в Риме видели в Бусе Белояре распятого Прометея, а ранние христиане узнали в Бусе Белояре Мессию, вновь пришедшего Спасителя. Сняли с крестов тела Буса и иных князей в пятницу. Потом их повезли на родину. По кавказскому преданию, на родину тело Буса и иных князей привезли восемь пар волов. Жена Буса овелела насыпать над их могилой курган на берегу реки Этоко (приток Подкумка) и воздвигла на кургане памятник, сделанный греческими мастерами (“хотя памятник ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце...” — пела она, согласно легенде). Она же, дабы увековечить память Буса, повелела переименовать реку Альтуд в Баксан (реку Буса).

Бус, как и Иисус, воскрес на третий день (23 марта), в воскресенье. И на сороковой день восшел на Фаф-гору. И так Бус Белояр, как и Крышень, и Коляда стал ПоБудом Руси Божей, воссел у трона Всевышнего.

Распятый Бус- Бут ВОСКРЕСАЕТ… как Иисус иудеев.

До сего времени в русских православных мистических сектах поминают Спасителя, который приходил через 400 лет после Иисуса Христа. При этом они ссылаются на свидетельство Библии (III книга Ездры, гл. 7, 28-29): «***Ибо откроется Сын Мой Иисус с теми. Которые с ним, и оставшиеся будут наслаждаться 400 лет. А после этих лет умрет Сын мой Христос...»***

Ездра пророчествовал во времена вавилоно-скифского пленения. У скифов, очевидно, и было заимствовано сие предсказание. Да и Сам Иисус Христос говорил своим ученикам (Иоанн, 14:16): «***И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его, а вы знаете Его, ибо он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами, приду к вам***».

И также о сем Утешителе Иисус говорил(Иоанн, 14:12): « ***дела, которые творю Я, и Он сотворит и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу моему иду***».

Здесь Иисус Христос говорит о Своем Втором Пришествии, но не о том, что будет при Конце Света, а о том, которое «мир не может принять», которое «не увидит», которое откроется только избранным.

Далее Иисус говорит о сем Пришествии: «***Когда же придет Утешитель, Дух Истины, который от Отца исходит, он будет свидетельствовать обо Мне***».

Судя по всему, сам символ креста вошел в христианскую традицию после распятия на кресте Буса Белояра. Следует также учитывать то, что канон Евангелий был установлен после IV века, и он основывался в том числе и на устных преданиях, ходивших тогда по христианским общинам, в том числе и скифским, а в сих преданиях образы Иисуса Христа и Буса Белояра были уже смешаны.

Так, в канонических Евангелиях нигде не говорится о том, что Христа распяли на кресте. Вместо слова “крест” (kryst) там употребляется слово “ставрос” (stavros), что значит столб, и там говорится не о распятии а о столбовании (в “Деяниях апостолов” 10:39 сказано, что Христа “повесили на древе”). Слова “крест” и “распятие” появляются лишь в переводах с греческого. В наиболее близкой к христианской, в иудейской традиции, также утверждается предание о повешении Иисуса. Существует, написанная в первые века нашей эры, иудейская “Повесть о повешенном”, где подробно описана казнь Иисуса именно через повешение. А в Талмуде приводятся два рассказа о казни Иисуса Христа. Согласно одному (Тос. Санг. 11; Санг 67а), Иисуса побили камнями, причем не в Иерусалиме, а в Луде. По другому рассказу, кстати, изъятому из поздних изданий Талмуда (Санг. 43 а), Иисуса сначала хотели побить камнями, но так как он был царского рода, сию казнь заменили на повешение: «***Накануне пасхи повесили Иисуса. И за 40 дней был объявлен клич, что его должны побить камнями за то, что он занимался колдовством: кто может сказать что-либо в его защиту, пусть придет и скажет. Но не нашли ничего в его защиту, и его повесили накануне пасхи. Сказал Ула: «Допустим, он был бы бунтовщиком, тогда можно было бы искать поводов для защиты; но ведь он подстрекатель к ереси, а Тора говорит: «Не жалей и не покрывай его». Иисус другое дело: он был близок к царскому двору***».

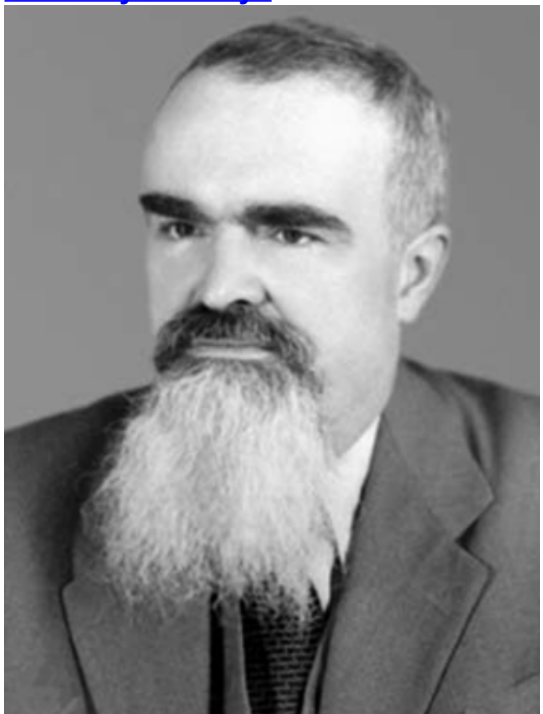
Совершенно очевидно, что интеллигентные ученые обманули сами себя, всех нас, и много лет строили и продолжают зачем-то строить до наших времен фальшивый исторический сюжет?!

И все же, что-то их подвигло к этому – какое-то ИМЯ старались они найти и привязать к важному для русского этноса сюжету? Действительно, схожие исторические имена есть и не одно.

В «Истории датчан» Саксона Грамматика (ок. 1218) герой Боус, сын верховного скандинавского бога Одина и русской царевны Ринд (в скандинавском эпосе «Старшей Эдде» сын Одина и Ринд зовется Вали, что не удивительно т.к. созвучие Боу часто в Европе получает окончания –ут; -ил; -ус).

Доказано также, что Бус, Бусый не имя, а воинское прозвище, происходящее от южнославянского «бусован-бучован»- «сердитый, гневный, грозный»), что мы и видим во фразе о битве на Ворскле, что «.. Бус был известен у тевтонов как ярый вояка…».

См. также **Свято-Русские Веды. Книга Велеса Перевод, пояснения А. И. Асова**, **Комментарии к «Слову о полку»**



Вернуться к ссылке

44.203. А. В. Арциховский

Арте́мий Влади́мирович Арцихо́вский (26 декабря 1902, Санкт-Петербург — 17 февраля 1978, Москва) - выдающийся археолог и историк, член-корреспондент АН СССР, профессор, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ, гл. редактор журнала "Советская археология" (1957-1979), лауреат Гос. премии СССР (1970), один из крупнейших специалистов в области славяно-русской археологии.

Отец - известный ботаник В.М. Арциховский, мать - врач. Семья переехала на юг. После окончания Новочеркасской гимназии в 1922 г. поступил в МГУ, где занимался под руководством В.А. Городцова. После

завершения университета аспирант РАНИОН (1925-1929). Кандидатская диссертация "Курганы вятичей", защищенная в 1929 г. и опубликованная в 1930 г., обобщила огромный материал по русским древностям XI-XIV вв. и использовала принципы математической статистики. Руководил в Государственном историческом музее отделом древнерусской археологии, в 1929 г. осуществил коренную перестройку всей музейной экспозиции по разделу древней Руси. Показ коллекций из раскопок заменил широкой картиной исторического процесса на основе разнообразного вещевого материала, что принципиально важно и ныне.

Пристальное внимание обращал на орудия труда, наиболее важные для исторических реконструкций. Начав с изучения курганных древностей и археологии Москвы, в дальнейшем выбрал новую большую историко-археологическую тему - Новгород Великий, чему оставался верен всю жизнь. Это и принесло ему всемирную известность.

Начав в 1929 г. с изучения округи Новгорода (вместе с Б.А. Рыбаковым), А.В. Арциховский в 1932 г. перенес раскопки в город, основав старейшую из существующих ныне в России постоянных археологических экспедиций по изучению русского средневековья (его ошибочно называют "древнеруским").

Именно в Новгороде была оптимизирована методика исследования городского культурного слоя, исключающая элемент случайности, - раскопки широкими площадями, которые позволяли сделать объектом археологического изучения целые усадьбы и кварталы древнего города. Другим направлением стала разработка вещевой хронологической шкалы (Б.А. Колчин), а затем и всего комплекса материалов для детальной характеристики стратиграфической системы культурного слоя. Анализ замкнутых в пределах построек вещевых комплексов создал возможность их функционального определения и привел к открытию не только жилых домов и хозяйственных построек, но и многочисленных ремесленных мастерских, историю которых ныне иногда начинают со времен палеолита (в скифских городах мастерские существовали несомненно).

Знаменитое открытие в 1951 г. первых берестяных грамот было осознано не только как обнаружение принципиально нового источника информации о прошлом, не только как свидетельство широкого распространения грамотности в древней Руси, но и как средство живого объединения данных археологии с материалами письменных источников по новгородской истории. В составе экспедиции Артемий Владимирович сумел объединить многих талантливых ученых, главным образом своих учеников, что позволило превратить публикуемые труды экспедиции в поистине энциклопедическое издание. В результате работ этого коллектива Новгород стал эталонным памятником для всех исследователей, занимающихся проблемами славяно-русской археологии.

Кроме важных работ по экономической и политической истории Новгорода, он опубликовал исследования по специальным вопросам нумизматики и геральдики, но наиболее фундаментальным трудом того же плана была его докторская диссертация <Древнерусские миниатюры как исторический источник>, защищенная в 1940 г. и опубликованная в 1944 г.

Примером источниковедческого синтеза является предпринятое А.В. Арциховским семитомное академическое издание новгородских берестяных грамот, обнаруженных в 1951-1976 гг., комментирование которых показало сотни точек соприкосновения этих документов со всем комплексом письменных и археологических источников древней Руси.

Неоценим вклад ученого в становление и развитие археологии как университетской науки в России и СССР. Арциховский связал с МГУ всю свою жизнь. С 1927 г. он ассистент, с 1929 г. - доцент, а с 1937 г. - профессор университета. С 1939 г., когда на историческом факультета МГУ была создана кафедра археологии, и до дня своей кончины - бессменный ее руководитель. В 1952-1957 гг. декан исторического факультета.

Подготовленный им курс археологии не знает прецедентов в мировой педагогической практике. В нем соединены сведения по первобытной, античной и средневековой археологии, а проблемы

отечественной и мировой истории впервые изложены на материалах нашей страны, Западной Европы и Ближнего Востока.

Существенное значение имел учебник А.В. Арциховского "Основы археологии", в котором обобщены материалы по археологии СССР. Ученый был одним из активных организаторов российской науки. С момента основания в 1957 г. и до своей кончины он руководил главным печатным органом российских археологов - журналом "Советская археология". С 1956 г. он был также главным редактором журнала "Вестник Московского университета (серия: История)".

Полезны итоги его научной полемики с академиком Б.А. Рыбаковым.

Литература:

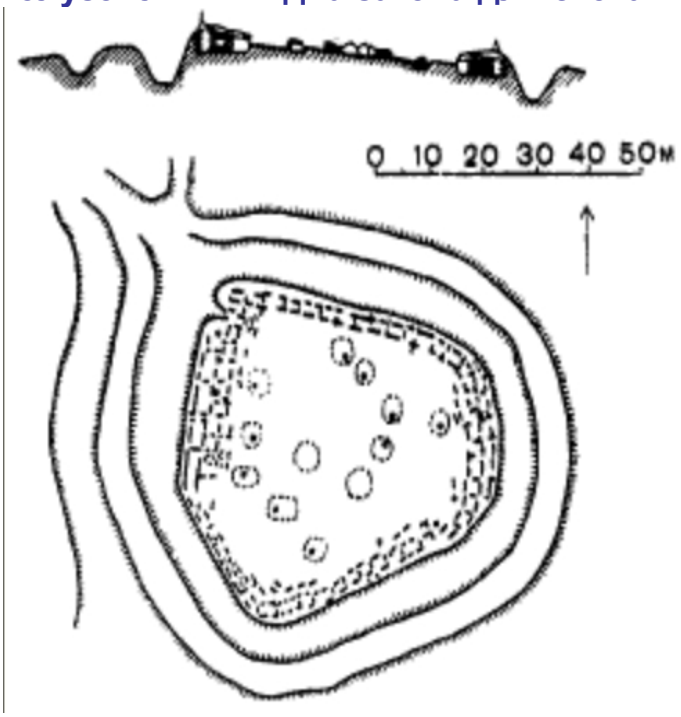
1. **Курганы вятичей**. М. 1930;
2. Введение в археологию. М., 1941;
3. Основы археологии. М. 1954;
4. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). М., 1978 (в соавторстве с В.Л.Яниным);
5. Историко-археологический сборник (к 60-летию А.В.Арциховского). М., 1962 (список составлен В.Л.Яниным);
6. Новое в археологии. Сб. (к 70-летию А.В. Арциховского). М., 1972; Артемий Владимирович Арциховский. Библиографический указатель. М., 1973.

См. также **А. В. Арциховский**. Основные вопросы археологии Москвы, **А.В. Арциховский Археологическое изучение Новгорода**, **А.В.Арциховский**. Берестяная грамота № 526. Древнерусские берестяные грамоты

Вернуться к ссылке

44.204. Райковецкое городище

План: По периметру городища размещались клети-тарасы с пристроенными к ним хозяйственными и жилыми помещениями. В срединной части- полуземлянки и два загона для скота. Реконструкция В.К.Гончарова



Райковецкое городище, городище на возвышенном левом берегу р. Гнилопяти близ села Райки Бердичевского района, представляет собой остатки небольшого укрепленного города времен Киевской Руси 9 - первой половины 13 вв.

Оборонительную систему города составлял глубокий семиметровый ров и высокий земляной вал с выходами к детинцу. К валу примыкали хозяйственные и складские помещения. В центральной части было обнаружено несколько полуземлянок, которые служили как загоны для скота и хранения корма. В других полуземлянках, по-видимому, изготовлялись железные и ювелирные изделия. Горны для плавки железа и печи для обжига глиняной посуды находились за валом городища. При раскопе найдено большое количество остатков хлебопашеских орудий, костей домашних животных, тысячи бытовых и хозяйственных предметов, оружия и культовых вещей. В некоторых помещениях найдены ценные украшения, остатки золотой и серебряной

парчи, медная позолоченная посуда и т. д. Под руинами жилья и хозяйственных сооружений сохранились скелеты погибших людей.

44.204.1. ЛУКА-РАЙКОВЕЦКАЯ Культура

Городище близ г. Бердичев на Украине, давшее название восточнославянской культуре 8–10 вв. Культура типа Л.-Р. генетически связана с культурой Прага-Корчак; ее ареал охватывает правобережную часть Среднего Поднепровья. Некоторые раскопанные селища и городища возникли еще в 6–7 вв. На поселениях исследованы как полуземлянки, так и наземные жилища с каменками или глинобитными печами, расположенными в углах. В 8–9 вв., по-видимому, сохраняется обряд захоронения остатков кремации в грунтовых могилах, в урнах, а к 10 в. он сменяется подкурганными безурновыми погребениями. Типичная для культуры керамика отличается от пражско-корчакской сравнительно низкими пропорциями, более сильной профилировкой, наличием на части сосудов неровного линейно-волнистого орнамента.

Характерные особенности

Памятники лука-райковецкой культуры имеют следующие признаки:

- Доминирующий тип поселений — неукрепленные селища, население которых занималось сельским хозяйством, для IX века характерно появление городищ, имевших ремесленно-торговый и административный характер[2].
- Керамика соответствует пражско-корчакской по состав материала, обжигу, способу формовки и ассортименту форм. От указанной культуры отличается наличием орнаментации — защипов или насечек по краю венчика, ямочным, неровным волнистым или линейным орнаментом. В ходе развития культуры происходит изменение сосудов от слабопрофилированных к имеющим большую профилировку, от высоких сосудов более низким и широким. Изначально керамика носит лепной характер. С IX века появляются сначала лепные сосуды с обточенным на гончарном круге верхом, а затем и сосуды, целиком изготовленные на круге[2].
- Основной тип погребений — грунтовые могильники. С VIII века увеличивается доля курганных погребений, в IX—X веках вытеснивших грунтовые захоронения. Курганы содержат одиночные погребения[2].
- Украшения, характерные для памятников лука-райковецкой культуры, включают в себя проволочные височные кольца, миниатюрные антропоморфные фибулы, подковообразные фибулы, литые трехрогие подвески-лунницы, серьги-лунницы с гроздевидной подвеской, украшенные псевдозернью и имеющие, как считается, западнославянское происхождение, подвески-бубенчики, пластинчатые, литые браслеты и браслеты выполненные из граненой проволоки, перстни, железные пряжки, стеклянные бусы и пронизки[3]

Наследие культуры

Памятники Корчакской культуры, предшественицы культуры Луки-Райковецкой, индентифицируют с культурой славянского объединения племен дулебов, которые считаются предками летописных волынян, древлян, дреговичей, и возможно частично полян.[4] Носителями Лука-Райковецкой культуры считаются указанные восточнославянские племенные союзы [2]. В X веке вошла в состав древнерусской культуры[1].

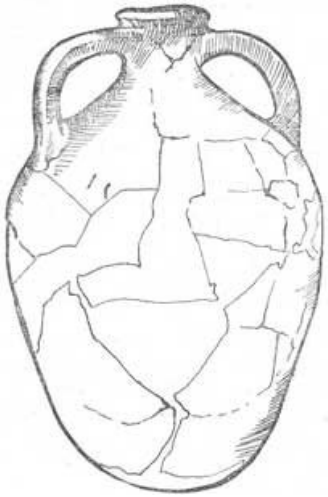
См. также **ИСТОРИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА** , **Гончаров В.К. Райковецкое городище - Киев: Акад. наук УССР, 1950**, **Седов В.В. Древнерусская народность Дулебы**

Вернуться к ссылке

44.205. Гороухща

Неподалеку от Смоленска есть большое языческое кладбище. В археологии его принято называть Гнездовским могильником. Более двух с половиной тысяч Курганов. Хоронили здесь славян, иногда варягов.

В 1949 году археолог Д. Авдусин приехал в Гнездово на очередные раскопки. Как обычно, выбрали курган, произвели необходимые обмеры. Началась кропотливая, трудоемкая работа. Ее результат превзошел все ожидания.



Корчага из Гнездова

Под курганом тысячу лет назад захоронили воина. Положили в ладью и сожгли. Это определили по так называемым ладейным заклепкам, найденным в кострище. Меч воина, предварительно сломанный, был воткнут в кострище. Нашли складные весы, женские украшения (очевидно, они принадлежали рабыне, захороненной здесь же), арабские монеты. Вокруг беспорядочно валялись остатки битой посуды.

Перебирая их, археологи наткнулись на черепок с процарапанными буквами и не поверили своим глазам: буквы были славянские.

Надпись гласила - «гороухша». Звук «у», который мы сейчас произносим довольно быстро, обозначался в древнерусском языке двумя буквами «оу». Две предпоследние буквы можно было прочесть по-разному, или «хщ», или «шн». Вот ведь как бывает, слово и буквы славянские, очевидно русские, а прочесть трудно.

Позже надпись показали академику М. Тихомирову, который подтвердил, что буквы русские, кириллица.

Датировали надпись первой половиной X века. Важно было правильно ее перевести. Языковед П. Черных считал, что ее надо читать как «гороушна», то есть «горчичные зерна». Первооткрыватель надписи Д. Авдусин и М. Тихомиров придерживались несколько другого мнения, трактуя ее как «гороухша» - «горчица».

Но как появилась надпись? Могло, конечно, быть так: какой-то человек купил корчагу с горчицей и, чтобы не перепутать ее содержимое с содержимым других сосудов, сделал пометку. Тогда как корчага из-под горчицы попала в погребение дружинника? Вполне возможно, что прошла не через одни руки, прежде чем оказалась в Гнездове.

Некоторые исследователи не соглашались с таким чтением надписи. Например, один чешский ученый трактовал ее как «Гороух пса», что означало «Горух писал». Археолог Г. Корзухина прочла надпись по-новому. Получилась «горгоща» или «горяща», то есть «горючее».

В южных городах в слоях IX-X веков часто находили сосуды со следами нефти на стенках. Свойства нефти известны были давно, а развести костер, чтобы сжечь покойника, да еще, как вполне могло случиться, в плохую погоду, не просто. Гипотеза вполне приемлемая. Мог бы помочь химический анализ, если б корчага не побывала в огне.

Пока ученые остаются при своих мнениях. Загадки этого сосуда еще далеко не исчерпаны. Под рассмотренной надписью стоит знак, весьма напоминающий латинскую букву «N». Д. Авдусин предположил, что это инициал владельца. Больше никаких гипотез не высказывали. Кто знает, быть может, со временем придет и его черед. Но главное в том, что найдена древнейшая из дошедших до нас достоверная русская надпись на основе кириллицы.

Буква	Начер-тание	Числовое значение	Чтение	Название
А	а	1	[а]	аз
Б	б		[б]	бу́ки
В	в	2	[в]	ве́ди
Г	г	3	[г]	глаго́ль
Д	д	4	[д]	добро́
Е, Є	є	5	[е]	есть
Ж	ж		[ж']	живе́те
S	ѕ	6	[дз']	зело́
ꙁ, З	ꙁ,з	7	[з]	земля́
И	и	8	[и]	и́же (8-ричное)
І, Ї	і,ї	10	[и]	и (10-ричное)
К	к	20	[к]	ка́ко
Л	л	30	[л]	лю́ди
М	м	40	[м]	мысле́те
Н	н	50	[н]	наш
О	о	70	[о]	он
П	п	80	[п]	поко́й
Р	р	100	[р]	рцы
С	с	200	[с]	сло́во
Т	т	300	[т]	тве́рдо
ОУ, Ꙋ	оу,ꙋ	(400)	[у]	ук
Ф	ф	500	[ф]	ферт
Х	х	600	[х]	хер
Ѡ	ѡ	800	[о]	оме́га
Ц	ц,ц	900	[ц']	цы
Ч	ч,ч	90	[ч']	червь
Ш	ш		[ш']	ша
Щ	щ		[ш'т'] ([ш'ч'])	ща
Ъ	ъ		[ъ]	ер
Ы	ъі		[ы]	еры́
Ь	ь		[ь]	ерь
Ѣ	ѣ		[æ], [ие]	ять
Ю	ю		[йу]	ю

Надпись на корчаге помогает решить вопрос о характере письма у русов, о котором нам сообщает арабский путешественник Ибн-Фадлан. Путешествуя, он попал на похороны руса по языческому обряду и подробно его описал. Во время сожжения путешественник стоял у огня и беседовал с одним из русов. Тот говорил: «Вы, о, арабы, глупы... вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его... в землю, и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно...»

См. также **Кириллица**

Вернуться к ссылке в 32 главе

Вернуться к ссылке в 37 главе

44.206. Княжеский знак - трезубец

…**Актуальным остается вопрос** происхождения групп плинфотворителей, так и всей строительной артели, возводившей здания из плинфы во Владимиро-Суздальской Руси.

В настоящее время установлено, что строители пришли во Владимир из Киева, и что они происходят, возможно, из артели киевского князя Рюрика Ростиславича. В пользу этого предположения свидетельствует анализ политической обстановки того времени, особенности планового решения храмов, некоторые элементы строительной техники (котлованный фундамент Спасского собора в Ярославле)[5]. Однако материалы раскопок церкви Бориса и Глеба в Ростове могут внести некоторые уточнения в изложенную схему.

Так, на происхождение мастеров могут указывать знаки на бортах плинфы. В настоящее время на кирпичах церкви Бориса и Глеба найдено около десятка типов знаков. Большинство из них хорошо известны на памятниках киево-черниговской архитектурной школы и имеют распространение в Киеве, Чернигове, Смоленске и т. д. Это знаки в виде буквы N, трезубца округлой формы.

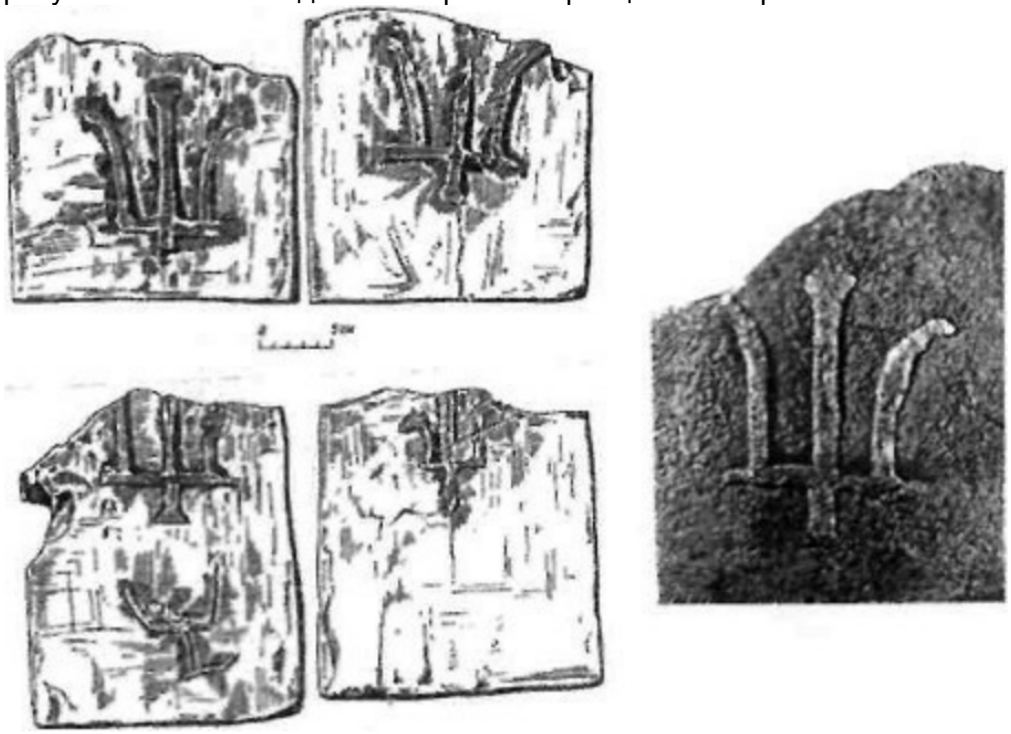
Однако встречаются знаки и более редкого рисунка.

К таким знакам следует отнести, прежде всего, изображение двузубца с загнутыми наружу зубцами. Подобные знаки известны нам на кирпичах церкви Параскевы-Пятницы в Чернигове, что

подтверждает киево-черниговское происхождение владимиро-суздальской плинфяной артели. Но надо заметить, что очень похожие знаки существуют на плинфе полоцкого храма в Детинце. Здесь часто встречается изображение трезубца с загнутыми наружу крайними зубцами и очень коротким центральным.

На кирпичах полоцкой церкви в Детинце встречаются также знаки в виде трезубца с загнутыми наружу крайними зубцами и длинным центральным. Изображение похожего трезубца было обнаружено на боковой стороне одной из плинф Борисоглебской церкви.

Кроме того, на кирпичах из Ростова можно видеть знаки в виде двузубца с ножкой, вытянутые вдоль длинной стороны торцовой части плинфы. Знак подобного типа, но несколько иного рисунка отмечен на одном из кирпичей Троицкого собора на Кловке в Смоленске.



Знаки на постелистой стороне кирпичей. Полоцк, церковь на Рву.

…3. **Неоспоримым свидетельством** того, что Параскева Пятница строилась попечением князя, служат метки-клейма на ее плинфах. Из письма научного руководителя коллектива Черниговского историко-архитектурного заповедника А. А. Карнабеда: «Основным источником данных о метках-клеймах на плинфах Пятницкой церкви являются данные П. Д. Барановского, Н. В. Холостенко и мои исследования... Плинфы Параскевы Пятницы помечены в виде княжеских знаков в большом количестве вариантов с плавной дугой и основой в виде угла, какого-то жезла с трезубом на конце, в виде двузуба с отрогом внизу и трезуба с расщеплением средней черты, знаки в виде трезуба с разветвлением всех трех концов и т. д.». Напомню, что трезубец на средневековых русских плинфах, монетах, печатях и гербах наукой ныне рассматривается как символическое изображение сокола - древнейшего анималистического тотема Рюриковичей, а «соколиной» символикой и художественной образностью, как мы знаем, пронизано все «Слово о полку Игореве».

4. Метки-клейма Параскевы Пятницы во всем их объеме - возможно, своего рода многозначный символический шифр заказчика, выразившего и в поэме и в параллельном архитектурном творении свои идеалы. А. А. Карнабед: «Характерны для плинф Пятницкой церкви орнаментально-изобразительные клейма... Среди них: а) разнообразные стрелы; б) змейки в виде присущего народной орнаменталистике «бегунка»; в) луки со стрелами; г) «плетенка» в виде сетчатого орнамента, который просматривается на фасадах памятника. Есть также оригинальные метки в виде букв и близких им по характеру знаков - буква кириллического алфавита «И», буква глаголического письма - «Веди» и др., а также сложные знаки из прямых и наклонных черт. Всего выявлено около 30 различных вариантов меток-клейм, указанных трех основных групп». Не были ли эти клейма знаком также и народного характера постройки? Выскажу и достаточно фантастическое предположение: не образовывали ли клейма-буквы и знаки «сочной резьбы», как пишет мне А. А. Карнабед, на первозданных стенах осмысленную надпись - от автора «Слова»;

если это он «сам созда» памятник, можно было ожидать чрезвычайного! По количеству и разнообразию клейм, несущих чрезвычайно объемную, но, в сущности, еще не расшифрованную информацию, Параскева Пятница, этот сравнительно небольшой черниговский памятник, не имеет аналогов в русской архитектуре, так же как краткое «Слово» не имеет аналогов в русской литературе по количеству и разнообразию информации, не говоря уже о других его непреходящих ценностях. Добавлю, что церковь св. Василия в Овруче - несомненно, построенная Рюриком киевским, о чем есть летописное сообщение, - ровесница Параскевы Пятницы и настолько близка ей по архитектурным элементам, что П. Д. Барановский, возрождая черниговский шедевр, взял из овручского памятника некоторые зодческие подобия. Но удивительное дело - у Васильевской церкви «клейм и знаков на кирпичах нет»! (П. А. Раппопорт. Русская архитектура X-XIII вв. Л., 1982. С. 30).

См. также Торшин Е.Н. К вопросу о производстве плинфы в Северо-Восточной Руси, Память на **плинфе**, Князь Игорь - автор "Слова о полку Игореве", По следам Велеса

Вернуться к ссылке

44.207. Колты

Колт— древнерусское женское украшение XI—XIII вв., полая металлическая подвеска, прикреплявшаяся к головному убору и часто украшенная зернью, сканью, эмалью, чернью. Первоначальное название колта неизвестно. Термин был принят в конце XIX века на основе этнографических данных и происходит от украинского «ковток»(серьга) и новгородского «колтки» (подвески к серьгам). Колты найдены в составе многих кладов на территории Древней Руси.

Известны колты округлой и звёздчатой формы. Округлые золтые колты украшались перегородчатой эмалью с изображениями птиц, сиринов, святых, церковных сюжетов, серебряные — черновыми изображениями. Звёздчатые колты из золота и серебра покрывались зернью и сканью. Мастера золотых и серебряных дел в поисках наилучшей игры света оттеняли серебро чернью и позолотой, а иногда покрывали гладкую серебряную поверхность колта тысячами микроскопических колечек и на каждое колечко напаивали крошечное зернышко серебра.

Колты. Золото. Перегородчатая эмаль. XII в.

На колтах и других украшениях, относящихся к свадебному обряду, часто встречается древняя языческая символика, связанная с магией плодородия. На колтах и браслетах можно насчитать около 50 различных сюжетов; иногда встречаются устойчивые композиции однотипных изображений. В наиболее поздних вещах XIII века традиционные композиции изображений нарушаются, смысл

их, очевидно, утрачивается. На колтах и наручах изображено очень много разных символов плодородия в виде «древа жизни», молодых ростков, кринов, семян и прорастающих корней. Все они выражают идею роста, идею Жизни. Некоторые элементы полностью, до мелочей совпадают с деталями архитектурной орнаментики, что говорит о единстве художественных вкусов мастеров золотых и серебряных дел и резчиков по камню, украшавших церкви.

Были найдены золотые княжеские колты с христианским сюжетом, изображающие святых Бориса и Глеба. Им сопутствует идеограмма ростка. Плащи Бориса и Глеба покрыты сердцевидными идеограммами ростков и круглыми точками (возможно, семенами), нимбы святых почти во всех случаях зёленые.

Одной из наиболее частых на киевских золотых колтах является композиция из двух сиринов[188] с идеограммой ростка в центре. Девы-птицы изображены обычно в шапочках, головы их обведены нимбом. На крыльях, а иногда и на оперении видны те же идеограммы ростка с почкой и семена. Грудь всегда орнаментирована несколькими волнистыми полосами синего цвета. Связь образов сиринов с символикой воды и плодородия не подлежит сомнению. Крылатость связывает этих птице-дев с небом.

Существует предположение, что все виды растительного орнамента на браслетах, а может, и на колтах, передают в стилизованном виде разные стадии роста священного у славян растения — хмеля. Колты и браслеты XII—XIII веков показывают, что очень многие орнаментальные мотивы воспринимались как магически-охранительные и были связаны с идеей плодородия и с русальной заклинательной обрядностью.

В начале XIII века в городах стали отливать из бронзы и свинца дешёвые колты для продажи на рынке. После монголо-татарского нашествия колты не были распространены.

44.207.1. История происхождения

Древнерусские колты сложились на базе византийских образцов. Н.П. Кондаков считал отдаленным прототипом византийских колтов финикийские серьги, выдолбленные из больших жемчужин, которые, по преданию, наполнялись духами. Капли благовоний при ходьбе и движениях головы орошали волосы, шею и плечи.

Так называемые серьги-"калачики" для Н.П. Кондакова были подражанием в металле ароматным финикийским жемчужинам (Кондаков 1892: 312). Для Греции и Переднего Востока калачиковидные серьги характерны с VII в. до н.э. В момент наивысшего расцвета греческого ювелирного дела в V-IV вв. до н.э. единая мода на такие украшения бытует и в материковой Греции, и на Балканах, и в Причерноморье, и на Кавказе, и в скифских степях. Время наибольшего распространения их в Северном Причерноморье и у скифов приходится на V-III вв. до н.э.

тица-дева. В русских духовных стихах она, спускаясь из рая на землю, ских легендах — воплощение несчастной души. Возможно происходит чудесная птица, чье пение разгоняет печаль и тоску; является лишь

Колты и серьги гуннской эпохи. V в. Золото, ковка, тиснение, пайка, зернь, полудрагоценные камни. (По:Засецкая 1994).

Кроме калачиковидных серег гуннская знать носила плоские височные подвески, получившие в археологической литературе название "колты" (Засецкая 1975: 5). Между этими богато декорированными цветными вставками и зернью украшениями и более поздними византийскими и древнерусскими колтами, действительно, можно обнаружить общие черты.

В эллинистическое и раннеримское время подобные серьги исчезают и вновь возрождаются в позднеримскую эпоху (Засецкая 1975: 17). Распространены калачиковидные серьги и у гуннов.

Форма античных калачиковидных серег была сохранена и византийской ювелирной традицией и послужила одной из основ для сложения средневековых колтов, подобные украшения изготовлялись в провинциально-византийских ювелирных мастерских (в Египте, Сирии и на Балканах).

Серьги и колты византийской и балканской работы. VI-XII вв. Золото, штамповка, пайка, скань. (По:Рябцева 2005).

На сложение формы и декора византийских колтов повлияли, вероятно, и широко распространенные в VI-XII вв. в Византии штампованные серьги, напоминающие по форме колт, но плоский. Серьги эти украшались изображениями Христа, креста, стилизованных растительных побегов или птичек (Ross 1965: №87, 90, 137).

Дань византийской моде отдали и тюркоязычные кочевники, сменившие гуннов на просторах степей в VI-VII вв. В погребениях кочевой знати на Алтае, в Подонье, Поволжье, в Крыму и в Венгрии находят крупные полые колты с рельефно выделенным центральным щитком. Наиболее пышные образцы дополнительно украшались вставками, заполненными разноцветной мастикой, бирюзой и янтарем (Гаврилова 1965).

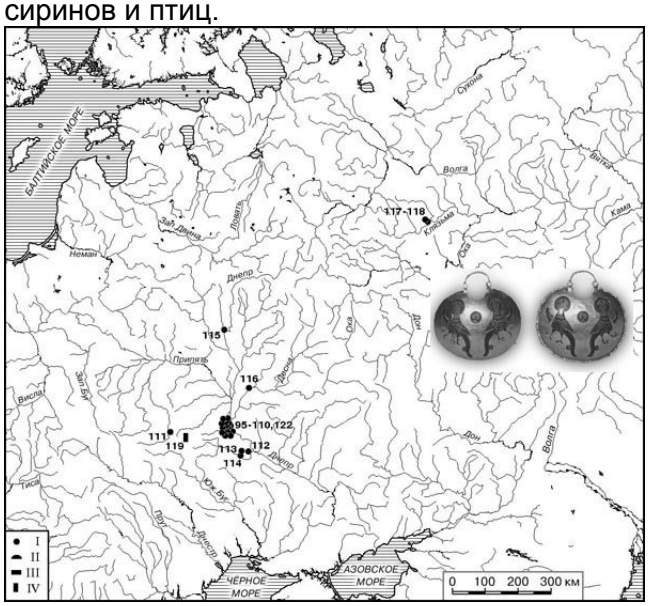
44.207.2. Типы древнерусских колтов

Золотые колты с многолучевой каймой и вставными щитками с изображением шагающей птицы в профиль и растительно-геометрической композиции на обороте. Киев. XII в. Золото, гравировка, чернь, Колт золотой с петлями для жемчужной обнизи и изображением двух сиринов. Клад у с. Сахновка. XII в. Золото, перегородчатая эмаль. Коллекция КМИД. Киев. (По: Древнее золото 1975).

Все типы древнерусских колтов (и золотых с эмалями, и серебряных с чернью) могут быть поделены на две больших группы: гладкие колты с композиционным центром и колты со вставными щитками

Первая группа - **гладкие колты с композиционным центром**, выделенным только орнаментально (заключенным в круг изображением). Такие колты состоят из двух выпуклых

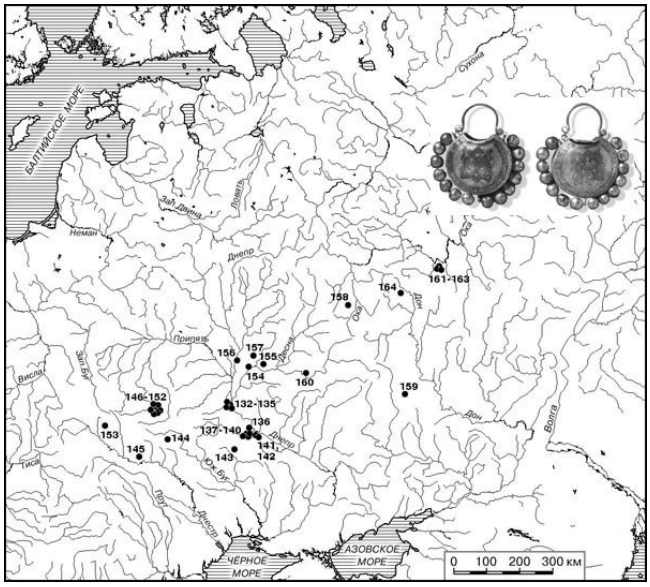
половинок, соединенных боковой пластинкой - желобком. На золотых колтах к этому желобку припаивались петельки, фиксирующие проволочную ниточку с нанизанными на нее жемчужинами. Аналогично декорированы боковые стороны и у византийских колтов, например, из коллекции Балашова. Золотые колты этого типа украшались, как правило, изображениями сиринов и птиц.



Колты парные с петлями для жемчужной обнизи. С изображениями сиринов на лицевой стороне и кринов на обороте. Киев, клад, найденный в 1887 г. в ограде Михайловского монастыря. XII в. Золото, тиснение, пайка, перегородчатая эмаль, жемчуг. Коллекция Государственного Русского музея. С-Петербург (По:Золотая кладовая Русского музея 1998).

Карта. Древнерусские колты золотые с жемчужной обнизью и медные колты, украшенные эмалью.

Древнерусские серебряные черненые колты этого типа (имитирующие более роскошные золотые с эмалями) украшались по бокам вместо жемчужин мелкими литыми или крупными тиснеными шариками. В середине XII века появились подобные колты, украшенные ажурной каймой. Декорировались эти колты гравированными изображениями птиц, грифонов, фантастических зверей, зачастую соединенных с плетеным орнаментом. Очень редко на таких колтах изображали птиц-сиринов (Макарова 1986: 49-62).



Колты парные с каймой из крупных шариков и плетеночным орнаментом. Тереховский клад. XII - начало XIII в. Серебро, тиснение, пайка, позолота, гравировка, чернь. Коллекция Государственного Русского музея. С-Петербург (По:Золотая кладовая Русского музея 1998).

Вторая группа - **золотые и серебряные колты** со вставными щитками и многолучевой каймой. Эти Колты изготовлялись из двух металлических пластин, из этих же пластин вырезались и лучи. В центр колтов под специальный ободок вставлялись металлические щитки, приподнятые над поверхностью колта. Пространство между щитками дополнительно укреплялось специальной мастикой. На щитки золотых колтов наносили эмалевые изображения птиц, женских головок, растительно-геометрический орнамент. У серебряных - гравированные изображения птиц и фантастических животных.

Колт с многолучевой каймой с изображением древа на вставном щитке. Киев клад 1906 г., найденный в ограде Михайловского монастыря. XII в. Золото, пайка, эмаль. Коллекция КМИД. Киев. (По: Древнее золото 1975).

Колт с многолучевой каймой и вставными щитками. Киев, клад из усадьбы Есикорского. XII-XIII вв. Серебро, пайка, гравировка, чернь. Гос. Эрмитаж. Петербург. (По:Кондаков 1896).

См. также **Древнерусские колты XI - XIII вв.**

Вернуться к ссылке

44.208. Лунницы

Лунницы - это металлические украшения в виде полумесяца, известные с конца эпохи бронзы. Они отражают почитание луны, связанное с культом плодородия. В связи с универсальностью, украшения этого типа были распространены и в др. Египте, и у большинства земледельческих народов Европы и Азии , отражая почитание Луны, связанное с культом плодородия. Форму Лунницы имели серьги, нагрудные подвески, металлические детали головного убора и другие. На Руси Лунницы были распространены в 10—12 веках. Украшения в виде Лунницы сохраняются в составе национального костюма у некоторых народов Индии.

… **слева сверху** – «лунница» радимичей; слева снизу – «лунница» из Владимирских курганов, 10 – 12 вв. (по М.В. Седовой); справа сверху – «лунница» 10 – 13 вв.; справа снизу – копия «лунниц» радимичей, г. Воротынск и вятичей, р. Высса.

Изображение имеет симметричную форму и заполнено рельефным орнаментом, состоящим из следующих элементов (слева направо):

- 1, 2 – пары маленьких треугольников, выполненных поднятием рельефа и расположенных симметрично относительно вертикальной оси экспоната в его самых крайних точках;
- 3, 4 – пары углов, выполненных поднятием рельефа и расположенных симметрично относительно вертикальной оси экспоната вершинами друг к другу;
- 5, 6, 7 и 8, 9, 10 – двух троек параллельных линий, выполненных поднятием рельефа и расположенных симметрично относительно вертикальной оси экспоната;
- 11 – одного большого угла, выполненного поднятием рельефа и расположенного симметрично относительно вертикальной оси экспоната вершиной вниз;
- 12 – одного малого угла, выполненного поднятием рельефа и расположенного симметрично относительно вертикальной оси экспоната вершиной вниз и вложенного в большой угол.

Пространство между элементами, выполненными поднятием рельефа, заполнено более тёмной зоной понижения, что создаёт очевидную контрастность изображения. Выступающие части рельефа и более низкие зоны имеют одинаковую ширину, в связи с чем, чередуясь, они образуют последовательность светлых и тёмных полос одинаковой ширины.

44.208.1. Расшифровка изображения

Изображение имеет три реперные символические точки:

1. Малый треугольник слева – устоявшийся символ молодого месяца – ☽. Молодой месяц именно так и выглядит (выгнутостью вправо) [2]. К слову, на карте «Таро» «Колесница», как известно, несущих определённый символизм, пара месяцев расположена на плечах воина именно таким образом – на левом (от зрителя) плече молодой месяц, на правом – старый [3].
2. Соответственно, правый малый треугольник символизирует старый месяц. Астрономический знак спутника Земли Луны изображается именно так – ☾[2].
3. В центре композиции находится треугольник, расположенный вершиной вниз. Это также устоявшийся символ славянской богини Мары (женский символ) [4, 5, 6].

Примеры символов приведены во врезке к изображению экспоната.

Исходя из описания, мы можем с твёрдостью констатировать, что перед нами изображение астрономического цикла развития видимого диска Луны – от молодого Месяца до полной Луны и, далее, до старого Месяца.

Рассматривая полосы поднятия рельефа и его понижения как риски, сообщающие о чередовании неких событий, детализирующих указанное выше развитие Луны, мы обнаруживаем полное совпадение количества светлых и высоких рисок с количеством дней в астрономическом месяце.

Как известно, лунный месяц имеет 28 дней.

Считаем количество выступающих рисок в одной половине «лунницы» (от центра): 1 – луч малого угла, расположенного на оси симметрии; 2 – луч большого угла, расположенного там же; 3, 4, 5 – три наклонные полосы; 6, 7 – два луча молодого Месяца.

Между этими семью рисками находятся 7 рисок, образованных зоной понижения рельефа.

В сумме обе семёрки рисок дают нам 14 дней.

Таким образом, в обеих половинках «Лунницы» содержится рисок числом, соответствующим 28-и дням. Что составляет календарный лунный месяц.

См. также **Лунницы**, «**Лунница**», славянская подвеска – лунный календарь, Оберег **Лунница**.

Вернуться к ссылке

44.209. Степанов, Александр Петрович (4 мая 1781 года - 25 ноября 1837 года)

Алекса́ндр Петро́вич Степа́нов — русский писатель, первый губернатор Енисейской губернии, губернатор Саратовской губернии.

Биография

Александр Петрович родился 4 мая 1781 года в деревне Зеновке Калужской губернии, в семье из старинного дворянского рода. Отец — Пётр Семёнович Степанов — отставной премьер-майор, надворный советник, козельский городничий (умер в 1791 году). Мать Пелагея Степановна Степанова (Каштелинская) (умерла в 1826 году).

После смерти отца воспитывался в пансионе профессора Московского университета Б. Б. Шадена. С 1793 года учился в благородном пансионе Московского университета. По его окончании служил в армии в лейб-гвардейском Преображенском полку. Переведен прапорщиком в Московский гренадерский полк. Служил в штабе А. В. Суворова, участвовал в итальянском походе. За свои литературные труды получил от Суворова прозвище «Маленький Демосфен».

В России был адъютантом генерала Старооскольского пехотного полка Быкова. Женился на дочери генерала Быкова — Екатерине Федосеевне. В 1801 году вышел в отставку в чине штабс-капитана. С 5 декабря 1802 года на службе в департаменте юстиции. В 1804 году получил титул коллежского асессора.

С 1 августа 1804 года — прокурор в Калуге. В 1809 году получает чин коллежского советника. 5 января 1812 года вышел в отставку с намерением поступить на военную службу.

Участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1812—1814 гг. работал под руководством сенатора Каверина, заведовавшего продовольствием армии, а затем восстановлением губерний. После войны ещё раз ушел в отставку. Поселился в своём имении Ловать Жиздринского уезда. Воспитывал детей, написал поэму «Суворов». Определив сыновей в Благородный пансион, уехал в Петербург. С 1822 года был почетным членом Императорского общества испытателей природы и членом московского общества сельского хозяйства. Получил чин статского советника.

Губернатор Енисейской губернии

В 1822 году назначен на должность губернатора Енисейской губернии. Приступил к исполнению обязанностей 28 марта 1823 года.

Во многом благодаря его содействию минусинские татары (современное название - хакасы) получили права кочевых инородцев по "Уставу об управлении инородцев" М.М. Сперанского.

Во время губернаторства Степанова в Красноярске появились: аптека, больница, Приказ общественного призрения (2 мая 1823 года, к 1828 году в городе было уже 4 богадельни), городской сад, типография, библиотека, шесть работных домов для ссыльных. В 1823 году губернатор основал в Красноярске ученое общество под названием «Беседы о Енисейском крае».

По подсчётам Степанова в Енисейской губернии было 77 храмов каменных и 24 деревянных. По официальной статистике грамотных в Енисейской губернии 1221 человек. В конце 1820-х годов в губернии проживало около 25 тысяч ссыльных, из них женщин около 4 тысяч.

В губернии Степанов строил поселения для ссыльных, завел хлебные магазины, открывал школы.

В 1825 году получает титул действительный статский советник.

26 апреля 1831 года оставил должность гражданского губернатора. В честь губернатора в Красноярске именем Степанова был назван переулок (в настоящее время ул. Диктатуры пролетариата).

Губернатор Саратовской губернии

С 1831 года он живет в селе Троицком Калужской губернии. Сочиняет стихи, романы «Тайна», «Постоялый двор», пишет двухтомный труд «Описание Енисейской губернии». В 1834 году уезжает в Петербург для издания романа «Постоялый двор». 5 декабря 1835 года назначается на должность губернатора Саратовской губернии. Способствовал закрытию Иргизского старообрядческого монастыря, что стало поводом для отзыва из губернии.

27 марта 1837 года был причислен к Министерству внутренних дел с назначением членом статистического комитета.

Александр Петрович умер 25 ноября 1837 года. Похоронен в родовом имении, в селе Троицком Мещерского уезда Калужской губернии.

Автор книг и статей

Начал писать стихи в 10-летнем возрасте. 26 февраля 1816 года был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Автор книг и статей:

- «Суворов». Поэма. Издана в 1821 году в «Трудах» Московского университета
- О дикорастущих в Сибири конопле, гречe и льне". Статья. 1824 год
- «Наставление», 1824 год
- «Путешествие в Кяхту из Красноярска». «Взгляд на физическое положение Минусинского округа». Статьи в «Енисейский альманах», Москва 1828 год
- «Об обязанностях губернатора». Статья. 1833 год. Не публиковалась.
- «Описание Енисейской губернии», 1835 год. Труд получил Демидовскую премию (2500 рублей) по разделу «Статистика». Николай I за эту книгу подарил Степанову бриллиантовый перстень.
- «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым». Роман. Издан в 1835 году ,Спб.

и др.

Награды

- орден Святой Анны III степени — за битву при Нови
- Командорский крест ордена Иоанна Иерусалимского — за переход Сен-Готарда и бои у Чертова моста
- орден Святого Станислава I степени — «за полезные труды по устройству Енисейской губернии»

См. также **Александр** Петрович **Степанов**

Вернуться к ссылке

44.210. Дебрянск

Брянск — город в Российской Федерации, административный центр Брянской области и Брянского района. Расстояние от Москвы — 384 км. Брянск расположен на обоих берегах реки Десна при впадении в неё Болвы и Снежети.

44.210.1. История

Впервые город упоминается в Ипатьевской летописи как «Дебрянск» под 1146 годом[3], позднее — в Воскресенской, Лаврентьевской, Троицкой летописях и других источниках. Название города Брянск образовано от древнерусского слова Дьбряньскъ, произошедшего от слова *дьбрь*. (Древнерусское слово *дьбрь* означает «обрыв, ров, горный склон, поросший густым лесом».)

Точная дата основания Брянска не известна, но косвенные указания на неё содержатся в ранних русских летописях и относятся к концу X века. Археологические данные, полученные при раскопках старого городища на Чашином кургане в 1976—1979 годах, указывают на то, что город на территории нынешнего Брянска возник в последней четверти X века[4]. Исходя из этих и других данных, условным годом основания Брянска считают 985.

В XIII веке (возможно, после нападения монголо-татар) город был перенесён с Чашина кургана на Покровскую гору.

Древний Брянск входил в состав Черниговского княжества. После разрушения в 1239 году Чернигова, Новгорода-Северского и других городов княжества монголо-татарами было образовано (в 1246 году) удельное Брянское княжество, а первым брянским князем стал Роман Михайлович, затем его сын Олег. Однако после пострижения последнего в монахи брянский и черниговский столы остались вакантными и Брянск перешёл под власть смоленских князей. В

1356 году Брянск был захвачен литовским князем Ольгердом и присоединён к Великому княжеству Литовскому. В 1500 году добровольно открыл ворота войскам Ивана III и вошёл в состав Московского государства. В начале XVI века вспыхнула война с Польшей, в ходе которой Брянск выступал как опорный пункт русских сил. Много лет Брянск был яблоком раздора между Речью Посполитой и Россией. Название города присутствовало почти в каждом мирном договоре.

В 1607 году город дважды подвергался нападению со стороны Лжедмитрия II. В первый раз город был сожжён, чтобы не достаться «вору», к концу же года отстроен практически заново. Несмотря на постоянную военную угрозу, город рос, население увеличивалось. В 1616 году население города насчитывало 497 человек, а в 1622 году воевода князь Долгоруков отписывал, что в городе уже 1069 способных носить оружие.

С XVII века Брянск оказался на перепутье важнейших торговых путей, связавших Украину с Москвой, и с этого времени начинается бурное развитие торговли. При Петре I город был заново укреплён. На Десне была заложена корабельная верфь, на которой строились суда Брянской флотилии для похода против Турции. В 1783 году в Брянске основан арсенал для изготовления осадной и полевой артиллерии.

В 1709 году город вошёл в состав Киевской губернии, а с 1778 года стал уездным городом Орловской губернии. В XIX веке Брянск становится центром так называемого Брянского промышленного района; в 1873 году возникает Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического заводов.

В 1920—1929 годах был центром Брянской губернии; с 1930 — город областного подчинения.

Вернуться к ссылке

44.211. Разгром Южной Руси

…**Весной 1239 г. Батый** возобновил завоевательные походы на Русь. Объектом нападения стали Переяславльское и Черниговское княжества. В начале марта монголы появились у стен Переяславля[189] - сильной южнорусской крепости, имевшей многовековой опыт борьбы с кочевниками. На этот раз порубежной твердыне не удалось отстоять свою неприкосновенность. После непродолжительной осады город был взят монголами, разрушен и сожжен. "***И взять градь Переяславль копьемъ, - писал летописец, - изби весь и церковь архангела Михаила скруша, и сосуды церь-ковьныя бещисленые златыа и драгого каменья взять, и епископа преподобного Семеона убиша***" [ПСРЛ т.2, стб.781]. Не только Михайловский храм, но и все другие церкви Переяславля были разрушены, укрепления сожжены, а защитники города истреблены или взяты в плен.

В пламени пожаров погибли многие населенные пункты в окрестностях Переяславля.

Осенью 1239 г. монголо-татары вторглись в пределы Черниговской земли и вскоре осадили столицу княжества, попытка князя Мстислава Глебовича прийти на помощь осажденному Чернигову не увенчалась успехом: под стенами города "п***обежден бысть Мьстиславъ и множество от вой его избиенымъ бысть***". Защитники Чернигова "***со града метаху на Татаръ камение съ стенъ за полтора перестрела, а камение яко же можаху четыре человеки силнии подъяти***". После длительной осады и отчаянных сражений на стенах крепости монголам удалось все же овладеть городом. Случилось это, как явствует из сообщений Псковской первой летописи, 18 октября 1239 г. Город был сожжен, люди истреблены, монастыри и храмы разграблены. До сих пор археологи обнаруживают следы этого страшного разгрома. Город восстановился в древнерусских пределах только к XVIII в.

---

[189] **Столица переяславского** княжества располагавшегося по левым притокам Днепра -- Суле, Пслу и др. Во второй половине XI в. -- 1239 было разорено татаро-монгольскими завоевателями. В 1943 году город был переименован в Переяслав-Хмельницкий в честь Б. Хмельницкого.

От Чернигова монголы двинулись на восток по Десне и дальше - по Сейму. Ими были разрушены и сожжены города Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск, Новгород-Северский и другие.

…**В 1239 г. монголо-татары** совершили нашествие на Южную Русь. При этом они пошли тем путем, каким делали набеги половцы. Был взят Переяславль-Южный, что до этого еще никому не удавалось. Город был хорошо укреплен: с трех сторон его окружали высокие берега р.Трубеж и р.Альты, а также высокие валы и стены. Но татарам удалось взять, разграбить город и полностью разрушить церковь святого Михаила.

Следующий удар был направлен на Черниговское княжество. Черниговский Детинец (кремль), расположенный на высоком холме при впадении р.Стрижень в Десну, был окружен "окольным градом", за которым тянулся трехкилометровый вал, прикрывавший "предгородье". К осени 1239г. татары окружили г.Чернигов. Их встретил с войском князь Мстислав Глебович (двоюрный брат Михаила Черниговского). Был "лютый бой", но русские проиграли. 18 октября 1239г. Чернигов был взят, после чего татары разрушили города Путивль, Глуков, Вырь, Рыльск.

См. также Переяслав-Хмельницкий, Переяславские князья, ***Роман Храпачевский.* Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу**

Вернуться к ссылке

44.212. Титмар Мерзебургский

Ти́тмар Мерзебу́ргский (нем. Thietmar von Merseburg; род. 25 июля 975 года, † 1 декабря 1018 года) — немецкий хронист. Происходил из знатного рода графов фон Вальбек.

В 1000 году стал каноником в Магдебурге. Епископ Мерзебургский с 1009. Сын графа Зигфрида фон Вальбека, родственник императоров Саксонской династии. Школьный товарищ Бруно Кверфуртского — автора «Жития св. Адальберта».

Умер Титмар 1 декабря 1018 г. (Кведл. анналы). Он покоится в Мерзебургском соборе рядом со своими предшественниками, а с 1021 г. в «епископской часовне» начатой им в 1015 г. (VII, 13) новостройке. От могильной плиты его в настоящее время сохранились только обломки. Однако, сохранилось написанное им собственноручно в Мерзебургском некрологе и требнике последнее желание: «*Sacerdos Dei, reminiscere Thietmari fratris tui peccatoris et indigni*!» – «*Священник Божий, помни о своём грешном и недостойном брате Титмаре*!»

Хроника Титмара Мерзебургского (на латинском языке), охватывающая период с правления Генриха I до 1018 (наиболее ценна для времени правления Оттона III и Генриха II), — важный исторический источник, особенно по истории германо-славянских отношений; содержит сведения и по истории Руси (прежде всего о междоусобице сыновей Владимира Святославича; некоторые уникальные сведения, по-видимому, почерпнуты Титмаром у очевидцев событий). Титмар Мерзебургский — сторонник сильной королевской власти, апологет завоевательной политики в отношении славянских народов.

См. также Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. / Пер. с лат. *И. В. Дьяконова*

Вернуться к ссылке

44.213. Летописи Авраамки

Летопись Авраамки - общерусский летописный свод, составленный в Смоленске в конце 15 в. Название получил по имени писца Авраамки, переписавшего в 1495 по повелению смоленского епископа Иосифа Солтана большой сборник, в составе которого была и эта летопись. Непосредственным источником Л. А. послужил псковский свод, имевший компилятивный характер и объединявший известия различных летописей (Новгородской IV, Новгородской V и др.). В Л. А. наиболее интересны статьи 1446—69 и юридические статьи (в их числе Русская правда), соединённые с Л. А. Опубликована в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ), т. 16 (1889).

См. также **Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.**

Вернуться к ссылке

44.214. Взятие Киева в 1240 году

… Описание численности монголо-татарских орд конкретизирует монах-францисканец Плано Карпини, посланный в 1245 г. папой Иннокентием IV предлагать мир монголам. Он отметил, что в воинстве монголов 160 тыс. собственно монголов и до 450 тыс. воинов из покоренных народов, т.е. более 600 тыс. чел. Венгерский летописец Симон утверждал, что в Венгрию в 1240-х годах вторглось воинство Батыя в 500 тыс. воинов. И это уже после разгрома Руси! Венгерский монах Юлиан, побывавший в Великом княжестве Владимирском в 1237 г., записал, что в армии Батыя более 375 тыс. воинов, не считая женщин, которые "воинственны, как и сами монголы". Вслед за этими авторами многие русские и советские историки определяли численность монгольской армии в 300 тыс. чел. Вероятно, эта цифра преувеличена. Наиболее подробные и достоверные сведения о походах монголов на Восточную Европу приводит Рашид-ад-Дин (1247-1318) - официальный историк одной из династий чингизидов, близкий к документам монгольской императорской канцелярии. Он определяет численность всех войск, оставленных Чингисханом своим наследникам, в 129 тыс. чел. Эта цифра вполне реальна, так как она подтверждается косвенными данными: в походе Батыя участвовало 14 царевичей, каждому из которых по статусу было положено командовать одним "туменом", т.е. 10 тыс. чел. Таким образом, 14 туменов равно 140 тыс. чел. В настоящее время эта цифра принята большинством историков (В.В.Каргалов, П.П.Толочко и др.).

… **Последняя кампания** монголов Бату на Руси началась в конце лета 1240 г. Но еще в начале этого года произошел разведывательный поход к Киеву корпуса Мэнгу, который оставил часть сил Букдаю, назначенному вместо него вести бои на Кавказе – "назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка [26] с тем, чтобы он занял и область Авир" [39, с.39]. Этим армия Бату вносила свой вклад в дело покорения Закавказья – именно в это время там оперировал корпус Чормагана.

Мэнгу подошел к Киеву с юго-востока, т.е. с того направления, где монголы в предыдущем году уничтожили пограничные крепости и станы "своих поганых" [27]("черных клобуков"), десятилетиями защищавшие Переяславское и Черниговское княжества от нападений кочевников. Как сообщает Ипатьевская летопись: "Меньгуканови же пришедшу сглядать град Кыева, ставшу же ему на оной стране Днепра, во градка Песочного, видив град удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражанам, хотя и [28] прельстити, и [29] не послушаша" [ПСРЛ т.2, стб.782]. Поскольку Мэнгу осаждал аланскую крепость еще в начале 1240 г., то его приход к Киеву зимой 6748 года, приходящейся на зиму 1239/40 года, должен быть датирован не ранее чем февралем-мартом 1240 г. Это была рекогносцировка – Мэнгу остановился на левом берегу Днепра ("на оной стороне"), видимо недалеко от Пересечня или Пересечена (крепость у переправы через Днепр, в 6 км от Киева, недалеко от Выдубического монастыря, [175, с.30-31]). Приведенное в ИЛ название "градка Песочного" в литературе часто остается не разъясненным, но скорее всего это искаженное "Пересечна" ("у Пересечна"), так как в других списках летописей и у Татищева приведен вариант "Песочна" ([ПСРЛ т.26, с.76], [47, с.27]). Переписчик мог записать "понятным" словом запорченное место, так как название Пересечня очень рано исчезло и было прочно забыто, будучи заменено на Китаево (от слова "скит"), поскольку около городка Пересечень имелся скит Киево-Печерского монастыря [175, с.31]. Разведав переправы через Днепр и не получив согласия на добровольное подчинение Киева власти монголов, корпус Мэнгу ушел из Руси.

… Поэтому очень важным является указание Рашид ад-Дина о направлении главного удара – "осенью… царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок" [39, с.44-45]. Поскольку города-крепости и станы "черных клобуков" на левобережье Днепра были разрушены в 1239 – начале 1240 г., то единственной нетронутой их областью было Поросье, которое с XI в. было главной базой этих тюркских федератов Руси (достаточно вспомнить, что там был специально построен город Юрьев, нынешний г. Белая Церковь, где была поставлена епископская кафедра для миссионерской деятельности среди язычников "черных клобуков", и ввиду важности этой задачи в летописях уделяется

несоразмерное внимание именно этой епископии [175, с.49]). Название главного города Поросья – Торческ, также говорит о том, что "свои поганые" давно и прочно укоренились в там, жили вперемешку с русским населением, перенимая их веру и некоторые черты быта, в то время как русские многое заимствовали от своих тюркских соседей и союзников (подробнее об этом см. [178]). Поэтому именно в Поросье находилась "страна русских и народа черных шапок".

Данные археологии подтверждают, что города-крепости и селища в Поросье подверглись удару на уничтожение – разведки 1954 г. дали материал по 23 таким городищам, запустевшим в первой половине XIII в., 13 из них на Роси и 10 на Россаве [97, с.118]. Полностью были раскопаны городки на Княжей горе и горе Девица (Нижняя Рось), в них была обнаружена сходная картина – найдены десятки и сотни единиц вооружения (сабли, мечи, булавы, наконечники копий и стрел), большое количество кладов (это указывает на гибель населения, не вернувшегося за своими захоронками) и десятки фрагментов скелетов и полных костяков, разбросанных в беспорядке. Найденные монеты и печати позволили точно датировать гибель городищ концом 1230-х годов. Вывод археологов – города пали в результате осады и штурма, защитники оказали яростное сопротивление и почти все погибли [97, с.119]. Исследование всей полосы расселения "черных клобуков" на Киевщине показали полный разгром Поросья, города по Роси и Россаве частью погибли и не восстановились впоследствии, частью покинуты жителями и уничтожены (на некоторые прежние места жители позднее вернулись, особенно это касается тех городищ, где в округе имелись хорошие условия для укрытия от кочевников, т.е. где "леса, овраги, реки, болота укрывали от татарской конницы" [89, с.79]), а по пути к Киеву монголы разрушили "многочисленные города и феодальные замки, прикрывавшие подступы к столице (Витичев, Василев, Белгород и др.)", окрестности Киева были опустошены "вплоть до Вышгорода и Городца" [97, с.120].

…**На север от столицы** княжества завоеватели (в 1239 году), вероятно, не пошли, а под началом Менгу-хана направились к древней столице Руси Киеву. От города их отделял только Днепр. Любуясь красотой и величием Киева, Менгу-хан направил туда своих послов с предложением добровольной его сдачи. Как замечает летописец, монголы хотели "прельстить" киевлян, но те не только отвергли их предложения, но и убили послов. Оскорбленный Менгу-хан не решился на штурм Киева и увел свои войска в пределы улуса Джучи. Возможно, для овладения таким большим городом и первоклассной по тем временам крепостью у него не было сил, а возможно, битва за Киев еще не входила в планы монгольских ханов.

Разорение Черниговского и Переяславльского княжеств в 1239 г. стало своеобразной прелюдией к большому походу на Южную Русь и страны Центральной Европы.

К сожалению, ни в Киеве, ни в других южнорусских городах не была оценена должной мерой нависшая опасность. Великий киевский князь Михаил Всеволодович вместо того, чтобы возглавить борьбу Южной Руси с монголо-татарами, бежал в Венгрию. Некоторые исследователи полагали, что он отправился туда за помощью, но летописная фраза: "***И бѣжа Михаилъ по сыну своемъ предъ Татары въ угры***", не дает для этого никаких оснований. Более того, когда Данило Романович в ответ на обещание впредь не враждовать с галичским князем предложил Михаилу вернуться в Киев, тот не захотел этим воспользоваться. "ОбѢцали ***ему Киевь отдати, а сѣну его Ростиславу дали Луцкь. Михаилъ засъ для страху татарского не смѢлъ ити к Киеву. Для того Даниил и Василко вь своеи ему земли позволили жити, дали ему много пшеницы, меду, овецъ и товару***".

На короткое время в Киеве утвердился смоленский князь Ростислав Мстиславич, однако был изгнан оттуда Данилом Романовичем и заменен галичским[190] воеводой Дмитрием. Ситуация на юге Руси почти в точности повторяла ситуацию, имевшую место тремя годами ранее в Северо-Восточной Руси. В обоих случаях их столицы - Владимир-на-Клязьме и Киев были оставлены великими князьями перед подходом вражеских сил.

---

[190] Галич - центр крупнейшего феодального центра Западной Руси — Галицко-Волынского княжества

Осенью 1240 г., как сообщает Рашид-ад-Дин, " ***Царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа чёрных шапок (черных клобуков) и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан (Киев)***". Форсировав Днепр у южных границ Руси, монголо-татары прошли "облавой" от Поросья до Киева. Они разрушили и сожгли города-крепости по Роси, Днепру и Стугне. Раскопки городищ неизменно обнаруживают следы пожарищ. На многих из них жизнь больше не возродилась. Это, разумеется, не означает, что все население этих крепостей было уничтожено, но оставшиеся в живых в лучшем случае селились где-то рядом и новому поселку давали старое название.

Большое количество кладов золотых и серебряных изделия из Княжей горы, а также городища у села Сахновка на Черкащине свидетельствуют о том, что все их жители погибли и извлекать из земли спрятанные ценности было некому.

В ноябре 1240 г. монголы осадили Киев. Летописец, современник, а может и свидетель этих событий, исключительно образно описал появление огромного войска у стен Киева. "***И бе Батый у города и отроци его объседяху градь, и не бе слышати отъ гласа скрипания телегъ его, множества ревения вельблудъ его, и ръжания отъ гласа стадъ конь его***[191]". Во время одной из вылазок киевлянам удалось захватить некоего Товрула, который сообщил, что под Киевом собрались все силы Батыя, участвовавшие в походе на Южную Русь. Кроме Батыя у стен города были воеводы Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечак, Менгу, Кююк, Бедяй и Бурундай.

Главный удар Батый приказал нанести с юга, в районе Лядских ворот. Здесь были поставлены стенобитные машины-пороки, которые непрестанно, день и ночь, разбивали городские стены. В образовавшиеся бреши устремлялись осаждавшие. Там их встречали киевляне и оказывали отчаянное сопротивление: "***И взиидоша горожани на избитые стены***".

Монголо-татары обрушили на них всю мощь своего оружия. Летописец пишет, что стрелы, тысячами летевшие на киевлян, не давали им возможности видеть врагов.

Стены были взяты монголо-татарами, но потери их были столь значительны, что Батый вынужден был дать своим войскам передышку. Киевляне воспользовались этим и закрепились на рубежах крепости "города Владимира". Они защищали каждый участок города, но устоять против хорошо обученных монгольских воинов, к тому же обладавших передовой военной техникой, не смогли. Прорвав укрепления в районе Софийских ворот (отчего они в народе получили еще и название Батыевых), завоеватели окружили последних защитников Киева в Десятинной церкви. Количество людей, укрывшихся в храме, согласно летописцу, было столь велико, что от их тяжести рухнули хоры и стены церковные. Видимо, все же причиной разрушения Десятинной церкви были стенобитные машины монголов.

О длительности обороны Киева и точной дате его падения в письменных источниках сохранились разные свидетельства. Ипатьевская летопись, которая наиболее полно и содержательно рассказывает об этом трагическом в жизни Киева событии, вообще не приводит точных дат. Лаврентьевская сообщает, что Киев пал на Николин день, или 6 декабря 1240 г. Псковская третья летопись подает другую дату катастрофы - 19 ноября, но зато указывает на длительность осады - 10 недель и 4 дня. Рашид-ад-Дин отмечал, что монголы овладели великим русским городом Макерфа-аном, под которым исследователи видят Киев, за десять дней, а согласно Плано Карпини, столица Руси была взята после продолжительной осады.

Трудно сказать, какие из этих сведений более достоверны. Однако если вспомнить, что небольшая крепость Черниговской земли Козельск смогла задержать у своих стен монгольскую орду на семь недель, то сообщения о продолжительной обороне Киева, имевшего первоклассную по тем временам крепость, не должны казаться сомнительными.

Киев был подвергнут страшному разгрому. Летописец свидетельствует, что монголо-татары разграбили Св. Софию и все монастыри, а людей "***от мала и до велика вся убиша мечем***".

---

[191] «Повесть о разрушении Киева Батыем» Галицко-Волынская летопись

Плано Карпини, проезжавший в ставку Батыя в 1246 г., видел тотальное разорение Киева и Киевской земли. Он писал, что монголо-татары "***произвели великое побоище в стране Руси, разрушили города и крепости, убили людей, осадили Киев, который был столицей Русии, после продолжительной осады взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили неисчислимые головы и кости мертвых людей, которые лежали на поле, ибо город этот был очень большим и многолюдным; а теперь он низведен почти ниначто, едва имеется там 200 домов, а людей держат они в тяжелейшем рабстве***".

Археологические раскопки с документальной точностью подтверждают свидетельства очевидцев. В разных частях города обнаружены огромные братские могилы, насчитывавшие по несколько тысяч костяков. Скелеты со следами насильственной смерти находили под толстым слоем пожарищ, в подклетях жилых домов и просто на древних улицах.

Конечно, монголы не смогли уничтожить Киев полностью, но действительно свели его, как свидетельствовал Плано Карпини, "ниначто". Из более чем 40 монументальных каменных зданий (дворцов и храмов) уцелело (и то в сильно поврежденном виде) не более 5-6, из 9 тыс. дворов - 200 и те, вероятно, были отстроены между 1240 и 1246 гг., а из 50-тысячного населения осталось не более 2 тыс.

В ряде районов древнего Киева, в частности в центральном, жизнь возродилась только через несколько столетий. Прекратило существование высокое киевское ремесло, прервались традиции летописания, надолго оказалась утраченной строительная культура.

Из Киева главные силы Батыя устремились к Владимиру и Галичу. С огнем и мечом шли они по Киевской земле. Раскопки Вышгорода и Белгорода, городищ по Тетереву, Случи, Горыни, Южному Бугу и другим рекам обнаруживают следы героической обороны и гибели этих центров. Практически во всех этих центрах археологи выявляют мощные слои пожарищ; под крепостными стенами, во рвах, на улицах и площадях покоятся сотни человеческих останков, орудия труда, инструменты ремесленников, предметы вооружения, украшения.

В свое время археолог М.К. Каргер высказал мысль, что в летописных рассказах нельзя не обратить внимания на различное отношение монголов к городам - в зависимости от степени оказанного сопротивления. Города, которые сдавались быстро, не подвергались разрушению и избиению, но отделывались лишь разграблением населения, особенно богатых монастырей и храмов. Однако таких городов на Руси, как считал М.К. Каргер, было немного. Л.Н. Гумилев повторил эту мысль, но по-другому расставил акценты. Назвав в числе пострадавших города Рязань, Владимир, Суздаль, Торжок и Козельск, историк утверждал, что "другие города сдались на капитуляцию и были пощажены". Ни М.К. Каргер, ни Л.Н. Гумилев не смогли назвать хотя бы приблизительный список древнерусских городов, которые сдались на милость победителей и не подверглись разрушениям.

Утверждения ряда исследователей о якобы незаинтересованности монголо-татар в разорении Руси и их благородстве по отношению к побежденным не находят подтверждения ни в письменных, ни в археологических источниках. Вот несколько примеров. Победив русских и половцев в 1223 г., монголо-татары устремились в южнорусское пограничье. При этом они уверяли, что пощадят всех, кто не окажет сопротивления. Люди, как пишет летописец, "не ведая лести их", выходили навстречу с крестами, но неизменно подвергались избиению: "Избиша ихь всихь".

Вот что пишет Карпини о вероломстве Татар и о жестокости против пленных – «***Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: "Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю". А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если***

случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.»

… **Субэдэй не уничтожил** "русских того племени" (т.е. русских "Е-ли-баня") а "забрал всех". И ведь это верно – практика взаимодействия монголов с оседлыми народами была другой, из них монголы забирали с собой **немногих**, т.е. ценных ремесленников, мастеров и т.п. А вот из кочевых людей – брали **всех** (за исключением местных князьков, которых уничтожали), это хорошо обосновал Г.А. Федоров-Давыдов ([185, с.233-234, 247]), поскольку такая практика позволяла пополнить как число работников в кочевом хозяйстве (говорил ведь тот же Субэдэй русским князьям перед Калкой, что монголы "пущени на холопы и на конюси свое" [24, с.62]), так и количество воинов для монгольского войска. Как раз в Юрьеве, Торческе и их округе в Поросье жил именно такой народ, т.е. было кого брать там для нужд монгольского войска, шедшего дальше на запад.

См. также Галицко-Волынская летопись. / Перевод на современный русский язык и комментарий О. П. Лихачевой., Монголо-татары и Русь, Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства, Джованни Дель Плано Карпини. История Монголов, которых мы называем Татарами, *Р. Храпачевский* Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу

Вернуться к ссылке

44.215. Письмо Гуюк-хана к Папе Римскому

Письмо Гуюка написано по-персидски на длинной (1 м 12 см), но узкой (20 см) бумаге, состоящей из двух склеенных кусков. В конце письма и в месте склейки листов имеются красные оттиски печати (см. прим. 151). Письмо это считалось утерянным и монголоведы строили всякие предположения о содержании его и о характере письменности. Оказалось, что выражение «по-саррацински» в данном случае следует понимать по-персидски. Письмо было обнаружено в 1920 г. в архиве Ватикана польским ученым монахом Кириллом Каралевским, сфотографировано и передано на изучение иранисту Массэ, который первый сделал перевод этого письма: Впоследствии письмо было исследовано и еще раз переведено крупнейшим монголоведом Франции Полем Пелльо, опубликовавшим персидский текст, перевод и комментарии. Так как письмо представляет большой интерес, то приводим его полностью, использовав перевод Пелльо.

Перевод письма Гуюк-хана к папе римскому:

Силою Вечного Неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ (Эти строки написаны по-тюркски). Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял. После того как держали совет в... области Karal, вы нам отравили просьбу и Покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий пана, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: "Вы взяли всю область Majar (Венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?" И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингис-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказу бога эти люди не послушались. Те, с которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)? Разве так ты говорить:

«я христианин, я люблю бога, я презираю и...» каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благости жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где всходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что Вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно.

В последние дни джамада-оль-ахар года 644. (3—11 ноября 1246 г.)».

Текст приводится по изданию: Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. М. Гос. изд. геогр. лит. 1957

Вернуться к ссылке

44.216. Серенск

Серенск (ныне дер. Калужской обл.) принадлежал к числу городов, расположенных в Черниговской волости «Вятичи». О первом упоминании Серенска в летописи нет единого мнения. В Ипатьевском списке сказано, что, возвращаясь в 1147 г. из Москвы, Святослав Ольгович нашел сначала к Любынску, а затем к Неринску. Но в Воскресенской летописи вместо Неринска назван Серенск. Предпочтительным кажется чтение более древнего Ипатьевского списка, поскольку Серенск находится вдали от р. Оки, Обе же летописи согласно утверждают, что Святослав, подойдя к городу, «перешед Окоу и ста». Бесспорным тогда остаются упоминание Серенска в Летописце Переяславля Суздальского под 1207 г. и в Новгородской Первой летописи под 1232 г.

Древнее городище занимает высокий мыс правого берега р. Серены при впадении в нее безымянного ручья. С севера поселение защищала река, а с запада и востока — глубокие овраги. К подтреугольному в плане детинцу (площадь 0,2 га) примыкает трапециевидный, обнесенный с трех сторон валом, а с напольной — еще и рвом, окольный город (площадь около 2,8 га). На береговом плато за окольным городом располагалось неукрепленное селище-посад.
В конце прошлого века памятник был частично исследован Н. И. Булычевым. В последние годы раскопки Серенска ведет Т. Н. Никольская (вскрыто в детинце более 1000 кв. м). Культурный слой подразделяется на три горизонта: IV—VII вв. (мощинская культура), XII—XIII вв. (древнерусское время) и XIV—XVI вв. Средний горизонт насыщен углями, золой, обгоревшими плахами, мелкими камнями и множеством вещей. Судя по типологии находок он относится ко времени Батыева нашествия. Здесь вскрыты плохо улавливаемые остатки срубных наземных жилищ с печами-каменками, хозяйственные постройки, а также погребения и беспорядочные скопления человеческих костей — следы гибели города в страшном пожаре 1238 г.

Особый интерес представляет собранная в Серенске коллекция, характеризующая высокое развитие ремесла в этом маленьком городке, затерявшемся в вятичских землях. Найдены инструменты для обработки железа и дерева. Целая серия каменных литейных форм (более 50) для изготовления полых украшений (бус, височных колец) и пластинчатых и створчатых браслетов, перстней, подвесок, крестиков вместе с медными матрицами свидетельствуют о незаурядном мастерство серенских ювелиров, мало в чем уступавших «кузнецам меди и серебру» из столичных центров. Была открыта также мастерская стеклодела, производившего браслеты. Среди находок — предметы вооружения, сельскохозяйственные орудия, бытовые вещи, два золотых перстня, каменые литейные формочки с древнерусскими надписями.

Серенск основывается, по-видимому, в середине XII в. на необжитом месте. Он сразу строится как городской центр, о развитии которого пекутся черниговские князья. Город контролировал сухопутную дорогу из Подесенья и более южных областей па северо-восток. Надо полагать,

Серенск являлся домениальным владением Михаила Всеволодовича Черниговского, иначе трудно объяснить походы суздальских князей (в случаях конфликта с Михаилом) на этот город.

…**Косы**. В крестьянском хозяйстве находился сельскохозяйственный инвентарь, на котором вполне могли находиться надписи. В качестве примера рассмотрим косу из Серенска [3], знаки преимущественно руницы которой читаются при ее вертикальном расположении. Жирным шрифтом начертано: **КОСА СИЛЬНО НАТОЧЬНЪ, ВОСЬТЪРЪ**, то есть *КОСА СИЛЬНО НАТОЧЕНА, ОСТРА*. Это — предостережение для пользователей, чтобы они не порезались.

Затем более мелким шрифтом написано: **КЪСЬТ МЕЖУ, КЪСЬТЪ ОСТРО. МАСЬТЪРЪСЬКЪ ꙗ РОСЛАВА ВОИНЪ**, что означает *КОСИТ МЕЖУ, КОСИТ ОСТРО. МАСТЕРСКАЯ ЯРОСЛАВА-ВОИНА*. Тут показаны достоинства данной косы и указана мастерская изготовителя.

На другой косе оттуда же надпись нанесена горизонтально крупными знаками[4], которые я читаю попеременно то руницей, то кириллицей, то смешанным письмом **МАСЬТЪРЪСЬКЪЯ МАСЬТЪРЪ МАКЪРЪ МАТВЕЕВА ТРУДЪ И СЬЛА**, то есть *МАСТЕРСКАЯ МАСТЕРА МАКАРА МАТВЕЕВА «ТРУД И СИЛА»*.

Как видим, мастер Макар Матвеев даже передал название своей мастерской, но ничего не сказал о свойствах косы. Вероятно, его мастерская была известной «фирмой», так что реклама свойств косы ему не требовалась. Напротив, Ярослав-воин не был мастером, и описал достоинства своего изделия, чтобы найти потребителя.

См. также **Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства**, **Чудинов В.А. Надписи на предметах крестьянского хозяйства**

Вернуться к ссылке

44.217. Нериньск

На берегу Оки археолог раскопал средневековый Неренск, Нериньск, Неринск, Неренск – за разными написаниями одно поселение. О нем было известно из древних летописей, например из Ипатьевской. Про Нериньск (а в ней именно так зафиксировано название города) упоминалось в связи с походом князя Святослава Ольговича на север. Он пошел из Москвы к Лобынску "и оттуда иде к Нериньску и перешел Оку став[192]". А еще в той же летописи есть упоминание, что именно в Нериньск к Святославу

---

[192] Ст҃ославъ же ѿтоуда възвратисѧ к 53 Лобыньскоу 53 . и ѿтоудоу иде къ Нериньскоу 54 . и перешедъ 55 Ѡкоу и ста .

пожаловали послы от половцев. Историки на основании сего факта сделали предположение, что древний город надо искать где-то к югу от Оки, поблизости от Половецкой степи.

У оппонентов был готов другой вариант. В Каширском уезде находится озеро Неринское, из которого ведет проток Неринский, впадающий в Оку. Возможно, тут надо искать летописный Неренск? Кстати, и у известного историка Михаила Тихомирова в его "Списке русских городов дальних и близких" Неренск указан в ближайшем соседстве с Тешиловым, то есть опять же в непосредственной близости к Кашире. Все эти предположения, догадки высказывались на протяжении пяти столетий. И опять же все это время историки и археологи пытались понять, где все-таки искать следы древнего поселения. Похоже, загадку удалось разгадать молодому серпуховскому археологу Артему Павлихину. Село Подмоклово – гордость Серпуховского района.

- Поселения вблизи Оки - это не случайно. К тому же рядом устье Протвы, - рассказывает Павлихин. - Дорог ведь тогда не строили. Реки были основными транспортными артериями. Все говорило о том, что люди здесь жили долгое время.

Рядом с уже известным Подмокловским городищем обнаружили селение. Попробовали определить его границы. По словам собеседника, неделю двигались: сто метров, двести, пятьсот, километр, три… Переместились в окрестные леса. Нашли точки временных поселений. Подытожили результаты поиска. Получилось, что найденное поселение занимает более десяти гектаров. Это многим крупнее любого поселения Москворечья, Поочья той поры. Территория разрезана оврагами. Возможно, поэтому отдельные раскопы не давали целостной картины. При этом самый мощный культурный слой находится как раз в центре нынешнего села Подмоклово. Его толщина достигает метра. Любой археолог подтвердит, что это очень много. Состав находок тоже сигнализировал, что раскопан город. Это предметы, связанные с властью, торговлей, довольно дорогие украшения из стекла. Пока, правда, не найдены предметы культового обихода, например что-то из церковной утвари, остатки древнего храма. Но ведь и раскопки еще до конца не завершены.

…Под 1147 г. русские летописцы упоминают в данном районе город Неринск. Местоположение Неринска неизвестно точно. Недалеко от устья реки Скнига, в пойме Оки расположено озеро-старица именуемое Неринское. Это позволяет предположить, что Городище Леоново на Скниге в XII в. именовалось Неринск.

Неринск это ещё одна загадка русской истории раннего средневековья, наряду с Лобынском, о местоположении которого при устье реки Протвы до сей поры спорят.

…Неринск, как рязанский город, упомянут в “Списке русских городов” конца XIV в. (ПСРЛ. Т. 7. С. 241). В середине XII в. Неринск принадлежал Черниговской земле. Неизвестно, где находился этот город. Летописное известие, называющее Неринск, можно интерпретировать по-разному. Во-первых, в том смысле, что Святослав уже из Неринска перешел Оку и остановился, а, во-вторых, что Святослав перешел Оку (очевидно, около Лобыньска) и стал около Неринска. Сравните, в летописи по Воскресенскому списку: “Святославъ же съ Москвы возвратися къ Лобыньску, и оттуду ко Серенску, и перешедъ Оку ста”. ПСРЛ. Т. 8. М., 1965. С. 38. В последнем случае (более правдоподобном) этот город нужно искать где-то поблизости от Лобыньска. Н.И.Надеждин и К.А. Неволин (в комментариях к М.П. Погодину), а после Д.И.Багалей предполагали местонахождение города при устье р. Нары, возле будущего Серпухова. (*Погодин М.П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. // ЖМВД. 1848. Сентябрь. Кн. 9. С. 439; *Багалей Д.И.* История Северской земли до половины XIV столетия. С. 141).

М.Н.Тихомиров приводит два примерных местоположения Неринска, из которых ближе к устью р. Протвы то, которое намечено у оз. Неринского и протока Неринского. *Тихомиров М.Н.* “Список русских городов дальних и ближних” // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 246. В “Списке русских городов” Неринск указан возле Тешилова (у Оки). Так и оказывается согласно выбранной локализации. По второй версии М.Н. Тихомирова, Неринск нужно искать у с. Нерытина недалеко от впадения р. Рановы в Проню. М.Н. Тихомиров. Там же. С. 246. Эта версия менее предпочтительна. В свое время Неринск часто отождествляли с Серенском - черниговским

городом на р. Серене. (См. напр.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. II - III. М., 1991. С. 312. Прим. 302; *Арцыбашев Н.* Повествование о России. Т. I. М., 1838. С. 100). Этому способствовали и искажения некоторых летописей, писавших вместо “Неринск” “Серенск”. См. напр.: ПСРЛ. Т. 7. С. 38. Но уже Н.Арцыбашев заметил, что Неринск должен находиться у Оки. *Арцыбашев Н.* Повествование о России. Т. I. С. 100.

Вернуться к ссылке

44.218. Любечский съезд князей 1097 г.

Наступил 1097 г. Это был знаменательный для русской истории год. События 1096 г. убедили Ярославовичей в необходимости съехаться и урядиться. Местом съезда избрали Любеч, стоявший на стыке киевских, черниговских и смоленских земель.

По подъемному мосту в Любеч въехали Святополк II, Владимир II, Давид Игоревич, их двоюродный брат Василько Ростиславович и Олег и Давыд Святославовичи. То были внуки Ярослава Мудрого. В их руках были целостность и благоденствие Руси.

На съезде в Любече были произнесены прочувствованные речи о строении мира и о том, "почто губим Рускую землю", а половцы "землю нашю несуть роздно".

Решили Ярославовичи, что каждый держит отчую землю. Святополк II сидит в Киеве, на столе отца Изяслава. Владимир II держит удел отца Всеволода. А Олег, Давид и Ярослав Святославовичи сидят по городам, ранее принадлежавшим Святославу Ярославовичу.

Давид Игоревич должен был сидеть во Владимире Волынском. А два Ростиславовича - Володарь и Василько - удержали Перемышль и Теребовль. Князья целовали крест и, расходясь, заявили "***да аще отселе кто на кого вьстанеть то на того будемъ вей и честьный крсть***[193]". Но к великой печали Руси намерения Ярославовичей не всегда соответствовали их делам. А чем более множилось племя Ярославовичей, тем более мельчали не только уделы, но и дела князей.

Давида Игоревича его жадное до вотчин окружение заверило, что Владимир II Мономах уговорился с Васильком Ростиславовичем покуситься на Святополка II и на самого Давида.

Давид поверил тому тем охотнее, что его волынские земли граничили с галицкими владениями Ростиславовичей. В разговоре со Святополком II Давид напомнил, что Ярополка Изяславовича, младшего брата киевского князя, в 1088 г. убили Ростиславовичи. И "***Стополкъ же смятеся оумомъ***[194]",

5 ноября 1097 г. Василько Ростиславович переправился на правый берег Днепра, к Выдобичскому монастырю, и направился в храм Михаила поклониться иконам. Стали звать Василька в Киев, и ничего не подозревавший князь поехал в столицу.

На дороге Васильку встретился отрок. Он поведал князю "***хотять тя яти***[195]". Василько не поверил и совершил роковую ошибку. Но был ли он в том повинен?

Василька Ростиславовича ослепили и "***оузложиша и на кола яко мртва и повезоша и Володимерю***[196]" [во Владимир-Волынский, город Давида].

Когда подвода с ослепленным князем проезжала через город Здвижень, на мосту, у местного торговища, с Василька стащили окровавленную сорочку и дали выстирать попадье.

---

193 …и на томъ цѣловаша хрестъ 13 . да аще ѡселѣ 12 кто на кого вьстанеть . то на того будемъ вси и честьныи крс̑тъ . и рекоша вси да будеть на нь хрестъ 13 чс̑тныи . и всѧ земьлѧ Рускаѣ

194 …Давъıдъ Б же имъ 25 вѣры лживымъ словесемь . нача молвити 26 на Василка . гл҃ѧ сице . кто есть оубилъ брата твоего Ѣрополка . а нънъı 7 мыслить на тѧ и на мѧ . и сложилъсѧ есть с Володимеромъ да промышлѧи си ѡ своеи головъ . Стополкъ /л.88об./ же смѧтесѧ оумомъ В

195 …ї въсрѣте 1 и ѡтрокъ его . и повѣда ему гл҃ѧ . не ходи кнѧже хотѧть тѧ ѣти . и 2 не послуша сего

196 …и 10 томъ часѣ быс̑ ѣко мр҃твъ . и вземьше и на ковръ 11 . оузложиша 12 и 13 на кола ѣко мрт҃ва . и повезоша и Володимерю

Во Владимире-Волынском полумертвого Василька посадили во двор боярина Вакея и приставили стражу во главе с княжескими отроками Оуланом и Колчей.

Узнав об ослеплении Василька, Владимир II ужаснулся и заплакал. Придя в себя, князь молвил: "***Сего не было есть. оу Русьскои земли, ни при дедехъ наших, ни при оцихъ нашихъ сякого зла***".

Владимир II снесся с Олегом и Давыдом Святославовичами и предложил им встретиться у Городца Остерского. Князь велел гонцу передать Святославовичам слова: "***В насъ братьи иже оуверже в ны ножь да аще сего не поправимъ болше зло въстанеть в насъ и начнеть брать брата заколати и погыбнеть земля Русьская***".

Князья съехались. Послали в Киев к Святополку II с вопросом, что тот сотворил, ослепив брата. Из Киева приехал гонец и объяснил, что Давид виновен и что именно он заверил Святополка II в том, что Васильке вознамерился овладеть Туровом, Пинском, Берестьем и городами погорынья [стоящие на реке Горынь] и сговорился с Владимиром II, что тот сядет в Киеве, а Васильке - во Владимире-Волынском, на столе Давида.

Святополк II велел передать: "... ***и не язъ его слепилъ но Двдъ***". В Киев послали сказать, что ослепили Василька не в городе Давида, но в Киеве.

Утром Владимир II с Олегом и Давыдом Святославовичами собрались на правый берег Днепра. Святополк II, увидя ладьи и стяги братьев, засобирался прочь из столицы. Киевляне не выпустили князя и отправили на левый берег Днепра послов с мольбой не губить Руси и с напоминанием о недремлющих половцах.

Владимир II, услышав укоры киевлян, снова искренне заплакал. Наконец, в Киев отправилась супруга Мономаха, и решили, что на Давида пойдет сам Святополк II.

А Давид, прослышав о происходившем в Киеве, стал сулить незрячему Васильку города на выбор: Всеволож, Шеполь, Перемиль. И вместе с тем Давид попытался овладеть уделом Василька, но дорогу закрыл Володарь Ростиславович.

Давид заперся в городе Бужске. Володарь взял город в осаду. В переговорах с Володарем Давид свалил вину за ослепление Василька на Святополка II. В конце концов. Васильке оказался в своем городе Теребовле, но вернуть князю зрение никто не мог.

Когда Давид приехал во Владимир-Волынский, к стоящему неподалеку городу Всеволожу подошли Володарь и Василько Ростиславовичи. Всеволож был "взяста копьемъ" и сожжен. Василько велел сечь ни в чем не повинных людей. Вслед за тем братья подошли под стены Владимира-Волынского.

Горожанам послали сказать, что пришли не на них, а на "***Туряка. и на Лазоря и на Василя ти бо суть намолвили Двда***". Стало известно, что бояр этих в городе нет. Ранее их послали к Луцку. Туряк бежал из Луцка в Киев, а Лазорь и Василь оказались в городе Турийске. Их и выдали Ростиславовичам. Бояр Лазоря и Василя повесили и расстреляли стрелами.

Тем временем в Берестье пришел Святополк II с намерением изгнать из Волыни Давида. Давид обратился к Владиславу I Польскому за помощью. Просьбу Давид сдобрил пятьюдесятью золотыми гривнами.

Поляки золото взяли, подошли на берег Западного Буга и стали мирить князей.

Святополк II, имея обязательства перед Мономахом и Святославовичами, проявил непреклонность, и Владиславу I пришлось заявить Давиду "***не послушаеть мене Стополкъ***".

Давид вернулся от Берестья во Владимир-Волынский, а Святополк II поехал собирать воинов. Князь посетил Пинск и Дорогобуж и, набрав достаточно сил, выступил к Владимиру-Волынскому.

Осада столицы Волыни заняла у Святополка семь недель. Наконец, Давид вышел из города, переехал в Червень и скрылся в Польше.

Святополк II занял Владимир-Волынский и начал промышлять насчет Володаря и Василька Ростиславовичей. Вскоре произошло сражение, и Святополк II проиграл его Ростиславовичам. С

рубежей Галиции во Владимир-Волынский Святополк вернулся с двумя сыновьями и с сыном Давыда Святославовича [Черниговского], прозванного за набожность Святошей. Уезжая в Киев, Святополк II оставил во Владимире-Волынском сына от наложницы - Мстислава. Еще одного сына Ярослава Святополк II послал в Венгрию, ко двору короля Коломана "вабя Оугры на Володаря". И закрутился новый кровавый сюжет из русской истории.

Ярослав с Коломаном и с венгерскими полками подступил под стены Перемышля. В том городе закрылся Володарь Ростиславович. В то же время из Польши приехал Давид Игоревич. Этот князь посадил свою жену у Володаря, у временного союзника, а сам отправился к половцам в степь.

Встретил Давида сам хан Боняк, и все было оговорено к общему удовольствию.

В начавшейся битве у венгров было 100 000 воинов. Сила немалая. Половцы "***сбиша Оугры в мячь, яко соколъ галице убиваеть и побегоша Оугре и мнози. истопоша оу Вягру. друзии же въ Сану***". Венгров в сражении было убито 40 000.

И все эти события происходили в 1097 г., в год съезда Ярославовичей в Любече.

Ярослав бежал в Польшу через Берестье, а Давид занял города Сутейск, Червеньи внезапно появился под стенами Владимира-Волынского. К тому времени от сидевшего в столице Волыни Мстислава бежали берестейцы, пиняне и вышгородцы. Мстислав поднялся на оборонительную стену города и "***внезапу вдаренъ быс подъ пазуху стрелою, на заборолехъ скважнею***". Ночью Мстислав скончался.

Жители Владимира-Волынского отправили гонца в Киев к Святополку II, требуя помощи. Без поддержки город был бы вынужден сдаться Давиду.

Великий князь киевский послал на Волынь воеводу Путяту. Воевода приехал в Луцк и застал там Святошу, сына Давыда Святославовича Черниговского.

Описываемые события происходили в августе 1097 г.

Когда жители Владимира Волынского заметили приближавшиеся от Луцка стяги Святоши и Путяты, они вышли из города и напали на Давида. Тому не осталось иного, как бежать прочь от города.

Во Владимире-Волынском был посажен посадник Святополка II Василий. Святоша вернулся в Луцк, а Путята уехал в Киев.

А Давид Игоревич во второй раз за год сидел в шатре хана Боняка. Долго уговаривать половцев не пришлось, и скоро их стан раскинулся под стенами Луцка. Святоша выехал из города и ушел к отцу в Чернигов. Давид овладел Луцком. Посадник Василий сам выбежал из Владимира-Волынского, и Давид вернул себе столицу Волыни. На этом кампания 1097 г. была завершена.

В 1098 г. Владимир II съехался с Давыдом и Олегом Святославовичами "оу Городца" против Святополка II. Но все обошлось миром. Год прошел относительно спокойно. В Переяславле Владимир II заложил каменную церковь в честь пресвятой Богородицы.

В 1098 г. при впадении реки Остер в Десну Владимир II заложил крепость. Это была будущая твердыня ростово-суздальского княжения в Южной Руси.

См. также **Полное собрание русских летописей. Том 2. 1908**, **Гудзь-Марков - История славян - Любечский съезд князей 1097 г,** **Любечские съезды древнерусских князей**

Вернуться к ссылке

44.219. Список князей черниговских

Черниговское княжество было одним из самых значимых в Киевской Руси. Исторически сложилось, что в Чернигове правила династия князей, которое являлись потомками Святослава Ярославича.

Ниже приведен список князей черниговских:

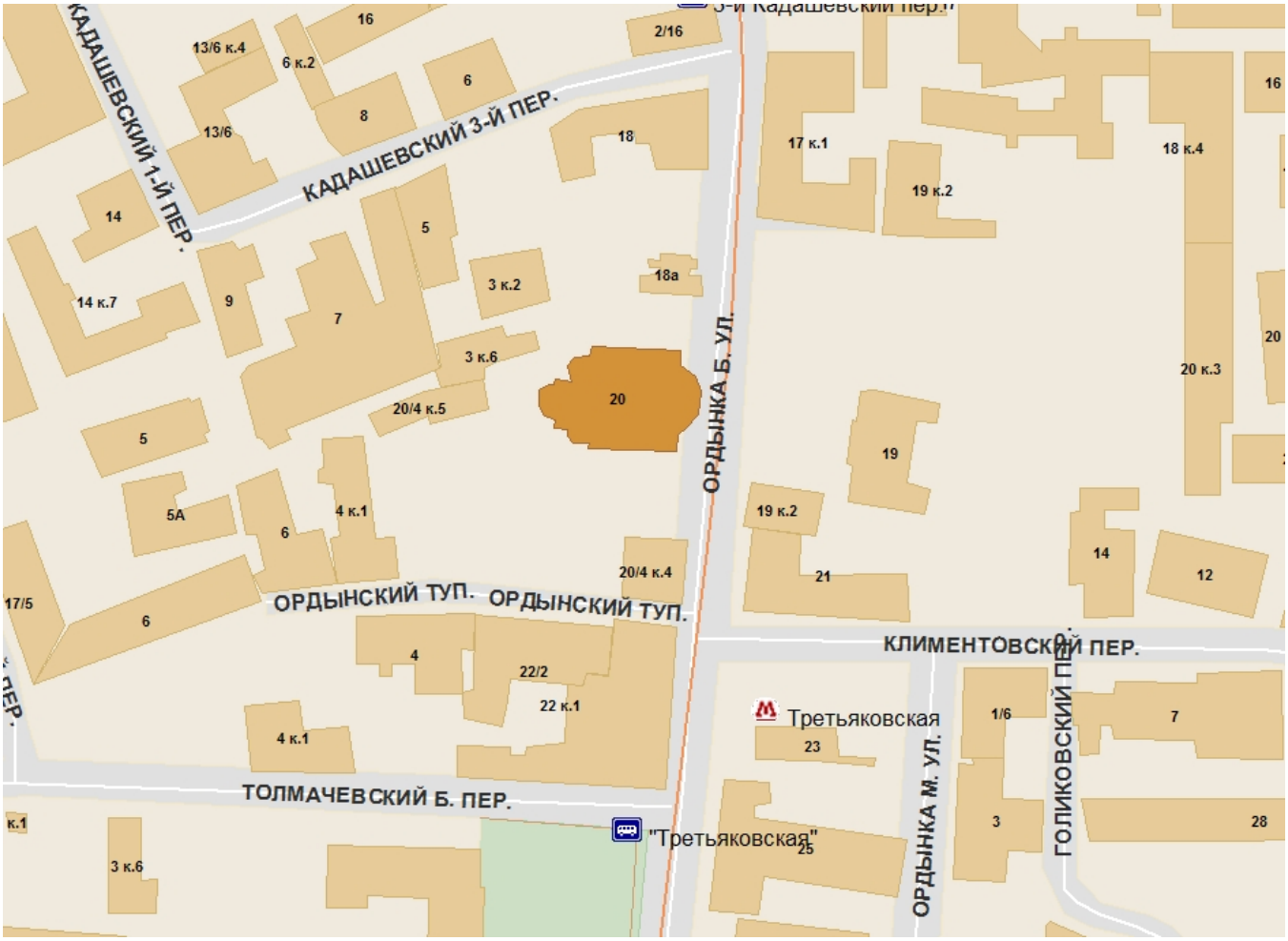
- Мстислав Владимирович Храбрый (1024-1036)
- Святослав Ярославич (1054-1073)
- Всеволод Ярославич (1073-1076)
- Владимир Всеволодович Мономах (1076-1077)
- Борис Вячеславич (1077)
- Всеволод Ярославич (1077-1078)
- Олег Святославич (1078)
- Владимир Всеволодович Мономах (повторно) (1078-1094)
- Олег Святославич (повторно) (1094-1097)
- Давыд Святославич (1097-1123)
- Ярослав Святославич (1123-1126)
- Всеволод Ольгович (1126-1139)
- Владимир Давыдович (1139-1151)
- Изяслав Давыдович (1151-1154)
- Святослав Ольгович (1154-1155)
- Изяслав Давыдович (повторно) (1155-1157)
- Святослав Ольгович (повторно) (1157-1164)
- Олег Святославич (1164)
- Святослав Всеволодович (1164-1177)
- Ярослав Всеволодович (1177-1198)
- Игорь Ярославич (?) (1198)
- Игорь Святославич (1198-1202)
- Олег Святославич (1202-1204)
- Всеволод Святославич Чёрмный (1204-1210/12)
- Рюрик Ростиславович (1210/12-1214)
- Всеволод Святославич Чёрмный (повторно) (1214-1215)
- Давыд Ольгович (1215)
- Глеб Святославич (1215-1219)
- Мстислав Святославич (1219-1224)
- Михаил Всеволодович Святой (1224-1226)
- Олег Святославич (1226)
- Михаил Всеволодович Святой (повторно) (1226-1235)
- Мстислав Глебович (1235-1239)
- Ростислав Михайлович (ок.1240)
- Михаил Всеволодович Святой (в третий раз) (ок.1240)
- Андрей Мстиславич (1246)
- Всеволод Ярополкович (1246-1261)
- Андрей Всеволодович (1261-1263)
- Роман Михайлович Старый (1263-1288)
- Олег Романович (кон. XIII века)
- Михаил Дмитриевич (кон. XIII века-нач. XIV века)

- Михаил Александрович (перв.пол. XIV века)
- Роман Михайлович Младший (?-1370)
- Дмитрий-Корибут Ольгердович (ок.1372-1393)
- Роман Михайлович Младший (повторно) (1393-1401)

Вернуться к ссылке

44.220. Храм иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость»

Первые упоминания о храме прп. Варлаама Хутынского «в Ордынцах» относятся к 70-м гг. XVI в. В XIV в. здесь находилась дорога, ведущая в Золотую Орду. Кроме того, «ордынцами» называли русских пленников, выкупленных у монгольских завоевателей. Существует предположение, что местность, где стоит храм, была отдана им для постройки домов. В 1683-1685 гг. на месте деревянного был выстроен каменный храм Спаса Преображения. В 1688 г. состоялось прославление хранившейся в нем иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», особо чтившейся особами царствующего дома. Часто перед ней, как и перед Иверской, молятся неправославные люди.



Уже в 1713 г. в ордынском Преображенском храме был выдан антиминс[197] на престол в честь этой иконы, а в 1770 г. придел обновили на пожертвование Г. Любовниковой — очень многие с радостью и часто дарили средства для благоустройства этой церкви.

В 1783 году замосквореченский купец по фамилии Долгов, имевший дом на Большой Ордынке прямо напротив церкви, пожертвовал немалые деньги на ее перестройку и заказал эту работу своему знаменитому родственнику, архитектору Василию Баженову.

Иконы в иконостас писал в 1788 г. иеромонах Вонифатий из Саровской пустыни. Скорбященский придел был освящен в день праздника храмового образа, 24 октября 1790 г., митрополитом Платоном (Левшиным).

Во время московского пожара 1812 года храм сильно пострадал и в 1831-1836 гг. был почти заново выстроен архитектором О.И. Бове, который, правда, сохранил уцелевшие фрагменты баженовской постройки. О.И. Бове составил рисунок чугунных плит пола, украсивших храм; а изображения архангелов и свт. Николая в иконостасе принадлежат кисти знаменитого В.Л. Боровиковского.

Церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», иначе называемая Преображенской церковью в Ордынцах, строилась в несколько этапов. Наиболее старая – западная – часть, дошедшая до наших дней, была возведена архитектором В.И.Баженовым в 1783-1791гг. на месте колокольни и трапезной каменной церкви 1683-1685гг. Восточная часть сохранялась еще 40 лет, после чего и она была перестроена в 1832-1836гг. под руководством О.И.Бове.

---

[197] **Антими́нс** (греч. ἀντί — *вместо* и лат. mensa — стол) — в православии плат с зашитыми частицами мощей христианских святых и надписанием епископа (Изображение на материи погребения Христа).

Название Большой Ордынки (как и Малой, и переулков с тем же именем) произошло от бывшей здесь ранее Ордынской слободы. Версий происхождения этого названия несколько. Наиболее распространена была гипотеза, что здесь селили выкупленных в Орде русских, которых называли ордынцами. Но относительно недавно были обнаружены документальные свидетельства, что ордынцами называли людей, возивших в Орду дань, а так как для сбора и транспортировки ее требовалось немало работников, то и слобода была достаточно большой – в начале XVII века в ней насчитывалось 107 дворов, а к 1653г. – целых 273 двора.

Храм в Ордынцах впервые был упомянут в документах как посвященный Варлааму Хутынскому в 1571г. Преображенским он именуется в 1625г., а как каменный обозначен уже в 1683-1685гг. Это был четверик, увенчанный пятиглавием, с трапезной и шатровой колокольней, и с главным престолом Преображения Господня. Каменный храм и был поэтапно перестроен в XVIII-XIX веках. Свое наиболее известное ныне название храм получил, когда здесь в 1688г. у иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» чудесно исцелилась вдова Евфимия Акинфиева, сестра патриарха Иоакима. В 1711г. царевна Наталья Алексеевна (сестра Петра I) даже заказала с чудотворной иконы список, чтобы увезти с собой в новую столицу. В декабре 1713г. было дано разрешение на устроение особого – Скорбященского – придела в честь иконы. Этот придел был перестроен в 1770г. на средства Г.Любовниковой.

http://www.hramy.ru/regions/r77/cao/yakimanka/scorord1.jpgНапротив Скорбященской церкви на Ордынке находилась усадьба купца А.И.Долгова – брата Л.И. Долгова, тестя архитектора В.И.Баженова. На средства хозяина усадьбы в 1783г. (по некоторым источникам – в 1782г.) была начата полная перестройка западной части церкви по проекту Баженова. Закладка трапезной и колокольни состоялась 20 мая 1783г.; в 1791г. состоялась закладка Варлаамовского придела. Узкая стройная колокольня в три яруса была нехарактерной для своего времени: ее ярусы практически не сужаются кверху, напоминая скорее высокую круглую башню, завершающуюся полусферой с маленькой шаровидной главкой и крестом. Декор колокольни достаточно скромен: полуколонны, неширокие арочные проемы яруса звона, балюстрады. В противовес строгому вертикализму колокольни трапезная – с портиками дорического ордера и декоративными круглыми оконцами – невысокая и ориентированная на горизонтальность.

Во время войны 1812 года храм сильно пострадал от московского пожара, и в 1832г. началась полная перестройка восточной половины, средства на которую пожертвовали купцы братья Куманины и А.А.Долгов. Проект был составлен архитектором Осипом Ивановичем Бове. Новый храм представляет собой широкую ротонду с более разнообразным по сравнению с трапезной декором портиков и карнизов. Верхняя световая ротонда увенчана большим куполом с маленькой главкой на тонкой «шейке». В полусфере купола прорезаны полукруглые ампирные люкарны. Купол изнутри поддерживают двенадцать колонн, иконостас в форме триумфальной арки также опирается на колонки. Широкие арочные проемы, обрамляющие окна, украшены пилястрами и орнаментом. По рисункам Бове были выполнены и чугунные плиты пола. Архитектор не успел увидеть свое творение законченным – его достраивал М.И.Бове после смерти брата. В храме сохранилась часть убранства конца XVIII века и почитаемые старинные иконы. В 1904г. на средства ктитора храма Шемуршина были вновь вызолочены ризы и иконостас, стены украшены мрамором и лепниной.

Вернуться к ссылке

44.221. Покровский собор

В 1552 году в честь победы войск Ивана Грозного в войне за покорение Казанского и Астраханского ханства был заложен храм, освященный в честь Святой Троицы. В 1554 году Иван Грозный велел построить на его месте собор Покрова Богородицы с приделами, прославлявшими победу над татарами. Храм в народе именовался Покрова на Рву: собор был построен рядом с глубоким рвом, проходившим вдоль восточной стены Кремля. Позднее в одном из пределов храма был похоронен юродивый Василий Блаженный, благодаря которому собор приобрел свое новое название.

Авторами собора Василия Блаженного летопись называет русских зодчих - Постника и Барму.

… **Неповторимый** архитектурный шедевр возведен под руководством русских зодчих Постника и Бармы. Их имена были обнаружены в конце XIX в. в рукописном сборнике XVII в.: «...***и дарова ему [Ивану Грозному] дву мастеров русских по реклу [прозвищу] Постника и Барму, быша премудри и удобни таковому чудному делу***».

Строили Храм пять с половиной лет - с 1555 по 1561 г.

…**Существует легенда**, согласно которой Иван Грозный, увидев построенный по их проекту собор, был так восхищен его красотой, что приказал ослепить зодчих, чтобы они не могли нигде больше построить храм, равный по красоте Покровскому собору. Некоторые современные историки предлагают версию, по которой архитектором храма был один человек - Иван Яковлевич Барма, которого прозвали Постником за то, что он держал строгий пост. Что касается легенды об ослеплении Бармы и Постника, ее частичным опровержением может служить тот факт, что имя Постника в дальнейшем встречается в летописи в связи с созданием других значительных архитектурных сооружений.

Собор Василия Блаженного представляет собой симметричный ансамбль из восьми столпообразных церквей, окружающих девятый - самый высокий - храм, увенчанный шатром. Каждая из восьми церквей названа в честь святого, в чей день произошло то или иное важное событие казанских походов Ивана Грозного; центральная церковь посвящена празднику Покрова Богоматери - именно в этот день Казань была взята приступом (1 (14 н.ст.) октября 1552 г.). Пределы соединены друг с другом системой переходов. Столпообразные церкви увенчаны луковичными куполами, ни один из которых по архитектурному убранству не повторяет другие. Каждый купол украшен карнизами, кокошниками, окнами, нишами. В целом собор создает ощущение праздничности и нарядности. До конца 17 века, пока на территории Кремля не была построена колокольня Ивана Великого, собор Василия Блаженного являлся самым высоким зданием в Москве. Высота собора составляет 60 метров.

Всего в соборе Василия Блаженного 9 иконостасов, в которых находится около 400 икон 16-19 веков, представляющих лучшие образцы новгородской и московской иконописных школ. Стены собора оформлены масляной живописью и фресками 16-19 веков. Помимо икон в соборе представлена портретная и пейзажная живопись 19 века, церковная утварь 16-19 веков. Среди особо ценных экспонатов - потир 17 века, принадлежавший царю Алексею Михайловичу.

1555-1561	строительство Покровского собора
Конец XVI в.	замена шлемовидных куполов собора на фигурные
1588	канонизация Василия Блаженного и пристройка к собору церкви над его захоронением
1670-е гг.	сооружение шатровой колокольни на месте открытой звонницы
1681-1684	существенное изменение первоначального облика собора: внешняя галерея перекрыта кирпичными сводами над открытыми лестницами возведены крыльца с небольшими шатрами расписаны внешняя и внутренняя галерея, крыльца на фасаде укреплена изразцовая храмозданная летопись
1772	во время перекрытия крыши уничтожена изразцовая храмозданная летопись
1780-1784	капитальный ремонт собора: кирпичные полы заменили белокаменными, появление сюжетной росписи в верхних церквах и орнаментальной росписи «под дикий камень» на фасадах, главы собора стали разноцветными

…**Множество версий** возникало по поводу мастеров, строивших Покровский собор. В любом учебнике или популярном издании обязательно фигурируют два имени — Посник (или Постник) и Барма. Считали, что Посник — это известный по документам псковский каменщик Посник

Яковлев. Советский историк Н.Ф.Калинин в 50-е годы выдвинул версию: Посник и Барма — одно и то же лицо, "Барма" — ещё одно прозвище Яковлева, которое на северном русском диалекте означает "трудолюбивый". Однако версия Калинина не встретила единодушной поддержки специалистов, иные из них категорически протестовали (М.В. Щепкина, главный хранитель музея-собора, предшественница на этой должности Л.С.Успенской), и вопрос остался открытым. Существует версия, согласно которой строитель Покровского собора Посник не был тем самым псковичом, которого отправили строить Казань и, соответственно, не мог видеть мечеть Кул-Шериф, тем более что последняя к тому времени уже была разрушена.

…В 1896 г. священник Иван Кузнецов опубликовал выдержку из рукописного сборника, хранившегося тогда в Румянцевском музее за № CCCLXIV (собрания Н. П. Румянцева). Сборник этот поздний и, по описанию А. Х. Востокова, «писан разными почерками исхода XVII и начала XVIII века». В составе сборника находится «Сказание о перенесении чудотворного образа Николая чудотворца», бывшего царским вкладом в строившийся Покровский (Василия Блаженного) собор. В этом-то позднем сказании о постройке собора читаем следующее: царь после взятия города Казани «***вскоре поставиша церкви древяны, седмь престолов, иже быти окрест осмаго болшаго престола, церкви каменный, близ мосту Фроловских ворот надо рвом. И потом дарова ему бог дву мастеров руских, по реклу Постника и Барму, и быша премудрии и удобни таковому чюдному делу***».[4] Это ясное и, казалось бы, чуждое противоречий известие было принято историками некритично.

Вопреки И. Кузнецову, данное известие является не «летописным текстом»,[5] а поздним сказанием, в котором, вероятно, переосмысливается старое предание. Исследователи не обратили внимания и на странное употребление выражения «по реклу». Как известно, «по реклу» значит «по прозвищу». Это выражение ставится в древнерусском языке перед прозвищем человека, а не перед собственным его именем. «Посник» или «Постник» — это собственное имя.[6] «Барма» же — это явно прозвище, означающее, возможно, человека искусного, как искусно делались бармы — оплечья на великокняжеские и царские одежды, богато и разнообразно украшенные.[7] В фразе «Сказания» — «дву мастеров русских, по реклу Постника и Барму» вызывает недоумение то, что первый мастер назван только по имени (без прозвища), а второй — только по прозвищу (без имени).

Более логичен и правилен другой текст, приводимый И. Кузнецовым из «Русского Летописца от начала Русской земли до восшествия на престол царя Алексея Михайловича». Эта рукопись (№ 611 б. Румянцевского музея, из собр. Д. В. Пискарева, № 176), по определению А. Е. Викторова, написана в первой половине XVII в. Следовательно, эта рукопись старше первой, кузнецовской, примерно на полстолетия. В ней мы читаем: «***Того же году (7068—1560) повелением царя и государя и великого князя Ивана, зачата делати церковь обетная еже обещался в взятие Казанское Троицу и Покров и семь приделов еже именуется на рву, а мастер был Барма с товарищи***» (разрядка моя. — *Н. К.*).[1] Здесь назван только один мастер, но не вследствие отлучки второго мастера (Постника), как думал, например, М. К. Каргер, который писал: «начав в июне 1555 г. строить вместе с Бармой ц. Василия Блаженного, весной следующего 1556 года он был снят с работы и направился в Казань; московскую же постройку заканчивал один Барма».[2] И далее: «Нельзя ли в умолчании имени Постника видеть знакомство с фактом окончания постройки, действительно, одним строителем Бармой».[3] По нашему мнению, здесь мы имеем отражение более точной версии о постройке церкви Василия Блаженного одним мастером — Постником Бармой, а не двумя — Постником и Бармой. Называть Постника именем и прозвищем было не обязательно. Он и назван поэтому в данном документе просто Бармой.

Недавно был опубликован еще один источник, показывающий, что действительно имена Постник и Барма относятся к одному, а не к двум лицам. Запись 1633 г. в рукописи Судебника 1550 г. (Архив Ленинградского отделения Института Истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева, № 228) гласит: «Судебник Соловецкого монастыря стряпчего и слуги московские службы Дружины Тарутьева сына Посникова, по реклу Бармы, поступился Ивану Максимову, вологодцкому таможенному подьячему в 141 году».[4] Из записи следует, что рукопись Судебника 1550 г. принадлежала до 1633 г. монастырскому стряпчему, московскому служилому человеку Дружине.

Дружина был сыном Тарутия и, очевидно, внуком *Посника, имевшего прозвище «Барма».* Нам кажется вполне правомерным отождествить этого Посника, по реклу «Барма» (деда владельца рукописи в первой трети XVII в.) со знаменитым зодчим Постником Яковлевым.

…Русский историк И.Е.Забелин считал Посника и Барму псковичами, но, по мнению исследователя псковской архитектуры В.В.Седова, а также Л.С.Успенской и А.Л.Баталова, считать это историческим фактом нельзя. "Вплоть до конца XIX века в историографии собора, — рассказывает Л.С.Успенская, — содержалось утверждение, что собор Покрова на Рву построил неизвестный иностранец. Лишь после того, как был найден отрывок из "Жития митрополита Ионы" и "Пискарёвский летописец", стали известны имена двух русских зодчих". А.Л. Баталов шире трактует их происхождение: "Можно допустить, что здесь могли работать немецкие или литовские мастера. Как первопечатник Иван Фёдоров происходил из Великого княжества Литовского, так Барма и Посник могли приехать на Русь оттуда же. Ясно одно: создавали собор мастера не местной выучки".

…Если не знать истории русской архитектуры, принципов и стиля работы русских зодчих, то, уцепившись за какую-то одну ассоциацию, можно приписать авторство средневековых сооружений в России кому угодно. В самом деле, в архитектуре Покровского собора есть и заострённые арки Востока, и готические "стрелы", и итальянские карнизы, и подобия западных крепостных машикулей (навесных бойниц в верхних частях стен башен), а также линии и формы архитектуры Индии.

…При окончании строительства храм был окрашен в итальян-ском стиле — "под кирпич", и не только снаружи — так же были покрашены многие внутренние интерьеры. А разнообразная палитра, которую мы видим в нынешнем раскрасе собора, появилась лишь в 1680-е годы, когда в архитектуре появилась тенденция к украшательству.

"В Покровском соборе нет ничего такого, чего бы не существовало в европейской или русской архитектуре, — поясняет А.Л.Баталов. — Сами формы столпообразных и шатровых храмов к 1555 году были хорошо известны. Первым примером такого рода является церковь Вознесения в Коломенском 1532 года. Многие историки архитектуры видели в общей композиции собора влияние центрических храмов эпохи Возрождения". Установлена связь композиции Покровского собора с системой центрического купольного здания у Леонардо да Винчи.

"Многие исследователи, — продолжает А.Л.Баталов, — называли Покровский собор подобием ветхозаветного храма царя Соломона или символом грядущего Небесного града, Горнего Иерусалима, воплощённого через образ "райской" архитектуры или через реалии Иерусалима земного (Сионского храма). Иные воспринимали его и как некое условное подобие Московского Кремля и всей Москвы в целом. И ещё одна точка зрения, с которой я полностью согласен: это попытка воплотить идеализированный образ иерусалимского Храма Гроба Господня, который был городом-храмом, группой отдельных храмов под единой кровлей после перестройки крестоносцами".

См. также **Покровский собор**, **Здание из облаков, причудливо окрашенных солнцем. Кто, когда и как создал храм Василия Блаженного?**, **Н.Ф. Калинин. Постник Барма - строитель собора Василия Блаженного...**

Вернуться к ссылке

44.222. Рубль

44.222.1. Этимология

Исторически понятие «рубль» возникло в XIII веке в Новгороде. Разные источники по разному трактуют происхождение названия. И. К. Кондратьев в книге «Седая старина Москвы» (1893) пишет:[1]

Рубли были частями гривны или кусками серебра с зарубками, означавшими их вес. Каждая гривна разделялась на четыре части; название же рубль произошло от слова «рубить», потому что прут серебра в гривну весом разрубался на четыре части, которые и назывались рублями.

Большая советская энциклопедия указывает, что гривну рубили пополам и каждую половину называли рубль (слиток серебра массой ок. 200 грамм).

По другой версии слиток «рубль» весил столько, сколько слиток «гривна», но изготовлялся по другой технологии и имел хорошо заметный шов на ребре. «Руб» на украинском, белорусском — рубец, а на сербскохорватском — шов, кайма. Таким образом, термин рубль, скорее всего, следует понимать как «слиток со швом».[2]

Этимологический словарь Фасмера о происхождении слова *рубль* говорит: *«рубль „обрубок, затычка“; „название денежной единицы“, (в письменных источниках) с 1316 г., вместо гривны… с середины XV в. принят в московской денежной системе…».*

Серебряная монета номиналом один рубль Российской империи носила народное название «целковый». Это название сохранилось для обозначения рубля в мокшанском и эрзянском языках.

Исторически название «червонец» применялось для золотых монет номиналом в 3 рубля которые были выпущены для всеобщего распространения после реформы 1701 года. Текущее значение происходит от советского золотого червонца «Сеятель» образца 1923 года, весовые характеристики которого соответствовали монете 10 золотых рублей, чеканившейся в Российской империи с 1899 года.

44.222.2. История

Впервые название **рубль** встречается в новгородской берестяной грамоте, датированной 1281—1299 годом[3]. В XIII веке рубль представлял собой серебряный слиток длиной до 20 см и весом примерно 200 г, который отрубался от шейной гривны. Арабский путешественник XIV века Ибн Батута определял ценность рубля в 5 арабских унций. С началом чеканки серебряной деньги в XV веке рубль превратился в счётную денежную единицу и стал равен ста деньгам.

Реальными денежными единицами служили новгородки и московки, а затем — копейки и деньги. Рубль в XVI веке был равен 100 копейкам, или 200 деньгам.

До XVIII века практиковался счётный рубль. Для крупных покупок мелкие серебряные копейки расфасовывали в бумажную обертку по 100 штук. Также были счетные полтины и полуполтины.

С 1704 года началась регулярная чеканка серебряного рубля по весовому стандарту 28 грамм серебра. Эпизодически чеканились также медные и золотые рублёвые монеты (последние — в основном для обращения при дворе).

В 1769—1849 годах существовал раздельный учёт денежных сумм на рубли серебром и рубли ассигнациями, которые различались по стоимости.

В 1897 году в России вводится золотой стандарт и основной денежной единицей становится золотой рубль, эквивалентный 0,774235 г золота. Этот стандарт просуществовал до 1914 года; с началом войны обмен бумажных денег на золото был прекращен.

См. также **Происхождение рубля**

Вернуться к ссылке

44.223. Гривна

Гривна — денежная и весовая единица древней Руси. Использовалась, в частности, для измерения веса серебра и золота (откуда и появился её денежный эквивалент).

Название произошло от именования шейного украшения «гривны», часто изготавливавшейся из драгоценных металлов — золота или серебра. Позже значение слова трансформировалось и стало соответствовать определённому количеству (весу) драгоценного металла, отсюда

произошла денежно-весовая единица «гривна серебра». Гривна серебра была эквивалентна по количеству некоторому числу одинаковых монет, отсюда пошёл их счёт на штуки и эта денежно-счётная единица стала называться **«гривна кун»**. Обе гривны стали в Древней Руси платёжно-денежными понятиями.

Изначально вес гривны серебра и гривны кун был одинаковым, но позже произошло постепенное изменение ценностей гривен друг относительно друга, что обуславливалось нестабильным весом импортированных монет, а также эволюции гривны как единицы веса. Так гривна серебра стала равняться нескольким гривнам кун, в XII веке гривна серебра, весящая тогда около 204 граммов, равнялась ценности четырёх гривен кун (одна гривна кун весила около 51 грамма).

Гривна кун была эквивалентна определённому количеству имеющих хождение монет.

- В XI веке 1 гривна кун = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 150 вевериц (векшей)
- в XII веке 1 гривна кун = 20 ногатам = 50 кунам (причём куна уменьшилась вдвое)

44.223.1. Разновидности и наименования

- **«Монетная гривна»** — крупный «неразменный» слиток серебра. Имела хождение в так называемый «безмонетный период» Древней Руси (XII, XIII и частично XIV век), когда прекратилась чеканка древнерусских монет (златника, сребреника) и начали поступать в обращение зарубежные монеты
- **«Киевская гривна»** — гривна шестиугольной формы, имевшая хождение в Киевской Руси с XI века и имевшая вес около 140—160 граммов

Новгородская Гривна с селища в районе Копорья

- **«Новгородская гривна»** — длинная серебряная палочка весом около 204 граммов. Имела наибольшее значение в денежном обращении. Изначально была распространена на северо-западе Руси, а с середины XIII века распространилась по всей территории Древней Руси
- **«Черниговская гривна»** — переходная форма между киевской и новгородской гривнами. По форме была близка к киевской, а по весу — к новгородской
- **«Татарская гривна»** — гривна ладьеобразной формы, имевшая хождение на территории Поволжья наряду с татарскими монетами XIV века

В Северной и Средней Европе называлась маркой.

В XIII веке наряду для новгородских гривен стало употребляться наименование **«рубль»**, которое постепенно вытеснило название «гривна». В XV веке слитки «гривна» и «рубль» перестали быть денежно-платёжными средствами, хотя название «рубль» осталось и перешло на основную единицу русской монетной системы. Гривна весом в 204 грамма была положена в основу чеканки русских монет.

От гривны также произошло название монеты «гривенник».

После прекращения хождения гривны как денежной единицы, она осталась как весовая — **«гривенка»** или **«скаловая гривенка»** (от «скалвы» — весы) весом в 204,75 граммов. Гривенка делилась на 48 золотников (4,26 грамма), а золотник — на 25 почек (0,17 грамма). Также как мера веса использовалась **«большая гривна»** (или «целая весовая гривна») весом в 409,52 грамма. Эта единица веса использовалась вплоть до XVIII века, когда была заменена фунтом (1 фунт = 1 большой гривне = 2 гривенкам).

См. также **Гривна**, **Гривна (Древняя Русь)**http://money-h.narod.ru/st_45.html

Вернуться к ссылке

44.224. Ногата

Нога́та — единица древней кунной ценности. По Смоленской грамоте 1150 г., а также по хозяйственному инвентарю, приписанному к одному из списков Русской Правды, считается равной 1 1/2 кунам или резанам; по тому же инвентарю она составляла 1/20 часть гривны кун. Так как известные нам киевские гривенки тянут 35 — 38 золотников, то средний вес ногаты определяется в 175 долей или несколько более. С тех пор о ценности этой единицы нет сведений до XIV—XV века. В памяти о том, как торговали новгородцы кунами, ногата положена равною 2 морткам = 3 четверетцам = 7 деньгам = 15 лбецам = 30 векшам; тут же на ногату причиталось 3 1/2 куны. По самым тяжелым 18-дольным новгородским деньгам ногата равнялась 126 долям; иначе — деньга весила 4 почки, почка = 4 1/2 доли; следовательно, 7 денег весили именно 126 долей. Итак, ценность ногаты понизилась против древности до 18/25. В Пскове в XV в. понижение было еще более; в 1422 г. полтине равнялись 175 ногат. Кроме Русской Правды ногата упоминается еще во многих русских, ливонских и прусских памятниках XIII—XIV вв. Этимологию этого слова обыкновенно связывают с эстонским nahat — мех. По всей вероятности, первоначально ногата и была мехом какого-либо пушного зверя, но в XIII—XV веках ногата, несомненно, представляла ценность металлическую, серебряную. До сих пор, однако, не удалось установить даже предположительно, какой вид из числа обращавшихся в северной России иностранных монет мог носить название ногаты. Металлическую ценность можно вычислить из сопоставления ее ценности с другими, упоминаемыми летописцами. В половине XIV в. в Ливонии ногата считалась равной 6 любекским пфеннигам, то есть равнялась 37-47 долям серебра 90-й пробы. В начале XV в. ценность ногаты уменьшилась более, чем втрое сравнительно с вышеприведенной.

Более новая, по сравнению с энциклопедией Брокгауза-Ефрона, версия.

Русское денежное обращение возникло в начале IX в. н. э. в связи с началом массового проникновения в Русь восточного дирхема весом 2,73 г, который становится к уже бытующей здесь гривне весом 68,22 г в оригинальное отношение 1:25. Начало образования денежного счета Русской Правды относится именно к этому времени. На Руси монета получает название куна. В начале X в., когда вес дирхема расшатывается, монета сортируется уже по двум русским денежно-весовым нормам. Помимо старой нормы куны, впервые возникает новая норма — ногата (3,41 г). Гривна кун получает соотношение 1 гривна кун = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам. Именно отсев монет, занимающих промежуточное положение между нормами куны и ногаты и несоответствующих этим русским нормам, привел к выпадению промежуточных весовых вариантов саманидского дирхема и к обособлению двух его весовых групп. В связи с этим представляется наиболее убедительным толкование слова «ногата», неоднократно предлагавшееся лингвистами. Этот термин этимологически связывают с арабским глаголом «накада», который имеет значение — сортировать деньги, отбирать хорошие экземпляры.

Вернуться к ссылке

44.225. Андрей Ярославич

АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ (ум. 1264 или 1265), великий князь Владимирский (1249—1252), князь Суздальский.

Третий сын князя Переяславского, а впоследствии великого князя Владимирского (1238—1246) Ярослава Всеволодовича, младший брат и соперник в борьбе за великое княжение Владимирское Александра Невского.

Никакими сведениями о юных годах Андрея мы не располагаем. Впервые его имя упоминается в летописях под 1238 г. — среди имен тех князей, которые пережили нашествие на Русь орд Батыя. До 1241 г., вероятно, находился при отце. В 1241 г. новгородцы, подвергшиеся нападению немцев из Ливонского ордена, обратились к великому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прислать им на княжение сына (ранее, в 1240 г., после блестящей победы над шведами на Неве, старший сын Ярослава Александр, по неясным причинам "рассорившись" с новгородцами,

покинул Новгород). Ярослав решает отправить на княжение в Новгород Андрея, однако этот выбор не устроил новгородцев, и они обратились с новой просьбой: прислать в город вновь Александра. Александр Невский возвращается в Новгород и начинает решительную борьбу с Ливонским орденом. В этой борьбе он опирается на поддержку отца Ярослава и помощь брата Андрея.

В 1242 г. Андрей во главе "низовского" (т. е. приведенного из Владимиро-Суздальской Руси) войска направляется в Новгород, к брату. Он принимает участие в походе Александра Невского к Пскову (который в результате этого похода был освобожден от власти немцев) и далее в Чудскую землю (Эстонию). 5 апреля его войска участвует в знаменитой битве на льду Чудского озера (Ледовом побоище), закончившейся полным разгромом Ордена. Андрей разделил с братом лавры победителя; по свидетельству Лаврентьевской (Суздальской) летописи, после битвы он "возвратился к отцу своему с честью".

До начала 1247 г. сведений об Андрее в источниках нет. Весной же этого года на Русь было привезено тело отца Андрея великого князя Ярослава Всеволодовича (ум. 30 сентября 1246), отравленного в столице Монгольской империи Каракоруме. Андрей вместе с братьями участвует в погребении отца во владимирском Успенском соборе.

На великокняжеский престол после смерти Ярослава сел его брат Святослав Всеволодович, дядя Андрея и Александра. Своих племянников, в том числе и Андрея, он "посадил по городам, как урядил им отец их Ярослав".

Какой именно удел достался Андрею, мы не знаем. Но известно, что сложившееся положение дел его не устроило. Андрей начинает борьбу за великое княжение, пользуясь слабостью и безынициативностью дяди.

Дальнейшие события по-разному изложены в различных летописях. Но все они сходятся в том, что Святослав просидел на великокняжеском престоле очень недолго, не более года, и был свергнут. Наиболее ранние летописи, в том числе русские дополнения к т. н. "Летописцу вскоре" константинопольского патриарха Никифора (в своей основной части переведенному с греческого языка), сообщают о том, что это сделал именно Андрей: "…***Седе в Володимери Святослав… лето 1, и прогна Андрей, сын Ярославль, и княжи лет 5***". (То же и в Новгородской Четвертой летописи: "***По нем (Ярославе Всеволодовиче. — А. К.) седе брат его Святослав… И по едином лете прогна Андрей Хоробриторови (испорчено; должно быть: Хоробритов или Хоробрит. — А. К.), сын Ярославль, а сам седе на столе***". В более поздних же летописях изгнание дяди приписывается другому Ярославичу — Михаилу, князю Московскому, к которому и отнесено прозвище Хоробрит. О том, что Михаил Ярославич, вероятно, все же занимал великокняжеский престол — возможно, после отъезда Андрея и Александра в Орду — свидетельствует тот факт, что он был погребен (в 1248/49 году) во владимирском Успенском соборе, усыпальнице великих князей).

В том же 1247 г. Андрей отправляется в Орду, к Батыю; вслед за ним туда же едет и его старший брат Александр. Батый, однако, не стал лично решать вопрос о старейшинстве русских князей и отправил обоих еще дальше, в Каракорум, столицу Монгольской империи. Братья вернулись на Русь лишь в декабре 1249 года. Андрей получил от татар ярлык на великокняжеский престол во Владимире, Александр же — Киев и "всю Русскую землю" (то есть Южную Русь), хотя реально отправился опять в Новгород.

О деятельности Андрея в качестве великого князя известно немного. Но это немногое сводится к тому, что он проявил себя решительным противником татар. В своей политике противления татарам Андрей нашел сильного союзника — галицко-волынского князя Даниила Романовича. Зимой 1250/51 г. союз между ними был скреплен династическими узами: прибывший в Суздальскую землю митрополит Кирилл обвенчал Андрея с дочерью Даниила Романовича (неизвестной по имени) во владимирском Успенском соборе, "и много веселья бысть". По всей вероятности, Андрея в его антиордынской политике поддерживал и другой его брат Ярослав. Относительно же старшего брата Андрея Александра Невского этого сказать нельзя. Между старшими Ярославичами явно назревал конфликт.

Ход дальнейших событий ясен не до конца. Летом 1252 г. Александр отправился в Орду. Во время его пребывания там против Андрея из Орды была направлена карательная экспедиция под началом Неврюя. (Показательно, что в том же году другая карательная экспедиция была направлена против союзника и тестя Андрея Даниила Галицкого.) Автор Лаврентьевской летописи объясняет случившееся происками самого Андрея и его бояр: "***В то же лето князь Андрей Ярославич надумал со своими боярами бежать, дабы не служить цесарям (ордынским ханам. — А. К.), и побежал в неведомую землю с княгинею своею и с боярами своими; и погнались татары за ним вслед...***" 24 июля, в "Борисов день", у Переяславля произошло сражение, в котором полки Андрея и поддержавшего его брата Ярослава были разбиты татарами. Андрей бежал в Новгород, однако новгородцы не согласились принять его. Тогда он отправился в Псков, здесь дождался своей супруги, сумевшей убежать из Владимира, и вместе с ней перебрался в Колывань (Таллин), а оттуда за море, в "Свейскую землю", т. е. Швецию, правитель которой принял его "с честью". (О пребывании здесь "конунга Андрея из Суздаля, брата конунга Александра", сообщается и в скандинавской Саге о Хаконе Хаконарсоне.)

Андрей вернулся на Русь уже после того, как великокняжеский престол занял Александр Невский. Когда именно это произошло, сказать трудно. Летописи ограничиваются тем, что констатируют, что Андрей "пребыв" за морем "паки… и потом приде во свою отчину". Более точные сведения приведены лишь в "Истории Российской" В. Н. Татищева, где о возвращении Андрей "из Немец" сообщается под 1255 г.: Александр принял брата "с любовью" и хотел дать ему в удел город Суздаль, но не посмел сделать этого, опасаясь гнева хана. По сведениям того же Татищева, тогда же Андрей получил от брата Городец и Нижний Новгород. В следующем 1256 г. Александр посылал послов в Орду к новому хану, малолетнему сыну Батыя Улагчи, и испросил у него прощение для Андрея. В следующем году уже сам Андрей вместе с братом Александром и другими князьями ездил в Орду и, "чтивше Улавчея", вернулся в Суздаль, признанный его "отчиной".

В 1258 г. Андрей вновь ездил в Орду с братом Александром и другими князьями. Зимой 1259/60 г. он сопровождал Александра в поездке в Новгород: князья отправились туда вместе с татарскими "численниками" для того, чтобы осуществить перепись населения для более точного обложения его данью. Это вызвало настоящее восстание в городе, которое было подавлено Александром вместе с приехавшими с ним князьями самым суровым образом.

Смерть Александра Невского (14 ноября 1263), казалось, открыла Андрею возможность вернуться на великокняжеский стол. Летописи ничего не сообщают об этом, но, по сведениям Татищева, сразу же после смерти Александра началась распря между его братьями Андреем и Ярославом: братья, "***не хотяще межи собою сваритися (ссориться. — А. К.), послаша послы своя во Орду, к хану Беркаю*** (Берке. — А. К.)". Хан поддержал младшего и менее опасного для себя Ярослава: "повеле к себе быти". Вскоре, в 1264 г., Андрей Ярославич умер (некоторые летописи называют годом его смерти 1265 г.). Суздальским князем после него стал его сын Юрий.

Князь Андрей Ярославич является родоначальником князей Суздальских и Нижегородских.

44.225.1. Об «Андрее Суздальском»

Еще один фрагмент «Саги о Хаконе Хаконарсоне» содержит упоминание Суздаля как места княжения Андрея Ярославича:

У ярла Биргера было пять тысяч [человек]. Там с ним было много знатных мужей. Там был брат ярла Ульва, Карл, сын Ульва, ярл Фольки и Карл Квейса, сын Иона Энгиля, и много других знаменитых мужей из Свитьода. Был там и Андрес, конунг *af Súrdölum*, брат конунга Александра из Хольмгарда. Он бежал с востока от татар [Flat., III, 543–544].

Андрес, конунг *af Súrdölum*, — русский князь Андрей Ярославич. По предположению А. В. Экземплярского, до 1248 г. Андрей владел Суздалем как удельный князь; из летописей известно, что в 1249 г. он и его брат Александр вернулись из Орды, где Андрей был признан великим князем владимирским; в 1252 г. Александр отправился в Сарай, и Батый признал великим князем его, Андрей же отказался «цесаремъ служити» и «здума… с своими бояры бегати» [ПСРЛ, I: 3, 524], и через Переяславль, Новгород, Псков, Колывань (Ревель) бежал от рати Неврюя «за море во Свеискую землю» [ПСРЛ, XXV, 141–142]. В 1256 г., примирив Андрея, вернувшегося из Швеции, с ханом, Александр дал ему Суздаль[10]. «В лето 6772 (1264 г.) преставися А[н]дре и Суздальскыи» [ПСРЛ, I: 3, 524].

Итак, из источников следует, что суздальским князем Андрей был с 1256 г. до своей смерти в 1264 (или в 1265 г.). Существует предположение, что он сидел на Суздальском столе и с 1246 по 1248 г. В Швецию же он бежал после того, как три года (с 1249 по 1252 г.) был великим князем владимирским. Сага, однако, называет его *Andrés, konungr af Súrdölum*. Каким образом имя русского князя, находившегося в войске противника короля Хакона, шведского ярла Биргера, могло попасть в «Сагу о Хаконе Хаконарсоне», написанную в Норвегии знатным исландцем, использовавшим архивные материалы и воспоминания очевидцев? Почему сага называет Андрея суздальским князем? Ответов на эти вопросы несколько. Так, словосочетание *konungr af Súrdölum* могло сохраниться в памяти либо в письменной фиксации со времени пребывания Андрея в Швеции, и этому есть два объяснения: либо, будучи великим князем, Андрей продолжал именоваться суздальским по своему уделу (если он таковым владел в 1246–1248 гг.), либо он получил Суздаль в 1252 г., когда великим князем стал Александр. Кроме того, вполне вероятно (и об этом уже шла речь), что информация о Северо-Восточной Руси поступала в Норвегию через Новгород. Ведь именно Новгородская I летопись, а за ней и Московский летописный свод конца XV в. сообщают, что в 1252 г. татары пришли на князя Андрея «на Суздалкую землю» [НПЛ, 304; см. также: ПСРЛ, XXV, 141], в то время как «с большой долей вероятности можно полагать», что войско воеводы Неврюя разграбило резиденцию Андрея — город Владимир [Кучкин 1970, 106].

См. также **Т. Н. Джаксон. Austr í Görðum**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке

44.226. Неврюй

Картаг Неврюй — полководец золотоордынского правителя Сартака, в IV Новгородской летописи назван царевичем.

44.226.1. Неврюева рать

В 1252 году по просьбе Александра Невского был послан Сартаком, как соправителем Батыя, против брата и соперника Александра, великого князя владимирского Андрея Ярославича, не по старшинству получившего великокняжеский стол. По данным некоторых летописей, кроме Неврюя, карателями командовали ещё Котия и Олабуга, вероятно темники.

«Неврюева рать» перешла Клязьму под Владимиром, но не задержалась у столицы. Неврюй настиг и разбил Андрея под Переяславлем, вынудив его бежать в Новгород, а затем в Швецию. Разграбил и сжёг Переяславль, много сёл и деревень. В Орду было уведено «бещисла» людей, коней и скота.

Это было первое после нашествия Батыя появление на Северо-Восточной Руси крупных монголо-татарских военных сил.

…**Дело в том, что во время** отправки Неврюя Александра (Невского), скоре всего, не было в Орде.

Александр в 1251 году был отчаянно болен в Новгороде, следовательно, не мог ехать в Орду ближе 1252 года, как свидетельствуют летописи. Год тогда начинался мартом месяцем. Александр, следовательно, по случаю весенней распутицы и разлива многих больших рек, лежащих на дороге, не мог выехать из Новгорода раньше конца апреля или начала мая, а от Новгорода до Орды, с объездами, которые должен был делать Александр, чтобы не попасться в руки Андрею, ежели он умышлял против него, было, но крайней мере, две тысячи верст, на проезд которых по тогдашнему бездорожью нужно было употребить около двух месяцев. Следовательно, Александр не мог приехать в Орду ближе конца июня или начала июля, а приехав, не вдруг же явился к хану и не при первом же свидании успел вооружить его против Андрея, для этого ему нужно было прожить в Орде по крайней мере две или три недели. Таким образом. Неврюй мог получить приказ ханский о походе на Владимир не ближе половины июля месяца, по крайней мере еще нужно употребить две недели для сбора войска; итак, ежели предположить, что Неврюй был послан по происками Александра, то он мог выступить в поход не раньше конца июля или начала августа. А от Орды до Владимира было, по крайней мере, тысячу верст, на которые для похода с войском, при всей быстроте, нужно было употребить не менее месяца и даже более; следовательно, Неврюй мог прийти ко Владимиру не ближе конца августа. По свидетельству же летописей, он 23 июля бродился через Клязьму, а 24-го уже разбил Андрея, Итак, по всем сим соображениям, Неврюй не мог предпринять похода по происками Александровым, и даже, очевидно, Александр приехал в Орду уже тогда, когда Неврюй был на походе во Владимир, и, следовательно, не только не был подстрекателем Неврюева похода, но даже не мог остановить его.

44.226.2. Сартак

Сарта́к (монг. Сартаг; ум. 1256) — чингизид, третий правитель Улуса Джучи (1255/1256), старший сын Бату.

Согласно записям многих современников, в частности Папы Иннокентия IV[1], Сартак исповедовал христианство[2] (по-видимому, несторианство).

В 1252 году, когда владимирский князь Андрей Ярославич, брат Александра Невского, вступил в союз с врагом Орды Даниилом Галицким, Сартак, как соправитель Батыя, отправил своего воеводу Неврюя с войском в карательный поход против мятежного князя. Андрей бежал в Швецию, а ярлык на верховное правление был передан дружественному Александру.[3] Существует мнение, что Сартак был его побратимом.[4]

В 1253 к Сартаку через Константинополь прибыло посольство короля Людовика Французского во главе с монахом-францисканцем Гийомом Рубруком. Сартак благосклонно принял Гийома, но не стал вступать в переговоры, а перенаправил его к Бату. Один из приближённых Сартака заявил Гийому: *«„Не говорите, что наш господин — христианин, он не христианин, а Моал“, так как название „христианство“ представляется им названием какого-то народа. Они превознеслись до такой великой гордости, что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают именоваться христианами, желая свое название, то есть Моал».*[5]

После смерти Батыя (1255/1256) Сартак стал правителем Золотой Орды, но по дороге из Каракорума скончался (вероятно, был отравлен людьми своего дяди Берке).

Вернуться к ссылке

44.227. Гийом де Рубрук

Гийом де Рубрук (Guillaume de Rubrouck, букв. «Гийом из Рубрука») (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253—1255 годах по поручению

французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам. Автор книги «Путешествие в восточные страны». Его вклад в средневековую географическую литературу сопоставим с вкладом Марко Поло.

44.227.1. Путешествие

Гийом де Рубрук сопровождал Людовика Французского во время Седьмого крестового похода, закончившегося крайне неудачно. Выкупившись из плена, Людовик ещё четыре года оставался в Святой земле. В 1251 году в Цезарее он принял Андре де Лонжюмо, миссия которого завершилась безрезультатно. Но Людовик не оставил надежды наладить сотрудничество с монголами. В 1252 году французский король поручил Рубруку отправиться в южнорусские степи, в ставку хана Бату. Помня о неуспехе посольства Лонжюмо, Людовик посоветовал Рубруку скрывать дипломатический характер поездки и путешествовать как миссионеру.

Весной 1252 года Рубрук и его спутники отправились из города Акка (Акра, Аккон), порта в Северной Палестине (к северу от мыса Кармел), в Константинополь, где задержались до весны следующего года. 7 мая 1253 года, получив рекомендательные письма от императора Балдуина II, они выехали из Константинополя. Переправившись через Чёрное море и высадившись в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма, монахи купили запряжённую четырьмя волами крытую повозку и двинулись к низовьям Волги, где была ставка Батыя. Достигнув пределов Азовского моря, путешественники направились на восток.

После двухмесячного путешествия Рубрук прибыл в лагерь хана Сартака, расположенный на берегу Волги. Рубрук и его спутники просили доложить Сартаку об их приезде, и тот согласился принять чужестранцев. Облачившись в церковные одеяния, разложив на подушке Библию, псалтырь, требник, распятие и кадило, с пением молитв они вошли в палатку Сартака. Сартак с любопытством рассматривал монахов и их одеяние, но в переговоры с ними не вступил, предложив им отправиться к его отцу, хану Батыю. Однако и Батый не захотел вступить в переговоры с посланниками французского короля, а отослал их к великому хану Мункэ, в Каракорум.

8 августа Рубрук пересек Этилию (Итиль, то есть Волгу), третью из четырёх великих рек, которые он называет в своём описании. Продолжая свой путь примерно на восток в течение 34 дней после перехода реки Урал, он прибыл в бассейн реки Сырдарьи, откуда повернул на юго-восток. В течение семи дней Рубрук ехал горной дорогой вдоль северо-западных отрогов Алатау.

8 ноября он достиг долины реки Талас и города Кенчат, а на следующий день другого поселения, ближе к горам. Вот что пишет об этом Рубрук:

Я спросил про горы и узнал, что это было продолжение Кавказских гор, которые простираются по обе стороны *Каспийского моря*, с запада на восток. Тут также я узнал, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое впадает Этилия.

Вслед за этим Рубрук и его спутники перешли горы и пошли прекрасной равниной, имея по правую руку высокие горы, а по левую море или озеро; чтобы объехать его кругом, нужно 15 дней. Это было озеро Балхаш. Далее Рубрук поехал мимо озера Алаколь и через Монголию ко двору великого хана, куда и прибыл 26 декабря. Отсюда после некоторой задержки Рубрук переехал вместе со всем двором в столицу Каракорум.

44.227.2. Каракорум

Этот город, по словам Рубрука, был обнесён земляными стенами, с воротами на каждой из четырёх сторон. Дворец великого хана Мункэ, две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания города. Великого хана в это время не было в столице, и поэтому Рубрук вместе со своими спутниками должен был отправиться в его резиденцию, находившуюся по ту сторону гор, в северной части страны. На следующий день состоялась церемония их представления ко двору хана.

Современная реконструкция знаменитого Серебряного дерева мастера Гийома

Следуя правилу францисканских монахов, они шли босые, причём отморозили себе пальцы на ногах, так как был сильный мороз. Когда татары ввели монахов к Мункэ, они увидели перед собой курносого человека среднего роста, лежащего на большом диване; на нем была меховая одежда, блестящая, как шкура тюленя. Вокруг Мункэ-хана сидели на шестах соколы и другие птицы. Послам французского короля были предложены разные напитки: арак, кумыс и мёд. Но послы воздержались от питья; сам же хан вскоре охмелел, и аудиенция должна была прекратиться. Рубрук провёл несколько недель при дворе Мункэ-хана, где встретил много немецких и французских пленников, которых заставляли выделывать оружие, домашнюю утварь.

После нескольких аудиенций у великого хана Рубрук получил позволение вернуться в Каракорум и там переждать зиму. Во время своего пребывания в Каракоруме Рубрук собрал интересные сведения о китайцах, об их нравах, обычаях, письме. Монгольская столица, за исключением двора великого хана, не произвела на него впечатления. Поразило монаха другое — наличие, кроме языческих, буддийских храмов, двух мечетей и одной христианской (несторианской) церкви — доказательство непонятной для средневековых католиков веротерпимости монголов. Мункэ передал послу письмо французскому королю. Он называл себя в этом письме владыкой мира и требовал от французов присяги на верность, если они хотят жить с ним в мире.

Спутник Рубрука, монах-итальянец Бартоломео из Кремоны, остался при местной христианской церкви. Рубрук же 6 июня 1254 года покинул монгольскую столицу и поехал обратно той же дорогой, но, достигнув города Астрахани, расположенного близ устья Волги, на этот раз направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум и Малую Азию достиг порта Акка на берегу Средиземного моря.

16 июня 1255 года Рубрук прибыл в Фамагусту на Кипре, а в августе вернулся в свой монастырь.

44.227.3. «Путешествие в восточные страны»

Миссия в Каракорум принесла важные географические сведения. О Каспийском море Рубрук писал: ***Брат Андрей [Лонжюмо] лично обогнул две стороны его, именно южную и восточную, я же другие две, именно северную [и]… западную.***

Рассказ Рубрука о виденных им странах содержал также туманные указания на существование и других народностей, помимо виденных ими. Так, описывая людей, живших за пределами юрисдикции ханского двора, Рубрук говорит, что «далее находится великая Катайя (Китай), жители которой, как я полагаю, в древности назывались серами (seres), ибо от них прибывают самые лучшие шёлковые ткани, называемые по латыни serici» . Рубрук был первым человеком,

вслух высказавшим предположение, что Катайя (Китай) и Серес были двумя частями одного целого.

Рубрук первым в европейской литературе указал на одну из основных черт рельефа Центральной Азии — наличие Центрально-азиатского нагорья. Этот вывод сделан из наблюдений над направлением течения азиатских рек, встречавшихся на пути.

Рубрук описал также, в общих чертах, по расспросным данным, ряд стран Центральной и Восточной Азии. Он указал, что Катай (Северный Китай) прилегает на востоке к океану. Он собрал сведения (скудные и порой неточные) о маньчжурах, корейцах и некоторых народностях Северной Азии.

Рубрук сообщает интересные подробности о крупной торговле солью с низовьев Дона:

На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Батый и Сартак получают большие доходы, так как со всей Руссии ездят туда за солью, и со всякой нагруженной Повозки дают два куска хлопчатой бумаги… Морем также приходит за этой солью Много судов, которые все платят пошлину по своему грузу.

44.227.4. Итог путешествия

В дипломатическом отношении путешествие Рубрука не принесло французскому королю никакой пользы, поскольку в качестве основы для сотрудничества великий хан требовал его формального подчинения. Хан Хулагу, брат Мунке, независимо от западного христианского мира возглавил поход на Ближний Восток (Крестовый поход хана Хулагу). Однако это путешествие намного расширило знания о Центральной Азии, о которой Рубрук оставил превосходное сообщение. Составленное на латинском языке сочинение было впервые опубликовано в 1589 году. Труд Рубрука был высоко оценён современниками и потомками. Видный немецкий географ конца XIX века О.Пешель назвал его «величайшим географическим шедевром Средневековья». Рубрук сообщил интересные сведения о Китае, киргизах (хакасах), урянхайцах (тувинцах) и других народах.

См. также **Гильом де Рубрук «Путешествие в Восточные страны»**

Вернуться к ссылке

44.228. Дмитрий Александрович

Дми́трий Алекса́ндрович (1250—1294) — князь Переяславль-Залесский, Новгородский, Великий князь Владимирский.

Родился около 1250 года. Сын Великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского и его жены Александры, дочери полоцкого князя Брячислава. Старший после Василия, лишённого отцом всех политических прав.

В 1259 году, когда Александр Невский, успокоив волнение, возникшее в Новгороде вследствие появления там ханских счётчиков, уехал оттуда, он оставил там князем Дмитрия Александровича, тогда ещё очень молодого. В 1262 году Дмитрий Александрович вместе со своим дядей Ярославом Ярославичем был послан отцом против ливонских рыцарей на Дерпт, взял этот город и вернулся с большой добычей. В 1264 году, сейчас же по смерти Александра Невского, новгородцы прогнали Дмитрия Александровича, как малолетнего, и посадили у себя великого князя Ярослава Ярославича.

Дмитрий Александрович удалился в Переяславль-Залесский, доставшийся ему в удел. В 1268 году новгородцы, предпринимая войну с ливонцами, пригласили его на помощь. Дмитрий Александрович явился и принимал деятельное участие в известной кровопролитной битве под Раковором, причём победой новгородцы в значительной степени обязаны были его храбрости и военному искусству. В 1270 году новгородцы в благодарность за эту помощь предложили Дмитрию Александровичу свой стол, прогнав от себя великого князя Ярослава Ярославича. Димитрий Александрович отказался, заявив, что он не хочет занимать стол, с которого был прогнан его дядя, и даже помогал великому князю снова овладеть Новгородом. Два года спустя, в 1272 году ему пришлось ездить в Орду, сопровождая туда великого князя, и в том же году, когда великий князь на обратном пути из Орды умер и Новгородский стол освободился, Дмитрий Александрович явился претендентом на него и вступил из-за него в соперничество с новым великим князем Василием Ярославичем. Новгородцы сперва предпочли Дмитрия Александровича и он, торжественно въехав в Новгород, занял Новгородский стол. Но Василий Ярославич решил не уступать так легко Новгородского стола племяннику, собрал войско и вместе со своим другим племянником, Святославом Ярославичем, князем Тверским, начал опустошать Новгородскую область. Дмитрий выступил против неприятелей и уже дошёл до Торжка, когда вдруг узнал, что новгородцы передумали и, боясь великого князя, решились избавиться от переяславского князя. Дмитрий Александрович тогда сам отказался от Новгородского стола и удалился в свой Переяславль.

В 1276 году, когда умер последний из его дядей, великий князь Василий Ярославич, Димитрий Александрович, как старший в роду, занял великокняжеский стол, а в мае следующего года, прибыв в Новгород, был признан и там князем. В качестве Новгородского князя в следующем 1278 году он ходил усмирять корелов, возмутившихся против новгородцев, и разорил их землю, а в награду за это выхлопотал у новгородцев позволение поставить на их территории у берегов Финского залива крепость Копорье для защиты берегов Балтийского моря. Но новгородцы, опасаясь за свою самостоятельность и не желая усиления великокняжеской власти в своей территории, не позволяли великому князю поставить свой гарнизон в Копорье и настолько сильно противодействовали ему в этом, что он должен был прибегнуть к силе: отправился в Переяславль и в начале 1281 года явился к новгородским границам уже с сильным войском. Тщетно новгородский архиепископ Климент уговаривал его не начинать военных действий, Дмитрий Александрович дошёл до Шелони и только здесь сдался на просьбы новгородцев и распустил войско, поставив, однако, в Копорье свой гарнизон.

В 1281 году брат его Андрей, князь Городецкий, по совету своих бояр решил сам занять великокняжеский стол, по-видимому, вынужденный к этому стремлением Дмитрия стеснить самостоятельность удельных князей. Андрей Александрович отправился в Орду, оклеветал Дмитрия перед ханом, выпросил себе ярлык на великое княжение и вспомогательное ханское войско и двинулся с ним на Русь. У Мурома к нему присоединились удельные князья, не осмелившиеся противоречить воле хана, и все войско двинулось на Дмитрия Александровича к Переяславлю. Дмитрий Александрович, видя невозможность защищаться, бежал в Копорье, но новгородцы, недовольные на великого князя, выступили против него к Ильменю и, захватив в залог некоторых его бояр и двух дочерей, заставили Дмитрия, несмотря на помощь Псковского князя Довмонта, который приходился ему зятем, вывести свой гарнизон из Копорья и уйти за́море. Затем новгородцы срыли до основания крепость, построенную Дмитрием, объявили его лишённым Новгородского стола и поставили князем Андрея Александровича. Между тем Андрей Александрович, думая, что теперь его власть упрочена, отпустил татар назад в Орду.

Тогда Дмитрий отправился в свой Переяславль. Жители города с удовольствием приняли его и начали готовить войско для похода на Андрея Александровича. За последнего вступились новгородцы, которые, соединившись с союзниками Андрея, Даниилом Александровичем, князем Московским, и Святославом Ярославичем, князем Тверским, встретили Дмитрия Александровича у Дмитрова, но здесь заключили с ним мир, по которому Дмитрий Александрович отказывался от всех прав на Новгородский стол и обещал не мстить жителям Новгорода, но при этом сохранял за

собой великое княжение. Андрей Александрович призвал татар, и Димитрию опять пришлось бежать. На этот раз он бежал к Ногаю, новому татарскому владетелю, недавно отложившемуся от Золотой Орды и настолько могущественному, что перед ним трепетал и сам хан Золотой Орды, Тудан-Мангу. Ногай принял Дмитрия Александровича очень хорошо и одним своим приказанием заставил Андрея возвратить брату захваченный стол. Дмитрий в 1283 году возвратился, помирился с братом, но жестоко отомстил всем его приверженцам и боярам. Новгород также признал Дмитрия и своим князем.

Но Андрей помирился с братом далеко не искренно и уже через два года, в 1285 году, снова задумал низвергнуть его и с этой целью пригласил к себе одного татарского царевича, который с татарским войском явился на Русь и начал грабить её. Дмитрий Александрович собрал удельных князей, вышел против царевича и прогнал его назад в Орду, не испугавшись гнева хана за такое своеволие. Действительно, хан не наказал Дмитрия Александровича и даже не выразил своего неудовольствия, боясь, вероятно, Ногая.

После этого Дмитрий Александрович в продолжение семи лет княжил спокойно, но в 1292 году Андрей Александрович снова решил попытаться низвергнуть брата и с этой целью, соединившись с некоторыми недовольными удельными князьями, поехал к Ногаю, очернил в его глазах Дмитрия и побудил его приказать Дюденю, одному из царевичей Золотой Орды, двинуться на великого князя. Дмитрий Александрович, узнав об этом, бежал из Переяславля, где он тогда находился, в Псков к своему зятю Довмонту. Ордынцы опустошили страну и ушли назад, а Андрей Александрович занял великокняжеский стол и сейчас же был объявлен князем Новгородским. Удел Дмитрия, Переяславль-Залесский, Андрей Александрович передал одному из своих союзников, князю Фёдору Ростиславичу. Но Дмитрий Александрович, лишь только Дюдень со своими татарами удалился, решил возвратиться в Переяславль, но у Торжка едва не был перехвачен Андреем, оставил весь свой обоз и бежал в Тверь. Молодой Тверской князь Михаил Ярославич принял Дмитрия Александровича и согласился даже быть посредником между братьями. При помощи Тверского епископа ему удалось примирить их: Дмитрий Александрович отказался от великого княжения в пользу брата, но оставил себе свой любимый удельный город Переяславль-Залесский, из которого пришлось удалиться посаженному туда князю Фёдору Ростиславичу, который уходя сжёг город. Дмитрий Александрович отправился в свой Переяславль, но на пути туда, около Волока, заболел, постригся и в 1294 году умер. Тело его было перевезено в Переяславль и там положено в Спасо-Преображенском соборе.

У Дмитрия Александровича были дети: Александр (ум. 1292), княживший после него в Переяславле Иван Большой, Иван Меньшой (ум. 1290) и несколько дочерей, из которых одна, Мария, была замужем за князем Псковским Довмонтом.

См. также **Всемирный исторический проект**

Вернуться к ссылке

44.229. Святослав Глебович (князь брянский)

Святослав Глебович (уб. 1310) — князь Можайский (до 1303), Брянский (1309—1310), младший сын Глеба Ростиславича Смоленского.

Княжил в Можайске в 1303 году, когда княжество было присоединено к Московскому княжеству при Даниле Александровиче.

После смерти на брянском княжении сыновей Романа Михайловича, представителей династии Ольговичей, Олега и Михаила, Александр Глебович Смоленский посадил на брянский престол своего сына Василия, но в 1309 году Святослав изгнал его. По предположению Л.Войтовича, дочь Олега Романовича была замужем за одним из смоленских князей, что дало право им претендовать на брянское княжение.

В 1310 году Василий получил помощь в Золотой Орде, войска которой вторглись в земли княжества. Святослав принял бой в поле во главе своих войск. Сражение носило крайне

ожесточённый характер, и, по известию летописца, Святослав *пал последним в полку*. Василий занял брянский престол.

…**В тот же год** [6817 (1309)] князь Святослав Глебович смоленский выгнал племянника своего князя Василия, из Брянска и сам сел на княжении во Брянске. В тот же год князь Василий брянский пошел в Орду к хану жаловаться на дядю своего князя Святослава Глебовича.

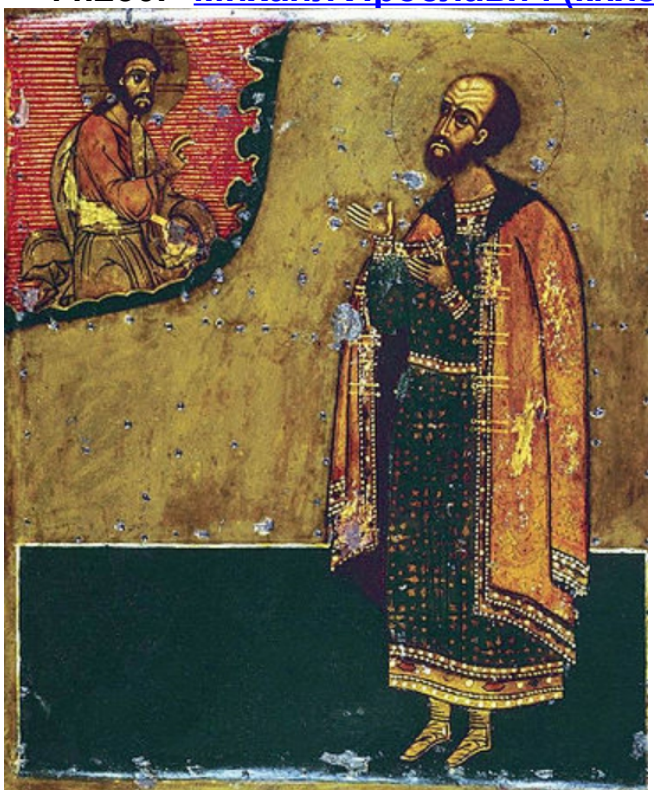
6818 (1310). Преосвященный митрополит Петр пошел во Брянск, и встретил его князь Святослав со многою честию.

Брянских война. Бой. Брянчан измена. Умер Святослав брянский. В тот же год пришел с татарами ратью князь Василий на дядю своего, на князя Святослава Глебовича брянского. И был мятеж великий во граде Брянске. Петр же митрополит сказал князю Святославу брянскому: «***Поделись, сын, с племянником своим с Василием княжением или оставь ему все без губления града, а не бейся***». Князь же Святослав Глебович брянский, надеясь на свою силу и на мужество, ибо был крепок телом и мужествен весьма, и вознесся умом своим и многою силою брянскою, отвечал, говоря: «***Господин, брянцы меня не пустят, хотят за меня головы свои сложить***»; и так не послушал совета митрополита, который был писан: «***Сын ослушавшийся вскоре примет месть***». И еще сказано: «***Да не хвалится силою сильный своею, ибо все надеющиеся на силу свою погибли***». И так князь Святослав Глебович ратью великою в силе многой за полднища ушел против рати татарской, и заступились на бой, и сомрачили стрелы татарские воздух, и были как дождь, а также копьями и саблями махались, и была сечь злая. Брянцы же выдали князя своего Святослава Глебовича, как обычай есть крамольникам, побежали и стяги бросали. Князь же Святослав только со своим двором много бился с татарами и под конец убит был в полку. Петр же митрополит затворился тогда в церкви, и Бог там сохранил его от язычных татар, как писано было: «***Избавлю избранного моего от оружия лютого и осеню над головою его в день брани***»

См. также **«История Российская. Часть 3»**

Вернуться к ссылке

44.230. Михаил Ярославич (князь владимирский)



Михаи́л Яросла́вич (1271—1318) — великий князь всея Руси, князь тверской (1282 или 1286—1318), в 1305—1318 — великий князь владимирский. Вёл непрерывную борьбу с Новгородом и с московским князем Юрием Даниловичем. По приказанию хана Узбека был убит в Золотой Орде, после чего великое княжение перешло к московскому князю Юрию Даниловичу.

Князь Михаил родился уже после смерти своего отца Ярослава Ярославича. В 1294 году Михаил Ярославич женился на ростовской княжне Анне Дмитриевне, впоследствии прославленной Православной церковью как святая благоверная княгиня Анна Кашинская.

Дата восхождения на владимирский великокняжеский престол в различных источниках трактуется либо как 1304, либо 1305 год. Это связано с тем, что умерший в 1304 году Великий князь владимирский Андрей Александрович завещал великое княжение Михаилу, но московский князь Юрий Данилович также претендовал на великокняжеский престол.

Как Михаил, так и Юрий поехали на суд к хану. В результате ханскую грамоту в 1305 получил Михаил и, приехав во Владимир, был произведён Митрополитом на престол Великого Княжения.

В переписке между Михаилом и константинопольским патриархом Нифонтом I (состоявшейся в 1310—1314 годах), использовано обращение **великий князь всея Руси** — на настоящий момент, это первое известное использование такого обращения в адрес правителей Руси. Предполагается, что титул «всея Руси» был принят в 1305 году, по аналогии с именованием православных иерархов.

Князь Михаил Ярославич у хана Узбека

44.230.1. Гибель

В 1317 году произошел очередной вооруженный конфликт между Михаилом и Юрием Даниловичем Московским, известный как Бортеневская битва, в результате которого в плен к тверскому князю попала жена Юрия — Кончака (сестра хана Узбека, правнучка Чингисхана, в крещении Агафия). Вскоре она умерла в Твери, и борьба разгорелась с новой силой. Оба князя вынуждены были ехать в Орду. Михаил приехал к хану позже своего соперника, что и стало причиной его гибели: Юрий успел настроить Узбека против тверского князя.

Состоялся ханский суд, после которого князя заключили в колодки. Через месяц, после долгих мучений и издевательств, Михаил Тверской был убит людьми Юрия Даниловича и Кавгадыя, сторонника московского князя из татар. Гроб с телом князя был перевезен в Тверь только спустя год, после заключения договора между Юрием и сыном Михаила Ярославича Александром. Князь Михаил Тверской был похоронен в Спасо-Преображенском соборе города на берегу Волги.

Михаил Тверской канонизирован Русской православной церковью в лике благоверных [1] в 1549 году на втором Макарьевском соборе в Москве. В 1632 году состоялось обретение мощей князя.

См. также Святые и святыни земли Тверской

Вернуться к ссылке

44.231. Султан Мухаммед Узбек хан

Султан Мухаммед Узбе́к хан (тат. Soltan Мөхәммәт Üzbәk, Солтан Мөхәммәт Үзбәк, каз. Сұлтан Мұхамет Өзбек хан, узб. Sulton Muhammad O'zbekxon; ум. 1341) — девятый хан Золотой Орды (1313—1341), сын Тогрул-оглана, внук Менгу-Тимура.

В январе 1313 года после смерти своего дяди хана Тохты Узбек, при поддержке своей матери Баялуни и беклярбека Кутлуг-Тимура, воцарился в Золотой Орде. Ввёл ислам как государственную религию и преследовал своих кочевых подданных, придерживавшихся традиционных верований, что вызвало заговор золотоордынских эмиров, жестоко подавленный Узбеком. Ему удалось ликвидировать феодальные распри в Орде и добиться её подъёма.

При хане Узбеке построен город Сарай аль-Джадид. Упразднил баскачество, передав право взимать дань вассальным князьям. Совершил походы против Польши (1337—1338), ильханидов

Ирана (1318/1319, 1326). Установил дипломатические отношения с Византией, Индией, странами Западной Европы и мамлюкским Египтом.

После смерти Узбека в 1341 году власть в Орде перешла к его сыну Тинибеку. Узбек хан похоронен в Мангистауской области Казахстана в 34 километрах к северу от города Актау[источник?].

44.231.1. Отношения с русскими князьями

В 1317 г. сестра Узбека Кончака вышла замуж за московского князя Юрия Даниловича, что позволило последнему заручиться поддержкой хана в борьбе за великое княжение с Михаилом Ярославичем Тверским. Узбек дал Юрию татарское войско во главе с Кавгадыем, но Михаил разбил войска Юрия. Неожиданная смерть Кончаки в тверском плену дала повод Юрию обвинить перед Узбеком Михаила в её отравлении. Михаил был вызван в Орду и здесь, вследствие ненависти к нему Кавгадыя, был убит по приказанию Узбека.

Сын Михаила Александр княживший в Твери возобновил борьбу с московским князем Иваном Калитой, приняв в 1327 году участие в народном восстании, в котором тверичи убили ордынского посла Чол-хана (Щелкана, Шевкала) и всю его свиту. Узбек очень разгневался, узнав об убийстве Чол-хана, и послал за московским князем, но, по другим сведениям, Калита поехал в Орду сам, торопясь воспользоваться тверским происшествием. Узбек выдал ему ярлык на великое княжение и 50 000 войска. В 1327 Иван Калита с татарским и суздальским отрядами разгромил Тверь и опустошил Тверское княжество. Александр, спасаясь от гнева Узбека, бежал в Литву. В 1337 году он сам явился к Узбеку и просил помилования. Узбеку понравилась мужественная речь князя, и он его простил. Но 29 октября 1339 года по наущению Калиты Александр с сыном Фёдором были казнёны Узбеком мучительной смертью.

В 1340 году Узбек послал войско на смоленского князя Ивана Александровича, который не хотел платить Узбеку дани, и разорил Смоленскую землю.

44.231.2. Закавказские походы

Узбек вёл также активную политику на юге. В 1319 и 1335 годах он совершил походы на Арран — владение Хулагуидов на территории современного Азербайджана.

44.231.3. Узбека Мечеть, 1314 г., и Руины Медресе в Старом Крыму

Хан Узбек, вступивший на золотоордынский престол в 1312 году, став приверженцем ислама, велел построить в Солхате[198] красивую мечеть и высшее мусульманское духовное училище - медресе. Строительство мечети было начато в 1314 году. По сообщению турецкого путешественника Эвлии Челеби, в 1512-1513 годах при Менгли-Гирее I мечеть была соборной.

ы и составлявшие основную часть населения степного Крыма ном генуэзцы), владевшие южным побережьем Крыма и ведшие — Solcati. По поводу происхождения обоих названий ведётся ставляются следующие версии. Кырым — западно-кипчакское *qirim* — «мой холм» (*qir* — холм, возвышенность, *-im* — аффикс принадлежности I лица единственного числа). Солхат — от итальянского *solcata* — «борозда, ров». Некоторые историки высказывают предположение, что город был разделён на две части: мусульманскую, в которой была расположена резиденция эмира, и христианскую, в которой жили итальянские купцы, и эти две части назывались Кырым и Солхат соответственно.

Мечеть Узбека и руины медресе, XIV в. (ул. Халтурина, 5). Мечеть неоднократно перестраивалась. От первоначальной постройки сохранились часть северной стены с порталом и, вероятно, колонны с арками в интерьере. Прямоугольная в плане, вытянута с севера на юг. Восточная и западная стены сложены из бутового камня с деревянными связями, портал и северо-восточный угол с массивным основанием минарета — из обработанного камня. Вход в мечеть с северной стороны украшен резным порталом с датирующей надписью в нише. Внутреннее пространство памятника архитектуры разделено на три нефа двумя параллельными рядами тонких граненых колон со сталактитовыми капителями. Перекрытия были плоскими деревянными, крыша двускатная, крытая черепицей. В южной стене — резной михраб. Мечеть — самая ранняя в Крыму. К мечети с южной стороны было пристроено прямоугольное в плане, приближающееся к квадрату медресе, находящееся теперь в руинах. Вход в медресе был с юга через стрельчатый портал, украшенный резьбой. В большой открытый двор, покрытый плитами, в центре которого был фонтан, с севера, юга и запада обращены три глубокие ниши, их соединяли аркады, за которыми размещались сводчатые помещения для жилья и занятий. В северо-восточный угол медресе включено небольшое дюрбе со склепом. Сложено медресе из бутового камня на известковом растворе с выравнивающими рядами кирпича.

См. также **Александр Быков. Эпоха Куликовской битвы**, **Зачем хан Узбек пошел на Волгу**

Вернуться к ссылке

44.232. Иван I Данилович Калита

Иван Дани́лович Калита́ (1288 — 31 марта 1340, Москва) — князь московский с 1325 до 1340, Великий князь владимирский (ярлык от хана в 1331) до 1340, князь новгородский с 1328 по 1337. Второй сын московского князя Даниила Александровича. Прозвище «Калита» получил за своё богатство (*калита* — старинное русское название денежной сумки).

44.232.1. До великого княжения

В 1296—1297 годах наместник своего отца Даниила Александровича в Новгороде. В 1304 году, в отсутствие своего старшего брата Юрия Даниловича, Иван отправился в Переславль оборонять его от тверских князей. Вскоре под городом появились тверские полки под началом боярина Акинфа. Три дня тот продержал Ивана в осаде, на четвёртый день явился из Москвы боярин Родион Несторович, зашёл тверичам в тыл, а Иван в то же время сделал вылазку из города, и неприятель потерпел полное поражение[1].

Когда в 1319 году Юрий Данилович получил ярлык от хана на великое княжение и уехал в Новгород, Москва оставлена была в полное управление Ивана[1].

Главной чертой характера Ивана было умение ладить с ханом. Он часто ездил в Орду и вскоре заслужил расположение и доверие Узбека. В то время, как другие русские земли страдали от ордынских вторжений, владения князя Московского оставались спокойными, наполнялись жителями и сравнительно с другими, находились в цветущем состоянии[1]:

Перестали поганые воевать русскую землю, - перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского;
и с этих пор наступила тишина по всей земле

В 1320 году Иван Данилович впервые едет в Орду к Узбеку, утверждаться в качестве наследника Московского княжества.

В 1321 году Дмитрий Тверской признаёт законность власти Юрия Даниловича Московского и передаёт ему ордынскую дань со всего Тверского княжества. Но Юрий, вместо того, чтобы отвезти тверскую дань в Орду, отвёз её в Новгород и через купцов-посредников пустил её в оборот, желая получить проценты. Действия Юрия с ордынской данью разгневали хана Узбека. И в 1322 году Дмитрий Тверской (Грозные Очи) едет в Орду и получает там ярлык на великое княжение. Самого Юрия вызывают в Сарай-Берке. Находящийся в это время в Сарай-Берке Иван

Данилович демонстративно ни во что не вмешивается, полностью отстраняясь от дел брата. Получив власть, Дмитрий пытается поймать Юрия на пути в Орду, но тот убегает в Псков, а потом в Новгород.

Когда в 1325 году Юрий Данилович приехал в Сарай-Берке и стал добиваться ярлыка на великое княжение, Дмитрий Тверской (Грозные Очи) при личной встрече, в припадке гнева, зарубил Юрия саблей. Дмитрий был схвачен ордынцами и по приказу хана казнён, а ярлык великого князя достался брату Дмитрия — Александру Михайловичу, а Иван I стал Московским князем, как утверждённый в 1320 году ханом, наследник брата Юрия.

В первый год своего правления Иван добился в 1325 году того, что в Москву из Владимира была перенесена резиденция митрополита Петра.

Княживший в Твери Александр Михайлович принял в 1327 году участие в народном восстании, в котором тверчане убили ордынского посла Чол-хана (Шевкала) и всю его свиту. Узбек хан очень разгневался, узнав об убийстве Чол-хана, и послал за московским князем, но, по другим сведениям, Калита поехал в Орду сам, торопясь воспользоваться тверским происшествием. Узбек выдал ему ярлык на великое княжение и 50 000 войска.

44.232.2. Великий князь

Иван Калита был жестоким и хитрым в достижении своих целей правителем. Сыграл большую роль в усилении экономического и политического союза Московского княжества и Золотой Орды, для которой он собирал с Русских земель дань. Беспощадно пресекал народное недовольство, вызывавшееся тяжёлыми поборами, расправлялся с политическими противниками — другими русскими князьями[2].

Присоединив к себе ещё князя суздальского, Калита пошёл в Тверское княжество, где ордынцы пожгли города и сёла, людей повели в плен и, как сообщает летопись, «положили пусту всю землю Русскую». Кроме ордынцев в набегах Калиты, как правило участвовали князья рязанские со своей ратью.

Новгород откупился, дав ордынцам 2000 гривен серебра и множество даров. Тверской князь Александр бежал в Новгород, потом в Псков, а в 1329 году уехал в Литву.

Получив титул князя Новгородского в 1328 году, Иван Калита начал укреплять свою власть и там. В 1331 году Иван вступил со своей дружиной в Новгородскую землю в город Торжок. Там он и встретил архиепископа Василия (Калику), который возвращался от митрополита Феогноста в Новгород.

Брат Александра Михайловича, Константин, управляя разорённой Тверской землей, угождал Ивану, как любимцу хана. После смерти Суздальского князя Александра Васильевича в 1332 году (князем Суздальским и Нижегородским стал его брат Константин), с которым Иван Калита делил великое княжение, Иван Калита поехал в Орду с множеством подарков желая получить ярлык на единоличное правление, но сумел утвердить за собой только Владимир и Поволжье. Также он выкупил в Орде из плена Наримунта Гедиминовича, заручился его расположением, крестил его в православие и отправил в Литву, к отцу Гедимину. Новгородцы же опасаясь, как Калиты (в то время только титульный Новгородский князь) с ордынцами, так и шведов, пригласили Наримунта (на северные волости), дав ему в отчину Ладогу, крепость Орешек, Корельск (Корелу), Корельскую землю и половину Копорья, но тот передоверил управление ими своему сыну Александру (ореховский князь Александр Наримунтович), да и жил Наримунт больше в Литве, а в 1338 году, когда он не только не явился на зов Новгорода защищать его против шведов, он ещё и отозвал своего сына Александра.

В 1333 году Иван I растратив изрядные средства в Орде, да к тому же ещё затевая к приезду митрополита Феогноста строительство нового каменного храма в Москве, Иван потребовал от новгородцев выплаты дани в увеличенном размере, те отказали. Войска Ивана заняли кроме Торжка ещё и Бежецкий Верх. Новгородский архиепископ Василий (Калика) начал строительство нового каменного Детинца в Новгороде опасаясь войск Ивана и шведов. Но войска в бой не

вступали. Велись переговоры, которые закончились тем, что архиепископ Василий поехал в Псков и заключил мир между Псковом и Новгородом.

Иван, после этих событий, заключает сепаратный мир с Гедимином при помощи митрополита Феогноста, только что приехавшего в Москву. Мир скрепляется браком наследника Ивана Калиты — Симеона Ивановича с дочерью Гедимина Айгустой.

Одну из своих дочерей Иван отдал за Василия Давыдовича Ярославского, а другую — за Константина Васильевича Ростовского для того, чтобы распоряжаться уделами своих зятьев.

В 1336 году при посредничестве митрополита Феогноста заключает мир с Новгородом. Иван наносит визит в Новгород. Новгород призывает его своим князем и выплачивает причитающиеся деньги, как князю Новгородскому. Иван также хотел направить войска на Псков, но Новгород этому воспротивился. В это время Гедимин совершил набег на Новгородскую землю, мстя за мир с Москвой. Иван в отместку направил свои войска на Литву, где они пограбили окраинные земли вблизи границы. Гедимин, занятый распрями с Ливонским Орденом, не стал начинать войны.

В 1337 году Александр Тверской покорился хану и взамен получил обратно своё княжество. В 1339 году Иван поехал в Орду с доносом на Александра, после чего, тот получил приказ явиться к хану. Приехав к хану и Александр, и его сын Фёдор были казнены. Калита вернулся в Москву в великой радости, послал в Тверь, дабы унизить тверчан, приказал снять с церкви святого Спаса колокол и привезти его в Москву.

Иван I усилил московско-ордынское влияние на ряд земель Севера Руси (Тверь, Псков, Новгород и др.). Он накопил большие богатства (отсюда его прозвище «Калита» — «кошель», «денежная сумка»), которые использовал для покупки земель в чужих княжествах и владениях[2], другая версия от привычки носить с собой постоянно кошелек («калиту») с деньгами для раздачи милости[1]. Калита купил Углич. Кроме того, он покупал и выменивал села в разных местах: около Костромы, Владимира, Ростова, вдоль рек Мста и Киржач и даже в Новгородской земле, вопреки новгородским законам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом также имел возможность внедрять свою власть. Его внук Дмитрий Донской в своей духовной грамоте сообщил, что Иван Калита купил Углич, Галич Мерский и Белоозеро.

Погребён в Москве — в Архангельском соборе.

…**Последний год своей** жизни князь Иван сильно хворал. Тяжело было вставать с постели, не по силам уже стало садиться на коня. Но и ослабев физически, он сохранял ясность ума, силу духа. Сыновья стали его руками, его помощниками в делах власти. Они были еще совсем молоды: 23-летний Семен, 13-летний Иван, 12-летний Андрей. Но когда они стояли перед ним, крепкие, как три молодых дубка, он радовался и вспоминал мудрое слово Библии: «Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него и среди знакомых будет хвалиться им. Кто учит своего сына, тот возбуждает зависть во враге, а пред друзьями будет радоваться о нем. Умер отец его — и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе; при жизни своей он смотрел на него и утешался, и при смерти своей не опечалился; для врагов он оставил в нем мстителя, а для друзей — воздающего благодарность» (Сирах, 30, 2 — 6).

Руками сыновей князь Иван отводил новые напасти, подступавшие со всех сторон.

Зимой 1339/40 года хан Узбек приступил к исполнению своего замысла о совместном русско-татарском наступлении на Литву. Из Орды с этой целью отправлен был с войском воевода Товлубей — тот самый, что руководил казнью Александра Тверского. Вероятно, он был одним из тех ханских вельмож, которые выступали за войну с Литвой и потому ненавидели дружившего с литовцами тверского князя. С Товлубеем шел и некий «князь Менгукаш, и иные мнозии князи с татары» (38, 93).

Первым из русских князей к войску Товлубея присоединился рязанский князь Иван Коротопол. Он шел вместе с татарами из Орды, где был, вероятно, свидетелем казни Александра Тверского. По дороге в степи им повстречался другой местный князь — Александр Михайлович Пронский.

Тайком от старшего в роду Ивана Коротопола он вез в Орду собранную со своих земель дань. Подобно тому как великий князь Владимирский запрещал другим князьям иметь прямые контакты с Ордой и возить туда свой «выход», так и местные правители не пускали свою младшую братию к хану. Причина запрета была та же самая: боязнь интриг и подсиживания.

Разгневанный Иван Коротопол, имея за спиною Товлубеевых татар, велел схватить своего двоюродного брата, отнять у него весь обоз, а самого под стражей доставить в Переяславль Рязанский.

Род рязанских князей уже с начала XIII века отличался какой-то особой жестокостью. Ненависть к ближнему часто толкала их на братоубийство. Конечно, тут сказывалась близость степи, бедность и безысходность пограничного быта. Обиженные судьбой, рязанские князья ощущали себя изгоями, «отрезанными ломтями». Но и слиться со степным миром они, конечно, тоже не могли.

Такая раздвоенность надламывала психику, толкала на безрассудные поступки. Князь Иван Коротопол не был исключением. Доставив своего пленного сородича в Переяславль Рязанский, он тут убил его. Разумеется, эта расправа не прошла для него безнаказанно. Несколько лет спустя сыновья убитого, захватив в плен самого Коротопола, поступили с ним так же, как он поступил с их отцом.

Кровавая разборка рязанских князей не остановила поход на Литву. Расправившись с братом, Иван Коротопол собрал своих воинов и вместе с татарами направился дальше, на Смоленск.

Смоленское княжество в этот период, по-видимому, перестало платить дань Орде. Надеясь на помощь Литвы, смоленские князья держались независимо по отношению к татарам. Конечно, такая позиция вызывала зависть и злобу их соседей, вынужденных тянуть лямку ордынского «выхода». В 1334 году князь Дмитрий Брянский жаловался на них хану. Узбек отпустил войско на Смоленск. Вместе с татарами брянский князь попытался захватить город, но встретил сильный отпор. Дело кончилось тогда ничем. Теперь татары вновь вспомнили о Смоленске.

В походе на Смоленск хан велел принять участие всем военным силам Северо-Восточной Руси.

Туда пошли со своими дружинами князья Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий, Федор Фоминский. Московскую рать возглавили бояре-воеводы Александр Иванович и Федор Акинфович. Примечательно, что в числе участников коалиции летопись не называет тверских князей. Видимо, хан еще не решил тогда, кому передать тверской престол после казни Александра Михайловича. Поэтому тверичей решили пока оставить в покое. К тому же они были не очень надежными в войне с Литвой из-за своих давних литовских связей.

По свидетельству летописи, на эту войну явились со своими отрядами и остававшиеся еще кое-где в Северо-Восточной Руси ханские баскаки. Калита поднял и погнал под Смоленск даже и тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — «князей мордовских с мордовичами».

Замах был сделан очень сильный, но результаты смоленского похода оказались весьма скромными. «***И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти (волости. — Н. Б.) и села пограбиша и пожгоша, и под градом немного дней стояще, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатеством, а русстии князи возвратишася во свояси здравы и целы***» (22, 211).

В концовке этого сообщения явно ощутимы нотки горькой иронии: татары ушли «***со многим полоном и богатством***», а русские князья — ни с чем, но благодаря Бога за то, что остались «здравы и целы». Странные это в самом деле были союзники: поработители и порабощенные, самодовольные господа и безответные слуги...

«В сказанном подразумевай и умолчанное», — учил Василий Великий (39, 15). За горькой иронией летописца стояли не только его жизненные наблюдения, но и печальный исторический опыт.

Вся вековая традиция русско-ордынских отношений, хорошо известная летописцу, свидетельствовала о том, что совместные военные действия с «погаными», да еще на русской

территории, никогда не кончались добром не только для мирного населения, но и для самих князей.

Неожиданно быстрый и бесславный конец смоленского похода вызывает недоумение. Стоило ли собирать и гнать за сотни верст такое огромное войско, чтобы пограбить несколько десятков смоленских деревень? Конечно, Товлубей не рискнул бы своей властью прекратить поход и вернуться в Сарай с таким ничтожным результатом. Его ждал бы там в лучшем случае позор, а в худшем — петля ханского палача. (Впрочем, по отношению к знатным преступникам из рода Чингисхана татары применяли особую казнь: их душили, заворачивая в ковер или войлок. Священную кровь «потрясателя Вселенной» нельзя было проливать на землю...).

Но Товлубею явно ничего не грозило. Он ушел из-под Смоленска, выполняя ханский приказ.

…**нарушив крестное целование** свое Новгороду, послал полки московские на р. Двину, где они, по выражению летописца, «посрамлени быша» в 1337 г.; окончательно «размирился» с Новгородом требованием сверх уплаченного уже новгородцами «выхода ордынского» (дани хану) еще какого-то «запроса царева» и, недовольный отказом, заложил в Москве дубовый Кремль, а затем отправился с сыновьями Семеном и Иваном в шестой раз в Орду клеветать на князя Александра тверского, врага своего, в 1339 г.; по возвращении из Орды послал полки московские в Смоленск и внезапно, успев только посхимиться, умер в Москве 31 марта 1340 г.

См. также **Н. С. Борисов. Иван Калита**

Вернуться к ссылке

44.233. Несторианство

Несторианство — христологическое учение, традиционно приписываемое Несторию, Архиепископу Константинополя (428—431) и осуждённое как ересь на византийском Эфесском[199] соборе в 431 году. Единственной христианской церковью, исповедующей данную христологию, является Ассирийская церковь Востока, таким образом являя собой самобытную христианскую конфессию.

Собственно, вероучение, которого придерживался Несторий, не было создано им самим, но фактически является учением Антиохийской богословской школы, которой он принадлежал. Антиохийская христология развита в трудах предшественников и учителей Нестория - Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского (IV век).

44.233.1. Учение Несторианства

Главный богословский принцип Несторианства состоит в том, что оно признает полную симметрию богочеловечества Христа: в едином богочеловеческом лице Христа с момента зачатия неслитно соединены две ипостаси (две природы) Бога и человека. Воля в Несторианстве, в отличие от халкидонского Православия и Католицизма, считается свойством лица, а не природы, и не свойством ипостаси, как в Православии древневосточном. Поэтому в Несторианстве признается одна богочеловеческая воля Христа, сложная, состоящая из двух

---

[199] Эфес (лат. *Ephesus*, тур. *Efes*) — древний город на западном побережье Малой Азии, при впадении реки Каистр (совр. Малый Мендерес), южнее Смирны (совр. Измир) (современная территория Турции). В настоящее время археологическая зона Эфеса, размером более десяти километров, находится в окрестности города Сельчук, Турция. Город был заложен на берегу Эгейского моря, тем самым, был портовым городом, и быстро развивался за счет торговли. Впоследствии море отошло, опустившись на 57 метров, что и стало причиной быстрого упадка города. Сегодня развалины Эфеса находятся на расстоянии приблизительно 6 км от берега моря.

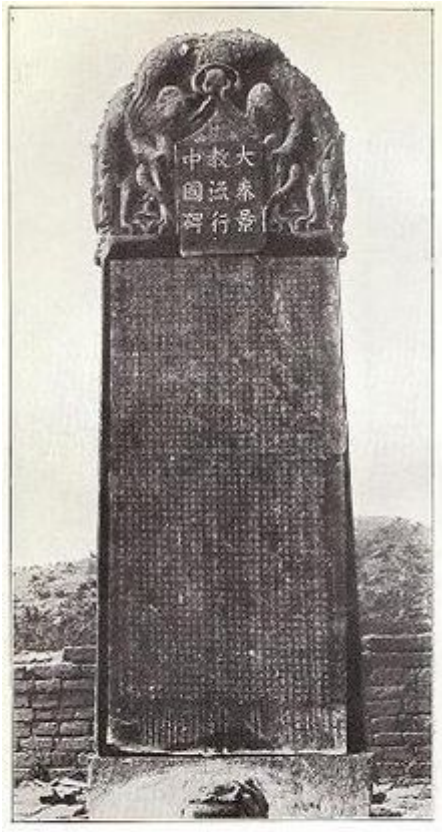
согласных между собой воли Божественной и человеческой. В то же время, как и в халкидонских церквях, различаются действия во Христе - одни действия Христа (рождение от Марии, страдания, смерть на кресте) несторианство относит к его человечеству, другие (творение чудес) — к Божеству.

Поскольку, согласно Несторианству, рождение от Марии имеет отношение только к человеческой ипостаси Христа, но не к божественной ипостаси, термин «богородица» в несторианстве считается богословски некорректным и допустимым только с оговорками. Несторианство особо подчеркивает важность подвигов Христа как человека. До крещения на Иордане, Христос как обычный, хотя и праведный, человек в совершенстве исполняет иудейский закон, во время крещения получает благодать Святого Духа, преображается на горе Фавор, страданиями и смертью на кресте выполняет совершенное послушание Богу, после чего силой Бога воскресает, что становится победой над смертью, главным последствием грехопадения Адама.

44.233.2. Оппозиция учению

Несторианская надгробная плита с надписью на уйгурском, найденная близ Иссык-Куля (датируется 1312 г.)

Основным противником учению Нестория был архиепископ Александрийский Кирилл, утверждавший христологию Александрийской богословской школы. Противостояние между Александрийской и Антиохийской школами усугублялось общим пониманием христологических терминов. В целом, в дохалкидонском богословии понятия «природа», «ипостась» и «лицо» были тесно взаимосвязаны, а потому при исповедании двух природ исповедовались и две ипостаси, что в конечном итоге подразумевало и два лица, почему несторианство воспринималось как разделение Христа на двух Сынов, даже если сам Несторий и пытался свести единство двух ипостасей Бога и человека в едином лице соединения.



The Nestorian Monument at Siganfu (Hsi-an-fu). It was set up in the days of the Nestorian Catholicus and Patriarch, Mar Henan Isho (died A.D. 780) and was unveiled on February 4 following (A.D. 781).

Кирилл Александрийский отвергал ипостасное разделение во Христе, настаивая на исповедании природного единства единой Ипостаси воплощенного Бога. Именно поэтому он отстаивал важность термина «Богородица», так как именно Бог родился от Девы как человек, а не соединился с родившимся от Нее человеком. Общий итог полемики был выражен в знаменитых «12-ти анафематизмах» Кирилла, написанных в посланию Несторию. «12 анафематизмов» Кирилла Александрийского, будучи освященными Эфесским собором, стали знаменем в его борьбе с несторианством.

44.233.3. Судьба учения

Несторианская стела в Сиане (781 г.) — древнейший христианский памятник Китая

В 431 году на Третьем Вселенском соборе в Эфесе (не признаваемом Вселенским собором в АЦВ) Несторий был предан анафеме, его учение осуждено. Раздельно заседавшая антиохийская делегация объявила еретиком его оппонента — Кирилла, спор был решён императором Феодосием II, который утвердил постановление возглавляемой Кириллом александрийской делегации.

Против несторианства собирался и Второй Эфесский собор 449 года, проведенный по инициативе патриарха Александрийского Диоскора, впоследствии объявленный «Разбойничьим собором».

Анафема несторианам была произнесена и на Халкидонском соборе в 451 году[1]. Будучи гонимыми в Византии, большая часть несториан ушла в Персию, где

присоединилась к Церкви Востока, где преобладала антиохийская богословская традиция. Как оппозиционное византийскому христианству направление, Несторианство закрепилось в церкви Персидской империи, в результате чего, эта церковь обособилась от всего остального христианского мира.

…Ассирийцы – первые христиане Востока. Их миссионеры продвигались вглубь Центральной Азии (в Согд, Монголию, Китай). В 628 несторианский патриарх Ишо-Яб II д'Гуэдал получил от пророка Мухаммеда охранную грамоту для своей церкви, которая в эпоху Арабского халифата достигла наивысшего расцвета. К 13 в. католикосу подчинялись 25 митрополий и 130 епископий от Сирии до Китая. В домонгольскую эпоху несторианство было широко распространено среди тюркских и монгольских народов Центральной Азии: кереитов, меркитов, найманов, уйгуров. В 7-11 вв. несториане создают самую обширную по территории христианская церковь.

Несториане пользовались большим влиянием у монголов, под властью которых в 13 в. находилась большая часть Азии. Однако уже в середине 14 в. среднеазиатский эмир, захвативший Мавераннахр, Тамерлан организовал резню несториан за их отказ принять ислам. Уцелели лишь укрывшиеся в Курдистанских горах.

Усилиями миссионеров Сиро-персидской церкви (АЦВ) в домонгольскую эпоху, несторианство было широко распространено среди тюркских и монгольских народов Центральной Азии: кереитов, меркитов, найманов, уйгуров. В 635 несторианство проникло в Китай, первые императоры династии Тан (Тай-цзун и Гао-цзун) покровительствовали несторианам и позволяли им строить церкви. Несторианство проникло даже в Японию. Таким образом, несторианство в древности стало самой распространенной (как по территории, так и по количеству исповедующих) формой христианства. Однако, при первоначальном успехе миссии, оно не смогло закрепиться среди этих многочисленных народов и в конце концов практически замкнулось на своем изначальном носителе - небольшом восточно-сирийском (ассирийском) этносе, лишь удержавшись среди некоторой части индийских христиан. В настоящее время последователи несторианства в основном проживают в Индии, Иране, Ираке, Сирии.

… **Пагода Дацинь** в районе Чжоучжи, провинция Шэньси. Древнейшая христианская церковь на Дальнем Востоке. Воздвигнута христианами-несторианами (представители Ассирийской церкви) приблизительно в 640 году. Первоначально входила в состав монастыря.

В VIII веке получила название «Дацинь» - так древние китайцы именовали Римскую империю и Византию. Во время преследований христиан в Китае (ок. 845 г.) Храм пришёл в запустение. В XIV веке сооружение облюбовали буддистские монахи, которые покинули его вслед за землетрясением 1556 года, завалившим подземные переходы и нанёсшим большой ущерб зданию. В 1998 году китайское правительство признало пагоду одним из немногих сохранившихся памятников несторианского христианства в Китае и взяло её под охрану, присвоив статус объекта национального достояния Китая.

На стенах памятника по сей день можно разглядеть изображения Рождества Христова и Ионы под стенами Ниневии. Также сохранились отдельные надписи на сирийском языке. В настоящее время сохранности пагоды угрожают не столько землетрясения, сколько периодические наводнения. В 1999 году была проведена косметическая реставрация; в ходе новых работ предполагается расчистить погребённые в XVI

веке подземные залы.

44.233.4. Отношение несториан к православным

…Несторианские священники при случае причащали монофизитов и особенно охотно римо-католиков, а православных не допускали даже войти в свои храмы. Православные, со своей стороны, видели в несторианах отнюдь не единоверцев, а злых еретиков. Отношение это было оправдано еще и тем, что несториане со временем усугубили свою ересь, переняв от манихеев антихристианские учения об изначальном зле и переселении душ. Митрополит Николай Ефесский в 1213 году, обличая двуличие римо-католиков, заявил кардиналу Пелагию: ***Ты изгоняешь греческое (православное) духовенство за непокорность папским велениям, хотя латиняне терпят в своей среде иудеев и еретиков-несториан.*** Впрочем, римо-католики заигрывали с несторианами только пока это казалось им выгодным. На Руси же помнили, что зачинщики междоусобиц, князья Ольговичи, отказывались явиться на суд к Киевскому митрополиту и склонялись к несторианству. (Намеки на опасность отпадения русских людей в ересь Л. Н. Гумилев обнаруживает в «Слове о полку Игореве», считая употребляемое там и до сих пор не истолкованное другими учеными слово *Троян* переводом тюркского *Уч Ыдук* – так несториане именовали Пресвятую Троицу.) Возможно, посланные Джебэ и Субэтэем послы-несториане позволили себе какой-то выпад против православной веры и потому были убиты. Во всяком случае, второе монгольское посольство, состоявшее из язычников, вернулось в свой стан невредимым.

См. также **Бахромхан Махдумзода. «Неистовые несториане»**, **Несторианское письмо**

Вернуться к ссылке

44.234. Джанибек

Джанибек (тат. Canibək, Җанибәк, каз. Әз-Жәнібек; ум. ок. 1357/58) — одиннадцатый хан Золотой Орды (1342—1357). Сын Узбек хана.

Пришел к власти убив своих братьев — хана Тинибека и Хизра. Проводил политику усиления центральной власти и вмешательства в дела вассальных княжеств. В 1347 году произошёл единственный за всё время правления Джанибека набег ордынцев — на окрестности г. Алексина.

В 1356 предпринял завоевательный поход в Азербайджан. Действия ордынцев в Азербайджане значительно облегчались помощью широких слоёв местного населения, недовольного тиранией правителя Азербайджана Мелик Ашрефа. Поход завершился разгромом войск Мелик Ашрефа в районе Уджанского гурука. Наместником этих земель хан оставил своего старшего сына — Бердибека.

В 1357 г. тяжело заболевшая ханша Тайдула, жена хана Джанибека, вызвала митрополита Алексия в Орду, в надежде излечиться его молитвами. После молитв Алексия ханша выздоровела. За это время успел заболеть и хан Джанибек, однако к нему митрополита не пустили. Бердибек, узнав о болезни отца, оставил Азербайджан и со всеми войсками направился в Сарай. **Там он убил своего отца** и, немного погодя, 12 своих братьев, став таким образом ханом[1].

…**Великие московские** князья Семен Иванович Гордый (См. Семён Иванович Гордый) и Иван II Иванович Красный находились в большой зависимости от Джанибека. Для укрепления своей власти в Золотой Орде Джанибек стал насаждать ислам. При нём в Орде начался процесс феодального дробления. В 1356 Джанибек совершил поход в Азербайджан, захватил Тебриз и посадил там наместника. Однако вскоре после этого в Тебризе вспыхнуло восстание, в результате которого власть перешла к Джелаиридам, ветви Чингизидов, враждебной Джанибеку. **На обратном пути в Орду Джанибек погиб**.

Вернуться к ссылке

44.235. Бердибек

Мухамме́д Бердибе́к хан (тат. *Мөхәммәт Birdebək, Мөхәммәт Бирдебәк*; ок. 1310—1359) — чингизид, двенадцатый хан Золотой Орды (1357—1359). Сын и преемник Джанибека.

По вероисповеданию — мусульманин (имел мусульманское имя Мухаммед). Под командованием Джанибека участвовал в завоевательном походе в Азербайджан в 1356. После завершения похода был оставлен отцом править в Тебризе, но, получив данные о болезни Джанибека, вернулся в Орду, чтобы принять участие в борьбе за власть.

Пришёл к власти летом или осенью 1357, организовав заговор, приведший к убийству своего тяжело больного отца. Сразу же после обряда вступления в должность, Бердибек приказал физически уничтожить всех представителей рода Бату-хана, которые могли быть его реальными или потенциальными конкурентами. Всего были убиты 12 его родственников, в том числе 8-ми месячный брат (по данным арабского автора Муинеддина Натанзи, новый хан убил его, ударив о землю).

Бердибек дал русскому митрополиту Алексию ярлык (жалованную грамоту), подтверждающий освобождение Русской церкви от даней и поборов. В 1358 дал ярлык венецианским послам Джованни Квирини и Франческо Бону, подтверждающий право купцов из Венеции на проживание и торговлю в Азове и Провато (бухта Двуякорная) и разрешающий этим купцам торговать в крымских портах Калитре, или Калиере (Коктебель), и Солдайе (Судак).

По данным арабского автора Ибн Хальдуна, одну из высоких административных должностей,беклярбек, при дворе Бердибека занимал Мамай.

Правил до конца лета или начала осени 1359, когда был убит в результате переворота, приведшего к власти нового хана Кулпу (Кульпу). Вместе с Бердибеком погиб его ближайший соратник Туглу-бай (в русских летописях его именовали Товлубием), сыгравший ключевую роль в его приходе к власти.

Гибель Бердибека положила начало многолетней смуте в Орде, которую русские летописцы называли «великой замятней».

Вернуться к ссылке

44.236. Мамай

Мама́й (1335? — 1380, Кафа (совр. Феодосия) — беклярбек и темник Золотой орды. С 1361 по 1380 от имени марионеточных ханов управлял западной частью (временами также столицей) Золотой Орды.

44.236.1. Происхождение и возвышение

По отцовской линии был потомком кипчаковского хана Акопы, происходил из рода Кийят, по материнской — от золотоордынского темника мурзы Мамая.

Происходил из знатного тюркского рода Кият. Был женат на дочери хана Бердибека.

… Безусловно, он был правоверным мусульманином, однако если верить ряду исследователей, то по своим религиозно-общественным взглядам Мамай принадлежал к ордену «исмаилитов», одной из сект шиитского течения ислама.

И если источники с сомнением говорят о месте его рождения и совершенно ничего не говорят, о дате его появления на свет и первых годах жизни, то все как один утверждают - Мамай происходил из знатного монгольского рода Кият. Старинный род был славен многими достойными сынами и потомками. Сам Чингиз-хан был из рода Кият-Борджигин. Возможно, узами родства Чингиз-хан и его потомки с Мамаем не были связаны, но происхождение вели от одной прародительницы - почтенной дамы, имя которой Алан-Гоа.

В переводе с монгольского Алан-Гоя означает пятнистая лань. Об этой женщине сегодня уже мало что известно. Предполагают, что жила она на рубеже X-XI веков, была женой некого Добун-

Мергэна, от которого у нее было два сына, а овдовев, произвела на свет еще троих сыновей и вошла в историю как прародительница монгольского этноса.

Объясняя их появление на свет, Алан-Гоа утверждала, что родила их от светлорусого юноши, который приходил к ней в полночь через дымовое отверстие юрты и уходил с рассветом, словно «желтый пес». Зачатие якобы происходило от света, исходившего от него и проникало в чрево вдовы. По ее утверждению, таинственный посетитель был сам бог Тенгри. Конечно, поверить женщине, утверждающей подобное явление, трудно, да и сами монголы X века относились к рассказу Алан-Гоа скептически. Но видимо, она пользовалась большим влиянием и смогла убедить, раз приняли ее рассказ на веру, и свято считали этих трех сыновей «отмеченными печатью небесного происхождения».

Род Чингиз-хана, так же как и род Мамая, происходил от младшего сына Алан-Гоа - Бодончара (Бочкин-Чалчи). Правда , есть некоторые предположения, что истинным отцом Бодончара был Ма-алих Баяудец, тюрк, единственный мужчина, кроме сыновей Алан-Гоа, жившие в ее доме. По данным анонимной рукописи «Алтан Тобчи», сын Алан-Гоа, Бодончар, родился в 970 году. Он отличался рыжими волосами и светлыми глазами, передав эти характерные черты своим потомкам. К Бодончару возводили свою генеалогию многие монгольские роды, такие как Дуглат, Барулас, Урут, Мангут, Тайджиут, Чонос, Кият и другие…

Со второй половины 1350-х годов наместник Крыма и Северного Причерноморья. С 1357 года при хане Бердибеке занимал должность беклярбека — одну из двух главных в администрации Золотой Орды. В его функции входило руководство армией, внешними делами и верховный суд.

После убийства Бердибека ханом Кульпой в 1359 году объявил ему войну. Поскольку Мамай не был чингизидом и не мог быть официально ханом, в августе 1361 года он провозгласил ханом своего ставленника Абдуллу. Однако другие претенденты на власть в Золотой Орде отказались признавать его власть. В Орде началась т. н. «Великая замятня». На протяжении с 1359 по 1370 год Мамаю пришлось с переменным успехом воевать с девятью ханами Золотой Орды. К 1366 году ему удалось поставить под свой контроль западную часть Золотой Орды (от Крыма до правого берега Волги). Временами (1363, 1367—1368, 1372—1373) ему удавалось овладевать столицей — Сараем на левом берегу Волги. Ставка Мамая находилась в городе Орда в низовьях Днепра (на территории современного Каховского водохранилища)[1].Не находя поддержки, среди восточных ханств, во внешней политике ориентировался на сближение с европейскими государствами (Генуей, Великим княжеством Литовским, Венецией и рядом других).

В июне 1370 году умер хан Абдулла. Современники предполагали, что его убил Мамай. Новым ханом был провозглашен восьмилетний Мухаммед Бюлек. Загадочная смерть хана Абдуллы значительно пошатнула авторитет власти Мамая, не только среди восточных ханств, но в Северо-Восточной Руси.

Напряженность в отношениях между Ордой Мамая и Москвой вызывало также то, что московскому князю впервые за долгое время было отказано в ярлыке на владимирское великое княжение (дающее право собирать дань во всех русских княжествах, подвластных Орде). Дмитрий Иванович Московский получил ярлык в 1362 году. Мамай дважды передавал его другим князьям: суздальскому в 1363 году и тверскому в 1371 году. В результате московский князь Дмитрий Иванович отказался подчиняться власти хана Бюлека и темника Мамая, размеры выплачиваемой дани значительно сократились в сравнении с периодом правления Узбека и Джанибека. В 1377 году союзник Мамая Арапша смог разбить суздальско-московское войско в битве на р.Пьяна, разорил Нижний Новгород и Рязань. В 1378 году на Москву было послано войско во главе с мурзой Бегичем. На территории Рязанского княжества при реке Воже русские войска во главе с Дмитрием Донским разбили ордынцев.

В 1377 г. молодой хан Тохтамыш при поддержке войск Тамерлана приступил к завоеванию Золотой Орды. Весной 1378 г. после того, как пала восточная часть — Синяя Орда со столицей в Сыгнаке Тохтамыш вторгся в западную часть — Белую Орду, — контролируемую Мамаем. К апрелю 1380 г. Тохтамыш сумел захватить всю Золотую Орду вплоть до северного Приазовья,

включая город Азак (г.Азов). Под контролем Мамая оставались лишь его родные половецкие степи — Северное Причерноморье. В этих условиях Мамай организовал масштабный поход на Русь, в ходе которого 8 сентября 1380 года его войско было разбито в Куликовской битве. Чуть позднее в сентябре 1380 г. состоялась битва между войсками Мамая и Тохтамыша. Историк В. Ляскоронский высказал предположение, что эта битва «на Калках» произошла в районе мелких речек, левых притоков Днепра близ порогов.[1]. Историки Соловьёв С. М. и Карамзин Н. М. высказали предположение, что битва произошла на реке Калке.

После своего поражения от войск Тохтамыша Мамай бежал вместе с семьей в Кафу (ныне г. Феодосия), где имел давние связи и политическую поддержку генуэзцев, но там был убит. Предполагается, что убит он был за деньги и по приказу хана Тохтамыша.

Похоронен Мамай в селе Айвазовское (ранее Шейх-Мамай) Кировского района Крыма возле г. Феодосия. Могилу (курган) нашёл известный художник И. К. Айвазовский, занимавшийся археологией в южном Крыму.[2]

44.236.2. Потомки Мамая

Потомки Мамая были служилыми князьями в Великом княжестве Литовском. От сына Мамая – Мансура Киятовича ведут свой род князья Глинские, родовые владения которых находились на землях Полтавской и Черкасской областей Украины, с ним связаны родственными узами роды Острожских, Вишневецких, Ружинских, Дашкевичи (Дашковичи), и (по женской линии) русский царь Иван Грозный (прапраправнук Дмитрия Донского) и его сыновья.

…После поражения на Куликовом поле Мамай бежал в Крым, в Кафу, где был убит соперниками в следующем 1381 году. Видимо, сам князь Кият Мамай был не татарского, а половецкого происхождения, но женат он был на дочери хана Бердибека из царственного рода Чингизидов.

У Мамая было по крайней мере два сына. Один из них – князь Мансур Кият продолжал верховодить смешанными отрядами из черкесов, татар, славян, потомков половцев и хазар, которые проживали на части территории Черниговщины. Этот межэтнический субстрат в истории носит название севруков. С православными севруками некоторые историки – и в том числе А.А.Шенников – связывают происхождение запорожского и донского казачества. Мансур Кият Мамай был основателем трех крепостей – Глинской, Глинищевской и Полтавы. При этом последний топоним может указывать на связь с этнонимом “половец”.

Мансур был убит под Самарой в сражении с войсками Тимура в 1391 году. Сын же Мансура – Алекса не позже 1390 года был крещен в Киеве. Таинство Крещения совершал знаменитый святитель Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, который с 1390 года занял Московскую кафедру. Алекса Мансурович в крещении был наречен Александром. Тогда же был крещен и внук Мансура – сын Алексы, именем Иоанн.

Вот этот-то Иван Александрович добился себе в 1399 году от Великого Князя Литовского Витовта титула Князя Глинского. И в его управлении уже официально оказались города-крепости, основанные его дедом Мансуром Киятом, – Полтава, Глинск и Глинище. Великий Князь Витовт женил князя Ивана Александровича Глинского на Острожской княжне Настасье Даниловне. Таким образом, их дети обрели генеалогическую связь как с Молдавскими Господарями, так и с Сербским Королевским родом Неманичей. Об этом подробнее писал академик М.Н.Тихомиров.

Православные правнуки князя Ивана Александровича Глинского – Михайло Львович Дородный, Иван Львович Малой, Василий Львович Слепой и Федор Львович уехали в 1508 году из католической Литвы в Москву и стали служить Великому Князю Василию Иоанновичу. Характерно, что князь Иван Львович Глинский не стеснялся носить родовое имя своего половецкого пращура, в одной русской летописи он упоминается как “Иван Мамай”.

Великий Князь Василий Иоаннович решил расторгнуть свой первый более чем двадцатилетний брак с Великой Княгиней Соломонией, урожденной Сабуровой, по причине её бесплодия. В ноябре 1525 года Великая Княгиня Соломония была пострижена в Московском Рождественском монастыре с именем София. А в январе 1526 года Великий Князь выбрал себе в жены дочь

одного из приезжих князей Глинских – Василия Львовича Слепого – осиротевшую к той поре княжну Елену Васильевну Глинскую. Первенцем от этого брака в августе 1530 года и стал Великий Князь Иоанн Васильевич.

См. также **Леонид Болотин. Князь Кият Мамай и Царь Иоанн Грозный. Генеалогическая связь**, **Донецкий край во время Золотой Орды**

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.38

44.237. Дмитрий Иванович Донской

Дми́трий Иванович (12 октября 1350, Москва — 19 мая 1389), прозванный **Дмитрий Донско́й** за победу в Куликовской битве — великий князь московский (с 1359) и владимирский (с 1363). Сын князя Ивана II Красного и его второй жены княгини Александры Ивановны. В правление Дмитрия были одержаны значительные военные победы над Золотой Ордой, продолжилась централизация русских земель вокруг Москвы и построен белокаменный московский Кремль.

44.237.1. Детство Дмитрия. Борьба за великое княжение Владимирское

После смерти отца (1359 г.) опекуном девятилетнего князя и фактическим верховным правителем Московского княжества стал митрополит Алексий, человек недюжинного политического ума и такта, обладавший сильным характером и большим авторитетом. Дмитрий советовался с ним, продолжая политику отца и деда по собиранию русских земель вокруг Москвы. Для этого ему пришлось вести длительную борьбу с князьями-соперниками (суздальско-нижегородским, и тверским) за право на ярлык на великое княжение.

К середине XIV века Северо-Восточная Русь состояла из отдельных сильных княжеств: Московского, Тверского, Суздальского. Старейшим князем считался тот, кто носил титул великого князя Владимирского, ярлык на великое княжение в котором выдавался в Орде.

В Орде в это время ханы меняются с великой быстротой: за два десятилетия сменилось более 20 ханов. В 1360 году хан Наврус, захвативший ордынский престол, убив своего предшественника, отдал великое княжение Владимирское суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, принадлежавшему к ветви суздальско-нижегородских князей, потомку младшего брата Александра Невского Андрея. 22 июня 1360 года Дмитрий Константинович приехал во Владимир, но Москва не думала уступать. Московское боярство было заинтересовано в закреплении великого княжения за московской династией и сделало всё возможное, чтобы вернуть своему князю достоинство великого князя владимирского. Одиннадцатилетний Дмитрий отправился в Орду.

Вскоре Наврус был убит, а Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом и Мюридом. Москвичам показалось сначала, что партия Мюрида сильнее, и они выхлопотали у него ярлык для Дмитрия, но в следующем 1362 году они увидели, что партия Мамая берёт верх, и получили для Дмитрия ярлык на великое княжение от имени Абдула. В начале января 1363 Дмитрий «сел» во Владимире. Однако, Дмитрий Суздальский получил ярлык от Мюрида и снова занял Владимир, но смог «просидеть» там только 12 дней, потому что Дмитрий Иванович опять пошёл на него с войском и выгнал из Владимира.

Положение Дмитрия Суздальского осложнялось ссорой среди самих суздальско-нижегородских князей. Один из них, младший брат Дмитрия Константиновича, Борис, неожиданно захватил Нижний Новгород, по праву ему не принадлежавший. Дмитрий Константинович, остро нуждавшийся в военной помощи и политической поддержке, вынужден был обратиться в Москву. Москва вернула ему Нижний Новгород, захваченный Борисом, но в качестве платы за услугу бывший великий князь в 1365 году подписал договор, по которому отказывался от своих претензий. Преемник Мюрида — Азис — думал низвергнуть Дмитрия Ивановича, и Дмитрий Константинович снова получил ханскую грамоту. Но, видя свою слабость, он предпочёл дружбу Дмитрия Московского милости Азиса и отказался от великокняжеского титула. Наконец, 17 января

1366 года в Коломне союз князей был скреплён женитьбой Дмитрия Ивановича на суздальской княжне Евдокии Дмитриевне. От брака с ней у Дмитрия родились пятеро сыновей, в том числе будущий великий князь Василий I.

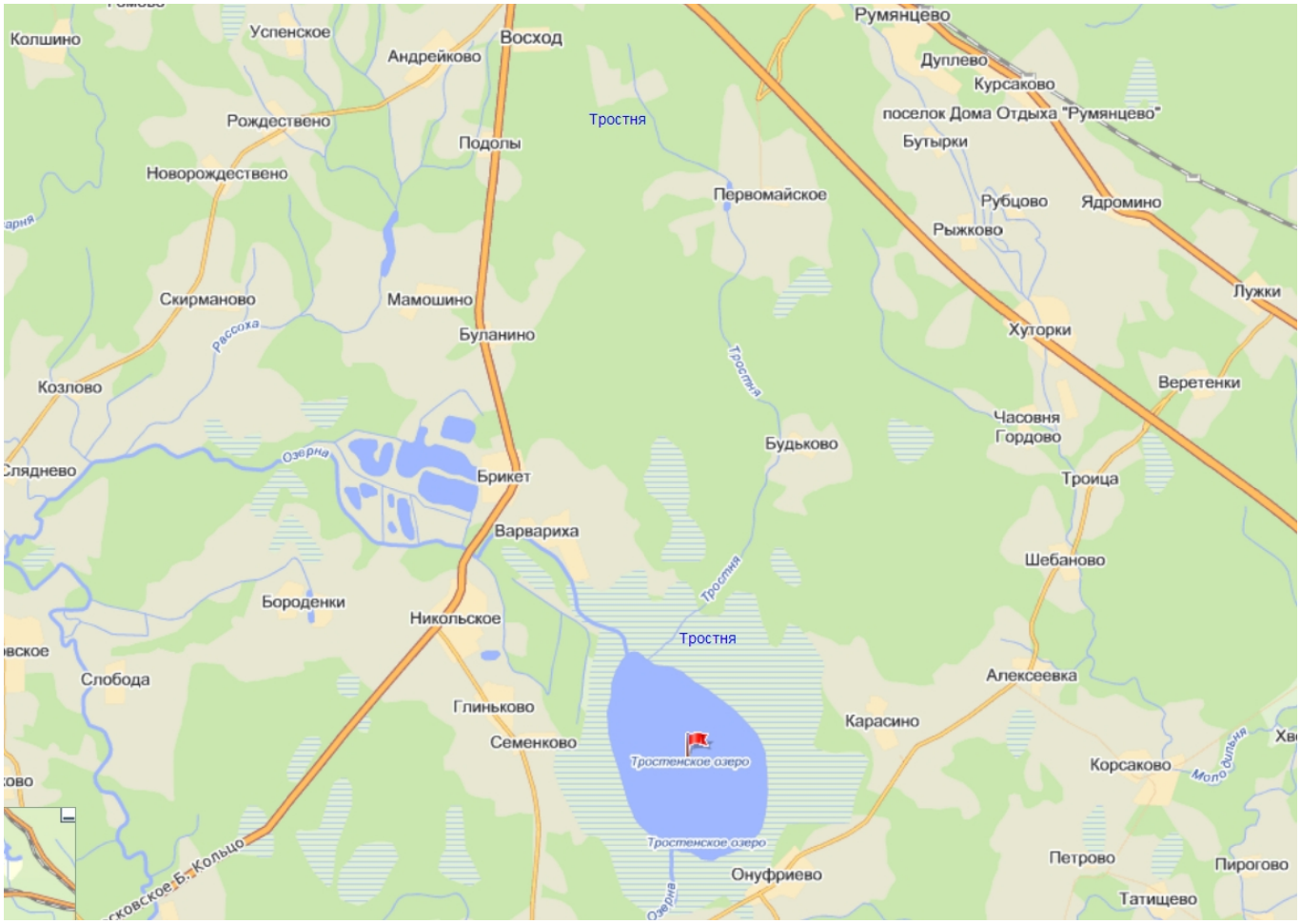
В 1363 году Дмитрий «взял свою волю» и над князем Константином Ростовским, а князей Ивана Фёдоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого выгнал из их княжеств.

44.237.2. Начало самостоятельного правления. Конфликт с Тверью и Литвой

Основная статья: ***Литовщина***

Во второй половине 60-х годов князь Дмитрий Иванович осуществил ряд мероприятий, направленных на централизацию государственного управления и военного дела. В 1365 году в Москве случился великий пожар Всесвятский, названный так, потому что начался в церкви Всех Святых. За 2 часа огонь уничтожил Кремль, Посад, Загородье и Заречье. Всесвятский пожар привёл к волне каменного строительства в столице княжества. В 1367 году Дмитрий Иванович начал строительство нового кремля — белокаменного. Теперь Москва была надёжно защищена от враждебных набегов.

В 1368 году Василий Михайлович Кашинский враждовал с племянником, Михаилом Александровичем, из-за области умершего Семёна Константиновича. Для решения этого спора они обратились за помощью к Великому Князю. Дмитрий поддержал Василия Михайловича. Михаил уехал в Литву к своему зятю князю литовскому Ольгерду. Пользуясь его отсутствием, Василий с московской ратью опустошили область Михаила. Но Михаил с помощью Ольгерда взял Тверь и изгнал дядю. Советники Дмитрия, боясь замыслов Михаила, который назвался Великим князем Тверским и хотел восстановить независимость своей области, хитростью пригласили его в Москву для решения спора между тверскими князьями. Там его взяли под стражу. Только приезд ханского вельможи Карачи заставил Дмитрия Ивановича освободить Михаила Тверского. Возмущённый Михаил призвал на помощь Ольгерда, который с большим войском двинулся на Москву.



21 ноября 1368 года в кровопролитной битве на реке Тростна близ Москвы литовцами был разгромлен сторожевой полк москвичей. Москва выдержала литовскую осаду благодаря каменным стенам Кремля и вторжению тевтонцев в западные владения Ольгерда. Разорив за три дня всю московскую округу, войско Ольгерда отошло назад в Литву. Как сообщается в летописи «…такого зла, как от литовцев, и от татар не было». Московские войска провели ответные походы в зависимые от Ольгерда Смоленскую и Брянскую земли. Новый московский поход на Тверь произошёл в августе 1370 года. В начале 1371 года Михаил отправился в Орду, где у хана Магомет-султана выпросил великокняжеский ярлык. На Русь князь вернулся с ордынским послом Сарыхожей, который вызвал Дмитрия к себе. Собрав войско у Переяславля, Дмитрий ответил: «к ярлыку не еду, Михаила на княжение в землю владимирскую не пущу, а тебе, посол, путь чист!». Московские политики без особого труда зазвали Сарыхожу в Москву и щедро его одарили, а в июне 1371 года Дмитрий поехал в Орду и выкупил находившегося там в заложниках сына Михаила Тверского, Ивана, за 10 000 рублей (сумма вдвое превосходила размер годового московского выхода).

В июле 1372 года в битве при Любутске (литовская крепость на реке Оке близ Тулы) московская рать разгромила сторожевой полк Ольгерда, войска подступили с двух сторон к оврагу. Дмитрий заключил перемирие и с Ольгердом, и с Михаилом Тверским. Дочь Ольгерда — Елена стала женой Владимира Андреевича Серпуховского.

В 1374—1375 гг. у Дмитрия произошло размирье с Мамаем, которым не преминула воспользоваться Тверь. Нашлись недовольные и в самой Москве: сын только что умершего тысяцкого московского Василия Вельяминова Иван, недовольный уничтожением сана, на который рассчитывал, отъехал от Димитрия с приверженцами в Тверь и начал хлопотать в Орде о великом княжении для Михаила. В 1375 году ярлык на великое княжение был доставлен в Тверь, и Михаил послал отряды на Торжок и Углич. Вокруг Дмитрия собралось небывалое количество союзников: князья суздальско-нижегородский, серпуховской, городецкий, ростовские, ярославские, белозёрский, кашинский, стародубский, тарусский, новосильский, оболенский,

смоленский, брянский и новгородцы, постоянные враги Твери. Месячная осада окончательно подорвала силы Михаила и он запросил мира. Договор был заключён 3 сентября. Михаил навсегда отказался от притязаний на Москву, великое княжение Владимирское и Новгород, обязался помогать Дмитрию против татар и открыть свободный пропуск товаров новгородских по своей земле.

44.237.3. Борьба с Золотой Ордой

В 1371 году в спорах о границах Московского и Рязанского княжеств Дмитрий вышел победителем, разгромив под Скорнищевом рязанского князя Олега Ивановича. В 1376 году Московское княжество утвердило своё влияние в Волжско-Камской Болгарии, начало переговоры с Великим Новгородом об урегулировании торговой деятельности. В результате этих переговоров Москва открыла свободный пропуск новгородских товаров в своей земле, заручившись согласием новгородцев в случае нового конфликта с Тверью стоять на стороне Москвы. Дмитрий активно

вмешивался в церковную политику, в частности, отказался принимать митрополита Киприана (его люди ограбили митрополита и не пустили его в Москву), за что князь и его люди в 1378 году были специальным посланием Киприана отлучены от церкви и прокляты по правилам святых отцов.[1]

После смерти святителя Алексия преподобный Сергий Радонежский предлагал великому князю Димитрию избрать на митрополичью кафедру суздальского епископа Дионисия. Но великий князь Дмитрий пожелал иметь митрополитом своего духовника Новоспасского архимандрита Михаила (Митяя). По повелению князя Михаил был избран в Москве собором епископов в митрополита Московского. Святитель Дионисий смело выступил против великого князя, указав ему на то, что поставление первосвятителя без воли Вселенского патриарха будет незаконно. Митяй вынужден был ехать в Константинополь. Дионисий хотел опередить Митяя и ехать в Константинополь сам, но был задержан и взят под стражу великого князя. Желая освободиться, Дионисий дал обещание не ехать в Константинополь и представил за себя порукою преподобного Сергия. Но как только получил свободу, по вызову патриарха, поспешил в Грецию вслед за Митяем. Своим поступком он причинил много неприятностей Сергию [2].

Мамай был сильно обеспокоен возрастающим могуществом московского князя. В 1377 году ордынцы напали на Нижний Новгород. В битве при реке Пьяна русское войско потерпело тяжёлое поражение от ордынского царевича Арапши. Дмитрий Константинович, оставшийся без войск, бежал в Суздаль, нижегородцы — в соседний Городец, а Нижний Новгород был сожжён.

В следующем году Мамай послал войско мурзы Бегича разграбить и сжечь «чрезмерно усилившуюся» Москву. Но Дмитрий Иванович встретил ордынцев на Рязанской земле у реки Вожа, где 11 августа 1378 года русские войска нанесли сокрушительное поражение ордынцам. Бегич был убит.

Более года Мамай готовился к новому «великому походу на Русь». К ордынскому войску он присоединил отряды наёмников: генуэзцев, черкесов и аланов. Союзником Мамая выступил и литовский князь Ягайло.

44.237.4. Куликовская битва

Основная статья: ***Куликовская битва***

Куликовская битва

Летом 1380 года Мамай двинулся на Русь. Дружины многих русских земель сошлись в Коломне, где находилась ставка Дмитрия Ивановича. С обеих сторон насчитывалось, вероятно, 100—120 тысяч воинов. 8 сентября 1380 года на Куликовом поле, в месте, где река Непрядва впадает в Дон, русское и ордынское войска сошлись для решающей битвы. Согласно легенде, русских воинов на эту битву благословил преподобный Сергий Радонежский, основатель и игумен Троицко-Сергиевского монастыря. Поздние предания передают, что он послал к Дмитрию Ивановичу двух своих витязей — иноков, Ослябю и Пересвета. Сражение началось с поединка Пересвета и татарского богатыря Челубея. Богатыри на полном скаку ударили друг другу копьями и оба упали с коней мёртвыми. Сразу после этого поединка началась жесточайшая битва, закончившаяся бегством Мамая с поля боя и полным разгромом татаро-монгольского войска.

Ранение Дмитрия Донского

Дмитрия Ивановича нашли на поле битвы тяжело раненым. Ягайло, шедший на соединение с Мамаем, узнал о поражении ордынцев и повернул назад (по другим сведениям, встал лагерем в 20 вёрстах от Куликова поля и в битву так и не вступил). Олег Иванович Рязанский бежал в Литву, но вскоре вернулся и заключил с Дмитрием мирный договор. За победу на Куликовом поле Дмитрия Ивановича прозвали *«Донским»*.

Остатки войска Мамая были разгромлены чингизидом Тохтамышем пришедшим к власти при помощи Тимура, и овладевшим престолом Золотой Орды. Мамай бежал в Крым, где и был убит своими союзниками из Генуи.

44.237.5. Нашествие Тохтамыша

Осада Москвы Тохтамышем 1382

В 1381 году власть в Литве захватил союзник Дмитрия — Кейстут Гедиминович. Но летом следующего года в борьбе против племянников Ягайла и Дмитрия-Корибута, получивших

военную поддержку тевтонцев и дипломатическую поддержку Орды[3], он потерпел поражение, был захвачен в плен и умер (или был убит) 15 августа 1382 года.

Ещё в 1381 году Тохтамыш отправил в Москву посла звать Дмитрия в Орду, посол выехал с небольшим отрядом, а Дмитрий отказался платить дань и ехать в Орду. Тогда Тохтамыш, собрав войско, в 1382 году двинулся на Русь. Олег Иванович, надеясь спасти своё княжество от разгрома, указал Тохтамышу броды на Оке (но его княжество было разорено ордынцами на обратном пути). С Тохтамышем пришли сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского Василий и Семён. Дмитрий Донской уехал в Кострому, Владимир Храбрый — в Волок Ламский. Митрополит Киприан с великой княгиней Евдокией уехал в Тверь. В Москве начался мятеж, но литовскому князю Остею удалось организовать оборону. Москва была полностью сожжена 26 августа, жители перебиты или уведены в плен, были разгромлены и другие города, но под Волоком ордынцы были разбиты войском, которое успел собрать Владимир Андреевич.

24 числа, подошёл к кремлю сам Тохтамыш, и началась осада. Татары пускали стрелы как дождь, стреляли без промаха, и много падало осаждённых в городе и на стенных забралах; неприятель поделал уже лестницы и лез на стены; но граждане лили на него из котлов горячую воду, кидали камнями, стреляли из самострелов, пороков, тюфяков (ружей) и пушек, которые здесь в первый раз упоминаются. Но силой не удалось взять Москву, они обманом его взяли[4]

Воспользовавшись ослаблением Москвы, тверской князь Михаил, «забыв» клятву, отправился в Орду за ярлыком на великое княжение. Но Дмитрий Донской опередил его «покаянным посольством» к хану, и ярлык на великое княжение остался за Москвой. К 1384 году относятся 2 договора с Литвой, по одному из которых князья Ягайло, Скиргайло и Корибут целовали крест Дмитрию, Владимиру Андреевичу Серпуховскому и их детям[5], а другой, который заключила с Дмитрием бывшая тверская княжна Иулиания Александровна, предусматривал брак её сына Ягайла с дочерью Дмитрия Донского при условии подчинения литовского князя верховной власти князя московского и признания православия государственной религией Великого княжества Литовского[6]. Однако, в том же году по договору в Дубиссах Ягайло уступил Ордену Жмудь и обязался в течение четырёх лет принять католическую веру, а в Орде Дмитрий отдал в заложники своего старшего сына Василия и согласился на выплату дани в повышенном размере[7]. В 1385 году была заключена Кревская уния, по которой Ягайло принимал католичество и вступал в брак с наследницей польского престола. Год спустя Ягайло при помощи польских войск разбил Андрея Ольгердовича Полоцкого и Святослава Ивановича Смоленского, а у Дмитрия возник конфликт с Новгородом.

44.237.6. Последние годы. Вопрос о престолонаследии

Рязанский князь воспользовался ослаблением Москвы и в 1385 году захватил Коломну. Лишь заступничество Сергия Радонежского, примирившего Дмитрия и Олега, спасло Русь от очередной междоусобной войны. Союз князей был скреплён родственными узами — дочь Дмитрия Донского — Софья была выдана замуж за сына Олега Рязанского — Фёдора.

Столкнулся (1388) Димитрий и с недовольством двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, которого силой нужно было приводить «в свою волю», заставить признать политическое старшинство старшего сына Димитрия, Василия. Димитрий успел помириться на этом с Владимиром за два месяца до смерти: он умер 19 мая 1389 года.

См. также **Статья о локализации Тростненской битвы и реконструкции юго-западной границы Великого княжества Московского 1368 г.**, **Борьба Руси за освобождение от**

монголо-татарского ига. Битва на реке Пьяне, Битва на реке Пьяне, Археологические раскопки Любутского городища, Поездка по Поугорью и Верхней Оке. Любутск, ТВЕРСКИЙ ПОХОД ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА 1375 г.

Вернуться к ссылке

44.238. Чума

…"**Черная смерть**", как назвали позднее европейцы чуму середины XIV в., явилась в Европу тем же путем, каким возвращался из Азии Марко Поло (Дюби 1994: 218). Тлетворную болезнь занесли на Запад граждане Генуэзской республики. Поразительная случайность: имя "Генуя" (лат. Janua) означает "вход", "ворота", "дверь". Сказочный Восток для католического мира на границах Орды суждено было открыть итальянцам — мореходам, негоциантам, миссионерам. В их числе генуэзцы были первыми. По горькой усмешке судьбы, вместе с восточными богатствами в генуэзскую дверь проскользнула и гибельная зараза. Невидимый возбудитель страшной болезни "как будто отомстил за Восток, как в 1492 г. отомстила за едва только открытую Америку бледная спирохета" (Бродель 1986: 97).

Молодой юрист из Пьяченцы Габриэль де Мюсси, живший в Крыму в 1344-1346 гг., описал начало чумного мора в Каффе. Болезнь вспыхнула в городе после того, как осаждавшие его татары стали забрасывать через стены метательными орудиями трупы своих умерших от чумы соплеменников. Европейцам пришлось спасаться от нависшей смертельной угрозы спешным бегством. На нескольких кораблях они с надеждой на избавление покинули берега Крыма, направившись в Геную, Венецию и другие порты Средиземноморья. Находившийся на борту одного из судов автор свидетельствует: "***Так как дорогой нас постигла тяжелая болезнь, то из тысячи людей, поехавших с нами, едва ли уцелело и десять человек, а потому родные, друзья и соседи поспешили к нам с приветствиями. Горе нам! Мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы своим дыханием смертельный яд*!**" (Гезер 1867: 97-100).

Важнейшие пункты на пути, пройденном судами с заразой из Каффы в Геную, также были поражены. Итальянцы привезли смертоносную болезнь в Перу — принадлежавшую им окраину византийской столицы. Затем ее жертвой пал весь Константинополь. Другим крупным очагом заболевания стал вскоре и сицилийский порт Мессина (Макэведи 1988: 70).

…Чуму 1347 г. на Сицилии описал в своей "Светской истории" Микель де Пьяцца (ум. 1377). Сюда в начале октября заразу принесли 12 генуэзских галер, причаливших в порту Мессины. Последующее их изгнание запоздало. Смерть уже косила горожан. Во многих домах в течение трех дней вымирало все живое. С огромной силой "**смертельный бич**" поразил пытавшихся отпускать грехи больным монахов. Даже на расстоянии в несколько веков картина, нарисованная современником катастрофы, вызывает страх: "**Трупы оставались лежать в домах, и ни один священник, ни один родственник — сын ли, отец ли, кто-либо из близких — не решались войти туда: могильщикам сулили большие деньги, чтобы те вынесли и похоронили мертвых. Дома умерших стояли незапертыми со всеми сокровищами, деньгами и драгоценностями; если кто-либо желал войти туда, никто не преграждал ему путь**". Вскоре мором были охвачены Сиракузы, Шакка, Агридженто. Особенно пострадал Трапани, "**буквально осиротевший после смерти горожан**". В связи с другим крупным населенным пунктом острова автор горестно вопрошает: "**Что сказать о Катании, городе, ныне стертом из памяти?**" (Дюби 1994: 226-229).

Отсюда чума пошла свирепствовать по всему Средиземноморью, достигнув в 1348 г. Туниса, а затем через Сардинию и Испании. Напуганные происходившим власти Генуи отказывались принимать собственные корабли, возвращавшиеся с Востока. Несчастные мореплаватели, вынужденно бросая якоря в чужих местах, сеяли заразу и там. Так, в число первых западноевропейских городов на материке, пострадавших от чумы, попали Марсель и Пиза. Еще до окончания 1347 г. вместе с шелком, мехами и рабами болезнь доставили в Александрию. Она

быстро распространилась по всему Египту, стала собирать дань в Газе, Бейруте, Дамаске и Алеппо, появилась в Марокко (Макэведи 1988: 70-71).

…Из Марселя чума распространилась вглубь материка, поразив летом 1348 г. всю Францию. Охватив сначала юг и юго-запад страны, она вышла по долине р.Гаронна к Тулузе, Бордо и к атлантическому побережью. Отсюда, вероятно с одним из кораблей, доставлявших бордоское вино, зараза тем же летом попала на островную Англию, в порт Уэймут. По другим сведениям, "**Воротами чумы**" стал Мелькомб в Дорсетшире. В 1349 г. страшная болезнь опалила смертельным пламенем почти всю Британию. Аналогичная участь постигла и Ирландию, куда чуму завезли из Бристоля (Самаркин 1976: 75; Макэведи 1988: 71).

44.238.1. Великая чума в Улусе Джучи

…Ярким примером европоцентризма может служить повествование Боккаччо. Автор раскрывает тему чумы, двигаясь последовательно от наиболее общего к частному, — от упоминания Востока до детального описания мора во Флоренции 1348 г. Вот как он пишет о маршруте губительной болезни: "**За несколько лет до этого она появилась на Востоке и унесла бессчетное число жизней, а затем, беспрестанно двигаясь с места на место и разросшись до размеров умопомрачительных, добралась наконец и до Запада**" (Боккаччо 1970: 35). Едва ли отличаются достоверностью и сообщения о числе жертв мора вроде того, что в Вавилоне за три месяца погибло 480 тыс. человек. Общее же количество умерших от чумы на востоке, по данным донесения папе Клименту VI, составляло 23,84 млн. человек (Гезер 1867: 110).

Справедливости ради отметим, что русский летописец при описании чумы 1352 г., как видно, явившейся во Псков из Европы, также передает ходившие в народе слухи: "**Глаголаша же неции, яко той мор поиде из Ындейскыя страны и земли от Солнца града**". Однако вовсе не исключено, что слухи о море, впервые появившиеся годом ранее, также имели западное происхождение (ПСРЛ-10 1965: 222, 224). С другой стороны, и в арабском мире мало что знали о том, откуда появилась болезнь. Иной раз толковали в целом о "**странах Северных**". Другой раз говорили о "**Стране Мраков**", где болезнь разразилась еще в 1333-1334 гг. (Тизенгаузен 1884: 530). Очевидно, что непосредственно действий чумы в Золотой Орде эти расплывчатые известия не касаются.

Тем не менее, даже скудные данные, собранные из различных источников, все же позволяют судить и о последствиях чумы в ордынских пределах. Уже Габриэль де Мюсси свидетельствует как очевидец, что в 1346 г. эта необъяснимая болезнь унесла в могилу "**бесчисленные тысячи**" татар и сарацин. В результате "**почти совершенно обезлюдели**" множество мест, включая города и крепости (Гезер 1867: 97-98; 13-14 — Прибавления).

Рассказ под 6854 г. (1346 г.) из Патриаршей летописи значительно более детален. "**Бысть мор силен под восточною страною: на Орначи, и на Азсторокани, и на Сараи, и на Бездежи и на прочих градех стран тех, на крестианех, и на Арменех, и на Фрязех, и на Черкасех, и на Татарех, и на Обязех, и яко не бысть кому погребати их**" (ПСРЛ-10: 217). Это же событие известно и в описании еще одного современника, ссылающегося на сведения очевидцев, — арабского канониста и литератора Ибн ал-Варди. Автор послания "Весть о чуме", он сам стал ее жертвой в начале 1350 г. В другом своем сочинении Ибн ал-Варди сообщает: "**В 747 году приключилась в землях Узбековых чума,** (от которой) **обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того. Затем чума перешла в Рум, где погибло много народу, — сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади Крымский рассказывал** (следующее)**: «Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85.000, не считая тех, которых мы не знаем»**". Названный по мусульманскому летоисчислению год длился с 24 апреля 1346 г. по 12 апреля 1347 г. (Тизенгаузен 1884: 498, 530).

…В научной литературе давно обращено внимание на то, что Великая чума, как и другие начавшиеся с середины XIV в. катастрофы, мало связана с климатом (Ле Руа Ладюри 1971: 189). **Однако русские летописи фиксируют временное совпадение периодически**

повторяющихся чумных эпидемий с засухами или, реже, напротив — с чрезвычайно дождливыми годами (Борисенков, Пасецкий 1988: 88-89, 178-179, 277-284, Приложение). В обоих случаях естественными спутниками неумолимой болезни являлись "**хлебнаа дороговь повсюду и глад велий**" (ПСРЛ-11 1965: 6, 16). По мнению свидетелей, на огромных пространствах — от Китая до Западной Европы — события развивались достаточно однообразно, ибо повсюду "нарушалась обычная связь природы" (Гезер 1867: 91-96).

См. также **С. Д. Захаров. ГОРОД БЕЛООЗЕРО**, **Чума 15 в.: Н.Д.Руссев,**

Вернуться к ссылке

44.239. Берестяные грамоты

Берестяны́е гра́моты, письма и записи на коре берёзы (бересте), — памятники письменности Древней Руси XI—XV вв. Берестяные грамоты представляют первостепенный интерес как источники по истории общества и повседневной жизни средневековых людей, а также по истории русского языка. Берестяная письменность известна ряду культур народов мира.

44.239.1. Открытие берестяных грамот

Существование берестяной письменности на Руси было известно и до обнаружения грамот археологами. В обители св. Сергия Радонежского «самые книги не на хартиях писаху, но на берестех» (Иосиф Волоцкий). По В. Л. Янину, в музеях и архивах сохранилось немало поздних документов, написанных на бересте (XVII—XIX веков; даже целые книги). Этнограф С. В. Максимов видел в середине XIX века берестяную книгу у старообрядцев на Мезени. На берегу Волги близ Саратова крестьяне, роя силосную яму, в 1930 году нашли берестяную золотоордынскую грамоту XIV века.[1].

Местом, где впервые были обнаружены берестяные грамоты средневековой Руси, стал Великий Новгород. Новгородская археологическая экспедиция, работавшая с 1930-х годов под руководством А. В. Арциховского, неоднократно находила обрезанные листы берёзовой коры, а также писа́ла — заострённые металлические или костяные стержни, известные как инструмент для писания на воске (впрочем, до открытия берестяных грамот версия о том, что это именно писала, не была преобладающей, и их часто описывали как гвозди, шпильки для волос или «неизвестные предметы»). Уже тогда у Арциховского возникла гипотеза о возможности находки грамот, процарапанных на бересте

… 26 июля 1951 на Неревском раскопе была обнаружена берестяная грамота № 1: она содержала перечень феодальных повинностей («позёма» и «дара») в пользу некоего Фомы. (Ее нашла новгородка Нина Акулова, которая пришла на раскоп подработать во время отпуска по беременности. На её могиле установлен памятник в честь этой находки[2]). Открытие показало, что, вопреки опасениям, при написании грамот почти никогда не использовались хрупкие чернила (найдено всего три таких грамоты из тысячи с лишним, в том числе большая московская грамота в 2007 г.); текст был просто процарапан на коре и прекрасно читался. (В честь этой находки 26 июля в Новгороде отмечается ежегодный праздник — «День берестяной грамоты»). Этот же археологический сезон принёс ещё 9 документов на бересте, опубликованных только в 1953 году (поначалу открытие берестяных грамот не получило адекватного освещения в прессе, возможно, из-за идеологического контроля за исторической наукой[3]).

44.239.2. Количество

Берестяные грамоты в настоящее время обнаружены при раскопках следующих древнерусских городов (указано количество по состоянию на 2010 год):

Великий Новгород	1005 грамот и 1 берестяная грамота-иконка
Старая Русса	41[4]
Торжок	19

Псков	8
Смоленск	15
Витебск (Белоруссия)	1
Мстиславль (Белоруссия)	1
Тверь	5
Москва	3
Старая Рязань	1
Нижний Новгород	1
Звенигород Галицкий (Украина)	3

В августе 2007 года найдены первая берестяная грамота в Нижнем Новгороде, а также вторая и третья — в Москве. Причём найденная в Тайницком саду московского Кремля чернильная грамота № 3 с описью имущества стала фактически первым полноценным московским берестяным документом (ранее известная грамота № 1 и найденная в том же сезоне № 2 представляют собой небольшие фрагменты) и самой большой из ранее известных берестяных грамот.

44.239.3. Общая характеристика

Берестяная грамота № 419 — фактически книжечка с записью двух молитв. Последняя страница.

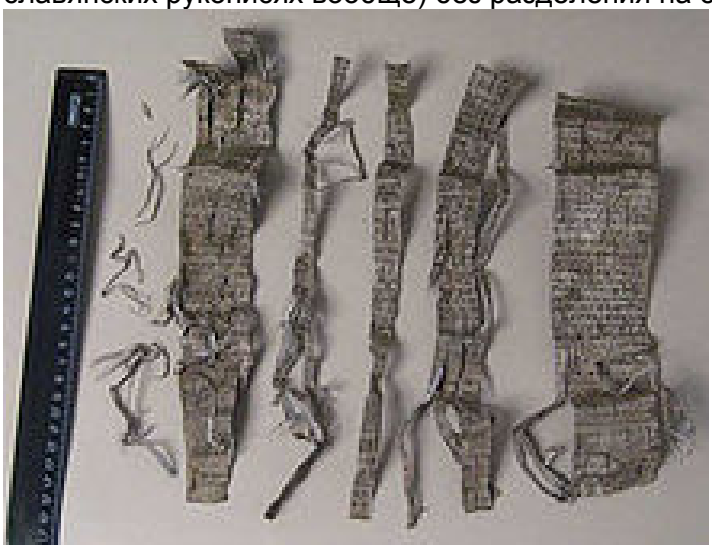
Есть буквица, обведённая двойным контуром.

Берёзовая кора как материал для письма получает на Руси распространение не позднее первой четверти XI века и выходит из употребления в середине XV века в связи с распространением бумаги, которая именно около этого времени становится дешёвой. Береста рассматривалась как эфемерный, непрестижный материал для письма, непригодный для долгого хранения; её использовали в основном как материал для частной переписки и личных записей, а более ответственные письма и официальные документы писались, как правило, на пергаменте (бересте доверялись лишь их черновики). В одной из берестяных грамот **(№ 831**), представляющей собой черновик жалобы должностному лицу, есть прямое указание переписать её текст на пергамент и лишь потом послать адресату. Лишь немногие грамоты, по-видимому, хранились относительно долго: это два берестяных листа огромного размера с записью литературных произведений (сохранившаяся целиком грамота из **Торжка № 17** и дошедшая до нас во фрагментах новгородская грамота № 893), оба найденные в земле в развёрнутом виде, а также две берестяные книжечки: с записью молитв (новгородская **грамота № 419**) и с текстом заговора от лихорадки **(№ 930**, лист из такой книги).

В силу указанных обстоятельств обнаруженные археологами берестяные грамоты представляют собой, как правило, *выброшенные* документы, попавшие в землю в том месте и в тот момент, когда в них исчезала практическая надобность. Таким образом, находки археологов не связаны с каким бы то ни было древним архивом (даже в том случае, когда высокая концентрация грамот обусловлена нахождением на данном месте некоторого учреждения или канцелярии — как, например, на одной из усадеб Троицкого раскопа, так называемой *усадьбе Е*, где в XII веке находился «сместный» [совместный] суд князя и посадника).

Целые берестяные грамоты в момент обнаружения обычно представляют собой свёрнутый свиток бересты с выцарапанным текстом на внутренней стороне коры (реже на обеих её сторонах). Меньшая часть целых документов находится в земле в развёрнутом виде. Текст

помещается на бересте в строку, в подавляющем большинстве грамот (как и средневековых славянских рукописях вообще) без разделения на слова.



Московская берестяная грамота № 3, сохранившаяся в виде нескольких полосок бересты

Кроме того, значительную долю находок составляют *фрагменты* берестяных грамот, нередко повредившихся уже после попадания в землю, но ещё чаще уничтоженных (разорванных или разрезанных) непосредственно перед тем, как их выбросили. Эта практика упоминается в «Вопрошании» Кирика Новгородца XII в., где спрашивается, нет ли греха в том, чтобы по разрезанным грамотам «ходили ногами». Цель уничтожения грамот понятна: адресаты писем заботились о том, чтобы ставшее ненужным письмо не прочёл посторонний. В роли такого «постороннего» и оказываются современные исследователи. Несмотря на то, что в интерпретации фрагментированных грамот накоплен значительный опыт, и общий характер документа удаётся уловить в большинстве случаев (лишь совсем крохотные фрагменты интерпретации не поддаются), наличие оборванных букв и лакун часто затрудняет истолкование отдельных мест (как с языковой, так и с содержательно-исторической стороны).

44.239.4. Датировка

Главным способом датирования берестяных грамот является стратиграфическое датирование (на основании археологического слоя, из которого извлечена грамота), в котором важную роль играет дендрохронология (в Новгороде с большим количеством часто ремонтировавшихся деревянных мостовых датировка точнее, чем в других городах — обычно в пределах 30—40 лет).

Некоторое количество берестяных грамот может быть датировано благодаря упоминанию в них известных по летописям исторических лиц или событий (например, в ряде грамот выступают представители шести поколений знаменитого новгородского рода бояр Мишиничей — посадники Варфоломей, Лука, Юрий Онцифорович и другие).

В последнее время, с накоплением фонда берестяных грамот, появилась возможность комплексного параметрического датирования грамот на основе целого ряда внестратиграфических признаков — прежде всего палеографии, а также лингвистических признаков и этикетных формул, имеющих хронологическое значение. Данный метод, разработанный А. А. Зализняком, успешно применяется для грамот, не имеющих (вообще или достаточно узкой) стратиграфической даты.

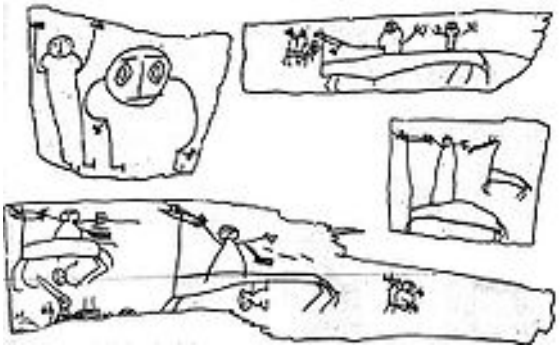
44.239.5. Содержание грамот

Большинство берестяных грамот — частные письма, носящие деловой характер (взыскание долгов, торговля, бытовые указания). К этой категории тесно примыкают долговые списки (которые могли служить не только записями для себя, но также и поручениями «взять с такого-то столько-то») и коллективные челобитные крестьян феодалу (XIV—XV века)

Кроме того, имеются черновики официальных актов на бересте: завещания, расписки, купчие, судебные протоколы и т. п.

Сравнительно редки, но представляют особый интерес следующие типы берестяных грамот: церковные тексты (молитвы, списки поминаний, заказы на иконы, поучения), литературные и фольклорные произведения (заговоры, школьные шутки, загадки, наставления по домашнему

хозяйству), записи учебного характера (азбуки, склады, школьные упражнения, детские рисунки и каракули). Огромную известность получили обнаруженные в 1956 году учебные записи и рисунки новгородского мальчика Онфима.



Рисунки 6—7-летнего мальчика Онфима (середина XIII века), автора нескольких берестяных грамот

Берестяные грамоты, как правило, предельно кратки, прагматичны, содержат только самую важную информацию; то, что автору и адресату и так известно, в них, естественно, не упоминается. Те трудности интерпретации, с которыми из-за отсутствия контекста постоянно сталкиваются современные исследователи — расплата за чтение «чужих писем».

Бытовой и личный характер многих берестяных грамот Великого Новгорода (например, любовные послания незнатных молодых людей или хозяйственные записки-наказы от жены к мужу) свидетельствуют о высоком распространении грамотности среди населения.

44.239.6. Грамоты как исторический источник

Как важнейший исторический источник берестяные грамоты были оценены уже их первооткрывателем А. В. Арциховским. Основные монографические работы на эту тему принадлежат Л. В. Черепнину и В. Л. Янину.

Берестяные грамоты являются одновременно вещественными (археологическими) и письменными источниками; место их нахождения — столь же важный для истории параметр, как и их содержание. Грамоты «дают имена» безмолвным находкам археологов: вместо безликой «усадьбы знатного новгородца» или «следов деревянного навеса» мы можем говорить об «усадьбе священника-художника Олисея Петровича по прозвищу Гречин» и о «следах навеса над помещением сместного суда князя и посадника». Одно и то же имя в грамотах, обнаруженных на соседних усадьбах, упоминания князей и других государственных деятелей, упоминания значительных денежных сумм, географических названий — всё это много говорит об истории строений, их владельцев, об их социальном статусе, об их связях с другими городами и областями.

Благодаря берестяным грамотам изучена генеалогия боярских родов древнего Новгорода (ср. в особенности исследования Янина), выявлена политическая роль некоторых деятелей, недостаточно освещённая в летописи (таков известный нам благодаря работам А. А. Гиппиуса Пётр-Петрок Михалкович, видный деятель боярской олигархии XII века) Немало говорят документы на бересте о землевладении в Новгородской земле, об экономических связях новгородцев с Псковом, Кучковом (будущей Москвой), Полоцком, Суздалем, Киевом, даже Сибирью (Обдорской землёй). Челобитные крестьян, купчие и завещания XIV—XV веков свидетельствуют о закреплении крепостного права, о развитии судебной бюрократии и делопроизводства (эта область в домонгольский период ещё практически не отграничена от частной переписки). Мы узнаём о военных конфликтах и внешней политике Новгорода, о сборе дани с покорённых земель — узнаём в массе бытовых подробностей, которые нам никогда бы не сообщили официальные документы. Ряд первостепенных данных имеется по истории церкви — засвидетельствована древность некоторых черт литургии, есть сведения о взаимоотношениях членов клира с жителями окормляемых ими усадеб, а упоминание Бориса и Глеба в списке святых в грамоте 3-й четверти XI века почти совпадает со временем их канонизации (1071).

Уникален этот источник для изучения повседневной жизни Древней Руси — тематики, столь популярной в медиевистике XX века. Берестяные грамоты свидетельствуют о широком распространении грамотности в Древней Руси, о том, что горожане обучались азбуке с детства и сами писали свои письма, что грамотны были и женщины; вместе с тем в ряде ситуаций

(особенно в переписке высокопоставленных чиновников) уместна была и фигура писца, записывавшего под диктовку и служившего затем в роли посыльного. Семейная переписка новгородцев свидетельствует о высоком положении женщины, посылавшей мужу наказы («приказы»), вступавшей самостоятельно в денежные отношения и т. п.

Берестяная **грамота № 497** (вторая половина XIV века). Гаврила Постня приглашает своего зятя Григория и Улиту в гости в Новгород.

Есть в берестяных грамотах сведения о рационе древних новгородцев, их одежде, их ремёслах, а также о сфере человеческих взаимоотношений, родственной и дружеской заботе, гостеприимстве, конфликтах. Совершенно исключительный интерес представляет любовное письмо девушки XI века (**грамота № 752**).

`[Я посылала (?)] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался ...? После большого разрыва: `... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про ...? После разрыва в 6–8 слов сохранился конец этой (или, может быть, следующей) фразы: ... [тьбь] хаблю. Здесь возможны лишь вольные предположения, например, (николи же сь) [тьбь] хаблю `никогда тебя не оставлю (не отвергну)? или (хочеши ли дати сь) [тьбь] хаблю `хочешь ли, чтобы я тебя оставила? и т. п. Заключительная фраза: `Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость (= я)'

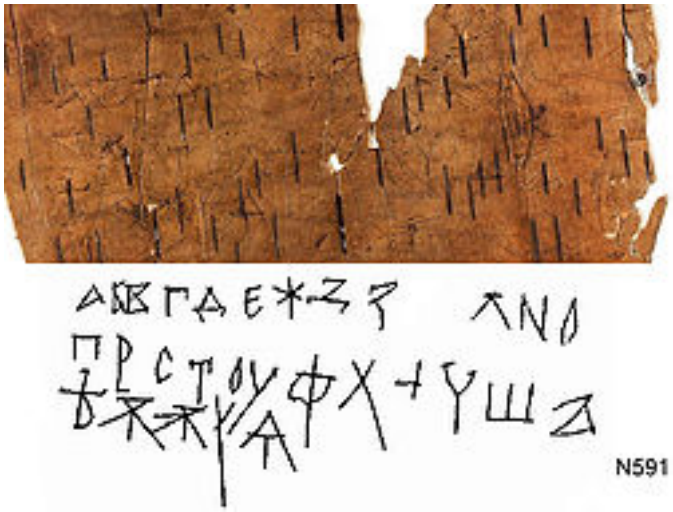
44.239.7. Язык берестяных грамот

Большинство берестяных документов с территории Новгородской феодальной республики (из Новгорода, Старой Руссы и Торжка) написано на *древненовгородском диалекте*, отличающемся от известного по традиционным памятникам древнерусского языка на различных уровнях: в фонетике, морфологии, отчасти также лексике. В широком смысле к древненовгородскому диалекту можно относить также и диалект древнего Пскова (имеющий ряд собственных фонетических особенностей). Отдельные диалектные новгородские и псковские явления были известны историкам русского языка и раньше, но лишь по эпизодическим вкраплениям в рукописях, на фоне общей установки писца на более престижный язык (церковнославянский, наддиалектный древнерусский). В берестяных же грамотах эти явления представлены либо совершенно последовательно, либо (реже) с незначительным влиянием книжной нормы.

Кроме того, в берестяных грамотах (из всех городов) используется т. н. *бытовая графическая система*, где, в частности, пары букв *ъ—о* и *ь—е* могут взаимозаменяться (например, слово *конь* может записываться как *къне*); по такой системе написано подавляющее большинство грамот середины XII — конца XIV века. До открытия берестяных грамот подобная орфография была известна лишь по некоторым пергаментным грамотам и надписям, а также по отдельным ошибкам в книжных текстах.

В силу указанных обстоятельств в 1950—1970-х годах, несмотря на то, что уже в этот период был накоплен значительный фонд ценных наблюдений за лексикой, грамматикой, орфографией, палеографией берестяных грамот (Н. А. Мещерский, Р. О. Якобсон, В. И. Борковский, Л. П. Жуковская), исследователи берестяных грамот нередко трактовали непонятные места как произвольные ошибки малограмотных писцов (или даже иностранцев) против «правильного» древнерусского языка: это позволяло истолковывать спорные отрезки текста практически как угодно.

А. А. Зализняк, автор наиболее подробных исследований языка берестяных грамот, в начале 1980-х годов показал, что в документах на бересте соблюдается достаточно стройная грамматическая и орфографическая система, в рамках которой свыше 90 % грамот написаны вообще без единой ошибки. Есть всего две славянские грамоты, где возможно предположить, что они написаны нерусскими; в них смешиваются глухие и звонкие, что характерно для речи прибалтийско-финских народов (но и тут возможен русский говор с финским субстратом). Значительная часть прежних прочтений и переводов была пересмотрена, и теперь при исследовании вновь открытых грамот непременно учитывается большое количество сведений о древненовгородском диалекте и бытовой орфографии.



Азбука на кириллице, датируемая 1025—1050 гг. Показаны фотография новгородской бересты № 591 и прорисовка букв.

Берестяные грамоты — важный источник по истории русского языка; по ним точнее, чем по другим средневековым рукописям, зачастую сохранившимся только в списках, можно установить хронологию и степень распространённости того или иного языкового явления (например, падения редуцированных, отвердения шипящих, эволюции категории одушевлённости), а также этимологию и время появления того или иного слова. Десятки слов, встречающихся в берестяных грамотах, по другим древнерусским источникам неизвестны. Преимущественно это бытовая лексика, у которой практически не было шансов попасть в литературные сочинения с их установкой на высокую тематику и соответствующий отбор слов. Таким образом, открытие берестяных грамот постоянно заполняет лакуны в существующих словарях древнерусского языка. Грамоты практически непосредственно отражают живую разговорную речь Древней Руси и не несут на себе, как правило, следов литературной «шлифовки» стиля, книжного влияния в морфологии и синтаксисе и т. п. В этом отношении их трудно переоценить.

Грамота № 109 (ок. 1100 г.) [1] о покупке краденой рабыни дружинником. Живая русская речь 900 лет тому назад (расставлены современные знаки препинания). Грамота написана по одноеровой системе: ъ выступает как на месте этимологического ъ (читается как сверхкраткое [о]: кънягыни), так и на месте этимологического ь (читается как сверхкраткое [е]: *Плъскове, чьто* вместо *Пльсковѣ, чьто*). Вместо ятя везде пишется е:

Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупилъ еси [ты купил; «еси» — связка] робоу [рабыню] Плъскове [в Пскове], а ныне мя въ томъ яла [за это схватила] кънягыни. А ныне ся дроужина по мя пороучила [поручилась]. А ныне ка посъли къ томоу моужеви [человеку] грамотоу, ели [если] оу него роба. А се ти хочоу коне коупивъ, и княжъ моужъ всадивъ, та на съводы [очные ставки]. А ты атче [если] еси не възалъ коунъ [денег] техъ, а не емли [бери] ничъто же оу него.

Неновгородские грамоты (из Пскова, Смоленска, Звенигорода Галицкого, Твери, Витебска) также несут информацию о древнем говоре данных регионов, однако из-за небольшого количества материала лингвистическая ценность их пока меньше, чем у новгородских грамот.

Имеется некоторое количество грамот, написанных по-церковнославянски, а также пять текстов на неславянских языках: по одной на карельском (знаменитая берестяная грамота № 292 с заклинанием против молнии), латыни, греческом, немецком — новгородские грамоты; на руническом древнескандинавском — смоленская грамота. Последние важны как источник сведений о международных связях древнего Новгорода и Смоленска. В одной из грамот помимо

древнерусского текста содержится небольшой русско-карельский словарик; она предназначена для сборщика дани, который уже немного умел объясняться по-карельски.

44.239.8. Обсценная лексика в берестяных грамотах

В последнее время в средствах массовой информации поднимается большой ажиотаж по поводу находок берестяных грамот, содержащих мат или обсценную лексику. Соответствующие публикации в СМИ и Интернете содержат много прямых домыслов журналистов в поисках сенсации. Между тем данный сюжет действительно представляет несомненный интерес для истории языка и культуры.

К 2005 г. обсценная лексика обнаружена в 4 грамотах:

- Грамота из **Новгорода № 330** (XIII в.), обнаруженная ещё в конце 1950-х годов; это рифмованная дразнилка, переводится, вероятнее всего: «*задница (*гузка*) е…т другую задницу, задрав одежду*»}. Автор использовал эффект непристойности, помноженный на эффект абсурда[5].
- Грамота из Старой Руссы № Ст. Р.35 (XII в.).

В конце записки от Радослава к Хотеславу с просьбой взять у торговца деньги другим почерком приписано: «*ꙗковебратеебилежѧ*» («Якове, брате, еби лежа»). Примерный смысл этой пометки — «не выпендривайся», «будь как все». Дальше по адресу Якова прибавлены ещё два замысловатых ругательства: *ебехота* «похотливый» и *аесова* «сователь яйца»[6]. По одной версии, Яков — это христианское имя Радослава, и Хотеслав так отреагировал на просьбу брата. По другой, Яков — это, наоборот, Хотеслав, а Радослав решил собственноручно прибавить к записанному писцом посланию грубовато-шуточное приветствие брату (в пользу этого говорит то, что два ругательных слова вместе напоминают имя *Хотеслав*)[7].

Грамота № 955. Обсценная фраза в левом нижнем углу.

- Грамота из Новгорода № 955 (XII в.).

Это письмо от свахи к Марене — знатной даме древнего Новгорода, найдено в 2005 году. Сваха Милуша пишет, что пора бы Большой Косе (видимо, дочери Марены) выходить замуж за некого Сновида и прибавляет: «Пусть влагалище и клитор пьют» (*пеи пизда и сѣкыль*). Это ни в коем случае не брань по адресу Марены (вопреки тому, что написано во многих СМИ); аналогичный текст встречается в народных «срамных» частушках, исполняемых во время свадьбы, и в устах свахи это — пожелание, чтоб свадьба состоялась[8].

- Грамота из Новгорода № 531 (начало XIII в., [2]).

Одна из самых длинных грамот, написанная на обеих сторонах бересты. Некая Анна просит своего брата вступиться перед Коснятином за себя и дочь. Она жалуется, что некий Коснятин, обвинив её в каких-то «поручительствах» (вероятно, финансового характера), назвал её курвою, а дочь блядью: «… *назовало еси сьтроу коровою и доцере блядею*…». В письме женщина допустила много описок, пропустив, в частности, в этой фразе букву *у* в слове *коуровою*[9] и *с* в *сьстроу*; скорее всего, это говорит о том, что перед нами автограф, написанный в эмоциональном возбуждении. Слово *блядь* (производное от *блуд*) в то время не было обсценным (оно встречается и в церковнославянских текстах), а нейтральным обозначением проститутки, блудницы; публичное называние замужней женщины блядью по русскому праву было оскорблением чести и достоинства, ср. в Русской Правде: «***Аще кто назоветь чюжую жену блядию, а будеть боярьскаа жена великыихъ бояръ, за срамъ еи 5 гривенъ злата, а митрополиту 5 гривенъ злата, а князь казнить; и будеть меншихъ бояръ, за срамъ еи 3 гривны золота, а митрополиту 3 гривны злата; а оже будеть городскыихъ людеи, за соромъ еи 3 гривны сребра или рубль, а митрополиту такоже; а сельскои женѣ 60 рѣзанъ, а митрополиту 3 гривны***».

44.239.9. Берестяная письменность в других культурах

Кора деревьев, вероятнее всего, использовалась многие тысячелетия у разных народов в качестве писчего материала, на котором первоначально оставлялись какие-то важные для людей знаки ещё в мезолите и неолите[10].

В Индии ещё до нашей эры хорошо знали, что на тонком древесном лыке можно писать, как на бумаге[11]. Известны санскритская рукопись на бересте из Байрам-Али, ряд буддистских текстов на бересте и т. п. [12]. А. В. Арциховский указывал: «Подобные материалы (береста) издревле применялись в Европе для письма <…> Даже у императоров Домициана и Коммода были записные книжки из этого материала, по словам Геродиана и Диона Кассия, Плиний Старший и Ульпиан сообщают нам, что для письма применялась и кора других деревьев» [13].В латинском языке понятия «книга» и «древесный луб» выражаются одним словом: liber[1]. Сотни писем римлян на бересте были найдены при раскопках римского форта Виндоланда на севере Англии[14]. Традиции американских индейцев также знали письменность на бересте, упоминания о ней имеются в «Песне о Гайавате» Г. Лонгфелло[1].

В Таллине хранилась берестяная грамота 1570 года с немецким текстом. Есть сведения о берестяных грамотах в Швеции XV века; их употребляли шведы и позже. Употребление древесной коры как удобного и дешёвого писчего материала было распространено в античности. Известны тибетские средневековые берестяные письмена на территории Тувы[15].

См. также Древнерусские берестяные грамоты, Новгородские берестяные грамоты

Вернуться к ссылке

44.240. Кирилл и Мефодий (ок. 827-869, ок. 825-884, соответственно)

Кири́лл (в миру **Константи́н**, по прозвищу **Фило́соф**, 827—869, Рим) и **Мефо́дий** (в миру **Михаи́л**; 815—885, Велеград, Моравия), братья из г. Солуни (Салоники) — просветители славян, создатели славянской азбуки, проповедники христианства.

Канонизированы и почитаются как святые и на Востоке, и на Западе. В славянском православии почитаются как святые равноапостольные «учи́тели слове́нские»; принятая очерёдность — «**Мефодий и Кирилл**».

Происхождение

Кирилл и Мефодий происходили из византийского города Салоники (Солуни). Их отец был друнгарием при военачальнике города. В семье было семь сыновей, причём Мефодий — старший, а Кирилл — младший из них[1].

По одной версии, они происходили из благочестивой славянской[2] семьи, жившей в византийском городе Солуни. Из большого числа исторических источников, главным образом из *«Краткого жития Климента Охридского»* известно, что Кирилл и Мефодий были болгарами[3][4][5]. Так как в IX веке Первое Болгарское царство было многонациональным государством, определить точно являлись ли они славянами или **протоболгарами**[200], или же даже имели другие корни не становится до конца возможным. Болгарское царство состояло главным образом из древних болгар (тюрков) и славян, которые уже образовывали новый этнос — славянских болгар, которые сохраняли старое имя этноса, но представляли собой уже славяно-тюркский народ.

По другой версии, Кирилл и Мефодий были греческого происхождения [6].

Существует и альтернативная теория этнического происхождения Кирилла и Мефодия, согласно которой они были не славянами, а булгарами (протоболгарами)[7]. Данная теория также ссылается на предположения историков, что братья создали т. н. глаголицу — азбуку, больше похожую на древнеболгарскую, чем на славянскую.

---

[200] Впрочем провести генетический анализ останков братьев и определить их гаплогруппу сейчас не представляет труда.

Братья были уроженцами города Солуни (ныне Салоники), который в то время входил в состав славянской (болгарской) территории и являлся культурным центром Македонии. Древний Солунь был двуязычным городом, в котором кроме греческого языка звучал славянский говор.

Святые равноапостольные первоучители и просветители славянские, братья Кирилл и Мефодий происходили из знатной и благочестивой семьи, жившей в греческом городе Солуни. Святой Мефодий был старшим из семи братьев, святой Константин (Кирилл — его монашеское имя[201]) — самым младшим.

Святой Мефодий был сначала в военном звании и был правителем в одном из подчиненных Византийской империи славянских княжеств, по-видимому, болгарском, что дало ему возможность научиться славянскому языку. Пробыв там около 10 лет, святой Мефодий принял затем монашество в одном из монастырей на горе Олимп (Малая Азия).

Святой Константин с малых лет отличался большими способностями и учился вместе с малолетним императором Михаилом у лучших учителей Константинополя, в том числе у Фотия, будущего патриарха Константинопольского. Святой Константин в совершенстве постиг все науки своего времени и многие языки, особенно прилежно изучал он творения святителя Григория Богослова. За свой ум и выдающиеся познания святой Константин получил прозвание Философа (мудрого). По окончании учения святой Константин принял сан иерея и был назначен хранителем патриаршей библиотеки при храме святой Софии, но вскоре покинул столицу и тайно ушел в монастырь. Разысканный там и возвращенный в Константинополь, он был определен учителем философии в высшей Константинопольской школе. Мудрость и сила веры еще совсем молодого Константина были столь велики, что ему удалось победить в прениях вождя еретиков-иконоборцев Анния. После этой победы Константин был послан императором на диспут для прений о Святой Троице с сарацинами (мусульманами) и также одержал победу. Вернувшись, святой Константин удалился к брату своему святому Мефодию на Олимп, проводя время в непрестанной молитве и чтении творений святых отцов.

Вскоре император вызвал обоих святых братьев из монастыря и отправил их к хазарам для евангельской проповеди. На пути они остановились на некоторое время в городе Корсуни[202], готовясь к проповеди. Там святые братья чудесным образом обрели мощи священномученика Климента, папы Римского (память 25 ноября/8 декабря). Там же в Корсуни святой Константин нашел Евангелие и Псалтирь, написанные «русскими буквами», и человека, говорящего по-русски, и стал учиться у этого человека читать и говорить на его языке.

После этого святые братья отправились к хазарам, где одержали победу в прениях с иудеями и мусульманами, проповедуя Евангельское учение. На пути домой братья снова посетили Корсунь и, взяв там мощи святого Климента, вернулись в Константинополь. Святой Константин остался в

---

[201] Кириллом же он стал семь лет спустя, в 869 году, при постриге в монахи, за пятьдесят дней до своей кончины.

[202] **Херсонес Таврический**, или просто **Херсонес**— город, основанный древними греками на юго-западном побережье Крыма (в настоящее время — территория Гагаринского района города-героя Севастополя).

столице, а святой Мефодий получил игуменство в небольшом монастыре Полихрон, недалеко от горы Олимп, где он подвизался прежде.

Вскоре пришли к императору послы от моравского князя Ростислава, притесняемого немецкими епископами, с просьбой прислать в Моравию учителей, которые могли бы проповедовать на родном для славян языке. Император призвал святого Константина и сказал ему: «Необходимо тебе идти туда, ибо лучше тебя никто этого не выполнит». Святой Константин с постом и молитвой приступил к новому подвигу. С помощью своего, брата святого Мефодия и учеников Горазда, Климента, Саввы, Наума и Ангеляра он составил славянскую азбуку и перевел на славянский язык книги, без которых не могло совершаться Богослужение: Евангелие, Апостол, Псалтирь и избранные службы. Это было в 863 году.

После завершения перевода святые братья отправились в Моравию, где были приняты с великой честью, и стали учить Богослужению на славянском языке. Это вызвало злобу немецких епископов, совершавших в моравских церквах Богослужение на латинском языке, и они восстали против святых братьев, утверждая, что Богослужение может совершаться лишь на одном из трех языков: еврейском, греческом или латинском. Святой Константин отвечал им: «Вы признаете лишь три языка, достойных того, чтобы славить на них Бога. Но Давид вопиет: Пойте Господеви вся земля, хвалите Господа вси языци, всякое дыхание да хвалит Господа! И в Святом Евангелии сказано: Шедше научите вся языки». Немецкие епископы были посрамлены, но озлобились еще больше и подали жалобу в Рим. Святые братья были призваны в Рим для решения этого вопроса. Взяв с собой мощи святого Климента, папы Римского, святые Константин и Мефодий отправились в Рим. Узнав о том, что святые братья несут с собой святые мощи, папа Адриан с клиром вышел им навстречу. Святые братья были встречены с почетом, папа Римский утвердил богослужение на славянском языке, а переведенные братьями книги приказал положить в римских церквах и совершать литургию на славянском языке.

Находясь в Риме, святой Константин занемог и, в чудесном видении извещенный Господом о приближении кончины, принял схиму с именем Кирилл. Через 50 дней после принятия схимы, 14 февраля 869 года, равноапостольный Кирилл скончался в возрасте 42 лет. Отходя к Богу, святой Кирилл заповедал брату своему святому Мефодию продолжать их общее дело — просвещение славянских народов светом истинной веры. Святой Мефодий умолял папу Римского разрешить увезти тело брата для погребения его на родной земле, но папа приказал положить мощи святого Кирилла в церкви святого Климента, где от них стали совершаться чудеса. После кончины святого Кирилла папа, следуя просьбе славянского князя Коцела, послал святого Мефодия в Паннонию, рукоположив его во архиепископа Моравии и Паннонии, на древний престол святого Апостола Андроника.

В Паннонии святой Мефодий вместе со своими учениками продолжал распространять Богослужение, письменность и книги на славянском языке. Это снова вызвало ярость немецких епископов. Они добились ареста и суда над святителем Мефодием, который был сослан в заточение в Швабию, где в течение двух с половиной лет претерпел многие страдания. Освобожденный по приказанию папы Римского Иоанна VIII и восстановленный в правах архиепископа, Мефодий продолжал евангельскую проповедь среди славян и крестил чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу (память 16 сентября), а также одного из польских князей. В третий раз немецкие епископы воздвигли гонение на святителя, за непринятие римского учения об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына. Святитель Мефодий был вызван в Рим, но оправдался перед папой, сохранив в чистоте Православное учение, и был снова возвращен в столицу Моравии — Велеград. Здесь в последние годы своей жизни святитель Мефодий с помощью двух учеников-священников перевел на славянский язык весь Ветхий Завет, кроме Маккавейских книг, а также Номоканон (Правила святых отцов) и святоотеческие книги (Патерик). Предчувствуя приближение кончины, святой Мефодий указал на одного из своих учеников — Горазда как на достойного себе преемника. Святитель предсказал день своей смерти и скончался 6 апреля 885 года в возрасте около 60 лет. Отпевание святителя было совершено на трех языках — славянском, греческом и латинском; он был погребен в соборной церкви Велеграда.

После смерти Мефодия его противникам удалось добиться запрещения славянской письменности в Моравии. Многие ученики были казнены, некоторые перебрались в Болгарию и Хорватию. В 885 году, в год смерти Мефодия, Папа римский запретил славянское богослужение. В Болгарии и впоследствии в Хорватии, Сербии и Киевской Руси славянская азбука, созданная братьями, получила распространение. В некоторых регионах Хорватии до середины XX века литургия латинского обряда служилась на славянском языке. Поскольку богослужебные книги писались на глаголице этот обряд получил название глаголического.

Кирилл и Мефодий с учениками. Фреска монастыря «Святой Наум», ныне в Республике Македонии.

1. Горазд Охридский [11].
2. Климент Охридский (болгарин)[12][13][14]
3. Савва[15][16].
4. Наум [17].
5. Ангелярий[15][16].
6. Лаврентий[15][16].

Кирилл и Мефодий разработали для записи текстов на славянском языке специальную азбуку — глаголицу. В настоящее время среди историков преобладает, но не общепризнана точка зрения В. А. Истрина, согласно которой кириллица, азбука, которую используют и сегодня болгары, сербы, македонцы, украинцы, белорусы, русские, а также многочисленные неславянские народы, была создана учеником святых братьев Климентом Охридским (о чём имеется упоминание и в его Житии). Кирилл и Мефодий создали язык, называемый ныне церковнославянским, и перевели на него Священное Писание и богослужебные книги.

См. также **Житие Мефодия и Кирилла, учителей Словенских**, **Святитель Кирилл**

Вернуться к ссылке

44.241. Остромирово Евангелие

Остроми́рово Ева́нгелие — хорошо сохранившаяся рукопись середины XI века, памятник русского извода старославянского языка. До обнаружения в 2000 году Новгородского кодекса считалась древнейшей книгой, созданной на Руси, т.е. первым памятником церковно-славянского языка русского извода.

Евангелие-апракос, написанное крупным красивым уставом, причем размер букв постепенно возрастает к концу книги (от 5 мм до 7 мм). Текст написан в два столбца по 18 строк на площади около 20×24 см. Многочисленные многокрасочные буквицы, заставки, изображения Евангелистов; в тексте употребляется киноварь. Рукопись состоит из 294 листов пергамена хорошего, но не высшего качества: есть листы с зашитыми разрезами и с дырками, которые имелись до написания текста. Написана дьяконом Григорием в 1056—1057 гг. для новгородского посадника Остромира, который в надписи книги назван «близоком» (родственником) князя Изяслава Ярославича (по гипотезе Анжея Поппэ, упомянутая в надписи жена Остромира Феофана могла быть дочерью Владимира Святославича и Анны Византийской). Рукопись особо интересна тем, что в её конце переписчик подробно рассказал об обстоятельствах ее изготовления и о времени работы:

Остромирово Евангелие. Лист 2.

Слава тебе г(оспод)и ц(ар)ю н(е)б(е)сьныи. яко подоби мя написати еу(ан)г(е)лие се. почахъ же е писати. Въ лет(о) .6564. А оконьчахъ е въ лет(о) .6565. Написахъ же еу(ан)г(е)лие се. рабоу б(о)жию нареченоу сущоу въ кр(е)щении иосифъ. а мирьскы остромиръ. близокоу сущоу изяславоу кънязоу. изяславоу же кънязоу тогда предрьжащоу обе власти и о(т)ца своего ярослава. и брата своего володимира. самъ же изяславъ кънязь . правлааше столъ о(т)ца своего ярослава кыеве. А брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу остромироу нове городе. Мънога же лет(а) дароуи въсътяжавъшоумоу еу(ан)г(е)лие се. на оутешение мъногамъ д(у)шамъ кр(ь)стияньскамъ. да и емоу г(оспод)ь б(ог)ъ бл(агослове)ние с(вя)тыхъ Еванг(е)листъ. и иоана. матфеа. лоукы. марк(а). и с(вя)тыхъ прао(те)ць. Авраама. и исаака. и иякова. самомоу емоу. и подроужию его. феофане. и чядомъ ею. и подроужиемь чадъ ею. съдравьствоуите же мънога лет(а). съдрьжаще пороучение свое. АМИНЪ. АЗЪ ГРИГОРИИ ДИякон(ъ). написахъ еу(ан)г(е)лие е. да иже горазнее сего напише. то не мози зазьрети и мьне грешьникоу. почахъ же писати м(е)с(я)ца октяб(ря) .21. на памят(ь). иларионa. А оконьчах(ъ). м(е)с(я)ца. маия въ .12. на па(мя)т(ь) епифана .:. молю же вьсехъ почитающихъ не мозете кляти. нъ исправльше. почитаите Тако бо и с(вя)ты(и) ап(осто)лъ паулъ гл(агол)етъ. Бл(агослови)те. А не кленете. .:. АМИНЪ .:.

Остромирово Евангелие. Лист 271 об.

Тем самым «Остромирово Евангелие» — древнейший точно датированный объемный рукописный памятник, созданный на Руси. В нем, кроме особенностей общеруских, отражены и такие языковые особенности, которые со временем стали характерными для украинского языка. Считается, что оно впервые было обнаружено в 1701 году (указано в описи одного из храмов московского Кремля).

В 1720 году отослано, наряду с другими старыми книгами, по приказу Петра I в Санкт-Петербург. Затем следы его теряются до 1805 года, когда оно было обнаружено среди вещей в гардеробе покойной Екатерины II. Александр I распорядился передать книгу в Императорскую публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), где она хранится и поныне.

Рукопись была украшена переплетом-окладом с драгоценными камнями, из-за чего чуть не погибла: в 1932 году ее, разбив витрину, похитил водопроводчик. К счастью, злоумышленник, оторвав переплет, закинул рукопись в шкаф (по другим сведениям — на шкаф), где ее вскоре нашли. Заново переплетать не стали.

С начала XIX века началось и научное изучение рукописи. Впервые «Остромирово Евангелие» было издано А. Х. Востоковым в 1843 г. с приложением краткой грамматики, словаря и греческого подстрочного текста. Для этого издания (не факсимильного, а наборного) был изготовлен специальный славянский шрифт, по возможности точно воспроизводящий почерк оригинала. (Существует репринт: Wiesbaden, 1964.) Позже вышли и факсимильные издания (черно-белое 1883 года; цветное подарочное в формате оригинала: Л.: Аврора, 1988). Неоднократно издавался текст памятника. Пространные его отрывки входили в обязательную программу дореволюционных школ.

Во многом на основе его материала были созданы современные грамматики и словари старославянского языка. Памятнику и его языку посвящено немало исследований, однако язык этой рукописи, особенности её словаря по-прежнему требуют основательного изучения.

44.241.1. Язык рукописи

В отличие от остальных памятников XI в. в «Остромировом Евангелии» наблюдается правильная передача редуцированных гласных звуков буквами **ъ, ь**. Данная фонетическая особенность была общей для старославянского и других славянских языков, поэтому русский переписчик по традиции хорошо передавал её на письме, хотя она в то время уже исчезала. Там же, где в XI в. уже наблюдались различия между старославянскими и русскими особенностями, переписчик невольно их смешивал. Это позволяет идентифицировать «Остромирово Евангелие» как один из первых памятников старославянского языка русской редакции.

Остромирово Евангелие имеет исключительное значение для сопоставления старославянских и древнерусских особенностей в памятниках XI в. Здесь наблюдается ряд древнерусских черт. К таким чертам в первую очередь относится смешение букв, ѧ, ѩ, ѫ, ѭ обозначавших носовые гласные, с буквами оу, ю, я. В древнерусском языке XI в. носовые гласные звуки, характерные ранее для всех славянских языков, уже совпали со звуками **оу, ю, я**. Поэтому Григорий, переписывая старославянский текст, не всегда правильно передавал на письме соответствующие буквы. Он пишет:

- **рабѫ** вместо **рабоу**
- **въкоусить** вместо **въкѫсить**
- **ноуждѫ** вместо **нѫждѫ**
- **землю** вместо **землѭ** и др.

Вместо старославянских сочетаний **ръ, лъ, рь, ль,** передававших слоговые **л** и **р**, иногда употребляются древнерусские сочетания редуцированных гласных с плавными **л**, **р**:

- **вьрхъ** вместо **врьхъ**
- **напълнишѧ** вместо **наплънишѧ**
- **скърбь** вместо **скръбь** и др.

Особенно часто в памятнике встречаются древнерусские окончания глаголов третьего лица единственного и множественного числа **-ть**:

- **сѫть** вместо **сѫтъ**
- **имѫть** вместо **имѫтъ**
- **дасть** вместо **дастъ**

- **бысть** вместо **бystъ** и др.

В Евангельском тексте Григорий последовательно передаёт старославянские неполногласные формы слов: **гладъ, глава, гласъ** и др. В послесловии он пользуется древнерусскими полногласными формами слов: **въ новѣгородѣ, володимиръ** и др.

Вернуться к ссылке

44.242. Андрей Боголюбский

Андрей Юрьевич Боголюбский (около 1111 — 29 июня 1174) — князь Вышгородский в 1149, 1156. Князь Туровский, Пинский и Дорогобужский в 1150—1151. Великий князь Владимирский в 1157—1174.

Сын Юрия Владимировича Долгорукого и половецкой княжны, дочери хана Аепы Асеневича. Домашнее имя Китай (Китан).

В 1149 г. участвовал в походе против Владимиро-Волынского князя Изяслава II Мстиславича (1096-1154),

проявил удивительную доблесть при штурме Луцка, где затворился брат Изяславов Владимир.

Вопреки воле отца в 1155 году покинул Вышгород и обосновался во Владимире. Из Вышгородского женского монастыря увёз с собой икону Богородицы, которая впоследствии стала почитаться как величайшая русская святыня. По дороге в Ростов, ночью во сне князю явилась Богородица и велела оставить икону во Владимире. Андрей так и поступил, а на месте видения построил село Боголюбово, которое со временем стало его любимым местопребыванием. Содействуя развитию феодальных отношений, опирался на дружину, а также на владимирских горожан; был связан с торгово-ремесленными кругами Ростова и Суздаля.

После смерти отца (1157) стал князем Владимирским, Ростовским и Суздальским. Прежде незначительный молодой городок Владимир сделал стольным городом Ростово-Суздальского княжества. С 1159 года упорно боролся за подчинение Новгорода своей власти и вёл сложную военную и дипломатическую игру в Южной Руси.

В 1159 г. захватил город Волок Ламский, основанный новгородскими купцами (ныне Волоколамск Московской области). Андрей Боголюбский праздновал здесь свадьбу своей дочери Ростиславы с князем Вщижским Святославом Владимировичем, племянником великого князя Киевского, Изяслава Мстиславича. Основал на одном из волоколамских холмов монастырь (ныне Покровская церковь).

Благодарственное моление перед Владимирской иконой Божией Матери после победы над волжскими булгарами. Миниатюра Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (Л.205 об.)

Около 1160 года предпринял неудачную попытку разделить русскую церковь на две митрополии. В 1162 г. выгнал из княжества свою мачеху, греческую царевну Ольгу, вторую жену великого князя Юрия Владимировича Долгорукого, вместе с её детьми Мстиславом, Васильком и восьмилетним Всеволодом. В 1164 году с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием совершил победоносный поход на волжских булгар, перебил у них много народу и взял знамёна. Взял болгарский город Бряхимов и пожёг три других города.

Зимой 1169 г. организовал поход на Новгород во главе со своим сыном Мстиславом. Окрестности Новгорода были страшно опустошены, а сам город сдался из-за начавшегося голода.

В 1169 году организовал поход против великого князя Киевского Мстислава II Изяславича. Отправил своего сына Мстислава с ростовскими, суздальскими и владимирскими полками. К этому ополчению присоединилось ещё 10 князей. Так образовалась коалиция 11 князей, войска которых захватили и разграбили Киев, что стало первым случаем в практике междоусобиц русских князей. После трёхдневной осады войско ворвалось в Киев и впервые в истории взяло его «на щит»: два дня победители грабили город, не щадя никого и ничего: жгли церкви и грабили жителей, одних били, других хватали, жён разлучали с мужьями и уводили в плен. Андрей достиг своей цели – древний Киев утратил своё вековое старейшинство; был ограблен, сожжён, лишён значительного числа жителей, перебитых или уведённых в неволю, поруган и посрамлён от других русских земель.

Прозвище «Боголюбский» получил по названию княжеского замка Боголюбово под Владимиром, своей любимой резиденции.

44.242.1. Где находился Андрей Боголюбский с 1128 по 1149 годы

…**Нет повести печальнее** и нуднее на свете, чем повесть о Европейских делах в первой половине XII века. Русские летописи и Западноевропейские Хроники беспристрастно

рассказывают об одних и тех же событиях: как дядя обидел племянника, а тот в ответ начал войну с ним. Локальный конфликт сразу же разрастался, поскольку взгляд на справедливость всегда относителен; в итоге все эти войны завершались ничем. Очередной передел, снова плодил недовольных. Так продолжалось до пятидесятых годов XII века.

Вдруг, во Франции, Германии, Англии, Византии и на Северо - Востоке Руси, появляются государи, которые начинают проводить принципиально одинаковую внутреннюю политику, основное направление которой - **укрепление центральной власти**. Кто эти государи? Франция - Людовик VII, Германия - Фридрих II Барбаросса, Англия - Генрих II, Византия - Мануил I, в России... Андрей Георгиевич, еще при жизни прозванный Боголюбским, сын Ростовско-Суздальского Князя Юрия Владимировича Долгорукого, внук Владимира Мономаха, праправнук Ярослава Мудрого. Самым старшим из них, по возрасту был Андрей Георгиевич (1110 г./р.), самым младшим Генрих II, король Английский, герцог Нормандский (1130 г./р.). То, что все они в той или иной степени были родственничками, дотошные могут проверить сами, конечно, приложив некоторые усилия. Особенно близкие отношения, у Андрея Георгиевича были с Фридрихом Барбароссой и Мануилом I. В письмах императоры называли Русского князя братом, считали равным себе. Император Фридрих был настолько привязан к Андрею Георгиевичу, что распространял эту привязанность не только на Всеволода Георгиевича, наследовавшего Владимирское Княжество после него, но и на любого из его родственников. Так, стоило ему узнать, что объявившейся при его дворе Владимир Ярославич, изгнанный из отечества и бежавший из венгерского плена, -- племянник Всеволода Георгиевича, как он выдал ему 2000 марок серебра и приказал польскому королю, тогда вассалу империи, вернуть бедолаге отнятое наследство. Сын Барбароссы Конрад Швабский покровительствовал сыну Андрея Георгию после его развода с грузинской царицей Тамарой. Георгий Андреевич, получил один из имперских ленов в Штирии, основал род фон Рюстовых. Но это маленькие частности. Главное то, что между этими, пятью государями существовала, какая-то незримая связь, и все они, кроме Людовика VII, завершили свои дни трагически. Беспристрастный взгляд легко обнаруживает, что одновременная столь идентичная деятельность в одном направлении внутригосударственного строительства исключает случайное совпадение и не может не иметь общего первоисточника. Жизненные пути государей не могли не пересекаться в каком-то одном общем месте, и не быть связанными каким-то одним общим делом. Исключая Андрея Георгиевича Боголюбского, об оставшихся ни тайн, ни загадок нет. Государи встречались в Константинополе во время Второго Крестового Похода 1147 - 1149 гг. И Фридрих, и Людовик, и Генрих Анжуйский по нескольку месяцев жили при дворе Мануила и общались с ним. С нашим князем намного сложнее, про него вроде бы известно все, а как до дела доходит... ничего!

…В одном из них, рукописном, старой вязью про святого князя написано, что он "***многая леты в Святая Земли Иерушаломе Граде бываху у Святаго Гроба в посте и молитве, служа присно дево Марии Богородице вравду и бескорысти, премногыя муросты наповняхусь, яко бе Шоломон царь, во храме его Святая Святых пребывахом, яко и отень его Гюргий(!)".*** Андрей Георгиевич, как и его отец, не один раз, по несколько лет, бывал в Святой Земле. Как раз в то время, когда туда толпами приезжали воинственные паломники христианского интернационала: поклониться Гробу Господню, искупаться в Иордане и вооруженной рукой помочь королевству крестоносцев в противостоянии вооруженному Исламу. Юрий Долгорукий после смерти своей второй жены-половчанки в 1115 году мог отправиться в путешествие по Святым местам и геройствовать за Гроб Господень: до 1124 года, в Русских летописях он в это время не упоминается. В 1125 году он, по воле Владимира Мономаха, женится на сестре Мануила Комнина. Свадьбу справляют в Киеве. За невестой Юрий мог послать Андрея. Попав к Константинополь, русское посольство вряд ли отказало бы себе в удовольствии совершить богоугодный вояж в Палестину. Андрей мог задержаться там на несколько лет и... пройти обряд посвящения в Защитники Святого Гроба. Куглер сообщает, что в 1127 году два тамплиера, Андрей и Гундермар, прибыли из Иерусалима в Европу, и, добравшись до самых крайних северных пределов ее, вдохнули в Орден настоящую жизнь, вызвав огромный непрерывающийся поток добровольцев из всех княжеских домов. Остался Андрей Боголюбский

тогда на Руси или вернулся в святую землю -- сказать со всей определенностью нельзя. Достоверно то, что с 1140 по первую половину 1150 года Русские летописи молчат о нем. В эти годы дела в королевстве крестоносцев шли настолько плохо, что с 1147 по 1149 год прошел Второй Крестовый Поход, окончившийся для большинства участников трагически. Так называемому - правильному бою с неверными, прибывших крестоносцев обучали тамплиеры. Государи, состоявшие в переписке с Андреем, не только приходились ему родственниками в различной степени родства, но были участниками этого неудачного похода. Позже, после гибели Андрея, Фридрих Барбаросса выдаст свою племянницу, Богемскую княжну Марию, за его младшего брата Всеволода. То, что все перечисленные государи (Фридрих в то время еще не император, а герцог Швабский), кроме Андрея, были покровителями Тамплиеров, известно. Судя по делам и результатам, Святой князь, Андрей Боголюбский, **был тамплиером и покровителем ордена**. "Истинное христианство", которое он показывал приезжавшим христианам, это **то, что образовалось в Иерусалимской Патриархии после ее восстановления крестоносцами в 1099 году**. Если Андрей вступил в Орден в возрасте 15 лет, то, часто, по несколько лет, проживая в Палестине, к 1150 году он вполне мог иметь высокую степень посвящения, не меньше ландмагистра (магистра отдельной страны). Русь того времени представляла великолепное поле деятельности для ордена - трамплин к возрождению христианского Царства Божьего на земле. Наиболее благоприятная почва оказалась именно на Владимирщине. Орденская структура, наложенная на соборное управление краем, ставила предел феодальной анархии и обеспечивала благоприятные условия для успешного государственного строительства. Богородица и ее слуги получили от святого Андрея в 1155 году Москву - независимый центр **тамплиеров** с задачей прикрыть стольный Владимир с угрожаемого Киевского направления. В устройстве своей столицы, святой предвосхитил деление Иоанном Грозным своего государства на опричнину и земщину. Народное собрание - собор, Андрей оставил во Владимире, а своей резиденцией (комтурство, госпиталь) сделал Боголюбово. После насильственной смерти князя и бурных событий 1175 года, центр Руси и Центр Ордена Тамплиеров переместились в Москву, где, по-видимому, оставался до конца XVI века.

Убийство Андрея было ритуальным и политическим: слишком многим святой князь перешел дорожку, да и строгая монашеская дисциплина не всем нравилась. Личности и национальная принадлежность убийц князя, достаточно хорошо описана, кроме одного - Анбала ключника-"яссина". Некоторые исследователи называют его кавказцем, но нет на Кавказе имени АНБАЛ. Да и вообще нет такого имени. Есть имя, прозвище, ГАНИБАЛ, так обычно на Руси в то время называли африканцев или черных арабов-мавров. Выходит - ключником святого князя, был мавр-ассасин. Заговорщики, расправились с князем как с обычным государем. Они не учли, что у него уже было несколько преемников, посвященных в орденские рыцари. Убийство Святого князя Андрея не остановило и не могло остановить начатого им дела.

44.242.2. Изменения в политическом строе Русской земли

Андрей Юрьевич впервые за историю Киевской Руси изменил традицию престолонаследия.

До сих пор звание старшего великого князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей: таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. (…) Таким образом, княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти. Вместе с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и её князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая её по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того

утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства.

— В. О. Ключевский.[1]

В своём княжестве Андрей Боголюбский пытался уйти от практики вечевых сходок. В Ростовской земле было два старших вечевых города — Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того, ни другого города и жил в маленьком Владимире на Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки. Желая править единолично, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и «передних мужей» отца своего, то есть больших отцовых бояр.

Деятельность Андрея по отношению к Южной Руси оценивается большинством историков как попытка «произвести переворот в политическом строе Русской земли»[1].

Ссора между внуками Мстислава Великого дала повод Андрею вмешаться в дела Южной Руси. В 1168 году Мстислав Изяславич из Владимира Волынского занял Киев и посадил в Новгороде своего сына Романа. Он претендовал на «старейшинство» среди князей. Но его домогательствам воспротивились двоюродные братья Ростиславичи из Смоленска. В помощь Ростиславичам Андрей Боголюбский послал с войсками своего сына — Мстислава. Всего, таким образом, было до 11-ти князей с их дружинами и ратью. Союзники призвали половцев и 12 марта 1169 г. взяли «копьем» (приступом) Киев. Два дня суздальцы, смоляне и половцы грабили и жгли «мати русских городов». Множество киевлян были уведены в плен. В монастырях и церквах воины забирали не только драгоценности, но и всю святость: иконы, кресты, колокола и ризы. Половцы подожгли Печерский монастырь. «Митрополия» Софийский собор был разграблен наравне с другими храмами. [1] «И бысть в Киеве на всех человецах стенание и туга, и скорбь неутишимая», после чего отдал Киев в удел своему брату Глебу, а сам, поселившись во Владимире принял титул «великого князя».

Св. блгв. кн. Андрей Боголюбский держит совет об учреждении митрополии во Владимиро–Суздальской Руси. Миниатюра Лицевого летописного свода. Лаптевский том. 2-я пол. XVI в. (Л. 125 об.)

Подчинив себе Киев, Андрей последовательно хотел завладеть и Новгородом. Зимой 1170 года явилась грозная рать под Новгородом — суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Враги бежали. Новгородцы наловили так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты).

Он также привёз в Суздальскую землю икону Вышгородской Божьей Матери, получившую впоследствии название Владимирской. Вот как это описано у Н. И. Костомарова:

Была в Вышгороде в женском монастыре икона Св. Богородицы, привезённая из Цареграда, писанная, как гласит предание, Св. евангелистом Лукою. Рассказывали о ней чудеса, говорили, между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, показывая как будто вид, что желает уйти в другое место. Взять её явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого.

Андрей задумал похитить её, перенести в суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что над этою землёю почиет особое благословение Божие. Подговоривши священника женского монастыря Николая и диякона Нестора, Андрей ночью унёс чудотворную икону из монастыря и вместе с княгинею и соумышленниками тотчас после того убежал в суздальскую землю".

Св. блг. кн. Андрей Боголюбский увозит Владимирскую икону Божией Матери из Вышгорода во Владимир. Миниатюра Лицевого летописного свода. Лаптевский том. 2-я пол. XVI в. (Л. 100 об.)

Князь Андрей пытался распоряжаться киевскими князьями как своими подручниками, что вызвало резкий протест Ростиславичей. Тогда Андрей послал в Киев мечника Михно с надменным посланием. Он приказал киевскому князю убираться в Смоленск, а двум его братьям не велел «в Русской земле быти». Не стерпев обиды, младший из Ростиславичей, Мстислав Храбрый передал князю Андрею, что прежде Ростиславичи держали его как отца «по любви», но не допустят, чтобы с ними обращались, как с «подручниками». Большое ополчение Суздальской земли — ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы, под главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича, пошло в путь. К ним пристали новгородцы и смоляне, а также дружины туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава Осмомысла. Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей. 9 недель стояло это ополчение. На помощь Мстиславу прибыли войска из Владимира-Волынского. Войско Андрея Боголюбского потерпело полное поражение и бежало в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. «Так-то, — говорит летописец, — князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгородился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Ростово-суздальские бояре отказались принять нового князя из Киева и выбрали правителем Андрея Юрьевича, надеявшись таким образом обособиться от Киева.

44.242.3. Строительная деятельность Андрея Георгиевича в Ростовско-Суздальской Руси в 1152-1156 гг.

…В 1152 году он перенес Плещеевск на другой берег Плещеевского озера и переименовал его в Переяславль-Залеский. В городе был заложен собор покрова Богородицы, один к одному повторяющий пропорции Соломонова Храма, описанные в Библии. В 1154 году, по случаю рождения у Долгорукого младшего сына Всеволода (Дмитрия), Андрей основывает на реке Яхроме город Дмитров. Тогда же укрепляет Москву. Отстраивает Юрьев-Польский. Самое большое усердие он показывает в строительстве Владимира на реке Клязьме. Фридрих Барбаросса присылает Андрею архитекторов, которые строят во Владимире Золотые и Серебряные ворота. Летописец о деятельности благочестивого князя Андрея в те годы 1152 - 1155 писал: "изукраси землю залесскую храмами божьими, монастырями спасеными, городами крепкими, палатами белокаменными". Церковное и градское строительство Андрея, имело некоторое отличие от аналогичной деятельности его предшественников. Если до начала его строительной деятельности кафедральные соборы городов посвящались *Софии* (Премудрости Божией - Троице), то Андрей Георгиевич строил храмы посвященные исключительно Богородице. Алтари всех храмов воздвигнутых этим князем украшала одна и та же символика -- Якорь. Скорее всего эта символика, означала, что от начала до конца путь уже пройден, а здесь в Залеской земле, постоянная остановка и спасение. Так прошло первое пятилетие Андрея Георгиевича известное из летописей.

44.242.4. Развитие города Владимир

Став «самовластцем всей Суздальской земли», Андрей Боголюбский перенёс столицу княжества во Владимир, укрепил его, построил великолепный Успенский собор и другие церкви и монастыри.

…Согласно сообщению В. Н. Татищева, «по снисканию бо его (Андрея Боголюбского) даде ему Бог мастеров для строения оного из умных земель»; «по оставшему во Владимире строению, а паче по вратам градским, видно, что Архитект достаточный был… Мастеры же присланы были от Императора Фридерика Перваго (Фридриха Барбароссы), с которым Андрей в дружбе был как ниже явится». Однако необходимо заметить, что известный стереотип, связанный с приходом к Андрею «мастеров из всех земель», относится только к работам по украшению Успенского собора: «Того же лета создана бысть церква святая Богородица в Володимири благоверным и боголюбным князем Андреем, и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгим каменьем бе-щисла и сосуды церковными и верх ея позлати по вере же его, и по тщанию его к святеи Богородице, приведе ему Бог из всех земель все мастеры и украси ю паче инех церквии». Согласно этому летописному тексту, речь идет не о строителях, а об иконописцах, ювелирах и золотильщиках.

В это же время под Владимиром вырос укреплённый княжеский замок Боголюбово — любимая резиденция Андрея Боголюбского, по названию которой он и получил прозвище. При князе Андрее была построена знаменитая Церковь Покрова на Нерли недалеко от Боголюбова.

В 1158—1164 гг Андреем Боголюбским была построена земляная крепость с башнями из белого камня. До наших дней из пяти внешних ворот крепости уцелели одни — Золотые Ворота, которые были окованы золочёной медью.

В правление Андрея Боголюбского Владимиро-Суздальское княжество достигло значительного могущества и было сильнейшим на Руси. В будущем став ядром современного Российского государства.

По мнению ряда исследователей, Андрей Боголюбский стремился освободиться от византийского влияния на Руси. Он, в частности, приглашал для строительства владимирских храмов западноевропейских зодчих. Тенденция к большей культурной самостоятельности прослеживается и во введении им на Руси новых праздников, не принятых в Византии. По инициативе князя, как предполагают, были учреждены в Русской (Северо-восточной) Церкви праздники Всемилостивому Спасу (16 августа) и Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по Юлианскому календарю).

Андрей продолжал расширять границы своих владений: добился успеха в войнах с Волжской Булгарией, завоевал мордовские земли.

44.242.5. Характер Андрея

Андрей выделялся из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Историк В. О. Ключевский характеризует его следующими словами: «Андрей любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Всё это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удальство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда всё было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом[1]».

44.242.6. Смерть Андрея Боголюбского

Поражение 1173 года и конфликт с видными боярами вызвали заговор против Андрея Боголюбского, в результате которого он в ночь с 28 на 29 июня 1174 г. был убит. Легенда гласит[2], что заговорщики (бояре Кучковичи) сначала спустились в винные погреба, где основательно нагрузились спиртным. Потом заговорщики подошли к спальне князя. Один из них постучал. «Кто там?» — спросил Андрей. «Прокопий!» — отвечал стучавший (это был один из его любимых слуг). «Нет, это не Прокопий!» — сказал Андрей, хорошо знавший голос своего слуги. Дверь он не отпер и бросился к мечу, но заговорщики заранее убрали меч. Меч святого Бориса, постоянно висевший над княжеской постелью был вероломно похищен в ту ночь ключником Анбалом. Выломав дверь, они бросились на князя. Сильный Боголюбский долго сопротивлялся. Наконец, израненный и окровавленный, он упал под ударами убийц. Злодеи подумали, что он мёртв, и ушли — опять спустились в винные погреба. Князь очнулся и попытался скрыться. Его отыскали по кровавому следу. Увидев убийц, Андрей произнёс: «Если, Боже, в этом мне суждён конец — принимаю его я». Убийцы довершили своё дело. Тело князя лежало на улице пока люд грабил княжеские хоромы. По легенде, хоронить князя остался лишь его придворный киевлянин Кузьмище Киянин.

…Для начала можно отметить, что Юрий Долгорукий повелел казнить С.Кучку. Российский историк XVIII в., автор первого капитального труда по русской истории Василий Татищев, со ссылкой на "Отечественные достопамятности", описал происшедшее в романическом стиле: когда Юрий, имевший виды на жену С.Кучка, "пошел к Торжку", тот "посадил" ее "в заключение". "Уведав о том", оставивший войско "без всякого определения" князь "наскоро ехал... на реку Москву", в место проживания Кучков. "Не допрашивая ни о чем", Юрий убил С.Кучка, а "дочь его выдал за сына своего Андрея" (в последующем - Боголюбского). Полюбив "весьма место, заложил град", где совершил "брак Андреев" с дочерью Стефана - Улитой. По данным ряда источников, после женитьбы в окружении Андрея появилось немало Кучковичей. Согласно "Повести об убиении Андрея Боголюбского" (описывается 28 июня 1175 г. (1174 г.), его доверенный слуга Яким, узнав о казни князем своего брата, "примчался к друзьям своим... и задумали убийство" Андрея. Среди этих лиц находились: "Петр, зять Кучки.., Ключник, Яким, да Кучковичи - всего числом двадцать". Во время нападения на князя "проклятые прикончили его", Петр же "отсек ему правую руку".

В летописи указано " Петр же ему отътя руку десную..." , а художник же изображает боярина, отрубающего левую (шуйюю) руку Андрея.

Антропологическое исследование скелета Андрея Юрьевича подтвердило правильность рисунка из Радзивиловской летописи 15 века. Отрублена была именно ЛЕВАЯ рука.

Участие в убийстве Андреевой княгини (держащей руку). Когда Михалко Юрьевич (по Татищеву) судил бояр-убийц среди обвиняемых была и Улита Кучковна, однако на страницы летописей она не попала за исключением Тверской летописи (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 250-251.) : «отъ своихъ бояръ, от Кучковичевъ, по научению своеа ему княгини. Бе бо Болгарка родомъ, и дрьжаше къ нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева с нимь Болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини Болгаромъ; и жаловашеся на нь втайне Петру, Кучкову зятю, предъ симъ же днемъ поима князь великий Андрей и казни его».

До сих пор считалось аксиомой, что работу над рукописью начинал и вел до конца писец, оставляя места для рисунков. Затем рукопись переходила к художнику, который и создавал эти рисунки, и ее украшал заставками и буквицами. Здесь же последовательность была обратной. На протяжении всей рукописи можно было видеть, что последняя строка текста над рисунком часто или заходит на верхний край рисунка, или за неимением места "обтекает" его, спускаясь по боковому полю. Так могло произойти, только если работу над рукописью начинал не писец, а художник, который размечал места для текста и сразу же переносил все положенные к нему рисунки. Затем тетрадка с рисунками переходила к писцу, задачей которого было вписать необходимый текст, а если места для него не хватало, тогда-то он и залезал на рисунок или заворачивал строку на поля.
Но почему писец не мог перенести остаток строки под рисунок? Оказывается, рисунок помещался так, чтобы иллюстрировать последнюю строку расположенного над ним текста, перенос поэтому был невозможен. Каждый блок текста должен был заканчиваться иллюстрацией к нему - вот какую задачу они поставили. А если оказывалось, что для рисунка не хватало места внизу страницы и его приходилось переносить в начало следующей, то художник оставлял над ним место для завершающей строки.

Достичь этого и рассчитать необходимые площади для текста между рисунками можно было только с помощью нехитрого приспособления, называемого "карамса", - прямоугольной рамки, внутри которой натянуты нити, определяющие направление строк, их длину и расстояние между ними. И в тех случаях, когда художник, размечавший тетрадки, допускал ошибку, ему приходилось рисунок заклеивать и заменять соответствующим…..

В свою очередь, это означало, что следы западнорусского диалекта впервые появились не в Радзивилловском списке, как считалось ранее, а уже находились в оригинале, так что ни о какой "копии со списка XIII века" теперь говорить не приходится."

Похоронен Андрей Боголюбский в Успенском соборе во Владимире. Антрополог М. М. Герасимов создал по черепу Андрея скульптурный портрет.

Канонизирован Русской Православной церковью около 1702 года в лике благоверного. Память 4 (17 июля).

См. также **Братство Креста Господня**, **АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ БОГОЛЮБСКИЙ**, **Рабинович М. Древнерусские знамена (X - XV вв.)**, **А.П. Пятнов, Киев и киевская земля в 1167–1169 г.**

Вернуться к ссылке

44.243. Джалаир

Джалаир — союз племён, обитавший на берегах Онона в XII веке. Согласно Рашид ад-Дину, джалаиры принадлежали к монголам-дарлекин [1] («монголам вообще») в отличие от монголов-нирун (собственно монголов); они стали причисляться к монголам уже после создания Монгольского государства. «Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов» [2] .

Джалаиры подразделялись на десять ветвей — джат, тукараун, кунксаут, кумсаут, уят, нилкан, куркин, тулан-гит (дуланкит), тури, шанкут — численностью около 70 тысяч семей.

Джалаиры - одно из значительных колен киргизов; занимают земли между реками Караталом и Или в Копальском уезде Семиреченской области; в сравнительно небольшом числе живут и в уездах Аулиеатинском, Чимкентском и Ташкентском. По данным 1889 г. Джалаиры насчитывается свыше 16000 кибиток.

…**Джалаиры получили** большую известность еще при жизни Чингисхана, многие из них были эмирами, старшими эмирами, а знаменитый Мукали — гойон командовал левым крылом войска Чингисхана (62 тыс.), был назначен Чингисханом наместником в покоренном им Северном Китае. В числе четырех тысяч монгольских воинов, переданных Чингисханом Угэдею, наряду с коренными монгольскими племенами сулдус, конкотан, были и джалаиры. В конце царствования Хайду (1269 — 1301) или при его преемниках.По словам известного узбекского историка К.Ш.Шаниязова, переселение джалаиров в Среднюю Азию произошло в 60-е годы XШ в.

Значительная часть джалаиров участвовала в завоевательных походах Хулагу-хана. Через столетие они создали в Северном Иране государство Джалаиров (1356 — 1411 гг.). Среднеазиатские джалаиры играли значительную политическую роль в регионе, однако в 70-е годы XIV в. они были разгромлены Тимуром и рассеяны. Именно тогда часть их оказалась в Дешт-и Кипчаке. Потому они присутствуют во всех генеалогических списках узбекских племен и родов. Джалаиры, как и уйсуны, до II половины XVI в.не были в Семиречье. Возвращение их связано с образованием Казахского ханства. Примечательный факт: возвращение джалаиров на свои исконные земли, вероятно, имело место и в последующее время, вплоть до XVIII в.

Так в 1748 г., защищая джалаиров из Хивы, стремившихся вернуться в Семиречье к своим сородичам, от насилия Барак султана, погиб от руки последнего хан Младшего жуза Абулхаир, прославленный герой и полководец борьбы казахов против джунгарских захватчиков. И все же собирательным наименованием Старшего жуза стал не джалаир, а уйсун. Сыграло свою роль то, что джалаиры, во-первых, не были в числе коренных монгольских племен, во-вторых, они не были в числе монгольских воинов, переданных Чингисханом Джучи, а от него Тукай-Тимуру, следовательно, они не могли претендовать на особое к ним расположение казахских ханов.

Как видим, и в иерархии монгольских племен, и по сравнению с политической ролью в Казахском ханстве джалаиры уступали уйсунам. Передав большинству племен Старшего жуза свое имя, уйсуны, вероятно, растворились в среде тех же племен: дулат, албан, суан, сары-уйсун, шапрашты. Джалаиры же сохранили единство своих родоплеменных подразделений. Полагаем, что высказывание Т.И.Султанова, «***по сведениям казахских генеалогических преданий, джалаиры главная ветвь племени уйсун***» отражает действительно представление народных преданий, не соответствующее историческим реалиям. Джалаиры не могли быть ни главной, ни побочной ветвью племени уйсунов. Они были самостоятельным и влиятельным племенем, принявшим активное участие в образовании и становлении Казахского ханства, таким джалаиры остались и в составе Старшего жуза.

…**Говорят, что их юртом была** [местность] Кима [кима] в Каракоруме; у них [столь] слепая преданность, что они давали масло [в пищу] самцам-верблюдам гур-хана, который был государем уйгуров. По этой причине их называли именем белагэ. Это племя джалаир состоит из десяти больших ветвей, из которых каждая в отдельности стала многочисленным народом; они следуют в таком распределении и порядке: джат [311], тукараун [312], кунксаут [313], кумсаут [314], уят, нилкан [315], куркин [316], тулангит, тури [317], шанкут [318].

В эпоху Чингиз-хана среди всех джалаирских племен известнее и старше [всех] был [некто] Мукали-гойон [го-ван] из народа джат; все левое крыло войска Чингиз-хана признавало его; его потомков тоже называют прозвищем гойон, а значение [этого названия] на хитайском языке [го-ван] будет: великий хан. В то время как Чингиз-хан оставил его с ратью в местности, которую называют Караун-Джидун [319] хитаи дали ему прозвище. Его сын, Богол-гойон, был заместителем отца в эпоху Угедей-каана, а прозвал его так Чингиз-хан. Хантун-нойона [320], который был старшим

из эмиров Кубилай-каана, он послал со своим сыном Нумуганом и с войском в направлении [владений] Кайду. Вследствие ослушания царевичам его схватили и вручили Кайду; спустя некоторое время последний его освободил, как это будет изложено [дальше].

В этом государстве [т.е. в Иране] был из их племени [т.е. джалаиров] Джаукур [321], эмир-тысяцкий, и его брат Умук. Во времена |*A 13a*, *S 28*| Чингиз-хана были Джочи-Тармалэ и его брат Джочи-Чауркан; из-за них между Чингиз-ханом и тайджиутами случилась война по причине, которая будет рассказана [дальше]. У вышеупомянутого Джочи-Тармалэ было пять сыновей: Кутукту, Кутукдур, Кундагай, Илга и Эрлэн [322].

…Из числа эмиров-тысячников левого крыла войска Чингиз-хана был один по имени Есур [363] из племени джалаир; из его детей Курут [364] отправился к [великому] каану с посольской миссией. Точно так же из левого крыла одною тысячей ведали два брата [тоже] из [племени] джалаир. Одного из них звали Укай-Калджа, а другого – Караджу. Как было упомянуто, они были старые слуги Чингиз-хана и у его отцов служили больше, чем другие эмиры. Так как они исстари имели несомненные права, то Чингиз-хан пожелал поставить их в среде старших эмиров. Они не согласились и сказали: «Твой родитель, |*A 14a*, *S 30*| Есугэй-бахадур, дал нам совет смотреть за баранами». По этой причине они ведали одной тысячью [воинов] и смотрели за личными [ханскими баранами]. Сапа, отец Сартак-нойона, который во время детства Аргун-хана был эмиром орды в Хорасане и Мазандеране, и его сын Качар – [оба] были из их рода. Говорят, что в то время, как племя меркит, воспользовавшись удобным случаем, разграбило дом Чингиз-хана, меркиты отослали его жену, которая была беременна Джочием, к [Он]-хану [365] [98] по той причине, что тогда между меркитами и Он-ханом установился мир; так как у него [Он-хана] была давняя дружба с отцом Чингиз-хана, а его [самого] он называл своим сыном, то Он-хан держал у себя эту госпожу как невестку, и смотрел на нее взором целомудрия и сострадания. Когда эмиры сказали: «Надлежит ее [тебе] взять [в жены]», он отвечал: «Она – моя невестка; не следует смотреть на нее оком предательства». Когда Чингиз-хан получил известие [об этом], он послал [упомянутого] Сапа, бывшего дедом Сартака [366], с требованием [выдачи] той госпожи. Он-хан оказал ему почет и уважение и передал ему [ту госпожу]. Они [Сапа и жена Чингиза] направились к Чингиз-хану; в пути появился на свет Джочи; так как дорога была опасна, то они не имели возможности остановиться и устроить колыбель; [Сапа] из некоторого количества муки сделал мягкое тесто, завернул в него младенца и то [тесто с младенцем] положил в свой подол и понес бережно, чтобы члены его не пострадали. И ребенка назвали Джочи по той причине, что он неожиданно появился на свет.

См. также **Политическая роль племени уйсун**, РАШИД-АД-ДИН. СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ

Вернуться к ссылке

44.244. Барласы

…**Как известно, большая** часть современной Центральной Азии после великих завоеваний Чингисхана вошла в улус его второго сына Чагатая. В первой половине XIV века держава Чагатаидов окончательно раскололась на две части - северо-восточный кочевой Моголистан и преимущественно оседлый юго-запад Мавераннахр (Междуречье).

Первоначально в обеих странах правили потомки Чагатая, пока в 1347 году эмир племени карнау Казаган не убил последнего независимого хана Мавераннахра Казан-хана, но не будучи чингисидом Казаган титула хана не взял, довольствовавшись более скромным "эмир" (правитель), держа при себе марионеточных чингисидских "ханов", которые не имели никакой реальной власти. Но вскоре после смерти Казагана, а точнее - после кончины его сына Абдаллаха где-то в 1360-х годах страна погрузилась в полную родоплеменную анархию, которую почему-то многие историки до сих пор называют по старой марксистской привычке феодализмом.

Сохранившие более сильную войсковую организацию и дисциплину, а значит и государственность, кочевники Могулистана во главе с сильным ханом Туглук Темуром стали регулярно нападать на ослабленный Маверранахр, тираня его жителей.

Следует отметить, что самое непосредственное участие в крахе единого Мавераннахра принимало родное племя будущего "Великого Тимура[203]" (не путать с Туглук Темуром) - **барласы**, так именно их племенной вождь Хаджи Барлас (дядя Тимура) вместе с Байан Сулдузом (вождем племени сулдус), свергли сына Казагана Абдаллаха, вырезали его семью, а заодно умертвили и последнего "подставного" чингисидского хана.

Сам будущий "**Великий Тимур**" был уроженцем кишлака Ходжа Иглар близ города Кеша (современный Карши), сыном родоуправителя одного из колен племени **барлас**, некоего Тарагая. **Были ли барласы тюрками или монголами доподлинно неизвестно, есть немало горячих сторонников как первой, так и второй версии,** характерно, что в современной узбекской историософии доминирует оппортунистическая (всем удобная) точка зрения: барласы - это тюркизированные монголы.

По данным выдающегося востоковеда В.П. Юдина все племя барлас имело характерную родовую кличку, прозвище - "осел", "ишак" (Юдин В.П. Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001, с. 131). Откуда оно произошло Юдин не уточнял, а современные узбекские историки помалкивают.

В конце концов Хаджи Барлас сбежал от моголов в Персию и во главе сначала одних только барласов, а потом и прибивших соседних племен становится предприимчивый и хитрый Тимур.

---

[203] Полное имя Тимура было **Тимур ибн Тарагай Барлас** (*Tīmūr bin Taraġay Barlas — Тимур сын Тарагая из Барласов*) в соответствии с арабской традицией (алам-насаб-нисба) . По-якутски Тарагай, Тарахай — что означает «лысый» (букв.).

… **Если помните, Жошы Дармал** сторонник Чингисхана, при попытке угона косяка лошадей (барымта) убил Тайчара, родного брата Чжамухи. В отместку Чжамуха затеял войну против сторонников Чингисхана, которая произошла при Далан балчжутах. Уже на закате солнца, подуставшие воины Чингисхана, укрылись в ущелье при Ононе. «Мы крепко заперли врагов на скалах Онона» сказал Джамуха, и прежде чем вернутся домой, приказал сварить в семидесяти котлах, «детей волков». Речь тут идет о жестокой мести, которую совершил Чжамуха в отношении рода волков. По всей видимости, пострадавший от жестокости Чжамухи род «волков» это не только род Жошы Дармала но и Великого Эмир Темура **бори аш**, (голодный волк – бори аш. тюрк. каз.) т.е. **Барлас**. Жошы Дармал тоже принадлежал роду Бори аш (барлас), поэтому Чжамуха с особой жестокостью расправился с «детьми волков», которых сварили заживо**. Корень родства Чингисхана и рода Барлас мы найдем в хронике – родословной Чингисхана.**

См. также **Миф об узбекском государстве. Часть 1. - Номад, Казахстан**, **Тамерлан**, З А К О Н Ы В Е Л И К О Й С Т Е П И Продолжение

Вернуться к ссылке

44.245. Тамерлан

Тамерлан (**Тиму́р**; 21 марта 1336, с. Ходжа-Ильгар, совр. Узбекистан — 18 февраля[1] 1405, Отрар, совр. Казахстан; чагатайское (*Temür, Tēmōr*) — *железо*, Узбек. *Amir Temur*, Амир Темир перс. تیمور لنگ Tīmūr-e Lang — Железный хромец) — один из великих мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Средней Азии и Кавказа. Выдающийся полководец, эмир (с 1370). Создатель крупной державы со столицей в Самарканде. Основатель династии тимуридов.

44.245.1. Имя Тамерлана

Полное имя Тимура было **Тимур ибн Тарагай Барлас** (*Tīmūr bin Taraġay Barlas — Тимур сын Тарагая из Барласов*) в соответствии с арабской традицией (алам-насаб-нисба) . По-якутски Тарагай, Тарахай — что означает «лысый» (букв.). В чагатайском и монгольском языках (оба алтайские) *Temür* или *Темир* значит «*железо*». Слово (*Temür*) вероятно восходит к санскритскому **čimara* («железо»).

После того, как Тимур породнился с кланом Чингисхана, он принял имя *Тимур Гуркани* (*Timūr Gurkānī*, Gurkān — иранизированный вариант монгольского *күргэн* или *хүргэн*, «зять».

В различных персидских источниках часто встречается иранизированное прозвище *Тимур-э Лянг* (Tīmūr-e Lang, تیمور لنگ) «Тимур Хромой», это имя, вероятно, рассматривалось в то время как презрительно-уничижительное. Оно перешло в западные языки (*Tamerlan*, *Tamerlane*, *Tamburlaine*, *Timur Lenk*).

44.245.2. Личность Тамерлана

Биография Тимура во многом напоминает биографию Чингисхана: оба завоевателя начали свою деятельность как предводители набранных ими лично отрядов приверженцев, которые и потом оставались главной опорой их могущества. Подобно Чингисхану, Тимур лично входил во все подробности организации военных сил, имел подробные сведения о силах врагов и состоянии их земель, пользовался среди своего войска безусловным авторитетом и мог вполне полагаться на своих сподвижников. Менее удачен был выбор лиц, поставленных во главе гражданского

управления (многочисленные случаи наказания за лихоимство высших сановников в Самарканде, Герате, Ширазе, Тавризе).

Различие между Чингисханом и Тимуром определяется большим образованием последнего. Чингисхан был лишён всякого образования. Тимур, кроме своего родного (тюркского) языка, говорил по-персидски и любил беседовать с учёными, в особенности слушать чтение исторических сочинений; своими познаниями в истории он привёл в изумление величайшего из мусульманских историков, Ибн Халдуна; рассказами о доблестях исторических и легендарных героев Тимур пользовался для воодушевления своих воинов.

Постройки Тимура, в создании которых он принимал деятельное участие, обнаруживают в нём редкий художественный вкус.

Тимур заботился преимущественно о процветании своего родного Мавераннахра и о возвышении блеска своей столицы — Самарканда. Тимур пригонял из всех завоёванных земель мастеров, архитекторов, ювелиров, строителей, зодчих для того, чтобы обустроить Самарканд. Всю свою заботу, которую он вкладывал в этот город, ему удалось выразить через его слова о нём: — «Над Самаркандом всегда будет голубое небо и золотые звёзды». Только в последние годы им принимались меры для поднятия благосостояния других областей государства, преимущественно пограничных (в 1398 году был проведён новый оросительный канал в Афганистане, в 1401 году — в Закавказье и т. д.)[2]

44.245.3. Биография

Детство и юность

Тимур родился 21 марта 1336 года в селении Ходжа-Ильгар близ города Кеш (ныне Шахрисабз, Узбекистан) в Средней Азии.

Как показало вскрытие гробницы М. М. Герасимовым и последующее изучение скелета Тамерлана из его захоронения, рост его составлял 172 см. Тимур был силён, физически развит, его современники писали про него: «Если большинство воинов могли натянуть тетиву лука до уровня ключицы, то Тимур натягивал её до уха». Волосы были светлее большинства своих соплеменников.[2]

Его отца звали Тарагай, он был военным, мелким феодалом. Родом происходит из тюркизированного монгольского племени. Не имел школьного образования и был малограмотен, но знал наизусть Коран. Имел 18 жён, из которых его любимой женой была сестра Эмира Хусейна — Улджай Туркан-агав. В народе его называли «не очень знатный бей».[2]

В юности был командиром разбойного отряда, состоявшего из трёхсот всадников, несмотря на то, что по законам того времени воровство и разбойничество серьёзно каралось. Со своим отрядом он уводил скот и грабил купцов с большой дороги.[2]

Во время малолетства Тимура произошёл распад чагатайского государства в Средней Азии (Чагатайский улус). В Мавераннахре с 1346 года власть принадлежала тюркским эмирам, и возводившиеся императором на престол ханы правили только номинально. Могульские эмиры в 1348 году возвели на престол Туглук-Тимура, который стал править в Восточном Туркестане, Кульджинском крае и Семиречье.

Борьба против Моголистана

Первым главой тюркских эмиров был Казаган (1346—1358 гг.). Тимур вступил на службу к владетелю Кеша — Хаджи Барласу (его дяде), главе племени Барлас. В 1360 году Мавераннахр был завоёван Туглук-Тимуром. Хаджи Барлас бежал в Хорасан, а Тимур вступил в переговоры с ханом и был утверждён владетелем Кешской области, но должен был удалиться после ухода монголов и возвращения Хаджи Барласа.[2]

Карта Монгольского доминиона 1300—1405

В 1361 году хан Туглук-Тимур снова занял страну, а Хаджи Барлас снова бежал в Хорасан, где впоследствии был убит. В 1362 году Туглук-Тимур спешно покинул Мавераннахр вследствие возникшего мятежа группы эмиров в Моголистане, передав власть Ильясу-ходжи — сыну Туглук-Тимура. Тимур же был утверждён владетелем Кешской области и одним из помощников могульского царевича. Не успел хан пересечь реку Сырдарья, как Ильясходжа-оглан, вместе с эмиром Бекчиком и другими близкими эмирами, сговорились удалить Тимурбека от государственных дел, а при удобном случае и уничтожить его физически. Интриги все более усиливались и приняли опасный характер. Тимуру пришлось отделиться от могулов и перейти на сторону их врага — Эмира Хусейна (внука Казагана). Некоторое время они с небольшим отрядом вели жизнь искателей приключений и пошли в сторону Хорезма, где в сражении под Хивой потерпели поражение от правителя тех земель Таваккала-Конгурота и с остатками своих воинов и слуг вынуждены были отступить вглубь пустыни. Впоследствии выйдя к аулу Махмуди в области, подвластной Махану, они были взяты в плен людьми Алибека Джаникурбана, в темницах которого провели 62 дня в плену. Согласно сведениям историка Шарафиддина Али Язди, Алибек намеревался продать Тимура и Хусейна иранским купцам, но в те дни через Махан не прошёл ни один караван. Узники были спасены старшим братом Алибека эмиром Мухаммад-беком.

В 1361—1364 годах Тимурбек и эмир Хусейн жили на южном берегу Амударьи в областях Кахмард, Дарагез, Арсиф и Балх и вели против монголов партизанскую войну. Во время стычки в Сеистане, произошедшей осенью 1362 года против врагов правителя Малика Кутбиддина, Тимур лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего стал хромым (прозвание «хромой Тимур» — *Аксак-Темир* по-тюркски, *Тимур-е ланг* по-персидски, отсюда Тамерлан).[2]

В 1364 году могулы были вынуждены покинуть страну. Вернувшиеся обратно в Мавераннахр Тимур и Хусейн посадили на престол улуса Кабул-шаха из рода Чагатандов.[3]

На следующий год, на рассвете 22 мая 1365 года под Чиназом произошло кровопролитное сражение между армией Тимура и Хусейна с армией моголистана под предводительством Ильясходжа-оглана, вошедшее в историю как «битва в грязи». У Тимура и Хусейна было немного шансов отстоять родную землю, поскольку у армии Ильясходжа-оглана были превосходящие силы. Во время сражения пошёл проливной ливень, во время которого воинам трудно было даже взглянуть вперёд, а лошади вязли в грязи, поэтому противникам пришлось отступить — джигиты Тимура и Хусейна отходят на другой берег реки Сырдарьи.

Тем временем армия Ильясходжа-оглана была изгнана из Самарканда народным восстанием

сербедаров, которое возглавили его преподаватель медресе Мавланазада, ремесленник Абубакр Калави и меткий стрелок Хурдаки Бухари. В городе установилось народное правление. Узнав об этом, Тимур и Хусейн договорились выступить против сербедаров — они заманили их добрыми речами на переговоры, где весной 1366 года войска Хусейна и Тимура подавили восстание, казнив сербедарских вождей, но по приказу Тамерлана оставили в живых лидера сербедаров — Муалана-заде, которому были обращены народные пристрастия.[2]

Углубление распрей между Хусейном и Тимуром и избрание его «великим эмиром»

Тимур при осаде крепости Балх в 1370 году

Хусейн желал властвовать на престоле чагатайского улуса среди тюрко-монгольского народа, подобно своему дяде Казагану, но по сложившейся традиции власть испокон истории принадлежала потомкам Чингизхана. Хусейн не принадлежал к чингизидам, тогда Тимур выступил против изменения обычаев, а титул верховного эмира (эмир ул-умаро), со времен Чингизхана, из поколения в поколение переходил к предводителям племени барласов, являющихся предками Тимурбека. Это подтверждает письменное соглашение между прадедом Чингизхана Туминаханом и Качувли-бахадуром — первым прадедом Тимура. Во время правления Казанхана должность верховного эмира была силой присвоена дедом эмира Хусайна эмиром Казаганом, что послужило поводом для разрыва и без того не очень хороших отношений между беками Тимуром и Хусейном. Каждый из них начинал готовиться к решающему сражению.

Переехав из Сали сарая в Балх, Хусейн начал укреплять крепость и готовиться к решающему сражению. Хусейн решил действовать обманом и хитростью. Он послал Тимуру приглашение на встречу в ущелье Чакчак для подписания мирного договора, а в качестве доказательства своих дружественных намерений обещал поклясться на коране. Отправившись на встречу, Тимур на всякий случай взял с собой двести джигитов, Хусейн же привёл тысячу своих воинов и по этой причине встреча не состоялась. Тимур об этом случае вспоминает: «***Я послал эмиру Хусейну письмо с тюркским бейтом204 такого содержания:***

Кто обмануть меня намерен,

Сам ляжет в землю, я уверен.

Коварство проявив свое,

Он сам погибнет от него.

Когда мое письмо дошло до эмира Хусейна, он был крайне смущен и просил прощения, но во второй раз я ему не поверил».

Собрав все свои силы, Тимур стал перенаправляться на другой берег реки Амударья. Передовыми частями его войск командовали Суюргатмиш-оглан, Али Муайяд и Хусапн барлас.

---

[204] Бейт - двустишие в арабской, тюркской и персидской поэзии; с парной системой рифмовки.

На подходе к селению Бийя на встречу войску выдвинулся Барак — предводитель Андхудских сайиндов, и вручил ему литавры и знамя верховной власти. На пути к Балху к Тимуру присоединились прибывший из Каркары Джаку барлас со своим войском и эмир Кайхусрав из Хутталана, а на другом берегу реки также присоединились эмир Зинда Чашм из Шибиргана, хазарийцы из Хульма и Бадахшана Мухаммадшах. Узнав про это, многие воины эмира Хусейна покинули его.

Перед сражением Тимур собирает курултай, на котором ханом избирают человека из рода чингизидов Суюргатмыша.

Незадолго до утверждения Тимура «великим эмиром» к нему пришёл некий добрый вестник, некий шейх из Мекки, сказал, что ему было видение, что он, Тимур, будет великим правителем. По этому случаю вручил ему знамя, барабан, символ верховной власти. Но он эту верховную власть лично не берёт, а остаётся рядом с ней.[2]

10 апреля 1370 года Балх был покорён, а Хусейн был взят в плен и убит. На курултае Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра. Подобно своим предшественникам, он не принял ханского титула и довольствовался званием «великого эмира» — ханами при нём считались потомок Чингизхана Суюргатмыш (1370—1388 гг), его сын Махмуд (1388—1398) и Сатук-хан (1398—1405 гг). Столицей был выбран Самарканд, был положен конец феодальной раздробленности.

44.245.4. Укрепление достигнутой государственности: сражение с Моголистаном и Золотой Ордой

Несмотря на заложенный фундамент государственности, Хорезм и Шибирган, которые относились к Чагатайскому улусу, не признавали новой власти в лице Суюргатмиш-хана и Эмира Тимура. Неспокойно было на южных и северных рубежах границы, где беспокойство доставляли Моголистан и Белая Орда, часто нарушая границы и разграбливая селения. После захвата Урусханом Сыгняка и переноса в него столицы Белой Орды, Яссы (Туркестан), Сайрам и Мавераннахр оказались в ещё большей опасности. Необходимо было предпринимать меры по укреплению государственности.

В этот же год признали власть Амира Тимура города Балх и Ташкент, однако Хорезмские правители продолжали сопротивляться Чагатайскому улусу, опираясь на поддержку правителей Дашт-и кипчака. Эмир Тимур требовал вернуть захваченные земли Хорезма сначала мирным путём, посылая в Гурганж сначала тавачи (квартирмейстер), потом шайхулислама (глава мусульманской общины), но Хусайн-суфи оба раза отказался выполнять это требование, взяв в плен посла. С тех пор Эмир Тимур совершил пять походов на Хорезм. Окончательно он был взят в 1388 году.

Следующими целями Амира Тимура были обуздание улуса Джучи (известного в истории как **Белая Орда)** и установление политического влияния в его восточной части и объединение Моголистана и Мавераннахра, разделённого ранее, в единое государство, называвшееся в своё время Чагатайским улусом. Властитель Могулистана Эмир Камариддин имел те же самые цели, что и Тимур. Моголистанские феодалы часто совершали грабительские набеги на Сайрам, Ташкент, Фергану и Туркестан. Особенно принесли народу большие беды набеги Эмира Камариддина в 70-71-х годах и набеги в зиму 1376 года на города Ташкент и Андижан. В этом же году Эмиром Камариддином было захвачено пол-Ферганы, в горы из которой бежал её наместник Умар Шах-мирза. Поэтому проблема Моголистана была важной задачей спокойствия на рубежах границы. С 1371 по 1390 годы Эмир Тимур совершил семь походов на Моголистан, окончательво разбив армию Камариддина и Анка-тюра в 1390 году в ходе последнего похода. Однако Тимур дошёл лишь до Иртыша на севере, Алакула на востоке, Эмила и ставки монгольских ханов Балиг юлдуза, но завоевать земли восточнее гор Тангри-тага и Кашгара он не смог. Камариддин бежал и, впоследствии, умер от водянки. Независимость Моголистана была сохранена.

Государство Тамерлана

Понимая всю опасность объединения улуса Джучи для независимости Мавераннахра, с первых же дней своего правления, Тимур всячески пытался помешать объединению его в единое государство, некогда раздробленное на два — Белую и Золотую орды. Золотая Орда имела столицу в городе Сарай Берке и простиралась по Северному Кавказу, северо-западной части Хорезма, Крыму, Западной Сибири и Волжско-камскому княжеству Булгар. Белая Орда имела столицу в городе Сыгнак и простиралась от Янгикента до Сабрана, по нижнему течению Сырдарьи, а также на берегах Сырдарьи степи от Улу-тау до Сенгир-ягача и земли от Каратала до Сибири. Хан Белой орды Урус-хан пытался объединить некогда могущественное государство, планам которого помешала усилившаяся борьба между джучидами и феодалами Дашт-и кипчака. Тимур всячески поддерживал Тохтамыш-оглана, отец которого погиб от рук Урусхана, в итоге занявшего престол Белой Орды. Однако, после восхождения к власти, хан Тохтамыш захватил власть в Золотой Орде и стал проводить враждебную политику по отношению к землям Мавераннахра. Амир Тимур совершил три похода против хана Тохтамыша, окончательно разбив его 28 февраля 1395 года.

После разгрома Золотой Орды и хана Тохтамыша, последний бежал в Булгар. В ответ на разграбление земель Мавераннахра, Эмир Тимур сжёг столицу Золотой Орды — Сарай Берке и отдал бразды правления ею в руки Койричак-оглану, который являлся сыном Урусхана. В поисках Тохтамыша Тимур начал поход на Русь.

В 1395 году Тамерлан, шедший походом на Русь, прошёл Рязанскую область и взял город Елец, после чего двинулся в сторону Москвы, но неожиданно развернулся и ушёл 26 августа обратно. Эти действия объясняются двумя фактами. В первую очередь, низкая плотность населения и бедный образ жизни производили на Тамерлана впечатление запустения, и большой необходимости в покорении этих земель он не видел. Более того, на этих малозаселенных территориях с редкими русскими крепостями самой крупной смотрелся небольшой по древнерусским меркам Елец. И взяв местную столицу — Елец, Тамерлан остановил свои полки.(**недостоверный источник**) Некоторая их часть под руководством Миранша и Джеханшаха отправилась громить ближайшие татарские улусы, возможно, Червленый Яр. Основное войско отдыхало. Видимо, одновременно по округе были разосланы разведчики. Судя по вышеприведенным описаниям Подонья, их донесения не могли содержать соблазнительных для Тимура целей. Кроме Елецкого княжества, на многие километры в земле «урусов» покорять было практически нечего. Поэтому Тимур мог расценить разорение пограничного города, крупнейшей русской крепости, попавшейся ему на пути, как покорение всей «области урусов». На этом поход в северном направлении для него был закончен.[4] В народе этот случай именуется как «предание о явлении Божией Матери Тамерлану». Согласно церковному преданию, именно в то время москвичи встречали чтимую Владимирскую икону Божией Матери, перенесенную в Москву для защиты её от завоевателя. В день встречи образа Тамерлану во сне, согласно летописи, явилась Богородица и велела ему немедленно уйти из пределов Руси. На месте встречи Владимирской иконы Божией Матери был основан Сретенский монастырь.[2][5]

Нанёс поражение хану Тохтамышу, возглавлявшему в то время государство «Золотая Орда». Опасаясь перехода Закавказья и Западного Ирана под власть противника, Тохтамыш предпринял в 1385 году вторжение в этот регион. Захватив Тебриз и разграбивив его, хан отступил с богатой добычей; среди 90 000 пленников был и таджикский поэт Камаль Ходженди.[6] В 1390-е Тамерлан нанёс ордынскому хану два жестоких поражения — на Кондурче в 1391 году и Тереке в 1395-ом,

после которых Тохтамыш был лишён престола и вынужден вести постоянную борьбу с ханами, поставленными Тамерланом. Этим разгромом армии хана Тохтамыша Тамерлан принёс косвенную пользу в борьбе русских земель против татаро-монгольского ига.[7]

44.245.5. Иные завоевания: походы на Кавказ, в Индию, Сирию, Персию и Китай

В 1380 году Тимур отправляется в поход против Малика Гиясиддина Пир Али II, который правил в городе Герат. Вначале он направил к нему посла с приглашением на курултай, дабы решить проблему мирным путём, но Малик отверг предложение, задержав посла. В ответ на это в апреле месяце 1380 года Тимур, под предводительством эмирзаде Пирмухаммада Джа хангир, направил десять полков на левый берег реки Амударьи. Он захватил области Балх, Шибирган и Бадхиз. В феврале 1381 года выступил с войсками сам Эмир Тимур и взял города Хорасан, Серакс, Джами, Каусия, Туе и Келат, а Герат был взят после пятидневной осады. также помимо Келата был взят Себзевар, в результате чего прекратило существование государство сербедаров; в 1382 года правителем Хорасана был назначен сын Тимура, Миранша́х; в 1383 году Тимур опустошил Сеистан и жестоко подавил восстание сербедаров в Себзеваре.

В 1383 году он взял Сеистан, в котором были повержены крепости Зирех, Заве, Фарах и Буст. В 1384 году захватил города Астрабад, Амуль, Сари, Султания и Тебриз, фактически захватив всю Персию. После чего он отправился в поход в Армению, после чего он ещё несколько раз совершал завоевательные походы в Персию и Сирию. Эти походы известны в мировой истории как трёхлетний, пятилетний и семилетний походы, в ходе которых он вёл войны в Сирии, Индии, Армении, Грузии, Турции и Персии.

В 1402 году Тимур одержал важнейшую победу над Османским султаном Баязи́дом I Молниено́сным, нанеся ему поражение в Битве при Анкаре 28 июля. Сам султан был взят в плен. В результате сражения захвачена вся Малая Азия, а поражение Баязида привело к распаду Османской империи, сопровождавшейся крестьяской войной и междоусобицами его сыновей. Официальным поводом к войне послужило якобы подношение турецкими послами даров Тимуру. Возмущенный тем, что в роли благодетеля выступает Баязид, Тимур объявил военные действия[2][8]

44.245.6. Смерть

Мавзолей Эмира Тимура в Самарканде

Умер во время похода на Китай.[2] После завершения семилетней войны, в ходе которой был разгромлен Баязид I, Тимур начал подготовку к Китайской кампании, которую он давно планировал из-за притязаний Китая на земли Мавераннахра и Туркестана. Он собрал большую двухсоттысячную армию, вместе с которой выдвинулся в поход 27 ноября 1404 года. В январе 1405 года он прибыл в г. Отрар (развалины его — недалеко от впадения Арыси в Сыр-Дарью), где заболел и умер (по словам историков — 18 февраля, по надгробному памятнику Тимура — 15-го).

44.245.6.1. Легенда о могиле Тамерлана

В 1747 году иранский шах Надиршах забрал загробный камень из нефрита, и в тот день Иран был разрушен землетрясением, а сам шах тяжело заболел. Землетрясение повторилось, когда шах вернулся в Иран, и камень вернули обратно.

Согласно легенде, источник и время возникновения которой не представляется возможным установить, существовало предсказание[9] о том, что если прах Тамерлана будет потревожен, начнётся великая и страшная война. Надпись на нефритовой надгробной плите гласит: «***Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или в следующей, будет подвергнут страданиям и погибнет***».

Из воспоминаний Малика Каюмова[10], бывшего кинооператором при вскрытии могилы:

Вошёл в ближайшую чайхану, смотрю — там три древних старика сидят. Я ещё отметил про себя: похожи друг на друга, как родные братья. Ну, я присел неподалёку, мне чайник и пиалу принесли. Вдруг один из этих стариков и обращается ко мне: «Сынок, ты ведь из тех, кто вскрывать могилу Тамерлана вздумали?». А я возьми да и скажи: «Да я в этой экспедиции самый главный, без меня все эти учёные — никуда!». Шуткой решил свой страх отогнать. Только, смотрю, старики в ответ на мою улыбку ещё больше нахмурились. А тот, что заговорил со мной, к себе манит. Подхожу ближе, смотрю, в руках у него книга — старинная, рукописная, страницы арабской вязью заполнены. А старик по строчкам пальцем водит: «Вот смотри, сынок, что в этой книге написано. „Кто вскроет могилу Тамерлана — выпустит на волю духа войны. И будет бойня такая кровавая и страшная, какой мир не видал во веки вечные“»…

Он решил рассказать остальным, и его подняли на смех. Это было 20 июня. Учёные не послушались и 22 июня вскрыли могилу, и в этот же день началась Великая Отечественная война. Никто не смог найти тех старцев: хозяин чайханы сказал, что в тот день, 20 июня, он видел стариков в первый и последний раз. Вскрытие гробницы Тамерлана было произведено[11] 22 июня 1941 г. советским учёным-антропологом М. М. Герасимовым. В результате исследования черепа полководца была воссоздана внешность Тамерлана.

По словам Каюмова, он, будучи на фронте, добился встречи с маршалом Жуковым в октябре 1942 года, объяснил ситуацию и предложил вернуть прах Тамерлана обратно в могилу. Это было осуществлено 19—20 ноября 1942 года; в эти дни произошёл перелом в Сталинградской битве.

44.245.7. Три больших похода Тимура

В западную часть Персии и прилегающие к ней области Тимур совершил три больших похода — так называемые «трёхлетний» (с 1386 года), «пятилетний» (с 1392 года) и «семилетний» (с 1399 года).

Трёхлетний поход

В первый раз Тимур был вынужден вернуться обратно вследствие нашествия на Мавераннахр золотоордынского хана Тохтамыша в союзе с семиреченскими монголами (1387).

Тимур в 1388 году прогнал врагов и наказал хорезмийцев за союз с Тохтамышем, в 1389 г. совершил опустошительный поход вглубь монгольских владений до Иртыша на север и до Большого Жылдыза на восток, в 1391 г. — поход на золотоордынские владения до Волги. Эти походы достигли своей цели.

В 1398 г. был предпринят поход на Индию, по дороге были побеждены горцы Кафиристана. В декабре Тимур под стенами Дели разбил войско индийского султана (династия Тоглукидов) и без сопротивления занял город, который через несколько дней был разграблен войском. В 1399 г. Тимур дошёл до берегов Ганга, на обратном пути взял ещё несколько городов и крепостей и вернулся в Самарканд с огромной добычей, но не расширив своих владений.

Пятилетний поход

Во время «пятилетнего» похода Тимур в 1392 г. завоевал прикаспийские области, в 1393 г. — западную Персию и Багдад; сын Тимура, Омар-шейх, был назначен правителем Фарса, Миран-шах — правителем Закавказья. Нашествие Тохтамыша на Закавказье вызвало поход Тимура на Южную Россию (1395); Тимур разбил Тохтамыша на Тереке, преследовал его до пределов Московского царства. Там он вторгся в Рязанские земли, разорил Елец, составив угрозу Москве.

Начав наступление на Москву, он неожиданно повернул назад и вышел из пределов Московии в тот самый день, когда москвичи встречали образ Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, принесенный из Владимира (с этого дня икона почитается как покровительница Москвы). Затем Тимур разграбил торговые города Азов и Кафу, сжег Сарай-Бату и Астрахань, но прочное завоевание Золотой Орды не имелось в виду, и Кавказский хребет остался северной границей владений Тимура. В 1396 г. он вернулся в Самарканд и в 1397 г. назначил своего младшего сына Шахруха правителем Хорасана, Сеистана и Мазандерана.

Семилетний поход

«Семилетний» поход первоначально был вызван сумасшествием Миранша́ха и беспорядками во вверенной ему области. Тимур низложил своего сына и разбил вторгшихся в его владения врагов. В 1400 г. началась война с османским султаном Баязетом, захватившим город Арзинджан, где правил вассал Тимура, и с египетским султаном Фараджем, предшественник которого, Баркук, ещё в 1393 г. велел убить посла Тимура. В 1400 г. Тимур взял Сивас в Малой Азии и Халеб (Алеппо) в Сирии (принадлежавшей египетскому султану), в 1401 г. — Дамаск. Баязет был разбит и взят в плен в знаменитой битве при Анкаре (1402). Тимур разграбил все города Малой Азии, даже Смирну (принадлежавшую иоаннитским рыцарям). Западная часть Малой Азии в 1403 г. была возвращена сыновьям Баязета, в восточной были восстановлены низложенные Баязетом мелкие династии. В Багдаде (где Тимур восстановил свою власть в 1401 г., причём погибло до 90 000 жителей) был назначен правителем сын Миранша́ха, Абу-Бекр. В 1404 г. Тимур вернулся в Самарканд и тогда же предпринял поход на Китай, к которому начал готовиться ещё в 1398 г. В тот год им была построена крепость на границе нынешней Сыр-Дарьинской области и Семиречья; теперь было построено ещё одно укрепление, в 10 днях пути дальше к востоку, вероятно около Иссык-Куля.

Тимур собрал войско и в январе 1405 г. прибыл в г. Отрар (развалины его — недалеко от впадения Арыси в Сыр-Дарью), где заболел и умер (по словам историков — 18 февраля, по надгробному памятнику Тимура — 15-го).

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.16

44.246. Булгары

Булга́ры, **болга́ры** (лат. *Bulgares*, греч. Βούλγαροι, совр. болг. *прабългари, протобългари*) — тюркоязычные племена скотоводов и земледельцев, населявшие с IV века степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа и мигрировавшие во 2-й половине VII века частично в Подунавье, а позднее в Среднее Поволжье и ряд других регионов. Участвовали в этногенезе таких современных народов как болгары, казанские татары, балкарцы, карачаевцы, гагаузы, венгры и передали своё имя государству Болгария. В современной историографии для их обозначения используются также термины **протоболгары**, **праболгары**, **древние болгары**.

44.246.1. Терминология

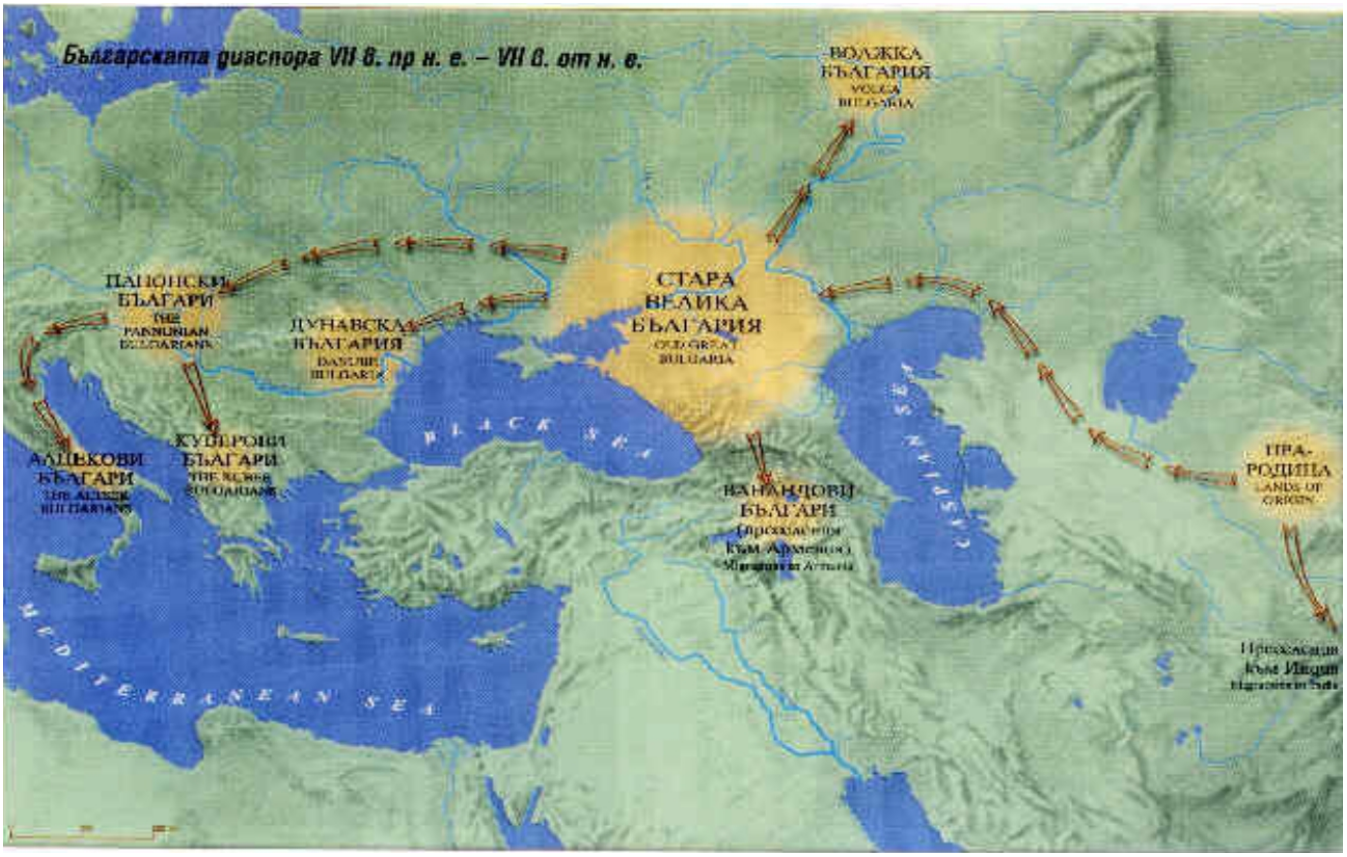
В российской историографии для разграничения разных этносов б**о**лгарами принято называть народ, населяющий современную Болгарию. Их предков, а также население Волжской Болгарии обычно называют б**у**лгарами. Однако эта норма не является жёсткой. Форму «булгары», используя твёрдое *У*, употребляли византийцы. Современные болгары называют себя *българи*, используя твёрдую гласную «Ъ». В случае Волжской Булгарии также - у арабов нет буквы "о", поэтому и они писали "булгары".

… **Согласно булгарским легендам**, около 35 тыс. лет назад семь сакланских (индоарийских) и синдийских (древнетюркских) племен объединились в мощный союз племен, который так и стали называть: идель ("семь племен") 'семь (иде) племя (эль)'. Название "идель" стало первым именем нашего народа. На знамени идельцев было изображение волчьей головы. Поэтому это знамя называлось булгар ("волчья или черная голова") 'волчья или черная (булг) голова (ар)'.

Упомянутое изображение появилось на знамени идельцев не случайно - ведь волк был тотемом булгар.

44.246.2. Происхождение и этническо-языковая принадлежность

Согласно наиболее распространённому взгляду, булгары были частью огурского массива племён, первоначально обитавших в Центральной Азии и называемых в китайских источниках тиелэ[1].



Болгарская диаспора в VII в. до н.э. - VII в. н.э.

С этой точки зрения булгары являлись одной из самых ранних тюркских групп, продвинувшихся в Европу в ходе Великого переселения народов.[2] Булгарский язык относится к числу западно-тюркских языков и наряду с вымершим хазарским и современным чувашским составляет их особую, наиболее архаичную, группу.

Древняя родина булгар согласно описанию Средней Азии из армянского географического атласа «Ашхарацуйц», реконструкция академика С. Т. Еремяна.

В 1990-е гг. среди части болгарских историков получила

популярность теория восточно-иранского происхождения булгар.[3] Согласно этому взгляду древние булгары были ираноязычны и обитали в зоне, лежащей между западной частью Гиндукуша, Парапамизом и рекою Оксусом — (Аму или Хигон), отделявшую её от лежащей севернее Согдианы. В древности эта местность называлась Бактрия (греч.), или Балхара (самоназвание), со столицей в городе Балх. Отсюда болгарские историки выводят этноним «болгары», привлекая тот факт, что булгар армянские источники называли *булхи*, а также упоминания в индийских источниках народа *балхики* и родины булгар в горах Имеона (где и была Бактрия) в раннесредневековых источниках.[4] Также в качестве обоснования привлекается антропология, некоторые данные которой позволяют предположить происхождение булгар от палеоевропеоидных групп населения.[5] Сторонники теории считают, что древние булгары на начальном этапе говорили на восточно-иранском языке, но потом сменили его на тюркский язык. За пределами Болгарии эти теория не получила заметного распространения.[6]

В средневековых источниках в качестве азиатской прародины булгар фигурируют Имеонские (Имейские) горы, традиционно идентифицируемые с пограничным районом между Афганистаном и Таджикистаном.

В армянском географическом атласе VII века «Ашхарацуйц», составленном на основании более древних сведений, племя булхи [7], помещается рядом с саками и массагетами.[8]. Агафий Миринейский, рассказывая о набеге хана Забергана в 558 году, дал краткое описание древней истории «гуннов» (булгар), обитавших некогда в Азии за *Имейской горой*:

«***Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие утигурами***.»[9]

Феофилакт Симокатта в описании войн между племенами Тюркского каганата локализовал родину уннугуров (предполож. булгарское племя) в Согдиане (равнинная область на границе Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, охваченная Гиндукушем): «***Только Бакаф, некогда построенный уннугурами, был разрушен землетрясением, и Согдиана испытала на себе и мор и землетрясение***.»[10]

Михаил Сириец[11] передал легенду о трех братьях «скифах», вышедших от горы Имаон (Памир, Гиндукуш, Тянь-Шань) в Азии и дошедших до Танаиса (Дона). Представляет интерес упоминание вместе с булгарами неких *пугуров*, возможно вышеупомянутых «пугу» из китайских источников (гипотетическое предположение):

«***В то время три брата из Внутренней Скифии вели с собой тридцать тысяч скифов и за шестьдесят дней прошли путь от горы Имаона. Они шли в зимнее время, чтобы находить воду, и достигли Танаиса и моря Понтийского. Когда они достигли границ ромеев, один из них, по имени Булгариос, взял с собой десять тысяч мужей и отделился от своих братьев. Он пересек реку Танаис и подошел к Дунаю, впадающему в Понтийское море, и послал (своих представителей) к Маврикию просить дать ему область, чтобы поселиться в ней и стать помощью ромеев. Император предоставил ему Дакию, Верхнюю и Нижнюю Мезию… Они обосновались там и стали охраной для ромеев. И ромеи назвали их булгарами…***

Другие два брата пришли в страну аланов, называемую Барсалия (Берсилия) и города которой были построены ромеями, например Каспий, именуемый ворота Тораяна (Дербент). Булгары и пугуры, населявшие эти места, в старые времена были христианами. И когда иноземцы начали править этой страной, они стали называться хазарами по имени старшего из братьев, которого звали Хазариг (Казариг).»[12]

44.246.3. Ранняя история булгар. IV—VI вв.

Свидетельства IV века

Первое упоминание о булгарах в синхронном источнике содержится в анонимном латинском хронографе 354 года, где в списке племен и народностей Причерноморья и Прикаспия (потомков Сима) на последнем месте называются булгары (Vulgares).[13] Самое раннее ретроспективное упоминание о булгарах содержится у армянского историка V века Мовсеса Хоренаци. По его словам при армянском царе Аршаке I, сыне Вагаршака, булгары поселились в армянских землях: «*В **дни Аршака возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в Стране булгаров; многие из них, отделившись, пришли в нашу страну**.*»[14]

Местоположение булгар ~ 650 г..

Время правления Аршака I датируется 1-й половиной II в. до н. э.,[15] что вызывает сомнение историков в достоверности данного сообщения. Мовсес Хоренаци ссылается на более раннего летописца Мар Абаса Катину, жившего самое позднее на рубеже III—IV вв.

Далее свидетельства об их активности исчезают из источников вплоть до распада Гуннской империи. Это даёт основания предполагать, что булгары входили в тот огромный союз племён, который современники именовали гуннами.

Булгары и гунны

В ранней средневековой историографии прослеживается путаница булгарских племён с гуннами, оставившими неизгладимый след у современников своими разрушительными походами середины V века. Захарий Ритор в своей «Церковной истории» (середина VI века) относит все племена (включая «*бургар*»), проживающие к северу от Кавказа в Прикаспии, к гуннским. Однако Иордан разделяет булгар и гуннов, описывая в середине VI века места их расселения: «***Далее за ними [акацирами] тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим. А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен**...*»[16]

Источники середины VI века, рассказывая о набегах кочевников в 50-е—70-е годы VI века, упоминают либо булгар, либо гуннские племена утигуров и кутригуров (позже оногуров). С конца VI века в Европе эти названия племён начинают заменяться этнонимом булгары, а с VII века окончательно используется только название *булгар*. Отсутствуют убедительные свидетельства современников, которые позволили бы однозначно идентифицировать утигуров и кутригуров как булгарские племена, однако большинство историков склоняются к такому выводу на основании более поздних свидетельств[17] и анализа синхронности событий.

Кутригуры обитали между изгибом нижнего Днепра и Азовским морем, контролируя в том числе степи Крыма вплоть до стен греческих колоний на полуострове. Утригуры расселились по берегам Азова в районе Таманского полуострова.

Булгары на Дунае. V—VI вв.

Основная статья: ***Первое Болгарское царство***

Первое свидетельство о появлении булгар на Балканах содержится в хронике VII века Иоанна Антиохийского: «***Два Теодориха снова приводили в смятение дела ромеев и опустошали города близ Фракии, вынудив Зенона в первый раз склониться к союзу с так называемыми булгарами.***»[18] Союз византийцев с булгарами против остготов датируется 479 годом.

Незадолго до того булгары появились на Дунае. Заметка на полях болгарского перевода греческой стихотворной хроники Константина Манассии (XII век) относит переселение к 475 году.[19]

В это время булгары ведут кочевой образ жизни. Они периодически беспокоят границы Византийской империи. Первый набег на Фракию отмечен в 491[20] или согласно хронике Марцеллина Комита в 499 году[21].

В 502 году булгары повторяют набег на Фракию,[22] а в 530 году Марцеллин Комит замечает о поражении булгар от византийцев. Вскоре булгары стали совершать набеги в союзе со славянскими племенами, которые впервые отмечены в письменных источниках с начала VI века.

В 539—540 годах булгары проводят рейды по Фракии к эгейскому побережью и по Иллирии до Адриатического моря. В то же время значительное число булгар поступает на службу к императору. Например, в 537 отряд булгар принимает участие в оказании помощи византийскому гарнизону, осаждённому готами в Риме. Известны случаи и вражды между двумя основными племенами булгар, которые умело разжигала византийская дипломатия. Чтобы обезопасить свои границы от слишком беспокойных соседей, каковыми являлись кутригуры, император Юстиниан с помощью богатых подарков и денег направил против них силы восточной ветви булгар — утигуров. В итоге кутригуры потерпели поражение, но вскоре два племени вновь смогли объединиться против империи.

Около 558 орды булгар (в основном кутригуры) под предводительством хана Забергана вторгаются во Фракию и Македонию, подходят к стенам Константинополя. И только ценой больших усилий византийцам удаётся отбросить силы Забергана назад. Но войско хана все ещё сильно и представляет большую опасность для столицы империи. Несмотря на это булгары возвращаются в свои степи. Причиной тому служат известия о появлении к востоку от Дона неизвестной воинственной орды. Это были авары, предводительствуемые каганом Баяном.

Византийские дипломаты незамедлительно использовали авар для борьбы против напирающих на Константинополь булгар. Взамен новым кочевникам предлагаются деньги и земли для поселений. Хотя аварская армия и немногочисленна (по некоторым данным 20 тыс. всадников), она оказывается сильнее. Возможно, тому способствует бедственное положение авар — ведь они спасаются бегством от идущих вслед за ними тюрков (тюркютов). Первыми подвергаются нападению утигуры (560), затем авары пересекают Дон и вторгаются в земли кутригуров. Хан Заберган становится вассалом кагана Баяна. Дальнейшаяя судьба кутригуров тесно связана с политикой авар.

Ок. 566 передовые отряды тюрков достигают берегов Чёрного моря в районе устья Кубани. Утигуры признали над собой сюзеренитет тюркского кагана Истеми и уже в составе его войска участвовали в захвате древней крепости Боспор на берегу Керченского пролива, а в 581 появились под стенами Херсонеса.

Создание болгарских государств. VII—VIII вв.

После ухода авар в Паннонию и ослабления Тюркского каганата, который из-за внутренних неурядиц утратил контроль над своими западными владениями, булгарские племена вновь получили возможность заявить о себе. Их объединение связано с деятельностью хана Кубрата. Этот правитель, возглавлявший племя онногуров (уногундуров), с детства воспитывался при императорском дворе в Константинополе (по некоторым спорным предположениям в 12 лет был крещён).

Великая Болгария. ~626-650 гг.

В 632 году он провозгласил независимость от авар и встал во главе объединения, получившего в византийских источниках название Великая Болгария. Её территория занимала Нижнее Прикубанье и Восточное Приазовье, по другим оценкам зону от Ставропольской возвышенности и Фанагории до Южного Буга. Около 634—641 Кубрат заключил дружественный союз с византийским императором Ираклием.

После смерти Кубрата (ок. 665), его империя распалась, поскольку была разделена между его многочисленными сыновьями. Этим разделением воспользовались хазары. Старший сын Кубрата — Батбаян остался в Приазовье и стал данником хазар. Другой сын, Котраг, ушёл со своей частью племени на правый берег Дона. Третий сын, Аспарух[205], под хазарским давлением ушёл со своей ордой на Дунай, где основал Первое Болгарское государство в состав которого вошли и пребывающие из-за Дуная на Балканский полуостров славянские племена, положив, таким образом, начало современной Болгарии. Смешение булгар со славянами и остатками местных фракийских племён привело впоследствии к возникновению нынешнего болгарского этноса.

Ещё двое сыновей Кубрата — Кувер (Кубер) и Альцек (Алцек) ушли в Паннонию, к аварам. Одна группа булгар, руководимых Кувером, играла важную роль в политике Аварского каганата. В период образования Дунайской Болгарии Кувер поднял мятеж и перешёл на сторону Византии, поселившись в Македонии. Впоследствии эта группа, видимо, вошла в состав дунайских болгар. Другая группа во главе с Альцеком вмешалась в борьбу за престолонаследие в Аварском каганате, после чего была вынуждена бежать и просить убежища у франкского

или с V-VI века булгары, упоминаемые

короля Дагоберта (629—639 гг.) в Баварии, а потом поселиться в Италии близ Равенны. До конца VIII века эти булгары сохраняли свой язык.

Карта финно-угорских племён до прихода славян

Волжская Булгария

Переселение булгарских племен в регион Среднего Поволжья и Прикамья приходится на вторую половину VII века, где ими создается государство Волжская Булгария. Булгарское ханство сначала находится в зависимости от Хазарского каганата, а после его падения (в 60-е гг. X века) становится полностью самостоятельным. Потомками волжских булгар, в формировании которых приняли участие и ряд угро-финских племён, являются казанские татары.

Часть булгар осталась на своих коренных землях — в Предкавказье и причерноморских степях. Вскоре они, как свидетельствуют археологические данные, заняли Крымский полуостров и частично продвинулись в северном направлении — в степи и лесостепи Приднепровья.

В средневековых источниках они упоминались до сер. X века и были известны как «чёрные болгары».

Булгарское государство в 9 – нач. 13 веков по данным Свода древнебулгарских летописей **ДЖАГФАР ТАРИХЫ.**

Булгар. Большой минарет

Булгар. Черная палата

44.246.4. Археология и палеоантропология

http://ru.wikipedia.org/wiki/Протобулгарские_некрополи

Материалы Зливкинского некрополя (Украина)[23], некрополей Крыма[24] и могильников на территории Волжской и Дунайской Болгарий[25] показывают, что булгары относились к брахиокранным (круглая или короткая голова) европеоидам с незначительной примесью монголоидности [26]. По краниологическим материалам Зливкинского могильника, относящегося к салтово-маяцкой культуре, антропологический тип булгар устанавливается как «*брахикранный европеоидный тип со средними размерами лица и черепа*».[27] Европеоидная брахиокрания[28] характерна как для азиатских, так и для части европейских сарматов[29], исключая аланов, чей антропологический тип был долихокранным европеоидным[30], для междуречья Амударьи и Сырдарьи с предполагаемой родины протоболгар[31] среди некрополей ирано-язычных народов, также у современных памирских народов[32]. Происхождение европеоидной брахиокрании протобулгар, связывается с так называемыми палеоевропеоидными группами населения.[33]

Не удалось выделить этнографические признаки булгар среди других кочевых народов в археологическом материале в период до VIII века, погребения раннего периода отдельные археологи относят как принадлежащие булгарам лишь на основании сведений из письменных источников о проживании в данной местности в соответствующую эпоху булгарских племён.[34]

Общие сведения о погребальном обряде, составленные по могильникам VIII—IX вв.: ямные захоронения, тела клались на спину в неглубоких прямоугольных ямах в вытянутом положении. Ориентация головы на север или запад. Сопутствующие предметы: глиняный горшок и немного мяса. Кони и вооружение стали встречаться в захоронениях в Болгарии. В позднее время встречаются так же подбойные могилы. В частности они присутствовали у волжских булгар по описаниям Ахмеда ибн Фадлана (920-е годы) который непосредственно побывал у волжских булгар:

И когда умирает мусульманин у них, и (или) когда (умирает)какая-нибудь женщина-хорезмийка, то обмывают его обмыванием мусульман (т.е. по обряду мусульман), потом везут его на повозке,которая тащит (его) понемногу (вместе) со знаменем, пока не прибудут с ним к месту, в котором похоронят его. И когда он прибудет туда, они берут его с повозки и кладут его на землю, потом очерчивают вокруг него линию и откладывают его (в сторону),потом выкапывают внутри этой линии его могилу, делают для него боковую пещеру и погребают его. И таким же образом они (жители) поступают со своими мертвыми[35].

Далее этот обычай хоронить в подбое стал доминировать среди волжских булгар, судя по археологическим материалам, и до сих пор казанские татары практикуют подбойные могилы [36].

Жилища булгар представляли собой юрты на кольях, с очагом в середине жилища.

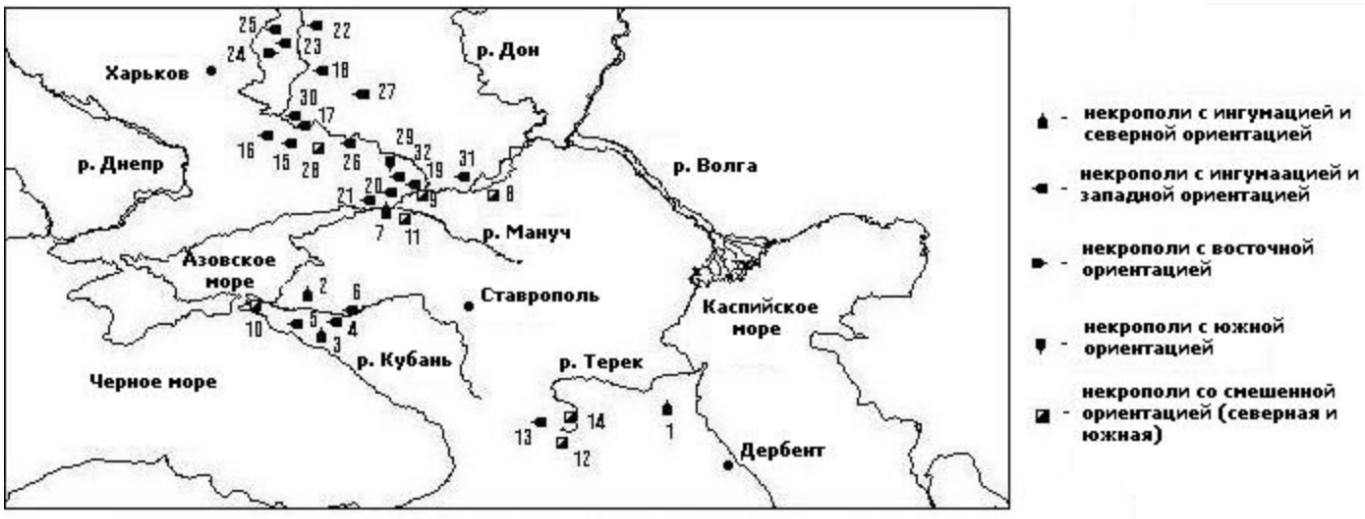
Для протобулгар-утригуров характерна искусственная деформация черепа,[37] в некоторых некрополях находят до 80 % таких черепов.[38] У другого племени протобулгар-кутригуров этот обычай встречается незначительно. Сам обычай впервые зафиксирован в степях Средней Азии среди ирано-язычных кочевников[39], далее он начал преобладать у поздних сарматов,[40] кушан, хорезмийцев, аланов и других ирано-язычных кочевников и служит этноопределяющим признаком.[41]

44.246.5. Надписи греческими буквами булгарским языком

Известно 15 надписей и фрагментов надписей на протобулгарском языке греческими буквами.[42]

- Надпись из Преслава - самая объемная надпись такого рода.
- Надпись из Надь -Сент-Миклош - вторая по объёму и по значению надпись.
- 4 короткие надписи из Силистры.
- Короткая надпись из Плиски, состоящая из двух частей.
- 7 частично сохранившихся надписей, обнаруженных в деревнях Чаталар и Попина, и в Плиске; лишь 4 из них поддаются переводу.

Все протобулгарские надписи греческими буквами происходят из одной четко очерченой области - Северо-Восточной Болгарии (вместе с Добруджей). За её пределам подобные надписи не были найдены, за исключением надписи из Надь-Сент-Миклоша. Язык надписей зафиксировал язык царского двора.



Карта протобулгарских некрополей в Восточной Европе VII-IX вв.

1. Верхний Чириюрт; 2. Ново-Лабинская; 3. Борисово; 4. Пашковская; 5. Диурсо; 6. Ясеновая поляна; 7. Артуганово; 8. Саркел; 9. Семикаракори; 10. Фанагория; 11. Багаевская; 12. Зилги; 13. Река Кардан; 14. Советское (Кашкатау); 15. Зливки; 16. Залимание; 17. Шейковка; 18. Покровское; 19. Крымский; 20. Кривианский; 21. Недвиговский; 22. Волоновка; 23. Ютановка; 24. Нетайловска; 25. Дмитриевка; 26. Желтое; 27. Новолимаревка; 28. Дроновка; 29. Каменск; 30. Маяки (Маиаки); 31. Кимлянского; 32. Гуково.

44.246.6. Религия

Язычество

Религия булгар носила политеистический характер. По сведениям арабского хрониста Аль-Балхи главное божество-создатель булгар называлось "*Эдфу*", отличаясь от названий аналогичного божества среди других народов:

«***Интересно, что все народы имеют свое название создателя. Арабы его называют Аллах в единственном числе, а других богов называют Иллах; персы его называют Хормуз, Изед, Яздан. У Заратустры он называется Хормуз, но я также слышал и названия Ход-ехт и Ход-Борехт, что просто означает Тот Самый. Индийцы и народ Синда его называют Шита Вабит и Махадева. Тюркский народ его называет Бир Тенгри, что означает "Бог Единственный". Христиане Сирии его называют Лаха Раба Куадусса. Евреи его именуют в своем языке Элохим Адонай или Яхия Ашер Яхия. Елохим означает "бог" на их языке. Я слышал, что булгары называют Создателя именем Эдфу, а когда я их спрашивал, как они называют своего идола, они мне отвечали – Фа. Я также спрашивал коптов, каково их имя создателя. Они отвечали: Ахад Шанак***.»[43]

Исследователи связывают булгарского Эдфу (Едфу) с Памиром, где местные иранские народы называют Солнце: ягнобцы - афтоба, пуштуны - афтаба, шугнанцы - офтоб, гилянцы - эфтеб, язгулемцы - офтоба, сарикольцы - офтаб. Также солнце в зените в тех районах именовали как Адху и Едх.[44] Также есть версия отождествления булгарского Эдфу с иранским Ходай и осетинским Хуцау.[45] По мнению профессора Добрева наиболее вероятно, Эдфу восходит к иранским JAD, JED (праздничный, солнечный), и может быть переведено как "солнечный бог".

Археологические находки в Плиске указывают на следы зороастризма у булгар. В крепости найдено здание с платформой в центре для огня, аналоги которого находят у зороастрийцев.[46] Жрецов булгары называли *колобры*. По аналогии исследователи связывают название с эфталито-аварами, приводя сведения византийца Симокатты, который называет аналогичные названия жрецов — *бо-колобры*.[47] Само происхождение колобров связано, опять же с Памиром и с памирцами, а также прародиной Балхарой, где жрецов кто выполняют ритуалы называют Кулбры. Название связано, также с индо-европейскими параллелями у Индийцев, кельтов и др.[48]

44.246.7. Монотеистические религии

История распорядилась так, что потомки булгар Волжских и Дунайских пошли разными религиозными путями. Дунайские болгары при царе Борисе I в 865 приняли христианство от Византии, а волжские булгары при Алмыше в 922 — Ислам от Багдадского халифата (чуваши сохраняли язычество до XVIII века, а казанские татары сохранили ислам). Впоследствии дунайские болгары оказались завоёваны мусульманской Османской Империей (Турцией). Волжские булгары были завоёваны монголами, а потомки волжских булгар — христианской Россией.

Царь Борис принимает крещение в купели. Миниатюра из летописи Константина Манассии.

44.246.8. Замечание редактора-оформителя

Для Любознательного читателя, наверное, представит интерес глава “Откуда происходят татары” из книги Геннадия Климова **"История Европы. Вавилон"**. Правда, его утверждение, что гунны “***…По расовым признакам это были белокурые и рыжие великаны с голубыми глазами,***

потомки древних ариев…» представляется несколько поспешным не подтверждается, пока, современными результатами **ДНК-генеалогии.**

См. также **PROTO-BULGARIAN RUNIC INSCRIPTION FROM THE TERRITORY OF FORMER KUBRAT BULGARIA AND FROM IMEON (PAMIR)**, **Древнетюркское руническое письмо**, **Бутба В.Ф., Племена Западного Кавказа по "Ашхарацуйцу"**, **ДЖАГФАР ТАРИХЫ.** Свод древнебулгарских летописей, Утиный тест

Вернуться к ссылке

Вернуться к ссылке в гл.38

44.247. Хорезм

Хоре́зм (узб. *Xorazm*, перс. خارزم) — древний регион Средней Азии с центром в низовьях Амударьи — область развитого ирригационного земледелия, ремесла и торговли. Через Хорезм проходил Великий шёлковый путь. С конца III века столицей Хорезма был город Кят; в конце X века столица переносится в город Ургенч (ныне город Кёнеургенч).

44.247.1. Доахеменидский период

Археологические раскопки фиксируют на территории древнего Хорезма существование неолитической кельтеминарской культуры древних рыболовов и охотников (IV–III тысячелетия до н. э.). Ряд находок показывает, что уже в эту эпоху Хорезм играл роль посредника между миром древних цивилизаций Среднего Востока и отдаленным гиперборейским Севером. Прямым потомком этой культуры является относящаяся к середине II тысячелетия тазабагъябская культура бронзового века, скотоводческая и земледельческая.

К середине II тысячелетия относятся также стоянки суярганской культуры. Согласно ал-Бируни, древнехорезмийские системы летоисчисления начинали счёт лет в XIII в. до н. э. Ряд исследователей отождествляет с древним Хорезмом упоминаемую в Авесте северную страну «Айрьянем-вэджо». Здесь, по преданию, родился основатель зороастризма — легендарный Заратуштра.

К началу I тысячелетия до н. э. относится возникновение амирабадской культуры. Городища этого периода — это огромные загоны для охраны скота с «жилыми стенами», в которых жило по нескольку тысяч человек; описания таких поселений содержатся в Авесте.

Около VIII-VII вв. до н. э. Хорезм вступил в новую эру своей истории, когда хорезмийцы, по словам ал-Бируни, начали вести летоисчисление по годам правления царей. В этот период Хорезм становится мощным государством с заметной централизацией, о чём свидетельствуют построенные в VIII-VI вв. до н. э. грандиозные ирригационные сооружения.

44.247.2. От империи Ахеменидов до арабского завоевания

В середине VI в. до н. э. Хорезм становится частью империи Ахеменидов. Он упоминается в Бехистунской надписи Дария I. Геродот в «Истории» сообщает, что Хорезм входил в 16-ю сатрапию персидской империи, а также о том, что хорезмийцы принимали участие в походе Ксеркса 480 г. до н. э. на Элладу.

В результате завоевательных походов Александра Македонского государство Ахеменидов было уничтожено. Хорезм в этот период оставался независимым государством, хотя ряд прежних хорезмийских владений, такие как Согдиана и Хорасан, вошли в государство Селевкидов.

Хорезм IV в. до н. э. — I в. н. э. — могущественное государство. В этот период возведено множество укреплённых городов с мощными стенами и башнями, представлявших собой единую систему крепостей, защищавших границу оазиса со стороны пустыни. Огромное количество бойниц, каждая из которых обстреливает только узкое пространство, в силу чего у каждой бойницы должен был стоять специальный лучник, говорит о том, что весь народ был ещё вооружен и ведущую роль играла не профессиональная армия, а массовое народное ополчение. Около 175 г. до. н. э. Хорезм восстанавливает свою традиционную власть над Согдианой и

Средней Сырдарьёй. В последней трети I в. до н. э. Хорезм выступает как могущественный союзник западных гуннов. Власть Хорезма распространяется в это время далеко на северо-запад. По сведениям «Истории младшей династии Хань», восходящим к самому началу н. э., Хорезм (который описывается здесь как Кангюй — «страна каналов») подчиняет страну аланов, простиравшуюся в то время от северного Приаралья до восточного Приазовья.

С середины I века н. э. до конца II в. Хорезм входит в систему Кушанского царства как член древней массагетской конфедерации. В III в. Хорезм восстанавливает свою независимость. Для этого периода характеры крепости, воздвигнутые центральным правительством и занятые гарнизонами постоянной армии. В начале IV в., при падишахе Африге, столицей Хорезма становится город Кят. В последующую эпоху, между IV и VIII вв., города Хорезма приходят в запустение. Теперь Хорезм — это страна многочисленных замков аристократии и тысяч укреплённых крестьянских усадеб.

44.247.3. От арабского завоевания до завоевания сельджуками

Первые набеги арабов на Хорезм относятся еще к VII в. В 712 году происходит завоевание Хорезма арабским полководцем Кутейбой ибн-Муслимом, учинившим жестокую расправу над хорезмийской аристократией. Особенно жестокие репрессии Кутейба обрушил на учёных Хорезма. Как пишет в «Хрониках минувших поколений» ал-Бируни, «и всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех учёных, что были среди них, так что покрылось всё это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама».

Арабские источники почти ничего не говорят о Хорезме последующих десятилетий. Зато из китайских источников известно, что хорезмшах Шаушафар в 751 г. посылает посольство в Китай, воевавший в это время с арабами. В этот период происходит кратковременное политическое объединение Хорезма и Хазарии. Об обстоятельствах восстановления арабского суверенитета над Хорезмом ничего неизвестно. Во всяком случае, лишь в самом конце VIII в. внук Шаушафара принимает арабское имя Абдаллаха и чеканит на своих монетах имена арабских наместников.

В X веке начинается новый расцвет городской жизни Хорезма. Арабские источники рисуют картину исключительной экономической активности Хорезма в X веке, причем ареной деятельности хорезмийских купцов становятся окружающие степи Туркмении и западного Казахстана, а также Поволжье — Хазария и Булгария, и обширный славянский мир Восточной Европы. Рост роли торговли с Восточной Европой выдвигал на первое место в Хорезме город Ургенч (ныне Кёнеургенч), сделавшийся естественным центром этой торговли. В 995 году последний афригид Абу-Абдаллах Мухаммад был взят в плен и убит эмиром Ургенча Мамуном ибн-Мухаммадом. Хорезм был объединён под властью Ургенча.

Хорезм в эту эпоху был городом высокой учёности. Выходцами из Хорезма были такие выдающиеся учёные, как ал-Хорезми, Ибн Ирак, ал-Бируни, ал-Чагмини.

В 1017 году Хорезм был взят султаном Махмудом Газневи, а в 1043 году завоеван тюрками-сельджуками.

44.247.4. Государство Хорезмшахов

Мавзолей хорезмшаха Ала ад-Дин Текеша в Ургенче.

С конца XI века идёт постепенное освобождение Хорезма от сельджукского протектората и присоединение новых земель. Правитель Хорезма Кутб ад-Дин Мухаммед I в 1097 году принимает древний титул хорезмшаха. Его внук Тадж ад-Дин Ил-Арслан в 1157 году полностью освобождает Хорезм от сельджукской опеки.

Государство Хорезмшахов в 1220 году

При хорезмшахе Ала ад-Дин Текеше Хорезм превращается в огромную империю. В 1194 году войска хорезмшаха разбивают армию последнего иранского сельджукида Торгул-бека и утверждают суверенитет Хорезма над Ираном; в 1195 г. багдадский халиф Насир терпит поражение в бою с хорезмийцами и признает власть Текеша над восточным Ираком. Успешные походы на восток, против каракитаев, отворяют Текешу дорогу в Бухару.

Сын Текеша Ала ад-Дин Мухаммед II в 1200–1220 завершает дело отца. Он отнимает у каракитаев Самарканд и Отрар, простирает свою власть на далекую область Газны на юге Афганистана, подчиняет западный Иран и Азербайджан. Армия Мухаммеда предпринимает поход на Багдад, не удавшийся, впрочем, из-за наступления ранней зимы, закрывшей перевалы, и из-за известий о появлении на восточных границах Хорезмской империи монгольских войск.

44.247.5. Монгольский период

В 1218 году Чингисхан отправил в Хорезм посольство с предложением о союзе. Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед II отказался идти на сделку с «неверными» и по предложению правителя Отрара Кайыр хана казнил послов-купцов, отправив их головы хану. Чингисхан потребовал выдачи Кайыр-хана, но в ответ Мухаммад вновь казнил одного из участников следующего монгольского посольства. Весной 1219 года, не окончив завоевания Китая, Чингисхан отправил 200-тысячную армию в Хорезм. Хорезмшах не решился дать генеральное сражение, оставив свою армию разбросанной отдельными отрядами по городам и крепостям всего государства. Один за другим под натиском монголов пали все крупные хорезмские города. Все они были подвергнуты разрушению, а множество хорезмийцев уничтожено. Хорезмшах с остатками армии вначале отступил в свои персидские владения, после чего бежал с небольшим отрядом в прикаспийскую область и скончался на острове Абескун в дельте р.Куры в Каспийском море. Государство Хорезмшахов прекратило своё существование. В то время уровень моря был ниже современного на 2 метра. На острове Абескун находился одноимённый город, росли леса, но и остров и город бесследно исчезли — уже в 1304 году Абескун был под водой.

С 1220 года Хорезм оказался в составе Монгольской империи, затем в улусе Джучи, позднее в Золотой Орде. В этот период Ургенч был заново отстроен и стал одним из главных торговых центров Центральной Азии до своего разрушения в 1388 году войсками Тамерлана. С XVI века большая часть территории Хорезма была включена в Хивинское ханство.

44.247.6. Правители Хорезма

Правители Хорезма		
Имя	**Годы правления**	**Титулы**
Династия Афригидов		
Африг	305 — ?	хорезмшах
Багра	?	хорезмшах
Саххасак	?	хорезмшах
Аскаджамук I	?	хорезмшах
Аскаджавар I	?	хорезмшах
Сахр I	?	хорезмшах

Правители Хорезма		
Имя	**Годы правления**	**Титулы**
Династия Афригидов		
Шауш	?	хорезмшах
Хамгари	?	хорезмшах
Бузгар	?	хорезмшах
Арсамух	?	хорезмшах
Сахр II	?	хорезмшах
Сабри	?	хорезмшах
Аскаджавар II	?	хорезмшах
Аскаджамук II	712 — ?	хорезмшах
Шаушафар	?	хорезмшах
Туркасабас	?	хорезмшах
Абд-Аллах	?	хорезмшах
Мансур ибн Абд-Аллах	?	хорезмшах
Ирак ибн Мансур	?	хорезмшах
Ахмад ибн Ирак	?	хорезмшах
Абу Абд-Аллах Мухаммад ибн Ахмад	? — 995	хорезмшах
Династия Мамунидов		
Абу Али Мамун ибн Мухаммад	992—995 995 — 997	амир Гурганджа хорезмшах
Абу-л-Хасан Али ибн Мамун	997—1009	хорезмшах
Айн ад-Даула Абу-л-Аббас Мамун ибн Али	1009—1017	хорезмшах
Абу-л-Харис Мухаммад	1017	хорезмшах
Династия Алтунташа		
Алтунташ	1017—1032	хорезмшах
Харун ибн Алтунташ	1032—1034	хорезмшах
Исмаил ибн Алтунташ	1034—1041	хорезмшах
Династия Ануштегинов (Бекдили)		
Кутб ад-Дин Мухаммед I	1097—1127	хорезмшах
Ала ад-Дин Атсыз	1127—1138, 1139 — 1156	хорезмшах
Тадж ад-Дин Ил-Арслан	1156—1172	хорезмшах

Правители Хорезма		
Имя	**Годы правления**	**Титулы**
Династия Афригидов		
Джелал ад-Дин Султан-шах	1172	хорезмшах
Ала ад-Дин Текеш	1172—1200	хорезмшах
Ала ад-Дин Мухаммед II	1200—1220	хорезмшах
Кутб ад-Дин Узлаг-шах	1217—1221	валиахад, султан Хорезма, Хорасана и Мазандарана
Джелал ад-Дин Манкбурны	1217—1220 1220 — 1231	султан Газни, Бамиана и Гура хорезмшах
Рукн ад-Дин Гурсанджти	1217—1222	султан Ирака
Гийас ад-Дин Пир-шах	1217—1229	султан Кермана и Мекрана

Вернуться к ссылке

44.248. Татары

Тата́ры (самоназвание тат. *татарлар, tatarlar*) — тюркский народ, живущий в центральных областях европейской части России, в Поволжье, Приуралье, в Сибири, Казахстане, Средней Азии, Синьцзяне, на Дальнем Востоке.

Численность в России составляет 5554,6 тыс. человек (перепись населения 2002) — 3,83 % населения России[6]. Являются второй по численности народностью в Российской Федерации после русских. Делятся на три основные этнотерриториальные группы: татары волго-уральские, сибирские и астраханские. Татары составляют около половины населения (52,9 % по переписи 2002 года[7]) Республики Татарстан. Татарский язык относится к булгаро-кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи языков и делится на три диалекта: западный (мишарский), средний (казанско-татарский) и восточный (сибирско-татарский). Верующие татары (за исключением небольшой группы — кряшен, исповедующих православие) — мусульмане-сунниты.

44.248.1. История

История этнонима

Основная статья: ***Татары (история этнонима)***

Впервые этноним «татары» появился среди тюркских племён, кочевавших в VI—IX веках к юго-востоку от Байкала. В XIII веке с монголо-татарским нашествием название «татары» стало известно в Европе. В XIII—XIV веках оно было распространено на некоторые народы Евразии, входившие в состав Золотой Орды.

…**Слово “татары” впервые** встречается в орхонской надписи **Кюль-тегина** 731-732 гг. На **стеле** есть упоминания о племенах отуз-татар[206] (т.е. тридцать татарских родов) и токуз-татар (девять татарских родов). Нет никаких оснований считать их тюркскими племенами. Для тюрков они были чужими племенами (так переводится с тюркского языка слово “татар”). Видимо, китайцы слово “татары” (“чужие племена”) восприняли от тюрков. Так как в китайском языке нет звука “эр”, то

---

[206] …(В качестве) плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнования) (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Бёклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Пу-Рум, киргизы, уч-курыканы, **отуз-татары,** кытай и татабыйцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они.

естественно слово “татар” они произносили “та-та” (“да-да”). Все, кто писал в то время о татарах, и позднейшие исследователи, пишут о них как о монгольских племенах. Еще задолго до завоевания Чингисханом Средней Азии онгуты (тюрки-шато) растворились в чужой этнической среде:одна часть среди китайцев, другая - среди монголов. Поэтому эти татары никак не могли вместе с монголами прийти на Волгу в составе войск Батыя - их уже просто не было как народа.

В период восхождения Чингисхана как правителя кочевых народов Центральной Азии название “татар” имело два значения: конкретное наименование племени отуз-татар, кочевавшего южнее р. Керулен и враждовавшего с монголами Чингисхана, и собирательное - всех восточных кочевников от Великой Китайской стены до сибирской тайги, которое им дали их соседи тюрки и китайцы. **Татары этого времени - это монголы.** В китайском сочинении “Мэн-да бэйлу” монголы названы монголо-татарами (“Мэн” от “мэнгу” - монголы и “да” от “да-да” - татары). Такое объединение названий двух племен не было случайным, ибо и монголы и татары были ответвлениями одного и того же монголоязычного народа.

…Однако Рашид-ад-дин дает и классификацию народов империи Чингисхана по языку и родству. Тюркоязычные племена названы им огузами (туркменами), к ним он относит кипчаков, калачей, канглыев, карлуков и др., и монголоязычные - “***народы, которые в данное время славны под именем монголов, как джалаиры, татары, ойраты, меркиты и прочие***…”. Таким образом, татары у персидского летописца отнесены к монгольским племенам. Еще ранее в XI в. уйгурский ученый Махмуд Кашгари к тюркским народам относил киргизов, кипчаков, огузов, тухси, ягма, чигил, иаграк, а также ямак, башкир, булгар, сувар и печенегов. О татарах он писал: “***Так же у каждого из племен ябаку, татар, басмил свой присущий им язык. Вместе с тем они хорошо знают и тюркский***”. Необходимо при этом иметь в виду, что при возвышении Чингисхана два мощных монгольских племени - монголы и татары - вели войну на истребление друг друга за господство в степи. Удачливый Чингисхан почти полностью истребил враждебное ему племя татар, а оставшихся рассеял среди других монгольских племен. Так что ко времени похода полководцев Чингисхана и его внука Батыя на Волгу народа татар просто не существовало, а единицы оставшиеся в живых из славного прежде племени называли себя монголами.

Почему же в европейских странах, и на Руси в том числе, монголы назывались татарами? Имя это они получили от тюрок, для которых монголы были чужим племенем, что на древнетюркском языке обозначалось как “татар”. М.З.Закиев пишет по этому поводу следующее: “Что касается тат в слове татар, то оно применялось и применяется сейчас в некоторых тюркских языках в значении “чужой, не своего племени”, в переносном смысле оно означало и “людей, служащих у вельмож”, “праздношатающихся”, “крепостных” и т.д.… Таким образом, этноним татар этимологически состоит из двух частей: тат - “чужой” и ар - “люди”, “люди чужого племени” - и по происхождению является тюркским словом”.

Ранняя история

Начало проникновения в Приуралье и Поволжье тюркоязычных племён относится к III—IV векам н. э. и связано с эпохой нашествия на Восточную Европу гуннов и других кочевых племён. Оседая в Приуралье и Поволжье, они воспринимали элементы культуры местных финно-угорских народов, а частично и смешивались с ними. В V—VII веках наблюдается вторая волна продвижения тюркоязычных племён в лесные и лесостепные районы Западной Сибири, Приуралья и Поволжья, связанная с экспансией Тюркского каганата. В VII—VIII веках в Поволжье из Приазовья пришли болгарские племена, которые покорили имевшиеся здесь финно-угроязычные и тюркоязычные племена (в том числе, возможно, предков башкир) и в X веке создали государство — Болгарию Волжско-Камскую. После разгрома в 1236 году Волжской Булгарии, и ряда восстаний (восстание Баяна и Джику, восстание Бачмана) , Волжская Болгария была окончательно захвачена монголо-татарами. Болгарское население вытеснялось на север (современный Татарстан), замещалось и частично ассимилировалось.

44.248.2. Формирование

В XV—XVI веках происходит формирование отдельных групп татар — Среднего Поволжья и Приуралья (казанские татары, мишари, касимовские татары, а также субконфессиональную общность кряшен (крещеных татар), астраханских, сибирских, крымских и других. Татары Среднего Поволжья и Приуралья, наиболее многочисленные и имевшие более развитую экономику и культуру, к концу XIX века сложились в буржуазную нацию. Основная масса татар занималась земледелием, в хозяйстве астраханских татар главную роль играли скотоводство и рыболовство. Значительная часть татар была занята в различных кустарно-ремесленных производствах. Материальная культура татар, складывавшаяся в течение длительного времени из элементов культуры ряда тюркских и местных племён, испытала также влияние культур народов Средней Азии и других регионов, а с конца XVI века — русской культуры.

44.248.3. Теории этногенеза

Основная статья: ***Этногенез татар***

Существуют несколько теорий этногенеза татар. В научной литературе наиболее подробно описаны три из них[8]:

- булгаро-татарская теория
- татаро-монгольская теория
- тюрко-татарская теория.

Продолжительное время наиболее признанной[9] считалась булгаро-татарская теория. В настоящее время большее признание получает тюрко-татарская теория.[10]

44.248.4. Культура и быт

В антропологическом плане татары крайне неоднородны. Часть татар по физическому облику приближается к южносибирскому типу большой монголоидной расы. Сибирские татары, так же как и татары Поволжья и Приуралья, говорят на татарском языке кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Литературный язык сформировался на основе среднего (казанско-татарского) диалекта. Наиболее древняя письменность — тюркская руника. С X века по 1927 год существовала письменность на основе арабской графики, с 1928 по 1936 гг. использовалась латинская графика (яналиф), с 1936 года вплоть до настоящего времени используется письменность на кириллической графической основе, хотя уже существуют планы перевода татарской письменности на латиницу.

Традиционным жилищем татар Среднего Поволжья и Приуралья была срубная изба, отгороженная от улицы забором. Внешний фасад украшался многоцветной росписью. У астраханских татар, сохранивших некоторые свои степные скотоводческие традиции, в качестве летнего жилища бытовала юрта.

44.248.5. Национальная одежда

Основная статья: ***Татарский костюм***

Одежда мужчин и женщин состояла из шаровар с широким шагом и рубашки (у женщин дополнялась вышитым нагрудником), на которую надевался безрукавный камзол. Верхней одеждой служили казакин, а зимой — стёганый бешмет или шуба. Головной убор мужчин — тюбетейка, а поверх неё — полусферическая шапка на меху или войлочная шляпа; у женщин — вышитая бархатная шапочка (калфак) и платок. Традиционная обувь — кожаные ичиги с мягкой подошвой, вне дома на них надевали кожаные калоши. Для костюма женщин было характерно обилие металлических украшений.

44.248.6. Антропологические типы татар

Наиболее значительными в области изучения антропологии поволжских татар являются исследования Т. А. Трофимовой, проведенные в 1929—1932 годах. В частности, летом 1932 года совместно с Г. Ф. Дебецом она проводит широкие исследования в Татарии. В Арском районе обследованы 160 татар, в Елабужском районе — 146 татар и 103 кряшен, в Чистопольском районе — 109 татар, 121 кряшен и 122 мишарей. Везде были исследованы мужчины в возрасте от 20 до 65 лет.

Работы производились:

- Арский район — селения Купербаш, Казанбаш, Мендюш, Кукча-Верзя и Большая Верзя.
- Елабужский район — селения Морты (татары), Верхний Шурняк (кряшены), Черкасов (кряшены).
- Чистопольский район — селения Нарат-Илге (мишари), Сосновый ключ (кряшены), Бахта (кряшены), Баган (татары), Акбулатов (татары) Чувашский Елтан (кряшены, татары), Крещеный Елтан (кряшены), Татарский Елтан (мишари), Муслимкино (мишари).

Работы были произведены по программе разработанной Антропологическим институтом, а все измерения были произведены по инструкции, изданной под редакцией В. В. Бунака [11].

Антропологические исследования выявили у поволжских татар наличие четырех основных антропологических типов: понтийского, светлого европеоидного, сублапоноидного, монголоидного [12]. Среди всех обследованных татар преобладает темный европеоидный — понтийский тип (33,5 %), затем следуют светлый европеоидный (27,5 %) и сублапоноидный (24,5 %), в самом незначительном проценте случаев присутствует монголоидный тип (14,5 %) (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение антропологических типов по этнографическим группам, по Т. А. Трофимовой

Этнографические группы	Светлые европеоидные		Понтийские*		Сублапоноидные		Монголоидные	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Татары Арского района Татарии	12	25,5 %	14	29,8 %	11	23,4 %	10	21,3 %
Татары Елабужского района Татарии	10	16,4 %	25	41,0 %	17	27,9 %	9	14,8 %
Татары Чистопольского района Татарии	6	16,7 %	16	44,4 %	5	13,9 %	9	25,0 %
Все татары	**28**	**19,4 %**	**55**	**38,2 %**	**33**	**22,9 %**	**28**	**19,4 %**
Кряшены Елабужского района Татарии	24	52,2 %	1	2,2 %	17	37,0 %	4	8,7 %

Этнографические группы	Светлые европеоидные		Понтийские*		Сублапоноидные		Монголоидные	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Кряшены Чистопольского района Татарии	15	34,9 %	12	27,9 %	13	30,2 %	3	7,0 %
Все кряшены	**39**	**43,8 %**	**13**	**14,6 %**	**30**	**33,7 %**	**7**	**7,9 %**
Мишари Чистопольского района Татарии	7	19,4 %	22	61,1 %	3	8,3 %	4	11,1 %
Все группы суммарно	**74**	**27,5 %**	**90**	**33,5 %**	**66**	**24,5 %**	**39**	**14,5 %**

Указанные типы имеют следующие характеристики:

Понтийский тип — характеризуется мезокефалией, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносьем, выпуклой спинкой носа, с опущенным кончиком и основанием, значительным ростом бороды. Рост средний с тенденцией к повышению.

Светлый европеоидный тип — характеризуется суббрахикефалией, светлой пигментацией волос и глаз, средним или высоким переносьем с прямой спинкой носа, среднеразвитой бородой, средним ростом. Целый ряд морфологических особенностей — строение носа, размеры лица, пигментация и ряд других — сближает этот тип с понтийским.

Сублапоноидный тип (волго-камский) — характеризуется мезо-суббрахикефалией, смешанной пигментацией волос и глаз, широким и низким переносьем, слабым ростом бороды и невысоким, среднеширокими лицом с тенденцией к уплощенности. Довольно часто встречается складка века при слабом развитии эпикантуса.

Монголоидный тип (южно-сибирский) — характеризуется брахикефалией, темными оттенками волос и глаз, широким и уплощенным лицом и низким переносьем, часто встречающимся эпикантусом и слабым развитием бороды. Рост, в европеоидном масштабе, средний. [13]

44.248.7. Расселение татар в России

Основная статья: ***Расселение татар в России***

В Татарстане проживает лишь около 36,00 % всех татар, живущих в России, остальные проживают практически во всех регионах России. Самый малонаселенный татарами регион России — Ингушетия, где их всего насчитывается 151 человек. Ниже представлены тридцать регионов России, расположенных по численности, проживающего там татарского населения:[6]

Регион	Общее число татар	Процент татар
Татарстан	2000116	52,92
Башкортостан	990702	24,14
Челябинская область	205087	5,69
Ульяновская область	168766	12,20
Свердловская область	168143	3,75
Москва	166083	1,6
Оренбургская область	165967	7,61
Пермский край	136597	4,84
Самарская область	127931	3,95

Регион	Общее число татар	Процент татар
Удмуртия	109218	6,96
Ханты-Мансийский автономный округ	107637	7,51
Тюменская область	106954	8,07
Пензенская область	86805	5,97
Астраханская область	70590	7,02
Саратовская область	57577	2,16
Московская область	52851	0,8
Кемеровская область	51030	1,76
Нижегородская область	50609	1,44
Омская область	47796	2,3
Мордовия	46261	5,21
Красноярский край	44382	1,5
Кировская область	43415	2,89
Марий Эл	43377	5,96
Чувашия	36379	2,77
Санкт-Петербург	35553	0,76
Волгоградская область	28641	1,06
Новосибирская область	27874	1,04
Ямало-Ненецкий автономный округ	27734	5,47
Иркутская область	26966	1,1
Краснодарский край	25589	0,5

См. также **Надпись в честь Бильге-кагана**, **Риза Бариев, Кого скрывает энтоним?**

Вернуться к ссылке

44.249. Монголы-несториане и православные в XII-XIII веках

… **В объединившейся Великой Степи** несториане составляли большинство, и язычник Чингисхан всячески старался привлечь к себе их симпатии. Несторианские храмы воздвигались в ханской ставке, несториане занимали видные государственные должности, становились наместниками покоренных монголами областей. А «черная вера» не давала никаких привилегий: когда монгольский верховный жрец Кокочу попытался вмешаться в государственные дела, ему по приказу Чингиса переломили хребет.

Одна из жен самого Чингиса была несторианкой. На несторианках он женил своих сыновей и наследников. Из них старший и нелюбимый Джучи был убит незадолго до смерти Чингисхана, вероятно по его приказу. Второй, Чагатай, сам был несторианином, причем ревностным. Третий, Угэдей, ставший после смерти отца великим ханом, был женат на несторианке-меркитке Туракине. Она выписала из Константинополя мастеров-изографов, чтобы они украсили храм близ ханского дворца в монгольской столице Каракоруме. В этом храме были большое серебряное

Распятие, выполненные в технике золотого шитья на верблюжьем сукне иконы Спасителя, Блаженной Девы (так несториане называли Матерь Божию), Крестителя Господня Иоанна, Ангелов; иконы украшались драгоценными камнями (приглашение византийских художников означает, что несториане к тому времени уже утратили искусство иконописи.) Когда умер Угэдей, Туракина в течение нескольких лет возглавляла империю, при ее дворе находился несторианский епископ. Женой младшего, Толуя, была дочь главы кераитов Ванхана, принцесса Соркактани-беги. Своих сыновей, будущих великих ханов Мункэ, Хубилая и Ариг-Бугу, Хулагу, будущего завоевателя Персии, она воспитывала в несторианстве.

Советники правителей-Чингизидов, как несториане, так и мусульмане, стремились обратить хана в свою веру. Для уйгуров религиозное рвение усугублялось еще и корыстью: мусульманские купцы были соперниками уйгурских в торговле. В. В. Бартольд отмечает: *Началось соперничество культурных народов: мусульманских и уйгуров-несториан за влияние на ханов. Уйгуры были непримиримыми врагами мусульман. Религиозная вражда и политическое соперничество должны были принять особо ожесточенный характер в Средней Азии (то есть в Семиречье и Мавераннахре), где силы обеих партий были приблизительно равны*. При первых Чингизидах казалось, что победа несториан обеспечена, впоследствии ситуация стала резко меняться.

… В основанной Чингисханом гигантской державе несториане сразу же заняли выдающееся положение. Они составили верхний слой монгольского общества, несторианские народы – уйгуры, кераиты, найманы – поставляли ханскому двору самых грамотных и деятельных чиновников. Правда, по «Великой Ясе» сами ханы не должны были отказываться от язычества, «черной веры». Но запрет этот был нарушен сразу же после смерти Чингиса, причем самым неожиданным образом.

Верховным судьей империи, блюстителем «Ясы», был назначен второй сын Чингисхана, Чагатай. И вот, тот самый Чагатай, в котором видели опору язычества, принародно торжественно крестился в несторианском храме Самарканда. По завещанию Чингисхана Чагатай кроме звания судьи получил еще и огромный удел: он становился властителем Мавераннахра. Поведение несториан, получивших такого покровителя, по отношению к прежним своим благодетелям-мусульманам нельзя назвать иначе как предательским. При поддержке Чагатая несториане повели с мусульманами открытую борьбу за власть и влияние. Центром этой борьбы сделался Самарканд, кафедральный город несторианской митрополии в Чагатайском улусе.

Однако хан Чагатай, покровитель несториан, не отличался ни мудростью, ни дальновидностью, ни необходимой христианину кротостью. Еще Чингисхан, хорошо знавший своего сына, говорил о нем: «Чагатай ведь жесток, пусть около него с утра до вечера будет Коке-Чос (один из ханских советников). Пусть помогает ему обдумывать свои поступки». Но никакие советники не помогли Чагатаю избежать опрометчивых действий. В Мавераннахре, где мусульмане составляли большинство населения, он вздумал запретить обряды Ислама. При этом Чагатай ссылался даже не на несторианство, а на монгольские суеверия, по которым перерезать горло барану или входить в проточную воду считалось дурным предзнаменованием[207]. Мусульманские авторы

---

[207] Из опасения быть пораженным молнией во время купания, омовения или стирки одежды, что особенно актуально в степях, практически лишенных деревьев - естественных громоотводов (только во Франции, где ежегодно регистрируется около миллиона ударов молний, гибнет несколько десятков людей и около 10 тысяч коров, а Смитсоновский институт США дает статистику по количеству жертв молний во всем мире: за период с 1947 г. по 1970-е годы это приблизительно 833 человека в год).

…например, в прибрежных штатах США ежегодно более тысячи человек погибает от ударов молнией.

При забое «мусульманским» способом животное находится в состоянии дикого стресса, при котором происходит образование большого количества свободных радикалов – основного источника новообразований-канцером. Непостижимо кто «надоумил» монголов и калмыков (до сих пор практикующих этот способ забоя) такому «экологически чистому» способу.

сетуют на то, что при Чагатае никто не смел совершать намаз, поскольку традиционное омовение перед молитвой было запретным: застигнутым в реке или ручье грозила казнь. По приказу Чагатая был казнен мусульманский ученый Абу Якуб Юсуф Секкаки. Когда Чагатай умер, мусульмане сложили ему эпитафию:

Вот тот, из-за кого народ воды речной страшился,

Сам в океан безбрежный смерти погрузился.

Опираясь на монгольские завоевания, несториане стремились все дальше распространить свое влияние в мусульманском мире. Завоеватель Персии монгольский полководец Чормаган был женат на несторианке, двух своих дочерей выдал замуж за несториан, вероятно, и сам был тайно крещен. Наместник покоренного им улуса уйгур Коркуз (Георгий) трижды менял веру: сначала был несторианином, потом буддистом, в конце концов принял Ислам – но покровителем несториан оставался неизменно. «Уполномоченным по религиозным делам» (такие «министерства» монголы начали учреждать еще при Чингисхане) в правительстве Чормагана был ревностный несторианин Симеон Раббан-ата, строивший храмы в Тебризе.

…После военного похода Бату-хан осел на Волге и основал там столицу будущей независимой державы, Золотой Орды, – Сарай. Северную Русь сами монголы не считали завоеванной: этот край был непригоден для расселения степняков. Там они не оставили гарнизонов, не назначили наместников, в течение двадцати лет после Батыева нашествия северорусские княжества никакой дани в Орду не выплачивали. С жителей Южной Руси завоеватели дань взимали, чтобы избавиться от монгольских поборов, население стало уходить на север.

Однако положение Руси было таково, что приходилось выбирать из двух зол меньшее. Великий князь Ярослав Владимирский сделал свой выбор: в 1240 году он сам отправился в Каракорум для заключения союза с Великой Ордой против Запада. Но в то же время среди русских князей и бояр имелось немало «западников», считавших, что лучше договариваться с латинянами, чем с монголами. Князь Ярослав ехал в монгольскую столицу по приглашению великого хана Гуюка, после смерти его отца Угэдея возведенного на престол Великой Орды.

Сын несторианки Туракины, женатый на найманке-несторианке Огуль Гаймыш, Гуюк весьма благосклонно относился к христианам. Несториане из его окружения уверяли, что сам великий хан вот-вот крестится. Гуюк собирался выполнить завещание Чингисхана – продолжить поход к *последнему морю*, на западные страны. Для этого хан искал союзников и созывал в своей столице *православный собор*, пригласив *священников из Рума* (Византии), *Шама* (Сирии), *Осов* (Осетии) *и Руси*, князей и вельмож этих стран, чтобы совместно двинуться против папского Рима.

Заключению союза Великой Орды с Русью помешала клевета. Бывший в свите князя Ярослава боярин-«западник» Феодор Ярунович донес на своего господина ханше Туракине, будто тот тайно сговаривался с Римским папой Иннокентием IV идти против монголов. Ханша, женщина неумная, поверила нелепой выдумке предателя, и по ее приказу великий князь Ярослав был отравлен. После этого старший сын убитого князя Андрей на всю жизнь заразился ненавистью к монголам и сделался рьяным «западником». Второй Ярославич, святой князь Александр Невский, сумел подняться над личной скорбью ради спасения православной Руси. Благоверный князь Александр имел дело и со шведскими интервентами, и с немецкими рыцарями-крестоносцами и потому хорошо понимал, чем чревата западная угроза Русской земле. Однако и для святого Александра союз с убийцами его отца сделался невозможным. Он встал на сторону Бату-хана, врага Гуюка. Столкновение Великой Орды с Золотой, в войсках которой должны были идти и русские дружины, не состоялось, потому что во время похода на Запад Гуюк умер.

…Несториане, прежде жившие в мире с мусульманами и старавшиеся угождать им, при покровительстве Чагатая начали с ними открытую борьбу за власть и влияние. Центром этой борьбы стал Самарканд, кафедральный город несторианской митрополии. В это время несториане воздвигли в Самарканде собор во имя святого Иоанна Предтечи, выдающееся произведение архитектуры – весь свод огромного храма опирался только на одну колонну. Под эту колонну они подложили камень, взятый из мечети (как будто другого материала для

фундамента нельзя было найти). Впоследствии, когда власть в городе перешла к мусульманам, те потребовали вернуть этот камень в мечеть. Колонна, лишившись опоры, должна была рухнуть, а следом за ней разрушился бы и весь собор. Несториане стали молиться о сохранении храма. Тогда, по сообщению Марко Поло, ***совершилось чудо – колонна поднялась на три пяди, и с тех пор не колонна поддерживает свод, а свод держит колонну.*** Но и это чудо милости Божией не вразумило самаркандских несториан, продолжавших губительные для них противомусульманские выходки.

Во времена правления Гуюка несториане Самарканда продолжали теснить мусульман. Побывавший в этом городе в 1248 году Сембат, брат армянского царя Гетума I, не без злорадства отмечает: ***Сарацины (то есть мусульмане), прежде наводившие страх на христиан, теперь сами терпят вдвое больше.*** Сембат побывал в соборе святого Иоанна Предтечи и любовался там иконой с изображением поклонения волхвов Младенцу Христу. Однако, говоря о нравах несториан, он указывает: ***Те, которые здесь считаются проповедниками, заслуживали бы великого наказания.*** А Гильом Рубрук пишет: ***Несториане – люди, не искушенные в тонкостях богословия, лихоимцы, пьяницы и многоженцы, поста по пятницам не соблюдают***, – и добавляет о несторианских иереях: ***Хотя они и учат Евангелию и вере, однако своей дурной жизнью и страстями скорее удаляют от Закона Христа, так как жизнь идолопоклонников более невинна, чем жизнь этих священников***. Мнение римо-католика Рубрука можно было бы считать предвзятым, но в достоверности свидетельства монофизита Сембата (учитывая несторианско-монофизитскую «унию») сомневаться нет оснований. Впрочем, некоторые выходки тогдашних несториан говорят сами за себя.

Тем временем появился первый Чингизид, склонявшийся уже не к несторианству, а к мусульманству. Им был повелитель Золотой Орды хан Берке, сделавшийся ревностным приверженцем Ислама. Узнав о насилии, творимом в Самарканде над его единоверцами, Берке вышел за пределы своего улуса – направил в Мавераннахр карательный воинский отряд, который учинил резню самаркандских несториан. Однако мусульмане той эпохи, очевидно, превосходно понимали разницу между христианскими конфессиями: к православным подданным своего государства Берке-хан отнесся совершенно иначе, чем к несторианам, которых он называл *чагатайскими собаками*.

Союз Золотой Орды с Русью, заключенный в 1252 году во время поездки благоверного князя Александра Невского ко двору Бату-хана, обещал стать почти равноправным. Личность святого русского князя произвела огромное впечатление и на самого Бату, и на его старшего сына, христианина Сартака (по словам историка Абу-ль-Фараджа, Сартак был даже посвящен в сан диакона). Благоверный Александр побратался с Сартаком, то есть сделался приемным сыном золотоордынского хана и названным братом его наследника. (Однако Сартак впоследствии правил в Сарае очень недолго.)

Младший сын Бату-хана и брат Сартака просиял на Руси в лике святых – это **преподобный Петр**, царевич Ордынский[12]. Этот юноша обратился в Православие во время посещения Сарая епископом Кириллом Ростовским, которого современники называли блаженным и учительным. Потрясенный проповедью епископа, молодой Чингизид тайно покинул Орду, ушел на Русь и принял Крещение. Он сподобился видения первоверховных Апостолов Петра и Павла, построил в их честь монастырь на озере Неро, а впоследствии сам стал иноком этой обители, подвизаясь там в богомыслии, безмолвии и молитве. Так сын завоевателя Руси хана Батыя преподобный Петр Ордынский стал русским святым.

… На святыню русского Православия ордынцы не посягали никогда. Тот же хан-мусульманин Берке, в 1259 году учинивший в Самарканде избиение несториан, уже через два года после этого основал православную епархию в собственной столице, Сарае. Берке-хан издал ярлык об освобождении православного духовенства от налогов и о неприкосновенности церковного имущества, монгольским воинам и чиновникам под угрозой смертной казни запрещалось хулить православную веру, посягать на храмы и монастыри и чинить обиды духовенству. Ярлык Берке-

хана неизменно подтверждали его преемники на престоле Золотой Орды, также бывшие мусульманами. Епископ Сарайский являлся в Орде полномочным представителем Русской земли и выступал судьей и примирителем при возникновении распрей удельных князей.

Хотя хан Великой Орды Гуюк стремился покровительствовать христианам всех конфессий, политических чаяний несториан он не оправдал. Взойдя на престол, он заявил о своем намерении согласно завещанию Чингисхана идти походом на Запад. Несториане же видели в римо-католиках союзников, даже заискивали перед ними и совершенно не желали войны монголов с европейскими государствами и папским Римом. Верхушка несториан – уйгурские финансовые воротилы жаждали иного: покорить мусульманские страны Востока, отнять у мусульманских купцов караванные дороги и перехватить у них огромные прибыли.

Плано Карпини пишет о хане Гуюке: ***Говорили нам христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином, и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также перед большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаям греков, как бы ни была велика там толпа татар.*** Карпини не уточняет, о каком именно христианском исповедании идет речь. Однако в его свидетельстве содержится указание на *обычаи греков* (то есть православных) и на колокольный звон. У несториан колоколов не было. Они объясняли это тем, что не хотят уподобляться буддистам с их бесчисленными колоколами и колокольчиками. Так какого же исповедания были христиане, молившиеся в часовне перед *золотой юртой* великого хана по *греческим обычаям* и с колокольным звоном? **Вполне возможно, что часовня была православная и сам хан Гуюк склонялся к Православию.**

Такая догадка отчасти подтверждается тем, что Гуюк-хан приглашал на совет в Великую Орду византийских, сирийских, кавказских и русских православных священников. Планируя западный поход и ощущая в самой Орде сопротивление несторианской клики, Гуюк искал поддержку православных стран в намечавшейся войне с католической Европой. Однако несториане, враждебно относившиеся к православным, отнюдь не сочувствовали этому намерению хана. Гость из Православной Руси великий князь Ярослав, как мы помним, был оклеветан и отравлен по приказу матери Гуюка, несторианки Туракины. Возможно, кроме ложного навета на князя русского предателя-«западника» совершению этого преступления способствовала и несторианская интрига. Так или иначе, заключение договора с Русью было сорвано. Однако союз с Великой Ордой удалось заключить послам Византии (Никейской империи), что позволило грекам выступить против папских крестоносцев и впоследствии, в 1261 году, освободить от них свою столицу Константинополь.

На одном из часто проводившихся монгольскими правителями межрелигиозных диспутов несториане грубо оскорбили знаменитого имама Нур ад-дина Хорезми во время совершения им намаза. Современник описываемых событий, персидский историк **Джузджани**, утверждает, что хан Гуюк был убит мусульманами за попустительство этому хулиганству: ***В ту же ночь Гуюк за оскорбление имама лишился жизни; сыновья его на следующий день извинились перед оскорбленным и постарались удовлетворить его***. О нравах несториан этот эпизод свидетельствует достаточно ясно. Однако в том, что касается обстоятельств смерти Гуюка, известие Джузджани сомнительно. В то время мусульмане при дворах монгольских властителей не имели еще ни сил, ни влияния, которые позволяли бы мстить великому хану.

Известно, что Гуюк умер во время начатого им западного похода, умер внезапно и скорее всего от яда. Выгодна его смерть была уж никак не мусульманам. Во главе общемонгольского войска Гуюк шел с целью смирить мятежную Золотую Орду, а затем приступить к покорению Европы.

Тайных врагов у Гуюка было более чем достаточно: и сторонники Бату, и законники языческой «Ясы», и наверняка имевшиеся среди его советников папские агенты (не случайно один из новейших историков заметил: ***Смерть Гуюка спасла Европу!***). Но все же, по-видимому, с покровителем несториан Гуюком расправилась сама могущественная несторианская клика.

Несториане имели в виду гораздо более выгодную, чем он, кандидатуру на престол великого хана. После внезапной смерти Гуюка внешняя политика монгольской империи совершила резкий поворот: острие завоевательных походов обратилось уже не на европейские, а на мусульманские государства. Такая война была давней (еще со времен похода Елюя Даши на Мавераннахр) мечтой уйгурских купцов, сочетавших приверженность к несторианству с корыстными интересами.

Великий хан Гуюк, по-видимому, был человеком искренним как в своих религиозных исканиях, так и в стремлении выполнить завещание Чингисхана. Его преемник на престоле Великой Орды хан Мункэ был прежде всего ловким политиком. Он заявлял, что пять религий (христианство, мусульманство, буддизм, «черная вера», конфуцианство), как пять пальцев на одной руке, одинаково дороги и нужны ему. На самом же деле Мункэ рассматривал религии как карты в политической игре. Он умел угодить язычникам – монгольский летописец одобрительно отзывается о нем: ***Степенен, решителен, говорит мало, не любит пиршеств, о себе говаривал, что он следует примеру своих предков. Верил волхвам и ворожеям, при каждом предприятии призывал их к себе и ни одного дня без них не был.*** В Китае он поддерживал буддизм. На организуемых им диспутах несториане и мусульмане, основываясь на общей вере в Единого Бога и как бы восстанавливая былое добрососедство, против буддистов выступали вместе. Но будучи ставленником несторианской партии, великий хан Мункэ прежде всего старался угождать политическим амбициям несториан.

На прошедшем в 1251 году при возглавлении Мункэ-хана общемонгольском курултае было решено прекратить продвижение в Европу и завершить покорение Азии. Во главе завоевательных армий Мункэ поставил своих братьев. Хан Хубилай отправлялся в поход, чтобы окончательно подчинить монголам Китай. Целью наступления хана Хулагу являлась Палестина – это был ***желтый крестовый поход*.** На оба направления завоеваний несториане возлагали огромные надежды. Хубилай, по словам Марко Поло, в то время уже принял несторианское крещение и должен был возвысить несторианскую Церковь в Китае. Хулагу был буддистом, но жена его, кераитка Докуз-хатун, являлась ревностной несторианкой и везла с собой целый штат несторианских священников и среди них епископа. Непосредственно во главе войск Хулагу стоял найман Кит-Бука, фанатичный несторианин.

Желтому крестовому походу придавалось особое значение. Мункэ-хан озаботился тем, чтобы приобрести союзников. Вместе с монголами выступал царь Малой Армении Гетум I. При заключении договора Мункэ торжественно поклялся, что в случае победы крестится со всем своим народом. Нет сомнений, что хан сдержал бы слово: слишком лакомой добычей представлялись богатейшие мусульманские страны, чтобы отказываться от союзнических обязательств. К участию в походе Гетум I привлек еще правителя созданного европейскими крестоносцами Антиохийского княжества князя Боэмунда. Чтобы скрепить союз, армянский царь выдал свою дочь замуж за антиохийского князя.

Поход Хулагу начался триумфально. В 1258 году монголы взяли Багдад. Хан по просьбе своей жены-несторианки подарил дворец халифа несторианскому католикосу. Тот, недолго думая, вселился в апартаменты своего недавнего благодетеля. Католикос благословил Хулагу на «священную войну». В следующем году монголы окончили завоевание Месопотамии, покорили Сирию. Войска Хулагу стояли уже у стен крепости Газа. Во всех городах, оказывавших сопротивление, фанатичные несториане Кит-Буки первым делом жгли мечети. Местных несториан не только не грабили, но даже делились с ними военной добычей. Последней опорой мусульманского мира, последним мусульманским государством оставался Египет. Если бы Хулагу удалось одержать верх над Египтом, мусульмане повсюду оказались бы под властью несториан. Казалось, Ислам вот-вот падет, уступив место несторианской монгольской империи.

Желтый крестовый поход был несравненно опаснее и для мусульманской, и для православной веры на Востоке, чем остановленное сельджуками вторжение латинских крестоносцев. Западные рыцари были явными оккупантами, их властвование не могло продолжаться долго, и даже в марионеточных латинских «империях» и «княжествах» как мусульмане, так и православные сохраняли свою веру. А степняки, монголо-тюркское воинство Орды, на Востоке были своими, к

тому же ордынцы несравненно превосходили западных крестоносцев по боевым качествам, пощады же от монгольских несториан представителям иных религий и конфессий ждать не приходилось.

Ордынские несториане, затевая *желтый крестовый поход*, очень рассчитывали на помощь римо-католиков. Действительно, в Европе при вести о разгроме сарацинов ликовали и сравнивали буддиста Хулагу с равноапостольным императором Константином, а его жену, несторианку (еретичку) Докуз-хатун, – с равноапостольной царицей Еленой. Однако Рим смотрел на дело иначе. Римским папам хотелось восстановить на Востоке свою Латинскую империю, а отнюдь не содействовать торжеству монголов-несториан. Заигрывания Рима с несторианами сменились жесткими санкциями. Папский легат за союз с монголами анафематствовал антиохийского князя Боэмунда. Крестоносцы из крепости Сидон во главе с графом Жюльеном нанесли неожиданный удар по тылу монгольского войска. При этом был убит племянник Кит-Буки. В отместку монголы сожгли Сидон, но это задержало их продвижение.

Великий хан Мункэ уже не сомневался в успехе ***желтого крестового похода*** и медлительность действий Хубилая в Китае его раздражала. Мункэ сам отправился в Китай, где принял на себя командование монгольскими войсками. В 1259 году он умер во время осады одной из китайских крепостей.

Берке-хан показал себя противником замыслов Мункэ еще перед началом *желтого крестового похода*, воскликнув: ***Мы возвели Мункэ-хана на престол, а чем он воздает нам за это? Тем, что платит нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, домогается владений халифа, нашего союзника?*** *В этом есть нечто гнусное*. Берке тайно готовился к заключению союза с Египтом. Султаны Египта Куттуз и его преемник Бейбарс были половцами. Через своих соплеменников-половцев, которых в Золотой Орде было много (половецкая орда в Крыму впоследствии приняла имя крымских татар), египетские монархи завязали сношения со своим единоверцем-мусульманином Берке, склоняя хана на свою сторону. Самаркандский инцидент должен был ускорить назревавшее столкновение Золотой Орды с Великой. Смерть Мункэ стала тем рубежом, после которого вспыхнули и эта, и другие монгольские междоусобицы. В преддверии этих событий Берке-хан сделался особенно милостив к православному Русскому улусу. По поводу его позиции Л. Н. Гумилев замечает: ***Друг халифа и враг несториан, Берке искал опоры в Православной Церкви и на Руси.***

При известии о смерти Мункэ-хана Хулагу немедленно отправился в Каракорум: на курултае в связи с выборами нового великого хана требовалось его личное присутствие. С собой Хулагу увел главные монгольские силы, оставив своему полководцу Кит-Буке для борьбы с Египтом только **двадцатитысячное** войско.

Арабы к тому времени уже разучились воевать – армия Египта была тюркская. Она комплектовалась из мамлюков – государственных рабов. На невольничьих рынках египтяне скупали у монголов их военнопленных и ставили на свою воинскую службу. В 1250 году мамлюки совершили в Египте государственный переворот и начали избирать султанов из своей среды. Первым мамлюкским султаном был туркмен Айбек, затем во главе Египта встали половцы Куттуз и Бейбарс. **Тюрки-мамлюки были такими же степняками, как монголы, и их армия ничуть не уступала монгольской по воинским качествам.** После отхода Хулагу султан Куттуз, получив численный перевес, наголову разгромил монголов в битве при Айн-Джалуде. Монгольский полководец, «надежда несториан» Кит-Бука, попал в плен и был казнен. Затем мамлюки перешли в наступление, отвоевали Сирию и Ирак. Мстя за обиды, причиненные монгольскими несторианами, мусульмане этих стран начали громить местные христианские общины. ***Желтый крестовый поход*** **провалился.**

В трудах современных историков, не только западных, но даже и российских, можно встретить сетования: мол, только из-за предательства римо-католиков, которые обманули ожидания искавших с ними союза несториан, потерпел поражение *желтый крестовый поход*, иначе, дескать, *возникла бы «империя третьего типа», весь Восток стал бы христианским*. Но это

только человеческие умствования по поводу путей Промысла Божия. Какое именно «христианство» сулил успех монгольских «крестоносцев»? Мы знаем, что Православную Византию разрушили крестоносцы папские, вероломно захватившие в 1204 году Константинополь. Какая участь могла ожидать православную Русь, зажатую между латинством и несторианством? Мы знаем о враждебности несториан к православным: трудно сомневаться в том, что, будь их воля, несторианская деятельность в Северной Руси мало чем отличалась бы от насильственных латинских «миссий» в юго-западных русских областях, захваченных Польшей. Так что недаром в «битве за спасение ислама» при Айн-Джалуде мусульмане и православные вместе сражались против общей для них угрозы.

Смерть великого хана Мункэ положила конец его планам новых глобальных завоеваний монголов. Империя Чингизидов начала распадаться, и во всех ее регионах влияние несториан стало падать. За время своего возвышения несториане высокомерием и оскорблением чужих религий нажили себе грозных врагов. Ни мусульмане, ни буддисты не забыли перенесенных от них унижений. Но самым худшим, смертоносным для несториан было то, что до полного своего краха они так и не сумели смириться с утратой прежнего высокого положения.

44.249.1. Преподобный Петр, Царевич Ордынский

Преподобный Петр, царевич Ордынский, был племянником хана Золотой Орды Бергая. В 1253 году святитель Кирилл, епископ Ростовский (память 21 мая) ходил в Орду для ходатайства о церковных нуждах своей епархии и рассказывал хану о чудесах, совершившихся при мощах святителя Леонтия (память 23 мая). В числе слушателей был и юный племянник хана, на которого рассказ святителя произвел очень сильное впечатление. Через некоторое время у Бергая заболел сын. Вспомнив рассказ русского епископа об исцелениях, он вызвал святителя Кирилла, и по его молитвам больной исцелел. Хан богато одарил святителя Кирилла и отпустил в епархию. На пути святителя догнал отрок, племянник хана Бергая, и умолил святителя взять его с собой в Ростов. В Ростове отрок был крещен с именем Петр и женился. Святой Петр отличался любовью к молчанию, Богомыслию и молитве. После чудесного явления ему апостолов Петра и Павла он построил при озере Неро монастырь в их честь. После смерти своей супруги, незадолго до своей кончины, святой принял иночество в основанной им обители. Скончался преподобный Петр в глубокой старости в 1290 году.

Когда св. Александр Невский стал вел. князем, то первой его заботой было восстановление разоренной татарами Руси. В самой Золотой Орде он учредил, с разрешения хана, епархию для русских пленных; главным его сотрудником в этом деле был епископ Ростовский Кирилл. Во время своих посещений Золотой Орды этот святитель исцелил сына хана Берке и своими повествованиями о вере христианской обратил в христианство племянника хана Берке. Когда владыка Кирилл покинул Орду, новообращенный царевич последовал за ним. В Ростове еще со времен вел. князя Константина богослужения совершались с особенным благолепием, причем на одном клиросе пели по-славянски, а на другом по-гречески. Глубоко поразили они юного царевича. Он принял крещение с наречением ему имени Петр. После кончины святителя Кирилла (1261) новообращенному царевичу Петру явились свв. апостолы Петр и Павел и вручили ему серебро и золото для основания монастыря. С благословения нового ростовского епископа Игнатия (память его 28 мая) новый монастырь во имя Свв. Апостолов был создан на озере Неро, а царевич Петр женился на знатной татарской девице, проживавшей в Ростове со своими родителями, и имел многочисленное потомство. Он дожил до глубокой старости и принял перед кончиной постриг в Петропавловском ростовском монастыре.

Святой Петр царевич — ясный пример тому, что пребывание пастырей Русской Церкви в Орде, тяжелое для них, не оставалось без плодов для святой веры. Ростовский епископ Кирилл (память 21 мая/3 июня) ходил в Орду к хану Бергаю по нуждам Церкви. При восшествии нового хана на престол князья и пастыри наши обыкновенно ходили на поклон к нему. Так было и при Бергае, когда он взошел на престол после брата своего в 1257 году. Ласково принятый Бергаем, блаженный Кирилл, по его желанию, рассказывал ему о святой вере, как распространял ее святой Леонтий в Ростове (память 23 мая/5 июня), какие чудеса совершаются при мощах его во славу имени Христова и силой Христовой. В числе слушателей беседы епископа с ханом был юный племянник Бергая, сын его брата. Слово о вере Христовой пало на добрую почву — на сердце доброго юноши. Он был сильно поражен тем, что слышал о святой вере, и стал уверяться в пустоте своей языческой религии: поклонении солнцу, звездам, огню. В том же году у хана разболелся единственный сын, и хан, вспомнив рассказы Ростовского епископа об исцелениях, совершающихся при гробе свт. Леонтия, вытребовал Кирилла к себе для исцеления сына. Святитель после теплой молитвы к Богу и Пресвятой Богоматери молил чудотворца Леонтия оправдать дело святой веры перед заблудшими. Прибыв в Орду, он исцелил больного царевича молитвой и освященной водой. Щедро одаренный ханом Ростовский епископ отправился в отечество. Юный племянник хана во время вторичного пребывания епископа у хана решился удалиться с ним в Ростов, чтобы там принять святую веру. Не смея открыть своих намерений матери, боясь власти дяди, он тайно ушел из Орды и, догнав на дороге епископа, со слезами просил взять его с собой. Святитель согласился.

В Ростове царевич жил в доме епископа, ходил смотреть на чин богослужения, слушал чтение и пение и все его приводило в восторг. Тогда в кафедральном храме епископа, говорит древний повествователь, на левом клиросе пели по-гречески, а на правом по-русски. Царевич просил крестить его. Но владыка, заботившийся о своей пастве, велел царевичу ожидать до времени, опасаясь гнева ханского на землю Русскую, если услышит о крещении своего племянника. Но прошло довольно времени, умер хан Бергай, перестало в Орде искание царевича, и святитель с любовью окрестил его с именем Петра. Новый христианин научился русскому языку, усердно читал книги, трудолюбиво молился, посещал богослужение храма, жил чисто и воздержно, оставаясь в доме епископа.

Блаженный Кирилл скончался, и 19 сентября 1261 года из Авраамиевой обители взошел на кафедру Ростовскую свт. Игнатий. Петр продолжал жить при свт. Игнатии в кафедральном доме. Продолжая усердно посещать храм Божий и жить благоговейно, по временам забавлялся он соколиной охотой на берегу озера Неро. Раз, замедлив до ночи на этой охоте, заснул он у озера. Ему явились во сне, а по пробуждении и наяву, свв. апостолы Петр и Павел. Ужаснулся юноша, видя пред собой светлых мужей ростом, превышающим человеческий, и далеко осиявших окрестный мрак; трижды хотел он восстать и трижды повергался долу пред ними. И они, подняв его, ласково сказали: «Не бойся, друг Петр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал, и желаем, чтобы и здесь, где заснул ты, создана была церковь в наше имя; завтра ты выменяешь три иконы, одну Богородицы с Предвечным Младенцем и две святых, отнесешь их к епископу и скажешь, что апостолы Петр и Павел повелевают построить в их имя церковь на указанном ими месте». Затем они дали царевичу два мешка, один с золотом, другой с серебром, и стали невидимы. Блаженный Петр пробыл в молитве до утра на месте, где явились ему апостолы. Потом нашел в городе у иконописца три указанные иконы, выменял и понес их епископу. В ту же ночь свт. Игнатию явились апостолы и приказали построить в их имя храм. Устрашенный тоном приказания и видом их, Игнатий утром пригласил к себе князя — тогда был князем сын мученика Василька Борис — и, рассказав ему о видении, говорил: «Не знаю что делать? Недоумеваю, где строить храм?» В это время они увидели Петра с иконами на руках; епископ и князь были поражены изумлением, откуда мог взять Петр иностранец такие прекрасные иконы, тогда как в городе на то время не было иконописца? Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились святым иконам, отслужили в храме молебен перед ними, совершили крестный ход на место явления святых апостолов и здесь в построенной наскоро часовне поставили чудные

иконы. Блаженный Петр выбрал обширную площадь на берегу озера. На отведенном месте был построен храм святых апостолов и при нем основался монастырь иноков.

44.249.2. АЛ-ДЖУЗДЖАНИ

Абу-Омар Минхадж-ад-дин Осман ибн Сирадж-ад-дин ал-Джузджани родился в Гузгане, или Джузджане, в современном Афганском Туркестане, около 589 (1193) г., и находился при дворе султанов области Гур, в центральной части современного Афганистана. В 623 (1226) г., в страхе перед монголами, он бежал в Индию, где находился при дворе нескольких султанов и занимал должность главного казия в Дели; год смерти его не известен. Сочинение Джузджани “Насировы разряды" — “Табакат-и-Насири", названное в честь султана Насир-ад-дина Махмуд-шаха I (644—664 = 1246—1265) и составленное в 657 в 658 (1259 и 1260) гг., принадлежит к обычному для персидских исторических сочинений типу всеобщей истории от сотворения мира до времен автора. Разделы, посвященные султанам Гура, хорезмшахам и монголам, и некоторые другие имеют значение первоисточника. Джузджани является одним из самых старых персидских авторов, писавших о монголах; хотя Джувейни (см. ниже, стр. 20) писал одновременно с ним, но Джузджани был сам современником первых завоевании монголов, а Джувейни знал о них уже из рассказов. Притом Джувейни, как и все последующие персидские авторы, находился на службе у монголов, тогда как Джузджани является единственным персидским историком, настроенным против них; характерны проклятия и эпитеты, которыми он их снабжает. До жившего в Индии Джузджани сведения о Золотой орде могли доходить только в виде слухов и поэтому сообщенные им данные не совсем точны, в частности, им несколько преувеличено мусульманское благочестие Берке.

44.249.3. Ближневосточный поход монголов

Ближневосточный поход монголов под командованием Хулагу (1256—1260) — один из крупнейших завоевательных походов монгольской армии, направленный против иранских исмаилитов-низаритов, халифата Аббасидов, сирийских Айюбидов и мамлюков Египта; поскольку большую роль в действиях против ближневосточных мусульман сыграли центральноазиатские христиане-несториане, некоторыми историками (Р.Груссе, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилёв) назван **Жёлтым крестовым походом**.

Подготовка к походу

Мункэ, провозглашённый кааном Монгольского государства в 1251 году, принял решение продолжить войны против империи Сун и не покорённых государств Ближнего Востока. Одним из поводов для ближневосточного похода послужила жалоба, поданная Мункэ жителями Казвина и горных районов Персии на вред, причиняемый им исмаилитами-низаритами (известными на Западе как ассасины, а на Востоке — как мульхиды, то есть еретики). Согласно Рашид ад-Дину, *«так как многие из искавших правосудия на несправедливость еретиков, передали себя на [его] благороднейшее усмотрение, Менгу-каан в год быка* [1] *отправил в области таджиков против еретиков своего [младшего] брата Хулагу-хана»* [2]. На исмаилитов и багдадского халифа жаловался хану и монгольский военачальник Байджу, базировавшийся в северном Иране [3]. Мункэ приказал Хулагу разрушить горные крепости исмаилитов, покорить луров и курдов, завоевать владения халифа, если тот не изъявит покорности.

Численность войск

Хулагу и его армия. Миниатюра из *Джами ат-таварих* Рашид ад-Дина. Рукопись XV века, Герат

Джувейни, а вслед за ним и Рашид ад-Дин, сообщают, что каждый улус должен был поставить в армию Хулагу по два человека из каждого десятка воинов. Но это может быть лишь фигура речи, означающая, «очень большое войско», так как то же выражение встречается у Джувейни под 1246 годом, когда Гуюк

отправлял Илджидая на войну против исмаилитов.

Анонимный автор сочинения *Шаджарат аль-атрак* (XV век) пишет, что Мункэ дал Хулагу одну пятую всех годных к службе монголов, и это составило 120 тысяч человек. Му'ин ад-Дин Натанзи сообщает, что Хулагу выступил из Монголии в сопровождении 70 тысяч человек [4]. И по свидетельству инока Магакии (Григора Акнерци), армянского историка XIII века, численность войск Хулагу доходила до 70 тысяч: *«пришли с востока... семь ханских сыновей, каждый с туманом всадников, а туман значит 10 000»* [5].

Современные исследователи, пытаются рассчитать численность армии Хулагу, исходя из количества упоминаемых в источниках военачальников — 15-17 человек. Если каждый военачальник — темник, то в монгольском войске должно было быть 150—170 тысяч человек. Однако тумен лишь теоретически включал 10 тысяч воинов; реальная численность могла быть меньше [4].

К армии были приписаны китайские инженеры для обслуживания камне-, стрело- и огнемётных машин; численность китайцев оценивается по-разному, от тысячи [6] [7] до четырёх [8]. Кроме войск Байджу под верховное командование Хулагу переходили войска Даир-бахадура, размещённые в Кашмире. На пути следования армии была проведена тщательная подготовка: через реки наведены мосты, исправлены дороги; племена, кочевавшие на территории, через которую должна была двигаться армия, согнаны со своих мест; заготовлены огромные склады продовольствия и фуража. [6].

Участие христиан

Хулагу симпатизировал буддистам, но в целом использовал приверженцев разных религий в своих политических целях. Однако его старшая жена, влиятельная Докуз-хатун, была христианкой и покровительницей христиан. Начальник штаба найман Китбука-нойон был ревностным несторианином, и помощников он подобрал из единоверцев. Наконец, в союз с монголами вступил царь Малой Армении Хетум I, который смог привлечь к союзу с монголами антиохийского князя Боэмунда, выдав за него замуж свою дочь.[9]

Выступление войск

Хулагу покинул Монголию в октябре 1253 года, но двигался крайне медленно. В 1254 году он был в Алмалыке и Улуг-Иве у правительницы Чагатайского улуса Эргэнэ-хатун, а в сентябре 1255 года его принимал близ Самарканда монгольский наместник Мавераннахра Мас'уд-бек, сын Махмуда Ялавача. Такое неспешное движение было связано с противодействием главы Улуса Джучи Бату, который не желал пускать имперскую армию за Амударью, территорию за которой рассматривал как сферу влияния Джучидов. Не последнюю роль играла позиция Берке, брата Бату, который заявил: *«Мы возвели Менгукана, и чем он нам воздаёт нам за это? Тем, что отплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры… и домогается владений халифа, моего союзника… В этом есть нечто гнусное»* [10]. Мункэ не хотел ссориться с Бату, поэтому до смерти последнего (1255/1256) решительного наступления не предпринималось. Тем не менее, ещё в августе 1252 года из Монголии выступил авангард под командованием Кит-Буга-нойона численностью в 12 тысяч, который с марта 1253 года действовал против исмаилитов в Кухистане, осаждая крепость Гирдекух.

Осада Аламута. Миниатюра из *Тарих-и-джехангуша* Джувейни. Рукопись XV века, Шираз

Разгром низаритов

В январе 1256 года Хулагу, пополнив свою армию джучидскими подразделениями, предоставленными Сартаком, форсировал Амударью и осадил низаритские крепости в Кухистане (Эльбурс). Не полагаясь лишь на военную силу, Хулагу начал и дипломатическое наступление, потребовав от имама низаритов Рукн-ад Дина Хуршаха капитуляции. Среди исмаилитов существовала промонгольская партия, к которой принадлежали известный персидский учёный Насир ад-Дин ат-Туси и врач Муваффик ад-Доулэ, дед Рашид ад-Дина, знаменитого министра государства Хулагуидов. Под влиянием этой партии Хуршах согласился сдать крепости в обмен на сохранение жизни и владений. Однако, как только Хулагу почувствовал, что Хуршах пытается выгадать время и затягивает переговоры, он начал штурм крепости Меймундиз, в которой находился имам. В итоге, Хуршах вынужден был сдаться. Хулагу отправил его в Монголию, к Мункэ, который должен был решить судьбу Хуршаха. По дороге, в Средней Азии, 9 марта 1257 года Рукн ад-дин Хуршах, видимо, по тайному приказу Мункэ, был убит. В то же время, Насир ад-дин ат-Туси стал советником и личным астрологом Хулагу.

Большинство исмаилитских крепостей в Кухистане сдалось без боя в течение года и было разрушено. Лишь немногие, в том числе знаменитый Аламут, капитулировавший 15 декабря 1256 года, оказали незначительно сопротивление. Сложнее всего пришлось монголам при осаде Гирдекуха, которая продлилась на годы.

Историк Джувейни, служивший Хулагу, ознакомился с богатым книгохранилищем Аламута. Хранившаяся там рукопись *«Сергузашт-и сейидна»*, посвящённая жизни Хасана ибн Саббаха, была использована Джувейни в своём сочинении.

Завоевание Багдада

Падение Багдада. Иллюстрация к *Джами ат-таварих* Рашид ад-Дина

Основная статья: ***Битва за Багдад (***1258***)***

Покончив с низаритами, Хулагу потребовал покорности от багдадского халифа аль-Мустасима. Халиф, самонадеянно отвергнув ультиматум монгольского командующего, не располагал, однако, силами, чтобы ему противостоять. Среди сановников, окружавших халифа, не было единства по поводу мер, которые нужно предпринять для обороны страны. К тому же, аль-Мустасим отказался выплатить жалование наёмному войску, и оно было распущено.

Полевая армия Аббасидов под командованием Фатх ад-дина ибн Керра потерпела поражение на берегу Тигра от войск Байджу. В начале 1258 Хулагу, Байджу и Кит-Буга завершили окружение Багдада. Сперва в действие вступили осадные орудия, а затем начался штурм. К середине февраля город был в руках монголов. В начавшемся избиении жителей были пощажены христиане (по просьбе несторианки Докуз-хатун, старшей жены Хулагу) и евреи, которых монголы рассматривали как своих союзников, поскольку при халифах они были угнетаемы. Сдавшийся в плен ал-Мустасим по приказу Хулагу вынужден был показать тайные казнохранилища Аббасидских правителей, а затем, 20 февраля, был казнён.

… **Несторианскому патриарху** был для устройства резиденции предоставлен дворец халифа. Армянский патриарх благословил Хулагу и его войско на священную войну. Здесь же состоялось и соединение монгольской армии с войсками Гетума I и Боэмунда Антиохийского.

Союзная армия двинулась на Сирию, прошлась по ней, а весной 1259 г. авангард монгольской армии был уже у стен Газы. Правда, Дамаск и Алеппо пали лишь в 1260 г., так как они, в отличие от Багдада, отчаянно сопротивлялись.

В тот же период нойон Урукту был направлен для взятия города Ирбиль. Его правитель Тадж ад-Дин ибн Салайя покорился монголам, но защищавшие крепость курды отказались сдаться. Долгая осада успеха не принесла. Лишь летняя жара заставила курдов покинуть Ирбиль, и его занял союзник монголов Бадр ад-Дин Лу'лу, атабек Мосула.

Сирийская кампания

Наступление монголов в Леванте (1260)

После завоевания Багдада Хулагу расположился в окрестностях Мараги в Восточном Азербайджане. В августе 1258 он принимал здесь мусульманских властителей, прибывших выразить покорность, в частности, Бадр ад-Дина Лу'лу, атабека Са'да из Фарса, братьев Изз ад-Дина Кей-Кавуса II и Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV из Конийского султаната. Бадр ад-Дин Лу'лу отправил своего сына Салиха на службу Хулагу.

12 сентября 1259 года армия Хулагу выступила на запад. В авангарде шли силы Китбуки, на правом крыле — Байджу и Шиктур, на левом — Сунджак, центром командовал сам Хулагу. Монголы заняли Ахлат, разгромили в окрестных горах курдов. Салих был послан на завоевание Амида (ныне — Диярбакыр), а Хулагу захватил Эдессу. Затем были взяты Нисибин и Харран.

Монголы перешли Евфрат и 18 января 1260 года осадили Халеб. В осаде участвовали и войска христианских союзников Хулагу — Хетума Армянского и Боэмунда Антиохийского. Город был занят в неделю, но цитадель держалась до 25 февраля 1260. После её взятия монголы устроили резню, прекращённую через шесть дней по приказу Хулагу. Из защитников цитадели в живых оставили лишь одного армянского золотых дел мастера. Хетум сжёг мечеть Халеба, сохранив яковитскую церковь. Хулагу вернул армянскому царю некоторые области и замки, отнятые у него халебскими правителями. Боэмунду были отданы халебские земли, бывшие в руках мусульман со времён Салах ад-Дина.

Айюбидский султан ан-Насир Юсуф, узнав о падении Халеба, отступил с войском из Дамаска в Египет. Дамаск сдался монголам без боя, и 1 марта Китбука вступил в город, назначив там монгольского управляющего.

Военные действия в Палестине

…Весь ближний Восток стал христианским. Мусульмане разгромлены. Единственной опорой мусульман остался Египет. В Европе Хулагу и его супругу сравнивали с Константином и Еленой. Казалось бы, сбылась вековая мечта! Но не все этому радовались. Не радовались различные рыцарские ордена, тамплиеры и иоанниты, потому что с освобождением Гроба Господня они должны быть распущены. Не радовались папские легаты на Ближнем Востоке: ведь восточные христиане оказались несторианами, т.е. еретиками. А для них еретики были хуже мусульман и самого черта!

И вот христианские рыцари-монахи заявляют, что ***"если придут монгольские черти, то они найдут на поле сражения слуг Христа готовыми к бою"***.

Как оценить такую позицию крестоносцев? Более того, папский легат отлучил Боэмунда от церкви за союз с монголами! Да, далеко не все хотели победы креста любой ценой!

Тут начались и другие неприятности. В тылу у монголов в 1259 г. восстали грузины, которых монголы считали своими естественными союзниками и не лишили их самоуправления. Вместо того чтобы опереться на грузинские войска в войне с мусульманами, монголам пришлось тратить свои резервы, весьма скудные, так как основной театр военных действий находился в Китае, на подавление этого восстания.

11 августа 1259 г. умер Мункэ-хан. Когда Хулагу получил известие о его смерти, он срочно свернул все свои дела и вернулся в Иран. В империи монголов во время междуцарствия все чингисиды должны были присутствовать на курултае лично. В Палестине под командованием Китбуги-нойона осталось по различным данным от 10000 до 20000 человек.

Против них стояли мамлюки Египта, у которых с монголами были свои счеты. Ведь почти все они попали в свое время на невольничьи рынки из монгольского плена. Они помнили все, и повторения не желали допустить. Более злейшего врага для монголов трудно было придумать. Но коннице мамлюков было очень трудно пересечь Синайскую пустыню, так как все опорные пункты на морском побережье находились в руках христиан.

Итак, летом 1260 г. Китбуга-нойон со своим войском стоял около Баальбека. Позиция у него была надежной. С востока - пустыня, с запада - замки христианских рыцарей, которых он считал своими союзниками. Но тут вмешался случай, который в Европе прошел бы незамеченным, а здесь сыграл роль запала. Владетель Сидона, Жюльен, был человек необузданных страстей. Траты его значительно превышали его доходы. Он давно заложил тамплиерам свой город и промышлял грабежами соседей. В Европе это обычное дело. Так он ограбил окрестности Тира, где правил его родной дядя. До прихода монголов он грабил Сирию. Вот и в этом году он напал на мирное население и вернулся в Сидон с добычей и пленными. Он или забыл, что Сирия уже год принадлежит монголам, или не придал этому обстоятельству никакого значения.

Монголы очень удивились. Они считали, что грабить можно врагов, а не союзников. Чтобы урегулировать это недоразумение был послан небольшой отряд под командованием племянника Китбуги-нойона. Рыцари увидели, что монголов мало и перебили весь отряд. Монголы такого предательства простить не могли! Они быстро пошли на штурм города и взяли его. Часть жителей города и сир Жюльен спаслись на острове, куда монголы попасть не смогли из-за отсутствия плавсредств. Город был разрушен, а его стены срыты. Даже тесть Жюльена, армянский царь Гетум I, жалел, что того не поймали и не повесили. Тамплиеры же оправдывали разбой Жюльена и даже выкупили у него развалины города. Отсюда-то и пошла гулять по Европе легенда о злых и жестоких монголах, которые хуже самих чертей!

В это время выступили мамлюки. Конница султана Куттуза форсировала Синайскую пустыню и опрокинула немногочисленный монгольский заслон в Газе. Но нойон Байдар успел известить Китбугу о вторжении. Узнав о начале войны, Китбуга с войском двинулся от Баальбека к Назарету, чтобы здесь остановить врагов. Он рассчитывал, что мамлюкам передохнуть будет негде, и их кони будут утомлены. Вы бы тоже так считали!

Но помощь мамлюкам пришла с совсем неожиданной стороны - от христианских рыцарей Аккры! Они даже обсуждали вопрос о заключении союза с мамлюками против монголов, т.е. с мусульманами против христиан. Как вам это понравится?! Только магистр тевтонских рыцарей помешал заключению этого союза. Но мамлюков приняли как дорогих гостей, снабдили продуктами, сеном для лошадей и позволили хорошенько отдохнуть. Говорят, что Куттуз подумывал о том, чтобы захватить этот город, но главный враг ждал впереди. За это гостеприимство мамлюки заключили с рыцарями Аккры торговую сделку: они пообещали продать им по низким ценам лошадей, захваченных у монголов. Мамлюки же конечно и не подумали потом выполнять свои обязательства. Предателей никто не любит!

Хорошо отдохнув, армия Куттуза прошла через владения христиан в Галилею, чтобы оттуда двинуться на Дамаск. Китбуга с монгольской конницей встретил противника у Айн-Джелуда (около Назарета) 3 сентября 1260 года. И утомленной оказалась только монгольская конница. У мамлюков же было еще и численное превосходство. Против главных сил монголов Куттуз выставил авангард своей армии под командованием своего друга Бейбарса. Монголы пошли в атаку и яростно бились, но на этот раз половцы устояли! Потом с флангов ударили резервные части мамлюков, и исход сражения был предрешен.

Это было первое поражение монголов в их походах, и разгром был полный. Китбуга-нойон сражался до тех пор, пока под ним на пал конь. Тогда его скрутили и доставили к Куттузу.

Так закончился желтый крестовый поход.

Китбуга-нойон сказал пленившему его врагу, что Хулагу-хан пошлет новую армию, которая зальет Египет кровью. Потом он добавил, что всегда был верным слугой своего хана и никогда не был цареубийцей. После этих слов Куттуз отрубил ему голову. Зря он так поступил! Не принято было в то время убивать знатных пленников, захваченных на поле боя. И Аллах скоро покарал Куттуза.

Основная статья: ***Битва при Айн-Джалуте***

После того как Хулагу был вынужден в связи со смертью великого хана Мункэ (1259) вернуться в Монголию, Кит-Буга стал командующим оставшейся части войска (10 — 20 тыс. [11]). Получив подкрепления от союзных армян и грузин, Кит-Буга продолжил завоевания из Сирии на юг — в Палестину. Ему навстречу двинулась армия египетских мамлюков под командованием Кутуза и Бейбарса. 3 сентября 1260 года в битве при Айн-Джалуте монгольское войско потерпело поражение. Кит-Буга попал в плен и был казнён.

См. также **ЗЕМЛЯ ПОТОМКОВ ПАТРИАРХА ТЮРКА**, **АЛ-ДЖУЗДЖАНИ. НАСИРОВЫ РАЗРЯДЫ**, **Желтый крестовый поход. Китбуга-нойон**, *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1, кн. 1, *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой,редакция проф. А. А. Семенова. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 1, кн. 2, *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. — Т. 2, *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. — Т. 3., **Монголы - защитники гроба Господня?**

Вернуться к ссылке

44.250. Великий западный поход

… **Прошло более десятилетия**, сражение на Калке стало уже забываться, когда Руси пришлось иметь дело уже не с дозорным степным полком, а со всей военной мощью ордынской империи. Следуя завещанию Чингисхана, в 1235 году монголы начали Великий западный поход. Главнокомандующим был Бату-хан (на Руси прозванный Батыем), внук Чингисхана, сын Джучи. Среди полководцев были представители всех ветвей Чингизидов: Гуюк, сын и наследник великого хана Угэдея, Бури, сын Чагатая, Мункэ, сын Толуя. Был взят и сожжен Великий Булгар на Волге, булгары и их соседи башкиры были приведены к покорности. Затем монгольская армия разделилась: Мункэ-хан повел полки преследовать половцев, хан Бату с частью войск пошел на Северную Русь.

Это решение талантливого военачальника, каким был Бату, видится совершенно непонятным. По завещанию Чингисхана, ***копыта монгольских коней*** должны были ***устремляться к последнему морю***, то есть на просторы Европы. Согласно целям похода, казалось очевидным, что на половцев должна была быть обрушена вся мощь монгольской армии. (Впоследствии именно из-за нехватки сил европейский поход Мункэ захлебнулся.) А в Северной Руси монголам было нечего делать: там у них не было врагов, да и лесистые земли были непригодны для кочевий. Странное решение главнокомандующего вызвало ссору полководцев-Чингизидов: Гуюк обозвал Бату старой бабой, а Бури объявил, что будет ***бить его поленом по животу***. За нарушение дисциплины Гуюк и Бури были высланы из воинского стана на родину. (Эта ссора имела разрушительные последствия для всей Великой Орды – Бату со своим уделом отделился от империи, когда великим ханом был избран Гуюк, его смертельный враг.)

Загадочные действия Бату-хана могут быть объяснены только если вспомнить, что ближайшим его советником и проводником в Великом западном походе являлся рыцарь Альфред фон Штумпенхаузен. Папскому агенту удалось решить сразу две задачи: смягчить удар монголов по Европе и переориентировать нашествие на православную Русь, соблазняя кочевников рассказами о богатстве русских городов, где дома якобы «крыты листовым золотом». (Потому-то монголы в этом первом походе, вопреки законам «Ясы», разрушали храмы[208] – они хотели

---

[208] Чингисова Яса запрещает ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывает любить ближнего, как самого себя, не

добраться до вызолоченных куполов, представлявшихся им чисто золотыми.) По пути монголы сожгли отказавшую им в провианте Рязань и оказавший им вооруженное сопротивление Владимир, **но главная цель монгольского удара вырисовывалась явно: Бату-хан шел грабить Новгород**. Это был северо-западный оплот православной Руси, ограждавший ее от папских посягательств. В то время, когда вся Европа трепетала перед монгольской угрозой, римские папы организовывали один за другим «крестовые походы» на Новгород. Желание подавить русское Православие оказывалось для латинян сильнее страха перед азиатским нашествием. **Разрушить же Русь руками монголов, одновременно обессилив их, – в этом было особое коварство замысла папского агента фон Штумпенхаузена.** Но Бату-хан до Новгорода не дошел: помешала осенняя распутица.

В результате Великого западного похода 1235–1242 годов монголы завоевали Южную Русь, опустошили Польшу и Венгрию, достигли берегов Адриатики. В битве при Оломоуце обессилевшая монгольская армия была разбита чехами и откатилась назад.

…Для Руси началось так называемое татаро-монгольское иго. Можно рассуждать о жестокости завоевателей или о коварстве папской политики, однако все это – дела человеческие. А в установлении власти Орды над Русью видится деяние Всеблагого Промысла Божия. На Руси, раздираемой игрой княжеских честолюбий, православные люди проливали кровь друг друга в нескончаемых междоусобных войнах. Князья-властолюбцы попирали святыни, то и дело нарушая крестные целования и клятвы о мире, жгли монастыри и храмы Божии в уделах своих соперников. Голос духовенства и святителей, голос Матери-Церкви был не в силах остановить это безумие. Раздробленная и обескровленная Русь катилась к гибели, вот-вот должна была стать добычей хищного Запада. Что это сулило русскому народу, известно: в областях, захваченных Польско-Литовским королевством, немедленно начиналось подавление Православия и искоренение русской культуры. **Монголы брали дань, но не касались веры и обычаев. Латиняне стремились умертвить саму душу русского православного народа.** Золотая Орда воцарилась над Русью, для Русской земли это была кара Господа Правосудного за братоубийство и зов Господа Милующего к объединению. Монголы явились по воле Всевышнего как суровые спасители православной Руси от внутренних смут и погибельной западной угрозы. Первым понял это великий князь Ярослав Владимирский, отец святого благоверного князя Александра Невского.

44.250.1. Альфред фон Штумпенхаузен

По-видимому, потомок архиепископа Бременского Бурхарда I Штумпенхаузена (1207-1210).

…**Ловкостью и политическими** интригами сосредоточив в своих руках и духовную, и светскую власть над Западной Европой, папы в XIII столетии прибегают к новому способу миссионерства в России с целью подчинить Риму в то время еще юное Православное Царство. Рим пытается воспользоваться несчастным положением России: папы направляют против православной страны оружие подчиненных им народов: датчан, ордена Меченосцев, венгров и... татар, а затем — шведов в 1240 году и немцев в 1242 году. «***Не случайно советником у Батыя был рыцарь святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен***» (Башилов Б;). Потерпев неудачи на поле брани, римский папа предложил в 1248 году блгв. князю Александру Невскому помощь западных народов против татар. «Не в силе Бог, а в Правде»,— было ответом Православной Руси Римскому папе, на что папа ответил вооруженным наступлением на земли русские — немецким оружием — в 1268 и 1269-м годах и оружием шведским в 1347 году.

…**С предложением о "соединении"** с Римом обращался папа Климент III, а папа Иннокентий III писал князьям и народу в 1207 году, что он "не может подавить в себе отеческих чувств к ним и зовет их к себе". Оставшиеся без ответа "отеческие чувства" воплотились в мощном военном

причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его.

давлении на западные рубежи Руси. Папство, сосредоточившее в XIII столетии в своих руках и духовную и светскую власть, благословляло и направляло оружие датчан, венгров, католических орденов, шведов, немцев. Папа повелел в 1237 году архиепископу Упсалы возвестить крестовый поход против русских "схизматиков" и язычников - финнов, который закончился в 1240 и 1242гг. победами Св.Александра Невского на Неве и на Чудском озере. Святой Престол пробовал интриги при дворе Батыя, где подвизался рыцарь Св. Марии Альфред фон Штумпенхаузен. К Великому хану в Каракумы в Монголию от Папы Иннокентия IV ездил минорит Иоанн де Плано Карпини. Рим, ничтоже сумняшеся, в 1248-м, а затем и в 1251 году предлагал Александру Невскому при принятии католичества помощь тех самых рыцарей, которых князь только что разбил.

Историки-евразийцы окончательно сделали вывод о предпочтительности владычества совершенно чуждых народов, чем западных христиан, что обосновано лишь печальным историческим опытом. Если Иерусалим и святые места оказались бы во владении пап, судьба балканских православных была бы не лучше участи славян под немцами или Польшей. Латинская Европа всегда сопровождала свое участие искусительством. "Как сатана-соблазнитель, говорила она одряхлевшей Византии: "Видишь царство сие, пади и поклонись мне и все будет твое", - образно писал Н.Данилевский. - Ввиду грозы Магомета собирала она Флорентийский собор и соглашалась протянуть руку помощи погибающему не иначе, как под условием... отречения от Православия". Почти так же это событие честно описано Арнольдом Тойнби: "***Перед лицом горестного выбора православные греки средневековья... отвергли иго своих западнохристианских братьев и с открытыми глазами предпочли как меньшее зло - ярмо турок-мусульман***".[3]

…Голландский монах Рюисброк был послан в Каракорум к хану Менгу владыкой Франции Людовиком IX. Европейские государи были как нельзя больше заинтересованы в продолжении татарских набегов на Русь: "***Будем осмотрительны***, - писал английскому королю император Фридрих III Штауфен. - ***Пока враг губит соседа, подумаем о средствах самообороны***". Цинизм "просвещенной Европы" непередаваем: когда очередные попытки натравить монголов на Русь провалились благодаря дипломатическим талантам Александра Невского, папа, ничтоже сумняшеся, в 1248 году предложил тому же Александру союз против хана - с условием, конечно, что князь признает главенство Ватикана. Так, ложью, лестью и насилием пытаются искоренить в Европе "русский дух".

44.250.2. Битва при Оломоуце

Победа Ярослава над татарами. Роспись потолка в замке Зелена Гора, Непомук, Чехия, XIX в. (в этом замке была «найдена» другая «рукопись» Ганки)

Битва при Оломоуце — мифическое событие западного похода монголов 1241 года, якобы победа чехов под предводительством Ярослава из Штернберка над татарами под Оломоуцем в Моравии (исторические упоминания об этом городе относятся только к 1250-м годам). Упоминание об этой битве содержится только в Краледворской рукописи — сборнике «древнечешских» эпических и лирических песен, который, как доказано в конце XIX — начале XX в., представляет собой подделку, изготовленную филологом, поэтом и одним из основателей

Национального музея Вацлавом Ганкой в 1817 г. Несмотря на это, битва фигурирует во многих сочинениях историков XX в., уже после того, как рукопись была разоблачена.

События, изложенные в Краледворской рукописи

Согласно тексту песни «Ярослав», после битвы при Легнице отставшие части монгольской армии, отброшенные Готтхардом фон Брандис, через Судеты отправились обратно в Моравию. После отхода монголов европейский союз вновь распался, поэтому чехи вынуждены были встретить врагов в одиночестве. Монголы опустошили Ганскую область. Города Оломоуц, Брно и Нове Место не были взяты. Оборону Оломоуца держал Ярослав из Штернберка с 6000 воинов. Во время вылазки был убит сын хана, который называется в песне Кублаем (в действительности хан Хубилай царствовал позже; имя взято из средневекового перевода на чешский «Книги Марко Поло»). Спустя 3 дня монголы прекратили осаду и ушли в Венгрию.

Как отмечает Г. В. Вернадский в книге «Монголы и Русь», в действительности, «следуя приказу о скорейшем движении в Венгрию, эти силы не могли терять время на осаду городов. Они разделились на несколько маленьких отрядов и грабили страну по мере продвижения. Богемский король Вацлав отбросил одну из этих орд при Кладно, что укрепило чешский моральный дух, но не оказало влияния на монгольскую стратегию. В противовес широко распространенной легенде, в Моравии не было решительных битв; через неделю или две все орды пересекли ее территорию»[1].

Повод для фальсификации

Битва при Оломоуце придумана Ганкой как средство национального возвеличивания чехов — в одиночку, без помощи других народов, чехи наносят монголо-татарам решительное поражение и останавливают их продвижение в Европу. Как часто у Ганки, сюда прибавлена антинемецкая нота — Ярослав бьётся с татарами при попустительстве немцев.

В мистификации есть также одна конкретная деталь, которая едва ли случайна. Легендарный Ярослав из Штернберка представал предком графского рода Штернберков, из которых происходил граф Кашпар Штернберк — один из основателей-меценатов Пражского национального музея[2].

Карьера вымышленной битвы

В эпоху авторитета «Рукописей» великим событием национальной истории считалась и битва Ярослава с монголами. В 1841 году (ещё при жизни Ганки) патриоты в Оломоуце торжественно отметили её 600-летний «юбилей».

Вымышленная Ганкой битва фигурирует у С.М. Соловьёва: «Татары не решились вступить во вторичную битву и пошли назад в Венгрию; на этом пути опустошили Силезию и Моравию, но при осаде Ольмюца потерпели поражение от чешского воеводы Ярослава из Штернберга и удалились поспешно в Венгрию»[3]. В то время, когда Соловьёв писал «Историю», рукописи Ганки считались подлинными (на этой точке зрения стояло, в частности, большинство русских славистов).

Однако и после того, как Краледворская рукопись была разоблачена (в конце XIX — начале XX в.), битва при Оломоуце (Ольмюце) продолжала упоминаться и описываться в работах Э. Хара-Давана «Чингис-хан» (1929)[4] Б. Д. Грекова «Золотая Орда и её падение» (1950)[5], Л. Н. Гумилёва «Поиски вымышленного царства» (1970)[6] и других историков, а также в третьем издании БСЭ[7].

44.250.3. Битва при Легнице (1241)

Би́тва при Легни́це — эпизод западного похода монголов 1236-1242 годов и монгольского похода 1240-1242 годов, целью которого стали владения Даниила Галицкого, Польша и Венгрия. Сражение 9 апреля 1241 года близ силезского города Легница между монгольской армией под командованием Байдара и объединенным польско-немецким войском князя Генриха Благочестивого. Битва закончилась полной победой монголов.

Известна также под названием «битва при Вальштатте». Вальштатт — немецкий вариант польского «Легницкое поле» (или «Доброе поле»). В русской литературе часто встречается вариант «битва при Лигнице», где Лигниц — германизированный вариант польского топонима.

Предыстория

После взятия Владимира-Волынского в декабре 1240 года монгольская армия разделилась. Мунке и Гуюк вернулись в Монголию, Бату и Субэдэй направились через Карпаты в Венгрию, Кадан — на юг, через Молдавию в Семиградье, а основные силы (Байдар, Кайду и Орду) двинулись в Польшу. В январе 1241 года они заняли Люблин и Завихост, разгромили малопольское ополчение в битве под Турском (13 февраля) и захватили Сандомир. Краковские войска воеводы Владимежа и сандомирские — воеводы Пакослава и кастеляна Якуба Ратиборовича пытались закрыть путь на Краков, но были разбиты соответственно под Хмельником (18 марта) и Торчком (19 марта). 22 марта монголы заняли Краков. В начале апреля Байдар и Кайду через Рацибуж и Ополе прорвались к Вроцлаву.

В городе собрались войска из разных районов страны. Воинами Великой и Малой Польши командовал Сулислав, брат краковского воеводы, верхнесилезским войском — Мешко, нижнесилезским — сам князь Генрих Благочестивый. Болеслав, сын моравского маркграфа Дипольда, предводительствовал иностранным отрядом, куда входили среди прочих французские тамплиеры, горняки из Злотой Гожи, немецкие рыцари. Генрих также надеялся на помощь чешского короля Вацлава I, обещавшего

присоединиться к нему. Князь, решив попытать счастья в полевом сражении, не стал оборонять Вроцлав, но горожанам удалось отбить монгольский приступ. Монголы, оставив город в тылу, 9 апреля атаковали войско князя Генриха под Легницей. Чешское войско находилось в дне пути от места сражения.

Ход битвы

Битва под Легнице. Картина (1630)

Сначала был обоюдный дистанционный обстрел, при котором монгольские войска использовали дымовую завесу, и этим самым запутав европейских стрелков, атаковали с флангов конными лучниками. Рыцари начали атаку вслепую, при этом ударив в авангард, состоящий из легкой конницы, и смяли его. Однако, через некоторое время в бой были направлены главные силы монголов — тяжеловооруженные всадники, которые нанесли удар с правого фланга, крича на польском языке: *«Спасайся, спасайся!»*[2]. Объединенные войска поляков, тамплиеров и тевтонцев оказались в замешательстве и начали отступать, а затем и вовсе обратились в паническое бегство.

Войско Генриха было разбито монголами, а сам он пал в битве. Его голову насадили на копьё и принесли к воротам Легницы.

С монгольской стороны в битве, в частности, были уничтожены мордовские отряды во главе со своим предводителем[3][4], влившиеся в монгольское войско ещё в 1237 году[1].

Последствия битвы

Несмотря на победу, монголы не пошли на столкновение с чешским войском Вацлава I, всего на сутки опоздавшего на Легницу, и не стали продвигаться дальше на запад, а повернули на юг, через Моравию в Венгрию на соединение с силами Батыя, Кадана и Субудая.

Смерть князя в битве и отход монголов способствовали появлению мифологической оценки сражения. Мать Генриха, герцогиня Ядвига Силезская (Хедвиг из Андекса), и его жена, Анна Чешская, воздвигли приход и передали его бенедиктинцам монастыря Опатовице близ Градец-Кралове. Труп Генриха опознали по ноге, на которой было шесть пальцев. Служба в память битвы при Легнице справляется в приходе и поныне ежегодно 9 апреля.

См. также **ЗЕМЛЯ ПОТОМКОВ ПАТРИАРХА ТЮРКА**, **Битва при Оломоуце — Википедия**, **Как редко торжествует память**, **Деятельность Ватикана на территории России: геополитический аспект**, **Б. Башилов. Московская Русь до проникновения масонов.**

Вернуться к ссылке

44.251. Батый

Бату́ (в русской традиции **Батый**) (ок. 1209(1209) — 1255/1256) — монгольский полководец и государственный деятель, правитель улуса Джучи, сын Джучи и Уки-хатун, внук Чингисхана.

По мнению Н.А.Баскакова, в основе имени Батый лежит монгольское слово бата, означающее "крепкий, здоровый; надежный, постоянный".

44.251.1. Ранние годы

…**Разделив владения** между сыновьями, Чингис-хан выделил Джучи самый большой удел, в который вошли Хорезм, Западная Сибирь, Урал. Ему были также обещаны все земли дальше на Западе, докуда дойдут копыта монгольских коней. Но отцу Бату так и не пришлось воспользоваться отцовской щедростью. Вскоре отношения между Чингис-ханом и его первенцем обострились. Джучи не одобрял чрезмерных завоевательных устремлений отца и под предлогом болезни неоднократно отказывался участвовать в его походах. Ставший к старости очень подозрительным, Чингис-хан легко поверил недругам Джучи, утверждавшим, что его старший сын замышляет против него восстание. И когда весной 1227 года Джучи, выехавший на охоту, был найден в степи с переломанным позвоночником (по другим сведениям – отравлен), все сразу

заподозрили, что он убит по приказу отца, а некоторые монгольские летописи даже прямо говорят об этом. Но самих убийц так и не нашли.

Вскоре в Улусе Джучи состоялся курултай, которому предстояло выбрать преемника умершему правителю. И тут пришел приказ от Чингис-хана: избрать наследником Джучи его сына Бату, иначе, пригрозил Чингис-хан, он сам примет власть над владениями старшего сына. Многих нойонов выбор Чингис-хана удивил: Бату в год смерти отца исполнилось только 18 лет, он не был старшим сыном, не отличался ни богатырской силой, ни крепким здоровьем, не успел еще проявить себя ни полководцем, ни правителем. Но никто не осмеливался противоречить воле Чингис-хана. К тому же, молодой, неопытный царевич представлялся нойонам более подходящим правителем, чем его властный дед. Поэтому на курултае Бату был единогласно избран преемником отца.

Как и следовало ожидать, никакой реальной власти Батый не получил. У него не было даже личного удела: все области Улуса Джучи он вынужден был раздать своим братьям – в благодарность за то, что они признали его главным. А власть над войсками получил самый старший из сыновей Джучи - Орду-Ичен. Таким образом, старшинство Батыя сводилось лишь к тому, что он олицетворял Улус Джучи и выполнял некоторые священные функции (как хазарский каган или японский император во времена сёгунов).

Летом 1227 года умер Чингис-хан, переживший старшего сына не более чем на полгода. И Бату должен был отправиться в Монголию на Великий курултай, который должен был избрать преемника Чингис-хану. Было заранее известно, что преемником станет третий сын Чингис-хана Угедэй, а Бату знал, что его отец и Угедэй не слишком ладили. Но Угедэй сразу после избрания в 1229 году подтвердил титул Батыя и пообещал помочь ему в завоевании земель на Западе.

44.251.2. Первый переворот Батыя и завоевание Волжской Булгарии

Фактически походом командовал один из опытнейших полководцев Чингис-хана - Субэдэй-багатур, но было понятно, что гордые Чингизиды не признают своим предводителем полководца, менее знатного, чем они сами. Поэтому было решено, что из их числа будет избран главнокомандующий – джехангир. Хитрый Угедэй не стал назначать его, предоставив царевичам возможность самим избрать себе предводителя. На этот пост мог претендовать любой из 12 царевичей, отправившихся в поход, но победу на выборах одержал Батый.

Формально причиной его избрания стало то, что он уже имел опыт борьбы с будущими противником: еще в 1221-1224 годах он сопровождал Субэдэй-багатура и его соратника Джэбэ-нойона в походе на Хорезм и на кипчаков (половцев); и даже, якобы, принял участие в битве на реке Калке в 1223 году, где небольшое монгольское войско разгромило объединенные силы половцев и князей Южной Руси. Но на самом деле, воспользовавшись тем, что сбор войск для похода происходил в его владениях, Батый, видимо, просто-напросто совершил военный переворот: с помощью своих братьев и при поддержке войск (набранных преимущественно в его владениях) он «убедил» других претендентов избрать вождем именно его. Его противникам пришлось пока смириться с таким положением дел.

Войска монголов насчитывали около 135 000 воинов. Часть этих войск была отправлена в Южное Поволжье, в поход на племена кипчаков, аланов и других племен. А большая часть армии в 1236 году двинулась на Волжскую Булгарию – некогда могущественное и богатое государство, теперь представлявшее собой просто объединение полунезависимых княжеств. Правители этих княжеств, равно как и кочевавшие в Нижнем Поволжье кипчакские племена, враждовали между собой, и некоторые из них даже стали на сторону монголов, надеясь, что те помогут им справиться с их противниками. Через год Волжская Булгария склонилась перед монголами.

Если верить русским летописям, войска Батыя прошли по Волжской Булгарии огнем и мечом, истребив большую часть населения, не пожалев ни стариков, ни детей[209]. Но вряд ли Батый, уже

---

[209] «придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари и взяша славный Великыи город

заранее избравший Булгарию в качестве собственного улуса, действительно подверг разорению свои будущие владения. Но вскоре некоторые из булгарских князей, прежде принявшие сторону Бату, обеспокоились тем, что монголы не намереваются уходить из Поволжья. Они подняли восстание, которое было подавлено Субэдэй-багатуром гораздо более жестокими методами, чем те, которые джехангир использовал прежде. Восстание началось в 1240 году, а тогда, в 1237, подчинение булгар, казалось, было завершено, и ничто не препятствовало Бату продолжить поход далее на Запад. А далее на Запад была Русь.

…В общих чертах на Руси знали о татарском погроме соседней страны, однако русские князья не только не оказали помощь Булгарии, но даже не послали разведчиков, не устроили опрос беженцев и купцов, прибывших оттуда, чтобы получить данные о вооружении, тактике и организации войска татар.

И на севере, и на юге наши князья попросту игнорировали опасность и упустили почти полуторагодовую отсрочку татарского нападения. Разгром Булгарии — это не битва на Калке, после которой монголы ушли в неведомые страны за тысячи верст от Руси. А в 1236 г. на границе с Русью появилась вассальная татарская страна, управлявшаяся их наместником Гази Бараджем.

44.251.3. Западный поход

Основные статьи: ***Западный поход монголов***, ***Монгольское нашествие на Русь***

В 1236—1242 Бату возглавил общемонгольский Западный поход, в результате которого были завоёваны западная часть половецкой степи, Волжская Булгария и Русь. Монгольская армия достигла Центральной Европы. Позже Бату не совершал походов на запад, осев на берегах Волги в городе Сарай-Бату, ставшем при нём столицей обширного государства Золотая Орда.

44.251.4. Укрепление улуса

Бату завершил поход на Запад в 1242 году, узнав о смерти каана Угэдея. Войска отошли на нижнюю Волгу, которая стала новым центром улуса Джучи. На курултае 1246 года кааном избрали Гуюка, давнего недруга Батыя. Но война двоюродных братьев не состоялась из-за скоропостижной смерти каана.

В 1243—1246 годах все русские князья признали зависимость от правителей Монгольской империи и Золотой Орды. Ярослав Всеволодович (князь владимирский) был признан старейшим в Русской земле, ему был передан разорённый монголами в 1240 году Киев. В 1246 году он был отравлен в Каракоруме. Михаил Черниговский был убит в Золотой орде (он отказался пройти языческий обряд поклонения кусту, не предав православную веру). Ярослав завещал великое княжение второму сыну Андрею, а старшему — Александру — оставил киевское и новгородское княжения. Батый поддержал претензии Александра на великое княжение, под давлением Гуюка был вынужден временно уступить, но в 1252 году ордынское войско во главе с Неврюем разбило Ярославичей Андрея и Ярослава.

Сложнее складывались отношения Батыя с тестем и союзником Андрея — Даниилом Романовичем Галицким, который изгнал из своих городов ордынских баскаков и нанёс поражение ордынскому войску во главе с Куремсой в 1254 году.

44.251.5. Каракорумские дела

После того, как Гуюк стал великим ханом в 1246 году, произошёл разрыв между потомками Угедея и Чагатая, с одной стороны, и потомками Джучи и Толуя, с другой. Гуюк выступил в поход против Батыя, но в 1248 году, когда его войско находилось в Маверанахре, он неожиданно умер. По одной из версий, он был отравлен сторонниками Батыя и Мунке, который стал следующим

Болгарьскыи (Биляр) и избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнемъ и всю землю ихъ поплениша» [ПСРЛ Т1, стр. 460]

великим ханом. В 1251 году Батый посылал корпус из *100 тысяч храбрых тюрков* во главе с Бурундаем в помощь Мунке под Отрар.

Потомство

Батыю наследовали Сартак (приверженец христианства), Тукан, Абукан и Улагчи. Дочь Сартака была за Глебом Васильковичем; дочь Батыева внука Менгу-Тимура — за св. Фёдором Чёрным; от этих двух браков произошли князья белозерские и ярославские, соответственно. Таким образом, можно проследить происхождение от Батыя (по женской линии) почти всего русского столбового дворянства.

См. также **Батый (Бату) Саин-хан биография**, **Куликовская битва и рождение Московской Руси**, **ГАЗИ-БАРАДЖ ТАРИХЫ**

Вернуться к ссылке

44.252. Буртасы

Буртасы (тат. *бортас(лар)*) — племенное объединение, располагавшееся по правому берегу средней Волги. Впервые упоминаются арабскими авторами в IX в., в русских литературных памятниках — с XIII в. Этническая принадлежность буртасов является дискуссионной. Название "буртасы" может быть понято как "лесные люди" (Бурта - это дерево с дуплом, лес; из этого же корня происходит слово "бортничество").

44.252.1. История

Первоначально жили вдоль западного берега Волги между волжскими булгарами и хазарами, примерно на территории современных Саратовской, Ульяновской и Пензенской областей. С конца VII в. буртасы находились под властью Хазарского каганата. В VII—X в. через их территорию двигались на север булгары, постепенно занявшие северные земли буртасов. С конца X в. после падения Хазарии платили дань то русским княжествам, то Волжской Болгарии. В XI в. буртасы продвинулись далее на северо-запад, в верхний бассейн Суры (около г. Городище Пензенской области расположены останки древнего города Буртас) и частично Мокши и Цны (ср. например, река Буртас на западе Пензенской области). После монголо-татарского нашествия XIII в. буртасы окончательно исчезли, смешавшись с половцами, булгарами и мордвой. По-видимому, оказали влияние на формирование культуры мишарей и мордвы.

… С первого же года правления хана Узбека (с 1313 года), которого в русских летописях называли «царь Озбяк (Азбяк)», столица Буртас город Мокша (Мохши) начинает чеканить свою монету. Судя по всему, именно в этом древнем брахманском городе молодой хан начинает свою деятельность по утверждению ислама теперь уже в качестве официальной религии всей Золотой Орды (Золотой Ордой с XVI века стали называть всю подвластную татарам территорию). Брахманы были устранены от духовного руководства буртасами, если только не уничтожены вовсе. В Мокше процветала торговля, имелись водопровод и обогреваемые горячим дымом общественные бани, возвышались белокаменные здания. Поэтому и выбрал ее Узбек в качестве своей ставки. При нем мокшинские монеты чеканились с восхвалениями Аллаху. Однако после Узбека древние верования вновь заявили о себе – на монетах стали изображать брахманские символы Солнечного бога Сурьи (раскрытый цветок с шестью лепестками) и священных для зороастрийцев животных и птиц /2/.

Смерть Узбека в 1342 году положила начало великой смуте. Ханы сменяли друг друга с головокружительной быстротой, одна провинция интриговала против другой. Единая при Узбеке Орда вновь распалась на три составные части – Волжскую Болгарию, Ногайскую орду и страну Буртас. В 1361 году власть в последней захватил ордынский князь Тагай из Бездежа с низовий Волги, который, как свидетельствует Повесть временных лет в изложении Татищева В.Н. /3/ , <***после распадения ордынского пришел в Наручад и там сам по себе княжил***>, то есть управлял страной самостоятельно. В 1365 году он <***восхотел воевать Русь и, собравшись со всею силою своею и со всею страною Наручадскою, пошел ратью многою на Рязанскую***

землю>. Ему удалось захватить столицу края Переславль Рязанский. Однако на обратном пути, <***будучи со многою тягостию***>, то есть с добычей, <***под Шишевским лесом на Воине***> был настигнут и разбит дружинами великого князя Олега Ивановича рязанского, Владимира пронского и Тита козельского. Где сейчас находится это место, уже никто и не знает.

Несмотря на поражение Тагая, столица буртас все еще продолжала чеканить свою монету. В популярной книге пензенского краеведа Лебедева В.И. «Загадочный город Мохши» /4/ говорится, что деньги здесь выпускались еще в 1367 и 1375 годах. Судя по всему, жизнь в городе продолжалась вплоть до 1431 года, пока войска великого московского князя Василия II под командованием Федора Пестрого окончательно не разгромили буртас. Часть их бежала на Волгу, где вблизи устья Камы в деревне Мордовские Каратаи до сих пор сохраняется их небольшая колония, говорящая на близком с татарами языке (они православные). Но большинство их осталось жить на территории летописной Наручадской страны (страны Буртас арабских летописей), большая часть которой располагалась на территории Пензенского края. Потомки буртас все еще продолжают жить в ряде сел Земетчинского, Башмаковского и Вадинского районов Пензенской области. Говорят они на русском языке.

После разгрома 1431 года те из буртас, которые остались жить в Наручадской стране, стали сближаться с русскими. На разных этапах процесса ассимиляции их называли то муромой, то мещерой.
Вблизи того места, где когда - то стояла духовная столица этого затерянного во времени народа, раскинулось село Сканово, за околицей которого до сих пор сохраняется древний подземный брахманский храм.

…<***Волжские болгары, многие из которых исповедуют ислам, производят набеги на буртас, грабят их и в плен уводят. Буртасы подчинены царю хазар и выставляют в поле 10 тысяч всадников***> (Ибн – Даста). Волжская Болгария к началу X века тоже была брахманской. Но с 922 года здесь начинает закрепляться ислам. Скорее всего, буртасы до появления на землях мокшан проживали около Каспийского моря в северных районах современного Ирана. Но из - за исламской экспансии были вынуждены мигрировать в Восточную Европу. Исход буртас на земли мокшан имел место не позднее середины VII века, так как к 651-у году уже весь Иран был под властью арабов - мусульман.

<***Нет у них верховного главы, который бы управлял ими, и власть которого признавалась бы законной. У буртас в каждом селении один или двое старшин, к ним они обращаются за судом в своих распрях. Настоящим образом они подчиняются царю хазар. Земля их просторна и обилует лесными местами***>. Этими словами Ибн - Даста описывает характерные черты брахманского общества, живущего без верховного правителя – князя, царя, кагана, хана или императора. Буртас как страна существовала только благодаря Законам Ману, в которых, кроме всего прочего, большое внимание уделялось военному делу, взаимоотношениям сословий и защите собственности. Управление в каждом селении находилось в руках старшины из числа кшатриев. Но духовная жизнь всецело определялась брахманами. Старшинство у них зависело от знания, у кшатриев – от доблести, у вайшьев – от богатства. И только у шудр – от возраста. Брахман, встретив брахмана, спрашивал того о счастье, кшатрия – о благоденствии, вайшия – о благосостоянии, а шудру – о здоровье. Как следует из сообщения Ибн – Даста, сословие кшатриев (воинов) у буртас было весьма многочисленным - они могли единовременно выставлять войско в 10 тысяч всадников, что, согласитесь, совсем немало.

Что касается иных вероисповеданий, то в дни, когда писал Ибн – Даста (30-е годы X века) мусульман, христиан и иудеев среди буртас еще не было. По крайней мере, арабские путешественники, пишущие в те годы, буртас все еще относили к язычникам, одни из которых своих покойников сжигали, другие – хоронили. Действительно, древние брахманские книги разрешали после смерти не только кремацию, но и захоронение тела. Так, Индусская книга мертвых тела аскетов после смерти предписывала предавать только земле. К тому же выбор между обрядами кремации и захоронения определялся и тем, в какой день человек умирал. Ибо были дни, когда кремация тел вообще была запрещена.

В своем повествовании о буртасах автор настоящего очерка ссылается на книги индусов по той простой причине, что только они и сохранили описание древних брахманских обрядов.

<***Собою они стройны, красивы и дородны. Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду. Главное же их богатство составляют мед и меха. Занимаются они и землепашеством***> (Ибн - Даста). Не стоит удивляться. Буртасы – народ торговый, и без верблюдов поставлять товары в страны с засушливым климатом было бы практически невозможно.

Любопытные сведения сообщаются и о языке: <***Язык болгар сходен с хазарским. Буртасы же говорят на языке, который различается как от болгарского, так и от хазарского***> (Эль - Балхи).

Монета времен Золотой Орды найдена на территории села Макаровка Муромского района Владимирской области. На этой стороне изображен раскрытый цветок лотоса, на обратной - арабская вязь.

Графически бог Сурья у буртас изображался в виде раскрытого цветка лотоса с шестью лепестками. Монеты, ко всему прочему, выполняли роль оберегов. Поэтому -то на них и чеканили символы бога Сурьи, которого в числе иных богов почитали буртасы.

Зооморфные изображения буртас. Сокол XII - XIII вв.

Изображение найдено на территории села Макаровка Муромского района Владимирской области, на месте которого в VII - XII веках располагалось Тумовское селище.

Сокол выполнен в технике ангоб, широко распространенной в античном Иране. Суть этой техники заключается в нанесении на необожженную твердую подложку мокрой глины, по которой затем наносился рисунок

Это украшение найдено вблизи храмового холма буртас в селе Сканово Наровчатского района Пензенской области. В холме был вырублен трехярусный подземный брахманский храм, общая протяженность пещер - более 600 метров.

В этом украшении сочетаются два древних арийских символа - равносторонний крест и заключенный в круг восьмилепестковый раскрытый цветок лотоса (графический символ бога Сурьи у волжских болгар и муромских буртас).

БОГ СУРЬЯ

В музее экспонируется найденная в Скановых пещерах керамическая фигурка брахманского божества Сурьи – Солнечного Бога, взгляд которого буквально пронзает пространство. В этих пещерах до завоевания края ногайскими татарами (до 20-х годов XIV века) находился брахманский храм. На уровне шеи наблюдается восемь врезанных углублений, образующих своеобразное

ожерелье. Они в брахманской вере символизируют восемь хранителей мира, одним из которых стал бог Сурья. Основное действие Сурьи – изливание света, которым он озаряет мир и разгоняет тьму, уничтожает болезни и врагов. Эзотерически Сурья представляет собой точку (она изображена в области солнечного сплетения найденного в пещерах скульптурного изображения), где соединяются или встречаются проявленный и непроявленный миры. Сурья в древнеиндийской мифологии - око богов.

В пантеоне ведических богов ариев Сурья занимал видное место, ему в Ригведе посвящено шесть гимнов. В более позднее время, когда формировалась древнеиндийская мифология, Сурья занял гораздо более скромное положение, став наряду с "царем богов" ариев Индрой одними из восьми хранителей Мира.

У буртас культ бога Сурьи был гораздо выше, чем у современных им индусов. Это указывает на то, у буртас ведическая вера была коренной, в то время как индусы переняли религию завоевавших их ариев. Благодаря своему буйному поэтическому воображению индусы сформировали свой пантеон богов, в котором первое место заняла новая Троица (Брахма - созидатель, Вишну - охранитель и Шива - разрушитель), потеснив арийскую ведическую Троицу - Индру (создателя мира, царя богов), Агни (жертвенное пламя) и Сому (священный напиток, дарующий прозрение и знание).

Буртасы и индусы изображали бога Сурью различно. У индусов он в доспехах и высоких сапогах из кожи, в то время как ноги других богов индусского пантеона изображались нагими. Скорее всего, в изображении бога Сурьи индусы сохранили образ завоевавшего их воинственного ария. Буртасы же, как это видно на примере найденного в Скановых пещерах изображения, изображали бога Сурью нагим.

…На протяжении столетий подземные сооружения расширялись и перестаивались, появились новые галереи и кельи. В настоящее время лабиринт пещер представлен ходами и кельями, расположенными в трех ярусах, соединяющимися между собой. В различных ярусах зафиксирована устойчивая температура: 1-ый ярус - 11-12 градусов, 2-ой - 8-9 град., 3-ий -6-7 град. Эта температура сохраняется неизменной и зимой, и летом. Внутренний микроклимат пещер неповторим. В подземелье воздух целительный, свежий и чистый.

В ходе экспедиционных работ была определена протяженность подземных полостей - 670 метров (нынешняя протяженность в результате многих завалов составляет 590 метров)."

В районе села Наровчат (верховья Мокши, северо-запад Пензенской области) находятся остатки предположительно буртасской крепости.

44.252.2. Теории происхождения

Этнолингвистическая принадлежность буртасов определяется гипотетически. Существует три основные версии.

Мордовская

Предполагает буртас частью финно-угорского массива, возможными предками мордвы. (А. П. Новосельцев) Теория связывает их с памятниками городецкой археологической культуры[1] [2].

Алано-асская [3]

Археолог Г. Е. Афанасьев, отождествляет буртас с аланами, приводя иранскую этнимологию буртас от furt as или асы, живущие у большой реки (Г. Е. Афанасьев, Прицак О. И.)[4]. Е. С. Галкина приводит факты трупосожжения у буртасов и отождествляет их с аналогичными ритуалами у сармато-алан[5].

Тюркская теория

Предполагают тюркоязычность буртас и их родство с волжскими булгарами. (М. З. Закиев, А. М. Орлов, А. Х. Халиков). [6][7]

Занятия

Буртасы занимались земледелием, скотоводством, охотой и бортничеством. Вели торговлю мехами. Единого правителя не имели, управлялись старейшинами. Ополчение буртасов насчитывало до 10 тыс. воинов, совершавших набеги на булгар и печенегов в VII веке.

См. также **БУРТАСЫ Затерянные во времени**, **Музей истории и культуры буртас**, **М.С. ПОЛУБОЯРОВ Древности Пензенского края в зеркале топонимики**

Вернуться к ссылке

44.253. Андрей Ольгердович

Андре́й О́льге́рдович (ок. 1320 — 12 августа 1399) — князь из династии Гедиминовичей. Старший сын великого князя литовского Ольгерда (в крещении — Дмитрия) и княжны витебской Марии Ярославны. Князь псковский 1342—1348), полоцкий (1342—1377, 1381—1387).

Русское войско встречает литовских союзников - князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского

Биография

В 1341 году Олыгерд помог псковичам против немцев. Псковичи, помня о Довмонте, долго уговаривали Ольгерда креститься и сесть на княжение у них во Пскове. Ольгерд отказался и согласился только на то, чтобы крестился и остался в Пскове его сын Андрей (1342). Однако и Андрей не остался в Пскове, а держал здесь наместника Юрия Витовтовича. Псковичи молчали, но в 1348 году Юрий погиб, тогда псковичи послали сказать Андрею: "***Тебе было, князь, самому сидеть во Пскове на княжении, а наместником Пскова не держать: когда тебе неугодно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим***". Андрей немедленно захватил в своих владениях псковских купцов и повоевал псковские села; псковичи ответили ему тем же.

Участвовал в походах отца на Смоленское княжество (1359, 1368), на Москву (1368, 1370, 1372), в битве при Синих Водах (1362), в нападениях на Переяславль и Кашин (1372). В 1373 и 1375 годах в походах против Ливонского ордена, неоднократно осаждал крепость Динабург.

Судьба Андрея переменилась после смерти Ольгерда в 1377 году. Его младший сводный брат Ягайло захватил великое княжение в нарушение прав старшего Андрея. Андрей объявил было свои притязания на старшинство, но, не получив ниоткуда подкрепления, должен был уступить Ягайле, лишился Полоцка и бежал во Псков, где жители приняли его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву.

Со своим полком участвовал в битвах на реке Вожа[1] (1378), на Куликовом поле (1380) и с русскими князьями против Литвы.

…в Вожской битве на стороне Дмитрия Ивновича бился литовский князь Андрей Ольгердович, не поладивший после смерти отца с братом Ягайлой. Вскоре Андрей Ольгердович вместе с Дмитрием Михайловичем Боброк-Волынским захватили литовские города Трубчевск и Стародуб в Северской земле. На сторону Москвы перешел и Дмитрий Ольгердович Брянский, также недовольный Ягайлой и получивший от Дмитрия Ивановича Переславль-Залесский. Предательство братьев вынудило Ягайлу вступить в союз с Мамаем против Москвы.

Вернувшись в Великое княжество Литовское, отобрал у Скиргайло Полоцк. По-видимому, вернулся в Полоцк в 1381 году, когда там началось восстание против Ягайло. В 1386 году вновь начал борьбу за литовский престол, выступил против Кревской унии (объединившей Литву и Польшу), утверждая, что Ягайло, обратившись в католичество, не может владеть православными землями.

…В 1387 г. Ягайло позволил брату Скиргайле захватить Полоцк и убить сидевшего там Андрея Ольгердовича. Святослав Смоленский, друг Андрея, стал мстить литовцам, но был разбит Скиргайлой. Смоленск был оставлен за Юрием Святославичем, но при условии, что тот будет подчиняться Ягайле.

Андрей Ольгердович потерпел поражение и попал в плен, из которого бежал в 1393 году. В 1394 году в третий раз отъехал в Псков. Вскоре перешёл на службу к великому князю литовскому Витовту. Погиб в битве Литвы с татарами на реке Ворскла. Хроника Быховца ошибочно называет его Андреем Горбатым — сыном Кейстута.

Языческое имя

В историографии XIX века, начиная с работ Теодора Нарбута, Андрею приписывается литовское-языческое имя *Вингальт*. Однако по сохранившимся летописям оно не известно.[2][3]

Брак и дети

Имя жены Андрея неизвестно. У него указываются следующие дети:

- **Михаил** (ум. 1386)
- **Семён** (ум. 1387)
- **Иван** (ум. после 1439), князь псковский 1386—1394
- (?) **Фёдор** (ум. 1399), князь полоцкий (?), от него своё выводили происхождение князья Лукомские и князья и дворяне Полубинские
- Также известен некий приближённый Дмитрия Донского Остей, внук Ольгерда. Не исключено, что он также был сыном Андрея[4].

Вернуться к ссылке

44.254. Дмитрий Ольгердович

Дми́трий О́льгердович (белор. *Дзмітрый Альгердавіч*, лит. *Dmitrijus Algirdaitis*, дата рождения неизвестна — 12 августа 1399) — удельный князь Брянский, Стародубский и Трубчевский из династии Гедиминовичей, родоначальник князей Трубецких[2].

Сын великого князя литовского Ольгерда (в крещении — Александра) и княгини витебской Марии Ярославны. Князь брянский. Участник Куликовской битвы.

Биография

Дмитрий Ольгердович, старший брат Дмитрия-Корибута[3], бывший примерно с 1370 года князем брянским и Стародубским и утратившем свои владения вследствие перехода его на службу к московскому князю зимой 1379—1380 г. После 1380 года эти земли были переданы во владение

Дмитрию-Корибуту Ольгердовичу[4]. Большую часть жизни боролся со своим младшим братом Ягайлой в союзе с Московским князем. Княжил в Переславле-Залесском. Погиб в битве литовско-русского войска против татар в битве на Ворскле.

Брак и дети

Жена: **Анна**. Дети:

- **Михаил** (ум. после 1399), князь Трубчевский
- **Иван** (ум. 1399)

Вернуться к ссылке

44.255. Армянские наемники в войске Мамая

Первые связи армян с Крымом известны со времен царя Тиграна Великого и Митридата Понтийского. Это II - I века до н. э. Позднее, в V-VI веках н. э. византийские императоры армянского происхождения размещали военные армянские отряды на дальних окраинах своей империи, в том числе и в Крыму.

В XI веке после вторжения в Армению турок сельджуков в Крым эмигрируют армяне на постоянное жительство. Они, в основном, расселяются в горном юго-восточном Крыму: в Кафе (Феодосии), Судаке, а позднее - в основанном крымскими татарами городе Кырым (Старый Крым).

Армянских купцов привлекало море, возможности прибыльной торговли, да и армяне-ремесленники находили здесь хороший сбыт своих товаров. Трудолюбивые и уживчивые, армяне быстро приноравливались к чужим обычаям, налаживали дружбу со всеми соседями, поэтому число их поселений быстро разрасталось. Они способствовали расцвету и развитию Кафы. Их вклад в казну города был во много раз больше, чем налоги других национальных общин, да и население этого приморского города в то время на 70% состояло из армян. Но при захвате Крыма турками в 1475 году часть крымских армян погибла, часть силой была увезена в Стамбул.

…**Начнем с того, что Мамаева Орда** занимала совсем иное географическое и, в более глубоком смысле, геополитическое положение: ее центром, ее средоточием являлось не Нижнее Поволжье, а Крым, отделенный от золотоордынского центра в Поволжье *тысячекилометровым* пространством.

Это ясно видно, в частности, из исторических источников, которые, к сожалению, неизвестны русским исследователям, - так называемых "Памятных записей армянских рукописей XIV века", изданных в 1950 году в Ереване, но только в оригинале. Виднейший исследователь истории армянских поселений в Крыму В. А. Микаелян любезно предоставил мне свои переводы интересовавших меня "записей";

а) "...написана сия рукопись в городе Крым (ныне - Старый Крым. - *В. К.)* ...в 1365 году, 23 августа, во время многочисленных волнений, потому что со всей страны - от Керчи до Сарукермана (Херсонес, ныне в Севастополе.- *В. К.)* - здесь собрали людей и скот, и находится Мамай в Карасу (ныне г. Белогорск, в 45 км к западу от Старого Крыма. - *В. К.*) с бесчисленными татарами, и город в страхе и ужасе";

б) "завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамая в области Крым..."

в) "...написана сия рукопись в 1377 году в городе Крыме во время владычества Мамая - князя князей...".

Как видим, в период с 1365 по 1377 год Мамай, согласно этим, сделанным *тогда же,* армянским записям, был властителем Крыма, притом есть все основания полагать, что его владычество началось здесь значительно раньше, а завершилось только в конце 1380 года. Опираясь на другие сведения, можно утверждать, что "волнения" и "сборы" 1365 года, о которых говорится в первой из записей, связаны с очередной попыткой Мамая захватить власть в Золотой Орде, с подготовкой его похода в Поволжье.

Но об этом - ниже. Важно прежде всего установить, что средоточием деятельности Мамая был именно Крым, и только в связи с этим можно понять тогдашнюю ситуацию в целом (следует, правда, оговорить, что огромное конное войско Мамая не могло находиться постоянно и целиком в засушливых крымских степях, и основным местопребыванием этого войска был обладавший пышным травяным покровом Великий Луг, простиравшийся к северу от Крыма вдоль левого берега Днепра, - что недавно было точно установлено).

Поскольку Мамай, как известно, начал свою карьеру в качестве "крымского темника", он имел, так сказать, глубокие корни в Крыму, ибо появился там не позднее первой половины 1350-х годов. А Крым представлял собой совершенно особенную в геополитическом плане территорию - как с точки зрения многовековой истории, так и с точки зрения тогдашней ситуации в Европе и Азии.

Но, как это ни прискорбно, многие из тех, кто изучал деятельность Мамая, вообще не обращались к "крымской" теме. Вот чрезвычайно выразительный пример. Автор ряда ценных трудов о Золотой Орде В.Л. Егоров не раз затрагивал проблемы, связанные с Мамаем и, в частности, вопрос об осуществленном им перед походом на Куликово поле "найме" разноплеменных военных отрядов, в том числе "Бесермен (то есть, мусульман) и Армен". И историк утверждал, что-де это "летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, навербованным в Азербайджане... Такой же отряд наемников был приглашен из Армении".

Не буду касаться "азербайджанской" темы (ибо и сам В. Л. Егоров явно не уверен, что "бесермен" вербовали именно в Азербайджане), но поистине печальна неосведомленность историка о том, что в самом Крыму, откуда Мамай начал свой поход на Куликово поле, имелось тогда многочисленное *армянское* население, сложившееся главным образом в результате изгнания или бегства армян в XI веке и позже с их исторической родины, завоеванной тюркской империей Сельджукидов; Крым даже называли тогда "Приморской Арменией". Между тем, квалифицированный историк В. Л. Егоров полагает, что Мамай мог привести наемных армянских воинов на Куликово поле только с их далекой (даже по прямой линии -- 1700 км!) и отделенной Кавказским хребтом исконной земли...

…Но не следует забывать, что продвижение итальянцев в Крым подразумевало, как уже отмечалось, беспощадное разорение Византии, которая была в то время нераздельно связана с Русью, прежде всего с ее Церковью. Кроме того, итальянцы в Крыму оказались в прямом соприкосновении с многочисленным армянским населением, принадлежавшим - так же, как и русские, - к церкви, которая была "дочерней" по отношению к византийской.

Исследователь истории крымских армян В. А. Микаелян воссоздал то давление папства, в результате которого "часть армянской торговой верхушки, связанная с генуэзским капиталом, в XIV- XV вв. поддалась католической пропаганде, и последняя имела среди крымских армян некоторый успех... Часть богачей из каффских армян еще в 1318 г. дала римскому епископу Еронимии свое согласие признать верховенство римского папы. В связи с этим в 1318 г. папа Иоанн XXII обратился к каффским армянам со словами: "***Мы получили великое удовлетворение, - писал он, - узнав о том, что... вы клятвенно обещали незыблемо исповедовать ту католическую веру, которую истинно имеет святая римская церковь... и обещали покорность римскому папе и его церкви***".

Панорамный вид на монастыря Сурб-Хач

В. А. Микаелян пишет также, что для достижения своих целей "миссионеры и латинские епископы в Каффе нередко прибегали и к насилию... даже к подкупу отдельных служителей армянской церкви... Армяне в знак пассивной борьбы уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма. Вероятно, это вызвало необходимость основания в тот период - в 1358 г. - недалеко от Старого Крыма знаменитого армянского монастыря **Сурб-Хач** (Св. Крест)" (с. 69-70, 72).

См. также **Армянский форум Вардананк**, **Вадим Кожинов. История Руси и русского Слова**, **Монастырь Сурб Хач**

Вернуться к ссылке

44.256. Фряжские рыцари в войске Мамая

44.256.1. Соотношение "православие — католицизм — Золотая Орда" до Куликовской битвы

… **Что же касается общего** положения в Крыму в XIV веке, в нем нельзя разобраться без уяснения тогдашней роли *итальянцев,* главным образом генуэзцев, - роли, поистине определяющей, оказывавшей властное воздействие на все основные крымские - хотя, конечно, не только крымские - события. О том, что итальянцы прочно утвердились еще в XIII веке в Крыму, знают, как говорится, все и каждый - хотя бы по остаткам их мощных крепостей в Феодосии, Судаке или Балаклаве (Гурзуфе, Алуште. Прим. ред.-оформ.), мощь которых ясно видна и теперь, в наши дни. Однако полное, всестороннее и действительно глубокое, схватывающее суть событий понятие об "итальянском присутствии" в Крыму не характерно даже и для профессиональных историков. Правда, в целом ряде исследований, обращающихся к теме этого "присутствия", содержится и верное освещение тех или иных фактов, и истинное истолкование их смысла (примеры, еще будут приведены). Но чрезвычайно редки случаи, когда понимание отдельных сторон проблемы, так сказать, вписано в *общую картину* мировой истории XIV века.

Здесь необходимо еще раз вспомнить о цитированном выше трактате Арнольда Тойнби "Постижение истории", в котором признано, что "западная цивилизация" последовательно "продвигалась" на восток - к "линии" Эльбы, затем - Одера и, далее, Двины, и *"к концу XIV века* (то есть, отмечу, как раз ко времени Куликовской битвы! *-В. К.)* континентальные европейские варвары, противостоявшие... развитым цивилизациям, исчезли с лица земли". В результате "**западное и православное христианство... оказались в прямом соприкосновении по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана**".

…Таким образом, Тойнби истолковывает "движение" Литвы на Русь как уже собственно *литовское* дело (хотя "смертельное давление Запада" и явилось "стимулом" для него), а "расширение" сво-их владений скандинавами — как "давление" на эстонцев и финнов, а не на православную Русь. Однако в ряде исследований историками неопровержимо показано, что в действительности и то, и другое "движения" направлялись из "центра" западной цивилизации — Римского папства — и, кроме того, отнюдь не ограничивались "давлением" на "европейских варваров" (прибалтов, финнов и т. п.), а имели своей подлинной целью именно православную Русь. Назову хотя бы следующие труды: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках (1959); В. Т. Пашуто. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских н датских феодалов в XIII—XV вв. (1969); И. П. Шаскольский. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке (1982).

…Теперь мы можем вернуться к проблеме "итальянского присутствия" в Крыму. Чтобы оказаться там, итальянцы должны были очень далеко зайти за "линию", проходившую по западной границе Византии. И они не просто пересекли эту границу, а, в сущности, обессилили и поставили на грань гибели великое государство.

Наиболее квалифицированный исследователь проблемы "Византия - Италия" Е. Ч. Скржинская писала в своей превосходной работе "***Генуэзцы в Константинополе в XIV веке", что в течение последних столетий своего существования "Византия получала удары со всех сторон и, быть может, ее история этих столетий являет собой один из самых поразительных примеров колоссальной жизнеспособности. Редко бывало, чтобы культура и ее фокус, коим была византийская столица, так продолжительно и ярко сияли, так прочно воспринимались и зарождали новые пышные расцветы в других странах, когда враги наседали, а территория того, что продолжало носить гордое имя империи ромеев, бесконечно сжималась***".

Но самые гибельные последствия имело "продвижение" итальянцев: "***Внедрение генуэзцев в Константинополь было обдуманным, упорно и неутомимо проводимым предприятием. Их исключительная энергия, их огромные денежные средства были направлены на то, чтобы укрепить себя, а с другой стороны - ослабить Византию в самом ее центре..."*** Генуэзская колония в Константинополе, " ". "Установку" генуэзцев в отношении византийцев можно определить словами Иоанна Кантакузина (крупнейший византийский деятель того времени.- *В. К.):* "***задумали они не малое: они желали властвовать на море*** (Черном.- *В. К.)* ***и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им***"... (там же, с. 228).

И они действительно полностью завладели морем, в том числе и побережьем Крыма, - что имело тяжелейшие последствия для Византии. Еще в 1206 году венецианцы появились в Сугдее (это - византийское название города, который русские называли Сурож, итальянцы - Солдайя; ныне Судак), откуда, правда, их впоследствии вытеснят генуэзцы, а в 1266-м Генуя начинает создавать свою опору в Крыму - Кафу, или иначе Каффу (Феодосия). И, следовательно, та "линия", о которой говорил Тойнби, передвинулась теперь с Адриатического моря на Черное - аж на 1500 км к востоку!

Обычно полагают, что итальянское внедрение в Крым имело единственную цель - торговлю, в том числе работорговлю. Однако и здесь - как и в "продвижении" Запада на более северных "участках" той самой "линии" - ясно видна направляющая роль папства.

Так, уже в 1253 году папа Иннокентий IV (тот самый, который в 1248 году призывал Александра Невского обратить Русь в католицизм) издал буллу о приобщении к римской вере населения Крыма, а в 1288-м то же требование повторил папа Николай IV. И "**в 1320 г. в Кафе было основано католическое епископство; его епархия простиралась от Сарая на Волге до Варны в Болгарии**".

…"Одним из известных источников, освещающих деятельность католических миссионеров ... в Крыму, - говорится в исследовании, - являются письма папы Иоанна XXII (1316-1334), написанные в июле-августе 1333 г. 5 июля Иоанн XXII сообщает о том, что создана митрополия с центром в Воспоро (ныне - Керчь.- *В. К.)...* Этой митрополии подчинялся и Херсон[210]. Спустя несколько дней - 16 июля - папа пишет, что "***в Херсоне ... уже основана епископская кафедра и уже принято решение воздвигнуть там собор в честь св. Климента***"; херсонским епископом назван брат Ордена Проповедников Ричард Английский. О деятельности двух архиереев - Франциска и Ричарда - в письмах папы сообщается, что они уже давно вели миссионерскую деятельность в Крыму, обратили в католичество алан во главе с их правителем Милленом и подвластные ему народы...

Необходимо учесть, что, во-первых, учреждение епископии - свидетельство важности кафедры и значительности числа католиков и, во-вторых, то, что центрами и организующими началами миссионерских конгрегаций были их монастыри... Уже в конце XIII в. ... были основаны монастыри

---

[210] **Херсоне́с Таври́ческий**, или просто **Херсонес** (др.-греч. Χερσόνησος — ἡ χερσόνησος: «полуостров»; в византийское время — **Херсон**, в Генуэзский период — **Сарсона**, в русских летописях — **Корсунь**) — полис, основанный древними греками на Гераклейском полуострове на юго-западном побережье Крыма.

в Каффе, возможно, в Херсоне, Солхате и Сарае... ко времени около 1320 г. ... братья минориты имели 18 монастырей... К 30-м годам XIV в. число католиков... увеличилось, поэтому два епископа - Франциск и Ричард - прибыли к папе 28 апреля 1333 г., чтобы обрисовать сложившуюся ситуацию и просить помощь. Именно это и послужило, вероятно, поводом к возведению Воспоро в ранг *митрополии* и принятию решения о строительстве в Воспоро и Херсоне кафедральных соборов. Известны некоторые сведения о Ричарде Английском, епископе Херсонском, и после 1334 г., когда... он принял участие в богословском диспуте в Константинополе. 30 сентября 1335 г. Ричард Херсонский присутствовал на собрании епископов в Авиньоне (Франция). Затем он вновь отправляется на Восток..."

Уже из этих фактов ясно, сколь значительными были усилия папства, направленные на овладение Крымом и дальнейшее продвижение к северу и северо-востоку; как сформулировал видный историк В. Т. Пашуто, "щупальца папства в виде его епископств протянулись от Крыма (Кафа, Херсонес, Чембало[211], Тана) в Сарай".

Когда же в 1344 году войско Золотой Орды осадило Кафу (о взаимоотношениях итальянцев с монголами мы будем подробно говорить в дальнейшем), тогдашний папа Климент VI объявил (13 июля 1345 года) "крестовый поход" против хана Джанибека. Поход не состоялся, но в 1347 году Золотая Орда все же прекратила войну с Кафой. И благодарные генуэзцы в 1348 году присвоили имя Климента VI одной из главных башен цитадели Кафы (башня эта и сегодня горделиво возвышается над всей Феодосией, а в музее города хранится снятая с башни мраморная плита с посвящением папе).

… "Генуэзцы в 1266 добились от ставленника Золотой Орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Кафы (совр. Феодосия), ставшей позже центром их колоний. В 1357 генуэзцы захватили Чембало (Балаклаву), в 1365 - Солдайю (Судак)... **Генуэзцы поддерживали союзнические отношения с монгольско-татарскими ханами**. В 1380 генуэзская пехота участвовала на стороне Мамая в Куликовской битве". Правда, тут же в статье сообщается нечто прямо противоположное: "Тем не менее генуэзские колонии неоднократно подвергались нападениям и разорению со стороны татарских ханов (1299, 1308, 1344-1347, 1396- 1397 и др.)" (Т. 6, с. 248-249). Следует добавить, что Золотая Орда атаковала пришельцев из Италии также в 1317-1318, 1322, 1327 и 1338 годах, то есть нападения были при *всех* ханах конца XIII - первой половины XIV века - Токте (1291-1312), Узбеке (1313-1342) и Джанибеке (1342-1357) - и не реже чем через девять лет. Только после гибели Джанибека наступает долгий перерыв в этих нападениях - до 1396 года.

Словом, утверждение БСЭ о "союзнических отношениях" генуэзцев с Золотой Ордой по меньшей мере сомнительно: оно основано только на одном факте - участии генуэзской пехоты в походе Мамая на Москву Но об этом еще пойдет речь.

При первом появлении генуэзцев в Кафе в 1266 году крымский наместник Золотой Орды предоставил им - очевидно, не без выгодных обещаний с их стороны - возможность обосноваться здесь, на окраине монгольского государства.

Но довольно скоро, уже в 1280-х гг., как писал выдающийся востоковед А. Ю. Якубовский, "отношения между монголами и генуэзскими властями настолько обострились, что обе стороны были долгое время во вражде и борьбе... Враждебные отношения продолжились и при хане Токте".

Ясно, что деятельность пришельцев оказалась неприемлемой для Золотой Орды. Может, впрочем, возникнуть вопрос: почему же тогда могучее монгольское государство не изгнало нежелательных пришельцев из Крыма вообще? Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это вовсе не так уж просто было осуществить.

---

[211] Чембало — Cembalo (Балаклава), Тана — Tana (Азов)

Арабский хронист рассказывает, например, как в 1308 году хан Токта собрался отомстить "***Генуэзским Франкам в Крыму, Кафе и Северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили, в том числе за захват ими детей Татарских и продажу их в мусульманские земли***". Но когда к Кафе двинулись войска, генуэзцы "***узнали о прибытии их, приготовили свои корабли, отплыли в море и ушли в свои земли, так что Татары не захватили ни одного из них. Тогда Токта забрал имущество тех из них, которые находятся в городе Сарае (на Волге.- В. К.) и примыкающих к нему*** местах". Позднее генуэзцы, разумеется, возвратились в Кафу, а Золотая Орда не могла постоянно держать воинские силы на черноморском берегу для предотвращения их возврата.

Или другой, позднейший пример. Хан Джанибек в 1344 году отдал приказ о взятии Кафы. Но к тому времени город уже окружала неприступная крепость, в которой имелось весьма значительное, вооруженное по тогдашнему "последнему слову", вышколенное и высокооплачиваемое войско, не раз совершавшее сокрушительные вылазки; оно жгло осадные машины и убивало множество нападающих, в конце концов вынужденных снять осаду.

…Основываясь на генуэзских архивных документах, С.П.Карпов пишет: "Итальянская колонизация вовлекала в свою орбиту самые разные слои населения Генуи, Венеции, многих областей Северной Италии. Встречались среди колонистов и жители Франции, Германии, Сицилийского королевства, государств Пиренейского полуострова, венгры, англичане и другие западноевропейцы".

В Золотой Орде, без сомнения, видели и понимали это упорное движение Запада в пределы ее интересов. Известный современный историк и археолог М. Д. Полубояринова утверждает в своей книге "Русские люди в Золотой Орде" (1978), что одной из причин очевидного стремления духовенства Руси "к усилению влияния в Золотой Орде" была именно "борьба с католицизмом, который к XIII в. осуществлял постоянный натиск на восток", - то есть русские митрополиты и епископы стремились "открыть глаза" золотоордынским правителям на эту "опасностность".

Ханы Золотой Орды, вопреки нынешнему мнению об их "варварстве", вполне "цивилизованно" поддерживали дипломатические отношения с Западом, принимали посланцев римских пап, вели соответствующую переписку и т.д. В труде М.Д. Полубояриновой сообщается: "Папа Иоанн XXII (1316-1334) писал в 1318 г., что хан Узбек "не без наития, внушенного ему Господом... предоставил привилегии христианам" (имелись в виду католики. -*В. К.).* Хан Узбек (1313-1342) был в переписке и с папой Бенедиктом XII (1334-1342), отправлял к нему послов.Известны письма этого папы к самому Узбеку,сыну его Джанибеку и жене Тайдуле, в которых папа... выражает надежду на обращение всей ханской семьи в католичество.

Все это, однако, - продолжает М. Д. Полубояринова, - не помешало Узбеку в 1324 г. организовать поход русских князей против Литвы, чтобы запретить Гедимину (великий князь Литовский в 1316-1341 гг.- *В.К.*) принять католичество. В 1340 г. Узбек помог русским князьям в их борьбе против польского короля Казимира, в результате чего Казимир вынужден был признать свободу православных обрядов. Эти акции в защиту православия и против католицизма были совершены, без сомнения, не без влияния русских церковников в Золотой Орде. Ту же линию в отношении православия занимал в силу необходимости и Джанибек (1342-1357), ведя в союзе с Византией войну с венецианскими генуэзскими колониями в Крыму (с 1343 г.)" (там же, с. 27).

По сведениям германского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, русский Псков "был взят немцами, как гласит предание, около 6750-го года (то есть 1242-го, года "Ледового побоища". - *В. К.).* Однако немного спустя после того Александр Ярославич (Невский. - *В. К.)* из рода Мономахова возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении ливонцев и затем по договору возвратил город (Псков - *В. К.)".*

Выражение "отправлен ханом Батыем" означает, очевидно, лишь то, что Александр Невский признавал верховную власть Золотой Орды и, так или иначе, "советовался" с Батыем о предпринимаемых действиях. Но золотоордынская военная поддержка борьбы Руси с натиском

Запада началась, следовательно, уже при Батые. Кстати сказать, многие историки считают только что приведенное сообщение недостоверным, однако их сомнения обусловлены присущим им ложным представлением о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды вообще (о чем уже подробно говорилось); кроме того, как мы видели, политика, начатая Батыем, продолжалась и через столетие - при Узбеке и Джанибеке, о чем есть неоспоримые сведения.

44.256.2. Генуэзцы и Мамай

…В свете всего вышеизложенного становится возможным действительно понять сущность Мамаевой Орды и ее похода на Москву. В высшей степени знаменательно, что историки, смотревшие на эту проблему *из Крыма,* гораздо яснее понимали ее истинное содержание. Так, известный крымский историк П. Н. Надинский, автор изданных еще в 1950-х годах "Очерков по истории Крыма" в четырех томах, писал: "***Генуя и Венеция являлись крупнейшими колониальными государствами Средневековья. В руках этих государств находилась почти вся мировая торговля. Значение этих государств особенно возросло в связи с "крестовыми походами"... Эти грабительские походы, освященные религией, прокладывали пути для генуэзских и венецианских купцов-колонизаторов в страны Ближнего Востока и Причерноморья... В XIII веке, после взятия крестоносцами Константинополя (в 1204 году - В. К.) и разгрома Византийской империи, венецианцы, а следом за ними и генуэзцы, проникли на побережье Черного моря... И совершенно не случайно, что генуэзцы оказались в числе вдохновителей, а может быть, и прямых организаторов похода незадачливого татарского полководца Мамая на Москву***".

…Еще полвека назад, в 1946 году, М. Н. Тихомиров утверждал, что Мамай перед Куликовской битвой заключил договор с Кафой. А в 1994 году С. П. Карпов, давно занятый тщательными разысканиями в генуэзских архивах, сообщил, что в своего рода бухгалтерских книгах Кафы, массариях, оказывается, "есть сведения и о переговорах с Мамаем", хотя в то же время "не обнаружено следов... участия генуэзцев в Куликовской битве"; между тем, согласно русским источникам, в ней участвовали и "фряги", то есть итальянцы.

…Обратимся к наиболее объемному источнику сведений о Куликовской битве - "Сказанию о Мамаевом побоище".

Здесь сообщается, что, узнав о движении Мамая к Москве, Дмитрий Иванович посылает навстречу ему - в качестве, выражаясь современным языком, дипломата и разведчика (в частности, сообщившего точные известия о союзе Мамая с великим князем Литовским Ягайло) - "***избранного своего юношу, довольно суща разумом и смыслом, имянем Захарию Тютьшова***" (это был, как известно, далекий предок великого поэта и мыслителя Ф. И. Тютчева). Автор "Сказания" явно стремится "оправдать" решение князя поручить столь ответственную задачу именно *юноше,* подчеркивая, что он - "избранный", что он особо разумный и смышленый. И все же- почему юноша, а не богатый опытом муж?.. Характерно, что автор изданного в 1985 году сочинения о Куликовской битве, невзирая на вполне определенное сообщение "Сказания", написал о княжеском после: "...уже *пожилой* и сметливый боярин Захар Тютчев"... Но в другой современной книге дана верная "разгадка": Захарий был сыном *итальянца* Дудже, или Тутче, поселившегося в Москве в 1350-х годах, и, очевидно, владел языком своих предков.

И другая "информация" из "Сказания": отправляясь в поход на Мамая, Дмитрий Иванович взял с собой десяток "московских гостей сурожан". Обычно историки полагают, что речь шла о купцах, осуществлявших торговые отношения между Москвой и крымским городом Сурож (ныне Судак). Но, как убедительно показал Л. С. Хачикян в исследовании "Гости-сурожане" в русских летописях и "Сказании о Мамаевом побоище" (в кн. Русская и армянская средневековые литературы. - Л., 1982, с. 335), эти историки "не учитывают того обстоятельства, что... весь Крымский полуостров называли Сурожским полуостровом" (и даже само Черное море - Сурожским), и потому "гостями-сурожанами" наверняка именовались и те, кто имел дело непосредственно с Кафой.

А отсюда, без сомнения, следует, что Дмитрию Ивановичу была *вполне известна* огромная роль итальянцев Кафы в стане Мамая.

Не приходится уже говорить о том, что, согласно тому же "Сказанию", Мамай после Куликовской битвы сделал не что иное, как "***прибеже ко граду Кафе... И собрав остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном (набегом) итти на Русскую землю***",— то есть именно в Кафе "организовывался" его новый поход. И когда затем по дороге на Русь он был в причерноморской степи перехвачен и окончательно добит Тохтамышем, "***Мамай же прибеже пакы (снова, опять) в Кафу... ту(т) убиен бысть фрязи***" (то есть убит итальянцами — очевидно, как не оправдавший возлагавшихся на него надежд воитель).

Итак, целая цепь исторических фактов, запечатленных в "Сказании о Мамаевом побоище", свидетельствует о ведущей, определяющей роли итальянцев в походе Мамая на Москву; "фрязы" упомянуты и на первой, и на последней страницах "Сказания".

…Как было показано, генуэзская Кафа с конца XIII и до середины XIV века постоянно подвергалась нападениям золотоордынских войск, но после убийства хана Джанибека (1357 г.) они прекращаются, и нет никаких сообщений о подобных нападениях вплоть до Куликовской битвы. Естественно прийти к выводу, что любимец нового хана Бердибека, Мамай, давно находившийся в Крыму, кардинально изменил политику в отношении пришельцев из Италии. Уже в 1357 году генуэзцы, которые в течение предыдущих почти ста лет своего присутствия в Крыму владели *только одной Кафой,* основывают свою колонию в Чембало (Балаклава, недалеко от нынешнего Севастополя) и начинают воздвигать здесь неприступную цитадель. В 1365 году они овладевают Солдайей (Судаком), где создается монументальная крепость, а затем - в период не позднее 1374 года - их "консульства" размещаются, как сообщено в трактате видного исследователя средневекового Крыма А. Л. Якобсона, в Горзоне (Херсонесе, ныне в пределах Севастополя), Ялите (Ялте), Пертинике (Партените, вблизи Гурзуфа), Луске (Алуште), Воспоро (Керчи) - то есть на протяжении всего побережья Крыма!

Некоторые историки утверждали, что это решительнейшее расширение генуэзских владений было обусловлено начавшейся после убийства хана Бердибека смутой в Золотой Орде, которая теперь-де уже не могла сопротивляться натиску генуэзцев. Однако, во-первых, Чембало оказалось в их руках еще при Бердибеке (который высоко вознес Мамая), а во-вторых, как явствует из цитированных выше армянских "памятных записей", обладавший мощной военной силой Мамай властвовал в Крыму и в 1365 году, когда генуэзцы завладели Солдайей (Судаком), и позднее.

И едва ли можно усомниться в том, что Мамай, в отличие от золотоордынских правителей, находился в теснейшем союзе с генуэзцами, и, в частности, его зафиксированные в приведенной выше армянской записи "сборы" в 1365 году в очередной поход на Золотую Орду проходили, по всей вероятности, при активной поддержке генуэзцев; как пишет в своем исследовании Г. М. Прохоров, "с генуэзцами он (Мамай. - *В. К.)* мог расплачиваться землями своих крымских владений".

Но, как уже говорилось, неоднократные попытки Мамая захватить власть в Золотой Орде оказались тщетными. И тогда его направили на Русь.

Выше цитировалось сообщение "Сказания" о том, что Мамай шел на Москву, дабы изгнать русских князей и сесть на их место. Ханы Золотой Орды никогда не имели подобных намерений, и цель эта была поставлена, надо думать, генуэзцами.

Все это объясняет главную "загадку": почему Русь только один раз за почти два с половиной столетия "монгольской эпохи" вышла в широкое поле для смертельной схватки?.. В связи с этим нельзя не упомянуть, что преподобный Сергий Радонежский за какое-то время до Куликовской битвы отказался благословить великого князя на войну с Мамаем. В одной из рукописей жития величайшего русского святого приведено его прямое возражение Дмитрию Ивановичу: "...***пошлина (исконный порядок, установление) твоя держит (удерживает, препятствует), покорятися ордынскому царю должно***". Нет оснований сомневаться, что преп. Сергий действительно сказал так. Однако, по всей вероятности, слова эти были произнесены за достаточно длительное время перед Куликовской битвой, когда, надо думать, в

Троицкой обители еще не знали со всей ясностью, что представляет собой в действительности Мамай, и видели в нем "традиционного" хана Золотой Орды, "царя".

Накануне же Куликовской битвы Сергий Радонежский сказал совсем иное: "***Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Пойди противу безбожных, и Богу помогающи ти, победиши***".

В связи с этим весьма многозначительно то место из "Сказания", в котором сообщается о реакции рязанского князя Олега на выступление Дмитрия Ивановича против Мамая.

Узнав о решении Московского князя, Олег говорит: "Я раньше думал, что не следует русским князьям противиться восточному царю. А ныне как понять? Откуда такая помощь Дмитрию Ивановичу?.." И бояре его (Олега. - *В. К.)* сказали ему: "...***в вотчине великого князя близ Москвы живет монах, Сергием зовут, очень прозорливый. Тот вооружил его и дал ему пособников из своих монахов***"

… Особенно примечательно в этом отношении одно место из "Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского" (ввиду архаичности текста цитирую перевод М. А. Салминой): "Мамай же, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых (о том, кто же были эти "советники", стоит поразмыслить... - *В. К.),* сказал князьям и вельможам своим: "Захвачу землю Русскую, и церкви христианские разорю...".

Золотая Орда вовсе не преследовала подобную цель; более того, XIV-XV века были периодом высочайшего расцвета Православия на Руси, что доказывается, например, в известном сочинении "Святые Древней Руси" Георгия Федотова - хотя этот автор, будучи принципиальным "западником", крайне негативно относился к Золотой Орде.

И еще одно. В знаменитом сборнике Владимира Даля "Пословицы русского народа" содержится (даже в двух вариантах) пословица: "Много нам бед наделали - хан крымский да папа римский" (издание 1957 г., с. 348; см. также с. 144). Объединение, сближение столь далеких друг от друга, казалось бы, не имеющих ничего общего источников "бед" было бы не очень логично, если бы не имела места та историческая реальность, о которой идет речь и которая запечатлелась так или иначе в сказаниях о Куликовской битве, где связаны, соединены хозяин Крыма Мамай, "фряжская" Кафа и Рим. Я отнюдь не утверждаю, что приведенная пословица непосредственно "отразила" реальность 1380 года, но все же считаю возможным усматривать в ней связь и с этой реальностью, след своего рода исторической прапамяти о ней.

В свете всего вышеизложенного становится всецело ясной "загадка", о которой мы говорили в самом начале: почему Русь почти полтора столетия не вступала в противоборство с Золотой Ордой, а против Мамая вышла на бой столь решительно. Точно так же ясно и позднейшее - столетнее - "покорство" Руси Золотой Орде.

44.256.3. ***Генуэзские колонии в Северном Причерноморье***

Генуэзские колонии в Северном Причерноморье - укреплённые торговые центры генуэзских купцов в XIII-XV веках.

Расширяя сферу торговых операций после крестовых походов и борясь против соперничавшей с ними Венеции, генуэзцы, стремившиеся при поддержке Византии (Нимфейский договор 1261 года) монополизировать торговлю на Чёрном море, в 1266 добились от ставленника Золотой орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Каффы (современная Феодосия), ставшей позже центром их колоний. В 1357 генуэзцы приобрели Чембало (ныне Балаклава), в 1365 - Солдайю (современный Судак), вытеснив оттуда венецианцев. Возникли новые колонии

генуэзцев: Воспоро (на территории современной Керчи), Тана (в устье Дона), Джинестра (на территории современной Одессы). Их агентства были в городах Матрега (ныне Тамань), Копа (ныне Славянск-на-Кубани) и т. д.

Итальянские колонии в Северном Причерноморье ок.1390 г.

- Каффа - Caffa (Феодосия)
- Чембало - Cembalo (Балаклава)
- Солдайя - Soldaia (Судак)
- Воспоро - Vosporo (Керчь)
- Сарсона (Херсонес Таврический)[1]
- Капитанство Готия (Capitanatu Gottie)[2]
  - Consulatus Gorzoni (Грузуи[1])(консульство Гурзуф)
  - Consulatus Pertinice (консульство Партенит)
  - Consulatus Jalite (консульство Ялта)
  - Consulatus Lusce (консульство Алушта)

В колониях жили греки, армяне, итальянцы, евреи, татары, русские, адыги и другие народы. К концу XIV века они овладели черноморской торговлей. Через свои опорные пункты в Причерноморье генуэзские купцы вели обширную посредническую торговлю. Они продавали зерно, соль, кожи, меха, воск, мёд, лес, рыбу, икру из причерноморских районов, сукна - из Италии и Германии, масло и вино - из Греции, пряности, драгоценные камни, мускус - из стран

Азии, слоновую кость - из Африки и многие другие товары.

Большое место занимала торговля пленниками (русскими, черкесами, аланами), купленными у татарских ханов и турецких султанов. Рабы славянского происхождения отмечаются в XIV веке в нотариальных актах некоторых итальянских и южнофранцузских городов (Руссильон). О рабах-*скифах* упоминает знаменитый поэт Петрарка в своём письме архиепископу Генуэзскому Гвидо Сетте.

Торговые операции генуэзских купцов производились также в русских землях. Выходцы из генуэзских колоний (русское наименование - *фряги*) - жили в Москве, где в XIV-XV веках существовала корпорация купцов - *сурожан*, специализировавшихся на торговле с Генуэзскими колониями. Генуэзские колонии были хорошо укреплены, в крепостях имелись гарнизоны (остатки крепостных сооружений сохранились в Алуште, Балаклаве, Гурзуфе, Судаке, Феодосии). Генуэзцы поддерживали союзнические отношения с золотоордынскими ханами, которые формально являлись верховными владетелями территорий колоний, но предоставляли им полное самоуправление, сохраняя власть лишь над подданными ханов. В 1380 генуэзская пехота участвовала на стороне Мамая в Куликовской битве. Тем не менее, колонии неоднократно подвергались нападениям и разорению со стороны ханов (1299, 1308, 1344-1347, 1396-1397).

Наиболее крупной колонией была Каффа, являвшаяся развитым центром ремесла. После падения Византии в 1453 Генуя уступила черноморские колонии своему банку Сан-Джорджо (*банк Св. Георгия*). Международное положение колоний ухудшилось: усилилось военно-политическое давление Крымского Ханства, обострились отношения с княжеством Феодоро в Крыму. В 1475 генуэзские колонии были завоёваны османскими войсками под командованием паши Гедика Ахмеда и включены в состав Османского государства. Дольше других на Таманском полуострове удерживались еврейские торговцы из рода Гизольфи.

От генуэзского периода в Крыму сохранились остатки крепостных стен, башен и дворцов в Каффе и Чембало, построенные под руководством итальянских архитекторов крепость и консульский замок в Солдайе.

См. также **Вадим Кожинов. История Руси и русского Слова**, **Капитанство Готия**, **Осташко А.В. Права крымских татар на Крым**, **Готия и капитанство Готии**

Вернуться к ссылке

44.257. Кондотьеры

Кондотьеры (итал. Condottieri, от condotta – наемная плата) – в XIV и XV вв, так назывались в Италии предводители наемных дружин. Возникновению кондотьерства в Италии особенно благоприятствовало то, что власть в итальянских республиках захватывалась тиранами (Скала, Висконти), которые, нуждаясь в преданном войске, привлекали на свою службу иностранных, преимущественно немецких, наемников. К бандам иноземных наемников, имевшим первоначально республиканское устройство (Compagnie), примыкали беспокойные итальянские элементы. Когда в Италии появились со своими дружинами иноземные рыцари, как герцог Вернер фон-Урслинген (свирепствовавший в Италии в 1334 – 1352 гг. и написавший на своем панцире серебряными буквами: «враг Бога и милосердия»), граф Луц фон-Ландау, рыцарь иоаннитского ордена Монреаль (Montreal) и особенно Джон Гаквуд (Hawkwood, 1364 г., прославившийся также в Венгрии), а вместе с тем и местные феодалы, Лодовико Висконти, Убальдини и Альбериго да-Барбиано, стали усиливать наемниками свои вассальные войска, тогда дружины наемников получили монархическое устройство. Этому способствовало и то обстоятельство, что из рядов наемников выдвигались своей доблестью и воинским искусством отдельные личности, которые и становились предводителями: таковы были: Аттендоло, соперник последнего Браччио да-Монтоне (в школе его образовались почти все тогдашние военные знаменитости Италии), Коллеони, Карманьола, Пиччинино, Франческо Сфорца и др. Таким образом, возникли дружины авантюристов, искавших легкой наживы, связанных между собой в силу личного подчинения одному и тому же К., который действовал сам от себя и сам для себя, поступая на службу ко

всякому, кто его нанимал, без разбора партии и дела. Главная сила кондотьерских дружин состояла в коннице, которой иногда считалось 20 тыс. на 2 тыс. пехоты. Вооружением своим, разделением и строем они походили на французские ордонансовые роты. Большого развития достигло у К. искусство маневрирования, а также организация административной и медицинской частей. Руководствуясь лишь мотивами самого низкого корыстолюбия, К. представляли собою весьма ненадежные войска, всегда готовые перейти на сторону неприятеля; при случае К. готов было наложить руку и на доверившийся ему город, сделаться в нем князем. Войну К. часто вели только для вида и в тайном соглашении со своими собратьями, служившими в неприятельской армии; они не сражались ни ночью, ни зимой, не укрепляли своих станов и в битвах не убивали противников, а старались только брать их в плен, для получения выкупа. Лишь немногим из К. удалось основать самостоятельные владения или собрать большие богатства, как Сфорце и Коллеони . К концу XV века кондотьерство стало приходить в упадок, а после вторжения в Италию Карла VIII совершенно исчезло. Ср. Ricottia, «Storia delle compagnie di ventura» (Турин, 1845); F. Steger, "Franz Sforza etc. " (Лпц. 1853; нов. изд. 1865).

Вернуться к ссылке

44.258. Крымские готы

Кры́мские го́ты — этническая группа готов, одного из германских племён, откочевавших во время Великого Переселения народов в 3 веке в районы Северного Причерноморья, а затем в Крым. Последние эпиграфические данные о существовании готов в Крыму относятся к 9 в., ранее слово «гот» из этнонима перешло в личное имя (найдено на одном из надгробий). Вероятно, они постепенно были ассимилированы греками, утратив свою религию (арианство), но достаточно долго сохраняя готский язык.

44.258.1. Появление и жизнь готов в Крыму

Готы оказались в Крыму в ходе миграций поздней античности, в III веке нашей эры. Вероятнее всего, по языку и культуре крымские готы были ближе к своим соседям остготам, жившим в северном Причерноморье, нежели к вестготам. В Крыму готы быстро захватили и ассимилировали остававшихся там скифов и заняли весь полуосторов, кроме Херсонеса. В конце III века готы взяли под контроль Боспорское царство и встроились в его элиту, сохраняя традиции военной демократии. Отряды готов нанимались на службу к Римской империи, участвовали в различных военных походах. Среди готов быстро распространилось христианство (арианство)[212]. К середине IV века после упадка Боспорского царства готы стали главной политической силой на полуострове.

В годы господства гуннов, а затем булгар и авар в северном Причерноморье (конец IV — начало VI веков) крымские готы выступали в качестве своеобразного буфера между римским (византийским) Херсонесом и азиатскими кочевниками. С усилением византийского влияния в Крыму в начале VI века готы вливаются в греко-византийскую общину полуострова, вероятно, в качестве её военно-административной составляющей, хотя по сообщениям Прокопия Кесарийского, основным занятием готов в Крыму было земледелие.

Процесс ассимиляции крымских готов продолжался несколько столетий. Последние эпиграфические данные о готах в Крыму относятся к IX веку, к этому времени слово «гот» превратилось в личное имя (вероятно, указывавшее на происхождение). Название «Готия»

---

[212] Святые мученицы Алла и Лариса пострадали с другими мучениками в первой половине IV века в Готфии, где они по приказу царя Унгерика были сожжены в храме во время церковной службы. Св. Гаафа, супруга другого готского царя, вместе со своей дочерью Дуклидой собрала останки святых мучеников и удалилась с ними в Кизик (в Крыму). Когда Гаафа возвратилась в Готфию, разъяренные язычники забросали ее камнями. Ее же дочь, св. Дуклида, мирно скончалась в Кизике.

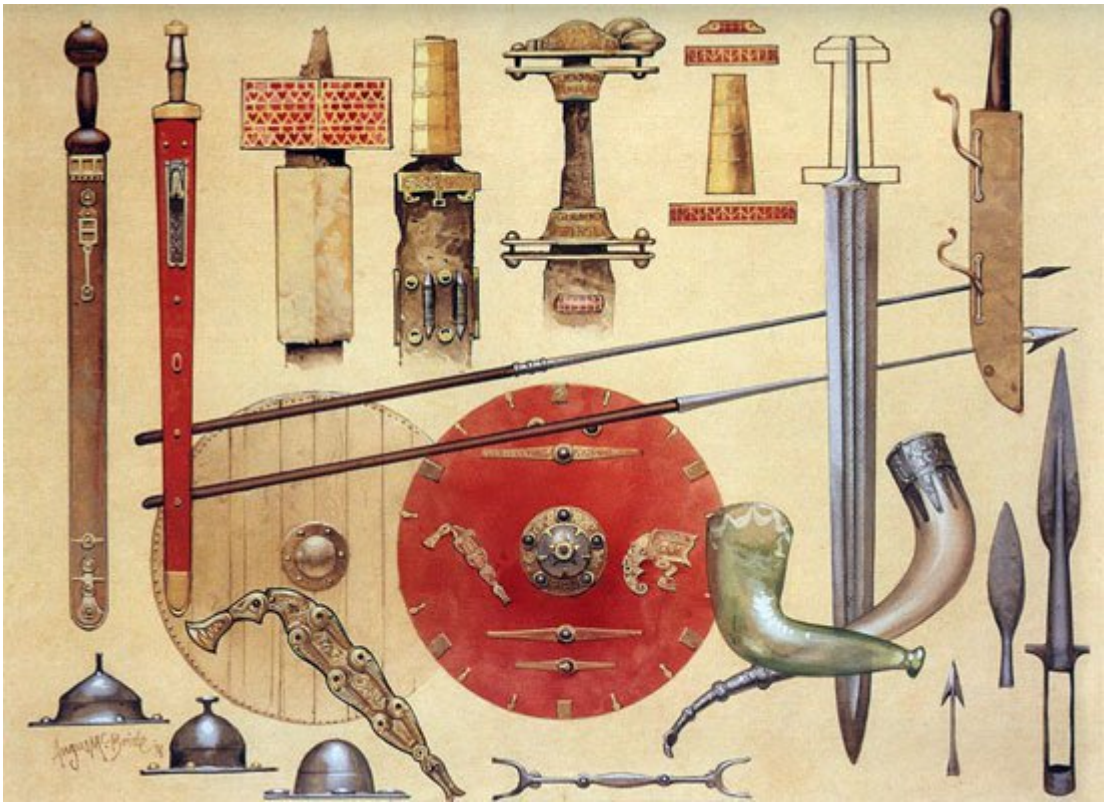
(«Готфия»[213]) применительно к юго-западному Крыму продержалось на протяжении всего Средневековья. В частности, в XIII—XIV генузцы называли свои владения в западной части южного берега Крыма Приморской Готией (Gothia Maritima), также Готией часто именовалось княжество, более известное в исторической литературе как Феодоро. Готы («готские девы»[214]) упоминаются в «Слове о полку Игореве». Расположенная в Крыму православная епархия Константинопольского патриархата носила название Кафинско-Готской вплоть до 1798 года, когда после выселения греков из Крыма в Приазовье епархия была ликвидирована.

…Первые документальные сведения о существовании страны готов на Крымском полуострове принадлежат византийскому историку Прокопию Кессарийскому (VI в.). В одном из своих трактатов он писал о готах как о союзниках Византии, живущих в некоей «стране Дори, лежащей на северо-западе побережья, на возвышенности с плодородными землями». По словам историка, готы славились не только как «прекрасные воины, но и как деятельные и искусные земледельцы» и, хотя страна их «лежит высоко, однако она не дика и не сурова, но приятна и богата наилучшими плодами» (по его же словам, готы отличались «наибольшим гостеприимством между всеми людьми», живущими на полуострове). Название Дори происходит от крепости Дорос, которая была, по-видимому, духовным центром Готии. Ученые считают, что это был Мангуп… Но так его стали называть с конца VIIIв., когда крепость захватили хазары (воинственные племена дагестанского типа). Мангуп и сейчас поражает всех, кто приходит к нему, грандиозностью сохранившихся сооружений и красотой окружающей местности. Этот самый большой пещерный город Крыма расположен на вершине столовой горы Баба-Даг (Отчая гора), которая возвышается на 580м над уровнем моря и на 200м над окружающими долинами. Протяженность искусственных укреплений и неприступных естественных обводов – почти 7км. И самым главным, пожалуй, было то, что там всегда была питьевая вода – горные родники. Практически ни в одном из пещерных городов нет второго такого чуда: вода на изолированном плато на высоте около 600м над уровнем моря! Это сейчас на замершие в глубоком сне развалины приводят по горным тропам туристов, а тогда за неприступными оборонительными стенами и башнями шумел целый город с домами, лавками, мастерскими, а также с княжеским дворцом и храмами, устремившимися ввысь в характерном готическом стиле. Под влиянием ранних христиан, частично плененных в походах, частично бежавших из Рима от притеснителей веры (лучше жить среди язычников в изгнании, чем быть мертвым на родине…) германцы довольно быстро пришли к христианству. За долгие годы странствий готы привыкли перенимать от других народов все правильное и нужное для себя. Видя, как монахи мужественно преодолевают все невзгоды, усердно молятся не только за себя, но и за всех окружающих, самоотверженно трудятся, с любовью и милосердием лечат больных и раненых , готы решили, что и им не повредит такой образ жизни… По большому счету, христианство распространилось в Крыму впервые как раз в готской среде и даже намного раньше, чем среди греков (так одним из участников 1-го Вселенского собора в г.Никее в 325г. был и епископ Кадм, который считается пастырем крымских готов).

---

[213] Отсюда готфин – житель Готфии (Gothia)

[214] Сулейменов разбивает текст на слова иначе: "...уже връжеся Дивь на землю (се бог отский). Красныя девы въспеша..." Слова в скобках значат "это (т.е. Див) - бог предков".



Оружие готов

Но только с конца VIIв. сведения о жизни в Княжестве Готия становятся более определенными. Она значительно укрепляется. А какой прочный и надежный союз был у Готии долгие десятилетия с самой Византийской империей! Хотя даже тогда своенравные германцы осмеливались принимать беженцев из «золотой державы»: например свергнутого императора Юстиниана II, бежавшего сюда из Херсона – из мест его ссылки (в Крым еще по старой «римской традиции» отправляла в ссылку бунтовщиков или неугодных его преемница Византия). Православное духовенство во время жестоких иконоборческих гонений (сюда бежали многие просвещенные монахи, оказавшие затем значительное влияние на культуру Готии).

Весьма драматические и трагические события происходят на Доросе в конце VIIIв., когда его захват хазарами вызвал восстание местного христианского населения под руководством епископа Иоанна Готского (сохранился уникальный письменный памятник, созданный одним из современников этого незаурядного человека: книга «Житие Иоанна Готского»). Тогда, в 787г., восставшие продержались полгода, но затем были сломлены, а вождь пленен (однако Иоанну удалось бежать; умершего на чужбине, его все же перевезли в Крым и захоронили близ Партенита – об этом см.статью на нашем сайте). А практически разрушенной крепости хазары дали новое название – «Мангуп». Хотя тогда оно так и не закрепилось: до конца XVв. письменные источники это место идентифицируют с крепостью и княжеством Феодоро.

Иногда в литературе встречается еще одно словосочетание – «Готская епархия». К чему относится оно? Она появляется во второй половине VIII в. в Крыму как церковно-административное подразделение и получив затем в XIV в. ранг митрополии, просуществует вплоть до конца XVIIIв., когда все христиане были переселены из Крыма.

Период с XI по XIII вв. в истории готов неясен и темен. Лишь записки монаха-минорита Вилема Рубрука, посланного Людовиком IX дипломатом на Восток и посетившим Крым в 1253г., вновь напоминают о них: «***На море, от Херсона до устья Танаиды, находятся высокие мысы, а между Херсоном (Херсонесом) и Солдаей (Судаком) существует сорок замков и почти каждый из них имеет особый язык…, среди них много готов, язык которых немецкий***». Нужно сказать, что страна «сорока замков» упоминается в письменных источниках неоднократно. Возможно, что действительно крепостей-замков в этих местах было столько, хотя до нас дошли лишь некоторые из них (см. статьи о пещерных городах Крыма на нашем сайте). И, между прочим, тюркское название нынешнего пещерного города Чуфут-Кале (Иудейская крепость) звучало некогда как Кырк-Ор – «сорок замков» (или «сороковой»?.. возможно, он и был таким по счету в цепочке, начина от Мангупа-Дороса…)

С XII в. в степном Крыму появляются половцы, за ними татары. Известно, что готы по-прежнему владея горами, а также Южным берегом, платят им дань. В древнейшем славянском письменном источнике – «Слове о полку Игореве», описывающем всю тяжесть половецкого ига, упоминаются также и крымские готы. И все же готы продолжают жить и торговать, и даже для этого пересекать опасные половецкие степи. В «Житии Антония Римлянина» есть упоминание о некоем крымском готе, владевшим греческим и русским языком и прибывшим в Новгород со своими товарами (вот куда добирались!).

«…**и обрете человека греческіа** ***земли гостбу [6] деюща, купецкіи чинъ имуща. иже умеяше римскимъ и греческимъ и рускимъ языкомъ. узревъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вере. преподобныи же ему поведаше имя свое. и христіяна себе нарече и грешна инока и недостойна ангельскаго иноческаго образа. купецъ же онъ паде къ ногама святаго, прошаше благословеніа отъ него. преподобныи же ему благословеніе дарова и о Христе целованіе. вопросившу же его преподобному о граде семъ и о людехъ и о вере и о святыхъ Божіихъ церквахъ. готфинъ*** **(т. е. из крымской Готфии, скорее всего, херсонит.)** ***же преподобному поведаше вся по ряду глаголя. градъ сей есть великіи Новъ градъ…***»

В XIIIв. былое могущество Византии и ее влияние в Крыму желает занять новая Трапезундская империя. К Южному берегу полуострова «присматриваются» итальянцы (в основном это выходцы из Генуи). Сначала они покупают татарские земли у Кафы (Феодосии), а затем довольно быстро продвигаются по южному побережью. Предприимчивые итальянцы договариваются на взаимовыгодных условиях о разделе Крыма с ханом Мамаем и оттесняют готов в горы. Овладев их приморскими крепостями, генуэзцы называют свою колонию «Капитанство Готия». Княжество Феодоро теряет выход к морю. Да еще разрушительное нашествие Тамерлана на Крым в конце XIVв., когда был захвачен и разорен уже в который раз Мангуп… Но готы упорны: они укрепляют свои горные рубежи, строя новые крепости (исары) напротив генуэзских и порт Каламиту (князь Алексей), а также возвращают себе крепость Чембало и бухту Символов (ныне Балаклавская бухта). Ведут умную внешнюю политику: дочери их Великого князя (Олубея, как называли его татары) выходят замуж за императора Трапезунда и Стефана Великого; ведутся переговоры с русским Иоанном III о замужестве с царевичем… В 1458г. готский князь был признан одним из четырех «черноморских государей», так как за это время готы, имея традиционно сильную армию, вернули себе многие южные порты и крепости.

Руины крепости Мангуп

Но вот наступил, наверное, самый трагический для готов 1475 год. Турки взяли Кафу, расправились с итальянцами

и осадили Мангуп. Мужественные и отважные готы отчаянно сражались, но силы были неравными; через полгода голод заставил их открыть ворота… О той кровавой бойне до сих пор молчаливо рассказывают братские могилы казненных готов на Мангупе. Оставшиеся готы с того времени потеряли навсегда уже свое былое могущество здесь в Крыму. Но, по большей части растворившись среди народов Крыма, они помнили крепко заветы своих предков ревностно сохранять свою германскую принадлежность и язык. Есть письменное свидетельство середины XVIв. Барона Бусбека (посланника императора Фердинанда в Стамбуле), общавшегося с одним, прибывшим из Крыма готом, который со слов его: «…***был высокого роста, и во внешности его сквозила прирожденная скромность, что делало его похожим на фламандца или голландца. Когда я спросил его о натуре и языке их народа, он отвечал весьма недвусмысленно, что их народ, готы, весьма воинственен, что он и поныне еще занимает многие области…, что у них есть два главных города – один зовется Мангуп, другой – Скиварин (вероятно, Сюреньская крепость в верхнем течении реки Бельбек). Готы – до сих пор христиане, хотя и окружены иноверцами***».

Бурный для Крыма XVIIIв. был наполнен войнами за его обладание в основном между двумя гигантскими империями: Турцией и Россией. Чтобы ослабить экономику полуострова, генерал-губернатору Новороссии князю Г.А. Потемкину пришла идея переселить из Крыма всех христиан на Азов (этот план и осуществил в начале 1779г. А.В. Суворов). В их числе были и потомки готов во главе с их духовным пастырем – митрополитом Готским и Кафским Игнатием. Вот тогда-то и покинули полуостров фактически последние крымские готы.

44.258.2. Крымские готы как объект криптоэтнологии

В XVI веке фламандец О. Бусбек (аристократ, служивший в качестве посла Священной Римской империи в Османской империи), в письме сообщал, что беседовал с двумя крымскими готами и создал краткий словарь крымско-готского языка (около 70 слов, сходных с готской лексикой «Библии Ульфилы»). При этом сам Крымский полуостров Бусбек не посещал, а беседа происходила в Стамбуле. Собеседники сообщили Бусбеку, что крымские ханы набирают для своего войска из числа готов отряд пехоты численностью 800 человек. Ни до, ни после Бусбека никаких документальных свидетельств существования в Крыму готского языка нет.

В конце XVIII века ряд исследователей отмечали среди крымских татар группы населения, по фенотипу сильно отличающиеся от остальных крымских татар, греков и тюрок (светлая кожа и волосы, голубые глаза и т. д.). Этот фенотип и по сей день сохраняют крымские татары — выходцы из некоторых сёл южного берега Крыма (Никита, Кючюк-Ламбат) и Бахчисарайского района. Некоторые исследователи считают их потомками готов, другие объясняют их необычный фенотип происхождением от пленников, захваченных в различных странах, и уведенных в Крым.

В конце XIX — первой трети XX веков появляется ряд работ, в которых описывается «готская историография» позднего средневековья. Считая сообщения Бусбека и встречи с голубоглазыми крымцами достаточными основаниями для утверждения о существовании в Крыму готской общины, эти авторы (А. А. Vasiliev и др.) полагали, что христианское население Крыма в средние века было представлено в основном готами или, по крайней мере, готы были элитой в этих сообществах.

Дискуссионным является вопрос о роли готов в этногенезе караимов и крымских татар.

См. также

- Сувук-Сув — древний могильник, предположительно готский
- Феодоро — средневековое княжество с православным эллинизированным населением, в европейских источниках ассоциировавшееся с крымскими готами
- Северное Причерноморье
- Готский язык

44.258.3. Феодоро

Феодо́ро (греч. Θεοδόρο) или **Го́тия** (греч. Γοτθία) — небольшое средневековое христианское княжество на юго-западе Крыма со столицей в г. Мангупе, существовавшее в XII—XV веках.

Население

Население княжества состояло в основном из крымских готов, греков и алан, исповедовавших православие. Имелись также эллинизированные армяне, восточные славяне; постепенно усиливался тюркско-татарский компонент. После вхождения княжества в состав Османской империи, большая часть его населения (особенно греческого) подверглась разной степени исламизации и тюркизации. Тем не менее, как утверждают некоторые авторы, крымские готы сохранялись здесь до конца XVIII века, когда Крым вошёл в состав Российской империи.

География

Занимало западную часть горного Крыма и полосу южного берега от Ямболи (Балаклавы) до Алустона (Алушты). В административно-военном плане территория княжества делалась на "округа" (μέρους), которых было не менее 11. Столицу княжества город Мангуп в ту эпоху также часто называли Феодоро. В XIV веке южный берег, который правители Феодоро именовали Параталассия (греч. Παραθαλασσια — дословно «приморье») был завоёван генуэзцами. Во время генуэзского владычества бывшие земли феодоритов на южном берегу именовались Капитанство Готия.

История

Столица Феодоро, крепость Мангуп. Руины цитадели.

Иногда считается, что правящей династией Феодоро был греческий род Гаврасов (Ховра — по-татарски) армянского происхождения из Трапезунда, хотя никаких письменных источников об этом не обнаружено. В конце XIV века одна из ветвей династии переселилась в Москву, где ими был основан Симонов монастырь. Эта ветвь — Ховрины — были наследственными казначеями Московского княжества. В XVI веке они разделились на роды Головиных и Третьяковых.

Княжество образовалось из той части бывших византийских владений в Крыму (фемы Климатов), которая не перешла под власть Генуи. Отношения Феодоро с золотоордынскими правителями Крымского Юрта были обычно мирными, в то время как с генуэзцами княжество вело частые войны, особенно после строительства феодоритами торгового порта Авлита, составившего серьёзную конкуренцию Каффе и нанесшего удар по экономике генуэзских колоний в Крыму.

В 1475 году после пятимесячной осады Мангупа Феодоро (как и генуэзские владения) были завоёваны Османскими войсками под командованием паши Гедик-Ахмеда. После завоевания из бывших земель княжества был образован Мангупский кадылык (кадылык — самая мелкая административная единица Османской империи), который входил в состав эялета (провинции) с центром в Кефе (Феодосии).

Правители Феодоро

- Димитрий (не ранее 1362 — не позднее 1368)
- ?
- Василий
- Стефан, сын Василия, (?—1402)
- Алексей I, сын Стефана, (1402—1434)
- Григорий (Григорий Степанович Ховра), сын Стефана, родоначальник Ховриных—Головиных (1434)
- Алексей II, сын Алексея I, (1434—1444)
- Иоанн (Олубей), сын Алексея I, (1444—1460)
- ?
- Исаак, сын Алексея I, (1471—1474)
- Александр, сын Алексея II, (июнь — декабрь 1475)

Устье реки Чёрная, предположительно средневековый порт Авлита

В истории княжества Феодоро остаётся довольно много «белых пятен», поэтому приведённая выше хронология не претендует на абсолютную точность и достоверность.

См. также **Готы в Крыму**, **Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси**, **Житіе преподобнаго Антонія Римлянина**, **Гильом де Рубрук «Путешествие в Восточные страны»**, **Житие преподобного отца нашего Иоана,епископа Готфии**, **Государство Феодоро**

Вернуться к ссылке

44.259. Караимы

Караи́мы (караимск. крымский диалект: ед. *къарай*, мн. *къарайлар*; тракайский диалект: ед. *karaj*, мн. *karajlar*; от ивр. קָרָאִים — «караим», букв. *читающие*) — немногочисленная тюркская (или тюркоязычная) народность.

Традиционными местами проживания караимов являются Крым, некоторые города Западной Украины (Львов, Галич, Луцк) и район Тракай в Литве.

Караимы традиционно исповедуют караизм, являющийся, по разным источникам, либо четвёртой, самой малочисленной авраамической религией [1]), либо особым ответвлением от иудаизма. Богослужение проводилось не только на языке Ветхого Завета, но и на караимском языке[2]. С начала XX века оно проводится также на русском[2][3], польском и литовском языках. По некоторым источникам языком богослужения караимов служила также латынь[4].

Караимский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Различаются северный (тракайский), южный (галичский) и крымский диалекты. В то время как первые два диалекта практический не изменились за последние пять веков, последний был подвержен в значительной мере влиянию турецкого языка во время турецкого господства в Крыму в XV—XVIII веке.

Проблема происхождения и этнической идентичности караимского народа

Изучение происхождения караимов осложняется отсутствием письменной традиции, подтверждающей тюркское происхождение и наложением исторических и психологических факторов, оказавших воздействие на самосознание самих караимов. Будучи по языку, фольклору, традициям и ряду иных признаков тюркским народом, караимы, тем не менее, традиционно исповедовали караизм — религию, родственную иудаизму или же трактуемую как секту иудаизма. В связи с этим, имеется две основные версии происхождения караимов. Обе до сих пор остаются предметом научных дискуссий и не являются полностью взаимоисключающими.

44.259.1. Теории этногенеза

«Хазарская» версия

Эта теория выдвинута в 1846 году российским востоковедом В. В. Григорьевым[5]. Широкую известность получила во второй половине XIX века[6].

Согласно этой теории, караимы являются потомками хазар — тюркского кочевого народа VII—X вв., который принял иудаизм и среди районов расселения которого был Крым. Данная теория поддерживается рядом антропологических исследований, доказывающих в том числе и генетическое различие между евреями и караимами [7] (см. раздел «Исследования антропологических особенностей»)

Хазарская теория была принята советской наукой [8], официально признана современными светскими лидерами восточноевропейских караимов, отрицающими любую связь с евреями и иудаизмом[9], а также косвенно фигурирует и в современной формуле самоидентификации караимов (см. раздел «Самоопределение»).

Наиболее активно хазарскую теорию продвигал Серайа Мордехаевич Шапшал. По мнению некоторых исследователей, проводимая им политика деиудаизации караимской религии и культуры привела к ускорению процесса ассимиляции[10].

В то же время часть религиозных караимов в эмиграции, самый известный из них Гершом Киприсчи, не отрицая тюркских элементов в происхождении караимов, относятся к «хазарской» теории скептически [11].

Специалисты по истории хазар также подвергают «хазарскую» теорию сомнению[12][13], подчёркивая следующее:

- караимский язык принадлежит к кипчакской группе, а хазарский — к булгарской, следовательно, между этими двумя тюркскими языками нет близкого родства[14];
- хазарский иудаизм был, скорее всего, талмудическим, а в традиции караимизма единственной священной книгой является ТАНАХ, то есть Талмуд не признаётся;
- хазары исчезли в XI веке, а первые письменные упоминания о караимах относятся к XIV веку (см. ниже в разделе «История»).

Так, М. И. Артамонов пишет:

Возможно, что евреи-караимы смешались с остатками хазаро-болгарского населения Крыма, исповедовавшего иудейскую религию, и распространили среди них свое учение [...] единственным доводом в пользу хазарского происхождения караимов остается их язык, близкий к половецко-огузскому, из чего и заключают, что хазары-караимы, сохранив свою религию смешались с половцами. Некоторые идут ещё дальше и считают, что хазары с самого начала были не раввинистами, а караимами, для обоснования чего в наших источниках, как мы видели, нет решительно никаких данных. Следует признать, что в истории караимов многое ещё остаётся неясным.[13]

«Кумано-кипчакская» теория

Эта теория выдвинута такими учёными, как Дан Шапиро, Питер Голден и Голда Ахиезер и опирается на следующие факты:

- крымский диалект караимского отличается от среднего диалекта крымскотатарского лишь присутствуем гебраизмов
- литовский и галицкий диалекты караимского языка значительно отличаются от крымского диалекта караимского
- в Золотой Орде был распространен язык, близкий к языку литовских и галицких караимов [10][15]
- первое документальное свидетельство о пребывании караимов в Крыму относится к 1278 году

Согласно этой теории:

- предки восточноевропейских караимов происходят не из Крыма
- предки крымских караимов крымчаков прибыли с захваченных монголами территорий (Северный Иран и Нижняя Волга), из Византии, и, после падения Константинополя в 1453 году, из Османской империи[10].

По мнению П. Голдена, «караимы Восточной Европы являются примером интересного симбиоза еврейского народа и тюркского мира, точнее, кумано-кыпчакского населения средневекового Крыма».

«Еврейская» версия

Согласно этой теории, караимы представляют собой местную крымскую группу евреев и ведут своё происхождение от последователей доталмудического иудаизма Саддукеев, отколовшегося в VIII веке в Багдаде в отдельную религиозную секту.[16].

Эта теория полностью разделялась самими караимами до конца XIX века. Первым отнёсся к ней скептически известный караимский учёный Мордехай Султанский (1785—1878) в книге «Зехер Цадикким»[17] . В настоящее время эта теория резко критикуется караимскими лидерами[18], в многочисленных современных караимских публикациях подчёркивается неприятие её караимским сообществом[19]. Вместе с тем этой теории придерживаются некоторые караимские авторы. Кроме того существуют свидетельства, о том что некоторые её сторонники вынуждены воздерживаться от выражения своего мнения публично [20].

В последнее время сторонники этой версии выделились и в Крыму[21].

«Синтетическая» версия

Заслуживает внимания точка зрения великого караимского просветителя И. И. Казаса. Еще в 1869 г., в очерках «Слово защиты» и «Евреи ли караимы» он, отвечая на статьи, опубликованные оппонентами в газетах «Одесский вестник» и «Ведомости одесского градоначальства», писал о том, что в споре об этногенезе караимов следует объективно рассматривать и «хазарскую», и «семитическую» теории. Хотя сам И. И. Казас придерживался семитической теории происхождения караимов, отвергая «хазарскую» теорию в целом и считая её «чересчур смелой», но подчёркивал при этом, что «караимы — не чистокровные семиты». Учёный справедливо полагал, что любая народность «организовалась из слияния с ней других племен, поглощённых и ассимилированных», и был противником применения теории «кровной чистоты». И. И. Казас заметил:

Мы [караимы] считаем нисколько не унизительным для себя происхождение не только от хазар, но и от самых отверженных париев <.. > никакое аристократическое происхождение не может дать несуществующих у нас добродетелей или скрыть наши пороки[22].

Самоопределение

Определение слова «караим» было одной из главных целей съезда караимского духовенства 18-27 июня 1917 г. Было предложено два варианта и утверждена вторая формулировка[38].

«караимами называются люди, принадлежавшие к караимской религии, безотносительно к происхождению[39] «

«караимами называются люди, исповедующие караимскую религию и составляющие особую, исторически сложившуюся народность (при этом под караимской народностью разумеются караимы, живущие в Крыму, и примыкавшие к ним издавна, еще до присоединения Крымского полуострова к России, вступавшие с ними в браки и беспрерывно питавшие их караимы Константинопольские, Египетские, Иерусалимские, Багдадские, Сирийские и Литовские).[39] «

- На общенациональном караимском съезде в Евпатории 28 августа 1917 г. было принято следующее определение[40]:

«Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собою объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохраняющую неразрывную духовную связь со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами.»

- В 2003 году Всенародным съездом крымских караимов Украины была принята уточнённая формулировка [41]:

«Крымские караи (крымские караимы-тюрки) — коренной народ Крыма, объединенный общностью крови, языка и обычаев, осознающий собственную этническую индивидуальность, кровное родство с другими тюркскими народами, самобытность культуры и религиозную самостоятельность. Испытывает особые чувства к Крыму, как к исторической родине, дружеское расположение к другим народам и конфессиям, уважает их самоидентификацию.»

Среди крымских караимов и по сей день продолжаются дискуссии по поводу определения этого термина[42][43].

44.259.2. Взаимоотношения с евреями

Несмотря на то, что на протяжении значительной части своей истории караимы по крайней мере не отделяли себя от еврейской культурной сферы[44][45][46], начиная с XIX века среди караимов возобладали тенденции противопоставления себя евреям.

Этому способствовали, возможно, узаконенные различия в правах между еврейским и караимским населением (см. ниже); начиная с XX века эта тенденция ещё более усилилась. В дореволюционной России караимы были уравнены в правах с православными, тогда как на евреев из западных губерний налагался ряд ограничений. Так, в «Правительственном вестнике» № 24 за 1881 год указано, что

«…караимы считаются совершенно различного вероисповедания от евреев, пользуются всеми правами, предоставленными русским, вследствие этого не могут быть взяты в армию взамен евреев. Замена евреев караимами является незаконной.»

Сегодня у караимов, проживающих в странах на постсоветском пространстве, сохраняется резкое противопоставление себя евреям, хотя о степени распространенности этого стереотипа судить сложно.

Не следует путать этнических караимов с родственным тюркским крымчакским народом, исповедующими классический иудаизм, а также с частью субботников, исповедующих караимизм[47]. Во время Великой Отечественной войны большинство крымчаков было убито немцами. Караимов, за редким исключением [10], нацисты пощадили (см. Период Второй мировой войны).

Частью еврейского народа считают себя следующие этнические группы, исповедующие караизм:

- турецкие караимы, говорят на крымском диалекте караимского языка (см. раздел Караимы в Турции);
- египетские караимы, говорят на арабском языке;
- караимы, проживающие в Израиле и США (см. раздел Караимы в эмиграции).

44.259.3. История

Крымское ханство

Одно из первых упоминаний этнонима «караим» сделано в описании Кафы в начале XV в. Иоганном Шильтбергером из Мюнхена [13]. По мнению Гаркави, караимы поселились в Крыму «в XIII в. вместе с восточными евреями, талмудистами (крымчаками)… [Фиркович собрал] множество рукописей и документов… [и стремился доказать], что караимы жили в Крыму ещё до распятия Христа»[8].

Караимская община в столице крымского ханства Солхат (ныне Старый Крым), существовала в XIV веке[16]. Главным центром караимов Крыма был Чуфут-Кале[6]; ещё в XIX веке его население состояло почти исключительно из караимов.

Великое княжество Литовское

Согласно караимской традиции, великий князь литовский Витовт переселил 383 караимские семьи из Крыма в Тракай, позже — в Луцк и Галич[48] после крымского похода в 1392/1397? году. Оттуда позднее караимы расселились по другим городам Литвы, Волыни и Подолии.

Караимы в Российской и Австро-Венгерской империях

Караимы имели налоговые послабления, им разрешалось, в отличие от евреев, приобретать земельную собственность, что позволило им стать крупными землевладельцами и промышленниками.

Караимы Галича также добились фактического равноправия с христианами после раздела Польши и перехода Галиции под власть Австрии (1772).

Вернуться к ссылке

44.260. Тютчев, Захарий (1360 – 1400)

Тю́тчев, Заха́рий (*Тю́тчев*) — первый из известных представителей рода Тютчевых, предок поэта Фёдора Тютчева. Отцом Захария был крымский генуэзец (сурожанин) Дудже, или Тутче, переселившийся в Москву в 1350-х годах.

… О Дуджи мало что известно. Сопровождал знаменитого венецианского путешественника Марко Поло, но почему-то не отправился с ним далее на восток, а, попав в столицу набирающего силу Московского княжества, остался здесь и, как говорится, пустил корни.

В 1380 был отправлен ликим князем Дмитрием Иоанновичем в качестве посланника к Мамаю. По пути успел разведать стратегически важную информацию о союзе русских князей с Мамаем. Как об этом говорится в Сказании о Мамаевом побоище: «***Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника скрытно к великому князю***». Мамаем Тютчев был встречен крайне недружелюбно, но всё же сумел наладить диалог с ханом, который предложил русскому посланнику сотрудничество и даже должность ханского наместника на Руси (фактически — правителя России). Давая уклончивые ответы, Тютчев проявил дипломатическую гибкость и сумел вернуться живым из опасного посольства.

… На обратном пути Захарий не побоялся даже разорвать ханскую грамоту, унизительную для Дмитрия, и отослал ее клочки в Орду.

Московский князь отправил к Мамаю *единого достойного мужа, именуемого Захарий Тютчев... с великими дарами... и со изъявлениями ему знаков покорства своего и с просьбами, дабы он, по несостоянию России, довольствовался тою данью, каковая по последним договорам уставлена была. (...) Сей посол, пришедши в стан Мамаев, предложил ему дары с приличною к случаю речью... и в самой оной речи старался наблюдать достоинство своего государя...* Мамай был настроен весьма неблагодушно. *Захарий, видя такое презрение и злобу, толь благородным и мудрым образом ответствовал Мамаю, что сей, сперва презревший дары, наконец приять их повелел. (...)* Сподвижники Мамая *немедленно хотели умертвить Российского посла, но Мамай, удивляясь его смелости, не токмо им запретил, но и желал, дабы он, оставя Великого князя, пошел к нему служить, обещая его за сие властителем в России учинить.*

… Среди потомков Захария Тутчева – служилых дворян Московской Руси – было немало воевод, стольников, стряпчих. Например, внук Захария Борис Матвеевич Слепец (Слепой, ок. 1440 – 1500) играл важную роль в нескольких походах царя Ивана III, был воеводой в Суздале (1464) и одним из руководителей московского войска под командованием князя Даниила Дмитриевича Холмского, разбившего новгородцев на реке Шелони (1471).

Оставил след в истории и прапрадед поэта Даниил Васильевич, отличившийся в первом Крымском походе русской армии (1687) под командованием князя В. В. Голицына. Его сын, Андрей Данилович (1668 – ок. 1760), был петровским офицером, в начале XVIII века служил на Кавказе, находился в турецком плену, вышел в отставку сразу после смерти Петра Великого, в 1726 году, в чине капитана.

См. также Генеалогическое древо Ф.И. Тютчева: Захарий Тютчев (Тутчев)

Вернуться к ссылке

44.261. Синяя Орда

Си́няя Орда́ (**Кок Орда́**, тат. *Kük Urda, Күк Урда*, каз. *Көк Орда*) — восточная часть или левое крыло Золотой Орды (улуса Джучи),[1] располагавшаяся на территории Западной Сибири и Казахстана.

Проблема соотношения понятий Кок Орда и Ак Орда

В историографии нет единого мнения о том, что следует понимать под данным термином, так как в средневековых источниках содержатся противоречивые указания.

44.261.1. Восточная часть Золотой Орды

Согласно традиционной точке зрения, распространённой в России, и восходящей к русским летописям, под Кок-Ордой понимается восточная часть Золотой Орды, находившаяся в вассальной зависимости от западной, и управлявшаяся потомками старшего брата Батыя — Орду Ичена.[2] После пресечения династии Батыя в 1360-х гг. в ходе «Великой Замятни» власть в обеих частях Орды перешла к восточным Джучидам.

В русских летописях Синяя Орда локализуется к востоку от Волги и упоминается дважды: в первый раз в связи с Замятней, завершившейся воцарением Тохтамыша («царь с востока, именем Тохтамыш, из Синие Орды»), второй — при нашествии Тимура в 1395 году.

Бысть замятня велика во Орде: приде некий царь Темир Аксак с восточной страны, от Синие Орды, от Самархийскиа земли, и много смущения и мятеж воздвиже во Орде и на Руси своим пришествием. […] Не царь бе, ни сын царев, ни племени царски, ни княжеска, ни боярска, но такое от простых нищих людей, от Заяицких Татар, от Самархийские земли, от Синие Орды, иже бе за Железными враты.[3]

44.261.2. Западная часть Золотой Орды

Менее популярна противоположная точка зрения, согласно которой Кок-Орда, наоборот, соответствует западной части улуса Джучи.[4] Это мнение основывается на буквальном следовании сведениям персидского сочинения XV века *«Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини»* Му'ин ад-Дина Натанзи (в современной литературе оно ещё именуется *«Анонимом Искандера»*). После рассказа о правлении золотоордынского хана Тохты (1291—1312) в этом произведении говорится:

После этого улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Секиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена, окрестностей Дженда и Барчкенда, утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-орды; правое же крыло, к которому относится Ибир-Сибир, **Рус**, Либка, Укек, Маджар, **Булгар**, Башгирд и **Сарай**, **Берке**, назначили потомкам Токтая и их назвали султанами **Кок-орды**.[5]

Однако, как показали современные исследования, данные Натанзи, по всей вероятности, являются неправильно понятыми, так как в персидской традиции синий и белый цвета означают противоположные стороны света по сравнению с тюркской и монгольской. И сейчас данная локализация не имеет сторонников.

44.261.3. Одна из частей левого крыла Золотой Орды

В Казахстане общепринятой является третья точка зрения, согласно которой деление на Ак и Кок Орду относится только к восточной части улуса Джучи. Соответственно, под Кок-Ордой понимается улус сына Джучи Шибана, расположенный между западным крылом Золотой Орды и улусом Орду Ичена, на территории современного западного Казахстана.[6]

См. также **ЗОЛОТАЯ ОРДА**, **Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. XXIX. Синяя орда**, **Гумилев Л. Н. От Руси до России**

Вернуться к ссылке

44.262. Численность войск Мамая

… **Русская армия собралась** на просторном Девичьем поле. Летописец пишет, что "**от начала мира не была такова сила русских князей**. Численность собравшихся в Коломне войск Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев оценивал более чем в 150 тысяч. Общую численность русских войск на Лопасне, где с главным войском соединились последние из остававшихся в Москве войска (собственно Московская дружина) по оценке Карамзина и Нечволодова, составляла до 200 тысяч человек. Советские историки (А. А. Строков, Е. А. Разин) считают эти цифры завышенными. По их оценкам, общая численность войск, соединившихся на Лопасне и в Заочье, составляла 70 — 100 тысяч человек.

… **Во-первых, численность** войск, принимающих участие в Куликовской битве. «Сказание о Мамаевом побоище» называет 150 тысяч русских, которые выходит вместе с Дмитрием Ивановичем из Коломны. http://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=16311Соответственно количество татар указывается чуть больше, потому что монголы не вступали в сражение, если не имели численного перевеса. Отсюда появляется другая цифра – 200 тысяч монголов. Итого 360 тысяч сражающихся. Колоссальная битва даже по современным масштабам! А нужно учесть и то, что только на картинках у нас и в фильмах древнерусские войны ездят в доспехах и полном вооружении – со шлемами, мечами, копьями и щитами. Вся эта амуниция весила ни один десяток килограммов, ехать в походе со всем этим вооружением на себе было просто невозможно, да и кони бы устали. Поэтому во время переходов воиныhttp://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=16312 ехали безоружными. Оружие, как и продовольствие, везли в обозе, на каждых пятерых всадников была положена одна телега. Если бы войско было пешее, то на каждых трех пеших полагалась одна телега, потому что они еще меньше могли нести на себе. Вследствие этого возрастала роль передового отряда, который ехал вооруженным. Его задача была очень тяжелой: в случае непосредственной встречи с противником, передовой отряд должен был занять жесткую оборону и выдерживать натиск, давая время своим товарищам вооружиться.

http://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=16313Если в русском войске было 150 тысяч воинов, то разделив это число на пять, мы получим количество телег – 30 тысяч. Каждая телега имеет длину в шесть метров, 30 тысяч умножим на шесть, получаем 180 тысяч метров обоза, или 180 километров. Даже если этот обоз ехал в два ряда, что практически невозможно было при отсутствии хороших дорог на Руси, обоз составлял 90 километров. В тот момент, когда Дмитрий Иванович тайно по трем переправам со своим войском переходил через реку, обоз еще должен был выходить из Коломны. Так что 150 тысяч человек – это, конечно, невероятное число, и я бы отнесся к нему скептически. Тем более если учесть, что на Куликовом поле были еще и 200 тысяч монголов. Получается, что на площадке, общей площадью девять с половиной квадратных километров, собралось 350 тысяч человек, притом всадников, каждому их которых надо было иметь по меньшей мере шесть http://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=16314квадратным метров, чтобы выполнить простейшую команду «кругом». Теоретически, можно было расставить такое количество всадников на поле, но для этого потребовалось бы от двух до трех дней.

Теперь о Засадном полке. Для того, чтобы оказать хоть какое-то влияние на исход битвы при таких массах сражающихся, этот полк должен был быть не меньше, чем в пять тысяч человек. Но такого количество деревьев, к сожалению, не было в той дубраве, где полк, по преданию, прятался. Проще говоря, когда мы рассуждаем о Куликовской битве, надо на порядок http://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=16315уменьшить количество сражающихся. Судя по экспертным оценкам, на Куликовом поле сошлось всего порядка 35 тысяч человек, около 15 тысяч со стороны Москвы и около 20 тысяч со стороны Орды. Хотя и это колоссальные числа по тому времени.

… По мнению В. А. Кучкина, князь Дмитрий будто бы оставил в Москве и "приокских крепостях" более 100 тыс. воинов, а на битву с Мамаем двинул лишь часть сил, вероятно, равную по численности ордынским войскам (см.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле, с. 13). Источники не подтверждают такой гипотезы. Дмитрий Иванович оставил в Москве одного из своих бояр, Ф. А. Свибло. С боярином не было ни союзных, ни удельных, ни подручных князей. Оставленной

100-тысячной армией попросту некому было командовать. Летописная повесть свидетельствует, что Тимофей Вельяминов с "вой остаточными, что были оставлены на Москве", присоединился к армии Дмитрия Ивановича на Оке (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 314). Таким образом, источники не дают ни малейших оснований утверждать, будто Дмитрий Иванович взял с собой едва треть своих сил. Некоторые исследователи примерно определяют численность войск Мамая в 50-60 тыс. человек, русского войска - до 70 тыс. человек (см.: Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой, с. 213; Бескровный Л. Г. Куликовская битва. - Там же, с. 226). Приведенные цифры, по-видимому, ближе к действительности, чем цифры в 150-170 тыс. человек. Но в своем абсолютном значении они также лишены достоверности и дают искаженное представление о соотношении сил в Куликовской битве.

… Численность войск Мамая можно подсчитать только с очень большой погрешностью т.е. на уровне предположения о том сколько у него могло быть, вычислить верхнюю планку. Численность золотоордынского войска в период расцвета составляла примерно 200-250 тыс. человек. Именно такие цифры фигурируют в арабских и персидских источниках, описывающих войны Золотой Орды и Хулагидского Ирана. Они достаточно неплохо соотносятся с численностью передовых разведывательных отрядов Золотой Орды в том же конфликте - 30-50 тыс. человек. Но здесь речь идет о всем войске улуса Джучи, в котором были и Ордаиды. Численность собственно Ак-ордынского войска можно вычислить лишь приблизительно. Если учесть что Ак-орда и Кок-орда по территории были примерно равны, так же, что по предположению Костюкова разделение улуса Джучи на две части имело целью пресечь возможный сепаратизм джучидов т.е. военный потенциал улусов был равен то следовательно численность Ак-ордынского войска составляла примерно половину от численности всего войска т.е. 100-125 тыс. человек. Но на момент Куликовской битвы у Мамая не было возможности собрать даже половину от этого числа. Шейбаниды откололись и абсолютно независимы, Хорезм неподконтролен, там правит династия Суфи, от бывшего улуса Ногая остался подконтрольным только Крым. Русский улус тоже практически независим.

По большому счету Мамай контролировал Крым и определенную территорию будущего Астраханского ханства. Поэтому максимально возможное число его войска 40 тыс. человек. Хотя реальная цифра на мой взгляд была меньшей - 30 тыс. Необходимо учитывать чуму, 20 лет междоусобной войны это не могло не сказаться на численности войска.

… К 1380 году Мамай владел уже только правобережной Ордой. Фактически перед сражением под его контролем находилась лишь большая часть степи по правому берегу Волги, Крым и Кавказ. Если обращаться к булгарским источникам, то станет ясно, что Мамай терял власть. Судя по всему, этот поход был последней попыткой выплатить жалованье войскам и найти новый источник доходов и войск в борьбе с побеждающим Тохтамышем. Численность войск Мамая не могла доходить до 60–300 тыс. человек по определению – на подконтрольной Мамаю территории не было стольких взрослых мужчин: большинство крупных городов и единственный земледельческий район – Булгария – были под контролем Тохтамыша. Известна численность булгарских войск из «Казан Тарихы» Мохаммедьяра Бу-Юргана – пять тысяч человек и два **орудия**[215]. Единственный густонаселенный район Улуса Джучи после двадцатилетней гражданской войны смог выставить лишь пять тысяч воинов.

Автор вышеприведенной выдержки противоречит сам себе – с одной стороны он ссылается на свод «Казан Тарихы», но игнорирует упоминание там о численности войск Мамая в 85 тысяч[216]

---

[215] … у 5-тысячного булгарского отряда Сардары Сабана, союзника хана Мамая, имелось два туфанга (артиллерийских орудия) и пушечный мастер по имени Ас. «У подножия холма были брошены две пушки, привезенные булгарами. Из этих пушек так и не выстрелили ни разу. Мастер-пушкарь Ас попал в плен. Его хотели убить, но воевода Дмитрий Боброк не позволил. Он увез Аса и его пушки в Москву. Именно Ас научил русских делать пушки, которые они вначале называли (по-булгарски) «туфангами»

[216] А Сабан направился в Кыпчак и соединился с 80-тысячной ордой Мамая на развалинах старой крепости Хэлэк.

«штыков и сабель», Далее автор признает, что «***большинство крупных городов и единственный земледельческий район – Булгария – были под контролем Тохтамыша***» и тут же себе противоречит, что «***Единственный густонаселенный район Улуса Джучи после двадцатилетней гражданской войны смог выставить лишь пять тысяч воинов***» (как этот густонаселенный район Улуса Джучи мог выставить больше, если он, практически целиком, находился под контролем Тохтамыша. Замечание ред.-оформителя).

Этническая принадлежность группы войск Мамая	**Минимальная оценка численности**	**Максимальная оценка численности**
Крымцы	10000	10000
Генуэзцы (алтынбашцы), включая пехоту и тяжеловооруженную кавалерию	1500	4000
Волжские булгары, включая 2000 черемшанцев[217], 1000 башкортов, 1000 буртасов и 1000 кисанцев. При общей численности войск Мамая **85000** (там же)	5000	5000
Анчийские (украинские) казаки, каннские чиркесы	7000	7500
Ногайцы Бий Бармака	15000	20000
12 тысяч всадников бека Багуна	12000	12000
Арьякцы (армяне)	2000	2000
Люди султана Туляка (Тулубея)	2000	2000
Калайцы (потомки печенегов и огузов Крыма), возможно это крымцы	10000	10000
Итого	**54500**	**72500**

См. также **Куликовская битва**, **Цикл лекций «Домыслы и вымыслы: средневековая Русь глазами потомков». Лекция 5. Дмитрий Донской**, **Галеев Камиль | Ксенофобия или патриотизм?**, **Р. Г. Скрынников. Куликовская битва. Проблемы изучения**, Куликовская битва. Попытка разобраться , **Бегунов Ю.К., Ф.Г.-Х.Нурутдинов. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В СВЕТЕ БУЛГАРСКИХ ИСТОЧНИКОВ**, **Булгары на Куликовом поле**, **Джагфар Тарихы (История Джагфара)**

Вернуться к ссылке

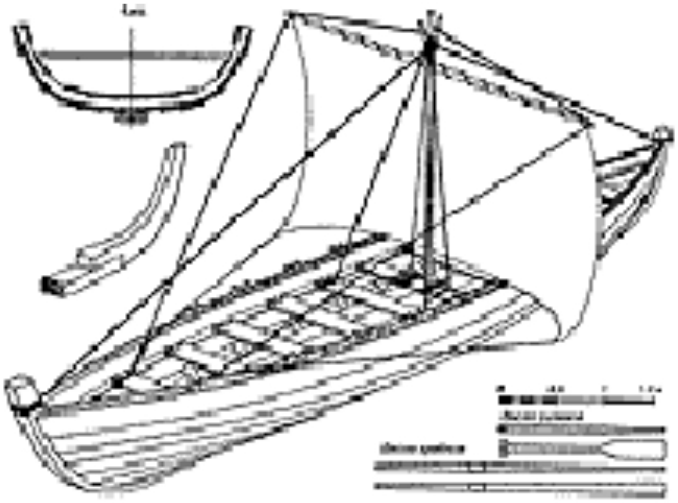
44.263. Ушкуйники

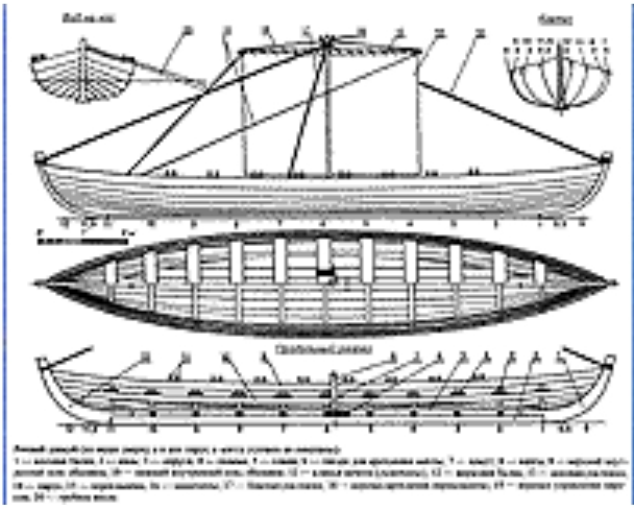
Ушкуйники (от др.-рус. ушкуй — морское или речное парусно-гребное судно) — в Новгородской и Вятской землях XIV—XV веках члены вооружённых дружин, формировавшихся для захвата земель на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу и Каму.

Ушкуйники, как явление, в достаточной степени представляют собой в условиях Руси местную практику разбойничих набегов, известную также у варягов и викингов.

---

[217] Казаки, жившие по берегам реки **Черемшан** (река Большой Черемшан в Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областях РСФСР, левый приток р. Волги)





Ушкуй — используемое на Руси парусно-гребное судно XI—XV вв. Изготавливались в двух вариантах: для сплава по реке и для моря. Длина ушкуя составляла 12-14 метров, ширина 2,5 метра. Высота борта около 1 метра и осадка до 60 см. Вместимость до 30 человек. В морском варианте использовался косой парус и по обоим концам корпуса судна делались трюмы. Речной ушкуй имел прямой парус и полностью открытую палубу без трюмов. В обоих вариантах вместо руля использовалось кормовое весло.

44.263.1. Предпосылки к возникновению

Принимая во внимание близкое соседство и активные контакты Новгорода (и Северо-Западной Руси в целом) с варяжскими и норманскими землями и племенами, определённая часть жителей региона могла проявлять достаточно распространённый по тем временам подобный стиль поведения. Появление их, если не считать ушкуйничьими набегами походы первых князей на Византию, относят к XI в. В 1088 г. болгары камские, как сообщает летопись, взяли Муром. Татищев на основании бывших у него списков делает заключение, которое принимает и Соловьёв, что болгары мстили русским за разбои по Оке и Волге, вредившие болгарской торговле. Можно указать и более ранние факты, свидетельствующие о существовании ушкуйников в начале XI века в «сердце» ушкуйничества, в Новгороде — например поход новгородских ушкуйников в Югру, до 1032 г. В других регионах Руси ушкуйничество не достигало таких размеров, как в Новгороде, где появилось и самое название ушкуйники. Большие вольности, меньшие сдерживающие элементы демократической новгородской власти, постоянная борьба партий — всё это порождало в Новгороде особый класс, который не приписывался к какой-либо общине (как этого требовали новгородские установления для гражданской полноправности). Власти стремились освободиться от подобных буйных элементов населения и указывали им дело — расширять пределы Новгорода; землевладельцы и промышленники пользовались ими как защитниками своих интересов от разных иностранцев;

чаще всего, впрочем, ушкуйники, на свой страх и риск, совершали разбойничьи походы, главным образом на восток, с целью нажиться. Разбои ушкуйников нередко оборачивались для Новгорода неприятностями, особенно от московских князей, мстивших ему за это.

44.263.2. История нападений

Летописные книги неоднократно отмечали походы ушкуйников.

- 1181 год взятие черемисского города Кокшарова (ныне Котельнич Кировской области).[1]
- 1320 и 1323 гг. Ушкуйники нанесли удары по норвежцам (в качестве ответной меры), разорив область Финмарк и Холугаланд. Норвежские правители обратились за помощью к папскому престолу. Аналогичное воздействие на шведов заставило ускорить подписание последними Ореховецкий мир с Новгородом.
- 1360 год. Ушкуйники взяли город Жукотин (недалеко от современного Чистополя) на р. Каме и перебили татар, вследствие чего князья суздальский, нижегородский и костромской ловили по приказу хана ушкуйников и пересылали их в Орду.[2]
- 1363 год. Поход в Западную Сибирь, на реку Обь, под начальством воевод Александра Абакуновича и Степана Ляпы.
- 1366 год. Без разрешения Новгорода ушкуйники под начальством того же Абакуновича и ещё двух воевод побили татар под Нижним, за что великий князь Дмитрий Иванович поссорился с новгородцами и последним пришлось дорогой ценой восстанавливать мир.[3]
- 1369 год. Грабежи по реке Каме.
- 1370 год. Грабежи по реке Волге.
- 1371 год. Разграблены Ярославль и Кострома.
- 1374 год. Поход на 90 ушкуях. Разграблена Вятка, взяты Булгары; часть ушкуйников спустилась к югу, другая пошла на восток;
- 1375 год. Под начальством Прокопа ушкуйники числом из 1500 нападавших разбили пятитысячную рать костромского воеводы Плещеева и захватили Кострому, где грабили неделю, затем взяли Нижний Новгород и спустились к Астрахани, грабя всех по дороге; в Астрахани воевода обманом перебил их всех.
- 1391 год. Опять грабежи по Вятке, Каме и Волге. Снова взят Жукотин, а также Казань.
- 1409 год. Воевода Анфал провёл рейд более чем из 250 ушкуев по Волге и Каме.

Из этого списка очевидно, что разбойничьи набеги ушкуйников происходили в подавляющем большинстве случаев по отношению к иноплеменникам, что являлось для тех времён обычным явлением не только в пределах Руси. Нельзя также не признать, что практика ушкуйников по тем временам, и особенно на протяжении периода ига воспринималас как стихийное, не властное (в смысле княжеской власти) проявление сопротивление давлению и управлению Орды. За два десятилетия ушкуйники уничтожили в столкновениях татар больше, чем воины в сражении на Куликовом поле. А некоторые новгородские политики, проводившие линию максимальной независимости Новгорода от чрезмерного влияния как московского княжества, так и сопредельных иноплеменных княжеств (шведы, немцы и т.д.), не рассматривали действия ушкуйников как негативный элемент, а скорее наоборот — в чём-то даже поддерживали их.

Ушкуйничество встречается и в XV веке, но уже в более слабой форме: централизация и укрепление власти и силы в руках московских князей значительно уменьшили количество стихийных нападений, в которых участвовали ушкуйники.

См. также **УШКУЙНИКИ и ВЯТСКАЯ РЕСПУБЛИКА**, **Ушкуйники**, **География русской былины "Василий Буслаев молиться ездил"**, **Речное пиратство**, О походе ушкуйников 1374г. и основании города Вятка-Хлынова

Вернуться к ссылке

44.264. Битва на реке Стугне 26 мая 1093

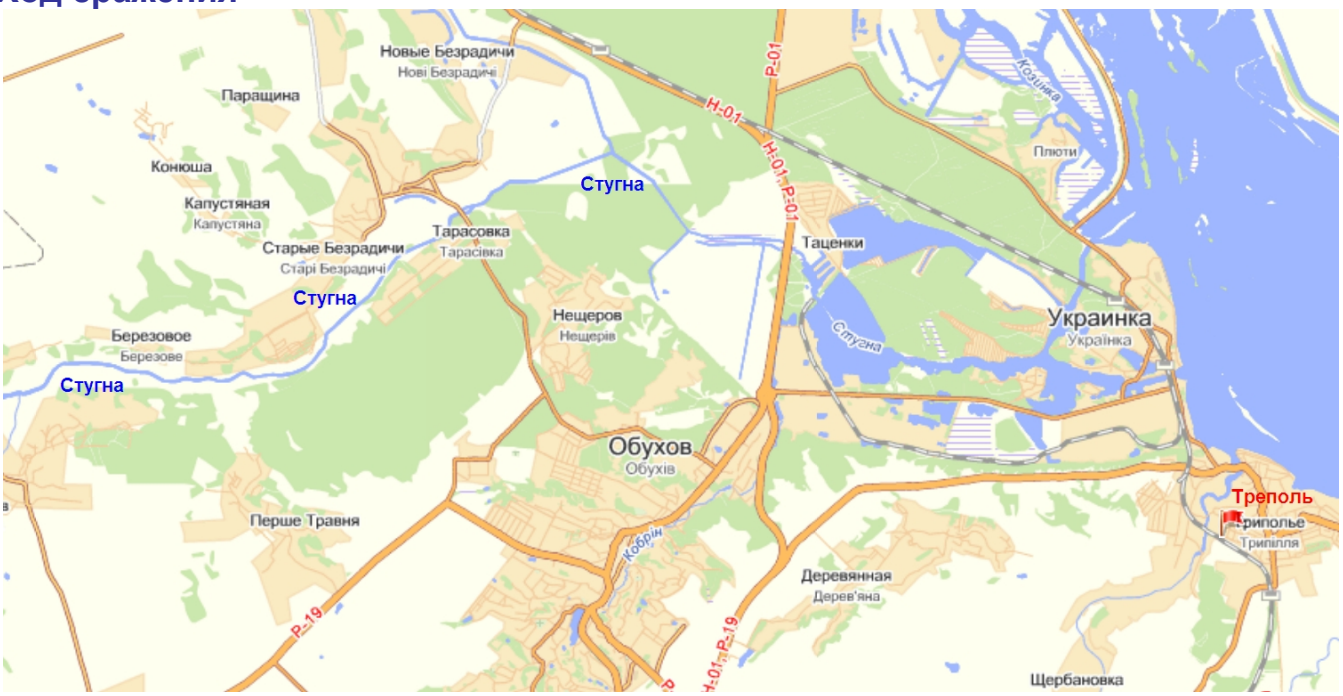
Би́тва на Сту́гне — битва, произошедшая 26 мая 1093 года на южном берегу реки Стугна, между войском русских князей и половцами.

Предыстория

Масштабное половецкое вторжение на Русь началось ещё в 1092 году, во время болезни великого князя Киевского Всеволода Ярославича. Узнав о его смерти в 1093 году, половцы прислали послов в Киев с предложением о мире (как правило, это подразумевало уход половцев

при условии получения богатых даров), но послы были захвачены новым киевским князем Святополком Изяславичем без совета с боярами. Половцы осадили Торческ, и Святополк Изяславич организовал поход против них совместно с дружинами своих двоюродных братьев Владимира Всеволодовича Черниговского и Ростислава Всеволодовича Переяславского.

Ход сражения



Войска пришли к Треполю, где состоялся совет. Владимир предлагал не переходить реку, но верх одержали киевляне, выступавшие за обострение конфликта.

Несмотря на то, что князья расположили свои главные силы на флангах (Святополк на правом, Владимир на левом; Ростислав встал в центре), половцам удалось, благодаря большей маневренности, изменять в ходе битвы направление главного удара таким образом, что сначала было нанесено поражение киевлянам, затем черниговцам, русское войско оказалось под угрозой окружения, было прижато к реке и было вынуждено форсировать её под натиском противника. Во время переправы утонул Ростислав Переяславский. Та же участь едва не постигла и Мономаха, который пытался спасти своего брата. Русские дружины потерпели поражение, многие были пленены и проданы в рабство. Святополк бежал к Треполю и в ту же ночь ускакал в Киев.

Последствия

Часть половцев принялась разорять земли, а часть приступила к осаде Торческа. Защитники Торческа прислали к Святополку с просьбой о помощи, и киевское войско вторично вышло на битву с половцами, но потерпело 23 июля жестокое поражение вблизи Киева у города Желани. Летопись говорит о гибели двух третей киевлян в этой битве, а также что число мёртвых превосходило потери на Стугне. После победы половцы вернулись к Торческу; защитники города, изнемогшие от долгой осады, сдались и были уведены в плен, а город был сожжён. В 1094 году Святополк заключил мир с половецким ханом Тугорканом, женившись на его дочери.

…С вокняжением в Киеве Святополка II на Руси началась эпоха правления внуков Ярослава. А правнуки Ярослава поначалу играли роль вспомогательную. Когда же они сменили отцов, Русь оказалась разодранной на уделы и государство уподобилось разлетающейся на куски массивной хрустальной вазе, играми детей сбитой со стола.

Год 1093 был трагичен для Руси. Прослышав о кончине Всеволода, половцы отправили послов к Святополку II. Великий князь, не "здума с болшею дружиною отнею и строя [дядю] своего но светъ створи с пришедшими с нимъ", взял да и посадил послов в погреб. И началась война.

Змиевы валы на юге от Киева у Треполя

1 — Змиевы валы; 2 — следы вала; 3 — примерное направление вала; 4 — валы раннего железного века; 5 — древнерусские города.

В то время в долине Роси сидели ранее смиренные торки - бывшие тюркские кочевники. На них и напали половцы. Святополк II отправил в степь послов с просьбой о мире, но было поздно. Стали собирать воинов. Князю посоветовали обратиться за помощью к Владимиру II. При этом "смысленыи же глху.... наша земля оскудила есть от ратии. и продажь". Владимир II приехал в Киев и встретился со Святополком II у собора Михаила. Между двоюродными братьями возникла распря. До пригородов столицы ветер доносил пепел и дым горевших в поросье городов. И княжеские мужи обратились к братьям с речью: "По что вы распрю имата межи собою, а погании губять землю Рускую".

Владимир II предлагал заключить со степью мир. Святополк II настаивал на рати. Наконец, из ворот столицы на юг, к Треполю, выехали Святополк II, Владимир II и его родной брат Ростислав Всеволодович. За князьями следовали дружины. Над остроконечными шлемами воинов развевались княжеские стяги.

Русское войско стало на берегу Стугны. Это был второй рубеж обороны Киева. И снова Владимир II, некто Ян и многие иные выступили с предложениями о мире. Киевляне настаивали на сражении. Пожарища, занявшиеся над их усадьбами, требовали отмщения. Русское войско переправилось на правый берег Стугны.

А Стугна "бе бо тогда наводнилася-велми". Русское войско изполчилось. Справа "на десноу стороне" стал Святополк II. Слева стал Владимир II. В центре развернулся полк Ростислава. В боевом порядке русские прошли мимо Треполя и "**проидоша валъ**" [**змиев**][218] увидели половцев. "Нашимъ же ставшимъ межи валома. и поставиша стяги своя и изи-доша стрилци из валу. и Половци пришедшие к валови". Началось сражение. Прежде всего половцы ударили по войнам

[218] …легендарная Стугна, течет между двумя эшелонами Змиевых валов...

Святополка II "и възломиша полкъ его". Люди побежали, и последним обратил коня на север Святополк II. Половцы навалились на полк Владимира II. Скоро воины побежали к берегу Стугны. На переправе Ростислав Всеволодович, облаченный в тяжелую кольчугу, стал тонуть. Владимир II хотел подхватить младшего брата, да едва сам не ушел под воду. Скоро вода скрыла Ростислава. Владимир II, перебравшись на левый берег Стугны, с немногими боярами и дружинниками достиг Днепра, переправился на его левый берег и поехал в Чернигов "печаленъ велми".

Святополк II с поля битвы примчался в Треполь и до вечера скрывался за его стенами. Ночью князь приехал в Киев.

Половцы разделились. Часть отошла на юг и осадила город Торческ, отведя от него воду, а часть пустилась к северу завоевывать пригороды Киева. Несчастная для Руси битва произошла 26 мая 1093 г.

Тело Ростислава Всеволодовича из вод Стугны достали, привезли в Киев и упокоили в Софии, рядом с могилой отца.

23 июля 1093 г. под Киевом половцам дали еще одно сражение. Жители столицы не могли спокойно взирать с крепостных стен, как от Вышгорода на севере до Белгорода и Василева на юге поднимались дымы пожарищ. Святополк II "выниде на Желяню", и началась битва, более несчастная для Руси, нежели произошедшая под Треполем. Торческ, потеряв надежду на помощь, сдался. Его население половцы увели в степь, а город сожгли.

1 октября 1093 г. скончался Ростислав Мстиславович, родной племянник Святополка II. Таким недобрым оказалось начало княжения Святополка II. Недобрым было и его окончание.

См. также А. Гудзь-Марков. История славян

Вернуться к ссылке

44.265. Невская битва

Б. Чориков. «Победа Александра Невского над шведами»

Не́вская би́тва (15 июля 1240) — сражение на реке Неве между новгородским ополчением под командованием князя Александра Ярославича и шведским отрядом. Александр Ярославич за победу и личную храбрость в бою получил почётное прозвище «Невский».

Источники

Источники, рассказывающие о Невской битве, очень немногочисленны. Это Новгородская первая летопись старшего извода, несколько вариантов агиографической Повести о житии Александра Невского, написанной не позднее 80-х гг. XIII века, а также более поздняя Новгородская первая летопись младшего извода, зависимая от двух указанных выше источников. В скандинавских источниках упоминания о крупном поражении нет, хотя в 1240 году действительно состоялся поход на Русь небольшого скандинавского отряда (в рамках крестового похода в Финляндию) [2].

Предыстория

Карта 1239—1245

В первой половине XIII века шведы и новгородцы совершали завоевательные походы против финских племён сумь и емь, что и послужило причиной их затяжных конфликтов. Шведы пытались крестить эти племена, обратив их в католическую веру.

В этом противостоянии обе стороны стремились поставить под свой контроль Ингерманландию — территорию, прилегающую к реке Неве, а также Карельский перешеек.

Перед битвой

Летом 1240 года шведские корабли прибыли в устье реки Ижора. Высадившись на берег, шведы и их союзники раскинули свои шатры в том месте, где Ижора впадала в Неву. Новгородская первая летопись старшего извода сообщает об этом так:

Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумь, и ѣмь в кораблихъ множьство много зѣло; Свѣи съ княземь и съ пискупы своими; и сташа в Невѣ устье Ижеры, хотяче всприяти Ладогу, просто же реку и Новъгородъ и всю область Новгородьскую.

Изображения Биргера: средневековая резьба по камню и современная реконструкция после изучения останков ярла в 2002

Согласно этому сообщению в составе войска шведов были норвежцы (мурмане) и представители финских племен (сумь и ѣмь); в войске находились также католические епископы. По предположению Н. И. Костомарова, шведскую армию мог возглавлять зять короля Биргер Магнуссон[3]. Впрочем, шведские источники не содержат каких-либо упоминаний ни о самой битве, ни об участии в ней Биргера. Интересно, что жена Биргера приходилась Александру Невскому как минимум четвероюродной племянницей[4].

Границы Новгородской земли охранялись «сторожами»: в районе Невы, по обоим берегам Финского залива, находилась «морская стража» ижорян. На рассвете июльского дня 1240 года старейшина Ижорской земли Пелгусий, находясь в дозоре, обнаружил шведскую флотилию и спешно послал доложить обо всем Александру.

В «Житие Александра Невского» говорится о видении Пелгусия, в котором он узнал святых

мучеников Бориса и Глеба, плывущих по морю на корабле, и слышал как Борис сказал: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру».[5]

Получив такое известие, князь Александр Ярославич принял решение внезапно атаковать врага.[5] Времени, чтобы дождаться подкрепления не было, и Александр начал сбор собственной дружины. К войску также присоединились новгородские ополченцы.

По принятому обычаю воины собрались у собора Святой Софии и получили

благословение от архиепископа Спиридона. Александр воодушевил дружину речью, фраза которой дошла до наших дней и стала крылатой:[5][6]

Братья! Не в силах Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии в оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем...Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог.

Отряд Александра продвигался вдоль Волхова до Ладоги, затем повернул к устью Ижоры. По пути к отряду присоединились местные жители. Войско в основном состояло из конных воинов, но в нём были и пешие силы, которые для того, чтобы не терять время, также передвигались на лошадях.

Шведский лагерь не охранялся, так как шведы не думали о возможности нападения на них. Воспользовавшись туманом, войска Александра скрытно подошли к неприятелю и застали его врасплох: без возможности создать боевое построение, шведы не могли оказать полноценного сопротивления.

Ход битвы

15 июля 1240 года началось сражение. Сообщение Первой новгородской летописи старшего извода достаточно кратко:

И ту убиенъ бысть воевода ихъ, именемь Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятшихъ мужь, преже себе пустиша и к морю; а прокъ ихъ, ископавше яму, вметаша в ню бещисла; а инии мнози язвьни быша; и в ту нощь, не дождавше свѣта понедѣльника, посрамлени отъидоша.

Русские конные копейщики обрушились на центр шведского лагеря, а пешая рать ударила во фланг вдоль берега и захватила три корабля. По ходу битвы войско Александра владело инициативой, а сам князь, согласно летописным сведениям, «на лице самого короля оставил след острого копья своего..»[5]

Во вставке, сделанной в Жизнеописании Александра Невского по Лаврентьевской летописи упоминаются шесть воинов, совершивших подвиги во время сражения:

Гаврило Олексич, «увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем», поднялся на борт, был сброшен вниз, но потом снова вступил в бой. Сбыслав Якунович, вооружённый только одним топором, бросился в самый центр вражеского войска, а за ним ловчий Александра — Яков Полочанин размахивал своим длинным мечом. Отрок Савва проник в центр шведского лагеря, «ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный»[5]; потеряв опору, шатёр свалился на землю. Новгородец Меша со своей дружиной потопил три вражеских корабля. Шестой упомянутый воин — слуга Александра Ярославича Ратмир сражался пешим против нескольких шведов, был ранен и погиб.

Сражение длилось до наступления вечера; к ночи противники разошлись. Шведы потерпели поражение, и к утру отступили на уцелевшие корабли, и переправились на другой берег. Известно, что русские воины не препятствовали бегству.

Потери новгородского войска были незначительными. Они составили двадцать человек, тогда как шведы на оставшихся у них трёх кораблях погрузили тела своих погибших воинов, а остальных оставили на берегу. Сообщения о дальнейших событиях противоречивы. На другом берегу Невы на следующий день местные жители обнаружили много непогребенных тел шведов, хотя указывается, что они затопили два корабля с погибшими, после чего остатки войска отплыли в Швецию.

Результат битвы

Одержав победу, русские войска не позволили шведам отрезать Новгород от моря и захватить побережье Невы и Финского залива. Кроме этого был разрушен план совместных действий шведских и немецких рыцарей: теперь, после победы, Новгород не мог быть окружён с двух сторон.

Однако из-за страха перед тем, что после победы роль Александра в ведении дел может возрасти, новгородские бояре стали строить князю всевозможные козни. Александр Невский уехал к отцу, но уже через год новгородские жители снова пригласили князя для продолжения войны с Ливонским орденом, подошедшим к Пскову.

См. также **Невская битва на Миниатюрах Лицевого летописного свода. 16 век**, **Александр Невский. Придуманный герой придуманной войны**

Вернуться к ссылке

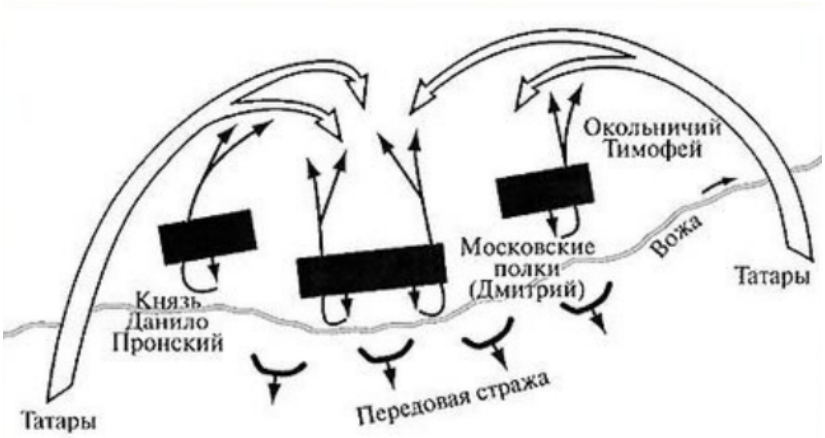
44.266. Битва на реке Воже

Битва на реке Воже — сражение между русской ратью под командованием Дмитрия Донского и войском Золотой Орды под командованием мурзы Бегича, произошедшее 11 августа 1378 года.

Предпосылки

Весной 1376 года русское войско во главе с Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским вторглось на среднюю Волгу, взяло откуп 5000 рублей с мамаевых ставленников и посадило там русских таможенников.

В 1376 году перешедший на службу к Мамаю с левобережья Волги хан Синей Орды Арапша разорил Новосильское княжество, избегнув столкновения с вышедшим за Оку московским войском, в 1377 году на р. Пьяна разгромил не успевшее изготовиться к битве московско-суздальское войско, разорил Нижегородское и Рязанское княжества. После успешного набега Арапши на русское пограничье в следующем году Мамай двинул войско на самого Дмитрия Московского.



http://obq-19.narod.ru/reqcomp/kulbit.htm

Ход битвы

На реке Воже, притоке Оки, Дмитрию после успешной разведки планов противника удалось перекрыть брод, по которому татары собирались

совершить переправу, и занять удобную боевую позицию на холме. Построение русских имело форму дуги, а флангами руководили окольничий Тимофей Вельяминов и князь Данила Пронский (по другой версии, Андрей Полоцкий[2]).

Бегич не решился переходить реку на виду у русского войска и, по словам летописца, «стоял много дней». Тогда Дмитрий Иванович сам решил отойти от реки, «отдать берег» ордынцам, чтобы вынудить их к «прямому бою». Бегич попался в расставленную западню[3].

…Данные современных исследований, а также изучение укреплений Вожской засечной черты дают основание утверждать, что Вожская битва произошла в среднем течении реки Вожи, в районе сёл Пальные — Глебово-Городище.

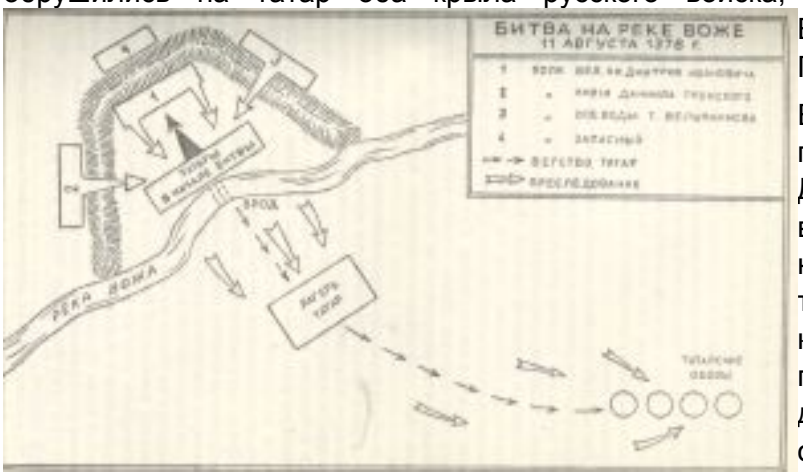
Натиск татарской конницы был отбит, и русские, сражавшиеся в полукруговом строении, перешли в контрнаступление. Золотоордынцы начали в беспорядке отступать, многие утонули в реке. Дальнейшего преследования и полного разгрома ордынцам удалось избежать благодаря наступлению темноты. На следующее утро стоял сильный туман, и только после того, как он рассеялся, русское войско форсировало реку и захватило брошенный ордынцами обоз. В битве погибли сам Бегич и ещё четверо ордынских князей.

…Противники встретились на реке Воже (Вожа — правый приток Оки, впадающий в нее недалеко от Рязани.) и несколько дней простояли друг против друга, не начиная сражения. Дмитрий Иванович занял очень выгодные позиции на левом берегу, расположив свое войско на гребне подковообразной возвышенности, полого спускавшейся к реке. Единственный удобный брод находился именно здесь. Справа и слева берег был крут и изрезан оврагами, что весьма затруднило бы переправу татарской конницы в другом месте и лишало ее возможности совершить какой-либо обход. Учитывая все это, Дмитрий решил сражаться тут, не переходя через реку и предоставляя это сделать татарам.

Бегич, со своей стороны, отлично видел, что условия сражения на левом берегу будут для него невыгодны, а потому не торопился, надеясь, что русские, наскучив ждать, сами перейдут Вожу. Чтобы побудить их к этому, он даже оставил правый берег свободным и разбил свой стан в нескольких верстах от реки.

Но шли дни, а Дмитрий не трогался с места, и Бегич наконец понял, что совершить переправу придется ему: его противник мог простоять за рекою хоть до зимы, ибо ничто не обязывало его вступать в сражение, а он, Бегич, уклониться от этого не имел возможности. Мамай послал его именно для того, чтобы сразиться с Московским князем, и вернуться назад, не попытавшись этого сделать, он, конечно, не мог.

Утром одиннадцатого августа татары начали переправу, не встречая со стороны русских никаких препятствий. В полдень вся ордынская конница уже сосредоточилась на левом берегу и, выстроившись в боевой порядок, ударила на центр московского расположения, возглавляемый самим великим князем Дмитрием Ивановичем. Но едва тут завязалась сеча,— с холмов обрушились на татар оба крыла русского войска, под начальством воеводы Тимофея Вельяминова и князя Даниила Пронского.



Битва была чрезвычайно упорной и продолжалась несколько часов. Сам Дмитрий сражался в первых рядах, воодушевляя других, и вскоре русские начали одолевать. Татар медленно теснили к реке и спереди, и с боков, все крепче сжимая охватившее их живое полукольцо. Однако они долгое время держались стойко и защищались отчаянно, ибо Бегич обещал казнить каждого, кто без приказа перейдет на другой берег. Но когда Бегич пал и бритая голова его,— со всей Орде известным бельмом на левом глазу,— насаженная на русское копье, поднялась над сражающимися, татар охватила паника. Не слушая яростных криков темника Хаджи-бея, вступившего теперь в командование и пережившего Бегича на какие-нибудь полчаса,— все бросились к берегу, давя и опрокидывая друг друга, в чаянье спастись за рекой.

Под русскими мечами и стрелами эта страшная переправа продолжалась до темноты. Тысячи татар полегли в этот день на берегу Вожи, но еще больше в ней утонуло. Преданье,— конечно, как и все героические преданья, сильно преувеличивая действительность,— говорит, что к концу побоища реку можно было перейти, не замочив ног, по плотине, образовавшейся из человеческих и конских трупов.

Спустившаяся ночная тьма позволила остаткам татар уйти и помешала победителям их преследовать. Утром русское войско перешло на правый берег, но стоял такой густой туман, что в нескольких шагах ничего не было видно. Только к полудню прояснилось, и Дмитрий сейчас же бросился по следам отступивших татар. Под вечер он нагнал весь огромный обоз Бегича, брошенный убегающим войском. Русским досталась богатейшая добыча: все татарские повозки, кибитки, шатры, множество доспехов, оружия, утвари, скота и рабов. По распоряжению великого князя все это на следующий день было поделено между его воинами, но теперь надо было, не теряя времени, продолжать погоню за разбитой ордой. Ее нагнали уже после захода солнца,— часть татар успели порубить, остальные рассеялись под покровом наступившей ночи.

Победа Дмитрия была полной: больше половины Бегичева войска было уничтожено, все его имущество захвачено; из семи татарских князей, возглавлявших этот поход, остался в живых лишь один, едва отважившийся возвратиться в ставку Мамая со страшной вестью. Потери русских тоже были значительны. Славною смертью пали московские воеводы Дмитрий Александрович Монастырев и Назар Данилович Кусаков, а с ними многие воины. Три дня стоял Дмитрий Иванович на берегах Вожи, пока собирали и хоронили убитых, потом возвратился в Москву, где, под звон колоколов, был торжественно встречен народом и духовенством.

Последствия

Битва на Воже стала первой серьёзной победой войск Северо-Восточной Руси над большим войском Золотой Орды и имела большое психологическое значение. Она продемонстрировала уязвимость татарской конницы, которая не выдержала стойкой обороны и решительных контрударов. Для Мамая поражение на Воже от князя Дмитрия Ивановича стало серьёзным ударом, после которого он стал стремительно терять свои позиции в пользу Тохтамыша, а также

причиной разорения Рязанского княжества в 1379 году и похода на самого Дмитрия Ивановича (с существенным привлечением наёмников) в 1380 году.

Существует версия (В. А. Кучкин), согласно которой рассказ о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а именно к битве на реке Воже, и связан в житии святого с Куликовской битвой уже впоследствии, как с более масштабным событием[4].

См. также **Битва на реке Вожа**

Вернуться к ссылке

44.267. Ольгерд, великий князь литовский

Ольгерд (лит. Álgirdas, белор. Альге́рд, укр. Ольге́рд; около 1296 — 24 мая 1377) — князь витебский, великий князь литовский, сын Гедимина, брат Кейстута. Стремления Ольгерда, христианина и женатого сперва на княжне витебской, затем на княжне тверской, были сосредоточены на освобождении русских областей от от власти Золотой Орды и приобретении влияния в русских землях.[1]

Имя

Существуют две основные версии о происхождении имени Ольгерд. Согласно наиболее распространённой, имя Ольгерд происходит от литовских слов *alga* — вознаграждение и *girdas* — слух, известие и буквально означает *известный вознаграждением*[2]. Согласно другой трактовке, имя происходит от германского корня *ger* — копьё[3] и означает *благородное копьё*[4].

На сегодняшний день среди российских учёных также нет единого мнения и об ударении в имени Ольгерд. В литовской и польской историографиях ударение падает первый слог, в белорусской и украинской — на второй. Имя Ольгерд с ударением на втором слоге встречается у Пушкина[5]. Советские словари рекомендовали ставить ударение на второй слог; современные российские энциклопедические словари ставят ударение на первый слог[6][7].

Вокняжение Ольгерда на Литовский престол

После смерти князя Гедимина Великое княжество Литовское было разделено между семью его сыновьями и братом Воином. Младший из сыновей Гедимина, Евнутий, сидел в стольном городе Вильне (по мнению В. Б. Антоновича, он не был великим князем: все сыновья Гедимина сохранили полную самостоятельность и никто из них не пользовался старшинством). По соглашению Ольгерда и Кейстута северо-западная часть Великого княжества Литовского (Трокское княжество), со столицей в Троках (ныне город Тракай) досталась Кейстуту, а юго-восточная со столицей в Вильне — Ольгерду.

Поводом к этому соглашению послужило усиленное стремление крестоносцев, со времени смерти Гедимина, овладеть Литвой. Раньше Ольгерд владел городом Крево в собственно Литве, землями, тянувшимися до реки Березины, и княжеством Витебским, доставшимся ему в качестве вена за женой, витебской княжной Марьей Ярославной, от которой имел сыновей: Андрея, Дмитрия, и Константина.

В начале 1345 года Ольгерд и Кейстут двинулись на Евнутия. Кейстут осадил Вильну, захватил Евнутия и посадил Ольгерда на великокняжеский престол. Братья заключили договор, по

которому все они должны повиноваться Ольгерду как великому князю; Ольгерд и Кейстут должны сохранять тесный союз и дружбу, все новые приобретения делить поровну. Новый порядок не встретил серьёзного сопротивления со стороны удельных князей, кроме неудачных попыток Евнутия и Наримунта найти поддержку за границей. Наримунт сбежал в Золотую Орду, Евнутий — в Москву. В 1347 году братья возвращаются в Литву. Наримунту возвращают Пинск, а Евнутий получает в княжение Заславье.

Партизанскую борьбу Литвы с крестоносцами вёл главным образом Кейстут; Ольгерд все свои усилия направил на то, чтобы расширить пределы литовского государства за счёт русских земель и усилить своё влияние в Новгороде, Пскове, Смоленске. В первых двух это ему удалось лишь отчасти; только в год смерти Ольгерда псковичи приняли на княжение сына его Андрея. С новгородцами Ольгерду приходилось воевать, но в конце концов в Новгороде образовалась литовская партия, уступавшая в значении и влиянии партии московской, но все же представлявшая ей значительный противовес.

Гораздо большее влияние приобрёл Ольгерд в Смоленске. Здесь он выступает защитником смоленского князя Ивана Александровича, обязывая его действовать заодно с ним. Сын Ивана Александровича, Святослав (1358—1386), становится уже в положение совершенно зависимое от литовского князя: он обязан и сопровождать Ольгерда в походах, и давать смоленскую рать для борьбы с крестоносцами. Малейшее уклонение Святослава от этих обязанностей влекло поход Ольгерда на Смоленскую землю и опустошение её.

В 1349 году литовский князь отправил посольство в Орду, предлагая хану Джанибеку (Чанибеку) заключить союз против московского князя Симеона Гордого, но это не удалось. Тогда Ольгерд в 1350 году заключил мир с московским князем и женился во второй раз на свояченице последнего, дочери тверского князя Александра Михайловича (убитого в Орде вместе со старшим сыном Фёдором) княжне Ульяне (Юлиании) Александровне Тверской. Когда возник спор между кашинским князем Василием Михайловичем и его племянником Всеволодом Александровичем Холмским, сторону первого держал великий князь московский Димитрий, второго — Ольгерд.

Присоединение черниговских земель

Около 1355 Ольгерд «повоевал» Брянск, после чего ему подчинились и многие другие из уделов, на которые распадалось чернигово-северское княжение. Все чернигово-северские земли Ольгерд разделил на три удела: сыну своему Дмитрию он дал Чернигов и Трубчевск, Дмитрию-Корибуту младшему — Брянск и Новгород-Северск, племяннику Патрикею Наримунтовичу — Стародуб Северский.

Присоединение киевских земель

В 1362 г. Ольгерд разбил на берегах реки Синие Воды (левого притока Южного Буга) трёх татарских князей, пытавшихся вновь подчинить себе Подольскую землю, отвоёванную у них отцом Ольгерда, Гедемином, то есть Крымскую, Перекопскую и Ямбалуцкую орды, которые после этого бежали в Крым или Добруджу, а в руках Ольгерда оказался полный контроль над обширным пространством земли — вся левая половина бассейна Днестра, от устья реки Серет до Чёрного моря, весь бассейн Южного Буга, днепровские лиманы и пространство вверх по Днепру до впадения реки Роси.

Черноморское побережье в районе современной Одессы на достаточно долгое время стало литовским. Покорение Киева произошло без борьбы: Ольгерд сместил княжившего там сподручника Орды, князя Фёдора, и отдал Киев в управление своему сыну Владимиру. Подольскую землю он отдал племянникам своим, сыновьям брата его Кориата. За обладание Волынью Ольгерду пришлось выдержать упорную борьбу с польским королём Казимиром III. Долголетний спор был закончен лишь в 1377, при Людовике, преемнике Казимира. При посредничестве Кейстута между Ольгердом и Людовиком был заключен договор, по которому уделы Берестейский, Владимирский и Луцкий были признаны за Литвой, а Холмская и Белзская земли отошли к Польше.

Отношения с Москвой

Основная статья: ***Литовщина***

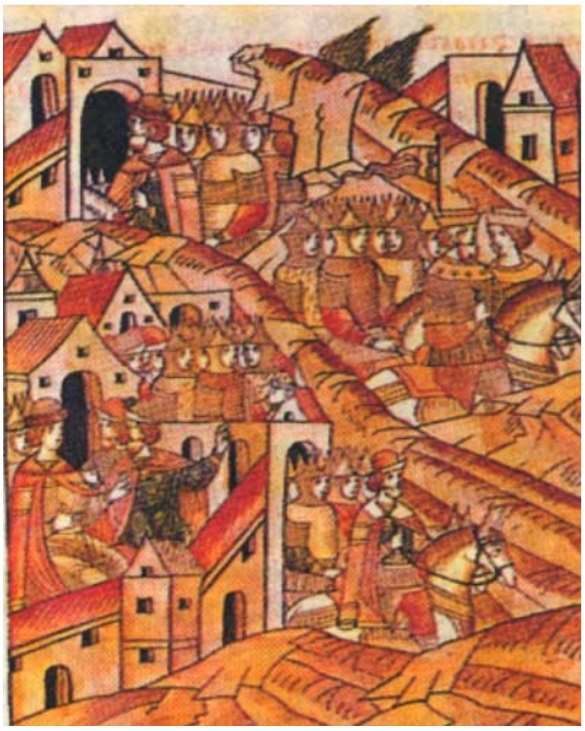
Великий князь московский Дмитрий Иванович рассылает грамоты по русским городам для объединения сил против войск Ольгерда. 1368

Эти походы имели народное прозвание «Литовщина». В 1368 году Ольгерд вторгся в московские пределы и, разбив передовой полк воеводы Дмитрия Минина у Волока Ламского недалеко от реки Тросны, осадил Москву, но, простояв три дня у Кремля, вернулся назад. Следствием этого похода было временное устранение влияния Москвы на тверские дела.

Также Ольгерд вторгся в Одоевское княжество и на реке Холохольне, возле одноименного поселения, разгромил местное русское войско. Из Одоевского княжества Ольгерд пошёл в Калужскую землю, где в городе Оболенске убил местного князя Константина Ивановича.

В 1370 году Ольгерд снова ходил на Москву по просьбе Михаила Тверского, потерпевшего поражение от Дмитрия Ивановича, предпринял безуспешную осаду Волоколамска, стоял у стен Кремля, но заключил перемирие на полгода и вернулся обратно в Литву, причём соглашение было закреплено династическим браком: двоюродный брат Дмитрия Ивановича Владимир Андреевич женился на Елене, дочери Ольгерда.

Поход 1372 года закончился неблагоприятным для Литвы перемирием в Любутске, по которому тверской князь Михаил должен был возвратить Дмитрию все занятые им московские города, при этом Ольгерд не должен за него вступаться: все жалобы на тверского князя должны быть решены ханским судом. После этого перемирия влияние Литвы на Тверь окончательно упало.



1368 или 1371 или 1372 - одно из отступлений Ольгерда от Москвы

Завещание Ольгерда

Завещание Ольгерда посеяло смуту в Литве, так как свою часть Великого княжества (Виленскую), он завещал не самому старшему сыну (соответственно, от первой жены), а Ягайле, любимому сыну от второй жены.

Вероисповедание Ольгерда

Летописи Быховца и Густынская, «Бархатная книга» говорят, что Ольгерд принял православие и православное имя **Александр** ещё до женитьбы своей на Марии Ярославне, то есть до 1318; но есть

известие, что он был крещён и принял схиму лишь перед смертью. Известно, что он позволил духовнику княгини Марии священнику Нестору вести проповедь, позволил выстроить несколько храмов — два в Витебске и один в Вильне во имя святой мученицы Параскевы (Пятницкая церковь). С другой стороны, по настоянию языческого литовского двора обрёк на смерть трёх придворных литвинов, обращённых Нестором в христианство — Антония, Иоанна и Евстафия, будущих святых. В. Б. Антонович («История литовского княжества», 98) принимает известие Быховца и Густынской летописи, с толкованием Альберта Виюка-Кояловича («Historia Lituanae»), что Ольгерд старался придать своему переходу в православие не государственный, а частный, а потому и негласный характер. Похоронен же он был по православному обряду. «Ливонские хроники» Германа Вартберга наоборот, утверждают, что похороны были совершены по литовскому языческому обряду: «При его похоронах, сообразно литовскому суеверию, было совершено торжественное шествие, с сожжением различных вещей и 18 боевых коней.» Однако, ливонский орден враждующий с Литвой был заинтересован в том, что бы Ольгерда считали язычником. Внесен среди других великих князей в помянник Киево-Печерской лавры как «**кн. великий Ольгерд, наречённый в св. крещении Дмитрий**», также вносился в этот же помянник своими потомками[8].

Дети Ольгерда[9]

От первого брака с Марией Витебской

- Андрей — князь полоцкий и псковский
- Дмитрий — князь брянский
- Владимир — князь киевский
- Константин — князь черниговский
- Фёдор — князь ратненский
- Агриппина (ум. 1393) — с 1354 года супруга великого князя суздальско-нижегородского Бориса Константиновича.

От второго брака с Иулианией Тверской

- Ягайло (*Владислав*) — король польский
- Скиргайло (*Иван*) — князь киевский
- Корибут (*Дмитрий*) — князь новгород-северский и черниговский
- Каригайло (*Казимир*, *Константин*) — князь мстиславский
- Лунгвений (*Семён*) — князь новгородский
- Виганд (*Фёдор*, *Александр*) — князь керновский
- Свидригайло (*Яков*, *Болеслав*) — великий князь литовский
- Кенна (ум. 27 марта 1368) — с 1359 года жена Казимира IV Поморского (пол.)[10]
- Елена — супруга князя Владимира Андреевича Храброго
- Федора
- Мария
- Александра
- Евфимия
- Евфросиния

…Ольгерд (ск. 1377), сын Гедимина, вел. князь Литовский, укрепивший могущество Русской Литвы. В 1318 Ольгерд женился на Марии, единственной дочери Витебского кн. Ярослава, и переселился в Витебск, князем которого он стал два года спустя, после смерти тестя. Многолетняя жизнь в Витебске навсегда закрепила в Ольгерде русские симпатии, чему

способствовало еще и то, что в 1350, после смерти своей первой жены, Ольгерд вступил в брак с русской княжной Ульяной, дочерью Александра Михайловича Тверского.

Из двенадцати сыновей Ольгерда десять были крещены в Православии, две дочери вышли замуж за русских князей, обе жены Ольгерда были известны благочестием и храмостроительством. Был ли крещен сам Ольгерд, остается не вполне решенным. В. Б. Антонович придерживался мнения, что Ольгерд был христианином, но скрывал это ввиду влиятельности языческих партий в Литве. По смерти Гедимина в 1341 Ольгерд к своему Витебскому княжеству, граница которого простиралась до Угры, получил в удел соседнее княжество Крево с землями до Березины. В 1345 Кейстут по уговору с Ольгердом занял г. Вильну, доставшийся после смерти Гедимина Явнутию, и согласно договору со своими братьями был признан великим князем, которому они обязались повиноваться. Кейстуту Ольгерд предоставил защиту литовских границ от крестоносцев и борьбу с ними, сам же посвятил все свое долголетнее княжение тому, чтобы собрать под своей властью возможно большее количество русских земель, что ему в значительной степени удалось.

44.267.1. Битва на реке Синюхе

Битва на Синих Водах — битва на реке Синюха (Синие Воды) осенью 1362 года (согласно Хронике Быховца в 1351 году), окончившаяся победой литовского войска под командованием Ольгерда, великого князя литовского, над войсками трёх татарских правителей Подольской земли - Крымской, Перекопской и Ямбалуцкой ордами.

Предыстория

Это был карательный поход Ольгерда на тех семерых ханов подольских татар — своих союзников в конфликте с Польшей, которые в 1356 году приняли сторону польского короля Казимира III.

Место битвы

Битва состоялась вблизи крепости Тарговицы (теперь село Тарговица Новоархангельского района Кировоградской области), на реке Синюха (Синие Воды).

Ход битвы

Литовский князь Ольгерд применил новую тактику для борьбы с конницей татар: литовско-русское войско выстроилось не в линию или несколько линий как всегда, а полукругом, когда каждый из полков прикрывал стоящий перед ним. В результате применения новой тактики татарам не удалось нанести ощутимые потери войску Ольгерда стрельбой из луков, а также сделать окружающий манёвр, поскольку литовско-русские полки прикрывали друг друга. Татары, понеся значительные потери от стрел из луков и арбалетов полков под командованием братьев Кориатовичей, приняли фронтальный бой, в результате которого конница литовского князя взяла верх над татарской конницей, защитное вооружение которой уступало доспехам литовско-русских всадников.

44.267.2. БИТВА НА СИНЕЙ ВОДЕ

«ЗАПРЕЩЕННАЯ» БИТВА

В летописях содержатся лишь краткие упоминания о битве на Синей Воде. Так, в летописи Красиньского имеется запись:

«***Коли пак князь великыи Витовт поехал з Литвы до великого Луцка, а князь великыи Олькгирд пошол в поле з литовским воиском и побил татаров на Синеи Воде, убил трех братов, татарьских князеи, Хачебея, Сакутлубуга а Дмитрея. А тыи тры браты, татарские князи, отчичи и дедичи Подолское земли были, а заведали от них отаманы, а приежчаючи у отаманов дань бирали с Подолское земли***».

(Летопись Красиньского – условное название рукописной копии сокращенного варианта общегосударственного летописного свода ВКЛ – Великого княжества Литовского . Она создана во второй половине XVI века. Хранилась в библиотеке графов Красиньских в Варшаве, отсюда название. Опубликована в Полном собрании русских летописей – ПСРЛ (том 35, Москва, 1980)).

В Густынской летописи отмечено:

«***В лето 6780. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзея, Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгерд и иные русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали***».

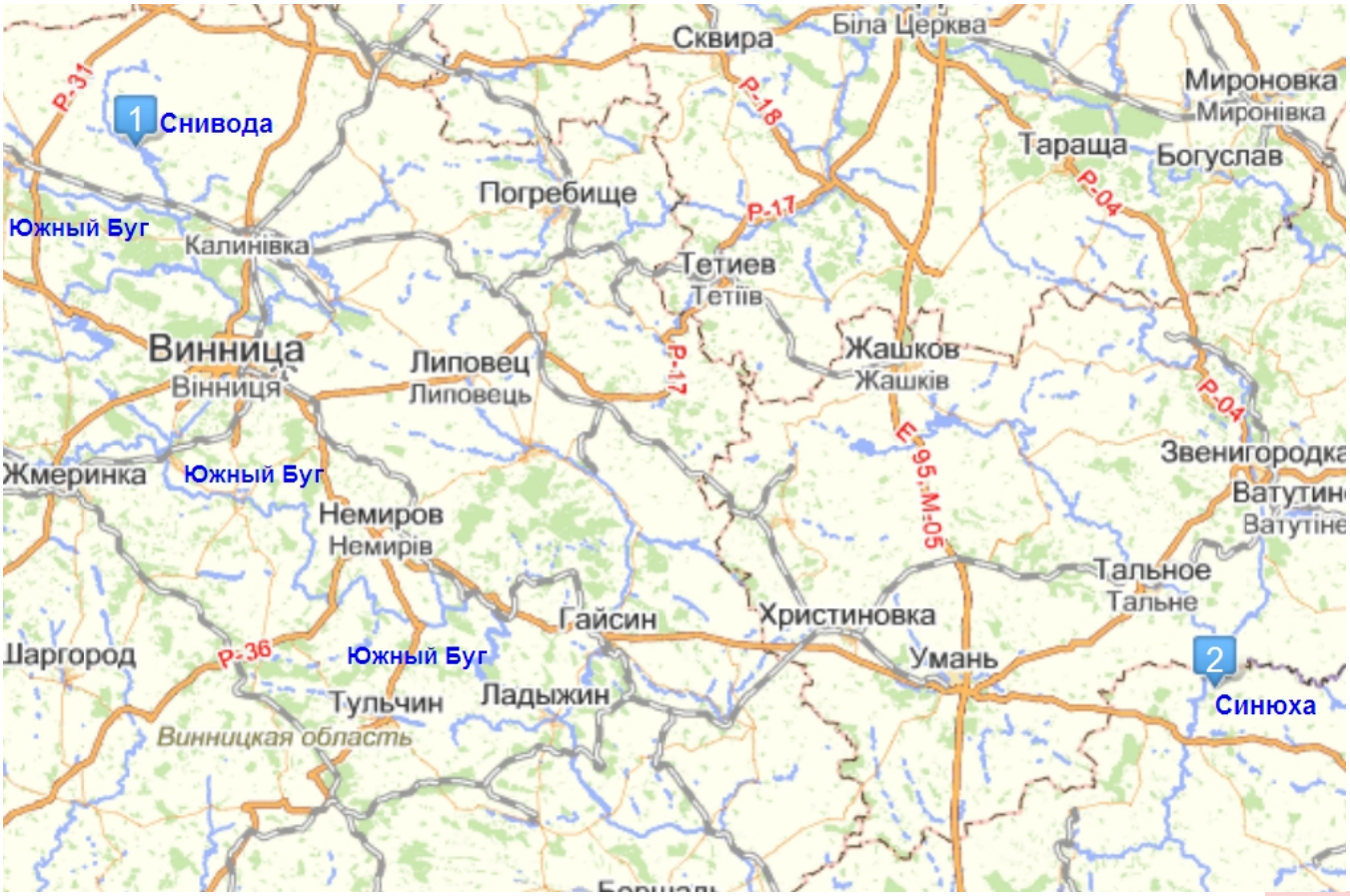
(Густынская летопись – украинский летописный свод, доведенный до 1597 года. Так названа копия, хранившаяся в Густынском монастыре на Полтавщине. Опубликована в ПСРЛ, том 2 (СПб, 1847)).

…В наши дни интерес ученых к походу князя Альгерда против ордынских татар в 1362 году и битве на Синей Воде усилился. Так, беларуский историк, профессор А.П. Грицкевич в «Энциклопедии ВКЛ» (том 1, с. 223), отметил:

«В битве возле Синих Вод 1362 г. /князь Альгерд/ разбил войска трех татарских ханов. В результате этой победы из-под татарского гнета были освобождены Киевская земля, где князем был посажен Владимир Альгердович, Волынь и Подолия. Украинские земли надолго вошли в состав ВКЛ».

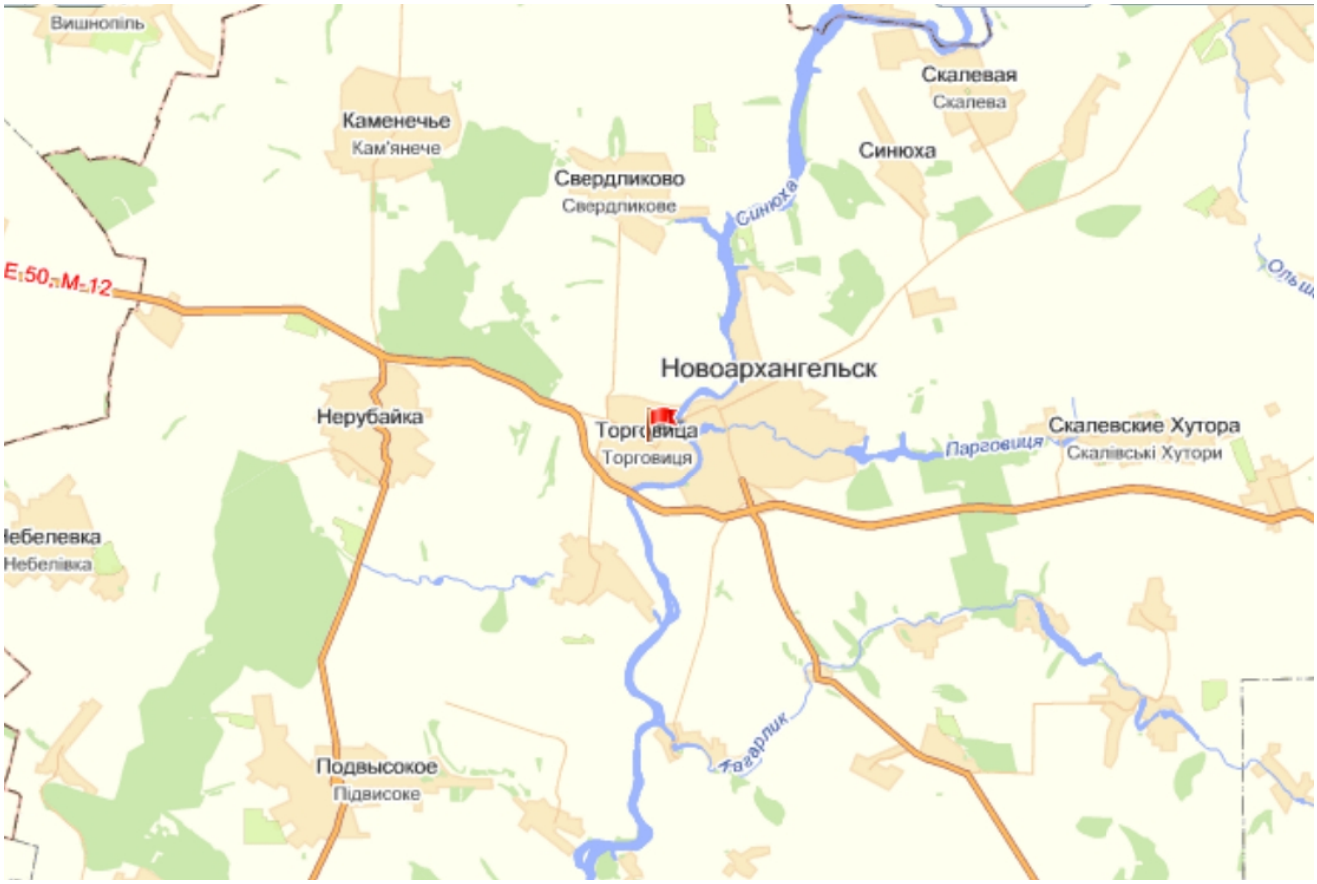
В том же томе энциклопедии кандидат исторических наук Г.М. Саганович, ссылаясь на исследования В.В. Антоновича и Ф.М. Шабульдо, пишет (с. 333):

«Битва была главным событием в наступлении ВКЛ на подчиненные татарам земли юго-западной Руси. В 1362 году великий князь литовский Альгерд, использовав улучшение отношений с Польским королевством и Немецким орденом, выступил против ордынского владычества в междуречье Днепра и Дуная. Войско было собрано в Беларуси и значительно пополнено ополченцами с Волыни и Киевщины. Осенью Альгерд с войском двинулся из Киева в Западную Подолию».



Таким образом, основные события традиционно локализуются в западной части Подолии. **Битва же происходила то ли на реке Синюхе близ Тарговицы, то ли на реке Снивода. Расстояние между этими двумя реками составляет около 300 км.**

До сих пор путь войск ВКЛ и место битвы точно не установлены, не подсчитаны силы противоборствующих сторон.



В ПОДОЛИЮ ЧЕРЕЗ ВОЛЫНЬ

Исторические названия не всегда совпадают с современными. Мы исходим из того, что Подолия — это территория нынешних Винницкой и Хмельницкой областей Украины. Рассмотрим возможные варианты движения войск Альгерда в Подолию.

Первый вариант приводит большинство историков: из Литвы в Киев, оттуда через Канев, Черкасы и Тарговицу (Ф.М. Шабульдо предполагает, что Тарговицу можно отождествить с Ябу-городом, находившимся в бассейне Южного Буга) – в Дикое поле, к реке Синюхе.

Поход через Овруч и Житомир представляется маловероятным. Путь в этом случае прошел бы через малозаселенные районы, к тому же разоренные татарскими набегами. Альгерд прекрасно понимал, что идти в Дикое поле, не имея возможности пополнять в населенных пунктах запасы провианта для людей и корма для лошадей – значит обречь затеянное предприятие на провал.

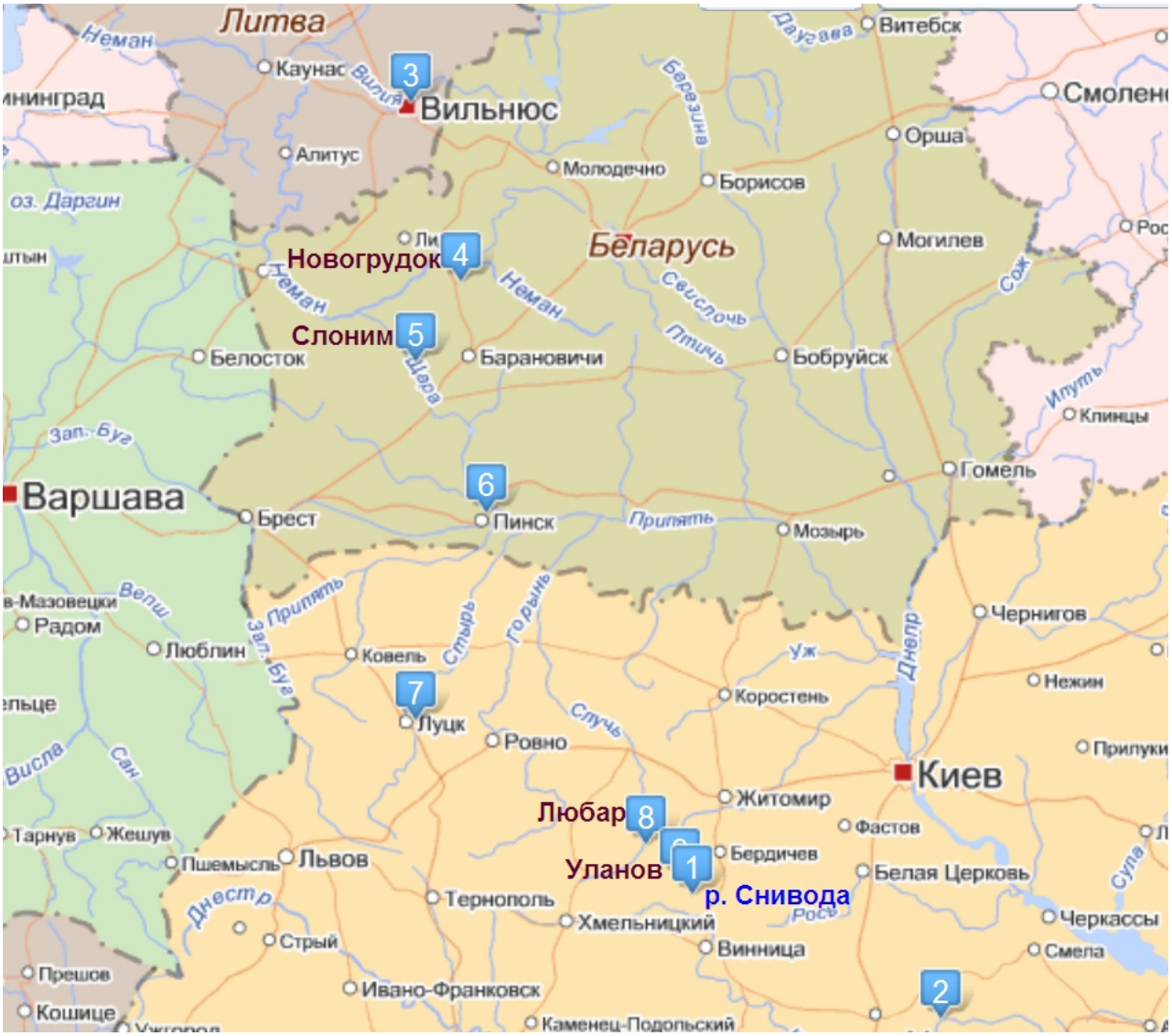
Вариант маршрута, предлагаемый нами, таков: из района Новогородка, через нынешнее беларуское Полесье к реке Снивода, в район села Уланово. Если предположить, что войско ВКЛ шло по этому пути, то Киев, Канев и Черкасы исключаются.

Более конкретно, путь самого Альгерда выглядел следующим образом: **Вильня – Новогородок (Новогрудок) – Слоним – Пинск – Луцк – Любартов[219] – Уланово (Уланов)**.

В Киеве тогда сидел татарский баскак с гарнизоном, а княжил некий Федор, татарский ставленник. Путь через Киев полностью исключал момент внезапности, мог потребовать осады города. Основываясь на ряде косвенных данных, мы полагаем, что Альгерд принял решение идти в Подолию через Волынь, где княжил его брат Любарт. Это был экономически развитый регион, ранее принадлежавший Великому Княжеству Галицкому, со значительным населением, с многочисленными источниками воды и лугами, где можно было пасти лошадей. Кроме того, данный маршрут обеспечивал определенную скрытность передвижения, поскольку исходные районы сосредоточения войск находились на значительном удалении от татарских владений.

---

[219] Люб переименован в Любар(ь). Также изменен порядок городов – сначала Луцк, а затем Любар, а не наоборот.



Что касается Киева, то Альгерд действительно занял этот город, но – по нашему мнению – не до сражения, а после него.

* * *

К середине августа в приграничных с Волынью районах Литвы собрались практически все хоругви ВКЛ. Сбор войск, вне всяких сомнений, происходил в условиях секретности, ибо это условие Альгерд всегда соблюдал неукоснительно. В конце августа в Любартове войска стояли уже в полной готовности, но среди них еще не было самого Альгерда.

Великий князь вышел из Вильни в середине августа с хорошо обученным конным войском численностью примерно 5 тысяч всадников, не считая челяди. В землях Новогородка и Пинска к Альгерду могли присоединиться около 15 тысяч воинов и обоз. К ним надо добавить ополченцев с Волыни — от 8 до 10 тысяч человек.

Беларуские ученые (К. Тарасов, С. Панов, И. Гимпель, Г. Малышев) указали на так называемый «Черный шлях». Это один из путей набегов татар на Литву с южного направления. Черный шлях проходил через Подолию около Винницы, через реку Снивода (в районе села Уланов), далее через реку Случь возле Луцка, между Брестом и Пинском.

Мы можем обоснованно предположить, что князь Альгерд использовал для передвижения войск именно татарский Черный шлях. Небольшие расстояния между городами Волыни делали поход менее трудным. 1 сентября 1362 года войско ВКЛ выступило из города Любартов в направлении к реке Снивода, название которой поздние хронисты исказили в более понятное – Синяя Вода. (Любартов (ныне Любар), районный центр в Житомирской области, расположенный на живописной реке Случь. Осенью 2006 года город отметил 680-летие. В 1362 году в Любартове

находилась ставка князя Альгерда. Здесь он завершил последние приготовления к схватке с ордынцами.)

Размышляя о выборе места, наилучшим образом подходящего для сражения, великий князь избрал район нынешнего селения Лозна на реке Снивода. Альгерд лично осмотрел так называемую «подкову», образованную изгибом реки, а также обрывистые берега ручья Батижок, впадающего в реку. Этот участок идеально подходил для битвы. Особенности рельефа местности естественным способом усиливали позицию.

Сообщение о сражении в этом месте содержится в Никоновской летописи (1420 г.):

«***Тогоже лета Литва, взявшая Коршеву, много лиха сотворишеся князь великий литовский Ольгерд Гедиминович Синюю воду и Белобережие повоева».***

Татарские ханы, узнав с опозданием от своих лазутчиков о походе войска ВКЛ, со всей поспешностью собрали силы и двинулись навстречу врагу. Они хотели как можно раньше перехватить Альгерда и разгромить его в решительном сражении, чтобы спасти от захвата Подолию – самое ценное свое владение в Правобережной Украине (напомним, что южнее простиралось безлюдное Дикое поле).

Предположительно, татарские орды появились на подступах к Сниводе в середине сентября 1362 года. Украинский ученый, академик Дмитрий Яворницкий (1855-1940), автор ряда статей, посвященных битве на Синей Воде, писал:

«Три хана привели три орды. Каждая орда могла выставить около 30 тыс. воинов и прислугу. Таким образом, литовцам противостояла стотысячная армия. Войско у Ольгерда было меньше». (Цит. по: Л. Багацький. «Мамай. Четыре битвы». 2004.)

НАКАНУНЕ…

Альгерд удачно выбрал место для битвы. В «подкове» реки Снивода имеется поле, ровное как стол, длиной около 4 км и шириной 1-1,5 км. Сейчас его называют Улановым – по названию села за рекой. Река Снивода неглубокая и неширокая, но в районе Уланова поля, слившись с рекой Сальничкой, она образует обширный плес. Низкий берег плеса (со стороны поля) заболочен. Более высокий берег (со стороны села Уланово) крутой и глинистый. Эти особенности берегов сильно затруднили бы атаку татарской конницы в случае ее выхода в тыл литовского войска.

Учитывая возможность прорыва татар в другом месте, великий князь предусмотрел вариант отхода основных сил через брод («брид» по-украински).

Численность воинов в хоругвях войска ВКЛ составляла в то время до 3000 в конных хоругвях, около 4000 в пеших. На Сниводе у Альгерда было 3 пешие хоругви (до 12 тысяч человек) и 3 конные (около 9 тысяч), итого – около 21 тысячи. Кроме того, под началом другого его сына – известного нам под христианским именем Владимир (это он стал князем Киева), было от 8 до 10 тысяч волынских ополченцев.

Альгерд, как и любой европейский полководец того времени, изучал римскую боевую тактику. Но не всякий военачальник применял ее на поле боя. Альгерд применил. На самом Улановом поле великий князь разместил пять хоругвей. В центре он поставил хоругвь своего сына Андрея, справа от нее хоругви Александра и Федора Кориатовичей (ближайшая к центру была пешей, крайняя – конной). Слева от Андрея находились хоругви двух других Кориатовичей – Юрия и Константина. И здесь та из них, что стояла ближе к центру, была пешей, а крайняя – конной. Эти хоругви выстроились на манер «серпа». Два передних ряда были сомкнуты, тогда как следующие расходились подобно лучам солнца, образуя «коридоры» между хоругвями.

Таким образом, в центре поля встали три пешие хоругви (12 тысяч воинов). Самыми первыми стояли копейщики в тяжелых латах, с копьями, вставленными в лунки. Копьеносцы должны были сдержать атаку татарской конницы. Копья, установленные в земле (в лунках) под углом в 60 градусов, обладали невероятной устойчивостью. Они могли накалывать людей и лошадей, словно жуков иголками. Стена копий была практически непреодолимой для конницы.

За ними на удалении 30-40 метров находились несколько рядов арбалетчиков. Каждого стрелка обслуживали 3-4 человека, помогавшие перезаряжать оружие и укрывавшие стрелков щитами от

вражеских стрел. Они тоже были в доспехах. Наконец, в 40-50 метрах за арбалетчиками стояли воины в кольчугах, вооруженные тяжелыми двуручными мечами.

Пехоте было приказано сражаться, не сходя с места. Любое резкое движение грозило разрушением строя, и татарская конница могла воспользоваться этим моментом для прорыва.

Кроме того, позади пехотинцев литвины поставили несколько метательных машин, стрелявших дротиками, тяжелыми болтами и булыжниками. Дротики выпускались залпом, кучно поражая конницу противника (один наконечник такого дротика нашли на берегу Сниводы школьники из села Вороновцы, сейчас он находится в музее Н. Дороша).

Фланги пехоты прикрывали хоругви легкой конницы, одна слева, другая справа.

Войско ополченцев с Волыни (8-10 тысяч человек), под командованием своего сына Владимира, Альгерд разместил еще дальше за левым флангом. Это ровное поле между нынешними селами Лозна и Вороновцы, посреди которого протекает ручей Батижок. Ныне его называют Владимировым полем.

Здесь ополченцы, растянувшись вдоль ручья, создали сплошную линию обороны. Воины стояли в 12-16 рядов на манер македонской фаланги. В первых двух рядах у них были копья длиной два метра, в следующих двух – четырехметровые, в пятом и шестом ряду – шестиметровые. Эти копья, вкопанные тупыми концами в лунки, все вместе образовали непреодолимую стальную щетину. В остальных 6-10 рядах люди были вооружены по разному, в том числе луками со стрелами.

При таком построении каждый воин, защищенный доспехами от стрел, мог успешно действовать копьем, даже не имея серьезной боевой выучки.

Главная задача ополченцев князя Владимира состояла в том, чтобы не дать татарам совершить обходной маневр с левого фланга, где местность позволяла это сделать, и выйти в тыл главным силам Альгерда. В ходе битвы татары действительно попытались ударить в левый фланг. Великий князь, опасаясь за левый фланг, усилил ополчение конным отрядом отборных воинов из своей личной дружины.

В обширной густой роще, расположенной слева от Владимирова поля, Альгерд устроил засаду. Объединенные конные хоругви пинского князя Патрикея Наримунтовича и заславского князя

Михаила Евнутовича (всего до 6 тысяч всадников), в решающий момент сражения должны были рассечь главные силы татар и тем самым решить исход боя. Такую же тактику через 18 лет применили на Куликовом поле сыновья Альгерда – Андрей и Дмитрий.

Свою ставку великий князь расположил слева и позади рощи с засадным отрядом, на высоком холме, известном сейчас под названием «Княжья гора». С его вершины Альгерд мог видеть расположение своих войск на обоих участках и своевременно вмешиваться в ход сражения. При нем находилась группа конных воинов из его личной дружины. В случае возникновения непосредственной угрозы своей безопасности князь мог быстро покинуть холм и удалиться.

Вот как описала построение войска ВКЛ в своей книге «Альгердава дзіда» беларуская писательница Ольга Ипатова:

«Этот мешок паны-рада называли «подковой». Войска, разделенные на хоругви, должны были стоять таким образом, чтобы фланги далеко выдвигались вперед, а основные силы находились в центре дуги.

Начальные концы подковы занимали Кариатовичи, как самые опытные воины. Федор, который получил Гомель, должен был стоять на самом опасном правом фланге вместе с братом Александром, на левом – Константин и Юрий. Сын же Андрей, который недавно получил в удел Трубчевск, стал рядом с маршалком, в центре. Здесь же были установлены метательные машины (куши), которые закидают татар камнями и железными болтами. Такие болты пробивали толстую шкуру татарских кафтанов, легко, как нож сквозь масло, пробивали голову даже через кожаную шапку. Конными отрядами командовали пинский князь Петрикий Наримонтович и заславский — Михаил Евнутович, оба отличные наездники и храбрые воины.

...Особенно беспокоило Альгерда место возле ручья (Батижок – В.Т.), что впадал в Сниводу. В вещем сне он видел, как наливалась кровью вена на его левой руке, и она совпадала с хоругвей, которую должен возглавлять его сын Владимир, князь киевский. Здесь будут большие потери и поэтому, несмотря на протест Владимира, он дал ему еще и отряд из своей личной охраны».

Подготовка к сражению заняла примерно 15 дней. Небольшой сторожевой татарский отряд, находившийся в Хмельнике, в боевые действия не вступал. Его командир послал лишь гонцов к Перекопу сообщить о том, что литвины готовятся к битве на Сниводе.

Татарская конница двигалась с нескольких направлений: Крымская орда и Перекопская орда из Приазовья, а Ямбалуцкая орда (хан Димитрей) шла с низовий Дуная.

Войска ханов Кутлубуга и Качубея миновали Христиновку, Дашев, Ильинцы, прошли Калиновку, идя к Глинску. Напоив лошадей, татары устроили в районе Глинска ночной бивак, где готовились к сражению. Глинск находился в одном переходе от места битвы, что исключало внезапное нападение, кроме того, там протекала река (Пустолова), где можно было поить лошадей.

Сколько воинов могла выставить одна орда? По расчетам историков, в ней обычно было до 8-10 тысяч конников. В итоге получается 25-30 тысяч. Вряд ли был прав Д.И. Яворницкий, писавший о 100-тысячном войске татар.

Если учесть время выступления Альгерда в поход и среднюю скорость передвижения конного воина (с учетом отдыха) выходит, что татары подошли в середине сентября: 15-16 числа.

И ГРЯНУЛ БОЙ…

В день пресвятой Богородицы стояла солнечная, ясная погода. Восход солнца, согласно календарю, в тот день начался в 6 часов 34 минуты.

Утром вдалеке, со стороны Глинска и Хмельника, стали сгущаться тучи пыли. Затем послышалось ржание десятков тысяч коней. Вскоре появились ханы Качубей, Кутлубуг и Димитр с войсками и свитами.

Они увидели в середине поля литвинских воинов в доспехах с копьями (фалангу), а на крыльях – конницу. В самом центре расположения войск трепетал стяг великого князя.

Сражение началось…

Князь Владимир на левом фланге первым принял бой. На его ополченцев обрушилась орда хана Качубея. Но русины стояли насмерть. Татарской коннице не удалось преодолеть каменистые берега Батижка.

Построение литвинских хоругвей «подковой» на Улановом поле не позволило татарам нанести сильный удар во фланг и зайти в тыл. Ханам Кутлубугу и Димитру пришлось начать атаку по линии фронта. Постепенно в бой вступили все хоругви.

Альгерд в течение нескольких часов принимал сообщения: «Владимир принял бой», «Владимир держится», «хан Кутлубуг пошел в атаку», «хан Димитр тоже послал вперед своих конников»... На глазах таяли ряды копьеносцев. Пора вводить в бой засадные полки. Великий князь скомандовал: «Конницу – вперед!».

Всадники князей Патрикея и Михаила вылетели из леса и сбоку врубились в самую гущу татарского войска, разрезая его надвое. Одновременно пошли в атаку конные хоругви Кориатовичей. Татары не выдержали двойного удара и обратились в бегство. Впрочем, пешим бежать было некуда. Они бросали оружие и сдавались в плен. Конные в беспорядке ускакали в степь. За ними погнались литвинские конники. Когда они скрылись за горизонтом, великий князь скомандовал «отбой!»

И тут тысячеголосое «Виват!» прозвучало со всех сторон огромного поля: «Виват!»…«Виват!»… «Виват!»… Радость охватила воинов.

Конница не слышала этого громогласного хора. В последующие дни конные отряды литвинов перешли Днестр и достигли устья Дуная, прочно закрепив свою победу.

Мацей Стрыйковский писал:

«После этой битвы литва и русины собрали несколько десятков стад татарских коней и верблюдов…».

Пешие воины, уставшие после боя, но окрыленные победой, шли к реке и к ручью, омывать раны, утолять жажду. Здесь же литвины и русины обнимались, радуясь своей победе…

Каменистое дно речки хранит память об этих событиях вот уже 650 лет. А свеча, зажженная князем Альгердом на Княжей горе у стопы иконы Божьей матери, не гаснет по сей день...

*** * ***

Историческое значение этой битвы трудно переоценить. Ордынцы впервые потерпели столь сокрушительное поражение. Земли в междуречье Дона и Днепра вышли из-под их подчинения. Киев татары оставили без боя, и Альгерд действительно посадил там своего сына Владимира, однако после битвы, а не до нее.

Под властью ВКЛ оказалась огромная территория, населенная славянами (Киевщина, вся Волынь и все Подолье). Образовавшееся на обломках Золотой Орды Крымское ханство на некоторое время стало данником и союзником великого литовского князя.

Трое братьев Кориатовичей из четырех стали наместниками великого князя в Подольской земле, чтобы «боронить» ее от татар. Каждый построил для себя резиденцию. Ими стали города Смотрич, Бакота и Каменец-Подольский.

В сражении многие воины получили ранения и увечья. Братья-Кориатовичи, став наместниками в Подолии, раздавали им отвоеванные земли. Следуя Сецинскому, мы вправе считать, что селение Лозна основали после 1362 года участники битвы на Синей Воде.

44.267.3. Источники сведений о битве

Информацию о битве при Синих Водах находим в Уваровском (ПСРЛ, т. XVII, стб. 99-100), Супральском (ПСРЛ, т. XVII, стб. 81-84), Ольшевском списке (ПСРЛ, т. XVII, стб. 453-454), а так же в списках Красинского http://izbornyk.narod.ru/psrl3235/lytov23.htm, Рачинского http://izbornyk.narod.ru/psrl3235/lytov24.htm, Быховца http://www.krotov.info/acts/14/byhov_01.html,

Евреинова и в списке Археологического общества (ПСРЛ, т. XVII, стб. 278). Информацию о Синих Водах содержит Рогожская (ПСРЛ, т. XV, в. 1, стр. I-VIII) и Никоновская (ПСРЛ, т. XI, стр. 2) летописи, а также Синие Воды упоминают Хроники Иоганна Пошильге и Дитмара Любекского http://ngatumdug.narod.ru/kbpr.html.

В основном историки опираются на так называемые литовские летописи и их списки. Интересно, что из 8 литовских летописей 3 (Уваровская, Супральская, Быховца) указывают битву у Синих Вод при Ольгерде, а остальные 5 (Красинского, Археологическая, Рачинского, Евреиновская, Ольшева) - при правлении Витовта. 4 летописи (Уваровская, Супральская, Быховца, Красинского) говорят, что литовским войском руководил великий князь Ольгерд, 3 - князь Ольгерд и 1 - Витовт (Рачинского).
Стрийковский указывал на битву у Синих Вод в 1331 г. при великом князе Ольгерде. Но сегодняшняя историография Литвы переносит эту битву в 1362 (1263) г., что соответствует устоявшейся хронологии.

Но можно найти и другие мнения. Например:
http://www.ethnomuseum.ru/parad/History/European_Russia/glossary/Great_princedom_Lithuanian/index.htm «Князь Витовт В 1369 г. в сражении при Синих Водах, за одиннадцать лет до Куликовской битвы литовско-русские войска одержали первую крупную победу над Ордой».
Юрий Пахоменков ИСТОРИЯ ГОРОДА Днепровские пороги (очерк)
http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=11
«Новый этап начинается с козацкой колонизацией Запорожья. Уже после победы литовского князя Витовта над татарами в битве при Синих Водах в 1362 г., начинается заселение устья реки Самары.»

44.267.3.1. Хроника Иоганна Пошильге

В том же году была большая война во многих странах: особенно так сражались русские с татарами у Синей Воды, и с обеих сторон было убито около 40 тысяч человек. Однако русские удержали [за собой] поле. И, когда они шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те взяли у татар.

Хроника Дитмара Любекского

В то же время была там великая битва у Синей Воды между русскими и татарами, и тогда было побито народу с обеих сторон четыре сотни тысяч; тогда русские выиграли битву. Когда они хотели отправиться домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и взяли у русских их добычу, и убили их много на поле.

См. также БИТВА НА СИНЕЙ ВОДЕ, Замок Любарта, **Линия Казатин-Граево**, **Куликовская битва. Попытка разобраться**

Вернуться к ссылке

44.268. ТВЕРСКИЙ ПОХОД ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА 1375 г.

… Поход на Тверь по своему характеру и размаху подлинно общерусский, по многом подготовил последующий Куликовской и подобный опыт мобилизации войск был использован Дмитрием Донским и в период подготовки к сражению 1380 г.[2] Подробно эти события и последующее докончание описаны дореволюционным тверским историком В.С. Борзаковским [3] и пересмотрены известным московским историком В.А.Кучкиным. По мнению Э. Клюга, историка из ФРГ, также анализировавшего события 1375 г., участие удельных князей во всерусском походе объясняется стремлением их раз и навсегда поставить Тверь в определенные рамки. ”Плюсы от такой политики явно перевешивали минусы.”...[4] Практически со всей территории Русской земли была проведена военная мобилизация, вошедшая в практику военного строительства начиная с 1350-х г., которая, блестяще справилась с поставленной задачей.[5] Антитверская коалиция, возглавляемая Дмитрий Ивановичем состояла их 19 удельных князей.[6]

… Геополитическое положение Твери было как будто предпочтительней московского. Его плотным полукольцом окружали территории подвластные Москве с востока, юго-востока и юга. на севере и северо-западе располагались земли боярского Новгорода, где Торжок и Бежецкий Верх становились «горячей точкой» в любом конфликте.

И только на западе к тверскому княжеству примыкали земли Белоруссии, входящие в состав Литовского княжества. Находясь в центре этнически однородных земель Михаил Тверской рассчитывал быть не столько объединительным, сколько руководящим центром всех русских земель. К тому же геоэкономичекское положение Твери было весьма неплохим. По территории княжества протекала, стартуя, великая русская река, причем текла она в меридиональном направлении и была судоходна от Ржева. В.А. Кучкин приводит сообщения летописей от том, как литовские купцы платили пошлины в Старице и Кашине,[10] т.е. минуя Москву Литва по Волге торговала с Ордой, Востоком.

В плане движения серебряного денежного потока Тверь более в благоприятном положение в сравнении с Москвой. Грамота 1316 г. говорит о значительных средства для начала XIV в., которые «прокручивала» Тверь.[11] К тому же к концу XIII - начала XIV в. Суздальская земля, куда входила Москва, была беднее, чем другие русские земли.[12]

В течении XIV в. вместе с тем, как заметил Кучкин в тверском княжестве в границах конца XIII в. было основано 13 городов, 9 из которых были торгово-ремесленные и располагались они на Волге, тогда как из 10 новых городов, основанных Москвой в XIV в., 7 были крепости - из них 6 располагались на московско-рязанской границе. Объективности ради ученый сообщает о том, что богатые почвы московско-тверского пограничья способствовали росту населения в районах Холм – Клин.[13] Сравнивая военно-оборонительный потенциал тверских и московских городов, П.А. Раппопорт заметил, что Москва основывая новые города расширялась как княжество территориально, тогда как Тверь, основывая новые города, оставалась в прежних границах.[14]

… Срединное положение Твери однако делало ее объектом нападений соседей – Литвы, Северо-Восточной Руси и Новгорода. По подсчетам В.С. Борзаковского в середины XIII до конца XIV в. новгородцы нападали на Тверь трижды, литовцы четырежды, а Северо-Восточная Русь – шесть раз.[16] Это как бы с одной стороны, а с другой Тверь была как известно из работ покойного нумизмата Г.А. Фёдорова-Давыдова,[17] была конечной территорией распространения серебреного дирхема Золотой Орды, свидетельствуя об угасании волны такого распространения. Малочисленность монетного материала наблюдается и на других периферияхраспространения джучидской монеты, в частности, Днепро-Прутской,[18] предполагающее выявление той зависимости, согласно которой дирхем был исключительно внутренними деньгами Улуса Джучи, использовавшегося во внутренних расчетах торгового характера средним классом. Собственная чеканка серебряной монеты, согласно работам нумизмата М.П. Сотниковой, началась в Твери позднее соседей в 1413 г.[19]

… Кроме того Михаил Тверской рассчитывал на использование Северо-Восточная Руси в качестве буферной зоны для отношений с Ордой, которая бы пропускала через свою территорию мамаевские отряды, грабившие попутно как раз земли Москвы. В этой связи в 1373 г. подвергнув Торжок очередному разорению тверской князь провел крупные фортификационные работы в столице княжества – Твери. Разумеется, своекорыстное поведение Михаила Александровича поощряла мамаевская дипломатия, особенно начиная с 1374 г.

Для Москвы же недружественная Тверь была не нужна. Михаил Тверской пропускал ушкуйников а также препятствовал прямому сношению Москвы с Новгородом и даже с Торжком и Бежецким Верхом, где Москва делила их наравне с Новгородом.

Москва к тому ежегодно должна была выплачивать тому же Мамаю ордынский выход в размере 5 тыс.рублей (1 т. серебра), от которого Тверь была освобождена. Эту несправедливость как и впрочем, любые поползновения на обладание ярлыком Дмитрий Иванович мог устранить только военным путем. Не ранее марта 1374 г. еще до разрыва отношений с Мамаем Дмитрий Иванович

принимал в Москве Михаил Тверского, который подписал договор об отказе от претензий на великое княжение и поклялся «через крестное целование».[23]

После «размирья» с Мамаем, тот стал подталкивать Тверь за ярлык на великое княжение к войне против Москвы. Таким образом, поход на Тверь спровоцировал Мамай. Как известно для войны, когда ее хотели все, нужен был только повод. И Мамай, естественно, его предоставил, выдав ярлык Михаилу Тверскому.[24]

13 или 14 июля 1375 г. мамаевские послы прибыли в Тверь с ярлыком на великое княжение и в тот же день Михаил Тверской снял себя крестное целование и отправил гонца в Москву. А.Н. Кирпичников обратил внимание на дату 21 июля 1375 г., отложившуюся в Никоновской летописи. Именно эта дата является, исходя из скорости движения армии к Волоку, датой выезда Дмитрия Ивановича лично из Москвы к Волоку. Она также может быть контрольным сроком отправки гонцов в Новгород, с требованием, чтобы «шли к Москве силою".[25] В этой связи можно считать, что известие о снятии крестного целования Михаила Александровича [26] в Москву было доставлено не позднее 19-20 июля. Эти "срочные" описания важны тем, что позволяют их атрибутировать как хронологический метод, т.е. метод вспомогательной исторической дисциплины, поскольку, только в рассматриваемом случае мы имеем дело с таким принципиально важным фактом как готовность к началу боевых действий частей и соединений армии Северо-Восточная Руси к середине июля 1375 г., которые были сосредоточены в Москве.

Следует, вместе с тем, иметь виду, что пункт сбора войск Дмитрия Иванович назначал не Москву (также Дмитров или Звенигород), а Волок (Ламский).

Когда Некомат Сурожанин и Ачижожа проследовали через Москву их, понятно не задерживали и препятствий им не чинили, не потому, что те обладали правом экстерриториальности, а потому что в Москве находилась отмобилизованная армия. И как только Михаил Александрович снял с себя крестное целование Дмитрий Иванович, словно переложив меч из одно руки в другую, назначил место сбора войск со всей Северо-Восточной Руси на Волоке Ламском.

Казалось бы выдвижение всей армии на Волок отдает "партизанщиной", т.е. предпринимает как противовес выпаду Михаил Тверской на Углич. Таким образом, главные силы в противоборствующих сторон разводились на 320 км.

Однако следует иметь ввиду, что костромичан в тверском походе не было, тогда как на Куликовской битве они участвовали.[27] Это значит, Дмитрий Иванович выдвигаясь на Волок принял стратегическое против Твери решение: он разрывал возможный фронт Литвы и Твери, держа в Костроме, как потом станет понятно 5-ти тысячный гарнизон. Поэтому, выдвижение на Волок было решительно и смело, поскольку, следует добавить, полностью оголялся южный фланг, а это для Москвы являлось целым стратегическим управлением. Это лишь пример современных теоретических реконструкций. Политические реалии того времени состояли в том, что Волок на Ламе являлся совместным владением Москвы и Новгорода.[28]

До Углича было в представлении тверичей весьма неблизко, 200 км. Входил он в состав ростовского княжества Северо-Восточной Руси [29] и это был удар по интересам Дмитрия Ивановича, т.к. поход был безусловно сродни выпаду новгородских ушкуйников. Кроме того, в 145 км от Твери лежит городок Кашин, который как установил еще Кучкин входил в юрисдикцию Москвы.[30] Стало быть, объявляя о походе на Углич в Твери подразумевали прежде всего Кашин. Объявлено, между тем, с целью, чтобы слух дошел до лазутчиков Москвы.

Прибыв не позднее 27 июля на Волок, до которого было 120 км, 28 числа был проведен положенный в таких случаях смотр, а с раннего утра 29 июля Дмитрий Иванович выступил из него к Микулину. От Волока до Микулина 58 км - этот населенный пункт сейчас существует - куда московские войска дошли за трое суток с 29 июля по 1 августа. Среднесуточная скорость составила чуть меньше 20 км/сутки.[31]

Заслуживает специального обсуждения отношение средневекового русского человека к такого загадочному в эту эпоху явлению как солнечное затмение, случившееся как раз в день выхода армии из Волока с конечной целью на Тверь. Перед этим заметим, что в юридических документах

того времени иногда применялась норма угрозы небесного наказания, свидетельствующая о вполне сознательном манипулировании правовым поведением человека.[32]

Некоторые летописи отмечают солнечное затмение как знамение, другие – как гибель, смерть светила. Совпадение начала боевого похода с солнечным затмением известно в отечественной военной истории и надо сказать, что это не останавливало полководцев. Естественное начало движения из Волока как раннее утро может означать, что это затмение случилось позднее 6 часов. Полное или неполное было затмение, а также точное время его «происшествия» должны отметить астрономы.[33] Сделав отступление, заметим, особо не углубляясь в аналогии, что историками эти факты отмечаются. Н.С. Борисов, изучая конфликт между Москвой и Новгородом 1339-1340 гг., обратил внимание на затмение, произошедшее надо полагать на всей территории Восточной Европы 13 августа 1339 г, приходящегося на Успенский пост, когда Иван Калита последний раз в своей жизни покинул Орду.[34]

Потратив день 1 августа на взятие Микулина и некоторый отдых армия Дмитрия Ивановича двинулась к Твери. Свое наступление на Тверь москвичи возобновили 2 августа, они должны были не позднее дня 4 августа быть под Тверью, чтобы успеть засветло провести рекогносцировку, поэтому 51 км пути между Микулиным и Тверью они прошли несколько увеличив темп движения по сравнению с предыдущим этапом, а конная разведка, наверняка уже 3 августа впервые потревожила защитников тверского града.

В этом был свой резон. Дмитрий Иванович хорошо знал, о чем его старательно проинформировал в свое время Михаил Тверской, о том, что последний посылает рать свою к Угличу полю, т.е. Кашин, до которого из Твери было 7-8 дней пути, а до Углича (если без задержки в Кашине) и все -10. На момент взятия москвичами Микулина (1 августа) никаких признаков возвращения угличской рати не было, однако, Дмитрий Иванович увеличил темп движения от Микулина до Твери. Этим маневром он ставил целью не допустить, чтобы еще и угличская рать, вернувшись запиралась бы в тверском граде.

Из литературы давно известно, что в 1380 г. на поле Куликово войска Дмитрия Ивановича 190 км преодолели за 11 суток[35]

Как мы выяснили, войска двигались ускоренным шагом, поэтому известия летописей о том, что армия занималась мародерством недостоверны, а самоуправство фуражных команд, если бы таковое имело бы место, не могло состояться, т.к. они попросту не догнали бы уходящие войска.

Памятуя о том, что московским ратям необходимо было выйти к предместьям Твери до возможного возврата сюда угличской рати, следует предположить, что отрезок пути от Микулина до Твери москвичи прошли за один дневной переход или, во всяком случае передовые части появились под городом уже 2-го августа.[36] Данное предположение необходимо сделать для уточнения хронометража событий, поскольку в разных источниках называется разная дата отправки рати на Углич – 13 или 14 июля. Приведенный ниже хронорасклад показывает, что все участники изучаемого процесса отчетливо и целенаправленно «управляли временем» - 400 км пути до Углича и обратно без задержки на боестолкновение – это 20 дней и этот срок истекал, если считать от 13 числа, как раз 2 августа.

Таким образом Дмитрий Иванович «позволил» угличской рати выйти «из игры».

На поле Куликово, как показали В.В. Каргалов, А.Н.Кирпичников и другие исследователи, русская армия численностью до 150 тыс.человек, двигалась со скоростью 17 км/сутки. Военным хорошо известно, что чем больше армия, тем медленней она собирается, двигается. Отсюда, предположим, что армия в 1375 г. была много меньше Куликовской, хотя, как заметил А.А. Горский для проведения мобилизации и в 1375 г и 1380 г. Дмитрия Ивановича имел приблизительно одно и тоже время.[37]

Известно, согласно Кучкину, что Михаил Александрович узнал о взятии Москвы Тохтымышем спустя 10 дней после произошедшего события, т.е. весть рапространялась со скоростью 18 км в сутки. Значит между Москвой и Тверью не было монгольской почты. вообще следует заметить, что русские князья даже совершая поездки в Орду таковой, если она и была на Руси, не

пользовались. Этот вывод однако не следует распространять на всех гонцов, поскольку такая информация была выгодна только Твери, что позволяет заключить о том, что последняя поступала к адресату со скоростью передвижения воинских частей.[38][xi]

20 км в сутки – это скорость движения отмобилизованной армии летом, что означает при расстоянии в 119 км, время движения от Москвы до Волока составит 6 дней. Значит Москву армия покинула не позднее 22 июля. Следовательно, прав был Кирпичников, обративший внимание на дату 21 июля в этих событиях.

Если Некомат прибыл в Тверь 13 июля, значит выбыть из Москвы он должен был 4 июля.

Естественно, что Мамай, посылая двух разных послов рассчитывал на безусловную доставку необходимого ему известия до Михаила Александровича, что входило в его планы, но открытое вооруженное выступление входило в планы Дмитрия Ивановича еще больше. Это значит, что когда 5 или самое позднее 6 июля Некомат и Ачихожа покидали Москву, направляясь в Тверь они, обязанные выполнить поручение Мамая, видели или могли видеть прибывающие в Москву части Северо-Восточная Руси.

Значит к походу на Тверь Дмитрий Иванович был подготовлен лучше, чем Мамай с его «тайной дипломатией».
В этой связи следует подчеркнуть немаловажный факт, состоящий в том, что в пределах Северо-Восточной Руси Дмитрия Иванович распоряжался как подлинный сюзерен, т.е. мог собирать вооруженные силы, наказывать сепаратистов и даже приглашать, как потом станет известно, новгородцев и псковичей, т.е. выступать главной централизирующей силой.

Москвичи начали подготовку к штурму града. С заволжской стороны в направлении современной набережной Михаила Ярославовича было построено два моста, плотники соорудили туры - башни, на которых нападавшие становились вровень или даже выше обороняющихся, что позволяло штурмующим из луков стрелять по защитникам.

Во второй половине XIII - XIV вв. применение метательных машин на Северо-западе Руси было обычным и необходимым делом, - пишет А.Н. Кирпичников.[39] Неудивительно, поэтому, что наступавшими были настроены и пристреляны стрельницы - метательные орудия, с помощью которых в город забрасывались зажженные стрелы, были подготовлены связки хвороста и другого подручного материала из посадов, используемого для засыпки рвов и поджега частокола стен [40] именуемого палисад. Для этих приготовлений понадобилось трое суток и ранним утром 8 августа московские войска пошли на штурм Твери.

К числу тверских парадоксов, оттеняющих историко-политическое противостояние с Москвой, отнесем не только собственное представление тверских князей о принадлежности великокняжеской власти, но географию главной водной артерии, о чем говорилось выше. Интерес также вызывает отсутствие прямой связи между местом основания и названием города. Согласно археологической типологии древнерусских городов, разработанных П.А. Раппопортом, А.В.Кузой, Тверь относилась к числу крупных городов как и Кострома, Волок Ламский с площадью кремля-детинца, называемого в источниках «градом» более 2,5 га.[41] По той же типологии, где город Тверь отнесен к 1 типу, он закладывался как крепость с отчетливо выраженными оборонительными функциями, полностью подчиненными рельефу местности, т.е. на мысе, образованном впадением небольшой реки в реку большую. Такой мыс принадлежал высокому коренному берегу и его просто ограждали валом, который защищал население с напольной стороны.[42] Это было не только быстро и относительно дешево, но и способствовало перспективе роста города без ущерба его обороноспособности.

Е.Н. Носов, опираясь на работы М.В. Нечкиной, других исследователей, значительный полевой опыт, установил двуединый процесс сложения древнерусских городов второй половины VIII – XII вв., детерминированный речной сетью.[43] Парадокс Твери в этом случае состоит в том, что город основан не на месте впадения р.Тверицы в Волгу, но текущей чуть выше по ее течению речки Тьмы (Тьмаки) правого притока Волги.[44] Потенциал треугольника «Тьма – Волга» ограничивался современным Тверским проспектом длиной чуть больше 1 км.

Древние укрепления града были снивелированы в разное время, а сейчас мы можем пользоваться картой Э.А. Рикмана, опубликованной в частности, в книге Э.Клюга [45] с целью реконструкции некоторых данных планиграфии.

В периметре стен равной 1600 м.,[46] который образовывал треугольник с основанием по напольной стороне до 600 м., обозначенный как кремль «город» под пунктом «А» на рассматриваемой карте, существовала возвышенность округлой формы площадью чуть большее 11 га. Именно она с точки зрения микротопографии должна быть использована для возведения строений, что подтверждается работами археологов, проведенных под руководством Н.В. Жилиной, А.Н.Хохловым, например.[47] Оценить какое число жителей могло проживать здесь в 1375 г. весьма затруднительно по многим причинам. Ясно одно. С точки зрения планиграфии площадь тверского града, ограниченная частоколом стен, возведенный еще в 1317 г., не вся годилась для использования в целях проживания в нормальных мирных условиях.[48] Как известно, детинец любого древнерусского города состоял из княжеского двора и кафедрального собора. Все административные, сакральные и иные строения для обитания в XIV в. даже в.условиях форс-мажора не использовались.

Если на них мы отнесен 50 % площади, как это видно из плана археолога Н.В. Жилиной, то град мог бы вместить не более 10-12 тыс.чел., в том числе и немногочисленной дружины самого Михаила Александровича, не считая всякой живности и скарба, поскольку именно сюда сбежалось население ближайших деревень и посада, занятого войсками Дмитрия Ивановича.[49] Поэтому данные планиграфии тверского града, приведенные Рикманом весьма важны не столько для изучения демографических показателей, а сколько для учета раскладки сил противоборствующих сторон и мобилизационных возможностей Древней Руси.

Тверской град, который предстояло взять Дмитрию Ивановичу с фронта, т.е. со стороны поля защищал дерево-земляной вал длиной 600 м с двумя воротами, согласно плану Рикмана. Это центральные Владимирские и Васильевские ворота, с мостом через Тьму. В 1373 г. Михаил Александрович прокопал здесь ров от Волги до Тьмы.

Вместе с тем, на плане Рикмана отсутствуют третьи ворота с напольной стороны - Волжские, расположенные непосредственно у Волги, именно с помощью последних Михаил Александрович осуществил вылазку 8 июля. Это известие отложилось только в составе Тверского сборника и отмечено В.А. Кучкиным.[50] То есть, всего в укреплениях Твери было 4 ворот.

План Дмитрия Ивановича состоял в том, чтобы атаковать Тверь со стороны Тьмы по тьмацкому мосту, а также с Заволжской стороны, построив здесь два моста. Наверное, мост через Тьму также был восстановлен. Со стороны поля предполагалось поставить метательные орудия, туры, прикрыв их вспомогательными частями.

Наступая на тьмацком направлении, москвичи, наверняка использовали орудие таранного типа, но пробить ворота не смогли. Местность не позволила развернуть здесь полностью боевые порядки, т.е. использовать превосходство в силах.

Следует отдать должное московским войскам, которые за три дня возвели два моста через Волгу, а также наверняка отремонтировали мост тьмацкий.

Со стороны Волги наступать было сложнее. Здесь берег был выше, плюс к этому сюда прибавилось и обычное для рек русского Севера падение уровня воды, когда в августе-сентябре она достигает минимального значения. Это облегчало переправу, но осложняло штурм града, т.к. увеличивала высоту подъема на стены, хотя и позволяла в обрывах реки, находясь в «мертвой зоне», разместить большое число воинов, т.е. использовать обрывы в качестве плацдармов. Это являлось значительным преимуществом нападавших, т.к. всего в 20-30 метрах от объекта атаки – стен нападавшие могли, сосредотачиваться и выходить отсюда на исходные для атаки, а также «безнаказанно» использовать метательную артиллерию, т.е. стрелять с закрытых позиций. Именно поэтому москвичи оставили правый берег Волги только спустя сутки после начала штурма, ввиду изменения плана взятия Твери.

Забегая вперед добавим, что уровень воды в колодцах, откуда бралась водя для питья в граде также как и в реках должна была упасть до самого низкого уровня.

Изучение летописных данных о штурме и обороне тверского града позволяет сделать неожиданный вывод, состоящий в том, что управлять войсками обороняющимся было легче, чем наступавшим. В самом деле, если наступавшим было необходимо держать фронт в ширину 5-8 км, контролировать Волгу,[51] но главное - имея три группы для наступления: тьмацкую, заволжскую и напольную, каждая из которых действовала самостоятельно, по заранее согласованному плану.

По сравнению с наступавшими, обороняющиеся располагаются на «господствующих высотах» - станах, откуда всегда могли видеть сосредоточение войск противника, его маневры, резервы, а самое главное – высшее военное руководство. Расстояние между двумя направлениями атаки москвичей состояло в 300-400 м.внутри града по прямой. Поэтому, после начала штурма тверичи заметили быстро, что москвичи не атакуют с фронтальной напольной стороны, а использование Волжских ворот позволит нанести удар во фланг напольной группировке и попытаться дойти до Тьмацких. Собственно так и произошло. Очевидно, что сюда Михаил Александрович направил свой главный резерв – личную дружину, которая, естественно, неожиданным ударом из волжских ворот опрокинула слабое прикрытие и принялась с яростью уничтожать осадные машины москвичей. Летописи сообщают о бое, который продолжался до позднего вечера, но именно здесь на напольной он прекратился только тогда, когда ничего уже видно не было. Процитируем Тверской сборник: «***Князь великий Михайло Волжскыми вороты Москвичь былъ, и тури посекли и пожгли, и Москвичи къ вечернюю годину отъ города отступили***».[52][xvii] О вылазке Дмитрию Ивановичу доложили сразу и туда он направил свой резерв – также отряд тяжеловооруженной пехоты и конницы, по-видимому, возглавляемый Семеном Романовичем Добриньским шурином великого князя. Из князей под Тверью погиб только он, выполнив поставленную задачу – загнал «неприятеля» в город.[53]

Изложенные наблюдения о сборе информации и управлении войсками, позволяя говорить, что армия Дмитрия Ивановича ненамного превышала защитников Твери. Речь может идти о не более чем двукратном превышении по живой силе. Если из 12 тыс.человек, затворившиеся в Твери 4 августа 4 - 6 тыс. были граждане, способные сражаться на стенах, то к этому числу нужно прибавить личную дружину Михаила Александровича, насчитывающую вряд ли больше 2-3 тыс.чел. И это максимальные величины. Значит Тверь защищало 6-9 тыс. лиц боеспособных лиц. Данная величина позволяет предположить, что москвичей под Тверью было соответственно не больше 12-17 тыс.чел. Как видно, речь не идет о демографической ситуации в Твери в 1375 г. Однако можно утверждать, что население Твери соответствовало среднеевропейскому городу, которые насчитывали от 2 до 10 тыс.жителей, на что со ссылкой на Х.Аммана пишет видный украинский археолог П.П. Толочко.[54] В качестве аналогии изложенному приведем число участвовавших в битве 1169 г. суздальцев и новгородцев, когда проигравших продавали в рабство за 2 ногаты.

Первых тогда было, согласно летописи, семь тыс.[55] Сейчас же скажем, что в военных операциях в том числе и тактического плана успех обозначается не всегда там где предполагает нападающая сторона или ожидает сторона обороняющаяся. Здесь возникает вопрос, почему тверичи не сожгли Тмацкий мост? Вряд ли он был каменным. На этот вопрос должны ответить натурные обследования.
Осажденное мирное население в Твери штурма не ждало, т.к. с его началом "в народе же скорбь бысть велиа", сообщает Московский свод, куда данное известие попало из первоисточника.

Дмитрий Иванович, на следующий день 9 августа мог бы перегруппировав силы, начать новый штурм. Но он от этого продолжения отказался и перешел к осаде Твери. Тверь штурмовала отнюдь не наспех собранная армия – это были регулярные войска, которые стала иметь Северо-Восточная Русь, начиная 1360-х гг.[56] И начиная с 1370 г. практический каждый год Москва проводила мобилизации. Однако всеобщими они не были. Всеобщая мобилизация проводилась Дмитрием Ивановичем лишь однажды в 1380 г. Значит, штурмовала Тверь не вся армия, а ее только кадровая часть, т.е. князья со своим ближайшим окружением. Данное наблюдение

позволяет предположить ее численность, находящуюся в пределах 10-15 тыс чел., не считая быть может челяди в обозе. Эта величина получена как если бы мы оттолкнулись от величины обороняющихся, последняя детерминирована численностью окрестного Твери населения.[57]

Значит, под Тверью находился весь генералитет русской армии, большая часть офицерского корпуса, а внешнеполитическая обстановка позволяла князьям совершенствовать боевую выучку и мастерство. "Победа над Мамаем ковалась задолго до Куликовской битвы - совершенствованием тактики русского войска, боевым опытом и таланта военнноначальников, единым руководством со стороны великого князя". [58]

Выше мы также описали лишь внешний контур событий, однако попытавшись еще раз воспользоваться приемом обратного отсчета для реконструкции событий, можно полностью реконструировать план штурма, принятый на совете 4 августа в ставке Дмитрия Ивановича. Здесь же мельком следует заметить, что данный обратнохронологический прием позволяет сделать утверждение, состоящее в том, что армия Москвы прибыла под Тверь поздним вечером, но может быть даже ранее 3-го августа, поскольку для проведения рекогносцировки, а ее проводил, лично, что безусловно, Дмитрий Иванович, необходимо было только через Волгу переправляться два раза, а также расквартировать войска.

Изменение плана взятия Твери связано с желанием не превращать свою кадровую армию в механизм, перемалывающий «пушечное мясо». Результат Куликовской битвы показал правильность принятого решения. [59]

Перейдя к осаде московские войска стали возводить вокруг града полевые фортификационные сооружения - острог, дабы защитить себя от вылазок, «мосты чересъ Волгу починили» [60] с целью установления сообщения между тремя группами войск. Это были первые рокадные дороги.

Осажденные в то же время, наверняка испытывая тяготы в связи со скученностью населения, домашних животных, надеялось на помощь Литвы и/или Орды. Мамаю было не до них, а Литва, как считает Э.Гудавичус в приграничных в Русью территориях свой войск не имела.[61] В это время Ольгерт вынужден был защищать от немецких рыцарей одновременно два города и Вильнюс и Тракай. [62]

Таким образом внешнеполитическая обстановка и непосредственно деятельность московского правительства создала благоприятный геополитический фон для продолжения осады Твери.

Новгородская летопись по комиссионному списку сообщает, что новгородцы прибыли под Тверь за 4 дня до отхода оттуда московских войск, что позволило Кучкину установить дату прибытия 29 августа 1375 г. Хладнокровие новгородского летописца вполне объяснимо, дать, причем весьма тактично, понять читателю о том, что благодаря, именно, во многом, новгородцам состоялось подписание мирного договора. понятно, что смоляне в этом сообщении, наличествующие в **Рогожском летописце**, отсутствуют.

Новейшая англо-американская литература свидетельствует о серьезных осложнениях в отношении Северо-западной Руси с Тевтонским орденом. Согласно последнему исследованию в 1373 г. Ганза прекратила поставки серебра в Новгород сроком на 2 года, а в 1375 г. произошел серьезный конфликт, существенно повлиявший на состояние отношений между немецкими и новгородскими купцами, когда в результате взаимных претензий купцы обеих сторон были задержаны, товары их конфискованы, что значительно отразилось на торговых отношениях.[63]

Метод обратного отсчета событий позволяет установить, что новгородцы не могли прибыть под Тверь за 3, 4 или даже 5 дней, т.к. нет уверенности в том, что эта была легкая кавалерия. Новгород прислал тяжеловооруженных воинов, которые шли к Твери с 9 по 29 августа - это 21 сутки из которых 4 надо вычесть, поскольку три дня новгородцы собирались.[64] Именно так следует трактовать запись Н1мл[220] (НПЛ, с.373).

---

[220] Новгородская 1-я летопись младшего (Н1МЛ) извода

По сообщению Н1мл, а еще сутки были необходимы для утверждения решения о посылке войск на новгородском вече, где, надо полагать приводилась соответствующая аргументация. А.В. Экземплярский писал,[65] что по замечанию летописца новгородцы “скрежетау зубы на тверичь”. Приказ о прибытии войск был отправлен с Волока 28 июля, в этом случае под Тверь могла придти тяжелая пехота.

Скорее всего приказ был им отправлен из Волоколамска 28 июля сразу после смотра войск. К такому выводу можно придти только в результате хронометрирования событий. При этом вспомним, в частности, что А.С. Хорошев приводит сообщение Новгородской летописи о том, как новгородцы сбили тверские заслоны, когда шли к Твери, “свою обиду отмщающе, бывшу у Торжьку”.[66]

Вспомним, что Волок Ламский назначался местом рандеву еще Юрием Даниловичем в 1317 г. [67] также против Твери, также совместно с новгородцами,[68] этот же стратегический пункт призван был сыграть ту же роль в 1382 г., когда сюда был послан Владимир Андреевич Серпуховской и который отбился от Тохтамыша.[69] Поэтому, совместные («смесные») владения Новгорода и Москвы на московско-тверском и тверско-новгородском пограничье были для последней весьма небезразличны. Остается добавить, что в конце XV в., пишет немецкий историк Г. Дивальд / Diwald H./, монастырь в Волоколамске стал тем религиозно-политическим центром узаконившим Русское государство политически и санкционировавший неограниченное единовластие царей церковью. [70]

Как ни странно, но запись Н1мл под 6883/1375 г. является уникальной для понимания существа исторического процесса на территории Восточной Европы. С момента появления на геополитической карте Руси Московского княжества Новгород стал помогать ему, что целиком относится ко второму князю Москвы Юрию Даниловичу (1305-1322).[71] Новгород отправил московскому князю свои войска против Твери и в 1375 г. «изводя честь своего князя».

В рассматриваемой записи, когнитивный характер которой в силу ее оригинальности неисчерпаем, нашла адекватное отражение идея общенационального объединения под руководством «своего князя», выразившаяся в конкретных и совместных военно-политических и дипломатических усилиях, столь сдержано и сухо изложенные в рассматриваемой статье.

О прибытии новгородцев и смолян было доведено до осажденных, если учесть и дату подписания докончания[221], что подтолкнуло тверичей к капитуляции. Надо принять во внимание, что это был один из самых победоносных договоров во внешнеполитических актах, заключенных Москвой в конце XIV в., изученных В.А. Кучкиным. Поэтому значение привлечение Новгорода к военным действиям против Твери и их последующее участие в других военных мероприятиях Дмитрия Ивановича имело огромное военное и политическое значение. Именно поэтому тверской летописец весьма изящно, как мы видим, сумел принизить значение новгородцев в этой войне. Тверская летопись, как представляется наиболее отчетливо зафиксировала этот эпизод "***а силы начаша москвичем прибывати, приидоша бя новгородци и Смоляне. И видя то князь великий Михаилъ, и нача хотити миру***".[72] В то же время как московский летописный свод - официальная великокняжеская летопись абсолютно беспристрастно отметила появление новгородцев под стенами Твери. Добавим, что записи московского летописного свода о стоянии Дмитрия Ивановича под Тверью и С1ст[222] совпадают практически полностью, что свидетельствует о промосковской трактовке данной новгородской летописью этих событий.

…Выше говорилось об информационном преимуществе осажденных тверичей. Михаил Тверской, что называется в режиме реального времени оценивал полученную информацию – приход новгородцев и смолян окончательно склонил чашу весов не в его пользу.[73] Появление новгородцев и смолян под стенами Твери способствовало росту авторитета Дмитрия Ивановича в

---

[221] Докончанье - так назывался у нас прежде *договор*, для обозначения которого употреблялись еще равнозначные термины - *ряд* или *крестное целование*

[222] Софийская первая летопись Старшей редакции

глазах князей, усиливало их сплоченность. Для Михаила Тверского, как, впрочем, и для других князей особенно важным было участие смоленского князя в тверском походе. Только в середине 1375 г. Смоленск стал на сторону Москвы и это было ее важной дипломатической победой.[74] Князь Смоленска Иван Васильевич, как установлено в историографии, носил титул великого.[75]

Число отрядов наступавших достигло по подсчетам Кирпичникова 22.[76] Очевидно дислоцирование новгородцев и смолян на напольной стороне, поскольку разбивать отряды вновь прибывших никто не стал бы. Это были ответственные и самые труднодоструные для наступавших участки обороны Твери - куртины между Васильевскими и Владимирским воротами и между последними и волжскими соответственно. Михаил Александрович понял что не сегодня - завтра будет штурм и это будет последний для него штурм. Он тут же собрал самую представительную делегацию, которую было возможно, что отражало намерение заключить мир во что бы то ни стало и отражало недовольство населения Твери осадным положением. Следует учитывать и значительную плотность населения, сбежавшегося под стены тверского града, вместе со скарбом и всякой живностью, что создавало дополнительную, практически, непреодолимую трудность в обороне города.

Несколько отвлекаясь от изложения заметим, что населению великокняжеские поползновения Михаила Александровича были не интересны. Степень полезности их была низка не только для тверского населения, но населению владимирского великого княжества, когда, еще в 1371 г., пытаясь де-факто реализовать привезенный Сарыхожой ярлык на великое княжение, Михаил Александрович пытался с помощью силы занять Владимир, но жители не пустили его в город. И это в то время, когда Владимир утратил столичный статус. [77] В 1375 г., одновременно, мирное население, запертое в тверском граде, грозило бунтом, требуя быстрейшей сдачи: «***Михаил Александрович виде озлобление людемъ своимъ, видевъ трудъ и погибель человеком и скотомъ от глада бывающи***». [78]

Объемы полномочий, прерогативы великих и удельных князей подробно в современной отечественной литературе изучены В.А. Кучкиным.[79] В частности, внешняя политика, выбор союзников, выработка доктрины и заключение договоров, относились исключительно к компетенции великого князя владимирского. Он командовал общефедеральной армией, вырабатывал стратегию, объявлял войну и заключал мир. Он судил князей, присоединял к себе вымороченные княжества. В его руках находились целевые «внебюджетные» средства – ордынский выход, который, надо отдать им в этом должное, не всегда регулярно вносился в ордынскую казну.[80]

Однако вернемся к штурму Твери. Сразу же после описания об убийстве тверичами князя, наверное, во время вылазки Семена Ивановича, Рогожский летописец сообщает: «***А въ Тфери граде бышет/ь/ скорбь не мала, акаже не бывала въ мимошедшаа лета, и моръ на люди, и на скотъ***».[81] Последнее было вызвано как скученностью населения, так и возможно, дефицитом воды. Обещанная защитникам и населению помощь Орды и Литвы не приходила. Все перечисленное заставляло искать или ждать случая, чтобы достойно выйти из кризиса.[82]

Кстати, о воде. Летние уровни рек не позволяли осажденным пользоваться таким источником как речная вода и высокомысовое расположение града позволяла им в этом случае нормировать потребление воды. Следует иметь ввиду, что в средневековье одним из приемов, «способствующих» быстрейшей сдаче крепостей, было отведение от них воды. В середине XV в. тверичи при осаде Ржева отвели воду от города.[83]

Однако и то не все. Сообщение летописи о болезнях в Твери людей и животных, вызванной осадным положением объясняется не только низким уровнем воды в реках и колодцах, но видимо общим климатическим экстремумом, пришедшимся на лето 1375 г. Выявленный на основе изучения источников жаркий и засушливый год, имеет аналогии в предшествующей истории. Распространению «великого пожара» 1365 г. в Москве, когда выгорел весь город, способствовало не только «***засуха велика и зноино, еще же къ тому въстала ветрена велика, за десять дворовъ метало головни и бревна съ огнем кидаша буря***».[84] Засушливым, кстати, был и предыдущий 1374 г., отмеченный В.Л. Егоровым.[85] Изложенное должно отразиться в годичных кольцах бревен, из археологических раскопок, что во-первых, а во вторых, позволит привязать к ним другие относительные и абсолютные временные даты, если не создать шкалу параллельную существующим.[86]

Ставка Дмитрия Ивановича располагалась в каменном Афанасьевском монастыре, первое упоминание о котором, как раз и относится к 1375 г. Он располагался в полукилометре на юго-восток от Васильевских ворот тверского града за Тьмакой в ее излучине.[87] Великокняжеская ставка располагалась вне дальности стрельбы луков и метательных орудий того времени. Они стреляли максимум на 300 м.[88]

Осаждающие, полагаясь на возможность взятия неприятельской крепости измором, как говорили в Древней Руси – «облежанием». Как правило помимо контрвалюционной линии – острога, строили также внешнюю линию обороны – линию циркумвалюционную, предназначенную для защиты от возможных атак с внешней стороны. Под Тверью армия Дмитрия Ивановича внешней линии обороны не строила, а было принято решение ограничиться патрулированием отрядами для «закрытия» опасных, как бы сейчас сказали «танкоопасных направлений».

Наверное в результате такого патрулирования, были взяты города тверской земли: Зубцов, Белогородок, Старица и Городок.[89] Глубина такого патрулирования по фронту составила 350 км. В этой связи, заметим, что П.А. Раппопорт использовал известие Никоновской летописи о штурме Твери 1375 г., когда нарушена последовательность боевых мероприятий: сначала построили острог - контрвалюционную линию, затем начали обстрел из камнеметов – пороков.[90] Дело не в том, что пороков-камнеметов под Тверью не было, а в том, что переписчик Никоновской летописи нарушил последовательность записей, что не заметил Раппопорт. Добавим, что более ранняя Новгородская четвертая летопись также сообщает о возведении острога до начала штурма и вообще не пишет о камнеметах.[91] Значит ли это, что в Никоновской летописи, а также в Воскресенской[92] «ранний острог» попал из новгородского источника, а пассаж о камнеметах – есть просто сочинительство переписчика ?

На примере Твери можно установить, что последовательность боевых действий при взятии городов русской армией была следующей: сначала послав легкую кавалерию, Дмитрий Иванович стремился согнав мирных жителей с посада сохранить его, хотя бы для расквартирования собственных войск; в случае успеха, «на плечах» этих же мирных жителей ворваться в город, где не было «угличской рати»; взять город «на копье», т.е. предпринять штурм; наконец, осадить и добиться победы.

Состав не парламентеров, а делегации, которую послал Михаил Александрович будущему Дмитрию Донскому, свидетельствует о желании тверской стороны заключить мир: «***и выслa изнутри города Тферьского владыку Евфимия и бояръ своихъ нарочитыхъ, теми съсылаяся съ княземъ съ великимъ Дмитриемъ Ивановичем/ь/, прося мира***».[93] Составу такой делегации отказать было трудно. В челобитии, наверно, было сказано, что Михаил Александрович принимает условия, выдвинутые Москвой 5 августа - «***дая ся въ всю волю великому князю***».[94] В летописях отразилось и аргументация – тверичи уповали на человеколюбие и соотнесение воюющих сторон к одной конфессии.

…Можно предположить, что в докончании подписанном в Афанасьевском монастыре есть строки, продиктованные лично Дмитрием Ивановичем. Это строки касающиеся посягательств на прерогативы великокняжеской власти и борьбы против ордынцев. «***А с Татарове иже будет нам миръ, по думе а будет дати нам выходъ, по думе же. А поидут на нас татарове или на тебе, битиса и тобе с одиного всем противу их. Или мы поидем на них и тобе с нами всим одиного***»… [95]

Докончание-мирный договор подписали епископ Евфимий и Дмитрий Иванович в присутствии московских князей. Упоминание в Рогожской летописи жены Владимира Андреевича Серпуховского Олены Ольгердовны, свидетельствует о возможном участии в походе и жены Дмитрия Ивановича - Евдокии Дмитриевны – дочери Дмитрия Константиновича Суздальского. Из контекста записи видно, что женщины – Олена, прежде всего, также присутствовали при подписании докончании.

В такой ситуации любой поймет отсутствие помощи Литвы. Этот мощный прессинг при подписании договора как бы завершает летописные слова пророка Давыда, отложившаяся во всех летописях: «***добро есть надеятися на бога, нежели надеетися на человека***».[96]

Перед началом штурма требований со стороны Москвы выдвинуто как будто не было. Однако тверское летописание: и Рогожская и тверская летопись отмечают, что московские войска прибыли под Тверь 5 августа ранним утром и ранним утром же 8 числа (по Рогожской летописи, тогда как Тверской сборник этот нюанс опускает), всею ратью пошли на приступ (стб.111). Такой промежуток времени – трое суток – можно было бы смело отнести на счет приготовления к штурму, что очевидно и было предпринято. Вместе с тем, признав прибытие под Тверь войск Дмитрия Ивановича утром 5 августа, мы должны будет признать, что всю ночь с 4 на 5 августа они двигались. Выше было показано, что армия под руководством Дмитрия Ивановича прибыла под Тверь скорее всего днем 3 или даже 2-го августа, провела рекогносцировку, а ранним утром 5 дня Михаилу Александровичу были посланы парламентеры с ультиматумом о сдаче и сроком на размышление как раз трех суток, которые так подробно зафиксировали все летописи, но без указания причин такой пунктуальности.[97]

…Согласно заключенному договору, тщательно и всесторонне проанализированному В.А. Кучкиным в специальной монографии, Москва и Новгород получили прямое и беспошлинное сообщение через Тверское княжество. Транспортно-коммункационная схема из Волхова на Волгу заработала в полную силу, что было выгодно купцам всех территорий и работало на авторитет Москвы.
Договор объявлялся бессрочным без права выхода из него сторон: "А целования не слоижити и до живота"(с.211, с.41). что подкреплялось другими статьями о нерушимости границ Владимирского княжения и Тверского, а также без права изменения статей оного.[99]

В этой связи говорить о том, что тверской поход нарушил территориальную целостность Твери было бы ошибочным. Сама верховная власть Северо-Восточной Руси в виде такого института как "великое княжение" юридически закреплялась за Дмитрия Иванович, а Тверь втягивалось в формирующийся внутрироссийский рынок, как транзитное государство между Москвой и Новгородом,

Тверь получала московскую военную помощь против Литвы и Орды, она также также предоставляла великому князю свою вооруженную силу.

Как обычно документы такого рода не содержат цифровых величин, хотя немало статей договора определяют порядок сбора даней.

В этой связи вызывает вопрос почему в документах подобного рода статьи, касающиеся правового регулирования и правовой помощи сопровождаются четко означенными суммами штрафов. Не идет ли в этом случае речь об опережающем развитии правовой практики в сравнении с практикой фискальной ? Изучение эволюции фискальной функции российского государства в исторической ретроспективе является, несомненно, актуальной задачей. [100]

Первосентябрьский договор между Москвой и Тверью контрибуцию не предусматривал. Это не был способ зарабатывания денег. Зато требовал возврата Тверью ранее награбленного имущества Ст. 22 и 23 договора обязывали Тверь вернуть Торжку церковное имущество "колокола, книги, кузни", а Новгороду вообще все что досталось им "воиною или грабежом" [101], тогда как Москва не возвращала захваченного в ходе этой кампании разного имущества.

…Москва поставила условия совместного выплаты выхода, плативша только она в размере 5 тыс рублей, в то время как Тверь не платила ничего. Поэтому правительство Дмитрия Ивановича стремилось переложить часть бремени выплаты выхода на Тверь. При этом сумма выплат Орде не увеличивалась.

См. также **ТВЕРСКИЙ ПОХОД ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА 1375 г.**, Руская летопись по Никонову списку. / Изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб, 1767—1792. **Ч.1**, **Ч.2**, **Ч.3**, **Ч.4**, **Ч.5**, **Ч.6**, **Ч.7**, **Ч.8**, **РОГОЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ**, **[ПСРЛ] Том 05 Софийская Первая летопись. М.-Л., 1925**, **город Тверь - достопримечательности, карта, фото**

Вернуться к ссылке

44.269. Пехота во второй половине XIV века

Интересная версия применения пехоты в битве на Синей Воде великим князем Ольгердом в 1362 году.

…**Войско ополченцев** с Волыни (8-10 тысяч человек), под командованием своего сына Владимира, Альгерд разместил еще дальше за левым флангом. Это ровное поле между нынешними селами Лозна и Вороновцы, посреди которого протекает ручей Батижок. Ныне его называют Владимировым полем.

Здесь ополченцы, растянувшись вдоль ручья, создали сплошную линию обороны. Воины стояли в 12-16 рядов на манер македонской **фаланги**. В первых двух рядах у них были копья длиной два метра, в следующих двух – четырехметровые, в пятом и шестом ряду – шестиметровые. Эти копья, вкопанные тупыми концами в лунки, все вместе образовали непреодолимую стальную щетину. В остальных 6-10 рядах люди были вооружены по разному, в том числе луками со стрелами. При таком построении каждый воин, защищенный доспехами от стрел, мог успешно действовать копьем, даже не имея серьезной боевой выучки.

…**Ордынская конница** рассыпалась перед бронированным клином, осыпала стрелами его коней, стаскивала закованных в доспехи воинов крюками, арканами, наседая на витязя со всех сторон. В битве с Ордой в конном строю трудно было бы, почти невозможно достичь перевеса.

Как тут Дмитрию Ивановичу и его воеводам не вспомнить о боевом порядке Святослава. Но размышления о пешем строе не могли не увести к опыту военной классики древности. А на Руси читали древних греков и знали о походах Александра Македонского, о том, как он пешей фалангой http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2F1380.obzor.ws%2F34.html&text=%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4&l10n=ru&sign=7f7e8e419bcaa68a6b3cb0e75dd6d7b7&keyno=0 - YANDEX_1 громил персидскую конницу. Здесь мы уже имели на что опереться. Летописец сообщает: «***Сила великая татарская борзо с шоломяни грядуща, и ту паки, не поступающе, сташа, ибо несть места, где им разступитись; и тако сташа кония заклад-ше, стена у стены каждо их на плещи предних своих имуще, преднии кратче, а задни должае. А князь великий також с великою своею силою рускою з другого шоломяни поиде противу им. И бе страшно видети две силы великия.***..» (Татищев).

В этом кратком летописном известии ключ к раскрытию хода Куликовской битвы. Мы еще к нему вернемся. Сейчас нам важно отметить, что перед нами изображение **сходящихся фронтально пеших** http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2F1380.obzor.ws%2F34.html&text=%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4&l10n=ru&sign=7f7e8e419bcaa68a6b3cb0e75dd6d7b7&keyno=0 - YANDEX_0 **фаланг**http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2F1380.obzor.ws%2F34.html&text=%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4&l10n=ru&sign=7f7e8e419bcaa68a6b3cb0e75dd6d7b7&keyno=0 - YANDEX_2, в которых копья в первых рядах короче, в задних — длиннее.

Да это же знаменитые македонские «сариссы»! Когда пеший строй, вооруженный такими копьями, выставлял их перед собой, то все до одного копья первых восьми шеренг выступали по крайней мере на полтора-два метра впереди, образуя дугу из железных наконечников, непроницаемую для конной атаки. Ни одну лошадь нельзя было послать на железо. Древнегреческий историк Полибий (204—120 годы до нашей эры) в «Истории римского государства» пишет, что римский полководец Эмилий Павел, увидев македонскую http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2F1380.obzor.ws%2F34.html&text=%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4&l10n=ru&sign=7f7e8e419bcaa68a6b3cb0e75dd6d7b7&keyno=0 -

YANDEX_1 фалангу http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2F1380.obzor.ws%2F34.html&text=%D1%84%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4&l10n=ru&sign=7f7e8e419bcaa68a6b3cb0e75dd6d7b7&keyno=0 - YANDEX_3, двигающуюся с сариссами наперевес, «содрогнулся от ужаса». И у нас в летописи: «И бе страшно видеть две силы великия».

Одной из этих великих сил и были пешие городовые полки, вооруженные копьями разной длины. Именно в этом и состояло решение второй тактической задачи: предотвратить конный бой, навязать Орде бой пеший.

…В 13-14 веках кавалерия потерпела несколько крупных поражений от пехоты. Но во всех этих случаях причиной разгрома рыцарской армии неизменно являлся грубый просчет командования. Никаких выводов не было сделано и после того, как в 1315 году при *Моргартене* 1300 швейцарских крестьян опрокинули отряд из 3000 баварских рыцарей. Гибель 1000 всадников тогда была воспринята, как очередное доказательство того, что горы — неудобная местность для кавалерии. Однако именно в данном случае пехота не использовала особенности местности для успешной обороны. Швейцарцы вообще не оборонялись.

Они построили квадрат 35 рядов на 35 шеренг из одних только пикинеров. Теперь и пик было заведомо достаточно, и само понятие фланга и тыла потеряло смысл. У *баталии*, как и у *каре,* не было флангов и тыла, только *фасы* (лица): передний, правый, левый и задний. С какой бы стороны ни нападал противник, баталия встречала его лицом.

Первое время баталия выстраивалась только одна. То есть в одну баталию вставали все пикинеры, а швейцарское войско в то время почти из одних пикинеров и состояло. При Моргартене на 1225 пикинеров приходилось всего 50 стрелков.

Тактика действия баталии была очень проста: ощетинившись пиками, пехота прорывалась к вражескому лагерю. Добравшись до лагеря, пикинеры бросали пики и завершали разгром противника уже с кордами или топориками. Баталия имела полный иммунитет к атакам кавалерии, а обороняться кавалерия не могла и сразу обращалась в бегство.

В 15 веке такая тактика срабатывать перестала. В феодальных армиях появились наемные стрелки. А расстрелять швейцарских пикинеров, не имевших ни щитов, ни доспехов, было очень легко. Швейцарцы стали выстраивать три баталии: большую и две малые по флангам. Кроме того, баталии теперь прикрывались легкой пехотой: алебардщиками и арбалетчиками. При атаке кавалерии они отступали за баталию.

44.269.1. Баталия (строй)

Баталия - боевое построение 13-15 века, из пикинёров и алебардщиков в форме огромного каре, обычно шестью шеренгами, применение которому положили знаменитые швейцарские наёмники.

Тактика

В первых двух шеренгах обычно стояли пикинёры, хорошо обученные и оснащённые латами, подвергавшиеся основному риску и получавшими за то повышенное жалование. Первые два ряда держали пики на правую руку, на уровне груди и живота, третья шеренга обычно имела алебарды и наносила рубящие или колющие удары сверху, последние три доспехов не имели и держали пику на левой руке, на уровне живота, груди и головы (в последнем случае только при условии отхода алебардщиков в тыл). Так же в центре каре помещались знамя, командир и плохо обученное и вооружённое ополчение, создававшее дополнительный напор, и защищающих пикинёров при прорыве строя неприятелем.

Баталию обычно использовали для обороны от кавалерии и средней пехоты, а также для прорыва фаланги плохо обученного неприятеля.

См. также **БИТВА НА СИНЕЙ ВОДЕ. Новый взгляд на историю сражения**, **Рафек Аймалетдинов. Полководец или В поисках невымышленного царства**, **Всё о Куликовской битве**, **Арсенал. Боевые построения**

Вернуться к ссылке

44.270. ЛЕДОХОДНЫЕ ШИПЫ

В раскопках особенно раннесредневековых памятников исследователи часто натыкаются на небольшие нескольких разновидностей металлические обоймы с одним, реже двумя-тремя пирамидальными шипами. Назначение этих изделий в отечественной археологической литературе едва выходит из полосы длительных и ныне уже неоправданных разноречий. Их считали шпорами, оковками сундучков, [26] остриями палиц, [27] деталями ладей, [28] домонгольскими конскими подковами, [29] приспособленными для бортного промысла, принадлежностями для хождения по льду. [30] В настоящее время за этими предметами закрепилось название «древолазные шипы». [31] Между тем ряд авторов все настойчивее обозначает эти шипы как ледоходные, предназначенные для людей и животных. [32] Поскольку неустойчивость во мнениях еще не преодолена, остановимся вновь на вопросе о назначении шипов, тем более что часть из них имеет прямое отношение к нашей теме. Прежде всего следует отвергнуть, с моей точки зрения, недискуссионные, явно ошибочные определения. Упомянутые обоймы с шипами никогда не использовались в качестве шпор, оковок сундучков, частей ладей, острий палиц. Соответствующие металлические приспособления действительно существовали, но были иными. [33] Не употреблялись наши шипы и для лазанья по деревьям. По этнографическим и другим данным, древолазные снасти для бортничества включали «ременные плетения», веревки и дощечки. Подъем на дерево происходил при помощи или вырубки ступеней, или подтягивания на веревках. [34] Устройство шипов, характер их сработанности и затупленности, предполагающие сильное соприкосновение с поверхностью, более грубой и податливой, чем кора или древесина, возможный способ ношения, заключающийся в подвязывании шипов к середине стопы, — все это свидетельствует против «древолазной» концепции. Лезущему на дерево человеку шипы в том виде, в котором они нам известны, только мешали бы.

Укоренившееся со времен *В. И. Сизова* предположение о древолазном использовании шипов не считается и с обстоятельствами их нахождения. В сельских поселениях и на крестьянских кладбищах XI—XIII вв., где, казалось бы, так называемых древолазных шипов должно оказаться много, их почти совершенно нет. [35] Зато эти, на первый взгляд, прозаические и простые изделия десятки раз найдены преимущественно в богатых и средних мужских и женских погребениях X в. Суздальского Ополья, Ярославского Поволжья, Смоленщины и Черниговщины и часто сопровождались богатыми украшениями, а также мечами, копьями, стрелами, кольчугами и другим дружинным вооружением. Таким образом, в погребальных комплексах эпохи Киевской Руси шипы, что необычно для таких дешевых вещей, выступают в какой-то степени как социальный и профессиональный индикатор.

Степень распространения шипов иллюстрируется тем. что они в Михайловском и Тимереве находились примерно в каждом десятом кургане, а в Гнездове в каждом шестом. [36] Странно было бы во всех этих могилах видеть погребения бортников, при этом бы оказалось, что сбором меда почти поголовно занимались князья, бояре, военные предводители. Абсурдность наделения феодалов Киевской Руси функциями бортников-медолюбцев настолько очевидна, что, на наш взгляд, не нуждается в специальном опровержении.

Если загадка, связанная с назначением шипов, и существовала, то еще в 1930-х годах она была разгадана скандинавскими археологами. Практическое решение вопроса принесли не столько этнографические наблюдения (на Севере шипами широко пользовались еще в XIX в.), сколько хорошо документированные материалы шведской Бирки и других скандинавских могильников и поселений VII—XI вв. [37] В Бирке, в частности, шипы найдены в 160 погребениях, *т. е. приблизительно* в каждом седьмом кургане, причем хорошо прослежено, какие из них прикреплялись к обуви человека, а какие — к копытам коня. Конструкции тех и других различались; на ногу человека обычно прикреплялось по 1—2 обоймы, на ногу коня — 1 обойма. [38] Конские шипы также найдены при скелетах лошадей в богатых викингских курганах Гокстада, Озеберга, [39] Венделя. А в комплексе второй четверти VII в. в Вальсгерде (Швеция) они

обнаружены с прикипевшими к ним остатками копыт. [40] Для коней средневековых североевропейцев эти шипы явились в сущности первыми подковами. Шипы в Скандинавии появились в эпоху великого переселения народов [41] и использовались сезонно, а именно при передвижении зимой.

На Руси шипы зафиксированы не ранее IX в. [42] и, возможно, были заимствованы при посредстве викингов. Характерно, что эти предметы впервые обнаружены в местах пребывания норманнов, служивших в войске Киевского государства. [43] К тому же северные ледоходные шипы конструктивно не отличаются от таких же, найденных на нашей территории. Считать все шипы из ранних русских находок викингскими, однако, нет оснований. На Руси они, по-видимому, быстро вошли в широкий обиход и, как показывают староладожские и новгородские [44] находки, употреблялись в течение всего средневековья. На территории Древней Руси в погребениях и поселениях X— XVII вв. по нашим подсчетам найдено около 600 железных обойм, предназначенных обезопасить ходьбу человека и коня. В одном Новгороде число этих изделий приближается к 400. Количество находок непрерывно возрастает, и уже в домонгольский период их распространение было общерусским. [45]

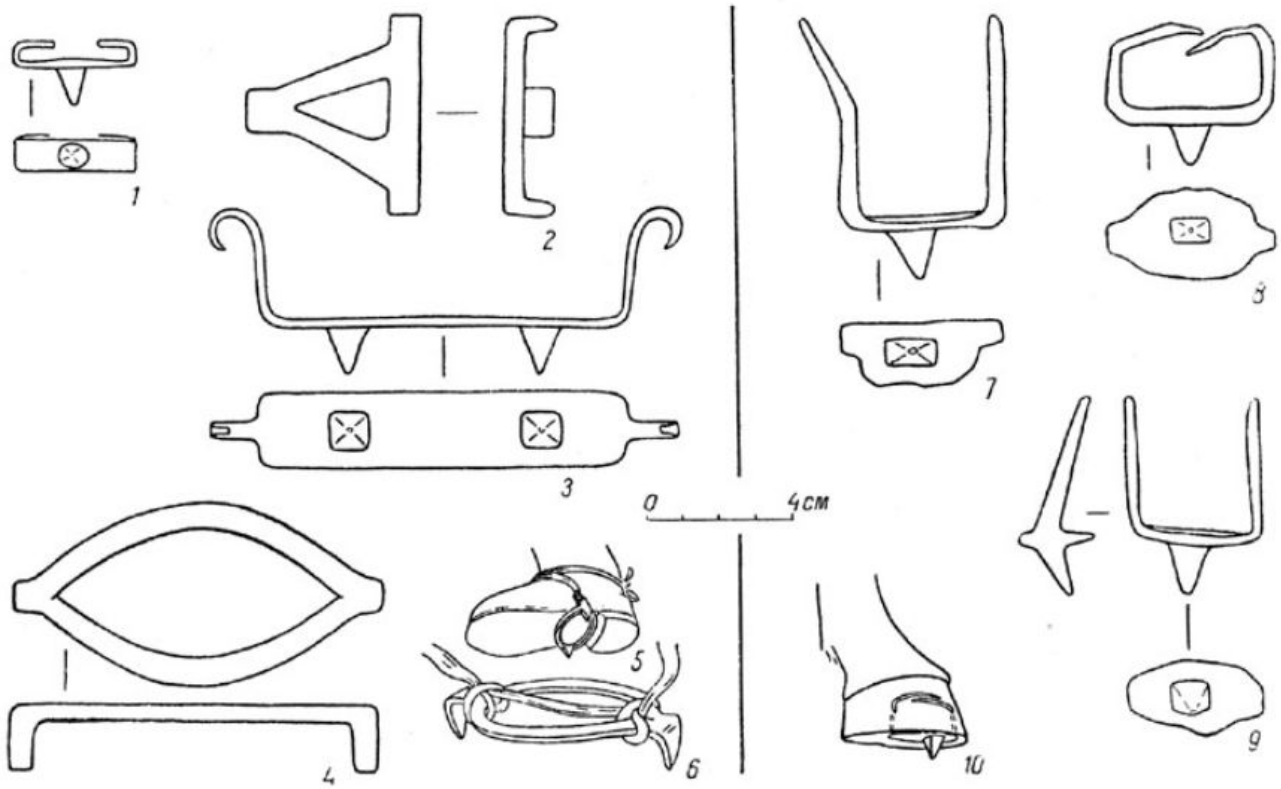


Рис. 47. Ледоходные шипы человека (1—6) и коня (7—10). 1 — Большое Тимерово, X в., раскопки *М. В. Фехнер* в 1961 г., курган 342; 2 — Чернигов (удила, № 75); 3 — Старая Ладога, XVII в., с элементами реконструкции (Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛА-1001); 4 — Княжа Гора, 1150—1240 гг., раскопки *Д. Я. Самоквасова* в 1876 г.; 5 — способ ношения шипов, по современным данным; 6 — шип с пристяжными ремешками у коряков; 7 — Торопец, конец XII в., раскопки *Г. Ф. Корзухиной* в 1961 г.; 8,. 9 — Городище, 1150—1240 гг. раскопки *М. К. Каргера* в 1960—1961 гг.; 10 — шип на копыте.

Если говорить о древнерусских находках, то во всех случаях осталось неизвестным, как и к чему прикреплялись шипы. В обоймах несколько раз обнаружены незначительные остатки кожи и дерева. Устройство шипов, однако, прямым образом связано с их носителями. Скандинавские и другие материалы позволили провести точное разграничение шипов. Обувные состояли из ленточной с загнутыми концами обоймы длиной 2—3,5 см, высотой 0,7—0,9 см (рис. 47, *1*—6). К обойме крепился шип протяженностью около 1 см. В просвет скобы продевался ремень или тонкая дощечка. К средней части подошвы можно было подвязать целую низку таких обойм.

Концы металлических скоб очень аккуратно загибались в одной плоскости и часто намеренно не смыкались, очевидно, чтобы пропустить деревянное скрепление. [46] Обувные шипы в количестве от 1 до 4 найдены у нас в основном в дружинных захоронениях X в. (рис. 48), где, вероятно, являлись эпизодическим чужеземным заимствованием. В это же время зафиксированы обувные приспособления иного вида — с одним-тремя остриями, крепившимися на прямой или треугольной платформе. [47] Такое приспособление подвязывалось к обуви при помощи шнуров, либо заходящих в отверстия платформ, либо прикреплявшихся к специальным круглым петлям. Вероятно, в XI в. обувные шипы различных разновидностей, смонтированные на одной жесткой металлической основе, [48] вытесняют менее надежные обоймы с кожаным или деревянным сцеплением. В нашу задачу не входит описание всех этих приспособлений, появившихся, кстати сказать, в эпоху бронзы и сохранившихся кое-где и в наши дни. [49]

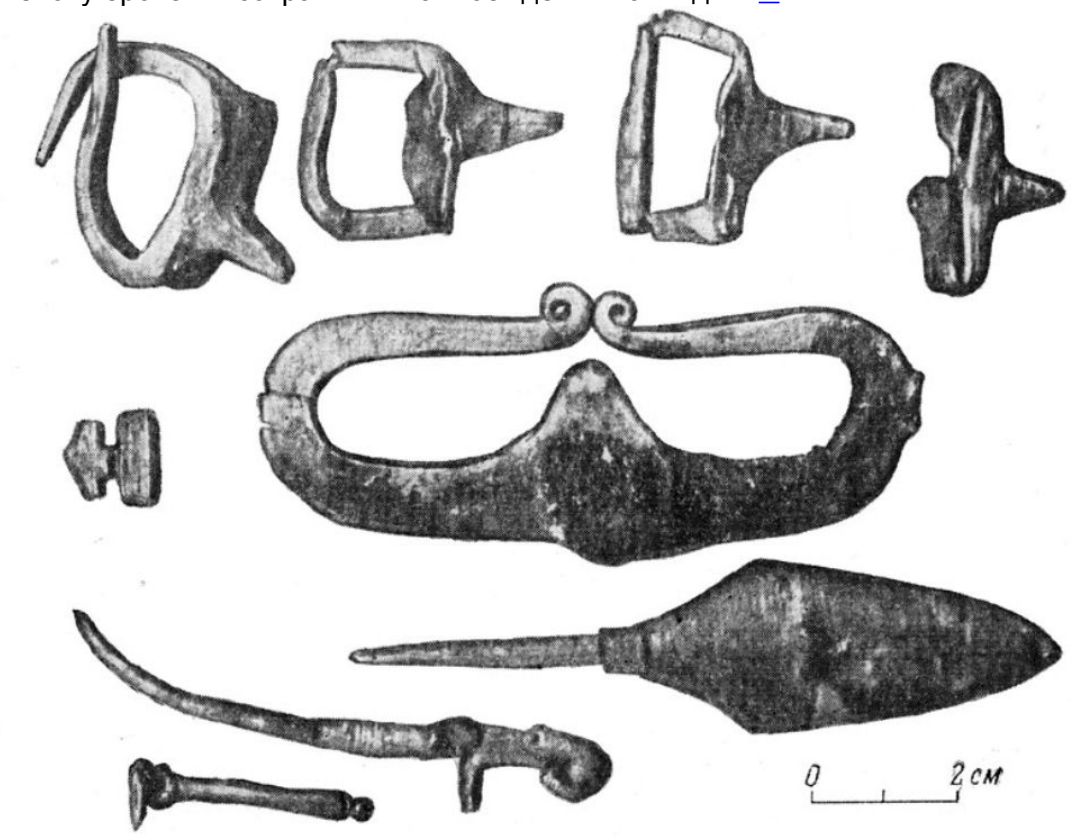


Рис. 48. Шипы для человека и коня и другие находки. Гнездово, X в., раскопки *В. И. Сизова* в 1898 г., курган 14 (ГИМ, хр. 117/30б).

Ледоходные конские подковки в памятниках X в. попадаются в 2 раза чаще обувных; от последних они всегда отличаются, и им в течение многих веков было присуще постоянство конструкции (рис. 47, 7—*10*). В неиспользованном состоянии конские шипы представляют скобы в виде буквы «П». Длина платформы с шипом от 3 до 5,7 см (редко больше). [50] Высота зубцов около 6 см. При установке зубцы выходили на откос передней части копыта и загибались примерно на середине своей высоты, чаще всего неравномерно. Эти изделия были съемными; в поселениях много раз найдены шипы как новые, так и уже использовавшиеся, с обломанными и разогнутыми концами. В трупосожжениях такие предметы обычно находят с согнутыми зубцами. У образцов IX— XIII вв. несущая платформа имеет односторонний полукруглый (по очертанию копыта) край и тыльный прямой. Не позже XIII в. появились образцы, у которых был скруглен и передний, и задний обрез платформы, а в некоторых случаях зубцы и шипы (если смотреть в профиль) получили легкий внутренний наклон друг к другу. В курганах X в., как русских, так и зарубежных, было найдено чаще всего от 1 до 2 ледоходных обойм — подковывались преимущественно передние ноги коня.

В курганах X в. конские зимние подковки лишь в 5 случаях сопровождались всадническим снаряжением. [51] В других случаях они найдены с конскими костями (в могилах Ярославщины и

Гнездова), [52] а иногда и без них. Находки шипов, следовательно, если и выдают присутствие в захоронении коня, то вовсе не предполагают наличия всаднического снаряжения. Таким образом, обнаружение конских шипов в погребениях X в. еще не дает права безоговорочно причислять всех их к комплексам с воинами-всадниками. В ряде случаев эти принадлежности могли символизировать присутствие верхового животного и предназначались покойному одновременно с обувными шипами [53] в качестве необходимой походной напутственной вещи. [54] Однако нет сомнения в том, что именно древнерусские дружинники, как показывают погребальные комплексы, широко пользовались ледоходными шипами. В дальнейшем этот обычай широко привьется в ездовой практике русского средневековья. [55]

Итак, так называемые древолазные шипы никакого отношения к бортничеству и иным, не связанным с ходьбой целям не имели. Эти шипы, дифференцированные для человека и коня, помогали безопасно передвигаться по скользким дорогам преимущественно в зимнее время. Ледоходные шипы появились на Руси в IX—X вв. как, по всей вероятности, северное заимствование и на первых порах составляли принадлежность свободных состоятельных людей, владевших оружием и конем. В дальнейшем эти приспособления широко распространяются в быту горожан и, возможно, крестьян. В конном деле употребление шипов не противоречило применению нормальных подков. И те и другие уживались много столетий подряд.

[26] *А. А. Спицын*. Гнездовские курганы в раскопках *С. И. Сергеева*. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 15.

[27] *Б. А. Колч*ин. Железообрабатывающее ремесло..., стр. 115—116.

[28] *Д. А. Авдусин*. Отчет о раскопках гнездовских курганов. МИСО, вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 181—182.

[29] *Р. Л. Розенфельдт*. О конструкции и назначении некоторых железных изделий. СА, 1960, № 2, стр. 278, рис. 1; 5; 6.

[30] *В. И. Сизов*. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 75, табл. IX, *20—23.*

[31] *В. А. Мальм*. Промыслы древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр. 132 и сл., рис. 8; *Д. А. Авдусин*. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок *М. Ф. Кусцинского*. В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, стр. 24, табл. II, *6.*

[32] *А. В. Арциховский*. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 147, рис. 20, *3; А. Ф. Медведев*. [Рец. на:] *А. Д. Монгайт*. Старая Рязань. СА, 1958, № 1, стр. 288; *Р. Л. Розенфельдт*. О конструкции и назначении..., стр. 278; *Н. Г. Недошивина*. Предметы бытового назначения. В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 53—54.

[33] Коснусь двух последних предположений. Поводом для отнесения шипов к конструкции ладьи послужил кусок дерева, зажатый в одном из них (*Д. А. Авдусин*. Отчет..., стр. 164). В гнездовском кургане, где был найден этот образец, однако, совершенно отсутствовали типичные для корабля заклепки. Нахождение же в обоймах шипов остатков дерева будет объяснено ниже. Шипы не использовались для оковки средневековых дубин. Острия, загонявшиеся в шарообразное увенчание палицы, были гвоздями с пирамидальными шляпками.

[34] *В. А. Мальм*. Промыслы..., стр. 134—135; W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośregniowieczna. Warszawa, 1956, рис. 69; 70. Основные детали деревянного приспособления для лазанья по деревьям найдены в Новгороде в слоях X—XII вв. (*Б. А. Колчин*. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, стр. 23, табл. 10).

[35] *В. А. Мальм*. Промыслы..., стр. 134; *А. А. Спицын*. Курганы С. -Петербургской губернии в раскопках *Л. К. Ивановского*. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 33, табл. XVII, *13а.*

[36] Нам удалось учесть 90 захоронений X в. с шипами. Это далеко не полный сбор.

[37] I. Atterman. Nya fund fren Hovgårdsberg i Vendel. Fornvånnen, 30, Stockholm, 1935, стр. 152 и сл.; G. Engwall. Hästskor. Kulturen, 1936, Lund, 1937, стр. 87—88, рис. 3.

[38] H. Arbman. Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943, погр. 11 и сл.

[39]J. Petersen. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, стр. 62 и сл., рис. 52; 53. Автор обсуждает 118 экз. из 70 находок.

[40]G. Arwidsson. Valsgärde 8. Uppsala, 1954, стр. 76, табл. 26.

[41]E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. I. Helsinki, 1951, рис. 348; 349.

[42]Древнейшие восточноевропейские шипы происходят из Старой Ладоги (Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 874; ЛД-495; ЛА-298).

[43]В ряде финских районов шипы отсутствуют. Их почти нет, например, в курганах Юго-Восточного Приладожья. В Финляндии в памятниках эпохи викингов они находятся сравнительно редко.

[44]*Б. А. Колчин*. Железообрабатывающее ремесло..., стр. 114.

[45]Кроме упомянутых выше могильников шипы были обнаружены в Старой Ладоге, Белоозере, Новгороде, Пскове, Стерженском городище, Торопце, Москве, Гродно, Старой Рязани, Серенске, древнем Изяславле (Городище Хмельницкой области), Колодяжине, Плеснеске, Белой Веже.

[46]В погребениях Бирки остатки дерева отмечены несколько раз только у описываемых обувных шипов.

[47]*В. А. Мальм*. Промыслы..., рис. 8, *3; Д. Я. Самоквасов*. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 27, рис. 3364; 3365; 3366; 3367; Д. І. Бліфельд. Древньоруський могильник в Чернігові. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, табл. II, *11* (ср.: J. Petersen. Vikingetidens redskaper, рис. 55).

[48]Выделяются 2—3 шиповых устройства, смонтированных на удлиненно-овальной раме. Они известны мне из городов и городищ XII—XIII вв.: Переяславля-Рязанского (*В. А. Мальм*. Промыслы..., рис. 8, *1, 2),* Пронска, Княжей Горы, Райков (ГИМ, хр. VIII/39/27б), древнего Изяславля. Этот тип ледоходного шипа предполагает использование подошвы с каблуком (металлические накаблучники из городищ предмонгольской поры также известны, и мнение о появлении каблука лишь в XIV в. следует пересмотреть) и сохранился вплоть до нашего времени (A. Mahr. Zu den sogenannten prähistorischen Steigeisen. SMYA, t. XXXIX: 2, Helsinki, 1934, рис. 14f, 15a).

[49]«Кто-то может сказать: с пустяками возится человек. Что такое гололед, я понял несколько лет тому назад... когда узнал, что только у нас на заводе за зиму 400—500 человек, поскользнувшись, ломает руки и ноги» (М. Шмелев. Вооружайтесь против гололеда. Рационализатор и изобретатель, 1967, № 2, стр. 24 и рис.).

[50]Более крупные шипы могли употребляться для тяжеловозов и волов (ср.: A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1891, стр. 673).

[51]Каталог: Михайловское, удила, № 20; Гнездово, стремена, № 28; Чернигов, удила, № 75; Шестовицы, стремена, №№ 56, 57; Шестовицы, удила, № 80.

[52]Точное определение здесь затруднено, так как в большинстве исследованных до революции курганных трупосожжениях конские кости не определялись.

[53]Не исключено, что в некоторых случаях конские шипы, особенно с зубцами, загнутыми строго в одной плоскости, употреблялись и человеком (ср.: *Н. Г. Недошивина*. Предметы..., стр. 54).

[54]Заманчиво было бы предположить, что разного рода шипы являются признаком захоронения в зимнее время года, однако материалы ярославских могильников этого не подтвердили. Следует прибавить, что количество шипов, употреблявшихся в реальной жизни, было подчинено, очевидно, большей регулярности, чем это видно на основании погребальных комплексов, с их обрядовыми непостоянствами.

[55]Один иностранец, побывавший в России в 1576 и 1578 гг., описал сезонные конские шипы, которые крепили «только в передней части копыта» [Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. (Отд. оттиск). М., 1876, стр. 73].

См. также **Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв**

Вернуться к ссылке

44.271. Вооружение на Руси IX-XIII вв

…Оборонительное вооружение знатного дружинника времен первых Рюриковичей включало в себя простой щит (норманнского типа), шлем (чаще азиатской, остроконечной формы), пластинчатый или кольчатый панцирь. Основным оружием служили меч (значительно реже - сабля), копье, боевой топор, лук и стрелы. Как дополнительное оружие использовались кистени и дротики – сулицы.

Тело воина защищала **кольчуга**, имевшая вид рубашки длиной до середины бедер, сделанной из металлических колец, или броня из стянутых ремешками горизонтальных рядов металлических пластин. Для изготовления кольчуги требовалось много времени и физических усилий. Сначала способом ручной протяжки изготовлялась проволока, которая обматывалась вокруг металлического прута и разрубалась. На одну кольчугу шло около 600 м проволоки. Половину колец сваривали, а у остальных расплющивали концы. На расплющенных концах пробивали отверстия диаметром менее миллиметра и заклепывали, предварительно соединив это кольцо с четырьмя другими, уже вплетенными кольцами. Вес одной кольчуги составлял примерно 6,5 кг.

… Издавна считалось, что **кольчуга** на Руси появилась из Азии, будто бы даже на два века раньше, чем в западной Европе (6), однако в настоящее время утвердилось мнение, что этот тип защитного вооружения – изобретение кельтов, известное здесь с IV в. до н.э., использовавшееся еще римлянами и к середине первого тысячелетия н.э. дошедшее до Передней Азии (7). Собственно же производство кольчуг возникло на Руси не позднее X в.(8).

С конца XII в. вид кольчуги изменился. Появились доспехи с длинными рукавами, подолом до колен, кольчужные чулки, рукавицы и капюшоны. Изготовляли их теперь уже не из круглых в сечении, а из плоских колец. Ворот делался квадратным, разрезным, с неглубоким вырезом. Всего на одну кольчугу уходило теперь до 25 тыс. колец, а к концу XIII столетия – до 30 разного диаметра (9).

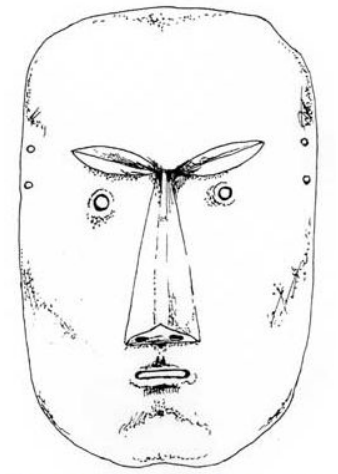
В отличие от Западной Европы на Руси, где ощущалось влияние Востока, в то время существовала и иная система защитного вооружения – пластинчатая или «дощатая бронь», называемая специалистами **ламеллярным** панцирем. Такой доспех состоял из связанных между собой и надвинутых друг на друга металлических пластинок. Древнейшие «брони» делались из прямоугольных выпуклых металлических пластинок с отверстиями по краям, в которые продевались ремешки, стягивавшие пластины между собой. Позже пластины изготовлялись различной формы: квадратные, полукруглые и т.п., толщиной до 2 мм. Ранние брони на ременном креплении надевались на толстую кожаную или стеганую куртку или же, по хазаро-мадъярскому обычаю – поверх кольчуги. В XIV в. архаичный термин «броня» сменился словом «доспех», а в XV веке появился новый термин, заимствованный из греческого языка, - «панцирь».

Ламеллярный панцирь весил несколько больше обычной кольчуги – до 10 кг. По мнению некоторых исследователей, покрой русских доспехов времен Киевской Руси отличался от степных прототипов, стоявших из двух кирас – грудной и спинной и был сходным с византийским (разрез на правом плече и боку) (10). По традиции, идущей через Византию от древнего Рима,

плечи и подол такого доспеха оформлялись кожаными полосками, покрытыми наборными бляхами, что подтверждается произведениями искусства (иконы, фрески, миниатюры, изделия из камня).

Византийское влияние проявилось и в заимствовании чешуйчатого доспеха. Пластины такой брони прикреплялись к матерчатой или кожаной основе верхней своей частью и перекрывали собой нижерасположенный ряд подобно черепице или чешуе. Сбоку пластинки каждого ряда перекрывали одна другую, а посередине еще приклепывались к основе. Большинство подобных панцирей, найденных археологами, относится к XIII – XIV вв., но известны они еще с XI века. Длиной они были до бедер; подол и рукава изготовлялись из более длинных пластин. По сравнению с пластинчатым ламеллярным панцирем чешуйчатый был эластичнее и гибче. Выпуклые чешуйки, закрепленные только с одной стороны. Придавали воину большую подвижность.

Кольчуга первенствовала в количественном отношении все раннее средневековье, но в XIII веке она стала вытесняться пластинчатыми и чешуйчатыми доспехами. В этот же период появились и комбинированные доспехи, сочетавшие в себе оба этих типа.



Чжурженьская личина - боевая маска

'rusmnb.ru/e107_plugins/smf/smf.php?topic=5947.240

Характерные **сфероконические остроконечные шлемы** не сразу получили преобладание на Руси. Ранние защитные головные уборы существенно отличались друг от друга, что было следствием проникновения в восточнославянские земли разных влияний. Так, в Гнездовских курганах на Смоленщине из двух найденных шлемов IX в. один оказался полусферическим, состоящим из двух половин, стянутых полосами по нижнему краю и по гребню ото лба к затылку, второй – типично азиатским, из четырех треугольных частей с навершием, нижним ободом и четырьмя вертикальными полосами, прикрывающими соединительные швы. У второго были надбровные вырезы и наносник, его украшала позолота и узор из зубцов и просечек по ободу и полосам. Оба шлема имели кольчужные бармицы – сетки, прикрывавшие нижнюю часть лица и шею. Два шлема из Чернигова, относящиеся к X веку, по способу изготовления и декору близки ко второму гнездовскому. Они также азиатского, остроконечного типа и увенчаны навершиями с втулками для плюмажей. В средней части этих шлемов укреплены ромбические накладки с торчащими шипами. Считается, что эти шлемы имеют мадъярское происхождение (11).

Чжурчженьский полусферический шлем

Северное, варяжское влияние проявилось в киевской находке фрагмента полумаски-личины – типично скандинавской детали шлема.

С XI века на Руси сложился и закрепился своеобразный тип плавно изогнутого кверху сфероконического шлема, оканчивающегося стержнем. Его непременным элементом был неподвижный «нос». А нередко и объединенная с ним полумаска с элементами декора. С XII в. шлемы обычно ковались из одного листа железа. Затем к нему приклепывалась отдельно изготовленная полумаска, а позднее – маска – **личина**, полностью закрывающая лицо, имеющая, как принято считать, азиатское происхождение. Особенно распространились такие маски с начала XIII в., в связи с общеевропейской тенденцией к утяжелению защитного вооружения. **Маска-личина** с прорезями для глаз и отверстиями для дыхания способна была защитить как от рубящих, так и от колющих ударов. Поскольку крепилась она неподвижно, то воинам, чтобы их узнали, приходилось снимать с себя шлем. С XIII в. известны шлемы с личинами на шарнире, откидывающиеся кверху, подобно забралу.

Несколько позже высокого **сфероконического шлема** появился куполообразный. Встречались и шлемы уникальной формы – с полями и цилиндро-коническим верхом (известны по миниатюрам). Под все типы шлемов обязательно одевался подшлемник – «прилбица». Эти круглые и, по-видимому, невысокие шапки часто изготовлялись с меховой опушкой. Кольчужная бармица, крепившаяся к краям шлема и полумаски, могла достигать размеров пелерины, прикрывающей плечи и верхнюю часть груди.

Фрагмент иконы "Благословенно воинство Царя Небесного". Москва, 1550-е гг. (А.Г. Силаев "Истоки русской геральдики")

Как указывалось выше, **шиты** издревле составляли неотъемлемую часть славянского вооружения. Первоначально они сплетались плетеными из прутьев и обтягивались кожей, как и у всех варваров Европы. Позже, во времена Киевской Руси, их стали изготавливать из досок. Высота **щитов** приближалась к росту человека, и греки считали их «труднопереносимыми». Бытовали на Руси в этот период и круглые щиты скандинавского типа, до 90 см в диаметре. В центре и тех и других делался круглый пропил с рукояткой, с наружи прикрывавшийся выпуклым умбоном[223]. По краю щит обязательно оковывался металлом. Нередко наружная сторона его покрывалась кожей. XI в. распространились каплевидные (иначе – «миндалевидные») общеевропейского типа, широко известные по различным изображениям. В это же время появились и круглые воронкообразные, но по-прежнему продолжали встречаться плоские круглые щиты. К XIII в., когда повысились защитные свойства шлема, верхняя кромка каплевидного щита выпрямилась, так как отпала необходимость защищать им лицо. Щит становится треугольным, с обозначившимся прогибом посередине, что позволяло плотно прижимать его к телу. Одновременно существовали и трапециевидные, четырехугольные щиты. Встречались в то время и круглые, азиатского типа, с подкладкой на тыльной стороне, крепившиеся на руке двумя ременными «столбцами». Этот тип, скорее всего, бытовал у служилых кочевников южной Киевщины и вдоль всего степного рубежа.

Известно, что щиты разных форм существовали в течение длительного времени и использовались одновременно (лучшей иллюстрацией такого положения служит известная икона «Церковь воинствующая»). Форма щита в основном зависела от вкусов и привычек владельца.

---

[223] **Умбон** (лит. *umbo*) — металлическая бляха полусферической или конической формы, размещённая по середине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов. Под умбоном находится ручка, за которую воин держит щит.

Основная часть внешней поверхности щита, между умбоном и окованным краем, так называемым «венцом», называлась каймой и окрашивалась по вкусу хозяина, но на всем протяжении использования щитов в русском войске предпочтение отдавалось различным оттенкам красного цвета. Помимо однотонной окраски, можно предположить и помещение на щитах изображений геральдического характера. Так на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, на щите Святого Георгия изображен хищник семейства кошачьих, - безгривый лев, или, скорее, тигр – «лютый зверь» мономахова «Поучения», по-видимому, ставший государственным гербом Владимиро-суздальского княжества.

«**Меч** – главный предмет вооружения профессионального воина на протяжении всего домонгольского периода русской истории, - писал в свое время выдающийся отечественный археолог А.В. Арциховский. – В эпоху раннего средневековья форма мечей на Руси и в Западной Европе была приблизительно одинаковой» (12). После расчистки сотен клинков, относящихся к периоду становления Киевской Руси, хранящихся в музеях разных стран Европы, в том числе и бывшего СССР, выяснилось, что подавляющее их большинство было произведено в нескольких центрах, располагавшихся на Верхнем Рейне, в пределах Франкской державы. Этим и объясняется их однотипность.

… Арабские хронисты писали, что мечи франков столь остры, что рубят даже железо, поэтому на Востоке франкский меч стоил 1000 египетских динаров - в 300 раз дороже некоторых местных. Очень интересным в этой связи является одно из сообщений арабского хрониста 10-го века, в котором говорится, что от русов на Восток, вплоть до Багдада, вывозятся прекрасные мечи, которые «можно сгибать пополам и когда отнять, они возвращаются в прежнее положение.»

… Хорезмийский ученый Аль-Бируни в 10-м веке так описывает мечи русов: «Русы выделывают свои мечи из шапурхана (стали), а долы посреди них из нармохана (железа), чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Аль-фулад (литая сталь) не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они познакомились с фарандом (сплавленным узорчатым металлом), то изобрели для долов плетенье из длинных проволок, изготовленных из обеих разновидностей железа - шапурхана и нармохана. И стали у них получаться на сварных плетениях при погружении в травитель вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить. Фаранд же не получается соответственно намерению, но он (его узор) случаен».

Уже знакомый нам Ибн-Фадлан говорит о вооружении русов, что мечи их франкские. /Современные переводчики уточняют, что «франкские» - в смысле «как у франков»./ Но другой хронист, его современник Ибн-Руста (910 г), называет русов владельцами слиманских мечей. Их сведения примиряет трактат Аль-Кинди (840 г), в котором он пишет, что франкские и слиманские мечи схожи тем, что выкованы из нармохана и шабурхана, но узор слиманских мечей более мелкий, блестящий и редкого искусства (вспомним плетенку из проволок). В конце концов Аль-Кинди подытоживает, что, в сущности, франкские и слиманские мечи одинаковы. Добавлю от себя, что и те и другие одинаковы с «нидамскими» мечами.

…**Мечи**, выкованные в IX – XI вв., ведущие свое происхождение от древнеримского длинного кавалерийского меча - спаты, имели широкий и тяжелый клинок, хотя и не слишком длинный – около 90 см, с параллельными лезвиями и широким долом (желобком). Иногда встречаются мечи с закругленным концом, свидетельствующие о том, что это оружие первоначально использовалось исключительно как рубящее, хотя из летописей известны примеры нанесения колющих ударов

уже в конце X в., когда два варяга с ведома Владимира Святославича, встретив в дверях идущего к нему брата – свергнутого Ярополка, пронзили его «под пазухи» (13).

При обилии латинских клейм (как правило, это аббревиатуры, например, **INND – In Nomine Domini, In Nomine Dei – Во имя Господне, Во имя Божие**) немалый процент клинков не имеет клейм или не поддается идентификации. В то же время русское клеймо найдено только одно: «Людоша (Людота?) коваль». Известно также одно славянское клеймо, выполненное латинскими буквами, - «Звенислав», вероятно польского происхождения. Нет сомнения, что местное производство мечей существовало уже в Киевской Руси X в., но, может быть, местные кузнецы реже клеймили свои изделия?

Ножны и рукояти к импортным клинкам изготавливались на месте. Столь же массивной, как и клинок франкского меча, была его короткая толстая гарда[224]. Эфес[225] этих мечей имеет уплощенную грибовидную форму. Собственно рукоять меча изготавливалась из дерева, рога, кости или кожи, снаружи нередко обматывалась крученой бронзовой или серебряной проволокой. Думается, что различия в стилях декоративного оформления деталей рукоятей и ножен на самом деле имеют гораздо меньшее значение, чем это кажется некоторым исследователям, и выводить отсюда процент той или иной национальности в составе дружины оснований не дают. Один и тот же мастер мог владеть как различными техническими приемами, так и разными стилями и украшал оружие в соответствии с желанием заказчика, а оно могло зависеть просто от моды. Ножны изготавливались из дерева и покрывались дорогой кожей или бархатом, украшались золотыми, серебряными или бронзовыми накладками. Наконечник ножен часто бывал украшен какой-либо затейливой символической фигурой.

Мечи IX-XI вв., как и в античной древности, продолжали носить на плечевой портупее, поднятыми довольно высоко, так, что рукоять приходилась выше пояса. С XII века меч, как и повсеместно в Европе, начинают носить на рыцарском поясе, на бедрах, подвешенным за два кольца у устья ножен.

На протяжении XI – XII вв. меч постепенно изменял свою форму. Его клинок удлинялся, заострялся, утончался, вытягивалась крестовина – гарда, эфес приобретал сначала форму шара, затем, в XIII веке – уплощенного кружка. К тому времени меч превратился в рубящее-колющее оружие. Одновременно обозначилась тенденция к его утяжелению. Появились «полуторные» образцы, для работы двумя руками.

Говоря о том, что меч являлся оружием воина-профессионала, следует помнить, что таковым он был лишь в раннем средневековье, хотя исключения для купцов и старой племенной знати существовали и тогда. Позднее, в XII в. меч появляется и в руках ополченцев-горожан. В то же время в ранний период, до начала массового, серийного производства оружия, вовсе не каждый дружинник владел мечом. В IX – первой половине XI века право (и возможность) обладать драгоценным, благородным оружием имел лишь человек, принадлежавший к самому высшему слою общества – старшей дружине. В младшей же дружине, судя по материалам раскопок дружинных погребений, еще в XI в. мечами владели лишь должностные лица. Это командиры отрядов младших дружинников – «отроков», в мирное время исполняли полицейские, судебные, таможенные и иные функции и носили характерное название – «мечники» (14).

В южных районах Древней Руси со второй половины X века получила распространение **сабля**, заимствованная из арсенала кочевников. На севере, в Новгородской земле, сабля вошла в обиход значительно позже – в XIII веке. Стояла она из полосы – клинка и «крыжа» – рукояти. Клинок имел лезвие, две стороны – «голомени» и «тылье». Рукоятка собиралась из «огнива» - гарды, черена и набалдашника – эфеса, в который через небольшое отверстие продевался шнур – темляк. Древняя сабля была массивной, слабо изогнутой, настолько, что всадник мог ею, как

---

[224] **Гарда** - устройство на клинковом холодном оружии, являющееся частью эфеса, предохраняющее кисть руки от удара. Состоит из дужек, щитка, чашки, перекрестья и крестовины.

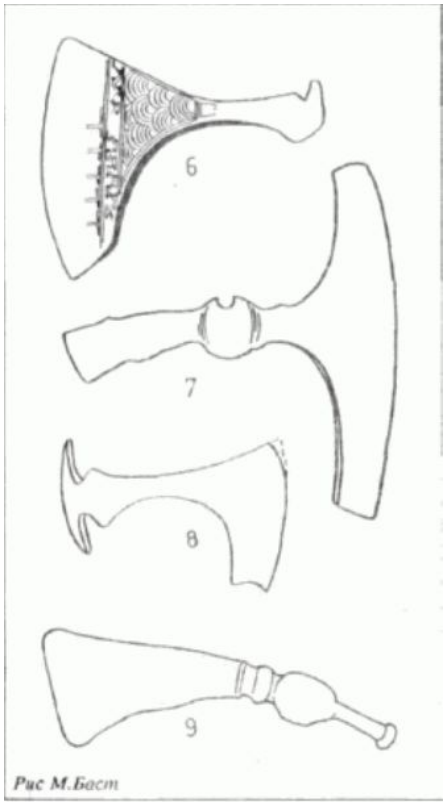
[225] **Эф** (нем. *Gefäss*) — часть клинкового холодного оружия, состоящая из гарда и рукояти с головкой.

мечом, заколоть лежащего на санях, о чем есть упоминание в Повести временных лет сабля применялась параллельно с мечом в районах, граничивших со Степью. Севернее и западнее был распространен тяжелый доспех, против которого сабля не годилась. Для борьбы же с легкой конницей кочевников сабля была предпочтительней. Автор «Слова о полку Игореве» отметил характерную особенность вооружения жителей степного Курска: «у нихъ… сабли изострени…» (15). С XI по XIII век сабля в руках русских воинов упоминается в летописях всего трижды, а меч – 52 раза.

К рубящее-колющему оружию можно отнести и изредка встречающийся в погребениях не позднее X века большой боевой нож – **скрамасакс**, пережиток эпохи варварства, типичное оружие германцев, встречавшееся по всей Европе. Издавна были известны на Руси и боевые ножи, постоянно встречающиеся при раскопках. От хозяйственных их отличает большая длина (свыше 15 см), наличие дола - кровостока или ребра жесткости (ромбическое сечение) (16).

Очень распространенным рубящим оружием в древнерусском войске был **топор**, имевший несколько разновидностей, что определялось различиями как в боевом применении, так и в происхождении. В IX-X вв. на вооружении тяжелой пехоты были большие топоры – секиры с мощным трапециевидным лезвием. Появившись на Руси как норманнское заимствование, секира такого типа еще долго сохранялась на северо-западе. Длина топорища секиры определялась ростом владельца. Обычно, превышая метр, она достигала груди стоящего воина.

Гораздо большее распространение получили универсальные **боевые топорики славянского типа** для действия одной рукой, с гладким обухом и небольшим лезвием, с оттянутой книзу бородкой. От обычного топора они отличались главным образом меньшими весом и размерами, а также наличием в середине лезвия у многих экземпляров отверстия – для крепления чехла. Другой разновидностью был кавалерийский топорик – чекан с узким клиновидным лезвием, уравновешенным молотовидным обухом или, реже, клевцом – явно восточного происхождения. Встречался также переходный тип с молотовидным обухом, но широким, чаще, равносторонним лезвием. Его также относят к славянским. К этому типу принадлежит широко известный топорик с инициалом «А», приписываемый Андрею Боголюбскому. Все три типа имеют весьма небольшие размеры и умещаются на ладони. Длина их топорища – «кия» достигала метра.



6. Боевой топор со скандинавской орнаментикой. Углы. X - XI вв.

7. Боевой топор славянского типа из погребения дружинника на Владимирской улице в Киеве. X в.

8. Боевой топор европейско-славянского типа. Гнездово. X в.

9. Боевой топор степного, хазаро-мадьярского типа. Вахрушева. X в.

В отличие от меча, оружия в первую очередь «благородных», топорики являлись основным вооружением младшей дружины, во всяком случае ее низшей категории – «отроков». Как показывают недавние исследования дружинного Кемского курганного могильника у Белого озера, наличие в погребении боевого топорика при отсутствии меча однозначно свидетельствует о принадлежности его владельца к низшей категории профессиональных воинов, по крайней мере, до второй половины XI в (17). В то же время, в руках князя боевой топор упоминается летописью лишь дважды.

К оружию ближнего боя относится ударное оружие. Из-за простоты изготовления оно получило на Руси большое распространение. Это прежде всего разного рода булавы и заимствованные у степняков кистени.

Булава – чаще всего бронзовый шар, залитый свинцом, с пирамидальными выступами и отверстием для рукояти весом в 200 – 300 г – была широко распространена в XII – XIII вв. в среднем Поднепровье (на третьем месте по количеству находок вооружения). Но на севере и северо-востоке практически не встречается. Известны также цельнокованые железные и, реже, каменные булавы.

Булава – оружие главным образом конного боя, но несомненно, широко применялась и пехотой. Она позволяла наносить очень быстрые короткие удары, которые, не являясь смертельными, оглушали противника, выводили его из строя. Отсюда - современное «ошеломить», т.е. «ошелОмить», ударом по шлему – шелому опередить противника, пока он замахивается тяжелым мечом. Булава (также, как засапожный нож или топорик) могла использоваться и как метательное оружие, о чем, кажется, свидетельствует Ипатьевская летопись, называя ее «рогатицей».

Кистень – гирька различной формы из металла, камня, рога или кости, чаще бронзовая или железная, обычно округлая, часто каплевидной или звездообразной формы, весом в 100 – 160 г. на ремне длиной до полуметра – был, судя по частым находкам, очень популярен повсеместно на Руси, однако в бою самостоятельного значения не имел.

Редкое упоминание в источниках применения ударного оружия объясняется, с одной стороны, тем, что оно было вспомогательным, дублирующим, запасным, а с другой – поэтизацией «благородного» оружия: копья и меча. После таранного копейного столкновения, «изломив» длинные тонкие пики, бойцы брались за мечи (сабли) или топорики-чеканы, и лишь в случае их поломки или потери наступала очередь булав и кистеней. К концу XII века в связи с началом массового производства клинкового оружия топорики-чеканы также переходят в разряд дублирующего оружия. В это время обух топорика иногда приобретает форму булавы, а булава снабжается длинным загнутым книзу шипом. Как результат этих экспериментов, в начале XIII века на Руси археологами отмечено появление нового типа ударного оружия – шестопера. К настоящему времени обнаружены три образца железных восьмилопастных наверший округлой формы с плавно выступающими гранями. Они найдены в городищах к югу и западу от Киева (18).

Копье – важнейший элемент вооружения русского воина в рассматриваемый период. Наконечники копий, после наконечников стрел – наиболее частые из археологических находок предметов вооружения. Копье, несомненно, являлось самым массовым оружием того времени (19). Без копья воин в поход не выходил.

Наконечники копий, как и прочие виды вооружения, несут на себе печать различных влияний. Древнейшие местные, славянские наконечники представляют собой универсальный тип с листовидным пером средней ширины, пригодный для охоты. Скандинавские более узкие, «ланцетовидные», приспособлены для пробивания доспехов или наоборот – широкими, клиновидными, лавроволистными и ромбовидными, предназначенными для нанесения тяжелых ран не защищенному доспехами противнику.

Для XII – XIII вв. стандартным оружием пехоты стало копье с узким «бронебойным» четырехгранным наконечником около 25 см длиной, что говорит о массовом использовании металлического защитного вооружения. Втулка наконечника называлась вток, древко – оскеп, оскепище, ратовище или стружие. В длину древко пехотного копья, судя по его изображениям на фресках, иконах и миниатюрах, имело около двух метров.

Кавалерийские копья имели узкие граненые наконечники степного происхождения, применявшиеся для пробивания брони. Это было оружие первого удара. Уже к середине XII века кавалерийское копье удлинилось настолько, что при столкновениях часто ломалось. «Преломить копие…» в дружинной поэзии стало одним из символов воинской доблести. О подобных эпизодах упоминают и летописи, когда речь идет о князе: «***Изломи Андрей копие свое в супротивне своемъ***»; «***Андрей же Дюргевичь взмя копие свое и поеха напередъ и съехася прежде всих и изломи копье свое***»; «***Въеха Изяслав один в полки ратных, и копье свое изломи***»; «***Изяслав же Глебович, внук Юргев, доспев с дружиною, возма копье… въгнав за плот к***

воротам градным, изломи копье»; «***Даниил же вбоде копье свое в ратного, изломившужеся копью, и обнажи меч свои***».

Ипатьевская летопись, написанная, в основных своих частях, руками светских людей - двух воинов-профессионалов – описывает подобный прием почти как ритуал, чем близка западной рыцарской поэзии, где такой удар воспевается бесчисленное количество раз.

Кроме длинных и тяжелых кавалерийских и коротких основных пехотных копий использовалась, хотя и редко, охотничья рогатина. Рогатины имели ширину пера от 5 до 6,5 см и длину лавролистного наконечника до 60 см (вместе с втулкой). Чтобы легче было держать это оружие. К его древку приделывались два – три металлических «сучка». В литературе, особенно художественной, рогатину и топор часто называют крестьянским оружием, но копье с узким, способным пробить броню наконечником, гораздо дешевле рогатины и несравненно эффективнее ее. Оно и встречается значительно чаще.

Черешковые наконечники

Дротики-сулицы всегда были излюбленным национальным оружием восточных славян. Часто их упоминают в летописях. Причем и как колющее оружие ближнего боя. Наконечники сулиц были и втульчатыми, как у копий и черешковыми[226], как у стрел, отличаясь, главным образом, размерами. Часто они имели оттянутые назад концы, затруднявшие их извлечение из тела и зазубрины, как у остроги. Длина древка метательного копья колебалась от 100 до 150 см.

Лук и стрелы употреблялись с глубокой древности как оружие охотничье и боевое. Луки изготавливались из дерева (можжевельник, береза, орешник, дуб) или из турьих рогов. Причем на севере преобладали простые луки европейского «варварского» типа из одного куска дерева, а на юге уже в X веке стали популярными сложные, составные луки азиатского типа: мощные, состоявшие из нескольких кусков или слоев дерева, рога и костяных накладок, очень гибкие и упругие. Средняя часть такого лука называлась рукоять, а все остальное – кибит. Длинные, изогнутые половины лука назывались рога или плечи. Рог состоял из двух планок, склеенных между собой. Снаружи он оклеивался берестой, иногда, для усиления, - роговыми или костяными пластинами. Наружняя сторона рогов была выпуклой, внутренняя - плоской. На лук наклеивались сухожилия (до 15-20 слоев), закреплявшиеся у рукояти и концов. **Сухожилиями же обматывались места соединения рогов с рукоятью, предварительно промазанные клеем. Клей употреблялся высококачественный, из осетровых хребтов.**

… **Саадак** (монгольский лук) склеивался из трех слоев дерева, вареных жил и кости, и для защиты от сырости обматывался сухожилиями; склеивание производилось под прессом, а просушка требовала выдержки в течение трех лет. Этот технологический секрет изготовления луков хранился в строжайшей тайне.

… **Лук у бурят был сложным**. Остовом лука служила береза, на внутренней стороне были пластины из рогов лося или изюбря. На внешней стороне наклеивались несколько слоев **обработанных сухожилий** зверя. Клей готовился из желчи байкальского осетра. Сверху их покрывала береста, защищавшая лук от сырости.

---

[226] В отличие от втульчатых наконечников, которые насаживались втулкой на верхний конец древка стрелы, черешковые забивались в торец или вставлялись в расщеп древка и затем закреплялись обмоткой и оклейкой. В Средние века на территории Восточной Европы черешковые наконечники составляли подавляющее большинство.

…У оконечностей рогов имелись верхние и нижние накладки. Через нижние проходила тетива, сплетенная из жил. Общая длина лука, как правило, составляла около метра, но могла и превышать человеческий рост. Такие луки имели специальное назначение.

Носили луки с натянутой тетивой, в кожаном чехле – налуче, крепившемся к поясу с левой стороны, устьем вперед. Стрелы для лука могли быть тростниковые, камышовые, из различных пород дерева, например яблоневые или кипарисовые. Их наконечники, часто ковавшиеся из стали, могли быть узкими, граненными – бронебойными или ланцетовидными, долотообразными, пирамидальными с опущенными концами-жалами, и наоборот – широкие и даже двурогие «срезни», для образования больших ран на незащищенной поверхности и т.д. В IX – XI вв. употреблялись в основном плоские наконечники, в XII - XIII вв. – бронебойные. Футляр для стрел в данный период назывался тул или тула. Он подвешивался к поясу с правой стороны. На севере и западе Руси его форма была близка к общеевропейской, той, что известна, в частности, по изображениям на «Гобелене из Байо», рассказывающем о норманнском завоевании Англии в 1066 г. На юге Руси тулы снабжались крышками. Так о курянах в том же «Слове о полку Игореве» сказано: «тули у них отворени», т.е. приведены в боевое положение. Такая тула имела круглую или коробчатую форму и изготовлялась из бересты или кожи.

Одновременно на Руси, чаще всего служилыми кочевниками, употреблялся и колчан степного типа, изготовлявшийся из тех же материалов. Его форма увековечена в половецких каменных изваяниях. Это широкий снизу, открытый и суживающийся кверху овальный в сечении короб. Он также подвешивался к поясу с правой стороны, устьем вперед и вверх, а стрелы в нем, в противоположность славянскому типу, лежали остриями кверху.

Лук и стрелы – оружие, использовавшееся чаще всего легкой конницей – «стрельцами» или пехотой; оружие завязки боя, хотя стрелять из лука, этого главного оружия охоты, на Руси умели в то время абсолютно все мужчины. Как предмет вооружения лук был, вероятно, у большинства, в том числе и у дружинников, чем они отличались от западно-европейского рыцарства, где луком в XII веке владели только англичане, норвежцы, венгры да австрийцы.

Значительно позднее появился на Руси **арбалет** или **самострел**. Он намного уступал луку в скорострельности и маневренности, значительно превосходя его в цене. За минуту арбалетчик успевал сделать 1 – 2 выстрела, в то время как лучник, при необходимости, способен был сделать за это же время до десяти. Зато самострел с коротким и толстым металлическим луком и проволочной тетивой далеко превосходил лук по мощи, выражавшейся в дальнобойности и силе удара стрелы, а также кучности. К тому же он не требовал от стрелка постоянных тренировок для поддержания навыка. Арбалетный «болт» - короткая самострельная стрела, на Западе иногда - цельнокованая, пробивала любые щиты и брони на расстоянии двухсот шагов, а максимальная дальность стрельбы из него достигала 600 м.

Это оружие пришло на Русь с Запада, через Карпатскую Русь, где оно впервые упоминается в 1159 г. Самострел состоял из деревянного ложа с подобием приклада и прикрепленного к нему мощного короткого лука. На ложе делался продольный желоб, куда вкладывалась короткая и толстая стрела с втульчатым копьевидным наконечником. Первоначально лук изготовлялся из дерева и от обычного отличался только размером и толщиной, но позже стал изготавливаться из упругой стальной полосы. Натянуть такой лук руками мог только чрезвычайно сильный человек. Обычный же стрелок должен был упереть ногу в специальное стремя, прикрепленное к ложе впереди лука и железным крюком, держа его двумя руками, натянуть тетиву и вложить ее в прорезь спуска.
Специальное спусковое устройство круглой формы, так называемый «орех», изготовлявшийся из кости или рога, крепился на поперечной оси. Он имел прорезь для тетивы и фигурный вырез, в который входил конец спускового рычага, в не нажатом положении стопоривший поворот ореха на оси, не позволяя ему освободить тетиву.

В XII в. в оснащении арбалетчиков появился двойной поясной крюк, позволявший натягивать тетиву, распрямляя корпус и удерживая оружие ногой в стремени. Древнейший в Европе поясной крюк был найден на Волыни, при раскопках Изяславля (20).

С начала XIII столетия для натягивания тетивы стал использоваться и специальный механизм из шестерен и рычага – «коловорот». Не отсюда ли прозвище Рязанского боярина Евпатия – Коловрат – за способность обходиться без оного? Первоначально такой механизм, по-видимому, применялся на тяжелых станковых системах, стрелявших зачастую цельнокованными стрелами. Шестерня от такого устройства была найдена на развалинах погибшего города Вщиж в современной Брянской области.

В домонгольский период арбалет (самострел) распространился по всей Руси, но нигде, кроме западных и северо-западных окраин его применение не носило массового характера. Как правило, находки наконечников именно арбалетных стрел составляют 1,5 – 2 % от общего их количества (21). Даже в Изборске, где найдено наибольшее их число, они составляют менее половины (42,5 %), уступая обычным. К тому же, значительная часть найденных в Изборске наконечников арбалетных стрел – западного, втульчатого типа, скорее всего залетевших в крепость извне (22). Русские арбалетные стрелы обычно черешковые. На Руси самострел – оружие исключительно крепостное, в полевой войне оно употреблялось только в землях Галицких и волынских, к тому же не ранее второй трети XIII в. – уже за пределами рассматриваемого нами периода.

С **метательными машинами** восточные славяне познакомились не позднее походов на Константинополь киевских князей. Церковное предание о крещении новгородцев сохранило свидетельство о том, как они, разобрав до середины мост через Волхов и установив на нем «порок», метали камни в киевских «крестоносцев» - Добрыню и Путяту. Однако первые документальные свидетельства применения камнеметов в русских землях относятся к 1146 и 1152 гг. при описании междукняжеской борьбы за Звенигород Галицкий и Новгород Северский. Отечественный оружиевед А.Н. Кирпичников обращает внимание на то, что приблизительно в это же время на Руси становится известен перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, где метательные машины часто упоминаются, что могло повысить к ним интерес. Практически одновременно появляется здесь и ручной самострел, что также должно было привести к опытам создания более мощных стационарных образцов(23).

В последующем камнеметы упоминаются в 1184 и 1219 гг.; известен также факт захвата передвижной метательной машины типа баллисты у половцев хана Кончака, весной 1185 г. Косвенным подтверждением распространения метательных машин и станковых арбалетов, способных метать ядра, служит появление сложной эшелонированной системы крепостных укреплений. В начале XIII века такая система валов и рвов, а также расположенных с внешней стороны **строга**[227] и **заплота**[228], рядов надолбов и аналогичных препятствий создавалась с целью отодвинуть метательные машины за пределы эффективной дальности их действия.

В начале XIII века в Прибалтике с действием метательных машин столкнулись полочане, а за ними псковичи и новгородцы. **Камнеметы** и арбалеты применили против них закрепившиеся здесь немецкие крестоносцы. Вероятно это были наиболее распространенные тогда в Европе машины балансирно-рычажного типа, так называемые **петереллы**, так как камнеметы в летописях обычно называются «**пороками**» или «**праками**». т.е. пращами. По-видимому, аналогичные машины преобладали и на Руси. Кроме того, немецкий хронист Генрих Латвийский часто, говоря о русских защитниках Юрьева в 1224 г., упоминает баллисты и баллистариев, что дает основание говорить о применении ими не только ручных арбалетов.

---

[227] Возможно, опечатка и должно быть «**острог».** В словаре Даля «строг» - процесс строгания и «строга» - острога, коею бьют щук, рыбу

[228] Заплот - забор, деревянная сплошная ограда, из досок или бревен

В 1239 г., при попытке деблокировать осажденный монголами Чернигов, горожане помогали своим спасителям, меча в татар камни, которые были способны поднимать только четверо заряжающих. Машина аналогичной мощности действовала в Чернигове и за несколько лет до нашествия, при подходе к городу войск волынско-киевско-смоленской коалиции. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что на большей части Руси широкого распространения метательные машины, как и арбалеты не получили и регулярно применялись только в юго- и северо-западных ее землях. В результате большинство городов, особенно на северо-востоке, продолжали прибывать в готовности лишь к пассивной обороне и оказались легкой добычей завоевателей, оснащенных мощной осадной техникой.

В то же время есть основания считать, что городское ополчение, а именно оно обычно составляло большую часть войска, было вооружено не хуже феодалов и их дружинников. На протяжении рассматриваемого периода процент конницы в составе городских ополчений все возрастал, и в начале XII века стали возможны полностью конные походы в степь, но даже те, кому в середине XII в. не хватало средств на покупку боевого коня, зачастую оказывались вооружены мечом. Из летописи известен случай, когда киевский «пешец» пытался мечом убить раненого князя (24).

Владение мечом к тому времени уже давно перестало быть синонимом богатства и знатности и соответствовало статусу полноправного члена общины. Так, еще «Русская Правда» допускала, что «муж», нанесший другому оскорбление ударом меча плашмя, мог не иметь серебра заплатить штраф. Еще один чрезвычайно интересный пример на эту же тему приводит И.Я. Фроянов, ссылаясь на Устав князя Всеволода Мстиславича: «Если «робичичу», сыну свободного человека, прижитого от рабыни, даже из «мала живота…» полагалось взять коня и доспех, то можно смело утверждать, что в обществе, где существовали такие правила, оружие являлось неотъемлемым признаком статуса свободного, независимо от его социального ранга»(25). Добавим, что речь идет о броне – оружии дорогом, считавшемся обычно (по аналогии с Западной Европой) принадлежностью профессиональных воинов или феодалов. В такой богатой стране, каковой являлась домонгольская Русь в сравнении со странами Запада, свободный человек продолжал пользоваться своим естественным правом владения каким угодно оружием, а возможностей для реализации этого права было в то время достаточно.

См. также **Вооружение воинов Киевского государства**, **Оружие Древней Руси**, **Ламинарный доспех**, **Монголо-татарские шлемы, панцири**, **О.Л. Макушников, Ю.М. Лупиненко. ЛАМЕЛЛЯРНЫЙ ДОСПЕХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО РАТНИКА НАЧАЛА XIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ГОМЕЛЕ)**, **Государственная символика Руси X - XVI вв.**, **Леонид Архангельский. РУССКИЕ МЕЧИ**, **Прямые мечи**, **Полуторный меч**, **История русской армии**, **Воины Киевской Руси 10 - 11 век**, **Топорик-чекан**, **НАКОНЕЧНИК**, **ЛУК МОНГОЛЬСКИЙ**, **Бурятские и монгольские луки**, **Разные статьи о луках вообще**, **Виды древнерусских доспехов**

Вернуться к ссылке

44.272. Куяк

Куяк (от монгольского хуяг — *доспех*) — общее название восточных и русских доспехов бригантинного типа (а также бригантинных доспехов коренных жителей Аляски, имевших конструкцию, аналогичную доспехам коренных жителей Сибири). В отличие от западноевропейских бригантин, пластины доспехов типа «куяк» могут быть расположены и с внешней стороны (а не только внутри). Причём для монгольской традиции характерны куяки с металлическими пластинами, «спрятанными» (за исключением зерцала) под подкладкой, в то время как в русской традиции пластины нередко, хоть и не всегда, крепились «напоказ» поверх основы.[1]

Краткое упоминание в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона:

Куяк — доспех также с металлическими досками, но обыкновенно круглой формы; иногда сверху было по большой доске почти во всю грудь или спину. Эти доски назывались щитами. Куяк несколько напоминал западноевропейскую бригантину. У китайцев употреблялись почти подобные нашим куяки. Бедные ратники вместо доспеха носили ***тегиляй*** — короткое платье с высоким стоячим воротником, из сукна или толстой бумажной материи, подбитое пенькой или ватой, в которые часто помещали обрывки кольчатой или панцирной сети, а также небольшие обломки железа.

Куяк на территории Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока был развитием традиционного монгольского панциря «хатангу-дегель» и получил широкое распространение в монголо-татарских и русских армиях в XIV в. Он представлял собой хатангу-дегель (общее название монгольских панцирей из кожи или иных мягких материалов), усиленный прикреплёнными изнутри металлическими пластинами. Снаружи куяки имели слой цветной ткани. Зачастую куяки укреплялись металлическими зерцалами на грудной и спинной части. Монгольские куяки часто имели длинные рукава и дополнительную металлическую защиту плеч.

Помимо куяков с зерцалами на груди (и спине), существовали также куяки с дополнительными зерцалами на рукавах и подоле (что характерно, длинный подол с разрезами спереди и сзади выполнял фунцкции набедренников). Один из подобных доспехов, произведённый в Индии, хранится в Эрмитаже, другой (тоже индийский) — в Лондонском Музее имени Ричарда Уоллеса (*Wallace Collection*). Согласно Боброву с Худяковым пик популярности куяков с такими зерцалами пришёлся на конец XV века, а затем их популярность стала снижаться с ростом популярности кольчато-пластинчатых доспехов. В итоге в Средней Азии такие куяки вышли вышли из употребления к концу XVII, однако в Индии их продолжали использовать наряду с кольчато-пластинчатами доспехами и в XVIII веке.

См. также **Бригантина (доспех)**, **Китайские доспехи** (**swordmaster.org**), **Виды древнерусских доспехов**

Вернуться к ссылке

44.273. Стояние на Угре 1480 год

44.273.1. Описание окружающей местности

Стоя́ние на реке́ Угре́, Угорщина — военные действия в 1480 году между ханом Большой Орды Ахматом и великим князем московским Иваном III, вызванные отказом Москвы (1476) платить Орде ежегодную дань. Положило конец монголо-татарскому игу. Московское государство стало полностью независимым.

Начало военных действий

В 1472 году ордынский хан Ахмат с большим войском двинулся к русским границам. Но у Тарусы захватчики встретили многочисленную русскую рать. Все попытки монголов переправиться через Оку были отбиты. Ордынское войско сожгло город Алексин и уничтожило его население, однако поход окончился провалом [1]. В 1476 году великий князь Иван III прекратил уплату дани хану Большой Орды, а в 1480 отказался признать зависимость Руси от неё.

Хан Ахмат[229], занятый борьбой с Крымским Ханством, лишь в 1480 году начал активные действия. Ему удалось договориться с польско-литовским королём Казимиром IV о военной помощи. Западные границы Московского государства (Псковские земли) в начале 1480 года подверглись нападениям Ливонского ордена. В январе 1480 года против Ивана III восстали его братья Борис Волоцкий и Андрей Большой, недовольные усилением власти великого князя. Используя сложившуюся обстановку, Ахмат в июне 1480 года организовал разведку правого берега реки Оки, а осенью выступил с основными силами.

«***Того же лета, злоименитый царь Ахмат… поиде на православное христьяньство, на Русь, на святые церкви и на великого князя, похваляся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же при Батый беше***.»

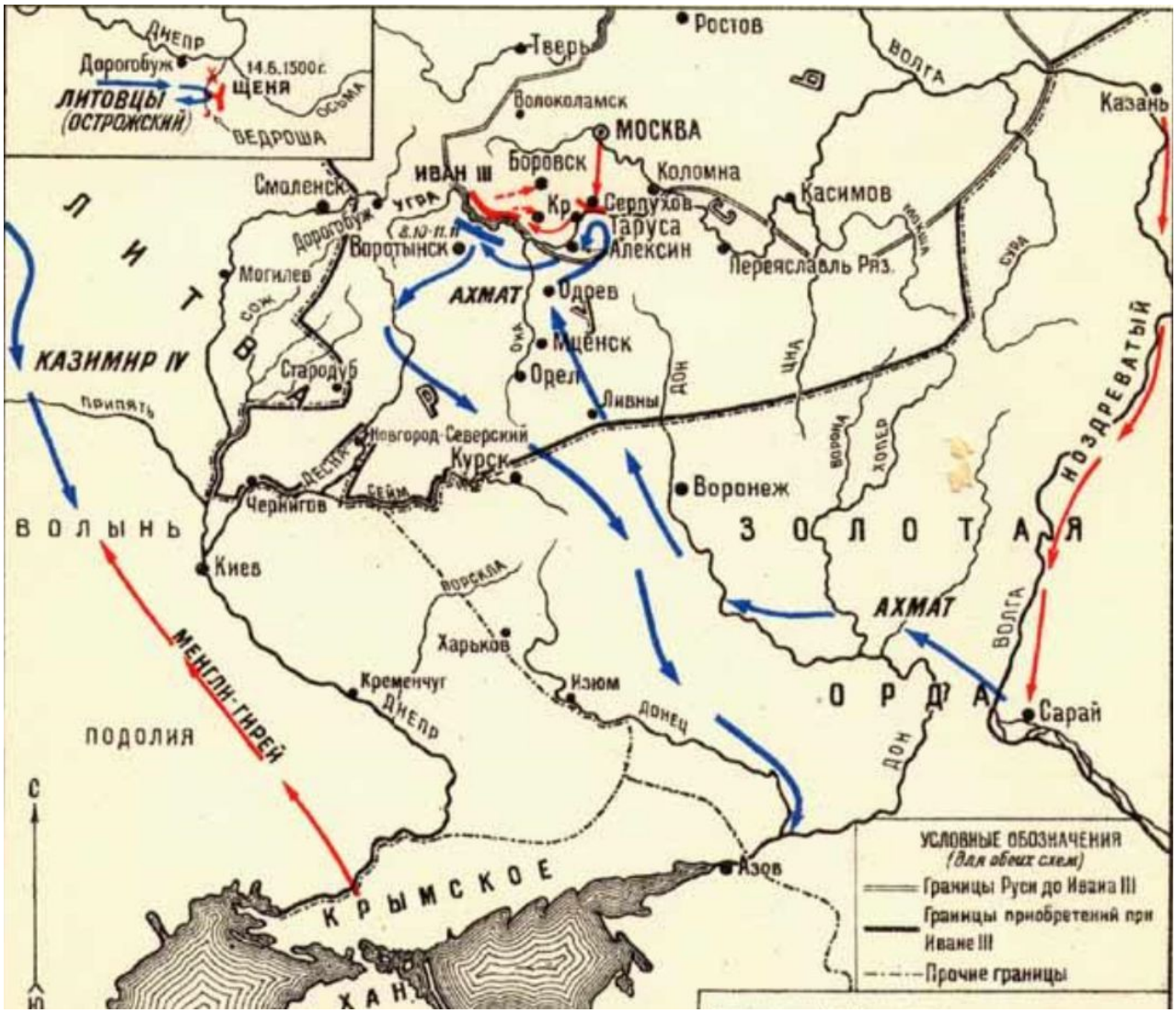
Боярская верхушка Московского государства раскололась на две группы: одна («сребролюбцев богатых и брюхатых») во главе с окольничим И. В. Ощерой и Г. А. Мамоном советовала Ивану III спасаться бегством; другая отстаивала необходимость бороться с Ордой. Возможно, на поведение Ивана III повлияла позиция москвичей, которые требовали от великого князя решительных действий.
Иван III начал стягивать войска к берегам реки Оки. В том числе, он отправил своего брата Андрея Меньшого в его вотчину — Тарусу, а сына Ивана Молодого в Серпухов. Сам великий князь прибыл 23 июня к Коломне, где и остановился в ожидании дальнейшего хода событий. В тот же день из Владимира в Москву была привезена чудотворная икона Владимирской Божьей Матери, с заступничеством которой связывали спасение Руси от войск Тамерлана в 1395 году.

Войска Ахмата беспрепятственно двигались по литовской территории и в сопровождении литовских проводников[2] через Мценск, Одоев и Любутск к Воротынску. Здесь хан ожидал помощи от Казимира IV, но так её и не дождался. Крымские татары, союзники Ивана III, отвлекли литовские войска, напав на Подолию. Зная, что на Оке его ожидают русские полки, Ахмат решил, пройдя по литовским землям, вторгнуться на русскую территорию через реку Угру. Иван III, получив сведения о таких намерениях, направил своего сына Ивана и брата Андрея Меньшого к Калуге и к берегу Угры.

---

[229] Положение Ахмата усугубляло падение доходов от эксплуатации северной ветви Великого Шелкового пути, идущей севернее Мавераннахра через Дешт-и-Кипчак в Крым (в 1475 году Капитанство Готия и королевство крымских готов было захвачено турками). Прим. Ред.-оформит.

Противостояние на Угре



30 сентября

Иван III вернулся из Коломны в Москву «на совет и думу» с митрополитом и боярами. Великий князь получил единодушный ответ, «***чтобы стоял крепко за православное христьяньство противу безсерменству***». В те же дни к Ивану III пришли послы от Андрея Большого и Бориса Волоцкого, которые заявили о прекращении мятежа. Великий князь пожаловал братьям прощение и повелел им двигаться со своими полками к Оке. 3 октября Иван III оставил Москву и направился к городу Кременец (сейчас село Кременское Медынского района), где остался с небольшим отрядом, а остальные войска отправил к берегу реки Угры.

Чтобы исключить нападение с тыла, татары разорили район верховья р. Оки на протяжении 100 км, населенный русскими, захватив города: Мценск, Одоев, Перемышль, Старый Воротынск, Новый Воротынск, Старый Залидов, Новый Залидов, Опаков, Мещевск, Серенск, Козельск. Не удалась попытка хана Ахмата форсировать р. Угру в районе Опакова городища, она также была отбита.

Тем временем 8 октября Ахмат попытался форсировать Угру, но его атака была отбита силами Ивана Молодого.

«***И приидоша татарове и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати и многих побиша татар стрелами и пильщалми и отбиша их от брега…».***

Указанное историческое событие происходило в районе пятикилометрового участка реки Угры вверх от устья её до впадения в неё р. Росвянки. Несколько дней продолжались попытки ордынцев переправиться, **пресекаемые огнем русской артиллерии**[230]; попытки не принесли ордынцам желаемого успеха; они отступили на две версты от р. Угры и встали в Лузе[231]. Войска Ивана III заняли оборонительные позиции на противоположном берегу реки. Началось знаменитое «стояние на Угре». Периодически вспыхивали перестрелки, но на серьёзную атаку ни одна из сторон не решалась.

В таком положении начались переговоры. Ахмат потребовал, чтобы к нему с изъявлением покорности явился сам великий князь, или его сын, или по крайней мере его брат, а также чтобы русские выплатили дань, которую задолжали за семь лет. В качестве посольства Иван III отправил боярского сына Товаркова Ивана Фёдоровича сотоварищи с подарками. Требования дани были отклонены, подарки не приняты, переговоры прервались. Вполне возможно, что Иван пошёл на них, стремясь выиграть время, поскольку ситуация медленно менялась в его пользу. На подходе были силы Андрея Большого и Бориса Волоцкого. Крымский хан Менгли I Гирей, выполняя своё обещание, напал на Подолию — южные земли Великого княжества Литовского.

В эти же дни, 15 — 20 октября Ивану III пришло пламенное послание архиепископа Ростовского Вассиана Рыло, в котором он призывал последовать примеру прежде бывших князей: ***«…которые не только обороняли Русскую землю от поганых (то есть не христиан), но и иные страны подчиняли… Только мужайся и крепись, духовный сын мой, как добрый воин Христов по великому слову Господа нашего в Евангелии: „Ты пастырь добрый. Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец“…»***

Окончание противостояния

28 октября 1480 года Иван III решил отводить войска к Кременцу и далее сосредоточиться к Боровску, чтобы там в благоприятной обстановке дать сражение, если ордынцы форсируют реку. Для тех, кто наблюдал со стороны, как обе армии почти одновременно (в течение двух дней) повернули вспять не доведя дело до сражения, это событие казалось либо странным,

---

[230] Первое успешное применение полевой артиллерии, сыгравшее стратегическую роль. Предыдущие попытки применения артиллерии на поле боя (Грюндвальская битва, Куликовская битва), в силу ряда причин, были безуспешными.

[231] Местность при впадении Угры в Оку именовалась Лузой

мистическим, либо получало упрощенное объяснение: противники испугались друг друга, струсили принять сражение.

Ахмат, узнав, что в его глубоком тылу действует войско Ивана III, намеревающееся захватить и разграбить столицу Орды, а также испытывая недостаток продовольствия, не решился преследовать русские войска и в конце октября — первых числах ноября также начал отводить свои войска. 11 ноября Ахмат принял решение отправиться назад в Орду, грабя на обратном пути земли своего необязательного союзника. Современники приписывали это чудесному заступничеству Богородицы, которая спасла русскую землю от разорения. Видимо поэтому, Угру стали называть «поясом Богородицы».

Иван III с сыном и всем воинством вернулся в Москву, «и возрадовашася, и возвеселишася все людие радостию велиею зело».

6 января 1481 года Ахмат был убит в столкновении с войском тюменского хана Ибака. В Большой Орде началась междоусобица.

44.273.2. Стояние на Угре

…**Согласно** восточным хроникам, силы Большой Орды достигали 100 тысяч воинов, а в середине 1470-х годов ханские послы в Венеции обещали по случаю выставить против Османской империи и 200-тысячную армию.

Суть же и серьезность великодержавных претензий ордынца хорошо уловима в его послании к турецкому султану (1476 год). Двумя словами он приравнивает себя к «светлейшему падишаху», именуя его «своим братом». Тремя — определяет свой статус: «единственный» из Чингисхановых детей, то есть обладатель исключительного права на земли и народы, когда-то покоренные великим завоевателем. Конечно, реальный запрос Ахмата был скромнее — он претендовал фактически лишь на наследие Золотой Орды. Но разве и это не тяжелейшая задача? И ведь он начал ее осуществлять. В июле 1476 года его посол в Москве потребовал приезда Ивана III «к царю в Орду», что означало намерение Ахмата вернуться к самым жестким формам политического подчинения Руси: улусник должен лично бить челом о ханской милости, а тот волен жаловать (или не жаловать) его ярлыком на великое княжение. И конечно, подразумевался возврат к уплате большой дани. Московский князь проигнорировал требование ехать лично, отправив в Орду посла, а намерения татарского правителя стали ему отныне совершенно понятны.

Позднее, в том же 1476 году, Ахмат захватывает Крым и сажает на трон своего племянника Джанибека, а традиционную династию, Гиреев, смещает. Вообще, эти две ветви чингизидов смертельно соперничали за гегемонию над странами, на которые распалась Золотая Орда. И тут — такой решительный удар. Ко всему прочему, Ахмат косвенно покусился еще на авторитет султана, который только что завоевал генуэзские колонии в Крыму и принял под свое официальное покровительство Гиреев.

Правда, уже через год незадачливого Джанибека самого изгнали из Крыма, а в борьбе за трон схлестнулись родные братья Нур-Даулет и Менгли-Гирей. Но поражение ахматова ставленника стало возможным лишь в силу занятости хана иными делами и в другом месте. В конце 1470-х он возглавил коалицию, нанесшую решительное поражение узбеку Шейх-Хайдеру. Одним из следствий этой победы стало подчинение Ахмату другого его племянника, Касыма, одно время самостоятельно правившего в Астрахани (Хаджи-Тархани). Так что низовья и среднее течение Волги к 1480 году вновь объединились под одной рукой. Армия его заметно выросла численно и была обласкана неизменной военной удачей.

К тому же судьба, как уже упоминалось, послала хану мощного союзника: в 1479 году его посол вернулся из Литвы с личным представителем Казимира и с предложением совместных военных действий. Их предполагалось открыть на рубеже весны и лета 1480-го. А вскоре случилась еще одна радость, которую поторопился передать Ахмату новый друг где-то в марте-апреле: братья Ивана III «из земли вышли со всеми силами», отложились от старшего в семье.

…враждебный курс Орды и Литвы по отношению к Москве не мог кардинально измениться. Иное дело, что конкретные обстоятельства сильно модифицировали его. Вероятность литовской агрессии умерялась сложнейшим переплетением интересов короля и его семьи, враждебной в отношении Литвы «партии» коронной знати, разных группировок литовских магнатов. Однако эти благоприятные для России сложности не отменяли необходимости оставаться начеку. Правительство Ивана и оставалось: небольшой победоносный набег на Казань в 1478 году укрепил правящие круги Казанского ханства в решении соблюдать лояльность по отношению к Москве. Велся также активный поиск собственных потенциальных союзников. В конце 1470-х завязались контакты с молдавским господарем Стефаном Великим. Сближение на антилитовской почве напрашивалось, к тому же оно подкреплялось перспективой брака князя-наследника Ивана Ивановича Молодого с дочерью Стефана, Еленой. Впрочем, к 1480 году все эти перспективы оставались только перспективами. Удачнее сложились дела с Крымским ханством. Первые переговоры с Менгли-Гиреем состоялись еще в 1474 году, и уже тогда речь зашла о полноценном союзном договоре, но хан все же не был готов открыто назвать Казимира своим врагом (сказывалась инерция почти сорокалетних плотных связей с Великим княжеством Литовским). Затем, как мы уже знаем, Гиреев свергли, но им удалось вернуть власть, и осенью 1479 года в Москве после долгой дипломатической игры братья Крымского хана, Нур-Даулет и Айдар, оказались в России то ли в статусе почетных гостей, то ли на положении своеобразных заложников. Так в руках дипломатов Ивана III появился мощный рычаг давления на Бахчисарай. В апреле 1480 года русский посол уже вез в Крым четкий текст договора с поименно обозначенными «недругами» — Ахматом и Казимиром. Летом Гирей поклялся соблюдать договор, положив начало стратегической коалиции, просуществовавшей 30 лет и давшей в итоге щедрые результаты обеим сторонам.

Ахматово царство

Точной даты рождения Большой Орды или «Тахт Эли» («Престольной державы»), самого большого государственного образования из сформировавшихся в ходе распада Золотой Орды, не существует. В летописных сводах XV века это название упоминается при описании событий 1460 года, когда хан Большой Орды Махмуд простоял «безцельно» под стенами Переяславля-Рязанского, а в Никоновской летописи Большая Орда упоминается еще раньше: под 1440 годом, при описании очередной усобицы в племени рода Джучи. С небольшой долей условности можно сказать, что «три дочери матери Золотой Орды»: Большая Орда, Крымское и Казанское ханства — появились на свет во второй половине 1430-х — середине 1440-х годов. В 1437-м хан Кичи (Кучук)-Мухаммед побеждает и вытесняет из Дешт-и-Кипчака хана Улуг-Мухаммеда. Последний после быстротечного набега на Москву в 1439 году уходит на восток и к 1445 году становится первым Казанским ханом. Вскоре после 1437 года Кичи-Мухаммед удаляет из Крыма внука Тохтамыша, хана Сеид-Ахмеда, ушедшего в кочевья к югозападу от Нижнего Днепра. Но и Кичи-Мухаммеду не удалось закрепиться в Крыму — в 1443 году с помощью Великого княжества Литовского во главе Крымского ханства становится Хаджи-Гирей, еще ранее пытавшийся отделиться от Орды. Большая Орда, ханы которой осуществляли юрисдикцию над княжествами Северо-Восточной Руси, просуществовала чуть более 50 лет. Всего лишь один ее правитель совершил походы в Среднюю Азию, Крым, против Московского княжества, послал дипломатов в Стамбул, Венецию, Краков, Вильно, Москву. Речь идет об Ахмете (Ахмате русских летописей). В 1465 году он сменил на троне старшего брата Махмуда. В 1470-е годы ему удалось сконцентрировать под своей властью большинство племен Великой Степи вплоть до Заволжья (в том числе часть ногаев). При нем Большая Орда занимала максимальную территорию, а границы ненадолго стали устойчивыми. На севере Орда граничила с Казанским ханством, на юге ей принадлежали равнинные пространства Северного Кавказа, степные просторы от Волги до Дона и от Дона до Днепра (временами и его нижнее правобережье). Неудача нашествия 1480 года оказалась для Ахмета смертельной: зимой 1481 года он был убит во время внезапного нападения на его ставку Сибирского хана Ибака и ногайских мурз, а его имущество и добыча достались победителям. После этого Большая Орда уже не могла возродить былого могущества. В 1502

году Крымский хан Менгли-Гирей нанес жесточайшее поражение Ших-Ахмеду, последнему ее повелителю.

«Нашествие иноплеменных»

Официальный летописец отнес начало Ахматова похода к весне 1480 года, а по косвенным указаниям вычисляется апрель. Впрочем, для тех дальних времен движение отдельных войсковых отрядов по разным маршрутам определить затруднительно. Перекочевка из Заволжья, скажем, могла осложниться поздним вскрытием Волги. Как бы то ни было, русская стража в Диком Поле сработала хорошо, о начале военных действий в Москве узнали вовремя, что было важно в двух отношениях: для быстрой мобилизации всех ресурсов и правильного движения своих войск. Передвижение ордынских отрядов к низовьям Дона означало, что первые удары придутся на крепости в среднем течении Оки — от Тарусы до Коломны.

Вообще, кампанию 1480 года обычно сводят к октябрьским событиям на Угре. Но это неверно — как же тогда быть со странным перечислением пунктов перемещения ордынского войска в большинстве летописей? Почему в одном ряду с Мценском, Одоевом и Воротынском (эти города фиксируют движение с юго-востока на северо-запад) оказался Любутск, никак не вписывающийся в маршрут? Чьи отряды захватили и опустошили волость Беспуту на одноименной тульской речке? Наконец, зачем великий князь распорядился «зжечь» и «городок Кошру» (Каширу, гораздо восточнее Угры)? Стоит только признать некоторые очевидные факты, и недоумение исчезает. Очевидно, дожидаясь союзника с войсками, Ахмат не стоял без дела: его передовые отряды прощупывали русские силы по берегам Оки, попутно занимаясь грабежом и захватом живой добычи.

Одним из таких рейдов и явился захват Беспуты. Сигнал в Москве восприняли верно. Срочно на Берег (то есть в города-крепости левобережья Оки) отправились первые воеводы, чуть позже в Тарусу (свой удельный город) выступил князь Андрей Меньшой, верный Ивану младший брат, самые же крупные отряды во главе «со многими воеводами» повел в Серпухов Иван Иванович Молодой. Произошло это 8 июня. Хан же не торопился.

Медленное продвижение ордынцев в те дни объяснимо. Первая и поначалу главная причина — необходимость после суровой зимы подкормить лошадей на свежей траве. Следующая — необходимость «прощупать» силы и дислокацию московитян, найти их слабые места. И, наконец, постепенно выходящее на первый план и уже нетерпеливое ожидание Казимира с армией. Русские воеводы, конечно, тоже нуждались в свежей информации о маневрах противника — она и заставила Ивана принять решение: с главными силами в июле отправиться в Коломну[232], «наискосок» от ордынского движения, чтобы до поры до времени между основными армиями установилось стабильное удаленное противостояние, перемежаемое лишь стычками передовых отрядов.

Имело место и еще одно новое обстоятельство, потребовавшее немалых организационных усилий: впервые в истории русские шли на войну с полевой артиллерией. Стало быть, в походе участвовали специальные группы лиц, отвечавших за транспортировку тяжелых пушек и пищалей. Значит, менялись и критерии для выбора места сражения при обороне водного рубежа — теперь надо было учитывать возможности артиллерии.

С течением времени напряжение в ставках противников нарастало, и, видимо, в середине сентября хан решил переместиться на левый берег верхней Оки. Этим он хотел добиться двух целей: вплотную приблизившись к тогдашней литовской территории, быстро и окончательно прояснить вопрос о союзнической подмоге и главное — найти с помощью местных жителей дорогу для скрытого обхода московских войск. Именно тогда ордынцы и появились под Любутском, прощупывая в очередной раз оборону русской армии. Вероятно, Ахмат к тому времени уже догадывался об ответе на один из своих вопросов: литовцы не явятся.

---

[232] 23 июня 1480 года в Коломну прибыл и безвыездно находился в ней по 30 сентября великий князь Иван III.

Русское командование быстро узнало о перемещении ордынцев на север и оценило риск их прорыва через Угру. Где-то в середине двадцатых чисел сентября Иван приказал перевести почти все наличные силы во главе с Иваном Молодым, князем Дмитрием Холмским (выдающимся воеводой того времени) и Андреем Меньшим на левый берег маленькой речки, а сам 30 сентября появился в Москве.

Совет в Москве, сражение — на Угре

По сообщениям летописей, Иван III прибыл в Москву на совет с матерью, иерархами и остававшимися в столице боярами 30 сентября. Ждали его и послы от братьев. Вчерашние мятежники, не сумевшие договориться с псковичами об обороне Пскова от Ливонского ордена, в ситуации грозного нашествия почли за благо примкнуть к старшему в роду в обмен за земельные придачи.

Прекращение конфликта сладилось быстро, и ближайшие родичи державного поспешили к Угре со своими отрядами.

Куда труднее дело сложилось с простыми горожанами. Эти восприняли внезапный приезд Ивана III как проявление страха перед ордынцами, а меры по подготовке города к осаде — как признак скорого подхода Ахмата. От собравшейся толпы москвичей в адрес великого князя летели упреки и обвинения, а архиепископ Вассиан, публично обвинив своего духовного сына в трусливом бегстве, предложил спасти положение, самому возглавив рати. Страсти так накалились, что Иван предпочел уехать в Красное Село.

Подобная реакция была спровоцирована позицией ряда близких Ивану III лиц, полагавших военное счастье переменчивым и предлагавших «не биться с государем» (Ахматом), а найти не слишком обременительные для Руси формы зависимости в переговорах. Но такой подход шел вразрез с патриотическим подъемом в Москве, ярко выразившимся в словах Вассиана. В итоге общий совет из всех находившихся в городе авторитетных духовных и светских лиц рекомендовал князю продолжить противостояние, усилив армию на Угре подкреплениями и главное — личным присутствием. И вот уже великий князь с новыми отрядами направляется к Кременску (сейчас село Кременское Медынского района). Наступала последняя фаза противостояния. Еще 3 октября главные русские силы завершили передислокацию и заняли позиции на протяжении 50—60 километров по левому берегу Угры. У них было еще 3— 4 дня для подготовки к бою. Угра заметно уже Оки, течение ее быстро, а в ряде мест русло зажато обрывистыми склонами. Ордынцам было труднее развернуть тут многочисленную конницу, но если к кромке воды одновременно выходили несколько отрядов, сама переправа через водный рубеж не должна была надолго задержать войска. Впрочем, теоретические выкладки перестали быть актуальными 8 октября, когда ордынцы пошли в общее наступление, с тем чтобы, форсировав реку, навязать русским решающий бой.

Описания этого маневра в летописях необычайно скупы, что вполне объяснимо: в октябрьские дни 1480 года на Угре историографов не было, так что записи велись со слов участников той сечи — много лет спустя[233].

Однако отмечается, во-первых, точность стрельбы из пушек и луков русскими и… полный провал хваленых ордынских лучников. Скорее всего, артиллерия произвела еще и большой психологический эффект. Вторая примета сражения — необычайная длительность: только первая его фаза продолжалась четыре дня, причем на нескольких участках одновременно.

---

[233] Более подробен рассказ Вологодско-Пермской летописи: «*князь великий Иван Иванович, сын великого князя, да князь Опд-рей Васильевич Меншой, брат великого князя, сташа крепко противу безбожнаго царя и начаша стрелы пу~ щати и пищали и тюфяки и бишася 4 дни. Царь же не возможе берег взяти и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе*» '. Софийская II летопись специально подчеркивала полное превосходство русского войска в дальнем бою, что предопределило неудачу Ахмед-хана: «*наши стрелами и пищалми многих побита, а их стрелы меж наших падаху и никого же не уезвляху*»

Третья особенность — удачная, как выяснилось, диспозиция русских, у которых было время ее продумать. Оттеснить от реки московитян, прорвать их фронт, обратить в бегство Ахмату не удалось, и после 11 октября он вынужденно прекратил наступление. Через некоторое время была, правда, предпринята последняя попытка прорваться на левый берег реки под **Опаковом** (село Палатки, Юхновский район), но и эта стычка завершилась для ордынцев неудачно. В эти же дни Иван III пришел в Кременск, отправив приведенные подкрепления к Угре. Отныне неуклонно у одной из противоборствовавших сторон крепло ощущение близкой победы (в середине двадцатых чисел в Кременск прибыли еще и Ивановы братья с войсками). Другая же сторона падала духом и страдала от непривычно долгого ведения военных действий на чужой земле в условиях грядущей зимы.

На этом фоне начались переговоры. До сих пор не вполне ясно, кто проявил инициативу — скорее всего, все же Московский князь, что немедленно вызвало новый приступ подозрительности и новую полемику в самой Москве. Здесь же, на границе Московского княжества и Литвы (Угра долго служила пограничным рубежом между ними), ситуация выглядела иначе. Поначалу хан, как водится, потребовал по максимуму: личного приезда великого князя и, конечно, большой дани. Последовал отказ. Тогда Ахмат пожелал, чтобы приехал хотя бы сын и соправитель Ивана III, Иван Молодой, но и это «пожелание» не исполнилось. Ахмат попробовал в свою очередь «пригрозить» скорой зимой, когда «реки все станутъ, ино много дорог будеть на Русь». И правда: **26 октября река стала покрываться льдом,** и русские отряды по приказу великого князя организованно отошли к Боровску. Так казалось целесообразнее: по мнению державного князя и воевод, именно на тех полях было выгоднее дать генеральное сражение в условиях холодов. В столице же опять-таки поползли слухи о бегстве. Видимо, именно тогда и возникло народное представление, отразившееся потом в летописных сводах — о двух армиях, бегущих друг от друга и никем не гонимых. Вряд ли «бежали» и отряды Ахмата: **они ушли с Угры 11 ноября** «***по королеве державе, воюа его землю за измену, и грады его и погосты повоева, а люди в плен поведоша безчисленное множество, а иных иссекоша***». Не дождавшись помощи Казимира, Ахмат разграбил территории в верховьях Оки (Одоев, Белев, Мценск). Не добрались до Ивана — хоть вероломному союзнику отомстили… Так завершилось «стояние на Угре», которое в значительной своей части и происходило вовсе не на Угре, а главное, вряд ли относилось к разряду «стояний».

44.273.3. Ход военных действий

1. Татарское войско хана Большой Орды Ахмата прошло по водоразделу верховьев Дона и Оки через вассальные от Литвы т.н. верховские княжества восточнее линии Новосиль - Мценск - Любутск к русской границе, т.е. к руслу р.Оки между Калугой и Алексиным, где тогда стоял г.Любутск. Но перейти здесь границу Московского великого княжества татарской коннице было невозможно - Ока имела ширину 400 м при глубине до 10-14 м. Бродов на участке между Калугой и Тарусой не было. Противоположный русский берег был к тому же возвышен.

   Вследствие этого конница Ахмата пошла по южному берегу Оки к верховьям реки, туда, где в Оку впадала Угра и где был хороший брод, точнее, два брода - в 2,5 и в 4,5 км выше устья р.Угры.

2. Однако по поводу места, где встретились по обеим сторонам Угры русское и татарское войска, мнения военных историков расходятся:
   Н.С.Голицын - между Юхновым и Калугой;
   А.Н.Пресняков - в районе Юхнова, под Опаковым городищем;
   Д.И.Малинин - под Опаковым, т.е. в 10 верстах от Юхнова, выше по Угре;
   П.Орловский - при устье р.Вори, село Городец или Дмитровец (село Городец,Юхновский район);
   В.Е.Маслов - у Опакова и Дмитровца, в устье р.Вори;
   П.П.Семенов - на правом берегу р.Угры при слиянии ее с Окой;
   К.В.Базилевич - при впадении в Оку р.Угры, неподалеку от Калуги;

3. На участке между Юхновым (следует иметь в виду, что первые упоминания Юхнова относятся к XVI в.) и Калугой на р.Угре было свыше 10 бродов, но ни один из них не был удобен для переправы больших масс конницы, т.к. спуски к бродам были очень круты, а сами броды, имея глубину до 1 м, были, тем не менее, очень узки, так что конница должна была бы проходить по ним гуськом, что не только заняло бы большое время, но и, главное, разбило бы, уничтожило брод.

4. Но возле устья р.Угры имелся т.н. "перелаз", место глубокое, но удобное для переправы по другим показателям: низкий песчаный берег и суженое русло реки в этом месте. Достаточно было поставить поперек русла широкую баржу и сделать по ней дощатый настил, чтобы образовался удобный переход на противоположный берег.

5. Таким образом, указанное историческое событие (стояние на р.Угре) происходило в районе пятикилометрового участка р.Угры вверх от устья ее до впадения в нее р.Росвянки.

6. Сражение на переправе через Угру началось 8 октября 1480 г. в 13.00, окончилось 12 октября 1480 г.

   Ордынцам не удалось переправиться через реку из-за артогня русских. Они отступили на две версты от р.Угры и встали в Лузе.

7. Чтобы исключить нападение с тыла, татары разорили район верховья Оки на протяжении 100 км, населенный русскими, захватив города: Мценск, Одоев, перемышль, Старый Воротынск, Новый Воротынск, Старый Залидов, Новый Залидов, Опаков, Мещовск (Мценск), Серенск, Козельск (всего 12 городов). Не удалась и попытка Ахматхана форсировать р.Угру в районе опакова городища. Она также была отбита.

8. В результате Ахмат предложил переговоры, на которые Иван III согласился, и послал к Ахмату посольство с подарками (посла Товаркова Ивана Федоровича - сына боярского, а не князя или боярина). Но Ахмат не принял подарки, а потребовал уплаты дани, которую Иван III не платил уже 7 лет. Но на такие уступки Иван III идти не собирался, и переговоры зашли в тупик.

9. Архиепископ Вассиан требовал от Ивана III решительных действий (15-20 октября 1480г.). Но активные наступательные действия не отвечали обстановке, и Иван III тянул время. Дело в том, что у Орды и Литвы была договоренность о военной помощи против Москвы. Ахмат, подойдя подойдя к русской границе, ждал войско союзника - Казимира IV. Но эта помощь не состоялась - Казимир IV был отвлечен нападением Менгли-Гирея на Подолию. Союз Крыма и Москвы оказался прочнее и реальнее.

10. Наконец, имело значение и то, что по Кременцом с 15-20 октября находился стратегический резерв Ивана III: войска Андрея Большого и Бориса Васильевича.
11. Вкоре появился и 4-й фактор - начавшиеся после 20 октября морозы.
12. И пятое - Иван III послал в Большую Орду по Волге - войско - для разорения оставленной беззащитной ханской столицы. Нанесение удара по объектам глубокого тыла и было основной новейшей военно-тактической уловкой, заставшей татар врасплох. (Отметим, что для реализации этого новшества требовалось изменение соотношения сил Руси и Орды: Ахмат пришел на Русь, собрав все свои возможные силы, оголив тылы. С другой стороны, Иван III имел возможность ему противостоять, сохранив резерв и снарядив достаточно крупный волжский поход. Прим. Шишкина С.П.) Получив известие из Орды, что к столице движутся русские отряды, а также испытывая недостаток продовольствия, Ахмат начал отводить свои войска в конце октября - первых числах ноября. С конца октября наступила реальная зима. Начался ледостав.
13. И 28 октября Иван III решил отводить войска к Боровску, чтобы там в благоприятной обстановке дать сражение, если ордынцы переплывут реку
14. Таким образом, в конце октября - начале ноября обе противостоящие армии - русская и татарская - по разным причинам решили избежать столкновения и вернуться на свои зимние базы.

    Для тех же, кто наблюдал со стороны, как обе армии, примерно в одно и то же время (в течение двух дней) повернули вспять, не доведя дело до сражения, это событие казалось либо странным, мистическим, либо получало упрощенное, примитивное объяснение: противники испугались друг друга, струсили принять бой.

Фактически отступление войск Ивана III диктовалось тем, что в военном столкновении с Ордой уже не было ни военной, ни политической необходимости - Орда дышала на ладан, ее дни как государства были сочтены. И московские политики и военачальники были об этом достаточно хорошо информированы.

Отступление же Ахмата, отказ именно татарского войска, пришедшего наказать Московского князя, от осуществления этого наказания, являлось лучшим подтверждением упадка Орды, утраты ею своей прежней силы, добровольным отказом удерживать Русь в вассальной зависимости.

44.273.4. Большая Орда

Больша́я орда́ (**Великая Орда**, **Волжская Орда**) — термин, используемый в средневековых источниках и современной историографии для обозначения татарского ханства, являвшегося остатком Золотой Орды после отделения от неё в середине XV века других ханств: Казанского (1438), Крымского (1441), Ногайской Орды (1440) и др. Современники Большой орды её никак от Золотой Орды не отделяли, а ханы считали себя верховными правителями в пределах всех татарских государств бывшего улуса Джучи. Территория Большой орды включала земли между Доном и Волгой, Нижнее Поволжье и степи

Северного Кавказа. Столицей был г. Сарай-Берке (Новый Сарай). Первым ханом Большой Орды можно считать Сеид-Ахмеда I, внука Тохта-мыша, потомка Чингисхана.

Основное население Большой Орды составляли тюркоязычные кочевники — ногайцы. Они занималось кочевым скотоводством, частично также земледелием; государственное устройство носило полувоенный характер. Военные и административные должности в Большой Орде, как правило, не разделялись. Большая Орда могла выставить многочисленное (до 100 тыс.) конное и пешее войско, военная организация и тактика которого были такие же, как у монголо-татар.

История

В середине XV века Большая Орда играла важную роль в политической жизни Восточной Европы. Однако как и Золотую Орду, её раздирали внутренние противоречия. В 1455-56 Большая Орда потерпела поражение от крымского хана Хаджи I Гирея. В 1459 от Большой Орды отпала Астрахань, где хан Махмуд (правил 1459-65), бежавший от восставшего против него брата, основал независимое Астраханское ханство.

При хане Ахмате (правил 1459-81) Большая Орда несколько усилилась, был заключён союз с Польшей (1472) и установлены дружественные отношения с Османской империей (1476). Сохранились серебряные монеты Ахмата [1]. Были предприняты военные походы на Крымское ханство (1474-78) и Московское княжество (1472 и «Стояние на Угре» 1480 года). Однако попытки Ахмата вновь навязать окрепшему Московскому государству вассальную зависимость потерпели неудачу.

После неудачного похода на Москву Ахмат распустил войска и был убит в своей ставке небольшим отрядом, возглавляемым Сибирским ханом Ибаком и ногайцами во главе с Мусой и Ямгурчи. В этот раз Ибак и не пытался захватить власть в Большой Орде. Убийство видимо было вызвано тем, что ногайцы и сибирский хан опасась усиления Ахмата и возможного восстановления его власти над ними.

Дети Ахмата уже не обладали таким политическим влиянием. Сеид-Ахмед-хан собрав армию в 1485 году выгнал своего старшего брата Муртазу-хана из Сарая. Тот бежал в Сибирь, и Ибак опять захватил Сарай через 2 года.

В 1486 году началась война между Большой Ордой и Крымским ханством. Муртаза-хан погиб в битве с Крымским войском. Большая Орда была разгромлена крымским ханом Менгли I Гиреем. Большая Орда стала вассалом Крыма. Ибак вторгается в Поволжье и захватывает Сарай.

Ибак был убит во время мятежа в Сибири. В Сарае ханом становится сын Сеид-Ахмед-хана Шейх Ахмад-хан.

В 1502 году Крымское ханство напало на Большую Орду и захватило Поволжье. Большая Орда перестала существовать, и крымские ханы стали считать, что золотоордынское достоинство перешло к ним. Заволжские земли вошли в состав Ногайской Орды, а земли между Доном и Волгой формально отошли к Крыму, но вскоре, в 1556 году, были присоединены к Русскому государству.

См. также **Стояние на Угре 1480 год**, **Великий Шелковый Путь**, **Стояние на Угре**, были использованы материалы с сайта **https://olkpeace.org/forum/fpost1264108.html**, **От Руси к России. Очерки этнической истории**, **Река Угра – вековой страж московско-литовской границы**, **Великое стояние на Угре (1480)**, **Статья по истории городка Дмитровца и системе обороны восточной границы ВКЛ**, **Каргалов В. Конец ордынского ига**, **Здраве буде, калузане!**, **Угра**

Вернуться к ссылке

44.274. Рыцарство на Руси

Некоторые исследователи, склонные считать, что рыцарства в общепринятом смысле этого слова на Руси не было, доказывают это тем, что сам термин происходит от немецкого "риттер" (буквально "всадник").

Но позвольте, если считать главным доказательством существования тяжеловооруженных наших воинов-профессионалов одно лишь упоминание летописцами и хронистами терминов "рыцарь", "рыцарский" и т. п., то придется признать, что... в Западной Европе их вообще не существовало. Ведь таких бойцов в Англии именовали найтами, на родине Дон-Кихота – кабальеро, в Италии – кавальери, во Франции – шевалье.

Кстати говоря, если обратиться к данным сравнительного языкознания, то обязательно придешь к выводу, что слово это появилось у славян. В частности, на украинском языке оно звучит как "лыцарь", на польском – "рыцаж", на болгарском – "рицар". К тому же 700-800 лет тому назад существовал у нас и другой термин – "ритор", более близкий немецкому, только его обычно противопоставляли общепринятым понятиям "витязь", "муж честен", "рыцарь". Так, псковский летописец, описывая возвращение Александра Ярославича Невского после победы на Чудском озере, сообщает, что среди пленных были знатные орденцы, "иже именуют себя божьи ритори". Поэтому правильнее не рассуждать, откуда "есть пошло" слово, а уяснить суть явления, к которому оно относится. Так поступил автор "Толкового словаря живого великорусского языка" В. И. Даль, давший весьма точное определение, термину "рыцарь": "...конный витязь старины... конный латник дворянского сословия".

...В "Книге пределов мира", написанной безымянным восточным автором по материалам VIII века, в главе "Рассуждение о стране Рус" о ее воинах четко и лаконично сказано: "***Одна часть их рыцарство...***" И дальше: "***Там изготавливают очень ценные клинки и булатные мечи. Все русы вооружены такими мечами, их рыцари всегда носят броню***". Примечательно, что исламитский аноним счел полезным применить славянские термины "рыцарь", "рыцарство" без перевода, а относится его труд к тем временам, когда в языке германцев никаких "риттеров" и "риторов" и в помине не было. Любопытно и другое. Исторические факты свидетельствуют, что в Западной Европе рыцарство привилось (в XI – XIII веках) именно в Померании (Поморье), Ольденбурге (Старгороде), Бранденбурге (Браниборе) – то есть на исконно славянских землях, а первые немецкие рыцари носили фамилии... Белов, Дабелов, Руссов и Рыбинский.

…Все было самобытно, и только после насильственного внедрения христианства древнерусское рыцарство по своему характеру приблизилось к средневековому общеевропейского образца.

Место стародавнего могучего Перуна, русско-славянского божества, в философии витязей занял православный воитель Георгий Победоносец, поражающий восточного змия, – таким он и сохранился на гербе Москвы. Христианизация по времени совпала с переходом Руси к развитому феодализму, отличавшемуся жесткой сословной ступенчатостью и одновременно гибкостью иерархической политической системы, в которой великий князь по сану своему считался выше любого западного короля. Тогда-то, в XI-XII веках, и наступил "золотой период" русского рыцарства. Именно в ту эпоху сложились народные рыцарские романы, отрывки из которых дошли до нас в устном изложении под названием былин и старин, А ведь из них при желании можно почерпнуть исключительно ценные сведения по быту русских витязей, их оружию, средствам защиты. Говоря о последних, следует заметить, что если мужество богатырей оставалось неизменным, то, их стальная одежда, непрерывно совершенствуясь, непременно превосходила оборонительное снаряжение, сделанное в Западной Европе и на Востоке. Так, если до конца X века мечники и витязи носили брони (кольчуги), то в XI-XII веках в их среде распространяются стальные латы, в XIII столетии они преобладают, а в XIV-XV веках господствует сверхтяжелый стальной доспех из толстых булатных досок. Сводку документальных изображений и более подробные сведения об оружии русских рыцарей читатели могут почерпнуть в монографии А. Н. Кирпичникова "Военное дело на Руси в XIII-XV веках". А пока отметим, что самые массивные доспехи средневековой Европы делали только новгородские,

смоленские и псковские умельцы. Сработанные ими латы весили не менее полутора пудов, поэтому витязю требовался необычайно выносливый конь и особые рыцарские шпоры, которыми, по мнению профессора А. В. Арциховского, "можно было пришпорить коня сквозь густую кольчугу и даже, может быть, сквозь латы".

Эта деталь свидетельствует о существовании на Руси брони, закрывавшей воина с головы до ног и не оставлявшей беззащитным его боевого коня. Автор описания битвы на Щелони в 1471 году не без ехидства отмечал, что новгородцы были заключены в такие доспехи, что не могли рук поднять на полки великого князя Ивана III. Откровенно говоря, москвичам в тот день было не до смеха, особенно после того, как они убедились, что выпускаемые ими пищальные пули и 300-граммовые железные стрелы, поражавшие любого иноземного рыцаря – не говоря уж об ордынцах, – отскакивали как орехи от лат новгородцев.

В заключение хотелось бы напомнить, что и в дохристианской Руси поведение витязей определял писаный (подчеркиваю!) кодекс чести, именовавшийся "Поконом витязным". Любопытно, что требования, предъявляемые в нем к рыцарям, были значительно обширней, нежели в Западной Европе, где неграмотным зачастую Айвенго и Ричардам полагалось знать и уметь гораздо меньше. А русские "мужи частны" обязаны были не только в совершенстве владеть оружием, играть на гуслях и в шахматы, но и сочинять песни, "речи глаголати", "посольства правити", не говоря уж об умении переплывать реки в броне. "Книгочтейство" и "многая мудрость" были столь же непременными для витязей, как "вежество" и способность "красу женскую и честь девичью почитати и обороняти" – чем не культ прекрасной дамы! Но главным достоинством этих воинов считалось беззаветное служение земле Русской.

… **Другие восточные** авторы дополняют сведения о русах. Богатый и знатный рус предстает как воин, повелевающий слугами и рабами; он одет в парчовый кафтан с золотыми пуговицами и высокую соболью шапку,, носит золотые обручи (гривны), подтверждающие его богатство и знатность. Знатный воин отлично вооружен: у него есть боевой топор, нож, лук, доспехи, а у пояса висит меч, подаренный ему, еще мальчику, отцом как символ воинственного наследства. Богатый и знатный рус — владелец корабля, хозяин партии пленных рабов и рабынь и ценной пушнины; его доходы исчисляются десятками тысяч серебряных арабских диргемов (от каждых 10 тысяч диргемов рус делает своей жене подарок — серебряную цепь); признаком богатства является многоженство. Запасы меда у некоторых богатых славян доходят до 100 бочек. Десятую часть своих военно-торговых прибылей он уплачивает царю Руси (***Персидский Аноним***).

Русскую знать современники упрекают в воинственности, в заносчивости, неподатливости (***Персидский Аноним***). В далеких походах на юг русские дружинники то обнаруживают чувство товарищества и готовы погибнуть все за одного, то начинают завидовать друг другу, и родной брат готов ограбить или убить брата из-за добычи (***Ибн-Русте***).

В своей родной стране, где много “замков и крепостей”, русы гостеприимны по отношению к чужеземцам и охраняют их от опасностей.

Представителей русской знати пышно хоронят: сжигают вместе с женами и рабами на погребальном костре или опускают в обширную могилу — дом со всем оружием и утварью. Некоторые русы были христианами уже в середине IX в.

Один из среднеазиатских авторов, писавший о Руси по материалам середины IX в., отметил, что это — страна, изобильная всякими благами, и обобщил разрозненные сведения о русской знати фразой: “Одна часть населения у них (у русов) — рыцарство”.

Во главе этой рыцарской державы, “воюющей со всеми неверными и одерживающей победы над живущими вокруг”, стоит “хакан-рус”, верховный глава всей воинственной русской знати, “обширных городов и многих обитаемых стран”. Восточный титул хакана бытовал на Руси с 839 г. Обычно он применялся к наиболее могущественным повелителям многоплеменных держав вроде Аварского, Хазарского, Тюркского каганатов.

44.274.1. Книга пределов мира

…**В 1892 г. русский ученый** А. Г. Туманский, разыскивая астрономические сочинения хана Улугбека, случайно натолкнулся в Бухаре на ценнейшую древнюю географию — “Книгу пределов мира”. Рукопись была написана в 983 г., когда на Руси княжил Владимир I, но безымянный персидский автор опирался на старых арабских и среднеазиатских географов VIII—IX вв. (Ал Балхи, Ал Хорезми и др.); его сведения о Восточной Европе можно отнести к первой половине IX в., т. е. примерно к тому же времени, что и свидетельство Нестора о первоначальной доваряжской Руси.

… Вот главная часть текста “Книги пределов мира”, говорящая о Руси:

Рассуждение о стране Рус и ее городах

К востоку от этой страны лежат горы Печенегов[234].

К югу от нее — река Рута[235] (название искажено; возможно, имеется в виду р. Рось? — Б. Р.)**,**

К западу — славяне,

К северу — необитаемые страны Севера.

Это обширная страна: ее жители обладают дурным характером — непокорны, держатся вызывающе, любят спорить, воинственны. Они воюют со всеми неверными, которые живут вокруг их страны, и одерживают победы.

Их царя зовут рус-хакан (этот высокий восточный титул применялся русскими князьями до середины XI в.— Б. Р.).

Эта страна чрезвычайно богато одарена природой всем, что необходимо для жизни.

Одна часть населения — воины, рыцарство.

Они (русы) ***уважают своих волхвов.***

Они ежегодно платят правительству десятую часть от своей добычи и торговых доходов.

Они хоронят своих мертвых со всем их имуществом, платьями и украшениями. В могилу покойникам они ставят пищу и питье.

“Куяба” (Киев) ***— русский город, ближайший к странам ислама. Этот город, расположенный в приятной местности, является резиденцией царя.***

Там выделываются разнообразные меха и ценные мечи.

“Слаба” (Переяславль***) — хороший город, из которого в мирное время ездят торговать в землю Болгар*** (очевидно, имеется в виду земля причерноморских Черных Болгар.— Б. Р***.).***
“Уртаб” (?) — город, где убивают иностранцев, если они попадают туда. Там изготавливаются ценные клинки и мечи, которые можно согнуть пополам и они снова распрямляются сами.

См. также **Прищепенко В. "...И ВООРУЖЕНЫ ЗЕЛО"**, **Первые свидетельства о государстве Руси**, **Происхождение Руси - новая концепция**, **Рождение Руси**, **Евразийская империя скифов**

Вернуться к ссылке

---

[234] Это не Карпаты, не Крымские горы, и даже не Кавказ (печенегов там не было). Остается только Урал. Восточным рубежом «страны Рус» в конце X в. служили *Уральские горы*…

[235] «Рута», Руса, Русская река — это одно из древних названий Дона. Другие авторы того времени (например, Масуди) сообщают, что «многочисленные славяне» обитают на Дону. Однако некоторые средневековые географы отождествляли «Русскую» реку с… Керченским проливом, считая его «настоящим» устьем Дона и рассматривая Азовское море как огромный лиман. Вероятно, река Рута в «Книге пределов мира» есть именно *Керченский пролив*

44.275. Харалужный

ХАРАЛУГ. Слово Харалуг и производное от него прил. «харалужный» встречаются в «Слове о полку Игореве» шесть раз: ***Яръ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.*** 13. ***Гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.*** 17. ***Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозныи великыи Кіевскыи грозою. Бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи.*** 21. ***Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи.*** 32. ***На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.*** 36.

Сочетание прилагательного со словом «меч» натолкнуло на понимание его как синонимичного термину «булатный», что отразилось во многих переводах «Слова о полку Игореве». Если даже исключить подражательное и, возможно, объяснимое непониманием значения слова сочетание «берези харалужные» в ***«Задонщине»***, в самом «Слове о полку Игореве» мы видим употребление «трещатъ копіа харалужныа», где речь идет, разумеется, о древке копья, а называние всего копья стальным, булатным едва ли правомерно.

Тем не менее наиболее устойчивой гипотезой остается понимание термина ***Харалуг*** как обозначения стали, особым образом изготовленной. ***П. Г. Бутков*** считал прилагательное «харалужный» ногайским, со значением «сделанный из черного железа, стали, булата», указывал на тюркизм курудж, хурудж — «сталь». Ф. И. Эрдман, напротив, отрицал возможность тюркского и арабского происхождения, находя здесь отражение евр. глагола, означавшего «разрезать, разрубать», и видел в «Слове о полку Игореве». вторичное значение: харалужный — «истребительный».

Начиная с ***П. М. Мелиоранского***, предпринимались интенсивные попытки подтвердить толкование слова ***Харалуг*** тюрксеой этимологией. Предлагались реконструкции исходной формы со значением «черный, вороненый металл» (Мелиоранский, ***Ф. Е. Корш***), корень возводили к названию племени карлуков, обитавших в горах Тянь-Шаня и Памира (А. Зайончковский, развивавший гипотезу А. Зеки Велиди Тогана). Г. Джафаров связал ***Харалуг*** с азербайджанским словом, которое, по его гипотезе, могло звучать как ***овхайларуг*** и значить «наточенный, точеный, пламенный, выкованный, закаленный». ***Н. А. Баскаков***, подводя итоги этим разысканиям, считает возможным возводить слово ***Харалуг*** к глагольным основам со значениями «быть уничтоженным, разгромленным», «граненный, отточенный», «подвергшийся закалке» и, наконец, «сильный, мощный» (о тяжелом оружии). Однако все эти гипотетические реконструкции возможны лишь потенциально, так как не зафиксированы в каких-либо текстах.

Поэтому возникли гипотезы о происхождении слова ***Харалуг*** вне тюркской языковой среды. С. А. Гедеонов, напомнив, что в **По́вести временны́х лет** термин «корлязи» является калькой с carolingi, продолжает: «Харалуг стало быть западное стальное оружие; слова харалуг, харалужный употребляются в смысле франского (так. — *О. Т.*) оружия, франской стали, как на Западе слово sclavine в смысле одежды славянского покроя... Вендские славяне мало ковали сами; они получали свои мечи и оружие от франков — корлягов» (Варяги и Русь. С. 330). Это объяснение может быть рассмотрено лишь в связи с реальной историей древнерусскогоё оружия (см. ***Меч***). Вслед за Гедеоновым эту гипотезу поддержал М. Шефтель, находя лексическую аналогию в древневерхненемецком car(a)l-ung/ing — каролинги. К этой же мысли склоняется и ***К. Г. Менгес***. З. Штибер соотносил термин ***Харалуг*** с польским глаголом charłeżec — «воровать, брать добычу». ***В. Ф. Ржига*** возводил слово ***Харалуг*** к арабсклму корню со значением «гибель», отсюда прилагательное «харалужный» значит «гибельный», а существительное ***Харалуг*** — «гибель». ***Н. А. Мещерский*** и А. А. Бурыкин указывали на санскритское слово — композит kharalanghyana; в этом случае прилагательное «харалужный» могло бы иметь значение «поражающий остротой, сверкающий остротой». Предлагалось видеть в слове ***Харалуг*** композит

из славянских корней (***В. В. Нимчук***) или из тюркских и славянских компонентов. Так, ***Д. Н. Дубенский*** высказал мнение, что перед нами сочетание слов «кара» (черный) и «лужный», которое он произвел от слов лутовяный, лудити, луда. ***Харалужный***, согласно Дубенскому, значит «покрытый чернью, вороненый, закаленный, стальной» (Слово. С. 65). Той же версии придерживается и Д. Д. Кулинич, видя во втором компоненте славянскуий корень «луд» — «покрытие». По мнению Нимчука, в слове ***Харалуг*** объединены славянские основы ***хар***- и ***луг***-, и слово может обозначать чистую, высококачеств. железную руду или сталь. Предпринимались попытки соотнести ***Харалуг*** с названием с. Харалуг Ровенской области, поблизости от которого в древности находилось месторождение железной руды (см.: *Свитящук В.* Где ковались мечи харалужные? // Вечерний Донецк. 1992. № 130—134, 136—139, 146).

Сложность толкований состоит не только в отсутствии зафиксированных в источниках языковых аналогов, но и в том, что наряду с прилагательным в «Слове о полку Игореве» встречается существительное ***Харалуг*** в выражении «***въ жестоцемъ харалузѣ скована***»; в этом контексте становятся неприемлемыми многие толкования, предложенные для прилагательного «***харалужный***». Остается допускать в этом случае, что сущечивмиельное ***Харалуг*** утратило свое первоначальное значение. Загадочно происхождение сходного с приводимой выше фразой из «Слова о полку Игореве» образного выражения, обнаруженного Л. С. Шептаевым в сборнике, изданном П. Шейном (Великорус в своих песнях, обрядах... СПб., 1900. Т. 1, вып. 2. № 554): «***сердце каменно, в буести заковано, в булате сварено***», где слово «булат» выступает в не свойственном ему значении (см.: *Шептаев Л. С.* Заметки к древнерусским литературным памятникам // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 427).

… **Особенно удивило меня** в статье О. Сулейменова, что неверная ссылка на археологов насчет мечей понадобилась ему, чтобы "убить" общепризнаваемый тюркизм в "Слове о полку Игореве": "харалужные" (мечи), и перетолковать это слово в "карляжные" (от слова "каролюс" - король), то есть, дескать, привезенные из западных стран. "Сегодня, - пишет автор статьи "Невидимые слова", - считаю мнение о тюркском происхождении "харалужный" ошибочным". При этом он мужественно отвергает и свое прежнее толкование этого слова как "кара клич", то есть "великий меч". Что ж, "кара клич", превращенное в "харалужный", - это и впрямь отдает натяжкой! Но почему бы не вспомнить сообщение забытого ныне, но известного в свое время глубокого исследователя древнерусской письменности Василия Григорьевича Анастасевича, что "по-калмыцки и по-монгольски *харал* - брань, война"? Тогда слово "харалужные" чудесно объясняется: *боевые, бранные, воинские* - эпитет самоестественный!

...**Само слово «харалуг**», «харалужный», произошло, как полагают, от тюркского названия узора «кара лыг» - «чёрный цветок». Отметим, что другое традиционное название «пёстро-червячного» узора римских, франкских и норманнских мечей — «розовый (цветочный) Дамаск», и вовсе не из-за того, что он розового цвета. После шлифовки и травления сваренных вместе скрученных прутков образуется характерный, состоящий из соприкасающихся полукругов узор, действительно напоминающий цветок с чёрными лепестками, поэтому названия «розовый», «чёрный цветок» или «харалужный» даже точнее, чем «пёстро-червячный», отражает сущность узора.

См. также Творогов. Харалуг // Энциклопедия "Слова о полку Игореве"

Вернуться к ссылке

44.276. Тохтамыш

Тохтамы́ш (тат. *Туктамыш хан, Tuqtamış хап, Тоқтамыс*; ум. 1406) — хан Золотой Орды в 1380—1395 годах, хан Тюменского ханства с 1400 года[1]), один из потомков Джучи, старшего сына Чингис-хана.

44.276.1. Завоевание Золотой Орды

Тохтамыш был сыном Туй-Ходжи оглана, правителя Мангышлака, влиятельного царевича при хане Урусе. После того, как Туй-Ходжа был казнён по приказу Уруса за неповиновение, молодой Тохтамыш, опасаясь за свою жизнь, в 1376 году бежал в Самарканд к правителю Мавераннахра Тимуру (Тамерлану). В 1377 году молодой хан при поддержке войск Тамерлана приступил к завоеванию Золотой Орды. Однако в первом же сражении, несмотря на гибель белоордынского царевича Кутлуга-Буги, сына Уруса, Тохтамыш был разбит и бежал к Тимуру. Вскоре Тохтамыш во главе более сильной армии, предоставленной ему Тамерланом, вторично вторгся в Золотую Орду. Однако он снова был разбит сыном Уруса Токтакией. Тохтамыш вновь укрылся у Тамерлана. Урус-хан потребовал от Тамерлана под угрозой войны выдать ему Тохтамыша, однако Тимур отказался. Сам Тимур стал готовиться к походу в Золотую Орду против Уруса. Тимур вторгся с войском в Золотую Орду и расположился у Сыгнака напротив золотоордынских войск Уруса, однако ввиду сильных морозов воины неспособны были держать в руках оружие, и Тамерлан отложил завоевание Орды до весны. В следующем году решительного столкновения вновь не произошло, так как Урус внезапно скончался. После кратковременного правления Токтатии на золотоордынский престол вступил Тимур-Мелик оглан. Тохтамыш во главе армии, данной ему терпеливым Тимуром, вторгся в Орду, однако вновь был разгромлен, едва избежав гибели. Ввиду многочисленных пороков и слабостей Тимур-Мелик быстро стал терять власть, благодаря чему Тамерлан счёл возможным вновь отправить Тохтамыша на покорение ордынского престола. Тохтамыш разгромил Тимур-Мелика и стал правителем Белой Орды с центром в Сыгнаке.

Весной 1378 года, после того, как пала восточная часть со столицей в Сыгнаке, Тохтамыш вторгся в западную часть, контролируемую Мамаем. К апрелю 1380 года Тохтамыш сумел захватить всю Золотую Орду вплоть до Азова, включая столицу — Сарай-Берке. Ко времени правления Тохтамыша относится возрождение золотоордынских городов в Нижнем Поволжье [2].

После Куликовской битвы Тохтамыш, при помощи Тамерлана, овладел престолом объединённой Золотой Орды, убил бекляри-бека Мамая, и отправил послов к русским князьям с известием о своём воцарении. Князья приняли послов с честью и, в свою очередь, отправили послов с дарами для нового хана. Однако великий московский князь Дмитрий Донской не счёл нужным отправляться к новому хану для получения из его рук ярлыка на великое княжение. Последующие два года Русь и Орда провели как два самостоятельных государства.

44.276.2. Поход на Москву

Основная статья: **Нашествие Тохтамыша на Москву**

Тохтамыш под Москвой

Желая обуздать русских князей, воспрянувших после Куликовской битвы, Тохтамыш велел пограбить русских гостей и захватить их суда, а сам в 1382 году с большим войском пошёл к Москве. Нижегородский князь Дмитрий Константинович, узнав о походе Тохтамыша и желая спасти свою землю от разорения, послал к нему своих сыновей Василия и Семёна. Олег Рязанский, руководствуясь теми же мотивами, указал ему броды на Оке.

Проведав об этом, князь Дмитрий Константинович Суздальский послал к царю Тохтамышу двоих сыновей своих — Василия и Семена. Они же, придя, не застали его, так быстро он двигался на христиан, и догоняли его несколько дней, и вышли на его путь в месте, называемом Сернач (Сергач), и пошли за ним следом поспешно, и настигли его вблизи границ Рязанской земли. А князь Олег Рязанский встретил царя Тохтамыша, когда он еще не вступил в землю Рязанскую, и бил ему челом, и стал ему помощником в одолении Руси, и пособником на пакость христианам. И еще немало слов говорил о том, как пленить землю Русскую, как без труда взять каменный град

Москву, как победить и захватить ему князя Дмитрия. Еще к тому же обвел царя вокруг своей отчины, Рязанской земли, не нам добра желая, но своему княжению помогал.

Дмитрий Иванович Донской и Владимир Андреевич Храбрый уехали соответственно в Кострому и Волок Ламский для сбора войск. Митрополит Киприан укрылся в Твери. Тверской князь Михаил Александрович прислал к Тохтамышу посла с заявлением о покорности.

Некоторое время спустя каким-то образом дошла весть до князя великого о татарской рати, хотя и не желал Тохтамыш, чтобы кто-либо принес весть на Русь о его приходе, и того ради все купцы русские схвачены были, и ограблены, и задержаны, чтобы не дошли вести до Руси. Однако есть некие доброхоты, для того и находящиеся в пределах ордынских, чтобы помогать земле Русской.

Когда князь великий услышал весть о том, что идет на него сам царь во множестве сил своих, то начал собирать воинов, и составлять полки свои, и выехал из города Москвы, чтобы пойти против татар. И тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие, то так, то иначе прикидывая. И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату, не вспомнили слов пророка Давида: «Как хорошо и достойно, если живут братья в согласии», — и другого, постоянно вспоминаемого, который говорил: «Друг, пособляющий другу, и брат, помогающий брату, подобны крепости твердой», — так как было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье великое и побоялся встать против самого царя. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда — мимо Ростова, и затем уже, скажу, поспешно к Костроме.

«Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни Бояр, ни Митрополита и при звуке колоколов стекался на Вече, вспомнив древнее право граждан Российских в важных случаях решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам Митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного Пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный Государем и Митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к Боярам.

В сие время явился достойный Воевода, юный Князь Литовский, именем Остей, внук Ольгердов, посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию, - Иноки, Священники требовали оружия. Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и благоустройстве. Дым и пламя вдали означали приближение Моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни и 23 августа обступили город.

Некоторые их чиновники подъехали к стене и, зная русский язык, спрашивали, где Великий Князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг Кремля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления и выбирали места для приступов; а Москвитяне, в ожидании битвы, молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: "Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость и сведают, что Великий Князь с сильными полками заходит им в тыл".

Осада Москвы Тохтамышем. Лицевой Летописный свод.

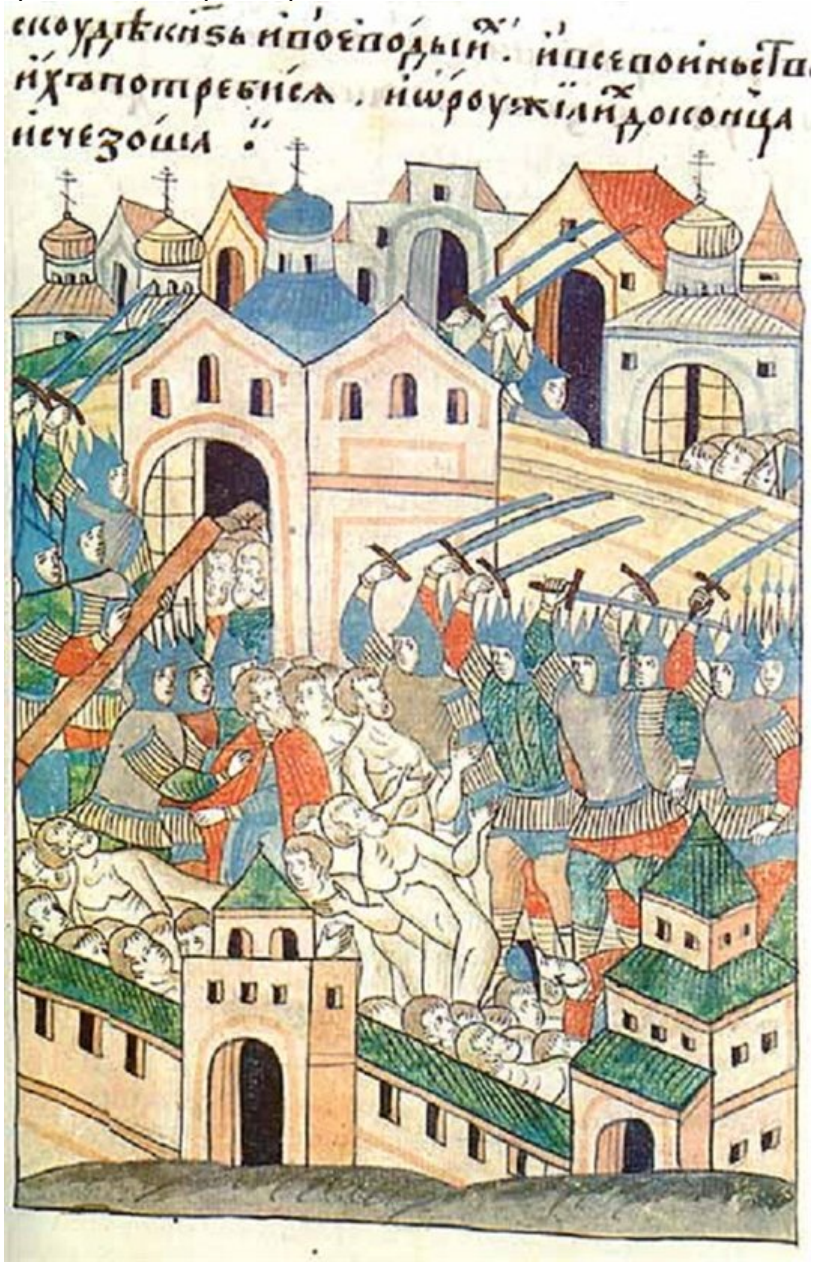
Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число Татар, смеялись над ними; а Татары издали грозили им обнаженными саблями и ввечеру, к преждевременной радости Москвитян, удалились от города.

Сие войско было только легким отрядом: в следующий день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими. Татары стреляли с удивительною меткостию, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед. Они приставили к стене лестницы; но Россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами и к вечеру отразили.

Три дня продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более: ибо не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины и граждане Московские, одушевляемые примером Князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе Героев Летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого Мурзу Ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали Москвитянам, что Хан любит их как своих добрых подданных и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом Великого Князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в сию столицу осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий Кирдяпа и Семён Дмитриевич: обманутые уверениями Тохтамыша или единственно исполняя волю его, они как Россияне и Христиане дали клятву, что Хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла Москвитянам. Храбрый Остей советовался с Боярами, с духовенством и народом: все думали, что ручательство Нижегородских Князей надежно; что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их.

Отворили ворота: Князь Литовский вышел первый из города и нес дары; за ним Духовенство с крестами, Бояре и граждане. Остея повели в стан Ханский - и там умертвили. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи Моголов в одно мгновение обагрились кровию Россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в Кремль: варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену.



Избиение москвичей Тохтамышем. Лицевой Летописный свод

Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства: люди бегали толпами по улицам, вопили как слабые жены и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и Монахов, жен и Священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: Татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов.

В августе 1382 года ордынцы взяли и разграбили город, погибли 24 тысячи человек.

После того как татары ушли, через несколько дней, благоверный князь Дмитрий и Владимир, каждый со своими боярами старейшими, въехали в свою отчину, в город Москву. И увидели, что город взят, и пленен, и огнем пожжен, и святые церкви разорены, а люди побиты, трупы мертвых без числа лежат. И о том возгоревали немало и расплакались они горькими слезами. Кто не оплачет такую погибель города! Кто не поскорбит о стольких людях! Кто не потужит о таком множестве христиан! Кто не посетует о таком пленении и разрушении!

И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей. А кроме того, сколько принесли татары несчастий и убытка Руси и княжению великому! Сколько сотворили убытков своим ратным нахождением, сколько городов пленили, сколько золота, и серебра, и всякого товара взяли, и всякого добра, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, сколько мечом посекли, сколько в полон повели? И если бы можно было те все тяготы, и несчастья, и убытки сосчитать, то не смею сказать, но думаю, что и тысяча тысяч рублей не равна их числу!

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему Великому Княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на

средину озера и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, Князь Владимир Андреевич: отпустив мать и супругу в Торжок, он внезапно ударил на сильный отряд Моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, Хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный Князь Рязанский увидел, сколь милость Татар, купленная гнусною изменою, ненадежна: они поступали в его земле как в неприятельской; жгли, убивали, пленяли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, Послом к Князю Суздальскому».

Преемник Дмитрия Донского, его сын Василий I Дмитриевич купил в Орде ярлык на княжество нижегородское.

44.276.3. ТОХТАМЫШ И ТИМУР

Столкновение с Тохтамышем сильно ослабило положение великого князя Дмитрия. Ведь ярлык на великое княжение, как и раньше, давал хан, поскольку Куликовская битва не изменила политических взаимоотношений Орды и Москвы: великое княжение связывалось с княжением московским "волей" ордынскогоцаря.

"Нелюбием", возникшим между Дмитрием и Тохтамышем, решила воспользоваться Тверь. Но попытки тверского князя Михаила Александровича получить от хана великое княжение успеха не имели: Дмитрий послал в Орду своего сына, княжича Василия, и тому удалось сохранить великое княжение за Москвой.

Правда, Тохтамыш оставил Василия Дмитриевича в Орде в качестве заложника, но уже в 1385 г. ему удалось бежать в Молдавию, откуда он попал в Литву, где был пленен Витовтом. Витовт поставил условием освобождения княжича женитьбу на Софье Витовтовне, и наследник московского престола вынужден был согласиться.

В Москве, как мы помним, установилось наследственное владение государей Калитиной династии. Не случайно в своем завещании Дмитрий Донской благословлял сына Василия великим владимирским княжением, говоря об изменении отношений с Ордой в более далекой политической перспективе: "А переменит Бог Орду, дети мои не имут выходу в Орду платить, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть". В этих словах - эмоциональные перемены, внесенные во взаимоотношения с Ордой сожжением Москвы Тохтамышем. Власть хана еще признается как данность, но уже представляется тягостью, от которой все русские готовы с удовольствием избавиться, тем более что к концу XIV в. союз с Ордой уже не приносил Москве прежних выгод. Такое восприятие ханской власти и отражала политика московского князя после 1382 г.

Хан Тохтамыш, объединивший Белую, Синюю и Золотую Орду и тем самым восстановивший улус Джучиев, не сумел сохранить с таким трудом завоеванную власть. Виной тому была все та же ограниченность Тохтамыша как политика.

Вспомним, что возвышением в Орде Тохтамыш первоначально был обязан помощи Железного Хромца - Тимура. Сам Тимур происходил из монгольского рода Барлас и не принадлежал к числу Чингизидов. Ревностный мусульманин, одинаково хорошо знавший и тюркский, и персидский языки, Тимур был не только воином, но и писателем. Этот великий завоеватель был человеком своей эпохи – эпохи смешения нравов и традиций в Монгольском улусе конца XIV - начала XV в. Но сам он принадлежал уже к исламскому суперэтносу и развивал традиции мусульманской культуры, а не Ясы Чингисхана. Опирался Тимур на мусульманское население оазисов Средней Азии. Если войска Чингисхана представляли собой ополчение кочевников, каждый из которых умел ездить верхом и стрелять из лука, то военные силы Тимура формировались на иной основе. Мобилизовывать не умевших держать в руках саблю дехкан не имело смысла, и среднеазиатское войско Тимура составлялось из профессиональных вояк - "гулямов" (удальцов). Профессионалы рисковали своей жизнью, разумеется, не даром - их служба очень хорошо оплачивалась. Но для того чтобы получить хорошее жалованье, воин-гулям должен был продемонстрировать свое умение: например, на всем скаку снять копьем кольцо, которое проверявший держал в двух

пальцах. Легко представить, сколько уходило усилий на подобную подготовку. Вместе с тем от гулямов требовалась абсолютная дисциплина, безоговорочное послушание командующим - эмирам.

В рассматриваемый период Средняя Азия являла собой сплошной театр военных действий. Последние монгольские ханы боролись со своими эмирами, а эмиры - с джетэ (слово "джетэ" означает "разбойничья банда", "партизанский отряд").

Джетэ, составлявшиеся из всех желавших жить грабежом и не слушать никакого начальства, имели немалые успехи. Они создали отдельное от Джагатайского улуса государство Могулистан в Семиречье, где преобладало тюркское, а не монгольское население. Власть монгольских ильханов в Иране тоже оказалась уничтоженной вследствие восстания персидских патриотов - сарбадаров. ("Сар ба дар" - лозунг этого движения, гласивший: "Пусть голова на воротах висит".)

В это время окончательного распада монгольских государств, в трагичную эпоху войны всех против всех, Тимур во главе своих гулямов оказался наиболее сильным и удачливым военачальником. Столкнувшись с городским ополчением заговорщиков-сарбадаров, Тимур разбил их наголову. Крепости сарбадаров были взяты, а тех из них, кто имел неосторожность сдаться, по приказу Тимура живьем замуровали в стены. Конечно, это была сверхъестественная жестокость, но поскольку так же жестоко расправлялись сарбадары со сторонниками Тимура, то понять его можно.

Затем Тимур овладел всей Ферганой. Своей столицей завоеватель сделал город Кет, ныне Шахрисабз; подчинил себе Самарканд. В 1379 г. Железный Хромец захватил Балх. Эмир Балха Гусейн, бывший союзник Тимура в борьбе против сарбадаров, сдался на условиях сохранения ему жизни, но, не выдержав нервного напряжения, бежал. Его поймали и казнили, потому что Тимур посчитал, что Гусейн нарушил договор, совершив побег.

На юге противниками Тимура были Музаффариды - последняя персидская династия, правившая в Фарсе и Исфахане. Тимур взял Исфахан, пощадив жителей, но они, восстав, перебили его гарнизон. После этого Исфахан был уничтожен, а из голов убитых построены пирамиды. Однако Музаффариды продолжали сопротивление. Тимур подошел к Ширазу, у стен которого храбрец султан Музаффарид хотел сам сразиться с Тимуром, но был убит прежде, чем смог прорваться к своему врагу.

С пребыванием Тимура в Ширазе связан интересный эпизод. В этом городе жил Хафиз, великий поэт, славившийся на весь мусульманский мир. Среди прочих своих творений он написал и такое любовное четверостишие:

Если эта прекрасная турчанка

Понесет в руках мое сердце,

За ее индийскую родинку

Я отдам и Самарканд и Бухару.

Тимур, конечно, знал эти стихи. И вот, взяв Шираз, он сел на ковре в центре площади среди моря жестокости и насилия: гулямы грабили дома, гнали пленных, насиловали женщин и резали последних сопротивлявшихся. Не обращая на это никакого внимания, Тимур приказал привести поэта Хафиза. Через некоторое время к нему подвели знаменитого стихотворца, одетого в простой халат. И завоеватель сказал поэту, намекая на известное четверостишие: "О несчастный! Я всю жизнь потратил для того, чтобы украсить и возвеличить два моих любимых города: Самарканд и Бухару, а ты за родинку какой-то потаскухи хочешь их отдать?" Хафиз ответил: "О повелитель правоверных! Из-за такой моей щедрости я и пребываю в такой бедности". Тимур оценил находчивость поэта - он рассмеялся, приказал дать Хафизу роскошный халат и отпустил его восвояси.

Разумеется, порядки и поступки Тимура можно осуждать, но вряд ли он мог поступать иначе. Начав войну, Тимур должен был ее продолжать: гулямам надо было платить, и война кормила войско. Остановившись, Тимур остался бы без армии, а затем и без головы.

Однако вернемся к Тохтамышу. Встав во главе Джучиева улуса, он не мог ориентироваться на порядки, установленные Тимуром в Средней Азии. Если бы он даже и хотел придерживаться подобной стратегии, его нойоны и местные сибирские вожди никогда не смирились бы с ролью простых слуг султана, а не вольных дружинников хана. Народ Тохтамыша требовал выступления против агрессии мусульман, захватывавших область за областью в Западной Сибири.

Кроме того, по завещанию Чингисхана весь Хорезмский оазис принадлежал потомкам Джучи. И в 1383 г. Тохтамыш сделал первую попытку обрести самостоятельность - попытался отнять Хорезм у Тимура. На какое-то время это ему удалось, но впоследствии Тимур вернул себе Хорезмский оазис.

С этого времени и началась война между двумя культурами: степной евразийской и исламской, представителем которой был Тимур, восстановивший прежнюю мощь мусульманских армий. По существу, действия Тимура были попытки регенерировать угасавшую идеологию и культуру ислама. Делалась эта попытка, с учетом деятельности Тимуридов, сто лет, и в течение этого времени главными врагами мусульман Средней Азии являлись населявшие евразийскую степь кочевники.

В 1385 г. Тохтамыш нанес новый удар по владениям Тимура. Войска Тохтамыша прошли через Дарьяльское ущелье и захватили Тебриз в Азербайджане, который, опять-таки по разделу Чингиса, должен был принадлежать улусу Джучи. Тимур отогнал армию татар, захватив многих в плен. Пытаясь отсрочить решающее столкновение, он вернул пленникам свободу и отправил их под конвоем в родные степи. Но изменить ход дальнейших событий ему не удалось.

Через два года Тохтамыш, собрав довольно большие силы, перебросил их через казахскую степь и, пройдя через пустыню Бет-пак-Дала[236], миновав Ходжент и Самарканд, дошел до Термеза. По пути хан ограбил все кишлаки, которые там были, но не взял ни одной крепости: они были надежно укреплены. Тимур, воевавший в это время в Персии, с отборными частями своей армии форсированным маршем вернулся в Среднюю Азию. Тохтамыш стал отступать, но Тимур настиг его в Фергане и разбил, после чего Тохтамыш убежал с остатками войск в Западную Сибирь.

Тимур понимал, что война с Тохтамышем может быть выиграна только в собственно татарских владениях. Но Синюю Орду и Поволжье защищали от мусульман Средней Азии не столько татарские войска, сколько огромные расстояния. Для того чтобы вести степную войну, надо было иметь достаточное количество лошадей, а для них - необходимый фураж или подножный корм.

Обширные же степи, отделяющие Волгу от оазисов Средней Азии, покрыты травой не круглый год. В этой ситуации Тимур продемонстрировал незаурядный талант стратега. Он учел, что весной среднеазиатская степь порастает травой сначала на юге, потом в центральном Казахстане, а уж затем на севере. Тимур собрал войско и двинулся в поход в буквальном смысле слова "вслед за весной"; лошади питались травой, которая не успевала завянуть. Войско запасалось провизией, проводя облавные охоты в степи.

Тохтамыш не ожидал мусульманского броска через степь, но начал быстро собирать все имевшиеся в его распоряжении силы.

В это время, в 1389 г., скончался московский великий князь Дмитрий Иванович. И хотя он, как мы помним, завещал, противно всем древним обычаям, великое княжение своему сыну Василию, утвердить это решение мог лишь законный хан Русского улуса - Тохтамыш. Тохтамыш подтвердил права Василия Дмитриевича и, что вполне естественно, в преддверии столкновения с Тимуром, потребовал от него помощи. Князь Василий войско привел (умышленно опоздал со своим ополчением), но никакого желания сражаться за Тохтамыша у русского князя не было:

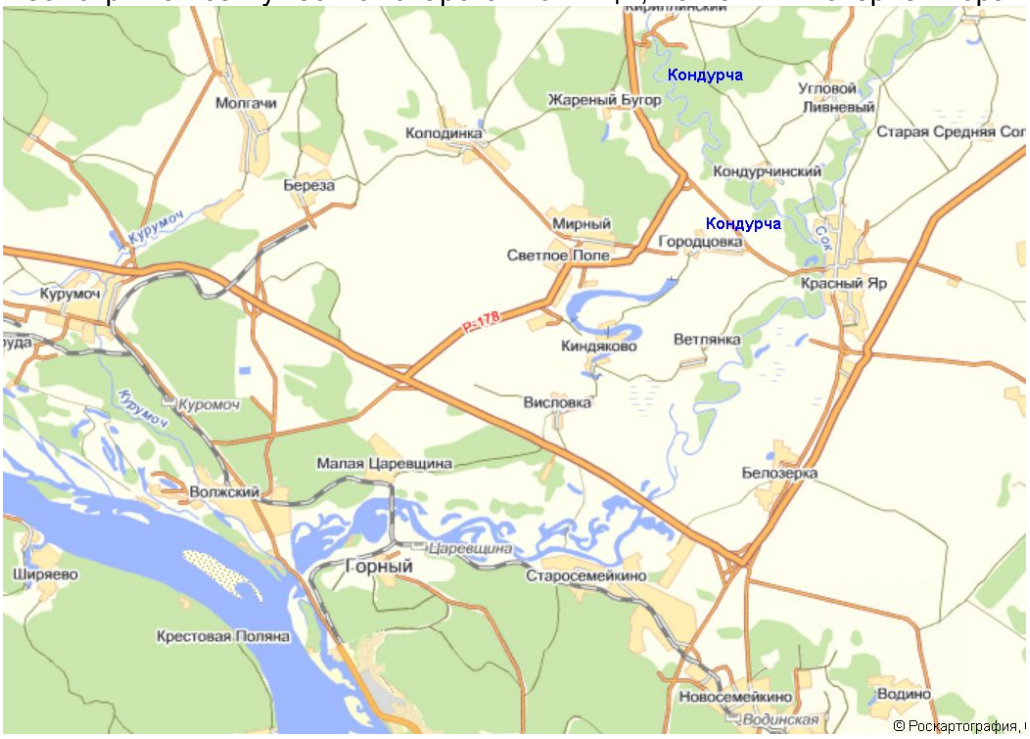
---

[236] **Бет**, (каз. *Бетпақдала*), также **Северная Голодная степь** — пустыня в Карагандинской области, Средней Азии (Казахстан). Расположена между низовьем реки Сарысу, реки Чу и озером Балхаш.

слишком свежа оставалась память о разорении Москвы в 1382 г. Таким образом, в решительный момент столкновения со среднеазиатскими тюрками хан Тохтамыш остался без союзника.

Тимур, совершив стремительный бросок, с ходу прижал ханские войска к Волге.

Несмотря на все мужество татарской конницы, Тохтамыш потерпел поражение.



Регулярная армия Тимура, его грозные гулямы одержали решительную победу в битве при реке Кондурче - одном из притоков Волги. Сам Тохтамыш успел переправиться на правый берег Волги, но дело его было проиграно. Василий, увидев, как поворачиваются события, повел свое войско в низовья Камы и тоже ушел на правый берег Волги, спасаясь от Тимура. Тимур не стал переходить реку, и московский князь удачно избежал столкновения.

После этой победы Тимур начал отступать. Он уходил, спасаясь от холода и голода, тем же путем, каким шел весной. Ему удалось вывести большую часть своей армии. Поход Тимура на Волгу был победоносным, но он не решил своей основной задачи - защиты Средней Азии. Ядро, самое сердце владений Тимура с прекрасными городами Самаркандом и Бухарой, оставалось беззащитным от ударов со стороны казахской степи. И действительно, Тохтамыш вскоре снова выступил против Тимура. Он двинулся из приволжских степей на юг по западному берегу Каспийского моря. Тимур вышел ему навстречу, и оба войска встретились на Тереке, где и произошла кровопролитная битва. Татары проявили исключительный героизм, но татарское ополчение снова не выдержало натиска регулярной армии. Тимур одержал победу, причем он сам сражался в рядах воинов. Тохтамыш вынужден был бежать. А Тимур двинулся дальше, прошел через прикаспийские степи и вторгся в центр Золотой Орды - волго-донское междуречье.

Храбрее всех сражался против Тимура талантливый военачальник Бек-Ярык-оглан. Он успел отвести свои войска к Днепру, но Тимур бросил туда одного из лучших своих полководцев - эмира Османа. Осман окружил степняка на берегах Днепра. Однако Бек-Ярык снова вырвался и с частью своего войска устремился на восток, ибо другого пути у него не было: к западу располагалась враждебная татарам Литва. Только у русского города Ельца эмир Осман настиг Бек-Ярыка. Эмир осадил Елец. Защищаемый русско-татарскими войсками, город сопротивлялся отчаянно, но в конце концов пал. И снова Бек-Ярык-оглан со своим старшим сыном прорвался через ряды осаждавших и ушел на Русь. Тимур был настолько поражен мужеством, стойкостью и верностью татарского вождя, что, захватив в плен его семью, приказал отправить ее вслед герою под конвоем, дабы никто не обидел женщин и детей.

Теперь Тимур намеревался пройти дальше на Русь и захватить Рязань и Москву.

Вероятно, это удалось бы ему, если бы не восстание в тылу среди черкесов, осетин и татар. Тимуру пришлось повернуть назад. Пройдя Перекоп, он собрал на Крымском полуострове дань и накормил свое войско. И хотя восставшие черкесы выжгли степи к северу от Кубани, войска

Тимура сумели пройти через выжженную степь, нанести черкесам жестокое поражение и заставили их укрыться в горах. Миновав Дербентский проход и выйдя в Азербайджан, Тимур ликвидировал крепости восставших в Закавказье и в горах Эльбрус, а затем вернулся в Самарканд - город, "подобный раю".

… Меж тем, во время отступления Тимура из Поволжья, некоторые офицеры татарского происхождения (мурза Едигей и царевич из Белой Орды Корейчак) просили у Тимура разрешения остаться в степях и были отпущены. Тимур возложил на них задачу упорядочить татарскую Орду. Но военачальники уехали и не вернулись к мусульманскому владыке, нарушив присягу. Очевидно, фактор этнической принадлежности был сильнее. Мурза и царевич-татарин не стали помогать завоевателю, а предпочли соединиться со своим народом. Так в разбитой Тимуром Золотой Орде утвердились новые властители. Правда, сын Урус-хана из Белой Орды царевич Корейчак, молодой и достаточно энергичный человек, через некоторое время умер, и власть перешла к его двоюродному брату - Темир-Кутлугу. Новому хану, лишившемуся из-за предательства Корейчака поддержки Тимура, вскоре пришлось защищать свой престол от Тохтамыша. У последнего оставалось достаточное количество сторонников, главным образом за Уральским хребтом. Тохтамыш захватил Сарай, но Темир-Кутлуг разгромил его и вступил в тесный союз с мурзой Едигеем, которого назначил правителем двора, фактически - главой правительства.

Поскольку союз с Москвой был для Тохтамыша уже невозможен, разбитый, он ушел на запад, в литовские пределы.

44.276.4. Борьба с Тамерланом

Основная статья: **Война Тимура с Тохтамышем**

Татары ещё несколько раз делали небольшие набеги на русскую землю, разграбили Рязань, Вятку, но предпринять большой и серьёзный поход против Москвы Тохтамыш не мог, так как в это время вступил в борьбу с Тамерланом, которому он был обязан престолом. Опасаясь перехода Закавказья и Западного Ирана под власть противника, Тохтамыш предпринял в 1385 году вторжение в этот регион. Захватив Тебриз и разграбив его, хан отступил с богатой добычей; среди 90 000 пленников был и поэт Камол Худжанди[3]. В 1390-е Тамерлан нанёс ордынскому хану два жестоких поражения — на Кондурче (1391) и Тереке (1395) — после которых Тохтамыш был лишён престола и вынужден вести постоянную борьбу с ханами, поставленными Тамерланом. После поражения Тохтамышу, видимо, удалось на короткий срок захватить власть в Тюменском ханстве или в части его улусов [4].

44.276.5. Борьба с Едигеем

Основная статья: **Битва на реке Ворскле**

Вскоре на золотоордынском престоле при содействии могущественного эмира Едигея воцарился Тимур-Кутлуг, разбивший Тохтамыша, который вслед за этим бежал с семьёй в Киев, к великому князю литовскому Витовту. Тохтамыш был ласково принят Витовтом, так как последний желал его использовать в качестве проводника своего политического влияния в Орде. Витовт начал готовить масштабный поход против татар с целью посадить на золотоордынском престоле Тохтамыша. Тохтамыш с отрядом в несколько тысяч татар также принял участие в походе. Выступив в поход, Витовт в 1399 году разбил лагерь на реке Ворскле, и Тимур-Кутлуг, испугавшись многочисленности противника, запросил мира. Тем временем к реке подоспел Едигей со своими войсками. Едигей разорвал переговоры и убедил Тимур-Кутлуга продолжить борьбу. Возглавив ордынские войска, Едигей нанёс сокрушительное поражение Витовту. Тохтамыш окончательно утратил былое политическое влияние.

Гробница дочери Тохтамыша в Чуфут-Кале

Едигей после этой громкой победы не оставил Тохтамыша в покое и в течение продолжительного времени с переменным успехом боролся с ним, и в конце концов в шестнадцатом сражении Тохтамыш был окончательно разгромлен и убит. В последние годы Тохтамыш всё больше склонялся к миру с Тамерланом, к которому даже отправил посольство. Не ранее 1405 года, предположительно, близ современной Тюмени Тохтамыш был убит Шадибеком [5] .

См. также Повесть о нашествии хана Тохтамыша и взятии им Москвы, ЕЛЕЦКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ ч.2, Л. Н. Гумилёв «От Руси до России», Царёв курган. Битва Тохтамыша и Тимура (Тамерлана)

Вернуться к ссылке

44.277. Василий I Дмитриевич

Васи́лий I Дми́триевич (30 декабря 1371 — 27 февраля 1425) — великий князь московский и владимирский с 1389 года, старший сын Дмитрия Ивановича Донского и великой княгини Евдокии, дочери великого князя нижегородско-суздальского Дмитрия Константиновича. Был женат на Софье — единственной дочери великого князя литовского Витовта.

Василий I Дмитриевич

Портрет из «Титулярника» XVII в.

44.277.1. Ранние годы

В августе 1382 года хан Тохтамыш разорил Москву, а осенью ханский посол, после удаления из Москвы митрополита Киприана, выдал великокняжеский ярлык Дмитрию Ивановичу, взяв его сына Василия заложником в Орду. В 1386 году православные помогли 14-летнему княжичу бежать из Орды к господарю Молдавского княжества Петру Мушате («Того же году княз Василей, великого князя сын Дмитриеев прибеже из Орды в Подольскую землю в великие волохы к Петру Воеводе…»). Летом 1387 года митрополит Киприан, по дороге из Константинополя, взял Василия с собой и привез его в Литву. Киприан убедил Витовта возглавить антипольскую коалицию и обручил дочь Витовта Софью с Василием Дмитриевичем.[1] 19 мая 1389 года Дмитрий Иванович умер, Василий стал великим князем Московским. 6 марта 1390 года Киприан прибыл в Москву и 9 января 1391 года обвенчал Василия Дмитриевича с Софьей Витовтовной.

44.277.2. Политическая обстановка в конце 14 века в Восточной Европе

Дмитрий Донской, умирая, благословил сына Василия великим княжением как «вотчиной», и 15 августа 1389г. во Владимире ханский посол Шахмат возвел князя на престол. К тому времени в Восточной Европе наметилось равновесие трех могущественных сил.

1. Великое княжество Литовское усилили внуки Гедимина. 14 августа 1385г. в замке Крево, расположенном на территории современной Белоруссии, между Польшей и Великим княжеством Литовским было заключено соглашение о династическом союзе (так называемая Кревская уния). Великий князь литовский Ягайло вступил в брак с польской королевой Ядвигой (в 1383г. она была избрана польским «королем») и стал королем теперь уже Польско-Литовского государства. Ольгерд одержал в 1348 и 1370гг. победы над Тевтонским Орденом, а в 1363г. разгромил войско Орды.

   В 1377г. Ольгерд умер и престол занял **Ягайло** — крупнейший политический деятель рубежа XIV—XV вв. В 1392г. Великим князем литовским стал Витовт. Литовские князья издавна

стремились захватить русские земли. В конце XV в. они так усилились, что Витовт подумывал брать дань... с Орды.

2. Орда в 1372г. распалась на семь владений: царство темника Мамая, располагавшееся между Доном и Днепром; Новый Сарай, Волжская Болгария, Мордва, Астрахань, Сарайчик, Крым. Потомки Батыя делали все возможное, чтобы восстановить мощь улуса Джучиева, но центробежные силы раздирали его. И все-таки у ордынцев сил было еще много. Восточно-Европейская Степь в любой момент могла посадить на боевого коня огромное количество воинов.
3. Русская земля выглядела менее предпочтительно. Великие князья контролировали огромные пространства современных Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской и других областей. Московских князей поддерживали новгородцы и псковичи, хотя частенько и протестовали против их политики. Экономически Москва была слабее Литвы и Орды. Многие удельные князья даже после того, как Владимир Андреевич Храбрый в договоре 1388 г. показал всем пример бескорыстия и государственного подхода к делу, мечтали о самостоятельном правлении в своих вотчинах, да и о великом княжении. Трудная борьба с Тверью продолжалась. Натиск Литвы не ослабевал. Орда канючила дань. Новгородцы шантажировали налаживанием контактов с немцами и литовцами.

44.277.3. Великое княжение

После смерти Дмитрия Донского в 1389 году Василий получил из Орды право на московский стол. Чтобы обезопасить себя внутри Руси, Василию пришлось договариваться с наиболее опасными конкурентами: с дядей — Владимиром Андреевичем Храбрым о подчинении последнего в обмен на земельные уступки и братом Юрием Дмитриевичем, получившим от отца Звенигород, Галич, Рузу и Вятку. Василий продолжил инициативу Дмитрия Донского по правовым взаимоотношениям великого князя с уделами, утверждая главную роль великого князя, но оставляя за подчинёнными князьями частичное коллективное владение в московской земле.

В решении политических вопросов молодому князю оказывало помощь московское боярство и митрополит Киприан, который способствовал женитьбе Василия на дочери литовского князя Витовта — Софье в 1391 году.

Уже в 1392 году Василий совершил первое приобретение, выкупая в Орде право на Нижний Новгород, до этого принадлежавший городецкому князю Борису Константиновичу, а самого князя отправил на принудительное поселение в Суздале, разлучив с семьёй. Кроме того им были куплены права на Городец, Мещеру, Тарусу и Муром. Этим он создал прецедент перекупки владения при существующих наследниках. До этого ярлыки выдавались только на выморочные земли[237].

Василий I и Софья Витовтовна (изображение на Большом саккосе митрополита Фотия)

Для предотвращения опасности со стороны Золотой Орды Василий I вступил в союз с Литвой (1392) и не противодействовал утверждению литовского влияния в Смоленске в 1395 году.

В 1395 году войско Тамерлана во время успешной военной кампании против Тохтамыша направилось в пределы Руси, но развернулось у города Ельца. Василий прекратил выплату дани Орде. Тохтамыш обратился за помощью к Витовту, обещая сделать его правителем всей Руси и Новгорода. Орден также готов был признать Витовта правителем всей Литвы, Руси и Новгорода в обмен на уступку ордену Пскова.

[237] Земли принадлежащие умершим гражданам

В 1399 году Витовт выступил против Едигея — ставленника Тимура в Орде, но потерпел сокрушительное поражение в битве на реке Ворскле, в которой погибли герои Куликовской битвы Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. В том же году князь Рязанский Олег Иванович, отец жены одного из смоленских князей Юрия Святославича, организовал захват Смоленска (ставленник Витовта и участник Куликовской битвы князь Роман Михайлович Брянский был убит). После смерти Олега в Смоленске утвердился его зять Юрий. После смерти польской королевы Ядвиги (1399), жены Ягайло Ольгердовича, без наследников, литовские феодалы, ослабленные поражением на Ворскле, пошли на династический брак Ягайла с другой внучкой Казимира Великого и новый союз с Польшей, результатом которого стал захват в 1403—1404 Вязьмы и Смоленска, а также победа при Грюнвальде (1410).

44.277.4. Нашествие Едигея

В 1407—1408 годах Иван Владимирович, князь Пронский, с помощью Едигея захватил Рязань, затем разбил рязанского князя Фёдора Ольговича, получившего помощь от своего шурина Василия, но по мирному соглашению Фёдор вернулся на рязанское княжение.

Усиление польского влияния в Литве вызвало сопротивление литовско-русских феодалов, во главе которых встал Свидригайло Ольгердович. В 1408 году он ушёл на службу к Василию и получил от него ряд городов в кормление. В том же году брат Василия Константин Дмитриевич сменил литовского князя Лугвения Ольгердовича на новгородском княжении. Ягайло и Витовт выступили против Василия, войска встретились по две стороны реки Угры, но битвы не произошло. Одновременно Едигей совершил набег на южнорусские владения Литвы.

Осенью 1408 года Едигей сам двинулся на Москву. Взять столицу ордынцам не удалось, но они разорили многие города Московского княжества, в том числе находившиеся в кормлении у Свидригайла Ольгердовича (Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Ростов, Дмитров). Во время осады Москвы Едигей послал в Тверь великому князю Ивану Михайловичу требование «быть на Москву» с артиллерией, но тот не подчинился. Василий не вывел войска на битву против Едигея, но предпринял ряд дипломатических усилий для возобновления борьбы за власть в самой Орде, в тылу у Едигея, как это сделал внук Василия Иван III во время знаменитого стояния на Угре, положившего конец ордынскому игу 72 года спустя.

Свидригайло, по сообщению летописца, «от тех Едигеевых татар утомился зело», в результате чего вернулся к Витовту. После нашествия Едигея Василий возобновил выплату дани Орде.

44.277.5. Василий I и Витовт

Казалось бы, что брак с дочерью литовского князя Витовта в 1391 году обеспечит Василию Дмитриевичу помощь в решении проблем с Новгородом, однако у Витовта были свои проблемы и цели. Во первых он ещё не был Великим князем, а находился на территории Тевтонского ордена (с 1389 по 1392 годы), противостоя своему конкуренту Ягайло. И только в 1392 году Витовт стал Великим князем Литовским. Во вторых, как серьёзный политик, Витовт был склонен использовать родственные связи в своих политических интересах.

Бюст Василия Дмитриевича в городе Плёсе

Это заметно из первых же действий литовского князя. Не успев решить военные проблемы с крестоносцами, сорокапятилетний Витовт в 1395 году обещает своему 24-летнему зятю военную помощь против Тамерлана, но в сентябре захватывает Смоленск, используя склоку в Смоленском княжеском доме. Василий безропотно принимает это сообщение, а через полгода едет на встречу к тестю как раз, в захваченный Смоленск, где обсуждает пограничные и религиозные дела.

Такая позиция Великого московского князя сложно объяснима, учитывая, что он, продолжая политику отца, стремился к единению русских княжеств. В то же время известно, что

рязанский князь Олег, поддерживая смоленского князя Юрия, ответил походом в Литву, а Витовт, в свою очередь, атаковал Рязанскую землю. Когда же Олег Иванович Рязанский ходил во второй раз на Литву, то Василий Дмитриевич даже упрекнул рязанского князя за это, указывая на мир между Литвой и Русью. Фактически это означало, что Василий согласен с переходом Смоленска в подчинение Литве.

В 1397 году Витовт вновь, ответно напал на Рязанское княжество, а Василий I пропустил Витовта обратно без возражений и даже встретился с ним в Коломне. По летописным сообщениям политические цели Витовта по отношению к зятю представляются коварными.

В год 6907 (1399). Пошли Витовт и Тохтамыш со всем войском литовским, и немцы, ляхи, жмудь, татары, валахи, подоляне, и двор Тохтамышев — было войско очень большое, и пошли на Темир Кутлуя. Похвалялся Витовт Тохтамыша на Орде посадить, а сам на московском престоле сесть, ибо для того и учинил эту войну; Тохтамыш посулил ему Москву и всю землю Русскую. — Тверская летопись

Далее ухудшение родственных отношений быстро нарастает.

Через год, в 1403 году, только восстановившись после поражения на Ворскле, Витовт захватил Вязьму, а в 1404 году, в отсутствие смоленского князя Юрия, атаковал и захватил Смоленск, после чего город надолго отошёл под руку Литвы.

Заслуживает внимания фрагмент переписки между Василием I и Витовтом, по поводу смоленского князя, упоминаемой в Тверской летописи за 1404 год. Витовт пишет:

Помни, что твердо обещал мне не вступаться за Юрия Смоленского никаким делом; и вот Юрий мне много зла сделал, брата моего и твоего князя великого Романа Черниговского убил и казну его взял, иных князей побил, и много другого зла сотворил; теперь же он у тебя в твоем княжестве, поймай его своими людьми, потому что новгородцы твои; если же поймаешь, держи его у себя, как обещал мне по любви.

На что Василий I ответил Витовту вполне лояльно, что подтверждает существование некой договорённости:

У меня Юрия нет, приняли его новгородцы без моего повеления.

Когда же Витовт, в том же 1405 году совершил поход на Псков и захватил Коложе[238], Василий I стал собирать войско против него, призвав под свои знамёна тверичей и татар.

Весной 1406 года, войска родственников-противников встретились на реке Плаве под Тулой, но всё завершилось перемирием до будущего года. Это перемирие, заключённое без ведома тверичей, вызвало обиду тверского князя, который на следующий год отказался поддержать Василия I.

В 1408 году Витовт захватывает Одоев, а Василий в ответ, атакует литовские владения, захватив крепость Дмитровец, которая охраняла дорогу на Вязьму у реки Угры. Русское и литовское войско сошлись на реке Угре, где почти полмесяца простояли друг против друга, после чего было заключён «вечный» мир. Это был своевременный шаг Василия Дмитриевича, так как в этом же году произошло нападение на русские земли войск Едигея.

В дальнейшем, до самой смерти Василия Дмитриевича в летописях нет сведений о его конфликтах с Витовтом.

Таким образом, отрицательные итоги политики Василия I в литовском направлении следующие:

- большая уступка земель на юго-западе Великому княжеству Литовскому;
- вмешательство ВКЛ в дела русских княжеств;

---

[238] **КО**,вшись грабежемъ, литовцы оставили Псков. землю, чтобы повторить набѣгъ въ слѣд. году съ тою же цѣлью. На этотъ разъ подверглась разоренію вся Коложская волость. Въ 1414 г. псковичи отстроили К. заново, на новомъ мѣстѣ, въ 12 вер. къ ю.-з. отъ Опочки.

- сохранившиеся претензии ВКЛ на Новгород и Псков.

Положительные моменты таковы:

- приток православной литовской аристократии под управление Москвы;
- избежание кровопролития между Московским и Литовским княжествами;
- использование авторитета Витовта для сдерживания междоусобицы в начале правления наследника, Василия II.

44.277.6. Итоги правления

При Василии I продолжало расти феодальное землевладение. С усилением власти великого князя происходили изъятие из ведения феодалов части судебных дел и передача их в руки великокняжеских наместников и волостелей.

В 1392 Василий I присоединил Нижегородское и Муромское княжества, в 1397—1398 — Бежецкий Верх, Вологду, Устюг и земли коми. Предпринял две неудачные попытки отобрать силой у Новгорода Двинскую землю.

В 1416 году Василий утвердил дружеские отношения с пронским князем Иваном Владимировичем, женив своего сына Ивана на его дочери.

Благодаря предусмотрительной политике за 36 лет правления Василия I московское княжество не ощутило каких-либо внутренних потрясений. За этот период времени Москва лишь единожды, в 1408 году подверглась нашествию сил Орды, но Едигей так и не смог взять город.

Московские князья (1276—1598)

Даниил Александрович

Юрий Даниилович

Иван I Калита

Симеон Гордый

Иван II Красный

Дмитрий Донской

Василий I

Василий II Тёмный

Иван III

Василий III, жена Елена Глинская

Иван IV Грозный

Фёдор I Иоаннович

Юрий Звенигородский

Василий Косой

Дмитрий Шемяка

44.277.7. Семья

В Рождество 1390 года, в Коломне, женился на литовской княжне Софье, единственном ребёнке великого князя Литовского Витовта. На рыцарском турнире, состоявшемся на свадьбе, участвовал князь Остей, внук Ольгерда. В московских властных кругах Софью Витовтовну, вероятно, недолюбливали, считая «литвинкой». Предположительно не всё было гладко и в их супружеских отношениях. Посол Империи Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву сто лет спустя, отмечал, что ***«… Василий Дмитриевич оставил единственного сына Василия, но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии жену свою Анастасию (Софью Витовтовну), от которой тот родился …»***

- Родившийся весной 1395 года первый сын Юрий (1395—1400) прожил всего пять лет.
- Второй сын, Иван, (1396—1417) скончался по дороге из Коломны в Москву в результате «мора», спустя всего полгода после женитьбы на дочери князя Пронского и получения в удел Нижнего Новгорода.
- Аналогичная ранняя кончина ожидала и сыновей Даниила (1400—1401) и Семёна.
- В 1393 году родилась первая дочь — Анна, ставшая женой византийского императора Иоанна VIII Палеолога.
- Вторая дочь, Анастасия Васильевна в 1417 году вышла замуж за киевского князя Александра Владимировича (Олелько).

- Третья дочь Василиса Васильевна первым браком за суздальским князем Александром Ивановичем, вторым за суздальским князем Александром Даниловичем.
- Четвёртая дочь Мария Васильевна с 1418 года замужем за Юрием Патрикеевичем, князем Стародубским; от этого брака происходят князья Патрикеевы, а от них — князья Куракины и Голицыны.
- 10 марта 1415 года родился Василий II.

44.277.8. Культура

В 1395—1405 годах в Москве работал Феофан Грек, который имел свою мастерскую и выполнял церковные и светские заказы, например, расписал терема великого князя Василия Дмитриевича и Владимира Андреевича Храброго, а также три кремлевских храма: церковь Рождества Богородицы (1395), Архангельский (1399), Благовещенский (1405) соборы.

При Василии Дмитриевиче в Московском Кремле построены Благовещенский собор (от первоначальной постройки сохранился подклет) и Церковь Рождества Богородицы на Сенях (первоначальный храм сохранился до уровня хор).

В начале XV века в Москве были созданы Евангелие Федора Кошки (вероятно, предназначавшееся для Благовещенского собора Кремля) и Евангелие Успенского собора Московского Кремля.

См. также **Князь Василий Дмитриевич**

Вернуться к ссылке

44.278. Витовт

Ви́товт (лит. *Vytautas*, белор. *Вімаўт*, польск. *Witold*; около 1350 — 27 октября 1430) — великий князь литовский с 1392 года. Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайло. Князь гродненский в 1370—1382 годах, луцкий в 1387—1389 годах, трокский в 1382—1413 годах. Провозглашённый король гуситов[1]. Один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, ещё при жизни прозванный Великим[2].

Был трижды крещён: первый раз в 1382 году по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 году по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 году по католическому обряду также под именем Александр[3].

44.278.1. Ранние годы

Родился Витовт около 1350 года. Точная дата его рождения неизвестна. Хронист Конрад Битшин (нем. *Conrad Bitschin*) при описании битвы при Руду (1370) упомянул, что участвовавшему в битве Витовту было двадцать лет. По Кромеру, в 1430 году Витовту было восемьдесят[4].

Отец Витовта Кейстут и его дядя Ольгерд правили совместно и не боролись за власть между собой. Ольгерд был великим князем и занимался восточными и южными делами, Кейстут вёл упорную борьбу с тевтонскими рыцарями на северо-западе[5]. Матерью Витовта была вторая жена Кейстута Бирута, о которой известно крайне мало.

Витовт не был старшим ребёнком в семье. У него было пятеро братьев и три сестры:

- Войдат (ум. после 1401) — в надёжных источниках упоминается только дважды. По Хронике Быховца, скончался в молодом возрасте;
- Войшвил (Патерг) — умер в молодом возрасте;
- Бутовт — в 1365 году крестился в Кёнигсберге под именем Генрих, в 1369—1381 годах состоял при дворе императора Карла IV;
- Жигимонт (Сигизмунд; убит в 1440) — великий князь литовский с 1432 по 1440 год;
- Товтивил (в крещении — Конрад; убит в 1390) — сторонник Витовта;
- Мария (Микловса) — жена Ивана Тверского;
- Данута (в крещении — Анна) — жена Януша Мазовецкого;
- Римгайла (в крещении — Елизавета) — жена Генриха Мазовецкого.

Первые сведения о Витовте относятся к концу 1360-х годов. В 1368 и 1372 годах он участвовал в походах Ольгерда на Москву. В 1376 году уже как князь гродненский участвовал в походе на Польшу. С 1377 года предпринимал самостоятельные походы в земли Тевтонского ордена[4].

После смерти Ольгерда в 1377 году Кейстут признал Ягайло, старшего сына от второго брака Ольгерда, великим князем литовским и продолжил традиционную для себя войну с крестоносцами[6]. Тем не менее, Ягайло опасался своего влиятельного дядю, к тому же против Кейстута его настраивали мать Иулиания Тверская и зять Войдило[7][8]. В феврале 1380 года Ягайло без согласования с Кейстутом заключил пятимесячное перемирие с Ливонским орденом для защиты своих наследственных земель в Литве, а также Полоцка, только что отнятого у своего брата и конкурента Андрея[6]. 31 мая 1380 года Ягайло и великий магистр Тевтонского ордена Винрих фон Книпроде заключили тайный Довидишковский договор, подставив тем самым под удар крестоносцев земли Кейстута, на которые действие договора не распространялось[9].

44.278.2. Борьба за власть

Денарий с копьём и легендой по кругу «ПЕЧАТ». Витовт, 1392-1396.

Основные статьи: **Гражданская война 1381—1384 годов**, **Гражданская война 1389—1392 годов**

В феврале 1381 года крестоносцы вторглись в земли Кейстута и двинулись в направлении Трок. Был разрушен Новый Городок и взято в плен около 3 000 человек[10]. Комтур Остероде Гюнтер Гоенштейн сообщил Кейстуту о заключении Давыдишковского договора[10], после чего Кейстут решил начать войну с Ягайло. В конце 1381 года он во главе войска отправился в Пруссию, но по пути резко повернул к Вильне[7]. Недовольный решением отца Витовт отбыл в Дрогичин и Гродно[239]. Кейстут с лёгкостью взял Вильну, пленил самого Ягайло. Кроме того, он обнаружил секретный договор с Орденом, которым смог доказать Витовту планы Ягайло[8].

После унии Великого княжества Литовского с Польшей в 1385 Витовт, опираясь на русских бояр, боролся за независимость княжества от Польши и добился от польского короля Ягайло признания за собой (на правах наместника) Великого княжества Литовского. В ходе борьбы с двоюродным братом Витовт был вынужден дважды бежать во владения Тевтонского ордена (1382—1384, 1389—1392). В 1384 году он получил обратно часть наследства своего отца.

вских князей и польских королей. В 1391 году от великого князя Ягайло город получил право (то есть городское самоуправление), в 1398-м великий князь Витовт сделал его тва Литовского и лучшим, после Вильно, городом княжества.

В 1390 г. Витовт при помощи Тевтонского ордена стал отвоевывать Литву. В это же время (1390) произошло сближение Витовта с Москвою: великий князь Василий I женился на его дочери Софье. В 1392 г. заключен был мир; Витовт получил все наследство отца и признан был пожизненным великим князем литовским. В 1392 году по Островскому договору Витовту были возвращены вотчинные земли Трокского княжества, ранее отнятые Ягайло и переданные Скиргайло. Витовт становился наместником Ягайло в Литве, фактически — правителем. Формально правителем всего Великого княжества Литовского Витовт был признан Виленско-Радомским договором (1401).

Заняв великокняжеский стол, Витовт сразу предъявил областным князьям требование о "*покоре*", значительно уменьшавшее их владетельные права и подрывавшее исконную "*старину*". Встретив отказ, отчасти поддержанный и населением, Витовт силою уничтожил ряд крупных областных княжений, теснее сплотил отдаленные части своего государства; к нему перешли от областных князей разнообразные и разноименные доходы и свободные земли, на которых Витовт или заводил свое хозяйство, или сажал своих служилых людей.

Литовское боярство было предано Витовту, потому что он основным принципом своей деятельности выставлял независимость Литвы. Значение, приобретенное литовским боярством до унии, было закреплено и развито актами и событиями, ее сопровождавшими (узаконение избирательности престола и участия боярства в избрании великого князя, уничтожение областных княжений, создание крупных административных постов). Привлекая к себе симпатии и надежды боярства и других слоев населения, Витовт образовывал сильное государство, не чуждое польских заимствований и национально не однородное, но умело спаянное единым антипольским настроением и властно направляемое из одного центра.

В руках Витовта был и идейный центр русской земли - Киев, чем Витовт и пользовался, проявляя заботы о православии. Однако нахлынувшее на Литву, помимо воли Витовта, польско-католическое влияние сообщило этнографической разнице в составе населения характер национальной и политической вражды.

В 1395 г. Витовт присоединил к Литве сравнительно слабый и территориально связанный с нею Смоленск; в 1395 - 96 годах удачно боролся с Рязанью; в 1397 - 98 годах Витовт успешно воевал с татарами; в 1398 г. у него просил помощи Тохтамыш . Успехи в делах внешних и укрепление внутренних сил Литвы делали непрочной зависимость Витовта от Польши. Между тем в Польше требовали полного подчинения Литвы. Когда Ядвига обратилась к Витовту за данью, он, с одобрения своих бояр, ответил отказом и заключил с орденом не только сепаратный мир, чего тот долго добивался (с 1392 г. Витовт помогал Ягайло в борьбе с Орденом), но и союзный договор, направленный против Польши (12 октября 1398 г., на Салинском съезде), на условиях:

1. уступки ордену Жмуди, врезавшейся в его владения;
2. заключения договора с Польшею не иначе, как с общего согласия союзников;
3. обязательства Витовта и ордена помогать друг другу в покорении первым Новгорода, вторым - Пскова.

Литовские и русские бояре провозгласили Витовта королем. Однако Ягайло достиг благополучного разрешения конфликта, благодаря неудаче Витовта в борьбе с татарами. В 1399 г., при незначительной помощи ордена и Польши, Витовт организовал большой поход против татар в степь, неудачно окончившийся 12 августа того же года битвою на реке Ворскле. Не отказываясь после этого от борьбы с татарами, Витовт главное свое внимание обратил на урегулирование отношений с Польшею, где по смерти Ядвиги (1399) положение Ягайло осложнилось до возможности низложения и возвращения на Литву.

44.278.3. Битва на Ворскле

Основная статья: **Битва на Ворскле**

Костёл Витовта в Каунасе**, построен около 1400 года**

После поражения Тохтамыша от армии Тамерлана в 1395 году, опустошения и ослабления Золотой Орды великий князь Витовт предоставил убежище Тохтамышу на своей территории, а после ухода Тамерлана на Ближний Восток предпринял несколько походов вглубь татарской территории. Литовская армия сначала перешла Дон и нанесла поражение татарской орде вблизи Волги, взяв тысячи пленных. В 1397 году Витовт появился в Крыму, где снова одержал победу над татарами, враждебными Тохтамышу.

Витовт стремился к тому, чтобы папа римский объявил крестовый поход, который позволил бы ему сокрушить Золотую орду, завоевать русские земли и получить королевскую корону[11]. В 1399 году в битве на Ворскле возглавленное Витовтом объединённое войско, включавшее воинов Великого княжества Литовского, поляков, русских князей, крестоносцев и татар бежавшего в Литву хана Тохтамыша, потерпело сокрушительное поражение от войск хана Тимура Кутлуга и темника Едигея. Войско Витовта форсировало реку и обрушилось на войска Тимура Кутлуга, но в это время войска Едигея обошли его с флангов, прижав к реке и почти полностью уничтожив. Сам Витовт был ранен и едва не утонул.

Поражение на Ворскле ослабило позиции Витовта. Ему пришлось отказаться от амбициозных планов на востоке. Было вновь потеряно Смоленское_княжество. По требованию Польши в 1401 году были заключены Виленско-Радомские договоры, которыми был закреплён предусмотренный Кревским актом сюзеренитет Польши в отношении Литвы. Витовт и его подданные были вынуждены принести письменное обещание о верности Польше; он был признан великим князем литовским, но только пожизненно: переданные ему во владение земли после смерти должны были отойти к Ягайле и Королевству Польскому.

В благодарность за спасение великий князь заложил в Ковно костёл Вознесения Пресвятой Девы Марии, известный ныне как костёл Витовта. Помимо этого храма, князем основаны костёлы Благовещения Пресвятой Деве Марии и Святого Бенедикта в Старых Троках, костёл Пресвятой Девы Марии в Новых Троках, другие храмы и монастыри. Церковная политика Витовта преследовала цель развеять распространённые в Западной Европе представления о литовцах как язычниках и пресечь агрессию немецких рыцарей.

44.278.4. Великая война и Грюнвальдская битва

Основные статьи: **Великая война 1409—1411**, **Грюнвальдская битва**

Витовт и Ягайло были организаторами разгрома немецких рыцарей под командованием магистра тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена в Грюнвальдской битве 1410.

Ян Матейко. «*Грюнвальдская битва*», 1878. Фрагмент картины, изображающий Витовта

Роль Витовта, назначенного Ягайло главнокомандующим, в этой знаменитой битве велика, несмотря на то, что ход сражения и оценка действий участников продолжают вызывать споры. Битва под Грюнвальдом положила конец гегемонии ордена и изменила геополитическое положение Великого княжества Литовского. Орден по Торуньскому договору уступал Витовту Жемайтию (в пожизненное владение), то есть северо-западную часть территории современной Литвы, захваченную Тевтонским орденом (1398). Из-за Жемайтии Литва ещё дважды вступала в вооружённые конфликты с Тевтонским орденом (1414, 1422), пока немцы окончательно не отказались от Жемайтии в Мельнинском мирном договоре (1422).

44.278.5. Восточная политика

В 1397 Витовт разорил Рязанское княжество в отсутствие великого князя Олега Ивановича, в чём ему не препятствовал зять московский князь Василий, с которым они чинно встретились в Коломне.

В 1404 году Витовту удалось вернуть Смоленск с помощью польских войск, но недовольный сближением Витовта с Польшей Свидригайло Ольгердович отъехал на московскую службу и получил от Василия Дмитриевича несколько городов в кормление (после похода Едигея на Москву вернулся в Литву). Витовт вмешивался в дела Новгородской и Псковской республик и трижды (1406—1408) вторгался в пределы Московского княжества.

Владения княжества Литовского при Витовте на востоке достигали верховьев Оки и Можайска. Витовт отнял у татар Южную Подолию и расширил свои владения на юге до Чёрного моря. За время его правления в Причерноморье появляются такие города и крепости: Дашев (Очаков), Соколец (Вознесенск), Балаклы (на Буге), Краравул (Рашков), Хаджибей (позже Одесса).

Дочь Витовта Софья была выдана замуж за великого князя московского Василия Дмитриевича. В своем завещании Василий (1423) отдавал жену и сыновей под защиту Витовта[12], после чего в 1427 Софья официально передала Московское княжество под руку Витовта, который примерно в это же время заключил договоры с князьями тверским (1427), рязанским (1430) и пронским (1430), согласно которым они становились его вассалами.

Самым крайним восточным владением Витовта была Тульская земля, которая в 1430—1434 годы передавалась ему по договору с рязанским князем Иваном Фёдоровичем.

44.278.6. Отношения с Золотой Ордой

В 1422 году Витовт предоставил убежище хану Золотой Орды Мухаммеду, разгромленному Бораком. В 1424 году войска великого князя нанесли решающее поражение претендету на трон Золотой Орды Худайдату, совершившему набег на Одоевское княжество. В конце того же года Витовт поддержал Мухаммеда, который выступив из Литвы, овладел сначала Крымом, а в 1426 году и Сараем[13]

44.278.7. Съезд в Луцке

Съезд, состоявшийся в Луцке с 9 по 29 января 1429 года, при участии короля Германии (Римского короля) и будущего императора Священной Римской империи Сигизмунда, Витовта, Ягайло, легата папы римского, князей рязанских, одоевских, новгородских, псковских, а также посланников великого князя московского и тверского князя, Тевтонского ордена, Золотой Орды, Княжества молдавского, датского короля, византийского императора, показал возросшую роль Великого княжества Литовского. Во время съезда Сигизмунд поднял вопрос о коронации Витовта. Ягайло согласился с коронацией, но польская знать вынудила его отозвать согласие. Тем не менее, подготовка коронации шла в обход Польши.

Намеченная на Рождество Пресвятой Девы Марии (8 сентября 1430 года) церемония не состоялась, так как поляки не пропустили делегацию от Сигизмунда, которая везла изготовленные в Нюрнберге короны Витовта и его жены Ульяны. В октябре в Вильне Ягайло, по-видимому, предлагал компромисс, допускавший коронацию, с тем, чтобы после его смерти корона короля литовского отходила бы к одному из сыновей Ягайлы. Последние письма Витовта свидетельствуют о том, что он соглашался на такое решение. Однако его стремление короноваться королём и обеспечить суверенитет державе не осуществилось: Витовт внезапно умер 27 октября 1430 года в Троках. Существует версия, что корону перехватили польские шляхтичи.

44.278.8. Память

В честь великого князя Витовта названо множество объектов в Литве, Белоруссии и Польше. Витовт — популярное имя в Литве (лит. *Vytautas*), менее популярное в Белоруссии (белор. *Вітаўт*) и Польше (польск. *Witold*). Имя Витовта Великого носит университет в Каунасе.

Памятники великому князю установлены в Каунасе, Кернаве, Вильнюсе, Сянейи-Тракае, Бирштонасе, Бятигале, Пярлое, Вялюоне и многих других городах (см. Памятники Витовту Литвы (лит.)), а также в Гродне (из цельного

дуба). Скульптурное изображение князя Витовта также является частью монумента «Тысячелетие России»[14] и памятника «Грюнвальд» (пол.) в Кракове[15].

Памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, 1862

См. также *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). — С-Пб.: Типография Н. Н. Скороходова, 1885., **Витовт**

Вернуться к ссылке гл.28

Вернуться к ссылке Приложение

44.279. Едигей

Едиге́й, **Эдиге́й** или **Идиге́й** (башк. *Иҙеүкәй*, каз. *Едіге*, тат. *Идегәй, İdegəy*, польск. *Edygej*; 1352—1419) — темник Золотой Орды в конце XIV — начале XV веков. Основатель династии, возглавившей Ногайскую Орду. Его прямыми потомками по мужской линии были князья Урусовы и Юсуповы.

44.279.1. На службе у Тамерлана

Был выходцем из племени Мангут (мангыт). Сын Балтырчака, эмира мангытов. По легендарной версии, которая не сочетается с его этническим происхождением, считался правнуком ногайского святого Баба Туклеса.

Отец и старший брат Иса служили Урус-хану, а Идигу по неизвестной причине, был вынужден бежать. Спасаясь от Урус-хана, вслед за молодым Тохтамышем прибыл ко двору Тимура, в войсках которого и начал свою службу. Сестра Едигея была женой Тамерлана. Ко времени похода Тамерлана против Тохтамыша в 1391 году был одним из главных эмиров (военачальников) войска. Вскоре после разгрома Тохтамыша Едигей (Идике-узбек) вместе с Тимур-Кутлуг-огланом и другим белоордынским эмиром Кунче-огланом стал просить Тамерлана отпустить их домой под предлогом сбора людей для армии Тамерлана. Поверивший им Тамерлан отпустил военачальников на родину, где они стали проводить собственную политику (вернулся назад только Кунче-оглан).

44.279.2. Борьба с Тохтамышем

Едигей, став улубеем мангытов, всячески способствовал занятию золотоордынского престола Тимур-Кутлугом. Вскоре на золотоордынском престоле воцарился Тимур-Кутлуг, разбивший Тохтамыша, который вслед за этим бежал в Литву. Тем временем Витовт начал готовить масштабный поход против татар с целью посадить на золотоордынском престоле Тохтамыша и тем самым подчинить Орду своему политическому влиянию. Выступив в поход, Витовт в 1399 году разбил лагерь на реке Ворскле (см. Битва на реке Ворскле), и Тимур-Кутлуг, испугавшись многочисленности противника, запросил мира. Тем временем к реке подоспел Едигей со своими войсками. Едигей разорвал переговоры и убедил Тимур-Кутлуга продолжить борьбу. Возглавив ордынские войска, Едигей нанёс сокрушительное поражение Витовту.

Едигей после этой громкой победы не оставил Тохтамыша в покое и в течение продолжительного времени с переменным успехом боролся с ним, и в конце концов в шестнадцатом сражении Тохтамыш был окончательно разгромлен и убит. Едигей к тому времени обладал огромным политическим влиянием. По словам испанского путешественника Рюи Гонзалеса де Клавихо, Едигей тогда располагал войском в 200 000 всадников[1].

44.279.3. Властитель Золотой Орды

Едигей прочно держал власть в Орде, с его именем связан некоторый подъём международного авторитета и политического влияния распадающегося государства. Этому способствовала смерть Тимура в 1405 году и начавшиеся смуты в Мавераннахре. Воспользовавшись этим, в 1406 году Едигей сумел на несколько лет захватить Хорезм.

В 1400 году Тимур-Кутлуг скончался, и на золотоордынский престол сел хан Шадибек. Проводивший жизнь в развлечениях Шадибек мало вмешивался в политику, и Едигей таким

образом стал полновластным хозяином Золотой Орды. Однако вскоре между Едигеем и пожелавшим освободиться от давления темника Шадибеком разгорелась борьба. Победителем из неё вышел Едигей, а Шадибек бежал в Дербент, где и умер. Новым ханом стал сын Шадибека Пулад.

44.279.4. Поход на Москву

Желая ослабить своих политических противников — Литву и Московское княжество, Едигей поссорил великого князя московского Василия Дмитриевича с Витовтом, в результате чего Василий отправился в поход на Литву. С обеих сторон погибло немало людей, было разорено множество городов и селений.

Во второй раз Едигей сумел распространить ложные донесения о якобы готовящемся вторжении его «союзника» Пулад-хана в Литву, а тем временем, сконцентрировав огромные силы, в 1408 году отправился в поход на Москву, желая восстановить политическое влияние Орды на Руси. В ордынском войске находились четыре царевича, исполнявших должности военачальников, и несколько видных ордынских эмиров. Общее руководство осуществлял Едигей. Во время осады Москвы Едигей послал в Тверь великому князю Ивану Михайловичу требование «быть на Москву» с артиллерией, но тот не подчинился. После получения выкупа в 3000 рублей Едигей отошел от Москвы.

…Когда на исходе был третий год раздора Руси с Литвой, те и другие, русские и литовцы, подошли к Угре. Немного времени постояли, и примирились великий князь Василий с тестем своим великим князем Витовтом, заключили такой же, как и первоначально, мир и разошлись каждый восвояси. Татары же, которые кочевали неподалеку, как увидели, что войска разошлись обессилившие, обо всем этом сообщили Едигею. Коварный же Едигей, который некогда именовал себя отцом Василия, но, таясь, носил в своих устах змеиный яд, ненависть скрывал под личиной любви к Василию, называя его своим сыном, выбрал самую пору: не с добром — со смертью спешил на русское, только что распущенное, утомленное войско. Следует это хорошо уразуметь и запомнить тем, кто впредь захочет заключить мир с иноплеменниками.

Едигей же, под видом старой дружбы, посылает к Василию впереди себя с такими речами: «***Да будет тебе известно, Василий, — это царь идет на Витовта мстить за то, что тот учинил твоей земле. Ты же воздай царю честь, и если не сам, то сына своего пошли к царю, или брата, или кого-нибудь из вельмож, ничего не боясь***». Так жаждущий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался. Когда же посол Едигея пришел на Москву и изрек это, князь и все люди были в недоумении, искренние ли это вести или обман. Поэтому и не собирали воинов, а отпустили к Едигею одного из вельмож, именем Юрия, дав ему дружину: при встрече с неприятелем пусть тут же отошлет ее назад. Но Едигей захватил Юрия и пошел еще быстрее.

А на Москве от Юрия ждали вестей. Но вот вскоре кто-то, быстро примчавшись, поведал, что враг уже вблизи города. Не успел Василий собрать и небольшой дружины, как город был осажден; он оставил в нем своего дядю, князя Владимира, и брата, князя Андрея, и воевод, а сам с княгинею и с детьми уехал в Кострому. И город пришел в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всем на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи.

Велено было сжечь городские посады. Горестно было смотреть, как чудные церкви, созидаемые веками и своим возвышенным положением придававшие красоту и величие городу, в одно мгновение исчезали в пламени, как величие и красоту Москвы и чудные храмы поглощает огонь.

Это было страшное время,— люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружали полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ города из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда все это увидели люди, пришли в ужас; не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко

расправлялись с христианами: одних посекали, а других уводили в плен. Так погибло бесчисленное множество людей: за умножение грехов наших смирил нас господь бог перед врагами нашими. Если где-либо появится хотя бы один татарин, то многие наши не смеют ему противиться, а если их двое или трое, то многие русские, бросая жен и детей, обращаются в бегство.

Так, казня нас, господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь. Многое завоевали распущенные Едигеем измаилитяне: город Переяславль Великий сожгли и Ростов, а также разгромили и сожгли весь Нижний Новгород и Городец и взяли многие волости. И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая.

Тогда-то храбрые наши ляхи, которые горделиво владели градом пречистой богоматери, и показали, что их мужественные ноги сильны только в беге, мало того — среди них были еще и грабители и губители душ, а с иноплеменниками они ни разу и не сразились: «Сломилось оружие их, и щит гордых сожжен огнем», - по словам пророка.

Когда прошло двадцать дней с тех пор, как агарянин Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покорил и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним богом по молитвам пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра. Люди, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: «Лучше уповать на господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на бога, чем надеяться на человека».

И взмолились все люди к богу, низко кланяясь и говоря: «***Не предай зверям души рабов твоих, владыко! Если мы и согрешили перед тобой, то во имя твое святое пощади нас, господи!» И, взирая со слезами на животворящую икону пречистой Богоматери, горько восклицали так: «О постоянная заступница наша, не предай же нас и теперь в руки врагов наших***!» И милосердный человеколюбец, еще не совсем разгневавшийся, увидев печаль людей своих и слезы их покаяния, утешает их вскоре, памятуя о милости к стаду своему: величавого и гордого агарянина Едигея устрашил, навел на измаилтянина трепет перед своей всевышней и карающей десницей. И агарянин, который похвалялся пробыть в православной земле долгое время и обещал зазимовать, вдруг, забеспокоившись, внезапно снялся с места и, не желая медлить ни единого дня, сказал дружине: «***Или царство наше захватит другой, или Василий соберется на нас***», — такая мысль смутила агарянина. Быстро посылает он к городу, сам прося мира: и как захотели горожане, так и замирился с ними окаянный Едигей и отошел.

…В Тверском княжестве взяли Клинскую волость, что приписана к церкви святого Спаса, и убили множество людей, а других увели в плен.

В этот же год была большая дороговизна на всякую пищу. Многие христиане умерли от голода, а продавцы хлеба обогатились.

Вторгнувшись в Московское княжество, Едигей опустошил Серпухов, Верею, Дмитров, Городец, Клин и Нижний Новгород, Коломну, но вследствие новых смут в Орде вернулся назад, разорив на обратном пути Рязань.

Временем похода хана Едигея на Москву датируется сокрытие по меньшей мере трех монетных кладов в окрестностях Ельца. Это обстоятельство может служить косвенным свидетельством разорения войсками Едигея и Елецкого княжества. (Тропин Н.А. Елецкая земля в XII - XV вв. Елец, 1989.)

44.279.5. Смута в Орде и бегство в Хорезм

Едигей захватил Хорезм, воспользовавшись смутой наступившей после смерти Тимура в 1406 году, изгнав оттуда Мусаку, наместника назначенного Тимуром. Сначала правителем Хорезма был назначен золотоордынский эмир Инк, затем его сменил Кальджа. Малолетний сын Едигея Мубарак-шах упоминается как правитель с 1410/11 года.

Тем временем в Орде начались новые смуты. В 1410 году скончался Пулад-хан, и на ордынский престол взошёл Тимур-хан, сын Тимур-Кутлуг-хана. Однако ставленник Едигея вскоре поднял кочевую знать на борьбу против всесильного темника. В это же самое время в 1411 году, в самом начале борьбы, в Орду втрогся сын Тохтамыша Джелал ад-Дин с братьями. Не имея сил для борьбы с Тимур-ханом, Едигей бежал в Хорезм, по дороге в который он был разбит войсками Тимур-хана. Прибыв с остатками войск в Хорезм, он в течение полугода оборонялся от осаждавших его войск Тимур-хана. Вскоре Тимур-хан был убит предавшим его военачальником Газаном, перебежавшим затем в стан Джелал ад-Дина.

44.279.6. Правление в Хорезме и война с Джелал ад-Дином

Джелал ад-Дин, став ханом, приказал своему военачальнику Каджулаю-багатуру покончить с Едигеем. Каджулай, имея численный перевес, выступил против Едигея. Однако Едигей в сражении с Каджулаем проявил военную хитрость, разделив своё войско на 2 отряда. Первый отряд отправился сражаться с Каджулаем, второй остался в засаде. В самый разгар боя первый отряд обратился в бегство, разбрасывая по пути специально подготовленные попоны и прочее конское снаряжение, создавая тем самым у противника иллюзию полного разгрома врага. Тем временем из засады неожиданно ударил второй отряд, который и решил исход сражения. Каджулай был разбит и погиб в бою. Едигей с богатой добычей и многочисленными пленными вернулся в Хорезм победителем.

Шахрух, видя слабость Едигея, послал в Хорезм войско с целью вернуть Хорезм в состав своих владений. Однако войско, не добившись никаких успехов в Хорезме, вынуждено было вернуться назад. Второе вторжение войск Шахруха во главе с Шах-меликом, воспитателем Улугбека, оказалось более удачным, и Едигей был выбит из Хорезма. Этому во многом способствовал установленный Едигеем режим страха и насилия, настроивший против него мирное население страны.

44.279.7. Дальнейшая судьба

Прибыв в Золотую Орду, Едигей продолжал играть в ней политическую роль, находясь, тем не менее, во враждебных отношениях с враждовавшими друг с другом ханами Керим-Бердеем и Кепеком. У Яна Длугоша имеются сведения, что в 1416 году Едигей напал на Киев. В 1419 Едигей был убит одним из сыновей Тохтамыша в районе города Сарайчика.

44.279.8. Характер и внешность

Заметки о характере и внешности Едигея оставил лишь один восточный автор — Ибн Арабшах. Он так описывал Едигея: *«Был он очень смугл [лицом], среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательности и сообразительности»*[1]

См. также **Сказание о нашествии Едигея разорившего Московскую землю**

Вернуться к ссылке

44.280. Мариенбург

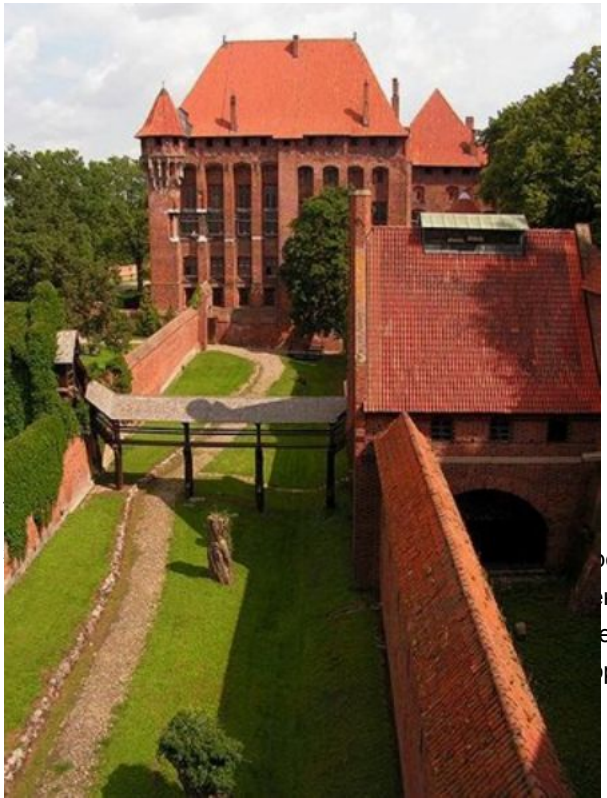
ский замок

Мальборк (Мариенбург, польск. Malbork, нем. Marienburg) — город на севере Польши в дельте Вислы (на протоке Ногат), находится в 80 километрах от границы с Калининградской областью России.

На правом берегу реки Ногат, на высоком откосе возвышается самый большой кирпичный замок в мире - архитектурный памятник необыкновенного мастерства средневековых зодчих. Уже семь веков монументальная громада изумительного сооружения восхищает своим величием, множеством разнообразного оборонительного оборудования, толщиной могучих стен, смелостью конструкционных решений и богатством резных элементов. Укрепленный ансамбль, занимающий территорию более двадцати гектаров - это в действительности величественный комплекс, состоящий из трёх замков объединенных в один организм системой мощных фортификаций.

Строительство замка на этом месте имело исключительно выгодное положение с точки зрения обороноспособности (река и обширные болота). Символическое название Мариенбург (замок Марии) казалось с самого начала придавало ему особенную роль. Возникновение этой мощной крепости относится к семидесятым годам XIII века.

Начало строительства замка относится к 1275 году, после того, как штабы Тевтонских рыцарей были перемещены из отдаленной Венеции. Тевтонским орденом стал тогда воздвигаться четырехсторонний укрепленный замок, который был предназначен для конвента. С его северной стороны была основана укрепленная территория, прилегающая к нему - «предзамок» и исполняющая функцию подсобной базы. В 1280 году в замке стал жить конвент (магистр) Тевтонского ордена во главе с комтуром[240] Хайнрихом фон Вильнове. В это время Мальборкская крепость не отличалась ещё ничем особенным от остальных пограничных крепостей орденского государства в Пруссии.



До времени завоевания Тевтонским орденом Гданьского Поморья в 1309 году замок являлся резиденцией комтура.

В 1309 году Мальборк стал столицей Тевтонского Ордена. Это стало причиной большой перестройки замка. Перестройка Мальброка длилась почти 40 лет. В результате он превратился в отлично защищенную крепость, окруженную глубокими рвами, и получил название Высокий замок. Внутри

еделённой областью орденского государства. На него возлагались
енные функции, подчинялся он, в свою очередь, ландмейстеру
е время комтуры становились во главе отрядов орденских братьев,
рмировали своеобразный командный состав старшего звена.

крепостных стен было построено множество новых сооружений, в том числе капелла Девы Марии и часовня Святой Анны, которая служила усыпальницей великих магистров. Старое здание Мальброка стали называть Средним замоком. В нем останавливались приезжие рыцари ордена. Помимо гостевых покоев Средний замок включал в себя Большую трапезную (это была самая просторная комната замка), Лазарет, в котором жили больные и пожилые члены ордена и Дворец магистров. В конце 14 - начале 15 вв. к Мальброку пристроили Нижний замок, где хранились военные орудия и располагалось зернохранилище и пивоварня.Так же там расположились хозяйственные постройки, обеспечивающие нужды жителей замка: пекарни, амбары, кузницы, конюшни и т.п.

… Где-то в середине XIV века оборонительный ансамбль состоял уже из трёх частей. Принятые, в дальнейшем, названия правильно определяли топографию всего комплекса. В его силуэте доминирует массивная громада, в которой располагался конвент - Верхний Замок. Второй частью является возведенный на территории первоначального «Предзамка» - Средний Замок с Дворцом Великих Магистров (гроссмейстеров). Ниже, в северном направлении, на откосе над рекой Ногат располагается обширная территория «Предзамка», называемая также Нижним Замком. Планировка Среднего Замка соответствовала нуждам многочисленной администрации и репрезентации орденского государства. По этим же причинам весь XIV век продолжалась перестройка Дворца Великих Магистров.

В связи с изменением функции и ростом значения замка, как центральной резиденции властей Ордена, окончательно сформировалась внутренняя застройка четырёх Крыльев Верхнего Замка. В старейшем из них - северном - значительно были увеличены два интерьера: Зал Капитула и крепостная капелла. Занимающая сначала только половину крыла капелла удлинилась путём пристройки с восточной стороны многосторонней презвитерии. Образовался великолепный интерьер главнейшего храма орденского государства. Основой для этого удлинения была возведенная в 1335-1340 гг. могильная капелла великих магистров св. Анны. Оба интерьера - костёла и могильной капеллы образовали ценный комплекс архитектурного и фигурного изобразительного искусства, а также стенной росписи. Возле костёла была построена высокая колокольная башня, исполняющая заодно роль наблюдательного пункта.

В те времена, Замок в Мальборке являлся крепостью, способной выдержать самый грозный натиск врага. Отдельные ее части были окружены кольцами каменных стен, которые, образуя

плотную систему, обеспечивали одновременно самостоятельную защиту каждой из них. «Горячие точки» в отношении обороноспособности, как ворота и переходы снабжались всем известным в средневековье оборонительным сооружением бороны, площади между воротами, хурдиции, махикулы, бойницы и т.п.

Вот уже семь веков это изумительное сооружение восхищает своим

величием, множеством разнообразного оборонительного оборудования, толщиной могучих стен и смелостью конструкционных решений. Это архитектурный памятник необыкновенного мастерства средневековых зодчих: резное и фигурное искусство, а также стенная роспись.

Некоторые вещи в замке являются уникальными. Например, фрагмент средневекового центрального отопления, которое впервые в Европе было использовано здесь.

В настоящее время 700-летний замок является музеем. Кроме осмотра самого исторического сооружения (детали средневековой архитектуры и архитектурные преобразования Мальборка, остатки Башни Св.Лоренса, витражи XIX века), вы увидите янтарную коллекцию, могильную капеллу великих магистров, кухня Мальборка ("Готовящая в течение столетий") и банкетный зал, казначейство и палаты сановников, место жительства Гроссмейстеров, королей и императоров и, конечно, дом Главы в Высоком Замке.

См. также **Мальборк (Польша) — самый большой в мире кирпичный замок**, **Мариенбург**

Вернуться к ссылке

44.281. Пруссы

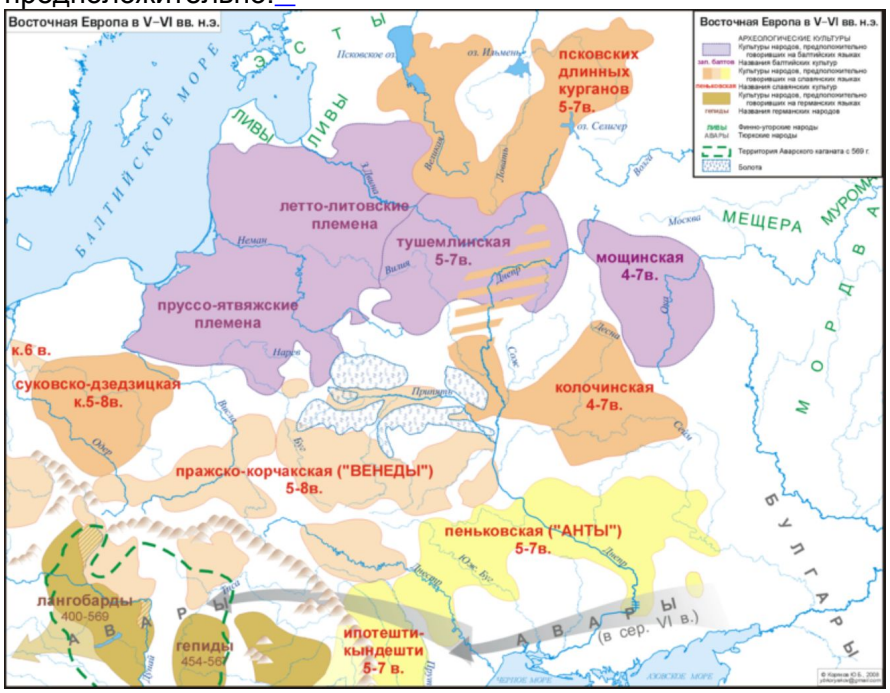
Пруссы среди других балтских племён (около 1200 г.) Восточные балты показаны оттенками коричневого, западные — зелёного. Границы

Пруссы — балтоязычный народ, в IX/X—XVIII веках населявший территорию нынешней Калининградской области России, южной части Клайпедского уезда Литвы и Варминско-Мазурского воеводства Польши. К XIII веку ареал расселения пруссов на западе был ограничен нижним течением Вислы, а на севере — линией водораздела Преголи и Немана.

44.281.1. Происхождение

В культурном отношении пруссы предположительно трактуются как прямые потомки носителей восточно-балтийского варианта культуры шнуровой керамики (III—II тыс. до н. э.), что является всего лишь одной из возможных научных версий. Возможно, они были наиболее близки раннесредневековым куршам и скальвам. Пруссы, скальвы и курши в

литературе иногда выступают под общим наименованием *эстиев* (см. ниже), что тоже предположительно.[1]



Карта балтийских и славянских археологических культур V—VI вв.

Прусская народность или прусский народ по доминирующей версии начал складываться в V(?)-VII вв., однако некоторые черты будущей «прусской культуры» археологически прослеживаются уже с начала нашей эры. По археологическим и письменным источникам известно, что как пруссы, так и принимаемые за их прямых предшественников эстии в стороне от погребения воина хоронили его снаряженного боевого коня; значительная роль коня в обыденной жизни и ритуальных обычаях населения округи сохранялась до времени покорения прусских земель Тевтонским орденом.

Карта расселения славян и их соседей на конец VIII века.

На основе изучения археологических находок ряд исследователей предполагает, что «ядро» будущей прусской народности зародилось на полуострове Самбия и прилегающей территории, а в VII—VIII вв. (в эпоху «переселения народов») носители т. н. самбско-натангской археологической культуры мигрировали на юго-запад, к нижнему течению Вислы, по пути ассимилируя другие западно-балтские племена. На этом пути заселения древними самбами новых территорий вплоть до IX века наблюдается смешивание самбско-натангской культуры с элементами восточногерманской воинской культуры, так и с культурами соседних славян. Так или иначе, образование прусского этноса происходило — по этой версии, — на основе культуры южных эстиев (то есть *восточных* людей)[*источник не указан 951 день*] о которых упоминал римский историк Тацит в конце I века, а закончился этот процесс примерно к X в. Тацит об образе жизни эстиев сообщал, что:

У них редко употребляют мечи, но часто дубины. Они с большим терпением обрабатывают землю для хлеба и других её произведений <…>. Но они обшаривают и море и одни из всех собирают в мелководных местах и на самом берегу янтарь <…>. Сами они им совсем не пользуются: собирается он в грубом виде, без всякой отделки приносится [на продажу], и они с удивлением получают за него плату.

Баварский Географ в своем списке племён, проживающих к востоку от франкской империи, пруссов упомянул под именем *Bruzi*. Время написания этого списка точно не известно, большинство исследователей относят его к 1-й половине IX в., — в таком случае можно допустить, что термин «пруссы» как самоназвание древнепрусского этноса или общее наименование ряда западно-балтских племён (кланов) появляется с начала или 1-й половины IX в.

О происхождении этнического самоназвания пруссов *prūss*, *prūsai* («прусс», «пруссы») и регионима *Prūsa* («Пруссия») среди исследователей нет единого мнения. По свидетельству польского хрониста французского происхождения Галла Анонима (XI—XII в.), во времена Карла Великого, «когда Саксония была по отношению к нему мятежна и не принимала ярма его власти», часть населения Саксонии переправилась на кораблях в будущую Пруссию и, заняв эту область, дала ей имя «Пруссия»[2]. В первой испанской хронике «*Estoria de Espanna*» (1282 или 1284), подготовленной королём Альфонсо X, упоминается о холодных островах Нуруэга (Норвегия), Дасия (Дания) и Прусия [Prucia][3]. По замечанию некоторых исследователей романтиков, самоназвание страны пруссов (*Prūsa* — произн. как «Пру́са») созвучно древнему имени страны фризов (*Frusa* — «Фруза»); вероятно, как раз не пожелавшие отступиться от язычества фризы, будучи главными союзниками «мятежных» саксов, и принесли на территорию Погезании, Помезании и Вармии прототип самоназвания древних пруссов.

По другой версии, название «Пруссия» возникло из гидронима *Русс* или *Русне*, то есть названия правого рукава дельты Немана, или же из «Руссна» — прежнего названия Куршского залива, которое можно прочесть на карте Пруссии, составленной в 1576 г. немецким историком и картографом Каспаром Генненбергером (1529—1600).

Третья версия самоназвание древних пруссов выводит из коневодства, которым славились древние пруссы. *Прус* означает *конь* в готском языке, а также кобыла в старославянском.

44.281.2. История пруссов

44.281.2.1. Раннее Средневековье

Первое сообщение об укладе жизни древних пруссов относится к концу IX века. Король Англии Альфред Великий, переводя в то время хронику Орозия, в свой перевод включил, среди прочего, пассаж по географии и этнографии восточного побережья Балтийского моря. Сведения о населении этого побережья королю сообщили мореплаватели Вульфстан и Отер. О лежащей к востоку от нижней Вислы *Эстландии* (*Eastland* — «Страна эстиев») Вульфстан говорит, что:

Она очень велика и там много городов и в каждом городе есть король, и там также очень много меду и рыбной ловли. Король и богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мёд. И много войн бывает у них; и не употребляется пиво среди эстиев, но мёду там достаточно.

И есть у эстиев обычай, что если там умрёт человек, он остаётся лежать внутри [дома] несожжённым у своих родственников и друзей в течение месяца, а, иногда, и двух; а короли и другие знатные люди — тем дольше, чем больше богатства, они имеют; и иногда они остаются несожжёнными в течение полугода и лежат поверх земли в своих домах. И всё время, пока тело находится внутри, там происходят пир и игра до того дня, пока они его не сожгут.

Затем в тот самый день, когда они его решают вынести к костру, они делят его имущество, которое остаётся после пира и игр, на пять или шесть [частей], иногда больше, в зависимости от размера имущества. Из него наибольшую часть они кладут

примерно на расстоянии одной мили от города, затем другую, потом третью, пока не будет положено всё в пределах мили; и наименьшая часть должна находиться ближе всего к городу, в котором лежит мёртвый человек. Затем собираются все мужчины, имеющие наиболее быстрых лошадей в стране, примерно на расстоянии пяти или шести миль от того имущества.

Затем мчатся они все к имуществу; и тот человек, который имеет быстрейшую лошадь, приходит к первой и крупнейшей части, и так один за другим, пока всё не будет взято; и наименьшую долю берёт тот, кто достигает ближайшей к селению части имущества. И затем каждый едет своей дорогой с имуществом, и принадлежит оно им полностью; и потому там быстрые лошади чрезвычайно дороги. И когда его сокровища таким образом полностью розданы, тогда его выносят наружу и сжигают вместе с его оружием и одеждой <…>[4].

Средневековые хронисты (за исключением польских) не отмечают больших войн, которые бы вели пруссы против своих соседей, наоборот — чаще сами пруссы становились объектом набегов викингов, о чём повествует Саксон Грамматик[5] и сообщает арабский писатель 2-й половины X века Ибрагим ибн Якуб. Последний пишет, что «***Брусы [пруссы] живут у Мирового Океана и имеют особый язык. Они не понимают языки соседних народов [славян]. Они известны своей смелостью <…>. Названы русы [Ряд северных народов, включая русов, не причисляются к сакалибам (славянам), хотя отмечается, что они смешались с ними и говорят на их языке] нападают на них на кораблях с запада***»[6].

Процесс разложения родового строя, который, судя по данным археологии, у пруссов происходил в III—XIII(?) вв., продолжавшееся с VII(?) по X в. (включительно) засилие скандинавов на восточном побережье Балтийского моря и (гипотетическое) отсутствие политического единства прусских земель не позволяли пруссам создавать большую армию, но в то же время они успешно отбивались от соседей, а в XII—XIII вв. даже совершали опустошительные набеги на владения куявских и мазовецких княжеств. Пруссы, которые в отличие от некоторых западно-славянских племен (бодричей и руян) не упоминаются в пиратстве на Балтике, занимались, кроме земледелия и скотоводства, добычей янтаря, торговлей, рыболовством, охотой, оружейным промыслом. Всплеск янтарной торговли пруссов с Римской империей (I—II вв.) привёл к тому, что к исходу т. н. римского периода (I—IV вв.) область расселения пруссов становится самой богатой во всем балтоязычном ареале; земледелие же, по мнению некоторых исследователей, становится ведущим занятием пруссов только в XI—XII вв.

Адам Бременский в 1070-х годах оставил такой отзыв о «самбах» («самбами» он именовал всех тогдашних пруссов):

Населяют его самбы, или пруссы, люди весьма доброжелательные. Они, в отличие от предыдущих, протягивают руку помощи тем, кто подвергся опасности на море или испытал нападение пиратов. Тамошние жители очень низко ценят золото и серебро, а чужеземных шкурок, запах которых донёс губительный яд гордыни в наши земли, у них в избытке <…>.

Можно было бы указать многое в нравах этих людей, что достойно хвалы, когда бы только они уверовали во Христа, проповедников которого ныне жестоко преследуют <…>. Тамошние жители употребляют в пищу мясо лошадей, используя в качестве питья их молоко и кровь, что, говорят, доводит этих людей до опьянения. Обитатели тех краёв голубоглазы, краснолицы и длинноволосы[7].

Пруссы убивают Св. Адальберта. Средневековая миниатюра

44.281.2.2. Первые попытки христианизации

Католическая Европа не раз предпринимала попытки христианизации пруссов, особенно после принятия Польшей

христианства в 966 году. Самой известной попыткой такого рода стала миссия монаха бенедиктинца, епископа пражского Адальберта. В преддверии 1000 г., с которым в тогдашней Европе многие связывали «второе пришествие Христа» и «страшный суд», Адальберт решил совершить миссийное путешествие в Пруссию. В 997 г. он прибыл в тогда ещё кашубский Гданьск; взяв там в попутчики двоих монахов, он отправился на лодке в Пруссию и вскоре высадился на берег в районе Самбийского полуострова. В землях пруссов Адальберт провёл лишь 10 дней. Сначала пруссы, приняв Адальберта за торговца, его встретили дружелюбно, но, поняв, что он пытается им проповедовать, стали прогонять прочь. Учитывая, что Адальберт прибыл со стороны Польши, являвшейся тогда главным врагом пруссов, нетрудно понять, почему пруссы посоветовали Адальберту «убираться туда, откуда [он] пришёл». В конце концов монах случайно забрёл в священную рощу пруссов, которые восприняли это как богохульство. За свою роковую ошибку Адальберт был заколот копьём. Это произошло в ночь на 23 апреля 997 г. рядом с нынешнем посёлком Береговое (Калининградская обл., неподалёку от г. Приморск). Тело погибшего миссионера выкупил великий князь польский Болеслав I Храбрый.

Несмотря на неудачу миссии Адальберта, попытки христианизации пруссов не прекратились. В 1008 или 1009 г. в Пруссию отправился миссийный архиепископ Бруно Кверфуртский. Как и Адальберт, Бруно был убит пруссами. Это произошло 14 февраля 1009 г. на стыке трех стран, то есть Пруссии, Руси и Литвы.

44.281.2.3. Исчезновение прусской народности

В XIII веке под предлогом христианизации пруссов их земли завоевал Тевтонский орден. Первые отряды рыцарей этого ордена появились в Пруссии в 1230 г., — уже после того, как папа Римский в 1218 г. издал буллу, приравнивающую крестовый поход в Пруссию к крестовым походам в Палестину.

Покорённые пруссы насильственно[источник не указан 383 дня] обращались в христианство, несогласные просто истреблялись[источник не указан 383 дня]; любые проявления язычества подвергались жесточайшим преследованиям[источник не указан 383 дня]. Начался процесс заселения прусских земель немецкими колонистами, которые селились около основанных рыцарями замков. Эти замки и

возникшие под их защитой города послужили главными опорными пунктами германизации коренного населения. Племенная знать на язык завоевателей перешла примерно к исходу XIV века, но сельское население ещё долго оставалось этнически прусским (за исключением северных и южных областей будущей Восточной Пруссии). В XV—XVI вв. крестьянство Надровии, Самбии, северной Натангии и северной Бартии подверглось почти сплошной литуанизации, а крестьянство Галиндии, Сассии, южной Вармии и южной Бартии — такой же полонизации со стороны массово проникавших на территорию Пруссии литовских и польских переселенцев[источник не указан 383 дня]{{}}.

Из смешения прусского, литовского и частично польского населения Восточной Пруссии с немецкоязычными колонистами к началу XX в. сложилась особая субэтническая группа — немцы-пруссаки, а временем окончательного исчезновения прусской народности условно можно считать 1709—1711 гг., когда от голода и эпидемии чумы погибло около половины населения древнепрусских земель, включая последних носителей прусского языка.

Часть пруссов вошла в состав литовского этноса как летувininки.

Небольшая часть пруссов во время их насильственной христианизации бежали в Литву и поселились на территории современной Северо-Западной части Белоруссии (Гродно, Слоним, Вороновский и др. районы), где по сей день существуют поселения в основном литовскоязычных барцяков (от субэтнонима *bartai), то есть потомков средневековых бартов.

44.281.3. Краткая хронология древнепрусской истории

Хронология развития древнепрусской народности до захвата земель Тевтонским орденом.[8]

- 51—63 гг. — появление на Янтарном берегу Балтики римских легионеров, первое упоминание эстиев в античной литературе (Плиний Старший);
- 180—440 гг. — появление на Самбии групп северогерманского населения;
- 425—455 гг. — появление на побережье Вислинского залива представителей гуннской державы, участие эстиев в гуннских походах, распад державы Аттилы и возвращение на родину части эстиев (по легендам);
- 450—475 гг. — формирование начал прусской культуры;
- 514 г. — легендарная дата прихода в прусские земли братьев Брутена и Видевута с войском, ставших первыми князьями пруссов. Легенда поддерживается переходом археологической культуры кимвров к появлению признаков материальной культуры северогерманских воинов;

- ок. 700 г. — битва на юге Натангии между пруссами и жителями Мазур, пруссы победили. Основание в устье р. Ногат торгово-ремесленного центра Трусо, первого в земле пруссов. Через Трусо в Пруссию стало поступать серебро в виде монет;
- ок. 800 г. — появление на Самбии датского викинга Рагнара Лодброка. Набеги викингов не прекращались последующие 400 лет. Основание на севере Самбии торгово-ремесленного центра Кауп;
- 800—850 гг. — *пруссы* становятся известны под таким именем (Баварский Географ);
- 860—880 г. — Трусо разрушен викингами. Путешествие англосакса Вульфстана на западную границу земли пруссов;
- 983 г. — первый русский поход на южные окраины земли пруссов;
- 992 г. — начало польских походов в землю пруссов;
- 997 г. — мученическая смерть 23 апреля на севере Самбии св. Адальберта, первого христианского миссионера Пруссии;
- 1009 г. — смерть на границе Ятвягии и Руси миссионера Бруно Кверфуртского;
- 1010 г. — уничтожение польским королём Болеславом I Храбрым святилища пруссов Ромове в Натангии;
- 1014—1016 гг. — поход датского конунга Канута Великого на Самбию, разрушение Каупа;
- конец XI в. — уход прусской дружины за пределы Самбии, пруссы вторгаются к соседям;
- 1110—1111 г. — поход польского короля Болеслава III на прусские земли Натангию и Самбию;
- 1147 г. — совместный поход русских и польских войск на южную окраину земли пруссов;
- ок. 1165 г. — появление в Новгороде Великом «Прусской улицы»; поход Болеслава IV в землю пруссов и гибель его войска в Мазурских болотах;
- 1206 г., 26 октября — булла папы Иннокентия III о христианизации пруссов — начало крестового похода против пруссов
- 1210 г. — последний датский набег на Самбию;
- 1222—1223 гг. — крестовые походы польских князей на пруссов;
- 1224 г. — пруссы переходят р. Вислу и сжигают Оливу и Древеницу в Польше;
- 1229 г. — польский князь Конрад Мазовецкий уступает на 20 лет Хельминскую землю Тевтонскому ордену;
- 1230 г. — первые военные действия немецких рыцарей-братьев против пруссов у замка Фогельзанг. Булла папы Григория IX, дающая Тевтонскому ордену право крещения пруссов;
- 1233 г. — поражение пруссов в битве при Сиргуне (Помезания);
- 1239—1240 г. — основание замка Бальга, его осада пруссами и деблокада;
- 1241 г. — обращение в православие под именем Иоанна пришедшего в Новгород прусского военачальника Гландо Камбило, сына Дивона, родоначальника фамилии Романовых. Набег монголов на Пруссию;[9]
- 1242—1249 гг. — восстание пруссов против ордена в союзе с поморским князем Святополком;
- 1249 г. — Христбургский мирный договор, юридически закрепивший завоевание орденом юго-западной земли пруссов;
- 1249 г., 29 сентября — победа пруссов под Круке (Натангия);
- 1249—1260 гг. — второе восстание пруссов;
- 1251 г. — столкновение прусского отряда с русским войском князя Даниила Галицкого у р. Лык;
- 1254 г. — начало похода короля Чехии Оттокара II Пшемысла на Самбию;
- 1255 г. — основание замков Кёнигсберг и Рагнит;

- 1260—1283 гг. — третье восстание пруссов;
- 1283 г. — захват крестоносцами Ятвягии, закрепившей победу Тевтонского ордена над пруссами.

44.281.4. Язык и письменность

Прусский язык относился к западнобалтской подгруппе индоевропейских языков и был более всего близок куршскому, земгальскому и ятвяжскому языкам. Собственных памятников письменности пруссы не оставили, судить о их языке можно только по косвенным, в основном немецким источникам (два очень ограниченные по объёму словаря, три перевода Катехизиса, лишь один из которых представляет собой длинный текст, ряд очень коротких фраз, пословица, шуточное двустишие, сочинённое прусским студентом в Праге). Большинство из них составлены уже после немецкой колонизации Пруссии (причём отчасти не носителями, а немцами), поэтому отражённый в них прусский язык демонстрирует сильное немецкое влияние. Некоторое представление о прусском языке даёт довоенная топонимика бывшей Восточной Пруссии.

Как свидетельствует Пётр из Дусбурга, письменности у пруссов к XIII веку не было:

В самом начале они весьма дивились тому, что кто-то, отсутствуя, мог пояснить свои намерения буквами <…>. Не было у них ни различия, ни счета дней. Вот почему случается, что когда назначается срок для проведения совещания или переговоров между собой или с иноземцами, то один из них в первый день делает зарубку на каком-либо дереве или завязывает узел на шнурке или поясе. Во второй день он прибавляет снова второй знак, и так по одному, пока не дойдёт до того дня, когда должен быть заключён этот договор.

44.281.5. Территориальная организация

Прусская народность состояла из 9 или 10(?) племён (кланов), каждое из которых проживало в своей области, или «земле».

Карта прусских племен в 13 веке. Указанные города / замки были построены рыцарями Тевтонского ордена для облегчения захвата.

- Кульмская, или Хелминская земля. Находилась в юго-западном углу Пруссии, в соседстве с польскими (куявскими) землями, примыкала к правому берегу Вислы и орошалась 3-мя её притоками. Ведутся споры об этнической принадлежности населения этой земли; вероятно, древнейшими ее жителями были пруссы, которых в X—XII в. вытеснили поляки. К XIII веку из-за войн Кульмская земля обезлюдела, а с приходом Тевтонского ордена была заселена немцами.

- Сассия, самая южная область Пруссии. Находилась к востоку от Кульмской земли. В состав Сассии предположительно входила к XIII веку уже полонизированная волость Любово; от Польши Сассия отделялась р. Браницей.
- Помезания, к северу от Хельминской земли, вдоль правого берега нижней Вислы.
- Погезания, севернее Помезании и по Балтийскому побережью. По наиболее распространенной версии, название этой земли происходит от прусского корня, означающего «край, поросший зарослями кустарников». Здесь находился важный торговый город пруссов Трусо, упоминаемый в IX веке.
- Вармия, северо-восточнее Погезании, по берегу Вислинского залива.
- Натангия, к северо-востоку от Вармии, от Вислинского залива эту землю отделяла узкая полоса Вармии. Наиболее густо был заселён натангами левый берег реки Лына.
- Самбия, занимала полуостров Самбия (Земланд). Жители именуются также сембами. Ныне — территория Калининградской области.
- Надровия, к востоку от Самбии и Натангии, в бассейне реки Прегель. Ныне — территория Калининградской области.
- Галиндия, самая юго-восточная область Пруссии на ее границе с Мазовией. Полагают, что в XII—XIII в. галинды были поглощены ятвягами и мазурами.
- Бартовия, или Барта, занимала центрально-восточную часть древнепрусской территории.

Каждая прусская земля делилась на несколько т. н. *полей* (*пулкэ*/*полкэ*), а каждое поле (территория проживания отдельного рода) — на несколько сельских общин.

Центром прусского *поля* (эту территориальную единицу условно можно именовать и «волосткой», — если в данном случае позволительно ссылаться на литовскую аналогию XIV в.) было укреплённое городище. Одним из таких городищ было **Тувангстэ*, над которым с X или XI в. возвышалась деревянная крепость по имени **Вангстэпиле*. На её месте в 1255 г. как замок крестоносцев был основан Кёнигсберг (ныне — Калининград).

Прусская сельская община, которую возглавлял старейшина, состояла обычно из одного крупного села (*каймс*/*каймис*) и нескольких мелких поселений (ед. число *вайсис*,— ср. с русским *весь*).

К XIII веку общая численность прусской народности достигала по современным оценкам до 200—250 тысяч человек, а общая площадь прусских земель — 40—45 тыс. км².

44.281.6. Общественная организация

По сравнению с соседними польскими землями общественная организация пруссов была весьма примитивна. Больших городов у них не было даже к XIII в. (не знали они и каменного зодчества), хотя строили крепости для обороны. Процесс расслоения прусского общества завершился задолго до немецкого нашествия, но новая феодальная прослойка не успела оформиться в сильный класс, способный противостоять немецкой и польской экспансии.

В XI—XIII вв. прусское общество составляли следующие классы: жречество, знать, «свободные люди» (то есть купцы, свободные крестьяне и свободные ремесленники) и «рабы» (все зависимые люди). Служивая знать состояла из зажиточных владельцев укреплённых усадеб. Представителей верхушки этого класса в российской исторической традиции называют «князьями», а в европейской — «королями». По-прусски же их называли «кунигсами» (ед. число *кунигс* или (на «помезанском наречии») *конагис*), а «простых» витязей — «витингсами» либо «витингисами».

Кунигсы были инициаторами грабительских набегов на Польшу. Известно, что для таких набегов прусские дружины объединялись под началом одного наиболее уважаемого кунигса, однако вопрос существования у пруссов единого государства в IX—XIII в. остаётся открытым.

Прусское общество было патриархальным. Абсолютным главой семьи являлся мужчина, жену себе он покупал и потом рассматривал как собственность. Жёнами пруссов нередко становились

захваченные во время набегов на Польшу женщины. Наследование шло только по мужской линии.

44.281.7. Материальная культура

Хотя земли пруссов были богаты дичью (леса покрывали до 75 % территории прусских земель), основным занятием пруссов было земледелие. Пруссы выращивали рожь, ячмень, овёс, лён. Занимались они также скотоводством и рыболовством. Разводили прежде всего лошадей (конина употреблялась в пищу), крупный рогатый скот и свиней. Охота, не будучи основным средством к существованию, всё же играла важную роль в жизни пруссов.

Кроме сельского хозяйства пруссам были известны и ремёсла. Они знали металлургию железа и бронзы, их кузнецы изготовляли разное оружие и кольчуги. Важными отраслями ремесла были ткацкое и гончарное дело, а также обработка дерева. Однако ремесло так и не успело отделиться от сельского хозяйства, поэтому уровень развития материальной культуры пруссов уступал уровню развития материальной культуры западных их соседей. То, что пруссы не изготовляли сами, они покупали (а иногда и захватывали) у своих соседей. В XI—XIII в. Пруссию посещали купцы из Швеции и Дании. Пруссы у них покупали оружие, соль, металлы. В обмен расплачивались янтарём, мехами, собственными изделиями из металла. Земли пруссов посещали также купцы из Новгорода и Киева, и наоборот — купцы пруссов часто бывали на Руси, о чём свидетельствует, например, то, что в Новгороде существует «Прусская улица» (впервые упоминается в 1185 г.).

44.281.8. Религия

Вплоть до немецкой колонизации пруссы оставались язычниками. Они верили в загробную жизнь, в частности в реинкарнацию. Тела умерших сжигались (кости затем предавались ритуальному погребению), огню предавалось и всё то, что могло пригодиться покойному в загробной жизни (кони, предметы обихода, украшения, оружие).

Самым важным (но не самым почитаемым) божеством пруссов был «бог неба и земли» Укапирмс (другое его имя было *Дэйвс*, то есть просто «бог», — ср. с литовским *Dievas* — «бог» и латышским «Dievs»). За ним шли божество света, магии, войны и всех вод Потримпс, или Свайкстикс, «бог молнии и дождя» Пэркунис «бог смерти и подземного мира» Патолс и, наконец, «бог изобилия и богатства» Пильвитс, упоминаемый в «Хрониках прусского края» Бреткунасом и идентичный русскому Переплуту[10]. Патолс пруссами воображался как дряхлый старец, Пэркунис (идентичен

литовскому Пяркунасу, русскому Перуну, латышскому Пэрконсу) — как мужчина средних лет, Потримпс — как безбородый юноша, а сам Дэйвс — скорее всего как малолетний мальчик (судя по наличию соответствующего мифологического образа в литовских мифологических сказаниях). «Ниже» Потримпса, Пэркуниса и Патолса (своеобразных ипостасей или эманаций Укапирмса) в прусском

пантеоне располагались различные «демоны» и духи.

Изображение святилища Рикойто/Ромова

Местом отправления религиозного культа были для пруссов священные рощи. Самой главной из них была роща по имени *Ромовэ*, расположена в районе впадения реки Лавы в реку Преголю, неподалёку от посёлка Знаменска в нынешней Калининградской области. Центром Ромовэ был вековой дуб (дуб у пруссов считался священным деревом), перед которым постоянно поддерживался священный огонь. Позднее на месте Ромовэ располагался хутор Оппен (ныне это территория Зоринского сельсовета Гвардейского р.).

Несколько раз в году представители всех прусских кланов и родов собирались в Ромовэ для ритуала жертвоприношения. Во время этих празднеств жрецы и витингсы также обсуждали наиболее важные вопросы, касающиеся жизни всех пруссов.

44.281.9. Версия о славянском происхождении пруссов

Славянская хроника Гельмольда относит пруссов к племенам славян, а прусский язык называет славянским[11][*источник не указан 404 дня*].

Версию о славянском происхождении пруссов отстаивал ещё Мавро Орбини в опубликованной в 1601 году книге «Славянское царство»[12].

После 2-й мировой войны в Калининградской обл. проводились многочисленные раскопки прусских археологических памятников, но их результаты публиковались практически лишь в научной литературе, а популярные издания были исключительной редкостью. Информация, к которой простые жители Калининградской обл. имели доступ, была крайне скупа. В путеводителях говорилось о том, что до немецкой колонизации на этой земле жили «славянские племена пруссов», и что их земля была «варварски разграблена немцами». Тезис о славянском происхождении пруссов был провозглашён Сталиным на Тегеранской конференции; при его жизни это положение под сомнение не ставилось.

Легенда о славянском происхождении пруссов поддерживалась близостью словарного запаса прусского языка к польскому (в рамках близости славянских и балтских языков вообще). Хотя образ пруссов трактовался довольно положительно, интерес простых граждан СССР к истории прусского этноса не приветствовался, как и вообще интерес к довоенной истории Калининградской области.

В середине 1950-х годов советские историки признали балтское происхождение пруссов.

См. также Происхождение пруссов, Изучение прусского языка в интернете, Эльбингский (Эльблонгский) немецко-прусский словарь, http://www.kortlandt.nl/editions/grunv.htmlпрусско-немецкий словарик Симона Грунау, О происхождении **пруссов** и интересных взаимосвязях, С.В. Трусов О происхождении названия Липецка и о святом Бруно Кверфуртском

Вернуться к ссылке

44.282. Великое княжество Литовское

Великое княжество Литовское (*Вели́кое кня́жество Литóвское, Ру́сское, Жемо́йтское*[1] *и иных*; зап.-рус. *Великое князство Литовское, Руское, Жомойтское и иных*, лит. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė*, жем. *Lietovuos Dėdliuojė Konėgaikštīstė*, белор. *Вялікае Княства Літоўскае*, укр. *Велике Князівство Литовське*, польск. *Wielkie Księstwo Litewskie*, лат. *Magnus Ducatus Lituaniae*) — восточноевропейское государство, существовавшее с середины XIII века по 1795 год на территории современных Белоруссии и Литвы, а также частично Украины, России, Латвии, Польши и Эстонии.

С 1385 года находилось в личной унии с Польшей, а с 1569 года — в сеймовой Люблинской унии в составе Речи Посполитой. В XIV—XVI веках Великое княжество Литовское — соперник Московского княжества в борьбе за господство в Восточной Европе. Прекратило своё

существование после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. К 1815 году вся территория бывшего княжества вошла в состав Российской империи.

44.282.1. Зарождение государства

Лист Кведлинбургских анналов, содержащий первое упоминание Литвы

Название «Литва» в форме *Lituae* впервые встречается в Кведлинбургских анналах под 1009 годом при описании смерти миссионера Бруно Кверфуртского, который был убит «на границе Руси и Литвы». В «Повести временных лет» Литва упоминается среди народов «Иафетовой части».[2].

С последней четверти XII века многие княжества, граничащие с Литвой (Городенское, Изяславское, Друцкое, Городецкое, Логойское, Стрежевское, Лукомское, Брячиславское), покидают поле зрения древнерусских летописцев. Согласно «Слову о полку Игореве», городецкий князь Изяслав Василькович погиб в бою с Литвой (ранее 1185 года). В 1190 году Рюрик Ростиславич организовал поход против Литвы в поддержку родственников своей жены, пришёл в Пинск, но из-за таяния снегов дальнейший поход пришлось отменить. В 1198 году под контроль Литвы переходит Полоцк[3], с этого времени Полоцкая земля становится плацдармом для экспансии Литвы на север и северо-восток. Начинаются литовские вторжения непосредственно в новгородско-псковские (1183, 1200, 1210, 1214, 1217, 1224, 1225, 1229, 1234), волынские (1196, 1210), смоленские (1204, 1225, 1239, 1248) и черниговские (1220) земли, с которыми Литва не имела общих границ. Новгородская первая летопись[4] под 1203 годом упоминает о сражении черниговских Ольговичей с Литвой. В 1207 году Владимир Рюрикович смоленский ходил на Литву, а в 1216 году Мстислав Давыдович смоленский разбил литовцев, грабивших окрестности Полоцка[5].

44.282.2. Правление Миндовга

Руины замка в Новогрудке

Свидетельством существования раннефеодальных объединений считается договор 1219 года между Галицко-Волынским княжеством и князьями Литвы, Дяволтвы и Жемайтии[6]. В договоре среди 5 старших литовских князей упоминается Миндовг. В 1230-х годах он занял лидирующие позиции среди литовских князей[7][8].

Консолидация Великого княжества Литовского проходила на фоне сопротивления крестоносцам Тевтонского ордена в Пруссии и Ордена меченосцев в Ливонии. Бурные события конца 1230-х — начала 1240-х годов (монгольское нашествие, экспансия крестоносцев) не позволяют с точностью установить детали образования Великого княжества Литовского. Можно определенно говорить, что к 1244—1246 годам Великое княжество Литовское уже существовало как государство во главе с Миндовгом, имевшем титул великого князя литовского. Одновременно шло расширение территории государства в северо-западном и северо-восточном направлении, наиболее ярко проявившееся позже, во времена правления великих князей Войшелка и Тройдена. В 1248—1249 годах литовцы провели в целом неудачный поход на Владимиро-Суздальское княжество, затем началась борьба за власть между Миндовгом и его племянником Товтивилом, которому помогали галицко-волынские Романовичи

(Даниил Галицкий был женат на его сестре).

Крещение Миндовга. Неизвестный автор, XVII век

В целях улучшения внешнеполитического положения княжества Миндовг установил отношения с папой и принял католичество (1251). С согласия папы римского Иннокентия IV Миндовг короновался как король Литвы, таким образом государство получило признание в качестве полноправного европейского королевства. На коронацию, состоявшуюся 6 июля 1253 года, были приглашены магистр Ливонского ордена Андрей Стирланд, архиепископ прусский Альберт Суербер, другие знатные особы, а также доминиканские и францисканские монахи. Церемонию провёл епископ Хелмно Гейденрейх, о месте коронации среди историков ведутся споры.

В 1254 году Миндовг заключил мир с Даниилом, принявшим королевскую корону в том же году, и передал Новогорудок его сыну Роману. После расстройства совместного похода литовцев и галичан в Киевскую землю Роман был захвачен в плен Войшелком и Товтивилом. Несмотря на совместное вторжение в Литву галицко-волынских и ордынских войск в 1258 году, Роман был убит.

Сын Миндовга Войшелк, отказавшись от королевского титула, постригся в монастырь в Галиче и затем в 1255—1258 отправился в паломничество на Афон. В стране назревало недовольство деятельностью миссионеров, пытавшихся организовать католическое доминиканское епископство в Любче под Новогородком[9]. Назначенный епископом Литвы пресвитер Христиан жаловался папе

римскому, что на его резиденцию нападают неверные из числа подданных Миндовга. Есть сведения, что первый епископ Литвы — доминиканец Вит — был выгнан из страны, и даже ранен[10]. Всё это вело к отказу литовцев от попытки сотрудничества с папской курией. По сведениям папских булл и позднейших сообщений Яна Длугоша, в 1255 году Миндовг совершил поход на польский город Люблин и сжёг его, а уже 7 августа 1255 года папа римский Александр IV объявил в Польше, Чехии и Австрии крестовый поход против Литвы[11]. Впоследствии крестовые походы против Литвы объявлялись папой также в 1257, 1260 и 1261 годах.

Не позднее 1260 года Миндовг разорвал мир с Тевтонским орденом и поддержал восстание пруссов против орденской власти. По сообщению немецких хроник[12], литовские войска участвовали в разгроме Ордена на озере Дурбе в Курляндии 13 июля 1260, где погибли 150 рыцарей Ордена, в том числе магистр, маршал, и несколько комтуров. Отрекшись от христианства и формального мира с крестоносцами, Миндовг в 1260—1263 годах совершил несколько опустошительных для крестоносцев походов в Ливонию, Пруссию и Польшу. В январе 1263 года он сжёг владение гнезненского архиепископа в Кульмской земле[13].

В 1263 году Миндовг был убит заговорщиками, среди которых различные источники называют полоцкого князя Товтивила, нальшанского князя Довмонта, князя Тройната, или великокняжеского воеводу Евстафия Константиновича[14]. В государстве началась борьба за великокняжеский стол между полоцким князем Товтивилом и племянником Миндовга Тройнатом. Последнему удалось убить Товтивила и занять великокняжеский стол, однако вскоре Тройнат был свергнут сыном Миндовга Войшелком. В 1263 году литовцам удалось занять Чернигов после смерти местного князя, но вскоре они были изгнаны оттуда Романом брянским.

44.282.3. От Войшелка до Гедимина

См. также: Битва на реке Ирпень

Современный вид Башни Гедимина в Вильнюсе

Около 1265 года Войшелк пригласил православных священников, и основал монастырь для распространения православия в Литве[15]. В 1267 году он передал титул и власть зятю Миндовга и сыну галицко-волынского князя Даниила Шварну. Спустя год Шварн умер, после чего великим князем стал Тройден. После убийства Тройдена княжил Довмонт. Между 1282 и 1291 годами, вероятно, вокняжилась новая династия, которая, согласно одной из версий, происходила из жмудских владетельных князей Эйрагола. Князьями становились Бутигейд и его брат Пукувер Будивид. Этот период, продолжавшийся со смерти Тройдена до смерти Будивида, крайне скудно освящён в источниках, поэтому информация о нём часто носит характер домыслов различной степени вероятности.

После смерти Шварна обострились отношения Литвы с галицко-волынскими князьями, которые в 1274—1275 в союзе с волжским ханом Менгу-Тимуром, а в 1277—1278 в союзе с Ногаем вторгались в литовские земли.

В 1295 году Будивида сменил его сын Витень (1295—1316), а после его смерти второй сын — Гедимин (правил в 1316—1341). Они соединили под своей властью силы всего государства, остановили движение крестоносцев, закрепили за Литвой западнорусские и начали экспансию в южнорусских землях, ослабленных монгольскими разорениями. При Витене была учреждена Литовская митрополия с центром в Новогрудке, включавшая епископства Полоцка и Турова.

В 1316 году Гедимин захватил Берестейскую землю, но затем заключил мир с галицко-волынскими правителями Львом и Андреем Юрьевичами (Любарт Гедиминович женился на дочери Андрея Юрьевича). После их одновременной смерти при невыясненных обстоятельствах (1323) Гедимин провёл поход на Волынь, затем на Киев. Некоторые историки отрицают историческую достоверность сведений о подчинении Киева Гедимином[16]. В обоих случаях

известно о противодействии Гедимину не только русских князей, но и татар. Любарт получил владения на Волыни, а в Киеве в последующие годы известен князь Фёдор, хотя и действовавший в интересах Гедимина, но правивший в условиях продолжающегося баскачества. В 1332 году впервые в истории в Новгород был приглашён князь-нерюрикович (Наримунт Гедиминович). После пресечения местной галицкой династии Любарт стал галицко-волынским князем (1340), но тогда же началась война за галицко-волынское наследство между Литвой и Польшей (до 1392).

При Гедимине, основателе династии, Великое княжество Литовское проявило немалые успехи в военном деле, оно значительно укрепилось экономически и политически, в стране строились православные и католические церкви и храмы. Гедимин установил династические связи с ведущими монархическими домами Восточной Европы: его дочери были замужем за польским королём Казимиром III, галицким князем Юрием II Болеславом, тверским князем Дмитрием Грозные Очи и московским князем Семёном Гордым. С Московским княжеством у Гедимина был мир; с Польшей он имел напряженные отношения, иногда выливавшиеся в военные походы, не прекращалась вражда с германскими городскими общинами и папой римским. Также известно, что Гедимин пользовался золотоордынскими отрядами против крестоносцев.

44.282.4. Ольгерд и Кейстут

См. также: Война за галицко-волынское наследство, Битва на Синих Водах, Литовско-московская война (1368—1372) и Битва при Рудау

Политическая карта Восточной Европы в 1340—1389 годах

Так как в Великом княжестве Литовском не существовало определённого порядка престолонаследия, то в течение пяти лет после смерти Гедимина (1341—1345) государство подверглось опасности распада на самостоятельные земли. Оно разделилось на 8 частей,

находившихся в управлении брата Гедимина Война и семи сыновей Гедимина: Монвида, Наримунта, Кориата, Ольгерда, Кейстута, Любарта и Евнутия. Этим хотели воспользоваться крестоносцы, заключившие в 1343 году союз с Польшей и деятельно готовившиеся к походу на Литву.

По соглашению между Ольгердом и Кейстутом (1345) Евнутий был изгнан из Вильны. Братья заключили договор, по которому все они должны повиноваться Ольгерду как великому князю. Кейстут управлял северо-западной частью княжества и вёл борьбу с Орденом. Действия Ольгерда были сосредоточены в восточном и юго-восточном направлении. При Ольгерде (правил в 1345−1377) княжество фактически стало доминирующей державой в регионе. На юге владения Ольгерда расширились присоединением Брянского княжества (1356). Особенно позиции государства укрепились после того, как в 1362 году Ольгерд разбил татар в битве при Синих водах и присоединил к своим владениям Подольскую землю. Вслед за тем Ольгерд сместил княжившего в Киеве князя Федора, подчиненного Золотой Орде, и отдал Киев своему сыну Владимиру. В первое время это привело к прекращению выплаты дани Орде, в которой в те годы шла борьба за власть, с этих земель.

Земли княжества при Ольгерде простирались от Балтики до Причерноморских степей, восточная граница проходила примерно по нынешней границе Смоленской и Московской, Орловской и Липецкой, Курской и Воронежской областей. Во время его правления в состав государства входили современная Литва, вся территория современной Белоруссии, Смоленская область, часть Украины. Для всех жителей западной Руси Литва стала естественным центром сопротивления традиционным противникам — Золотой Орде и Тевтонскому Ордену. Кроме того, в Великом княжестве Литовском в середине XIV века численно преобладало православное население.

Особое место в политике Ольгерда занимала борьба с Московским княжеством, которое стремилось к господству в Северо-Восточной Руси, в том числе помогая Кашинскому княжеству добиться независимости от Тверского княжества. В 1368 и 1370 годах Ольгерд дважды безрезультатно осаждал Москву, вынужденный отвлекаться на борьбу с крестоносцами. В 1371 году на стороне тверского князя выступил и добившийся лидерства в Золотой Орде Мамай, примерно в то же время возобновились выплаты дани в Орду с южнорусских земель, подчинённых Литве. В 1372 году Ольгерд заключил мир с Дмитрием московским, но в последние годы своего правления Ольгерд утратил контроль над восточными землями княжества, прежде всего Брянском и Смоленском, склонившимся к союзу с Москвой, в том числе и против Орды.

За обладание Волынью Ольгерд вёл борьбу с Польшей, окончившуюся миром в 1377 году. Уделы Берестейский, Владимирский и Луцкий отошли к Литве, а земли Холмская и Белзская — к Польше.

44.282.5. Ягайло и Витовт

См. также: Гражданская война в Великом княжестве Литовском (1381—1384), Кревская уния, Гражданская война в Великом княжестве Литовском (1389—1392), Островское соглашение, Виленско-Радомская уния, Грюнвальдская битва и Городельская уния

После смерти Ольгерда (1377) старшим в роде оставался Кейстут, но согласно желанию Ольгерда он признал старшинство одного из двенадцати сыновей Ольгерда и своего племянника Ягайло. Последнего не признали его братья: Андрей полоцкий и Дмитрий брянский отъехали в Москву и вместе с Дмитрием Боброком участвовали в Куликовской битве против Мамая (1380). Вскоре Кейстут, узнав о сношениях племянника с Орденом, с целью утверждения своего единовластия, в 1381 году свергнул его с престола. В следующем году Ягайло смог захватить Кейстута и уморить его в тюрьме. Во время этой борьбы Ягайло уступил ордену Жмудскую землю (1382). В 1384 году Ягайло, Скиргайло и Корибут заключили договор с Дмитрием московским о династическом браке Ягайла и дочери Дмитрия и крещении Литвы по православному обряду. Но в том же году сын Кейстута Витовт бежал из тюрьмы к немцам и с ними начал наступление на

Литву. Ягайло поспешил помириться с Витовтом, дал ему в удел Гродно и Троки, а Ордену обязался в течение четырёх лет принять католичество.

Королевство Польское и Великое княжество Литовское в правление Ягайло и Витовта

В 1385 году великий князь Ягайло заключил союз (Кревскую унию) с Польским королевством — принял католичество и новое имя Владислава, женился на наследнице польского престола Ядвиге и стал королём Польши, оставшись великим князем литовским. Это усилило позиции обоих государств в противостоянии с Тевтонским орденом. В 1387 году Владислав Ягайло официально крестил Литву.

Владислав-Ягайло передал великокняжеский престол своему брату Скиргайло, признавшему верховную власть польского короля. Католическое крещение Литвы повлекло усиление польского и католического влияния. Литовским и русским боярам, принявшим католичество, была дана привилегия владеть землей без ограничения со стороны князей (шляхетское достоинство по польскому образцу). Имения их освобождались от повинностей, за исключением постройки городов всей землей. Для католиков вводились польские кастелянские суды. Эти порядки

вызвали неудовольствие среди Литвы, во главе которых стал двоюродный брат Владислава-Ягайло Витовт. Он вёл долгую борьбу за престол, привлекая на свою сторону антипольски настроенных князей и бояр ВКЛ и ища союзников и в крестоносцах, и в великом князе московском Василии Дмитриевиче, за которого он отдал в 1390 году свою дочь Софью. Политике сближения Литвы и Москвы оказывал значительную поддержку митрополит Киприан.

Великокняжеская печать Витовта

В 1392 году между Ягайло и Витовтом было заключено Островское соглашение, по которому великим князем литовским становился Витовт, а Ягайло оставлял себе титул «верховный князь Литвы». Скиргайло был переведён в Киев, где вскоре умер (возможно, от отравы).

Витовт, в 1395 году присоединивший к Литве Смоленск, скоро стремился к полной самостоятельности и отказал Ягайлу в дани. Благодаря союзу с сыновьями Мансуры Мамай Витовту удалось мирным путём присоединить на юге в 90-х годах XIV века к своему княжеству огромные территории Дикого Поля. В 1399 году Витовт, поддержавший свергнутого ордынского хана Тохтамыша против ставленника Тамерлана Тимур-Кутлука, потерпел тяжелое поражение от татарского мурзы Эдигея, в битве на Ворскле. Вследствие поражения Витовт вынужден был заключить мир с новгородцами, потерял Смоленск (вновь занят после нескольких походов с помощью польских войск в 1405), стал искать сближения с Ягайло. Ослабленное ВКЛ в 1401 году было вынуждено заключить новый союз с Польшей (так называемая Виленско-Радомская уния). В силу подписанного акта по смерти Витовта власть его должна была перейти к Ягайло, а по смерти последнего поляки обязывались не избирать короля без согласия Витовта.

В 1405 году Витовт начал военные действия против Пскова; тот обратился за помощью к Москве. Однако Москва объявила войну ВКЛ только в 1406 году, крупные военные действия фактически не велись и после нескольких перемирий и стояния на Угре Витовт и великий князь московский Василий I заключили «вечный мир», впервые установивший общую границу двух государств.

Грюнвальдская битва. Фигуры в центре Ульрих фон Юнгинген и Витовт

Отношения Витовта к ордену были враждебны; на западе ВКЛ вело борьбу с Тевтонским орденом, жмудская земля, отданная немцам, постоянно обращалась к Литве с просьбою об освобождении. Соединённые войска Польши и ВКЛ в Грюнвальдской битве нанесли Тевтонскому ордену такое поражение, от которого орден уже не мог оправиться (1410). По торнскому миру (1411) Ягайло и Витовт получили Жмудь в пожизненное владение; в 1422 году Тевтонский орден окончательно отказался от Жемайтии.

В Городне на сейме ещё раз было подтверждено соединение Литвы с Польшею: в Литве учреждались сеймы, литовское дворянство сравнивалось правами с польским. Следствием был

рост влияния поляков и католического духовенства в Литве. Витовт стремился к соединению церквей, считая униатство компромиссом, на который могут пойти как православные, так и католики. Но его переговоры по этому поводу и поддержка гуситов не привели ни к чему. В последние

годы Витовт помышлял об отделении Литвы от Польши и задумал с этою целью короноваться, но поляки перехватили послов, везших ему корону от императора Сигизмунда.

Трокский островной замок — любимая резиденция Витовта

Витовт вмешался в дела Великого княжества Московского, когда в 1427 году началась династическая распря между внуком Витовта Василием II Тёмным и дядей Василия Юрием Звенигородским. Витовт, опираясь на то, что великая княгиня московская, его дочь, Софья вместе с сыном, людьми и землями, приняла его защиту, претендовал на господство над всей Русью. Витовт вмешивался также в политику европейских стран и имел значительный вес в глазах европейских государей. Император Священной Римской империи дважды предлагал ему королевскую корону, но Витовт отказывался и принял только третье предложение императора.

Коронация была намечена на 1430 год и должна была состояться в Вильне, куда собрались многочисленные гости. Признание Витовта королём и, соответственно, ВКЛ королевством не устраивало польских магнатов, которые надеялись на инкорпорацию ВКЛ. Ягайло был согласен на коронацию Витовта, но польские магнаты перехватили королевскую корону на территории Польши. Витовт в то время болел, по легенде он не вынес известия о утрате короны и умер в 1430 году в своём Трокском (Тракайском) замке на руках у Ягайло.

44.282.6. После смерти Витовта

См. также: Гражданская война в Великом княжестве Литовском (1432—1438), Вечный мир (1449) и Русско-литовские войны

Жемайтия и другие регионы на Carta Marina, 1539 год

После смерти Витовта князья и бояре ВКЛ на сейме выбрали великим князем Свидригайла — младшего брата Ягайла; последний признал это избрание. Это было сделано без согласования с польским королём, магнатами и панами, хотя было предусмотрено униями между ВКЛ и Польшей. Таким образом, уния между ВКЛ и Польшей была разорвана, более того, вскоре между ними начался военный конфликт из-за Волыни.

В 1432 году группа пропольски настроенных князей совершила переворот и возвела на престол брата Витовта — Сигизмунда. Это привело к феодальной войне между сторонниками Сигизмунда и Свидригайлом. В ходе войны Ягайле и Сигизмунду пришлось пойти на ряд уступок, чтобы привлечь на свою сторону сторонников Свидригайла. Исход войны решился в 1435 году в битве под Вилькомиром (ныне Укмерге), в которой войска Свидригайла понесли очень большие потери.

Свидригайло ещё несколько лет держался в русских областях. Правление Сигизмунда длилось недолго — недовольные его политикой, подозрительностью и необоснованными репрессиями православный князь Чарторыйский и бояре составили против него заговор, и он был убит в Трокском замке (1440).

Одни стояли за сына Сигизмунда Михаила, другие — за Свидригайла, третьи — за короля Владислава. Последний, избранный в то время венгерским королем, послал наместником в Литву брата своего Казимира Ягайловича, которого там избрали великим князем. Попытка поляков разделить Литву между Владиславом и Казимиром вызвала сильное сопротивление в Литве. Пользуясь советами Гаштольда, Казимир изучил язык Литвы и свыкся с их обычаями. После смерти Владислава поляки избрали королем Казимира и требовали соединения Литвы с Польшею, но Литва этому противилась. На сеймах (люблинский 1447, парчевский 1451,

серадский 1452, парчевский и петроковский 1453) поднимался этот вопрос, но соглашение достигнуто не было.

В 1449 году Казимир заключил с московским великим князем Василием II мирный договор, который разделял зоны влияния двух государств в Восточной Европе (в частности, Новгородская республика была признана зоной влияния Москвы), запрещал каждой стороне принимать внутриполитических противников другой стороны и соблюдался до конца XV века.

При Казимире была учреждена Киевская православная митрополия с центром в Вильне (1458), первоначально униатская, с 1470 года в ведении вселенского патриарха Константинополя (в то время как московская митрополия сохраняла автокефалию). За просьбой новгородцев к киевскому митрополиту прислать им нового архиепископа последовал захват Новгородской земли Московским княжеством (1478). В 1480 году московский князь Иван III освободил подвластные земли от ордынского ига, а в 1487 году принял титул «князя Болгарского», после чего подчинённые Литве верховские князья начали переходы на московскую службу с владениями, что открыло серию войн, получивших в историографии название «русско-литовских». В частности, по итогам войны 1500—1503 годов Литва лишилась примерно трети своей территории (черниговско-северские земли), в 1514 году — смоленских земель.

Казимир расширил международное влияние династии Ягеллонов — подчинил Польше Пруссию, посадил своего сына на чешский и венгерский троны. В 1492—1526 годах политическая система Ягеллонов охватывала Польшу (с вассалами Пруссией и Молдавским княжеством), Литву, Чехию и Венгрию.

Согласно завещанию Казимира (ум. 1492) Польша перешла к его сыну Яну Ольбрахту, Литва — к Александру. По смерти Иоанна Альбрехта (1501) Александр стал и королём польским. Он стремился к распространению польского начала в ВКЛ. При нём в 1501 году была подтверждена политическая уния Литвы с Польшей на началах, установленных ещё Ягайло.

Мирский замок

После Александра великим князем был избран младший Казимирович Сигизмунд (1506—1548), позже избранный и королём польским. Постоянной его целью было ещё большее сближение Литвы с Польшей. Ему приходилось выдерживать борьбу с притязаниями шляхты, сеймы которой постоянно усиливались. Разладу между королём, с одной стороны, духовенством и дворянством — с другой, много способствовала вторая жена Сигизмунда Бона. Раздача имений с освобождением владельцев от повинностей тяжело ложилась на государственную казну. Земли сначала раздавались во временное пользование, но постепенно обращались в наследственные. На сейме 1535 года по предложению Сигизмунда состоялось постановление о поверке шляхетских прав на землю на основании коронной метрики. Сигизмунд решился провести общую поверку шляхетских прав и статутов, а затем восстановить некоторые налоги, отменённые прежними королями, например воловщину с продаваемого шляхтой скота. Это возбудило сильное неудовольствие; когда во Львове собралось в 1537 году «посполитое рушение» против Молдавии, шляхта не хотела примкнуть к нему и поход не состоялся. Этот эпизод носит ироническое название «куриной войны». Реформация проникла в Литву из Пруссии, но распространялась сначала довольно слабо.

44.282.7. Отношения с Золотой Ордой и Крымским ханством

Основная статья: **Отношения Великого княжества Литовского с Золотой Ордой и Крымским ханством**

В середине XIII века в южной части Восточной Европы образовалось монгольское государство — Золотая Орда. И хотя оно первый век своего существования не имело общих границ с владениями великих князей литовских, его политика оказывала влияние на расстановку сил во всей Восточной Европе. Столкновение интересов происходило по вопросу включения русских земель, зависимых от Золотой Орды, в сферу влияния великого княжества.

44.282.8. В составе Речи Посполитой

LITHUANIA AND ITS ADMINISTRATIVE DIVISIONS (1654)

Административное деление Великого княжества Литовского на 1654 год

При Сигизмунде Августе (1522—1572) Люблинской унией (1569) завершился процесс политического соединения Литвы с Польшей, подготовленный предыдущей историей. Уния встретила сильное противодействие литовской элиты и только сильным давлением Польскому королевству удалось заставить Литву согласиться. ВКЛ должно было уступить Польше Подляхию, Волынь и княжество Киевское. Ливония была объявлена принадлежностью обоих государств. ВКЛ объединилось с Польшей в конфедеративное государство — Речь Посполитую. Согласно акту Люблинской унии (оригинал акта до наших дней не сохранился), Литвой и Польшей правил

совместно избираемый король, а государственные дела решались в общем Сейме. Однако правовые системы, денежная система, армия и правительства оставались отдельными, также существовала граница между двумя государствами, на которой взимались таможенные сборы.

В XVI—XVIII веках в ВКЛ господствовала шляхетская демократия. Во второй половине XVII в. — начале XVIII века, после двух опустошительных войн Русско-польской и Северной войн 1654—1667 гг и Северной войны 1702—1709 гг., Речь Посполитая пришла в упадок, попав под протекторат России. В 1772, 1793 и 1795 годах состоялись три раздела территории Польши и Литвы между Россией, Пруссией и Австрией. Бóльшая часть территории Великого княжества Литовского была присоединена к России, но Белостокская земля, а также Сувалкия (территория между Восточной Пруссией и Неманом) отошли к Пруссии. Впоследствии по Тильзитскому миру 1807 года Сувалкия вошла в состав Герцогства Варшавского, а Белостокская земля отошла к России. Только после Венского Конгресса (1815), когда в составе Российской империи было создано Царство польское (включавшее в себя большую часть упраздненного Герцогства Варшавского, в том числе и Сувалкию), все территории некогда составлявшие Великое княжество Литовское, вошли в состав России.

44.283. Этноязыковая ситуация

Восточнославянские наречия к концу XIV века

Великое княжество Литовское — полиэтничное государство. Его населяли славяноязычные русины, литвины, поляки (крестьяне-колонисты, известные как мазуры, горожане и отчасти мелкая шляхта); балтоязычные литовцы-аукштайты, литовцы-жемайты, ятвяги, латгалы, земгалы, бежавшие в XIII веке от насильственной христианизации пруссы (бортеи или зуки, лятувинники); немцы, составлявшие прежде всего купечество и проживавшие в основном в городах; евреи (литваки), литовские татары, караимы.

По мнению литовских учёных, литовский язык в Великом княжестве Литовском имел широкое распространение и использовался в качестве языка общения на территории этнической Литвы, причём как людьми низшего сословия, так и двором правителя и виднейшими боярами[17]. Согласно белорусским исследователям, литовский язык был распространён только среди низшего сословия населения этнической Литвы, хотя постепенно жители этих земель переходили на славянские языки[18][19][20]. На русских землях Великого княжества литовского говорили на восточнославянских диалектах, которые легли в основу белорусского и украинского языков и назывались «руський язык» или «руськая мова»[17].

Делопроизводство велось преимущественно на западнорусском письменном языке, образовавшемся в результате взаимодействия старославянского языка и местных элементов русинского языка[17]. На собственно литовском языке делопроизводство не велось. Документы на западнорусском языке составляют абсолютное большинство официальных документов Великого княжества Литовского[21]. В XIV—XV веках западнорусский письменный язык стал основным языком канцелярии Великого Княжества Литовского, сохранив преобладающие позиции до середины XVII века[17], когда он был вытеснен из делопроизводства польским языком, ставшим со временем и языком общения привилегированного сословия (шляхты).

Согласно литовским исследователям, западнорусский письменный язык нельзя назвать государственным, так как он сохранял известную дистанцию по отношению к разговорным языкам. В связи с этим в литовской историографии западнорусский письменный язык называют канцелярским языком Великого княжества Литовского[17]. В белорусской же историографии западнорусский письменный язык, называемый старобелорусским, являлся государственным языком, что не исключает использование в делопроизводстве и других языков[22]. Также отмечается, что государственный статус западнорусского языка закреплён Статутами Великого княжества Литовского[23].

В XVIII веке литературные памятники на западнорусском письменном языке представлены в основном интермедиями — короткими вставками в иноязычный текст. В конце XVIII века некоторые документы стали печататься на литовском языке, например Конституция 3 мая 1791 года (причём на западнорусский письменный язык она не переводилась) или «воззвания» Тадеуша Костюшко 1794 года к восставшим[17].

44.283.1. Административное устройство, социальная структура

Разворот книги Литовской метрики, 1511—1518 года

Основные статьи: **Государственные органы управления Великого княжества Литовского**, **Судебная система Великого княжества Литовского**, **Социальная структура Великого княжества Литовского**, **Административное деление Великого княжества Литовского**, **Войско Великого княжества Литовского**

Правовая структура Великого княжества Литовского была построена по нормам древнерусского права, на которые в свою очередь оказали существенное влияние нормы византийского гражданского и уголовного права. Со второй половины XIV века, вследствие унии с Польской Короной, происходит постепенное заимствование римского права. Правовая структура была изложена в Судебнике, и затем трёх Статутах — своде законов: в Статуте Великого княжества Литовского 1529, в Статуте 1566 и Статуте 1588 года.

Развитие социальной и правовой структуры Великого княжества Литовского связано с развитием феодальных отношений, развитием городов и становлением шляхетского сословия (боярства), а со второй половины XVI века, постепенным закрепощением крестьян по польскому образцу.

44.283.2. Культура

Культура Великого княжества Литовского формировалась на территории нынешних Литвы, Белоруссии, части Польши и большей части Украины, развивалась под воздействием взаимосвязанных социально-экономических, сословно-классовых и политических факторов, опиралась на богатое древнерусское наследство и западные традиции. Имела типичные черты общности восточнославянских и европейских культур.

При возникновении Великого княжества Литовского вошедшие в его состав земли находились на разных уровнях экономического, политического и культурного развития. Основные этнические особенности материальной и духовной культуры Великого княжества Литовского определились в XIII—XVI веках, когда в результате широкого поля взаимодействия русской, литовской и польской культур появились перекрёстные явления. Территории современных Украины, Беларуси и

частично России составляли 9/10 общей площади княжества, и по сути, в Великом княжестве Литовском к концу XVI века возникла единая метакультура. Этому способствовали также исторические традиции, культурная и языковая близость. Для культурной жизни государства характерным было присутствие двух тенденций: этнорелигиозное самосознание с ориентацией на традиционные культурные ценности и естественное взаимодействие культур, создававшее единое культурное пространство. При этом во многом интеграционные процессы этнических культур противостояли конфессиональным спорам и распрям.

44.283.3. Религия

Основная статья: **Религия в Великом княжестве Литовском**

До Кревской унии в Великом княжестве Литовском существовали две разновеликие территории, различающиеся в религиозном отношении: северо-запад государства сохранял традиционное язычество, а другая часть государства была крещена в православие ещё в период Киевской Руси. После Кревской унии началось активное распространение католичества, пользовавшегося поддержкой центральной власти. С середины XVI века под влиянием Реформации в Великом княжестве Литовском распространялись протестантские идеи, широко воспринятые в среде магнатерии. В 1596 году была заключена Брестская церковная уния, в результате которой часть православных признала власть папы римского и оформилась в особую католическую церковь, придерживающуюся византийского обряда и известную как униатство. Среди нехристианских религий в Великом княжестве Литовском были наиболее распространены иудаизм и ислам, впервые зафиксированные здесь в XIV веке.

44.283.4. Образование

В XIII веке письменность стала распространяться среди горожан, купцов и ремесленников. В XIV и особенно в XV веке в крупных имениях создавались школы. Расширилось обучение детей странствующими учителями-самоучками («мастерами грамоты», «даректорами»). Курс обучения ограничивался элементарной грамотой.

Образование в Литве издревле было связано с русскими школами при православных церквях и монастырях. Еще дипломат Тевтонского ордена Конрад Кибург, посетивший Вильну в 1397 году, отмечал, что все образованные литвины говорят и пишут по-русски, и обучаются грамоте в русских школах, которых очень много в Литве при русских церквях [1]. По свидетельству историков, еще в первой половине XVI века православных церквей в Вильне было в два раза больше, чем католических костелов, и при каждой из них было училище.

С проникновением католиков в Литву они также учреждали свои училища. Одной из первых была коллегия, учрежденная королевой Ядвигой для 12 литвинов при Пражской академии; затем была учреждена краковская академия, где окончило курс немало литовских бояр. Однако и католические училища преподавали первоначально на западнорусском языке. Так, в 1454 году было учреждено при виленском св. Станислава кафедральном соборе училище для подготовки духовенства. В этом училище учились и представители светских профессий, однако значительная часть его выпускников предназначалась для духовной службы в костеле. В училище этом от основания и до начала XVII века науки преподавались на латыни и на западнорусском языке. Преподавание в костельных школах не только Литвы, но и Жемайтии вплоть до конца XVII века велось на западнорусском языке[24].

В XVI веке в городах и местечках ВКЛ возникли кальвинистские школы, позже школы различных католических орденов: иезуитов, базилиан, ариан. В XVI—XVII вв. важную роль в организации образования сыграли братские школы.

Кальвинистские школы

В 1550-х гг. в Бресте, Несвиже, Клецке возникли кальвинистские общины. К 1560-м годам кальвинизм приняли большинство магнатов ВКЛ, число общин ширилось. При общинах стали возводиться храмы, учреждаться школы.

Во второй половине XVI-начале XVII в. кальвинистские школы существовали в Витебске, Новогрудке, Орше, Ивье, Сморгони, Заславле, Минске, Копыле, Койданове, Любче, Ивенце.

Особое внимание в школах уделялось религиозному воспитанию, однако значительное место уделялось и светским наукам: изучались богословие, различные языки, риторика, история, математика, античная поэзия, церковное пение.

Учились 6-10 лет. Выпускники отдельных школ получали знания, достаточные для поступления в университет.

Арианские школы

Арианство, как протестанское течение в христанстве, появилось в начале IV века в Римской империи. В XVI веке идеи арианства возродились, пришли они и в Великое княжество Литовское. Наиболее значичтельные арианские общины были в Новогрудке, Ивье, Несвиже. При общинах открывались школы. Так, существовали школы в Ивье, Клецке. Любче, Лоске, Несвиже.

Школы имели 3-5 классов. Кроме богословия в них изучались труды древних философов, греческий, латинский, польский и белорусский языки, риторика, этика, музыка, арифметика и др. Учились дети не только ариан, но и остальных католиков и православных.

Наиболее известной являлась школа в Ивье. В 1585—1593 гг. её ректором был Ян Лициний Намысловский.

Пиарские школы

Учебные заведения католического ордена пиаров появились в ВКЛ в XVIII веке. Школы были в Щучине, Могилёве, Россонах, Поставах, Витебске, Зельве. В 1882—1831 действовало Полоцкое высшее пиарское училище.

Воспитывали детей они в духе религиозности и преданности ордену. Обучение считалось бесплатным, но дети из бедных семей выполняли работы по монастырю.

В 1740-е гг. по инициативе польского просветителя С. Канарского проведена реформа пиарских школ: введены курс теологии, изучение польского языка и летературы, математики, музыки, рисования.

Братские школы

Православные братства обычно создавались при церквах и монастырях. Школы братств были открыты в Бресте (1591), Могилёве (1590—1592), Минске (1612) и других городах ВКЛ.

Во главе школы стоял ректор, учителя избирались на собраниях братства. Школы были общесословными, имели 3-5 классов. В них изучались различные языки, риторика, труды античных мыслителей, музыка. Давались и некоторые познания в арифметике, географии, астрономии.

44.283.5. Литература

Основная статья: **Литература Великого княжества Литовского**

Многоязычная литература Великого княжества Литовском развивалась на западнорусском, старославянском (церковнославянском), польском, латинском и литовском языках.

44.283.6. Книгопечатание

«Библия руска» Франциска Скорины, 1517

Начало книгопечатанию на территории Великого княжества Литовского положил доктор медицины Франциск Скорина из Полоцка. В 1517 году он напечатал в Праге чешский псалтырь, затем 22 священные книги в переводе на белорусский извод церковнославянского языка (или, по другой версии, на церковном стиле западнорусского языка), проверив предварительно переводы по греческому и еврейскому текстам и по

Вульгате. Перенеся свою деятельность в Вильну, Скорина напечатал в 1526 году «Апостол» и «Следованный псалтырь».

В Литве свою деятельность печатников после бегства из Москвы продолжили и известные русские первопечатники Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец. Они работали у гетмана Григория Ходкевича, который основал типографию в своём имении Заблудове. Первой книгой, отпечатанной в Заблудовской типографии силами Ивана Фёдорова и Петра Мстиславцева, было «Учительное евангелие» (1568) — сборник бесед и поучений с толкованием евангельских текстов. В 1570 году Иван Фёдоров издал «Псалтырь с Часословцем», широко использовавшуюся также и для обучения грамоте.

Первую книгу на литовском языке составил и издал в Кёнигсберге в 1547 году Мартинас Мажвидас «Простые слова катехизиса». Книга содержала, помимо катехизиса, стихотворное предисловие на литовском языке, одиннадцать церковных песнопений с нотами и первый литовский букварь.

44.283.7. Искусство

Музыкальное искусство

Музыкальное искусство Великого княжества Литовского развивалось в рамках как народной, так и высокой культуры. Изначально наибольшее влияние имела церковная музыка, в XVII веке началось активное развитие светского музыкального искусства, что вылилось в создание частных оркестров и капелл. Первый оперно-балетный театр европейского класса появился в Несвиже в 1724 году[25]. Пьесы для театра писала жена Михаила Радзивилла — Франциска Урсула. В придворной капелле Карла Станислава Радзивилла служил капельмейстером известный немецкий композитор Ян Давид Голланд. В XVIII веке в театре ставились классические произведения зарубежных и местных авторов.

Театр

Начало театрального искусства Великого княжества Литовского лежит в народном театре с его обрядовыми песнями и танцами, где присутствовали элементы игрового действия и театрального перевоплощения. Элементы театрализованного действия имеются во многих календарных и семейно-бытовых обрядах. Первыми актерами были скоморохи, выступления которых, насыщенные народными песнями, танцами, пословицами и поговорками, шутками и трюками, становились событием любого праздника. Позже, в XVII—XVIII веках, искусство скоморохов преобразовалось в балаганы, искусство кукольных театров — в вертепы. Иногда скоморохи выступали с медведями, дрессировавшихся в специальных школах, наиболее известной из которых была Сморгонская медвежья академия. Школа верёвочных прыгунов существовала в Семежеве близ Копыля.

Широкую известность получил народный кукольный театр — батлейка. Для выступлений батлейки использовалась своеобразная сцена, представляющая собой деревянную коробку в виде домика или церкви с горизонтальными перегородками, служившими отдельными ярусами-сценами. Сцена отделывалась тканью, бумагой, геометрическими фигурами из тоненьких палочек и напоминала балкон, на котором происходило действие. Коробка закрывалась дверцами. Необходимость в многоярусном строении коробок отпала тогда, когда показы батлейки приобрели светский характер. Куклы-персонажи делались из дерева, цветной бумаги и ткани. Куклы крепились на стержень, при помощи которого батлеечник водил их по прорезям в ярусе-сцене. Известна и батлейка с марионетками на нитях, а также перчаточные куклы. Со временем изначально религиозный репертуар батлейки пополнился жизненным и фольклорным материалом, причём канонический сюжет разыгрывался на верхнем, светский — на нижнем ярусе-сцене. Наибольшей популярностью пользовался светский репертуар с комическими сценами, народными песнями и танцами.

В XVI—XVIII веках в православных академиях и братских школах, иезуитских, базилианских, пиарских и доминиканских коллегиумах и школах широко был представлен так называемый

школьный театр, показывавший интермедии и драмы на библейские, а позднее и на исторические и бытовые сюжеты. Показ вёлся на латинском, польском и западнорусском языках, в сценках использовались приёмы и сюжеты батлейки. Актёрами были учащиеся, которых обучали сценическому искусству учителя риторики. Школьный театр имел свою разработанную поэтику с канонизированными средствами сценического движения, манерой исполнения, гримом и оформлением сценической площадки. Сцена освещалась рампой, имела рисованный задник и объёмные декорации для сценических эффектов. Особенно часто спектакли проходили в учебных заведениях иезуитов, где школьному театру придавали особое значение как методу воспитания.

К XVIII веку относится зарождение профессионального театра в Великом княжестве Литовском. С 1740 года в Несвиже действовал любительский крепостной театр князей Радзивиллов, в котором ставились произведения Урсулы Радзивилл, в том числе переведённые и переделанные ей пьесы Мольера. В 1753—1762 годах князь Михаил Радзивилл «Рыбонька» придал Несвижскому театру профессиональный характер, действующий также как выездной. Большой популярностью пользовались опера и балет. Кроме Несвижа известные магнатские театры существовали в Слуцке, Гродно, Минске, Слониме, Шклове, Свислочи, Ружанах и Могилёве.

Архитектура

Основная статья: **Архитектура Великого княжества Литовского**

Изобразительное искусство

Портрет Катерины Тенчинской-Слуцкой, 1580-е

В XIV—XVI веках в Великом княжестве Литовском развиваются живопись, графика, скульптура, формируются светские формы искусства. Изобразительное искусство эпохи Возрождения в государстве было подвержено сильному влиянию богатых традиций византийской и древнерусской культур. Уже в середине XVI века сказывается влияние итальянцев, например, работа неизвестного мастера-маньериста портрет Катерины Тенчинской-Слуцкой. Искусству Великого княжества Литовского этого периода свойственен интерес к показу внутреннего мира личности, её морального облика. В живописи наблюдается повышенный интерес к драматическим ситуациям. Особенно активное развитие получил портретный жанр. Одним из наиболее выдающихся памятников жанра сарматского портрета относится написанный во второй половине XVI века портрет Юрия Радзивилла.

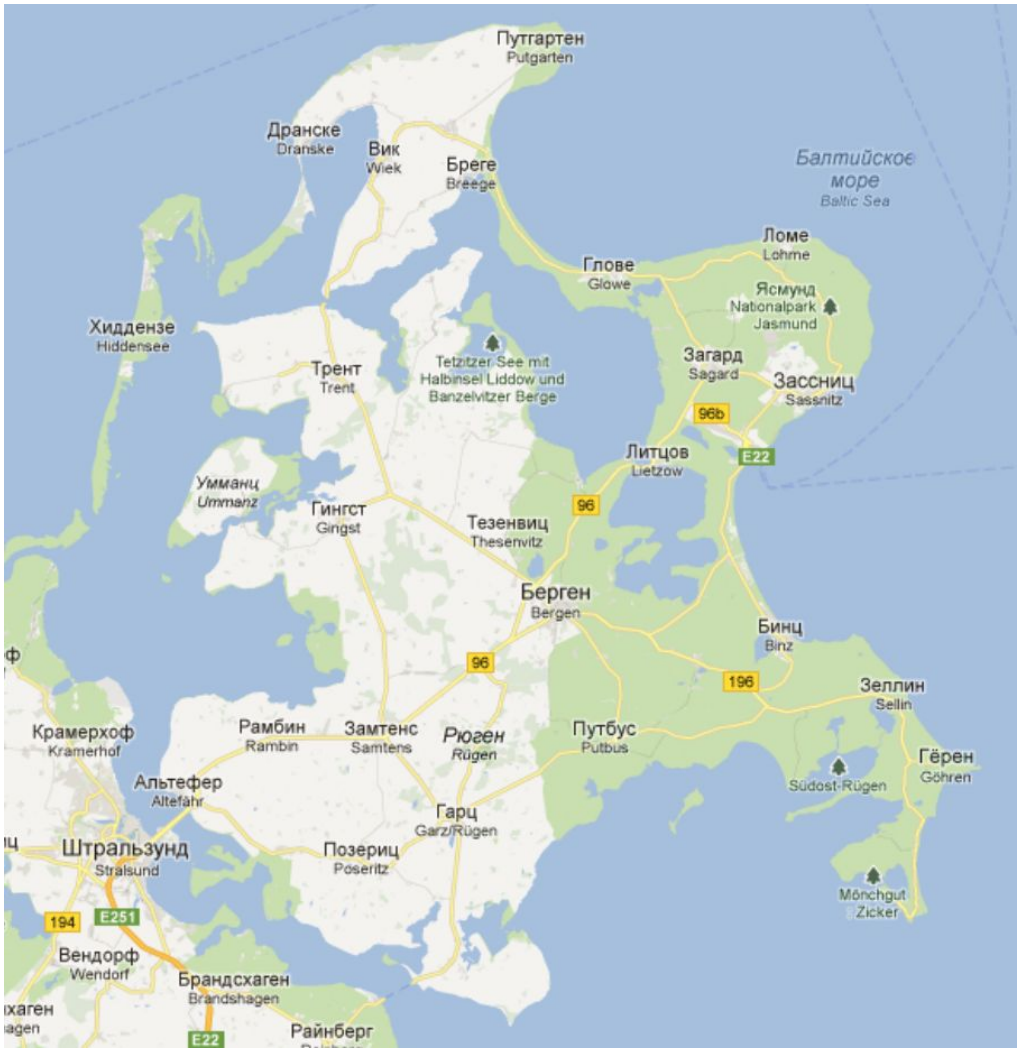
Художники обращались к скульптуре, писали иконы. Фресковыми росписями украшались княжеские дворцы, церкви и костёлы. Мастера из Великого княжества Литовского выполняли росписи на территории других государств, в первую очередь Польши. Примером могут служить росписи в Люблинском замке, выполненные в XV веке литовскими живописцами под руководством минского мастера Андрея. При создании икон в XIV—XVI веках использовались декоративно-пластические средства (резьбы и лепки), раскраска фона, наличие различных накладных элементов, покрытие живописной поверхности защитным лаком из яичного белка или смолы. Прекрасным образцом служит икона рубежа XIV—XV веков «Матерь Божья Умиление» из Малориты.

В 1496—1501 годах литовский резчик по дереву Анания создал для пинского князя Федора Ярославича уникальную резную икону «Премудрость создала себе храм»[26].

Вернуться к ссылке

44.284. Руяне

Руя́не (раны) — западнославянское племя, проживавшее с 6-го века на территории германских северных, восточных и северо-западных земель, а также на острове Рюген (Руян).



…В веб-энциклопедии «Википедия» упоминается, что руяне – это племя «населявшее условно с VI века остров Рюген». Под формулировкой «населявшее условно» имеется в виду: предположительно. Й. Херрманн в работе «Ободриты, лютичи, руяне» говорит также, но даже уже о более позднем времени: «Руяне - "ругины" (Rugiani), раны, рюгенские славяне впервые появляются в источниках VII в. в связи с попытками англосаксонских миссионеров распространить христианство на Балтике». Но дело в том, что кто такие "ругины" - рюгенские славяне (руяне) или руги – об этом в научном мире идут дискуссии. Тем не менее, поскольку Руян – это славянское, а Рюген – немецкое название острова, вполне естественно, если бы ругинами были названы именно рюгенские славяне. И если это так, то появление славян на Руяне-Рюгене уже в те времена, несомненно, укладываются в общие рамки славянского расселения VI в.

Вообще-то иногда говорят о руянах даже и более ранних времен. Например, есть версия, что Одоакр, живший еще в V веке, был родом с острова Рюген: см. А.Г. Кузьмин «Сведения иностранных источников о Руси и Ругах». Есть версии, что Руян даже в начале I тысячелетия уже был населён славянами-ругами. Но все это уже очень предположительная, гипотетическая информация. (По ортодоксальному мнению историков, руги – не славянское, а германское племя.)

Несколько более определенную картину заселения Руяна можно понять в том числе из книг Л. Нидерле и В.В. Седова.

Как говорит Л. Нидерле, первоначально на юге Балтийского моря (то есть на материковом побережье Балтики) жил какой-то народ, оставивший после себя поля погребений. Его этническая принадлежность не выяснена до сих пор, но в данный момент это не важно, т.к. кем бы он ни был, его потом вытеснили оттуда, а отчасти, может быть, покорили германцы, и закончился этот процесс уже во II веке до нашей эры. В числе этих германцев пришли туда и руги. И в том числе часть их заселила остров Рюген. (Еще готский историк Иордан писал о войне готов с ульмеругами, то есть с «островными ругами».)

Потом уже в первые века нашей эры (II-IV вв.) и германцы ушли оттуда, но не все, кое-кто остался, в том числе и на материковом берегу Балтики, и на Рюгене. И когда после этого славяне пришли на Рюген, германцы там уже были.

В.В. Седов об этом пишет: «Подобная ситуация наблюдается и на острове Рюген. Из 40 пыльцевых анализов половина показала континуитет земледельческой деятельности и, следовательно, несомненную встречу славянских переселенцев с местными германцами. Этноним славянского племени, заселявшего этот остров - раны (руяне, рушане, руги), - очевидно, восходит к германским ругиям, упоминаемым еще Тацитом, связь которых с тем же островом представляется бесспорной».

Изображение жреца бога Святовита на камне святилища Аркона (в настоящее время хранится в костеле г. Альтенкирхен (Вестервальд)).

…В сущности, о ранней истории руян известно крайне мало.

Как уже было сказано, руяне – рюгенские славяне – впервые появляются в источниках VII в. в связи с попытками англосаксонских миссионеров распространить христианство на Балтике.

Но достаточно многое известно о религии руян, об Арконе и других особенностях их жизни и быта.

Известно, что Аркона была основана в IX или, может быть, даже в VIII веке. Но некоторое время после этого в других областях расселения балтийских славян о руянах ничего не было известно. С середины же XI века руяне выступают на первый план: Аркона становится культовым центром всех балтийских славян.

44.284.1. Аркона. Святовит (Свантовит)

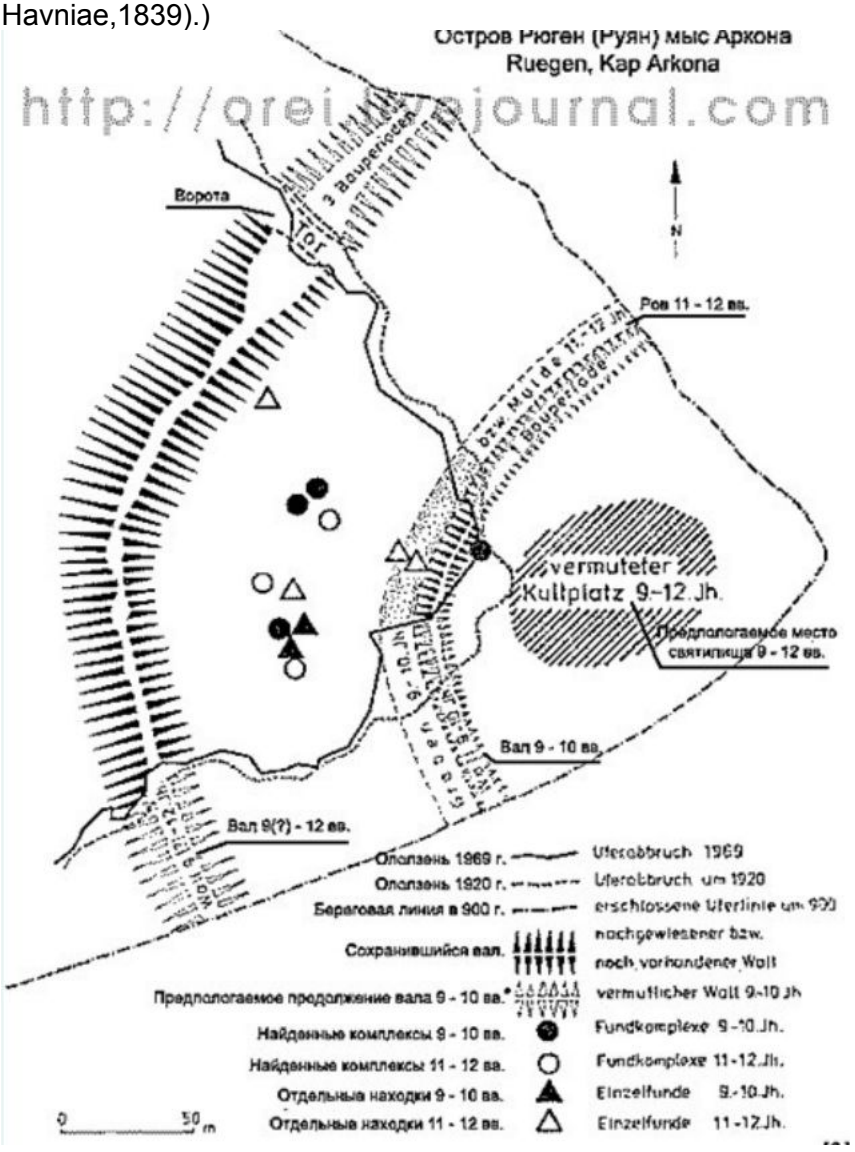
Многие современные источники сообщают, что боги руян были не только именно руянскими, но почитались и вообще всеми балтийскими славянами.

Это утверждение исходит из слов Адама Бременского и Гельмольда.

Адам Бременский в «Деяниях священников Гамбургской церкви» (ок. 1066 г) писал: «… ***Другой остров [Руян] расположен напротив вильцев [лютичей]. Им владеют ране, храбрейшее славянское племя. Без их решения не положено ничего предпринимать в общественных делах: так их боятся из-за их близких отношений с богами или скорее демонами, которым они поклоняются с большим почтением, чем прочие***».

Гельмольд «Славянская хроника»: «***Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или покупать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров***».

(По словам Саксона Грамматика, известен также случай, когда даже не славянин, а датский король Свейн сделал пожертвование в храм Арконы: «***Эту статую, почитаемую дарами всех славян, соседние короли не без уважения к нечестию наделяли дарами. Между прочими также король датчан Свен умилостивления ради посвятил кубок изысканной работы, предпочитая поклонение чужой вере своей***». (Saxonis Grammatici. Historia Danica. P. I. V. II. Havniae,1839).)



Гельмольд: «***Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением***»

«***Среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли ранской, так как он - самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека - христианина, на какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования Святовиту***».

(А.Ф. Гильфердинг («История балтийских славян», СПБ, 1974, с.109) говорит, что сами балтийские славяне называли его: Свантовит.)

«***Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому в наше время не только вагрская***

земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король [1] же находится у них в меньшем по сравнению со жрецами почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят».

«***Войско они направляют, куда покажет гадание, а, одержав победу, золото и серебро относят в сокровищницу своего бога, остальное же делят между собой***».

«***Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей - христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особое наслаждение богам».***

Что интересно, в храмах, кумирах (богах) и ритуалах Арконы ученые видят нечто общее с религией кельтов (в том числе то, что и у кельтов и у руян жрец почитался больше, чем король).

Впрочем, это совсем не значит, что король у руян почитался мало. Напротив, Саксон Грамматик пишет, что во время одной битвы «***двое славян бросились в лодку и искали спасения от неприятеля; за ними пустился в погоню Яромир, государь ранский, и пронзил одного из них копьем; другой обернулся и хотел отомстить за товарища; но увидав, что поднимает руку на ранского царя, благоговейно отбросил копье в сторону и пал ниц***» [2]. Как видим, даже угроза неминуемой смерти не могла заставить славянина преступить свой долг повиновения правителю ран, носившего, судя по благоговейному поведению воина, даже не только политический, но и, опять же, религиозный характер. Можно представить, по сравнению с этим, каким было почитание руянского жреца.

Как понятно из уже сказанного, руяне исповедовали языческое многобожие и главным их богом был Святовит или Свантовит (его же могут называть в литературе: (Световид, Свентовид, Свантевит), которого, видимо, иначе называли еще Белбогом.

Саксон Грамматик так описывает идол Святовита в Арконе: «***В самом храме стоял большой, превосходящий рост человеческий, кумир, (Свентовита) с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили из груди и две — к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая — налево. Волосы и борода были подстрижены коротко, и в этом, казалось, художник сообразовывался с обыкновением руян. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года; левая рука уподоблялась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов деревьев и так искусно были соединены с коленами, что только при внимательном рассматривании можно было различить фуги. Ноги стояли наравне с землёй, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями. Рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, ножны, чёрен которого, помимо красивых резных форм отличались серебряной отделкой… Кроме того этот бог имел также храмы в многих других местах, управляемые жрецами меньшей важности. … Святовита символизировали разные знаки, в частности, резные орлы и знамёна, главное из которых называлось Станица… Власть этого небольшого куска полотна была сильнее власти княжеской***».

Четыре головы, по-видимому, символизировали власть бога над четырьмя сторонами света (как четырьмя ветрами) и четырьмя сезонами времени, то есть были символами космического бога пространства-времени (сходного с римским Янусом).

Рог в руке Святовита символизировал власть бога над урожайностью и плодородием, что означает почитание Святовита как бога плодородия, жизненной и растительной силы.

Меч, тем более «огромной величины», или «огромной длины», как говорится в другом варианте перевода, – атрибут бога войны.

«***Помимо этого, есть у него [божества] конь белого цвета; святотатством считается выдернуть волос из гривы или хвоста его. Один лишь жрец имеет право***

ухаживать за ним и садиться на него, дабы от частого пользования священный конь не утратил своей святости. На этом коне, по мнению руян, Свантевит - это имя божка - ведет войны против врагов своего святилища. Потому считается особым знаком, если он, стоя в ночное время в стойле, так сильно покрывается потом и глиною, словно бы проделал длинный путь. Также от этого коня предсказания... принимаются».

«***Гадание с этим конем производилось так. Когда предполагалось начать войну против какой-либо страны, перед храмом по обычаю служители ставили три копья. Из них два втыкались наконечниками в землю и соединялись [третьим] поперек; эти сооружения размещались на равном расстоянии. К ним конь, во время выступления в поход, после торжественного моления, выводился в сбруе жрецом из входа. Если поставленные сооружения переступал правой ногой прежде, чем левой, это считалось знаком удачного хода войны; если же левой прежде правой ступал, то направление похода изменяли. Выступая также на разные предприятия, по первому движению животного получали предсказания. Если оно было счастливым, радостно двигались в путь; если же несчастным, поворачивали назад***.»

…Таким образом, главным символом-оракулом Арконского культа являлся боевой богатырский конь Святовита белой масти — "яр конь", откуда, возможно, и произошло название священного города "Ар-кона", то есть ярый конь или город Ярого коня. Впрочем, есть и другие версии. (Например, Всеволод Меркулов считает что Аркона получила имя от меловых (и, соответственно, белого цвета) скал-утесов, на которых она стояла: «Мыс с отвесными меловыми утёсами ещё в древности получил название Аркона, которое дословно означает “белая гора” (от индоевроп. ar, arya — белый, благородный и конъ — гора)». То, что Аркона стояла на белых скалах, - это действительно так. До сих пор эти скалы выглядят очень эффектно (см. фото), и предположение о происхождении слова «Аркона» именно от них вполне логично.)

Именно благодаря общеславянскому святилищу и оракулу, куда стекались дары со всех славянских земель, этот народ обеспечил себе могущество и славу.

Назначение Арконы было в том, чтобы служить культовым городом. Жречество Арконы всегда было богатым. Треть добычи, которую приносили рюгенские славяне из разбойничьих набегов и военных походов, передавалась в сокровищницу Святовита в Арконе.

Но, впрочем, весы, гирьки и находки предметов торговли указывают на присутствие там купцов. Точно известно, что постоянной торговли там не велось, т. к. поселение ремесленников и купцов непосредственно перед городищем Арконы до сих пор не обнаружено. Но уже с IX в. во время культового праздника урожая, на который собиралось "все население острова", или, возможно, перед этим праздником там на некоторое время устраивался рынок.

Аркона, по всей вероятности, была местом только сезонной торговли, связанной с культовым праздником в августе, и по сообщениям первой половины XII в. - с сельдяным рынком в ноябре.

Согласно Саксону Грамматику, в самой Арконе не жили, но поскольку храмы и их служителей надо было обеспечивать, в том числе и пищей — невдалеке от города было расположено селение (и его нашли археологи).

44.284.2. О других богах руян

Есть статья В. Титова «Аркона – Священный город славян», где в целом неплохо рассказано о религии руян. Но там можно встретить одну не сразу понятную фразу: «Идол Руевита вместе с идолами Поревита и Поренута стоял в княжеской резиденции ранов Карентии», что, видимо, является пересказом сведений какого-то средневекового хрониста. Но в статью В. Титова эта фраза перекочевала явно не из средневековых хроник, а из книги М. Любавского «История западных славян» (1918 г.), так как там есть почти в точности та же фраза. Что это за Карентия? Сразу скажу, что область Каринтия, существующая или, точнее существовавшая на юге Европы (так называлась область, располагавшаяся на юге Австрии и в Словении), к этому, разумеется, не имеет отношения.

Сравнение со всем другими данными позволяет понять, что Карентия – это искаженное название другого города на Руяне, который, тоже немного искаженно, называли еще Карензе, а настоящее славянское его название: Кореница [4].

Пишет Саксон Грамматик («История Дании»), описывая действия датчан, вошедших в 1168 году в этот город: «Отличием этого города [Кореницы] были три здания выдающихся храмов, заметные блеском превосходного мастерства. Достоинство местных богов пользовалось почти таким же почитанием, как среди арконцев – авторитет общественного божества. …

<...> Самый большой храм стоял внутри двора, но вместо стен ему служили пурпурные завесы, крыша же опиралась лишь на колонны. Служители [церкви], разломав ограду двора, взялись за внутренние завесы храма. Когда и их убрали, высеченное из дуба изваяние, именовавшееся Ругевитом, стало видно в своем уродстве со всех сторон. Ласточки, которые под его устами свили гнезда, покрыли пометом его грудь. Достойный бог, изображение которого столь уродливо измарано птицами! Кроме того, у его головы было семь человекоподобных лиц, которые все были покрыты одним черепом. Столько же мечей в ножнах, подвешенных к его боку, изобразил мастер. Восьмой, обнаженный [меч], [бог] держал в руке; вложенный в кулак, он был крепчайше прибит железным гвоздем, так что нельзя было извлечь, не разрубив, что показало его рассечение.

Епископ Абсалон низвергает идола славянского бога Святовита в Арконе. Картина Лорица Туксена

Ширина его была больше человеческого роста, высота же такая, что [епископ] Абсалон, встав на цыпочки, едва достал до подбородка топориком<...>

Этого бога почитали, совсем как Марса, возглавляющим силы войны. Ничего забавного не было в этом изваянии, вызывавшем отвращение грубыми чертами уродливой резьбы».

(Как видно из начала этой цитаты, храмом Руевита был, скорее, пурпурный шатер, а не обычное здание.

И есть еще такая версия, что Руевит – это вариация имени Яровита или Ярилы, известного на Руси.)

Читаем дальше: «<...> Завершив его уничтожение, отряд спутников [епископа] рьяно двинулся к изваянию Поревита, которое почиталось в ближайшем храме. Он был изображен с пятью головами, но безоружным. Срубив его, вошли в храм Поренута. Эта статуя представляла четыре лица, а пятое имела на груди и касалась его лба левой, а подбородка правой рукой. Ее с помощью служителей [епископ] поверг ударами секир». *(Saxonis Grammatici. Historia Danica. P. I. V. II. Havniae,1839.)*[5]

Примерно то же самое читаем в «Саге о Книтлингах» или «Книтлингасаге» (XII в.):

«122 (1168 г.). [Датский король Вольдемар в Коренице] приказал сокрушить трех идолов, которые именовались Рунвит, Турупит и Пурувит. Эти идолы такие чудеса творили: если кто желал сойтись с женщиной в городе, то они сцеплялись, будто псы, и не прежде разъединялись, чем покидали город. <... > Там захватили у идолов много денег, золото и серебро, шелк, и хлопок, и пурпур, шлемы и мечи, кольчуги и всякого рода оружие. Пятый идол звался Пизамар. Он был в Асунде [Ясмунде], так именовался город. Этот [идол] также был сожжен. [Другой бог] назывался Черноглав (Tiarnoglofi), это был их бог победы, который ходил с ними в походы; имел серебряные усы. Он дольше всех сохранялся; только на третий год после этого его захватили». (*Monumenta Germaniae historica. T. XXIX. Hannoverae, 1892. P. 314)*

(Обратим внимание на фразу: «захватили у идолов много денег…». О деньгах в Коренице пишет и не только «Книтлингасага». Читаем у А.Ф. Гильфердинга (с. 187, примеч. 711): «по

свидетельству Саксона, было в Коренице семь одинаковой величины сундуков, наполненных деньгами, посвященными Ранским богам (845)».

Так мы узнаём еще о нескольких богах руян.

И известно, что из них Руевит – бог войны, Поренут – покровителей мореплавателей (подробнее см.: http://pagan.ru/slowar/p/porenuta1.php, Черноглав – «это был их бог победы, который ходил с ними в походы».

И все боги руян, описания которых мы имеем, были многоглавы или многолики.

Святовит – четырехглав, Поревит – пятиглав, Поренут (Порепуч) – пятилик (причем одно из лиц – на груди), Руевит (Ругевит) – семиглав. Многоликость бога у древних славян обозначала его неуязвимость.

44.284.3. Хозяйственная жизнь

Что касается не религиозной, а бытовой жизни руян, это было очень богатое государство. Вообще-то полностью разделить эти две сферы не получится, т. к. вообще вся жизнь руян проходила под сильным влиянием теократической власти на острове.

Судя по тому, что говорит Гельмольд, «Ране одни между славянами имеют царя» (или, по другому переводу, короля). Что Гельмольд подразумевал под тем, что у руян и только у них есть король, а не князь, трудно сказать. Но руянское государство точно не было неограниченной монархией. Как уже было сказано, власть короля на Руяне была ниже власти жреца, и король, например, не управлял военными действиями самостоятельно, а только направлял войска туда, куда указывал жрец. Кроме того, А.Ф. Гильфердинг, ссылаясь на сообщения средневекового хрониста, пишет также, что власть короля Руяна была ограничена и решениями неких народных сходок (подразумевая сходки руянской знати и, может быть, выборных старейшин). В частности, Гильфердинг пишет: «***А с другой стороны власть царя была … ограничена общиною: войну и мир, союз и разрыв решала община 318), и царь лишь исполнял приговор её***»

Ссылка [318]) у Гильфердинга – это указание на источник: «Sax, 796» - имеется в виду Саксон Грамматик.

И далее он же пишет: «***Подобно Лютичам, Ране даже на войне созывали войсковую сходку*** [391]).

[391]) Sax, 773»

И у руян, кроме власти верховного жреца и короля, существовало также нечто вроде вече лютичей или поморян.

Ещё одна особенность Руяна, которая происходила, видимо, от сильной власти верховного жреца на острове. В отличие от территорий всех других балтийских славян, остров Руян, видимо, не имел деления на какие-то отдельные области. Известно, что ободритский, лютичский и поморянский союзы балтийских славян делились не только на отдельные племена, но и каждое племя делилось на несколько внутренних областей, иногда очень мелких. Например, земля племени вагров делилась на шесть таких областей (часто их называют жупами, скорее всего они так и назывались). Но Руян, видимо, вообще не имел подобного деления (А.Ф. Гильфердинг, с.109). И как было сказано в начале абзаца, причиной этого была, по мнению Гильфердинга, сильная власть жреца, которая требовала от руян полного единства и которой не нужны были никакие внутренние разграничения. Так сильная теократическая власть на острове диктовала его административное устройство.

В отличие от ободритов и лютичей, руяне чеканили свою монету. (Поморяне тоже, в конечном счете, стали чеканить свои деньги, но, видимо, уже позже, только во второй половине XII века.) При этом соблюдался такой закон: «драгоценные металлы не допускались у Ран в обращение. Деньгами служили у них не меха, как у Русских в старину, а полотна, а также медная монета [800]): золото и серебро, приобретенное на войне, или иными путями, они либо употребляли для

женщин на серьги и украшения, либо отдавали в казну Святовита [801]).» (Гильфердинг, с. 206). (Ссылки [800]) и [801]) в этой цитате – это ссылки на «Славянскую хронику» Гельмольда: I, 28 и I, 38.)

3. Яромар Рюгенский, 1200 г. http://nap1000.livejournal.com/18520.html

Мощь руян в значительной степени основывалась на их духовном авторитете. Снова Гельмольд, «Славянская хроника»: «***Ране, у других называемые руанами - это жестокие племена, обитающие в сердце моря и сверх меры преданные идолопоклонничеству. Они первенствуют среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище. Поэтому, благодаря особому почитанию этого святилища, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая иго, сами ничьего ига не испытывают, будучи недоступны, ибо в места их трудно добраться. Племена, которые они оружием себе подчиняют, они заставляют платить дань своему святилищу***».

Правда, в конце этой цитаты Гельмольд говорит, что руяне **заставляли** платить дань своему святилищу и отчасти, по-видимому, так и было, но в данном случае трудно сказать, в какой степени Гельмольд прав. Дело в том, что он являлся представителем Саксонии, которая долгое время изо всех сил старалась полностью подмять под свое владычество, если не островитян-руян, то хотя бы материковых балтийских славян под свою власть, что в конце концов и сделала. (А в 1147 году была и попытка покорить руян, но неудачная.) Саксы с тех пор, как сами были христианизированы франками, представляли балтийских славян-язычников, как примитивный и низкий в духовном отношении этнос. Поэтому у Гельмольда негативные особенности жизни славян часто описываются преувеличенно; и, повторяю, трудно сказать, насколько соответствует истине его утверждение, что руяне «**заставляли** платить дань своему святилищу».

Мощь и богатство Руяна основывалась на том, что он был оплотом не только славянского язычества, но и морских разбоев.

В.В. Фомин пишет: «***Балтийские славяне являли собой одновременно тип торговца и разбойника, причем в том и другом качестве добившись больших успехов. Они, разбойничая на море, имели постоянные крепости для убежища даже на берегах Южной Швеции. Особенно Вагрия и Руяна славились своими дерзкими и неукротимыми пиратами***».

Пренебрегая земледелием, они полностью полагались на добычу с помощью своего флота. Богатство руян основывалось на ежегодной установленной дани, которую они получали от всех славянских земель.

Также Дания (или, точнее, некоторые ее провинции) долгое время, до короля Вальдемара I, платила руянам дань. (Что, правда, и послужило в конце концов одной из причин войн, которые Вальдемар I вел с ними.)

Также интересный факт: «***Балтийские Славяне прежде Датчан выучились строить военные суда, поднимавшие лошадей. О ранском флоте, перевезшем конницу, упоминается уже в 1112 г.»*** (Гильфердинг «История балтийских славян»), а датчане попытались перевозить в своих судах по 4 лошади только в 1136 г.

Суда как балтийских славян, так и датчан тех времен, были небольшие (по крайней мере, в основном), но по числу их было немало: «***Первый датский флот, везший кавалерию, снаряженный королем Эриком III, состоял из 110 судов. Можно по этому судить и о многочисленности кораблей у Ран и Поморцев, ибо их флоты не уступали морским силам Датчан, а часто превосходили их***» (оттуда же).

Впрочем, вполне возможно, что добывание богатства с помощью флота было вынужденным выбором руян в связи с болотистым характером их острова и, в связи с этим, с затрудненностью земледелия на нем.

География Рюгена-Руяна вообще необычна. Например, город Ральсвик, о котором речь пойдет ниже, находится в средней части острова, но в то же время является приморским городом на берегу залива, который очень далеко врезается вглубь острова. Причем западная окраина Ральсвика была обращена опять же к воде, к небольшому внутреннему озеру, соединенному с заливом двумя протоками. Кроме того, если смотреть современные карты Рюгена, надо учитывать, что Балтийское море за минувшие века заметно обмелело, и очертания берегов острова в 1168 году были несколько иными, чем ныне, и внутри острова тогда воды было даже больше, чем сейчас.

Правда, данные о заболоченности Рюгена мне удалось найти всего в нескольких источниках. Один из них – это статья Л.Р. Прозорова «На море-океане, на острове Руяне». А Лев Прозоров – это такой человек, которому не совсем можно доверять, т.к. он очень фанатичен и склонен делать слишком далеко идущие выводы и уверенно утверждать то, что настоящий ученый утверждать не будет. Поэтому в этом файле из всего того, что говорит Прозоров, использован только этот факт о заболоченности Рюгена и больше ничего.

Но в данном случае факт заболоченности Рюгена подтверждается и некоторыми другими источниками. О заболоченности острова говорит Н.С.Трухачев. Еще один источник – это фраза Саксона Грамматика («История Дании» - «Historia Danica»), которую упоминает А.С. Фаминцын: «***Город Кореница окружен со всех сторон болотом сквозь которое проложен только один ход***». Подразумевая ту же фразу Саксона Грамматика, о болотах вокруг Кореницы говорит М. Гимбутас в книге «Славяне - Сыны Перуна» (The Slaves. 1971) /Москва. Центрполиграф. 2003 г. Наконец, А.Ф. Гильфердинг точно также говорит, что Кореница была окружена «со всех сторон страшными трясинами и болотами» («История балтийских славян», с. 135).

Что интересно – несмотря на пренебрежение земледелием, к моменту завоевания Руяна-Рюгена в 1168 году численность его славянского населения, по западным источникам, составляла как минимум 70 000 человек. Хотя позднее, несмотря на весь прогресс земледелия на острове, немецкое население до Второй Мировой войны так и не смогло достигнуть этого небывало высокого уровня: в 1783 г. на Рюгене жило 23 431 человек, в 1933 г. – 53 900.

А. Гильфердинг в конце XIX века пишет по этому поводу: «***В XII в. остров Рана … кормил, может быть даже больше народу, чем теперь, несмотря на кровопролитные войны с Датчанами (это видно из того, что в последней, роковой борьбе с Датским королем Вальдемаром, собралось на Ране в одной крепости Коренице 6000 вооруженных людей, и в то же время другая крепость, важнее Кореницы, Аркона, оборонялась не менее значительным войском, а теперь на Рюгене считается людей способных нести оружие, всего 9300 человек***»

М. Любавский пишет, что именно в Коренице находилась резиденция короля Руяна. Он называет ее княжеской резиденцией, но в одной фразе пишет: «Князь Тетислав и ранская знать, находившиеся в Каренции…», то есть речь идет все-таки именно о короле Руяна Тетиславе (Тетыславе). По крайней мере, по его словам, в 1168 году, именно в момент захвата острова датчанами, резиденция короля Тетыслава находилась именно в этом городе.

Хотя в то же время достоверно известно: в целом, за исключением резиденции короля, Кореница была не жилым городом, как и Аркона. Люди приходили туда либо для поклонения богам, либо во время войны, пользуясь городом, как убежищем, у руян была такая традиция.

«***Необитаемый во время мира он был полон жилищ [во время войны] до такой степени что камень пущенный в город не упал бы на голую землю***» (Саксон Грамматик).

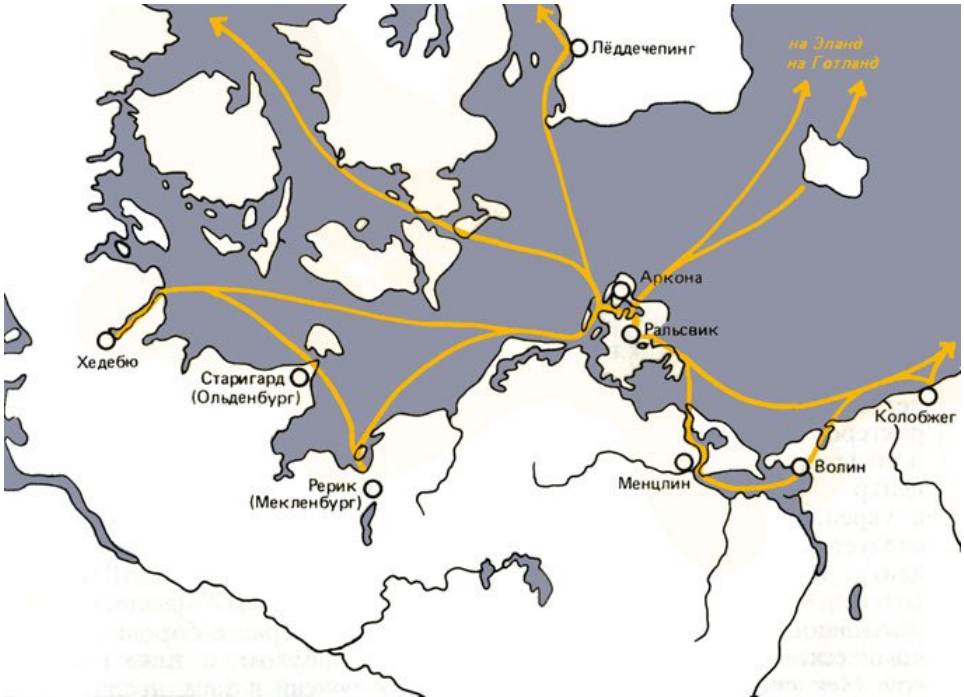
Об этом подробно пишет Гильфердинг, упоминая и о *трехэтажных* (трехъярусных) строениях, видом которых были поражены датчане, увидев их при захвате города: «***Воюя Рану несколько месяцев, Датский король Вольдемар подошел наконец к Коренице: как в мирное время***

этот город бывал безлюден, говорит Саксон, так теперь был он застроен жилищами. В три яруса были возведены строения, так что на нижнем ярусе держался средний и верхний. Теснота была такая, что если бы стали бросать в город камни из метательных орудий, то ни один камень не упал бы на голую землю. Вонь была страшная. Ежели бы огонь коснулся одной избы (tabernaculum), все бы тотчас вспыхнуло. Не было никакой возможности Кореничанам выдержать осаду, и они тотчас сдались» [6]. При такой тесноте Город уже ни к чему не служил; но это был случай необыкновенный: Датский король собрал на Рану такие силы, каких Дания еще не вооружала, он предпринял не набег, а долговременный систематический подход; Аркона пала: все, что оставалось на Ране, стекалось мало по малу в Кореницу, не надеясь, конечно, на возможность обороняться в ней, а скорее рассчитывая на то, что Датчане не подойдут к Коренице, окруженной со всех сторон страшными трясинами и болотами. В обыкновенных же случаях, когда неприятель не имел таких сил и средств, как Вольдемар в походе 1168 года, и когда народонаселение могло правильно разместиться, каждая жупа в своем городе, не так легко было брать Славянские города…»

И поскольку Кореница была не жилым, а культовым, храмовым городом, она, разумеется, была не самым крупным городом Руяна. Крупнейшим на острове был г. Ральсвик (это современное его название; славянского названия мы не знаем). Уже на исходе VIII века в Ральсвике возникает приморское торговое место (это, вероятно, даже чуть раньше, чем основание Арконы). Главная роль в Ральсвике, конечно, принадлежала купцам, т.к. это был торговый город-порт. Жили в Ральсвике и ремесленники. С момента основания ральсвикского поселения его жители занимались также земледелием и скотоводством, но роль их была незначительной. Тем не менее, там выявлены остатки мастерских, в которых изготавливали гребни, ковали железо, шили обувь, работали по серебру, обрабатывали янтарь. (Кстати, янтарь очень высоко ценился в Европе, и вполне возможно, что именно его продажа была довольно заметной статьей дохода руян.)

Торговля в Ральсвике шла, конечно, с другими областями Европы вплоть до восточной Прибалтики и Руси. Особое значение имеет обнаруженный там клад, содержавший свыше 2000 арабских монет, а также их обломки. Младшая монета чеканена в 227 г. хиджры, т. е. в 842 г. То есть время захоронения клада – где-то после 842 г., но скорее всего не намного позже.

Клад свидетельствует о чрезвычайном богатстве некоторых жителей Ральсвика. Он относится к наиболее ранним и крупным кладам арабского серебра на Балтике. Большинство монет выпущено в Багдаде, Табаристане, Самарканде, Мерве и Балхе, лишь единичные монеты принадлежат западной арабской чеканке, например... "ал-Андалус". Очевидно, основная масса серебра поступила в результате торговли по Волжскому пути и через Старую Ладогу. О восточноевропейских связях свидетельствует также и единственное в кладе украшение, хотя и представленное обломком, - браслет пермского типа. Родину этого браслета следует искать в Прикамье.



Остров Руян (Рюген) и международные торговые пути

(Рисунок взят с сайта Historic.Ru)

В рассказ о Ральсвике Й. Херрман вклинивает упоминание: «В Сагарде, недалеко от Ральсвика,

найдена бронзовая финская выпуклая фибула». После чего сообщает, что руническая надпись на кости, найденной на месте стоянки судов, говорит о том, что владеющие рунами люди как минимум посещали это место, но не совсем понятно, говорит ли он при этом о Сагарде или Ральсвике, но скорее всего о втором. Купцы Ральсвика умели писать: найдены костяные стили для письма, украшенные еллингским орнаментом, и рукоять от деревянного стиля.

Кроме того, Герард (Георг) Меркатор в «Космографии» пишет о руянах: «***Язык у них был словенской да вандальской. Грамотного учения не искали, но и заповедь между собой учинили, чтобы грамоте, не токмо воинским делам прилежные охотники были...»*** То есть, по все вероятности, руяне имели свою «грамоту» - письменность.

По-видимому, они владели рунической письменностью вендской традиции, графика которой заметно отличалась от известных старших и младших рун.

(Есть даже такая версия, что и сам термин «раны» – ведь руян в Европе называли и так – произошел от славянского «ранить», то есть вырезать руны на деревянных дощечках.)

Среди жителей Ральсвика были и скандинавы, как показывает открытое в 1980 г. захоронение в ладье скандинавского типа.

Также можно сказать, что в VIII и IX вв. это место было промежуточной стоянкой на морском пути между Хедебю, датскими островами и приморскими местами на южном побережье Балтийского моря.

С X в. значение Ральсвика, как приморского торгового центра, принимавшего участие в балтийской торговле, снижается.

Также на Рюгене открыто археологами городище Ругард (причем это, по всей вероятности, как раз славянское название города) близ современного Бергена, о нем упоминает, в частности, Й. Херрман. И это, возможно, был политический центр, которому подчинялся Ральсвик.

44.284.4. История

О конкретных событиях истории руян до 1130-ых годов почти ничего не известно.

Может быть, единственное, что можно сказать о руянах в более ранние времена, это то, что в сражении войска Оттона I с ободритами у р. Раксы (на территории ободритов) в 955 г. руяне участвовали на стороне Оттона I. И в этом сражении войска Оттона победили. (См. Видукинд Корвейский «Деяния саксов», книга 3).

Известные правители руян и периоды их правления:

- Ратша (ок. 1138).
- Теслав (или, возможно, Тетыслав) (ок. 1140 - 1168).
- *1168 - 1210 датское завоевание.*
- Яромир I (1210 - 1218, прет. с 1168).
- Вислав I, сын (1218 - 1249).
- Яромир II, сын (1249 - 1260).
- Вислав II, сын (герцог Рюгена 1260 - 1302).
- Вислав III, сын (1302 - 1325).

(Данные с сайта «Генеалогия РУ», раздел «Восточная Европа»)

Последние несколько десятилетий жизни руян хорошо описаны в статье В. Казакова «Аркона», где Руян называется Ругией (примечания, не принадлежащие В. Казакову, даны в виде сносок):

«***Аркона... Наш символ продолжения, продолжения славянства и символ опоры. Ни одна другая славянская святыня не была так хорошо описана, как та, что была в Арконе. И все это благодаря её святости и могуществу; святыня, которая бросала на колени европейских монархов и покоряла народы. И тем больнее писать о её последних днях***...

- Годы 1123-1124. Князь ободритов Генрих попросил помощи у императора Лотаря, чтобы выступить войной на Ругию, чтобы отомстить за смерть своего сына, убитого руянами. Руяне, видя преимущество врага, выслали своего жреца для переговоров. Цена мирного договора была высока — 4400 марок выкупа. Руяне не имели таких денег, как пишет Гельмольд, и дань оплачивает святыня в Арконе из сокровищницы Световита.

  Князь Генрих чувствует себя обманутым при взвешивании серебра, но часть денег была уже заплачена. И война разгорелась снова, но руяне одерживают победу.

- 1128 год. Несмотря на военную помощь Ругии, был христианизован Щецин [7].

- 1136 год. Король Эрик [8] выступил в крестовый поход на славян, развязав большую войну. Ругия была вся разорена. Эрик захватил Аркону, перекрыв доступ защитников к питьевой воде. Саксон Грамматик пишет о происшедшем подробнее. Руяне спрятали святое изваяние Световита, когда надежда на помощь угасла, а осаждающие войска крестоносцев отсекли от города укреплённый доступ к воде. Ища спасения для своего народа, они притворно поддались требованиям короля принять христианство, приняли “добровольно-принудительное” крещение, омыли свои тела и утолили жажду в ближайшем пруду. Датчане, уходя, оставили в крепости ксендза, чтобы он надзирал за привитием новой веры.

  Как только солдаты Эрика погрузились на корабли и отплыли в Данию, из ворот Арконы вышвырнули ксендза... Руяне вновь могли свободно чтить своего родного Бога Световита.

- 1147 год. Руяне спасли языческого князя ободритов Никлота, послав свой флот ему в помощь во время очередного крестового похода против славян. Но силы были уже не те. Маленький остров в Балтийском море окружали не только бурные волны, но и враждебные государства, где господствовала иудохристианская идеология.

- В 1160 году князь Ругии Тетыслав начал переговоры с Вальдемаром I Великим [9] — владыкой Дании, а также с Абсалоном — епископом Роскильда. Был заключен мирный договор, а в 1162 году руяне даже поддержали Датчан при осаде Вологощи. Епископ Абсалон принял вскоре участие в совете руян, где высказал мысль принятия христианства жителями Ругии. Князь Ругии [10] поддержал предложение, тем более, что оно было в его собственных интересах, потому, что власть князя была сильно ограничена жрецами Световита, а христианизация навсегда устранила бы жреческое сословие из политической игры (похожие “мудрые” мысли приходили князьям и восточных славян во время христианизации X-XII веков, да и теперь некоторые современные “славянские воины” недалеко ушли от образа мыслей Тетыслава.). Князь руян предал жрецов и народ, который в 1166 году оставался единственным славянским племенем, свободно придерживающимся Родной Веры.

- 19 мая 1168 года датчане под предводительством короля Вальдемара и епископа Абсалона высадились на Ругии. Вместе с ними высадились войска саксонского герцога Генриха Льва, которыми руководили княжичи Казимир и Богуслав, ободритский князь Прибыслав[11] и Берно — епископ Мекленбургский.

  Король напал на Ругию с большим количеством воинов и осадил город Аркону, залив предместье реками крови. Город взять было нелегко: высота стен с валом достигала 27,15 метров и камнеметные машины не могли их преодолеть.[12] Оставалась надежда на длительную осаду и на то, что у защитников не хватит питьевой воды. Осажденные, уверенные в своих силах, покрыли башню над воротами знаменами и орлами. Между ними была и “Станица” — военное знамя руян, которое последние чтили как знамя всех богов.

- 12 июня 1168 года во время очередного приступа была подожжена башня и ворота, малое количество воды не позволило погасить пожар.[13] Аркона была обречена... Некоторые жители, видя свою обреченность, бросались в пламя, не желая быть рабами. Король приказал вынести кресло и сел в него, чтобы наблюдать за происходящим. Город пал».

  После захвата города датчанами храм Святовита был разрушен.

Так перестало существовать языческое государство Руян. Аркона после этого уже не была возрождена как столица и как храмовый комплекс. Но в целом история руян на этом не закончилась.

1168 - 1210 – период датского владычества над Руяном.

По-видимому, сами руяне в этот период вообще не имели власти над островом, правление было непосредственно датским. Хотя претендент на пост правителя острова был: князь Яромир, но… В «Википедии» он назван Яромаром и сказано: «Яромар стал вассалом датского короля, а остров — частью епископства Роскилле».

Но в конечном счете и он получил возможность управлять островом. И хронология истории Руяна продолжается так:

- Яромир I (период правления: 1210 - 1218, претендент с 1168).
- Вислав I, сын (1218 - 1249).
- Яромир II, сын (1249 - 1260).
- Вислав II, сын (герцог Рюгена 1260 - 1302).
- Вислав III, сын (1302 - 1325).

О периоде правления этих последних четырех правителей руян можно сказать только очень мало. До 1234 г. Руян продолжал свое существование под владычеством Дании. «В 1234 г. руяне освободились от датского владычества и предприняли экспансию на побережье современной немецкой земли Мекленбург-Передняя Померания, основав город, известный ныне как Штральзунд. В 1282 г. князь Вицлав II заключил с королем Германии Рудольфом I соглашение, получив Рюген в пожизненное владение вместе с титулом имперского егермейстера. Далее славяне Рюгена, находясь в составе различных немецких государственных образований, в течение последующих нескольких веков, постепенно полностью онемечились. В 1325 умер последний руянский князь Вицлав (бывший также миннезингером и создавший ряд лирических песен и дидактических стихотворений-шпрухов)» («Википедия»; об этом же говорят многие источники).

Известна фамилия «последней» женщины на Руяне, говорившей по-славянски. Об этом можно найти информацию в очень многих современных источниках. В том числе в массе статей в Интернете говорится, что она умерла в 1402 году и носила фамилию Голицына. Но М. Любавский в уже упоминавшейся здесь книге «История западных славян» ***издания 1918 года*** говорит несколько иначе, что дата смерти последней (или, точнее, одной из последних) женщины на Руяне, говорившей по-вендски (то есть по-славянски) – 1404 год, а фамилия ее: Г**у**лицына (в том самом издании книги 1918 г. это говорится на с. 83). Полностью руянский диалект, видимо, прекратил существования к XVI веку.

Наконец, в 1325 – 1637 г. Рюген относился к княжеству Вологощ (Зап. Поморье).

В 1637 г. - присоединен к Пруссии.

44.284.4.1. Руянские князья

- Вислав (ок. 955)
- Круко (Крито) (ок. 1066)
- Гринь (Гримн) (ок. 1100)
- Ратислав (Рече) (ок. 1138)
- Теслав (Чеслав) (к 1164 году - после 1170/до 1181) в 1168 году, захват Данией княжества Руяна

См. также История руян, Руяне, Гильфердинг А.Ф. «История балтийских славян» (Собр. соч., т. 4, 1874 г.), Аркона (Яромарсбург)

Вернуться к ссылке

44.285. Рюрик

Ру́рик (ум. 879) — летописный основатель государственности Руси, варяг, новгородский князь и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей.

Рюрика отождествляют иногда с конунгом Рёриком (Hrørek) из ютландского Хедебю (Дания) (ум. до 882)[1][2]. По другой версии, Рюрик — представитель княжеского рода ободритов, а его имя — это славянское родовое прозвище, связанное с соколом, который на славянских языках назывался также рарогом[3]. Также существуют попытки доказать легендарность Рюрика.

44.285.1. Рюрик в летописях

Основная статья: **Призвание варягов**

Согласно древнерусскому летописному своду XII века «Повести временных лет», в 862 году варяг Рюрик с братьями по приглашению таких племён как: чудь, ильменские словене, кривичи и весь был призван княжить в Новгород. Это событие, с которого традиционно отсчитывается начало государственности восточных славян, в историографии получило условное название *Призвание варягов*. Летописец назвал причиной приглашения междоусобицу, охватившую жившие на новгородских землях славянские и финно-угорские племена. Рюрик пришёл со всем своим родом, называемым русь, этническая принадлежность которого продолжает дискутироваться.

Летопись сообщает, как после смерти братьев власть сосредоточилась в руках старшего из них, Рюрика:

> «…И пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.»[4]

По летописи можно заметить расширение подвластных Рюрику земель. Его власть простиралась на Новгород, а также на западно-двинских кривичей (город Полоцк) на западе, финно-угорские племена мери (город Ростов) и мурома (город Муром) на востоке. В поздней Никоновской летописи (1-я половина XVII века) сообщается о смуте в Новгороде, жители которого были недовольны правлением Рюрика. Событие отнесено к 864 году, то есть когда по Ипатьевской летописи Рюрик основал Новгород. Чтобы подавить смуту, Рюрик убил некого Вадима Храброго, о котором известно только то, что сказано в Никоновской летописи:

> «***В лето 6372 … оскорбишася Новгородци, глаголюще: „яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его“. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его***.»

Историки связывают сообщение Никоновской летописи о восстании новгородцев с более поздними событиями XI века при Ярославе Мудром. Более ранние, чем Никоновская, летописи ничего не говорят о Вадиме Храбром и смуте новгородцев против Рюрика, тем более, что и сам Новгород был построен, согласно археологической датировке, уже после смерти Рюрика вблизи его укреплённой резиденции (городища).

В 879 году, согласно летописи, Рюрик умирает, оставив малолетнего сына Игоря под опекой своего военачальника и, возможно, родственника Олега.

Автор «Задонщины», поэтического творения конца XIV века, прославляет Рюрика как первого русского князя:

«***Той бо вещий Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыим князем: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, Ярославу Володимеровичу…»[5]***

Древнерусские летописи начали составляться 150—200 лет спустя после смерти Рюрика на основе каких-то устных преданий, византийских хроник и немногих существующих документов. Поэтому в историографии сложились разные точки зрения на летописную версию призвания варягов. В XVIII — первой половине XIX века преобладало мнение о скандинавском или финском происхождении князя Рюрика (см. норманизм), позднее предлагалась гипотеза о его поморянском происхождении.

44.285.2. Происхождение Рюрика

Вокруг родоначальника первой княжеской династии Руси существует много версий, вплоть до попыток доказать его легендарность. Легендарность Рюрика порождается отсутствием сведений о его происхождении: откуда он пришёл на княжение и к какому народу-племени принадлежал. Тема родины Рюрика тесно связана с этимологией слов Русь и русы.

Существуют несколько версий происхождения Рюрика, из которых основными являются норманская и западно-славянская.

44.285.2.1. Норманнская версия

Имя ruRikr на фрагменте рунического камня U413, использованного для постройки церкви Норрсунде (Norrsunda), Уппланд, Швеция.

Исходя из того, что в русских летописях Рюрик назван варягом, а варяги-русь по различным источникам ассоциируются с норманнами или шведами, сторонники норманской концепции считают Рюрика, как и всю его дружину, варягами-викингами, из Скандинавии.

Этимология имени

Древнескандинавское имя Hrœrekr является производным от форм старосканд. «*HróþiR» («слава») и «-ríkR» («знатный», толкуемое также как изменённое заимствование из латинского — **rex**: король, царь). Производные значения были использованы в легендах и мифах разных народов:[6][7]

- Hrodric — старо-германский язык
- Hrēðrīc и Hroðricus — старо-английский язык
- Rørik — восточный старо-норманский, старо-шведский, старо-датский языки
- Hrœrekr — западный старо-норманский язык
- rorikR, ruRikr, hruRikR — из рунических надписей

Из скандинавского эпоса и хроник известны следующие носители имени Rørik (Hrœrekr):

- Hreðric — сын датского короля V века в эпосе «Беовульф»
- Рорик — датский король VII века, дед знаменитого принца Гамлета, история которого описана Саксоном Грамматиком и позднее послужила основой для трагедии Шекспира
- Rudereiks (Родерих) — король вестготов в Испании в 710−711 гг.
- Рёрик Ютландский — датский викинг IX века, часто упоминался в хрониках
- Хрёрек, сын Хринга — норвежский конунг, ослеплённый в начале XI века конунгом Олафом Святым. Известен по саге «Прядь об Эймунде Хрингссоне».

Согласно общепринятому мнению филологов-германистов, общее с именем *Рорик* (Рюрик) происхождение имеют современные имена *Родерих* (Roderich), *Родерик* (Roderick), *Родриго* (Rodrigo)[8]. В настоящее время имя Rurik имеет хождение в Финляндии, Дании, Швеции и Исландии[6].

Рорик из Дании

Основная статья: **Рёрик Ютландский**

Король Рорик VII века, дед принца Гамлета. Иллюстрация H.W. Koekkoek (1912) к книге «Тевтонские мифы и легенды».

По одной из версий, Рюриком являлся викинг Рорик Ютландский (или Фрисландский) из династии Скьёльдунгов, брат (или племянник) изгнанного датского короля Харальда Клака[9], который в 826 году или около 837 года получил от императора франков Людовика Благочестивого в лен владения на побережье Фризии с центром в Дорестаде на который совершали набеги викинги.

В 841 году он был изгнан оттуда императором Лотарем. Имя Рорика всплывает в Ксантенских анналах в 845 году в связи с набегом на земли Фризии[10]. В 850 году Рорик воюет в Дании против датского короля Хорика I, а затем грабит Фризию и другие места по Рейну. Король Лотарь I был вынужден уступить Рорику Дорестад и большую часть Фризии, взамен крестив его[11].

В 855 год—857 годах Рорик с племянником Готфридом (сыном Харальда Клака) вернули королевскую власть в Дании, когда трон освободился после гибели Хорика I.

Около 857—862 гг. Рорик совершает третий в IX веке датский поход против куршей и шведов. По данным Саксона Грамматика он разбивает их в морском сражении, а потом и славян принудил платить ему дань[12].

В 863 году он безуспешно попытался с датчанами вернуть Дорештад. В 867 году вновь упоминается его попытка укрепится в Фрисландии. Ему это удалось лишь в 870—873 годах. В 873 году Рорик, «*желчь христианства*» по словам Ксантенского хрониста, приносит клятву верности Людовику Немецкому.

В 882 году император Карл Толстый передал Фризию Готфриду, племяннику Рорика, видимо в связи с кончиной последнего[13].

Версия о его причастности к «призванию варягов» поддерживается некоторыми лингвистическими совпадениями. Во Фризии (ныне северо-восточная часть Нидерландов и часть Германии) был в IX веке прибрежный район Wieringen. В современном произношении название звучит примерно как *Виэрега*, что близко к древнерусским *варягам*. По археологическим находкам в этом районе делаются предположения о существовании именно здесь базы Рорика.

Также с Фризией связано замечание хрониста XII века Гельмольда про «*фризов, которые называются рустры*»[14]. Приморская провинция Rüstringen отмечена на картах XVII века в восточной Фрисландии, на границе современной Германии с Нидерландами.

Эйрик из Швеции

Другая версия скандинавского происхождения Рюрика связывает его с Эйриком Эмундарсоном, конунгом шведской Уппсалы. В сочинении исландского скальда начала XIII века Снорри Стурлусона «Круг земной» рассказано о всенародном сходе (тинге) 1018 года в Уппсале. Один из участников схода заявил: «*Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Уппсалы, и говорил о нём, что пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны и покорил Финланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд и много земель в Аустрланд […] А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои родичи и предки, тогда все мы хотим следовать в этом за тобой*»[15]. Аустрлендом (Восточная земля) и Аустрвеги (Восточные пути) в сагах именовалась Русь.

По вычислениям известного шведского археолога Биргера Нермана, конунг Уппсалы Эйрик (др.-сканд. Eiríkr), сын Эмунда, умер в 882 году, а «*покорение Восточных земель*» относится к началу его правления — 850−860-м годам, что почти совпадает с датами правления Рюрика[16]. Методика столь точного вычисления дат Нерманом неизвестна. Подробнее о шведских набегах на Прибалтику в середине IX века см. «Житие Ансгара», составленное Римбертом, а также статью Гробиня.

Во времена Эйрика Эмундарсона у норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого был сын по имени Хрёрек (сага Снорри Стурлусона о Харальде Прекрасноволосом)[17]. Конунг Харальд скончался в провинции Ругаланн (Rygjafylke), передав власть своему сыну Эйрику Кровавая Секира, а о судьбе конунга Хрёрека сага ничего не сообщает.

44.285.2.2. Западно-славянская версия

Альтернативой норманской версии является версия о происхождении Рюрика из среды западнославянских племен ободритов, руян и поморян. «Повесть временных лет» прямо говорит о том, что Рюрик, будучи варягом, не являлся при этом ни норманном, ни шведом, ни англом, ни готландцем.

Варяги из вагров или пруссов

Австриец Герберштейн, будучи советником посла в Московской Руси в 1-й половине XVI века, одним из первых европейцев ознакомился с русскими летописями и высказал своё мнение о происхождении варягов и Рюрика. Связывая название варягов со славянским прибалтийским племенем вагров, Герберштейн приходит к выводу, что: «*русские вызвали своих князей скорее от вагров, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком*»[18]. Скандинавы и немцы называли вагров и всех поморских славян вендами. В синхронных источниках отсутствуют сведения о связи поморских славян с варягами, хотя во 2-й половине X века отмечены морские набеги вендов на соседей.

М. В. Ломоносов выводил Рюрика с варягами из пруссов, опираясь на топонимы и поздние летописи, которые заместили лексему «варяги» псевдоэтнонимом «немцы». Славянское происхождение Рюрика Ломоносов априори принимал как непреложный факт:

…варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною… имени Русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано… В наших летописцах упоминается, что Рурик с Родом своим пришёл из Немец, а инде пишется, что из Пруссии… Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется Немень, а к устью своему слывёт Руса. Здесь явствует, что варяги-русь жили в восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе… И само название пруссы или поруссы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов.

— М. В. Ломоносов. «Возражения на диссертацию Миллера»

В Казанской истории автор пишет о новгородцах приведших себе князя из Пруссии, от варягов[19]:

«***Новгородцы же, неразумные, привели себе из Прусской земли, от варягов, князя и самодержца и отдали ему всю свою землю, чтобы владел ими, как хочет***.»

Мекленбургские генеалогии

Существует народное предание о Рюрике и его братьях, опубликованное в 30-х годах XIX века французским путешественником и писателем Ксавье Мармье в книге «Северные письма». Он записал его в Северной Германии, у мекленбургских крестьян, живших на бывших землях бодричей, к тому времени полностью онемеченных. В предании повествуется о том, что в VIII веке племенем ободритов управлял король по имени Годлав, отец трёх юношей, первый из которых звался *Рюриком Мирным*, второй — *Сиваром Победоносным*, третий — *Труваром*

Верным. Братья решили отправиться в поисках славы в земли на восток. После многих деяний и страшных боёв братья пришли в Руссию, народ которой страдал под бременем долгой тирании, но не осмеливался восстать. Братья-ободриты разбудили в местном народе уснувшее мужество, возглавили войско и свергли угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Так Рюрик получил Новгородское княжество (Nowoghorod), Сивар — Псковское (Pleskow), Трувар — Белозерское (Bile-Jezoro). Поскольку спустя время младшие братья умерли, не оставив законных наследников, Рюрик присоединил их княжества к своему, став основателем правящей династии. Следует отметить, что это единственное упоминание о Рюрике в западном фольклоре, хотя дату возникновения легенды установить невозможно. Предание записано спустя век после опубликования мекленбургской генеалогии Рюрика (см. ниже).

В начале XVIII века появляется ряд генеалогических трудов по династиям северо-немецкой земли Мекленбург, бывшей области расселения славянских племён ободритов или бодричей. В 1716 проректор гимназии Фридрих Томас издал труд к свадьбе мекленбургского герцога Карла Леопольда и русской царевны Екатерины, дочери царя Ивана V. Томас использовал манускрипт (1687), написанный нотариусом мекленбургского придворного суда Иоганном Фридрихом фон Хемницем, который, в свою очередь, ссылался на какой-то манускрипт 1418 года.

Согласно этой генеалогии, король ободритов Витслав, союзник Карла Великого, был убит саксами в 795 году. Его старший сын Траскон (Дражко, Драговит) наследовал корону, а другой сын, Годлиб (или Годелайб, или Годслав), погиб в 808 году при штурме города Рерика[20] датским конунгом Готфридом. Все эти данные взяты из синхронного источника, Анналов королевства франков[21]. Иоганн Хюбнер, издавший свои генеалогические таблицы в 1708), основываясь на манускрипте Хемница, сообщает, что сыновья Годлиба, Рюрик, Сивар (Синеус в русских летописях) и Трувор, отправились в 840 году в Новгород (Nowoghorod)[22].

Попытка привязать Рюрика к Годлибу приводит к неувязке в русской генеалогии. Рюрик должен был родиться не позже 805. Тогда он становится отцом князя Игоря в возрасте за 70 лет (по хронологии ПВЛ), что хоть и возможно, но несколько сомнительно. Впрочем известно, что датировка древнерусских летописей до середины X века приблизительна, если только не использовались византийские источники.

44.285.2.3. Ободриты, также именуемые ререгами

С мекленбургскими генеалогиями согласуются гипотезы, сближающие имя Рюрика с названием **сокола**: польск. «raróg», чешск. «rarašek»[23], словацк. «raroh», укр. «papir». Подобное слово зафиксировано в средневековом письменном источнике применительно к ободритам. Адам Бременский отмечает[24]:

Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные вагры, живущие на границе с трансальбингами. Их город, лежащий у моря Алдинбург. Затем следуют ободриты, которых теперь называют ререгами, а их город Магнополис.

Историк XIX века Гедеонов предположил, что Рюрик — это не собственное имя, а родовое прозвище Ререк, которое носили все представители правящей династии ободритов. В подтверждение Гедеонов ссылается на скандинавскую сагу Снорри Стурлусона о Хаконе Добром из цикла «Круг Земной», где, по его мнению, венды названы соколами[25]. Там говорится о «*сокольих далях*» в контексте войны (X век) конунга Хакона с викингами, «*как датчанами, так и вендами*». Впоследствии, «Слово о полку Игореве» называет взрослых Рюриковичей соколами, а княжичей — соколичами, однако такой эпитет издавна применялся к людям благородного происхождения у различных народов[26].

Герб Старой Ладоги — сокол, падающий вниз (герб Рюрика)

Герб Рюриковичей некоторые исследователи (С. А. Гедеонов, О. М. Рапов, А. Г. Кузьмин, В. И. Меркулов) трактуют как схематическое изображение сокола, падающего на добычу. При этом другие видят в

нём изображение скипетра, якоря, трезубца или вил[27]. Стилизованным вариантом этого изображения является нынешний герб Украины. В подкрепление балтославянской этимологии приводятся археологические находки времён первых Рюриковичей с изображением сокола[28]. Подобное изображение сокола (или ворона Одина) чеканилось и на английских монетах датского конунга Анлафа Гутфритссона (939—941)[28]. Однако сокол в скандинавских языках называется иначе.

Западные славяне (поляки, чехи и словаки) и в наше время используют имя Рюрик. Переход формы «ререг»/«рарог» в «рерик» возможен для славянских наречий. В древанском наречии woatrik означает «отрок» и rik означает «рог».

44.285.3. Иоакимовская летопись

Иоакимовская летопись — летописный текст неизвестного происхождения, сохранившийся только в выписках, сделанных В. Н. Татищевым. Летопись названа по имени Иоакима, первого новгородского епископа, которому Татищев приписал авторство, исходя из содержания летописи. Историки относятся к ней с большим недоверием, однако используют как вспомогательный материал.

Согласно Иоакимовской летописи, Рюрик был сыном неизвестного варяжского князя в Финляндии от Умилы, средней дочери славянского старейшины Гостомысла[29]. Летопись не говорит, какого племени был князь в Финляндии, сообщает только, что варяг. Перед смертью Гостомысл, княживший в «Великом граде» и потерявший всех сыновей, дал наказ призвать сыновей Умилы на княжение, в соответствии с советом вещунов.

Так появился Рюрик с двумя братьями в «Великом граде», которому соответствует либо Старая Ладога, либо город бодричей Велиград. На 4-й год княжения Рюрик переселился в «Новый град великий» (можно подразумевать Рюриково Городище или Новгород) к Ильменю. По смерти отца к Рюрику перешли финские земли.

Рюрик (Миниатюра из «Царского титулярника». 17 век)

Одна из жён Рюрика была Ефанда, дочь «*урманского» (норманнского)* князя, которая родила Ингоря (Игоря Рюриковича). Брат Ефанды, «*урманский*» князь Олег стал княжить после смерти Рюрика. Финское происхождение Рюрика может быть связано с одной из версий этимологии слова *русь*. Согласно ей *русь* есть славянское произношение финского *Ruotsi*, то есть финского названия шведов. Как полагают, в IX веке финны называли так всех викингов-варягов, собиравших дань с местного населения.

44.285.4. Рюрик в историографии

Впервые имя Рюрика упоминается в «Житии святого князя Владимира», написанном предположительно около 1070 года монахом Иаковом Черноризцем: «*самодержцю всея Рускыя земля Володимеру, вънуку же Иолъжину (княгини Ольги) а правнуку Рюрикову*»[30]. Самый ранний летописный свод из дошедших до нас, «Повесть временных лет», был написан примерно на сорок лет позже, и там подробно излагалась история варяга Рюрика. Историкам не известны другие независимые источники по князю Рюрику, за исключением попыток связать его с викингом Рёриком Ютландским из Западной Европы.

Под сомнение в разное время ставилась и хронология призвания Рюрика, и реальность Рюрика и его братьев, и их происхождение, и, особенно, сама политическая идея «призвания варягов» — властителей-иноземцев. В историографии XIX−XX веков (особенно советской) этот вопрос был излишне идеологизирован. Заявлялось, что версия об иноземном происхождении первых князей — «антинаучная норманнская теория», якобы призванная доказать, что славяне не могли самостоятельно создать государство.

По мнению, сложившемуся в современной историографии, легенда о призвании варягов в том виде, в каком она появляется в «Повести временных лет», является искажённой. Призвание для княжения варягов, набег которых был только что отбит (Повесть временных лет: *«В лѣто 6370 изгнаша Варѧгы за море и не даша имъ дани и почаша сами в собѣ володѣти»*), некоторым историкам представляется маловероятным. Так, историк Б. А. Рыбаков полагает, что один из набегов увенчался успехом, и предводитель скандинавской дружины захватил власть в Новгороде; летописец же представил дело так, что новгородцы сами призвали варяжскую власть, чтобы править ими. По другому мнению И. Я. Фроянова, в действительности имело место приглашение варяжского конунга с дружиной с целью оказания военной помощи. По мнению историка, после окончания военных действий варяжский конунг Рюрик свергнул словенского князя Вадима Храброго и захватил власть.

Некоторые историки полагают, что Синеус и Трувор, обозначенные в летописи как братья Рюрика, в действительности не существовали. Так, Синеус не мог быть белоозерским князем с 862 по 864 год, поскольку археологически существование города Белоозера прослеживается только с X века. Рыбаков считает, что имя «Синеус» представляет собой искажённое «свой род» (швед. sine hus), а «Трувор» — «верная дружина» (швед. thru varing). Таким образом, Рюрик приходит княжить не со своими двумя братьями, а со своим родом (в который входит, например, Олег) и верной дружиной. Д. С. Лихачёв предполагал, что Рюрик, Синеус и Трувор должны были, по замыслу летописца, стать «мистическими пращурами» Новгорода, как Кий, Щек и Хорив для Киева.

44.285.5. Данные генетических исследований

Основная статья: **Рюриковичи#ДНК-тест Y-хромосомы представителей династии Рюриковичей**

Мужская Y-хромосома ДНК не участвует в рекомбинации генов и передаётся почти без изменений от отца к сыну, поэтому группой учёных под руководством польского профессора Андрея Бажора было проведено исследование Y-хромосомы ДНК у 191 человека, считающих себя потомками Рюрика[31][32]. У обследованных были выявлены с разной частотой две гаплогруппы N1c1 и R1a1.[33].

Среди исследованных потомков Владимира Мономаха гаплогруппа N1c1 обнаружена у 100 %[32]. Также у 45 человек (24 %) принадлежащей к другой ветви Рюриковичей была обнаружена галогруппа R1, и у оставшихся обследованных были обнаружены гаплогруппы: I(6 %), E(1,5 %), T(0,5 %)[34].

44.285.6. Наследники

Неизвестно, сколько было у Рюрика жён и детей. Летописи сообщают только об одном сыне — Игоре. По Иоакимовской летописи, Рюрик имел несколько жён, одной из них и матерью Игоря была «урманская» (то есть норвежская) княжна Ефанда.

Кроме Игоря, у Рюрика, возможно, были и другие дети, поскольку в русско-византийском договоре 944 года упомянуты племянники Игоря — Игорь и Акун[35

См. также История руян,

Вернуться к ссылке

44.286. Василий II Тёмный

Васи́лий II Васи́льевич Тёмный (10 марта 1415 — 27 марта 1462) — великий князь московский с 1425 года, сын Василия I Дмитриевича и Софьи Витовтовны.

44.286.1. Борьба за власть

Василий Васильевич Тёмный

Основная статья: **Междоусобная война в Московской Руси (1425—1453)**

После смерти в 1430 году великого князя Литовского Витовта, деда Василия II, против него выступила коалиция удельных князей во главе с его дядей — князем звенигородским Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В ходе войны, осложнённой одновременной борьбой с Казанью и Великим княжеством Литовским, великокняжеский престол несколько раз переходил к галицким князьям, которых поддерживали Новгород и временно Тверь.

Высланный в 1433 году из Москвы захватившим великокняжеский престол Юрием, Василий II получил звание князя коломенского. «Сей город сделался истиной столицей великого княжения и многолюдной и шумной» — описывает историк Н. М. Карамзин Коломну того времени. Коломна служила центром объединённых сил, сочувствовавших великому князю в его политике «собирания Руси». Многие жители покинули Москву, отказавшись служить князю Юрию, и направились в Коломну. Улицы Коломны были запружены подводами, город на некоторое время превратился как бы в столицу Северо-Восточной Руси почти со всем административно-хозяйственным и политическим штатом. Получив поддержку, Василий смог вернуть себе трон, однако в ходе войны ещё несколько раз его лишался.

Карл Гун. «Великая княгиня София Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Тёмного», (1861), *холст, масло, Военный музей имени Витаутаса Великого, Каунас, Литва*

7 июля 1445 года в сражении у окрестностей Суздаля Василий II с объединенными русскими войсками потерпел поражение от казанского войска, под командованием казанских царевичей — Махмуда и Якуба (сыновей хана Улу-Мухаммеда), в результате сам Василий II и его двоюродный брат Михаил Верейский были взяты в плен, но 1 октября 1445 года, они были освобождены. Точных данных о условиях данного освобождения нет, однако это была большая сумма, также ряд городов были отданы на кормление.

Также по условиям этого кабального договора, по мнению некоторых источников, было создано в пределах России, в Мещере Касимовское ханство, первым ханом которого стал сын Улу-Мухаммеда — царевич Касим.

В 1446 Василий II был захвачен в Троице-Сергиевой лавре и 16 февраля ночью от имени Дмитрия Юрьевича Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского, которые, как пишет историк Н. М. Карамзин, велели ему сказать «***Для чего любишь татар и даешь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпаешь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого***?», он был

ослеплён, отчего получил прозвище «Тёмный», после чего был вместе с супругой отправлен в Углич, а мать его Софья Витовтовна отправлена в Чухлому. В 1447 году Василий посетил Ферапонтов монастырь и получил благословение игумена Мартиниана на поход против овладевшего Москвой Дмитрия Шемяки. С большим трудом он вернул себе московский трон.

44.286.2. Внешняя политика

44.286.2.1. Отношения с Литвой и Новгородом

После вторжения войск великого князя литовского Витовта во псковскую землю в 1426 году Витовт, не добившись успеха, начал переговоры с псковичанами, союзниками Василия II. С целью смягчить условия мира Василий направил к Витовту своего посла Александра Владимировича Лыкова. Отношения между Псковом и Литвой, тем не менее, продолжали оставаться напряжёнными и после заключения перемирия.

Понимая неизбежность нового столкновения с Василием Косым, Василий II пытался нормализовать отношения с Новгородской республикой. Зимой 1435—1436 гг. Он уступил новгородцам часть спорных земель, обязавшись послать своих людей для размежевания земель. После победы над Василием Косым великий князь отказался от выполнения прежних обязательств. Тем не менее новгородцы, желая сохранить свою самостоятельность в международных отношениях, не сопротивлялись политике Москвы (так, весной 1437 года Новгород без сопротивления уплатил Москве «чёрный бор» — одну из самых тяжёлых податей).

В 1440 году после гибели от рук заговорщиков великого князя Сигизмунда на литовской престол вступил Казимир Ягайлович (с 1447 года — польский король). Вскоре в Литве разгорелась ссора между князем Юрием Семёновичем (Лугвеньевичем) и Казимиром IV. Закрепившийся в Смоленске Юрий после первой неудачной попытки был выбит Казимиром, и Юрий бежал в Москву. «Прорусская» партия Литвы оказалась в числе противников Казимира IV.

Новгородцы и псковичи поспешили заключить договоры с Казимиром IV. В ответ на это Василий II выступил в поход против Новгородской республики зимой 1440—1441 гг. Его союзники псковичи разорили Новгородскую землю. Василий II захватил Демон[241] и разорил ряд новгородских волостей. В ответ на это новгородцы также организовали ряд разорительных походов в великокняжеские владения. Вскоре новгородский архиепископ Евфимий и великий князь (вместе с псковичанами) заключили мирный договор, согласно которому Новгород выплачивал Москве огромный выкуп (8000 рублей).

Внешнеполитической изоляции Дмитрия Шемяки и Новгородской республики, в которой он укрепился после потери московского княжения, способствовал мирный договор Василия II с польским королём и великим князем Литовским Казимиром IV 1449 года. В 1453 году Дмитрий Шемяка был отравлен собственным поваром, а в 1456 году Новгородская республика была вынуждена признать свою зависимость от Москвы по Яжелбицкому договору.

Одновременно Василий обязался не поддерживать Михаила Сигизмундовича, возглавившего после смерти отца и Свидригайла Ольгердовича ту часть литовско-русской знати, которая выступала против усиления влияния польских феодалов и католической церкви на землях Великого княжества Литовского, и признал власть Казимира на всех русско-литовских землях.

44.286.2.2. Отношения с Ордой

Напряжёнными были и отношения Московского княжества с Ордой. После тяжёлой войны с царевичем Сеид-Ахметом Улу-Мухаммед с небольшими силами расположился около городка Белев, вассального Литве. Ввиду важности города в экономическом и стратегическом отношениях Василий II в 1437 году послал против хана войска во главе Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного. Устилая свой путь грабежами и разбоями, князья, достигнув Белева,

---

[241] районный центр Демянск, стоящий на реке Явонь. Название он унаследовал от старого новгородского городища Дъмон.

опрокинули татар, вынудив их искать убежище в городе. Несмотря на то, что попытка овладеть городом для московских воевод оказалась неудачной, на следующий день татары пошли на переговоры. Понадеявшись на свои силы, воеводы разорвали переговоры и 5 декабря возобновили сражение. Русские полки были разбиты. Войска Улу-Мухаммеда отступили из-под Белева.

Под впечатлением от успеха под Белевым Улу-Мухаммед 3 июля 1439 года подступил к Москве. Василий II, не готовый к отражению войск противника, покинул Москву, возложив обязанности по обороне города на воеводу Юрия Патрикеевича. Не сумев овладеть городом, Улу-Мухаммед, простояв под Москвой 10 дней, повернул назад, разграбив окрестности.

Татарские набеги на русские земли не прекращались, участившиеся в конце 1443 года из-за сильных морозов. В конце концов недавний противник Руси царевич Мустафа в связи с тяжёлыми условиями проживания в степи обосновался в Рязани. Не желая терпеть присутствия татар на своих землях, Василий II выступил в поход против незваных гостей, и объединённые русско-мордовские войска разгромили татарское войско на реке Листани. Царевич Мустафа был убит. Именно во время этого сражения впервые отличился Фёдор Васильевич Басёнок.

К середине 1440-х годов набеги Улу-Мухаммеда на Русь заметно участились, а в 1444 году хан начал строить планы по присоединению Нижнего Новгорода, чему способствовали тесные связи суздальско-нижегородских князей с ордынцами. Между великим московским князем Василием II и казанским ханом развернулась ожесточённая борьба за Нижний Новгород, бывший тогда богатым волжским городом и важным стратегическим центром. Зимой 1444 года хан, овладев Нижним Новгородом, продвинулся даже дальше, захватив Муром. В ответ на эти действия Василий Второй собрал войска и выступил из Москвы во время Крещения. Василий II, согласно летописным источникам, располагал внушительными силами, в связи с чем хан не решился вступать в бой и отступил к Нижнему Новгороду. Вскоре город был отбит, а татары были разбиты под Муромом и Гороховцем. Успешно завершив кампанию, великий князь возвратился в Москву.

Весной 1445 года хан Улу-Мухаммед послал в поход на Русь своих сыновей Мамутяка и Якуба. Узнав об этом, Василий II не придал этому событию важного значения, так как был успокоен успехами прошлого года. Из Москвы великий князь выступил в Юрьев, куда затем прибыли воеводы Федор Долголдов и Юрий Драница, оставившие Нижний Новгород. Поход был организован плохо: князья Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич прибыли к великому князю с малыми силами, а Дмитрий Шемяка и вовсе не принял участия в походе. Войско великого князя потерпело катастрофическое поражение в битве под Суздалем. Василий II попал в плен, но был отпущен 1 октября. Дмитрий Шемяка ненадолго утвердился на престоле. За Василия II был обещан большой выкуп.[1] Кроме того, татарским феодалам были розданы «кормления» — право на поборы с населения Руси. 17 ноября 1445 года Василий II вернулся в Москву, но был встречен холодно, отчуждённо-враждебно.

44.286.3. Итоги правления

Московские князья (**1276**—**1598**)
Даниил Александрович
Юрий Даниилович
Иван I Калита
Симеон Гордый

Василий II ликвидировал почти все мелкие уделы внутри Московского княжества, укрепил великокняжескую власть. В результате ряда походов в 1441—1460 усилилась зависимость от Москвы Суздальско-Нижегородского княжества, Новгородской земли, Пскова и Вятской земли. По приказу Василия II митрополитом был избран русский епископ Иона (1448 год). Его посвятил в митрополиты не константинопольский патриарх, а собор русских архиереев, что стало началом независимости русской церкви от константинопольского патриархата.[2]

За несколько дней до кончины он приказал казнить детей боярских боровского князя Василия, заподозренных в заговоре.

Василий II был болен *сухотной* болезнью (туберкулёзом). Он велел лечить себя обычным в то время способом: по нескольку раз зажигать на разных частях тела трут. Это естественно не помогло, а в местах многочисленных ожогов развилась гангрена и он в марте 1462 года скончался[3].

Завещание князя писал дьяк Василий по прозвищу *Беда*.

Иван II Красный
Дмитрий Донской
Василий I
Василий II Тёмный
Иван III
Василий III, жена Елена Глинская
Иван IV Грозный
Фёдор I Иоаннович
Юрий Звенигородский
Василий Косой
Дмитрий Шемяка

44.286.4. Семья

Женой Василия II была Мария Ярославна, дочь удельного князя Ярослава Боровского. В октябре 1432 года состоялось их обручение, а 8 февраля 1433 года — свадьба. У Василия и Марии было восемь детей:

- Юрий Большой (1437—1441).
- **Иван III** (22 января 1440 — 27 октября 1505) — великий князь московский с 1462 по 1505 год.
- Юрий (Георгий) Молодой (1441—1472) — князь дмитровский, можайский, серпуховской.
- Андрей Большой (1446—1493) — князь углицкий, звенигородский, можайский.
- Симеон (1447—1449).
- Борис (1449—1494) — князь волоцкий и рузский.
- Анна (1451—1501).
- Андрей Меньшой (1452—1481) — князь володский.

См. также **Возникновение Касимовского ханства**, Битва на Листани, ещё одно забытое сражение

Вернуться к ссылке

44.287. Улу-Мухаммед

Улу-Мухаммед хан (*Улуг Мухаммед* тат. *Олуғ Мөхәммәт*, *Олуг Мөхәммәт*, 1405 — 1445, Казань) — видный средневековый государственный деятель, чингизид, золотоордынский (до 1436), крымский (1437) и казанский хан (1438—1445). Сын Ичкиле Хасан оглана, тукайтимурид. Получил прозвище «Улу» — большой, в отличие от другого Мухаммеда, который звался «Кичи» — меньшой. Основатель Казанского ханства (1438), по сути, основоположник Касимовского ханства.

Хан Улуса Джучи в 1419—1423, 1426—1426, 1428. В 1428—1432 вёл упорную борьбу за владение Улусом Джучи с представителями младшей ветви династии тукайтимуридов. Потерпев поражение, бежал (1423) в Волжско-Камскую Булгарию. С помощью великого князя Литовского

Витовта вернул золотоордынский престол (1426). Распространив свою власть на Крым, установил дружественные отношения с турецким султаном Мурадом II. В Отправил посольство в Египет (1428—1429). В 1431 году на суд к Улу-Мухаммеду приезжали сын и внук Дмитрия Донского, претендовавшие на великокняжеское достоинство. Хан решил дело в пользу внука, Василия II Васильевича.

44.287.1. Борьба с Бораком за власть в Орде

Мухаммед-султан впервые предъявил свои претензии на престол Золотой Орды в 1419 году, к этому году относятся самые ранние из монет, выпущенных от его имени. По мнению Р. Ю. Почекаева, он пользовался поддержкой крымской знати, в первую очередь эмира Текие из рода Ширин. Он использовал момент анархии, наступившей после смерти Едигея. Выйдя из Крыма, он захватил власть в Волжской Булгарии и Хаджитархане и объявил себя ханом Золотой Орды. В это время в Восточном Деште при поддержке ногайских биев во главе со старшим сыном Едигея Мансуром власть захватил Хаджи-Мухаммед, также провозгласивший себя ханом Орды, но не пытавшийся захватить Поволжье. Через некоторое время в Восточном Деште выдвинулся другой предводитель — Борак сын Койричака, которого поддержали многие представители знати Синей орды, Улугбек и главное — Мансур. Вместе с тем, в западной части Орды Мухаммеда поддерживали далеко не все. В оппозиции находились даже его двоюродные братья Худайдат сын Али, и Девлет-Берди сын Таш-Тимура. При поддержке мангытов Борак в разбил Мухаммеда (1421—1422), который нашел прибежище в Литве у князя Витовта.

Пока Мухаммед был в Литве, борьбу против Борака начал его двоюродный брат Худайдат, также претендовавший на престол, но был побежден Бораком (1423), окончательно разгромлен войсками Витовта (1424) при налете на Одоевское княжество, и вероятно погиб, так как в дальнейшем его имя не упоминается. В этот момент Витовт оказал поддержку Мухаммеду, и тот овладел родным Крымом (1424). Выйдя из Крыма он легко овладел Хаджитарханом и наконец вступил в битву за Сарай-Берке. В 1426 году он смог одолеть Борака, который отступил на восток. В скором времени у Мухаммеда начался конфликт с Девлет-Берди, захватившим власть в Крыму. В 1427 году в поволжье вернулся Борак, который смог собраться с силами на востоке. Он захватил Сарай у Мухаммеда, но тот сохранил власть в Булгарии и Хаджитархане. В этот момент Девлет-Берди выступил из Крыма и напал на Борака, овладел Сараем и провозгласил себя ханом, но через три дня Борак вернулся и разгромил Девлет-Берди. Однако борьба с крымским царевичем видимо ослабила его. В этот момент Мухаммед напал на Борака и захватил Сарай.

Придя к власти, Мухаммед повел активную внешнюю политику. Он продолжал поддерживать дружественные отношения с Витовтом. Он направил дружественное послание турецкому султану Мураду II (14 марта 1428), в котором объявлял о своём воцарении, послал посольство к султану Египта Барсбаю (1429). Не получив ответа от Турции и от Египта, Мухаммед благожелательно принял послов германского императора.

44.287.2. Борьба с Кичи Мухаммедом

Восстановить былое могущество Золотой Орды Мухаммеду не удалось. Земли к Востоку от Волги больше не подчинялись Орде. Около 1428 появился новый конкурент в борьбе за трон, Мухаммед сын Тимур-хана. Чтобы избежать путаницы, современники прозвали правителя Орды Улу-Мухаммед (то есть «старший»), а его конкурента Кичи-Мухаммед, то есть младший. Кичи-Мухаммед пользовался поддержкой ногайских биев, сыновей Едигея и младших братьев Мансура, Гази и Науруса. Кроме того он имел много сторонников в Хаджитархане.

Погодные условия в Поволжье в эти годы были неблагоприятными, народ голодал, а правитель не обладал возможностью как-то его поддержать. В этих услових многие переходили на сторону Кичи-Мухаммеда. Его победа была уже близка, но в этот момент из-за какой-то ссоры Кичи-Мухаммеда покинули ногайские бии. При этом Наурус-бий перешёл на сторону Улу-Мухаммеда со своими войсками, чем значительно усилил его. Улу-Мухаммед сделал его беклярбеком. В конце 1420-х—начале 1430-х власть Улу Мухаммеда была велика, и соседи именно его считали

законным правителем Орды. Однако возвышение ногайского вождя вызвало негативную реакцию среди старых и заслуженных сторонников Улу Мухаммеда, Текие, предводителя рода Ширин, и Хайдара, главы рода Кунграт. Он причинил им ещё несколько обид, в итоге против него возник заговор.

Хайдар без ведома Улу-Мухаммеда совершил набег на Русь (1430) и обманом захватил в плен воеводу города Мценск Григория Протасьева. Мценск был тогда под властью Литвы, союзницы Улу-Мухаммеда, поэтому при возвращении из набега Хайдар получил гневный выговор, а Протасьев был отпущен с почётом и подарками.

В 1431 году к Улу-Мухаммеду явились для разрешения спора о великом княжении московский князь Василий II Темный и Юрий Дмитриевич Звенигородский. Текие гостеприимно принял Юрия, обещал ему поддержку и убеждал в положительном решении. Но интересы Василия представлял опытный дипломат Иван Дмитриевич Всеволожский. Он сумел сыграть на своеволии хана, выставляя на первый план, что хан волен в своём решении, тогда как его противники ссылались на завещание Дмитрия Донского. Против Юрия Дмитриевича сыграли и его дружеские контакты с Литвой, тогда как Всеволжский подчеркивал отсутствие самостоятельной политики у московского князя. В итоге спор был решен в пользу Василия, что подорвало авторитет Текие и вызвало его обиду. Когда Кичи-Мухаммед начал активные действия против Улу-Мухаммеда (1432), Текие и Хайдар со своими войсками откочевали в Крым, где способствовали приходу к власти очередного претендента на ханский престол Сайид-Ахмада, сына Керимберды и внука Токтамыша.

После кончины Витовта (1430) в Литве началась длительная борьбы за власть между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем. Улу-Мухаммед поддерживал Свидригайло и неоднократно посылал ему войска, но тот заключил союз с Сайид Ахмадом. Тогда Улу Мухаммед попытался договориться с Сигизмундом, но тот, занятый междоусобной войной, помощи оказать не мог. Тогда Улу Мухаммед пошёл на переговоры с Кичи Мухаммедом. Он уступил ему Поволжье, сохранив свою власть в западной части, на окраинах Руси и в Северном Причерноморье. Кичи Мухаммед получил право владеть многократно разорённой столицей Сараем, но предпочёл пребывать в более благополучном Хаджитархане. На среднем Поволжье фактически уже оформилось независимое Казанское ханство во главе с Гияс ад-Дином. В 1434—1436 в бывшей Золотой Орде установился временный паритет трех ханов Улу Мухаммеда, Кичи Мухаммеда и Сайид Ахмада. В 1434 Василий II даже заплатил дань всем троим. Однако венецианский дипломат И. Барбаро, побывавший в это время в Орде, утверждал, что номинально главой считался Улу-Мухаммед.

В 1436—1437 равновесие нарушилось. Беклярбек Наурус, не поладив с Улу Мухаммедом, перешёл на сторону Кичи Мухаммеда. На Улу-Мухаммеда напал сначала Сайид Ахмад, а затем и Кичи Мухаммед, но не смог довести дело до конца: воспользовавшись его отсутствием, казанский правитель Гияс ад-Дин захватил Сарай, и Кичи Мухаммед вернулся для защиты своей номинальной столицы. Гийас ад-Дин удерживал город около месяца, но в итоге был побежден и вероятно убит.

44.287.3. Война с Москвой и основание Казанского ханства

Улу-Мухаммед был низложен с престола в 1436 году Гияс ад-Дином и был вынужден удалиться в Крым. Однако вскоре он поссорился с местным эмиром Хайдаром, который призвал на помощь хана Сайид-Ахмада. Не надеясь устоять, Улу-Мухаммед с 3-тысячным войском покинул Крым и направился в пределы Московии, где занял приграничный город Белев. Князь Василий потребовал покинуть город и направил против него 30-тысячное войско, но оное было наголову разбито (5 декабря 1437).

Улу-Мухаммед не стал задерживаться в Московии, а направился в земли Булгарского вилайета Золотой Орды, в Казань. Показательно, что Казанский летописец отмечает, что «худые болгары и черемиса» радостно восприняли образование сильной территориальной власти, способной защитить их от «воевания руского» и беспрерывных военных опустошений со стороны русских ушкуйников и различных бесконтрольных татарских отрядов. Утвердившись в Среднем Поволжье

хан решил восстановить господство над Московским государством. Свои набеги на Московию хан начал весной 1439, занял Нижний Новгород, дошёл до Москвы, сжёг её посады.

В 1444—1445 Улу-Мухаммед совершил ещё один поход против Москвы. Его мурзы опустошили восточные московские области. В ходе похода на Рязанское княжество погиб его сын Мустафа. Хан взял Нижний Новгород (1445) и оттуда пошёл на Муром. Василий II с объединёнными силами удельных князей двинулся против него, и Улу-Мухаммед вернулся в Нижний Новгород. В сражении 7 июля 1445 в окрестностях Суздаля москвичи были разбиты. Великий князь Василий и его двоюродный брат князь Михаил Верейский попали в плен, впервые и единожды в истории Московского государства.

Василий был доставлен в Нижний, а позже в Курмыш, где был освобожден 1 октября, а Улу-Мухаммед вернулся в Казань. Точные условия его освобождения неизвестны, но для сбора огромной контрибуции в Москву прибыло 500 человек татар и многие города были отданы в кормление. С этим поражением Василия следует увязывать появление в пределах Московии, в Мещере Касимовского ханства, первым правителем которого стал сын Улу-Мухаммеда царевич Касим.

Улу-Мухаммед хан скончался вскоре после возвращения в Казань.

44.287.4. Сыновья

Известны следующие сыновья Улу-Мухаммед хана, царевичи: Махмуд (Махмутек), Якуб, Мустафа, Касим.

См. также **Иосафат Барбаро**

Вернуться к ссылке

44.288. Иван III Васильевич

Портрет из «Царского титулярника» (XVII век)

Иван III Васильевич (известен также как **Иван Великий**[1][2]; 22 января 1440 — 27 октября 1505) — великий князь московский с 1462 по 1505 год, сын московского великого князя Василия II Васильевича Тёмного.

В ходе правления Ивана Васильевича произошло объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и её превращение в центр общерусского государства. Было достигнуто окончательное освобождение страны из-под власти ордынских ханов; принят Судебник — свод законов государства, и проведён ряд реформ, заложивших основы поместной системы землевладения.

44.288.1. Детство и юность

Иван III появился на свет 22 января 1440 года в семье великого московского князя Василия Васильевича[3]. Матерью Ивана была Мария Ярославна, дочь удельного князя Ярослава Боровского, русская княгиня серпуховской ветви дома Даниила (рода Даниловичей) и дальняя родственница его отца[4]. Он родился в день памяти апостола Тимофея, и в его честь получил своё «прямое имя» — Тимофей. Ближайшим церковным праздником был день перенесения мощей святого Иоанна Златоуста, в честь которого княжич и получил имя, под которым он более всего известен.

Достоверных данных о раннем детстве Ивана III не сохранилось, скорее всего, он воспитывался при дворе своего отца. Однако дальнейшие события круто изменили судьбу наследника престола: 7 июля 1445 года под Суздалем войско великого князя Василия II потерпело сокрушительное поражение от армии под командованием татарских царевичей Мамутяка и Якуба

(сыновей хана Улу-Мухаммеда). Раненый великий князь попал в плен, а власть в государстве временно перешла к старшему в роду потомков Ивана Калиты — князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Пленение князя и ожидание татарского нашествия привели к росту неразберихи в княжестве; ситуацию усугубил пожар в Москве.

Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1584 г.

Осенью великий князь вернулся из плена. Москва должна была заплатить за своего князя выкуп — порядка нескольких десятков тысяч рублей[5]. В этих условиях среди сторонников Дмитрия Шемяки созрел заговор, и когда в феврале 1446 года Василий II вместе с детьми отправился в Троице-Сергиев монастырь, в Москве начался мятеж. Великий князь был схвачен, перевезён в Москву, и в ночь с 13 на 14 февраля ослеплён по приказу Дмитрия Шемяки (что принесло ему прозвище «Тёмный»). По сообщению новгородской летописи, великого князя обвиняли в том, что он «татар привёл на Рускую землю», и раздавал им «в кормление» московские города и волости.

Шестилетний княжич Иван не попал в руки Шемяки: детям Василия вместе с верными боярами удалось бежать в Муром, находившийся под властью сторонника великого князя. Через некоторое время в Муром прибыл рязанский епископ Иона, сообщивший о согласии Дмитрия Шемяки выделить свергнутому Василию удел; полагаясь на его обещание, сторонники Василия согласились передать детей новым властям. 6 мая 1446 года княжич Иван прибыл в Москву. Однако Шемяка не сдержал слова: через три дня дети Василия были отправлены в Углич к отцу, в заточение.

По прошествии нескольких месяцев Шемяка всё-таки решил даровать бывшему великому князю удел — Вологду. Дети Василия последовали вслед за ним. Но свергнутый князь вовсе не собирался признавать своё поражение, и уехал в Тверь, просить помощи у великого князя тверского Бориса. Оформлением этого союза стала помолвка шестилетнего Ивана Васильевича с дочерью тверского князя Марией Борисовной. Вскоре войска Василия заняли Москву. Власть Дмитрия Шемяки пала, сам он бежал, на великокняжеском престоле вновь утвердился Василий II. Однако Шемяка, закрепившийся в северных землях (его базой стал недавно взятый город Устюг) вовсе не собирался сдаваться, и междоусобная война продолжилась.

К этому периоду (примерно конец 1448 — середина 1449 года) относится первое упоминание наследника престола Ивана в качестве «великого князя»[6]. В 1452 году его (12 лет от роду) уже посылают номинальным главой войска в поход на устюжскую крепость Кокшенгу.

…*Город Кокшенгский* ***стоял на высоком валу, вытянутом с востока на запад и вдававшемся в широкую пойму реки Тарноги. Она омывала его с трех сторон: с юга, запада и севера, затем, круто повернув, уходила к реке Кокшеньге и впадала в нее. Земляной вал окружал «город» со всех сторон. «Мера тому земляному валу двести тридцать три сажени. Да в том же земляном валу был городок рубленой древяной о двух стенах»[1]. С восточной стороны, которая не омывалась Тарногой, «город» был отрезан от окружающей местности двумя глубокими и широкими искусственными рвами, идущими параллельно друг другу. Следы этих рвов сохранились до наших дней. Через оба рва были перекинуты легко убиравшиеся в случае осады мосты. Двойные рубленые стены поддерживались несколькими угловыми и воротными башнями под шатровыми крышами. Одна из угловых башен носила название Шевденицкой[2]. В воротных башнях на могучих железных крюках висели массивные ворота из толстых сосновых плах, прошитых коваными железными полосами. Изнутри их замыкали***

мощные засовы. Внутри «города» стояла небольшая деревянная церковь и несколько изб с узкими волоковыми окнами, затянутыми бычьими пузырями.

Наследник престола успешно выполнил полученное поручение, отрезав Устюг от новгородских земель (существовала опасность вступления Новгорода в войну на стороне Шемяки) и жестоко разорив Кокшенгскую волость. Вернувшись из похода с победой, 4 июня 1452 года княжич Иван обвенчался со своей невестой, Марией Борисовной. Вскоре потерпевший окончательное поражение Дмитрий Шемяка был отравлен, и длившаяся четверть века кровавая междоусобица пошла на убыль.

Московские князья (1276—1598)

- Даниил Александрович
  - Юрий Даниилович
  - Иван I Калита
    - Симеон Гордый
    - Иван II Красный
      - Дмитрий Донской
        - Василий I
          - Василий II Тёмный
            - Иван III
              - Василий III, жена Елена Глинская
                - Иван IV Грозный
                - Фёдор I Иоаннович
  - Юрий Звенигородский
    - Василий Косой
    - Дмитрий Шемяка

44.288.2. Вступление на великокняжеский престол

В последующие годы княжич Иван становится **соправителем** отца. На монетах Московского государства появляется надпись «осподари всея Руси», сам он, так же как и отец его, Василий, носит титул «великий князь». В течение двух лет княжич в качестве удельного князя управляет Переславлем-Залесским, одним из ключевых городов Московского государства. Важную роль в воспитании наследника престола играют военные походы, где он является номинальным командующим. Так, в 1455 году[7] Иван вместе с опытным воеводой Фёдором Басенком совершает победоносный поход против вторгшихся в пределы Руси татар. В августе 1460 года он возглавляет войско Великого княжества Московского, закрывающее путь на Москву вторгшимся в пределы Руси и осадившим Переяславль-Рязанский татарам хана Ахмата.

В марте 1462 года тяжело заболел отец Ивана — великий князь Василий. Незадолго до этого он составил завещание, по которому делил великокняжеские земли между своими сыновьями. Как старший сын, Иван получал не только великое княжение, но и основную часть территории государства — 16 главных городов (не считая Москвы, которой он должен был владеть совместно с братьями). Остальным детям Василия было завещано всего 12 городов; при этом бóльшая часть бывших столиц удельных княжеств (в частности, Галич — бывшая столица Дмитрия Шемяки) досталась новому великому князю. Когда 27 марта 1462 года Василий умер, Иван без каких-либо проблем стал новым великим князем и исполнил волю отца, наделив братьев землями согласно завещанию.

Вступивший на престол великий князь ознаменовал начало княжения выпуском золотых монет, на которых были отчеканены имена великого князя Ивана III и его сына, наследника престола, Ивана Молодого. Выпуск монет продолжался недолго, и был прекращён спустя непродолжительное время.

44.288.3. Внешняя политика

В течение всего княжения Ивана III главной целью внешней политики страны являлось объединение северо-восточной Руси в единое Московское государство. Необходимо отметить, что эта политика оказалась чрезвычайно удачной. В начале правления Ивана Московское

княжество было окружено землями других русских княжеств; умирая, он передал своему сыну Василию страну, объединившую бóльшую часть этих княжеств. Сохранили относительную (не слишком широкую) самостоятельность лишь Псков, Рязань, Волоколамск и Новгород-Северский.

Начиная с правления Ивана III, особую остроту принимают отношения с Великим Литовским княжеством. Стремление Москвы объединить русские земли явно входило в противоречие с литовскими интересами, а постоянные пограничные стычки и переход пограничных князей и бояр между государствами не способствовали примирению. Между тем, успехи в расширении страны способствовали и росту международных связей со странами Европы.

В правление Ивана III происходит окончательное оформление независимости Русского государства. Бывшая уже в достаточной степени номинальной зависимость от Орды прекращается. Правительство Ивана III решительно поддерживает противников Орды среди татар; в частности, был заключён союз с Крымским ханством. Успешным оказалось и восточное направление внешней политики: сочетая дипломатию и военную силу, Иван III вводит в фарватер московской политики Казанское ханство.

44.288.3.1. «Собирание земель»

Став великим князем, Иван III начал свою внешнеполитическую деятельность с подтверждения прежних договоров с соседними князьями и общего усиления позиций. Так, были заключены договоры с Тверским и Белозерским княжествами; на престол Рязанского княжества был посажен князь Василий Иванович, женатый на сестре Ивана III.

Начиная с 1470-х годов деятельность, направленная на присоединение остальных русских княжеств, резко усиливается. Первым становится Ярославское княжество, которое окончательно теряет остатки самостоятельности в 1471 году, после смерти князя Александра Фёдоровича. Наследник последнего ярославского князя, князь Даниил Пенко, перешёл на службу Ивана III и позже получил чин боярина. В 1472 году умер князь дмитровский Юрий Васильевич, брат Ивана. Дмитровское княжество перешло к великому князю; однако против этого выступили остальные братья умершего князя Юрия. Назревавший конфликт удалось замять не без помощи вдовы Василия, Марии Ярославны, сделавшей всё, чтобы погасить ссору между детьми. В итоге часть земель Юрия получили и меньшие братья.

В 1474 году пришла очередь Ростовского княжества. Фактически оно входило в состав Московского государства и раньше: великий князь являлся совладельцем Ростова. Теперь же ростовские князья продали в казну «свою половину» княжества, окончательно превратившись, таким образом, в служилую знать. Великий князь передал полученное в состав удела своей матери.

44.288.3.2. Присоединение Новгорода

Основные статьи: **Московско-новгородская война (1471)**, **Московско-новгородская война** (1477—1478)

Иначе развивалась ситуация с Новгородом, что объясняется различием в характере государственности удельных княжеств и торгово-аристократического Новгородского государства. Явственная угроза независимости со стороны московского великого князя привела к формированию влиятельной антимосковской партии. Возглавила её энергичная вдова посадника Марфа Борецкая с сыновьями. Явное превосходство Москвы вынуждало сторонников независимости к поиску союзников, прежде всего — в Великом княжестве Литовском. Однако в условиях вражды между православием и католичеством обращение к католику Казимиру, великому князю литовскому, было воспринято вечем крайне неоднозначно, и защищать город был приглашён православный князь Михаил Олелькович, сын киевского князя и двоюродный брат Ивана III, прибывший 8 ноября 1470 года.

Картина К. В. Лебедева «Марфа Посадница. Уничтожение новгородского веча»

Однако в связи со смертью новгородского архиепископа Ионы, пригласившего Михаила, и последовавшим обострением внутриполитической борьбы, князь пробыл в новгородской земле недолго, и уже 15 марта 1471 года покинул город. Антимосковской партии удалось одержать во внутриполитической борьбе крупный успех: в Литву было отправлено посольство, после возвращения которого был составлен проект договора с великим князем Казимиром. По этому соглашению, Новгород, признавая власть великого литовского князя, тем не менее сохранял в неприкосновенности своё государственное устройство; Литва же обязывалась помочь в борьбе с Московским государством. Столкновение с Иваном III стало неизбежным.

6 июня 1471 года десятитысячный отряд московских войск под командованием Данилы Холмского выступил из столицы в направлении Новгородской земли, ещё через неделю в поход вышла армия Стриги Оболенского, а 20 июня 1471 года из Москвы начал поход сам Иван III. Продвижение московских войск по землям Новгорода сопровождалось грабежами и насилием, призванными устрашить противника[8].

Новгород тоже не сидел сложа руки. Из горожан было сформировано ополчение, командование приняли на себя посадники Дмитрий Борецкий и Василий Казимир. Численность этой армии достигала сорока тысяч человек, однако её боеспособность, в связи с поспешностью формирования из не обученных военному делу горожан, оставалась низкой. В июле 1471 года новгородское войско выдвинулось в направлении Пскова, с целью помешать союзной московскому князю псковской армии соединиться с основными силами противников Новгорода. На реке Шелони новгородцы неожиданно столкнулись с отрядом Холмского. 14 июля между противниками началось сражение.

Увоз вечевого колокола. Летописная миниатюра.

В ходе битвы на Шелони новгородская армия была наголову разгромлена. Потери новгородцев составили 12 тысяч человек, около двух тысяч человек попало в плен; Дмитрий Борецкий и ещё трое бояр были казнены. Город оказался в осаде, среди самих новгородцев взяла верх промосковская партия, начавшая переговоры с Иваном III. 11 августа 1471 года был заключён мирный договор, согласно которому Новгород обязывался выплатить контрибуцию в 16 000 рублей, сохранял своё государственное устройство, однако не мог «отдаватися» под власть литовского великого князя[9]; великому князю московскому была уступлена значительная часть обширной Двинской земли[10]. Одним из ключевых вопросов отношений Новгорода и Москвы стал вопрос о судебной власти.

Осенью 1475 года великий князь прибыл в Новгород, где лично разобрал ряд дел о беспорядках; виновными были объявлены некоторые деятели антимосковской оппозиции. Фактически в этот период в Новгороде складывается судебное двоевластие: ряд жалобщиков направлялись непосредственно в Москву, где и излагали свои претензии. Именно эта ситуация и привела к появлению повода для новой войны, закончившейся падением Новгорода.

Весной 1477 года в Москве собралось некоторое количество жалобщиков из Новгорода. Среди этих людей были два мелких чиновника — подвойский[242] Назар и дьяк Захарий[11]. Излагая своё дело, они назвали великого князя «государем» вместо традиционного обращения «господин», предполагавшего равенство «господина великого князя» и «господина великого Новгорода». Москва немедленно ухватилась за этот предлог; в Новгород были отправлены послы, потребовавшие официального признания титула государя, окончательного перехода суда в руки великого князя, а также устройства в городе великокняжеской резиденции. Вече, выслушав послов, отказалось принять ультиматум и начало подготовку к войне.

9 октября 1477 года великокняжеская армия отправилась в поход на Новгород. К ней присоединились войска союзников — Твери и Пскова. Начавшаяся осада города выявила глубокие разногласия среди защитников: сторонники Москвы настаивали на мирных переговорах с великим князем. Одним из сторонников заключения мира являлся новгородский архиепископ Феофил, что давало противникам войны определённый перевес, выразившийся в отправлении к великому князю посольства с архиепископом во главе. Но попытка договориться на прежних условиях не увенчалась успехом: от имени великого князя послам были заявлены жёсткие требования («Вечу колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати»), фактически означавшие конец новгородской независимости.

Столь явно выраженный ультиматум привёл к началу в городе новых беспорядков; из-за городских стен начался переход в ставку Ивана III высокопоставленных бояр, в том числе военного предводителя новгородцев, князя Василия Гребенки-Шуйского. В итоге решено было уступить требованиям Москвы, и 15 января 1478 года Новгород сдался, вечевые порядки были упразднены, а вечевой колокол и городской архив были отправлены в Москву.

44.288.3.3. «Стояние на Угре» и освобождение от власти Орды

Основная статья: **Стояние на Угре**, также **Стояние на Угре 1480 год**

Стояние на Угре. Миниатюра летописного свода (XVI век)

Отношения с Ордой, и без того бывшие напряжёнными, к началу 1470-х годов окончательно испортились. Орда продолжала распадаться; на территории прежней Золотой орды, помимо непосредственного преемника («Большой Орды»), образовались также Астраханская, Казанская, Крымская, Ногайская и Сибирская Орды. В 1472 году хан Большой Орды Ахмат начал поход на Русь. У Тарусы татары встретили многочисленное русское войско. Все попытки ордынцев переправиться через Оку были отбиты. Ордынскому войску удалось сжечь город Алексин, однако поход в целом окончился провалом. Вскоре (в том же 1472 или в 1476 году) Иван III прекратил уплату дани хану Большой Орды, что неминуемо должно было привести к новому столкновению[12]. Однако до 1480 года Ахмат был занят борьбой с Крымским ханством[13].

---

[242] Подвойский - Должностное лицо, которому поручалось передавать народу распоряжения властей (на Руси IX-XIII вв.).

Картина Н. С. Шустова «Иоанн III свергает татарское иго, разорвав изображение хана и приказав умертвить послов» (1862)

По сообщению «Казанской истории» (литературного памятника, написанного не ранее 1564 года), непосредственным поводом к началу войны стала казнь ордынского посольства, отправленного Ахматом к Ивану III за данью. Согласно этому известию, великий князь, отказавшись выплачивать деньги хану, взял «басму лица его» и растоптал её; после этого все ордынские послы, кроме одного, были казнены[14]. Впрочем, сообщения «Казанской истории», содержащие в том числе и ряд фактических ошибок, носят откровенно легендарный характер и, как правило, не воспринимаются современными историками всерьёз[15].

Так или иначе, летом 1480 года хан Ахмат двинулся на Русь. Ситуация для Московского государства осложнялась ухудшением отношений с западными соседями. Литовский великий князь Казимир вошёл в союз с Ахматом и мог напасть в любой момент, а расстояние от принадлежавшей Литве Вязьмы до Москвы литовское войско могло преодолеть за несколько дней. Войска Ливонского ордена напали на Псков. Ещё одним ударом для великого князя Ивана стал мятеж родных братьев: удельные князья Борис и Андрей Большой, недовольные притеснениями великого князя (так, в нарушение обычаев, Иван III после смерти брата Юрия забрал весь его удел себе, не поделился с братьями богатой добычей, взятой в Новгороде, а также нарушил старинное право отъезда дворян, приказав схватить князя Оболенского, отъехавшего от великого князя к его брату Борису) вместе со всем своим двором и дружинами отъехали к литовской границе и вступили в переговоры с Казимиром. И хотя в результате активных переговоров с братьями, в результате торгов и обещаний, Ивану III удалось предотвратить их выступление против него, угроза повторения гражданской войны не оставила Великое княжество Московское.

Выяснив, что хан Ахмат двигается к границе Великого княжества Московского, Иван III, собрав войска, также направился на юг, к реке Оке. На помощь великокняжескому войску пришли также войска тверского великого князя. В течение двух месяцев готовая к бою армия ждала противника, однако хан Ахмат, также готовый к бою, не начинал наступательных действий. Наконец, в сентябре 1480 года хан Ахмат переправился через Оку южнее Калуги и направился по литовской территории к реке Угре — границе между московскими и литовскими владениями.

30 сентября Иван III оставил войска и выехал в Москву, дав распоряжение войскам под формальным командованием наследника, Ивана Молодого, при котором также состоял его дядя, удельный князь Андрей Васильевич Меньшой, двинуться в направлении реки Угры. Одновременно князь приказал сжечь Каширу. Источники упоминают о колебаниях великого князя; в одной из летописей даже отмечается, что Иван запаниковал: «ужас наиде на нь, и въсхоте бежати от брега, а свою великую княгиню Римлянку и казну с нею посла на Белоозеро»[16].

Последующие события трактуются в источниках неоднозначно. Автор независимого московского свода 1480-х годов пишет о том, что появление великого князя в Москве произвело тягостное впечатление на горожан, среди которых поднялся ропот: «Егда ты, государь князь великый, над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепице продаешь (много взыскиваешь того, что не следует). А нынеча, сам разгневив царя, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром». После этого в летописи сообщается о том, что ростовский епископ Вассиан, встретивший князя вместе с митрополитом, прямо обвинил его в трусости; после этого Иван, опасаясь за свою жизнь, уехал в Красное сельцо к северу от столицы. Великая княгиня Софья с приближёнными и государевой казной была отправлена в безопасное место, на Белоозеро, ко двору удельного князя Михаила Верейского[17]. Мать великого князя покинуть Москву отказалась. По словам этой летописи, великий князь неоднократно пытался вызвать к себе из войска сына,

Ивана Молодого, посылая ему грамоты, которые тот проигнорировал; тогда Иван приказал князю Холмскому силой доставить к нему сына. Холмский не выполнил этот приказ, попытавшись уговорить княжича, на что тот, согласно сообщению этой летописи, ответил: «Подобает мне здесь умереть, а не к отцу ехать». Также в качестве одной из мер по подготовке ко вторжению татар великий князь приказал сжечь московский посад.

Как отмечает Р. Г. Скрынников, рассказ этой летописи находится в явном противоречии с рядом других источников. Так, в частности, изображение ростовского епископа Вассиана как злейшего обличителя великого князя не находит подтверждения; судя по «Посланию» и фактам биографии, Вассиан был полностью лоялен к великому князю. Исследователь связывает создание этого свода с окружением наследника престола Ивана Молодого и династической борьбой в великокняжеской семье. Это, по его мнению, объясняет как осуждение действий Софьи, так и похвалы в адрес наследника — в противовес нерешительным (превратившимся под пером летописца в трусливые) действиям великого князя[18].

Вместе с тем, сам факт отъезда Ивана III в Москву зафиксирован практически во всех источниках; различие в летописных рассказах относится лишь к продолжительности этой поездки. Великокняжеские летописцы сводили эту поездку всего к трём дням (30 сентября — 3 октября 1480 года). Очевиден также факт колебаний в великокняжеском окружении; великокняжеский свод первой половины 1490-х годов упоминает в качестве противника сопротивления татарам окольничего Григория Мамона; враждебный Ивану III независимый свод 1480-х годов помимо Григория Мамона упоминает также Ивана Ощеру, а ростовская летопись — конюшего Василия Тучко. Тем временем в Москве великий князь провёл совещание со своими боярами, и распорядился насчёт подготовки столицы к возможной осаде. При посредничестве матери были проведены активные переговоры с мятежными братьями, закончившиеся восстановлением отношений. 3 октября великий князь выехал из Москвы в войска, однако, не доехав до них, расположился в городке Кременец в 60 верстах от устья Угры, где и дождался подхода отрядов

прекративших мятеж братьев — Андрея Большого и Бориса Волоцкого. Тем временем на Угре начались ожесточённые столкновения. Попытки ордынцев переправиться через реку были успешно отбиты русскими войсками. Вскоре Иван III отправил к хану посла Ивана Товаркова с богатыми дарами, прося его отступить прочь и «улус» его не разорять. Хан потребовал личного

присутствия князя, однако тот ехать к нему отказался; также князь отказался от предложения хана послать к нему сына, брата или известного своей щедростью посла Никифора Басенкова (ранее часто ездившего в Орду).

26 октября 1480 года река Угра замёрзла. Русская армия, собравшись вместе, отошла к городу Кременцу, затем к Боровску. 11 ноября хан Ахмат отдал приказ отступить. Небольшой татарский отряд сумел разорить ряд русских волостей под Алексиным, но после того, как в его направлении были отправлены русские войска, также отошёл в степь. Отказ Ахмата от преследования русских войск объясняется неподготовленностью ханского войска к ведению войны в условиях суровой зимы — как сообщает летопись, «бяху бо татарове нагы и босы, ободралися». Кроме того, стало совершенно ясно, что король Казимир не собирается выполнять своих союзнических обязательств по отношению к Ахмату. Помимо отражения нападения союзных Ивану III крымских войск, Литва была занята решением внутренних проблем. «Стояние на Угре» завершилось фактической победой Русского государства, получившего желанную независимость. Хан же Ахмат вскоре был убит; после его смерти в Орде разгорелась междоусобица.

…7 ноября 1480 г. (дата по ВологодскоПермской летописи)[123] Ахмат повел армию обратно в Сарай. Согласно Казанской истории[124], воспользовавшись затишьем, последовавшим за безуспешной попыткой Ахмата пересечь Угру, Иван III послал через степи во владения Ахмата объединенный отряд русскотатарской конницы под командованием НурДавлета и князя Василия Ноздреватого. Это, по всей видимости, ускорило отступление Ахмата.

Чтобы избежать позора, Ахмат написал Ивану III, что временно отступает изза приближающейся зимы. Он грозил Ивану III, что вернется и захватит и его самого и его бояр, если тот не согласится – вопервых, выплатить дань в размере 60 000 алтын в течение сорока дней (1 алтын был равен 6 деньгам, или трем сотым рубля), 20 000 алтын следующей весной и 60 000 алтын следующей осенью; вовторых, носить «знак Батыя» на своем колпаке (княжеской шапке), и втретьих, убрать царевича Даньяра из Касимова. Письмо Ахмата сохранилось только в русском переводе.[125] Нет сомнений, однако, что перевод с оригинального татарского текста был сделан вскоре после того, как письмо было получено в Москве. «Знак Батыя», упоминаемый в документе – это, конечно, пайца[243]. Требование Ахмата ликвидировать Касимовское ханство вполне понятно, если вспомнить, какую важную роль этот район играл в татарской политике Ивана III.

Размер дани, затребованной Ахматом (140000 алтын), весьма скромен, если мы сравним его с размером дани, прежде выплачиваемой московскими великими князьями ханам. 140 000 алтын составляет 4 200 рублей. Этот только малая часть суммы, собранной ханом Тохтамышем с Великого княжества Владимирского в 1382 году (около 85 000 рублей).[126]

Ахмату не суждено было продолжить борьбу с Москвой. Согласно Устюжской летописи,[127] когда тюменский хан Айбек (Западная Сибирь) прослышал, что Ахмат возвращается из Литвы с богатой добычей, он решил застать его врасплох и напасть на него. К Айбеку в этом предприятии присоединилась Ногайская Орда.

Поскольку люди Ахмата не ожидали никакого нападения, у них не осталось времени для организации сопротивления. Айбек легко добрался до белого шатра Ахмата и лично убил его. Затем тюменцы и ногайцы разграбили лагерь, захватив большую часть литовской добычи, включая множество пленников. Айбек получил львиную долю.

… «Егда же прибежа въ Орду, тогда прииде на него царь Ивакъ Нагаискыи и Орду взя, а самого царя Ахмута уби шуринъ его Ногаискыи мурза Ямгурчии» (Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25, стр. 328). Уже 13 января 1481 года Менгли-Гирей направил в Литву посла с извещением об этих событиях: «Отъ Менъдликгирея Казимиру, королю брату, поклонъ. То такъ ведайте: генъвара месеца у двадцать перъвый [день] пришодъ царь Шибаньский Аибакъ,

---

[243] **Па́й**, пайза, пайдза (от кит. 牌子; páizi — «дощечка», «табличка»; тюрк. байса, монг. гереге) — верительная бирка, металлическая или деревянная пластина с надписью, выдававшаяся китайскими, чжурчжэньскими, монгольскими правителями разным лицам как символ делегирования власти, наделения особыми полномочиями.

солътанъ его, а Макъму князь, а Обатъ мурза, а Муса, а Евъкгурчи пришодъ, Ахъматову орду подопътали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и вълусы побрали, побравши прочъ пошли; а князь Тымир[ъ] съ Ахмата царевыми детьми и съ слугами къ намъ прибегли и пригорнулися пришли. Надъ Охматомъ царомъ такъ ся стало: вмеръ. Намъ братъ онъ былъ, а вамъ приятель былъ» (РИБ. Т. 27, стб. 340).

… Гибель Ахмата в 1481 г. отнюдь не означала, что Большая Орда прекратила свое существование, хотя в ней и началась усобица между претендентами на ханский престол, в которой участвовали сыновья Ахмата Муртаза, Сеид-Ахмет и Ших-Ахмет и сыновья Махмуда Касым и Абдул-Керим. Политика Ивана III в отношении Большой Орды после Стояния на Угре заключалась в основном в борьбе с ней руками крымцев. В апреле 1481 г. великий князь отправил в Крым своего посла Тимофея Скрябу, с которым сообщал об отражении нашествия Ахмата и его предполагаемой гибели и призывал Менгли-Гирея продолжать военные действия против Большой Орды: «Ахматъ пакъ царь приходилъ на меня, ино Богъ милосердый какъ хотелъ, такъ насъ отъ него помиловалъ… Нынеча пакъ ко мне весть пришла, что Ахмата царя въ животе не стало… А нынеча хто будетъ на томъ юрте на Ахматове месте царь, а покочуетъ къ моей земле, и ты бы пожаловалъ, на него пошолъ» (РИО. Т. 41, стр. 25-26).

44.288.3.4. Противостояние с Великим княжеством Литовским

Основная статья: **Русско-литовская война 1487–1494**

Существенные перемены произошли в правление Ивана III в отношениях Московского государства с Великим княжеством Литовским. Первоначально дружеские (великий князь литовский Казимир даже был назначен, по завещанию Василия II, опекуном детей великого московского князя), они постепенно ухудшались. Стремление Москвы подчинить все русские земли постоянно наталкивалось на противодействие имевшей ту же цель Литвы. Попытка новгородцев перейти под власть Казимира не способствовала дружбе двух государств, а союз Литвы и Орды в 1480 году, во время «стояния на Угре», накалил отношения до предела. Именно к этому времени относится формирование союза Российского государства и Крымского ханства.

Начиная с 1480-х годов, обострение ситуации доводит дело до пограничных стычек. В 1481 году в Литве был раскрыт заговор князей Ивана Юрьевича Гольшанского, Михаила Олельковича и Фёдора Ивановича Бельского[19], готовивших покушение на Казимира и хотевших со своими владениями перейти к великому московскому князю; Иван Гольшанский и Михаил Олелькович были казнены, князю Бельскому удалось бежать в Москву, где он получил в управление ряд областей на литовской границе[20]. В 1482 году в Москву бежал князь Иван Глинский. В том же году литовский посол Богдан Сакович потребовал от московского князя признать права Литвы на Ржеву и Великие Луки, и их волости[21].

В условиях противостояния с Литвой приобрёл особую важность союз с Крымом. Следуя достигнутым соглашениям, осенью 1482 года крымский хан совершил опустошительный набег на литовскую Украину. Как сообщала Никоновская летопись, «***сентября 1, по слову великого князя Московского Ивана Васильевича всея Руси прийде Менгли-Гирей, царь Крымский Перекопьскии Орда, со всею силою своею на королеву державу и град Киев взя и огнем сожже, а воеводу Киевского пана Ивашка Хотковича изымал, а оного полону безчислено взя; и землю Киевскую учишша пусту***». По словам Псковской летописи, в результате похода пали 11 городов, вся округа была разорена. Великое княжество Литовское было серьёзно ослаблено.

Пограничные споры между двумя государствами не утихали на протяжении всех 1480-х годов. Ряд волостей, находившихся первоначально в совместном московско-литовском (или новгородско-литовском) владении, был фактически оккупирован войсками Ивана III (прежде всего это касается Ржевы, Торопца и Великих Лук). Периодически возникали стычки между служившими Казимиру вяземскими князьями и русскими удельными князьями, а также между мезецкими князьями (сторонниками Литвы) и перешедшими на сторону Москвы князьями Одоевскими и Воротынскими. Весной 1489 года дело дошло до открытых вооружённых столкновений между

литовскими и русскими войсками, а в декабре 1489 года на сторону Ивана III перешёл целый ряд пограничных князей. Протесты и взаимный обмен посольствами не дали никакого результата, и необъявленная война продолжилась.

7 июня 1492 года умер Казимир, король польский, великий князь литовский, русский и жемайтский. После него на престол Великого княжества Литовского был избран его второй сын, Александр. Королём польским стал старший сын Казимира — Ян Ольбрахт. Неизбежная неразбериха, связанная со сменой великого князя литовского, ослабляла княжество, чем не преминул воспользоваться Иван III. В августе 1492 года против Литвы были посланы войска. Во главе их стоял князь Фёдор Телепня Оболенский. Были взяты города Мценск, Любутск, Мосальск, Серпейск, Хлепень, Рогачёв, Одоев, Козельск, Перемышль и Серенск. На сторону Москвы перешёл ряд местных князей, что усилило позиции русских войск. Столь быстрые успехи войск Ивана III заставили нового великого князя литовского Александра начать переговоры о мире. Одним из средств урегулирования конфликта, предложенных литовцами, была женитьба Александра на дочери Ивана; великий князь московский отнёсся к этому предложению с интересом, однако потребовал решить сперва все спорные вопросы, что привело к провалу переговоров.

В конце 1492 года на театр военных действий выступило литовское войско с князем Семёном Ивановичем Можайским. В начале 1493 года литовцы сумели ненадолго захватить города Серпейск и Мезецк, однако в ходе ответного контрудара московских войск они были отбиты; помимо этого, московскому войску удалось взять Вязьму и ещё ряд городов. В июне-июле 1493 года великий князь литовский Александр отправил посольство с предложением заключить мир. В результате длительных переговоров 5 февраля 1494 года был, наконец, заключён мирный договор. Согласно нему, бóльшая часть земель, завоёванных русскими войсками, входила в состав Российского государства. Помимо прочих городов, стала российской и находившаяся недалеко от Москвы стратегически важная крепость Вязьма. Великому князю литовскому возвращались города Любутск, Мезецк, Мценск и некоторые другие. Также было получено согласие московского государя на брак его дочери Елены с Александром.

44.288.3.5. Союз с Крымским ханством

Крымский хан Мегли-Гирей I (посередине) со своим старшим сыном Мехмедом (слева) перед султаном Баезедом II (справа). (фрагмент османской миниатюры XVI века)

Дипломатические отношения между Московским государством и Крымским ханством в правление Ивана III оставались дружескими. Первый обмен грамотами между странами произошёл в 1462 году, а 1472 году было заключено соглашение о взаимной дружбе. В 1474 году между ханом Менгли-Гиреем и Иваном III был заключён союзный договор, который, впрочем, остался на бумаге, так как крымскому хану вскоре стало не до совместных действий: в ходе войны с Османской империей Крым потерял свою независимость, а сам Менгли-Гирей попал в плен, и лишь в 1478 году вновь взошёл на престол (теперь уже в качестве турецкого вассала). Тем не менее, в 1480 году союзный договор Москвы и Крыма был заключён вновь, при этом в договоре прямо назывались враги, против которых стороны должны были действовать совместно — хан Большой Орды Ахмат и великий литовский князь. В этом же году крымцы совершили поход на Подолию[22], что не позволило королю Казимиру помочь Ахмату во время «стояния на Угре».

В марте 1482 года в связи с ухудшившимися отношениями с Великим литовским княжеством к хану Менгли-Гирею вновь отправилось московское посольство. Осенью 1482 года войска крымского ханства совершили опустошительный набег на литовскую Украину. Среди прочих городов, был взят Киев, разорена вся южная Русь. Из своей добычи хан послал Ивану потир и дискос из ограбленного крымцами киевского Софийского собора[23]. Опустошение земель серьёзно повлияло на боеспособность Великого литовского княжества.

… «***Въ лето 6992 въ 1 день по слову великого князя Ивана Васильевича всеа Русии прииде царь Менгиреи Крымскии Перекопскыа орды съ всею силою своею и градъ Киевъ взя и огнемъ жжеглъ, а воеводу Киевскаго Ивашка Хотковичя изымалъ, а иного полону безчислено взя, и землю учиниша пусту Киевскую за неисправление королевское, что приведе царя Ахмата Болшие орды съ всеми силами на великого князя Ивана Васильевичя, а хотячи разорити христианскую веру***» (Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18, стр. 270). Это означало окончательное сложение союза Руси и Крыма против Литвы и Большой Орды. Война с сыновьями и племянниками Ахмата велась, главным образом, силами Менгли-Гирея, который неоднократно просил у русского великого князя войск для поддержки. В ответ Иван Васильевич посылал в основном своих служилых татар или казанских татар своего вассала Мухаммед-Эмина, мать которого Нурсултан в 1486 г. вышла замуж за Менгли-Гирея.

В последующие годы русско-крымский союз показал свою действенность. В 1485 году уже русские войска совершили поход в ордынские земли по просьбе подвергшегося нападению ордынцев Крымского ханства. В 1491 году, в связи с новыми крымско-ордынскими стычками, эти походы были вновь повторены. Русская поддержка сыграла важную роль в победе крымских войск над Большой ордой. Попытка Литвы в 1492 году переманить Крым на свою сторону не удалась: с 1492 года Менгли-Гирей приступил к ежегодным походам на принадлежащие Литве и Польше земли[22]. В ходе русско-литовской войны 1500—1503 годов Крым оставался союзником России. В 1500 году Менгли-Гирей дважды опустошал принадлежавшие Литве земли южной Руси, доходя до Бреста. Действия союзной Литве Большой Орды были вновь нейтрализованы действиями как крымских, так и русских войск. В 1502 году, разгромив, наконец, хана Большой орды, крымский хан совершил новый набег, опустошив часть Правобережной Украины и Польши. Однако после удачного для Московского государства окончания войны наблюдается ухудшение отношений. Во-первых, исчез общий враг — Большая Орда, против которой в немалой степени был направлен русско-крымский союз. Во-вторых, теперь Россия становится непосредственным соседом Крымского ханства, а значит, теперь набеги крымцев могли совершаться не только на литовскую, но и на российскую территорию. И, наконец, в-третьих, русско-крымские отношения ухудшились из-за казанской проблемы; дело в том, что хан Менгли-Гирей не одобрил заточение низвергнутого казанского хана Абдул-Латифа в Вологде[24]. Тем не менее, в правление Ивана III Крымское ханство оставалось союзником Московского государства, ведя совместные войны против общих врагов — Великого княжества Литовского и Большой Орды, и лишь после смерти великого князя начинаются постоянные набеги крымцев на принадлежавшие русскому государству земли.

44.288.3.6. Отношения с Казанским ханством

Основная статья: **Русско-казанские войны**

Крайне важным направлением внешней политики России оставались отношения с Казанским ханством. Первые годы правления Ивана III они оставались мирными. После смерти деятельного хана Махмуда, на престол взошёл его сын Халиль, а вскоре умершему Халилю, в свою очередь, в 1467 году наследовал ещё один сын Махмуда — Ибрагим. Однако ещё жив был брат хана Махмуда — престарелый Касим, правивший зависящим от Москвы Касимовским ханством; группа заговорщиков во главе с князем Абдул-Мумином попыталась пригласить его на казанский престол. Эти намерения нашли поддержку у Ивана III, и в сентябре 1467 года воины касимовского хана совместно с московскими войсками под командованием князя Ивана Стриги-Оболенского начали наступление на Казань. Однако поход оказался неудачным: встретив сильную армию Ибрагима, московские войска не решились перейти Волгу, и отступили. Зимой того же года казанские отряды совершили поход в пограничные русские земли, разорив окрестности Галича

Мерьского. В ответ русскими войсками был совершён карательный набег на входившие в состав Казанского ханства земли черемисов. В 1468 году пограничные стычки продолжились; крупным успехом казанцев стало взятие столицы вятской земли — Хлынова.

Весна 1469 года ознаменовалась новым походом московских войск на Казань. В мае русские войска начали осаду города. Тем не менее, активные действия казанцев позволили сначала приостановить наступление двух московских армий, а потом нанести им поражение поодиночке; русские отряды были вынуждены отступить. В августе 1469 года, получив пополнение, войска великого князя начали новый поход на Казань, однако в связи с ухудшением отношений с Литвой и Ордой Иван III согласился заключить мир с ханом Ибрагимом; по его условиям казанцы выдавали всех захваченных ранее пленных. В течение восьми лет после этого отношения сторон оставались мирными. Однако в начале 1478 года отношения вновь накалились. Поводом на этот раз стал поход казанцев против Хлынова. Русские войска выступили на Казань, однако не достигли сколь-либо значительных результатов, и новый мирный договор был заключён на тех же условиях, что и в 1469 году.

В 1479 году хан Ибрагим умер. Новым правителем Казани стал Ильхам (Алегам), сын Ибрагима, ставленник партии, ориентировавшейся на Восток (в первую очередь на Ногайскую орду). Кандидат же от прорусской партии, ещё один сын Ибрагима, 10-летний царевич Мухаммед-Эмин, был отправлен в Московское государство. Это давало России повод для вмешательства в казанские дела. В 1482 году Иван III начал подготовку к новому походу; была собрана армия, при которой состояла также артиллерия под руководством Аристотеля Фиораванти, однако активное дипломатическое противодействие казанцев и их готовность пойти на уступки позволили сохранить мир. В 1484 году московское войско, подойдя к Казани, способствовало свержению хана Ильхама. На престол вступил ставленник промосковской партии 16-летний Мухаммед-Эмин. В конце 1485 — начале 1486 года на казанский престол вновь взошёл Ильхам (также не без поддержки Москвы), а вскоре русские войска совершили на Казань ещё один поход. 9 июля 1487 года город сдался. Видные деятели антимосковской партии были казнены, на трон вновь был посажен Мухаммед-Эмин, а хан Ильхам вместе с семьёй был отправлен в заточение в Россию[25]. По результатам этой победы Иван III принял титул «князя Болгарского»[26]; влияние России на Казанское ханство значительно выросло.

Следующее обострение отношений произошло в середине 1490-х годов. В среде казанской знати, недовольной политикой хана Мухаммед-Эмина, сформировалась оппозиция с князьями Кель-Ахметом (Калиметом), Ураком, Садыром и Агишем во главе. Она пригласила на престол сибирского царевича Мамука, который в середине 1495 года прибыл в Казань с войском. Мухаммед-Эмин с семьёй бежал в Россию. Однако через некоторое время Мамук вошёл в конфликт с некоторыми князьями, пригласившими его. Пока Мамук находился в походе, в городе произошёл переворот под предводительством князя Кель-Ахмета. На престол был приглашён живший в Российском государстве Абдул-Латиф, брат Мухаммед-Эмина, который и стал следующим ханом Казани. Попытка казанских эмигрантов с князем Ураком во главе в 1499 году посадить на престол Агалака, брата свергнутого хана Мамука, не увенчалась успехом. При помощи русских войск Абдул-Латифу удалось отбить нападение.

В 1502 году начавший проводить самостоятельную политику Абдул-Латиф был смещён при участии русского посольства и князя Кель-Ахмета. На казанский престол был вновь (в третий раз) возведён Мухаммед-Амин. Но теперь он начал проводить значительно более

самостоятельную политику, направленную на прекращение зависимости от Москвы. Был арестован лидер прорусской партии князь Кель-Ахмет; к власти пришли противники влияния Российского государства. 24 июня 1505 года, в день ярмарки, в Казани произошёл погром; находившиеся в городе русские подданные были убиты либо обращены в рабство, а их имущество разграблено[27]. Началась война. Однако 27 октября 1505 года Иван III умер, и вести её пришлось уже наследнику Ивана, Василию III.

44.288.3.7. Северо-западное направление: войны с Ливонией и со Швецией

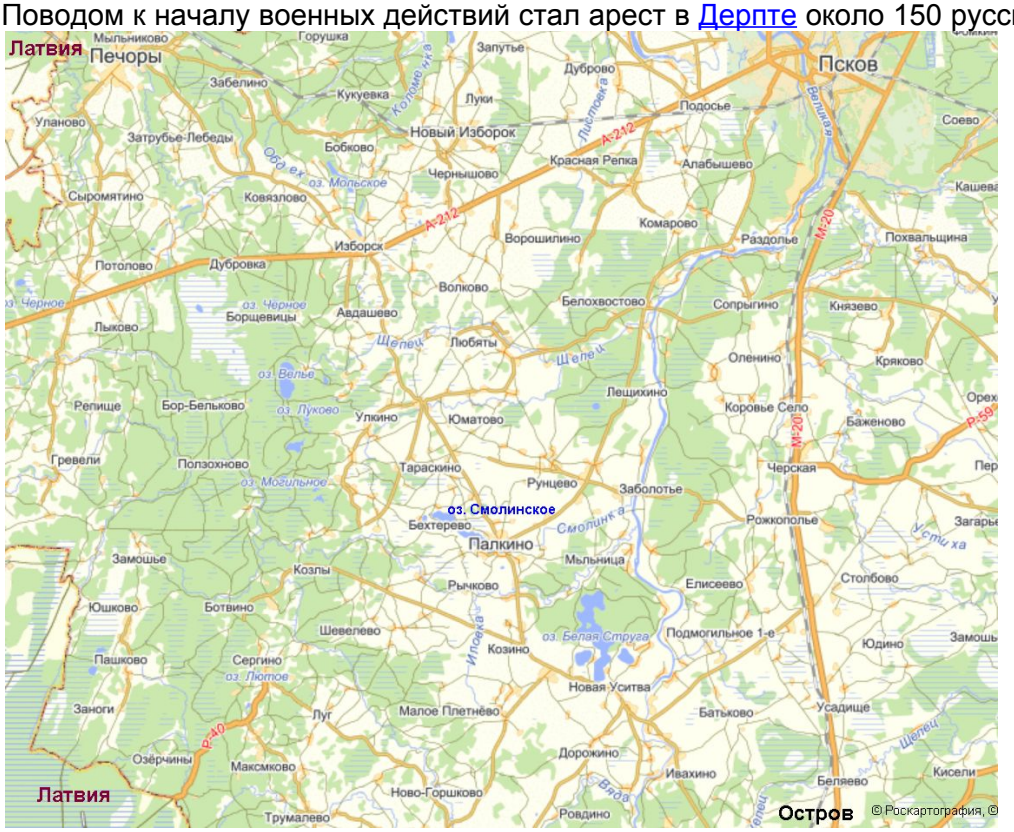
Вид на Ивангородскую крепость

Присоединение Новгорода сдвинуло границы Московского государства на северо-запад, в результате чего непосредственным соседом на этом направлении стала Ливония. Продолжавшееся ухудшение псковско-ливонских отношений в конечном итоге вылилось в открытое столкновение, и в августе 1480 года ливонцы осадили Псков — впрочем, безуспешно. В феврале следующего, 1481 года инициатива перешла к русским войскам: великокняжеские силы, присланные для помощи псковичам, совершили увенчавшийся рядом побед поход в ливонские земли. 1 сентября 1481 года стороны подписали перемирие сроком на 10 лет[28]. В последующие несколько лет отношения с Ливонией, прежде всего торговые, развивались вполне мирно. Тем не менее, правительство Ивана III предприняло ряд мер по усилению оборонительных сооружений северо-запада страны. Наиболее значительным событием этого плана являлась постройка в 1492 году каменной крепости Ивангород на реке Нарове, напротив ливонской Нарвы[29].

Помимо Ливонии, ещё одним соперником Великого княжества Московского на северо-западном направлении являлась Швеция. По Ореховецкому договору 1323 года новгородцы уступили шведам ряд территорий; теперь, по мнению Ивана III, наступил момент вернуть их. 8 ноября 1493 года Великое княжество Московское заключило союзнический договор с датским королём Гансом (Иоганном), соперником правителя Швеции Стена Стуре. Открытый конфликт вспыхнул в 1495 году; в августе русская армия начала осаду Выборга. Тем не менее, эта осада оказалась безуспешной, Выборг устоял, а великокняжеские войска были вынуждены вернуться домой. Зимой и весной 1496 года русские войска совершили ряд рейдов на территорию шведской Финляндии. В августе 1496 года ответный удар нанесли уже шведы: войско на 70 судах, спустившись по Нарове, высадилось под Ивангородом. Наместник великого князя, князь Юрий Бабич, бежал, и 26 августа шведы взяли крепость приступом и сожгли. однако через некоторое время шведские войска покинули Ивангород, и он был в короткий срок восстановлен и даже расширен. В марте 1497 года в Новгороде было заключено перемирие на 6 лет, окончившее русско-шведскую войну[30].

Тем временем отношения с Ливонией значительно ухудшились. Учитывая неизбежность новой русско-литовской войны, в 1500 году к великому магистру Ливонского ордена Плеттенбергу было направлено посольство от литовского великого князя Александра, с предложением о союзе. Памятуя о прежних попытках Литвы подчинить себе Тевтонский орден, Плеттенберг дал своё согласие не сразу, а лишь в 1501 году, когда вопрос о войне с Россией был решён окончательно. Договор, подписанный в Вендене 21 июня 1501 года, завершил оформление союза.

Поводом к началу военных действий стал арест в Дерпте около 150 русских купцов. В августе обе стороны направили друг против друга значительные военные силы, и 27 августа 1501 года русские и ливонские войска сошлись в сражении на реке Серице (в 10 км от Изборска). Битва окончилась победой ливонцев; взять Изборск им не удалось, но 7 сентября пала псковская крепость Остров. В октябре войска Великого княжества Московского (в числе которых находились также подразделения служилых татар) совершили ответный рейд в Ливонию.



В кампании 1502 года инициатива находилась на стороне ливонцев. Началась она вторжением из Нарвы; в марте под Ивангородом погиб московский наместник Иван Лобан-Колычев; ливонские войска нанесли удар в направлении Пскова, попытавшись взять Красный городок. В сентябре войска Плеттенберга нанесли новый удар, вновь осадив Изборск и Псков. В сражении у озера Смолина ливонцам удалось разбить русскую армию, однако добиться бóльших успехов они не смогли, и в следующем году были проведены переговоры о мире. 2 апреля 1503 года Ливонский орден и Российское государство заключили перемирие сроком на шесть лет, восстановившее отношения на условиях статус-кво[31].

44.288.3.8. Война с Литвой 1500—1503 годов

Основная статья: **Русско-литовская война 1500–1503**

Великий князь литовский Александр с супругой, Еленой Ивановной, дочерью Ивана III. Польская гравюра.

Несмотря на урегулирование пограничных споров, приведших к необъявленной войне 1487—1494 годов, отношения с Литвой продолжали оставаться напряжёнными. Граница между государствами продолжала оставаться весьма нечёткой, что в перспективе было чревато новым обострением отношений. К традиционным пограничным спорам прибавилась ещё и религиозная проблема. В мае 1499 года в Москву от наместника Вязьмы поступили сведения о притеснении православия в Смоленске. Помимо этого, великий князь узнал о попытке навязать католическую веру его дочери Елене, супруге великого литовского князя Александра[32]. Всё это не способствовало сохранению мира между странами.

Укрепление международного положения Великого княжества Московского в 1480-х годах привело к тому, что князья спорных Верховских княжеств начали массово переходить на службу к

московскому князю. Попытка Великого княжества Литовского воспрепятствовать этому окончилась неудачей и в результате русско-литовской войны 1487—1494 годов большинство Верховских княжеств оказались в составе Московского государства[33].

В конце 1499 — начале 1500 года в Московское государство перешёл со своими вотчинами князь Семён Бельский. Причиной своего «отъезда» Семён Иванович назвал потерю великокняжесткой милости и «ласки», а также стремление великого князя литовского Александра перевести его в «римский закон», чего не было при предыдущих великих князьях. Александр отправил в Москву послов с протестом, категорически отвергнув обвинения в понукании к переходу в католичество и называя князя Бельского «здрадцей», то есть изменником. По мнению некоторых историков, действительной причиной перехода Семёна Ивановича на московкую службу были религиозные гонения, тогда как, по мнению других, религиозный фактор был использован Иваном III лишь как предлог[34].

Вскоре на сторону Москвы перешли города Серпейск и Мценск. В апреле 1500 года на службу Ивану III перешли князья Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский, и в Литву было отправлено посольство с объявлением войны. По всей границе развернулись боевые действия. В результате первого удара русских войск был взят Брянск, сдались города Радогощ, Гомель, Новгород-Северский, пал Дорогобуж; на службу к Ивану III перешли князья Трубецкие и Мосальские. Главные усилия московских войск были сосредоточены на смоленском направлении, куда литовским великим князем Александром было отправлено войско под командованием гетмана великого литовского[244] Константина Острожского. Получив известие, что московские войска стоят на речке Ведроши, гетман направился туда же. 14 июля 1500 года в ходе битвы при Ведроши литовские войска потерпели сокрушительное поражение; погибло более 8000 литовских воинов; гетман Острожский попал в плен. 6 августа 1500 года под ударом русских войск пал Путивль, 9 августа союзные Ивану III псковские войска взяли Торопец. Поражение у Ведроши нанесло Великому княжеству Литовскому чувствительный удар. Ситуация усугублялась набегами союзного Москве крымского хана Менгли-Гирея.

Кампания 1501 года не принесла решительного успеха ни одной стороне. Боевые действия между московскими и литовскими войсками ограничились небольшими по размеру стычками[35]; осенью 1501 года московские войска провели безуспешную осаду Мстиславля. Крупным успехом литовской дипломатии была нейтрализация крымской угрозы при помощи Большой Орды. Ещё одним фактором, действовавшим против Московского государства, стало серьёзное ухудшение отношений с Ливонией, приведшее в августе 1501 года к полномасштабной войне. Помимо этого, после смерти Яна Ольбрахта (17 июня 1501 года) его младший брат, великий князь литовский Александр, стал ещё и королём польским.

Весной 1502 года боевые действия велись неактивно. Ситуация изменилась в июне, после того как крымскому хану удалось наконец разгромить хана Большой орды Ших-Ахмеда, что позволило уже в августе совершить новый разорительный набег. Свой удар нанесли и московские войска: 14 июля 1502 года армия под командованием Дмитрия Жилки, сына Ивана III, выступила под Смоленск. Однако ряд просчётов (недостаток артиллерии и невысокая дисциплина собранного войска), а также упорная оборона защитников не позволили взять город. К тому же литовскому великому князю Александру удалось сформировать наёмное войско, также выступившее в направлении Смоленска. В итоге 23 октября 1502 года русская армия сняла осаду Смоленска и отступила.

В начале 1503 года между государствами начались мирные переговоры. Однако как литовские, так и московские послы выдвинули заведомо неприемлемые условия мира; в результате компромисса было решено подписать не мирный договор, а перемирие сроком на 6 лет. Согласно ему, во владении Российского государства

зооружённых сил Великого княжества Литовского. После создания
уководителей наряду с великим гетманом коронным.

оставались (формально — на срок перемирия) 19 городов с волостями, составлявшие до войны около трети земель Великого княжества Литовского; так, в частности, в состав русского государства вошли: Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж. Перемирие, известное под названием Благовещенского (по празднику Благовещения), было подписано 25 марта 1503 года.

44.288.3.9. Продолжение «собирания земель» и «тверское взятие»

Память: Иван III на почтовой марке России, 1995

После присоединения Новгорода политика «собирания земель» была продолжена. При этом действия великого князя были более активны. В 1481 году, после смерти бездетного брата Ивана III, удельного вологодского князя Андрея Меньшого, весь его надел перешёл к великому князю. 4 апреля 1482 года верейский князь Михаил Андреевич заключил с Иваном договор, согласно которому после его смерти к великому князю переходило Белоозеро, что явно нарушало права наследника Михаила — его сына Василия. После бегства Василия Михайловича в Литву Михаил 12 декабря 1483 года заключил с Иваном III новый договор, согласно которому после смерти верейского князя великому князю отходил уже весь удел Михаила Андреевича (князь Михаил скончался 9 апреля 1486 года). 4 июня 1485 года, после смерти матери великого князя, княгини Марии (в иночестве Марфы), в состав великокняжеских владений вошёл её удел, в том числе половина Ростова.

Серьёзной проблемой оставались отношения с Тверью. Зажатое между Москвой и Литвой, великое тверское княжество переживало не лучшие времена. В его составе также существовали удельные княжества; с 60-х годов XV века начинается переход тверской знати на московскую службу. Источники также сохранили упоминания о распространении в Твери различных ересей.

Не улучшали отношений и многочисленные земельные споры москвичей-вотчинников, владевших землёй в Тверском княжестве, и тверичей. В 1483 году вражда перешла в вооружённое противостояние. Формальным поводом к нему стала попытка тверского князя Михаила Борисовича укрепить свои связи с Литвой посредством династического брака и союзного договора. Москва отреагировала на это разрывом отношений и посылкой войск в тверские земли[36]; тверской князь признал своё поражение и в октябре-декабре 1484 года заключил с Иваном III мирный договор. Согласно нему, Михаил признавал себя «меньшим братом» великого московского князя, что в политической терминологии того времени означало фактическое превращение Твери в удельное княжество; договор о союзе с Литвой, разумеется, разрывался.

В 1485 году, использовав в качестве повода поимку гонца от Михаила Тверского к литовскому великому князю Казимиру, Москва вновь разорвала отношения с Тверским княжеством и начала боевые действия. В сентябре 1485 года русские войска начали осаду Твери. Значительная часть тверских бояр и удельных князей перешла на московскую службу, а сам князь Михаил Борисович, захватив казну, бежал в Литву. 15 сентября 1485 года Иван III вместе с наследником престола княжичем Иваном Молодым въехал в Тверь. Тверское княжество было передано в удел наследнику престола; кроме того, сюда был назначен московский наместник.

В 1486 году Иван III заключил новые договоры со своими братьями-удельными князьями — Борисом и Андреем. Помимо признания великого князя «старейшим» братом, новые договоры признавали его также «господином», и использовали титул «великий князь всея Руси». Тем не менее, положение братьев великого князя оставалось крайне шатким.

44.288.3.9.1. Расправа с братом

Самым непокорным из братьев Ивана III был Андрей Большой. Он возглавил мятеж против государя во время нападения Большой Орды на Русь в 1480 г. В 1488 г. боярин Андрея Образец донес князю, что государь намерен его схватить. Андрей тотчас обратился к главе думы Ивану Патрикееву с просьбой о посредничестве. Тот отклонил просьбу, и Андрей попытался сам объясниться с братом.

Иван III поклялся «богом и землею и богом сильным, творцом всея твари», что у него не было на уме преследовать Андрея. Клятва была прилична скорее язычнику, чем православному государю.

Клятвы подобного рода имели свой трафарет. Но Андрей был в руках брата и не мог поправлять его.

В столице толковали, будто слухи о грядущем аресте князя исходили от Мунта Татищева, служившего при дворе удельного князя. Велено было урезать ему язык, но затем наказание было смягчено.

Пока был жив наследник великого князя Иван Молодой, государь щадил брата. Но как только Иван Молодой умер, 20 сентября 1491 года Иван III приказал арестовать брата Андрея Большого и бросить его в тюрьму.

Князя обвиняли в изменнической переписке с Ахмат-ханом и с литовским королем, нарушении договора с Москвой и отказе послать свои войска против сыновей «ордынского царя» в 1491 г.

Князя Андрея держали в темнице «в железах», и он умер спустя два года.

Двух сыновей (княжичи Иван и Дмитрий) удельного князя арестовали в Угличе и увезли в Переславль, где держали «в великой истоме».

Некоторое время спустя Иван III созвал высшее духовенство. Он покаялся в присутствии духовных лиц и выразил горе по убиенном брате, «что своим грехом, несторожею, его уморил». Сведения о покаянии были включены в официальный летописный свод 1497 г. Тем не менее, покаяние Ивана ничего не изменило в судьбе детей Андрея: всю свою оставшуюся жизнь племянники великого князя провели в заточении[37].

Великий князь имел причины для покаяния. Но покаяние государя не облегчило судьбы двух сыновей Андрея. Эти последние провели в тюрьме всю свою жизнь — много лет, до самой своей смерти. Это обстоятельство не оставляет сомнений насчет целей расправы с Андреем Большим. Иван III опасался, что Андрей сгонит с трона его собственных сыновей.

В 1488 году князю Андрею доложили, что великий князь готов арестовать его. Попытка объясниться привела к тому, что Иван III поклялся «Богом и землею и Богом сильным, творцом всея твари» в том, что не собирался преследовать брата. Как отмечают Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин, форма этой клятвы была весьма необычна для православного государя.

…Во время ареста Андрея Большого под подозрением оказался и другой брат князя Ивана — Борис, князь Волоцкий. Однако ему удалось оправдаться перед великим князем и остаться на свободе. После его смерти в 1494 году княжество было разделено между детьми Бориса: Иван Борисович получил Рузу, а Фёдор — Волоколамск; в 1503 году князь Иван Борисович умер бездетным, оставив владения Ивану III.

Серьёзная борьба между сторонниками самостоятельности и приверженцами Москвы развернулась в начале 1480-х годов в сохранившей значительную автономию Вятке. Первоначально успех сопутствовал антимосковской партии; в 1485 году вятчане отказались участвовать в походе на Казань. Ответный поход московских войск не увенчался успехом, более того, из Вятки был изгнан московский наместник; наиболее видные сторонники великокняжеской власти были вынуждены бежать. Лишь в 1489 году московские войска под командованием Даниила Щени добились капитуляции города и окончательно присоединили Вятку к Российскому государству.

Практически утратило свою самостоятельность и Рязанское княжество. После смерти в 1483 году князя Василия на рязанский престол взошёл его сын, Иван Васильевич. Ещё один сын Василия, Фёдор, получил Перевитеск (он умер в 1503 году бездетным, оставив владения Ивану III). Фактической правительницей княжества стала вдова Василия, Анна, сестра Ивана III. В 1500 году рязанский князь Иван Васильевич умер; опекуншей малолетнего князя Ивана Ивановича стала сначала его бабка Анна, а после её смерти в 1501 году — его мать Аграфена. В 1520 году со взятием москвичами в плен рязанского князя Ивана Ивановича фактически Рязанское княжество окончательно превращается в удельное княжество в составе Российского государства.

Отношения с Псковской землёй, оставшейся в конце правления Ивана III практически единственным независимым от Москвы русским княжеством, также проходили в русле постепенного ограничения государственности. Так, псковичи теряют последние возможности влиять на выбор князей-великокняжеских наместников. В 1483—1486 годах в городе произошёл конфликт между, с одной стороны, псковскими посадниками и «черными людьми», и, с другой стороны, великокняжеским наместником князем Ярославом Оболенским и крестьянами («смердами»). В этом конфликте Иван III поддержал своего наместника; в конечном итоге, псковская верхушка капитулировала, выполнив требования великого князя.

Следующий конфликт между великим князем и Псковом разгорелся в начале 1499 года. Дело в том, что Иван III решил пожаловать своего сына, Василия Ивановича, новгородским и псковским княжением. Псковичи расценили решение великого князя как нарушение «старины»; попытки посадников в ходе переговоров в Москве изменить ситуацию привели лишь к их аресту. Только к сентябрю того же года, после обещания Ивана соблюдать «старину», конфликт был разрешён.

Впрочем, несмотря на эти разногласия, Псков оставался верным союзником Москвы. Псковская помощь сыграла важную роль в походе на Новгород 1477—1478 годах; псковичи внесли весомый вклад в победы русских войск над силами Великого княжества Литовского. В свою очередь, московские полки приняли посильное участие в отражении ударов ливонцев и шведов.

44.288.3.10. Походы на Пермь и Югру

Югра (Iuhra), «откуда происходят венгры» (inde ungaroru origo), указанная Сигизмундом фон Герберштейном к востоку от Оби на карте Московии 1549

Осваивая Северное Поморье, Московское государство, с одной стороны, столкнулось с противодействием Новгорода, считавшего эти земли своими, и, с другой стороны, с возможностью начать продвижение на север и северо-восток, за Уральские горы, на реку Обь, в нижнем течении которой находилась известная ещё новгородцам Югра[245]. В 1465 году по приказу

---

[245] В 1092 г. богатый новгородец Гюрята Рогович «***послах отрок свой в Печору, люди иже суть дань дающе Новугороду... а оттуда иде в югру***».

С конца XII и по 70-е годы XV столетия Югра была колониальным владением Великого Новгорода, с которого нерегулярно брали дань мехами, рыбой, моржовой костью и т. п. В XIV столетии в Великом Новгороде была образована отдельная корпорация — «Югорщина», члены которой были связаны с Югрой торговлей и сбором дани. С конца XII века известно о восстаниях племён Югры, объединённых в мелкие княжества, против новгородцев, вызванных насилиями при сборе дани пушниной и попытками христианизации, и продолжавшихся до XV века включительно. Наиболее крупное восстание произошло в 1445 году.

Ивана III поход на Югру совершили жители Устюга под руководством великокняжеского воеводы Тимофея (Василия) Скрябы. Поход был достаточно удачен: подчинив ряд мелких югорских князей, войско вернулось с победой. В 1467 году не очень удачный поход против независимых вогуличей (манси) совершили вятчане и коми-пермяки[38].

Получив по договору 1471 года с Новгородом часть Двинской земли (причём Заволочье, Печора и Югра продолжали числиться новгородскими), Московское царство продолжило продвижение на север. В 1472 году, использовав как предлог нанесение московским купцам оскорблений, Иван III послал в недавно крещёную Великую Пермь с войском князя Фёдора Пёстрого, подчинившего край Московскому государству. Номинальным правителем края остался князь Михаил Пермский, реальными же правителями страны как в духовном, так и в гражданском отношении были пермские епископы.

В 1481 году Перми Великой пришлось обороняться от вогуличей, которых возглавлял князь Асыка. При помощи устюжан Перми удалось отбиться, и уже в 1483 году на непокорных вогуличей был совершён поход. Экспедиция была организована с размахом: под командованием великокняжеских воевод князя Фёдора Курбского Чёрного и Ивана Салтыка-Травина были собраны силы со всех северных уездов страны. Поход оказался удачным, в его результате власти Московского государства подчинились князья обширного района, населённого преимущественно татарами, вогуличами (манси) и остяками (хантами).

Следующий, ставший наиболее масштабным, поход русских войск на Югру был предпринят в 1499—1500 годах. Всего в этой экспедиции приняло участие, согласно архивным данным, 4041 человек, разделённых на три отряда. Командовали ими московские воеводы: князь Семён Курбский (командуя одним из отрядов, он одновременно являлся и начальником всего похода), князь Пётр Ушатый и Василий Гаврилов Бражник. В ходе этого похода были покорены различные местные племена, а в состав Московского государства вошли бассейны Печоры и верхней Вычегды. Интересно, что сведения об этом походе, полученные С. Герберштейном от князя Семёна Курбского, были включены им в его «Записки о Московии». На земли, подчинённые в ходе этих экспедиций, была наложена дань пушниной[39].

44.288.4. Внутренняя политика

44.288.4.1. Интеграция новоприсоединённых земель

После присоединения в 1471 году Ярославского княжества на его территории начинается достаточно жёсткая унификация с общемосковскими порядками. Специально назначенный посланец великого князя поверстал на московскую службу ярославских князей и бояр, отняв у них часть земель. В одной из критически настроенных летописей того времени эти события описаны так: «***У кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добрая, ин отнял да записал на великого князя, а кто будет сам добр боярин или сын боярский[246], ин его самого записал***»[40]. Схожие процессы происходили и в перешедшем под контроль Москвы Ростове. Здесь также наблюдался процесс поверстания местной элиты (как князей, так и бояр) на службу великому князю, причём ростовские князья сохранили в своих руках значительно меньшие по сравнению с ярославскими князьями вотчины. Ряд владений был приобретён как великим князем, так и московской знатью[41].

Присоединение Тверского княжества в 1485 году и его интеграция в Российское государство произошло достаточно мягко. Оно было фактически превращено в одно из удельных княжеств; Иван Иванович был поставлен «на великом княжении на тферском». При княжиче Иване был оставлен московский наместник Василий Образец-Добрынский. Тверь сохранила многие атрибуты самостоятельности: княжескими землями управлял особый Тверской дворец; хотя

---

[246] **Дети** (или сыны) **боярские** — сословие, существовавшее на Руси в конце XIV — начале XVIII веков. В XVI—XVII веках дети боярские вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятни по уездам, и составляли русскую конницу

некоторые тверские бояре и князья и были переведены в Москву, новый тверской князь управлял княжеством при помощи тверской же боярской думы; удельные князья, поддержавшие Ивана III, даже получили новые вотчины (впрочем, ненадолго; вскоре они были у них вновь отобраны). В 1490 году, после смерти Ивана Ивановича, Тверь на некоторый срок перешла ко княжичу Василию, а в 1497 году была у него отнята. К началу XVI века тверской двор окончательно слился с московским, а некоторые тверские бояре перешли в московскую думу.

Интерес представляет также интеграция в общегосударственную структуру Белозерского княжества. После его перехода в 1486 году под власть Москвы, в марте 1488 года была обнародована Белозерская уставная грамота. Среди прочего, она устанавливала нормы кормлений представителей власти, а также регламентировала судопроизводство[42].

Наиболее глубокий характер носили перемены, постигшие Новгородскую землю. Отличия общественного строя Новгородского государства от московских порядков носили куда более глубокий характер, нежели в прочих новоприсоединённых землях. В основе вечевых порядков лежало богатство новгородской боярско-купеческой аристократии, владевшей обширными вотчинами; огромными землями также располагала новгородская церковь. В ходе переговоров о сдаче города великому князю московская сторона дала ряд гарантий, в частности, было обещано не выселять новгородцев «на Низ» (за пределы новгородской земли, на собственно московскую территорию) и не конфисковать имущество[43].

Сразу после падения города были произведены аресты. Была взята под стражу непримиримая противница Московского государства Марфа Борецкая, огромные владения семьи Борецких перешли в руки казны; схожая участь постигла ряд других вождей пролитовской партии. Помимо этого, был конфискован ряд земель, принадлежавших новгородской церкви. В последующие годы аресты были продолжены: так, в январе 1480 года под стражу был взят архиепископ Феофил; в 1481 году попали в опалу недавно принятые на государеву службу бояре Василий Казимир, его брат Яков Коробов, Михаил Берденев и Лука Фёдоров. В 1483—1484 годах последовала новая волна арестов бояр по обвинению в государственной измене, в 1486 году из города было выселено пятьдесят семей. И, наконец, в 1487 году было принято решение о выселении из города всей землевладельческо-торговой аристократии и конфискации её вотчин. Зимой 1487—1488 года из города было выселено около 7 000 человек — бояр и «житьих людей». В следующем году из Новгорода было выселено ещё более тысячи купцов и «житьих людей». Их вотчины были конфискованы в казну, откуда частично были розданы в поместья московским детям боярским, частично переданы в собственность московским боярам, а частично составили владения великого князя[44][45]. Таким образом, место знатных новгородских вотчинников заняли московские переселенцы, владевшие землёй уже на основе поместной системы; простой народ переселение знати не затронуло[46]. Параллельно с конфискациями вотчин была проведена перепись земель, подведшая итог земельной реформы. В 1489 году таким же образом была выселена часть населения Хлынова (Вятки).

Ликвидация господства старой землевладельческо-торговой аристократии Новгорода шла параллельно с ломкой старого государственного управления. Власть перешла в руки наместников, назначавшихся великим князем, и ведавших как военными, так и судебно-административными делами. Потерял значительную часть своей власти и новгородский архиепископ. Им после смерти в 1483 году архиепископа Феофила (арестованного в 1480 году) стал троицкий инок Сергий, сразу восстановивший против себя местное духовенство. В 1484 году его сменил назначенный из Москвы архимандрит Чудова монастыря Геннадий Гонзов, сторонник великокняжеской политики[47]. В будущем архиепископ Геннадий стал одной из центральных фигур в борьбе против ереси «жидовствующих».

44.288.4.2. Введение Судебника

Объединение прежде раздробленных русских земель в единое государство настоятельно требовало помимо политического единства создать также единство правовой системы. В сентябре 1497 года в действие был введён Судебник — единый законодательный кодекс.

Относительно того, кто мог быть составителем Судебника, точных данных нет. Господствовавшее в течение долгого времени мнение о том, что его автором был Владимир Гусев (восходящее к Карамзину), в современной историографии рассматривается как следствие ошибочной интерпретации испорченного летописного текста. По мнению Я. С. Лурье и Л. В. Черепнина, здесь мы имеем дело со смешением в тексте двух разных известий — о введении Судебника и о казни Гусева[48].

В качестве известных нам источников норм права, отражённых в Судебнике, обычно называют следующие памятники древнерусского законодательства:

- Русская правда, включая её позднейшие редакции.
- Уставные грамоты (Двинская и Белозерская). Уставные грамоты — нормативные документы, издаваемые верховной властью по вопросам местного управления
- Псковская судная грамота. Судные грамоты — постановления о судоустройстве, даруемые отдельным местностям и содержащие, кроме того, некоторые нормы гражданского и уголовного права
- Ряд указов и распоряжений московских князей
- Судебные решения по отдельным вопросам.

Вместе с тем, часть текста Судебника составляют нормы, не имеющие аналогов в предшествующем законодательстве.

Круг вопросов, отражённых в этом первом за долгое время обобщающем законодательном акте, весьма широк: это и установление единых для всей страны норм судопроизводства, и нормы уголовного права, и установления гражданского права. Одной из наиболее важных статей Судебника стала статья 57 — «О христьянском отказе», вводившая единый для всего Российского государства срок перехода крестьян от одного землевладельца к другому — за неделю до и неделей после Юрьева дня (осеннего) (26 ноября). В ряде статей затрагивались вопросы землевладения. Значительную часть текста памятника занимали статьи о юридическом статусе холопов.

Создание в 1497 году общерусского Судебника стало важным событием в истории законодательства России. Стоит отметить, что подобного единого кодекса не существовало даже в некоторых государствах Европы (в частности, в Англии и во Франции). Перевод ряда статей был включён С. Герберштейном в его труд «Записки о Московии»[49]. Издание Судебника явилось важной мерой укрепления политического единства страны путём унификации законодательства.

44.288.5. Культурная и идеологическая политика

Объединение страны не могло не сказаться благотворно на культуре России. Масштабное крепостное строительство, возведение храмов, расцвет летописания в эпоху Ивана III являются зримым свидетельством духовного подъёма страны; при этом немаловажным фактом, свидетельствующим об интенсивности культурной жизни, является появление новых идей. Именно в это время появляются концепции, составившие в будущем весомую часть государственной идеологии России.

44.288.5.1. Архитектура

Успенский собор

Большой шаг вперёд при Иване III сделало русское зодчество; немалую роль в этом сыграло то, что по приглашению великого князя в страну прибыл целый ряд итальянских мастеров, познакомивших Россию с

архитектурными приёмами бурно развивавшегося Возрождения.

Уже в 1462 году начинается строительство в Кремле: был начат ремонт требовавших починки стен. В дальнейшем масштабное строительство в великокняжеской резиденции продолжилось: в 1472 году по указанию Ивана III на месте обветшавшего собора, построенного в 1326—1327 годах при Иване Калите, было решено возвести новый Успенский собор. Строительство было поручено московским мастерам; однако, когда до окончания работ осталось совсем немного, собор рухнул. В 1475 году в Россию был приглашён Аристотель Фиораванти, который сразу же взялся за дело. Остатки стен были снесены, на их месте был выстроен храм, неизменно вызывавший восхищение современников. 12 августа 1479 года новый собор был освящён митрополитом Геронтием.

С 1485 года начинается интенсивное строительство в Кремле, не прекращавшееся на протяжении всей жизни великого князя. Взамен старых деревянных и белокаменных укреплений были выстроены кирпичные; к 1515 году итальянские зодчие Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо, а также ряд других превратили Кремль в одну из самых сильных крепостей того времени. Продолжалось строительство и внутри стен: в 1489 году псковскими мастерами был выстроен Благовещенский собор, был возведён новый великокняжеский дворец, одной из частей которого стала возведённая итальянскими зодчими в 1491 году Грановитая палата. Всего, по сообщению летописей, в 1479—1505 годах в столице было построено около 25 церквей[50].

Грановитая палата

Масштабное строительство (прежде всего оборонной направленности) проводилось и в других частях страны: так, в 1490—1500 годах был перестроен новгородский кремль; в 1492 году на границе с Ливонией, напротив Нарвы, была возведена крепость Ивангород. Обновлялись также крепостные сооружения Пскова, Старой Ладоги, Яма, Орехова, Нижнего Новгорода (с 1500 года); в 1485 и 1492 годах были проведены масштабные работы по укреплению Владимира. По приказу великого князя были построены крепости и на окраинах страны: в Белоозере (1486 год), в Великих Луках (1493 год)[51].

44.288.5.2. Литература

Время правления Ивана III было также временем появления ряда оригинальных литературных произведений; так, в частности, в 1470-х годах написал своё «Хожение за три моря» тверской купец Афанасий Никитин. Интересным памятником эпохи является составленная **Фёдором Курицыным** на основе легенд, услышанных им в ходе пребывания в Валахии, «Повесть о Дракуле», повествующая о прославившемся своей жестокостью валашском господаре Владе Тепеше.

Значительный толчок развитию религиозной литературы был дан борьбой против ереси «жидовствующих»; также в произведениях этой эпохи нашли своё отражение споры о церковных богатствах. Можно отметить ряд произведений Иосифа Волоцкого, в которых он выступает как ярый обличитель ереси; наиболее законченный вид это обличение принимает в «Просветителе» (первая редакция которого, впрочем, составлена не ранее 1502 года)[52].

Летописание в этот период переживает свой расцвет; при великокняжеском дворе интенсивно составляются и перерабатываются летописные своды. Однако вместе с тем именно в этот период, вследствие объединения страны, полностью исчезает независимое летописание, бывшее характерной чертой предшествующей эпохи. Начиная с 1490-х годов, летописи, создаваемые в русских городах — Новгороде, Пскове, Вологде, Твери, Ростове, Устюге и ещё в ряде мест — представляют собой либо видоизменённый великокняжеский свод, либо летопись местного характера, не претендующую на общерусское значение. Церковное (в частности, митрополичье) летописание в этот период также сливается с великокняжеским. При этом активно ведётся редактирование летописных известий, их переработка как в интересах великокняжеской политики, так и в интересах конкретных группировок, пользующихся наибольшим влиянием в

момент написания свода (в первую очередь это было связано с династической борьбой между партией Василия Ивановича и Дмитрия-внука)[53].

44.288.6. Идеология власти, титул и герб

Наиболее заметными воплощениями формировавшейся идеологии объединённой страны в исторической литературе принято считать новый герб — двуглавый орёл, и новый титул великого князя. Кроме того, отмечается, что именно в эпоху Ивана III зарождаются те идеи, которые чуть позже составят официальную идеологию Московского государства.

Перемены в положении великого московского князя, превратившегося из правителя одного из русских княжеств в повелителя обширной державы, не могли не привести к переменам в титулатуре. Как и его предшественники[54][55][56], Иван III пользовался (например, в июне 1485 года) титулом «великого князя всея Руси», что потенциально означало ещё и претензии на земли, находившиеся под властью великого князя Литовского (также именовавшегося, помимо прочего, «великим князем русским»). В 1494 году литовский великий князь выразил готовность признать этот титул[57]. В полный титул Ивана III были включены также и названия земель, вошедших в состав России; теперь он звучал как «государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных»[58]. Ещё одним нововведением в титулатуре стало появление титула «самодержец», являвшегося калькой византийского титула «автократор» (греч. αὐτοκράτωρ)[59]. К эпохе Ивана III относятся и первые случаи использования великим князем титула «царь» (или «кесарь») в дипломатической переписке, — пока только в отношениях с мелкими германскими князьями и Ливонским орденом[60]; царский титул начинает широко использоваться в литературных произведениях. Этот факт чрезвычайно показателен: со времён начала монголо-татарского ига «царём» именовался хан Орды; к русским князьям, не имеющим государственной самостоятельности, такой титул почти никогда не применялся[61]. Превращение страны из данника Орды в мощную независимую державу не прошло незамеченным и за границей: в 1489 году посол императора Священной Римской империи Николай Поппель от имени своего сюзерена предложил Ивану III королевский титул. Великий князь отказался, указав, что «***мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы… а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим***»[62].

Прорисовка великокняжеской печати, датируемой 1497 годом

Появление двуглавого орла[247] в качестве государственного символа Московского государства зафиксировано в конце XV века: он изображён на печати одной из грамот, выданной в 1497 году Иваном III. Несколько ранее аналогичный символ появился на монетах тверского княжества (ещё до присоединения к Москве); ряд новгородских монет, отчеканенных уже под властью великого князя, также несёт этот знак. Относительно происхождения двуглавого орла в исторической литературе существуют различные мнения: так, наиболее традиционный взгляд на его появление в качестве государственного символа заключается в том, что орёл был заимствован из Византии, а принесла его с собой племянница последнего византийского императора и жена Ивана III, Софья Палеолог; восходит это мнение к Карамзину. Как отмечается в современных исследованиях, помимо явных сильных сторон, у этой версии есть и недостатки: в частности, Софья происходила из Мореи — с окраины Византийской империи; орёл появился в государственной практике едва ли не через два десятилетия после брака великого князя с византийской царевной; и, наконец, неизвестно ни о каких претензиях

---

[247] Двуглавый орёл — эмблема династии Палеологов (а не всей Византийской империи, как принято считать) и символ Хеттского царства.

Ивана III на византийский престол. В качестве модификации византийской теории происхождения орла получила некоторую известность южнославянская теория, связанная со значительным использованием двуглавых орлов на окраинах византийского мира. Вместе с тем, следов подобного взаимодействия пока обнаружить не удалось, и сам облик двуглавого орла Ивана III отличается от его предполагаемых южнославянских прототипов. Ещё одной теорией происхождения орла можно считать мнение о заимствовании орла из Священной Римской империи, использовавшей этот символ с 1442 года — и в этом случае эмблема символизирует равенство рангов императора Священной Римской империи и великого князя московского. Отмечают также, что одним из символом, изображавшимся на монетах Новгородской республики, являлся одноглавый орёл; в этой версии появление двуглавого орла на печати великого князя выглядит развитием местных традиций. Стоит отметить, что в настоящий момент однозначного мнения о том, какая из теорий точней описывает действительность, не существует[63].

Помимо принятия новых титулов и символики, заслуживают внимания также появившиеся в правление Ивана III идеи, составившие идеологию государственной власти. Прежде всего стоит отметить идею преемственности великокняжеской власти от византийских императоров; впервые эта концепция появляется в 1492 году, в труде митрополита Зосимы «Изложение Пасхалии». По мнению автора этого сочинения, Бог поставил Ивана III, как и «новаго царя Константина новому граду Констянтину, — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя»[64]. Чуть позже подобное сравнение обретёт стройность в концепции «Москва — третий Рим», окончательно сформулированной монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем уже при Василии III. Ещё одной идеей, идеологически обосновывавшей великокняжескую власть, была легенда о регалиях Мономаха и о происхождении русских князей от римского императора Августа. Отражённая в несколько более позднем «Сказании о князьях владимирских», она станет важным элементом государственной идеологии при Василии III и Иване IV. Любопытно, что, как отмечают исследователи, первоначальный текст легенды выдвигал в качестве потомков Августа не московских, а тверских великих князей[65].

При этом стоит отметить, что подобные идеи в период правления Ивана III не получили сколько-нибудь широкого распространения; так, например, показательно то, что новопостроенный Успенский собор сравнивался не с цареградской Святой Софией, а со владимирским Успенским собором; идея о происхождении московских князей от Августа вплоть до середины XVI века отражается лишь во внелетописных источниках. В целом, хотя эпоха Ивана III — это период зарождения значительной части государственной идеологии XVI века, нельзя говорить о какой-либо государственной поддержке этих идей. Летописи этого времени скудны идейным содержанием; в них не прослеживается сколько-нибудь единой идеологической концепции; появление таких идей — дело последующей эпохи[66].

44.288.7. Династический кризис

1498 — 1499 гг. обычно называют годами династического кризиса. Интересным свидетельством укрепления великокняжеской власти и ее престижа является эволюция титула, которым пользовались великие князья московские в конце XV — первой половине XVI в. Традиционно монарх назывался «Великий князь Московской и всея Руси». В сношениях с Великим княжеством Литовским этот титул употреблялся Иваном III до 1487. Однако в 1492 — 1494 гг. велись напряженные переговоры о заключении династического брака между великим князем Литовским Александром и дочерью Ивана III Еленой (венчание состоялось в 1495 г. в Вильно по православному и католическому обрядам одновременно). Великое княжество Литовское, которое само предъявляло права на Киевское наследие, т.е. объединение всех восточнославянских земель под своей властью, воспротивилось словам «всея Руси» в титуле великого князя Московского. Идя на уступки, московская сторона в 1494 — 1499 гг. отказалась от этих слов в официальном титуле монарха.

Однако амбиции Ивана III шли гораздо дальше. Он впервые в истории России в отдельных случаях именовался царем, например, в сношениях с Ливонским орденом с 1471 г. называл себя

так не только сам государь Иван III, но и его тогдашний наследник Иван Иванович Молодой (назван так, потому что рано умер). В 1498 г» во время венчания Дмитрия-внука Иван III сделал попытку присвоить себе титул «царя» и «самодержца».

Русские государи на протяжении конца XV — начала XVI в. совершенствовали свой титул, тщательно присматривались к тому, как оформляли свои притязания на власть их славянские предшественники.

Болгарские и сербские государи, Асени и Неманичи, в период независимости и расцвета Болгарии и Сербии носили титул царей и самодержцев, причем принятие этих титулов сочеталось с представлением о власти над Византией и греками. Недаром Асени называли себя «царями болгар и греков». Еще дальше пошел Стефан Душан, первым из сербских королей принявший титул царя. Термин «самодержец* — калька с греческого «автократор», применявшийся в славянских странах с древнейших времен образования их государственности (так называли себя князья киевские, владимирские, цари и короли болгарские и сербские), — исключал, прежде всего, саму возможность существования других независимых или полунезависимых князей. Не случайно на Руси этот термин стал применяться, когда Иван III после смерти или ухода с политической арены братьев, удельных князей, остался единственным великим князем. В условиях внешнеполитических отношений 1498 г. употребление Иваном III этого титула, равно как в венчание внука по образцу венчания сына императора, ставило великого князя на более высокую ступеньку иерархической лестницы европейских государств. Царем называл себя в некоторых случаях и преемник Ивана III — его сын Василий III, но полного официального признания со стороны всех государств он не получил. Официально первым российским царем стал считаться только Иван IV Грозный.

44.288.8. Церковная политика

Чрезвычайно важной частью внутренней политики Ивана III были его отношения с церковью. Основными событиями, характеризующими церковные дела во время его правления, можно назвать, во-первых, появление двух церковно-политических течений, по-разному относившихся к существовавшей на тот момент практике церковной жизни, и, во-вторых, появление, развитие и разгром так называемой «ереси жидовствующих». При этом необходимо отметить, что на внутрицерковную борьбу неоднократно оказывали влияние как противоречия внутри великокняжеской семьи, так и внешние факторы. Помимо этого, определённую сложность в дела церкви вносила состоявшаяся в 1439 году Флорентийская уния и попытки Католической церкви вынудить Православную церковь к её признанию.

44.288.8.1. Первые конфликты

Впервые великий князь вступил в конфликт с церковными властями в 1478 году, когда настоятель Кирилло-Белозерского монастыря Нифонт решил перейти от ростовского епископа Вассиана в прямое подчинение к удельному князю Михаилу Верейскому. При этом митрополит Геронтий поддержал настоятеля, а великий князь — епископа Вассиана; под давлением митрополит уступил. В том же году, покорив Новгород, великий князь провёл широкие конфискации земель богатейшей новгородской епархии. В 1479 году конфликт вновь обострился; поводом стала процедура освящения митрополитом Геронтием новопостроенного Успенского собора в Кремле[67]. Вплоть до решения спора митрополиту было запрещено освящать храмы[68]. Однако вскоре великому князю стало не до богословских тонкостей: в 1480 году на Русь двинулся хан Большой Орды Ахмат, Иван III был занят обороной страны, и спор пришлось отложить до 1482 года. К этому времени вопрос встал весьма остро ещё и потому, что из-за великокняжеского запрета многие новопостроенные церкви оставались неосвящёнными. Потеряв терпение, митрополит, оставив кафедру, уехал в Симонов монастырь, и лишь поездка к нему самого Ивана III с извинениями позволила временно погасить конфликт.

1483—1484 годы ознаменовались новой попыткой великого князя подчинить себе строптивого Геронтия. В ноябре 1483 года митрополит, сославшись на болезнь, вновь отбыл в Симонов

монастырь. Однако на сей раз Иван III не поехал к Геронтию, а попытался сместить его, силой задержав при монастыре. Лишь через несколько месяцев митрополит вернулся на престол.

Тем временем в русской церкви зародились и получили некоторое распространение два течения, по-разному относившиеся к вопросу о церковной собственности. Последователи Нила Сорского, получившие наименование «нестяжателей», выступали за добровольный отказ церкви от богатств и переход к более бедной и аскетичной жизни. Их оппоненты, получившие наименование «иосифлян» («осифлян», по имени Иосифа Волоцкого), напротив, отстаивали право церкви на богатство (в частности, на земли). Вместе с тем, иосифляне выступали за соблюдение монастырских уставов, бедность и трудолюбие каждого монаха в отдельности.

44.288.8.2. Ересь «жидовствующих» и собор 1490 года

В 1484 году Иван III назначил новгородским епископом своего давнего сторонника Геннадия Гонзова. Вскоре новоназначенный епископ забил тревогу: по его мнению, в Новгороде появилась и широко распространилась ересь (получившая в исторической литературе название «ересь жидовствующих»). Геннадий начал активную борьбу против неё, привлекая даже опыт католической инквизиции[69], однако здесь он натолкнулся на непредвиденные обстоятельства: некоторые из предполагаемых еретиков пользовались покровительством великого князя. Так, в частности, немалым влиянием на государственные дела обладал Фёдор Курицын; места священников в Успенском и Архангельском соборах занимали ещё двое еретиков — Денис и Алексей; с еретиками была связана жена наследника престола Ивана Ивановича — Елена Волошанка[70]. Попытки Геннадия на основании показаний арестованных в Новгороде еретиков добиться ареста московских сторонников ереси не дали результата; Иван III не склонен был придавать делу о ереси большого значения. Тем не менее, Геннадию удалось привлечь на свою сторону ряд церковных иерархов; помимо прочих, его активно поддержал Иосиф Волоцкий.

В мае 1489 года умер митрополит Геронтий. Старшим иерархом церкви стал архиепископ Геннадий, что сразу усилило позиции сторонников искоренения ереси. К тому же, 7 марта 1490 года умер наследник престола княжич Иван Иванович, женой которого была покровительница еретиков Елена Стефановна, в результате чего выросло влияние приверженцев ревнительницы ортодоксального православия Софьи Палеолог и княжича Василия. Тем не менее, 26 сентября 1490 года новым митрополитом стал недруг архиепископа Геннадия, Зосима (Иосиф Волоцкий, не стесняясь сильных выражений, упрекал Зосиму в ереси[71]), а 17 октября был собран церковный собор.

Результатом собора стало осуждение ереси. Ряд видных еретиков был арестован; некоторые попали в заключение (их содержали в очень суровых условиях, ставших для многих смертельными), некоторые были выданы Геннадию и показательно провезены по Новгороду. Одна из новгородских летописей упоминает и более жестокие расправы: сожжения еретиков «на Духовском поле». Вместе с тем, некоторые сторонники ереси не были арестованы: так, не понёс наказания Фёдор Курицын.

44.288.8.3. Дискуссия о церковном имуществе и окончательный разгром ереси

Собор 1490 года не привёл к полному уничтожению ереси, однако серьёзно ослабил позиции её сторонников. В последующие годы противники еретиков провели значительную пропагандистскую работу: так, между 1492 и 1504 годом было закончено «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого. В определённой мере это оживление церковной мысли было связано с наступлением 7000 года «от сотворения мира» (1492 год от Рождества Христова) и широким распространением ожидания конца света. Известно, что подобные настроения вызывали насмешки сторонников ереси, что привело, в свою очередь, к появлению разъяснительных сочинений деятелей церкви. Так, митрополитом Зосимой было написано «Изложение пасхалии» с расчётами церковных праздников на 20 лет вперёд[72]. Ещё одним видом такой работы стал перевод дьяком Дмитрием Герасимовым на русский язык ряда католических антииудейских трактатов. Помимо антиеретических идей получили широкую известность, в частности, и мысли о недопустимости конфискации земель церкви: так, около 1497 года в

Новгороде по поручению архиепископа Геннадия католическим монахом-доминиканцем Вениамином на эту тему был составлен трактат. Необходимо отметить, что появление такого сочинения в Новгороде диктовалось прежде всего новгородской реальностью — конфискациями великим князем архиепископских земель.

В августе-начале сентября 1503 года был созван новый церковный собор. В его ходе были приняты важные решения, значительно менявшие повседневную церковную практику: в частности, были полностью отменены пошлины за поставление на церковные должности. Это решение, видимо, нашло поддержку среди нестяжателей. Кроме того, подобная практика неоднократно подвергалась критике со стороны еретиков. Тем не менее, был принят также ряд мер, предложенных и активно поддерживавшихся иосифлянами. После подписания соборного приговора (Иван III скрепил его собственной печатью, что подчёркивало важность нововведений) собор шёл к своему логическому завершению; из столицы даже успел уехать вызванный неотложными делами Иосиф Волоцкий. Однако неожиданно Нилом Сорским на обсуждение был поставлен вопрос о том, достойно ли монастырям владеть вотчинами. В ходе разгоревшейся дискуссии нестяжателям и иосифлянам не удалось прийти к единому мнению. В конечном итоге, попытка нестяжателей убедить иерархов церкви в своей правоте провалилась, несмотря на явную симпатию великого князя идее секуляризации земель.

Собор 1503 года, занятый прежде всего внутрицерковными проблемами, не решил окончательно вопрос о ереси; вместе с тем, к этому времени положение еретиков на княжеском дворе было как никогда шатким. После ареста в 1502 году их покровительницы Елены Волошанки и провозглашения Василия Ивановича, сына поборницы православия Софьи Палеолог, наследником, сторонники ереси в значительной степени утратили влияние при дворе. Более того, и сам Иван наконец прислушался к мнению духовенства; Иосиф Волоцкий в дошедшем до нас послании к духовнику Ивана III упоминает даже о покаянии великого князя и обещании наказать еретиков. В 1504 году в Москве был созван новый церковный собор, осудивший видных деятелей ереси на смерть. 27 декабря 1504 года в Москве были сожжены главные еретики; казни прошли также в Новгороде. Столь жестокая расправа вызвала неоднозначную реакцию, в том числе и среди духовенства; Иосиф Волоцкий был вынужден выступить со специальным посланием, подчёркивавшим законность произошедших казней[73].

…В средневековом православии ритуальные массовые убийства за религиозные убеждения считались "душеспасительным и особенно приятным господу богу делом".... Тогда один из родоначальников православной инквизиции, ныне святой Иосиф Волоцкий, разработал целую садистско - "богословскую теорию" и ритуалы, говоря что " руками убити или молитвою едино есть" и что убивающая человека инквизиторская "рука, тем самым освящается" и т.д. и т.п. Разумеется без поддержки и содействия светской власти у этого маньяка душегуба вряд ли что бы получилось. Поэтому им была создана также и теория взаимодействия церковной и царской властей по осуществлению и подготовки этого "богоугодного дела"

"Сожжение еретиков в 1504 году" в Москве. художник Г.Н.Горелов

Особая роль отводилась церкви для поисков жертвы, "богопремудростным художеством и богонаученным коварством". Вдохновляло на такие "духовные подвиги" Иосифа Волоцкого, житие

св. Стефана Сербского, который весьма отличился подобными патологическими садистскими наклонностями, и собственноручно лишал жизни, всех ему не угодных. Иосиф постоянно цитировал его, как достойного христианина царю и боярам и тем иерархам, которые сначала пытались унять его маниакальный инквизиционный психоз. В ответ Иосиф, пускаясь в лукавые рассуждения обвинял их самих в ереси и указывал, что их место на костре. Так инквизиционный ритуал был принят к исполнению церковью и царизмом..

44.288.9. Семья и вопрос престолонаследия

Первой женой великого князя Ивана стала Мария Борисовна, дочь тверского князя Бориса Александровича. 15 февраля 1458 года в семье великого князя родился сын Иван. Великая княгиня, обладавшая кротким характером, умерла 22 апреля 1467 года, не достигнув и тридцатилетнего возраста. По слухам, появившимся в столице, Мария Борисовна была отравлена[74]; дьяк Алексей Полуектов, чья жена Наталья, опять же по слухам, была как-то замешана в истории с отравлением и обращалась к ворожеям, попал в опалу. Великая княгиня была похоронена в Кремле, в Вознесенском женском монастыре. Иван, находившийся в это время в Коломне, на похороны жены не приехал.

Софья Палеолог. Реконструкция С. А. Никитина, 1994 г.

Через два года после смерти своей первой супруги великий князь решил жениться вновь. После совещания со своей матерью, а также с боярами и митрополитом он решил дать согласие на недавно полученное от папы римского предложение вступить в брак с византийской царевной Софьей (Зоей), племянницей последнего императора Византии, Константина XI, погибшего в 1453 году при взятии Константинополя турками. Отец Софьи, Фома Палеолог, последний правитель Морейского деспотата, бежал от наступающих турок в Италию вместе со своей семьёй; его дети пользовались папским покровительством. Переговоры, продолжавшиеся в течение трёх лет, закончились, в конечном итоге, приездом Софьи. 12 (21) ноября 1472 года великий князь обвенчался с ней в кремлёвском Успенском соборе. Стоит отметить, что попытки папского двора воздействовать через Софью на Ивана, и убедить его в необходимости признать унию, полностью провалились.

44.288.9.1. Борьба наследников

С течением времени второй брак великого князя стал одним из источников напряжённости при дворе. Достаточно скоро сложились две группировки придворной знати, одна из которых поддерживала наследника престола — Ивана Ивановича Молодого, а вторая — новую великую княгиню Софью Палеолог. В 1476 году венецианец А. Контарини отмечал, что наследник «в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной» (Софьей)[75], однако уже с 1477 года Иван Иванович упоминается как соправитель отца; в 1480 году он сыграл важную роль в ходе столкновения с Ордой и «стояния на Угре». В последующие годы великокняжеская семья значительно увеличилась: Софья родила великому князю в общей сложности девятерых детей — пятерых сыновей и четыре дочери[76].

Тем временем, в январе 1483 года вступил в брак и наследник престола, Иван Иванович Молодой. Его женой стала дочь господаря Молдавии Стефана Великого, Елена. 10 октября 1483 года у них родился сын Дмитрий. После присоединения Твери в 1485 году Иван Молодой назначается отцом тверским князем; в одном из источников этого периода Иван III и Иван Молодой именуются «самодержцами Русской земли». Таким образом, в течение всех 1480-х годов положение Ивана Ивановича как законного наследника было вполне прочным. Положение же сторонников Софьи Палеолог было намного менее выгодным. Так, в частности, великой княгине не удалось добыть государственных должностей для своих родственников; её брат Андрей убыл из Москвы ни с чем, а племянница Мария, супруга князя Василия Верейского

(наследника Верейско-Белозёрского княжества), была вынуждена бежать в Литву вместе с мужем, что отразилось и на положении Софьи[77].

Андрей Палеолог, брат великой княгини Софьи Палеолог. С фрески Пинтуриккьо во Дворце Борджиа в Ватикане

Однако к 1490 году в действие вступили новые обстоятельства. Сын великого князя, наследник престола Иван Иванович заболел «камчюгою в ногах» (подагрой). Софья выписала из Венеции лекаря — «мистро Леона», который самонадеянно пообещал Ивану III вылечить наследника престола; тем не менее, все старания врача оказались бессильны, и 7 марта 1490 года Иван Молодой скончался. Врач был казнён, а по Москве поползли слухи об отравлении наследника; спустя сто лет эти слухи, уже в качестве неоспоримых фактов, записал Андрей Курбский. Современные историки относятся к гипотезе об отравлении Ивана Молодого как к непроверяемой за недостатком источников[78].

44.288.9.2. Заговор Владимира Гусева и коронация Дмитрия-внука

После смерти Ивана Молодого наследником престола стал его сын, внук Ивана III, Дмитрий. В течение нескольких последующих лет продолжалась борьба между его сторонниками и приверженцами Василия Ивановича; к 1497 году эта борьба серьёзно обострилась. Этому обострению способствовало решение великого князя короновать своего внука, присвоив ему титул великого князя и решив таким образом вопрос о престолонаследии. Разумеется, сторонников Василия действия Ивана III категорически не устраивали. В декабре 1497 года был раскрыт серьёзный заговор, ставивший своей целью мятеж княжича Василия против своего отца. Помимо «отъезда» Василия и расправы над Дмитрием заговорщики предполагали также захватить великокняжескую казну (находившуюся на Белоозере). Стоит отметить, что заговор не нашёл поддержки среди высшего боярства; заговорщики, хотя и происходили из довольно знатных семей, тем не менее, не входили в ближайшее окружение великого князя[79]. Результатом заговора стала опала Софьи, которую, как выяснило следствие, посещали колдуньи и ворожеи; княжич Василий был посажен под домашний арест. Главные заговорщики из числа детей боярских (Афанасий Еропкин, Щавей Скрябин сын Травин, Владимир Гусев), а также связанные с Софьей «бабы лихие» были казнены, некоторые заговорщики попали в тюрьму.

4 февраля 1498 года в Успенском соборе в обстановке большой пышности прошла коронация княжича Дмитрия. В присутствии митрополита и высших иерархов церкви, бояр и членов великокняжеской семьи (за исключением Софьи и Василия Ивановича, которых на церемонию не пригласили) Иван III «благословил и пожаловал» внука великим княжением. На Дмитрия были возложены бармы и Шапка Мономаха, а после коронации в его честь был дан «пир великий». Уже во второй половине 1498 года новый титул Дмитрия («великий князь») используется в официальных документах. Коронация Дмитрия-внука оставила заметный след в церемониале московского двора (так, в частности, «Чин венчания Дмитрия-внука», описывающий церемонию, повлиял на чин венчания, разработанный в 1547 году для коронации Ивана IV), а также получила отражение в ряде внелетописных памятников (прежде всего в «Сказании о князьях владимирских», идеологически обосновывавшем права московских государей на русские земли).

44.288.9.3. Переход власти к Василию Ивановичу

Коронация Дмитрия-внука не принесла ему победы в схватке за власть, хотя и усилила позиции. Однако борьба между партиями двух наследников продолжалась; Дмитрий не получил ни удела, ни реальной власти. Тем временем внутриполитическая ситуация в стране обострилась: в январе 1499 года по приказу Ивана III был арестован и осуждён на смерть ряд бояр — князь Иван Юрьевич Патрикеев, его дети, князья Василий и Иван, и его зять, князь Семен Ряполовский. Все вышеперечисленные входили в состав боярской верхушки; И. Ю. Патрикеев был двоюродным братом великого князя, носил боярский чин в течение 40 лет и на момент ареста возглавлял Боярскую Думу. За арестом последовала казнь Ряполовского; жизнь Патрикеевых спасло заступничество митрополита Симона — Семену Ивановичу и Василию было позволено постричься в монахи, а Иван был посажен «за приставы» (под домашний арест)[80]. Спустя месяц после этого был арестован и казнён князь Василий Ромодановский. В источниках нет указания на причины опалы бояр; не вполне ясно также и то, была ли она связана с какими-либо разногласиями по внешней или внутренней политике, либо с династической борьбой в великокняжеской семье; в историографии также бытуют самые различные мнения по этому поводу.

К 1499 году Василию Ивановичу удалось, очевидно, частично вернуть себе доверие отца: в начале этого года Иван III объявил псковским посадникам, что «де я, князь великий Иван, сына своего пожаловал великого князя Василия, дал емоу Новгород и Псков». Однако эти действия не нашли понимания у псковичей; конфликт был разрешён лишь к сентябрю.

В 1500 году началась очередная русско-литовская война. 14 июля 1500 года при Ведроши русские войска нанесли силам Великого княжества Литовского серьёзное поражение. Именно к этому периоду относится летописное известие об отъезде Василия Ивановича к Вязьме и о серьёзных переменах в отношении великого князя к наследникам. В историографии нет единого мнения о том, как трактовать это сообщение; высказываются, в частности, как предположения об «отъезде» Василия от отца и попытке литовцев захватить его, так и мнения о готовности Василия перейти на сторону Великого княжества Литовского[81]. В любом случае, 1500 год стал периодом роста влияния Василия; в сентябре он уже именуется великим князем «всея Руси», а к марту 1501 года к нему переходит руководство судом на Белоозере.

Наконец, 11 апреля 1502 года династическая схватка подошла к своему логическому завершению. По словам летописи, Иван III «***положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на матерь его на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиах, ни нарицати великым князем, и посади их за приставы***». Через несколько дней Василий Иванович был пожалован великим княжением; вскоре Дмитрий-внук и его мать Елена Волошанка были переведены из-под домашнего ареста в заточение. Таким образом, борьба внутри великокняжеской семьи завершилась победой княжича Василия; он превратился в соправителя отца и законного наследника огромной державы. Падение Дмитрия-внука и его матери предопределило также судьбу московско-новгородской ереси: церковный Собор 1503 года окончательно разгромил её; ряд еретиков были казнены. Что же касается судьбы самих проигравших династическую борьбу, то она была печальной: 18 января 1505 года в заточении умерла Елена Стефановна, а в 1509 году «в нужи, в тюрме» умер и сам Дмитрий. «Одни полагают, что он погиб от голода и холода, другие — что он задохнулся от дыма» — сообщал Герберштейн по поводу его смерти[82].

44.288.10. Кончина великого князя

Летом 1503 года Иван III серьёзно заболел. Незадолго до этого (7 апреля 1503 года) умерла его жена — Софья Палеолог. Оставив

дела, великий князь отправился в поездку по монастырям, начав с Троице-Сергиевого. Однако его состояние продолжало ухудшаться: он ослеп на один глаз; наступил частичный паралич одной руки и одной ноги. 27 октября 1505 года великий князь Иван III скончался. По сообщению В. Н. Татищева (впрочем, неясно, насколько достоверному), великий князь, призвав перед смертью к своей постели духовника и митрополита, тем не менее, отказался постричься в монахи[83]. Как отмечала летопись, «государь всея Русии быв на государьстве великом княженьи… лет 43 и 7 месяць, а всех лет живота его 65 и 9 месяц». После смерти Ивана III была проведена традиционная амнистия[84]. Похоронен великий князь был в Архангельском соборе Московского Кремля.

Преставление великого князя Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода

Согласно духовной грамоте, великокняжеский трон переходил к Василию Ивановичу, прочие сыновья Ивана получали удельные города. Однако, хотя удельная система фактически восстанавливалась, она значительно отличалась от предшествующего периода: новый великий князь получал куда больше земель, прав и преимуществ, чем его братья; особенно заметен контраст с тем, что получил в своё время сам Иван. В. О. Ключевский отмечал следующие преимущества великокняжеской доли:

- Великий князь теперь владел столицей единолично, выдавая братьям из своего дохода по 100 рублей (раньше наследники владели столицей совместно)
- Право суда в Москве и Подмосковье принадлежало теперь только великому князю (раньше каждый из князей имел такое право в своей части подмосковных сёл)
- Право чеканить монету теперь имел только великий князь
- Теперь владения умершего бездетным удельного князя переходили непосредственно к великому князю (раньше такие земли делились между оставшимися братьями по усмотрению матери).

Таким образом, восстановленная удельная система заметно отличалась от удельной системы прежних времён: помимо увеличения великокняжеской доли при разделе страны (Василий получил более 60 городов, а четырём его братьям досталось не более 30), великий князь сосредоточил в своих руках и политические преимущества[58].

44.288.11. Характер и внешность

Иван III Васильевич. Гравюра из «Космографии» А. Теве, 1575 год

До нашего времени дошло описание внешности Ивана III, сделанное венецианцем А. Контарини, в 1476 году посетившего Москву и удостоенного встречи с великим князем. По его словам, Иван был «высок, но худощав; вообще он очень красивый человек»[75]. Холмогорский летописец упомянул прозвище Ивана — Горбатый, что, возможно, говорит о том, что Иван сутулился[85] — и это, в принципе, всё, что нам известно о внешнем

облике великого князя. Одно прозвище, данное современниками, — «Великий» — в настоящее время используется наиболее часто. Помимо этих двух прозвищ, до нас дошли ещё два прозвища великого князя: «Грозный» и «Правосуд».[86]

… Иван III был в представлении летописцев «Грозным» подобно внуку своему «грозному государю» Ивану IV и «Великим», как его более отдаленный преемник на российском престоле Петр I{224}. В крымской посольской книге за 1498 г. упомянуто еще одно прозвище Ивана III — «Правосуд»{225}. Великого князя называли также «Горбатым». С. М. Соловьев замечал, что «из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, можно заключить, что он при высоком росте был сутуловат»{226}.

… При московских улубиях (великих князьях) Алаше («Мерин», так булгары называли Ивана III) и Ашаке-Васыле («Мерзкий Василий» — так булгары называли Василия III), все правдивые повести были либо уничтожены, либо переделаны и искажены.

… Переход этот был вызван тем, что русский улубий Алаша распорядился воспользоваться ханской смутой и овладеть Казанью... Русский флот из Джун-Калы (современный город **Нижний Новгород**) внезапно появился у города и высадил 7 тысяч пехотинцев, которые с ходу атаковали джиенный лагерь хана на Козьем лугу...

О характере и привычках Ивана Васильевича тоже известно мало. С. Герберштейн, побывавший в Москве уже при Василии III, писал об Иване: «…***Для женщин он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему навстречу, то от взгляда его только что не лишалась жизни». Не обошёл он вниманием и традиционный[87] порок русских князей — пьянство: «во время обеда он по большей части до такой степени предавался опьянению, что его одолевал сон, причём все приглашённые были меж тем поражены страхом и молчали; по пробуждении он обыкновенно протирал глаза и тогда только начинал шутить и проявлять весёлость по отношению к гостям***»[88]. Автор одной литовской хроники писал об Иване, что он был «муж сердца смелого и рицер валечный»[89] — что, вероятно, было некоторым преувеличением, так как сам великий князь предпочитал не ходить в походы сам, а посылать своих полководцев. С. Герберштейн по тому же поводу писал, что «великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить границы»[88].

Известно, что Иван III весьма прислушивался к советам боярской думы; дворянин Иван Берсень-Беклемишев (казнён при Василии III) писал, что великий князь «против собя стречю (возражения) любил и тех жаловал, которые против его говаривали». Андрей Курбский тоже отмечал любовь монарха к боярским советам; впрочем, судя по словам оппонента Курбского по переписке, Ивана IV, отношения Ивана III с боярами были отнюдь не идиллическими[90].

Характеристика религиозных взглядов Ивана также наталкивается на недостаток данных. Известно, что в течение длительного времени его поддержкой пользовались еретики-вольнодумцы: двое новгородских еретиков (Денис и Алексей) были назначены в кремлёвские соборы; при дворе пользовался немалым влиянием Фёдор Курицын; в 1490 году митрополитом был избран Зосима, которого некоторые церковные деятели считали сторонником ереси. Судя по одному из писем Иосифа Волоцкого, Иван знал о связях своей снохи, Елены Волошанки, с еретиками[91].

44.288.12. Итоги правления

Главным итогом правления Ивана III стало объединение вокруг Москвы бóльшей части русских земель. В состав России вошли: Новгородская земля, долгое время бывшее соперником Московского государства Тверское княжество, а также Ярославское, Ростовское, и частично Рязанское княжества. Остались независимы лишь Псковское и Рязанское княжества, однако и они не были полностью самостоятельны. После успешных войн с Великим княжеством Литовским в состав Московского государства вошли Новгород-Северский, Чернигов, Брянск и ещё ряд городов (составлявших до войны около трети территории Великого княжества Литовского); умирая,

Иван III передал своему преемнику в несколько раз бóльшие земли, чем принял сам. Кроме того, именно при великом князе Иване III Российское государство становится полностью независимым: в результате «стояния на Угре» власть ордынского хана над Русью, длившаяся с 1243 года, полностью прекращается.

Годы правления Ивана III также ознаменовались успехами во внутренней политике. В ходе проведённых реформ был принят свод законов страны — «Судебник» 1497 года. В это же время закладываются основы приказной системы управления, а также появляется поместная система. Были продолжены централизация страны и ликвидация раздробленности; правительство вело достаточно жёсткую борьбу с сепаратизмом удельных князей. Эпоха правления Ивана III стала временем культурного подъёма. Возведение новых зданий (в частности, московского Успенского собора), расцвет летописания, появление новых идей — всё это свидетельствует о значительных успехах в области культуры.

В целом можно сказать, что правление Ивана III Васильевича было чрезвычайно успешным, а распространённое в науке и публицистике прозвище великого князя — «Великий» — как нельзя лучше характеризует масштаб деяний этого незаурядного политического деятеля эпохи складывания единого Российского государства.

См. также **Первые краеведы Кокшеньги**, **Георгий Вернадский РОССИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА**, **Вассиан (Рыло)**, **Послание на Угру Вассиана Рыло**, **Г. В. Вернадский. 3. Отношения с Турцией, Крымом и Казанью к 1487 году**, **Присоединение Крымского ханства к российской империи и современная геополитика**, **Сборник очерков aquilaaquilonis - Черная легенда**, **Иван III**, **СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН. ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ**, **Хроники Югры**, **Вхождение приуральских земель в состав российского государства**, **М.И.БЕЛОВ. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века**, **Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку**, **Судебники 1497 и 1550 годов**, **ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА**, **Николай Борисов, ИВАН III**, **Укрепление великокняжеской власти**, **Шацкий Е.О. Русская православная церковь и сожжения**, **Палеологи**, **Гандаберунда (Ганда - сильный, Берунда - двухголовый)**

Вернуться к ссылке в гл.42

Вернуться к ссылке Русско-литовская война 1500–1503

Вернуться к ссылке Стояние на Угре 1480 год

44.289. Фиораванти, Аристотель

Ридольфо Аристо́тель Фиорава́нти (**Фьораванти**, итал. *Ridolfo Aristotele Fioravanti*, около 1415, Болонья — не ранее 1486) — итальянский архитектор, инженер. С 1475 года в России. Построил Успенский собор в Московском Кремле (1475—1479), участвовал в походах на Новгород (1477—1478), Казань (1482) и Тверь (1485) как начальник артиллерии и военный инженер.

44.289.1. Биография

Аристотеля Фьораванти сами итальянцы называют предтечей Леонардо Да`Винчи. Родом из итальянского города Болонья, из семьи потомственных архитекторов, упоминания о которых встречаются в хрониках города с середины XIV века. Отцу Аристотеля, Рудольфо Фиораванти, приписываются такие значительные работы, как перестройка Палаццо Коммунале (Дворца Общины) после пожара и укрепление башни Аринго над дворцом дель-Подеста (Болонского Муниципалитета).

Сам Аристотель Фиораванти впервые упоминается в хронике Болоньи в 1436 году, когда он и литейщик Гаспар Нади отлили колокол для городской башни Аринго и подняли его туда. Следующий колокол в 1453 году отлили те же мастера и подняли наверх при помощи специального подъемного устройства, разработанного Фиораванти, который был не только архитектором, но и инженером.

44.289.1.1. Работа в Италии

Шлюз Виаренна в Милане, построенный по проекту Фиораванти. 1439 год.

Карьера Аристотеля началась блестяще. С 1447 года продолжал работы отца, вместе с дядей-архитектором работал над рядом сложных инженерно-строительных проектов. Под его руководством в 1455 году была передвинута колокольня Св. Марка в Болонье, за что городской совет присвоил ему звание старшины ложи каменщиков родного города и назначил пожизненное обеспечение. Тогда же Фиораванти выпрямил колокольню в городе Ченто и башню при церкви Св. Ангела в Венеции. Последняя из-за слабости грунта простояла всего двое суток и рухнула, задавив нескольких человек. Из-за этой трагедии Аристотель немедленно покинул Венецию и больше не возвращался.

В 1458 году он отреставрировал древний мост в Павии, а в 1459—1460 гг. устроил Пармский канал. С 1458 года находился на службе у Миланского герцога Франческо Сфорца, и вернулся в Болонью только в 1464 году.

... Неудача в Венеции не повлияла на популярность мастера, и он выполнил ряд новых ответственных заказов, в частности выпрямил башню в городе Мантуе (за что получил от герцога Сфорца триста червонцев). В конце 1458 он приступил к устройству Пармского и Кремонского каналов и спрямил русло быстротекущей реки Кростоло. Здесь он проявил себя как выдающийся инженер-гидротехник.

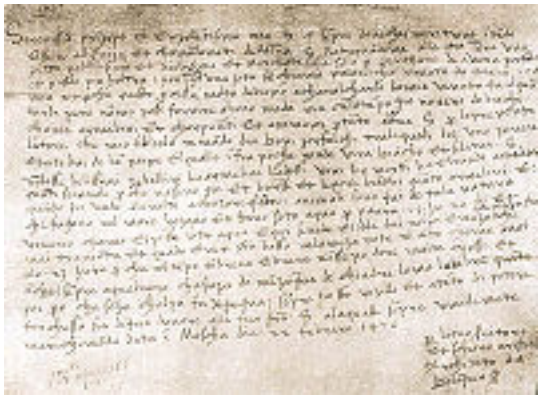
Главным образом в это время Аристотель был востребован как инженер, так как в городах северной части Италии, в том числе в Милане, важном военном и политическом центре, требовались именно эти навыки. В Милане он работал с известным архитектором Антонио Аверелино по прозванию Филарете, автором бронзовых дверей собора Святого Петра в Риме. Филарете в трактате об архитектуре несколько раз с большой похвалой отзывался о Фиораванти.

Вскоре после возвращения в родной город, в 1465 году Фиораванти был приглашён ко двору венгерского короля Матьяша Корвина, но городская ложа каменщиков отпустила его в Венгрию только в 1467 году. При дворе венгерского короля Аристотель строит в основном мосты через Дунай.

…Король Матвей Корвин, начавший войну с Турцией, пригласил его для строительства укреплений и большого моста через Дунай. Король остался доволен работой и даже возвел Фьораванти в рыцарское достоинство.

«Деятельность Аристотеля в Италии — это деятельность не архитектора (возможно, за некоторыми исключениями), а инженера, причем инженера выдающегося, осуществившего ряд смелых технических решений, намного опередивших практику того времени. Как прославленного инженера его приглашали во многие города для решения самых трудных задач — в Венецию, Флоренцию, Мантую, Рим, Неаполь» (С. С. Подъяпольский[1]).

44.289.1.2. Работа в России



Письмо Фиораванти миланскому герцогу Галеаццо Мария Сфорца от 22 февраля 1476 года, написанное в Москве

По возвращении в Италию Фиораванти работает в Риме и Болонье.

…Получив приглашение папы Павла II, мастер в 1471 приезжает в Рим для обсуждения возможности перенесения на другое место обелиска императора Калигулы (*см.* КАЛИГУЛА). Во время беседы Павла II с

Фьораванти папа скоропостижно скончался. Новый папа, Сикст IV, принял знаменитого мастера хорошо, но тут неожиданно на Фьораванти поступил донос об изготовлении им якобы фальшивой монеты. В июне 1473 мастера сажают в тюрьму, однако вскоре освобождают — вину доказать не удалось.

Это не могло не отразиться на положении мастера: новых заказов не было, а незадолго до этого события Аристотель отклонил приглашение султана Мехмеда II (*см.* МЕХМЕД II Завоеватель) построить огромное здание сераля. Помимо нежелания служить турецкому султану, его удержали слухи о невероятной жестокости владыки Константинополя. Художник Джентиле Беллини (*см.* БЕЛЛИНИ (живописцы)) рассказывал, что, когда он писал в присутствии Мехмеда II картину об усекновении головы Иоанна Предтечи (*см.* ИОАНН Креститель), султан заметил, что перерубленные мышцы шеи изображены неверно. Кликнув раба, он одним ударом ятагана отсек ему голову и наглядно доказал художнику свою правоту. Такие рассказы не располагали европейцев к поездкам в Констатинополь. И перед Аристотелем встал вопрос о дальнейшей работе.

…в 1474 году состоялась встреча его с русским послом Семёном Толбузиным, присланным в Италию на поиски архитектора для работы в Москве.

Ивану III срочно необходим был опытный и талантливый архитектор, так как в 1474 году в Московском Кремле произошла катастрофа — рухнул почти достроенный новый Успенский собор. Псковские мастера, осматривавшие обрушившееся здание, сделали вывод, что «известь не клеевита да камень не тверд», но сами за постройку нового собора не взялись, и Семён Толбузин был по совету Софьи Палеолог немедленно отправлен в Италию за подходящим специалистом.

Вероятно, встреча Фиораванти с Толбузиным состоялась в Риме, и после подписания контракта в 1475 году шестидесятилетний архитектор с сыном по имени Андреа и слугой по имени Пьетро в составе посольства отправился в Московское княжество.

О прибытии итальянского архитектора в Москву свидетельствует Первая Софийская летопись, где значится, что он приехал «на Велик день» (на Пасху), и не один, а «взят же с собою тот Аристотель сына своего Андреем зовут, да паробка, Петрушею зовут».

…Известно, что на месте ныне существующего собора стояла небольшая белокаменная церковь, пришедшая в ветхость к началу 70-х годов XV века. По свидетельству летописи, стены грозили падением и были подперты толстыми бревнами, а один из приделов, примыкавших к северо-восточному углу церкви, обвалился. За три года до приезда Аристотеля Фиораванти, по обычаю тех времен, были назначены торги на сооружение нового собора. Наиболее низкую цену объявили два мастера - Иван Кривцов и Мышкин. Им и было поручено строительство храма. Зодчим были поставлены определенные условия: требовалось соорудить новый собор по образцу и подобию Успенского собора во Владимире, но большего размера во всех его частях.

Кривцов и Мышкин приступили и разборке старой церкви, которая была на три метра меньше вновь возводимой и потому оказалась внутри. Летописи сообщают, что там же была сооружена временная деревянная церковь, в которой и происходило венчание Ивана III с принцессой Софьей.

В 1474 г. стены были выведены под своды, но вдруг в мае обрушилась северная стена, внутри которой находилась лестница на хоры, и часть западной. Все надо было начинать заново. Были срочно вызваны псковские мастера для консультаций. Они похвалили "гладкость" стен, но заявили, что известь, употребленная для постройки, недостаточно "клеевита", т. е. не обладает необходимой вязкостью для закрепления каменных блоков. От участия в постройке они отказались.

Сообщая об этом событии, летопись называет в качестве причины "трясение земли", якобы происходившее в Москве в

майскую ночь, но при этом не приводит никаких подробностей этого редкого для Москвы явления и не говорит о повреждении других зданий. Такая скупость летописца вызывает сомнение в правдивости рассказа. Может быть, все это понадобилось для того, чтобы как-то оправдать неудачу со строительством соборного храма Успения Богородицы в Кремле.

На самом деле все объяснялось проще. Кривцов и Мышкин, как и псковские мастера, не строили таких обширных храмов, какой предстояло воздвигнуть в Кремле. Монгольское нашествие прервало строительные традиции Киевской и Владимиро-Суздальской земель, некогда давших непревзойденные образцы зодчества. Необходимо было восстановить эти традиции, но на основе современной строительной техники. В этом был смысл приглашения итальянцев на Русь.

Работа Аристотеля Фиораванти в Москве началась с разборки развалин Успенского собора Мышкина и Кривцова. Расчистка места для нового собора заняла всего неделю — за 7 дней было полностью убрано то, что строилось три года. Снос остатков стен вёлся при помощи «барана» — дубового бревна, окованного железом, которое подвешивалось к «пирамиде» из трёх брусьев и, раскачиваясь, било в стену. Когда этого было мало, в нижнюю часть оставшихся обломков стен вбивали деревянные колья и поджигали их. Разбор стен окончился бы и раньше, если бы рабочие успевали быстрее выносить камень со двора. Однако зачинать стройку архитектор не торопился. Фиораванти понимал, что он не может не считаться с обычаями и вкусами русского народа, не должен искусственно переносить сюда привычные ему формы западной архитектуры. Поэтому, закончив закладку фундамента, Аристотель отправился путешествовать по стране для знакомства с древнерусским зодчеством.

…В начале июля 1475 Фьораванти отправился в путешествие. Осмотрев постройки Владимира, Боголюбова и Суздаля, он поехал дальше на север: ему необходимо было по поручению миланского герцога добыть ему белых кречетов, которые очень высоко ценились в Европе. Фьораванти доехал до берега Белого моря, посетив по дороге Ростов, Ярославль, Вологду и Великий Устюг. Всего он прошел и проехал около трех тысяч километров (!) и дошел до загадочного города «Ксалауоко» (так назвал его Фьораванти в одном из писем в Милан), который не что иное, как искаженное название Соловков. Таким образом, Аристотель Фьораванти оказался первым европейцем, который за сто с лишним лет до англичанина Дженкинсона, прошел путь от Москвы до Соловков. После викингов (*см.* ВИКИНГИ) и скандинавских купцов, он был первым и единственным европейским путешественником, начиная с 9 столетия, который посетил северное Поморье. Это путешествие уже немолодой Фьораванти совершил вдвоем с проводником-переводчиком, причем места, по которым они продвигались, были дикими. Иногда неделями они не встречали жилья, лесные дебри были почти непроходимыми. Останавливаться на ночлег часто приходилось под открытым небом, а питаться только взятыми с собой припасами или охотничьей добычей. На обратном пути Аристотель, возможно, побывал в Старой Ладоге и Новгороде, где осмотрел Кремль и соборы.

Строительство Успенского собора

Успенский собор в московском Кремле

Для возведения нового собора необходим был материал — белый камень, кроме оставшегося от разрушившегося храма. Древние разработки белого камня в Мячкове под Москвой были сочтены пригодными, и оттуда Аристотель начал получать материал. Кроме того, нужен был кирпич. Тот, что делали прежде, был плохого качества и фактически представлял собой древнюю плинфу, поэтому Фиораванти предварительно, до начала стройки, поставил кирпичный завод у Андроникова монастыря на берегу Москвы-реки; кирпич этого завода был качественнее старого и имел единый стандарт.

Фундамент Успенского собора был заложен на глубине двух саженей (то есть около 4,5 м), и предварительно в грунт были вбиты дубовые сваи, что для московского строительства было новшеством.

С. В. Заграевский показывал, что основной инженерной идеей Фиораванти при возведении Успенского собора было включение в каменную технику кирпичных элементов (сводов, столпов, барабанов, восточной стены над алтарными апсидами) таким образом, что в целом постройка сохранила «белокаменный» (то есть для того времени «имперский»[2]) облик. Впервые в русской архитектуре появились и крестовые своды толщиной в один кирпич, и металлические внутристенные и проемные связи. Благодаря возведению в алтаре дополнительных арок восточные компартименты храма фактически превратились в монолит, воспринимающий значительную часть нагрузки от колоссальных барабанов. Соответственно, появилась возможность возвести в центральной и западной частях собора относительно тонкие круглые столпы, что создало ощущение цельности («зальности») и легкости конструкции[3].

Возводить стены начали уже в 1475 году, тогда же поставили внутренние столбы, на которые должен был опираться свод. Скрытые алтарной преградой восточные квадратные столпы Успенского собора — полностью кирпичные. Круглые столпы также выполнены из кирпича, но облицованы белым камнем. Сами стены собора были выложены в полубутовой технике из белого камня[4].

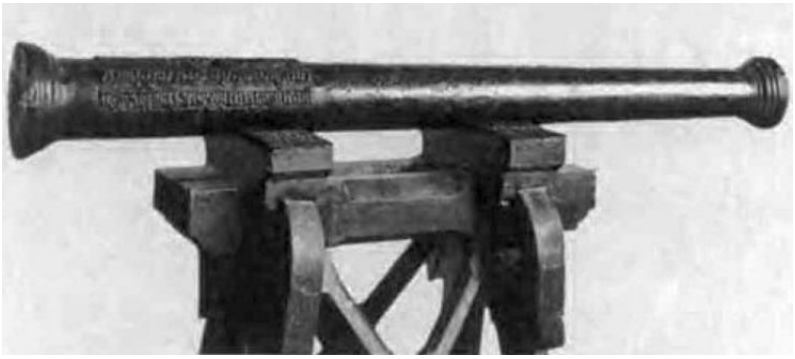
Собор был закончен к 1477 году, хотя оставалась ещё внутренняя отделка, которая заняла еще около двух лет. 15 августа 1479 года состоялось торжественное освящение собора.

Внешне Успенский собор очень близок к одноимённому собору во Владимире, который и был взят за образец, хотя отличается рядом архитектурных особенностей. Внутри же, впервые в русской архитектуре, огромный собор не был разделен на небольшие пространства, а, напротив, представал во всем объеме.

Роскошная живопись в основном была завершена ещё при жизни архитектора, а к 1515 году собор был полностью расписан изнутри. Росписи многократно поновлялись, а в 1914 году началась их реставрация под руководством учёных-исследователей.

Дальнейшая жизнь

Кроме Успенского собора, Фиораванти не строил других зданий в России, но есть основания полагать, что именно ему, знаменитому мастеру фортификационных работ, был заказан генеральный план новых стен и башен Кремля, которые планировалось возвести вместо старых, обветшавших белокаменных. Также Аристотелю приписывают устройство Пушечного двора (на месте нынешней Пушечной улицы). Также молвой ему приписывалось создание тайного подземного хранилища на территории Московского Кремля для легендарной Библиотеки Ивана Грозного.



Пищаль конца XV в. На задней части орудия надпись: «По велению благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича государя всея Руси зделана бысть сия пищаль в лето 6993 (1485) месяца сентября, 30 лето господаре! ва его, а делал Яков».

…Биографы Аристотеля Фиораванти связывают с его именем сооружение в Москве Пушечного двора. Он располагался на месте Пушечной улицы, параллельно Кузнецкому мосту, где вдоль протекавшей тогда реки Неглинной находились кузницы. По-видимому, это так и было. Литейное дело, которым Фиораванти занимался в молодости, чеканка монет и артиллерия - предмет его исследований в связи со строительством укрепленных замков. Все это позволило ему взяться за организацию Пушечного двора в Москве. Литейное дело в Древней Руси было развито спокон веков. Но своих мастеров не хватало, особенно в XV веке, когда задачи объединения Руси и избавления от татарского ига

требовали проведения обширных военных операций. Поэтому итальянский зодчий и инженер, по многосторонности своих знаний - типичный представитель Возрождения, стал в Москве необходимейшим специалистом.

Пушка, отлитая в Москве Павлином Фрязином в 1488 г. Миниатюра Лицевого летописного свода.

В 1482 г. Аристотель Фиораванти, в предвидении похода на Казань, был послан с артиллерийским обозом вперед и дошел у Нижнего Новгорода до берегов Волги.

В 1482 году Фиораванти в качестве начальника артиллерии участвовал в походе Ивана III на Новгород, и во время этого похода навёл очень прочный понтонный мост через реку Волхов.

…Последнее путешествие по Древней Руси Фиораванти совершил в 1485 г. Но до этого произошло событие, которое явилось также последним испытанием в трудной жизни великого зодчего.

Среди иностранцев, живших тогда в Москве, был итальянский врач Антонио. Он взялся лечить заболевшего татарского князя Каракучу, но тот скончался. И тогда итальянского врача обвинили в отравлении князя. После жестоких пыток по повелению Ивана III Антонио казнили. На Аристотеля это произвело страшное впечатление, и он решился на тайный побег. Попытка обернулась бедой. Софийская летопись сообщает, что Аристотель "боялся того же, начал проситься у великого князя в свою землю; князь же великий пойма его и ограбив посади на Онтонове дворе за Лазорем святым". Очевидно, тогда погибли чертежи Фиораванти, его письма, дневники и путевые заметки.

Аристотель был заключен в тюрьму, и, возможно, на этом закончился бы его жизненный путь. Но он был необходим. И в 1485 г. летопись в последний раз упоминает имя Фиораванти в качестве начальника артиллерии в походе Ивана III для покорения Тверского княжества. После этого похода имя Аристотеля Фиораванти больше не встречается в летописях; нет и свидетельств о его возвращении на родину.

Очевидно, семидесятилетний инженер и зодчий именно в этом году [Профессор П. Каццола в своей работе "Мастера фрязи в Москве в конце XV века (Из русских хроник и документов итальянских архивов)" считает, что Аристотель Фиораванти скончался в 1486 г. Это предположение он основывает на найденном в Государственном архиве Болоньи нотариальном акте от 24 августа 1487 г., где дети зодчего от первого и второго брака хлопотали о разделе имущества их отца — "великолепного всадника" (почетный титул, даваемый правительством Болоньи именитым гражданам), умершего некоторое время назад] нашел успокоение в земле, которой он подарил свое лучшее произведение.

Аристотель Фиораванти — мастер, прославившийся в России только одним произведением, но

произведением, достойным множества любых других. Однако нельзя сказать, что кроме Успенского собора он не создал ничего выдающегося. Множество инженерных решений, предложенных им, оказали большую услугу строительству не только Москвы, но и — намного лет раньше — Италии, где также сохранилось лишь одно его произведение.

Дворец дель Подеста в Болонье

Из построенных Аристотелем Фьораванти зданий до наших дней сохранились только Успенский собор в Москве и дворец дель Подеста в Болонье, который достраивали после смерти автора

См. также **Фьораванти Аристотель**, **Русская артиллерия (конец XV - первая половина XVII вв.)**, **Аристотель Рудольфо Фиораванти**, **История артиллерии до середины XIX в.**, **Первые русские артиллеристы**, **С. М. Земцов АРХИТЕКТОРЫ МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI века**, **С. С. Подъяпольский К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора**, **Самые знаменитые архитекторы**, **Календарь. 13 сентября**, **Сражение у озера Смолина 13 сентября 1502 года**, **Палаццо Подеста: фото, описание**, **АРХИТЕКТУРНАЯ КЕРАМИКА В ПОСТРОЙКАХ ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ КОНЦА XV - НАЧАЛА XVI ВЕКОВ**, Дипломатия Московского государства в XVI в.

Вернуться к ссылке в гл.42

Вернуться к ссылке в Примечаниях

44.290. Солари, Пьетро Антонио

Церковь Санта Мария Инкороната (Chiesa di Santa Maria Incoronata)

Пьетро Антонио Солари (итал. *Pietro Antonio Solari*, лат. *Petrus Antonius Solarius*, также известный как **Пётр Фрязин**, в летописях **Пётр Антонин Фрязин**) (около 1445 (после 1450?), Милан (?)—до ноября 1493 (май 1493?), Москва) — итальянский архитектор, известный постройкой Грановитой палаты и башен Кремля. О жизни Пьетро Антонио Солари известно очень мало, расходятся даже сведения о годе рождения и дате смерти.

44.290.1. Биография

Пьетро Антонио Солари родился в Кароне в швейцарском кантоне Тичино и работал подмастерьем у отца — архитектора и скульптора Гуинифорте Солари. В 1476 был нанят строителем миланского собора. Однако, ректоры собора не утвердили выбора Пьетро Антонио главным строителем собора после смерти его отца. [1]

Солари построил несколько зданий в Милане. Ему (в соавторстве с отцом) приписываются церкви Святого Петра в Гессате[2], Santa Maria del Carmine, Santa Maria Incoronata и Santa Maria della

Pace[3]. Солари также приписываются две работы в области скульптуры: гробница епископа Марко де Капитани в соборе Алессандрии (1484) и скульптура Мадонны в замке Сфорца в Милане (1485). Солари был приглашён приехать в Москву русскими послами греческого происхождения Дмитрием и Мануилом Ралевыми. В 1490 году прибыл в Москву в сопровождении своего ученика Цанантонио, литейщика орудий Джакобо и серебряника Христофора с двумя учениками.[1]

По приезде в Москву Солари обратил на себя всеобщее внимание и пользовался благоволением Иоанна III, который оказывал ему особое доверие. Летописи называют его «архитектоном», а не обычными для тех времён терминами «муроль» или «палатных дел мастер».

Санта-Мария дель Кармине (Santa Maria del Carmine) в Милане

Santa Maria della Pace (Milan)

В Милане был найден ныне утерянный документ, на котором была подпись «Пьетро Антонио Соларио, главный архитектор Москвы» (*Petrus Antonius de*

Solario architectus generalis Moscovie). По другим источникам, это личное письмо Солари находится в Ватиканском архиве, и содержит слова «architectus generalis Moscovial».

Солари прожил в Москве недолго и умер в 1493 году, по некоторым источникам, в мае. По другим источникам, дата смерти определяется приблизительно, по тому, что его мать была утверждена в првах наследства после сына 22 ноября 1493 года.

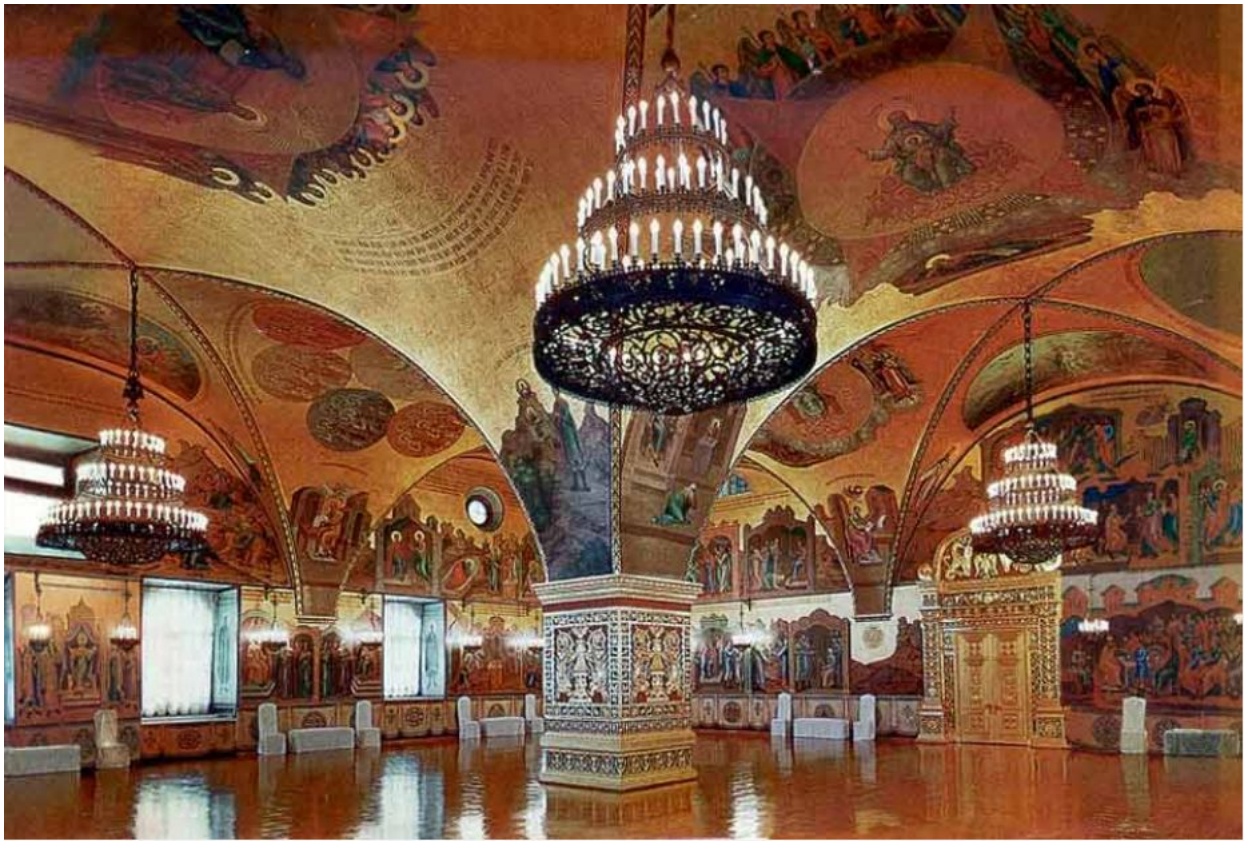
Madonna del Coazzone в замке Сфорца в Милане

44.290.2. Постройки в Кремле

1487—1491 Грановитая (Большая Золотая) палата, совместно с Марко Руффо

- 1490 Боровицкая башня
- 1490 Константино-Еленинская башня
- 1491 Спасская (Фроловская) башня
- 1491 Никольская башня
- 1491 Сенатская башня
- 1492 Угловая Арсенальная (Собакина) башня

Грановитая палата



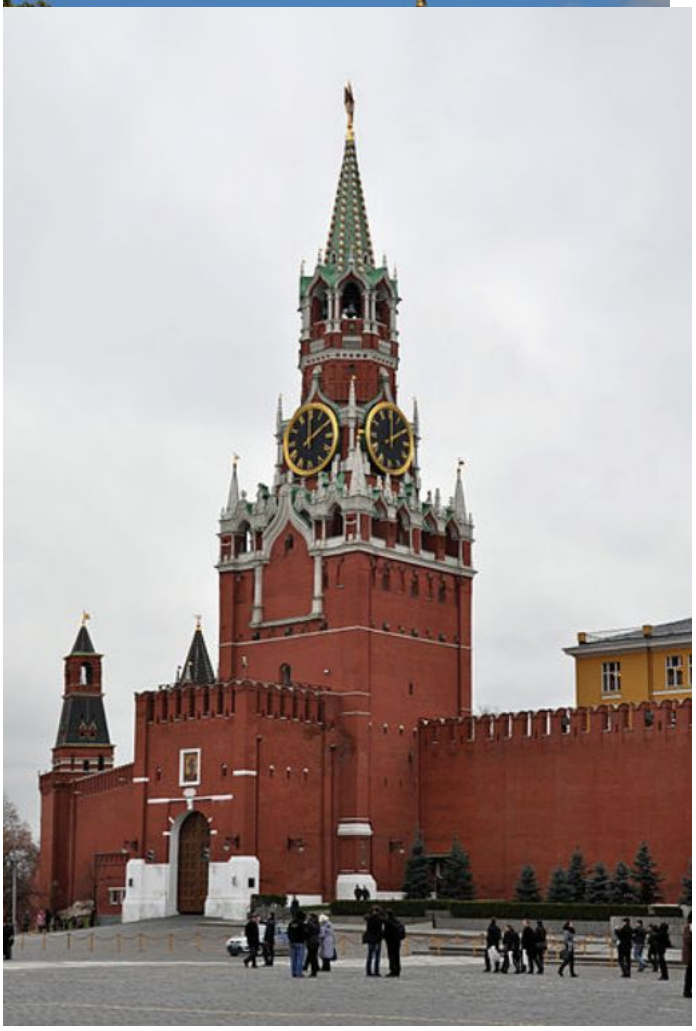
Грановитая палата

Боровицкие ворота

Константино-Еленинская башня

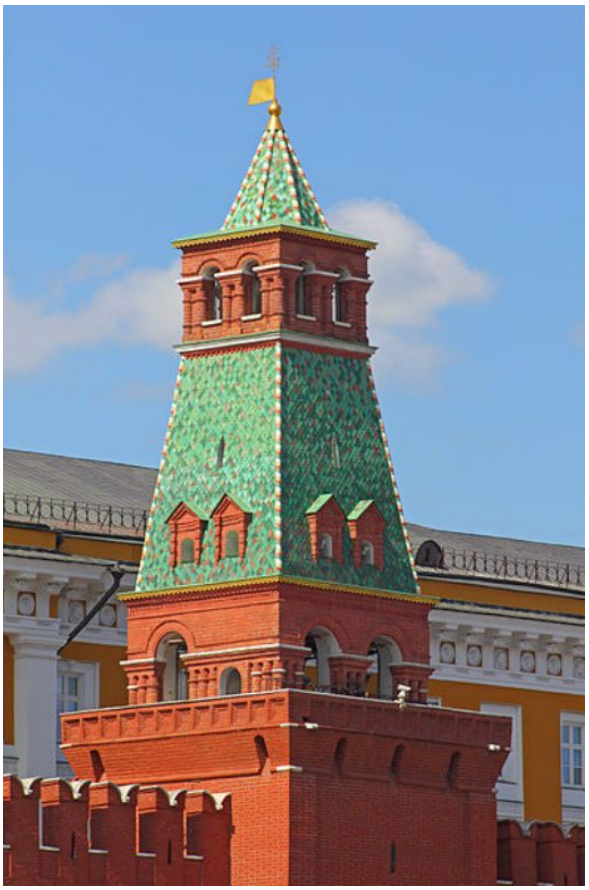
[Спасская башня](#)

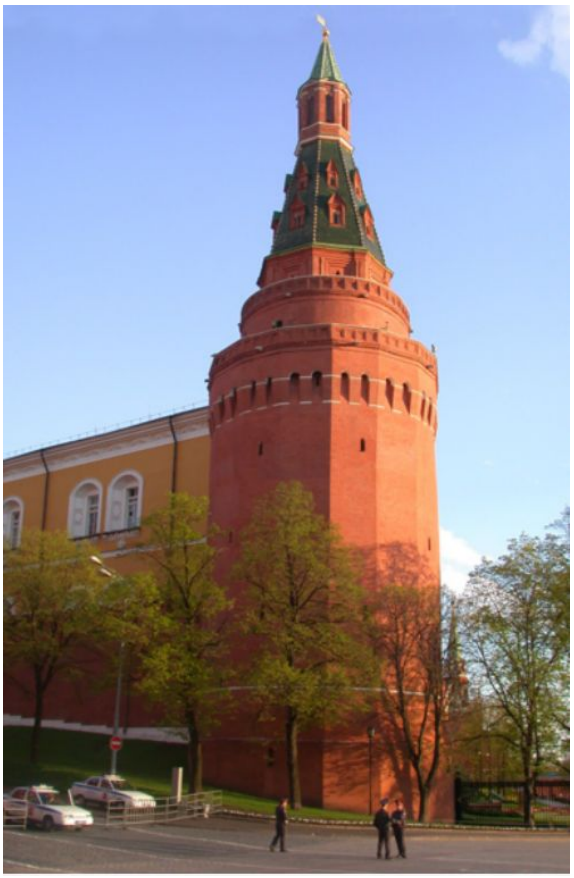
[Никольская башня](#)



[Сенатская башня](#)

[Угловая Арсенальная (Собакина) башня](#)





См. также **Замок Сфорца – итальянская копия Кремля**, **The official Castello Sforzesco Website**, **Castello Sforzesco (Milan) - Museums Picture Gallery**, **Castello Sforzesco (Milan) - Museums**, **Русская архитектура**, **Коллекция: мировая художественная культура**

Вернуться к ссылке

44.291. Руффо, Марко

Марко Руффо, *Марк Руффо*, *Марк Фрязин* (итал. Marco Ruffo) — известный итальянский архитектор XV века, работавший в России. В современных ему итальянских источниках не упоминается.

Имя *Фрязин* происходит от старинного русского слова *фряг*, что значит «итальянец». Это имя часто присваивалось без различия наций многим проезжающим иноземцам. Кроме Марко Руффо, как минимум три современных ему итальянца известны под этим именем: Антон Фрязин (Антонио Джиларди), Бон Фрязин (Марко Бон), Алевиз Фрязин (Алоизио да Милано).

Марко Руффо в конце 1400-х годов работал военным архитектором в Милане. Там же, в Милане, произошла его встреча с венецианским послом, искавшим по поручению Ивана III архитекторов для работы в Москве. Так начался путь Марко Руффо, ставшего одним из создателей Кремля, в Россию.

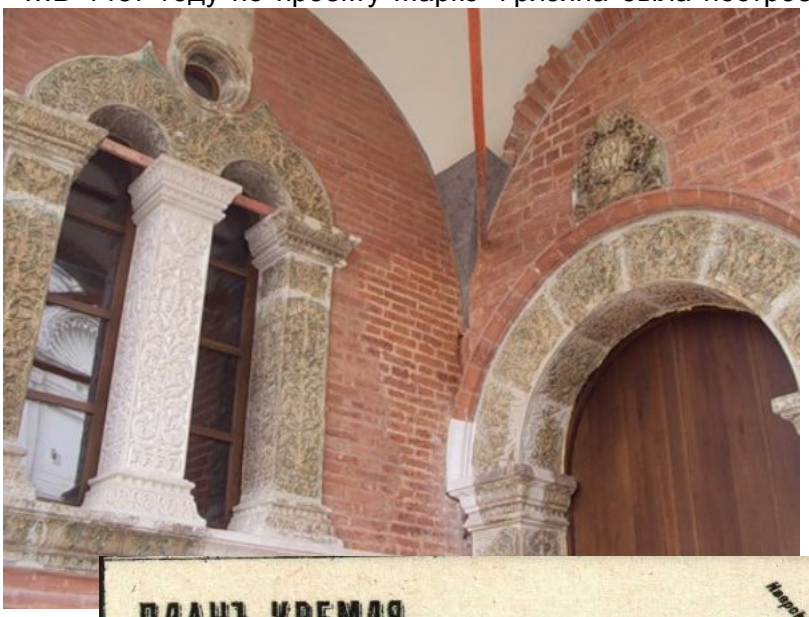
Марк Руффо работал в Москве в период между 1485 и 1495 годами и принял активное участие в замене деревянных дворцовых зданий каменными. В 1485 году Марко Фрязин построил Казённый двор — кирпичное здание для хранения

казны между Благовещенским и Архангельским соборами. Здание погибло во второй половине XVIII века, но сохранились его изображения.

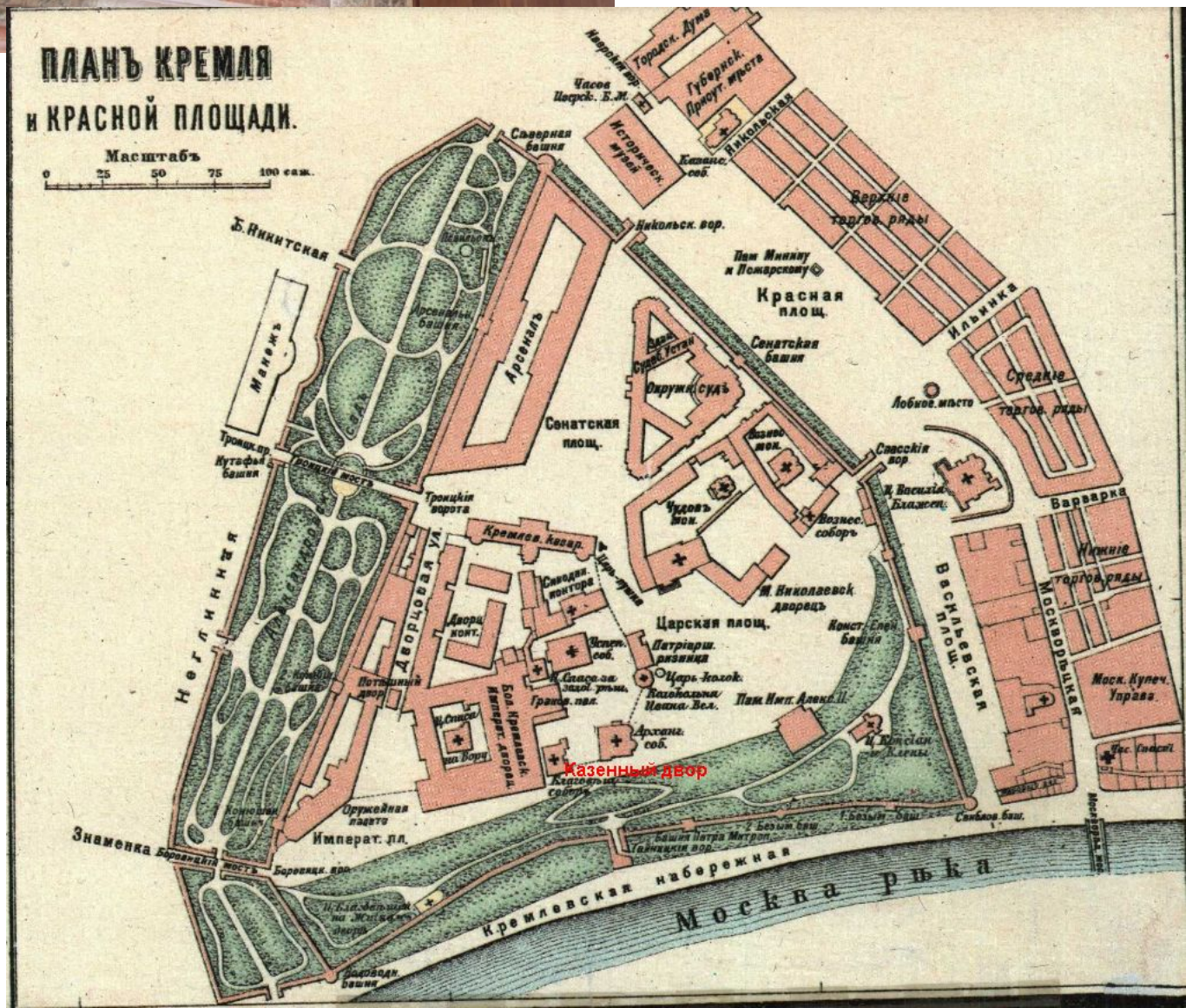
План Казенного двора

Казённый двор представлял собой кирпичное здание, состоявшее из двух частей[1]: одна из них, «Казённая палата», примыкала к апсиде Благовещенского собора, невысока, с двухскатной тесовой кровлей; вторая, собственно «Казённый двор», была значительно больших размеров и завершалась шатром. Переходы соединяли Казённый двор с другими частями Теремного дворца.

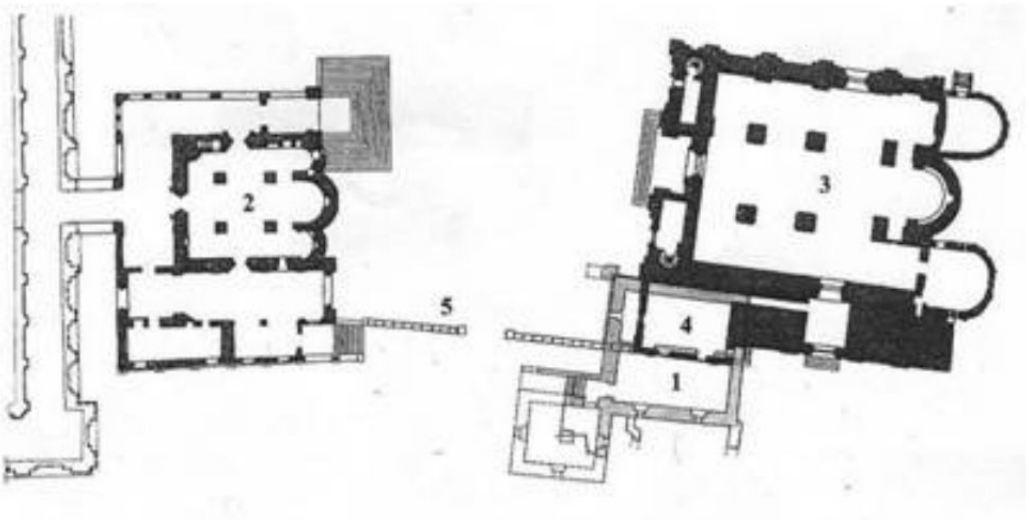
Крыльцо Казённой палаты Кремля



…В 1487 году по проекту Марко Фрязина была построена Малая Набережная палата (также не сохранилась). До наших дней дошёл подробный чертёж Д.В. Ухтомского, сделанный перед перестройкой палаты в 1751 году. Палата представляла собой двухэтажное кирпичное здание (с третьим подвальным этажом) со сводами. На втором этаже размещались Столовая и Ответная палаты; каждая имела отдельный выход. Судя по чертежу Ухтомского, фасад палаты был отделан деталями, новыми для русской архитектуры: над окнами первого этажа расположены треугольные сандрики, второй этаж украшен аркатурно-колончатым поясом, здание венчает широкий карниз. Этажи разделены горизонта



льными тягами, сохранены большие свободные плоскости стен между окнами. Этими цитатами из итальянской архитектуры, Марко Фрязин предвосхитил или даже повлиял на архитектуру Арсенала в Кремле [1].



1) погреб на Казённом дворе, 1485.

2) Благовещенский собор, 1484-89.

3) Архангельский собор, 1505-08.

4) южная пристройка, 1830-е.

5) цоколь чугунной ограды, 1830-е.

По проектам Марка Руффо были построены многие Кремлевские башни, в том числе Спасская, Беклемишевская и Никольская. В 1491 году, вместе с Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо завершил возведение Грановитой палаты.

… Одновременно с закладкой Грановитой палаты в 1487 «совершил Марко Фрязин стрельницу, на угле вниз по Москве Беклемишевскую». Свое название она получила от примыкавшего к ней двора боярина Беклемишева (этот двор впоследствии был превращен в тюрьму). В летописях эту угловую круглую башню, предназначенную для круговой обороны, иногда называют Москворецкой. Внутри башни был устроен тайник-колодец для снабжения осажденных водой. В 1680 она была надстроена высоким восьмигранным шатром с двумя рядами слухов. В 1707 ожидали наступления шведов на Москву, для чего вокруг башни были устроены бастионы. Бойницы были растесаны для улучшения артиллерийской стрельбы.

Интересно, что, за исключением Беклемишевской башни, все постройки, начатые Марко Руффо после 1487 года, были завершены другими архитекторами.

См. также **Погреб на Казенном дворе — древнейший из сохранившихся памятников гражданского зодчества Московской Руси**, **5 древнейших домов Москвы**, **Архнадзор » Архив » Дворцы Кремля — 2 , Жертвоприношение на Красной площади или дамоклов меч Мавзолея,** КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (начало). Фальковский Николай Иванович, **А.В. Можаев, Благие вести**

Вернуться к ссылке

44.292. Курицын, Фёдор Васильевич

Курицын Федор Васильевич (ум. не ранее 1500 г.) - посольский дьяк Ивана III, еретик, писатель. В 1482–1484 гг. был послан в Молдавию и Венгрию для ведения переговоров со Стефаном Великим и Матфеем Корвиным (венгерским королем) о союзе против Польско-Литовского государства; на обратном пути был задержан турками в захваченном ими Белгороде (Аккерман), но осенью 1485 г. благодаря посредничеству крымского хана был освобожден и вернулся в Москву. В 80–90-х гг. играл виднейшую роль в политике Ивана III («***того бо державный во всем послушаше***» – написал первоначально Иосиф Волоцкий о Курицыне в одном из своих сочинений; впоследствии эта фраза была зачеркнута); поддерживал внука Ивана III Дмитрия (ставшего наследником престола после смерти своего отца, старшего сына Ивана III и первый, венчанный на царство, великий князь Московский); в 1497 г. Курицыным была скреплена грамота Ивана III и Дмитрия, на которой впервые появился новый герб Русского государства – двуглавый орел.

Печать великого князя Ивана III. 1504 г.

Важнейшую роль играл Курицын в истории новгородско-московской ереси («жидовствующих»); он возглавлял московский еретический кружок, сложившийся во всяком случае уже с 1485 г. (возвращение Курицына из-за границы); «обличитель» ереси, архиепископ Геннадий Новгородский уже в 80-х гг. именовал его «начальником» еретиков. Тем не менее собор на новгородских еретиков и расправа с ними в 1490 г. никак не сказались на судьбе Курицына и вообще московских еретиков. К московскому еретическому кружку принадлежали кроме Курицына его брат Иван-Волк Курицын, книгописец Иван Черный, бежавший после 1490 г. за границу, и мать Дмитрия-внука, молдавская княжна Елена Стефановна. Близок, по-видимому, к еретикам был и глава русской церкви, митрополит Зосима. При исследовании идеологии членов этого кружка мы располагаем лишь очень ограниченным количеством источников – сочинениями Курицына, книгами, переписанными участниками кружка («Еллинский летописец» и библейские книги Ивана Черного, «Кормчей – Мерилом праведным» Ивана-Волка Курицына), а также крайне тенденциозными сочинениями противников ереси.

… Сборник («Мерило праведное») подписан цифровой тайнописью «Иванъ Волкъ Курицинъ». (ГБЛ, ф. 173, № 187). Кормчую исследовала Е. В. Белякова, которая установила, что она относится к особой редакции, представленной южнославянским Мазуринским списком XIV в. (ЦГАДА, ф. 196, № 534), Чудовским начала XV в. (ГИМ, Чудов. собр., № 168) и Уваровским начала XVI в. (ГИМ, собр. Уварова, № 81/557) и не имеет никаких оригинальных черт по сравнению с более ранними списками. Не связан он и с еретическими взглядами. Сборник говорит, о интересе еретиков к вопросам законодательства — памятник этот включал в свой состав «Русскую правду». Вероятно он играл роль в подготовке Судебника 1497 г.

Из этих сочинений наиболее определенные сведения о взглядах еретиков дают «Сказания о скончании седьмой тысящи» и «Рассуждение об иноческом жительстве», использованные впоследствии в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, но составленные еще до падения Курицына (между 1492 г. и началом XVI в.) Судя по этим сочинениям, главной особенностью мировоззрения московских еретиков была критика учений «святых отцов» и, в частности, отрицание монашества и монастырей (в этом они отличались от нестяжателей, стремившихся к реформам и усовершенствованию монашества). Влияние Курицынна сохранилось во всяком случае до 1499–1500 гг., когда началась война с Польско-Литовским государством (именно Курицын изложил ультимативные требования великого князя в начале войны); но под 1500 г. он в последний раз упоминается в посольских делах. В 1502 г. подверглись опале Дмитрий-внук и его мать Елена Стефановна, связанные с Курицыным; начались переговоры Ивана III с виднейшим противником ереси Иосифом Волоцким. В 1504 г. церковный собор осудил еретиков (и московских, и новгородских); **следуя примеру испанской инквизиции («шпанского короля») великий князь отправил осужденных на костер.** Среди казненных был брат Курицына Иван-Волк, но сам он в делах собора не упоминался, и судьба его остается неизвестной. Лишь после 1500 г. Иосиф Волоцкий назвал Курицына во всех «словах» своего «Просветителя» в числе трех главных еретиков (наряду с новгородцами Алексеем и Денисом). Из литературных произведений, которые могут быть связаны с именем Курицына, в первую очередь должно быть названо многократно издававшееся «Лаодикийское послание». Фрагмент «Лаодикийского послания» дошел в сборнике конца XV – начала XVI в. (БАН, 4.3.15), более полные тексты – начиная с

первой трети XVI в. (большинство списков – XVII в.). В ряде сборников вместе с «Лаодикийским посланием» помещено анонимное «Написание о грамоте» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина. «Лаодикийское послание» состоит из философского введения, построенного в своеобразной «стихотворной» форме («***Душа самовластна, заграда ей вера..***.»), «литореи в квадратах» – особой таблицы, состоящей из двух рядов букв в алфавитном порядке и относящегося к ним комментария, и зашифрованной (простой литореей) подписи Федора Курицына, где он называл себя «преведшим Лаодикийское послание», что однако не дает оснований заключить о переводном или самостоятельном характере сочинения. По крайней мере никаких иностранных оригиналов этого памятника не обнаружено. Идейный смысл памятника далеко не ясен, истолкование его имело бы важнейшее значение при определении идеологии московских еретиков. Представляется несомненной связь между вступительной частью Послания и «литореей в квадратах»: «мудрость», которой автор во введении отводит важнейшее место, получала, по-видимому, конкретное выражение в грамматических комментариях «литореи в квадратах» (среди которых – любопытные фонетические наблюдения, например, специальное выделение сонантов, которые в отличие от согласных «приклад не требуют, сами съврьшаются»). Отмечалась связь грамматической части Послания с грамматикой Дионисия Фракийского, а философской – с Платоном и неоплатонизмом. Высказывались мнения, что «литорея в квадратах» содержит элементы средневековых каббалистических учений и криптографические указания («литорея» помимо грамматического смысла может служить также ключом для шифра). Оба утверждения предположительны. «Надписания», содержащиеся в памятнике, не дают достаточных оснований для определения культурного характера «алфавитной мистики», наличие которой также весьма неопределенно. Не бесспорны и утверждения о криптографическом назначении «литореи». Буквы двух рядов алфавита не находят между собою полного соответствия. Один ряд пропускает некоторые буквы другого, специально обозначенные как «цари», что сделано явно не случайно и дает возможность определить один из рядов как «пасхальный», т. е. обозначающий дни переходящего праздника пасхи. Смысл соотношения рядов алфавита «литореи» неясен. Некоторые параллели содержание «литореи в квадратах» находит в таблицах грамматического сочинения конца XV – начала XVI в. – «Беседы о грамоте». Таблицы эти представляют собой «пасхальные буквы», «акростихиды» и просто алфавит. В структуре вступительной «стихотворной» части (афоризмы, построенные «цепочкой», причем первое слово каждой новой строфы повторяет последнее слово предыдущей) усматривались аналогии с талмудической литературой (как и в словах о вере как «ограде» души), однако аналогии эти весьма приблизительны, а упоминание «фарисейства» ведет скорее к греко-христианскому источнику. Наиболее определенно обнаруживается во вступительной части идея свободы воли («душа самовластна»), понимаемая, очевидно, шире, чем это допускал ортодоксально-христианский индетерминизм. Вероятным представляется предположение о связи с «Лаодикийским посланием» анонимного «Написания о грамоте». «Написание о грамоте» также соединяет грамматические сюжеты с философскими; здесь мы читаем, что бог дал человеку «***самовластна ума, смерть и живот предложив пред очима его, рекше водное произволение хотения и добродетели или к злобе, путь откровения изящьству и невежествию***»; далее автор объясняет, что «***грамота есть самовластие, умнаго волное разумение***». Весьма интересно послесловие к «Лаодикийскому посланию», написанное, по всей видимости, в первые десятилетия XVI в. Его содержание позволяет видеть в Послании одно из звеньев древнерусской образовательной системы, включающей в себя также (о чем говорит текст послесловия) «Диалектику» Иоанна Дамаскина и сочинение «Об осми частях слова». Идеи послесловия для русского средневекового читателя были не бесспорны. Ряд сборников содержит сопровождающее послесловие сочинение «О тщеславии юных», автор которого весьма скептически относится к изучению «Диалектики». Заимствования из словаря Свиды (X в.), впервые введенного в русскую письменность Максимом Греком, иронические отзывы о русской церковной образованности позволяют предположить, что автором сочинения был Максим Грек. Упоминание в тексте сочинения «О тщеславии юных» об «отай подписанных» произведениях, возможно, представляют собой указание на «Лаодикийское послание» с шифрованной подписью

Курицына. Наиболее важное значение для характеристики Курицына как писателя имеет атрибуция ему другого анонимного литературного памятника конца XV в. – Повести о Дракуле («**Сказания о Дракуле воеводе**»).

Повесть о Дракуле – первый известный нам памятник оригинальной русской беллетристики, сюжетное повествование, не входившее в какие-либо летописные или хронографические своды и посвященное герою, который едва ли был известен читателю как историческое лицо (в Повести нет обычных для исторического повествования дат) и воспринимался скорее как персонаж анекдотов. Авторство Повести может быть установлено из упоминания в ее заключительной части, что второй сын Дракулы, находившийся в Венгрии, «при нас умре, а третьего сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом», и что «ныне» на престоле Дракулы сидит Влад Монах. Влад Монах вступил на мутьянский (румынский) престол в 1481 г. Автором Повести был русский (со ссылкой на «наш» русский язык начинается рассказ о Дракуле), побывавший в Венгрии в начале 80-х гг. XV в. и не один, а с какими-то спутниками («при нас», «видехом»). Все эти данные более всего подходят именно к Курицыну, возглавлявшему посольство в Венгрию и Молдавию как раз в 1482–1484 гг. и в сентябре 1485 г. вернувшемуся в Россию (в феврале 1486 г. и вторично в январе 1490 г. Повесть о Дракуле была переписана известным Кирилло-белозерским книжником Ефросином). Наиболее характерная особенность Повести о Дракуле – ее теснейшая связь с устным сюжетным повествованием; она представляет собою в сущности ряд анекдотов о жестоком «мутьянском воеводе» Дракуле (так в странах, соседних с Валахией, именовали ее князя Влада Цепеша, правившего в 1456–1462 и 1477 гг.). Дракула изобретательно испытывает своих собеседников, жестоко наказывая всех, кто не выдерживает истытания. Сходные анекдоты использовались в рассказах о «великом изверге» Дракуле, помещавшихся в немецких брошюрах конца XV в. (рукописных и печатных) и повествовании о нем, включенном в «Венгерскую хронику» итальянского гуманиста Антонио Бонфини (90-е гг. XV в.). Сходство русской Повести с этими памятниками – не текстуальное, а сюжетное; общим их источником были, очевидно, рассказы, услышанные различными авторами в землях, соседних с Валахией. Как же может быть определен идейный смысл русской Повести о Дракуле? В науке предполагались самые различные решения этого вопроса: одни исследователи усматривали в Повести осуждение тирании и видели в главном персонаже Повести однозначно отрицательное лицо, другие усматривали в ней апологию грозной и справедливой власти и тех репрессий, которые применялись феодальным государством против его врагов. Возможность столь противоположных мнений вытекает из жанрового своеобразия Повести: перед нами не публицистическое произведение, автор которого прямо высказывает свои воззрения, а произведение беллетристики. Уже Н. М. Карамзин отмечал, что «автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям самим судить о философии Дракулы». Амбивалентность, неоднозначность сюжетной развязки, оставляющая возможность различного понимания сюжета, была свойственна ряду памятников беллетристики позднего средневековья. Так же построены были, например, сказания о мудром звере Китоврасе, служившем царю Соломону (см. Апокрифы о Соломоне), или повесть о мудром звере Ихнилате (Стефанит и Ихнилат), сходная с западным Романом о Лисе. Но отсутствие однозначной морали не означало отсутствия в Повести о Дракуле авторской позиции. Позицию эту можно определить, сравнив русскую Повесть с западными сочинениями о том же персонаже. Если авторы немецких рассказов рисовали только изуверскую жестокость «великого изверга», то итальянский гуманист Бонфини подчеркивал сочетание в Дракуле «неслыханной жестокости и справедливости». Так же двойствен Дракула и в русской Повести. Дракула – «диавол» на троне, он «зломудр», но жестокость его может служить и для искоренения зла: «И только ненавидя в своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татьбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысть». Автор сознательно отмечал противоречивые черты в образе Дракулы (справедливость и жестокость), но вместе с тем он видел в нем «великого государя»: если в немецком сказании о Дракуле анекдот о двух монахах, один из которых польстил Дракуле, а другой назвал его извергом, кончался оправданием

правдивого обличителя и казнью льстеца, то в русской Повести наказанию подвергался имено хулитель, не умеющий говорить с «великими государями». Подобно публицисту XVI в. И. С. Пересветову, автор Повести о Дракуле полагал, очевидно, что «без таковыя грозы немочно в царство правды ввести». Если считать Повесть о Дракуле произведением Курицына, то это во многом дополнило бы его облик как публициста и идеолога. Своеобразная литературная и идеологическая позиция автора предопределила и судьбу его произведения в письменности XVI в. Исследователи, усматривавшие в Повести осуждение тирании, думали, что она распространялась в боярских кругах, враждебных Ивану Грозному. Но в XVI в., после разгрома еретических движений в 1504 г., Повесть о Дракуле, как и другие «неполезные», не связанные с церковью и прямыми государственными задачами, повести, исчезла из рукописной традиции. Причиной этого было, как можно предполагать (Я. Лурье, А. Панченко. Б. Успенский), чересчур откровенное изображение автором подлинных и неизбежных черт «грозной» власти. Повесть о Дракуле издавалась многократно.

Фёдор Васильевич Курицын (ум. около 1504) — русский политический деятель из боярского рода Курицыных, один из наиболее влиятельных сторонников московско-новгородской ереси («жидовствующих»), современник Нила Сорского и Иосифа Волоцкого и нестяжателей. Брат Ивана Волка, также дьяка на дипломатической службе. Его сын Афанасий занимал видное положение при Василии III.

Автор ряда литературных произведений, из которых сохранились философское стихотворение «Лаодикийское послание» и повесть «Сказание о Дракуле». По мнению Льва Черепнина, участвовал в составлении Судебника 1497 года.

Был в составе делегации, присутствующей при подписании литовским князем Александром договора с Иваном III в 1494 году. После 1482 года был послан к венгерскому королю Матвею Корвину, с ответной миссией. Он вернулся до августа 1485 г., привезя договор, содержавший утверждение «братства и любви» между державами. В январе 1489 года посол немецкого императора Фридриха III и его сына Максимилиана — Николай Поппель совершил бестактность, предложив Ивану III королевскую корону. Федор Курицын прочел послу декларацию о полном суверенитете власти русского государя. До 1500 года занимал должность управляющего посольскими делами (фактически «министра иностранных дел»), после чего сведений о нём в источниках нет.

В окружении Ивана III противоборствовали две партии. Одна поддерживала царского внука Дмитрия Ивановича и его мать Елену, дочь молдавского правителя Стефана III, другая второго сына Ивана III, будущего царя Василия III и его мать Софью Палеолог. Федор примыкал к первой группировке, наряду с князьями Иваном Патрикеевым и Семеном Ивановичем Ряполовским. Многие члены этой партии сочуственно относились к ереси жидовствующих, одно время и Иван III относился к ереси снисходительно. Иосиф Волоцкий в письме архимандриту Митрофану вспоминал духовные беседы с Иваном III в 1503 году, где царь назвал Курицына главой одной из ересей.

В 1502 году были лишены власти и попали в заточение его покровители при дворе великого князя Ивана III — внук Ивана III Дмитрий и его мать Елена). В 1504 году был казнен брат Фёдора Курицына Иван Волк. Точная судьба самого Фёдора Курицына неизвестна. Но его потомки несмотря на опалу продолжали участвовать в государственной и политической жизни вплоть до 1600 годов.

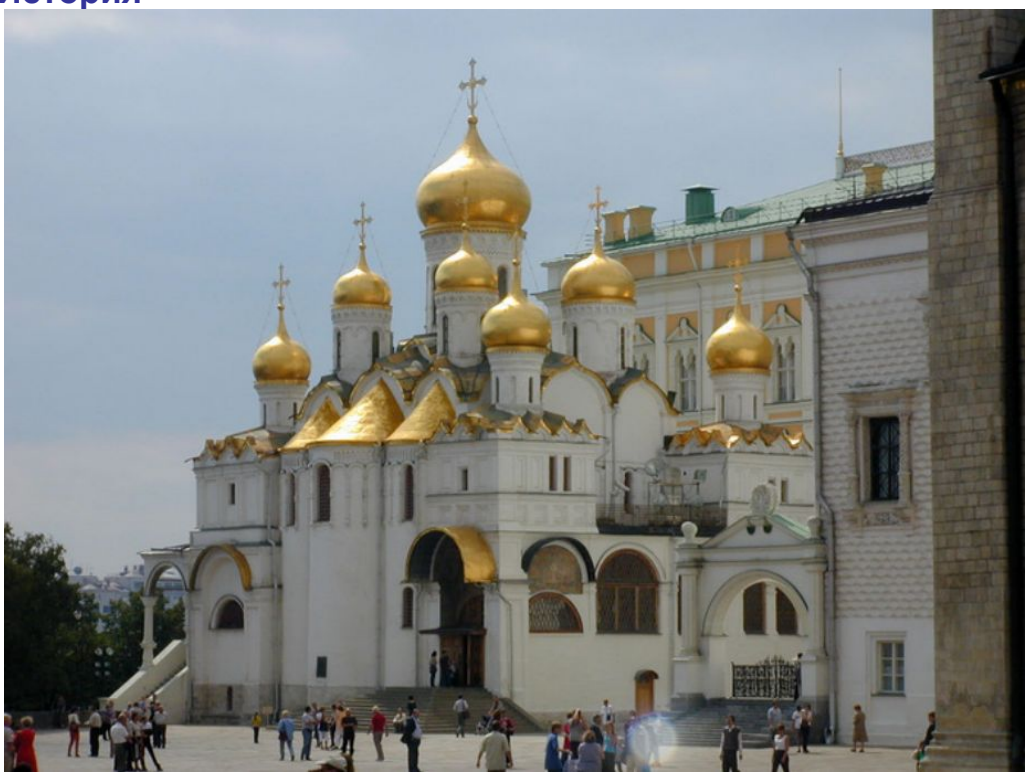
См. также **Курицын Федор Васильевич, посольский дьяк**, Курицын, Иван Васильевич Волк:биография, **ЕРЕТИКИ или Люди, опередившие время**, ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КУРИЦЫНА, **Сказание о Дракуле воеводе**

Вернуться к ссылке

44.293. Благовещенский собор (Московский Кремль)

Благове́щенский собо́р — православный храм в честь Благовещения Богородицы, расположенный на соборной площади Московского Кремля.

История



…Задуманная Иваном III грандиозная перестройка Кремля коснулась и Благовещенского собора. В 1484 году старый собор был разобран и заложен заново. Строительство нового собора велось пять лет. В августе 1489 года с него сняли строительные леса и перед москвичами предстал храм, увенчанный тремя куполами, окруженный с трех сторон крытой галереей. С восточной стороны храма для хранения государевой казны была устроена Казённая палата. Здесь были собраны старинные предметы царского обихода, в том числе царские регалии - короны, скипетры, диадемы и прочее, а также золотая и серебряная посуда. Летописное сведение о начале строительства Казенной палаты относится к 1484 году. Палата была заложена при Иване III одновременно с новой Благовещенской церковью: «...князь великий Иван Васильевич всея Руси заложил церковь камену Благовещение пресвятыя Богородица на своем дворе, ...а за церковию полату заложил». Строил палату итальянский архитектор Марко Руффо, автор Грановитой палаты, и закончил ее в 1485 году. Северная и западная паперть служили притвором храма и одновременно входом в парадные палаты великокняжеского, а затем царского дворца. Архидиакон Павел Алеппский, посетивший Москву в середине XVII в., писал, что через паперть собора проходили во дворец послы православных стран, в то время как католики и нехристиане пользовались другим входом. Послы поднимались на северное крыльцо собора, проходили по галереям и далее шли во дворец по лестнице, находившейся в западной части, против входа в собор.

Собор был построен в 1489 году псковскими мастерами на белокаменном подклете конца XIV — начала XV веков (оставшегося от старого собора) и изначально был трёхкупольным. Собор серьёзно пострадал при пожаре 1547 года и восстановлен в 1564 году, с надстройкой двух глав с западной стороны. В 1572 году к собору было пристроено крыльцо, впоследствии получившее название Грозненского.

Частично сохранилась роспись, сделанная в 1508 году художником Феодосием, сыном Дионисия, «с братиею». Изначальный иконостас собора содержал иконы, написанные в 1405 году Андреем Рублёвым и Феофаном Греком. После пожара 1547 года для иконостаса были подобраны два древних ряда — Деисусный и Праздничный, эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева.[1]

До XVIII века являлся домовой церковью Московских государей; его протопопы одновременно были духовниками царей. В петербургский период придворный статус протопресвитеров собора сохранился.

Вернуться к ссылке

44.294. Дмитрий Иванович Внук

Дмитрий Иванович Внук (10 октября 1483— 14 февраля 1509) — сын Ивана Ивановича Молодого и Елены Волошанки, внук Ивана III.

Биография

Претендент на московский престол, в 1498 году был венчан на великое княжение своим дедом Иваном III, в связи с кончиной от болезни старшего сына и наследника Ивана III — Ивана Молодого, несмотря на то, что у Ивана III были младшие сыновья.

Венчание Дмитрия-«внука» в 1498 г. Миниатюра Лицевого летописного свода

… Но еще торжественнее было посаждение на престол, или венчание короной Мономаха, в Успенском соборе внука Ивана, Дмитрия, который ставился в соправители своего деда (Дмитрий был внуком Ивана III от старшего сына Ивана и княжны Елены Стефановны; великий князь номинально сделал его наследником престола и своим соправителем (до 1502 г., когда в результате происков партии Софьи Палеолог Дмитрий Иванович вместе с матерью был наточен в тюрьму, где и умер). – Прим. ред.). Памятники того времени сохранили нам любопытные подробности этого торжественного священнодействия, **которые в основных чертах сделались как бы обязательными для последующих русских коронаций**. Торжество происходило 4 февраля 1498 г. Посреди Успенского собора на особом возвышении, на так называемом чертожном месте поставили три седалища: для государя, митрополита Симона и Дмитрия. Первые двое сели на свои места, а Дмитрий встал пред ними у верхней ступени помоста. Великий князь обратился к первосвятителю со следующими словами: «***Отче митрополит! Божиим повелением – от наших прародителей великих князей старина наша; оттоль и до сих мест отцы – великие князи сынам своим первым давали великое княжение, и яз был своего сына первого Ивана при себе благословил великим княжением. Божия паки воля сталася: сына моего в животе не стало, и у него остался сын первой – Димитрий, и яз ныне его благословляю при себе и после себе великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским. И ты бы его, отче, на великое княжение благословил***». При этом Дмитрий приблизился и преклонил голову. Осенив его крестом, митрополит положил руку на его голову и произнес благословенную молитву. Потом великий князь возложил на внука бармы[248] и шапку Мономаха. Тогда архидиакон с амвона возгласил

---

[248] Бармы (по разным источникам, происходит от греч. parmai — круглый щит, или от перс. berme — охранение, защита,

многолетие великому князю Дмитрию. Обоим великим князьям приносили поздравления иерархи, родственники, князья, бояре и прочие дворские люди. В заключение митрополит и государь сказали Дмитрию свои поучения, а потом началась литургия, после коей Дмитрий вышел из собора в короне и бармах. В дверях Успенского собора дядя его, князь Юрий Иванович, трижды осыпал его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторил он перед соборами Архангельским и Благовещенским.

Венчание на великое княжение Дмитрия, внука Ивана III

…Первыми историками выступили современники участников великокняжеского венчания Дмитрия-внука 1498 года. Если ранние летописи содержат лишь упоминание этого факта, то создатели Свода 1518 года включили обработанный текст коронации – такой, каким он должен быть, по мнению придворных идеологов. Вновь проведенная церемония в Успенском соборе была слишком важна и, главное, носила на будущее прецедентный характер, чтобы доверять объективности последующих летописцев. В первоначальные варианты Чина венчания были добавлены указания на то, что Дмитрий был венчан т.н. «шапкой Мономаха», и, следовательно, становился преемником императоров Византии эпохи ее наибольшего могущества и святости.

…Подлинно научное изучение вопроса чинопоследования царского венчания началось с выдающегося историографа Н. М. Карамзина. При описании событий 1498 года он указал, что Иван III венчал на царство своего наследника – Дмитрия-внука, и возложил на него «венец Мономаха». Карамзин подробно пересказал ход церемонии, опираясь на известные ему летописи и текст Герберштейна, которая в его изложении предстала один из шагов в политической борьбе группировок вокруг трона.

Московское боярство и придворные были разделены на две группы, одна из которых (в частности семья Ивана Юрьевича Патрикеева, князь Семен Ряполовский и др.) поддерживала Дмитрия и его мать княгиню Елену Стефановну, другая — царевича Василия и его мать — супругу Ивана III — Софью Палеолог. В 1497 году был раскрыт так называемый заговор Владимира Гусева, участникам которого приписывали намерение убить царевича. Противостояние закончилось опалой Василия и Софьи. Примечательно, что венчание на царство Дмитрия впервые было подробно описано летописцами, со всеми любопытными обстоятельствами.

Однако, в дальнейшем «партия», поддерживающая царевича Василия и великую княгиню Софью Палеолог, взяла верх, и часть сторонников Дмитрия и Елены Стефановны была казнена, Патрикеевы пострижены в монахи.

Иван III назвал Василия государем, великим князем Новгорода и Пскова, но какое-то время Дмитрий еще именовался великим князем Владимирским и Московским.

В 1502 году, после того как Иван III передал права наследования своему сыну Василию, Дмитрий с матерью Еленой Стефановной попали в окончательную опалу, были заключены под стражу и их имена было запрещено упоминать при богослужениях. Уже при Василии III в 1505 году Дмитрий был окован в «железа», в тесном заключении. Скончался в 1509 году, похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

См. также **Борисов Николай Сергеевич-Иван III**, **Москва – сердце России**, **Чинопоследование венчания на царство**, **Венчание на царство**, **Венчание на царство**

Вернуться к ссылке

или от др.-польск. brama — украшения на руках и ногах женщин, или от др.-исл. barm — край) — широкое оплечье с нашитыми на него изображениями религиозного характера и драгоценными камнями. Бармы из круглых металлических щитков-дробниц, скреплённых шнурами и украшенных драгоценными камнями и эмалями, появились в Византии, где входили в парадную одежду императоров.

44.295. Алевиз Фрязин Старый

Алеви́з Фря́зин (Алеви́з Ста́рый, Алеви́з Мила́нец, итал. Aloisio da Milano, также иногда просто Алевиз; XV век — XVI век) — итальянский архитектор Алои́зио да Карезя́но (Карка́но), работавший в России в конце XV-начале XVI века. С 1494 по 1499 годы достраивал укрепления Московского кремля, в 1499—1508 годах строил Большой Кремлёвский дворец и стены от дворца до Боровицкой башни, в 1508—1519 годах работал над стенами, башнями и рвами Кремля со стороны реки Неглинной, в том числе над Троицкой башней.

Это первый архитектор по имени Алевиз, прибывший в Москву из Италии (прибывшего через десять лет называют Алевизом Новым).

44.295.1. Биографические данные

Летописи под 1494 годом сообщают про Алевиза Старого: «***Приидоша послы великого князя на Москву, Мануйло Аггелов Грек да Данила Мамырев, что посылал их князь великий мастеров для в Венецию и Медиолам; они же приведоша на Москву Алевиза мастера стеннаго и палатного и Петра пушечника и иных мастеров***»[1]. Как установили современные итальянские исследователи, речь идет об Алоизио да Карезано (Каркано)[2].

Вероятно, Алевиз сменил умершего в 1493 году Пьетро Антонио Солари и с 1494 по 1499 годы был руководителем кремлевского фортификационного строительства[3].

Следующее летописное упоминание об Алевизе Старом связано с тем, что в 1499 году «князь великий велел заложити двор свой, полаты каменыа и кирпичныа, а под ними погребы и ледники, на старом дворе у Благовещениа, да стену камену от двора своего до Боровитскиа стрелници; а мастер Алевиз Фрязин от града Медиолама»[4]. Это строительство было завершено к 1508 году, когда Василий III переехал в построенный дворец[5]:8. То, что речь здесь идет именно об Алевизе Старом, подтверждается упоминанием города Медиолама (Милана).

В 1504 году в Москву прибыл Алевиз Новый.

В 1508 году «князь великий велел вкруг града Москвы ров делати камением и кирпичем и пруды чинити вкруг града Алевизу Фрязину»[5]:8. Летописи приводят и более конкретные сведения об этих работах, начавшихся в 1507 и оконченных в 1519 году, — строились стены, башни, плотины и ров вдоль реки Неглинной.

… Ров, который в народе так и был прозван Алевизовым, являлся невероятно могучим техническим сооружением. Он прошел вдоль восточной стены Кремля от Москвы-реки до Неглинки, отрезав крепость от Торга. Три каменных моста, склоны восьмиметровой глубины, подпираемые мощными стенами, шириною в треть нынешней Красной площади, система шлюзов, позволяющая спускать воду в зимнее и мирное время. Шлюзы были устроены и на означенных прудах вдоль Неглинной. Недавние раскопки на Манежной площади подтвердили, что в XVI веке запруженная речка разливалась, покрывая более половины пространства нынешней площади и весь Средний Александровский сад — Кремль словно стоял на острове.

44.295.2. Постройки

До 1970-х годов в истории архитектуры господствовала следующая точка зрения: Алевиз Старый строил лишь западные укрепления Кремля вдоль Неглинной, а Алевиз Новый — все остальные упоминаемые в летописных сообщениях постройки (Большой Кремлёвский дворец,

Архангельский собор, церковь Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот[5]:10 и храмы, заложенные в 1514 году[6]). Алевиз Новый считался одним из величайших архитекторов эпохи, а Алевиз Старый был низведен до роли второстепенного (по сравнению с Солари) фортификатора.

В последней четверти XX века эта точка зрения была поставлена под сомнение С. С. Подъяпольским и В. П. Выголовым. Оба исследователя отнесли кремлевский великокняжеский дворец к творчеству Алевиза Старого, а В. П. Выголов сомневался в авторстве Алевиза Нового и в отношении церквей, заложенных в 1514 году[7]. С. В. Заграевский показал, что аргументы С. С. Подъяпольского и В. П. Выголова в пользу отнесения кремлевского дворца к творчеству «мастера стенного и палатного» Алевиза Старого убедительны (Алевиза Нового в 1499 году ещё не было на Руси, к тому же в летописном сообщении под этим годом говорится, что мастер был из Милана), но автором церквей, построенных после 1514 года, был все же Алевиз Новый[8].

Таким образом, с 1494 по 1499 годы Алевиз Старый достраивал кремлевские укрепления, которые не успел завершить Солари. В 1499—1508 годах он строил Большой Кремлёвский дворец и стены от дворца до Боровицкой башни. В 1508—1519 годах он работал над стенами, башнями и рвами Кремля со стороны Неглинной. Дальнейшая судьба зодчего неизвестна.

… Он прорыл через всю Красную площадь ров перед вост. стеной, по обеим сторонам рва поставил крепостные стены и перекинул подъемные мосты (в XIX в. ров засыпали, стены снесли, а площадь замостили). Новый оборонительный пояс Кремля протянулся на 2235 м. Высота стен, в зависимости от рельефа, колебалась от 8 до 19 м; толщина — от 3,5 до 6,5 м.

В 1499 А. приступил к сооружению трехэтажного государева дворца, строительство которого длилось 9 лет; после перестройки в 1636 дворец получил название Теремного.

См. также Сказ о двенадцати Алевизах, Ренцо Пьяно, говорите..., Алоизио из Карезаны, ФРЯЗИ.

Mario Corti

Вернуться к ссылке

44.296. Василий III

Васи́лий III Иванович (25 марта 1479 — 3 декабря 1533) — Великий князь владимирский и московский в 1505—1533, сын Ивана III Великого и Софии Палеолог, отец Ивана IV Грозного. В договоре от 1514 года с императором Священной Римской империи Максимилианом I впервые в истории Руси назван царём (цезарем).

44.296.1. Биография

Василий был вторым сыном Ивана III и старшим сыном второй жены Ивана Софии Палеолог. Кроме старшего, у него было четыре младших брата:

Юрий Иванович, князь дмитровский (1505—1536)

Дмитрий Иванович Жилка, князь углицкий (1505—1521)

Семён Иванович, князь калужский (1505—1518)

Андрей Иванович, князь старицкий и волоколамский (1519—1537)

Иван III, проводящий политику централизации, заботился о передаче всей полноты власти по линии старшего сына, с ограничением власти младших сыновей. Поэтому он уже в 1470 году объявил своим соправителем старшего сына от первой жены Ивана Молодого. Однако в 1490 году тот умер от болезни. При дворе создалось две партии: одна группировалась вокруг сына Ивана Молодого, внука Ивана III Дмитрия Ивановича и его матери, вдовы Ивана Молодого, Елены Стефановны, а вторая вокруг Василия и его матери Софьи.

Василий III на французской гравюре Андре Тевета

Поначалу верх брала первая партия. В окружении княжича Василия не без участия его матери созрел заговор против Дмитрия. В частности, некоторые дети боярские и дьяки, поддерживавшие не слишком любимую в Москве Софью, целовали крест и присягали Василию и советовали ему бежать с казной на север, расправившись предварительно с Дмитрием. Этот заговор был раскрыт, а его участники, в том числе Владимир Гусев были казнены. Василий и его мать подверглись опале, по приказу Ивана были удалены подальше от князя и заключены под стражу. Но Софья не сдавалась. Ходили даже слухи, что она «ворожила» на Ивана и даже пыталась его отравить. Дмитрий Иванович был венчан 4 февраля 1498 года в Успенском соборе на великое княжение.

Однако сторонники внука не без происков Софьи вошли в конфликт с Иваном III, в 1499 году были казнены князья Ряполовские, а Патрикеевы – пострижены в монахи (одни из главных союзников Дмитрия-внука). В конце концов опала постигла и самого Дмитрия и его мать в 1502 году. 21 марта 1499 г. Василий был объявлен Великим князем Новгородским и Псковским, а 14 апреля 1502 года Великим князем Московским и Владимирским и Всея Руси самодержцем, то есть он стал соправителем отца. После смерти Ивана в 1505 году Дмитрий был закован в цепи и скончался в 1509 году. Василий уже не боялся потерять свою власть.

Первый брак был устроен его отцом Иваном, который сначала пытался найти ему невесту в Европе, но поиски не закончились успехом. Пришлось выбирать из 1500 знатных девиц, представленных ко двору для этой цели со всей страны. Отец первой жены Василия Соломонии, Юрий Константинович Сабуров, был писцом Обонежской пятины Новгородкой земли, внуком боярина Федора Сабура. После свадьбы дочери он стал боярином и отдал другую свою дочь за князя Стародубского.

После двадцати лет брака, Соломония так и не родила. Боясь, что возможные сыновья братьев станут претендентами на трон, Василий запрещал своим братьям вступать в брак, пока у него не родится сын. Это решение трагически скажется на истории рода Рюриковичей и всей России.

… К несчастью, великая княгиня Соломония была бесплодной. Тщетно употребляла она все средства, которые приписывались ей знахарями и знахарками того времени, - детей не было, исчезла и любовь мужа. Василий с плачем говорил боярам: "Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям передать? Но они и своих уделов устроить не умеют".

На этот вопрос послышался ответ между боярами: "Государь, князь великий! Неплодную смоковницу посекают и изметают из винограда". Так думали бояре, но первый голос принадлежал митрополиту Даниилу, который одобрил развод.

Поскольку первый брак был бесплоден, Василий добился развода в 1525 году[1]:45, и в начале следующего (1526-го) года женился на Елене Глинской, дочери литовского князя Василия Львовича Глинского[1]:45.

… Новая супруга Василия во многом отличалась от тогдашних русских женщин. Елена усвоила от отца и дяди иноземные понятия и обычаи и, вероятно, пленила великого князя. Желание понравиться ей было так велико, что, как говорят, Василий III даже обрил для нее свою бороду,

что, по тогдашним понятиям, было несовместимо не только с народными обычаями, но и с православием.

Первоначально новая супруга также не могла забеременеть, но в конце концов 25 августа 1530 года у них родился сын Иван[1]:48, будущий Иван Грозный, а затем и второй сын — Юрий[1]:66.

По пути в Волоколамск Василий получил на левом бедре[2] подкожный нарыв, который очень быстро развивался, доктора не могли оказать помощь. (Возможно, это был рак в последней стадии, но в XVI в. таких диагнозов не ставили). Уже без сил великого князя доставили в подмосковное село Воробьёво. Понимая, что ему не выжить, Василий написал завещание, призвал митрополита Даниила, нескольких бояр и просил их признать наследником престола трёхлетнего сына Ивана. 3 декабря 1533 года, приняв предварительно схиму, умер от заражения крови[2].

44.296.2. Внутренняя политика

Василий III считал, что власть великого князя ничто не должно ограничивать. Пользовался активной поддержкой Церкви в борьбе с феодальной боярской оппозицией, круто расправляясь со всеми недовольными. В 1521 году митрополит Варлаам был сослан из-за отказа участвовать в борьбе Василия против князя Василия Ивановича Шемячича, князья Рюриковичи Василий Шуйский и Иван Воротынский были изгнаны.

Дипломат и государственный деятель Иван Берсень-Беклемишев был казнён в 1525 из-за критики политики Василия, а именно из-за открытого неприятия греческой новизны, которая пришла на Русь вместе с Софией Палеолог. В течение правления Василия III увеличилось земельное дворянство, власти активно ограничивали иммунитет и привилегии бояр - государство шло по пути централизации. Однако деспотические черты управления, в полной мере проявившиеся уже при его отце Иване III и деде Василии Тёмном, в эпоху Василия только ещё более усилились.

В церковной политике Василий безоговорочно поддерживал иосифлян. Максим Грек, Вассиан Патрикеев и другие нестяжатели были приговорены на Церковных соборах кто к смертной казни, кто к заточению в монастырях.

В правление Василия III был создан новый Судебник, который, однако, не дошел до нас.

Карта «Московии» Сигизмунда фон Герберштейна (1549 г.), основанная на материале его поездок в Россию в царствование Василия III

Как сообщал Герберштейн, при московском дворе считалось, что Василий властью превосходил всех монархов мира и даже императора.

На лицевой стороне его печати имелась

надпись: «Великий Государь Василий Божией милостью царь и господин всея Руси». На оборотной стороне значилось: «Владимирской, Московской, Новгородской, Псковской и Тверской, и Югорьской, и Пермской, и многих земель Государь».

«Василий Великий и вел. кн. Василий III», фрагмент иконы, ГИМ

Время правления Василия - эпоха строительного бума на Руси, начавшегося во время правления его отца. В Московском Кремле возведен Архангельский собор, а в Коломенском построена Вознесенская церковь. Строятся каменные укрепления в Туле, Нижнем Новгороде, Коломне, и других городах. Основываются новые поселения, остроги, крепости.

44.296.3. Объединение русских земель

Василий в своей политике в отношении других княжеств продолжал политику своего отца.

… Василий решил покончить с независимостью Пскова. В 1509 году он поехал в Новгород и приказал прибыть к себе псковскому наместнику Ивану Михайловичу Ряпне-Оболенскому и псковичам, чтобы он мог разобрать их взаимные жалобы. В 1510 году на праздник Крещения он выслушал обе стороны и нашел, что псковские посадники наместника не слушались, и было ему от псковичей много обид и насилий. Также Василий обвинил псковичей в том, что они государево имя презирали и не проявляли к нему должных почестей. За это великий князь наложил опалу на наместников и велел их схватить. Тогда посадники и другие псковичи, признав свою вину, били Василию челом, чтоб он пожаловал свою отчину Псков и устроил ее как ему Бог известил. Василий велел сказать: "Вечу в Пскове не быть, а быть в Пскове двум наместникам". Псковичи, собрав вече, стали думать, выступить ли против государя и за переться ли в городе. Наконец решили покориться. 13 января сняли они вечевой колокол и со слезами отправили в Новгород. 24 января Василий приехал в Псков и устроил здесь все по своему усмотрению. 300 самых знатных семей, бросив все свое добро, должны были переселиться в Москву. Деревни выведенных псковских бояр были отданы московским.

Наступала очередь Рязани, давно уже лежавшей в сфере влияния Москвы. В 1517 году Василий призвал к себе в Москву рязанского князя Ивана Ивановича, пытавшегося вступить в союз с крымским ханом, и велел посадить его под стражу (в дальнейшем Ивана постригли в монахи и заточили в монастырь), а его удел забрал себе. После Рязани было аннексировано Стародубское княжество, в 1523 году - Новгород-Северское, с князем которого Василием Ивановичем Шемячичем поступили по примеру рязанского - заточили в Москве.

44.296.4. Внешняя политика

См. также: Русско-казанские войны

В начале правления Василию пришлось начать войну с Казанью. Поход был неудачен, русские полки, которыми командовал брат Василия князь углицкий Дмитрий Иванович Жилка были разбиты, но казанцы запросили мира, который и был заключен в 1508 году. В то же время Василий, воспользовавшись смутой в Литве после смерти князя Александра, выставил свою кандидатуру на престол Гедимина. В 1508 году взбунтовавшийся литовский боярин Михаил Глинский в Москве был принят очень радушно. Война с Литвой привела к довольно выгодному для Московского князя миру в 1509 году, по которому литовцами были признаны захваты его отца.

В 1512 началась новая война с Литвой. 19 декабря Василий, Юрий Иванович и Дмитрий Жилка выступили в поход. Смоленск был осаждён но взять его не получилось, и русское войско вернулось в Москву в марте 1513 года. 14 июня Василий снова выступил в поход, но отправив воевод к Смоленску сам остался в Боровске, ожидая, что будет дальше. Смоленск снова был осаждён, а его наместник, Юрий Сологуб, был разбит в открытом поле. Только после того Василий самолично приехал к войскам. Но и эта осада была неудачной: осаждаемым удавалось восстанавливать разрушаемое. Опустошив окрестности города, Василий велел отступить и возвратился в ноябре в Москву.

8 июля 1514 года войско во главе с Великим князем вновь выступило к Смоленску, на этот раз вместе с Василием шли его братья Юрий и Семен. Новая осада началась 29 июля. Артиллерия, которой руководил пушкарь Стефан, наносила осаждаемым тяжелые потери. В тот же день Сологуб и духовенство города вышли к Василию и согласились сдать город. 31 июля жители Смоленска присягнули великому князю, и Василий 1 августа вступил в город. Вскоре были взяты окрестные города - Мстиславль, Кричев, Дубровны. Но Глинский, которому польские летописи приписывали успех третьего похода, вступил в сношения с королем Сигизмундом. Он надеялся получить Смоленск себе, но Василий его оставил себе. Очень скоро заговор разоблачили, а самого Глинского заточили в Москве. Некоторое время спустя русское войско, которым командовал Иван Челядинов, потерпело тяжелое поражение под Оршей, но литовцы вернуть Смоленск так и не смогли. Смоленск остался спорной территорией до конца правления Василия III. В это же время жителей Смоленщины уводили в московские области, а жителей ближних к Москве областей переселяли в Смоленск.

В 1518 году казанским ханом стал дружески настроенный к Москве Шах Али-хан, но правил он недолго: в 1521 году его сверг крымский ставленник Сахиб Гирей. В том же году, выполняя союзные обязательства с Сигизмундом крымский хан Мехмед I Гирей объявил набег на Москву. Вместе с ним из своих земель выступил казанский хан, под Коломной крымчаки и казанцы объединили свои армии вместе. Русское войско под руководством князя Дмитрия Бельского потерпело поражение на реке Оке и было вынуждено отступить. Татары подошли к стенам столицы. Сам Василий в то время уехал из столицы в Волоколамск собирать армию. Магмет-Гирей не собирался брать город: опустошив округу он повернул обратно на юг, опасаясь астраханцев и собранного Василием войска, однако взяв с великого князя грамоту о том, что тот признает себя верным данником и вассалом Крыма. На обратном пути встретив войско воеводы Хабара Симского у Переяславля Рязанского, хан начал на основании этой грамоты требовать капитуляции его войска. Но, выпросив татарских послов с этим письменным обязательством к себе в ставку, Иван Васильевич Образец-Добрынский (такое было родовое имя Хабара) удержал грамоту, а татарское войско разогнал пушками.

В 1522 году в Москве опять ожидали крымцев, Василий с войском даже сам стоял на Оке. Хан так и не пришел, однако опасность со стороны степи не миновала. Поэтому Василий в том же 1522 году заключил перемирие, по которому Смоленск остался за Москвой. Казанцы же всё не успокаивались. В 1523 году, в связи с очередной резнёй русских купцов в Казани Василий объявил новый поход. Разорив ханство, на обратном пути он основал город Васильсурск на Суре, который должен был стать новым надёжным местом торга с казанскими татарами. В 1524 году после третьего похода на Казань был свергнут союзный Крыму Сахиб Гирей, а вместо него ханом был провозглашен Сафа Гирей.

В 1527 году было отражено нападение Исляма I Гирея на Москву. Собравшись в Коломенском, русские войска заняли оборону в 20 км от Оки. Осада Москвы и Коломны длилась пять дней, после чего московская армия перешла Оку и разгромила крымское войско на реке Осётр. Очередное степное нашествие было отбито.

В 1531 году по просьбе казанцев ханом был провозглашен касимовский царевич Джан-Али хан, однако продержался он недолго - после смерти Василия его свергла местная знать.

[править]

44.296.5. Браки и дети

Жёны:

Соломония Юрьевна Сабурова (с 4 сентября 1505 по ноябрь 1525).

Елена Васильевна Глинская (с 21 января 1526 года).

Дети (оба от второго брака): Иван IV Грозный (1530—1584) и Юрий (1532—1564). По преданиям, от первого брака, после пострижения Соломонии, родился сын Георгий.

См. также ВАСИЛИЙ III ИОАННОВИЧ

Вернуться к ссылке

44.297. Ян Длугош

Ян Длу́гош (польск. *Jan Długosz*; 1 декабря 1415, с. Бжезница Радомщанского повята — 19 мая 1480, Краков) — польский историк и дипломат, крупный католический иерарх, автор «Истории Польши» в 12 томах.

44.297.1. Биография

Учился в Краковском университете (1428—1431), где изучал диалектику и философию. Краковский каноник (с 1436), в 1439 был принят секретарём краковского епископа Збигнева Олесницкого, На этой должности, посвященный Збигневом в священники и принятый в число краковских каноников, оставался до самой смерти епископа в 1455 г., приобрел доверие и расположение епископа, поручившего ему все свои личные и имущественные дела.

Олесницкий оказал влияние на карьеру Длугоша и на склад его понятий и направление деятельности. В 1448 году епископ отправил Длугоша в Италию хлопотать у папы Николая V о присылке кардинальской шляпы, давно обещанной Збигневу. Успешное выполнение этого поручения послужило началом дипломатической карьеры Длугоша. Вначале регентство, в отсутствие короля, затем сам король Казимир IV начинают пользоваться услугами Длугоша в сношениях с Чехией, Венгрией и Тевтонским орденом. Дипломатическая деятельность прерывается по смерти Збигнева, когда, в возникшем между королем и краковским капитулом споре из-за права выбора епископа, Длугош, верный идеям Збигнева о самостоятельном значении церкви в государстве принял сторону капитула и тем навлек на себя опалу короля. В 1464 году он, однако, опять уже вел переговоры в Пруссии, а в 1466 был в числе польских уполномоченных при заключении Торнского договора с орденом. С 1467 году на него возложена была обязанность учителя королевских детей. Когда по смерти Юрия Подибрада, в 1471 году, старший сын Казимира и воспитанник Длугоша, Владислав, избран был чешским королем, Длугош вместе с ним отправился в Чехию, в качестве как бы наставника и опекуна молодого короля; но вскоре болезнь принудила его возвратиться на родину. Незадолго до смерти он был избран львовским архиепископом, но, не дождавшись посвящения, умер в 1480 году.

44.297.2. История Польши

Среди многих его сочинений наиболее известно «Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae», называемая обычно «Хроникой Длугоша». Это лучшая польская средневековая хроника, доведённая до 1480 года, в 12 книгах на латинском языке. В «Хронике Длугоша» использованы материалы государственных и церковных архивов, польские, чешские и венгерские хроники, русские и литовские летописи. В хронике также использованы народные предания, рассказы очевидцев, некоторые жития святых, мемуары Збигнева Олесницкого.

Часть хроники переведена на русский язык.

Сведения хроники всегда требуют тщательной проверки, и это обусловливается уже самым взглядом его на характер своего труда. Как исторический писатель, Длугош стоит на переходной ступени между летописным изложением фактов и научным исследованием их. Одинаково далекий от безразличия древних хроникеров и беспристрастия современного ученого, он в своем грандиозном труде является служителем не столько исторической истины, сколько определенных политических идей на моральной подкладке. Горячий патриот и приверженец независимости католической церкви и даже господства ее над государством, он рассматривает всю историю Польши, как прославление своей родины и урок служения государства церкви и ее задачам.

Вокруг этих основных идей группируются все факты, вследствие чего группировка нередко выходит искусственной, натянутой, подчас совершенно произвольной. Увлеченный стремлением доказать свою любимую мысль, Длугош очень свободно обращается с источниками, то обходя молчанием факты, сообщаемые ими, но неблагоприятные для его тенденции, то искажая их показания, иногда до полной противоположности с прямым их смыслом. Другая причина многочисленных ошибок Длугоша лежит в способе отношения его к источникам, общим всему его веку. Прежде всего у него часты удвоения фактов: всякое событие, занесенное в разные источники под различными годами или даже в один и тот же источник дважды, обращалось у Длугоша в два отдельные факта. С другой стороны, побуждаемый стремлением к определенности известий, он часто вносит в данные источников целый ряд новых подробностей, имен, чисел, даже событий, руководясь лишь своими догадками. Эти недостатки не уничтожают, однако, громадного значения его труда — этого наиболее видного памятника польской средневековой историографии, в котором с замечательным трудолюбием собраны все доступные тогда сведения о прошлом Польши и положено начало ее систематической истории.

См. также Длугош, Ян. Анналы или хроники славного королевства Польши, "Грюнвальдская битва" Ян Длугош

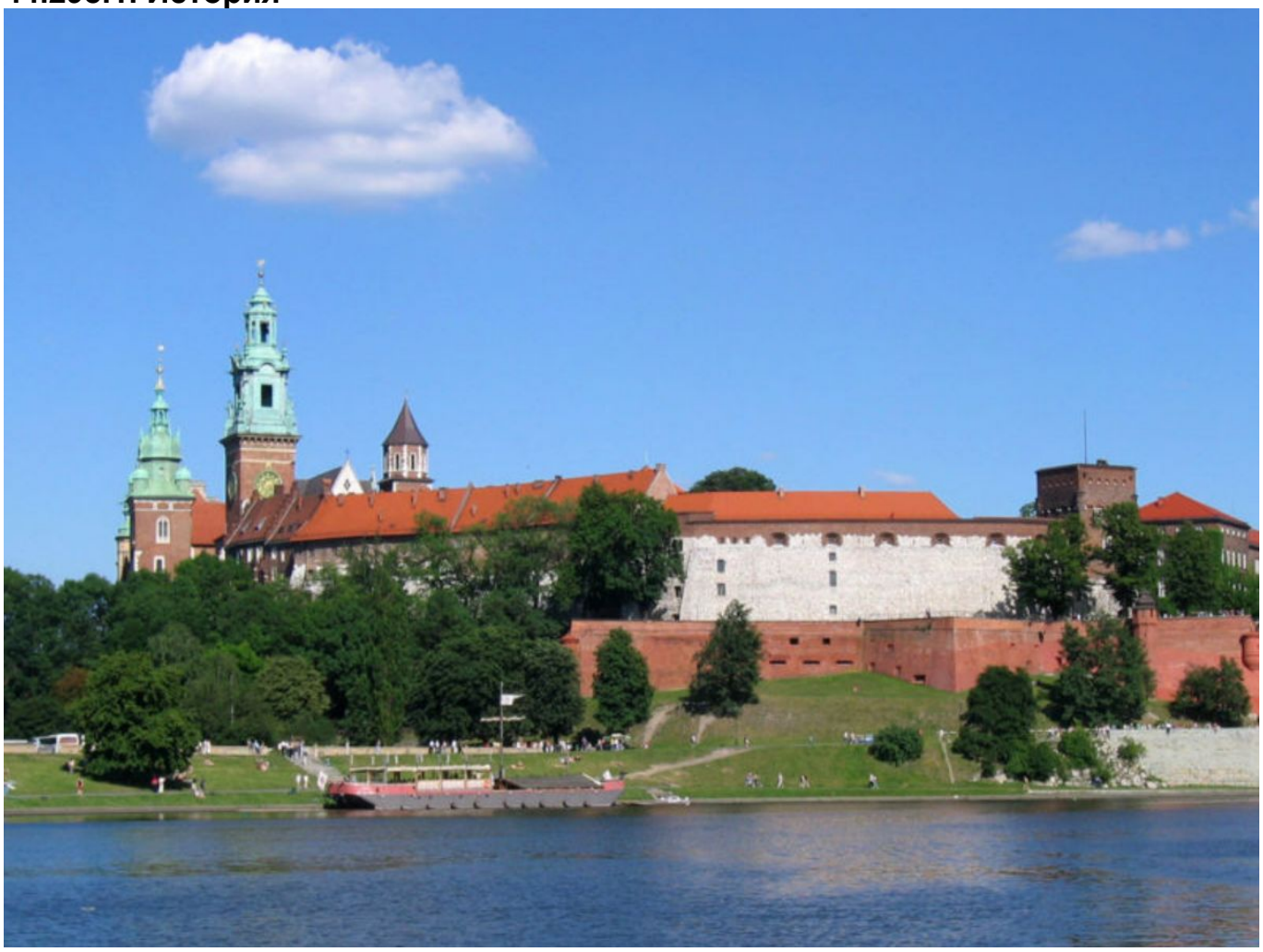
Вернуться к ссылке

44.298. Вавель

Ва́вель (польск. *Wawel*) — холм и архитектурный комплекс в Кракове, на левом берегу Вислы. Высота — 228 метров над уровнем моря.

На вавельском холме расположен комплекс архитектурных памятников, из которых важнейшие — Королевский замок и Кафедральный собор святых Станислава и Вацлава (польск. *Bazylika archikatedralna św. Stanisława i św. Wacława*). Вавель — символ Польши и место, имеющее особое значение для польского народа.

44.298.1. История



Раскопки показали, что уже в XI веке на месте Вавеля находилось укрепленное поселение племени вислян. Каменные укрепления начали возводиться Вацлавом II в 1290—1300 годах, а в XIV веке холм был перестроен Казимиром III Великим в готическом стиле. Около 1340 года стены замка и города были соединены.

После пожара 1499 года, Александр Ягеллон начал перестройку Вавеля, пик которой пришелся на время правления Сигизмунда I Старого. Однако, новый пожар в 1595 году приводит к частичному разрушению замка.

Вавельский собор Св. Станислава и Вацлава

В 1609 году Сигизмунд III Ваза оставляет замок, после чего начинается период упадка. Несмотря на это замок остаётся коронационным замком для польских королей.

В Кафедральном соборе хоронят польских монархов (в том числе королева Ядвига, Стефан Баторий, Ян Собеский, Август Сильный), в дальнейшем — и величайших польских поэтов (Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий и Циприан-Камиль Норвид), и видных политических деятелей (Тадеуш Костюшко, Юзеф Пилсудский, Юзеф Понятовский, Владислав Сикорский).

В 1655—1657 году Вавель был разграблен, а в 1702 году — сожжен шведами в результате Великой Северной войны.

В 1724—1728 предпринимается попытка реконструкции комплекса, однако после утраты Польшей независимости Вавель был превращен в казарму для австрийских войск и был приведен в упадок, изначальные интерьеры не сохранились.

В 1905 году поляки выкупили свой Вавель у Австрийской империи, он был возвращен Кракову. Тогда же начались реставрационные работы, продолжающиеся до настоящего времени.

В XX веке вавельская кафедра прославилась тем, что её епископом был Кароль Войтыла — будущий Папа Римский Иоанн Павел II.

Современность

В настоящее время в замке расположена экспозиция, посвященная быту польских королей — покои, тронный зал, оружейная палата и сокровищница.

См. также Вавель, Вавель – польский Кремль

Вернуться к ссылке

44.299. Без-Корнилович, Михаил Осипович

Без-Корнилович Михаил Осипович (29 сентября 1796, Барсуковцы Ушачского повета Подольской губернии — 7 января 1862) — русский историк, краевед и этнограф, военный топограф и статистик, генерал-майор генерального штаба (начало 1850-х).

Биография

Родился в семье контролёра таможни Могилёва-Подольского. Детство прошло в имении Корниловичи[1].

В 1816 году окончил 1-й кадетский корпус. Участник русско-турецкой войны 1828—1829. Кавалер ордена Святого Георгия.

В официальных бумагах и документах фамилия Михаила Осиповича писалась «Бескорнилович» или «Без-Корнилович». Впоследствии он обращался в Департамент герольдии и непосредственно к императору Николаю I за разрешением писать свою фамилию, как и все его родственники, «Корнилович». Однако такого разрешения не последовало, и ему было предписано впредь именоваться «Без-Корнилович».[2]

В 1831—1847 начальник съёмок и военно-статистического изучения Минской, Новгородской, Волынской губерний и Белостокского округа. За тригонометрическую съемку в Новгородской губернии был произведен в подполковники.

Автор трудов по белорусскому историческому краеведению. Территорию Белоруссии ограничивал Витебской и Могилёвской губерниями, белорусами считал только «потомков кривичей». Отмечал сплочённость Полоцкой земли в 1230—1240-е г. в борьбе с немецкой агрессией, доказывал происхождение великого князя Великого князя Литовского Витеня из рода полоцких князей. Быт белорусского крестьянства отражал объективно, но выступал за сохранение его патриархального уклада и крепостничества.

44.299.1. Семья

- Отец — Осип Яковлевич Корнилович.
- Младший брат — декабрист Александр Корнилович.
- Дети — Дмитрий и Николай.

См. также **Без-Корнилович** Николай Михайлович Русская портретная галерея, Военно-статистическое обозрение Витебской губернии, Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии

Вернуться к ссылке

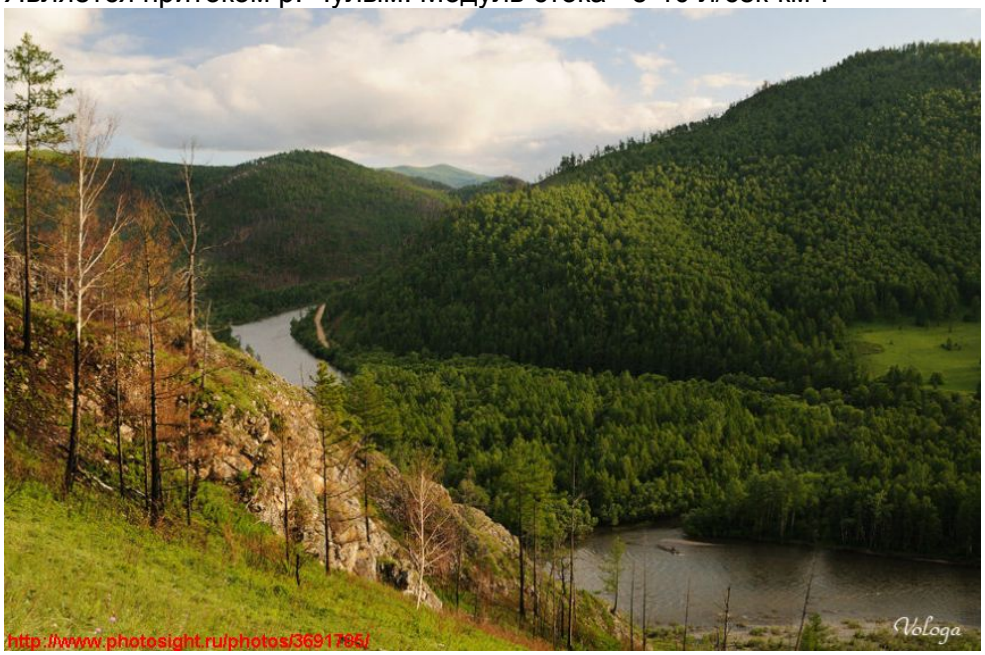
44.300. Белый Июс

Бе́лый Июс ((хак. Ах-Ӱӱс), ах «белый», ӱӱс "река" (от др.-тюрк. ӱгӱз "река")) [2] (Пихтерек) — река в Республике Хакасия, Россия.

44.300.1. Описание

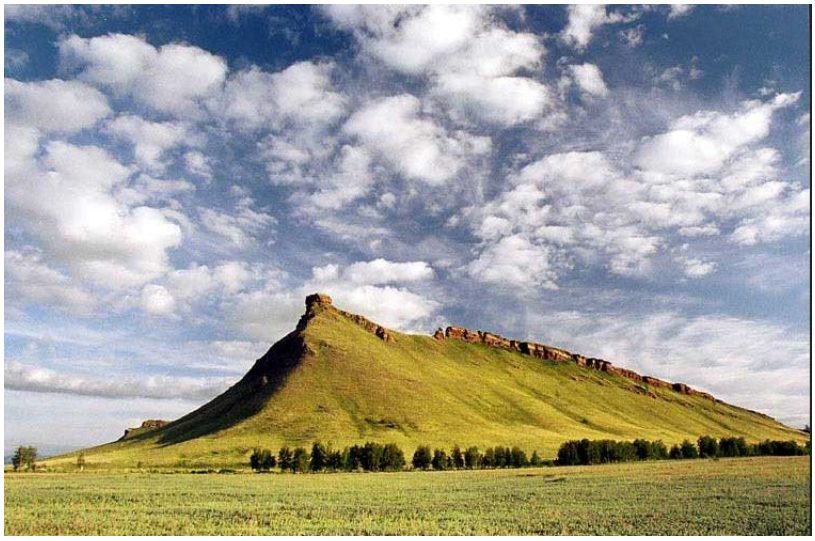
В верховьях Белый Июс именуется Пихтерек и имеет характер быстрой горной реки, в низовьях течёт среди холмистых степных пространств западной окраины Чулымо-Енисейской котловины. Питание главным образом снеговое. Сплавная. Сливаясь с Чёрным Июсом, образуют реку Чулым, правый приток Оби.

Протекает по территории Орджоникидзевского и Ширинского районов. Образуется при слиянии рек Пихтерек и Туралыг у подножья северо-восточного склона Кузнецкого Алатау. Истоками являются мелкие горные озера на высоте 1000 м. В верхнем течении (до села Ефремкино) река типично горная, остальная часть — равнинная. Густота речной сети 0,5-0,7 км/км². Длина 234 км. Является притоком р. Чулым. Модуль стока −5-10 л/сек-км².



Основные притоки первого порядка: левые — Тюхтерек, Большая Сыя, Малая Сыя, Тарга, Черная и др.; правые — Харатас, Тунгужуль, Шаблык, Тюрим и др. В долине находится более 10 населённых пунктов (Коммунар, Ефремкино, Июс, Солёноозёрное и др.). Среднее течение — в пределах Чулымо—Енисейской впадины, русло сильномеандрирующее, долина заболочена. В районе селений Ефремкино и Малая Сыя на площади 40-50 тыс. га имеются экзотические скальные обнажения, пещеры, памятники истории (поселение древнего человека, наскальные рисунки).

Разработан проект природного парка «Июсский», с целью охраны пещерных комплексов, биоценозов лесного и подтаёжного пояса, мест обитания копытных, гнездовий редких хищных птиц, для организованного культурного досуга населения (эколого-туристические маршруты, посещение пещер и т. д.). В верховьях Белого Июса ведётся добыча золота (Коммунар, Беренжак). С развитием горнодобывающей промышленности продуктивность рыбного стада в Белом Июсе значительно снизилась. Мало стало хариуса, ленка, тайменя, а нельма практически исчезла.



Существует дивное место, место Силы в республике Хакассия - Храм Солнца или Храм Времени, как его еще называют. Сундуки[249] (на местном наречии) своеобразная по форме цепь гор, расположившихся в долине реки Белый Июс около озера Фыркал.

Это следы Тагарской цивилизации[250]. С 1 тыс. до н.э. до 3 века до н.э. древняя цивилизация Тагарцев занимала обширные территории на

[249] **Сунду́к** (от тюркского *сандык*) — изделие корпусной мебели с откидной или съёмной верхней крышкой[1], используется как ёмкость для хранения предметов обихода, драгоценностей и других ценных вещей

[250] Названа по острову Тагарскому на Енисее, против Минусинска. Т. к. - культура скифского мира: характерны скифского типа оружие, конский убор, бронз, котлы, зеркала, звериный стиль в иск-ве. Особенно близка культурам саков Казахстана и Ср. Азии. Своеобразие Т. к. заключается в том, что все орудия и оружие изготовлены из бронзы.

юге Сибири и большую часть территории Хакасии. Тагарцы также известны под именем скифов.

Первый Сундук (сундук богатыря Хохо-Бабая), содержит настоящие сокровища долины. Издалека может показаться, что его сотворили человеческие руки, настолько правильна его форма куба. Однако это не так. Но на самом деле это естественная скала-останец, облизанная ветрами и омытая дождями. Человек же поучаствовал в создании стены и дороги вдоль хребта. Древние тагарские жрецы позаботились, чтобы в сундуке было сделано искусственное отверстие, которое использовалось ими для слежения за движением Солнца. Солнечные лучи проникают сквозь это отверстие всего два дня в году, 22-23 декабря, в день зимнего солнцестояния, на закате солнца. Это был знак смены года.

«Храм времени» или “Храм Солнца” сохранил по сей день и еще одну диковинку - древнейшие солнечные часы в виде нарисованного на скале дракона, разделённого на 6 частей. По какому принципу древние скифы отмеряли время теперь понять невозможно – эпохи сменялись, народы сменяли друг друга, преемственность исчезла. Ученые гадают и разводят руками, в тщетной попытке определить, как работал этот древний артефакт.

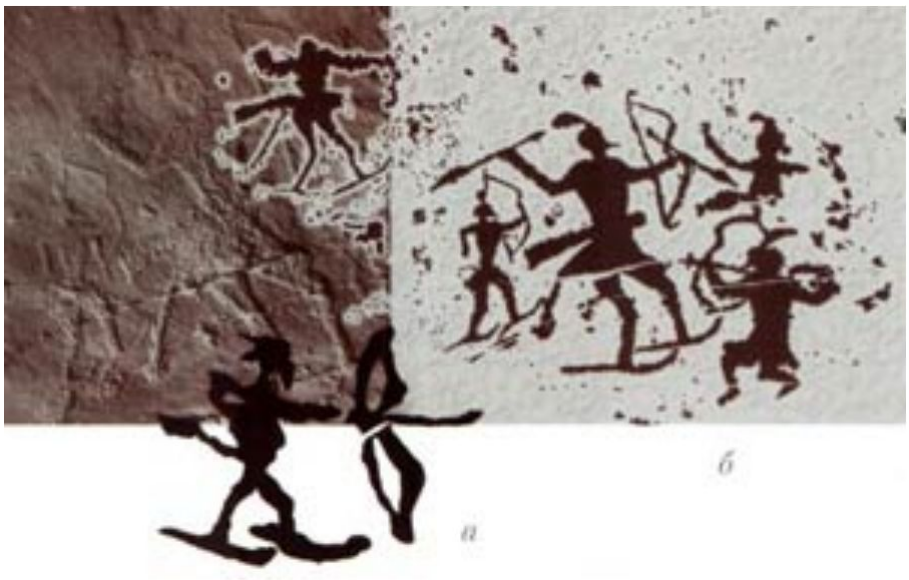


Рис. 75, а, б. [В литературе](#) [население](#) *тагарской культуры нередко отождествляется с динлинами — летописным европеоидным населением Центральной Азии. О них говорится, как о людях, у которых «от колен вверху тело человеческое, а книзу растет лошадиная шерсть и лошадиные копыта; они не ездят верхом, а бегают со скоростью лошади». По одной из гипотез, за этим фантастическим образом скрывается пеший стрелок на подбитых камусом[251] лыжах. Образы таких (в данном случае, бородатых) лыжников запечатлены в наскальных рисунках. Конец III — начало II вв. до н. э. а — Шелаболинские скалы, правобережье р. Тубы (правый приток Енисея). Красноярский край; б — петроглифы горы Четвёртый Сундук на реке Белый Июс. Хакасия. По В. Е. Ларичеву.*

…[На сундуках](#) так же сохранились два из самых

ей. Короткая шерсть на этих местах держится особенно прочно и практически не вытирается. Ее приклеивают к лыжам шерстью по направлению скольжения. Она не мешает движению вперед, но совершенно не дает лыжам скользить назад.

известные из наскальных рисунков в мире : это петроглиф Белая Лошадь и писаница Лыжник. Лошадь изображена бегущей на север. Сакральный смысл петроглифа – в его связи с созвездием лошади (в наше время созвездие Льва). Именно в этом созвездии 14-16 тысячелетий назад находилась точка зимнего солнцестояния.

…Петроглиф “Белая лошадь” по своей знаменитости уступает, разве что египетским пирамидам. Едва ли не в каждом каталоге древностей мирового масштаба имеется его изображение.

Фигура животного поражает необычной техникой исполнения, прежде никогда не встречавшейся не только в Хакасско-Минусинской котловине, но и вообще в пределах Сибири.

В этом рисунке сошлись прихоть природы и человеческая фантазия. Природный выход соли послужил основой. Человеку осталось лишь нарисовать контур лошади и соскоблить всю лишнюю соль вокруг рисунка. Необычная техника помогла сохранению петроглифа. Соседние поверхности камней, не покрытые предохранительным известковым налетом, подвергалась сильной эрозии.

Стилистические особенности петроглифа напоминают рисунки лошадей ледниковой эпохи Западной Европы. Туловище лошади тяжеловесно, оно укорочено и массивно. Многие детали доказывают, что древний художник изобразил первобытную степную кобылицу. Она показана в движении направленном в сторону севера.

Возраст находки оценивают по-разному. Одни ученые дают “Белой лошади” – 16-18 тысяч лет, другие же – все 37 тысяч лет тому назад.

Направление движения животного и местоположение петроглифа, несут информацию о событие, которому современный человек не уделяет особого внимания. Речь идет о зимнем

солнцестоянии, когда “солнце на весну и лето поворачивает”.

16 - 18 тысяч лет назад точка зимнего солнцестояния находилась в созвездии Льва. Но на средневековых картах звездного неба астрономы изображали созвездие Лошади, а не Льва.

…Следует отметить, что в основании четвёртого Сундука есть группа петроглифов возрастом около 2500 лет. На них отражена жизнь великого воина в трёх мирах : земном, подземном и

надземном. Что самое интересное, сюжет жизни выстроен по ходу движения солнца и освещает в течении дня сначала земную жизнь воина, потом нисхождение его в подземный мир и после, его вознесение в надземный. Каждый новый посетитель, рассматривая рисунки, находит в них дополнительные особенности, которые местные экскурсоводы собирают в свою копилку. Местные жители до сих пор, посещая храм Времени, в знак уважения Духам и Богам. А современные пастухи, подражая предкам, складывают на склонах каменные туры – таг-ээзи – жилища для горных духов.

Это магическое место обладает еще одной уникальной особенностью – великолепной акустикой. Если человек негромко говорит, стоя на вершине склона, слушатели внизу хребта его прекрасна слышат, хотя расстояние между ними 200-300 метров.

…Тагарцы, кроме могильников оставили потомкам странный каменный комплекс. Новейшие исследования археологов доказывают гипотезу о том, что “древние кладбища являют собой не только места культового поклонения наших предков, но и места, где жрецы древних культур внимательнейшим образом следили за перемещением по небесной сфере, наиболее важных светил – Солнца, Луны и блуждающих звезд - планет”. Выстроенные в строгие прямые линии, накрененные под разными углами, представляющие собой прицелы и просто одиноко стоящие, эти камни приводят любого путешественника в замешательство. Что это? Древняя обсерватория? Если так, то, какому из комплексов надлежит следить за тем или иным светилом? Множество вопросов и ни одного вразумительного ответа на сегодняшний день...

Недалеко от каменной обсерватории находится еще один храм. Мы его определим, как астрономический. Храмовый комплекс был создан по той же технологии, что и вырезы в скалах. Доказательством этого служат хорошо обтесанные плиты, некогда лежавшие в основании храма. Небесные символы, а знания о них накапливались столетиями, были перенесены на землю, таким образом, получилось совершенно определенное пространство, ограниченное линией горизонта, но только на земной плоскости. В целом получилась картина небесного мира, иначе храм. У каждого камня есть свое значение, а вершина горы служит своеобразным визиром. Храм имеет ориентированные восток-запад ворота, через которые двигались обрядовые процессии. Процессии своим движением вокруг храма определяли вращение “небесного” мира с востока на запад. На вершине горы совершалось множество обрядов. Доступ на него был строго ограничен. Теперь же мы можем увидеть все великолепие Долины с высоты птичьего полета.

См. также Потрясающий Храм Времени, Пещерный рай Белого Июса, Тагарская культура (эпоха раннего железного века), “Древние строители. Часть первая”, В поисках наскального изображения «Белая лошадь», Ширинский район, Экскурсия на Сундуки «ХРАМ ВРЕМЕНИ», Хакасия волшебная страна

Вернуться к ссылке

Список сокращений, обозначений и топонимов

Вернуться к ссылке

Абархам	**великомученник Авраамий Болгарск**ий (этнический булгарин). Авраамий попал в плен к булгарам в 1219 году. Он был участником похода князя Ярослава Всеволодовича на город Учель»[12]. В городе Булгар царь Чельбир лично осмотрел пленных и обратил внимание на одного в одеянии священника. По обычаю булгар, нельзя было обращать служителя любого религиозного культа в раба, поэтому Чельбир повелел немедленно освободить попа. При таких обстоятельствах в 1219 г. Авраамий попал в город Биляр, где он стал попом христиан, живших в столице Волжской Булгарии. А по совместительству Авраамий занялся торговлей. В конце марта — начале апреля 1229 г. в Биляре начались волнения, причиной которых стала борьба за чистоту мусульманских традиций. Наиболее радикальным и агрессивно настроенным крылом руководил изгнанный с должности сеида мулла Кылыч. Предводимая им толпа фанатиков 1 апреля устроила погром в квартале «Саклан Урамы» Биляра, где проживали христиане. Во время этого погрома и был убит Авраамий. Позже, в конце лета 1230 г., его останки по повелению Гази Бараджа выкопал монах Ас-Азим (сын Авраамия). Тайно останки были переправлены в Казань[13], оттуда — в Нижний Новгорода и далее на судне — во Владимир.
Аблас-Хин	эмир, улуг-бек (великий-бек**)** г. Буртас
Ака	большая река с сильным течением

Ака (Ака-Идель)	река Ока
Ак-Чирмыши	чирмыши-мусульмане
Ар-Аслап	Имя Ярослав, город **Ярославль**
Артан	Прибалтика, Литва
Артанцы	• прибалты • литовцы
Ары	финноязычные племена
Ары	финноязычные племена (удмурты в языках поволжских тюрок)
Арьяк	армянин
Баджанаки	союз тюркских племен, возглавляемый сабанами и называемый в Киевской Руси "печенегами"
Байлак	Польша
Балик	• небольшая крепость, острог, форт • небольшой город • укрепленные пригород, посад, район крупного города.
Балтавар	• название герба рода Дуло – Ψ • вождь, правитель • булгарский город, современный украинский город **Полтава**
Балукты	Рыбинск?
Балын	• земля белорусов и великороссов • Северо-Восточная Русь, Московская Русь (Московско-Русское государство) • город **Суздаль**, основанный на месте булгарского балика Балын
Батыр	сын Арбата Ос-Лоджа, дядя Гази-Бараджа и воевода Владимира. Задушен по приказу Гуюка после взятия Владимира.
Башту	официальное булгарское название города **Киева**, основанного в 620 году по приказу кана Курбата (Кубрата). Кроме этого, булгары называли город "Кый" (отсюда - славянское его название "Киев"), а его цитадель - "Шамбат".
Биля́р, Буляр	средневековый город в Волжской Булгарии (X-XIII век)
Боян	сын булгарского царя Алтынбека
Борын	булгарский балик, современный город Липецк. Булгары называли этот балик также "Борын
Борын-Инеш	6) река Воронеж; ***«О том, почему река была названа так, историки говорят по-разному. Одни, что она получила это название по причине расположения станции на борыне (мысу) в излучине реки. Другие, что река в этом месте дошла до носа переправлявшегося через нее первого булгарского купца, и он поэтому назвал ее Борын-Инеш»*** [(190)]. *В переводе с татарского, «борын» - означает нос, а «инеш» - речка, ручей, ручеёк.* 7) см. Борын.

Бояр	1) жрец; 2) представитель, предводитель.
Бриг (бирик)	областное ополчение
Булымер	великорусский город **Владимир**
Галидж	3) город **Ладога** 4) город **Новгород Великий** 5) булгарский балик, современный город **Галич** (Мерский)
Гурджийцы	грузины.
Гюль-Асма	см. Кул Асма.
Дамья	см. Тамья.
Дамья кеше	одно из названий адыгов (абхазов, адыгейцев, кабардинцев, черкесов); назывались также кашэками и апасами.
Дамья-Тархан	см. Тамья Тархан
Данга (танка)	1) чешуя рыбы; 2) серебряная монета; от этого булгарского термина произошло русское слово "деньги".
Дар аль-улюм	(дом наук) университет.
Держава	Булгарское государство 865¸1584 годов
Джалда	Крым.
Джалмат	булгарский род.
Джалмат (Альмат)	военный балик, основанный Талибом в 956 году под названием "Талиб" и в 957 году отбивший набег туркмен. Позднее за ним закрепилось название "Джалмат" ("Альмат"). Ныне город Альметьевск
Джам (Джамал)	крайний север Булгарии (в том числе и полуостров Ямал), названный в честь первого арийско-идельского царя Джама (Шама).
Джамаил (шамаил)	первоначально изображение на различных материалах (дереве, коже, металле, стекле, камне, материи и других) фантастического города или дворца первого царя Ура Джама и Бараджа с магическими знаками или надписью.
Джандар	оруженосец, телохранитель.
Джегулытау	("Гора с Крутыми Склонами") горная гряда в Самарской Луке Волги, современные Жигули.
Джек Эдэм	знаменитый балик мензель, основанный возле аула Сугым в устье р. Белой при царе Адаме (Эдэм) и названный в честь него. При царе Анбале получил название аула "Сугым".
Джир	1) булгарская верхневолжская губерния, позднее включенная в состав Киевской Руси и получившая название "Ростовская земля"; 2) булгарский город центр Джирской губернии; 3) современный город Ростов.

Джогэн	1) узда; 2) бечевка с прикрепленной к ней пломбой (с царским или чиновничьим знаком), привязываемая к царской или правительственной грамоте. Поэтому этот булгарский термин вошел в русский язык в форме и значении "закон". Двоякий смысл слова "джогэн" в булгарском языке привел к возникновению выражений "Держать народ в узде" (в рамках закона) и "разнузданный" (вышедший за рамки закона, дозволенного).
Джоз	район.
Джоз-Уба	("Сто Скал") река Чусовая.
Джок	молитва, жертвоприношение.
Джук	река Юг.
Джукетау	см. Тухчи.
Джукетун	современный город **Устюг**
Джун-Кала	булгарский балик, основанный в 922 году (Муса ибн Халиль), современный город **Нижний Новгород**. Назывался также Ибрагим-Баликом. Русские называли Джуннэ-Калу "Джун-Калой", а в 1220 году выстроили на его месте крепость Нижний Новгород. В 1221 - 1225 годах балик опять находился под властью Булгарии, в 1226 - 1237 годах - в составе Суздальской земли, в 1237 - 1262 годах вновь подчиняется Булгарии, в 1262 году захватывается суздальцами, в 1237 - 1445 годах входит в состав Булгарии, осенью 1445 года опять захватывается русскими
Джурги	Юрий Всеволодович - великий князь владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо
Джурги Чулах	брат Василия I Юрий
Дима-Тархан	Тмутаракань
Дулоба	государство бека Шамбата, существовавшее на территории Чехии, Словакии, Польши, Венгрии, Литвы, Румынии и Закарпатской Украины (с 623 до 658 года). Шамбата в Западной Европе называли "Само", почему его государство именуют также "державой Само". Славяне называли государство Шамбата "Дулебы".
Дуло-Субе	Тульский край
Дэбэр	столица провинции Мартюба на Зюя-су (совр. р. Свияга). Дэбер находился недалеко от совр. села Деушево.
Дэбэр-су	река Свияга, называвшаяся булгарами также Зюя
Дяу (дау, дню)	1) великий, громадный; 2) див, языческий дух, алып (алп).
Ег Садум	Норвегия
Ельбеген	см. Барадж
Ердим	булгарский род, называемый булгарами также "ерми", а в Киевской Руси
Ерсубулем	древнейшее булгарское название Иерусалима
Зират (зиарат)	место упокоения, кладбище; это булгарское слово происходит от шумерского слова "зиккурат"

Иджим-Тюряй	Димитрий Иванович Донской
Кабак	• Ворота • предворотная гостиница с магазином • постоялый двор • магазин со столовой
Кабан	стог
Казанчий	крупный феодал-вотчинник, иногда называемый и уланом
Кан (Кан-Керман, Кан-Мардан)	• город **Муром**, входивший первоначально в булгарскую губернию Мардан-Беллак • Муромское княжество
Кара	• запад • черный • большой, крупный, сильный, могучий
Кара Арал	Ирландия
Кара-Балын	Беларусь
Кара-Булгар	• древнее название Булгарской державы, означавшее "Великая Булгария" • Украина • территория Кара-Булгарского бейлика
Караджар	булгарский город, современный украинский город Чернигов
Кара-дингез	море Лаптевых, Восточно-Сибирское море и Чукотское море
Кара-муслимы	булгары русского происхождения
Кара-Муша	одно из названий реки Красивая Меча
Кара Садум	Англия
Каратун	1) крестоносец; 2) христианский фанатик
Караул	дозор, охрана
Кара-Улаг	Румыния
Кар дингезе	Карское море
Кисан	• город **Рязань** • Рязанское княжество
Кисанцы	Рязанцы РЯЗАНЦЫ = РЕЗАНЦЫ = мусульмане. КИС (татарский) и КАЗ (башкирский) - «режь» и КЭС (азербайджанский) – «резать». В русском языке тоже имеется соответствующий глагол – КОСить, то есть, срезать траву. То есть КИСанские казаки = РЕЗАНские казаки = обрезанные казаки = мусульмане.
Когул	изумрудный (отсюда название города Кагула и др.)
Когул дингез	("Изумрудное море") Индийский океан

Кольш	лошадь, жеребец
Колын	булгарский город- центр Бийсуйской и Нукратской губерний, основанный на месте булгарского мензеля Ботук (возник, по данным Мусы ибн Халиля, в 866 году), современный областной город Киров. Булгары называли Колын также "Нукрат", а русские - "Хлыновым" и "Вяткой"
Кончыгыш дингезе	("Восточное море") Тихий океан
Кук	1) божественный, святой; 2) небо, небесный; 3) север; 4) голубой.
Кукджак	1) река Кокшага; 2) область луговых мари.
Кукджак чирмыш	луговой мари
Кук дингез	Баренцево море
Кук-Куянтау	горы, на которых был построен город Башту - Кый - Киев. Назывались также и "Куянтау". От "Куян" произошло арабское "Куяб"
Кул-Асма	булгарская река, называвшаяся также Гюль-Асма, ныне носит название **Клязьма**. (Кул-Асма юлы - южная ветка Артанской дороги в Прибалтику, называвшейся иногда "Янтарным путем" ("Гэрэбе юл") АСМА - Очень высокая, возвышенная, великая Гуль - Цветок, цветущая, символ красоты.
Куманы	кочевые западные кыпчаки, называвшиеся русскими "половцами"
Куниг	книга. От этого старобулгарского термина произошло русское слово "книга"
Купер-Кубар	река Хопер
Курпэщ	1) печь для обжига глины; 2) кирпич; от этого старобулгарского термина произошло русское слово "кирпич".
Курсыбай	постоянное булгарское войско. Перед битвой булгарское войско выстраивалось в три линии, причем в первой были уланы, во второй - средневооруженные рыцари, в третьей - гузары
Куш-Урма	булгарский балик, современный город Кострома
Кыпчаки (кипчаки)	иранское название кочевых племен, говорящих на языках кыпчакской группы тюркских языков
Мамиль	древнебулгарское название Египта
Манара	1) башня; 2) минарет мечети
Маруба	Чехия и Моравия.
Масгуты	восточные скифы-массагеты, одно из племен ура. Массагетов называли также дахи, дайки, тюку, тюрки, и от этих их имен произошло название города Тухчи, реки Джаик, общее название тюрков (так как тюрки заняли территорию массагетов). Первыми восприняли название "тюрк" кытаи, часть которых смешалась с имэнцами и передала им свой архаический тюркский язык (тюрко-гуннский язык)

Мизан	**Мизан** - река Мезень
Мин	**(мэн)** - одно из объединений огузских родов
Миср	Египет
Миша	см. Муша
Мишары	1) булгары области Миша; 2) см. моджары; 3) вообще все западные булгары, находившиеся в разряде чирмышей
Моджар	Венгрия
Моджары	1) группировка части древневенгерских (угорских) племен Казахстана, выделившаяся из угро-башкортов; 2) одно из названий угров-мадьяров (венгров); 3) булгары области Муша (Моджа, Миша), расположенной между реками Ока и Сура; это название имело также форму "мишар".
Мэнхолы (мэнкулы, мапгулы)	согласно данным булгарского историка XV века Мохаммед-Амина, это – 1) название части монголо-язычных племен; 2) общее название монголоязычных племен. Кроме этого в средневековье монголов называли также "татарами" (от маньчжуро-гуннского "татар" - "иноземец", "чужак", "враг"). Когда-то имэнцы-маньчжуры разбили и подчинили предков монголов, и последние должны были в наказание называть себя "имэнкул" ("рабы маньчжур"). Постепенно это название приобрело формы "мэнкул", "мэнхол", "мангул" (современная форма - "монголы"). Потом часть монголов добровольно пошла на службу гуннам, и ее стали называть "биряган". Со временем она составила особое монгольское племя, которое возглавил отец Чингиз-хана. От гуннов биряганцы восприняли многие слова, в том числе и исконно маньчжурское имя Тингиз-Чингиз. **Всех прочих монголов, не служивших хонам, гунны называли "татарами".** Так как биряганцы воевали на стороне гуннов против татар, то между биряганцами и татарами существовали самые враждебные отношения. Когда отец Чингиз-хана попытался подчинить татар, то они разбили и убили его. Юный Чингиз-хан поклялся, что в отместку за гибель отца уничтожит всех татар и выполнил это. После истребления татар их имя в монгольском языке стало означать "погибшие", "смертники", а все остальные монгольские племена обязались называться только "мангулами" ("монголами"). Через несколько лет Чингиз-хан распорядился сформировать для монгольской армии части из наемников-немонголов, потому что сил самих монголов для завоевательных войн не хватало. Эти наемники должны были сражаться и умирать за монгольское войско в первой линии атаки, поэтому их стали называть "татарами" ("смертниками"). Первым стал так делать Субятай, которого весьма чтил хан, поэтому Чингиз, ненавидевший название "татары", закрыл на это глаза. Когда Кыпчакская степь отделилась в 1260 году от Монгольской империи и почти все монголы ушли из Кыпчака в Монголию, то Джучиды наняли вместо них на службу себе кыпчакских кочевников и стали также называть их "татарами". При этом сами кыпчаки сохраняли названия своих племен и предпочитали в кругу своих родичей называть себя кыпчакскими именами. Хан Узбек пытался привить кыпчакам вместо слова "татарин" (которое у булгар и других мусульман было последним ругательством и означало "безбожник", "проклятый") слово "тюрк". Когда Кыпчакская Орда перестала

	существовать, то многие татарские кыпчаки перешли на службу Балыну (Русско-Московскому государству) и получили от урусов (русских) название "служилые татары". В Булгарии наемных татарских кыпчаков называли "татарами", "татарчиками" ("татарчыклар"), "ханскими людьми" и т. д.
Нугаи (нугайлар)	ногайцы. Тук-Мохаммед отмечал, что ногайцы разделялись на "старых" ("борынгы"), то есть "коренных" или "настоящих", и на "новых ногайцев". Старых ногайцев булгары считали своими и часто называли иллакскими (илекскими) булгарами. Тук-Мохаммед прямо пишет, что булгары с коренными ногайцами не только никогда не воевали, но и в знак своего расположения к ним называли двое ворот и один из урамов Казани "ногайскими". "Новые ногайцы" не входили в собственно ногайский этнос, а составлялись ногайскими мурзами из наемных "бездомных" кыргызов для войн с булгарами и для заселения булгарских земель, так как сами ногайцы отказывались воевать с единокровными булгарами. Все те столкновения, которые историками описывались, как булгаро-ногайские войны, происходили, в действительности, между булгарами и "новыми ногайцами". Так, войско Идегея было составлено почти сплошь из "новых ногайцев", а разбитые под Уфой в 1552 году "ногайцы" в действительности были разбойниками казахского бия Тумака, изгнанного из Казахстана самим казахским народом. Во время Ногайского голода "новые ногайцы" перешли на сторону русских и стали резать "старых ногайцев", однако, в конце концов, были сами уничтожены "без остатка" коренными ногайцами.
Омек	первоначально булгарский мензель, основанный в 1136 году, затем, с 1140 года - булгарский балик; ныне - город Омск
Пиняче (бинедже)	тюркское племя - один из предков булгар. О нем пишет только Шамс. Было покорено ура, и позднее одна половина его ушла с частью булгар в Шумер, а другая - осталась в Волго-Урале. Племя называлось "пиняче" в честь алпа дождя Пиняче (Бинедже), которому поклонялось со времени жизни в безводной Хинской пустыне. Соседи - ура-дайки - называли пиняче "тун". Потом это племя стало называться также "пирюли", так как после истребления тюрками своих биев пиняче оставили в живых одного малолетнего сына своего бия, который и возглавил племя под именами "Пирюли" ("Один сын") и Урал-Батыра. После ухода части булгар в Месопотамию 12 тысяч лет назад пирюли вместе с оставшимися ура-дайками основали в Волго-Урале свое удельное княжество "Эсегель", что означало "Соленая страна". Дело в том, что Урал-Батыр научил соплеменников добывать соль, и это прославило их землю, как изобилующую солью. Дайки называли Эсегель и по-своему - "Эсетун", так как именем "Эсетун" звали Урал-Батыра. В это княжество вошла также и часть угров. За 900 лет до времени Айдара несколько масгутских родов Туркестана, разбитых хонами, откочевало к Джаику и стало стеснять Эсегель набегами. Одна часть пирюли ушла тогда к сакланам-скифам, а оставшихся стали называть также и бесерменами. Когда пришли хоны, пирюли-бесермены провозгласили их вождя Кама-Батыра своим главой... Кама-Батыр велел называть Идель Буляром. Еще раньше пришли из Самара булгары, причем части их в Скифии объединились водно племя со скифскими пиртюли, а в Эсегеле - с бесерменами и хонами. Обе эти части назывались также и булгарами. Часть пирюли во время похода Айбата (Атиллы) на Алтын Баш (Италия) настолько ослабла от болезней, что осталась там. Потом к ним переселилось еще несколько групп булгар. "Насколько мне известно, они крестились и считают своим долгом окрестить

	своих соплеменников..., для чего постоянно посылают своих проповедников на Восток". Не потому ли Габдулла ибн Микаиль Башту "пропустил" это сообщение, заметив: "Я опускаю многое из того, что наплели моему доверчивому деду румские информаторы"? Известие Шамса о "пиняче"-"пирюли" сохранил лишь Гази-Барадж.
Рум	1) Византийская империя (до 1453 года); 2) Турецкая империя, Турция (с 1453 года).
Румцы	1) первоначально - греки, византийцы; 2) с 1453 года - турки.
Саратау	булгарский балик, основанный в 922 году (Муса ибн Халиль); современный город Саратов
Сарычин	булгарский балик, основанный в 970 году (Муса ибн Халиль); современный город Царицын (Волгоград)
Симбир	1) булгарский балик, основанный в 866 году (Муса ибн Халиль); современный город Симбирск (Ульяновск); 2) булгэрская губерния эпохи III эмирата
Сука	плуг; от этого булгарского слова произошло русское слово "соха"
Тангра	булгарское название Бога
Туфанг	пушка; от этого булгарского термина произошло русское слово "тюфяк"-"пушка"
Тюмэн	город Тюмень, основанный булгарами в 1036 году в качестве торгового центра губернии Тубджак (Муса ибн Халиль). В 1532 году булгарское войско взяло Тюмэн и заставило сибирского хана возобновить выплату дани Булгару. При этом в плен попал сибирский принц Тахтагул - брат жены Сафа-Гарая. По просьбе Сафа-Гарая принц был освобожден сеид-эмиром Кул-Ашрафом и возглавил стражу Ханского Двора. Взятый в плен Алашей, написал в заключении, по примеру своего учителя Мохаммедьяра, "Шахри Газан дастаны"
Улан	1) тяжеловооруженный рыцарь "первой линии"; 2) крупный феодал - казанчий. Улугбек - губернатор
Учаг	печь; от этого булгарского термина происходит русское слово "очаг"
Харам	место "греховных" (немусульманских) мольбищ; от этого булгарского термина произошло русское слово "храм"
Харька	1) булгарский род; 2) булгарский балик; ныне - украинский город Харьков
Хоны	гунны, маньчжуры, воспринявшие архаический тюркский язык (гуннский язык)
Хорым ий	("Дом в саже") - булгарское название русского жилища (отапливавшегося "по-черному"), от которого произошло русское слово "хоромы"
Хуреа	1) алп огня и кузнечного дела; 2) булгарский балик - центр железнорудной добычи Кара-Болгара; современный город Курск
Чуен	чугун; от этого булгарского термина произошло русское слово "чугун"

Внешние ссылки

1. Оскар Егер, ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ, Том первый, Книга VIII, «РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ « - http://www.krotov.info/history/00/eger/eger_11.htm
2. Вор у вора дубинку украл (из истории княжеского рода Гримальди – правящей династии Монако) http://france.megatis.ru/articles/2_22237.html
3. Монако, Энциклопедия «Кругосвет» http://www.krugosvet.ru/articles/89/1008921/1008921a3.htm
4. Генуэзские alberghi и родовая геральдика в XIII-XV вв., ГЕРАЛЬДИКА СЕГОДНЯ http://sovet.geraldika.ru/article.php?coatid=4857
5. Княжество Монако, Все монархии мира http://monarchy.nm.ru/monaco.html
6. Владимир Мономах. Русская цивилизация http://www.rustrana.ru/article.php?nid=565&sq=19,22,148,151,437&crypt=
7. Владимир Всеволодович Мономах. Д. С. Лихачев, Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI - первая половина XIV в. Л., 1987, с. 98-102 **http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1186121**
8. Княгиня Гита на киевском столе. Вокруг света, №2 февраль 2008 http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/292/
9. Б.А.Рыбаков. Рождение Руси, "Молодая гвардия", 30.05.2003 http://lib.ru/HISTORY/RYBAKOW_B_A/russ.txt
10. Повесть Временных лет http://old-russian.chat.ru/index1.htm
11. Птенец гнезда Петрова, МЕЗЕНИН Н, КУРЕНКОВ С, 09.08.05 http://history.ntagil.ru/1_18.htm
12. Русский географ, которого мы знаем в переводах с французского - Петр Александрович Чихачев, Русская цивидмзация, **http://geo.1september.ru/2001/39/6.htm**
13. Корнилович, А.О., Нравы русских при Петре Великом, Издательство: С-Петербург: А.С. Суворина 88 страниц; 1901 г., http://www.bookarchive.ru/dok_literatura/istorija/158017-nravy-russkikh-pri-petre-velikom.html
14. Г.Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский Край, 1926, http://www.steppe.konvent.ru/books/gg-00.shtml (гл. 6, 7, 8)
15. Синхайская революция в Китае 1911 - 1912 гг. **http://www.hrono.ru/sobyt/1911chin.html**
16. Синьхайская Революция. 1911-1913 гг. Сборник документов и материалов. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Sinhaj_rev/
17. История России. Всемирная, мировая история - История Тувы. http://www.istorya.ru/strany/tuva.php
18. Всемирная история. Племена Казахстана и Сибири (VI-I вв. до н. э.) **http://historik.ru/historik/books/item/f00/s00/z0000017/st026.shtml**
19. Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Том 2. – Л.:
20. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве": В 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз; Под ред. *Б. Л. Богородского*, *Д. С. Лихачева*, *О. В. Творогова*; Сост. *В. Л. Виноградова*. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965-1984. **http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/ss6/ss6-2291.htm**
21. «Ипатьевская летопись». ПСРЛ. Т. II. СПБ. 1908. стб. 634. http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat.htm, http://www.krotov.info/acts/12/pvl/ipat01.htm, http://imwerden.de/pdf/psrl_tom02_ipatjevskaya_letopis_1908.pdf

22. Холмогорская летопись. Двинской летописец. http://rapidshare.com/files/46884198/PSRL_33_Holmogorskaya_Dvinskoj.rar

23. Склока о полку Игореве. Е. Д. Федюнькин, http://www.jinr.ru/~bljv/igor.htm, **http://klein.zen.ru/old/SLOVO.htm**, http://www.balkaria.info/library/f/fediunkin/spi.htm

24. Половецкая Русь. Знание-Сила. Номер 5-6/00. Никитин А., http://www.znanie-sila.ru/online/issue_881.html

25. Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том первый). Ленинград, 1926-1928, http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr.htm, http://litopys.org.ua/lavrlet/lavr.htm

26. Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975., http://vip.km.ru/literature/index.asp?sp=7&id=32992, **http://amkob113.narod.ru/azia/olc-1.html**, **http://kitap.net.ru/sulejmenov/aziya.php**

27. ХРОНИКА ПРОВИНЦИИ ЛИВОНИЯ. Бальтазар Руссов, http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/text1.phtml?id=1286

28. Материалы источников по битве при Калке, http://rutenica.narod.ru/kalka.html

29. Heinrici Chronicon Livoniae, 2 Aufl., Hannoverae, 1955; в рус. пер. - Хроника Ливонии, М. - Л., 1938. http://www.livonia.veles.lv/chronicles/henricus/index.htm

30. СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ. Перевод С.А.Козина, **http://www.altaica.ru/SECRET/tovchoo.htm**

31. С.А. Козин Сокровенное Сказание Юань Чао Би Ши. Москва-Ленинград 1941.

32. Архимандрит Палладий (Кафаров) Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине - СПб., 1866 т.IV

33. Палладий (Кафаров), рукопись. - Архив востоковедов Ленинрадского отделения ИВ АН СССР. Разр.1, оп. 3, ед.хр.2

34. Гумилев Л.Н. "Тайная" и "явная" истории монголов XII-XIII вв. //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977

35. ВЕЛИКАЯ ЯСА, http:/www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Jasa/text.htm

36. Л.Н.Гумилев. Динлинская проблема, http://www.russiantext.com/russian_library/6/gumilev/article26.htm

37. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Белокурая раса в Средней Азии. С.-Петербург. 1909, http://www.velesova-sloboda.org/antrop/grumm-grshimaylo02.html

38. Каталог гор и морей (Шань хай цзин), предисл., пер., коммент. Э. М. Яншиной, М., 1977

39. Рудов Л. Н., Кидани, в сборнике: Дальний Восток. Сб. статей по филологии, истории, философии, М., 1961**.**

40. Стариков В. С., Формальный анализ функциональной структуры текста, в сборнике: Материалы по дешифровке киданьского письма, кн. 1, М., 1970.

41. Wittfogel К. А. and Feng Chia-Sheng, History of the Chinese society Liao, Phil. - N. Y.. 1946.

42. Воробьев М. В., Чжурчжэни и государство Цзинь. (X в. - 1234). Исторический очерк, М., 1975**.** http://www.biblio.nhat-nam.ru/Vorobjev_Chzhurchzheni_i_gos-vo_Czin.djvu

43. М. В. Воробьев. **Культура чжурчжэней и государства Цзинь** (X в. - 1234 г.). Наука, Главная редакция восточной литературы, 198**3,** http://www.biblio.nhat-nam.ru/Vorobjev_Kultura_chzhurchzhenej_i_gos-va_Czin.djvu

44. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук. **http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm**

45. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов, **http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/carpini.htm**

46. Эренжен Хара-Даван (1883-1942) "Чингисхан как полководец и его наследие", **http://www.kulichki.com/~gumilev/HD/index.html**

47. Э. Д. Филипс, Монголы Основатели империи Великих ханов, **http://www.fictionbook.ru/author/fillips_ye_d/mongoliy_osnovateli_imperii_velikih_hanov/read_online.html?page=1**

48. Олжас Сулейменов. АЗ И Я, **http://www.kitap.net.ru/sulejmenov/aziya.php**

49. **Как создавалась Русская нация**. Дуэль, N 35 (229), 28 августа 2001 г., **http://www.duel.ru/200135/?35_5_2**

50. Савельев Е.П. "Древняя история казачества", http://www.passion-don.org/history_1_0.html

51. А.Л.Никитин. ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ. Мифологемы и факты. АГРАФ, Москва, 2001, **http://library.narod.ru/saga/osnova000.htm**

52. Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. М., 1882, http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/I/IlovajskiDI/begin/index.html, http://istrorijarossii.narod.ru/istbiblioyeka.htm, **Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси.chm**

53. А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина тюрк,-СЭ,* 1947, № 1, стр. 40-47.

54. Великий западный поход чингизидов на Булгар, Русь и Центральную Европу, **http://rutenica.narod.ru/batu.html**

55. "Юань-ши" (история династии Юань). Изд. в серии Сыбубэйяо, т.034, Шанхай, 1935-1937 гг.

56. Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, 1950, **http://matteuccia.narod.ru/rasnoe/bigdraft/002.html**, **http://dalizovut.narod.ru/kn_bch/kn_bch.htm**

57. Н. Я. Бичурин. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, **http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm**

58. **Сань-Цзы-Цзинъ или Троесловіе**. Монах Иакинф (Бичурин). Типография Х. Гинца, С. Петербургъ, 1829 г.: http://www.biblio.nhat-nam.ru/Troeslovie.pdf

59. Н.Я. Бичурин (отец Иакинф). **Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение**. Спб, типография Императорской Академии наук, 1840 http://www.biblio.nhat-nam.ru/Bichurin_China_and_peoples.pdf

60. Н.Я. Бичурин. **История Тибета и Хухунора** (в двух частях, с картою). Спб, типография Императорской Академии наук, 1833: http://www.biblio.nhat-nam.ru/Bichurin_Tibet_History_Part_1.pdf, http://www.biblio.nhat-nam.ru/Bichurin_Tibet_History_Part_2.pdf, http://www.biblio.nhat-nam.ru/Karta_Bichurin_Tibet.jpg

61. Н.Я. Бичурин**. Описание Пекина**. Спб, типография Смирдина, 1829, 150 стр.: http://www.biblio.nhat-nam.ru/Bichurin_Designed_of_Pekin.pdf

62. Кычанов Е. И., Очерки истории тангутского государства, М., 1968. http://www.biblio.nhat-nam.ru/Kychanov_Ocherki_Tangutskogo_gos-va.djvu

63. Д.Уваров, Требюше, или гравитационные метательные машины. **http://www.xlegio.ru/treboche.htm#ris03**

64. М.Н. Тихомиров, Древнерусские города. **http://ariskpriest.narod.ru/Tichomirov.html**

65. В. Н. Татище, История Российская. **http://www.bibliotekar.ru/rusTatishcev/index.htm**

66. Иоакимовская летопись, В.Н.Татищев. Собр Соч. т.2, т.4. М., 1995

67. В. О. Ключевский, Русская история. Полный курс лекций. **http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/index.htm**

68. Полное Собрание русских летописей. **http://annals.xlegio.ru/contens/psrl.htm**

69. Новгородская первая летопись старшего извода. **http://www.krotov.info/acts/12/pvl/novg01.htm**

70. Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный, академический, толстовский списки. **http://www.krotov.info/acts/12/pvl/novg10.htm**

71. Всемирная история. Энциклопедия. Том 3. **http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000032/index.shtml**

72. К. Пензев Русский Царь Батый **http://lib.rus.ec/b/101578/read**

73. С.М. СОЛОВЬЕВ. ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН **http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/soloviev/solovlec.htm**, **http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/**

74. Тайны восстания декабристов **http://www.contr-tv.ru/common/3001/**

75. "ПЁТР БАРАНОВСКИЙ: Труды, воспоминания современников" - М., Фонд П.Д.Барановского, МГО ВООПИиК, 1996, 280 с. : ил. http://www.russist.ru/baranovsky/pb/index.htm

76. А.В. Федорова Сельское хозяйство и крестьянство РОССИИ, Оренбург, 1998 **http://kraeved.opck.org/biblioteka/raznoe/selskoe_hozyaistvo_i_krestyanstvo/selskoe_hozyaistvo_i_krestyanstvo.pdf**

77. Сага об Эймунде (Прядь об Эймунде Хрингссоне) *Перевод Е. А. Рыдзевской* **http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/_eymundar_saga__ru.htm**

78. Рыдзевская 1940 – Рыдзевская Е.А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 66-72.

79. Рыдзевская 1945 – Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1945. Вып. 11. С. 51-65.

80. Рыдзевская 1970 – Рыдзевская Е.А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Сб. статей. Л., 1970. С. 323-340.

81. Е. А. *Рыдзевская*. К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси). - Известия АН СССР. Отделение общественных наук, VII серия, № 7, Л., 1934, с. 517,

82. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С.86.

83. Е. А. Рыдзевская О РОЛИ ВАРЯГОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ **http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/vaeringr.htm**

84. Е. А. Рыдзевская О ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ СКАНДИНАВОВ И РУСИ К ВИЗАНТИИ ПО ГРЕКО-РУССКИМ ДОГОВОРАМ И ПО САГАМ **http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/greece.htm**

85. Е. А. Рыдзевская О НАЗВАНИИ РУСИ GARÐARÍKI **http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/gardariki.htm**

86. Е.А.Рыдзевская К ВОПРОСУ ОБ УСТНЫХ ПРЕДАНИЯХ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ **http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/letopis.htm**

87. Снорри Стурлусон. Круг Земной. - М.: Наука, 1980 **http://norse.ulver.com/heimskringla/**

88. Leo Sievers, Deutsche und Russen. Tausend Jahre gemeinsame Geschichte - von Otto dem Großen bis Gorbatschow. Hamburg, 1988. (Немцы и русские. Тысяча лет общей истории от Отто Великого до Горбачева).

89. **Учебник санскритского языка. Кнауэр Ф.И. 1908 год**

90. **В.В. Косточкин Русское оборонное зодчество конца XIII - начала XVI веков**

91. **Общая картина оборонительного строительства**

92. И. К. Кирилов **Цветущее состояние всероссийского государства, Издательство: Наука с. 444, 1977 г.**

93. Успенский сборник 12 - 13 вв. ред. С. И. Котков. М. Наука. 1971 г. **http://byzantinorossica.org.ru/PS_Publications.html**

94. **Менгес К. Г._Восточные элементы в Слове о полку Игореве.pdf**

95. **Свято-Русские Веды. Книга Велеса Перевод, пояснения А. И. Асова**

96. **Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы**

97. **Б.Д. ГРЕКОВ, А.Ю. ЯКУБОВСКИЙ ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЁ ПАДЕНИЕ, http://readr.ru/b-grekov-i-dr-zolotaya-opda-i-ee-padehie.html**

98. **Бахши Иман. Джагфар тарихы., http://baltavar.narod.ru/Tom1.htm, http://baltavar.narod.ru/Tom2.htm, http://baltavar.narod.ru/Tom3.htm,**

99. Руская летопись по Никонову списку. / Изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб, 1767—1792. Ч.1, Ч.2, Ч.3, Ч.4, Ч.5, Ч.6, Ч.7, Ч.8

100. **Послание на Угру Вассиана Рыло http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070**

101. **Длугош, Ян Анналы или хроники славного королевства Польши http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/D.phtml?id=2045**

102.

Ссылки

квадрифолий.....**42-468**
ЛЮКАРНА.....***2-29***
Мариинск.....6-73, 7-91, 21-213, **42-533**
октаконх.....**42-469**
первое применение полевой артиллерии4 0 - 398, **42-556**, 1178, 1238
тетраконх.....**42-468**